

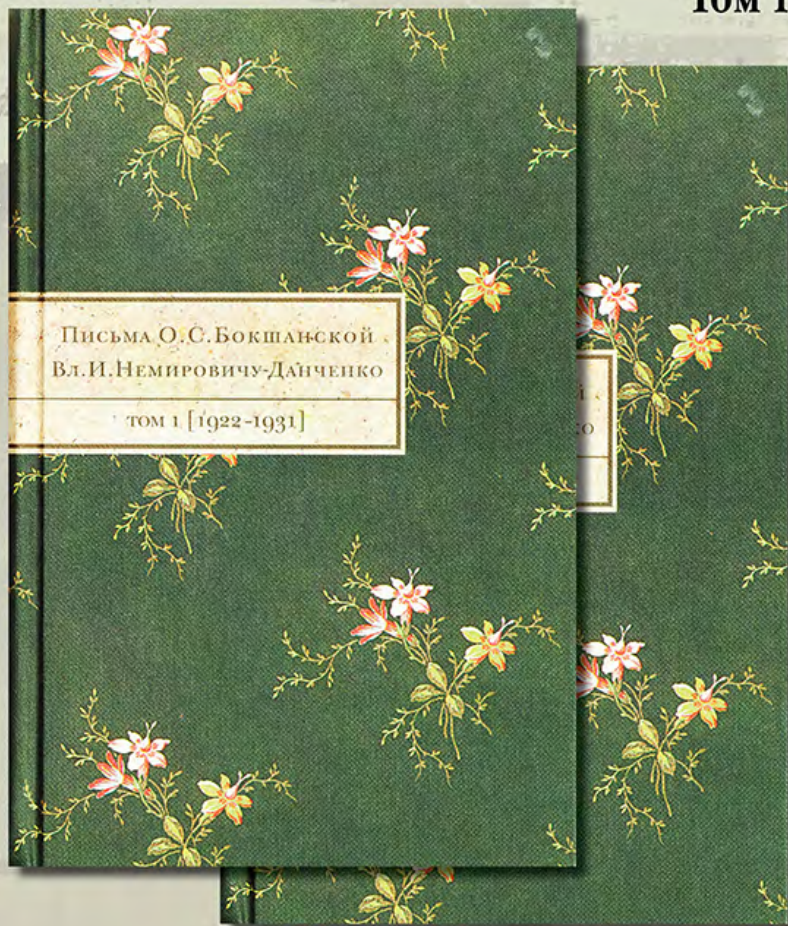

НАСЛЕДИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕАТРА

Письма О.С.Бокшанской Вл.И.Немировичу-Данченко

Том 1–2

Настоящее издание – это переиздание оригинала, переработанное для использования в цифровом, а также в печатном виде, издаваемое в единичных экземплярах на условиях Print-On-Demand (печать по требованию в единичных экземплярах). Но это не факсимильное издание, а публикация книги в электронном виде с исправлением опечаток, замеченных в оригинальном издании.

Издание входит в состав научно-образовательного комплекса «Наследие художественного театра. Электронная библиотека» – проекта, приуроченного к 150-летию со дня рождения К.С.Станиславского. Все составляющие этого проекта доступны для чтения в интернете на сайте МХАТ им. А.П.Чехова по адресу: <http://www.mxat.ru/library/>, и в цифровых форматах epub и pdf, ориентированных на чтение в букридерах («электронных книгах»), на планшетах и компьютерах.

Видеоматериалы по проекту доступны по адресам:

YouTube: <http://www.youtube.com/user/SmelianskyAnatoly/>.

RuTube.ru: <http://rutube.ru/feeds/theatre/>.

Одним из преимуществ электронного книгоиздания является возможность обновления и правки уже опубликованных книг. Поэтому мы будем признательны читателям за их замечания и предложения, которые можно присылать на адрес editor@bookinfile.ru.

Текст произведения публикуется с разрешения правообладателя на условиях использования третьими лицами в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs (Атрибуция-Некоммерческое использование-Без производных произведений) 3.0 Непортированная. <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>.

Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть получены в издательстве Московского Художественного театра. <http://www.mxat.ru/contact-us/>.

This edition is the re-release of the original, revised for use in digital and in print forms, published in single units under the Print-On-Demand requirements (print on demand in single copies). This is not a facsimile publication, but the publication of a book in the electronic form with the correction of misprints found in the original edition.

The publication is part of the science and education research project «Heritage Arts Theatre. Digital Library» – a project dedicated to the 150th anniversary of the birth of K.S.Stanislavsky. All components of this project are available to read online at Chekov Moscow Art Theatre <http://www.mxat.ru/library/> and in digital formats epub and pdf for reading in book readers, tablets and computers.

The project related videos are available on two sites:

YouTube: <http://www.youtube.com/user/SmelianskyAnatoly/>.

RuTube.ru: <http://rutube.ru/feeds/theatre/>.

One of the advantages of electronic publishing is the ability to update and edit already published books. Therefore we would be grateful to readers for their comments and suggestions, which can be sent to editor@bookinfile.ru.

The text of the work is published with permission under the terms of use by third parties under license Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs (Attribution-Noncommercial-No Derivative Works) 3.0 Unported. <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>.

Permissions beyond the scope of this license may be obtained from the publisher of the Moscow Art Theatre <http://www.mxat.ru/contact-us/>.

В работе по созданию электронных версий книги принимали участие:

Научный руководитель проекта –
доктор искусствоведения *А.М.Смелянский*

Руководители проекта *П.Фишер, И.Зельманов*
Арт-директор *И.Жарко*
Ведущий технолог *С.Куклин*
Цифровая верстка *В.Плоткин*
Графический дизайн *П.Бем*
Редактор, консультант *З.П.Удальцова*

© Издательство «Московский Художественный театр», 2013

© Издательство электронных книг «BookinFile», электронное издание, 2013

BOOK **FILE**

Электронное издание подготовлено при финансовой поддержке
компании Japan Tobacco International

ISBN 978-1-620-56-955-9

Efforts to create digital versions of books involved:

Project Leader – Doctor of Arts *A.M.Smeliansky*

Project Managers: *P.Fisher, I.Zelmanov*

Art Director: *I.Zharko*

Technical Project Manager: *S.Kuklin*

Digital Design: *V.Plotkin*

Graphic Design: *P.Bem*

Editor, Consultant: *Z.P.Udaltsova*

© 2013 «Moscow Art Theatre»

© 2013 «BookinFile», digital edition

BOOK FILE

Digital edition was prepared with the financial support of
Japan Tobacco International

ISBN 978-1-620-56-955-9

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СЕКТОР ШКОЛЫ-СТУДИИ (ИНСТИТУТ)
ИМЕНИ ВЛ.И.НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО
ПРИ МХАТ ИМЕНИ А.П.ЧЕХОВА

Письма О.С.Бокшанской
Вл.И.Немировичу-Данченко

в двух томах

[1922–1942]

*из истории советского
театрального быта*

Москва. Издательство
“Московский Художественный театр“
2005

УДК 792 (47)
ББК 85.334.3(2)
П 35

Исследовательская часть проекта
была поддержана грантом
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Издание поддержано Федеральным агентством
по культуре и кинематографии РФ

Особо благодарим О.П. Табакова

ГУТА G БАНК

Составитель, редактор, комментатор
И.Н.Соловьева

В работе принимали участие
А.Н.Гончаренко, Е.А.Кеслер, А.А.Ниловская

За постоянную помощь благодарим сотрудников Музея МХАТ
*М.Н.Бубнову, М.Ф.Полканову, О.А.Радищеву,
М.И.Смоктуновскую, Е.А.Шингареву*

ISBN 5-9000-20-17-7

- © И.Н.Соловьева, составление, комментарии, 2005
- © А.М.Смелянский, Вступительная статья, 2005
- © А.Л.Бондаренко, художественное оформление, 2005
- © Издательство “Московский Художественный театр”, 2005

Летописец из Конторы

Много лет назад мне впервые довелось ознакомиться с письмами О.С.Бокшанской к В.И.Немировичу-Данченко. Ольга Сергеевна была родной сестрой Елены Сергеевны Булгаковой, и письма ее оказались существенным информационным источником жизни автора “Турбиных” в советском МХАТ. Переписка Н.-Д. со своим секретарем содержала также уникальный комментарий к тогда еще не напечатанному “Театральному роману”, в котором Булгаков обессмертил свою свояченицу (sister-in-law, как он ее иногда называл) в фигуре Поликсены Торопецкой. Помните, как Иван Васильевич предлагает Максудову написать пьесу об актрисе, которую травит шайка злодеев и подзуживает всю эту шайку волшебник Черномор, отъехавший в Африку и передавший всю власть некоей даме Икс: “Ужасная женщина. Сидит за конторкой и на все способна. Сядете с ней чай пить, внимательно смотрите, а то она вам такого сахару положит в чаек...”

Поликсена Торопецкая как бы поглотила и заместила реальную Ольгу Бокшанскую. Между тем уже при первом чтении было ясно, что значение писем Бокшанской выходит далеко за пределы булгаковского мира. Еще тогда, в середине 60-х, мелькнула мысль: вот бы издать – да без купюр – эту готовую хрестоматию по истории советского театрального быта. Идея для того времени была вполне кошунственной. Сотни донесений секретаря дирекции по своей совокупной непреднамеренной силе могли подорвать всю официальную историю советского МХАТ, которая охранялась на манер оборонных объектов.

Сама Ольга Сергеевна была на редкость законопослушной, ничего разрушать не собиралась, она воспринимала прошлое МХТ как чудесную сказку, в которой ей не удалось пожить. Бокшанская пришла служить в советский МХАТ в пору гражданской войны и стала описывать театральный быт тогда, когда его тронул неизбежный распад. Рушилась не легенда одного театра – рушилась целая цивилизация, которая этот театр породила. Надо было произойти тому, что произошло со страной по имени СССР, надо было случиться тому, что случилось с МХАТ СССР им. М.Горького, чтобы представить закулисную историю советского Художественного театра, зафиксированную секретарем Н.-Д. по его прямому поручению.

История закулисная не отменяет и не подменяет реальную историю Художественного театра с 1922 по 1942 год (этот период становления советского МХАТ охватывают письма Бокшанской). Совершенно не случайно издание этих писем следует встык за новым изданием Собрания сочинений Станиславского, за новой, гораздо более полной, чем прежде, публикацией писем Немировича-Данченко, подготовлен-

ной Инной Соловьевой. И совсем не случайно, что именно И.Соловьева взяла на себя труд подготовки настоящего двухтомника. Основатели МХТ были героями того же театрального быта, который живописует Бокшанская, они этот быт гармонизировали, пропитывали сознанием общей цели, радовались счастливым и редким секундам равновесия сил. Разными способами они пытались предотвратить извращение изначальной идеи театра, которая теснейшим образом связана с определенным способом проживания “простого дня”. Разрастание так называемой “конторы” всегда было знаком упадка идеи Художественного театра. Руководители МХТ в лучшие годы умели ставить “контору” на место, пока эта самая “контора” не разбухла, а вскоре после смерти основательницы окончательно истощила весь театр.

“Недостатки театра вообще”

Письма Ольги Сергеевны Бокшанской распадаются на несколько отчетливых циклов: европейские и американские гастроли 1922–1924 гг., донесения из Москвы середины 20-х, когда Н.-Д. искал счастья в Голливуде, письма начала 30-х, когда МХАТ меняет имя и статус и становится первым театром страны. Эпистолярная передает цвет и дикцию середины 30-х, когда политический режим и обслуживающий его большой стиль советского искусства в основных чертах уже сформировался. Достаточно внятно обозначено вползание в эпоху большого террора, когда мхатовская контора до мелочей имитирует и даже пародирует Большую Контору. В конце 30-х Бокшанская с легкой руки Немировича становится еще и секретарем Комитета по Сталинским премиям (во главе комитета сам Н.-Д.) – письма естественно вбирают в себя “простой день” этого нового учреждения, отражающего, подобно МХАТу, саму систему культурной политики сталинизма. Между циклами писем существуют довольно большие временные пробелы – это естественно: в пору, когда Н.-Д. был в Москве и был здоров, постоянному информатору приходилось лишь оставлять на его столе записочки. Временные паузы дают возможность более остро ощутить сломы времени и модификацию стиля пишущего (при сохранении неизменной задачи). Завершающий цикл – письма Бокшанской военных лет из эвакуации вплоть до возвращения Н.-Д. в Москву. Последняя записочка – поздравительная – отправлена уже из Москвы 24 декабря 1942 года. В апреле 1943-го уйдет из жизни Немирович-Данченко. Надолго заряженный им информационный аппарат прекратит свое существование за неустребованностью. Сама Ольга Сергеевна переживет директора Художественного театра на пять лет.

Ольга Сергеевна при жизни успела опубликовать небольшую часть своих писем. Вполне вероятно, что публикация донесений Бок-

шанской в таком неслыханном объеме, который предпринимается в настоящем издании, может вызвать растерянность: при помощи какой техники следует войти в этот информационный поток и не утонуть в нем? Каким способом следует читать сочинения, рассчитанные на одного-единственного потребителя, который все понимает с полуслова, знает пароль и “код доступа” и извлекает из предложенного набора фактов то, что ему необходимо? Что можем извлечь мы, живущие в ином “потоке”, в другой стране и другом веке? Короче говоря, кому это все нужно теперь? Как человек, который затратил на чтение “бокшанской летописи” часть своей жизни, могу поделиться некоторым опытом. Прежде всего нужно набраться терпения, чтобы читать эту летопись подряд, ничего не пропуская. Читать, заглядывая в комментарии, составленные Инной Соловьевой и предлагающие этот самый “код доступа” к эпохе, в которой обитала автор писем вместе с тем Художественным театром. Почувствовать, как меняется атмосферное давление. Как из воздуха 20-х постепенно переходишь в удушающую атмосферу восторженных и кровавых 30-х, оборванных войной и эвакуацией (театральный быт военных лет вообще никогда не предъявлялся историками советского искусства). При медленном чтении (“Минздрав предупреждает”) вас может охватить и оторопь, и отчаяние, и даже отвращение от зрелища неприбранного и ничем не приукрашенного быта великого театра. В донесениях Бокшанской почти нет спектаклей, нет благодарной публики, нет высших моментов актерской жизни на сцене, есть только организационные передраги, тонкие интриги, тайные пружины внутритеатральной борьбы, сплетение и конфликт интересов крупнейших людей. Но я убежден, что “медленного пешехода” ждет и другое: его не раз пронзит в “бокшанской летописи” правда узнавания самой природы театра, “недостатков театра вообще”, как однажды заметил П.А.Марков в связи с “Театральным романом”.

“Недостатки театра вообще” мало зависят от политического режима, но в летописи Бокшанской и этот режим представлен с необычайной пластической выразительностью. Представлен не специально, а попутно, как бы невзначай, но именно поэтому абсолютно достоверно. Тут видны почва и страна, из которой мы выросли, тут просматривается скрытое движение времени, тут виден процесс сопряжения двух взаимосвязанных и зеркально друг друга отражающих институтов национального театра и “небывалого государства”. В сущности, *sister-in-law* своими средствами сумела сочинить документальный “театральный роман”, не менее характерный для эпохи, чем незавершенная книга Булгакова.

Информационный аппарат

Бокшанская имела дело с так называемой первоначальной театральной историей, еще не подвергнутой рефлексии и отбору. Сознательная потенциальную силу идущего через нее потока информации, она старается сохранить в своих посланиях ценность жизни, застигнутой врасплох. Если попробовать читать ее письма как фонограмму, – выигрываешь. Она печатает свои многостраничные отчеты со скоростью речи, как бы в ритме и под диктовку собственного стрекота. Стрекоча, она стремится не отделять пустяка и ерунды от того, что принято было считать не пустяком и не ерундой. Очень часто она забалтывается в желании отчитаться перед патроном с максимальной полнотой. Получая выговор от Немировича, не желающего ввергаться в вульгарные свары закулисья, она может на минуту огорчиться, извиниться, но способ письма не меняет. “Нестор-летописец” (так ее однажды поименовал добросердечный И.М.Москвин) доносит все до доньшка, полагая, что всевидящий покровитель сам разберется в том, что кстати, а что некстати в ее скорбном, неприятном, но необходимом труде. Однажды Н.-Д. обмолвился, что видит в своем секретаре образцово налаженный информационный аппарат. Сравнение оказалось на редкость точным. Сама Бокшанская постепенно сотворила себя в качестве образцовой машины по перерабатыванию театрального сора в ценный исторический материал. В течение двух десятилетий “информационный аппарат” работал без устали. Эту машину ничто не могло остановить. Начиная с европейско-американских гастролей, вплоть до эвакуации в Саратов в начале Великой Отечественной войны Ольга Сергеевна протоколировала мхатовское житье-бытье. Еще в Америке она взяла себе за правило отчитываться дважды в неделю и этому правилу старалась следовать. Она сочиняла свои отчеты перед спектаклем и во время него, при свете лампы и при свечах, в одиночестве и посреди театральной толпы, в тишине и в атмосфере галдежа и актерского трепя, она писала, отыграв свой выход в массовке (в Америке она участвует в народных сценах), рапортовала, когда глаза слезились и веки не поднимались (она страдала птозом, то есть параличом мышц, которые управляют веками глаз). Ольга Сергеевна печатала свои донесения на машинке, часто исписывала поля (“очень по-женски”, как сама признается), письма нумеровались и датировались, отправлялись пароходом через океан (из Америки), официальной почтой (когда Н.-Д. подолгу жил в Голливуде или в Италии), в годы войны добровольными почтальонами становились советские летчики, почитавшие за честь доставить письма из Саратова в Нальчик или Тбилиси, где застрял тогда Н.-Д. Так постепенно складывалась летопись трудов и дней советского МХАТ, которую мы впервые представляем современному читателю в практически исчерпывающем объеме и без всякой редакторской ретуши.

“Душечка”

“Благодарю Вас за все, что Вы сделали для меня, что Вы сделали из меня”, – признается Бокшанская в одном из ранних писем европейско-американского цикла. И действительно, Н.-Д. в какой-то степени сотворил своего секретаря, которая попыталась стать его подобием, иногда пародийным. Особой загадки тут нет. Ольга Сергеевна оказалась своего рода “душечкой”. За два десятилетия рядом с Немирови-чем она прониклась не только его интересами, но впитала его способ жизни в предлагаемых обстоятельствах, метод оценки людей, распознала его вкусы, слог, тип юмора, научилась играть на его слабостях и растравлять его худшие инстинкты. Мотив тайной любви, окрасившей два десятилетия несостоявшегося служебного романа, лишь однажды прорвался в переписке: “Помните, в последний наш разговор, на веранде кафе в Берлине, Вы мне сказали: “Моя власть над вами велика”. Это верно, Владимир Иванович, Ваша власть надо мной страшно велика, громадна, и все-таки что-то ведь сломалось тогда, в мае, в Космополитен-театре. Только я об этом никому не говорю, чтоб не давать никому права говорить со мной о Вас иначе, чем позволяю говорить”.

О.С.Бокшанская была “льстишкой” (воспользуюсь ее же словом). “Милый, дорогой, изумительный, чародей, волшебник, прекрасный, мудрый, единственный, бесстрашный” – малая часть эпитетов, которыми осыпается Владимир Иванович. Такого рода тон принимался адресатом Бокшанской по умолчанию. Ему нужна была информация, а приторная лесть его не смущала: подобно многим представителям театрального мира, он мог поглощать ее в неограниченном количестве.

Конфидентка Н.-Д. попала в среду Художественного театра после революции и очень быстро усвоила местный жаргон – свойство почти всех мхатовских неопитов. “Надо заканчивать письмо, одевать мой тяжелый головной убор и идти на сцену переживать последнюю картину. Милый Владимир Иванович, если б Вы знали, как это неловко – выходить, когда нет образа, нет интереса, есть одна обязанность”.

“Зазернившись” и “переживая”, душечка из конторы начинает описывать гастрольную жизнь театра, выехавшего в Европу и Америку после пяти лет революции и гражданской войны. Высшая цель гастролей – почти мессианская для К.С. – ей не очень ясна. Подкормиться, приодеться, мир посмотреть и через год, в точно назначенный срок, как клятвенно обещали правительству в секретном документе, вернуться в Камергерский переулок – вот примерно ход ее мысли. Между тем простой день театра, вырвавшегося из Совдепии, внушает неопитке ужас. В первых же своих рапортах в Москву Бокшанская открывает неразрешимое для нее противоречие между легендой старого Художественного театра и тем, что он представляет в гастрольной реальности. В сущности, она описывает то, что потом на долгие десятилетия станет одной из самых тайных и стыдных тем советского театрального быта: “В Праге

оказалось, что даже получающие минимум (90 крон в день) могут, живя прекрасно, сделать сбережения в кронах. В Праге, конечно, покупать ничего не рекомендовалось, а сберечь кроны до Берлина и там купить себе что-либо. В то время за 100 крон давали 11–12 тыс. германских марок, теперь дают уже 30 000. Первую неделю все ходили гордо и радостно, сэкономили, высчитывали, смешили постоянными расчетами: вот лучше не есть мороженого, это стоит 5 крон = 600 марок, готовы были от всего отказаться. Москвин говорил, что лучше удавится, но теплой воды требовать не будет для умыванья, это стоит 2 кроны 50 геллеров, что составляет 300 марок. Было много курьезного. Потом молодежь вдруг сорвалась, как они объясняют, от тоски. Уж не знаю, тоска ли это, или просто бесшабашность, но разгул пошел большой. Пили каждый день, вернее, каждую ночь, до утра, скандалили, ругались грубо в ресторанах, в барах, возвращались по гостиницам в ужасном виде. Был даже скандал ночью на улице, когда Фаина Вас. (Шевченко. – А.С.) была Бакшеева палкой по лицу. Конечно, все они были в совершенно диком состоянии”.

Не надо думать, что “ужасная женщина” клеветает или подыгрывает оставшемуся в Москве хозяину, без которого дело Художественного театра развинулось и вот некому поставить на место распоясавшихся комедиантов. Что говорить, тоска, бесшабашность и разгул – важные составляющие актерского быта, но Бокшанская закрепляет мусор своего театрального дня не как нечто присущее театру как таковому. Она описывает не только русское или вечное, но специфически советское (вернее, что потом назовут советским), проникающее в кровь МХТ. Ее показания легко перепроверяются мемуарами Вадима Васильевича Шверубовича, участника той поездки. Сына Качалова трудно заподозрить в симпатиях к людям “конторы”, но в ключевых своих формулах Шверубович и Бокшанская сходятся. В финале двухлетней поездки атмосфера дошла до морального разложения, распада, “до полного смрада”, не побойтся бросить мемуарист. Из советского будущего он пытался объяснить внутреннюю катастрофу театра как результат столкновения актеров с американским prosperity, процветанием, оглушившим бедных людей, вырвавшихся на свободу из нужды и несправия. Сам К.С. в важнейшем конфиденциальном письме к Немировичу-Данченко в феврале 1923-го сообщит, что от МХТ остались “трухлявые остатки”: “...ни у кого и никакой мысли, идеи, большой цели – нет. А без этого не может существовать идейное дело”. Под конец поездки Константин Сергеевич мечтает только об одном: вернуться в Москву и сдать Н.-Д. с рук на руки “деморализованное войско”. Именно в память погибшего театра он начинает сочинять “отходную” – так сам К.С. именует “Мою жизнь в искусстве”, книгу, большую часть которой он надиктовал тогда Ольге Сергеевне Бокшанской.

Сверхкрупный план

В оторванной от России актерской группе довольно быстро стали понимать, что “информационный аппарат” работает без устали и Москва осведомлена обо всех в полном объеме. “Летописца” стали опасаться, а при случае унижать разного рода “наивными” актерскими вопросами. Последнее ничуть не умалило профессиональной ответственности новообращенного мхатовского Нестора. Напротив, с каждым днем она создала свою работу и данное ей поручение как особого рода миссию. “Сегодня меня уже встретили вопросом: “Не получали ли еще новых писем от Вл. Ив?””, сказанным довольно ехидно. Мне все равно. Лжи я не пишу, пишу только факты и то, как я сама их понимаю. Но ведь я *Вам* пишу, *Вам*, который лучше всех может разобраться в каждом слове, в каждом помысле, в каждом движении человеческой души”.

Вполне буржуазная по воспитанию и укладу жизни молодая дама не способна принять актеров “в жизни” такими, какие они есть. Оказавшись за границей в пугающей близости с людьми театра, Бокшанская стала рассматривать их как бы в сверхкрупном плане. Известный эффект: если самую нежную кожу разглядывать таким способом, увидишь непременно неровности, поры и бугры живой материи. Классического добросердечия в признании двойственности поэта – “и среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он” – в гастрольных отчетах не сыскать. Секретарь живет в ощущении, что ей открылась голая правда, неведомая наивным обожателям Художественного театра: “Все то, что говорилось, было полно такого восторга и преклонения, что даже было как-то неловко, что люди считают нас (я говорю не про себя, конечно, а про тех, к кому относятся эти речи) такими замечательными. Право, в этой поездке, по-моему, выяснилось, что замечательных людей почти-почти совсем нет. А все люди, даже самые талантливые, могут быть мелки, завистливы, придирчивы, суетны до ужаса, до дрожи и отвращения”. Ткань театральной жизни в письмах Бокшанской увидена с изнанки, швы, узелки, оборот вязки нагло лезут в глаза, но конструкция и качество материала видны отчетливо. Так это было в первом “американском” цикле писем, таким же способом, “неприглядно”, увидены мхатовские люди в последнем, горестном и часто обескураживающем цикле военных лет. При очевидной человеческой недоброкачественности пишущего, ее выручает желание исполнить поручение московского директора наилучшим образом. Тут правит особого рода доносительская честность, то есть ответственность за полноту передаваемой директору театра информации. К тому же Ольга Сергеевна оказалась талантливо подробным бытописателем, не раз выказывая незаурядное понимание и театральных ситуаций, и самой природы людей театра. Она может прорезать письмо ярким наблюдением, емким портретом или пронизательным замечанием (позднее не любивший ее Булгаков признается, что *sister-in-law* способна сочинить “настоящее театральное

письмо”). Она отточила эту способность еще в Америке. Одиночество Станиславского за океаном, фигуры Качалова, Леонидова, Москвина, Кореневой, молодой Тарасовой, десятки иных персонажей первого и второго плана, жизнь, быт и искусство Парижа, Берлина, Нью-Йорка начала 20-х – все это живейшим образом схвачено в посланиях Бокшанской. Она старается ничего не пропускать. Заметит подавленное состояние Москвина, вынужденного передать роль своей жизни царя Федора – Качалову. После концерта Шаляпина в Нью-Йорке, отчитавшись патрону в громадном успехе певца, не упустит сообщить, что Федор Иванович порастерял свою гордую осанку: “Он как-то заискивающе все время улыбается, делая сладкое лицо, раскланивается с какими-то реверансами, выходит и уходит какой-то подпрыгивающей походкой, кончает романсы какими-то задорными жестами”. И такого рода тонкостей – тысячи.

Служащая конторы постепенно постигала не только актерскую психологию, но и актерскую патологию, главным терапевтом которой в МХТ считался ее патрон. Скажем, капризы Лидии Михайловны Кореневой описаны до такой степени выразительно, что кажется, еще одно усилие и Лидия Михайловна преобразится в Людмилу Сильвестровну Пряхину. Многие письма Бокшанской читаются сегодня как прямое стилистическое предвестие булгаковской книги о Независимом театре. Желющие найдут этому множество подтверждений в “бокшанской летописи”.

Возвращение

Через Бокшанскую идут многие итоговые письма Н.-Д., где он ставит участников поездки перед беспощадной альтернативой выбора. Именно Ольга Сергеевна оказывается одной из немногих посвященных в тайный список тех, кто не нужен в советской Москве. Совершенно очевидно, что в данном случае “информационный аппарат” не только доносил до Камергерского обо всем, что творится в поездке, но и пытался как-то сформировать обратную реакцию Москвы. Бокшанская стала выполнять самые деликатные поручения. Она выполняла их без тени смущения, поскольку свой выбор сделала изначально: “Не знаю, говорит ли здесь предчувствие, или наша молодежь как-то осведомлена из Москвы, но накануне получения Вашего письма у меня был длиннейший разговор с одним нашим молодым о будущем. И вот он мне высказал общие для молодых тревоги за то, что они могут оказаться не нужны в Москве. И что им только хорошо бы это знать заранее, до привоза их в Москву. Тут, конечно, они не правы, так как забывают о той подписке, которую дали все, обязуясь вернуться. Они так испорчены за границей, что считают себя совершенно свободными вернуться или нет. И даже

могут поставить в упрек театру то, что кто-то будет уволен в Москве, не предупрежденный об этом за границей. По человечеству, конечно, жаль того, кто захочет вернуться в Москву только ради МХТ, а из МХТ как раз-то и будет уволен. Но по-правильному, принципиально, все обязаны возвратиться, независимо от того, остаются они в МХТ или нет”.

Положение театра накануне возвращения волнует Бокшанскую не “по человечеству”, а “по-правильному”: “Как посмотрим мы в глаза советскому правительству?” В американской группе сильнейшее брожение, душечка запасается всем, чем может (она понимала толк в вещах), готовится к московской жизни, но дела своего не забывает. Отчет о финальных днях в Нью-Йорке насыщен важной эмоциональной информацией: “У всех наших настроение сильно понурое, но, несмотря на это, отношения серьезного никак не вызовешь. И все наши тревожения, комбинации, планы, как вывернуться, как бы заплатить долги, как бы уменьшить расходы, наталкиваются на такое, я бы сказала, странное отношение, что часто руки опускаются и начинаешь думать: ну и пусть все летит. Надо делать только то, что предписано, а волноваться, что-то придумывать – к чему? Кому это нужно? И как удержать все больше и больше расплывающееся дело? У нас исчезло всякое примитивное понимание дисциплины и добросовестного отношения к делу, пропало даже то исключительное отношение к К.С., которое всегда было и на которое он имеет все права”.

Секретарь настроена на волну патрона: никакого двоемыслия, никакого сидения на двух стульях, решать надо “всерьез и надолго” (Н.-Д. использовал ленинскую формулу для анализа мхатовской ситуации). К.С. совсем не так решителен: “Из Москвы же от Немировича идут грозные вести, – сообщает он М.П.Лилиной в апреле 1924-го (та поджидает его в Европе). – Прислана телеграмма для объявления всей труппе под расписку о том, что все обязаны явиться к сроку. Свидетельства о болезни не принимаются. Те, кто не явился, будут считаться политическими беглецами и впуска в страну не имеют. [...] В труппе с трепетом ждут, кого оставляют и кого выгоняют”.

Два американских сезона без новых спектаклей, с подпиской о возвращении, с заложниками, оставшимися в Москве, с финансовой катастрофой второго сезона довершили дело, начатое революцией и гражданской войной. В Москву вернулся действительно “Новый Художественный театр” (так виделось возможное имя театра В.И.Немировичу-Данченко). Но люди вернулись не доживать – жить. Бокшанская летопись будет складываться в параллель непредсказуемой действительности.

Короткая оттепель

Владимир Иванович оценил преданность Ольги Сергеевны: он взял ее в свои американские гастроли, на этот раз с Музыкальной студией. Немирович вернется в Советскую Россию только через два с половиной года. Верный секретарь приступит к охране его интересов в проезде Художественного театра ранней осенью 1926 года, то есть в пору премьеры “Турбиных”. С той же осени возобновляется работа “информационного аппарата”. В отсутствие покровителя Бокшанская далеко не сразу стала всесильной “Торопецкой” из “предбанника”. В Художественном театре еще не прошли последние размежевания, еще не ясно, куда пойдет театр и куда повернет страна. Бодрый и какой-то посвежевший тон информационных донесений передает настроение времени: короткой оттепели середины 20-х. В Художественный театр не попасть, быт налаживается, нэп еще не свернут. Деморализованные злосчастным путешествием за океан, мхатчики настроены на приятие нового порядка вещей (потом это назовут “советизацией”). Новая советская жизнь, со всеми ее переменами и порчей, это все равно жизнь, а не скитания. Господствующее настроение “Турбиных” ведь тоже вполне “оттепельное” и даже приемлющее, почти чеховское (“Надо жить, сестры”). И не случайно такой яростной атаке подвергалась елка в последнем акте и вся примиряющая, абсолютно не героическая (“обывательская”) интонация финала (“Но не будем вспоминать о печалях... Время повернулось, и сгинул Петлюра. Мы живы... да... все снова вместе”). Бокшанская, впрочем, на эти общие темы старается не рассуждать, она дает конкретную сводку событий и фактов, в том числе по “Турбиным”, взорвавшим театральную Москву. Только сверхзадача московских сводок явно изменилась.

Секретаря смущает оттяжка с возвращением Н.-Д. в Советскую Россию. Возникает опасная двусмысленность, которая ставит информации Бокшанской в положение прямо противоположное тому, что было в первой американской поездке. Тут решается не вопрос театра, обязанного вернуться в Москву. Тут решается проблема самого основателя МХТ, сильно подзадержавшегося в Голливуде.

Станиславский впервые в жизни ведет театр самостоятельно. Он воодушевлен свободой. Последняя вспышка его режиссерского гения: один за другим возникают “Горячее сердце”, “Бронепоезд”, “Женитьба Фигаро”. На гребне небывалого успеха “Турбиных”, которым К.С. сильно помог, молодые стремятся занять гораздо более активные позиции внутри советизируемого театра. Формируется молодое художественное руководство. Их натиск смущает К.С., но какое-то время он держит ситуацию под контролем. Впервые за столько лет ему никто серьезно не противостоит, никто не укорачивает. Кажется, завершается тяготившее всех двоевластие. Любимому дитищу Н.-Д. – Музыкальной студии – “стариками” и К.С. решительно отказывают в мхатовском доме.

Это производит на Владимира Ивановича, находящегося вне России, гнетущее впечатление. Некоторые в Москве надеются, что после такого знака Н.-Д. не только во МХАТ, но и в СССР не вернется. Ни один из голливудских проектов, однако, не состоялся, возвращение Н.-Д. стало неизбежным, и тогда К.С. предпринимает небывалые для него меры: идет к Луначарскому и о чем-то с ним договаривается. О чем договорились – неизвестно, но какие-то последствия разговора видны по письму наркома в Голливуд, в котором он не обещает Н.-Д. “ничего определенного” по возвращении в Москву. Более того, пробрасывается фраза, которая звучит как чуть завуалированное предложение остаться за границей: “Во всяком случае, поскольку в Америке Вы устроились, взвесьте все плюсы и минусы Вашего возвращения сюда”. Такие советы в ноябре 1927 года можно было давать только в исключительной ситуации. В книге О.А.Радищевой, где впервые этот темный сюжет обсуждается, возникает неразрешимая этическая тема: “Кто же тогда Станиславский в этой истории? Интриган?” Историк сама себе отвечает: “Нет. Все-таки кажется, что, когда Станиславский поступает некрасиво... он ищет правды, а не интригует”. Вспоминаю этот сюжет в связи с Бокшанской, неотделимой от “интриг” Художественного театра. Впрочем, и Ольга Сергеевна была убеждена, что ищет правды и только правды, которую она обязана донести до своего начальника. Достижение и утверждение правды через интригу – важное слагаемое истории театрального быта.

Не очень ясно, до какой степени Бокшанская была осведомлена в новой сложнейшей человеческой композиции, что сложилась в театре. Вероятно, была, но высшая ее цель на этот раз заключалась в том, чтобы не возбуждать и не растревлять раны своего покровителя. Н.-Д. нужен ей в Москве, а не в Голливуде, и потому она пытается всеми средствами смягчить гнев, примирить его с К.С. и “стариками”, воззвать к его всепониманию, состраданию и т.д. Она делает все для того, чтобы он вернулся. При этом, как всегда, идет поток разнокалиберной информации, обращенной к человеку, сильно оторванному от того, что происходит в красной столице. “Вам удивительно, что у нас “Дядя Ваня” в репертуаре. Как я Вас понимаю. Я недавно пошла посмотреть два акта. По-моему, не следует играть этого спектакля. А вместе с тем как понять, что не только рядовая публика ходит достаточно усердно на спектакль, но даже бывшие недавно на спектакле Сталин и Бухарин ушли в полном восторге и от пьесы, и от идеи, и от исполнения. Благодарили за так прекрасно проведенный у нас вечер, просили передать это актерам. Сталин сказал: “Грубые мы люди, а то нельзя ведь не заплакать в последнем акте”. То же говорил и Бухарин, – что трудно удержаться от слез”.

В первой американской поездке Нестор-летописец умело “настраивал” Н.-Д. против молодежи. Столь же умело она “настраивает” его перед приездом в Москву в пользу советизаторов МХАТ. Совсем не случайно Немирович по возвращении немедленно объявит свой курс – на молодежь (впрочем, он и раньше на нее ставил, когда задумывал уже

помянутый Новый Художественный театр). Возвращение основателя МХТ обставляется со всей возможной тщательностью. Все “необходимые инстанции” осведомлены о его приезде, даже диковинные таможенные правила изложены секретарем с максимальной подробностью: “...напоминаю Вам, что абсолютно запрещены к ввозу отрезы материи. Вещи могут [быть] привезены только в сшитом виде, даже не в наскоро сметанном. Отрезы же материй не пропускаются безусловно”.

Немирович-Данченко вернулся в январе 1928-го, в октябре того же года Станиславского срывает инфаркт во время юбилейных торжеств на сцене МХАТ. Болезнь вырывает К.С. из советской жизни и из театра на несколько лет, которые изменили лицо страны. Двоевластие действительно кончилось.

Секретарь вождя

Великий перелом круто изменил положение Художественного театра, постепенно превращенного в витринную сцену страны (новое имя – МХАТ СССР им. Горького – подтверждало новый статус). В каждой области жизни, в каждой области искусства устанавливаются свои культы и образцы для подражания (на языке времени – “вышки”). Поэтесса Елизавета Стырская, пьесу которой МХАТ долго мурьжит, обращается к Н.-Д. с письмом, характерным для нового эпистолярного этикета: “В нашей стране существует один неписанный закон: мы можем всегда, когда попадаем в тупик, обращаться к нашим вождям, и мы всегда находим поддержку, внимание и указание. Писатели нашей страны знают адрес т. Сталина, адрес М.Горького и адрес МХАТа (если автор драматург). Я бы не имела права писать Вам, если бы не существовало этого неписаного закона”.

К Немировичу обращаются как к театральному вождю – это уже “неписанный закон”. Соответственно меняется статус Бокшанской: человек из конторы обретает новые властные возможности, но старых навыков не теряет. Без усталости и столь же подробно ведется театральная летопись сталинизма.

“Знаете ли Вы, приходилось ли Вам встречаться с этим названием “вертушка”? Насколько я знаю, это специальный кремлевский телефон, такой аппарат, помнится, стоял в кабинете при ложе у нас в театре, может быть, и теперь стоит. Это несколько легкомысленное название “вертушка” совершенно крепко за этой телеф. линией закрепилось, иначе ее не называют”.

“Вертушка” одно из множества слов и понятий, рожденных советским временем и прочно вошедших в словарь мхатовской конторы. Словарный состав эпохи обновился, но устройство информационного филтра не меняется. События подаются в едином голосовом регистре:

человек, принимающий информацию на выходе, знает, как ее дешифровать и где расставить ударения.

“Сегодня в 12 час. ночи в Малом театре назначен общегородской митинг работников искусств по поводу открытия вредительства и заговора в Промпартии.

Владимир Иванович, когда Вы будете себя чувствовать совсем хорошо, пойдите, пожалуйста, посмотреть Семенову. Я вчера смотрела ее в “Баядерке” – она поразительна. И великолепный у нее партнер – танцовщик Ермолаев из Ленинграда”.

В одном из писем Ольга Сергеевна передает Н.-Д. новую директивную установку: необходимо полное огосударствление театра. В такой системе создается вертикаль власти, в которой секретари играют очень важную роль. Бокшанская не только общается с секретарем А.С.Енукидзе Л.Н.Минервиной, но и представляет ей сугубо конфиденциальные письма Н.-Д. для предварительного прочтения. Отношения основателей МХАТ и вся внутренняя жизнь державного театра становятся предметом тайного политического контроля. Обычные театральные интриги становятся интригами государственного уровня.

Привкус государственной интриги в письмах Бокшанской 30-х годов несомненен. При этом лично для себя секретарь ничего особенного не добывается: ее карьера – не в продвижении вверх, а в сохранении завоеванного места в “предбаннике”. Меняются лица в зале, меняются лица на сцене, уничтожаются один за другим “красные директора” МХАТ СССР им. Горького – Ольга Сергеевна, человек-должность, незаменима. Она работает “секретарем вождя”. И пишет так, как все пишут. Как все дышат. Языковая зараза времени: “В театре, помимо ХПСовета, Реперткома, членов других ХПСоветов, подшефников и надшефников, были Ягода и Мессинг, которых привез Киршон, был с ними и Авербах, сестра которого замужем за Ягодой. Но на обсуждении Авербах не выступал”.

Читать подряд про “подшефников” и “надшефников” – опасно для здоровья. При этом сколько содержательной информации о новом времени в этом коротком сообщении: шеф секретной полиции Генрих Ягода в сопровождении драматурга Кирсона и Леопольда Авербаха, все-сильного руководителя РАПП, завязанного с Лубянской родственными связями. Интересно было бы выяснить, кто такой этот Мессинг – не тот ли самый знаменитый гипнотизер, который понадобился Ягоде? Оставим этот вопрос будущим историкам...

В круге первом

В конце 30-х стиль донесений становится еще более туманным. В ход идут иносказания (вновь отсылаю к замечательным комментариям). Если сказано, что Мейерхольд “в отъезде” – это значит, что Всеволод Эмильевич как минимум арестован.

Образцово налаженный информационный аппарат умеет перезагружаться, перенастраиваться, улавливая колебания государственной линии: “Посылаю Вам вырезку из “Известий” о нашем переходе во ВЦИК. Такие же заметки были в “Комс. правде”, “Рабочей Москве” и, вероятно, в других московских газетах, которых я лично не видела. Забавно, что вчера мы получили вырезку из “Кельнише Цейтунг”, где сообщалось о том же и кстати комментировалось, что в современном советском театре существовало два течения: МХТа (Станиславского, как они называют) и Мейерхольда, и что вот теперь явственно со стороны правительства сделано предпочтение школе и методу МХТ”. И здесь “душечка” идет в русле хозяина: в 1936-м, когда в Кремле выдадут первые звания народных артистов СССР и в списке не окажется Мейерхольда, Н.-Д. прокомментирует событие в жестком стиле: “тем самым указывается направление”.

Летописец фиксирует способы модернизации самого облика Художественного театра. Подробно доложено, какого рода выставка готовится для парижских гастролей МХАТ СССР в августе 1937 года: “На центральном щите будут фото Ваша и К.С., Горького и Чехова и всех народных СССР. [...] Затем три щита будут отданы трем едущим спектаклям, мизансценам и персонажам. И еще три по таким разделам. Общественная жизнь театра: тут вручение орденов и Ваша речь, Акулов и Керж. у К.С. (Акулов – секретарь ВЦИК, Керженцев – председатель Комитета по делам искусств. – А.С.), речь Москвина о пленуме, Москвин голосует на пленуме за Конституцию, Качалов на 100 000-м по количеству участников митинге-протесте против испанских дел, Книппер среди колхозников, наши бригады на Дальнем Востоке, на заводах, Вы среди режиссеров периферии, Тарханов с экскурсантами в Музее, в наших рабочих цехах и т.п.”. И тут же идет пустяковая, казалось бы, информация, которая замечательно приоткрывает эпоху подмен: “Писала ли я Вам, что у нас в нижнем фойе еще произошло одно изъятие, сняли (совершенно действительно естественно) Гауптмана. Партком просит иметь в виду, что надо повесить портрет Як. Григ. Сорокина”. Рабочий сцены Сорокин вместо Гауптмана – такой репризой мог бы блеснуть булгаковский Бомбардов, представляющий наивному провинциальному драматургу те самые портреты в нижнем фойе Независимого театра. Впрочем, смена портретов это даже не подмена, а “чистая перемена” – при открытом занавесе.

Другой переменой, структурирующей советскую цивилизацию, стала “психология заключенного”: ее прививали всем без разбору, в том числе и людям Художественного театра, помещенным “в круге первом”. Выезд за границу стал мощным инструментом управления паствой. Одно из глубочайших оскорблений, нанесенных Булгакову в МХАТ, был отказ в выезде за рубеж (в отличие от sister-in-law, которая имела возможность навещать своих родителей в Риге, что было знаком особого расположения властей. Впрочем, в Париж Бокшанскую не взя-

ли, и Н.-Д. не помог). Вождем МХАТ, некоторым из ведущих актеров даровали возможность отдыха и лечения за кордоном, даже помогли валютой, но “психология заключенного” и их не минула. В заложниках должен был оставаться кто-нибудь из самых близких людей. По письмам Бокшанской восстанавливается сюжет “мягкого” заложничества, примененный к сыну Н.-Д. Михаилу Владимировичу. Знающая все советские ходы и выходы, Ольга Сергеевна стала хлопотать о выезде Миши к отцу, находящемуся на отдыхе за кордоном. Она связалась с кем надо, эти “с кем надо” упоминаются часто одной буквой, зашифровано. Сюжет развивается тайно, бурно и без движения, как винт, соскочивший с резьбы. Цепочка иносказаний и намеками обозначенных имен “доброжелателей” вьется бесконечно. Иссушающие мозг и душу подробности передают ритм прохождения “дела”. Обстоятельная Ольга Сергеевна ввергает своего директора в какую-то вязкую трясиину: стиль послания невольно высвечивает психологическую оснастку жизни “под игом безумия”.

Как и все, что касалось МХАТ СССР, выездное дело младшего Немировича поднимается на высший этаж власти – в “процесс” вступает второе лицо государства, прозрачно зашифрованное как “Вяч. М”. Этот “Вяч. М.”, то есть Молотов, “дела” решить не мог: “подавайте в общем порядке”. “Все вообще против Мишиного отъезда” – одно из немногих метафизических наблюдений образцового секретаря.

Сводка из Леонтьевского

Станиславский сделал все для того, чтобы вызволить Н.-Д. из Италии (сюжет 1932–1933 годов). В обращении к Сталину прямо сказано, что в одиночестве, без союзника, К.С. вести театр не сможет. По возвращении Н.-Д. в Москву отношения основателей театра, казалось бы, наладились, но ненадолго. К началу 1935 года союзнические отношения были окончательно подорваны. Никакого совместного дела они не ведут, общаются исключительно через секретарей – то есть через Бокшанскую и Таманцову. К.С. затевает очередную организационную перестройку плохо управляемого театра. Попытка выстроить властную вертикаль (еще одно уподобление стране) принимает уродливые формы: труппу он хочет разделить на “десятки”, назначить И.Я.Судакова “заведующим сквозным действием”, для поддержания качества актерской игры обещает актерам размещать в зале подсадных осведомителей и т.д. Любое начинание К.С. обрастает анекдотическими подробностями, о которых в “бокшанской летописи” сообщается с невозмутимым спокойствием. Чувство лексической дистанции и формального уважения к великому человеку сохраняется, но глаза видят и рука пишет так, как пишет. С осени 1934-го К.С. находится в изоляции в Леонтьевском,

в театре больше не появляется (не появится до конца своей жизни – только хоронить его будут из Камергерского). К.С. навещают приближенные люди так называемого “кабинета”, из чужаков, то есть людей Немировича, иногда принимается В.Г.Сахновский. С его слов Бокшанская составляет донесения о том, что творится в особняке в Лентьевском переулке. “Прежде всего его (Сахновского. – А.С.) поразил внешний вид К.С.: у него совсем переменялось лицо, – может быть, от того, что он остриг волосы. Какой-то получился незнакомый до сих пор облик, да притом от остриженных волос как-то стала выделяться вверх надлобная часть черепа, получился какой-то микроцефальский череп, как определил В.Г. И руки его поразили: прежде они были такие мощные, а теперь дряблые, беспомощные. И совсем побелевшие уши. Вообще вид человека, теряющего силы, – да и сам К.С. так это ощущает, он сказал, что чувствует, что заметно для себя лишается сил. Говорить о том, что он может вести какую-нибудь организационную, административную работу – невозможно; если желать сохранить оставшиеся в нем силы, ему надо дать полнейший покой и чтобы он занимался понемножку тем делом, в котором он работает без усилий”. Подробно излагается, что К.С. думает про каждого из мхатовских режиссеров, и, наконец, донесение подходит к пункту, для адресата наиболее существенному: “Потом он много говорил о Вас. Он сказал, что считает губительным для театра Ваш метод – метод показа, что он сам долгое время как актер был под Вашим сильным влиянием, что сам он поддавался Вашему обаянию режиссера, при этом еще обладающего качествами единственными, неповторимыми режиссера-психолога, социолога, литератора. Но что в 1905 г. он с Вами разошелся, а потом и окончательно утвердился в мысли, что главное в театре – это дать инициативу личности актера, а потому такое подавление инициативы, как режиссерский показ, – это вред, это ломка. В свое время, когда у него были силы, он шел по своей линии в нашем же театре, Вы – по своей. Но теперь, когда у него нет сил, он считает, что все-таки вернее, несмотря на его несогласие с Вашим методом, все в театре отдать в Ваши руки, а он будет, как он сказал, отравлять своим ядом небольшую группу людей, как он это сейчас делает в «Тартюфе»”.

В сообщении секретаря есть несколько подводных линий, утопленных во множестве второстепенных деталей. Обычный способ “настоящего театрального письма”, которым Ольга Сергеевна владела виртуозно. Художественную власть, свое право художественного “вето” К.С. добровольно уступает. Сил больше нет. Немошный старик не может передвигаться по комнате без посторонней помощи. Но по части административной, по части управления театром – а этот момент для человека конторы самый главный – Станиславский не уgomонился. В проброс идет главная фраза: К.С. обдумывает приглашение нового “партийного директора” взамен только что снятого и арестованного М.П.Аркадьева. Тут нет прямой оценки факта, лишь тень деликатно нацеленной интерпретации: “И еще я Вам тогда не написала, что был

разговор... относительно управления театром, и К.С. сказал, что хотя М.П. (Аркадьев. – А.С.) и вел себя в отношении его так, как будто Станиславский уже не живет, умер на прошлой неделе, но все же он считает, что театру без партийного директора обойтись никак нельзя”. Зачем нужен партийный директор? Чтобы не отягощать жизнь Владимира Ивановича административными хлопотами: “...если Вл. Ив. тянуть на директорство, то его скоро доведут вот до такого состояния, в каком находится он сам, К.С.”.

Интрига вокруг партийного директора ведется на краю могилы. Бокшанская не скупится в передаче физиологических подробностей того состояния, в котором находится затворник из Леонтьевского. Письма трезвы и объективны как медицинское освидетельствование. В таких документах история театрального быта обретает свою драматическую кульминацию.

Две сестры

Полностью погруженная в дела МХАТ СССР им. Горького, Ольга Сергеевна каким-то боковым зрением успевала следить за тем, что происходит в доме ее сестры в Фурманном переулке. Она информирует Н.-Д. о всех перипетиях булгаковской жизни – от ситуации с “Мольером” до предсмертной пьесы “Батум”, которую секретарь вождя изо всех сил лоббирует. Отношения с brother-in-law совсем не простые. Младшая сестра связала жизнь с опальным драматургом, покалеченным той самой конторой, которой Бокшанская служила верой и правдой. Н.-Д. сотворил новую Бокшанскую, Булгаков сотворил новую Елену Сергеевну, которая ушла к нему от преуспевающего советского военачальника. Старшая сестра подчинила свою жизнь Н.-Д., младшая – полностью растворилась и разделила драматическую судьбу автора “Мастера и Маргариты”. В параллель “бокшанской летописи” с начала 30-х и до последнего вздоха писателя в марте 1940-го Елена Сергеевна ведет дневник, в который заносит подробности булгаковского жития. Обе “душечки” оказались деталистками (семейный ген), обе чувствовали ценность преходящего мгновения, обе понимали, что участвуют в важных событиях, и полагали, что проходящую через них историю надо подробно записать. Только истории оказались разными. Сестры оставили для будущего две летописи, два контрастных образа Художественного театра, два уникальных среза своей эпохи, взятой с разных полюсов.

Выбора между Немировичем-Данченко и Булгаковым для Бокшанской не существовало: во всех случаях прав был мудрый ее повелитель. После запрета “Мольера”, выпущенного Н.-Д., Булгаков мхатовский мирок покидает, а Владимир Иванович в каком-то смысле персонифицирует в булгаковском доме злую силу, погубившую драматурга.

Летом 1938-го Булгаков подошел к важному писательскому рубежу: основная постройка “закатного романа” была завершена и он решил свести воедино первую полную редакцию книги. Елена Сергеевна с детьми отдыхала в Лебедяни, переписывать на машинке роман довелось Ольге Сергеевне. Не стоит думать, что секретарь была ошачествлена возможностью стать участницей этого события. Она долго не вникала, что за рукопись печатает (подобно тому, как не понимала, какую книгу продиктовал ей в начале 20-х К.С.). Бокшанская совершала машинописную службу с абсолютной добросовестностью, без усталости, так, как только она умела (“Нужно отдать справедливость Ольге, она работает хорошо. Мы пишем по многу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное”). В какой-то из дней сложнейшая работа прерывается. “Из-за кулисы на сцену выходит один из злых гениев... – сообщает писатель в Лебедянь жене. – Со свойственной тебе пронизательностью ты немедленно восклицаешь: – Немирович! И ты совершенно права. Это именно он”.

Вождь требует секретаря к себе в Барвиху, отвлекает от переписки. Булгакову кажется, что любой перерыв в работе – гроб. В воспаленном писательском мозгу сплетается образ нечистой силы из кремлевского санатория: эта сила загубила его пьесы и вот теперь хочет разрушить главную книгу жизни при помощи *sister-in-law*. “Сестренка” усугубляет ситуацию непрерывными комплиментами в адрес патрона. Стиль комплиментов, уже хорошо знакомый по летописи, передан с булгаковской окраской: “В особенно восторженном настроении находясь, называет Немировича “этот старый циник!”, заливаясь счастливым смешком”.

Бокшанская не сильно вдумывалась в смысл того, что печатала, к тому же она не ждала от неудачника-писателя ничего хорошего. Однако в момент “растерянности и задумчивости” что-то стало доходить до сознания переписчицы. И тогда она роняет: “Тебе следовало бы показать роман Владимиру Ивановичу”. Отзвук острой реакции автора в письме в Лебедянь: “Как же, как же! Я прямо горю нетерпением роман филистеру показывать”. Оскорбленная в святых чувствах секретарь вождя продолжает переписку, но вскоре находит возможность ответно уколоть писателя, и уколоть так, как это может сделать истинно “театральный человек”. Бокшанская отравляет самые важные минуты писательской жизни (реакция машинистки для любого пишущего первый и очень важный смысловой сигнал будущей судьбы рукописи):

“Sist. (деловым голосом). Я уже послала Жене (Калужскому, мужу Бокшанской, заведующему труппой МХАТ. – А.С.) письмо о том, что я пока не вижу главной линии в твоём романе.

Я (глухо). Это зачем?

Sist. (не замечая тяжкого взгляда). Ну да! То есть я не говорю, что ее не будет. Ведь я еще не дошла до конца. Но пока я ее не вижу.

Я (про себя)”.

Холодный душ, полученный от “сестренки”, повергает автора в уныние: “Моя уважаемая переписчица очень помогла мне в том, чтобы

мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц она улыбнулась один раз на странице 245-ой (“Славное море...”). Почему именно это ее насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с ее стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: “Этот роман твое частное дело” (!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата!”

Так под занавес десятилетия возникает ситуация, в которой один из основателей МХТ, его секретарь и автор “Мастера и Маргариты” оказываются завязанными в единый сюжет. “Закатный роман” напугал Ольгу Сергеевну, зато пьеса о молодом Сталине вызвала восторг. Да и восьмидесятилетний театральный вождь, пребывающий на водах вне Союза ССР, выказал немедленную готовность поставить замечательную пьесу к 60-летию главного вождя. Пьеса о Сталине – к ужасу Бокшанской – будет запрещена, Булгаков не переживет очередного унижения: мало того что написал двусмысленную пьесу, так вдобавок пьеса эта была истолкована как желание “перебросить мост и наладить отношение к себе”. Отношения к себе не наладил, обнаружился смертельный недуг. Умирал он долго и мучительно, ослеп, в этом состоянии пытался редактировать “Мастера”: Елена (домашнее имя Люся) читала, а он, пока хватало сил, правил на слух. Эти дни коротко записаны в дневнике убитой горем младшей сестры, и очень детально в письмах Ольги Сергеевны. “Но самые черные его минуты она одна переносит, и все его мрачные предчувствия она выслушивает и, выслушав, все время находится в напряженнейшем желании бороться за его жизнь. “Я его люблю, – говорит она, – я его вырву для жизни”. Она любит его так сильно, это непохоже на обычное понятие любви между супругами, прожившими уже немало годов вместе, стало быть, вроде как привыкшими друг к другу и переведшими любовь в привычку”. В другом письме рассказано о последних часах писателя: “И опять так спокоен был его сон, так ровно и глубоко дыхание, что – Люся говорит: – подумала я, что это чудо (она все время ждала от него, от его необыкновенной, непохожей на обычных людей натуры) – это перелом, он начинает выздоравливать, он поборол болезнь. Он так и продолжал спать, только около половины пятого по лицу прошла легкая судорога, он как-то скрипнул зубами, а потом опять ровное, все слабеющее дыхание, и так тихо-тихо ушла от него жизнь”. Смерть описана в упор, с обычным детализмом, но и с душевным подъемом, даже просветлением. Письма адресованы в Ригу матери – дочери православного батюшки. Владимир Иванович в марте 1940-го в Москве, в посланиях секретаря нет необходимости, но “образцово налаженный информационный аппарат” не может пропустить факта семейной хроники. Смерть свояка чревата историческим событием, неясным для современников. Ольга Сергеевна об истории не думает, но способ обработки жизненной материи проясняет скрытую перспективу. Подробно воссозданная минута открывает “код доступа”: и к “простому дню”, и к будущему.

Письма О.С.Бокшанской (все они хранятся в Музее МХАТ в фонде Немировича-Данченко), как правило, представляют собой машинопись с приписками от руки на полях и подписью-автографом. В примечаниях этого не повторяем.

Некоторые циклы писем идут без подписи, это означает, что они печатаются не по подлинникам (поскольку не сохранились или не разысканы), а по вторым экземплярам (О.Б. имела привычку печатать под копирку). Это также оговаривается наперед.

Постоянство и точность авторской датировки писем снимает необходимость редакторских дат; они даются только в случае дефектности оригинала, утратившего первую страницу, или при ошибке, допущенной корреспонденткой Н.-Д.

Орфография приведена в соответствие с современными нормами; за некоторыми исключениями, связанными с характерными для того времени особенностями написания некоторых географических названий, в отдельных случаях – фамилий и т.п.

Сокращения имен и фамилий разворачиваются в тех случаях, когда это должно облегчить читателю понимание, о ком идет речь.

Иногда опускаются описания болезней знакомых, которым О.Б. посвящает много места, а также сообщения о переменах в репертуаре (если эти перемены не имеют сколько-нибудь существенных мотивов). Купюры отмечаются многоточиями в квадратных скобках.

Письма

[1922–1942]

[1922]

1.

Москва, 14/IX 1922 г.

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Сейчас начнется прощальный обед в театре, и затем мы уедем. На целый год!

Милый Владимир Иванович, умоляю Вас, сохраните ко мне Вашу необыкновенную снисходительность, Вашу несравненную доброту. И когда я вернусь, не казните меня равнодушием, недоверием. Верьте моей неизменной невыразимой любви к Вам и преданности. Сохраните, пожалуйста, за мной мою должность Вашего секретаря. Возьмите к себе на этот год Федичку, он справится с этим и будет Вам приятен. Сам он мечтает об этом и всей душой хочет быть у Вас секретарем, помимо всех других обязанностей. А через год – возьмите меня обратно, ради Бога. Это так ужасно, что мы с Вами не увидимся в дороге и я не услышу Вас, не увижу Вашей улыбки. Быть может, Вы улыбнулись бы мне ласково, и я бы на целый год унесла бы воспоминание о Вашей ласковой улыбке.

Пожалуйста, очень Вас прошу, если Вы когда-нибудь напишете Бертенсону или Подгорному, напишите для меня одну строчку: “Просьбу Ольги Серг. я исполню”. И я буду жадно ждать дня возвращения.

Милый Владимир Иванович, верьте, верьте мне, моей любви и преданности. Мои слова так однообразны, но это единственное выражение моего чувства к Вам. Благодарю Вас за все, что Вы сделали для меня, что Вы сделали из меня.

До свидания, дорогой, милый Владимир Иванович.

Ольга Бокшанская.

P.S. В отдельном конверте я оставляю Вам копии писем Ваших к В.М.Волькенштейну¹, а также копию письма к Вам от Бертенсона и Подгорного, – последнее по просьбе Серг. Львовича, беспокоившегося, что Вы эти письма за границей не получили. Пьесу “Арлекинадa” не взял пока автор, и я оставила ее на Вашем столе.

Мой сердечный привет и искренние пожелания Екатерине Николаевне. Будьте счастливы и радостны, милый Владимир Иванович. Не забудьте меня совсем-совсем. Сохраните обо мне хоть крошечку доброго воспоминания в своей душе.

ОБ

Прага, 23/X 1922

Многоуважаемый и милый Владимир Иванович!

Если бы Вы только захотели мне поверить и понять, как часто я хотела написать Вам и какими страшными усилиями воли я себя удерживала от этого желания. Я боюсь думать, что Вы решили так: я закружилась за границей и позабыла Вас, мое нежное чувство к Вам, театру и Москву. Это не так, милый и бесконечно дорогой Владимир Иванович. Не было часа в каждом прожитом мною дне, когда бы я не думала о Вас с такой горячей любовью, с такой безнадежной тоской, с такой непреодолимой жаждой видеть Вас.

Ваше письмо ко мне, что мне передал в Берлине Леонидов¹, я перечитываю постоянно и с жадностью ищу в этих коротких строчках уверенность в том, что я снова буду работать у Вас, именно и только у Вас. Я смотрю с надеждой на каждую черточку Вашего лица на той фотографии, что всегда стоит на моем столе, и опять ищу этой уверенности в Вашем добром ко мне расположении, в Вашем согласии снова взять меня к Вам на службу.

Верите ли, милый, милый Владимир Иванович, я прихожу к себе и жалею Вашу карточку на все обиды и огорчения моей жизни и знаю, так хорошо знаю, что не посмело бы быть никаких обид, если бы Вы были здесь, и не могло бы быть у меня никаких огорчений, если бы Вы были здесь, если бы я постоянно видела Вас.

Я не писала Вам потому, что писать Вам официальные, внешние письма я не могу, не умею, а если бы я писала Вам от души, я написала бы Вам письмо отчаянное, безнадежное, дикое и сумбурное.

Я не хочу Вам сплетничать, но я думаю, что о многих неприятностях у нас Вы знаете из писем других.

В Берлине было очень гадко, все были злы, недовольны, придирались, обижали друг друга, нас с Рипси, собирались на какие-то беседы, где развивались сплетни и интриги.

Атмосфера была тяжела до ужаса, безнадежности. Наконец было устроено общее собрание, на котором К.С. предложил всем недовольным высказаться. Недовольство было двух родов: денежное и на "Контору". Новый эпитет, которым окрестили Подгорного, Бертенсона, Рипси и меня. На собрании недовольные материальным положением отказались говорить о своих претензиях, прося, чтобы дирекция выслушала каждого в отдельности. Недовольные же "Конторой" прикусили язычки, когда К.С. сказал много хорошего по нашему адресу, и бормотали что-то неясное об "официальном, канцелярском нашем тоне и отношении", причем каждый говорил: "Да я лично ни на что не жалею, только я вот слышал, что есть недовольство"... Словом, бурного выступления против нас, что я ждала и хотела безумно, не было. Это потому досадно, что и после заседания этого берлинского, продолжа-

ется какая-то подпольная работа против нас, продолжают уколы и шпильки.

Я не могу пожаловаться про себя, я могу счесть по пальцам своих недругов, и для этого с избытком хватит пальцев на одной только руке, но противно работать среди людей, которые так мелко, так помещански стараются уколоть одного из моих друзей – Рипси, Бертенсона, Подгорного.

Как мелки, как ужасающе грубы, как неделикатны и нечутки эти люди. И как злы, бездарно злы.

Неужели все они получают хоть маломальское удовлетворение, кольнув, обидев, оскорбив одного из нас? В Берлине мне было невыносимо тяжело. Так много пришлось работать еще в Москве и, без отдыха, началась большая работа в Берлине в условиях ужасных, походных, бивуачных.

Денег было действительно мало, и нам, получавшим прожиточный минимум, приходилось круто. А тут и семейные всякие мои дела и осложнения, и необходимость помогать папе и маме², и то, что из-за безумной работы я почти их не видела!

Все это меня угнетало, мучило так, что я совсем потерялась, перестала улыбаться, шутить, была усталая, рассеянная, нервная, чувствительная к каждому слову.

И подумайте, милый Владимир Иванович, до какой нелепости дошли наши, – мне поставили в вину, что я мало улыбаюсь. В Москве, видите ли, я всегда улыбалась, и было приятно видеть всегда радостное и оживленное лицо, здесь я вдруг не улыбаюсь, не радую.

В Праге постепенно я как будто немного отошла, начинаю находить себя, но, конечно, обиды и огорчения еще очень живы, и трудно найти тот прежний тон.

Я рада одному: я стала опять спокойнее и равнодушнее к мелочам жизни и меня не так легко возмутить мелочами жизни. Бог с ними, с этими мелкими людьми, с этой серой пылью. Пусть развлекаются, как хотят.

Кажется, я скоро буду улыбаться, хотя настоящая моя улыбка запрятана глубоко и улыбнусь я ею только в Москве, если я увижу Вас таким, каким я хочу Вас видеть, таким милым, милым Владимиром Ивановичем, за которого я душу свою положу. Не забывайте меня, пожалуйста, не отнимайте у меня Вашей доброты и снисходительности.

Мой сердечный, нежный привет Екатерине Николаевне.

Ольга Бокшанская

1922, октябрь, 29. Прага

Милый Владимир Иванович,

вчера меня ужасно огорчил Сергей Львович, прочтя Вашу телеграмму¹. Видя мое огорчение, он пытался меня утешить уверениями, что Ваше недовольство относится к нему, а не ко мне, но все же я чувствую, что Вы мной недовольны и, может быть, перестали верить мне, милый Владимир Иванович; не то что я не могу писать – нет, но, правда, было время, что я могла бы писать только о том невыразимом чувстве обиды, которое не оставляло меня в Берлине. То, как себя держали многие из поехавших, можно было назвать самой неприкрытой травлей и желанием побольше уязвить и обидеть. И было непонятно, где же все те люди, которые казались такими чудесными, милыми, из-за которых не хотелось расставаться с театром, не хотелось иметь ни знакомых, ни друзей театра.

Я все время жалуясь Вам, милый Владимир Иванович, на прежние свои тяжести. Простите меня. Теперь гораздо легче и жить, и работать.

Сегодня трудно пишется письмо: во-первых, в комнате, тут же за моим столом, идут нескончаемые разговоры, во-вторых, Сергей Львович, диктуя свое письмо к Вам, сказал очень много из наших общих мыслей. Он только не сказал, что банкеты – это ужасно скучная вещь. Я тосковала безумно, хотя устроилась много лучше других, т.к. сидела в компании своих, а не среди абсолютно незнакомых людей. Единственно, когда мне стало приятно, было вот что: Н.Г.Александров, сидевший против меня, сказал: “Сейчас я обрадую Ольгу Серг., я знаю, за кого она чокнется со мной с радостью, – за единственного, необыкновенного Владимира Ивановича”. Это было так хорошо, что он так сказал. Милый, дорогой Владимир Иванович, неужели Вы нам ничего не напишете. Ваше письмо, как реликвию, ношу я постоянно с собой, перечитываю, разгадываю загадку первых строк² и Вас стараюсь узнать, хоть предчувствием! Неужели Вы привыкнете к кому-нибудь другому и откажетесь от меня. Страшно думать о таком непоправимом горе для меня.

Вы только раз были жестоки ко мне, и это было ужасно. Неужели я опять узнаю Вашу жестокость, Ваше безжалостное равнодушие. Милый Владимир Иванович, я очень скоро напишу Вам лучше, полнее и больше. И постараюсь не писать такие каракули таким скверным пером.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович, будьте счастливы и благополучны.

Ольга Бокшанская.

Милый Владимир Иванович, не откажите передать Б.Л.Изра-левскому полученное для него театром письмо.

Загреб 12/XI 1922

Милый, без конца милый и дорогой Владимир Иванович!

Ваше письмо к Бертенсону полно негодования на меня, и мне это ужасно больно¹.

Я немного надеюсь, что, получив мои письма из Праги, Вы простите мне мое молчание. Но надежда на это слабая, и настроение мое она не поднимает.

Я не хочу ни оправдываться, ни обвинять кого-либо, но я должна сказать, что в письмах из Берлина я не принимала никакого участия. Даже не я их переписывала. В Берлине у меня было столько дела и столько огорчений, что страшно вспомнить. Не говоря о том, что я нашла своих родителей в бедственном положении и выбивалась из сил, чтобы помочь им, я встретила со стороны некоторых наших такую вражду, такую ненависть, такую злобу, что проклинала тот день и час, когда решила ехать с театром. И из-за того, что мы вчетвером (Рипси, Подгорный, Бертенсон и я) старались дружно работать и поддерживать друг друга, мы сразу оказались совсем отрезанными от большей части труппы, получили – по их мнению, обидное – наименование “конторы” и стали претерпевать всяческие гонения и шпильки. Я Вам писала об этом, милый Владимир Иванович, простите, что снова пишу. Это то, что меня глубоко волнует и оскорбляет. У меня так много хорошего, радостного отношения к жизни, к людям, особенно к тем, кто причастен к МХТ. Вы, вероятно, помните, что ни один человек в Москве (кроме злополучной встречи с каким-то важным человеком из Рабркина², – не помню его фамилии) не мог бы упрекнуть меня в дерзком тоне, в грубом обращении, в злом слове. Наоборот, я помню, все мои друзья любили меня дразнить моей постоянной улыбкой и любезностью. А тут вдруг я оказалась так дурна, так злобна и нелюбезна. И кто же это говорит? Люди, известные своим недобрым характером: Н.Н.Литовцева, Шевченко, Булгаков, Лазарев. И эти несколько лиц создают вокруг наших имен целый ряд рассказов о том, как мы зазнались, как мы бесцеремонны и дерзки, перестают здороваться, требуют от нас услуг таких, что можно требовать разве от своей горничной. Когда не было больше сил терпеть, об этой травле сказали К.С., который с большим вниманием и заботой относится к нам, и он на общем собрании сказал, что мы – как он нас назвал, милые барышни наши, – поехали с театром исполнять всякую работу для Х.т., а не для услуг артистам.

Кроме того, много решала в Берлине материальная сторона дела. Денег было мало, дороговизна росла. Нам было так же трудно, как и другим, мы получали актерский минимум, 900 марок в день, и отдельно за выхода по 350 за спектакль. Эти разовые возмущали наших молодых артистов. Кроме того, кажется, они все считали, что мы пользуемся негласными выдачами, благодаря близости к дирекции.

Все-таки как много гадости в человеческой мелкой душе! С тех пор как Н.А.Подгорный стал заведующим финансовой частью, его считают нечистым в отношении денег и того понять не хотят, что он-то и денег не видит – они у меня, – ни отчетности не ведет. Ведет ее Румянцев, который уж наверно не покроеет никакой неправильности. Отвратительно работать в такой атмосфере недовольства и подозрений.

До Праги дотянули гастроли, находясь все время в нервном возбужденном состоянии, нарываясь ежедневно на уколы и выпады озлобленных людей. Когда объявили пражские оклады, – опять началось недовольство. Кто-то, кто жил в Праге, говорил, мол, что это гроши, опять скудное существование. Немного успокоились, получив от дирекции марки на оплату берлинских комнат.

В Праге оказалось, что даже получающие минимум (90 крон в день) могут, живя прекрасно, сделать сбережения в кронах. В Праге, конечно, покупать ничего не рекомендовалось, а сберечь кроны до Берлина и там купить себе что-либо. В то время за 100 крон давали 11–12 тыс. германских марок, теперь дают уже 30 000. Первую неделю все ходили гордо и радостно, экономии, высчитывали, смешили постоянными расчетами: вот лучше не есть мороженого, это стоит 5 крон = 600 марок, готовы были от всего отказаться. Москвин говорил, что лучше удавится, но теплой воды требовать не будет для умыванья, это стоит 2 кроны 50 геллеров, что составляет 300 марок. Было много курьезного. Потом молодежь вдруг сорвалась, как они объясняют, от тоски. Уж не знаю, тоска ли это, или просто бесшабашность, но разгул пошел большой. Пили каждый день, вернее, каждую ночь, до утра, скандалили, ругались грубо в ресторанах, в барах, возвращались по гостиницам в ужасном виде. Был даже скандал ночью на улице, когда Фаина Вас. била Бакшеева палкой по лицу. Конечно, все они были в совершенно диком состоянии.

Владимир Иванович, милый, простите, что пишу Вам про такие грязные истории, но они так характерны для иллюстрации нашей жизни. Я пишу это только Вам и нигде, никогда не позволю себе хоть намеком сказать о таких непристойностях в среде МХТ. От К.С. это все старались скрывать. Даже то, что он сам замечал, как актеры приезжали на спектакль в нетрезвом виде, – волновало его безумно. Что же стало бы с ним, если б он узнал все гадости.

Для такой жизни, конечно, нашего оклада не хватало. Про сбережения все кутящие забыли, все экономии пошли на пиво и вино. Начались разговоры, что платят мало.

Но уже надо было уезжать в Загреб.

Здесь жизнь дешевле, кроме того, все получили даровые квартиры. Поэтому решено было платить меньше, т.е. 60 чешских крон, получающим минимум, или, переводя на здешнюю валюту, 120 динар в день.

Вы легко поймете, сколько может оставаться даже от минимума, если я Вам напишу следующую выкладку из своей жизни. Квартира

не стоит мне (как и всем) ничего. Утром кофе с булочкой, с маслом, с чаевыми должно обходиться 12–15 динар. Я никогда не пью утреннего кофе, во-первых, потому, что каждое утро просыпаю и адски тороплюсь, во-вторых, потому, что начало занятий у нас в 11 ч., а в 1 ч. уже обед, ибо с 2-х часов репетиции и надо вернуться из ресторана к сроку. Прекрасный обед из 3-х блюд с вином и ужин в том же ресторане (жаркое и сладкое) тоже с вином со всеми чаевыми, хлебом обходится 31–32 динар. Если спросить кофе, какой-нибудь второй салат, второе сладкое – надо истратить на 6–8 динар больше. Стало быть, считая широко, обед и ужин обходятся 36–40 динар. В пять часов пью кофе с булочкой, с пирожным – динар 7–8. Стало быть, день обходится максимум 60 динар, а 60 остаются на мелкие расходы и сбережения. Правда, как Вы видите, я кутежей не считаю, пьянства не признаю, пью стакан вина днем, стакан вечером. А наша кутящая компания уж так привыкла к ночным [нрзб.] в пивных и барах, что отказаться от этого не может, и опять идут недовольства окладом. Тон взяли требовательный, говорят, что будут требовать отчета и прибавки.

Пока эти разговоры идут так, потихоньку, в каких-то интимных беседах. Пускают слухи, что очистится какой-то дивиденд, который разделят пайщики, а молодежь останется с носом.

Вот Вам, милый Владимир Иванович, наши настроения.

Интереса к Западу пока ни у кого не заметно. Старики больше интересуются музеями, примечательными зданиями и парками, чем молодые. Про себя скажу, что вижу достопримечательностей очень мало, так как работы очень много и по секретарству, и по кассе, и вообще К.С. хочет, чтобы контора как можно меньше отсутствовала из театра.

Еще в Праге бывали свободные часы; когда прошли все премьеры, у нас занятия были только с 11 до 2–3 ч. дня, а потом с 3 до 6 можно было немного побродить. Но и это было только в последние дни. Вообще со дня приезда в города – до конца всех премьер и последние дни перед отъездом – сущая мука. Здесь же наряду с обычными репетициями перед всеми премьерами идут репетиции с дублерами “Федора” и “Трех сестер”. Поэтому уходить из театра нельзя. Прихожу к 11 ч., занимаюсь до 1 ч., ухожу обедать, возвращаюсь в 2 ч., занимаюсь или бываю на репетиции (ведь я выхожу боярыней в “Федоре” и какой-то старушкой в “Дне”) до 5–6 ч., если есть время, захожу в кафе напротив театра выпить чашку кофе, а затем обратно в театр или выходить в пьесе, или заниматься. После спектакля, часов около 11^{1/2}–12 идем ужинать, часа к 1^{1/2}–2 попадаю домой, немного читаю и бай-бай. Сплю меньше, чем хотелось бы, поэтому всегда немного развинчена, глаза побаливают. Вот она, наша жизнь. Все нервы забирают события мелкой, отвратительно узкой жизни поездочно-театральной. Стараюсь не принимать все эти радости близко к сердцу и приучила себя совсем равнодушно относиться к колкостям. Но кого мне безумно жаль и кому хочется помочь и облегчить работу и жизнь, это Подгорному. Он с таким жаром взялся за

работу по поездке, он так много сделал и делает для театра, и все-таки на него сыплются все нападки. И все стараются уколоть его, как можно больше уколоть. Ни в каких тяжелых московских условиях он бы не был доведен до такого состояния души, в каком он сейчас. Это сплошной комок нервов, человек, доведенный до последней степени отчаяния. Всего этого не было бы, если бы Вы были здесь. Вы никогда не допустили бы этого дурного тона, что привился нашей молодежи и средним актерам. Да при Вас никто не смеет вести себя так мещански-грубо.

Милый, дорогой Владимир Иванович, Вы написали, что мы оторвались от Вас. Может быть, оттого, что мы постоянно думаем о Вас, постоянно говорим и вспоминаем Вас, нам кажется, что это не страшно, что мы редко пишем. Времени для всех дел так мало, работа происходит в атмосфере, дергающей нервы, напряженной до крайности. И как о чем-то единственно радостном, единственно прекрасном, бесконечно дорогом и близком, и милом сердцу мы вспоминаем о Вашем уютном кабинете в Камергерском, о Вас – изумительном волшебнике и чародее. И кажется, что если можно было бы сейчас, тогда, когда мы все измучены, отчаялись, изверились и разочаровались, постучать в Вашу заповедную дверь, отошло бы от нас все печальное и злое, мы видели бы только Вас, слышали бы только Вас – все было бы чудесно. Милый, чудесный, изумительный Владимир Иванович, зачем Вас нет здесь? Как прекрасна была бы наша поездка, если бы не было разлуки с Вами.

Из-за того, что работы много и из-за занятости в “Федоре” и “Дне” на сцене с начала до конца, мне очень редко удается бывать в зрительном зале. Вечер уходит на расчеты, подсчеты, писанье на машинке, писанье рукой. Даже во время “Федора” и “Дна” в свободных картинах я занимаюсь у себя в конторе, а не сижу в уборных. Трудно говорить о впечатлениях от спектаклей, если участвуешь в них или смотришь из кулис. Но после Вашего письма я заявила Серг. Львовичу, что я по вечерам в дни чеховских пьес буду уходить в зрительный зал, и пусть он не стоит над моей душой, если у него работа не очень срочная. Со стороны сцены почти всегда кажется, что спектакль идет недостаточно нервно, что актеры не так сильно заразились ролью, как должно. Судя же по приему, публика этого не находит и реагирует вызовами, аплодисментами.

Чехов не трогает ни публику, ни актеров. Только в Загребе и чеховские пьесы идут при напряженном внимании. Такое отношение, конечно, передается актерам, и здесь “Вишневый сад” и “Три сестры” идут живее, нервнее. Вообще же эти пьесы, особенно “Три сестры”, проходят вяло. “Федор” импонирует, занимает обрядовая сторона, костюмы, декорации, утварь, поражает Москвин. “Дно” любят везде, особенно первые три акта. Народная сцена идет живо, вызывает аплодисменты. Вчера первый выход Качалова (в “Трех сестрах”), его первый выход вообще в Загребе сопровождался аплодисментами³.

Ждем интересного спектакля: “Федор” с К.С. и Качаловым⁴. На

репетициях К.С. необыкновенно хорош. Думается, что это будет громадный козырь, – его участие в “Федоре”. Качалов пока неинтересен, он и не играет, так, бормочет роль, проверяет мизансцены. Может быть, в занятиях с К.С. он показывает себя, но я там не присутствую.

Кто очень мрачен во всей поездке, – это Л.М.Леонидов. Помните, как он хорош был с нами, особенно с Рипсимэ? Теперь совсем не то. В Берлине он избегал даже встречаться с нами. Теперь он стал милее к нам, но чуть-чуть. Позиция его, если не сказать больше, странная. Он определенно и в Берлине и здесь является вдохновителем молодежи в деле недовольства и подозрений. И хотя сам состоит членом финансовой комиссии, однако всю вину в деле распределения окладов с себя складывает на Подгорного и всячески подстрекает к бунту, как всегда, впал в крайности: целый день сидит над записной книжкой, что-то вычисляет, пишет цифры, складывает, делит, множит. У многих из стариков создалось такое впечатление, что он еще не решил, поедет ли он в Америку или нет. Поэтому в Европе ему хочется захватить от дела как можно больше. А так как ему неловко было бы сказать, что ему не хватает, то он и подстрекает “голытьбу” жаловаться на недостаток денег. Но вместе с тем в самые последние дни опять какой-то поворот с его стороны, опять разговоры, что молодежь разнуздалась и пора прекратить это безобразие.

Милый Владимир Иванович, мне надо идти гримироваться к “Дну” – сегодня первый спектакль. А Бертенсону я обещала, что в 8 ч. вечера он получит от меня готовый конверт с письмом для Вас, который он и отправит в Москву через Берлин.

Вы спрашиваете наш адрес. Мы его и сами не знаем, т.к. Париж очень возможен, но окончательно не решен. Поэтому до конца декабря адрес вернейший – берлинский Леонидова⁵. Предполагается, что отплывем мы в Америку 27/XII на “Majestic”.

Вот уже четвертый спектакль, как нас забрасывают из зрительного зала цветами. Каждый вечер я приношу домой алые гвоздики, белые хризантемы и с нежностью кладу их около Вашего портрета. Чувствуете ли Вы тот горячий привет, ту неизменную, верную любовь, которые я шлю Вам, которые умоляю Вас принять. Только, пожалуйста, не отталкивайте меня, не забывайте меня, будьте добры ко мне.

Искренний привет и нежный поцелуй шлю дорогой нашей Екатерине Николаевне.

Ольга Бокшанская.

Забегала за мной Рипси и просит поклониться Вам от нее низко, от души.

Милый Владимир Иванович, скажите Федичке, Юстинову и всем, кто помнит меня, что я люблю их и шлю привет.

Берлин, 25 ноября 1922 г.

Милый, дорогой, изумительный Владимир Иванович!

Позвольте писать Вам на пишущей машинке, мне это несравненно легче, а главное, при том малом количестве свободного времени, что мне дают, я успеваю написать Вам втрое больше. Да к тому же я думаю – Вам нелегко разбирать мои каракули, я ведь стала писать еще хуже, т.к. постоянно болят глаза.

22-го вечером приехали мы из Загреба в Берлин и на следующий же день, зайдя к совершенно разболевшемуся Леонидову, я получила Ваше письмо. И хотя Вы не очень добры ко мне в ваших строках, я обрадовалась ужасно, безумно, и взволновалась... Не знала, за который листок взяться... Начала читать отрывок письма, начатого с месяц назад, прочитала первые строчки, и стало вдруг на душе так тревожно, так страшно и волнительно... Так ясно представилось, как Вы гуляете между 5 и 7 часами по двору, как я слежу за этой Вашей прогулкой и рада, если есть случай подойти к Вам и спросить Вас о чем-нибудь. У меня задрожали руки, запрыгали Ваши строчки перед глазами, захотелось остро и сильно увидеть и услышать Вас. Нет, безумные мы все люди, что расстались с Вами. Без Вас все не то, весь тон не тот, все чувства, переживания, слова. Зачем, зачем Вас нет здесь! Вы пишете, что знаете все о нас и в наших письмах ждете только подтверждения Вашим мыслям. Нет, Вы не можете знать, даже Вы не могли бы предугадать, что стало со всеми с тех пор, как они не видят Вас, как вышли из-под Вашего непосредственного влияния. Милый Владимир Иванович, неужели наконец придет тот день, когда мы снова будем в Москве и я буду видеть Вас каждый день... может быть, Вы даже возьмете меня к себе обратно на должность, несмотря на то, что Федичка очень хорошо исполняет свои обязанности.

Я задолжала Вам много сообщений о наших делах. Это потому, что последние дни в Загребе были страшно заняты и сумбурны, а к тому же из Загреба все равно нельзя было отправить письма, оттуда в Россию письма не принимают. Пришлось бы посылать в Берлин. А так как мы все равно ехали сюда, то и письмо я отложила. Очень надеялась, что удастся писать в поезде, но почему-то в первый день поездки, как только выехали из Загреба, нас так укачало, что почти все были больны. Мне тоже было плохо. Даже страшно – если так укачивает в тряском поезде, что же будет на пароходе по пути в Америку. А следующий день пути, после Праги, куда мы приехали рано утром, весь ушел на подсчеты казенных денег, частных сбережений, сданных мне для обмена на другую валюту, на писанье (на машинке, в вагоне) ведомостей и на раздачу авансов всем едущим в германских марках. Тяжело было всем этим заниматься особенно потому, что ночью едва ли удалось поспать и два часа, да еще на голых досках III класса.

В Загребе у нас была такая горячка в последние дни потому, что шли “премьеры”, т.е., вернее, вводили новых исполнителей. 14-го в “Вишневом саду” Гаева играл Качалов. И в Берлине, и в Праге мы так много слышали об его замечательном исполнении, столько было сравнений его со Станиславским не в пользу последнего, даже пресса открыто заявляла о несравненном обаянии Качалова в этой роли, что мне было страшно интересно посмотреть Вас. Ивановича. Я добросовестно высидела весь спектакль в зрительном зале и – Боже мой – как грустно стало на душе. Это было хуже, чем пустое место, провал в пьесе, это было так нехорошо, что портило весь спектакль, что даже странно показалось: неужели Качалов потерял то свое обаяние, которое спасает его и при неудачных ролях. Не понимаю, как кто-нибудь мог решиться сравнивать его и Станиславского в этой роли. Может быть, я пристрастна, но даже М.П.Лилина, сидевшая в одной ложе со мной, нашла, что это никакая игра, что просто довольно молодой еще человек надел седой парик, ходит по сцене и не играет, а говорит слова. А Марья Петровна никак не хотела бы сказать нехорошо об исполнении Качалова.

Следующей “премьерой” были “Три сестры” (16-го) с Кореновой – Ириной. Она волновалась сверхъестественно, что было заметно и в публику, но играла хорошо, очень хорошо. Истерика III акта была великолепно проведена, да и вся роль сделана хорошо... В тот день как раз пришло известие, что “Три сестры” в Париже не пойдут, и она бедная – после спектакля об этом узнала – проплакала всю ночь. А ведь когда она готовилась к выступлению в Загребе, то это считалось как бы генеральной для Парижа. В Ирине была она и молода, и красива, гораздо интереснее Крыжановской. Крыжановская от нас ушла и в Париж не едет.

Наконец подошел и знаменательный день 17 ноября, когда шел “Федор” с Качаловым, Станиславским и Пашенной. Качалов был так неинтересен на репетициях, что все ждали неприятного впечатления. Но на спектакле он был просто хорош, очень хорош и интересен в разработке роли, и хотя никто, конечно, не может сказать, что он выше Москвина, все же надо отдать справедливость, что играл он очень-очень хорошо. То, что пришлось слышать от режиссеров и актеров загребских, показывает, что они в какой-то стороне разработки роли считают Качалова даже интереснее, но из разговоров в публике (сколько их пришлось мне вести), все-таки заметно, что Москвин настолько потрясает своим темпераментом, что это действует заразительнее на публику, чем тонкая работа над словом и жестом. Потряс всех К.С., который в этой роли необыкновенен. Столько силы и яркости в каждом движении, в манере говорить, в фигуре и лице, так молодо и горячо возмущается этот большой, седой, почти грузный и все-таки необыкновенно легкий боярин, – что все невольно поддаются его влиянию. Он захватил всех, увлек весь зрительный зал и всех нас, смотревших из кулис. Пашенная, говорят, хороша, моложе Ольги Леон.; правду Вам сказать, я мало за ней следила, нельзя было оторвать глаз от К.С., и очень интересовал Качалов.

Только когда прошел этот спектакль, стало ясно, насколько нам теперь легче, насколько мы сильнее. И ясна стала та громадная работа, которая была проделана.

Тут прерву свои доклады Вам по театру. Только что телефонировал Бертенсон, что заедет сюда (я пишу в комнате Рипсимэ, которая является и нашей штаб-квартирой) и привезет громадную работу по заполнению анкет для получения французских виз. Со вчерашнего дня мы были в панике, ибо сначала нам в визах отказали, но вот только что он телефонировал, что дело налаживается, но что предстоит громадная работа, срок которой до завтрашнего вечера¹. Вы не можете себе представить, сколько здесь приходится работать, а еще предполагалось вести с собой одну Рипси или только меня. Ни за что не справиться бы. Грустно то, что он приедет, покажет, что надо делать по этим анкетным делам, и тотчас же надо идти в театр “Карусель” (Евелинова²), где нам предоставлено помещение для сбора труппы. У меня сегодня раздача жалованья и часа три придется там просидеть, пока не придут все. У нас все ведь хотя ездить барами, все должно быть готово для них, и поэтому, если они приходят за деньгами хотя бы поздно вечером, почти ночью, и выдачи нет, то начинается целый длинный разговор, что “контора” и ничего не делает, что, конечно, нам с Рипси делаются всевозможные поблажки, так как мы любимицы, что мы живем в свое удовольствие... Это противно донельзя. И волнует Ник. Аф., который к нам очень строг, а тут становится еще требовательнее. Но все-таки, несмотря на это, нам с ним работать хорошо, и мы дружно стараемся помогать друг другу. А вот (по секрету Вам скажу и только Вам, чтоб никогда Вы об этом никому не говорили, я знаю, Вам секреты говорить можно) Бертенсону я, да и Рипси, скоро совсем не захотим помогать, потому что он возмутительно отбрыкивается от работы, страшный формалист, канцелярщину старается проводить, но при случае всегда хочет от нас и любезностей и одолжений. А мы решили так: если канцелярское отношение – так и будем делать все, что требуется делать в определенное время, а личных одолжений никаких. Я думаю, он все это прекрасно поймет и вовремя переменится. При этом везде рассказывает, что он скоро свалится, столько у него дела, он должен все делать за всех. А на самом деле – своих дел делать не хочет, а в чужие вмешивается.

Милый Владимир Иванович, не подумайте, что я сплетничаю, я просто пишу то, что думаю, так, будто я сама с собой рассуждаю. Вы знаете, милый, милый Владимир Иванович, что я никогда не сплетничаю, и если я Вам все откровенно говорю, то только потому, что никто, кроме Вас, не умеет так понять и так верно определить все человеческие слова и поступки.

С Л.Д.Леонидовым работается очень приятно. Он очень милый и славный человек, и мы с ним все – друзья и приятели. Бедный, он совсем плох. Из Загреба он ездил в Париж устроить наши гастроли, вероятно, измучился, много нервничал, ведь Париж надо было устроить во

что бы то ни стало, хоть разбейся, а Эберто вел себя более чем странно³. Кроме того, и с визами при разговорах в самом Париже было много осложнений. Вернулся он в Загреб, тут забот невероятно много. Денег в обрез, а в следующие же дни выясняется, что, при громадной стоимости провоза багажа до Парижа, мы уже делаем долг. Все это привело его в такое нервное состояние, что у него сделались сердечные припадки в ночь перед выездом из Загреба. Не спал он всю ночь, а утром рано надо ехать в Берлин – в третьем классе – день, ночь и опять день. При этом две пересадки. Да и в дороге ни часу отдыха, все время таможенные осмотры, проверка виз, наши почти все народ растерянный, так что по всем мелким даже вопросам приходится ему помогать. Еще до отъезда, встретив его утром, я увидела, что ему нехорошо. А как двинулся поезд, стало ему плохо, он занервничал, думал, что кончается, делал распоряжения, что передать жене. Так в такой тревоге ехал всю дорогу. Хотелось ему помочь, но чем – просто не знали. Дали ему какие-то капли, а потом испугались и больше ничем не лечили, без доктора боялись, а Румянцева позвали к нему⁴, так он и пульса у него никак найти не мог. Условия поездки были крайне тяжелые. Для некоторых “стариков” взяли билеты второго класса. Но они странные – как только им билеты второго класса возьмут, так они начинают в гости в III класс ходить, а во II места пустуют. Они же придут в веселую компанию III класса, сидят, сидят, потом лягут и заснут. И бедным третьеклассникам еще на одну лавочку места меньше. Нам с Рипси скамейка досталась часов в 4–5 утра – одна на двоих, я заснула как убитая; думаю, что проспала бы довольно долго, но около 6-ти приехали в Прагу, где надо было переходить на другой вокзал и пересаживаться... так и кончился сон. В Праге на вокзале нам принесли деньги, которые были заказаны по телеграфу. Это были деньги, внесенные нашими артистами (их сбережения). И вот только тронулся поезд, надо было сосчитать, сколько приходится на долю каждого соответственно количеству внесенных им в кассу денег. Считали мы до одури, в глазах рябило от цифр. Потом, как я Вам писала, надо было готовить платежные списки и выдавать деньги. Я так надеялась во время дороги писать Вам письмо, кроме того, давно уже лежит у меня работа по переписке для К.С., – все предположения полетели и сбились. А в Берлине началась такая дикая спешка по получению денег, виз, прописки, по устройству для нас штаб-квартиры (мы надеялись на Лессинг-театр, а он отказал), что с грустью вспомнили мы тихий милый Загреб, где все было вдесятеро ближе и проще, и окунулись в эту суматоху.

А как трогательно провожали нас в Загребе. Шел “Вишневы сад”. Когда окончился спектакль и все (участники спектакля и свободные от него) вышли на сцену, начались дикие овации, на сцену полетели букеты цветов, так что в один момент вся сцена была покрыта ковром из букетов. Бросали цветы из зрительного зала, бросали с колосников... Наши актеры подымали их, подавали актрисам, все стояли с большими букетами, а публика продолжала забрасывать нас хризантемами,

гвоздиками, розами. Потом вышли делегации от разных общественных организаций с венками, адресами и речами. Говорили ласковые, сердечные слова, целовались с К.С. и “стариками”. Публика безумствовала, кричала “живио”. К.С. сказал очень хорошо благодарственную речь, после которой восторги публики еще возросли. У нас на сцене плакали не только некоторые дамы, но и Грибунин пролил слезу. Долго стояли так все на сцене, а аплодисменты все не уменьшались. Тогда наши артистки, а за ними и артисты стали бросать цветы из своих букетов в публику. Началась веселая “баталия цветов”... Я долго стояла на сцене, но конца оваций все-таки не дождалась, так как, зная, сколько у меня работы, уж не могла дожидаться, когда дадут занавес. Удивительный по трогательности отношения, по вниманию и сердечности был Загреб. Нам было хорошо в Праге, но так, как в Загребе, нас никогда не принимали и, вероятно, не будут принимать.

Сейчас (это я пишу уже вечером, окончив выдачу денег в “Карусели”, – там пришлось пробить до 6 час. вечера, потом мы зашли поест, а из ресторана вернулись к Рипсимэ заниматься французскими анкетами) пришла Л.М.Коренева, принесла необходимые при анкетах фотографии. Так как в это время абсолютно невозможно было писать, так как она все время говорила, я стала перечитывать начало моего письма. Тут я заметила, что совсем не упомянула о том сильнейшем впечатлении, какое произвело на Москвина выступление Качалова в “Федоре”. В дни перед представлением и в тот самый день его узнать нельзя было. Он был грустный, ему было очень тяжело. На спектакле он не был, а когда Рипсимэ возвращалась из театра, то встретила его около своего отеля (он жил в том же отеле) в очень грустном настроении. Он возвращался от каких-то знакомых. Не мог там быть дольше, ничего, ни рюмочки не пил, пришел домой, но, видимо, одному ему тоже не хотелось быть. Позвал Рипси к себе посидеть и много говорил ей о том, какой ужас для него то, что он не играл сегодня Федора. Будто кусок сердца у него оторвался, сказал он, взяли кусок самого близкого, самого дорогого. Были нервы и у Вас. Васильевича с входом в роль Шуйского К.С., но так сильно и тяжело переживал только Москвин.

Бертенсон очень хочет Вам написать очередное письмо, боится, что Вы совсем разгневаетесь на нас, что даже субботних отчетов не шлем. Но я все время днем занята текущими делами, а вечером, вероятно, ему неудобно, да и я бы не обрадовалась, если бы и по вечерам он меня занимал, тогда бы я ни минутки свободной не имела бы и уж, наверное, не написала Вам этого письма. Он сегодня говорил, что, вероятно, напишет Вам от руки, не дожидаясь, когда меня освободят театральные дела. Все-таки думаю, что не соберется и в один из ближайших дней я под его диктовку буду писать Вам его ответ.

Мы редко пишем, в Вашем негодовании Вы правы, но – Боже мой – если бы Вы только на минутку представляли себе, какая сумасшедшая, сумбурная у нас жизнь, Вы пожалели бы нас и не сердились бы. У меня каждый вечер болит голова, мысли растеряны, я ничего не

помню, начинаю фразы и не кончаю их, говорю не те слова, говорю сущий вздор... Это так не похоже на меня, я так долго могла раньше работать и не очень уставать. А теперь одна мечта – отдохнуть, вздохнуть легче, всей грудью, не думая о чем-то гнетущем, тяжелом, докучном и обидном. Устала, голова болит... – вот постоянный припев, постоянная грустная песенка.

Нет, Вы не узнали бы нас, милый Владимир Иванович, может быть, Вы бы даже отказались от нас, отреклись, сказали бы: мне таких не нужно. Только, если можете быть добрым к нам – Вы можете быть таким добрым и чутким, что готов душу отдать за Вас, – будьте с нами таким и не осуждайте нас, усталых, истрепанных, нервных.

Дорогой, прекрасный, единственный Владимир Иванович! Мысли о Вас – это самое чудесное, что у меня есть, это то, что помогает жить здесь и как-то терпеть, как-то переживать ту массу грустного, что я увидела за эти дни. Есть одна прекрасная надежда, прекрасная мечта – вернуться в Москву, увидеть Вас, не только увидеть – видеть Вас постоянно, быть там, где Вы, постоянно знать, что Вы тут же, близко-близко, если нельзя пойти и постучаться в Вашу заветную дверь сейчас, сию минуту, то надо немного подождать, пока Вы кончите репетицию, заседание, разговор, и снова увидишь Вас, милый, изумительный Владимир Иванович.

Мне надо кончать письмо, нельзя стучать в пансионе так поздно на машинке, надо ехать домой, так как у меня нет выходного ключа и я не попаду позднее домой, а все хочется найти те слова, каким Вы поверите, какие Вас тронут, какие отзовутся так в Вашей душе, что вы почувствуете всю нежную мою любовь.

Я постараюсь хоть несколько строк написать Вам еще из Берлина, милый Владимир Иванович. Но не сердитесь, если следующее мое письмо будет очень коротким, ведь так мало у меня времени теперь, а будет еще меньше в спешке последних дней.

Чтобы не стучать и не тревожить машинкой соседей, последний в этом письме привет дописываю рукой.

Будьте здоровы и счастливы, милый, дорогой, милый, милый, Владимир Иванович. Пусть будет жизнь Ваша прекрасна. Ваша жизнь не должна быть иной.

Искренний привет дорогой Екатерине Николаевне.

Всем, кто помнит меня в театре, низкий поклон, пожелания всех благ и радостей. –

Все мечтаю написать Федичке и Дм. Ив. Юстинову, и никак не могу – работа одолела. Парижский адрес, вероятно, Вам известен: Théâtre de Champs-Élysées – Théâtre Artistique de Moscou.

Еще раз до свидания, милый и добрый Владимир Иванович. Не сердитесь на меня, не вспоминайте меня с неудовольствием, помяните меня добрым словом, пожалуйста.

Ваша *Ольга Бокшанская*

6.

Берлин 29/XI 1922

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Сегодня через $1/4-1/2$ часа уезжаю я на вокзал – в Париж. Радости при этом в душе – никакой. Усталость ли это, нежелание чувствовать себя еще дальше от Москвы – не знаю.

Дни берлинские прошли в невероятной сутолоке, в ужасной занятости, в отчаянии, большом, до слез отчаянии от невозможности урвать для себя, для своих дел хоть несколько часов. Я отдыхала только в авто¹, при поездках в разные концы города. Усядешься поуютнее в каретке и чувствуешь, что несколько минут пройдут спокойно, никто не встревожит.

Вчера был прощальный концерт. Переполненный зал, нарядная эмиграция, аплодисменты и цветы.

После концерта вся знать МХТ была на вечере у М.Б.Коган. Думаю, что едва ли кто-нибудь спал сегодня ночью, поэтому сейчас, вероятно, заснут в вагоне все крепким сном. До границы мы едем хорошо – во II классе. Каждый имеет спальное место.

Милый, милый Владимир Иванович, следующее письмо придет уже из Парижа.

Шлю Вам свой прощальный привет из Берлина, из города, где Москва, кажется не безумно далекой. Будьте здоровы, милый, бесстрашный Владимир Иванович, и счастливы. Надо ехать, пора.

Привет нежный, нежный привет.

Ваша Ольга Бокшанская

7.

Париж, 3 декабря 1922 г.

Милый Владимир Иванович!

30-го вечером приехали мы в Париж даже не вечером, а в 1 час ночи. Хотя ехали мы очень хорошо, ночь (из Берлина мы выехали в 10 часов вечера 29-го) во втором классе, причем каждый имел спальное место, затем в 8 часов утра в Кельне пересели в третий класс, но проехали в нем недолго, до Льежа, а там опять пересели во второй класс, так как в том поезде, что нам нужен был, не было третьего класса. Итак, хотя ехали мы замечательно комфортабельно, однако приехали все усталые и даже, по-моему, никто не почувствовал остро, что он в Париже. На вокзале была устроена встреча представителями здешних театров – не всех, – была съемка фотографическая К.С., были русские, но подробно

¹ От франц. auto – автомобиль.

сказать Вам об этом не могу, потому что должна была спешно на вокзале раздавать деньги (франки, которых до Парижа у нас было очень мало, и получили мы для раздачи труппе деньги только на вокзале). О встрече столь многолюдной я узнала только из газет. К.С. уже посещали и посещают интервьюеры, во многих газетах помещены статьи (в следующем письме укажу, в каких, теперь знаю только по разговорам). Эберто устраивает завтра, накануне наших гастролей, суаре, посвященное Худ. театру с участием Антуана, своим и ряда других театральных деятелей. Присутствует вся наша труппа в параде (вечерние туалеты, фраки, смокинги обязательны) – представление нас публике. К.С. делал визиты и везде встретил необыкновенное внимание и интерес. До сих пор никто не может мне сказать, как идет продажа. Говорят, на первый спектакль хорошо, на остальные слабее. Но точно никто мне еще не ответил. У нас ужасное настроение потому, что до сих пор не приехали костюмы и декорации из Загреба. А сегодня уже 3-е. Может случиться, что все спектакли придется отодвинуть, начать гастроль на 2–3 дня позднее. Но это неприятно донельзя.

Простите, милый Владимир Иванович, что я пишу на таких листочках, но все еще запаковано, вся канцелярия, развернуться пока негде, помещение получим только сегодня к вечеру или с завтрашнего утра, пишу на краю гримировального стола в одной из свободных уборных, и в моей дорожной канцелярии есть только блокнот с такими листочками.

Если б Вы только могли знать, что сделала Ваша телеграмма на имя К.С. и Бертенсона с выражением упреков по адресу конторы (т.е. по-моему). Теперь конец хорошему отношению ко мне К.С., раз и Вы мною недовольны. И то, что на следующий день пришла в телеграмме Ваша благодарность за письмо из Загреба, нисколько не помогло. Остался осадок, отложилось твердое впечатление, что никуда не годна я, моя работа. И весь тот каторжный труд, который приходится нести, пошел насмарку в смысле его оценки. Пусть находят Булгаковы и Лазаревы, что я работаю недостаточно хорошо, но если это находите Вы, то что может решить К.С.? Что правы все, кто жалуется на контору. Камнем легла на меня, на мою жизнь, на мою душу эта поездка. Нет радости, нет никакого удовлетворения, руки опускаются, сил нет работать в такой атмосфере. А ведь я могу много и долго и толково работать, сидеть дни и ночи, – только бы чувствовать Ваше доброе отношение.

Париж всех наших свел с ума. Все хотят все осмотреть, все видеть... Но свободных дней было немного – 1 и 2 декабря, когда не было репетиций. Сегодня репетиции весь день начиная с 10 часов утра. Бертенсон попросил К.С., чтобы меня отпустили от сегодняшней репетиции, т.к. нет совсем времени для выплаты жалованья, подведения счетов и всех вообще расходов. А Бертенсону хочется написать Вам последнее письмо, что тоже зависит от того, буду я свободна или нет. Я за эти два дня все-таки кое-что повидала, правда, потому, что ездила в банк по делам размена долларов. Видела Площадь Согласия, Оперу, рю де ла Пэ, Вандомскую колонну, посмотрел на решетки Лувра.

С деньгами у нас вышла пренеприятная история, которую я Вам опишу подробно в следующем письме – это долго рассказывать, а я хочу сейчас закончить письмо и отправить его, т.к. потом, уже через несколько минут, завалят меня работой. По настоянию Москвина и Леонидова (Л.М.), вопреки категорическим, почти исступленным возражениям Л.Д.Леонидова и Н.А.Подгорного, жалование назначили по 1 франку на доллар, т.е. получающие минимум зарабатывают 60 франков в день. При том что сейчас у нас нет никакого запасного капитала, наоборот, по отправке багажа у нас есть долг, что мы 5 дней сидим в Париже без выступлений, стало быть, без заработка, что здесь у нас нет гарантий, а причитающиеся нам проценты выразятся в очень гадательной сумме, а главное при том, что здесь минимум выражается в 40–50 франках, а не в 60-ти, то, что потребовали Москвин и Леонидов, а за ними и К.С., – безумие. И выходит так: театр тратит свой американский аванс, меняет доллары, а все делают сбережения, живут не только хорошо, а припеваючи, как никогда не жили, будут к концу парижской жизни покупать ботинки, белье, духи... А в Америку поедем без денег, с долгом, да еще там надо оплатить неделю до начала гастролей. Все дебаты относительно того, сколько платить франков или сантимов за доллар, шли до Парижа, и всем казалось, что платить по 80 сантимов на доллар, как советовал Леонидов, или даже 90 сант., что он предложил, сдаваясь на доводы Леонида Мироновича, будет нехорошо, будет выжиманье актеров. Когда приехали сюда и увидели, во что обходится здесь день, то первый Леон. Мир. пришел с заявлением, что надо сократить жалование. Но К.С. нашел, что это подорвет доверие к правлению, что это ошибка правления, которую надо как-нибудь исправить дополнительным спектаклем или концертом, и Л.М.Леонидов повернул свой разговор так, что вышло, что он не при чем в деле назначения минимума, что это ошибка Подгорного. А все были свидетели, что это он, из-за своей страсти к популярности у молодых, и сам решил вопрос прожиточного минимума, и Москвину доказал о необходимости принятия его предложения. И хотя такое решение выгодно и Подгорному, который в этом случае получил больше жалования, и Л.Д.Леонидову, который получит большую сумму процентов, однако они были вне себя от отчаяния, что так безалаберно и легкомысленно поступает правление, когда театр в очень критическом положении. И теперь Ник. Аф. ходит сам не свой, потому что видит, что беззаботно тратятся деньги, принадлежащие театру – пайщикам, потому что знает, что все обвинения падут на него, который с пеной у рта доказывал необходимость экономии. А его горячность в деле защиты интересов пайщиков называют желанием выжимать из актеров. К.С. в разговоре с Подгорным даже сказал ему, что он вызывает антагонизм среди актеров... А тот же К.С. на заседании в Берлине, на общем собрании говорил, что поездка эта для стариков, чтобы дать им возможность заработать на остаток дней, и поэтому молодежь не смеет подымать разговора о том, что их эксплуатируют. Вчера после разговора с К.С. у Ник.

Аф. было такое ужасное состояние, что он хотел идти к К.С. с просьбой освободить его от административной работы, потому что он не может видеть и даже принимать участие в том, что так легко выбрасываются деньги, по праву принадлежащие создателям театра, и выбрасываются на что? – на то, чтобы люди, пробывшие в театре несколько лет, получили бы массу благ житейских. Когда создавалась поездка, когда говорили об участии в ней молодежи, то говорилось о том, что молодежь должна быть обеспечена едой, квартирой, какими-то небольшими радостями. А теперь люди приходят ко мне получать жалованье и буквально балдеют, получая по несколько сот франков на несколько дней. А ботинки самые лучшие здесь стоят 100–120 франков. Несколько дней сбережений, и пара ботинок уже у тебя. Не могу – меня это так глубоко волнует, что хотела написать Вам об этом два слова, а пишу и пишу, без конца.

Надо отправлять письмо, надо приниматься за срочную денежную работу. До следующего письма, милый, дорогой Владимир Иванович, до свиданья. Будьте здоровы, веселы, пусть солнце светит Вам так радостно, как никому.

Ваша Ольга Бокшанская

8.

Париж, 5 декабря 1922 г.

Милый Владимир Иванович!

Сейчас идет вторая картина “Федора” – начался наш парижский сезон. И, как никогда, остро почувствовалось нам, что это ужасно, что Вас нет здесь. Парижу должны были бы Вы показать Художественный театр, а Вы так далеко...

Это чудо – что спектакль сегодня состоялся. До 6-ти часов вечера было больше шансов за то, что придется сделать отмену, может быть, устроить в виде компенсации какой-то импровизированный концерт. Дима с декорациями приехал в Париж вчера вечером¹. В тот же вечер багаж получить было невозможно. Сегодня с 7 часов утра все были на ногах по делу получения и доставки багажа. Еще вчера ночью, когда мы все ужинали в кабачке напротив театра, обсуждался вопрос – ставить ли “Федора” без картины сада, ставить ли “Дно”, дать ли концерт или объехать ночью все редакции и поместить извещение о том, что спектакли отодвигаются. Принято было решение работать дико, с нечеловеческой силой, но дать спектакль, правда, без сада, т.к. повесить декорацию этой картины было бы физически невозможно в течение 3–4 часов. И нельзя было бы отменить премьеру, – вчера на суаре, после необыкновенно теплых, восторженных приветствий Эберто, Ангуана и директора театра “Ле вье коломбье” (кажется, его фамилия Копо), К.С. выступил с ответной речью на французском языке, имевшей громадный успех, причем

сказал “по секрету”, что декорации уже на одном из парижских вокзалов и что мы сделаем все невозможное – мы завтра откроем гастроли. Дрожим мы все за спектакль безумно, т.к. все не выверено, может быть много накладок. Боже, Боже, помоги нам в сегодняшней вечер!

Работали сегодня все страшно много. Мы все принимали участие в приеме багажа – Подгорный развязывал корзины, Рипси и я разносили костюмы по уборным, одевали актрис, актеры гримировали сотрудников, Леонидов и Бертенсон потратили весь день на то, чтобы достать багаж вовремя – и сейчас уже в полном параде, во фраках (по нашему настоянию) подбадривают нас, заглядывают в публику. Костюмы пришли в театр около шести часов веч., декорации еще позднее, а в половине девятого (вместо назначенных восьми), дали занавес.

Только бы все прошло благополучно! Страдает одна Коренева, плачет, горюет, говорит о приметах – ведь выпустили “Сад”, и ей почти нечего делать, не в чем себя показать, только сцена последней картины². А в ее гримировальном ящике разбилось во время переезда зеркало – вот она и приписывает все свои огорчения этому несчастью.

Милый Владимир Иванович, сбылась Ваша мечта: театр в Париже, – и Вас нет с нами, Вас нет с нами! Мы так часто, так много говорим о Вас, все, все напоминает нам о Вас. Сегодня зашел ко мне в контору Ершов и, узнав, что я буду писать Вам вечером, просил послать Вам его сердечный привет, он сказал то же, что говорю и я – он часто-часто вспоминает Вас с громадной нежностью, с невыразимой тоской, что Вы не с нами.

Если все будет благополучно, по-моему, спектакль пройдет с успехом, т.к. даже после первой картины, которая прошла без сучка, без задоринки были громкие аплодисменты. Я приложу к моему письму наш парижский репертуар. В завтрашнем “Федоре” играют К.С., Качалов и Пашенная. В “Дне” соблюдается строгая очередь дублеров – новых не ввели, все прежние: К.С. и Подгорный, Александров и Лазарев, Успенская и Литовцева³. В “Федоре” тоже будет соблюдаться правильная очередь.

В Берлине мы распрощались с Крыжановской, и в Берлине же был решен вопрос о принятии к нам брата Москвина – Тарханова. Он уже числился у нас, но с нами не поехал и приедет дополнительно. Едет и его жена Скульская; с ней нет договорных обязательств, но думается, что она окажется полезной и примет участие в работе.

Еще не решен вопрос поездки в Америку Раевской и Лилиной. Раевская не хочет расставаться с театром, а вести ее через океан страшно донельзя. А она говорит, что скорее умрет от тоски, чем от переезда.

М.П.Лилина с нами в Париж не поехала, приедет потом, к “Вишневному саду” (кажется, 13-го идет он). Сейчас она занята устройством сына в какой-либо санаторий для туберкулезных, занята и устройством жизни Киры и внучки.

До сих пор не знаю ничего о сборах, если успею узнать об этом

еще сегодня вечером, припишу в конце этого письма. Пока живем на деньги, взятые в долг под американский аванс. Денег платят, как я писала, довольно много, так что с этой стороны никто пожаловаться не может. Я мало вижу наших эти дни, не знаю ничьих настроений. Я целый день в театре, работаю по текущим делам и готовлю кассу к отчету за Европу, а наши все бродят по Парижу, наслаждаются городом.

Вчера пришло Ваше письмо к К.С., переправленное из Берлина⁴. Когда я его передавала К.С., я чувствовала, что там есть строки недовольства нами и утешалась только тем, что письмо это написано давно, когда наши письма еще не дошли до Вас. Так и оказалось. Я спросила потом Бертенсона, что Вы пишете К.С., и он ответил мне – конечно, “обкладывает” нас. И тоже прибавил то же утешение – письмо написано давно, письма наши уже дошли, и Вы нас хоть немного простили.

Сегодня нашли еще лишний случай вспомнить Вас и только по недостатку времени не пишем Вам об этом подробно: сегодня юбилей оперетки “Дочь м-м Анго”⁵. Это где-то вычитал Серг. Льв. Но в подробностях он не знает – отпразднуют ли это, поставят ли где-нибудь оперетку? Знаю, что есть большая статья и воспоминания о первом представлении, об истории постановки этой пьесы.

Только что кончилась вторая картина, пришла Рипси и сказала, что опять были большие аплодисменты. Только бы успех. Я хочу не многого – чтобы был громадный успех.

Пишу во время шестой картины. Спектакль, кажется, имеет успех. Все идет благополучно в смысле постановки. За сценой ряд художников стоят с альбомами, ахают при виде каждого костюма и грима и спешно делают зарисовки. Теперь страшен только “Собор”⁶. И завтрашняя пресса. Зал полон, я спрашивала Бертенсона. Но, конечно, в смысле денег – до полного сбора далеко, потому что выдана масса бесплатных билетов.

Надо заканчивать письмо, одевать мой тяжелый головной убор и идти на сцену переживать последнюю картину. Милый Владимир Иванович, если б Вы знали, как это неловко – выходить, когда нет образа, нет интереса, есть одна обязанность. И я думаю, я могла бы найти интерес и в этом выходе, надо только немного подумать, кого, как, где изображаешь, но нет времени, голова забита делами, деньгами, счетами, разговорами и тревожностями.

До свидания, милый Владимир Иванович. Как бы я была счастлива, если б сегодня я видела бы Вас здесь. Если даже будет большой успех – для меня он все равно будет омрачен тем, что вы не выходите на аплодисменты, что Вы не с нами.

Желаю Вам здоровья и удачи.

Да, все время помню, что хотела Вам написать что-то, и не могу вспомнить, что именно. Вчера получила я полное удовлетворение. Во время суаре в театре выступил журналист Левинсон, говоривший об истории возникновения Художественного театра и о постановках и ис-

каниях театра. Говорил он на французском языке. И так свято охранил и выделил он Вашу громадную, первую роль в создании театра, что это было почти трогательно. Это понятно, что мы вспоминаем Вас на каждом шагу нашей жизни, но что посторонний человек, приветствовавший театр и Станиславского, так крепко помнил и так много говорил об отсутствующем, может быть, не думая даже, что об этом станет известно Вам, это показалось мне чудесным, прекрасным в своей тонкости и внимании.

Теперь уж определенно надо идти. Пусть будет Ваша жизнь легкой и прекрасной, милый Владимир Иванович. Вероятно, это почти невозможно, и все-таки я хочу для Вас этого.

Ваша Ольга Бокшанская

9.

Париж, 9 декабря 1922 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня Бертенсон готовит Вам пакет с вырезками из парижских газет, который завтра утром отвезет в Берлин и затем пришлет Вам Л.Д.Леонидов. Он уезжает туда на несколько дней.

Мы уже показали две премьеры, остался непоказанным только “Вишневый сад”. Несмотря на прекрасные рецензии, сборы у нас слабые. Сегодня Леонидов обещает сдать мне рапортичку полученных за спектакли. Если она у меня будет, я пошлю Вам в следующем письме весь отчет по сборам.

Мне очень хотелось вместе с рецензиями послать Вам несколько строк, но чувствую, что так устала, что мысли путаются и напишу какой-то сумбур. Работы у нас безумно много, кончается Европа, надо привести к одному знаменателю все валюты, все счета, все подотчетные. Работа по переезду тоже есть – переговоры с “Уайт Стар Лейн”, распределение кают, выяснение багажного вопроса.

Сегодня решается вопрос о постановке дополнительно “Трех сестер”. Эберто предложил 22-го и 23-го сыграть “Три сестры” или дать 24-го концерт. Я пишу какие-то несколько странные предложения с его стороны, но точно я их не знаю, а слышала в спешке наших дней какие-то разговоры об этом. Знаю, что сейчас надо дать ему ответ. К.С. с дирекцией решают этот вопрос. Тогда сочельник мы будем в Париже, чему я больше рада, чем провести этот день в Шербурге. “Уайт Стар Лейн” предоставила нам прекрасные каюты и даже дала возможность в некоторых четырехместных каютах поселить двух только лиц.

Не знаю, удастся ли нам завоевать Нью-Йорк, но Париж завоевать трудно. После загребских оваций здешние аплодисменты кажутся спешными, без большого подъема.

За кулисы приходят много русских, которые безумно рады видеть МХТ. Но разговоров любопытных много, и тут-то видно, на каких различных языках мы говорим со всеми.

Кончился “Сад” “Федора”, который сегодня идет в Париже первый раз. Надо одевать кокошник и собираться на выход в следующей картине. Нелепая записка вышла, милый Владимир Иванович, но простите меня по доброте сердца – устала ужасно, плохо голова работает. Постараюсь следующее письмо сделать толковее.

Если Вам это может быть приятно, скажу Вам, что в день первого “Федора” К.С. получил прелестные розы, которые отдал нам. И вот на столе моей очаровательной комнаты около Вашего портрета, который всегда стоит на почетном месте, распускаются изумительные розы, красоты необычайной, свежие, прекрасные. Мне это кажется страшно милым сердцу, что хоть перед Вашим портретом могу я поставить такие чудесные цветы.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы, будьте добры ко мне, не выбрасывайте меня из своей памяти совсем, окончательно.

Ваша Бокшанская

10.

Париж, 12 декабря 1922 года

Милый Владимир Иванович!

Только что я хотела начать Вам письмо, как пришел Серг. Львович и просил уступить ему первую страничку¹. Но так как все время, пока он диктовал, в комнате был настоящий клуб, – разговоры, шум, гам, – то писали мы эту страницу страшно долго, и теперь скоро мне придется идти участвовать в народной сцене III акта “Дна”. А мне хотелось рассказать Вам очередные инциденты в нашей труппе. Во-первых, дело Тарасова – Коренева в “Вишневом саду”. Так как Варю в Париже играет Марья Петровна Лилина, Аню дали сыграть в первом спектакле Кореневой. К.С. при этом руководствовался не только тем, что рядом с Тарасовой М.П. покажется очень старой, но и тем, что Коренева является прежней исполнительницей Ани, имеет право на эту роль, и так как Тарасова играла Аню во всех городах, то в Париже первый спектакль надо отдать Кореневой. Конечно, Лидочка была счастлива, но оказалось, что Тарасова тоже не отличается ангельским характером. Она устроила К.С. большую сцену, притом поставила вопрос ребром: “Нужна ли она в Америке и что она будет там играть”. Кроме того, заявила, что от роли Ани она вовсе отказывается и дублировать не будет. Разговор вообще сводился к тому, что, мол, с ней никак не считаются, что все делается в угоду Кореневой, что, видимо, в поездке ей делать нечего и лучше

всего ей уехать в Берлин. К.С. безумно рассердился на нее, расстроился ужасно. Нам он говорил, что считает себя абсолютно правым, у Кореневой первого спектакля не отнимет, к тому же находит, что Тарасова слишком много думает о себе, в то время как она еще совсем неопытна, испорчена как актриса группой² да еще к тому же дерзкая девчонка, как он сказал. Дальнейший ход дел мне неизвестен, так как настроения Тарасовой я не знаю, в дирекции же тоже неизвестно, что она думает предпринять. Вчера во время “Дна” было заседание дирекции. Но ни к чему определенному не пришли. Есть предложение дать Тарасовой в Америке первый спектакль “Вишневого сада” в виде компенсации за то, что в Париже первый спектакль сыграет Коренева.

Но нет ничего странного, что так поступает артистка, служащая у нас так недавно, если и “старики” ведут себя нехорошо. “Старики” – это Л.М.Леонидов. Он все время ведет себя вызывающе, будто хочет вызвать скандал. Ходит мрачный, кричит на всех при малейшей возможности придрататься к чему бы то ни было. В Париже, как я Вам писала, первые два “Федора” прошли без сцены “сада”. Он обратился к Лужскому и к Подгорному с заявлением, что он просит передать К.С., что за 20 лет службы в театре с ним могли бы быть деликатнее и не заставлять играть в Париже выходную роль Мстиславского, которая вся сводится к выходу во второй картине в толпе Шуйских и к выходу в финале “Собора” со словами “Полки тебя, боярин, в поле ждут”. Говорилось это все с криком и воплем, и я сама была свидетельница, как он положительно орал на В.В.Лужского, когда тот ему сказал, что К.С. не соглашается освободить его от этой роли, особенно потому, что, начиная с 3-го спектакля “Федора”, “Сад” пойдет, а будет выпущена предпоследняя картина “У Годунова”. Это ему тоже не понравилось. Тогда он заявил, что не может играть Мстиславского один, без дублера, что он требует себе дублера для этой роли. А кого ж ввести, когда в “Федоре” заняты все решительно? Ведет он себя в смысле несдержанности и крика совершенно невыносимо. С ним страшно заговорить, всегда будет к чему придрататься, чтобы поднять шум. Теперь, когда начались репетиции “Вишневого сада”, он прислал сказать, что он болен и, может быть, не будет играть Лопухина. Спешно вводят Бакшеева на случай, если он действительно не придет завтра на спектакль. Бакшеев, конечно, страшно трусит. Всего репетиций “Вишневого сада” было две, да еще завтра днем до спектакля К.С. назначил занятия с Бакшеевым. Они будут проходить вдвоем. И вот каждый день К.С. и все приходят и спрашивают с тревогой: “Ну что, есть вести от Леонидова?” Так и живем в ожидании всяких выходов и неприятностей.

Вы знаете, как я относилась, как все мы относились к Леониду Мироновичу. И мне безумно обидно и больно, что в этом человеке пришлось так страшно ошибиться. Он всегда был нервный и несдержанный, но я считала, что он справедливый человек, что он способен на дурной поступок, на явную несправедливость. Я бы могла сказать очень

много дурного о его поведении, да не хочется Вас расстраивать. Не хочу тоже, чтобы Вы подумали, что я занимаюсь пересудами и сплетнями. Если дело касается личной жизни наших, то, право, мне все равно – пусть делают, что хотят. Но если нехороши по отношению к театру, то тут уж простить нельзя.

Дела наши материальные очень плачевны, сборы маленькие, последние два “Дна” – вчера и сегодня – не окупают вечернего расхода. Сбор в нашу пользу тысячи три с лишним, а день нам стоит не меньше четырех тысяч шестисот только на жалование и на сотрудников (в “На дне”, “Федор” с сотрудниками стоит дороже). Правда, премьеры окупают нам сразу несколько дней. Пока очень трудно выяснить, сыграем ли мы в Париже в убыток или выкрутимся без убытков. Да, трудно расшевелить Париж. Говорят, что и цены дороги – ни один француз не согласен заплатить за место (первое) пятьдесят франков. А на одних русских не наживешься.

10-го утром уехал Л.Д.Леонидов дня на четыре в Берлин, забирает Юлию Карловну и с ней приедет, чтобы отправиться в Америку. Без него мы не любим оставаться. С ним всегда легче и как-то спокойнее. Он удивительный человек – все уладит, все устроит.

20-го наш последний спектакль. Эберто попросил дать 24-го “Три сестры”, но это невозможно, так как декорации должны уйти из Парижа не позднее 22-го. Тогда он попросил дать 24-го концерт, на что мы согласились. Пойдет “Провинциалка” и сцены из “Карамазовых” – “Бесенок”, “На чистом воздухе” и “Кошмар”. Материальные условия – 50% со сбора; сбор же считается не чистый, а минус 25% городского налога. При полном сборе это все же может дать тысяч 15–17. Но будет ли полный сбор – вот вопрос. Итак, мы кончаем 20-го, и всех волнует вопрос, когда мы уедем в Шербург. Всем бы хотелось подольше пожить здесь. А это почти невозможно, так как стоит много денег. В Шербурге же нам предложен полный пансион за 25 фр. С персоны. Дирекция и предполагала оплатить всем полный пансион и дать еще на мелкие расходы по 10 франков на человека. В Париже же до 25-го оставить только тех, кто занят в концерте, всех же свободных отправить 21 или 22-го. Но многие из свободных в концерте хотят просить, чтобы их все же оставили в Париже и платили те же 35 франков. Согласны доплачивать из сбережений, только бы побродить по Парижу в эти свободные дни 21, 22, 23 и 24. Я их очень понимаю и, если меня не оставят по делам концерта, сама буду просить о том же. Ведь я еще не видела совсем Парижа и могла бы его повидать только в эти свободные дни. Вопрос этот должен решиться в течение ближайших двух дней.

Завтра С.В.Яблоновский и какой-то профессор Гентского университета устраивают экскурсию для всех желающих по старому Парижу с объяснениями и комментариями. Мне ужасно хочется отпроситься, и я сильно надеюсь, что меня отпустят.

Вот и кончился спектакль, уже все давно разгримировались и ушли, пора и нам, очень устали.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. После “Вишневого сада” опять напишу Вам.

Крепко жму Вашу руку. Пожалуйста, не забывайте меня, как бы хорош Федичка ни был.

Навеки преданная Вам *О.Бокшанская*

11.

Париж, 16-го декабря 1922 года

Милый, милый Владимир Иванович!

Очень благодарю Вас за Ваше письмо, которое тем особенно мило мне, что в нем нет ни одного упрека ни мне, ни нам всем¹.

Милый Владимир Иванович, я рада бы писать Вам каждый день, и не то что по 10–15 минут, а гораздо дольше, но иногда совсем нет возможности, минутки свободной нет. Ведь Вы видите, как я рада, как только усядусь за письмо к Вам. Сразу начинаю выливать душу и пишу без конца. Теперь часто я просто заявляю, чтобы меня освободили иногда от каких-то дел, которые можно было бы передать исполнить кому-либо, т.к. мне непременно надо написать Вам. Сегодня решила написать Вам много, но пришел Серг. Львович и пришлось писать под его диктовку и во время второй, и во время третьей, и даже в начале четвертой картины “Федора”. Так что на мою долю осталось только начало пятой картины, когда я свободна, и антракт перед Архангельским собором.

Я Вам писала о “кактусе” с Кореневой и Тарасовой. Дело разрешилось следующим образом: премьеру “Вишневого сада” играла Лидия Мих. Второй спектакль предложили сыграть Тарасовой, но она отказалась, мотивируя это тем, что не может без репетиции сыграть с М.П.Лилиной. И второй спектакль сыграла Коренева, но Тарасовой на завтра дана репетиция с М.П., и послезавтра в третий спектакль “Вишн. сада” будет играть Тарасова. Конечно, довод ее был правильный, но, как говорят, ей нельзя было поверить, что она так заботится о целостности спектакля. Уж очень предательски блестели у нее слезы на глазах, когда она отказывалась от участия во втором “Вишневом саде”. В Америке в первом спектакле будет играть она. Ей это было объявлено, хотя она и заявила, что теперь ей все равно, пусть и в Америке сыграет в первом представлении Коренева, пусть хоть совсем возьмут у нее роль.

Л.М.Леонидов, несмотря на ужасно нервное настроение, все-таки на премьеру “Вишн. сада” пришел и играл Лопахина. На всякий случай был вызван и Бакшеев, но Л.М. довел спектакль до конца. Он по-прежнему мрачен, почти ни с кем не говорит и смотрит исподлобья. В театре почти не бывает. Во втором спектакле “Вишневого сада” Гаева играл Качалов, Лопахина Бакшеев. Спектакль прошел более вяло. Публики,

однако, было много. Вообще, к нашему удивлению, “Вишневы сад” сделал сборы, “Федор” тоже собирает публику, а “Дно” посещается слабее. Это нас удивляет тем более, что во всех городах до сих пор “Дно” делало очень большие сборы, часто проходило при аншлагах.

Я уже пробегала в картине “Святой”² и теперь сижу, готовая бежать по звонку на последнюю картину. Кокошник тяжел до ужаса. Сегодня, милый Владимир Иванович, больше Вам ничего не напишу, т.к. после спектакля писать уже нельзя: только успеваешь разгримироваться, как надо уходить, а то потушат свет. Мы здесь начинаем в восемь часов вечера, и потому спектакли кончаются в первом часу.

Сергей Львович только что принес две вырезки, которые просит вложить в это письмо. Одна из них для того, чтобы рассмешить Вас, другую он посылает Екатерине Николаевне, помня данное им ей обещание.

Я постараюсь завтра во время “Дна” написать Вам опять. Если не успею, то только потому, что завтра у меня может быть выдача жалованья – в зависимости от того, будет ли работать местная касса (завтра воскресенье) и выдаст ли она нам деньги в счет сборов.

Всего хорошего, милый, любимый Владимир Иванович. Пожалуйста, напишите мне еще, очень Вас прошу. Вы себе представить не можете, какая это для меня радость. Бегу!

Вот разгримировалась и скоро надо уходить. Ужасно хочется успеть завтра еще Вам написать. Мой сердечный привет и пожелания Екатерине Николаевне.

Милый Владимир Иванович, в этой дикой спешке, при этом писании во время спектакля не написала Вам того, с чего хотела начать письмо. Я поздравляю Вас с днем Вашего рождения и шлю Вам тысячи нежных слов и пожеланий. И нынче, как и в прошлом году, я не в Москве в этот милый день.

Перед Вашим портретом на моем столе расцветают чудесные, темно-алые розы.

Ваша *О.Бокшанская*

12.

Шербург, 27/XII 1922

Милый, дорогой Владимир Иванович,

мы проводили последние часы у берегов Европы. Недавно мы приехали сюда на поезде из Парижа и, как оказалось, войдя в таможенную со стороны вокзала, вышли из таможни в другую дверь прямо на пристань. Сейчас мы сидим на небольшом пароходе, который должен вскорости подвести нас к “Majestic’у”. Недавно в море была сильная буря, но сейчас, как уверяют “White Star Line’щики”, море спокойно. Пока едем благополучно.

Что-то будет в океане?

Я очень жалею, что мне не удалось написать Вам из Парижа перед отъездом, я закончила свои сообщения Вам телеграммой 24-го. Хотелось написать Вам много, накопилось много тем и рассказов, но пришлось работать безумно много, так, как ни в одном городе.

Н.А.Подгорный просит передать Вам, что, как мы ни старались послать Вам еще из Парижа отчет (финансовый), это нам не удалось никак. Как только наладим жизнь в Америке, пошлем Вам подробный отчет за всю Европу, снабженный комментариями.

Милый, милый Владимир Иванович, едем, уезжаем далеко, так далеко от Вас. Это страшно. Меня это пугает, все-таки в Европе чувствовала я себя не так далеко, не так безнадежно далеко от Вас. Знаете ли Вы наш будущий адрес? “44 street Theatre Moscow Art Theatre New-York USA”. Милый Владимир Иванович, будьте добры ко мне, порауйте меня письмом.

Париж проводил нас прекрасно. Концерт 24-го имел громадный успех. Прием везде во всех домах “mond’a” и театральных был сверхъестественно радушен – завтраки, обеды, ужины, чаи... Наши “старички” почти не бывали дома.

Милый Владимир Иванович, простите мою мазню. Так хотелось послать Вам прощальный привет из Европы. Посылаю Вам программу нашего концерта и вырезку из “Фигаро”, которая может Вам показаться интересной потому, что это “Фигаро” и главное Rivoire¹.

Напрасно пообещала Вам программу, искала и никак не найду.

Подгорный низко кланяется, Леонид Давыдович тоже.

Шлю Вам нежный привет. Екатерину Николаевну крепко целую. Не забывайте меня, вспоминайте хоть изредка.

О.Бокшанская.

[Следующее письмо] пришло из Нью-Йорка. До свиданья, милый, единственный Владимир Иванович.

[1923]

13.

Нью-Йорк, 7 января 1923 г.

Милый Владимир Иванович!

Кто-то мне сказал, что здесь почту за океан – в Европу или в Россию – надо сдавать непременно до понедельника. И вот я решила Вам написать хоть несколько строк, чтобы это письмо ушло к Вам со следующей же почтой. Но времени писать почти нет, так как только что кончилась генеральная “Федора” и скоро в театре погасят свет, так что нам надо уходить. До сегодняшнего дня нас в театр не впускали, так как здесь играла другая труппа. Она вчера вечером дала свой последний спектакль и очистила театр к четырем часам ночи, после чего начались работы по установке наших декораций. Сегодня все ушло на устройство на месте, на платеж денег, на подсчеты расходов на пароходе и в последние дни в Париже. Устраивались и утром, устраиваться продолжали и в три часа, после обеда, причем уж с трех часов до конца генеральной уйти из театра не удалось.

Я Вам послала письмецо с парохода, перед приездом в Нью-Йорк¹. Как я Вам уже писала, доехали все довольно благополучно, никто сильно не страдал; для тех, кто слабо перенес дорогу из Петербурга в Штеттин, самой сильной мерой предохранения от болезни было непрерывное лежание. Здесь все уже как-то утряслось, налаживая свою жизнь. Почти все переменили оставленные для них квартиры и нашли себе по своему вкусу квартирки, кто живет коммуной, кто самостоятельно. Все это здесь очень легко наладить, так как квартиры есть на любые вкусы и на любые цены. Комфорт здесь большой, в каждой квартире ванная с постоянной горячей водой, обстановка очень милая даже в недорогих апартаментах. Жизнь вообще, в сравнении с нашим заработком, дешева. Особенно дешева здесь еда. К тому же в ресторанах кормят на убой, продукты свежие, прекрасные, не жалеют ни белого хлеба, ни масла. В общем, за два – два с половиной доллара в день вы прекрасно едите, ни в чем себе не отказываете. Правда, нет вина, и без него, после Парижа, скучно и как-то пресной кажется еда. Но и вино здесь можно доставать, только надо его осторожно нести по улице. Если полисмену покажется, что Вы несете вино, он может Вас обыскать и, если найдет, тогда беда – засадят без всякого суда².

К.С. очень нервничает, боится за спектакль завтрашнего дня. Сотрудники здесь значительно слабее всех европейских, поэтому народные сцены могут пойти слабо. Сегодня уж нас муштровали, муштрова-

ли, но ведь это не артисты, с ними нельзя говорить тем языком, каким говорит К.С.

В день нашего приезда Балиев пригласил всех нас к себе на премьеру новой программы³. К.С. была сделана встреча с аплодисментами. Потом во время вечера Балиев со сцены передал сидевшему в первом ряду К.С. букет цветов, на что К.С. ответил небольшой речью с выражениями благодарности по адресу американской публики, которая своим участием помогла русским артистам в России в голодный год.

Программа Балиева в смысле содержания вся старая – прежние московские номера: парад оловянных солдатиков, оживленный фарфор, Аннушка, цыганский табор... Но в смысле постановки – куда против Москвы. Пишут у него лучшие художники. На премьеру был Леон Бакст, который писал для него, есть судейкинские декорации, Рерих... Костюмы великолепные, чистота рисунка очаровательна. Но прежней прелести нет, нет остроумия неожиданного, блестящего, нет прежнего участия публики в разговорах. Балиев очень неплохо говорит по-английски, конечно, произношение у него смешное, даже нарочито смешное, но слов он знает много.

Завтра после спектакля мы все приглашены к Гесту на ужин, где будет и вся “Летучая мышь”.

Больше писать не могу – надо уходить.

Всю следующую неделю буду писать Вам и в следующий понедельник пошлю Вам более подробное письмо.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович, и не забывайте нас, думающих о Вас беспрестанно, ждущих с Вами встречи как самой большой радости.

Ольга Бокшанская

14.

Нью-Йорк, 13 января 1923 г.

Милый, прекрасный, замечательный Владимир Иванович!

Все эти дни у меня было столько работы, что я не успела заранее подготовить Вам письмо. Сегодня уходит почта в Европу. Если мне везет, то и мое письмо сможет уйти еще сегодня. Это в том случае, если сегодня днем еще раз объедут почтовые ящики и соберут последнюю почту.

С Новым годом, дорогой Владимир Иванович! Сегодня канун старого Нового года. Леонид Давыдович предлагал как-то его отпраздновать, но, думаю, мы так устанем, что едва ли сможем поехать развлекаться. Ведь и вчера, и сегодня мы играем “Федора” по два раза в день. Но лучше расскажу все по порядку, с самого начала недели.

Помнится, я Вам написала спешное письмо в день нашей премьеры

ры, 8 января, – ах, нет, вспомнила, это было 7-го, в день генеральной репетиции, вечером.

День первого представления прошел, конечно, в спешных приготовлениях, в поисках и прилаживании мелочей, которые еще не все были распакованы. Мы – администрация – провели в театре весь день на случай, если что-либо случится. Но никаких осложнений не было и ровно в восемь дали занавес – начались наши американские гастроли. Зал был, конечно, переполнен очень нарядной публикой, сбор был, кажется, более восьми тысяч долларов (правда, при ценах, почти удвоенных против ежедневных). Сейчас в театре нет Леон. Дав. Но как только он придет, я узнаю у него точные данные о сборах всей недели и в конце письма дам Вам их. О репертуаре же скажу, что он составлен следующим образом: первая неделя – “Федор”, вторая – “Дно”, третья – “Вишневый сад”, четвертая – “Три сестры”, пятая – сборный спектакль, вероятно, “Карамазовы” (“Бесенок”, “Кошмар” и “На чистом воздухе”) и “Провинциалка”. Шестая неделя будет объявлена тогда, когда выяснится, что имеет наибольший успех и что надо повторить в первую очередь.

Итак, “Федор” открыл наш американский сезон. Первая картина прошла гладко, сразу было заметно, что спектакль будет удачен. Константин Сергеевич нервничал ужасно, был все время на сцене, останавливал чересчур шумливых и недисциплинированных сотрудников, но, правду сказать, приводил еще в большее волнение наших помощников режиссеров и самих актеров. Кончилась картина. Перед “Примирением” антракта нет, дают только на минутку занавес, чтобы дать актерам собраться на сцене и приготовиться, занять места. Итак, занавес после первой картины пошел книзу, актеры бросились занимать места, рабочие побежали на сцену, чтобы подправить потолок, и вдруг в эту минуту занавес поднялся. Все остолбенели до такой степени, что даже в публике не было смеха, хотя фигуры духовенства, бежавшего к своим местам, подобрал ясы, были очень смешны. Тотчас же занавес пошел опять книзу. К.С. был бледен как полотно, бил себя кулаками по груди, потрясал руками в воздухе, был вне себя.

Дело объяснилось следующим образом: Диме была объяснена система сигналов на занавес следующим образом: лампочка у занавеса загорается – рабочий готовится, лампочка тухнет, занавес идет вниз. А произошло следующее: Дима дал свет, рабочий, без всяких приготовлений, просто опустил занавес, Дима свет потушил, рабочий пустил занавес кверху, и, конечно, раньше времени. (Должна Вам объяснить, почему сигналы дает Дима, а не суфлер: здесь нет суфлерской будки ни в одном театре, так что наш Касаткин должен перебегать из кулисы в кулису и подавать, откуда удобнее, особенно, когда играют новые исполнители. Поэтому сигналы даются помощником режиссера.) Настроение от этого случая, Вы понимаете сами, было ужасное. Боялись за полный провал, говорили, что вот так провалил свои гастроли Дягилев тем, что у него в “Спящей красавице” упал павильон, что американская

публика не простит этого. К.С. пришел к актерам и сказал им, чтобы утишить нервность: “Ну, случилось несчастье, не будем говорить об этом, разговорами ничто не исправишь, будем спасать положение изо всех сил”. Москвин вторую картину после этого случая сыграл с таким подъемом, с каким, пожалуй, не играл еще ни разу в поездке. И дальше он играл изумительно. Аплодисментов между картинами было очень мало.

Ну, думалось, кончено, не прошли мы здесь! И вдруг после последней картины начались такие овации, такие дикие крики, к ногам К.С. и исполнителей положили лавровые венки, подавали цветы, публика редела, била в ладоши, неистовствовала. Мне кажется, что по силе оваций в этот раз был успех наибольший за все время. Но, конечно, точно сравнить нельзя. Во всяком случае, американская публика, которая снимается с места всегда раньше конца, которую никакими силами не удержишь остаться в зале после последнего занавеса, вся сидела на своих местах и без конца вызывала К.С. и исполнителей. Трудно сосчитать, сколько раз приходилось подымать и снова подымать занавес. Мы все были поражены – право, никто не подозревал, что можно так темпераментно приветствовать приезд МХТ в Америку. После спектакля, как я Вам уже писала, все мы были приглашены Гестом на ужин, который давался в одном из здешних ресторанов. Ужин прошел, конечно, оживленно. Приглашены были: МХТ, “Летучая мышь” и очень немного посторонних. (Забыла Вам сказать, что после конца спектакля на сцену пришло много народу приветствовать К.С., причем госпожа Гест, к величайшему конфузу К.С., поцеловала ему руку на сцене. Гест женат на дочери “американского Станиславского”, который теперь уже очень стар и не играет¹. Старик этот имеет один принцип: никогда не ходить на спектакли, которые лансирует¹ его зять. Принцип этот он проводит в жизнь уже много лет, если не десятилетий, но на этот раз он ему изменил и пришел на “Федора”. И вот после спектакля он долго держал за руку К.С., тряс ее, кланялся ему в пояс, как чудотворной иконе, и все говорил, говорил, тщетно пытаясь передать К.С. всю полноту чувств, его волновавших.) Речей за ужином было немного, если не считать Ба-лиева, который был в ударе и говорил чрезвычайно остроумно, и К.С., сказавшего несколько приветственных слов Гесту и в его лице Америке. Говорил приветственное слово Судьбинин. Остальное было скорее не речи, а тосты, короткие спичи. Конечно, был поднят бокал за Вас – тост, которого я хотела больше всего. И было решено дать Вам в ту же ночь телеграмму. Получили Вы ее? Дальше дело не обошлось и без всяких обид и накладок, так как всем хотелось, чтоб их фетировали² и прославляли и каждого, конечно, в первую очередь. Веселье это продолжалось, как мне говорили, до следующего утра, но я была там только до половины третьего и тотчас же после официального конца ужина уехала. Так началась неделя “Федора”. Дублерство распределилось так: у нас, соб-

1 От франц. *lancer* – выпускать, вводить (в свет, в моду, в обращение).

2 От франц. “*fête*” – празднство, чествование.

ственно, есть теперь так называемые: основной состав и второй состав, в котором играют три главные роли Качалов, Пашенная и Станиславский. Так вот основной состав назначен был играть 1-й, второй спектакли, затем утренники в пятницу и субботу, а второй состав играет вечерние спектакли среды, четверга, пятницы и субботы. Полные сборы, овации и цветы продолжались и дальше, Качалова в вечер его первого выхода встретили с аплодисментами, проводили с цветами. А вчерашний дневной спектакль был принят необыкновенно восторженно. На наши утренники по пятницам приходят все здешние актеры, так как только у нас утренники по пятницам и субботам, везде по средам и субботам. Актеры свободны, и вот они заполнили наш театр, а после конца пьесы пришли на сцену с выражением полного восторга. Опять были венки, цветы. На сцене фотографы снимали группы беседующих русских актеров с американскими, а в конце была произведена кинематографическая съемка на фоне Архангельского собора. Играл в пятницу первый состав, и К.С. был на сцене только как режиссер. И вообще утренники по пятницам должны идти в лучшем составе, так как весьма важно, чтобы актеры здешних театров создали о нас необыкновенную репутацию.

Милый Владимир Иванович, вот уж надо отправлять письмо, боюсь, что оно уже опоздало. Но рискну, а следом за этим письмом тотчас же начну следующее, которое отправлю почтой в понедельник. Если же мне не повезет, то оба письма моих придут к Вам одновременно. Будьте здоровы, дорогой Владимир Иванович! Сердечный привет милой, доброй Екатерине Николаевне и всем в театре, кто бы хотел услышать от меня приветственное слово. Я очень, очень жду, что Вы опять будете добры ко мне и напишете мне сюда несколько строк, которые могут привести меня в чудесное настроение на очень долгий срок. Милый Владимир Иванович, не забывайте меня и, пожалуйста, будьте добры ко мне. Если Вы ко мне переменитесь, тогда мне ничего не мило, тогда пусть все идет прахом, не хочу тогда думать ни о чем прекрасном.

Ваша *Ольга Бокшанская*

15.

Нью-Йорк, 15 января 1923 г.

Итак, милый Владимир Иванович, я продолжаю свое письмо, так поспешно прерванное в субботу утром.

В тот же день, в субботу, вечером прошел последний спектакль “Федора”, опять же при полном сборе.

Стати, о сборах. Я просила Леон. Дав. дать мне рапортчку о каждом дне, но он мне предложил повременить с отсылкой этих сведений, так как ему хотелось бы поставить Вас в известность о наших матери-

альных делах тогда, когда ему будут даны из кассы точные сведения о прибыли сверх гарантии за истекшую неделю, а также список наших расходов перед началом гастролей. Ведь здесь приходится въезжать в совершенно пустой театр, где нет ни декораций, ни суконов, ни станков – словом, ничего нет. То, что нам дали казенные электрические лампочки – громадная услуга. Обыкновенно же, когда труппа занимает театр, в нем есть одна дежурная лампочка, остальные же надо приобретать самим. Пришлось взять напрокат бархат для Архангельского собора, заказать ступеньки, сделать еще много расходов, которые даже мне пока не известны. Леонидов надеется, что, раз успех очень велик, можно будет уговорить Геста взять и на его счет некоторые из этих расходов. Словом, сегодня или завтра он надеется иметь полную картину наших дел за неделю “Федора” и тогда тотчас же сообщит ее мне для передачи Вам.

Все были страшно рады, что теперь можно отдохнуть на месяц от “Федора”. Хотя, знаете ли, милый Владимир Иванович, это даже легче – играть каждый день одно и то же, а потом отдыхать довольно долго. Уж завели себя на восемь спектаклей, так и валим каждый день. Конечно, легче такой мелочи, как мы, грешные, а премьерам трудновато. Особенно Москвину: он совсем без голоса, в последнем акте хрипит ужасно, отдает все свои нервы, так что после конца с него пот буквально градом льет. Но зато уж играет изумительно. Качалов же говорит, что ему играть Федора вовсе не страшно: вчетверо легче, чем Гамлета, и втрое, чем Бранда. Не знаю, есть люди, которым очень нравится, как играет Качалов, но для меня настоящее мученье, когда он играет. Стоишь на сцене и не можешь найти в себе ни капельки волнующего чувства, злишься на наигрыш, на крик, ничем не оправданное оранье с ударением на каждом слове, на то, что до сих пор он не знает слов и говорит своими словами так хорошо всем известные стихи. Другие исполнители просто теряются, никто не знает, когда же наконец им отвечать, так различно говорит он всякий раз слова. Я боюсь, что Вы будете читать мои рассуждения и скажете: “Ну и обнаглела же она! Так критикует!” Но, право, если бы Вы только могли услышать, как он говорит, Вы бы его тотчас же научили настоящему, правильному. Мне трудно в письме Вам описать, это надо голосом показать. Но если бы Вы знали, как ужасно он кричит, например, вот это: “Когда сам царь стоит перед тобой...” Во-первых – дикий, совершенно сверхъестественный ор. Во-вторых, длинная пауза между *каждым словом*. И наконец, ударенье на *каждом слове*. Вот заставьте кого-нибудь по этому рецепту прокричать эту фразу, и Вы увидите, какая будет фальшь. Или скажите с ударением на *каждом слове*: “Боже, Боже, за что поставил ты меня царем!” – как это делает Качалов.

Но вообще он, кажется, считает, что он великолепно играет эту роль, и, как многим кажется, это одна из причин его частого дурного настроения, что он все-таки что-то вроде дублера, так как везде пер-

вый спектакль играет Москвин, которому даны все первые права на эту роль. В этом направлении, т.е. порчи ему настроения, сильно действует Нина Ник., которая все время ноет, что Вас. Ив. затирают в этой поездке, что К.С. не дает ему ходу, что такой артист не может себя показать. Говорят, что Качаловы очень недовольны, так как в прежней поездке, в группе, он занимал то место, которое сейчас занимает К.С., – центр всеобщего внимания на спектаклях и в обществе.

Бедный К.С. очень скучает. Он живет в отеле, где не живет никто из наших, очень часто остается один. Прежде все время была с ним Марья Петровна, да и страны были те, где он был с языком. А теперь – русских мало, английского он не знает, город незнакомый. Вчера – в воскресенье – мы были совершенно свободны, т.к. по воскресеньям у нас спектаклей нет и даже заниматься в театре нельзя, так как выключен весь свет. В два часа у К.С. в номере было назначено заседание дирекции с участием Румянцева – надо было сделать доклад о финансовых делах за всю Европу, после чего отправить все документы при отчете в Москву. Но на заседании явились, собственно говоря, только те, которые и без заседания были в курсе дела – Леон. Дав., Бертенсон, Подгорный, Румянцев и был, конечно, сам К.С. Леонид же Миронович, больше всего пристававший со спешкой в сдаче европейского отчета, Москвин и Качалов не пришли вовсе, чем, конечно, оттянули отсылку документов Вам. Придется еще раз собирать дирекцию и снова делать доклад.

После заседания все стали уходить, и К.С., который, видимо, не хотел остаться один, все же остался без компании на вечер. Мы с Рипсимэ должны были поджидать нашу дирекцию в театре в условленное время. Но Рипси не пришла, так как плохо себя чувствовала и осталась лежать дома. Когда Ник. Аф. пришел и рассказал, как К.С. не хотелось оставаться в одиночестве, мы решили пойти к нему и развлечь его немного. Зашли за ним, пошли с ним обедать, потом пошли в кино. Думали еще увидеть фильм, где показывают его прибытие в Нью-Йорк, но опоздали, вчера уже показывали новости последующих дней, этот же журнал за неделю сняли с программы. Жена Леонидова была на этой программе (со снимками К.С.) и рассказывала, что его появление на экране встретили аплодисментами. Когда Леонидов рассказал об этом Гесту, тот ему сказал: “Но вы забываете, что там были еще двое знаменитых людей: я и Балиев”. И это, конечно, с самым замечательным акцентом. Вообще, когда он говорит, можно умереть со смеху. И Леонидов его замечательно передразнивает.

К.С. рассказывает, что Гест ежедневно присылает ему разные презенты – фрукты, целые сундуки (не коробки) конфет. Когда К.С. приглашал меня зайти к нему поесть американских сладостей, то это походило не на приглашение, а на угрозу, – какие-то сверхъестественные вещи он ему присылает.

К сожалению, попали мы с К.С. на очень неинтересную программу, – фильм был на редкость неинтересный. Но здесь ведь в кино пре-

смешно – покажут на экране комедию, потом новости недели, а потом начинается программа не кинематографическая. Вчера, напр., играл громадный оркестр рапсодии Листа, потом был солист на скрипке, потом солист на каких-то цимбалах и, наконец, балетный номер.

Вообще здесь все не как везде. Когда кончились оvationи после первого спектакля “Федора” и мы разошлись по своим уборным, Рипси мне сказала с неподдельным ужасом в глазах: “Ты знаешь, что были свистки?” Я пришла в ужас. Я не слыхала, но если это в самом деле так, – это ужасно. Неужели есть негодяи, которые могут свистать Художественному театру.

Пришел следующий спектакль, свистки были явственные. Все переглянулись с отчаянием. Но после того как спустили занавес после первых вызовов уже из кулис пришло известие, что здесь свист – выражение самого высшего восторга.

На утреннике в пятницу, когда спектакль смотрели местные актеры, свистели страшно. К.С. выходил раскланиваться, но потом говорил, что все-таки как-то страшно выходить под свист. Я сама видела в первом ряду очаровательную, редко хорошенькую даму, которая аплодировала в диком восторге, кричала, вопила, и наконец, не выдержала и засвистела.

Здесь, например, не во всяком кафе или ресторане получите мороженое, зато в аптекарских магазинах его подают сколько угодно, и очень вкусно. В аптекарских же магазинах вам подадут лимонад, кофе, какао. Мне рассказывали, что прежде, когда была продажа спиртных напитков, водку подавали в кафе, кофе же вы там не могли бы получить.

Мы очень привыкли к виду здешних улиц, и теперь дома в шестнадцать – двадцать этажей кажутся нам совершенно нормальными. Хочу поехать посмотреть дом в 62 этажа. Ольга Леонард. была там и говорила, что на лифте надо ездить с пересадкой, как на подземной дороге.

Вообще надо, надо поездить и посмотреть. Москвин был в каком-то “Ипподром-театре” и говорит, что если мы туда не пойдем, он с нами раззнакомится. Кроме того, собираемся в среду на негритянскую оперетку. Она бывает по средам, причем начало в двенадцать – половина первого ночи. Говорят, это замечательно, что они проделывают там. Темперамент и ритм изумительны. Как только побываю, тотчас отпишу Вам все свои впечатления.

С сегодняшнего утра начались репетиции для дублеров “Дна”. Сегодня вечером премьеры.

Да, забыла Вам написать, что в “Федоре” два раза Курюкова сыграл Тарханов, и очень хорошо. Во второй раз, когда он играл, Клешнина играл Грибунин (прежде Курюков). После этого спектакля Грибунин был у К.С. и просил ему дать играть Клешнина в очередь с Бакшеевым. Понравилось!

В течение этой недели в “Дно” войдет много исполнителей: Лука –

Тарханов, Пашенная – Василиса, Коренева – Наташа, Тарасова – Настя, Болеславский – Татарин, Алешка – Тамиров, Добронравов – Медведев (уже раз игравший в Париже, но еще нетвердый в роли), Барон – Ершов (тоже игравший, но никогда не занимавшийся с режиссерами). Работы у К.С. и Лужского будет очень много. Да, еще решили заняться с Гудковым Пеплом, на случай, если Бакшеев не выдержит восьми спектаклей кряду.

Наши настроения? Много мелких волнений. Пашенная, которая случайно, по вине типографии, не была помечена в программе “Федора”, угрожала на деле показать, каков ее характер. Предупреждала, если не будет анонса, откажется играть (“Пусть играет Книппер, которую вы всегда с такой охотой помечаете в афише!” – недурная фраза!) – даже не боится, если ее за такой поступок отправят в Москву. Коренева, как-то репетировавшая у К.С. Ирину из “Федора” и так себя державшая, что К.С. не выдержал и попросил ее уйти и больше не приходите. Лидочка редела там, не переставая, так и ушла вся в слезах. Пришла домой и ничего больше не надумала, как написать письмо Подгорному с просьбой освободить ее от “выхода” в “Федоре” (так назвала она свое участие в роли Мстиславской. Ведь вся драма из-за того, что “Сад” не идет и вся ее роль свелась к диалогу с царицей на паперти собора и к обмороку, вероятно, действительно, мало кому в публике понятному). Конечно, от роли ее не освободили, и К.С. еще сильнее рассердился. Она пришла к Ник. Аф. поговорить и сначала тоже очень храбрилась, конечно, поминала Москву – “Отправьте меня, если я вам не нужна”, – но потом, узнав, что К.С. решил с ней больше никогда не заниматься, стала тише и спокойнее. Сейчас она опять волнуется – боится, что ее без подготовки выпустят в “Дне”. Тут много еще огорчений и материального свойства. “Почему меня понизили, почему я в одной группе с Булгаковым, Бондыревым?” Ей на это возражают: “Да, но следующая ступень уже оклад Книппер. Вы же не можете претендовать получать одинаково с Ольг. Леон.”. – “Ну, пусть хоть на два доллара больше, только бы не одинаково со всеми младшими!” А К.С. сказал, что пока она будет стоять на этой плоскости, он ни о чем с ней говорить не хочет и не может ей верить как актрисе.

Леонид Миронович пытался освободить себя, передав Мстиславского Болеславскому. Но когда Вишневский ему как-то сказал, что раз он считает позорным для себя выходить в такой маленькой роли, то ему надо играть с ним в очередь Годунова, Леонидов так перепугался, что дал слово играть Мстиславского в каждом спектакле, все-таки освободив себя от выхода (бессловесного) в картине примирения. Теперь он ежедневно выходил в конце последней картины (“Полки тебя, боярин, в поле ждут...”) и обещал и впредь выходить, только бы не играть чего-нибудь другого (Шуйского или Годунова). Годунова дали учить Ершову.

Писала ли я Вам, почему взяли Болеславского? Он прислал письмо еще в Париж, умоляя помочь ему, он очень бедствовал. Театр решил

взять его на Америку, т.к. он может быть полезен и на сцене (как помощник нашим Гремиславскому, Гудкову), и в дублировании.

Маручча Успенская сегодня пришла в театр в первый раз после операции. У нее еще на “Мажестике” сделалось воспаление во рту, флюс, что ли, причем положение было настолько серьезно, что боялись заражения крови. Но уже перед приездом в Нью-Йорк у нее температура стала нормальной. Приехав, она тотчас же занялась своими зубами. Ей вырвали все зубы (кажется, в три приема). Пока она носит временные вставные, а через шесть недель ей вставят специально для нее сделанные. Дрожь берет слушать, когда она рассказывает об этой операции, но теперь, когда все прошло, все рады за нее, что кончились ее мучения.

Только что заходили в комнату Леон. Дав. и Бертенсон. Оба они Вам сердечно и нежно кланяются и просят передать Вам: первый – что, кажется, мы приплыли к тихой пристани. Но теперь надо хорошенько заработать, чтобы оправдать то доверие, которое Вы ему оказали. Второй, что он не присылает Вам пока отчетов о прессе потому, что еще не имеет полного комплекта рецензий. Но их будет такая масса, что пройдет немало времени, пока он в них разберется. Пока же просит Вам передать, что рецензии все до единой были высокохвалебные и нет ни одной хотя бы чуть-чуть неприятной.

Заканчиваю пока это письмо, милый Владимир Иванович. Вечером, во время спектакля (первое “Дно”) припишу Вам несколько слов о приеме со стороны публики. Сейчас же должна идти на репетицию народной сцены “Дна”.

Довольны ли Вы мной? Я так рада, когда могу побольше поговорить с Вами хоть издалека. Я очень надеюсь, что в Америке такой сумасшедше лихорадочной работы не будет и я смогу чаще писать Вам.

...Нет, ничего нового не смогу Вам написать, милый Владимир Иванович. Спектакль наш идет гладко. Сейчас уже пошел четвертый акт. Будут большие аплодисменты, всем исполнителям подадут цветы. Публика принимает пьесу очень хорошо. Слышно, как хохочут в смешных местах, – значит, очень много русских. А нам более всего интересно, как примут американцы, будут ли они ходить на “Дно”. Относительно наших заработков за прошедшую неделю могу пока Вам неофициально сообщить, что приблизительно получение наше сверх гарантии составит тысячи 4–4¹/₂. Это гораздо больше, чем ожидали наши.

Недавно К.С. поручил мне отправить громаднейшее письмо – его дневник. Оно пошло к Марии Петровне, которая, кажется, должна переслать его Вам. Вот это бы письмо я бы очень хотела прочитать. Что то пишет К.С. и как то он всех “аттестует”?¹

Опять набежала на меня работа, кроме моей обычной: переписать “Провинциалку” для Книппер. Это не легко, потому что у нас здесь отвратительная пишущая машина, на которой писать – сплошное мученье. Вы, вероятно, заметили, что и в моих письмах к Вам много помарок – никак не могу привыкнуть к этой машинке.

Милый Владимир Иванович, до свиданья, до следующей почты в милую Европу, в милую Москву. Не забывайте меня, пожалуйста. И не одобряйте, пожалуйста, Федичку больше меня.

Ваша Ольга Бокшанская.

Пересылаю Вам письмо, пришедшее в театр на Ваше имя. Я напишу, что Вас здесь нет и что ее письмо переслано Вам.

16.

Нью-Йорк, 19 января 1923 г.

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Сегодня для нас была большая радость: пришло Ваше письмо на имя Сергея Львовича¹. Пришло оно в театр днем, во время четвертого акта “Дна”. И я была в отчаянии, так как не могла тотчас же прочитать его – должна была успеть до начала вечернего спектакля купить нашим юбилярам “Дна”, Москвину и Бурджалову, подарки по случаю 400-го представления “Дна”. Театр поднес им по великолепному купальному халату. А на картонке у каждого были положены цветы и карточка “Нашему дорогому юбиляру такому-то”.

Все время пока ходила по улицам, заходила в магазины, с трепетом думала: “Ну, хорошо, пусть письмо Бертенсону, но будет ли там про меня хоть слово? Если не будет – тогда уж ничего не хочется, ни работать, ни развлекаться, ни оставаться здесь, ни ждать возврата в Москву”. И видите, как немного мне нужно: два слова в похвалу мне от Вас, моего изумительного Владимира Ивановича, – и я рада и весела, как младенец. Вероятно, я еще нервила так потому, что Рипсимэ получила письмо от Федюши, в котором он, вероятно, чтобы поддразнить меня, пишет, что ему так хорошо работать у Вас, что он будет об этом месте спорить со мной, когда я вернусь. И как меня Рипсимэ ни уговаривала, что это шутки и поддразнивания, все же я не могу отделаться от беспокойного, огорчительного чувства. Даже решила было написать Федюше, чтоб он раньше решил этот вопрос; может быть, мне и незачем возвращаться в Москву. Да боюсь, что он сильно обрадуется, что ему удалось даже на таком далеком расстоянии известить меня, как он любит это делать.

Известие о пожаре взволновало нас очень². Об этом получилось дня два тому назад письмо от Жени Калужского, но пока не пришло Ваше письмо, мы не могли быть спокойны.

Так хорошо намеченный план нашей недели “Дна” полетел уже во вторник 16-го. Повалились на нас несчастья с болезнями, и замены пошли бесконечные. Все дублиеры предполагались к вводу к концу недели, причем и ежедневные репетиции были очень хорошо приурочены к постепенному вхождению каждого артиста. Сданы были имена всех

участвующих и в типографии для афиш, что у нас крайне важно, потому что наши стали еще придирчивее относительно пометки своего имени в дни их участия.

В понедельник открыли неделю. Я Вам в тот день написала несколько строк. Успех был действительно потрясающий, аплодировали без конца, кричали и вопили.

Во вторник должен был идти спектакль в том же основном составе. Вдруг приходит известие, что заболела Булгакова³: у нее может быть дифтерит. Вызвали Кореневу, которая должна была выступить только в пятницу. Та в слезы – не могу, никогда на сцене не репетировала, текста не знаю, погибну... А суфлерской будки здесь нет, как вообще ни в одном нью-йоркском театре. Суфлер стоит на случай в кулисе. Конечно, от него помощи мало. Но ей вразумительно объяснили, что уж тут дело такое, что скандалить нельзя. А надо выручать спектакль. Что делалось вечером – Вы можете себе легко представить. Лидочка нервила до ужаса, плакала, металась, мучила портниху, гримершу, но все обошлось без накладок, и она сыграла не плохо.

У Булгаковой, слава Богу, дифтерита не оказалось, но ангинальные налеты так сильны, что она до сих пор не выходит, и Кореневой придется доиграть и завтрашние два спектакля так, как она до сих пор играла в спектаклях до сегодняшнего вечера.

В таком беспокойстве за роль Наташи проигрались спектакли вторника и среды. Утром в четверг была назначена репетиция “Дна” для входящего в Луку в субботу Тарханова. Ах, да, забыла сказать, что в среду в первый раз сыграла Настю Тарасова (ничего не могу сказать, на меня произвело впечатление пустого места, но, вправду сказать, я ведь только из кулисы могла посмотреть рассказ третьего акта). Так вот, в четверг утром – это как раз был день рождения К.С., – когда он пришел на репетицию, в театр протелефонировали, что заболел Качалов (между прочим, имеющий громадный успех в Бароне и отмеченный прессой как величайший артист мира). А надо Вам сказать, что Ершов, игравший эту роль в Москве несколько раз, тоже болен был и давно, еще со вторника. Что же делать? Дублером в будущем Качалову намечен Подгорный, но он еще ни разу не репетировал и текста абсолютно не учил из-за большой административной работы. К.С. решил, что сыграет Лужский, знающий великолепно все роли, а Бубнова игравший эту роль Александров. Лужский пришел в ужас, стал настаивать на полной перемене спектакля. Предложил сыграть “Федора”. Технически оказалось невозможно собрать сотрудников, хор и музыкантов, играющих в последнем акте тревожные сигналы, да и Гест категорически отказался от такой замены. После целого дня волнений, ожиданий, что скажут доктора, посланные к Качалову и Ершову, определилось, что Ершов сможет приехать на спектакль. К.С. было хотел играть в этот день сам (по плану должен был играть Подгорный), но его уговорили не делать этого: он сыграл уже три “Дна” подряд, а у него еще впереди два “Дна”

и весь “Вишневы сад”. В этот же злополучный четверг играла в первый раз Василису Пашенная. Мне говорили, что будто Шевченко здесь не очень прошла. Не знаю, может быть, но едва ли бы прошла и Пашенная, особенно, когда роль у нее так сыра и не сделана. Однако, как ни волновались, но спектакль сыграли, и даже публика не очень-то, кажется, почувствовала перемены. Здесь “Дно” принимают так восторженно, что радуются каждой сцене, почти безотносительно к тому, кто играет.

В пятницу был для нас серьезный утренник, опять-таки для здешних актеров. Надеялись, что Качалов сможет прийти, но ему, оказывается, сегодня утром было хуже, температура поднялась, и опять-таки и утром и вечером играл Ершов. Сейчас кончается четвертый акт и мне надо будет кончать письмо, чтоб отправить его с завтрашней почтой.

Вот и кончился акт, суфлер только что принес книжку.

Была я в среду на негритянской оперетке. С ума сойти, как хорошо. Но об этом в следующем письме, в понедельникном, и подробно напишу.

Милый Владимир Иванович, Федичка пишет, что Вы собираетесь в будущем сезоне уехать за границу. И Вы спрашиваете о том, будет ли в деле Вашей поездки участвовать Леонидов. И говорите, что уже вели переговоры, правда, о Ревеле⁴, с кем-то. Значит, я Вас не увижу еще год. Как же это возможно? Вы обо мне совсем не подумали, а я так не могу, чтобы так долго Вас не видеть.

И даже то, что сегодня в Вашем письме была добрая строчка обо мне, не разгонит той грусти, которая приходит в душу, когда подумаешь, что может случиться так, что Вы уедете в то время, как мы вернемся в Москву.

Милый Владимир Иванович, это так всегда – как начну писать Вам, так трудно остановиться. А сейчас могут потушить в театре свет. Надо прощаться.

Я от всей души желаю Вам счастливых и прекрасных дней, дорогой, необыкновенный Владимир Иванович.

Кланяюсь всем, всем. Федичке, Дмитрию Ивановичу, Порфирию Артемьевичу и его барышням, всей Музыкальной студии, всем, всем.

А Екатерине Николаевне мой особый, мой самый нежный, от сердца идущий привет.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, всего доброго.

Ваша Ольга Бокшанская.

Прилагаю обещанную еще в шербургском письме и теперь уже устаревшую программу парижского концерта. Здесь “Провинциалку” готовит Книппер.

Нью-Йорк, 22 января 1923 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Снова шлю Вам свое очередное письмо. Неприятных дел у нас – уйма. Я Вам писала последний раз в пятницу, писала, что Коренева жалуются на горло, на усталость, а Булгакова больна, так что Наташу в “Дне” играть, кроме Кореновой, некому. Налетели на нас неприятности в субботу же. Утром, когда мы пили кофе в погребке около театра, прибежала, завидя нас, Пашенная и рассказала, что Лидия Мих., которая живет в одном с ней отеле, больна и утренника играть не будет. Она – Лида – пошла утром к телефону и упала в обморок. Ее пригатачили в комнату, вызвали живущего в том же доме врача, впрыснули кофеин, но дело плохо, и вряд ли она будет играть. Она мечется и плачет, просит вызвать Булгакову. Рипсимэ поехала к Булгаковым, и Варв. Петр., хотя и больная, согласилась сыграть утренник, но вечерний спектакль доктор, приехавший к ней в театр во время утренника, категорически запретил ей играть. Решили, что Коренева за день немного отлежалась и ее можно вызвать на вечер. Так и сделали. Но так как если б за ней поехал бы кто-нибудь свой, она могла бы отказаться, послали за ней дочь Пашенной. Что Лидочка разделявала перед приездом, говорят, было ужасно. Но на спектакль все же приехала.

Вся ее болезнь, собственно говоря, была вовсе не из-за натруженного горла, – тут было много причин, главная – кто будет играть первый спектакль “Вишневого сада”. По общему решению режиссерской комиссии, роль в первом спектакле отдали Тарасовой. Когда она это узнала, с ней сделалось что-то ужасное. Все боялись, что она сорвет спектакль, не доигравши третьего акта, но, слава Богу, этого не случилось. Но зато после третьего акта, кончив роль, она устроила Рипси и Ник. Аф. такой бенефис, что надолго запомнится. К.С. был возмущен безумно ее поведением, и сегодня еще решительно повторил, как и в тот вечер, что если она не образумится, то к ней будут применены самые строгие меры, вплоть до увольнения. Она – Лидочка – в истерике кричала, что от всех ролей отказывается, что в театр больше приходить не будет. К.С. на всякий случай велел Тарасовой учить роль Ирины в “Трех сестрах” и очень подумывает о выписке какой-либо актрисы из Москвы. Все это сообщаю я Вам совершенно неофициально, так что, ради Бога, не подведите меня. Я думаю, К.С. сам Вам напишет по этому поводу много горьких слов. Он чувствует себя просто оскорбленным таким отношением к театру и к нему. Пробовала Рипси и вчера, в воскресенье, поговорить с Лидой по телефону, но опять услышала те же слова, тот же запрет обращаться к ней и вызывать ее на репетиции, и решила пока никак не справляться об ее здоровье.

В субботу днем Москвин принес известие, что Книппер нездоровится и что она, сберегая силы для премьеры “Вишневого”, в субботу

вечером Настёнку играть не будет. Все решили, что за субботу и воскресенье она поправится совсем.

Сегодня утром пришли мы в театр, а тут уже сидит Вишневецкий со зловещим известием: Книппер больна, премьера летит. И не только премьера, вся неделя, так как по репертуару у нас пьеса идет всю неделю. При этом Вишневецкий не нашел ничего лучшего, как до театра зайти к К.С. и сказать прежде всего ему о болезни Книппер. И никто не знает, какая у нее температура, т.к. по Фаренгейту ничего не понимают¹. Послали из театра за градусником, а когда его принесли, Рипси и Серг. Льв. отправились к Книппер. Но оказалось, что в известии этом было больше всего темперамента Вишневецкого. Температура 37.2, она крепится, бодрится и говорит, что будет играть во что бы то ни стало. Она приняла 15 граммов аспирина и, конечно, стала невероятно слаба. А Вишневецкий, боясь заразы, к ней не заходит, а сейчас же полетел и навел на всех панику. И без того дни премьеры волнительны, а тут еще такое известие. Сейчас спектакль идет, публики столько, что пройти нет никаких сил, пьесу принимают хорошо. Я навестила Ольгу Леон., она держится молодцом, говорит, что о том, как она себя чувствует, скажет после спектакля. Такая дуся! Конечно, тут есть много страшного. Ведь она без дублерш должна сыграть подряд восемь спектаклей “Вишневого сада” и восемь спектаклей “Трех сестер”, которые по репертуару идут на следующей неделе.

Да, не легко нам живется, милый Владимир Иванович. А главное – что-то не пришел к здоровью наших Нью-Йорк: все болеют, недомогают. Плох Ник. Аф., который, кажется, до последнего своего дня всегда будет крепиться, будет на ногах. А бывают дни, когда он еле двигается. Кроме того, страшнейшие головные боли, ежедневные, упорные. Он похудел еще, желтый, как лимон, устает от работы очень быстро, а никому работы не отдает, волнуется, как всегда, за все.

Милый Владимир Иванович, при этом письме и сегодня же, но в отдельных конвертах, посылаю Вам открытки исполнителей главных ролей в пьесах нашего репертуара. Быть может, Вам они пригодятся для Вашего журнала², быть может, будут просто интересны Вам и всем театральным. Об этом писал Вам Серг. Льв., чтоб Вы написали, интересны ли Вам эти карточки. Но, сказать по правде, это была моя идея – послать Вам карточки, которую он в своем письме перефразировал по-своему. А я не спрашиваю и просто посылаю. Думаю, что Вы не побраните меня за это.

Уже давно хотела Вам написать, что слышу от Л.Д.Леонидова: к нам приходят и забрасывают уже удочки относительно киносьемки, но пока предложения не интересны: приглашаются только некоторые артисты, причем либретто и режиссура кино-пьесы зависят всецело от кинорежиссера, наши же являются только исполнителями. Леонидов выжидает и думает, что добьется и соответствующего предложения.

В то время как я писала это письмо, он заходил в комнату и про-

сил Вам передать следующее: завтра он начнет писать Вам подробный доклад. О Вашей Комической опере³ он уже завел разговоры с Гестом, но он ценит свое предложение дорого, так что тот будет торговаться. У него уже был для этого с Гестом специальный разговор на дипломатически устроенном обеде. Кроме того, узнав, что я посылаю Вам карточки, Л.Д. просил приложить и его фотографию к этому письму, что я и исполняю.

Милый Владимир Иванович, до свиданья, до следующего письма. Хотя в “Вишневом” на выходе я не занята, но все же работы на этой неделе, по всем данным, будет далеко не мало. Однако я надеюсь в пятницу, по обыкновению, послать Вам письмо с очередной почтой.

Шлю Вам самые нежные, самые горячие приветствия.

Ваша *О.Бокшанская*

18.

Нью-Йорк, 26 января 1923 года

С этой же почтой, милый Владимир Иванович, но в отдельных конвертах, заказным порядком, посылаю я Вам некоторые фотографии наших в ролях. А в прошлом моем письме были вложены карточки в жизни. Интересно, дойдут ли они до Вас.

Ваш журнал пришел к нам вчера, оба экземпляра⁴. Но я его получила ненадолго, за несколько минут до того, как надо было идти на спектакль “Шейлок”, на который всем нам прислали билеты. Так что прочитать статей в журнале не удалось. Так только, перелистала странички, поглядела рисунки.

Поздравляю Вас, что задуманный Вами журнал наконец, несмотря на всю волокиту, что ему пришлось претерпеть, все же увидел свет.

“Шейлок” шел в театре, к которому Гест имеет самое непосредственное отношение². Главным режиссером там является известный актер (не теперь актер, в прошлом) и режиссер Давид Беласко, американский Станиславский. На дочери этого Беласко женат Гест. Шейлока играл хороший здешний актер, “звезда” (здесь все первые артисты совершенно официально называются звездами, “старс”, так что в нашем театре единственная хорошая уборная, с душем, в нижнем этаже, называется уборной для звезд; там помещены дамы: Книппер, Коренева, Пашенная). Фамилия его Уорфилд.

В этом месте пришлось мне прервать письмо, и на очень долгий срок, так что пишу я Вам сейчас, когда на сцене идет уже последний акт вечернего спектакля.

Мне пришлось отвлечься по делу посылок, идущих завтра по телеграмме Вам и театру. Не знаю, разберетесь ли Вы в даваемой Вам

телеграмме, ведь все эти названия улиц для здешних телеграфных чиновников – китайская азбука. В письме моем, которое пойдет со следующей почтой, pošлю Вам копию телеграммы на всякий случай в том виде, в каком мы дали ее отсюда. Ведь совсем неизвестно, в каком виде дойдет она до Вас.

Итак, мы были на “Шейлоке”. Кроме главного артиста, смотреть было буквально не на кого. Великолепны были только костюмы, некоторые декорации, манера смены их. Особенно же, повторяю, были прекрасны костюмы – богатейшие и с громадным вкусом.

Через неделю мы приглашены снова на интересный спектакль. Здешняя другая “звезда” Джон Барримор покажется нам в “Гамлете”³.

В воскресенье какой-то парадный обед, о котором Вам, как мне помнится, упоминал Бертенсон в своем письме.

Наши спектакли идут при громадных сборах и очень большом, блестящем художественном успехе. Мы несколько опасаемся за то, что “Три сестры” покажутся здесь совсем непонятными и неинтересными. Однако предварительная продажа на будущую неделю идет прекрасно, пожаловаться решительно не на что. Словом, если так пойдет дальше, то будет великолепно.

Наши внутренние неурядицы постепенно сглаживаются: Коренева уж и не рада, что завела всю эту историю. Она всю неделю отдыхала и лечилась, а в понедельник сыграет первый спектакль “Трех сестер”. Но на всякий случай Тарасову все же вводят в Ирину. Репетиции идут ежедневно, вводятся Тарханов (Кульгин), который очень нравится К.С., Подгорный (Гузенбах), Добронравов (Андрей), Соленый (Бакшеев), Тамиров (Федотик).

Когда пройдет неделя “Трех сестер”, репертуар следующий: неделя “Федора”, неделя “Вишневого сада”, неделя “На дне”. Дальше, кажется, предполагается неделя концерта, подобного парижскому.

Сегодня письмо нелепо до ужаса, я так устала, милый Владимир Иванович, так устала. И плохо себя чувствую, небольшой жар. А тут в эти дни – по пятницам и субботам, когда два спектакля в день, – из театра почти не выходишь, устаешь ужасно. И работы много, нет минутки свободной – все как будто пустяки, небольшое дело здесь, небольшое там, а день весь занят, не успеваешь даже словом с кем-нибудь перекинуться, чтоб узнать что-либо о новостях и настроениях.

Простите, милый Владимир Иванович, за нескладное письмо. Право, не виновата, очень устала, голову ломит.

Спектакль уже кончился, уж кончают, вероятно, разгримировываться.

Будьте здоровы, милый, добрый Владимир Иванович. Думайте о нас, так далеко оторванных от Вас, бродящих по чужим улицам неведомого города. До чего же это все-таки странно, что я живу в Нью-Йорке. Чудеса!

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 29 января 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Сегодня мы празднуем нашу последнюю премьеру – “Три сестры”. Правда, через три недели мы опять будем праздновать премьеру – вечер концертный с “Провинциалкой”. Но этот спектакль как-то и спектаклем не считается – так, концерт, а это гораздо легче.

Сегодня пока спектакль идет гладко. Будет, как и всегда, много цветов от Геста исполнителям. Мы всегда смеемся, что это нам, т.е. театру, дорого стоит, потому что он, конечно, все эти цветы вгонит в счет расходов.

Спектакль, конечно, идет в основном составе, но, вероятно, уже со среды войдут дублеры. К.С. устал и не может играть трех спектаклей подряд. Вероятно, поэтому в среду Вершинина будет играть Качалов, а Тузенбаха Подгорный. Ник. Аф. волнуется безумно, так как совсем еще не знает слов, а тут даже и на суфлера надеяться нельзя, наш суфлер стоит где-то за стеной или за драпировкой и пользы от него мало. Да и сознание, что можешь не услышать подсказанных слов, – ужасно... Вероятно, дадут сыграть Ирину Тарасовой, которая вообще, кажется, сильно рассчитывала, что Коренева продолжит свой каприз и будет медленно лечить горло, чтоб не прийти на премьеру. Но Кореновой очень уж хотелось сыграть первый спектакль. Она себя подправила в несколько дней и сегодня, хотя и при большом нерве и изводе всех, кто попадает под руку, но играет.

У нас уж притупились нервы и волноваться так, как волновались при “Федоре”, “Дне”, “Вишневом саде”, мы не можем.

Почему-то К.С. кажется мне сегодня расстроенным. Ему вообще не очень хорошо здесь. Он живет в гостинице, где не живет ни души из театральных. Он постоянно один, а тут еще и языка не знает, и ресторанная пища на него плохо действует, он недомогает, говорит, что так долго не выдержит, он не переваривает здешней пищи, ему нужен специальный домашний стол. Сколько я ни придумываю, не знаю, как бы ему помочь. Мы все уж передумали, но что изобрести – не знаем. Думали даже нанять квартиру и заняться семейным житьем – коммуной, пригласить жить туда же К.С. Но, боюсь, из этого много толку не будет. Ни я, ни Рипси в хозяйстве ничего не понимаем, целый день проводим в театре, и все у нас в жизни нашей личной пока так сравнительно гладко идет только потому, что живем мы на всем готовом и хозяйка наша обо всем за нас думает. А уж если въедем в свою собственную квартиру – Бог знает, что получится. А К.С. жалко безумно, он может расхвораться, и тогда мы все погибнем и ему уж помочь будет еще труднее. И жалко душою его, что он все один и один в своей комнате, не с кем словом перекинуться.

Вчера один фешенебельный дамский колониальный клуб чество-

вал нас обедом. Сначала мы были приглашены в дом одной актрисы, m-m Ирион, у которой собралось несколько дам – членов этого клуба. Мы увидели прелестную квартиру, очень нарядную хозяйку, милую m-ше Рахманинову, которая помогала незнающим язык; нам предложили легкую закуску и выпивку. Продолжалось все это недолго, и через какие-нибудь полчаса нам подали автомобили, которые перевезли нас на другой угол той же улицы – в клуб. Это было сделано так потому, что хотелось угостить наших актеров водкой, а в клубе этого сделать было нельзя. В клубе уже собралось много народу. В очень милой зале были сервированы круглые столы на 10–12 человек каждый. Места были именье. Наших приехало не очень много, и это огорчило К.С. Кроме Книппер не было ни одной дамы (да, если не считать М.П.Николаевой, которая, вправду, не представляет такого интереса здешней публике, как наши молодые актрисы). Из актеров заметно было отсутствие Качалова, который настроен крайне мрачно, всячески показывает свою полную оторванность от театра. Он считает, что его затирают, что ему не дают играть, что он в труппе на всякий случай, чтобы сыграть Федора, когда устал Москвин, Гаева, когда устал Станиславский, Вершинина – тоже лишь в помощь К.С. На чествовании было милее, чем мы ожидали, или, по крайней мере, так было за моим столом. Актеры, сидевшие у нас – Л.М.Леонидов и Подгорный, были счастливы, узнав, что их дамы почти совсем хорошо говорят по-русски, Бертенсону ничего не страшно, он говорит прекрасно по-английски, мой кавалер – известный артист и режиссер Лео Дидрихштейн – совсем свободно говорил по-немецки, еще один господин и дама – не актеры – говорили по-французски. Так что у нас было оживленно и легко. Но были и такие несчастливые, что попали, как, например, Ник. Григорьевич, за стол, где не было ни одного человека из МХТ и ни один не говорил по-русски. Сначала дали всем поесть, причем в это время два негра и одна негритянка под рояль очень мило пели романсы. Потом начались речи, которых было очень много. Все то, что говорилось, было полно такого восторга и преклонения, что даже было как-то неловко, что люди считают нас (я говорю не про себя, конечно, а про тех, к кому относятся эти речи) такими замечательными. Право, в этой поездке, по-моему, выяснилось, что замечательных людей почти-почти совсем нет. А все люди, даже самые талантливые, могут быть мелки, завистливы, придирчивы, суетны до ужаса, до дрожи и отвращения.

Я опять-таки была довольна, особенно тогда, когда услышала в английской речи редактора одного журнала Ваше имя и восторженную оценку всего того, что Вы сделали для театра. Я слышала, что Гест после этого вчера хотел дать Вам приветственную телеграмму. Не знаю, сделал ли он это. И мой сосед меня просто тронул своей полной осведомленностью об истории нашего театра и о той роли, какую Вы в театре сыграли. И мы с ним об этом беседовали с большим для меня удовольствием, так как я не удержалась и сказала, что я восторгаюсь

К.С., но что подлинная моя любовь – Вы, настоящее мое преклонение – отдаю Вам, и только Вам.

Вечер был длинный – из-за речей, – и обед, начавшийся в семь, окончился в начале двенадцатого.

Милый Владимир Иванович, сегодня отправлена вам телеграмма, объясняющая, кому и кем посланы посылки АРА¹. Об этих посылках обещали сделать отсюда телеграфное распоряжение в московскую контору АРА, так что, по нашим расчетам, посылки Вам будут переданы дня через три-четыре. На всякий случай, зная, как могут перевернуть телеграмму, я прилагаю здесь копию нашей телеграммы.

Вот и все, вот и все наши мелкие события. Какая-то невеселая выходит наша поездка, не легкая, не радостная. И, вероятно, письма мои кажутся Вам прескучными. Это потому, что и жизнь у нас прескучная. Но я решила бросить хандру и “рассудку вопреки, наперекор стихиям”² буду улыбаться. Пусть хмурится, кто хочет, а я не хочу.

Получили на днях Ваше письмо, никому не адресованное персонально. И теперь я жду Вашего письма, ведь Вы там пообещали, что напишете мне. Ну пожалуйста, ну обрадуйте меня, напишите мне скорее, милый Владимир Иванович.

Клянюсь всем сердечно, нежно целую дорогую Екатерину Николаевну. О Вас я думаю непрестанно, Вы можете поэтому себе представить, какие слова привета я шлю Вам, милый, изумительный Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

20.

Нью-Йорк, 2-го февраля 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Мы живем сейчас какой-то внешне спокойной, но внутренне тревожной жизнью. Как будто бы никаких событий нет, но что-то бродит в душе у каждого, и кажется, вот-вот разразится, разыграется что-то. И не поймешь, собственно, в чем дело, отчего у всех такое состояние. Вероятно, отражаются в душе и политические события, о которых мы знаем больше по разговорам, так как английских серьезных газет почти никто не читает, не понимают языка, русские здесь ужасны, так что только и знаем о всемирном положении дел от людей, прочитавших кое-что и рассказывающих словами. Те, кто оставил близких в Германии, волнуется за них, те, у кого близкие в России, боятся, что мы вдруг окажемся отрезанными здесь от родины. Словом, все намеки на возможность войны принимаются нами с громадным волнением¹. Потом, конечно, и здешняя жизнь, ее возможности волнуют каждого. Стоять так близко к неиссякаемым богатствам здешних миллионеров (я не так выразила

свою мысль, но ведь Вы понимаете, что я хочу сказать), слышать постоянные разговоры о возможности заработать колоссальные деньги, все это тоже несколько кружит головы, только иначе, чем военные опасения. Ходят слухи, что некоторые наши артисты получили приглашения в кино, но, так как предложения персонального характера, принуждены были отказаться от больших денег, что могли бы заработать. Говорят, что и театру делаются различного рода предложения на месяцы, следующие по истечении договора, но все это в области разговоров, разработок, знакомств и первых встреч.

Мы играем здесь всего четвертую неделю, но усталость уже одолевает многих. Все-таки нашим актерам трудно играть по восемь раз в неделю одну и ту же пьесу. И надо удивляться, как здешние артисты могут вынести по восемь спектаклей в неделю одной и той же пьесы в течение всего сезона, а иногда и нескольких лет.

К тому же болезни нас одолевают. Переболели очень многие. До сих пор не совсем оправилась и покашливает Ольга Леон., мужественно выдержавшая все спектакли “Вишневого сада” и “Трех сестер”. Болен Ник. Афанасьевич, несмотря на это все же играющий сегодня в первый раз Тузенбаха. У него с самого приезда сюда безумные головные боли, страшная слабость, небольшое повышение температуры. К.С. отпустил его на полтора-два дня полежать, но вечером сегодня он уже встанет. Сегодня вообще новый состав: Тарасова – Ирина, Тузенбах – Подгорный, Федотик – Тамиров, Кулыгин – Тарханов, Соленый – Бакшеев. Хочу пойти посмотреть весь спектакль.

Драма с Л.М.Кореневой повисла в воздухе и получила какое-то совершенно новое освещение. Я совсем с ней не выдаюсь эти дни, избегая психологических разговоров, не захожу к ней, но по рассказам Рипси знаю следующее. Несколько дней тому назад она со слезами заявила Рипси, что больше так не может оставаться в театре, что у нее взяли то, что ей принадлежало (роль Ирины в “Трех сестрах”), и отдали Тарасовой, что она не останется в театре при таком положении вещей и уйдет. В Москву она возвратиться не может, но она это время переждет здесь, живя где-то на окраине и существуя как-нибудь. Словом, разжалобила и ее и себя такими грустными планами. Потом об этом же она написала Ник. Аф. Но тут как раз Ник. Аф. заболел, и письмо ее хода не получило. К тому же оно было написано не в форме официального заявления, а как частное письмо. В первый день болезни Н.А. она с нервом спрашивала, какое движение дали ее заявлению, а теперь вдруг стала страшно весела и оживленна и об уходе даже не заикается. Встречается с Рипси и ни слова обо всей этой истории. В чем дело, не знаю и пока не буду узнавать. Пусть начнется неделя “Федора”, тогда как-нибудь спрошу ее, в чем тут было дело. Хотя от нее можно всего ожидать в ее теперешнем состоянии, и она может еще придумать какой-нибудь неожиданный фокус.

Мне страшно интересно: какие новости доходят до Москвы от-

сюда? Судя по тому, что доходит в Берлин, это часто такой вздор, что мы диву даемся, кто может писать такие нелепости. Когда из Берлина кто-нибудь пишет сюда ряд вопросов: “А правда ли, что у вас то-то произошло? А правда ли, что случилось это?” – то остается только руками развести в недоумении: откуда люди выдумывают все эти новости. И тогда мы всегда говорим: “Ну уж если в Берлине этак о нас рассказывают, то что же доходит до Москвы, раз и отсюда, и из Берлина в Москву летят всякие сообщения и письма”.

К.С., кажется, очень устал. Ему приходится много играть, много заниматься с дублерами и к тому же много мучиться всякими недовольствами и обидами всех. Уже давно у Вас. Ив. накапливалась некая обида на театр, а теперь она, кажется, дошла до точки. Вероятно, тут большую роль играет окружающая среда, где постоянный разговор о том, что он пропадает как артист, что он ни в чем не показан, что везде и всегда его затирают. Действительно, так сложился репертуар, что и Гаева, и Вершинина, и Федора он играет только в повторных спектаклях, а в первом спектакле он играет только Барона и Тузенбаха, что ему, кажется, не нравится. К тому же во время недели “Дна” он был болен и в спектакле для актеров, как я Вам писала, играл Барона Ершов. Все это сделало его нелюдимым, он отошел от товарищей, тон его часто обидчиво-нервный, фразы колкие, царапающие собеседника.

Есть разговор и даже намечается какая-то работа над сценой в Мокром, вероятно, начнет режиссерскую работу В.В.Лужский. И Леон. Мир. как-то этим заинтересовался. Тогда, вероятно, “Карамазовы” (линия Мити) пойдут у нас как отдельный спектакль, причем, может быть, вычеркнут в этом спектакле “Бесенка”, а вставят “За коньячком”. Вообще что-то новое затевается, но пока я подробностей не знаю. Говорили даже о двух вечерах “Карамазовых”, с тем, чтобы отдельно показать линию Мити и отдельно Ивана, но боятся, что Иван с его философскими рассуждениями может показаться здесь, на русском, непонятном многим языке, неинтересным.

Вчера в Гаррис-театре давали Гамлета с Джоном Барримором в заглавной роли. Спектакль, на который весь наш театр получил приглашение. Барримор после спектакля признавался, как мне рассказывали, что он волновался безумно от мысли играть перед нашими актерами. Он вообще полон преклонения перед нашим театром. На том обеде, что нам давали в Колониальном клубе, он выступил с небольшой речью, смысл которой свелся к словам: “Я горд принадлежать к той же профессии, к которой принадлежат члены МХТ”.

Что сказать Вам о “Гамлете”? Мне очень понравилась внешняя сторона спектакля – декорации, костюмы, – и ничуть не захватила игра артистов. Барримор местами интересен, но яркого рисунка нет и, конечно, нет никакого волнующего переживания. Но я плохой критик, профан. Вероятно, об этом спектакле Вам напишут или расскажут понимающие люди.

В то время как я писала Вам письмо, приходил ко мне Сергей Львович и просил, чтобы я немного пописала под его диктовку. Но я уговорила его подождать, пока я сама не закончу Вам этого письма от себя, а потом пусть придет и диктует. Он уж после этого раз заглядывал в комнату, но я ему говорю: “Рано еще, не договорила всего Владимиру Ивановичу!” Но теперь уж надо его позвать, а то скоро кончается дневной спектакль, а вечером я буду смотреть. В следующем письме опишу Вам впечатления от “Трех сестер”.

Сборы на чеховские пьесы у нас были так: “Вишневый сад” делал все время полные. “Три сестры” вначале пошли чуть слабее, а теперь, кажется, идут совсем хорошо.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович. Вспоминайте нас с хорошим чувством, не браните меня, если мои письма не интересны. Что-то живем мы скучновато. Думаю, что у Вас в Москве куда как лучше, чем у нас “в заграницах”.

Сердечный мой привет милой Екатерине Николаевне. Как ее здоровье и настроение?

Вам кланяюсь низко и шлю пожелания веселых, счастливых, радостных дней.

Ваша *О.Бокшанская*²

21.

5-го февраля 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Хотя Сергей Львович своей последней фразой обязал меня говорить о спектакле “Трех сестер” в исполнении дублеров¹, но я начну письмо вовсе не с этого спектакля, а с вопроса, который меня волнует безумно. Ведь Вы подумайте, каково мое состояние от перспективы увидеть Вас здесь. Если только это могло бы исполниться, лучшего и желать нельзя. Ведь здесь есть очень много возможностей – я не говорю, что все, но очень много, – чтобы жизнь казалась милой и приятной. И, несмотря на все эти возможности, наша жизнь здесь – отвратительное прозябание, лишенное почти всякого смысла и всякой прелести. И только Вы могли бы все изменить, понять наше настроение, вдохнуть жизнь и живость в наше сонное существование. Правда, оно не всегда сонное, но большей частью мы просыпаемся, взволнованные такими житейскими мелочами, такими малоинтересными, пустыми случаями, что, право, и просыпаться не стоит.

Почти все письма, кроме Ваших, приходящие сюда из Москвы, “трактуют” о предполагаемой Вашей поездке. И Вы можете себе легко представить, как это должно было отозваться на мне. Весь этот год так страстно мечтать о возвращении в Москву для того, чтобы снова рабо-

тать у Вас, и вдруг узнать, что в Москву-то я вернусь, но Вы-то оттуда уедете. Опять год жить и служить так же, как теперь. Это было страшно! И вдруг здесь возникает вопрос о том, что все это может измениться и, при благоприятном стечении обстоятельств, я буду там же, где и Вы. И так ужасно, что все эти вопросы будут решаться в течение очень долгого срока, так что волнений предстоит масса.

Мне бы страшно хотелось, чтобы Вас прельстила Америка. И право, она этого стоит. Из всех городов, что мы видели, только Париж и Нью-Йорк можно действительно назвать культурными, интересными и комфортабельными. Я сейчас говорю о житейской стороне, о возможности жить в чрезвычайно культурных условиях. Смешно было бы, если б я вздумала доказывать Вам интересность Парижа. Но в смысле самых простых житейских удобств Америка несравненна. Берлин, особенно сейчас, это не за граница, это что-то немногим лучше, чем было у нас до войны. Прага – две довольно чистые гостиницы, имеющие еще меньше удобств, чем отели в Берлине (я говорю о гостиницах, в которых по нашим средствам можно было занимать комнаты и которые в то же время были приличны), грязноватые улицы, маленькие магазины. Про загребские отели не могу вспомнить без ужаса. Как я ни была утомлена от долгой дороги в третьем классе, но когда я вошла в отведенный мне номер, то, даже не умывшись, вылетела оттуда и побежала искать кого-нибудь, чтоб заявить, что в таком номере жить не могу, лучше на улице переночевать. И так было с очень многими из наших. Париж первый очаровал нас небольшими, но очаровательными комнатками маленьких отелей, постоянной горячей водой. У меня даже была небольшая туалетная комната, без ванны, а Рипсимэ занимала номер с ванной. Правда, живя так широко, она почти не сделала экономий.

Здесь же эта сторона жизни обставлена замечательно: город полон прекрасно меблированных квартир, на любой вкус, на любую цену. Я снимаю, например, комнату, очень мило меблированную, с нишей, в которую вделана ванна, с постоянной горячей водой. Плачу я 12 долларов в неделю. Рипси в том же пансионе снимает большую, чем я, комнату, причем имеет отдельную ванную, в которой есть и небольшая газовая плита. Платит она 20 долларов в неделю. И это мы сняли так, за неимением времени не ища и не выбирая. Хотели только, чтоб было чисто, более или менее уютно и по средствам. Наши же почти все, в свободные дни, побегали хорошенько, поискали, и теперь занимают очень хорошие помещения. Я знаю, что Вишневский снял прелестную комнату с отдельной ванной за 45 дол. в месяц. Лучше всего семейным. Квартиры здесь можно найти очаровательные. При этом в квартире есть все: например, Вы снимаете за 35–40–50 (это уж Бог знает, как замечательно) долларов в неделю квартиру, состоящую из двух спален, столовой, ванной и кухни. Постоянная горячая вода, полное оборудование кухни, столовая и чайная посуда, все приспособления для уборки квартиры, даже для стирки мелочей есть какая-то особая доска, телефон, электри-

чество, газ на кухне. Приходит прислуга и убирает квартиру, если вы того пожелаете. На дом вам присылают все, что вы закажете: молоко, хлеб, продукты мясные, зелень... Если не хотите сами хозяйничать, можете “купить” себе негритянку.

Все наши семейные устроились прекрасно. При этом домашнее хозяйство чуть ли не вдвое дешевле ресторанного образа жизни. Поэтому те, кто привез жен, нисколько не убиваются с расходами, им придется истратить на жен только сумму на проезд, и немного сверх этого на жизнь. Очень многие живут даже по две семьи в одной квартире, платят 35 дол., имеют одну общую столовую, а у каждой супружеской четы своя спальня; так живут Румянцевы и Тархановы, Бурджаловы и Марья Петр. Николаева с Ньюшей, Тарасовы и Булгаковы. И одинокие поселились с товарищами: Дима Качалов с Ершовым, Бакшеев с суфлером Касаткиным, Бондырев с Грызуновым. А кто хочет жить отдельно, в своей самостоятельной комнате, снял себе комнату в таких же пансионах, как живем мы с Рипси. И отдельно как будто, и хочешь повидаться, – пробежишь по лестнице вниз, вот и в гостях, и не одна.

Пока я Вам все это описывала, желая доказать, как здесь хорошо можно устроиться и, не тратя всего заработка, жить очень хорошо, приходил Л.Д.Леонидов. Он интересовался, выздоровел ли Ник. Аф., так как, оказывается, вопрос о нашем будущем вот-вот уж подходит к той ступени, когда надо решать судьбы. Стало быть, надо созвать дирекцию. А тут, как назло, Ник. Аф. чувствует себя отвратительно, сегодня поехал к доктору для исследования рентгеном и каким-то еще способом, захворал Бертенсон – простуда, как почти у всех: слабость, высокая температура. Вообще каждый день мы со страхом ждем со всех сторон извещений, что заболел тот или другой. Как-то никак не приладимся к здешнему климату. И усталость, вероятно, сказывается. Работать приходится много. А на той неделе нам предстоит дать не два утренника, как всегда, а три. Сегодня мы начинаем опять неделю “Федора”. Пока, слава Богу, кроме Успенской, которая выходит в нищих последней картины, хворающих нет.

Но пора уж рассказать Вам про спектакль “Трех сестер”. Трудно что-нибудь сказать определенное. Я ведь, сидя в зрительном зале, знала, как мало репетиций было, знала, что некоторые сцены вовсе не успели репетировать. Хорошо, обаятельно играет Вершинина Качалов, очень-очень хорош Тарханов – Кулыгин (то, что безумно обижает и злит Вишневого), Бакшеев в Соленом не плох, но, конечно, хуже Леонидова, Подгорный в Тузенбахе хорош, а будет играть, по-моему, очень хорошо, просто и трогательно. Играл он с температурой, страшно волнуясь за возможные накладки в тексте (суфлера почти не слышно), после нескольких небольших репетиций с Литовцевой и одной (1-го и 2-го акта) с К.С. Тарасова – красивая и милая Ирина, особенно в первых двух актах. Истерика ей как-то не удалась. Вот, кажется, и все.

Конечно, всем страшно мешало то, что репетиций было мало, ми-

зансцен почти совсем не проходили, введено было сразу много новых. Я-то знала, что приходилось новым на сцене же спрашивать у старых исполнителей: “А куда же мне сейчас пойти? Как повернуться?” Но публика этого не знает и спектаклем очень довольна. Аплодисментов множество, зал переполнен до отказа – чего же лучше желать? Пока, чтоб только не сглазить, дела идут очень хорошо и интерес к спектаклям большой. Конечно, американцев – широкой массы американцев – нет, есть только представители американской интеллигенции, читающей русскую литературу, интересующейся искусством. А остальное – это все выходцы из России, иногда даже почти забывшие язык, но принимающие все, что из России, что напоминает им родину, с необыкновенной любовью и радостью. И для них слышать звон церковный в картине Архангельского собора, увидеть знакомые типы оборванцев в “На дне”, офицерские шинели в “Трех сестрах”, вишневыя деревья за окном помещичьего дома так волнительно, что редкие могут удержаться от слез. Хотя и американцы плачут, вернее американки. Рассказывал мне Леонидов, смотревший тот же спектакль “Трех сестер”, что и я: кресла через три от него сидела американка, все время следившая за пьесой по переведенному на английский язык тексту; так, собственно говоря, сидят на спектакле почти все американцы – все время книжка в руке. Так вот эта американка в сцене прощания Маши с Вершининым являла такую картину: в одной руке книжка, в другой носовой платок. Плачет, скорей-скорей вытирает слезы, чтобы не пропустить слов в книжке, потом опять в слезы... очень растрогалась.

Когда же решится наша судьба, милый Владимир Иванович? Я все о своем. Больше всего об этом думаю и больше всего хочу, чтобы было так, как я хочу. Я все жду, когда же Вы мне напишете, как обещали. Ужасно хочется получить письмо от Вас. Буду его читать и перечитывать и улавливать Ваше настроение в каждой строчке, между строчкой. Пожалуйста, напишите мне. Желая Вам, милый и чудесный Владимир Иванович, здоровья и радости. Скоро весна у Вас, скоро весна и у нас будет – какое прелестное время, какие чудесные сумерки на склоне дня.

Ваша Ольга Бокшанская

22.

Нью-Йорк, 9-го февраля 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Сегодня я должна просить у Вас прощения за то, что письмо мое будет коротко и, должно быть, очень нелепо. Знаю я это заранее, так как очень плохо себя чувствую, больна, простужена, хожу с температурой, но приходится проводить все время в театре, так как сейчас у нас неделя “Федора”, стало быть, надо выходить боярыней. Заболеть

серьезно нельзя, и без того каждый день не досчитываемся участвующих, все время заболевания и недомогания. Всю эту неделю пролежали Бертенсон и Подгорный. Первый простудился, схватил легкую испанку¹, но, по слухам, собирается с будущей недели приходить на службу. Ник. Аф. болен серьезнее, но при нашей работе ему не удастся ни долго лежать, ни лечиться так, как следовало бы. Поэтому все лечение свелось к довольно беспокойному лежанию (его постоянно тревожат всякими делами, и даже пришлось ему два раза выезжать для устройства всяких театральных дел и начинаний) в течение пяти дней. В “Федоре” его заменить было нетрудно Гудковым², на следующей же неделе ему придется 8 раз подряд сыграть Трофимова в “Вишневом саде”. Жутковато!

Эти два больных – Бертенсон и Подгорный – так тесно связаны постоянной работой с нами, что нам было без них и хлопотно и скучно. Кроме того, болен бронхитом Гремиславский, схватил простуду Фалеев, Булгаковы оба, а все остальные жалуются на головные боли, насморк, кашель.

Сейчас дни у нас трудные. Сегодня, завтра и в понедельник (по случаю праздника) по два спектакля в день. Тяжко при общем недомогании и усталости.

Потрясающих новостей пока совсем нет, даже хоть сколько-нибудь интересных и то не могла бы Вам сообщить.

Судьба наша еще не решена, Леонидов находится в периоде большой разговорной и переговорной работы, а мы все волнуемся – что-то с нами будет и какова будет наша судьба.

Я надеюсь, что к понедельнику я поправлюсь и тогда напишу Вам более толковое письмо, а сейчас, право, не могу, голова тяжелая, словно чугуном налита, мысли едва в ней ворочаются, а тут еще по два спектакля в день и работа по театру в перерывах между выходами. Не судите меня строго, не могу писать менее нелепо. И опечаток-то сколько – просто совестно!

Сегодня получили четвертый выпуск Вашего журнала. Все хотят поскорей его получить, но мы, конечно, первые забрали, страшно интересно, как живете Вы в Москве.

Всего хорошего, дорогой Владимир Иванович. Желаю Вам здоровья и радости. Всем сердечный привет.

Я все жду и жду Вашего письма. И все нет его!

Ваша О.Бокшанская.

Леонид Давыдович заглянул в комнату, просит послать Вам его сердечный привет.

Нью-Йорк, 12 февраля 1923 года

Милый Владимир Иванович: –

Мое письмо будет перепевом письма Сергея Львовича¹ – нас волнует наша судьба, мы ничего не знаем о будущем, все, что нас интересует, стоит под знаком вопроса... А Вам, вероятно, скучно, скучно и скучно читать такие письма. Единственно, что ново в моем письме, это манера писать его, внешний вид. Это по-американски, здесь так пишут. Почему-то после обращения ставится двоеточие и тире и новая строчка начинается в конце строчки. Я и решила, что теперь буду писать на заграничный манер.

Сегодня мы начинали нашу неделю “Вишневого сада”. Правда, начали ее спектаклем утренним “На дне”. Был утренник по случаю здешнего какого-то праздника, стало быть, на этой неделе у нас всего будет девять спектаклей. На будущей неделе опять какой-то праздник и опять будет девять спектаклей на неделе, девять раз подряд будем играть “На дне”, причем по два раза в день спектакли будут в четверг, пятницу и субботу. Недурное настроение будет у наших актеров к концу будущей недели. “Дно” и без того завязло у всех в зубах, а тут играть его так много раз. А с вечера сегодняшнего пошел “Вишневый сад”. Так и завелись теперь на всю неделю.

Сегодня утренник ознаменовался печальным событием: во время первого акта, когда в одной из дамских уборных не было ни души, случилась кража, украли 10 долларов у Булгаковой, портмоне с несколькими долларами у Тарасовой и кольцо и одну серьгу у Литовцевой. Конечно, волнение началось большое, послали за полицией, снимали допрос с потерпевших. И весь темперамент у нашей молодежи, занятой в народной сцене, ушел в этот случай. На сцену вышли какие-то невнимательные, рассеянные. К тому же многие из молодежи играли роли (состав был слабый: Ершов – Барон, Тарасова – Настя, Тамиров – Алешка) и, стало быть, выбыли из толпы оборванцев, и трое было больных. Пришлось выпустить прежде не выходивших в “Дне”. К.С. очень рассердился на такую неудачную народную сцену и ушел со спектакля совсем расстроенный. Вообще К.С., по-моему, похудел здесь и часто бывает в грустном настроении: он, по-видимому, страдает от одиночества, от отсутствия той работы, какую он любит, от чужбины, от бездомной жизни.

Как давно не имели мы никаких известий из Москвы. Каждый день мы едем в театр с одной надеждой, авось пришла почта и мы все получим много писем. Видно, все нас позабыли, знать не хотят. Неужто Вы от нас совсем отвыкнете, милый, милый Владимир Иванович, и мы для Вас станем чужими, оторвавшимися от Вас, неинтересными Вам? Нет, не лишайте нас своего доброго отношения, дорогой, чудесный Владимир Иванович. И вспоминайте о нас хорошо, и, пожалуйста, пишите нам как только можете часто.

Желаю Вам, милый Владимир Иванович, радости и веселья, светлой, прекрасной весны.

Ник. Аф., который знает, что я сегодня буду писать Вам (он сегодня вышел для того, чтобы играть Петю), просил Вам кланяться низко и сердечно. Он все хочет написать Вам, и не может: то занят, то болен.

Ольга Бокшанская

24.

Нью-Йорк, 16/II 1923

Милый Владимир Иванович!

Наша машинка сломалась и потому я пишу Вам рукой. Надеюсь, что к следующей почте ее починят и Вам не придется больше одного раза сердиться на мои каракули.

Третьего дня Леонидов послал Вам телеграмму, ответ на которую интересует и волнует нас всех¹. Сейчас это главная тема дня. Высказываются десятки предположений. И почему-то мне кажется, – никто не угадал, как Вы ответите.

Болезни и недомогания у нас продолжают неумолимо. Заболел и лежит с повышенной температурой Грибунин, Подгорный играет сегодня при температуре 38.2 (я надеюсь, что удастся уговорить его не играть ни сегодня вечером второй спектакль, ни завтра и дневной, и вечерний. Трофимова спокойно может сыграть Добронравов). Гремиславский до сих пор не встал. Говорят, эти заболевания неизбежны для непривыкших к климату здешнему людей. И именно эти месяцы самые ужасные. Погода переменчива ужасно: сегодня тает, весенний воздух, слякоть, завтра сильнейший ветер, мороз, снег. Третьего дня был такой чудный весенний день с утра, что, придя в театр, я заявила: “Пойдемте после занятий в парк”. Когда мы часов в 5 вышли из театра, был такой холод, такой ураган, что Рипсимэ думала, что ее унесет ветром.

Настроение у всех из-за недомоганий отвратительное. Событий нет. Ежедневная работа утомила и раздражила всех.

Ждут с волнением и трепетом Вашей ответной телеграммы.

Всего хорошего, дорогой Владимир Иванович! Возможно, когда это письмо дойдет до Вас, у Вас будет весна, солнце, голубое небо и непролазная слякоть, такая веселая и милая в весенние дни.

Ваша О.Бокшанская

Нью-Йорк, 23-го февраля 1923 года

Владимир Иванович, милый, милый Владимир Иванович, спасибо Вам за Ваше письмо¹. Вы знаете, что я его ждала давно, с тех пор, как пришло Ваше обещание написать мне. Ждала с волнением и трепетом, знала, что обрадуюсь ему безумно, но – представьте себе – сама не подзревала, что уж так заволнуюсь. Даже не могла читать все письмо кряду. Прочитаю немного и передохну: сердце бьется. А уж вскрывала в каком волнении конверт: вдруг, думаю, и мне письмо будет, как все последние Ваши, – без обращения, только радости, что конверт на мое имя, а письмо – ко всем. Так было с Ник. Аф., когда я ему – больному – принесла письмо, адресованное Вами на его имя. Это письмо позднейшее, на неделю позднее писано, чем мое, а пришло оно сюда за несколько дней до моего. Ник. Аф. постоянно огорчается, что никак не может найти времени, чтобы написать Вам. А во время болезни очень часто об этом говорил, так что я даже уговаривала его научиться диктовать письма сразу на машинке, тогда я буду писать под его диктовку (как с Сергеем Львовичем); для этого и времени много не надо, чтобы написать Вам большое и подробное письмо. Говорили мы с ним об этом всякий раз, как я его навещала. И вдруг письмо от Вас на его имя. Я, конечно же, тотчас же повезла его к Ник. Аф. Если б Вы видели, как он заволновался. Взял конверт в руки, дышит тяжело и говорит: “Даже страшно вскрывать!” А как открыл, увидел, что письмо без обращения, что даже не побранили Вы его за молчание, сразу опустился на подушки без сил, потух, увял. Жалко было глядеть на него, так много он ждал. И вот я тоже с трепетом вскрывала конверт: а вдруг и мне такое же письмо. Но нет, Вы мне написали такое чудесное письмо. Вы меня не хвалили, нет, но и пробрали с оговоркой – может быть, не я виновата. На этот раз – правду Вам скажу – ни я, ни Серг. Льв. не виноваты: по-моему, Париж был городом, откуда я Вам писала чуть ли не через день. И Серг. Льв. писал очень часто. И все отзывы мы посылали Вам: и о “Дне”, и о “Вишн. саде”. Действительно, что-то неладное было с парижской почтой. Никто из знакомых моих писем из Парижа не получил. Страшно жаль, что письма эти пропали. Париж произвел на всех нас такое неизгладимое впечатление, что, вероятно, эти письма были самыми интересными за все время поездки. Последнее письмо из Франции я послала Вам из Шербурга, когда мы на маленьком пароходике ждали нашего отправления в порт, для посадки на “Мажестик”. Видимо, и это письмо Вами не получено².

Мне хочется написать Вам очень много, дорогой Владимир Иванович, но не знаю, хватит ли сил. Я хожу совсем больная, с температурой, вероятно, я сильно простудилась, но ложиться не хочу и не могу:

сейчас, когда болен Ник. Аф., никак нельзя заболеть кому-нибудь из администрации. Да и “Дно” идет у нас на этой неделе, стало быть, пропускать народную сцену нельзя, и без того народу немного, и К.С. будет огорчен, что спектакль составлен слабо и жидко.

О, если б Вы могли видеть и слышать, что наделало здесь Ваше письмо. Но лучше расскажу все в хронологическом порядке.

Ваше письмо получено было во вторник 20-го. А в понедельник 19 февраля, накануне, у нас в театре произошел грандиозный скандал: К.С. сильно рассердился на Гремиславского и кричал на него, не помня себя от возмущения. Может быть, такие случаи и бывали, но вот за те почти четыре года, что я в театре, я в первый раз слышала что-нибудь подобное. Дело было так: К.С. давно уже сердился на Ив. Як., что спектакли не обставляются тщательно, что техническая сторона поставлена халтурно, что ни одно из его протокольных замечаний не принимается в расчет. И правду надо сказать, по технической части у нас были постоянные недосмотры, упущения и погрешности. Пытались объяснить это тем, что нет одного хозяина на сцене, что спрашивают со всех, а не с одного, который бы и отвечал за все и всем бы распоряжался. К.С. сделал таким ответственным Ив. Як., но дело от этого не пошло лучше. Во время “Дна”, пока оно и в Европе, и здесь, К.С. постоянно делал замечания, что в III акте скат с горы, а также подъем (за сценой), по которому входят участвующие, сделан небрежно. Этот скат ставился всегда так, что в него постоянно кто-нибудь проваливался. И вот на этот раз провалилась Шевченко. Странно, что она не сломала себе ногу. На этот раз для ската и помоста даже не были поставлены станки, а поставили две скамейки, которые и разъехались. А Шевченко в провал между скамьями и попала. После конца сцены Шевченко устроила скандал. К.С. потребовал, чтобы в протокол было записано об этом, причем просил сделать сводку обо всех – за всю поездку – записях, сделанных на спектаклях “Дна” на этот счет. Ив. Як. тут же во время 4-го акта ответил, что сегодняшний факт – случайность, потому что не могли найти нужного станка, доски с него пропали куда-то, поэтому наскоро были сложены две скамьи, что вообще спектакли шли благополучно. Когда К.С. это увидел, он ужасно рассердился. После конца спектакля он так кричал в мужской уборной (для всех стариков есть одна большая уборная, там одеваются человек 10–12) на Грем., что было слышно во всех этажах. Правду сказать, я боялась за него, от такого крика можно было упасть в истерике, в припадке, я с трудом представляю себе, что от этого крика можно отойти сразу – так вот покричать и перестать. Грем. ему возражал, сказал, что не позволит говорить с собой в таком тоне, что у него есть заслуги перед театром, которые исключают такой тон по отношению к нему. Словом, К.С. остался один, он сделал ряд записей в протокол о недочетах. В конце протокола он написал, что за громкий голос и тон, которым он говорил, он извиняется, но за суть того, что говорил, упрекает тем настойчивее.

И вот на следующее утро пришло Ваше письмо, в котором Вы пишете строки такие, будто Вы предвидели все, что у нас происходит. Я прочитала письмо и пошла на сцену, куда как раз пришел К.С. для репетиции “Провинциалки”. Когда он прочел это письмо, он даже заволновался от того, как метко попало это письмо к нам именно в тот день. Он тут же прочитал вслух эти строки всем, кто был на сцене. Вечером во время спектакля это письмо читалось в мужской уборной (у стариков), и К.С. прислал мне его обратно с просьбой выписать Ваши слова – Ваши опасения за то, что спектакли могут скоро принять халтурный тон – и дать всем под расписку: пусть все знают, что Вам известно небрежное отношение к спектаклям в поездке, что такое отношение даром не пройдет. И вот тут-то началось! Вчера, когда у меня была выдача жалованья, я всем и стала давать под расписку читать выписку из Вашего письма. Поднялась такая буча, такой галдеж, что страшно.

Сначала несколько человек расписались и пошли к товарищам разнести новость. Потом нашлись такие, которые заявили, что расписываться не будут ни за что. И как я убеждала, что расписываются не в том, что они халтурщики, а в том, что действительно прочитали выдержку, – убедить их не могла. Потом те, кто расписались, явились с просьбой, нельзя ли их фамилии вычеркнуть, они не желают расписываться в том, что они халтурят. Начинаю им объяснять, что они заблуждаются, расписку они дают не в этом. “Тогда разрешите около фамилии сделать приписку”. Говорю им: “Делайте, пожалуйста”. Приписали, что к себе этого обвинения не принимают, они не халтурят. И так весь день, у нас было как раз два спектакля (у нас на этой неделе опять девять спектаклей, 6 вечерних и 3 утренних), – народ “собирался в скоп”, галдели, шумели, высказывали предположения, составляли планы... Не знаю, к чему они пришли. Они, по-моему, ко мне недоверчиво теперь настроены. Их все время интересовал вопрос: “Кто Вам обо всем пишет?” И так как известно, что я пишу очень часто, то решили, что тут дело не обошлось без моих наговоров. Я им откровенно сказала, что да, пишу обо всей жизни театра, которая мне известна. И если спектакли идут хорошо, пишу, что все хорошо, а если бывают накладки, то пишу о накладках. Планов, я знаю, у них было много: и Вам коллективное письмо собирались писать, и идти всей массой “молодежи”, “актеров на вторые роли” к К.С. за разъяснениями. Кто-то додумался даже до такого вздору, что после такого оскорбления в МХТ служить нельзя, надо всем коллективом вторых актеров выйти из дела. Но сказал это, слава Богу, не актер, и к тому же большой несмышленьш вообще. Сегодня прошел только утренник, правда, с участием К.С., но ни о каких разговорах и объяснениях слышно не было. Вероятно, улеглось волнение. Или придумывают что-нибудь организованное, какое-нибудь организованное обращение к К.С. или к Вам. И ведь никто не вник в Ваши слова, в то, что Вы ничего положительного о спектаклях наших не пишете, а что, зная хорошо труппу, можете предположить, что спектакли могут

принять халтурный тон. Обиделись на то, что старикам, мол, можно халтурить, а именно от стариковской халтуры и портятся спектакли. Стали обвинять, что старики только о деньгах думают, о зарплатке, о дивиденде, а не о художественности спектаклей. Я им, конечно, в ответ, что они тоже о художественности мало думают, а только и считают, сколько старики от поездки выгадают, сколько заработают. Вскружили всем головы здешние доллары. И то, что дивиденд теперь несомненен, огорчает тех, кто в дивиденде не заинтересован. И все незаинтересованные считают, что надо делиться со всеми, кто в поездке. Словом, как до денег дело дошло, так все готовы передрасться. Противно!

Нынче я Вам в понедельник – мой обычный для письма к Вам день – не писала. Во-первых, чувствовала себя ужасно, стало быть, работала медленнее и хуже. Во-вторых, работы было больше, чем всегда, т.к. это был один из дней очень тяжелой стадии болезни Ник. Аф., и Рипси сидела у него, не отходя ни на шаг, а я весь день проводила в театре, работая за себя и за нее, в-третьих, было крайне нужно послать большое письмо Е.М.Раевской, в-четвертых, было трудно Вам писать, ввиду неясности положения с кинематографом. Как раз в понедельник Л.Д.Леонидов принес известие, что в ателье той фирмы, которая пригласила нас на съемку, произошел крупнейший пожар. Могло слететь все задуманное дело. Он был в отчаянии. Это извещение он получил одновременно с телеграммой от Вас, хотя и не утверждающей наши планы, но дающей надежду, что Вы многое сделаете для пролонгации. А так как вера в Вашу силу у нас громадная, то у него было впечатление, что пролонгация весьма возможна. И вдруг такой удар – может полететь съемка. Все это нервило нас ужасно. И я никак не могла заставить себя написать Вам. Теперь же, когда от фирмы получено извещение, что они не меняют своего решения и предложения, стало спокойнее. Уже состоялось вчера первое заседание у К.С., на котором штудировались материалы для сценария. Материалы эти даны совместно Вас. Вас. и Койранским, в форме изложения событий истории. Некий “Иловайский”³... Сценарий по этим материалам будет составляться каким-то великим здешним специалистом. Воображаю, что он сделает из наших исторических лиц и характеров. Но так, говорят, надо, чтобы сценарий был написан знаменитостью и специалистом.

Мы с большим нетерпением ждем обещанной Вами телеграммы. От этого зависит распределение наших спектаклей. Если мы возвращаемся в Москву к осени, мы играем в Нью-Йорке только до конца марта. После этого выезжаем в поездку в Чикаго, Филадельфию, Бостон, – неделя на шесть. Если же пролонгация нам будет дана, то мы в поездку весной не едем и остаемся в Нью-Йорке и после конца марта еще на шесть недель. После этого намечается съемка. Поездка же в провинцию откладывается на осень. Все это должно решиться на днях, т.к. надо выпустить репертуар – прощальный или непрощальный. Об этом, конечно, идут постоянные разговоры, толки, пожелания, вздохи...

Сегодня ко мне приходила Л.М.Коренева со специальной просьбой – дать ей Ваше письмо для прочтения. Прочитала, заволновалась... просит написать Вам, что она Вашим приветом очень-очень дорожит и потому его от Вас себе просит. Хотела бы она написать Вам, но не знает, как это сделать, колеблется: писать, что будто все прекрасно, стало быть, лгать – не может, жаловаться на то, что ей нехорошо, – не хочет. Кланяться просила Вам сердечно.

Милый Владимир Иванович, только Вы могли так замечательно написать, так замечательно напомнить, почувствовать дали всю прелесть, все обаяние нашего дома в Камергерском, это очарование серо-зеленых коридоров, диванчика за сценой... Такой чудесный, родной такой наш двор с дровами, с больничным подъездом...⁴. Когда Вы писали Ваше письмо, было 9 градусов, был снег, Вы кутались в доху. А когда Вы будете читать мое ответное письмо, вероятно, будет тепло, во дворе будет веселая весенняя грязь, блестящие под солнцем лужицы. И Вы будете гулять по деревянным настилам во дворе и радоваться теплу и новой весне. Ах, как хочется в Москву, к Вам, в наш театр. Туда, где вот то самое настоящее, что радует и волнует.

Как могли Вы подумать, что какая бы то ни было шумиха может затуманить воспоминания, может отодвинуть недавнее прошлое очень-очень далеко? Нет на свете такой шумихи, нет на свете такого города, который бы заставил позабыть, отойти от Москвы, от Вас, от всего, что дает Ваше присутствие, Ваше влияние, Ваша мудрость, весь Вы – необыкновенный, изумительный Владимир Иванович.

А в Нью-Йорке к тому же никакой такой необыкновенной шумихи и нет. И Ваше воображение может создать куда более необыкновенные, фантастические вещи, чем действительность Нью-Йорка.

Мне бы очень хотелось написать Вам и о Нью-Йорке сегодня, но уж нет времени: сейчас начнется вечерний спектакль. А вот на той неделе идут “Карамазовы” и “Провинциалка”, на выходе я не занята, стало быть, тогда буду свободнее и напишу. Авось и поправлюсь окончательно к тому времени. Никак не могу освободиться совсем от нездоровья.

Милый Владимир Иванович, все мы шлем Вам сердечный привет: и Рипси, и Леон. Дав., и Ник. Аф., и я. Бертенсон написал одновременно письмо. Но я хотела бы, чтобы Вы почувствовали, сколько бесконечной, неизменной нежности вкладываю я в мой привет Вам, чудесный Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская.

Да, забыла Вам написать об очередной болезни, чуть не погубившей нам спектакли: так как Подгорный заболел на прошлой неделе, в помощь К.С. в неделю “Дна” назначен был Ершов (Сатин). И вдруг накануне дня своего первого выступления Ершов заболевает испанкой, у него 40.2 температура. А К.С. измучен до последней

степени и ему еще предстоит неделя “Провинциалки” без дублера. 8 спектаклей подряд. В один день Болеславский, тоже полубольной, выучил как-то текст и играл Сатина. Конечно, первый раз играл шатко, а сейчас уж освоился, и его реплики публика принимает теперь хорошо. Видно, как безумно трудно составлять здесь спектакли: кто-то заболевает – и все может полететь.

26.

Нью-Йорк, 25 февраля 1923 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня придет к Вам телеграмма, между строк которой Вы, вероятно, прочтете всю тревогу и волнение, которыми мы живем в ожидании ответа. И, поверьте, что это не только волнение из-за возможного отказа. Если не большинство, то, во всяком случае, половина труппы (количественно, но не качественно) мечтают, чтобы ответ был отрицательным. Вы знаете ведь так хорошо, живя так безумно далеко от нас, кто хочет остаться, кто – нет. И если даже число желающих будет меньше, то сила, качество их будут так велики, что они перетянут. Но самое важное одно: знать сейчас, немедленно, останемся мы или нет. Если нет, то тогда надо брать все, что только возможно, не заглядывая в будущее, урывать, зарабатывать все. Если же остаемся, надо обдуманно пользоваться всем, использовать каждый город, каждую пьесу. Если уезжаем весной или осенью, второго апреля надо на шесть недель ехать в провинцию и брать от нее все, что возможно. Но, конечно, в этой спешке всего не возьмем, провинция может дать куда более продолжительные гастролы, если б не было на носу здешнее безжалостное лето. Летом здесь нестерпимая жара, ни в какой театр публику не заманишь, да и играть невозможно, так как грим не может и полчаса держаться на лице и стекает тотчас. Если же мы остаемся до начала будущего года, то, возможно, что останемся до 1 или до 15 мая в Нью-Йорке безвылазно (или съездим в один только из городов провинции), затем немного отдохнем, потом начнется съемка, потом опять небольшой отдых, потом осенний сезон и настоящее использование всей провинции. Мы все, конечно, прекрасно понимаем, что если б у Вас был в руке тот или иной ответ на нашу просьбу, Вы бы немедленно телеграфировали. И все же телеграмма посылается сегодня в надежде, что и наше нетерпение будет Вам очень понятно.

Волнение, сделанное Вашим последним письмом на мое имя, до сих пор не улеглось. По-моему, наша молодежь что-то строчит, какое-то письменное выступление, только не знаю, обращенное к Вам или к К.С. Одно только мне известно – уже мне сообщено, – что виновницей всех бед и Ваших “несправедливых” обвинений являюсь я. По их мнению, это я в своих письмах доношу Вам, с большим пристрастием в пользу

стариков и с обвинениями против молодежи, все подробности нашей театральной жизни. Ваша заключительная фраза: “Я имею основание писать эти строки...” – понимается так: у меня есть письма от Ол. Серг. и я все знаю. Конечно, им небезызвестно, что и К.С. пишет Вам подробные письма, но ведь против К.С. зуба иметь нельзя, а против меня – можно. Сегодня меня уже встретили вопросом: “Не получали ли еще новых писем от Вл. Ив?”, сказанным довольно ехидно. Мне все равно. Лжи я не пишу, пишу только факты и то, как я сама их понимаю. Но ведь я Вам пишу, Вам, который лучше всех может разобраться в каждом слове, в каждом помысле, в каждом движении человеческой души. Это им, кажется, на ум не приходит.

И, видимо, не понимают они, что можно не получить ни одного отчета о спектаклях, а только по Москве знать каждого в отдельности и всех вместе, и все-таки безошибочно предсказать, что будет со спектаклями, с артистами, с техниками после того, как жизнь театра войдет в будничную колею. Милый Владимир Иванович, своим необычайно мудрым, спокойным и всепрощающим отношением к окружающим Вас людям Вы научили и меня спокойнее относиться ко всяким выпадам и проявлениям мелочности людской. И я ужасно рада, что так равнодушно готова теперь ко всем несправедливостям и шпилькам, которые посыплются на меня.

Вы – самый изумительный, самый замечательный. И вот когда Вы скажете, что я никуда не гожусь и что я Вам никак не нужна, – ну, тогда ничего мне не надо, пусть летит моя жизнь, куда угодно, пусть катится вниз, кувырком, – все равно. Вы знаете, как я хочу скорее вернуться к Вам и работать у Вас. А знаете ли Вы, как я боюсь этого? Как боюсь оказаться ненужной Вам. Как боюсь такой же встречи, какая была, когда я в первый раз вернулась из Берлина. Лучше никогда не возвращаться, чем еще раз увидеть Вас таким, как в ту весну 1922 года.

Сегодня у нас последняя возможная премьера: “Провинциалка” и три сцены “Карамазовых”. Спектакль давно жданный очень многими из труппы, так как многие наконец будут свободны целую неделю. Зато дальше репертуар утомительный: неделя “Федора”, неделя “Дна”, неделя “Федора” и, наконец, сборная неделя: каждый спектакль по два раза: “Дно”, “Провинциалка”, “Вишневый сад”, “Три сестры”.

На прошлой неделе, несмотря на повышенную температуру и кашель, я снова дала себя уговорить пойти на негритянскую оперетку. И снова, сидя с Бертенсоном и Леонидовым, мы вздыхали от огорчения, что Вы этого не видите. Это невозможно описать, хотя в одном из моих писем я обещала дать Вам подробный отчет о спектакле. Мелодии и манера играть их так необычайны, что ни один “белый” их так не сыграет. Мне говорил Серг. Льв., что А.И.Зилоти играл эти мелодии, но у него того не получается, что дают черные музыканты. Темпы совершенно сумасшедшие, смена их очаровательна и всегда совершенно неожиданна. Ритмичность актеров так необыкновенна, что поражает всех – от

знатоков до полных профанов. И как танцуют, как танцуют! Каждый нерв, каждый мускул пляшет. И все так легко, так просто, без малейшего нажима. Юмор детский, непосредственный. Содержания в оперетке ни малейшего, костюмы, декорации убоги и жалки, но ничего этого не замечаешь, как только оркестр начинает одну из необыкновенно очаровательных мелодий и начинаются сольные или кордебалетные танцы. И если б Вы слышали, как поют их трубы, какие необычайные вариации выделывают они, обновляя каждый “бис”. И какая поразительная выносливость у актеров: они могут бисировать номера пения и танцы по 10–16 раз, при том что темп сумасшедший, вихреподобный и па танца немисливо сложны. И мы к тому же были на втором спектакле, потому что по средам они играют два раза в вечер: первый спектакль начинается в половине девятого, второй – около двенадцати. Все варьете, которые я видела, страшно похоже одно на другое, и только этот спектакль не похож ни на что, виденное до сих пор.

До свидания, милый Владимир Иванович, до следующего письма. Я Вам пишу очень часто, доходят ли мои письма до Вас? Я уже получаю известия о пропавших моих письмах в Берлин, что же тогда думать о доставке писем в Россию?

Желаю Вам много радости, много светлых солнечных дней.

Не забывайте меня, будьте добры ко мне, пожалуйста.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Л.Д.Леонидов просит сообщить Вам и Екатерине Николаевне: он получил письмо Ек. Ник., тотчас же телеграфировал в Женеву, получил оттуда телеграфный ответ. Мар. Ник. вышлет игрушки, и Л.Д. обещает сделать все, чтобы распространить их¹. Он рад быть полезным Вам и Вашей семье. Просит принять его сердечный привет.

И я кланяюсь милой, дорогой Екатерине Николаевне и желаю здоровья и счастья.

Вот что просил передать Вам Николай Аф., а я чуть не забыла: ему очень совестно, что до сих пор отчет за Европу не послан Вам. Как предполагалось – высылать Вам отчет за каждый город – оказалось невозможным. Но зато как только приехали в Нью-Йорк, тотчас сделали отчет за всю Европу. Во все время поездки все правление приставало к Ник. Аф. с отчетом, а как только отчет оказался готов, никак он не может собрать правление для его просмотра и утверждения. Поэтому и не высылает его Вам. Просит он Вас его не укорять за небрежность, здесь не его вина, а затягивание и отмахивание дирекции. Как только Ник. Аф. поправится, он снова попытается созвать правление.

Нью-Йорк, 2-го марта 1923 года

Дорогой и милый Владимир Иванович!

Сегодня Рипсимэ получила письмо от Федички Михальского, которое так живо воскресило все то, что в суете нашей жизни живет в наших душах как воспоминание о прекрасных, далеких днях. Как хочется в Москву, страшно!

Вас. Ив. получил Ваше письмо. Вероятно, он сегодня принес его старикам почитать, но я не знаю, что Вы писали ему¹. Вас. Ив. меня не жалует и, конечно, мне не удастся увидеть это письмо. Вас. Ив., слава Богу, поправился. А то эта очередная болезнь нарушила было спокойное течение нашей недели. Сейчас идет неделя “Провинциалки” и трех сцен из “Карамазовых”. Вас. Ив. сыграл два спектакля первых, причем на второй день играл уже с температурой, – и занемог. Спешно репетировали сцену “У отца” (В.В.Лужский и Добронравов) и заменили ею “Кошмар”. Конечно, это не заменило для публики Качалова, тем более что уведомить об этом газеты не было времени. К тому же замена эта чрезвычайно смутила американскую нашу публику. Ведь она, приходя на спектакли, запасается книжками с полным переводом (или с подробным изложением) идущих сцен. И мне пришлось видеть, как какая-то американка тщетно искала в книжке хоть одну страницу, в которой было бы сказано что-либо похожее на то, что происходит на сцене. Сцена “У отца” прошла два вечера. Сегодня же, слава Богу, Качалов уже здоров и играет и днем, и вечером.

Вчера я специально пошла смотреть “Провинциалку”, чтобы известить Вас о том, какое впечатление произвела на меня Книппер. Как ни жалко сознаться, но она неинтересна в Дарье Ивановне. И с Марией Петровной сравнить нельзя². Подлинно интересных моментов было два-три, а все остальное – не легко, не смешно, не радостно и весело. Очень нравится К.С., которого после его первого ухода со сцены провожали аплодисментами. А на премьере попросту не давали петь, – как запоет, так аплодисменты. Кто совершенно замечателен – это Грибунин. Он так легко играет, без малейших нажимов, для этой публики, как и в Москве. И публика принимает каждую его реплику, каждое движение, хотя это все такие нежные полутона, что, казалось бы, немногим могли бы быть понятны. Смешат и Булгаков, и Добронравов. В прессе спектакль имел лучший успех, чем все предыдущие премьеры. Не понравились, вернее, не так понравились, пьесы, но зато исполнение находят блестящим. Москвину за его “Мочалку” поднесли титул “артиста с Марса”, т.к. на земле подобного артиста нет³. Сборы на этой неделе тоже не те, что прежде, бывают свободные места, к чему мы до сих пор не привыкли.

Чтобы Вас развлечь, Серг. Льв. посылает Вам две вырезки из местной русской газеты – образец безграмотности и дурного тона. Не знаю, какое они произведут на Вас впечатление, быть может, Вы их просто

с брезгливостью отодвинете от себя, но нас они рассмешили страшно. Кроме того, Сергей Львович просит переслать Вам перевод статьи о “Дочери мадам Анго”. Я же сегодня отправила Екатерине Николаевне два модных журнала, в которых, между прочим, есть статейки, а в одной и рисунок, о нашем театре. Очень бы хотелось, чтобы эти два пакета дошли до Вас. Мне хотелось бы сделать приятное Екатерине Николаевне и доказать ей, как много мы о ней думаем в своих мыслях о театре.

Невыясненность нашего положения стала хронической. И все же мы никак не можем к ней привыкнуть. Тридцать раз даешь себе слово, что о будущем раздумывать нечего, и все-таки страшно хочется знать, что-то будет.

Третьего дня я побывала в одном из местных театров-варьете “Ипподром”. Там идет не то обозрение, не то какие-то отдельные номера. Программа эта исполняется раз десять (считая с утренниками) в неделю, причем обозрение это поставлено года два-три тому назад и с тех пор идет ежедневно. Как Вам нравятся эти масштабы. Программа поразила меня своей безвкусицей, но подавила количеством людей на сцене и теми трюками, что они придумывают. Сначала было что-то полуцирковое: и ученая собака, и ученые слоны, и, наконец, здешняя знаменитость, ученая ворона, которая жонглирует клювом мячиками, потом играет в мяч со своим хозяином, потом ловит мячик, который ей бросают желающие из публики. Ворона эта, как говорят, получает 1 000 дол. жалования в неделю. Были и акробаты, и очень много всяких бездарнейших танцев. Да, забыла Вам сказать, что сцена колоссальнейшая, причем занавес идет овалом по рампе и не раздвигается, и не поднимается, а опускается под пол. Открывая сцену, занавес этот открывает только авансцену, а за авансценой есть еще раздвижной занавес. На этом опускающемся и поднимающемся занавесе, между прочим, подымали вверх массу женщин, поющих в это время финальные куплеты, кажется, второго акта. Третий же акт начался тем, что, когда занавес опустился под пол, открылась вся сцена, которая являла собою громаднейший бассейн. Декорации в глубине изображали купальные домики, мостики, словом, какой-то “баде-орт”*. И вот в этот бассейн (на котором клоуны разъезжали на лодочках, на мотоциклетах, с пузырями) стали прыгать со всякими вывертами десятки клоунов, какие-то полицейские, какие-то дамы... кавардак страшнейший. Потом явились девицы в модных спортивных костюмчиках, которые сначала сыграли на стаканчиках и рюмочках какой-то вальс (они вышли на сцену по краю рампы и вытащили из-под пола столики с рюмками). Исполнив свой номер, они, стоя спиной к бассейну, кувырнулись в воду и были таковы. Потом несколько женщин в трико стали прыгать с приделанных с боков сцены балкончиков в воду, с большой высоты, причем прыжки и сальто-мортале в воздухе, до достижения ими воды, были чрезвычайно сложны. В конце концов две из них прицепились ногами к спущенным к воде трапециям. В таком положении, висящими вниз головой, их подтянули

к самой вышке сцены, и они оттуда полетели вниз. Наконец, для финала, декорация с купальнями поднялась вверх и открылась вся глубина сцены. Изображался какой-то пейзаж, который широкой лестницей соединялся с бассейном. И вот под звуки торжественного марша ряды женщин, одетых в блестящую чешую, стали по этой лестнице сходить в бассейн, погружаясь постепенно все ниже, ниже, и наконец пропадая в воде. Они шли бесконечными рядами, медленно, торжественно. После этого спустили тьму, на бассейне кто-то копошился, в то время как публику развлекали пением романсов. Наконец опять сцена осветилась, и мы увидели громадную ладью, во всю сцену, на которой все эти золотые чешуйчатые женщины устроили апофеозную группу. Безвкусно страшно, но размеры подавляющие. Например, во втором акте на сцене был цирк, целая круглая цирковая арена, на которой были показаны номера с 12 лошадьми одновременно. И эта арена далеко не занимала всей сцены.

С будущей недели начинаются для меня тяжелые дни: пойдут подряд пьесы, в которых мне приходится выходить. Боязнь опоздать на выход и необходимость во время спектакля заниматься в конторе нервят ужасно. Здесь сигналов на выходе нет, даются только световые сигналы перед началом каждого действия.

До свидания, милый Владимир Иванович. Не забывайте нас, не забывайте меня. Желаю здоровья и счастья.

Ваша Ольга Бокшанская

28.

Нью-Йорк, 5-го марта 1923 года

Милый, милый Владимир Иванович!

Вчера пришла Ваша телеграмма о почти решенной пролонгации нашего отпуска. Вчера было воскресенье, день, когда мы все свободны, не бываем в театре, развлекаемся, как хотим. Л.Д. моментально пошел к К.С. и ему показал телеграмму, зная, как К.С. ждет Вашего ответа. Потом по телефону он пытался сообщить всем “старикам”. Искал Ник. Аф., но так как того целый день не было дома, то, к своему громадному огорчению, не мог поговорить с ним о таком важном Вашем сообщении. Вечером мы в компании, в которой был и Ник. Аф., пошли в кино и на обратном оттуда пути, вообразите, встретили Л.Д. на Бродуэй совершенно случайно. Конечно, Ваша телеграмма взволновала нас всех чрезвычайно. Позвольте здесь сделать отступление от рассказа и поблагодарить Вас за Ваши слова ко мне, написанные в телеграмме. Я была страшно горда и счастлива, что Вы мной довольны. Конечно, сегодня меня уже дразнили: “Получили всемиловейшую благодарность?”

Весь вечер провели мы в чтении и перечитывании Вашей телеграммы, в разгадывании Ваших планов и намерений. И как хочется

знать чувства, Вас волновавшие, при получении наших двух последних телеграмм. Л.Д. вчера обошел всех, кого мог, чтобы сообщить о вестях, полученных от Вас, так что вернулся домой что-то страшно поздно и почти не спал. Сегодня пришло на его имя письмо от Вас, но что в нем, пока не знаю, так как его Серг. Льв. унес на заседание к К.С., чтобы передать его Л.Д.¹

Сегодня у К.С. заседание с кинематографщиками, уже второе. Но, вероятно, на этом заседании, после ухода американцев, будет обсуждаться Ваша телеграмма и наши дальнейшие планы. Представители кино с большим интересом относятся к беседам с К.С. и к его планам сделать новый психологический рисунок в фильмовых постановках. Когда им дали голый сценарий, или вернее, материалы для сценария, им показалась скучна вся эта история, и они как-то разочаровались. Но когда они явились к К.С. и тот увлекательно стал набрасывать проекты некоторых сцен, свои мечты дать необыкновенную темпераментность игры, свое желание привлечь внимание зрителя к дальнейшим сценам, насыщенным глубочайшим переживанием, американцы рты разинули, заволновались, и теперь отбою от них нет, все просят совещаний-заседаний совместно с К.С. Но формального договора у нас пока нет, окончательное и наше и их решение откладывалось, нами – по соображениям полной невыясненности нашего положения, ими – вероятно, по каким-то их собственным соображениям².

Третьего дня получила я от Фед. Ник. письмо, сообщающее о получении посылок и распределении их. Там произошло недоразумение из-за неточности телеграммы. Оставшиеся у Ф.Н. 1½ посылки принадлежат матери Лазарева. Ей же должна быть отдана половина посылки, отданной Редлих, т.к. последней от Тарасовой послано было только полпосылки. Я надеюсь, что все это недоразумение уже выяснено и ликвидировано, с получением посланной мною Вам копии телеграммы о посылках.

Вы просите прислать Вам подробное описание театра, в котором мы играем, может быть, фотографию. К сожалению, последнего исполнить не могу, нигде еще не видела открыток с изображением Ол Джолсонс-театра, а любителей-фотографов у нас нет. Подробное же описание постараюсь Вам сделать. Как это странно! Как раз в течение последних недель я все время собиралась одно из моих очередных писем посвятить описанию нашего театра, даже соображала, как бы это нарисовать Вам план его, несмотря на полное отсутствие рисовальных способностей.

Хотя театр наш называется Театром 59-й улицы (Ол Джолсонс-театр – что значит Театр Ол., сокращенное от Александр, Джолсона, – он называется потому, что в нем играл – а может быть, он и принадлежал даже – знаменитый артист, носивший это имя), он только одним из боковых своих фасадов выходит на 59-ю улицу. Фактически он выходит главным своим фасадом, откуда и вход для публики, на 7-е авеню. Второй же боковой фасад выходит на 58-ю улицу, где находится и вход

за кулисы. Театр невысокий, особенно по сравнению с соседними громадными зданиями, имеет 4 этажа. Со стороны 59-й улицы он отделан светло-серым крупным камнем, с 58-й улицы он светло-зеленого цвета, а передний его фасад, с 7 авеню, выложен белыми кафельными плитками. В нем большой подъезд, имеющий три двери подряд. Подъезд с навесом, на навесе электрическая вывеска по-английски: анонс о наших гастролях. Лампочки на вывеске красного цвета. Очень близко к этому главному входу есть еще одна большая стеклянная дверь, ведущая в верхний ярус. Когда вы входите в одну из дверей с главного подъезда, вы попадаете в небольшой, очень небольшой вестибюль, в котором слева помещается касса с двумя окошечками. Затем три двери ведут просто в зрительный зал. Почти все театры здесь устроены так. Зрительный зал так близок к улице, что в него долетают крики газетчиков, гудки такси. Когда я смотрела “Гамлета” и сидела близко к входной боковой двери, то наряду с речью актеров я все время слышала все шумы улицы.

Итак, вы попадаете в зрительный зал. Он устроен следующим образом: проход посередине, проход между креслами и ложами партера справа и слева, следовательно, три прохода. Ряды стульев начинаются не сразу от задней стены. Стена эта и небольшой барьерчик, устроенный параллельно стене шагах в 4–5, образуют как бы коридор позади партера. В этом коридорчике – стоячие места, даровые посетители, но, по правде говоря, сущий базар. Там стоят люди в шляпах, говорят о своих делах, там же продают либретто и переводы наших пьес. Партер имеет 25 рядов, по 30 кресел в каждом ряду. Театр весь обит полосатым бархатом в тоне вьё роз¹, впадающем в коричневатый. Пол затянут везде желтовато-коричневым бархатом в черных арабесках. На потолке, конечно, много золота, каких-то зеленых разводов. Занавес поднимается вверх, а не раздвижной. Он тоже в том же тоне розово-коричневого бархата. Слева от зрителя, довольно высоко, нашита наша “чайка” 3/4. Отделка стен кое-где разнообразится мраморными плитами. На одном уровне с креслами партера, ничуть не выше их, находятся ложи. Собственно говоря, это те же кресла, только отгороженные от зрителей партера небольшими барьерчиками. Их по девять с каждой стороны; при этом первые две с каждой стороны очень вместительные, по 10–15 мест, остальные по 8 мест. Вот все описание партера. Первый ряд страшно близко к сцене. Места для оркестра в этом театре нет. Затем этот театр имеет балкон, подымающийся страшно круто кверху. Балкон этот имеет 25 рядов, причем последний ряд где-то под самым потолком, под самой вышкой для рефлекторов. Сегодня, когда я специально днем побегала по театру, чтобы потом подробно описать Вам его, я посидела и в этом последнем ряду. Так голова кружилась от высоты.

Но такие высокие места существуют только прямо против сцены. С боков же амфитеатр сходит на нет. Сбоку помещаются по три ложи с каждой стороны. Театр имеет очень уютное фойе в том же тоне розовато-коричневого бархата. Всего в театре, несмотря на то, что в нем толь-

1 От франц. *vieux rose* – вяло-розовый.

ко партер и один ярус, 1 700 мест. Расценка следующая: первые шесть рядов – 5 дол. 50 центов, следующее 6 рядов 3 д. 85, следующие 8 – 3 д. 30, следующие 5 – 2 д. 20. Амфитеатр яруса начинает свою расценку с 3 д. 85 ц. Студенческие билеты 1 д. 20 ц.

Теперь перейдем к закулисным описаниям. Через небольшую дверь с 58-й улицы вы попадаете сразу в широкий проход, коридор, назовите, как хотите, который непосредственно ведет на сцену. Сцена не отделена ничем от внешнего мира, ни стеной, ни дверями. Вы идете по этому коридору шагов 20 и сразу попадаете на сцену. Очень близко от входа с улицы, направо есть небольшая комнатка, там помещается наша бутафория. Тут же около бутафорской, в этом коридоре, висят колокола для “Федора”. Затем через несколько шагов вторая дверь. Это уборная для “звезд”, в которой помещаются наши премьерши. Около этой двери идет невысокая лестница вверх. Лестница эта кончается довольно большим балконом, на котором стоят такие вещи бутафории, как, например, деревья “Вишневого сада”. Кроме того, эта лестница приводит вас к двери большой уборной, где гримируются все наши “старики”. Во все остальные уборные дверь ведет со сцены, справа от актеров. Лестница в эти уборные идет к лестничной клетке без каких-либо выходов, до 3-го этажа, где помещается наша молодежь, наша с Рипси комната, где мы и занимаемся, и гримируемся, кабинет Серг. Львовича и Леон. Дав. и костюмерная. Затем есть еще несколько уборных в 4-м этаже. Там одеваются сотрудники во время “Федора” и помещается М.Г.Фалеев со своими париками. Уборные все очень неинтересны. Длинная узкая комната с одним окном. Во всю длину боковой стены цинковый стол. На стене перед ним ряд зеркал, пять-шесть, с боковыми лампочками. В углу умывальник с постоянной горячей водой. Простые стулья, по одному перед каждым зеркалом. Вот и все. Шкафов нет, на противоположной от зеркал стене большая вешалка. Такое же убранство и в той большой уборной, где одеваются “старики”. Пожалуй, там даже хуже, потому что сама комната уже. Но зато это не третий этаж, к ним ведет небольшая лестница ступеней в 10–12.

Сцена небольшая, неглубокая, настолько неглубокая, что никаких декораций, нужных к следующей картине, на ней поместить нельзя. Они стоят в том коридоре, который ведет к сцене, прислоненными к стене. Так как мы играем целую неделю одну и ту же пьесу, то все наши декорации хранятся на складе, а в театр привозятся лишь декорации идущей на этой неделе пьесы. Проход на левую от актеров сторону сцены большею частью по сцене невозможен: декорации стоят очень близко к стене, а если не это обстоятельство, то просто страшно шевелить задник. Поэтому на ту сторону сцены надо ходить под сценой. Может быть, есть и еще какие-нибудь чисто технические недочеты и плюсы, но они, вероятно, заметны для техников сцены и специалистов, мне же надо в этом случае молчать.

Словом, когда я сказала днем, что пойду осмотреть еще раз театр,

чтоб рассказать Вл. Ив., какой он, Рипсимэ сказала: “Напишите просто, что дрянной, вот и все”.

Сейчас кончился первый спектакль начавшейся недели “Федора”; во время спектакля писать было очень трудно, т.к. постоянно отрывали от письма то дела театральные, то необходимость идти на выход. Кроме того, в нашей комнате приходится Ник. Аф. принимать входящих по делу (сегодня как раз был представитель Красного Креста относительно наших спектаклей в пользу Помгола³). Все это мешало мне ужасно. А теперь надо кончать письмо, пока не потушили свет. И непременно опустить его тотчас в ящик, чтобы оно ушло с завтрашним парходом.

Ваша просьба о посылке М.П.Чеховой пакета АРА будет исполнена завтра. Надо только узнать мнение членов дирекции, сколько посылок послать: одну, две? Во всяком случае, в следующем письме я смогу уже Вам точно ответить: сделано то-то и то-то.

Всего хорошего желаю Вам, дорогой, милый, изумительный Владимир Иванович, чудесного настроения, прекрасных дней. Сердечно кланяюсь Екатерине Николаевне. Спасибо, что не забываете меня. И не забудьте, пожалуйста, и дальше, пожалуйста. Вы знаете, как мне дорога каждая минутка Вашего внимания ко мне.

Ваша О.Б.

29.

Нью-Йорк, 12 марта 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Сегодня я в первый раз вышла на воздух. Конечно, и днем просидела в театре несколько часов, и вечером пришла на спектакль начавшейся нашей недели “Дна”. С грустью должна Вам сказать, что сборы наши значительно упали. Это обнаружилось как-то сразу с неделей “Федора” (прошедшей). До “Федора” шла “Провинциалка” с “Карамазовыми”, делавшая не те сборы, что прежние пьесы. Вместо обычного для нас валового сбора в 4 500–5 000 дол., сборы были 3 500–3 000–3 800. Решили, что такая программа не может нравиться здешней публике: какие-то непонятные для публики отрывки, тонкий юмор “Провинциалки”, вернее, тонкая игра в тонкой комедии. Стали надеяться, что подправимся снова на “Федоре”, который за неделю перед этим давал полные сборы. И – о, ужас! – в понедельник 1 800, во вторник – 1 950, только к концу недели сборы поднялись до 3000. В общем, вместо обычных для “Федора” 35–40 тысяч за неделю, мы сделали 19 800. Слава Богу, эта неудача не отозвалась на дивиденде в сторону его уменьшения, т.е. не заставила “стариков” покрыть убытки из заработанных ими до сих пор барышей. Даже можно рассчитывать, что при таком недельном сборе на пай придется долларов по 5–7. Я не писала Вам еще о том, что до этой

недели, обнаружившей падение сборов, предполагаемый барыш на пай был долларов 180. Не писала потому, что вообще никогда не касалась материальной стороны, и потому, что не знала более или менее определенно всех расчетов прибыли и убытка в общем. Когда упали сборы на “Федоре”, стали все строить свои предположения: в чем тут дело. Оптимисты уверяли, что беда в том, что мы часто меняем пьесу, американцы привыкли, чтоб в театре шло максимум две пьесы, тогда они легче разбираются. Менее радужно настроенные решили проще: к нам ходила русско-еврейская публика, которая уж перевидала наш репертуар, поэтому теперь наплыва нет. Неделя “Федора” это мнение подтвердила. А сегодняшний спектакль, по-моему, совсем его подкрепил: сегодня опять слабый сбор. Стало быть, как это ни грустно, но широкую массу американцев мы не захватили, у нас бывают русские и американская интеллигенция, а рядовой малодумающий, малокультурный душой американец к нам не пошел: смотреть нас для души? Но ведь он ничего не понимает. Смотреть для зрелища? Но что может быть удивительного в зрелище этом для американца, привыкшего, что ему показывают на сцене чудеса техники, декораций и костюмов.

Все это грустно, но против этого не поспоришь. И, вероятно, придется в начале апреля уехать в поездку Бостон – Филадельфия – Чикаго, потом вернуться в окрестности Нью-Йорка для киносъемки (контракт до сих пор не зафиксирован, но Л.Д.Леонидов считает, что это дело решенное), а осень и зиму будущую, в случае пролонгации нашего отпуска, употребить на разъезды по совершенно неиспользованной провинции, более далекой, чем эти три города “нашей весны”.

Милый Владимир Иванович, все это я пишу Вам свои размышления и рассуждения, но только пока Вы их никому не рассказывайте. Надо Вам сказать, что когда к нам дошли Ваши журналы “Программы”, некоторые из наших стали обижаться, что Вы целиком напечатали бертенсоновские письма. И все узнали, что где-то мы сделали недобор, а в Праге пришлось уступить пять тысяч, за неудачей антрепренера и т.д. Я, конечно, прекрасно понимаю, что моих писем печатать Вы не будете, их и нельзя печатать, но если в Москве начнут говорить, что мы потеряли большую часть популярности и успеха в Америке, то наши огорчатся страшно. И, конечно, опять я буду виновата, что пишу Вам то, что есть на самом деле.

Дело с кино стоит в такой плоскости: кинематографчики хотя контракта и не подписывают до сих пор, но от К.С. не отстают. Там есть один директор-скептик и один или два оптимиста. Первый говорит, что они с нами прогорят, другие надеются сказать новое слово. Наш конспект сценария, конечно, показался им совершенно неприемлемым. Они поручили здешнему специалисту по писанию сценариев Риду написать по нашим материалам сценарий. Можете себе представить, что из этого вышло: царя Федора, борьбы Годунова и Шуйских почти нет, первые места отведены Мстиславской и Шаховскому, их роману. При

этом и Федор имеет какие-то отношения с Мстиславской. Есть, между прочим, картина, где он с ней советуется о каких-то государственных делах. Конечно, такой сценарий не был принят К.С. Казалось, что дело должно расстроиться. Но директор-оптимист не желает так просто расстаться со своим планом создать что-то новое при режиссуре К.С. Он даже уговаривал К.С. переехать к нему на дачу дня на три, чтобы там, в тиши и уединении, обработать вместе с ним подробный проект сценария. Но К.С., конечно, чрезвычайно занят и от этого предложения отказался. Но как странно! В тот вечер, когда один из кинематографщиков пришел смотреть еще раз спектакль “Федора”, играл Качалов. Мы все были в большом огорчении. Спектакль с таким составом кажется нам более слабым. И вдруг оказывается, что Качалов американцу понравился больше. Он говорит: я слов все равно не понимаю, не чувствую, где надо дать темперамент. Я смотрю на лицо. И я нахожу, что лицо Качалова интереснее для фильма, чем лицо Москвина. Эти люди, их понятия и вкусы нам ужасно странны.

Приехал Шалапин, в пятницу днем приходил за кулисы повидаться со всеми нашими, в пятницу вечером смотрел спектакль. Конечно, его друзья из МХТ уже кутили с ним. Сегодня он поет “Мефистофеля” (опера Бойто, не в “Фаусте”) в Метрополитен-театр. К.С., Москвин, конечно, там. Москвин даже попросил, чтоб его освободили от Луки из-за этого спектакля. И Сергей Львович, вероятно, туда убежал, я его мельком только видела.

Сегодня у нас было заседание пайщиков относительно нашей дальнейшей судьбы. Но, как это почти всегда бывает с нашими заседаниями, решений никаких пока не вынесли. Разговор шел о том, кто считает нужным (или желательным) ехать в Москву. Пока большинство, правда, небольшое (8 против 6) за пролонгацию нашего пребывания здесь. Но, конечно, вместо ясных, определенных ответов на поставленные дирекцией и К.С. вопросы на заседании начались разговоры о частностях; о пожеланиях, стали выражаться досады, обиды, требования. Некоторые разговоры походили просто на условия, иначе говоря: если я буду играть не только то, что играю, а вот еще то-то и то-то, то останусь, если нет – не хочу оставаться. Поговорили, поговорили и разошлись, потому что всякому хотелось до вечернего спектакля отдохнуть. И судьба наша по-прежнему осталась нерешенной. Да я думаю, ее пока и решать нельзя. Ведь реальных предложений нет, и когда они будут, многие заговорят совсем по-другому.

Вчера одна здешняя богатая дама давала обед нашему театру у себя на дому. Это председательница того Колониального клуба, который нас чествовал (я писала Вам о том обеде). Я не могла пойти, потому что еще не выходила после простуды. Говорят, было очень красиво, были заметные люди (между прочим, Марчелла Зембрих, которую чествовали), было приятно. А потом все компанией поехали в здешний русский ресторан, потому что хотелось весело кончить вечер, да и после

обеда хотелось поесть. Думали, что накормят вовсю, а оказалось, что кормили слабо.

Вот как будто и все небольшие новости нашей скучной, однообразной жизни.

Простите за внешне нехороший вид моего письма. Наша машинка, вернее, Рипсина машинка, стала совершенно невозможна. Оно и понятно: это легкая машина, для небольшой работы, а нам приходится стучать на ней целыми днями. Она и развинтилась совсем. Я все пристаю к дирекции, чтоб купили здесь машину с тем, что она и для Москвы останется. Думаю, что в конце концов добьюсь своего. И это будет замечательно, потому что скоро на этой маленькой машинке писать будет невозможно, да и в Москву приятно привести хорошую машину. А если мы здесь останемся, то с этой никак не обойтись. Ведь Вы подумайте, сколько работы будет с перепиской сценария, ролей, новых или возобновляемых пьес, ролей к ним.

Милый Владимир Иванович, когда же Вы нам снова напишете. Так и живем мы от одного Вашего письма до другого. Сегодня была очень большая почта и из Москвы, и из Берлина, но от Вас – никому ни строчки.

Так как мы предполагаем 2-го апреля выехать в турне, то адрес для писем у нас будет следующий: 39 Street. Princess Theatre. Office of Mr. Morris Gest. Moscow Art Theatre. New-York. Все письма, направленные по этому адресу, будут вкладываться в большие конверты и отправляться персоналом бюро М.Геста в тот город, в котором мы в тот момент будем играть. Я думаю, что телеграммами мы будем всегда извещать Вас о наших переездах, поэтому для телеграмм наше местопребывание Вам будет всегда известно.

Не хочется думать о поездке, об этих скитаниях из города в город, от которых мы все уже устали и устанем еще больше. Все будут злы, раздражительны, требовательны, – о, как это противно и гадко.

До свидания, милый Владимир Иванович, до следующего письма. Сегодня получила письмо из Москвы, от сестры, захотелось обратно на родину страстно (так говорит Раневская, так хочется сказать и мне). Как-то Вы меня встретите? Вот вопрос, который никогда меня не оставит, пока я наконец не увижу Вас и не почувствую сама, как Вы меня встретили.

Будьте здоровы, милый и дорогой Владимир Иванович, желаю Вам здоровья и счастья.

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 16 марта 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Снова с огорчением должна Вам сказать, что дела наши в смысле сборов не улучшились. Неделя “Дна” проходит при тех же сборах, что и “Федор”, колеблющихся между 1 200–2 000 дол. Таким образом, последние две недели дали нам убыток. Но, как говорил Гест Леон. Давыдовичу, убыток этот, наверное, покроется сборами прощальной недели, так что тот дивиденд, который был зафиксирован недели две тому назад, не уменьшится. О сумме, какая падала на пай две недели тому назад, я Вам писала в предыдущем письме.

Из-за того, что в конце прошлой недели (когда шел “Федор”) я захворала, я не написала Вам о том, что Булгаков как раз в дни моей болезни впервые сыграл Федора. Как говорят наши, он был вполне “приличен”. В очередях будущей недели “Федора” (она начнется с 19 марта) он помечен играющим Федора два раза, так как и Москвин, и Качалов, ссылаясь на очень большую усталость, просят освободить их от обязанности играть по четыре раза в неделю.

На этой неделе наконец получил относительный отдых К.С. Он ни разу не играл Сатина. В этой роли чередовались Подгорный и Болеславский. Но, конечно, для К.С. полного отдыха быть не могло. Он все время работал над своим проектом сценария, который дается нелегко. Завтра К.С., Москвин и Койранский едут на три дня в гости к директору фильма на дачу. Тот раз, когда К.С. должен был ехать, о чем я Вам писала, он почему-то отказался. Это, конечно, очень огорчило и обидело американца, и дело со съемкой пошатнулось. Леонидову удалось убедить К. С-а принять приглашение и поехать в гости. Если не будет летней съемки и связанного с ней заработка, здесь оставаться не будет никакой возможности. Весь заработок, весь дивиденд уйдет на оплату прогульных месяцев, на что, конечно, никто из пайщиков не согласится. Получить же ангажемент на драматические гастролы нет оснований надеяться, играть летом здесь абсолютно невозможно. Но вообще с делом пролонгации нашего отпуска не все благополучно. Я слышала, что некоторые из артистов не хотят остаться здесь дольше осени. И среди них есть такие, что могут, уехав, сорвать весь репертуар. В прошлом письме я Вам писала, что как раз в тот день происходило собрание пайщиков относительно этого вопроса. Ни к каким определенным результатам собрание это не привело. Думаю, что через несколько дней будет созвано такое же собрание для продолжения разговоров. В общем, дирекция, К.С., Л.Д.Леонидов могут оказаться в довольно странном положении и перед Вами, и перед теми, с кем ведутся разговоры относительно дальнейших наших гастролей, если часть труппы заявит о своем категорическом желании уехать осенью в Москву. Все это очень волнует Л.Д.

Как-то на днях дирекция озаменовала нечто вроде “поездочного юбилея” Добронравова. Он единственный из всех, который был занят во всех спектаклях и концертах поездки. Он не играл всего в двух спектаклях за все время со дня выезда из Москвы, и то из них – один раз потому, что, по назначению режиссера, должен был смотреть Подгорного в Трофимове, чтоб запомнить мизансцены, т.к. репетицию ему дать не было возможности¹. Второй же раз он пропустил здесь в Нью-Йорке потому, что у него сразу вскочила температура и боялись, что он схватил испанку. Но на следующий же день он встал и пришел на спектакль. Дирекция в день 125-го спектакля поднесла ему 100 долларов.

Писала ли я Вам, что Ваша телеграмма относительно формального разрешения пролонгации дошла до нас. Там же вы писали о возвращении Бертенсона. Серг. Львович горд и счастлив Вашим желанием видеть его около себя. А мы все погибаем от зависти. Серг. Льв. уже побывал в паровой компании, взял проспекты и расписания пароходов в Европу. Я пока не слыхала ничего о том, решено его заменить кем-нибудь или постараются раздать его дело. И все мы раздумываем и придумываем, что будете говорить о театре Вы, что поручите Вы ему, как все будет у Вас в будущем сезоне.

У нас будет нелегко, т.к. работать по-настоящему все отвыкли, не хотят, и я не представляю той силы, раз Вы сюда не приедете, которая смогла бы заставить работать наших, начиная от стариков и кончая молодежью. Нет никакой единой идеи, нет желания сделать что-то. Ну, пусть бы была идея; даже такая прозаическая: накопить как можно больше долларов. И то нет. То есть накопить-то хотят все, но как бы нибудь так, чтобы затратить на это очень мало сил. А работать вовсю, даже для увеличения собственных выгод, никому не хочется. К тому же от ежедневных спектаклей, от того, что приходится по восьми, иногда по девяти раз подряд играть одну и ту же пьесу, конечно, является большая усталость, отвращение к спектаклю, легкий взгляд на него. Где тут говорить об искусстве, о переживаниях. Все думают только об одном – поскорей отвалить спектакль, поскорей отвалить неделю с надоевшей пьесой, чтоб на будущей неделе начать каждодневно играть другую надоевшую пьесу.

Кроме того, после спектакля часто ждут всякие развлечения, кончающиеся поздно ночью. Ну где ж при таких условиях назначать репетиции днем. Дай Бог желать, чтоб актеры к вечеру собрались вовремя на спектакль. С приездом Шаляпина наши покучивают с ним. Здесь есть и русские рестораны: особенным успехом, кажется, пользуется недавно открытая художником Ремизовым “Петрушка”, где часто бывают наши и по приглашению Ремизова, и просто так. Это ресторан, расписанный Ремизовым, как говорят, с большим вкусом (я там еще ни разу не была). Есть там цыганский и русский хор. Управляет ими Александр Хмара, нашедший себе, как видите, здесь заработок. Конечно, в цыганском хору есть только одна единственная цыганка, остальные все – русские, переодевающиеся то для цыганского, то для русского пения.

Одновременно с сегодняшним письмом посылаю Вам, дорогой Владимир Иванович, вырезку из № 96 берлинской газеты “Дни”. Это воспоминания Рудольфа Таубе о Вас и ХТ. Может быть, эта газета дошла до Вас гораздо ранее, даже вероятно, что это так. Но на всякий случай высылаю ее Вам в тот же день, как она докатилась до нас, чтоб Вы развлеклись этим детским лепетом гимназиста второго класса. Кроме того, я пошлю Вам сегодня в отдельном конверте карточку самого высокого дома в Нью-Йорке. В нем, кажется, 60 этажей. Я была там и поднималась на лифте до 58 этажа, максимум, что можно. Оттуда очень интересен вид вниз, когда весь Нью-Йорк как на ладони, но только с очень большой высоты, как говорят французы “с птичьего дуазо”¹. Тотчас же внизу под вами Бруклинский мост с его страшной суетой и толчеей, Бродуэй, трамваи, автобусы и автомобили которого кажутся не больше таракана, а люди не больше букашки. Видна река (не Гудзон, как мы привыкли выговаривать с детских лет, а Хадсон) со всеми ее ответвлениями и каналами, Статуя Свободы, которая не производит никакого грандиозного впечатления. Она, вероятно, грандиозна только при непосредственно близком рассмотрении. Поражают улицы, прямые, без извилин, без переулочков, пересеченные такими же прямыми, вытянутыми, как по линейке, улицами. И это бесконечное множество колоссальнейших домов, это неисчислимое количество громадных домов-коробок, которые на близком к Вам плане очень ясно различимы, а на горизонте сливаются как бы в груды кирпичей. Мне там очень понравилось. И хотя потом весь день кружилась голова, то ли от высоты, то ли от ветра, который гулял там наверху, вокруг башни, вокруг балкона, на котором мы стояли, то ли от неприятного чувства, какое приходит, когда с такой большой высоты спускаешься вниз на лифте, я решила съездить туда, на верхушку, еще раз.

Надо еще побывать здесь во многих примечательных местах, а времени мало осталось. Хочется съездить в один из замечательнейших в мире зоологических садов, в здешний, в необыкновенно полный и интересный аквариум, в негритянский, китайский, итальянский кварталы, на острова, на Статую Свободы. Множество здесь есть интересного, что надо и хотелось бы посмотреть. А у меня ежедневно, помимо дневных занятий и вечернего спектакля, урок английского языка. Если мы здесь останемся до будущего года, я могу с уверенностью сказать, что уеду отсюда с основательным знанием английского языка. Сейчас мои учителя (у меня их двое: учитель для теории и учительница для практики) мной очень довольны и говорят, что мои успехи заметны день ото дня. А если я здесь подольше останусь, вот увидите, как выучу этот язык. И мне этого безумно хочется. Для меня единственное оправдание остаться здесь и дальше, это, во-первых, то, что я на свой заработок почти содержу моих родителей (папа мой хотя и служит, но зарабатывает так мало, что на это жить, при нынешней дороговизне в Германии и при не-

1 Шутливо переиначено французское выражение “à vol d’oiseau” – “с птичьего полета”.

соответствии там окладов с прожиточным минимумом, невозможно) и, во-вторых, то, что я приобрету основательные, большие знания английского языка. Как хотите, это довольно много. Если мы здесь останемся, то летом, на время предполагаемого отдыха, я решила уехать куда-нибудь на берег моря в английскую семью, чтоб не слышать в течение месяца ни одного слова по-русски, и там заниматься целыми днями.

Милый Владимир Иванович, когда же все-таки придет тот день, что я Вас снова увижу? Знаете ли Вы, с каким страстным нетерпением я его жду?

Шлю Вам, милый Владимир Иванович и Екатерине Николаевне сердечный привет и желаю здоровья и радости. Могу я начать думать, что скоро Вы мне опять напишете хотя бы несколько строк?

Ваша *Ольга Бокшанская*.

P.S. Рипси получила от Феде письмо, из которого узнала, что Вы ее укоряете за неприсылку Вам письма или привета. В этом виновата я. Она несколько раз просила меня передать Вам ее сердечный привет, но я это забывала написать Вам. – И нынче она сидит тут же и просит кланяться Вам.

31.

Нью-Йорк, 17 марта 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Вчера еще только отправила я Вам письмо, в котором спрашивала, могу ли я ждать от Вас письма. А сегодня утром получила от Вас письмо, которое многими своими фразами меня огорчило сильно. Письмо Ваше от 24 февраля¹. Правда, после этого письма была уже телеграмма, в которой Вы меня если не похвалили, то, во всяком случае, поблагодарили за письма. Но все же для меня была встряска большая – получить такое письмо, и я решила Вам ответить тотчас же, положив Ваше письмо перед собой и ответив на все Ваши недовольства.

Я пишу Вам два раза в неделю, аккуратно по пятницам и понедельникам, в дни, когда уходят отсюда пароходы с почтой. Я хочу Вам объяснить то обстоятельство, что от меня Вы узнаете новости позднее, чем из слухов по театру. Ведь в своих письмах, как бы ни были они персональны, “личные”, я все же связана, так как я выражаю часто планы и желания дирекции. А неотчетливые лица пишут домой в Москву все: предположения, разговоры, даже сплетни. Мне очень часто хотелось написать Вам многое из области толков и разговоров, но я боялась, что не имею на это право, пока совершенно официально не станет известно то или иное. Конечно, я была не права, я знаю, но Вы и меня поймете, и мое неопределенное положение. Что касается прессы, то дело обстоит так.

Видимо, парижские письма пропали безвозвратно, что очень жаль. Мы оттуда писали Вам очень часто и много. Что пошло от Сергея Львовича подробнейшее письмо с переводами рецензий, я помню точно, помню моей зрительной памятью, как он перебирал вырезки из газет с набросками художников, вставленными среди абзацев рецензий. Тут уж на нас вины никакой нет. У меня вообще такое впечатление, что почта из Парижа в Россию шла плохо, во всяком случае, и частные мои письма не дошли по назначению.

Теперь о прессе чеховских спектаклей в Нью-Йорке. Я лично не вспомню, диктовал ли мне Серг. Л. подробное письмо с выдержками из рецензий, но он говорит, что наверное знает, что такое письмо Вам было послано. Я бы и рада была взять на себя и обязанность посылать Вам сведения о прессе и ответственность за это, но, во-первых, у меня абсолютно нет на это времени, во-вторых, здесь мне это было бы трудно делать, так как при моем сравнительно слабом знании английского языка просмотреть десятки газет было бы непосильным трудом. Как я понимаю, Серг. Льв. не диктовал мне выдержек из прессы только об одной нашей премьере – о “Карамазовых” и “Провинциалке”. Он зашел ко мне в то время, как я писала Вам и, не диктуя специального письма, продиктовал мне несколько строк – средний вывод из всего вороха газет.

19 марта

Вы пишете – можно подумать, что чеховские пьесы имели плохую прессу. Хотя Серг. Льв. в своем письме к Вам, продиктованном мне сегодня утром, говорит, что пресса была не хуже, чем пресса “Федора” и “Дна”, я все же скажу, что это преувеличение в сторону чеховских пьес. Конечно, они не имели ни того художественного, ни материального успеха, что “Федор” и “Дно”. Однако эти слова не надо понимать как свидетельство о неуспехе. Театр так избалован всеобщим признанием и преклонением, что чуть пресса не дико восторженная, то уже все возбуждены – недостаточно хвалят. А раньше, пока не было понижения сборов, о котором я писала Вам в предыдущем письме, и небольшой недобор до полного или сверхполного сбора считался неожиданным афронтом.

Теперь мы уж привыкли, должна это с грустью сказать, что сборы далеко не полные. Это началось с недели “Провинциалки”, где не добились сильно. Потом пошла неделя “Федора”, затем неделя “Дна”, сегодня опять начался “Федор” – и сборы очень слабые, выручают только четыре последних спектакля: два в пятницу, два в субботу. Однако Гест надеется, что прощальная неделя, в которой репертуар состоит из всех пьес нашего репертуара, даст такие сборы, которые покроют недоборы последних недель. Что же касается денежного отчета, то тут есть вина и в нас, и не в нас, администрации, что он Вам до сих пор не послан. Мы все время надеялись послать Вам подлинные документы, но, во-первых, никак невозможно собрать дирекцию для утверждения отчета (об этом

я Вам писала подробнее в предыдущих письмах), во-вторых же, не было верной okazji, с которой можно было бы отослать все. Теперь мы решили сделать копию нашей кассовой книги, и как только я ее успею закончить, мы ее вышлем Вам. В том же, что Вам не посылаются такие отчеты, как Вам хотелось и о которых Вы уговаривались с Л.Д. Леонидовым, виноват Л.Д. Он замечательный представитель, молодец в смысле устройства всяких материальных дел театра, но в смысле усидчивой работы или обязательных писем, его никак не усадишь за дело. Вы, вероятно, уже заметили, сколько раз я, по его просьбе, писала Вам фразу: “Л.Д. Вам кланяется и просит передать, что на днях напишет Вам подробное письмо”. Он уверял меня, что аккуратно раз в неделю будет мне диктовать такие отчеты для Вас, но, конечно, в своей занятости, даже забыл о своих планах. Серг. Л. пробирает его за это постоянно, но он неисправим. Потом, почему-то долгое время он мне не советовал затрагивать материальные наши дела в письмах в Россию. В одном из последних своих писем я все же все то, что знала из существенного о материальной стороне дела, написала Вам. Также написала я недавно Вам письмо, почти целиком посвященное описанию театра. Правда, тут я действовала не по своему почину, а по письму Федички, который передал мне Ваше желание получить такое описание.

Милый Владимир Иванович, не судите меня строго, если сегодняшнее мое письмо будет написано скверно, бестолково, сумбурно. У меня в голове все путается от всяких моих личных семейных огорчений. У меня ужасное душевное состояние последние несколько дней – не из-за пустяков, поверьте мне, – и только мое страстное желание, чтобы Вы были довольны мной и чтобы Вы имели все сведения о нас, какие Вас интересуют, заставляет меня писать Вам. Вероятно, не будь этой бесконечной моей любви к Вам и желания быть Вам приятной, я не смогла бы связно написать ни одного слова. Очень тяжело.

Как больно было мне читать, что Вы считаете, будто похоже на то, что мы игнорируем московскую дирекцию, что если мы останемся здесь на год, то, вероятно, забудем писать друг другу. Разве это может быть? Я понимаю, что мои письма не могут представить общественного интереса, но это не от меня зависит. Все то, что может представить такой интерес, лежит вне моей сферы. Представьте себе, а многое даже и Серг. Льв. не известно, так как о многих предложениях, приглашениях и выступлениях К.С. в общественных местах и учреждениях Серг. Льв. узнает постфактум.

Я не знаю, насколько это справедливо, но я сама слышала, как Серг. Л. на это жаловался. Сегодня, напр., одна репортерша просила его разрешения напечатать речь К.С. на последнем банкете. А Серг. Льв., оказывается, ни о речи, ни о банкете ничего не знает. И все так у нас идет – кто в лес, кто по дрова. А кроме того, конечно, большую роль в этом равнодушии к многому, совершающемуся у нас и имеющему для Вас интерес, играет то обстоятельство, что мы ко всему привыкли, ко

всему пригляделись, ничем не волнуемся. Вы правы, жизнь стала для нас будничной, однообразно скучной и неинтересной. И нам кажется, что и Вам все это неинтересно.

Вот Вам пример, как относятся наши актеры к спектаклям, которыми, как Вы знаете, мы должны прославлять русское искусство. В пятницу на прошлой неделе Ник. Аф. входит в общую мужскую уборную в тот момент, когда Бакшеев говорит Лужскому: “Так как же Вы считаете, когда мне заболеть, утром или вечером?” Ник. Аф. спрашивает, в чем дело. Оказывается, Бакшеев решил не приходиться на один из субботних спектаклей, пусть за него сыграет никогда не игравший Пепла Гудков. Ник. Аф. говорит: “Бог с тобой! Ни за что не смей этого делать”. Бакшеев всячески оправдывается, обещает прийти и объясняет, что он заболеть решил не от лени, а потому, что Гудкову очень хочется сыграть и он укоряет Бакшеева, что тот из жадности не дает ему возможности сыграть эту роль. Конечно, играл Бакшеев, а Ник. Аф. пришлось и с Гудковым переговорить и пристыдить его. Теперь у нас считается, что с репетиций входить незачем, можно сыграть так, с кондачка, экстренно заменив товарища. Причем молодежь проводит не только себя, но даже кто-то как-то для какой-то небольшой роли предлагал суфлера Касаткина. И теперь даже есть специальная шуточная фраза, которая говорится новичку: “Да ты не трусь, ведь не в Художественном театре играешь. Добро бы в Художественном играл, а то ведь тут совсем нечего трусить!” И все так. И хотя я с Вами совершенно согласна, что если старики захалтурят, то это еще не плохо, все же и они во многом из этой распушенности виноваты. Например, ни Качалов, ни Москвин на этой неделе не хотят сыграть Федора больше, чем по три раза каждый. И предлагают, чтобы остальные два раза сыграл Булгаков. К.С. узнал это перед отъездом к кинематографщику Урбану и по телефону сказал Рипси, что он такого распределения не утверждает, он не хочет Булгакова выпустить снова. Чем это кончится – не знаю. Завтра К.С. и Москвин приедут с дачи от Урбана и решится вопрос очередей на этой неделе. Сегодня Федора играет Качалов.

Так как К.С. в городе не было, когда я получила Ваше письмо, то я не могла прочитать ему строки, относящиеся к нему. Конечно, я тотчас же исполню это, как только увижу его. Вопрос с Германовой, насколько мне известно, не поднимался в связи с возобновлением “Карамазовых”. Как у нас было предположено, Грушеньку должна была играть Пашенная (?!?). Вот актриса, по-моему, лишенная всякого сценического обаяния. Я не знаю, как говорят о Германовой наши старики, я никому не читала Вашего письма, его Ник. Аф. носил в мужскую уборную. Я лично прочитала его только Л.М.Леонидову, который при этой фразе зло расхохотался.

Но вообще вопрос о возобновлении “Карамазовых”, кажется, открыт, и очень. Те три сцены, прошедшие без большого успеха, что были приравлены к спектаклю “Провинциалка”, по общему мнению, испор-

тили будущий успех целого вечера “Карамазовых”. “Анатэма”, пьеса, вызвавшая с Вашей стороны ряд восклицательных и вопросительных знаков, – вероятно, не будет включена в репертуар. Собственно говоря, такое же отношение к ней было и со стороны К.С., и только настоячивые требования и предложения Геста и его ручательство за полный, невероятно огромный успех, особенно, конечно, материальный, заставили одно время подумывать о постановке этой драмы. Теперь об этом вопрос отпал. К тому же Анатэму играть может только Качалов, а один Качалов не может вынести даже одной недели подряд в этой роли, где говорить об игре этой пьесы в течение трех месяцев. Теперь для третьей пьесы (кроме “Дяди Вани” и “Карамазовых”) намечают или “Ревизор” или “Плоды просвещения”.

Нет, кажется, я никак не смогу Вам больше ничего написать. Голова болит, настроение ужасное, отвратительное. И к тому же все время входят наши, мысль прерывается, а так как я не могу сегодня сосредоточиться как следует, то писать страшно трудно. Милый Владимир Иванович, не сердитесь на меня за это, пожалейте меня. Такое ужасное душевное состояние, что рада бы ничего не чувствовать и ни о чем не думать. Следующая почта не за горами, и я постараюсь написать Вам более толковое письмо. Может быть, к тому времени что-нибудь и поправится в моих делах, а может быть, удастся себя в руки взять.

Хотела, ужасно хотела написать Вам как можно интереснее и лучше, а получилось Бог знает что.

Милый Владимир Иванович, не сердитесь на меня. Я Вам написала откровенно, что мне тяжело, так уж Вы не осудите меня, а подумайте: “Ну, Бог с ней. Пусть отойдет, тогда и напишет потолковее”.

Желаю Вам, дорогой, милый Владимир Иванович, здоровья и благополучия.

Может быть, это письмо придет к Вам на Пасху. В этом случае примите мои сердечные поздравления. Поздравляю также и дорогую Екатерину Николаевну.

Да, кстати, забыла Вам написать, а хотела непременно, чтоб Вы знали: Блинова не служит в театре, все ее обязанности исполняю я². Так что и финансовый отчет мне придется сделать. Только я не жалеюсь, дорогой Владимир Иванович, работы если и много бывает, то все-таки не невероятно много, вполне выносимо. Да это и лучше, если я занята, очень уж скучаю без дела.

Еще раз шлю Вам сердечный привет. Простите нелепость и безтолковость этого письма. Ничего не могла с собой поделаться, только и остается, что просить извинения.

Ваша Ольга Бокшанская

32.

Нью-Йорк, 17 марта 1923 года

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Пишу Вам это письмо по поручению Константина Сергеевича, который уехал из Нью-Йорка на несколько дней.

Письмо это передаст Вам г-жа Норман-Хапгуд, на днях уезжающая отсюда в Москву¹ Елизавета Сергеевна.

Норман-Хапгуд оказала Константину Сергеевичу и всему театру очень большое внимание и проявила громадный интерес ко всему нашему делу, почему все члены МХТ с полным правом считают ее своим другом.

Константин Сергеевич просит Вас встретить ее с наибольшим радушием и дать ей и ее мужу возможность просмотреть все постановки театра и студий.

Прошу Вас, многоуважаемый Владимир Иванович, верить в мое неизменное к Вам уважение и преданность.

Ольга Бокшанская

33.

Нью-Йорк, 23 марта 1923 года

Близится день отъезда, дорогой Владимир Иванович. Завтра кончаем играть “Федора”, с понедельника начинаем прощальную неделю: 26-го “Три сестры” (вместо предположенного “На дне”). Перемена эта произошла потому, что требования билетов на Чехова превышают требования на “На дне”. Оно и понятно, “Три сестры” прошли здесь всего восемь раз, “Дно” же до сих пор было показано 28 раз). 27-го “На дне”, 28 и 29 “Карамазовы” и “Провинциалка”, 30-го днем и вечером “Вишн. сад”, 31-го днем и вечером “Три сестры”. А 1-го в 9 часов утра мы уже выезжаем в Чикаго. Это будет как раз утро Вербного Воскресенья. Сейчас я приведу Вам пока не утвержденный, предположительный репертуар наш в поездке.

Чикаго:

3-го, вторник “Царь Федор”

Страстная неделя 4-го, среда “Царь Федор”

5-го, четверг днем “Царь Федор”

5-го, четверг веч. “Царь Федор”

6-го, пятница “На дне”

7-го, суббота днем “На дне”
7-го, суббота веч. “На дне”
8-го, воскрес. днем “На дне”
Пасха 8-го, воскрес. веч. “На дне”
9-го, пон. “Вишневый сад”
10-го, вторник “Вишневый сад”
11-го, среда “Вишневый сад”
12-го, четверг днем “Вишневый сад”
веч. “Вишневый сад”
13-го, пятница “Царь Федор”
14-го, суббота днем “Царь Федор”
веч. “Царь Федор”
15-го, воскрес. днем “Царь Федор”
веч. “Царь Федор”
16-го, понед. “Три сестры”
17-го, вторник днем “Три сестры”
веч. “Три сестры”
18-го, среда “Три сестры”
19-го, четверг днем “Три сестры”
веч. “Три сестры”
20-го, пятница днем “На дне”
веч. “На дне”
21-го, суббота днем “На дне”
веч. “На дне”.
Филадельфия:
23-го, понед. “Царь Федор”
24-го, вторник днем “Царь Федор”
веч. “Царь Федор”
25-го, среда “Царь Федор”
26-го, четверг днем “Царь Федор”
веч. “Царь Федор”
27-го, пятница “На дне”
28-го, суббота днем “На дне”
веч. “На дне”
29-го, воскрес. Спектакля нет
30-го, понед. днем “На дне”
веч. “На дне”
Мая: 1-го, вторник днем “На дне”
веч. “На дне”
2-го, среда “Вишневый сад”
3-го, четверг днем “Вишневый сад”
веч. “Вишневый сад”
4-го, пятница “Три сестры”
5-го, суббота днем “Три сестры”
веч. “Три сестры”.

Бостон:

7-го, понед. “Царь Федор”

8-го, вторник днем “Царь Федор”

веч. “Царь Федор”

9-го, среда “Царь Федор”

10-го, четверг днем “Царь Федор”

веч. “Царь Федор”

11-го, пятница “На дне”

12-го, суббота днем “На дне”

веч. “На дне”

13-го, воскрес. Спектакля нет

14-го, понед. днем “На дне”

веч. “На дне”

15-го, вторник днем “На дне”

веч. “На дне”

16-го, среда “Вишневый сад”

17-го, четверг днем “Вишневый сад”

веч. “Вишневый сад”

18-го, пятница “Три сестры”

19-го, суббота днем “Три сестры”

веч. “Три сестры”.

Итого с 3 апреля по 19 мая в трех городах – 67 спектаклей!

Как Вы видите, милый Владимир Иванович, жизнь нам предстоит нелегкая, по 9–10 спектаклей в неделю, да еще в поездке, в незнакомых городах. И даже на Страстной и в первый день Пасхи мы будем играть усиленным темпом. Так и пройдут для нас праздники, как будни. Конечно, гарантия, при условии увеличения числа спектаклей, увеличивается: как было установлено контрактом, театр получает за каждый добавочный (сверх обусловленных восьми) спектакль по 1 000 долларов. Часть этого приработка уйдет на увеличение жалованья всем участникам поездки на время нашего турне. Без этого обойтись нельзя: люди будут нести колоссальный труд, да кроме того, жизнь не оседлая, как теперь, постоянные переезды требуют больших затрат от каждого. Надо думать, жалованье будет увеличено на 15–20%.

Подумайте, милый Владимир Иванович, до сих пор не решен вопрос с кино, а вместе с тем и вопрос нашего будущего. Однако теперь уж со дня на день действительно можно ждать разрешения этого вопроса. Это нервит страшно всех наших – эта полная неизвестность. Как я Вам писала, там есть один директор-пессимист, другой – оптимист. Последний всячески проводит приглашение МХТ, второй опасается, что успеха фильм иметь не будет.

Во всяком случае, Леон. Дав. начал переписку с Лондоном и Скандинавией, так как время не ждет. К.С. составил очень интересный сценарий для фильма, но, конечно, не для американской публики. После этого Москвин и Койранский уселись, по предложению дирекции кино,

за другой сценарий, в духе “Московского листка”¹. Сейчас этот второй сценарий переводится на английский язык и должен быть представлен на утверждение или отрицание. Но содержание его так далеко от трагедии “Царь Федор”, что решено, что фильм будет носить название другое, чем “Ц. Федор”. Центральное место в сценарии занимает роман Шаховского и Мстиславской. При этом даже додумались до такой сцены, когда Мстиславская, переодетая молодым боярином, приходит к Шаховскому – то ли на свидание, то ли навещать его, израненного после кулачного боя.

Не знаю, каково-то нам всем придется, если придется все лето провести за работой. Здесь, говорят, сверхъестественные жары. Уже теперь, когда приходят теплые дни, стоит невыносимая духота. Сегодня день очень теплый был с утра, в воздухе парило, как перед грозой. Душно и тяжело. И вообразите наше удивление, когда, стоя на сцене во время “Архангельского собора”, мы вдруг услышали шум сильнейшего дождя, бьющего по крыше, и раскаты грома. Пришла первая гроза Нью-Йоркской весны. Мы сидим сейчас в комнате при настежь открытом окне. Воздух влажный, душно! Гроза никак не ослабила тяжесть, ничуть не освежила. А третьего дня мы ездили в Зоологический сад, был ясный, ветреный и очень холодный день. Мы кутались в шубы. И в парке нашли куртины и аллеи, на которых снег еще не совсем сошел. Странная здесь погода, на этой половинке земного шара.

В обществе, особенно здешнем артистическом обществе, театр продолжает иметь большой успех. Внимание, которое нам оказывают, поистине исключительно. Приглашения так и сыплются на нас, так что побывать везде нет никакой возможности. Вчера весь театр был приглашен в один из прекраснейших здешних театров варьете – “Уинтергарден”, где идет обозрение “Дансин-гёрл”. К.С., когда ему передали приглашение, сказал с огорчением: “Конечно, наши все туда побегут, потому что театр легкого жанра. Небось, в серьезный театр их не заманишь”. И действительно, были представлены все члены МХТ на этом представлении (конечно, дневном). Но, право, не пришлось и минуточки пожалеть, что пошли мы туда. В пьесе, конечно, ни чуточки смысла и содержания. Но красота исполнительниц, красота костюмов, постановки совершенно исключительна. Какие туалеты – с ума сойти. Хотя надо сказать правду, что здесь везде, во всех театрах, особенно легкого жанра, костюмы редкие по богатству, изяществу и оригинальности, могущие соперничать с парижским “Казино” и гораздо более интересные, чем во всех остальных парижских варьете, как “Фоли Бержер”, “Олимпия” или “Мулен Руж”. Я еще не была в лучшем здешнем кабаре “Зигфрид Фолис”, но слышала, что там очень красиво и интересно. На той неделе у нас опять заняты все утра: есть приглашения в театры, а один раз мы идем в первый в мире цирк. Говорят, что такого цирка нигде нет. Он так собирает во время своих гастролей публику, что срок его пребывания в каждом городе ограничивается со стороны городского

управления. В Нью-Йорке он смеет оставаться не больше месяца. Если ему позволить остаться дольше, говорят, он выкачает все деньги. Как это бывало с нами во всех городах, к концу пребывания нашего в городе мы начинаем спешно везде бывать, все смотреть, всем интересоваться, что можно повидать.

На днях отсюда уехала в Москву одна американка, мистрисс Норман-Хапгуд (Елизавета Львовна), прекрасно говорящая по-русски. Мы с ней познакомились на банкете, данном нам Колониальным клубом. После этого она проявила большой интерес к нашим артистам и артисткам, приглашала всех к себе на чашку чая по воскресеньям, часто заходила к нам за кулисы, присылала многим всякие гостинцы. К.С. просил дать ей письмо, которое она передаст Вам, рекомендуемое ее с самой лучшей стороны. Такое же письмо дано ей для передачи Зинаиде Сергеевне Соколовой. Я это исполнила и надеюсь, что письмо мое Елизавета Львовна Вам передаст. Мне жаль одно, что я не решилась просить Елизавету Львовну взять с собой для передачи Вам от меня хоть какой-нибудь маленький пакетик. Например, еще в Париже я купила для Вас забавные карандаши – для Вашего письменного стола. И – такая нерешительная и глупая – не попросила m-me Хапгуд взять их с собой для Вас.

Я еще напишу Вам, конечно, из Нью-Йорка до отъезда, и даже не раз, милый Владимир Иванович, но уже в этом письме я прошу Вас: “Благословите на трудный подвиг и пожелайте нам благополучно вернуться”.

Может быть, Вы получите это письмо на праздниках. Поздравляю Вас и Екатерину Николаевну со Светлым Праздником, от души желаю счастья и здоровья. Конечно, отдельно мы поздравим Вас телеграммой накануне Светлого Воскресения. Конечно также, мы будем о каждом переезде из города в город и о наших делах – приеме, успехе, прессе – телеграфировать Вам.

Не забывайте нас, не забывайте меня, дорогой Владимир Иванович, не отнимайте от меня Вашего доброго ко мне отношения.

Ваша Ольга Бокшанская.

Сборы наши несколько поправились во время недели “Федора”. Леонид Дав. считает, что неделя кончится сборами 1 800–2 000 долларов на круг.

34.

Нью-Йорк, 26 марта 1923 года

Милый, замечательный Владимир Иванович!

Какое изумительное удовольствие получили вчера мы все, слушая Шаляпина. Он давал свой концерт днем в театре “Метрополитен” – ко-

лоссальнейший зал, в пять ярусов, кроме партера, в зрительном зале рядов около 40. Л.Д. Леонидов достал для всего театра и даже для всех членов семейств наших бесплатные билеты на этот концерт. Правда, если бы этого не было, весь театр все равно бы пошел бы, так хотелось всем послушать Шаляпина. Мы подали коллективную просьбу в бюро театра “Метрополитен” о предоставлении нам права внеочередной покупки билетов. Но Л.Д. сделал нам всем этот сюрприз – принес бесплатные билеты. Ему это удалось, благодаря знакомству с антрепренером Шаляпина Хуроком. Шаляпин вначале почему-то сильно нервничал, первые два романса спел без большого подъема, но потом разошелся, пел много и с необыкновенным чувством. Наши многие проливали слезы от умиления. Я сидела в ложе с Ольгой Леон. и Ниной Ник., так они обе обливались слезами до полного изнеможения. Ольга Л. плакала от всего: запоет ли он грустный романс – плачет, запоет комическую песенку – тоже плачет. А Нина Ник. после концерта показывала свой разрисованный слезами платок и объясняла, что он оттого в черных и красных пятнах, что потекли и губы, и глаза. Шаляпин имел потрясающий успех, американцы с ума сходили, аплодировали, свистели.

Но мне почему-то было грустно смотреть, как он потерял свою царственность и гордую осанку. Он как-то заискивающе все время улыбается, делаю сладкое лицо, раскланивается с какими-то реверансами, выходит и уходит какой-то подпрыгивающей походкой, кончает романсы какими-то задорными жестами. И все же, несмотря на это, какое необыкновенное обаяние и очарование у этого актера.

И все прекрасное впечатление от этого концерта мы испортили вечером, пойдя на Изу Кремер. Это опять-таки Л.Д. принес нам билеты. Я понадеялась, что послушаю ее в старом, пустом и незначительном, но приятном репертуаре. Боже мой, какую скуку пришлось вынести. Она пела на разных языках: по-итальянски, по-французски, английски, русски, немецки, по-румынски, по-еврейски, по-малороссийски. А казалось, что поет всегда на одном каком-то языке-жаргоне, в котором разобраться невозможно. Голос маленький, темперамента нет, – словом, скучно, и больше ничего.

Сегодня собираюсь пойти к Балиеву, – говорят, программа интересная. Я-то, собственно говоря, иду из-за того, что в первый раз там выступит сегодня Ю.К. Бекефи, которая Никитой Фед. приглашена на неделю гастролей. Как Вы видите, развлечений у нас больше, чем надо. Завтра днем идем целой ватагой наших театральных в знаменитейший в мире цирк, в среду – в театр Этель Барримор (сестры знаменитого здесь актера Джона Барримора, играющего Гамлета, – мы его видели) на пьесу “Смеющаяся женщина”, в четверг днем в какой-то театр, родственной по духу, как говорят, нашей Первой студии, на пантомиму Дебюсси “Ящик с игрушками”. В пятницу и в субботу у нас по два спектакля в день у самих, в воскресенье рано утром (в 9 часов) уезжаем в Чикаго, куда приедем через сутки. Там в понедельник будем устраиваться и ре-

петировать, а во вторник открываем сезон. Для подготовки сотрудников, т.к. Лужский занят во всех спектаклях в Нью-Йорке, до закрытия, в четверг в Чикаго выезжают Бурджалов, Койранский (для помощи в смысле перевода с русского на английский и обратно) и Кузьмин – муж Тарасовой (наш всегдашний староста сотрудников).

Гест сначала предполагал снять для наших гастролей наибольшие театры по вместимости в каждом городе. Говорили даже, что он их уже снял. Театры примерно зрителей на 3 000–3 500. Но дирекция наша запротестовала. Во-первых, наш репертуар невозможно играть при таком колоссальном зрительном зале, во-вторых, если мы не доберем сборов, то это будет иметь отвратительный вид. Гест согласился. Теперь театры наши будут человек на 1 400–1 500. В поездке материальные условия наши с Гестом изменены несколько в нашу пользу, т.е. гарантия остается той же, но проценты увеличены до сорока. И конечно, за каждый спектакль, сыгранный сверх восьми в неделю, к гарантии прибавляется тысяча.

Милый Владимир Иванович, переписка нашей кассовой книги уже почти закончена, так что завтра или послезавтра я вышлю Вам эту тетрадь, что мы переписали для Вас. К нашим записям израсходованных сумм я прибавила записку о состоянии кассы на конец прошлой недели. Однако сумма, помеченная на текущем счету, на днях сильно уменьшится. И вот отчего: нам было совершенно невозможно по условиям здешней жизни и нашего контракта с Гестом сыграть по одному спектаклю в пользу Помгола, как мы с ним в Москве договорились. Поэтому дирекция вошла в следующее соглашение с представительством Кр. Креста в Америке, т.е. именно с тем учреждением, которому Помгол и поручил ведение всех дел с нами: мы просто вы заплатим им за три спектакля (за январь, февраль и март), вычислив, какая сумма приходится на круг на спектакль в каждом из этих месяцев. Общая сумма за три спектакля составила 3 525 дол. Так как пролонгация у нас состоялась и опять-таки с Гестом, т.е. мы опять затрудняемся дать фактически спектакли в пользу Помгола, а вместе с тем по причине пролонгации мы обязаны дать еще два спектакля (за апрель и май), то, вероятно, и в отношении этих двух спектаклей мы поступим так же, придя к взаимному соглашению с представительством Красного Креста.

Сегодня я получила очень большое письмо от Е.М.Раевской, которая пока еще в Париже. Вероятно, она пишет и Вам, она так бесконечно любит Вас. И, вероятно, и Вам она жалуется на тоску и одиночество. Я ее так понимаю. Если б у меня было побольше времени, я бы чаще писала ей. Я ей написала только два – правда, больших – письма. Но я так хорошо понимаю ее душевное состояние, так прекрасно вижу, как ее может радовать каждая строчка о театре, что сама себе дала слово писать ей почаще и радовать сообщениями о делах театра. У нас вышла заминка и оплошность в смысле высылки ей денег, в которой я перед ней очень извинялась и которую, я надеюсь, она нам простила. Теперь все

уладилось, ей выслано жалованье, и тот аванс, который она просила, и я могу пообещать, поклясться, что никогда больше никакой ошибки не произойдет и Евг. Мих. будет вовремя устроена в денежном отношении. Она крайне самолюбивый и застенчивый человек и о своих горестях писала кому угодно, только не мне и не Ник. Аф., и пока мы узнали, что ей плохо живется, прошло очень много времени.

Вам не покажется надоевшей фразой то, что я напишу Вам: судьба наша до сих пор не решена и вопрос о кино до сих пор не решен. Л.Д. уже не смотрит так оптимистично, как раньше, а я так предчувствую, совершенно, что это дело не выйdet. И весьма возможно, что Вы всех нас увидите в Москве гораздо раньше, чем мы это предполагаем. Но это пока еще только мое личное мнение, безответственные слова.

Милый Владимир Иванович, простите эту женскую манеру исписывать все поля письма.

Будьте здоровы, дорогой Владимир Иванович, и не забывайте Вашей верной

Ольги Бокшанской

35.

Нью-Йорк, 30 марта 1923 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вот мое прощальное письмо из Нью-Йорка. Сегодня мы уже сдали те чемоданы, которые мы на время турне оставляем здесь на хранении, завтра с утра будут ездить по квартирам и забирать тяжелый личный багаж, идущий в Чикаго, и послезавтра в 9.30 утра мы двинемся в поездку. Мы так засиделись и обжились здесь, что нынче подняться было трудно, не то что в Европе, где мы больше, чем по три недели не сидели на месте. Конечно, в связи с отъездом оказалось, что надо столько дел понаделать, что крутимся все дни, как белки в колесе. Сегодня я ездила в Красный Крест здешний, который уполномочен ЦК Помгола или, вернее, Комитетом заграничных поездок вести с нами дела относительно спектаклей в пользу голодающих. Театр совершенно не имел возможности дать для них специальные спектакли, что было бы неудобно, совсем невозможно для нас и рискованно для них. Поэтому решено было, по взаимному соглашению, что мы отдадим просто долларами, считая гарантию и проценты, освобожденные от необходимых расходов театра. Наши расчеты по кассовым книгам выяснили, что такой суммой будет 1 175 дол. за спектакль. Следовательно, сегодня я передала им чек на три тысячи пятьсот двадцать пять долларов за три спектакля – за январь, февраль и март. Вопрос о дальнейшем исполнении наших обязательств по отношению к Комитету заграничных поездок решится по возвращении нашем из поездки.

Сегодня же я отправила Вам заказным порядком, в отдельном конверте, копию нашей кассовой книги и общее состояние кассы на 24 марта – работа, о которой я Вам писала в предыдущем письме. Простите, что к отчету этому не приложено никакой сопроводительной записки. Я как раз была в поисках подходящего конверта для отчетов, когда подошла к почтовому отделению. Тут же я купила конверт, написала адрес и отправила, все на ходу.

Я рассчитывала, что сегодня напишу Вам большое письмо, т.к. сегодня и днем, и вечером “Вишневый сад”, я могу сидеть все время в конторе и стучать на машинке. Но не тут-то было. Пришлось целый день быть в разгоне, с 11 утра до 6 вечера, потом пообедала, вернулась в театр и оказалось, что так многим надо еще заняться, что села я за письмо к Вам только во время третьего акта “Вишневого сада”. Сегодня днем у нас был полный сбор, а вечером аншлаг. Вероятно, то же будет и завтра. Гест был прав: эта неделя окупит театру недоборы предыдущих.

Не знаю, обрадует ли Вас то, что, вероятно, мы все скоро приедем в Москву. Наши – те особенно, кто хотели бы остаться, – все еще не теряют надежды, что как-нибудь удастся устроиться и на лето, и на осень принять те предложения, которые так всех устраивали. Но я лично уверена, что в Америке мы не останемся, пропутешествуем эти семь недель, возможно, с возвращением в Нью-Йорк, дадим здесь спектакли в течение восьмой недели (как говорит Гест, “сыграем гудбайную неделю”), этим Гест окончательно выполнит свой договор (12 недель сначала и 8 пролонгации), а потом мы или через Лондон, или напрямки поедem в Москву. Это мое твердое убеждение, что так будет. С Лондоном начаты переговоры через Ликиардопуло, т.е., вернее, “греку” послана от нас телеграмма, но только сегодня, так что ответа еще нет. С кино все кончено: получено извещение, что съемка не состоится. Я этого письма не читала и потому пишу Вам так кратко, так как только узнала “по секрету”, что получен отрицательный ответ.

Во вторник на этой неделе были мы целой компанией в том знаменитом цирке, о котором я писала Вам. Действительно впечатления были необычайные. Во-первых, размеры цирка. Вишневский уверял, что он вмещает 25 000, но я думаю, что это сильно сказано, однако за половину этой цифры поручиться можно. При этом надо сказать, что ни одного места пустого, все распродано на неделю вперед. Спектакли они дают по два раза в день. На колоссальнейшей арене было устроено в ряд три небольшие арены, разделенные двумя площадками, так что для представлений было устроено пять площадок. И на всех этих площадках представления идут одновременно, без всяких антрактов и перерывов, в течение трех с лишним часов. На трех аренах, например, в начале представления были построены клетки и демонстрировались дрессированные дикие звери, а на площадках в это время работали гимнасты. Каких только зверей там не было: белые медведи, львы, тигры, пантеры... Кроме того, у них в отдельном помещении демонстрируют-

ся жирафы, змеи, не принимающие участия в представлении. Словом, настоящий зоологический сад. Потом целая кунсткамера, “странные люди”: женщина с бородой, человек с тремя ногами, человек синего цвета, ацтеки, невероятно крошечные лилипуты, громадные великаны. Все они проходили в церемониальном марше перед публикой. Был номер со слонами, которых вывели сразу на арену 26 штук. Потом клетки для диких зверей были сняты, звери увезены, и начались более мирные забавы. Были показаны скачки: сначала обыкновенные, потом по две лошади, на которых стоял человек – одной ногой на одной, другой на другой, а потом выкатились римские колесницы, запряженные четверкой, и пустились наперегонки. Или, например, был номер ковбоев, показывающих дикую скачку. Так там пускали в ряд по восемь всадников, которых ковбой, бросая лассо, ловил в одну общую петлю. Невозможно было уловить всего, что происходило на арене, т.к. глаза разбегались. Да, здесь масштабы колоссальные, забавляющие нас очень.

Были мы еще на разных представлениях, но там ничего сверхъестественного не видели. Страшно любезно встречал нас “Нейборхуд Плейхауз”, театр, в котором ставится пантомима “Ящик с игрушками”, исполняемая с детьми. Главной актрисе 8 лет – очаровательная девчушка. Из всего спектакля мне больше всего понравилось вступительное слово одной из руководительниц театра: “Мне очень грустно, сказала она, что мои соосновательницы этого театра находятся в поездке по Европе. И вы легко поймете это чувство: вы тоже в минуты радости, в минуты успеха вашего театра, всегда горевали, что с вами нет вашего друга – Немировича-Данченко”. Ах, как чудесно было бы, если б Вы были с нами, это верно.

Стало быть, до свидания, милый Владимир Иванович, до следующего письма из Чикаго. Будьте здоровы. Пусть все дни Вашей жизни будут прекрасными и счастливыми.

Неужели за время нашей поездки Вы совсем отвыкните от меня?

Ваша *Ольга Бокшанская*

36.

Чикаго, 4 апреля 1923 года

Милый Владимир Иванович, дорогой Владимир Иванович, как странно, как неожиданно сложилась моя жизнь... я пишу Вам письмо и помечаю “Чикаго”! Могло ли повериться прежде, правда, больше года тому назад (ведь сейчас приблизительно годовщина тех дней, в которые начались разговоры и хлопоты об отпуске театра за границу), что мы будем в Америке, где-то на противоположной нам, российским, половине земного шара.

Когда мы ехали в Чикаго, все в поезде были заняты разговором, что каждый день наш, каждая неделя похожи на сказку: едем по Канаде, проезжаем совсем близко от Ниагары, едем в город на берегу озера Мичиган, – все эти названия помнишь с детских лет, со второго класса гимназии, – проезжаем по каким-то пампасам или льяносам, едем вдоль Гудзона, как мы привыкли его называть с десяти лет, и Хадсона, как говорят здесь.

Мы выехали из Нью-Йорка в 9.30 утра, в воскресенье 1 апреля. Накануне вечером прошел прощальный спектакль “Три сестры” с громадным успехом. Публика долго кричала, махала шапками, аплодировала. Все старались пробиться к рампе, чтобы оттуда кричать слова прощанья и благодарности актерам. Старались пожать руку выходящим перед занавесом артистам, старались крикнуть самые ласковые, самые сердечные слова.

На следующее утро все собрались за полчаса на Большом Центральном вокзале, который поразил нас своими размерами и абсолютной тишиной и спокойствием. Это громадное здание, не очень высокое, но колоссальное по площади. Залы его под землей. Мы спустились вниз, очутились в громадном зале, спокойном, величавом. Гестом все было прекрасно организовано. Стоял его представитель около контролера, и нас всех пропускали к поезду без билетов. Конечно, если на вокзале и был некоторый шум, то его делали наши, суетясь и волнуясь пред отъездом. Но самое замечательное было чувство тогда, когда мы вошли в двери, у которых стоял контролер. Мы очутились на перроне, у самого поезда. Когда мы стояли в зале, нам казалось, что поезда, их шум, вся суета, которой сопровождается отход поезда, где-то очень далеко, а оказалось, что поезд стоял от нас в нескольких шагах, разделенный от нас только одной дверью. Нам были предоставлены три вагона. В двух разместились мы все, в третьем ехали техники и рабочие-американцы. Четвертый вагон был вагон-ресторан. Ровно в 9.30 поезд без всяких свистков и звонков отошел со станции. Мы долгое время, кажется, 70 миль ехали под землей, даже проезжали под рекой, причем нас везли при помощи электрической энергии: город так заботится о здоровье своих граждан, что не позволяется дымить, пока поезд идет по территории города. Отъехавши же на 70 миль, мы получили паровоз к поезду и поехали по-европейски. Вагоны устроены превосходно, так, как нигде в Европе. А нас все пугали, что переезды в Америке – сущий ад. Нельзя еще говорить безапелляционно, каково ездить по Америке, но первое впечатление было превосходное. Позвольте мне даже описать Вам вагоны, они так очаровательно устроены.

Вы входите так же, как и у нас, в боковую дверь (не в каждое купе отдельно), и попадаете с площадки в коридорчик. Первая дверь из него ведет в мужскую уборную, устроенную, так же, как и дамская, замечательно. Это большая сравнительно комната, вся в зеркалах, с двумя умывальниками, с одним небольшим умывальничком специально для

мытья рук. Постоянная горячая и холодная вода, из какого-то специального кранчика течет жидкое мыло. На полке над умывальником ряды чистых полотенец, которые после использования бросаются в сетки под умывальниками. Эта комната в то же время является и курительной комнатой. По противоположным двум стенам ее устроены мягкие диванчики. За ней уже следует помещение самого вагона. Проход в вагоне посередине его. В вагоне десять купе, по пяти вправо и влево от прохода. Купе открытые, представляют собой мягкие диванчики с невысокими спинками, т.е. настолько, конечно, высокими, чтобы можно было к ним прислониться головой. На каждом таком диванчике свободно могут усесться рядом по два человека, но нам были предоставлены вагоны с тем расчетом, что каждый человек имел свой диванчик, т.е. по два человека в купе. Словом, места были с плацкартами. В вагоне чрезвычайно чисто, у двери в вагон стоит черный человек и следит за тем, чтобы всем было удобно. Если кто-нибудь сядет так, что, видно, хочется ему подремать, тотчас принесет черномазый подушку; кто вздумал почистить карты, в карты поиграть, сейчас же принесет стол и прикрепит его между двумя диванчиками. При выходе из вагона с другой стороны опять-таки есть отдельное помещение, по площади одинаковое с курительной комнатой. Но оно разделено на двое. Ближе к вагону устроено купе-люкс, комнатка на два человека, в которой, кроме двух диванчиков, имеющих вид купе, есть еще третий диван для отдыха (длинный), есть и отдельная уборная и умывальная комната. Вторая часть этого помещения отведена под дамскую уборную. В купе-люкс помещены были К.С. и Ник. Аф., оба говорившие после ночи в вагоне, что они и дома так не выспались и не отдохали, как в эту ночь в своем купе. День поездки прошел легко и приятно. Обедали, ужинали в вагоне-ресторане, где кормили довольно скверно и брали дорого. Ночью же вагон, при помощи черных рук, принял совершенно новый и необыкновенно милый вид: нижние два диванчика были соединены в одну широкую кровать, сверху спустилась верхняя койка, в которой были спрятаны не только постельные принадлежности, но и драпировки, которыми закрывались эти купе от прохода, и деревянные стенки, которыми разделились эти купе друг от друга. Получились замечательно удобные, широкие, мягкие кровати, в которых мы провели прекрасно ночь. Так как приезд в Чикаго должен был быть в половине второго, то все успели и выспаться часов до десяти – одиннадцати, и вымыться, и вещи убрать, и позавтракать в вагоне. На вокзале нас встретили Бурджалов, Койранский, Кузьмин (муж Тарасовой), Морис Гест, Узун (из Первой студии) и целый ряд неведомых поклонников и журналистов. Едва Москвин успел сойти с площадки, как к нему уж подлетел какой-то человек и спросил: “Как вам нравится Чикаго?” Конечно, на вокзале была кинематографическая съемка, конечно, Гест жал руку Станиславского перед аппаратом фотографа. Так было, так будет во все время нашей поездки. Мы приехали в половине второго, а уж в семь часов вечера вышли вечерние газеты с помещенными в них фотографиями, снятыми на чикагском вокзале.

С вокзала мы, предводительствуемые Гестом, пошли в гостиницу пешком – она стоит близко от вокзала, – вещи же наши должны были быть доставлены туда без наших всяких хлопот. Номера нам были приготовлены в отеле “Мажестик”, занимающем тот же дом, в котором помещается и наш театр “Большой Северный Театр”. Комната моя мне не понравилась, заменить ее было нельзя, и мы с Рипси отправились по наитию искать другую гостиницу. Часа через три нашли прекрасные комнаты, вполне приемлемые по ценам в отеле недалеко от театра, минут пять ходьбы. Перевозка вещей и устройство на новом месте заняли все время до вечера, до восьми часов, когда была назначена генеральная на сцене театра.

Вот когда мы пришли в театр, тут-то начался самый ужас. Самый театр, кажется, довольно уютный и милый, я его еще поразгляжу на свободе и опишу Вам в следующем письме, но помещения сцены и уборные ужасны, особенно уборные. Их мало, они тесны до ужаса, но самое невероятное то, что они помещаются под сценой, в помещении, совершенно лишенном чистого воздуха, т.к. окон нет, а вентиляционные трубы приходится держать закрытыми, т.к. если их открыть, то оттуда сыпется дождь сажи и грязи. Распределение артистов и сотрудников по уборным заняло массу времени, комбинировали и так, и этак, сделали все, что могли, чтобы устроить получше, и все же все недовольны, и к следующему “Федору” придется переделывать. Дело в том, что, кроме ряда уборных под сценой, соединенных со сценой двумя ужасными, узкими, грязными винтовыми лестницами, на уровне сцены есть одна небольшая уборная (на троих), для “звезд”, как здесь говорят; у двери этой уборной начинается винтовая лестница, ведущая к двум уборным, помещающимся над “звездной” уборной, одна над другой. Мы решили, что на уровне сцены надо посадить К.С., Москвина и Качалова, как играющих ответственные роли и вдобавок слепых настолько, что они могут оступиться на узкой неудобной лестнице. Уборные над сценой решено было отдать тем из артистов, которые играют роли без переодеваний и вообще редко заняты в спектаклях. Дело ведь в том, что из этих уборных надо выходить очень осторожно, лестница, соединяющая их со сценой, проходит на самой сцене, причем лестница эта не заключена в лестничную клетку, стало быть, малейший шум на ней слышен будет в зрительный зал. Остальные же артистки и артисты были размещены в уборных под сценой, причем теснота была такая, что в уборной сотрудниц, тесной комнатке с тремя зеркалами, пришлось посадить 10–11 человек. Под контору отвели комнату, площадью равную репертуарной конторе в Камергерском. В этой комнате стоит гримировальный столик на два зеркала, на котором мы гримируемся и за которым я пишу от руки, затем столик для пишущей машинки, столик для Рипси, два кофра с книгами и конторскими папками. Теснота совершенно невероятная. К тому же ни Бертенсон, ни Л.Д.Леонидов не имеют никакой комнаты и поэтому постоянно сидят у нас, занимаются у нас, сгоняют нас с места,

когда им надо что-нибудь написать, устраивают здесь совещания и переговоры. Вот и сейчас я пишу под громкий разговор Бертенсона, Гремиславского и Леонидова. Работать нет никакой физической возможности. Кроме того, перегородки между уборными не доходят до потолка, и сверху, и снизу перегородок находятся железные решетки. Поэтому все разговоры слышны; если разговаривают даже в самой дальней уборной, то все равно у нас слышно. Мешает это ужасно, так что когда есть утренники, то заниматься почти не придется. А из посланного Вам репертуара Вы видели, сколько раз на неделе у нас утренники. Словом, эти три недели в Чикаго будут сплошным кошмаром и ужасом, это ясно после того, что мы провели здесь три дня. Я никогда не думала, что могут быть такие ужасные театры. Право, такое помещение впору для животных, но никак не для людей. Жара и духота под сценой неопишываемые, особенно, если приходится сидеть в парчовых костюмах и киках тяжелых. А каково-то артистам в их шубах, в толщинках.

Да, так если кончить рассказ об уборных, должна Вам сказать, что Книппер подняла неудовольствие, что ее посадили внизу, и так горячилась, что к следующему “Федору”, а может быть даже и с завтрашнего дня, уборную на сцене отдадут ей и Корневой, К.С. переведут в уборную в первом этаже над сценой, всех же остальных перетасуют как-нибудь соответственно их пожеланиям и просьбам.

Итак, вечером в день приезда состоялась генеральная репетиция на сцене. Тут выяснилось, что сотрудники – народ совершенно не подготовленный, малокультурный, нетеатральный, к тому же в большинстве своем, хотя и российские эмигранты, но не русские. К.С. замучался, репетируя с ними, но хотя бы сносных результатов добиться не мог. И в ожидании премьеры все были заранее в отчаянии, что народная сцена пройдет ужасно и последнее впечатление от спектакля испортит все остальные впечатления. И вот в день спектакля было решено, что на выход последнего акта пойдут все свободные наши актеры. В шестии бояр вышли Тарханов, Подгорный, Ершов. Как видите, только три человека, но благодаря им сцена прошла неожиданно живо и с подъемом, так что К.С. приходил благодарить за удачное исполнение. Спектакль кончился под громовые аплодисменты, заставившие поднимать занавес раз десять. Публика вся сидела на местах до тех пор, пока занавес не поднялся и не опустился в последний раз.

Пресса следующего дня была блестящая. Конечно, тоже общие места, как и в Нью-Йорке. Опять о необыкновенном ансамбле, о поразительной дисциплине, о незабываемой игре Москвина, хвалы Книппер и Вишневному. Серг. Льв. познакомился с каким-то знаменитым критиком “Чикаго-трибюн” (фамилию его он забыл), который говорил ему, что много-много лет Чикаго не видел подобных спектаклей. Конечно, писалось и в газетах о том, что это новая эра в искусстве, новая страница в театральной жизни Чикаго. Вот все, что меня просил сообщить Вам о прессе Серг. Льв. Да, еще просил сказать, что выражение “Московские

артисты взяли штурмом чикагскую критику” повторялось и повторяется многими газетами. Леонид же Давыдович просит Вас сказать, что, несмотря на великолепную критику, почему-то сборы неважные. Уже со второго спектакля недоборы. При полном сборе в 4 500 мы идем 2 500–3 000. Это, конечно, “не смешно”. И очень неприятно. По-моему, американскую публику зажечь почти невозможно, а русских в провинциальных городах мало. Так что едва ли можно рассчитывать на такие битковые сборы, какие у нас были в Нью-Йорке.

7-го апреля

Вот письмо, которое я никак не могу закончить. И все из-за того, что каждый раз, как я начну писать, приходится прерывать, вынимать из машинки и вставлять бумаги по текущей работе или бежать на выход. Но я решила так: сегодня непременно отправлю его, если и не успею написать Вам все, что хотела, милый Владимир Иванович. Я думаю, что Вам приятнее будет получить как можно скорее вести из Чикаго.

Я только что просмотрела последние строки вчерашнего письма, вечерашних записей, и нашла, что забыла сообщить Вам следующее: Л.Д. получил телеграмму от “Габимы” с просьбой начать переговоры о приезде сюда “Габимы”. Так вот он просит сообщить Вам, на тот случай, что они Вас будут осаждать вопросами, нет ли у Вас сообщений о них, Л.Д. вел переговоры со многими менеджерами, но они говорят, что нельзя надеяться на успех этого театра здесь. Ведь здешнее еврейство очень хорошо знает жаргон, древне же еврейский язык им так же непонятен, как и арабский.

Мы уже за то время, что я писала Вам это письмо, успели отыграть четыре спектакля “Федора”, и сегодня даем свою вторую премьеру – “На дне”. Представьте себе, сбор и сегодня не полный. И Л.Д. уже беспокоится за Бостон, предлагает играть там не две недели, как предполагалось, а одну, на другую же неделю поехать в какой-нибудь другой город. Как ни печально сознаться, но такого успеха, какой мы видели при первых гастролях в Нью-Йорке, нам ждать теперь нечего. Скажу Вам по секрету, что я слышала, что К.С. больше не рассчитывает на Америку в будущем сезоне, теперь он предполагает лишь проделать турне Лондон – Скандинавия, может быть, еще какие-нибудь города Европы.

Милый Владимир Иванович, я вижу, что письмо мое написано беспорядочно, неаккуратно, может быть, даже безграмотно, но ради Бога, не сердитесь на меня за это, обстановка, в которой приходится работать, совершенно невозможно суматошна и ужасна. Я вижу, что мне даже не придется перечитать это письмо, чтобы исправить ошибки, повторения. Видимо, мне придется для писем приходить в театр тогда, когда здесь не бывает народ. Иначе шум такой, что голова пухнет, разговоры, смех и шутки слышны из всех уборных, шум на сцене при перестановке декораций как раз раздается над самой головой. Какой-то сумасшедший дом, а не театр.

Завтра Страстная суббота. У нас два спектакля завтра. После вечернего все собираются поехать в здешнюю русскую церковь на заутреню, откуда пройдем в небольшой ресторанчик в той же местности, где будет приготовлен пасхальный стол. Это общее разговенье устраивает театр для всех участников поездки. К.С. сказал, что если мы и гряземя постоянно, то хоть раз в год надо объединиться для дружеской беседы. Мне смешно подумать обо всей этой кукольной комедии, которой никто поверить не может, и я бы с радостью не пошла на это братанье “под звон пасхальных колоколов”, если б не знала, что это сочтется как фронда, а К.С. примет это как личную обиду себе. А мне странно подумать, что я должна буду христосоваться с людьми, которые не могут видеть меня без того, чтобы не прошипеть самые ехидные вещи по моему адресу. И к тому же мне все время нездоровится, чувствую себя отвратительно. Милый Владимир Иванович, если б Вы только знали, как я жду Москвы, как я жду того времени, что я буду работать у Вас, что я отведу душу свою в той удивительной атмосфере спокойствия и доброжелательности, которую Вы создаете около себя. Работать можно только у Вас, удивительный, необыкновенный Владимир Иванович. Я всегда так думала и раньше, а теперь я это знаю лучше и крепче, чем что-либо на свете. Мне ужасно хочется написать Вам многое, что охарактеризовало бы Вам нашу жизнь последних недель, но это уж придется отложить до следующего письма. Теперь же надо кончать, так как третий акт уже пошел, и скоро надо идти на выход в народной сцене.

Милый Владимир Иванович, посылаю Вам две вырезки из газет: фотографию, снятую на чикагском вокзале, и крайне бездарные карикатуры “столпов, на которых зиждется наша поездка”.

Милый Владимир Иванович, в эти предпраздничные дни я снова шлю Вам свои сердечные поздравления и желаю Вам счастья и радости.

Л.Д. просит передать Вам, что единственное, о чем он с радостью думает, это о том, что летом Вы приедете в Германию, он там встретится с Вами и выльет Вам все, что накопело в его душе за время этой поездки.

Сердечный, нежный привет Вам и дорогой Екатерине Николаевне. Если только будет малейшая возможность, завтра снова начну Вам следующее письмо.

Ваша Ольга Бокшанская

Чикаго, 8 апреля 1923 года

Христос Воскресе, милый Владимир Иванович!

Я хотела написать Вам это письмо вчера, но успела пометить только 8-е число. Кто-то пришел, дал работу, потом еще дело нашлось, и весь день прошел в хлопотах и занятиях. Уж вчера мы успели совсем позабыть, что пришли праздники. А сегодня, если и есть какое-то приподнятое настроение, то, конечно, не от праздника, а оттого, что в первый раз в Чикаго идет “Вишневый сад”.

Праздники мы встретили очень славно. После спектакля отправились все в русскую церковь, простояли там с полчаса, потом пошли в небольшой ресторанчик недалеко от церкви. Там был заказан пасхальный стол в отдельной комнате. Стол был прекрасно сервирован, были крашеные яйца, пасхи, окорока, куличи, всякие закуски. Все уселись за столы, поставленные покоем, сначала занялись едой, потом тостами. Первый тост был, конечно, за Вас, не считая того, что как только все сели за стол В.Н.Пашенная предложила выпить за всех родных, оставшихся вдали от нас, от каждого из нас. Но еще до того, как К.С. предложил выпить за Ваше здоровье, мы в своем уголке стола (Л.Д.Леонидов, Подгорный, Бертенсон я – Рипси не пошла на этот ужин, ей не захотелось быть там, она в мерлехлюндии) – мы, как назвал нас Бертенсон, сектанты, обожающие Вас, – выпили за Вас, за Ваше счастье. Потом отдельными тостами чествовали всех присутствующих и отсутствовавших из своих, каждого в отдельности, пили за А.И.Южина (главным образом чтоб обрадовать Пашенную и сделать ей приятное¹), пили за оставшихся в Москве. Я уехала довольно рано, вскоре после этих всех тостов, и спешу Вам засвидетельствовать, что хотя в моем письме через каждые два слова попадаете выражение “пили”, все же при мне никто сильно не выпил. После моего отъезда, особенно под утро, как говорят, стало оживленнее и веселее, но до конца празднества все было хорошо и благополучно. И вообще все время было дружно и доброжелательно. Даже “французы удивлялись”². Нет, серьезно, все так привыкли, что все время идут какие-то колкости, шпильки, что такое дружеское всеобщее настроение показалось неожиданным. Пели дружно хором, с большим подъемом “Христос Воскресе”, “Воскресение Христово видевше”. После ужина были танцы, в которых отличался Москвин, но это уж было после моего отъезда.

Сейчас все наши старики заняты вопросом выяснения нашего будущего. Письма из Москвы приходят столь безотрадные, жизнь там описывается в таких мрачных, унылых тонах, что поневоле все приздумались, хватит ли тех сбережений, что они здесь сделали, чтобы обеспечить себе существование в Москве, и не надо ли взять от поездки в смысле материальном как можно больше. Но тут соображений много и в том отношении, что надо предпринять, чтоб получить нужные

предложения. Рассуждения, обсуждения, разговоры идут беспрерывно, голова пухнет от них. Все, конечно, понимают, как тяжело Вам жить в такой неизвестности, как может Вас изводить то, что Вы связаны в своих планах и предположениях, так как наше положение невыяснено. Еще сегодня мы встретились в ресторане за обедом с К.С., и Ник. Аф. поднял разговор о том, что необходимо выяснить наше решение в ближайшие дни для того, чтобы можно было Вам сообщить, что будет с нашей группой. А то ведь из последних сообщений Вы можете легко понять, что может случиться, что мы все вернемся в Москву к сроку. А Вы строили план существования театра без нас и на будущий сезон, т.к. мы просили пролонгации отпуска и пролонгация нам была дана. Следствием этого разговора был созыв на завтрашний день всех стариков-пайщиков на заседание. Но, по-моему, и на этом заседании трудно будет решить конкретно, остаемся ли мы, едем ли мы в Москву. Ведь для такого конкретного решения нужно иметь предложения, в зависимости от которых останется театр, или не рассчитывать на предложения вовсе и тогда ехать в Москву. А у нас предложений пока нет, но надежда на них большая. И неудача с Лондоном не поколебала никого. Ведь Ликиардопуло прислал ответ, что с Лондоном ничего не выйдет. Весьма вероятно, что, несмотря на это сообщение, с Лондоном все же начнут переговоры через кого-либо другого, т.к. Лик. не внушает многим доверия. Пока пишу Вам (уже на следующее утро, 10-го) то, что я слышу из разговоров, чтобы нарисовать Вам предположения. Весьма возможно, что мне могли бы сказать, что писать разговоры и предположения в таком незаконченном виде нельзя, но я всегда рассуждаю так: ведь если бы Вы были здесь, то первый бы знали все толки и планы. Стало быть, и вдали от нас Вы должны все знать. Пока говорят так: кончив контракт с Гестом, надо ехать в Европу, вероятнее всего (если не будет Лондона), на Гамбург, оттуда в Берлин. Перед посадкой в Америке объявляется всем, что поездка кончилась, всем дается возможность вернуться в Москву, кто когда желает. С 15 июня начинается оплата всех по московским окладам. При этой комбинации некоторые останутся в Германии отдыхать, лечиться, кто от желания отдохнуть, кто потому, что сдал свою квартиру до сентября и не может раньше этого вернуться. Те же, кого не устраивает сиденье в Германии, отправляется в Москву. Это один разговор. Другой разговор – попробовать в Германии сняться в кино и тем заработать на житье в течение всего лета. После этого, с осени использовать пролонгацию отпуска гастролями по Европе, может быть, поездкой в Америку, если новый предприниматель свезет труппу за свой счет обратно в Америку. Вчера я вдруг узнала еще один план, который меня привел в отчаяние, т.к. мне кажется он не только нелепым, но просто гибельным для театра: составить в Германии небольшую портативную группу с К.С. и Москвиным во главе, с портативным репертуаром; не вошедшие в эту группу, а также Качалов, стремящийся по его словам в Москву (однако этот план пока еще не из-

вестен Качалову, по-моему), возвращаются к Вам не позднее 15 августа. Вы ставите с Качаловым какую-нибудь постановку (трагедию) месяца в два-три, на пьесе этой базируется театр до февраля, когда возвращаются все застрявшие. Эти же последние до февраля ездят по Европе со своим портативным репертуаром и... даже не могу подобрать слова, как определить, что делают: то ли прославляют русское искусство, то ли – имя МХТ, то ли зарабатывают просто валюту. План этот поверг меня в такое уныние, что сказать Вам не могу. Где же тот единый театр, о котором столько было разговоров? Где же остались те возмущения, возмущения “качаловской группой”, что их поездка – сплошная халтура, что они не представляют собой МХТ? Как же назвать такую “портативную поездку”? Гастроли МХТ? Правда, я слышала этот план только от одного человека, вероятно, он является его создателем. И я думаю, что этот план принят не будет никем из правления.

Я скажу только одно: чем дольше театр будет в отсутствии, тем больший будет развал и раздражение. Меня постоянно упрекают в пристрастии к старикам и в отрицательном отношении к молодежи. Но, право, это у меня не без основания. Меня возмущает то безобразное легкомыслие, то неуважение, с которым относятся наши молодые к театру, к делу, на создание которого талантливейшие люди положили десятки лет своей жизни. У нас ведь считается так: к театру можно относиться кое-как, зато товарищеские свои чувства надо проявить вовсю. Например, все приятели суфлера Касаткина старательно хотели провести его в актеры, чтобы дать ему заработать. Они много раз приставали к Лужскому, чтобы он позволил сыграть ему какую-нибудь небольшую роль в “Федоре” – стремянного, выборного... Им отказали. К тому же, пока Качалов был нетверд в тексте “Федора”, суфлер был нужен для суфлирования. Наконец, в поездке решено было выпустить Касаткина на выход. Он выходит выборным в “Примирении” и нищим в “Соборе”. И вот в один из чикагских спектаклей, к ужасу Вас. Вас. и к общему удивлению, слова Булгакова – тоже играет выборного, – сказал Касаткин, хотя Булгаков был тут же на сцене. Как потом объяснил Булгаков, он решил дать Касаткину попробовать, как это у него выйдет. А когда о том сначала просили Лужского, то тот отказал. Стало быть, решили самовольно это сделать. А как раз перед тем, еще в Нью-Йорке был такой случай. Болеславский, играющий патриарха, как-то пришел в театр перед спектаклем. Рипси его видела, стало быть, даже и не проверяла, здесь он или нет. Вдруг оказывается, что Болеславский только зашел в театр для того, чтобы попросить Гудкова выйти за него, и ушел, занятый своими делами. (Кстати сказать, Болеславский с приездом театра открыл студию и, как говорят, собрал столько учеников, что теперь не нуждается в театре. Конечно, приезд театра и то, что он стал его актером, ему сильно помогло. Он как-то поместил статью о К.С. в газете, где были помещены два портрета: К.С. – директор Моск. ХТ, и Болеславского – директор Студии МХТ.) А на Гудкова у конторы был расчет,

надо было занять его какой-то другой ролью. После этого случая было объявлено всей труппе, что всякие замены актеров, сделанные ими по взаимному уговору, без ведома конторы, будут караться штрафом. И когда Булгакову сказали, что эта замена недопустима, особенно после выпущенного объявления, он ответил, что он же был на сцене и ничего особенного не сделал. Кроме того, он так несерьезно вел себя на сцене, когда ему пришлось пойти на выход в сцене “Собора”, так подмигивал в сторону боярышень, где стояли свои, что К.С. обо всем рассказали, и я знаю, что К.С. вызывал его к себе для внушения.

Вот еще случай: предпоследний день в Нью-Йорке. Идет “Вишневый сад”. Днем играет Добронравов, вечером Подгорный. Перед утренним спектаклем мы все были в театре, и Ник. Аф., пользуясь свободой от спектакля, решил поехать со мной в Красный Крест для взноса 3 525 долларов в пользу Помгола и для окончательных переговоров с представителями Кр. Креста. И случайно Ник. Аф. задержался в театре, давая всякие распоряжения и сговариваясь с Кр. Крестом по телефону, где мы сейчас застанем его представителей. Наконец мы собираемся ехать, Ник. Аф. пишет записку Рипси, что надо сделать в его отсутствие. В это время (за полчаса до начала спектакля) приходит Гудков и сообщает, что Добронравов в 12 часов дня пошел к дантисту и вырвал себе зуб. Прийти на спектакль не может. Не нашел другого времени, чтобы дать вырвать себе зуб. Конечно, Ник. Аф. побежал одеваться и гримироваться, а я отправилась в Красный Крест без него. Если бы мы уехали до прихода Гудкова, то Ник. Аф. даже не смогли бы найти, т.к. представители Красн. Креста назначили нам для встречи помещение, ни адрес, ни телефон которого никому в театре не был известен.

А когда Добронравову сделали замечание, что так поступать нельзя, что зная, что играешь спектакль, нельзя ходить рвать себе зуб, он спокойно ответил: “Ну, а если б я заболел? Ведь мог же я вдруг заболеть!”

И все вот так идет. Теперь даже и не приходит никому в голову, что надо тщательно заботиться о спектакле, что надо к спектаклю относиться очень внимательно. Например, Ник. Григорьевич наш очень плох. Он заболел было в Нью-Йорке и пролежал с неделю. Многие подзревают, что у него была не испанка, а какой-то род белой горячки. И вот уж с тех пор он все как-то слаб, весь расклеился. И К.С. решил, что на сегодня надо его освободить от Яши³ и дать сыграть Тамирову. И никому в голову не пришло устроить сегодня днем хоть небольшую репетицию, хоть места пройти на сцене, хоть с Булгаковой сцены попробовать⁴. Нет, действительно настоящей работы в поездке нет, и до Москвы всё так и будет идти, как никогда не было раньше, и только в Москве начнется настоящая работа и настоящее отношение к делу. По-моему, наша молодежь теперь может рассуждать так: если хочешь сыграть роль, выучи ее на всякий случай и жди, что исполнитель посто-янный заболит, ногу сломает, на него кирпич свалится, – не знаю еще,

какое несчастье обрушится. Тогда заявляй, что текст знаешь, и дело сделано, тебя выпустят. А ждать, что с тобой заниматься будут, введут тебя – напрасный труд. Я сегодня злая, сержусь на все, может быть, и нехорошо, что я пишу все это Вам, но не могу удержаться, очень уж обидно, что из такой изумительной идеи, как идея нашего театра, делают такую мелочь, такую пыль.

Сейчас пришел со сцены Ник. Аф. и сказал, что первый выход Тамирова прошел благополучно. Решили поздравлять Рипси, как представительницу одной с Тамировым национальности⁵. Вчера К.С. получил из Москвы письмо. От кого-то из Первой студии. Он не называет имени, говорит, что имя автора должно быть в тайне. При мне он читал выдержки из письма. Много какого-то бреда, в котором никто разобраться не может. Но и много конкретного, рисующего планы и настроения студии и отчасти театра. Но ко мне приходили те, кому К.С. читал более подробно, и с возмущением говорили, что это целый донос. Я и то сегодня усмехаюсь: “Вероятно, и про это мое письмо кто-нибудь в Москве скажет: “Это форменный донос!” Конечно, там много приятных К.С. слов о том, что Вы наш единственный и истинный создатель, Вы наш отец, только Вы можете все решить”.

Очень я большая сплетница стала, милый Владимир Иванович?

Я бы и рада написать Вам много о нашей прессе, но, к сожалению, ничего нового Вам не напишу, а повторять не стоит. Серг. Льв. говорит, что он с трудом читает все эти общие слова, которые он десятки раз читал уже в Нью-Йорке. Опять говорится (про “Дно” и “Вишневый сад”), что выделить никого из актеров нельзя, что пришлось бы выписать всю программу, что чтобы понять русское искусство, надо смотреть наш театр, наших актеров, играющих на непонятном американцам русском языке, что, читая пьесы, которые мы играем, казалось, что они вовсе не сценичны, а в исполнении нашего театра пьесы эти оказались интереснейшими, что спектакль наш – живая жизнь на сцене. И еще много, много восторгов и комплиментов. Вот все, что я узнала от Сергея Льв., когда только что ходила интервьюировать его.

До скорого свидания, дорогой, чудесный Владимир Иванович, хотя бы в следующем письме. Нет, никогда не может случиться, что я позабуду Вас, отойду от Вас, перестану писать Вам. А вот Вы меня можете позабыть, забываете меня, вероятно, часто.

Всего, всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам здоровья и благополучия. И пожалуйста, пожалуйста, не забудьте меня совсем.

Ваша Ольга Бокшанская

Чикаго, 15-го апреля 1923 года

Что за мученье, дорогой Владимир Иванович, целый день проводить в таких условиях, в какие нас пришлось посадить в чикагском театре. Сейчас идет утренний спектакль, а чувствуешь себя разбитой и усталой через полчаса после того, как пришла в театр. Только что началась вторая картина, впереди не только вся пьеса “Царь Федор”, но и перспектива сыграть еще раз вечером сначала всю пьесу, а уж сил совсем нет, в голове только одна неосуществимая мечта: не быть в этой духоте и тесноте, не слышать немолчных разговоров, доносящихся из всех уборных, не думать о том, как бы не опоздать на выход.

Наши материальные дела здесь значительно поправились, сборы сильно поднялись, интерес к спектаклям большой не только среди русских выходцев, но и среди американцев. Это нетрудно проследить, если во время спектакля ухитриться взглянуть в зрительный зал. Видишь, как многие в публике сидят с книжками в руках и все время следят то за игрой артистов, то по книжке. Это, наверное, американцы, все время читающие по переводу пьесы.

Первая неделя здесь дала небольшую, очень небольшую сумму в дивиденд. Объясняется это не только тем, что сборы были средние, но и тем, что на первую неделю в каждом городе падают большие расходы, чем на остальные недели.

Я не помню, писала ли я Вам, что с выбором театров в поездке были большие разговоры. Гест снял или собирался снять театры колоссальных размеров, тысячи на 3–4 зрителей. Дирекция наша запротестовала, находя невозможным играть чеховские пьесы в таких громадных театрах. Тогда Гест снял меньший театр, который оказался меньше нью-йоркского. Наш театр приблизительно на 1 400 мест (в Нью-Йорке был на 1 700), сбор полный на 1 000 дол. меньше. Но полных сборов пока не было, разве на премьере. А сейчас мы идем при сборах от 3 300 до 3 800. Но вообще, конечно, это прекрасные сборы. Леонид Давыдович прав, когда горячится, что напрасно у нас думают, что, если мы не даем полного сбора, то у нас плохие дела. Ни одна труппа – иностранная, конечно, – не делала и не делает в Америке таких сборов. Он говорит: “Найдите мне иностранный театр, который бы в течение четырех месяцев делал бы в Америке сбор по 3 с лишним тысячи на круг.

Таких театров нет. И если мы все время недовольны, то это только потому, что при нашем большом поездочном аппарате у нас слишком большие расходы, слишком много рук, которые тянутся к этим долларам, и при том очень большие аппетиты”. Действительно, подумать только. За последние годы в России никто не мог рассчитывать, чтобы только прожить на жалованье, а теперь считается совершенно необ-

ходимым, чтобы жалование было такое, при котором можно было бы откладывать, экономить еженедельно не меньше половины (для молодежи) и не меньше двух третей (у получающих больше). И когда было предположение, что можно было бы летом в Германии работать и зарабатывать съемкой в кино, то почти все сказали: “Ну, стоит ли зарабатывать в марках. Что это может дать? Только и хватит денег, что на жизнь, а отложить ничего не придется”. Как-то все после этого заживут в России?

Все эти дни Леонид Давыдович проводит в Нью-Йорке, где устраивает наши дела и ведет всякие переговоры. Вероятно, он привезет мне известие, что восьмую (последнюю по контракту с Гестом) неделю мы будем играть в Нью-Йорке. Неделя эта кончается 28 мая. Вероятно, Гест продолжит с нами контракт еще и на девятую неделю в Нью-Йорке, прощальную, которая кончится 2 июня. А 5-го июня идет в Европу пароход “Беренгария”, на котором ехали в Америку Лужские, Гремиславский и Бертенсон.

Продолжаю письмо, милый Владимир Иванович, уже вечером, перед спектаклем. Спектакль наш утренний кончился грустным эпизодом, показавшимся мне ужасным, совершенно непозволительно оскорбительным для театра. Но, вероятно, никаких результатов этому происшествию не будет. Дело было вот как. В последнем акте “Федора”, когда все боярыни стали по местам и на ступеньки собора вышли царица и Мстиславская (Пашенная и Коренева), Пашенная начала свой диалог с княжной совершенно от нее отвернувшись, более чем безучастным голосом, смотря рассеянными глазами в публику. Я, ничего не понимая, в полном ужасе обернулась к белоснежкам (Тарасова, Булгакова и др.) и из их шепота узнала, что все это было решено Пашенной заранее. Она говорила нашим молодым, что проучит Кореневу, которая будто бы в этой сцене все делает для того, чтобы самой стоять лицом к публике, а Пашенную поставить спиной. Вот она и решила, вопреки смыслу слов и положения, вопреки режиссерским указаниям, отрапортовать свои слова, стоя лицом к публике и спиной к княжне, и этим заставить Лидочку подойти к ней иначе, чем всегда. Лидия Мих. совершенно растерялась от тона, от позы, взволновалась ужасно, так что, когда она подошла к нашей группе, то она дрожала как в лихорадке, была почти невменяема. А после спектакля, конечно, рыдала ужасно. Вряд ли этот случай станет известным К.С., который – и только он один, – мог бы сказать Пашенной, что такое сведение счетов на сцене Худож. театра совершенно неприлично. Я должна Вам сказать, что вообще сейчас идет форменная травля Кореневой, часто доходящая до крайних пределов. Ведь после истории с Кореневой еще в Нью-Йорке, о которой я Вам писала, К.С. подверг ее окончательной опале, так что она совершенно беззащитна. И можно удивляться, с каким рвением все стараются теперь задеть ее, обидеть, наговорить на нее при всяком удобном и неудобном случае. И тут все были рады, что Пашенная ее так проучила, я сама слышала, как говорили: “Так и нужно!” Никто себя не поставит на ее место, что бы

было, если б с ним такая вещь на сцене бы произошла. Нет, все друг к другу, как волки, относятся, загрызут, не пожалеют. Я бы сказала К.С., но я знаю, что он только меня осудит, а Пашенной ничего не скажет, т.к. думает, что я к Лиде хорошо отношусь и ее защищаю. Мне ее по человечеству жалко, да и противно смотреть, какими мещанскими судами и пересудами на ее счет все заняты. А все с такой язвительностью мне всегда про нее говорят: “Ваша подруга...” Ах, какой противный тон у нас завелся.

Вчера в первый раз сыграл Годунова Ершов. Конечно, хорошо сыграть он не мог, так как совсем еще не выгрался, да и репетиции у него не было ни одной. Но с внешней стороны он был так интересен, так твердо знал роль и места, что нельзя не похвалить его. Вы можете себе представить, как волновался и кипятился Вишневецкий?

На этих днях у нас было созвано собрание всех пайщиков. После этого собрания Вам написал письмо Бертенсон, он мне же его и диктовал. Так что нового я Вам об этом ничего не могу сказать. Характерно только то, что один из участников собрания подошел потом ко мне и сказал: “Чтобы не было повторения румянцевской истории с посылкой протокола (помните, в “качаловскую группу”), вы в Москву копии протокола не посылайте”¹.

Собрание это было показательным тем, как мало единения все-таки даже между стариками. И все преследуют свои личные выгоды, все действуют по своим личным побуждениям, но при этом друг друга в этом упрекают. Кому удобнее поехать в Москву, те всячески тянут в Москву и не без ехидности говорят: “Ну да, если К.С. необходимо лечить сына и он не может вернуться в Москву, то пусть не возвращается, если кому-то хочется жить хорошо и заработать валюту, пусть не едет”. Тогда и противоположная сторона на дыбы: “А вы почему едете? Для пользы дела? Тоже ведь из-за того, что вам это удобнее”.

Вчера К.С. получил письмо от М.Н.Германовой, в котором она пишет ему (передаю, не читавши этого письма, а только зная о нем по рассказам), что, уезжая из Берлина, К.С. сказал ей, что она является пайщицей театра и получит свою долю барышей театра от гастролей. Так как в Берлине она много слышит о том, что театр имеет какие-то доходы, то ей хотелось бы знать, действительно ли она состоит пайщицей и может ли она рассчитывать на какой-то доход, может быть, даже можно сообщить, на какой именно. Письмо это пришло как нельзя более вовремя. Скажу Вам под секретом, и большим, что доллары до того вскружили некоторым голову, что подымался среди пайщиков (правда, немногих) разговор такой: зачем платить дивиденд Германовой, которая живет за границей, работает помимо театра и в театр не собирается вернуться. К тому же, когда “качаловская группа” гастролеровала по Европе и имела большие доходы, то она ведь не дала оставшимся в Москве никакого дивиденда. Я знаю, что ни К.С., ни дирекция этих разговоров не приняла бы во внимание и считает М.Н. законной пайщицей, но, во вся-

ком случае, были люди, которые против этого собирались протестовать. Теперь все те, кто говорил за М.Н., стали еще тверже в своей позиции. Письмо М.Н. напомнило им, что раз данное слово и раз вынесенное постановление надо исполнить.

Милый Владимир Иванович, простите, что я из Чикаго не так аккуратно пишу Вам, как из Нью-Йорка. Вероятно, за эту неделю – это единственное письмо, а не два, как было до сих пор еженедельно. Очень трудно писать в этой обстановке. Вся моя надежда, что в Филадельфии будет лучше, что нам мучиться здесь только еще одну неделю.

Пришла ли к Вам весна? У нас отвратительная погода, вчера шел снег. Дорогой Владимир Иванович, до свидания, всего хорошего.

Когда же придет то время, что я буду в Москве, что я буду приходить в Ваш кабинет и радоваться мысли, что я снова вижу Вас?

Ваша *О.Бокшанская*

39.

Чикаго, 18 апреля 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Говорят, что надо сегодня отправить письма в Европу, тогда их отвезет уходящий на днях “Мажестик”. Первое мое письмо, поэтому, конечно, к Вам. Сегодня получили мы Вашу телеграмму, ответ на наше подтверждение о продлении отпуска. Сказать по правде, я слышала за последние дни часто от некоторых наших такое предположение: “Вероятно, Владимир Иванович пришлет такую телеграмму: «Будущий сезон никак не наладить. Приезжайте к сентябрю»”. Вы сами понимаете, что для одних это было бы исполнением их заветных мечтаний, для других – громадным огорчением.

Леонид Давыдович до сих пор не приехал. Сегодня он телеграфировал, что приедет в пятницу. Из-за того, что он ничего не сообщает о результатах своей поездки в Нью-Йорк, мы думаем, что его переговоры относительно Америки ни к чему не привели. Значит, остается исполнить план, намеченный Л.Д., т.е. отправиться в Германию после конца контракта с Гестом, просидеть в Германии лето и с 15 сентября начать турне по Европе, которое закончится приездом в Ригу для гастролей, а оттуда уж непосредственно в Москву к 1 февраля.

Вероятно, Вам безынтересно будет знать, что вчера К.С. и Бертенсон были на обеде, который имел целью поднять интерес к сбору пожертвований в пользу голодающей России. Обед этот был устроен Обществом помощи русским голодающим женщинам и детям. На обеде в качестве докладчиков выступили двое американцев, которые не только были в России, но находились в первом отряде, приехавшем в Россию от Америки и Швеции. Как приманка на обеде был К.С. как

один из представителей русского искусства, в самые тяжелые годы про- бивший на своем посту и высоко державший вместе со своим театром стяг искусства (все это было напечатано в приглашениях на обед). К.С. произнес во время обеда небольшой сердечный спич на французском языке, в котором он благодарил за ту помощь, какую Общество дало России. Речь его была очень трогательна и имела большой успех. Во время обеда был произведен сбор пожертвований. По подписке было собрано 25 000 долларов. Общество это предполагает в самом ближайшем будущем послать в Россию 100 000 долларов, предназначая их самым голодающим местностям, в частности, Бузулукскому уезду.

Я думаю, Дмитрий Иванович не забудет сообщить Вам о том пожаре, про который я на днях писала в своем письме к нему. Да здесь, в общем, такие новости имеют силу и значение только в первый день. Проходит день, и все уж заняты какими-нибудь новыми сенсациями.

Сегодня за все время пребывания в Чикаго выдался в первый раз прекрасный весенний день. И как раз сегодня театр был приглашен поехать за город на игру в мяч (вроде нашей лапты), которой здесь все американцы адски увлекаются. И я было собралась, но так как для поездки туда был приготовлен всего один омнибус, то я не дождалась своей очереди на место в нем и ушла просто гулять по Мичиган-авеню. К тому же надо было воспользоваться тем, что почти все уехали из города и в театре сидеть в конторе не надо, и сделать разные покупки. Я вчера написала Екатерине Николаевне, как дешево и великолепно здесь шелковые изделия; просила ее, в случае надобности, располагать мной как угодно. Ах, как много здесь прекрасных вещей, но при этом всегда они ужасно дороги. На дешевые смотреть не хочется, так все безвкусно и плохо. Зато дорогие вещи очень хороши. Да это и везде так. Например, здесь в большой моде носить какие-нибудь бусы или подвески на шее. Выбирала я их, выбирала – ничего не нравится. Вдруг понравилась одна цепочка в витрине из мелкого белого бисера с черным. Зашла купить. Оказывается, черный-то действительно бисер, а белый – жемчуг, и стоит вся эта прелесть 240 долларов. Пришлось скромно ретироваться.

Наши все здесь понемногу приодеваются, покупают разные разно- сти, так что приедут с некоторым запасом не только впечатлений, но и очень существенных вещей.

Из моего письма Вы, конечно, сразу увидите, что жизнь наша сно- ва пошла по скучной будничной дорожке, что живем мы без интереса, без событий, без нерва. Без нерва, конечно, большого, чем-нибудь зна- менательного. Маленьких, мелких нервов у нас сколько угодно. Прямо какие-то Тетюши в смысле отношений, разных уколов, насмешек, спле- тен и пересудов. Уж если кого невзлюбят, как Лидию Мих., так проходу не дадут. Нет, нет, и одной минуты у меня нет впечатления, что я в Художественном театре. Я могу сказать, что я с артистами Худ. театра в поездке, но разве такова общая атмосфера Художественного театра, его требования к своим членам?

Мы уже почти на отлете из Чикаго. 23-го утром, в половине одиннадцатого мы уезжаем отсюда в Филадельфию, куда приедем в понедельник в 10 часов утра. Открытие гастролей в тот же день вечером. Мы надеемся, что не будет никаких особых осложнений с сотрудниками для премьеры “Федора”, т.к. большинство сотрудников будет из Нью-Йорка, те, что выступали у нас там. Остальных же наберет на месте Кузьмин (муж Тарасовой), уезжающий в Филадельфию несколькими днями раньше нас. Быть может, для занятий с ними даже командируют Нину Ник., т.к. мы здесь кончаем “Дном” и Лужский и Бурджалов заняты в спектаклях до закрытия здешнего сезона.

Правда то, что Вы собираетесь в Германию на отдых нынешним летом? И что мы увидим Вас там еще до приезда в Москву? Как бы это было изумительно.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы. Простите мое скучнейшее письмо.

Ваша *Ольга Бокшанская*

40.

Филадельфия, 24-го апреля 1923 г.

Милый, чудесный Владимир Иванович!

Вот еще новый город, которым я помечаю мое письмо. И новое место на Божьем свете, где приходится наблюдать и переживать очень грустные вещи.

Вчера открылся здешний двухнедельный сезон. Репертуар Вы уже знаете. Из моих открыток и писем Вы также знаете, что мы, закончив при переполненных сборах свои последние спектакли в Чикаго, на следующее же утро выехали в Филадельфию. Ехали мы с теми же превосходными удобствами, как и из Нью-Йорка в Чикаго. Был такой же прекрасный вагон, то же распределение купе, те же визиты друг к другу, то же превращение открытых диванчиков в обособленные клеточки для сна. Новым был лишь один случай, выходящий далеко вперед из всех наших дорожных происшествий. На поезд опоздала Л.М.Коренева. Можете себе представить то, что происходило на вокзале в ее ожидании. Сбор был назначен к 10 час. на вокзале, поезд отходил в 10.30 утра. Все почти собрались вовремя, некоторые опоздали на какие-то там минутки. Но, конечно, никто еще не волновался, что нет Лид. Мих. Но когда началась уже посадка в вагоны, так четверть или двадцать минут одиннадцатого, К.С. встревожился, и тотчас же был командирован один из провожавших нас чикагских сотрудников позвонить к ней в отель по телефону. Он принес известие, что она сидит над неуложенными вещами вся в слезах (так будто бы она ему ответила по телефону). Тогда снова был командирован он протелефонировать ей, что театр уезжает

через несколько минут, что ей надо поехать одной на поезде (скором), отходящем 12.40, тогда она приедет одновременно с нами. Конечно, К.С. просил и провожавшего нас русского консула, и сотрудников, и Узунова всячески ей помочь и устроить ее. С этим мы уехали. При том отношении к Л.М., которое сейчас царит у нас и о котором я Вам писала, Вы сами можете себе представить, как комментировался и как всячески разбирался этот случай. К вечеру театр в поезде получил телеграмму о том, что Лид. Мих. выехала скорым поездом и приедет в Филадельфию на 1 час раньше нас, встретит нас на вокзале. Часов в двенадцать, в час ночи мы подъехали к станции Питсбург, где поезд должен был стоять настолько долго, что многие вышли погулять. Гуляем по платформе Иван Мих., Бертенсон, Рипси и я, и вдруг слышим дикий крик: “Рыпс, Рыпс!..” Через несколько путей от нас, около стоящего поезда стоит Лидия Мих. Оказывается, на этой станции ее поезд догнал наш и отсюда начнет нас обгонять. Она уже была в постели, была раздета. На остановке скачущим взглядом посмотрела на платформу и вдруг увидела нас. Вскочила, накинула пальто и выбежала крикнуть нам хоть несколько слов. Серг. Львович ей сказал выразительно: “Невежество!” Она прокричала нам несколько слов и побежала в свой вагон. В Филадельфии действительно она была раньше нас и встретила нас вместе с отправившимися туда раньше на два дня Литовцевой (режиссер для сотрудников, т.к. последними спектаклями были спектакли “Дна”, и Вас. Вас. и Бурджалов были заняты), Кузьминым (староста сотрудников), Койранским и реквизитором Суходревым, посланным для найма комнат для всех наших.

Лидия Мих. объясняет, будто бы она опоздала не из-за несложных вещей, а из-за отставших часов. Она спокойно собирала вещи, т.к. по ее часам у нее было достаточно времени. И тогда, когда к ней позвонили по телефону, что ее ждать не могут и что театр уезжает, на ее часах было ровно 10, т.е. у нее было еще полчаса времени. Но, вероятно, помимо всяких душевных волнений из-за этого опоздания, ей грозит еще материальная неприятность, т.к. в нашем поезде пропало купленное для нее место и билет на скорый поезд, с которым она приехала, вероятно, театром оплачен не будет, ей придется этот расход взять на себя.

В день приезда, в половине четвертого была назначена репетиция с К.С. Новых сотрудников в Филадельфии набрали немного, т.к. 11 человек приехало из Нью-Йорка, из числа наших тамошних сотрудников. Поэтому репетиция прошла довольно гладко и все были отпущены часа через полтора.

25 апреля

Как видите, милый Владимир Иванович, пришлось сделать перерыв в письме в два дня. Вчера у нас было два спектакля и ни одной свободной минутки у меня.

Продолжаю, однако, описывать день приезда. Спектакль прошел

благополучно, при сборе в 3 800 (при полном сборе в 4 600). Правда, в этот день было роздано много бесплатных билетов. Мы играем здесь в театре “Лирик”. Самое забавное в этом театре то, что наша сцена непосредственно соприкасается со сценой театра, находящегося в соседнем помещении. Там идет оперетта “Блоссом Тайм”. У нас на сцене, с правой стороны от актеров, даже есть дверь, соединяющая нашу сцену с той сценой. И если во время нашего спектакля сидеть у этой двери, то слышишь оркестр и вокальные номера оперетты. На самой же сцене, вообще довольно большой, ни музыки, ни пения не слышно. Говорят, будто бы музыка слышна в зрительном зале, но чуть-чуть. Я там еще не была (в зрительном), так как в “Федоре” я занята на выходе с первой картины до последней. Но вот интересно, что делается на их сцене, на опереточной, когда у нас в последней картине начинается хор и колокольный звон. Или когда весь крик, поднимаемый врывающимся к царице Шаховским, происходит у самой двери, ведущей с нашей на их сцену.

Наша нынешняя премьера прошла при новом составе: Федор – Качалов и Ирина – Пашенная. Почему-то только при этом составе постоянный И.П.Шуйский был не К.С., а Лужский. Не знаю, были ли на этот счет какие-нибудь соображения личные у К.С., или он угадал желание Лужского. Во всяком случае, я сама слышала недовольство Вас. Вас. тем, что назначен играть этот состав в первом спектакле. Вероятно, он тогда и не знал, что Шуйского все-таки будет играть он. Но недовольство во время спектакля все-таки у него было, на этот раз Качаловым, которого он при Диме и еще нескольких наших на сцене обвинял в том, что он (Качалов) не дает ни шагу ступить Шуйскому, ни слова сказать. Это, конечно, стало известным Вас. Ивановичу, который глубоко обижен поведением и словами Вас. Васильевича. Будет ли что-либо следствием всей этой истории – не знаю.

Как я уже сказала Вам, спектакль прошел гладко и вызвал длительные аплодисменты по окончании представления.

На следующий день (вчера) было назначено два спектакля, причем утренник шел при составе: Книппер, Москвин, Лужский, а вечерний – Качалов, Пашенная, Станиславский. Теперь у нас еще чередуются дублеры Годунова: Вишневский и Ершов. Ершов в этой роли так хорош, особенно с внешней стороны (но и играет хорошо, надо сказать правду), что он играет с Вишневским в очередь, причем Вишневский имеет только преимущество играть первый и последний спектакли.

Сегодня у нас только вечерний “Федор”. Да, сборы были таковы: утренник (по уменьшенным ценам) – 1 800, вечерний – 3 000. Сегодняшнего сбора пока нет, но, как говорит Серг. Льв., он неважный.

Наш здешний театр тоже сильно неудобен своими уборными, узенькими лестницами, отсутствием окон в уборных на женской половине. Но, конечно, сравнительно с чикагской теснотой, духотой и пылью, – это благодать. Но не обошлось без нерва при распределении

уборных и здесь. Ведь в каждом городе находятся недовольные своей уборной, причем предъявляют к администрации такие объявления, буд-то от нее зависела постройка театра, полное отсутствие заботы об актерах у архитектора. Мы с Ник. Аф. не успели помыться с дороги, тотчас же все, в полном составе, отправились в театр, чтобы осмотреть его и распределить уборные. В полном отчаянии от тесноты и неудобства помещений ломали мы себе головы, как бы получше распределить уборные. И все-таки для всех отдельных комнат, по три-четыре человека при двух-трех зеркалах, не нашлось. Пришлось несколько человек назначить в комнату гримера или в сотрудиическую (в последнюю назначили молодежь, кажется, Грызунова и еще кого-то). Из-за этого Тарханов, посаженный к Фалееву, начал в безумном, безудержном нерве разговор, который привел к обоюдной обиде его самого и Ник. Аф. Но самое замечательное, что Грызунов подошел к Ник. Аф. и весьма дерзко стал говорить о своем недовольстве местом для одевания. Он мол, артист, а его посадили к сотрудиикам. И даже заявил, что он из-за этого не придет на спектакль. Конечно, он пришел, конечно, он одевается наверху, но из протеста, не в сотрудиической, а в соседнем с ней помещением костюмерной. Но надо правду сказать, все сейчас так развинтились, что нет никаких сдерживающих начал при всяком разговоре. Тотчас же крик, ор, дикие слова, нелепые угрозы. Как все это непохоже на то, что все эти двадцать пять лет проводилось в Вашем театре, что поддерживалось в нем в годы самой большой разнузданности и грубости. И моя живет одна надежда: только в Москве, только около Вас все это пройдет, все поймут свои ошибки и возьмут себя в руки.

Завтра у нас опять два спектакля. Стало быть, весь день в театре. Но письмо это я непременно хочу закончить и отправить сегодня же. Из-за перемены города и впечатлений у меня такое чувство, что не писала я Вам давно-давно.

Л.Д. все хлопочет о наших судьбах. Есть новости в смысле предложений, но я не думаю, чтобы они были серьезные. Я думаю, что к следующему моему письму, которое я начну по возможности завтра и в котором напишу об этих предложениях, может быть, Вы будете уже много знать, если кто-либо успел с этой почтой послать наши новости в Москву. Но я при всем желании не могу написать сегодня из-за недостатка времени (сейчас уже скоро начнется последняя картина) и из-за того, что многое, быть может, переменялось. Ведь Л.Д. вчера ездил для переговоров в Нью-Йорк и, кажется, приехав сегодня, привез новости. Но я его почти не видела и пока ничего не знаю. А к следующему письму я буду больше в курсе дела.

Всего хорошего желаю Вам, дорогой Владимир Иванович, много радостей, много светлых, ярких дней. Всем низко кланяюсь в театре. Дорогую Екатерину Николаевну крепко целую.

Ваша Ольга Бокшанская

Филадельфия, 28 апреля 1923 года

Дорогой, чудесный Владимир Иванович!

Пасха уж давно прошла у нас, и Вы о ней и думать позабудете в те дни, когда наконец дойдет это письмо до Вас... Но если б Вы знали, какую радостную, какую изумительную Пасху, какое живое, трепетное счастье Вы прислали мне вместе со своим письмом, написанным в Светлое Воскресенье¹. Получила я его утром, сегодня, перед дневным спектаклем, и весь день ношу в себе ощущение такой волнующей радости. Хочу непременно написать Вам сегодня, села писать еще перед началом вечернего спектакля, буду писать во время второго и начала третьего действия, если только очень не будут дергать со всякими денежными делами: сегодня у нас неизбежная толкотня – выдача недельного жалованья.

Завтра всем нам предстоит много развлечений: от 4 до 6 часов дня банкет-чай, устраиваемый здешним Союзом искусств. Говорят, что туда было приглашено до 17 000 человек. До этого предполагалось днем катанье в автомобилях по городу и демонстрация местных достопримечательностей, устраиваемые местными жителями. Но сегодня погода круто изменилась, вместо бывших до сих пор почти летних солнечных дней пришла непогода, дождь, ветер, слякоть. Быть может, поездку из-за этого придется отменить. Вечером в 9 часов театр приглашен в местный русский клуб на ужин. Но даже все эти удовольствия не удержат многих наших, собирающихся сегодня вечером или завтра утром выехать на воскресный день в Нью-Йорк. Завтра наш первый абсолютно свободный день в поездке, и многие хотят воспользоваться им для своего собственного удовольствия. Уезжают Леонидов, Шевченко, оставившие свои семьи в Нью-Йорке на время поездки, уже уехал Леон. Мир. к семье (он свободен от идущего у нас сейчас “Дна”), уезжает большая группа молодежи, большинство для встречи с друзьями из “Летучей мыши”. “Мышь” 8 мая отплывает во Францию, в Париж, на гастроль, и не вернется обратно до осени. Завтра же в Нью-Йорке “матине”¹ О.Л.Книппер, устраиваемое ею для Чеховского общества. Она уедет туда сегодня вечером, а завтра для представительства на это матине отправится К.С. с Бертенсоном. Они пробудут там только до 4 часов дня и к шести часам вернутся для посещения банкета-чая, о котором я выше писала. Организаторы этого банкета в ответ на наше письмо о том, что К.С. может прибыть только поздно, ответили, что, конечно, все те, кто соберутся в этот день по их приглашению, будут ждать Станиславского так долго, сколько будет нужно.

Сейчас все наши живут в страшной ажитации. И все из-за планов и предположений театра, о которых я хочу написать Вам, насколько они мне известны из разговоров. Не осудите, если что-нибудь, как потом

¹ От франц. *matinée* – утро, утренний прием.

выяснится, передам неверно. Многое ведь знаешь только оттого, что у нас в комнате начинает говорить еще без нас, – придешь к концу разговора и стараешься разобраться в сути из нескольких фраз.

Сначала, в конце Чикаго и при переезде сюда, разговор шел о двух предложениях: Геста и Хурока. Леонидов настаивал на новом контракте с Гестом. Но в Филадельфии мы в первую неделю сделали (вместо намеченных 40 000 валового) только 25 тысяч. При таком недельном сборе Гест, как он уверяет, докладывает. Во всяком случае, если он и преувеличивает свои расходы, то, конечно, не сильно. Вероятно, действительно то, что дохода от такой недели он не имеет. И говорят, он страшно обозлился на посланные ему сведения о результатах первой недели. Так что Леонидов, уезжающий завтра в Нью-Йорк по делам, уж не говорит о предполагаемой встрече с Гестом, но зато готовится к свиданию с Хуроком, которому даже везет проект контракта. Как я слышала, на словах он с Хуроком уже о многом договорился. Контракт (предполагаемый) составлен крайне выгодно для нас, по-моему, т.е. на лучших условиях, чем контракт с Гестом. Это все еще в области предположений, но мне хочется написать Вам и конкретные условия, дабы Вы могли судить, что один из местных крупных предпринимателей считает дело поездки Худ. театра очень верным. Но, конечно, все это пока предположения. Гарантия остается та же – восемь тысяч, процентов не 30, как было в Нью-Йорке, и не 40, как стало в нашей теперешней поездке, а 50. Дорога из Парижа или Лондона в Нью-Йорк и обратно до Москвы для сорока двух человек (из них двое в первом классе). Аванс в размере 20 000, причем десять на декорации и три на оплату репетиционного времени артистов не вычитаются впоследствии, семь же тысяч вычитаются по одной тысяче в неделю. Декорации остаются нашей собственностью. Вот, кажется, самые существенные материальные пункты. Сколько времени действует контракт, пока не помечено. И вот тут-то все и кроется. Дело в том, что и Гест, ранее говоривший о новом с нами контракте, и Хурок предлагают начать гастроли не ранее первого ноября и продолжать их до мая – июня, начав спектакли в Нью-Йорке и потом спустившись на юг, на далекие, колоссальные расстояния на юг. Оно и понятно, что им интересен длинный сезон. Иначе для них игра не стоит свеч, т.к. первое время гастролей съедает такие большие деньги, так велики расходы по перевозке труппы, по рекламе, по приготовлению декораций, что первое время весь доход идет на покрытие всего этого. И настоящий заработок начинается лишь спустя не менее чем через три месяца. И для наших – та же картина. Например, весь Нью-Йорк, все 12 недель, мы выплачивали еженедельно по три тысячи Гесту в погашение взятого аванса. Остальные пять тысяч от гарантии почти полностью уходили на жалованье труппе и на текущие расходы. Так что в дивиденд пошел только тот доход, который упал на 50% с чистой прибыли. А вот в поездке, когда мы оказались чистенькими от долгов, у нас еженедельно остается по несколько тысяч от гарантии целиком

в дивиденд, ибо мы играем по 9 спектаклей, получаем девять тысяч, тратим не больше пяти с половиной – шести. И тут уже верный доход, на который никто не может наложить вычетов за расходы. Вот почему сейчас так много всяких разговоров. Как быть? Как точно уяснить, возможна ли – главным образом, морально – пролонгация нашей поездки не до февраля, а до будущего сезона, до весны или до осени. Самое, конечно, лучшее было бы увидаться с Вами и лично все обсудить. Но, может быть, время не терпит и надо ковать железо пока горячо. Есть предположение такого рода: подписать здесь договор с правом разрушить его, если с нашей стороны явится невозможность исполнить его. Стало быть, уехать в Европу, где все с Вами переговорить и услышать от Вас решение, с таким контрактом в кармане, который бы давал нам все преимущества. Кстати, при этой американской пролонгации, в имеющийся у нас репертуар должны войти пьесы: “Дядя Ваня”, “Ревизор”, “Мудрец” и “Лапы жизни”.

30 апреля 1923 года

Все-таки не удалось закончить письмо третьего дня, милый Владимир Иванович, как мне хотелось. Но я думаю, что и сегодня не поздно будет отправить его, если оно уйдет днем.

У нас сегодня предполагается дневной спектакль. Гест его разрешил нам дать по настоятельной просьбе Леонидова, чтобы хоть немного покрыть те три с половиною тысячи долларов, которые пришлось выплатить взамен спектаклей Красному Кресту. Но ввиду того, что сборы неполные, Гест в субботу прислал сказать, что этого спектакля дать нельзя, это оттянет сборы на другие наши спектакли. Поэтому день оказался незанятым совсем неожиданно для всех. И я смогла прийти в театр, когда здесь тишина и спокойствие, чтобы продолжать свое письмо к Вам.

Все же я оказалась не вполне в курсе дела. Из разговоров в течение воскресенья я узнала, что Леонидов не хочет прерывать своих переговоров с Гестом на следующий сезон. Почему-то Л.Д. сильно отстаивает то мнение, что надо работать именно с Гестом. Хотя условия этого последнего большинству наших стариков кажутся менее удачными. Гест предлагает дать минимум гарантии, столько, сколько нужно для оплаты даже не всего теперешнего жалованья, а части его. Л.Д. тут его немного “обманил”, увеличив сумму недельного нашего расхода (приблизительно 4 500–5 000 – не в поездке), так что он, предлагая нам 4 500–5 000 гарантии, предполагает, что нам придется несколько сократить жалованье. Словом, Л.Д. надеется, что около пяти тысяч гарантии он даст. Остальное – на процентах, вероятно, в нашу пользу процентов 60–70. Л.Д. даже возмущается, когда наши боятся пойти на эти условия, говоря, что как не стыдно так мало верить в себя. Он верит в Худ. театр, а пайщики театра не верят в самих себя и в успех своего дела. Он приводит в защиту этого предложения тот аргумент, что при таком

контракте с Гестом, тому выгодно возить нас повсюду, т.к. гарантия не съедает всей недельной прибыли и он в каждом городе может рассчитывать получить что-нибудь на свою долю процентов. При большой же сумме гарантии Гесту выгодно нас везти только в крупнейшие города, минуя все средние и небольшие. Сейчас Л.Д. в Нью-Йорке и вернется сегодня вечером или завтра утром. Перед отъездом он сказал мне, что занят составлением подробного письма Вам, которое по возвращении он продиктует мне. Так что я уверена, что со следующей почтой Вы непременно получите его письмо, которое, конечно, всего полнее осветит Вам картины нашего будущего.

Теперь из личных впечатлений. Когда было то заседание пайщиков, которое решило послать Вам телеграмму с подтверждением принятия отпуска до 1 февраля, то одним из желающих возврата в Москву было сказано в довольно обидной форме: “А если и к февралю вы не вернетесь?” Последовал гул недовольных и уверения, что к февралю театр вернется обязательно. После этого мы уехали в Чикаго, откуда Л.Д. и отправился в Нью-Йорк, где им получены были предложения до будущей весны. Я помню, что когда он вернулся и у нас в комнате в присутствии нескольких немногих стариков стал рассказывать о предложениях, я не выдержала и вмешалась в разговор, говоря, что это невозможно, что вы же сами слышали, как отнеслись к предположению о продлении отпуска после февраля, что никто на это не согласится. “Скажите, кто подпишет телеграмму Владимиру Ивановичу с просьбой хлопотать о дальнейшем отпуске”. И все сидевшие тут сказали, что такой телеграммы они не подпишут. И все же у нас есть сильное течение за то, чтобы остаться. Только пока никто реально не знает, как этого достигнуть. И кто по этому поводу начнет переговоры, поедет ли в Москву или вступит в переписку. Словом, – “И хочется, и колется...” А Книппер со смехом говорит: “Ага, теперь понимаете, что мы переживали, когда решали вопрос – ехать или оставаться². Теперь сами так же толчетесь на одном месте и не знаете, как быть!”

Вчера в Нью-Йорке было матине Книппер в пользу Чеховского общества. Матине прошло с большим художественным успехом, но сбор – неважный. Все-таки, надо думать, кое-что очистится.

Посылаю Вам карточку Вас. Вас, снятую в поезде, при поездке в Филадельфию. Снято было еще несколько человек, но надо ждать, когда проявят карточки и отпечатают. Интересные тотчас же пришлю Вам. А эта – забавная, не правда ли?

Милый Владимир Иванович, неужели я Вас увижу нынешним летом. Если б Вы знали, как я нетерпеливо жду этих дней. Только бы Вы были добры ко мне.

Всего хорошего желаю Вам, дорогой Владимир Иванович! Спасибо Вам еще раз за память, за Ваше письмо. Я его показывала многим старикам, но К.С. еще не читал, ведь его не было в театре ни в субботу, ни в воскресенье. При первой же встрече покажу ему тоже.

Будьте здоровы и счастливы, милый, милый Владимир Иванович. Крепко жму Вашу руку и желаю здоровья и радости. Конец письма какой-то вздорный, сумбурный, в комнату набралось много народу, мешают разговорам.

Ваша *О.Бокшанская*.

P.S. А сейчас я слышу разговор, что пока в Москву о планах писать нельзя, надо сначала вырешить, как и что. Значит, я написала вопреки желанию стариков. Что ж делать. По-моему, они не правы. Вы должны все знать. Только уж Вы меня не подведите, а то мне влетит.

В актерской же среде все эти дела наделали такой переполох, что трудно описать. Что разговоров идет, и что за разговоры! – послушать только. Во-первых, боятся сокращения труппы. Боятся, что останешься не у дел, назначат тебе ехать в Москву, а в Москве без всей труппы тоже делать нечего. И страшно ехать, ведь жизнь у вас тяжелая, бедная. Молодежь, конечно, тотчас же начала разыгрывать легковерных. Как-то на днях так разыграли бедного Тамирова, что доподлинно известно, мол, что он пошел под сокращение, что тот ночь не спал, все мучился. И все главное все знают, безапелляционно так заявляют, что им все известно: сократят таким образом, что, кроме стариков-пайщиков, в поездке останется восемь человек. А еще выдумали, что дирекция нарочно пускает слухи о сокращении, чтобы вынудить всех потом согласиться на сокращение жалования. “Ладно, мол, мы вас всех оставим, но только мы уж не можем при этом условии платить столько же, сколько до сих пор”. И все должны будут принять сокращение жалования. Когда я уверяю всех этих мальчиков, что это вздор и пока еще нет никаких решений, они мне отвечают: “Ну да, вы, конечно, ставленница дирекции, вы дирекцию всегда покрываете, разве вы скажете что-нибудь против нее”.

Ваше письмо ужаснуло нас безотрадноостью Вашего положения, положения нашего театра. Как страшно подумать, что всем вам приходится жить в таких тяжких условиях, с такой трудностью отстаивать театр, нападки на него, так биться, чтобы хоть немного добыть себе на жизнь. У нас ведь труд тоже большой в поездке, Вы оценили, сколько должны отдать актеры нервов, чтобы играть по девяти – по десяти спектаклей в неделю. Но при этом есть хоть тот плюс, что, работая много и упорно, они живут в исключительных, идеальных условиях, да еще откладывают на черный день, да балуют себя всякими покупками.

Надо закончить письмо, т.к. мне несколько раз все-таки пришлось прерывать его, приходили по всяким делам в контору наши, и теперь уже время отправить его, чтобы завтрашний пароход увез его в Европу. Если я что-нибудь не так написала о наших предположениях, не судите строго. Еще раз повторяю, что я не в таком уж абсолютном курсе дела. Но леонидовское письмо Вам объяснит самым подробным образом.

Но прежде чем закончить, хочу Вам описать наш вчерашний

день. Стало быть, с 11 часов утра нас возили члены русской колонии – владельцы автомобилей – на своих машинах. наших собралось на эту поездку довольно много. Поездка была очень-очень мила. Мы даже успели съездить в небольшой соседний городок, катались по парку, по городу, затем нас привезли в ресторан “Русская изба”, где угостили обедом. Оттуда я постаралась уйти до конца, как только начались речи, т.к. нужно было ехать на банкет, о котором я Вам писала в начале этого письма. На банкете я застала очень многих американцев, познакомилась, между прочим, с одной очаровательной дамой, которая специально приехала на наши гастроли из своего имения во Флориде, и очень мало наших. К.С. уж я не дожидалась и, побыв немного, уехала. Как я сегодня слышала, К.С. успел по приезду из Нью-Йорка побывать на этом банкете. Узнав, что наших там было мало, он очень-очень рассердился. Он ведь просил всех быть там. А к тому же многих вообще не было в Филадельфии, да и те, кто оставались, – подвели. Вечером был ужин в русском клубе, но я там не была. Довольно развлечений. Хотела пойти в кино. И вдруг узнаю, что по воскресеньям все закрыто. Стало досадно. А вечером после ужина в кафе пошли мы гулять по улицам и вдруг видим очередь около какого-то кино. Схитрили, оказывается, предприниматели. По воскресеньям запрещены зрелища, а они устроили сеанс кино, начало которого 12 ч. 01 мин. ночи. В этом кино в “хронике” показывали московские празднества, Троцкого, Калинина, произносящих речи, красные войска, митинг в Большом театре. Очень было приятно!

42.

Филадельфия, 4 мая 1923 года

Итак, дорогой Владимир Иванович, решено послать к Вам Ник. Аф., о чем вчера вечером дана была Вам телеграмма. Хотя я уверена, что он услышит от Вас много горьких слов по адресу нашей группы, все же я надеюсь, что Вы будете рады видеть его и непосредственно от него – такого активного работника в поездке – услышать о нашем житье-бытье. Решение послать к Вам Подгорного явилось в связи с подписанием договора на Америку с Хуроком. Условия, о которых я Вам писала в прошлом письме как о предполагаемых с стороны Л.Д.Леонидова, приняты Хуроком без оговорок. Даже, кажется, есть какие-то не столь материальные, сколь моральные привилегии в нашу пользу. Уже после того как я написала Вам, я узнала, что все переговоры наши с Хуроком пока секрет, не подлежащий передаче кому бы то ни было. Но Вы знаете мое отношение к сему: я считаю,

что Вы обо всем должны знать первым. Однако, чувствуя, как мне может попасть по пятое число, если узнают, что я без разрешения написала, я позволила себе сделать в конце письма приписку о том, что все мое письмо написано Вам лично от меня лично, но никак не с ответственностью за верность и абсолютность сообщаемого. Простите меня, вероятно, я действительно как-то запугана нашими постоянными секретами и шепотами. Контракт подписан по 1 февраля, т.е., вернее, по какое-то января, так как нам надо еще оставить срок для возвращения. Но при каких-нибудь новых ситуациях возможна и пролонгация его. Об этом уж Вам расскажет лично Подгорный. Если б Вы знали, как я ему завидую, что он первый увидит Вас, что он пробудет у Вас некоторое время, что он увидит Москву и Камергерский. Хотя в смысле количества работы вряд ли ему можно завидовать: ведь ему поручается вся работа по вывозу костюмов и материалов для наших спектаклей нового репертуара. Ник. Аф. выезжает 12-го числа на пароходе “Президент Гардинг”, рассчитывает дней через 10–12 быть в Берлине, где он не может не задержаться по визным делам. На это у него уйдет дней 5–7, после чего он выедет к Вам. По нашим расчетам он приедет к Вам числа пятого, но так уж, для очистки совести, в телеграмме указали срок до девятого июня. К тому же вчера еще предполагалось, что Н.А. может уехать лишь 15-го, но раз нашелся пароход подходящий еще 12-го, он решил не задерживаться, тем более раз мы знаем, что в середине июня Вы хотите ехать на отдых.

Я с грустью думаю, что теперь, до отъезда нашего отсюда, вряд ли Вы напишете нам сюда еще раз. Сегодня пришло письмо от Жени Калужского родителям, где он пишет, что Вы посетили несколько репетиций “Грозы” и очень-очень много для них сделали, раскрыв им их роли и всю постановку¹. А от Вас едва ли будет письмо, Вы нас совсем забыли и редко хотите с нами поговорить. Неужели при встрече в Германии Вы нас всех, и меня заодно, совсем не захотите знать?

Завтра последний день наших гастролей в Филадельфии. Два спектакля: “Три сестры” утром и вечером. И послезавтра в четверть десятого утра мы выезжаем в Бостон, где будем в шесть часов вечера. Часа через два-три после нашего приезда состоится репетиция для сотрудников, обучать которых отсюда выехал свободный в чеховских пьесах Бурджалов. В Бостоне первый спектакль на следующий день после нашего приезда, в понедельник 7-го мая. Репертуар Вы знаете. Теперь нам пока только неизвестен репертуар наш в течение двух недель в Нью-Йорке.

Завтра во время переезда назначено заседание правления, как это всегда бывает при наших переездах. Но такого важного и такого волнительного для всех заседания, пожалуй, у нас еще не было. Будет решаться состав исполнителей в пьесах намеченного нового репертуара. В связи с этим выяснится, кто нужен в дальнейшей поездке теа-

тра, кто же подлежит сокращению, о котором у нас говорят довольно давно и которое является единственной сейчас темой для разговоров. Ранее предполагалось, что судьба каждого в отдельности участника поездки решится в конце Нью-Йорка или на пароходе при поездке в Европу. Теперь же выплывают совершенно неожиданные комбинации, требующие решения этого вопроса сейчас. Дело в том, что многие из нас решили ехать обратно в Европу на пароходе в третьем классе и тем сэкономить разницу на билете (ведь каждому полагается билет второго класса). И вот при опросе труппы, кого в который класс записывать, что необходимо было решить до сегодняшнего вечера (очень трудно было бы получить билеты на пароход, записав их позднее, пожалуй, даже невозможно), многие стали спрашивать: “А я вообще остаюсь в поездке? Ибо, если я не остаюсь, то я еду в Европу месяц отдыхать, потом работать. Если же я не остаюсь в поездке, то я даю обещание к 1 сентября, как полагается, быть в Москве, до тех же пор в Европу не еду, а остаюсь здесь”. Ведь некоторые из наших приобрели здесь кое-какие знакомства, которые приглашают их погостить. И таким прямой расчет, если они не нужны в работе и должны будут на свой счет проживать где-то (потому что ведь суточные после отъезда из Америки будут грошовые, придется, вероятно, каждому докладывать из сбережений – будь то в Берлине или в Москве) – остаться здесь и пожить в хороших условиях бесплатно. Я слышала даже, что некоторым обещан какой-то заработок, какая-то служба. Сейчас Рипси спешно работает над списками ролей в намеченных пьесах, которые будут обсуждаться на воскресном заседании в вагоне. Говорят, мы поедем с большим комфортом, в пульмановских креслах, что стоит на здешних жел. дорогах немного дороже. Так ездила в Нью-Йорк Книппер и рассказывала о приятности этих кресел с большим восторгом.

Я Вам писала, милый Владимир Иванович, что в прошлую неделю мы сделали не очень много, тысяч около 25-ти. Эта неделя, вероятно, будет тысяч на 30, т.к. сборы с каждым днем поднимаются. С особенным успехом прошел “Вишневый сад”, сделавший три полных сбора, при каждом своем спектакле давший более четырех тысяч. И сегодня на премьере “Трех сестер” полный сбор. И завтра, для прощанья, будет то же.

Посылаю Вам, милый Владимир Иванович, четыре любительские фотографии, которые Вас немного займут, позабавят. Найдете Вы меня в группе университета?

Всего хорошего, дорогой Владимир Иванович. Шлю Вам самый сердечный, самый нежный привет и очень прошу: не забывайте меня.

Ваша Ольга Бокшанская

43.

Филадельфия, 5/V 1923

Милый Владимир Иванович!

Покидая этот дом навсегда, не могу...¹, не могу не послать Вам несколько строчек привета.

Только что в спешке последнего акта “Трех сестер”, нашего прощального спектакля здесь, в спешке сборов к отъезду получилось Ваше письмо от 15-го, ужасно нас всех подавившее. И Серг. Льв. и я напишем Вам тотчас же после приезда в Бостон. Мне грустно ужасно, что все отсюда с приветствиями было сделано так неудачно².

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы, храни Вас Господь. Екатерине Николаевне и всем в театре привет.

О.Бокшанская

44.

Бостон, 11 мая 1923 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Вот только когда успела я сесть за письмо к Вам, письмо, которое я хотела написать со дня получения Вашего последнего письма, от 15 апреля. Письмо это пришло к нам в Филадельфию накануне нашего отсюда отъезда. Тогда уже было известно, что Ник. Аф. командировается в Москву, и в связи с этим было много дела. В день переезда, в воскресенье, в поезде было намечено заседание дирекции для решения очень важных вопросов еще до отъезда Подгорного. И к этому заседанию надо было подготовить ряд списков и выписок. Думали и надеялись, что это заседание решит многие вопросы окончательно, но, конечно, ожидания не оправдались, разве можно так сразу в несколько часов решить судьбу каждого отдельного члена такой большой организации.

Мне было ужасно горько читать Ваши строки относительно посылаемых в Москву поздравительных телеграмм¹. Так горько, что я не могла не послать Вам тотчас же открытки, если не могу написать письма. А по приезде в Бостон я сразу не успела написать Вам, опять-таки из-за бесконечного количества работы. Первым написал по этом поводу Бертенсон, отправивший свое письмо с Подгорным. Вся душа моя возмущалась, когда Берт. диктовал мне свое письмо, и я решила написать Вам тотчас же истинную картину. Вероятно, письмо мое придет раньше приезда Подгорного, и Вы будете знать от меня точно, как происходило дело с посылкой телеграмм до получения письма Серг. Льв. Никто этих телеграмм и не составлял, кроме Берт. И конечно, он, со своей казенной душой, и виноват. Когда я читала ему вслух Ваше письмо, он не имел

духу свалить вину на кого-нибудь и тогда мне говорил, что принимает весь ответ на себя. Только просил, чтобы я никому больше, кроме Подгорного и Л.Д.Леонидова, этого Вашего письма не показывала. А как стал диктовать мне письмо, то вышло, что он “является одним из составителей телеграмм”. Он посылает телеграммы, подписывает их теми именами, кого он находит нужным. А если Вы пишете: “Прошел такой-то юбилей”, успокоительно замечает: “Телеграмма послана”. И когда я ему начала читать эти строки Вашего письма, где Вы говорите: “Неужели нельзя было найти более подходящую форму?”, то он прервал меня: “Ну как же иначе сказать?” А я, прочитавшая письмо одна раньше всех, ответила торжествуя: “Однако вот Владимир Иванович нашел! Только Вл. Ив. один и умеет так точно найти слова, выражающие мысль”. Пришлось ему тогда сознаться, что он “ошибку давал”. Только очень он сердился, когда и Л.Д. все поддакивал: “Да, прав Владимир Иванович, нельзя было так посылать телеграммы, неудобно!” Тут, конечно, во всем казенщина виновата: отправил телеграмму – и готово дело. А сердца и чуткости нет. Милый Владимир Иванович, я сначала напишу Вам о внешней стороне наших дней, а потом перейду к тем вопросам, которые волнуют почти каждого из нас. Стало быть, мы закончили гастроли в Филадельфии при значительно поднявшихся сборах и при все возраставшем внимании и интересе к нашим – как к актерам и как к личностям. Вниманию и любезности филадельфийцев не было границ. Этот город по сердечности приема, пожалуй, не уступал Загребу. На следующее утро после прощального спектакля мы выехали в Бостон. Вагоны оказались чрезвычайно комфортабельными, причем вид их для нас совершенно необычен. В светлом, с широкими окнами, с затянутым ковром полом вагоне стоит ряд больших кресел с одной и с другой стороны вагона, вдоль окон. Кресла эти вращаются вокруг своей оси, так что вы можете и сидеть лицом к окну и смотреть на пейзаж, и сидеть в профиль к окну, разговаривая с соседом, и совсем отвернуться от окна на середину вагона. Конечно, при таком устройстве вагона пропадает масса места, но, кажется, американцы мало этим волнуются. Поездка в таком вагоне стоит для каждого пассажира на 75 центов дороже, чем в обыкновенном вагоне. Но ведь у нас не только отводятся для МХТ прекрасные вагоны, но даже даются специальные поезда. Нынче, при отъезде в Бостон, на перроне и на платформе были вывешены специальные доски с надписью: “Московский Художественный Театр”. И это всех так забавило, что стали снимать фотографии с наших актеров Болеславский, наш присяжный фотограф, или Бодулин, или Володя Родионов – под этими досками. Ехали мы очень удобно и приятно. Единственно, что было утомительно, что выехать пришлось рано, все были сонные, день был солнечный, всех разморило, все дремали в креслах. Дирекция собралась в купе К.С. и заседала до тех пор, пока черномозгий кондуктор не предупредил их, что через 10 минут Бостон. На вокзале – встреча, так похожая на встречи во всех городах. Даже, пожалуй,

несколько усиленная, т.к. был поднесен хлеб-соль К.С. и произнесена приветственная речь кем-то из русской колонии. Кроме того, встречал мэра города. Приехали мы в 6 часов, а в 8 уже началась генеральная репетиция с сотрудниками. Мы все только заехали в оставленные нам в отелях комнаты, завезли свои ручные вещи, и поскорее отправились в театр. Помещение за кулисами оказалось похожим на чикагский театр – уборные под сценой. Теснота еще большая, чем в Чикаго, вентиляции нет, духота и пыль. Снова сидим мы в маленькой комнатушке, днем и вечером с электрическим светом. Снова у Берг. и Леонидова нет комнаты, снова у нас в нашей клетушке толчется народ с утра до вечера. И нет возможности ни заниматься, ни гримироваться спокойно, ни переодеться к спектаклю. А тут еще прибыла наша новая пишущая машинка (я на ней сейчас и пишу Вам – машина замечательная, великолепная), поставить ее негде, т.к. вообще у нас в комнате всего один стол для писанья, размером вполовину меньше, чем дамский письменный столик. Пришлось извернуться так. Вынули машину из ящика, в котором она прибыла, поставили этот ящик у стены, как стол. И машинку на него водрузили. Так и пишу на этом зыбучем основании.

Премьера наша прошла в отношении спектакля благополучно. Но сбор был не полон. При полном сборе между 4 500–4 800 мы сделали всего 3 500. А потом сборы понизились, так что сейчас на круг идем 2 000–2 500. Пресса была блестящая и о “Федоре”, и о “Дне”. На “Федоре” пресса была даже два раза, один раз на премьере, когда играл Москвин, и следующий раз на спектакле с участием Качалова, К.С. и Пашенной. И опять очень-очень хвалили.

Я так давно Вам не писала отсюда, что у нас уже успел пройти не только весь “Федор”, но даже вчера успела пройти премьера “Дна”, с большим снова художественным, но не полным материальным успехом. Здесь ведь русских ужасно мало, и надо еще удивляться, что столько американцев приходят на наши гастроли. Интерес среди американской интеллигенции к нашему театру громадный.

У всех нас до отъезда Подгорного было очень много дела, потому что все время шли заседания дирекции, требовавшие подготовки разных материалов и по нашей части. Заседали всегда, как имелось свободное время. Как-то даже заседали ночью, после спектакля, даже после двух спектаклей в этот день. Собрались к 12 ночи у К.С. и сидели часов до четырех. Подгорный обо всем этом Вам подробно расскажет, конечно. Но всего все-таки не вырешили. Разбирались составы в пьесах нового репертуара, обсуждалось возможное, даже обязательное сокращение, но так до сих пор и не вырешено окончательно, кого сокращают, кого оставляют.

Вопрос сокращения сейчас самый волнительный, самый интересный для всех. Был еще случай поволноваться. Ему отдали два-три дня, но вопрос этот вырешился и сейчас волнует немногих. Вопрос этот был вопрос о налоге. Перед отъездом из Америки встала перед нами необ-

ходимость заплатить подоходный налог. Об этом знали некоторые члены нашей администрации, как Л.Д.Леонидов, Румянцев, но мы никто об этом ничего не знал. И вдруг все узнают, что надо уплатить 8% с того, что каждый здесь заработал. Платить отчисления для уплаты налога еженедельно, вероятно, не было бы разорительно ни для кого, но уплатить сразу свыше 100 долларов тому, кто получает по 60 в неделю, показалось очень страшно. Правда, тут же узнали мы, что возможно уменьшение наших платежей наполовину. Но и уменьшенная сумма пугала всех. И вот вчера пайщиками было решено следующее: Те, кто получают еженедельно меньше ста долларов, налога сами платить не будут. За них заплатит театр, т.е., вернее, пайщики. Сами же пайщики и те из не пайщиков, кто получает 100 и больше, налог заплатят сами. Все мы, молодежь, страшно обрадовались такому решению, пайщики ни рады, ни не рады, им все равно пришлось бы платить. И больше всех обижены не пайщики, получающие сто и больше, тем, что за них театр не платит. Вообще с этим будут еще тревожения, т.к. многие собираются персонально ходатайствовать о сложении налога. Л.Д. сейчас как раз в Нью-Йорке. Он поехал одновременно с Подгорным. Проводит его, заодно и наладит дело о налоге, о сложении или возможном уменьшении общей суммы.

Но самым неисчерпаемым источником разговоров является разговор о сокращении. Оно и понятно. Кроме тех нескольких из наших, кто самовольно уезжает, должны будут уехать те, кто окажется не нужен здесь. Вы, конечно, понимаете, что если кто-нибудь окажется ненужным здесь, неужели он может рассчитывать, что он нужен в Москве. Из Москвы письма приходят одно безотраднее другого. Жизнь трудная, заработков нет. Положение театров ужасающее. Конечно, всем страшно, что они могут оказаться лишними в поездке и их “сократят”. Многие из нашей молодежи уверены, что все это решено, что списки уже готовы, и что я прекрасно знаю, кого рассчитают. Но я, конечно, ничего не знаю, так как вообще вопрос еще окончательно не решен. И вот всякий подходит ко мне и спрашивает: “Кого же сократят? Ведь вы наверное знаете”.

Это ужасная вещь, это сокращение. Вы подумайте, вдруг оказаться выброшенным. Все как-то оторвались от Москвы, все попривыкли к хорошей жизни, к хорошим заработкам. И вдруг – голодовка, неудобства. Да, тут-то многие могли бы понять, как они не ценят того, что сделал для них театр. Это ужасно, до чего все принимают свое участие в поездке как должное. Действительно, как Вы пишете, милый Владимир Иванович, это ведь редкое, исключительное счастье для всех, кто попал в поездку. Мог ли бы какой-нибудь Касаткин или Володя Родионов, даже кто-нибудь из молодых артистов наших мечтать, что он побывает в Париже, в Берлине, в Америке. Да еще как побывает! С театром, окруженные величайшей славой. Могли ли они думать, что на них будут смотреть люди как на существа высшего порядка, как на божество.

Я Вам скажу, милый Владимир Иванович, мне было просто со-

вестно как-то в Филадельфии, когда нас возила кататься за город группа русских выходцев. Некоторые из них подходили к нашим артистам, сидевшим в автомобилях, и говорили: “Дайте мне Вашу руку, позвольте мне пожать ее. Как народ в церквях, при проходе высшего духовенства, старается коснуться их рясы, так мы стараемся, так мы мечтаем коснуться вашей руки”. В этой группе не было даже К.С., единственного человека из ездящих с нами, к которому могли бы быть обращены такие слова. И вообще преимущественно была молодежь.

Я думаю все-таки, что этот вопрос – вопрос сокращения – будет решен скоро, ведь надо же объявить всем участникам их судьбу, многие из них в зависимости от этого решат планы своего будущего.

Здесь наши артисты снова встречают очень внимательное и гостеприимное отношение к ним. Завтра, в воскресенье, когда у нас нет спектакля, предполагается возить всех нас в автомобилях по городу и за город. Это уж так, всех огулом. А первачи наши все время убажываются поклонниками. Смешно рассказывал вчера Москвин, как он развлекался днем. Шел по улице и решил дать почистить ботинки. Здесь ведь для того, чтобы почистить ботинки, надо взобраться на такое высокое кресло (их несколько в ряд стоит или на улице или внутри специального магазина) и поставить ноги на подножки по сторонам кресла. Потом можете приниматься за чтение газеты, а негритос старается над вашими ботинками. Вот Москвин и устроился на этом эшафоте. Проходит какой-то господин, смотрит на него очень внимательно. Останавливается. Потом взбирается на кресло рядом с москвинским. А ботинки у него, у господина, блестят, как новые. Но все-таки дает их чистить, а сам глаз с Москвина не спускает. Наконец спрашивает: “Вы Москвин?” – “Да”. – “Ах, я так счастлив, позвольте познакомиться и т.д.”. Начинается разговор, полный комплиментов по адресу театра и Москвина. В это время ботинки уже вычищены. Господин спешно платит за себя и за Москвина по гривеннику и приглашает: “Позвольте вас покатать на автомобиле, показать вам город”. И поехали. Катались, обедали, опять катались. Теперь уж друзья и приятели.

Я думаю, сегодняшнее мое письмо все-таки не вышло таким, каким оно мне представлялось все эти дни, когда так хотелось написать Вам и не было минуты свободной. Здесь пока дни проходят на манер московских. Как с утра приедем в театр, так уходим только на обед в соседний ресторанчик, и потом опять, не заходя домой, обратно в театр. Эта постоянная суета, сегодня еще к тому же выдача жалованья, эта необходимость то писать письмо, то спешно его вынимать и писать что-нибудь по текущим вопросам, не дают возможности сосредоточиться и собрать мысли. В этом случае у меня всегда надежда на те дни, когда идут чеховские пьесы, во время которых я могу работать целый вечер, не связанная выходами.

Сегодня я приду домой и снова перечитаю Ваши последние два письма, которые Вы писали два воскресенья подряд². Если б Вы знали,

как ясно я Вас себе представляю, когда вижу Ваш почерк на этих длинных узких листах, когда читаю Ваши слова, Ваши фразы, Ваши мысли, такие Ваши и только Ваши. Никто так не умеет писать. Неужели я Вас увижу? Ну, неужели? Так ясно вижу Ваш кабинет, Вас за столом, Вашу улыбку... Кажется, что мы из Москвы давно, что последняя моя встреча с Вами на станции, меж двух поездов, была в далеком сне³. А думаю о Вас, о тех днях, когда я часто, постоянно Вас видела, и так ясно все представляется, будто это было вчера.

Кончился спектакль, уже почти все разошлись. Сегодня К.С. жалуется на нездоровье, на жар и усталость. И мы с Рипси хотим непременно довести его домой сами. К тому же идет дождь, нельзя его отпустить одного. Он очень одинок стал, очень. И все время это чувствует и мучается этим. Я не то чтобы боюсь его, но я чувствую какую-то стесненность с ним. И мне всегда кажется, что ему неловко отказаться, если мы предлагаем ему поужинать с нами или пойти вместе домой. И приходится быть с нами, когда ему вовсе этого не хочется. Но сегодня ни за что нельзя его отпустить домой одного. Хотя и вчера мы с Рипси отвезли его домой. Ведь тьма на улицах, он в городе не разбирается, моросит дождь... Рипси уж вышла на подъезд, чтобы не прозевать его. Надо кончать письмо.

Всего хорошего, дорогой, милый Владимир Иванович. Желаю Вам радости, веселости, ярких, ярких дней.

Ваша *О.Бокшанская*

45.

Нью-Йорк, 25-го мая 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Наконец-то я снова в театре и с театром. Эти дни, когда я была в Бостоне одна, были ужасны. Пока театр был там, все-таки нет-нет – кто-нибудь да забежит, и Рипси приходила утром и днем на короткий срок (она была, конечно, перегружена работой), и вечером после спектакля сидела у меня подольше. Все-таки хоть что-нибудь я знала о театральных делах. Но когда театр уехал, у меня было такое чувство, что я осталась совсем одна на Божьем свете. Можете поэтому представить себе мое состояние, когда поезд мой подходил к Нью-Йорку. Я оправи-лась уже совсем, даже слабости той нет, которая была первое время, как я встала с постели. И постепенно вхожу в жизнь театра. Конечно, сразу пришлось посидеть над денежными делами, которые с моим отсутствием пришли в некоторый дезордр¹. И письменной работы накопилось. Но вот уже три дня, как я в театре, и все почти приходит в прежний налаженный порядок.

¹ От франц. *désordre* – беспорядок.

Первая наша неделя здесь нас не радует по сборам. Первые два спектакля “Федора” дали 1 800 и 1 900. Следующие за ними два спектакля “Дна” дали 1 400 и 1 300. Сегодня и днем и вечером “Три сестры” (1 300 и 3 000 с чем-то – еще нет рапортички из кассы). Завтра днем и вечером “Вишневый сад”. Сборы, вероятно, будут хорошие: и пьеса нравится, и день субботний.

На следующей неделе репертуар такой: понедельник, вторник “Федор”, среда, четверг “Вишневый сад”, пятница (два спектакля) “На дне”, суббота (два спектакля) “Три сестры”. И финиш. На последней неделе у нас условия с Гестом уж не по контракту, а на процентах: его 25% и наши 75%, за вычетом всех расходов, т.е. проценты исчисляются с чистой прибыли. Гест смотрит на дело пессимистически и уверяет, что процентов исчислять не придется, ничего не отчислится. А Л.Д. страстно хочет, чтобы отчислилось хоть немного, но только чтоб была прибыль.

Хотелось бы мне Вам написать, как кончили мы вторую бостонскую неделю, да не знаю, как видите, еще недостаточно вошла в курс дела. Рапортичка недельная сдана Румянцеву, которого сегодня в театре не было. Слышала только, что очень хорошие сборы сделал “Вишневый сад”, все три спектакля тысячи по четыре. “Три сестры” прошли хуже, вероятно, тысячи на 3 000. Но общий приход за всю неделю мне не известен, к сожалению.

Сейчас у нас злота дня – платеж подоходного налога. Налог этот зверский, 8% с дохода и, кажется, девятый процент – городской. Прожиточный минимум, который снимается с дохода, как не подлежащий обложению, крайне низкий, тысяча в год, так что на наши пять месяцев придется немного более четырехсот долларов. Кроме того, могут привлечь во внимание, что у актеров есть специальные траты на гардероб, на грим, на полотенца и т.п. Тогда могут снять еще кой-какую сумму. Л.Д. работает ежедневно по этому делу, встречается с рядом лиц, информирующих его о дешёвых правилах и обычаях; в бюро Геста сидит специальный человек, заполняющий соответственные персональные бланки и анкеты. И в бюро, и у нас составляются списки, отчеты. Нет сомнений, никаких нелегальных комбинаций мы придумывать и проводить не станем, особенно памятуя о будущем сезоне, но слишком обидно было бы заплатить то, чего можно было бы и не платить, что здесь никем не платится. Л.Д. придется работать по делу налога всю будущую неделю, мы же будем заняты распределением кают, всякими наставлениями всем нашим относительно багажа, словом, всеми подготовительными перед отъездом делами. Думаю, что и будущая неделя, и те четыре дня, что мы проведем в Нью-Йорке между днем закрытия сезона и днем посадки на пароход, пройдут безумно быстро, так что и не оглянешься.

Сегодня послали мы Вам телеграмму относительно Фанни Карловны. Болеславский получил от мужа ее письмо, что она умирает, и единственное, что хотелось бы для нее сделать, это отправить ее в Крым

доживать последние дни в хорошей обстановке. В Крыму ее примут знакомые, но на поездку туда денег нет. Театр ассигновал для отправки Ф.К. пятьдесят долларов, Болеславский от себя внес 25, Лужский 5. Кроме того, один совсем неизвестный Вам человек, доктор Шефтель, просил присоединить 16¹. Это вышло вот как: у нас до сих пор в “Трех сестрах” и в “Вишневом саде” на гитаре играл за сценой сын Пети Бодулина – Коля. Как-то в Бостоне случилась накладка: Коля не пришел во время второго акта за кулисы и “Ночи безумные” пришлось петь без гитары, хотя у обоих офицеров на сцене в руках было по гитаре. К.С. страшно рассердился на такую небрежность. Коля было объяснял это всякими недоразумениями, которые с ним случились, из-за которых он не мог быть на сцене, но К.С. и слышать не хотел и сказал, что он больше не хочет Колиного присутствия на сцене. Пришлось искать гитариста для чеховских пьес. Оказалось, что может играть доктор Шефтель, милейший человек (Ник. Аф. знает его хорошо, он его лечил), привязавшийся к театру страстно. Когда он узнал, что ему будут платить по 2 дол. за спектакль, то сказал, что хотел бы пожертвовать свой заработок какому-нибудь нуждающемуся музыканту. И Серг. Льв. предложил отправить эти деньги Фанни Карловне. Тот с радостью согласился и очень просит принять его скромный подарок. Таким образом, собралось 96 долларов. Тогда Серг. Льв. присоединил от себя 4 дол., сумма получилась круглая, и телеграмма пошла Вам. У нас нет возможности сейчас переслать Вам деньги, чтобы пополнить кассу МХТ в Москве, но, думаю, это удастся сделать тогда, когда в Москву поедут наши, собирающиеся отпуск провести в ваших палестинах. Попросим Лужского или Гудкова захватить и эти сто долларов.

Дорогой Владимир Иванович, надо кончать писать письмо, от которого меня часто отрывали по делу. Теперь спектакль кончился, скоро полночь, надо скорей опустить письмо в ящик, иначе оно не уйдет завтра.

Сегодня получила весточки от Н.А.Соколовской, Шуры Митропольской и Михаила Герасимовича, которым была очень рада. Давала читать К.С. и старикам, которым ведь так интересна каждая строчка из Москвы.

Сегодня также узнала, что в телеграмме Вашей было мне поручение сделать покупки для милой моей Екатерины Николаевны. Конечно, это я сделаю с радостью, страшно гордая, что Екатерина Николаевна доверилась моему вкусу. Жаль, не знаю, сколько купить, каких цветов. Но надеюсь все же исполнить поручение к удовольствию Екатерины Николаевны, которой шлю самые нежные поцелуи.

Простите, что в машинке разорвался лист этого письма. Переписать письмо времени нет.

Милый Владимир Иванович, шлю Вам привет и желаю здоровья и радости. Бесконечно рада мысли, что увижу Вас скоро.

Пожалуйста, кланяйтесь Ник. Аф. и скажите ему, что завтра ему напишу о финансовых делах как самая почтительная подчиненная.

Ваша О.Бокшанская

Фрайбург, 24 июля 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Пишу Вам в мои именины и рассчитываю так, что письмо это Вы получите в Ваши именины¹. И хотя в тот день мы все Вас здесь вспомним с нежностью и любовью и пошлем Вам наши поздравления, – я хочу заранее еще в этом письме поздравить Вас и пожелать Вам радости и в этот день, и во все следующие, словом так, чтобы радость была без конца.

Вот уже пошла вторая неделя, как я здесь. Ольга Леонардовна с необыкновенной добротой и заботливостью отнеслась ко мне и помогла мне устроиться великолепно. Я живу в том же комфортабельном доме, что и она. Это не пансион, а частный прекрасный дом-особняк, где кроме нас троих – Ольги Леонардовны, ее племянника Левы и меня, – живут хозяйка дома с двумя сыновьями и молодая немочка-студентка. Комнаты прекрасные, из окон вид на горы, проведенная вода, чисто, тихо. Константин Сергеевич живет довольно далеко, езды по трамваю минут 20–25, но так как в санатории (он ведь живет в санатории) не позволяют стучать на машинке, ему приходится ездить ко мне на целый день². Обыкновенно он приезжает тотчас после 11-ти утра и остается у нас до 7–8 веч., обедая у нас. Все время, что он здесь, мы сидим у меня в комнате и непрерывно пишем. Обеденный перерыв стараемся сократить насколько возможно, чтобы не терять времени, так как за то время, что Конст. Серг. был здесь один, он набросал очень много черновиков. То, что написано довольно разборчиво, он оставляет мне для переписки. Эту работу я делаю утром, до его прихода. Здесь ведь так рано ложатся спать, что я совершенно свободно просыпаюсь часов в семь утра и около восьми уже встаю, навалившись в постели вовсю. Из этого описания моего дня Вы видите, что времени свободного у меня почти нет: утро, день проходят в занятиях, до начала восьмого вечера, когда, после ужина, я освобождаюсь. Тут-то я наконец выхожу погулять с Книпперами часа на два. Больше не удастся, так как Ольга Леонардовна и Лева, во-первых, много гуляют днем и к вечеру устают, а во-вторых, стараются вести правильный образ жизни.

Но сегодня – вот уж третий день, что я гуляю, или почти гуляю. Третьего дня К.С. уехал для свидания и прощания с Игорем в ту санаторию, где Игорь живет, и вернется только завтра утром³. Уезжая, он оставил мне работу, но не очень большую. И мы сразу распорядились моим свободным временем: третьего дня на автомобиле на целый день уехали осматривать горы и доли, вчера я отбарабанила тот урок, что задал мне перед отъездом К.С., гуляла и вечером ходили в кино, а сегодня по случаю именин совсем свободна, гуляла, принимала подарки, получала поздравления и сейчас, чувствуя громадную радость от полной своей свободы, села за письмо к Вам. Завтра придет К.С., вечером

мы с ним позанимаемся несколько немногих часов, а со следующего дня, с утра, снова начнем свои длинные занятия. Останемся здесь до 29-го, когда выедем все вместе в Берлин. 30-го будем в Берлине, а 31-го выедем в Варен, где назначены репетиционные занятия. 1-го августа К.С. намерен во что бы то ни стало начать репетиции, чтобы не терять ни одного дня. Вероятно, Вам уже сообщил Бертенсон, что репетиции будут в Варене. Для нас, фрайбургцев, это была совершенная новость. Я уехала из Берлина, снабженная поручением убедить Константина Серг. в необходимости назначить репетиции в Берлине. К.С. этим обстоятельством очень огорчен. Он сильно протестовал против занятий в городе, а Варен или какое-нибудь другое местечко привлекали его отсутствием соблазнов для наших актеров. Но, конечно, он прекрасно учитывал то, что, если репетиции не будут в Берлине, ему будет чрезвычайно трудно совместить и репетиции, и просмотр декораций, которые будут писаться в Берлине, и визиты к зубному врачу, в которых он сильно нуждается, и необходимость экипироваться непременно в Берлине.

Нас же с Ольгой Леонардовной известие о Варене просто убило. Ольге Леонардовне надо и одеться для “Лап жизни”⁴, и одеться для своей собственной жизни, и хочется пожить с племянницей Ольгой Константиновной⁵. У меня – почти то же: и портниха, и дантист, и желание пожить у папы и мамы. Но наших протестов никто не слушает, и все будет так, как решат наши администраторы.

Писали ли Вам, что Марья Петровна Лилина не едет в поездку (может быть, приедет только в Лондон) из-за необходимости быть с детьми? Решено поэтому взять с собой в Америку Евгению Михайловну⁶. Я за нее страшно рада, вероятно, она уже потеряла надежду, что ее вопрос разрешится так благополучно.

Репертуар решен так: “Штокман” с Качаловым (К.С. должен был ему написать письмо, в котором он просит принять эту роль в постоянное наследственное владение), “Хозяйка гостиницы”, “Иванов”, “Лапы”, “Карамазовы” и “Мудрец”. Гастроли должны начаться в Берлине 26-го сентября. С этого момента начнется усиленная реклама в Америке, которая будет питаться отзывами о нас в Германии и в Англии.

Милый Владимир Иванович, я страшно виновата перед Вами, что в каком-то совершенно несвойственном мне трансе уехала из Берлина и забыла дома все: и тот список членов 1-й группы в Москве, который должен был бы обсудить К.С. вместе с дирекцией (относительно дальнейшей оплаты тех или иных), и паспорт. А пока я успела выписать эти бумаги из дому, переслав по почте ключик от чемодана, в котором они хранились, К.С. уехал к Игорю. Так что показать К.С. этот список мне удастся только по его возвращении, завтра. Но все равно, я уверена, что он не возьмет на себя решение этого вопроса единолично. А так как 1 августа не за горами, то, я уверена, он отложит это дело до первого собрания дирекции, вероятно, тотчас после съезда в Варене. Во всяком случае, я тотчас же по приезде в Варен напомину членам дирекции о

срочности решения этого дела и непременно напишу Вам о том, как и что решено. Не сердитесь на меня, милый Владимир Иванович, что в этом деле я оказалась такой забывчивой и растяпистой. Больше никогда не буду.

Как бы я хотела знать, как кончились Ваши визные дела, едете ли Вы в Женеву, в Испанию, когда? Когда Вы будете в Берлине? Если Вам будет не очень трудно, милый Владимир Иванович, напишите мне об этом на адрес моей берлинской квартиры.

Прошу Вас, милый Владимир Иванович, передайте Екатерине Николаевне следующее: что я очень благодарю ее за весточку из Карлсбада, которую я получила в день отъезда из Берлина, перед тем, как ехать на вокзал. Поэтому я уж не могла лично отправиться в отель, узнать относительно ее шарфа и попросила мою маму сделать это в мое отсутствие. В первом же мамином письме она мне сообщила, что была там, ей сказали, что шарф найден и спрятан у них в конторе до возвращения Екатерины Николаевны в Берлин, как и указано в полученном ими письме Екатерины Николаевны.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам и Екатерине Николаевне отдохнуть и приятно провести время в Ваших путешествиях. Не забывайте меня, не вычеркивайте меня окончательно из минут и часов Вашей жизни и, пожалуйста, не говорите мне так часто о том, что мое секретарство у Вас кончено и навсегда. Неужели же Вы совсем от меня отречетесь?

Ваша Ольга Бокшанская

47.

Варен, 5-го сентября 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Прошло много дней, десять дней уж прошло, как Вы уехали¹. За все это время у меня было ужасно много работы: как вернулась я в Варен, так и засадили меня за машинку часов по десять в день. Пришлось переписывать многое из “Карамазовых”, так как Леонид Мир. добавил и переделал кое-что в “Мокром”. Надо было заниматься с К.С., он торопился послать в Америку следующую часть своих воспоминаний.

Кроме того, Вас. Вас. начал репетиции народной сцены “Мокрого” и определил меня в “дочери хозяина” (кажется, раньше была Воробьева). Вот и вышло так, что день занят весь, по минуткам расписан.

В радостной суматохе приезда, в начале работ Вы, вероятно, и не заметили, что я так долго не писала Вам, целых десять дней прошло. Но теперь буду аккуратна, буду писать, как и в прошлом году.

С Вашим отъездом “кончилась сказка, умерло лето”... жизнь началась однообразная, волнуемая чем-то будничным, скучным. Через

день после Вашего отъезда уехал Леон. Дав. в Прагу, откуда вернулся в субботу, а в воскресенье, 2-го, вся дирекция собралась в Варене для решения положения. Из-за чрезвычайной своей занятости, постоянного сидения дома, из-за того, что с воскресенья не удалось ни разу посидеть с нашими “директорами” так, чтобы узнать обо всем досконально, я плохо осведомлена обо всем, что привез Леонидов из Праги. Знаю только, что гарантии ему не удалось получить, взять же театр на риск хотя и была возможность, но он от нее предпочел уклониться (решение это закрепила и наша дирекция). Была возможность получить театр и в Берлине, но от этого дирекция тоже уклонилась. Поэтому вынесли постановление немедленно и срочно хлопотать о визах во Францию (которые в принципе, кажется, уже обещаны, необходимо только все это дело оформить) и тотчас же по их получении ехать в Париж, где заниматься репетициями до начала сезона (12 октября). В Америку решено выехать 3-го ноября (вероятно, на пароходе “Аквитания”). Приедем туда приблизительно числа 11-го, открытие же намечено на 19 ноября. Приблизительно рассчитано, что французские визы будут готовы к числу 12-му сентября. До этого времени все остаются здесь, в Варене.

Это, конечно, не всех радует, потому что настроение здесь достаточно неприятное – не у нас, на нашей стороне, а в городе². Конечно, Леон. Мир. нервит сильно, хочет отсюда уехать раньше других, в конце этой недели, и дожидаться всех в Берлине. К тому же вот факт, на который он (Леон. Мир.) налетел вчера: выходит он из ресторанчика, где всегда обедает (где обедали и Вы). К нему подходят двое господ-немцев, рекомендуются: один – чин варенской полиции, другой – из шверинской полиции. Последний объясняет, что в Шверин поступило сообщение, что в Варене собралась очень большая группа русских. Зачем? Почему? Запросили варенскую полицию. Та ответила, что это – группа русских артистов живет на отдыхе. Шверин все-таки на этом не успокоился и решил послать своего полицейского проверить это. Разговор весь ведется очень спокойно и доброжелательно, но вопросы ставятся самые подробные: кто вы? что делаете? почему именно сюда приехали? когда уедете? Кто может о вас дать сведения? Леон. Мир. на все это ответил спокойно и с достоинством, но разнервился от этого вопроса немало. И в городе, конечно, мы везде слышим за богатых американцев и вызываем недоброжелательство. Пока же сидим на нашей дачной стороне, всего этого не чувствуем.

Дни стоят холодно-солнечные, только изредка дожди, и то больше по утрам да ночью. Вас. Вас. почти все дни отдает “Карамазовым”. К.С. сейчас занят “Трактирщицей”, иногда есть репетиции по “Штокману”. “Иванов” пока отложен, со времени Вашего отъезда едва ли было больше одной репетиции, “Лап” и “Мудреца” не начинали. В городе Гремиславский и Дима Качалов работают над декорациями, бутафорией, но, вероятно, ко времени нашего отсюда отъезда всего не закончат, останутся после нас и приедут уж со сценическим имуществом дополнительно в

Париж. Костюмы у Мар. Петр.³, проверены, просмотрены, отдано, что нужно, в химическую чистку. Но новых костюмов и ремонта старых не начинали, т.к. все здесь чрезвычайно дорого, не дешевле, чем в других странах. Да и невозможно нашим исполнительницам из-за репетиций поехать в город для выбора материй и примерок. Фалеевы разобрали гримерные ящики, составили смету, сумма вышла очень большая, вероятно, будет обсуждаться: что-то семьсот – семьсот пятьдесят долларов на одну гримерную часть.

То, что мы через неделю-две уезжаем в Париж, почти никого не волнует радостно; причина этому – будут слабо платить. А без денег в Париже скучно. Платить предполагается и за репетиционное, и за спектакльное время из расчета 20% американского жалованья. Это очень мало. Теперь доллар в Париже стоит что-то 18 франков (в наше время он был 13–15), но ведь и жизнь соответственно вздорожала. Когда мы там были, на жильё уходило не менее 35–40 франков в день, а теперь наши минималисты будут иметь 12 дол. в неделю, т.е. 216 франков, в день это 31 франк. Молодежь нашу это уже смущает и волнует. Из американских же сбережений уж многое, если не все, ушло. И вот мы опять попадаем в Париж “накануне денег”, перед Америкой, как и в прошлый раз. А уж больше в Париж, вероятно, не попадем, поэтому “сувениров” всем хочется купить там побольше. Ах, только бы не было, из-за малых денег, того отвратительно-злобного и придиричьего настроения, как было в начале прошлогодней поездки, когда пришлось очень жаться в Берлине.

Да, написала я Вам, что, вероятно, числа 12-го мы уедем из Германии, но за это время у меня уже успели перебывать несколько человек, и, по всем видимостям и разговорам, не выедем мы отсюда раньше, чем числа 15–18-го. Ну что ж, пусть, только бы не застрять. Вероятно, с концом этой недели или с началом будущей понемногу прекратятся репетиции: Леон. Мир. хочет заранее переехать в Берлин. Вас. Вас. необходимо там до отъезда во Францию пробыть несколько дней, почти у всех будут последние покупки и дела, К.С. выписал семью сюда, вероятно, придется с ней снаряжаться во Францию тоже не без хлопот. Поэтому несколько дней для устройства личных дел придется труппе дать.

Теперь напишу Вам, милый Владимир Иванович, как окончился корневский вопрос.

Дирекция опасалась вести выжидательную политику; могло случиться, что Коренева все-таки уйдет, а другую актрису мы не найдем. Поэтому поступили по одному из предложенных Вами способов, послали ей официальный запрос в таком роде: К.С., мол, передал в дирекцию Ваше к нему письмо⁴. Не получая от Вас подобного же уведомления, дирекция просит разъяснить: является ли письмо к К.С. официальным или частным. Лидия Мих. заволновалась, призвала для помощи Качалова и через него же передала дирекции письменный ответ, приблизительно такой: я просила К.С. поговорить со мной, помочь мне разобраться в ряде вопросов. К.С. отказал. Что ж делать, постараюсь разобраться

сама. Но так как с К.С. как с режиссером расстаться не могу, прошу считать меня оставшейся в театре.

После этого К.С. велел ее снова вызывать на репетиции, собирался с ней говорить (и она с ним, кажется, тоже), причем решил поставить ее на общее со всеми актрисами положение, т.е. занимать на выходах, дать во всех ролях дублерш в правильной очереди. Из-за этого уже было стали возникать мелкие частные конфликты и недовольства с ее стороны, но на это внимание не обращается, и когда, после всяческих ее недовольных восклицаний: “Как, значит, у меня все-таки моей собственной ни одной роли не будет?!” Вас. Вас. спрашивает К.С., как быть? К.С. неизменно отвечает: “По пять дублерш ей надо назначить, только тогда спокойным можно быть!” Как видите, вопрос этот стоит далеко не на спокойной точке, и Вас. Вас. продолжает утверждать, что он, как на вулкане, как в Мессине...⁵.

На днях тихо и келейно отпраздновали юбилей (20-тилетний) Ник. Афанасьевича. Юбилей-то был 29-го, но праздновали, кажется, 31-го. Праздновали весьма незатейливо: составили поздравительную бумагу, после репетиции прочитали ее, старики обняли его, расцеловали. А в бумаге сказано, после всех приветствий, что ему поднесут жетон, надо его только заказать. Волновался Ник. Аф. от всего этого ужасно, даже ответить не мог, комок в горле стоял. И счастлив теперь безумно, т.к. жетон-чайка предмет его давнишних мечтаний.

Вчера Ник. Аф. принимал у себя “стариков”, и сегодня Вас. Вас. пресмешно рассказывал, как он в половине третьего утра возвращался домой и заблудился в приозерных улочках на той стороне; как мимо него прошел полицейский страж, потянул носом, почуял винный аромат, остановился, подсвистнул второго стража; как вдвоем они начали его расспрашивать: куда идет? откуда идет? почему дороги не знает? – как любезно ему дорогу указали и предупредили только, чтобы не забыл свернуть с дороги налево, в свою дачу.

Видите, какими мы здесь пустыми разговорами иногда занимаемся, от каких пустяков смеемся.

Сильно развит у нас грибной спорт. Все свободные от репетиций отправляются тотчас же в лес и состязаются в количестве собранных “благородных” грибов. А Настя Румянцева даже уверяет, что ей приказано грибы собирать для экономии, чтоб на ужин много не тратить. Жизнь дорожает у нас невероятно, но и доллар сейчас дошел чуть ли не до пятнадцати – шестнадцати миллионов.

Все-таки скучно здесь, надоело ужасно. Хочется в большой город, хоть в кино сходить, не то что в театр.

Милый Владимир Иванович! Если б Вы знали, как это грустно думать, что Вы так далеко, что так много-много дней пройдет до тех пор, когда я Вас снова увижу... если б Вы знали, какие чудесные воспоминания в этих минутках, получасах, что я Вас видела, дрожат во мне. Ах, Вы все это так хорошо знаете!

Клянюсь Вам, Екатерине Николаевне, всем нашим театральным, московским низко. Приятно ли Вы приехали? Кончились ли все злоключения последнего дня берлинской багажной эпопеей? Никто и ничто не нарушило той приятной четверти часа приезда, которую Вы особенно любите?

Подумайте, как смутно было у меня на душе в те минуты, что Вы отъезжали от “Зоо”¹, что я, расставшись со всеми, села не в тот номер трамвая и заметила это только тогда, когда вагон подъехал к своей конечной станции и мне кондуктор сказал, что дальше вагон не пойдет, надо выходить. Так рассеянно я поглядела на номер стоявшего трамвая, что заметила только, что на нем одна буква, то, что мне нужно. Нужен же был “Иот”, а села в “Ф”. Вот и заехала далеко, думая все о своем – грустном, печальном и волнительном.

Ваша Ольга Бокшанская

48.

Берлин, 15 сентября 1923 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Вот Вы теперь, наверно, говорите про меня, что я “изменница”, говорила, что буду писать чаще прежнего, а на самом деле совсем не пишу. Всего только второе письмо. Но, право, это не от измены, а потому, что работаем страшно много. Вероятно, Вам и Сергей Львович написал, как много пришлось все это время работать. Сегодня суббота, я переехала в Берлин в понедельник вечером, и за все это время была лишь два раза на улице – оба раза по вызову в магазин Ладыжникова для встреч с нашими¹. Все остальное время сидела над переводом списка нашего имущества на французский язык и над перепиской переделанного текста “Карамазовых” для уезжающего сегодня в Париж Сергея Львовича. Ему там должен понадобится полный текст. Вчера вечером наконец закончила все эти дела и чувствую себя так прекрасно от сознания, что могу свободно и спокойно сегодня пойти в город по своим делам, без вечного расчета: успею ли я все сделать, как распределить занятия, чтобы все исполнить, что заказано от одного, от другого...

Мы до сих пор точно не знаем, когда едем. Предполагается, что отъезд будет 18-го вечером. Значит, в Париже мы или 19-го вечером, или, если в Кельне не захватим нужного нам поезда, – 20-го утром. Здесь останутся только Гремиславский и Дима, которые будут работать и, по мере изготовления, присылать нам декорации. В Париже открываем 12-го. Было предложение начать раньше, но Гремиславский не поспеет с декорациями; пришлось, к сожалению, отказаться. И в конце наших парижских гастролей может произойти нежелательное сокращение. Мы предполагали выехать 3 ноября из Шербурга. А тут пришло известие от

1 От нем. Zoo – зоологический сад.

Геста, что он налаживает нам отъезд 30 октября, на “Олимпике” и вошел с пароходной компанией в переговоры. Мы ужасно рано приедем в Америку при таком отъезде, придется оплачивать американскую жизнь до начала гастролей в течение двух недель. Мы и без того широко живем, начиная сезон только 12 октября, а до тех пор сидя без заработков, а тут еще – жить в Америке без гастролей такой большой срок. Это уж совсем не под силу. Кажется, Гесту уже послали телеграмму с нашими соображениями по поводу приезда в Америку.

Понемногу в течение последних дней наши варенцы начинают стекаться в Берлин. Третьего дня вечером встречали К.С., который приехал в компании человек десяти наших. Последняя партия придет, надо думать, в воскресенье – понедельник.

Я Вам хотела написать о приглашении Муси Ждановой, но она была так нерешительна в том, едет она или остается, что невозможно было сообщить что-либо определенное. По ее телеграммам Вы, конечно, знали, что ее пригласили. И вот до сих пор – хотя точный список отъезжающих должен быть уже известен – невозможно понять, поедет она или нет. То плачет и говорит, что не едет, то прибегает к кому-нибудь из наших сообщить, что решила ехать. Но даже если она не поедет, К.С. решил взять какую-нибудь молодую актрису: и для разгрузки Тарасовой, и для остротки всех наших капризничаящих актрис.

Кстати о капризах: до сих пор нервы Лидии Михайловны не улеглись окончательно, и было решено послать ей письмо, в котором дирекция окончательно выяснила бы все ее недоумения: она протестует против того, что у нее есть дублерша в каждой роли. Кроме того, хотели ее предупредить, что в этом году ей, как и всем нашим, придется выходить в народных сценах. Но пока письма этого не послали, потому что К.С. боялся, что она от такого известия бросится в Варенское озеро. Решили послать тогда, когда не будет озера под боком. А вероятнее всего, никакого письма не напишут до того, пока не произойдет какой-нибудь “скандал”. Вот после этого, пожалуй, напишут.

В наших американских предположениях есть небольшое изменение: Гест, а за ним и Леонидов настаивали, чтобы сезон был открыт непременно “Штокманом”. Против этого протестовало наше режиссерское управление. И вот теперь удалось убедить Леонидова предложить Гесту для открытия “Карамазовых”, которые Леонидов сейчас, на репетициях, ведет изумительно. Хвалят режиссеры и Грушеньку – Тарасову. Как довольны Шевченкой, – не знаю, кажется, она почти и не показывала, только усиленно занимается с Москвиным². Вот что просили меня спросить у Вас: хотите ли Вы, чтобы афиша “Карамазовых” была подписана Вами как режиссером? И вообще как Вы смотрите на то, что Ваши постановки отмечаются на афише Вашим именем? Может быть, Вы не хотите их считать своими, раз Вы не знаете, как они идут у нас теперь? Хотя Вы ведь все знаете и очень ясно видите вдаль, точно рассчитывая что, как и сколько может дать каждый исполнитель.

Милый Владимир Иванович, и все-таки я, оказывается, не свободна сегодня, позвонили мне по телефону, вызывают к Ладыжникову. Приходится спешить туда.

Шлю Вам нежный привет, милый Владимир Иванович. Не забывайте меня. Сумочка Ваша со мной неотлучно, – пахнет так чудесно кожей и духами.

Ваша Ольга Бокшанская

49.

Берлин, 18 сентября 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Через четверть часа придет механик, чтобы уложить мою машинку в ящик, – и я еду на вокзал сдавать тяжелый свой багаж. А сегодня вечером, с Потсдамского вокзала, в 10 ч. 10 м. мы начинаем свое турне. Но так как я хочу, чтобы “мой последний привет был Вам”, я наскоро пишу Вам эти строки.

У нас всех было чрезвычайно много дела перед отъездом, так много, что вчера казалось было, что всего к сроку и не приготовить. Но так удачно распределились все роли и поручения, что к вечеру мы сошлись в магазине Ладыжникова с приятным чувством исполненной задачи.

У нас большая неприятность: со склада украли много вещей – колокола, там-там, ковры, сукна из “Федора” красные, всего я даже не знаю. Сейчас Л.Д.Леонидов и Н.А.Подгорный бесконечно заняты переговорами с адвокатом, с владельцем склада, с нашими “бутафорами”, сдававшими вещи на хранение. Только теперь выяснилось, как недобросовестно и легкомысленно была сделана укладка, отправка, получение здесь в Германии и сдача вещей на склад. От возмущения я могу наговорить, написать много оскорбительных слов, поэтому больше не напишу Вам сейчас по этому поводу ничего. Вы поймете, что можно страшно негодовать на такое небрежное и нелюбовное отношение к делу и вещам театра.

Сегодня вечером уезжаем мы все, жены и дети тоже (Бертенсон уехал 15-го передовым). Все семьи, за исключением жен Лужского, Румянцева, Бурджалова, остаются во Франции, жена Москвина предполагает вернуться в Москву после нашего отъезда в Америку. Семья К.С. пока еще в Шварцвальде; Леон. Дав. хлопочет о швейцарских визах для нее; предполагает устроить им отъезд приблизительно через неделю. Игорь поедет в Швейцарию, а Мар. Петр. с Кирой, внучкой и няней – во Францию. Хотя окончательно это пока не решено. Возможно, что Мар. Петр. примет участие в парижских гастролей (Варя, Турусина, Наташа, если пойдут “Три сестры”). Леон. Дав. пробудет с нами в Париже всего несколько дней, устроит все дела с нашим обоснованием, с получением

нами у Эберто репетиционного помещения и выедет числа 23–25 обратно в Берлин для постепенной ликвидации берлинских работ.

Благословите нас в далекий путь, милый Владимир Иванович. Напишите нам как можно скорей. Я читала здесь, что 14-го открывается у Вас сезон “Лизистратой”. Стало быть, сейчас уже работа идет по-настоящему.

Вчера я встретила “бывшего Вашего секретаря Таубе”, который мне сказал, что Вы, “шутя, звали его к себе” и что он рассчитывает, окончив университет, ехать в Москву к Вам. Неужели? Можете себе представить, что стало со мной от этих слов?!

Прощайте, милый, изумительный Владимир Иванович, до свидания. Уезжаем дальше от Москвы, и потом – еще дальше, совсем далеко. А в сердце все равно – Москва, потому что Вы в Москве.

Ваша Ольга Бокшанская

Париж, 27 сентября 1923 года

Милый, дорогой Владимир Иванович.

Несколько дней тому назад я послала Вам письмо из Парижа с уезжавшим в Берлин Л.Д. Леонидовым. Письмо я начала подробно, но пришлось его скомкать, так как Л.Д. торопился на вокзал. За эти дни произошли события, из-за которых я отложила продолжение моего первого письма до тех пор, пока положение не выяснится. Вот в чем было дело:

Помнится, я еще из Варена писала Вам о том, что в Париже нам будут платить немного, 20% американского жалованья, т.е. низший оклад 12 дол. в неделю (около 200 фр. в неделю), следующий 16 дол., затем 20 дол. – оклад уже приемлемый – и выше. Этот вопрос так сильно беспокоил всех, что перспектива жить в Париже 6 недель никого особенно не увлекала.

Затем оклад в 12 дол. правлением признан был слишком низким, и всем, кто получает в Америке 60 дол. в неделю, было определено жалованье в Париже 16 д. в неделю, т.е. 20% со следующей степени окладов. Но когда мы приехали в Париж, с совершенной очевидностью выяснилось, что и на 16 дол. в неделю прожить нельзя, почему правление дня через два назначило низшим окладом 20 дол., причем это вовсе не значило, что следующие затем оклады были тоже повышены. Нет, попросту всех, получающих в Америке сто долларов в неделю и меньше, свели в один разряд, получающий в Париже 20 дол. Это уже оклад неплохой, жить можно вполне. 20 дол. в неделю составляют приблизительно 320 франков в неделю, в день 46 фр. Цены на жизнь высчитаны приблизительно так: 15 фр. комната, обед и ужин по 10 фр., утренний и пятчасовой кофе 5 фр., всего 40 фр. Остаются еще какие-то мелочи на папиросы, на трамвай. Конечно, деньги небольшие, но никто не смел бы сказать, что на этот оклад жить нельзя. Про себя я могу сказать, что никогда и не съедаю в обед и в ужин по 10 фр., максимум – 8. Постоянно покупаю себе фрукты (ах, какая в этом отношении здесь благодать!), хожу к парикмахеру, и все-таки уверена, что жалованья хватит.

Но наша “молодежь” нашла, что на данный им правлением оклад жить никак не возможно, и подала в правление бумагу, копию которой я приложила к этому письму. Бумагу эту я должна Вам несколько расшифровать, так как, вероятно, Вы уже позабыли условия прошлого года. Дело в том, что в прошлом году минимальный оклад был 60 фр. в день, следующая группа получала 80, следующая 100, т.е. ежедневно каждому платили столько франков, сколько долларов еженедельно он получает в Америке. Так вот в бумаге они просят до начала спектаклей платить каждому “без различия группировок” по 60 франков в день. В последней же фразе добавляют, что это условие “конечно, только до

начала спектаклей, с момента же их начала просим платить по расценке прошлого года”, т.е. исходя из окладов 60, 80 и 100 франков в день.

Я Вам написала только что, сколько стоит жизнь в Париже, так что Вы легко можете судить, какие экономии может сделать всякий, получая такие оклады. К примеру, приведу Вам и цены на различные вещи, чтобы Вы могли судить, какие вещи и сколько можно приобрести при таких окладах: туфли стоят от 50 до 100 фр., шелковые чулки до 40 фр., шелковое белье – 150 фр. (как видите, я привожу цены на хорошие вещи), платье от 400 фр., шляпы от 80 фр.

Если прикинуть, сколько может сэкономить “минималист”, получающий 60 фр. в день до начала спектаклей и после их начала, то и то выйдет, что у него непременно за шесть недель Парижа будет экономии 600–700 фр. А про тех, кто будет во время спектаклей получать больше, и говорить не стоит, и тысячу можно отложить. Сколько же прекрасных вещей может купить себе всякий, проработав только шесть недель.

То, что в прошении пишется о “вздорожании жизни”, – неправда: я живу в той же гостинице, цены ни на йоту с прошлого года не изменились, я ем в том же ресторане – все стоит столько же, как и в прошлом году. Вещи в магазинах на те же цены, что и прежде.

А положение театра в этом году куда хуже, чем в прошлом. Ведь этот неожиданный поворот в планах обошелся страшно дорого. Предполагали начать сезон в Берлине 26-го сентября, а начинаем только 12-го октября в Париже. Декорации обошлись гораздо дороже, так как цены на товары в Берлине растут не так медленно, как цена на доллар; для простановки декораций в Берлине нанят театр, что стоит 400 долларов, а если бы мы играли, то за простановку отдельно не платили бы. А главное – содержание труппы в Париже даже при той ведомости, какая существует теперь, более чем вдвое дороже, чем содержание в Германии. Словом, для того, чтобы выехать из Берлина пришлось сделать внутренний заем, погасить который надо из гестовского аванса. Аванс до сих пор здесь не получен, так что на днях может наступить тот критический момент, когда даже не хватит внутреннего займа на оплату труппы. Но ведь у наших не пайщиков один припев: “Пайщики столько заработали в Америке, что могут теперь расплачиваться, как хотят. Когда у них прибыль, мы в ней не участвуем, а когда театру плохо, то на нас выезжают, мы страдаем”.

Так вот, третьего дня вечером это заявление было передано Булгаковым и Бондыревым Леонидову и Подгорному. Хотя о том, что такое заявление может быть подано, мы догадывались из всяких разговоров и намеков (я-то это знала наверное от одного из участников этой “банды”, но только не должна была никому говорить), все же это обещание вызвало страшное негодование среди стариков. В этот же вечер это заявление было передано К.С. Результатом было следующее: утром было вывешено в театре объявление, что все репетиции отменяются, в 11 час. утра – заседание дирекции, в три часа дня вызываются все, подписав-

шие заявление. Что сделалось со всеми?! Волнение царило страшное. Дирекция заседала все утро и вынесла постановления, приведенные в протоколе. В три часа всем собравшимся “бунтовщикам” был дан для прочтения протокол. Начались страшные обиды: больше всего обидело то, что не всех вызвали для разговоров. “Стало быть, с нами не считаются, с нами и разговаривать не хотят!” Стали просить, чтобы всех пустили на разговор. К.С. пришел страшно бледный, взволнованный, не спал всю ночь. И началось. Он их так отчитывал, что все с перекошенными лицами сидели, губы у них тряслись, когда отвечали в свое объяснение. Но как-то, как впрочем, и всегда у нас в театре, до конца не договорились: заготовленные условия с каждым отдельным членом труппы подписать не дали, объясняя, что нельзя же их бить до бесчувствия. Однако говорят, что на днях все же такие условия заключат. (Помните, об этих договорах был разговор еще в Германии, но наши все не решались ввести эту новость. Вот и дошло до того, что случилась такая история.) Так и осталось непонятным, приняли они все постановления правления, или нет.

На следующее утро К.С. не пришел на репетицию, он не спал всю ночь, совсем был расстроен, нервен, страдал от головной боли. Говорил, что не может заниматься, душа не лежит после всего происшедшего. Репетиция “Хозяйки” шла без него, и все было страшно трудно – и старикам, и молодым.

Вечером был назначен просмотр “Мокрого” с парижскими со-трудниками Константином Сергеевичем. Но он опять не пришел, и репетиция пошла под руководством Лужского. Опять – томительное настроение, рассеянные лица, вялые движения, сидение по углам, перешептывание... Наконец Вас. Вас. не выдержал и обрушился: “Если так относиться к работе, то лучше не репетировать. Если весь разговор в том, что за такие деньги большего давать не стоит, а других денег все равно платить не будут, то какой же выход из положения: репетировать и играть кое-как? Значит, вправду у нас только – Дузе, Сары Бернар, Ермоловы, что не хотят играть в народных сценах, какое-то самозабвенное воображение себя премьерами и премьершами”. Говорил он с такой горячностью, что всех задел, зацепил, все встряхнулись, сами попросили повторить сцену, и репетиция пошла гораздо ровнее. Но все же этот случай еще не улегся и даром для многих не прошел. Есть такие, что до сих пор ходят, как в воду опущенные, а есть и очень упорствующие, которых никак не убедишь в том, что они были не правы.

Очень их еще то взволновало, что Вам все это станет известно. Им на это Подгорный сказал, что и они со своей стороны могут послать Вам свои объяснения, но что театр от себя Вас обо всем уведомит, – это несомненно.

Вот приблизительное описание всех событий последних двух дней. Но самое замечательное во всей этой истории то, что в этой истории кто-то из “вдохновителей” (как называют Бондырева, Булгакова и

Тарасову) поступил не очень-то красиво. Когда зашел разговор о подаче такой бумаги и подошли к Ершову, предлагая ему подписать, он отказался. Тут начались уговоры: “это не по-товарищески, это не хо-рошо!” Действительно, до сих пор Ершов никогда в таких выпадах не участвовал. Наконец он согласился, но с условием, что будет принимать участие в выработке текста. Текст был составлен на собрании, которое было накануне подачи заявления. В тексте было лишь сказано о просьбе прибавки жалованья, ввиду дороговизны. Последней же фразы – о том, что, конечно, это только до начала спектаклей, а после начала оклады прошлого года – не было и в помине. Затем во время репетиции стали да-вать друг другу переписанный текст для подписи; конечно, обстановка была такова, что никто и не перечитывал текста, только подписывались. И вдруг на “ответы” К.С. узнают, что в заявлении были высказаны такие претензии. Для многих это было совершенной неожиданностью. У Ершова этот поступок вызвал такое возмущение, что на следующем же заседании “подписавших заявление”, которое было после разговоров с К.С. и с правлением, он заявил, что считает такой поступок настолько неблагодарным, что снимает с себя всякую связь с группой, объединив-шейся в своих общих интересах, что отныне будет действовать во всем совершенно самостоятельно и так, как ему подскажет его совесть.

Но я знаю, что среди всей этой группы “бунтовщиков” есть лица, которые считают, что в своих требованиях надо “идти до конца”, не уступая правлению.

В то же время я знаю, что в правлении настроение настолько креп-кое, что, пожалуй, не остановятся даже перед тем, чтобы расстаться с кем-либо из упорствующих. Но, конечно, этот вопрос окончательно не будет выяснен и ликвидирован, пока все не подпишут условий на по-ездку.

В условиях, между прочим, есть один пункт, который должен не-приятно поразить участников заявления: это тот пункт, что американ-ское жалование остается в силе и во время поездки по Америке.

В прошлом году в поездке труппа получала на 20% больше, т.к. приходилось играть до 9 спектаклей в неделю и с переездами вообще связаны большие расходы. Но тогда за девятый спектакль театр получал лишнюю тысячу в гарантию. По теперешнему же контракту с Гестом лишний спектакль в неделю (сверх восьми) оплачивается 250 дол. При подаче этого заявления был поднят вопрос и о том, чтобы сейчас же ого-ворить и прибавку к жалованью во время поездки по Америке, но потом было решено, что пока “надо провести парижскую прибавку”, а в Аме-рике в свое время и об этом будет подано соответствующее заявление. Так вот чтобы оградить себя от таких заявлений, в условиях помечено, что в поездке по Америке сохраняется нью-йоркский оклад.

Во что вся эта история выльется, – кто знает. Но неприятное, гне-тущее настроение не проходит, в стариках все время дрожит обида, не-годование, среди молодежи все еще идет брожение, какое-то несконча-

емое “навинчивание” со стороны нежелающих “смириться”.

Но до чего все-таки не серьезны эти люди. Некоторые из них с самым наивным видом замечали: “Что ж тут было подымать такую историю? Ну, попросили прибавку, ну, отказали нам, вот и все. Зачем же было показывать заявление К.С. Разорвали бы его в клочки, это заявление, и делу конец!”

Как странно себе представить, что все эти люди так недавно каждый день ели пшенинную кашу и радовались, если иногда к обеду доставали какие-то макароны или лапшу. А теперь, доказывая, что не хватает жалования, что они “голодают” (дословное выражение одной из подписавшихся под заявлением), перечисляют свое меню: “вино – 2 с половиной франка бутылка, цыпленок 4 фр., рыба 3 фр., а фрукты, а кофе???” И когда я сказала, что не надо есть цыпленка, можно есть какое-нибудь жаркое, телятину, баранину, – в ответ: “Я не могу жить, урезывая себя во всем!” Что-то все эти “европейцы” скажут в “трудной Москве”?

Неприятное для Вас письмо написала я Вам сегодня, дорогой Владимир Иванович! Простите меня! Самой противно, что на таких отвратительных мелочах жизни приходится останавливаться так долго.

Какие прелестные дни стоят сейчас здесь. Солнце, теплынь! Листья сильно пожелтела, но красива по-своему. А если посмотреть из верхних окон нашего отельчика на каштаны нашего авеню Монтень, то с недоумением видишь белые новые цветы-свечки, расцветающие на почти оголенных пожелтевших ветках. Сейчас, вероятно, страшно красиво в Версале. Хочу поехать туда в воскресенье, говорят, что в это воскресенье, в последний раз перед зимой, будут бить все фонтаны.

Мне еще мало пришлось погулять по городу, но в те редкие дни, что я выходила, – Боже мой, какое неопишное восхищение жило во мне, стоило только выйти из нашего авеню на Елисейские Поля и в одном их конце увидеть обелиск Площади Согласия, а в другом – Триумфальную арку.

Сезона еще нет, многие театры только готовятся к открытию, реву доигрывают летние программы, даже в кино ничего интересного нет. Все улицы, площади чинятся: кладутся новые торцы, заливаются мостовые асфальтом. В нашем театре капитальный ремонт, некоторые стены совсем сняты, сырость страшнейшая, грязь на лестницах, шум, стук... Эберто строит третий театр, переделывая какие-то помещения существующего дома. В нашем отельчике ремонт, перестановка лифта. Рабочие стучат с раннего утра, подсвистывают какие-то песенки... Мостовая, тротуары всего нашего авеню чинятся, изрыты до последней степени. Автомобили, которые привезли тяжелый багаж к театру, должны были подъехать по тротуару.

Серг. Львович обещает на днях дать мне для сообщения Вам даты получения (предполагаемого) декораций из Берлина. Там остались Гремиславский и Дима Качалов, которые заканчивают работы по приготовлению декораций и отправке их сюда. То, что так задержалась

декоративная работа, подвело театр страшно, так как было предложение начать ранее 12-го, но из-за опоздания Гремиславского пришлось отказаться.

К.С. предполагает ограничиться в Париже “Федором”, “Карамазовыми”, “Вишневым садом”, “Трактирщицей” и “Ивановым”. “Штокмана” он не хочет показывать, так как над этой пьесой меньше всего работали, а без тщательной подготовки он не хочет ее показывать. В следующем письме я напишу Вам репертуар первых дней Парижа, который известен точно Рипси, а ее-то сейчас в театре нет. Я только помню, что 12-го открываем “Федором”, а на следующий день премьеры “Карамазовых”.

Как Вы думаете, скоро придет письмо от Вас? Очень уж давно Вы не писали мне, с самого лета.

Вам очень сердечно кланяется Ник. Аф., который был здесь, когда я начала писать Вам это письмо. Просил очень-очень кланяться.

Я сию сейчас одна-одинешенька, и мне ужасно грустно, ужасно.

А Вы помните, что Вы обещали в первом же письме прислать мне Вашу карточку? Пожалуйста, пришлите.

Желаю Вам поживать очень хорошо, очень приятно.

Ваша *Ольга Бокшанская*

51.

Париж, 5-го октября 1923 года

Дорогой Владимир Иванович!

Я опять сделала очень большой перерыв в письмах к Вам, но на этот раз я могла себя утешить тем сознанием, что в этот период Бертенсон должен был написать Вам. И написал, знаю я, диктуя Рипсимэ, так как я была в эти дни очень занята. Представьте себе, милый Владимир Иванович, я опять переписывала “Карамазовых”, текст меняется столько раз, что после нескольких репетиций суфлерский экземпляр оказывается так перемаранным, что уж суфлировать невозможно. Но на этот раз, кажется, я написала окончательно утвержденный текст, и больше перемен не будет. Теперь еще надо ждать утверждения текста “Штокмана”, который сильно изменен Василием Ивановичем. К.С. этим обстоятельством, кажется, очень недоволен, находит, что не актер должен переделывать роль, а режиссер.

У нас снова событие, и не из приятных. Вчера утром Бакшеев заявил, что он уходит. Вот как обстояло все это дело: еще на пароходе Бакшеев заявил Л.М.Леонидову, что считает себя обиженным своим окладом (он получает 100 дол. в неделю). Он говорил, что предоставляет правлению решить вопрос, какого он жалованья заслуживает. Тогда же на пароходе вопрос этот никак не был решен. Потом в дирекции было

решено, что никаких изменений в оплате членов поездки не будет. Но, как всегда или почти всегда у нас бывает, об этом официально ни с кем не говорили. Бакшеев же все время ожидал ответа от дирекции. Теперь в Париже после той истории, какую я Вам описала в предыдущем письме, хотя и было решено дать подписать всем “бунтовщикам” условия с театром, однако этих условий к подписи не предложили (я Вам послала и копию протокола, где зафиксировано это решение, и образец условия, надеюсь, что все дошло благополучно до Вас), а просто на словах сказали Булгакову и Бондыреву, для передачи остальным, что оклады остаются те же, что во время поездки по Америке прибавки к жалованью не будет (в прошлом году прибавляли 20% жалованья).

Вот тут Бакшеев и решил отказаться. Он говорит, что прекрасно понимает неэтичность своего поступка, но считает, что и театр поступил с ним неэтично, не ответив своевременно на его заявление о желаниии прибавки.

Говорят, тут еще есть та подкладка, что у него в Париже большие знакомства (Мозжухин и др.), которые сманивают его в кино, обещая заработок. Я сама с Бакшеевым по этому делу ничего не говорила, так что все передаю со слов наших артистов. Бакшеев, говорят, стоит крепко на своем решении уйти, а правление считает совершенно невозможным изменить условия Бакшеева, потому что потом сразу начнутся весьма естественные требования и со стороны других “обиженных”. Не знаю, известно ли все это К.С. или пока дело стоит в плоскости переговоров Бакшеева с Леонидовым и Москвиным. Все остальные “недовольные”, кажется, приняли условия Америки, хотя сильно аффрапированы¹ ими. Да, самое еще невеселое для них то, что до начала спектаклей полное жалованье в Америке выплачиваться не будет. В прошлом году платили полное жалованье с самого дня приезда в Нью-Йорк, правда, мы до спектаклей провели там только 4 дня, но уже при окончании сезона было заплачено всем одинаковыми суточными, из расчета прожиточного минимума, по 5 дол. в день. И тогда многие огорчались этому, но мы прожили после конца спектаклей там всего три дня, так что весь расчет был невелик. Теперь же может оказаться, что мы проведем в Нью-Йорке до начала сезона дней 10–12, и тут уж правлению никак невозможно оплатить полным окладом всех, а всем, конечно, досадно, что такой длинный срок они будут получать денег в обрез на жизнь. Боже мой, как много все-таки у нас места дается деньгам и всем обстоятельствам, с ними связанным!

Сегодня утром приехали Дима и Гремиславский. Все имущество из Германии уже отправлено сюда, первый транспорт сюда уже пришел, сегодня здешняя таможня принимает корзины с нашими костюмами. Леон. Дав. задержался в Берлине до дня отправления последнего транспорта, который идет прямо в Америку, так как в Париже не понадобится. Он предполагается к отправке 7 октября, после этого срока приедет сюда и Леон. Дав.

1 От франц. *frapper* – ударять, ранить, удивляться.

Предварительная продажа на наши спектакли идет средне, но все местные жители уверяют, что это не очень страшно, так как здесь заблаговременно не покупают билеты. Вот наш репертуар, пока объявленный:

12-го окт. Пятница “Царь Федор”
13-го окт. Суббота “Карамазовы”
14-го окт. Воскрес. “Вишневый сад”
15-го окт. Понед. “Карамазовы”
16-го окт. Вторник “Царь Федор”.

Дальше пока репертуар не только не объявлен, но даже и не намечен, т.е. намечен, но как-то очень приблизительно. Тут уж многое будет зависеть от наших монтажных дел. Предполагается, что 17-го пойдет в первый раз “Трактирщица”. Спектакль, которому К.С. придает первейшее значение.

Вам уже писал Бертенсон, что Эберто страшно мало делает для рекламы. Он предполагает пустить большую рекламу за три дня до спектаклей, и с этого его плана Бертенсону его никак не столкнуть. Вся надежда на Леон. Дав., который единственно способный сдвинуть дела нашего театра с мертвой точки.

Эберто в “Карамазовых” выступает в качестве тещи. Третьего дня была первая с ним репетиция. Он читает хорошо, спокойно, уверенно, очень внятно. Конечно, он сказал о том, что его выступления должны оплачиваться, но наши все это постарались обратить в остроумную шутку. Посмотрю, как они будут улыбаться, когда он действительно подает счет за свои дебюты.

На днях впервые “Карамазовы” были показаны К. С-чу. Первым показали “Мокрое”. Игра Леонидова так подействовала на К.С., что он к концу сцены плакал, крупные слезы покатались по его щекам. Конечно, Вишневский после этого начал попросту рыдать и захлебываться слезами. Когда кончалась репетиция, К.С. подошел к Леонидову, поцеловал его, поцеловал Лужского и... никаких замечаний никому не сделал, отпустил всех с миром.

После этого показаны были ему все остальные сцены (“Суд” показывали только сегодня, К.С. остался им доволен). Но со всеми остальными сценами он завел большую работу. “Обе вместе” репетирует уже несколько раз сам, так что теперь вышло так, что уж второй день подряд отменяются все ранее назначенные репетиции и назначается только работа К.С. с персонажами “Карамазовых”. “Суд” у Вас. Вас. сделан следующим образом: народа на сцене нет. На левой от зрителя стороне поставлен от рампы в глубину сцены ряд стульев, первый ряд сидящей публики. Там сидят допрашиваемые свидетели: Кат. Ивановна, Грушенька, Алеша, исправник... Предполагается, что вся зала с присутствующей публикой за этим рядом. Тотчас за бархатом будут сидеть ряды всех свободных артистов, которые, изображая публику, реагируют на происходящее на сцене. В публику будет слышен разговор, шум, кото-

рый останавливает звонком председатель, сидящий на сцене, истерика после истерики Ивана, звук отодвигаемых стульев при оглашении приговора, когда все встают. Все эти шумы Вас. Вас. было не очень трудно сделать, так как в этом принимают участие заправские актеры, из сотрудников только мы с Рипси. Вот в “Мокром” другое дело, там всех парней пришлось раздать наемным сотрудникам-студентам, которых никак не воспитать в духе не только Художественного театра, но и вообще театра. В этой сцене вся надежда на Леонидова, который поразителен.

Кроме работы над народными сценами “Карамазовых”, Вас. Васчу сейчас приходится уже делать четвертый акт “Штокмана”. Тут, конечно, тоже не будет очень трудно ему, так как в народе заняли всех свободных от пьесы актеров, выходят и Книппер, и Леонидов, и Москвин, и Бурджалов, и Бакшеев, а уж про молодежь и говорить нечего. Словом, в этот вечер заняты все, кроме Станиславского, которого не назначили на выход.

К.С. все прошедшие дни был в очень дурном настроении, так как долго не получал известий от своей семьи. Они должны были переехать в Швейцарию, и это волновало К.С. – как-то они переберутся. Туда, во Фрайбург, был откомандирован специальный человек для сопровождения Марии Петровны с детьми. Наконец-то пришла телеграмма из Базеля, что они перекочевали границу, и К.С. успокоился. Теперь он ждет Марию Петровну сюда, так как ей надо играть в “Вишневом саду”, у нас ведь нет Вари. Роль эта дана Пыжовой – Вы представляете себе эту богомолку? – но, конечно, ни она, ни режиссер с ней этим делом пока не занимались.

В театре Эберто ремонт идет страшно медленно, до сих пор разворочена одна стена, так что, когда идешь по лестнице из уборных на сцену, то все равно, что по улице идешь. А тут еще сырая погода стоит, в театре сырость, холод, зуб на зуб не попадает. Мы все чихаем, кашляем, а я говорю таким силным голосом, что разговаривать с посторонними просто неудобно – звучит голос так, будто б накануне я хорошо покутила.

Вчера в театре было какое-то довольно забавное представление. Я на него не пошла, но сегодня смеялась много, слушая рассказ об этом вечере К. С-ча. Собрался очень нарядный зал, исключительно нарядный. На сцене показали какой-то нелепейший балет – танцы Шведского балета, гастролирующего здесь чуть ли не год уже, и теперь собирающегося в Америку на полгода (эти шведы, кажется, стали за это время чуть ли не владельцами театра Эберто, во всяком случае, крупнейшими пайщиками это дела). Они танцуют ужасно, я смотрела их еще в Берлине и удивляюсь, как они могут держаться так долго, не прогорая, кто может ходить на их представления. Потом выступала m-m Жоржет Леблан (Метерлинк), спевши что-то и показав свое страшное лицо-маску. Она совершенная руина и положительно страшна в каком-то золотом пла-

тье, с золотом в волосах. Потом вышел какой-то футурист-музыкант, который стал играть на рояле невозможнейшую музыку нового стиля. Играл, однако, хорошо. Но тут в публике начались свистки, кто-то стал аплодировать, свистки послышались громче.

Музыкант продолжал играть. Опять свист, ожесточенный, прерывающийся. Опять аплодисменты. Не помню уже, чем все это кончилось, как успокоилась публика, но после этого явился какой-то господин, который сказал, что вот этот скандал он и хочет снять для одной кинематографической картины, так что все, что было, была лишь генеральная репетиция, а теперь он просит публику сыграть еще раз всю сцену уже под трескотню съемочных кино-аппаратов. И вот публика стала играть скандал в театре. А фотографические аппараты затрещали. Неплохо устроилась эта кинематографическая фирма. Без больших затрат они устроили небывалую народную сцену для кино. Оказывается, это фильм, в котором снимается Леблан. Она играет певицу, выступающую в концерте. На концерте, не знаю уж почему, происходит скандал, кто-то бросает цветы, а кто-то свистит и негодует. Все это публика разыгрывала очень хорошо. Какова изобретательность и остроумие! Да, забыла сказать, что, кроме перечисленных номеров программы, крайне незамысловатой, была демонстрация вечерних туалетов фирмой Пуаре – это тоже входило в число номеров вечера и служило для многих приманкой.

Модели, говорят, были прелестны.

Вам не наскучила моя болтовня? В занятии Вашего дня такое письмо, пожалуй, может даже рассердить своей подробностью. Одна надежда, что Вы не рассердитесь на меня, так как до сих пор редко на меня сердились. Вы всегда так добры ко мне.

Сердечный привет всем нашим театральным, а главное – милой Екатерине Николаевне, которую вспоминаю часто-часто, смотря на все прелестные вещи здешних магазинов.

Милый Владимир Иванович, я вдруг вспомнила: поблагодарила я Вас за то, что Вы передали сестре¹ пакет от меня? Я уже получила от нее письмо с благодарностью за все, а сама-то Вас, кажется, не поблагодарила. Простите меня за невежливость и примите мою сильнейшую благодарность за все, что Вы сделали для меня.

Все наши – Рипси, Ник. Аф., Бертенсон – Вам сердечно кланяются. И я тоже – от всего сердца.

Ваша Ольга Бокшанская

Париж, 10-го октября 1923 года

Милый, милый Владимир Иванович!

Спешу Вам сообщить, что история с Бакшеевым, которая Вас, вероятно, очень неприятно поразила, окончилась благополучно. Не доводя дело до официальной огласки, “старшие товарищи” (Леонидов и Москвин) решили с ним поговорить. Он поставил вопрос так: “Отпускает ли его дирекция?” – на это Леонидов ему сказал, что “отпустить” его дирекция не может, а дальше – пусть делает, как он считает нужным, что подскажет ему его внутреннее чувство. А Москвин прибавил, что если ему как-нибудь дорог Художественный театр, то он все-таки должен понимать, что в тот момент, когда он из него уйдет так, он уйдет из него навсегда. Бакшеев помолчал минутку и сказал: “Остаюсь!” Эта забота теперь, слава Богу, ушла.

Мы все измучены эти дни репетициями, которые, как назло, никак не ладятся. Писала ли я Вам, что у нас была первая генеральная (без К.С.) на сцене – и была ужасно неудачной. Я пишу сейчас о “Карамазовых”. Это было в воскресенье. Занавес был назначен на “Мокрое” в 12 час., а начали только около двух, потому что с костюмами была задержка, с гримами была задержка... Утром собрались репетировать “Мокрое” и “Суд”, а к четырем часам едва успели кончить “Мокрое”. На шесть были назначены все остальные картины, к ним присоединили и “Суд”, назначив его на 10 ч. вечера. Можете себе представить настроения актеров, всю ту несобранность, весь тот хаос, который царил. Кончили репетировать около 11 ч. – и все ужасались, что так поздно заставляют работать (нам же с Рипси и Подгорным пришлось просидеть после репетиции до первого часу за всякими административными делами). Леон. Мир. после такой репетиции потребовал еще одну на сцене, потому что не мог решиться сразу перейти к полной генеральной. Репетиция была назначена на следующий день – в понедельник – на сцене, без гримов и костюмов. Но так как на понедельник в 4 ч. была назначена народная сцена “Штокмана”, то “Карамазовы” были отложены до семи часов вечера. До семи мы репетировали “Штокмана”, потом дан был перерыв на полчаса, потом началось “Мокрое”. Но все были уже в таком усталом настроении, так немыслимо и невозможно было всех собрать, что стали репетировать только пенье, пробеги, визг и суматоху, – наряду с репетицией монтировочной. Еще до начала репетиции в театр пришел неожиданно К.С., и тут начался разгром “отдельных частей”. И правду надо сказать, впечатление от внешнего вида до того скверное, до того все это пахнет “халтурой”, что понятен гнев К.С.

Из-за простановок и всяких проб освещения бархата репетиция кончилась снова очень поздно, часов в 11. Почему-то все наши этим страшно огорчаются, считают, что это ужасно, что их заставляют репетировать так поздно. А ведь собственно говоря, это случай, что у нас

еще не начался сезон, а был бы сезон, то играли бы ежедневно по вечерам спектакли, и должны были бы молчать.

Так доползли мы до вчерашнего вечера, когда назначена была полная генеральная “Карамазовых” при К.С. – в гримах, костюмах, при полной обстановке. Вместо назначенных для начала 8½ час. начали в 9. И знаете, когда окончили? – в два часа ночи, при том что “Кошмар” не репетировали.

И тут-то выяснилось, что столько длиннот, что столько неинтересного (я думаю, это оттого, что нет настоящих исполнителей, или нынешние исполнители недостаточно вошли в роли), что публика, наверное, станет уходить еще до конца. При всем том, что антракты обещают сократить до минимума, теперешний текст должен идти не меньше 4–4½ час. И вот сейчас все собраны К.С. для того, чтобы выработать сокращения. Кажется, будут совершенно выброшены оба свидания со Смердяковым (подумайте, какая драма для Булгакова, который все лето и осень занимался только этой ролью, а ее свели лишь к небольшому выходу в “Коньячке”, причем и тут его монологи будут сильно сокращены – об этом солдате), будет выброшена сцена у Фени и сокращен текст в оставшихся картинах. Стало быть, останутся картины: “За коньячком”, “Обе вместе”, “Мокрое”, “Кошмар” и “Суд”.

Так обузять “Карамазовых” – это ужасно. Но вместе с тем – это мое впечатление твердое, никогда не сойду с него – иначе и не могло случиться, раз режиссировали не Вы. Никто из участвующих в поездке не мог бы, не может поставить, возобновить – все что хотите – Достоевского. И только Вы могли бы даже с теми силами, что сейчас у нас, – сделать эту пьесу блестящей, изумительной. Только Вы – больше никто. А сейчас – все так тускло, так неинтересно, и только Леонидов возвышается над всеми как изумительный гигант, да Качалов играет очень хорошо. И как ясно чувствуется, что Вы – душа этого спектакля, и все, что не от Вас, – не нужно, не сделано и не может быть сделано без Вас. Вот Вам пример: Леонидов вздумал прибавить в следствии целый кусок, разъясняющий многое зрителю. Но разница между сценами, которые он вел под Вашим руководством, и сценой, над которой ему пришлось бы поработать одному, была так велика, так бросалась в глаза, что он очень скоро, почти тотчас же, выбросил этот вставленный кусок. А Лидию Михайловну никак не остановить: знай, вставляет в свои показания на суде целые монологи, расхолаживает всех ужасно, и никак не поддается увещаниям¹. Вас. Вас. уговаривает ее: “Лидия Михайловна, вы подумайте над этим, это нельзя!” Но она твердо стоит на своем: “Я иначе не могу, иначе у меня образа нет”. Наконец надо было утвердить раз навсегда текст, который она будет говорить. Со всякими торговлями ей удалось вклеить в свои показания кое-что из того, что она хотела говорить. Но когда дело дошло до генеральной, то она все-таки сказала все, что собиралась говорить, и потом с невинным глазом уверяла: “Я случайно все это сказала...” Вчера приехала Мария Петровна, которая

устроила Киру и Игоря в Швейцарии, а сама приехала сюда для участия в “Вишневом саду”. Сегодня днем шла и до сих пор идет репетиция сцен Вари. Все отомлены после вчерашней затянувшейся репетиции, после сегодняшнего утра, когда разбиралось сокращение “Карамазовых”. Булгаков так огорчился, что не пришел на “Вишн. сад”, просил передать, что плохо себя чувствует. А сегодня в 8 час. еще репетиция (первая) с парижскими сотрудниками сцен из “Федора” (вторая картина и “Собор”).

До сих пор пришел только первый транспорт нашего сценического имущества: все костюмы и декорации “Федора”, “Вишн. сада” и “Карамазовых”. Второй и третий транспорты придут одновременно. Там будут декорации “Трактирщицы”, “Иванова” и “Штокмана”. “Лапы” и “Дно” пошли прямым путем в Америку.

Ах, какой у нас во всем беспорядок, если б Вы знали. Нас Господь хранит, что у нас до сих пор несчастья не случилось.

Вот украли колокола, надеялись, что это повлияет, – какое! Теперь здесь это будет колоссальный расход – покупка или прокат колоколов. А корзины с костюмами: в Америке перед отправкой их были куплены специально новые веревки, чтобы обвязать все корзины. Но никому из костюмеров не захотелось присутствовать при обвязывании корзин, положились на рабочих, а те не обвязали, и корзины были отправлены только на замках. Конечно, многие из них поломались (а перед отъездом из Америки покупали новые корзины, каждая из них обошлась по 30 долларов), да как поломались: так, что вещи совершенно свободно можно было вытянуть из щелей между крышкой и самой корзиной. Как не выкрали каких-либо вещей, до сих пор не понимаю. И все вот так: тратятся деньги, и все летит в какую-то бездонную пропасть. Театральные вещи, театральные деньги не берегутся, то, что нужно, покупается в первом попавшемся магазине, без любовного выбора вещей, без заботы о том, чтобы не тратить зря, поискать, где получше и подешевле.

Выпущен наш следующий репертуар:

- 17 окт. Среда “Трактирщица”
- 18 окт. Четв. “Карамазовы”
- 19 окт. Пятн. “Вишн. сад”
- 20 окт. Суббота “Трактирщица”
- 21 окт. Воскрес. “Федор”
- 22 окт. Понед. “Иванов”
- 23 окт. Вторн. “Карамазовы”
- 24 окт. Среда “Иванов”.

Дальше этого срока у нас, собственно говоря, и обязательств нет, так как контракт с Эрберто кончается 24-м. Но у Леонидова был какой-то план – то ли продолжить контракт с Эрберто, то ли получить какой-то другой театр для спектаклей до 30-го. Гест до сих пор настаивает, чтобы мы выехали 31-го на “Олимпике”, но это нам страшно невыгодно, так как придется, приехав числа 6-го, до 19-го оплачивать всю труппу.

Если оплата будет назначена только по пяти долларов в день (американский минимум), независимо от группы жалования, так и то это сидение в Нью-Йорке обойдется тысячи в три. Поэтому, вероятно, Леонидов будет делать все возможное для того, чтобы нам удалось выехать позднее и за это выторгованное у Геста время успеть поиграть в Париже или, быть может, в Бельгии, – смотря где удастся получить подходящие условия.

Леонида Давыдовича до сих пор нет, ждем его к 13-му октября. У него масса дел в Германии, где он побывал не только в Берлине, но и в Гамбурге в связи с отправкой нашего имущества.

За последнее время совсем не удается бывать в городе; если я бываю в центре, то только тогда, когда еду на автобусе в банк (для размена денег) и обратно. Вот и все. И по вечерам так поздно кончаем свои занятия, что даже в синема уже поздно идти. За все это время удалось побывать только раз в оперетке, и как на зло – страшно неудачно. Эту оперетку безумно расхваливали Бертенсон и Книппер, а мне ужасно не понравилось. Это “Сибуллетт”, про которую Вам, кажется, Бертенсон написал хвалебные отзывы. Там только и есть, что несколько красивых музыкальным номеров. А сюжет донельзя банален, нелеп, никому не нужен. Настоящий опереточный сюжет – тех опереток, что ставятся в Зеркальном зале “Эрмитажа”. Исполнение? Премьерша без особого голоса, без красоты, даже без приятной миловидности, невыразительное лицо, никакого обаяния. Два первых молодых актера – любовник и простак – совсем не интересны. Есть два приятных старика – один с оттенком драматичности, сентиментальности, другой – чистый комик. Оба актера играли хорошо. А хор! Боже мой, какая рутина, какая вылезающая на вид бездарность. Я сидела на этом спектакле и возмущалась: “А еще говорят, что К.О. никак не может приехать в Париж! Опасно, потому что здесь так хороша оперетка!”

На следующий день встречаю Бертенсона и обрушиваюсь на него: “Как вам не совестно хвалить такой тусклый, такой невыразительный спектакль!” А он мне отвечает: “Что вы!? Это такой спектакль, что я только сидел и думал: ну, К.О. надо закрывать”. Вот Вам два впечатления. Кому верить, право, не знаю. Но с похвалами и восторгами Сергея Львовича никогда не соглашусь. Вот в прошлом году я была в “Буффе”, так после этого несколько дней ходила под впечатлением одного актера – Мориса Шевалье, – какой изумительный актер! Я о нем ничего не знала, что он любимец Парижа, что он знаменитость, никогда его имени не слыхала. И он меня поразил сразу, с первого явления. Сейчас – увы – не знаю, где он играет, смотрю на все анонсы, нигде не могу найти его имени.

Дорогой Владимир Иванович, что ж Вы нас совсем забыли. Или, быть может, Леонид Давыдович привезет письмо от Вас, адресованное в Берлин?

В Америку нам надо будет писать пока по адресу бюро М.Геста,

как было, когда мы ездили в поездку по Америке. 39 Street. Princess Theatre. Office of Mr. M.Gest. Moscow Art Theatre. New-York City.

Ужасно хотелось бы знать, что делается в Москве, как Вы поживаете, что и как Вы о нас думаете. Неужели я не получу еще долго письма от Вас? Почему? Сердиты? Что-нибудь Вам не нравится? Напишите, не мучайте меня.

Шлю Вам нежный привет, хочу, чтоб все у Вас и для Вас было прекрасно.

Ваша Ольга Бокшанская

53.

Париж, 15-го октября 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Еще вчера с вечера получила я повестку на заказное письмо, почему-то сразу решила, что письмо от Вас. Утром пошла в почтовое отделение, увидела конверт, сразу весело стало, что не ошиблась¹. Побегала в театр чуть ли не танцуя, и все себя урезонивала: “Чему радуешься, а вдруг в письме что-нибудь неприятное”. Слава Богу, Вы ни на что на меня не сердитесь.

Тотчас же и Бертенсону дала Ваше письмо. Он говорит, что передал К.С. и статью, и Ваши слова о том, что Вы *ограждаете* себя от этой статьи². Так точно и передал К.С., как Вы ему поручили. Я лишь могу к этому прибавить, что как передавал об этом Бертенсон, я не знаю, но у меня с К.С. в день моего приезда во Фрайбург был разговор о “Лизистрате” и о восторженных отзывах в печати после генеральной. Он был мало оживлен этим, а про статьи сказал: “Что мне с ними делать?” Так что когда в Варене я услышала слова К.С., обращенные к Вам, что он ни о каких статьях понятия не имеет и что ему никто ничего не рассказывал, мне стало очень за него неловко. Но ведь Вы знаете, что у К.С. есть иногда эта манера сказать, что он ничего не знает и ни о чем не слышал.

Милый Владимир Иванович, если б Вы знали, как огорчительно, как неинтересно и не оживленно начали мы наш сезон. Премьера (“Федор”) прошла без большого грома и шума, при далеко не полном сборе (14 000 фр.). Но на этот спектакль и не смотрели как на тот, что должен сделать “бум”. На следующий день – “Карамазовы”. Волнение царило страшное. Я писала Вам, что на генеральной выяснилось, что в пьесе длинноты страшные, в один вечер всех срепетированных сцен не уложишь. Начались сокращения, которые свелись к вымарке многого из “Коньячка” и вообще по всей пьесе и к изъятию совершенно картин “Первое свидание со Смердяковым”, “У Фени” и “Последнее свидание со Смердяковым”. Взамен этой последней картины прибавили несколь-

ко слов тцецу, разъясняющих, что убил действительно Смердяков. Пьеса получилась, на наш взгляд, страшно куца (писала ли я Вам, что для уяснения перед пьесой читается на французском языке вступление, объясняющее взаимоотношения действующих лиц. Чтение это продолжается минут до пятнадцати). Но для публики и того, что было оставлено в пьесе, оказалось слишком много. Спектакль кончился в первом часу (правда, начавшись с опозданием в двадцать минут и при длиннейших антрактах, ведь здесь сейчас забастовка рабочих сцены, и всю мебель, бутафорию приходится таскать самим нашим “спецам”, с помощью весьма незначительного количества все же работающих “штрейкбрехеров”). Для публики все это было страшно утомительно. Большой успех имела песня в “Мокром” (“Барин девушек пытал” – запевали Шевченко и Успенская), аплодировать начали после первого куплета и продолжали после всей песни. Тогда публика сильно разошлась в восторге, но потом действие, тянущееся час с четвертью, снова утомило зрителей, и восторги после “Мокрого” были меньше, чем мы все ожидали. Но, конечно, мое такое сдержанное отношение к приему “Карамазовых” в публике весьма относительно. Мне бы хотелось Бог знает каких воплей, криков, грому и гаму, а был очень большой успех, но не с ума сводящий. Да такого, вероятно, в Париже и нельзя было ожидать. Здесь вообще народ равнодушный в театрах сидит, а особенно наша эмиграция – такие все скучные, бесцветные.

За массой дела, совершенно невероятным количеством работы, я не успела не только прочесть хоть одну рецензию, но и внимательно выслушать Серг. Льв., который рассказывал о хвалебной прессе. В следующем письме я постараюсь послать Вам некоторые из рецензий.

Третьим спектаклем пошел “Вишневый сад” – без больших приключений. Опять только задержалось начало спектакля, кончили снова двадцать минут первого. К.С. рассердился и велел вывесить строгое объявление, что притянет к ответственности всякого, кто задержит начало спектакля.

Сегодня вечером – четвертый спектакль – “Карамазовы”. Мне очень жаль, что я не могу сказать Вам точно наших сборов. Знаю, что первые “Карамазовы” прошли при очень хорошем сборе, “Вишневый сад” взял 12 000, что делается сегодня в кассе – не знаю и зрительного зала не видела, хотя уже побывала на сцене, отыграла “Мокрое”. Скоро надо идти на “Суд”.

Мне страшно жаль, что я не смогу Вам много сегодня написать, передать полную картину нашей безотрадной жизни, наших тревожных настроений. Пришлось бы писать очень долго, а времени мало. Отложить же отсылку письма не хочется, пусть лучше Вы будете получать частые письма.

Только что вошел Бертенсон, и я от него узнала, что первые “Карамазовы” дали 22 000, а сегодня сбор что-то тысяч 12. Кроме того, Серг. Льв. просит Вас передать, что телеграмму о начале в Париже он за-

держивает, дожидаясь более полной прессы. Отдельные мнения очень хороши, но хочется увидеть полную картину – понравилась ли пьеса.

Прилагаю программу “Карамазовых”, если Вас интересует увидеть, какие программы продаются у нас здесь. В этом же роде выпущены программы других пьес. На днях пришел конверт на Ваше имя – предложение прислать Вам все газетные вырезки, в которых говорится о Вас. И приложена была вырезка. Все содержимое этого конверта тоже пересылаю Вам для ради интереса.

Сейчас у нас царит сильнейшая тревога, и вот почему: 17-го (послезавтра) премьера “Трактирщицы”. Вы представляете себе, какое значение придает К.С. этому спектаклю. Рассчитывали, что декорации придут к этому сроку. Но ошиблись в расчете. Декораций до сих пор нет. К.С. утром пришел и страшно рассердился на Ив. Яковлевича и за отсутствие декораций, и за плохую выгородку. Потом пришел к себе в уборную и увидел, что костюм ему до сих пор не принесен. Страшно раскричался на Бодулина. Тут еще новость – нет Пыжовой на примерке своего костюма у портнихи. К.С. совсем вышел из себя и ушел из театра, отказавшись репетировать. Вызвали Ершова и немного порепетировали под надзором Литовцевой, чтобы не пропал день. Но срыв этой генеральной ясно показал, что в среду премьеры не состоится, так как К.С. не допустит этого спектакля при какой-то халтурной и спешной подготовке его. А играть, кроме “Карамазовых”, нечего. И то выйдет, что будем играть эту пьесу два дня подряд: и 17-го, и 18-го. Какой же можно будет сделать сбор, если о перемене объявят только завтра. Сейчас уже кончается спектакль, и до сих пор неизвестно, какие завтра репетиции, что идет послезавтра. Такая неразбериха, что ужас. В постановочной части полный хаос, в костюмерной – и того хуже: все время обнаруживается, что украдены из костюмерных корзин вещи, некоторые большой ценности. Портные обнаружили пропажи в первые же дни, но молчали. А тут Ник. Аф. захотел взять из корзины сданную на хранение шубу свою (на хорьке, с бобровым воротником), и оказалось, что ее нет. Можете себе представить, какое это произвело на него впечатление. Ведь это такая пропажа, которой и не поправишь. Пропали ботинки Ник. Аф., театральные сапоги (из “Трех сестер”), словом, и не заметишь сразу, чего не хватает.

Расходы у нас колоссальные, в кассе долларов от гестовского аванса совсем не осталось, вероятно, скоро обнаружится, что в кассе даже минус, – когда Леонидов представит счет своих расходов по отправке театрального имущества. А вместе с тем по всем “отдельным частям” постоянные требования денег, постоянные покупки. Пришлось здесь покупать колокола взамен украденных в Берлине. Кошмар!

Вот уже зовут на “Суд”. Не знаю, успею ли еще написать сегодня. Масса работы по переписке всех пьес – готовятся окончательные суфлерские и режиссерские экземпляры. На всякий случай прошуся.

Вот и кончился спектакль, милый Владимир Иванович. Рипси ос-

вободили от последней картины, и она поехала к К.С. выяснять дальнейшее положение дел. Пока ничего не знаем. На всякий случай всем велено завтра в 11 ч. быть в театре, тогда выяснится, какая будет репетиция. Вероятно, будет “Трактирщица”.

Мне очень досадно посылать это письмо так, в каких-то общих фразах я пишу Вам о том страшном развале, который чувствуется в нашем деле. Трудно даже уловить, в чем это выражается, но каким-то внутренним чувством ощущаешь разложение, развал. Если бы мне немного освободиться от всяких дел и как-нибудь засесть за длиннейшее письмо к Вам.

Надо уходить, уже очень поздно. Пока допросишься в кабачке еды пройдет столько времени (ведь там все столики заняты нашими), что спать ложишься страшно поздно.

Ну вот, приехала Рипси и рассказывает, что К.С. в ужасном состоянии. Он утверждает, что такой спектакль он выпустить не может, и об одном только умоляет Леонидова, чтобы Эберто не довел дело до суда (по контракту он может предъявить иск за срыв спектакля). Что будет – один Бог знает. Рипси говорит, что на К.С. страшно смотреть, больно смотреть: он совсем убит. Актеры предлагают репетировать и завтра днем, и завтра вечером, т.е. ночью, после “Федора”, и послезавтра днем, в день премьеры, но едва ли К.С. пойдет на это.

На разговоры с Рипси опять ушло много времени, и теперь уж совсем по-настоящему надо уходить.

Будьте здоровы, милый, дорогой Владимир Иванович.

Вас. Вас. получил письма от своих, где они пишут, что Вы больны, что Вас мучают нарывы. Это ужасно! Ради Бога, поправляйтесь. От всей души желаю Вам здоровья.

Поздравляю Вас, все мы Вас поздравляем с таким блистательным успехом “Лизистраты”, радуемся за Вас всей душой.

Вам очень кланяются Рипси и Николай Афанасьевич, с громадной нежностью вспоминаем мы Вас постоянно.

Пожалуйста, пишите мне. И пришлите ту карточку, что обещали. Спасибо за это первое письмо. Напишите еще, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

54.

Париж, 19-го октября 1923 года

Дорогой Владимир Иванович!

Несчастья сыпятся на нас таким потоком, что опомниться не успеваешь от одной неприятности, как сейчас же появляется другая. Я писала Вам, по-моему, последний раз в понедельник. Тогда обнаружилась

пропажа шубы Николая Афанасьевича, может быть, еще кража каких-то вещей, сейчас уже всего не помню в хронологическом порядке. Но еще более чем пропажей, были мы все взволнованы вопросом: придут декорации в срок для постановки в среду “Трактирщицы” или не придут. И успеют ли сшить все нужное для “Трактирщицы” или не успеют. Бодулины разрывались от работы по одеванию артистов, шитьем заниматься им было почти невозможно. Пригласили портного по рекомендации театра Эберто. Пришел, увидел стиль костюмов “Хозяйки” и отказался – не его специальность. В конце концов пришлось тем же Бодулиным взяться за переделку костюмов для Фабрицио (на Тамирова), слуги Кавалера (Добронравов) и переделку всего остального. Костюмы для Пыжовой заказали у портнихи Сергеевой, рекомендованной театру, вернее, нашим актрисам еще в прошлом году для современных платьев. Рисунки костюмов делал Гремиславский. Уже во вторник можно было почти с уверенностью сказать, что, даже если придут декорации, спектакля в среду не будет: К.С. не запустит такой спектакль. Это, однако, не помешало Пыжовой закатить сверхъестественный скандал в нашей конторе. Писала ли я Вам, что решили, скрыв от Эберто неприбытие декораций, мотивировать отмену премьеры болезнью Станиславского, приписав даже Эберто вину за эту болезнь, так как он сдал нам театр в ремонтирующемся виде, когда актеры легко могут простудиться от сквозняков. До того его убедили в том, что он же и виноват, что он послал К.С. цветы с милейшим письмом. К. С-чу же “предписали” сидеть дома, лишив его тем [возможности] продолжать репетиции “Хозяйки”. К.С. велел все же репетировать без него, при режиссуре Нины Ник., с кавалером – Ершовым. И вот в среду утром врывается как вихрь в нашу контору Пыжова и начинает на большом нерве говорить, что это наконец невозможно, что в час ночи ей передают вызов на следующий день (помните, я как раз писала Вам письмо, ожидая приезда Рипси от К.С. с назначением репетиции, так что только К.С. и был в том виноват, что репетиция так поздно назначена), что если б она знала, что на следующее утро репетиция, она бы не вышла в “Мокром”, она не может утомлять свой голос, сейчас ее заставляют репетировать без К.С., а ей такие репетиции не нужны, ей нужен только К.С., что она должна слишком много возиться со своим костюмом и с портнихой, что это не ее дело, и чем дальше, тем вся эта речь громче, тем выкрики истеричнее, тем лицо перекошеннее. Кончилась вся эта тирада тем, что она стала стучать рукой по столу и требовать, чтоб ее отправили в Москву, потому что она не желает “прямо из Худ. театра попасть в сумасшедший дом”. В комнате в этой время были: Подгорный, Бурджалов, Тамиров и я. Во всю ее речь не удалось Подгорному ни слова вставить, только когда она вылетела в коридор, он сказал ей вслед: “Прошу на меня не кричать и все Ваши претензии обратиться к К.С.”. Но она уже ничего не соображала, ничего не слышала. Как потом обнаружилось, она на автомобиле покатила домой, где с ней случился истерический припадок. Некоторые из наших, живущие в од-

ном с ней отеле, помогли ей, уложили, сделали компрессы. Репетиция, конечно, из-за всего этого состояться не могла. Пропал день. А дни у нас все на счету. Да, ей пытались еще кто-то (Подгорный или Бурджалов) вставить, что напрасно она так волнуется, вероятно, спектакля не будет в среду, а до субботы (день, на который решили перенести “Хозяйку”) времени немало.

После этого наши (Подгорный и, кажется, Бертенсон) поднялись в костюмерную, чтобы выяснить, каковы наши пропажи. Тут узналось, что пропала шуба К.С., его высокие сапоги из “Трех сестер”, его рубашка и шаровары из “Федора”, много обуви из “Трех сестер”. Все это произвело на нас ужасное впечатление. Часа в два пошли обедать. Во время обеда Ник. Аф-ча вдруг вызывает Бодулин. (Забыла Вам написать, что после обнаруженной в воскресенье пропажи шубы Ник. Аф. М.П. Николаева от огорчения – к тому же в воскресенье К.С. на нее страшно рассердился – заболела, на спектакль прислала записку, что выходить не может, и так не приходила до среды, дня отмены “Трактирщицы”. Поэтому по костюмерной дела вел Бодулин.) Так вот Бодулин пришел сказать, что с костюмами для “Иванова” дело обстоит так: нет фрака К.С. (какой-то особенный, очень забавный), нет костюма синего и фрака Вас. Ив., все костюмы Боркина переделаны на Готовцева, на Леонидова не впору, нет целого ряда костюмов для вторых персонажей. Это уж был такой удар, что у всех руки опустились. Бодулин при этом утверждает, что все это обнаружено было еще в Берлине, но Мар. Петр. почему-то молчала, а он не мог сам заговорить, теперь же, когда он за Мар. Петр. заведует мастерской, он считает своим долгом сказать, что всех этих вещей нет, вероятно, не присланы из Москвы. После этого сообщения Подгорный и Бертенсон отправились к К.С., чтобы сообщить ему о том, что случилось. Про шубу его пока решили молчать, а про театральные недочеты все сказали. К.С., конечно, ужасно разволновался. Очень обеспокоился и случаем с Пыжовой, написал ей письмецо, приглашая прийти заниматься. Но когда Рипси повезла ей это письмецо, то ее уже не оказалось дома: отлежалась и ушла. Вообще Пыжова сейчас “пользуется особым расположением К.С.”, он перед ней всячески расшаркивается и – право – она себя держит то ли как “фаворитка короля”, то ли как “премьерша-гастролиерша”. Дело дошло до того, что Леон. Мир. на вчерашнем спектакле “Карамазовых”, который шел очень неслаженно, кричал: “Я не желаю, чтобы во время моей игры так себя держали за кулисами. Я требую, чтобы со мной считались. Я – тоже Пыжов!”

Да, стало быть, так прошел вторник до вечера. К.С., конечно, освободил Пыжову от всех выходов до премьеры “Хозяйки”, была больна Николаева, так что на вечернем “Федоре” было не густо народу в толпе боярынь. Во время спектакля разнеслась весть о пропажах в костюмерной, и тут Шевченко обнаружила, что пропала и ее прекрасная каракулевая шуба. Стало уж совсем грустно и неприятно!

На следующий день – днем назначенная репетиция “Хозяйки”

(без К. С-ча) вполне не состоялась. Пыжова заявила, что больна и не придет. Репетировали только сцены актрис¹, репетировали недолго. Вечером спектакля не было, и я сильно рассчитывала, что нас не будут задерживать позже 8-ми в театре, удастся пойти куда-нибудь в театр. Но оказалось, что К.С. поручил Ник. Аф. и нам сделать опись костюмов пьес “Иванов”, “Трактирщица”, “Мудрец” и “Три сестры”. И мы до поздней ночи работали в костюмерной с Бодулиными. Мар. Петр. была недолго, сказала, что очень устала и ушла. Тут мы на некоторое время очень перепугались: Ник. Аф-чу было не по себе весь день, мигрень его мучила, а наверху, во время переписи костюмов, ему вдруг стало нехорошо. Тогда Анна Максимовна Бодулина уложила его на две поставленные рядом корзины, накрытые чьими-то шубами, принесла какой-то порошок. Он лежал такой страшный – бледный, лицо измученное, глаза синим обведены. Но потом встал, стал продолжать работать, как-то отошел понемногу.

Отмена “Хозяйки” стоила затраты большого количества душевных сил у Л.Д.Леонидова, Подгорного и Бертенсона. С Эберто вели переговоры часы три. Наконец договорились: ему за этот пропущенный вечер платятся 4 000 фр., премьера переносится на субботу 20-го. А то Эберто хотел при отмене взять свою долю из суммы всей предварительной продажи (было 13 000). А его доля – 60%.

В четверг наконец пришло извещение, что декорации придут к вечеру. К.С. тотчас же вышел из своего затворничества, назначил репетицию. Вечером был спектакль “Карамазовых”, неудачный во всех отношениях. Во-первых, материально: 8 800 сбору. Во-вторых – и это было ужасно грустно, – было нехорошо на сцене. Не пришла отпущенная Пыжова на “Мокрое”, не пришла Порфирьева, до сих пор выходившая в “Мокром”, но с четверга решившая больше не приходить на спектакли. (Как говорила Пыжова Рипси, Порфирьева пришла к нам, чтоб побыть в атмосфере Худ. театра, но, побыв, ужаснулась и не хочет быть у нас. Мы же знаем, что ей нужно было с мужем пройти в списках театра, чтобы получить визы в Америку, – это вернее.) Баб на сцене было мало, пели хуже. Рабочие шумно разговаривали за кулисами, занавесь за кроватью, благодаря неловкости одного сотрудника при пробеге его обвалилась – словом, ужасно нехорошо. Вот тут-то Леон. Мир. и поднял недовольство. Но играть уж больше не мог и в “Суде” почти только проговорил роль.

В этот же вечер К.С. пришел в театр пробовать грим Кавалера и пересмотреть все свои костюмы из остальных пьес, действительно все ли есть. Он после всех этих пропаж так стал недоверчив ко всем, что приказал все костюмы перенести в нашу с Рипси контору-уборную, и там переодевался и гримировался. Конечно, мы были лишены пристанища на весь спектакль. Когда он уж кончил свои переодевания, я ему рассказала о Вашем ко мне первом письме, о рецензиях “Лизистраты”. Он прочитал одну рецензию, а вырезку с беседой с Вами взял с собой.

Конечно, то, что он прочитал, мало его обрадовало, сказал: “Ох-ох-о, после этого всего придется подумать: стоит ли возвращаться?!” Мы, мол, устарели, мы не нужны. И после того под впечатлением этой статьи в мужских уборных говорил о своих сомнениях (нам рассказал об этом Ник. Аф.), но Подгорный снова ему рассказал, что Вы говорили о Москве, о том, что Москве нужны артисты, нужен хороший актер, театр прекрасных актеров.

Из новостей, занимающих всех, могу сообщить, что приехала сюда на жительство пресловутая Мария Борисовна Коган, которая собирает вокруг себя всех своих поклонников и друзей. Я в первый раз увидела ее вблизи, имела возможность во время обедов и ужинов наблюдать ее. Что за убожество и мещанство! И какая безаппеляционность! Какая самоуверенность! Начиная со вчерашнего вечера она в нашей кабачке во время еды бесславила Худ. театр, возмущаясь спектаклем “Карамазовых”, называя его “постыдной халтурой”, разбирая по косточкам всех актеров и актрис. Мне прямо удивительно, что никто из сидящих с ней наших не остановит поток ее красноречия. Ведь за столиками могут сидеть русские, собирающиеся в этом кабачке после спектакля, так как там бывают артисты МХТ. И вдруг такая неслыханная критика! Наслушавшись сегодня всех этих речей, я пришла в контору, чтоб закончить письмо Бертенсона к Вам. И вот он начинает мне диктовать восторженные строки критических статей Нозьера, Биош² и др. Я его спрашиваю: это рецензии за плату? Нет, отвечает, что вы? Тут-то я и обрушилась. Оказывается, французский критик-драматург ничего не понимает в драматическом искусстве, вздумал хвалить МХТ, а М.Б.Коган – ей и книги в руки, – она все это прекрасно разбирает и определяет. Ну, и Бог с ней совсем. Право, даже трудно ее особенно осуждать, раз она такая беспросветная мещанка, но ее друзья – наши артисты, о чем они думают, слушая все это? Говорят, что когда она сравнивала “Карамазовых” “качаловской группы” и “Карамазовых” театра, кто-то из наших же сказал весьма характерную фразу: “Ах, и вообще – вот ту группу осуждали за халтурность. А здесь что же? Вся разница в том, что та была группа без претензий, а эта группа с претензиями”.

Так-то вот мы живем-поживаем. Когда случились все эти истории с кражами и пропажами, у меня была одна мысль: “Что бы было с Вами, если Вы были здесь? Какой бесконечный гнев и возмущение могли охватить Вас! И никто, никто, вероятно, не соберет всех для настоящей, добросовестной любовной работы. Я слышала разговор Москвина с Мар. Петр. Я удивлялась. Мар. Петр со всей возможной в ней вульгарностью кричала, осуждая всех за дело пропажи, только не себя. Она даже оказалась невинной в том, что из Америки все корзины ушли не перевязанными, почему большинство из них (купленные перед самым отъездом в Германию) пришли в полную негодность. На этот упрек она вскричала: “Где-то ведь кончаются мои обязанности? Я не могу заведовать костюмерной, да еще следить после укладки, чтобы корзины были

перевязаны!” И Москвин даже не нашелся ответить ей, что ее обязанности именно там и кончаются, когда она даст при себе уложить и перевязать все корзины. Я Вам писала, в каком виде пришли наши костюмные корзины. Транспортёр из конторы, с которым Леон. Дав. имел дела, сказал: “Если у вас всего до сих пор не разграбили, то только потому, что вы нападали все на ленивых людей”. Из такой корзины только ленивый не украдет. Вы подумайте, как тяжело тем, у кого пропали шубы, ведь это ценность какая, какой расход теперь делать новые теплые вещи, без которых в Америку ехать немислимо. Мое личное мнение, что театр должен ответить за эту пропажу и помочь тем, кто потерял свое имущество, но я не вполне уверена, что это будет так: слишком уж много у нас равнодушных к чужому горю людей.

Сегодня у нас снова “Вишневый сад”, сбор, кажется, очень неважный. Сейчас кончается третий акт. Завтра премьера “Хозяйки”.

Писала ли я Вам, что 25-го наши участвуют в концерте в пользу литераторов (кажется!). Программа обычная концертная наша: Москвин в “Хирургии”, “Где тонко” – 4 сценки, чтение К.С. и Качалова...

26-го, 27-го и 28-го утром спектакли “Три сестры”, 28-го вечером закрытие сезона “Карамазовы”, 29-го в какой-то зале, в виде концерта, в костюмах и гримах, “Мудрец”.

Когда мы уедем, пока не решено. Гест настаивает 31-го на “Олимпике”, а Л.Д.Леонидов “наперекор стихиям” хочет оттянуть дело до 3-го (на “Аквитании”), чтобы или съездить на два спектакля в Брюссель, или вообще без дела остаться здесь, так как день здесь нам обходится дешевле, чем день в Америке. Даже приехав на “Аквитании”, мы проведем дней 10 (до открытия в Нью-Йорке 19-го ноября) без всякого дела. А жизнь там очень дорогая.

Нехорошее я сегодня Вам письмо написала, беспросветное. Да и жизнь наша тоже что-то без просветов. Утомила я Вас своими рассказами?

Хорошо, вероятно, живется Вам в Москве, куда лучше, чем нам. Приедете Вы в будущем году в Лондон? Рано еще загадывать, я знаю, скажете Вы мне. Дайте хоть этой надеждой пожить, этим мечтам порадоваться.

Карточку свою Вы мне обещали, а пока не прислали. Теперь уж буду в Америку ждать. Пришлите непременно.

Кланяйтесь, пожалуйста, всем в театре.

Ужасно рада, что у Вас хорошие дела, что “Лизистрата” принята так шумно-восторженно.

Сердечный привет Екатерине Николаевне и Вам – очень-очень, страшно нежный.

Ваша Ольга Бокшанская.

Наш адрес в Америке пока: 39 Street. Princess Theatre. Office of M.Gest. Moscow Art Theatre. New York.

Париж, 25-го октября 1923 года

Дорогой, милый, изумительный Владимир Иванович!

Завтра юбилей, завтра у Вас в Москве в театре будет замечательно: все почувствуют праздник, все с особенным чувством придут в театр. А у нас будни, самые настоящие, самые суетливые будни.

Но прежде чем я буду ныть, поздравляю Вас с громадной нежностью, с громадной радостью за Вас и за всех нас, которые как-то участвуют в Вашем деле, в Вашем замысле, в Вашей колоссальной работе. Уже сегодня вечером получили мы Вашу телеграмму, в которой Вы, как всегда, нашли именно те слова, которые нужно было сказать, которых никто, кроме Вас, найти не может¹. И у нас составляется телеграмма Вам, но мне почему-то кажется, что там все не те слова².

А когда придет мое письмо, вероятно, у Вас уже кончатся юбилейные торжества, будет странно снова вспоминать об юбилее.

Я очень давно, пожалуй, неделю не писала Вам. И все потому, что мы совершенно изнемогаем от количества работы, от какой-то сумятицы и бестолковщины. Чувствую, что сегодня напишу Вам немного, потому что очень много работы по всяким делам. Хочу только, чтоб Вы знали, что думаю я о Вас постоянно и что если не пишу, то только потому, что нет сил успеть сделать все.

У нас за это время прошли две премьеры: “Трактирщица” и “Иванов”, особенно удачно прошла вторая пьеса. “Трактирщица” и не во всей прессе была принята хорошо, об “Иванове” же есть прекрасные отзывы. Говорю об этом, к сожалению, только понаслышке, так как не успеваю читать статьи. Сегодня наспех проглядела только один отзыв об “Иванове” очень хороший, в “Комедиа”. Серг. Львович тоже занят, да и меня ему никак не оторвать от моей работы, чтобы продиктовать письмо. А надо бы до отъезда в Америку послать Вам сводку отзывов о последних показах в Париже. Сегодня снова что-то вроде премьеры. Идут “Три сестры”, до сих пор не показанные здесь. Мария Петровна Лилина в первый раз играет Ольгу, Наташа – по-прежнему, по-прошлогоднему – Булгакова. В понедельник тоже нечто похожее на премьеру: в благотворительном вечере будет сыгран “Мудрец” в костюмах и гримах, но без декораций.

У нас уже началась отправка багажа – декораций, костюмов. Ведь “Три сестры” остаются в Европе, с нами не едут, а то, что идет с нами, должно быть отправлено сегодня-завтра. С нами же непосредственно, при нашем отъезде, пойдут только корзины с костюмами “Карамзых” и сундуками из них (прощальный наш спектакль в театре Эберто) и костюмы “Мудреца”.

Дорогой Владимир Иванович, простите бестолковое письмо, у меня голова болит до ужаса, усталость страшная. Мы все не высыпаемся, ходим, как отравленные. Спектакли кончаются поздно, пока еще

разгризируются все, разойдутся. А потом ужин со всякими разговорами на деловые темы, с поручениями, с решениями... И удастся лечь в постель только около трех. А в половине девятого надо вставать, иначе не успеешь ничего для себя купить или заказать. На это я придумала отдавать свои “утра”, до 11 час., а в 11 – уже репетиции, надо быть в театре.

До того дошла всеобщая занятость, что после второго “Иванова”, кончившего поздно, было созвано заседание дирекции, продолжавшееся до 3 час. ночи. Даже отчасти я была причиной, что заседание дирекции было назначено так спешно. Я как раз обедала одновременно с К.С., он стал расспрашивать о делах, тут я ему и выложила, как много у нас всяких пробелов. Самым же ужасным было то, что у нас абсолютно не было денег, в день выдачи жалованья пайщикам вовсе пришлось отказать в выдаче, и даже на всех не пайщиков не хватило. На этой почве, конечно, было много недоразумений, люди вопили, кричали, скандалили... Конечно, те, у кого действительно никаких денег нет. Так что их и осудить нельзя. Бертенсон, Леонидов (Давыдыч) и Подгорный отдали театру все свои наличные деньги, и это не помогло, расходы здесь были колоссальны. А кроме этих лиц, ни одна душа не предложила в кассу денег. Вот после всех этих известий К.С. разволновался и назначил тотчас же, чтоб после “Иванова” собрались все члены дирекции. На этом заседании было много разговоров, всяких упреков друг другу; из вопросов, поставленных решительно, мне известны такие. Праздновать ли юбилей? Решено не праздновать. Как прекратить безобразия, творящиеся в костюмерной, как упорядочить дело? Решено всю полноту власти передать Леониду Давыдовичу, который имеет право распоряжения всем персоналом мастерской. Об этом, вероятно, будет составлена бумага и дана на подпись заинтересованным лицам.

Вчера в театре Эберто не было нашего спектакля, и этот вечер Леонидов использовал для концерта в снятом зале. Концерт был франный, с обычными у нас номерами (речи из “Цезаря”, сцена К.С. и Бакшеева из “Горя от ума”, сцены Качалова и Ждановой из “Где тонко”, чеховские рассказы Москвина). Сбор был тысячи четыре с половиной, за вычетом расходов в нашу пользу осталось, как мне туманно сказал Бертенсон, столько, сколько нам осталось от последних “Карамазовых”. Публика была, конечно, русская. Прием очень сердечный. Я лично на этот концерт, грешница, не поехала, а ездила слушать одну испанку, совершенно поразительную в своем жанре песенок, обаятельную и прелестную...

Если б Вы знали, дорогой Владимир Иванович, как мы все – администрация – мечтаем о пароходе для отдыха, для спанья, для ничегонеделания и малодумания. И вместе с тем безумно грустно уезжать из этого необыкновенного города. Мне здесь жилось вовсе не радостно, но когда я подумаю, что через несколько дней уеду я из Парижа и, быть может, никогда снова его не увижу, сердце сжимается. Чувствую, что буду плакать при отъезде только от одного расставания с этими зданиями, камнями, деревьями... Как изумителен сейчас Париж в эти прелестные осенние дни.

Милый, дорогой Владимир Иванович, не сердитесь на меня, что я больше ничего не напишу Вам, безумно устала, а дела еще так много. Остатке же сегодня в театре после спектакля для работы не могу, силы нет.

Сердечный привет Вам и дорогой Екатерине Николаевне.

Ваша *О.Бокшанская*

56.

30/X. Первый час ночи [1923 г.]

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Завтра рано утром выезжаем в Шербург. Перед отъездом было столько дела, такая суета, что минутки свободной не было. Следующее письмо теперь будет с парохода. А пока – Вам и милой Екатерине Николаевне, всем театральным – последний привет из Парижа. Хоть и трудная была здесь жизнь – грустно уезжать отсюда. Уж очень обольстителен этот город.

О.Бокшанская

57.

Нью-Йорк, 12 ноября 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Так давно не писала Вам подробно, обо всем и вся, что надо сильно все припомнить перед тем, как начать это письмо. Хотелось бы, чтоб никто и ничто не помешало сейчас Вам писать, тогда письмо выйдет таким, как мне представляется.

Как мне помнится, я Вам в последний раз писала из Парижа перед юбилейным нашим днем, после этого послала лишь открытку или коротенькое письмецо. Так случилось только потому, что наши прощальные дни в Париже были невероятны по количеству работы и по той нервозности, при которой работа эта шла. О том, что материально нам было страшно трудно, я Вам писала и раньше, писала, как нам не хватало денег для оплаты полной ведомости жалованья, как решили не платить пайщикам, какие неприятности все это вызвало. Л.Д.Леонидов и Ник. Аф. придумывали всяческие способы, чтобы добыть деньги, без которых нельзя было бы двинуться из Парижа: были счета, которые необходимо было оплатить немедленно, как, напр., счета портнихи за костюмы для “Лап” и Мирандолины, счет транспортной конторы за перевозку из Германии нашего сценического имущества; а тут еще поступили прось-

бы об авансах, почти требования, потому что ряду лиц авансы были обещаны – Ждановой, Пыжовой и т.д. Леонидову удалось достать две с половиной тысячи долларов, которые вскоре исчезли для всяких оплат. Снова наступило безденежье. Сборы были все время неважные, окупающие лишь содержание труппы в день с небольшим остатком на повседневные расходы. А счета на сверхурочные работы на сцене Эберто представил на 16 000 франков, т.е. на тысячу долларов.

У всех почти пайщиков деньги были оставлены в Америке, так что персонально никто не мог помочь кассе. К.С. предложил выдать чек на свой текущий счет в нью-йоркском банке, но такой чек в Париже нельзя было реализовать. Тогда решили, т.е. вернее Ник. Аф. сам решил, искать деньги под заклад ценностей. Ольга Лазаревна¹ дала свое бриллиантовое кольцо, и его заложили за две тысячи долларов, с которыми мы и выехали в Америку, предварительно выдав из них тысячу на авансы и зажав тысячу для выдачи суточных на пароходе и на первые дни в Нью-Йорке. Пришлось в Париже немало поездить и повидать людей, прежде чем удалось устроить этот залог, потому что страшно было отдать в залог не в вернейшие руки. Дело это было улажено только во вторник рано утром, а на следующее утро мы уже выезжали в Шербург. Трудно, конечно, решить про другого человека: действительно ли ему до зарезу нужны деньги, или это просто от жадности, от нетерпеливости он их требует. Но меня поразило, с какой настойчивостью все требовали аванса, как легко и отважно заявляли, что без этого не могут выехать в Америку и не выедут. А ведь материальное положение театра было всем слишком известно. Все знали, что не из каприза или из скупости задерживаются платежи, а от безденежья. Но самое грустное во всем этом было то, что ни одна живая душа даже не поблагодарила Ольгу Лаз. за то, что она пришла на помощь театру. Вовсе не надо было расшаркиваться и раскланиваться, но сказать “спасибо” было надо. Потому что слишком бросается в глаза, как К.С. благодарит каких-то парижских почитательниц театра за цветы, или Мар. Бор. Коган (которая приехала из Берлина в Париж почти одновременно с началом наших гастролей) за присланные ему фрукты. В таких случаях благодарности сыпятся и лично, и письма пишутся. А в случае с отдачей своих драгоценностей – никто слова благодарности не сказал, будто так и нужно было. Ведь Мария Петр. Лилина не отдала своих колец, Качалов не отдал своей валюты. А они ближе театру, и театр им ближе, чем Ольге Лазаревне. Я знаю, что после нашего отъезда Мар. Петровна говорила Ольге Лаз., что К.С. хотел ее благодарить, но ему помешали на вокзале подойти к ней.

Вы представляете себе, какое могло быть у всех настроение при таких условиях в Париже. Молодежи нашей о закладе ценностей не говорили, так как боялись, что они могут как-нибудь ляпнуть в Нью-Йорке, что, мол, в Париже было так трудно, что даже пришлось закладывать вещи, а это может здесь повредить театру.

Поэтому и юбилей был страшно невеселый. В тот день был спек-

такль “Трех сестер”, но К.С. отказался в нем участвовать и играл второй состав: Вершинин – Качалов, Тузенбах – Подгорный. Хотя решено было уклониться от чествований, но в русских газетах появились статьи об юбилее. Вечером был хороший сбор, больший, чем накануне на премьере, нарядная публика, конечно, в большинстве своем русская. Было прислано очень много цветов, два венка (один из них, вернее, не венок, а пальмовые ветви, – от Эберто). После окончания спектакля были длительные овации, все цветы и венки были вынесены на сцену. Когда занавес опустился в последний раз, стали поздравлять друг друга, особенно юбиляров. Тут юбилярам наши не юбиляры поднесли корзину с фруктами и шампанским. Это была затея нашей молодежи – поднести что-нибудь всем юбилярам, причем в этом подарке приняли участие все не юбиляры, вплоть до Качалова, Леонидова, Кореневой, Подгорного.

14-го ноября

Я будто предчувствовала, милый Владимир Иванович, что не удастся спокойно закончить это письмо. Ко мне пришел Леон. Дав. с деловыми разговорами и пришлось заняться с ним подготовительными работами по финансовому отчету. Это было третьего дня, а вчера весь день был занят без передышки. Но мне очень хочется это письмо довести в хронологическом порядке до теперешнего времени, чтобы потом начать правильно по два раза в неделю писать Вам, как это было в прошлом году.

Стало быть, я остановилась на вечере юбилея. После спектакля старики постепенно собрались, сходясь из других кабачков, в том маленьком ресторанчике, где мы постоянно обедали и ужинали. Там была Мар. Бор. Коган, которая, кажется, и взялась за угощение всей компании. Я ушла очень рано оттуда, после первой бутылки шампанского. Фестиваль этот закончился часов в восемь утра уже в каком-то другом месте, куда отправились после ужина.

В день юбилея я видела К.С. только днем, он был в очень грустном настроении. А вечером после спектакля к нему ездила Рипси. Она застала его одного дома, грустным, разочарованным, печальным.

Весь этот день меня гвоздила одна мысль: как, вероятно, прекрасно у Вас в Москве в театре проходит этот день, и как все у нас становится буднично, скучно, неэффектно, не душевно... Словом, все не то, не то... А у Вас, вероятно, все в этот день пришли в Камергерский с особенным прекрасным праздничным чувством.

Юбилей был в субботу, в воскресенье у нас было два последних спектакля: днем “Три сестры”, вечером “Карамазовы”. Сборы были так себе, прием хороший. В понедельник состоялся спектакль в отеле “Лютеция”, организованный Обществом литераторов. В этом спектакле наши актеры сыграли “Мудреца” в гримах и костюмах, но без декораций, на небольшой сцене концертного зала этого отеля. Билетов было выпущено только триста штук, все распроданы, по очень дорогой цене,

по сто франков, правда, с ужином. Половину от этого сбора должны были получить мы для отправки московским товарищам. Мы страшно радовались, рассчитывая получить пятнадцать тысяч. Кроме того, должны были быть еще поступления, например, был куплен картон и на нем все наши артисты сделали надписи (цитаты из ролей). Этот картон был продан на вечере в американской лотерее, кажется, за него получили пять тысяч. Но когда Леонидов поехал получать на следующий день нашу часть, то получил только семь тысяч франков, так как у О-ва литераторов оказались крупные расходы: им дорого обошелся ужин. Ну не глупо ли, устроить благотворительный концерт для голодающих людей и за их счет поужинать самым комфортабельным образом. Леонидов был очень огорчен и доказывал представителю О-ва всю нелепость такого положения, но ничего поделать уж не мог. Он рассчитывает, однако, что семь тысяч получены нами не в полный расчет за этот спектакль и что какие-то деньги нам еще причитаются. Как поступая с вырученными пока семью тысячами – не знаю. Пока они лежат в том самом портфельчике, который Вы мне подарили. Быть может, их обменяют на доллары и сообщат Вам, сколько денег из фонда можно раздать нуждающимся, быть может, найдут возможность переслать эти же франки. Вопрос этот правление решит на днях, когда будет создано для принятия материального отчета.

Спектакль “Мудреца” закончился банкетом, на котором было много приветственных выступлений всяких ораторов. Хвалили, восхищались, благодарили – все как полагается.

На следующий день, во вторник, началась предотъездочная лихорадка. Мы ездили получать деньги, потом раздавали эти деньги тем, кто так зарвался в Париже, что нечем было платить по счетам гостиницы, давали авансы, заполняли анкеты для американского консульства, ездили за пароходными билетами. Анкеты пришлось писать даже ночью, так как пароходная компания слишком поздно прислала нам бланки. Писали часов до трех, всего не написали, заканчивали на следующий день в поезде, по дороге от Парижа до Шербурга.

Отъезд из Парижа был рано утром, поезд отходил в половине десятого. На вокзале было много провожающих – и знакомые, и остающиеся семьи. В Париже остались: семья Вишневого, семья Леонидова, семья Бондырева, мать и сестра Ждановой, Ольга Лазаревна, временно Мария Петр. Лилина. Приветы, поцелуй, слезы – и мы уехали. В Шербург приехали в третьем часу дня. Погода была очень хорошая. Осмотра багажа не было, Леонидов и член дирекции пароходного общества, сопровождавший нас, устроили так, что наших вещей даже не открывали. А перед отъездом нас усиленно предупреждали, чтоб не было вывезено запрещенных вещей, так как теперь на всех границах страшно строгий контроль: украдены в Версале ковры и их ищут на всех таможах. В Шербурге с поезда мы почти сейчас же были пропущены на тот пароходик, который должен нас подвезти к “Олимпиаду”. Часов в шесть или

около того пароходик этот отошел и очень быстро в наступивших сумерках подвез нас к “Олимпиаду”. Погода была тихая, качки совсем не было, не то что в прошлом году.

Сразу началось размещение по каютам и доставка ручного багажа. И тут-то началось.

Но обо всем этом надо начинать чуть ли не с Адама. Когда мы начали переговоры с “Уайт Стар Лайн” относительно кают, то вначале они нам предложили на всех девятнадцать кабин. Тогда Леонидов пустил в ход свое умение устраивать дела театра, а Рипси – свои связи в этой пароходной компании. И они добились того, что театру предоставлено было, кажется, двадцать шесть кают, причем в том помещении парохода, которое летом называется первым классом, т.е. что-то среднее между первым и вторым, какой-то запасный первый класс. Каюты, действительно, очень комфортабельные, по большей части с иллюминаторами, и во всяком случае, такие, в каких мы никогда не ездили. У Рипси в этой пароходной линии какие-то колоссальные связи, настолько внушительные, что ей предложили выбрать для себя отдельную каюту, какую она пожелает, причем эта каюта не войдет с список предоставленных театру. Рипси решила использовать свои знакомства шире и попросила отдельную каюту не только для себя, но и для Подгорного, зная, что он постесняется взять себе отдельную комнату, хотя все члены дирекции и получили отдельные, и зная вместе с тем, что ему будет очень приятно ехать одному. Эти две отдельные каюты не вошли в счет тех двадцати шести, которые были предоставлены театру. Благодаря тому, что Рипси получила свою каюту, я в намеченной для нас двоих каюте осталась одна. Правда, зная заранее, что я останусь в своей каюте одна, меня назначили в маленькую каютку на два человека, без окна. В прошлом году была та же история. Нас назначили вдвоем в одну каюту, правда, тогда была четырехместная, но когда мы пришли на пароход, то заведующий прислужкой пришел к Рипси и сказал, что дирекция компании предоставила ей отдельную кабину. В этой кабине, прекрасной, светлой, с окном, на кровати лежал великолепный букет цветов и любезнейшее приветственное письмо. На этот раз цветов не было, но было письмо. Потом же выяснилось, что любезность их простерлась до того, что для Рипси готовили отдельно еду, несравненно лучшую, чем для пассажиров второго класса.

Все неприятности, которые на нас вылились, начались совсем невинно: я стояла у дверей своей каюты и ждала, чтоб принесли мой несессер. Мимо прошел Дима, спросил, как я устроилась. Говорю: хорошо. “Это Ваша кабина?” – “Да”. – “А с кем вы?” Отвечаю, что одна, так как Рипси, назначенная ко мне, получила в презент от “Уайт Стар” отдельную каюту. Заглянул он ко мне, видит, что мило, цветы уже стоят в вазочках, уютно. Ушел. Ушла и я. И вдруг потом узнаю, что разыгрался ужасающий скандал. Дима побежал к родителям, сообщил, что я еду одна, Рипси одна, словом, слишком шикарно. А он едет вдвоем с отцом,

Нина Ник. вдвоем с Успенской (правда, каждая пара в четырехместной каюте с окном). А тут еще оказалось, что каюта, предназначенная для Качаловых, меньше, чем каюта, отданная Бодулиным (им по нашему распределению надо было ехать в другой каюте, но в последний день компания переменила каюты, причем как раз переменила бодулинскую на лучшую). Качалов вызывает Подгорного, устраивает ему сцену. Сколько Ник. Аф. ни объяснял, что по плану никак не видно, какая каюта больше, какая меньше – ведь разница в размерах очень невелика, что по плану можно только судить, есть в ней окно или нет, – все объяснения ни к чему не привели. Ник. Аф. сейчас же переговорил с Бодулиными, чтобы они переменились каютами. Те, конечно, согласились. И вот их переселили, причем даже Подгорный переносил вещи Качалова. Но, видимо, это не могло умиловать Василия Ивановича. В своем разговоре с Ник. Аф. он его упрекал во многом: в том, что он забрал себе и нам лучшие каюты, а если уж пароходное общество предоставило Рипси сверх норм каюты, то надо было их отдать тоже для членов трупы; что Москвин, Леонидовы оба, Станиславский едут одни, а он, хоть и с сыном, а вдвоем. Припомнил даже, что в Париже у Подгорного была комната в одном с ним отеле окнами на улицу, а у него – окнами во двор, где происходила стройка. И Подгорный, видя это, не уступил ему своей комнаты, зная, что Вас. Ив. вредно дышать дурным воздухом, особенно, когда он готовит Штокмана. (Сильно же выпивать по вечерам, готова Штокмана, вероятно, не особо вредно!). От этого разговора у Ник. Аф. сделалось так гадко на душе, что он забился в свою кабину и так ни разу и не вышел никуда за все время переезда. Уж очень обидно было слушать все эти попреки, укоры в отсутствии какой-то “тонкости”. А где была тонкость Качалова, когда он находил, что Подгорный должен уступить ему лучшую комнату. Где была его тонкость, когда, узнав, что у Подгорного украли шубу благодаря халатности костюмерной части, он сказал: “Но ведь это не важно! Ведь такая шуба и не нужна! Это только ценно в смысле валютном, – все равно что валюта!” А когда надо было переезжать германско-французскую границу, небось он отдал мне пакет со своей валютой, чтоб я его провезла. Вот бы подойти к нему и сказать: “А у меня пропала Ваша валюта”. Было бы это тогда важно или не важно?! Что-то с Василием Ивановичем стало – или он другим стал, или он к администрации строг и требует от нее исключительной заботливости и тонкости, сам не проявляя таких качеств, – не знаю, но когда я представляла себе по рассказам Качалова, я никогда не думала, что он такой... “мещанин”, что он столько может заниматься сплетнями, пересудами, копаньем в чужой жизни и чувствах.

Повторяю, все эти истории прошли без меня, потом я о них узнала. Так вот, не успел окончиться разговор с Качаловым, как Нина Ник. и Успенская закатили страшный ор в коридоре по поводу своей каюты, по поводу каких-то билетиков на обеденный стол и еще по каким-то поводам. Очевидцы говорят, что кричала она сильно. При этом заявила,

что она прекрасно знает, для чего нам нужны отдельные каюты, что это все одна “банда”, трое мы составляем одну “банду”, которая Бог весть что устраивает, и наконец, совсем не по адресу, преподнесла Рипси, что ей прекрасно известно, какие “доносы на нее пишутся Владимиру Ивановичу”. Долго слушать этот поток грубостей Рипси не смогла и наконец заявила, что лучше уйдет из своей комнаты (где они обе в это время находились). Нина Ник. заявила, что она оттуда не уйдет и будет сидеть, пока не будет удовлетворена всем, что ей нужно. Рипси увидела, что Нина Ник. засела крепко, и действительно ушла. Потом уж Ник. Аф. решил принять на себя следующий поток речей Нины Ник., передал ей желаемые билетки на стол в обеденной комнате и расстался с ней, чтоб увидеть ее только в Нью-Йорке. Кроме этих двух неприятных столкновений, было еще много недовольств, часто весьма курьезных: например, Качалов был недоволен, что у него в каюте слишком светло, окно прямо над кроватью, а Грибунин рассвирепел, что у него слишком темно, окно выходит не к кровати, а в такой длинный коридорчик в каюте, этаким отросток. Кают же другого типа вообще не бывает: или без коридорчика, или с коридорчиком. Первые дни путешествия наши три отдельные каюты были почти единственной темой разговоров. Но так как мы крепко в них заперлись и почти никуда не выходили и к себе никого не принимали, тема истощилась, фантазия иссякла, и новые интересы заняли умы.

Простите, что я так подробно расписала Вам этот эпизод. Но это самые сильные впечатления от переезда.

В смысле погоды и состояния океана наш переезд был изумителен. Говорят, что много лет море в конце октября не было так спокойно, как в дни нашего путешествия. Я искренно рада была за Евгению Михайловну, которая волновалась перед отъездом из Парижа, а на пароходе была молодцом, выходила к завтраку, к обеду и все время была на ногах.

Как я Вам писала в первой моей открытке, нас в вечер приезда не спустили на берег, а на следующее утро, подняв в семь часов утра, проделали с нами всю процедуру пропуска на пристань. На пристани, как и в прошлом году, был довольно подробный осмотр всего багажа. Неудачником оказался один Вишневецкий, у которого нашли бутылки три-четыре коньяку. Коньяк отобрали, вещи все перерыли, да еще заставили заплатить 15 долларов штрафа. У всех остальных осмотр сошел благополучно.

Так как Нью-Йорк для нас город так хорошо знакомый, квартиры искать предоставлено было каждому самому. Сказать по правде, если б мне даже предложили найти для меня квартиру, комнату, я бы отказалась, так как здесь выбор комнат громаднейший, лучше уж самой найти по своему вкусу. Большинство оставило свой багаж на пристани и отправилось на поиски квартир. Я этого сделать не могла, так как уже в три часа дня мне надо было быть в офисе Геста по делам. Поэтому я отправилась в гостиницу, провела там день и ночь, за это время и по делам

театра везде побывала и комнату себе нашла. На следующий день туда и переехала. Все наши устроились по своему вкусу, и каждый по-своему доволен. Пока есть одно огорчительное обстоятельство: до начала гастролей всем платят одинаковые суточные, по 5 дол. в день. Этим денег хватает только на жизнь, а сейчас вечера свободные, всем хочется и в театры походить, и в кино. Но как только с понедельника начнутся гастролы и пойдет настоящее жалование, все утихомирится. Тогда начнется другое: усталость от восьми спектаклей в неделю.

Начинаем мы 19-го “Карамазовыми”. Они же идут и во вторник. В среду и четверг “Трактирщица”. В пятницу и субботу по два спектакля в день, попеременно “Карамазовы” и “Трактирщица”. В следующем моем письме я напишу Вам точный репертуар наших нью-йоркских четырех недель.

После этого мы уедем в турне, о котором пока ничего не знаем: какие города, по сколько дней в каждом, какие пьесы, – никто не знает. Города будут зависеть от того, как будут в них свободны театры, репертуар – от того, что лучше всего пройдет в Нью-Йорке.

Мы сошли на берег 7-го утром. Первые занятия – окончательная выработка текста “Карамазовых” – были назначены на пятницу. А с субботы уже пошли репетиции. В “Карамазовых” решено сделать следующие изменения против шедшего в Париже. Вставлена очень сокращенная картина “Последнее свидание со Смердяковым” и за счет этого очень сокращен “Кошмар”. Остальные вымарки несущественны.

С первого же дня приезда мы натолкнулись сразу на множество затруднений. Оказалось, что сцену Джолсонс-театра (того же, где мы играли и в прошлом году) мы получим только в ночь с субботы на воскресенье 18-го ноября. А 19-го наша премьера. Для репетиций же мы получили фойе (которое похоже на проходной двор) Джолсонс-театра, ежедневно от 11 до 2 ч. дня и от 4 до 7 час. вечера в те дни, когда у труппы, играющей в этом театре сейчас, нет утренняя. Все это страшно неудобно. А Гест ни о чем слышать не хочет, говорит: “Какое мне дело, что есть пьесы, которые ни разу не репетировались на сцене? Все эти пьесы должны были не только репетироваться в Европе, но и идти на тамошних сценах. Все они должны были прийти сюда в готовом виде. А для монтировки и подвески декораций времени довольно и при том условии, что вы получите сцену за полтора дня до спектакля”. А у нас все так сыро, все так еще не сделано. “Лапы” не репетировались ни разу, не монтировались ни разу. “Штокман” – пьеса, в которой почти нет старых исполнителей, – только что поднят, только что начинаются репетиции без тетрадок, мизансцены до сих пор не все усвоены. Декорации тоже не проставлялись, актеры их не знают, а для репетиции “Штокмана” на сцене удастся выкроить всего только один день. Поговаривают, что и декораций-то всех нет, не успели написать, будто нет 2-го и 4-го актов “Лап”. Совсем нет декораций для “Мудреца”, которые и не делались. Из чего и как будут комбинировать – непонятно, а “Мудрец” идет на

третьей неделе. Вторая неделя заполнится “Лапами” и “Ивановым”, третья – “Мудрецом” и “Штокманом”. Четвертая неделя – сборная вся. В постановочной части вообще идет такая неразбериха – описать трудно. В Париже для “Карамазовых” делалась рама. При всей нашей бедности пришлось пойти на этот расход. Оказывается, здесь эта рама непригодна, заказана другая. При всех торговлях с Леонидовым относительно оплаты счетов Гремиславский говорит: “Не понимаю, всего-то из-за каких-то двухсот долларов столько разговоров!” А у нас стараются экономить каждые пять долларов на актерах.

Пока материальные дела наши очень печальны, мы кругом должны. Для выплаты парижского долга (деньги, полученные под заклад коле) Качалов дал в долг 2 000 долларов, для оплаты суточных К.С. дал в долг 1 500 долларов, Бертенсон еще летом вложил 1 600 дол. своих сбережений.

Сейчас я занята очень сильно составлением финансового отчета за Европу. Он начинается состоянием кассы при приезде в Гамбург и кончится посадкой в Шербурге на пароход. Как только отчет будет составлен, я вышлю Вам один экземпляр его. Работать приходится дома, куда перевезена и машинка. Комнату для занятий в театре мы получим только со дня наших гастролей. Работы с отчетом очень, очень много. Так много, что Вы не должны сердиться на меня, если я как-то нескладно пишу и что-нибудь забуду написать. Но главная моя забота теперь – это писать Вам аккуратно по два раза в неделю, как Вы хотели, чтоб Вы были очень в курсе наших дел. Конечно, я, как и в прошлом году, считаю письма к Вам моим самым неотложным делом, но как часто трудно урвать полчаса – час для этого занятия, особенно когда идут репетиции народных сцен или начинаются спектакли.

А сейчас меня очень заботит отчет. Когда его сдам, тогда успокоюсь хоть отчасти, что большая работа сделана.

Но почему так ужасно давно нет писем от Вас? За все время вообще только одно письмо на мое имя, одно на имя Бертенсона о смерти Эфроса, одна записочка относительно наград к юбилею, поздравительная телеграмма. И все. Ужасно хочется скорей получить от Вас письмо. Неужели не напишете. Милый, дорогой Владимир Иванович напишите, напишите поскорее. Сделайте же так, чтобы было радостно на душе, а от Ваших писем всегда радостно, так чудесно получить хоть строчку, Вами написанную.

Всем сердечно кланяюсь, всем привет, поцелуи, пожелания всяких прелестей и благ.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Ник. Аф. очень-очень Вам кланяется.

Нью-Йорк, 16-го ноября 1923 года

Дорогой Владимир Иванович!

Сейчас уже вечер, но спать ложиться рано. И мне очень хочется написать Вам немного о нашей жизни. Завтра уходит почта в Европу, поэтому если выйти еще вечером до 12-ти, то письмо попадет на отходящие завтра пароходы.

Сегодня днем получена была Ваша телеграмма относительно карикатуры¹. При ее чтении произошел комический эпизод. Утром сегодня была репетиция народной сцены “Штокмана”, первый показ Константину Сергеевичу. Он ее посмотрел, потом сделал свои замечания, а потом, как-то взволнованный и недоумевающий, созвал всех и прочитал текст телеграммы следующим образом: “Получил от Михальского карикатуру крокодила, пришлите телеграфное опровержение”. Обвел всех вопрошающим взглядом и спрашивает: “Какая это карикатура?” Все переглядываются, удивляются. Расшифровывают так: “Михальскому послали какую-то карикатуру, он ее показал Вам, Вы настаиваете на опровержении...” “Что за нелепая история! Леон. Мир. вдруг говорит: “Господа, послать карикатуру мог только кто-нибудь из своих. Признавайтесь, кто послал ее Михальскому?” Возгласы: “Не я, не я!” Немало глаз обратилось на меня, я это заметила. Но Леон. Мир. успокаивается: “Но Михальский-то знает, кто ему прислал, от него и узнаем!” Во время этих переговоров Лужский догадался взять телеграмму и перечитать ее. Оказалось, что написано: “Получив от Михальского... и т.д.”. Все облегченно вздохнули, что дело кончилось без всяких подозрений насчет участников поездки, но осталось, конечно, нетерпение ожидания карикатуры и скверное предчувствие, что в карикатуре приятного мало, раз от Вас получена такая телеграмма. Все терялись в догадках, что служит темой, но, конечно, все это только догадки, догадки...

В прошлом письме не успела Вам сообщить, что здесь сейчас гастролирует с громадным успехом Дузе. Она очень устала, очень, как говорят, стара, и поэтому играет только днем и только два раза в неделю. Прошли пока две пьесы “Привидения” и какая-то итальянская “Каза сия” – не знаю, что это значит². На “Привидения” я не попала, но те из наших, что были, говорят о моментах в пьесе – незабываемых, неподражаемых. На представление второй пьесы театру были присланы 20 билетов. Конечно, они были розданы только артистам, но мне так хотелось увидеть Дузе, что я купила себе билет. “Каза сия” оказалась пьесой из жизни итальянских поселян. Первый акт: комната, спальня в зажиточном крестьянском доме. Детская постелька. В ней умирающий мальчик. У постели мать, доктор... Надежды на выздоровление нет. Приходит отец, эгоистичный, черствый человек, пререкается с матерью, уходит. Уходит врач, уходит и утешающая мать приятельница. Мать остается одна у постели, начинает молиться Мадонне. Как она молилась! Я

сидела очень высоко, лица видеть не могла, но по повороту головы, по голосу чувствовала, как глядит она на Мадонну, как много сердца вкладывает в молитву. И вдруг мальчику становится лучше, он приподымается в постельке и говорит “Мама!” Во втором акте этот мальчик – уже взрослый человек. Он вышел в отца – эгоист, любит только свои удовольствия, тяготится нежностью матери. Действие происходит в горах, у часовни. Здесь между матерью и сыном происходит объяснение, причины которого я понять не могла. И здесь были у Дузе изумительные моменты. В последнем действии она приходит в горную часовню и здесь снова молится Мадонне, падает без чувств, может быть, умирает... Я все время говорила, что сижу так высоко и далеко, а те из наших, кто сидел близко, говорили, что на нее было тягостно смотреть, она так печально стара, так видимо устала, так трудно ей играть. А вместе с тем в бинокль Ник. Афан. видел, что она плакала настоящими слезами...

После спектакля ей были поданы цветы от нашего театра и на сцену приветствовать ее вышли К.С. и Ольга Леон. Она поцеловала Книппер. К.С. сказал небольшой спич. Публика много аплодировала. Потом я спрашивала: “Ольга Леонардовна, ну скажите, какая Дузе, как Вы с ней говорили?” Говорит: “Очень старенькая, играет почти без грима, видно, что очень устала, говорить ей трудно. Я ей руку поцеловала, а она меня расцеловала”. Говорят, что она придет к нам на открытие. Интересно, как ей понравится наш спектакль. На следующей неделе она сыграет два раза пьесу итальянского автора “Закрыва́тая дверь”, после этого два раза в неделю “Мертвый город” и затем уезжает в турне. Она делает колоссальные сборы, тысяч десять за спектакль. Громадный театр был переполнен, наши получили ложу и приставные места, только Ольга Леон. и К.С. сидели в первом ряду.

Еще очень хороший спектакль мне пришлось увидеть: балетный вечер с участием Анны Павловой. Она танцевала небольшой одноактный балет “Амарилья” и в дивертисменте танец Мака и глазуновскую “Вакханалию”. Танцевала с московским Новиковым. Она приезжала в Нью-Йорк на один день, дали три представления и опять поехали куда-то. Три представления в один день! Подгорный, Москвин, Книппер ходили к ней за кулисы (она узнала, что художественники на спектакле, и просила прийти к ней) и, возвратившись, рассказывали, какую работу им приходится проделывать. Они приезжают в город в 12 час. дня, а в два уже начинают утренний спектакль. У Новикова серьезное недомогание в ноге, боль бывает нестерпимая, должен перед спектаклем минут 40–50 особенным образом упражнять ногу, чтобы провести все танцы, но – связан контрактом, и все танцует и танцует, несмотря ни на что. Танцует он прекрасно, лучше, чем в Москве. Но она! Словами не выразишь, как она хороша, как изумительны ее танцы, ее мимика, ее движения. Без слов она выразила страдания женской души яснее и полнее, чем если б прочесть целый монолог.

Все остальные наши развлечения сводятся к кино, в которых порой

показываются замечательные фильмы. Таких в Европе и не увидишь.

Почему от Вас нет писем? Я голову себе ломаю. Не хотите больше нам писать? Нет времени? Хоть бы несколько строк от Вас, милый, дорогой Владимир Иванович.

У нас ежедневно идут репетиции, особенно усиленно репетируется “Штокман”, принялись и за “Лапы жизни”. Повторили “Карамазовых”, завтра повторят всю “Трактирщицу”. Последнее повторение “Карамазовых” послезавтра, накануне спектакля.

Вчера было недоразумение с Кореновой. Так как спектакль идет слишком долго, по американским обычаям надо кончить его до 11-ти, вычеркнули отдельные места в ролях, вычеркнули и у нее. Она узнала (хотя это и не внове ей было, ее Вас. Вас предупреджал), устроила Вас. Васильевичу скандал и ушла с репетиции, заявив, что играть не будет, пусть передают роль кому хотят. Сегодня же пришла как ни в чем не бывало на “Штокмана”. Я знаю, что Вас. Вас. письмом запросил ее, будет ли она играть? Как она ответит, не знаю, конечно, играть она будет, но видите, как распустились у нас актеры, никак не соберешь. Что ни день, то кто-то чем-то недоволен. Писала ли я Вам, что ей и в Париже еще вымарали кое-что в роли, но она продолжала на спектаклях говорить, несмотря на угрозу оштрафовать. Теперь сократили так, что ей никак не удастся говорить эти слова, так как и у прокурора, обращавшегося к ней с вопросом, вымарали вопрос. Все пути отрезаны. По поводу ее нарушения дисциплины в Париже был даже составлен протокол, копию которого постановлено отправить Вам, что я и исполню, как только наши конторские ящики будут открыты.

(Ведь у нас помещения для конторы нет, так что машинка стоит у меня в комнате, где я и пишу Вам.) Но этот протокол вызвал только поток ее гневных слов, роль же свою она продолжала говорить без вымарок. И поставила на своем: и роль проговорила, и оштрафована не была.

Пыжова, которой дана тоже Екатерина Ивановна, тоже недовольна: “Я не хочу подчитывать Кореновой! Я хочу знать, буду я играть эту роль, или нет, иначе и репетировать не буду!”

Одновременно с Пыжовой стали было вводить Грушеньку – Шевченко. Но так как времени мало, то сейчас, по решению К.С., эти вводы отставили, надо готовиться при основном составе к премьере, которая должна быть исключительной, ошеломляющей, ударной, чтобы ею начать успешный и блестящий сезон.

Ну вот, я и дописалась почти до одиннадцати часов. Надо пойти и опустить письмо заблаговременно.

Будьте здоровы, милый, милый Владимир Иванович! Как далеко мы сейчас от Москвы. Это письмо придет к Вам уже в декабре, уж святки будут приближаться. А сейчас здесь теплая, мягкая погода, в дедшем парке зелень на кустах, трава свежи и блестящи, как весной, а деревья голы – тоже, пожалуй, как весной.

Скажите, пожалуйста, милой Екатерине Николаевне, что как толь-

ко я устроюсь в нашем театре, как только жизнь покатится по рельсам, тотчас же начну выискивать для нее интересные журналы. Красную сумочку ищу все время, в каждой витрине модного магазина ищу, но пока нет такой, к моему великому огорчению. Но надежды все-таки не теряю найти, раз Екатерине Николаевне так хотелось такую иметь. Передайте тоже Екатерине Николаевне, что я ей низко кланяюсь и крепко целую.

Ну, скажите, милый Владимир Иванович, сколько времени мне перечитывать еще то единственное письмо, что пришло от Вас? Я уж его наизусть знаю. Право, это было бы так чудесно, если б снова было от Вас письмо.

До свидания, милый Владимир Иванович, очень хочу, чтоб у Вас были все дни – счастливые.

Ваша *Ольга Бокшанская*

59.

Нью-Йорк, 23-го ноября 1923 года

Милый и дорогой Владимир Иванович!

Можете Вы себе представить, сколько у меня было работы все эти дни, что я только сегодня напишу Вам повесть о нашем открытии американского сезона и вообще о наших делах. Грустную повесть напишу я Вам сейчас, и многое – только для Вас, а то, если это станет известно в Москве благодаря мне, мне здесь не жить, съедят живьем. К сожалению, придется писать мне с перерывами, так как сегодня я абонирована Бертенсоном для писания Вам письма от него. С минуты на минуту жду, что он придет и начнет диктовать, и тогда мне придется вынуть из машинки свой лист. А написать Вам страшно хочется, все эти дни только и думала, как и что я Вам напишу, и каждый день с грустью к вечеру убеждалась, что день прошел и не нашлось в нем ни одного свободного часа, чтобы поделиться с Вами нашими новостями.

Вот тут-то и пришел Бертенсон, и с его письмом мы провозились так долго из-за постоянных входов и многоголосых разговоров в нашей конторе, что у меня осталось мало времени для своего письма. Спектакль, вероятно, уже скоро окончится. А после спектакля, в двенадцатом часу, пора и письмо опустить в ящик, чтобы оно ушло с завтрашней почтой. Сейчас же отправляю Вам два вложенные в один конверт официальные письма К.С. к Вам¹.

С чего же начать. Я, помнится, последний раз писала Вам из Нью-Йорка еще до того дня, когда мы наконец получили театр. Это было, по-моему, ровно неделю тому назад. Тогда еще машинка стояла у меня дома, и все мы были бесприютны и разбросаны в этом большом городе. С 18-го числа мы обосновались в том же Джолсонс-театре, в котором играли в прошлом году. 18-го, вернее, ночью на 18-е ввезли декорации первых двух наших постановок (“Карамазовы”, “Трактирщи-

ца»), и сейчас же начались работы по налаживанию сцены. Тут снова обнаружили кое-какие недочеты и недохваты, и постановочной части пришлось поработать. Мы же в этот день для репетиций получили фойе другого гестовского театра – Принцесс-театра, на который адресуются и наши письма. Это, так сказать, штаб-квартира Геста. Там была назначена чрезвычайно необходимая для сотрудников (парни в “Мокром”) репетиция. Вообразите же наш ужас, когда администрация Геста, вернее, какой-то человек из администрации, заявила нам, что репетировать в фойе нельзя, оно занято, что вовремя не предупредили их о том, что фойе отдается нам. Единственное, что он мог нам предложить, это репетировать в приемной комнатке Геста (что-то вроде комнатки секретаря, загроможденной книгами, плакатами и всякой печатной ерундой) и на прилегающей к ней площадке лестницы. Недурная репетиция перед началом сезона. Актеры впали в злобное уныние, репетировали еле-еле, пробеги и проходы всяких процессий (с самоварами и сладостями) устраивались на пространстве в полторы сажени – ужас. Все это отняло у людей время, привело их в отвратительное состояние, в сотрудников же наделало страшный сумбур и полное непонимание, что от них требуется. Решили основательно все это пройти на следующий день, в первый и единственный раз на сцене, в день спектакля, с 12-ти часов. Предполагалось до двух пройти “Мокрое”, а потом и “Суд”. Конечно, “Мокрое” началось только около двух, так как сцена не была готова. Только прошли до окончания оргии, как К.С. вызвал всех участников народной сцены и так отчитал всех нас, что жутко стало. Сказал, что будет репетировать хоть до восьми вечера, до начала спектакля, но не допустит такого безобразия, будет учить актеров играть народные сцены до последних своих сил, даже сказал, что если опытные актрисы не могут сыграть такой сцены, то он будет их учить просто, “как собачонок”. Словом, через несколько минут мы все с пасмурными лицами собрались в фойе, куда пришел К.С., который скоро изменил своему дурному настроению и стал очень хорошо показывать. Занимались с ним до пяти часов, когда наконец взмолились, чтобы он отпустил всех по домам. Взяв с нас слово, что будем все помнить и будем очень внимательны, он распустил нас по домам. Вечером – открытие.

Я не знаю, что случилось со всеми нами, пресыщенность ли это, усталость ли, но какое-то равнодушие внедрилось в каждого из нас, и даже такой день, как открытие американского сезона, нас не волнует. “Мокрое” началось снова (как и в прошлом году с “Федором”) с неудачи с занавесом. “Карамазовы” у нас идут в следующем виде: когда подымается обычный театральный занавес, зритель видит не очень высокую раздвижную занавеску и слева от себя, в небольшой нише, чтеца. Чтец прочитал вступление, пошел раздвижной занавес и вдруг застрял на середине. А тут успели уже и посмеяться, как они всегда смеются до появления Мити, и Грушенька вскрикнула... Рабочий пыжится над веревкой, занавес не идет. Вышел Леонидов на сцену, начал свои первые глаза², и тут занавеска двинулась и открыла всю сцену. На Леонидова это произвело ужасное впечатление, он долго не мог справиться со сво-

им волнением. Мы же стояли в кулисе, волнуясь и этой неудачей, и тем, что в кулисе стояли К.С. и Лужский и каждый по-своему дирижировали выходами, настроениями толпы, советами и наставлениями. Это сплошной ужас, когда спектакль из кулисы смотрит К.С. Все так волнуются, Дима нервничает, К.С. все время нам напоминал “куски”, просил не торопиться и не мазать, Леонидов же на сцене шептал: “Скорей, живей!”, и мы металась в панике. Самое было ужасное, когда Леонидов по роли ушел со сцены в ту кулису, где стоял К.С. Он выбежал, схватился за голову, бросился в угол, стал яростно шептать: “Это ужас! Это позор! Я не пойду больше на сцену! Я не могу туда пойти! Какой-то рок тяготеет надо мной!” К.С. его всячески успокаивал. Но в публике, конечно, всех этих наших волнений не заметили, а об остановившейся “на полуслове” занавеске с ходом действия совсем позабыли. Спектакль кончился под длительные аплодисменты. Актерам было много цветов: большинство традиционных от Геста, некоторым же от друзей и знакомых. По окончании спектакля выходили на аплодисменты и К.С., и Лужский.

Сбор был 3 000 долларов, но театр был полон, конечно, потому, что было роздано много даровых мест прессе. Л.Д. Леонидов старался не огорчаться таким незначительным сбором, надеясь на следующие спектакли. Но, увы, на следующий день “Карамазовы” дали только 1 400 долларов. Нынче, правда, таких сборов нельзя ожидать, как в прошлом году, так как цены вообще понижены, лишь на премьеры были сравнительно высокие цены, да и то такие, какие были обыкновенными ежевечерними у нас в прошлом году. Но все-таки на столь незначительные сборы мы не рассчитывали.

Следующий спектакль – “Трактирщица”, премьера. Снова много даровых мест у прессы, и сбор в 1 300 долларов. Совсем грустно у нас настроение, а про гостовские намеки и неприятные с Л.Д. разговоры и говорить нечего. (Все это я Вам пишу, конечно, с громаднейшей просьбой никому не говорить, это страдание и печаль всех нас.) Следующая “Трактирщица”, несмотря на хорошую критику в газетах, дала всего 840 дол. Это было как раз вчера. Мне больно было смотреть на Л.Д. Когда я его спросила, каков наш “дом” (по-английски здесь говорится: хау из аур хауз ту дей?), он изменился в лице, губы у него затряслись, он сначала не в силах был мне ответить, потом сказал: “Плохо, очень плохо”. Этот человек страшно мучается каждой неудачей театра. Правда, ему тогда сообщили, что сбор около шестисот (потом оказалось, что восемьсот сорок).

Сегодня у нас было два спектакля. Утренник “Карамазовы” дал неожиданно, при пониженных дневных ценах, 1 400, вечером “Трактирщица” около 1 600, всего за сыгранные шесть спектаклей у нас валовой сбор 9 500 долларов, до конца недели осталось еще два спектакля. Да, этим сборам далеко до прошлогодних, когда мы в первую неделю взяли 46 тысяч. Все это страшно грустно и особенно волнует в смысле пролонгации. Ведь у нас контракт на 16 недель, стало быть, кончается

он в середине марта. Весь наш расчет был на то, что будет пролонгация, мы сыграем здесь еще недель восемь–десять, до середины мая и отправимся в Лондон, где уже подписан контракт на хорошие условия. Если же не будет пролонгации, как выйти из положения – не разберусь. Конечно, Л.Д. будет стараться, как никто, наладить окончание нашего сезона, но ведь он не всемогущ и может оказаться несостоятельным в этом деле. По-моему, по-настоящему всю серьезность нашего положения сейчас понимают немногие из труппы: К.С., Леонидов, другой Леонидов, Москвин, Подгорный, словом, те, кто более или менее активно работает вообще в театре, не только на сцене. Все же остальные покачивают головами, вздыхают, молодежь даже с некоторым добродушным злорадством подсмеивается над неожиданной неудачей и незадачей театра, а чем им все это грозит, то есть того, что им это далеко не должно улыбаться, они никак не поймут.

Наш спектакль кончился уже минут десять тому назад, мне непременно надо кончать это письмо, иначе оно сегодня не уйдет. Поэтому, чтобы не задерживать его нечаянно до “после полуночи”, отправлю не вполне законченным и торжественно обещаю Вам, дорогой, чудесный Владимир Иванович, завтра же, во время вечерней “Трактирщицы” снова засесть за письмо к Вам, которое будет продолжением этого, т.е. расскажет Вам о наших настроениях и заботах этой прошедшей недели.

Я получаю все это время письма из Москвы – все с описанием юбилея, и так мне грустно, что я не видела всей красоты этого дня у Вас, в Вашем изумительном доме в Камергерском; так ужасно, что мы в этот день жили буднично и серо. Я страшно рада за Вас, если Вы были счастливы в этот день. Моя сестра была с утра в Камергерском переулке на противоположной от театра стороне и видела, как уезжали юбиляры за Вами, как Вас ждали, как подъехали Вы. Она пишет мне: “Сначала я хоть и волновалась, но могла стоять на месте. Но когда музыка заиграла марш из “Трех сестер” и я увидела Владимира Ивановича в подъезжающем автомобиле, я уже не могла устоять на месте, бросилась на ту сторону, очутилась в толпе людей, вместе с ними кричала “ура!” и махала платком. Какое было лицо у Владимира Ивановича, если бы ты видела!” А Федино письмо с описанием юбилея! Я его читала вслух Ник. Аф., и слезы дрожали у меня в голосе. А Ник. Аф. сидел, закрыв глаза рукой, и слушал со страшным волнением. Теперь к нам дошли и те вырезки, которые Федичка прислал нам: официальные сообщения газет об юбилее.

Дорогой Владимир Иванович, стало быть, до завтра. Посылаю Вам единственный и потому очень бледный экземпляр нашего репертуара в Нью-Йорке. Вскорости сообщу Вам порядок городов и предполагаемый репертуар наш в поездке.

Крепко целую милую Екатерину Николаевну и желаю ей и Вам счастливых и веселых дней.

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 26-го ноября 1923 года

Итак, мы начинаем сегодня нашу вторую неделю гастролей, дорогой Владимир Иванович. Начинаем довольно грустно: дефицитом на прошлой неделе в две тысячи долларов. Я Вам писала в пятницу отчет о наших сборах. В субботу вечером мы закончили валовым сбором за неделю 13 611 д. С этого надо снять одну треть – плата за аренду театра. Остающаяся сумма идет на уплату нам гарантии и прочих расходов. Если после этого еще что-либо остается, этот остаток идет в дивиденд: половина Гесту, половина нам. На этот раз такого остатка не было, наоборот, и на расходы не хватило. И конечно, получился дефицит на нашу долю в две тысячи. Не правда ли, грустно? И сейчас на нас валятся все неприятности сразу, как, например, необходимость выплатить долг Поездочному комитету. Об этом вчера была получена телеграмма Подобеда, а сегодня Ваша на имя К.С. Сегодня же отослали Вам ответ, в котором обещали дать по этому поводу объяснения¹. Хотя телеграмма была подписана К.С., объяснения по поводу платежа тысячи долларов даст, вероятно, Ник. Аф. Надо думать, что он, придя на спектакль, продиктует мне общее решение по этому вопросу. Это будет официальное сообщение дирекции о наших делах, неофициально же Вы и по предыдущему моему письму заметили, что дела наши плохи. Вот в очень общих чертах картина настоящего положения вещей. До открытия сезона у нас было долгу: Л.Д.Леонидову 2 500, Качалову 2 000, К.С. 1 850, Бертенсону 1 500, Фалееву 500, Гремиславскому 400, всего 8 750. Это участникам поездки. Кроме того, Вам 3 000 (есть надежда, что часть этого долга уже погашена поступлениями из Студии III, за которой числится всего 1 598 дол. Кроме того, числятся выданными в счет нашего долга Вам 200 долларов Василию Ивановичу, брату Вашему, и 300 франков племяннице Вашей в Париже) и Поездочному комитету 2 000. Как Вы видите, о погашении долгов пока не могло быть и речи, так как помимо истраченного гестовского аванса в размере пятнадцати тысяч, летом были израсходованы и те семь с лишним тысяч, что были оставлены как запасный капитал. Вернее, не только лето стоило нам много, а главным образом изготовление и провоз имущества и Париж, как в смысле содержания труппы, так и в отношении спешного оборудования постановочной и костюмерной частей. Конечно, сейчас совершенно невозможно проверить весь хаос костюмерной мастерской – отсутствуют ли костюмы потому, что они были украдены вместе с несомненно украденными вещами, или потому, что они не были присланы из Москвы. Во всяком случае, костюмов нет, их надо готовить. Это обнаружилось и в Париже, когда надо было выпустить на сцену три новые постановки – “Карамазовы”, “Иванов” и “Трактирщица”². Эти

сюрпризы выплыли снова теперь, когда надо выпускать “Лапы жизни”, “Штокмана” и “Мудреца”. Для “Лап жизни” для Книппер были заказаны совершенно новые туалеты в Париже, которыми Ольга Леонардовна очень довольна. Но и с ними здесь вышла незадача, к ним придрались на таможне и задержали до уплаты 280 долларов пошлины, путем больших хлопот удалось выволить их оттуда для спектакля, не исхлопотав снятия пошлины, а лишь оттянув срок уплаты ее. Но Л.Д. почему-то рассчитывает, что он как-либо отвоюет этот платеж. Казалось как будто, что с костюмами для “Лап” все уладилось. Но не тут-то было: дня два тому назад Мар. Петр. пришла к Ник. Аф. и весьма спокойно объявила ему, что оказались украденными еще костюмы и как раз из “Лап”. Она утверждает, что до Парижа эти костюмы были, и в Париже она их видела, а здесь их не оказалось. Конечно, все эти объяснения мало утешительны. Пропала юбка от костюма Ждановой и фрак для Люнума³. Слава Богу, Ершов согласился играть в своем собственном фраке, а Ждановой придется купить все необходимое, так как она и вообще своими прежними туалетами удовлетворяться не хотела. А как-то Бодулин приходит к нам и, крестясь, говорит: “Слава Богу, что “сам” не играет Штокмана, его костюма нет. То ли пропал, то ли из Москвы не прислали”.

До Парижа мы как-то держались теми деньгами, что оставались у нас от прошлого сезона, и авансом Геста. Но в Париже сразу началась такая безудержная трата денег, такие требования, что пришлось делать долги. Вот тут-то мы и задолжали в большинстве случаев тем лицам, которых я Вам перечислила. Я думаю, что в своем объяснении и Ник. Аф. напишет Вам, что в телеграмме упомянута лишь одна тысяча, вместо следуемых с нас двух, потому, что материальные дела наши весьма плохи и мы очень просим оттянуть срок платежа нашего долга, приняв пока от нас половину его. Но может быть, решено и еще что-нибудь написать Вам в объяснение, – этого я не знаю.

Раз я заговорила с Вами сейчас о деньгах, хочется написать Вам и еще одно материальное дело. Помните, милый Владимир Иванович, что мы решили предложить труппе отчислять в пользу Москвы по одному проценту с еженедельного жалованья в Америке. Когда мы сюда приехали, об этом многие из наших заводил, видимо, совсем забыли. И решено было, во всяком случае, удерживать по 4% с жалованья в счет уплаты подоходного налога, так как в прошлом году такие отчисления еженедельно не делались, пришлось в конце сезона вычитать со всех сразу большую сумму, было много недовольств. Вычеты эти вызвали громадное недовольство среди всех. Когда же я напомнила сначала нашей финансовой комиссии об одном проценте, который хотели давать Москве, то со стороны Леонидова услышала возмущенный, категорический протест. (Конечно, Леонидов – Леонид Миронович, а не Давыдович.) Москвин же и Подгорный решили, что посылать в Москву надо. К ним же, конечно, присоединился и К.С., который, узнав, что есть протестующие, сказал: “Если б даже я один был желающим посылать в

Москву, я бы все равно просил Вас делать вычеты из моего жалованья и отправлять в Москву. Если не так, если не все сочувствуют этому, пусть дадут только те, кто хочет помочь Москве. Список этих лиц будет послан Владимиру Ивановичу”. На первой неделе было столько работы, что всего этого дела я не успела обговорить со многими и потому на первой неделе не сделала вычета даже у тех, кто уже успел выразить свое согласие. Поэтому сегодня, при выдаче жалованья за вторую неделю, я опрашиваю снова всех и получаю от желающих следуемые с них деньги сразу за две недели: за первую и за вторую. И вот тут-то я услышала много неожиданных протестов против помощи Москве. Боже мой, на что только не ссылаются: кто помогает слишком многим родственникам, кто не хочет помогать МХТ, а только студии, потому что он, собственно говоря, из студии, кто говорит, что зачем же помогать в Москве, в Москве все живут очень хорошо, а как нам будет – кто знает, быть может, будет очень плохо, или – что всего возмутительнее – говорят, что старики в Москве⁴ устроены очень хорошо, ведь им же платят, и не мало. И весь-то разговор из-за мелочи, так как наименьший вычет 60 центов в неделю, а наибольший – 2 доллара (только с Москвина и Качалова). Здесь же это совсем не такие деньги, о которых можно говорить. Стоит только один раз не сходить в кино или не поехать в автомобиле, и можно погасить почти весь вычет. Конечно, я уверена, что Вам было бы приятно иметь как можно больше денег, чтобы раздать нуждающимся в МХТ, но я думаю, что, получив денег меньше, чем ожидалось, Вы будете утешены одним сознанием: что деньги эти даны действительно добровольно, от чистого сердца, с единственным желанием помочь нуждающимся.

Вероятно, к сроку следующего моего письма уже окончательно выяснится, от имени каких лиц будут посылаться деньги, и я тогда пришлю Вам полный список, как того хотел К.С.

А ведь в прошлом моем письме я давала торжественное обещание начать письмо к Вам на следующий день. Нет, видно, в нашей работе и в неожиданно сваливающихся на нас заданиях нет возможности держать свои обещания, а стало быть, не надо их и давать.

Вероятно, я могла забыть рассказать Вам многие из наших “историй”, происшедших за время до начала наших гастролей. Может быть, что-нибудь Вы узнали из чужих писем и, может быть, были даже удивлены, что я Вам ничего не написала. Совершенно невозможно вспомнить все мелкие, но характерные события наших дней. Но кое-что я еще помню, так что и Вам хочу рассказать, для ясности картины.

Был у нас случай с Лидией Михайловной, которая разогорчилась сделанными в ее роли Катерины Ивановны вымарками. Разогорчилась так, что хотела было и вовсе не играть в спектакле. По этому поводу ее вызвал к себе К.С. для объяснений и занятий над ролью. И тут между ними произошел разговор “по душам”, который как-то наладил их отношения, испорченные с прошлого года, и даже, пожалуй, помирил

их. Тем временем произошло новое осложнение в репертуаре. Во-первых, обнаружилось, что в опубликованном репертуаре значится неизвестный театру утренник в четверг 29-го ноября “Царь Федор”. Его в намеченном нами репертуаре не было, и вставил, оказывается, его Гест, так как в этот день какой-то праздник, и можно рассчитывать на сбор. Эта новость несколько нарушила распределение наших репетиций и вызвала большое неудовольствие Лужского, который ни о чем не был предвещен, а ведь он вводит сотрудников в эту пьесу. Ему было объяснено, что тут нет вины театра, т.е., вернее, администрации-конторы, так как в конторе об этом утреннике не было ничего известно. Виноват был, конечно, Леонидов, который не дал знать о соглашении с Гестом. Лишь только улеглось волнение, вызванное этой новостью, совершенно неожиданно выяснилось, что премьера “Лап”, намеченная нашей телеграммой о репертуаре, намеченная нашим режиссерским управлением на среду 28 ноября, переносится на четверг 29-го будто бы потому, что в среду в Нью-Йорке шесть других премьер, и мы можем не сделать сбора. Тут я должна сказать, что у меня есть данные подозревать, что сделано это больше под давлением Гремиславского, который к этому времени не может подготовить неоконченные декорации “Лап”. Об этом тоже никому из администрации нашего театра, ведающему оповещением режиссеров и актеров, не было дано знать. Знали только Гремиславский и Леонидов. И выяснилось это только в случайном частном разговоре Лужского с Гремиславским, причем они даже долго спорили, утверждая первый, что премьера 28-го, а второй, что премьера 29-го. Тут, конечно, снова пришлось просить Л.Д. непременно уведомлять репертуарную контору об изменении репертуара. Это изменение пришлось принять как окончательное, но тут в наших внутренних делах произошло много сложностей. Запротестовала Книппер, и очень справедливо: для нее репертуар первой недели сложился так: понедельник, вторник, среда – Сарра в “Иванове”, в четверг днем Ирина (“Федор”), вечером премьера “Лап”, в пятницу днем Сарра, в субботу днем “Лапы”, вечером “Трактирщица” (роль актрисы). Играть какой-либо спектакль днем в день премьеры “Лап” она ни в коем случае не соглашалась, особенно же протестовала против “Федора”, после которого она совсем разбита от тяжести царицыных костюмов. Стало быть, решили предложить сыграть царицу Кореновой, которой эта роль дана еще в Москве. Можете себе представить, как встретила это предложение Лидия Михайловна. Заволновалась, возмутилась и, конечно, отказалась. Роль немедленно передали Шевченко, которая, скрывая удовольствие, согласилась, конечно, не без страха и волнения. С ней несколько раз позанимался Иван Михайлович, а вчера ей дали на сцене, в выгородке, весьма расхлябанную репетицию: наполовину для нее, наполовину для сотрудников, среди которых есть много прошлых годовых, знающих пьесу. Вчера же она пробовала грим и костюмы. Своим поступком Лид. Мих. вновь вызвала страшное неудовольствие К.С., который сначала решил чуть

ли не выбросить ее вовсе из состава. Потом был разговор о том, чтобы ее выключить из числа пайщиков, но и об этом, под сильным секретом от непосвященных, только поговорили и перестали. А при нынешнем положении вещей, пожалуй, даже выгоднее уйти из пайщиков, так как, если сборы не поправятся, вероятно, пайщики будут получать неполное жалование. И выключение из пайщиков, пожалуй, будет похоже на награду, а не на наказание.

Как раз сегодня перешлю Вам тот обличительный протокол, который был составлен из-за произнесения Кореновой вымаранных из роли слов. Во время своего разговора с К.С. она доказала ему, что слова эти необходимы для образа, и все осталось по-старому, она по-прежнему говорит на суде все, что говорила и раньше, говорит длинно и расхолаживает и публику, и актеров.

Да, с оценкой “Карамазовых” как пьесы ударной для Америки мы ошиблись. Здесь не в силах понять ее ни американцы, ни американизировавшиеся выходцы из России. Она не имеет чрезвычайного успеха здесь, именно того чрезвычайного успеха, на который мы рассчитывали, и едва ли может иметь такой же чрезвычайный успех в провинции. А по репертуару она намечена часто, причем роль Мити считается у Леонидова гастрольной, он за каждый спектакль получает 25 дол., как получал разовые в прошлом году Москвин за “Федора”.

Между прочим, может произойти некоторое недоразумение с разовыми. В прошлом году только Москвин получал разовые за Федора, чем был очень недоволен Качалов, также игравший эту роль и считавший за собой тоже какое-то право на сверхоплату. Но в дирекции было разъяснено, что разовые еще в Москве были решены по тому принципу, что получают их за создание роли, создание раньше, еще в Москве, в прежнее время. Тогда же говорилось, что как для Москвина Федор, так для Леонидова – Митя Карамазов, так для К.С. – Штокман, для Качалова – Гамлет являются гастрольными ролями.

Вот теперь и выходит запятая: Штокмана не играет К.С., а играет Качалов. Будет для него эта роль гастрольной или нет? Если – да, может быть обидно К-ну Сергеевичу, если – нет, Качалов разобидится вконец, что он все играет те роли, которые для других гастрольные, а для него – нет. Так как об этом вопрос не поднимался, об этом лишь подумывает каждый про себя, я хочу очень Вас просить сказать, как Ваше мнение, причем, если Вы не хотите говорить его всем, скажите только мне, напишите мне, мне для себя самой, для того чтобы самой разобраться, что справедливо, как справедливо; хочется знать, что Вы думаете.

Сегодня я получила письмецо от Федора Николаевича, где он передает Ваше желание, чтобы в афише рядом с Вашим именем как режиссера “Карамазовых” стояло имя Лужского. Я непременно скажу об этом по назначению, хотя боюсь, что Лужский запротестует. Он очень упорно отказывался, говоря, что его работа незначительна, что все, что есть прекрасного в этой пьесе, – сделано Вами.

Постепенно все начинают получать письма из Москвы, в которых описывается день юбилея. И все эти описания производят на каждого свое действие. Сегодня даже договорились до того: “Какой же юбилей, как мог быть юбилей, раз нас там не было! И вероятно, хоть и говорят, что все отложено до нашего возвращения, а к нашему возвращению уж ничего не будет!” Обуяла людей жадность: и деньги хочется зарабатывать, и юбилей справить, все забрать себе, ничего не пропустить. А все забрать – рук не хватает, времени не хватает. Вот и сердятся.

Есть у нас и еще события, вернее, случаи из жизни, те, о которых К.С. в своей телеграмме пишет: “Учитывайте наше общественное положение здесь”. Но об этом писать, вероятно, не следует, может получиться много осложнения. Поэтому откладываю до приезда в Москву.

Дорогой Владимир Иванович, правда ли, что В.Н.Пашенная пригласена Вами на роль Лизистраты?⁵ Я вчера об этом слышала здесь.

Милый, дорогой Владимир Иванович, почему Вы ничего не пишете? Так давно ничего не пишете? Хоть бы несколько строк получить, Вашей рукой написанных, какая бы радость большая для меня была. И Вашу карточку, которую Вы обещали еще в Берлине.

Низко Вам кланяюсь, милый, милый Владимир Иванович, и желаю удачи и радостей. Дорогую Екатерину Николаевну крепко целую.

По просьбе Бертенсона прилагаю небольшую сводку рецензий о “Трактирщице”.

Ваша Ольга Бокшанская.

Дорогой Владимир Иванович!

К сожалению, в спешке премьеры не удалось написать Вам то официальное письмо, какое мы собирались отослать Вам сегодня. Успели лишь предварительно обговорить, как и что написать Вам, прося направить дело погашения нашего долга. Кроме того, я успела прочитать Ник. Афанасьевичу те строки, которые я написала от себя в моем письме к Вам. И тут обнаружилось, что я не совсем точно поняла смысл платежа одной тысячи, а не двух, как предполагает получить от нас Комитет. Дело в том, что наше правление хочет просить Комитет принять от нас в уплату долга за два последних спектакля прошлого сезона одну тысячу долларов, считая по пятьсот долларов за спектакль. Просьба эта будет основана на том обстоятельстве, что последние месяцы прошедшего американского сезона не дали нам прибыли на проценты, расходы же из гарантии были очень велики, так как театр не оставался на одном месте, а гастролировал в нескольких городах, что всегда сопряжено с большими расходами. Кроме того, очень дорого обошлись театру четыре месяца полного бездействия, когда труппа в сорок пять человек оплачивалась беспрерывно. Дорого стоили и декорации и покупка сценического имущества, все то, что мы привезем с собой в Москву. Словом, наши надеются, что Комитет примет все эти доводы и согласится с

тем, что за два прошлогодних спектакля он примет от нас одну тысячу долларов.

Что же касается оплаты спектаклей настоящего сезона, то тут дела еще плачевнее. Наша гарантия – 5 000 дол. при 9 спект., на спектакль 555 дол. Материальные дела наши таковы, что на проценты не остается ни одного цента. Стало быть, все ежедневные расходы, доходящие в среднем до 200–250 долларов, будут платиться из той же гарантии, поэтому, вероятно, театр будет просить о том, чтобы Комитет считал триста пятьдесят или триста долларов суммой, которая следует с театра за каждый спектакль этого сезона. Но, боясь что-либо и здесь написать не так, или опасаясь, что по этому поводу придуманы еще какие-либо соображения, я пока кончаю по этому вопросу свои рассуждения, лишь подтверждая только то, что написанные в моем сегодняшнем письме строки о том, что театр предполагает просить пока принять в оплату долга одну тысячу, а остальное оттянуть, неправильны, и что театр просит о принятии от него всего только одной тысячи. Вот главная цель этой приписки.

Сегодня во время спектакля успела сказать Василию Вас. о письме Михальского и о том, что Вы хотите видеть его – Вас. Вас. – имя рядом со своим в программе “Карамазовых”, но он снова стал отказываться, говоря, что все сделано Вами и что сам Вам по этому поводу напишет. И Сергей Львович, которому я передала Ваше желание, просил передать, что в следующем же своем письме к Вам он объяснит Вам все разговоры, что велись в связи с редакцией программы. Спектакль уже кончился. Очень хорошо принимали “Иванова”, но сбор был небольшой сравнительно – 1 300 дол. и, что очень огорчило Леон. Дав., не было критиков, т.к. сегодня девять театральных открытий. А этот спектакль особенно выгоден был бы для нас в смысле критики, так как играют все действительно концертно. Леонидов за весь вечер к нам не показывался, а сейчас пришел очень грустный на минуту, рассказал мне про отсутствие критиков и сейчас же ушел.

Вам очень просил кланяться Ник. Аф., который хотя и занят только в последнем акте, но по всяким внутренним делам целый вечер почти не заглядывал в контору, а сидел в “стариковской” уборной.

Еще раз всего-всего хорошего, дорогой Владимир Иванович, не забываете меня совсем.

Ваша Ольга Бокшанская

61.

Нью-Йорк, 30-го ноября 1923 года

Милый Владимир Иванович!

С этим письмом я могу отправить Вам список тех из наших, кто согласился помогать в Москве хотя бы немного¹. То, на что можно было

рассчитывать, т.е. что все дадут одну сотую своего жалования, не удалось, целый ряд лиц, даже из среды “стариков”, отказался. Правда, из “стариков” нет в списке только Вишневого и Леонидова, но и это как-то очень грустно. Словом, из приложенного списка Вы ясно видите, какая сумма будет еженедельно в Вашем распоряжении для выдачи пособий или прибавки к жалованию, как Вы захотите. За две недели вычеты уже произведены и деньги лежат у меня отложенными. Каждую неделю я буду откладывать эти деньги, только вот не знаю, как удастся их Вам со временем переслать. Придется ждать okazji, рассчитывая, что для выдачи пособий Вы используете запасы или фонд театра.

Мы сегодня доигрываем наш седьмой спектакль на этой неделе, всего спектаклей будет девять. В понедельник начали “Ивановым” при довольно слабом сборе в 1 100, но при очень теплом приеме. Пьеса имела у публики чрезвычайно большой успех, в сцене III акта К.С. ушел под аплодисменты. Гест потом все сожалел, что сезон открыли “Карамазовыми”, а не “Ивановым”. И для нашего турне “Карамазовы” для открытия везде отменены, на их место ставится по репертуару “Иванов”. И пресса была хорошая, но, несмотря на это, следующей сбор, во вторник, дал только 900 с небольшим. В среду снова “Иванов”, сбор 1 500, в четверг днем “Федор” при 1 600 сбора, вечером премьера “Лап”, принятая очень хорошо, – сбор 3 100 (лучший сбор за все это время, быть может, объясняется тем, что “Лапы” здесь идут всего два раза). В пятницу днем “Иванов” – 1 700 и вечером “Карамазовы” – сбор 3 000. В общем, на принесенной сейчас рапортчике сборов итог за семь спектаклей указан 12 947. Как видите, эта неделя удачнее первой, но все-таки еще не утешительна. В наших планах предполагается некоторое изменение, т.е. что отсюда мы не поедим в Монреаль (Канада), как было предположено, чтобы начать там 17 декабря, а задержимся еще на одну неделю здесь, закончим в Нью-Йорке 22 декабря, а 24-го в сочельник начнем гастроль по провинции в Филадельфии. В Канаде предположены были два города, которые сейчас отменены. Второй – Торонто, говорят, отменен окончательно, а в Монреаль предполагается поехать не непосредственно из Нью-Йорка, а как-то среди турне. Дальнейших известий пока нет. Будет или нет Калифорния, – никто не знает. Гест не хочет ехать туда за свой риск и ищет менеджера, которому мог бы продать спектакли за гарантию. Тогда он и по отношению к нам сохранит свою гарантию. Вопрос о пролонгации договора, конечно, волнует и интересует всех, но, я думаю, никто не знает еще, что будет после 8 марта.

Относительно Поездочного комитета я должна Вам сообщить следующее решение наших главарей. Так как и в прошлом году все разговоры и решения относительно размера взносов происходили на основании переговоров со здешним отделением Красного Креста, причем его представители, понимая условия местной жизни и будучи в курсе всех здешних дел, сами писали отсюда в Поездочный комитет о приемлемости предлагаемых нами условий, то и в этом году наши решили вести

переговоры со здешними краснокрестцами. Поэтому, не меняя своей просьбы к Вам выдать Помголу одну тысячу долларов, они просят сообщить Вам, что надеются на днях выяснить этот вопрос совершенно основательно и уведомить и Вас, и Поездочный комитет. Я сегодня пишу что-то страшно несладко, вероятно, от большой усталости и сильной головной боли. Сегодня сижу безвыходно в театре целый день, занимаюсь все кассой, пишу бесконечные цифры и устала ужасно.

Милый Владимир Иванович, я больше совсем не могу писать, очень устала и болят глаза после разгримировки. Ведь только что прошло “Мокрое”, сейчас идет “Кошмар” и скоро нас позовут на “Суд”.

Третьего дня послала Вам английскую книжку “Карамазовых”, о которой писал Вам Бертенсон, и тут же, пользуясь тем, что была на почте, купила для Екатерины Николаевны и отправила ей журнал “Театр”. Не успела даже проглядеть, интересен ли номер, но надеюсь, что просмотр журнала развлечет немного Екатерину Николаевну картинками дешевой театральной жизни.

Но как нам понимать то, что Вы нас совсем знать не хотите, ни одной строчки не пишете? Жестоко это, Владимир Иванович.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович. Сердечно Вам кланяюсь и все еще продолжаю просить: не забывайте меня совсем.

Ваша Ольга Бокшанская

62.

Нью-Йорк, 5-го декабря 1923 года

Милый, необыкновенный Владимир Иванович!

Сегодня пришла Ваша телеграмма. Я уже накануне знала, что в офисе Геста лежит телеграмма для меня, и почему-то все надеялась, что от Вас, хотя не знала, что бы Вы могли мне телеграфировать.

С утра не могла поехать в театр, надо было ехать в Красный Крест для переговоров. А оттуда спешить к К.С. – заниматься писаньем под его диктовку¹. Но так долго ждать разрешения вопроса, от кого телеграмма, я не могла, и перед тем как отправиться к К.С., захала в театр. Как я счастлива, как радостна была, когда прочитала эти четыре слова от Вас². И первым желанием моим было немедленно протелеграфировать Вам о моей радости, о том, что этими несколькими словами Вы для меня сделали мир прекраснее, ослепительнее во много раз. Но... сразу пошла, поползли мысли, связавшие все мои благие порывы: что неудобно посылать Вам такую телеграмму, что мало ли какие неожиданности могут получиться, что такая телеграмма придет в Москву от меня... словом, целый ряд соображений, и в результате – телеграмму не послала, радостью своей ни с кем по-настоящему не поделилась, да я и не хотела делиться ни с кем, кроме Вас. И хотя совсем нет никакой надежды, что

я смогу написать Вам по-настоящему большое письмо, все же вечером скорей уселась за машинку, чтоб хоть в этом письме, которое так долго будет идти до Вас, сказать Вам, что Вы так добры, так необыкновенны, так сказочно можете взбудоражить меня несколькими словами, что, чем больше думаю я о Вас, тем сильнее думаю, что Вы – единственный, изумительный, самый изумительный на всем Божьем свете.

На этой неделе я пишу Вам всего только первое письмо, хотя следовало бы, чтобы это письмо было вторым. Но в понедельник – мой постоянный для писем к Вам день – мы так захлопотались все всякими делами, что никак я не успела. А во вторник дела с отчетом, с окончательной его сдачей, а в среду поездка в Красный Крест – так все и пошло. Страшно много времени занимают у меня недавно начавшиеся вновь мои занятия с К.С. Дело в том, что по приезде сюда обнаружилось, что я заниматься у него никак не могу, не могу успеть и по театру всю работу исполнить, и на выхода ходить, что ж тут думать о частной работе. Тогда он достал через знакомых пишущую машинку на дом и пригласил какую-то машинистку. Но из этого дела ничего не вышло, так как машинистка ему не пришлась по вкусу. Он переменял машинисток человек 4–5, и все никак не мог найти подходящей. А работа у него срочная, и к нему очень пристаёт издатель со сдачей окончательного текста. Наконец не выдержал и обратился к Ник. Аф. с просьбой отпускать меня к нему и ко мне с предложением снова начать работать, так как все машинистки пишут медленно, ничего в его диктовке не понимают, приходится каждое слово раз по пять объяснять, и плату берут высокую. И вот теперь ежедневно я к нему хожу на несколько часов интенсивнейшей работы, когда мы не говорим по несколько часов ни слова, а только пишем, сменяем страницы, снова пишем и пишем. Он так торопится, что даже послезавтра, когда у нас два спектакля, просит прийти к нему перед утренником и между двумя спектаклями. А у меня иной раз такое ощущение во время занятий, что голова не выдержит и я или закричу, или заплачу, или в обморок упаду³. Так было особенно в те дни, когда еще наряду с этой работой было много дела по кассе. Теперь я закончила отчет (посылаю его Вам с этой же почтой) и почувствовала некоторое облегчение.

Милый Владимир Иванович, мне хочется написать Вам об одном “куръезе”. Я получила следующее известие из Парижа: что туда приехала сестра Берсенева и в одной гостиной рассказывала, что в Москве известны все наши дела, обстоятельства, ссоры, интриги, словом, все мелочи нашей повседневной жизни. Сообщаю все эти сведения я, а она их знает непосредственно от Ф.Н.Михальского. Так как все это рассказывалось в гостиной m-m Коган, то, несомненно, такое же сообщение о моих донесениях и об осведомленности Москвы получит В.И.Качалов. И конечно, это даст повод всем “ненавидящим меня” снова начать уколы меня за “доносы”. Милый Владимир Иванович, это вовсе не значит, что я хотела бы отпираться от своих писем или находила бы, что я

поступаю неправильно, сообщая Вам все о нашей жизни. Но, конечно, мне стало как-то неприятно, когда я подумала, что мои письма к Вам сообщаются широкой публике. Вообще я предполагаю, что во всех сообщениях из Парижа много бабьих сплетен и мелочности, но написать Вам об этом решила непременно, даже если это и глупо.

7 декабря 1923 года

Первым моим желанием, когда я перечла начало моего письма, было желание разорвать его в клочки и написать Вам другое, не такое глупое письмо. Когда вчера вечером дома мне пришла в голову снова мысль об этом нелепом сообщении из Парижа, я ясно увидела, что написать Вам об этом бестактно до ужаса. И если уж писать, то писать Федичке, чтоб он не очень сильно распространялся о содержании моих писем с лицами, слишком любящими пересуды и сплетни.

Но у меня так мало времени, чтоб писать сегодня Вам, а написать хочется так много, что я решила продолжать письмо дальше, в надежде, что Вы, милый, добрый Владимир Иванович, все прекрасно поймете, очень меня за бестактность не осудите и мигом забудете все ненужные строки этого письма.

Сегодня днем получила я Ваше письмо – не злое, но и не доброе, от 18 ноября, от воскресенья⁴. В нем уже Вы порицаете меня за отсутствие писем. Вероятно, теперь Вы рассчитали, что писем и не могло быть, но все же я должна еще раз оправдаться перед Вами. Из Парижа я писала по мере сил, возможности и времени, делала все, чтоб писать Вам чаще и подробнее, но больше того, что сделала, ничего не могла сделать. В смысле сообщения критики я пасс совершеннейший, так как не только не успеваю проглядеть иностранную критику, но и русские рецензии. Если в Париже я и “сходила с ума”, то только от обиды и досады, что, попав во второй раз в Париж, я снова не побывала ни в одном музее, ни в одном театре, ни в парках, ни в магазинах. Единственный раз, в воскресенье, я решилась уехать днем в Версаль, и из-за этого столько неприятностей и осложнений вышло, хотя я уезжала с разрешения начальства, что вся прелесть этой поездки потускнела. А работать в тот день пришлось часов до двух-трех ночи. Право, даже трудно себе представить, в какой атмосфере, в каких внешних и душевных условиях приходилось работать в Париже. Да и сейчас не лучше.

Об юбилее я Вам не написала сразу, во-первых, потому, что это было в дни самой спешной и головокружительной нашей работы. И к тому же будничнее этого дня у нас в группе ничего нельзя было придумать. Что ж писать?

Я теперь не боюсь этих укорительных строк Вашего письма, потому что у меня в “Вашей” сумочке лежит чудесная телеграмма. Я только прошу Вас верить всегда, что, если нет писем от меня, то ни в коем случае не потому, что я ленюсь, что я чем-то занята несерьезным, что я по чему-нибудь или по кому-нибудь “схожу с ума”. О Вас я думаю непрестанно и хочу ужасно, чтоб Вы мной были довольны.

Теперь постараюсь вспомнить все новости прошедшей недели, так как надеюсь, что даже недельного перерыва в письмах я никогда не буду делать, а буду очень аккуратно писать каждые три-четыре дня.

Мы закончили прошлую нашу неделю при 17 600 валового сбора, и так как Гест поставил сравнительно небольшие расходы в счет этой недели, то мы покрыли убыток первой недели в две тысячи. Даже осталась прибыль (!) в 7 долларов, из которых нашими являются 50%. С понедельника началась неделя последних премьер: сперва “Штокман” (понедельник и вторник) при сборах 1 700–1 800 дол., в среду и четверг “Мудрец” (сборы 1 600 и 1 300). Так что вчера вечером за четыре спектакля рапортчика сборов дала итог в 6 450 дол. – весьма скромная цифра. Сегодня утренник уже прошел, но я, к сожалению, не знаю, каков был сбор. Я в такой спешке прилетела от К.С. с занятий к народной сцене (шел “Штокман”), что забыла спросить о сборе. Сегодня вечером снова “Мудрец”, завтра днем “Карамазовы” (говорят, будет неплохой сбор) и вечером – перемена, вместо “Трактирщицы” – “Лапы жизни”. Перемена эта вызвана по настоянию Геста, который находит, что “Лапы” должны дать лучший сбор, “Трактирщица”, вообще не имеющая очень большого успеха, идет слишком часто.

Такая перемена отчасти должна устроить нас, так как К.С. простужен, выходит из дому только на спектакли “Мудреца”.

Вопреки нашим ожиданиям, “Штокман” на премьерe имел большой, даже очень большой успех. Этому спектаклю предшествовало много неприятностей очень интимного характера. К.С. еще с лета относился очень нервно к постановке этой пьесы, находил, что Вас. Ив. никак не может найти образа. Еще в Варене были всякие столкновения, кончившиеся тем, что К.С. перестал ходить на репетиции “Штокмана”. Не приходил он на эти репетиции и в Париже, когда довольно усердно занимались народной сценой. Бедный Вас. Ив. надрывался, стараясь оживить и растормозить наших маститых, играющих бессловесные роли. Двинуть это дело никак не удавалось, не удавалось даже собрать всех для окончательного выяснения, кто, когда и за кем выходит. (В этой сцене заняты все без исключения, и выхода идут больше в надежде на внимание самих выходящих, чем на выпуск их неопытным Димой Качаловым.) Одно время в Париже очень много занимались “Штокманом”, предполагали, что его поставят уже в Париже. Но этого не случилось, и окончательная работа по пьесе была отложена на Америку. Приблизительно за неделю до спектакля К.С. пригласили прийти посмотреть народную сцену. Надо отдать справедливость, что репетиция была живее раза в четыре, чем всякая обыкновенная репетиция. Но, конечно, К.С. был разочарован тем, что такие крупные актеры, какие заняты у нас в народной сцене, ничего не дали от себя, даже не вобрали в себя того, что давал им режиссер. Очень долго он выговаривал всем, прося подумать каждого дома над характерностью, образом и направлением всего акта.

После этого была еще одна репетиция, снова кислая и неинтересная. Тогда К.С. попросил всех собрать за день до спектакля (в воскре-

сенье в 12 час. дня) не для репетиции, как он сказал, а для объяснения каждому его задачи. Действительно, сначала был разговор о ритме отдельных кусков, были сделаны разные упражнения, которыми К.С. удалось растормозить многих. Но некоторые все же продолжали вести себя страшно невнимательно, кто скучая и злясь, кто смеясь и болтая. К.С. очень нервничал, но продолжал показывать, тормозить, объяснять. Прodelав целый ряд упражнений, он предложил пройти поверхностно весь акт, отмечая все проявления темперамента “народа”. Но так как он сам отпустил Качалова с репетиции, за Штокмана он стал читать, конечно, сбиваясь и путаясь, не слыша суфлера. А время подходило уже к трем часам, к моменту начала рахманиновского концерта, на который собирались многие участники народной сцены. Их, конечно, стало раздражать нетерпение от этой репетиции, длившейся почти три часа. От нетерпения – невнимания, и тут пошло. К.С. недоволен, возвращается к началу акта, останавливается подолгу на каждой реплике, заставляет повторять. Все злясь, каждый только и мечтает о конце репетиции. Наконец К.С. был выведен из себя и сделал замечание; кто-то из стариков ответил, что эта репетиция ни к чему, т.к. он, читая за Качалова, всех сбивает и сам путается. Он был ужасно обижен и сказал, что пусть тогда сцена идет, как идет сейчас, и это будет верный неуспех. Конечно, это было жестоко – так поступить с бедным стариком. Как нечутки люди: когда Качалов в первый раз играл Федора, Москвин места себе не находил и сам говорил, что у него словно кусок сердца вынули, отдав роль Качалову. Что же должен чувствовать К.С., так любивший и любящий эту роль и пьесу, так изумительно игравший и понимавший Штокмана? Видя, что К.С. глубоко обижен, некоторые стали поправлять ошибку сказавшего жестокие слова, принялись репетировать конец акта, но К.С. – бледный, расстроенный, убитый – отошел в сторону и тихо вышел.

Я знаю, что Коренева и Жданова тотчас побежали к нему в отель, но он их к себе не пустил, через дверь поблагодарил за участие. Как было ужасно видеть, как он уходил с репетиции – такой большой, так много отдавший своей души этим людям, и такой одинокий, такой страдающий.

Вечером была назначена полная генеральная “Штокмана”. Думали, что К.С. не придет вовсе, но он пришел и с начала до конца пробыл в зале, делая указания. Перед народной сценой он снова учил, показывал, волновался до того, что ему стало жарко. (Вот тут-то он, вероятно, и простудился, так как на нетопленной сцене снял пальто, а сам был влажный от волнения.) После его урока началась репетиция 4-го акта. Он ее не прерывал, но по окончании сказал, что ответственность с себя за эту пьесу снимает, что так играть нельзя в Худ. театре, но если все артисты театра находят, что это приемлемо, пусть действие идет так, как идет. Вероятно, от стыда за утреннее поведение, артисты уговорили его назначить еще одну репетицию народной сцены в день спектакля, утром, на что он и согласился.

А вечером, на премьере – неожиданный успех. Во втором акте публика прожала аплодисментами Тарханова (Мортен Киль), в четвертом, при начале народной сцены – до появления Штокмана, – снова аплодисменты за народную сцену вообще. И в конце, после спектакля, долгие вызовы и восторженные крики. Критика вышла на следующее же утро во всех газетах (что бывает не всегда, некоторые задерживают отчет о спектакле дня на два), критика очень-очень благожелательная для всех участников спектакля, пожалуй, в первый раз столь единодушно-хвалебная. Так что все волнения режиссуры, слава Богу, не оправдались. Вероятно, у всех нас более строгие требования к спектаклю, т.к. нет в театре человека, который мог бы найти этот спектакль хотя бы удачным и интересным.

С трепетом ждали мы и приема второй премьеры: “Мудреца”, который казался нам совершенно не интересным здешней публике. Каково же было наше изумление, когда довольно вялая премьера (все как-то вместе чуть понизили тон) принималась весь вечер прекрасно, публика более внимательно и остро принимала текст, чем в Москве, а на следующий день все похвалы побывавших за сценой “местных друзей” подтвердились хвалебными рецензиями. Отмечалось, что это была комедия первоклассного стиля, и русским удалось показать, что в такой классической комедии они несравненны, как и в драме.

К сожалению, на сборах столь единодушные и восторженные похвалы мало отзываются. У нас был большой расчет на повышение интереса к “Штокману”, например, но, как я Вам писала, первые два спектакля дали одинаковые сборы по 1 700 долларов, а сегодняшний утренник – 1 500 дол.

Теперь о другом. И в первую голову, чтоб не забыть, о том, что к посланному Вам в прошлом письме списку лиц, отчисляющих 1% своего американского жалованья в пользу Москвы, надо прибавить Н.Н. Литовцеву, которая, начиная с 3-й недели, будет отчислять по 60 ц. в неделю. Так что за первые две недели у меня отложены для Москвы 55 дол. 90 ц., начиная же с 3-й недели сумма еженедельных взносов будет равна 28 д. 55 ц.

Да, позвольте вернуться к воспоминаниям или описаниям наших постановок: я хотела только Вам сообщить как о курьезе, что так мучившая и беспокоившая нас постановка “Мудреца” вдруг очень пришлась по вкусу и публике, и Гесту.

Ведь для “Мудреца” не делалось декораций в надежде как-нибудь вывернуться. И вот чуть ли не накануне спектакля устроили пробу (в стиле “Карамазовых”) смешения бархатного фона с какими-то декорационными штрихами. Писала ли я Вам, что бархат, предполагавшийся для “Карамазовых”, был еще в Париже забракован К. С-чем, и для “Карамазовых” сделали фон из сурового холста. Теперь этот забракованный бархат вытащили на свет Божий и оживили его в разных актах “Мудреца” по-разному. В первом акте, в глубине, в разрезе бархата, по-

ставили рельефные двери с какими-то разрисованными стеклышками, в третьем (не помню, что устроено во втором) слева вставили большое окно с садовым пейзажем за ним; правую сторону сцены оживила московская синяя бархатная перегородка-занавеска. У генерала на заднем фоне поставили две белые колонны (намек на ампириный стиль). И вот совершенно неожиданно принцип, так непонятый в “Карамазовых”, здесь имел большой успех.

Простите ли Вы мне, дорогой Владимир Иванович, что я в этом письме буду страшно непоследовательна, буду без всякой системы писать то об одном, то о другом, то снова возвращаться к первому? Это все происходит потому, что хочется обо всем вспомнить, а голова отказывается работать систематично, и вот хватаешься за всякую мысль, которая вспоминается.

Мне хочется снова перейти к вопросу денежных обязательств к Москве. Я должна Вам снова написать, что у меня до сих пор в кассе лежат 7 000 франков, полученных от спектакля “Мудреца” в Париже в пользу наших московских товарищей. Нет возможности переслать Вам непосредственно эти деньги и не хочется сейчас обменивать их на доллары, чтобы перевести Вам их через какое-либо официальное учреждение: не хочется потому, что сейчас очень упал курс франка, и, следовательно, за эти семь тысяч мы можем получить значительно меньше долларов, чем хотелось бы. Может быть, Вас устроит хотя бы сообщение о том, что деньги эти хранятся в нашей кассе для Москвы и что Вы ими можете располагать.

Сегодня пошло Вам составленный мною отчет о приходе и расходе за время с отъезда из Америки и до возвращения сюда.

Однако должна Вас предупредить, что мы должны не только те суммы, которые помечены как взятые в долг у разных лиц, но и еще ряд сумм, не вошедших в этот отчет (К.С. – 1 500, Вам, московской кассе 1 000, внесенную Вами в Последгол⁵, Гесту – 4 000 д., уплаченные им за перевоз имущества сцены из Берлина в Париж – у нас тогда не было денег, чтоб оплатить счет транспортной конторы, и Леонидову удалось временно перевести счета на Геста, Гремиславскому – 200 за изготовление декораций, Фалееву – за парики – приблизительно 700 дол.). Кроме того, аванс в 15 000, данный нам Гестом, будет вычитаться из наших полученных следующим образом: 10 000 будут сняты с дивиденда от поездки; если такового не будет, Гест потеряет эту сумму. Пять же тысяч он будет вычитать из гарантии, начиная с третьей недели гастролей, т.е. именно с завтрашнего дня. Так что завтра я получу от Геста 4 500 дол., у меня ведомость жалованья приблиз. 4 400, а еще по прежней ведомости не доплачено некоторым старикам свыше 1 000 дол.

Вот и выкручивайся при таких условиях. Сейчас в кассе, к примеру, сказать, 21 доллар, так что М.П.Николаевой, которая взяла под отчет 325 дол., израсходовала их и перетратила еще 80, я должна буду отказать в оплате счетов. Нет денег, ничего не поделаешь. Не удивля-

ет ли Вас то, что, несмотря на громадные траты в Париже для оборудования всех пьес, мы и здесь продолжаем тратить крупные деньги на все отрасли постановочной части. И никакие указания на критическое, почти катастрофическое положение театра не действуют, деньги продолжают расходоваться костюмерной и монтировочной частью с той же безудержностью, что и в самые богатые и хорошие времена. Не могу себе даже представить, какие сверхъестественные силы образумят этих людей.

Теперь о деле Красного Креста. Я упоминала в этом письме, что Ник. Аф. и я ездили туда для личных переговоров. Мы встретили очень любезный прием. Я Вас очень прошу, чтоб в Москве не заподозрили здешний Красный Крест в желании чересчур пойти нам навстречу, пожалуйста, не говорите никому о всех любезностях здешних краснокрестцев. У нас действительно страшно тяжелое материальное положение, и если эти люди поняли его и решили нам помочь, то это делает только честь им.

В общем, мы пришли к следующему соглашению: мы им представим в письменной форме просьбу об исходатайствовании перед Последголом снятия с нас обязательств, и они на основании этой бумаги составят доклад или отношение в Особый комитет. Я прилагаю копию того письма, которое мы сегодня отправили в Красный Крест, на имя заведующего здешним отделением доктора Давида Ефимовича Дубровского. Теперь все будет зависеть от того, как отнесется к этому делу Москва. Если наша просьба не будет уважена, нам плохо, потому что при тех долгах, что у нас есть, выплатить еще немалую сумму – ужасно, почти катастрофично. Мне кажется, что по моим письмам Вы так теперь осведомлены о материальном нашем положении, что и Вам это ясно. Только наши очень боятся каких-либо противодействий из Москвы, если они увидят в ходатайстве здешнего Красного Креста какое-то попустительство или желание сделать любезность.

Сейчас, даже не сейчас, а уж минут двадцать в комнате стоит невероятный шум: приходила объясняться Шевченко (в Филадельфии в один день идут днем “Федор” и вечером “Трактирщица” – обе премьеры. Книппер хочет играть “Федора” и отказывается играть вечером Ортензию, которая дана, но не репетировалась до сих пор Шевченко. И Шевченко хочется играть Ирину и не хочется играть Ортензию, т.к. в эту роль ей, вероятно, придется войти почти без репетиций, что ей портит репутацию); приходил Лужский относительно сокращения сотрудников в “Федоре” и вообще со всякими разговорами, а потом пришли Москвин и Л.М.Леонидов и устроили целое заседание по всяким текущим вопросам. Подошел Леон. Дав. – опять разговоры. И в этом шуме и гаме приходится писать. Трудно!

Милый Владимир Иванович, за мной должок, я в письме к Изралевскому написала вкратце о Бенуа и постановке “Трактирщицы”, просила его передать Вам об этом и обещала Вам лично написать под-

робно. Так вот, К.С. в Париже сильно волновался, что может выйти неприятность с Бенуа из-за неприглашения его к возобновлению пьесы. Он было хотел написать ему какое-то извинительное письмо, но все колебался. А пригласить Бенуа – грозило такими расходами, о которых мы и думать не смели. В общем, всячески оттягивая и заминая это дело, перед премьерой К.С. написал Бенуа письмо с приглашением на спектакль. Тут же сожалел, что театр не имел возможности снова привлечь Бенуа к постановке⁶. И в ответ пришло очень желчное письмо, очень колючее (хотя К.С. уверял, что ждал худшего), в котором он, выражая всякие нелестные предположения, что могли сделать из его эскизов неопытные руки, отказывался прийти смотреть на изуродованное (было сказано как-то неприятно, но не так резко) свое детище. Кажется, почти все это я и написала тогда (Изралевскому или Феде, не помню), и тогда мне была так памятна в подробностях эта история, что я хотела написать Вам очень подробно. Сейчас же только помню в общих чертах, но помню также, что обещала лично Вам написать об этом деле.

Я скоро, через день, снова сяду за письмо к Вам и очень надеюсь, что выберу время, когда буду в комнате одна, так как при таких условиях немисливо собрать мысли. Поэтому сейчас я закончу, голова пухнет от напряжения и усилий писать связно.

От Леон. Дав. узнала, что вечером сбор 2 800, так что сегодняшний день дал 4 300.

Это немногим больше, чем ждал Л.Д. Мы теперь довольны и такими сборами.

Нет, больше не могу – если б Вы только видели и слышали, что делается в нашей конторе в смысле оживления.

Вам все очень сердечно кланяются.

Милый Владимир Иванович, все последние дни у меня было такое грустное настроение, а теперь ужасно весело, ужасно радостно. И все телеграмма. Вам, вероятно, смешно. Смейтесь, милый Владимир Иванович, все равно я буду радоваться.

Ольга Бокшанская

63.

Нью-Йорк, 10-го декабря 1923 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Хотя мы еще и не думаем о праздниках, но я чувствую, что надо уже начать свои поздравительные письма. Ведь это письмо, вероятно, придет к Вам на праздниках.

А в день Вашего рождения мы – Ваши верные, Ваши иступленные поклонники – дадим Вам телеграмму. Можно Вас поздравить и в этом письме? Я поздравляю Вас самым сердечным, самым нежным образом

и желаю Вам много радости и счастья. Сегодня мне испортили вечер в смысле писания Вам – самым безжалостным образом. В начале спектакля (“Царь Федор”) пришел Сергей Львович и заявил, что абонирует меня на письмо к Вам. Мы начали это письмо. Нас все время прерывали, потом пришел кто-то в комнату, Сергей Львович не хотел диктовать при посторонних, мы временно прекратили. Потом надо было идти на выход. А когда я вернулась со второго выхода, в нашей комнате уже стоял такой содом, что писать под диктовку оказалось немислимым. Серг. Льв. объявил, что продолжать будем завтра. И с сегодняшней почтой ни письмо от Серг. Львовича, ни мое подробное письмо не пойдут к Вам, а пойдет эта писулька, в которой я судорожно стараюсь написать Вам хоть что-нибудь о нашей жизни.

Прежде всего должна Вам сообщить, что на днях мы получили из Парижа письмо с сообщением, что нам причитается получить немного денег дополнительно к тем 7-ми тысяч. франков, что мы заработали в пользу Москвы на спектакле “Мудреца”. Правда, сумма эта будет весьма незначительная, но для Москвы радуешься каждому лишнему доллару. Кстати, я должна Вам сообщить, что в смысле назначения этих семи тысяч франков надо ждать решения нашей дирекции или стариков. Я предполагала, что эти деньги для МХТ, для Камергерского, но оказалось, что наши здесь будут решать, кому предназначаются эти деньги. Быть может, и студиям что-либо уделят, – не знаю. Во всяком случае, милый Владимир Иванович, я тут лицо безответственное, сообщаю Вам только всякие разговоры и размышления наших. Относительно же этих денег и назначения их Вам, вероятно, напишут официально.

Прошлую неделю мы закончили лучше, чем предполагали. Сборы последних двух дней (по два спектакля в день) сильно подняли кассовые поступления, так что окончательный счет нашего валового сбора составил 15 700. За вычетом всех расходов в общую пользу прибыли отчислилось 2 009 дол., что вместе с прибылью прошлой недели в 7 дол. составило 2 016 д. нашей общей с Гестом прибыли. Конечно, и это приятно, но к этим деньгам у нас должно быть отношение лишь платоническое, т.к. из общей нашей прибыли в первую голову Гест высчитывает аванс в 10 000 дол., данный им летом на изготовление декораций.

Как я сержусь на Бертенсона, что он не дал мне писать. Сейчас скоро надо идти на сцену, и уже начинаются те картины, в которых нельзя заниматься посторонними делами, все время надо быть начеку, а в последней картине – и все время на сцене.

Сегодня днем у нас была оживленная репетиция “Дна” (народная сцена), после чего прошли всю пьесу. В среду она идет впервые в этом сезоне. Все остальные дни этой недели будут отданы репетициям “Вишневого сада”, куда вводят Пыжову в Варю. У К.С. отношение к Пыжовой столь исключительное, как ни к кому, и потому каждому ее выступлению придается большее значение, чем вводу в роль кого бы то ни было. Да, можно сказать, что она “пользуется особым его рас-

положением”. Я думаю, что этот “роман” мог бы служить предметом нескончаемых насмешек, если б у нас умели бы, в стиле прежнего, дружески-юмористического, веселого и остроумного Художественного театра, разыгрывать друг друга. Сейчас же все ко всему совершенно равнодушно, и волнение можно вызвать разве только разговорами сильно материального характера.

Ну, вот сигналият на картину, в которой мне выходить. Сегодня у нас “гастроль Рычалова” – Подгорный в первый раз играет Шаховского. Но на такие гастроли у нас больше никто и внимания не обращает, актер выходит без репетиции или почти без репетиции. Подгорному вместо репетиции удалось только раз пробормотать слова с Москвиным как-то у нас в конторе, во время спектакля, и сегодня во время считки “Дна” – прошел сцену в фойе. Вот и все.

До свиданья, милый Владимир Иванович, в следующем моем письме я надеюсь быть и более подробной, и более внимательной, и сосредоточеннее. И постараюсь всегда писать Вам письма тогда, когда ни души нет в конторе. Хотя вообще такого времени трудно добиться.

Желаю Вам всего доброго и очень Вас прошу, милый, добрый Владимир Иванович, не забывать нас, особенно меня.

Ваша Ольга Бокшанская.

Сегодня сбор на “Федоре”, несмотря на плохой день, понедельник, – 2 500.

64.

Нью-Йорк, 14 декабря 1923 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Ваше второе письмо в Америку я получила третьего дня¹, но – сказать Вам правду – читала его в таком бессознательном состоянии, что ничего почти не помнила уже через полчаса. Я тогда только что приехала в театр от дантиста, который под газом вырвал мне корешки сломанного зуба. А газ этот я переношу с трудом, после него сама не своя весь день. И уже тогда я чувствовала себя вообще плохо, но вечером шло “На дне” и мне пришлось на выход приехать на спектакль. Вернулась я домой с температурой, с сильнейшей болью в челюсти, словом, двадцать два несчастья. На следующий день все же отправилась днем в театр, т.к. все равно надо было выйти из дому к дантисту – проверить вырванный зуб. Но в театр приехала уже в таком виде и состоянии, что меня немедленно отправили домой, и я лежала дома весь вечер и весь сегодняшний день. Но вечером опять пришлось выйти, т.к. идет “Штокман”, надо идти на выход. Но мне сегодня значительно лучше, так что я думаю, теперь все будет благополучно и я понемногу приду в себя. Этим своим

длинным повествованием о своих болезнях я хочу объяснить, почему я сразу не ответила на Ваше письмо, которое меня сильно задело. Когда я его читала, то, конечно, мне было ужасно больно, Вы не ошиблись. И то, что Вы написали, что Вы и не жалуете меня за это, сделало боль сильнее. И хотя Вашей телеграммой, казалось мне, все Ваши упреки снимаются с меня, все же мне было ужасно – ужасно неприятно. Так неприятно, что я все никак не верила, что телеграмма все свела на нет; все переспрашивала Николая Аф. и Бертенсона: “Ну как вы думаете, ведь если была такая телеграмма, значит, теперь все хорошо?”

Мне жаль, что я не в состоянии удовлетворить Ваше любопытство и интерес к нашим спектаклям и к отношению публики и прессы к нам. У нас в конторе так много дела, что я никогда не успеваю смотреть спектакль, даже если я совсем свободна от выхода. Если же приходится выходить даже в середине спектакля, даже в одном акте, то время вечером летит так быстро, что едва успеваешь сделать всю необходимую работу. Да и к тому же я могла бы сообщить Вам только мое личное впечатление, а у меня, естественно, повышенные требования к спектаклю. Я всегда могу заметить “накладку”, паузу от замешательства, ошибку с занавесом и т.д. А для публики все эти недочеты проходят незамеченными. Конечно, по аплодисментам можно всегда судить, как нравится пьеса, можно судить по смеху, которым покрывают фразы и “штучки”. Но, повторяю, мне ужасно редко приходится бывать в зрительном зале. Что же касается прессы, то к нам в контору почти не попадают газеты. Да я думаю, что и ведающий этим делом Бертенсон не читает так уж честно все статьи, а частью знает о них по слухам, по разговорам в конторе Геста, частью пробегает сам столбцы газет после премьеры.

Постоянны случаи, когда кто-нибудь из наших приносит журнал или газету и просит прочесть и перевести ему ту часть статьи, где написано о нем. Ему, мол, принесли эту газету знакомые, говоря, что в ней есть похвалы по его адресу. И эта статья – совершенная новость для Бертенсона. Конечно, для театра ни одна статья не будет пропущена в том альбоме, что готовят в конторе Геста. Туда попадает все, что пишется о ХТ. Из последнего письма Бертенсона о приеме наших “новинок” Вы видите, что нового ничего не пишет ни одна газета, что похвалы по нашему адресу неизменны и пишутся не только в одном восторженном тоне, но даже в одинаковых с прошлым годом фразах. Из разговоров же с критиками, с Гестом, с американцами, состоящими здешними “друзьями театра”, можно вынести заключение, что все огорчены тем, что Москвин почти не играет в этом году. Вообще, несмотря на незнание языка, на не весьма тонкое понимание цельности спектакля, все же встречаешься с такими вопросами и пожеланиями, что заметно, как принимаются спектакли, идущие с “вторым” составом. Например, когда Глумова после премьеры стал играть Ершов, Гест очень обиделся и заявил, что будет неудивительно, если сборы понизятся. Но самым большим горем и для Геста, и для большей части публики является то,

что не показан Москвин. Я знаю, что были голоса, говорившие: “Довольно Качалова, дайте нам Москвина!”

Милый Владимир Иванович, Вы так правы, когда говорите, что наши репутации и наш театр в Москве погибли бы, если б Вы поехали с нами. Да, это верно, и мне даже совестно, что при всяком случае, когда проявляется что-либо дурное у нас, я восклицаю: “Если б Вы были здесь, этого не было!” Но как удержаться от такого восклицания, когда видишь, что все летит у нас вниз, все разваливается. Неблагополучно в этом доме!² Вот Вам пример – рассказ об очередной неприятности. Завтра вечером у нас впервые здесь идет “Вишневый сад”. Всю эту неделю, как я писала, вводили Пыжову в Варю. В среду была назначена К. С-чем репетиция. При начале ее обнаруживается, что нет Бакшеева (Лопухин, он и играет, т.к. днем в субботу идут “Карамазовы” с Леонидовым). К.С. просит Рипси поехать за ним, может быть, он не знает о репетиции или забыл. Рипси приезжает к нему. Он просит ее зайти в комнату. Рипси застаёт его в постели. На вопрос ее, почему он не на репетиции, он раздражается целой речью: “Скажи, что я не приду, не хочу и не приду. Так и скажи”. Она пытается его уговорить, спрашивает, что ж ей отвечать К.С., когда он спросит о причине неявки Бакшеева. И он начинает пересчитывать все обиды, которые ему нанесены театром: театр с ним не считается (это постоянное выражение всех наших недовольных), ему не дают играть, а если дают, то без проверки и репетиций. Теперь и он не желает считаться с театром и не желает ходить на репетиции. К.С., мол, находит время постоянно заниматься с Пыжовой, а с ним для Мити Карамазова никто не занимался толком, он играл эту роль уже два раза, а К.С. даже не нашел нужным прийти на спектакль посмотреть его.

Я Вам писала из Парижа о том случае, когда он заявил о своем уходе из театра, но потом взял свои слова назад. Но бес обиды и недовольства сидит в нем крепко, очень крепко. Вся соль тут в роли Мити, которую он хочет играть и которую с трудом уступает ему Леонидов. А в поездке “Карамазовы” большею частью пойдут по одному разу в каждом городе и, следовательно, ему нигде не придется сыграть, потому что на премьере всегда играет Леонидов. Уже на днях был у Бакшеева разговор с Подгорным, который ясно показал бакшеевское настроение. Это было тогда, когда Ник. Аф. предупредил его, что в поездке ему придется играть Боркина, т.к. Леонидов эту роль ему уступит или частью уступит. Он тогда заявил Подгорному, что ставит категорическое условие, чтобы ему дали играть и Митю, если ж этого не будет, он лучше порвет с театром, он пойдет направо, может быть, себе все испортит, но так этого дела не оставит. Тогда же Ник. Аф. заявил об этом “старикам”, говорилось о непрременной необходимости собрать заседание и на нем решить этот вопрос, но так дальше разговоров и не пошло. После же случая на репетиции “Вишневого сада” сначала загорелась горячка, К.С. настаивал, чтобы после репетиции было заседание правления, но, конечно, после репетиции все разошлись. Назначили, что заседание бу-

дет после спектакля, опять никого не собрали. Так до сих пор никаких решений по этому делу не было, и Бакшеев, как ни в чем не бывало, на следующий день пришел на репетицию. Я думаю, что в театре все настолько уверены в безнаказанности поступков, слов и действий, что могут выделять все что угодно. Вы не можете себе представить, что только не проходит неотмеченным, канувшим в вечность. Например, журнал спектаклей вовсе не ведется. То есть существует такая книжка, в которую Рипси вписывает каждый вечер, какая пьеса идет, когда начали, когда кончили, кто не пришел на спектакль. И это все. Ни одного замечания, ни одной отметки. Был случай, когда на “Карамазовых” не пошел занавес, – нигде это не записано. Был еще более печальный случай: Тамиров (Калганов) прозевал, сидя у себя в уборной, свой последний выход в “Мокром”. Он должен войти, если Вы помните, перед тем как уведят Митю, подойти к нему и сказать, после того как все ответили молчанием на прощанье Мити: “Прощайте, Дмитрий Федорович”. И Митя крепко жмет ему руку и говорит: “Прощай, милый человек, не забуду великодушия”. После этого его уведят, и идет занавес. Но Тамиров не пришел, вся эта сценка пропала, конечно, была заминка. Вы думаете, что все это было каким-либо событием. Ничуть не бывало: покричала немного Нина Ник. на Акима, поахали, как при всяком “событии”, минуты две все товарищи, и этим дело кончилось. А случаев, когда дается занавес, а исполнителей нет еще на сцене, и не перечеть.

Небрежность в спектаклях дошла, по-моему, до крайних пределов, неужели она может еще увеличиться. И про себя могу сказать: на днях, заработавшись, не заметила сигналов к картине “Суд” и не пошла на сцену. Побежала только тогда, когда Леон. Дав. пришел и спросил, почему я и Рипси не на сцене. Полетели туда, совестясь и краснея, пристыженные до крайности. Но, конечно, никак не были за это записаны, и все прошло не только бесследно для нас, но и совершенно незамеченным многими исполнителями. Правда, в сцене суда мы сидим за кулисами, уже разгримированные и одетые в свои платья.

Материальные наши дела на этой неделе несколько лучше. В понедельник “Царь Федор”, как я написала Вам, дал две с половиной тысячи. Во вторник “Карамазовы” – 2 400. В среду “Дно” – 2 250, в четверг “Иванов” (знаю по слухам, в театре не была) – 2 200, сегодняшний утренник – 1 300 (“Трактирщица”). Для утренника в пятницу это мало, вато, но, видимо, “Трактирщица” не может дать больше. Вечером идет “Штокман”, но каков сбор, пока не знаю, еще не приносили листика из кассы. Леонидов надеялся на хороший сбор. Конечно, все это приятно, что сборы повысились, но реально это нам не помогает. Ведь если и будет дивиденд, то выдаст его нам Гест только по окончании гастролей. Пока же мы получаем еженедельно гарантию в 5 000 дол. Из этой суммы Гест вычитает по 500 дол. в неделю в погашение летнего аванса. Кроме того, на каждой неделе бывают счета истраченного для постановочной части – до сих пор в сумме 300–450 дол., так что фактически

я получаю наличных денег четыре тысячи с небольшим. А расходов в неделю бывает не меньше 4 500. Вот и приходится выкручиваться так, что не доплачиваешь кому-то жалованья, просишь подождать неделю. Пока у меня долгу по ведомостям жалованья свыше тысячи долларов. Поэтому приходится трудно. К тому же наша костюмерная часть и постановочная никак не могут прекратить расходы. Вот уж кажется, что оборудовали все пьесы, прошли все премьеры, но нет, опять нужны какие-то починки, какие-то покупки, и сотни долларов летят без удержу. При этом члены финансовой комиссии знай твердят одно: “А вы не оплачивайте этих счетов, а вы не разрешайте этих расходов”. А заведующие отдельными частями тотчас же стараются обставить спектакль как можно хуже и на укоры К.С. заявляют: “Нам денег не дают”. Тогда К.С. сердится на Подгорного, твердит о мелочности нашей финансовой политики и о невыгодности такой политики и дает распоряжение немедленно выдать деньги, “иначе это будет стоить вам дороже!” Вот еще пример халатности отношения. В среду шло “Дно”. Перед самым началом спектакля шарманщик пробует стоящую на нарах шарманку. Она не издает ни звука. Подходит Гремиславский, начинает что-то вертеть, что-то завинчивать. Шарманка продолжает упорно молчать. Приходит на сцену К.С., и надо дать занавес. Тогда кто-то из актеров подходит к К.С. и предупреждает его, что шарманка испорчена, не играет, стало быть, ему для реплики не надо ждать музыки. И таких примеров можно насчитать десятки.

Милый Владимир Иванович, я Вам обещала уже давно прислать список городов нашего турне и репертуар в них, но, извините, забыла об этом обещании. Теперь спешу пополнить этот пробел. Наше турне пройдет следующим образом: с 24 по 30 декабря – Филадельфия. Репертуар там:

24-го понедельник “Иванов”
25-го вторник днем “Федор”
веч. “Трактирщица”
26-го среда днем “Иванов”
веч. “Братья Карамазовы”
27-го четверг “Доктор Штокман”
28-го пятница “У жизни в лапах”
29-го суббота днем “На дне”
веч. “Вишневый сад”.

С 31-го декабря по 6-е января – Бостон. Репертуар точь-в-точь такой же.

Дальше еще порядок городов не утвержден окончательно. Города намечены: Вашингтон, Балтимор, Нью-Хевен и Хатфорд. В первых двух по неделе, причем репертуар такой:

понедельник “Федор”
вторник “На дне”

среда днем “Федор”
вечером “Вишневый сад”
четверг “Иванов”
пятница “Карамазовы”
суббота днем “На дне”
вечером “Вишневый сад”.

В последних двух – по три дня. Репертуар:

1-й день “Федор”
2-й день “На дне”
3-й день днем “Федор”
вечером “Вишневый сад”.

Да, кажется, я не написала Вам и репертуара нашей последней (пятой) недели в Нью-Йорке:

17-го декабря понедельник “Иванов”
18-го –”– вторник “Иванов”
19-го –”– среда “Федор”
20-го –”– четверг “Доктор Штокман”
1-го –”– пятница днем “У жизни в лапах”
веч. “На дне”
22-го –”– суббота днем “Карамазовы”
веч. “Вишневый сад”.

Вот и все наши репертуарные дела. “Трактирщица” не оправдала ожиданий и, по правде говоря, могла бы и не быть. Мы бы избавились тогда от множества расходов по декорациям (пять различных декораций, на которые, из-за почтения и страха перед К.С., было обращено особое внимание), от очень капризной и довольно дорогой, по нашему желанию сократить расходы, актрисы. Но теперь уж поздно вздыхать.

Я много раз уже слышала от Леон. Дав., что он собирается написать Вам большое письмо. Не знаю, написал ли он его. Как-то в сердцах он мне сказал, что очередная халатность наших монтировщиков испортила ему на время все переговоры с Гестом. Дело в том, что Гест попросил Леонида Дав. перевезти из Берлина сюда ряд книг, ценные альбомы с марками его племянника и музыку “Миракля” для Рейнгардта. Для всего этого имущества был заказан ящик, который и направлен был в Бюенферейн, где хранились наши декорации и сундуки. Л.Д. просил Диму позаботиться и об этом ящике. И вот теперь обнаружилось, что ящика этого нет. Где он исчез – никто не знает. Где его искать, как его искать – Бог ведает. Наши даже не потрудились отметить ящик клеймом, одинаковым с метками на наших ящиках.

Весь этот случай я узнала от Леон. Дав. на днях, пожалуй, неделю тому назад. С тех пор я не знаю, каковы дела. Если ящик не найден (я знаю, что Леонидов собирался поехать на таможенно и там разыскивать

его), не представляю себе, как Леонидов выпутается из этой истории. Самое неприятное в ней – пропажа нот “Миракля”. Ведь представление этой мистерии начинается 24-го декабря, как же они устроятся с нотами? Тогда, когда Л.Д. мне рассказывал обо всем этом, он был положительно убит случившимся. Говорил мне, что не может ни о чем заговорить с Гестом, как тот начинает приставать: “Где альбом марок? Где книги? Где ноты?” – и Л.Д. готов сквозь землю провалиться. Он тогда мне сказал, что это помешало и начавшимся благоприятным разговорам его с Гестом относительно К.О. Но надо надеяться, что если и были препятствия к переговорам, то они уладятся в благоприятную сторону.

К.С. получил Ваше письмо одновременно с прибытием Вашего письма ко мне. Кажется, он в тот же день написал Вам³. Вырезку газетную (Ваше письмо в редакцию “Известий”) я ему передала.

Сегодня сбор 2 847 дол. – это хорошо. За все же шесть спектаклей этой недели – 13 755. Надеемся на завтрашний удачный в смысле сборов день.

Сейчас уже в середине пятый акт “Штокмана”, дело близится к 12-ти часам, когда надо опустить письмо для того, чтобы уходящий завтра “Мажестик” забрал его с собой.

Милый Владимир Иванович, я знаю, что телеграмма была послана после всех этих “ругательных” писем, но, если Вам не очень трудно, напишите мне еще раз, что больше не сердитесь на меня. Ужасно приятно будет прочитать еще раз: “Я вас простил”.

Желаю Вам, дорогой Владимир Иванович, всего-всего хорошего.

Ник. Аф. все обижается, что я никогда не напишу Вам от него привета, хотя он часто меня об этом просит. Но я забываю всегда потому, что кончаю письмо к Вам перед самым уходом из театра и страшно тороплюсь. Но сегодня самым добросовестным образом передаю, что Ник. Аф. кланяется Вам и Екатерине Николаевне шлет Вам пожелания счастья и радости.

Ваша Ольга Бокшанская

65.

Нью-Йорк, 17-го декабря 1923 года

Милый Владимир Иванович!

Сегодня мы начали нашу последнюю неделю в Нью-Йорке. Сегодня идет “Иванов”, спектакль этот продан газете “Форвертс”. Я смотрела второй акт и едва нашла свободное место в партере. Вероятно, билеты на этот спектакль распространялись газетой среди друзей и знакомых. Мы за этот спектакль получаем 2 000, т.е. даже не мы, а просто эта сумма пойдет в прибыль текущей недели как вечеровой сбор за понедельник.

Прошлую нашу неделю мы кончили так: в пятницу вечером (не помню, написала ли я Вам в последнем письме) – 2 800, в субботу утренник 1 900, вечерний спектакль – 3 500. Всего за неделю взяли 19 166, за вычетом платы за театр и всех расходов Геста в общую нашу с ним прибыль пошло 3 994 доллара, с прежде полученной прибылью это составит 6 010 долларов. Конечно, можно радоваться, что неделя не кончается убытком, но такая прибыль нас мало устраивает, в этом надо признаться.

На этой неделе начнется у нас предпоездочная работа: осведомление публики о способе сохранения оставляемых вещей в Нью-Йорке, о времени объезда и сбора частного багажа актеров, о порядке и месте отъезда, о всяких наклейках на чемоданы, сундуки и т.д. Вырабатываются тексты объявлений и воззваний, подвергаются всяческой критике, т.к. у нас как ни ясно объявление написано, все же оно вызывает ряд недоуменных вопросов, порой самых неожиданных. Пред поездкой все нервят, все суетятся – препротивное время. Из семейных оставляют в Нью-Йорке своих: Шевченко – мужа и дочь, Тарасова – мужа и сына и Булгаковы – сына, отданного в какой-то пригородный детский пансион. Едут с нами: Перетта Александровна, жена Бурджалова и Настя Блинова-Румянцева. Последняя, кстати сказать, поступила на службу в нашу костюмерную мастерскую. Произошло это не без обхода всяких препятствий, вроде нервного и упорного протеста Л.М.Леонидова. Здесь, в Нью-Йорке, она только днем помогала по подготовке платьев к спектаклям, вечером же одевала актрис нанятая портниха, служившая у нас в прошлом году и даже ездившая с нами в поездку. Сейчас же решено так: в поездку взять специального человека дорого (очень дороги железнодорожные билеты), а нанимать кого-нибудь в каждом городе – неудобно и даже опасно в смысле сохранности ценного имущества. Настя же все равно будет ездить по Америке за свой счет и, кроме того, таким путем хорошо войдет в дело. В поездке она не только будет работать по костюмерной части, но и одевать актрис на спектаклях.

Немало разговоров и предположений относительно будущего вызывает между нашими то обстоятельство, что муж Тарасовой открыл здесь или собирается открыть шоколадную фабрику и магазин. Это вызывает предположения, что они отсюда не уедут и на нее как на актрису в Москве нельзя рассчитывать. Пока она это отрицает. Много разговоров вызвал и еще один случай, касающийся Тарасовой, известный лишь нескольким лицам и держащийся в страшной тайне. Рейнгардту так понравилась Тарасова в Грушеньке, что он решил начать с Л.Д.Леонидовым переговоры об отпуске ее от наших спектаклей для участия в “Миракле”. У них будто бы есть актриса на главную роль, но ей родители не позволяют играть по восьми раз в неделю, и вот Рейнгардт приглашает Тарасову на четыре спектакля в неделю. В своем желании непременно видеть в “Миракле” Тарасову он дошел до того, что предложил ей сначала по тысяче долларов в неделю, но Леон. Дав. говорит, что он дал бы

и больше, если б только с ним начать говорить об этом определеннее. Конечно, все эти переговоры и настояния не только Рейнгардта, но и Геста, который в них принимает громадное участие, держатся в секрете от Тарасовой, т.к. все уверены, что она не устояла бы и ушла бы к Рейнгардту, прельстившись таким заработком. Прошу Вас очень, милый Владимир Иванович, и Вы никому этого письма не давайте, потому что, если кто-нибудь, вроде И.Н.Берсенева, про это узнает, то непременно сюда напишут, выйдет громадная история, что я выдала секрет, так тщательно ото всех скрываемый.

Но что замечательнее всего, что этот вопрос все-таки обсуждался и как-то дебатировался. Я помню, в прошлом году, когда Ершову было очень выгодное предложение от кинематографа, даже и мысли не было о возможности принятия его – так, посмеялись, пошутили, но никому и в голову не пришло, что такой случай возможен. Нынче же в постоянной жажде наживы, в постоянных мечтах о деньгах всякое предложение, манящее долларами, не кажется невозможным. Конечно, если бы на отпуск Тарасовой пошли, то с этого момента нельзя было бы никого удержать: ведь и Москвину и Качалову было предложено много выгодных турне, концертов, спектаклей. Как тогда удержать людей, раз будет один ответ: дайте же и мне заработать, если дали это Тарасовой. Как вы удержите наших, раз возможны такие случаи. На днях входят в контору двое наших молодых актеров, и один из них говорит: “Вот я теперь назначен на выход дворником в “Вишневом саду”. В Париже я выходил. Мне Подгорный обещал, что в Америке он меня освободит”. Рипси отвечает: “Но ведь за вас некому выходить”. Актер говорит: “Наймите сотрудника”. (Трудно Вам даже сказать, что собой представляет местный сотрудник.) Рипси отвечает: “Это денег стоит, а у нас денег нет”. Тогда актер говорит: “Я буду платить этому сотруднику, пусть выходит за меня”.

Мыслим ли был такой разговор даже в прошлом году! Нет, невозможен! Вот в таком постоянном возмущении от разваливающейся дисциплины, от потерявших себя и свою любовь к делу людей мы живем.

Милый Владимир Иванович, я непременно напишу Вам еще одно письмо до отъезда из Нью-Йорка, как бы занята я ни была, а теперь прощаюсь, так как кончился спектакль и надо собираться домой.

Все эти дни я постоянно слышу, как Леон. Дав. работает по устройству дел сестры Екатерины Николаевны. Сейчас перед праздниками эти вещи особенно кстати здесь¹. Вероятно, он сам Вам об этом напишет, я же пишу эти несколько строк, чтобы поскорей сделать приятное Екатерине Николаевне, которую я крепко целую и обнимаю.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, не сердитесь на меня никогда, пожалуйста.

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 19-го декабря 1923 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Начинаю свое очередное письмо к Вам сегодня, в среду, хотя отправлю только в пятницу. Вероятно, к пятнице у нас будет уж такая предпоездочная атмосфера, что мало успею в тот день Вам написать.

Сижу в театре одна, дожидаясь 12-ти часов, когда надо идти к К.С. писать под его диктовку. Его очень торопят сдать книгу, пока же просят дать несколько статей, используя некоторые главы книги. И поэтому мы стараемся встречаться с К.С. при всяком удобном случае. Но это не часто удается, т.к. то он занят, то я на выходах или по работе должна быть в театре. Ник. Аф., забрав на всякий случай Рипси, поехал к Ногину, который вчера назначил ему свиданье в 10 час. утра¹. Мы многого ждем от этого разговора в смысле реабилитации нас в Москве: вероятно, ему небезызвестны наши настоящие дела, и он подтвердит в Москве, что задержка платежей и просьба о сложении обязательств основаны на действительном отсутствии средств. Ногина было довольно трудно поймать. Справлялись о нем в представительстве Красного Креста, – там все отвечали, что с ним еще не видались. Наконец удалось узнать, что он остановился в отеле “Пенсильвания” (изумительный отель) и что к нему звонить по телефону надо в 9 час. утра. Можете себе представить, как нам трудно телефонировать так рано, если ежедневно приходится ложиться в третьем часу ночи. Конечно, Ник. Аф. расскажет мне подробности его свидания с Викт. Павл., и я Вам все подробно сообщу.

Наконец вчера, после “Иванова”, удалось собрать всех членов правления на заседание. Накопилось множество вопросов, требовавших решения. Главным же вопросом являлся: как справиться со все растущей задолженностью кассы и полным безденежьем. Гарантия наша составляет пять тысяч, но из нее Гест вычитает по пятисот еженедельно в погашение аванса. Ведомость же на жалованье составляет, включая вознаграждение Леонидова и двух одевальщиков – помощников Бодулина, 4 400. Но еще можно было бы как-нибудь обойтись, если бы я действительно получала от Геста в конце недели четыре с половиной тысячи. Я же получаю всегда меньше, как я писала, на 300–450 долларов. Эти деньги удерживают для оплаты счетов постановочной части (починка и исправление декораций). И вот из-за этого получилось, что за пять недель я по ведомостям задолжала больше тысячи долларов и, кроме того, не оплачиваю счетов, отдельно представляемых мне костюмерной и постановочной частью. А всем, конечно, хочется получить и жалованье, и по счетам, оплаченным из своего кармана.

Вообразите, сколько стоят нам починки и поправки! “Лапы”, идущие в сукнах и прошедшие три раза, потребовали поправок на 210 дол. А другие пьесы стоят еще дороже. В прошлом году я не знала ни одного такого счета. Вероятно, с декорациями обращались бережнее, если и

были поправки, то незначительные, которые контора Геста принимала на себя (т.е. оплачивала их и потом ставила в общие с нами расходы, так что мы участвовали в сумме, падавшей на наши проценты). В этом же году Гест этих расходов на себя не принимает, видя, вероятно, что это бездонная пропасть.

Мне казался единственным выходом из безденежного положения следующий способ. Недоплачивать в течение нескольких недель пайщикам жалованья, вычитая из их содержания сумму, равную 10 долларов, помноженные на количество паев, и, уменьшив, таким образом, ведомость, оплатить все счета и долги. Но на заседании было решено иначе.

Да, забыла сказать, что еще особенно обострило денежный вопрос. Леон. Дав. попросил из кассы в счет долга Вам четыреста пятьдесят долларов для уплаты в таможеню за присланные в прошлом году из Женевы вещи: если ему удастся поскорей достать эти вещи, он, вероятно, их удачнее устроит в магазины именно теперь, перед праздниками. Сейчас большой спрос на куклы, напр., и все куклы, что привезены были им нынче, 12 штук, уже проданы. А в прошлогоднем транспорте как раз много кукол. Я была в отчаянии, так как у меня не было денег вовсе и вместе с тем я считала, что Вы первый имеете право на возвращение Вам денег в счет долга. Тогда мы уговорились с Леон. Дав. так: он возьмет в конторе Геста нужную сумму и в субботу сдаст мне гарантии меньше на это количество долларов. Так и сделали. Но что же делать в субботу, когда я получу уж и не четыре тысячи, а три с половиной, три семьсот? Вот тут-то и надо было что-либо придумать: либо не доплачивать полного жалованья, либо достать в долг.

И вот после заседания Ник. Аф. сказал мне, что Леон. Дав. обещал достать и принести мне на днях полторы тысячи для расплаты с долгами и постараться сдавать мне еженедельно по 4 700.

Мне лично кажется, что это называется – зарываться в долги, т.к. чем дальше будем оттягивать участие пайщиков в затрудненном положении кассы, тем труднее им потом будет справиться с долгами и с оплатой по ним. Но Леон. Дав. рассчитывает и на дивиденд от поездки по провинции, и на постепенное урегулирование кассы от поступлений за девятый спектакль в некоторых городах (гроши, по 250 дол. за лишний спектакль).

Словом, пока решили платить полное жалованье и воспользоваться предложением Леон. Дав. достать деньги. Но решено в категорической форме заявить отдельным частям, что ни один счет не будет кассой оплачен, если на расход по нему заранее не получено разрешения правления. А то ведь у нас так: идут, покупают, заказывают, распоряжаются, а потом подносят готовый счет: “Извольте уплатить, все по счету принято”. Но я думаю, что счета костюмерной и постанов. частей, оплаченные Мар. Петр. и Гремиславским из своего кармана и не оплачиваемые кассой в течение нескольких недель (в кассе действительно нет ни гро-

ша), научат их отныне осторожнее быть в покупках и заказах для театра. Кроме того, на вчерашнем заседании решены следующие вопросы:

Бакшеев – Митя Карамазов. Дать ему сыграть один раз в поездке премьеру (в Балтиморе) и, если в Чикаго “Карамазовы” пойдут два раза, то второй спектакль. Ролью Боркина заниматься с ним здесь и в Филадельфии и выпустить впервые на спектакле в Бостоне.

При первой же возможности выплатить Вас. Вас-чу двести долларов в благодарность за его работы по постановке “Карамазовых” и “Штокмана”.

Леон. Давыдовича отныне оплачивать из расчета 3% с гарантии. В прошлом году он получал 3% с ведомости жалования и 3% с дивиденда. Но нынче он поставил условием, чтоб платили 3% с пяти тысяч. Говорил, что так именно и уславливался с Вами еще перед прошлогодней поездкой, но сам в прошлом году не настаивал на таком расчете.

Предложить Шевченко показаться в Грушеньке, так как хотя она и уверяет, что ей эта роль дана и она имеет на нее права, но режиссура выпустит ее только после удачного показа².

Урегулировать дела костюмерной мастерской в отношении личных вещей, возимых в театральные корзины. У нас существуют три корзины, в которые актеры сложили не только свои шубы и пальто, но и какие-то узлы, старые сапоги, калоши и т.д. Так вот предложить всем сдавшим вещи пойти в костюмерную и заявить, что из сданных вещей нужно ему в дорогу. Все остальное будет оставлено в Нью-Йорке; грим актеров, которые всегда на последнем спектакле бросают его, как попало, не складывая, не собирая в картоны или чемоданчики, – оставлять в театре, не собирая его.

20 декабря, утро

Продолжаю на следующий день.

Действительно, обидно и досадно за портных. При этой адской работе, когда перед отъездом из города они должны в день уложить по две пьесы после дневного и вечернего спектакля, им приходится еще собирать коробочки с пудрой, с вазелином, с красками, завязывать, надписывать, укладывать. Напр., когда в Париже Мар. Петр. сделала замечание одной молодой актрисе, что она не собрала грим свой, та ответила: я на банкет еду, я тороплюсь. А приезжая в следующий город, тотчас начинают истории: “Почему мой грим не весь привезен? Почему коробка с пудрой раскрылась и пудра рассыпалась?” И все в таком роде. Вообще вопросы, поставленные нынче в дирекции, по-моему, были довольно курьезны для культурных актеров первого в мире театра. Напр., Марья Петровна просила запретить артистам снимать грим казенными сорочками, дающимися для роли. Актеры, снимая их подолами грим, пачкают их, почему тратятся большие деньги на стирку.

Вот, кажется, все вопросы, которые обсуждались на этом заседании. Да, был еще вопрос о том, чтобы запретить актерам самим рас-

пределять между собой выхода. Очень часто молодежь по взаимному между собой уговору и без всякого спроса у режиссера или у конторы выходит друг за друга на выход. Решено вывесить категорическое запрещение, но к чему оно приведет, можно заранее угадать. Нет никакого внимания к объявлениям, к запрещениям. Вчера вывесили, например, объявление о порядке отъезда в Филадельфию. В нем, между прочим, дирекция просит актеров брать в поездку только необходимые вещи, ненужные же сундуки предлагается сдать в Нью-Йорке на хранение. К вечеру уже на этом объявлении красовались вопросительные и восклицательные знаки, поставленные из озорства, в виде критики стиля объявления. Приходили критиковать объявление и в разговорах к нам в контору. Порядок сдачи сундуков такой: каждый должен заявить в конторе, сколько сундуков он желает оставить и в какую сумму желает застраховать. После этого сундуки будут взяты администрацией хранилища и отвезены на склад.

Но так как за доставку сундука в склад надо заплатить по 75 ц. за сундук, за хранение по 50 ц. в месяц и за страховку – по 10 центов за каждую сотню долларов, наши нашли, что лучше взять сундуки все с собой. Рассуждают так: жалование платят нам грошовое (?!?!?!), дирекция же, если у нас будет мало багажа, выгадает на перевозке. Пусть тогда дирекция и платит за оставленные в Нью-Йорке вещи. Не хочет платить, ей же хуже, так как все сундуки будут всегда ездить с нами.

Грустно, что так рассуждают не только наши молодые, но и участники дела, некоторые пайщики.

Не кажется ли Вам страшным, что люди, так недавно все потерявшие, жившие в большой нужде, теперь случайно попав в исключительно счастливые условия жизни, обеспечив себя на какой-то срок, стали ужасно жадны до каждого цента, до каждого доллара. Или Вам уже ничего не страшно, милый Владимир Иванович, потому что Вы все это знали вперед, Вы так верно читали в каждой душе.

Сейчас на сцене идет репетиция “На дне”, вводят Гарханова в роль Бубнова. Хотят немного разгрузить Вас. Вас., который занят ежедневно. Если б Вы только слышали, сколько злых слов было сказано против “этого проклятого учреждения”, которое заставляет по сотне раз репетировать надоевшее всем “Дно”.

Вчера на “Федоре” у нас была внезапная замена: Вишневский, жалуюсь на головокружение и боясь заболеть сильнее к следующему спектаклю (“Доктор Штокман”), в котором у него нет дублера, попросил Ершова сыграть за него.

Спектакль был вчера нехороший: сотрудники, распущенные до последней степени, пришли поздно в театр, не успели одеться и гримироваться к началу. Из-за них затянули занавес. Можете себе представить, как опоздали некоторые из них, если во второй уже картине, в сцене выборных, вышли не все, двое не успели. Один из них был готов в то время, как выборные были уже на сцене, и Дима не придумал ничего лучше, как выпустить его дополнительно из дверей покоев царицы.

Вас. Вас. после этого страшно кричал на сотрудников, укоряя за небрежность и недобросовестность. Говорят, был такой случай, что один из актеров, будучи в очень-очень “веселом” настроении, толкнул сотрудника на сцене, и тот упал. Вас. Вас. и за это сердился на сотрудников, но, конечно, тут виноват только наш “веселящийся” актер.

Ползут, расползаются нравы и дисциплина, как гнилая ткань.

Сообщила ли я Вам, милый Владимир Иванович, что история с пропажей ящика, где были ноты “Миракля”, кончилась благополучно. Леон. Дав. дал хорошие чаевые нашему рабочему сцены, и он отыскал на таможе этот ящик, как раз в тот день, когда к вечеру нужны были ноты. Поэтому, вероятно, Рейнгардту и неизвестно, сколько тревог пережил Леон. Дав. до этого вечера, когда он прислал ему ноты.

Сейчас я пишу Вам урывками, два раза приходилось откладывать писание письма и идти делать опись костюмов. Я Вам, кажется, писала о том, что непременно решено сделать точный список имущества костюмерной. Но так как все списки, которые до сего времени представлялись Мар. Петровной, были невероятно запутаны и неясны, мы решили на этот раз устроить дело по моему плану, а именно: имущество укладывается на следующий день после последнего представления пьесы. Сегодня, напр., укладывали “Федора”. Я беру свою пишущую машинку, ставлю ее около той корзины, которую укладывают портные, и записываю каждую вещь, которая попадает в корзину. Сначала Мар. Петр. находила, что из этого способа ничего путного не выйдет, но потом увидела, что это и разборчиво и скоро, и поэтому сама пришла попросить, чтобы я то же сделала, когда она будет укладывать музей³. Можно написать сразу несколько экземпляров, словом, все преимущества на стороне этого способа. С этого списка лежащих в каждой корзине вещей я сделаю копии на коленкоре, которые будут вшиты с внутренней стороны в крышку каждой отдельной корзины. В идеале: проект написать эти списки для каждой корзины на русском и английском языках – для себя и для таможен.

Когда такие списки будут на каждой крышке корзины, укладка будет идти уже по спискам, и содержимое каждой корзины будет всегда одно и то же. Но, конечно, со всем этим работы будет очень много.

Сегодня, милый Владимир Иванович, день моего рождения, и я про себя решила, что если бы Вы это знали, то, наверное, поздравили бы. Но мы живем так буднично, что и день рождения мало чем отличается от всякого другого дня. То же сиденье днем в театре, тот же спектакль вечером. Если после нашего спектакля не буду очень усталой, пойду на послеполуночный спектакль негритянской оперетки – другой, чем в прошлом году.

Пятница, 21 декабря

Милый Владимир Иванович, сегодня столько было суматохи, что никак не могла найти свободного часа для письма. А сейчас уже идет третье действие вечернего спектакля (“Дно”), скоро на выход, а потом

домой – укладывать чемоданы, которые завтра утром уже увезут на вокзал.

К сожалению, не могу написать Вам о сборах этой недели, так как не знаю ни одного, как-то не успела последить на этой неделе. Напишу Вам в следующем письме, взяв цифры из недельного отчета конторы Геста.

Сегодняшний утренник “Лапы” прошел так вяло, как давно не шел какой бы то ни было спектакль. Это отчасти понятно, потому что многие исполнители вчера веселились и не успели выспаться, многие не ложились вовсе. Поэтому паузили страшно, ничего не соображали, и Румянцев, суфлирующий пьесу, рассказывал о курьезах, когда исполнители были в полном недоумении – что же говорить дальше. А вечернее “Дно” принесло нам очень большие волнения.

Сегодня, кстати сказать, в первый раз свободен от “Дна” Вас. Вас., так как Бубнова впервые играет Тарханов. Когда я пришла в театр, ко мне бросилось несколько человек: “Где Подгорный?” – “Не знаю. Был у дантиста, а теперь, вероятно, обедает. А что?” – “Бондырев болен, некому играть Клеца”. Болезнь была совершенно определенная. Просто он пришел в таком “приподнятом” настроении в театр, что нельзя его было выпустить на сцену. Решили просить Ник. Аф. сыграть Клеца. Я побежала в ресторан, где обыкновенно обедает Подгорный, и, к счастью, нашла его там. Но когда мы вернулись, Бондырев несколько пришел в себя. Сейчас он играет. От К.С. все это скрывают, но едва ли он этого не заметит. Вот Вам нравы! А во время первого акта при выходе К.С. провалился в станок, изображающий площадку лестницы, очень испугался и немного расшиб ногу. Однако большая часть выходов продолжалась из той же двери, только актеры весьма осторожно перепрыгивали с порога прямо на ступеньки лестницы. А некоторые – быстрые – выхода были из двери в задней стене.

Хотела я Вам написать в этом письме о свидании с Ногиным, но не успею сегодня, В общем скажу только, что Ног. был очень любезен, но явно и твердо осуждал за некоторые факты, как, например, за парижский банкет⁴. В конце разговора предложил, чтоб театр написал ему письмо, которое он со своим мнением перешлет в Москву. Боюсь опоздать на выход, милый Владимир Иванович, и потому кончаю. Простите за спешку, если сейчас не закончу, письмо завтра не пойдет с парходом.

Сердечный привет.

Ваша Ольга Бокшанская

Филадельфия, 25 декабря 1923 года

Милый, милый Владимир Иванович!

Сегодня первый день Рождества, и я снова от всего сердца поздравляю Вас и дорогую Екатерину Николаевну и желаю Вам самого прекрасного, самого чудесного счастья. Вчера, отправляя телеграмму, мы поздравляли Вас, во-первых, с днем рождения, а во-вторых, с праздниками. Вы так и думали, правда?

Вчера открыли мы наш филладельфийский сезон. Но надо Вам досказать сперва о конце Нью-Йорка. Последние наши спектакли прошли при хороших сборах и теплом приеме публикой. Валовой сбор за неделю был тысяч девятнадцать с половиной. Отъезд труппы прошел довольно благополучно. Из всех отпрашивавшихся не ехать со всеми, а остаться на праздник в Нью-Йорке, разрешение было дано только Тарасовой, как занятой почти ежевечерне. Остальные выехали все вместе в 11 часов утра, в воскресенье. Езда ведь сюда очень короткая, всего два часа. Уже с субботы началась сильно дождливая погода, к вечеру лил проливной дождь, и мы со страхом смотрели, как все наше имущество грузилось на подводы, поливаемое как из ведра. Причем спешка была такая, что рабочие без всякой осторожности выбрасывали столы красного дерева и всякую мебель на тротуар перед театром. Спешка шла для того, чтобы не только успеть свезти вещи на вокзал, но и для того, чтобы поскорей освободить сцену для въезжающей после нас труппы.

26 декабря

Вот и все, что я успела написать Вам вчера, милый Владимир Иванович. Весь день прошел в усиленной работе, пришлось отложить письмо до следующего дня. Итак, продолжаю, и надеюсь дописать сегодня до обстоятельств и случаев настоящего момента.

Итак, перед отъездом была большая спешка. Из-за укладки театрального имущества конторы, из-за переписки костюмерных корзин все время приходилось быть в театре. Свой же личный багаж укладывали ночью, за два дня до отъезда. Укладывали долго, чуть ли не до утра, так как надо было хорошенько разобраться, какие вещи берем с собой, какие оставляем на хранении в Нью-Йорке. Перед отъездом, в ночь на воскресенье, казалось бы, укладывать было нечего, но и то ухитрились просидеть часов до трех ночи. Утром в воскресенье было пасмурно, но сухо. Переезд в Филадельфию прошел очень быстро. Увы! – в Филадельфию нас встретил сильнейший дождь. И вот под этим дождем пришлось всем тем, кто не заказывал себе комнат, искать помещение. Провозились мы с этим часом до пяти, устали страшно, поскорей легли отдохнуть. А в семь надо было уже быть в театре, назначена была репетиция с сотрудниками “Федора”. Да, смешной был случай на вокзале. Сдавая на хранение багаж, мы спросили приемщика: “Сколько надо дать тем носильщикам,

что приняли багаж из вагона и свезли его на громадной телеге-тачке к выходу и к комнате хранения багажа?” Приемщик ответил, улыбаясь: “Вы в Америке, а не в Европе. Эти люди получают свое жалование и за него исполняют свое дело”.

С семи часов началась репетиция – достаточно вялая, так как все устали, всем надоело репетировать “Примирение” и “Собор”. Бедный Вас. Вас. снова надрывался, умолял, бегал, играл за всех. Конечно, при таких условиях приходится идти на страшный компромисс и принимать “толпу” такой, какая она есть, не рассчитывая как-то ее перестроить. Репетиция назначается главным образом для того, чтобы показать места, да и то относительно, так как репетировать приходится даже не в фойе, которое бывает в редких американских театрах (здесь его как раз нет), а при входе в партер, в небольшом этаком коридорчике. Чтобы репетировать выход из собора приходилось взбираться на лестницу, ведущую в бельэтаж, и все выходы начинать с верхушки этой лестницы.

Так прошло воскресенье. В понедельник с утра мы уже знали, что вечером, в сочельник, будет слабый сбор. Так и оказалось: 1 100 дол. Вид зала, при громадности здешнего помещения (человек на 2 200–2 400), был очень печальный. У нас весь вечер прошел в устройстве конторы, в разборке вещей, так что я не могу даже Вам сказать, как принималась пьеса. Кажется, хорошо. Вся наша администрация была озабочена и грустна, и про спектакль лучше было не заговаривать. На следующий день утренник (“Федор”) дал отчаянный сбор – 700 с небольшим долларов, вечером “Трактирщица” – 1 450. Пьесы принимались хорошо, но особенных восторгов не было. Да и трудно в этом громадном театре столь малочисленной публике устроить какую-либо овацию. А следующий день, т.е. сегодня, утренник “Иванова”, который скоро кончается, дал 1 050 дол. Словом, за первые четыре спектакля всего взято (листок из кассы лежит передо мной) – 4 386 д. Это ужасно мало, и если спектакли пятницы и субботы не исправят положения, неделя будет страшно слабой. А расходы нынче велики, так как обычные счета пополняются счетом перевозки труппы и имущества. Трудно сказать, чем объяснить такое равнодушие публики. Среди наших много говорится о том, что Гест не делает нужной рекламы. Но Леон. Дав. утверждает, что тут дело не в рекламе, а просто отсутствие интереса к нашему театру как театру иностранному, малопонятному. Действительно, после нас в этом же театре будут гастроли нью-йоркского известного актера Джона Барримора (“Гамлет”). Около кассы, продающей билеты на его гастроли, с утра стоит очередь. А концерты дирижера здешнего симфонического оркестра Л.Стоковского! На них невозможно даже за деньги достать билеты. Нынче в пятницу он дает свой концерт вместе с Гофманом. Мы приехали почти за неделю до концерта, но в день нашего приезда уже нельзя было купить ни одного билета. Мы мечтаем все же попасть на этот концерт, надеясь, что он пришлет места в оркестре нашему театру. Для этого необходимо пригласить его на наши спектакли, а у нас абсолют-

ное запрещение на выдачу контрамарок, заявленное владельцем театра Шубартом. Как раз сегодня Бертенсон говорил о том, что он надеется как-нибудь достать места для Стоковского, авось тогда и Стоковский ответит приглашением на свой концерт. Но мне нельзя рассчитывать на место, так как, вероятно, все присланные места разойдутся среди актеров. Во время наших нью-йоркских гастролей Стоковский приезжал со своим оркестром в Нью-Йорк, и тогда так же невозможно было получить билеты. Этот дирижер – гордость Филадельфии. На это Рождество город подарил ему 10 000 долларов.

Ник. Аф., идя в сочельник в театр, видел забавное зрелище: на большой площади перед домом ратуши был устроен концерт Стоковского с оркестром и хором. Он в сереньком коротком пальто дирижировал, стоя с непокрытой головой. Кто-то говорил, что здесь есть обычай давать такой концерт в вечер сочельника. А другие утверждают, что он устроил этот концерт в благодарность за подаренные ему городом деньги.

Вчера вечером в Нью-Йорк уехал Леон. Дав. – отчасти по делам театра, но, подозреваю, больше для того, чтобы повидаться с женой, которая все это время занята очень сильно. Она со своей сестрой, с братом, женой брата и двумя приглашенными артистами составила так называемый здесь “акт” – номер с танцами и пением. Их номер имел успех, и они почти никогда не отдыхают и не сидят без приглашений. Так что пока мы были в Нью-Йорке, они почти все время были в разъездах по разным близлежащим городам.

У нас нет никаких событий, ничего интересного, ничего яркого. Все та же скука, то же равнодушие ко всему, кроме денег и ролей. При этом наши актеры делятся на две группы. Одни не хотят вовсе играть и всячески отваливают от каждого спектакля. Другие – ни за что не уступают ролей даже при том, что дублеры им были предназначены еще в Европе.

Целый ряд актеров мечтают устроиться и остаться здесь, заводят разные знакомства, водят всяких нужных людей смотреть наши спектакли (к сожалению, на даровые места), ходят к каким-то местным жителям и т.д. И после своих переговоров начинают примерно такие разговоры: “Что за гроши нам платят! Вот когда я устроюсь так, как того заслуживаю, тогда я буду вот как богат!” Или: “А разве всем обязательно нужно возвращаться с театром? И разве если будет пролонгация, а потом Лондон, мы все обязаны ехать в Лондон? А если у меня будет предложение остаться?”

Леон. Дав. утверждает, что ни одного из них, конечно, никуда не пригласят, никому они не нужны сами по себе, а если кто и рискнет остаться на свой страх, то, конечно, пропадет и потом еще будет умолять Москву: “Выпишите меня ради Бога домой”. Но пока многие еще верят, что они увидят блестящее свое будущее в этой стране.

Только что кончился спектакль. Успех был очень средний, вызы-

вали всего два раза. Откладываю письмо до вечера, так как сейчас надо заняться, перед уходом на обед, делами конторскими.

Вечер 26-го декабря

Сегодня вечером у нас, кажется, лучший за все время сбор, но точной суммы пока не знаю. Только что кончилось “Мокрое”. Пьеса имеет успех.

Начиная с этого города, роль Чтеца читается по-русски. Интересно, что скажет об этом здешняя пресса. Ведь стали читать по-русски, а не продолжали по-английски только потому, что нью-йоркская пресса нашла это страшно неудачным. Но как курьез расскажу Вам, что к Диме Качалову на сцене подошел рабочий и спросил его: “На каком языке это читают?” Дима ответил: “На английском”. Тот сначала очень удивился, а потом говорит: “То-то некоторые слова показались мне знакомыми”¹.

Милый Владимир Иванович, я Вам обещала написать подробно о визите Подгорного к Ногину. Но, кажется, все то, что я уже написала, и исчерпывает рассказ о встрече их. Разговоры были довольно продолжительные, но все вертелось вокруг одного и того же. Ник. Аф. защищал театр и указывал на трудность положения К.С. и всех наших. А Ногин приводил примеры, как можно было бы поступить более осмотрительно. Ник. Аф. разбивал их, но вырастали новые причины для укоров. Прием же вообще был чрезвычайно милый. В конце концов решено было, что театр обратится к нему с письмом, прося защитить в Москве наши интересы, квартиры, репутацию, и он это письмо переправит в Москву при своем сообщении. Но до сих пор письмо это не написано и, вероятно, написано не будет. К.С. решил написать Вам письмо с изложением парижских обстоятельств и вообще своих горьких чувств по поводу нападок и травли в Москве. Письмо это в черновом виде написано и, вероятно, скоро пойдет к Вам².

Милый Владимир Иванович, в письме Подобеда было сообщение о поднесенных всем 10-летним юбилярам жетонов, причем Порф. Арт., перечисляя имена тех, кому жетоны отложены в архив МХТ, просил исправить список, если в нем есть недочеты. Прошу Вас передать ему, что в списке нет М.А.Ждановой, которую мы в вывешенном объявлении об этом подарке 10-летним юбилярам поместили. Театр просит не забыть ее и в Москве и отложить для нее жетон³.

Кроме того, в письме Подобеда есть фраза о том, что Подгорный ничего не сказал в Москве о своих переговорах с Помголом. На это Ник. Аф. просит меня сообщить следующее: о ходатайстве в Помгол знали Вы и Трушников. Трушников с Ник. Аф. составляли бумагу, а Вы ее подписали. О результатах же этого ходатайства мы узнали только за границей, получив от Помгола копию выписки протокола. И тогда же в Берлине Ник. Аф. Вам об этом сказал и показал эту бумагу. Действительно, может быть, следовало отсюда послать в нашу канцелярию в Москве копию присланной нам выписки, но нам и в голову не пришло,

что в Москву надо сообщать о московском же решении. Если в этом есть ошибка нашей конторы, просим нам ее извинить.

Милый Владимир Иванович, как странно себе представить, что сейчас в Москве улицы, быть может, засыпаны снегом, и Вы гуляете иногда по нашему снежному двору в шубе, в калошах. А здесь в сочельник было так солнечно, так приятно, что, когда я сидела у К.С. и занималась писаньем под диктовку, К.С. меня спросил: “Вам не слишком жарко на солнце?” Это – в сочельник. Сегодня значительно холоднее и очень большой ветер, но на снег и намек нет. Единственное, что падает с неба – это довольно противный дождь. Так было вчера. Погода переменчива ужасно. Но все же такой теплой зимы не было в Америке лет пятьдесят. Конец декабря, а мы подчас сидим в комнате при открытом окне. Правда, комнаты отапливаются знатно, так что мы все охаем, что слишком душно.

Рождество здесь празднуют с большим одушевлением. Все окна увешаны красными венками из какой-то круто сжатой папиросной бумаги или материи, или зелеными венками с красными лентами. Венки эти повсюду: в окнах магазинов, в окнах частных квартир, в окнах автомобильных кареток... Магазины переполнены покупателями, на улицах суета и оживление. В ресторанах – обеды с традиционной индейкой (нет нашего гуся!). Все делают друг другу подарки, все витрины заполнены всякой ерундой с надписью “Для подарка”. Одна американочка, моя приятельница, прислала нашей компании, с которой она была дружна, громадный картон с подарками. В нем был большой рождественский торт, две бутылки вина (это в “безвинной” Америке), по подарку для каждого – по изящной безделушке – и по какому то шуточному музыкальному инструменту, на которых мы сейчас же устроили святочный концерт. Все эти пакеты были густо пересыпаны орехами, какими-то особыми сушеными фруктами. Так, оказывается, здесь принято – дарить какие-то смешные пустяки с привешенными шуточными надписями.

Вот звонки на “Суд”. После него надо отправляться домой. Сегодня днем так и не попала домой. Был утренник, потом обедала, потом пошла в кино, где увидела конец какой-то драмы и начало комедии. Конца комедии и начала драмы дожидаться нельзя было, надо было спешить на вечерний спектакль. Потом весь вечер в театре.

Сбор наш сегодня 2 500 д.

Милый Владимир Иванович, всего, всего хорошего. Я непременно напишу Вам еще одно письмо отсюда. Будьте здоровы и не сердитесь никогда на меня.

Ваша Ольга Бокшанская

Филадельфия, 29 декабря 1923 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Я в таком обалдении от работы в этот последний день наших здешних гастролей, что заранее прихожу в отчаяние от того бессвязного письма, которое Вам сейчас напишу. Все подобралось одно к одному: и масса неожиданной работы, и спешка К.С. со своей книгой, такая спешка, что некоторые страницы он просит меня печатать без его диктовки, в свободное время, и выдача жалованья не во время дневного спектакля, как бывало всегда, а лишь вечером, уже к концу спектакля, так как только сейчас получила деньги из кассы, а уже начинается третий акт “Вишневого сада”. А впереди еще укладка конторы, укладка дома последних мелочей, раннее вставанье, так как на вокзале надо быть в половине одиннадцатого. Да, эта поездка пройдет не очень-то легко: не успеешь разложиться, как надо складываться.

Чтобы не забыть, начинаю письмо с того дела, которое просит передать Вам Леон. Дав. Я прилагаю копию телеграммы, посланной им сегодня в Женеву. Он очень занят этим делом, всюду старается устроить продажу вещей. Но цены, благодаря пошлине, пришлось поставить слишком высокие, выше здешних цен на такие же предметы. Поэтому он запросил Марию Николаевну, нельзя ли понизить цены. Ко времени нашего приезда в Вашингтон сюда приедет и тот человек, которому поручено ведение всего этого дела. Он приедет с товаром в надежде в этом городе богатых людей продать многое. Во всяком случае, часть вещей уже реализована. Что же касается тех двухсот долларов, которые Вы просили послать Вашему племяннику в Париж, то он никак не мог этого сделать, так как в кассе абсолютно не было денег. Если на этой неделе нашего пребывания в Бостоне касса будет по-прежнему бедна, то он пошлет эти деньги из своих и потом рассчитается с нами. Но я надеюсь, что нам удастся на этой неделе в счет Ваших денег выдать ему двести долларов, которые немедленно и отправятся в Париж.

Наши дела здесь очень плачевны. Сборы все время были слабы, и только сегодняшней вечерней сносен. “Лапы” дали только 1 900 дол., “Дно” – 1 400, “Вишневый сад” сегодня – 2 800. В общем, неделя кончилась при валовом сборе в 14 685. Леон. Дав. предполагает, что за вычетом всех расходов с накопившейся весьма незначительной прибыли Нью-Йорка придется снять долларов пятьсот. Если такие же дела будут в Бостоне – дело примет еще более скверный оборот, так как на той неделе расход будет несомненно больше, так как дорога туда дороже раза в три-четыре. У всех наших настроение сильно понурое, но, несмотря на это, отношения серьезного никак не вызовешь. И все наши тревожения, комбинации, планы, как вывернуться, как бы заплатить долги, как бы уменьшить расходы, наталкиваются на такое, я бы сказала, странное отношение, что часто руки опускаются и начинаешь думать: ну и пусть

все летит. Надо делать только то, что предписано, а волноваться, что-то придумывать – к чему? Кому это нужно? И как удержать все больше и больше расплывающееся дело? У нас исчезло всякое примитивное понимание дисциплины и добросовестного отношения к делу, пропало даже то исключительное отношение к К.С., которое всегда было и на которое он имеет все права. Вот пример: как я Вам писала, решено было здесь заниматься с ним ролью Боркина. Во-первых, было замечательно в смысле выбора режиссера. Летом этой пьесой занимался Москвин. А теперь, когда К.С. попросил его заниматься с Бакшеевым, то он ответил, что, собственно, он не режиссер пьесы, и хотя и Лужский – не режиссер, но надо просить Лужского. Это Москвин так отвиливает от работы, когда он занят всего в “Федоре” (при этом за каждый такой спектакль получает по 30 долл.) и в “Вишневом саде” и на выходе в “Штокмане”. А Вас. Вас. занят чуть ли не ежедневно и несет такую большую режиссерскую работу по всем другим пьесам. Ведь каждую неделю Вас. Вас-чу приходится возиться с новыми сотрудниками каждого города. А это ужасная задача. К.С. очень был расстроен таким отношением и сказал, что будет заниматься сам. И никто не пожалел старика, который занят по репертуару так сильно, работает над книгой и чувствует себя морально очень-очень плохо. Но лучше всех оказался в этом случае сам Бакшеев. Репертуар для него складывался так: во вторник после утренника “Федора” шла “Трактирщица” – он свободен. На следующий день вечером “Карамазовы”, в которых он должен в последнем акте выходить защитником, еще на следующий день – “Штокман”, он играет пьяного. К.С. назначил, чтобы он пришел к нему в вечер “Карамазовых” заниматься с половины восьмого до половины одиннадцатого, приблизительно до времени его выхода. А он взял да уехал в Нью-Йорк развлекаться, никому не сказав. Ему был передан вызов К.С.-ча, К.С. его ждал, ждал, что он утром, как было условлено, позвонит к нему. Никаких признаков жизни. Отсутствие его заметили на “Карамазовых” почти перед самым занавесом на последнюю картину. Спешно выпустили вместо него Бондырева. На следующий день опять была назначена репетиция для него у К.С. Вызов Рипси передала с живущим с ним Бондыревым. Опять был уговор позвонить утром по телефону. Звонка не было, в половине восьмого он к К.С. не явился. Тогда Рипси поехала к нему на квартиру и застала его только что приехавшим из Нью-Йорка. Она просила его пойти к К.С. и извиниться, но тот ответил, что “очень надо, и не подумаю”. Тогда Рипси сама пошла к К.С. и сказала, что Бакшеев только что приехал и на репетицию не сможет прийти, так как должен уже торопиться на выход в “Штокмане”. Когда она вернулась в театр, Бакшеев ее с усмешечкой спросил: “Ну что, старик очень рассердился?” – И всё. И вот прошли спектакли Филадельфии, у Бакшеева не было ни одной репетиции “Иванова” и, конечно, в Бостоне он не будет играть, как было намечено. Тем временем у нас еще множество осложнений с репертуаром, так как наша постановочная часть не может вынести мно-

гих комбинаций репертуара. Напр., трудно в один день проставить “Федора” и “Трактирщицу”. В этот день здесь вечерний спектакль начался на 20 минут позднее, и то балкон первого акта был поставлен так, что по нему нельзя было ходить, и все проходы по нему были отменены. И вот приходится комбинировать репертуар, сообразуясь с требованиями Геста, постановочной части, Книппер, Леонидова, Качалова, которые не могут многих пьес выдержать в один день. Качалов устал от множества своих ролей и не хочет играть в прошлогоднем репертуаре. Дав свое согласие на участие в утреннике “Дна”, он здесь отказался играть, и его заменил сегодня днем Ершов. Леонидов, сыгравший в среду “Карамазовых” и в четверг вышедший в “Штокмане”, заявил, что он не может играть в субботу вечером Лопехина. Раз в среду в один день он сыграл днем “Иванова”, а вечером “Карамазовых” (получая 25 д. разовых), то нынче Бакшеев может играть днем Пепла, а вечером Лопехина. Так ясно бросается в глаза, что те, кто получает разовые, интересуются только оплачиваемыми ролями. Право, грустно видеть и чувствовать, как разваливается дело, как пропал к нему почти у всех всякий интерес и осталось одно: интерес к субботе, когда платят жалованье.

Дела кассы плачевны до ужаса, надо серьезно подумать, как заплатить неотложные долги хотя бы тем, кто не является пайщиком и дал займы театру, не думая, что отдача долга затянется до такого долгого срока. Я без конца толкую, что надо принять срочные меры, хотя бы временно, пробные: надо недоплачивать жалованье пайщикам, надо собрать какой-то запасный капитал. Можно его пока не трогать, не трогать, но надо, чтобы, если не будет пролонгации, был фонд для уплаты долгов. Но эта мера вызывает такой страх перед протестами, перед нападками, такой трепет за каждый грош, отдаваемый из жалованья, что на нее согласия наши директора, или, вернее, главнейшие из них, не дают. Все надеются на “авось”. А если кончится контракт в марте, как вы получите с них деньги для отдачи кредиторам? И как ни стараешься убедить, что ведь если будут лишние деньги, то их они получат опять обратно, что снимаемые с их жалованья деньги будут положены в особый капитал, – никак не убедить. А вместе с тем если не принять этой меры, я уверена, что к концу сезона будет скандал и придется расплачиваться или деньгами К.С., который не потерпит запятнания имени МХТ, или придется не отдать некоторых долгов, оттянув расплату до Москвы. Не могу понять, на какую счастливую звезду рассчитывают наши директора, не желающие даже поинтересоваться положением финансов. Даже такой вещи, как собрание всех пайщиков, невозможно устроить, и то только потому, что никак не собрать всех воедино в один и тот же час. Непременен кто-то занят, кто-то устал... А вместе с тем я предупрекаю Ник. Аф., что если сейчас не устроить формального заседания пайщиков, то потом они станут говорить: “Это безобразно, вы только в последний момент осветили дело”. И хотя об этом говорится постоянно в уборных, всячески всем напоминает, что в кассе денег нет, что всякие расходы ограничены до крайности, я уверена, что без формального

заседания все потом будут отрекаться от того, что знали истинное положение вещей. При этом разговоры идут самые непозволительные. Один из пайщиков, правда, в несколько “приподнятом” настроении, стал говорить: “Я ничего знать не хочу. Сами себя в дирекцию назначили, сами себе жалованье назначили, получаете “по двум строчкам” (это так в ведомости: отдельно актерское жалованье, отдельно – дирекционное), теперь и распутывайте дела, а мне ни до чего дела нет”. И, вероятно, так будут рассуждать очень и очень многие.

Дорогой Владимир Иванович, сейчас уже кончается последний акт “Вишневого сада”, письмо пришлось писать отрывочками, так как постоянно прерывали приходившие за жалованьем. За укладку еще не принимались, а надо, иначе засидимся до очень позднего часа. Поэтому приходится прервать письмо до будущего раза.

Кроме того, я очень боюсь, что всякие мои рассуждения совершенно Вам не интересны. Вам по-настоящему надо сообщать все факты, все случаи, а свои собственные размышления по всем поводам надо удерживать. Я только на то и надеюсь, что Вы ужасно добры ко мне, что Вы не очень меня за то браните, что я не могу удержаться от рассуждений.

Вчера мы все были на очень интересном концерте Леопольда Стоковского. К сожалению, зал был так переполнен и билеты были проданы так задолго до нашего приезда, что он мог предоставить места в зале только К.С. и Книппер. Мы же все сидели на сцене, за декорацией, в которой сидит оркестр. Но это было тем приятно, что Стоковский, в котором масса обаяния и милоты, подходил к нашей группе, сидел немного с нами и болтал с дамами. К сожалению, концерт был не так интересен, как он мог бы быть, т.к. вся программа была отдана произведениям Иосифа Гофмана, мало интересным и глубоким. Кроме того, за все утро был только один номер специально оркестровый, остальные же были – рояль и оркестр. В тот же вечер, единственный свободный у него, Стоковский, по приглашению, был у нас. К.С. был огорчен, что ему пришлось смотреть “Лапы” – один из наиболее слабых наших спектаклей. В первом акте К.С. был в театре и приветствовал Стоковского. Конечно, было сказано много взаимных любезностей и, между прочим, Стоковский говорил о желании приехать в Москву. Это было бы очень интересно и хорошо, если б это оказалось не только любезными словами. Его слушать и наблюдать за ним во время дирижирования – настоящее наслаждение.

Теперь уже окончательно надо простаться, милый Владимир Иванович.

Всего Вам хорошего. Простите, если письмо сумбурно. Ужасная обстановка и спешка.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Счастливого Нового года Вам и дорогой Екатерине Николаевне.

Сейчас же высылаю Вам письмо К.С.

[1924]

69.

Бостон, 1-го января 1924 года

Милый, замечательный Владимир Иванович!

Первое мое письмо в этом году – Вам. Все мои сердечные поздравления, самые прекрасные пожелания, самые нежные чувства – Вам. А все завистливые чувства – тем, кто в этот вечер Нового года был в Вашем театре и видел Вас.

У нас Новый год совпал с днем такой спешки и усиленной работы, что мы даже не успели сообразить попросить Сергея Львовича отправить Вам телеграмму и от нас. А кому-нибудь из нас поехать на телеграф не было никакой возможности. Но лучше я Вам все по порядку расскажу о нашем выезде из Филадельфии. Только сначала я непременно хочу исполнить просьбу Ник. Аф. Он просил меня передать Вам его поздравления так сердечно, так красиво, как только я сумею, написать самые милые, самые хорошие мои слова. Я ему пыталась было доказать, что я не могу этого сделать, потому что самые мои красивые и нежные слова и мысли будут посланы Вам от меня лично. Тут я написала такую неудачную фразу, про которую Вы непременно улыбнулись бы, поэтому я так старательно ее застучала.

Да, так, несмотря на мои мало обнадеживающие слова, Ник. Аф. все-таки просил меня поздравить Вас от него. И я это исполняю с удовольствием, так как рада каждому случаю, чтобы передать Вам, как Вас любят, как много и как любовно о Вас думают.

Теперь о нашей жизни. Отъезд из Филадельфии прошел так благополучно, так “культурно”, что блестяще доказал, насколько наша публика привыкла путешествовать “по заграницам”, насколько приучилась к неторопливости, спокойствию и изытью лишних пакетов за время наших скитаний. И даже то обстоятельство, что почти невозможно было достать носильщика, что до последней минуты мы все оставались в зале ожидания, что перед самым отходом поезда удалось достать большую повозку, на которую сложили весь ручной багаж, причем складывать его пришлось молодежи нашей, – не нарушило спокойствия отъезда. Было одно только обстоятельство, пожалуй, даже два, которые несколько всех взбудоражили. Во-первых, проспал и не приехал на поезд Ник. Гр. Александров. Но местные “друзья театра” немедленно дали слово, что он будет ими отправлен на поезд со всей заботливостью, на какую они способны. Так и случилось, и Ник. Гр. несколько часов спустя после нас благополучно прибыл в Бостон. Во-вторых, Муся Жданова на вокза-

ле заметила, что оставила свои деньги в отеле. Ее тут же подхватил один из тех же “друзей театра” и в автомобиле спешно повез в отель. Денег она там не нашла и успела вернуться обратно до нашего отъезда. А когда поезд уже двинулся и Муся по настоянию приятельниц стала искать снова в своем чемодане, то деньги там и нашлись. Так что все кончилось к общему благополучию.

Мы выехали из Филадельфии в хороший ясный день, в такой славный осенний денек. Начало пути прошло волнительно для нескольких наших, которые непременно хотели остаться в Нью-Йорке и приехать в Бостон на следующий день. Хотела этого Шевченко, повидаться с семьей хотел Москвин, Бакшеев, Дима – просто пофланировать по Нью-Йорку, повидаться с друзьями. Вот они пристали к Леон. Дав., чтобы он им устроил остановку в Нью-Йорке, т.е., другими словами, переговорил с американцем-администратором поездки. Но нашему американцу, видимо, надоели все эти “личные, персональные” выступления. Он сказал Леонидову: “Это не дело, у вас каждый делает, что хочет. Билет общий, и никаких изменений в нем я делать не намерен. Если хотят оставаться, пускай потом едут за свой счет до Бостона, а у нас билеты пусть пропадут”. Когда Л.Д. пришел с отказом, наши не поверили. Пришлось привести самого американца, который что-то пролопотал им по-английски, оскалил вместо улыбки зубы, сказал “Ай эм вери сорри” и ушел. И, конечно, все благополучно поехали в Бостон, никому не стало охоты платить деньги за билет ради удовольствия погулять по Нью-Йорку.

В Нью-Йорке на вокзал пришли все те семейные, которые не ездили с нами в Филадельфию: жена Бурджалова, муж и сын Тарасовой, сын Бодулиных. Мы простояли там на станции минут пять. Потом покатали дальше. В Бостон мы должны были приехать в начале девятого вечера. А часов этак в пять кто-то в вагоне воскликнул: “Господа, смотрите, снег идет”. И действительно, на осенне-желтые листья придорожного леса сыпалась с неба мелкая крупа. Стало сильно темнеть. К 7 час. мы подъехали к какой-то станции, и чисто русская картина стала перед нами: темно-синее небо, ослепительный под фонарями снег, укатанный, утопанный, упругий. И какой-то прозрачно-синий воздух. В Бостоне на вокзале нас встретили “бостонские друзья театра”, знакомые еще по прошлогоднему приезду. Там на улицах тоже была зима, но сырая, тающая, с дождем, с лужами.

Для многих были заранее оставлены комнаты в том отеле, где жила часть труппы в прошлом году. Других подхватили местные жители с предложением отвезти в хороший отель. И вся наша труппа чрезвычайно быстро и без суматохи разъехалась по домам. Я было собиралась ехать в тот отель, где жила в прошлый раз, там было очень хорошо. Но один из наших здешних знакомых посоветовал заехать в хорошую гостиницу, расположенную возле самого театра. Приехав туда, я застала там К.С., который уезжал оттуда, говоря, что комнаты здесь как-то уж

очень “студенческие”. Советовал и мне там не оставаться. Но близость гостиницы к театру настолько прельстила меня, что я не послушалась К.С., не видя даже, какие в ней комнаты. А комнаты действительно смешные: не очень большая комната, чистая, аккуратная, при ней прекрасная ванная с постоянной горячей водой. Но для удобства жильцов, для того чтобы днем в комнате было как можно больше места, кровать складывается, вернее, подымается кверху (она, однако, устроена так, что ни подушки, ни одеяла при этом с нее не падают) и, вращаясь вокруг собственной оси, вдвигается в шкаф, вделанный в стене. В этом шкафу помещается не только кровать, но и вешалки для платья и полки для всяких вещей. Шкаф этот закрывается эlegantной полированной дверью, и комната сразу принимает вид приемной, гостиной, но никак не спальни. В этой гостинице остановились многие наши: вся администрация – Леонидов, Подгорный, Бертенсон, Гремиславский, Рипси, я, Румянцев с женой, Николаева – и актеры: Вишневский, Москвин, Леонидов, Раевская...

Вечер нашего приезда, конечно, был отдан для устройства каждого на новом месте. А на следующий день, в понедельник, была назначена в 1 час репетиция “Федора” для актеров и сотрудников. (Сотрудники собрались к 12-ти и занимались с Вас. Вас.) Достать русских сотрудников здесь страшно трудно. Нужных нам 16 человек достать было невозможно, и пришлось пойти на компромисс: удовольствоваться 10-ю русскими, найденными для нас, пополнить их Димой и Суходревым, работающими по ведению пьесы, в рындах же, кроме Димы, выпустить троих американцев, ни слова не понимающих по-русски.

Репетировали довольно долго, конечно, к тому же, очень вяло, так как всем надоело до смерти проходить в каждом городе все то же. Наскоро прошли с исполнителями “Примирение” и “Собор”. Едва ли кто-либо из сотрудников ясно представлял себе содержание пьесы и свое участие в ней. После этой репетиции прошли и “Мокрое” для тех парней, которых также приходится набирать сызнова в каждом городе. Кончили часам к пяти и поспешно разошлись, т.к. вечером надо было играть спектакль.

Открытие прошло благополучно. Сбор был 1 700 долларов. Говорят, есть хорошие статьи, которых, кажется, еще даже Сергей Львович не читал, так что и мне позволительно пока не знать их.

После спектакля все стали поспешно одеваться в нарядные платья, т.к. были приглашены на встречу Нового года. На этот раз и я решила поехать. Обыкновенно на такие сборища я не езжу. Как говорит Ник. Аф., единственная польза от поездки на этот вечер была та, что теперь надолго получено отвращение ко всякого рода приемам и фестивалям.

Встреча была организована в специально нанятом помещении, куда нас всех доставили на автомобилях. В одном углу этого пустого и бесцветного зала был накрыт стол буквой “Г”, за который усадили всех нас. Устроители же ходили кругом, угощали, смотрели с немым

восторгом или же открыто выражали свои нежные чувства. Еды было много, даже было вино и виски, в этой трезвой стране столь зверски гонимые. Наши ели с аппетитом, т.к. все проголодались за вечер. Пили тоже не без аппетита, так что ко времени моего приезда (я приехала уже после самой встречи) было немало “веселых” лиц. В другом углу залы расположился небольшой оркестр. Устроители нарядились в какие-то комические шапочки из цветной бумаги, вооружились всякими свистелками и дудочками, в которые по временам неистово свистели. Когда все несколько поотстали от еды, начались танцы. Зрелище было довольно забавное, но нельзя сказать, чтобы очень ласкающее глаз. Когда же, после русской, исполненной Булгаковым и Успенской при общем восторге присутствовавших хозяев вечера, все столпились у оркестра, какой-то господин взобрался на стул и запел песню, а остальные подхватили припев, – я не выдержала и поспешно уехала. Было около двух часов ночи. Говорят, что после этого вскоре разъехались и остальные, так что Настенька Румянцева, приехавшая после двух часов ночи с какой-то другой встречи Нового года, застала самый шапочный разбор.

На следующий день дневной “Федор” прошел на сцене скучно. Принимали хорошо, сбор был для утренника хороший – 1 900 д. Вечером “Трактирщица” прошла при сборе в 1 300 д. Я в зале не была, но слышала, что почти ничего не принимали, спектакль шел неинтересно. К.С. сердился и укорял исполнительниц. Сегодня утром – “Иванов”. Сейчас кончается третий акт. Сбор 1 300 д. Я ходила смотреть второй акт. Некоторые исполнители играют замечательно. В смысле актерской игры эта пьеса несравнима ни с одной из нашего репертуара. В публике, в той немногочисленной для этого колоссальнейшего театра публике, заметно много американцев, которые сидят с книжкой и все время следят за текстом по переводу. В верхнем ярусе смеялись, вероятно, там сидело много русских.

Театр очень хороший, но чрезвычайно большой. Кроме партера и лож бенеуара, в нем четыре яруса.

Серг. Львович в своем письме сообщил Вам о наших предположениях. Поездка по разным городам сопряжена с такими трудностями и с такими не покрываемыми сборами расходами, что Гест, кажется, решил после Вашингтона (до этого у нас Нью-Хевен и Хартфорд и Балтимор) привезти нас снова в Нью-Йорк, где и играть несколько недель. Для того чтобы нам выдержать спектакли в провинции без убытка, но и без прибыли, нам надо делать на круг по 2 000 в вечер. Филадельфия этого не дала, Бостон тоже может дать убыток. Игра же на одном месте в Нью-Йорке может дать те же сборы, но зато не будет расходов на перевозку труппы и имущества. Гест рассчитывает, что в Нью-Йорке всегда хватит публики на сборы до 16 000 валовых в неделю.

Если состоится пролонгация (вопрос, который кровно волнует всех) и вместе с ней поездка в Калифорнию, то к концу срока нашего контракта мы поедем в Чикаго (наиболее театральный провинциальный

город), а оттуда в Калифорнию. Л.Д. делает все, чтобы дать возможность труппе продержаться до весны, до Лондона, чтобы не возвращаться неожиданно и, может быть, нарушая все Ваши планы, в конце нынешнего сезона. По секрету Вам скажу, что он ведет переговоры и относительно кинематогр. съемок. Вопрос этот должен выясниться не позднее 15–19 января. Если съемки будут предложены, возможно, что мы никуда не поедем и все время после 8-го марта (конец срока гостовского контракта) проведем, снимая “Царя Федора”. Но пока, конечно, все это в области предположений. Конечно, пролонгация может сильно помочь в деле урегулирования кассы и возвращения долгов, так как до марта мы все выплачиваем Гесту его аванс, данный летом, после же этого времени у нас даже от гарантии может оставаться некоторая сумма, которая пойдет на возвращение долгов. И личные интересы все в пролонгации, так как жалованье, даже минимальное, настолько хорошо, что позволяет каждому или откладывать, или покупать себе всякие необходимые вещи. У молодежи, у не пайщиков запасы прошлого года закончились еще в Париже. При этом многое в Париже было истрачено в долг, в счет будущей Америки. И сейчас почти нет человека, который не выплачивал бы долга. Если не будет пролонгации, то каждый только и успеет, что рассчитаться со своими долгами. И приобретение денег ли, вещей ли по-настоящему может начаться только после, по крайней мере, 10–12-недельного пребывания в Америке. Поэтому каждый страшно интересуется всеми предположениями и планами нашей дирекции, а молодежь постоянно пристает ко мне, что я, наверное, знаю от “директоров”, что будет впереди, что думает Леонидов, но только скрываю от них. Пока труппе не объявляют даже того, что после Вашингтона может быть снова Нью-Йорк. А про предположения с кино и намека не делают, так как иначе начнутся снова дележи шкуры неубитого медведя, а в результате – неудавшееся соглашение с владельцем фильма.

Вчера я купила для Вас и Екатерины Николаевны журнал, в котором, между прочим, есть наброски с наших Бориса Григорьева¹ и фотография Ольги Леонардовны среди карточек самых разнообразных знаменитостей, как, напр., Дузе, Мистангет и др. Я надеюсь, что журнал вообще будет интересен Екатерине Николаевне и в смысле модных силуэтов. Вышлю его тотчас же, как буду иметь время съездить на почту. Может быть, завтра.

До свиданья, милый Владимир Иванович. Еще раз поздравляю Вас и дорогую Екатерину Николаевну с теми праздниками, которые давно пройдут к тому дню, когда это письмо прибудет к Вам.

Как Вы думаете, милый Владимир Иванович, Вы напишете мне скоро? Ужасно хочется получить от Вас письмо. Ведь Вы очень давно уж не писали мне.

Ваша Ольга Бокшанская.

Знали ли Вы, сколько раз в эту новогоднюю ночь я вспомнила Вас и Москву. Наверное, знали.

Бостон, 5-го января 1924 года

Дневной спектакль

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утро принесло нам большие новости. Пришел Серг. Льв. и сообщил, что ночью Леонидов, уехавший для свидания с Гестом в четверг вечером в Нью-Йорк, телефонировал, что мы не поедем в Балтимор и Вашингтон, а сразу после недели гастролей в Нью-Хевене и Хартфорде (по три дня в каждом городе), поедем обратно в Нью-Йорк и там будем играть в том же Джолсонс-театре. Я знаю, что театр законтракован на три недели, но репертуар пока объявлен на первые две. Как всегда в Нью-Йорке, утренники по пятницам и субботам. На первой неделе первые четыре спектакля “Карамазовы”, вторые четыре спектакля – в пятницу и в субботу по два раза в день – “Вишневый сад”. На второй неделе – сначала пять раз подряд “Иванов”, остальные три спектакля – “На дне”. На третьей неделе Гест просит дать “Дядю Ваню”, но об этом известно пока только нам, даже К.С. ничего не сказали, и все расскажет Леонидов, который ко времени нашего завтрашнего приезда в Нью-Хевен будет уже там.

Такая перемена в наших планах случилась потому, что поездка не дала ожидаемых сборов, а расходы по ней колоссальные, особенно по рекламе. Всех подробностей переговоров Леонидова с Гестом я не знаю и напишу Вам о них после встречи и рассказов Леон. Давыдовича. Правда, сборы уж не так плохи в Бостоне, но для выгоды поездки надо делать куда лучшие дела. Помнится, я Вам писала в день “Карамазовых”, когда сбор был 2 700. После этого в четверг был “Штокман” при сборе в 1 600, в пятницу “Лапы” – 1 900 и сегодня днем “Дно” – 2 500. Вечером ожидается тоже хороший сбор. Без сегодняшнего вечернего сбора у нас в кассе 15 000. Но разве эти деньги могут оплатить все расходы, когда, говорят, одна реклама в Бостоне обошлась три тысячи. И каждый новый город стоит страшно дорого. Реклама же на одном месте, в одном городе значительно дешевле. Кроме того, дорог транспорт людей и багажа.

И только теперь с отчаянием можно констатировать, что большая часть наших расходов была сделана напрасно. Я говорю о постройке и перевозке декораций тех пьес, которые никак не оправдали наших ожиданий. Вы только подумайте, милый Владимир Иванович: пять различных декораций “Трактирщицы”, три декорации “Штокмана”, сукна “Лап”, мебель для всех этих пьес (особенно – стильная для “Трактирщицы”), бесконечные затраты костюмерной части, перевозка всего этого груза – что это стоило поездке? И насколько это оказалось нужным? Без этих пьес наш расход летом и осенью был бы вдвое меньше, и стало быть, у нас не было бы долга или был бы совсем незначительный. При этом декорации так малоинтересны, что есть проект выбросить их здесь

и не возить с собой в Москву, так как они даже того не стоят, чтобы на их перевоз были истрачены деньги.

4-й акт “Вишневого сада”
Последний спектакль в Бостоне

Нынешний вечерний сбор превзошел все ожидания: 4 229 дол. И если мы утром считали бостонскую неделю кончившейся с несомненным убытком, то теперь можно ожидать, что расходы покроются валовым сбором, а быть может, останется и небольшая сумма в прибыль. Однако даже это обстоятельство не помогает исправлению мрачного настроения некоторых участников поездки. Почему-то Леонидов страшно всем недоволен и находит, что поездку надо кончить в марте, надо вернуться в Москву даже и в том случае, если будет предложение пролонгации до весны. Не знаю, чем он руководствуется. Опыт прошлого года показал, что кратковременное пребывание в Америке не может быть выгодно, и только тогда начинается какое-то просветление, когда мы выплатим долг Гесту, какие-то текущие долги, когда мы будем получать гарантию полностью, так что от нее будет что-нибудь оставаться в пользу дела. Тогда можно будет говорить и о выплате некоторых частных долгов. Не думаю, чтобы Леонидов (Л.М.) нашел много сочувствующих его предложению в марте возвратиться. Всякий понимает, что даже если у него не будет ни гроша дивиденда, эта поездка для него выгодна, т.к. он будет еженедельно откладывать из своего жалованья сумму весьма приличную. А те, у кого семьи за границей, если и не откладывают, то, во всяком случае, в состоянии предоставить своим близким такую жизнь, о которой они и мечтать не могли бы два-три года тому назад.

Интересно, с какими новостями и рассказами придет Леон. Дав.

Вот только внутри у нас очень неблагоприятно. Молодежь так распустилась, сладу нет. Конечно, при К.С. еще сдерживаются, но те спектакли, которые идут без присутствия К.С., бывают уснащены недопустимыми штучками и вывертами. Мне было совестно за марку МХТ, когда я вчера пошла в зрительный зал смотреть третий акт “Лап”. Актеры, играющие лакеев, выходят на сцену без грима, ходят еле волоча ноги, уходят со сцены, не дождавшись конца реплик Баста, т.е. не дослушав приказания. Сегодня у меня был длинный разговор с одним из молодых, и он меня убеждал, что все идет от “стариков”. Что старикам надоело играть, и они заражают молодежь. Что спектакли идут вяло от полного равнодушия к ним главных исполнителей. А за ними и маленькие исполнители тянутся. Но это не совсем так. Можно играть вяло, но озорничать, шутить, мешая всему спектаклю, – откуда же это. Сегодня идет “Дно”. Если б Вы только видели эту позорную народную сцену. К.С. не было, и вот началось. Шалили, когда кричали за сценой; во время крика Наташи один исполнитель не нашел ничего остроумнее, как вторить ей козлиным тоном, во весь голос. На сцене идет полная свалка,

то страшный шум, за которым не слышно реплик, то полная тишина. Сколько К.С. ни проходит с ними “кусков” сцены, ничего не делается, все мажется в одно. При этом все страшно веселятся, все хохочут и стараются рассмешить главных исполнителей. То, что выходит приставом кто-нибудь из молодежи, так смешит Шевченко, что она смеется почти в голос, стараясь скрыть хохот всхлипываниями¹. И никто не делает замечаний, все только благомыслящие люди между собой говорят: “Это безобразие!” Сделать замечание – это нарваться на грубость, на неопозволительную руганню. На днях был скандал за кулисами между Добронравовым и Н.Г.Александровым. Н.Г. обругал его за то, что он не приходит на шум второй картины². Я знаю, что он ответил ему страшно грубо, но как именно, я не знаю, потому что никто не мог мне повторить, до того это было грубо. Сегодня, напр., К.С. обратился к Ник. Аф. с такой фразой: “А вам известно, что такие-то являлись на спектакль в пьяном виде?” Что можно ответить на это. – Конечно, известно, но если бы я им сделал замечание, они бы ответили грубостями, было бы разбирательство, и вы, К.С., первый не постояли бы за меня, не стали бы на мою сторону. Оштрафовать их, как вы предлагаете? Да вы сами, К.С., отмените мое распоряжение о штрафе, когда они придут к вам с просьбой об отмене.

Нет авторитета ни у кого. И те из стариков, которые могли бы сильно “хватить” кого-нибудь из безобразящих людей, стараются все держаться в стороне, чтоб не иметь неприятностей, чтоб не прослыть “строгими моралистами”.

Милый Владимир Иванович, уже кончился спектакль, надо прощаться. Еще предстоит укладка конторы, а здесь в спектакле правило – нельзя задерживаться поздно после конца, иначе начинаются штрафы за освещение.

Все уложено из письменных принадлежностей, остался только этот карандаш для подписи. Не забывают.

О.Бокшанская

71.

Нью-Хевен, 8 января 1924 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Вот мы не только уж в новом городе, но даже завтра снова закрываем сезон, чтобы послезавтра начать играть на новом месте, в Хартфорде. В Бостоне отъезд прошел совсем благополучно. В тот день стоял крепкий мороз, московский. Все мерзли, особенно те, кто свои шубы отправил с тяжелым багажом, а оставил на неделю осеннее пальто. Уезжали только с ручным багажом, все были заранее предупреждены, что в Нью-Хевене и Хартфорде большие сундуки не будут доставлены

на квартиры, а будут стоять на станции в вагоне. Езды до Нью-Хевена четыре часа, так что “отчалив” в начале одиннадцатого, мы были на нью-хевенском вокзале в четверть третьего дня. Там нас встретил Леон. Дав. с громадным пакетом писем, пришедших в офис Геста, и с сообщением, кому оставлены комнаты в гостиницах, а кому надо самому выбрать по таким-то адресам. Все разъехались очень быстро и вскоре были устроены. Я побывала по указанным Леонидовым адресам, но там мне не понравилось, и я решила поехать в лучший отель “Тафт”, рядом с нашим театром. И теперь живу так изумительно, что ни капли не жалею, что плачу так дорого. Там поселились еще К.С., Книппер, Коренева, Николаева, Подгорный и Рипси. А все остальные, разместившиеся в худших гостиницах или в мебелированных комнатах, которые здесь весьма среднего качества, ужасаются нашей расточительности, но, по-моему, завидуют нам. Действительно, так комфортабельно жить редко приходилось и приходится. И в конце концов не так уж страшно все это дорого. За великолепную большую комнату, вообще полагающуюся на двоих, со своей ванной комнатой, с завтраком по утрам, я плачу 4 с половиной доллара в сутки. Зато когда подают, вернее, вносят утром в комнату замечательно сервированный стол с завтраком, на душе становится так весело и забавно, что нисколько не жалеешь о затраченных деньгах.

В воскресенье, приехав сюда, мы узнали, что не удалось получить здесь русский хор для последней картины “Федора”. Это мы уж предполагали и раньше, и Вас. Вас. переделал несколько выходов из собора, придумал комбинацию, при которой могут петь все наши. Мы предполагали, что актеры будут недовольны тем, что им предложат, помимо игры, еще и петь. Но оказалось, что всем эта затея очень понравилась, особенно женщинам. Первую спевку на всякий случай устроили еще в вагоне, а потом спевались при всяком удобном случае. Пели все при начале картины и в конце, когда Федор остается один на сцене. В том же месте, когда Федор говорит: “Царь-батюшка, ты, стольким покаяньем...”, были отпущены незаметно со сцены Шевченко, Тарасова и Успенская, которые пели прекрасно “Кресту твоему...” Вся эта перемена взбудоражила наших, все были очень оживлены, взволнованы. Кроме того, еще одна новость взволновала всех. Это то, что Митрополитом вышел К.С.

Те сотрудники, которых удалось набрать здесь, оказались так ужасны, так трудно было их научить самым примитивным жестам и переходам, что сколько Вас. Вас. ни бился, он никак не мог научить кого-нибудь осенять толпу крестным знаменем. Тогда решили просить К.С., который согласился и провел весь спектакль в гриме и костюме, сильно этим подтянув всех участвующих.

После дневной репетиции “Федора” К.С. оставил всех актеров в фойе, и Бертенсон перевел всем статью одного профессора здешнего знаменитого во всей Америке университета о нашем театре¹. Это сплошной хвалебный гимн, и К.С. просил, чтобы наши поддержали

репутацию театра, столь восхваляемого, признаваемого лучшим театром мира. Вероятно, Серг. Льв. пошлет Вам перевод этой статьи. Этот профессор посещал наши спектакли в Нью-Йорке, писал письма Ольге Леон., словом, проявил необыкновенный интерес к МХТ В этой статье он призывает всех ходить на спектакли театра.

Вечером театр был почти полон, но так как он невелик, то сбор достиг 2 129 дол. Каков сбор сегодня, на втором представлении (“На дне”) – я не знаю, еще мы не получили извещения из кассы.

Ах да, был еще один случай большого внимания к театру. В воскресенье, в день нашего приезда сюда, вечером в этом же театре, где мы теперь играем, был спектакль какой-то еврейской передвижной оперетки. Директор этой труппы, сам великолепный актер, просил всех нас прийти на спектакль. Пришло довольно много наших (я не была и пишу Вам по рассказам). И вот после второго акта – театр был переполнен весь – этот директор вышел на сцену и начал читать речь о том, что в Нью-Хевен приехал такой замечательный театр, как МХТ, представители которого сидят теперь здесь в ложе, что лучше этого театра он ничего не знает, что все должны увидеть все спектакли этого театра, – словом, поток комплиментов, восторгов, любезностей и благодарностей. Наши кланялись из ложи, публика бешено аплодировала.

Вероятно, наши дела здесь будут очень недурны, могут быть и в Хартфорде хорошие сборы (этот город в сорока минутах езды отсюда, и вероятно, слухи о наших успехах моментально дойдут дотуда), но все же поездку надо признать для нас невыгодной, т.к. аппарат наш слишком тяжел для постоянных переездов. Поэтому мы переезжаем в Нью-Йорк, причем Гест уже фиксировал время нашего тамошнего пребывания в шесть недель. И Гест, и Леонидов, и некоторые наши надеются, что в Нью-Йорке мы сможем сделать какие-то сносные дела. К.С. же не верит в устраивающие нас сборы и нервит от этого плана.

Как приманка, будет поставлен “Дядя Ваня”, говорят, но очень смутно, еще и о “Смерти Пазухина”. Сою в “Дяде Ване” будет играть Тарасова. Остальные роли пока точно не утверждены. К.С. просил, чтобы правление решило, кто Астров – он или Качалов, кто Елена Андреевна – Книппер или Коренева. Кроме того, Гест настаивает, чтобы на афише было имя Москвина, поэтому ему будет предложен Вафля. Костюмы у нас есть, равно как и для “Пазухина”, в декорациях же, вероятно, будет применен принцип постановки здешнего “Мудреца”.

Нью-Хевен оказался прелестным городком, очень чистым и даже живописным в смысле архитектуры. Все здания университета очень красивы. Кроме того, есть несколько зданий белых, с колоннами, чем-то напоминающих наш российский “ампир”. Мы так давно не видели чего-то напоминающего российскую улицу, что этот отдаленный намек радует и волнует. Но, конечно, несмотря на сравнительно немногочисленное население (135 000 чел.), и здесь выстроены громадные небоскрежные дома, в которых устроены столь типичные для Америки

универсальные магазины, и здесь на каждом углу аптекарский магазин, в котором с утра начинается поедание мороженого (не нами, приезжими, – мы уже пресыщены им, – а местными жителями), и здесь с утра светятся электрические рекламы кино, открытых для публики с 10 утра до 12 ночи, и здесь витрины всех магазинов похожи на все виденные до сих пор витрины. Стоит прекрасная солнечная, чуть морозная погода, без снега.

Сейчас идет третий акт “Дна”. Все уборные помещаются под сценой, в стенах их, под потолком, большие окна без стекол, поэтому все разговоры и шум слышны из всех комнат. Поэтому писать страшно трудно, сейчас идет одеванье к народной сцене и до меня доходит такой сплошной гул разговоров, что трудно сосредоточиться. При этом я ушла из своей комнаты в уборную-костюмерную, так как там от посторонних посетителей и “вопрошателей” отбою нет.

Я сегодня не отправлю это письмо, хочу задержать его до завтра, до последнего момента завтрашнего вечернего спектакля, чтобы все написать Вам о нашем ньюхевенском пребывании.

Пока до свиданья, милый Владимир Иванович, скоро надо идти на сцену.

9 января 1924 года

Вот снова наш последний спектакль, милый Владимир Иванович, последний в этом городе. Сегодня был тяжкий день. Днем играли “Вишневый сад”, причем спектакль затянулся, были длинные антракты. Кончили без двадцати минут шесть. А в семь надо было снова быть в театре для вечернего “Федора”. Жара в уборных стоит невыносимая. Уборные под сценой, без окон, без вентиляции. Надышали за день страшно, духота и жара, а вечером еще сотрудники пришли – силы нет переносить эту температуру, сидя к тому же в боярских костюмах, в киках, в убрусах.

Утренний спектакль имел большой успех, сбору взяли около 2 200 долларов. Принимали очень хорошо. Вечером сбор нам несколько испортил назначенный на сегодня концерт Шаляпина. Но все же мы взяли на этом втором “Федоре” свыше 1 800 дол. Критики, конечно, появились после “Федора” и “Дна”, необыкновенно хвалебны, но, конечно, все усеяны общими фразами. Отмечая Книппер в “Дне”, рецензент не нашел ничего большего, чем написать, что это вдова писателя Чехова, пьесу которого “Вишневый сад” будут играть завтра.

Но самый город так мил и приятен, что многим хотелось бы пожить здесь дольше. Очень красивы все здания университета. Забавно было вчера ночью, когда мы с К.С., Книппер и Качаловым возвращались во втором часу ночи домой из рестораника. На улице нас поразил какой-то тянущийся тонкий звук, будто что-то трещит, свистит, верещит. Ольга Леон. предположила, что это электрические провода, но оказалось, что это трещат скворцы, бесчисленное множество скворцов, сидящих на одном из зданий университета, на всех его выступах, на

деревьях, ползущих по стене. Мы подошли к этому дому и в темноте с трудом разобрали эти черные точки на серых камнях. А потом стали забавляться тем, что, хлопая в ладоши, спугивали всю эту стаю. И тогда на фоне темно-синего неба пролетала стая больших серых птиц, похожих в темноте на больших ночных бабочек. Крылья шуршали так красиво в тишине. Потом они снова усаживались на ветки деревьев, на выступы стен и начинали свое неумолчное щебетанье.

Сегодня стояла чудесная солнечная погода, теплая, безветренная, такая, какая иногда приходит в марте – апреле, в Великом посту, на Святой. А на завтра предсказан сильный дождь при теплой погоде. Как нам уезжать, так дождь, просто беда.

Сейчас же надо кончать письмо, так как Рипси стоит над душой и просит начать укладываться до “Собора”. Потому что мы и без того надолго застрянем в театре после разгримированья и переодеванья. А завтра рано вставать, поезд отходит в 10.05 утра.

Прием в этом городе был так хорош, что Леон. Дав. старается продать несколько воскресных спектаклей, надеясь приехать сюда из Нью-Йорка по воскресеньям, раза три, пока мы будем в Нью-Йорке. Правда, сборы были неполны, но для этого города сделать на круг больше, чем по две тысячи при полном сборе в три с половиной, – очень хорошо. Здесь очень интеллигентный состав публики, много студентов, профессоров университета. Учатся здесь все дети богатых родителей, так как учиться в этом университете и жить здесь стоит молодому человеку не меньше, чем пять-шесть тысяч в год. Леон. Дав. рассчитывает привезти сюда “Дядю Ваню” и концерт с участием наших “звезд”, но все теперь стали так туги на подъем, что дело может расстроиться. А жаль. Такие воскресные спектакли, пожалуй, дали бы возможность пайщикам рассчитаться с долгами.

Теперь действительно надо кончать письмо, скоро уж на выход в предпоследней картине, а там “Собор”.

Прощайте, милый Владимир Иванович, до следующего письма. Почему Вы нас совсем забыли, мы как раз сегодня снова говорили о том, что Вы нам не хотите больше писать. Почему?

Ольга Бокшанская

72.

Hartford, 12/1 1924

Милый Владимир Иванович!

В здешнем театре у нас такая ужасная комната, клетушка, что поставить нельзя было даже небольшой столик. Поэтому писать приходится, стоя над очень высокими столами в виде узких досок перед зеркалом. Я напишу Вам тотчас же о наших здешних гастролях, как только

мы приедем в Нью-Йорк. Условия работы здесь были ужасающими, и надо благодарить Бога, что мы здесь пробыли только три дня. Всего за это время мы взяли валового 6 с половиной тысяч. Сегодня из Нью-Йорка прибыл громадный пакет с корреспонденцией, и ни строчки от Вас. Это ужасно, что Вы нас совсем забыли.

Сердечный привет Вам и дорогой Екатерине Николаевне.

Ваша *О.Бокшанская*.

Это театр, в котором мы играли. На первом плане – замечательный отель, о котором я писала Вам.

73.

Нью-Йорк, 15-го января 1924 г.

Милый Владимир Иванович, я пишу Вам это письмо не для того, чтобы возражать на Ваше мнение, что я уже не такая “Ваша”¹, а для того, чтобы сказать Вам, что в Вашу наблюдательность я верю страшно и нисколько не удивлена, что мои письма Вам кажутся не теми и мое отношение к Вам, несмотря на “лестные эпитеты”, не тем; но только я думаю, что Вы мне поверите на слово, что какой-то “отсутствующий” тон в письмах у меня от больших моих забот и огорчений, о которых никому никогда не говорю, потому что не хочу, а Вам не говорю потому, что Вам вовсе это не интересно. Все это мои очень личные дела, которые как-то никак не наладятся. Из-за этого, я сама чувствую, иногда я пишу Вам, а мысли работают совсем в ином направлении.

А если говорить, “чья” я сейчас, то, вероятно, никогда я не была так накрепко “Вашей”, как теперь, потому что эта поездка окончательно показала, что в театре все – Вы, в создании каждого актера, служащего нашего театра все – Вы, что в Вас вся правда и красота нашего театра. Что если можно делу МХТ отдать все свои помыслы, все свои желанья, все дни и часы, то только потому, что Вы сделали этот театр, что для Вас и ради Вас радостно принести все в этот театр.

Завтра я буду пространно писать Вам о наших делах, о наших планах. Сегодня, во время “Карамазовых”, это совершенно невозможно, потому что только что кончилось “Мокрое”, быстро пройдет “Последнее свидание” и “Кошмар”, и мне надо снова идти на сцену изображать толпу в “Суде”. Я с утра сегодня в театре, а времени у меня для письма к Вам до сих пор не было и получаса. Утром надо было заняться кассой, которая пришла в беспорядок во время наших скитаний, потом заарендовал меня Бертенсон для диктовки ряда писем, потом вызвал к себе К.С. для занятий с ним. После занятий обедала и только-только

успела прийти к спектаклю. Тут уж началось обычное: всякие приходы в контору для справок, для разговоров, для получения денег... Потом одевание, гримирование, и сцена в “Мокром”... У меня страстное желание написать Вам большое письмо, мне кажется, что я так давно Вам не писала, нельзя же считать письмом открытку из Хартфорда. И когда мы ехали сюда, я с таким удовольствием думала, что снова вернусь в свою комнату в Джолсонс-театре и в первый же день примусь за письмо к Вам. Но в первый день не удалось, а завтра непременно напишу, потому что надеюсь быть более или менее свободной: К.С. будет занят фотографической съемкой “Дяди Вани”. Как будут снимать, кого снимать, в каких костюмах, один Господь ведает. Но на завтра, в 12 час., назначена съемка, и Гест ничего не хочет слышать о дальнейшей проволочке. И без того из-за нашей постоянной халатности и оттяжек реклама о нас и фотографии в газетах запаздывают. А у нас до сих пор не могут решить, кто играет Елену Андреевну, кто Астрова. И никак не разберешься. Одному играть не хочется, другой всеми силами старается получить роль. К.С. все время думал, как бы устроиться с ролью Астрова так, чтобы и он играл, и Качалов. Ведь Качалов не захочет быть только дублером, а К.С. считает, вероятно, что на премьеру имеет все права он, хотя он и понимает, что он стар. А Качалов вовсе не гонится за удовольствием сыграть новую роль. Когда его Подгорный спросил об Астрове, он сказал: “А мне вовсе не хочется быть занятым в “Дяде Ване”. У меня был такой расчет, что пока будет идти “Дядя Ваня”, я съезжу в Филадельфию и похалтуру там”. А пьеса пойдет шесть раз подряд, как же К.С. справится, сыграв, особенно на предыдущей неделе, пять раз подряд Шабельского.

А дамы наши, те дрожат, что не будут играть. Сначала Ольга Леон говорила, что, конечно, не может уже играть Елену Андр. и отдает роль. Но теперь, как говорят, решила иначе: “Раз К.С. может играть молодого Астрова, то я могу играть молодую Елену Андреевну. Я роль уступала потому, что весь состав менялся, а если состав старый, то и я буду играть”. А Лид. Мих. сама не своя. В те дни, когда она в прошлом году оспаривала в Париже право на роль Ани в премьеру “Вишневого сада”, она все приводила такой пример: “Ведь я не прошу ничего не по праву. Если б шел “Дядя Ваня”, я бы никогда не посмела просить премьеру, т.к. Елена Андр. – роль Книппер, и она имеет право на премьеру. Здесь же, в Ане, я первая исполнительница и я должна играть”. Теперь все это позабыто, и она все время письменно и устно заявляет свои “полные права”, причем все время настаивает на немедленном ответе, потому что она очень вообще исстрадалась и не может выносить неизвестности. При этом еще предлагает такие удобные для дирекции условия, что она примет на себя все затраты по костюмам для этой роли, если только роль будет ей отдана. Дело в том, что материальная сторона имеет сейчас почти решающее значение в решении “быть или не быть” “Дяде Ване”. Сегодня как раз обсуждался принципиальный вопрос, имеет ли смысл вообще что-либо затратить на эту постановку. Но необходи-

мость в новой пьесе так очевидна, что решено, приняв все меры к сокращению расходов по возобновлениям, не только начать подготовку “Дяди Вани”, но и возобновить к четвертой нашей нью-йоркской неделе “Смерть Пазухина”, введя вместо Бутовой Книппер и вместо Массалитина Тарханова².

Уже сигнализируют вызов на “Суд”, надо идти. Завтра с огромным наслаждением сяду за большое письмо к Вам.

Не знаю, каков наш сбор сегодня, думаю, что очень грустный. Вчера было только пятьсот дол., это ужасно мало. Вообще эта неделя будет плачевна, Леон. Дав. думает, что мы не возьмем больше восьми тысяч.

Пока всего хорошего, милый Владимир Иванович, даже не успею закончить сейчас прощальных строк.

Начались такие тревожные сигналы, что пришлось бежать. А теперь “Суд” кончился и надо собираться домой, надо еще дома разобраться в вещах, устроить себя поуютнее, нам только сегодня привезли наши тяжелые багажи, а я еще и дома с утра не была.

До завтра, милый, чудесный Владимир Иванович. Что бы Вы ни говорили, что бы мне ни писали, все равно я знаю, какая я “чья”.

О.Бокшанская

74.

Нью-Йорк, 18-го января 1924 года

Милый, милый Владимир Иванович!

Вот как оправдались все мои мечты о длиннейшем письме к Вам, о чем я писала Вам в последнем письме. На следующий же день у нас случился такой кавардак, что нельзя было и минутки передохнуть. Вот как было дело. В среду, 16-го, в 12 часов дня была назначена съемка персонажей “Дяди Вани”. Об этой съемке объявлено было еще в Хартфорде, готовились к ней спешно и костюмеры, и гримеры, спешно привезены были корзины с костюмами со склада, где они стояли во время нашего турне, актеры волновались, все ли необходимое будет на месте, собрались заблаговременно, часов с 11-ти. Ждем полудня. Фотограф не пришел в назначенный час. Ждем до часу, фотографа нет. Актеры негодуют, волнуются, угрожают, что снимут гримы и разойдутся по домам. Серг. Льв., устроитель этой съемки и организатор, старается всех успокоить. Ник. Аф. в театре вовсе нет, он болен и лежит целый день дома, на спектакли же приезжает к “Мокрому” в автомобиле и тотчас же после конца уезжает обратно к себе. Л.Д.Леонидов, видя общий нерв, полетел куда-то в офис театра, вероятно, чтоб не слышать всех этих жалоб и сердитых замечаний. Наконец К.С. решает все-таки не расходиться, а начать репетицию первого акта “Дяди Вани”. Тем временем разыскивают по телефону Геста и от него узнают, что он позабыл о съемке и не

заказал фотографа. Он приносит свои извинения, он сейчас наладит это дело. В начале четвертого часа приезжает фотограф и начинается съемка. В этот же день предполагал сниматься в роли Штокмана Качалов, но утром Дима пришел и сказал, что ему неможется, он сниматься не будет, но на спектакль думает прийти. И вот во время съемки приходит в театр муж Дейкархановой, который живет в одном доме с Качаловыми, и передает, что Качалов спектакля играть не может, врач нашел, что это ему нельзя, у него совсем нет голоса, у него ларингит. Вот началось волнение. Что ставить? В театре только декорации текущих спектаклей этой недели; К.С. предлагает “Трактирщицу”, ее собрать невозможно. Предлагаем “Мудреца”. Оказывается, этот спектакль можно сладить декоративно, но корзины с костюмами на складе. А уже около четырех. Спешно отправляется Суходрев с Бодулиным на склад.

Начинаем вызовы актеров. Книппер и Москвина нет дома, никто не знает, когда они вернутся. Вдруг от Раевской узнаем, что они на концерте Цецилии Ганзен в концертном зале близко от театра. Серг. Льв. дает мне пропавший у него билет на этот концерт и просит найти Книппер и Москвина и сказать о перемене. Я лечу под проливным дождем (утро было прекрасное, все мы вышли без зонтиков и калош из дому, а днем погода переменялась, и пошел проливной дождь), нахожу их в концерте, зову в театр. И вот когда мы, насквозь промокшие, приходим туда, то узнаем, что Гест не позволил сделать такую замену, “Карамазовы” должны идти во что бы то ни стало. Никакого другого выхода нельзя было придумать, как просить Ершова сыграть Ивана, роль Ершова передать Румянцеву (роль прокурора), а роль писаря, которую играл Румянцев, вовсе вымарать. Ершова дома нет. Оставляем ему записку, которую он получил только в половине седьмого. И, можете себе представить, он очень прилично справился со своей задачей. Конечно, “Кошмар” был выпущен, но в других картинах он сыграл совсем прилично. Вместо “Кошмара”, несмотря на категорические протесты К.С., на его заявление, что он не может допустить такого дивертисмента в спектакле, была поставлена картина “Надрыв на чистом воздухе” с Москвиным, имевшая громадный успех и нынче, и в прошлом году.

У всех отлегло от сердца, когда этот злополучный спектакль окончился. Но так как известно было, что и на следующий день Качалов играть не будет, то днем В.В.Лужский занимался с Ершовым “Кошмаром”, а вечером спектакль шел в том виде, в каком он обыкновенно идет. К.С-чу передали о том, что Ершов был молодцом, и он написал ему благодарственное письмо¹, в котором наша молодежь, шутя и балагурия, тщетно искала двухсот долларов награды. А вечером К.С. пришел посмотреть спектакль. Высидел он только до половины “Мокрого”, после чего уже не мог вытерпеть этого безобразия и, страшно бранясь и ругаясь, ушел. Действительно, у нас “Карамазовы” идут теперь неприлично. А тут еще играл Митю Бакшеев, который был заметно в “приподнятом” настроении. Были и среди остальных люди, подвеселив-

шие себя перед спектаклем и, как говорят, “веселившие” себя даже в уборных, во время свободных картин. Сегодня К.С. пришел совершенно расстроенный, страшно сердился, говорил, что кроме Тарханова², нет ни одного живого человека в “Мокром”, что Бакшеев – настоящий извозчик, что народная сцена неприлична, что ему стыдно отвечать за такой спектакль и он просит лучше отпустить его, чем заставлять возглавлять такое дело. Он не спал всю ночь, он не знает, как быть дальше. Не знаю, понимает ли он, какая большая вина за все это безобразие на нем самом, что он первый виноват в такой распущенности наших актеров, что он сам потерял власть над ними, постоянно опасаясь каждого из них и постоянно смотря сквозь пальцы на все те безобразия, какие становятся ему известны. Он опять попрекал Ник. Аф-ча, но что же ему можно на это сказать. Ну пусть Ник. Аф. не притянул актеров за пьянство. Так притяните вы, Константин Сергеевич, призовите их, внушите, оштрафуйте, покажите же, что если Вы не хотите отвечать за такие спектакли, то Вы и требуете таких спектаклей, какие должны быть. У меня страстное желание было ворваться в мужскую уборную, где он сердился за вчерашний спектакль, и все ему высказать, но я сдержала себя, потому что знала, что меня все осудят. Но я теперь с нетерпением жду, когда он позовет меня к себе работать, тогда я непременно ему многое скажу, чтобы он и на себя обернулся. Он часто говорит: “Почему я должен быть самым страшным для всех? Почему я должен делать всем неприятности, выговоры, внушения? Пусть это делает правление”. А какое же у нас правление, все они тоже не хотят вмешиваться в эти дела, кто бережет свое хорошее настроение, кто – популярность, кто – славу доброго и снисходительного человека. А главное, всем нет ни до чего никакого дела, только бы самому было хорошо, жалованье получалось исправно, жизнь бы не дорожала... А что спектакли идут слабо, что молодежь хулиганит и делает всякие грубости на сцене, это ничего, это даже смешно, они публику смешат. А какими средствами смешат, как это нехудожественно, как пошло, никто и думать не хочет. И когда Ник. Аф. со свойственной ему горячностью начинает разговоры со стариками, прося образумить молодежь, прося поднять тон спектаклей, он не находит никакого отклика. Никто и пошевелиться не желает. Вы не можете даже, вероятно, предположить, как в два сезона может из такого крепкого дела, как наше, совершенно улетучиться всякое представление об элементарных правилах дисциплины и приличного, добросовестного отношения к делу. Есть несколько людей, которые неизменно, при всяких обстоятельствах держатся одинаково корректно, добросовестно, преданно. Все остальные так же неизменно, так же непреложно хулиганят, зубоскалят по всякому подходящему и неподходящему случаю, делают все, чтобы понизить спектакли. И старики или безучастно смотрят на это, или потихоньку между собой, но очень шепотком, возмущаются. И могут “хватить” кого-нибудь только в том случае, если у них сцена сорвана, или помешал кто-нибудь, или очень уж беззастенчиво нахулиганил.

Заодно К.С. стал сердиться и на нашу финансовую часть за то, что она ставит всякие ограничения, что делает постоянные напоминания об экономии. Странный человек, постоянно двоится – то нельзя экономить, надо все тратить, чтобы спектакли были лучше, то начинает расспрашивать, неужели не будет дивиденда, неужели долги так велики, что с ними не справишься и пайщикам придется вносить деньги из прошлогоднего достатка. И за что сердится, за то, что все время ему Ник. Аф. толкует, что нельзя тратить деньги впустую, что на хорошие декорации не жаль и вдвое истратить, но на произведения Гремиславского жаль дать семьсот долларов.

Теперь ведь идут большие разговоры о постановке “Дяди Вани” и “Смерти Пазухина”. В первое время об этих возобновлениях говорилось так: если можно обойтись без расходов или с самыми минимальными, то можно возобновлять; если же на это надо тратить деньги, то пьесы себя не окупят, а следовательно, нам не нужны. Даже было специальное срочное заседание у К.С., на котором это окончательно постановили. А теперь уж, как слышно, Гремиславский говорит, что ему нужно 800 долларов, значит, меньше чем тысячу не истратит, да еще костюмерная часть начнет подправлять да пополнять две пьесы, так тоже счета полетят из всех магазинов в нашу бедную кассу. И К.С., который согласился со всеми доводами Леон. Дав. о нежелательности постановок, если они будут дороги, с мнением правления и финансового органа, что в кассе денег нет, долги все еще не покрыты, вдруг делает страшный выговор за “грошовую экономию”, которая губит дело. А в это утро вообще об экономии и разговора не было, только Ник. Аф. просил его сказать, какие платья он хочет для Елены Андреевны, чтобы дать задание Лид. Михайловне подобрать по вкусу режиссера.

И так вот у нас все катится. Решений выносятся уйма, а как дойдет до осуществления дела, ошибки на ошибках, и потом все начинают задним числом соображать: “Ах, зачем ставили эту пьесу! Ах, зачем тратили на костюмы и декорации!”...

Милый Владимир Иванович, так много хочется Вам еще написать, но дали тревожные сигналы на тот предмет, что потушат электричество. У меня все эти дни было столько дела. В тот день, когда шел этот проливной дождь и я устала страшно от всякой беготни по перемене спектакля, К.С. оставил мне записку, чтоб я пришла к нему заниматься. Я шла к нему под дождем, я думала, что больше не вынесу, упаду. Даже он, при всей своей рассеянности, заметил: “Что это у вас такой утомленный вид?”

А потом пришлось много работать и дома на следующий день, готовя рукопись для переводчика в окончательной редакции К.С. И по театру дело, у Серг. Льв. колоссально много писем было, его письмо к Вам два раза переписывалось. И вот сидишь целый день в театре, все пишешь и пишешь, волнуешься, чтоб не пропустить выход, волнуешься, что всего к сроку не переделаешь, а тут же чувствуешь, что снова

письмо к Вам о многом откладывается. Теперь надо еще закончить переписку ролей “Пазухина”, и тогда, надо думать, времени будет больше. Да и на будущей неделе, при первых пяти представлениях “Иванова”, я свободна от выходов.

Никак не могу кончить письма, а надо, сейчас начнут выгонять из театра. Милый, добрый, дорогой Владимир Иванович, я скоро снова напишу Вам. Сейчас уже надо прощаться.

Пишите мне еще, милый Владимир Иванович, какое бы письмо Вы мне ни прислали, даже с огорчительными, с ужасными строками, все равно, только бы письмо от Вас: Ваш почерк, Ваши слова, Ваши мысли...

Целую крепко Екатерину Николаевну мою дорогую. Пожалуйста, скажите ей, что я все ищу для нее красную сумочку, да не нахожу. Одну видела очень забавную, но, боюсь, очень дорога. Однако завтра пойду в этот магазин, посмотрю ее вблизи. Ведь у меня есть еще 15 дол., которые я осталась должна Вам. Вы, вероятно, про них и забыли, а я на них подарок Екатерине Николаевне от Вас куплю. И еще спросите, пожалуйста, Екатерину Николаевну, не надо ли ей чего-нибудь купить, или она все свои покупки отложит до того времени, когда сама приедет сюда и по своему вкусу выберет.

Неужели я еще и следующий год не буду Вас видеть? Я ужасно хочу, чтобы Ваши желания исполнились, чтобы Вы приехали сюда, чтобы Вы все увидели, что мы сейчас видим, пожили бы так комфортабельно, как мы живем. И потому я не могу желать того, чтобы Вы не устроили поездки К.О. сюда. Но когда я думаю, что из-за этого я проживу целый сезон, целый год в Москве, не видя Вас, какой-то злой бес начинает мне твердить: “Лучше б они не уезжали из Москвы”.

Мне очень хочется написать Вам всякие разговоры, которые я слышала по поводу Вашего приезда сюда от Л.Д. и Бертенсона и которые слишком обиденны и обыкновенны, чтобы о них писать в их деловых письмах к Вам, но для этого надо сосредоточиться и найти время, чтобы не торопиться. Надеюсь, что в следующем письме я об этом напишу Вам.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Очень Вас благодарю за память, за то, что написали мне.

Ваша Ольга Бокшанская

75.

Нью-Йорк, 21 января 1924 года

Милый Владимир Иванович!

Неприятности сыплются на нас одна за другой. К.С. в ужасном настроении, злится по всякому поводу. На репетициях царит озлобле-

ние, всегдашний протест. За сегодняшний день следующие приятности:

Получена Ваша телеграмма – запрос относительно фотографии на благотворительном базаре¹.

Получена афиша-анонс Студии И.В.Лазарева о гастролях его в одном из близлежащих городов (куда и мы предполагали поехать). На афише мелкими буквами в углу написано “Студия Лазарева” и во всю величину афиши полуаршинными красными буквами написано “Московский Художественный театр”. Программа спектакля – “Страсти-мордасти”, отрывки чеховских и горьковских произведений.

Получено письмо из той кинематографической компании, которая завела с нами переговоры относительно съемки. В письме сказано: “Вы заявляли, что Московский Художественный театр никогда в кино не снимался. А как Вы объясните прилагаемую при сем вырезку из венской (точно не помню, быть может, берлинской) газеты”. В приложенной вырезке объявляется о постановке “Преступления и наказания” в исполнении артистов Московского Художественного театра г-на Станиславского. Картина эта снята в минувшем году. Идет речь о картине, в которой снимались артисты отколовшейся группы МХТ: Г.М.Хмара, Крыжановская и др.

Уж и не знаю, как будет отвечено по этому поводу.

Вот с этими веселыми вопросами мы возимся сегодня целый день. Кроме того, финансовые вопросы встали чрезвычайно остро. Как я Вам писала, относительно возобновления “Дяди Вани” и “Смерти Пазухина” шли разговоры, собирались заседания – все на ту же тему, стоит ли начинать эти возобновления, если придется на них сильно потратиться. Решено было сузить расходы до крайних пределов. Решено это было в присутствии К.С. И вот результатом всех этих решений было то, что в пятницу, после того злополучного дня, когда К.С. смотрел спектакль “Карамазовых” и ушел с середины “Мокрого” в страшном возмущении, К.С. обрушился на Подгорного, что он наводит “грошовую экономию”, что наши спектакли халтурны и т.д. и т.д. Словом, наговорил массу неприятного ни в чем не повинному Ник. Аф., который только подошел узнать, как должна быть одета Коренева в Елене Андреевне. Ник. Аф. отошел и не возобновлял этого разговора, решив передать Кореневой, чтоб она сама вела переговоры с К.С. Вчера, в воскресенье, была репетиция “Дяди Вани”. В.В.Лужский отпросился от этой репетиции у К.С., но в контору об этом не дали знать. Начинается репетиция. Нет профессора. К.С., сразу рассердившись, спрашивает: “Где Подгорный?” – “Он не вызывался” – “Но ведь я отпустил Лужского, и Подгорный должен ходить вместо него”. – “Об этом никаких распоряжений дано не было”. – “Подгорный должен был чувствовать это”. Как Вам нравится такое объяснение, такое требование. Все переглянулись, а Рипси побежала спешно вызывать Подгорного.

После репетиции Коренева подошла к К.С. и начала бесконечный разговор о том, что она не знает, в чем играть, где покупать, что поку-

пать, что у нее нет денег. К.С. послал ее получить из кассы деньги на покупки. Она пришла и взяла полтораста долларов “на предварительные мелкие расходы”.

Ник. Аф. решил теперь так: если К.С. взял на себя распоряжение кассой, то он должен взять на себя и ответственность за то, что наши долги станут больше. К тому же он говорил: “Я не выпущу плохой постановки, пусть растут долги, все равно”. Поэтому сегодня вечером, когда после “Иванова” будут разгримировываться многие из пайщиков, Ник. Аф. доложит членам правления (будут все, кроме Москвина) и тем пайщикам, кто будет в уборной в это время, какова наличность кассы и каково состояние наших долгов. И спросит, как ему действовать дальше.

Например, при наших долгах свыше 15 000 и наличности кассы в настоящий момент долларов в пятьсот, Гремиславским подана смета на “Пазухина”. Смета довольно характерная: стоимость постройки декораций и покупки нужного реквизита исчислена в 525 дол., но тут же указано, что сверхсметные расходы, вероятно, достигнут 275 дол., так что расход надо считать в 800 дол. Как же при нашей наличности кассы оплатить через неделю-две такие счета. Если не доплатить жалованья тем, кто утвердит эту смету?

Ведь все время говорится о том, что новые постановки нас устроят только в том случае, если они не будут стоить дорого, а вместе с тем несколько поднимут наши сборы. Если же сборы несколько поднимутся, а расходы по спектаклям возрастут сильно, то к чему же повышенные сборы?

Прошлая неделя дала нам убыток, это ясно. Я еще не получила ведомости прихода и расхода, но заранее можно сказать, что это так. Сборы наши, в общем составившие за неделю 8 с половиной тысяч, были: 4 спектакля “Карамазовых” – 500, 600, 620, 970; четыре спектакля “Вишневого сада”: 750, 500, 1 000, 2 500. Надо думать, что в минус за эту неделю придется выписать тысячи три-четыре. Трудно предположить, как пройдет настоящая неделя. Леонидов и Гест ждут некоторого повышения сборов. Все делается для этого. Вчерашний номер газеты “Форвертс” (еврейская газета) отвел фотографиям “Иванова” целую большую страницу своих иллюстрированных приложений и поместил восторженную статью о спектаклях МХТ. Дай Бог, чтоб дела пошли лучше, но по-настоящему спасти нас могут только битковые сборы. А их ждать нельзя.

Мне сказал Л.М.Леонидов, что в своем письме к Юстинову он просил передать Вам, что всякое дело, приехавшее в Америку под маркой МХТ, обречено на гибель. Но так как разговор этот был наспех, то я так и не узнала, из чего он это выводит. Очень характерный вопрос задал Леон. Давыдовичу Гест в разговорах о К.О. Он ему сказал: “Мистер Леонидов, я вам верю, скажите, что может заинтересовать евреев?” И это очень характерно. Американскую публику, широкоую американскую

публику, русский театр не привлечет. И главным образом посещают нас эмигранты-евреи, чрезвычайно интересующиеся спектаклями русских, приехавших из России, трупп. В прошлом году эта публика заполняла наш театр в течение 8–10 недель, давая нам прекрасные сборы. Как только все они пересмотрели пьесы – некоторые приходили по нескольку раз на одну и ту же пьесу, – сборы заметно понизились.

По поводу Вашей телеграммы и пересланной в Москву фотографии сегодня составляется ответ. Он был продиктован мне еще утром, но утверждение пока не получено, и я не уверена, что телеграмма пойдет еще сегодня². Если бы Вы знали, как не в бровь, а в глаз попали Ваши строки о всегдашней “политике и лавировании” в нашей среде. Не прошло и пяти минут после того, как я прочитала эти строки в день получения письма Бертенсону и Ник. Аф., как вошел Л.Д. и стал говорить, что он совершенно запутался: К.С. никак не может решить вопрос с ролью Астрова, сам говорить с Качаловым не решается, просит дирекцию решить, а вместе с тем надо, чтобы никто здесь обижен не был... И Книппер надо как-то обойти, что Елену Андреевну она играть не может больше... Словом, как только Леон. Дав. кончил свою фразу, Бертенсон воскликнул: “Да ведь это то, о чем пишет Владимир Иванович!”³ И вот во всем так: все время говорится о том, что надо “ларировать”, что без этого невозможно обойтись, а “лавируем” так удачно, что вечно попадаем в какие-то истории. Гест прислал эту афишу Лазаревской студии, К.С. говорит, что опровержения он не напишет, т.е. сам не подпишет, надо, чтобы и правление. И тут же говорит, что надо Лазарева “хватить”. А когда ему предлагают поместить в газетах имена тех, кто имеет право называться “актерами МХТ”, он говорит, что этого сделать никак нельзя, и вообще надо и к Лазареву обратиться с письмом “помягче”, и других не обижать. Лиза Порфирьева до сих пор числится артисткой МХТ, хотя сейчас занята уроками английского языка, готовит какую-то рольку, чтобы показаться и попасть в какой-то американский водевиль. Александр Хмара выступает в разных “кабаретах” (попросту говоря, кабаках) с пением под гитару цыганских романсов как артист МХТ

А на днях в местной газете появилось сообщение, что жена артиста МХТ г-жа Кмита попала на “остров слез” (туда, где задерживаются приезжающие в Америку эмигранты до разрешения их въезда в Нью-Йорк). Этот Кмита – бывший моряк, выступающий у нас в “Карамазовых” и в “Федоре” в качестве статиста. Портрет одной из наших прошлогодних статисток был помещен в журнале с подписью “артистка МХТ”.

Куда деваться от артистов МХТ, все города запружены ими!

Мне пришлось в письме сделать перерыв, так как Серг. Льв. принес утвержденный текст телеграммы к Вам относительно фотографии с Юсуповым, и мне пришлось переписать ее на иностранной машинке.

Когда пришла Ваша телеграмма, все время, пока я думаю об этой юсуповской истории, у меня одна мысль: “Как должны были Вы возмущаться, сердиться и мучиться всеми теми неприятностями, которые

приносят Вам наши “гаффы”¹ за границей. Какая ярость должна была охватить Вас об этой новой истории, в которую впутался театр!

Милый Владимир Иванович, я все не нахожу времени, чтобы написать Вам побольше обо всем, что у нас делается, в подробностях. Сегодня мне удалось сесть за письмо только после начала третьего акта “Иванова”, так что сейчас, когда я пишу, спектакль окончился, и скоро придется выбираться из театра. Я была занята все перепиской ролей из “Пазухина”. Пришлось мне и вчера, в воскресенье, прийти в театр и писать роли, и все-таки к сегодняшней (первой) репетиции “Смерти Пазухина” все роли не были готовы. И я просидела сегодня днем и вечером, до второго акта “Иванова”, кончая переписку. Теперь, слава Богу, все получили свои роли, не будет никаких претензий.

Милый Владимир Иванович, снова над моей душой стоят: надо уходить. Но я не могу не написать Вам, по просьбе Леон. Дав., следующее: до сих пор им отправлены М.Н.Типольт 1 500 швейц. франков за проданные вещи. Вещи продолжают продаваться, а с 14-го февраля поступят на выставку, устраиваемую газетой “Форвертс”. При этом Л.Д. смеется: это, говорит, не может скомпрометировать никого, а передайте Владимиру Ивановичу, что ни я, ни вещи с Юсуповым сниматься не будут.

Сегодня у нас сбор 490 дол., как плачевно. Правда, сегодня везде пусто, так как сегодня внезапно поднялся страшнейший ветер и на улице не только холодно, а просто сильно морозно, не могу даже подобрать настоящего слова для определения такого ужасного дня. По собранным сведениям, все театры сегодня пустуют или сильно не добрали до полного сбора.

Я сегодня все как-то не могу сосредоточиться, мешают приходящие за жалованьем, за разными справками по поводу репетиций. И все начинаю Вам рассказы о всяких наших делах и не довожу до конца. Так, начав об афише Лазарева, не дописала, что М.Гесту послана от имени К.С. и дирекции телеграмма, что МХТ ничего общего со Студией Лазарева и ее спектаклями не имеет и просит оградить театр от таких объявлений. Кроме того, кажется, К.С. собирается написать письмо Лазареву.

Если меня не возьмут снова в сильную работу, не поручат каких-то неожиданных дел, я надеюсь, что эта неделя будет для меня более спокойной, а стало быть, я смогу следующее письмо написать Вам в большем сосредоточении.

Милый, дорогой, замечательный Владимир Иванович, все мы Вас обожаем, в самые тяжелые минуты нам помогает только одна мысль: о Вас. Ради Вас и для Вас мы будем работать, мы будем отдавать себя целиком этому делу, в котором всё – Вы.

Не переносите на меня, милый Владимир Иванович, Вашего недо-вольства всеми нами, не забывают меня.

Ваша Ольга Бокшанская

1 От франц. *gaffe* – промахи, ошибки.

Нью-Йорк, 24 января 1924 года

Дорогой и милый Владимир Иванович!

Только что сданы последние роли, остававшиеся ненаписанными из “Дяди Вани” – “Пазухин” роздан дня три тому назад, – и я на радостях решила сегодня же начать мое очередное письмо к Вам. Завтра день отправки почты в Европу, завтра я и закончу это письмо. К тому же еще очень жива во мне радость, что получила сегодня от Вас письмо, которого и боялась, и радовалась¹. Дело в том, что сегодня с утра Бертенсон сказал мне, что есть от Вас письмо на мое имя, но что всю почту Л.Д. взял из офиса Геста и привезет. Я с таким радостным нетерпением ждала, когда придет Леонидов, что даже сама этого бояться стала: может быть, радоваться вовсе не надо, и письмо будет с выражением полного мне недоверия, окончательного и убежденного. Леонидов долго не приходил, а когда пришел, то не сразу отдал пакет с письмами, даже забыл о них и вспомнил, когда я о них напомнила. Прочитала письмо и успокоилась, страшного для меня ничего не было, наоборот, два-три милых мне слова.

Нет, видимо, сегодня не будет ничего больше написано, так как пришлось оторваться от писанья, заняться математическими выкладками, а за это время окончился спектакль и надо отправляться домой. Итак, до завтра, когда я сообщу Вам все наши последние новости.

25 января

Сегодня я пришла в театр задолго до вечернего представления, чтоб окончить письмо до 8-ми часов. Сегодня пятница – день обычного нашего утренника. Но так как театр в эту пятницу сдан для какого-то американского спектакля, мы играли утром вчера, в четверг. А сегодня весь день считаемся свободными, так как закулисная часть театра заполнена актерами-американцами. Пришла я сюда часов в пять, но увидела, что чужой утренник еще не кончился. Поэтому пошла в зал посмотреть финал, смысл которого было невозможно понять. Вероятнее всего, это были два отдельных номера, ничем между собою не связанные. Слов было сказано мало, вся игра была на молчаливом движении, каких-то “чудесах”, внезапной тьме, криках, выстрелах. Народу – полный театр. А сейчас в соседних комнатах еще щебечут по-английски переодевающиеся балерины, но постепенно все стихает и скоро на смену газовым юбочкам и отличным фракам утреннего спектакля вылезут наши обитатели “Дна”.

До сих пор большого улучшения в смысле сборов нет. В понедельник “Иванов” дал только 490, немногим больше во вторник (точно суммы не помню), в среду 1 100, в четверг утром 590, вечером 1 330. Еще до конца недели осталось три спектакля “Дна”. Прошлую неделю мы закончили при убытке в три с половиной тысячи. И все же, несмотря на

такое, казалось бы, невыгодное для антрепренера положение вещей, Леонидов договорился с Гестом относительно пролонгации. Этот вопрос и составляет сейчас главную злобу нашего дня. Как теперь мне приznался Л.Д., переговоры с Гестом он вел в течение последних семи дней почти непрерывно, что стоило ему колоссального напряжения нервов и сил. Гест было хотел поставить нас в очень невыгодное положение. Он заявил Леонидову, что такой гарантии платить не может и предлагает нам обсудить, на какую меньшую гарантию театр пойдет, другими словами, сделать контрпредложение. Вероятно, он рассчитывал узнать наши аппетиты и тут же их сейчас же урезать. Но Л.Д. поставил вопрос так: театр не высказал своих пожеланий, а выведал осторожно максимум того, что хочет предложить Гест. В конце концов сошлись на том, что мы продолжаем договор на девять недель поездки по городам: Вашингтон, Питтсбург, Кливленд, Детройт (по одной неделе), Чикаго (три недели), Монреал и один из близких к Нью-Йорку городов (по одной неделе). Затем, приблизительно к середине мая, возвращаемся в Нью-Йорк, даем здесь прощальный спектакль-гала – бенефис театра, причем в прибылях от этого спектакля Гест не участвует, и уезжаем в Лондон. Во время пролонгации Гест нам платит 4 500 гарантии (на пятьсот меньше теперешней) и те же 50% с чистой прибыли, что и теперь. Что касается Лондона, то дело обстоит так: на днях сюда приехал Кокран, наш лондонский антрепренер. До его прибытия Гест говорил Л.Д., что, если Кокран откажется везти нас в Лондон, то Гест приглашает нас в Лондон. Но Кокран не отказался, и теперь, кажется, Гест старается убедить его держать в Лондоне наш сезон пополам с ним. Вероятно, такая комбинация будет Кокраном принята. В Калифорнию мы не едем не только потому, что туда отвезти такой большой аппарат стоит слишком дорого и хорошие сборы даже, пожалуй, не смогут окупить расходов по транспорту, но еще и потому, что в калифорнийских городах сейчас невозможно получить театральные помещения, – все заняты. Из-за этого и Балиев, со своей “Мышью” отправившийся в Чикаго с тем, чтоб оттуда отправиться в Калифорнию, должен был изменить планы и от Чикаго повернуть назад. Дела его (Балиева) в поездке были лишь недурны, но никак не “триумфальны”, как стараются раздувать. Во всяком случае, говорят, что сейчас “Мышь” работает в убыток для Геста, особенно же потому, что она получила от него очень большую гарантию, которая и съедает приход. То, что мы в Калифорнии не будем, страшно для нас всех огорчительно. До того хотелось бы побывать там, посмотреть на все эти красоты, столь знакомые нам по снимкам в кино, что мы готовы были бы получать меньшее жалованье, но только побывать там. Поездка же по провинциальным городам этой округи вовсе не интересна: города серы, бесцветны, природа бедна, скучна, не поэтична. В ее серости нельзя найти той трогательности, которой отличаются даже самые обычные серенькие русские пейзажи.

Ближайшие наши намерения и планы таковы. После нашего вто-

ричного в этом сезоне приезда в Нью-Йорк нам по контракту осталось играть восемь недель. Из них семь (стало быть, сейчас уже пять) мы будем играть все в том же Джолсонс-театре, к которому привыкли и который нам стал своим. А восьмую неделю первого контракта мы проведем в одном из близких к Нью-Йорку городов: Бронксе или Нью-Арке. В связи с тем, в каком из этих двух городов мы будем играть во время нашей 16-й недели, будет решено, в каком городе мы будем на 25-й неделе. Помните, несколько выше я упоминала, что последнюю неделю пролонгации мы проведем в близком здешнем городе. Вот эти два города как раз и намечены, один из них на 16-й неделе, другой на 25-й. Репертуар следующих недель складывается так: с понедельника 28 января идет “Дядя Ваня”, ежедневно, при этом в пятницу и в субботу днем. В эти же дни вечером – “Царь Федор”. С понедельника 4-го февраля намечено так:

4-го “Дядя Ваня”
5-го “Враг народа”
6-го “Дядя Ваня”
7-го “Вишневый сад”
днем 8-го “Дядя Ваня”
веч. 8-го “Враг народа”
днем 9-го “Дядя Ваня”
веч. 9-го “Вишневый сад”.

С понедельника 11-го февраля ежедневно идет “Смерть Пазухина”, причем только вечером в пятницу и днем в субботу идет “Мудрец”.

Стало быть, нынче в понедельник у нас премьера “Дяди Вани”. Этому спектаклю отдается масса внимания, но, как назло, с ним у нас оказалось связано очень много неприятного. Во-первых, канитель с туалетами Лидии Михайловны. Она, кажется, решила, что весь театр только и должен быть занят этим делом. И почему-то сразу позабыла все свои способности объясняться не только по-английски, но даже по-французски. Поэтому для каждой ее поездки в магазин и на примерку необходимы какие-нибудь спутники. Я знаю, что выбирать с ней материи или фасоны значит то, что за всякий недочет окажусь ответственной – не так перевела, не так посоветовала. Поэтому я даже один раз отказалась ехать с ней выбирать материи, отказалась, даже несмотря на то, что К.С. настаивал на помощи ей. К.С. на нас с Рипси рассердился, но потом мы ходили к нему извиняться и объяснили, почему его не послушались. Он это прекрасно понял, но, как он сказал, “что же делать, надо было помочь, в таких случаях нельзя отказываться, надо все силы приложить”. Мне было ужасно совестно, что я на просьбу К.С. сказала “нет”, и, уйдя часов в пять после этого из театра, я печалилась до того, что решила непременно еще до спектакля увидеть К.С. и попросить прощения. И как раз он пришел в тот же ресторан, где и мы обедали, и сел за наш стол. Тут я, и Рипси за мной, и покаялись, и он нас простил, сказал, что не сердится, но что ему вообще тяжело, столько неприятностей у

него. А Лидия Михайловна, помимо того, что уже забрала 150 дол. на расходы на мелочи, еще собирается тратить, недавно прибежала, говоря, что израсходовалась, а еще многое надо заказать и купить. Выбрала себе, например, белые туфли “лодочкой” за 17 дол. По дешезним ценам это страшно дорого, это цена лучших туфель лучших магазинов. Просто поражаешься, как эти люди для себя, для своей личной жизни, покупают на распродажах дешевейшие вещи, экономят в каждом пустяке, а лишь дело коснется казенных трат, тут ничего не жалко, ездят только на автомобилях, покупают в дорогих магазинах, выбирают дорогие вещи.

Кроме того, Лидия Михайловна требовала, чтобы привезли со склада корзину, в которой находится костюм Волоховой из “Федора”, там, мол, есть какой-то шугай, который может подойти. Но К.С. отменил и шугай, и дорогие туфли. Но самой большой неприятностью в “Дяде Ване” был инцидент с Вишневым, произошедший на днях, это было, кажется, во вторник. На репетициях в воскресенье и в понедельник Вишневский вел себя нестерпимо, как уверяют все присутствовавшие: вступал в разговоры и объяснения К.С., приставал к нему. К.С. объяснял Кореновой какую-то сцену и сказал, что тут дядя Ваня именно чувствует ревность. Вишневский стал противоречить, что он этого не находит. К.С. ответил, что он находит так-то; тогда Вишневский стал горячиться: “Я двадцать пять лет так играл, и все было хорошо, я не могу переучиваться, я этого никогда не чувствовал”. К.С. отвечает: “Да я вас и не прошу играть так, ведь я ни слова до сих пор не сказал. Я говорю с Кореновой”. Вишневский продолжает. Тогда К.С., уже волнуясь, говорит: “Да играйте, как хотите, по-старому, по-новому, я же вас не задеваю”. Тот опять волнуется, не может перестать возмущаться, ходит за К.С., не дает ему говорить. Наконец К.С. рассердился и крикнул: “Да отстаньте от меня. Ведь я же не говорил с вами и ничему вас не учил. Играйте, как знаете. А я как главный режиссер сейчас во время репетиции велю вам замолчать”. На следующее утро Вишневский прислал К.С. длинное письмо² с потоком обвинений, с очень обидными словами, в каждой строчке видно было желание уколоть, как можно более задеть. Припомнил все свои обиды, все вылил. Слова, строки письма порою были резки, грубы. Там сказано было, например, “Вы орете”, или “это одно фарисейство”. К.С., страшно взволнованный, передал это письмо Подгорному с просьбой передать в правление одновременно с письмом и просьбу К.С-ча оградить его от подобного обращения. Событие это взволновало театр, но ненадолго. У нас, кажется, что ни случись, все интересно только на момент. В тот же вечер письмо это читалось стариками, все качали головами, но никаких решений, никаких постановлений, ничего не последовало, и сейчас эта история забыта, вероятно, совершенно. Осталась только обида в душе К.С., но об этом ведь мало кто беспокоится. Я из-за того и не написала Вам тотчас после истории, потому что ждала решений, чтоб обо всем сразу и написать. В письме Вишневым извещал, что на назначенную репетицию не

придет. И не пришел, но на назначенную вслед за тем пришел и теперь ходит.

Когда я просила прощения у К.С., он с такой болью сказал: “Я не сержусь на вас, но вы поймите, как мне тяжело. Теперь это письмо Вишневого, разве это легко перенести. Всего себя отдал этим людям, и вот чем отвечают”. Он был так взволнован, что у меня слезы закапали. И хотя все это последнее время я все сердилась на него, за то, что он разваливает дело, не могла даже удержать своего неприязненного настроения в письмах к Вам (вероятно, Вы это сразу увидели), считала, что он причина всем нашим напастям, – тут сразу все забыла, готова была снова работать вольно, только бы хоть чем-нибудь помочь. А то в последнее время совсем отчаялась, руки опускались и не хотелось работать, раз все летит вниз. И силы давала только мысль о том, что для Вас надо не распускаться, надо все отдавать театру, как и в Москве, так, как будто Вы были бы здесь. А теперь снова и для К.С. решила работать, из жалости к его безнадежному одиночеству и тщетным усилиям собрать всех воедино. Но и тут не могу закрывать глаза на все его недостатки, которые губят дело.

Вот Вам пример: с тех пор, как Пыжова играет Мирандолину, вернее, с тех пор, как стала заниматься этой ролью, он к ней относится необыкновенно и позволяет то, чего не позволяет никому. А она, которая всем обязана сейчас театру и которая, собственно говоря, так же бесцветна в Мирандолине, как и в остальных ролях, позволяет себе все что угодно. Сначала это выражалось в мелочах: постоянно отказывалась от выходов, являлась поздно на спектакли... Когда было распределение пазухинских ролей, Москвин и Лужский дали ей играть Леночку Лобастову (дочь генерала). Она в репертуарной конторе заявила, что она слишком занята и играть этой роли не будет, официально отказывается от нее. Рипси ответила, что отказа принять не может, и положила тетрадку с ролью на ее стол. Пыжова тогда отправилась к К.С. и убедила его, что она права, отказываясь от роли. К.С. обратился к Лужскому и просил его заменить в “Пазухине” Пыжову кем-нибудь другим. Лужский было возмутился, сказал с сердцем: “Вы, К.С., готовите себе гастролершу, вторую Гзовскую”, но тотчас же взял себя в руки и сказал, что больше на эту тему не скажет ни слова. Роль пришлось передать Успенской, а роль горничной, данную Успенской раньше, передали Ждановой. При этом тетрадку роли, которая была положена на пыжовский гримировальный стол, Рипси нашла где-то в углу уборной. Так Пыжова добила своего. Кроме общего возмущения (конечно, со стороны старейших, но не молодежи – товарищей Ольги Ивановны), этот случай имел то последствие, что Л.М.Леонидов, играющий в “Федоре” Мстиславского, отказался от роли, говоря: “Раз у нас молодые актрисы позволяют себе отказываться от нежелательных ролей, то почему же мне не отказаться от этой роли, сводящейся к двум строчкам в последнем акте”. Он давно уже мечтал отказаться от этого выхода. В прошлом

году он настоял на том, что его освободили от выхода вместе с Шуйскими в картину примирения и приходил только к последнему акту. Нынче он из Бостона поехал прямо в Нью-Йорк лечить зубы, и в его отсутствие в Мстиславском выходил Румянцев. Он видел, что без него обошлись, и, конечно, к этому придрался, а тут еще случай с Пыжовой. Следующим ее номером было следующее. Тарасова в присутствии К.С. заявляет Рипси: “Надо узнать, будет ли Пыжова в субботу играть в “Дне” Настёнку?” Рипси в полном недоумении. Оказывается, что она занималась этой ролью с Ниной Ник. и собирается играть без репетиций, пройдя на дому сцены с Булгаковым и Ершовым (Барон). Этого, по ее мнению, достаточно, чтобы выступить. И К.С. не проронил ни слова. Вас. Вас., узнав об этом, очень разобиделся. Еще бы, он режиссер пьесы, вводит исполнителей, а тут без его ведома решается вопрос не только ввода нового исполнителя, но даже он назначается играть без репетиций, без показа режиссеру пьесы. И так этот вопрос до сих пор не решен ни в каком смысле. Репертуарная контора официально назначила еще давно Тарасову на эту роль в субботу днем. Заявлений от режиссера пьесы о перемене состава не поступало. Даже интересно, чем кончится это дело³.

Писала ли я Вам распределение ролей новых наших пьес? Из новых Соня – Тарасова (и дублировать ей Пыжова), нянька – Успенская, Вафлю будет играть только Булгаков, Грибунин не будет играть. Остальной состав старый. В “Пазухине”: в первом акте жену Москвина (Прокофия Пазухина) – Булгакова, мать жены – М.П.Николаева, Живновский – Тарханов, Живоедиха – Книппер, Леночка Лобастова – Успенская. Остальной состав – московский.

Мне ужасно хочется скорей пойти на рейнгардтовский “Миракль”, но то времени нет идти на утренний спектакль, то вечером занята на выходе. Все очень хвалят первый акт, действие происходит в Кельнском соборе. Спектакль этот имел крупнейший успех в прессе и в публике. Сборы полные, и, вероятно, сборы продержатся месяца два, как предсказывает Л.Д. Но окупить все расходы по подготовке “Миракля” Гест может только полными сборами 25–30 недель. Так что это еще гадательно, сколько Гест сможет в конце концов заработать на этом деле, в которое он вложил не только все, что имел, но и весь интерес этого сезона.

У нас в конторе идет непрерывный разговор, входят, выходят, спорят, острят. Нет сил сосредоточиться и сообразить, все ли я написала. Ах, вот: я слышала, что в марте отправляется в Москву Оливер Сейлор, наш “человек прессы”, бывший в Москве и написавший книгу о московском театре. Он едет смотреть спектакли К.О. и “Турандот”. Нежный привет Вам и дорогой Екатерине Николаевне.

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 30 января

Милый Владимир Иванович!

Сегодня Серг. Льв. днем продиктовал мне письмо к Вам, в котором написал Вам очень много о “Дяде Ване”, так что прибавить к его письму я могла бы только свои личные впечатления. О прессе он Вам написал, да она к тому же в отчетах о всяком нашем спектакле настолько бесцветна, что не может быть интересна для Вас. Сергей Львович нашел весь спектакль чрезвычайно хорошим. По-моему, и “Иванов”, и “Вишневый сад” идут лучше. Очень изломана и порой неприятна Коренева, иногда, особенно в последнем акте, слабовата Тарасова. Совсем еще сырой последний монолог. Я говорю так безапелляционно не только свое впечатление, но и то, что говорили наши актеры, смотревшие спектакль. Но зато К.С. играет совершенно изумительно и – представьте себе – выглядит в гриме моложе, чем выглядел в Москве во время летних спектаклей “Дяди Вани”. Очень хорошо играли Вишневский, Лужский (чуть-чуть наигрывал), Раевская. Публика часто принимала реплики Булгакова, но, по-моему, он играет с нажимом, подчеркивая, без уютной мягкости. Нет мягкости и уюта и у Успенской, в пользу которой говорит, конечно, то обстоятельство, что по-настоящему с ней никто и не занимался, времени было мало, обращали внимание больше на главных исполнителей. Во всяком случае, новые исполнители старались из всех сил, чтобы не нарушать ансамбля¹. Про Тарасову же все говорят, что она будет играть очень-очень хорошо. В ней масса сердечности, трогательности, душевности.

Пока пьеса эта радует нас и сборами. На премьеру было 1 200 (в плохой день – понедельник), во вторник – 1 300, а сегодня немного более двух тысяч. То, что сборы повышаются, хороший признак, значит, прекрасная пресса сделала свое дело и вызвала интерес к спектаклю.

Прошлую неделю мы закончили опять-таки с убытком. Первая неделя наша по возвращении в Нью-Йорк дала очень незначительный валовой сбор. (Сейчас у меня в руках все рапортчики, так что я хочу привести в этом письме все точные цифровые данные.) Итак, валовой сбор первой нашей здешней недели был 7 954 д., и расход недельный превысил приход на 2 415 дол. Следующая неделя, закончившаяся в последнюю субботу (26 января), дала валового 9 289. При этом сборе убыток выразился в 1 251 дол. Стало быть, пока у нас по Нью-Йорку минус в сумме 3 666 дол. Мы надеемся свести его на нет сборами этой недели. Дай Бог, чтоб удалось.

Милый Владимир Иванович, позвольте мне еще раз вернуться к рассказу о “Дяде Ване”, так как я вспомнила, что не рассказала вам о всех приготовлениях к спектаклю. У нас была забываемая генеральная в воскресенье накануне премьеры. Решили начать генеральную в час дня, но постановочная часть с утра уже пробовала на сцене всякие

постановки. Можете себе представить, когда кончилась репетиция? Точно Вам сказать не могу, так как не выдержала и ушла. Но знаю только, что, когда уходила около десяти вечера, то как раз кончили репетировать последний акт и стали пробовать звуки. А как раз в тот вечер был объявлен концерт Борисова, на который всему театру были присланы билеты². И нам всем страшно хотелось попасть туда. Многие от усталости после репетиции не поехали. А я отправилась туда и пожалела, что столько беспокоилась, что не попаду. Было совсем неинтересно, ненужно, старо...

Из экономии “Дядя Ваня” идет опять-таки в сукнах с какими-то намеками на реальную постановку. Первые два действия идут в сукнах темного тона. Окна с занавесками в глубине и справа. Слева лестница во второй этаж, видны перила лестницы со столбиками. Задний план отделяется от переднего двумя колоннами, широко расставленными. Обстановка, конечно, реальная. Третий акт – гостиная из зеленых, с чуть сероватым оттенком сукон, опять-таки стоят колонны (сероватые); мягкая мебель в чехлах, пианино; картины, канделябры тоже завернуты в чехлы. В этом акте немного назойлив зеленый тон стен. Последний акт – снова темные сукна. В глубине слева реальная дверь, в которую уходит Астров. В середине заднего плана к сукнам приставлена печь.

Постановочной части пришлось поработать для того, чтобы достать гром, дождь... Купили все – и барабан, и колесо для ветра, и железный желоб для воды, и сверчков. Но некоторые реальные эффекты даже показались лишними во время спектакля на фоне этой полуреальной постановки. Однако забыты были и шатающиеся стены, и выходы откуда-то из-за кулис, чувствовалось настоящее чеховское настроение, паузы были, как говорит Подгорный, так наполнены большим содержанием.

В смысле постановки (чисто внешней) К.С., конечно, не мог быть от души доволен. Его все пожелания были ограничены одним: денег нет, надо сделать так, чтобы постановка ничего не стоила или стоила бы минимум. Пока счетов я не оплачивала в полной мере, дала только долларов двести пятьдесят под отчет. Так что пока не могу сказать, во что обошлось возобновление этой пьесы.

Сейчас на очереди возобновление “Пазухина”, которое, вероятно, обойдется дороже “Дяди Вани”. Пока ежедневно идут репетиции. Жаль бедного Василия Васильевича: он ежедневно репетирует днем и как режиссер, и как актер и ежевечерне играет в спектакле. Ему совсем не приходится отдыхать в этой поездке.

31-го января

Писала ли я Вам, милый Владимир Иванович, что дирекция назначила награду В.В.Лужскому за режиссерскую работу по возобновлению пьес нашего репертуара – 200 долларов. Говоря очень между нами, он, кажется, рассчитывал на большее, даже огорчился при известии о та-

кой награде. Но и виду не показал, что огорчен. А я, сказать по правде, удивилась, что вообще при наших теперешних делах и настроениях дирекция, или, вернее, некоторые ее члены вообще пошли на этот расход. Правда, деньги еще ему не выданы, так как их нет, но числятся в долгах кассы.

Я тысячу раз даю себе слово, что не надо мне волноваться и беспокоиться положением нашей кассы и безразличностью, равнодушием к этому делу большинства наших пайщиков. Но никак не могу переделать себя. И только стоит прийти в контору Л.М.Леонидову и начать финансовый разговор, как я кипячусь, стараясь убедить его в необходимости созвать собрание пайщиков и объявить им предложение финансового органа: не доплачивать жалованье пайщикам, соразмерно с количеством паев, и тем покрыть большую часть лежащих на поездке долгов. Пожалуй, Л. Мир. уже убедился в необходимости этого, но поставить серьезно вопрос о созыве пайщиков никому не удастся, так как даже дирекцию для окончательного решения дня общего собрания собрать невозможно. Качалов, свободный от спектаклей, вообще в театр не показывается, Москвин бывает только на репетициях “Пазухина”, К.С. утомлен до крайности. Хотели было созвать всех третьего дня, во вторник, и опять отложили. А тут на очереди еще весьма важный вопрос для решения, поставленный Л.Д.Леонидовым. Ему необходимо по личным делам съездить в Европу, в Берлин, и он просит отпустить его на то время, пока мы еще в Нью-Йорке (он предполагал уехать послезавтра), причем он обещает привезти контракты на гастроли в северных странах перед возвращением в Москву. Таким образом, выйдет, что он поедет еще и по делам театра, почему он предлагает взять расходы по поездке кассой театра лишь в половинном размере.

В этой поездке Л.Д. собираются не только устроить свои личные дела, но и дела МХТ и К.О. Развивая свои планы, он все время говорил у нас о том, что он проедет в Ригу, где рассчитывает встретиться с Вами. Ему совершенно необходимо увидаться с Вами, а в Москву он не рассчитывает приехать, т.е. думает, что ему нельзя. Потому он думал, что Вы приедете в Ригу, где все и решите: когда вернуться нам, когда выехать Вам. В зависимости от срока, указанного Вами для нашего возвращения, он устроит нам последние перед Москвой гастроли в северных странах и Прибалтике. У него есть ряд реальных предложений и для спектаклей, и для киносъемки. Кроме того, Л.Д. считает совершенно необходимым договориться с Вами относительно поездки К.О. Как-то он говорил у нас, что он считает своим долгом рассказать Вам все, что может явиться для Вас в Америке неприятной неожиданностью, т.е. что “Лизистрату” могут вообще не разрешить к постановке, что здесь не будет у Вас театра с вращающейся сценой, что здесь к театру относятся, как к машине, что все спектакли должны быть налажены до приезда сюда, т.к. для репетиций театры получить трудно, что Вы попадете в такие же условия, в какие попали и мы при приезде, т.е. что если пьесы

не будут заранее готовы во всех отношениях, то здесь готовить их не удастся, максимум, что дается – воскресенье, когда ввозятся декорации, а в понедельник уже надо открывать сезон; словом, вновь рассказать ряд тех злоключений, которые были с нами по приезде в Америку и о которых мы Вам всякий раз писали с большим огорчением. Смущает Л.Д. и вопрос с оркестром, который, как он думает, будет немногочислен и, вероятно, мало удовлетворит Вас. Он постоянно говорит, что обстановка, в которую может попасть Ваш театр здесь, Вами будет найдена “халтурной”; поэтому он считает своим долгом предупредить Вас обо всех неприятных возможностях. Он было собирался сам Вам об этом написать, но из-за постоянной занятости отложил. Потом просил Бертенсона это сделать, но из этого почему-то тоже ничего не вышло. Из его разговоров я поняла, что он находит самым удачным и все решающим именно личное свидание с Вами, во время которого Вы до всего договоритесь и все раз и навсегда решите. Не знаю, как решится вопрос его отъезда в Ригу. Отрицательный ответ пайщиков на его запрос об отъезде может явиться не только следствием нежелательности расхода, но и опасениями пайщиков остаться без Леонидова здесь в течение столь долгого срока. У нас любят постоянно критиковать действия Л.Д., но остаться без него никто не хочет, ибо каждый чувствует себя за ним, как за каменной стеной. Удивительно деловой и добросовестный человек. Если бы я имела право дать Вам совет или вообще сказать Вам, милый Владимир Иванович, свое мнение, я бы Вам сказала: “Поезжайте куда хотите, с чем и с кем хотите, когда хотите, но только возьмите с собой Л.Д. С ним не пропадете, он снимет с Вас все заботы о неприятных мелочах, он позаботится о Вас больше, чем о самом себе”.

Вчера было 20-летие со дня первой постановки “Вишневого сада”. По этому поводу Ольге Леонардовне было послано от всех “дядеванцев” поздравительное письмо и цветы.

1-е февраля 1924 г.

Сейчас закончу это письмо, милый Владимир Иванович, так как утром завтра уходит почта. Нового за сегодняшний день ничего не произошло. Все время идет обсуждение вопроса, надо или не надо Л. Д-чу ехать в Европу. Кажется, большинство против его теперешнего отъезда, находят, что все дела театральные можно устроить путем писем и телеграмм, что же касается личных дел, их устройства, то находят, что по личным делам никто не имеет права уезжать хотя бы временно из дела, особенно, когда дело идет не гладко. Кажется, все усилия Ник. Аф. собрать пайщиков увенчаются успехом: во всяком случае, удалось уговорить Москвина настоять на том, чтобы собрание пайщиков назначено было на воскресенье, после репетиции “Пазухина”, часов в шесть вечера.

Сборы за последние спектакли удовлетворительные, но не устраивающие нас: вчера вечером “Дядя Ваня” – 2 000, сегодня днем “Дядя

Ваня” – 1 080 д. Сегодня вечером “Федор” – сбор пока не известен. Едва ли удастся закончить и третью нью-йоркскую неделю без убытка.

В ту поездку, маршрут которой я Вам сообщила в одном из последних писем, предполагается взять следующие пьесы: “Федор”, “Дно”, “Вишневый сад”, “Дядя Ваня” и “Карамазовы” (или “Пазухин”). Репертуар во всех городах будет один и тот же, за исключением Чикаго, где мы пробудем три недели и куда привезем, вероятно, все пьесы нашего репертуара. Во время нашего турне на святках мы пробыли в поездке только три недели и то утомились и возненавидели постоянные переезды. Что же будет с нами при этих странствиях десяти недель?!

Милый, добрый, дорогой Владимир Иванович, желаю Вам всего хорошего; прощаюсь с Вами до следующего письма.

Ваша Ольга Бокшанская

78.

Нью-Йорк. 4-го февраля 1924 г.

Милый Владимир Иванович!

Наконец-то вчера вечером состоялось заседание пайщиков, которое так трудно было назначить из-за занятости одних из членов товарищества и равнодушия других. В первую очередь все пайщики были официально оповещены о материальном положении поездки и о задолженности кассы. Следующими вопросами были: поездка в Лондон, планы после Лондона, планы по возвращении в Москву; затем – вопрос поездки Л.Д. в Ригу по делам театра, главным образом, для встречи там с Вами. По этому последнему вопросу решено было послать Вам телеграмму-вопрос, приедете ли Вы для свидания с Л.Д. В зависимости от Вашего ответа и будет решаться вопрос поездки Л.Д. Итак, в первую голову были перечислены все наши срочные и несрочные долги и предложены меры для их ликвидации. Тут было немало интересных дебатов. Напр., выступил Грибунин, который сказал приблизительно следующее: дирекция сама себя выбрала, сама назначила себе жалованье, назначили себе разовые, получают по двум и даже по трем строчкам (это значит, что в ведомости жалованье получают по нескольким должностям). Мы же, прослужившие 25 лет, я, Книппер, Вишневский и др., получаем только по 125 д., никаких других получений у нас нет. И теперь еще оказывается, что надо уменьшить и это жалованье. Надо, чтобы дирекция отказалась от “дирекционной оплаты” (50 д.). К мнению Грибунина присоединились некоторые. К.С. увидел в этой речи недоверие к правлению, что и высказал. При этом он говорил, что в таком деле он бы и за 500 не согласился бы директорствовать, а у нас считают, что 50 даром получают. Тут же указал и на Подгорного, который, получая 50 за административную работу, целый день кипит в работе, принимает все

удары недовольства, скандалов, упреков на себя, должен входить в рассмотрение всех вопросов нашей театральной жизни. Да, между прочим, Грибунин ссылался в своих заявлениях на Вас, что будто бы в Варене у него был с Вами такой разговор и Вы тоже возмущались неправильным назначением окладов. После всех этих разговоров, однако, реального решения вынесено не было. Л.М.Леонидов, правда, сказал, что еще по окончании прошлого сезона он предлагал переизбрать правление, но это было отложено. Осенью тоже не было переизбрания. Он заявил, что с радостью уйдет из правления, о чем и ставит всех в известность. Не знаю, как разрешится этот вопрос далее, но знаю, что Ник. Аф. сегодня собирался переговорить с К.С., чтобы сделать заседание правления, на котором каждый его член должен выразить свою линию поведения. Сам Ник. Аф. не хочет оставаться в правлении и стоит за то, чтобы были перевыборы, причем он сам будет стараться, чтобы были выбраны все недовольные нынешним правлением. В смысле же ликвидации долгов было решено следующее: Л.Д. достанет займы недель на восемь пять тысяч долларов, с помощью которых мы и рассчитаемся со всеми срочными долгами (недоплаченное по ведомости жалованье К.С.-чу и Москвину и взятые в долг у не пайщиков деньги). Долг же этот в пять тысяч будет погашаться еженедельными взносами (шестьсот с небольшим долларов), составляющими четверть жалованья пайщиков. Стало быть, еженедельно с пайщиков будет сниматься четверть их жалованья. Но для пайщиков это не будет окончательным расчетом для каждого, так как убыток будет делиться не пропорционально жалованью, а пропорционально количеству паев каждого. Этими 25% вычетами будет только обеспечиваться еженедельный платеж в банк для погашения долга. К сожалению, надо думать, что пайщикам придется отдать по 150 долларов на пай для покрытия убытков. Конечно, это касается активных участников поездки, а никак не оставшихся в Москве.

Особенно трудно придется нам в поездке, во время пролонгации, когда наша гарантия равна 4 500 дол., а еженедельный расход на жалованье 4 385; стало быть, на текущие расходы остается только 115 дол. А у нас до сих пор на круг приходилось до 200 дол. расхода в неделю, не считая расходов постановочной части, по которым до сих пор, до постановки “Дяди Вани” и “Пазухина”, уже израсходовано свыше 2 000 дол.

Пришлось сделать длительный перерыв, так как в конторе стоял шум и гам от разговоров. А теперь трудно поймать нить рассказа, который представлялся мне. Пришел Л.Д. и с волнением говорил о множестве неприятных минут, которые ему пришлось пережить на вчерашнем заседании. Многие вдруг стали высказываться в таких неприятных формах, столько грустного было сказано по адресу К.С., который был, вероятно, часто сильно обижен. Л.Д. вообще далеко не так пессимистично смотрит на будущее (в материальном смысле) и на способы ликвидации долгов. Он предполагает, что как-то удастся погасить долги. Но это все “на авось”, а в деле трудно рассчитывать на какие-то счастливые слу-

чайности. Конечно, Ник. Аф. прав, говоря, что он ни оптимист, ни пессимист, он сообщает только цифры, которые сами говорят за себя, которые непреложны и реальны. И в конце концов чего же беспокоиться? Если дела поправятся, то в первую же голову все удержания с пайщиков будут им возвращены.

В разговорах относительно дальнейших планов все мнения разошлись и ничего определенного решено не было. Л.Д. предлагал устроить летом киносъемку. У него есть предложение сделать в Берлине или в Вене фильм с участием нашей труппы и под режиссурой К.С. и Рейнгардта. Но это предложение встретило сильный отпор. Есть предположение до отъезда в Россию дать ряд гастролей в Скандинавии и Дании и в Прибалтике. Но это тоже окончательно не решено, т.к. есть такие “старика”, которые хотят быть свободными тотчас же после Лондона. Да я думаю, что такие вопросы заранее с нашими решать трудно. Двадцать раз отменял, переменял, согласятся и откажутся.

Если бы Вы слышали, под какой шум и разговоры мне приходится писать это письмо, – просто ужас! Сейчас обсуждается репертуар последней здешней недели и поездочный репертуар. Последний будет для всех городов, кроме Чикаго, одинаковым.

За стеной в это время Булгаков учится играть на гитаре¹. Мыслей ни за что не соберешь. И при этом Вас. Вас. читает репертуар на всякие голоса, передразнивая манеру разных лиц.

Последнюю неделю мы закончили следующим образом: в пятницу “Федор” (вечерний спектакль) сделал 1 900 дол., в субботу “Дядя Ваня” (утренник) – 1 250 дол., вечером “Федор” – 2 600. За всю неделю валовой сбор – 13 380 д. За вычетом всех расходов в нашу пользу, общую с Гестом, осталось 845 дол. Слава Богу, что не минус, а хоть какой-то плюс дала эта неделя. Но, как видите, до сих пор “Дядя Ваня” себя не оправдал. Тут действительно нам туго было: с теми пьесами, которые у нас были, нам нельзя было бы продержаться в Нью-Йорке целых семь недель. А сделали две новые пьесы (вернее, собираемся сделать вторую), рассчитывали, что, Бог знает, как поможет, но этого нет, приходится и средним сборам радоваться.

Да, хотела Вам написать, что больше всего неприятно поразило Л.Д. то обстоятельство, что на заседании наши не переставали ругать Геста за кулачество, мошенничество и выжимание из МХТ соков. Но Л.Д. ведь знает, лучше, чем кто-либо, сколько Гест до сих пор доложил на наше дело и что прибыли оно ему не принесет. Надо только удивляться, что он пошел на пролонгацию. Надо думать, он сделал это только для того, чтобы не дать кому-либо другому возможности повезти МХТ в поездку по Америке. Он хочет быть единственным, привезшим сюда этот театр. Может быть, надеется хоть несколько покрыть свои убытки, имеющиеся до сих пор. Почему же наши ожидали, что он должен быть меценатом и благотворителем? Ужасно это не понравилось Л.Д.-чу.

В моих разговорах с Лужскими они поднимают вопрос о Вашем

приезде сюда и всегда высказывают свои опасения. Писали они Вам об этом? Кажется, собирались.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам всего хорошего. Не забывайте меня, будьте ко мне очень добры.

Ваша Ольга Бокшанская

79.

Нью-Йорк, 8 февраля 1924 года

Дорогой Владимир Иванович!

Все наше время проходит в обсуждении того заседания, которое было в прошлое воскресенье. Для меня всплывают все новые и новые подробности неприятных и несправедливых слов, сказанных В.Ф.Грибуниным по адресу дирекции. В самых грубых и злых выражениях он указывал на то, что все те, кто назначал оклады, сами себя выбрали в дирекцию, сами себе поназначали большие оклады, да еще придумали гастрольные и разовые, словом, обеспечили себя во всех отношениях. Такое обвинение дирекции в самозванстве, конечно, оскорбило дирекцию. Л.М.Леонидов тут же заявил о своем выходе из ее состава. Как одна из мер для изыскания денег, Грибуниным предложено было, чтобы дирекция отказалась от своего директорского жалованья. Конечно, в этом страшная несправедливость. Не говоря уже о том, что до сих пор считалось, что условия, предложенные каждому в Москве, ненарушимы, что и указывалось в прошлом году при всех просьбах о прибавке жалованья или количества паев, не говоря об этом, есть громадная несправедливость в том, что, по его мнению, Л.М.Леонидов, например, должен получать одинаковый оклад с Румянцевым, Александровым, Грибуниным; что Подгорный, неся каторжный труд и ответственность, должен быть и актером и заведующим всякими частями при одинаковом жалованье с Бертенсоном (только администратором) и с Кореновой, Раевской, Тарасовой, Шевченко, Бакшеевым, Бондыревым, Булгаковым, Тархановым, Бурджаловым (актерами, несущими только актерский труд); что Качалов и Москвин, несущие репертуар и представляющие наибольший интерес для публики, будут получать всего на 25 д. в неделю больше, чем Александров, Вишневский, Грибунин, Румянцев... Когда на заседании после выступления Грибунина предложен был вопрос, как же решено относительно директорского оклада, Грибунин ответил, что это уже дело дирекции решить: сами себе назначили, пусть сами и откажутся. Из числа членов дирекции на заседании только Качалов определенно заявил, что он согласен отказаться от директорского оклада, оставаясь в дирекции. Это материальная сторона. Моральная же в том, что раз дирекции на собрании пайщиков заявлено, что она сама себя избрала, и при этом никто из присутствующих пайщиков, правда, окончательно и

не поддерживавших Грибунина, не заявил, что не согласен с мнением Влад. Фед., то, конечно, дирекция отказывается от дальнейшей работы и предлагает переизбрать дирекцию вновь. Однако это необходимо окончательно решить на заседании дирекции, и потому сегодня, после народной сцены “Штокмана”, в которой участвуют все, кроме К.С., решено обсудить этот вопрос. Подгорный просил и К.С. прийти на сегодняшнее летучее заседание, но он занят. Свою же точку зрения он выразил так: он в дирекции оставаться не хочет, пусть переизбирают состав, в который его и не выбирают, он не пойдет. Сейчас как раз и кончился четвертый акт и идет это совещание. Если дирекция решит окончательно уйти, придется в воскресенье же созвать общее собрание пайщиков.

Это я продолжаю в понедельник вечером, во время премьеры “Пазухина”.

Милый Владимир Иванович, простите мне, что я отложила это письмо на несколько дней и не сразу написала Вам обо всех событиях. У меня было такое ужасное душевное состояние в связи со всеми разговорами и пересудами, что не могла себя заставить взяться за письмо. Решение же должно было быть в воскресенье. Все решилось более или менее благополучно, но так поздно в воскресенье, что не могла Вам тогда же написать, а сегодня с утра до половины восьмого я была у К.С. и писала под его диктовку. Его так торопят с книгой и за ним столько еще долгов в смысле книжного материала, что он просил откомандировать меня к нему для ежедневных занятий, а на вечер дает переписку с собой. Но я так сегодня устала, что нет сил разбирать его трудный почерк и писать на машинке очень долго. Кроме того, в субботу, ввиду невыясненности окладов некоторых наших, жалование не выплачивалось, и потому я плачу сегодня. Все это привело меня “в состояние духа”, как говорит Епиходов, и я еле соображаю, что, где и как. Но я непременно хочу Вам написать и отправить сегодня это письмо, чтобы хоть несколько строк было Вам известно о наших историях. Подробно же и толково напишу Вам на этой неделе, буду стараться писать ежедневно хотя бы по странице, и в пятницу вечером отправлю с субботним пароходом.

Ведь я к тому же занята в четвертом действии “Пазухина” на выходе, в финале, надо еще одеться и загримироваться. Сегодняшняя премьера идет без большого блеска. Я только раз была на сцене, в первом акте; Москвин принимался сильно. Сбор не велик – 1 018 дол. Надеемся на улучшение, так как предварительная реклама была сделана очень усиленно.

Итак, возвращаясь к нашим внутренним делам: дирекция решила уйти, о чем и был составлен протокол, который был прочитан общему собранию пайщиков в воскресном заседании. Тут начались уговоры, отрицания, стали утверждать, что никакого недоверия дирекции выражено не было, что все просят, чтобы все осталось по-прежнему. Из состава быв. дирекции отсутствовал Л.М.Леонидов. Кроме того, не было Вишневого. Словом, многие резкие выражения были взяты назад. Все рас-

суждения кончились тем, что отпустили из членов дирекции Москвина, Качалова и Леонидова, оставив им, однако, директорское жалованье. К.С. же остался директором, а Подгорный членом дирекции, заведующим труппой, репертуаром и финансовой частью. В общем, решение довольно нелепое, т.к. весь разговор был-то из-за оплаты, а теперь оплату оставили, а делом позволили не заниматься и всю ответственность перевели на Подгорного. Т.е. тут надо это постановление расшифровать, но об этом в завтрашнем подробном письме.

Спешу сообщить Вам результаты прошлой недели. Только что получила цифры. Понед. “Дядя Ваня” – 542, вторник – “Штокман” – 532, среда “Д. Ваня” – 1258, четв. “Вишн. сад” – 1138, пятн. днем “Д. Ваня” – 663, веч. “Штокман” – 1 554, суббота дн. “Д. Ваня” – 1 087, веч. “Вишн. сад” – 2 391, всего 9 165. За вычетом расходов, убыток за эту неделю – 1 798 дол.

Грустно!

Милый Владимир Иванович, простите мне Бога ради это нелепое письмо, но если б Вы могли только себе представить, как мне трудно было сегодня написать даже эту страницу, Вы бы не осудили меня. Я писала сегодня без перерыва часов восемь, под скорую диктовку, кроме того, писала по театральным делам, делала всякие математические выкладки, выдавала жалованье, выходила на выход в первый раз в “Пазухине”. Устала так, что сказать не могу. Если даже завтра я буду снова у К.С., т.е. это уже решено, что буду, нет, я хочу сказать, что, несмотря на то, что буду там, все равно напишу Вам непременно и завтра. Желаю Вам всего хорошего, дорогой, милый Владимир Иванович.

Л.М.Леонидов написал подробнейшее письмо о наших делах и планах Дм. Ив. Юстинову. Непременно прочтите это письмо. Мне кажется, он его и написал-то больше для Вас, чем для Дм. Ив.

Мне жаль, что обо всем этом Вы будете знать впервые не от меня, а из чужого письма. Но что ж делать, Леон. Мир. свободнее меня. Во всяком случае, многое будет Вам понятно в моих письмах, раз Вы будете знать планы.

Не забывайте меня, напишите мне снова.

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 16 февраля 1924 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Уже четыре дня прошло, как я получила Ваше последнее письмо (от 20 января)¹. Хотела я Вам ответить в тот же день, но не удалось, занята была с утра до вечера. Зато в тот же день ответил Вам К.С. письмом, которое я сегодня же высылаю Вам². История этого письма такая: уже довольно давно К.С. подумывал о большом письме Вам. Как-то продиктовал Бертенсону свои мысли, отдельные соображения, которые просил скомбинировать в стройное письмо; он его проверит, сделает свои поправки и отошлет Вам. Бертенсон продиктовал мне такой черновик, передал его К.С., и дело опять замерло на время. Тут как раз во вторник утром, когда я должна была идти к К.С. писать под его диктовку, я получила Ваше письмо. Пришла к нему, рассказываю, объясняю, что из-за этого и опоздала на занятия к нему, что сначала читала сама это Ваше письмо, а потом пришел Л.М.Леонидов, узнал, что есть письмо от Вас, и не выпустил меня до тех пор, пока я не прочитала и ему. А после чтения, конечно, начались дебаты и разговоры по поводу наших и московских дел и настроений. К.С., конечно, тоже просит: “Прочитайте-ка мне”. Прочитала. Он заметно взволновался многими мыслями, высказанными Вами, поговорили мы с ним немного, потом он дал мне работу – переписать без его диктовки несколько страниц, – и мы замолкли. Он сел за пересмотр своих записок. Но, видимо, работа не шла на ум. Спустя некоторое время он мне говорит: “Когда кончите эту страницу, не вставляйте новой. Я попробую Вам продиктовать хотя бы черновик письма к Вл.Ив.” – и стал ходить по комнате... Потом опять говорит мне: “Что это так долго страница тянется, дайте-ка я вам додиктую, чтоб скорей за письмо приняться”. Начал он диктовать письмо, увлекся этим, не замечал, как прибавлялась страница за страницей. Окончили. Потом вспомнил, что еще не все сказал, продиктовал постскрипtum. Говорит: “Вы здесь оставьте, я просмотрю, сам не могу дать себе отчета, толковое это письмо или нет”. И мы начали заниматься книгой. Вечером к концу наших занятий пришел Берт., которому К.С. объявил, что, “кажется, написали другое письмо Вл.Ив.”. Берт. стал перечитывать его вслух, и оказалось, что письмо настолько вылилось от души, что в нем и изменять нечего, можно отсылать в том виде, с каком написано. К.С., конечно, со свойственной ему деликатностью, жалея о работе, сделанной для предполагавшегося письма Бертенсоном, предложил отправить и то письмо, но Берт. решил, что то можно отложить. Сказать правду, в том письме, записанном под диктовку К.С., он был резче и нетерпимее в оценке наших. Вероятно, это зависело от настроения. Здесь же он проявил большую снисходительность и всепрощение. Для Вас, я думаю, это

безразлично, т.к. Вы вернее всех определяете всю сущность, даже если Вам написать о нашей жизни в самых бледных, скурых выражениях.

Все это время я провожу у К.С. с утра до вечера, так что даже на выход в “Пазухине” прихожу по часам. Знаю, что если прийти в 10 вечера, то можно успеть загримироваться и одеться. Так и прибегаю в последний момент. К.С. должен чрезвычайно срочно сдать окончание книги, поэтому он часами, днями сидит над своими записками. И если я сегодня не у него, то только потому, что он должен сегодня дать обширный материал переводчику. Поэтому он проверит все, что мы успели написать за это время; проверит по своему экземпляру (всего мы пишем в четырех экземплярах). После этого он сдаст свой экземпляр мне, и я должна буду спешно по его экземпляру исправить остальные три. К.С. очень нелегко пришлось с этой книгой. Не говоря о том, что у него очень мало свободного времени для писанья, у него нет и навыка, так что работа эта дается ему трудно, тяжело. И сейчас он только и мечтает, чтоб поскорей сдать все, что с него требуется, развязаться с этим делом, чтобы больше к нему не возвращаться. А я его уверяю, что он все-таки так втянулся в это дело, что, конечно, отдохнув короткий срок, он примется за другую книгу. Он смеется и отрицает.

Напрасно я Вам написала, что я сегодня не буду заниматься с К.С. Он меня вызвал к себе, думая только передать мне экземпляры, но оставил для диктования, и потому я прибежала в театр как раз к тому времени, чтоб идти на выход. После конца спектакля поспешила обедать и теперь вернулась сразу из ресторана сюда для того, чтоб до вечернего спектакля успеть написать все, что хочу. Сейчас в театре ни души, поэтому я надеюсь, что без перерывов напишу Вам.

Итак, о наших пресловутых заседаниях. На последнем собрании пайщиков Грибунин половину своих слов взял обратно, многое отрицал из того, что сказал неделю тому назад. Словом, все просили, чтобы все осталось по-старому. Но потом, путем переговоров, пришли к заключению, что для текущих дел поездки, пожалуй, и не нужно такого количества членов правления, а довольно будет, если Ник. Аф. будет вести все финансовые и репертуарные дела, а К.С. будет, так сказать, главой. Но при этом К.С. сказал, что никакое правление МХТ немислимо без Москвина, Качалова, Леонидова, что они должны быть привлечены для разбора многих дел и положений, касающихся нашего будущего, Москвы и ее планов. В смысле материальном были следующие разговоры: Москвин написал письмо, в котором указал, что его и качаловское жалованье всегда были в соотношении с окладом Грибунина, Вишневецкого как 3/3 к двум третям. Стало быть, если те получают 125, то он должен получать только актерского 187.50; уступая, по случаю неважных дел, поездки, 12.50, он считает, что ему надо получать 175 в неделю. Качалов же вслед за тем объявил, что он согласен и на 150. Собрание уговаривало их получать полный оклад в 200, на что они заявили, что не согласны, и если им даже будет выписываться полный оклад, то лиш-

ние, по их мнению, деньги они у меня не возьмут. Дальше дело обстояло так: пришел Дима и взял отцовское жалованье полностью, 200 за неделю, вероятно, не зная, что отец отказался от 50-ти. (Жалованье Вас. Ивча получает всегда Дима, который находит, что отец транжирит и что ему на руки нельзя много давать.) Потом пришел Москвин, узнал, что Качалов получил все, но только не сам, а через Диму. Поэтому своего жалованья не взял и сказал, что сначала выяснит, как решил Качалов. Л.М.Леонидов, категорически ушедший из правления еще на первом заседании пайщиков, по указанию К.С. все же получает свое полное жалованье, с директорскими. И вышло в конце концов преглупо: Грибунин корил, что даром деньги директорские получают, мало работая в дирекции. А теперь само же собрание предложило освободить от директорских обязанностей вовсе, но директорские платить. И вся работа и ответственность теперь уж целиком упали на Ник. Аф.

Сам К.С., несмотря на то, что находит, что всем должен быть оставлен московский вклад, хочет не брать директорских денег, хотя и состоит в правлении. Но он ведь в денежные дела не вмешивается, берет деньги сразу за несколько недель и, конечно, не сможет заметить, сколько ему выписывается. И, конечно, ему будет выписываться жалованье полностью, как решено было в Москве.

Писала ли я Вам, что был большой бунт и против разовых Москвина (Федор) и Леонидова (“Карамазовы”), но и этот номер не прошел, и они будут их получать.

Заседания эти принесли нам, помимо моральных разочарований и неприятных впечатлений, еще и другие осложнения.

На первое собрание пайщиков были вызваны все члены товарищества и Л.Д., как докладчик, процентно заинтересованное лицо, другими словами, тоже пайщик. На следующий день Бертенсон выразил Н. Аф-чу свое недовольство, что он не был вызван. С тем же обратился к Подгорному и К.С., который сказал, что “раз что Бертенсон правый глаз Владимира Ивановича, он должен вызываться на все заседания и собрания”. Перед тем первым собранием был даже разговор о Берт., но все или, во всяком случае, многие пайщики нашли, что он не должен быть. Здесь, конечно, существенную роль играло личное отношение наших к Бертенсону. Однако перед вторым заседанием Ник. Аф. решил выяснить этот вопрос вновь. Пайщики снова высказывались против Берт., но Н.А. пошел к К.С. и спросил его. Тот ответил: “Непременно вызвать”, и Бертенсон был вызван. Тогда и случилась неприятность для него, которая его сильно разогорчила, но в которой он, конечно, немало виноват, потому что ему не надо было так настаивать на приглашении в собрание. Во время заседания, когда начали разговор о планах будущего, о Москве, Вас. Вас. встал со словами: “Об этом я предпочитаю говорить исключительно в своей компании стариков, без посторонних, поэтому сейчас не высказываюсь по этому поводу и ужою”. Бертенсон обиделся страшно. Но чуть ли не еще больше обиделся Леон. Дав., бывший при

этом. Еще незадолго до ухода Лужского, он, слыша разговоры о будущем, поднялся и сказал: “Теперь, я вижу, начались темы московские, так что я здесь лишний и лучше уйду”. Но некоторые присутствующие пригласили его остаться. В словах же Лужского он увидел оскорбление себе и расстроился ужасно. На нем лица не было, когда я видела его на следующий день, и не было границ его возмущению и обиде. Он говорил мне много горьких слов по этому поводу. Сейчас как будто он отошел. Мне было ужасно жаль его. Он так много интереса вкладывает в это дело, так много усилий кладет для улучшения дел, и вдруг его так обидели. Но я его уверяла, и это сущая правда, что весь выпад был против Бертенсона, упорство которого в желании попасть в заседание обозлило многих.

Не успели мы отойти от этой неприятности, еще новая: в понедельник на спектакле Ник. Аф-чу передано было Ершовым письмо следующего содержания: “Я прошу Вас передать дирекции, что считаю ее отношение к себе некорректным” – и подпись. Обращение более чем неприличное со стороны какого-то Ершова к дирекции Московского Художественного театра. Письмо это читали и Леонидов, и Москвин; делали всевозможные предположения, что его так оскорбило. Почему-то меня осенило, и я высказала предположение, что он обижен тем, что в назначенном на этой неделе дважды “Мудреце” играет не он, а Качалов.

Ник. Аф., не давая официального хода делу, на следующий день позвал Ершова и стал говорить с ним неофициально, как старший товарищ, а не как член дирекции. И во всяком случае, доказал ему, что такое обращение к дирекции неприлично, так что Ершов взял свое письмо назад. Ник. Аф. объяснил ему, что Гест требует участия Качалова, что контора Геста получает письменные запросы, почему Качалов редко играет и когда он будет играть снова. Что нам необходимо исполнять столь законные пожелания Геста, и все в этом роде. Кажется, Вл. Льв. мало проникся этими объяснениями, он даже что-то лепетал о том, что надо было к нему “прийти и все объяснить, а он тогда поговорил бы с Гестом...” Сейчас эта история тем и кончилась, что Ершов взял свое письмо обратно.

У нас, у дирекции вернее, было много соображений, как использовать остающийся после Лондона срок до возвращения в Москву. Были предположения, которые потребовали бы дальнейшей совместной работы, но когда сталкиваешься со всякими неприятностями и выпадами распустившихся вконец наших, то думаешь только одно: “Надо кончать! Отыграть в Лондоне и разъезжаться или всем врозь для встречи в Москве, или всем прямо в Москву. Но только кончить все те безобразия, которые случаются и, главное, принимаются как самые обычные вещи!”

А теперь из области более веселых впечатлений.

На днях весь наш театр был приглашен компанией кинематографических артистов “Фэмоз плейерс” приехать к ним в студию на съемку сцен из большой картины времен Людовика XV, с участием кумира

здешней публики Рудольфа Валентино, красавца испанца. Приглашение это вызвало всеобщий интерес. Согласны были даже встать очень рано, только бы поехать. Решили ехать в четверг (вчера). Все поехали подземной железной дорогой, с провожатым, за К.С. же был послан великолепный автомобиль режиссера картины. Это посещение нас всех приятно взволновало. Нас встретили артистки и артисты, наряженные в великолепные костюмы, и провели в тот уголок ателье, где как раз репетировали сцену входа короля к маркизе Помпадур. Две очаровательнейшие актрисы снимались в женских ролях: Луиза Уильсон и Биби Даниэльс. Всех покоряющий Валентино, необыкновенно интересный артист Шерман (Людовик XV), прелестная m-m Валентино, все окружили К.С.³ Конечно, тотчас же было сделано несколько снимков: К.С. в современном костюме среди фижм и кафтанов актеров. Потом всех нас попросили пройти также “на сцену”, т.е. в построенный зал Версаля. И сняли группу всех нас, перемешавшихся с артистами фильма. Затем показали все ателье, громаднейшее здание, оборудованное изумительно, показали лампы (морские прожекторы) в 120 000 свечей. Лампы, употреблявшиеся при показанной нам съемке, были по 20 000 свечей. Показали выстроенный коридор Версальского дворца, готовый к слову за ненадобностью уже, показали работы над версальскими каскадами, съемка которых будет в скором времени.

В другом углу ателье мы увидели съемку какой-то современной драмы. Это помещение, оказывается, сдается сразу нескольким фильмам, и часто актеры, снимающиеся одновременно, сходятся в самых причудливых комбинациях: египтяне, тоги римлян, фижмы, апаши, элегантнейшие современные туалеты – все перемешивается в этом длинном зале.

Показывали передвижные уборные артистов, просмоленную комнату, в которой снимаются наводнения, все мастерские... всего не вспомнишь. Много интересных объяснений давала m-m Валентино, прелестная, хорошенькая женщина, американка, бывшая в балете Козлова и потому говорящая немного по-русски и хорошо по-французски. Потом мы снова вернулись к павильону Помпадур, где происходила репетиция все той же сцены входа короля. Режиссер немало мучил артистов. Но – прозвенел звонок, приглашающий на завтрак, и сразу репетиция кончилась, все потянулись в столовую. Приглашены были и мы. Столовая – большая комната с четырехместными столиками, похожая на залы здешних ресторанчиков-кафетерий. Завтрак прошел для всех нас крайне оживленно: сидели все в своей компании; только Ольга Леон. и К.С. “представительствовали” и сидели с хозяевами. Мы все были взбудоражены всем виденным. Старики по большей части ужасались такой каторжной работе, а молодежь не без зависти поглядывала на всех причастных к картине актеров. После завтрака – снова повторения того же входа короля. И наконец съемка. Но дело пошло не так-то гладко, Биби Даниэльс, нервничавшая все время, качнулась во время

церемоннейшего придворного поклона и судорожно оперлась рукой о пол. Видимо, пленка была испорчена. Мы уже стали прощаться, надо было уезжать. Когда мы выходили, снова заиграла музыка менуэта и снова стали снимать этот двухминутный выход короля, над которым трудились с утра. И при этом лица, на которых нельзя уловить и тени усталости, – выдержка поразительная. Так они работают ежедневно с 8 час. утра до 6 час. вечера, будучи свободными только две недели в году.

К.С. страшно не понравилось все то, что он видел. И он увидел во всем этом визите одну положительную сторону: что он никогда не согласится принять предложение съемки, так как теперь он знает, что это такое.

Однако впечатление – плохое или хорошее – было чрезвычайно сильно. Весь вечер шли у нас разговоры и толки о виденном. И жизнь эта казалась нам призрачной, сказочной, туманной. Это зелено-лиловое освещение, делающее лица мертвенными, страшными, кладущее лиловые блики на щеки, делающее губы черно-лиловыми; наши темно-синие платья, казавшиеся ярко фиолетовыми в лучах их фонарей; фигуры маркизов, маркиз, бродящие в этом зеленом тумане, – все казалось нам странным, неживым, приснившимся. Хочется снова поехать туда, окунуться в эту неживую жизнь. Мы непременно собираемся побывать там снова – группа лиц, заинтересовавшихся их работой. А они были так любезны и просили приезжать как только вздумается.

“Пазухин”, как и следовало ожидать, мало нам помог. Ему предшествовала обширнейшая реклама; критики, захлебываясь, восторжались после премьеры игрой Москвина, Леонидова и др. Такой восторженной критики, право, не было очень давно. Появление Москвина в новой роли встречено с энтузиазмом. В смысле кассы – средне. А у нас ведь теперь самый большой интерес именно к кассе. Премьера дала 1 100, второй спектакль – 1 000, третий – 1 500, 4-й – снова 1 000. Сегодня утром – не знаю как. Вечером идет “Мудрец”. Завтра утром снова “Мудрец”, вечером “Пазухин”.

Скоро кончатся наши здешние гастроли. В поездку по другим городам ехать не хочется – утомительно сложно. Может быть, такое безнадежное настроение временно, от большой усталости, ведь я сейчас работаю почти сверх сил. Пока К.С. не кончит книгу, вероятно, и у меня не будет свободного времени.

Из посылаемой Вам Бертенсоном сводки рецензий Вы увидите, что моя машина испортилась и стала капризничать, так что писать на ней сегодня больше нельзя. Поэтому прощаюсь с Вам до следующего письма и шлю Вам самый нежный привет.

Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 22 февраля 1924 года

Милый Владимир Иванович!

Почти неделю тому назад уехал Любичский, и с тех пор я не успела ни разу Вам написать. Вернее, я написала Вам в последний раз за день до отъезда Любичского. Я просила Юлия Лазаревича отвезти Вам хотя бы небольшой пакет и прошу Вас принять от меня пару шелковых носков (темно-синих с такой же стрелкой – пишу так точно описание потому, что он повез очень много носков в Москву и может перепутать все посылки). Екатерину Николаевну очень прошу принять полукалошки, которые могут ей пригодиться в весенние дни, когда на улицах не сухо. Николай Афанасьевич через Любичского послал Вам такие же носочки, как и я, только коричневые, а Екатерине Николаевне типичную для Америки пудреницу, в которую вложил записочку. Вот и все наши небогатые подарки, за скромность которых просим прощения. Вам смешно будет получать этот вздор, но ведь Вы поймете, что это от всего сердца и от полноты чувств.

По заведенным мной для себя правилам, я должна была написать Вам в прошедший понедельник, но не смогла потому, что у нас в конторе весь вечер сидели Бурджалов и Подгорный и совещались о составлении протокола бывших заседаний пайщиков. Это были бесконечные комбинирования фраз, которые должны были отвечать целой массе требований: и чтоб того не обидеть, и этого, и чтоб никто придрататься не мог, и чтоб все-таки отмечено было действительно то, что говорилось на собрании. Я все рассчитывала, что Бурджалов кончит и уйдет, но он досидел до того времени, когда нам надо было одеваться и гримироваться к выходу в “Пазухине”.

Милый Владимир Иванович, сегодня пришла Ваша страшная для нас телеграмма о взносе в Комитет долга¹. Положение наше действительно ужасно. Долгов наших почти не перечесать, т.е. постоянно выплывают еще новые сюрпризы. Как я Вам писала в последнем письме, решено было начать вычеты из жалований пайщиков в сумме 25%. Это дает еженедельно 431 дол. 25 ц. При этом Качалов и К.С. этих взносов не делают, так как они без того дали каждый в долг театру. Зато еженедельно долг каждому из них уменьшается соответственно причитавшимся бы с них 25% вычетам: К.С. – 87 дол. 50 ц, еженедельно, Качалову – 50 дол. Конечно, таким образом, покрывается только часть долга, т.к. мы должны К.С. 1 500, а Качалову 2 000 д. Остающиеся на каждой неделе в кассе 431.25 идут на покрытие долгов. В первую очередь решено выплатить жалованье К.С., которое он не брал, беря из кассы только сумму, нужную ему на жизнь. Таким образом, за время Америки мы ему задолжали 2 000 д. жалованья, на которое он, конечно, имеет неоспоримое право. В следующей очереди стоит уплата долга служащим театра – не пайщикам: Бертенсону (1 500), Фалееву (1 400) – тут и сто-

имость париков, которые делались для всех пьес нашего теперешнего репертуара, Гремиславскому (200). Затем идут долги пайщикам (в первую очередь Вам), Гесту, налоги в здешней стране, перевоз в Америку и обратно в Лондон тех лиц, которые у нас сверх указанного Гестом количества, Помголу... Вот Вам приблизительное вычисление: если к сумме 431.25 прибавить суммы, падающие как 25% на жалованье К.С. и Качалова, то получится сумма 568.75. Вычеты начались с 13-й недели нашего пребывания здесь. Стало быть, всего такие вычеты будут производиться в течение 13 недель и дадут нам около семи с половиной тысяч. А у нас долгов более чем вдвое. Как же выйти из положения, имея еще в виду необходимость везти всех из Лондона в Москву. Картина действительно жуткая.

К сожалению, я не имею возможности передать Вам образчики тех разговоров и мнений, которые были сегодня по получении Вашей телеграммы. Эгоизм некоторых людей меня поразил. Один из членов товарищества, например, заявил: у меня жена в квартире живет, мне не страшно, ее не выселят. По-моему, никто себе и не представляет, с какой нетерпимостью относятся к нам в Москве. Надо думать, что все газетные наши неприятности сыграли в решении Комитета колоссальную роль. Между прочим, относительно требований Комитета: как компенсацию за текущий сезон они предложили взыскивать с нас по пяти процентов действительного жалованья участников поездки. Это составит не менее восьмисот дол. в месяц. А в прошлом году состоялось постановление, по которому мы должны были в текущем сезоне посылать в Москву по пятисот дол. в месяц плюс проценты. Но процентов у нас нет, стало быть, по постановлению летом 1923 года мы должны отчислять ежемесячно только 500. Мы и эту сумму просили нам уменьшить, а вышло так, что нам ее увеличили. Правда, в Вашей телеграмме написано после упоминания об этих пяти процентах с жалованья, что "других льгот добиться нельзя", и из этого мы заключаем, что здесь явное недоразумение и что, назначая пятипроцентные отчисления, Комитет хотел пойти нам навстречу, а не потребовать с нас большую ежемесячную сумму.

Вероятно, сегодня будет Вам отправлена телеграмма с просьбой уплатить из фонда в счет нашего прошлогоднего долга 1 350 дол. (все-го мы не доплатили 2 350, но, вероятно, тысяча Вами уже внесена, по нашей телеграфной просьбе много недель тому назад). Этот расчет делается так же, как и расчет за первые три месяца прошлого сезона. Что же касается удержаний за текущий сезон, то относительно этого наше правление сообщит Вам более подробно и официально все цифровые данные нашего неудачного нынешнего года, а также все свои предположения, предложения Комитету и т.д. Надо думать, что эта бумага будет написана Вам довольно скоро, хотя вообще, по правде сказать, медлительность наших неактивных членов дирекции иногда поистине примечательна. Такое впечатление, что люди во время крушения или пожара,

не принимая никаких мер к собственному спасению или улучшению своего положения, занимаются всякими посторонними – нужными или ненужными – делами. Вот Вы писали относительно обращения к Ноги-ну: “Почему не было написано ему письмо? Неужели не понимают, как это важно?” Вероятно, не понимают, потому что после всяких оживлен-ных и ленивых разговоров по этому поводу, после всяких предложений Подгорного, все же нашли, что что ж там писать, коли бумага в Коми-тет уже написана и послана, авось, этого и хватит. Похоже на то, как в “Вампуке” хор, лениво развалясь, сидел и пел: “Мы бежим, мы спе-шим...” Так и у нас все только сидят и констатируют, что у нас крах, что у нас катастрофа. Я ни одной минуты не думаю, что непременно надо было слушаться меня, но все-таки могло быть значительно легче, если б некоторые члены дирекции не тормозили давнишнего предложения погашать долги путем вычетов из жалованья. Об этом назойливо стало говориться за десять недель до конца первого контракта с Гестом, т.е. у нас была бы возможность производить вычеты в течение 19 недель. Но так как у большинства принцип такой: скорей бы урвать все, что только возможно, то эта мера считалась и преждевременной, и слишком морально страшной для “стариков”... А время уходило. Ник. Аф. кипя-тился, уговаривал, от безнадежности давал себе клятвы не волноваться этим больше с такой силой, снова волновался. Жалованье продолжали платить полностью, долги росли с каждой неделей. Потому что нельзя, получая еженедельно от Геста 4 000 и тратя на одно только жалованье 4 400, свести концы с концами, особенно при том условии, что расходы постановочной части по крупным счетам (я не говорю о мелочах, кото-рые тратятся на бутафорию и реквизит) на круг равны 200 и больше. А костюмерная мастерская?! Вот и выходило так, что жалованье К.С. и деньги, которые удерживались еженедельно с каждого на уплату подо-ходного налога, тратились на оплату счетов, а долги росли и росли. Как мы выйдем из этого положения, я представить себе не могу. Л.Д. все время настроен оптимистично и даже был против 25% вычетов. Но мера эта все же прошла как средство получения доли от тех пайщиков, кото-рые в конце сезона при убытке могли бы заявить, что у них ничего нет.

Сейчас вызывал меня к себе К.С. – он так торопится кончить свою работу, что просит пойти сегодня к нему после вечернего спектакля, чтоб успеть поддиктовать ночью несколько страниц. Я с радостью испол-ню его просьбу, так как знаю, как его тяготят его обязательства перед издателем и как вообще ему тяжела эта непривычная работа.

Наконец на этой неделе я удосужилась посмотреть рейнгард-товский “Миракль”. Я с таким нетерпением ждала новых и красивых впечатлений, так напряженно мечтала увидеть столь прославленную Мадонну, что даже во сне стала видеть это представление. И наконец увидела. Первый акт мне понравился – и только. Очень понравилась по-стройка: на сцене Кельнский собор, его алтарь и часть места для моля-щихся перед алтарем. Занавеса нет. Вы входите в театр, в котором сцена

открыта все время. Вверху постройка кончается высокими стрельчатыми сводами, к зрителю обращена как бы стрельчатая высочайшая рамка. Боковые стороны сцены переходят в колоннаду, построенную на месте бывших лож бенуара. Ложки бельэтажа тоже сняты и на их месте – стены собора с витражами. Сцена, переходящая в боковые колоннады, выше уровня партера. От сцены в партер спускается широкая лестница. У первой к зрителю колонны с правой стороны стоит статуя Мадонны. Актриса, играющая эту роль, стоит недвижно не менее трех четвертей часа, пока не приходит момент ее оживления. Монахини входят в собор из внутренних дверей, справа и слева, около алтаря и из боковых дверей, завершающих колоннады. Молящиеся входят из дверей, ведущих из фойе в зрительный зал, и идут по двум боковым проходам партера на сцену, подымаясь по лестнице, построенной перед первым рядом. Приблизительно за четверть часа до начала спектакля начинает играть орган, и женский хор поет молитвы за сценой. Потом начинают входить монахини, зажигают свечи перед статуей Мадонны, в алтаре... Вводят молодую девушку, которую нынче посвящают в монахини. Настоятельница вручает ей ключи, и вот тут начинается то, что красивее всего во всем спектакле. Она бежит к дверям, летит по проходам в своей развевающейся одежде и открывает вход в храм. Раздается пение. Идут девушки в белом, со свечами, поют... А за девушками толпа народа с хоругвями, со знаменами, с зелеными ветвями... несут балдахины над кардиналами. Вся эта масса народа входит на сцену и поглощается ею. И все идут и идут, конца им нет... Это было очень красиво. А все, что было дальше, было или неинтересно, или очень нехорошо. Не было даже только хороших актеров среди исполнителей ролей, а сотрудники исполняли свои роли так, как на ярмарках изображают страшных чертей в балаганах.

Все картины, вплоть до последней, очень плохи и неинтересны. Антракты между картинами отмечаются темнотой, под прикрытием которой меняют задний фон декорации, т.е. закрывают алтарь какими-нибудь соответствующими полотнами. При этом перемены не чисты, слышен страшный шум, лязг и стук передвигаемых предметов.

В последней картине красив последний момент, когда статую Мадонны подымают над толпой.

После конца спектакля публика смеет пойти на сцену и осмотреть постройку. Было удивительно, как все, просмотревшие спектакль, ходили по сцене, щелкали пальцами по колоннам, пробовали плиты пола, глазели на алтарь и все время повторяли: “Вот курьезно! Вот смешно!”

Мне было досадно, что я не ушла после первого акта. На следующий день, проезжая мимо этого театра, я с грустью посмотрела на столь заманчивые прежде для меня золотые буквы на синей доске анонса, казавшиеся мне заманчивыми и таинственными, и даже ощутила какое-то неприятное содрогание. Теперь уж я спокойно смотрю на синие плакаты и вспоминаю о спектакле без неприятного содрогания, но с большим

разочарованием. Однако все находят, что каждый должен хотя бы раз увидеть это представление, и сборы поэтому всегда почти полные.

Последним мы не можем похвастаться. Прошлая неделя, на которой мы показывали новинку “Пазухина”, принесла нам убыток в пятьсот с небольшим долларов. Это только по тем расходам, которые у нас вычисляются совместно с Гестом. Помимо этих расходов, у нас был ряд счетов, оплаченных исключительно нашей кассой.

Эта неделя будет, вероятно, еще плачевнее: “Пазухин” в понедельник дал 470, в среду 740, “Дядя Ваня” во вторник – 750. Дальнейших сборов я не знаю, так как не хочется огорчать Л.Д. распросами. И без того к нему каждый пристаёт с вопросом о сборе. В следующем письме я Вам укажу все сборы, так как к тому времени у меня будет недельная сводка. Но, судя по началу, неделя должна дать большой убыток.

Л.Д. собирается в субботу (через неделю) ехать в Европу. Как и когда он окончательно это решил, не знаю. Во всяком случае, он мне сказал, чтобы я не высылала Вашему племяннику двухсот долларов, так как он сам лично увезет их в субботу, т.к. он уезжает вместе с Кокраном, предполагаемым, но пока еще не окончательно решенным нашим лондонским антрепренером. Слух об его отъезде волнует наших, так как без него, конечно, нам придется трудновато. Все внешние сношения, все переговоры с Гестом лежат исключительно на нем, и нет человека, который был бы в курсе его дел. На Берг. надежды нет, он или не умеет, или не хочет действовать за Л.Д. Кроме того, конечно, никто из пайщиков не хочет, чтобы половина расходов по поездке Л.Д. легла на театр. И без того слишком много долгов на нем. Если же Л.Д. едет не по делам театра и, так сказать, не собирается вводить театр в расходы, то крайне тяжело в такое трудное время отпустить человека, столь нужного, на такой долгий срок. Вероятно, Л.Д. по этому поводу говорил с К.С. и заручился согласием его на отъезд. Во всяком случае, об отъезде он говорит определенно, как о деле решенном, и, по-видимому, не собирается ни у кого спрашивать разрешения на отъезд. Я думаю, что даже предположение о том, что он должен был бы спросить позволения у дирекции, обидело бы его невероятно.

Милый Владимир Иванович, сейчас кончается последний акт “Дяди Вани”. С постоянными перерывами в письме я писала его Вам в течение всего вечера. Мне надо пойти в то время, пока К.С. будет разгримировываться, в кафе под нашим театром, чтобы выпить кофе. К.С. предлагал, что он меня угостит ужином, но я считаю, что лучше все время, что я у него буду, заниматься, чем ужинать и разговаривать.

Вы не будете ведь меня дразнить “моим К.С.”? Я рада быть ему полезной, но и только. Он пока относится ко мне хорошо.

Милый Владимир Иванович, шлю Вам и Екатерине Николаевне нежный привет и очень прошу: не забывайте меня и будьте добры ко мне.

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк, 29 февраля 1924 года

Дорогой Владимир Иванович!

Не подумайте, что я ленюсь в эти последние две недели, когда я пишу Вам только одно недельное письмо, вместо обычных двух. Дело в том, что К.С. все еще спешно кончал книгу, и как раз в прошедший понедельник, день моего письма к Вам, я сидела над спешным исправлением переписанных на машинке для переводчика последних или предпоследних глав. Работа была исключительно спешная. Я не успела ее закончить, как за этим материалом пришел переводчик и сидел над моей душой до тех пор, пока я ему не отдала все в исправленном виде. И в следующие дни пришлось заниматься последними добавлениями к книге. Наконец вчера вечером К.С. мне сказал, что как будто книга закончена. Он еще не вполне верит своему счастью и своей относительной свободе, боится поверить, но ему кажется, что все написано, все вставлено, все налажено. Я его поздравила с окончанием мучений и трудной работы, он – меня, т.к. находит, что и у меня было мало свободного времени за все последние недели. Кончил он очень вовремя, так как с началом нашего турне заниматься книгой ему не будет времени и обстановка наших переездов утомительна до крайности. Довольно Вам сказать, что нас ожидает вскорости такая приятная перспектива: на этой неделе мы играем в небольшом городке Нуорке, настолько близком к Нью-Йорку, что из всей труппы едва ли три-четыре человека переезжают жить туда. Вся остальная труппа остается на своих старых квартирах и на спектакли будет ездить “унтергрундом” и по железной дороге. Езды туда около часу. Вырабатываются правила, обязывающие всех участников спектакля приезжать в тамошний театр за полтора часа до начала спектакля. Днем в Нуорке бывать никто не будет. Стало быть, мы освобождаемся от дневной конторской работы. Конечно, у нас дома есть телефон, по которому до известного часу можно будет сообщить мне или Рипси о каких-либо экстренных осложнениях, заболеваниях исполнителей и т.д. (Наш поездочный репертуар я сообщу Вам ниже.)

После Нуорка мы будем играть в Бруклине, это уже совсем близко от центра, собственно говоря, это даже не отдельный город, а часть Нью-Йорка. Туда, конечно, тоже никто не переедет, и принцип работы и бывания в театре будет тот же, что и в Нуорке. Самое страшное начинается после Бруклина. Мы едем в Вашингтон. Спектакли там, конечно, должны быть особенно безукоризненны во всех отношениях. Открываем мы там сезон в воскресенье. Открываем “Федором”. И вот наше время этих злополучных субботы и воскресенья распределяется так: в субботу в Бруклине мы играем два спектакля – днем “Дно” и вечером “Карамазовы”. А на следующее утро в 8 часов отходит поезд в Вашингтон. Мы приезжаем туда в половине второго дня, у нас должна там состояться репетиция “Федора” с сотрудниками и вечером начина-

ется сезон. Можете себе представить, как будут все утомлены: сыграть два спектакля в Бруклине за день, после утомительных “Карамазовых” в утомительном поезде “унтергрунда” отправиться домой, укладываться и на следующее утро встать не позднее шести часов, чтоб успеть уложиться несессер и отправиться на станцию. И в Вашингтоне весь день на ногах, весь день в работе.

Вообще, когда я подумаю о том, что через две недели начнутся скитания, переезды, перемена комнат, перемена театров, причем один театр хуже другого в смысле закулисных помещений, то мне становится жутко. Я понимаю, что так говорить – только Бога гневить, так как множество людей согласилось бы с радостью переносить все неудобства переездов, только бы быть на моем месте.

Я только что прервала свое письмо для того, чтобы переписать Вам составленный до конца нашей поездки репертуар. Думаю, что в нем изменений не будет.

На этой неделе я получила от Вас два письма, а также пересланную Вами просьбу наших оркестрантов. По этому последнему делу будет налажено следующее: из первоначальных разговоров с одним здешним музыкантом выяснилось, что, кажется, камыш для духовых инструментов выписывается сюда из Франции. Если это так, то мы не будем закупать его здесь до тех пор, пока не узнаем, не будем ли мы в Париже или, по крайней мере, в Лондоне, где эти вещи дешевле. Если только эти камыши не стоят чрезвычайно дорого, так дорого, что у нас не будет нужных денег, конечно, мы привезем их. Т.е. я думаю, что можно с уверенностью сказать, что мы их привезем, потому что даже если в кассе не будет таких денег, то кто-либо из везущих в Москву доллары согласится одолжить их для покупки камыша.

В понедельник пришло Ваше коротенькое письмо, написанное в день похорон Ленина. А вчера – Ваше длинное письмо, важное для всех нас¹. Я поступила так, как Вы этого хотели, т.е. прежде всего прочитала его К.С., не “испугав” его какой-нибудь торжественностью. Днем я должна была, по уговору, протелефонировать ему. На его вопрос, нет ли новостей, сказала, что есть интересное письмо от Вас, хотелось бы ему почитать. Он тоже сказал, что хотел бы скорей узнать московские новости, но днем занят. Лучше всего встретиться в ресторане во время обеда. Пришла в ресторан, пообедала. Его все нет. Решила, что его кто-нибудь задерживает, надо пойти к нему, может быть, “спасать” надо. Прихожу, оказывается, К.С. лег отдохнуть и проспал час обеда. Рад был, что разбудила, а то у него после обеда много дел. Рад был, что и письмо принесла с собой. Я ему прочитала Ваше письмо. Конечно, оно взбудоражило его чрезвычайно сильно, видно было, что оно переполнило его так, что сразу во всем ему и не разобраться. Начали мы с ним разговор тотчас же, потом пошли в ресторан, и там я просидела с ним, пока он обедал. Он много говорил, но как-то систематизировать все сказанное очень трудно. Так что неудивительно, что он попросил

меня пока никому этого письма не читать, а дать ему сначала во всем разобраться, все в себя уложить. (Я предчувствовала, что это так будет, и заранее переписала на машинке ту часть Вашего письма, в которой говорится о плане будущего сезона и обо всех возможностях и предложениях.) Я предложила ему эту копию, чтоб он перечитал ее снова и во всем глубоко разобрался. Он решил также перечитать копию своего последнего письма к Вам² – нет ли там чего-либо, что отвечало бы на Ваше предложение.

Сегодня я его впервые увидела перед третьим актом “Дяди Вани” – он сидел и читал свою копию (своего письма к Вам). Я его спросила: “Ну как, говорили со стариками, с Лужским, Вишневым (сидящими с ним в уборной)?” Но он мне сказал так: “Я вот свое письмо перечту, а пока ничего не говорил. А вы меня повидайте до конца спектакля”.

Сейчас идет четвертый акт, когда он кончится, я перехвачу его и узнаю, что он хотел мне сказать.

Пишу Вам, милый Владимир Иванович, те отрывочные мысли и соображения, которые высказывал К.С. во вчерашнем разговоре: соединиться с Первой студией не хочется, лучше тогда такое соединение – МХТ и К.О. Если же соединимся со студией, то это выльется в необходимость для первой группы, для талантливейших актеров – работать на студийцев, гораздо менее талантливых, имеющих только крепкую организацию.

Между прочим, такой взгляд, по-моему, не разделяется многими нашими стариками, которые видят соединение с К.О. только при том условии, что бюджеты обеих групп будут совершенно самостоятельны. Вообще, говоря житейским языком, наши старики говорят приблизительно так: мы больше не хотим работать на других, мы хотим большую часть зарплаток делить на себя. Нам не нужно ни большой труппы, ни большого штата служащих. По опыту мы видим, что мы можем обойтись без очень и очень многих из вспомогательного персонала.

Мы не хотим, чтобы половину сбора, а то и 60%, мы отдавали на театр, т.е. на стены и служащих. Надо, чтоб все это стоило процентов 30–35. И все это возможно в том случае, если наша группа будет многочисленна, если наши постановки будут носить камерный характер, если состав служащих будет крайне ограничен. Между прочим, я знаю, что те, кто был в “качаловской группе”, рассказывали о своем ужасе, когда они увидели, напр., комнаты нашей бухгалтерии, полные барышень, работающих там. Вот что значит быть оторванным на три года. Надо думать, они не могут учесть, как усложнилось отчетное дело с тех пор, как пришлось во всем отчитываться перед правительством. Я знаю, что был такой разговор: “Вот в поездке мы же обходились, имея в конторе двух барышень. Почему же там нужен целый штат?” Что ж, по-моему, в Москве мы тоже можем работать с Рипси только вдвоем для первой группы. Ну а как Ольга Леон. согласится в Москве на то, чтобы всех участвующих в спектакле одевала одна портниха, в лучшем случае

на всех дам – две портнихи, на всех мужчин – два одевальщика. Думаю, что как только все наши попадут в московский театр, они сразу вспомнят все старые привычки и найдут необходимым, чтоб при каждой актрисе, играющей роль, была своя одевальщица.

Вот приблизительно те разговоры, которые бывали в связи с обменом мыслей о будущем. Все это было до Вашего письма. Как же заговорят старики после прочтения Вашего письма, не знаю.

Сейчас уж прошел утренник (“Дядя Ваня”), и я пишу Вам за полчаса до начала вечернего спектакля (“Карамазовы”).

После последнего выхода Астрова я говорила с К.С. Он мне сказал, чтоб я прочитала Ваше письмо полностью Лужскому и Москвину, а остальным, указанным Вами в письме, только то, что имеет отношение к Вашему предложению. Т.е, вернее – все, что Вы написали, только не читая перечня фамилий, кому знать надлежит, а кому – не надлежит. Потому просит этого не читать, что не верит в их сдержанность, уверен, что они разболтают, и показанные в последней группе обидятся. Я, собственно, так и думала, что указанный Вами список лиц и группировка их не подлежит никакому оглашению, кроме как сообщению К.С-чу. Так что в этом смысле он напрасно меня предостерегал, я и не собиралась об этом говорить. Что же касается того, что это все “не сделать явным раньше времени”, то тут надежды мало. Как только это письмо будет прочитано многим из указанных Вами лицам, всё станет известным всем. Потому что удержать наших от рассказов друг другу невозможно. К.С. просил, чтоб я каждому при передаче письма (при чтении его) передавала, что К.С. просит не обсуждать этих дел всенародно. Думаю, что такие увещания мало помогут.

Не знаю, говорит ли здесь предчувствие, или наша молодежь как-то осведомлена из Москвы, но накануне получения Вашего письма у меня был длиннейший разговор с одним нашим молодым о будущем. И вот он мне высказал общие для молодых тревоги за то, что они могут оказаться не нужны в Москве. И что им только хорошо бы это знать заранее, до привоза их в Москву. Тут, конечно, они не правы, так как забывают о той подписке, которую дали все, обязуясь вернуться. Они так испорчены границей, что считают себя совершенно свободными вернуться или нет. И даже могут поставить в упрек театру то, что кто-то будет уволен в Москве, не предупрежденный об этом за границей. По человечеству, конечно, жаль того, кто захочет вернуться в Москву только ради МХТ, а из МХТ как раз-то и будет уволен. Но по-правильному, принципиально, все обязаны возвратиться независимо от того, остаются они в МХТ или нет.

Вообще я должна Вам сказать, что вопрос о дальнейшем составе труппы МХТ уже поднимался в связи с материальным вопросом. Дело в том, что, если наши гастролы кончатся здесь или в Лондоне и до возвращения в Россию никаких спектаклей дано не будет (в Скандинавии, в Прибалтике), то является для пайщиков большой обузой то обстоя-

тельство, что придется содержать до будущего сезона всех участников поездки. Сколько времени содержать? По каким ставкам? И вот тут был поставлен вопрос: а если мы вообще в ряде лиц не нуждаемся, не будем нуждаться? Или вообще если мы не в состоянии заплатить за летние месяцы? И говорилось о том, что, быть может, члены т-ва МХТ будут вынуждены по окончании заграничных гастролой сказать участникам: поездка кончилась. Что будет дальше – неизвестно. Мы обязались доставить вас в Москву, мы это исполним и доведем вас туда – вот вам деньги на возвращение. Труппу всю мы распускаем. Осенью снова ее наберем и возьмем только тех, кто действительно нам нужен. Другими словами: “МХТ умер, да здравствует МХТ”. Вот какие предположения были.

Тут опять прошел некоторый срок – перерыв в письме, – и я успела прочитать Ваше письмо Подгорному и Л.М.Леонидову. Оба они за безоговорочное принятие Вашего плана. Л.М. говорил об этом очень утвердительно, но Бог его знает, что он скажет через несколько дней. Хотя, как Вы помните, он еще летом стоял именно за то, чтобы просить Вас прийти и владеть всеми. И тут он сказал, что снова и по-прежнему находит, что следует безоговорочно принять Ваш план.

Сегодня как подарок публике по настоянию Геста в вечер “Карамазовых” включена картина Москвина (“На чистом воздухе”). Поэтому во время следствия в “Мокром” я и прочитаю Москвину и Лужскому Ваше письмо. Думаю, что они тоже захотят принять Ваш план.

К.С., который говорил вчера так туманно, так отрывочно и большей частью не на тему и не по существу, сегодня вовсе не высказывался. Вероятно, он приводит в систему и порядок все свои желания и планы. И выскажет их тогда, когда старики начнут с ним разговор, для того чтоб окончательно все решить и послать Вам ответ. Быть может, послезавтра и назначат собрание пайщиков для решения вопроса.

Простите, милый Владимир Иванович, что я как-то плохо уловила, может быть, интересные Вам направления мыслей и желания. Все у нас говорится так запутанно, так случайно, что, когда хочешь изложить это в связной фразе, оказывается чрезвычайно трудно. Когда вместо принципиального ответа – возможно соединение со студией или нет, начинается персональный разбор даровитости каждого отдельного студийца, то становится трудно поймать основную мысль и основное желание.

Мне кажется, это еще и потому, что у нас твердо и определенно никто не знает, чего он хочет (говорю, конечно, про реальные, а не фантастические желания). Как же уловить реальную, непременно нужную сущность, если так часто разговор, начавшийся с обсуждения планов будущего сезона, переходит в планы и мечтания о каких-то никому не ведомых постановках неведомых пьес, о постановках, которые потрясут искусство всех стран и дадут возможность снова через несколько лет поехать за границу. И это бывает так часто: от решения реальных вопросов переходят или к мечтаниям, или к разбору отдельных личностей, или отдельных поступков. Это сама жизнь; наши актеры – живые люди;

и этим все можно объяснить. Но мне кажется, что если бы у кого-либо из наших был свой очень определенный, очень ему дорогой план, за который он хотел бы бороться, было бы по-иному. Была бы своя линия, которую проводили бы. Такой очень твердой линии ни у кого нет. Кроме К.С., линия которого все-таки как-то не очень определена, скорее фантастична. Это наши чувствуют, поэтому не очень верят. Вам верят очень, но ревнуют к К.О.; думают, что К.О. Вы любите больше и больше от себя и себя даете им. В этом желании отдать себя Вам в полное владение есть неуловимое стремление пожить в тихой пристани под Вашей защитой. Знают, что с Вами не только не пропадут, но даже будет лучше, чем если они сами за себя стоять начнут.

Дела наши все неважны. И прошлую неделю окончили с убытком. Убыток в 981 дол. И эта неделя, на которую возлагали надежды, как на прощальную, едва ли поправит дела. Теперь только надежда на новые в турне города. Сборы определенно недурные только по пятницам и субботам, можно с уверенностью сказать – независимо от поставленной пьесы. Вот перечень сборов прошедшей недели:

понедельник 18-го февр. “Смерть Пазухина” 475.50

вторник 19 февр. “Дядя Ваня” 840.50

среда 20 февр. “Смерть Пазухина” 737.75

четверг 21 февр. “Иванов” 764.75

пятница 22 февр. днем “Смерть Пазухина” 1 238.25

веч. “Дядя Ваня” 2 529.75

суббота 23 февр. днем “Смерть Пазухина” 895

веч. “Иванов” 2 155.50.

Итого валового сбора 9 637 д.

Расходы на театр, на выплату нам гарантии, на рекламу и т.д. – 10 618. Убыток – 981 дол.

Теперь уже, кажется, все пришли к тому убеждению, что нельзя рассчитывать на какие-либо получения, кроме гарантии. А долги наши так велики, что покрыть их можно только из жалованья пайщиков. Поэтому те вычеты (25% жалованья), о которых я Вам писала, продолжают. Этими вычетами будут покрыты некоторые, наиболее срочные, долги. Я очень хотела выслать Вашему племяннику деньги (200 дол.) в счет нашего Вам долга, но Л.Д. просил задержать высылку, собираясь сам в Париж. До сих пор не могу понять, едет ли он и когда вообще едет. А деньги лежат отложенными. Если он не уезжает, как хотел, завтра, то отправлю деньги через банк.

Милый Владимир Иванович. Вам, вероятно, странно читать, что я до сих пор не знаю, уезжает завтра Л.Д. или нет. Еще страннее, что вчера на вопрос по этому поводу, предложенный Бертенсону, даже тот не мог ответить и сказал: “Думаю, что нет. Хотя, впрочем, ничего не знаю”. Л.Д. настроен крайне нервно, спрашивать его просто не хочется. Не хочется не только мне, но даже членам дирекции, крайне в этом заинтересованным.

Вчера я по этому поводу спросила К.С., едет ли Л.Д. в Европу. К.С. мне ответил: “Вероятно, едет. Не может не ехать”. И на мои слова, что наши против его поездки, сказал, что все это грошовые расчеты, что ему необходимо ехать и устроить наши гастроли если не в Лондоне, то в Скандинавии, в Париже...

С Лондоном, видимо, дело не ладится. Антрепренер, с которым велись переговоры, – Кокран, – во-первых, не имеет театра, во-вторых, пострадал на каком-то театральном предприятии и объявлен несостоятельным должником. Этот Кокран был здесь все это время, но с Леонидовым избегал видеться. Л.Д. как раз предполагал выехать с ним завтра на одном пароходе. Наши говорят так: “Если у Кокрана нет театра, то почему же у Л.Д. он будет?”

Какой бы контракт Л.Д. нам ни привез из Европы, сумму этого контракта тотчас же нужно уменьшить на такое количество долларов, какое он израсходует на поездку в Европу и обратно. На большую гарантию в какой бы то ни было стране, в каком бы то ни было городе рассчитывать нельзя. На проценты наши ездить не любят, не верят в такую сильную удачу, какая даст большую сумму на нашу долю процентов. Раз обжегшись на парижских гастролях, второй раз не хотят прогореть, доплатить, жаться, высчитывать каждый грош... При этом, как я Вам писала, при продлении гастролей обязательно содержание всех участников поездки, обязательна выплата каких-то суточных или жалованья. При заключении же поездки возможен роспуск всех до нового набора в августе – сентябре. И такие расчеты заставляют пайщиков задуматься, выгодно ли вообще продолжать поездку.

Продолжая о Лондоне: раньше, когда Кокран приехал сюда и не появлялся на горизонте Л.Д., Леонидов уверял, что в этом страшного ничего нет, что Гест сам хочет держать наши гастроли в Лондоне, что он хочет просить Кокрана разделить с ним контракт с нами. Кажется, я Вам об этом писала. Теперь Л.Д. об этом больше не говорит. Вероятно, и Гест об этом тоже не говорит с ним. Кроме того, с Лондоном то осложнение, что там все время идут невероятные протесты английских актеров против приезжающих иностранных трупп. И ряд театров, предполагавших отправиться в Лондон на гастроли, не получил права въезда. Я помню, что в разговорах с Кокраном ставилось условие, что он достает для нас право въезда для гастролей.

Милый Владимир Иванович, я просто в отчаянии. Нет никаких сил писать, такие разговоры и такой гвалт стоит у нас в комнате. И уйти некуда, так как во время “Карамазовых” заняты все уборные. Ведь скоро начинаются гастроли вне нашего привычного Джолсонс-театра, и поэтому у каждого есть масса вопросов относительно переезда, хранения багажа, способов езды в Нуорк и т.д.

И мне ясно, что надо заканчивать письмо и рассчитать так: Вы мне, наверное, поверите, что писать не было никакой возможности, и потому извините меня за то, что все последующее я Вам напишу в следующем письме.

Да, вот что еще позвольте Вам сообщить. По поводу уплат в Помгол мы ездили в здешнюю миссию Красного Креста. Приводили им все доводы, почему протестуем против назначенных отчислений 5% с фактического жалования. Протестуем и против пятисот долларов в месяц, которые требуются с нас на основании летнего постановления. И высчитали, что если следовать в исчислениях принципам прошлого года, принципам, которые Помголом были признаны приемлемыми, с нас в месяц полагается 300–350 дол.

Они посоветовали нам написать письмо в этом смысле в московский Помгол. Но самое трудное в этом то, что теперь будет долгое раскачивание на это письмо. Вы, напр., спросили в одном письме: почему не написали Ногину? Не понимают разве, как это важно? Трудно объяснить, почему не написали. Да, вероятно, потому, что настоящей важности этого не учитывают. И тут: составляется черновик, но обсуждать его будут столько времени, что под конец могут сказать: “А стоит ли вообще писать? Может, как-нибудь обойдется!”

Написала ли я Вам в прошлом письме, что, попросив Вас внести в Помгол, помимо той тысячи, о которой мы просили раньше, еще 1 350, мы рассчитались с Помголом за прошлый сезон окончательно. Кажется, что написала.

Совершенно случайно мы видели в этот наш визит в Красный Крест бумагу из Москвы (давнишнюю) здешней миссии. В этой бумаге, перечисляющей, с кого и сколько надо взыскивать за гастроли в Нью-Йорке, между прочим, указано, что за сезон 1922/23 года с МХТ следует получать по 800 долларов в месяц, мы им заплатили по 1 175 дол.

Когда тот человек, с которым мы говорили и на столе которого лежала эта бумага, заметил наше недоумение, то смутился и сказал, что здесь ошибка и что впоследствии была получена бумага, предписывающая получать ежемесячно по 175 дол. Бумагу эту он нам показал. Однако из этого можно вывести заключение, что вначале Помгол рассчитывал всего только на 800 дол. в месяц от нас, потом же, когда мы сами “честно и благородно” внесли по 1 175, – предписал взыскивать по 1 175.

Тут надо действительно кончать письмо, так как не только мешают, но и надо начать гримироваться к сцене в “Мокром”.

Сергей Львович просил Вам передать его большую признательность за Ваши строки к нему, написанные в письме ко мне. Он в скором времени лично Вам напишет.

Простите, милый Владимир Иванович, если что не так, если не ясно, не исчерпывающе написала Вам после такого важного Вашего письма. Думаю, что это от того, что впечатления еще только начинают бродить в наших, не перерабатываясь в каком-то крепком, определенном направлении.

Хотела бы теперь начать писать Вам ежедневно все, что услы-

щу по поводу Вашего письма, чтоб не забыть ничего, чтоб наиболее подробно все Вам описать. Даю Вам слово, что по поводу каждого разговора и замечания буду писать Вам в тот же день, пользуясь каждой свободной минутой.

Милый Владимир Иванович, тысячу раз благодарю Вас за доверие, за Вашу надежду, что я изо всех сил постараюсь быть тактичной и умелой. Я бы хотела выполнить Ваше поручение на пять с плюсом (при пятибалльной системе, не при двенадцатибалльной). Вчера, сегодня – во мне дрожит какое-то торжественное чувство. Будто наполнена чем-то важным, великолепным, самым значительным – иду и боюсь расплескать.

Желаю Вам, милый Владимир Иванович, самого яркого счастья, самых радостных дней.

Ваша *Ольга Бокшанская*

83.

Нуорк, 3 марта 1924 года

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня, совсем недавно, мы начали спектакль “Вишневого сада” – первый спектакль в Нуорке. Мы собрались в пять часов около нашего прежнего театра на 59-й улице: Станиславский, Книппер, Москвин, Лужский, Грибунин, Подгорный, мы с Рипси, несколько человек из молодежи, занятых в спектакле, и все вместе отправились по подземной дороге. Это путешествие длилось минут 20. Мы приехали прямо на вокзал, вернее, в вокзал, внутрь его, с которого отправляются поезда в Нуорк. На вокзале взяли билеты и отправились садиться в поезд, стоящий где-то внизу, глубоко под землей. Вокзал, на который мы приехали, находится на самом берегу реки, и первое, что должен был проделать наш поезд, это проехать под рекой. А затем дорога поднялась на землю. Через полчаса мы приехали на Нуоркский вокзал, а еще минуты через две были в здании театра. Утомительно было ехать по жел. дороге, т.к. места в поезде оказались заняты и всем нам пришлось стоять. Нам приходится отправляться на спектакль в тот именно час, когда закрываются в Нью-Йорке все конторы и бюро и весь служащий люд разъезжается по домам. Оттого на всех путях передвижения сильнейшая давка.

Города я, конечно, не видела, т.к. прогулялась только до прекрасного фруктового магазина – купить всяких вкусных вещей. Все, что я могла наблюдать, показало мне, что городок – точная копия всех остальных виденных нами городков. Та же широкая главная улица, те же переливающиеся вывески кино, те же свистки полисменов, дирижирующих уличным движением.

Каков наш зрительный зал сегодня – не знаю, пока не знаю. По-

стараюсь не забыть к вечеру, к концу спектакля, написать Вам об этом.

Наши последние спектакли в Нью-Йорке прошли с большим успехом и при переполненном зале. (Я говорю о последних двух днях.) Прощальные вызовы после конца спектакля были бесконечны и очень “оvationны”. Кричали из публики слова благодарности и звали вернуться. Вызовы и аплодисменты длились страшно долго. Я и не заметила, как на сцене очутился М.Гест, который сказал некий “спич”, подчеркнувший исключительность и огромность значения нашего театра.

Занавес был уже опущен, а публика все еще вызывала актеров, так что нашим пришлось выкарабкиваться за занавес, чтоб снова и снова раскланиваться.

Конец этого сезона не похож на все прежние концы, так как мы все остались жить на прежних местах и только собираемся ездить на спектакли сюда.

Простите, что я пошлю Вам этот разорванный лист. Здесь у нас такая крошечная комнатка, такие узенькие столы, более похожие на полки, что лист, задев о стену, разорвался. Сейчас я с большой осторожностью обращаюсь с бумагой, чтоб окончательно не разорвать письмо пополам.

Мне очень грустно, что я должна сообщить Вам о некоторой задержке важных решений, связанных с полученным от Вас письмом. Ник. Аф. решил настойчиво просить К.С. о том, чтобы на завтра было назначено общее собрание пайщиков, т.к. вопрос требует скорейшего решения. До сих пор дело обстоит так, как распорядился К.С. То есть все указанные Вами лица прочитали переписанную мною деловую часть письма. К.С. только из опасения, что пойдут неприятные, обидчивые разговоры, догадки и предположения от тех Ваших строчек, в которых Вы пишете о безусловном исключении из нового Худож. театра некоторых участников поездки, просил меня эти строки не переписывать и не оглашать. Я это исполнила. Из всех частных разговоров с К.С. можно понять, что он против соединения с Первой студией и ничего не имеет против соединения с К.О.

Очень бы хотелось, чтоб решено было устроить завтра обсуждение Вашего предложения и выработку ответной телеграммы.

У меня такое личное впечатление, что К.С. “уложил” в себя Ваше письмо, разобрался в волнующих его чувствах и знает, что скажет на собрании пайщиков. Едва ли можно сказать это про пайщиков, которые сами твердо не знают, чего хотят, не знают, как прийти к тому, чего захотят, и вообще чувствуют, что от России немного отстали и очень не в курсе всей театральной московской жизни.

Между прочим, одним из волнующих наши умы вопросов является: что ставить в новом Художественном театре? Есть у Вас намеченная пьеса? Вернее, пьесы? Если да – всем очень хотелось бы знать, что это за пьесы? В какой трактовке? Даже, в каком приблизительно составе?

Что касается нас, то все сейчас у нас ухватились за Шекспира. Его

сочинения куплены театром, и вот уже и К.С., и Книппер, и Л.М.Леонидов разобрали по книге, чтоб найти подходящую пьесу. Вас. Вас., кажется, мечтает об Островском. Про Москвина ничего не знаю, давно сама с ним не говорила, давно о нем ничего от других не слыхала. Про Качалова же вообще трудно что-либо сказать, потому что идут настоячивые толки (я им не верю), что он собирается остаться здесь, не ехать в Москву. Здесь, вероятно, останется Дима. Он хочет получить место. Кажется, небольшое место ему предлагают, и он надеется здесь сделать карьеру. Если он решит остаться, то очень много шансов за то, что и Вас. Ив. не захочет уехать. Сейчас много толков вызвала заметка, появившаяся в русской местной газетке, о ряде гастролей Качалова на еврейской сцене. Вероятно, репортер перепутал: Качалов действительно собирался устроить свои сепаратные выступления, но не на еврейской сцене, а как бы концерт – в любом помещении. Сначала был разговор вообще только о концерте в Бостоне или в Филадельфии, или в обоих городах. Гест на это шел. Но когда он узнал, что Качалов собирается выступить с концертом в Бронксе (город, составляющий часть Нью-Йорка), он запротестовал, т.к. вероятны наши прощальные спектакли, после Канады, именно в этом городке. Это та часть Нью-Йорка, где находятся великолепные парки, ботанический и зоологический сады. Там живет исключительно богатое общество, и там Гест собирался сделать дело. Когда о концерте в Бронксе стало известно, Гест через Леонидова передал свой протест. Качалов написал Гесту письмо, прося не препятствовать этому концерту. Говорят, что Гест на это письмо даже не ответил.

Вообще из-за желания наших иногда выступать в концертах происходят постоянные недоразумения с Гестом, который сильно протестует против такого нарушения контракта. Единственное, что он сделал без всяких неприятностей, это разрешил Книппер (даже не только разрешил, но много способствовал и помогал этому делу) устраивать лекции-концерты, посвященные Антону Павловичу. Она читает и на английском и на русском языках. Такой концерт не берет много сил и приносит всегда долларов двести по крайней мере.

Письмо снова было с постоянными перерывами. Отрывали по делам, приходилось выходить в третьем акте старухой.

Недавно приехал Л.Д., который задержался у Геста в бюро. Сообщил цифру сбора – 1 087 дол. Рассчитывает, что завтра будет больше, и думает вообще, что здесь дела будут очень не плохи. Прошлую неделю закончили валовым в 12 с лишним тысяч, так что в итоге будет плюс в нашу общую с Гестом пользу. Но нас мало это должно радовать, т.к. первые 10 000 прибыли идут в собственность Геста. Этими деньгами погашается аванс, выданный им на постройку декораций. Едва ли кроме нужных десяти тысяч у нас будет большой плюс.

Л.Д., как видите, в Европу не уехал. Почему – никто не знает, ни с кем об этом разговору не было. В каком положении Лондон – до сих пор неизвестно.

Скоро кончится спектакль, и мы гурьбой отправимся домой. Обратные путешествия, вероятно, всегда будут очень утомительны. Зато день до пяти часов в нашем распоряжении, и это страшно приятно.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Прошу Вас, спросите Екатерину Николаевну, не нужно ли купить для нее чулок, пудры, каких-либо мелочей. Если да – прошу написать номер, цвет и описание желаемого.

Сердечно кланяюсь Вам и дорогой Екатерине Николаевне.

Ваша *Ольга Бокшанская*

84.

Нуорк, 7 марта 1924 года

Я в отчаянии, дорогой Владимир Иванович, что Вы найдете меня плохо исполнившей Ваше поручение. Но, право, я не виновата. Я каждый день пристаю с вопросами к Ник. Аф., не пододвинулось ли дело обсуждения Вашего письма, но он говорит, что никак не могут договориться до реальных вещей и со дня на день откладывают посылку Вам телеграммы. Я хотела было пристать с вопросами к К.С., но Ник. Аф. не без основания сказал мне, что К.С. только рассердится на меня и поставит меня на должное, весьма скромное, место. Скажет мне, что он лучше меня знает, как быть деликатным относительно Вас.

Я все время говорю, что это, по меньшей мере, неделикатно так долго не отвечать, что надо ответить хотя бы телеграммой о получении письма, с извещением, что такого-то числа будет общее собрание и вопрос будет решен.

Ваше письмо произвело большое волнение, но какое-то, если можно так выразиться, тихое, сосредоточенное волнение. Это не был бум, что-то такое, что обсуждается со страшным оживлением, с захлебыванием, а через короткий срок уже не занимает, тут разговоров шумливых я совсем не заметила, но какие-то сосредоточенные рассуждения и разговоры шли непрерывно. Все, кому я давала читать письмо (т.е. переписанную из него выписку), не высказывали тотчас же своих мнений, а предпочитали обо всем поразмыслить наедине.

Не знаю, кто первый решил сделать отдельные заседания, я знаю, что такой план еще до Вашего письма высказывал Лужский, но, во всяком случае, стали назначаться заседания из четырех лиц (притом без оповещения всех остальных об этих заседаниях) – К.С., Москвина, Лужского и Подгорного. Как я сказала, еще до получения Вашего письма Вас. Вас. хотел устроить ряд совещаний именно этих четырех лиц для обсуждения вопроса о нашем будущем. Таких заседаний было, если не

ошибусь, три. Последнее состоялось сегодня. Оно наконец выработало текст телеграммы, который будет предложен послезавтра, 9 марта, на общем собрании пайщиков¹.

Трудно даже сказать, какие разговоры и планы предшествовали выработке текста телеграммы, которую вы получите через несколько дней, задолго до того времени, когда это письмо дойдет до Вас. Конечно, пришлось три раза собираться перечисленным четверем, чтобы договорится приблизительно до одного и того же. Можете себе представить, сколько пришлось бы времени договариваться, если б сразу дело было передано на обсуждение общего собрания.

Сейчас только дебатировали здесь текст телеграммы (тот, который выработан пока). Я уверена, что он будет еще изменен и не раз. В том, который составлен пока, я никак не вижу безоговорочного согласия, и нахожу, что все высказанные мечты Вами могут быть приняты как условия. Вопрос обсуждался страстно, взволнованно. Собственно говоря, я не имею никакого права участвовать в такой мере в этом серьезном и большом деле. Постоянно даю себе слово, что должна держать язык за зубами и не выкатываться с рассуждениями. Ведь каждый из стариков может мне сказать, что это не мое дело. Но ничего с собой не могу поделать. Как начинается этот волнующий меня разговор, забываюсь, спорю до самозабвения. Но, конечно, все эти разговоры слишком частные и даже слишком принципиальные, так что передавать их не решаюсь. Вам они мало интересны.

Но вот характерное: в Вашем перечне фамилий, кому непременно надо читать Ваше письмо, отсутствуют: Александров, Румянцев, Коренева. У нас было решено не давать им письма до тех пор, пока не будет решен день общего собрания. Незадолго перед собранием письмо дать, чтоб не обидеть. Перед вторым актом сегодняшнего “Иванова” подхожу к стоящим вместе Александрову и Румянцеву, передаю письмо и говорю, что просьба К.С. иметь в виду, что письмо это предназначено исключительно для пайщиков. На это Рум. мне отвечает: “А я уж несколько дней тому назад слышал об этом письме, и как раз от не пайщика”. И Алекс. тут же прибавляет: “И я все о нем слышу, и тоже все от не пайщиков”. Что мне оставалось делать. Я сказала, что это их дело, как они дальше поступят, мое же дело передать им пожелание К.С.

Меня только удивило, что притом, что молодежь знает об этом письме, она так потихоньку это обсуждает. Во всяком случае, со мной или при мне такие разговоры не велись. Тут можно сделать два предположения: или письмо их волнует настолько, что они его обсуждают очень в секрете и виду не показывают, что знают, или они не оценили всей серьезности затронутых в письме вопросов, поговорили о них и перешли к новым событиям повседневной жизни.

Так что, милый Владимир Иванович, хотя я и писала в последнем письме, что буду сообщать Вам ежедневно обо всех разговорах, но не исполнила своих обещаний только потому, что не слышала таких раз-

говоров. Наша бивуачная жизнь в Нуорке заставляет весь вечер сидеть в своей конторе за работой и приходиться на сцену только перед самым выходом. А днем никого не вижу, так как места собрания нет, а частным образом ни у кого не бываю.

Стало быть, живем мы так: К.С. ездить один сюда не хочет, путь настолько запутан, что он боится перепутать. Поэтому мы за ним заходим часов в пять. К этому же времени к этому ресторану собираются все те, кто хочет ехать под нашим руководством. Собирается человек 5–8. Тогда мы спускаемся на станцию подземной жел. дороги и едем в поезде минут 25. Выходим на станции, расположенной почти у самого Хадсона (Гудсона). Тут, не выходя на улицу, а перейдя только на еще более низкую платформу, мы садимся в другой поезд и отправляемся в путь; проезжаем сначала в туннеле под рекой, потом некоторое время едем под землей, а затем выползаем на свет Божий. Едем еще некоторое время под землей и приезжаем в Нуорк. Путешествие во втором поезде занимает тоже минут 20–25. Так что всего приходится быть в пути почти час. Путешествие проходит довольно незаметно, но настоящую усталость чувствуешь вечером-ночью, когда приезжаешь домой во втором часу и мечтаешь только об одном: скорей улечься в постель.

Пишу Вам все это и мне вспоминается: не писала ли я об этом уже в прошлом письме?

В дни двойных спектаклей приходится уезжать из города в половине двенадцатого и возвращаться во втором часу ночи.

Все это так утомительно, что мы мечтаем о конце, о завтрашнем конце этой недели, как о манне небесной. В Бруклин ездить будет несравненно легче.

Дела наши здесь очень недурны, конечно, в сравнении с неудачами последних недель Нью-Йорка, когда недельный отчет всегда заключался неприятнейшим “лос” (убыток). Но едва ли и в нынешнем отчете будет солидный “профит”. У Геста есть еще ряд счетов, не оплаченных нами, – грехи прошлого: “Пазухин”, “Дядя Ваня”. Вот перечень сборов: понед. “Вишневый сад” – 1 100; вторн. “Царь Федор” – 1 300; среда “На дне” – 1 300; четв. днем “Вишневый сад” – 800, веч. “Дядя Ваня” – 1 100; пятница “Иванов” – 1 350. Всего, стало быть, тысяч семь. И еще в перспективе два завтрашних спектакля, на хорошие сборы которых мы надеемся.

Вчера я получила такое милое письмо от Екатерины Николаевны. Была страшно рада хотя бы немного узнать про Вас. Мечтаю ответить Екатерине Николаевне как можно скорее, но при нашей бивуачной жизни это вряд ли возможно. Писать не на машинке я не умею, а вечером, когда в моем распоряжении есть машинка, я должна писать на ней деловые бумаги. Ведь за вечер надо успеть и исполнить всю текущую работу, и выходить на выхода (в шести спектаклях из восьми).

Сейчас я была занята чрезвычайно сложной и кропотливой работой по составлению отчета, несколько специального отчета, который

надо представить в министерство финансов по делу об обложении нас подоходным налогом за весь прошлый год. Ведь мы должны будем заплатить налог и за то время, что мы были здесь в прошлом сезоне с января до июня, и затем с ноября по январь нынешнего года. Здесь, конечно, пришлось, во-первых, считаться с действительными расходами, имеющими оправдательные документы в наших делах, и еще с тем, чтобы не забыть внести те платежи, которые нам предстоят, но которые покроют расходы по организации нынешней поездки. Словом, задание было весьма сложное. Я возилась с этим делом эти дни: днем бывала в бюро Геста, вечером на наших узеньких столах-полочках, в неудобнейших условиях, считала, записывала, сверяла. Так что Вы поймете мое удовлетворенно гордое чувство, когда сегодня Л.Д. приехал сюда и сказал, что присланный мною ему вчера ночью отчет составлен замечательно хорошо и толково. Правда, я не оттанцевала при этом того радостного танца, какой плясала, когда получала Вашу похвалу, но, во всяком случае, заулыбалась с самым довольным видом. И все-таки я жду, что с этим налоговым делом еще далеко не все покончено и что мне придется еще повозиться над переделыванием и изменением отчета.

Дорогой, милый и чудесный Владимир Иванович, шлю Вам нежный привет и прошу Вас передать Екатерине Николаевне мою благодарность за ласковое письмо, на которое постараюсь ответить при первой возможности. Всего, всего хорошего желаю Вам.

Ваша Ольга Бокшанская

85.

Нью-Йорк (Бруклин), 10 марта 1924

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня я едва успею написать Вам несколько строк, потому что сейчас уже кончается спектакль. Я рассчитывала весь вечер быть свободной для писанья Вам, а это не удалось. Пришел Л.Д. и принес срочнейшую работу по подоходному налогу. Я Вам уже писала про те срочные работы, которые у меня были в связи с налогом. Дело это крайне сложно, так как – Вы ведь понимаете – Л.Д. всячески старается, чтоб нашим пришлось платить как можно меньше. Поэтому приходится подавать заявления в министерство о том, что при таком-то заработке наши артисты много тратят на то-то и то-то. И так как, кажется, удалось убедить, что есть ряд расходов актерских, которые следовало бы освободить от обложения, то мне пришлось сделать целую ведомость, причем соответственно распределить такие расходы между всеми. Вообще тут махинаций немало, так что приходится сидеть, комбинировать и внимательно следить, чтоб не переборщить.

Я бы рада остаться подольше после спектакля, чтоб написать Вам

побольше, но сегодня в возвращении домой мы связаны с К.С., и потому должна буду пойти домой тогда, когда он будет готов. Сегодня мы открыли бруклинский сезон. Из-за усиленной работы над налоговыми ведомостями я даже не успела спросить у Л.Д., каков сбор. Кажется, неважный. Это и не странно, так как бруклинцы все почти перебивали на наших спектаклях в Джолсонсе. Вероятно, можно рассчитывать на хорошие сборы в пятницу и субботу, т.к. население здесь преимущественно еврейское.

Вообще сегодня, милый Владимир Иванович, я ничего Вам толком не могу сообщить и о заключении прошлой недели, т.к. и про это забыла спросить у Л.Д., как закончили – с плюсом или с минусом.

В субботу вечером, из Нуорка, отправили мы Вам наконец телеграмму, без заседания. Это было решено потому, что все переговорено было и до заседания, и не стоило собирать всех только для того, чтоб обсуждать текст, уже известный всем пайщикам из сепаратных разговоров.

Письмо это придет к Вам тогда, когда Вы будете далеки от расшифровывания этой телеграммы. Хочу Вам только сказать, что было множество дебатов, так как были сторонники посылки телеграммы только о безоговорочном согласии, отрицавшие всякие приписки о “мечтах”. Опасались, как бы ни приняли Вы это как условие, как “некий ультиматум”. При этом в телеграмме первоначально не стояло слово “безоговорочно”. Защищавшие безоговорочное согласие победили тем, что убедили вставить это слово, но пришлось при этом пойти на уступку и оставить фразу о “мечтах”¹.

За последние дни я получаю письма из Москвы, и все жалуются на серое житье. Только Екатерина Николаевна одна написала бодрое и живое письмо. Все остальные мои корреспонденты жалуются на скуку и тоску. И все в письмах говорят, что, вероятно, мы живем замечательно. А мы живем так буднично – я говорю про нашу общую театральную жизнь, – так неинтересно, волнуемся такими мелочами, интересуемся таким вздором, что даже совестно в этом сознаться. И всем хочется перемены, хочется, вероятно, в Москву, туда, где интересно будет рассказывать, интересно одеваться, шикарить, куда интересно будет привезти заграничные мелочи. И многие вместе с тем боятся Москвы, боятся, что совсем отвыкли от забот и нужды.

Вот уже зовут вниз, все разгримировались, ждут К.С.

Всего хорошего и прекрасного желаю Вам, милый, милый Владимир Иванович.

Не кажется ли Вам, что мы приедем скоро, что совсем мало осталось времени до возвращения?

Ваша Ольга Бокшанская

Нью-Йорк (Бруклин), 14 марта 1924 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Совсем недавно получилась Ваша телеграмма на мое имя для стариков¹. Читая ее, я не могла удержаться от восклицания: “Что я говорила! Так и вышло!” Я Вам, кажется, писала, что в дебатах по поводу текста телеграммы я проявляла такую горячность, что часто ждала возможного замечания со стороны присутствовавших стариков: “Да вам какое дело? Мы, старики, создавшие дело, лучше знаем, как писать Владимиру Ивановичу, что писать и почему писать”. Но в разговорах и спорах я раньше возражаю, чем думаю о возможном замечании.

Боже мой, что за день у нас сегодня! Такой спешки и суматохи давно не бывало. Мне пришлось прервать письмо и заняться целой серией одинаково срочных дел: собрать подписи на листе доверенности Л.Д. на ведение налоговых дел; заняться составлением списка количества вещей, отправляемых каждым членом поездки в Вашингтон; принять участие в составлении ответной телеграммы²; раздавать присланные от фотографа снимки и получать за них деньги. А тут еще оплата счетов, как это всегда бывает перед отъездом. И непрекращающиеся просьбы о выдаче аванса до завтрашнего дня, под жалованье, явление весьма обычное перед субботой, перед днем получки. Смешные люди: конечно, каждый из них откладывает деньги от недельного жалованья. Но эти деньги считаются, по-видимому, настолько “заветными”, что их тронуть нельзя. И вот проживутся на неделе, истратят больше, чем отложили для житья в прошлую субботу, и пристают: “Не на что поужинать сегодня. Дайте вперед; завтра все равно вычтете”. При этом сегодня нерв у всех, понятный перед отъездом с насиженного места.

Сегодня “Иванов”, поэтому труппа почти вся налицо. Из стариков нет только Москвина и Вишневого. И несмотря на это, едва ли можно ожидать, что ответ будет сегодня составлен и утвержден. Ник. Аф. все время ходит из одной уборной в другую совещаться со стариками, но, конечно, в волнении спектакля им трудно очень внимательно отдаться обдумыванию текста.

Как и следовало ожидать, телеграмму Вы нашли уклончивой. Иначе и не могло быть. И когда я уверяла в этом других, мне в ответ снисходительно говорили: “Ну что вы говорите, конечно, Владимир Иванович поймет, что это не условия, даже не пожелания, а мечты-мечтания”. Все те, кто стоял за телеграмму с одной только фразой о выражении безоговорочного согласия, теперь могли бы торжествовать. К сожалению, они не могли перетянуть, не могли поставить на своем, слишком были увесисты те, кто хотел ввести Вас в курс “стариковских” мечтаний.

В среду днем, стало быть, третьего дня, К.С. сказал, чтобы меня освободили от выхода в утреннем “Вишневом саде” и откомандировали к нему для писанья Вам письма. Так и было, и он продиктовал мне длин-

ное письмо, которое, однако, просил меня пока не отсылать³. Так как почта все равно отправляется по пятницам вечером, то он решил пока просмотреть письмо и убедиться, что в нем нет никаких пропусков, что оно достаточно исчерпывающе. Вчера вечером после спектакля он мне сказал, что хочет написать Вам еще, но что перед отъездом не успеет. Однако ни за что не хочет откладывать это дело в долгий ящик и надеется в понедельник в Вашингтоне вызвать меня к себе для писания письма. Вероятно, что-то он хочет написать после того, как я прочитала ему часть Вашего последнего письма, начатого 17-го и законченного 24 февраля⁴. Кроме того, он хотел, как он мне сказал, запросить Вас, когда, по-Вашему, срок нашего возвращения, это раз, и каков список (Ваш список) тех, кого Вы считаете ненужными в будущем сезоне. Эти же вопросы волновали и других “активных стариков”, и ими решено было запросить Вас об этом, но непременно телеграфно. Вероятно, запрос этот будет помещен в ответную сегодняшнюю телеграмму⁵.

Помнится, я Вам писала, что наша молодежь, конечно, узнала о письме. Но не знаю я, как она на него реагирует: то ли обратила достаточно серьезного внимания, то ли обратила очень большое внимание, настолько большое, что обсуждает письмо конспиративно. Последнее оказалось правдой. И как невозможно было скрыть письмо от молодежи, так и молодежи не удалось скрыть своих собраний и заседаний. Теперь уже известно, что почти все не пайщики собираются для обсуждения вопросов будущего, причем, будто бы имея какие-то предложения, хотя ин корпоре¹ остаться в Америке. Установить точно, какие не пайщики уклонились от таких планов, я не берусь, и ничего не могла ответить на вопросы К.С. (которому, между прочим, все это было известно еще до того, как стало известно мне). К.С. интересуется весьма немногими фамилиями: Тарасовой, Пыжовой, Ершовым. Он даже знает, что собрание происходило как-то в квартире Ершова, но что Ершов не сочувствует этому делу и лишь только предоставил свою комнату. Как это ни странно, но в этом деле участвует и один пайщик, это Румянцев, который председательствует на заседаниях. Он очень хочет остаться в Америке и всячески подбивает других остаться. Я слышала, не то как достоверное сообщение, не то как догадку, будто они собираются соединиться с Борисовым, т.е. предоставив ему труппу, начать играть с ним пьесы его репертуара. При этом, конечно, весь расчет на еврейскую публику, которая, по их расчетам, валом повалит на “За океаном” или на “Мирру Эфрос”.

Во всем этом деле для нашего дела есть два волнующих пункта: 1) что делать, если Лондон будет, а половина труппы откажется ехать туда или поставит условием, чтоб им оплатили возвращение в Америку после лондонских гастролей. 2) как смотреть в глаза советскому правительству, которому дано было заверение, что все вернутся, все без исключения. Есть и еще вопрос, крайне важный, – это опасение за марку МХТ. Несомненно, что марка эта будет использована вовсю, и не-

1 От латин. *in corpore* – в полном составе.

сомненно также, что из России едва ли удастся МХТ оградить себя от такого использования марки. Когда я сказала это соображение К.С-чу, то он сказал: “А мы поручим охрану нашей марки Морису Гесту. Уж он им покажет”.

Не думаю, чтоб М.Гест имел время и охоту следить за тем, чтобы всегда и везде наша марка осталась незапятнанной. Вы представляете себе афишу о гастролях Борисова при участии ансамбля Московского Художественного театра? Некоторые из наших думают, что когда получится от Вас список лиц, нужных для Москвы, и этим лицам предложено будет остаться в МХТ, то вся эта объединяющаяся здесь группа разлетится, потому что ни один из молодых не устоит перед предложением остаться артистом МХТ; уверены, что объединение это не крепкое и может быстро рассыпаться даже из-за всяких личных недоразумений. Трудно, конечно, сейчас сказать что-либо заранее. Ясно только одно, что если все-таки здесь останется значительное количество наших, то дело не обойдется без скандала, без необходимости широко оповестить публику о возможном злоупотреблении именем МХТ. Я слышала даже такое мнение, что если будет такое скандальное оповещение в печати, то здешний Союз артистов может не позволить нашим остаться здесь.

Вот какие у нас дела! Не очень-то красивы, не правда ли?

Неделя в Бруклине проходит у нас плачевно. В сущности говоря, это тот же Нью-Йорк, и прав Москвин, который говорит: “Неужели можно было рассчитывать, что еврейство Бруклина не перевидало всех пьес нашего репертуара, сидело терпеливо у себя дома и не ездило на наши спектакли в Джолсонс-театре? Конечно, нет. Если к нам приезжали из городов в 5–7 часах езды, то, конечно, все желавшие видеть наши спектакли бруклинцы давно все перевидали у нас. Благо сообщение на подземной дороге страшно удобно”. Не могу сейчас точно вспомнить цифры каждого вечера, помню, что первые спектакли, до вчерашнего “Дяди Вани”, прошли приблизительно в семистах дол. “Дядя Ваня” сделал сбору 1 000, а сегодняшний “Иванов” – 1 200. Убыток за эту неделю будет настолько велик, что, вероятно, уйдет почти вся прибыль за все недели наших гастролей на покрытие его.

Милый Владимир Иванович, сейчас уже давно кончился спектакль, многие, надо думать, успели разгримироваться и уйти, так как сюда было слышно, как аплодисментами встречали выходящих из театра актеров. Значит, и К.С. скоро будет готов и позовет нас домой. Мы ведь отвозим его всегда, т.к. он боится запутаться.

Как мне ни жаль, как ни хотелось бы еще писать и рассуждать о наших делах, надо кончать, чтоб не заставлять ждать К.С-ча.

Милый, изумительный Владимир Иванович, тысячу раз это не так, не так. Я говорю про “не мою”. Не хочу писать об этом так наскоро и потому напишу еще раз тогда, когда не будет такой ужасающей обстановки спешки и суматошной тревоги.

Всего хорошего желаю Вам, дорогой Владимир Иванович. При-

шел Ник. Аф. и просит меня написать Вам, что он Вам низко кланяется, что страшно Вас любит, страшно, хотя Вы, конечно, это и без этих слов знаете.

А я больше уже не рискую писать Вам очень нежные слова. Вы мне не хотите верить. Это ужасно!

Ваша *Ольга Бокшанская*

87.

Питтсбург, 25 марта 1924 года

Милый Владимир Иванович!

Если я не написала Вам второго письма из Вашингтона, то только потому, что со мной была очередная катастрофа. На следующий день после отсылки Вам письма, в пятницу, в очень скверный и дождливый день, я отправилась днем в магазины и в одном из них, спускаясь по лестнице, полетела вниз, прямо с верхней площадки до следующей. Вероятно, я потеряла сознание раньше, чем долетела донизу. Помню только чувство безумного страха, безумной боли и – полное забытие, из которого я приходила в себя с большим неудовольствием, чувствуя, что меня тормозат и куда-то тащат. Оказалось, что я два раза ударилась головой – затылком и глазом. Затылок разбит был до крови, а на лбу, правом глазу и брови – колоссальнейший синяк, опухоль, кровоподтек. Конечно, колени и бок тоже в синяках. Но все это обнаружилось уже дома, в магазине же только обнаружили кровь, текущую с головы сзади на шею, и страшно перепугались. Меня тотчас же отвезли домой, промыли голову, напоили бромом и уложили в постель. Голова болела нестерпимо. К вечеру поднялась температура, которая продержалась до приезда в Питтсбург. Сейчас, слава Богу, я себя чувствую совсем хорошо и даже внешний мой вид более или менее приличен. На улице хожу в густой вуали. Сначала все боялись сотрясения мозга, но, как видите, голова у меня оказалась крепкая и никаких дурных последствий это падение не принесло.

Из-за этого несчастного случая я последние два дня в Вашингтоне пролежала безвыходно дома. Спектакли наши шли благополучно и без происшествий. В четверг вечером сбор был около двух тысяч, на следующий день “Дно” дало 1 100, субботние спектакли: днем – “Дядя Ваня” – 800 и вечером – “Карамазовы” – 1 800. В общем, неделю покончили со сбором в 13 с лишним тысяч и все же не выкрутились без минуса. Правда, в расходы вашингтонской недели были вставлены: дорога до Кливленда и пропитка декораций огнеупорным составом, всего на сумму около 1 800 дол. В общем, весь тот грошовый “профит”, который у нас был от первых недель этого сезона, испарился совсем, и сейчас все-го убытку по всей поездке 2 200 дол., не считая того, что Гест дал уже

нам на декорации 10 000, которые должен был бы получить из прибыли, и что на него же падает расход по перевозу из Парижа в Нью-Йорк и из Нью-Йорка в Лондон 37 человек труппы и всего нашего имущества.

Что же касается наших собственных материальных дел, то они продолжают быть очень печальными. Как раз сегодня об этом был большой разговор у Ник. Аф. с К.С., в связи с этим разговором сегодня вечером будет заседание после спектакля. Для этого заседания я только что приготовила перечень долгов и ожидаемых поступлений. Из этого перечня выяснилось, что наши долги, без которых мы не можем двинуться из Америки, превышают наши поступления до конца сезона на 550 дол. Эта же сумма должна быть покрыта при том условии, что, начиная с этой недели, из жалованья пайщиков будет удерживаться не 25%, как до сих пор, а 65%–75%. Вы представляете себе, какой ужас может вызвать такое постановление о вычетах.

Встормошились так из-за материальных дел вот по какому поводу: как я Вам уже писала, до сих пор был открыт вопрос о поездке Л.Д. в Лондон. Он непременно настаивал на поездке своей туда, убедил в этом и К.С., но не остальных членов товарищества. В разговоре с Ник. Аф. он высказывался так, что ни с кем, кроме К.С., считаться не желает и ни у кого разрешения на поездку и спрашивать не станет. На это Ник. Аф. сказал ему, что, конечно, он может ни с кем не считаться, кроме как со Станиславским, но что Станиславский со стариками все-таки считаться будет. В общем, насколько я понимаю, дело с лондонским антрепренером до сих пор стояло так: он заключил с Л.Д. предварительный контракт еще до нашего отъезда в Америку. Потом, в январе – феврале, Кокран приехал по своим делам в Нью-Йорк, но с Л.Д. встречи не искал и даже было похоже на то, что он избегает этой встречи. Виделись они, если не ошибусь, только один раз и ни к чему определенному не пришли. Л.Д. собирался ехать в Лондон вместе с Кокраном, но не поехал и условился с тем, что он даст окончательную телеграмму в середине марта о том, есть ли у него театр. Вот с этого момента сношения с Лондоном мне известны только отрывочно, т.к. Л.Д. в них мало кого посвящал целиком. Кажется, Кокран телеграфировал, что въезд МХТ в Лондон затрудняется осложнениями с Юнионом (кажется, я Вам писала о том, что английские артисты протестуют против приезда иностранных трупп в Лондон). Наконец сегодня утром Л.Д. телефонировал Бертенсону из Нью-Йорка (он с нами теперь почти не бывает; как я Вам писала, из Вашингтона он уехал в Нью-Йорк во вторник, возвратился в субботу, в воскресенье проводил нас на вокзале в Питтсбург, а сам снова отправился в Нью-Йорк), – итак, он телефонировал, что он много раз поднимал вопрос о необходимости его отъезда в Лондон, но что у нас всегда затыжка и оттяжка и что теперь он ставит окончательный вопрос: ехать ему в Лондон или нет, т.к. им получена какая-то телеграмма от Кокрана, какая – никто не знает; для решения этого вопроса он дает сутки. К.С., которому Бертенсон сообщил о разговоре с Л.Д., немедленно вызвал к

себе Подгорного и начал на большом нерве разговор о том, что он вполне присоединяется к мнению Л.Д., что его поездка необходима, что надо тотчас же телеграфировать ему, чтоб он выезжал в Лондон, что у нас все строят на копейном расчете, что тут все дело в шестистах долларах, что в конце концов Л.Д. согласен даже поехать на свой счет, переменяя только свои договорные условия с МХТ. Конечно, было сказано много упреков по адресу администрации, которая не смотрит настоящим образом на дело (против какой администрации говорил К.С., так и непонятно, т.к. ведь теперь административный орган составляет как раз он и Подгорный). Ник. Аф. и предложил ему дать Л.Д-чу от своего имени согласие на его поездку, раз к тому же Л.Д. и считается только с ним, с К.С. Но К.С. ответил, что с какой стати он станет ссориться и вызывать неудовольствие против себя со стороны стариков. Тогда Н.А. спросил: “Почему же вы хотите, чтоб я решил отъезд Л.Д-ча и тем вызвал бы против себя неудовольствие?” Словом, после этого длинного и очень нервного разговора решено было отложить решение вопроса до вечера, когда на “Вишневом саде” будет много наших: К.С., Москвин, Леонидов, Подгорный, Лужский, Книппер... У меня такое впечатление, что едва ли “старики” согласятся на такой большой расход (как говорил К.С.: “Вы сейчас жалеете 600, а потом придется вам заплатить втрое”), так как и Москвин, и Леонидов, и Лужский находят: “Почему, если у Кокрана, лондонца, нет театра, то он будет у новичка в Лондоне Леонидова? Почему, если Кокран не может уладить дела с Юнионом, их уладит Леонидов? Почему непременно нужно ехать, когда можно все дело решить путем обмена телеграммами?” И во всяком случае, если будет решено дать согласие на отъезд Л.Д., то непременно пригласят его до того приехать в Питтсбург и наладить многие дела. Например, нам необходимо получить гарантию полностью, так как ее только хватает на жалованье. Между тем в конце недели офис Геста всегда отказывается оплатить ряд счетов за общий счет и, оплатив их, просто вычитает истраченную сумму из гарантии. В таких случаях дело Л.Д. улаживать эти дела, торговаться и добиваться того, чтоб мы получили достаточное количество денег. И теперь Ник. Аф. заявляет, что считает отъезд Л.Д., во всяком случае, допустимым лишь при этом условии, что Л.Д. настаивает на том, чтобы еженедельно гарантия выплачивалась нам полностью и все спорные счета были оставлены до возвращения Л.Д.

Очень большое волнение вызвало в наших сообщении Л.Д. о том, что Гест предложил Вам привезти К.О. в будущем году. Л.Д. рассказал эту новость в тот день, когда приезжал в Вашингтон перед нашим отъездом. Вот тут начались раскладки: согласитесь Вы или откажетесь. И все с ужасом взвешивали все доводы “за”, боясь, что Вы уедете из Москвы, и все силились увеличить количество доводов “против”. И только сегодня успокоительно вздохнули, когда узнали, что в разговоре с Л.Д. было указано и на получение от Вас отрицательного ответа. А Л.М.Леонидов самым ехидным образом взволновал наших молодых,

которым так не хочется возвращаться, советом обратиться к Вам: предложить свои услуги в Вашей поездке. Вообще, как я слышала, все объединения молодежи ни к чему не привели, если и были какие-то предложения, то они оказались дутыми, и надо думать, все благополучно поедут с театром туда, куда он поедет.

Много смешных анекдотов рассказал Л.Д. по поводу переговоров своих с Гестом о К.О. Например, Гест был страшно огорчен, когда узнал, что в предполагавшемся репертуаре нет ни одной пьесы русского автора. Он никак не предполагал, что “Перикола” и “Анго” – французские оперетки, и, кажется, хотел всю рекламу строить на том, что будут показаны настоящие русские оперетки. И все приставал к Л.Д.: “Главное, мистер Леонидов, чтобы было много хороших комиков, главное, побольше комиков”.

Сегодня на имя К.С. получена следующая телеграмма от д-ра Дубровского, председателя здешнего Красного Креста, того, с которым мы вели все дела о выплатах в Помгол: “Получил инструкции Особого комитета и письмо, адресованное дирекции МХТ, предлагающие мне заключить договор с МХТ по турне Англии, Скандинавии. Прошу для заключения договора уполномоченного дирекции МХТ приехать в Нью-Йорк”. Как Вы видите, Особый комитет не может оставить нас в покое и даже собирается заключать с нами договор о наших спектаклях в Англии и Скандинавии, в странах, с которыми и у нас еще нет договорных отношений.

Вообще вопрос платежей в Помгол – один из наиболее острых у нас вопросов. Я хотела написать Вам еще выше в этом письме и забыла, о том, что в том перечне наших долгов, который я сегодня сделала и который в итоге показал долг в 5 250 дол., нет ни 2 350 дол., которые за нас внесла в Помгол московская касса из фонда, ни той предполагаемой суммы, которую мы будем принуждены внести в Помгол за спектакли этого сезона, ни долга кассе МХТ в Москве за выплачиваемое жалованье Касаткину и Грызунову. Внести в Помгол отчислений за этот сезон до возвращения в Москву наша касса не в силах: у нас просто нет денег. Поэтому говорилось о том, чтоб написать в Помгол предложение, что мы выплатим наш долг за сезон 1923/24 г. отчислениями из московских жалований.

В одном из своих писем Вы писали о том, что последнее решение таково, чтоб мы выплатили 5% действительно выдаваемого жалованья, и что всякая переписка по этому поводу излишня. И из письма и из телеграммы, присланной Вами по этому же поводу, ясно видно, что Помгол, решив получать 5%, думал сделать этим какую-то нам льготу. Но это далеко не так. Еще летом, когда не было известно, что наша гарантия в следующем американском сезоне будет почти вдвое меньше предыдущей (8 000 прошлого года и 5 000–4 500 этого года), Помгол постановил получать с нас по 500 дол. ежемесячно, вместо прошлогодней тысячи. Теперь же в виде льготы предлагает платить 5% с действительного жа-

лованья. Наше полное жалованье за месяц составляет 16 700 дол., из них пайщики получают приблизительно половину. Если даже считать, что пайщики за весь нынешний сезон получали только 50% своего жалованья, то и то в месяц мы выплачиваем по 12 525 дол., и 5% с этой суммы составит 625 дол. Где же тут льгота? В повышении требуемых с нас взносов? При этом платеж этой суммы в Особый комитет падает всецело на членов товарищества, потому что все не пайщики считаются приглашенными на определенное жалованье. Особый комитет угрожает снятием охраны с квартир; а большинство не пайщиков и не заинтересовано в квартирном вопросе. И все те, кто не оставил в Москве ничего, говорят: “С какой стати я буду платить за охрану чужой квартиры?! Меня наняли на определенное жалованье, в прибылях прошлого года я не был заинтересован, почему я должен быть заинтересован в убытках этого года?” И тут они отчасти правы хотя бы в том, что и с Помголом не были бы так дурны отношения, если б в прошлом году, по окончании сезона, тотчас же заплатили долг Помголу за два последних месяца и потом уж делили дивиденд. Я помню, что еще до отъезда Ник. Аф. в мае прошлого года в Москву было бурное заседание, на котором часть пайщиков стояло за раздачу всего дивиденда, а часть за то, чтоб был оставлен довольно значительный запасный капитал. И последние перевесили, и было решено раздать не все. Чем же это кончилось? Тем, что в последний момент все же перевесило желание получить как можно больше денег, желание настолько сильное, что даже по отношению к долгу в Особый комитет было сказано: “Ну, как-нибудь там отвоюем, или в будущем году рассчитаемся”.

Содержание телеграммы Дубровского было тотчас же протелеграфировано в Нью-Йорк Л.Д-чу, а самая телеграмма еще будет сегодня обсуждаться на заседании после спектакля.

Милый Владимир Иванович, спешу Вам сообщить, что неделю тому назад отправлены двести долларов в Париж Вашему племяннику, г. Типольту, как Вы об этом писали еще давно Л.Д-чу. Простите, что Ваше поручение исполнено так поздно, но сначала у нас не было денег, потом Л.Д. все собирался лично отвезти деньги, потом у нас опять не было денег, и т.д. Как раз в Вашингтоне я выкроила так остатки кассы, что мне удалось передать 200 дол. Л.Д. для отправки в Париж.

Я хочу непременно успеть завтра выслать Вам две фотографии, снятые с наших 20-го марта в Вашингтоне, близ Белого дома. Я писала Вам о сказочной скорости в изготовлении этих карточек. Одновременно вышлю для Вас и Екатерины Николаевны красивые книжки, выпущенные к спектаклям “Мираклъ”. Очень красива обложка книги, не правда ли?

На карточках около Белого дома для Вас будут неизвестны три лица: рядом с Вишневым стоит мистер Хэпгуд, тот, который со своей женой прошлой весной приезжал в Москву и часто бывал в нашем театре, рядом с К.С. – миссис Хэпгуд, рядом с Бертенсоном – администратор нашего турне мистер Спинк.

Даже странно, что нам осталось быть в Америке недель 6–7, сильно мы здесь обжились.

Почему Вы никогда еще не написали о том, как вы предполагаете провести лето, поедете ли отдыхать за границу?

Если мы закончим всю поездку гастролью в Америке и откажемся и от Лондона, и от осенних гастролей в Прибалтике, весьма возможно, что всех нас в конце мая доставят в Москву, так как это единственное место, где можно не платить жалованье. Оставляя же где-либо за границей труппу, театр механически принимает на себя заботы о ней. А в Москве все будет без жалованья, стало быть, и нам не обидно, не должно быть обидно.

Переезд наш в Питтсбург прошел славно. Кроме меня, блиставшей своим увечьем, пострадала Л.М.Коренева, которая упала, выходя из автомобиля. Ей это чрезвычайно вредно, при ее болезни позвонка. Она всю дорогу лежала. У нас был, как всегда, комфортабельный вагон. Всю дорогу, не смолкая, пелись всякие романсы, так что в конце концов некоторые запросили пощады: нет сил слышать пение подряд много часов. За несколько часов до Питтсбурга началась исключительно красивая дорога среди гор и скал, по обрывам над живописнейшими озерами; местами дорога напоминала нашу поездку через Тироль или по Шварцвальду. В Питтсбург приехали около девяти часов вечера и с места были аффрапированы туманной мглой над всем городом, копотью, сыростью и чрезвычайно дорогими ценами в отелях: комната с ванной для одного человека 3.50–4 дол. Я остановилась в прекрасном Питт-отель, плачу 4 дол. Там же живут К.С., Раевская, Коренева, Подгорный, Рипси. Жаль платить так дорого, но как выяснилось, все, что дешевле, ужасно по неудобству, отсутствию комфорта и даже присутствию грязи.

Было много анекдотов и в устройстве наших на квартирах. В вечер нашего приезда по улицам, прилегающим к Питт-театру, в котором мы играем, металась растерянная фигура мхатовцев в поисках более подходящих апартаментов. Мы встретили Л.М.Леонидова в расстегнутом пальто, который на бегу крикнул нам: “У меня полное “каре”, меняю комнату, сейчас переезжаю!” (Мы в дороге играли с ним в покер и потому он употребил этот термин игры.) На следующий день у каждого при встрече первый вопрос был: “Ну, как вы устроились?” Л.М.Леонидов встречает Перетту Александровну. “Ну, как устроились?” – “Ах, я так рада, мы наконец выбрались из той гадостной гостиницы, в которой нам была приготовлена комната, и переехали в прелестную. А вы?” – “Я тоже разделался с моей дырой, с тем отвратительным притоном, в который меня отправили на вокзале, и нашел себе прекрасную комнату в другом отеле”.

И вслед за тем выясняется, что Лужские переехали в тот отель, который забраковал Леонидов, а Леонидов из того переехал в отель, который только что обругала Перетта Александровна.

Вчера открыли гастроль “Федором”; репетицию с сотрудниками

удалось устроить только без четверти пять, перед самым спектаклем. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, и прием был чрезвычайно хорош. Сбору было 1 185 дол.

Сегодня играем “Вишневый сад”. Сбора пока не знаю.

Поездка наша в смысле обставления спектакля делается все примитивнее и примитивнее. Раньше репетировали днем, заблаговременно, теперь репетируем с сотрудниками перед самым спектаклем, за полтора-два часа до того времени, когда уже надо начать гримироваться. Сначала музыкальные номера репетировались днем или за час до спектакля. Сегодня флейтист у нас в конторе проиграл для репетиции соло из первого акта во время начала первого акта, а все остальные музыкальные номера “Вишневого сада” проходились в антракте перед вторым и третьим актами. Везде компромиссы. И против них нельзя бороться, так как они непреодолимы.

Вообразите, только что ко мне приходил Л.М. Леонидов и расшифровал телеграмму Дубровского так, будто Особый комитет предлагает нам везти нас в Лондон и Скандинавию. Я снова с ним перечла телеграмму и пыталась доказать ему, что он глубоко заблуждается. Кажется, что он согласился с тем, что это не предложение договора на турне, а предложение заключить договор по нашему турне в Англии и Скандинавии. Он встревожился и поскорее пошел вниз сообщить, что напрасно наши так радушно поняли эту телеграмму. После этого он уж ко мне не поднимался.

Только что узнала сегодняшней сбор – 1 280.

Как я безумно рада, что Вы не поедете в этом году за границу. Я была в отчаянии, когда узнала, что Л.Д. послал Вам предложение Геста. Что бы Вы мне ни писали, как бы Вы ни перестали верить мне, я все-таки скажу, что это было бы ужасно, чтоб я вернулась в Москву, а Вы бы уехали.

Дорогой и милый, милый и дорогой Владимир Иванович, желаю Вам всего хорошего и с невероятным нетерпением жду возвращения в Москву.

Приписываю текст телеграммы, только что составленный, в ответ на сегодняшний телефонный запрос Л.Д.: “Поездка Лондон нужна. Для выработки условий необходим Ваш немедленный приезд сюда. Станиславский”. Если я узнаю, что на летучих заседаниях, которые продолжались во все время спектакля, было сказано что-либо интересное, я, конечно, тотчас же напишу Вам.

Еще раз шлю Вам самый нежный мой привет.

Ваша Ольга Бокшанская

Питтсбург, 29 марта 1924 года

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера, сегодня мы все ходим в каком-то обалдении. Вчера было по настоянию К.С. собрано заседание пайщиков, на котором наконец решились взглянуть печальной действительности в глаза. Трудно было побороть наших оптимистов, и только перед концом поездки, тогда, когда осталось зарабатывать доллары в течение шести недель, согласились с тем, что убытки этого года нельзя покрыть ничем иным, как обратным взносом части прошлогоднего дивиденда. А так как у многих этого дивиденда уже нет, а у некоторых такая нежность к накопленному, что трудно расстаться с деньгами, то и вышло, что суммы в покрытие каждым отдельным членом товарищества своего долга будут браться из жалованья за последние шесть недель. Но долг так велик, что многие, отказавшись от всякого получения жалованья до самого конца поездки, все-таки не покроют своего долга. В таком положении Москвин, Книппер, Вишневский, Грибунин, Бурджалов, Раевская. Качалов мог бы быть в таком же положении, так же как и К.С., но они в начале поездки дали в долг нашей кассе и потому теперь могут получать жалованье, только данных займа денег обратно уже не получают. Все остальные будут получать часть своего жалованья, но, правду сказать, очень мизерную, не хватающую даже на жизнь. Говоря конкретно, по приблизительному подсчету наших долгов, из суммы дивиденда, падавшего в прошлом году на каждый пай (450 дол.), надо вернуть по 205 дол. Если мы таким образом получим обратно деньги, то будем иметь возможность рассчитаться с людьми, давшими нам займы, с Гестом и доехать, во всяком случае, до Лондона, оплатив труппу суточными. Кроме того, у нас будут отложены 4 000 дол. на возвращение из Лондона в Москву, на то возвращение, которое идет всецело за наш счет.

Можете себе представить, какое ужасное настроение вызвало такое сообщение, какое состояние овладело всеми пайщиками. Сегодня я все утро убила на составление ведомости жалованья. Это такая путанная история: этот столько-то уже внес и еще внесет столько-то, но ему надо отдать такие и такие-то долги, и эти долги надо распределить на шесть остающихся недель. А сегодня был утреник, “Дно”, значит, первый акт у меня пропадает, т.к. я все время сижу на сцене, и в третьем надо выходить в народной сцене. А тут еще принять надо от американской администрации деньги, да дать жалованье тем не пайщикам, которые к концу недели уже следят, когда же в контору принесут из кассы деньги, – просто с ума можно было сойти!

Вы представляете себе плач Вишневого, его скорбные слова о детях, для которых вся эта поездка была и которые теперь остались ни с чем; Вы представляете себе все ругательства, произнесенные Грибуниным, который, между прочим, просил Подгорного передать товари-

ществу его отказ внести долг. Если даже он теперь до конца поездки не получит совсем жалования, то и то он не вернет всего падающего на него долга. А он еще к тому же говорит, что вообще не хочет при таких условиях работать и уедет из Чикаго, но это, конечно, только азартные слова. Но все это слушать страшно трудно, особенно когда знаешь, что ничем помочь нельзя. Все эти разговоры, все эти жалобы, наговоры и пересуды ужасны и мучительны. Как мы в этих условиях дотянем поездку, просто представить себе не могу и жду всяких осложнений и постоянного нерва.

На этом собрании, между прочим, поднимался вопрос о том, что в этом году Вы никак не компенсируете за то, что Вашими постановлениями мы здесь пользуемся, что Ваше имя стоит на афише, что Вы за нас столько раз терпите неприятности в Москве. Скажу Вам откровенно, что этот разговор начался потому, что один из пайщиков задал вопрос, почему Вы не участвуете в убытках. И вот тогда К.С. сказал именно о нашем долге Вам за этот сезон, и все, конечно, согласились с тем, что уж если нет возможности в этом сезоне послать Вам то, что Вам по праву принадлежит, то, по крайней мере, поездка этого года не должна иметь никаких притязаний на дивиденд, полученный Вами в прошлом году.

У нас после этого заседания было столько вчера разговоров, что казалось, я Вам испишу сегодня много страниц, а сейчас даже не знаю, что можно написать по поводу заседания еще. Вам все это так легко себе вообразить, я думаю, что Вы себе ясно представляете, как себя держал, как говорил и как чувствовал каждый из бывших на заседании людей. И если писать об этом подробно, то пришлось бы перечислять массу мелких замечаний, уколов, упреков, обвинений и подозрений, которым так легко поддаются люди в минуты материальных затруднений.

Сегодня, сейчас, мы играем здесь последний наш спектакль. И завтра, слава Богу, уезжаем из этого достаточно неприятного городишки. Кажется, Кливленд исключительно милый город, стоит на озере и в хорошие весенние дни может быть очаровательным. Здесь же с утра погода ежедневно недурная, но к вечеру неминуемо идет сильный дождь. При этом сильная грязь, так как в городе стоит нерассеивающийся дымный и угольный туман. Если посидеть 10 минут у открытого окна, лицо, руки – все в черных точечках. На вещи, на платья, на мебель ложится мелкая угольная пыль. Сегодня день был очень теплый, даже душный, можно было ходить по улицам без пальто. Но, уверена, ночью, когда будем уходить из театра, будет идти проливной дождь.

Дела наши были здесь относительно прекрасны. Почему-то на этот именно город у Леонидова не было никаких надежд и ожидался полный прогар. Вопреки ожиданиям, неудачные сборы были только на “Дяде Ване” и на втором “Федоре”. В цифрах мы шли следующим образом: открытие “Федор” – 1 100, “Вишневый сад” – 1 200, “Дядя Ваня” (назначенный по репертуару утренник со среды был перенесен, без уведомления нас, на четверг, и Москвину пришлось в один день сыграть

“Федора” и “Дно”) – итак, в среду “Дядя Ваня” около 700, “Федор” – около 900, вечером “Дно” 1 500, “Вишневы сад” – около 2 000, сегодня днем “Дно” – 1 000 и вечернего сбора пока не знаю (“Карамазовы”). Надо думать, что, во всяком случае, за неделю возьмем тысяч десять.

Скоро “Мокрое”, уже дали первый сигнал. Во время спектакля, а особенно во время последнего спектакля, время идет страшно быстро. К тому же и спектакль гонят вовсю. У нас здесь такая же картина, как и перед приездом в Вашингтон. Опять завтра надо вставать в шесть часов утра, поезд отходит в 8, приезжаем в Кливленд в половине двенадцатого, днем репетиция с сотрудниками и вечером спектакль. А при отъезде из Кливленда будет еще замечательнее. Там мы, как и всегда, заканчиваем “Карамазовыми”, приблизительно, при всей гонке на парах, около 11-ти часов вечера. А в 12 отходит поезд на Чикаго. Надо успеть и раздеться, и разгримироваться, и сложить парики и костюмы, и отправить последние корзины и сукна на вокзал. Вот будет спешка. Ехать придется всю ночь, утром будем в Чикаго, вечером откроем сезон “Ивановым”. Темп настоящий американский!

Л.Д. по телефону что-то сообщал о том, что возможна следующая комбинация: так как в Чикаго, по сообщениям, продажа предварительная хорошая, а в Детройте – слабая, то мы, быть может, останемся в Чикаго четвертую неделю, а Детройт минуем, проехав прямо в Монреал.

Что касается наших дел с Л.Д. и Лондоном, то они стоят в следующем положении: на ту телеграмму, текст которой я приводила в моем последнем письме, Л.Д. ничего не ответил, но через день телефонировал Бертенсону, что задерживается в Нью-Йорке из-за всяких наших дел, ведет какие-то переговоры относительно Лондона, но не с Кокраном, объявленным несостоятельным должником и страшно запутавшимся, а с каким-то иным антрепренером. Приедет к нам в Кливленд в понедельник. Когда С. Льв. спросил его, почему же он ничего не ответил на нашу телеграмму, Л.Д., конечно, ответил, что просто пока нечего было отвечать, все дела в полной темноте. А у нас-то уж предположений строилось! Что обиделся, что нарочно не отвечает. По совету Бертенсона, он, кажется, все то, что сказал по телефону, протелеграфировал, кроме того, К.С-чу.

В Питтсбурге нашему театру был оказан необыкновенно сердечный прием. Нашлись какие-то давно выехавшие из России лица, которые пришли в театр, познакомились с актерами, возили к себе в имения, катали на автомобилях. И сотрудники наши были очень внимательны, даже трогательны: сегодня на дневном спектакле была большая корзина красных роз от сотрудников с душевной надписью.

Надо прощаться, кончился спектакль, надо сдавать все вещи в складку и уходить, все торопятся.

Сегодня сбор – 1 500 дол.

Всего хорошего, дорогой Владимир Иванович. На днях выслала Вам две фотографии наших в Вашингтоне, книжки “Миракля” и журнал.

Над моей душой стоят, надо укладываться. До следующего письма, дорогой Владимир Иванович. Примите мой нежный привет.

Ваша *Ольга Бокшанская*

89.

Кливленд, 2 апреля 1924 года

Милый Владимир Иванович!

Мое письмо из Кливленда, с нового места, я немного задержала поневоле: все первые дни нашего пребывания здесь пришлось много работать в связи с решениями о вычетах. Это вызвало столько волнений, что, во-первых, в течение нескольких дней состоялось два собрания пайщиков, что всегда связано с подготовкой финансовых материалов к заседанию и с большими волнениями, а во-вторых, пришлось заняться всякими составлениями лицевых счетов каждого пайщика, исчислениями и вычислениями, писаньем под диктовку Бертенсона всяких постановлений и черновика письма к Вам... И как всегда, контора в такие дни была клубом, в котором обсуждались слова, поступки и намерения.

На последнем заседании решено было, что Бертенсон должен написать Вам подробный доклад, в котором, конечно, будет упомянуто многое, что Вам уже известно. Письмо это закончено сегодня утром, но должно быть еще прочитано К.С. и всем пайщикам.

Наши внутренние дела шли так: Подгорный снова и снова напоминал К.С-чу о том, что скоро кончается американская поездка, а на нас долгов – масса, и есть такие долги, без уплаты которых выехать нельзя, и Лондон очень гадателен, а дорога от Геста у нас только до Лондона или Парижа. Что же мы будем делать, если дальнейших гастролей не будет и надо будет отправлять всю компанию в Москву из Лондона за свой счет.

3 апреля

Продолжаю на следующий день, вчера пришлось отложить письмо. О внутренних делах: К.С., видя, что дальнейшие оттяжки вычетов, более значительных, чем 25% жалованья, могут привести к весьма нежелательному концу, т.е., что ему придется внести все, что у него есть, только бы благополучно выбраться отсюда, назначил в Питтсбурге, накануне отъезда, в пятницу, общее собрание пайщиков. На собрание не пришли только Л.М.Леонидов, Грибунин и Румянцев. На этом заседании Ник. Аф. показал расчет наших убытков за этот сезон, при котором на каждый пай приходилась сумма 157 дол. Но К.С. настоял, чтобы одновременно с погашением долгов собирался бы запасный капитал в четыре тысячи на проезд из Лондона в Москву. При этом условии на пай пал взнос в 205 дол. На том и порешили, что, начиная с субботы,

не выдавать жалования тем пайщикам, кто может покрыть падающий на его долю убыток в течение последних шести недель. Но тут, как я Вам писала, оказалось, что есть и такие пайщики, которые, не получая жалования за последние шесть недель, еще останутся должны поездке и принуждены будут к концу сезона внести наличными деньгами недополученную с них сумму. В худшем положении оказались Книппер, Вишневский и Грибунин. Вишневский плакал, но не протестовал. Но на следующий же день начались протесты со стороны Грибунина, который заявил Подгорному, что не желает платить долга и желает получать деньги на жизнь до конца сезона. Хотя тут же прибавил, что вообще не хочет больше оставаться в поездке и предупреждает, что из Чикаго уедет. Денег у него нет, поездки этой он не хотел, и платить тоже не хочет. Все свои возражения против постановления собрания он просил передать товариществу. Ник. Аф. поговорил с К.С., Москвиным, Леонидовым, и на понедельник в Кливленде было снова назначено собрание пайщиков. На это собрание Грибунин пришел. Не пришли только снова Л.М.Леонидов и Н.А.Румянцев. Не была и Раевская, по нездоровью. При открытии собрания Н. Аф. сказал, что Грибунин передал ему свой протест против постановления, с просьбой передать товариществу, но миссия эта столь щекотлива и в передаче каждое не так поставленное слово может настолько изменить весь характер претензий Вл. Фед., что он предпочел, чтобы Грибунин сам сделал заявление собранию.

Но тут взял слово К.С. и начал говорить об этике, прося всех присутствующих быть осторожными и сдержанными.

Вдруг Грибунин достаточно грубо прерывает его и говорит: “Ну, довольно нам этих разговоров об этике. Двадцать шесть лет слушаем, хватит!” И потом начинает свою речь о том, что он не станет платить своего долга, так как у него нет денег.

На собрании, правда, свой отказ он мотивировал несколько иначе, чем в разговорах с Подгорным. Т.е. он говорил о том, что он находится в затруднительном материальном положении, купил в Москве дорогую квартиру, истратил прошлогодние экономии. Что от долга он не отказывается, признает его, но когда отдаст – не знает и сказать не может. Но вообще в его тоне и манере было что-то до такой степени оскорбительное для МХТ и особенно для К.С. (ведь я не была на собрании и рассказываю по разговорам), что после его слов воцарилась длинная тяжелая пауза. Наконец К.С. сказал: “Ну, спасибо”. И больше ничего. Тут встала Книппер и заявила, что считает выступление Грибунина позорным и оскорбительным. Поднялся шум, разговор. Грибунин сказал: “Ну, теперь вам удобнее будет разговаривать без меня” – и ушел.

Пошли длинные разговоры, но в результате снова было подтверждено, что вычеты, как было решено на предыдущем собрании, остаются в силе.

Вечером – снова начались частные разговоры Грибунина с Подгорным, с товарищами по уборной, и снова Грибунин повторял, что пла-

тить не будет, а если ему не дадут каких-то суточных, хотя бы по пяти долларов в день, при полном вычете жалования, то он уедет из Кливленда, не дожидаясь Чикаго и не считаясь с тем, что в “Пазухине” у него нет дублера¹. (“Пазухин” идет в Чикаго в третий день после открытия.)

До сих пор вопрос этот не решен. Я знаю, что Грибунин прислал К.С-чу какое-то письмо, надо думать, что извинялся за резкость, но это только мое предположение². Предполагаю также, что ему дадут суточные и отсрочат платеж остатка долга (долларов около трехсот). Но кто внесет сейчас следуемые с него деньги, это вопрос. И вот тут-то и начнется то дело, о котором должен Вам писать Бертенсон.

На том последнем кливлендском собрании было решено, что последним и самым нежелательным средством для покрытия долгов является заем из московского золотого фонда. Если мы увидим, что нам никак не справиться с расходами по возвращению, то придется писать Вам и просить Москву одолжить тем лицам, которые не могли внести своих долгов в кассу МХТ, а может быть, одолжить и всей поездке, т.к. возвращение может стоить больше 4 000 дол. Но средство это кажется всем таким нежелательным, таким отчаянно-последним, что все хотят как-то обойтись без него. Без него можно обойтись только в том случае, если будет Лондон с хорошей гарантией и гастроли на пути в Москву в Прибалтике. Сначала разбирается вопрос Лондона. Он до сих пор открыт. Как я Вам писала, с Кокраном кончено. Л.Д., который должен был приехать сюда в понедельник, протелефонировал, что не приедет, задержавшись делами с Гестом. Тут же сказал, что он всячески старается заключить с Гестом контракт на Лондон на тех же условиях, что с Кокраном, т.е. тысяча фунтов (4 500 долларов) в неделю и какие-то проценты, от 30-ти до 50-ти. У нас здесь, между прочим, существует предположение, что при этом Гест, конечно, предложит сделать Лондон как продолжение Америки, т.е. что если в Лондоне на проценты упадет прибыль, а в Америке все время был минус, то этот плюс переходит на покрытие американского минуса. Но даже и при этом условии контракт с Лондоном может быть выгоден, так как гарантия в 1 000 фунтов, конечно, покроет суточные труппы, даст, быть может, какую-то небольшую экономию, а самое главное – продержит нас недели 3–4 без необходимости проживать доллары.

Второе дело – Прибалтика. Л.Д. по телефону сообщил, что им ведутся переговоры с каким-то антрепренером, предлагающим гастроли ранней осенью в Берлине и Риге. Антрепренер предлагает гарантию в 400 дол. от спектакля и провоз труппы до Риги. Это тоже было бы очень хорошо, но тут решающее значение имеет срок, к которому мы должны вернуться в Москву.

Вот обо всем этом Бертенсону поручено Вам сообщить и спросить Вашего совета и решения.

Я пишу о телефонах Л.Д-ча так мало потому, что Бертенсон, говоривший с ним, передавал все очень сбивчиво. Ведь здесь колоссальное

расстояние до Нью-Йорка, слышно плохо, телефонный аппарат около сцены, рабочие шумят. Словом, все, что Бертенсону удалось понять, он передал нам, а я сообщаю Вам. Но в субботу сам Л.Д. рассчитывает приехать сюда и с нами же отправиться в Чикаго. Тут он и привезет более или менее определенные предложения и планы.

Гастроли в Прибалтике К.С-чу кажутся совершенно необходимыми из-за материальных дел. Он очень рассчитывает на хорошие сборы там и некоторое возмещение убытков, понесенных пайщиками.

Есть еще вопрос, которого Бертенсон должен коснуться в своем письме (я Вам тоже обо всем этом пишу в том расчете, что если Берт. что-нибудь забудет упомянуть, то, может быть, я вспомню, и наоборот). Это вопрос декораций. У нас колоссальное количество имущества, бесконечные павильоны, сработанные Ваней Гремиславским. Что с ними делать? Существует предположение постараться их продать. Но тут есть возражение, что мы во всех своих объяснениях с правительством объясняем, что наши большие расходы пошли на создание театрального имущества, что перевоз этого имущества требует больших денег. А тут вдруг явемся без всякого театрального имущества. И вместе с тем страшно обидно тратить деньги на перевоз этих никому не нужных полотен. Я знаю, что Л.М.Леонидов как-то сказал Гремиславскому: "Если эти ваши декорации повезут с собой, то я их в море выброшу". У К.С. есть еще какое-то соображение о том, чтобы оставить их на хранение в Риге и использовать впоследствии, приехав туда на гастроли. Но, как мне кажется, это не выдерживает критики, потому что уж раз мы их везем до Риги, то, значит, уже израсходуемся на них достаточно. А потом еще платить за хранение во имя каких-то гадательных поездок в Ригу? Конечно, если план лета и осени сложится так: гастроли в Лондоне и Риге, то декорации неминуемо должны поехать с нами до Риги. Ну, а тогда, конечно, надо тащить их в Москву.

Итак, мы уже не только в новом городе, в Кливленде, но даже скоро уезжаем из него. Переезд сюда был неприятен тем ранним вставанием в Питтсбурге, о котором я писала, но зато все утешилось коротким сравнительно поездом. В половине двенадцатого утра мы уже были здесь и поехали в приготовленные для нас комнаты. За исключением человека пяти-шести, все остановились в одном отеле ("Юклид"), в центральном месте города, напротив самого театра. Все это было чрезвычайно приятно и удобно. И отель приятный.

Театр оказался исключительно уютным, чистым, благоустроенным. Такого в наших скитаниях нам видеть не удалось до сих пор. Комнаты для "звезд" просто великолепны. При уборной, отведенной К.С-чу, есть и ванная комната, и маленькая гостиная. В здешнем городе есть все же театр лучше этого, говорят, вообще такой театр в смысле его устройства, какого в мире нет. Это театр-водевиль Китца. Я как раз вчера была там, но, к сожалению, только в зрительном зале, купивши себе билет. А хотелось бы посмотреть его именно за кулисами. Говорят, устройство

сцены совершенно изумительно, уборные устроены исключительно комфортабельно, изящно, сплошь завешены прекраснейшими картинами, затянута персидскими коврами, словом, великолепие невиданное. По эту сторону рампы, в зрительном и фойе, где я была, театр тоже исключительно хорош. Программа была, как в берлинской “Скала”, как одна из самых удачных тамошних программ. Когда я вижу здесь в театрах интересные вещи, слушаю замечательную музыку (вот и вчера был исключительный оркестр), я всегда думаю о том, что *Вы* должны были бы это видеть и слышать. Программа первого дня в Кливленде была чрезвычайно обычна для нас. В пять часов репетиция “Федора”, в восемь – спектакль. Сотрудники оказались все довольно состоятельными людьми, которые просили не платить им за выход, а только позволить бывать в театре. Тут же завели знакомство со всеми нашими актерами, начались приглашения кататься на автомобилях, приглашения в гости, на чай, на завтраки. Но один из этих милых сотрудников чуть не сослужил нам службу чисто по-медвежьи. После “Федора”, имевшего прекрасный прием, появилась блестящая критика, причем один местный публицист, весьма видный и влиятельный, посвятил спектаклю восторженную статью, особенно восхваляя народные сцены. В день выхода этой статьи, в день нашего второго спектакля (“Вишневый сад”), критик этот отправился снова к нам в театр. По пути он встречает местного врача, бывшего одним из деятельнейших сотрудников в нашем “Федоре”. И тот со смехом обращается к нему: “Ах вы, старый воробей! Расхвалили народные сцены, преклонялись перед дарованием актеров МХТ! А знаете ли вы, кто там был на сцене? – Я, такой-то, такой-то... да я вам всех их перечту, все известные вам лица!”

Критик в безумной злобе приходит в театр и обращается негодующе к нашему американскому администратору, крича, что это подлог, что это не ансамбль Худ. театра, что это безобразие. Американец спешно вызывает Бертенсона. Начинается невероятно неприятный Бертенсону разговор, в котором он упрекает Худ. театр за обман, за надувательство, говорит, что об этом будет писать Гесту, и т.д. Наконец, не прощаясь, уходит. Бертенсон его останавливает: “Так чего вы уходите с “Вишневого сада”? Тут как раз играет настоящий полный ансамбль Худ. театра”. Критик в полной злобе отвечает “Теперь уж я ничему не верю” – и уходит. Наша администрация, конечно, дает телеграмму Гесту обо всем случившемся и с трепетом ждет следующего утра, выхода местных газет. В одной из рецензий, подписанной другим критиком, все-таки упомянуто, что в этом спектакле (“Вишневого сада”) действительно не участвовал ни один местный любитель, как это было накануне в представлении “Федора”. Но дело это теперь настолько улажено, что этот видный критик пришел смотреть и “Дно” и уж совсем в миролюбивом тоне говорил с Бертенсоном о том, что он тогда погорячился потому, что этот доктор (наш сотрудник) слишком задел его профессиональное самолюбие, но что после он должен отдать справедливость МХТ:

если в течение суток местных любителей можно было так подготовить и научить ролям бояр, то этим людям надо бросать свои профессии и идти на сцену (это даже, кажется, было им напечатано в газете), и что он на месте правительства оставил бы наш театр в Америке на два года, чтобы мы могли сделать хороших актеров из американцев. Словом, теперь все прекрасно. Но если бы Вы только знали, что говорил критику наш развязный сотрудник. “Понимаете, – объяснял он, – приехала какая-то хромая баба (!?), собрали нас, она нам сказала: вот так-то стойте, вот то-то делайте, сюда пойдите, тут повернитесь. Потом приехали позднее все артисты, еще раз все это показали – вот и готово!” Собственно говоря, такого скандала можно было давно ждать в каждом городе, потому что очень уж беззащитно по-халтурному относится к спектаклям МХТ наш “староста сотрудников” А.П.Кузьмин (муж Тарасовой), который, приезжая в город и разыскивая сотрудников, по своей всегдашней и вошедшей в анекдот любезности и желании быть приятным, объясняет собравшимся так: “Вы знаете, это ведь страшно легко. Ну, вы придете, постойте, походите, как вам укажут, вот и все!” Чего же тогда можно требовать от этих людей, приходящих к нам на два спектакля?

Все спектакли наши здесь имеют хороший успех. Сборы колеблются между 1 300 и 1 500 дол. Третьего дня спокойствие нашей жизни было нарушено очередными неприятностями со стороны Пражской группы МХТ³. Об этом деле Вам вчера была послана телеграмма, и Вы уже будете знать обо всем деле задолго до получения этого письма. Действительно, из всех этих газетных сообщений могут выйти для нас большие неприятности, которые разбирать придется Вам и нам. А виновна в них, конечно, группа. Несмотря на то, что в среде стариков есть люди, которые стоят за немедленное снятие марки со всех организаций за границей, со всех отдельных бывших актеров, кроме, конечно, нашей группы, все же можно с уверенностью сказать, что с нашей стороны никаких решительных мер ждать нельзя. У нас все хотят, чтобы такие решительные и неприятные меры принимали Вы и чтобы от Вас исходили все запрещения и негодования. Да, скоро мы совсем запутаемся в осторожности и двойственной политике относительно отдельных бывших наших, которым, казалось бы, и не следовало давать звания артиста МХТ, но раз тут впутались какие-то еще соображения, то нельзя и отобрать звания. И гораздо легче, если все запрещения будут исходить не от нас.

Получили мы от местного отделения Красного Креста и то письмо из Москвы, от Помгола, с которым доктор Дубровский прислал нам телеграмму. В письме оказалось постановление (копия) относительно отчисления 5% с фактически выдаваемого жалования, а кроме того, предложение заключить контракт относительно отчислений во время предполагаемых гастролей в Англии и Скандинавии. Так что мое предположение оправдалось, и напрасно К.С. думал, что в телеграмме предлагалось возить нас по Англии и Скандинавии. Но все-таки, нужно

сказать, что сейчас Поездочный комитет, кажется, принялся действительно собирать отчисления и боится пропустить хоть один наш контракт, чтоб не получить с него и в свою пользу. И мне кажется, что тут будет немало всяких грустных для нас последствий, потому что у нас *денег нет, денег нет, денег нет*. Как же платить? И если мы думаем об Англии и прочих странах, то только, чтобы заплатить долги, а вовсе не как о лишнем случае дать поступления в Помгол. Дай Бог, чтобы я ошиблась, но мне кажется, что с этим делом будет много неприятностей, особенно при нашем возвращении. Помимо вот таких неприятностей общего характера, у нас и домашние всякие огорчения, неотвратимые в живом деле. Вчера, напр., Коренева, выйдя в первом акте “Дяди Вани” с профессором из сада и пройдя в противоположную кулису, вместо того, чтобы ждать следующего выхода своего тут же, полетела пудриться, задержалась у себя в уборной и сделала на сцене колоссальнейшую паузу. Наконец Тарасова выскочила за кулисы и стала кричать: “Елена Андреевна, чай пить!”⁴ Та из уборной ответила: “Сейчас”. Но все бывшие на сцене так переревновались, что дальше пошел страшный кавардак: К.С. пропустил свой большой монолог, Румянцев (работник) вовсе не вышел... К.С. был безумно возмущен, хотел сделать Лидии Мих. в присутствии труппы предупреждение, что в следующий раз она будет уволена из театра за такую небрежность, но сам не хотел все-таки с ней говорить, предлагал Лужскому, Лужский отказался, предлагал Бертенсону, тот тоже не захотел. Меня в этот вечер в театре не было, я как раз была у Китца в водевиль-театре, пришла к концу спектакля, застала страшную растерянность, а К.С-чу и не показывалась: он, говорят, был в ужасном настроении.

Милый Владимир Иванович! По просьбе Бертенсона я пишу Вам о следующем деле: Бертенсоном от Подобеда получено было письмо, в котором запрашивалось, как у нас решили насчет Виноградова Михаила Лукича; сообщалось, что в прошлом году осенью Вы привезли решение нашей группы о том, что Михаил Лукич нам не будет нужен. Когда Бертенсон спросил об этом К.С-ча, тот ответил не в пользу Виноградова, а скорей признал, что нужен будет Касаткин. Но мнение К.С. не поддерживается нашими стариками и большинство их предпочитает Виноградова. Поэтому Серг. Львович просит Вас сообщить эти противоречивые мнения наших и просит Вас решить, кто же из этих двух суфлеров будет у нас служить по возвращении нашем в Москву. Затем еще одно небольшое дело. Я хочу Вам сообщить, что в связи с крупными вычетами из жалования пайщиков Н.А.Румянцев, начиная с 20-й недели, отказался вносить на помощь московским товарищам 1% своего жалования, т.е. 1 д. 25 ц. Это, конечно, гроши, ему пришлось бы до конца поездки еще внести всего 7 д. 50 ц., но раз таково было его решение и отчисления эти считаются добровольными, я приняла его заявление к сведению и руководству. Так как эти деньги поступают в Ваше непосредственное распоряжение и я считаю себя обязанной немедленно Вам сообщить

обо всех изменениях в поступлении этих денег, я и сообщаю Вам этот сравнительно малозначащий факт. Кстати, сообщаю Вам, что под конец 20-й недели сумма собранных отчислений равна 572 дол. 55 ц.

Дорогой Владимир Иванович! Сегодня я много Вам “наболтала”, Вы, верно, устали, читая все мои рассказы. И вероятно, в них масса повторений, потому что от усталости я часто забываю, что уже писала Вам о том или о другом, и только тогда об этом вспоминаю, когда напишу начало или все. Сегодня всем нашим предложена была поездка по городу на автомобилях с нашими сотрудниками. Но я решила не ехать, так как тогда пропадет весь день, а на вечер, во время спектакля, нельзя рассчитывать в смысле писания писем: всегда может найтись работа, а то наберется народ в комнату, и невозможно будет сосредоточиться. Поэтому я избрала благую часть: на прогулку не поехала, а пришла днем в совершенно пустой театр и на свободе написала Вам обо всем, что вспомнила. Так легко и удобно пишется, когда сидишь одна и наверное знаешь, что никто не помешает. А то мне страшно неловко перед Вами: за последнее время всякое мое письмо пересыпано фразами “Мешают, писать не могу” или “Простите, тороплюсь на выход” и все в таком роде. И если б не Ваша доброта, вероятно, Вы бы давно мне сказали: “Это Ваше дело писать письма, а не забава. И потому извольте находить время и место, когда бы Вам не мешали и когда бы Вы не торопились на выход”. Милый Владимир Иванович, я винюсь перед Вами с полным сознанием всех моих ошибок и оплошностей и очень-очень Вас прошу – не сердитесь на меня за все мои прегрешения и проступки. Теперь можно мне попроситься с Вами? Мне очень хочется написать еще Екатерине Николаевне. Дорогой и милый-милый Владимир Иванович, до свидания. От всего сердца желаю Вам счастья.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Чикаго, 8-го апреля 1924 года

Милый и дорогой Владимир Иванович!

Сейчас у наших пайщиков идет заседание, на котором должны решиться все дальнейшие планы. Заседают в отеле, в комнате Л.Д. На заседании посторонних, кроме Бертенсона, нет, но я должна сидеть у себя в комнате на тот случай, если потребуется какая-либо справка по кассе. Я даже не огорчена, что меня так прикрепили, потому что теперь ясно, что писать Вам возможно только в то время, когда никого рядом нет. Во время спектакля в театре писать никак нельзя, потому что и в конторе постоянно кто-нибудь сидит с разговорами, и уборные разделены перегородками, не доходящими ни до пола, ни до потолка, поэтому все разговоры и смехи слышны по всем комнатам.

Начну рассказывать о последних днях Кливленда. Дела наши там были настолько недурны, что мы даже дали по недельному отчету плюс в три-четыре сотни долларов. Прием тоже был исключительно сердечный. Сборы последних спектаклей доходили до двух тысяч.

Все пребывание там было всем необыкновенно приятно, так что никому не хотелось уезжать. Театр прекрасный, исключительно удобные уборные; жили все дешево и удобно в отеле напротив театра; рестораны недорогие; русская колония устраивала всякие обеды, ужины и катанья.

Уезжали мы оттуда ночью, после спектакля. И тут все было очень удобно и покойно. Времени было достаточно до отхода поезда и для укладки костюмов, и для сборов в дорогу каждого актера. Многие приехали заблаговременно на вокзал, потому что такой ночной поезд стоит с готовыми постелями уже с 11-го часов вечера. Поезд наш ушел восемь минут второго ночи. При посадке было только одно неудовольствие, что кажется удивительным и необычным. Обыкновенно в таких случаях, когда места распределяются заблаговременно, все всем недовольны. Тут недовольной оказалась только Тарасова, которой назначено было место в отдельной комнатке с Раевской и Кореновой. Нам было сказано, что в этой комнатке три спальных места. Мы и решили "уважить" Тарасову, игравшую в субботу два спектакля, и дали ей более спокойное, отделенное от всего вагона место. В вагоне выяснилось, что в этой комнатке два спальных места, одно над другим, обыкновенной американской ширины (в здешних вагонах спальные места очень широкие), а третье место на диване шириной в наши русские спальные места. Коренева и Раевская заняли широкие места, Тарасовой пришлось занять диван. Тут, конечно, начался некоторый скандал, с дрожью в голосе, со сдерживаемыми слезами, с жалобами. И несмотря на то, что Жданова тотчас же предложила уступить Тарасовой свое широкое место в вагоне

и охотно согласилась занять в комнате диванчик, Тарасова не согласилась. Все это мелочи, но все это страшно характерно для нашей поездки. Малейший пустяк вызывает скандал, все хотят доказать, что они на что-то “имеют право”, что их нарочно “унижают”, что таким-то и таким-то все устроено, а мне – ничего. Право, со стороны все это должно казаться смешным и глупым, как эти взрослые люди серьезно обижаются и кипятятся из-за таких мелочей жизни. Из-за места в уборной театра в любой момент может разыгаться настоящий скандал, особенно среди женщин. Поэтому при распределении уборных, если взглянуть на дело с юмористической точки, можно было бы смеяться. Когда нам приходится распределять уборные, то надо непременно иметь в виду: этого и того нельзя посадить в одну комнату – они друг с другом не разговаривают, но и такого-то в эту комнату нельзя посадить, потому что скажет, что он имеет право сидеть в уборной, расположенной первой к лестнице. Но в этой первой к лестнице уборной сидят некурящие, стало быть, курящего к ним нельзя... И так крутимся, выворачиваемся, потому что не обратить на все эти условия внимания нельзя, иначе все недовольные тотчас же приходят с претензиями: “Ведь вы же знаете, что я там сидеть не могу, я с таким-то не говорю. Право, будто нарочно все делаете, как неудобнее”. И т.д. и т.п.

Но все это, конечно, пустяки. И на них внимание обращать не стоит.

Часов в восемь приехали мы в Чикаго. Там начались недоразумения с комнатами. Кузьмин, посланный для найма комнат, что-то все перепутал, ничего не нашел, и наши растерялись. В прошлом году все жили в отеле, находящемся в том же самом доме, где и театр. И все поехали туда и в этот приезд. Когда я приехала тоже туда (сначала я ездила в рекомендованный мне другой отель, но он оказался слишком далеко от театра), там стоял страшный кавардак. Не было ни одного человека нашей администрации, ни одного толком говорящего по-английски. Все наши облепили бюро отеля, и каждый старался вырвать у управляющего комнату для себя. К.С. стоял тут же беспомощный и растерянный. Оказалось, что ему дали какую-то комнату, но временно, через два часа дадут другую. А он хотел получить эту комнату не на два часа, а на весь день, для того чтобы тотчас же лечь и отдохнуть до вечернего спектакля. Переменить же комнату хочет только на следующий день или еще позднее. Сам он всего этого объяснить не может, никто ему не помогает, и он стоит в полной растерянности и чуть ли не в отчаянии. Когда мы вошли, он с места налетел на нас, с волнением говоря, что не будет играть вечером, если ему не дадут отдохнуть целый день, что он сорвет спектакль. И вот мы с Рипси бросились ему помогать. Когда я подошла к нашим и попросила их уступить мне право переговорить с управляющим относительно комнат К.С., так как его надо уложить на отдых, то встретила только враждебное молчание и насмешливые улыбки, что я так явно “подлизываюсь”. На Рипсину же просьбу пропустить ее к кон-

торке для устройства К.С. Бакшеев ответил так грубо, что стало страшно, не слышал ли К.С. Может быть, он многого и не слышал, но он все это видел, стоял такой одинокий и оскорбленный, и кем, Вы подумайте, Владимир Иванович, кем? – теми, кто им сейчас живет, чьим именем сейчас все эти люди получают все блага жизни. Если б Вы только знали, как грубы, как неприлично грубы стали наши актеры. Часто мне бывает странно подумать, что я попала в такое дурное общество. Для них не существует ни уважения к старости, ни уважения к женщине. Прилично они держатся только с теми посторонними театру людьми, которые возят их в своих автомобилях и кормят ужинами.

Как я Вам писала, у нас все уборные разделены только небольшими перегородочками. Вчера в одной из сотруднических уборных мы сидели с Подгорным и Л.Д., обсуждая различные комбинации летних и осенних планов. Приходилось делать всякие вычисления, комбинировать всякие цифры. Вдруг врывается в соседнюю комнатку банда молодежи, только что пришедшей со сцены, с гиканемь и с ораньем (не пением) цыганской песни. Мы прождали минутку, ор не прекращается. Тогда Ник. Аф. через перегородку говорит: “Господа, не пойте, мы занимаемся делом, вы мешаете”. Что тут началось?! Грубым тоном начинают отвечать, что они не могут сидеть молча, что их притесняют, что они желают петь, что здесь все должно быть для актера и для спектакля, а не для каких-то занятий. И потом начинают между собой разговор, полный насмешек относительно наших занятий и сделанного им замечания. Разговор постепенно начинает уснащаться грубейшими ругательствами, не по чьему-либо адресу, а вообще, ради того только, чтобы сказать грубое слово и восклицание. Тогда один из там сидящих все-таки имеет деликатность сказать: “Господа, будьте приличнее, рядом дамы”. Но в ответ только слышно: “Ну их! Что там церемониться!” – и разговор продолжается.

Невеселые вещи я Вам рассказываю, милый Владимир Иванович, и мне самой досадно, что я это пишу. Но ничего с собой сделать не могу, не могу не написать Вам того, что сейчас меня волнует и поражает.

В Кливленде, например, был случай, который прошел бесследно, как и все проступки у нас. В пятницу вечером, после конца “Дна”, Вишневский вошел в уборную со страшным возмущением на Добронравова, игравшего Медведова. А в комнате сидел в это время незанятый в спектакле К.С. Тогда Вишневский стал ему жаловаться на то, как ведет себя на сцене Добронравов. Помимо всех “штучек”, которые он придумал и которые были поистине непристойны (их можно показать, но очень трудно, да и не стоит, описывать), он нарушил все правила сцены, уйдя, например, в портал. Сейчас даже не вспомню всего, что про него рассказывали, К.С. страшно рассердился и велел его позвать к себе. Но Добронравов уже ушел. Тогда К.С. велел записать все это в протокол и послать Вам выписку из протокола. Кроме того, велел Подгорному передать Добронравову, что он, К.С., его презирает. Что-то говорил и о

том, чтобы оштрафовать его, но, конечно, не решился этого сделать. Вы думаете, что все то, что ему на следующий день сказал Подгорный, потрясло Добронравова. Ничуть. Как может его взволновать, что К.С. его презирает. Я еще удивляюсь, как он не ответил, что он, Добронравов, сам его презирает. С него бы это стало.

Вашу телеграмму относительно требований Наркомпроса нам по телефону передал Л.Д. из Нью-Йорка¹. К.С. велел сначала вовсе ее задержать и сказать только старикам. Почему – непонятно. Конечно, в тот же день о ней знали и молодые. Только та часть, в которой говорится о Тарасовой и Тарханове, известна только К.С. и Подгорному. Делается это потому, что существует опасение: если Тарасова узнает, что она нужна и по Вашему мнению, она поставит слишком дорогие условия своего возвращения. И сейчас она определенным образом ставит вопрос следующим образом: во-первых, ей нужна комната или квартира (она считает, что ей должны на это дать две тысячи долларов), и кроме того для ограждения ее мужа и для устройства его на первых порах необходимо, чтобы он год прослужил в Худ. театре. Вы видите, условия не маленькие. Вероятно, Вас попросят по этому поводу телеграммой, так как у наших таких денег нет, стало быть, надо знать, заплатит ли Тарасовой Москва требуемую сумму.

Стало быть, через день после передачи нам Вашей телеграммы она была дана под расписку всем, причем в ней “опубликовано” было только постановление Наркомпроса и то, что срок возвращения будет Вам сообщен на днях. Относительно списка лиц, свободных от обязательств, тоже не было объявлено всенародно.

Опубликование этой телеграммы вызвало большие тревожения, т.к. многие не понимали, что подпись на листе означает только то, что такой-то прочел. Многие понимали так: раз расписался, то и поезжай в Москву. А если я не собираюсь? – Вот вопрос. Но замечательнее всего были уверенные предположения, которые высказывались. Молодежью решено было, что Вы дали эту телеграмму потому, что наше правление отсюда Вас попросило дать телеграмму. А попросило оно потому, что услышало о формировании здесь остающейся группы. Испугалось и бросилось к Вам за помощью. Но что это ужасно, что Вы так “оценились”, что даете такие телеграммы. Никто, ни одна студия не додумалась до приемов, до которых додумались Вы! (Подлинные слова.) Вы только подумайте, в какую сторону направлены все умы! Это страшно, это даже страшно, милый Владимир Иванович!

В субботу днем после долгих ожиданий приехал в Кливленд Л.Д. Мы в последний раз видели его в Вашингтоне, и то на один день. Конечно, от его приезда и привезенных новостей ждали многого. С момента его приезда начались непрерывные обсуждения и взвешивания привезенных им предложений.

Утешительного он привез мало. Есть предложение в Лондон на две недели, с гарантией в тысячу фунтов в неделю, без процентов. Но

так как с приездом и выездом надо считать, что в Лондоне мы пробуем три недели, то гарантию надо делить уже не на два, а на три. Да при этом еще Гест, стало быть, нас довозит до Саутгемптона, а дальше до Москвы – ехать надо за свой счет. И еще один минус: Л.Д. в случае гастролей в Лондоне должен выехать туда. Тут, во-первых, расход по его поездке (фунтов 125–150) и, главное, то обстоятельство, что мы остаемся здесь без него. Кто же будет вести расчеты с Гестом, достаточно разъяренным на наши плохие дела, приносящие ему убыток? Кроме Л.Д., с ним никто никогда не вел и не может вести никаких переговоров, особенно при окончательных расчетах.

Кроме лондонского предложения, Л.Д. привез другие комбинации, в которых, как он сам сказал, он заинтересован, потому что является одним из владельцев дела. Выехать отсюда в Берлин. (При этой комбинации Гест везет нас до Гамбурга, ибо он нас должен доставить до того порта, который мы укажем.) В Берлине играем неделю при гарантии 400 дол. Затем делаем перерыв для отдыха, распуская труппу до известного срока. К этому сроку все снова собираются в Берлине, откуда за счет предпринимателя едут Ковно² – Рига – Ревель. В течение месяца двадцать спектаклей, по 400 дол. гарантии. Затем Москва.

Следующая комбинация: кончив гостовский контракт 10-го мая, за свой страх и риск снять Торонто (там Балиев имел успех, что и окрыляет Л.Д.), проиграть там неделю, затем ехать в Европу на отдых. Едет каждый куда хочет: театр обязуется высаживать каждого по желанию и личному удобству, в Саутгемптон, Шербург, Гамбург. Опять-таки, все свободны до известного срока, когда собираются в назначенном пункте и едут, на пути к Москве, в Ковно – Ригу – Ревель.

Следующая: всех везти опять-таки после пролонгации в Америке на неделю за свой страх и риск, куда каждый пожелает, и затем перед возвращением в Москву сыграть месяц в Варшаве. (Опередив “маргариновую” Пражскую группу³, мечтающую о Варшаве.)

И еще. Пролонгировать здесь неделю или нет, как решат пайщики, и затем прямым путем до Риги или Ревеля. Сыграть в обоих этих городах и отпустить всех на летний отдых. Возвращаться в Москву к указанному Вами сроку. Все получают на дорогу до Москвы и едут туда, когда и как хотят. Могут сговариваться между собой и отправляться группами.

Как Вы видите, комбинаций много, но каждая из них дает мало-мало. Самое же главное, что не дает права решать этот вопрос, это то обстоятельство, что неизвестен срок возвращения. Если он ранний, то вообще о каких гастролях на обратном пути может идти речь?! Все довольно поистрепались за сезон, и каждый из стариков мечтает хоть немного подправиться и подлечиться до Москвы. Месяц же гастролей на западе России, особенно при том условии, что гарантия в 400 дол. дает только возможность прожить этот месяц, но никак не накопить солидную сумму, никого особенно не устраивает, кроме, конечно, молодежи,

которой и легче играть, и меньше играть, и труднее материально жить без заработка.

Этот материальный вопрос сейчас для нас, минималистов, самый страшный. Конечно, у каждого из нас есть кое-какие сбережения, на которые каждый намеревался купить одежду, обувь себе, родным. Но сейчас обнаружилось, что после конца гастролей, в нерабочее время, платить никому не будут ни жалованья, ни суточных. И стало быть, все скопленные в Америке деньги придется прожить в летние месяцы, во время отдыха. При этом сейчас в Европе нет такой благодатной страны, какой в прошлом году была Германия, где можно было прожить в месяц на 20 дол. В самой дешевой стране сейчас надо в месяц прожить до ста долларов, может быть, 75–80. А жить без жалованья придется месяца два-три. Вот тут и задумаешься: сколько же придется прожить и на сколько сможешь купить из американской экономики.

Поездка этого года несет такие убытки, что, конечно, не может платить актерам за нерабочее время, тем более что в Москве летом не будут платить жалованья.

Все эти вопросы решаются сегодня. Но как они могут решиться, если мы ничего не знаем о сроке возвращения. И может быть, от Вас есть такая телеграмма, но она лежит в Нью-Йорке и содержания ее мы не узнаем до того времени, пока Л.Д. не возвратится в Нью-Йорк (он уезжает сегодня к вечеру и будет там через сутки) и не перетелеграфирует нам. И вместе с тем решать надо сейчас же, потому что если будет Лондон, то об этом надо дать ответ завтра, не позднее. Если же Лондону будет дан полнейший отвод, то вопросы Торонто, Берлина и Прибалтики тоже нужно решить в самый кратчайший срок. Сказать правду, я даже не могу себе представить, к каким решениям можно прийти на сегодняшнем заседании при всех упомянутых условиях.

Почему-то Л.Д. смотрит на организацию Нового Художественного театра в Москве очень легкомысленно и не придает большого значения необходимости возвращения стариков в Москву рано. Он считает, что таким сроком может быть и первое сентября, и даже 15-е сентября. Мы же все думаем, что Вам необходимо будет начать работу 1-го августа, максимум 15-го августа. А при этом условии едва ли возможны гастроли в Прибалтике. Насколько я слышала и поняла короткие разговоры в вестибюле нашей гостиницы перед заседанием Москвина, Л.М.Леонидова и Ник. Аф., кажется, что первые два хотят сделать отвод осенним гастролям. Но есть ли у них контрпредложение, или они предлагают принять Лондон, этого я не знаю. Думаю, не будь этой непрелюбимой необходимости для Л.Д. ехать в Лондон, все склонились бы за то, чтобы сыграть три недели в Лондоне, дать отдых всем (без оплаты) и затем возвратиться в Москву. Я знаю, что Москвин считает так: если всякие другие гастроли могут убыток на пай (205, как мы считаем теперь) уменьшить на 50 дол., то ехать еще стоит, и работать стоит. Если же убыток уменьшится на меньшую сумму, не стоит тратить силы и здоровье.

Простите, милый Владимир Иванович, если я очень сумбурно все это излагаю. Но и положение наше, и планы настолько сумбурны, что систематизировать их страшно трудно, почти невозможно. Всякое предложение, всякий план тотчас же встречают возражения. Эти возражения заставляют изменить план, но и этот новый план опять не выдерживает абсолютной критики. И часто выходит так: Ник. Аф. говорит какое-то свое предложение. Я начинаю находить всякие “но”. Он со мной, конечно, не соглашается. Потом мы расходимся. Как только я остаюсь одна, начинается снова комбинирование в уме всяких возможностей. Обдумываю слова Ник. Аф. и нахожу, что, пожалуй, его план и есть наиболее приемлемый. На следующее утро встречаемся с ним. Говорю ему все мои соображения, но он моментально начинает мне возражать и говорит все то, что я возражала ему вчера, все то, что опровергает его же вчерашний план.

Все, что мне станет известно о сегодняшнем заседании, я, конечно, тотчас же сообщу Вам, милый Владимир Иванович.

Мы начали в Чикаго наши гастроли в день нашего приезда, в воскресенье. Играли “Иванова”. Сбор был немногим больше двух тысяч, т.е. по теперешним временам очень хороший. Но радоваться нам пришлось не долго. “Иванов” на следующий день, вчера, дал всего 700 дол. Однако у нашей высшей администрации есть надежда, что мы здесь продержимся недурно. Сегодня снова премьера – “Смерть Пазухина”. Пресса об “Иванове” была превосходная.

Чикаго для нас тяжкий город. Мы здесь играем по десять спектаклей в неделю, ежевечерне и три раза в неделю (четверг, суббота и воскресенье) утренники. При этом дело идет к весне, часто бывает жарко и душно, а помещения закулисные в Большом северном нашем театре ужасные. На уровне сцены есть только одна уборная, в которой помещаются Книппер, Коренева и Раевская. Затем есть две уборные над сценой, к которым ведет отвратительная винтовая узкая лестница, даже не заключенная в какой-нибудь каменный мешок, а вся открытая. И все-таки, несмотря на все неудобство ходить по такой лестнице, в уборной первого этажа над сценой помещены К.С., Москвин и Качалов, по их же собственному желанию, так как все остальные уборные находятся под сценой; эти комнатки ужасны: без окон, без вентиляции, разделены не доходящими до пола и потолка перегородками. Внизу шум, гам, духота и страшнейшая пыль, осыпающаяся с потолка при хождении на сцене.

Самый город тоже достаточно пылен и шумен: верхняя железная дорога проведена по всем направлениям. Но на озере, на Мичиган-авеню, прелестно, особенно подальше от города, от торгового центра. Там прекрасные бульвары, даже что-то вроде пляжа. Пока еще стоит переменчивая погода, ветрено, даже шел крупный дождь. Но если придут настоящие весенние дни и будет возможность днем уезжать подальше на озеро (ведь оно громадно, безбрежно, как море), то можно чудесно сидеть там с книжкой или без всякого дела. Для меня все эти возможно-

сти, вероятно, останутся “прекрасной мечтой”, так как приходится все время быть на чеку и днем навещать в театр в ожидании каких-либо новостей или непредвиденных случаев.

Милый Владимир Иванович, от Вас так давно нет писем. Или, быть может, не дошло письмо. За последнее время часто замечаем пропажу писем, особенно из Москвы, из России. Я все жду: ну вот со следующей почтой уж непременно от Вас будет письмо. И все пока напрасно.

В пасхальную ночь мы снова будем в Чикаго, как и в прошлом году. Это как раз будет ночь после нашего последнего здесь спектакля и перед отъездом в Детройт.

Милый, чудесный Владимир Иванович, теперь можно сказать: до свиданья, до скорого свиданья. Желаю Вам всего хорошего, всего прекрасного.

Ваша Ольга Бокшанская.

Милый Владимир Иванович! Я хочу еще написать Вам несколько строк о той горделивой радости, какую принес Ваш отказ от поездки за границу в связи с приездом 1-й группы в Москву. Наши все старики с надеждой ждали этого ответа, а когда он пришел таким, каким его хотели они увидеть, они очень-очень обрадовались.

Л.Д. этого понять не может. Он был в отчаянном состоянии и до сих пор не может забыть, сколько неприятных разговоров ему пришлось иметь по этому поводу с Гестом. Что ему до создания Нового Художественного театра в Москве! Он предложил Вам дело, “бизнес”, на выгодных, по его мнению, условиях, а Вы отказались. Отказались даже от того, чего сами как будто хотели, еще совсем недавно хотели сильно, и для чего, ради чего? – ради создания Нового театра.

Для него этот мотив кажется неубедительным.

Сейчас вспомнила, что, начав писать о получении от Вас последней телеграммы с поручением объявить ее под расписку, я Вам не написала объяснений, почему до сих пор не послан Вам ответ об ее получении, как Вы того хотели. Из Кливленда этого не сделали в спешке отъезда (телеграмма объявлялась под расписку в последний кливлендский день) и потому, что формально еще не всем она была объявлена. Но больше всего – из-за спешки и суматохи, неизменно сопровождающих наши переезды. Потом, после обсуждения привезенных Л.Д. новостей, было решено в ответную телеграмму вставить еще ряд вопросов. Но эти вопросы должны были сначала обсуждаться. И когда наконец вчера вечером мы решили дать хотя бы телеграмму о том, что Ваше поручение исполнено – телеграмма получена и объявлена, – то вечером после спектакля не могли найти поблизости в нашей округе ни одной открытой телеграфной конторы. Поэтому снова отложили до сегодняшнего дня, когда непременно дадим Вам ответную телеграмму после идущего заседания.

Между прочим, Л.Д. настаивал на посылке Вам телеграммы с запросом о сроке возвращения, так как без осведомленности об этом сроке нельзя решать ни одного вопроса дальнейших гастролой. Но никто из стариков не согласился на это, считая, что раз Вы сами сообщили, что о сроке известите, то надо только ждать этого известия, и больше ничего. Л.Д. тогда предложил дать от себя такой запрос, но это ему категорически запретили, считая это совершенно неудобным. Он был, кажется, этим обстоятельством не очень доволен, находя, что дела поездки должны идти в первую голову, и раз есть дела, предложения, выгоды, то какие же могут быть разговоры о “неудобности, неприличности и неделикатности”.

Они все еще заседают. Сейчас уже четыре часа. Стало быть, заседание длится три часа. Думаю, что теперь им не долго осталось обсуждать вопросы, так как скоро Л.Д. должен собираться в Нью-Йорк.

Еще раз всего хорошего, милый Владимир Иванович. Не забывайте меня и придумайте мне, назначьте очень много работы к моему возвращению в театр. Я бы так хотела быть Вами полезной, приятной и нужной.

Ваша *Ольга Бокшанская*

91.

Чикаго, 14 апреля 1924 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня начинаем мы вторую неделю Чикаго, ставим новую для Чикаго пьесу “Доктор Штокман”. Что касается прошедшей недели, то о результатах ее нельзя сказать ничего хорошего. На той неделе прошли три новые для этого города пьесы: “Иванов”, “Смерть Пазухина” и “Дядя Ваня”. Но сборы были весьма средние. Только открытие (“Иванов”) дало две тысячи да еще спектакль в субботу вечером (“На дне”) сделал около 2 300 сбору. Остальные же спектакли не сделали на круг даже одной тысячи. Весь сбор за неделю дал 10 759 дол., расходов же было значительно больше, так что убыток за неделю выразился в сумме 1 785 дол. Общий убыток, который несет Гест по недельным отчетным ведомостям, представляется нам, равен 5 741 дол.

Гест зол на нас страшно. В субботу, когда мы получали от его администратора причитающуюся нам гарантию, нам было объявлено, что по письму Геста из гарантии вычитается 1 000 дол. и на будущей неделе тоже будет сделан вычет в 1 000 дол. Мы тотчас же запросили в Нью-Йорк письмом Леонидова. Но, еще не получив этого письма, Л.Д. телефонировал нам в тот же день, после вечернего спектакля. Оказывается, Гест, рассердившись на плохие наши сборы, дал немедленно распоряжение удержать с нас ту сумму, которую мы ему должны за пароход-

ные билеты, за тех, кто был провезен сверх условленного в контракте количества актеров. Но при этом он совершенно упустил из виду, что Л.Д. затратил летом, по его просьбе, около 1 500 дол. на родственников Геста. Л.Д. утешил нас тем, что он подал в офис Геста контрсчет на долги Геста нам. Утешение утешением, но на тысячу меньше мы все-таки получили, это неоспоримо.

Что касается наших дальнейших дел, то они до сих пор совершенно не выяснены. В последний раз я писала Вам во время заседания дирекции. Тогда было постановлено следующим образом: от всяких гастролей в Европе отказаться, Лондон принять лишь в том случае, если Л.Д.-чу удастся получить контракт на три недели (взамен предложенных нам двух). Независимо от Лондона, решено было принять меры к устройству спектаклей в Америке, после конца контракта с Гестом, в течение недели, в Торонто, в Канаде. С этими пожеланиями Л.Д. и уехал в Нью-Йорк.

Кроме этого ему было дано поручение зайти в комитет Красного Креста к Дубровскому и повидать его, до отъезда последнего в Москву. Дело в том, что Дубровский сообщил нам телеграммой относительно своего отъезда в Москву, и Ник. Аф., не имевший возможности лично поехать в Нью-Йорк, написал ему письмо, которое и отвез Леонидов. В письме Ник. Аф. еще раз указал на то обстоятельство, что у нас попросту нет денег уплатить 5% с выплачиваемого жалованья, но что МХТ от долга своего не отрекается и просит получить его в Москве, удерживая из московского жалованья. Кроме того, Ник. Аф. ответил относительно наших предположений о Лондоне и Скандинавии, т.е. именно о нерешенности этих вопросов в части, касавшейся Лондона. Скандинавии же вообще в наших планах нет.

По сообщению Л.Д., его свидание с Дубровским было чрезвычайно приятно, он был мил и любезен и выражал уверенность, что Москва примет предложение театра об уплате долга в Москве в следующем сезоне. По просьбе Л.Д. Дубровский повез Вам фотографии двух кинофильм: “Крытый фургон” и “Багдадский вор”. Последней я не видала, она прошла в Нью-Йорке после нашего отсюда отъезда. Первую знаю, она идет в Нью-Йорке подряд больше года и пользуется громадным успехом. Картина исключительно приятная и интересная.

О наших же делах Л.Д. по телефону сообщил следующее: из Лондона к нему поступил запрос от какого-то предпринимателя (фамилию нельзя было разобрать), на каких условиях МХТ поедет в Лондон. Л.Д. телеграфировал условия следующим образом: 1 200 фунтов гарантии и 40% с чистого остатка. Ответ на эту телеграмму он рассчитывает получить в понедельник, т.е. сегодня. Относительно прежнего предложения в Лондоне – ничего не сказал. Это было, как оказалось, предложение со стороны здешнего антрепренера Юрока: две недели по тысяче фунтов гарантии, никаких процентов. Видимо, Юрок не рискует взять антрепризу на три недели в Лондоне.

С пролонгацией на неделю нашего пребывания здесь спектаклями в Торонто дело обстоит так: Торонто находится недалеко от Монтреола, где мы должны были закончить наши обязательства к Гесту. Но теперь выясняется, что мы в Монтреол не поедem, Гест не хочет тратить большие деньги на дорогу и потому предполагает, даже решил, в Канаду нас не возить. Где мы проведем последнюю неделю нашего контракта, до сих пор не известно. Нисколько не удивлюсь, если из Детройта он нас отвезет в Нью-Йорк, где мы и сыграем в течение недели. А быть может, если дела в Детройте будут недурны, оставит нас там на следующую неделю, закончив с нами там свой контракт. Во всяком случае, при выпадении из нашего пути Монтреола, нет надежды на возможность пролонгации здесь на одну неделю, и надо очень определенно уже заняться выбором парохода вскоре после 10-го мая.

Мы уже очень определенно этим заняты и обошли все здешние пароходные конторы, справляясь об отплывающих судах. Вероятнее всего, что в Москву возвратятся в два приема: сперва приедет группой та часть, которая непосредственно направится в Москву. А к указанному Вами сроку, если он не будет раньше июля, приедут остальные, те, кто решит отдыхать за границей. В первой группе будут Лужские, Бурджаловы, Румянцевы, Москвин, Грибунин, Александровы, Тархановы, может быть, кто-либо из молодых¹. Остальные застрянут на лето где-нибудь во Франции. Лично я, если ничего не изменится, поеду на очень короткий срок в Париж, а потом в Латвию, к родителям. Когда вторая группа из Франции будет направляться в Москву, я присоединюсь к ней и приеду вместе с ними. Мы так крепко держимся друг за друга вот из-за каких соображений, которые для нас чрезвычайно, страшно важны: если большинство из нас не привезет с собой денег, в чем можно быть уверенным, то, во всяком случае, привезет много вещей, постепенно покупавшихся в течение двух лет обеспеченной жизни. У каждого теперь много белья, платья, ботинок, всяких мелочей туалета. И конечно, по сравнению с москвичами, мы богачи, очень богатые люди. Но у нас здесь такое впечатление, что на нас в Москве так злы, так много распускается про нас нехороших слов, что при нашем приезде к нам начнут придирааться сразу, с самого начала, на первой же таможне. И все то, на что мы смотрим как на обеспечивающее нас надолго, у нас отнимут самым зверским образом. Это так страшно каждому из нас, что мы решили попросить Вас: нельзя ли еще до нашего приезда получить для нас какие-нибудь обещания, бумаги или вообще заранее установить, что нас не обидят в таможенном смысле. Вероятно, Серг. Ал. Трушников до сих пор не порвал своих колоссальных связей во всех учреждениях, которые именно на этот раз могли бы быть очень полезны. Милый Владимир Иванович, помогите нам в этом, двиньте нашу администрацию в Москве на такое доброе для нас дело. Вопрос сохранения купленного за границей – самый волнующий нас всех вопрос. Если мы могли бы быть спокойны в этом смысле, все было бы замечательно.

Мы с нетерпением ждем Вашу телеграмму относительно срока возвращения и – главное – списка лиц, свободных от обязательств. Нетерпение объясняется тем, что непременно надо поскорей объявить людям, что они свободны, ибо иначе каждый может считать, что театр слишком поздно объявил о “расчете” и тем сильно подвел каждого свободного от службы. Кроме того, здесь играет роль и материальная сторона. Как я Вам уже писала, с концом гастролей за границей кончается и выплата жалованья всей заграничной труппе, вплоть до того момента, когда в Москве начнется работа и московская дирекция найдет нужным начать выплату жалованья. Но, вероятно, те лица, которые будут освобождены от службы в МХТ, будут оплачиваться, во всяком случае, до 1-го августа, а может быть, придется платить и до 15 сентября, т.е. по срок заканчивающегося второго года поездки за границу. Все эти финансовые предположения темны для нас, пока мы не знаем списка лиц.

Из всех разговоров у меня создалось впечатление, что не пайщики не подготовлены к тому, что с 10 мая и до начала осенних работ в Москве никто не будет получать жалованья. И я думаю, что это обстоятельство вызовет страшный переполох. Но тут ничего не поделаешь. Действительно, нельзя желать, чтобы пайщики содержали еще летом всю труппу на свой счет. Можно, пожалуй, поставить в укор старикам, что они, не заботясь об участии молодежи, желают слишком выгодных для себя контрактов, не получают их, теряют и имевшиеся предложения, удлиняя таким образом время безработное, неоплачиваемое. Это так действительно. Напр., Москвин говорит, что ему неинтересно ехать на три-четыре недели в Лондон иначе, как заработав, помимо жалованья, по крайней мере по 40–50 долларов на пай. То есть он хочет получать жалованье, а чтобы на его долю процентов за такой короткий срок пришлась сумма в 400 долларов. Такую сумму не легко заработать и в Америке, а уж в Лондоне и подавно. И из-за этого может слететь вообще поездка в Лондон. А тут и некоторые пайщики, находящиеся в более тяжелом материальном положении, загорюют, потому что и им тяжело сидеть без работы и без заработка, проживать те немногие деньги, что отложили в Америке.

Думаю, что в ближайшие дни вообще все решится, потому что иначе ведь и нельзя, все сроки уже подошли и даже, пожалуй, прошли. И вместе с тем, если сезон продолжится в Лондоне, просто страшно за нервы всех. Так устали, так измочалились, ни у кого нет сил сдержаться при малейшем пустяке. Сегодня, например, была назначена на 1 час репетиция народной сцены “Штокмана”. Собирались нехотя, медленно. Вас. Вас. сначала упрекал за опоздание, потом с сердцем просил начинать. И тут началась “торговля”: “Да что вы, Василий Васильевич, я всего на пять минут опоздал, чего же сердиться. Не на десять, как вы говорите, а всего на пять”. Вас. Вас. заволновался, сердце у него побаивает, устал страшно, ведь занят ежедневно, в каждом спектакле, иногда только бывает в “Дне” свободен, когда Тарханов играет Бубнова. В

остальных же пьесах играет без замены. Кроме того, репетирует всегда со всеми сотрудниками, в каждом городе. Как это в голову никому не придет, что с ним надо очень посчитаться и его по возможности победить. Тут он очень раскипятился, пошел уже с репетиции; Качалов его остановил, говоря: “Ты же мне нужен для репетиции”. Тут еще Нина Ник. вскочила, разразилась на обвинения Вас. Вас. за тон сотней слов. Получился скандал неприятный, ужасный и жестокий. Вас. Вас. взял себя в руки, повернул к своему месту и начал репетицию. Но, конечно, репетиция шла в отвратительном настроении, у всех был противный осадок на душе.

У нас вообще часто шутят на ту тему, что к концу поездки, вероятно, все между собой перессорятся и не будут говорить друг с другом. Но это не шутка. У всех нервы взвинчены до крайней степени, и малейший пустяк вызывает ссору. Нет ничего удивительного, что такие нервные люди, как Л.М.Леонидов, страшно протестуют против продления поездки. Л.М. все последние дни в ужасном настроении, говорит, что с сердцем у него не ладно, что все время у него такое состояние, что он не то закричит, не то упадет в истерику.

Вот настроения последних наших дней.

Сегодня, как я уже сказала, у нас премьера – “Штокман”. Но сбор плохой – 800 или немного больше. Только что кончилась народная сцена, шла неинтересно, аплодисменты были в середине акта Качалову, а после акта – никаких. Качалов играл нервнее, чем всегда, но и то заразить толпу актеров не может. Такого спектакля в Москве нельзя было бы показать.

Скоро конец, можно будет уйти из наших подценных уборных, в которых страшно душно, нестерпимо. Здесь устаешь с 9-ти часов вечера, чуть ли не со второго акта спектакля.

Милый Владимир Иванович, до свиданья. Завтра должна прийти из Нью-Йорка почта, целый пакет писем, пришедших за это время в офис Геста. Неужели не будет хоть строчки от Вас. Так давно не было писем от Вас к нам.

Желаю Вам всего-всего хорошего, дорогой, чудесный Владимир Иванович. До свиданья.

Ваша *О.Бокшанская*

92.

Чикаго, 19 апреля 1924 года

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Как я надеялась, так и вышло. В присланной Леонидовым пачке писем последних дней было письмо от Вас, то интересное, большое письмо, которое Вы написали вскоре после получения нашей ответной,

столь нелепой телеграммы¹. Письмо это сейчас прочтено почти всеми пайщиками, и все они высказались о нем “каждый сообразно своему возрасту и положению”. Но никто не может отрицать того, что Вы страшно, ужасающе правы; только немногие храбрыся: “Ну что ж особенного было в нашей телеграмме! Странно, что Владимир Иванович так к ней отнесся!” Но Вы во многом так угадали соображения, беспоконившие некоторых наших, что попали не в бровь, а в глаз.

Сейчас уже окончательно наши дела выяснились следующим образом (все это сообщил Л.Д. вчера по телефону): все неприятности, которые он претерпел от Геста за последние дни, окончились наконец их примирением, во время которого Гест якобы открыл ему все свои карты. Он все время своих дурных отношений с Л.Д. старался повредить в переговорах с Лондоном. То он отказывался дать материалы для прессы и английский перевод пьес; потом стал угрожать какими-то стеснениями относительно дороги. В то же время Юрок, предлагавший 1 000 фунтов гарантии в течение двух недель в Лондоне, согласился дать нам кокраповские условия, т.е. кроме гарантии 50% чистой прибыли и пролонгировать, в случае успеха, договор на третью неделю. Гест об этом узнал и, мирясь с Л.Д., сказал ему: “Не подписывайте с Юроком. Все равно я Вам в этом деле стану всячески мешать. Попросите Станиславского не ездить нынче в Лондон, и тогда я еще до отъезда МХТ в Россию подпишу с ним контракт на будущую весну в Лондоне”. Видимо, Гест настолько может помешать нам, что Л.Д. решил принять предложение Геста; поэтому наш сезон, наша поездка, наше благополучное житие – кончатся 10-го мая. При этом мы не едем из Детройта в Монреал, а возвращаемся в Нью-Йорк для спектаклей в течение одной недели. Относительно этого возвращения у Л.Д. также был конфликт с Гестом, из которого Л.Д. вышел победителем. Гест решил, что последнюю неделю гастролей мы будем играть в Нью-Йорке на Истсайд, в беднейшем квартале Нью-Йорка, заселенном выходцами из России. Но Л.Д. настоял, категорически отказавшись принять план Геста, на том, чтоб мы играли в том же Джолсонс-театре, в котором мы играли до сих пор. Довольно уж того, что мы гастролеровали в Бруклине, где все равно сборы были не больше нью-йоркских. Нельзя же нам гоняться за русской или полурусской публикой. Кто хочет, сам придет к нам. Репертуар этой нашей последней недели составлен из шести пьес: “Карамазовы”, “Федор”, “Иванов”, “Вишневый сад”, “Дно” и “Дядя Ваня”.

Стало быть, сезон кончается 10-го мая. Из Америки мы выедем приблизительно числа 13-го, разбившись на две группы: едущих непосредственно в Москву и остающихся где-либо за границей. (Я, помнится, об этом Вам уже писала.) Большинство остающихся за границей едет во Францию. При этом принцип такой: сезон кончился, и все обязаны возвратиться в Москву. Доставить всех туда – обязанность театра. Затем уже начинается московский сезон, московские порядки, и потому летом жалованья никому не платят. Если же кто-либо хочет остаться за грани-

цей на время отпуска, это его добрая воля. Он получает деньги – стоимость прямого билета Нью-Йорк – Москва, и сколько он истратит на все свои переезды – его частное дело, так же как и его багажные дела. Об этом всем сегодня составляется текст телеграммы Вам. Так как страшно важно получить от Вас Ваши пожелания: когда Вы хотите собрать всех для работы и кого Вы не находите возможным пригласить для дальнейшей работы в театре.

В эту телеграмму хотели вставить еще и вопрос о легализации возвращения Тарасовой и Тарханова², но пока отложили этот вопрос, так как вообще неизвестно, поедет ли Тарасова. Но на всякий случай в этом письме, которое, вероятно, придет гораздо позднее телеграммы, я об этом Вам напишу. Из возвращающихся в Москву только у этих двух лиц, с их семьями, нет права на въезд в Россию, которое нам дают наши красные паспорта. Это обстоятельство может сильно затруднить все их дела и планы. Тархановы, например, определенно собираются ехать непосредственно в Москву. а как же без визы въездной, с одним паспортом, выданным не советским комиссариатом. На всякий случай сообщаю Вам сведения: Тарханов Михаил Михайлович (настоящая фамилия Москвин), родился в Москве 19-го сентября 1877 года. Его жена: Скульская Елизавета Феофановна (Москвина), родилась в Херсоне 26 февраля 1887 года. Тарасова Алла Константиновна (Кузьмина), родилась в Киеве 25 февраля 1897 г. Ее муж Кузьмин Александр Петрович, родился в Люблине 13 ноября 1891 г. У них сын Алексей, родился в Севастополе 18 мая 1920 года.

Сейчас стало страшно заметно, что все интересы, все думы, все планы – все в Москве, все о Москве. Правда, высоких вопросов пока не затрагивают, даже чисто профессиональные и те пока в загоне. Сейчас все сводится к тому, как доехать, как провезти, как устроить свои квартирные, продовольственные и денежные дела. Много говорится о близких встречах с дорогими людьми. Но что играть, как играть, какой пьесой, какой ролью заниматься, – об этом пока разговоров мало, среди молодежи совсем их нет, среди стариков – только меж известными Вам живыми, деятельными людьми. Но как-то почти внезапно стало ясно, что интересно все только московское, Америка же больше не интересует.

В связи с близким отъездом сразу стало очень много работы. И сегодня я была готова плакать от отчаяния, когда во время обсуждения и писанья страшно важного и сложного письма с запросом в Пароходное общество у нас в конторе – крошечной комнатухе – стоял настоящий базар. Пришлось прервать работу, а я знала, что непременно напишу Вам сегодня письмо, и это дело тоже оттягивалось, – просто ужас взял. Рядом поют, в следующей уборной играют на гитаре, у нас в комнате разговоры, сегодня к тому же день выплаты жалованья – голова кругом шла.

Сейчас спектакль кончился, с ним вместе надо и письмо кончать.

Если б Вы знали, как утомительно в такой обстановке и атмосфере, как наша, провести почти безвыходно весь день. Сегодня был утренник – “Штокман”, после него, едва успев пообедать, вернулись репетировать в половине седьмого народную сцену из “Мокрого” с новыми чикагскими сотрудниками. Вслед за тем – вечерний спектакль. Это страшно утомительно.

Прошедшая неделя дала, слава Богу, небольшой плюс в 391 доллар. Вот сборы:

воскр. “Дядя Ваня” 977.50

веч. “Федор” 2014

понед. “Штокман” 836.50

вторн. “Штокман” 1367.50

среда “Пазухин” 1212

днем четв. “Дно” 929

веч. “Иванов” 1225

пятн. “Вишн. сад” 1438

днем суббота “Штокман” 1523.75

веч. “Дядя Ваня” 1229.50.

Общий сбор – 12 752 дол. 75 центов.

Конечно, тут большую роль сыграло то обстоятельство, что мы сыграли за неделю десять спектаклей. При девяти – у нас был бы убыток. На будущей неделе снова десять спектаклей.

В Чикаго наших актеров очень сердечно принимают. Постоянные приглашения, ужины, обеды, поездки. Были и какие-то большие фестивали. А завтра в прекрасном отеле “Аудиториум” громадный банкет с 500 приглашенных, устраиваемый “русскими и американскими почитателями МХТ”. Я не пойду, но постараюсь Вам описать со слов очевидцев.

Милый Владимир Иванович, спасибо за письмо, может быть, последнее в Америку. Простите за сумбурность моих ответов – сказывается и усталость, и страшно сумбурная обстановка, в которой приходилось писать. Если б удалось как-нибудь взять машинку к себе домой и там Вам написать, то письмо, вероятно, вышло бы более удачным.

Милый Владимир Иванович! Всего хорошего желаю Вам. Екатерину Николаевну крепко целую за письмо.

Ваша Ольга Бокшанская

93.

Чикаго, 23 апреля 1924 года

Милый Владимир Иванович!

За последние дни у нас столько волнительных новостей, что я должна рассказать обо всем по порядку... Дня три тому назад ночью

(как всегда, так как днем трудно добиться соединения) позвонил Л.Д. из Нью-Йорка и сообщил предложение Геста некоторым нашим артистам остаться на 6–10 недель в Америке, начиная с 20-го мая, и войти в спектакль “Миракля”. Определенное предложение получили: Москвин (роль привезенного Рейнгардтом из Германии артиста Крауса, это тот, играющий на трубочке или волынке, который олицетворяет собой злое начало, дьявола); Качалов (роль Короля. Не помню, кто играл эту роль, знаю, что на нее приглашали, по желанию Рейнгардта, русского актера Баратова, когда-то бывшего в нашем театре, а теперь играющего первые роли в Филадельфийском еврейском театре. С Баратовым Гест не сошелся в цене. Кажется, он ему предлагал 300–350 дол. в неделю, а Баратов хотел 500); Тарасова (роль монахини, – та самая, на которую ее так сманивали еще до начала спектаклей “Миракля”, о чем я Вам писала). Кроме того, на маленькие роли приглашали Тамирова и Добронравова. При этом Л.Д. сказал, что можно устроить еще ряд артистов, кто пожелает остаться, на маленькие или средние оклады; в частности, предложили Подгорному остаться на оклад 100–150, но тот отказался. Оклады определенно приглашенным были следующие: Качалову и Москвину по 250 дол., Тарасовой – 100, молодым – 60–70. При этом, по мнению Л.Д., можно было и поторговаться. При восьми спектаклях в неделю премьерам были обещаны дублиеры. В спектакль надо было вступить 20 мая, с какого времени началось бы и получение жалованья. Одновременно в роль Мадонны должна была якобы войти Ида Рубинштейн. На следующий же день о предложении было сказано сначала К.С., который дал распоряжение известить только Качалова и Москвина. Москвин отказался сразу, почти не задумываясь, Качалов же сказал, что об этом надо подумать, а потом сообщил, что он лично написал письмо Л.Д.-чу, так что свой ответ через театр сообщать не будет. Остальным почему-то К.С. просил ничего не говорить. А когда сегодня Ник. Аф. спросил его: “Нельзя ли все-таки сказать всем остальным, может быть, кто-нибудь и хочет остаться здесь и подработать?” – то К.С. сказал: “Как же можно не говорить? Мы не имеем права, не платя летом жалованья, мешать людям устроиться”.

Если Вы обратите внимание на приведенные выше оклады жалованний, то увидите, что Гест хочет устроить недурную комбинацию с нашими артистами. Ему, конечно, известны наши оклады, он несколько прибавил к ним и хотел за сравнительно небольшие деньги получить право написать на афише “ансамбль Московского Художественного театра” и имена, столь здесь прославленные, как Москвин и Качалов. Но и наши-то прекрасно знают, какие бешеные в сравнении с нашими жалованья он платил и платит премьерам “Миракля”. Так что я думаю, что Качалов запросил много больше, если решил остаться.

Конечно, остающиеся не будут иметь почти летнего отдыха, так как при шести неделях контракта пробудут до начала июля. В начале августа надо уже быть в Москве, а на дорогу в Москву уйдет недели две с лишним. Вот и останется для отдыха каких-то десять дней.

Ник. Аф., который не смел никому говорить о предложении, никак не мог дать и Леонидову исчерпывающего ответа. Так что тот наконец сегодня запросил телеграммой, какой ответ дают наши: Гест, мол, бегитса и требует ответа. Конечно, если будет отказ, то его надо будет поднести под каким-то смягчающим соусом, чтобы не разозлить Геста вконец. Но вместе с тем сомнительно, возьмет ли он намеченную молодежь, если Москвин отказался, а с Качаловым он не сойдется. Если все-таки он возьмет к себе на службу кого-то из нашей труппы, то, думаю, наверное, останется Тарасова (предполагавшая вообще провести летний отдых в Америке), Добронравов и Тамиров, которым хочется заработать несколько лишних десятков долларов.

Третьего дня вечером получилась Ваша телеграмма – подробная, длинная¹. Опять-таки, в первую голову она была прочитана К.С., который почему-то снова наложил запрет молчания. Никому, мол, даже старикам, даже правлению не показывайте. Вчера днем была назначена репетиция “Мудреца”, и Ник. Аф., не согласный с К.С., решил показать телеграмму Москвину, Лужскому, Леонидову. Ну как же, действительно, можно молчать о такой телеграмме? Как говорил Ник. Аф., ему стыдно было бы в глаза Москвину посмотреть, если б он от него без всякого основания стал скрывать день-другой эту телеграмму. Понятна была бы еще задержка, если б нужно было сделать спешно совещание К.С. с Подгорным или что-нибудь в этом роде, т.е. если б в связи с телеграммой принимались какие-нибудь меры. Но этого ничего и не предполагалось, а просто от какого-то страха сказано было, чтоб о телеграмме молчать. По общему решению стариков, узнавших про телеграмму, текст ее был переписан на машинке, с выпуском фразы и фамилий лиц, не имеющих в будущем работы в МХТ и имеющих мало работы. Переписанный текст был дан читать сначала старикам, потом молодежи – и тут началось. Телеграмма произвела почти на всех сильнейшее впечатление, повяло таким серьезным, таким глубоким отношением к делу, что многие сразу словно прозрели, увидели, что все настоящее и сильное – в Москве, что туда надо ехать для настоящей прекрасной работы. Срок, поставленный для возвращения, большинством понимается 5 августа, во всяком случае, не позднее 10-го августа; только Качалов почему-то нашел: “Половина августа? – ну, значит, пятнадцатого”. То, что в телеграмме упомянута Нина Николаевна, тронуло не только ее, но и Диму и Вас. Ив. настолько, что они об этом говорили². В том же, долго ли Вы проработаете с ней, мнения расходятся: одни говорят, что Вы скоро отставите ее из-за постоянных недоразумений, другие, что Вы так ее поставите, что никакие ее нервы ни Вас, ни актеров особенно изводить не будут, и с присущим Вам умением и тактом отведете ее в сторону, если найдете ее сотрудничество ненужным, при том нисколько не обижая ее.

Все разговоры вчерашнего, сегодняшнего дня сводятся к телеграмме. Разбирается каждое слово, стараемся понять то, о чем не упомянуто в телеграмме, но что тесно с ней связано: будут ли существовать

Вторая и Третья студии? Что будет с помещением Третьей студии? Кто из стариков может получить роли во французской пьесе?³ Что значат слова “Еланская – Лиза”? – Еланская – Софья и новая Лиза, или именно специальное указание на то, что Еланская нынче уж будет играть Лизу, а не Софью? Кто ж тогда Лиза? А если Еланская именно Лиза, то кто ж Софья? С кем Вы ставите “Бориса Годунова”? Кто Чацкий? Завадский? Прудкин? Какой Чацкий? Может быть, некрасивый, маленький, острый, злой, каким Вы хотели его когда-то видеть?

Молодежь, прочтя телеграмму и еще ничего не зная о фразе с именами многих, сразу учла положение вещей и поняла, что она выйдет из работы. Это привело всех в унылое, озабоченное, волнующееся настроение духа.

И до сих пор не решено, когда же и как же будут извещены лица, упомянутые в телеграмме. Мне кажется, что К.С. никак не может решиться на разговоры с этими лицами потому, что он рассчитывал получить от Вас телеграмму: “Таких-то считаю свободными”. Тогда бы вся тяжесть решения об оставлении упала бы на Вас. А при таком тексте ему кажется, что это он отставит всех лишенных работы в будущем году. Эту Вашу телеграмму ждали именно для того, чтоб объявить каждому его судьбу, а теперь никак не могут решиться. Вместе с тем это страшно нужно сделать скорее, так как чем раньше каждый узнает, тем больше у него времени устроить свои дела. Например, я наверное знаю, что Успенской сделано предложение остаться здесь, а она никак не может дать ответа, взвешивая, ехать в Москву или остаться. Если она узнала бы, что в Москве она в театре не останется, то, вероятно, колебаний у нее не было бы⁴.

Тут только есть вопрос: должны ли все все-таки вернуться в Москву, в чем дали подписку, и потом снова хлопотать об отъезде (если предполагают устроиться за границей), или могут, уйдя из театра, по желанию театра оставив его, не ехать в Москву и не исполнять данного Правительству обещания. Может быть, этот вопрос будет решен здешним правлением, но возможно, что пошлют Вам телеграмму с запросом, как Вы решаете это дело. Ведь в конце концов, что бы у нас здесь ни решали, все расхлебывать и разбирать придется Вам.

Мы доживаем последнюю неделю в Чикаго. Начали мы ее блестяще: в понедельник сбор у нас на “Карамазовых” (первое представление) был свыше двух тысяч, а вчера на втором представлении, рядовом, около 2 800. И сегодня, на “Вишневом”, тоже, кажется, недурной сбор. Как говорят местные жители, надо было бы дольше оставаться, можно было бы сделать хорошие дела. Это нам и в прошлом году говорили. Но мы ведь связаны и потому только улыбаемся в ответ на приглашение остаться “и на следующую неделю”.

Уезжаем мы в субботу, в Страстную субботу, после двух спектаклей, в половине первого ночи. Так что в 12 часов пасхальной ночи мы будем спешить на вокзал.

Но самое интересное путешествие мы проделаем из Детройта в Нью-Йорк. По нашей общей просьбе билеты взяты на тот поезд, который подходит к Ниагаре и стоит там минут десять. Так что наконец исполнится наша общая мечта – посмотреть на водопад, мимо которого, в часе езды от которого, мы проезжали столько раз.

Когда мы уезжаем вообще из Америки – до сих пор не решено. Для того чтобы платить меньше суточных, наше правление настаивало на отъезде 14-го на пароходе “Беренгария” общества “Кюнар Дайн”. Но Гест, кажется, хочет непременно везти нас на “Мажестике” общества “Уайт Стар Лайн”, который отходит в субботу 17-го.

Но как жаль, что Вы не написали, куда Вы поедете летом. Мы строим массу предположений, где Вы проведете лето, но ведь достоверно пока никто не знает. У меня есть смутная надежда, что к тому времени я уже буду дома, у своих, в таком захудалом городе Режица, мимо которого идет поезд Москва – Рига – Берлин. Если б я знала, когда Вы поедете (если Вы поедете по этому пути), я бы вышла на станцию, а если б Вы на то согласились, проехала бы с Вами несколько станций, чтоб хоть на короткое время повидать Вас.

Сегодня высылается на Ваше имя телеграмма с сожалением об уходе Елены Константиновны⁵. Мы именно так поняли одну из последних фраз Вашей последней телеграммы, в которой, видимо, было пропущено два слова, – кто говорит, намеренно, кто – по ошибке телеграфа.

Всего хорошего, дорогой, милый Владимир Иванович. Надеюсь еще один раз успеть написать Вам из Чикаго. Во всяком случае, если будут какие-либо новости по предложению Геста относительно “Миракля” или вообще, если сегодня ночью позвонит Леонидов и сообщит что-нибудь интересное, – напишу тотчас же.

Ваша Ольга Бокшанская.

Да, еще одна новость дошла до нас третьего дня – печальная: умерла Дузе. Умерла одна, в отеле, на чужих руках, в чужом и неприятнейшем городе Америки – в Питтсбурге, где за две недели до смерти гастролировала с громадным успехом. Во время гастролей схватила инфлюэнцу, проболела две недели и не выжила. Известие пришло неожиданно, мы ничего не знали об ее болезни. Только за день до этого известия смеялись над заметкой в русской газете “о болезни известной певицы Элеоноры Дузе” и говорили, что хроникер перепутал все имена и вместо имени певицы поставил Дузе. Грустный конец.

Детройт, 30 апреля 1924 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я не писала Вам целую неделю и вот почему. В последние дни в Чикаго было множество всякого дела по составлению списков отъезжающих, по выполнению ряда заданий Л.Д., телефонировавшего нам довольно часто. С огорчением видя, что из Чикаго написать не удастся, я решила отправить Вам письмо тотчас же по приезде в Детройт. Но это оказалось невозможно, так как нет возможности в театре писать на машинке: все уборные имеют большие сквозные пролеты над дверьми, для вентиляции (окон нет, других способов вентиляции тоже нет), и не только стук пишущей машинки, но и повышенный разговор слышны на сцене. В первый же день мы попробовали начать заниматься в конторе, но прибежал Гремиславский и с ужасом сказал, что все слышно на сцене. А так как работы было чрезвычайно много, то мне пришлось отнести машинку домой и всю текущую работу делать у себя в комнате, в отеле. Первые два дня после приезда занимались театральными делами, а сегодня наконец после утреннего спектакля могу начать это письмо к Вам. Писать могу только час, так как связана уходом в театр на вечерний спектакль, “Карамазовы”. Здесь у нас произошло изменение того репертуара, который был намечен еще в начале поездки и который я Вам писала. Сейчас репертуар такой:

Воскресенье 27 апр. (день приезда) “Федор” 1 746

Понедельник 28 апр. “Вишневый сад” 1 500

Вторник 29 апр. “На дне” 2 000

Среда 30 апр. днем “Федор” 900

веч. “Карамазовы”

Четверг 1 мая “Вишневый сад”

Пятница 2 мая “Федор”

Суббота 3 мая днем “Вишневый сад”

веч. “На дне”.

Цифры, приведенные выше, сборы прошедших спектаклей.

Что же Вам сказать о нашей жизни? Неблагополучно в нашем доме, это ясно. Каждую минуту разыгрываются неприятности, ссоры, скандалы. В Чикаго перед утренником “Федора” Бакшеев заявил, что не начнет спектакля, если на сцену не выйдет Бертенсон и не объявит публике, что в программу вкралась опечатка и что роль Клешинина играет он, Бакшеев. И хотя такая манера оповещения публики здесь так же не принята, как и в нашем театре в Москве, Бертенсон это сделал, не знаю, почему: убоившись ли угроз Бакшеева или во избежание развития скандала. Конечно, свое требование Бакшеев высказал в исключительно резкой и грубой форме, с криками и хлопаньем дверей. Может быть, я сама себе врежу, что пишу Вам про такие мелкие и неприятные факты, но не могу не рассказать Вам всего характерного для наших настрое-

ний. Я так говорю потому, что сегодня, сидя рядом в уборной, Бакшеев все грозился, что “кому-то” устроит на прощанье хорошенький скандальчик, оттаскает за косы, за то, что все сообщается Вам. Я, конечно, прекрасно понимаю, на кого он намекает. Я все никак не могла понять, из-за чего эти угрозы и слова: “Умный человек Владимир Иванович, а вот слушает таких негодяев и бандитов”. Но потом узнала, что Бакшеев встретил здесь каких-то знакомых москвичей, и те ему рассказали, что Вы в Москве говорили о его нехорошем в поездке поведении. Тут-то он и рассердился на меня. Но это, конечно, вздор и мелочи. Единственное, что для меня было отрадного в его разговорах, то, что он как будто не собирается в Москву, несмотря на предложенную ему в “Драме жизни” роль¹. И едва ли об этом можно очень горевать. Вы себе представить не можете, милый Владимир Иванович, до чего зазнался этот человек.

Представьте себе, Владимир Иванович, до сих пор еще ни с кем из перечисленных Вами лиц никто не говорил относительно дальнейшего. К.С. все оттягивал этот разговор в Чикаго. Потом было предположение, что с ними переговоят в вагоне по пути в Детройт. Но мы ехали в Пасхальную ночь, и К.С. не хотел причинить такое огорчение людям в праздник. Потом приехали... размещались... открыли гастролы... И все никак не собраться. Наконец сегодня было сказано, чтобы на завтра вызвать к К.С. Булгаковых². И только. На вопрос же “как с остальными?” К.С. ответил, что с Успенской он на что-то намекнул, и вообще... а что вообще – не понятно. Думаю я, что не только содержание Ваших фраз относительно некоторых лиц, но даже весь текст телеграммы прекрасно известны всем. Ведь у нас секрет никак не может продержаться. И замечательнее всего, что при обсуждении, как поднести отпускаемым соображения Москвы, решено было солгать, что будто бы получена от Вас дополнительная телеграмма со списком ненужных лиц, но К.С.-чу пришлось сознаться, что он не удержался и сказал кому-то из молодежи, что эти соображения о ненужности некоторых высказаны Вами в той телеграмме, сокращенный текст которой все читали. Тут пришлось отказаться от придуманной лжи и решить действовать напрямик. К.С. предлагал, чтоб все намеченные были распределены между несколькими лицами, т.е. между ним, Москвиным, Лужским. И каждый будет говорить с теми, кто ему достанется. Но и Москвин, и Лужский отказались вести такой разговор с актерами. Лужский предлагал все сделать в письменной форме, причем для каждого отдельного лица придумать свою форму письма. Но это предложение не одобрено было К.С.-чем. И вот в таких обсуждениях и перекладывании всяких обстоятельств и причин проходили дни. Думаю, что все всё заранее уже знают, но настоящих переговоров и решений не будет.

О Москве у нас теперь думают все больше и больше, все чаще и чаще, но разговоры идут пока только об обстоятельствах обывательской жизни и домашнего уклада. О театре, о репертуаре, о будущей работе пока ни одного разговора не слышала, или, во всяком случае, очень мало, и, конечно, только от “стариков”.

Наши здешние дела пока стоят на той же точке. Т.е. после Детройта мы едем в Нью-Йорк и там играем одну неделю. Репертуар я Вам писала. Играем не в Джолсонс-театре, а в "Империял", на 45-й улице, т.е. в районе всех театров. Гастроли кончаем 10 мая. Пароход же "Мажестик", на котором отплываем, уходит 17-го. За эту неделю Качалов и Москвин рассчитывают сделать свои концерты, чтобы немного заработать. У Качалова даже будет концерт еще до конца наших гастролей, кажется, 3 или 4 мая, или два концерта в оба эти дня.

Л.Д. получил целый ряд предложений на продление наших гастролей, на поездку в Канаду с "Дядей Ваней" и концертом. Но так как все предложения исходят не от Геста, от других предпринимателей, Гест на них не дает разрешения и во всех этих делах отвечает одно: "Принимайте предложения, но я не дам обратной дороги". И мы настолько в этом смысле зависим от него, что приходится от всего отказываться. Гест и сам предлагает несколько своих комбинаций относительно спектаклей в течение 10–17 мая, но пока все эти предложения, по мнению Л.Д., неприемлемы. Это – сыграть три спектакля за свой страх и риск, при каких-то денежных взаимоотношениях с Гестом; или сыграть какие-либо спектакли совместно с Балиевым и его театром. Есть еще предложение от здешней влиятельной еврейской газеты "Форвертс" (нью-йоркской). Они хотят купить у нас три спектакля (14, 15, 16 мая). Гест пока про это предложение не знает и неизвестно, как он к нему отнесется. Но если он запросит какую-то часть с продажной цены, то это может оказаться нам совсем не выгодным и придется отказаться и от этого предложения. Старики хотели устроить прощальный концерт, но Гест не дает разрешения. Словом, он над нами взял страшную власть, сам нам не дает ничего для нас самих сделать, и другим не позволяет нас приглашать. Л.Д. говорит, что он все время безумно злится и до того неприятно иметь с ним дела, что Л.Д. приходится постоянно держать себя в руках, чтобы не учинить страшный скандал.

Относительно "Миракля" до сих пор ничего определенного не решено. Москвин отказался наотрез. Тогда Л.Д., по просьбе Геста, умолял Москвина сыграть предлагаемую роль только три раза, причем предлагал Москвину самому назначить себе вознаграждение. Но и на этот раз Москвин ответил категорическим отказом. Сейчас, как мне кажется, Л.Д. старается устроить Бакшеева на роль Москвина. Пожелание Качалова о плате ему в 400 долларов пока не уважено; возможно, что Гест и не даст ему этой суммы, но на чем-нибудь они с Вас. Ив-ем сойдутся. Также окончательно не разрешены переговоры Л.Д. с Гестом относительно Тарасовой и двух-трех молодых, которых Л.Д. тоже старается устроить в "Миракль".

Злобу Геста не умиротворило даже то обстоятельство, что мы в Чикаго в последнюю неделю сделали свыше 20 000 валового и что в прибыль очистилось больше трех тысяч.

Хотелось бы еще написать Вам о тех чествованиях, которые устраивались в Чикаго, но придется, из-за боязни опоздать на спектакль,

написать об этом вкратце. Чикагское общество (не американское, но преимущественно русско-еврейское) было невероятно внимательно к нашим. Банкеты шли почти непрерывно и чередовались со всякими частными празднествами, прогулками, обедами и ужинами. На последнем спектакле было трогательнейшее прощание. Сцену буквально засыпали цветами, летевшими из зрительного зала. Около театра, в вестибюле отеля, где жили все наши, стояла толпа, сквозь которую трудно было пробиться. Масса народу поехала на вокзал провожать нас, но там оставались недолго, т.к. сбор на вокзале был назначен в 12 час. (как раз в Пасхальную ночь), а поезд отходил только в половине второго. Привезли много подарков, еды и питья многим артистам, словом, всячески доказывали и показывали свое любовное отношение к членам МХТ

Сейчас у нас самым злободневным вопросом является вопрос отъезда и местопребывания летом. Некоторые из наших получили приглашение к знакомым в Америке провести у них летние месяцы, но обеспокоены тем, кем и как будут отправлены потом в Москву. А Гест твердит, что он ничего знать не хочет, пусть едут все 17-го. Если же не хотят, то он денег наличностью на дорогу не даст и пусть все остающиеся отправляются за свой счет. У нас же с напором Геста не считаются и видят в этом напор со стороны нашей дирекции и администрации. Поэтому нервы у всех взвинчены до крайней степени и то и дело надо ждать скандалов и неприятностей. Мне даже не верится, что может настать такое время, когда я очущусь одна и два месяца или полтора буду свободна от всяких приставаний, ненужных обвинений, несправедливых упреков и невыполнимых требований.

Как жаль, дорогой Владимир Иванович, что нужно идти в театр. Хотелось бы Вам писать долго и подробно. Но раз теперь машинка у меня дома, то я надеюсь, что смогу еще написать на этой же неделе.

Завтра весь наш театр отправляется на завод Форда для его осмотра. Неужели тамшня администрация не догадается поднести театру один автомобиль? Боюсь, что не догадается.

Всего хорошего, дорогой и милый Владимир Иванович, надо бежать. Будьте здоровы, не забывайте меня.

Ваша Ольга Бокшанская

95.

Нью-Йорк, 9 мая 1924 года

Про нашу теперешнюю жизнь, милый Владимир Иванович, можно сказать только одно: сумасшедший дом. Описать более или менее связно все то, что у нас происходит, нет никакой физической возможности. При этом для письма обстановка тоже мало подходящая: все время прерывают, все время приходится то что-

то написать, то кому-то что-либо объяснить, то к кому-то спешить из нашего четвертого в нижний этаж. Такой кавардак начался в последние дни Детройта и продолжается непрерывно, усиливаясь с каждым днем.

Писала ли я Вам, что нам непременно надо было решить вопрос отъезда из Америки и что мы никак не могли его решить, так как многие лица не соглашались ответить, едут они в Москву, в Европу или остаются здесь. Л.Д. из Нью-Йорка ежевечерне запрашивал нас по телефону, где же список уезжающих, а мы никак не имели возможности дать ему исчерпывающие сведения. При этом все переговоры с той частью труппы, которая предполагала здесь остаться, были всегда чрезвычайно неприятного оттенка, ибо это все те, кто упомянут в Вашей телеграмме как ненужный, те, кто считает себя обиженным, обойденным и потому имеющим право требовать, скандалить и кричать.

По прибытии в Нью-Йорк мы тотчас же отправились в контору “Уайт Стар Лайн”, где обнаружилось, что, из-за неподачи нужных сведений в срок, нам оставлено весьма малое количество кабин, все кабины, за исключением одной, без окон, внутренние, на довольно низкой палубе. Все лучшее уже разобрано; кстати сказать, “Летучая мышь”, отправляющаяся на том же “Мажестике” 17 мая, подала все сведения вовремя и, конечно, устроена по сравнению с нами великолепно. А у нас, т.е. для нас, намечен план посадить в каждую каюту именно то количество, которое в ней должно сидеть. До сих же пор мы ездили так, что трех- и четырехместные каюты предоставлялись только двум пассажирам, а двойные – одному. Теперь же нам предложили четырехместные каюты для четырех лиц. Вы себе представляете, как в такой тесной комнатке поедут Вишневецкий, Грибунин, Александров и Подгорный? Или, как было намечено в “Уайт Стар”, Коренева, Раевская, Рипси и я? Причем Раевская с отчаянием просит, чтоб ей не ездить с Кореновой, а Коренева вообще ни с кем не желает быть. Как окончательно разрешится вопрос кабин, еще неизвестно. Выяснится в ближайшее время.

Я начала это письмо во время утренника (“Карамазовы”), но, как видите, не успела много написать. Продолжаю, вернувшись к вечернему спектаклю (“Дядя Ваня”). У нас столько всяких внутренних, волнующих нас событий, что даже не знаю, с какого начать. Начну с дел Л.М.Леонидова. Еще в Чикаго он узнал, что в субботу 10 мая, в день нашего последнего спектакля, отходит утром пароход “Уайт Стар Лайн” “Гомерик”. А так как ему невтерпех сидеть здесь, до того он стремится к семье, то он решил освободиться от спектакля (“Вишневецкий сад”) в последний наш день в Нью-Йорке и устроить себе сепаратный отъезд. Для этого он написал Л.Д.Леонидову в Нью-Йорк письмо с просьбой достать ему место на “Гомерике”, а к Подгорному пристал с просьбой отпустить его от спектакля 10 мая. Ко времени нашего приезда в Нью-Йорк дело его было почти совсем налажено. Но некоторые из наших стариков – Грибунин, Вишневецкий и Бурджалов, – узнав о таком желании Л.М.,

сначала через Подгорного, а потом и сами лично передали К.С.-чу, что протестуют против такого сепаратного отъезда. К.С. ввиду этого протеста предложил передать вопрос на рассмотрение пайщиков, заявив, что сам не отпускает Леонидова раньше всех остальных членов труппы. На основании этого Л.Д.Леонидов не решился подписать какую-то бумагу, необходимую Леониду Мироновичу для выезда, так как вышло бы, что он своей подписью как бы отпустил его уехать на “Гомерике”. Когда Л.М. все это узнал, он буквально взбесился, ворвался в уборную, где были Лужский и Подгорный, кричал несосветимые слова таким голосом, что был слышен вопль во всех соседних этажах, грозился, хватил об пол портсигаром, словом, устроил форменный скандал. В конце концов он просил Подгорного пойти к К.С. и окончательно выяснить, что им решено. Хотел ждать возвращения Подгорного от К.С., но потом почему-то ушел. Все это разыгралось к концу и после конца спектакля в среду (“Иванов”). К.С. Подгорному снова подтвердил, что раз есть наличие протеста, он один решать этого вопроса не может и предлагает передать на усмотрение общего собрания, лично же сам не видит причин отпустить Л.М. раньше других. Как раз на следующее утро Л.М. должен был идти с Давыдычем окончательно устроить отъезд. Утром он телефонировал Давыдычу и, узнав о решении, просил передать, что он остается, раз ему товарищи устроили такую штуку, но что больше играть не станет, последний раз сыграет в пятницу днем “Карамазовых” и больше – ни за что, хоть в театре спектакль сорвется из-за этого. Сегодня как раз и были эти последние “Карамазовы”. Не знаю, как он себя держал в первой картине, но в “Мокром” было следующее. Перед поднятием занавеса он пришел на сцену и стал говорить Тарасовой: “Вот не еду, не пустили, из-за “товарищей” не еду...” и началась брань по адресу товарищей. А Вишневский и Бурджалов тут же на сцене. Потом Георг. Серг. говорил, что стоило громадных усилий сдержаться и не отвечать, чтоб не начать скандала перед самой картиной. Когда дали занавес и Митя – Леонидов вбежал на сцену, он стал играть таким образом: вообще все слова просто проговаривал, чтобы только скорее сказать; но все то, что имело по смыслу какое-то отношение к его отъезду, он подчеркивал так, чтоб было понятно актерам, на что он намекает. С хохотом говорил: “Я тоже еду, тоже еду” – и все в таком роде. В ссоре с панами у него есть фраза: “Дурачье же вы, панове!” А он посмотрел на Бурджалова и Вишневского и сказал со злобой: “Дурачье!”, помолчал и снова “Дурачье!” Те так растерялись, что не сразу вспомнили ответные реплики. Потом, когда он должен был, после слов Вишневского – Врублевского: “Публична шельма!”, – броситься и вытолкать его со сцены, он этого вовсе не сделал и после восклицания Вишневского продолжал стоять бесстрастно на сцене, не подходя к Вишн. Тот растерялся, все на сцене тоже. Произошла заминка, после которой Вишневский снова крикнул Грушеньке: “Публична шельма!” Тогда Л.М. совершенно безучастно подошел к нему и увел его прочь. Всем актерам было страшно

тяжело все это настроение. Тарасова волновалась до того, что в монологе перед “Плясать хочу!” расплакалась. Слезы так и катились по ее щекам, еле слова выговаривала из-за спазмы в горле.

Тут надо еще прибавить, что сегодня у нас вышла самая неожиданная замена в “Карамазовых”. Заболел Грибунин, играющий Григория в первой картине. Его заменил Подгорный. И вот, когда Л.М. узнал, что Грибунин болен и что, стало быть, ему, может быть, придется завтра играть в последнем “Вишневом саду” Лопахина, так как назначенный на Лопахина Бакшеев при такой комбинации должен играть Пищика, он тотчас же подошел к Подгорному и заявил, что сегодня, после “Карамазовых” уезжает на дачу, пробудет там до среды и ни в каких спектаклях театра принимать участия не будет ни в коем случае, даже если сорвется спектакль.

Вот одна неприятная история последних дней. А вот другая. Когда заболел Грибунин и в театре узнали об этом, Вас. Вас. просил Бакшеева сыграть роль старика Григория в “Карамазовых”. Бакшеев разразился громадной речью о том, что он столько делал для театра, а театр так мало сделал для него, что и он больше не желает никак идти навстречу театру. Словом, упреки и попреки лились без конца, но в конце концов он как будто решил выручить театр. Но тут он подошел к Подгорному и стал спрашивать о всяких финансовых делах, т.е. какова будет оплата последних дней, когда он получит деньги, сколько он получит за участие в нашем последнем прощальном концерте (об этом сейчас напишу подробно). Получив на все ответы, видимо, не удовлетворившие его, он подошел к Лужскому и заявил, что Григория играть не станет. И ушел. Григория сыграл Подгорный и хорошо справился со своей задачей. Кончив роль, он переменился на судебного следователя. В деле участия Бакшеева в “Карамазовых” есть и еще один факт, который едва ли может хорошо рекомендовать его. Еще прошлым летом было решено, что, когда Митю играть будет Л.М., Бакшеев будет приходить на последнюю картину суда и сидеть защитником. Но так как он считает себя оскорбленным тем, что ему не дали играть Митю столько, сколько он хотел, что К.С. обругал его за эту роль (я Вам писала когда-то о том, как К.С. неожиданно пришел на “Карамазовых”), так как из-за этой роли у него произошли неприятности с Л.М. Леонидовым, то он не хочет ходить и на выход в последней картине. Когда здесь Рипси вывесила на доске объявлений об очередях, где значилось: “Защитник – Бакшеев”, – через день фамилия Бакшеева была зачеркнута карандашом. Рипси написала другое объявление и вывесила. На следующий день снова строка с фамилией Бакшеева была зачеркнута. Не знаем, кто этим делом занимается, но думаем, что, вероятно, сам Бакшеев.

Вы не можете себе представить, до какой распушенности дошли у нас. Мне неприятно писать Вам о таких отвратительных вещах, но, вероятно, это до Вас дойдет еще до моего письма. Я говорю о грубой ссоре и драке на последнем спектакле “Дна” в Детройте, где сцепились Добронравов и Булгаков.

Началось все с озорства. Булгаков – Алешка в народной сцене третьего акта решил позлить Добронравова – Медведева. Когда он за-свистел в сорванный у городского свисток и Добронравов кинулся к нему, он решил не бегать от него, а стоять на месте. Тогда Добронравову нечего делать, он растерялся, он не знает, как уйти со сцены. Он начинает толкать Алешку, а тот говорит: “Все равно не побегу. Хочешь, парик с тебя сдеру”. И хватает того за голову, начинается борьба. Борясь, они убралась наконец за кулисы, где начали переругиваться. После конца акта продолжалось переругивание все время, пока расходились по уборным. А оба они сидят в одной уборной, в том же этаже, где помещались дамы, наша контора, уборная Ершова, Бакшеева. Вдруг мы слышим дикий крик, ругань, возню, удары, шум от падения какого-то предмета. Все бросились туда. Там свалка. Добронравов с перекосившимся лицом грозит Булгакову. (Это он стулом на него замахнулся, и шум был от упавшего стула.) Их стараются разнять. Прибежали актеры и снизу, из нижних уборных. Женщины истерически кричат. Варя Булгакова хочет оттащить мужа. Наконец разняли. Разошлись по комнатам. Через две минуты снова крик, снова драка. Тогда наконец удалось их не только разнять, но утащить Булгакова в другую комнату. Когда драчуны немного отошли и опомнились, то они испугались и своего поступка, и того впечатления, какое произвел этот случай на всех. Булгаков было пошел к Москвину, но тот ему отрезал: “Хамом был, хамом и остался”, и он ни с чем ушел. Видят, дело принимает плохой оборот. И потому решили распространить, что все это была шутка, заранее ими придуманная, что они хотели разыграть нас всех. Но едва ли нашелся бы в театре один человек, который мог бы поверить им. Для всех очевидцев ясно, что им тогда не до шуток и не до розыгрышей было. Боже мой, как было стыдно за то, что у нас могло произойти что-либо подобное. А тут как раз началось последнее действие, после него – овации, масса цветов, восторженные речи, восторги и поклонение театру. Кому бы из всех этих горячих поклонников могло прийти в голову, что только что произошло за кулисами.

Об этой истории старики почему-то решили не говорить К.С-чу (Сатина играл Подгорный). Но, конечно, скрыть нельзя было. На следующее утро в вагоне по пути в Нью-Йорк Вишневский не выдержал и начал с К.С. приблизительно такой разговор: “Ах, какие у нас хамы, всех их гнать надо. Ну, хотя бы вчерашняя история. Вам о ней, конечно, не надо говорить, мы все решили, что от вас лучше скрыть. Но ведь это ужасно, что у нас за кулисами драка, ругань... Ну, да вы об этом не знаете... и лучше, что не знаете... но я скажу, Добронравов это такой хам... и я всегда говорил... но зачем же драться, бить товарища...” От всех этих “тонких намеков” К.С-чу стало страшно, и он стал расспрашивать, что было вчера вечером. Когда узнал, просил, чтоб Вам обо всем этом было написано подробно. И сегодня, когда он узнал про все бакшеевские и леонидовские истории, он меня просил, чтоб я Вам обо всем написала,

и что он сам это письмо подпишет, чтоб это не шло от меня, а именно от него. И чтоб Вы непременно знали, с какими людьми приходится иметь дело, чтоб Вы непременно поняли, что их надо всех гнать, иначе нельзя верить в создание прекрасного театра, о котором мечтаете и Вы, и он сам. Но я обо всем этом и так решила написать Вам, и думаю, что попросту отправлю Вам это письмо от себя, потому что К.С. так занят, что задержит отправку его, ведь ему надо будет перечесть и все выправить, если я не так выразила его мысль, то, что он хотел Вам высказать.

Теперь о нашем прощальном концерте. Старики все хотели, чтобы на последней неделе, когда у нас нет спектаклей, сделать какой-либо вечер или спектакль, сбор от которого пошел бы в их пользу, т.е. несколько уменьшил бы их отчисления из дивиденда. Об этом велись длинные переговоры с Л.Д. еще из Чикаго и Детройта. О них я Вам, кажется, писала. Гест предлагал всякие комбинации, но они были мало приемлемы. И вместе с тем наши тоже не совсем твердо знали, чего им хочется. Были всякие разговоры и предложения – от серьезных до самых детски-наивных. Говорили о том, чтобы снять большой оперный театр, говорили о том, чтобы устроить небольшой вечер в помещении какой-то знакомой богатой американки, вместе с ужином, говорили об устройстве какого-то прощального чая для представителей американской печати... Все это встречало неизменный отпор Геста. Потом – вопрос программы, которая у нас скучна, мертва, неинтересна... Кончилось дело тем, что Гест предоставил нам тот же театр, в котором мы и сейчас играем, в понедельник 12 мая. Объявлен прощальный бенефис труппы, сбор которого поступит в пользу труппы.

В программе:

“На чистом воздухе” – Москвин и Добронравов

“Мокрое” – вся сцена. Митя – Бакшеев

Рассказы Чехова в исполнении Ольги Леонардовны

Монолог Гарабурды – Василий Иванович

Монологи Брута и Антония – К.С. и Качалов

“Предложение” – Лужский и Булгаковы

Чеховские миниатюры – Москвин и Грибунин.

У нас, в нашей внутренней жизни, вероятно, этот концерт и то обстоятельство, что на афише указано, что весь сбор с концерта поступает в пользу труппы, вызовет много нажимов и неприятных разговоров. Некоторые из наших молодых находят, что, конечно, весь сбор следует разделить между всеми. При этом совершенно забывают, что старики давно уже не получали полного жалования. Другие же находят, что за участие в концерте все не пайщики должны получить какие-то разовые. Вопрос об оплате участников концерта был первый, который поставили Лужскому Тарасова и Булгакова, когда он с ними заговорил о программе и об их участии. Старики предполагают заплатить всем их дневной заработок. В остальные же дни до отхода парохода мы будем оплачены все одинаково, по пяти долларов в день.

Тут еще выплывает одно денежное дело, которое, вероятно, кончится большим скандалом. Дело в том, что с первой же недели у каждого из жалованья было решено вычитать по четыре процента для того, чтобы в конце сезона уплатить за каждого подоходный налог. Но некоторые из наших постепенно приобрели всякие полезные знакомства, благодаря которым стали надеяться, что их освободят от платежа налога. Поэтому они стали приставать, чтобы с них вычетов не делали, но правлению не хотелось нарушать правило. Поэтому всем было сказано, что деньги, вычтенные из жалованья, будут лежать до конца сезона в кассе театра и будут по окончании сезона выданы на руки тем, кто даст обещание заплатить налог без помощи театра. Теперь же выплыло следующее. Довольно давно, Вы знаете когда, мы получили телеграмму относительно платежа в Помгол 5% с выплачиваемой заработной платы. Тогда по этому поводу реально ничего не решили, теперь же почти все наше правление пришло к тому заключению, что эти 5% должны заплатить все, каждый по пяти процентов. Но так как сейчас ни с кого ни гроша получить нет возможности, то решили задержать выдачу на руки налоговых денег и заявить всем следующее: до нашего приезда в Москву нельзя выяснить, кого имел в виду Помгол, назначая взнос за спектакли в Америке по 5% с платежной ведомости. Если Помгол хотел таким образом обложить всех участников поездки, то часть этого взноса будет погашена остающимися после уплаты налога деньгами. Если же окажется, что эти изменения условия с Помголом касаются только товарищества МХТ, то деньги эти будут в Москве возвращены. Это еще не решение, но предположение, что так надо решить. Никто из наших об этом пока не знает. И я могу себе представить, какая буря поднимется, когда узнают, что разницу между вычитавшимися деньгами и действительно выплаченным налогом на руки не выдадут и повезут в Москву. Ведь все на эти деньги рассчитывают, все уверены, что они будут вручены каждому по окончании поездки. Уж столько народу подходило ко мне с вопросом, когда можно получить деньги, а я все должна отвечать, что не знаю, жду распоряжения. Думаю, что будет с этими деньгами и с этим толкованием телеграммы большой скандал. Ведь никто из отдельных актеров никаким образом не входил в рассмотрение взаимоотношений театра и Помгола, никто иначе и не думал, что он едет на фиксированное жалованье, за которое он должен платить в Америке налог, но не больше.

Вот довольно бестолково изложенные события наших дней. Если б я могла перечесть, сколько раз за вечер я вынула письмо из машинки и снова вставила его. Если б я могла перечесть, сколько раз стучались и входили в нашу контору свои и чужие. Начала письмо я еще задолго до начала спектакля, а сейчас, вероятно, полчаса тому назад кончился "Дядя Ваня".

Сборы наши в Детройте были довольно хороши, настолько хороши, что мы покрыли весь убыток, какой был до сих пор по нашей поездке, и даже сделали долларов семьсот прибыли. Вероятно, и за эту неделю у нас будет некоторая прибыль, так как за все до сих пор бывшие

спектакли мы не взяли ни разу меньше 1 300, а сегодня, напр., вечером было свыше двух тысяч. Завтра тоже, вероятно, будут настоящие прекрасные сборы. Стало быть, Гест по нашим гастролям понес убытку: те десять тысяч, которые он нам дал на декорации и которые должны были покрыться первыми десятью тысячами прибыли, и дорога в Америку и обратно до Шербурга. Убыток, конечно, не маленький и особенно его изводящий теперь, когда и “Миракль” перестал делать нужные сборы.

С “Мираклем” дело так: Тарасова осталась у него на 6–12 недель, на оклад 125 дол. Качалов не сговорился. Был приглашен и даже окончательно сговорился Бакшеев на ту роль, которую предлагали Москвину, но потом убоялся роли, убоялся своей беспомощности и отказался.

Голова у меня болела с утра, можете представить, каково мне сейчас.

Вышла книга К.С. Очень хорошо изданный большой том. К.С. страшно рад, что кончились его заботы о книге. Его тяготила эта работа к сроку. У него есть ряд предложений по составлению новых книг.

Примите сердечный нежный привет. Боже мой, когда же придет день, когда мы будем в Москве.

О.Бокшанская

96.

Париж, 28 мая 1924 года

Дорогой и милый, милый Владимир Иванович!

Я просила Перетту Александровну рассказать Вам, как страшно много пришлось всем нам, а значит, и мне, работать в последние нью-йоркские дни и на пароходе¹. Со времени нашего последнего спектакля я каждый день хотела Вам написать, но днем не было ни одной свободной минутки из-за поездок в “Уайт Стар Лейн” по делам отъезда и в разные консульства по визам. А вечером мы все должны были собираться в одной из уборных того театра, в котором мы играли в последний раз в Нью-Йорке (не прежний наш Ол Джолсонс, а Империял-театр). Туда приходили все и выясняли свои дела. Выяснения часто бывали настолько бурны, что работать приходилось среди криков и скандалов. Об этом, вероятно, Вам тоже расскажут по приезде в Москву. Единственная мысль, которая меня поддерживала во все эти отвратительные дни, была та, что надо еще совсем немного перестрадать, переждать, и все наконец кончится, все расстанемся до Москвы. А в Москве, конечно, такие манеры совершенно немислимы, сами люди не позволят себе вести себя так, как вели себя в Америке. Я думаю, что о той распущенности, какая была в поездке, у Вас и представления быть не может. Атмосфера была настолько нервна, потребность к крику и скандалам так велика, что были забыты все приличия. Не хочется об этом ни писать, ни говорить.

Прощальный наш спектакль в Нью-Йорке (вечерний в субботу “Вишневый сад”) был необыкновенно сердечен по отношению публики. Но, конечно, зал еще не прощался с нами, так как почти все те же зрители пришли на наш бенефис – концерт в понедельник после закрытия сезона, о котором я Вам писала в последнем письме. Этот вечер имел совершенно небывалый успех. Проданы были все места, какие были только в зале, и в день концерта нигде в Нью-Йорке нельзя было получить билета на этот спектакль. После конца программы, все номера которого прошли с колоссальным успехом, занавес был поднят, на сцене стояла вся труппа, была подана грудa цветов. В зале все стояли и бешено аплодировали. К.С. говорил дважды: по-французски и по-русски, говорил Морис Гест, сказала несколько слов по-английски Ольга Леонардовна. Овации длились страшно долго, а после в последний раз опущенного занавеса на сцену пришли все друзья артистов и театра и прощались со всеми. Думаю, что до часу ночи в театре был народ. Не знаю точно, так как пришлось нам подняться в контору и начать укладку конторских ящиков. Мы просидели в театре до трех ночи, и, когда вышли из своей комнаты, никого уже не было. И потом началась эта безумная неделя. Казалось, что избавление и отдых придут только на пароходе. Но и тут мы ошиблись. Удалось полежать только в первый день, а со второго началась работа у всей администрации. К.С. потребовал представления материального отчета за весь истекший сезон. А так как Румянцев остался в Америке с тем, чтобы уехать на специальном пароходе в Италию, то всю эту работу пришлось сделать Ник. Аф-чу и мне. Тем временем Рипси разрывалась по устройству всех багажных дел, с которыми произошла путаница при погрузке чемоданов и корзин. Сдавал их в “Уайт Стар Лейн” оставшийся в Нью-Йорке наш служащий Суходрев. И конечно, многое сделал при сдаче багажа неправильно. И начались новости: то чей-то багаж сдан в Шербург, хотя должен идти в Саутгемптон и на Москву. То чей-то предназначенный в Париж сундук отправлен с отправляемым в Москву. Ко всему этому прибавилось самое страшное: заявление администрации “Мажестика”, что едущие в Москву не имеют права ехать в Англию, не имея английских виз. (Все эти мытарства Вам расскажут приехавшие наши, но о всей работе, какую пришлось проделать, они едва ли смогут сказать хоть несколько добрых слов, потому что кроме упреков и неудовольствий ничего услышать нам не пришлось.) А тут еще заботы о сидящей в Париже семье Александрова, которую тоже отказывались пропустить в Англию. Волнение Ник. Григорьевича, составление телеграмм всем нужным людям, ожидание ответов от них – с ума можно было сойти!

Наряду с этим – денежные заботы: обойдемся ли при возвращении с имеющейся наличностью; и постоянные обращения в дирекцию с ходатайствами о выдаче авансов в долг. Можете себе представить наш переезд?!

Кроме всех театральных дел, я должна была еще заниматься книгой К.С., которая должна была быть в законченном виде (русский текст)

до приезда в Европу. Счастлив мой Бог, что переезд через океан был так спокоен в этот раз; если б была качка и пришлось бы лежать, не представляю себе, как можно было бы справиться со всеми делами.

В Париже, конечно, дни полетели бешеным темпом. Город переполнен, в знакомых отелях ни одной свободной комнаты. Значит, пришлось остановиться на время, с надеждой переехать в другой отель со временем. Бегодня по делам театра, бегодня по своим собственным делам. И кажется, ни одной минутки радости. Целый день, ночью – тревога, тоска. Хочется домой, хочется в Москву... В начале июня я рассчитываю выехать сначала к родным, в Латвию, в городок Режицу, где мой папа управляет отделением Рижского коммерческого банка. Там проживу до конца июля или 1-го августа, когда выеду в Москву. Я Вам писала, милый Владимир Иванович, что, вероятно, когда Вы поедете за границу на отдых и проедете через Себеж – Режицу в Ригу, я уже буду у своих. Если б я могла увидеть Вас на этом пути. Вы, конечно, знаете, что я буду выходить на станцию каждый день и с ожиданием смотреть в окна едущих из Москвы в Ригу вагонов. Если бы я могла увидеть Вас! Можете ли Вы себе представить, как я хочу Вас видеть, милый, милый Владимир Иванович!

В Париже сейчас сезон в разгаре. Театры работают, так как громадный съезд: Олимпийские игры. На всех окнах магазинов вывески: *инглиш спокен*¹. На всех улицах – английская речь. Цены поднялись очень заметно, и на все недоумения один ответ: “жé олимпик”. Париж красив, изумителен. Каштаны отцвели, зелень уже густая и темно-зеленая. Очень тепло. Стоят солнечные дни.

Я еще нигде в театрах не была, пока все время уходит на устройство дел и на встречи со знакомыми, большей частью своими же театральными. В “Опера” с начала июня будут показаны “Борис Годунов” и “Хованщина” с Шаляпиным. В Театре Елисейских Полей со дня нашего приезда начались гастроли Дягилевского балета с Шоллар, Нижинской и другими знакомыми из Мариинского театра.

Только сейчас чувствуешь, насколько устали нервы после американского сезона: началась апатия, безразличие ко всему. Готова ныть целый день: домой хочу. Как только получу из лондонского представительства мой паспорт, отданный туда Л.Д.Леонидовым для пролонгации, как только устрою визы, тотчас же выеду. Прискучило это бездомное скитание, хочется почувствовать себя дома, в семье, кому-то нужной, любимой не за подарок, не за любезность, а просто так, родной и любимой. Хочу домой. Хочу в Москву.

Застанет ли Вас это письмо, дорогой, чудесный Владимир Иванович? Или Вы уедете из Москвы раньше и будете думать про меня: “Конечно, закружилась в Париже, не до писем стало”. И подумаете про меня плохо-плохо. Лучше не думайте обо мне плохо, милый Владимир Иванович, встретьте меня хорошо, радушно. Я буду работать для Вас от всего сердца и все свои помыслы отдам Вам и Театру.

Ваша Ольга Бокшанская

1 От англ. *english spoken* – у нас говорят по-английски.

Париж, 9 июня 1924 года

Милый, дорогой, милый Владимир Иванович!

Из каких-то разговоров, дошедших до нас в виде частных слухов, узнали мы, что Вы выедете из Москвы только в конце июня. А я не писала Вам только потому, что думала, что Вы совсем на отлете и можете не получить моего письма. Сейчас за границу прибыло уже несколько артистов, бывших в курсе московских постановок и предположений, и потому мы слышали, что “Кармен” должна быть показана в начале июня, что сезон закрывается в середине июня и т.д.

Мы здесь до сих пор не можем разделаться со всякими делами. То, что нас интересует больше всего, это отъезд в Москву в конце июля. С первых же дней приезда сюда мы стали ходить по различным транспортным и пароходным обществам для того, чтобы узнать, как можно отсюда проследовать в Либаву, Ригу или Ленинград. И сразу мы наткнулись на полную неосведомленность, на полное желание быть неосведомленными и на то, что вообще сношений с указанными портами почти нет. Все наши предположения, что мы очень просто и несложно съедем в Гавре или в Дюнкерке на пароход и отправимся в ближайшие к Москве порты, оказались неосуществимыми. А если решить отплыть на комбинированных пароходах, т.е. ехать в какой-либо порт Германии с тем, чтобы там пересесть на пароход, идущий в Либаву, Ригу или Ленинград, то тут сразу наталкиваешься на полную неосведомленность: существуют ли вообще такие возможности в германских портах, как часты отходы пароходов, и т.д. И как это ни дорого, вероятно, всем придется ехать железной дорогой через Берлин и Ригу. При этом былого прямого сообщения Париж – Рига не существует, и при таком пути придется иметь ряд пересадок. Что же касается багажа, то тут совсем плохо. Поезда и не могут взять сразу большого имущества, а у нас его много, так как мы связаны с театральными корзинами, оставшимися еще до поездки в Америку на хранении в здешних складах. А самое главное – по жел. дор. отправка багажа страшно, безумно дорога. Отправить же имущество на пароходе, а самим поехать поездом – страшно. Застраховать его – дорого. Вот тут и выбирай.

Леонид Давыдович, который сейчас сидит в Германии и возится с переправкой в Ленинград первого транспорта нашего казенного имущества, вероятно, мог бы нам сильно помочь во всех наших ходах и разговорах. Думаю, что с его приездом многое разрешится в ту или иную сторону. Ну ведь и он занятый человек и летом предполагает работать по устройству различных концертов в Западном крае. До отправки ли театрального имущества ему тогда? Мы ждем его сюда со дня на день и надеемся, что с его приездом многое выяснится.

Понемногу группа наших артистов, приехавших сюда, расплзается на отдых. Уехал Л.М.Леонидов с семьей в какую-то деревушку часах

в 12 езды от Парижа, но в каком направлении – не знаю. Говорил мне только, что там очень уединенно, очень тихо, скромно и дешево. Уехала на грязевые купанья Лид. Мих., куда-то в Пиренеи. Это чуть ли не единственные грязи во Франции, которые ей рекомендованы. Сегодня была от нее открытка, которую я не успела прочитать. Из содержания ее знаю только, что в той местности, куда она попала, Испания столь близка, что на следующей неделе там начинается бой быков. Мне даже завидно стало. Вишневецкие, по-моему, до сих пор в Медоне, где всю зиму прожила Любовь Александровна с детьми¹. Во всяком случае, еще недавно я их издали видела на парижской улице, стало быть, не уехали никуда. Мар. Петр. Николаева, кажется, решила провести отпуск в самом Париже, где ее прельщает красота и старина города. Ходит по музеям, сидит в парках и страшно довольна; радуется свободе, сознанию, что не надо никуда бежать на спектакль, на разборку театрального гардероба, на укладку музейных вещей; конечно, американская поездка была утомительна, и понятна радость от свободных дней. К.С. сегодня вечером уезжает в Шамони, в Савойю, где проведет лето вся его семья, куда даже позволили приехать Игорю. Там же будут и дочь с девочкой². Вероятно, вся семья приедет с ним, а Игоря придется оставить еще на зиму в Давосе, потому что он еще не выздоровел. Где-то в Париже проживают Бондыревы, но к нам не приходят, потому ничего о них не знаю. Как-то раз встретила семью Шевченков – Хмар, живущих где-то под Парижем. Под Парижем же, но совсем близко живут Гремиславские. Подгорные на этих днях собираются выехать куда-либо к Атлантическому океану. Туда же с ними поедет Рипси. Ей нельзя расставаться с Ник. Аф., потому что будет немало работы по отправке имущества и по возвращению части трупы в Москву. Евгения Мих. пока в Париже, хотела бы куда-либо уехать на отдых, но чувствует себя слабой, все время “температурит” и потому никуда из своего отельчика не двигается. Она чрезвычайно легкомысленна, желает во что бы то ни стало перенести бронхит на ноги. Выходит, дома не лежит, а сидит за пасьянсами или за книгой, даже на днях выехала в Театр комедии и вывезла меня и Рипси туда; на все мои уговоры быть осторожной и беречь себя не обращает никакого внимания. А я изнываю от того, что вовремя не попросила свою семью достать мне латвийскую визу. Теперь, когда я уже могла бы выехать на побывку к родным, я должна сидеть здесь и ждать, когда мне пришлют въездную визу в Режицу. Жду ее со дня на день, потому что, как ни прекрасен Париж, а надо из него уезжать по причине отсутствия денег и потому еще, что очень хочется в какую-то зеленую глушь, полежать на траве, посмотреть в небеса, подумать о всем виденном и о всем том, что еще увижу.

Вопрос, который нас всех очень интересует, это вопрос возвращения наших в Москву. От них не было ни с пути, ни из Москвы ни строчки. А так хотелось бы знать, благополучно ли доехали, никто не простудился ли в дороге, каково было море, каков был пароход, как

ехали от Риги, как волновались от близости Москвы, театра, кто и как встречал, как живут все наши театральные... Из обрывочных каких-то слухов дошло до нас, что Тархановы сидят в Риге³, дожидаясь визы в Россию. Нам страшно жаль бедных их, им так хотелось поскорее попасть в Москву, устроиться наконец оседло. Ник. Аф. давал телеграммы во все стороны, чтобы только облегчить их проезд, но, видимо, дело это настолько сложно, что требовало времени⁴.

Милый Владимир Иванович, как хочется скорей увидеть Вас, театр, Москву, родину... То, что приходится слышать о Москве, о театре, о работе, волнует своей серьезностью, увлекательностью, глубиной. Кажется, нет, не кажется, а созрела уверенность, убежденность, что настоящее, ценное, единственное – только там, только у Вас. Если б я могла быть хотя бы немного полезной Вам и Вашему делу.

Ваша Ольга Бокшанская

98.

Париж, 15/VI 1924

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Сегодня Вы приезжаете в Берлин. Если б Вы знали, как сильно я завидую всем, кто Вас увидит, с кем Вы будете говорить.

Из-за материальных соображений, играющих сейчас в моих делах чрезвычайно важную роль, я должна на днях поехать в Латвию пароходом, минуя Берлин. Но может случиться так, что пароход уйдет раньше, чем будут готовы все мои визы. И тогда мне придется, затронув деньги, отложенные для родителей, отправиться поездом. И хотя меня будут грызть всякие грустные чувства в отношении своих, все же радость увидеть Вас при остановке в Берлине затмит всякую грусть.

Сейчас в Париже я осталась почти одна. Вижу часто только Е.М.Раевскую, да иногда навещает меня живущий под Парижем В.А.Подгорный.

Кроме этих лиц не уехали еще отсюда Николаева, Жданова, Л.Д.Леонидов с женой, но их я вижу совсем редко. Жданова предполагает выехать одновременно со мной.

Подгорные и Рипси уехали тому назад дня 3–4. Поехали к океану, в Pornichet. Забрали с собой пишущую машинку, без которой мне приходится писать письма своими невозможными каракулями.

До последних дней пребывания их здесь мы были заняты приисканием парохода для отправки труппы и багажа отсюда в конце июля. Но здешние пароходные конторы на редкость неосведомленны, рейсы делаются очень неаккуратно. Вместе с тем повезти все имущество жел. дорогой стоит безумно дорого, невероятно дорого. Сейчас составить какой-либо план отъезда в Москву невозможно. Предположено было с К.С. так: приблизительно 5–10 июля, собрав и систематизировав все

полученные сведения, Ник. Аф. разошлет всем, чьи адреса ему известны, нечто вроде инструкции об отъезде. Думаю, что живущие на отдыхе здесь при отъезде в Москву разделятся на две группы: едущих морем и едущих жел. дорогой. При этом совершенно необходимо будет, чтоб Ник. Аф., следя за багажом, отправился морем; едущие же поездом отправятся налегке, подбросив свой тяжелый багаж Подгорному.

Я ужасно задержалась здесь из-за невозможности получить латвийскую въездную. визу. До того задержалась, что нервничаю страшно и даже Париж не радует и не бодрит. Хочу скорей к своим. Хочу побыть “дома”, в зелени, на полном отдыхе.

Я так мало знаю о “Кармен”¹. Знаю о большом успехе – только, но ничего о постановке.

Рассчитываю все же в конце недели выехать, если лондонское представительство не задержит высылку моего паспорта.

Л.Д., приехавший сюда после отправки наших в Москву, рассказал о нападках наших, особенно Москвина, на нас – администрацию – за дело Тарханова. Воображаю, что они Вам обо всем этом сказали в Москве. Обидно даже что-либо делать для этих людей, если получаешь в ответ такое отношение. Всего, что было сделано, не замечают, а только требуют невозможного и во всех случаях клянут и проклинают.

Если бы Вы только знали, милый Владимир Иванович, сколько разочарований в людях принесла триумфальная американская поездка.

Милый Владимир Иванович, так хотелось бы получить от Вас хоть несколько строк, узнать о Вас, о Москве, о Феде. Если Вам не будет очень трудно, напишите мне, пожалуйста, по адресу: S. Nuernberg, Rigescher Commerzbank Reshitza. Latvia. Где Вы будете летом? Можно ли Вам написать еще?

Сердечно кланяюсь и целую Екатерину Николаевну.

Можно мне поцеловать Вас?

Ваша Ольга Бокшанская

[1926]

99.

3 сентября 1926 года

Письмо первое

Милый Владимир Иванович!

Только, пожалуйста, не сердитесь на меня, что я все никак не налажу совсем аккуратной переписки с Вами. Очень я еще запуталась во всех делах и разговорах, и встречах в театре, где ко мне продолжает сохраняться интерес как к лицу, лучше всего осведомленному о Вас. К тому же до сих пор нет у меня своего определенного места, нет своего стола. В те часы, что Булгаков диктует мне свою пьесу¹, я пишу в уборной Соколовской, так как надо заниматься в такой комнате, где никто не мешает. Часть какой-то другой работы я тоже пишу там же. Когда же начинаю работать над разборкой сундука конторского (поездочного)², то отправляюсь в комнату правления. А три дня недавно просидела почти безвыходно в курилке рядом с верхним фойе, где стояли корзины с костюмами студии и где мы делали подробную опись всего имущества. Эта скачка с места на место тоже мешает сосредоточиться.

Третьего дня получила Ваше письмо из Дивон³. Одновременно с этим письмом пришли письма Ваши к В.В.Лужскому и А.А.Прокофьеву. А сегодня получены письма Ваши к Феде и Трушкину⁴. Феда Ваше письмо мне показал, и, конечно, я ему сказала: такое коротенькое письмо получить, это то же, что получить длинное, – столько хорошего, радостного для Феда там сказано.

В.В.Лужский просит Вам передать, что только нынче летом от меня он узнал, что Вам не были посланы, несмотря на его распоряжение, тексты пьес, репетировавшихся и прошедших нынче в МХАТ. Что эта ошибка в этом сезоне будет исправлена. В.В. собирается послать Вам на днях пьесу Леонида Леонова⁵ “Унтиловск”, которую он просит Вас прочесть и написать Ваше мнение. Это ему очень важно. Я слышала, что пьеса эта принята в МХАТ. Марков пьесу очень хвалит.

Завтра открытие сезона. Вчера была закрытая генеральная “Горячего сердца”, в костюмах без гримов. Я не смотрела, не хочу смотреть до спектакля. Сегодня такая же генеральная “Декабристов”. На нее я зашла на несколько минут.

Вчера подал в отставку П.А.Подобед. Об этом вчера говорили еще секретно, поэтому я не знаю, когда фактически он уходит, куда ушел. Дирекция прочит на его место М.Г.Комиссарова, который почему-то не

хочет соглашаться и настаивает на оставлении его секретарем дирекции. Секретарем дирекции или вр. и. д. секретаря предполагали назначить меня. Из-за этого происходит какая-то заминка. Меня уже давно, с неделю, терзает “директоры” (Юстинов, Лужский), что пора мне приниматься за свою работу, а не писать с Булгаковым, и пока я еще там работать не начала и, вероятно, перейду туда со вторника. Но все-таки не совсем я понимаю, что ж я там буду делать, если Комис. останется секретарем. Тогда при чем же тут я? Вас. Вас. имел со мной по этому поводу разговор, но я теперь так мало разбираюсь во всех сложных взаимоотношениях внутренних, что ничего не поняла и решила начать разбираться уже на месте, а не заранее.

Гальперина я до сих пор не видела. Т.е. видела его как-то давно. Думаю, что увижу его завтра на премьере, вернее, на открытии сезона, и тогда прочту ему Ваши строки⁶. Как это ни грустно, но, как мне передавали, он именно так и говорил везде, как это было напечатано, про Вас и студию. В этом, кажется, и студиёйцы достаточно виноваты: кто-то все-таки информировал его в этом роде. Однако, как мне рассказали (вся эта история произошла до моего приезда), студия потребовала от него объяснений, и он напечатал в следующем номере журнала свою повинную, в ответ на которую в “Известиях” появилась заметка, что студия удовлетворена объяснениями Гальперина. Эту заметку я уже застала в Москве. С 1 сентября на адрес офиса Геста Вам будут высылаться “Известия”. Постараюсь Вам посылать и театральные журналы. Сегодня же посылаю Вам вырезку из журнала, столь на нас нападавшего в Ленинграде, “Жизнь искусства”, где так хорошо вспоминают о постановке “Карменситы”.

В театре идут все время репетиции всех новых постановок прошлого года⁷. Высший совет еще не заседает, нет Станисл., только недавно приехали Качалов, Москвин и Леонидов. Вызывало некоторый шум решение вопроса о снятии имени МХАТ со студии, но и это дело уже решено и отошло. Сегодня слышала, что студия подала заявление о желании именоваться Музыкальная студия – театр Вашего имени. Мне не очень нравится это пояснение: хоть и студия, а все-таки театр. Студийцев видаю редко, накоротке. Из-за сильной занятости днем ни разу не была в Дмитровском театре⁸. Но когда вижу кого-нибудь из наших, поездочных, очень становится мило на душе, все-таки как-то меня с ними поездка связала. До нее они мне были совсем чужими.

Милый Владимир Иванович, неужто Вы будете читать это письмо в Нью-Йорке? В “Авсонии”? Как странно мне это! Не могу привыкнуть к этой мысли.

Всего хорошего, дорогой Владимир Иванович. Нежно целую милую Екатерину Николаевну, Мише и Бертенсону привет. Крепко жму Вашу руку.

Письма свои я буду нумеровать.

Ваша Ольга Бокшанская

Москва, 10 сентября 1926 года

Письмо 2

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего хочу Вам сообщить следующий репертуар:

Большая сцена

14-го, вторник “Горячее сердце”

15-го, среда “Продавцы славы”

16-го, четверг “Николай I и декабристы”

17-го, пятница “Горячее сердце”

18-го, суббота “Продавцы славы”

19-го, воскрес. “Царь Феодор Иоаннович”

21-го, вторник “Горячее сердце”.

Малая сцена

17-го, пятница “Дядя Ваня” (открытие)

18-го, суббота “Елизавета Петровна”

19-го, воскрес. “Дама-невидимка”

21-го, вторник “Битва жизни”.

М.П.Гальперину я не только прочитала абзац Вашего письма, но и дала ему копию Ваших строк. Он же принес мне все материалы по этому делу и просил меня хотя бы в выдержках осветить Вам это дело. Первую статью в “Новом зрителе” (№ 31) я Вам не выписываю. Ее Вам читали по телефону. Мих. Петр. уверяет, что он никогда не выступал с теми мнениями, которые ему приписал корреспондент “Нов. зрителя”. После появления этой заметки он решил тогда же выступить с объяснениями. Но еще до появления его письма в редакцию в хронике театра “Известий” (в воскрес. 8-го августа) появилась следующая заметка:

Музыкальная студия МХАТ

Правление Студии просит нас заявить, что “М.П.Гальперин ни в каком случае не является представителем Студии” и что высказанные им суждения о Музыкальной студии МХАТ и о ее руководителе, нар. арт. республики В.И.Немировиче-Данченко, нашедшие себе место в статье “Муз. комедия и Муз. студия МХАТ” (“Нов. зритель”, № 31) “могут иметь значение лишь как его личное мнение”. Также неверно освещены в указанной статье и факты, касающиеся Студии и ее руководителя.

Гальперин говорит, что он был чрезвычайно удивлен таким выступлением, так как предполагал, что студия подождет выхода журнала с его письмом в редакцию. В № 32 журнала “Новый зритель” во вторник 10 августа это письмо появилось. Выписываю его Вам полностью.

В № 31 “Нового зрителя” в отчете о заседании кружка рабкоров театра, в части, касающейся моего выступления, имеются некоторые неясности, которые я прошу исправить.

1) Я говорил не как представитель Муз. студии МХАТ, а как автор и переводчик, приглашенный на заседание теарабкоров персонально. 2) Я ни в чем не обвинял В.И.Немировича-Данченко как Народного артиста Республики и 3) Я только указал на то, что коллектив Муз. студии не является “захватчиком” помещения Дмитровского театра, что получение этого театра не является исключительным благополучием для коллектива Муз. студии ввиду малой пригодности сцены этого театра для сложных постановок Муз. студии.

Все высказанное мною было лично от себя высказанным мнением. С тов. приветом

Мих. Гальперин.

В ответ на это в “Известиях” от среды 18 августа было в хронике театра напечатано:

Появившиеся в № 31 журнала “Новый зритель” и в № 180 “Известий” от 8 авг. заметки об инциденте, имевшем место во время заседания кружка театральных рабкоров, ввиду неясности были истолкованы в неверном смысле.

Правление Муз. студии МХАТ, считая для себя вполне удовлетворительными объяснения М.П.Гальперина, напечатанные в № 32 “Нов. зрителя”, просит считать инцидент между Муз. студией МХАТ и М.П.Гальпериним совершенно исчерпанным.

Может быть, Вам и скучно все это читать – слишком подробно я написала об этом деле. Но хотелось мне быть точной уж потому, что Гальперин волновался о произведенном на Вас этой историей впечатлении и просил его обелить в Ваших глазах.

Милый Владимир Иванович, можно мне Вас спросить: это была случайность, что наш сезон открылся без привета от Вас, а 2-й МХАТ такой привет получил, или это было нарочно?¹ Это, конечно, произвело сильное впечатление на тех, кто об этом знает. И можно даже ждать, что 2-й МХАТ подчеркнет это. Скажу Вам правду: странно мне было, больно, когда увидела я доску над диванчиком у сцены с прикрепленными к ней приветственными телеграммами, и от Вас не было там ни слова.

Вот уже три дня, что я начала свою работу при дирекции: переселилась вниз в комнату Дм. Ив., получила (купили) очень хороший стол и начинаю постепенно привыкать. Сначала в назначении меня в дирекцию была какая-то неловкость, т.к. секретарем дирекции был и хотел быть М.Г.Комиссаров. Но с заявлением об уходе со стороны Порф. Арт. Мих. Гер. был назначен управделами, и, вероятно, скоро я буду окончательно причислена к дирекции. В заседании дирекции вопрос этот уже прошел, теперь это дело будет представлено на утверждение высшего совета.

В театре в смысле размещения служащих и распределения комнат произойдут перемены. Комната правления будет разгорожена (где была прежде занавеска). В узкой ее части будет кабинет Вас. Вас., кабинет

при комнате правления (где до сих пор был Вас. Вас.) отдается Ник. Вас. Егорову, приглашенному к нам на должность инспектора-контролера. Широкая часть комнаты правления будет залой заседаний дирекции и высшего совета. Все служащие из комнаты правления переводятся в помещение бухгалтерии, которое тоже будет разгорожено стеклянными перегородками. В помещении бухгалтерии, стало быть, будет помещаться и управление делами, и личный стол. Комната Дм. Ив. тоже будет разгорожена: в одной ее части буду я, в другой – Дм. Ив. и Тарханов. Ваш кабинет, конечно, остается в полной неприкосновенности. К.С. продолжает оставаться в быв. кабинете Румянцева. Там же сидит Рипси. По вечерам в случае надобности в этом кабинете бывают приемы. Ваша ложа теперь находится в ведении высшего совета, т.е. числится для него, но распоряжается ею и дает на нее разрешения К.С. Ваши места в 8-м ряду поступили в продажу еще в прошлом сезоне.

За это время я просмотрела в театре те три постановки, которые были для меня новыми. Как говорят все, “Горьчее сердце” в день открытия сезона игралось очень вяло. А местами – чересчур нажимисто. Может быть, отчасти поэтому оно на меня не произвело необычайного впечатления. Пьеса казалась мне скучна, не нужна в наше время, понятна, оправдана только игрой нескольких актеров. Совершенно замечательно играет Тарханов и очень хорошо Хмелев. Ив. Мих. в тот вечер очень крепко нажимал, мне не было смешно. Говорят, второе представление прошло гораздо легче и лучше. Шевченко, которая, по общему отзывам, великолепно играла в прошлом году, но сорвала на этой роли голос, нынче была как-то связана и, вероятно, весь вечер провела в большой заботе, как бы и сейчас не испортила себе голос. Сейчас Тарханов занят вводом на эту роль Пузыревой².

Следующим спектаклем я смотрела “Декабристов”, этот почти случайный спектакль, картины которого готовились ради одного юбилейного дня. Он весь пошел только потому, что надо было выполнить абонементы, а “Прометей” сорвался из-за болезни Смьшляева и трудной монтировки. Исключительно тонко, блестяще играет Качалов Николая I. Он занят всего в двух картинах, но из-за него одного можно смотреть и смотреть этот спектакль. Очень хорошо играют свои роли – маленькие роли – Завадский (Трубецкой), Баталов (Каховский) и Подгорный (Пестель). Громадное впечатление производит последнее действие: сначала пять небольших эпизодов – ночь перед казнью в каждой отдельной камере – и потом коридор в бастионе, последнее прощанье и увод на казнь, после чего оркестр при закрытом внутреннем занавесе, после того как чтец – Леонидов читает отчет о казни, начинает играть траурный марш. Впечатление очень сильное. Зал слушает марш стоя. Рассказывали мне, что бывали в это время и слезы, и рыдания. Художником в этом спектакле был Кардовский.

А вчера я смотрела “Продавцов славы”, остро написанную пьесу, которую у нас великолепно играют. Спектакль, пьеса – “не вечные”, не

стиля Художественного театра, но смотреть очень интересно. А главное – получаешь такое наслаждение от такой изумительной, блестящей игры, какую видишь у Лужского, у Вишневого. Вас. Вас. играет совершенно замечательно. И молодежь играет хорошо. Мне только не понравилась Молчанова. Послезавтра в этой роли впервые выйдет молодая – Титова. Может быть, она сыграет интереснее³.

“Семья Турбиных” теперь будет называться “Дни Турбиных”. Сейчас пьеса уже сдана автором в переделанном виде, репетируется и будет показана с исправлениями, но будут ли приняты эти изменения, никто не знает. Я была только на очень черновых репетициях и никак не могу судить. Но со всех сторон слышу, что молодежь играет замечательно, показала себя так, что все были искренно взволнованы. Очень надеются, что спектакль этот пройдет еще в этом месяце.

Я Вам еще не посылаю текста “Турбиных” потому, что текст-то еще не утвержден. Непременно пришлю, как только все с этой пьесой выяснится. И автор меня очень просил это сделать. Он очень заинтересован Вашим мнением о ней.

Любицкий вчера показал мне Ваше к нему письмо от 3 сент. Да, дорого бы дали теперь студии, чтоб быть там и иметь уверенность, что каждую субботу они получают свои 35 в каком-то Джолсонс-театре... Видаю я студийцев не часто и не подолгу. И они заняты, и я. Вероятно, им горько смотреть, что мне так повезло и я так могу быть спокойна, вернувшись в МХАТ. Но многие из них не жалуются и с верой глядят в будущее.

Да, о сборах: открытие сделало аншлаг, первые “Декабристы” – что-то свыше двух тысяч, но затем пошло хуже: сборы не выше полутора тысяч... Вероятно, надо ждать, чтоб сезон раскатился. Абонементы распроданы на 62%, из них дешевые распроданы все, а дорогие места – процентов на 30. Продажа еще идет.

Только что заходил сюда Вас. Вас. и я спросила его, нет ли у него каких-либо сообщений Вам. Вот что он просил Вам написать: пьеса “Унтиловск” будет Вам вскоре выслана. Он снова просит Вам сказать, что его крайне интересует Ваше мнение о ней. Кроме того, ему интересно, как Вы отнесетесь к плану постановки “Двух сироток”, т.е. не самой этой мелодрамы, а инсценировки того, из чего была сделана мелодрама (я не знаю, из чего была сделана пьеса, – из романа ли, из рассказа ли? – поэтому пишу так, как он мне сказал), с участием Робеспьера, с целым рядом новых эпизодов⁴. В пьесе этой будут заняты, как сказал Вас. Вас., “все”, конечно, главным образом – молодежь. Проект этой постановки встречает большое одобрение со стороны “литературных кругов” театра. Напишите, пожалуйста, что Вы думаете про все это. Вы писали Вас. Вас. о “Хижине дяди Тома”. Вас. Вас. просит Вас спросить: был ли Вам известен конспект Лидина, который тот представил. В.В. думает, что, вероятно, Вы о нем знали, что, быть может, Лидин об этом даже писал Вам, и что поэтому Вы так об этой пьесе и пишете⁵.

Милый Владимир Иванович, конечно, мне приходилось и приходится говорить о Вашем разрыве с театром. Больше всего, конечно, я слышу и говорю с Ник. Аф. Вы знаете, конечно, расстояние сыграло большую роль во всей телеграфной переписке, и язык телеграмм тоже. Отсюда было много недоразумений. Но на мой прямой вопрос: неужели же нельзя было после обмена первыми телеграммами написать: “Вы же едете сюда. Приезжайте, сами увидите и сами решите”, – знаете, что я услышала? – Что для всех было большой неожиданностью то обстоятельство, что Вы не приехали. И даже фразу “остаюсь еще на год за границей” понимали так: решил работать год за границей, но в Москву все-таки в мае приеду. И даже так и говорилось: “Вот барин приедет, барин всех рассудит”. И многие не сомневались в том, что какие-то решения с Вашим приездом будут изменены⁶.

Все, конечно, стояло в зависимости от материальных соображений. Старики не хотели делить сборы со вторым коллективом в том же здании, старики не могли верить в возможность осуществления идеи синтетического театра. А получать на свою долю 3–4 спектакля в неделю не хотели, раз видели, что они могут свободно играть семь и весь доход распределять между одним – драматическим – коллективом. И настроение молодой драматической молодежи было резко против вселения студии⁷. Ведь и молодежь любит Вас ревнивой любовью, т.е. хочет Вас для себя, только для себя.

При этом все условия – и вообще, и в театре – сильно изменились за год. Сейчас нельзя говорить, нельзя заикаться ни о каких дотациях, ни о каких субсидиях. Сейчас могут говорить только те коллективы, которые сами себя окупают. Это правда, это верно, это непреложно. И при всем великолепном отношении сверху к старому Художественному театру, никто из них не думает, что это отношение должно выражаться в какой-то реальной материальной помощи, в каких-то послаблениях. Жизнь теперь стала на строго деловую линию, хорошее отношение – хорошим отношением, а дело – делом. И все мне говорят: поживите здесь подольше, и вы увидите, что иначе не могло и быть. Мы не должны были принимать студию обратно, мы даже не могли и не смели этого делать⁸. Сейчас идет обсуждение сметы и жалованья всего состава театра. Первоначальный проект оказался слишком радужным, он не может пройти в жизнь, потому что надо считаться с доходными возможностями. И конечно, все статьи расходов будут сильно урезаны, и жалованье тоже – самым жестоким образом⁹.

Я вот только никак не могу понять, как же будет со студией. Как будто и студийцы не все в этом твердо разбираются. Они составили смету, примерно назначили всем оклады. Но если доходов будет меньше, как они уплатят все назначенные оклады. Это товарищество, которое страдает при невыполнении доходной сметы? Или там есть разделение на гарантированные жалованья и негарантированные? И как они это разделили? Вероятно, эта зима будет для них очень тяжелой.

Милый Владимир Иванович, ужасно много я наболтала нынче. Простите, если бестолково, безграмотно или скучно.

Нежно целую милую Екатерину Николаевну, кланяюсь сердеч-но Мише и Бертенсону и желаю всем очень хороших дней. Если б Вы знали, милый Владимир Иванович, как мне грустно и больно без Вас в театре. Не забывайте меня, пожалуйста.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша *О.Бокшанская*

101.

Москва, 16–18 сентября 1926 года

Письмо № 3

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего пишу Вам то, что записано у меня в блокноте для со-общения Вам по поручению Вас. Вас. Он просит Вам написать об уходе Порф. Арт. (о чем я Вам уже писала) и о том, что он, оставя свою службу в театре, все же остается в нашем музее по просьбе высшего совета. При этом в совете отметили его прекрасную организационную работу в музее и положили ему по 25 руб. в месяц на разъезды и др. расходы.

Затем о Ник. Вас. Егорове, о котором я Вам тоже писала в прошед-шем письме. Он занимает у нас должность инспектора-контролера, ве-роятно, будет председателем той внутренней организации (инспекции), которая будет действовать в театре по поручению высшего совета. Вот что я о нем знаю со слов Вас. Вас. и еще с разных сторон: по словам В.В., он до сих пор служил в Совнарком, но при этом не совсем да-лекий театру человек – всегда очень интересовался театром, брат его – оперный артист, есть еще родственники-актеры. К тому же проявляет очень большой интерес к работе нашего театра и, вероятно, оправдает рекомендации К.С. Со слов других знаю, что он прежде занимал высо-кую административную должность в алексеевском деле, имеет прекрас-ную репутацию повсеместно и пользуется славой большого спеца по финансовым делам. Сейчас он очень деятельно знакомится с работой театра по всем отраслям. Держит он себя настолько мило, что вызывает к себе прекрасное отношение со стороны всех, кто имеет с ним дело.

И еще у Вас. Вас. есть вопрос: не говорил ли Вам Л.Д. Леонидов чего-либо о тех декорациях, которые были “стариками” оставлены в Гамбурге. Может подняться разговор о поездке за границу весной, а здесь совсем не знаю, существуют ли вообще эти декорации, или их можно считать погибшими. Я говорила Вас. Вас., что в поездке Муз. студии Л.Д. как-то посмеивался, что, конечно, от декораций только труха осталась. Но, может быть, это были несерьезные разговоры, ради

красного словца, а нужно запросить официально Гамбург, в каком состоянии находятся декорации, нужно ли будет платить за их хранение и сколько. Из-за того, что дело это пока, конечно, не спешное, Вас. Вас. сначала запрашивает Вас, не знаете ли Вы что-либо об этом, а потом, в зависимости от Вашего ответа и совета, будет действовать.

Сейчас идут черновые генеральные “Турбиных” и завтра первая открытая генеральная. Пока об этой генеральной состоялось следующее решение: будет приглашен Репертком (официально, на предмет утверждения пьесы), власти, кто может быть свободным днем в будни (репетиция начнется в 12 часов), студии (за исключением 2-го МХАТ и III студии, которые смотрят на наши генеральные как на готовый спектакль, а эта генеральная будет очень черновая, стало быть, их надо пустить на поздние репетиции), и все члены МХАТ получают по 1–2 пропуска. Уж не знаю, как можно выкроить по два места на всех мхатистов, по-моему, можно дать только по одному, разве участвующим в пьесе по два. Интерес к генеральной очень большой. Все помнят прекрасный показ весной и говорят, что молодежь играет пьесу великолепно. Мне нравится пьеса, и поэтому я жду генеральную с особенным волнением. Последние два-три дня репетиции ведет К.С., но завтра он не будет, он вечером играет в открытии Малой сцены Астрова и не может утомляться днем. “Турбины”, вероятно, пройдут еще двумя генеральными в воскресенье 19-го и во вторник 21-го.

Из новых пьес пока репетируют только “Свадьбу Фигаро”, которая по плану должна пойти 1 января. Остальные репетиции – для ввода (для параллельных спектаклей) по “Невидимке” и “Битве жизни” (или нового исполнителя) – Гедике Ив. Ив. в роль ушедшего Шульги (священник в “Декабристах”). Из администрации по Малой сцене Гедике ушел и вошел в труппу (вероятно, во вспомогательный состав) МХАТ. На Малой же сцене, вероятно, будет новый инспектор. Я еще там не была, но слышала, что ремонт там произведен громадный и помещения не узнать. Очень хорошо устроили уборные, словом, привели все помещение в абсолютный порядок (выражение из доклада Юстинова), даже ковры новые. Из-за этого пошли на большой расход, но зато теперь туда спокойно можно перевести многие пьесы с Большой сцены. Туда предположено перенести “На дне”, “Дядю Ваню”, “Продавцы славы”, “Декабристы”, как видите, много пьес мхатовского репертуара. Это делают потому, что тамошние пьесы использованы вконец, особенно “Битва жизни” и “Невидимка”, которые не могут собрать полного сбора, и вместе с тем на Большой сцене перечисленные пьесы тоже не делают достаточных сборов, там же соберут полный зал. На Большой же сцене остается “Горячее сердце”, надеются удачно и часто играть “Турбиных” и возобновить “Горе от ума”. Кроме того, предположено возобновление, от которого Вы придете в несомненное огорчение: “Вишневый сад”. Но это еще нескоро: сейчас серьезно больна Ольга Леон, и едва ли сможет скоро начать работу. Долгое время не могли разобраться, что

с ней, определили сначала паратиф, потом брюшной тиф, потом воспаление почек... Вчера ей было значительно лучше, упала температура до почти нормальной. Но слабость ужасная, полнейший упадок сил. Говорили, что она может выпасть из работы на месяца два. И если даже она поправится скорее, то ведь еще придется сделать вводы в пьесу. Распределения ролей новых исполнителей я не знаю, знаю только, что Варю, вероятно, будет играть Коренева.

Написала я Вам про возобновление “Вишневого сада” как про решенный вопрос, а потом “погоняла” по театру, поразговаривала с разными людьми и узнала, что “Вишневый сад” еще не решен окончательно и К.С. говорит, раз что с ним почти столько же работы будет, что и с новой постановкой, то лучше ставить новую пьесу, а не возобновлять, да еще такую, за которую будут ругать¹. Правда, сразу встает вопрос: почему бояться, что будут ругать за “Вишневый”, и не бояться, что будут ругать за “Дядю Ваню”?

Очень все хвалят принятую пьесу Леонова “Унтиловск”. Вас. Вас. все обещает дать мне ее текст для посылки Вам и все не дает. Кажется, она у кого-то из стариков на прочтении. Я ее не читала, но получила обещание, что мне ее дадут на денек. Других пьес пока не высылаю (идуший репертуар) потому, что текст “Турбинных” сейчас, после генеральных, должен быть окончательно зафиксирован. Тогда сразу все пьесы и пришлю, вместе с программами, чтобы Вы знали, кто какую роль играет.

12-го днем была я на генеральной новой постановки МХАТ 2 “Евграф – искатель приключений”. Пьеса современного автора Алексея Файко (автор “Озера Люль” и “Учителя Бубуса”) на современные темы. По-моему, пьеса плохая, определенно второсортная. То же мнение у большинства наших, смотревших генеральную. (Но, например, Нине Ник. Литовцевой нравится, уверяла нескольких в моем присутствии, что пьеса гениальнейшая, мировая.) И потому особенно досадно, что такую плохую пьесу играют так хорошо, некоторые великолепно. Заняты почти все: Берсенев, Гиацинтова, Дурасова, Бирман, В.Попов, В.Подгорный, Пыжова, Шахалов, Попова, Кемпер. Режиссировали Бирман и Сушкевич, художник ленинградский – Акимов, многое сделавший интересно. Ах, да, главный ведь исполнитель Евграф, я про него не сказала, что его играет Ключарев. Да, и еще забыла Бирман и Чебана, которые играют замечательно. Пьеса трактует (в коротких словах) о том, что и парикмахер – человек. А более длинно: о том, как в наше время слабый человек может запутаться в прекрасных идеях, отрицать все старое, восторженно принимать новое, но по слабости замотаться, закрутиться и погибнуть самым жалким образом.

18 сентября 1926 г.

В тот день окончить письмо не удалось, и я его задержала до окончания генеральной нашей “Турбинных”. Генеральная была вчера. Все

получили по 2 билета на руки, и, кроме того, был приглашен Репертком и рабкоры. К.С. на репетиции не был из-за своего участия вечером в “Дяде Ване”. Репетиция была сыграна прекрасно и имела громадный успех. Не обошлось без слез в публице – очень уж трогательно играют Турбиных Хмелев и Кудрявцев. Тотчас же после репетиции члены Реперткома (Пельше не было, но был Блюм) и рабкоры собрались у нас в комнате правления для обсуждения приемлемости постановки и потом объявили Ник. Аф. (Вас. Вас. не мог дожидаться конца их совещания, спешил домой, а потом на вечерний спектакль, играть Серебрякова), Судакову и другим, что в таком виде пьеса на афишу поставлена быть не может. Судаков спросил: “Что ж, нужны какие-либо поправки или совершенная ломка построения всей постановки?” – и ему ответили, что именно надо все сломать и переделать. Конечно, такой финал репетиции взволновал всех... Известили Анат. Вас. (он не был на репетиции, но просил оставить себе ложу на следующую, предполагавшуюся 19-го, репетицию). Вечером Анат. Вас. звонил Вас. Вас-чу, но смог снестись только с Марковым. Разговоры и пересуды пошли не только по театру, но и по театральной Москве. Начались непрерывные звонки в театр и к отдельным актерам с запросами, как же будет. Совершенно неизвестна стала судьба предполагавшейся 19-го генеральной. Сегодня в течение дня должно что-то выясниться более конкретно. Но пока что дело обстоит так: Анат. Вас. хочет, чтоб репетиция была показана ему и всей коллегии Наркомпроса, а кроме того, властям, очень заинтересованным постановкой. Дня такого показа пока назначить нельзя, вероятно, это будет 21 или 23 сентября вечером. Из-за этого надо будет отменить спектакль, но ведь иначе поступить нельзя, приглашаются все люди, занятые днем и могущие идти в театр только вечером. Конечно, о всех дальнейших решениях я Вам напишу, сейчас же хочу отправить это письмо, не задерживая его: боюсь, что потом опять навалится много работы и я снова задержу отсылку. Все эти дни у меня много машинной работы: все ведомости с проектами окладов на предстоящий сезон – то с прибавками, то с урезками. По этому вопросу идут заседания высш. совета, и к каждому такому заседанию надо готовить новые проекты и доклады.

Сегодня утром, с час тому назад, придя в театр, застала Вашу телеграмму, милый Владимир Иванович, относительно представителя Амторга, тотчас показала ее Юстинову, который сказал показать Вас. Вас., а затем уж Любичкому². По мнению Дм. Ив., студия ничего по этому вопросу не делала и как будто от этого отмахивается. Все же я надеюсь, что Люб. даст мне какие-то удовлетворительные объяснения. Вчера на генеральной с радостью встретила Софью Вит. и мисс Дайн. Обе они очень хорошо выглядят и с нетерпением расспрашивают о всех вас.

Ваша О.Бокшанская

Москва, 30-го сентября 1926 года

Письмо № 4

Милый Владимир Иванович!

Мне совестно, что перерыв между этим моим письмом и тем, последним, оказался в 12 дней. Такое впечатление, что я небрежна. Но вышло это так потому, что я должна была сидеть за машинкой над всякой перепиской не только весь день, но и вечер, часов до 11–12. И так уставала рука, что начинались легкие судороги. Работа была настолько срочная, что часть ее даже пообещали оплатить сверхурочными. Пишу так потому, что вообще ведь у нас считается, что если работаешь вечерами, то ведь это идет за то же жалованье. Но вот когда я сказала, что уж больше принять переписки не могу, то и решили, что переписка экземпляров “Турбинных” пойдет за отдельную плату. Экземпляры же нужны были срочно для представления в Репертком.

Вообще с этой пьесой у нас немало волнений. В последний раз я Вам писала о предполагавшемся общественном показе пьесы. Он состоялся 23-го. Часть билетов была разослана правительству, остальные же переданы в Моск. ком., который и распределял билеты по различным организациям. Театр получил на свою долю 100 билетов – для рассылки друзьям и старикам с семьями. Эта недоступность репетиции еще повысила к ней интерес и усилила разговоры о ней. Театр был переполнен, все, кому были посланы билеты, приехали, решительно все. И с первого же акта начались горячие обсуждения пьесы по всем коридорам и фойе. В зрительный зал была прислана специальная комиссия, которая отмечала, как отдельные моменты воспринимаются публикой. В результате появилась интереснейшая запись. Публика принимала спектакль очень хорошо, часто в середине акта начинались аплодисменты, особенно по адресу Яншина, который действительно прекрасно играет студента Лариосика. Очень большой успех имел на обеих репетициях Прудкин – Шервинский. (Кстати, когда я писала экземпляры для Реперткома, я написала один лишний для Вас. Как только пройдет премьера, тотчас же получу разрешение на высылку его и pošлю Вам вместе с программой спектакля.)

В антрактах разговоры только о пьесе и об исполнении. Пьеса вызывает споры, иногда невероятно оживленные.

Относительно же игры актеров разногласий никаких. Решительно все, выходя из зала, прежде всего говорят: “Но как играют, как играют!”

В публике было столько известных, знакомых публике лиц и так они горячо высказывали свои мнения о пьесе, что вокруг них то в одном конце фойе, то в другом, то в коридоре образовывались группы слушателей... Как кто-то сказал: летучие митинги... После спектакля предполагалось объединенное заседание коллегии Наркомпроса и Реперткома

для выяснения окончательно вопроса о постановке. Но оно не состоялось. Все спешили разъехаться за поздним временем, за усталостью. Нам же не приходилось настаивать, т.к. нарком очень уж категорически высказался за пьесу. На следующий день обещали прислать сообщение, но сообщили его через день, потребовав уничтожения некоторых фраз. (Надо сказать, что театр сам внес сокращения в пьесу после первой генеральной, так что на показе играли, выпустив некоторые отдельные явления. Это, по общему отзыву, способствовало к украшению пьесы.) Наконец через несколько дней затребовали экземпляры пьесы, потом опять что-то запретили, что-то позволили... В результате с третьего дня разрешена продажа билетов и выпуск афиши. И назначена еще одна генеральная, 2-го октября, с предоставлением 200 мест Реперткому. Это репетиция для своих, чтоб удовлетворить участников спектакля, и, конечно, для повторения пьесы для актеров. Премьера – 5 октября.

Милый Владимир Иванович, простите, забыла Вам своевременно послать дальнейший репертуар. Сейчас напишу Вам с того дня, которым в последний раз закончила репертуар. Мне кажется, что Вы, хотя бы и с запозданием, но должны его знать.

Большая сцена: Малая сцена:

22/IX, среда “Царь Феодор” “Дама-невидимка”

23/IX, четв. генер. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

Спектакля нет

24/IX, пятн. “Декабристы” “Елизавета Петровна”

25/IX, суббота “Царь Феодор” “Продавцы славы”

26/IX, воскр. “Горячее сердце” “Битва жизни”

28/IX, вторн. “Царь Феодор” “Дама-невидимка”

29/IX, среда “Горячее сердце” “Продавцы славы”

30/IX, четв. “На дне” “Битва жизни”

1/X, пятн. “Декабристы” “Елизавета Петровна”

2/X, суббота “Горячее сердце” “Битва жизни”

3/X, воскр. утр. “Синяя птица” “Продавцы славы”

веч. “Елизавета Петровна”

5/X, вторн. “Дни Турбиных” Спектакля нет

6/X, среда “Дни Турбиных” “На всякого мудреца”

7/X, четв. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

8/X, пятн. “Горячее сердце” “Дама-невидимка”

9/X, суббота 1 аб. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

10/X, воскр. утро “Синяя птица”

веч. “Дядя Ваня” “Битва жизни”

12/X, вторн. 10 аб. “Царь Феодор” “Елизавета Петровна”.

Как Вы видите, спектакли на Малой сцене все еще не могут точно установиться. Действительно, положение получается неважное: старые постановки молодежи не могут уж больше делать сборов; если же “Тур-

бины” пойдут на Большой сцене раза 3–4 в неделю, то на Малую надо переносить спектакли стариков. И выйдет, что благодаря постановке с молодежью старики все-таки отдыха не получат, а будут еще вдобавок играть на маленькой сцене, в неважной обстановке и за какие-то 500 руб. сбора в вечер. Хотя помещение на Тверской и ремонтировалось, но ведь сделать его хорошим невозможно. Представьте себе спектакль “Мудреца” там с участием столько стариков – ведь сплошь стариковский спектакль. У меня записан ряд дел, о которых я Вам сегодня хочу написать. Дела между собой не связанные. Поэтому не удивляйтесь, милый Владимир Иванович, скачкам и нелепым переходам.

Вот как разрешилось дело о долге Амторгу. Путем телефонных переговоров удалось свидание с Поляковым (здешним представителем Амторга) назначить на утро среды 22 сент. Пошли Люб. и Дм. Ив. В здешнем Амторге официальных сообщений об этом долге получено не было, слухи какие-то шли... Люб. договорился так: студия долг этот погасит в течение двух лет, причем половину долга обязуется внести в течение первого года, без обозначения отдельных сроков платежа. То есть, вернее, Люб. не договорился, а внес вот такое предложение. Поляков ответил, что обо всем этом Турбину расскажет Зив, который в этот день как раз уезжал в Нью-Йорк. Лучше всего – я приложу к этому письму копию того, что я пишу Турбину по этому вопросу.

Вчера я долго разговаривала с К.С., который несколько озабочен делами Муз. студии. Он меня спрашивал, не слыхала ли я, каково там положение Люб. И я не могла скрыть от него, что слышу много недовольства Любичкиным со стороны отдельных лиц (студийцев). Но что думаю, что это все уладится, потому что знаю, что Вы прислали письмо с советом “не ссориться из-за власти”. Слышала я о том, что даже в Наркомпросе вставал вопрос об удалении Юл. Лаз. К К.С. постоянно приходят с разговорами о неприемлемости такого представителя Вашего имени. Я думаю, что это правда: то, что Люб. является *Вашим* представителем, всем кажется ужасным. Уж слишком у него плохая слава и слишком он резкий и непопулярный человек. И чрезвычайно бестактен. Он начинает раздражать собеседника буквально с пятой своей фразы.

Сейчас в обе эти студии в Дмитровском театре назначен “красный директор” – т. Лехт (он, кажется, был прежде в Главнауке, чуть ли не ее заведующим), а его заместителем – Энгель (быв. администратор театра Корша). К.С. очень настаивал в принципе на назначении “красного директора”¹.

В студии идет ремонт, но уверенности в том, что его кончат к 15 октября, нет. Студийцев я встречаю не часто, только тех, кто иногда заходит к нам в театр.

Да, Владимир Иванович, знаете новость? Нашлись пропавшие документы по Европе. Нашлись в каких-то свертках, в костюмерных корзинах. Принесли мне эти свертки, говорят: здесь какие-то бумаги, вероятно, ваши. Я сильно занята была. А когда через некоторое время

развернула, чтоб посмотреть, узнала все пропавшие ордера с документами оправдательными.

Милый Владимир Иванович, можно Вас очень попросить написать мне вот о чем. Как случилось, что оставшиеся поставили спектакль под Нью-Йорком под маркой МХТ, и имели ли Вы по этому поводу какие-то разговоры. Вот как это было здесь. Сначала шли слухи, что такой спектакль был и такие-то в нем участвовали. Говорили, что Цитринник прислал программу отцу. А через некоторое время на имя К.С. пришло письмо от какого-то человека, полное возмущения. Корреспондент этот вложил и афишу, и программу спектакля в свое письмо и писал, что не сомневается в самозванстве актеров, игравших этот спектакль. Пишет, что халтура эта была настолько неприлична, что ясно обнаруживала самозванство участников. Вы себе представляете, какое впечатление это произвело на стариков. Рипси показала мне это письмо и программы. Действительно, возмутительнее этого трудно себе что-нибудь представить. Я знаю, что по этому поводу пошли разговоры об ограждении имени МХТ, но К.С. сказал, что “раз что Владимир Иванович там и, вероятно, задет этим не меньше, чем мы, то он и поступит так, как найдет нужным”. Пожалуйста, напишите, были ли у Вас об этом разговоры с Гестом, как все это было.

Сейчас вопрос марки МХАТ вообще стоит очень остро. Про такой захват Бакалейниковым имени Художественного театра и говорить нечего, это просто нечестный поступок². Но сейчас идут (пока очень секретно) разговоры о том, что МХАТ 2-й настолько отошел от нашего театра, что, собственно, не мог бы уже носить этого названия и иметь “чайку”.

Тут кстати вспомнили: а как вообще была дана “чайка”? Когда? По какой бумаге? В музее следов этого нет. Есть кое-какие воспоминания отдельных лиц. А я хотела Вас спросить, Вы, вероятно, помните, как это было. Например, я слышала, кто-то смутно вспоминает, что об этом было суждение стариков, какое-то заседание в верхнем фойе, а может быть, не об этом... Я подумала, что у Вас такая память, что Вы, конечно, все вспомните. Я же только помню, что в одном из Ваших писем ко мне в Америку Вы писали о том, что есть предположение дать 1-й студии одно из названий... И было приведено несколько названий, среди них МХАТ 2-й. Да, между прочим: на днях я только узнала, как сыграл Берсенев на полученной от Вас открытке в день открытия их театра. Ведь все это рассказывалось в таком виде, что можно было думать, что от Вас пришло специальное приветствие. А на деле была открытка вообще и в ней – поздравление к сезону.

Сегодня (т.е. уже со вчерашнего дня) ждали многие, что от Вас будет телеграмма всем “Верам, Надеждам, Любоям и Софьям”. Но я-то не думала, что Вы вспомните. Хотя ведь Софья Витальевна именинница, это могло Вам напомнить.

Уже давно хотела Вам написать, с какой радостью приняли от

меня Ваш привет и добрые слова Сластенина, Тихомирова и Жильцов. Тихомирова еще раз специально ко мне приходила и еще переспрашивала. Просила, чтоб я Вам написала, что эти Ваши слова она узнала как раз в очень трудные свои дни и они были для нее счастьем и радостью³. Она очень-очень милый человек, прелестный...

И еще об одном чудесном человеке хочу Вам написать, о Хмелеве. Он такой милый, скромный, столько в нем простоты и обаятельности. Прекрасно он играет в “Горячем сердце”, еще лучше в “Днях Турбинных”. После этой роли я не могу на него без нежности смотреть, – столько милоты в его образе. Видите, как я расписываю. А все потому, что обещала ему попросить у Вас для него фотографию с надписью. Он так огорчился, что у него нет Вашей карточки. Некоторым Вы прислали, и он ждал, и не получил. Я уверена, если б Вы его в новых ролях его увидали, Вы бы сказали: да это настоящий тон МХАТ. Милый Владимир Иванович, пришлите ему карточку с доброй надписью, я знаю, и Вы должны верить, что это будет для него громадная радость. Зовут его Николай Павлович.

Если у Вас нет карточек, пришлите только надпись на отдельном листике. У меня есть несколько Ваших карточек, я ему отдам одну из них, прикрепив надпись. Но лучше, конечно, если пришлете все полностью.

Тут была при моем разговоре с Хмелевым Шура Митропольская. И она тоже стала просить, чтоб я Вам написала: ей тоже хочется от Вас карточку с надписью получить. Я обещала и думаю, что и ей Вы не откажете.

Заходил сюда Вас. Вас. У него сейчас никаких специальных сообщений Вам нет. Просил Вам кланяться. Много народу просит всегда, чтоб я Вам от них послала привет, когда буду писать Вам, и чаще всех – Ник. Аф., которому я предлагаю самому написать, но он стесняется.

Дм. Ив. 4 октября уходит в отпуск на месяц-полтора. Он будет отдыхать в санатории на Воронцовом поле. Я буду к нему ездить с рассказами о театральном деле. Он оттуда собирается написать Вам большое письмо. Сердечный мой привет дорогой Екатерине Николаевне, Мише, Бертенсону с женой. Желаю Вам всего хорошего и жду от Вас известий. Меня постоянно спрашивают, нет ли писем от Вас. А сейчас как раз время большого перерыва между письмами. Последнее из Парижа получила в середине сентября, а из Нью-Йорка первое может прийти не раньше начала октября.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская

Москва, 14-го октября 1926 года

Письмо № 5

Милый Владимир Иванович!

Как нечасто я Вам пишу, самой странно. Сегодня посмотрела дату последнего письма: 30 сентября, две недели тому назад. Это и от отвратительного настроения, и от жизни в театре, полной ежедневных мелких событий, но всегда не таких, о каких Вам интересно было бы знать.

Прежде всего репертуар, скучный перечень пьес, который, может быть, и Вы не просматриваете:

Большая сцена Малаая сцена

13-го, среда “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

(1 сп. 2 аб.)

14-го, четв. “Дни Турбиных” спектакль отменяется

(1 сп. 3 аб.)

15-го, пятн. “Горячее сердце” “Битва жизни”

16-го, суббота “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

(1 сп. 4 аб.)

17-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Декабристы” “Елизавета Петровна”

19-го, вторн. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

(вне абон.)

20-го, среда “Дни Турбиных” “Мудрец”

(1 сп. 5 аб.)

21-го, четв. “Царь Феодор” “Битва жизни”

(1 сп. 9 аб.)

22-го, пятн. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

(1 сп. 6 аб.)

23-го, субб. “Дядя Ваня” “Елизавета Петр.”

24-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Горячее сердце” “Дама-невидимка”

26-го, вторн. “Дни Турбиных” “На дне”.

(1 сп. 7 аб.)

Как раз сегодня, 14-го, слетел снова спектакль “Мудреца” на Малой сцене. В прошлый раз, 6-го, он был отменен, потому что были больны Книппер, Раевская и Дмоховская. Тогда играть было бы, пожалуй, можно, но нежелательно. Захворал Качалов¹. Правда, мог бы играть Ершов, но к тому же и монтировка не вполне удовлетворила, и чтоб ее переделать, надо было бы платить рабочим сверхурочные. Словом, спектакль отменен и перенесен на 20-е октября. 23-го “Дядя Ваня” идет

в 300-й раз. Едва ли это будет как-либо особенно отмечаться в театре. Вероятно, поздравят участников первого спектакля те, кто вспомнит, – вот и весь юбилей². Третьего дня, 12-го, на “Федоре” как-то отметили совсем нечаянный юбилей: Ив. Мих. тридцать лет тому назад в первый раз играл на сцене в этот день. Это было в Ярославле. Ив. Мих. сам про это позабыл и узнал только потому, что Тарханов принес ему поздравления и торт. А Тарханову сказал Гедике, который, кажется, вместе с Ив. Мих. начинал. Словом, Ив. Мих. узнал о своем юбилее без четверти семь, а театр – во время спектакля. Федя спешно послал на Страстную площадь за цветами, и все участники после конца спектакля встретили Ив. Мих. в мужском фойе аплодисментами и приветствиями. А вот и еще юбилей, о котором Вас. Вас. просил написать Вам. Может быть, Вы задним числом поздравите юбиляра. Это Ганзен, который в Копенгагене праздновал свое восьмидесятилетие. Театр за подписью Лужского поздравил его телеграммой. Вот его адрес: Dania Kopenhagen V Paludan Mullersvei 6. Hansen³.

У меня уже лежат переписанными для Вас несколько пьес, но не хочу посылать раньше, чем не перепишу “Унтиловск”. А писать его успеваю только между делом, поэтому работа подвигается медленно. Вероятно, больше всего Вас интересуют “Дни Турбиных”, вокруг которых так развернулись страсти⁴. По поводу этой пьесы происходят диспуты, кто-кто только не говорит о ней. Все это создало нам громадную рекламу. Пьеса делает аншлаги подряд, особенно теперь, когда идет в абонемент и публика должна довольствоваться оставшимися в кассе от абонементов билетами. Вероятно, после чтения этой пьесы Вы подивитесь, что она могла вызвать такие ожесточенные нападки.

Я постараюсь собрать для Вас некоторые заметки о ней, что печатались в театральных журналах, а то ведь Вы, вероятно, из критических статей знаете только статью Анат. Вас. в “Известиях”.

Сейчас на сцене репетируют “Прометей”, но все монтировочно, т.к. Качалов хворает, а без него актерам делать нечего.

К.С. ведет репетиции по “Свадьбе Фигаро”. Головин пока представил эскизы всех костюмов – великолепные. Костюмы шьются под наблюдением Ламановой. Кроме того, удалось от Головина выудить эскиз первого действия. Остальных пока нет. Декорации будет писать Ив. Як., который уж раз ездил к Головину и скоро поедет снова. И над костюмами он тоже наблюдает. Вообще по постановочной части шли какие-то перемены, предлагались какие-то изменения в смысле организации, и, по-видимому, будет утверждено такое положение: Симов заведует всей худ.-пост. частью⁵, его помощник и зав. пост. частью – Ив. Як., а Гудков заведует сценой.

Репетируют ежедневно “Смерть Тарелкина” с новым режиссером В.Г.Сахновским⁶. Тарелкин – Москвин, Варравин – Грибунин, Расплюев – Тарханов, Ох – Добронравов, Унмеглихкейт – Вишневский, Брандахлыстова – Шевченко. Эту пьесу (или, может быть, “Унтиловск”, ко-

торый еще не начинали репетировать) собираются приготовить к марту.

Начали заниматься по “Отелло”. Это постановка будущего сезона. Отелло – Леонидов, Дездемона – Тарасова, Яго – Прудкин, Эмилия – Шевченко, Кассио – Ливанов. Вот примерно все репетиции. Конечно, как всегда, есть еще временные, как напр., сейчас “На дне”, куда вводят молодого Раевского на роль Костылева. Хмелев не может играть, раз параллельно с “Дном” идут “Турбины”.

Самый больной и ужасный вопрос у нас – наше безденежье. Театр весь в долгу. По векселям долгу около 100 000, и все векселя срочные до 1 января. Соцстраху должны тысяч 50. Губсоцстрах поступил с нами решительно: наложил арест на 20% ежедневного кассового прихода. Бухгалтерия старается выкрутиться, но ведь дело идет о выкручивании на несколько дней, а в общем, такими временными займами, передергиванием то тут, то там – делу помочь нельзя. Вероятно, придется ходатайствовать об открытии кредита для покрытия долгов, а этот кредит покрывать уже после 1 января. Сейчас у нас такое положение: при очень хороших сборах – или долги платить и жалованья не выдавать, или жалованья заплатить, а векселя не оплатить. Этот вопрос чрезвычайно волнителен для дирекции и совета. Вопрос прибавок, который в начале сезона так всех волновал, теперь кончился сам собой. Вероятно, ни о каких прибавках и говорить нельзя. Если и назначат повышение окладов, то только нескольким, о чем я Вам, кажется, уже писала.

Дм. Ив. уже в санатории, откуда на этой неделе хотел непременно Вам написать. Я к нему езжу раза два в неделю.

Третьего дня, проходя по Б.Дмитровке часов в 7 вечера, я вдруг услышала оркестровую репетицию “Клеопатры”⁷. И так захотелось послушать эту музыку, что я вошла в театр. И вдруг сразу повстречала многих наших студийцев. Оказалось, что у них вечерняя репетиция “Анго”. Потасили меня в зрительный зал показать, как они репетируют, и немного поболтать. Действительно, обстановка репетиций совершенно невероятная. Весь зрительный зал в лесах, сырость страшная, краска капает, и в то же время пущено отопление. Все репетируют в пальто, потому что сыро. А вместе с тем не холодно ведь, даже скорей душно. И такие все живые, бодрые, радостно было на них смотреть. И меня они встретили так, что я чуть ли не до слез растрогалась. И все мы с такой нежностью вспоминаем Америку. Если б Вы знали, как часто я горюю, что не осталась. Не должна я была тогда никого слушать, должна была сама решать – и решать именно остаться. Я к теперешнему театру ни за что не привыкну, это я вижу. И другого, лучшего – не жду. Изменилось мое чувство, изменилось отношение, надо и жизнь менять⁸. Если б удалось!.. Ну, будьте здоровы, Владимир Иванович, благополучны, радостны. Всем, кто с Вами, шлю сердечный привет.

Да, хотела я спросить Вас, есть у Вас какой-нибудь телеграфный специальный адрес, сокращенный. А то я не знаю, неужели надо выписать все эти слова – и Жозеф, и Скенк, и Продакшнсу?

Ваша О.Бокшанская

Москва, 20 октября 1926 года

Письмо № 6

Милый Владимир Иванович!

Вчера получила Ваше письмо от 30 сентября – первое из Холли-вуда¹. Было очень радостно читать, как хорошо, как блестяще Вас там встретили, как великолепно устраивается Ваша домашняя жизнь, и при этом очень тревожно, потому уж слишком все это хорошо, чтоб Вы много думали о нас и хотели бы снова всех нас увидеть. Письмо это я давала прочесть Вас. Вас., Ник. Аф., рассказывала о нем Качалову, Москвину, Книппер... Не видела К.С. и потому просила Рипси рассказать ему о полученном письме. Она было струсилась: “Он ведь станет расспрашивать со всеми подробностями, а я что-нибудь забуду, не так скажу”. Я сказала: если ему интересно, я дам ему просто почитать все письмо, там секретного ничего нет.

Мы продолжаем жить все в той же атмосфере: денег мало, потому что долги большие. Надо хлопотать о рассрочке долгов. В этом смысле предприняты уже шаги. И так обидно сознавать, что, несмотря на обязательные аншлаги “Турбиных”, все равно дела не поправляются. С “Турбиными” все так же: идет травля в газетах и журналах, и одновременно идет такой спрос на места, что всегда множество людей отходят от кассы ни с чем – все билеты проданы. И спектакль имеет определенный успех у публики, легко смотрится и великолепно играется. По репертуару Вы видите, что идет он часто, не меньше трех раз в неделю.

Введены строжайшие правила относительно выдачи контрамарок. За выдачу их всем “федичкам”² театров грозит штраф и даже увольнение. Нас это постановление спасает, потому что иначе одолели бы желающие попасть на “Турбиных” друзья. В виде самой большой милости теперь можно выпросить места “постоять”. При этом в бельэтаже стоят от разных учреждений, а свои – только в верхнем ярусе. Вчера я пошла посмотреть одну картину на Ваш балкончик, там нас оказалось 4 человек. Не правда ли, слишком полно? Театр задерживает для своих нужд по 6 мест ежевечерне, на случай просьб из наркоматов. Если б Вы знали, чего мне стоило упрямить продать мне два места из этих шести. Продать – за наличный расчет, и то приходится умолять. Места теперь расценены: 7 руб. первые и 5 руб. вторые. В общем, “Турбины” при абонементных (когда много мест продано по абонементной, пониженной цене) дают в вечер 3 200–3 300 рублей. Средний сбор “Горячего” – до 2 800 р., “Декабристы” в воскресенье тоже дали эту сумму, но, вероятно, и из-за хорошего театрального дня, и потому, что идут теперь редко. “Федор” дает до 2 500, в абонементы меньше. Малая сцена нас не радуется, едва ли она дает на круг больше 400–450 руб., и то только благодаря воскресному сбору, а остальные дни – и до 400 не дотягивает. Вообще с

этой сценой одни огорчения. Затратили на ее ремонт 15 000 руб., из-за нее держится увеличенный штат, а радости от нее никакой. Наоборот, постоянные огорчения: оркестр жалуется на переработку (приходится играть и тут и там в один вечер и перебегать из помещения в помещение), актерам для нар. сцен тоже приходится перебегать, старикам там играть трудно, а старые пьесы молодежи сборов не делают... Вот посмотрим, что сегодня сделает “Мудрец”, который наконец принят в смысле монтировки. То, что я вчера видела на монтировочной, для этой сцены очень хорошо: Ванечка Гремисл. с честью вышел из всех затруднений.

Скоро войдут в работу новые пьесы для Малой сцены: “Дядюшкин сон” (режиссура Лужского и Горчакова)³ и “У царских врат” (режиссура Н.Н.Литовцевой). Распределения ролей первой пьесы я полностью не знаю, знаю только, что дядюшку будут играть Лужский и Хмелев, Зинаиду – Коренева, хотят, чтоб маменьку Марию Александровну играла М.П.Лилина, которая, вероятно, к концу недели будет здесь. Она 17-го выехала из Парижа и по пути задержится на несколько дней в Риге. В “Царских вратах” Карено играет Качалов, фру Карено – Еланская, Ингеборг – Гаррель, Бондезен – Станицын и Ливанов, профессор – Подгорный, Иервен – Сеницын (этого Вы не знаете, он принят в год Вашего отсутствия, кажется, из незлобинской труппы, сразу на положение артиста, не сотрудника. Играет он две роли: Незнающего в “Продавцах славы” и Рылеева в “Декабристах”). А в понедельник автор инсценировки “Хижины дяди Тома” читал труппе свою эту пьесу. Вероятно, скоро и ее начнут “распахивать”. Там я только знаю, что дядю Тома будет играть Вишневский, которому не терпится поскорей войти в работу. Уже окончательно зафиксирована весенняя поездка в Тифлис и Баку. Баку с 20 апреля по 10 мая и Тифлис с 10 мая по 1 июня. Всего 40 спектаклей. При этом решено оставить в Москве драматические спектакли на Большой сцене до 15 июня. Но как разделится труппа и какие пьесы и в каком составе поедут на юг, а какие останутся здесь, еще не решено. И очень пока еще смутно идет разговор о поездке на июнь в Лондон. На днях я получила письмо от К.А.Тренева – две странички горьких раздумий о судьбе “Пугачевщины”, вопросы, где теперь я и как проводила лето. Он бродил по казачьим землям.

А сегодня вдруг слышу, как Вас. Вас. говорит, негодую по поводу трат на актерский состав: “А теперь еще и “Пугачевщину” требуют! Как же оплатить такую труппу, такие народные сцены!” Кто требует – не знаю. Не управление ли госактеатрами? В противовес “Турбиным”? Ведь писалось же в одном журнале, что если “Пугачевщиной” и “Продавцами славы” театр сделал два шага вперед, то “Турбины” откатили его на четыре шага назад.

Третьего дня К.С. получил телеграмму, приглашающую его войти в юбилейный интернациональный комитет по чествованию 25-летия деятельности Рейнгардта. Он ответил согласием. Чествование будет 30 октября. От театра туда будет послан адрес на русском языке (с при-

ложенным переводом на немецкий). С утверждения Луначарского Рейнгардту дается звание почетного члена МХАТ, в знак чего ему будет послана золотая “чайка”. Вероятно, в скором времени Н.Н.Литовцевой будет дана серебряная “чайка”, такая, какие давались за десятилетнюю службу в день 25-летнего юбилея театра. Вообще же с жалованием “чайки” решено так: она дается не механически за прослуженные 10 лет, а по специальному представлению в высший совет.

Поправилась Книппер, уже выходит на улицу, но пока не репетирует и не играет. Сегодня Турусину играет Соколовская. Хворала и теперь поправилась Евгения Мих., сегодня будет играть Глумову.

Погода у нас отвратительная: выпал мокрый снег, сделалась на улицах коричневая грязь, холодно, сыро... И так странно читать в Вашем письме об изумительной погоде и пении неведомых птиц в Вашем саду. Пальмы, кипарисы... Все Вам завидуют, право. А для меня – страшно, что Вы с Барримором начинаете работать. Это увлекательный актер. С ним можно позабыть даже о великолепной Вашей московской труппе. Как Ваш английский? И какой Вы – веселый, радостный?.. Пишите же о себе, о своей работе, Вы знаете, что помимо интереса к Вам, у меня громадный, страстный интерес к кино.

Сердечный привет дорогой Екатерине Николаевне и Мише, а также “молодым” Бертенсонам.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша *О.Бокшанская.*

Вот только что вышедший дальнейший репертуар октября:

Большая сцена – Малая сцена

27-го, среда “Горячее сердце” – “Битва жизни”

28-го, четв. 1 сп. 8 аб “Дни Турбиных” – “Мудрец”

29-го, пятн. 2 сп. 9 аб. “Дни Турбиных” – “Продавцы славы”

30-го, субб. “Горячее сердце” – “Невидимка”

31-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Декабристы” – “Елиз. Петр.”

ноября: 2-го, вторн. “Дни Турбиных” – “Прод. славы”⁴.

2 сп. 10 аб.

О.Б.

Москва, 2 ноября 1926 года

Письмо № 7 (Это копия того письма, которое до Вас не дошло, как Вы написали в телеграмме.)

Милый Владимир Иванович!

Снова вышел большой перерыв между письмами. Мне совестно ужасно. И было бы обидно думать, что Вы это приписываете невниманию, может быть, лени... А все из-за массы работы по театру и отчасти из-за семейных событий: у сестры моей дней 10 тому назад родился второй сын. И вечера у меня за время ее пребывания в лечебнице для театра, для занятий пропали – сидела у нее. Теперь уж все благополучно, и ее и малыша перевезли домой.

Вот дальнейший репертуар (это уж так у меня заведено, что письмо я начинаю с репертуара).

Ноябрь:

3-го, среда 2 сп. 9 аб “Турбины” “Мудрец”

4-го, четв. 2 сп. 1 аб. “Царь Феодор” “Невидимка”

5-го, пятн. 2 сп. 10 аб. “Турбины” “Прод. славы”

6-го, субб. “Декабристы” “Елиз. Петр.”

7-го, воскр. “Гор. сердце” “Прод. славы”

9-го, вторн. “Турбины” “На дне”.

Дальше идет предполагаемый, но еще пока не утвержденный репертуар следующей недели:

10-го, среда “Турбины” “Прод. славы”

11-го, четв. 2 сп. 2 аб. “Гор. сердце” “Битва жизни”

12-го, пятн. “Турбины” “Прод. славы”

13-го, субб. “Турбины” “Мудрец”

14-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Дядя Ваня” “Невидимка”

16-го, вторн. 2 сп. 3 аб. “Царь Феодор” “Елиз. Петр.”.

Как видите, у нас выпал один утренник, 7-го. Это ведь годовщина Октября, и поэтому днем спектаклей нет, все будут участвовать в манифестациях и шествиях. А спектакли вечерние накануне, в субботу, – спектакли, отданные организациям, не поступающие в продажу. За эти спектакли как сыгранные в праздничный для всех служащих день будут оплачивать особо. “Турбины” еще на этой неделе кончаются для абонементов и отныне пойдут только вне абонемента. Пьеса эта дает громадные сборы. При объявленных на нее несколько повышенных ценах она делает в вечер не менее 4 000 р. Уже сейчас мы превысили сме-

ту так: вместо предполагавшихся по смете сборов по обеим сценам в 2 675 р. мы взяли на круг по 3 040 р. И то этот перебор так сравнительно незначителен только потому, что было слабо начало сезона и все эти аншлаги должны были покрывать сентябрьские недоборы против сметы. Но долгов на театре столько, что даже и такое благополучие пока нас не спасает. Что, правда, входит в норму, это выплата жалованья. Начинают платить аккуратно, не позднее пяти дней после конца полумесяца. Это сильно успокаивает всех.

По смете Дм. Ив., мы должны взять в сезоне на круг по 3 500 р. в вечер с обеих сцен. Тогда мы расплатимся с долгами. Соцстрах нам уже рассрочили. Там было долгу 47 000 за 1925/26 г. Долг этот рассрочен уплатой на два года: на нынешний и на будущий. Т.е. не на годы, а на сезоны, нынешний и будущий. И еще хлопочем, чтоб наши долговые обязательства, до сих пор нами подписанные к погашению 1 января, были бы продлены до апреля – мая. Кажется, и тут пойдут навстречу. Таким образом, к концу сезона можно будет с долгами вздохнуть посвободнее. И вместе с тем сейчас из-за отложенных сроков есть оборотные средства. Словом, как-то “рассосалось”.

Большая сцена ежедневно занята “Прометеем”. В четверг 4-го должен его смотреть К.С., вероятно, и высший совет заглянет. То, что я до сих пор видела, ужасно. Уже задается вопрос, можно ли вообще снять эту постановку, не показав ее? Но говорят, что это нельзя, после таких затрат материальных и моральных. Или думают, что должен прийти К.С. и все совершенно переменить. А как же это возможно, когда надо ломать все решительно, все до основания. Надо все-таки ждать четверга. Нет человека, который не бранил бы спектакль в том виде, в каком он приготовлен, и не горевал бы за театр. Говорят, Вас. Ив. мучается всем этим сильно. По плану его надо выпустить в середине ноября...

Репетиции по “Фигаро” принял на себя К.С. Конечно, попутно занятия ведутся и Телешевой и Вершиловым. На днях Ив. Як. Гремиславский снова был у Головина и привез от него три эскиза декораций, так что всего у нас теперь четыре. “Фигаро” ведь разбит режиссурой на 9 картин, и за Головиным остались 4 эскиза и 1 макет последнего акта, в саду. Этой декорации он рисовать не будет, ее рисовать и нельзя, потому что по режиссерскому плану действие в саду будет разбито на эпизоды. Декорация будет стоять на кругу, и круг будет вращаться на глазах у публики (принцип “Лизистраты”¹). Мне только что сказали, что то, что прислал Головин, совершенно изумительно. Сейчас эти эскизы в зале К.О.² на репетиции, и я их увижу к концу дня. В “Фигаро”, как говорят пока по секрету, возможна одна перемена, страшная для срочного спектакля: может статься, что у Баталова возьмут роль и дадут ее Прудкину. А вместе с тем постановка, по плану намеченная на январь, может стать очень срочной, если К.С. “Прометей” в ноябре не выпустит и переменит порядок премьер: сначала “Фигаро”, а потом переделанный “Прометей”. Это тоже еще секрет, также предположения, чтобы

не пугать ни прометистов, ни фигаристов. Опять-таки надо ждать для разрешения этих дел четверга.

Похоронили “Смерть Тарелкина”. Постановка отменена, чему искренно обрадовались все занятые в ней актеры. В замену ей предложен “Унтиловск”, о котором вчера вечером должно было состояться совещание. Что там решили, пока еще не знаю. Режиссером “Унтиловска”, вероятно, будет тот же Сахновский, который был приглашен на “Тарелкина”. Но “Унтиловск” – это пока еще разговоры, еще пока и пьеса не переписана, один, авторский, экземпляр дается на чтение то Москвину, то Лужскому, то еще кому-либо.

Приехала Мар. Петр. Лилина. Выглядит молодцом. Говорит, что немного пополнела, по-моему, это незаметно. Была в театре в воскресенье на спектакле, смотрела “Декабристов”, волновалась сильно. Но на “Турбиных” она идти не хочет, боится, что ее совсем это расклеит. Говорит, что придет смотреть только “Мудреца” да “Дядю Ваню”. Ей Соня – Тарасова интересна. Хотела бы начать играть, и К.С. на этом настаивает, чтоб она не слишком уж погрузилась в домашние хлопоты, но играть-то почти нечего сейчас. Могла бы начать Турусину, но не хочется ей входить в спектакль на Малой сцене, а “Мудрец” только там и идет. Хотела бы Хлёстову играть, а “Горе от ума” не в репертуаре.

27-го открыли Муз. студию³. На открытии собирался быть, еще задолго об этом говорил, К.С., и не пошел, потому что в отношениях между его студией и нашими стало что-то неладно. И действительно, наши тут могли бы быть правы, а оказались из-за неумения себя держать – виноватыми. Все вышло из-за денег. Дали они той студии денег в долг, те вовремя не вернули, поставили наших студийцев в тяжелое положение. Конечно, все это Остроградский натворил⁴. Вот уж второй Румянцев. И так себя неделикатно по отношению к студийцам повел, что наши взъерепенились. Но вместо того чтоб пойти к К.С. с жалобой на Остр., они составили чрезвычайно резкий протокол с постановлением “вернуть деньги не позднее 2-х часов дня такого-то числа”, с возложением на студию Станиславского ответственности за нарушение их производственного плана, за неоткрытие в назначенный день их спектаклей, и т.п. Протокол составлен был в очень резкой форме и, конечно, попал к К.С., взволновал и обидел его. А тут еще как-то к нему пришло правление нашей студии, и присланный в студию от Главнауки Шувалов держал свою речь в таком тоне (по адресу К.С.): “Вы должны то-то, Вы должны то-то”. Так что К.С. наконец ему сказал, что “я ничего не должен”, и напомнил, что студия, как он сказал, 6 лет ходила в корсете МХАТ⁵.

Словом, пошли какие-то, хотя и неглубокие, но недоразумения. Я не знаю, что они ему говорили, но К.С. мне сказал, что студия предложила ему, что Дмитр. театр будет принадлежать ей, а они дадут его в субаренду студии К.С. Это ему тоже было неприятно. Все-таки, конечно, театр дали К.С-чу, иначе бы опереточный коллектив непременно

отторговал бы его себе, а не ютился бы теперь в “Альказаре”. А у наших есть тот козырь, что у них репертуар готовый, что они – театр, а те – студия, да без репертуара, да без декораций, да без костюмов. Вчера как раз в студии был черновой, но публичный показ “Царской невесты”, без декораций, без костюмов⁶. Я не пошла, не хотелось...

Да, так 27-го открыли студию. Я, конечно, там была. Их очень хорошо встретили, такими искренними, радостными аплодисментами, которые начались от постепенного просветления сцены и длились во время начала первого хора. И первое действие кончилось под сильные аплодисменты. Любит публика эту заключительную живую картину. Не очень мне понравилось, что сразу после первого акта на сцену подали несколько корзин цветов, которые студия получила (между прочим, и от нашего театра). И что тоже после первого акта какие-то друзья крикнули “Баратов!” – и Леон. Вас. кланялся в зрительном зале, у мест первого ряда⁷. В этом была какая-то поспешность. Второе действие прошло, по-моему, слабо. Или я уж слишком привыкла к блестящей Ол. Вл. и не могу принять необаятельную Белякову⁸. С огорчением заметила, что в обеих рецензиях, читанных мною об этом спектакле, именно Белякову только и отмечают с одобрением (в строках о новых исполнителях). Для меня она неприемлема, самое неудачное место спектакля. Амаранта и Бюте были наши прежние – Соколовская и Михайлов. Ведь у студии с Амарантой совсем плохо: Дурасова ушла и даже ее нет в Москве, а Гундобина перешла в хор МХАТа, и вероятно, будет гастрольно играть там Амаранту, когда Соколовская не сможет. На открытие, как мне говорили, хотели и старого Лушара пригласить, но Ник. Аф. в тот день был занят в “Горячем сердце”⁹. Сам он горевал по этому поводу, ему хотелось снова “поиграть в Лушара”. наших студийцев иначе, как молодцами, и назвать нельзя.

Так они изумительно работали для начала сезона. По-настоящему – герои. Они работали в такой ужасающей обстановке, они играли премьеру, правда, в чистеньком и аккуратном зрительном зале, но в каких холодных, сырых, сараеобразных уборных! Они показали чистый, аккуратно слаженный спектакль, но не было весело; я понимаю, что в рецензиях пишут, что полиняли краски. С внешней стороны спектакль был очень хорош. Костюмы прекрасно подновлены, декорации тоже. Сцена, конечно, тесна. В толпе много новеньких, но это совсем не бросается в глаза.

После спектакля был чай, без особых приглашений, а так, как они говорили: “Будем очень рады, если кто-нибудь останется”. Мне со всеми ними так хорошо, так легко я себя чувствую в их среде, что я осталась с большим удовольствием. Вспомнили Америку, танцевали после чая. Во время же чая были речи, воспоминания, пожелания... Почетным председателем был Ник. Ал. Семашко, который, однако, быстро сбежал, куда-то торопился. Могу отметить, что громадной любовью и нежностью пользуется Баратов. О нем все говорят более чем тепло, и

действительно, он отдал себя всего студии, только этим теперь и жил. В среде новеньких у них есть милые лица и, как говорят, хорошие голоса. Сегодня у них премьера Пушкинского спектакля (Зарема – Полозова). Хотела бы успеть пойти туда хоть ненадолго, но не знаю, удастся ли. “Перикола” уже прошла, дня через два после “Анго”, но я не успела там побывать на этой второй “премьере”.

А сегодня в “Новом зрителе” прочитала заметку: “Ближайшей премьерой Муз. студии им. Немировича-Данченко явится “Последняя новость Нью-Йорка”, режиссер М.Гальперина и Дм.Смолина. Музыка Корчмарева, разрабатывающего для этого спектакля последние музыкальные новинки Америки. Постановка Л.Баратова. В “Последней новости Нью-Йорка” будет занята вся труппа”. Вероятно, это общая выдумка всех названных в заметке лиц. Используя все то, что перевидали за время путешествия, дадут в обработку все “Римембер” и “Олуэйс” – фокстроты, что привезли с собой, и поставят, может быть, забавный капустник.

Во время открытия вела длинный разговор с Любичким, который предан Вам все так же безмерно и всюду грызется. Но отношения у него как будто не всегда хороши, да и в УГАТ Григ. Ал. хотел что-то ему попортить, так что его в членах правления не утвердили. Но правление его к своим заседаниям привлекает. Он хотел мне обо всем как-нибудь подробно рассказать, чтоб я Вам написала. Сам он никак не может успеть Вам написать. А вообще спайка у студийцев хорошая, настоящая.

Сегодня вернулся из отпуска Дм. Ив. и с завтрашнего дня начнет бывать в театре весь день. С середины своего отпуска он, живя в санатории, все же бывал почти ежедневно в театре, часа по два-три в день. Но, конечно, при том, как его разрывали на части, этого было мало.

В административном мире стало заметным учреждение внутренней инспекции в театре. Лучше всего Вы в этом разберетесь, если прочтете положение об инспекции. Но так как без санкции высшего совета я не могу послать Вам положения, то я и просила дать мне такое официальное разрешение, и тогда тотчас вышло. Пока в инспекции два члена: Н.В.Егоров и Ник. Аф. Конечно, большая часть работы лежит на Егорове как специалисте и вообще для этого и приглашенном человеке. Ник. Аф. же участвует в консультации. Недавно инспекция выступила с рядом писем ко всем отделам театра. Было предложено, в каком порядке оповещать инспекцию о деятельности отделов. У некоторых лиц это вызвало какое-то волнение, у кого – недоумение, кто – принял спокойно. Как я, например, получив тоже письмо. У меня очень хорошие отношения с Н.В.Егоровым, он дает мне кое-какую работу, и я вижу, что с ним работаете легко. Кажется, он хочет, чтобы меня привлекли и к работе в инспекции, и по высшему совету, т.е. он считает, что должен быть образован такой общий секретариат, в котором и я должна работать. Тогда меня, вероятно, освободят от переписки ролей и пьес, работы, которая меня заедает. А вместе с тем Нина Серг. в интересах

своей репертуарной конторы ужасно просит, чтоб я не открещивалась от пьес¹⁰. У нее есть переписчица, но плохая, неопытная и медленная.

Я не хочу сейчас Вам очень много писать о внутренних наших отношениях, которые сейчас как раз как будто из довольно острых начинают переходить в умиротворенные. Если так действительно будет, то я Вам уж тогда сразу и напишу. А то сейчас могу написать что-нибудь из того, что было, но уже изжито. Сейчас идут какие-то крупные нелады во 2-м театре. Там назначили заседание для выборов месткома, но на заседании вдруг пошло “выяснение отношений”, пошел ор, крик. Выборы, по предложению представителя союза, отложили, а назначили еще собрания уж для специального выяснения. И до сих пор все еще неладно. Кажется, там сильное течение против Ив. Ник. Если буду что-нибудь точно знать, конечно, непременно Вам напишу.

Вчера был ужаснейший пожар на фабрике “Межрабпомрусь” (кино), где снимались наши Александров, Баталов (Володя). Пожар возник из-за короткого замыкания, ударившего в ленту. Она вспыхнула, пошли взрывы. Через минуту все здание пылало. Лестницы, уборные – все из дерева. Ник. Григ. выскочил в трусиках и фуфайке из окна 2-го этажа. У него сгорело все платье, шуба, все, что было на нем, когда он приехал на съемку. В.Баталов также пострадал. Приехал в театр в боярском костюме. Сегодня, правда, есть заметка, что будто бы убытки до 40 000 всего, и новые фильмы не погибли.

Милый Владимир Иванович, Вы не устали читать? Не клянете меня, что я так многословна? Больше не буду. До свиданья. Всем, кто с Вами, и Вам шлю нежный привет. Не забывайте меня.

Письмо Серг. Льв. я получила и на днях ответчу ему.

Ваша О.Бокшанская

106.

Москва, 10 ноября 1926 года

Письмо № 8

Милый Владимир Иванович!

Вчера получила Вашу телеграмму о запросе, посланном Вам Ходоровским¹. Тотчас же показала ее Юстинову и Вас. Вас. с просьбой связаться с кем-либо из Наркомпроса, чтобы выяснить это дело. Вас. Вас. через короткое время снесся по телефону с Ходоровским и узнал от него, что он не имел в руках никакого доклада о поездке. На это Вас. Вас. ему сказал, что такой доклад Вами был сюда прислан и подан студией ряду лиц и что он это дело наладит так, чтоб доклад к нему попал. Ход. сказал, что у него нет и баланса поездки.

Звонила я Любичкову, но того застать не могла и увидела только

сегодня утром. Он пришел в театр и имел беседу с Вас. Вас., а потом со мной. Он мне объяснил, что тот большой доклад, что я ему передала на пароходе, он подал Колоскову, Лунач. и Яковлевой. Но так как сторона финансовая, сделанная в этом докладе, совершенно не удовлетворила Управление, то по заказу студии сделан был финансовый отчет нашим бухгалтером Козловым и представлен в Управление. Конечно, следовало бы его в копии передать и в Наркомпрос, но об этом тогда не подумали, рассчитывали, что Управление само передаст отчет в Наркомпрос. Вас. Вас. уговорился с Люб., что в пятницу (12 ноября) утром будет созвано совещание: Вас. Вас., Баратов и Камерницкий (правление теперешнее), Люб., Козлов, Юстинов и я. И тогда порешат, как поступать дальше. Мое мнение, что надо, чтоб теперешнее правление обратилось к Ходоровскому и сказало, что им известно о таком запросе, посланном Вам, но что, конечно, запрос этот надобно было попросту направить в студию, т.к. не можете же Вы оттуда прислать какие-то финансовые точные данные. Пусть Ходор. скажет, что ему нужно получить, и студия на основании всех документов, которые находятся здесь, представит ему все данные. В этом смысле я прислала Люб. рассказать своему правлению и приготовить их к такому походу в Наркомпрос. Окончательно план действий выяснится на заседании в пятницу. У меня такое впечатление, что студия держит линию отречься от ответственности по поездке. И Люб. мне это подтвердил². Но мне кажется, особенно на них и претендовать нельзя: им так тяжело достается теперешнее существование, где тут думать о прошедшем. Например, в деле об уплате Сергею Львовичу его затрат на поиски сундука Грем. они явно хотят уклониться от платежа. Говорят, что деньги эти не включены в окончательно зафиксированный счет долгов студии. На это я возражаю, что в таком невключении меньше всего виноват Серг. Льв. Говорят, что в этом деле вообще виновата “администрация поездки”, на это я сказала Люб., что, значит, виноват он, бывший администратором переезда Бремен – Москва. Люб. меня просил поднять и этот вопрос на заседании в пятницу, так как там будут члены правления, сам же он в правлении не состоит и ничего решать не может. Ив. Як., потеряв надежду получить деньги за отыскание сундука, решил получить с них эту сумму требованием оплаты за свою консультационную работу по “Пушкинскому спектаклю”. Требование это передано в правление, но еще неизвестно, оплатят ли они его и за это. Я сказала, что только не понимаю одного, почему за это должен платиться Сергей Львович. В это дело вносится слишком много личного: и доля зависти к благополучию Серг. Льв., и обида на Грем., “бросившего студию”... Но это все-таки не основание для неуплаты долга.

Я Вам писала в день премьеры “Пушкинского”. Вечером пошла в Дмитр. театр. Никогда мне этот спектакль не нравился, а в тот вечер – особенно. Все было так вяло, так затянато, так бледно и скучно. И таким было впечатление всего зрительного зала, с кем ни говорила я. При

этом ряд неудач: накладки с освещением, темнота на сцене, арфа сломалась во время арии Молодого цыгана, так что допевал он без аккомпанемента (бедный Пермяков!). И невероятно тягучий темп оркестра, который почему-то был взят. Как играли – сказать не могу: я сидела в ложе дирекции, а она позади всего зрительного зала, за последним рядом партера. Хорошо *пела* Полозова, но как играла – не знаю, до меня не дошло. Сцена для установок мала, “Фонтан” на ней пропадает. Опоздала я на “Алеко”, но слышала, что Саратовский был не в ударе. Мне понравилась в самом финале Ля-Туш (я пришла ко второй картине), но слышала, что ее поругивали за арию³. Спектакль имел слабый успех у публики (зал был полон), и единственная рецензия, которую я читала (в “Вечерней Москве”) была нелестная.

Я спрашивала, как идут их материальные дела. Пока хорошо. Они идут бездефицитно, спасаясь субботними и воскресными сборами. С 23-го должны вступить спектакли студии К.С. “Царская невеста”. Но до сих пор твердой уверенности в возможности начала их сезона нет. Уж очень у них все черне. Во всяком случае, в афишу объявление об открытии уже попало.

Муз. студия весной (28 марта) уезжает на три месяца на гастроли. Маршрут примерно тот, какой проделали той весной “старички”. И еще какие-то города прибавились. И антрепренер тот же. Кажется, у них на эту поездку большой расчет.

Теперь наши дела. Во-первых, репертуар ноября:

17-го, среда “Турбины” “Прод. славы”
18-го, четв. “Турбины” “Мудрец”
19-го, пятн. “Декабристы” “Битва жизни”
20-го, субб. “Турбины” “Прод. славы”
21-го, воскр. утр. “Синяя птица”
веч. 2 сп. 4 аб. “Царь Феодор” “Дама невидимка”
23-го, вторн. “Турбины” “На дне”.

Вчера чуть-чуть не слетели “Турбины”. Заболела ангиной Соколова, а дублерши нет. Узнали о болезни днем, часа в два. Из-за дублирования этой роли уже идут споры. Хочется играть и Тарасовой, и Молчановой. Реп.-худ. коллегия предложила их к утверждению, но между членами высш. совета пошли разногласия: кто находит, что пьеса должна идти только в основном составе, всякая замена испортит спектакль, а кто – что роль Елены не такова, чтоб ее не могла сыграть и еще какая-то актриса, кроме Соколовой. Пока спорили, случилось несчастье: болезнь Соколовой, и пришлось бы или отменять спектакль (это летят 4 000 руб., а может быть, и больше, если летят и дальнейшие спектакли, а “Турбины” на этой неделе 4 раза), или вводить кого-нибудь без репетиции. Сошлись на втором решении, и Тарасова сыграла без репетиции, едва успев хоть немного освоиться с текстом. О замене было объявлено со сцены перед спектаклем, именно о такой замене, без репетиции. Для публики, конечно, чуждость Тарасовой всему ходу пьесы не была

заметна, мы же все, смотревшие ее, страдали и за нее, и за партнеров, которым было ужасно тяжело. Но все-таки она справилась без заметных оплошностей, получила сегодня днем репетицию и сегодня снова играет. Вероятно, этот случайный вход в спектакль и решит все дело дублирования роли Елены, и Тарасова получит роль. А так, без этого случая, вопрос был спорным потому еще, что говорили: надо уж тогда дать Молчановой, у нее работы нет, а Тарасова сейчас репетирует Дездемону и у нее есть официальное дублерство Ио⁴. С “Прометеем” дело обстоит так: в четверг К.С. смотрел первые две картины (всего их три) и делал после репетиции замечания Смышляеву и всем участникам. Он принял первую картину-пантомиму, но много протестовал против деталей второй. Там особенно его неприятно поразил хор Океанид, говорящих стихи хором под музыку, этак по Сережникову, и танцующий, очень по-ученически, какую-то кадрили⁵. Он страшно это раскритиковал, и теперь фразы хора будут говорить три девушки, три голоса. И танцевать, надо думать, перестанут. В тот же вечер с Качаловым К.С. имел беседу, часа четыре. И решено, что он с ним будет заниматься этой ролью. Но сейчас опять заминка – Вас. Ив. захворал, лежит в постели, сегодня доктора звали.

Сейчас Управление снова вернулось к сводной афише, так что по Москве теперь расклеиваются две афиши: театров МОНО и театров УГАТ и Главнауки⁶. Управление настаивает, чтоб в газетах вовсе не печатался бы репертуар гостеатров. Но мы пока продолжаем печататься в “Известиях”. Не знаю, надолго ли? Сводная афиша имеет отвратительный вид: вся набрана разными шрифтами, почти каждый театр сбоку, у своего названия, поместил свою “марку” (теперь каждый имеет свою “чайку” в том или ином виде). Афиша вышла пестрая, сумбурная, мы все ходим и возмущаемся ее видом. Вас. Вас. в Управлении сказал, что это не “сводная”, а “сводническая” афиша. Сделано это вследствие режима экономии.

В прошлом своем письме я Вам писала о неналаженных до сих пор внутренних отношениях между советом, дирекцией и инспекцией. И в этом письме пока ничего другого Вам сказать не могу. Но как раз сейчас идет заседание совета, которое может многое решить. Во всяком случае, почти все члены совета считают, что день сегодня решительный. Так хотелось бы, чтоб наступила какая-то ясность, а то настроение все не ладится из-за постоянных недоразумений и волнений. Вероятно, я очень скоро Вам снова напишу, после пятницы.

От Вас давно нет письма.

Всем сердечно кланяюсь и желаю хороших дней.

Всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

107.

Телеграмма 13/XI-1926

Студия помощью Лужского Юстинова принимает меры ликвидации здесь вопроса подробном финансовом отчете. Привет. *Бокшанская*

108.

Телеграмма 14/XI-1926

Константин Сергеевич просит сообщить стоп мотивируя перегруженностью артистической работой Лужский отказался от замдиректорства стоп возможность неприемлемых назначений и приводящие обстоятельства безотлагательно вынудили Константина Сергеевича просить Наркомпрос утвердить его в должности ответственного директора стоп письмо следует привет *Бокшанская*

109.

Москва, 15 ноября 1926 года

Письмо № 9

Милый Владимир Иванович!

Вчера ушла к Вам телеграмма, которую я послала по поручению К.С. Не знаю, было ли это известие совершенно новым для Вас, или Вы могли быть готовым к нему, получая какие-нибудь частные письма из театра. Во всяком случае, я непременно хочу еще сегодня хотя бы вкратце осветить Вам наши дела: очень подробно сегодня не смогу, так как через полчаса начнется чтение пьесы “Унтиловск”, в присутствии посторонних. Сегодня у нас так наз. “соединенное заседание репертуарной коллегии и высшего совета”, на котором будет читаться “Унтиловск”. Приглашено человек пятьдесят. Половина из них – высшие члены правительства, половина – литературный мир. Главные роли распределены между Качаловым, Москвиным, Лужским, Грибуниным, Добронравовым. Эта пьеса сначала предполагалась для молодежи, но потом состав исполнителей был изменен.

Думала написать Вам еще днем, но день весь ушел на поездку в таможду, откуда – только усилиями и хлопотами одного Ник. Аф. – удалось получить остаток конфискованных, но еще не проданных вещей. В отношении же проданных вещей сделана невероятная вещь, нечто неслыханное в истории таможди: деньги за них будут возвращены владельцам вещей. Так что окончательно конфискованными оказались только вещи, которые были утаены и скрыты, вшиты в подкладку и т.п.¹

Итак, о делах. Надо Вам сказать, что с самого начала сезона, с момента сначала предположительного, а потом и установленного² ввода отдела инспекции, у нас начались сильнейшие трения между ней и дирекцией. Настолько эти трения были сильны, что, напр., Положение об инспекции, учреждаемой при высшем совете, было подписано всеми членами совета, кроме Вас. Вас., который тут шел против совета и становился как директор на сторону дирекции. И все-таки Положение это было проведено, и инспекция официально введена в работу театра. Конечно, тут пошли всякие толки и пересуды. Положение дирекции было печально: по этому Положению она не имела права ни на какие самостоятельные, без ведома инспекции, поступки. Но, конечно, можно было бы работать в полном контакте, и тогда никаких обостренностей быть бы не могло³. Но, вероятно, тут сразу стало жалко расставаться с властью. Эта внутренняя борьба докатилась, конечно, и до Управления. И это обстоятельство еще больше заставило Управление подумать о назначении постороннего человека, вроде того Митина, который, помните, был после Вашего отъезда в Карлсбад прислан к нам⁴. Таким намерениям Управления способствовали и неурядицы во 2-м МХАТ и Третьей студии. И Григ. Ал. не то собирался делать, не то делал доклад о необходимости ввести в этих театрах давно желательный ему способ управления⁵. У нас в театре происходили всякие заседания и еще больше – разговоры Вас. Вас. с Егоровым, выяснялись отношения, высказывались обвинения и выслушивались объяснения, но как следует ни до чего нельзя было договориться⁶. Атмосфера же все становилась хуже и хуже, пока наконец не стала совсем невыносимой. Наконец был созван высший совет, на котором Вас. Вас. сказал, что он чувствует, что К.С. и совет им недовольны, что он не может угнаться за фантазией К.С., что, может быть, он действительно не на месте, но что едва ли кто-нибудь другой, кроме К.С., сможет сейчас стать во главе дела без риска очутиться перед назначением постороннего лица. На это К.С. сказал, что сам прекрасно понимает критическое положение театра и потому, несмотря на всю трудность для него такого решения, принимает на себя должность директора. На следующий день Вас. Вас. подал бумагу с просьбой об отставке, а К.С. – о назначении его ответственным директором. Анат. Вас. принял эти бумаги и, конечно, не мог ничего возразить, раз сам К.С. берет на себя руководство делом. Однако до сих пор ответа от Наркомпроса нет, и потому нет окончательного утверждения. Сначала К.С. думал уведомить Вас тогда, когда получит утверждение, но потом, и отчасти по моему настоянию, решил сообщить сейчас же, опасаясь, что Вас об этом может известить Наркомпрос и Вы сразу не разберетесь, в чем тут дело. Тут возник сразу вопрос о Вас, т.к. ведь ушел-то зам. директор, а директор ведь у нас есть – это Вы. Но вместе с тем К.С. ведь не может подать просьбу о назначении его зам. директором. В моем разговоре с К.С. и Ник. Аф. я сказала свое мнение: у нас всегда было два директора, почему же вдруг теперь это может вызвать

какое-то противодействие⁷. Мне кажется, что Наркомпрос по представлению театра должен утвердить и К.С. в звании директора, что ничуть не уменьшит степени Вашего директорства. И только в таком направлении и должен просить театр и так должен отвечать, если будет ставиться вопрос: кто же директор, Вы или К.С.

Милый Владимир Иванович, надо идти наверх, там уж, вероятно, начинается съезд и прием. Завтра обязательно напишу, но тоже уж к вечеру, т.к. днем снова волокита в таможне по получению денег за проданные вещи.

Всего хорошего. Привет всем.

Ваша О.Бокшанская

Москва, 19 ноября 1926 года

Письмо № 10

Милый Владимир Иванович!

Обещала в прошлом письме написать Вам на следующий день, но была занята, не смогла, а дальше впала в такую меланхолию, что не могла заставить себя писать письмо. И не только у меня, у всех в театре настроение отвратительное, какое-то слякотное, чему способствуют и такая же погода. Сейчас в театре веет какой-то скукой, серостью. Конечно, это временно. Прошли волнительные дни “Турбиных”, когда сначала волновались, будет ли разрешена пьеса, а потом – кто ругает, где ругает, как ругает. Теперь и ругать перестали. Все свое написали, и все-таки пьесу не сняли... Поэтому театральные отделы газет перешли к следующим злобам дня, и только изредка где-нибудь снова промелькнет кивок на “Турбиных”: будто для аншлагов страшно важно, чтобы пьеса была критиками изничтожена. Вместе с тем подошло время, чтоб “неистовства” с получением билетов на “Турбиных” как будто немного спали. Все “безумцы”, которые готовы были заплатить за билеты сколько угодно, пьесу перевидали, и вчера был первый (после 20 аншлагов) недобор в 150–200 руб. Но, может быть, это было отчасти и из-за погоды – шел снег мокрый, дул ветер... Хотя, помните, как Вы говорили, что это не оправдание неполного сбора: кто решил пойти в театр, того погода не остановит. Вероятно, все же еще надолго пьеса эта обеспечит нам хорошие сборы. Ясно, что недобор может получиться только от непродажи первых мест (по 7 р.), т.к. в Москве немного людей, которые могут выбросить на билеты такие деньги. Дешевые же билеты раскупаются с бою. Каждую пятницу у нас происходит лотерея – и, Боже мой! – что делается около кассы. В прошлую пятницу с трудом удалось кассирше протолкнуться в кассу, публика не верила, что она кассирша, и ни под каким видом не пропускала ее вперед.

Вот как раз только что звонили Дм. Ив. из МГСРС¹, спрашивая, правда ли, что пьесу эту снимают через неделю. По Москве все время ходят разные слухи: то ее вообще снимают, то ее снимут после того, как мы сборами покроем все расходы по постановке, то снимут после того, как мы возьдем сборами 75 000.

С “Турбинами” в конце прошлой недели опять чуть не случилось несчастья из-за болезни Яншина, внезапной. Роль такая, что дублера, да еще без репетиции, никак не введешь. Поэтому в первый день болезни своей играл все-таки Яншин. У него была температура 39.4. А на следующий день дали репетицию Раевскому, и вечером он сыграл Лариосика, сыграл, не подводя спектакля, но очень уж бледно. Так что в отношении

его постановлено, что он будет только дублером “на пожарный случай”. А Тарасова уже получила право на правильную очередь. Вот репертуар, которого я не посылала Вам в прошлом письме.

Ноябрь:

24-го, среда “Турбины” “Продавцы славы”

25-го, четв. “Дядя Ваня” “Елиз. Петровна”

26-го, пятн. 2 сп. 5 аб. “Гор. сердце” “Невидимка”

27-го, субб. “Турбины” “Прод. славы”

28-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Декабристы” “Битва жизни”

30-го, вторн. “Турбины” “На дне”.

На Малой сцене очень хорошие, полные сборы делает “Дно”. Да и “Мудрец” вчера дал аншлаг. Постепенно публика начинает привыкать к тому, что на той сцене спектакли идут в том же составе, что и на Большой сцене, и что там идут пьесы, которых больше на Большой не увидишь. Однако “Мудрец”, вероятно, прошел на Малой сцене вчера в последний раз, будет перенесен обратно на Большую. Ведь он пойдет не чаще одного раза в неделю (примерно, как “Дядя Ваня”) и, конечно, сделает хорошие сборы и тут.

Не знаю, почему вышло такое недоразумение с той телеграммой, которую я отправила по поручению К.С. Я ее послала в воскресенье, а в понедельник получила телеграмму, что моя депеша не доставлена за ненахождением адресата. Тогда я отправила тот же текст на Ваш домашний адрес. За день до отправки этой телеграммы я послала Вам телеграмму относительно доклада о поездке Муз. студии и опять-таки на адрес “Унартистико”. Получили ли Вы ее?

По делу назначения К.С. до сих пор нет никаких перемен. Нас удивляет, что Наркомпрос не отвечает о принятии отказа Вас. Вас. и о назначении. Сегодня запросили Наркомпрос по телефону и ждем теперь ответа часа через два. Если будут какие-либо новости, я припишу в конце этого письма.

Из-за этого у нас в театре сейчас междуцарствие, нового управления нет, а старое говорит: нет, мы бывшие, мы ничего не решаем больше, мы же все трое подали в отставку².

Вчера я видела в театре Софью Витальевну, которая, видимо, сильно озабочена слухами о перемене управления театром. По-моему, она или неправильно осведомлена, или неправильно понимает дело: ведь весь вопрос ставится в плоскости: нужен ответственный директор, ответственный вот за это дело, вот за этот сезон, за эти месяцы, и если это не будет К.С., то это будет человек, присланный извне. И если бы театр заявил: у нас директор Вл.Ив., то, конечно, ответили бы, что Вл. Ив. не может быть ответственным за ведение дела в Москве в настоящее время и что нам нужен директор ли, зам. директор ли, но кто-то, кто поведет дело. И конечно, прислан был бы какой-нибудь “Митин”.

Тут я делала перерыв в письме, а потом узнала, что из Наркомпроса сказали, что по этому делу Варв. Ник. будет сегодня говорить с Анаг. Вас. и что еще раз нам позвонят оттуда завтра. В театре идут все прежние работы. Все так же Большую сцену занимают рыбниковские громады “Прометея”, все так же Рыбников монтирует, пускает “лучики” на Прометея. Вчера, без всяких световых эффектов, репетировали последнее действие, еще до сих пор не показанное К.С.-чу. Вероятно, после показа оно тоже будет в корне изменено. Да и нельзя, по общему мнению, оставить эти конфетные пляски с цветочками полуголеньких “ученичек” вокруг освобожденного Прометея. Не знаю, как все это будет на спектакле, но сейчас постановка может вызвать или протест, или стыд за театр, или смех. Смотри по отношению зрителя к театру.

“Фигаро” временно застрял на репетициях с Телешевой и Вершиловым, т.к. К.С. почти не бывает в театре. Он выпускает свою музыкальную премьеру “Царская невеста”. В воскресенье днем будет единственная генеральная – и для властей, и для нас, и для пап и мам. Как-то недавно был просмотр для членов Общества друзей студии – без костюмов и гримов. Я тогда не пошла. А в воскресенье непременно пойду.

Ив. Як. собирается к 1 декабря ехать в Ленинград к Головину за последними эскизами. Там же вместе с Головиным он будет работать макет 1-го акта и примерно к 15 декабря вернется в Москву. Поставить предполагается в конце января. Ив. Як. уже начал писать декорацию 1-го акта. Работает он в Семеновской мастерской, которую усиленно ремонтировали.

Ежедневно репетирует Нина Ник. “Царские врата”. В распределении ролей в одном из писем к Вам я перепутала: Гаррель играет фрекен Ховинд, а Ингеборг играет Лидия Зуева.

В прошлый раз я Вам писала о чтении “Унтиловска”. Из властей была только Ел. Конст. Малиновская из секретариата Рыкова. Писатели пришли, кажется, все. Пьесу читали неровно. После чтения начались дебаты, выступали и товарищи Леонова, и кое-кто из правительств. (вернее, служащих в тамошних учреждениях) лиц. По всем разговорам выходило, что хоть пьеса и талантлива, но мрачна, пессимистична и потому нежелательна. Говорили долго, часов почти до двух. Но наконец К.С. поставил вопрос так: что должен делать театр? Исключительных современных пьес нет. Стало быть, надо ставить или строго классический репертуар, или ставить современный, выбирая наиболее талантливые произведения. И тогда все ораторы сказали, что последний выход лучше и, стало быть, пьесу как будто ставить не то что можно, а даже нужно. Очень горячо в защиту пьесы говорил ее режиссер Сахновский. Сейчас начали уже репетиции по “Унтиловску”, но, сказать по правде, в театре мало у кого лежит к нему сердце.

Очень начерно вошли в работу “Две сиротки”.

Вчера я снова говорила с Камерницким относительно представления доклада по поездке. Дело в том, что Наркомпрос (хотя бумага к Вам

шла от Ходор., но он ее подписал за отсутствием Варв. Ник., вообще же доклад надо представить именно ей, и от нее исходит это требование) хочет иметь подробный отчет о поездке, так его представляют здешние театры. По смете было по этой статье столько, фактически взято столько-то, и объяснение, почему недобор. То же самое и с расходами. Как говорят, они таким путем хотят установить бесхозяйственность поездки и тем самым отмахнуться от платежей. (Однако я слышала, что летнее жалованье как будто студия получит, но когда? – вопрос.) Работа эта совершенно каторжная, т.к. надо ведь делать сводку за целый год, а все траты производились в разной валюте, все надо сводить к рублям. Это поистине кошмарная работа. Летом А.А.Козлов делал краткий отчет, и то просидел над ним ужасно долго, а подробный – надо работать месяца 3–4. При этом у нас ведь нет подробных предварительных смет, есть какие-то общие предположительные сводки Румянцева. Делать такой отчет может только спец, а такого в студии нет. Стало быть, надо приглашать снова кого-нибудь, как летом пригласили Козлова, и платить ему за работу, а денег на это у них нет. Словом, при всей занятости студийцев делами текущими, достаточно нервными, трудно ожидать, чтобы они с большим жаром могли приняться за это дело. Я просила Камерницкого написать Вам все эти соображения, ведь я многого не знаю в их работе, и по моему письму Вы вдруг подумаете, что они отмахиваются.

Минут пять тому назад вбежала ко мне Рипси и сказала, что сейчас во время репетиции “Царской невесты” провалился потолок над оркестром, поранило двух оркестрантов, разбило, кажется, два инструмента (одну скрипку Страдивариуса), рабочий чуть было не погиб, провалившись в эту дыру: его сняли сверху... Она побежала туда. Говорит, что К.С. в ужасном состоянии.

Видите, и тут им не везет, ведь у них вечером спектакль. Я говорю о наших студийцах.

Я просто не знаю, как будет с отчетом. Конечно, им нечего возразить, когда они указывают, что это было дело Румянцева, за это он получал жалованье, почему же теперь они должны расхлебывать и расплачиваться за его безделье. Правда, об этом поздно теперь говорить, отчет же все равно подавать надо, и именно им, у которых на руках все документы, а не Вам – оторванному от дел студии. Тут нужен настолько “бухгалтерский” отчет, что и я не могу ничего сделать и могу только помочь в составлении объяснений. Вы, вероятно, читая все это, сердитесь и возмущаетесь: “Как это нельзя ничего сделать!” Милый Владимир Иванович, жизнь здесь совсем иная, чем она представлялась и Вам, и всем нам, когда мы играли в Америке. И Вы ничего не можете требовать от людей, которые зубами должны хвататься за все и вся, чтоб как-нибудь просуществовать, как-нибудь, а не хорошо или прилично. И текущая работа берет у всех весь день, все напряжение нервов, все силы. И нет времени и возможности оборачиваться назад. Камерн. мне ска-

зал, что сейчас наверху идут какие-то перемены, которые очень сильно должны отразиться на них именно, и поэтому сейчас им ни о чем, кроме настоящего, думать нельзя. Когда же пройдет такое время, может быть, можно будет и этим вопросом, о докладе, заняться серьезно. Я очень надеюсь, что он Вам напишет, и Вы будете непосредственно от него знать об их делах. Я же почти в студии не бываю, по горло занята в театре. Сегодня видела только Гальперина, который мне сказал, что на круг они идут 1 500–1 600 руб. в вечер, и что это нужно считать очень удачным. Третьего дня я окончательно рассчиталась с ними в смысле таможенных дел: передала деньги, передала всякие описи конфискованных вещей и т.п. Теперь дело за ними. Они должны разобраться в списках проданных вещей, разверстать полученные деньги между пострадавшими и раздать их. Мне только странно, что до сих пор они не поблагодарили еще Ник. Аф. за все хлопоты. Ведь они уж давно отпели эти вещи, и теперь получить за них хотя бы приблизительную их стоимость, а часто и сумму большую, чем они заплатили в Америке, но, конечно, меньшую, чем эта вещь стоит в магазине здесь, – все-таки приятно.

Пожалуйста, Владимир Иванович, скажите Бертенсону, что ему кланяется шведский режиссер Вендбладт, с которым он встречался во время поездки “качаловской группы”. Я только что с ним флиртвала в коридоре. Он приехал в Москву, живет здесь довольно давно и останется еще недели две. Ходит по театрам, интересуется Мейерхольдом. У нас в театре он бывает запросто, заходит на репетиции, обедает в нашем буфете. Сначала к нему был приставлен Савва Саввич, но теперь Вендбладт так освоился, что гуляет по театру без всякого поводыря и ужасно жалуется нам – Рипси и мне – на свое одиночество: ни одна из наших молодых хорошеньких актрис не говорит по-английски или по-немецки.

Шлю сердечный привет Вашей семье и Бертенсонам, милый Владимир Иванович, и желаю всем вам радости и здоровья. Почему Вы совсем не пишете? Жду, жду письма – и все нет.

Да, знаете, какая новость распространилась по всему театру и с чем ко мне все пристают: что Вы сбрили себе бороду. В.Блюм ездил с Трушкиным как-то утром и сказал ему, что у них есть вырезка из американского журнала: Ваш портрет (с каким-то Толстым) – и Вы без бороды. И будто он эту фотографию поместит в следующем журнале “Жизнь искусства”. Я никак не могу себе этого представить и потому говорю, что поверю тогда, когда увижу эту фотографию напечатанной. Еще раз – всего хорошего.

Ваша *О.Бокшанская*

Москва, 25 ноября 1926 года

Письмо № 11

Милый Владимир Иванович!

Вы мне не без укора пишете, что мое письмо от 30 сентября пришло к Вам только 25 октября, в то время как письма Перетты Алекс. доходят в 17–18 дней. А знаете, когда я получила Ваше письмо от 25 октября? – 22 ноября. И письмо, и фотографии, которые я передала по назначению, кроме музейной, которую задержала у себя, показывая всем, кто бывает у нас внизу. То ли письма эти где-то задерживаются, то ли неудачно приходят в порт, не ко времени отплытия парохода. Как же Вы могли подумать, что я ошиблась в номере письма! Конечно, было и письмо № 3, но оно до Вас не дошло. А у меня и копия осталась, и в доказательство своего внимательного отношения к Вам и к письмам я посылаю Вам его копию (теперь уж, конечно, почти во всем устаревшие новости) не для Вашего интереса, а для порядка.

Вместе с тем посылаю Вам копии бумаг по студии, которые я сделала вчера для Вас. По поводу этих бумаг позвольте Вам объяснить следующее. Отчеты делались Козловым по книге Рум. и поэтому оказались неверны, ибо в книге Рум. были некоторые суммы неверно записаны. Поэтому в счете дебиторов вдруг оказались помеченными суммы 77.60 (40 дол. американского банка), которые Рум. неверно записал, и подотчетные суммы, в которых, конечно, все отчитались, что не было проведено по книгам. В счете кредиторов вот какие суммы теперь изменились (ведь отчет этот составлен на 6 июля) – в счет долга в Берлинский банк было внесено 700 дол. (400 отсюда и 300 внесенные Вами), а счет Моск. Худ. театра возрос на 1 сентября до 269 р. 12 к. (по выписке из протокола заседания коллегии Наркомпроса). Насколько я знаю, в настоящее время долг студии МХАТ выражается в сумме 200 с чем-то рублей. Счет 4% налога в Америке (111.75) – опять-таки результат неверной записи Румянцева. Если бы составлялся теперь отчет заново, то, конечно, я могла бы указать по вопросам бухгалтера на характер, истинный смысл каждой записи. Но сейчас, как я Вам писала, студия не может заняться составлением нового отчета.

Когда я приехала, Козлов меня спросил по поводу всех этих спорных сумм, и я ему объяснила, что это недоразумение. Он тогда составил краткую записку для заседания коллегии Наркомпроса, чтобы определенные суммы были внесены в протокол и зафиксированы. Но его предложение принято тогда не было и в протоколе зафиксировали только два долга: 25 000 р. и долг МХАТ 2 469 р. 12 к., остальные же суммы названы просто “все остальные долги Муз. студии” и по протоколу должны быть погашены за счет собственных средств студии. Теперь Наркомпрос добивается подробного отчета о доходах и рас-

ходах, примерно такого, как подал Козлов, только более подробного, но тоже по городам, по валютам, и вместе с тем с переводом в рубли. И при этом хочет иметь смету на каждый город, чтобы видеть, в чем же было дело, откуда получились дефицит. В Вашем портфеле (помните, желтый кожаный, что Вы мне дали с собой) я нашла те краткие сметы, что делал Рум., и передала их Дм. Ив., прося их просмотреть и сказать, могут ли они помочь в этом деле. Он надеется, что они как-то облегчат работу по отчету. Как я Вам, кажется, уже писала, Наркомпрос хочет иметь основание признать ведение дела бесхозяйственным образом. А для этого, конечно, ему нужно видеть разбивку всех расходов, в каждом городе отдельно. Только что я позвонила к Люб., чтоб узнать у него положение с берлинским банком. Он сказал, что у студии сейчас есть возможность послать туда остаток долга (500 дол.), но только надо, чтобы театр выхлопотал разрешение на перевод туда этих денег. Я уже сказала Дм. Ив-чу, и, вероятно, на этих же днях Серг. Ал-дрович достанет в валютном управлении такое разрешение. Вообще же вот примерное положение задолженности студии, за вычетом близкого к погашению долга в берлинский банк:

25 000 – МХАТу,

2 800 с чем-то – МХАТу,

12 000 – Амторгу (6 000 дол. с предположением погасить их в два года)

1 713.75 – разным лицам в Москве (через Дм. Ив. и Люб., предположено отдать их в текущем сезоне).

С Сов. флотом за перевозку они рассчитались.

Я Люб. передала о Вашем недовольстве, что никто ему не пишет. То же говорила и Камерницкому. Камерн. мне сказал, что написал Вам громаднейшее письмо, которое Вы, вероятно, получили в конце октября или начале ноября. Люб. же просил разрешения на днях прийти ко мне и продиктовать мне письмо к Вам от него. Я, конечно, согласилась. Он меня упрекает, что я совсем не интересуюсь делами Студии и потому не могу и Вам достаточно о них писать. Но я этих упреков не принимаю. В театре я занята очень и потому успеть часто бывать у них не могу. Однако постоянно стараюсь разузнать о них всякие новости и тогда пишу Вам. И вряд ли из них кто-нибудь пишет Вам о студии больше, чем я.

У студии было немало волнений из-за того несчастного случая, о котором я Вам писала¹ и писал, как он мне сказал, Вас. Вас. У них слетели спектакли 19 и 20-го. Под угрозой были и дальнейшие спектакли, но им удалось отстоять право на пользование помещением после того, что губ. инженер признал положение неопасным. Охрана труда сильно протестовала, но безуспешно. Спектакли эти они перенесли на 23 и 24-е, дни, на которые были назначены два первых представления студии К.С. (“Царская невеста”). А студия К.С. перенесла открытие на воскресенье 28 ноября. Показная генеральная состоится 26-го, т.е. завтра днем. Студия наша на этом материально мало пострадала. Вообще, по общим уверениям, пока они идут по смете, на круг по 1 600 р., и только их пугает ближайшее будущее, когда они должны будут кормиться

только тремя спектаклями. “Пушкинский” материально (да, пожалуй, и художественно) успеха не имеет и пойдет только в абонемент или как проданный спектакль. Через кассу его пускать невыгодно, и “Анго” и “Перикола” – старые знакомые – выручают их лучше. В начале декабря они надеются выпустить “Карменситу”. Затем пойдет в сильную работу “Лизистрата”. О новой постановке пока еще мало слышно. Гальперин рассказывает всем, что у него со Смолиным выходит чудная пьеса, но текста ее он еще им не читал². По газетным заметкам знаю, что кроме этого предполагаемого ревью, где действие будет происходить в Америке и СССР, предполагается ставить “Прекрасную Елену” с переработанным текстом.

В начале сезона у них были два дирижера: Виткин (помните, скрипач из квартета МХАТ) и Брон, из Харькова, которого они все очень хвалили. По-моему, я Вам об этом писала после моего первого визита в Дмитр. театр. А может быть, собиралась написать, но не написала... Виткин пробыл у них недолго и ушел. Говорят и потому, что не мог совместить работы в студии с работой в Квартете Страдивариуса, где он состоит второй год, и потому, что у него были какие-то с кем-то нелады. Словом, они остались с одним Броном, который принадлежит только им (и не студии К.С., где дирижером некий Жуков, кажется, уже прежде бывший в студии К.С.) и которым они все очень довольны. Это дирижер с большим стажем (вероятно, провинциальным), производит впечатление серьезного и культурного человека. Хотя они и постанывают, что с одним дирижером трудно, но, думаю, при трех спектаклях в неделю они справятся.

Дни они со студией К.С. раз и навсегда не поделили, а решили каждый раз согласовывать репертуар. Кажется, студия К.С. просит не назначать ей двух дней подряд. Хотя это несчастье с потолком как-то сблизило обе студии, но, вероятно, ненадолго. Трудно им ужиться в одном помещении.

Теперь наконец перехожу к Вашему письму и к нашим мхатовским делам. И прежде всего – репертуар декабря:

1-го, среда “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

2-го, четв. “Дядя Ваня” “Елиз. Петровна”

3-го, пятн. 2 сп. 6 аб. “Гор. сердце” “Битва жизни”

4-го, субб. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

5-го, воск. днем “Синяя птица”

веч. 2 сп. 7 аб. “Мудрец” “Дама-невидимка”

6-го, понед. Шефск. спект. “Декабристы”

7-го, вторн. 2 сп. 8 аб. “Царь Федор” “Елиз. Петровна”.

Сейчас снова перечла Ваше письмо. И снова возвращаюсь к долгам студии. Понятно ли, что долга К.С. теперь нет (того, о котором Вы пишете), что этот долг включен в те 2 800 с чем-то, что студия должна театру?

К.С., которому я сказала, как было (как Вы пишете) с дачей МХАТу 2-му названия и “чайки”, говорит, что, во всяком случае, это решение состоялось без него. Может быть, старики были, но его в этом решении не было.

Фотографии Ваши, как я уже сказала, пришли. Хмелев был страшно тронут и хочет Вам написать. Я его только поощряю. Удивительно он милый, и Вам, вероятно, будет очень нравиться. Шура Митропольская говорит, что от Вас карточки перед Вашим отъездом не получила и потому особенно рада была получить эту. А я хожу козырем, как будто и я в том участвую, что люди так счастливы Вашими теплыми словами. Я сама была бы ужасно рада, если б Вы, увидев какую-нибудь свою удачную карточку, вдруг подумали: пошлю-ка я эту карточку Ольге Сергеевне, обрадую ее. Вам ничего не стоит, а мне – масса удовольствия. Правда, у меня есть Ваша карточка, но дали Вы мне ее давно-давно, когда я уезжала одна за границу. И ведь Федичке дали две карточки, что висят в его келье. Правда, пришлите, пожалуйста.

Качалов письмо Ваше получил, это я знаю потому, что мне даже это письмо читали³. Думаю, что он этим письмом был обижен. Когда слушала его, ясно себе представила, как оно должно его задеть. Но все же ему о Ваших строках и Вашем вопросе сказала, чтоб он знал, что Вы это спрашивали.

Так странно, почему телеграмма, посланная на адрес “Унартистик”, не дошла до Вас и мне пришлось ее во второй раз направить по Вашему домашнему адресу. На такой же телеграфный адрес послала я Вам телеграмму относительно доклада о поездке студии. Ее Вы получили?

До сих пор нет ответа от Наркомпроса о принятии отставки Вас. Вас. и о назначении К.С. Говорили оттуда, что вопрос будет рассматриваться сегодня. Однако сегодня звонков оттуда не было. Вероятно, там не отвечают не столько из желания оттянуть, сколько из-за своих собственных передряг. За последнее время столько говорят о том, что Варв. Ник. не останется на своем посту. Много говорится и об уходе Григ. Ал. Против него подан был протест труппы Б. театра, который подписали все светила оперной труппы. Жалоба доходила до самых верхов. Рассмотреть это дело поручено специальной комиссией.

Продолжаются нелады во 2-м нашем театре. Я слышала, что после ряда обвинений, которые были написаны в появившейся там стенной газете, Ив. Ник. подал заявление Григ. Ал-чу о том, что нельзя ему быть в одном учреждении с лицами, позволяющими себе подобные выпады. Говорят, что в тот день, когда появилась эта стенная газета, были отменены все репетиции и происходило обсуждение этого поступка⁴.

Вас. Вас. писал вам, как он мне сказал, о запрещении нам играть “Две сиротки” и “Унтиловск”. По этому поводу было заседание Реперткома в прошлый понедельник, на которое отправились Марков и Судакон. Окончательно ничего не выяснили. Следующее заседание по тем же вопросам – в следующий понедельник, т.е. 29 ноября. Или нет, это был не Репертком, а ГУС, кажется. Во всяком случае, работы по этим пьесам продолжают. “Две сиротки” будут использованы только как

сюжет, а мелодрама будет заново переделана здешним журналистом Массом, а в “Унтиловск” вносятся большие изменения самим автором совместно с Сахновским (режиссером спектакля).

Репетиции остальные идут все так же. Реп.-худ. коллегия настаивает, чтобы “Прометей” был показан К.С. не позднее 1 декабря, а Смышляев, кажется, не хочет этого делать и вообще как будто собирается просить отпустить его на время от работ, потому что ему надо выпускать “Орестею” в своем театре. Там премьера предполагалась 7 декабря, но теперь отложена до 14-го⁵. И вот до 14-го, кажется, хочет уйти в отпуск от нас Смышляев. Но едва ли театр наш согласится на это. Ведь “Прометей” и без того опоздал больше чем на месяц. И при этом страшно задерживает Большую сцену и мешает “Фигаро” перейти туда.

Всем обидно, что эта постановка (“Прометей”), от которой не ждут ничего хорошего ни морально, ни материально, так задерживает все работы театра.

Да, Владимир Иванович, что я хотела Вам давно написать. Когда обсуждался вопрос о телеграмме Вам относительно перемен в управлении нашего театра, К.С. сказал, что он бы дал Вам телеграмму от своего имени, но ведь Вы ему никогда не отвечаете и потому он считает спокойнее для себя послать телеграмму через меня. И это уж не в первый раз, что он упоминал о тех случаях, когда Вы посылали сообщения ему через Люб., что он считал для себя обидным. Особенно принимая во внимание его отношение к Люб., то, что тот был у него в студии и, кажется, не без скандала должен был уйти. Я не знаю, что ему на это отвечать, что советовать: действительно считать, что лучше ему писать Вам через меня или посоветовать все-таки в таких случаях сообщать Вам непосредственно, не боясь, что Вы ему не ответите. Помните, я Вам всегда говорила, что ему и на поздравительные телеграммы надо отвечать отдельно и отдельно в театр, Лужскому, потому что я так и чувствовала, что он это примет болезненно и обидчиво. Ведь здесь ходят разные разговоры, и всякий, кому не лень, повторяет, что Вы всех нас бросили и знать не хотите. Я на то упорно говорю, что это неправда, что Вы интересуетесь всеми мелочами жизни театра, что Вы читаете и московскую газету, и наш репертуар, и просите писать Вам как можно подробней обо всех делах. Даже такой факт, что Сергей Льв. просит меня наладить его связь с профсоюзом, просит оставить его членом Рабиса, я толкую как верный признак, что никто из вас не хочет рвать с Москвой, а наоборот, уверен, что вернется сюда.

Сейчас я сделаю копию письма моего № 3 и пошлю его Вам в отдельном конверте. В отдельном же конверте посылаю Вам две копии отчетов (дебиторов и кредиторов, доходов и расходов) и копию выписки из протокола коллегии Наркомпроса. И прощаюсь с Вами на сегодня, желаю Вам всего хорошего.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша *О.Бокшанская*.

В воскресенье у нас была театральная свадьба: наш Яншин (помните его?) женился на Веронике Полонской (ее уж, вероятно, и не помните, такая юная, светловолосая). Оба они – дети, ему года 23, а ей – 18.

112.

Москва, 29 ноября 1926 года

Письмо № 12

Милый Владимир Иванович!

Когда я писала Вам последнее письмо, ответ на Ваше предыдущее, все время помнила, что надо позвонить к Сумбатовым. Даже позвонила раз, в середине письма, но там был занят телефон. А потом так запуталась со всеми делами, что забыла об этом деле и отправила Вам письмо без приписки о Сумбатовых. А в субботу, 27-го, получила от Вас следующее письмо, где Вы меня так жестоко пробираете.

Сегодня я переговорила с Мар. Ник. Сумб., которая мне сказала, что я застала ее за писанием письма Екатерине Николаевне. Она уж раз написала Екат. Ник. (вместе с Мусей, как она сказала), 27 октября, а 27-го ноября получила письмо от Ек. Ник. от 5 ноября. Конечно, в то время ее письмо вами еще не было получено. Мы говорили довольно много, и хотя она и сама пишет вам обширное письмо, она просила меня сообщить Вам, что у них “все слава Богу”: Ал. Ив. чувствует себя довольно хорошо, уже три раза играл, стоит в афише 7-го декабря, и затем еще намечен утренник в воскресенье “Мудрец”. До сих пор он играл в “Горе от ума”. Старается мало курить, лечится для этого внушением (у того же доктора Шалыт, у которого теперь тоже от курения лечится Ник. Аф.). В Кисловодске он было дал себе волю в курении и довел себя до 18–20 папирос в день, но здесь это количество сильно сокращено, и он выкуривает 8–10–12 папирос в день. Настроение его переменчиво: иногда скучает, и видно, что ему хотелось бы куда-нибудь поехать, иногда кажется, что ничто ему не мило. Мар. Ник. хочет уговорить его на этой неделе прийти к нам на “Турбиных”. За это время участвовал даже в одном диспуте, но это было ужасно, т.к. он там был в отвратительных условиях и сильно устал. Я вспомнила при этом, как Вы раз поддались на уговоры студентов и поехали на диспут в Политехн. музей и как это Вас утомило. Примерно таким был и этот диспут, по рассказам Мар. Ник. Когда я спросила, нельзя ли отучить Ал. Ив. от куренья конфетами (вспомнила, как я по Вашему поручению послала ему конфеты в дни его болезни, перед отъездом за границу), Мар. Ник. сказала, что в прошлом году он было пристрастился к конфетам, но начиная с Кисловодска резко отменил все привычки свои прошлой зимы и не хочет вспоминать ничего о том плохом времени. Даже кабинет свой, в котором болел,

перенес в гостиную. Вот примерно все, что Мар. Ник. мне рассказала. Я просила разрешения звонить к ней по телефону каждый раз, когда буду писать Вам. Я сказала, что так Вы мне поручили делать.

Теперь о высылке пьес нашего репертуара: это дело передано Федичке, который должен получить разрешение на высылку “Турбинных”, без этого отправить нельзя. Я умоляла Федю не заматывать это дело, он мне поклялся, что он будет действовать быстро, и я хочу верить, что завтра-послезавтра это дело разрешится. Теперь все пьесы в сборе, так что сразу можно будет получить разрешение и на “Унтиловск”, против которого сильно восстановлен ГУС¹. Вероятно, в следующем заседании ГУСа в защиту пьесы выступит Сахновский, который очень энергично говорил еще на общественном прочтении пьесы, но протест против пьесы большой, широко распространился во многих кругах. И некоторые в театре опасаются, чтоб не постигла эту постановку судьба “Турбинных”, в смысле нерва перед выпуском постановки. Но защитить эту пьесу будет много труднее, из-за ее непопулярности в высших кругах.

Я тоже прежде всего отвечаю Вам по Вашему письму², по пунктам, а потом уж начну рассказывать наши новости.

Постановления о постановочной части пока еще нет, но, вероятно, скоро будет, и тогда Ив. Як. займет хорошее положение в театре. Сейчас он живет и работает на Семеновской. К нему очень хорошее отношение у К.С. и инспекции. Вижу, что он работает с ними в полном согласии. Вы пишете: “Сахновский в Худ. театре – событие!” Пока это событие никак у нас не отмечено, разве только актеры несосветимо скучали, идя на репетиции “Тарелкина”, и на все вопросы о Сахновском говорили какие-то неясности. Потом “Тарелкина” отставили и Сахновский занялся “Унтиловском”. Об этих занятиях еще ничего не слыхала.

Наши денежные дела, наши долги? Мы начали этот сезон с долгом в 170 тысяч. Сюда вошли: долг (срочный на 1 января) в 70 000 на летнее жалованье (лето 1926 г.), долг Соцстраху за 1925/26 г. – около 50 тысяч, ремонты Малой сцены, отопления театра, Семеновской мастерской – 32 тысячи, еще разные долги, которых сейчас не упомяну. Это были долги, которые в прошлом сезоне или не оплачивались, или же не могли быть оплачены, т.к. были сделаны после конца сезона.

Прошлый же сезон дал чистой прибылью 4 000 р. Да, были еще долги, вернее, траты на новые постановки (“Турбины” и “Прометей”), которые должны были окупиться нынешним сезоном. Словом, начали мы этот сезон с долгом в 170 000. Я сегодня попрошу у Рипси экземпляр доклада инспекции о материальном положении театра перед началом сезона, что был представлен недавно в высший совет. Мне посоветовал так сделать Ник. Вас. Егоров: послать Вам экземпляр этого доклада.

30 ноября

Вчера больше уж не смогла я писать: пришли вниз Москвин, Изралевский, начались разговоры, и так до ухода из театра. Уж к концу

той страницы я стала писать несвязно – мешали. Сегодня, уже к концу дня, продолжаю.

Я вышлю Вам доклад инспекции в отдельном конверте. Хотя я его сама переписывала, но уже не помню, что там говорилось. Ник. Вас. Егоров говорит, что он Вам осветит финансовое наше положение, а кроме того, по-моему, Вы по нему как-то определите и работу инспекции. Это Ваше письмо ко мне (от 6 ноября) сегодня вечером будет читать В.В.Лужский, и кроме того, я сделала из него выписку относительно Вашего мнения о гастролях в Лондоне и передала ее Ник. Аф., чтоб он прочитал ее старикам. Москвину вчера я сама ее прочитала, и он с Вами согласен и говорит, что стоит за месяц гастролей за границей. Летняя (весенняя) же наша поездка пока забракowana. К.С. думает, что придется сидеть в Москве и работать над пьесой для 10-летия Октября. Какая это будет пьеса, еще не решено. 2-й МХАТ к этому дню решил поставить “1793-й год” по Гюго, и вдруг пьесу эту вовсе запретили к постановке. Вообще Блюм теперь свирепствует сильно³. У нас тоже беда с “Двумя сиротками” и “Унтиловском”. Правда, на вчерашнем заседании ГУСа высказались за “Унтиловск”, но Главреп. – против.

(Кстати о Сахновском. Вчера я спросила Москвина, каков Сахновский? Он сказал: “Интересный режиссер, очень острый, ядовитый...”)

26-го днем была генеральная “Царской невесты”. Из-за того, что произошли всякие обиды и неприятности для Рипси с билетами на репетицию (она участвовала в распределении билетов), она не захотела взять для себя и меня хорошие места, и сидели мы с ней где-то далеко, сбоку, в амфитеатре. Поэтому я ничего не видела, только могла слышать. И все-таки спектакль мне понравился, хотя я далеко не была так взволнована, как наши старики, которые сидели в партере. Там я слышала восторженнейшие слова и видела взволнованные лица. Старики все пришли на репетицию, что очень тронуло К.С. Сегодня в “Известиях” очень хвалебный отзыв о спектакле. Вероятно, Вы его прочтете.

Чтобы составить настоящее впечатление о спектакле, пойду его смотреть еще раз, из партера. Но в общем – это “Царь Федор” в опере. Тот же Симов, та же разработанная, но, по-моему, устаревшая манера построения народных сцен.

Сегодня у нас был просмотр К.С., всем высшим советом и режиссерским управлением всего “Прометей”. Как я Вам писала, из-за спешки с “Орестеей” Смышляев отпросился на 2 недели от наших репетиций, и К.С. решил устроить просмотр, чтоб окончательно установить, что можно сделать по этому спектаклю. После показа состоялось совещание всей режиссуры театра. Я еще никого не видела после этого совещания. Знаю, что там был поставлен вопрос: или выпустить пьесу так, как она сейчас показана, или отложить на громадный срок и тогда все кардинально изменить, или совсем снять постановку. Многие действительно думают, что для театра лучше всего совсем отказаться от этой постановки, т.к. в ней что-либо исправить уж нельзя. Как только узнаю решение, Вам напишу.

Вообще сейчас катастрофично положение с репертуаром. Не клеится это дело никак. Нет пьес, для абонементов не хватает одной постановки (а если снимут “Прометей”, то и двух), так что в том разговоре, который на днях я имела с Ник. Вас. Егоровым, он волновался не теми междоусобицами, которые волнуют наши умы в связи с переменой управления в театре, а той катастрофой, которая чувствуется в безрепертуарье, в невыясненности пути театра, в ленивой творческой работе театра. Все это, по его мнению, создавшемся на основании наших рассказов о Вас, явилось следствием Вашего отсутствия из театра. Мне очень интересно, как Вы определите этого нового человека в нашем театре – Н.В.Егорова, как покажется Вам работа с ним. У меня с ним прекрасные отношения, и мне, конечно, хотелось бы, чтоб он и Вам понравился. Он, между прочим, считает, что я должна написать Вам беспристрастную историю всех наших последних событий, которые привели к уходу Вас. Вас. и к директорству К.С., но я боюсь, что мое перо, или, вернее, – “моя машинка” слишком слаба для такого рассказа. Как могла, я передала Вам все. Но боюсь, что вышло это сумбурно и не полно. Ведь когда пишешь о таких вещах, волнуешься, мысли летят скорей пальцев, не успеваешь их все выразить, высказать...

Только что пришли сказать, что решение о “Прометее” вынесено такое: в течение двух ближайших недель все наши режиссеры займутся этой постановкой и постараются внести в нее изменения, после чего снова будет показ и тогда окончательное решение.

Я снова возвращаюсь к вопросу о новом управлении театром. До сих пор К.С. не утвержден в должности, вопрос этот не рассматривался. Быть может, сегодня в Коллегии его поставили. Там, в Коллегии, у Варв. Ник. свои неприятности, и сама еле удержалась, как говорят. А Григ. Ал. вылетел и из Большого, и из Управления. Все это время я старалась втолковать нашим, что от театра должно исходить требование, чтобы, несмотря на утверждение К.С. директором, а не замом, все же Вы остались бы в звании директора. Сначала почему-то наши все меня уверяли, что это и так понятно, что Наркомпрос и сам так сделает. А вместе с тем из Наркомпроса шли какие-то подозрительные слухи. Наконец я убедила, что это надо сделать, потому что ведь поздно будет заявлять тогда, когда Наркомпрос сделает какую-либо неприятность. Я говорила, что если бы Вы были на месте К.С. и у Вас было бы то же желание ни в коем случае не обидеть отсутствующего К.С., то Вы бы попросту позвонили по телефону Анат. Вас. и сказали бы ему, чтоб он сделал так-то и так-то в отношении отсутствующего. Ник. Аф. пытался дозвониться до Анат. Вас., но ему удалось только переговорить с тем лицом, который составляет резолюцию по этому делу, и узнать от него (дав предварительно, конечно, свои советы), что резолюция будет сказана так: ввиду длительного отпуска (или командировки) Вл. Ив. назначить директором К.С. Ник. Аф. по моей просьбе настаивал на содиректорстве, но ему ответили, что это невозможно, но что такой резолюцией

Вы остаетесь директором и механически вступаете в должность по приезде. Может быть, я в этом деле не все достаточно хорошо сообразила, но только верьте мне, что я была занята одной мыслью: чтоб никак Вы не были чем-либо обижены, чтоб я постаралась сделать все как можно лучше для Вас.

Вчера было пятилетие Вахтанговской студии. Днем была гражданская панихида по Вахтангову, с чтением воспоминаний, с речами и музыкальными номерами. Многие из нашего театра (старики) были там. Вечером был спектакль для приглашенных (был ведь понедельник) – “Чудо св. Антония” с чествованием после него. От нашего театра собирались туда Москвин, Ольга Леон., Коренева. От нас поднесли папку с адресом. (При этом опоздали заказать, так что поднесли вчера временную папку, которую потом возьмем назад.) Я еще не видела никого из тех, кто был там вчера, и потому не знаю, насколько все было торжественно. От правительства студия получила право называться “Государственный театр”. Говорили, что они получают и здание (т.е. из муниципализированного оно станет национализированным), но пока это не подтвердилось.

Ни в субботу, ни сегодня не удалось мне дозвониться в Студию Муз., чтоб прочесть им строки из Вашего письма о них. У них там на весь театр один телефон, и дозвониться страшно трудно, а я была занята, не могла долго оставаться у телефона. Постараюсь это сделать завтра. Вчера был у меня Протасевич, ему я прочитала все из Вашего письма, что касалось студии, просила передать всем. Но не очень на него надеюсь. Он мне сообщил, что за два дня до этого (кажется, 27 ноября) женился, с гордостью и радостью показал обручальное кольцо. Но никто ее не знает, она – не актриса.

Насколько я знаю, Ваш доклад Люб. передал в Управление, в Рабис и в Наркомпрос. Вероятно, там его заваляли и теперь не могут найти. Но, как я Вам уже не раз писала, дело не в докладе в том виде, в каком он был составлен, а в материальном отчете, более полном, чем тот, который составил Козлов и который я Вам послала в копии в день отправки последнего моего письма. Ходор. подписал бумагу только потому, что Варв. Ник. была в отпуску, вообще же это ее распоряжение – представить отчет. Когда теперь будет составляться материальный отчет (они хотят его иметь в таком виде: по смете предполагалось расходовать столько-то, израсходовано было столько-то – и объяснение, почему был перерасход), то как раз эти объяснения, почему была превышена смета, надо будет взять из большого Вашего доклада, там многое может пригодиться.

При этом, по отзыву нашей бухгалтерии и студийцев, цифровые данные, сделанные Румянцевым в его части доклада, большей частью не совпадают с данными материального отчета, сделанного по книгам поездки. Поэтому, если будет делаться новый отчет, то он никак не может питаться цифровыми данными доклада, и даже лучше будет, если о

материальной части этого большого доклада не будут вспоминать. Иначе сейчас же обнаружится несостоятельность этой части доклада. Так мне сказали наши спецы.

Мне очень грустно, что Екатерина Николаевна так ко мне изменилась. Я чувствовала это уже раньше, еще тогда, когда была в Америке. Я не знаю, почему это случилось. Я сохраняла всегда, сохраняю и теперь к ней то же очень хорошее отношение и всегда считала именно ее в первую очередь “той, кто с Вами”. Мне больно было читать, что Вы написали, но я благодарна Вам и ей за откровенность. Так как я сама хорошо знаю свое отношение к ней и знаю, что в перемене ее ко мне отношения я неповинна, то думаю, что здесь играли роль и какие-то влияния. Надеюсь, что она верит Вам, когда Вы ей передаете мой привет, что я действительно его посылаю – и от самого искреннего сердца. Пожалуйста, передайте милой Екатерине Николаевне и Мише и на этот раз мой привет и пожелания всяких житейских радостей. Бертенсону послала вчера открытку.

Желаю Вам, милый Владимир Иванович, всего хорошего.

Ваша *Ольга Бокшанская*

113.

Телеграмма 2 декабря 1926 г.

Седьмого декабря театр устраивает чествование десятилетия открытия Второй студии. Привет. *Бокшанская*

114.

Москва, 2 декабря 1926 года

Письмо № 13

(По правилам, к Вам бы не следовало писать письмо № 13, а сразу перескочить на 14-й, но так уж, для порядка, надо пренебречь суеверием. Только бы оно не пропало из-за того, что оно № 13.)

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего – с днем рождения поздравляю Вас. Думаю, что это письмо придет к Вам в этот день или немного раньше, или немного позже, и принесет Вам все мои нежные приветы и пожелания радостей.

Третьего дня получила Ваше письмо от 9 ноября. И эти дни была в такой работе (вечером 30-го и весь вчерашний день), что только сегодня, в середине дня, отвечаю. Письмо Ваше получила минут через десять

после того как запечатала мое к Вам – № 12. Еще в руках его держала, чтобы дать сторожу опустить в почтовый ящик, когда подали мне Ваше письмо, это было перед самым началом спектакля. А сегодня получила Вашу телеграмму о том, что письмо № 7 пропало и что Вам грустно, что я редко пишу. Просмотрела я копию письма № 7 и самой стало грустно: это было громадное письмо, с описанием открытия студии и с объяснением, почему я не писала в перерыв между письмами 6-м и 7-м: у нас дома было событие – сестра родила второго сына, и в связи с этим я пропала у нее в лечебнице и очень мало бывала в театре.

Сегодняшнее утро я была занята перепиской для Вас доклада Инспекции и отчета финчасти за сентябрь и октябрь, которые посылаю Вам в отдельном конверте. А сейчас решила прежде всего написать Вам письмо, а потом сделать копию письма № 7 и тоже послать Вам его в отдельном конверте. Работы у меня опять ужасно много, так что голова кругом идет. Сначала отвечу по Вашему письму, потом напишу репертуар и наши дела.

Да, Вы правы, настроение у меня переменчиво, и когда мне плохо, я всегда жалею, что я приехала, и упрекаю Вас за то, что Вы на этом настаивали. Тогда мысленно я говорю Вам злые вещи, простите меня.

Я сказала и Федичке, и Кудрявцеву о том, что письма их Вами получены. Я часто говорю нашим молодым, как Вы ими интересуетесь и как хорошо было бы, если б они Вам писали. А они говорят, что стесняются и хотели бы, потому что думают о Вас с таким изумительным чувством, а не знают, как решиться вдруг взять да написать. Я им сказала, что и Вы сами хотите написать им – молодежи МХАТ.

О денежной стороне Вы сможете судить еще больше после чтения тех бумаг, что я Вам посылаю. Это действительно ужасно. Мы бы тоже могли (не каждый день) играть по три спектакля в день, как Малый театр, но где? В маленьком помещении нет смысла, сбор не интересен. Пример – наша Малая сцена. А больших нет. Да к тому же мало играть в трех местах, надо в этих трех местах брать хорошие сборы. А в Москве сейчас сборы делают только пьесы Булгакова: у нас “Турбины”, и у ваханговцев – “Зойкина квартира” (тоже с аншлагами). А если играть не эти пьесы, а наш обычный репертуар, то это едва ли поднимет доходность театра. И то уже “Турбины” несколько раз не добрали. Правда, мелочи не добрали, 100–150 руб. и в середине недели, а по субботам – все равно аншлаг. Но это, как говорит Дм. Ив., “звончок”, что аншлаг кончаются. В Малом театре при трех помещениях все же оклады, как говорят, не Бог весть какие. У нас – грустно за молодежь, которая получает немного, а собственно говоря, дает благополучие театру. Это ведет, конечно, ко многим кулуарным разговорам. Но когда пошел было разговор, что будто молодежь проповедует какой-то сепаратизм, то она, молодежь, устами реперт.-худож. коллегии заявила, что она высоко чит старый МХАТ и не позволит никогда себе никаких выступлений, ведущих к сепаратизму. Я думаю, что все такие разговоры, которые

приписывали молодым, и могли быть, но это было несерьезно и вызывалось, вероятно, трудностью житейских обстоятельств. Действительно, должно быть обидно Яншину, идущему чуть ли не первым номером в “Турбинных”, или таким же турбиновским исполнителям Хмелеву, Прудкину, Соколовой – получать 82 и 150 р. в месяц. И еще они ведь заняты и в “Елизавете”, и в “Невидимке”, и в “Горячем”, словом во всем репертуаре. Было тут грустно и то, что среди молодых распространился слух, что существует проект прибавок, по которому старики получают большие прибавки, а молодые – или понемногу, или совсем нет. И это взволновало многие, если не все, умы. И теперь вышло, что никаких прибавок никому не дают, а осадок все-таки остался, что хотели дать больше старикам, чем молодым. А молодежь ведь у нас действительно прекрасная, и хотелось бы, чтоб ей было хорошо в театре.

Только что приходил ко мне Хмелев, принес написанное Вам письмо, пришел спросить адрес и теперь волнуется, дойдет ли оно до Вас. Это я его укорила вчера, что вот, мол, Кудрявцев-то написал, а вы никак не решаетесь. Он пришел домой после “Турбинных” да и написал. Теперь волнуется, как Вы его примете. Славный он человек, столько милого в нем. Общая любовь в театре. Вроде Федечки.

Хотя я могла бы узнать и у нас в театре о том, как живут 3-я и 4-я студии, но я нарочно позвонила в оба эти театра, чтобы сказать там, что Вы запрашиваете там об их делах. Хотела, чтоб они знали, что Вы о них думаете.

Из 3-ей студии (я не могла дозвониться до Русланова или Кузы, их правления, а говорила с администратором) мне сказали, что дела их очень хороши. “Зойкина квартира” дает им аншлаги, остальные пьесы тоже хорошо идут. Жаловаться они не могут, все хорошо. Они расширили помещение до 700 мест. Как я Вам уже писала, им к юбилею дали название “Театр”, национализировали дом. Администратор обещал, что он передаст наш разговор Русланову, может быть, тот захочет написать Вам письмо и через меня перешлет его Вам.

В 4-й студии я говорила с Горским. Он сказал, что они Вам напишут с Бабаниным письмо подробное, а пока просят передать их привет и сказать, что дела их хороши. Не Бог весть какие, не блестящие, но очень хорошие. Они славно ездили по югу, во всех отношениях славно: и материально, и морально. А теперь вернулись, чтоб вскоре открыть здесь сезон, в отношении которого у них хорошие надежды. Работают они дружно, с М.М.Тархановым и с той же Херсонской. Оказывается (после перерыва в письме и всяких разговоров в коридорах), что 4-я студия уже играет, а я-то и не знала... Мих. Мих. меня укорил: не грех бы зайти на спектакль.

Перерыв в письме сделался потому, что у нас волнение, захворал гриппом К.С. и летят спектакли с его участием: сегодня “Дядя Ваня” и в воскресенье “Мудрец”. На воскресенье уже сделали перемену: “Горячее сердце”, а на сегодня дело хуже. Спектакль этот проданный, и надо

играть то, на что согласятся купившие спектакль. А тут сделали “гафф”, предложили “Турбиных”. Для нас это страшно невыгодно, потому что “Дядя Ваня” был продан за 2600, а “Турбины” дают 4000. И при “Турбиных” полетит спектакль на Малой сцене, стало быть, теряется и тот сбор. Может быть, удастся уговорить купивших спектакль на какой-то другой спектакль, не на “Турбиных”, которые, значит, пойдут уж в третий раз подряд на этой неделе. В коридорах разговоры, смятение. “Дядя Ваня” – спектакль, освобождающий многих из молодежи, летят все расчёты на свободный вечер.

Чтоб быть честной до конца, позвонила я к Ив. Ник., чтоб ему сказать о Вашем запросе об их театре. Конечно, тут я и не ожидала никаких прямых ответов, т.к. дела у них настолько запутаны, что ему неудобно мне все это рассказывать. Он просил меня написать Вам, что все они Вас помнят и считают себя связанными с Вами очень крепко; страшно интересуются Вашими дальнейшими планами, т.к. надеются, что Вы возвратитесь и по-прежнему примете участие в их работе советами и помощью.

Только что определилось: сегодня идут “Декабристы” и на Малой сцене остается тот же спектакль “Елизавета Петровна”.

Я отвлекаюсь этой вставкой от 2-го МХАТ. Все, что я о них знаю без разговоров с Ив. Ник. Дела их плохи, сборы плохи. “Евграф” делает то же, что и остальные пьесы, ничего не прибавил в их кассе. За октябрь они сделали на круг что-то 1500. Это, конечно, мало. “93-й год” им запретили, “Орестея” у них опоздала и притом постановка вроде нашего “Прометея”: никто не ждет ничего хорошего от того, что она войдет в репертуар. Они ее стараются поскорей выпустить (намечено 14 дек., но участники сомневаются, что можно успеть), торопятся и со “Смертью Иоанна Грозного”. А тут еще эти внутренние междоусобицы, которые они стараются осветить как выходы хулиганствующих актеров, но которые, конечно, страшно неприятны правлению. Все нападки идут главным образом (а может быть, и единственно) против Ив. Ник., которому приписываются неблагоприятные дела за время их прошлогодней весенней поездки на юг¹. Атмосфера, говорят, у них ужасающая. Конечно, успех наших “Турбиных” принят тем театром более чем ревниво.

Все, что Вы написали для Еланской – фру Карено, я ей прочитала, а потом переписала на машинке в двух экземплярах и один передала ей, а другой при письме послала Нине Ник. (режиссеру пьесы), спрашивая ее, не интересно ли ей будет знать, что Вы написали для Еланской.

А с Муз. студией пришлось так сделать. Я не могла никак дозвониться до них: или занято (у них один телефон на весь театр, на обе студии), или Камерн. и все остальные на репетиции. А в предыдущем Вашем письме было много для них интересного, и вопросы о докладе. Я все это переписала на машинке и послала Камерницкому, который, как я слышала, получил Ваше письмо на следующий день после того, что получила я свое. От себя в записочке я просила Камерн. двинуть дело с

докладом. Ведь я одна бессильна сделать что-либо, чтобы протолкнуть это дело.

Вот репертуар.

Декабрь:

8-го, среда “Дни Турбиных” “Прод. славы”

9-го, четв. “Дни Турбиных” “На дне”

10-го, пятн. 3 сп. 1 аб.: “Горячее сердце” “Битва жизни”

11-го., субб. “Дни Турбиных” “Прод. славы”

12-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Декабристы” “Елиз. Петровна”

14-го, вторн. “Дни Турбиных” “На дне”.

Вчера позвонили нам из Наркомпроса, что К.С. утвержден и что редакция постановления такая, как я Вам уже писала: “Ввиду отказа В.В.Лужского от замдиректорства и отсутствия в длительной командировке директора Вл.Ив., назначить директором К.С.”. Примерно вот в таком смысле будто составлена резолюция по этому вопросу. Сказали, что в самом скором времени пришлют нам это постановление.

Нет, все-таки пришлось сегодня делать перемену на “Турбиных”. Организация, купившая спектакль, не согласилась на “Декабристов”, прибавила к цене “Дяди Вани” 300 р. и сегодня за 2900 р. мы играем “Турбиных”. Из-за этого двойная перемена: и на Малой сцене летит “Елизавета” и назначено “Дно”. Повестки полетели во все стороны. Волнений было, конечно, достаточно. Об этом я Вам пишу после довольно длинного перерыва в письме. Сейчас уже около шести вечера.

Только что отправила Вам телеграмму о том, что 7-го декабря театр устраивает чествование по поводу десятилетия со дня открытия Второй студии. К.С. находит, что театр должен особенно душевно приветствовать юбиляров, которые теперь стали членами семьи МХАТ. С большой сердечностью он говорил, что надо все сделать, чтоб день чествования был необыкновенно хорош. Не знаю, будет ли чествование в день открытия, т.е. 7-го, или его перенесут на какой-либо другой, более удобный день. К.С. сказал, что бывшие студийцы могут сами выбрать день, могут сами выбрать характер праздника, помещение (в Камергерском или на Тверской), словом, чтоб все было, как они захотят. Будет избран комитет для устройства всего этого праздника. Кажется, от стариков в него войдут Москвин и Леонидов. Кто-то мне сказал, что старики не совсем разделяют точку зрения К.С. и не так восторженно относятся к этому дню, вернее, к тому, что так особенно радостно надо отметить этот день. Не думаю, чтоб это была правда. Во всяком случае, теперь, в связи с болезнью К.С. (у него грипп), день праздника, вероятно, будет отодвинут. Я бы очень хотела, чтоб Вы поздравили нашу молодежь, которую так полюбили. Хоть это будет, собственно, праздник Второй студии, но, по-моему, он выльется в праздник всей нашей молодежи.

Вот что у меня записано сообщить Вам. В театре получается французская газета “Комедия”, и там помещены объявления о спектаклях Пражской группы. И под названием “Вишневый сад” написано “креацион¹ Станиславски”, а под “Братья Карамазовы” – “креацион Немирович-Данченко”. Сказал мне об этом Леонидов, сказал возмущенно. Они могут называться группой МХАТ или группой артистов МХАТ, но, по его мнению, называть свои постановки созданными Вами или К.С. они не могут. Если роль Грушеньки была создана в работе с Вами, то ведь роль Раневской работалась самостоятельно. Или разве их исполнитель Мити Карамазова – Ваше создание?

Как видите, здесь ревниво относятся не только к марке МХАТ, но и к тому, что Вашими именами подписаны не Ваши работы. И, может быть, второсортные работы...

Да, знаете, что мне сказал Люб., когда я его увидела после репетиции “Царской невесты”? Что он слышал, что я “переметнулась на сторону К.С.”. Я на это могла только сказать, что мне и “метнуться” не надо было: я всегда исключительно относилась к К.С. и преклонению моему и какой-то восторженной влюбленности, как и прежде, нет границ. Но что это ведь нисколько не изменяет моего отношения к Вам. Помните, в самые ужасные для меня дни, все же я говорила, что Вы в моих глазах никак не изменились. Я думала прежде, что Вы относитесь ко мне так-то, а вдруг оказалось, что я ошибалась и Вы относитесь не так, а этак... Вот и все. Не стоит вспоминать.

Однако такие слова Люб. мне показали, что, вероятно, есть люди, которые могут так объяснить мое поведение или мое отношение к старикам и театру, и – главное – к К.С. Думаю, что Вы в этом разберетесь не только лучше всех, но, может быть, и лучше меня самой. И я только рассердилась, как непонятливы люди, но нисколько не взволновалась, что и Вы можете то же про меня подумать. Я тогда же сказала Любичкому, что думаю, что Вы сказали бы мне на все мои слова и поступки: “Да, вы правильно поступили, вы были правы”.

Да, еще несколько слов о “Прометее”, и пора кончать письмо. Вероятно, сегодня уж не успею сделать копию письма № 7, еще есть другая работа. Тогда перепишу завтра.

Вчера днем к К.С. ездил Качалов для разговора относительно “Прометей”. Я подробно не знаю их разговоров, но слышала, что, вероятно, “Прометей” отодвинут очень сильно, а продвинут вперед “Фигаро” и “Царские врата”, которые, надо думать, придется играть на Большой сцене для абонементов. Вероятно, такое решение устраивает и все режиссерское управление, которое собралось перед поездкой Качалова к К.С. и порешило, что без К.С. работать над этой постановкой – значит, работать впустую. При этом в спектакле неприемлемо все: и актерское исполнение, и внешность спектакля. А как же все это менять? Сколько же денег загублено и сколько же еще загубить?!

Пожалуйста, передайте дорогой Екатерине Николаевне, что я ее

1 От франц. création – творение, создание (здесь – постановка).

крепко целую и желаю много радостей. И Мише кланяюсь. Крепко жму Вашу руку, милый Владимир Иванович, и хочу думать, что больше Вы не будете сердиться на меня за большие перерывы в письмах. Последний большой перерыв был между 6-м и 7-м письмом, и то из-за рождения маленького, а после того я писала аккуратно и часто. Это ужасно только, что письма пропадают. Теперь уж я начала писать с двумя копиями, чтобы в случае пропажи сразу выслать Вам запасную копию.

Еще раз – всего хорошего. И Бертенсонам – сердечный привет.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Пожалуйста, пришлите мне Вашу карточку без бороды и усов. Я Вам писала, что эта новость до нас дошла и подтвердилась письмом Ек. Ник. к матери Подобеда, о котором мне сказали. Пожалуйста, милый Владимир Иванович, пришлите.

Ив. Ив. Гудков очень кланяется Вам и Ек. Ник.

115.

Москва, 6 декабря 1926 года

Письмо № 14

Милый Владимир Иванович!

Вчера с таким волнением услышала снова Вашу “Карменситу”. Я думаю, что это надолго будет лучший спектакль студии. Вы сами вложили в каждого из участников столько нерва, столько глубокого волнения, что студийцы долго еще будут жить на сцене этими чувствами, как только услышат музыку “Карменситы”, как только войдут в эту установку.

Декорация встала на сцене очень хорошо. Конечно, она сильно урезана, убрана вся арка, из-под которой выходит в первый раз Карменсита, и стало быть, та низкая арка, первая слева, подошла вплотную к большой арке правой стороны. Но все это сделал сам Рабинович и потому все выглядит прекрасно. По этой сокращенной установке хор стоит страшно тесно. Сначала мне это мешало (или я уж очень привыкла к “американской” редкой расстановке), а потом даже понравилось: такой доверху набитый “цирк”. И только в последнем акте, пока хор, который стоит не на установке, а внизу (до встречи Карменситы с Хосе), внизу было очень тесно и Карменсита и Лукас были сжаты на серединке. Вот состав спектакля: Карменсита – Абамелик, Хосе – Остроумов, Лукас – Саратовский, цыганки – Кемарская и Крутова, Доротея – Бушера, цыгане – Художников, Пермяков и Горюнов, полковник – Игнатъев, адъютант – Камерницкий, голоса из хора – Дудкина, Ля-Туш и еще третья, не знаю кто (я опоздала из-за дел в театре на целых два акта, пришла

в антракте перед сценой тореадора), мальчик и девочка – Ягодкин и Грубэ. Дирижер – Брон. Он хорошо вел оркестр, хорошо акцентировал. В отношении акцентов он еще больше любит подчеркивания, чем Бакалейников. Так мне показалось. Спектакль имел очень большой успех, особенно после конца. На кассе – аншлаг. Из-за дешевой полосы сбор был не 3 000, как расценен зал, а что-то 2 100–2 200¹.

И Остроумов, и Абамелик много-много лучше, чем были в Америке. Остроумов стал гораздо лучше *петь*. Саратовский мне показался слабее в своей первой арии и хорошо распелся в 3 и 4 актах. Есть кое-какие новости, мелкие штрихи, некоторые из них мне понравились (напр., после антракта перед 3-м действием, после первого вступительного аккорда перед быв. хором контрабандистов, небольшая пауза, во время которой за закрытым занавесом слышно звяканье денег и костей о стол, и потом начинается мелодия и идет занавес). Некоторые не понравились: какой-то взвизг всего хора в ударной фразе Лукаса во втором куплете арии. Не помню сейчас слов, кажется: “Пусть черных глаз...” Так вот когда с этой фразой Лукас бросается к столу Карменситы, взвизгивает весь хор. Цыганщина какая-то, или хор девиц из шантана. Или: в третьем акте Хосе перед арией матери² остается один. У нас он сидел совершенно изничтоженный, опустошенный перед столом. И над ним – эти фигуры женщин. И вдруг одна из них двинулась и переходит на балкончик слева. От этого всегда было жутко: эта зловещая фигура наверху, которая медленно идет и, не отрываясь, смотрит на Хосе. А здесь после квинтета Хосе стал “мотаться” по сцене – от стола к стене, от стены к столу. И переход женщины наверху совсем пропал. И ушла жуть. Когда меня Баратов спрашивал о впечатлении, я ему эти свои соображения сказала. В отношении “мотания” Хосе он со мной согласился, но, видно, ему не понравилось, что я не оценила взвизга в картине тореадора, думаю, он считает этот “акцент” хорошо найденным.

Третьего дня (в субботу) в театре получена выписка из протокола коллегии Наркомпроса, копию которой я прилагаю. Это то, о чем я Вам уже писала ранее. К.С. пока не вступает в должность, потому что болен. О его недомогании я Вам писала тоже. Тогда пришлось заменить “Турбинами” “Дядю Ваню”, в воскресенье вместо “Мудреца” сыграли “Горячее сердце” для того же абонеента. Эта замена особенно нас не смутила, т.к. для абонеента все равно надо было дать и “Горячее сердце”. А следующая неделя вся без участия К.С. Однако К.С. не настолько болен, чтобы не принимать по делам у себя на дому. Однако все самые важные вопросы, вопросы нашего будущего управления, пока еще не решены. И это создает какую-то странную атмосферу в нашей работе. Вероятно, Дм. Ив. Вам об этом сегодня написал. Он отправил Вам об этом большое письмо. Вас. Вас. отошел от дел (не то чтобы он уклоняется, но как-то не входит в курс, да и странно было бы ему это делать), Дм. Ив. и Мих. Мих. все время ждут, когда же они отойдут тоже. Но делами, конечно, приходится им заниматься, но не дирекци-

онными, а заведыванием финансами и труппой, в этих должностях они ведь остались, насколько я понимаю. Неприятно это переходное время. К.С. хочет привлечь высший совет к управлению, а кажется, высш. сов. не очень-то этого хочет, т.к. они там любили раскритиковать постановления дирекции, а самим выносить постановления, без критики чужих решений, им не интересно. И при этом всем очень мало надежды, что именно теперь К.С. сможет много отдавать внимания администрированию. Наша художественная работа сейчас в таком критическом положении, что в этой области ждут К.С. еще больше, чем в управлении. Ведь слетел “Прометей” – и это надо как-то оформить, как-то крепко решить. (Пока считается, что “Прометей” не слетел, а отложен до весны, и первую очередь заняли “Фигаро” и “Царские врата”.) И главное, надо как можно скорее выпустить “Фигаро”. А репетиции по этой пьесе подошли уж к тому топтанью на одном месте, к которому должны были подойти, когда ни Телешева, ни Вершилов уж ничего не могут дать и нужен большой режиссер.

8 декабря 1926 года

В понедельник не закончила письмо, вчера же весь день не была в театре. Потому продолжаю сегодня, милый Владимир Иванович. Вчерашний день пропустила потому, что пошла днем на генеральную к Мейерхольду – “Ревизор” – и так устала от этого спектакля, что вечером чувствовала себя совсем разбитой. Иначе, как издевательством над публикой, этот спектакль назвать нельзя. Немногие из наших досидели до конца, но я решила добросовестно все просмотреть – и поплатилась за это головной болью. Сегодня вечером последняя генеральная, и завтра он выпускает спектакль. До показа был большой интерес к постановке, потому что говорили много о тех выдумках, что ввел в пьесу Мейерхольд. Но думаю, что все это скоро будет развенчано и спектакль не будет давать денег, как прежде этого ожидали. Рассказать коротко о спектакле нельзя, столько там нагромождено всего. И новый текст (частью по первой рукописи Гоголя, частью – изобретения Мейерх.), и новые персонажи: Заезжий офицер, который ходит по пятам за Хлестаковым, и какая-то поломойка, которой Осип говорит свой первый монолог (Осип – молодой парень). А вот разговор городничего в последнем акте с купцами в этой постановке ведется городничим одним, в виде обращения к воображаемым купцам и тем кулькам, рыбинам и окорокам, которые понавалены на столе и диване. Введены в спектакль 10 возлюбленных-офицеров городничихи, которые в ее комнате высказывают и из комода, и даже – с треском и выстрелом – из какого-то подобия аквариума. Пьеса разбита на 15 эпизодов, примерно по пяти эпизодов в каждом отделении. Мейерхольд называется “автором спектакля”. Конечно, введена музыка. Финал же сделан так: свой последний монолог городничий ведет под неумолчный свист окружающих его полицейских. Сбоку стоит доктор и держит в руках горячую ру-

башку. И вдруг с одного конца сцены на другой вереницей в какой-то исступленной пляске проходят все персонажи, потом они переходят в той же пляске в проход перед первым рядом, и в это время сцену закрывает ползущее снизу вверх полотно с громадными буквами – последняя фраза жандарма. Актеры, пройдя перед первым рядом, скрываются в боковой двери. Когда полотно занавесило всю сцену, они все издают визг и бросаются бегом по боковым проходам партера. Обегают партер и скрываются в противоположной боковой двери. Полотно подымается вверх и открывает на сцене застывшую картину испуганных чиновников и гостей, но это все восковые куклы, а не актеры. Сделаны они очень хорошо. Публика аплодирует, и рядом с восковыми фигурами появляются живые актеры. Музыка играет туш, Мейерхольд выходит сам, выводит своих помощников, аплодирует труппе. Да, публику дурачить можно сколько угодно.

Во время этого моего писанья приходил ко мне Прудкин (писала ли я Вам, кстати, что он – теперешний председатель нашего месткома?). Он рассказал мне то, чего я не знала и что его мучит до сих пор. Это телеграмма, которую после премьеры “Турбинных” послал Вам Вас. Вас. и в которой не было упомянуто его имя как удачного исполнителя. Помните, я Вам писала, что он имел очень большой успех и вызывал аплодисменты среди акта. То, что он не был упомянут в этой телеграмме, было настолько несправедливо, что Судаков обратил на это внимание Вас. Вас-ча, но тот телеграмму не переделал. А вместе с тем Прудкину особенно обидно то, что именно Вам, которому он всем обязан, которого он считает своим учителем, не сообщили об его успехе. Тут были замешаны какие-то личные отношения, как он говорит, тут было заранее обдуманное намерение. Он меня очень просил Вам об этом написать, потому что считает неловким самому Вам об этом писать. И вместе с тем он знает, что и я считаю, что его имя, конечно, должно было быть упомянуто в той телеграмме и что я с радостью сделаю для него все хорошее, что я к нему хорошо отношусь и не обижу его, как Вас. Вас.

Я спросила его об его будущих работах, как идет роль Яго, будет ли он играть Фигаро. Он говорит, что в роли Яго все еще не может разобрататься и боится, что ему не удастся эта работа. А Фигаро пока остался за Баталовым. К.С. хотел было, чтоб и Прудкин вошел одновременно в работу, но Баталов, с которым Прудкин дружески переговорил, просил не волновать его вводом дублера на эту роль.

Сегодня у нас общее собрание, скоро должно начаться. Будет обсуждаться кол. договор, который до сих пор не заключен из-за расхождения по некоторым пунктам (особенно в смысле размера отчислений) с месткомом.

Милый Владимир Иванович, когда я на днях перечитала одно из старых моих писем к Вам, я увидела, что обещала Вам послать Положение об инспекции, но не послала. Это не потому, что я забыла об обещании, а потому, что почему-то высш. совет не хочет дать мне раз-

решение. Я считаю это просто нелепым и продолжала бы настаивать, если б это Положение не утратило бы теперь своей волнующей силы. С уходом старой дирекции, вероятно, будет отменен институт инспекции. Конечно, те права и обязанности инспекции, которые там перечислены, помогли бы Вам разобраться, почему дирекция так категорически отказалась продолжать свою работу, но я думаю, Вы и без этого прекрасно поймете все причины и следствия ввода инспектирования.

На днях Москвин получил телеграфное предложение немедленно приехать в Голливуд для съемки. Предложили центральную роль раввина, запрашивали о пожеланиях вознаграждения. Хотя едва ли Москвин сможет теперь, в начале будущего года (не сезона) уехать из Москвы – он слишком нужен здесь в репертуаре. Но отказа он все-таки не послал, а сам запросил сведения более подробные о характере съемки и возможном вознаграждении. Вот как подписана телеграмма (у нас говорят, что это конкурирующая с Вашей Унартиско фирма): Universal Picture Corporation Universal City California.

Милый Владимир Иванович, почему все телеграммы, что я отправляю на сокращенный адрес (Унартиско), возвращаются мне назад с надписью “Не доставлена. Не зарегистрирован”? Единственную мне не вернули, в которой я писала ответ на Вашу о запросе Ходоровского. Но может быть, и ее Вам не доставили, и меня не известили о возврате? Поздравительные Екатерине Николаевне поэтому я отправила на домашний адрес.

Ваша телеграмма вчера утром прибыла, и я распорядилась вывесить ее у нас над диванчиком и на доске на Малой сцене. Студийцы были ужасно рады получить от Вас поздравление, да еще такое замечательное³.

Простите за эти приписки на полях. Дамская манера, сама знаю это, так что не смейтесь надо мной.

Бегу на общее собрание и вообще по делам. Сердечно кланяюсь дорогой Екатерине Николаевне, Мише и Бертенсонам. Вероятно, письмо придет к Вам во время “Кристинмас Дэйс”¹, когда все в Америке будет в зеленых веночках и красных лентах. Желаю всем Вам веселых праздников и крепко-крепко жму Вашу руку. Пусть у Вас все там будет прекрасно, но пусть самым лучшим местом на земле будет для Вас – МХАТ.

Ваша *О.Бокшанская*

1 От англ. “Christmas days” – дни Рождества.

Москва, 11 декабря 1926 года

Письмо № 15

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам ту фотографию, которая сделала в Москве столько шума. Это про нее рассказал Трушникову В.И.Блюм, сообщив, что Вы обрились. Ясно, что тут недоразумение: журнал, поместивший фотографию, указал, что Вы стоите слева, т.е. что Вы, – с бородой. Между тем это, конечно, И.Толстой¹. Блюм же, знающий внешность И.Толстого, решил, что Вы – тот, что стоит справа, бритый человек. Наш музей включил этот снимок в свои материалы, хотя Н.Д.Телешов понимает, что Вас на этой фотографии нет. Музей очень просит Вас написать, каково Ваше мнение об этом снимке. Они эти строки приложат к фотографии. Отсюда пошли разговоры, что Вы сбрили бороду. А потом я услышала, что об этом же написала в Москву Ек. Ник. Теперь я жду от Вас подтверждения, какой же Вы теперь, и очень надеюсь, что Вы пришлете свои карточки не только музею, но и мне.

Вот дальнейший наш репертуар декабря:

15-го, среда “Турбины” “Прод. славы”

16-го, четв. 3 сп. 10 аб. “Гор. сердце” “Дама-невидимка”

17-го, пятн. “Турбины” “На дне”

18-го, субб. “Турбины” “Прод. славы”

19-го, воскр. утр. “Синяя птица”

веч. “Дядя Ваня” “Битва жизни”

21-го, вторн. 3 сп. 2 аб. “Мудрец” “Елиз. Петр.”.

19-го, кроме утренника у нас, идет утренник в Экспериментальном: “На дне”. Это не халтура, та тысяча р., что будет получена за спектакль, поступает в кассу театра. Это спектакль (закрытый, без афиши) для Бюро пролетарского студенчества, которому мы не можем в нашем репертуаре уделять достаточно количество дешевых мест. Эта организация покупает у нас ряд спектаклей на круг по 1 000 р. (независимо от пьесы; им дадут и стариковский репертуар, и пьесы молодежи) и распространяет билеты по пониженной расценке среди студенчества.

Еще не выяснен вопрос, в какие дни будем играть на святках. Дм. Ив. предлагал играть спектакль 25-го вечером, труппа не хочет, и тогда придется играть в сочельник церковный, т.е. 6 января, чего часть труппы тоже не хочет, те, кто думал пойти в церковь.

Я Вам дала телеграмму о чествовании 7 декабря Второй студии не потому, что думали устроить чествование в этот день, а потом перенесли, а потому, что студия принимала поздравления именно в этот день. Но чествование отложено и, вероятно, состоится 27-го декабря. Сначала

дату эту фиксировали определенно, теперь же пошли какие-то разговоры, что надо это празднество соединить со встречей Нового года. А некоторые говорят, что пусть будет празднование 27-го, а встречи Нового года и не нужно делать. Так до сих пор я и не понимаю, как же это будет. Боюсь, что действительно все скиснут относительно встречи Нового года и не будет у нас традиционного бала. Это жалко! Мне кажется совершенно невероятным, если в канун Нового года театр не собирается вместе в нижнем фойе.

Я уже писала Вам, что молодежь ужасно была рада Вашей телеграмме. После спектакля группа второстудийцев поехала в кружок и там ужинала – так отметили они свой юбилей.

Вчера наконец было заседание высшего совета на квартире у К.С. (У К.С. доктор определил воспаление дыхательных путей и запретил ему много говорить. Вероятно, потому у него на дому непрерывный прием разных лиц из театра, причем он говорит без умолку. Однако ему все-таки лучше, сегодня и завтра он выйдет на улицу – на небольшую прогулку, а со вторника начнет приходить в театр и вести репетиции “Фигаро”.) На этом заседании высший совет должен был решить систему нового правления. В правлении утверждены, кроме К.С., Ник. Аф. и Ник. Вас. Егоров. К.С. хотел заведование труппой оставить в руках Мих. Мих., выбывшего вместе с Дм. Ив. и Вас. Вас. из дирекции, но Мих. Мих. категорически отказался. Поэтому самым неясным стал вопрос о заведующем труппой. По мысли Ник. Вас., решено передать заведование труппой реп.-худ. коллегии (председатель Марков, секретарь Комиссаров, члены: Прудкин, Судаков, Завадский, Баталов, Калужский, Горчаков). Коллегия выделяет из своего состава лицо, которое представляет в правлении интересы не только труппы, но и всей художественной части, работает вместе с правлением по всем делам, несет ответственность за дело наравне с другими членами правления (но, видимо, не состоит членом правления) и служит передатчиком по всем вопросам актеров к завед. труппой, т.е. к реп.-худ. коллегии. Таким лицом наметился в высшем совете Судаков. Вас. Вас. предложил Женю, но, кажется, это большого сочувствия не встретило. Женя будет по-прежнему заведовать репертуаром. Женя думал было обидеться (это сообщаю из частных слухов), но он, по-моему, тогда думал, что будет под началом зав. труппой Судакова, по плану же Егорова, он становится в равное положение с Судаковым по отношению к коллегии: он представляет доклады по репертуару, Судаков по труппе. Судаков же вначале не понял намеченной для него работы и как будто не хотел идти в работу, но вчера, переговорив с Ник. Аф. и больше всего с Ник. Вас., делом заинтересовался и рад войти в работу. Он думает, что именно его коллегия и откомандирует в правление. В труппе, конечно, среди молодежи все это вызывает большие разговоры и волнения. Так как там не знают, как будет построено управление труппой, и поэтому считают, что Судаков будет являться полномочным зав. труппой, – назначение

это кажется слишком большим возвеличиванием Ильи Як. Кроме того, бояться его пристрастия к своей родне и друзьям. Думаю, что молодежь ошибается. Илья Як. не будет располагать такими правами, чтоб протезировать своим больше, чем он мог это делать до сих пор.

К.С. хочет, чтоб о перемене выпущен был в театре “манифест” и не позднее завтрашнего дня. Может быть, в этом объявлении еще не будет утвержден Судаков, но обо всем прочем он считает нужным оповестить театр. Объявление это будет подписано всем высшим советом. Думаю, что роль высшего совета теперь сведется к решению крупных вопросов, но не к пересмотру всех мелких постановлений правления, как это было в последнее время в отношении постановлений б. дирекции. К.С. хотел очень крепко привлечь совет к активной работе, даже думали одно время вообще совет сделать тем органом, который управляет театром, но старикам это не понравилось, Вы знаете, как неохотно наши идут на такое хлопотное дело. Я Вам пришлю текст объявления, как только оно будет опубликовано.

Знаю, что сегодня была беседа Ник. Вас. с Дм. Ив. относительно дальнейшей линии в финансах. Но Дм. Ив. пока молчит, к каким соглашениям он пришел с новым управлением, а Ник. Вас. еще не видела.

Прошла пора аншлагов на “Турбинах”. 9 декабря даже был такой невероятный случай, что “Турбины” сделали 3 200. Дм. Ив. этот большой недобор объяснил премьерой “Ревизора” у Мейерхольда. Относительно этой премьеры рецензий еще не было. В “Известиях” Вы, вероятно, прочитали стихотворение Демьяна Бедного “Убийца”, а в “Веч. Москве” вчера была заметка, что тогда-то состоялась премьера, что зал принял ее сдержанно и что отзыв о спектакле будет помещен дополнительно. Можно с уверенностью сказать, что спектакль успеха иметь не будет, пока не слышала ни одного голоса в его защиту. Премьера кончилась у них во втором часу ночи.

Теперь уж “Турбины” пошли у нас в продажу разным организациям (до сих пор это было сделано только два и то с большой неохотой). Кроме того, с 15 декабря на этот спектакль будут даваться билеты в Центр. театральную кассу по пониженной цене (понижена на 50%, первые места вместо 7 р. за 3 р. 65 к.). Конечно, мы все уже избалованы аншлагами и потому сбор в почти 4 000 р. на этот спектакль считаем грустным. “Гор. сердце” продолжает делать хорошие сборы. Вчера, правда, в спектакль 1-го абонеента оно сделало 2 700 р. В ноябре мы сделали по 3 773 руб. на круг по обеим сценам. За декабрь еще сводки нет, т.е. за первые полторы недели декабря, но Дм. Ив. говорит, что до сих пор жаловаться не на что.

Самое страшное, что на смену “Турбинам” не скоро придет новая постановка и что эта постановка едва ли сделает то же, что было с “Турбинами”. В театре относительно “Фигаро” считается, что самым большим для пьесы успехом может быть успех “Горячего сердца”, а это для кассы значит на круг по 3 000 руб. Говорят, что едва ли пьеса будет

особенно блистать исполнением, больше надежд возлагается на внешнюю сторону спектакля, на блеск головинских декораций и костюмов. И.Я.Грем. выезжает в субботу 18-го к Головину, чтоб к сочельнику привезти остальные 4 эскиза и макет последнего акта. Может быть, когда с актерами займется по-настоящему К.С., будет многое найдено для исполнения. Пока, как мне говорят, не смешно. Много музыки, пения. На сцене заняты все из вокальной части, имеют небольшие рольки, куплеты... Музыку пишет Глиэр. К.С. ставит срок постановки в середине января, мы же все к этому сроку прибавляем три недели опоздания, т.е. считаем, что премьера будет в начале февраля. В спектакле занята вся молодежь, даже не представляю себе, какой же может быть в вечер “Фигаро” параллельный спектакль на Малой сцене.

Писали ли Вам, что Горчаков с нашей молодежью сделал “Льва Гурыча Синичкина”, конечно, не такой блестящий спектакль, как в III студии, но очень приятный. В III студии, помнится, спектакль смотрел Сергей Львович и уговаривал и Вас пойти, но Вы тогда не собрались. К.С. послал запрос в III студию, может ли наша молодежь ставить этот спектакль на афишу, и оттуда пришел отказ, хотя, как я слышала, до начала работ Горчаков обращался с этим вопросом в студию, и тогда ему ответили согласием. Поэтому наш “Синичкин” пойдет только проданными закрытыми утренниками на Малой сцене и, вероятно, будет использован тоже для проданных спектаклей в районах. К.С. показом “Синичкина” был очень доволен.

Помимо репетиций по “Фигаро” в театре занимаются “Царскими вратами” и “Отелло”. (Прудкин боится, что ему не сыграть Яго, он еще не нашел того, что нужно. Яго, конечно, не будет злодеем и явным извергом.) Как-то на днях мне сетовал Станицын, что вот, мол, Еланской Вл.Ив. написал о фру Карено, а он и не знает, как много мне нужно у него спросить о Бондезене, как я боюсь, что у меня ничего не выйдет с этой ролью. Он, между прочим, великолепно играет в “Турбинных” немца-генерала – всего в одной картине, но играет так, что отмечен одним из лучших исполнителей.

Затем идут репетиции-занятия с Горчаковым и Марковым по пьесе “В буре времен” – это мелодрама, которая делается по роману “Две сиротки”. И “Трахинянки” – работа О.Л.Книппер с молодежью, которую она начала у себя дома вне планов театра, но которая, вероятно, будет показана и, может быть, поставлена на Малой сцене. Ольга Леон. играет там центральную роль². “Унтиловск” пока не репетируется до представления автором нового текста. Надеются его получить к понедельнику и в тот же день отправить в Репертком.

В Управлении госактеатрами пока без перемен. Григ. Ал. заболел, как объявлено в газетах, воспалением легких. Говорят, это не так, он болен нервами.

Только что ко мне заходила Ел. Петр. Асланова и показала, что они в музее нашли на той фотографии, что Вы им прислали (встреча

в Холливуде) и того господина, что снят на карточке с Толстым, про которого думают, что это Вы, и самого И.Л.Толстого.

Ужасно мне долго теперь надо ждать Вашего письма. Ведь № 7 пропал, а когда еще придет ответ на № 8. Хочется поскорей снова получить вести от Вас. Довольны Вы теперь мной, я пишу часто, как только свободна. Еще раз – до свидания и всего хорошего.

Ваша *О.Бокшанская*.

Хмелев все ходит ко мне, все высчитывает, когда может прийти от Вас ответ на его письмо. Я рассчитала, что примерно к середине января.

Шлю нежный, сердечный привет Екатерине Николаевне, Мише, Бертенсонам. И Вам тоже, конечно. Можно ли в этом сомневаться?!

117.

Москва, 16 декабря 1926 года

Письмо № 16

Милый Владимир Иванович!

Начинаются для меня дни большой работы. Вчера было первое заседание нового правления. И я там присутствовала, записывая постановления. Теперь надо будет мне сидеть на всех заседаниях, причем Н.В.Егоров хочет так наладить дело, чтоб я являлась как бы докладчиком, т.к. ко мне будут поступать все дела, идущие на разрешение правления. Вообще, как он мне сказал, правление собирается меня использовать всюю. Состав правления, как я Вам уже писала, – Н.В.Егоров, Ник. Аф. и Судаков. Илья Як., по-моему, отнесся с большой серьезностью и даже с некоторым волнением к тому, что его привлекли к такой большой работе. Вчерашнее заседание длилось 4 часа, так как тут Судаков вводит в курс дел. Конечно, он во многом должен тщательно разобраться, т.к. техника финансовой и административной стороны ему, кажется, мало известна. Даже несмотря на то, что он был директором Второй студии. Протоколы, их составление и исполнение по ним – оповещение частей – буду вести я. Я досиживаю теперь последние дни здесь, внизу, в комнате Дм. Ив. Опять попаду наверх, на мое старое место, которое узурпировано подобедовскими (теперь комиссаровскими) девушками. Там теперь будет такая планировка. В малой комнате правления (быв. кабинет Подобеда) – р.-х. коллегия, Судаков (зав. трупой) и Комиссаров (секр. коллегии и управдел). Большая комната правления, как я Вам писала, разделена на две комнаты перегородкой в том месте, где прежде была занавеска. В первой от входа комнате, первой к кабинету р.-х. коллегии, будет сидеть одна из девушек в помощь Комиссарову, я и Савва,

который отдается мне на съедение, потому что он, бывши личным секретарем Вас. Вас., теперь остается не у дел. Он будет исполнять всякие небольшие дела и поручения правления и коллегии. У меня на столе – телефоны внутренней и городской связи и от них отводы в коллегую и в комнату правления, что теперь находится за перегородкой. Там столы Егорова и Ник. Аф. и большой круглый стол для заседаний высшего совета. Таким образом, все правление, коллегия и секретари – все будут вместе. Это очень удобно.

17 декабря

Милый Владимир Иванович!

Продолжаю только на следующий день. Уже шесть часов, и я только что освободилась от целой массы дел. И на завтра еще столько осталось всяких дел.

Когда я открыла ящик своего стола, вскоре после того что отправила Вам последнее свое письмо, я вдруг увидела там вырезку из журнала “Экран” с фотографией. И мне стало так совестно, что в письме я писала: посылаю Вам карточку – и не вложила ее в конверт. Теперь она уже лежит в конверте, чтоб со мной не случилось еще раз такой оплошности. Простите, я была недостаточно внимательна.

Посылаю Вам текст объявления о новом правлении, о котором я Вам уже писала. Оно было вывешено на всех наших досках. Правление начало свою работу, я вчера Вам уже написала про наше первое заседание. Скорей бы только устроиться наверху, а то мне приходится столько раз подниматься туда для разговоров с Егоровым.

Сейчас начались разговоры более усиленные, чем до сих пор, о постройке во дворе театра кооперативного дома для работников. План дома уже сделан Рербергом, который будет его строить. Многое в этом деле уже оформлено, но вот нет еще права на застройку этой площади. Надо возбудить ходатайство перед Наркомпросом. (Это не кооператив, в который звали Вас тогда, до отъезда Вашего, тот по-прежнему предполагается строиться в Брюсовом пер., но пока еще не начинался.) И вот в этом деле есть пункт, который смущает К.С., что в дом, который будет построен в театральном дворе, войдут лица, которые, может быть, через год уже не будут нашими служащими. Есть и опасения у некоторых членов того кооператива, что ссуды для двух домов не дадут, стало быть, ссуду получит та организация, которая будет действовать энергичнее. Словом, теперь, когда надо подписать просьбу в Наркомпрос о закреплении за кооперативом земли, возникает вопрос, подписывать ли правлению и даже К.С.-чу такое заявление. Но тут есть существенное соображение за подписание. Эту площадь хочет использовать и рабфак, находящийся в соседнем доме. И было бы просто нелепо, если б было отказано своим, а рабфаку пришлось бы уступить. К.С. вчера, кроме того, высказал соображение, что без Вашего решения он не может действовать, что на это дело и Вы должны дать свое согласие. Сегодня уже

говорилось даже о телеграмме Вам. Но ведь в телеграмме многое не скажешь, не объяснишь всех обстоятельств. Ждать же ответа письмом – т.е. ждать месяца полтора-два, – все сроки пропустим для заявок и регистраций. Думаю, что в конце концов К.С. согласится действовать в интересах членов кооператива, и думаю, что Вы скорей выскажетесь за постройку дома, чем против. А на телеграмму, как мне кажется, Вы бы ответили или “Делайте как знаете”, или “Одобрю”, т.е. одобряю постройку дома. Кроме того, во дворе предполагается постройка новых (на месте старых) мастерских. Завтра по поводу постройки мастерских заседание зав. худож. частью и отдельными частями с Дм. Ив. и Рербергом.

Боюсь сделать письмо слишком толстым и потому здесь с Вами прощаюсь и тотчас же начинаю следующее письмо, № 17.

Сердечный привет дорогой Екат. Ник., Мише и Бертенсонам. Крепко жму Вашу руку.

О.Бокшанская

118.

Москва, 17 декабря 1926 года

Письмо № 17

Милый Владимир Иванович!

Только что успела с Вами попрощаться на страницах 16-го письма, и снова начинаю следующее письмо.

Вот праздничный репертуар декабря:

22-го, среда “Турбины” “Прод. славы”

23-го, четв. “Турбины” “На дне”

24-го, пятн. Спектакля нет

25-го, субб. “Турбины” “Прод. славы”

26-го, воск. утр. “Син. птица” “Синичкин” закр.

веч. “Дядя Ваня” “Елиз. Петровна”

28-го, вторн. “Турбины” “На дне”

29-го, среда 3 сп. 9 аб. “Гор. сердце” “Битва жизни”

30-го, четв. “Турбины” “Прод. славы”

31-го, пятн. “Декабристы” “Битва жизни”

Янв. 1-го, субб. утр. “Син. птица” “Ив.-дурак” закр.

веч. “Гор. сердце” “Дама-невидимка”

2-го, воск. утр. “Син. птица” “Синичкин” закр.

веч. “Турбины” “На дне”

4-го, вторн. “Турбины” “Прод. славы”.

Как Вы видите, три закрытых спектакля, так как открытых мы играть не можем. Я Вам уже писала, что III студия ответила отказом

дать нам право на показ “Синичкина”. Я письмо это читала: оно написано исключительно корректно. Они пишут, что для них это очень тяжело будет в смысле материальном, если и у нас будет значиться этот спектакль. Это их боевая пьеса, она да “Зойкина квартира” и делают у них наибольшие сборы. Спектакли, что помечены в этом репертуаре, должны играть, они уже проданы, но вопрос о “Синичкине”, вероятно, еще поднимется, так что считать эту постановку решенной пока нельзя. Может случиться, что она пройдет несколько раз, а потом решат ее не показывать, потому что, по мнению некоторых, даже и закрытые, запроданные спектакли нашего “Синичкина” могут вредить спектаклям III студии. К тому же студия обращается к театру в такой корректной форме, прося не включать “Синичкина” в репертуар Малой сцены.

На днях я говорила долго по телефону с К.С., который до сих пор болен и не выходит на улицу. Для нас это уже страшно, т.к. сегодня пятница, а в воскресенье ведь в репертуаре “Дядя Ваня”. Не говорю уж о репетициях “Фигаро”, в которых актерам с Вершиловым и Телешевой делать уж нечего. Все ждет К.С. Я Вам писала, что он должен был войти в репетиции со вторника. Потом доктор задержал его дома до четверга включительно. Теперь же опять затыжка. У него температура не падает, все стоит на 37.3, и горло заложено. Было в конце той недели какое-то облегчение, теперь опять хуже. Бывают там несколько врачей, но толку от них немного. Доктор Пирогов (Ал-др Павлович), который теперь, кстати сказать, сделался нашим театральным врачом (вместо Нечаева), говорит, что у него в легких неблагополучно, не опасно для него, но неблагополучно, но Маргулис, придворный врач К.С., отрицает это.

Итак, я говорила с К.С. по телефону, и он меня просил Вам вот что написать: нет ли у Вас плана какой-либо постановки на будущий год (если Вы приезжаете. Об этом меня все спрашивают, и я всегда отвечаю, что заинтересованность Ваша делами театра и всех нас так сильна, так чувствуется Ваша жадность все знать о театре, что, несомненно, Вы приедете к будущему сезону). Конечно, если Вы хотите ставить пьесу современного автора, то Вы ее не выберете раньше, чем приедете в Москву. Но, быть может, у Вас есть какой-либо план относительно пьесы классического репертуара, тогда хорошо было бы, если б Вы это сообщили, чтоб здесь можно было внести эту пьесу в план будущего сезона. К.С. находит, что должны были бы работать в одинаковом количестве пьесы и современных, и класс. авторов. Но с современниками – беда. Вот “Унтиловск”! Теперь подан новый текст его, т.е. исправленный, а будет ли он принят? Пьеса К.С-чу определенно нравится, автора он считает одним из талантливейших среди современников, все-таки может случиться, что или пьеса вовсе не пойдет, или она не будет так уж особенно интересна. Сейчас работы по ней совершенно не идут.

К.С-ча очень увлекает идея постановки “Старого Кромдейра”, но только не в переводе Эфроса¹. А вместе с тем Эфр. ставит резко вопрос о своем праве на эту пьесу и может потребовать себе компенсацию, если

пьеса будет отдана кому-либо в перевод и поставлена затем у нас. К.С. говорит, что у него уже сложился известный план постановки, даже внешнее ее оформление. И так, как все это ему представляется, ему кажется очень интересным. Говорит, что считает, что художник, который сделает ее, это единственно Фальк. Между прочим, с ним было ужасно смешно. Рассказываю это, как очаровательный анекдот. К.С., говоря мне о том, что есть такой один художник, который только и может все это сделать, вдруг забыл его фамилию и начинает в телефон приговаривать: “Ну, этот, как его... Вот забыл... Как его?” Я тогда спрашиваю: “А что он до сих пор делал. Может быть, по его работам я догадаюсь, про кого Вы говорите”. Вдруг он начинает страшно смеяться, так что и меня заражает своим смехом, и говорит: “Ну, как его? – Муж моей дочери”. Я стала страшно смеяться, назвав ему Фалька, а он все приговаривает: “Вот видите, как я постарел, какую фамилию забыл”. Замечательный случай.

Кроме того, К.С. меня спрашивал, не знаю ли я Вашего отношения у будущему Муз. студии. Дело в том, что они никак не могут там ужить в одном помещении, и К.С. говорит, что он только потому во многих случаях относится к ним снисходительно, что думает, что Вам нужно, чтоб студия просуществовала до Вашего возвращения. Не будь этого соображения, он бы, вероятно, поставил определенно вопрос о том, чтоб студия на будущий год приискала себе другое помещение. Не знаю, можно ли будет это сделать в отношении студии – лишить ее помещения, – но он так сказал, что был бы счастлив, если б они весной уехали бы в поездку и больше не были бы с его студией в одном помещении. Он мне сказал, что давно еще, летом, Вы дали телеграмму о том, что напишете ему письмо по поводу студии, но письма этого он не получил. Про это неполученное от Вас письмо он мне говорит всякий раз, что мы с ним встречаемся, видимо, это ему больно, что Вы ему не написали. Может быть, Вы будете так добры и напишете, каковы Ваши планы относительно будущего студии. Конечно, я думаю, что в студии мне незачем рассказывать о таком разговоре с К.С., только дело Ваше и его, и больше в него никто не должен всыпаться.

В самой студии, как я слышала, какие-то нелады всего коллектива с Любичким, который в последнюю мою встречу с ним даже говорил о том, что он оттуда хочет уйти. Но может быть, это был только день какой-то его с кем-либо ссоры. Но все-таки, конечно, по всем данным, это теперь дело не первого сорта, как мы привыкли всегда видеть студию под Вашим руководством. И в помещении МХАТ. Жаловался по секрету мне и Протасевич на мелочность и халтурный тон. Между прочим, я дала слово Протасевичу, что буду просить у Вас для него фотографию Вашу. У него, оказывается, нет Вашей карточки, и он очень Вас просит дать ему. Может быть, скоро Вы пришлете мне выговор за приставание к Вам с высылкой карточек, но не могу же я отказать человеку, который так просит и который недавно женился. Сделайте ему этот свадебный подарок.

К.С. поднял со мной вопрос и об Ольге Влад. Дело в том, что Вава довольно часто бывает в театре и со многими стариками ведет разговоры об Ол. Вл. и ее возвращении². Много говорила и со мной. А на днях я получила от нее открытку с приветом К.С-чу., которому, как она пишет, она боится написать лично. Я это ему рассказала. Одновременно со мной открытки получили и Москвин, и Подгорный.

Я бы хотела ответить Ол. Вл., но, право, десяти минут свободных нет. И перед ней, и перед Бертенсоном, который так мило меня не забывает, присылает мне такие интересные карточки, мне совестно, что не отвечаю аккуратно, но если б Вы только знали, как я верчусь. И дома почти не бываю, обедаю всегда в театре, и все-таки никак не сладить со всеми делами. Конечно, много времени уходит и на разговоры то с тем, то с другим, всегда по театральным делам, большей частью – по службе. Но ведь такая уж и должность у меня – разговорная, когда приходится давать ответы на всякие запросы. Я уж давно себе заметила, чтоб пересмотреть театральные журналы и послать Вам то, что было в них интересного (кстати, журналы теперь все как-то ужасно посерели, поблекли), и нет времени, никак нет. Боюсь, что Вы не верите мне, думаете, я преувеличиваю, и читаете это с гримасой досады. Пожалуйста, не надо этого делать, правда, я много работаю и сильно устала.

Да, так К.С. говорил со мной об Ол. Вл. Как я и думала, как я и говорила Ваве, Ольге Влад. будет трудновато здесь вначале, потому что такого положения у нее, что было в студии, конечно, не будет. И придется ей сызнова как-то “зарабатывать” себе положение. Конечно, если вернетесь Вы, то ей будет гораздо легче. Но и то – много молодых актрис выдвигается теперь: Тарасова, Еланская, Соколова, особенно последняя, и их любят, и их втягивают в работу. И думаю, будут придираться не только к данным Ольги Влад., но и к ее тону, к ее манере, если она захочет первенствовать. Простите, что я пишу так. Вероятно, я не должна была бы позволять себе все это говорить. Но вместе с тем я говорила это все Ваве, за все свои слова отвечаю и знаю, что основываю их правильно на ряде моих мелких разговоров то с тем, то с другим. И потому пишу так Вам, потому что это отражение многих мнений. Вы можете себе представить, как могут к ней относиться “заслуженные” за то, что она тоже заслуженная, и не заслуженные – опять-таки за то, что она уже заслуженная.

Еще написано у меня на блокноте сообщить Вам, между прочим, что театр приобрел для своих мастерских ленточную и циркулярную пилы, механические, которые приводятся в действие мотором. Это страшно радует постановочную часть, которая всегда мечтала о такой покупке. А теперь с “Фигаро” столько работы для ленточной пилы, что с выпиливанием овалов рукой, как прежде, мастерские бы “зашились” и затагнули бы всю работу.

Надо бежать за кулисы для нескольких необходимых разговоров, милый Владимир Иванович. Потому кончаю и сегодня ничего не пишу Вам относительно репетиционных наших занятий, которые идут без

больших событий. В следующем письме напишу, как прошла репетиция “Орестей”, которую я смотрела 15-го.

Сегодня приходил ко мне Грибунин, просил надписать ему конверт для посылки Вам письма. Не знаю, что он Вам напишет, но то, что он Вам написал, меня обрадовало. Старики должны как можно больше думать о Вас.

Сердечный привет милой Екатерине Николаевне и Мише. И Бертенсону, пожалуйста, тоже, с женой, и очень сердечно.

Звонила сегодня несколько раз к Сумбатовым, чтоб узнать, как они поживают и написать Вам о них несколько строк, и все занято и занято – отвечают со станции. И сейчас звонила – тоже безрезультатно. Позвоню на днях и напишу Вам в след. письме, сегодня же не могу откладывать посылки письма.

Шлю нежный привет. Не забывают меня.

Ваша *О.Бокшанская*

119.

Москва, 24 декабря 1926 года

Письмо № 18

Милый Владимир Иванович!

Сегодня день Вашего рождения, и я шлю Вам сердечные поздравления и пожелания. Год назад в этот день я была у Вас в “Авсонии”, помню, как сейчас.

Сегодня сочельник – поздравляю Вас с праздниками, которые уже пройдут к тому времени, когда это письмо придет к Вам. Поздравляю дорогую Екатерину Николаевну и Мишу с праздниками и новорожденным.

Последнее письмо к Вам писала ровно неделю тому назад. Совсем приготовилась писать Вам на второй день после отсылки того письма, но привалила громадная работа, пришлось мысли о письме отложить. К тому же произошло окончательное перемещение комнат правления, реп.-худ. коллегии, секретариата. Словом, теперь окончательно после двухдневного переезда я сижу наверху, за хорошим бюро, все очень “организовано”, как говорит Федичка. Осталось только перевести телефоны из кабинета правления на мой стол, сделать к ним отводы в кабинеты правления и коллегии и сделать от меня звонки в эти кабинеты, чтобы оповещать о телефонном вызове.

Сегодня вообще считается у нас день праздничный, но правление (Ник. Аф. и Егор. и я) решили прийти. Судаков уехал на два дня на дачу. Завтра же уже вечерний спектакль. И потом – как обычно. 27-го

– бал Второй студии в помещении Малой сцены. Об этом вывешено объявление, где сказано, что вечер этот является не только праздником, устраиваемом в честь Второй студии, но и праздником единения стариков с молодежью. Днем будет утро, посвященное памяти тех лиц, которые работали для создания школы, ставшей Второй студией¹. Будут там помянуты и живые, и мертвые. Вечером в 8 часов съезд на “бал” с программой и ужином. Все ждут этой вечеринки с волнением, засиделись, хочется повеселиться. Говорят, будет много интересных номеров. Между прочим, будут демонстрироваться все фильмы, какие снимали МХАТ, начиная с поездки в Киев. Недавно был просмотр балльной коммиссией этих фильм. И я пошла туда. Можете себе представить, как я вопила, когда увидела Вас на фильме в день 25-тилетия театра. Ведь я ее увидела в первый раз. Увидеть Вас в автомобиле, у театра – это так волнительно.

Кроме того, в понедельник на Большой сцене сделали съемку, шуточную, парада Второй студии, которым командовал Ник. Аф., а принимал Ив. Мих. в жилетке Хлынова, в какой-то невероятнейшей треуголке, верхом на лошади из “Горячего сердца”, составленной из трех сотрудников, покрытых попоной. За Москвиным шли старики – в шлемах, в касках, со знаменем МХАТ. И все это разыгрывалось ужасно смешно. Долго на съемке я быть, к сожалению, не могла, надо было идти работать. Там делали много съемок, которые я увижу только на вечере. После вечера тогда уж напишу Вам по возможности подробно. Из-за этого бала 27-го, кажется, полетит встреча Нового года. Уж не знаю, удастся ли ее устроить. Многие так равнодушны к совместной встрече, что или ее вовсе не будет, или она выйдет неудачной. И у меня пропала охота волноваться и кипятиться из-за этого, хотя и считаю, что нехорошо, если встречи совместной не будет. Вообще люди все так закисли, что о приготовлении к встрече как-то не слышать. В Муз. студии тоже не будет общей встречи. Во МХАТе Втором – конечно, нет. Какая там дружная встреча, когда идут такие волнения внутри театра². Писала ли я Вам, что Анат. Вас. вызвал у себя представителей враждующих сторон: Ив. Ник., Мих. Ал. и Волкова и Дикого. Он к ним держал большую речь, где просил бросить вражду и найти возможность уступить друг другу в чем-то. Правление ставило круто вопрос: чтобы были удалены враждебные элементы. Анат. Вас. против этого протестовал и настаивал, чтобы все остались на своих местах и путем взаимных уступок продолжали бы свою работу. После этого Анат. Вас. прислал в театр труппе большое письмо, где снова проводил те же мысли. Однако как будто большого умиротворения речь и письмо не произвели и дурные отношения продолжают. Волков по-прежнему хочет ставить “Волки и овцы”, а правление отвечает: ставьте, если найдете нужный кадр исполнителей. Намеченные же исполнители (часть их) отказываются участвовать. Тогда Волков заявляет правлению: заставьте их играть в этой пьесе, а правление отвечает, что заставить оно не может. С репертуаром

у них, так же как и у нас, слабо. Им запретили “93-й год”, за который они будут спорить и грызться. Они сами не приняли “Фальшивую монету” М.Горького, объяснив, что пьеса прибыла из Италии слишком поздно. На самом же деле пьеса, по общим отзывам, так слаба, что просто нельзя из уважения к Горькому ставить ее на сцене. “Смерть Грозного” репетируется, но Репертком потребовал, чтобы Грозного играл не Чехов. Играет Чебан, что, впрочем, и всегда было в планах. “Орестея” сборов уже не делает. Да и не может, так как это никому не интересно. На репетиции, которую я смотрела, пьеса как будто имела большой успех, но ведь это были все свои, которые любят приветствовать именно этот театр особенно восторженно. Очень слабо исполнение, есть красивые внешние моменты (много напоминает в установке “Лизистрату” – сочетание белых лестниц и колонн с синим горизонтом, с красными плащами, установка на лестнице воинов, выход по лестнице из-под сцены). Приятная довольно музыка Крюкова. Но в общем – спектакль не дает кассе ничего, и в прессе отмечен как неудачный (в тех статьях, которые до сих пор появились). И в самой труппе в большинстве случаев спектакль не нравится. Может быть, я ничего не понимаю, но после показа “Орестей” я считаю, что нам показывать “Прометея” ни в коем случае не нужно. Между тем “Прометей” остался в планах, вероятно, будет сильно переработан К.С. (вернее, будет предложено Смышляеву остаться режиссером и переработать постановку по заданиям К.С., пользуясь помощью режиссеров Судакова и Котлубай) и предположен к показу еще этой весной. К.С. вызвал к себе Вас. Ив. для занятий и Изралевского по поводу музыки. В отношении музыки – перемены еще не известны. Хотят пробовать Скрябина, но Бор. Льв. думает, что это невозможно и может вызвать большие нападки. Хотят еще пробовать “Прометея” (балет) Бетховена.

В отношении остального репертуара дело обстоит так: на первую очередь постановки Большой сцены стали “Царские врата”, так как “Фигаро”, вероятно, не будет готов раньше февраля. Вчера приехал из Ленинграда Ив. Як. и привез еще 4 эскиза декораций – совершенно необыкновенно красивых и интересных: суд, двор замка (свадьба), комната Марселины и комната графа. Особенно изумительна последняя картина: необычайной простоты и элегантности. Теперь у Головина остался макет последнего действия, который ему сделал Ив. Як., с которого он делает рисунок. Вероятно, это будет готово не скоро, но Ив. Як. говорит, что ему раньше, чем через месяц, и не нужно получить от Головина материалы последнего акта.

Третьего дня и вчера репетиции по “Фигаро” шли у К.С. на дому. А со вторника, 28-го, объявлены репетиции в театре. Рассчитывают, что К.С. к этому времени выйдет. Он все по-прежнему чувствует себя нехорошо, но что с ним, никто из докторов определить не может.

“Царские врата” перешли на Большую сцену по тем же причинам, по каким попали на эту сцену “Продавцы славы” в прошлом году: надо

выполнять абонементные обязательства. Как там идет работа и как довольны Нина Ник. и Вас. Ив., – ничего пока не знаю, не пришлось говорить.

“Отелло” репетируется ежедневно, но о переводе этой постановки из планов будущего года в нынешний сезон думать не приходится: это слишком сложно. Кроме того, окончательного согласия на постановку у нас нет: пьеса толкует о ревности, чувстве феодальном. Вот причина отказа.

Решение об “Унтиловске” отложено. Сахновский пока без дела. Думают ему предложить быть вообще режиссером театра, без указания на какую-то определенную постановку, как это было до сих пор по контракту с ним (специально для “Смерти Тарелкина”). В реп.-худ. коллегию же он представил предложение инсценировать “Мертвые души” и поставить. Предложение это нравится высшему совету и К.С.

Для Малой сцены занимаются по мелодраме из времен Французской революции, которую (мелодраму, а не революцию) делает Масс. Кроме того, получено разрешение на “Дядюшкин сон”, который до сих пор репетировать не начали. Это тоже постановка Малой сцены. “Хижина дяди Тома”, о которой в начале сезона говорили много, сейчас почему-то не упоминается. Инсценировку “Дядюшкиного сна” делают Горчаков и Марков.

Не совсем благополучно у нас с “Синичкиным”. Его продали, как я Вам писала, закрытыми спектаклями на 26-е и 2-е янв. Но, вероятно, III студия как-то нажала педали, и к нам пришло запрещение ее играть даже закрытыми спектаклями. Спектакль 26-го слетел, и вместе с тем мы послали снова просьбу о разрешении только в этом сезоне сыграть пьесу раз 10–12 закрытыми утренниками. Мы надеемся на благоприятный ответ. Было бы очень обидно, если б работа молодежи так пропала даром и они не могли бы хоть закрытыми спектаклями поиграть те роли, за которые их похвалил К.С.

Вчера было объявлено заседание коллегии и высшего совета (не полностью, а были Леонидов и Лужский), чтобы решить вопросы дальнейшего репертуара. Это уже второе объединенное заседание. Первое было на днях и было созвано для слушания пьесы Валентина Катаева “Растратчики”. Вчера же высказывались суждения по пьесе. После чтения пьесы я слышала о ней хорошие отзывы из р.-х. коллегии и отрицательные – высшего совета. Но на вчерашнем заседании, как мне сказал Мих. Гер., пьеса почти решена к принятию с коренными ее изменениями. В отношении же пьесы для 10-й годовщины Октября решено так: поставлена будет не целая пьеса, а отдельные сцены, связанные между собой не действующими лицами, а идеей показать Октябрьские дни. Сцены эти будут писаться и представляться в театр несколькими авторами. Конечно, если вдруг в театр будет представлена какая-то пьеса, которая покажется более интересной, чем этот замысел, возьмут ее. Но на это надежды почти нет.

Могу Вам сообщить, что сегодня как раз я передала в Муз. студию выхлопотанное театром разрешение на перевод берлинскому банку остатка долга в 500 дол. по тому летнему обязательству. Люб. мне сказал, что он рассчитывает тотчас же выслать деньги, как только ему дадут такое разрешение. Давно уж я не видела никого из студии. Только вот Люб. был у меня на днях недолго и сказал, что материально все благополучно, жалование платится в срок, сборы идут почти по смете, с недобором в несколько рублей. Знаю, что получена телеграмма от Ол. Вл. о том, что ответ свой о вступлении в весеннюю поездку она даст через две недели.

От Вас ужасно давно нет писем, уже идет четвертая неделя с тех пор, что пришло Ваше последнее письмо. По моим расчетам, пора бы прийти Вашему письму-ответу на мой № 8.

На днях приходил ко мне Кудрявцев, робеет, и хочет написать Вам, и стесняется. А я ему советую писать. Тогда он говорит: да, непременно напишу, но вот ужасно хочу иметь карточку Вл. Ив., а стесняюсь попросить. Попросите за меня. Я обещала. Ведь Вы пришлете ему, правда? Его зовут Иван Михайлович.

Скоро уж пойду домой: половина третьего. Надо убрать елку, готовить праздник для нашего мальчишки старшего, второй еще мал, ничего не понимает.

Крепко целую дорогую Ек. Ник., всем привет. Вам – самый нежный.

О.Бокшанская.

Третьего дня в здешнем журнале “Экран” была помещена фотография “В.И.Н.-Д. в Холливуде”: Вы, А.Терри и Рамон Наварро. Все с изумлением отмечали: а Владимир Иванович – с бородой?!!

120.

29 декабря 1926 года. Москва

Письмо № 19

Милый Владимир Иванович!

Ваше письмо от 2 декабря получила на два дня раньше предыдущего, от 1 декабря¹. То пришло 26-го. Так что я сперва узнала о том нехорошем настроении, которое вызвало в Вас мое письмо № 9, а потом уж получила ответы на письмо 8-е. Вы мной недовольны, это ясно для меня – и вместе с тем обидно. (Если б можно было написать это в прошедшем времени, как Вы предложили в Вашем письме, вспоминая римские обычаи: Вы *были* мной недовольны!) Но я ведь не могу это сделать, разве я знаю, каковы Вы сейчас ко мне, может быть, еще более

недовольны, чем это было 1 декабря, 2 декабря... Я виновата, я знаю, что не послала Вам вырезок, поздно послала пьесы, но я не виновата в тех разъяснениях, которые я Вам писала по поводу перемен в нашем управлении: я ведь часто пишу Вам то, что меня просят написать; то один, то другой из “стариков” говорят мне: вот это напишите Вл. Ив. И если я давала такие пространные объяснения относительно перемен в театре, то, во-первых, потому, что меня об этом просили, а во-вторых, потому, что хотя Вы и пишете, что “все это совершенно ясно”, однако это не было всем ясно, и многие или принимали, или хотели принимать перемену как что-то нецелесообразное и определенно направленное против Ваших интересов. Мне казалось, что я Вам должна рассказать и об этом. Сама же я думала, что именно так Вы и скажете, получив телеграмму: что Вы из Вашего далека решать ничего не можете, стало быть, принимаете к сведению и говорите: “Ол райт”. И очень бы Вы, по-моему, удивились бы, если б Вас вдруг запросили телеграммой, делать такую перемену или нет. Думаю, что Вы тогда написали бы: что же я отсюда могу сказать и решить?

Вы знали, что Вы пишете мне неприятные вещи, но Вы так и хотели – чтоб мне было неприятно, даже больно от Вашего письма. Помните, я Вам говорила, что у Вас бывают периоды исключительного недовольства мной, теперь именно такой период – и даже давно он начался. (И никак не могу написать, как сделал бы римлянин: был такой период, потому что не знаю, как не знала никогда в таких случаях, как и когда он пройдет.) Думаю, что теперь Вы уж получили посланную Вам копию 7-го письма, знаете о всяких семейных событиях, которые мне мешали писать Вам, и даже получили все письма мои, начиная с № 10 и кончая 18-м, которые шли к Вам без больших перерывов во времени.

Вы пишете: “Я испытываю горькое чувство при мысли, как, очевидно, скучно Вам писать, что Вы делаете это так редко...” Мне никогда не бывает скучно Вам писать, но бывают дни, часы, когда я не могу себя заставить писать Вам. Так было, когда я получила 24-го Ваше последнее, от 2-го дек., письмо. Большею частью, когда я получаю Ваше письмо, у меня страстное желание тотчас же писать Вам, не откладывая. А тут казалось, что никакие силы меня не заставят сесть за немедленный ответ. И надо было, чтоб пришло письмо от 1 дек., которое несколько рассеяло это чувство. Может быть, я стала хуже работать, может быть, я не та к Вам, что прежде была, и Вы знаете – почему. Мы с Вами об этом ведь говорили столько, начиная с первого злосчастного разговора в мае, в Космополитен-театре, помните, там, наверху, в той небольшой комнатке, куда столько народу приходило к Вам с разговором на самую волнительную тему. Много было разговоров у Вас со мной после того, после последнего Вашего решения остаться, а крепче в памяти у меня этот первый остался. Помните, в последний наш разговор, на веранде кафе в Берлине, Вы мне сказали: “Моя власть над вами велика”. Это верно, Владимир Иванович, Ваша власть надо мной страшно велика,

громадна, и все-таки что-то ведь сломалось тогда, в мае, в Космополитен-театре. Только я об этом никому не говорю, чтоб не давать никому права говорить со мной о Вас иначе, чем позволяю говорить. Простите меня, Владимир Иванович, за этот глупый разговор, за эти глупые, Вам ненужные сентиментальные воспоминания. Давайте говорить о делах.

Вот репертуар.

Январь:

5-го, среда “Турбины” “На дне”

6-го, четв. Спектакля нет

7-го, пятн. 3 сп. 3 аб. “Мудрец” “Елиз. Петр.”

8-го, субб. “Турбины” “На дне”

9-го, воскр, утр. “Синяя птица” “Горяч. сердце”

(в Экспер.)

веч. “Турбины” “Прод. славы”

11-го, вторн. “Турбины” “Прод. славы”.

Стало быть, как я Вам уже писала, за то, что мы играли спектакль 25-го, мы были свободны 24-го весь день и 6 января свободны вечером. “Горячее сердце” играется параллельно с “Синей птицей” потому, что ячейка при Управлении попросила продать им такой спектакль. Мы получаем за него 1 500 р. при готовом помещении. Это не халтура для участвующих в спектакле, а в пополнение кассы театра.

В прошлом письме я писала Вам о слетевшем закрытом утреннике 26-го – “Синичкине”. Сейчас мы получили сведения от Блюма, что нам разрешено играть эту пьесу закрытыми спектаклями, так что утренник закрытый 2-го января состоится.

Сейчас дали перемену: в канун Нового года вместо “Декабристов” идет “Дно”. Это потому, что у Вас. Ив. неблагополучно с глазами (веками), и он не может гримироваться. Вероятно, от гримировальной краски у него сделалась краснота век и болезненность их. Сначала он не придавал этому значения, но потом, побывав у врача, узнал, что ему надо быть осторожным, раздражение век экзематического характера. Поэтому ему играть Николая нельзя.

Пишу Вам уже в десятом часу вечера. Пришлось отложить письмо из-за работы. И все-таки, вероятно, сегодня не успею Вам написать всего, что хочу. Но так как письма посылкой откладывать не хочу, то сдам его сегодня же в контору для отсылки.

Я напишу Вам про наш банкет, который устраивался в помещении на Тверской. Хотя ведь день Второй студии начался в театре в нижнем фойе “Торжественным утром”, которое открыл К.С. (он накануне вышел в первый раз после болезни, играл “Дядю Ваню”) предложением почтить вставанием покойных Муратову, Стаховича и Мчеделова². (В нижнем фойе было задрапировано среднее окно, что между портретами Вашим и К.С., так, что портреты Ваши оставались видны. На драпировке повешены были: сверху овальный портрет Стаховича и ниже

– портреты Муратовой и Мчеделова. Стояло небольшое возвышение с креслом и столиком для оратора, стояла белая подставка с белой же урной над ней. И полукругом перед возвышением стояли стулья для собравшихся на “Утро”.) Оркестр заиграл марш из “Гамлета”. Многие не могли сдержаться слез, К.С. тоже, он был очень взволнован. По-моему, слушать этот марш, траурный марш нашего театра, без слез, без волнения и спазм в горле нельзя. После марша на возвышение поднялся Вас. Вас. и прочел прекрасные записки свои – воспоминания об Елене Павл. За ним – Вербицкий читал о Вахтанге Леваньиче и К.С. просто рассказал, не приготовив рукописи заранее, воспоминания о Стаховиче – замечательно рассказал. А потом объявил, что день мы отдали воспоминаниям об ушедших, а вечер отдаем торжеству молодежи и ее слияния со стариками. Изралевский предложил выслушать кантату, специально написанную Глиэром к этому дню для юбилея “Зеленого кольца” (слова написал – и достаточно безграмотно – Гальперин) и приготовленную оркестром и вокальной частью театра. Это пение вызвало дикий восторг всех присутствующих и восторги по адресу бывшего здесь же Глиэра. Действительно, прекрасная вещь – короткая (46 или 48 тактов), яркая, волнительная. Тотчас же стали просить исполнить кантату во второй раз, что, конечно, и сделали и хор и оркестр. Этим закончилось “Утро”.

Вечером ритуал был установлен следующий. Примерно в 10 час. вечера (съезд был назначен к девяти) собрались все в фойе Малой сцены. В зрительном зале были составлены столы буквой “т” (только не с одной длинной палочкой посередине, как это выходит на машинке, а с тремя одинаково длинными палочками, как пишут от руки), верхушкой к сцене. При входе в зрительный зал было устроено громадное зеленое кольцо, освещенное изнутри лампочками, со сходящимися радиусами внутри из бумажных лент с надписями всех работ студии. Через это кольцо первым должен был пройти К.С. Поэтому всей публике предложено было войти, пробираясь вокруг кольца, в зал и занять свои места по запискам на приборах. Зал красиво убрали елками, на сцену вела широкая лестница, а на сцене на большом возвышении стоял трон. Когда все разобрались в своих местах, раздались из фойе звуки труб и предшествуемые двумя трубачами и двумя рындами (для смеху рындами одели Баклановского и Грибкова – двух самых щупленьких актеров) юбиляры “Зеленого кольца” (их 17 человек: Елина, две Зуевы, Молчанова, Литовцева, Петрова, Пузырева, Тарасова, Телешева, Соколова, Баталов, Вербицкий, Гузев, Истрин, Калужский, Судаков и рабочий Юров) внесли на носилках с креслом К.С.-ча. При входе в зеленое кольцо он разорвал бумажные ленты под настоящий грохот аплодисментов. Так его пронесли на сцену, где он взошел на трон. При этом он сказал: “Первый раз сажусь на трон, ей-богу”. И потом начал свою “тронную речь” словами, что он, к сожалению, теперь состоит на положении соломенной вдовы, муж которой в отлучке, так что ему одному приходится со всем справляться и даже прибавить к своему семейству такое множество новых

детей. Потом Москвин объяснил, как будет происходить сопричисление юбиляров к сонму стариков. (Да, до этого, конечно, одно упоминание о Вас, один намек уже вызвали дикие аплодисменты всего зала, и музыка заиграла два раза туш.) Сопричисление началось. Справа от К.С. встали старики, слева юбиляры. Ник. Аф. как “один из папаш студии”³ стал подводить по одиночке юбиляров к трону К.С. А в это время Москвин передавал через руки всех стариков К.С-чу специально заготовленные зеленые эмалевые по золоту, именные, с белой эмалевой чайкой кольца. Под пение какого-то греческого мотива, вроде “Аллилуйи”, К.С. надевал на палец юбиляру кольцо и целовал его. Музыка играла туш, и юбиляр переходил в группу стариков. Это проделали 17 раз. (Почему-то, вероятно, от обиды, что на абсолютно закрытый этот вечер пригласили только его жену, но не дочь, не пришел ни на “Утро”, ни на банкет Ник. Григ. Александров, второй папаша студии.) Затем под марш из “Трех сестер” все спустились в зал и заняли свои места. Да, вход К.С. в зал, вернее, внес его, шел под марш из “Дней Турбиных”, который, вероятно, станет маршем молодежи. В распределении мест за столами был взят принцип смешения стариков с молодыми. Поэтому на центральном месте сидел К.С. и с обеих его сторон сидело по две самых юных наших девушек. С Мар. Петр. Лилиной сидел Судаков, с Леон. Мир. – Еланская, Москвина совсем облепила молодежь. Качалов тоже сидел (он приехал позднее) с Андровской, Лабзиной, Яншиным... Во время ужина играл духовой оркестр (почему-то решили пригласить духовой, а не струнный), и это напоминало какие-то дачные времена или балы в собраниях. Звучал он оглушительно, и смешило это всех сильно. К.С. поднял первый бокал за Вас – и если б Вы только могли услышать, как ревели и бесновались все при имени “Владимир Иванович”! – визг, крик “ура!”, иступленные лица, иступленные руки. Словно всем хотелось, чтоб этот восторг был слышен Вам – далекому, оторванному от нас. Судаков встал с тостом за К.С., потом кто-то – за МХАТ и стариков, старики ответили: “За молодежь!” Москвин вскочил, крича: “Жизни наши – МХАТу!” – Ор, крик, громы “ура!”. Вы понимаете, что сделалось, когда во время ужина стали показывать ленты киносъемок Худож. театра – все: и поездку по Днепру, где многих молодежь узнавала не сразу, где Вы вдруг проходите перед самым аппаратом, смеясь над танцующими вальс. Боже мой, как закричали все, как захлопали в ладоши, увидав Вас, и фильм 25-летия театра, где Вы стоите на автомобиле и говорите речь, а потом идете, такой взволнованный, с таким изумительным лицом, прямо на нас идете, прямо на аппарат. Показывали все картины, и прежние, и те, которые снимали в театре в понедельник, о чем я Вам писала. Те снимки оказались не очень удачными, слишком темны. Но многое вызвало смех и восклицания. В театре ведь довольно много картин: и короткая – К.С. в Америке, и банкет Морису Гесту, и поездка на юг (Тифлис), и шуточная у К.С. в саду в Каретном ряду, с Лужским, Москвиным, Качаловыми и Вишневым. Для молодежи это были новые картины, они страшно

всем нравились. Еще во время ужина, к концу его, молодежь начала танцевать тут же, около столов. Когда же кончился ужин, предложили всем перейти в фойе, где тотчас же стали танцевать под рояль. В это время зал очистили, музыкантов покормили, и в зрительном зале начались танцы под оркестр. Кто танцевал, кто сидел в фойе, в курилке, где были прохладительные напитки. К.С. оставался до половины третьего. Я все хотела, чтоб Москвин дирижировал кадрилию, которую танцевали бы все, даже К.С., но это можно было организовать только очень поздно, когда К.С. боялся разгорячиться перед отъездом.

Под оркестр танцевали до четырех часов. Но даже когда оркестранты безжалостно сложили инструменты и ушли, расхотелось, и снова устроили пляс под рояль – кто умел, садился сыграть. Ужасно было жалко, что не пригласили тапера специального, потому что ведь скучно так: танцевать под среднюю музыку да еще играющую минуты две, а потом пасующую. Разъехались, кажется, около шести.

На следующий день в театре было пусто, все отсыпалось. Я в театр вовсе не пришла, тоже отдыхала. Пришла только вечером во время спектакля, да и то не надолго: голова болела, спать хотелось. И только сегодня занимают все по-настоящему. День прошел в репетиции (первой после длинного перерыва) “Фигаро” с К.С., на Большой сцене, с выгородкой. Если К.С. поправился окончательно и снова не ляжет, репетиции “Фигаро” с ним пойдут ежедневно. Таким сонным состоянием на следующий день после праздника объясняется и посылка Вам телеграммы только 29-го, сегодня. Уж простите нас за слишком большое веселье и неумеренные танцы 27-го, из-за которых, вероятно, у меня и голова раскалывалась.

Как я Вам уже писала, долгое время не был решен вопрос со встречей Нового года в театре. Было время, что считали, что встречи не будет, раз устраивается этот праздник 27-го. Но 26-го, когда К.С. приехал на “Дядю Ваню”, он сказал, что встреча быть должна, что он сам на нее приедет с Мар. Петр., и вчера, кажется, вывесили объявление. Боюсь, однако, что многие, думая, что встречи в театре не будет, уже приняли приглашения в другие места, и что встреча у нас будет малолюдная и мало оживлена. Конечно, о ней я Вам напишу непременно, потому что хотя я и дала обещание поехать к знакомым, куда идет сестра, однако теперь решила встречать в театре.

Сегодня я говорила с Мар. Ник. Южиной об Ал. Ив. По ее словам, он чувствует себя, в общем, ничего. За это время бывали у него ухудшения в смысле повышения температуры (до 37,3), но доктора не видят в этом опасного и объясняют это нервами или желудком, может быть, какой-то “малярийной” причиной. Ему, конечно, трудны всякие выступления, а тут он как-то дал согласие и выступил на диспуте что стоило ему здоровья, и ездил с авторами, с делегацией, к Ал. Ив. Рыкову относительно закона об авторском праве. Он волновался, делал доклад, много говорил и, конечно, устал. Так что после этого, когда ему нуж-

но было играть Фамусова, домашние пытались его уговорить отменить спектакль, но не убедили, и он поехал играть. Однако одышка мучила его только в первом акте, а потом он играл легко и вернулся совсем бодрым со спектакля. Доктор, который его пользует (не Левин, а какой-то другой), у них же и ночует ежедневно, и днем заезжает посмотреть, так что уход за Ал. Ив. прекрасный. Доктора находят, что сердечное его состояние в настоящее время удовлетворительно, сердце с одной стороны нормально, с другой немного увеличено. Аорта (снимок) не разнится от парижского ее состояния (простите, что я так глупо пишу, но ведь Вы понимаете, что я хочу сказать, – это от усталости, уже поздно, и я много сегодня работала). Словом, душевное состояние Мар. Ник., как мне показалось, успокоенное. Все у них дома здоровы и Вам, и Екатерине Николаевны кланяются.

Сегодня прочитала я в “Веч. Москве”, что Колосков уехал на полтора месяца в Сухум. У него действительно было воспаление легких. Его заменяет по Управлению Сорокин. И Марков подписывает бумажки, как я видела. До сих пор не назначен на его место никто. Так что и Большой театр сидит без директора. Говорят, и спецов нет, и нет охотников занять такие каверзные места.

Ваш праздничный привет передаю всем. Но все всегда меня спрашивают, что Вы пишете о себе, и с недоумением слушают, когда я отвечаю, что Вы о себе ничего не пишете, говорите “пока еще слишком длинно...”⁴. Почему Вы не хотите написать о себе, о своей работе, о мыслях, которые Вас волнуют? Я всегда говорю: “Вл.Ив. о себе ничего не пишет, он все о нас пишет”.

Я Вам снова напишу очень скоро. Совсем не пишу о Муз. студии, давно-давно никого не видала. Вы меня попрекаете равнодушием к “бедной студии”, но что же делать, когда жизнь здесь отрывает от всего решительно, не только от студии, но даже от родного дома. А сейчас – до свиданья, милый Владимир Иванович. И не сердитесь на меня так часто. Какое ж я совершенство, чтоб от меня ждать многого.

Душевный привет милой Екатерине Николаевне, Мише, Бертенсонам.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская

[1927]

121.

Москва, 7 января 1927 года

Письмо № 20

Милый Владимир Иванович! Первое мое письмо к Вам в Новом году, с которым я Вас так запоздало поздравляю. Но ведь это не уменьшает настойчивости моего желания, чтоб Вам, Екатерине Николаевне и Мише этот новый год удался, “чтобы все пошло легко”...

Я получила недавно записочку Екатерины Николаевны, в которой она благодарит ряд лиц за память и внимание ко дню ее ангела. Я передала все это по назначению.

За время с моего последнего письма я получила одно Ваше – от 8 декабря. Мне хочется ответить Вам и по Вашим письмам и по возможности рассказать полнее обо всех наших делах. Постараюсь все это успеть. Я не писала Вам неделю – главным образом потому, что писала срочную, за отдельную плату, работу. В этом была приятность и узнать предполагающуюся к приему в театр пьесу, и заработать такие нужные здесь, в наших скромных условиях, деньги, и оправдать доверие, что, несмотря на праздники и занятость, я сдам работу быстро. Пьеса, которую я переписывала, “Растратчики” Валентина Катаева. Я о ней писала Вам в письме № 18. Я не посылаю пока Вам ее потому, что она должна быть очень сильно переработана, этого потребовали и старики, и реп. худ. коллегия. Пьеса эта переделана из повести того же автора и под тем же названием напечатанной в здешнем журнале “Красная новь”, в последних книжках его за прошедший (1926) год. К.С. нашел пьесу написанной очень ярко, остро, хлестко. Но – во многом зелено, а во многом – неприемлемо для нашего репертуара, для нашей серьезной сцены. Всего в пьесе 3 действия (12 картин). Начинается действие в каком-то промышленном предприятии, затем оттуда бухгалтер и кассир попадают в банк за деньгами, оттуда в пивную – и растрата начинается. Идут сцены на бульваре Страстном, в каких-то кабаках и притонах, пьяные герои переезжают в Ленинград, там опять кутежи и разгул. Потом поездка в провинцию, в деревню (на родину кассира), бегство из деревни, где председатель сельсовета подозревает загулявших приезжих в растрате казенных денег. Сцена на харьковском вокзале, где вдруг оказывается, что у героев в кармане осталось от 12-ти тысяч всего 7 руб. Продают пальто и летят в Москву. К этому времени бухгалтер уже невменяем,

впадает в безумие. Кассир же, молодой, нелепый, очнулся от пьяного тумана, понимает, что сделал, даже пытается покончить с собой, но его вынимают из петли. Конец тяжелый: дома у бухгалтера. Полное обвинение семьи, убитая горем жена, дети, понимающие свалившееся на них горе, совершенно больной психически бухгалтер. Кассир, который идет в уголовный розыск, чтобы повиниться во всем. Последнее действие всем очень нравится, а я даже должна была удерживаться от слез, когда переписывала конец. Волнительно. Но неприемлема середина – современный разгул, современные притоны. Хотя, вероятно, и несовременные они были нехороши. Тут же очень противно, пошло, грязно все. Р.-х. коллегия надеется, что тут будет переработка полная. За пьесу страшно схватился Судаков. Он будет ставить пьесу – с молодежью. Из стариков он просит одного Москвина, для центральной роли бухгалтера Прохорова. Я спрашивала Москвина, как он к этому относится. Как будто он не прочь играть, роль “самоигральная”, Ив. Мих. может сильно козырнуть. Пьеса пока еще не прошла через Главрепертком, как раз вчера ее туда послали.

Сегодня буду Вам писать по самым различным пунктам, как записано у меня в блокноте в разные дни. Но сперва – репертуар января:

12-го, среда “Турбины” “На дне”

13-го, четв. 3 сп. 7 аб. “Мудрец” “Битва жизни”

14-го, пятн. “Турбины” “Прод. славы”

15-го, субб. 3 сп. 4 аб. “Гор. сердце” “Дама невидимка”

16-го, воскр. веч. “Дядя Ваня” “Елиз. Петр.”

18-го, вторн. “Турбины” “Прод. славы”.

Я списывала этот репертуар со сводной афиши и удивилась, что в воскресенье, 16-го, нет утром “Синей птицы”. Кто-то у нас в комнате сказал, на мой вопрос, что, кажется, группа артистов собирается ехать в Серпухов, может быть, потому и спектакля нет. Я было поверила, но потом все же, усомнившись, позвонила в реп. контору, Нина Серг. страшно удивилась сама. Конечно, утренник должен быть, его по ошибке пропустили в афише, и никто не обратил на это внимания. Теперь возьмут за бока дядю Трушкина, который прозевал ошибку.

Вам удивительно, что у нас “Дядя Ваня” в репертуаре. Как я Вас понимаю. Я недавно пошла посмотреть два акта. По-моему, не следует играть этого спектакля. А вместе с тем как понять, что не только рядовая публика ходит достаточно усердно на спектакль, но даже бывшие недавно на спектакле Сталин и Бухарин ушли в полном восторге и от пьесы, и от идеи, и от исполнения. Благодарили за так прекрасно проведенный у нас вечер, просили передать это актерам. Сталин сказал: “Грубые мы люди, а то нельзя ведь не заплакать в последнем акте”. То же говорил и Бухарин – что трудно удержаться от слез.

А что Вы скажете, когда прочитаете, что постановлено, чтоб Чацкого в этом сезоне, для абонементов, играл Вас. Ив. А так как “Горе от

ума” едва ли пойдет вне абонемент, или пойдет раза 2–3, то Прудкин и Завадский сыграют Чацкого максимум по одному разу. Прудкин был страшно огорчен, сообщая мне это. А через день я уже прочла это постановление в протоколе заседания р.-х. коллегии. 8 января.

Милый Владимир Иванович, вчера больше не успела написать Вам, принесли в срочную переписку вариант сцены из “Растратчиков”, и я решила отложить письмо, зная, что вечером оно все равно не уйдет, а на следующий день я напишу Вам еще засветло. Так и делаю.

Вчера я кончила письмо сообщением, что Вас. Ив. будет играть Чацкого. Вчера же вечером он играл на Большой сцене Глумова, и я забегала посмотреть, как это получается. До сих пор “Мудрец” шел на Малой сцене, я как-то туда пошла и пришла в отчаяние от того, как виден возраст и грузность Вас. Ив. Но он и сам это чувствовал и даже заявлял, что на той сцене он больше эту роль не станет играть. По-моему, на Большой сцене все же он уже стар для этой роли, отяжелел, вызывает недоверие к показываемому им “молодому красавцу”, хотя, конечно, играет технически великолепно. Вчера в “Мудреце” в первый раз выступила М.П.Лилина¹. Очень волновалась. Была очаровательна и имела успех. От театра ей в уборной поставили корзину цветов. Вообще “Мудрец”, по-моему, нынешней аудиторией принимается гораздо лучше, чем прежней. Много смеются, смотрят с интересом. Опять были у нас Сталин и Молотов, которые ушли в восторге от игры стариков.

Хочу написать Вам про встречу у нас Нового года. Хотя запись была объявлена поздно, дня за три до самой встречи (ведь сначала думали, что встречи вовсе не будет), все же записалось около полутора десятка человек. Это считая с родственниками: каждый мог пригласить одного близкого родственника. Программы не было. Как всегда, к 12-ти собрались в нижнем фойе, у накрытых столов. В 12 потушили свет, оркестр проиграл 12 ударов, снова осветили фойе, К.С. сказал “С Новым годом” – и все пошло вокруг столов чокаться. Было мало в этом году стариков: Москвин уехал на халтуру, Книппер приехала позднее, часа в два. Как мне помнится, за столом средним сидели: К.С. и Мар. Петр., Вишневский, Подгорные, Раевская, Николаева... из гостей были Ел. Конст. и Артеменко (секр. Рыкова). Когда все уселись по местам, К.С. поднял бокал за Ваше здоровье. Конечно, тут все завопили, закричали, зааплодировали... Вам было бы радостно услышать, как реагируют на одно упоминание о Вас. Ник. Аф. прочитал обе Ваши телеграммы – и новогоднюю, и ответ на телеграмму нашу с банкета². Читались письма от отсутствовавших стариков, пили здоровье Муз. студии (тост К.С.), на что ответил кто-то тостом за студию К.С. После ужина стали танцевать. В это время приехало правление МХАТ 2-го (Чехов, Берсенев, Подгорный, Сушкевич, Бромлей, Дейкун и даже из оппозиции Ключарев и Пыжова. Были, кажется, еще какие-то, я не заметила). Во 2-м МХАТ встречи не было – какая тут встреча, когда до сих пор живут как кошка с собакой правление и оппозиция. Приехал Качалов с женой и сыном,

но оставались недолго. За ними заехали Коонен с Таировым, и они все куда-то отправились. Часа в четыре приехали, по приглашению К.С., некоторые друзья из Кремля. И вот тут случилась неприятность, которая испортила весь вечер. Один из наших молодых, Ливанов, наговорил этим приехавшим невероятных грубостей (он был сильно выпивши, а к тому же давно известен всем как хулиган), и они все уехали. К.С.-чу пришлось через день ехать туда и извиняться, посылать цветы обиженным дамам. Словом, история была страшно неприятная и волнительная. В результате от Лив. отобрали все роли и приказали не являться в театр впредь до специального вызова высшего совета. Веселились довольно поздно. Оркестр играл до пяти, а потом танцевали под рояль. Неприятность с Лив. прошла для многих незамеченной, я сама о ней узнала к концу вечера, когда уже мы все перешли в Федину светелку попеть под гитару. Последняя компания – как раз наша у Феди – разошлась около девяти. Сегодня я отправила Вам целую массу вырезок – заметок о спектаклях не только наших, но и 2-го МХАТ, Муз. студии, 4-й студии, чтоб у Вас было представление обо всех. И три последних журнала, в которых особенно интересных сообщений нет, но которые хороши тем, что они последние и продемонстрируют собой вид наших журналов вообще. Теперь я буду паинькой и буду высылать Вам журналы. Вы видите, что меня надо хорошенько разругать, и я тогда принимаюсь за работу. И все-таки я Вас прошу, милый Владимир Иванович: не сердитесь на меня, если я многого не делаю, что должна была бы делать в отношении Вас. Жизнь здесь затягивает, о чем-то забываешь, чего-то не успеваешь... Хотя правду скажу: когда получаю Ваши письма, где ясно чувствую Ваше недовольство мной, мне становится ужасно трудно Вам писать, и вероятно, я пишу так, что Вы сердитесь, читая.

Из посылаемых журналов Вы увидите, что очень хвалят “Любовь Яровую” в Малом. Пьеса Тренева. Он о пьесе своей, когда приезжал сюда, говорил с мучением и тоской. Ему пришлось многое переделать по настояниям, против своей воли, и он только рукой махал, когда я спрашивала, как идет постановка. Нет ни одной рецензии, чтобы критик не вспомнил, давая отчет о “Любови Яровой”, – “Дни Турбиных”. И всегда не в пользу МХАТ. Я сама спектакль еще не видала. Слышала, что была там Ольга Леон. и страшно ругала, но газеты все хвалят очень-очень.

Очень хорошие рецензии получила оперетка “День и ночь” в Камерном театре. Везде хвалили, во всех изданиях. В посланных Вам журналах и о ней есть статьи.

На днях звонил мне Зельдович, спрашивал Ваш адрес, сказал, что он должен Вам переслать какие-то важные не то известия, не то материалы.

Завтра днем празднует свой 20-летний юбилей Шура Митропольская. Празднование у нее закрытое, не ее чествуют, а она устраивает для друзей чай в дамском фойе. Хочу спросить правление, не пошлют ли ей какой-нибудь привет, коробку конфет, что ли?..

Сегодня К.С. обращался с речью к вспомогательному составу. И вот по какому поводу. Из Наркомтруда и из месткома идет требование, чтобы рабочий день актеров, получающих не больше 120 р., ограничивался 6-ю часами, причем спектакль, сколько бы времени актер в нем ни был занят, считается за 4 с половиной часа работы. Стало быть, на репетиции остается полтора часа. За переработку надо платить. Расчет рабочих часов производится за месяц. За жалование надо вырабатывать количество часов, получающееся от умножения 6 часов на количество рабочих дней. Вы сами понимаете, как такое отношение к работе может мешать работе актерской и режиссерской. И так как некоторые из вспомогательного состава, как раз наименее даровитые, выступали в Наркомтруде в защиту этого плана, то К.С. и сказал, что ему такие ремесленники, относящиеся к творческой художественной работе как к работе фабричной, не интересны и что он на них не хочет тратить последние годы своей жизни. Пусть желающие работать по 6 часов в день работают с кем хотят, но не с ним, это ему будет постоянно мешать. Вероятно, в скором времени все-таки у нас введут учет рабочего времени (на репетициях этот учет будут делать пом. режиссера, а для рабочих будут приглашены специальные счетчики), введут хотя бы для проверки, на месяц, чтобы проверить, сколько времени фактически работают те или иные работники.

Вы столько запрашиваете об отчете Муз. студии. Вот что мне удалось узнать, и то не от студийцев. Наш бухгалтер Козлов мне сказал, что студия получила за подписью Экскузовича, на которого надавил НКПрос, строгое требование представить отчет. Но так как в скором времени подобного отчета представить нельзя, то они решили послать немного переделанный летний отчет (копию которого я Вам послала) и письмо с объяснением, что сделать новый и подробный отчет потребует расхода в 500 руб. и 2–3 мес. для его составления, что сейчас для студии невысказано. И бумага эта, и отчет будут составляться у нас в театре, и я просила непременно сделать одну лишнюю копию для меня, чтобы я могла послать ее Вам. Я все никак не могу добиться по телефону Камерницкого, у которого надеюсь разузнать хоть что-нибудь. Недавно видела в театре Баратова, спросила его об отчете, но он мне ответил, что ровно ничего толком не знает, что по этому делу делается.

Баратов приходил к К.С. говорить о праве на постановку оперы “Миг жизни”. Дело в том, что опера эта в репертуаре Оперной студии. И Муз. студия поставила ее в свой репертуар (этого года, просто на афишу поставила). Тогда К.С. вызывал Баратова и спрашивал, почему так вышло, но Бар. сказал, что это только так, для вида поставлено, а что играть они эту оперу не станут. Но теперь, заметив, что Оперная студия “Миг жизни” не репетирует, они стали ее проигрывать и пробовать. К.С. спросил, в чем дело. Бар. мне сказал, что если К.С. запретит им эту постановку, он думает поставить лабишевскую “Соломенную шляпку” с вставкой вальсов Штрауса. Или какую-то комедию “Красная чалма”,

текст которой когда-то написал Гальперин, чуть ли не для мамонтовских спектаклей. Как-то был у меня Протасевич и с грустью говорил, что дело с новыми постановками в студии обстоит грустно. И вместе с тем они в марте должны показать новую постановку, должны выполнить абонемент. 13 января у них первое представление “Лизистраты”. Конструкция встала, как сказал Вацлав, плохо, у них сцена меньше самого малого американского театра, в котором мы играли. Вращение конструкции должно происходить при закрытом занавесе, иначе ничего не сделаешь, сцена так неглубока. Я собираюсь, конечно, на “Лизистрату” – Вацлав очень хвалил актерские достижения многих студийцев, говорил, что в работе они выросли.

Вот что мы сделали за декабрь. Сборы, в общем, ниже ноябрьских, но выше сметных. По Большой сцене 3 058.89 (при 2 280 сметных). В ноябре было что-то сверх 3 200. На Малой сцене 587.71 (при 435 сметных). Как видите, очень хорошо, и все-таки мы запутаны из-за долгов. “Турбины” больше уже не делают аншлагов, но дают 3 600–3 800 в вечер. И это притом, что на “Турбинах” теперь уж стали давать билеты и по льготной полосе. Надо, конечно, скорее выпускать новую постановку, а она, вероятно, будет не скоро. Т.е. не скоро “Фигаро”, который может сделать шум своей изумительной обстановкой. По общему мнению, “Фигаро” будет готов не раньше марта. До этого времени войдет для абонементов “Горе от ума” (в конце января) и, вероятно, в феврале “У врат царства”, как теперь будут называться “У царских врат”.

Мы получили разрешение на “Отелло”, “Дядюшкин сон” и “Унтиловск”. “Отелло” репетируется ежедневно, и все верят в осуществление постановки, т.к. ее ведет настойчивый Судаков. “Дядюшкин сон” под режиссерством Вас. Вас. и Котлубай начали репетировать только несколько дней тому назад. В “Унтиловске” пока занимаются чисткой и сверкой текста. Сегодня не был на репетиции Качалов, говорят, он опять попортил себе веки гримом вчера, на “Мудреце”. Ведь он уже давно мается из-за этого, и из-за глаз отменили в канун Нового года “Декабристов”.

У нас предполагается снова открыть “понедельники”³. В этот понедельник будет лекция Пильняка об Японии, только для своих. А вообще на днях ко мне приходил делегат от молодежи, которая хочет начать собрания по понедельникам: попеть, поговорить, сделать какие-то номера капустника, “потанцевать под фортепьяно”⁴. Как отнесется к этому правление. И правление, и К.С. эту мысль чрезвычайно одобрили, и вероятно, через понедельник будет первое такое собрание с чаем, бутербродами, печеньем, что будут покупать сами организаторы, получая из нашего буфета посуду, самовары и услуги.

Меня осаждают вопросами, вернетесь ли Вы, когда вернетесь, что Вы пишете о себе, о своей работе и о своих видах на будущее. Я всем отвечаю, что Вы о себе ничего не пишете, а все о нас, о наших театральных делах, которые, видимо, Вас занимают ужасно. Право, милый

Владимир Иванович, когда же Вы напишете о себе и о своем приезде. У меня есть надежда, что тогда, когда Вы будете отвечать на вопросы К.С. в моем письме относительно Ваших планов постановок будущего сезона.

А наши молодые все говорят: я бы так хотел написать В.И., а стесняюсь, робею... Когда же Вы им напишете? Вы же хотели.

Милый Владимир Иванович, я Вам скоро опять напишу, а сегодня уж не могу больше, устала. Кончаю письмо уже далеко не засветло, ведь из-за работы приходится прерывать письмо и заниматься текущими делами. Крепко целую дорогую Екатерину Ник. и шлю привет Мише и Бертенсонам. Желаю Вам столько радостного и прекрасного, сколько может придумать мое воображение. Владимир Иванович, Вы не должны меняться ко мне, правда?

Ваша *О.Бокшанская*

122.

Москва, 14 января 1927 г.

Письмо № 21 (Кажется, я верно помню номер, последнее мое письмо было от 7–8 января.)

Милый Владимир Иванович!

Пишу Вам не на машинке потому, что в настоящее время – временно – оторвана от театра. 9-го старший мальчик моей сестры заболел скарлатиной. Вы можете себе представить, сколько горя и сколько житейских хлопот это нам принесло. С того же дня, конечно, я перестала бывать в театре. Только через три дня удалось нам найти сиделку к больному и окончательно изолировать его от тех двух комнат, где устроилась сестра с мужем, со вторым мальчиком, которого она кормит, и с няней. В условиях современной жизни все это наладить невероятно трудно и, конечно, страшно дорого. Но об отправке больного мальчика в больницу не могло быть и речи – тогда можно его совсем погубить. Если б Вы знали, сколько горя принесли нам эти дни и сколько еще впереди тревоги за благополучный исход болезни.

В отношении меня театр решил так: 12-го мне сняли комнату в гостинице “Бристоль” на Тверской, против Елисеева, куда я переехала. Хотя я у больного мальчика с 9-го не бывала, все же из предосторожности театр меня продержит в гостинице тот карантинный срок, который укажет театральный врач, после чего я начну ходить на службу. Жить в гостинице мне придется недель шесть, пока болезнь не кончится и не будет дезинфицирована наша квартира. Я просила Рипси дать мне в гостиницу портативную машинку, чтоб писать Вам, но она не согласилась, боится пропажи и вообще “сжадничала”. Поэтому Вам приходится читать мои каракули.

Мне протелефонировал Вл. Дав. Зельдович, что примерно числа 9-го послал Вам очень важное правительственное сообщение. Ему было бы очень жаль, если б оно пропало, поэтому он просит и меня Вам об этом написать, чтоб Вы дали тотчас же знать, если оно до Вас не дошло. Он хотел его отправить с курьером, но его смутило то обстоятельство, что наши курьеры ездят только до Нью-Йорка и в Калифорнию не попадают. С театральными я говорю по телефону, но сравнительно редко, т.к. там все заняты, поймать их бывает трудно.

Выступление К.С., о котором я Вам писала, его обращение к вспомог. составу вызвало большую бучу в месткоме. У них в тот же день состоялось экстренное заседание, и постановили просить К.С. прийти в местком на следующее заседание. Но К.С. вызвал к себе предместкома Прудкина и имел с ним объяснение, а 12-го собрал снова вспомог. состав и снова обращался к ним с объяснением своих взглядов на ограничение рабочего времени. Как я слышала, окончательной ясности в этом вопросе все-таки не удалось добиться. Затем из президиума совета пришел вызов К.С. прийти к ним, но К.С., ссылаясь на занятость, просил вызывавшего его Шарикяна прийти к нему в театр. На это последовало подтверждение телефонограммой Шар. о вызове К.С. Кажется, К.С. решил на эту вторичную телефонограмму вовсе не отвечать.

Большие дебаты в верхах вызывает вопрос совхоза. На него уже истрачено около 16 000, из них 5 000 покрыто какими-то спектаклями (расходы на совхоз в смету нашу не могут входить и их можно покрывать только сверхсметными спектаклями, а совхоз на много лет еще – предприятие убыточное). Теперь предстоят еще расходы по совхозу, и встал вопрос, нужно ли вообще продолжать аренду. И вместе с тем столько денег уже ухлопано, жаль, если все это пропадет. Не знаю, как у нас решат, но, по-моему, лучше отказаться и потерять уже затраченные деньги, чем завязнуть еще больше с этим убыточным и мало популярным среди работников делом. Есть еще волнительные дела с организацией нашей постан. части, всякие обнаружившиеся недочеты – если не больше, не сильнее можно сказать, но об этом писать не могу. Вы опять скажете: “язык сфер”, а как же иначе быть, Вы, вероятно, многое забыли. Я об этом Вам написала, чтоб хоть чуть-чуть предварить Вас, если разыграется история. Я надеюсь, что меня не долго продержат в этом изгнании в “Бристоле” и что скоро я Вам буду писать прежние письма на машинке.

Вчера получила январский номер киножурнала “Picture Play Magazine” и, читая и просматривая его от доски до доски, поглядывая на заснеженную, морозную (18 градусов) Тверскую, узнаю о голливудской работе и о голливудской беспечной, солнечной жизни. Вы себе представляете, какие тогда мысли волнуют меня. Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Пожалуйста, кланяйтесь от меня дорогой Екатерине Николаевне, Мише, Бертенсонам. Вчера я получила письма от Эк. Ник. и Серг. Льв. и скоро им отвечу. Странно, что Серг. Льв. не получил

моих, правда, редких, но все же аккуратных и обстоятельных ответов на все вопросы, которые его занимают. Крепко жму Вашу руку.

Ваша *Ольга Бокшанская*

123.

Москва, 21 января 1927 года

Письмо № 22

Милый Владимир Иванович!

Вот я и в театре. Уже третий день. Так странно сначала входить во всякие дела, когда пропустила 10 дней.

Третьего дня получила Ваше письмо от 2 января. (Подумайте, так быстро, из Калифорнии – в 17 дней!) Из него узнала, что Вы послали перед этим еще одно письмо. А я его не получила. Только начала горевать, как вдруг сегодня утром мне его принесли, оно от 25-го. Как нелепо иногда доходят письма. Там, как и в предыдущем письме, столько интересного для многих у нас в театре. Так как сегодня праздник для актеров, то в театре пусто, как в понедельник¹. И некому почти рассказать о новостях от Вас. Только по телефону обрадовала Хмелева, что Вы его письмо получили и что теперь он может ждать Вашего ответа. Он ужасно рад. А то в том письме, от 2 января, о нем нет ни слова, и он решил, что его письмо пропало. Сегодня же пришло письмо на имя Сластениной от Вас. Оно лежит на подъезде, я видела. Кудрявцев письмо Ваше получил, я Вам, кажется, об этом писала тогда же. Потому что он ходил счастливый, как именинник.

Не только трудно-странно входить мне в работу, но и трудно вспомнить, что уже я Вам написала, что еще нужно написать из того, что было на очереди к сообщению Вам. Эта болезнь у нас дома выбила меня сильно из колеи. И хотя мальчик переносит скарлатину сравнительно благополучно, сестра страшно нервится, на нее жалко смотреть.

Сейчас напишу Вам репертуар, потом, без всякой связи, все, что записано на блокноте, некоторые вещи еще записаны до моего перерыва в службе. А потом, может быть, уже в следующем письме снова начну более или менее связный рассказ о нашей жизни.

Январь:

26-го, среда “Турбины” “Прод. славы”

27-го, четв. 3 сп. 6 аб. “Мудрец” “Елиз. Петровна”

28-го, пятн. “Турбины” “На дне”

29-го, субб. “Гор. сердце” “Битва жизни”

30-го, воскр. дн. “Синяя птица” “Сказка об Иване”

(Эксперим. т-р)

веч. “Дядя Ваня” “Дама-невидимка”
31-го, понед. “Елиз. Петровна”
(шефск. сп.)
февр. 1-го, вторн. “Турбины” “Прод. славы”.

Прошлый репертуар я Вам послала в письме к Ек. Ник., напечатанный в сводной афише. Там не был помечен закрытый утренник, который сыграют параллельно с “Синей птицей” 23-го января – на Малой сцене “Лев Гурыч Синичкин”.

С репертуаром у нас положение действительно грозное. “Турбины”, конечно, еще делают хорошие дела, продаем мы их за 3 800, при продаже в нашей кассе они делают примерно столько же, иногда немного меньше. Но остальные пьесы – гораздо ниже: “Федор” дал (правда, в абонемент) вчера 2 100. Немного больше делают “Мудрец” и “Дядя Ваня”. А главное – нет вскорости ни одной постановки, ни даже возобновления. Предполагалось “Горе от ума” в январе, затем перенесли возобновление на февраль. На февраль же предположены “У врат царства”. В марте – “Свадьба Фигаро”. Но вчера уже К.С. говорил, что “Горе от ума” можно будет дать, вероятно, только в марте. Относительно же “Фигаро” у всех впечатление, что раньше апреля не пойдет. Страшно все еще зелено. Вчера репетировали две сцены в двух декорациях, которые очень хорошо сделал Ив. Як. К.С. вносит, конечно, массу поправок. Надо правду сказать, очень мало чувствуется режиссерской работы в показываемых К.С.-чу картинах. Показывает К.С. совершенно замечательно – об этом рассказывают все. К.С. сейчас в меньшей степени занят театром, потому что ему надо выпускать “Тайный брак” на сцене Дмитровского театра. Там уж премьеру откладывают несколько раз. Теперь она назначена на завтра. Слава Богу, после этого он будет посвободнее, так как едва ли сразу начнет заниматься и новой постановкой. Вероятно, ее сначала будут разбирать без него. Кажется, это будет “Дочь Запада”. Или – “Заза”.

Милый Владимир Иванович, Вы просите делать за Вас взносы в профсоюз. Хорошо было бы, если б Вы прислали сюда Вашу профес. книжку (если она Вам там не нужна). Тогда бы я здесь следила бы за тем, чтоб платежи делались и об этом делалась бы в книжке отметка. Если же у Вас этой книжки нет, Вы ее куда-нибудь засунули и никак не найдете, то хорошо было бы, если б Вы дали там в какой-либо газете публикацию об утере проф. книжки Рабис на Ваше имя за № 14762 и это объявление прислали бы мне. Тогда бы здесь на этом основании выдали бы мне дубликат книжки, в которой и отмечали бы Вы Ваши взносы. Обо всем этом мне сказали в нашем месткоме. При этом секретарь нашего месткома Бор. Мих. Монастырев просил, чтоб я непременно послала Вам от него привет. Он только боится, что Вы его не помните.

А помните Вы такого драматурга Чижевского, который приносил в театр свою пьесу, по Вашему отзыву, неплохую. Вы с ним раза два

беседовали. Он теперь поставил свою пьесу “Александр I и Федор Кузьмич” в театре Корша. Пьесу ругают в прессе. Я ее не видела.

Вот о чем просила Вам написать Лид. Мих. Коренева. Иола Игн. Шаляпина рассказала ей о своей тревоге за своего сына Федю (Федор Федорович Шаляпин), который находится в Холливуде. Уже довольно давно он ей написал оттуда и пишет, что “сейчас иду к Пола Негри”... И после этого – как отрезало. Она волнуется, что он, быть может, заболел, с ним, быть может, что-то плохое приключилось. И вот Лид. Мих. просила меня написать Вам, не слыхали ли Вы чего-нибудь об этом мальчишке – или молодом человеке. Или не можете ли Вы о нем поручить разузнать. Вместе с тем Лид. Мих. просила, чтоб я передала Вам ее сердечный привет и всю ее тоску по Вас, особенно теперь, когда она начинает работать над Достоевским. Она говорит, что теперь, работая над Зинаидой из “Дядюшкина сна”, она пользуется своими записками, что остались у нее после занятий по “Бесам” и “Карамазовым”. Она тогда многое записывала из того, что Вы говорили на репетициях, и теперь этим питается. И конечно, она убеждена, что Достоевского ставить можете только Вы. И ее тайная мечта – что постановка эта будет совсем мало сработана до осени, когда приедете Вы и возьмете ее в свои руки. Вероятно, Князя будет играть Хмелев, а не Лужский и дублером к нему Хмелев, как было предположено, Лужский же будет только режиссером или, может быть, возьмет роль отца Зинаиды (кажется, Афанасий Матвеевич его зовут), которую предполагали дать Александрову.

Бедная Евгения Михайловна! С “Дядюшкиным сном” у нее вышла неприятная история. Когда была назначена первая читка пьесы и она пришла на Малую сцену (она должна была играть, по-моему, Карпухину), Вас. Вас. стал к ней ужасно придирается и все говорил (со своей обычной какой-то намекающе-уклончивой манерой), что уж не знает, как это могут в этой пьесе занимать Евг. Мих., которой уже стукнул “51” годок², что непонятно, как можно заставлять Евг. Мих. вдруг играть в конструкции, это так ей не подходит и неудобно ей будет по конструкции бегать... Словом, довел бедную старушку почти до сердечного припадка. Она со слезами рассказывала об этом и после этого случая, и даже много времени спустя, снова говоря об этом, не могла удержать слез и волнения. Прежде чем она не нашла силы успокоиться, она об этом деле не заявляла официально, а теперь недавно была у К.С. и просила ее освободить от работы по “Дядюшкину сну”, так как чувствует, что не находит в себе сил ходить на такие измывательские репетиции. Я ее понимаю, Вас. Вас. извел бы ее и, конечно, у нее нет теперь сил и нервов, чтоб это перенести без трагических для себя последствий.

Помните, я Вам писала за день до моего перерыва в работе о том, что 9 января Шура Митропольская справляла свой 20-тилетний юбилей. Я тогда была у нее на “чае” в дамском фойе. Это был мой последний выход в театр. Это было днем, во время “Синей птицы”. У нее перебывала масса народу, приносили конфеты, торты. От театра были цветы,

и кроме того театр принял на себя расходы по устройству этого чая. А вечером (когда я уже не пришла больше в театр), во время “Турбинных”, снова был чай, поздравления... К.С. прислал ей свою книгу и замечательное письмо, такое, что она – сама говорит – героические усилия употребила, чтоб не разрыдаться, слушая его³. Так что, слава Богу, юбилей был хороший и ее растрогавший.

Я Вам уже писала о том, что у нас снова начались “понедельники”. В первый понедельник был доклад Пильняка об японском театре. В следующий – лекция проф. Флерова о внушении и гипнозе с сеансом гипноза и внушения после лекции. Оба эти понедельника я должна была пропустить. Мне рассказывали, что Флеров и говорил чрезвычайно интересно, и проделал изумительные опыты над примерно 17–18-ю нашими артистами и рабочими. При этом он всех их усыпил и потом выбрал двух наших молодых актрис (вероятно, находившихся в особенном трансе), Вульф и Кокошкину, и проделал с ними ряд опытов: заставил петь, танцевать, внушил, что кожа на левой щеке Кокошкиной нечувствительна и колот ее булавкой. Конечно, нашим это было очень интересно. А танцоры, которые пришли на эту лекцию в расчете, что после лекции объявлены танцы и приглашен тапер, сильно разочаровались. После лекции и опытов начались разговоры с профессором – и так до ночи. В следующий понедельник – 24-го – объявлено, что Пантелеймон Романов прочтет несколько своих рассказов, а потом будут танцы⁴.

Вчера у меня был большой разговор с Судаковым и Марковым о Вас, о Вашем возвращении. Дело в том, что во вчерашнем номере журнала “Программы госактеатров” помещена заметка, что Вы сообщили МХАТ, что возвращаетесь осенью. Нам всем интересно, кто дал эту заметку. Обычно информации даю я, иногда Марков, но опять-таки через меня. А это прошло без нас. (Номер этого журнала и еще 4 других завтра я Вам вышлю почтой.) И вот пошел разговор о Вас. Я тут же прочтала Судакову Ваши строки о нем в последнем письме⁵. Он был страшно доволен Вашим поздравлением, озабоченно огорчен, что о нем ничего никто Вам не написал, и сказал, что придется тогда ему самому себя расхвалить и написать Вам о себе письмо. Слов нет, он хорошо поставил “Турбинных”, в чем, как говорят, ему много помог автор, все показывавший актерам на репетициях, ибо писал-то он почти живых людей, своих знакомых. Но есть в Судакове все-таки нотка очень большого самомнения. И то, что не ему одному приписывается “Горячее сердце”, и даже поговаривают, что там все сделал К.С., его точит. Во всяком случае, из молодых это самый многообещающий режиссер. И даже те, кто за ним первосортного дарования не признает, понимают, что в нем есть настойчивость, упорство, даже дотошность. И уж раз Судаков взялся за постановку, так она непременно пойдет. И в “Отелло” в этом смысле на него сильно надеются. Маркову, которого я укоряла, что уж ему-то сам Бог велел бы писать Вам, ему, которого Вы и только Вы и привели в театр, совестно Вам не писать. Он мне сказал,

что как раз реп.-худ. коллегия хочет написать Вам о будущем сезоне. А я рассказала, что по поручению К.С. запросила Вас о пьесе, которую Вы бы хотели ставить в будущем году. И Марков, и Суд. страшно обрадовались, что такой запрос уже пошел к Вам, что как-то начал театр об этом разговор, и решили подождать Вашего ответа на это письмо мое, после чего и написать Вам.

Милый Владимир Иванович, еще много надо Вам писать, а больше не могу оставаться в театре, надо идти по делу. И сегодня уже больше в театр не приду, ведь сегодня нет спектакля. Очень-очень скоро напишу Вам снова, может быть, даже получите оба письма сразу.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Поклон от меня сердечный Ек. Ник., Мише, Бертенсонам.

Ваша *О.Бокшанская*

124.

Москва, 25 января 1927 года

Письмо № 23

Милый Владимир Иванович!

Вот сперва репертуар, а потом масса самых разнородных сообщений, записанных целым столбцом на моем блокноте.

Февраль:

2-го, среда “Турбины” “На дне”

3-го, четв. 4 сп. 6 аб. “Царь Феодор” “Елиз. Петр.”

4-го, пятн. “Турбины” “Прод. славы”

5-го, субб. “Турбины” “На дне”

6-го, воск. дн. “Синяя птица”

веч. 4 сп. 10 аб. “Мудрец” “Елиз. Петр.”

8-го, вторн. 4 сп. 3 аб. “Гор. сердце” “Битва жизни”.

26 января 1927 года

Вот сколько успела я вчера Вам написать, Владимир Иванович! Надо было вставить в машинку спешный протокол правления относительно тех дел по недоразумениям на Большой сцене (участие рабочих в “ролевых”, отпуска декорационной части), о которых я вскользь писала Вам в письме из гостиницы (рукописном). Дело это попало в виде письма, подписанного псевдонимом, в “Рабочую Москву”, у нас же разбирается И.Я.Грем., сделавший доклад в правление. Ввиду долголетней службы обоих распорядителей на сцене, обоих Иванов Ивановичей, им объявится лишь строгий выговор¹. Конечно, в будущем и дело отпусков, и выдача за “ролевые”, в смысле порядка этих дел, будут изменены.

Сегодня Дм. Ив. принес мне показать копию Вашей телеграммы относительно Амторга. Я тотчас же позвонила Люб., продиктовала ему текст телеграммы, спросила, в чем же дело. Третьего дня у меня был Камерн. и говорил мне, что они надеются, что это дело наладится, что они просили Амторг рассрочить им этот долг на два года и надеются на благоприятный результат. Люб. мне сказал, что, по его мнению, все здесь зависит от главы Наркомвнешторга, которому подчинен Амторг. Что по Вашей телеграмме у них сегодня соберется правление и потом оно придет в театр просить им помочь. Просить, конечно, надо Ник. Аф., который тоже в том же учреждении осенью устроил выдачу из та-можни вещей.

Люб. мне сказал, что для них, конечно, такое требование убий-ственно. Откуда им взять денег. В их плане, рассказанном мне и Камер-ницким, и Любицким, было к концу сезона рассчитаться с актерами и частными долгами (Юст. и Люб.), примерно на 2 000 руб. Если Амторг настаивает, то, конечно, они заплатят ему эти 2 000, но 12 000 – это им не под силу. Как раз в связи с тем, что Вы написали относительно выплаты, в счет Ваших авторско-режиссерских долгов частным лицам, Камерницкий мне сказал, что они рассчитывают заплатить этим лицам долги, так что как будто выйдет, что они Вам платят авторско-режис-серские. Вообще же в их смете этого расхода не было. Теперь же, если придется Амторгу отдать хотя бы две тысячи, то ни частным лицам, ни авторам им не заплатить. Дня четыре-пять тому назад у меня был Люб., и он мне сказал, что он очень крепко стоит на том, что все долги уплатить, кроме недоданных в счет суточных за границей, от которых сами участники поездки отказываются, но что, конечно, в скором времени студия всех долгов выплатить не может, бедна, с трудом откладывает по грошам, чтоб выплатить какие-то свои обязательства. Я писала как-то Сергею Львовичу, что у них премьеры получают 120 руб. Оказы-вается, я прибавила: у них высший актерский оклад – 104 рубля. Вы представляете поэтому, какая у них экономная смета. Теперь, например, они высчитали, что они не могут ехать в поездку без оркестра, ибо во многих небольших городах даже невозможно собрать мало-мальски по-рядочный оркестр. Вдобавок, их съедят перерывы между спектаклями, когда будут идти репетиции, и оплата этих репетиций. Повезти с собой оркестр – значит, истратить лишних 10 000. И из-за этого у них чуть не летит поездка. Или актеры должны ехать не на двойной оклад, как предполагалось, а на чуть больше ординарного. В труппе из-за этого волнения, я слышала уже разговоры, что труппа (часть ее, отдельные члены) говорят, что на такие условия они ехать не могут. Ведь расходы по Москве остаются, на квартиры, на семьи, а жить в поездке, да в здеш-них условиях, а не с кухоньками и ванными, как в Америке, – сколько это стоит!

27 января 1927 года

Это не письмо, а какой-то дневник получается, милый Владимир Иванович! Вчера вот только что и успела написать Вам, из-за того так мало, что пришлось мне два раза в течение дня пойти в Цандеровский институт. Заболело мое злосчастное колено, которое я разбила еще в Берлине, на первом спектакле там, на “Лизистрате”. Оказалось, что кость цела и благополучна, но в суставах что-то неладно, придется мне с сегодняшнего дня проделать курс лечения электрическими согревательными ваннами. Это поможет, но оказывается, штука эта в суставах теперь уже на всю жизнь останется. Досадно. Но самое досадное, что придется ходить в институт ради этих ванн. Ненавижу лечиться.

Студийцы за вчерашний день к Ник. Аф. не приходили по делу Амторга, и я к ним не звонила, потому что думаю, что они что-то собираются предпринять и смогут сказать мне что-либо не сегодня, а через два-три дня. Так что, надо думать, в следующем письме я Вам об этом напишу.

Я думаю, им несколько неловко теперь прийти к Ник. Аф., потому что до сих пор как-то невыяснен вопрос, с которым Ник. Аф. уж несколько раз обращался к ним. Это о корзинах, еще тогда, в 1925 году, взятых в поездку студии. Когда они вернулись, то попросили, чтоб корзины временно им были оставлены, пока у них будет место для развески костюмов. Это разрешили. Потом театру понадобились корзины для поездки с “Горячим сердцем”, кажется, в Ив.-Вознесенск. Театр запросил студию о возврате корзин. Студия вернула несколько, но попросила остальные оставить пока в ее распоряжении. Потом опять, после какого-то срока, дирекция запросила об этих корзинах. (Тогда начался разговор о поездке на юг, и старики настаивали на возврате корзин.) Студия не ответила на это письмо. Наконец, когда Камерн. был у меня на днях, Ник. Аф. спросил его, почему же они не отвечают на запрос дирекции (еще прежнего состава дирекции), и Камерн. сказал, что для них это ужасно трудно – расстаться с корзинами. У них предполагается поездка, им корзины нужны. Конечно, это не резон, и старики, вероятно, не уступят этих корзин. И во всяком случае, студия должна была бы, уж если хотела задержать корзины совсем для себя, обратиться в театр с просьбой. А так – тянуть, откладывать и надеяться, что дело само позабудется, это уж неловко.

Камерн. мне рассказывал, что их очень обидело выступление, хотя и сдержанное, Рабиновича, помещенное им в “Веч. Москве”. Это заявление я Вам посылаю при этом письме. Произошло все это из-за горизонта, который был достаточно выцветшего тона. Рабинович, который устанавливал у них “Лизистрату”, потребовал, чтоб его перекрасили. Уж не знаю, по невозможности ли достать вовремя нужное количество синей краски, или по нераспорядительности, или по недостатку оборотных средств, но к генеральной репетиции горизонт выкрашен не был. И первый спектакль должен был пойти в этом тусклом горизонте. Студия

к этому отнеслась спокойно, т.к. первый спектакль “Лизистраты” был ими продан какой-то организации, так что они считали, что присутствие прессы возможно только на втором спектакле, шедшем через кассу студии. А ко второму спектаклю горизонт уже был весь покрашен. Но Раб., кажется, встретивший на спектакле какого-то газетчика, ужасно распаллся и написал это письмо в редакцию. Кстати, у нас Рабинович, вероятно, будет делать декорации “Растратчиков”. Уже был в театре для переговоров.

Камерн. мне, между прочим, сказал, что у него есть сведения откуда-то “сверху”, что Вы приезжаете в Москву в феврале. Сказал мне это с большой убежденностью. Но мне это кажется совершенно невероятным. Я ему так на это и ответила. Неужели, думая быть здесь в феврале, Вы мне пишете 2 января и ни слова о приезде. Но, кажется, мой довод не разбил его надежд.

И рядом с этим – Ваше письмо к Хмелеву (он мне дал его прочесть), в котором есть такие страшные строчки: “Отовсюду, где бы я ни был, я буду следить за молодежью...” Что ж это значило? А у меня было впечатление, что Вам настолько близки все дела театра, что в будущем году Вы непременно здесь будете. В будущем сезоне. И что даже скоро Вы ответите на поставленный Вам К.С.-чем вопрос: что Вы хотите ставить в будущем году. Я прочитала на днях копию моего письма к Вам за № 17 и осталась ужасно недовольной тем, как я бледно написала о разговоре с К.С. относительно Ваших пожеланий в отношении постановок будущего года. К.С. тогда так определенно поставил этот вопрос. Надо запросить Вл. Ив-ча, что он хочет ставить, нет ли у него уже плана какой-нибудь классической пьесы и не хочет ли он, чтоб какую-нибудь современную пьесу или место для нее оставили для него. По-моему, в том письме я как-то расплывчато все это написала². А у нас в театре на это письмо ждут Вашего ответа и придают ему громаднейшее значение.

То, что Вы написали о “Прометее”, о том значении, какое Вы придавали постановке трагедии на нашей сцене, о Вашей “ставке” на “Прометее”, почти равной ставке “Бориса Год.” в Муз. студии, большей, чем “Смерть Иоанна Грозного” в МХАТ 2-м, произвело здесь громадное впечатление. В конечном счете (не помню, писала ли я Вам это, или это было решено во время моего карантина) было решено, что его надо дать в работу Судакову, Константин же Сергеевич решил заниматься с Качаловым (и даже, кажется, занимался один раз или два). Но после этих Ваших слов, которые я передала К.С., Москвину, Качалову, Маркову, целому ряду актеров, игравших в “Прометее” (Вы же сами понимаете, что от одного этот рассказ о Вашем письме переходит к другому, и тот прибегает ко мне переспросить, как Вы пишете), на последнем объединенном заседании высшего совета и реп.-худ. коллегии 23 января вопрос о “Прометее” был поднят – именно из-за Вашего письма, и К.С. высказался так примерно: из Вашего письма видно, какое значение Вы придавали постановке “Прометее” не только для нашего театра, но

вообще для русской сцены, как серьезно Вы относитесь к этому вопросу. К.С. же не чувствует в этой постановке этого и потому боится, что, взявшись за выпуск пьесы, он сделает что-то небольшое, в то время как Вы, имея какой-то грандиозный план постановки, могли бы сделать громаднейший спектакль. То же сказал мне К.С., когда я ему говорила о Вашем письме и цитировала Ваши строки. По всем этим соображениям “Прометей” в плане этого сезона вовсе не значит (план был выработан именно на этом последнем заседании в. совета и коллегии) и считается в постановках будущего сезона, когда, по общей надежде, Вы будете с нами.

Милый Владимир Иванович, если б Вы знали, как я жду Вашего ответа на вопрос о Вас в будущем году. Вы никогда мне ничего об этом не писали, никогда я даже не могла уловить, думаете ли Вы об этом и как думаете. И только тот громадный интерес, какой был у Вас к театру, наводил меня на мысль, что в будущем году Вы будете в МХАТ.

На этом объединенном заседании вот что решено о текущем сезоне. В начале марта на Большой сцене показать (в первую очередь для абонементов, из-за исполнения которых и волнуется театр) “У врат царства”. В конце марта – “Свадьба Фигаро”. В апреле – “Растратчики” в режиссуре Судакова. Пьесу эту я пока Вам не высылаю потому, что она еще не прошла через Репертком, да и менять ее будут очень сильно. Роли уже распределены и прошли утвержденными через высший совет. Роль центральную (я писала вам о Москвине) дали Тарханову. Москвин занят одной из двух центральных ролей в “Унтиловске” (Черваков). Этого растратчика Прохорова очень хотел играть Грибунин, но по состоянию здоровья он не может ее играть, там надо танцевать лезгинку, он не выдержит. Роль второго растратчика – кассира Ваночки, которую прочили Яншину, дали Хмелеву. Роль девицы легкого поведения (очень немолодой), на которую намечали Шевченко (она отказывалась ее играть, даже сердилась, что ей все “такие” роли дают), по предложению К.С. дают Мар. Петр. Лиловой, с дублершами Монаховой (??) и Елиной (?). Когда Вы получите пьесу и прочтете ее, Вы поймете мои восклицательные знаки. Остальные роли эпизодические, участвуют персонажи в одной, максимум в двух сценах. Но есть хорошие роли. Заняты в пьесе в этих ролях Коренева, Подгорный, Малолетков, Соколовская, Яншин, Тихомирова, еще много молодежи. “Растратчики” становятся очередной постановкой, на которую можно отвлекать актеров со всех репетиций, за исключением, конечно, “Царских врат” и “Фигаро”. Лид. Мих. в отчаянии, плачет, рыдает: “Дядюшкин сон” отодвигается на будущий сезон, Хмелев получил в “Растратчиках” такую роль, стало быть, он не может репетировать дядюшку. В “Растратчиках” у нее малюсенькая роль княжны Ирен, опустившейся, обнищавшей, дошедшей до улицы аристократки. Это, конечно, ей не интересно по сравнению с ролью Зинаиды. Между прочим, она взяла с меня слово, что я Вам вышлю вместе с инсценировкой – самую повесть Достоевского, чтобы Вы могли уви-

деть, какие допущены перестановки сцен и даже вставные, не от Достоевского, слова³. Она этим возмущена и надеется, что Вы, при Вашем отношении к Достоевскому, не допустите таких безобразий. Инсценировку делали Горчаков и Марков.

По плану соединенного заседания “Унтиловск” должен быть доволен до генеральных репетиций. В будущем году постановками первой половины сезона будут “Унтиловск”, Октябрьская пьеса, “Отелло” и “Прометей”. На Малой сцене в апреле должна быть готова постановка “В буре времен” (быв. “Две сиротки”, переделанные Вл.Массом), а в начале будущего сезона “Дядюшкин сон”. Все это я Вам написала по памяти, прочитав третьего дня протокол этого заседания. Может быть, что-нибудь я перепутала, хотя не думаю. Если допустила неточности, в следующем же письме исправлю их.

Кажется, я Вам писала, что Репертком взъялся на нас за то, что мы начали репетировать “Отелло”, не дав об этом знать, не испросив разрешения. По этому поводу Анат. Вас. даже издал постановление для всех театров, что без разрешения Реперткома мы не имеем права включать пьесы в репертуар и что нарушение этого постановления поведет за собой запрещение намеченной пьесы. За “Отелло” пришлось нам биться, ссылаясь на необходимость показать в Отелло Леонидова. Разрешение дали, получили мы даже письмо от самого Анат. Вас., где тот, давая разрешение, все же подколот нас за самовольные поступки.

Я хочу еще раз вернуться к Муз. студии, так как у меня на блокноте записаны два вопроса, про которые хотела Вам рассказать. Во-первых, об их репертуаре. У них со студией К.С. вышло недоразумение из-за “Мига жизни”: Муз. студия поставила эту оперу (я ее не знаю) в свой репертуар на афише, а оказалось, что эта же опера стоит в репертуаре студии К.С. Баратов имел по этому поводу разговор с К.С., и тот уступил ему эту пьесу. Но, по слухам, студия К.С. собирается включить в свои планы “Пиковую даму”, и тут, как мне сказал Баратов, они могут сцепиться, ибо Муз. студия “Пиковую даму” ни за что не хочет выключить из своих планов. Правда, студия К.С. могла этого не знать, ведь план постановки “Пиковой дамы” пришел в американской поездке. Я пишу Вам это для того, что, быть может, Вы захотите просто написать сюда, что эта опера намечена Вами к постановке, если это действительно так. Я надеюсь, что Муз. студия так крепко держится за “Пиковую даму” только потому, что это было Ваше желание поставить эту оперу, а не потому, что она рассчитывает сама, без Вас, поставить эту оперу. Без Вас, по-моему, и не следует браться за оперу, что они могут сделать с ней – без Вас?!

Второе дело – о переработке за лето 1925 г. Помните, ведомость, которая пришла от Дм. Ив., причем вышло, что прежде чем заплатить переработку, надо для оплаты студийцев получить долг Лосского театру (за налог) больше 800 руб. Так как студийцы обо всем этом не знали (ведь в финансовые дела в поездке они не вмешивались, а Ник. Аф. ни-

кого в них при уходе из студии не посвятил⁴), то я им это сказала, тем более что надо же заключить эту ведомость. Говорила я об этом с Люб. и Камерницким. Они в затруднении, потому что чувят, что с Лосским разговор может встать остро. Он и без того сердится, что его не спросили, хочет ли он играть в “Соломенной шляпке”, а просто назначили. С ним даже, кажется, Баратов вовсе не посоветовался о постановке, а Лосский ведь у них режиссером. Словом, при обидчивости Вл. Апол., да еще при перспективе платить такие деньги, Вы можете себе представить, что произойдет. Поэтому Муз. студия, кажется, хочет просить, чтоб с Лосским говорил театр. Не знаю, пойдет ли на это Дм. Ив., которому в конце концов безразлично, уплатит Лосский или нет. Небезразлично только бедным студийцам, которые, как теперь выходит, общими средствами заплатили налог Лосского.

Писала ли я Вам о затее Баратова с “Сол. шляпкой”? Он собирается поставить этот водевиль, вставив в него куплеты под вальсы Штрауса. Слышала, что в студии есть по этому поводу недовольные, которые бурчат: “С какой стати нам играть комедию, когда нам надо петь!” Баратов мне свой план объяснил коротким сроком для постановки (должна быть готова не позднее 20 марта), скудостью средств на постановку и придуманным им удачным планом, со штучками и трюками. Не знаю, не знаю, как все это будет.

Продолжаю письмо тотчас же, но пошлю в другом конверте, чтоб этот конверт не был толстым.

Ваша *О.Бокшанская*

125.

Письмо № 2

Москва, 27 января 1927 года

Милый Владимир Иванович!

Только что закончила третью страничку письма, продолжаю, собственно говоря, на четвертом листе, но пошлю продолжение в отдельном конверте, чтоб не были письма слишком увесисты.

Вчера вечером я была в Малом театре на “Любови Яровой” – новой пьесе Тренева. И совершенно неожиданно в последнем антракте встретила там с Трениным. Он в Москве уже 4 дня, едет в Ленинград о чем-то уговариваться с Большим драматическим, на обратном пути будет снова в Москве. Обещал зайти в театр. Была я с Рипси, на местах Александра Ивановича, которые так любезно предоставляет нам иногда Мар. Ник. Т.е. всегда, когда Рипси попросит. В этом сезоне я была в Малом всего со вчерашним походом два раза. Смотрела раньше “Доходное

место”. “Любовь Яровая” мне понравилась, даже несмотря на вообще среднюю игру и на отсутствие Пашенной в заглавной роли. Играла ее дублерша – слабо, вызывая досаду Тренева, – какая-то Колосова. Хотя в своем недавнем письме ко мне Тренев страшно обругал свою “Яровую”, считая, что пьеса эта слабее “Турбинных”, я этого не нашла. Смотрится с интересом, интрига кинематографическая и держит в таком напряжении зрителя, что когда порок наказан, а добродетель торжествует, зрительный зал аплодирует в азарте, не слушая слов исполнителей. И вообще много аплодисментов среди действия. Язык же большей частью настоящий треневский – сочный, яркий, острый. Рада я за Тренева очень – материально эта постановка его балует: идет часто и при аншлагах, как у нас “Турбины”. Очень большой успех имеет в “Яровой” Степ. Кузнецов, как, впрочем, и в “Доходном месте”, как, кажется, во всех своих выступлениях¹. Публика его любит. Играет он нажимисто, но не неприятно, наоборот, заразительно. И глаз у него хороший, сверкающий. Играет роль матроса Шванди. Впрочем, Вы о нем, вероятно, много уже прочитали в рецензиях, которые пошли к Вам. Сегодня одновременно с этими письмами отправляю Вам четыре тетрадки московских театральных журналов. Да, забыла Вам сказать, что в “Яровой” прекрасно играет Костромской профессора Горнастаева, эпизодическую роль, ничего не значащую для общей интриги, но запоминающуюся больше, чем запомнились другие образы.

В посылаемых мной Вам сегодня журналах, в номере 51 “Нового зрителя” (за прошлый год) Вам, может быть, интересно интервью с Берсеневым и Волковым. Я о нем, по-моему, Вам писала вкратце, а теперь прилагаю в подлиннике, потому что в последнем номере “Нового зрителя” есть выдержки из других интервью с представителями МХАТ 2-го. Я пыталась получить номер журнала Рабис, в котором приведено полностью интервью с Чеховым, Диким и Ключаревым, но этот журнал не продается в розницу, а только высылается подписчикам. Наш театр не выписывает его, даже местком почему-то не выписывает.

В “Программах госактеатров” Вы прочтете о “Борисе Годунове” в Большом театре; я этой постановки не видала, слышала же, что Лосский все, что мог, передал из Ваших планов, но что у него ничего не получилось. По-моему, если бы Лосский был порядочный человек, то он должен был отказаться ставить “Бориса” в Большом театре. Он не имел морального права это делать, потому что он украл чужой замысел и выдал его за свой. А теперь хвалят отдельные сцены, сделанные режиссерски хорошо. Что у него постановка не удалась, нет ничего странного. Едва ли можно было рассчитывать в Большом театре осуществить постановку “музыкальной трагедии”, как Вы ее хотели сделать. Но почему Вы раз в письме ко мне написали: “”Борис Годунов” в Музыкальной студии!!!!” ...². Или Вы ошиблись и тогда хотели сказать: “”Борис Годунов” в Большом театре”? И это Вас возмутило?!..

Я опять пересказываю. Не дописала Вам о Трениве. В своем по-

следнем ко мне письме он мне сообщил, что пишет пьесу и через полтора месяца представит ее в Художественный театр. Просил об этом сказать К.С.-чу, а то, как он писал: “Караул! у вас все новые пьесы принимают, мне места не хватит!” Когда я сказала об этом К.С., он очень обрадовался, потому что считает его одним из значительнейших современных драматургов. Я сказала об этом и Судакову, и ему интересно, что представит Тренев. “Пьесу неплохую”, – пишет Тренев. А больше – ни слова. Вчера я его спросила, он больше ничего не говорит, только обещает, что действительно пьесу пришлет. У нас в соединенном заседании говорилось об этом обещании Тренева, и в протокол занесли: “В будущем году поставить пьесу современного драматурга”, а в скобках: “Тренева, Булгакова (тоже, кажется, пишет для нашего театра), Файко... (автор “Евграфа – искателя приключений)”. До сих пор Тренев не может сжиться с мыслью о крахе “Пугачевщины”. Пишет: “Сколько творческих сил несравненного театра затрачено было – и все даром!” И вспоминает, как чувствовалось, что не удастся, и как он все-таки поверил театру больше, чем себе. Так хотелось бы, чтоб он представил действительно интересную пьесу и чтоб она успешно у нас прошла.

Да, милый Владимир Иванович, если Вы не искали еще Вашей профсоюзной книжки, не ищите ее. Она вдруг нашлась в местком, у тамошней машинистки. Я наладила уже все это дело, Дм. Ив. внес или внесет завтра взносы за Вас за истекшие месяцы, и в будущем я буду следить за аккуратным взносом денег за Вас. Отмечаться взносы будут в нашем местком.

Сегодня у нас юбилейный спектакль “Мудреца” – пьеса идет в двухсотый раз. Юбиляр – один Вас. Вас.³, которому как сладосте отнесаются конфеты – большая коробка – при письме от правления и К.С.

Большое неудовольствие К.С. вызвал объявленный вечер памяти Чехова. Ведь 30-го годовщина его дня рождения. У нас в театре пойдет “Дядя Ваня”. А 31-го, в понедельник, устраивается спектакль, почему-то в помещении МХАТ 2-го (то есть почему – это понятно. Потому что такого безобразного состава К.С. на сцене МХАТ не допустил бы), как объясняет Ольга Леон., в пользу какого-то технического училища. Однако из вывешенных о спектакле большущих афиш это не видно. Просто написано: “МХАТ 2-й. В ознаменование годовщины со дня рождения состоится литературно-художественный вечер, посвященный творчеству А.П.Чехова, в исполнении артистов МХАТ: нар. арт. Москвина, засл. арт. Книппер-Чеховой, Качалова, Леонидова, Лужского, артистов МХАТ Тарасовой, Молчановой, Михаловской, Бутюгина, Истрина и Прудкина, вступительное слово – Леонид Гроссман”. Затем сцена из второго акта и третий акт полностью: “Чайка” (состав: Сорин – Лужский, Аркадина – Книппер, Тригорин – Качалов, Треплев – Прудкин, Нина – Тарасова, Маша – Молчанова, Шамраев – Истрин, Полина – Михаловская, Медведенко – Бутюгин). 2-й акт полностью из “Вишневого сада” (Раневская – Книппер, Аня – Тарасова, Варя – Мол-

чанова, Гаев – Лужский, Трофимов – Качалов, Дуняша – Михаловская, Яша – Бутюгин, Фирс – Истрин, Прохожий – Прудкин, Епиходов – Москвин, Лопехин – Леонидов), сцена из второго акта “Трех сестер” (Маша – Книппер, Ирина – Тарасова, Вершинин – Леонидов, Тузенбах – Качалов, Чебутыкин – Москвин, Фералонт – Истрин, Роде – Бутюгин, Андрей – Лужский, Анфиса – Халютин, Федотик – Прудкин), “Калхас” в исполнении Леонидова и “Хирургия” – Москвин и Истрин”. Про последний номер Москвин говорит, что он категорически от него отказался, т.к. у него есть уговор с Грибуниным никогда в Москве не читать “Хирургию” иначе, как с ним, все же “Хирургию” на афишу поставили. Вот и все, что стоит на программе. Отсюда никак не видно, что все это пойдет в чтении, без гримов и костюмов. И я думаю, многие из публики будут разочарованы, так как будут рассчитывать увидеть настоящий спектакль, а не чтение.

На вечер этот никто у К.С. разрешения не спросил, составом он возмущен, считает, что это какая-то халтура, где роли распределялись между небольшой компанией, которая собралась, подходит роль или не подходит, не важно, только бы лишнего исполнителя не приглашать. Афишу эту он велел повесить на стене в своем кабинете, чтоб всегда помнить об этом неожиданном для него ударе со стороны всех членов высшего совета, от которого он ждет помощи, созидания, а не разрухи. Мне кажется, что все эти главные участники вечера сконфужены. Все они говорят о том, что они не думали, что афиша выйдет в таком виде, что они предполагали, что это просто “халтура”, на какую они и согласились. Кто ответствен за этот вечер – на афише не указано. И конечно, публика, читая ее, считает это выступлением МХАТ.

Сейчас снова пересмотрела Ваши два последние письма. Хочу Вам вот что сказать: я, вероятно, плохо рассказала, если Вы поняли, что Баратов сидел в первом ряду на премьере. Он сидел, кажется, в ряду 5-м, 6-м, там его место. Но выходил он раскланиваться к первому ряду. Я этим хотела сказать, что он был не на сцене, а тут, внизу, около первого ряда, спиной к дирижерскому пульту, вот так примерно.

Алла Константиновна была тронута, что Вы о ней вспомнили. Она по-прежнему живет во дворе театра, у нее две маленькие комнаты. Сын ее хворает уже два месяца, была корь, теперь какие-то болезни в горле. Ее муж – один из участников этого предполагавшегося кооперативного дома, секретарь правления. Но, как говорят, с этим домом ничего не выйдет. Нам нужно для постройки получить ссуду, а это очень трудно. Теперь пошла тенденция соединять жилищные кооперативы чуть ли не по 50 кооперативов, и им сразу какие-то суммы давать. Я толком этого не знаю, мне только сказали, что в этом месяце или в феврале это должно решиться и что шансов на постройку мало. Алла Конст. по этому поводу огорчается, мечтала, что у нее будет квартира. В отношении работы надеется на Ваш приезд, на возобновление работ по “Прометею”, где она – хоть и дублерша – все мечтает сыграть Ио. Из-за этого дублер-

ства в период прометеевских репетиций было много скандалов и бабьих дразг, но Коренева все же осталась основной исполнительницей. Это ей обещал К.С. и обещание свое сдержал, хотя немало под нее подкапывались и хоть и сама Лид. Мих. иногда начинала сильно нервничать и нервить К.С-ча.

Роль старика в “Продавцах славы” вычеркнута. Почему – не знаю. Я до Вашего письма и не знала, что такая роль существует. Не читала пьесу, принимала ее в том виде, в каком она идет у нас. Я Вам послала ведь не тот экземпляр, который играет у нас; в нашей постановке приняли комбинированный перевод Бинштока и Матерна и еще двух лиц. В этом же переводе, что я послала Вам, пьеса идет у Корша, называется “Торговцы славой”.

Я давно уже хотела написать Вам о Дм. Ив. В одном письме Вы недоумевали: почему ушла вся дирекция, не для того ли, чтоб очистить место новым ставленникам, и неужели театр расстается с Дм. Ив. Не знаю, догадались ли Вы теперь, что все дело-то разыгралось из-за Дм. Ив. И в то решительное заседание, результатом которого явилась смена правлений, Вас. Вас. даже предлагалось: остаться с Мих. Мих. на прежнем положении, и только как член правления (но не как зав. финчастью) вошел бы к ним Егоров. Но Вас. Вас. категорически против этого запротестовал и предпочел уйти, чем быть в другом составе дирекции. Поведение же Мих. Мих. было как-то странно. К.С. вызывал его к себе и предложил остаться заведующим труппой и членом правления. Мих. Мих. согласился. А на следующее утро отказался и даже уверял, что он и не соглашался накануне. Но так как была опасность, что Дм. Ив. в один прекрасный день уйдет сам, не желая оставаться только в зав. финчастью (он сам об этом говорил), то пригласили одно лицо, совершенно новое, для того чтобы он познакомился с ведением нашего финансового дела. В случае ухода Дм. Ив. этот Алексей Федорович Неутриевский вступит в его должность. Он большой спец, служил в ВСНХ и в свое время (при Малиновской, кажется) в Актео. Дм. Ив. на это согласился. Вообще, конечно, Дм. Ив. не остается спокойным, и какие-то подводные течения оттуда, снизу, идут. Но правление старается парализовать их, до сих пор удачно. Вначале, конечно, не могло быть спокойно и после перемен у нас внутри, а теперь как будто жизнь налаживается. Дм. Ив. попросил разрешения совмещать в других местах, указав на Большой театр и УГАТ. Высший совет разрешил ему службу в Большом театре, но нашел нежелательным его участие в работе Управления госактеатрами, потому что тогда ему будет трудно быть представителем театра. При совмещении в другом учреждении ему понизили оклад, теперь он получает не 300 (как заведующий), а 200. Если совмещение он бросит, то, конечно, оклад ему снова будет доведен до 300.

Конечно, Дм. Ив. не может без критики относиться к деятельности теперешнего правления. Конечно, у него есть друзья, которые тоже на-

ходят, что перемен не надо было делать. Но я думаю, что все наладится, что работа будет идти хорошо и гладко. И если Дм. Ив. действительно не будет смотреть в лес и не будет всовывать палки в колеса, то почему бы жизни театра не идти так, как она шла при прежней дирекции.

Вы видите, я уже начинаю делать опечатки. Устала, Вы только подумайте, какое громаднейшее письмо наконец я Вам написала. Еще несколько мелочей – и пора прощаться.

За последние дни прибыли письма на Ваше имя, которые я вскрыла. Одно от какого-то Сергея Григорьевича Евсеева, который кем-то у нас служил – давно. Потом был Вами уволен, как он пишет – неизвестно за что (письмо крайне почтительное). Он поздравляет Вас с 25-летием театра и спрашивает, за что же Вы его так обидели и уволили. Второе – из Киева, от “артиста-педагога Андрея Семеновича Стронского”. Просит Вас помочь ему материально, потому что Вы это можете. Едва ли когда-нибудь (по тону письма) Вы его видели, знали. Обоим я ответила, что Вы находитесь в годичной заграничной командировке.

На днях видела Софью Витальевну. Она в добром здравье, сама мне сказала, что сначала ее волновали перемены в нашем театре, а теперь она успокоилась, видит, что это никак не было направлено против Вас, и Вы это, судя по письмам Ек. Ник., сами говорите.

Да, что я хотела Вас спросить. Когда я читала Ваше письмо к Хмелеву, мне почему-то снова почудилась Ваша непримиримость к старикам, их осуждение. Показалось мне это? Или у Вас было какое-то недоброжелательство к ним, когда Вы писали то письмо? Мне показалось, что и Хмелев это почувствовал, потому что он не всем давал *читать* письмо, многим сам читал то, что находил нужным. Потому что такое письмо могло вызвать большие разговоры, большие передраги и волнения в нашем актерском мире. Я никому не сказала об этом письме, тем более что оно написано не мне. У меня были смутные чувства, когда я читала некоторые фразы. Может быть, я неверно поняла. А уж последние строчки, о которых я Вам уже писала, совсем меня расстроили. Милый Владимир Иванович, что же мне отвечать, когда меня спрашивают о Вас. Столько народа спрашивает, всегда подсаживаются в буфете, подходят в коридорах. Есть люди, которые, видя меня, тотчас же вспоминают Вас и начинают расспрашивать. Я всегда так крепко говорю, что Вы приедете, что, конечно, об этом скоро начнется переписка с Вами. И как все хотят знать о Вас там, в Калифорнии. Что Вы делаете, как Вам там нравится. Не то, что Вам там нравятся розы и пальмы, и кипарисы, и тепло, а как Вас увлекает работа там, с кем Вы занимаетесь. Нравится ли Вам работа в кино? Правда ли, что Вы там ставите фильм? Десятки вопросов. И все кончают всегда просьбами непременно передать от них приветы. Я обещаю. Но вот о двух я Вам напишу, потому что дала слово, что приветы от них пошлю “персональные”. Это Лиза Тюремнова, которая перешла в драматическую группу, и Борис Львович, который страшно много работает, перебегает в один вечер с Боль-

шой сцены на Малую, потом опять обратно, и так иногда до шести раз в вечер. С ним мы много-много говорили о Вас. Сейчас как раз в Москве гостит его жена Нина Ник., которая вышла замуж в Ленинграде. Борис Львович переживал сначала это очень больно, потом как-то привык. Вероятно, теперь опять всколыхнулась прежняя боль.

Вы только подумайте, сколько я Вам сегодня написала. Прерывать письмо приходилось часто – и все-таки громадное какое получилось.

Пожалуйста, скажите Екатерине Николаевне, что Вы никаких сплетен не устроили, что Вам ничего и не надо было разбирать и разъяснять, что если она будет ко мне добра и снисходительна – она будет замечательная дусинька Екатерина Николаевна. И скажите, что я желаю ей много-много хороших вещей. А Мише и Бертенсонам кланяйтесь, пожалуйста.

Что ж, до свиданья, Владимир Иванович? Ну, скажите мне, буду я писать Вам в будущем году письма, или буду ходить на доклад, или, может быть, на доклад ходить не буду, потому что Вы возьмете себе другого секретаря, но все-таки увижу Вас в коридорах, в зрительном зале, в нижнем фойе?.. Помните, как Вы около четырех выходили после репетиции, как Вас ловили жаждущие и алчущие, какими счастливыми отходили от Вас люди, когда Вы говорили им хотя бы чуть-чуть добрые слова. Неужто Вы по всему этому не скучаете, не тоскуете?.. Или Вы не умеете скучать? Не хотите уметь скучать? Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

О.Бокшанская

126.

Москва, 4 февраля 1927 года

Письмо № 25

Милый Владимир Иванович!

Неделю уж Вам не писала, даже восемь дней, и скучаю без письма Вам. Хочется писать, а времени нет. Хочу ответить на Ваше письмо от 6 января, что получила на днях, и нет возможности. Больше всего, кажется, выбивает из колеи обязательный ежедневный поход в Цандеровский институт на электризацию. Ухожу около часу, возвращаюсь около трех (из-за очередей на электризации в гардеробной института пропадает много времени). А часы это все боевые, когда в театре надо было бы сидеть и делом заниматься.

Вот репертуар дальнейший февраля:

9-го, среда “Дни Турбиных” “Прод. славы”

10-го, четв. “Дни Турбиных” “На дне”

11-го, пятн. 4 сп. 2 аб. “Мудрец” “Елиз. Петр.”

12-го, субб. “Дни Турбиных” “Прод. славы”

13-го, воск. утр. “Синяя птица”

веч. “Горячее сердце” “Битва жизни”

15-го, вторн. “Дни Турбиных” “На дне”.

В первоначально выпущенном репертуаре в воскресенье вечером были намечены “Декабристы”, но заменены “Горячим сердцем” потому, что Вас. Ив. боится испортить снова себе глаза гримированием. Он и “Мудреца” теперь не играет, за него играет Ершов. Вероятно, если Вас. Ив. и поправится, все равно Глумова будет играть Ершов, Вас. Ив. не хочет больше играть эту роль. “У врат царства” все время репетируют на Малой сцене (на Большой – “Фигаро”), уже в костюмах и гримах. В день проходят примерно по два акта. Я еще ни разу не была там, опять-таки из-за Цандеровского института. Жду, когда перенесут репетиции на Большую сцену. Вы в последнем письме спрашиваете: кто Иервен, кто профессор. Иервена играет Синицын (Вы его у нас не видели, конечно. И вряд ли знаете по Незлобинскому, кажется, театру?). Профессор – Ник. Аф.¹

На “Фигаро” тоже очень давно не заходила. К.С. все это время репетировал ежедневно, только сегодня пропустил потому, что вечером у него соединенное заседание высшего совета и реп.-худ. коллегии. Вчера он сказал, что четыре акта он “свалил”, осталось разработать последний. В пьесе масса пения, танцы, игры – по-моему, сейчас спектакль растянут примерно до двух часов ночи. Конечно, придется сильно сокращать, когда репетиция пойдет всей пьесой. К.С. я сказала о Ваших строках относительно “Фигаро”, и он попросил меня прочитать ему непосредственно из Вашего письма все, что Вы пишете об этой вещи². Я ему, конечно, и про Вашу записку относительно Москвина и Мозжухина сказала, и про Ваши две строчки об “Унтиловске” – всем ведь интересно знать Ваше мнение о каждой вновь принятой пьесе. В Вашей фразе об “Унтиловске” (“об “Унтиловске” не пишу, т.к. автор, говорите, переделывает?..”) Иван Мих. увидел, что пьеса Вам не особенно понравилась. Между прочим, передавая Ив. Мих. то, что Вы писали о приглашении Мозжухина, я спросила его, не кажется ли ему, что ему надо написать Вам, ведь Вы проявляете столько внимания к нему и его делам. И он сказал, что непременно напишет, хотя как-то чувствует себя неловко, сконфуженно, как же написать, какие слова найти: именно ему написать Вам как-то конфузно. Так мне кажется, может быть, ошибаюсь. Когда я сказала о том же Леонидову, он ответил мне, что считает Москвина обязанным написать Вам, что он бы, Леонидов, на месте Ив. Мих. непременно написал бы.

Сегодня пришло от Вас письмо Грибунину, я его видела внизу, на подъезде. Он Вам послал в один день с моим письмом № 17, на которое я жду ответа от Вас. Стало быть, ответ скоро будет, не так ли?

Я Вам в прошлом письме писала о чеховском вечере в помещении 2-го МХАТ. Вот как было с этим: К.С. предложил послать организаторам письмо с предложением, чтобы пьесы шли в том составе, в каком игрались в последнее время в МХАТ или в утвержденных театром вечерах “халтуры”, и чтобы организаторы обратились с просьбой к таким исполнителям участвовать в вечере. Тем ничего не оставалось, как подчиниться, т.к. в случае неисполнения предложения театра вечер был бы отменен. Но кому-то, вероятно, все же было неприятно это вмешательство К.С. И Лид. Мих., которую пришлось пригласить на “Три сестры” и “Вишневый сад”, довели на репетиции до того, что она с репетиции ушла и от участия в вечере отказалась. Роли Евг. Мих. (Анфиса и Полина) были вовсе вычеркнуты. Вечер состоялся и имел, как говорят участвующие, большой успех. Театр был полон.

Завтра и послезавтра днем в МХАТ 2-м генеральные “Дела”. Вероятно, я пойду послезавтра. Это спешный выпуск новой пьесы, так как “Орестея” не делает никаких сборов и идет очень редко.

На днях пришла телеграмма от М.Геста на имя К.С. – предложение в Америку (те крупные города, где мы были уже, и Калифорния), на обратном пути заехать в Лондон – с февраля будущего года. Обусловлено в поездке присутствие К.С., Москвина, Качалова и Книппер, и Миши Чехова. Репертуар: “Федор”, “Три сестры”, “Вишневый сад”, “На дне”, “Ревизор”, “Горе от ума”, “Горячее сердце” и три новых постановки (????!!).

По тому, что Гест был у Вас в начале января, я думаю, что Вы об этом уже знаете. Может быть, этих гестовских желаний о количестве пьес или о Мише Чехове не знаете, но, вероятно, Вы с ним говорили на тему поездки “стариков”, когда он был у Вас. К.С. как будто отнесся к поездке отрицательно, Москвин, Лужский, Качалов, Леонидов как будто за поездку, но, во всяком случае, об условиях надо списаться. Все, конечно, понимают, что столько пьес, да еще таких громоздких, везти нельзя. И надо же знать, какая гарантия и какое количество актеров везет Гест. Вероятно, скоро будет послан Гесту ответ, после обсуждения снова с К.С. и высшим советом. Беспокоит и вопрос, кто же и кто же останется здесь. О телеграмме знают пока только самые верхи, в труппе это неизвестно. Взбудоражит всех. Вы себе представляете, как многим из молодежи хочется поехать, наслушавшись рассказов о прежних поездках “стариков” и Муз. студии?! Милый Владимир Иванович, напишите, что же Вам говорил Гест об этом. Вы подумайте, как скупы Вы пишете: “Третьего дня обедал у нас Гест...” И все. А мы здесь строим догадки: как Вы встретились, о чем говорили, чем он занят теперь, как он занят нами, что он собирается делать в будущем сезоне... Между прочим, меня все спрашивают, не пишете ли Вы мне об Ол. Влад., о которой мы уже давно ничего не знаем. Слышали от Вавы, что она расшилась, была больна, теперь поправилась. Знаю, что Ваве она написала, что вернется, может быть, весной, и, во всяком случае, осенью.

За последние дни у нас все вводы в “Турбины”, и все приходится смотреть спектакль. Не помню, писала ли я Вам, что бедный Кудрявцев натрудил себе связки (у него несмыкание связок), и ему запрещено говорить громко. Его роль Николки в “Турбиных” уже неделю играет Вас. Орлов. После Кудрявцева Орлов и не юнкер, и не молод, и очень нервен, почти истеричен. Потом заболел Вербицкий, и так как в “Продавцах славы” сына Башле играет или Орлов (занятый в “Турбиных”), или Синицын – официальный дублер Вербицкого в роли Тальберга, то в первый день болезни Вербицкого Тальберга играл Судаков, который вообще может сыграть любую роль в “Турбиных”, кроме Елены, конечно. Он сыграл неплохо. А на следующий день играл уже Синицын, играл страшно нервно, в каком-то дергающемся и дергающем тоне. Смотреть его было почти мучительно, каково же было играть с ним. К тому от волнения он почти все позабыл, товарищи ему подсказывали на сцене. Сегодня новый ввод: Алешу Турбина вместо Хмелева играет Судаков. Это волнует всех. Хмелев так хорош в этой роли, так его все любят и вообще, и как Алешу, что представить себе другого Алешу ужасно трудно. А вместе с тем мечта Судакова сыграть эту роль. Он даже обращался в реперт.-худ. коллегии с просьбой, чтоб К.С. его просмотрел в этой роли на закрытом показе и выпустил дублером Хмелеву, в очередь. Но решено было сохранить первоначальный состав “Турбиных” до тех пор, пока возможно. Потому что публика ведь идет не только на пьесу, но и на всюду расхваливаемую игру определенных актеров. А тут случилось, что и у Хмелева со связками, с горлом нелады, и ему надо себя поберечь, а не надирать голос по четыре раза в неделю в сцене “Гимназии”. Вот и пришлось ему уступить роль Судакову. Этот ввод не внезапный, Судакову дали репетиции две. К тому же он как режиссер знает всю пьесу, мизансцены великолепно. И наконец-то волнуется по-настоящему, что играет. А то ведь у Ильи Як. спокойствие завидное, анекдотическое.

Вчера наконец-то попала я на “Лизистрату”. И поняла, что Рабинович послал такое письмо в редакцию газеты. Трудно даже представить себе, во что превратилась та великолепная установка. Сцена более плоская, неглубокая, чем самая неглубокая из американских театров, что мы объездили. Белые колонны, их перекрытия почти впадают в горизонт – хотя и густо-синий, но какой-то явно холщевый, составленный из кусков. Теснота на сцене ужасная – от установки. А когда набьется весь народ – просто повернуться негде. И еще вчера был спектакль со многими отсутствующими, как мне сказали за сценой. Действительно, из знакомых дам не было Кемарской (хворает) и Полозовой. За Полозову коринфяной была Крутова – очень хороша и жива. Установка хотя и не вращается, все же стоит на этих коричневых деревянных ужасных подставках. Я знаю, что Рабинович настаивал, чтоб установку сняли с подставок, но студия не могла на это согласиться: она надеется, что в поездке будут такие театры, в которых можно будет играть с вращением

установки. Лизистрату играла Белякова, Колонику – Гундобина (как на гастрولي, т.к. от последнего акта должна была уйти, ведь она служит в МХАТ и обязана была прийти на последнюю картину “Федора”). Поэтому в последнем акте “Мир” должна была читать в первый раз Ля-Гуш. Волновалась ужасно, но прочла славно. Вместо Саблуковой – Грубэ. И только теперь стало ясно, как подымала тон всех народных сцен Саблукова. Остальные все те же. Только спартанский дуэт поют Бушера и какой-то мне не известный. Пьеса кончается гимном, “Пускай же девы молодые...” уже не идет. При этом в афинских послых впереди идет не Сеня Рахманов, он идет вторым, а Кинезий – Саратовский, который говорит и некоторые слова (“Я умираю от охоты”, “О мире надо нам договориться” и т.п.), а в момент общих объятий подходит к Лизистрате и стоит с ней на коленях во время гимна. Так что она уж больше не вздевает руки в молитве, а тоже вместе с мужем поет “Мы славим бога Аполлона”...

Вы читали рецензии о “Лизистрате”? Все это верно: спектакль стал тусклым. Публика как будто и смеется во время акта, но после закрытия занавеса энтузиазма нет, аплодисментов нет, нет подъема. Студия явственно утерала душу, вдохновение, то, что делало ее живой, волнующей. А кроме того, по-моему, спектакль потерял вот то целомудрие, ту изумительную непосредственность, которая была в нем на нашей сцене. И так и выпирают штучки Баратова, которые перенимают Рошет и подобные ему (Рошет играет роль Цитринника, который в студию не вернулся, о нем напишу после) – с вздергиванием туник, с подчеркиванием двусмысленных положений³. И этот слабый смолинский стих еще пересыпан отсебятинами⁴, т.е. своими словами в массовых сценах, которые (свои слова) слышны явственно в зал и так много сору приносят в пьесу. То, чем актер должен жить в данную минуту, он говорит громко, так же громко, как действующее лицо свое реплику. В то время как встречаются в последнем акте мужа и жены, на авансцене идут восклицания: “Где ты, мой милый? Где ты был? Ну, Расскажи! Пусти меня! Подожди!”. Из всех спектаклей (я видела до сих пор “Анго” и “Карменситу”) – это самое неудачное возобновление. Так чувствуется, что из зрительного зала за спектаклем не было и нет контроля. Я подумала вчера: сколько бы блокнотов исписали бы Вы замечаниями во время такого спектакля! За сценой встретила нескольких студийцев, они меня очень славно, душевно встречают (правда, не все, у некоторых ко мне чувства повернулись в дурную сторону, как к изменнице, что ли, или это они и всегда так ко мне относились?). Спрашивают, что Вы пишете, не пишете ли мне о них, когда Вы вернетесь...

В студии, как я слышала – уже в театре, у нас, – не все хорошо, даже просто все нехорошо. Всем вертит Баратов и – как и полагается – Муся Грубэ. В новой постановке “Соломенная шляпка” Баратов играет женюху, Грубэ – невесту. Говорят, Грубэ вводится в роль Периколю как дублерша. Словом, то, что Вы предсказывали, то и случилось. Кто

дружит с Мусей, тот получает роли. (Передаю, быть может, преувеличенные сплетни, но что слышала, то и говорю.) Я бы не хотела только, чтобы Вы кому-нибудь это сказали или прочли, могут пойти обиды и сплетни.

Но вот что недавно мне уж не как сплетни, а как факт передавали относительно их дел. Началось все из-за той переработки за лето 25-го года, о которой я Вам писала в прошлом письме. Лосский на вопрос о налоге заявил, что действительно за него такой налог заплачен был, но он вовсе не считает себя в долгу перед студией, наоборот, он считает, что студия ему должна гораздо большую сумму, т.к. Вл. Ив. обещал ему, что он получит вознаграждение особое за поездку, в которой он был обделен. Это вознаграждение он считает, кажется, в 2 000 р., так что считает, что студия ему должна за поездку, кроме уплаченного налога, еще 1 200 руб. Студия же сейчас в большой от Лосского зависимости и согласна на какие угодно льготы ему, только бы он не сердилась. Во-первых, у него вышли какие-то обиды, что ему дали роль в “Соломенной шляпке”, не спросив, хочет ли он ее играть. Во-вторых, он связан с Большим театром и категорически отказался ехать в поездку с конца марта. (Он теперь зам. зав. худож. части Большого театра.) И вдобавок запрещает и Беляковой ехать в поездку, а тут уж студия попадает в безвыходное положение. Правда, если не поедет Лосский, Лари-водьера будет играть Рахманов, а вице-короля – Камерницкий. Но если Белякова не поедет, Вы понимаете, что с ними будет? Белякова дает слово, что не подведет и поедет во что бы то ни стало, даже не обратит внимания на угрозу Лосского развестись с ней. Словом, каша ужасная. А студия, правление, не хотят его раздражать, всё хочет уладить миром. И конечно, для слаженности спектаклей ужасно хочет, чтоб он ехал в поездку. И конечно, уж и не мечтает получить какую-то там свою переработку за лето 25-го года, пускай пойдет в уплату налога Лосского, только бы показать ему, что студия рада всячески ему быть приятной, так пусть и он к ней будет благосклонен. По-моему, стыдно все-таки ему, получающему такие деньги в Большом театре, платить свой налог грошами бедных людей. И требовать себе уплаты каких-то обещанных ему денег за поездку в то время, когда все получили только то, что им платили в Америке по ведомости, и получили-то там гораздо меньше его. Вы всегда за него заступались, может быть, и теперь найдете его правым, а мне он противен за все это. Да еще плюс – его (только подумайте, его) “Борис Годунов” в Большом!

Я спрашивала, как обстоят дела с отчетом Муз. студии (спрашивала у А.А.Козлова, составлявшего отчет). Он мне сказал, что такой краткий отчет (как я Вам послала в копии) сделан заново, с исправлением некоторых сумм и передан в УГАТ. Вероятно, он будет признан недостаточным подробным. Но пока как-то отписались, т.к., собственно, через УГАТ он пойдет в Наркомпрос. Когда я читала К.С. Ваше письмо о “Фигаро”, он со мной снова стал говорить о студии, о Вашем взгляде

на нее. Его студия сейчас идет очень хорошо материально, делая по 2 100 на круг. Имеет хороший успех у публики. Я в воскресенье днем была у них на “Онегине” – полный зал, громадный успех. Правда, их постановки все – новость для широкой публики, а Муз. студия должна пробавляться своими старыми постановками. Но у них впереди новые постановки, а у наших – если с Баратовым – то какие же постановки ждут их!

К.С. мне сказал, что несколько человек из Муз. студии просятся к нему, но он сказал, что если и примет, то только с Вашего разрешения. Кажется, в первую голову просится к нему обратно Галя Горшунова. Я спросила К.С., какие следующие постановки в его студии. Он назвал “Богему” и “Майскую ночь” и спросил меня, правда ли, что Вы хотите ставить “Пиковую даму”. Я сказала, что да, в поездке Вы говорили об этой постановке как об интересной для Вас. Снова К.С. мне сказал и о “Прометее”, то, что я Вам уже писала в прошлом письме. Сегодня приходил ко мне Баклановский, помните его, такой маленький, черненький, играл службу в “Пугачевщине”. Он попросил меня достать ему Вашу карточку и послал ее к Вам для подписи при толстом письме. Теперь боится, что письмо пропадет и он останется без ответа. Я ему надписывала конверт, сказала, что у меня рука легкая.

Одновременно высылаю Вам последние журналы. В одном из них Ваша карточка с К.Фейдтом. А журнал “Рабис” – старый, в нем то интервью с представителями 2-го МХАТ, о котором я Вам писала. Я журнал этот все-таки раздобыла. Я хотела Вам еще написать о Цитриннике, он меня просил об этом. Я Вам как-то написала, что его в студии не приняли. Нет, оказывается, в конце концов они соглашались его принять, только считали, что он должен принести извинения за опоздание “старикам”-студийцам, основному ядру. Он по разным практическим соображениям было пошел на это, но потом его дела устроились, и он не только не пошел на это собрание, где он должен был извиняться, а вышел из состава студии вовсе.

Милый Владимир Иванович, с Сумбатовыми недавно при мне говорила Рипси, я ее просила разузнать о здоровье Ал. Ив. Мар. Ник. сказала, что все очень хорошо теперь и что в конце ноября она послала Ек. Ник. большое письмо. Передайте, пожалуйста, нежный поцелуй от меня Ек. Ник. и сердечный привет Бертенсонам и Мише. Желаю Вам радостных дней, чудесных дней. До свиданья.

Ваша *О.Бокшанская*

Москва, 12 февраля 1927 года

Письмо № 26

Милый Владимир Иванович!

Вчера, когда шла на Малую сцену смотреть генеральную “У врат царства”, мне подали Ваше письмо. Так что читала его, уже придя в помещение студии. И конечно, взволновалась, потому что что-то неуловимо враждебное, какое-то неуловимое отталкивание себя от театра увидела в Ваших словах. Не знаю, смогу ли написать Вам, сумею ли сказать, как все это мне тяжело.

А теперь о “Вратах царства” – как о фактах, а не о чувствах.

С пьесой этой вышло так. Во вторник 8-го К.С. был позван смотреть показ. Думали, что он внесет свои поправки, потом Нина Ник. будет опять заниматься, и в начале марта пьеса войдет в репертуар. К.С. же оказался так спектаклем доволен, что приказал выпускать в пятницу 11-го и субботу 12-го генеральными для “папы и мамы”. Но в репертуар ее нельзя было уже поставить раньше 23-го, т.к. репертуар уже выпущен. Поэтому стали строить планы, как бы использовать эти оставшиеся до премьеры 10 дней. Решено было (т.е. предложено К.С-чу) дать одну репетицию для каких-нибудь учебных заведений – вообще кому-то подарить, а потом 20-го в воскресенье продать закрытый утренник, начав его часа в два. Тогда Гаррель сыграет в “Синей птице” Свет и подойдет на генеральную ко второму акту. А то иначе обе наши исполнительницы – Гаррель и Еланская – заняты в “Вратах”. При этом еще не было решено, пойдет ли пьеса 23-го еще на Малой сцене или уж будет перенесена на Большую и дана для 1-го абонемента. Нина Ник. настаивала на показе на Большой, между нами говоря, из-за внешности Вас. Ив., который грузноват на Малой сцене. Да там и освещение невыгодное. Он вблизи за кулисами выглядит моложе, чем при рампе. Реп.-худ. коллегия, напирая на желание “усилить престиж Малой сцены”, предлагала провести показы (первые спектакли) на Малой сцене.

Все это были планы вчерашнего дня. А сегодня все полетело. И вот из-за чего. Вас. Ив-чу совершенно запрещено гримировать глаза. А он не удержался и провел под глазами две черточки. Гриму это не помогло, но к вечеру у него уже покраснели и вспухли веки, и сегодняшняя генеральная слетела – теперь не знаем даже, когда же она будет дана.

На вчерашней репетиции, по моему и почти по общему мнению, первым номером прошла Еланская. Она была просто очаровательна. И я думаю, что Вы бы сказали, что она делает то, о чем Вы ей писали.

У нее такая непосредственная веселость, такая обаятельность, такая живость, такой прекрасный нерв, что она вела сцены и весь интерес был в ней. Нисколько мещанства. И все время жаль и досадно за нее,

что Карено ее не замечает, что Бондezen такой пошлый, а ей кажется, что это – настоящее. И очень красивая Еланская – при совсем легком гриме. Красива своей сияющей молодостью и в простом платье первых двух актов, и в немного более нарядной блузке третьего, и в последнем акте – в красном платье, в широкой шляпе. Она наслушалась уже похвал достаточно и ужасно рада, что я обещала написать о ней Вам.

Про Вас. Ив. не пишу. Во-первых, Вы себе ясно все представляете; во-вторых, я ему так часто на сцене не верю. Очень хорошо играет Ник. Аф. профессора, его хвалил и К.С., и смотревшие. Опять нервится и дергается сам, и дергает зрителя Синицын в Иервене. А Гаррель очень мила в роли фрекен. Станицын, откровенно говоря, мне не понравился. Он играет квинтэссенцию пошлости и вульгарности и внешне, и во внутреннем рисунке роли. Играет с нажимом, вылезал из спектакля. Хотя про него и говорят, что он “жирный кот”, но ведь нельзя так вот на первый план этот “жир” и эту “кошачью подлую повадку” и выставить. Правда?

Нет, всех лучше Еланская, хоть ей еще надо хорошенько выиграться. Но она согревает спектакль, интересно тогда, когда она на сцене; когда ее нет – ждешь ее появления¹.

Судаков ходит гоголем, гордится своей Клавдюшей. Сам он только что сыграл давно желанную роль Алексея Турбина. Сыграл хорошо, ничего не скажешь, но, по-моему, того, чем подкупает всех Хмелев – обаяния, – у него нет. И когда некоторые из наших, которые ужасно как любят сказать, что такой-то такому-то “вмазал”, что “такого-то игрой покрыл такой-то”, начинают говорить, что Судаков покрыл Хмелева, я не соглашаюсь. “Покрыл” потому, что у него зычный голос и он в сцене гимназии может без хрипа сказать все свои слова? Очень уж поверхностное мнение... Но вошел он, как всегда это у Судакова, крепко, уверенно, и теперь, вероятно, всегда будет играть Алексея в те дни, когда на Малой сцене параллельно “Турбиным” идут “Продавцы славы”. Хмелев же должен играть в дни параллельного “Дна”, потому что Судаков тогда занят в роли Пепла. Так что как следует дать отдохнуть горлу Хмелев никак не может.

Смотрела я генеральную “Дела” во 2-м Художественном. Прекрасный спектакль. Чехов играет совершенно неожиданный образ Муромского, но играет изумительно. И пьеса мне понравилась, смотрится с напряженным вниманием – и какой язык! Прекрасно сделал “оформление” Н.А.Андреев – это тоже один из козырей спектакля. Использована вращающаяся сцена и для поворота при полной тьме, и для легких поворотов одной и той же установки на глазах у зрителя. Вероятно, во всех следующих номерах журналов будут отчеты об этом спектакле, из них Вы многое поймете. А в посылаемых нынче есть фотографии. Не правда ли, как интересно придуман этот срезанный портрет на стене княжеского кабинета? Этот акт очень эффектен внешне. Но лучше всех установок – канцелярия, которая едва ли будет доказательна на фотографии. Такой

образец канцелярий, такая сгущенная канцелярия любого учреждения любой столицы. Громадные светлого дерева шкафы, на них груды “дел” в синих бумагах, кипы дел. И столы...

Попробуюсь найти рецензию Л.Гроссмана в “Веч. Москве” об этом спектакле. По-моему, хорошая статья. Или это потому, что он принял спектакль почти так, как я его приняла. Вероятно, оттого. Давно уж не было так приятно на спектакле 2-го МХАТ. И совершенно изумительный Чехов, о котором думаешь после этого несколько дней, все находишься под впечатлением катастрофы Муромского.

Я Вам снова посылаю пачку журналов и “Веч. Москву”, в которой есть отчет о заседании относительно театральной политики. Это должно быть Вам интересно, так как там почти сплошь о выступлении Луначарского.

Да, хотела я Вам написать, что в той “Веч. Москве”, которую я Вам послала в прошлый раз, в хронике театральной указано, что студия К.С. будет готовить “Бориса Годунова” и “Кармен”. Я, удивившись, спросила Рипси, но она мне ответила, что “Борис” действительно у них разучивается, но про “Кармен” она никогда там и не слыхивала и думает, что это ошибка хроникера.

Сегодня у нас был показ гримов и костюмов исполнителей “Фигаро”. Вчера показывали участники народных сцен, но не К.С-чу, а только Телешевой и Вершилову. Сегодня же смотрел К.С. Костюмы изумительны и выполнены превосходно Ламановой, которой после показа аплодировала труппа. Совершенно исключительны костюмы графа, графини, их приближенных, очень забавны – остальных персонажей. Ник. Аф. получил такой уморительный костюм, что все хохотали так же, как он когда-то – помните – вышел на показе гримов “Анго” Лушаром. Пожалуй, еще смешнее Лушара, потому что ему сделали невероятнейшую фигуру с каким-то животиком почти у колен. Ужасно смешной². К.С. был чрезвычайно доволен.

Сейчас идут разговоры и примерные предположения, как поехать весной в Ленинград. Хотят сделать так, чтобы и здесь продержат спектакли до 15 июня, и в Ленинграде проиграть весь июнь. По представленному (кажется, Женей Калужским) плану, 31 мая в Ленинград уезжают почти все пьесы нашего репертуара и Малой сцены, здесь же в Москве остаются “Растратчики”, которых играют до 15 июня ежедневно для абонементов и несколько вне абонемента. После же 15-го июня в Ленинград уезжает “Гор. сердце” (до этого оно не может быть там показано, т.к. Гарханов, занятый там, играет главную роль в “Растратчиках”) и “Турбины” или “Растратчики” на 10 рядовых спектаклей. Этот план, вероятно, еще будет долго обсуждаться. В Ленинграде тоже пойдут параллельные спектакли, как и у нас здесь, по два в вечер, в Михайловском и Александринском. Здесь же с 1 по 15 июня при “Растратчиках” спектакли пойдут только на Большой сцене.

Я забыла написать Вам последний репертуар. Вот он:

февраля 16-го, среда “Дни Турбиных” “Прод. славы”
17-го, четв. 4 сп. 7 аб. “Царь Феодор” “Дама-невидимка”
18-го, пятн. 4 сп. 9 аб. “Мудрец” “Елиз. Петровна”
19-го, субб. “Дни Турбиных” “На дне”
20-го, воск. утр. “Синяя птица”
веч. “Дядя Ваня” “Битва жизни”
22-го, вторн, “Дни Турбиных” “Прод. славы”.

Помните, я писала Вам, что Муз. студия собиралась обратиться к Ник. Аф. с просьбой помочь им в амторговском деле. И Камерн. со мной об этом говорил, что они непременно придут к Ник. Аф. Но не пришли почему-то... Знаю, что говорили о помощи им с Вас. Вас., но, как мне сказал Лужский, он ничего не может для них сделать. Вас. Вас. сказал мне, что письмо Ваше он получил.

Вероятно, на днях окончится наше дело с корзинами Муз. студии. Они попросили разрешения оставить у них корзины до 15 февраля, мотивируя тем, что они закажут по нашим новые для себя. У меня есть диванные думать, что это не совсем так. Просто у них были в это время выезды на спектакли в районы, и они не могли остаться без корзин. Но наше правление и К.С., слава Богу, этого не знают, а мне незачем им об этом говорить. Хорошо было бы только, чтобы они сдержали слово и ко вторнику представили бы корзины, чтобы не было на них нападок.

Отвечу Вам по Вашему письму, по тем вопросам, которые меня не задели. На те сегодня не отвечаю. Можно мне написать Вам об этом в другой раз?

Шумно ли у нас в правлении? Нет, в комнате реп. коллегии шумно только во время заседаний, а так обыкновенно там тихо посиживает Мих. Гер. и его гости: члены коллегии, Леон. Мир. ...В кабинете правления тоже тихо. Ник. Аф. бывает там только в часы, свободные от репетиций. Так что чаще всего там сидит Ник. Вас. один или те, что приходят к нему с докладом или запросом. У нас же, в средней комнате – проходно, да, но не слишком, так как личный стол – учреждение, в которое существует паломничество в течение всего дня, – переведен в комнату бухгалтерии. Здесь же только делопроизводство, стук машинки... Стучит барышня, что пишет бумаги управления делами, стучу я, и мирно покуривает, почитывает книжки, потягивается “беспредельный” Савва... (Это наша няня, когда хочет сказать, что ей нечего делать, говорит: “И хожу я совсем беспредельная”.) Федичка календарь Вам купил и, вероятно, в понедельник вышлет.

Конечно, о Массалитинове на банкете вспомнили и хотели послать ему телеграмму, да не знали, куда. Слова воспоминания о нем встретили и провожали аплодисментами. Но вообще из “трех Николаев”, создавших школу, потом 2-ю студию, на банкете был только один – Ник. Аф. Ник. Григ. сознательно отсутствовал. Вообще у Ник. Григ. большая обида против театра. Началось это с весны, когда произошла с ним

грустная история. В день премьеры “Продавцов славы”, где он играет видную роль журналиста, он пришел на спектакль настолько нетрезвый, что с трудом говорил слова и провел роль³. К.С. был в ужасном состоянии. К тому же спектакль выпускали как-то наскоро, знаю, что еще в семь вечера на сцене репетировали с оркестром музыкальный антракт. И вдруг – такой афронт, на следующий же день (пьеса шла, кажется, два раза подряд), или это было на следующий спектакль – словом, в следующих “Продавцах” он пришел в театр в таком виде, что его нельзя было выпустить на сцену, и за него играл режиссер спектакля Горчаков (??!!) – единственный, как-то знавший текст и мизансцены. К.С. тогда страшно возмутился, отобрал от Ник. Григ. роли и заведывание пом. режиссера, – словом, лишил всех чинов и орденов. И об этом было вывешено на доске. Правда, теперь ему все возвращено: и роли, и заведывание (главный пом. режис.), но Ник. Григ. обиделся – и уж надолго.

Что же касается вечера 27-го, то он был еще недоволен тем, что из-за того, что решено было абсолютно никого посторонних и членов семейств не пускать, исключение сделали только для Анны Ник., но для его дочери Маруси не сделали и попросили ее на вечер не приводить. Тогда он вовсе не пришел ни на “Торжественное утро”, ни на вечерний банкет.

А вот о другом провинившемся перед театром, о Ливанове, я, кажется, Вам не написала, что в высший совет поступила просьба вернуть его с 1 февраля в театр к работе. Члены высш. совета поддержали эту просьбу, только К.С. остался при особом мнении. Но так как он один был против всех, то подчинился общему решению, прося только занести в протокол его заявление, что он против возвращения сейчас Ливанова, что он не будет с ним заниматься и что он требует, чтобы Ливанов не участвовал ни в одном вечере в театре, где будет хоть один человек из посторонних театру. Ливанов теперь разгуливает по театру. Перед его возвращением к работе с ним имели разговор члены совета Москвин, Леонидов и, кажется, Вас. Вас. Как мне сказал Леон., ни смущения, ни раскаяния в нем они не заметили.

Сегодня стесняюсь позвонить к Сумбатовым, поздно, одиннадцатый час. В следующем письме непременно напишу Вам о них.

Кланяйтесь, пожалуйста, от меня дорогой Екатерине Николаевне, Мише и Бертенсонам.

Желаю Вам много-много хорошего. Почему мне кажется, что Вы ко мне переменились? Это так больно.

Ваша Ольга Бокшанская.

Колосков недавно вступил, вернувшись из отпуска, в прежнюю свою должность. Только не в директора ГАБТ, где сейчас Бордуков.

Москва, 19 февраля 1927 года

Письмо № 27

Милый Владимир Иванович!

Не подумайте, что я стала реже писать (раз в неделю) потому, что Вы мне написали, что Вы мне это разрешаете, а я обрадовалась разрешению. Просто сейчас дни стоят ужасно занятые. Вошли в работу “Растратчики”, разрешенные Реперткомом. Вы знаете Судакова – ведь уж раз он взялся за дело, в покое не оставит. Вот он и теребит меня с перепиской режиссерских и всяких экземпляров пьесы и ролей. При этом колено мое все еще побаливает, значит, днем, уходя на электризацию, выбываю из работы часа на два. И вообще работы много, всякой ежедневной, необходимой в течение дня. (Роли успеваю переписывать только по вечерам.)

А сегодня был такой суматошный день, что до сих пор не удалось пойти в Цандеровский институт, а сейчас уже половина пятого. Но так как сейчас там большой наплыв больных, приходящих после окончания службы, то я решила сначала написать Вам, а потом пойти туда попозднее, перед закрытием института, когда публики становится меньше.

Суматоха сегодня вот из-за чего. Вчера вечером разрешился вопрос о генеральной “У врат царства” в понедельник 21-го на Большой сцене. Был большой спор между режиссурой и реп. коллегией о том, где устроить показ. Коллегия настаивала на показе на Малой сцене, так как считала, что это может поднять значение той сцены. Нина же Ник. настаивала на Большой, т.к. на той сцене Вас. Ив. грузен, грим его не молодит, даже старит. К.С. склонялся к поддержке мнения Нины Ник. Она к тому же выражала ведь мнение и самого Вас. Ив. Но так как репетиции и всякие показы по понедельникам не разрешаются, мы решили дать генеральную всю – членам правительства и ЦИКу (у них сессия). В Кремле этому обрадовались и попросили прислать им комплект, за исключением, конечно, тех билетов, которые мы персонально рассылает членам правительства. Свои абсолютно никто не получают контрамарок. Репетиция закрытая. К.С. даже считает, что следовало бы труппе объявить, чтоб она не приходила стоять в проходах. А 23-го пьеса входит в репертуар для абонементных спектаклей.

Вот, кстати, репертуар февраля:

23-го, среда 4 сп. 1 аб. “У врат царства” “Дама-невидим.”

24-го, четв. “Дядя Ваня” “Елиз. Петр.”

25-го, пятн. “Дни Турбиных” “Прод. славы”

26-го, субб. 4 сп. 4 аб. “Мудрец” “Елиз. Петр.”

27-го, воск. утр. “Синяя птица”

веч. “У врат царства” “Битва жизни”

Марта 1-го, вторн. “Дни Турбиных” “Прод. славы”.

Я прозевала вовремя Вам сообщить наши данные за январь о среднем сборе. Простите за это упущение. За январь на Большой сцене на круг сделано 2 911 руб. и на Малой – 614 руб. За первые две недели февраля мы несколько выправились. На Большой сцене – 3 119 руб. и на Малой – 640 руб. “Царские врата”, конечно, не вызывают надежд на увеличение сборов, но дают некоторое успокоение в смысле сдачи абонементов.

22-го февраля в Таганроге празднуется юбилей (столетний) существования театра в городе Таганроге. Празднуется в Народно-художественном тамошнем театре (НХТ, как они себя называют, почти что МХТ). Об этом были посланы извещения и на Ваше имя, и на имя театра. От театра туда послана папка с адресом, в котором помянут Антон Павлович, связавший таганрогский театр с нашим театром. Подписывалась вся труппа.

Ваши строки о постройке кооперативного дома в нашем дворе я прочитала и К.С., и Ник. Аф. Последний доволен, что Вы высказываете те же опасения, которые беспокоили и его. Сейчас в этом деле я хорошо не разбираюсь, потому что по этому поводу идет какая-то работа, а я о ней точно ничего не знаю. В понедельник днем как раз общее собрание членов кооператива, на котором из доклада, вероятно, я все узнаю и тогда напишу Вам. К.С-ча беспокоит только то, что соседний рабфак может застроить наш двор, и тогда мы очутимся в худшем положении, чем если бы построили свой кооператив. Кооператив этот абсолютно будет самостоятелен и никак не связан с хозяйством театра.

Я Вам в последний раз написала о том, что Григ. Алексеевич вернулся из отпуска к своей должности. Как я слышала, это сделано только из желания дать ему возможность уйти с честью, без больших неприятностей. Говорят, что он уйдет со своего поста дней через десять. Куда – не знаю. Кто будет на его месте, пока тоже не слыхала.

Третьего дня в театре мне сказали, что будто где-то появилось интервью с Вами, в котором Вы ругаете за постановку “Турбинных” и за непостановку “Прометея”. Я никак не могла разузнать, кто действительно читал это интервью, каждый мне отвечал, что он от кого-то слышал, что кто-то читал. Вы знаете, как у нас любят все раздуть, все представить в преувеличенном виде. Поэтому первый рассказ об интервью и был такой, что Вы будто страшно разнесли театр за его дела. Но потом, когда я стала доискиваться, кто же...

[13 апреля 1927 г. Москва]

Сейчас перечитала тот первый лист, что написала Вам днем. Больше написать не успела. Мне не нравится, как написано, но знаю, что лучше все равно не скажу. Пока думаешь о письме, все кажется страшно просто и легко выразить. Как начинаешь писать, да еще после того перечитаешь – никуда не годится.

Я подумала: как же это дальше будет, после такого Вашего письма, после тех строк, что только ко мне обращены¹. Мне писать Вам стало так трудно теперь, и кажется, что уж теперь стану самой безличной информаторшей. Мне трудно Вам сейчас писать, ужасно трудно. И Вы это, вероятно, сразу почувствуете по письму. Я Вам напишу, непременно ведь напишу, ни одной минуты не сомневаюсь, – а сейчас не могу.

Только что мне сказали, что действительно “Фигаро” в субботу дадут генеральную “для папы-мамы”. К.С. был очень доволен сегодняшней репетицией.

И еще сказала мне Рипси, что от Вас пришла телеграмма с опровержением слуха о смерти Василия Ивановича. Я так рада, что это оказалось выдумкой. Мы здесь долго не могли поверить: Василия Ивановича тогда в Праге я видела таким бодрым, несмотря на его возраст, таким подвижным. Не хотелось верить. И только когда прочитала в “Комедия” парижской строки некролога, то подумала, что случилось это горе для Вас. Только после этих строк в “Комедия” и в театре поверили. И до того слух прошел, но не верили. Очень-очень рада за Вас, за Екатерину Николаевну, за самого Василия Ивановича.

Пожалуйста, передайте Екатерине Николаевне и Мише и Бертенсонам мой душевный привет.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Простите меня, если я глупо или противно реагирую на Ваше письмо. Ведь на таком расстоянии все может показаться. А у меня здесь сердце болит. И ничего с ним не поделаешь.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Москва, 27 апреля 1927 года

Письмо № 34

Милый Владимир Иванович!

Еще раз поздравляю Вас с праздниками – Вас, дорогую Екатерину Николаевну и Мишу. Надеюсь, что моя телеграмма пришла вовремя. Или Вы забыли о нашей Пасхе? Ведь она на неделю позднее, чем везде за границей.

Две недели не писала Вам – Вы знаете почему. Не могу побороть тяжести душевной. Вам, должно быть, неприятна такая душевная несдержанность, такая неуравновешенность. Мне самой это досадно, даже противно, и не могу кого-то в себе переспорить. Не знаю, написать ли Вам – да все равно, напишу. Мне было больно и обидно за театр, что Вы прислали такую телеграмму на праздники. Как раз при мне ее Рипси прочитала К.С-чу. Это был ответ на его поздравление¹. Он был ужасно обижен, спросил меня: “Что же это значит?” – а я не знала, что отвечать, что подумать. Вы поблагодарили – вот и все. Даже не захотели прислать своего привета, своего поздравления. А та телеграмма, которую послали Вам, составлялась с настоящим, хорошим волнением, от всей души. Я ничего не могу понять, я Вас не могу понять, я Вас таким не знала. Вы, который учили “все прощать, все понимать”, – Вы непримиримы и беспощадны. Самое изумительное, никем неповторимое, ни с кем несравнимое всепрощение всегда исходило от Вас.

Я запуталась, я ни в чем больше не могу разобраться, а те, кто любят Вас и не могут поверить в Вашу беспощадность, в Вашу непримиримость, видят во всем влияние на Вас.

На Страстной у нас стояли “страстные” или “страдные” дни выпуска генеральных “Женитьбы Фигаро”. В первый раз показ для публики (только своей близкой, даже без билетов) состоялся в Страстной четверг. Так пришлось отложить потому, что простудился Завадский². Репетиция прошла вяло и с накладками, но успех был большой. Правда, публика вся была настроена страшно благожелательно. Аплодировали долго, много, страстно. Следующая генеральная (по билетам, розданным участникам спектакля, но без права приглашать актеров других театров) была назначена на следующий день, на Страстную пятницу вечером. В этот день по репертуару мы ничего не пометили, не рассчитывая получить приличный сбор. Были разговоры о “Турбинах”, но потом решили, что лучше использовать этот вечер для устройства репетиции. Эта вторая генеральная была на редкость удачна. Играли с большим подъемом, все шло как по маслу. Спектакль имел громадный успех, много раз принимались аплодировать среди акта. Действительно,

многие мизансцены К.С-ч поставил до того смешно, что зал грохочет. Много веселой суматохи, которая смешит и самих исполнителей. Т.е. смешила на черновых репетициях, – на генеральных они так волновались, что ничего почти не соображали. После репетиции у всех подъем был громаднейший, была полная вера в блестящий грядущий успех. В коридорах было шумно, весело, в зрительном зале, на сцене – еще веселее. Спектакль длинен ведь и сам по себе, и по чрезвычайно сложной постройке декораций, из-за чего приходится делать длиннейшие антракты. Но внешне он настолько великолепен, что две декорации – вот за все три генеральные, что прошли – вызывают аплодисменты, подлинную бурю аплодисментов в течение нескольких минут. Это спальня графини (декорация первой картины второго акта) и парк (последний акт). Кроме того, под аплодисменты идут повороты сцены во втором акте (от спальни графини к красочному балкону), в четвертом акте (от пляса на свадьбе к комнате Марселины – тут уже аплодируют блестящему входу Марселины – Соколовской), в последнем, пятом акте, когда в финале начинается сцена парка и открывает беседки, трельяжи, бассейн – жеманный парк XVIII столетия. При этом, право, стоило бы аплодировать костюмам – до того они изумительны. И несмотря на то, что занавес закрылся только в половине первого ночи, публика стояла на своих местах, хлопала в ладоши и требовала К.С. на сцену. Словом, пятница была сплошным триумфом, волнительным и радостным. И такое было у всех настроение, что даже прощались все недочеты игры, которые у молодежи (кроме Андровской³ и Яншина – Антонио) заметны.

Следующую генеральную (для актеров московских театров) назначили на утро 26-го, т.е. вчера. После пятницы мы были все уверены, что спектакль постоит за себя, что мы, по мальчишеской терминологии, “вмажем” всем другим театрам. А на самом деле – молодежь сдрейфила. Понизила тон с самого начала, вероятно, от большого волнения, и спектакль пошел хотя и лучше, чем показывали в четверг, но хуже, чем показали в пятницу. Однако успех все же был большой, но определенно – успех Головина и К.С-ча как режиссера. Очень уж строгие критики сидели в зале и требовали настоящей актерской игры, а этим в спектакле могут похвастать только Соколовская, Андровская, Яншин, Тарханов... Лужскому роль не задалась. Подгорного все хвалят, но он собой не доволен⁴. Однако, по всем отзывам, если и нет четкости рисунка, однако он на верном пути. Вот Вам примерно общие отзывы: Баталов делает не свое дело, играя Фигаро, и потому ждуть, что он будет играть лучше, гораздо лучше, нельзя. Будет играть немного лучше, но все равно настоящего Фигаро в пьесе не будет. Завадский – блестящ внешне, великолепно носит костюм, сводит с ума всех наших молодых дам и девиц, но, как говорит К.С., не может донести до публики ни слова, ни мысли, ни жеста. Его хватает только для первых рядов, дальше уже впечатление сглаживается. Но все-таки, конечно, он у нас сейчас единственный граф для этой пьесы. Что же касается Фигаро, то К.С.

огорчен Баталовым и даже говорил с Телешевой о необходимости ввода кого-либо другого (вероятно, Прудкина). Но в этом году вводить все равно не станут, а в будущем у Прудкина – Яго, с самого начала сезона⁵. Очень плоха, по единодушному признанию, Слостенина. (Я чувствую, Вы тут усмехнетесь и не поверите.) У нее ужасный голос, недостаток речи (шепелявость), и она даже не так красива, как на это рассчитывали. Она была очень хорошенькая, когда репетировала в костюме графини, но в своих волосах. А высокий белокурый парик ей совсем не идет. В отношении же актерском ей, по общему мнению, конечно, не сыграть центральную роль в пьесе. Как я уже писала Вам, блестяще, первым номером, играет Нина Ал. Соколовская. Она изумительна в этой роли. Про Андровскую и говорить нечего. В четверке центральных ролей она спасает положение. Очень хорошо играет Яншин маленькую роль садовника, под аплодисменты среди действия. Тарханов всем очень нравится в роли судьи. Сам же пока еще не доволен, хотя надеется, как он сам говорит, что будет хорошо играть. Хорошо играет Керубино Шура Комиссаров. К.С. все время, пока репетировали, был им недоволен и очень его “цукал”. Но, правда, он не был виноват. Вершилов в своих занятиях с ним вел его на показ “ребенка пажа”, а К.С. требовал от него “молодого мужчину” – пылкого ко всякой женщине. К.С. придумал для него массу смешных мизансцен. Поэтому, когда Керубино на сцене, все время в зрительном зале смех. И поет он музыкально свой прелестный романс, а это тем более приятно, что в остальном певческая сторона во всем спектакле сильно хромает. Баталов никак не может петь свои куплеты, хор сбивается. Ни разу не было удачи в отношении музыкально-вокальных номеров. Между прочим, в спектакле на сцену выходит тот небольшой оркестр, который занят. Все они гримируются и одеваются. И даже Борису Львовичу для дирижирования в последнем акте, правда, где-то в глубине сцены, в одной из беседок, приходится одевать костюм и маску.

Мила еще Бендина, которую публика хорошо принимает⁶. В народных сценах еще не все слажено. Успех имеет сцена в суде и финал свадьбы, танцы некоторых наших виртуозов. Танцы нравятся и в финале пьесы, да и весь финал имеет большой успех.

Одновременно с этим письмом, в другом конверте, посылаю Вам программу “Женитьбы Фигаро”. В ней две накладки, которые будут к следующему выпуску исправлены: Головин не помечен “академиком” и пропущены зав. отдельными частями И.И.Титов и П.Н.Андреев.

Завтра напишу Сергею Львовичу и приложу также программу “Фигаро” в его вечное владение. С гордостью могу отметить, что это я настояла и провела в программу строчку “Перевод С.Л.Бертенсона”, правда, при помощи Ник. Аф. А то режиссура подала программу К.С.-чу без этой пометки, а К.С. не заметил этого и утвердил проект. Тут я и начала тормошить Ник. Аф. и Рипси, что это недопустимо.

Кроме программы посылаю Вам в том конверте письмо от И.М.Ку-

дьявцева, который почему-то нынче попросил, чтоб я его переслала при своем письме. Кроме того, Кудрявцев мне сказал, что в прошлом своем письме он просил Вас дать ему Вашу фотографию, но Вы никак на это не ответили. Второй раз просить об этом он боится и просит меня это сделать за него, что я и исполняю с большой охотой, т.к. в очень хороших с ним отношениях.

Возвращаюсь снова к “Фигаро”. Стало быть, спектакль вчера шел довольно вяло. И все хотелось того ликующего настроения, какое было в пятницу перед Пасхой. Я надеялась, что последний акт подымет настроение до высшей точки. И вдруг – в самом начале акта – ужасное происшествие. Завадский, несмотря на предупреждение пом. режиссера, прибежавшего к нему в уборную, не только опоздал, но вообще вовсе не пришел на выход, когда по пьесе от его выхода должна произойти страшная суматоха и беготня. Мы все в зале, зная пьесу, похолодели, что же сказать об участвующих, которые не знали, что ж им делать. Они сыграли суматоху без графа и играли ее до тех пор, пока не прибежал он на сцену. Может быть, для всей чужой публики, что сидела в зале, это замешательство не было заметно, но для актеров на сцене оно было ужасно. Подумайте, в каком состоянии Завадский играл следующую затем его сцену с графиней, переодетой Сюзанной, и как вообще пошел акт дальше. Однако финал настолько зажигателен, что как только началось вращение сцены, с постепенными остановками, показывающими парк в самых различных комбинациях, начались аплодисменты, которые разрастались от живой музыки и веселого танца всей молодежи. Занавес снова давали бесконечное число раз, вызвали, конечно, на сцену К.С., который привел туда всех работавших по спектаклю: Телешеву и Вершилова, Глиэра, Гремиславского, великолепно исполнившего задания Головина, Ламанову, которой К.С. очарован за чудесное исполнение костюмов. Успех был настолько велик, что К.С., хоть и очень сердился на сцене потом и выговаривал за погрешности технической части, но все же быстро сменил гнев на милость. И на сегодняшних замечаниях, как говорили, он был добр.

Завтра спектакль идет в первый раз для публики (вне абонементов). Завтра же приглашаются и власти, которых нельзя было позвать на вторую генеральную, боялись, что она пройдет слабо (и ошиблись в этом) и которые не могли прийти на дневную репетицию вчера потому, что вчера был уже для всех будний день. Потому что последняя генеральная была такая вялая, все надеются, что спектакль пройдет крепко. Дай Бог! Вероятно, в дальнейшем пьеса пойдет только для абонементов, иначе не успеть сыграть десять раз.

Боже мой, как давно я не писала Вам репертуара!

Простите меня, будьте ко мне добры, милый Владимир Иванович. И как раз надо начинать репертуар с 13-го числа, нет, уж лучше начну со вторника 12-го.

Апреля 12-го, втор. “Дни Турбиных” “На дне”
13-го, среда “У врат царства” “Елизавета Петровна”
14-го, четв. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”
15-го, пятн. “Горячее сердце” “Дама-невидимка”
16-го, суббота “Дни Турбиных” “Продавцы славы”
17-го, воскр. утр. “Синяя птица”
веч. “Горе от ума” “Битва жизни”
19-го, вторн. “У врат царства” “Елизавета Петровна”
20-го, среда “Дни Турбиных” “На дне”
21-го, четв. “Дни Турбиных” “У врат царства”
22-го, пятн.
23-го, субб. спектаклей нет спектаклей нет
24-го, воск.
25-го, понед. утр. “Синяя птица”
веч. “Горе от ума” “Дама-невидимка”
26-го, вторн. “Царь Федор” “Елизавета Петровна”
27-го, среда “Дни Турбиных” “На дне”
28-го, четв. “Женитьба Фигаро” “Сказка об Иване-дураке”
29-го, пятн. “Горе от ума” “Битва жизни”
30-го, субб. закр. сп. “Декабристы” “Продавцы славы”
мая: 1-го, воск. “У врат царства” “Елизавета Петровна”
2-го, понед. “Жен. Фигаро” “Сказка об Иване-дураке”
3-го, вторн. спектаклей нет
4-го, среда “Жен. Фигаро” спектакля нет
5-го, четв. “Дни Турбиных” “У врат царства”
6-го, пятн. “Горе от ума” “Дама-невидимка”
7-го, субб. “Жен. Фигаро” “Битва жизни”
8-го, воскр. утр. “Дни Турбиных” “На дне”
веч. “Горе от ума” “Битва жизни”
10-го, вторн. “Жен. Фигаро” “Сказка об Иване-дураке”.

Чуть ли не целая страница репертуара вышла. В пояснение репертуара хочу только сказать, что “Федор” вчера прошел только потому, что Вас. Ив. попросил дать ему сыграть до Ленинграда раз в Москве. Он ведь в этом сезоне этой роли не играл вовсе. Что касается первомайских спектаклей, то они по постановлению Московского комитета распределены так. Закрытые спектакли, которые мы отдаем по случаю 1-го мая в Комитет для бесплатного распределения, назначены на 30-е, т.е. на канун праздника, т.к., по мнению Комитета, в день 1-го мая все так устают от демонстраций, что с трудом идут на спектакли. Да и трамваев в этот день нет. Но вместе с тем всем театрам предложено играть в день 1-го мая свои обычные спектакли, продающиеся через кассу. И по предложению того же Комитета спектакли назначены и на 2-е мая (не знаю, из каких соображений), а день отдыха перенесен на 3-е мая – вторник. Обратите внимание, как труден будет для всех день 8-го мая, когда

в воскресенье придется на Большой сцене играть днем “Турбиных”, а вечером “Горе от ума”. И на Малой сцене тоже два спектакля, причем в “На дне” днем участвуют многие старики, которые вечером заняты в “Горе от ума”.

Перед праздниками я смотрела спектакль “Горе от ума” с Качаловым. Меня это не увлекло никак, но я стараюсь об этом не говорить вовсе. Ведь все равно я никого из поклонников Вас. Ивановича не смогу убедить в том, что ему не следует, несмотря на все его мастерство, играть эту роль. А если это мое мнение дойдет до Вас. Ив., ему будет неприятно, и он на меня очень рассердится. Довольно с меня и того, что на меня ужасно разобиделась Нина Ник., что я в своем рассказе о “Царских вратах” не упомянула о ней. Как она сказала: “Ах, вот какая информация идет к Вл. Ив.!” А я-то думала, что она только обрадуется, что Вы похвалили Еланскую. И слушать меня не хотела, когда я ей объясняла, что Вы написали об Еланской вообще, а никак не об Элине, которую Вы и не видели. Что Вы в своем письме пишете о сущности Еланской-актрисы. И слышать ничего не хотела. “Мне все равно, Вы только скажите, Вы писали только об исполнителях, а о работе режиссера – ничего? Это даже странно!” И ушла от меня. А теперь кланяется мне так, что я чувствую ее обиду всякий раз. Однако, говоря о Качалове в Чацком, должна сказать, что я со своим мнением остаюсь в потрясающем меньшинстве. Вас. Ив. имеет успех и у своих товарищей, и у публики, которая вопит его имя и заставляет давать занавес после конца раз по семь.

М.Гест дал нам с парохода телеграмму, что он приедет сюда к 21-му. Мы ему ответили в Париж, что советуем приехать не раньше 25-го, т.к. с 22-го все театры закрыты⁷. На днях мы получили от него телеграмму, что он приедет 4-го мая (это было, кажется, из Лондона) и что кроме него и его секретаря он просит визу для актрисы Пинчо, которую мы все помним по роли монашенки в “Миракле”. Это была первая исполнительница этой роли в Америке. Конечно, все визные дела для него устроены и для его спутников тоже.

Нам хочется показать ему “Фигаро”, “Турбиных” и “Горе от ума”. По репертуару Вы видите, что это так и выйдет. А сегодня я читала большое интервью с ним в Париже, с его портретом. Он там много говорит о могучей роли кино, и в его словах я услышала Ваши идеи. Так мне показалось, милый Владимир Иванович. Интервью это помещено в “Комедиа”, газете, которую получает театр. Кроме того, мы выписываем “Иллюстрасион”.

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам, дусиньке Екатерине Николаевне, Мише и Бертенсонам нежный привет и желаю здоровья и радостей.

Ваша Ольга Бокшанская.

Те три книги, о которых просит Сергей Львович в своей открытке, Вам уже высланы. Это “Тарас Бульба” и 2 книги о кино.

131.

Телеграмма

1 мая 1927 г.

По поручению Константина Сергеевича сообщаю генеральные и премьеры “Женитьбы Фигаро” прошли громадным успехом. Аплодисменты разраставшиеся каждым актом неизменно переходили восторженные овации. Прессы пока нет. Привет. *Бокшанская*

132.

Москва, 2 мая 1927 года

Письмо № 35

Милый Владимир Иванович!

Сегодня такой странный день в театре: не то праздник, не то будни. Первомайский спектакль мы сыграли еще 30 апреля, вчера играли самый обычный спектакль. Зал был неполон, т.к. трамваи в этот день не ходили и публика на спектакль не пошла тучей. Но все же мы сделали сбору около двух тысяч, были же театры, что вовсе отменяли спектакли за малым сбором. Сегодня свободный день для учреждений, значит, что-то вроде воскресенья, но утренника у нас нет, шли репетиции, вечером же играем для первого абонемент “Женитьбу Фигаро”, а на Малой сцене – “Сказку об Иване-дураке”. Завтра для актеров день отдыха. В Тулу уезжает группа – халтурить (“Смерть Пазухина”).

Сегодня день ушел на разговоры с приехавшими представителями ленинградской комиссии по улучшению жизни детей. Это они нас пригласили в Ленинград и являются организацией, купившей наши спектакли. Там продажа идет великолепно. Как сказал мне вчера Дима Качалов (служащий там в Александринке), все тамошние театры нас ненавидят, так как мы уже выкачали на предварительной продаже до 150 тысяч из публики. Вообще не только по рассказам, но и по газетным вырезкам мы знаем, что там делалось при открытии продажи билетов на гастроли МХАТ. Там объявили абонементы, по 3 спектакля в абонементе. Еще с предыдущего вечера, часов с девяти встала у кассы толпа, человек с тысячу, ждали открытия кассы. А утром вскоре администрация тамошняя объявила, что дешевых билетов больше для продажи нет. Начался скандал, пришлось вызывать милицию, кончилось тем, что дело пошло в прокуратуру. Целый ряд лиц из Ленинграда письмами сюда к нам просил нас помочь достать билеты, но мы же ничего не можем сделать, мы совсем не распоряжаемся этими делами. Нам только дали по несколько билетов – места дирекции, К.С., на тот случай, если

надо будет кого-либо уважить из друзей театра или дать старикам по их просьбе. Вы представляете, сколько народу будет к нам обращаться и сколько недоразумений и обид из-за всего этого будет.

Поездка будет чрезвычайно сложной. Сразу едут не все, а лишь необходимые для начала тамошнего сезона. Тем временем здесь “Растратчиками” будем заканчивать сезон. После этого подъедут те, кто в дальнейшем будет нужен для “Синей птицы”, входящей в репертуар только за шесть дней до конца ленинградских гастролей. Не помню, писала ли я Вам, что сначала было предположено в последние шесть дней поставить подряд пять раз (там вклиняется один понедельник) “Растратчики”. Но когда был изготовлен макет, ясно стало, что пьеса может идти только на вращающейся сцене, которая поворачивается и на глазах зрителя, и иногда за закрытым занавесом. Но, во всяком случае, макеты сделаны так, что перед каждым из трех действий на сцене застраивается весь круг необходимыми для действия декорациями, потом все решительно снимается и строится следующий акт. Когда же выяснилось, что “Растратчики” в Ленинград ехать не могут, на разрешение “Турбиных” трудно рассчитывать, то надо было дать какую-либо другую пьесу. Можно было бы везти “Горе от ума”, но там заняты все старики, а они уже обговорили количество спектаклей для себя. Сама наша тамошняя организация предложила привезти “Синюю птицу”, на что мы и согласились, хотя и знаем, что спектакль этот идет у нас теперь ужасно расхлябанно, а со времени запрещения “Лазоревого царства” стал вовсе скомканный. Хотите почитать, вот наш ленинградский репертуар.

Больш. драм. театр:

мая: 31-го, вторн. “Царь Феодор” (Москвин)

июня: 1-го, среда “Царь Феодор” (Качалов)

2-го, четв. “Дядя Ваня”

3-го, пятн. (день отдыха за 2-е – Вознесение)

4-го, субб. “Декабристы”

5-го, воскр. “Царь Феодор” (Москвин)

6-го, понед.

7-го, вторн. “На дне” (Станиславский)

8-го, среда “Царь Феодор” (Качалов)

9-го, четв. “Царь Феодор” (Москвин)

10-го, пятн. “Дядя Ваня” Район. сп.

“Декабристы”

11-го, субб. “Декабристы”

12-го, воскр. “На дне”

13-го, понед. “Дядя Ваня” Район. сп.

“Елиз. Петровна”

14-го, вторн. (свободн. за 13-е, Духов день)

“У врат царства” – Палас-театр

15-го, среда “Мудрец” “Елиз. Петровна”

16-го, четв. “Горячее сердце” “Елиз. Петровна”
17-го, пятн. “На дне” “У врат царства”
18-го, субб. “Мудрец” “Елиз. Петровна”
19-го, воск. “Горячее сердце” “Дама-невидимка”
20-го, понед. Район. сп. “На дне”
21-го, вторн. “Горячее сердце” “Дама-невидимка”
22-го, среда “Мудрец” “В буре времен”
23-го, четв. “Горячее сердце” “У врат царства”
24-го, пятн. “На дне” “Дама-невидимка”
25-го, субб. “Синяя птица” “Елиз. Петровна”
26-го, воск. “Синяя птица” “В буре времен”
27-го, понед.
28-го, вторн. “Синяя птица” “Дама-невидимка”
29-го, среда “Синяя птица” “В буре времен”
30-го, четв. “Синяя птица” “В буре времен”.

Как Вы видите, работы там будет всем достаточно, и все-таки, кажется, еще прибавится дела. Сегодняшние представители приехали говорить о том, чтоб мы, в том случае, если разрешат им без всяких хлопот привезти в Ленинград “Турбиных”, сыграли там эту пьесу раз 6–8. В таком случае будет пролонгация на несколько дней. При этом они, кажется, согласны, чтоб “Турбины” игрались по два раза в день. Кроме того, они просят за особую плату сыграть им 4–5 воскресных утренников. За “Турбиных”, конечно, тоже особая плата и совсем особые расчеты. Словом, сколько бы мы, кажется, ни смогли сыграть там спектаклей, столько бы у нас купили. В отношении “Турбиных” дело стоит туго: во-первых, даст ли на них согласие К.С., во-вторых – многие из занятых в пьесе уже составили группы, которые подписали контракты в различные южные места, где они за спектакли получают возможность и понежиться на солнце, и хорошо пожить, и заработать немного. В смысле же утренников трудно потому, что, конечно, Ленинград хочет спектакли со стариками, а Москвин, Качалов могут не согласиться даже за особую приплату сыграть лишние спектакли. Все достаточно переутомлены. А вот наш дальнейший репертуар, объявленный сегодня.

Май:

11-го, среда “Горе от ума” “Дама-невидимка”
12-го, четв. “Дни Турбиных” “У врат царства”
13-го, пятн. “Женитьба Фигаро” Спектакля нет
14-го, субб. “Горе от ума” “Битва жизни”
15-го, воск. днем “Дни Турбиных”
веч. “Женитьба Фигаро” “Сказка об Иване...”
17-го, вторн. “Женитьба Фигаро” “Битва жизни”.

Как Вы видите, мы спешно сдаем абонементы. К концу сезона у нас долгов перед абонентами – пропасть. “Растратчики” – те, вероятно, просто пойдут подряд в июне, день за днем, только эта одна пьеса. Выпущена афиша об абонементы на будущий год. С 9-го мая начинается продажа. Объявлено 15 абонементов, по пяти спектаклей в каждом (две новых пьесы, одна возобновленная и две старых). Сначала будет идти продажа на первые 10 абонементов, а потом, в зависимости от ее успешности, – на пять остальных.

Театр сделал заявку на две толстовские пьесы: “Плоды просвещения” и “Живой труп”. Хочет на будущий год дать нам свою пьесу Тренев, обещал и Булгаков, хотя последний, кажется, сильно заваяничал и потребует льготных для себя условий. Во всяком случае, сначала он хотел заключить контракт, но не сошелся в условиях и сказал, что оставляет разговор до осени. Во 2-м МХАТе состоялся разбор конфликта той комиссией, которой это было поручено. К сожалению, я как-то невнимательно ко всему этому отнеслась – у нас готовились к выпуску “Фигаро” (это было 27 апреля) – и плохо осведомлена. Слышала так: комиссия признала все действия правления правильными, не усмотрела тех условий работы, которые приведены в письме Чупрова¹, но только все же решила предложить двум сторонам помириться и продолжать совместную работу. На это большинство ответило, к сожалению, не единогласно. Нашлась группа людей (человек 25), которая считала, что не следует настаивать на удалении восьми членов, составляющих всю оппозицию. Им можно предложить годовой отпуск, можно ждать, что они сами уйдут, но не выгонять их так из дела. Я не знаю, как же порешили окончательно. Как-то в разговоре с Ив. Ник. я слышала, что большинство все же пойдет до конца в своих требованиях, вплоть до того, что Мих. Ал. составит небольшую группу, которая будет играть отдельные спектакли, может быть, поедет в Тифлис, Баку, ряд других городов, куда их зовут надолго, может быть, найдет здесь какое-либо помещение – тот же театр Корша, который, вероятно, не будет занят, так как оттуда Топорков ушел к нам, Климов как будто уж покончил с Малым театром², Радин и Шатрова объявили себя свободными на будущий сезон.

Я хочу Вам сказать, что в день получения Вашей телеграммы я встретила Ив. Ник. Если б Вы видели, с каким ликующим радостным лицом показал он мне Вашу телеграмму, ту телеграмму, что Вы прислали после письма Соф. Влад. Им это дало такую громадную моральную поддержку, такую радость, что Вы так думаете об их правом деле³. Если я что-либо узнаю о дальнейшей их судьбе и планах, я Вам напишу.

На праздниках я говорила по телефону с Мар. Ник. Сумбатовой – поздравила ее и заодно спросила про Ал. Ив. По ее словам, ему теперь гораздо легче, отеки ног почти кончились. После тех тяжелых дней, что все они пережили, теперь – только б не сглазить – они вздохнули облегченно. Конечно, ему очень надо бы уехать в теплый край, и его

мечта – поехать снова на юг Франции. Мне сказал К.С., который был у них в первый день праздника, что Ал. Ив., конечно, выглядит еще после перенесенных страданий усталым и слабым, но что ему непременно нужно уехать. При этом Ал. Ив. говорил о своих материальных заботах: ведь для такой поездки нужны большие деньги. К.С. заговорил у нас в театре о том, чтоб сделать для Ал. Ив. какой-нибудь понедельничный спектакль, чтоб помочь ему материально, и я ужасно хочу, чтоб это исполнилось, и буду подталкивать всех для этого. Мар. Ник. пришла к нам на “Фигаро” и хвалила спектакль. Я ее видела издали, но не смогла с ней говорить, она встретила на этой актерской генеральной много своих друзей и знакомых и все время была с кем-нибудь. А я стеснялась подойти и помешать разговору.

До нас доходят слухи о том, что Муз. студия играет в Баку и Тифлисе с большим материальным и художественным успехом. В добрый час! 4-го они кончают тифлисские гастроли и с 8-го до 16-го будут в Краснодаре (кажется, это Екатеринослав)⁴. На праздники я получила поздравление от вокального их квартета, что меня очень тронуло. Дм. Ив. просит Вам сказать, что он почти закончил отчет по поездке студии за границу. Делал он его сам, во всем сам разбирался, как-то меня позвал для объяснений.

Желаю Вам, дорогой Екатерине Николаевне и Мише много радостей и счастья, милый Владимир Иванович.

От Вас давно нет писем, а все ждут новостей, все спрашивают. Мне так больно, что так все случилось у Вас в отношении меня.

Ольга Бокшанская

133.

Москва, 11 мая 1927 года

Письмо № 36

Милый Владимир Иванович!

В субботу, 7-го, приехал Морис Гест, и жизнь наша полетела невероятнейшим темпом. Встречать его на вокзал поехали Коренева, Леонидов (оба с букетами от театра), Подгорный, Рипси, Федя и я. И конечно, неизменный наш Смирнов для перевозки багажа. Ждали ведь мы и Пинчо, визу для которой просил Гест, но она не приехала. Гест сразу показался нам поправившимся, окрепшим, непохожим не только на нью-йоркского Геста, но даже на того Геста, который, по отзывам встречавших, приезжал в прошлом году в Москву. Меня ведь тогда здесь не было, я не могу судить. С вокзала на двух машинах поехали в “Метрополь”, где был оставлен для него и его секретаря номер (две спальни, гостиная и ванная). Мы думали, что он устал с дороги, хотели дать ему

отдохнуть, но он ни за что не хотел успокоиться, сразу рассказал нам массу интересных вещей и показал замечательнейшие фотографии себя и всяких знаменитостей. Тогда же мы увидели фотографию какого-то банкета, где Вы стоите около обнимающего Вас Яннинга (Дженингс, как зовет его Гест). Мы недолго пробыли в гостинице, и уже часа через полтора после приезда он был в театре, где встретился с Москвиным, Качаловым, Тарасовой, бывшими на репетициях, Лужским, еще кем-то, уж не вспомню. В шесть часов был назначен обед высшего совета с Гестом. К.С. не мог приехать, он лежал больной дома. Заболел он накануне, так что пришлось переменить “Горе от ума” на “Фигаро”. А на воскресенье, 8-го, снова было назначено “Горе от ума”, которое К.С. никак не мог отменить. К.С. вызвал Геста к телефону и говорил с ним, ужасно жалея, что не может встретиться лично. С самого начала Гест стал говорить о необходимости заключения контракта на поездку и о том, что на нынешнее лето он хочет пригласить некоторых артистов. Переговоры с Леонидовым он начал уже на вокзале. А за обедом выяснилось, что он хочет повезти в Холливуд этим летом Москвина и Леонидова, а театр – только через сезон. Это было для театра неожиданностью, даже как-то разбивало те предположительные планы, которые строили старики. Но тут уж спорить не пришлось, раз у него был свой план. Вечером Гест смотрел у нас “Женитьбу Фигаро” и остался в полном восторге. После спектакля тут же продиктовал трогательнейшую телеграмму Головину, говоря ему, что хотел бы поцеловать его руку за его искусство.

После спектакля должен был быть ужин со стариками, опять-таки – с членами высшего совета. Но Лужский не смог остаться, а Москвин не смог прийти. Так что ужинали с ним Качалов, Леонидов, Подгорный, Федя, Рипси и я. Сидели долго, домой поехали, когда уж “развиднаться” стало.

На следующий день – воскресенье днем – он смотрел “Турбиных” и сделал совершенно точные наблюдения над спектаклем. Сразу оценил игру молодежи, про пьесу же сказал, что двух копеек не дал бы за нее и, уж во всяком случае, не променял бы единственного слова чеховской пьесы за все слова этой. Однако был сильно тронут спектаклем, заплакал. К тому же спектакль вышел беспокойным: после сцены в гимназии в публике сделали две истерики. Это ударило по нервам зрителей, и следующая, тоже тяжелая, картина пошла под обильные слезы не только смотревших спектакль в первый раз, но и нас, вероятно, смотрящих этот спектакль раз в шестидесятый. Вечером мы собрались на “Эсмеральду”. Он считал необходимым побывать в балете. Это, однако, не доставило ему никакого удовольствия. Наоборот, привело его в раздражение, особенно ужасная, тяжеловесная, некрасивая Гельцер. По журналам последней недели Вы увидите, что в самом Большом театре начался поход против того, чтобы Гельцер одна танцевала все лучшие балеты. Действительно, ей надо было бы сейчас уйти с честью. Ей больше нельзя выступать, это производит тягостное впечатление. Просидев в Большом

три акта балета, мы, встретив там Берсенева, пошли на последний акт “Блохи” во 2-й МХАТ. Я не говорила с Гестом об его впечатлении, но мне показалось, что ему скорей не понравилось. Ник. Аф-чу он сказал: “Трубо!”

В понедельник с утра он начал делать всякие покупки, что продолжает делать каждый день с утра часов до пяти. А вечером ездил к Иоле Игнатьевне Шаляпиной, на аукцион в “Прагу”, заехал в кино на 20 минут, словом, пропадал весь вечер и приехал часов в 11 посидеть с нами, поужинать. Вчера вечером, по настоянию Берсенева, мы отправились смотреть у них первый акт “Эрика”. 2-му МХАТу непременно хотелось, чтоб он оценил Чехова как следует быть и посмотрел его в таких разных пьесах, как “Эрик” и “Дело”. То, что он увидел, произвело на него ужаснейшее, тягостное впечатление. Хотя Чехов играл, как всегда, великолепно, ему было ужасно смотреть на него. То есть, вероятно, это было так тягостно особенно потому, что Чехов играл так блестяще. В сумасшедшем Эрике он увидел себя за месяцы своей нервной болезни. Он встал с кресла с перекошенным лицом, я видела, что ему невероятно тяжело. Мы тотчас же ушли оттуда (нас было четверо: он с секретарем, Леонидов и я) и поехали в Еврейский камерный театр, который все время страшно хвалят и превозносят. Там шла последняя их постановка “Путешествие Вениамина III”. Боже мой, что за жалкое зрелище. Что за безвкусица, что за безактерье¹. Мы высидели там один акт (три картины) и ринулись к выходу, мечтая скорей попасть домой, в дорогой МХАТ. Когда мы поравнялись с театром, Гест снял шляпу и низко поклонился, как он сказал, “единственному театру”, “его величеству МХАТ”. Попали мы в антракте перед последним актом “Фигаро”. Секретарь его поскорей отправился в зал смотреть, сам же Гест облегченно вздохнул, опускаясь в кресло: “Наконец мы добрались домой!” Так прошел вчерашний день. Сегодня днем он посидел в театре, поговорил снова и как будто окончательно с Москвиным и Леонидовым, побывал в городе, пообедал и теперь ждет “Горе от ума”. Будет сегодня смотреть этот спектакль, к большому нашему огорчению идущий не в удачном составе: заболел Ершов, и Скалозуба играет в первый раз Жильцов (!). К.С. в отчаянии, ему так хотелось щегольнуть слаженным спектаклем. С Ершовым плохо. Он уж давно себя нехорошо чувствует, у него совсем расшатаны нервы, доктор требует для него абсолютного покоя и санаторного режима не менее чем на 2 недели. Теперь к этому “брэкдауну”¹ присоединился еще грипп с температурой выше 38. А он во всех пьесах занят, даже в выпускаемой “Буре времен”, где, вероятно, вместо него спешно будут вводить Станицына². И из “Турбинных” он выпадает (играет Гетмана – и очень хорошо). Вместо него хотят ввести Вербицкого, это замена неудачная, но больше никого нет. В Ленинград же без Ершова ехать нельзя, он по всему репертуару занят: он и Годунова должен играть, и Барона в “На дне” (два или три раза), и Барина с усами в “Горячем сердце”...

1 От англ. break down – полный упадок сил.

Дальше у Геста вечера распределены так: завтра он должен смотреть во 2-м МХАТе “Дело”, он обещал еще в день первой встречи с Берсеневым. Но после вчерашнего “Эрика” его туда не тянет, и он даже придумывает, как бы отменить этот поход туда и посмотреть снова у нас “Турбиных”. В пятницу он будет на “Царской невесте” в студии К.С. А в субботу в пять часов дня он уезжает.

С К.С. он виделся совсем мало. В первый раз он прошел к нему перед воскресным “Горе от ума”, а потом встретился после спектакля. Мы все вместе ужинали. К.С. настолько плохо себя чувствовал, что перед спектаклем попросил дать ему немного портвейну, а то у него слабость. И за ужином, к нашему удивлению, выпил вина. После этого спектакля он опять слег и лежал до сегодня. Сейчас он уже приехал в театр, но снова чувствует большую слабость. Следующее свидание Геста с К.С. и стариками было в понедельник. В зале К.О. был легкий завтрак во время заседания высшего совета с Гестом. Там решались вопросы поездки театра вообще и отъезда Москвина, Леонидова и Подгорного (которому Гест тоже предложил поехать в Калифорнию) на лето для съемки. К.С. дал разрешение этим трем поехать. Относительно же поездки театра – разговоры были поверхностные, которые, конечно, не могут быть сейчас закреплены.

Я ничего сегодня не пишу о том впечатлении, какое произвело сообщение Геста о том, что Вы остаетесь еще на год, может быть, на два в Америке. Об этом не могу писать в такой обстановке и в таком настроении. Я Вам скажу об этом в другой раз.

12 мая 1927 г.

Милый Владимир Иванович, продолжаю на следующий день. Вчера вечером больше не могла писать, надо было идти с нашими гостями смотреть спектакль, который им очень-очень понравился (“Горе от ума”), но который, конечно, доказал Гесту полную невозможность включения его в американский репертуар. Сегодня мне придется с Гестом идти в МХАТ 2-й. И некого больше прихватить с собой. Ник. Аф. занят в спектакле, Рипси не может уйти, Леонидов сегодня уезжает в Ленинград заканчивать киносъемку³. Сегодня после спектакля состоится в театре банкет в честь Мориса. Приглашены все бывшие в Америке и, по просьбе Геста, несколько американских журналистов и Чехов и Берсенев из 2-го МХАТа.

Вчера, когда я сошла вниз, Гест спросил меня, где это я так долго пропадала, и я ответила: писала письмо Владимиру Ивановичу. Он сразу вскочил: “Вы писали про Москвина и Леонидова, про мои разговоры с ними?” Говорю: да. “Нет, это не надо. Только после того, как я сам туда напишу”. Я ему говорю, что написала только, что он ведет с этими двумя переговоры. “Ах, если только то, что разговоры, то это ничего”. Словом, я ему обещала, что напишу Вам о секретности этого сообщения до тех пор, пока он сам не пустит в печать приглашения Москвина и

Леонидова. Пожалуйста, милый Владимир Иванович, не проговоритесь никому об этом письме и о приглашении из Москвы артистов для его фильма. Хотя ведь правда, Вы так замечательно держите чужие секреты, что ни Гесту, ни мне опасаться не надо.

Нынешнее письмо все сплошь о Гесте. Да им, собственно говоря, и заполнена наша жизнь последних дней. Вот когда Морис уедет и я немного приду в себя (мы ежедневно расходимся в два часа ночи, так что попадаешь к себе и укладываешься только в четвертом часу), я соберусь с мыслями и напишу Вам письмо о наших делах, от которых я даже как-то отстала.

Вот наш последний репертуар:

мая 18-го, среда “Горе от ума” “Дама-невидимка”

19-го, четв. “Женитьба Фигаро” Спектакля нет

20-го, пятн. “Дни Турбиных” “У врат царства”

21-го, субб. “Женитьба Фигаро” “Сказка об Иване...”

22-го, воск. утр. “Синяя птица”

веч. “Горе от ума” “Битва жизни”

24-го, вторн. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”.

Видите, как трудно у нас кончается сезон, когда приходится сдавать абонементы в таком спешном порядке. А “Растратчики” – те просто пойдут подряд десять раз, для абонементов.

Вчера, в отдельном конверте, я послала Вам переданную мне Дм. Ив-чем копию отчета Муз. студии. Этот отчет теперь аннулирует прежде посланный, причем в исчислении Дм. Ив. убыток выразился в меньшей, чем прежде, сумме: вместо 53 тыс. – 46 тыс. (кажется, верно вспомнила сказанные Дм. Ив-чем цифры). Сегодня вместе с журналами высылаю Вам брошюру о наших гастролях в Ленинграде⁴.

Милый Владимир Иванович, шлю Вам, дорогой Екатерине Николаевне и Мише самые нежные приветы и пожелания здоровья и радостей.

Ваша *Ольга Бокшанская*

134.

Москва, 26 мая 1927 года

Письмо № 37

Милый Владимир Иванович!

Снова двухнедельный перерыв в письмах, но если б Вы только знали, сколько за это время работы было, сколько суматохи. Я писала Вам еще при Гесте, как раз накануне банкета, который театр дал ему.

Приглашены были все участники американской поездки и несколько американских журналистов, на выбор Мориса. А.А.Прокофьев сделал прекрасный ужин, играл струнный оркестр, говорились речи, немного танцевали. Пока были посторонние, по-моему, было несколько официально, но потом, под утро, стало замечательно славно. Разошлись поздно. М.Гест уехал часов в шесть, а мы в компании стариков оставались долго, я вернулась домой не раньше девяти часов утра, в чудесный солнечный день. Кажется, Гест был очень доволен этим вечером. На нем ему поднесли “чайку” и передали также для Отто Кана и Давида Беласко. Не знаю, каким был Гест в первый свой приезд в Москву, но в этот он очаровал нас всех окончательно. После банкета он оставался здесь еще пятницу и полдня субботы. В пятницу вечером он с К.С. ездил слушать “Царскую невесту”, которая ему понравилась. Все остальное время он проводил с нами. Для нас всех, кто был с ним, это были чудесные, интереснейшие дни. Мы с большой грустью распростились с ним. После отъезда он прислал нам сначала короткую телеграмму об удачном прибытии на место. А немного погодя пришла телеграмма о том, что из-за болезни Нормы Толмедж расстраивается летняя съемка картины, в которую он приглашал Москвина и Леонидова. Не знаю даже, как они оба приняли это известие. Москвин о нем еще не знает, т.к. отпросился на две недели в отпуск перед Ленинградом и уехал куда-то под Каширу рыбу удить, куда-то в такую глушь, что туда ни письма, ни телеграммы не доходят. Что же касается Леонидова, то я ему через жену передала это известие. Ведь он сильно болен. У него было подряд два сердечных припадков, и второй настолько сильный, что перепугал врачей. Сейчас он лежит дома, никого не должен видеть и, как только врачи разрешат, должен выехать, перейдя из постели в вагон, в Берлин, в санаторию. В Ленинград он, конечно, не едет (единственную его роль в гастролях – Городулина – будет играть В.Ф.Грибунин), причем это его беспокоит не столько из-за театра, сколько из-за того, что он не доснял всего только нескольких кадров для выпускаемой с ним картины. Доктора категорически запретили ему работать, и чем кончится теперь дело с его картиной, неизвестно.

Мы переживаем сейчас грустные и тревожные дни: очень больна Евг. Мих. Раевская. У нее воспаление легких, тяжелое. Температура доходила почти до 41. Я не успела еще узнать, какая температура сегодня, вчера вечером было 38,9, а утром 37,9. В те дни, когда температура была 40 и выше, она была в забытьи, был даже бред. Но как только немного понизилась температура, как она стала бодриться, говорить юмористические вещи, мечтать о поездке в Ленинград. Так хочется, чтоб она поправилась, что я верю, что все будет хорошо.

До сих пор болен Ершов. У него оказалось капельное сердце, которое он перетрудил. Этим в большой степени объясняется подавленное его душевное состояние и тягостность настроений.

И еще одна наша беда – “Растратчики”. Недавно был просмотр

К.С.-чем пьесы, правда, в еще достаточно черновом виде. И К.С. не принял пьесы, наоборот, она привела его в огорчение, почти ужас. Не все, далеко не все нравится ему и в исполнении. Конечно, очень многое еще совсем сыро. Очень хорошо показал наш новый актер Топорков небольшую роль (одно явление) инженера Шольте. Словом, после показа настроение у всех было ужаснейшее. Судаков, Марков, Катаев (автор) совещались долго с К.С. и пришли к такому решению. Многое должно быть переработано, и параллельно с этим Судаков продолжает усиленно работать с исполнителями. Следующий показ 27-го (завтра), после чего К.С. окончательно говорит, выпускается ли пьеса генеральными и в июне абонементными спектаклями, или постановка переносится на следующий сезон. В таком случае абонентам будет предложено либо получить деньги обратно за один недоданный спектакль, либо получить этот спектакль в будущем сезоне. В Москве же до 13-го остаются “Дни Турбиных”. В связи с такой программой страшно меняется список.edu-щих (на небольшие роли), из-за чего начнутся вводы. Все это до того сложно и запутано, что рассказать даже на словах трудно, не только написать. Настроение от всего этого тревожное, люди задерганные. Писала ли я Вам, что в начале мая на генеральной “Фигаро” был у нас в театре Анат. Вас., который сказал К.С., что получил от Вас письмо: Вы просите отпуск еще на год. Анат. Вас., как мне сказал К.С., говорил с ним в таком тоне, что, мол, Вам это все, конечно, раньше моего известно. К.С. растерялся и не знал, что и как отвечать. Кроме того, Анат. Вас. сказал, что в этом письме сказано: если до Вас дойдут слухи о моем разрыве с МХАТ, не верьте им. От этих слов К.С. еще больше растерялся и не знал, как себя держать и в каком роде говорить. Анат. Вас. не сказал, что он ответил Вам. А нам бы это очень хотелось знать.

Это было дня за 4–5 до приезда Геста. К.С. об этом рассказал мне по телефону на следующий, кажется, день. Он спрашивал, нет ли у меня на этот счет от Вас сведений. Я сказала, конечно, что нет, и посоветовала ждать Геста, который все расскажет. Гест подтвердил нам, что Вы не вернетесь еще год, может быть – два. Я понимаю, почему Вы не пишете пока сюда об этом, или мне кажется, что я это понимаю. Но все-таки какого-то намека я ждала. Или хотя бы строк о том, что Вы послали такое письмо в Наркомпрос.

От Ол. Влад. пришла бумага в высший совет об ее желании получить дальнейший отпуск, но в такой неудачной, такой странной форме, так официально, как могла бы написать актриса, никогда не бывшая в МХАТ, что она повергла в изумление, в какое-то почти ошеломление всех стариков, которые ее читали. Высшего совета за это время не было, бумага эта не разбиралась. Не могу понять, кто ее составил, потому что не допускаю, чтоб она сама это написала. Всем кажется, что надо было просто написать: “Многоуважаемый К.С., по разным таким-то и таким-то причинам остаюсь здесь, но прошу числить меня и дальше в списках театра”. И все.

Только что говорила с М.Н.Сумбатовой по телефону, чтоб написать Вам последние сведения. У них все более или менее благополучно. Поправка идет медленнее, чем хотелось бы. Доктора объясняют это поздней весной. Ал. Ив. проводит время или сидя, или лежа. На улицу еще не выходил, воздухом дышит только так: сидит в комнате, которая аркой соединена с другой, и в той, другой, открывают окно. Хлопочут о праве выезда за границу, на юг Франции. 31-го обещали им дать ответ относительно заграничных паспортов. Если они их получают и успеют устроить все дела с визами, то выедут (конечно, при благоприятном состоянии здоровья Ал. Ив.) между 10 и 15 июня.

У нас на носу поездка в Ленинград, а еще столько не сделано, да и не может быть сделано, пока не утвердятся окончательно списки едущих. Я совсем замучилась со списками на комнаты в Ленинграде, на жел. дорожные билеты, на суточные и т.п. Из администрации едут: Рипси при К.С., Нина Сергеевна – в реп. конторе и я – все остальное: секретарь дирекции, машинистка, кассирша, информатор для газет... Я совсем замучилась, т.к. переписку с Ленинградом (с Вишней – о прессе, и посылая ему статьи из Москвы, и с представителем пригласившей нас организации) и с Москвой (Трушников – об организации поездки) веду я, да не под диктовку, как это было при Сергее Львовиче, а самостоятельно, по заданиям членов дирекции. Каждый вечер у меня уходит по несколько конвертов спешной почты в Ленинград. Переписка статей для Ленинграда тоже на мне. И при этом остались ведь все текущие дела по Москве. И спешная переписка, правда, за сверхурочные, для заработка, пьесы, принятой театром к 10-летию Октября, “Бронепоезд 14-69” Всеволода Иванова – сильно переработанная в драму его повесть под тем же, кажется, названием. Недавно было устроено чтение этой пьесы, а теперь уж она пошла в срочную переписку, т.к. ее начнут работать уже в Ленинграде. Режиссеры коллегией намечены: Судаков, Литовцева, Марков (по обработке текста) и, если Судаков кого-либо выберет, то и те тоже. Утверждения это предложение коллегии еще не получило.

Пьеса эта рисует партизанскую войну в Сибири в 19-м году. В ней есть хорошие массовые сцены. Но вообще придется много еще перерабатывать ее. Когда все это успеется, Бог весть.

Самая неотложная вещь сейчас – организовать хорошо отъезд. Всего едет 160 человек. Рабочие уже выехали 23-го, 24-го и вчера, постепенно, при декорациях. Портные выезжают 28-го. 29-го едут почти все старики и администрация. 30-го – самый большой выезд – 100 человек. А потом опять маленькими группами. Есть еще большая довольно партия, которая выезжает 14-го, после конца московского сезона.

Вот наш последний репертуар. Ленинградский я Вам уже написала.

Мая 25-го, среда “Женитьба Фигаро” “Сказка об Иване”

26-го, четв. 7 сп. 10 аб. “Горе от ума” “Битва жизни”

27-го, пятн. “Дни Турбиных” “Продавцы славы”

28-го, субб. “Женитьба Фигаро” “Битва жизни”

29-го, воск. “Дни Турбиных”

31-го, вторн. Спектакль будет объявлен особо.

В Ленинграде, судя по письмам от пригласившей нас организации, нас ждут всякие фестивали и приемы, чего наши старики боятся ужасно. Все устали, хотели бы хоть немного пожить для себя, и вдруг придется бывать где-то. Воображаю, как будут от этого все удирать и сколько усилий придется делать К.С., чтоб уговаривать людей ходить на банкеты или чаи.

Милый Владимир Иванович, я получила Ваше письмо – после очень долгого перерыва. Сегодня же высылаю Вам те письма (в копиях), которые пропали за это время. Вы укоризненно мне пишете, что до Вас не дошло многое, что печаталось о конфликте в МХАТ 2-м. Я очень аккуратно высылаю Вам еженедельно по три журнала театральных, если есть еще что-либо послать – посылаю и то. Если это пропадает – разве я виновата? Номер “Нового зрителя” с письмом Чупрова, конечно, тоже был Вам выслан. О конфликте в МХАТ 2-м члены этого театра говорили чрезвычайно скупно. Все, что я знала, я Вам писала. Конечно, Лунач. мог Вам больше написать, он был в курсе этого дела. Я же больше всего знала из журналов, которые тотчас же Вам посылала.

Теперь до Вас, вероятно, дошли уж рецензии о “Фигаро”, которые почти во всех случаях отрицательны. Говорят, что положительные рецензии просто в редакциях не принимались. Сегодня как раз в “Известиях” появилась статья Волкова, про которую нам давно уж говорили, что ее все не хотят помещать из-за благожелательного отношения к МХАТ. Как Вы увидите (ведь Вы получаете “Известия”?), в ней нет ничего особенно благожелательного. Большого материального успеха пьеса пока не дала, сборы колеблются около 2 200–2 500.

Шлю сердечный привет Вам, милый Владимир Иванович, дорогой Екатерине Николаевне и Мише. От Ел. Петр. Аслановой слышала, что Ек. Ник. хворала. Надеюсь очень, что теперь все миновало.

Ваша *О.Бокшанская.*

Сегодня пишу немного, спешу ужасно, масса работы в связи с отъездом.

Ленинград, 6 июня 1927 года

Письмо № 38

Милый Владимир Иванович!

За всей сутолокой переезда и начала наших гастролей в Ленинграде я забыла, какой последний номер был в моих письмах к Вам. Как мне помнится, это было письмо за № 37. Во всяком случае, это письмо мое – первое из Ленинграда. Может быть, оно должно быть под номером 39 – не знаю, не помню.

Мы играем здесь уже неделю. Репертуар Вы уже знаете – если только он не был написан мной в том пропавшем письме, в № 35. Как только я получила Вашу телеграмму о том, что 35-е письмо до Вас не дошло, я тотчас же написала Федичке, чтоб он вынул из моего стола одну из копий этого письма и тотчас же отправил Вам. Что-то письма стали неаккуратно доходить, непонятно – почему. Я уж получила от Феди ответ, что им моя просьба исполнена. Кроме того, по моей просьбе он будет высылать Вам еженедельно театральные журналы и уже выслал оставленный ему мною клавир “Небоскребов”. Ваше письмо об этом клавире пришло в день нашего отъезда. Его мне подали часов в пять дня, когда я случайно перед визитом к Евг. Мих. Раевской зашла в театр. Я сейчас же достала клавир из шкафа, где он лежал и ждал своей участи, и передала Федичке со строгим наказом немедленно его Вам переслать. Насколько я помню, с клавиром было так. Я спросила Ив. Як., что им сделано по данному ему письму к Колоскову и что мне делать с рукописью. Он просил ноты хранить у себя, а потом сказал, что Колосков не заинтересовался этим делом и что отсутствие партитуры тоже уменьшает интерес к пьесе. Словом, клавир лежал у меня, и я ждала его востребования.

Вы, вероятно, легко себе представляете, какая суматоха шла у нас перед отъездом. Нет ничего удивительного в том, что я уже не помню, что писала Вам в последнем письме, а что только собиралась написать. Может быть, буду повторять то, что Вы уже знаете. Трудность поездки была главным образом та, что ничего нельзя было установить, что пойдет в июне на Большой сцене в Москве и кто в зависимости от этого едет в поездку сразу, а кто приедет позднее. Все это происходило потому, что никак нельзя было установить, пойдут ли “Растратчики”. Мне кажется, что сразу можно было сказать, посмотрев даже “невооруженным глазом”, что “Растратчики” идти не смогут: они были не готовы ни актерски, ни монтировочно. И все-таки Судаков на что-то надеялся, все-таки уверяли некоторые, что они смогут пойти. После первого показа пьесы К.С.-чу (всех сцен, кроме последней, которую даже ни разу не репетировали на сцене) К.С. остался недоволен, сделал много замечаний режиссеру и исполнителям, но главным образом потребовал изменения

многих сцен. В результате этого показа Судаков начал работу по вычеркиванию многих сцен и по новой трактовке кульминационной сцены – в Ленинграде, в особняке, на киносъемке. Было решено, что результаты своей работы он покажет примерно через неделю после первого показа, это приходилось на пятницу 27-го мая. И тогда должно было все окончательно решиться. 27-го вечером это решалось, а 29-го уже выезжала первая “партия” в Ленинград: К.С. и все старики и администрация. Все же остальные – 81 человек – выезжали 30-го. Конечно, решилось так, что “Растратчиков” показать публике нельзя, что над ними надо работать. Закончить же московский сезон решено было “Днями Турбиных” – единственной пьесой, которая – с небольшой натяжкой – может пройти в Москве в июне, и то не каждый день. В пятницу вечером и в субботу шла спешная работа по изменению списка едущих. Целый ряд актеров, занятых в “Турбиных”, должен был остаться в Москве, а для их замены в ленинградскую поездку назначались другие. В Москве остались Калужский, Прудкин, Вербицкий, Хмелев, Станицын, Судаков – человек до 15-ти из тех, кто намечен был к поездке с самого начала ленинградских гастролей. Но так как репертуар был в Ленинграде уже фиксирован и 4-го там стояли “Декабристы”, пьеса, в которой заняты в ролях как раз участники “Турбиных”, то в Москве спектакли “Турбиных” назначили не на каждый день, а с таким расчетом, что 3-го вечером (день отдыха взамен за 2-е – Вознесение) они все могли выехать в Ленинград, сыграть там спектакль и в тот же вечер с поездом 11.30 выехать обратно в Москву. Что здесь делалось! На автомобилях они отправились на вокзал, и то едва-едва успели к поезду. А у них 5-го уже спектакль “Турбиных”, опоздать нельзя – спектакль слетит, ведь это единственные, бездублерные исполнители. Волнений было много! Таким же образом, только на один спектакль, сегодня вечером из Москвы выезжают Хмелев и Доброурахов для участия в премьеры “Дна”¹ и вечером же после третьего акта уезжают обратно в Москву доигрывать “Турбиных”. Вся эта история с переездами, конечно, бьет по карману театр, это наш непредвиденный расход, но другого выхода не было. Ленинградский репертуар и список едущих были сделаны в расчете на “Растратчиков”, и тогда все расходилось хорошо.

Теперь о наших спектаклях здесь. Еще до нашего приезда почти все было раскуплено, правда, по абонементам. Здесь объявили 14 абонементов по 3 пьесы в каждом, причем даются две пьесы Большой сцены и одна – Малой, или наоборот: две Малой и одна Большой. Внеабонементных, кажется, только один. Хотя, может быть, что я здесь что-то путаю. Я говорю, что объявлено 14 абонементов потому, что первый “Царь Федор” шел в 14-й абонемент. Но арифметически у меня как-то не расходятся все спектакли между 14-ю абонементными. Первый спектакль имел колоссальный успех не только в публике, но и в печати, чего мы никак не ждали. Такого отношения прессы мы уж давно не знаем, это для нас совсем удивительно, что можно смело и открыто хвалить театр и такие старые постановки, как “Федор” и “Дядя Ваня”. Вызовы и

овации были нескончаемы. Конечно, больше всего вызывали К.С., который выходил на сцену. Москвин, Вишневы и Книппер играли замечательно, Москвин довел до слез зрительный зал. Играл так мягко, так “без штучек”, как мы давно не видели. Без слез нельзя было его слушать в последней картине.

Я пишу Вам не из театра, а из отеля, на Рипсиной машинке, не на “чайке” и без нужных материалов под рукой. Но непременно обещаю Вам выслать все рецензии о спектаклях, которые у меня для Вас отложены. Сегодня ведь понедельник, в театре пусто, все отправились экскурсией в Эрмитаж, и только в номере К.С. идет репетиция “Дна” для исполнителей ролей.

Живем мы все в “Европейской”, причем К.С. занимает тот самый номер, в котором останавливались Вы во время гастролей Муз. студии. Мне было так странно войти в него, увидеть ту же обстановку, те же гравюры на стенах... Помните Вы эту прекрасную, так радостно-пустую комнату? Однако в гостинице и сразу-то немного народу поселилось, большинство предпочло снять комнаты на частных квартирах (за это каждому выплачивается по 1 р. 50 к. в сутки, и наша молодежь на этом делает экономию, снимая себе комнаты для двоих рублей за 30–40), а теперь постепенно еще съезжают. Останутся только старики (за исключением Москвина и Книппер, живущих на частных квартирах) да мы с Рипси, любящие отельную жизнь.

Доехали мы более или менее благополучно. Старикам были предоставлены мягкие вагоны, молодежь же вся отправилась в жестких, с предоставлением тюфяков, подушек, простынь... Но так как на жел. дорогах все это не совсем-то ладно урегулировано, то с постельными принадлежностями были недоразумения. Все же в конечном счете все получили всё, что им причиталось. Хуже было для тех, кто отправился 30-го из Москвы. Этим 81 человеку было дано два специальных вагона, которые прицеплены были не к ускоренному поезду, а к почтовому. Так что вместо ночи переезда им пришлось ехать от половины четвертого дня до 9 час. утра. Из-за этого многие жаловались на усталость и были недовольны. Но все это прошло к следующему же утру, когда все выспались и отдохнули. К тому же К.С. принес свои извинения за организацию, пригласившую нас сюда и устраивавшую переезд, за то, что она не сумела хорошо, достаточно хорошо обставить переезд. И организация эта прислала от себя письмо с извинениями. Все это случилось потому, что администратор их оказался не на высоте. Как будто его даже вовсе уберут от нас, раз он сделал ряд накладок. Ведь должен был все это делать Вишня, с которым мы вначале и договаривались. Но потом по каким-то неизвестным нам соображениям Вишня лишился места в этой организации, и мы перешли в ведение другого администратора. Все же театр, по просьбе Вишни, оставил его при гастролях, оплачивая его уж за свой счет и поручив ему дела прессы.

Второй спектакль “Царя Федора” прошел тоже при полном зале и

с хорошим успехом, но с меньшим, чем спектакль с Москвиным. Ведь роль Федора – не настоящая качаловская роль, и публика это чувствует. Затем шла премьера “Дяди Вани”. С утра еще начался нерв, потому что К.С. остался чрезвычайно недоволен монтажкой. Там было многое не сделано, что-то не привезли из Москвы, что-то не подправили здесь. К.С. разволновался, раскричался – почти до сердечного припадка. Все мы перепугались до ужаса. Нет, постойте, это было не в день “Дяди Вани”, а накануне. В день премьеры К.С. из дому не выходил и поехал в театр к шести часам вечера. Тут снова обнаружилось, что не привезли половик (оставили для “Турбинных”, как объяснил Гудков, а потом оказалось, что он в “Турбинных” и не ходит), что оставили в Москве, опять же для “Турбинных”, револьвер. Словом, еще до спектакля К.С. наволновался немало. То, что не привезли револьвер из “Дяди Вани”, а какой-то другой, отразилось на самом спектакле. Револьвер не был испробован и на спектакле, на сцене, не выстрелил. Представьте себе состояние Вишневого². И все же, несмотря на какие-то недочеты, которые, конечно, особенно заметны нам, но не публике, спектакль имел грандиозный успех, занавес давали 11 раз, публика стояла везде – в партере и в ложах и в ярусах – и восторженно аплодировала. В день “Дяди Вани” в далеком районе в большом фабричном театре где-то за заставой играли кроме того спектакль районный “У врат царства”, опять-таки с громадным успехом. На этот спектакль, как отмечено в газете, приехали не только местные рабочие, но и публика из центра. Следующей премьерой 4-го июня прошли “Декабристы” – опять-таки с большим успехом по адресу актеров. Ведь пьеса очень слабая, но Качалов играл великолепно и его две сцены (у него только две сцены) произвели громадное впечатление. И последний акт пьесы – отдельные сцены в камерах и общая в коридоре тюрьмы – заставили многих в публике плакать. Вызовы и овации снова были бесконечны. Рецензий о пьесе я еще не читала: вчера было воскресенье, в утренних газетах не успели напечатать отзывов, а вечерней не было. Сегодня же еще не видела газет, не выходила еще из гостиницы. Вчера вечером шел в третий раз “Царь Федор” с Москвиным. Я работала у себя (я сижу не там, где было мое место при Вас – там считается теперь кабинет К.С. и место Рипси, но т.к. она там редко бывает и К.С. приходит в театр не в кабинет, а в зрительный зал или на сцену, то там всегда пусто, – у меня комната в первом этаже дамских уборных) и не прислушивалась к зрительному залу. Вдруг приходит Рипси и рассказывает, что таких оваций давно уже в театре не было. Сначала актеры выходили на вызовы, потом уж пошли разгримовываться, думая, что вызовы постепенно прекратятся. Однако человек 300 в зале оставались и вызывали упорно Москвина. Так они стояли не меньше четверти часа и заставили Москвина, уже разгримовавшегося, накинуть штатское платье и снова выходить на вызовы. Он набросил на себя пиджак (без рубашки) и, плотно запахиваясь, вышел на сцену. Когда вздумали опустить железный занавес, эти энтузиасты из публики так завопили, что

занавес остановился на середине и Москвин снова и снова выходил кланяться. Как говорит Ив. Мих., барышни, что вопили в зале, “готовы были подложить свои животы под занавес, только б его не опускали”). Простите, что я пишу Вам такой вздор, но Ив. Мих. непременно меня попросил, чтоб я Вам это написала – насчет барышень. Он сидит сейчас в соседней комнате, у Рипси, и его там зарисовывает художник для газеты. И кричит мне через стенку: “Нестор-летописец, что ты все щелкаешь? Вероятно, ты так привыкла на машинке щелкать, что не можешь сидеть сложа руки и так себе зря по машинке хлоп-хлоп”. Вот я ему и объяснила, о чем я как раз пишу. Он был очень доволен.

Когда я сказала Трушникову, что Вы ничего от него не получили, он что-то замычал, побряхтел и выговорил, что так и должно было быть. Вероятно, это означало, что он Вам и не написал ничего. Сергей Ал. сейчас здесь. Он наш администратор по поездке, он ездил в Ленинград передовым и теперь здесь остался, так как очень полезен как опытный человек, не только как наш работник, но и как указывающий здешней организации, как работать. Они сами – эта Комиссия по улучшению жизни детей, которая нас пригласила, – очень неопытны в деле театральных гастролей.

Сегодня наши старики участвуют в благотворительном концерте (бесплатно), устраиваемом совместно Академией наук и Пушкинским домом. Я очень плохо в курсе дела, знаю только, что сначала из-за этого шло недовольство организации, что актеры дали согласие на участие без предупреждения и афиши уже были выпущены и билеты начали распродаваться (концерт благотворительный), но сегодня все уладилось, и КУЖД (Комиссия улучшения жизни детей) не протестует.

Теперь о московских делах, т.е. о московских наших больных. Слава Богу, сведения оттуда приходят благоприятные. Евг. Михайловну я видела перед отъездом лично. Она была слаба, но тогда уж второй день у нее держалась нормальная температура. И теперь Федичка пишет, что температура продолжает быть нормальной. Конечно, ей придется долго поправляться. Вероятно, ее отправят на Кавказ в сопровождении прелестной женщины-врача, которая ее пользует уже второй год и во время ее болезни почти от нее не отходила.

Леониду Мироновичу тоже лучше. Федя писал, что на днях он начнет понемногу выходить на улицу. Он уже получил заграничный паспорт и уедет сейчас же, как этого потребуют врачи. Москвин все жалуется: меня Леонидов подкачал, теперь в каждом разговоре, в каждом письме напоминает жена – как бы с тобой того же не было, что с Леонидовым. И Нина Ник., как только Вас. Ивановича хотят завалить работой, дать ему роль, волнуется: вы хотите, чтоб с ним то же было, что с Леонидовым!

А вот московское дело: я Вам давно не писала, каковы наши средние сборы по Москве. За апрель: Большая сцена 2 634.63, Малая сцена – 526. За первую половину мая: Большая сцена – 2 557.65, Малая сцена

– 455.64. Второй половины мая при мне не вычисляли. Здесь сборы хорошие. КУЖД говорит, что абонементами уже заполнены спектакли на 80–85%, остальные 15–20% остаются в разовой продаже в кассе и доходят к вечеру. Контрамарок нам никому не дают. Дирекция имеет в своем распоряжении только два места в партере, и Константину Сергеевичу Шапиро вместе с кабинетом отдал свою ложу. Вот и все. В поездке, как и всегда, я кроме своей обычной работы веду кассу и плачу жалованье. В первое время это особенно хлопотно, так как кроме командировочных надо еще рассчитывать за дорожные расходы, за квартиры живущим на частных квартирах и за всякие недополучки по Москве. Но так как поездка только на месяц, мне ничего не кажется страшным. Месяц пройдет быстро, и я надеюсь со всем справиться. Ужасно только волнуюсь за дальнейшие месяцы, за лето. Я подала в Москве просьбу о заграничном паспорте к своим родителям и боюсь, что не получу разрешения на выезд. Тогда лето испорчено, кроме Риги я никуда не хочу ехать и в случае отказа останусь в Москве. И скучно будет, и грустно, и одиноко (сестра с детьми уехала к родителям) и – главное – не будет ни отдыха вообще, ни отдыха и лечения для глаз.

Написала ли я Вам, что “Турбины” в Москве кончатся 10-го и в тот же день (при начале спектакля не в 8, а в 7 час.) с поездом 11.30 все нужные в Ленинграде к 11-му (снова “Декабристы” и снова та же история с необходимым приездом 9-ти человек из Москвы) выезжают сюда, но уж отсюда больше не уедут обратно в Москву, а останутся до конца гастролей. Погода в Ленинграде стоит ужасная, был один изумительный, совершенно летний день (прошлое воскресенье), пришел он так неожиданно и так же неожиданно ушел и больше не повторился. Вообще же дождь каждый день и холодно. А в Москве было уже тепло, и большинство из нас поехало налегке. Вишневецкий в Москве на вокзале злился, держа на руке драповое пальто: “Вот Подгорный говорил взять теплое пальто, а к чему? Все равно не понадобится!” А в Ленинграде в первый же день вдруг подошел к Ник. Аф. и со свойственной ему экспансивностью поцеловал ему руку: за то, что тот его уговорил взять теплое пальто. Что же будет, если придут жаркие дни – он снова начнет брюзжать, что заставили его возиться с драповым пальто?

О Вашей телеграмме относительно того, что сообщение Геста о Вашем оставании в Америке слишком преждевременно, я сказала К.С. и старикам, тем, кого видала. Гест говорил так категорически и так открыто, что я поняла, да и все мы так думали, что он говорил с Вашего ведома. И это подтвердили слова Анатолия Васильевича о письме, полученном им от Вас. Все это так совпало, что никому и в голову не приходило, что Вы Ваш будущий год уже определили. В тех же словах, в гестовских, я сказала и Софии Витальевне.

Дорогой Владимир Иванович, пожалуйста, передайте Екатерине Николаевне и Мише мой самый душевный привет и пожелания здоровья и радостей. Будьте здоровы и благополучны. Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская

Ленинград, 18 июня 1927 года

Письмо № 39

Милый Владимир Иванович! Все это время была так ужасно, непередаваемо занята, и вообще работа моя так трудна, занимает столько часов (не менее 12-ти в день), что не могла Вам писать, хотя хотела этого очень – столько хотелось Вам и описать, и ответить на Ваше последнее письмо, где Вы хотя и добродушно, но издеваетесь надо мной¹. Сейчас в надежде, что репетиция в театре кончилась и никто не станет мне мешать своим приходом и просьбой уплатить по десятку самых разнообразных ведомостей, стремительно пишу Вам самое необходимое.

К.С. получил Вашу телеграмму² и вот что сделал по этому делу: 13 июня им послана телеграмма в Наркомпрос Ходоровскому, копия Остроградскому: “Горячо присоединяюсь общей просьбе оставлении Музыкальной студии в сети государственных театров точка. Верю, что под эгидой такого большого художника и мастера как Немирович-Данченко студия скажет еще новое слово не только в области театра, но и кинематографии. Кроме того, территориальное сожительство двух студий на практике оказалось возможным, но при разделении их по разным ведомствам в будущем создадутся большие затруднения. *Станиславский*”. Кроме того, не знаю, какого числа, на копии не помечено, однако, вероятно, раньше 13-го, им дана телеграмма Остроградскому: “Сделайте для Музыкальной студии все возможное. Телеграмму Ходоровскому посылаю. *Станиславский*”.

Вашу телеграмму ко мне о том, что Вы Луначарского о новом отпуске не просили, я ему прочитала, вернее, я передала ее Рипси для сообщения К.С. Он сейчас очень занят репетициями “Бури времен”, которая не была показана в Москве и выпускается здесь, так что я его почти не вижу. “Буря времен” вызывает в нем почти панику, т.к. он считает постановку совсем не готовой и хотел бы ее вовсе не выпускать сейчас, но нельзя ничего сделать: пьеса объявлена в репертуаре, билеты распроданы по абонементам. Единственное, что ему удалось отторговать, это то, что спектакль не пойдет, как объявлено, 22-го (заменен “Невидимкой”), а будет выпущен в первый раз 26-го.

(Нет, не убереглась от визитов, сейчас снова была полна моя комната: получали деньги, наводили справки, спрашивали, когда Вы приедете, увидав на вложенном в машинку листке слова “Владимир Иванович”).

Посылаю Вам не все, правда, но все-таки некоторые рецензии. Поругивали нас совсем редко; кажется, холодновато было в каком-то недоброжелательном журнале, в “Жизни искусства”, вероятно, уже за-

была я. Да вчера была рецензия об “Елизавете Петровне”, не совсем хорошая; ругали, правда, не актеров, а автора, пьесу и постановщиков (их помечено много на афише: Баратов, Мчедлов, Телешева, Станицын). И заодно прохватили театр, что он, составляя абонементы (составляли-то не мы, а здешние организации), включил в число стариковских спектаклей и обязательный один – молодежи. И публика обречена скучать и смотреть неинтересный спектакль. Вместе с тем от всех, кто из наших был на спектакле “Елизаветы”, начиная от Трушникова и кончая Вишневым, я слышала, что артисты играли очень хорошо и спектакль шел редко-гладко. Спектакли стариков имеют громадный успех, особенно “Горячее сердце” и “Мудрец”. На все спектакли если уже не распроданы билеты, то разбираются перед началом, так что в зале полным полно. И вызовы после конца – громовые, а на премьере “Горячего” просто стон стоял.

Все наши старательно используют свое пребывание здесь. Вас. Вас. предводительствует рядом экскурсий в музеи, в пригороды, по дворцам. Правда, это скверно отражается на репетициях, которые постоянно задерживаются. Недавно был такой скандальный случай, когда на репетицию “Гор. сердца” с Москвиным на сцене в полной монтажке опоздали ведущий режиссер Судаков и пом. режиссера В.Баталов – на целый час: были в Петропавловской крепости. Все уговоры К.С. о поднятии дисциплины не могут воздействовать, все как-то размотались на десятом месяце сезона, никого не соберешь. И К.С. поэтому не очень грозен, понимает и усталость, и интерес к новому городу, хотя за последнее поругивает (не для осмотра города приехали, а для гастролей), о первом же сочувственно вздыхает, потому что сам устал чрезвычайно. Вместе с тем место отдыха для многих совсем не установлено, т.к. сейчас нельзя сказать, удастся ли старикам поехать на заграничные курорты: в такие тревожные дни не хочется уезжать из России³.

Милый Владимир Иванович, теперь по Вашему письму. Как это я могла написать об Андровской только строчку? Она так очаровательна в “Фигаро”, так обаятельна. К ней можно применить все эпитеты настоящего восторга. Я хочу Вам сказать, Владимир Иванович, что вообще Вы не должны придавать моим письмам значения очень обдуманных писем. Ведь я их пишу в такой суматошной обстановке, что часто не говорю, а просто “сбалтываю” какие-то слова, которые никак не должно ставить в строку. Вот это же самое было с той фразой, к которой Вы придрались: что я обиделась за театр, я обиделась за “все-таки еще” Ваш театр. Правда, Вы тут же во всем разобрались и сказали: “Очевидно, под словом театр мы с Вами на этот раз подразумевали разные понятия...” Конечно, здесь было много необдуманных слов, милый Владимир Иванович, и не надо было много всепрощения, чтоб простить меня.

Нине Николаевне я Ваши строки прочитала, она, видимо, была тронута и польщена. А я была очень рада, что Вы обелили меня в ее глазах. И опять-таки: я действительно хотела написать Вам и об ее ре-

жиссерской работе, потому что она меня пленила в образе Элины, но когда поешь, мысли летят и многое не досказываешь или пропускаешь. Однако я никак не могу понять, кто информировал Зин. Григ. Морозову⁴. Я никогда ни в театре, ни в Москве ни от кого не слышала такой информации. Думаю, что до этих соображений Зин. Григ. дошла своими размышлениями и какими-то сложными умственными комбинациями.

Мне было очень интересно читать Вашу оценку меня, и хочется Вам об этом написать – конечно, потому, что я не со всем согласна. Хотя к чему – ведь у Вас такое мнение, у меня – такое. На Вас я произвожу такое впечатление, а на себя – другое⁵. Но главным образом не отвечаю из-за недостатка времени, из-за суеты обстановки, из-за постоянных перерывов по служебным делам и из-за стремительной необходимости закончить и отправить письмо. Относительно нашей Америки Вы, по-моему, теперь все уже знаете: в принципе все хотят ехать, но кто же знает, что будет с нами через полтора года. Вот Москвин и Леонидов задумали поездку в Калифорнию за несколько месяцев, за какие-то два месяца до отъезда, и то все полетело и разрушилось. Посылаю Вам рецензии. Нет, об этом я Вам уже написала днем. Ведь этот лист письма я продолжаю уже вечером во время спектакля, даже почти конец уже, кажется, ставят на сцене последний акт “Мудреца”.

Вам, дорогой Екатерине Николаевне и Мише шлю самые нежные приветы, всю сердечную симпатию и привязанность, которая у меня есть к Вам и в которой Вы, кажется, сильно сомневаетесь.

И все-таки, несмотря на издевательскую иронию Вашего последнего письма, у Вас было, по-моему, веселое и добродушное тогда настроение. И это мне дало радость.

Ваша *Ольга Бокшанская*

137.

Москва, 9 июля 1927 года

Письмо № 40

Милый Владимир Иванович!

После долгих волнений, работы и хлопот я наконец сегодня выезжаю в отпуск к своим, в Ригу. Счастлива я безмерно, т.к. надеюсь всех там увидеть, родителей, братьев, сестру с детьми, живущую там уже месяц, отдохнуть и полечить глаза, которые никуда уж не годятся.

Конец Ленинграда и неделя, проведенная в июле в Москве, были сплошным мучением, столько было дела. В Ленинграде сезон кончился отменой премьеры “Бури времен” и заменой ее “Вратами царства”. Обо всем этом и вообще обо всех театральные делах напишу Вам из Риги. Вчера я получила Ваше письмо от 16 июня и очень Вас за него благода-

рю¹. То, что Вы там написали о частых Ваших думах о Москве, о том, что кино не стало Вашим делом, все это меня ужасно обрадовало. Если б Вы знали, сколько мы говорим здесь о том, как ужасно Вы нужны здесь, как нужны Вы театру как делу искусства и каждому из нас, театральным, в частности – каждому из нас, такому маленькому человечку, которому Вы помогаете жить. Сегодня высылаю Вам книжку о Качалове, которая вышла в Ленинграде к нашим гастролям, а также книжки о Норме Толмедж, Лилиан Гиш и “Пикфер” – Дугласе и Мере, которые выпущены здесь и расходятся в массе экземпляров, при продаже в кино². Я думала, что Вам интересно будет показать Вашим друзьям, как о них думают в СССР. Я попросила одну из наших барышень, чтоб Вам высылала она еженедельно театральные журналы. Во время нашего Ленинграда мне обещал это делать Федичка, но теперь он тоже в отпуску (уехал третьего дня), и я надеюсь, что перерыва в получении журналов московских у Вас не будет.

Не знаю, послали ли Вам кто-нибудь из Ваших друзей из Ленинграда небольшую вздорную заметку о Вас в ленинградской “Красной газете”. Я ее тотчас отложила для отсылки Вам, но, поверите ли, не было минуты свободной, чтобы сделать это, за все прошедшие 2–3 недели.

Сердечно кланяюсь дорогой Екатерине Николаевне, Мише и Вам. Поезд мой идет через 4 часа, надо скорей со всеми в театре прощаться и лететь домой.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша *О.Бокшанская*

138.

Москва, 5 сентября 1927 года

Письмо № 41

Милый Владимир Иванович!

Первое мое письмо из Москвы, хотя я уже неделю здесь. Первые дни проходили в таких нескончаемых встречах и разговорах со всеми друзьями, что по-настоящему я никак не вошла во все дела. Кроме того, много хлопот и забот было по налаживанию жизни дома, по устройству таможенных дел. Кстати, хочу Вам напомнить (на тот случай, если Вы приедете сюда, о чем столько говорят), что багаж Вы имеете право дать на осмотр и в Москве, в московской таможне, сделав на границе соответствующее заявление. Также можете, если Вы дадите осмотреть свой багаж на границе и останетесь недовольны решениями пограничной таможни, заявить, что этот осмотренный багаж Вы просите полностью вложить снова в чемодан, запечатать его и послать в московскую таможню для вторичного досмотра. Все это совершенно законное с Ва-

шей стороны будет требование. Сообщаю на случай неожиданных осложнений на границе. Если Вы поедете через Париж с остановкой там, лучше всего зайдите к полпреду, который может Вам облегчить въезд.

Первые вопросы, которые я услышала в театре, были о Вас, о том, когда же Вы приезжаете. И когда я отвечаю незнанием, мне не все верят, думают, что я скрываю. Ко времени моего приезда сюда здесь уже существовала полная уверенность в Вашем скором возвращении. При этом ряд писем Ек. Ник., которые цитируются всеми, действительно и должен был создать такую уверенность. Если б Вы только знали, как все Вас ждут! И я стала так даже верить, как верят все в театре. Одна вещь меня было смутила: Никита Балиев в Париже сообщил Ник. Афчу, что ему доподлинно известно, что Вы подписали контракт на следующий год. И все же я надеюсь, что он просто так сболтнул, желая показать осведомленность. Идут еще некоторые слухи из Наркомпроса, будто Вам предоставлен отпуск еще на год. Почему? Разве Вы об этом просили? И наряду с этим – уверения Софьи Витальевны, Подобеда, Е.С.Кречетовой, что возвращение Ваше решено окончательно, вопрос только в сроке: тотчас же после конца контракта Вы выезжаете или немного задержитесь. Я знаю, что Вы телеграфировали Дм. Ив., что через две недели Вы окончательно решите. Правда, две недели уже прошли, но ведь еще может прийти телеграмма о Вашем приезде, правда? Слышала, что Серг. Льв. писал Ольге Леон. о квартире. Ведь это тоже симптом. Милый Владимир Иванович, ну неужели после всех этих чаяний и надежд Вы напишете, что остаетесь еще на год? Неужели сила нашего громадного общего желания увидеть Вас не подействует – хотя бы и на таком громадном расстоянии?

Владимир Иванович, я, конечно, получила Вашу телеграмму о “Цене жизни”. Дело с ней обстояло следующим образом. Телеграмма пришла в воскресенье, когда в музее никого не было и ни у кого в театре я не смогла узнать недавно поставленный у Е.П.Кречетовой телефон, номер его. В понедельник узнала и позвонила: оказалось, что Ел. Петр. больна, лежит, к телефону не подходит. Я поговорила с ее мужем и узнала, что в музее “Цены жизни” нет вовсе, что же касается поисков в кабинете, то муж Е.П. обещал пойти попоздней на Вашу квартиру и посмотреть там. Вечером он мне позвонил, что пьеса им найдена (единственный экземпляр) в Вашем столе. Я послала к Кречетовым за ней. Но выслать этот единственный экземпляр я побоялась, вдруг пропадет. Поэтому я села за переписку его в двух экземплярах, которые одновременно в отдельных пакетах вышлю Вам. Если один и пропадет, то подойдет авось другой. Сейчас я кончаю второй акт. Надеюсь, что никак не задержу высылку, потому что пишу днем в каждую свободную минутку и все время вечером. 4-го приехал К.С. и на вокзале же Ник. Аф. передал ему Вашу приветственную телеграмму. Вечером она была вывешена над диванчиком. Очень все были рады, что Вы нас вспоминали в этот день. А то, что Вы еще раз телеграфировали, в ответ на телеграмму Ник.

Аф., еще больше порадовало. Всем нам так хочется, чтоб Вы почаще были с нами, если уж Вы не совсем, на все время, с нами. К.С. приехал похуевшим, посвежевшим, привез какой-то новый режим для себя: не спать после обеда непосредственно, а сначала идти гулять, потом уж отдыхать. И – для долголетия – мало есть, так сказал доктор. Настроение К.С. пока уловить не смогла, совсем мало его видела. Так как Рипси числа до 10–15 сент. в отпуску (в Париже), обязанности ее временно исполняет Федя и – отчасти – я. К.С. просил меня разобраться в его корреспонденции. На днях он хочет диктовать мне ряд писем ответных.

В театре до приезда К.С. было совсем тихо и вяло. Сейчас стало немного оживленнее, т.к. нужно решить теперь вопрос будущего управления театра. Возможно, что изменится состав дирекции, возможно (даже наверно), будет упразднена реп.-худ. коллегия, ее заменит Худполитсовет. Сейчас по всем этим вопросам идет в зале К.О. заседание, куда вызван высший совет, дирекция, предместкома, председатель реп.-худ. коллегии, Д.И.Юстинов, постановочная часть (Симов, Гремиславский). Вероятно, за сегодняшний день многого и не решат и такие заседания еще продолжатся. В репетиции К.С. еще не входит. Репетиционные дни проходят, во-первых, в повторении каждой пьесы, идущей по репертуару впервые в этом сезоне, и во-вторых, в занятиях по “Бронепоезду”, “Сестрам Жерар” (бывшая “Буря времен”, она же “Две сиротки”) и “Дядюшкину сну”. Есть предположение, что “Сестры Жерар” будут показаны еще в сентябре. Конечно, все будет зависеть от того, что скажет К.С. после показа ему всей пьесы в гримах и костюмах. В Ленинграде он был страшно недоволен всей работой, и у меня нет уверенности, что там много поправили после Ленинграда.

“Бронепоездом” занимаются Литовцева и Судаков. Пока проходят сцены, утвержденные Реперткомом. Такое разрешение дано после ходатайства. Вначале хотели вовсе запретить заниматься пьесой, пока не будет представлен окончательный текст по указаниям Реперткома. Театр дал обещание, что все задания Реперткома будут исполнены. Это самая наша срочная постановка. В ней будут заняты все старики, хотя бы в небольших ролях. Я Вам, кажется, писала из Ленинграда, что художника для “Бронепоезда” нашли там, хотя он вообще житель киевский, некто Леон. Терентьевич Чупятов. Он работал все лето, к концу августа представил все эскизы и не удовлетворил комиссию, назначенную К.С. чем. Это было без меня, точно состава комиссии я не знаю, как будто в нее входили, кроме Судакова и Гремиславского, Леонидов и Москвин. Работу по “Бронепоезду” передали Симову, который очень хотел получить эту постановку еще весной, при принятии пьесы, и даже делал для показа К.С.-чу эскизы и макеты по собственной инициативе. Вчера К.С., дирекция и режиссура были в нашей “секретной лаборатории” – результатов осмотра работ пока не знаю.

Пока наш репертуар без “Турбиных” складывается скучно для кассы и нелегко для актеров¹, а главное – для Жени Калужского, которому

нечего комбинировать для Малой сцены, кроме заигранных там пьес. Премьера нам дала сбору 2 300 руб., на следующий день “Фигаро” и вчера “Горячее сердце” – каждый спектакль около 2 000. В кассе денег нет, все мы пробавляемся авансами по 5 руб. Настроение поэтому пониженное. Просим банковского кредита для оборота, ведь через неделю с небольшим надо платить жалованье за первую половину сентября, а тут еще не все и за август выплачено.

Вот наш репертуар:

сентября 3-го, суббота “Фигаро”
4-го, воскрес. “Фигаро”
6-го, вторник “Гор. сердце”
7-го, среда “У врат царства” “Елиз. Петровна”
8-го, четв. “Гор. сердце” “Дама-невидимка”
9-го, пятн. “Царь Феодор” “Елиз. Петровна”
10-го, суббота “Фигаро” “Битва жизни”
11-го, воскр. “На дне” “Елиз. Петровна”
13-го, вторник “Фигаро” “Битва жизни”
14-го, среда “У врат царства” “Продавцы славы”
15-го, четв. 1 сп. 1 аб. “Фигаро”
16-го, пятн. “Гор. сердце” “Продавцы славы”
17-го, суббота “Фигаро” “Битва жизни”
18-го, воскр. дн. “Синяя птица”
веч. “Царь Феодор” “Дама-невидимка”
20-го, вторн. “Декабристы” “Елиз. Петровна”
21-го, среда 1 сп. 2 аб. “Фигаро”.

“Синяя птица” пойдет только в этом сезоне. Нам уже объявлено, что на будущий сезон она будет запрещена.

Относительно “Турбиных” мы подали заявление в коллегии Наркомпроса. Для кассы театра сейчас это самый волнительный вопрос: разрешат или не разрешат и в нынешнем сезоне играть эту пьесу.

Весной еще были выпущены 15 абонементов, по пяти спектаклей в абонементе. Разошлись они очень хорошо, но – увы – абонементные взносы уже давно истрачены на летнее жалованье. По плану абоненты должны получить две новые постановки (“Отелло” или “Дядюшкин сон” и “Унтиловск”), две старые постановки (“Фигаро” и “Смерть Пазухина”) и одно возобновление (“Хозяйка гостиницы”, возобновляемая для Еланской, или, может быть, “Вишневый сад”). Для восьмого спектакля абонентов прошлого сезона, которым недодали тогда “Растратчиков”, дадут “Бронепоезд”. Постановка “Растратчиков” сильно отодвигается, не раньше весны, во всяком случае, позднее “Отелло”, котор. намечается на март. Есть еще надежда, что появится у нас какая-либо современная интересная пьеса (Булгакова или Тренева), постановка которой будет проводиться в этом сезоне. Булгаков приехал в Москву, отдохнул, поправился, грустит о запрещении “Турбиных” и не рассчитывает на

успех своей новой пьесы у Реперткома. О Трениве ни слуху ни духу. Вероятно, Вы обратили внимание на помещенные заметки в посланных Вам театральных журналах о Чижевском (помните его и его “Лобное место” или “Голгофу”?) и тренивской “Любови Яровой”. Я хочу написать Трениву и об этом. По всему тому, что я знаю о Чижевском, он тут страшно неправ и обнаружил свой скверный характер задиры и самовлюбленного автора.

Все наши старики съехались (кроме Кореновой, которая должна прибыть дня через три). Выглядят превосходно, все поправились, посвежели. Ив. Мих. сбавил 30 фунтов, очень помолодел. То же и Леон. Мир. и Качалов, который стал очень строен и интересен. Евг. Мих. молодцом, хотя, конечно, переутомляться ей никак нельзя, слабость после болезни дает себя чувствовать. Однако приходит на спектакли (не до конца), смотрела и “Фигаро”, и “Гор. сердце”, репетирует-повторяет и собирается играть в “Федоре”. Рвется в бой страшно, а мы все за нее дрожим, ей надо беречь себя. Видела как всегда бодрого Вишневецкого, еще не встретила (видела только со сцены) с Грибуниным. Всех перебираю в памяти – все хорошо выглядят и с большим жаром говорят о хорошо проведенном лете, но с меньшим – о предстоящем сезоне. Начинается сезон скучновато, может быть, потом разгуляется. Но Вы представляете себе, сколько жизни может влить телеграмма о Вашем приезде? Как это будет изумительно.

Я Вам не написала о том, что “Фигаро” на обоих спектаклях стали играть куда живей, кое-что и режиссура сократила, и пьеса имела у публики большой, хороший успех.

4-го “Делом” открылся 2-й МХАТ тоже при среднем сборе. У них наступила тишь и гладь, оппозиция ушла в Театр Революции, туда же ушли те шесть человек (из молодых), которые хотя и не были в оппозиции, однако не согласились с общим желанием труппы расстаться с членами оппозиции. Там же теперь Любичкий, с которым Муз. студия рассталась. На его место студия прочит Илью Шлуглейта, возившего их в гастроли. Говорят, что в этот театр выписывают Сухачеву и еще каких-то зарубежных артистов.

Слышала я, что Люб. предрекает (а может быть, и не Люб., а члены 2-го МХАТ, бывшие его члены), что это будет МХАТ 3-й. Говорят о возвращении – в театр Корша – Григория Хмары. Туда уже подписал Бакшеев.

Приехал из Пражской группы Сергей Комиссаров. Говорили, будто он приезжает во 2-й МХАТ, но по секрету Вам скажу – там не собираются его взять. Мих. Гер. заручился какими-то обещаниями от Судакова о принятии его к нам. Но у стариков еще этот вопрос не разбирался. Пока он ходит на наши спектакли и жаждет быть представленным К.С.чу. Говорили и о Театре Революции (будущем 3-м МХАТ) для него, но вероятно, туда ему самому не хочется, уж не та марка. В Муз. студии была один раз, но застала там только Баратова. Он мне рассказывал о

полученном от Вас письме и набросал мне план своего письма к Вам. Думаю, что письмо это уже пошло к Вам и Вы в курсе всех его планов. Об их правах приглашения директора Вы, конечно, тоже знаете. Они хотели бы начать 20-го сентября, но удастся ли им это, не знают. Ведь им не позволяют открыть театр, требуя ремонта, а у них могут быть деньги на ремонт только тогда, когда они откроют театр. У нас в театре на “Фигаро” видела Надю Кемарскую, все так же очаровательна и мила. Для студии Ваше возвращение, даже если Вы не отдадите себя им целиком, – все. Знаете ли Вы, что Лосский разошелся с Беляковой и женился на актрисе Большого театра, кажется, ее фамилия Штанге или что-то в этом роде? Я ее видела раз в “Любви к трем апельсинам”.

Я отвлеклась от Муз. студии, я о ней так мало пока знаю, а Вы, вероятно, знаете очень много.

2-го сентября у них были приемные испытания, записались человек 350, но, по отзыву Кемарской, не было решительно ничего интересного.

Милый Владимир Иванович, я хочу уж попрощаться с Вами, хочется снова продолжить “Цену жизни”, я боюсь, что Вам будет неприятна даже та маленькая задержка, которая происходит от необходимости переписать пьесу. Скажите, пожалуйста, Екатерине Николаевне, что я ее крепко целую и желаю много радостей. Сердечный привет Мише и Бертенсонам.

Милый Владимир Иванович, всего-всего хорошего. Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская

139.

Москва, 15 сентября 1927 г.

Письмо № 42

Милый Владимир Иванович! Я Вам писала в день нашего объединенного (высшего совета, дирекции и представителей реп.-худ. коллегии, месткома и постановочной части) заседания. Совершенно неожиданно для меня в этот день решилось все относительно будущего управления театром. Правда, К.С. почти сразу же сказал: не будем отвлекаться спорами по поводу докладов Ник. Вас. Егорова и Дм. Ив. Для ответов по их докладом я могу устроить еще целый ряд заседаний. Но сегодня нам надо встать из-за стола с готовым решением, с составленной схемой управления. Результатом заседания явились следующие перемены. Расформированы высший совет и реп.-худ. коллегия, которая еще в июне, в Ленинграде, заявляла о своем желании прекратить свою деятельность. Члены дирекции Ник. Вас. Егоров и Ник. Аф. остаются на своих местах: первый по заведыванию

финансово-хозяйственной частью, второй – по административной части и внешнему представительству. Третьим членом дирекции является Леонид Миронович, он же заместитель директора по художественной части. Однако он не заведует труппой (как прежде член дирекции по художественной части заведовал и труппой), это заведывание поручено Тарханову. Кроме того, сделано следующее распределение: режиссерским управлением и прессой заведует Сахновский, а литературной частью – Марков. По худ.-постановочной части заведующим остается Симов, его заместителем Гремиславский. Дм. Ив. остается заведующим финансово-счетного отдела. Об утверждении Леонидова уже послана бумага в Наркомпрос. Однако объявления по театру еще нет, хотя, конечно, все знают о новых назначениях. Почему это задерживается, я никак не могу понять. Знаю, что Леонидов собирал уже несколько раз совещания, вызывая Тарханова, Сахновского, Маркова и Судакова, и что он собирается ехать к К.С., который захворал, чтобы получить подпись на объявлении о переменах в управлении худож. частью. Думаю, что тут дело в том, что уже после совещания, о котором я Вам пишу, К.С. решил, что надо дать какую-то должность Судакову. Как будто идет речь о работе в качестве режиссера-администратора, наблюдающего за работами всех режиссеров, регулирующего, подгоняющего и следящего за тем, чтобы работа велась по намеченному главным режиссером плану. Собственно говоря, как раз эта работа на том заседании и поручалась Сахновскому, когда говорили о заведывании режиссерским управлением. Надо сказать, что после того заседания Судаков был чрезвычайно расстроен. Да и понятно. После заседания на следующий же день пошли среди труппы большие разговоры о переменах, и очень обиженной оказалась коллегия, хотя ее и расформировали по ее же желанию. Члены коллегии хотели обратиться к К.С. с различными пожеланиями, больше всего о вводе в художественную жизнь театра если не всех их, то хотя бы Судакова. (Все это передаю с чужих слов, сама ни с кем из них не разговаривала.) Пошло то, что у нас ужасно как принято называть “буза”, хотя, кажется, это слово определяет действия гораздо худшие, чем совещания частного характера, какие были сделаны членами коллегии. Слухи обо всех этих разговорах и волнениях дошли и до К.С. и, чтоб положить конец невыясненности, он назначил на понедельник 12-го сентября продолжение заседания при вызове тех же лиц. Но уже с вечера воскресенья почувствовал себя плохо, а в понедельник совсем слег. Температура с утра у него была 37,8, к вечеру 38,2, и доктор определил какие-то нелады в почках. Заседание было отменено. Или, может быть, я путаю: он слег в воскресенье. Словом, во вторник ему стало немного лучше, он уже вызвал к себе нескольких лиц по делам театра. Вчера у него было уж 37,2 и он много работал дома, принимая режиссеров “Сестер Жерар”. Однако он до сих пор в постели. Тем временем в театре, как я уже Вам написала, начались совещания Леонидова с Тархановым, Марковым, Сахновским и Судаковым. Вот тут, вероятно, и вырешили

вопрос о Судакове. Думаю, что на днях уж все выяснится. И объявят наконец по театру. Как будто хотят Судакова назвать режиссер-администратор. Сначала говорили об инспектировании текущих спектаклей, но Судаков от этого сам отказался, еще на объединенном заседании. Совсем не понимаю, когда Судаков будет справляться с этой административной работой, он так занят как режиссер, что из-за этого-то и вышло, что он никакой член дирекции и заведующий труппой. Ведь как режиссер он кажется К.С-чу интересным и с будущим. Его энергия сделала то, что во всех “пожарных” случаях обращаются к нему. Теперь у него две боевые постановки сезона: “Бронепоезд” и “Отелло”. И в будущем, особенно после неудачи Горчакова с “Сестрами Жерар”, малых надежд после “Фигаро”, сделанного, конечно, К.С-чем на Телешеву и Вершилова. Ведь ни о ком, кроме Судакова и Сахновского, нельзя у нас говорить как о режиссерах, работающих самостоятельно. Конечно, я не говорю здесь о стариках МХАТ, как Лужский, Москвин, Леонидов. Они отошли совсем от режиссуры. Вот еще Нина Николаевна, но она как-то сама не берет самостоятельной работы. Ей предложили возобновить с совсем новым составом “Хозяйку гостиницы”, она же с трудом согласилась взять на себя работу только по женским ролям. Сейчас она ежедневно и много работает над “Бронепоездом”. Судя по вызовам на репетиции, они с Судаковым поделили картины в этой пьесе и ведут работу параллельно.

Сегодня наконец явился автор “Бронепоезда”, который уезжал во Францию на лето. Ему посылали уж телеграммы, прося вернуться. Дело в том, что Репертком “Бронепоезд” сначала вовсе не принял. Потом выяснилось, что не приняты некоторые картины, но что нельзя допустить работы над пьесой, пока не будет представлен полный текст. Автора в Москве не было, работу же надо было начинать. После хлопот и заверений, что при переделке непринятых картин будут приняты во внимание все указания Реперткома, репетировать отдельные картины разрешили. Вот в каком виде мне рассказали дело с “Бронепоездом”. Из письма, которое сегодня К.С. через Ник. Аф. послал Анат. Вас. (К.С. хотел иметь с Анат. Вас. личное свидание, но по болезни пришлось от этого намерения отказаться), я знаю, что К.С. просит в сегодняшнем заседании в коллегии Наркомпроса о репертуаре театров похлопотать о том, чтоб скорей установили текст “Бронепоезда”, приняв некоторые прежде непринятые сцены. Письмо это, написанное К.С-чем, с приложением финансового доклада об убытках, которые должны произойти от снятия с репертуара “Турбиных”, главным образом и послано из-за “Турбиных”. По самому скромному подсчету запрещение “Турбиных” дает нам до 130 000 убытка в сезон. Сейчас у нас ужасно с деньгами. Сборы все время идут ниже двух тысяч на Большой сцене, около 500 руб. на Малой. А вчера, например, “Врата царства” дали 1 470 руб. на Большой сцене. В кассе денег совсем нет, вероятно, с выплатой жалованья за первую половину сентября произойдет большая заминка. Вместе

с тем ходят слухи, что на сегодняшнем заседании коллегии НКПроса на просьбу о “Турбинных” ответят отказом. Говорят, что, собственно, иначе и быть не может. Ведь в прошлом году пьесу в конце концов разрешил не Наркомпрос, а Политбюро, стало быть, и в этом году надо будет туда обратиться. Почему Вы запросили об этом телеграммой?¹

Простите меня, что я сама не догадалась телеграфировать Вам о высылке “Цены жизни”. Я думала об этом, когда еще переписывала пьесу, а потом запамятовала. Совсем против моей воли переписка все-таки задержалась, и я смогла Вам выслать пьесу только в субботу 10-го. Переписана она была еще днем в пятницу, но сторожа уж опоздали в Наркомпрос, где надо было получить разрешение на высылку. Это было сделано с субботы утра. Пьеса пошла к Вам в двух отдельных пакетах по экземпляру, на случай пропажи одного экземпляра. Надеюсь, что ко времени получения этого письма пьеса уже будет у Вас.

У нас снова выпущен репертуар, и все без “Турбинных”, конечно. Боюсь, что долго нам придется ждать другого репертуара. Если даже пьесу разрешат, то едва ли все это очень скоро сделается. Бедный Женья Клаужский приходит перед выпуском репертуара, спрашивает, нет ли надежд, а то уж очень трудно составлять. Вот что выпущено на следующую неделю:

сентября 22-го, четверг “Горячее сердце” “Продавцы славы”

23-го, пятн. 1 сп. 3 аб. “Фигаро”

24-го, субб. “На дне” “Елиз. Петровна”

25-го, воскр. утр. “Синяя птица” “Гор. сер.”

(в Экспериментальном)

веч. “У врат царства” “Битва жизни”

27-го, вторн. 1 сп. 4 аб. “Фигаро”

28-го, среда “Ц. Феодор” “Елиз. Петровна”.

Посмотрите, сколько спектаклей мы теряем на Малой сцене. Нечего ставить. Если б можно было выпустить “Сестер Жерар”, они могли бы идти параллельно с “Фигаро”. Но с “Сестрами” (“жирардовская мануфактура”, как говорит про пьесу Вас. Вас.) пока застой. Кажется, в субботу (или в пятницу?), словом, перед самой болезнью К.С. был устроен показ всей пьесы в гримах и костюмах почти всех исполнителей. Не хватало костюмов для нескольких человек из народной сцены. К.С. этим показом остался не очень доволен. Он нашел, что надо много поработать над первыми двумя картинами и вообще над первой частью пьесы. Принял он только последние три картины, которые, по его мнению, могут пойти так, как они шли на показе. Было предположено, что К.С. с начала следующей недели и займется выпуском этой постановки, но он заболел – и все снова остановилось, как останавливалось уже не раз. Режиссеры (в эту постановку еще вовлечена Е.С.Телешева) работают ежедневно, но самое нужное теперь там – это присутствие К.С.

Вместе с тем К.С. очень рассчитывал войти в работы и по “Бро-

непоезду”. С этой постановкой он боится поступить так, как было с “Растратчиками”. Тогда Судаков работал совершенно самостоятельно над пьесой и до репетиций, приближавшихся к генеральным, не хотел никого на просмотр работы приглашать. А когда пришел К.С., то он спектакля не принял. Стали перерабатывать, снова показали, опять К.С. не принял. Из-за всей этой истории многое смялось в ленинградской поездке, много денег было потрачено зря, не сдали последнего абонементного спектакля, а главное – совершенно измучились колоссальной работой и неизвестностью актеры. И сейчас есть еще отражение истории с “Растратчиками”. Как-то недавно рассказывала мне К.И.Котлубай, работающая с Вас. Вас. над “Дядюшкиным сном”, как трудно теперь, после “Растратчиков”, “Прометей”, “Сестер Жерар”, заниматься: у актеров нет веры в то, что молодой режиссер, разбирающийся пьесу, идет по верному пути. Все относится к работе так: вот сейчас делаем, как нам указывают, а потом придет К.С. и все изменит.

Так вот с “Бронепоездом” К.С. боится сделать такой опыт – снова дать режиссеру самостоятельно работать. Ведь срок для постановки так короток, что переделывать уж не будет времени. Поэтому он хотел сам следить очень внимательно за работами и часто бывать на репетициях.

Вы знаете, что разрешен “Вишневым сад”. Для кассы это, конечно, страшно приятно. Но опять-таки – когда это будет! Ведь надо вводить Аню, Варю, Дуняшу, Яшу, Шарлотту... К.С. не выпустит возобновления кое-как. Вместе с тем на возобновление нельзя тратить много времени, ведь новых постановок столько на этот сезон. Совсем темны дела с “Унтиловском”, который пока не репетируется. Он должен пойти в первой половине сезона. К.С. этой работы еще не смотрел.

К.С. очень настаивает на возобновлении “Хозяйки” с Еланской. Актрис играют Андровская и Степанова, Кавалер – Топорков, граф – Вербицкий, маркиз – Яншин, Фабрицио – Ливанов. Вместе с тем, кажется, в театре нет человека, который не говорил бы недоуменно об этом возобновлении. В смысле интереса спектакля в нашей современности – полное отрицание. В смысле массового успеха – тоже. К.С. хочет возобновить для Еланской, Нина Ник., которая занимается с Еланской, считает, что это ни к чему, что есть более интересные и выигрышные роли для нее. Да, один человек еще хочет этой постановки, это Судаков, который, помнится, упорно спорил еще весной с Ниной Николаевной об этом деле.

Третьего дня состоялась генеральная “Смерти Иоанна Грозного” во 2-м МХАТе. Единственная открытая генеральная, так как предположенную для папы-мамы репетицию Репертком забрал только для себя и запретил пригласить кого бы то ни было. Из-за этого билеты были присланы только дирекции, старикам и некоторым видным актерам труппы. А я, конечно, билета не получила. Могла бы, пожалуй, лично попросить, да не хотела. Посмотрю на каком-либо спектакле, говорят, они на полные сборы все равно не рассчитывают. Сегодня там премьера.

В театре у нас после генеральной разговоров об “Иоанне” больших не было, спектакль определили на четыре с минусом, без провала, но и без большой радости. Внешний успех на репетиции, как всегда во МХАТ 2-м, был, конечно, грандиозный. Некоторые отмечают очень Берсенев – Годунова, другие считают на первом месте Чебана – Иоанна. А впрочем, говорят об очень внешней игре у обоих.

Прилагаю вырезку из вчерашнего номера “Вечерней Москвы”². Судите сами, сколько в ней правды, а сколько выдумки. Дмитрий Иванович говорит, что он веселился, когда ее читал. В сообщении о приезде Монахова есть доля правды: Монахов обещал подумать о приезде и, кажется, даст ответ в октябре.

Недавно послала Вам под бандеролью книгу “Пути развития театра”, которой теперь зачитываются все руководители и активные деятели театра. Думаю, что она Вам будет интересна³.

Если б Вы только знали, сколько интереса вокруг разговора о Вашем приезде. Все мы, получающие от Вас вести, постоянно ловим друг друга и спрашиваем: нет ли новостей. Сегодня снова в подтверждение слухов о Вашем приезде мне сказали, что Сергей Львович писал Ольге Леон. о комнате. Я об этом знала раньше и писала уж Вам в прошедшем письме. Когда же Вы нам скажете, что Вы решили, когда? Нельзя же держать нас в таком напряженном ожидании столько времени. Милый Владимир Иванович, неужели после всех надежд на Ваш приезд Вы сообщите: остаюсь еще на год?!

Писала ли я Вам, что тот жилищный кооператив, который организовывал Ник. Аф. и в который Вы входили, получил банковскую ссуду и теперь строится в Брюсовском переулке? Будут работать всю зиму, будущее лето и рассчитывают к будущей осени стройку закончить и впустить уже жильцов.

Значит, до свиданья, Владимир Иванович? До скорого свиданья? Не знаю, как и спрашивать Вас об этом, чтоб Вы непременно ответили, что Вы решили.

Пожалуйста, передайте мой привет и поцелуй дорогой Екатерине Николаевне и приветы Мише и Бертенсонам. Всем вам – и Вам, Вам, Вам, Владимир Иванович, желаю радости и счастья.

Ваша Ольга Бокшанская

Москва, 20 сентября 1927 г.

Письмо № 43

Милый Владимир Иванович! Все эти дни я неотвязно думаю о Вас, о том, как ужасно должна была Вас поразить смерть Александра Ивановича. Вероятно, и Вы получали в последнее время сведения об улучшении его здоровья, такие письма приходили все время в Москву. И у всех была крепкая надежда, что Александр Иванович снова справится с болезнью. Я вспоминаю Ваше отношение к нему, все Ваши слова о нем, которые я слышала от Вас, и мне больно думать, что Вы теперь с ним должны расстаться. Бедная Мария Николаевна, как ужасно было ей остаться одной. Я не умею говорить о соболезновании, о сочувствии, да и не поможешь словами. Но я хочу, чтобы Вы знали, что и я, и все мы всей душой взволнованы Вашим горем, горем дорогой Екатерины Николаевны.

Невозможно спокойно думать, что Александра Ивановича больше нет. И то, чем была для Вас его кончина, его уход, я еще сильнее чувствую от Вашей последней телеграммы, которую Вы написали К.С.¹. Я не знаю точно ее текста, знаю о ней по секрету от страшно взволнованного Ник. Аф. Только что позвонил сюда по телефону К.С., вызвал Ник. Аф. к телефону и сказал ему о телеграмме. По взволнованным ответам Ник. Аф-ча, по тому, что вдруг увидела на его глазах слезы, я сразу поняла, что что-то случилось. Насколько я могла понять, и К.С. ужасно взволнован и хочет сам Вам ответить, а потом сказать в театре – не знаю, только старикам, или всем. Я не знаю тех слов, которые Вы только что, совсем недавно, сказали по телеграфу К.С-чу, но знаю, что это смерть Александра Ивановича заставила Вас произнести эти слова, приближающие Вас к К.С., ко всем нам, Вас – отталкивавшегося от нас (так нам казалось все это время), внушавшего себе, что МХАТ без Вас может обойтись и даже, быть может, чувствует себя лучше без Вас. Мое письмо, мои чувства – это лирика, я это знаю, но ведь в этой лирике все сердце, вся душа. И Вы ведь можете поддаться лирике, правда?

Мне трудно сейчас писать, я стучу на машинке, а у меня слезы каплют на клавиши и все туманится перед глазами. Это от ужасно взволнованной души.

И Ваше последнее письмо, от 24 августа, про которое Вы думали, что оно придет числа 12 сентября, а пришло оно 19-го, в один день с письмом от Сергея Львовича от 3 сентября, меня заволновало и чем-то обрадовало. Ужасно долго не было от Вас писем. Я Вам писала, что никто мне не верит, что я ничего не знаю о Вашем решении, о Вашем

приезде. А у меня даже писем от Вас не было, только и жила слухами о Ваших письмах в Муз. студию, в Наркомпрос, о письмах Екатерины Николаевны друзьям. И хотя Вы пишете, что Ваше письмо меня удовлетворить не может, все-таки есть в нем что-то страшно дорогое и радостное. Владимир Иванович, я думаю, что я получила все Ваши письма, но вместе с тем я не получала письма, в которое было вложено письмо Вашего брата. О том, что приходят дни, когда надо Вам вынести решение о своем будущем, я письмо получила. Но там не было никакого вложения. Может быть, было еще одно письмо?

Посылаю Вам то, что появилось в газетах об Александре Ивановиче. И из “Известий” тоже, потому что не знаю, аккуратно ли приходит к Вам газета.

Сегодня не могу ничего писать Вам о наших обыденных делах. В мыслях только Вы, Ваше горе, Ваше волнение.

Вам и Екатерине Николаевне желаю здоровья, сил и спокойствия, которое, я надеюсь, даст Вам время.

Ваша *Ольга Бокшанская*

141.

Москва, 22 сентября 1927 г.

Письмо № 44

Милый Владимир Иванович!

Вчера я Вам не написала подробнее о том, как помянули здесь Александра Ивановича, не написала из-за охватившего меня волнения. Сегодня я спокойнее и могу Вам все рассказать. Известие о смерти пришло к нам поздно вечером в субботу 17-го. Вас. Вас. Федоров позвонил Федичке по телефону. У нас шла “Женитьба Фигаро”. Федичка пришел в мужское фойе и сказал всем. Это печальное известие всех поразило и особенно тех, кто знает о Вашей исключительной дружбе с Александром Ивановичем. Конечно, тотчас же об этом повесили объявление над диванчиком.

На следующий день, в воскресенье, так поздно сообщили нам, что в 5 час. дня на квартире Александра Ивановича будет отслужена панихида, что не удалось никому об этом сообщить, и поехали туда от нашего театра только Ник. Аф. и Рипси, которым К.С. по телефону (он не выходил из дому по болезни до вчерашнего дня) поручил спросить родных Александра Ивановича, не нуждаются ли они в какой-либо помощи – материальной или в смысле хлопот, – ибо во всех этих отношениях и сам К.С., и весь театр придут к ним тотчас же на помощь. На панихиде было очень мало народу, видимо, мало кто знал о ней. В воскресенье же нам сообщили, что в понедельник, в 12 час. дня, в церкви в Георгиев-

ском пер., у Б.Дмитровки, будет отслужена панихида. Там были почти все из Малого театра, во всяком случае, все старики и средняки, и от нашего театра все старики (кроме больных К.С. и Качалова, который заболел – что-то желудочное – настолько серьезно, что во вторник у нас была перемена, вместо “Декабристов” – “На дне”), дирекция, некоторые из молодых. Были общественные деятели, критики, друзья.

В тот же вечер в Малом театре была гражданская панихида, но, насколько я знаю, совсем интимного характера.

К.С. на следующий же день после смерти послал Марии Николаевне телеграмму, в которой высказал все свое волнение и горе¹. И Ник. Аф. от имени театра послал Марии Николаевне телеграмму, прося ее помнить, что МХАТ – близкий и верный ее друг. За последние два дня, Владимир Иванович, по театру распространились слухи о Вашем письме к Анат. Вас. Не знаю, насколько правдоподобно передают его содержание, но вывод из него делают определенный: Владимир Иванович возвращается. Об этом целый ряд лиц приходит говорить со мной, спросить, не знаю ли я из Ваших писем ко мне чего-нибудь более определенного. И это меня ужасно волнует, ужасно. Ведь я уже знаю о телеграмме, о которой не могу и намекнуть, и волнуясь, что Вам написал К.С. и что Вы ему еще скажете, протелеграфируете, напишете. Вы только подумайте, что для всех нас это значит, какие дни сейчас могут прийти! Мне почему-то кажется, что вот теперь, в эти дни, многое решится. И это многое будет счастьем для нас, потому что это будет – Ваш приезд. Милый, милый Владимир Иванович, в эти горькие для Вас дни потери Вашего друга может родиться радость для нас, так Вас любящих и так Вас ждущих. Сегодня К.С. был у Анат. Вас., который хотел этого свиданья. Не так давно К.С., болезнью прикованный к дому, послал Анат. Вас-чу письмо с просьбой похлопотать о разрешении “Турбиных”, без которых мы совершенно погибаем, и о пересмотре решения о “Бронепоезде”, в котором Репертком не принял некоторых сцен. А работать над пьесой, в которой не установлен текст, так трудно. Письмо это К.С. написал потому, что как раз в коллегии должен был рассматриваться вопрос о нашем репертуаре. До сих пор мы не получили выписки постановления коллегии, но по справкам телефонным знаем, что “Турбины” нам не разрешены. После этого заседания коллегии Анат. Вас. запросил, когда он может повидать К.С-ча, и назначил ему свидание сегодня днем. Результатов этого свиданья я еще, конечно, не знаю.

23 сентября

Вчера уж больше не успела Вам написать. А сегодня узнала, что известие о Вашей телеграмме к К.С. распространилось по театру – не знаю, в какой форме, но во всяком случае, в том смысле, что Вы приезжаете. Только что поднималась по лестнице с Еланской, она, захлебываясь, мне говорит: “Вы только подумайте, что с нами стало, когда Судачков вчера пришел на спектакль (“Гор. сердце”) и сказал, что от Вл. Ив.

получена телеграмма такая, что он непременно вернется! Мы завертели, завизжали с Шевченко, запрыгали. Я-то еще могу так кружиться, а уж Шевченко-то, да в своих необъятных юбках, как завертится – ужас что было. Едва собрались на выход – так взволновались. Ну и игралось же нам на радостях!” И верно, спектакль вчера шел замечательно. А в день получения Вашей телеграммы у К.С. была вечерняя репетиция “Сестер Жерар”, первая после болезни, первый выход из дому. И К.С., говорят, занимался так, как давно уже не занимался. С таким подъемом, с таким увлечением, словно в нем кипела внутренняя радость. Тогда ведь бывшие на этой репетиции ничего не знали о Вашей телеграмме и рассказывали мне с восторгом об этой изумительной репетиции, вовсе не зная, что действительно у К.С. была в душе такая большая радость.

Если б Вы только видели, в каких условиях приходится нам работать с сегодняшнего дня. Дело в том, что при весеннем осмотре здания было установлено, что по всему фасаду, примерно по линии верхнего фойе, которое теперь даже закрыто для публики, идет трещина, вызывающая оседание здания. Сейчас надо подвести подпорки в фундамент (или что-то в этом роде, я никак не могу вспомнить, как это выразить технически), словом, приподнять осевшее здание. Ремонт этот начали, и вскоре обнаружилось, что в помещении бухгалтерии работать нельзя, служащие оказались почти на улице, все попростужались. И вот теперь бухгалтерия (человек 7–8) переехала в нашу комнату, не во всю комнату правления, какой она была прежде, а в ту ее половину, которая осталась после установки перегородки на том месте, где сначала была занавеска. При этом самое страшное то, что к нам переехала расчетная касса, так что все время в комнате нескончаемое паломничество театральных и нетеатральных лиц за получением денег. Шум стоит невероятный. И к этому прибавляются три пишущие машинки: моя, делопроизводительницы нашей и зав. личным столом, тех двух барышень, что когда-то определил к нам Порфирий Артемьевич. Уже достаточно было того, что к нам в комнату все время ходил народ за всякими удостоверениями из личного стола. Можно было это терпеть в надежде, что скоро личный стол уйдет сверху тоже в помещение бухгалтерии. А вот теперь все они здесь, наверху. Не удивляйтесь поэтому, милый Владимир Иванович, если мои письма станут еще ужаснее в смысле стиля, чем были до сих пор.

Я начала Вам рассказывать о наших бедах с “Турбинами”. В начале сезона я уж писала Вам, что сборы наши ужасно слабы. В том письме я нечаянно ошиблась в сообщениях о среднем сборе Малой сцены. Он ужасен. А я просто увидела несколько случайных листков, притом за субботу, воскресенье. Малая сцена идет на круг 200–300 рублей, а если принять во внимание то, что теперь на неделе там пропадает два спектакля параллельных с “Фигаро”, то и того ниже. Будь у нас на Большой сцене “Турбины” в репертуаре, на Малую тотчас же ушли б “Врата царства” и “На дне”. И “Фигаро” не шло бы так часто. При таком ужасном

среднем сборе на Малой сцене на Большой мы не берем и двух тысяч, все время колеблемся между 1 800–1 900. А недавно, когда была переименована с “Декабристов” на “На дне”, сбор был 950 руб. Очень много было возвращенных билетов и совсем никакой вечеровой продажи, а по смете наш средний сбор исчислен, если не ошибаюсь, в 2 800 руб. За прошлый год мы сильно избаловались сборами выше сметы, а тут даже сметного сбора не берем. Вместе с тем трудно рассчитывать, что дело с “Турбинами” разрешится в ближайшем будущем. И вот еженедельно выпускается грустнейший репертуар, и все мы живем надеждой, что на будущей неделе уж пойдут “Турбины”, надеждой неосновательной и тщетной, которую может лелеять только вконец огорченный Женя Калужский.

Вот наш следующий репертуар, который ничем не отличается от предыдущего или весьма малым отличается: вводом “Мудреца”.

Сентября 29-го, четверг “Фигаро”

30-го, пятница “Декабристы” “Елиз. Петровна”

октября 1-го, суббота “Горячее сердце” “Продавцы славы”

2-го, воскр. утр. “Синяя птица” “Битва жизни”

(Эксп. театр)

веч. “Мудрец” “Дама-невидимка”

4-го, вторник “Фигаро”

5-го, среда “На дне” “Елиз. Петровна”.

Спектакли, которые идут утренниками в Экспериментальном, не являются “халтурой”, заработком артистов, а входят в наш план. Театр заключил договор с Большим театром, филиалом которого является Экспериментальный, на все утренники воскресенья. Сначала все эти утренники хотело откупить у нас Пролетарское студенчество. Но так как эти утренники главным образом театр хотел устроить для обслуживания рабочих, взамен трудных для нас районных спектаклей, то порешили так: Пролетарское студенчество получает у нас большое количество билетов, преимущественно дешевых, а остальные билеты идут организациям и в продажу. Цены местам льготные, так что весь сбор с громадного Экспериментального театра дает нам что-то от 2 200 до 2 500 рублей. За театр мы платим 700 руб. от спектакля. Примерно за вычетом всех расходов от спектакля может остаться в кассе 1 000 рублей. Эти спектакли будут помогать нам приближаться к смете. (Простите помарки, Владимир Иванович, обстановка для писания письма ужасна.)

Весной было у нас еще предложение от Клуба имени Кухмистерова, имеющего прекрасный театр в очень отдаленном районе. Но с ними в конце концов театр не сговорился, так как они хотели, чтоб было несколько спектаклей в неделю, а дирекция предполагала занять в кухмистеровском театре один день в неделю. Конечно, актерам будет довольно трудно. По воскресеньям многие будут заняты в двух спектаклях.

Или оркестр, например, который после “Синей птицы” отправляется прямо в Экспериментальный на третий акт “Горячего сердца”.

Милый Владимир Иванович, совершенно нет никакой возможности писать. Может быть, потом, когда все утрамбуется, станет здесь спокойнее, но сегодня – обстановка неопишущая. Столько криков, ахов и охов со стороны всех проходящих, столько поздравлений с новосельем, пирожные по случаю переезда, смех и шутки.

А я хотела бы Вам столько написать о той радости, которая катится по всему театру от известия о Вашем возврате к МХАТ. Как я Вам уже писала, сначала К.С. не хотел говорить всем, сразу не хотел сказать, пока сам Вам не ответит, теперь же, вероятно, решил поделиться со всеми своей радостью. Вы не можете не почувствовать – даже на расстоянии этих тысяч миль – всего нашего счастья. Какая громадная, какая прекрасная любовь, сотни разных “любовей”, сотни тончайших душевных ниточек тянутся, уже протянулись к Вам.

Ваша *О.Бокшанская*

142.

Москва, 29 сентября 1927 года

Письмо № 45

Милый Владимир Иванович!

Вчера Трушников какими-то неясными намеками дал мне понять, что Вас можно ждать месяца через два. Вы знаете Сергея Алекс., он всегда говорит какими-то аллегориями. Но так как при этом он сделал строгое лицо и сказал, что только мне об этом говорит, я молчу об этом сроке, пока Вы сами сюда не напишете окончательно. А здесь о Вашем приезде ходят самые невероятные сведения. На днях уверяли, что Вы уже в Париже, третьего дня в Муз. студии кто-то распространил слух, что Вы как раз садитесь на пароход. А у нас в этот день как раз была получена телеграмма из Холливуда. К.С., судя по его словам, ждет Вас через месяц. Вероятно, он думает, что Вы можете приехать к 10-летию, которое будет отпраздновано с большой торжественностью¹.

Милый Владимир Иванович, я сама решила дать Вам телеграмму о прибытии тела Александра Ивановича и о похоронах. Но если я этого не делаю до сих пор, то только потому, что здесь об этом все еще ничего не известно. Вчера я слышала, что будто 30-го сентября из Марселя отплывает пароход с телом Александра Ивановича. Я все утро пытаюсь поговорить по телефону с Вас. Вас. Федоровым, но он неуловим. Какой-то сотрудник Малого театра сказал мне, что, кажется, Вас. Вас. завтра выезжает навстречу телу Ал. Ив.

Только что говорила с самим Вас. Вас. Он мне сказал следующее:

он выезжает из Москвы не завтра, а послезавтра, 1 октября. Пароход из Марсея на Батум выходит 30 сентября и будет в пути примерно дней восемь. Вас. Вас. предполагает, что при следовании тела из Батума на Москву будет сделана остановка в Тифлисе, т.к. грузинское правительство очень близко к сердцу приняло кончину А.И. и хотело бы почтить его память как можно торжественнее. Вас. Вас. при поездке в Батум остановится в Тифлисе, чтоб окончательно обо всем договориться. Вас. Вас. обещал телеграфировать в наш театр из Батума о прибытии тела А.И. и о следовании траурного поезда. Конечно, милый Владимир Иванович, Ваше пожелание о возложении от Вас венка будет исполнено.

У нас опять большой перебой в работе. Снова заболел К.С., это, вероятно, приступы малярии. Температура у него невысока, 37 с несколькими десятками – двумя-тремя, – но самочувствие его неважное, и он не встает. Он много принимает по делам театра у себя на дому, по несколько раз в день ведет беседы (длительные) по телефону. Но на работе, на выпуске пьес такое его участие в жизни театра, конечно, не отражается. Из-за его болезни, собственнo говоря, стоят “Сестры Жерар”, потому что хотя их и репетируют ежедневно, но ведь для пьесы главное, чтоб пришел К.С. и выпустил ее. Он начал заниматься по ней, но там еще работы достаточно. Выпуск пьесы еще задерживается и тем, что исполнитель роли Пьера (благородного героя) Раевский внезапно был от роли отставлен (он не удовлетворил К.С.), и роль недавно передали Сеницыну. По копиям моих летних писем не могу уловить, писала ли я Вам о том, что в Ленинграде Сеницын как-то опоздал на спектакль так (на “Врата царства”, где он начинает роль Иервена во втором акте), что чуть не сорвал спектакль. Первый акт уже сыграли, надо начинать второй, – его нет. Послали уж в Драматический театр за Судаковым, когда обнаружилось, что он дома, в “Европейской”, проспал. Антракт был затянут что-то на три четверти часа. Так как с Сеницыным это уж не первый случай нарушения дисциплины, причем за предыдущее нарушение ему было сделано предупреждение о предстоящем, при повторении, увольнении – Сеницын постановлением реп.-худ. коллегии был уволен. Но осенью он снова подал прошение и путем ходатайства стариков, главным образом Качалова, принят обратно в труппу. Вчера был назначен показ четырех картин “Бронепоезда” К-ну С-чу, но он не смог, конечно, быть. Он попросил, чтоб показ просмотрели старики: Леонидов, Лужский... Москвин не мог прийти, Вас. Ив. сам в пьесе. Из стариков в показывавшихся картинах заняты еще Книппер, Вишневский, Раевская (в малюсенькой роли дамы-беженки на станции). После показа к нам наверх пришел Вас. Вас. и с большим восторгом говорил и о самой пьесе, и о той работе, какую проделали Судаков и Литовцева над актерами, говорил захлебываясь, с настоящим увлечением. И прочил большой успех, “покупает” сто представлений. Я слышала, что и Леон. Мир. с большой похвалой говорил о показе Егорову. Теперь дальнейший показ – К.С-у – намечен на 4 октября, когда хотят сыграть

уже не 4, а 7 картин. Всего у автора в пьесе 9 картин. Но две из них вовсе не репетируются, т.к. только завтра текст их будет представлен в Репертком на утверждение. Так как Репертком нас (как и все театры) торопит с показом работ по Октябрьской пьесе, то, возможно, что ему будет показана очень черновая репетиция работающих семи картин вскоре после показа их К.С-чу, может быть, на следующий день. Но это все пока предположения.

По остальным пьесам репетиции идут, но, конечно, все внимание отдано “Бронепоезду”. Следующей пьесой после “Бронепоезда” выпускается “Унтиловск”. Срок ему поставлен быть выпущенным не позднее 23 декабря, после “Унтиловска”, не назначая срока, – “Вишневы сад” и весной (апрель – май) – “Растратчики” и “Отелло”. Вы видите, что о репертуаре после Нового года как-то определенно, делово не думают. Во всяком случае, таково мое впечатление. “Отелло” лично мне внушает большие опасения. Правда, тут надежда на Судакова, который, выпустив “Бронепоезд”, сможет войти со всей присущей ему энергией в “Отелло”. Но вот какое осложнение грозит: А.Я.Головин представил эскизы, которые не вполне удовлетворили К.С-ча. Ему об этом послано письмо с просьбой переработать. Но сейчас он заболел, и кто знает, когда сможет приступить к работе. Слухи из Ленинграда идут, что он уж около месяца на камфаре². В последнем номере “Жизни искусства” есть даже сообщение, что Александринский театр передал постановку “Горя от ума”, порученную Головину, И.М.Рабиновичу.

С “Растратчиками” тоже пока неясно. Автор хотел было вовсе взять пьесу из театра, написал в театр письмо, показывающее его большое волнение. Об неудовольствии и волнении автора говорил даже Анат. Вас. с К.С. Было впечатление не то чтобы скандала, но какой-то большой неприятности. Однако на приеме у К.С. (были автор и Марков) как-то договорились снова сделать переделку пьесы и тогда, по просмотру нового варианта, решить вопрос. По журналам Вы видите, что нет, а о Катаеве и “Растратчиках” промелькнет заметка.

Обратили ли Вы внимание (конечно, заметили) на заметки в “Известиях” и в театральных журналах об участии артистов МХАТ 2-го в “Мюзик-холле”? К.С. по этому поводу беседовал с Чеховым и, кажется, удовлетворился его объяснениями. Как я слышала, дело было так: труппа артистов вела переговоры с Управлением госцирков и, соблазненная, во-первых, заработком, а во-вторых, считая, что такие выступления как бы заменят работу на клубных сценах, согласились на предложение. Теперь же они находят, что не так поняли свои обязанности, и готовы порвать контракт. Во всяком случае, как заявляет МХАТ 2, он не позволит себе выступать в обстановке, не подобающей марке театра.

Вот следующий репертуар:

октября 6-го, четв. “Фигаро”

7-го, пятн. “Гор. сердце” “Прод. славы”

8-го, субб. “Ц.Феодор” “Елиз. Петр.”

9-го, воскр. дн. “Синяя птица” “Прод. славы”

(Экспер.)

веч. “Декабристы” “Елиз. Петр.”

11-го, вторн. “Гор. сердце” “У врат царства”

12-го, среда “Фигаро”.

Из-за этого репертуара уже идет разговор, – вернее, из-за “Продавцов” в Экспериментальном театре. Центр. театр. касса, через которую распределяются билеты, указывает, что утренник в Экспериментальном не может иметь успеха: пьеса не в спросе. Вообще, конечно, интересны спектакли Большой сцены, на которые трудно получить дешевые места. А на Малую сцену и в обычный спектакль легко попасть на дешевое место, чем же так выделяется в таком случае утренник в Экспериментальном! Тут касса, конечно, права. Но вместе с тем нет никакой возможности удовлетворить пожелания кассы и того зрителя, который идет на утренники в Экспериментальном: они хотя бы спектаклей со стариками, предлагают вообще играть только “Федора”, “Горячее сердце” и “Декабристов” – больше ничего им не нужно. У нас же расчет по включению в репертуар “Сестер Жерар” по воскресеньям играть эту пьесу в Экспериментальном. Но до выпуска “Жераров” нельзя же заставлять стариков не только нести репертуар Большой сцены, но играть еще и утренники в Экспериментальном.

Только что узнала, что К.С. сам хочет послать Вам телеграмму о прибытии тела Александра Ивановича. Я передала все, что узнала у Вас. Вас. Федорова, Рипси и Ник. Аф., они передадут К.С-чу, и телеграмма сегодня будет Вам отправлена. Я обещаю Вам, Владимир Иванович, что буду следить, чтобы все, что будет касаться похорон Ал. Ив., сообщалось Вам тотчас же, как только станет известно у нас в театре.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович, и крепко жму Вашу руку. Екатерине Николаевне, Мише и Бертенсонам сердечнейший привет.

Ваша Ольга Бокшанская

143.

Москва, 7-го октября 1927 года

Письмо № 46

Милый Владимир Иванович!

Как-то так быстро прошла эта неделя, что я не поверила своим глазам, когда увидела, что последнее мое письмо к Вам датировано 29-м сентября. Еще и еще раз просмотрела папку, не забыла ли я положить по порядку копию следующего за № 45-м письма.

Третьего дня Трушников дал мне в переписку для Вас списки раз-

решенных к ввозу вещей. Если б Вы знали, с какой радостью я пишу те вещи, которые, как мне кажется, как-то приближают день Вашего приезда, не приближают – я неверно сказала, – а снова и снова говорят о близком Вашем приезде. Серг. Ал. сам Вам пишет письмо в ответ на Ваше, но просил, чтоб я Вам тоже написала следующее: когда Вы приедете на границу, то заявите о желании Вашем сделать досмотр тяжелого багажа в московской таможне. Это Ваше право. Ручной же багаж обязательно будут досматривать на границе – все то, что с Вами в вагоне. Или Вы можете до границы взять какой-то чемодан в своем купе, а на границе, не досматривая его, сдать под печати в багаж до Москвы. Только это, конечно, не имеет никакого смысла – везти с собой в вагоне чемодан, который потом сдать в багаж. Только имейте в виду, что вещи на московской таможне сразу Вы не сможете получить, поэтому лучше так рассчитайте Ваш ручной багаж, чтоб Вы без всяких для себя неудобств могли прожить без Вашего тяжелого багажа несколько дней. Проходит день, пока багаж Ваш не попадет со станции в таможню, потом таможня посылает Вам извещение, проходит затем несколько дней, пока произведен будет досмотр и вынесено решение по делу. Словом, я на Вашем месте считала бы, что Вы без багажа будете дней 5–7. Я уж умудрена опытом двух последних своих поездок, когда приходилось ждать не меньше недели. Когда у Вас будут смотреть ручной багаж, то сделают отметку о том, сколько вещей Ваших из ручных чемоданов уже вошли в дозволенную Вам норму. Это такой порядок. Такая отметка о провезенных Вами в ручном багаже вещах придет в таможню в Москву. По поводу Вашего приезда Серг. Ал. уже был во всех инстанциях, все обговорил. По его просьбе напоминаю Вам, что абсолютно запрещены к ввозу отрезки материи. Вещи могут быть привезены только в сшитом виде, даже не в наскоро сметанном. Отрезки же материй не пропускаются безусловно. В отношении же квартиры Серг. Ал. просит Вам сказать, что Вы не должны никак беспокоиться. Все там налажено и ждет Вас, и никаких осложнений у Вас не будет. Вы видите, милый Владимир Иванович, все, все здесь налаживается для Вас и ждет Вас.

Вчера К.С., от кого-то узнавший, что я получила от Вас письмо (от 11 сентября – где Вы пишете о непременно своем приезде этой зимой, о том, что бывают дни, когда Вас тянет неудержимо в МХАТ, а бывают дни, когда Вы злитесь, вспоминаете и злитесь, о том, что не письма из театра, а *Ваша* тоска по театру гонит Вас в Москву), – позвонил мне утром по телефону и попросил, чтоб я прочла ему письмо. Я предложила, что пошлю ему письмо на дом (он не собирался днем быть в театре, репетиция у него назначена была только вечером на Малой сцене), но он меня все же попросил прочесть тотчас же. Когда я кончила читать, он спрашивает: “Значит, Вы еще пишете Вл. Ив-чу в Америку? А я думал, что его надо ждать вот-вот сюда, и уж во всяком случае, к началу ноября. Я думал ему написать письмо, но считал, что оно уже не дойдет”. Я сказала К.С-чу: “По-моему, если хотите написать, то и напишите, хоть

несколько строк, какие сейчас вот хочется сказать. И я уверена, что Владимир Иванович будет очень рад получить от Вас письмо”. Теперь не знаю, напишет он или отложит. Часа в три К.С. пришел в театр и через Рипси просил меня или снова прочесть ему Ваше письмо, или, если нет секретов, то дать ему его прочесть самому. Я послала ему Ваше письмо и, так как вечером ушла на спектакль “Барсуки” в Театр Вахтангова, ничего больше не знаю. Спектакль вахтанговцев мне понравился. Инсценировка Леонова смотрится с напряженным интересом все время, язык в пьесе очень хорош. И много есть хорошего в исполнении. Хорошо играет Володя Москвин, в драматической своей сцене дает такой испуганный темперамент, что у нас, пожалуй, так мог бы только Прудкин сыграть. Я так отмечаю Москвина именно потому, что это сын Ивана Мих. Но вообще там многие очень хорошо играют, и если Вы пойдете смотреть по приезду этот спектакль, Вам, вероятно, будет приятно увидеть, как актерски выросла вся эта Вам знакомая молодежь.

То же, конечно, у Вас будет и по отношению к нашей молодежи, которую даже К.С., живущий с ней бок о бок, не узнал на последнем показе “Бронепоезда”. К.С. 5-го смотрел в зале К.О. шесть картин юбилейной пьесы и несказанно был доволен показом. Плакал он настоящими слезами, так слезы и текли по лицу. Действительно, есть исключительные по силе и трогательности сцены и играют в них замечательно хорошо. Теперь К.С. счастлив, потому что уверился – пьеса 7 ноября пойдет. Ведь этот спектакль особенно ответствен, и то, что К.С. никак не мог из-за болезни в него войти, заставляло его беспокоиться ужасно, а тут еще пришла бумага из УГАТ, что ответственность за постановку в определенный срок возлагается Анат. Вас-чем персонально на К.С. Теперь К.С. спокоен: спектакль будет дан. Он очень хвалил режиссеров и актеров, сказал, что ему так понравилась вся работа, что даже не хочется делать замечаний по каким-то отдельным мелочам. К.С. думает, что ему в этой постановке и делать нечего будет, так все хорошо начато и проведено Ниной Ник. и Судаковым. Все на верном пути, все взято верно.

Такой удачный показ всех окрылил, сразу у всех прибавилось любви к работе. Уже начинаются монтировочные работы на сцене. Я видела один только макет – первой картины, у моря. Мне он очень понравился. Слышала большие похвалы и остальным макетам. К сожалению, я была на показе только трех последних картин. Я постеснялась пойти на показ, боялась, что мне скажут, что репетиция только для “посвященных”. А оказалось, что там собралась и вся свободная труппа, и Федичка, и Нина Серг. из репертуарной конторы. Когда мне в перерыв это сказали, я решила пойти на конец репетиции. Теперь простить себе не могу этой робости, из-за нее я не видела ни Книппер, ни Вишневого, ни Прудкина, ни Станицына, ни Андровской... Многих не видела. Очень-очень их всех хвалили, и особенно Вишневого.

А сейчас сидела я в буфете с Хмелевым и Яншиным, и мы гадали,

что Вы будете ставить, когда приедете. Если б Вы только знали, как Вас ждут. А почему Вы не ответили на телеграмму молодежи? Они ждали от Вас ответа. Мне сегодня с волнением говорит Марков: “Не знаете, что это может значить, что В.И. никак не ответил на телеграмму молодой группы? Или, может быть, он считал, что на эту телеграмму надо ответить: выезжаю тогда-то, а он этого сказать не может?” Я, конечно, никак не могла разрешить марковского недоумения.

Так как я часто передаю Вам все приветы, которые меня просят Вам послать, то и пишу Вам: сегодня днем приходил ко мне Хмелев, видит, что я пишу Вам, и говорит: пожалуйста, напишите от меня Владимиру Ивановичу привет, но только хороший. А на днях Тарасова спрашивала меня о Вас и тоже взяла с меня обещание, что я передам Вам ее поклон.

Все говорят и говорят у нас о “Турбиных” – то ли, что разрешили, то ли, что разрешат. Но, конечно, пока не будет у нас официального сообщения, мы ничему не верим. А нужны нам “Турбины” до разреза, пропадаем мы без денег. Анат. Вас. сегодня телефонировал К.С-чу и сообщил обнадеживающие вещи. Вот посмотрите, какой опять репертуар у нас выпущен:

октября 13-го, четв. “Царь Феодор” “Елиз. Петр.”

14-го, пятн. 1 сп, 9 аб. “Женитьба Фигаро”

15-го, субб. “На дне” “Битва жизни”

16-го, воск. утр. “Синяя птица” “Декабристы”

(Эксп.)

веч. “Гор. сердце” “Прод. славы”

18-го, вторн. 1 сп. 10 аб. “Женитьба Фигаро”

19-го, среда “Мудрец” “Елиз. Петр.”.

Для нас просто разрез, для сметы, что столько спектаклей на Малой сцене у нас летит. Правда, эти вечера занимаются репетициями “Сестер Жерар”, но денег это соображение в кассу не дает. Параллельно с “Фигаро” могут идти только “Битва жизни” и “Сказка об Иване-дураке”. Но ни та, ни другая пьеса не делают сборов, так что нет смысла их ставить в репертуар. “Битва жизни” не может идти чаще, чем раз в неделю. “Сестры Жерар” так скомбинированы в отношении распределения ролей, что могут идти вместе с “Фигаро”, но они не готовы и когда-то еще будут выпущены. А тем временем мы теряем количество спектаклей на Малой сцене и выслушиваем по этому поводу упреки со стороны ряда учреждений, прежде всего со стороны УГАТА.

Одновременно с этим письмом в отдельном конверте высылаю Вам копии писем Марии Николаевны Южиной к Константину Сергеевичу в ответ на его телеграмму (эта копия была вывешена над диванчиком) и Александра Ивановича к Анат. Вас-чу. Последнее письмо так и не было напечатано здесь в какой-либо газете, но в копиях было передано и распространено во всех театрах.

Не получая до сих пор никаких известий от уехавшего в Батум Вас. Вас. Федорова, я позвонила сегодня в Малый театр и узнала там следующее. У них тоже нет никаких сведений из Батума. Они только знают, что Вас. Вас. был 5-го в Тифлисе и, вероятно, сегодня приехал в Батум. Я буду туда звонить ежедневно, чтоб быть в курсе возможных известий от Вас. Вас., и тогда тотчас же телеграфирую Вам. Передайте, пожалуйста, дорогой Екатерине Николаевне, Мише и Бертенсонам мой душевный привет. Желаю Вам всего хорошего, Владимир Иванович, доброго утра, доброго дня и доброй ночи.

Ваша Ольга Бокшанская

[1930]

144.

[17 мая 1930 г. Тбилиси]

Даже до начала спектаклей чувствовалось, что ни у кого нет настроения открытия гастролей, чего-то необычного, как это бывало во всех поездках в каждом новом городе. Накануне и весь этот день стояла сильная жара, все пришли достаточно размякшие и уже утомленные. Мы начинаем здесь спектакли в 8.15 – это поздно для наших. Правда, здесь и время против московского передвинуто на час вперед, но вся жизнь идет по местному времени и потому в 8.15 для начала – это поздно. Невольно каждый начинает подсчитывать, когда же кончится спектакль. А кончили в 1 час ночи – подумайте только! Но, конечно, для нас всех ясно, что можно начинать когда угодно спектакль, а настроения не было потому, что в поездке нет ни Вас, ни К.С. Если б М.С. знал, что только так и объясняли себе актеры отсутствие приподнятого настроения, он бы, наверное, обиделся, хотя и обижаться ведь здесь нечего, это так понятно должно быть всякому. Когда пошел спектакль, ясно чувствовалось, что публика его воспринимает слабо; М.С. пришел в первом же антракте и сказал, что очень неудачно ведет роль Еланская. (М.С. предоставлены два места в первом ряду, он на открытии сидел там с Ольг. Леон., а вчера, на “Вратах” – с Хмелевым.) Кроме того, в нашем распоряжении одна четырехместная ложа в бельэтаже. Тоже об Еланской говорили все участвующие. Злые языки говорили, что ее погубило то, что с ней подзанимался ролью Судаков, от этого и пошли все неудачные детали. Равнодушия зрительного зала не победил и Москвин. Конечно, его приняли оживленнее, чем участников предыдущих актов, но далеко не так, как в Москве. Самый обычный наш московский спектакль “Горячего сердца” идет более заразительно со стороны зрительного зала, чем это открытие гастролей здесь. Словом, в результате этого открытия по просьбе представителя здешней пригласившей нас администрации в Баку мы не будем открывать “Горячим”. Попросят, чтоб мы открыли “Бронепоездом”, М.С., кажется, на это уж дал согласие, но сделать это будет сложно, т.к. в “Бронепоезде” у нас должны участвовать здешние сотрудники, с которыми, стало быть, придется заблаговременно заниматься. А у нас ведь в гастролях перерыва нет, здесь мы последний спектакль

играем 5-го (вместо предполагавшегося 3-го – продление гастролей в Тифлисе сделано за счет Харькова), а открытие в Баку – 6-го. При том, что там было назначено для открытия “Горячее”, тоже оказалась сложностью: здесь у нас для закрытия идут “Врата”, заняты Станицын, Еланская, Подгорный... А там “Горячее” на следующий день¹. Правда, можно было бы уехать ночным поездом отсюда, но в Баку этот поезд приходит в 7 часов вечера, т.е. за час до спектакля, да еще имеет привычку опаздывать. М.С. предполагал отправить таких участников, как перечисленные, аэропланом. Но вот теперь, когда меняется репертуар в Баку, вообще может измениться ситуация. Пока все эти соображения беспокоят нас поверхностно, еще можно успеть все обдумать и наладить, теперь мы больше заняты налаживанием ближайших спектаклей здесь.

Да, с рассказами об открытии я перескочила на другую тему. Вообще у меня в голове столько для Вас рассказов, что поневоле письмо выйдет сумбурным, пестрым. Театр, конечно, был полон – и на открытии, и вчера, на первых “Вратах”. Надо думать, что так пойдут все спектакли. Но занавес по окончании дали только пять раз и даже при этих пяти разгах не чувствовались такие привычные для нас волны восторга, идущие из зрительного зала. Ясно, что Островский никак не прозвучал для здешней публики. Говорят, что и комедия такого свойства неинтересна для здешней публики, что здесь больше любят драму или, как показал вчерашний спектакль “Врат”, такую комедию, которая разыгрывается в первых актах “Врат”. Поэтому удивительна была для нас сегодняшняя рецензия в “Заре Востока”, которая была чрезвычайно доброжелательная. Правда, и в ней есть тот “официальный восторг”, кот. чувствовался при аплодисментах. Вторая рецензия, в “Рабочей правде”, совсем суха. Обе эти рецензии и интервью, данное на днях М. С-чем, прилагаю при этом письме. Эти вырезки для Вас, для музея же я собираю вырезки здесь в двух экземплярах, которые привезу вместе со всеми материалами поездки.

Вечером во время первого спектакля вдруг разразилась сильная буря, гроза, страшнейший ветер. И с тех пор и вчера, после теплого летнего дня, был очень прохладный (для здешней погоды) вечер, и сегодня, хотя солнечно, но ветрено и только тепло, не жарко. Но, говорят, скоро наступят сильные жары, а уж в Баку будет почти невыносимо жарко.

Я Вам уже писала, что вышли большие нелады с транспортом декораций. Гудков скрыл от меня, что вагон, в котором были львы, колонны и вся прочая обстановка “Горячего”, был получен только в день открытия, а до того он и Федя прожили все дни в страшной тревоге, что вагон не приедет к 15-му. Теперь наконец все имущество получено. Еще сначала беспокоил Федю вопрос об отпущенных ему по смете суммах на погрузку и разгрузку декораций, но потом он увидел, что и беспокоиться нечего, а надо тратить столько, сколько действительно это стоит.

Он получил смету, по которой в каждом городе было высчитано по 60 р. на разгрузку и 60 – на погрузку, смету с приложением ни в коем случае ее не превышать. Но уже погрузка в Москве нарушила все расчеты, т.к., кажется, обошлась что-то рублей в семьсот. Пока Федя этого не знал, он беспокоился, что здесь это дело обходится ему рублей в 500, теперь же он ясно чувствует несостоятельность сметного расчета.

Кажется, я Вам тоже писала, что актеры не согласны со сметным расчетом на квартирные, кот. действительно рассчитаны не по здешним ценам. Неверно высчитаны деньги и на извозчиков с вокзала и на вокзал – по 2 руб. в конец, тогда как и здесь брали 3–4 рубля, да и в Москве теперь за 2 руб. к вокзалу с вещами подъедешь не отовсюду. Уже составлена петиция к дирекции с просьбой повисить квартирные и проездные деньги, не знаю только – подана ли М. С-чу. Он об этом, во всяком случае, знает и заранее стоит на непримиримой позиции. Даже то, что актеры “грозятся”, что в таком случае они все будут жить в гостиницах в других городах, что театру обойдется гораздо дороже, чем даже повышенные квартирные деньги, не склоняет его на милость. Отель, в котором поселили наших, до того плох, мало сказать, плох – отвратителен, что там осталось уж немного наших, большинство уехали на частные квартиры, даже такие убежденные “отелисты”, как Подгорный, Москвин... Огорчения с Книппер и Качаловым в смысле их устройства кончились. Их обоих устроили в лучшем, теперь “интуристском” отеле – “Ориенте”. М.С., который сразу был там устроен, но был настолько недоволен, что хотел переехать на частную квартиру, переменял свой номер и теперь остался там до конца нашего пребывания. Грибунин, страдавший от своей комнаты в этом отвратительном “Паласе”, который всех разогорчил, все же там остался, переменяв только свой номер на лучший. Словом, больше уж о комнатах никто не говорит, все утряслось и встало на свое место.

М. С-ча я застала в отвратительном настроении, он был всем недоволен. Когда он мне сказал в таком настроении, что написал Вам громадное письмо, я сразу решила, что, вероятно, в этом письме досталось и Феде, и Гудкову, которых он все время разносил и в глаза и за глаза. Постепенно он как будто стал мягче, но тут он чего-то съел, ночью “чуть не умер”, как он рассказывал, и на следующий день, голодая на одном чае, снова стал несколько сердит. Вчера его настроение было опять как будто лучше, он нашел компанию для тенниса, сыграл в паре с Вербицким и побил здешних чемпионов и вернулся оттуда в театр в хорошем настроении. Сегодня с утра он опять поехал играть в теннис. Была еще забота у Феде – наладить какой-нибудь кабинет для М.С. Здесь этот вопрос почему-то принимал какие-то грандиозные размеры. Кабинет теперешнего директора ни под каким видом не давали, с трудом уговорили дать кабинет бывшего директора Джапаридзе, кот. оказался ужасно душной, без вентиляции, комнатой. Опять плохо! Стали искать в закулисных помещениях – ничего нет. После всех поисков

и уговоров все-таки пришлось остановиться на этом душном кабинете, что М.С. забраковал для начала. Но он там, по-моему, не сидит никогда и не будет сидеть.

Мое место должно было выясниться в зависимости от местонахождения комнаты М.С. При том кабинете есть какая-то передняя-коридорчик, решили было меня там устроить, но жизнь показывает, что это совсем неудобно. Кабинет этот совсем оторван от закулисных помещений, ходы и переходы здесь путанные. А вся жизнь у нас происходит в помещениях около сцены. В коридоре мужских уборных здесь есть комната режиссеров и помрежей. Ее заняла наша репертуарная контора, помощники и счетовод Бухтеев. Комната поместительная и, по общему мнению, самая приятная, прохладная, светлая. Здесь же поставила себе столик с машинкой и я, здесь же плачу деньги. Сюда же прибегает и Федя, целый день летающий по различным учреждениям – Исполкому, где решаются вопросы скидки с комнат в гостиницах, различных разрешений, железнодорожным службам, по Центропосредрабису из-за найма оркестрантов и сотрудников... По вечерам у нас нечто вроде актерского фойе. Правда, с другой стороны сцены, где коридор дамских уборных, есть буфет-фойе, где можно пить чай, закусьвать, там тоже посиживают наши, но и у нас клуб достаточно оживленный. Это хорошо – быть так в гуще самой жизни, но условия для работы трудные, сосредоточиться не дают, кругом шум, разговоры – настоящий базар. И поминутно отрывают – то за справкой, то по линии дирекции. Самое трудное, когда приходят с разговорами здешние жители, “туземцы”. Они тратят столько темперамента для самого обычного разговора – никакая работа невозможна, приходится только сидеть, слушать да удивляться! А если их соберется человека три, то каждую минуту у нас впечатление, что идет ссора, которая непременно дойдет до поножовщины.

Сейчас все разошлись из театра и я нарочно осталась одна, чтобы хоть немного сосредоточиться на конце письма. Трудно Вам передать, какая сразу навалилась работа. Пока я делала перерыв в письме, определилось примерно, какая будет у меня система работы. М.С. просит, вернее, распорядился, чтоб я все же сидела у него в кабинете, не в коридорчике, а в самом кабинете, а на время выплаты жалованья уходила в другое помещение. Я ему доказывала, что нельзя рассчитывать, что выплату удастся продлить в течение нескольких часов, всех все равно сразу не соберешь. И потом, если сидеть там, то это все равно, что совсем оторваться от всей жизни гастролей. Тогда он решил, что я буду там сидеть ежедневно от часу до четырех, и на это время туда будет приноситься машинка. В остальное же время я буду за сценой. Выплату жалованья надо будет делать по вечерам, т.к. как только пройдут первые дни дневных репетиций, днем наших в театре и не увидишь, буд-дуть только изредка заглядывать. Вечером же, в течение 2–3 спектаклей можно свободно удовлетворить всех выплатой. Значит, с завтрашнего дня на день я попадаю в распоряжение М.С., а все остальные дела – касса, переписка и делопроизводство буду делать вечером.

М.С. сегодня получил Вашу телеграмму с “Нашей молодости” и страшно обрадовался”². Вчера буквально в каждом антракте он говорил: “Что ж это нет телеграммы от Вл. Ив. о “Молодости”? Что там случилось?” Он уж получил письмо и телеграмму (от Никитина), что Вы работали даже ночью, чтобы выправить недочеты. Телеграмма Ваша вывешена для общего сведения. От всей души поздравляю Вас, милый Владимир Иванович, с новым успехом. Вы, вероятно, очень устали. Пожалуйста, скажите Рипси, чтоб она написала мне как можно скорей воздушной почтой, как Вы себя чувствуете, какое у Вас настроение, как идут Ваши дела по паспорту и всему остальному³. Пусть побольше, много-много напишет о Вас, как можно подробнее.

Еще хочу написать Вам о вчерашних “Вратах”, из которых я из-за кулис смотрела конец первого акта и из зрительного зала весь второй. Принимали спектакль все время прекрасно, замечательно слушали, все решительно, каждая мелочь доходила до публики. Приятно было быть в зале и видеть то оживление и внимание, какие чувствовались у всех. Я пошла посмотреть второй акт главным образом из-за Иервена – Герасимова, который с достоинством вышел из трудного своего положения, сыграл ответственную роль почти без занятий и репетиций. Но в самом Герасимове нет чего-то острого, цепкого, нервного, что нужно для Иервена. Однако, повторяю, он был совсем хорош. (Я на минуту отвлеклась от “Врат”, я не написала Вам, как собиралась, о том, что прекрасно сыграл Блинников Гаврилу⁴, это был общий отзыв и участников и смотревшего Мих. С-ча. Да и из-за кулис в последнем акте я почувствовала, что он должен быть хорош в этой роли.) “Врата” кончились громом аплодисментов и настоящими овациями, особенно по адресу Качалова, конечно. Занавес давали 9 раз, но участвующие говорят, что можно было дать и больше, только была какая-то “накладочка” со стороны помрежа. Вчера совершенно ясно во все время спектакля чувствовался успех, это было в воздухе зрительного зала и сцены...

Теперь совсем из другой области. Хочу Вам написать о моем инциденте при переезде в курьерском поезде наших “первачей”, который надолго всех насмешил. Шевченко села в коридоре вагона на откидную скамейку. Сидела довольно долго, потом как-то повернулась – и скамейка вдруг отлетела от стены, вытащив за собой все винты – штук 8, да больших, даже не средних. Добронравов хохотал так, что в соседних вагонах слышно было. И она, лежа на полу, тоже смеялась. Это происшествие долго занимало нашу публику и сообщалось всем приезжавшим позднее.

Сегодня у нас осложнение: Госопера, не считаясь с нами, назначила на завтра дневной концерт Козловского, а у нас летит монтировка “Дна”. Вот из-за этого-то они в свое время и предлагали начать наши гастроли 19-го. М.С. протестует, дал телеграмму в Баку УЗП⁵ и грозит срывом премьеры “Дна” 19-го числа. Я говорила с нашим здешним администратором. Он уверяет, что УЗП ничего не

сможет сделать, что здешняя администрация ни с чем не считается и вносит беспорядок в нашу работу, и в работу УЗП, действительно, в Госопере безобразный беспорядок.

145.

Тифлис, 19 мая 1930 года

Письмо № 3

Милый Владимир Иванович!

Только что мне принесли Вашу телеграмму, и я уж многих поблагодарила от Вас, первого, конечно, Подгорного, которому Ваша телеграмма была особенно приятна. Он действительно составил ее от души и такой она дошла до Вас. Ужасно интересно, как этот день 16-го мая прошел у Вас¹. Мы знаем, что чествование отложено на осень, но важно ведь не официальное чествование, а то, как и чем вспомнили этот день, который я помню так хорошо.

Я сегодня начну это письмо, а отправлю только завтра, т.к. воздушную почту принимают только до 6 час. вечера, а сейчас уже около 11, идет третий акт “Дна”. У нас, конечно, все время в комнате клуб. Здесь же и Мих. Серг. Тут и дела, и разговоры...

Наконец-то выработан репертуар конца Тифлиса и определено, что в Баку мы никак не можем начать спектакли 6-го, т.е. без перерыва после Тифлиса. Репертуар такой: (до 25-го Вы, вероятно, знаете от Калужского):

26-го, понедельник “Горячее сердце”

27-го, вторник “Бронепоезд”

28-го, среда “У врат царства”

29-го, четверг “Царь Федор”

30-го, пятница “Бронепоезд”

31-го, суббота днем “У врат царства”

веч. “Бронепоезд”

1-го, воскрес. днем “Реклама”

веч. “Царь Федор”

2-го, понедельник “У врат царства”

3-го, вторник “Реклама”

4-го, среда “Реклама”

5-го, четверг “Вишневый сад”.

М.С-чу все хочется, чтобы перерыва между Тифлисом и Баку не было, и он уговаривает Степанову лететь. Та было согласилась, но сейчас уж струсила, от всех слышалась о тех воздушных ямах, которые ми здесь знамениты перелеты. Баку будем открывать “Вратами”, иначе

ничего не выходит. Все остальное слишком сложно. Т.е. все остальное – это только “Бронепоезд”, который Баку очень просил для открытия. Но ведь там нужно ввести в него новых сотрудников, надо проделать не менее 3–4 репетиций. Сейчас, между прочим, обнаружилось, что смета поспешила и на репетиции с местными сотрудниками. С вводом сотрудников в “Горячее” уже есть перерасход. Хотят теперь сэкономить на “Бронепоезде”, но Володя Баталов никак не соглашается на то, чтоб на три большие сцены, как “Колокольня”, “Насыпь” и “Депо” ему дали только две репетиции. Он настаивает на четырех, вероятно, сойдутся на трех.

Во вчерашнем моем письме к Калужскому я послала ему выговор, сделанный официально М.С-чем Шульге, и просила его Вам это показать. Вероятно, он это уже сделал?

20 мая

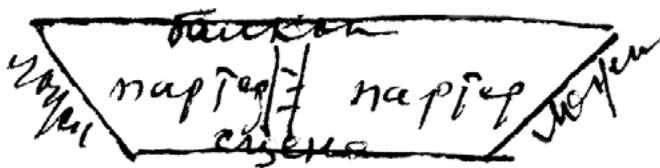
Вчера “Дно” прошло с хорошим успехом. Пишу с “хорошим”, потому что у меня еще живы в памяти дикие восторги публики при гастролях МХТ, когда занавес давали раз по 15–20. Тут дали раз 7–8, выкликали фамилии наших народных (Москвин не дождался конца и ушел из театра, так же как и на премьере “Горячего”, – вот уж в прежние гастроли этого никогда бы не бывало!), Книппер бросили букет красных роз. Спектакль слушали хорошо. Я не смотрела, так что о Судакове, играющем Актера, знаю только с чужих слов, что это было неинтересно. Алешку играл Комиссаров, т.к. Ближников, считающийся первым исполнителем этой роли, сорвал голос на “Горячем” и должен был поменяться с Комиссаровым, выходявшим в народной сцене оборванцем. Сегодня – в первый раз “Вишневый сад”.

Сейчас здесь в комнате сидят с М.С. представители нашей антрепризы. Обсуждается вопрос о возможности постановки “Бронепоезда” 5 июня для партийного съезда. В этом случае они хотят намеченный на 5-е “Вишневый сад” перенести на 6-е, т.е. продлить здесь спектакли еще на 1 день за счет Харькова. Уменьшение спектаклей в Харькове нас только устраивает, и поэтому М.С. рад пойти им навстречу. Но задержать здесь “Бронепоезд” до 5-го – это чрезвычайно сложно, т.к. если мы погрузим его 6-го, то первый спектакль его в Баку может состояться только числа 20-го. Видите, милый Владимир Иванович, до чего все в нашей поездке “не стабилизировано”. Вчера наконец составили окончательный репертуар, а сегодня уж выдвигаются возможные его перемены.

Не знаю, чем кончится сегодня вопрос с участием Качалова в концерте какого-то местного большого клуба. Вас. Ив. дал свое согласие на участие, хотя как будто должно было быть ему ясно, что запрещение участия в концертах во время наших гастролей всегда входит в наш договор с местной организацией. Наша антреприза любезно согласилась не протестовать против его участия при условиях полной закрытости концерта и отсутствия всяких афиш. Несмотря на такую договорен-

ность, вчера в центре на Головинском пр., у Театра Руставели, появилась громадная афиша об его участии в концерте. По просьбе антрепризы, мы написали протест, редакция которого, однако, почему-то антрепризу не устроила, так что они у нас этой бумажки и не взяли. Я думаю, что они по здешней привычке покричат, потратят темперамент, а в конце концов все будет так, как намечено, и концерт пройдет без всяких историй.

Милый Владимир Иванович, Вы знаете театр, в котором мы играем, или его построили позднее? Мне хочется Вам его описать, он так не похож на обычный тип театров. Он очень большой, построен в восточном стиле, с балконами, террасами, арками. И внутри он такой же, а боковые ложи – на манер фасада мавританского дома. Самое странное для меня в нем то, что зал идет не овалом, а трапецией, вот так:

На боковых сторонах трапеции – ложи, по стороне против сцены балкон ряда в три. В театре партер с ложами и еще три яруса. Партер странный, он идет страшно крутым амфитеатром, почти как в Политехническом музее. Так что вход в бельэтаж находится на уровне улицы, немного выше, если считать входные ступени в театр, и в то же время этот вход составляет и вход в последние ряды партера. А для того чтобы войти в первые ряды партера, надо от входа в театр еще спускаться еще вниз по лестнице. Сцена от первого ряда партера далеко – широкий просцениум и оркестр. На наши спектакли в оркестр поставлены три ряда стульев, которые продаются тоже. Весь театр (стены) в голубовато-зеленых тонах, стулья ярко бирюзовым обтянуты. Ложи маленькие, боковые очень неудобные. Нам предоставлена ложа бельэтажа № 1, сильно боковая. Я в ней смотрела часть “Врат царства” – даже если сидишь в первом ряду на крайнем к сцене месте, то не видишь левой части сцены, а уж стоя во втором ряду (сидеть в нем совсем уж не имеет смысла) не видишь почти половины сцены. Кроме этой ложи, Мих. С-чу предоставлены 2 места в первом ряду.

В театре 1 250 мест. Расценка при абонеентах – а наши спектакли почти все сплошь по абонеентам, за исключением “Федора” и “Рекламы” – от 1 р. 50 к. до 6 руб. Кроме того, здесь есть обычай “нагонять сбор” продажей входных мест, причем за такой билет они берут по 2 р. 50 к. Не знаю, на что здесь расчет у покупающих такие билеты: попасть на случайно свободное место? Но на это трудно рассчитывать многим, если театр вообще весь распродан. Мне рассказывал здешний админи-

стратор, что на спектакли и концерты Козловского они продавали до 400 входных билетов. Ясно, что это заведомо стоячие места, т.к. еще до продажи входных распроданы все места партера и ярусов.

Сцена большая, без поворотного круга. Электрическое оборудование, как мне сказали, хорошее. Уборные мы заняли на уровне сцены и ярусом выше. Уборные обычного типа, без тени приятности и хотя бы относительного уюта.

В отношении набора сотрудников и оркестра помогают Багриновский и здешний Посредрабис. Конечно, ничего особенного от этих людей (я говорю о сотрудниках) требовать нельзя. В “Горячем” они были самыми обыкновенными статистами. Просто не представляю, как их удастся наладить в “Бронепоезде”. Сегодня была первая репетиция. Я проходила по сцене, услышала, как репетировали, и с грустью подумала, что Вы или К.С. могли бы прийти в отчаяние от такой явной халтуры и от такого неприкрытого насаждения самых безвкусных штампов. Ужасно много халтурности в нашей поездке – правда, это было ясно еще в Москве.

Сегодня я получила телеграмму от Вашего Музыкального театра с просьбой благодарить всех поздравивших с юбилеем. Я ее тоже вывешиваю для общего сведения.

Очень долго не было ни для кого почты из Москвы. Сегодня наконец прибыла партия писем, некоторые получили сразу по 3–4 письма – даты большей частью от 13–14 мая. Только одно письмо по *luftpost*¹ есть от 17-го. Но я не получила ни строчки из театра. Я никак не ожидала, что Рипси окажется такой невнимательной к нашему интересу к Москве и к “Молодости”. До сих пор ни от кого нет рассказа хотя бы короткого, о том, как проходили репетиции и спектакль. И потом, мне так интересно, как идут Ваши дела по отъезду, в каком Вы настроении, сколько и когда бываете в театре, как занимаетесь и с кем в “Толстяках”. Я Вам, вероятно, надоела с этими приставаниями, но не ругайте меня за это, а ругайте Рипси, что она не пишет.

До следующего письма, милый Владимир Иванович. Пожалуйста, скажите Екатерине Николаевне, что я ее крепко целую и люблю. Желаю Вам и ей всего хорошего – удачи и радости.

146.

Тифлис, 21 мая 1930 года

Письмо № 4

Милый Владимир Иванович!

Если б Вы знали, какое у меня сейчас отвратительное настроение от всего, что вокруг происходит. Видеть полное равнодушие к спектаклю, к работе варищей – просто не могу. Репетировать никто не

1 От нем. *Luftpost* – авиапочта.

хочет, ходят через силу, приходят в театр, сидят у нас в комнате, но в репетиционное помещение не идут. Потом приходит помощник и говорит: “Что ж вы не идете, репетиция идет без вас уже полчаса”. Актер нехотя поднимается и еле идет на репетицию. Сегодня репетиция “Рекламы”, единственная на сцене и последняя. Здесь выяснилось, что здешний Репертком в свое время запретил здешнему Рабочему театру эту пьесу и потому в отношении нас постановил следующее: вероятно, трактовка МХТом этой пьесы такова, что пьесу можно разрешить к постановке. Но все же следует Реперткому ее посмотреть на репетиции. Так как у нас третий акт был назначен раньше других, чтоб пройти сцену с присяжными, то вчера репетиция на сегодня была установлена так: с утра, с половины 12-го – репетиция сцены присяжных, а в 1 ч. 15 м. – приходит Репертком, и для него проходят всю пьесу. Гримироваться и одеваются новые исполнители – это уж для себя, они ведь ни разу никто не пробовал. Сцена к половине двенадцатого готова не была, актеры до половины первого слонялись без дела, потом около часу начали репетицию последнего акта. Затем – Репертком. Пришел один человек – Пагава, для него стали играть. Вообще-то, конечно, надо было все равно пройти всю пьесу, так что такой показ был только кстати. Показали первый акт. Пагава сказал, что торопится, времени у него мало, пусть сразу покажут ему третий, и довольно. Стали готовить третий. Вдруг приходит за кулисы Вербицкий и сообщает, что Пагава сказал ему, что, судя по первому акту, вероятно, со стороны Реперткома возражений не будет, а ждать третьего акта ему некогда. С тем Пагава и уехал. А у нас начались споры. Кто кричит, что третий акт не нужно репетировать и достаточно пройти второй для новых исполнителей, кто – что и второго не нужно. М.С-ча в театре нет, он пробыл недолго, с час, с утра и ушел, поручив Судакову все переговоры с Реперткомом. Судакова тоже нет, потому что он ко времени перерыва в репетиции пошел обедать. Наконец Мордвинов заявил, что будет репетировать 2-й акт и после этого, уже без актеров, монтировать третий. Ужасная каша у нас, ни у кого никакого авторитета. М.С. равнодушен, в театре бывает сравнительно мало, считает, что все должен делать зав. труппой Судаков, а тот ни во что не вмешивается, во всем соглашается. Сегодня играем всего 7-й спектакль, что ж будет на 27-м, 37-м и т.д. Нина Серг. просто в отчаянии, все отказываются от выходов, с вводом в небольшие роли и в выхода в “Рекламе” была целая история, все отказывались, ходили к Судакову, Гейтцу... Гузеева вчера назначили на выход в “Вишневом саде”, он просто не пришел. Объясняет тем, что нервы не в порядке.

Окончательно выяснилось, что мы играем здесь последний спектакль не 5-го, а 6-го, причем “Вишневый сад” с 5-го переносится на 6-е, а 5-го идет тот “Бронепоезд” для партийного съезда, о котором я Вам писала.

Посылаю Вам сегодняшние рецензии о “Вратах” и “Дне”. Как видите, тон прохладный.

С громадным нетерпением, возрастающим с каждым днем, жду я письма из Москвы с рассказом о “Нашей молодости” и “Толстяках”. Уж очень много писем получено нашими актерами из Москвы, от родных и знакомых, а вот я из театра – ничего. И письма-то приходят от 13-го, 14-го, 15-го, т.е., стало быть, уж после того, как прошла генеральная “Молодости”. Неужели Рипси трудно сесть за машинку и написать письмо – так, как бы она мне рассказала об этом. Ведь ни черновиков составлять не нужно, ни думать долго над каждой фразой. Совестно должно ей быть так долго оставлять меня без известий о Вас. А как обещала писать!

Следующая премьера у нас только 24-го – утренник “Рекламы”. Судя по отношению публики к спектаклям и тем разговорам, что слышишь, по тем ожиданиям, с каким здесь встретили театр, “Реклама” едва ли будет принята горячее, чем “Горячее сердце”.

Вчера очень хорошо слушали “Вишневый сад”, хорошо принимали, дружно хлопали после конца, но недолго, всего 7 раз давали занавес. Это на “Вишневом саде”!! Я не смогла пойти послушать спектакль, так, кусочки удалось посмотреть за кулисами. Хотела проверить впечатления от Жильцова, но не удалось¹. Говорили наши потом, что орал совершенно недопустимо и сорвал себе голос. Но никого особенно это не пугает, т.к. говорят: неизвестно, что лучше, когда у него голос в порядке и он орет, или когда он без голоса и хрипит.

С большим огорчением узнали мы здесь об усилении болезни Орлова. Ужасно его жаль – так хорошо поправлялся и надо же, чтоб с ним такая неудача.

До сих пор не ликвидировался вопрос с выдачей квартирных денег живущим на частных квартирах. Поданное коллективное заявление с просьбой повысить квартирные Мих. Серг. не принял, попенял Судякову, что тот вообще взялся за передачу ему заявления. Но наши хотят просить представителей месткома Тарханова и Жильцова все же переговорить об этом с М.С., тем более что, по свидетельству Тарханова, местком в Москве, обговаривая условия поездки с Никитиным, настаивал на выплате квартирных по 3 р. в день, на что Никитин не согласился. В результате переговоров местком добился суммы в 2.50 в день. Так что то, что здесь стали выдавать 2 р. в день, для Тарханова было совершенной неожиданностью. Никогда еще действительно не бывало, чтоб платили только 2 р., даже в Ленинграде, где с квартирами гораздо легче, чем в Тифлисе, Баку и Харькове, нам платили 2.50.

Шлю Вам, Екатерине Николаевне и Мише самый сердечный и нежный привет, милый Владимир Иванович, и желаю всего хорошего.

Тифлис, 24 мая 1930 года

Письмо № 5

Милый Владимир Иванович!

Сегодня днем в первый раз прошла “Реклама” – с громадным успехом. Занавес давали 11 раз – рекордно для всех прошедших до сего времени спектаклей. Играли действительно хорошо, и все решительно принималось зрительным залом, часто даже сильнее, чем в Москве. В последнем акте были накладки со светом, но они либо были незамечены публикой, либо не охладили впечатления. Дошло ли до Москвы сообщением, что декорации первого акта “Рекламы” пришли сюда с явными знаками чьего-то вредительства? В декорации в 4-х местах были ножом вырезаны куски величиной примерно в конверт от этого письма. Гудков думает, что это мог сделать кто-либо из рабочих сцены, обиженный на то, что его не взяли в поездку. Гудков, конечно, вышел из положения, очень умело вставив заплаты, подобрав их в тон декорации. Финал пьесы несколько изменили – выдумка, кажется, Мордвинова, – и вышло очень удачно. После реплики фотографа к Китти и остальным: “Дайте свет! Смотрите в объектив! Все улыбаются! Благодарю вас!” – фотограф Беб поворачивается к зрительному залу, подходит поближе к рампе, с обеих сторон у него другие фотографы. Он говорит: “Дайте свет!” В зрительный зал дают свет. Он говорит: “Минуточку внимания! Смотрите в объектив! Все улыбаются!”. Публика встретила это дружным смехом. Беб говорит: “Благодарю вас”, – щелкает аппаратом. В это время идет занавес. Понравилась и беготня по зрительному залу, который очень велик, с рядом проходов, с лестницами вверх, – словом, суматохи от беготни достаточно. Жаль, что во втором акте по условиям сцены не удалось сделать хода вниз. От этого пропадает сцена у Мордвинова, когда его гонит Прудкин палкой, он спускается по лестнице справа и снова подымается слева¹. Это всегда смешило, когда вдруг из люка показывалась снова фигура Мордвинова. Здесь он просто переходит слева направо. В последнем акте для репортеров и фотографов был сделан небольшой люк, в котором они сидели. Я смотрела из ложи, сверху этот люк был невыигрышен, но, может быть, из партера он выглядел так же, как это было на Малой сцене. Повторяю, мне показалось, что спектакль шел очень хорошо, но вот участники говорят, что будто третий акт шел слабо, плохо играли присяжные. Я сидела настолько справа, в ложе, что не видела ни одного присяжного. Конечно, на актеров действовали и световые накладки, но тут уж не знаю, чья это вина, почему-то не было сделано ни одной световой репетиции, вероятно, планом не предусмотрели. Сейчас приходил Мордвинов, говорит, что ему сегодня актеры овацию устроили за счастливо найденный финал. Оказывается, в Москве участники спектакля даже конкурс предложили устроить на

выдумку финала, т.к. всегда после очень хорошо принимавшегося спектакля почему-то финал охлаждал настроение, не давал какой-то точки.

Сегодня получена и ввешена Ваша телеграмма о “Толстяках”, встреченная всеми с громадной радостью². Поздравляю Вас от всего сердца с теми великолепными результатами, которые принесла театру Ваша работа в эти последние дни. А еще мне хочется поздравить Вас с тем, что наконец у Вас кончилась работа по нашему театру, что Вы как-то можете свободнее вздохнуть. Мне писал Калужский, что Вы работали невероятно много и напряженно, что в два-три дня Вы сделали чудо с “Молодостью”, что все, чего Вы ни коснетесь, начинает блеснуть.

Что-то Вы теперь делаете? Я ничего о Вас не знаю, Рипси так и не написала мне. Я сама строю всякие предположения, думаю: вот теперь Вы отдохнете дня три после “Толстяков”, потом пойдете на “Тиля”³, потом станете собираться на отдых. Но хотелось бы знать все, как действительно проходят Ваши дни, какие у Вас планы, как долго будут заставать Вас в Москве мои письма, когда надо начинать писать в Берлин.

Вчера телеграммой Калужскому сообщили Вам окончательно установленный конец нашего тифлисского репертуара, причем “Бронепоезд” 5-го и закрытие гастролей здесь “Вишневым” 6-го решены окончательно. Завтра я пошлю Калужскому в письме репертуар Баку; у нас нет еще уверенности, что он таким и останется, но пока это считается утвержденным репертуаром. Там мы начинаем, вопреки плану, не 7-го, а 8-го, т.к., как я Вам писала, целый ряд актеров занят здесь в “Вишневом” на закрытии, и для того чтоб попасть на открытие в Баку, должны были бы лететь на аэроплане. Они не согласились. Пока еще не установлено, каким образом мы компенсируем этот пропущенный спектакль – будем ли мы играть на день позже в Баку, т.е. кончим не 30-го, а 1-го, или будем играть в Баку лишний утренник.

Как сказал мне Гудков, в Баку отвратительная сцена, очень маленькая по нашим декорациям, так что “Горячее” там станет страшно тесно, с трудом, да и с “Федором” и “Бронепоездом” будет много затруднений. В Харькове же сцена так мала, что ни “Горячее”, ни “Федор” пойти не могут. Собственно говоря, и “Бронепоезд” там поставить почти немислимо, но неловко выкинуть его из репертуара. М.С. только приветствует сокращение пьес в репертуаре, он вообще считает, что ошибкой было везти столько пьес, хватило бы и 4–5.

Вчера мы отыграли здесь последнее “Дно”, и надо сказать, что спектакль был не из удачных. Почему-то так был составлен список участвующих, что оказались сплошь дублеры. Ни одного народного в спектакле, да и вообще вообразите: Лука – Тарханов, Бубнов – Истрин, Настенка – Халютина, Барон – Вербицкий, Медведев – Баталов, – от этого тон спектакля страшно пониженный. Я смотрела из ложи народную сцену 3-го акта – право, стыдно! Жильцов на первом же “Вишневом” так сорвал голос, что сейчас во всех своих ролях хрипит беззвучно или такие ноты вдруг показывает – ужас! Конечно, публика чувствует

вялость спектакля, занавес давали, как сострил Баталов, полтора раза: один раз полностью, а второй – с трудом натянули.

Сегодня в местной газете были рассуждения насчет МХТа, посылаю их Вам.

Милый Владимир Иванович, я здесь вспомнила одного нашего служащего, мне кажется, что ему надо помочь. Это Кузя Сарафанов, как курьер, который часто к Вам с поручениями ездит. Он был серьезно болен в дни нашего отъезда, и вообще он хворый. Он очень скромный, застенчивый человек, никогда никого ни о чем не попросит. А я почему-то его здесь вспомнила и подумала, что ему надо было бы помочь через местком, может быть, чтобы его послали летом на поправку. Это исключительно преданный делу работник. Мне все вспоминается, как он в ужаснейшую погоду в марте поехал в Узкое по делам к М.С. и, задержанный им там, опоздал на автобус, пошел пешком в Москву. После этого-то он, пожалуй, и захворал, сначала перемогался, а потом слег всерьез и надолго. Простите, что я Ваше время отрываю на это дело, но очень уж его жаль, и боюсь, что никто Вам о нем не скажет и сам никто о нем не позаботится. Федя, который его хорошо знает и ценит, тоже здесь. Некому и заступиться за него и похлопотать об его устройстве на отдых.

25 мая 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Так как вчера я писала Вам вечером, а письмо воздушной почтой можно отправлять только днем, я еще сегодня делаю приписку. Завтра днем снова буду Вам писать – о сегодняшней нашей премьере “Бронепоезда”. Сейчас идет утренник – “Реклама”, только что кончили первый акт, принимали его хорошо, как говорят участники. В комнате у нас шум и гам невообразимые. К этому еще прибавляется стук наших двух машинок. Собралось много не только участвующих в спектакле, но и целый ряд свободных актеров, которые к часу дня должны пойти на встречу нашего театра с актерами национальных театров. Никто не знает, в какой форме будет установлена эта встреча – будет ли завтрак, или просто обмен речами, или то и другое вместе. От “Рекламы” свободны все старики, так что театр будет представлен хорошо. Вряд ли только пойдет Качалов, который вечером играет премьеру “Бронепоезда” и бережет себя. На встречу идет и М.С., конечно.

Что-то будет сегодня с антрактами? Когда-то мы кончим спектакль? Владимир Баталов считает, что не раньше половины второго. Было предложение со стороны режиссуры кончать спектакль шестой картиной – взятием бронепоезда, но М.С. не согласился. Ведь всего будет семь антрактов – перестановки сложные для каждой картины, не то что у нас в Москве, при поворотном круге.

Жара здесь сменилась дождливыми днями, причем иногда ливни льют тропические, каких я еще не видывала. Играть в такую погоду, ко-

нечно, легче, но люди всегда недовольны – и наши актеры, изнывающие от жары, теперь хандрят, что мало солнца.

Вчера пришло письмо, конверт надписан Рипсей, – М.С-чу. А сегодня утром М.С. сказал мне, что письмо это было от Вас, в конверт было вложено Ваше письмо. У меня защемило сердце, когда я увидела в руках М.С. листок, написанный Вашей рукой, а что написано – не знаю. М.С., наскоро проглядывая письмо, сказал только, что Вы пишете, что “Тилья” Вы перенесли на будущий сезон и что деньги на поездку Вы получили. Последнему я очень обрадовалась. Хотела бы только знать, выданы ли Вам и Екатерине Николаевне уже паспорта и как обстоит дело с поездкой Миши, прошел ли он комиссию, удачно ли? А что Вы не пошли на работу в “Тиль” – это, значит, Вы устали сверх меры. Помните, в прошлом году, приехав в Берлин, Вы долго не могли отойти от московской усталости, в Ваших первых письмах всегда было о том, что Вы еще не начали отдыхать, т.к. московская усталость Вас не оставляет. Что же будет после этого сезона?!

Не понимаю, что делает Рипси – не пишет ничего, хотя перед отъездом было совершенно точно и делово решено, что она будет информировать регулярно о жизни театра в Москве. М.С. удивлен, прождал все возможные строки и наконец дал ей телеграмму.

Владимир Иванович, помните Вы Степана Ал-дровича Асилова, бывшего директора 1-го московского госцирка, кот. одно время был членом Худполитсовета Вашего Музыкального театра? Он здесь – политконтроль, занимает известное положение, счастлив приезду наших: со 2-ой студией он знаком еще с 22-го года, когда они гастролеровали в Тифлисе, возит их всюду, конечно, угощает. Он с нежностью и восхищением вспоминает Вас и просил меня непременно послать Вам его сердечный привет.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам, Ек. Ник., Мише здоровья и благополучия.

148.

Тифлис, 27 мая 1930 года

Письмо № 6

Милый Владимир Иванович!

Третьего дня мы сыграли премьеру “Бронепоезда”. Я Вам писала о тех волнениях относительно антрактов, которые нас съедали. Но страхи не оправдались. Гудков, а с ним и весь технический персонал, работали на славу, показали первый класс работы. Антракты – сравнительно, конечно, со сложностью перестановок – были небольшие, самый длинный, если не ошибаюсь, был минут 20–25. Словом, спектакль шел, по сравнению с Москвой, минут на 10–15 больше. И кончился раньше, чем

мы здесь кончаем “Горячее сердце”, т.е. 35 или 40 минут первого. Все картины имели очень большой успех у переполненного и нарядного зала (вид публики был явно премьерный), чувствовался большой интерес к спектаклю и к исполнению. Очень хорошо в этот день играл Прудкин, который страшно волновался за спектакль. В этот день он днем играл “Рекламу” и мучился тем, что будет к вечеру усталым. Правда, исполнители “Рекламы” говорят, что, сберегая себя к вечеру, Прудкин почти не играл третьего акта “Рекламы”, но сам Марк Исаакович говорит, что он играл без большого нажима, но все же играл, так что такого обвинения не принимает. Сегодня уже вышли рецензии, которые я прилагаю. Спектакль шел чисто и в отношении внешности, а за это М.С. очень боялся, собственно, за это только и было беспокойство. Были очень легкие недочеты, заметные только нам, своим. Да, забыла сказать, что при перестановках между картинами помогали даже актеры, и М.С., придя из зрительного зала, тоже помогал.

Теперь осталась последняя премьера – “Федор”, 29-го. Ив. Мих. молит Бога, чтоб погода держалась такая же, какая стоит сейчас, т.е. не жаркая, с дождями. Ему, да и всем будет легче играть. Сегодня последняя репетиция “Федора” на сцене – и с этих пор дни у наших актеров будут свободны, если и будут репетиции, то, может быть, по каким-нибудь незначительным экстренным вводам, как, например, ввод Мордвинова в роль Чучельника из “Врат царства”. Это надо из-за чего: у Подгорного опять неблагополучно с горлом, поэтому, где возможно, за него будут играть дублеры. Во “Вратах” у него дублер Судаков, играющий обычно Чучельника. Теперь, раз Судакову придется играть профессора, надо ввести нового Чучельника – Мордвинова. Ник. Аф. все время жаловался на горло, стал лечиться здесь. Вчера днем он еще говорил довольно чисто, хотя чувствовал себя в отношении голоса нехорошо. Однако решил вечером сыграть “Горячее”, как его просил Судаков, назначенный было на этот вечер Аристархом. Вечером Н. Аф. пришел в театр почти без голоса, пришлось срочно посылать за Судаковым, которого нашли не сразу, но все же нашли. Действительно, трудно было себе представить, как доиграет Н. Аф. спектакль, если Судакова не найдут и ему придется играть. Самое страшное для репертуара в его болезни – это “Вишневы сад”, где у него нет дублера. Он этим страшно мучается, ему все кажется, что вдруг он сорвет спектакль. Сейчас он снова пошел к доктору. Хорошо еще, что до “Вишневого” довольно большой перерыв – до 6 июня. Хоть бы он поправился! Доктор, который его лечит, нашел его положение чрезвычайно серьезным, он рискует совсем потерять голос или, в лучшем случае, замолчать не меньше, чем на год. То же ведь говорили ему врачи и в Москве.

25-го днем – я об этом Вам писала в предыдущем письме – произошла встреча наших актеров с актерами национальных театров. Там были две труппы: Бакинского тюркского рабочего театра и армянского Ленинканского театра. Последний, для того чтоб видеть наши спек-

такли, прервал свой сезон, закрыл театр у себя и приехал в Тифлис смотреть наши гастроли. Представители обоих этих театров в речах приветствовали наших. Говорилось, конечно, очень много восторженных слов. И очень при этом искренних. Отвечал М.С. Наш театр был представлен очень полно: Москвин, Книппер, Грибунин, Тарханов, Коренева, Шевченко, Подгорный и все свободные от спектакля “Реклама” молодые. После одной из приветственных речей взял слово Судаков, который, как всегда, вероятно, хотел сказать хорошие слова, но сказал при этом некоторые бестактности. Он говорил о двух течениях в искусстве – о показе на сцене жизни человеческого духа и второе – создание динамичного спектакля. МХТ работает по первому направлению – и из его речи выходило, что оно единственно правильное и нужное. После него М.С. взял слово и сказал, что он должен дополнить несколько речь Судакова. На деле же он поправил его. Он сказал, что партийная теа-конференция установила правильность обоих течений на театре, так что оба они имеют одинаковые права на жизнь. После обмена речами все разбились по группам, стали беседовать, местные актеры задавали вопросы нашим. (В одной из речей говорилось о необходимости шефствования такого театра, как МХТ, над молодыми национальными театрами, причем это шефство выражалось бы не только в том, чтоб подшефники могли бы, приезжая в Москву, смотреть наши спектакли, но и могли бы рассчитывать на беседы с нашими актерами и режиссерами, могли бы писать запросы и получать ответы.) Тут же было предложено сняться в общей группе. Для съемки пошли в Дворцовый сад – прекрасный сад, вообще закрытый для публики. И там снимались. Тут был один курьез: к Шевченко подошла одна из местных актрис, женщина лет шестидесяти, и предложила ей сняться с ней отдельно вдвоем на фотографии, “тем более, – она прибавила, – что мы с вами на одно амплуа”. Шевченко сама со смехом нам это потом рассказывала.

Вчера наш театр был приглашен на спектакль тюркского театра. Представительствовать пошли М.С., Ольга Леон., пригласившая с собой Степанову, и Н. Аф., после того что выяснилось, что найден Судаков и Н. Аф. свободен от “Горячего”. Кажется, они не высидели до конца спектакля и пошли пить чай.

Сегодня решились еще два дополнительных спектакля у нас: 6-го днем мы сыграем “Рекламу” в пользу нашего (месткомовского) санаторного фонда. Это было пожелание общего собрания, чтоб в гастролях в каждом городе мы бы сыграли для этой цели по спектаклю. А 4-го, еще неизвестно где, будет устроен концерт для компенсации “стариков” с тем расчетом, что “старикам” придется к выдаче не 10 руб. в день командировочных, а еще будет добавлена сумма из расчета прибавки в поездке 100% к месячному жалованию. Так в свое время было при поездке в Ленинград.

Ужасно мне досадно, что наши никак не ответили на сообщение об успехе “Толстяков”. Москвин поздравил от себя, М.С. тоже от себя

(а все думали, что он-то и ответит от всей гастролирующей группы), а все действительно от души радовались успеху и хотели бы, что Вы это знали. Теперь все мы с нетерпением ждем писем, где будет обо всем подробно. М.С. недоволен, что Рипси не пишет. Она, вероятно, Вам сказала, что он ей дал телеграмму, на которую она тоже ничего не ответила.

Я слышала, что Вы решили уехать 10-го. В добрый час! Я думала, что, может, быть, Вам удастся уехать раньше.

Милый Владимир Иванович, шлю Вам, Екатерине Николаевне и Мише самый сердечный привет и желаю всего хорошего, всего самого хорошего. Здесь сидит сейчас Грибунин, который знает, что я пишу Вам. Он просит Вам написать, что он Вам сердечно кланяется и что он был ужасно огорчен, что не играл последнее “Воскресение”, которое Вы смотрели, и потому не видел Вас перед отъездом¹.

149.

Тифлис, 1 июня 1930 года

Письмо № 7

Милый Владимир Иванович!

Я Вам писала последний раз 27-го и перерыв между письмами мне кажется ужасно долгим, вероятно, потому, что за эти дни произошли многие и такие тяжелые события. Тяжелые известия из Москвы потрясли нас чрезвычайно. Уже сообщение о Бендиной, затем о болезни Ливанова, что привело к громадным затруднениям в репертуаре, были ужасно тяжелы, но последнее известие – о Синицыне, – это было уж так трудно перенести, что, я думаю, не было в театре ни одного человека, который не испытывал бы страшнейшего душевного гнета. Милый Владимир Иванович, сколько тяжелых переживаний выпало на Вашу долю с тех пор, как мы уехали! Я все время думаю о том, как ужасно, что Вам – и Вам больше, чем кому-либо, – пришлось перенести все горести, какие обрушились на театр. Мы с нетерпением ждем известий о Бендиной и, боясь плохих известий, стараемся думать, что отсутствие сообщений объясняется только той общей нервозностью, какую вызвала трагическая смерть Синицына. Телеграмма о нем пришла в день премьеры “Федора”, вечером. Кто-то, не вскрывая телеграмму, подглядел ее содержание, но был настолько деликатен, что о телеграмме в театре узнали только несколько человек. И те держали это в секрете, чтобы не волновать участников спектакля. Сказали об этом только после спектакля. Но Москвину даже вовсе не сказали. Люб. Вас. просила, чтоб на ночь ему не говорили. И даже телеграмму от Тарасовой, которая пришла к концу спектакля, не дали ему. Эта телеграмма взволновала особенно сильно. Она была так средактирована, что Синицын покончил с собой в театре. Именно, покончил с собой, а не случайно погиб. Все мы

старались представить себе обстановку, причины, толкнувшие его к такому отчаянному поступку... И только пришедшая вчера от Калужского телеграмма разъяснила нам картину гибели Синецина, конечно, тоже пока приблизительную. Но Калужский обещает подробности письмом. Все мы до сих пор (а ведь знаем мы об его смерти с 29-го) находимся в состоянии ужасного гнета и какой-то тревоги за будущее.

А история с Ливановым и Кудряцевым! Как это ужасно¹. И во всем этом надо разбираться Вам, волноваться, мучиться, негодовать. Такой трудный сезон пришлось Вам провести, милый Владимир Иванович, и столько сил и мучений положить на последний месяц! Вероятно, мои огорчения в письмах о некоторой халтурности и небрежности наших спектаклей кажутся Вам пустяками по сравнению с теми неурядицами, какие происходят в Москве.

Я хотела Вам писать тотчас же после “Федора”, но обстоятельства помешали: 30-го мы получили по договору деньги и решили устроить выплату суточных и жалованья тотчас же, чтоб не рисковать этими деньгами до 1-го числа – ведь хранить их негде, кроме как при мне. В банк же вносить не было смысла. И вот с 30-го у меня громадные платежи, которые я, слава Богу, закончила в два дня, 30-го и 31-го. Кроме этого дела, кроме тяжести настроения от известий из Москвы, с утра 29-го заболел Мих. Серг. У него сделалось злейшее обострение ревматизма. [...] Врач положил его в постель, но М.С. больной нетерпеливый, постоянно встает, говорит, что лежать для него слишком тоскливо. Его берет еще нетерпение оттого, что он очень собирался в Москву, он непременно хотел лично видеть Вас до Вашего отъезда, так он мне сказал. И теперь еще он решает, что 5-го или 6-го он выедет в Москву, но, по-моему, по теперешнему его состоянию таких решений принимать нельзя. Мне приходится бывать у него по несколько раз в день, потому что в номере у него телефона нет, а звать его к телефону, конечно, невозможно, он с трудом передвигается по комнате от стула до стола или другого стула. Курьер у нас здесь, правда, есть, и в случаях экстренности я его посылаю к М.С. с запиской, но курьер служит по 4 часа днем и по 2 часа вечером во время спектакля, а в остальные часы я должна исполнять все роли – и секретаря, и курьера, и кассира, словом, как это бывает всегда в поездках, ничего нового. Но необходимость видеть М.С. вне театра, конечно, отнимает много времени.

Блестяще прошел у нас первый спектакль “Федора”, блестяще и в смысле успеха (давали занавес рекордно – 13 раз), и в смысле исполнения. К сожалению, я не могла смотреть спектакль, т.к. театр был забит публикой до отказа, смотреть было неоткуда, к тому же до окончания спектакля мне пришлось пойти к М.С. Но все участники, с которыми я говорила, начиная от Ольги Леон. и кончая самыми молодыми, рассказывали, что спектакль шел изумительно, главное – от Москвина, который играл так, как давно уже не играл. Ершов рассказывал, что “Отставку” он играл так, что Ершов, играя с ним, весь дрожал от волнения. При таком подъеме общем и Шульга, говорят, был приемлем².

Посылаю Вам вырезку-рецензию о “Рекламе”. Вторая рецензия об этом спектакле, в “Заре Востока”, должна появиться после вечернего спектакля, т.к. рецензент не смог попасть на утренники.

В репертуаре у нас произошло небольшое изменение: мы вчера должны были играть днем “Врата”, сегодня днем “Рекламу”, но здешняя администрация по своим каким-то соображениям отказалась от утренника 31-го и сохранила утренник сегодня, но не “Рекламу”, а “Врата”. Вообще с утренниками у них такая же драма, как и в Москве: с введением непрерывки стало очень трудно заполнить зрительный зал на утренние спектакли³.

Все еще продолжается болезнь связок у Ник. Аф. Врач предписал ему месяц полного отдыха от всякого голосового напряжения. Поэтому в “Вишневом саде” 6-го (сперва была надежда, что Ник. Аф. до 6-го поправится, если до того будет освобожден от всех спектаклей) Петю будет играть Добронравов, а Яшу дают Блинникову, которому, конечно, и хочется играть, и неприятно входить так с кондачка. Вероятно, на днях же будет решен вопрос о дальнейшей судьбе Ник. Аф.: будет ли он сохранен в поездке с тем, что в конце июня он сможет снова играть, или его отпустят в Москву на этих днях.

Я писала Вам о волнениях, которые вызвано назначением нам квартирных денег (тем, кто не живет в гостинице, а на частной квартире) по 2 рубля в день. Поданного труппой заявления об увеличении квартирных М.С. не принял. После этого с ним беседовал Тарханов (как представитель месткома) и в результате этой беседы М.С. распорядился выдать по 2 р. 50 к. квартирных всем тем, кто получает до 100 руб. включит. жалованья в месяц, остальным же сохранить по 2 рубля.

Как всегда бывает, и такое решение не удовлетворило. У нас есть рабочие, которые получают по 104 рубля, и им не пришлось получить прибавки квартирных. А вместе с тем их товарищи, которые получают по 99 и 96 руб. (низшие наши ставки для наших рабочих), сразу очутились в лучшем материальном положении, чем они, получающие всего на 5 руб. жалованья больше в месяц. В общем, вероятно, этот вопрос будет поднят недовольными в Москве на РКК. Я знаю, что наши актеры даже ходили в здешний Рабис и узнавали ставки квартирных. И будто бы им там сказали, что ставка в 2 рубля для Тифлиса просто смехотворна по здешней дороговизне.

Жизнь здесь действительно дорогая, наши все стонут, что никакой экономии от поездки не будет. Семейные – те еще устраиваются, – не надо в Москву посылать денег, да и хозяйство дома ведут, разве только иногда ходят обедать в столовку. А бессемейные – те только и могут питаться в ресторанах (довольно громкое название для здешних столовок и духанчиков), и там они проедают решительно все – и суточные (командировочные), и жалованье. Безденежье особенно заметно для меня, т.к. перед выдачей жалованья, так за неделю, начинается стихийный наплыв жажущих аванса.

Погода для Тифлиса стоит необычная. То были дожди, во время которых и простудился-то М.С., совсем неосторожно гулявший по сырости после приема ванн в 30 градусов. Потом, как вчера, с утра дождь и прохладно, днем – жарища, вечером – духота, ночью – очень прохладно. А сегодня солнце, тепло, но страшнейший, невероятнейший ветер.

Тифлис уже близится к концу, 3 вагона декораций уже ушло в Баку, сейчас каждый день Гудков и Михальский на вокзале, каждый день у нас в комнате обсуждение транспорта и отправок. А я еще так нигде не побывала, даже не подымалась на гору, откуда вечером, говорят, изумительный вид вниз, на город. И непременно хочу я побывать на могиле Грибоедова. Да много где хотелось бы побывать, да уж везде не удастся, хотя бы в самые притягательные места попасть!

Завтра первым уезжает в Баку Федя Михальский. Он решил лететь на аэроплане, платит разницу между аэробилетом и жел.-дорожным из своих средств. Он говорит, что он летит на заработанные на выходах деньги: он ведь здесь выходит в “Бронепоезде” и в “Федоре”. Его первое выступление в “Бронепоезде” было отмечено овациями за кулисами, наши девушки его разыграли, поднеся громадный пакет, ясно обозначавший скрытый в нем букет цветов. Но Федя, сдернувший первую бумагу, обнаружил под ней вторую, и так, под общий громкий смех, он распутывал от бумаги пакет, пока не нашел там... одну розу.

В бакинском репертуаре, видимо, снова предстоят перемены. Во-первых, начинаем мы не с перерывом в один день, т.е. не 8-го, а 7-го, причем Степанова, для того чтобы участвовать там в открытии “Братями”, накануне из Тифлиса уезжает тотчас же после “Вишневого сада” – нашелся такой ночной поезд. Но на всякий случай, на случай возможного здесь опоздания поезда, накануне туда отправляется Вронская, которой дана роль фрекен Ховинд во “Вратах”. Если поезд Степановой опоздает – Вронская выручит. Затем 8-го и 9-го пойдет в Баку “Дно”, а с 10-го они просят дать “Федора”, из-за чего идет уже разговор, т.к. и в смысле отправки трудно перевезти так быстро “Федора”, который здесь мы отыграем сегодня, и в смысле монтировки на такой скверной сцене, как в Баку.

Писали ли Вам уже, что в Харькове сцена так мала, что ни “Федор”, ни “Горячее” там не пойдут? Да и “Бронепоезд” будет трудно установить – “Насыпь” и в Баку, и в Харькове будет ставиться по упрощенной декорации Дмитриева⁴.

Милый Владимир Иванович, стало быть, я Вам пишу в Москву только из Тифлиса (из расчета, что Вы в Москве до 10-го), а уж из Баку буду писать в Берлин, на Ранкештрассе, правильно я решила? Я счастлива за Вас, что Вы едете отдыхать, и от всего сердца хочу, чтоб Вам это удалось как можно полнее и радостнее.

Шлю самый нежный привет дорогой Екатерине Николаевне, Вам и Мише и желаю Вам всем здоровья и сил. А Миша едет с Вами? Рипси так и не пишет мне ничего!

Приехал Дмитриев и сказал, что Вы выглядите усталым и раздраженным. А это было еще до болезни Бендиной, до смерти Синицына, что он Вас видел. Я все время думаю о Вас, милый Владимир Иванович, сердце болит, что столько трудностей пришлось Вам перенести.

Всего, всего хорошего!

Тифлис, 5 июня 1930 года

Письмо № 8

Милый Владимир Иванович!

Это последнее мое письмо к Вам в Москву. И последнее из Тифлиса, т.к. сегодня уже надо сдать пишущую машинку и все папки с бумагами. Словом, сегодня мы уж все как на угольях, все спешат, что-то покупают, что-то спешно в городе осматривают, готовятся к отъезду. Сегодня ночью выезжает в Баку Гудков.

Завтра днем мы играем “Рекламу” в пользу нашего театрального санаторного фонда. Несмотря на то, что афиша расклеена всего только вчера вечером, ожидают полного сбора, т.к. все последние наши спектакли идут при аншлагах и спрос на билеты страшно велик. Сегодня вечером в Драматическом театре им. Руставели идет концерт при участии наших стариков, из сбора которого будет сделана прибавка к командировочным наших высокооплачиваемых актеров. Программа составлена из:

Стихи и чеховская проза в исполнении Ольги Леон.

Отрывки из “Воскресения” и стихи Есенина и Маяковского (Качалов)

“О податях” Толстого и монолог городничего (Москвин)

Стихи Блока (Коренева)

“Хирургия”, “Злоумышленник”, “У пушки” (Москвин и Грибунин)

Сцена из “Горячего сердца” (Тарханов, Грибунин и Шевченко).

Завтра в половине шестого, после “Рекламы” уезжают все те, кто свободен от вечернего “Вишневого сада”. А занятые в “Вишневом” едут 7-го. С ними еду и я, проводив Мих. Серг. и Ник. Аф. 6-го в Москву. Мих. Серг. поправляется, уже стал выходить. Его первый выход в театр был 3-го вечером, на “Рекламу”. Закончился он довольно плачевно для настроения участников спектакля, да и самого М.С. После первого акта он сделал в резкой форме замечание Станицыну по спектаклю. И, кажется, Комиссарову. Этот-то смолчал, а Станицын с ним сцепился. Он ему выговаривал за то, что тот перегрузил роль трюками, не прошедшими через утверждение режиссуры. Станицын возразил, что эти трюки были Вами одобрены на предпоследнем московском спектакле “Рекламы”, после которого Вы говорили с исполнителями о ролях и спектакле и одобрили выдумки Станицына. (Речь шла о моменте, когда он пудрит Рокси ее пуховкой, о том, что он перед аппаратом старается повыше открыть ногу Рокси, о том, что он, снимаясь за покойника, приподымается и что-то говорит.) М.С. не согласился с репликой Станицына. Тот вски-

пел, сказал: “Значит, я вру?” – “Да, врете”, – ответил М.С. И Станицын в запале ответил дерзостью: “Нет, тогда вы врете!” М.С. записал его за загрязнение текста и ввод трюков в резких выражениях в протокол. Станицын было хотел ответить чрезвычайно резким письмом, но внял всем нашим уговорам, пошел и на следующий день объяснился с М.С. и инцидент считается ликвидированным. На М.С. этот случай произвел неприятнейшее впечатление. Но надо сказать, что и на участников “Рекламы” это подействовало так угнетающе и вместе с тем волнительно, что спектакль со второго акта пошел на понижение и закончился всего пятью занавесами, тогда как “Реклама” всегда у нас проходила “на ура”.

Сегодня мы играем для партсъезда “Бронепоезд”, причем в середине дня вдруг к нам обратились с категорической просьбой начать спектакль в 10 часов вечера. Это важно участникам съезда ввиду их занятости на заседаниях. Хотя М.С. никак не сочувствовал этому, но пришлось согласиться. Так что спектакль окончится не раньше двух – половины третьего часов ночи. Ужасно!

Милый Владимир Иванович! Я с такой громадной радостью получила и читала Ваше письмо вчера. Спасибо, спасибо за все! Слава Богу, наконец-то Вы едете отдыхать.

Я рассмеялась, когда прочитала Вашу приписку в конце письма, что бумага “голливудская” – рассмеялась громко, потому что, развернув письмо, я как раз подумала: старая знакомая – голливудская бумага, голливудский адрес, телефон.

М.С., вероятно, осветит Вам всю нашу жизнь первого гастрольного города. Он говорит, что эта поездка как-то чрезвычайно ярко осветила для него многих наших актеров.

Хоть все наши и кляли поездку, кляли Тифлис, жаловались на скуку, но, по-моему, вовсе неплохо провели время. Третьего дня, например, на 2 дня в Батум поехал развлекаться Володя Баталов, а Судаков с Еланской, Ершов и Шевченко отправились в прекрасной машине, предоставленной каким-то поклонником театра (этот поклонник тоже поехал с ними), отправились во Владикавказ по Военно-Грузинской дороге. Они выехали в 4 часа дня, ехали до 12 часов ночи, останавливаясь для прекрасных угощений, потом переночевали во Владикавказе и в 11 утра выехали обратно, опять с остановками для еды и питья. Приехали они в Тифлис часов в 9–10 вечера в полном восторге от путешествия. Вечера ночью компания наших актеров (Баталов, Андровская, Станицын, Прудкин и Хмелев) опять-таки при содействии и в сопровождении поклонника театра – уже другого – ездили на машине в Мцхет на ЗАГЭС, потом по городу и вверх по горе, в Ходжоры, захватив путь по части Военно-Грузинской дороги. И опять, конечно, полный восторг.

2-го июня Вербицкий здесь играл теннисный матч Москва – Тифлис и – увы – позорно проиграл при счете 6:1. Многие из нас были на состязании, я тоже, и ужасно огорчились, хоть и были к этому готовы: ведь Вербицкий совсем не тренируется. А противник его – грек Гомер,

которого Вербицкий в Москве на состязании обыграл шутя, видимо, готовился к состязанию усиленно, и вообще в нем чувствуется настоящий спортсмен, чего нет в Вербицком при всей “классности” его игры. Вечера был назначен реванш, но погода стояла дождливая, мы решили, что состязаний не будет, и не пошли. Они, однако, состоялись, но как будто не по всей форме. Вербицкий играл, как говорят, замечательно сильнее, но все же не так, как он может.

Милый Владимир Иванович, до свидания. Желаю Вам и Екатерине Николаевне (и Мише, если он едет с Вами) хорошо отдохнуть и поправиться, хорошо пожить в знакомых местах и хорошо встретиться с родными и друзьями. Словом, чтоб все у Вас было хорошо.

151.

Баку, 13-го июня 1930 года

Письмо № 10

Милый Владимир Иванович!

Номера писем у меня в голове спутались, последнее из Тифлиса, что повез Подгорный, было № 9. Во всяком случае, это письмо – первое из Баку. Мне стыдно, что я только сегодня пишу Вам отсюда, когда спектакли здесь мы начали 7-го, я приехала, правда, 8-го. Но все же целых 5 дней прошло, много премьер наших. Но если б Вы только знали, в каких кошмарных условиях приходится здесь работать, в каких отвратительных условиях пришлось мне сначала жить, а некоторые и до сих пор так живут. Квартирный вопрос здесь очень сложен. Все мы стремимся жить на частных квартирах, т.к. гостиницы, которые предоставляют нам – младшему составу – очень плохи, а жизнь там стоит дорого, нельзя хозяйничать по утрам и вечерам, надо ходить пить чай или в ресторан, что дорого, или в какие-либо столовки, где очень грязно. В Тифлисе все мы очень удачно разместились, поэтому здешние квартиры, их плохое оборудование, отсутствие самых примитивных удобств, привели нас в отчаяние. К тому же я попала в дом, в подъезде которого каждую ночь спят человек шесть беспризорных, разводят неопишущую грязь, грубят, и даже среди бела дня напали на Вареньку Вронскую, живущую со мной в одной квартире, стали тащить у нее из рук сверток, а когда она не дала его, побили ее по голове и по уху. Она бежала вверх, не помня себя от страха, а беспризорный ее догонял и ударял по голове. У Елиной на улице беспризорный выхватил пакет с булочками и убежал. У меня выбил из рук пакет с папиросами, но коробки разлетелись и подобрать их он не успел, т.к. подбежали проходившие люди и прогнали его. И такое воровство, хулиганство и озорство на каждом шагу, – что за город! В квартире нет самых минимальных удобств, воду дают страшно скупо, т.к. за каждое ведро берут деньги, водопроводный кран

под замком, если брать воду – все это строго контролируется. Из-за скудости или из-за бедности водой здешние жители пользуются мало, грязь поэтому повсюду отчаянная. Некоторые наши поселились в квартирах во вновь выстроенных домах. Мы, устроившиеся плохо, сильно им позавидовали. И вдруг узнаем – они погибают от клопов. Это в новых домах! Промучившись три дня в этой ужасной обстановке, выдержав недовольные взгляды хозяйки, когда просишь воды и еще воды, и еще воды, перенеся ужасную ночь, когда у нашей хозяйки случился невероятнейший припадок, во время которого она кричала нечеловеческим криком, билась, разбила балконную дверь, изведаясь в поисках лучшей комнаты (я еще боюсь беспризорных из-за бывших при мне постоянно больших казенных денег), я наконец устроилась более прилично. Не подумайте, что мы все устроены где-то на окраине. Все мы живем в центре, вблизи театра, а моя бывшая квартира была в двух минутах ходьбы от театра. Теперь я поселилась в доме рядом с театром, живу у женщины-врача. У нее тихо и спокойно, но комнаты так расположены, что никак невозможно быть только у себя, ее жизнь поневоле как-то переплетается с моей. Правда, я бываю дома очень редко, но по утрам и по вечерам ей, одинокой и скучающей, удается меня заговаривать до усталости. Есть одно неоспоримое достоинство в этой квартире – чистота и наличие европейских удобств.

Но занятость моя не была связана очень сильно с житейскими неурядицами. Здесь в Баку вдруг оказалось столько работы по кассе, столько выплат, столько писания ведомостей, – приходится крутиться, как белка в колесе. При этом помещения в театре ужасны, тесны, грязны, недостаточны для нас по площади и по количеству комнат. В уборных тесно, с трудом разместились даже на таких несложных пьесах, как “Дно”. Для нас, администрации, с трудом отбили комнатку размером примерно с уборную Москвина, может быть, чуть-чуть больше. В этой комнате стоят три стола для бухгалтера, Нины Серг. и меня, 1 шкафчик для документов, 5–6 стульев. Занимаемся здесь мы трое и Федя, у которого стола нет за недостатком места и который пользуется нашими столами. Тут же в комнате помещаются помощники режиссера. И вся та публика, которая приходит к нам по делам – за письмами, за деньгами, за справками. Наша контора в Тифлисе, показавшаяся нам ободранной и невзрачной, теперь представляется нам чудесным салоном, где можно было дышать и работать.

М.С. до сих пор в Москве, как, впрочем, и должно было быть. Мы от него не имеем никаких сведений о времени его возвращения. Были только телеграммы Хмелеву о “Первой Конной” и Москвину о срочной высылке в Москву пяти тысяч¹. Мы выслали, но со скрежетом зубным. Мы сами совсем без денег, живем тем, что берем вперед в счет договора, и как будем заключать сезон и расчеты с УЗП, – не знаем. Выплывают постоянно новые расходы, сметы давно превышены, да они и составлены были “перстами робких учениц”. Транспорт стоит громад-

ных денег – я говорю о погрузке и разгрузке декораций и другого имущества. Это делается за наш счет, УЗП платит только за жел. дор., а все остальное – из нашего кармана. Погрузка в Тифлисе проходила в ужасных условиях. Федя уехал оттуда 2-го, когда были погружены только 3 вагона отыгранных пьес, Гудков поехал 5-го, последнюю же погрузку пришлось делать нашему бухгалтеру, человеку совсем неопытному. При этом все последние дни с 4-х часов шел проливной дождь, иногда совершенно тропической силы. И вот под этим дождем и ураганом, не прекращавшимися часами, приходилось грузить декорации. Поэтому “Вишневы сад” пришел сюда сильно попорченный. А сроки перевозки! “Рекламу” мы играли там 6-го днем, а 10-го она уже была назначена здесь премьерой. Декорации пришли только 9-го вечером, ночью их возили, днем стали монтировать на сцене. Корзины с костюмами и электроарматура пришли только к 6 часам вечера, так что свет вывернуть не удалось. Было множество накладок, некоторые ужасающие для актеров. Например, во втором акте, в самом начале, когда надзирательница говорит: “Не волнуйтесь, платье вышло на славу” – кто-то, видимо, по неопытности, дал сигнал, и пошел занавес. Лесли с ужасом вдруг услышал с другой стороны шум задерживающегося занавеса и бросился туда, к рабочему². Занавес снова открыли, спектакль продолжался. Но самочувствие актеров! Всех вещей Андровской почему-то не нашли в корзинах, не было ее комбинаций-белья, ей пришлось играть в том, в чем она пришла в театр. “Вишн. сад”, который следует ремонтировать, особенно 3-й акт, был назначен на 15-е, и можно было бы успеть все сделать. Но “старички” решили 15-го устроить концерт по типу тифлисского, чтобы выработать себе прибавку к командировочным. “Вишневы сад” переставили на 13-е, для его ремонта будут работать ночью, правда, за счет прибыли с концерта.

Я Вам еще не написала о закрытии спектаклей в Тифлисе. Меня до того переполняют все наши дела, что собрать мысли и стройно уложить их в письме мне не удается. Да еще обстановка, шум, гам кругом, постоянное отрывание меня для выплаты денег мало этому способствуют. Вместе с тем, милый Владимир Иванович, я хочу непременно сегодня Вам написать хотя бы сумбурное письмо, т.к. завтра у меня громадная работа по проверке кассы перед большой полумесячной выплатой денег, а 15-го и 16-го – самая выплата.

Тифлис кончали мы в страшной спешке. 6-го днем играли “Рекламу” для сан. фонда. Играли при очень неполном зале. Чья тут вина – не разберешь. УЗП не давало разрешения на афишу что-то числа до 4-го, оберегая свои спектакли. А вместе с тем их спектакли были абонементные, все распроданы, да и вообще на наши последние спектакли публика ломилась страшно, так что ухищрения УЗП были ни к чему. А наши “общественники”, которым поручено проводить подобные спектакли в поездке, оказались недостаточно настойчивы, воспользовались выходными днями, разъехались из Тифлиса в окрестности, пропусти-

ли сроки. Словом, говорят, весь сбор был четыреста с чем-то рублей. После “Рекламы” тотчас же выехала большая группа актеров в Баку. Поэтому в последний вечер в Тифлисе было мало народу у нас за кулисами, было какое-то грустное настроение. В спектакле впервые играл Блинные Яшу, но мне не удалось его посмотреть ни в чем, кроме первого выхода. Ольга Леон. мне его хвалила, особенно за третий акт, за сцену с французскими словами, которую принимали хорошо. Спектакль “Вишневого” вели в большой спешке, т.к. тотчас же ночью уезжали в Баку Степанова (для открытия, “Врат”), Володя Баталов, еще кто-то из технического персонала³. На поезд-то они успели, но накладок из-за спешки было предостаточно. Довольно сказать, что во втором акте Баталов забыл дать сигнал на музыку “еврейского оркестра” и этим смазал всю сцену. Оркестра так вовсе и не было. Спешка с укладкой была такая, что произошел следующий курьез. Мозалевский, выходящий мужиком, в перерыве выходов решил для отдыха снять парик. А гримеры моментально его утанули и упаковали в корзину. Мозалевскому выходить, хватился парика, – нигде нет. Искал-искал – вдруг узнает, что парика-то уже нет, уложили в багаж. Пришлось идти без парика.

Последний спектакль принимался очень хорошо, занавес давали раз 14–15, очень дружно вызывали всех. На следующий день, под дождем мы уехали в Баку в половине 6-го вечера, а “старики” из “Вишневого” поехали скорым, часов в 9 вечера. И попали при отъезде в ужасную бурю, настолько сильную, что Книппер и Коренева, пославшие за извозчиком в 7 часов, не смогли его достать. Им удалось только случаем приехать на вокзал, т.к. их довез на машине случайно оказавшийся в вестибюле обладатель авто – член Правительства. В этот день и в Баку была бурная ночь, а надо было разгружать декорации. Федя и Гудков работали здесь с опасностью для здоровья, разгружая вагоны при помощи местных рабочих. Ветер был такой, что трое рабочих были ушиблены в кровь срываемыми ветром с машин декорациями. Одного из них просто снесло ветром с машин. Декорации разметало по улице так, что пришлось вернуться три раза к этому месту и собирать их. Федя рассказывал, что был момент, когда его и Гудкова подняло вместе с декорацией собора из “Федора” вверх, так что они сделали небольшой полет. Ветер нес декорацию, как парус.

Открытие “Вратами” здесь прошло без меня. Рецензию прилагаю, так же как и все остальные заметки, что до сих пор здесь появились. Спектакль шел с успехом и хорошо, но занавес давали всего 5 раз. Видимо, здесь вообще нельзя судить об успехе по вызовам после спектакля. “Реклама” шла при дружном смехе, а занавес дали 3 раза. “Дно” – 5–6 раз, “Горячее”, которое прошло третьего дня с прекраснейшим успехом, несравнимо большим, чем в Тифлисе, – опять-таки 5–6 раз. Рецензии и заметки все пишутся по одному направлению, нас не слишком-то ласкают.

Ужасная здесь привычка: все двери в зрительный зал на время

спектакля остаются открытыми – для притока воздуха. Но из-за этого голоса актеров раздаются страшно гулко, я пробовала слушать кусочки спектаклей из проходов в партере – очень трудно разобрать текст, и я слышу, как сидящие на боковых местах зрители переспрашивают соседей: “Что он сказал? Что она сказала?” Вчера уж я увидела, что были открыты только боковые двери, двери же в конце партера были закрыты, чтобы как-то удержать звук голоса исполнителей. Правда, в окружающем зрительный зал фойе тихо и опоздавшую публику держат на улице, где она чуть ли не в драку вступает с билетерами. Театр очень большой, но всего в 2 яруса – партер с ложами и балкон. Мест, кажется, 2 250. Расценка страшно высокая. Есть право на скидку, вероятно, у служащих. Но и при скидке места оказываются ужасно дорогие. И при этом, как говорят, дорогие-то места лучше расходятся. Первые ряды они пустили по 6 руб., но понижение цены идет медленно, так что последние ряды стоят что-то три – три с полтиной.

Первые дни стояли довольно прохладные, со вчерашнего дня наступили жары. Сегодня, говорят, настоящее пекло. Я пришла рано в театр, не заметила. Да и идти-то мне всего минута. Вчера был массовый выходной день (всегда бывает при “Вратах царства”), многие наши поехали за город на козу купаться. Станицына и Андровскую даже укачало в пути, они шли на парусной лодке. А там при купанье Комиссаров напоролся ногой на бутылку, порезал ногу и сегодня выбыл из спектаклей (утром “Дно” – Алешка, вечером “Вишневы” – гимназист). Все это так осложняет жизнь и распределение ролей и выходов, что у Нины Серг. пухнет голова. К тому же опять какие-то перемены в репертуаре, опять летит весь составленный план выходных дней... УЗП все время и в Тифлисе и здесь по своим каким-то соображениям меняет репертуар. Было еще одно увечье у нас – Ершов во время “Горячего” неудачно встал на колени в “Лесу”, сильно, в кровь, расшиб колено, хромал...⁴ Но сегодня он уж играет Сатина и нога у него прошла.

Сюда пришло письмо от Никитина Судакову с предложением известить Колумийцеву и Жильцова, что они сокращаются на будущий год. Судаков не решается это им объявить и послал какую-то телеграмму-запрос в Москву. Ответа почему-то до сих пор нет, хотя сроки прошли немалые. Список московских сокращений ни Никитин, ни Калужский сюда не сообщили. Вместе с тем объявить надо за месяц до конца сезона, т.е. до 17-го. Ближников, конечно, уйдет из театра, если жену сократят. Это он твердо решил. Вопрос этот его волновал все время, много раз спрашивал он у меня в Тифлисе, не знаю ли я окончательно чего-нибудь об его жене. Думаю, что он уйдет в тот Шахтинский театр, в который вошли все наши: Гиршман, Марина⁵. Он мне говорил, что предложение у него уже есть и ему надо только знать, останется его жена в театре или нет. Если нет, значит, и он уйдет. Жильцов, по-моему, и не подозревает, что может быть сокращен.

Все свободные часы наши проводят на морском бульваре. Это,

пожалуй, единственно приятное место в городе. Там же и обедают, на полплавке. Свободные от спектакля ездят в местный “сад Ойсли”, где сейчас идут концерты (симфонические) под управлением француза Рене Батона. Сегодня его последнее выступление. Я была там раз, с наслаждением слушала Вагнера. И сегодня хочу поехать из-за Патетической симфонии Чайковского. Но не знаю, смогу ли, страшно много денежных расчетов и записей документов, которых, после переезда из Тифлиса, навалили мне массу.

Милый Владимир Иванович, Вы уехали из Москвы, и теперь мы сможем знать о Вас только от Вас. Пожалуйста, хоть несколько строк – с перерывами, – но пишите нам. Из Москвы мы знали о Вас из писем от наших театральных. Или Вы хотите забыть о нас, о Москве и отдохнуть от писем и дел? Нет, 5–6 строчек ведь не очень трудно написать, только о себе – как Вы живете, радуетесь ли Вы, есть ли у Вас чему улыбаться. Скажите, пожалуйста, Ек. Ник., что я ее нежно целую и желаю счастья. И Вам тоже – от всего сердца. Крепко жму Вашу руку.

152.

Баку, 19 июня 1930 года

Письмо № 11

Ужасающая жара, милый Владимир Иванович! Дышать можно, только начиная с 5 часов дня, приятно бывает только вечером.

Третьего дня около 12-ти ночи приехал Мих. Серг. И сразу очень рассердился. Приехал он с женой – для нас почти неожиданно. Уезжая из Тифлиса, он сказал Феде: “Я Вас извещу, как я приеду, один или с женой”. И ни о чем не известил. О дне своего выезда он упомянул только в телеграмме к Москвину, где было сказано: “Выезжаю 15-го”. Федя думал и гадал, но решил, что он едет один. Приехали мы с Федей на вокзал 17-го встречать его. И вдруг Федя, глядя в окна подходившего и проплывающего мимо нас международного вагона, присел от ужаса: “С женой!!!” А номер в гостинице был взят на одного. Да еще с номером вышла такая накладка. Федя облюбовал один, ему его пообещали, а 17-го днем вдруг объявили, что номер будет занят до 18-го, а ночь на 18-е театру предоставляется временно другой номер, гораздо хуже. Это уже было плохо, т.к. Мих. Серг-чу всегда неприятны такие “временные ночевки” – нож острый. А на вокзале Федя мне сказал еще худшее: что и этот временный номер весь день был занят одним персом-дипломатом (переполнение гостиницы объяснялось тем, что приехала большая группа персов, занявшая множество комнат), который должен в ночь выехать, но, пожалуй, к 12-ти, к приезду М.С., не выедет. И действительно,

приехали мы все в гостиницу, – номер еще занят. Мы сидим внизу, в вестибюле (ничуть не похожем на любой европейский вестибюль), Федя, несчастный, пристает к портье, носится по коридорам, а перс никак не выезжает из своего номера. Жена М.С. валится на спинку кресла от усталости, он волнуется и злится, я в совершенной растерянности и беспомощна чем-нибудь помочь. Наконец Федя сообщает, что перс выехал и номер прибирают. А потом, уже успокоенный, приглашает нас идти в комнату. Перед дверью комнаты последняя неудача: нет ключа в двери, а портье уверяет, что он там должен быть. Снова остановка и ожидание, беготня Феде вниз, вдоль коридора к служащему, затем появляется ключ и номер открывает перед нами свое скромное убранство. На следующее утро они получили наконец облюбованный Федей номер и, кажется, теперь вполне довольны.

М.С. привез рассказы о Москве и выслушал наши повести. От него и из московских писем я узнала подробно о Вашем отъезде, наполненном цветами в энном количестве, о том, что Вы уехали в хорошем настроении. Потом мне рассказали и писали о собрании, которое было 14-го относительно сокращений. На собрании выступали обиженные, причем настолько глупо и резко, что “угробили” себя в глазах и своих товарищей по театру, и даже, как говорят, испортили мнение о себе в других театрах, где могли бы работать. Со стороны театра, говорят, был дан единодушный и решительный отпор. Здесь сокращение прошло довольно тихо. Коломийцева, как я Вам писала, была к нему готова. Блинные, который хотел уходить из-за ее сокращения, пока об этом не говорит. Очень остро принял сокращение Жильцов, которому оно показалось громом среди ясного неба. Говорит, он хочет подать в суд, т.к., видимо, все другие инстанции для сокращаемых заказаны, везде все “согласовано”. Мучается этим и Тихомирова.

Одновременно посылаю Вам номер здешнего журнала, в котором есть статья и рисунки к нашим спектаклям.

Наша жизнь и спектакли протекают тихо. Уже отыграли “Горячее” и оно вчера уехало в Москву. Отсюда же прямо в Москву уйдет декорация “Федора”. Все перемены в нашем репертуаре привели к тому, что “Бронепоезд” сильно отодвинули и под конец нашего пребывания репертуар здесь такой: передышки 23-го (“Вишневы”) и 27-го (“Федор”), остальные дни все “Бронепоезд”. Харьковский репертуар уже намечен, но Вы видите, насколько стойки наши намеченные репертуары. Все они страшно легко меняются по желанию наших антрепренеров. Мы открываем там 1-го “Дном”, 2-го “Врата”, 3-го – “Дно” и 4-го – “Вишневы сад”. С концом здешних гастролей получилось так: у нас составлен был репертуар так, что мы в Баку кончали 30-го. УЗП с этим согласилось еще в Тифлисе. Исходя из этого, мы наметили харьковский репертуар с 3-го, давая срок для переезда. УЗП же на основании бездарно составленного договора считало, что у нас в спектаклях не будет ни одного дня перерыва, 30-го мы играем последний спектакль в Баку, а 1-го – первый

в Харькове. Но еще в Тифлисе обнаружилось, что у нас нет ни одного спектакля, который давал бы возможность поставить с ним параллельно другой. Помните, я писала Вам все соображения и сложность устройства переезда Тифлис – Баку. Узнав, что мы никак не можем играть Баку и Харьков без перерыва, УЗП предложило закончить гастроль здесь 28-го, т.к. продажа в Харькове на 1-е уже открыта. Говорят, продажа там идет очень хорошо, поэтому УЗП не только торопит нас туда, но, кажется, хотело бы пролонгировать с нами договор, но вряд ли это будет возможно. Все устали, старики попросили составить репертуар так, чтоб им уехать раньше молодых. И действительно, наметка репертуара такова, что к 11 июля старики освободятся. Пока решен и разрешен отпуск только Москвину. Он сыграет здесь “Вишневый” 23-го и уедет в Москву с тем, что вернется в Харьков на неделю, к 4-му, чтоб играть снова “Вишневый”. Первые два “Дна” в Харькове пройдут без него. Конечно, спектакль при составе: Лука – Тарханов и Истрин – Бубнов – спектакль ослабленный. Хотел уехать на время и Грибунин, но не то сам раздумал, не то М.С. не разрешил. То есть, кажется, Грибунин хотел 24-го уехать вовсе, а М.С. предложил ему уехать, но в Харьков обязательно вернуться. Тогда Грибунин рассчитал, что это ему не выгодно: и суточных лишится, и расход по проезду в Москву и обратно понесет. Шевченко, которой М.С. еще в Москве обещал, что с середины поездки ее отпустит, пошла к нему для разговора и выяснения своих дел. М.С. был с ней обворожительно любезен и так повел разговор, что ей пришлось согласиться не только остаться на весь Харьков, но и сыграть здесь второго “Федора”. А из-за “Федора” у нее была целая история. Федора в Тифлисе оба раза играл Москвин, а в Баку – оба раза назначен Качалов. В Тифлисе премьеру играла Книппер, а второй спектакль попросила дать ей Шевченко. В Баку она (Шевченко) рассчитывала получить премьеру, тем более что она себя считает обязательной в составе с Качаловым. А Книппер считала, что раз Шевченко играла в Тифлисе с ней в очередь, то теперь очередь ее играть премьеру в Баку. И еще – что у нее больше прав на премьеры в этой роли, чем у Шевченко. И старики, к которым она обратилась, тоже порешили, что премьеры за ней. Тогда Шевченко обиделась и сказала, что совсем не хочет играть Ирину, пусть Книппер играет оба раза в Баку. А вот теперь М.С. ее уговорил и второго “Федора” играть. И ходит она совсем расстроенная, как это ей не удалось ничего получить того, что она предполагала, и вместе с тем отказаться никак уж нельзя. Она уж мечтала только на время поехать в Москву, чтоб устроить семью на лето, но и это М.С. ей не разрешил, т.к. ей надо 27-го играть “Федора”, а 1-го уже в Харькове “Дно”¹.

Мне никак не удастся посмотреть здесь наши спектакли, хотя бы в какой-нибудь пьесе один акт. Разве только в полете мимо зрительного зала куда-либо по делу забежишь на минут 5–10 в боковую дверь, где напрягаешь слух, чтоб поймать фразы. Театр страшно гулкий и при открытых дверях голоса разносятся так, что знай слышишь, как публика

спрашивает и переспрашивает соседей о том, что говорится на сцене. Поэтому ничего не могу Вам рассказать о впечатлениях от спектаклей. По рассказам, они проходят обычно. Настроений “гастролей” давно уж нет, да и было ли оно вообще! Так, будни.

Ранение Шуры Комиссарова оказалось довольно серьезным. Если б его тотчас же могли отправить к доктору, чтоб тот зашил рану, – Шура пролежал бы только дня 3–4. Но в первый день этого не сделали от растерянности, на следующий день было два спектакля, все были заняты, и в результате, когда доктора пригласили, оказалось, что сшивать уже нельзя и надо ждать, когда рана сама затянется. А это будет не раньше, чем недели через 2. Вместе с тем, заменив Шуру в выходных ролях, его нельзя было заменить в “Рекламе”, которую он и сыграл с палочкой, в ершовских ботинках. Теперь важно получше выходить его к 22-му, к “Бронепоезду”, где ему надо играть кадета².

Наши все ежедневно куда-нибудь ездят в окрестности, благо репетиций немного. И при этом возвращаются с ожогами от солнца, да как обжигаются! “Туризм” особенно заметен у Судакова, потому заметен, что ему ведь поручено заведование трупой, а заведующего-то не всегда и поймашь. Нина Серг., которая работает массу и при этом великолепно, часто от него страдает и волнуется за судьбу вечернего спектакля.

Да, возвращаясь к нашим репертуарам в Баку и Тифлисе, хочу еще сказать, что у М.С. есть проект начать Харьков даже 30-го, “Вратами”, выписав недостающих исполнителей (Подгорного, Ливанова) из Москвы. Но вряд ли это возможно. Такое сочетание было бы возможно, если б мы здесь кончали “Дном”. Тогда “Врата” хорошо бы разошлись. Но при спектакле у нас 28-го “Бронепоезд” – может получиться халтура либо здесь, либо там.

Договором у нас обусловлено количество спектаклей: 62 вечерних и 10 утренних. Что касается вечерних, то мы все их сыграем, если считать, что Харьков мы начнем 1-го и закроем 17-го. Но с утренниками драма. Их поотменяли и в Тифлисе, и в Баку, так что на Харьков теперь падает 5 утренников. Это в 17 дней! Как выйдут из этого положения, – пока не слыхала.

15-го старики провели свой концерт, продав его за гарантию в 1000 рублей. Все они довольны и гарантией, и громадным успехом. А вот санаторному фонду не повезло. Та “Реклама” утром 6-го в Тифлисе, о которой я Вам писала, что сбора не было, дала чистого всего 190 руб. Хотят сделать утренники еще и в Баку, но остановка за пьесой. Если будут играть “Бронепоезд”, то спектакль можно продать за гарантию в 1000 рублей. Но актерам играть “Бронепоезд” трудно, особенно теперь, когда вообще-то кроме “Бронепоезда” почти ничего и не играет-ся. А другие спектакли продать нельзя, пустить же их без гарантии – нет никакой надежды на сбор больший, чем это было в Тифлисе.

У нас, как и всегда, стоит такой шум и ор в комнате, что мне при-

ходится делать громадное напряжение внимания и памяти, чтобы писать связно. Если это не удалось, простите меня, милый Владимир Иванович, и поймите, что это не от рассеянности, а от ужасающе неудобной для работы обстановки.

Старики наши, кажется, довольны пребыванием в Баку. Они все принимают теплые морские ванны, гостиница “Новая Европа” хорошая, комнаты светлые, комфортабельные, в магазинах продают то икру, то балык, то осетрину...

Пожалуйста, скажите Екатерине Николаевне, что я с большой радостью получила ее прощальное из Москвы письмецо и очень ее благодарю за него. Я хочу снова написать ей и непременно это сделаю, как только немного разгрузюсь от работы ближайших дней. От М.С. я узнала, что Мише не удалось поехать вместе с Вами. Ужасно жаль! И ему и Вам было бы легче, если б он прошел там курс лечения.

Мне совестно просить Вас, чтоб Вы написали мне, но как же иначе мы – думающие о Вас и любящие Вас – будем знать, как Вы живете, в каком настроении, в какой погоде, на каком курорте, с какими радостями и улыбками. А в Харькове наш адрес: Театр им. Шевченко.

Желаю Вам и Екатерине Николаевне всего хорошего, всего самого хорошего!

Вот я пишу Вам отчетное письмо, а доходит до Вас, что я страшно Вас люблю, Владимир Иванович, страшно крепко?!

153.

Баку, 23 июня 1930 года

Письмо № 12

Милый Владимир Иванович!

Неужели и это письмо начать с восклицания: “Какая убийственная жара!” Но, право, до того душно, нестерпимо жарко и томительно в театре, особенно в нашей тесной комнатенке, что только это и в мыслях и на языке у всех, кто сюда попадает.

Сегодня мы играем здесь последний “Вишневы сад”. Аншлаг. И сколько народу не получило билетов! Вообще под конец мы, как в Тифлисе, идем с громадным материальным успехом. УЗП может радоваться – они сильно нажили на этих гастролях. Чего нельзя сказать про МХТ. Первый “Федор” здесь, 20-го, сделал тоже аншлаг, и сбор был, как говорят, 6 с половиной тысяч. Театр здесь очень большой, мест на 2 250. Цены страшно высокие, такие, что еще до нашего приезда была статья, осуждающая МХТ за недоступность. А мы-то тут при чем? Зрительный зал громадный, но не высокий: только партер с ложами и один ярус, который у них разделяется на балкон и 1-й ярус. Но надстройка, собственно говоря, одна, только она внутри разделена и вход в эти отделения разный.

“Федор” имел очень крепкий успех. Я его не смотрела сначала из-за массы работы, потом от усталости. И пошла в зрительный зал только на последнюю картину, которая произвела на меня редко безрадостное впечатление. Народная сцена была такая, что я чувствовала стыд, стоя в зале. Вызывали не очень много раз, это здесь всегда так бывает, но дружно и громогласно. Та же картина была на вчерашней премьере “Бронепоезда”. Переполненный зал, чрезвычайно оживленный прием спектакля и занавесов пять после конца под шумные и дружные аплодисменты. Из “Бронепоезда” я тоже видела только часть последней картины и вынесла то же грустное и стыдное впечатление от народной сцены. Спектакль мы закончили очень поздно, около часу. При этом нужно Вам сказать, что накануне вышло распоряжение о том, что часы в городе переводятся на час вперед. Актеры и собрались на спектакль по этому новому времени. А публика собралась по старому времени, и стало быть, мы начали спектакль по переведенным часам в четверть десятого. Так что фактически, по ныне существующему времени, мы кончили “Бронепоезд” около двух.

В дополнение к сообщенному Вам концу бакинского репертуара придумали еще сыграть на прощанье два утренника: 27-го “Бронепоезд” в пользу санаторного фонда и 28-го “Рекламу” – по договору (ведь мы должны играть всего 10 утренников, я Вам, кажется, писала обо всех этих расчетах и о том, что на Харьков падает 5 утренников). А 28-го мы закрываем здесь гастроль и в ту же ночь выезжаем в Харьков. Актеры подняли вопль: как же уложить вещи, когда же свезти их на вокзал?! Кажется, теперь решили 27-го играть “Рекламу” по договору, а для санат. фонда вовсе спектакль не играть. Действительно, так загнать актеров в два последние дня пребывания в городе – слишком жестоко. И то ведь что приходится делать в день отъезда: спектакль (“Бронепоезд”) начнут в половине 8-го (вместо четверти 9-го), и только при этом все участники, даже играющие в последней картине, рассчитывают успеть разгримироваться и приехать на вокзал.

Сегодня уезжает в Харьков Федя передовым, 25-го – Гудков. Завтра едет в Москву Москвин. Москвина все хотели уговорить здесь остаться до 26-го, это здешнее УЗП, наш антрепренер. Но вряд ли им это удастся. Дело в том, что УЗП дает нам здесь банкет на крыше гостиницы “Новая Европа” 25-го числа. Сначала они назначили 22-е. Но получили телеграмму от управляющего зрел. предпр. Калантарова, чтоб банкет отложили, т.к. он хочет сам на нем непременно быть и специально для этого летит сюда на аэроплане к 25-му. На их запрос о возможности перемены даты мы ответили, что МХТ не возражает, но что Москвин к этому времени уедет (они просили, чтоб непременно все актеры были, даже отъезд Феда до 25-го их огорчил). Вот они и решили сами лично просить Москвина остаться. Не знаю, удастся ли им. Судя по тому, что Федя хлопочет о билете для Москвина на завтра, Москвин был непреклонен в своем решении уехать. Банкет они хотят сделать очень торже-

ственный. Я видела список приглашаемых – все правительство, представители прессы.

Но если УЗП нас так фетирует, то пресса не ласкает. Сначала появилась весьма неблагоприятная статья о “Вишневом саде”, которую я прилагаю, а затем, с оттенком дерзости, статья вообще (“о рассуждениях т. Гейтца”...). М.С. очень рассердился и разразился ответом, который я сегодня отправила в редакцию журнала с просьбой напечатать в следующем номере. Копию его статьи я тоже прилагаю. И еще отзывы в том же журнале “Рабочий зритель” о “Вишневом саде” и в “Бакинском рабочем” о “Рекламе”.

Вы в контакте с Марковым о решениях худсовета? Мы получили телеграмму, что единогласно первой постановкой сезона принят “Хлеб”. О “Первой Конной” голоса разделились (6 и 6) и вопрос, видимо, передается на решение дирекции. Ваше отношение к пьесе мы знаем, М.С. к ней заметно и сильно охладел, так что можно думать – ее в нашем репертуаре не будет. Хмелев очень огорчен, он столько вложил мыслей и мук творчества в планы и мечты о постановке. Настроение его очень грустное.

Вопрос о сокращении продолжает волновать лиц в этом заинтересованных – Жильцова и Тихомирову (они у меня просили Ваш адрес и я, конечно, дала), Блинникова и Коломийцеву. Последняя очень взволнована сообщением из Москвы, будто там делали испытание ученикам ЦЕТЕТИСа¹ и приняты пять человек (нужно было принять 10), из них три женщины. А Коломийцева понимала свое сокращение так, что у нас слишком много женщин. Если же принимают все же – значит, основание для ее увольнения другое. Она меня спрашивала, знаете ли Вы, что в числе цететисовских учеников принимают и женщин.

Сегодня получила из Москвы пересланную сюда открытку от Тренева, из Баденвейлера. Он спрашивает о Вас, не увидит ли он Вас за границей.

Будьте здоровы и счастливы, милый Владимир Иванович. Кланяйтесь от меня Екатерине Николаевне и скажите, что я хорошо помню, что в Харькове надо устроить на спектакли М.Е.Бурого. И про Утемова я тоже помню, мне про него и Сергей Львович написал.

Всего хорошего! Желаю удачного отдыха.

154.

Баку, 27-е июня 1930 года

Письмо № 13

Милый Владимир Иванович!

Завтра у нас последний спектакль здесь, сегодня два спектакля. Можете себе вообразить, какая спешка и суeta вокруг. К тому же реше-

но, ввиду общего безденежья выдать жалование здесь перед отъездом, на несколько дней раньше обычного срока. А тут еще из этого жалования срочно надо делать вычеты для Рабиса за 2 месяца, словом, канители масса и выплата проходит с объяснением каждому, что, как и почему. Сегодня вечером уезжает с нашими рабочими машинка, поэтому отсюда это последнее мое бакинское письмо. Это потому, что здесь условия работы были ужасающие. Не видя их, вероятно, трудно их себе представить.

Сейчас идет утренник “Рекламы”, скоро кончается. А у нас идет спешная укладка канцелярских всех наших принадлежностей, книг, дел и пр. Стало быть, утренник 28-го ввиду трудности отъезда актерам после двух спектаклей тотчас же, в ночь, отменен. Сегодня идет “Реклама” в пользу нашего санат. фонда. Сбор, кажется, неважный. И на Харьков осталось 5 утренников. Уж не знаю, как они их распределят. Боюсь, что вступят с нами в переговоры о замене утренников вечерними, и это будет уже после 17-го. Воображаю, как завоют актеры!

Вчера вечером произошло чествование театра. Это вышло так: вместо предполагавшегося банкета, о котором я Вам писала подробно, было предложено, что чествование официально состоится не в ресторане (пожелание правительства), а на сцене театра, что же касается встречи с работниками театра на более интимной почве, то ее сделать на следующий день в ресторане “Новой Европы”. И вот вчера, при переполненном зрительном зале, было объявлено чествование, о чем известили публику через газеты. Спектакль начали в 7 часов, чтобы дать время для речей, и при этом было решено и объявлено публике, что спектакль кончится шестой картиной (“Башня бронепоезда”), т.е. “Фанзы” и “Депю” не будет, поставили рядами стулья вдоль рампы, все наши полностью (актеры, рабочие, служащие) там были посажены. Сбоку стоял столик, за которым сидел управляющий зрел. предприятиями Калантаров, открывший заседание приветственной речью. Затем были речи от Наркомпроса, Совета профсоюзов (с поднесением адреса в бюваре с серебряной крышкой), от Бакинского совета, от рабочих объединенных заводов, от Тюркского театра. Затем ответное слово взял М.С., который говорил очень хорошо, проявил знание местных условий жизни, местного строительства, нефтяного дела и имел громадный успех. Все речи ораторов тоже принимались публикой хорошо, после каждой из них делались овации театру, мы все вставали и кланялись. Темы были общие и много раз уже слышанные и читанные всеми нами – о приближении нашего театра к рабочей аудитории, о необходимости подбора нового репертуара, об изжитии старого репертуара. Все говорили много лестного о прошлом театра, но во всех речах сквозили пожелания театру встать на новый путь. Это и понятно: ведь мы не привезли сюда своих последних работ, так что новый репертуар театра представлен только “Бронепоездом” и “Рекламой”, о которой некоторые ораторы, не в пример прессе, говорили чрезвычайно лестно.

Сегодня вечером после “Федора” состоится ужин на крыше “Новой Европы”. Наши хозяева настолько гостеприимны, настолько хотят видеть всех у себя на ужине, что внесли много изменений в первоначальный наш план отъездов. Так, они уговорили М.С. оставить здесь Федю, который должен был ехать передовым еще 23-го. Но после того как банкет, предполагавшийся 22-го, перенесли на 25-е, а потом на 27-е, Федя не выдержал и уехал 26-го. Думаю, что из-за этой задержки ему придется в Харькове жарко в деле поисков помещений для нас и устройства всяких дел. Сегодня ночью предполагали уехать Грибунин и Тарханов, но опять-таки УЗП уговорило М.С. оставить их до завтрашнего утра в Баку. Завтра рано утром они поедут курьерским. Так как 1-го в Харькове мы открываемся “Дном”, отсюда 28-го после спектакля (в 1 ч. 45 м. ночи) едут все те, кто занят в “Дне”. Не удалось получить для них специальных вагонов, не удалось также получить количества билетов, нужного для всех участников поездки. Поэтому едут только нужные для “Дна”, остальные (правда, их немного) уезжают с тем же поездом 29-го. Я еду 29-го, М.С. выезжает с женой 30-го рано утром курьерским, так что попадет к вечеру 1-го в Харьков. Мы же, уезжающие 29-го, попадаем тоже 1-го, часов в 9 вечера.

Все приготовились к тому, что в Харькове будет хуже всего и в смысле размещения по комнатам, и в смысле питания, и в смысле помещений в театре. Но в Харькове есть один плюс – что это последний город поездки, после которого отпуск, отдых, конец работы...

Жизнь наша настолько однообразна, что написать совершенно нечего о ком бы то ни было. Так, судачим по поводу мелких случаев (говорю, судачим, т.к. приходится быть слушателем многих разговоров в нашей комнате, которая заменяет клуб), перебираются всякие старые анекдоты, розыгрыши друг друга. Развлечение, и очень приятное для наших, свободных от спектакля, – поездки на симфонические концерты, кот. сейчас идут под управлением очень приятного и часто интересно дирижера Николая Соколова из Кливленда. Все достаточно нервны, это иногда прорывается, но, в общем, жизнь течет плавно и, в общем, – благодушно. Вероятно, все прилагают массу стараний, чтоб довести поездку до конца без неприятностей.

Сегодня докатился сюда № “Рабиса”, в котором есть отчет бригады по обследованию театров. И там применительно к нашему театру сказано о сокращениях лиц, не имеющих художественной ценности для МХТ, но могущих работать где-нибудь в другом месте. (Я рассказываю со слов других, но сама еще не успела прочесть статью.) И перечислен список сокращенных. Это вызвало всеобщее возмущение наших против такой неделикатности и бестактности. Я пришло Вам в следующем письме вырезку из “Рабиса”, т.к. не уверена, что Вам пришлют из Москвы. На всякий случай.

Будьте здоровы и радостны, милый Владимир Иванович, я так хочу, чтоб у Вас был каждый день прекрасен и приятен Вам. Крепко целую дорогую мою Екатерину Николаевну.

Харьков, 14 июля 1930 года

Письмо № 17

Милый Владимир Иванович!

Остались мы одни, без “стариков”. Как говорила Коренева, уезжая: “Ни папаши, ни мамыши, дома нету никого!” И играем только “Бронепоезд” и “Рекламу”. 11-го утром уехала Книппер, 11-го ночью, тотчас после спектакля, Шевченко, 12-го – Коренева, Тарханов и Качалов. Книппер – в Гурзуф, откуда собиралась Вам писать свои впечатления о поездке, остальные все – в Москву, где будут решать дальнейшее. Москвин уехал еще раньше, 10-го – к себе в Каширу, где он уже побывал во время своей поездки из Баку в Москву.

Вчера вечером неожиданно для себя уехала в Москву М.П. Николаева. Она мечтала остаться до конца поездки, и Судаков ей обещал. Но когда М.С. стал наводить жесточайшую экономию и составлять списки, кого можно отправить из поездки как можно раньше, нагрузив других, Суд. спасовал, жался-жался, но не решился сказать о просьбе М.П., и в результате всего М.П. узнала 12-го, что 13-го она снимается со списка командировочных и направляется в Москву, т.к. ее выхода в “Бронепоезде” сможет исполнить Халютин, ее дублерша в этом, раз Халютин так или иначе должна оставаться ради “Рекламы”. Халютин было протестовала, что театр экономит, нагружая актеров ежедневной работой, но из этого протеста ничего не вышло. Кроме того, из актерского персонала уехала из поездки Еланская, эта уж самовольно, т.е. по своей доброй воле. Дело в том, что сюда в начале июля прислали новый текст киршоновского “Хлеба” для чтения Судаковым. А потом пришел запрос, не сможет ли Судаков приехать в Москву до 15-го, чтоб иметь там свидание с Марковым и Киршоном. Судаков загорелся – ехать и ехать. Хотя не скрывал, что тянет его в Москву главным образом возможность увидеть детей, по которым он страшно соскучился. И вот путем громадных замен, прошедших без единой репетиции, удалось ему освободиться от вчерашнего и сегодняшнего “Бронепоезда” и поехать на день в Москву. А замены были такие: Знобова вместо Судакова сыграл Блинников, за Блинникова (рыбак во 2-й картине, который сообщает Вершинину о несчастье с детьми, и дальше – в “Колокольне”, “Насыпи” и т.д.) – Ларин, за Ларина – Ангаров, за Ангарова (в “Станции” старик-пассажир) – Вербицкий. Все прошло благополучно, но все новые исполнители наволновались достаточно. А Судаков решил, что если он едет, то лучше и Кл. Ник. захватить с собой: в “Рекламе” она свободна, в “Бронепоезде” со вчерашнего дня начала играть выздоровевшая Алеева, а в народной сцене “Бронепоезда” Еланская выходила в очередь со

Степановой, так что тоже могла быть заменена¹. Так что вчера они уехали вдвоем с тем, что она уж не вернется, а Ил. Як. приедет в Харьков 16-го утром, к двум последним плановым спектаклям “Бронепоезда”, не говоря о трех последующих плановых – 18-го и 20-го “Реклама” и 19-го – “Бронепоезд”. Путано это я все Вам описала, милый Владимир Иванович, да в условиях работы здесь, когда кругом стоит шум и гам и постоянно меня отрывают от письма разговорами, справками и просьбой выслать деньги, лучше никак не напишешь.

Из технического персонала со вчерашнего дня освобождены пять человек: портной, портниха, гример, электротехник и маляр.

Продолжаю вечером, перед началом “Бронепоезда”. Также, вероятно, будет трудно сосредоточиться.

Посылаю Вам две рецензии, обе очень хвалебные, особенно на “Бронепоезд”.

Итак, продление наших спектаклей решено, уже сыграны в пользу участников поездки два спектакля в клубе, находящемся почти рядом с нашим театром; этот клуб “Харчо смак”, что значит Клуб пиццеевков, представляет собой прекрасное здание, выстроенное в новом нашем стиле, под Америку. Прелестный театр, приятная небольшая сцена, даже вращающаяся, чистенькие уборные, выходящие окнами в сад... Говорят, что все остальное оборудование этого здания, где помещаются комнаты для всякого спорта и игр, прекрасно. То, что видели мы, всем нам понравилось. А актеры говорили, что не чувствуют никакого утомления от спектакля, который обставлен так приятно. Там играли днем “Дно” и на след. день вечером “Врата”. А три вечерних спектакля с 18-го до 20-го будут идти в нашем же ужасном цирке-театре. Клубные спектакли дали нам 3 000 р., вечерние в нашем театре – 6 000 р. За вычетом расходов по спектаклю (хор, оркестр), на участников поездки придется по рублей сто с небольшим. Было предложение ехать в Екатеринослав с “Вратами”, но Вас. Ив. отказался. Потом шел разговор о трех спектаклях “Рекламы” после 20-го, где заработали бы только участники спектакля, но и это предложение как будто отпало, и все уезжают 20 и 21 числа, в зависимости от занятости в последней “Рекламе”, кто когда освободится вечером.

Сегодня в Красной гостинице, где живут наши “середняки”, была читка новой пьесы Эрдмана, вероятно, для членов худож. совещания. Сначала об этой читке было объявлено всей труппе и она была назначена в театре, но потом отменена². На 15-е была назначена читка “Хлеба”, но Судаков, в спешке отъезда, никому не поручил читку, и М.С., довольный им, послал ему телеграмму, что читку он отменяет. Впечатлений об эрдмановской пьесе еще не слыхала, вероятно, узнаю во время спектакля. Эрдман читал сам, он приехал сюда дня два тому назад.

Да, я пишу Вам обо всем, но не о том, как прошли премьеры “Бронепоезда” и “Рекламы”. Первая – с громадным успехом и овациями во время картин и после. Вторую принимали в течение спектакля хоро-

шо, но занавес удалось дать только два раза. Это, кажется, постоянная участь “Рекламы” в поездке, разве за исключением Тифлиса, где после нее много вызывали. Однако рецензия здесь очень хвалебная.

Все мы живем одним чувством – напряженного ожидания конца поездки. Нетерпение так велико, что чуть начинается спектакль, как уж его вычеркивают на висящем у нас в конторе на стене репертуаре, будто уж его отыграли.

Ершов поправился, у него нормальная температура, но он еще не выходит. Играть уж, конечно, не будет. Поедет, как только немного окрепнет, в Кисловодск. Он счастливо отделался, никаких осложнений после стрептококковой ангины. Доктор говорит, что она была чрезвычайно бурная, но что это именно и способствовало тому, что не появилось осложнений. Алеева и Степанова тоже поправились. Сегодня скис Комиссаров, у него температура 38, но он пришел на спектакль. Теперь ищем доктора. Замечательные порядки: театр на 2 500 человека, дежурный врач здесь, но он – дантист (!!).

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Писать решительно нельзя, я ведь сейчас плачу летнее жалованье, так что рвут меня на части. Сердечный привет и самые лучшие пожелания Вам и дорогой Ек. Ник.

156.

Москва, 1 августа 1930 года

Письмо № 20

Милый Владимир Иванович!

Со вчерашнего утра я в Москве, ночевала в городе. Вчера целый день и вечер провела в театре, работая, как в хорошо и полно занятой день в разгаре сезона. Дело в том, что Рипси наконец получила известие, что ей разрешена поездка к К.С., на которую она почти потеряла надежду¹. Поэтому ей пришлось особенно спешно заканчивать здесь все свои служебные дела, приводить в порядок протоколы, корреспонденцию, папки и дела. Случилось, кстати, много переписки заново протоколов. А у нее врач определил воспаление шестого позвонка, случившееся, вероятно, от непомерной нагрузки ее печатанием на машинке. Ведь она переписывает все пьесы и роли, это ее обязанность, и ей пришлось в конце сезона тяжело, когда надо было переписывать и экземпляры выпускавшихся пьес и вновь принятые “Хлеб” и “Мертвые души”. Словом, Рипси без большого труда, можно сказать – в момент, уговорила меня помочь ей. Вчера мы в четыре руки работали до часу ночи и, по-моему, сделали много. Рипси просила меня и сегодня не уезжать на дачу, так как есть еще много недоделанного. Но мне кажется, что остались все дела такие, какие ей необходимо выполнить самой, в каких я ей помочь

не могу. Хотя кто ее знает, может быть, у нее еще достаточно переписки на машинке, которую я могу делать, не будучи в курсе дела. При этом Рипси меня заманивает обещаниями одеть меня в хорошенький костюм, а я ей грожу, что если это не случится, я просто сдеру с нее первое же новое платье, в котором она придет в театр, нисколько не беспокоясь о последствиях моего поступка.

Вчера очень рассердился на Рипси, а заодно и на меня М.С. – за то, что до сих пор не посланы Вам распределения ролей по “Хлебу”, “Дерзости” и “Мертвым душам”. При чем тут я – не пойму. Вероятно, главным образом я попалась под руку раньше Рипси. Сейчас он сидит рядом в своем кабинете и пишет Вам. Сам сказал, что в этом письме он ругает секретариат за безобразную небрежность. Вчера я как раз и сидела за перепиской протоколов с распределением ролей и приложенными режиссерскими планами, чтоб незамедлительно Рипси отправила их Вам. Мне, Владимир Иванович, и в голову не пришло спросить, посланы ли Вам распределения ролей, т.к. это были дела московские, к которым я не имела отношения и в которые даже не была посвящена, несмотря на то, что протоколы худ. совещания, правда, с запозданием, но пришли к нам в поездку, уже в Харькове. Рипси же действительно допустила “накладку” в спешке и суете окончания сезона, и теперь в ней искренне кается. М.С. сказал мне, что хоть я и не могла знать в поездке московских решений, но должна была с ними ознакомиться по приезду. Это вообще верно, но М.С. не хочет понять, что к концу поездки я была в состоянии, близком к душевному расстройству, и хотела только одного – куда-то уехать, забиться в угол, никого и ничего не видеть, кроме семьи – сестры, детишек, – по которым очень соскучилась.

Вчера получила я письмо от П.А.Маркова, со вложением в него писем для Вас, Тренева и Булгакова. Псылаю Вам не только самое письмо Маркова к Вам, но и переписанную с него на машинке копию, т.к. я подумала, что читать невероятнейшие каракули Павла Александровича Вам будет трудно. Кроме того, посылаю Вам копию письма Маркова к Треневу. Тренев как раз вчера был в театре, как я поняла, уж не в первый раз. Он разыскивает последний вариант своей пьесы, которую он прислал Маркову еще в конце мая². Хочет его послать Вам. А Пав. Ал., видимо, куда-то его так запрятал, что мы не знаем, где искать. Тренев, как я поняла, уже имел беседу с М.С. в те дни, когда он был здесь до вчерашнего дня. Вчера он тоже беседовал с ним. М.С. сказал ему, что пьеса его не включена в репертуар будущего сезона, что худ. совещанием она отклонена, о чем есть постановление, и что Пав. Ал. поручено было известить его об этом. Тренев явно огорчен и грустен. Сказал мне, что от разговора с Вами в Берлине вынес впечатление, что пьеса его пойдет в работу с самого начала сезона. А тут такой афронт. Как не везет ему с нашим театром!

Псылаю Вам еще письмо от Веры Александровны³. Увидела его и сразу подумала, как я перед ней виновата: хотела написать ей из поездки, да так замоталась, что из головы об этом мысль выскочила.

М.С. по-прежнему бывает ежедневно в театре. Он получил путевку в Сочи, откуда будет ездить брать ванны в Мацесте. Но место его в санатории только с 16 августа, так что он выедет из Москвы 14-го. Сегодня М.С. получил известие из Наркомпроса, что театру разрешен кредит в банке на 70 000. Это, конечно, очень приятно.

Сегодня я получила заказ от театра – переписать роли “Хлеба”. Для этого я приеду на несколько дней с дачи в Москву, чтоб сразу исполнить эту работу и сдать ее.

В последнем письме я писала Вам о предполагавшемся 29-го отъезде нашей ударной бригады⁴. С этим отъездом случилась “накладка”: курьер, который закупал билеты, принес их в театр с известием, что поезд отходит в 8 часов вечера. Но в день отъезда выяснилось, что поезд этот отошел в 12 часов дня. Думаю, что здесь была ошибка городской станции, которая неправильно указала час отъезда. Думаю потому, что закупал билеты наш служащий Сарафанов (“Кузя”, как мы его зовем), человек очень исполнительный и внимательный. Ему пришлось из-за этого выслушать выговор, который его страшно огорчил. Бригада уехала на следующий день. М.С. был очень недоволен Сарафановым, как мы все ни старались всячески оправдать “Кузю” в его глазах.

Рипси пишет Вам о своих опасениях относительно возможности Мишиной поездки для лечения. Вероятно, надо срочно предпринять самые настойчивые хлопоты.

Шлю Вам и Екатерине Николаевне сердечные приветы и желаю хорошего, радостного отдыха.

157.

Москва, 5 августа 1930 года

Письмо № 21

Милый Владимир Иванович!

Сегодня только я узнала, что в ночь на 2-е августа (а мне сегодня сказали, что в ночь на сегодня) был в смежном с помещением Вашей и К.С. студии дворе пожар, но что театр не пострадал. Заметили пожар ночные сторожа студии из артели. Я только что звонила в студию по телефону и узнала следующее. В смежном дворе, быв. владении Бахрушина, видимо, от неосторожного обращения с огнем людей, ночевавших в сарае, наполненном дровами, загорелись эти самые дрова. Опасность грозила помещению студии – костюмерной, и особенно мог пострадать гардероб Оперной студии, весь оставленный в театре. Ваша студия там оставила, видимо, только запасные костюмы, если таковые у нее есть. Помнится, прежде бывали. Были вызваны пожарные команды, прибыл брандмайор лично. Поливали водой из 7-ми рукавов и довольно быстро ликвидировали пожар. Театр нисколько не пострадал и не понес никаких убытков. Слава Богу!

Я продолжаю жить в городе и работаю с 11 утра до 12–1 часу ночи. Все – роли “Хлеба”. Пишу в день часов по 10–11, с небольшими перерывами на обед и чай. Никак не думала, что пьеса окажется такой длинной, с таким множеством ролей. Думаю, что работы осталось еще дня на три, если так же усидчиво сидеть за машинкой. Чувствую себя очень усталой и завтра уезжаю на целый день на дачу, где я не была уже неделю. А послезавтра примусь за работу и мечтаю кончить это дело числа 10–11. Однако до 14-го вряд ли мне удастся считать себя совсем свободной, так как М.С. будет еще в городе и, следовательно, в театре. Сейчас у нас ушла в отпуск вся администрация, работают только 2 человека в бухгалтерии. Так что то, что я работаю “халтуру”, кстати, т.к. я еще и обслуживаю днем бывающего в театре М.С. Правда, у него заданий для меня мало. Я думаю, что для него приятно главным образом то, что он не один здесь наверху сидит, что есть рядом какая-то живая душа. Отношение его ко мне благожелательно. М.б., потому, что больше здесь никого нет и он рад хотя бы мне? Нет, во всяком случае, я не могу на него пожаловаться. Я обратилась к нему со всеми своими делами – относительно отпуска, который почему-то Никитин решил мне и Рипси сократить до 2-х недель, относительно неиспользованных в поездке выходных дней, которые тоже причисляются к тому отпуску, и во всем он пошел нам с Рипси навстречу и распорядился относительно нас так, как мы об этом его просили.

М.С. просил меня в ближайшем же письме к Вам написать вот что: он просил Вас купить ему пилюли фирмы “Парк, Дэвис и К^о” и ошибочно указал название пилюль “Атофан”. Он просил Вас, собственно, о пилюлях “Алофен”.

М.С. уезжает 14-го в Сочи на месяц, если, как он говорит, он выдержит такой срок и не сорвется в Москву раньше, беспокоясь за театр, за начало сезона.

Рипси 7-го выезжает через Берлин в Баденвейлер.

Ник. Аф., не получивший французской визы до сих пор, пока находится в Риге, где советуется с врачами. Результаты его визитов к врачам я еще не знаю. Французскую визу ему обещают дать через неделю, вышлют ему в Ригу. Тогда, вероятно, он направится во Францию.

Вчера я получила письмо от Ол. Леон. Она радуется великолепию природы, наслаждается близостью моря, отдыхом, одиночеством. Однако прибавляет, что скоро ее дом начнет заполняться. Спрашивает Ваш адрес, жалеет, что не могла поздравить Вас к 28-му – не знала, куда писать.

Вас. Ив. на днях выезжает в Гагры. Только сегодня уехала в глушь, в примитивные условия жизни, куда-то в район Валдая Л.М.Коренева. Вчера приехал в Москву из окрестностей Каширы Изралевский. Он очень жалел, что Рипси забыла мне передать его просьбу включить и его в поздравительную к Вашим именинам телеграмму. Приехал он, как всегда, в беспокойстве за свое сердце – показаться Кончаловскому. Тот

его выслушал и отправил обратно в Каширу, разрешив и купаться, и гулять. Я его расспрашивала об Ив. Мих., живущем от него в 5 верстах. Он сказал, что Ив. Мих. чувствует себя неважно и жалуется на боль в плече и руке, иногда настолько сильную, что он с трудом удерживается от стога. А удерживается он потому, что не хочет волновать Люб. Вас.

Погода у нас стоит теплая, но с частыми дождями. А вечера скорей прохладные. Солнца днем довольно много, но это такое обманчивое солнце – даже при нем часто дождь идет. За все время, что я здесь, было, кажется, всего два дня, что не падал дождь.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам и Екатерине Николаевне приятно проводить время и набираться сил.

158.

Москва, 9 августа 1930 года

Письмо № 22

Милый Владимир Иванович!

Я получила два дня тому назад Ваше письмо относительно Миши, со вложением письма к Генр. Гр. Тотчас же я вызвала Трушникова, дала ему все прочесть и просила сговориться со мной, как дальше поступать. Он мне сказал, что в тот же день пойдет к Крымову. При этом он захватил с собой то Ваше письмо к Ал. Петр., которое было возвращено Рипси за отъездом Ал. Петр. из Москвы. Он обещал к концу дня увидеться со мной и рассказать мне результаты. Но, несмотря на то, что я была в театре до поздней ночи и в тот день, и во все последующие, т.е. вернее, в последующий, он ко мне не зашел, не звонил и вообще сгинул. Вчера и сегодня я прошу сторожей передать ему, чтоб он, придя в театр, непременно повидал бы меня, – опять-таки безрезультатно. Вместе с тем мы с ним уговорились, что я без сговора с ним не буду предпринимать никаких шагов. Рипси, которая уехала к К.С. только вчера, думает, что Крымова он и не нашел, что, вероятно, Крымов тоже в отпуске, ибо письмо к Ал. Петр. было возвращено не Крымовым, а кем-то другим. А возможно, что Крымов сейчас там и не служит. Словом, вернее всего, что с этой стороны, со стороны Ал. П. помощи ждать нельзя, особенно ввиду перемен в их личных делах. Так что шаг Трушникова был, по-моему, как бы для очистки совести. И надо было бы начать хлопоты по линии Вашего письма к Г.Г., но для этого необходимо, чтоб Серг. Ал. утвердил меня в этом мнении и сказал, будет он что-либо делать, или я сама постараюсь направить Ваше письмо Г.Г. Я постараюсь непременно добиться Сергея Ал-дровича сегодня, хотя бы поздно вечером по телефону¹.

Заболел М.С. Вчера он думал, что у него ангина, говорил очень кисло по телефону, принялся лечиться всеми известными ему средства-

ми. Но сегодня он попросил прислать к нему врача и, как мне сказала по телефону его дом. работница, тот предположил у него нарыв в горле. С ним говорить по телефону нельзя, он лежит с высокой температурой.

На днях я узнала, что чрезвычайно тяжело болен Вербицкий. Заболел скоро по возвращении из поездки крупозным воспалением обоих легких. Положение его было угрожающее. Его перевезли в больницу. Боялись печального исхода. Но вчера у него как будто был кризис, после которого ему стало несколько лучше.

Я сообщаю Вам все эти невеселые вещи. Самое веселое, что я могу Вам сообщить, это то, что я сегодня, вот только что наконец закончила переписку ролей “Хлеба”, так что завтра, если будет возможно, поеду на дачу. Говорю – если будет возможно – для того, чтобы Вы были спокойны: я уеду только, если добьюсь Трушников и от него узнаю, что я могу спокойно ехать. Если же надо что-то делать, то задержусь. Это не составит для меня никакого труда, так как быть для Вас хоть немного полезной – для меня радость и громадное удовлетворение.

Скажите, пожалуйста, Екатерине Николаевне, что я перед ней очень виновата. Я получила ее письмо, радовалась ему и доброму отношению ко мне Екатерины Николаевны и хотела ей непременно ответить. Но столько выпало на мою долю работы в этой поездке, что я совсем замоталась. Я непременно напишу Екатерине Николаевне – вот только немного отойду после поездки и московской последней работы.

Желаю Вам и Екатерине Николаевне всего хорошего – самого полного и светлого отдыха.

159.

Москва, 14 августа 1930 года

Письмо № 23

Милый Владимир Иванович!

Я получила все Ваши письма, кончая письмо к Влад. Дав. от 9 августа, но не отвечала потому, что хотела написать Вам что-либо более или менее определенное. Письмо к Влад. Дав. я получила сегодня.

Вот как стоит дело. Ал. П. нет в Москве, Крымова тоже нет, словом, по этой линии нет ни возможности, ни смысла что-либо предпринимать. Это не только мнение Рипси, но и Трушн., который, как я Вам писала, разыскивал было Крымова и его шефа. Значит, оставалось пойти к Г.Г. Я говорила с Вен. Леонг. по телефону и от него узнала, что Г.Г. в Москве нет. Тогда я спросила у него совета, что мне делать (про себя В.Л. сказал, что он ничего не сможет сделать, раз Г.Г. в отъезде), и он мне указал обратиться к секретарю Коллегии с просьбой меня принять и выслушать дело. Так я и сделала. Секретарь чрезвычайно занят, поэтому дня два он откладывал прием, прося позвонить то утром, то вечером.

Наконец вчера он мне назначил прием на сегодняшнее утро. Я была там, изложила дело, показала Ваше письмо к Г.Г. Он его от меня взял и сказал, что он переговорит и дня через два даст мне ответ, я должна буду ему звонить. Вот и все, что мне удалось сделать. Все решительно в разъезде, никого не найдешь: кто и вовсе уехал, переменял работу, а кто отдыхает.

Что же касается письма к Вл. Дав., то я у него на дому и в Малом театре от В.В.Федорова по телефону узнала, что он находится в доме отдыха где-то на юге и не сегодня-завтра, выезжает в Москву, т.к. у них съезд назначен на 20-е, а Вл. Дав. собирался быть в первый раз в театре 18-го, стало быть, в Москву он может приехать и того раньше. Выходит, что послать ему письмо сейчас некуда. Если результат, который мне сообщает через 2 дня, будет отрицательный, то я непременно добьюсь свидания с Вл. Дав., чтоб лично передать ему письмо и просить его либо самому что-то сделать, либо дать мне указания, как поступать. Если ж удастся получить положительный ответ, то, может быть, и не стоит тогда пользоваться это письмом? Словом, милый Владимир Иванович, я постараюсь изо всех сил действовать наиболее умно и толково. При этом во всех своих шагах я советуюсь с Серг. Ал. и поступаю с его “благословения”. Конечно, обо всем дальнейшем я буду Вам писать. Если ж будут какие-либо перерывы в письмах, не думайте, что я не занята Мишиным делом, как-то невнимательна. Несообщение Вам сведений будет означать, что еще сообщить нечего. Ведь мы здесь поставлены в зависимость от занятости или присутствия в Москве тех людей, к которым приходится обращаться по любому делу.

Здоровье М.С. по-прежнему плохо. Ему сделали уже дважды проколы нарыва, и теперь требуется третий укол. Он находится в очень нервном состоянии, ему все время представляется, что он не выживет. При нем находится сестра милосердия, кажется, только ночью. Того врача, который начал его лечить, он сменил, теперь его лечит проф. Нантансон, который, однако, никак не изменил тактики первого врача. Я его не видела больным, хотела было поехать навестить его, но Трушников отсоветовал, говорит, что М.С. в таком состоянии, что визит ему будет только тягостен. А так как всем решительно, касающимся болезни М.С., ведает сейчас Трушн., то я ему поверила и сегодня решила отправить М.С-чу небольшое письмецо привета и цветочков, если их можно достать. Конечно, вопрос об его отъезде в Сочи отодвинулся надолго. Вероятнее всего, он никуда не уедет, так как вряд ли поправится раньше, чем к началу сезона.

Ужасна история с ограблением Миши. Я об этом слышала вкратце еще до получения от Вас письма, как раз накануне. Никаких подробностей в театре у нас не знали, знали только голый факт. Мне до того жаль Мишу, так грустно, что все его хорошие вещи пропали. Грустно именно потому, что Миша так любил все эти прекрасные вещи, так умел их носить. Больно, когда пропадают вещи именно у таких людей, как Миша¹.

До свидания, милый Владимир Иванович, до следующего письма. Скажите, пожалуйста, Екатерине Николаевне, что я ее нежно целую. Желаю Вам всего-всего хорошего.

160.

Москва, 21 августа 1930 года

Письмо № 24

Милый Владимир Иванович!

Вчера получила Ваше письмо, где Вы наконец пишете немного о Вашем отдыхе, о себе. Привезла его мне из города сестра, которая в награду за такое ко мне внимание получила Ваш нежный привет. Ей было страшно приятно, когда я ей прочла эту строчку. Она просит Вам передать, что отвечает Вам тем же.

Сегодня утром я приехала в город, чтоб провожать в Сочи М.С-ча. Впервые увидела его после болезни на вокзале сегодня. Он очень сильно похудел, очень слаб, ему трудно долго стоять. Потерял он, по его словам, 24 фунта. Нервы его совсем никуда не годятся. Он сказал, что пустился он в дорогу рано, не высидев после болезни нужного срока, но уж очень ему нестерпиво. Провожали его Чернявский и Трушн. В Сочи он останется возможно дольше. По прежней путевке его срок был до 16-го, но, может быть, раз он начинает свой курс с 23-го, то его оставят на месяц и вернется он в Москву 25-го. Но тут же он добавил, что его настолько беспокоит, что театр остается “без головы” – т.к. Вас мы ждем тоже не раньше 25-го, – что он, вероятно, не сможет так долго выдержать южного сиденья и вернется раньше. М.С. мне сказал, что он послал письмо Ив. Мих. с просьбой до его или Вашего приезда принять на себя управление театром и принятие решений по важным вопросам. Меня же М.С. просил писать ему возможно чаще и подробнее. На всякий случай – его адрес: Сочи, 1-й Поликлинический пансион. Я ему передала и относительно Вашего обещания привезти пилули, и те сроки, что Вы пишете о возвращении К.С. Не говоря, конечно, ему, что он как будто не ждал К.С-ча.

Теперь относительно дела Миши. После ежедневных звонков секретарю, с которым я беседовала 14-го, звонков, упорно дававших однотипный результат (“Позвоните завтра” или – дважды: “У него выходной день”), вчера мне было сказано, чтоб я позвонила другому товарищу, который в курсе дела и должен дать мне ответ. Я позвонила. Мне ответили, что дело находится у Мес. и что товарищ надеется получить ответ на следующий день, т.е. сегодня. Надо было позвонить в 12 час. дня. Я как раз вернулась к этому времени с вокзала и только успела до назначенного срока начать письмо к Вам. На мой вопрос мне сказали, что М. сейчас занят и почти не бывает у себя в кабинете, где бы можно было с ним решить накопившиеся текущие дела. Сегодня его тоже нет. Поэто-

му товарищ предложил мне позвонить к нему послезавтра, т.к. завтра М. тоже не будет на службе. Я не удивилась, если послезавтра мне снова не дадут решительного ответа, т.к. в голосе товарища не было твердой уверенности, когда я его спросила, надеется ли он увидеть М. послезавтра с утра. Я объяснила этому товарищу, с которым теперь веду переговоры, насколько важно ускорить решение, указав, что к сентябрю Миша кончает сезон и именно сентябрь у него будет отпусковым месяцем, когда бы он смог поехать для лечения, может быть, – операции. Затем сегодня я позвонила Вен. Леонг., рассказала ему все мои переговоры, шедшие со времени моего первого разговора с ним и до сегодня, и очень просила от Вашего имени как-то ускорить решение, конечно, положительное. Он обещал мне завтра встретиться и переговорить с тем товарищем, с которым я веду сейчас переговоры. Вот в каком положении находится это дело. Трушн. находит, что если решение будет исходить от М., то есть надежда на настоящее внимание к Вам. Вл. Дав. еще не приехал. Я говорила сегодня с В.В.Федоровым. Его ждут завтра, но не наверное. Я звоню к нему, Вл. Дав., на квартиру ежедневно, добиваясь узнать, когда он приедет, чтоб передать ему тотчас же Ваше письмо. М.б., и он сможет как-то устроить его.

Вчера звонила мне Н.Н.Литовцева и просила в ближайшем моем письме к Вам спросить Вас, получили ли Вы ее письмо, которое она отправила на адрес Ранкештрассе. Исполняю ее просьбу.

Вас. Ив. так, кажется, никуда и не уехал. Постепенно начинают возвращаться некоторые наши. Сегодня видела здесь Митропольскую. От домашней работницы Евг. Мих. узнала, что Е.М. вернулась из Кисловодска 12–13 августа в плохом здоровье, ослабевшая. Сегодня же (я пишу Вам эти абзацы после перерыва на завтрак) видела во дворе театра похудевшего и слабо державшегося на ногах Вербицкого. Он потерял что-то фунтов 28, если я правильно запомнила его слова. На лице его это не особо заметно, но он сказал, что на его фигуре такое похудание отразилось особенно некстати.

От Рипси не имею никаких вестей. Она верна себе и не пишет. Про Ник. Аф. знаю следующее: он жил под Ригой числа до 15-го, лечился. Начал было немного поправляться, но в Риге начались непрерывные дожди и холода, ему настолько вредные, что его врач настаивал, чтоб он уехал куда угодно, но только в тепло. А ему куда было ехать, т.к. у него не было подходящей визы. Наконец тогда, когда голос его снова несколько ухудшился, он получил французскую визу и вот числа 14–15 уехал через Берлин в Париж, где покажется специалисту и поедет туда, куда тот его направит. Все это написал мне мой папа, который видел Н.А. в Риге перед его отъездом оттуда. Письмо это я получила сегодня.

Погода у нас стоит прекрасная, тепло, солнечно. Сегодня с утра шел было сильный дождь, но не похолодало и сейчас снова выглядело солнцем. Всю эту неделю, что я не ездила в город, я провела с великим наслаждением на даче, лежа на траве, смотря, даже вернее – “глазее”,

в солнечное небо, на легонько раскачивающиеся верхушки сосен. Возилась с детьми, немного читала (с громадным наслаждением перечитала “Мертвые души”), встречалась с друзьями, которые живут почти напротив нас. Бедная Елена Сергеевна! Вот уж дней 10, что она живет в городе, присутствуя при ремонте квартиры, которую, после зимнего ремонта, перед нашим переездом в нее окончательно отделывают. Так что все прекрасные солнечные дни она проводит в городе, привязанная в квартире. Возится с красками, подбирает тона для стен, вся ушла в хозяйственные интересы и заботы.

До свиданья, милый Владимир Иванович, до следующего письма, в котором я снова буду рассказывать все дальнейшие новости. Как чудесно, что Вам нравится отдых в Женеве. Я так и вижу Вас и Ек. Ник. на палубе во время Вашего “тур-дю-лак”¹. Желаю, чтоб и все остальные Ваши женеvские дни были радостны и приятны.

Сердечный привет Екатерине Николаевне и искренняя благодарность ей за ее приветы и память.

Всего хорошего, милый, дорогой Владимир Иванович!

161.

Москва, 26 августа 1930 года

Письмо № 25

Милый Владимир Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо с вложенной открыткой от Екатерины Николаевны. Я же пишу Вам наугад № письма, во всяком случае, это письмо – следующее после того, что я писала Вам 21-го. Не могу проверить номера потому, что в нашей комнате начался ремонт, побелка потолка, оклейка стен, и к моему бюро, где лежат копии, не добраться.

Наконец-то приехал Вл. Дав. Я страшно этому обрадовалась, т.к. у меня была надежда, что он даст мне нужные инструкции и дело с Мишиной поездкой как-то сдвинется. Ведь до вчерашнего дня мне все продолжали отвечать: нет возможности доложить, позвоните через день. С Вл. Д. я говорила вчера по телефону, сказала, что хочу передать ему Ваше письмо и, кроме того, хочу рассказать ему про все мои шаги. Он назначил мне на сегодня, так что я пишу Вам после свидания с ним, как-то окрыленная надеждами на успех. Он мне дал целый ряд ценных указаний, при нем же я переговорила по телефону и мне было назначено свидание на завтра утром. Теперь, когда Вл. Д. здесь, у меня более успокоенное чувство, он всегда сможет и сам помочь, и совет дать. Он надеется на благоприятное и скорое решение. Вот все, что могу Вам пока сообщить. Завтра напишу Вам снова, хотя В.Д. говорит: “что писать – надо просто исполнить поручение и просьбу Вл. Ив-ча!”

¹ От франц. *tour du lac* – путешествие по озеру.

Об М.С. я написала Вам подробно в последнем письме: он уехал в Сочи, надеется там высидеть месяц, леча ревматизм, терзавший его в Тифлисе, и все прочие свои недуги. От него еще не было никаких вестей, кроме телеграммы, пришедшей через несколько часов после его отъезда, в которой он известил Трушникову, что забыл взять с собой свою путевку в санаторий. Он действительно сильно сдал от своей болезни – похудел, побледнел, ослабел... Но, может быть, юг вылечит его. Все, что буду знать о нем еще, конечно, сообщу Вам.

О Ник. Аф. ничего не знаю, кроме того, что тогда сообщила Вам со слов папиного письма. Я заполучила от Н.А. письма, но все они пришли с большим опозданием все из той же злополучной Риги, где никак не могли его вылечить из-за плохой погоды. Он пишет, что мечтает о солнце и тепле. В общем, все дальнейшее его лечение будет зависеть от решений того профессора, который будет его лечить. Мне кажется, что он настолько поздно приступает к лечению, что вряд ли сможет приехать к открытию сезона в Москву. Я как-то высказала уж это предположение М.С-чу, и тот сказал, что надо было бы только, чтоб Н. Аф. своевременно об этом известил театр. Тогда можно будет успеть ввести за него кого-либо в “Фигаро”, и Ник. Аф. сможет проделать основательное лечение. Я сегодня об этом написала Н. Аф-чу, уговаривая его прежде всего думать о здоровье и помнить, что вряд ли еще раз представится ему случай поехать лечиться во Францию. До сих пор лечение и жизнь на рижском взморье не дали никаких положительных, вернее, ярко-положительных результатов.

Вчера вернулся в Москву Федор Николаевич, сегодня он уж носится по театру, налаживает все вопросы билетной кассы. Собственно, его отпуск кончается завтра.

У нас стояла все время великолепная, жаркая солнечная погода. На даче был настоящий рай. Но в ночь на вчера прошла сухая гроза, пришло резкое похолодание, и со вчерашнего вечера льет дождь. Но, представьте, даже в дождь на даче славно. Уютно горит печка... слушаем радио, заводим граммофон... Я, вероятно, столько наработалась в сезоне и в поездке, что всякое бездельное времяпрепровождение кажется мне удивительно приятным.

Рипси верна себе – я не получила от нее ни строчки. Сама же собираюсь послать ей уж третье письмо. Досада меня берет, с досады бы, пожалуй, и не написала бы ей, да есть дела, которые надо сообщить.

В Вашем кабинете идет тоже ремонт. Стены завешены газетами – мера, чтоб предохранить их от пятен при побелке потолка. С пола сняты ковры, они ведь сильно пострадали от воды при пожаре.

В общем, как всегда перед началом сезона, театр имеет такой вид, что кажется невозможным, что 3-го он будет чист и прибран во всех своих уголках.

Можно мне написать тут же несколько строк Екатерине Николаевне?

Милая, дорогая Екатерина Николаевна! От всего сердца благодарю Вас за Вашу доброту и внимание. Ваши строки о Мише удваивают мою энергию и страстное желание непременно исполнить Ваше и Владимира Ивановича желание. Я очень надеюсь, что вопрос разрешится теперь в сравнительно недолгий срок. Я всячески прошу ускорить решение, так как лучше всего было бы, чтоб он Вас застал в Берлине, чтоб Вы могли провести с ним время его лечения.

Будьте здоровы и счастливы, дорогая Екатерина Николаевна. Нежно целую Вас.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам всего хорошего и прошу верить в мое преданное и внимательное отношение ко всему, что связано с Вами.

Сегодня неожиданный звонок: Сухачева. Спрашивает у меня номер Вашего телефона, она разыскивает мисс Дайн. Конечно, сразу расспросы о Вас, о К.С. Она три дня назад приехала, мечтает работать в театре, она сказала: “если меня возьмут в какой-нибудь театр”, – сказала весело, оживленно, вероятно, у нее уже есть определенные надежды. Возможно, что это 2-й МХТ. Все-таки там ей всего родней¹.

162.

Телеграмма [27 августа 1930 г. Москва]

Пожалуйста пришлите срочно мое имя письмо Вячеславу Михайловичу Молотову изложением необходимости Мишиной поездки и указанием что абсолютно никакой валюты не просите¹. Телеграфируйте высылке письма *Бокшанская*

163.

Москва, 27 августа 1930 года

Письмо № 26

Милый Владимир Иванович!

Сегодня с утра я была по Мишиному делу, как я уже вчера Вам писала. В результате моего рассказа об обстоятельствах дела и обо всех моих шагах по этому поводу мне предложено справиться по телефону числа 30–31-го. Вопрос Мишиного лечения в эти дни будет обсужден и решение, возможно, уже будет. После моего визита я побывала, как сговорилась, у Вл. Д., ему рассказала, и он мне дал совет немедленно Вам телеграфировать о высылке письма В.М.М.¹, причем текст мы с ним обсудили – не детально форму телеграммы, но ее содержание. Вл. Д. думает, что, может быть, письмо это и не понадобится (также

мне сказали и при моем утреннем свидании), но на всякий случай его необходимо иметь. Кроме того, Вл. Д. посоветовал мне достать от Заседателява удостоверение, подобное тому, что пошло в Комиссию, о состоянии здоровья Миши. К счастью, Заседателей в Москве и Трушников пойдет к нему, чтоб все от него получить. Возможно, что я приложу это удостоверение к Вашему письму на имя В.М., но это не наверное, поэтому Вы, пожалуйста, об этом не упоминайте. Хотя, впрочем, телеграмма ведь придет раньше письма моего, и Ваше письмо, вероятно, уже будет Вами отправлено сюда. Вл. Д. очень меня обнадеживает. В моем сегодняшнем разговоре я сказала, что Вас очень оскорбляет такое отношение Комиссии, какое было проявлено в деле Миши, что оно кажется Вам недоверием к Вам. Но на это был ответ, что не может быть речи даже о тени недоверия, но что возможен со стороны Комиссии формальный подход, может быть, еще из соображений экономии валюты. На это я ответила, что Вы не просите никакой валюты, т.к. будете лечить Мишу на те деньги, что имеются в Вашем распоряжении на Ваше лечение и отдых. Словом, милый Владимир Иванович, у меня есть какая-то надежда, это Вл. Д. в меня ее вселил. Он говорит, что то, что сейчас здесь сделано, – это максимум всего, что возможно было сделать. Отношение же лиц, от которых будет зависеть решение этого вопроса, к Вам и к Вашим нуждам настолько внимательно, что надо надеяться на благоприятный ответ. Вл. Д. дал мне ряд практических указаний, когда и как звонить по телефону, как поступить с письмом, которое я должна буду получить от Вас, словом, он-то исключительно доброжелателен и внимателен к Вам, в чем, правда, и нельзя было сомневаться.

Крепко жму Вашу руку и прошу передать Екатерине Николаевне, что я ее нежно обнимаю и целую. Всего хорошего!

164.

Москва, 4 сентября 1930 года

Письмо № 27

Милый Владимир Иванович!

Я не писала Вам – не было никакого движения по делу поездки Миши. То не было того товарища, с которым я виделась, в Москве, то он назначал мне позвонить через день, опять через день... Так и шли дни, а ответа я не имела. Тем временем пришло Ваше письмо на имя Молотова и получено было удостоверение проф. Заседателява, что болезнь Миши “считается у нас неизлечимой, но, по-видимому, с некоторым успехом лечится проф. Фоссом во Франкфурте-на-Майне”. Передать это письмо с удостоверением удалось мне только сегодня, раньше, как я сказала, товарища этого не было в Москве. Сегодня я переговорила с ним по телефону и направила ему это письмо с письмом от меня, в нем просила

от Вашего имени содействия и помощи. Мне предложено справиться по телефону через два дня. Вот и все, что я могу сказать о деле Миши. Очень досадно, что так мало и неутешительно. С Вл. Д. я обо всем этом говорила по телефону и просила его, если возможно, ускорить его решение этого вопроса. Последний раз говорила с ним вчера.

Действительно, как это я, все время думая напряженно о Мишином деле, совсем упустила из виду сообщение о театре¹. Съезд у нас назначен был на 3-е, открытие сезона 6-го. Хотя, впрочем, в одном из своих последних писем я как будто писала о начале сезона и о первых спектаклях – репертуар. Ваше письмо с обращением к товарищам по труппе я получила вчера, переписала и вывесила на доске за кулисами².

Вчера в театре было довольно много народа, но сегодня, как мне показалось, больше. Идут репетиции “Фигаро” (главным образом для Базиля – Хмелева³, но и вообще проверка сцен по всему спектаклю), “Бронепоезда”. Репетируют днем и вечером. Вчера тоже. Вчера днем было первое в этом сезоне заседание худ. совещания. Протокол у меня еще не готов, но я лучше напишу Вам, что обсуждали и как. Прежде всего – вопросы текущего репертуара и разных вводов, в первую очередь – за Ник. Аф. в “Фигаро” (я настолько давно о нем ничего не знаю, что только вчера на заседании узнала, что получена от него телеграмма с просьбой продлить отпуск до 1/X. Такая же телеграмма пришла от Л.М.Леонидова). Назначен Хмелев, который, однако, заявил, что он с большим трудом запоминает текст и может оказаться неготовым к спектаклю. У Калужского был еще про запас план – просить Н.Баталова сыграть Базиля, а Прудкин играл бы Фигаро. Но Москвин (замдиректора и председатель худ. совещания), а за ним и другие высказались за то, чтоб для крепости открытия сезона было бы лучше, чтоб Баталов играл Фигаро. Со всякими милыми словами по адресу Хмелева, с ссылками на его дарование и т.п., как будто его уговорили не волноваться – текст он и выучит, да в крайнем случае товарищи помогут, ведь все кругом в пьесе с самой ее постановки.

Следующий вопрос был о Вербицком, который после воспаления легких страшно слаб. Он нужен для “Рекламы” (идет 7 и 8 сентября). Но его непременно следует отпустить на отдых – на месяц, если не ошибаюсь. Решено, что он сыграет первые два спектакля “Рекламы”, в третьем же (10 сент.) следует ввести дублера – Герасимова, который был утвержден официальным дублером, роль знает, тем более что третий акт у него на слуху. Но за Герасимова надо тоже ввести нового судью. Его официальным, уже введенным, дублером был Истрин. Но Истрин подал заявление об уходе из театра, он хочет перейти в тот Шахтинский рабочий художественный театр, в который в прошлом сезоне пошли Гиршман, Марина и еще кто-то из наших. Вас. Вас. предлагает себя для роли судьи, но с тем, что впоследствии у него будет дублер, чередующийся с ним, предположительно – Гедике. Положение с “Рекламой” осложняется еще вот чем: Станицын подал заявление о разрешении ему отпуска

на полтора – два месяца. У него есть блестящее предложение в кино – фильм полужуковой, на трех языках, оплата очень его выручающая. Материально он запутан до последней степени. Словом, как он заявил, как он говорил Москвину, он в таком сейчас положении, что если ему не дадут отпуска на полтора месяца, он будет просить отпустить его на год, а если и это нельзя – то он решается на уход из театра. На совещании Москвин и все высказывались очень в защиту просьбы Станицына, который написал письмо Мих. Серг. и теперь ждет решения своей участи. Об отношении к этому делу совещания и о репертуарных соображениях в случае отпуска Станицына Мих. С-чу пишет Калужский. Самое трудное – заменить Стан. в “Рекламе”. Дублер, который всех удовлетворил бы, Ливанов. Но его нельзя брать из “Толстяков”, нельзя ослабить сцен самих толстяков. А Ливанов – яркая фигура. Вопрос обсуждался долго. Наконец пришли к решению – Джека будет играть Грибов. Нет, не совсем так, простите: у Станицына есть назначенный официальный дублер – Яров. Но никто из членов совещания не признал возможным, чтоб Яров смог войти в такой короткий срок, да еще притом, что прокурора будет играть не основной Вербицкий, а Герасимов (Станицын уходит в отпуск числа с 15-го, если М.С. ему его разрешит). Но отнимать у него роли тоже не хотят. Поэтому Яров будет заниматься и покажет. Если это будет приемлемо (все это должно произойти в течение ближайших двух-трех дней), его введут, если нет (в том, что это будет неприемлемо, никто не сомневается), ввести Грибова, у которого и роль отчасти на слуху. Фотографа же будет играть Комиссаров, игравший эту роль в поездке – и совсем хорошо. Однако Грибов и в “Толстяках”, а “Реклама” с ними идет параллельно (может идти и с “Фигаро”, но этот спектакль пойдет не часто, да и не может теперь уж идти, если Комиссаров занят в “Рекламе”). Как говорили, одно время, когда Грибов играл Толстяка, эпизод с гвардейцем с розой был выпущен совсем. Но об этом все жалели, поэтому хорошо бы его в спектакле закрепить. Первым исполнителем гвардейца был назначен Новиков, вот его и ввести. Вообще к выпуску “Толстяков” все относятся чрезвычайно внимательно и серьезно. Они в первый раз пойдут 23-го – три дня подряд пойдут, – и говорилось, что спектакль надо будет тщательно проверить и приготовить, чтоб он шел подтянуто и безукоризненно.

Последний крупный ввод – Лопахин: Л.М. просит отпуска до 1/Х, Жильцова нет. Решено ввести Н.Баталова. Ввод спешный, спектакль идет 13-го. Но Баталова столько раз уж собирались вводить, что, пожалуй, роль он уж успел выучить.

Затем остались мелкие вводы по “Воскресению” главным образом и по остальным пьесам чуть-чуть, которые не обсуждались на совещании, а переданы на разрешение режиссуры каждого спектакля и Калужского. Ввод Яншина в “Дяд. сон” уже решен, так что он не обсуждался, а просто было сговорено, что к работе Яншин приступает с Котлубай теперь же, спектакль же пойдет не раньше, чем через месяц⁴. В “Дяд. сон”

придется еще вводить за Истрина, если тот все-таки уйдет⁵. Его пока не отпустили, но вряд ли удастся удержать. Я думаю, сужу по тому, что знаю об его материальном положении, что денежные обстоятельства для него играют громадную роль.

Затем Калужский поднял вопрос о пополнении труппы. Поступили два заявления – оба от актеров Реалистического театра: Власова (он у Вас в “Лизистрате” репетировал) и от Ворошилова, который весной еще Вам о том же писал. М.М.Тарханов дал о них вполне хорошие рекомендации, особенно о Власове, но после обмена мнений, а главное – после указания Никитина, что те суммы из зарплаты, что освободились вследствие сокращений и смертей, целиком уходят на предполагающиеся прибавки. Свободным может остаться разве только оклад Истрина, и еще после указаний того же Никитина, что еще не улеглись волнения, вызванные сокращениями, что при согласовании сокращения с Рабином, на прямо поставленный вопрос – будут ли приниматься в будущем году в театр лица квалификации равноценной увольняемым, он ответил – нет, вот после всего этого (по линии уязвимости сокращений Никитина горячо поддержал Пав. Ал.) решено было принципиально отказаться от всякого приема в труппу. Исключение сделать только для какой-нибудь выдающейся актерской индивидуальности.

Затем пошел разговор о “Хлебе”. Судаков главным образом интересовался исполнителями своих основных ролей, они были ему неясны. Тем более что и в “Мертвых душах” состав еще окончательно не зафиксирован. Тут выяснилось, что Ив. Мих. хочет играть Ноздрева, стало быть, из “Хлеба” он выбывает (хотя роль Квасова была намечена Тарханову, но М.С. почему-то упрямо говорил, что ее должен играть Москвин, я об этом Вам писала). Тарханов в отношении Квасова был уклончив – на совещании выяснилось, что он является главным претендентом на Чичикова, такое у меня было впечатление. Словом, дебатов, тщательного взвешивания было проявлено много, особенно настаивал на тщательности и продуманности решений Ив. Мих., и основные роли “Хлеба” разошлись так: Михайлов – Добронравов, Ольга – Тарасова, Раевский остается пока за Хмелевым, Квасов – Кедров. Была под сомнением сначала у Судакова Паша у Титовой, он предлагал Тихомирову, но его убедили многие, что именно интересно по-новому как-то поставить Титову, так что Паша осталась за ней. Еще не окончательно решение с ролью Мокрины. Намечена Шевченко. Но Судаков ждет бури. Он уверяет, что она была недовольна даже Дамой, приятной во всех отношениях, что же она скажет о такой незначительной роли?! Он с ней будет говорить, но, зная Судакова и видя уж его заранее установленное отношение к этому и некоторая боязнь Фаиноного характера, можно сказать, что он ее не убедит. Тогда, вероятно, Мокрину дадут Тихомировой. Против такого назначения было то возражение, что Мокрина – тип отрицательный, а у Тихомировой она может выйти умильной и даже трогательной, во всяком случае, скорее типом положительным.

Еще обсудили вопрос распределения пом. режиссера по постановкам. Хотя совсем крепко об этом не договорились, как всегда, к концу заседания многие разбились по группам, пошли разговоры на разные темы, однако, пожалуй, можно считать так: Шелонский в “Мертвых душах”, В.Баталов в “Хлебе”, Успенский во “Взлете” и Лесли в “Дерзости”. На этом заседание закончилось. Числа 6-го снова все соберутся.

Сегодня к вечеру обещал прийти в театр Сахновский. Он постарается оторвать от своих занятий по “Взлету” время, чтоб продиктовать письмо к Вам – ответ на то, что Вы пишете о появлении в немецкой печати экземпляра МХТ “Мертвые души”. Он Вам напишет, конечно, подробно, я же могу Вам сказать, что услышала от него в ту же минуту, что он прочел Ваши строки, от него и от Булгакова, от каждого в разное время: фу, какая нелепица! Кто же это спекулирует на имени МХТ! Сахновский мне сказал, что текст “Мертвых душ” настолько еще не готов, что у них еще под сомнением, будет ли такая сцена или нет, вводить то-то или нет. Словом, текста еще нет. А то, что переведено на немецкий язык – ловкая афера какого-то предприимчивого человека⁵.

Вообще же о Сахновском и “Мертвых душах” скажу следующее: я ему несколько раз уже говорила, что хорошо было бы, чтоб он с Мих. Аф. написали Вам свой подробнейший план, который Вам гораздо приятнее было бы разобрать не в сутолоке ежедневной работы, а на отдыхе. Он со мной соглашался, даже примерно назначил день, когда он это сделает, причем я предложила переписать это письмо для удобства Вашего и его на машинке, но почему-то до сих пор не собрался это сделать. Может быть, потому, что ему еще рано писать Вам, что у него нет еще у самого ясного плана и четких желаний. Возможно, что в письме, что он собирается Вам сегодня написать, он об этом сам Вам скажет точнее.

Милый Владимир Иванович, посылаю Вам репертуар до 27-го. Подчеркнуты абонементные спектакли.

С сегодняшнего дня наши комнаты наверху приведены в порядок и наша “дирекционная машина” завертелась. Трещим с Евгенией Матв. усиленно на машинках, принимаем телефонограммы, звонки по телефону, справки и вызовы. Это письмо я начала с утра, как пришла, а кончаю – вот уж пятый час. Много раз пришлось от него оторваться. Сегодня еще хочу написать М.С., от которого вчера получила письмо. Он в прескверном состоянии, пишет раздраженно: “Я у тихой пристани, которая вовсе не тиха, море шумит безобразно”. О своем здоровье пишет, что первые два дня провел в кабинете врача, потерял последние силы. Горло еще болит, простудил шею, желудок расслаблен. Словом, недоволен жизнью. Кроме того, его мучает то, что он забыл путевку в санаторий; это настолько осложняет его пребывание там, что он может получить предложение или уехать оттуда, или снова внести деньги, которых у него нет. Он негодует, что Трушников, которому он дважды телеграфировал, никак не реагирует на его несчастье и не устраивает присылки путевки. А Трушн., оказывается, и телеграфировал ему, и воздушной

почтой путевку послал, словом, чист перед ним. Я надеюсь только, что теперь все уладилось. Письмо его ко мне было от 27-го. Правда, телеграммы Трушниковы пошли 21-го и 22-го, странно, что они не дошли до него. Не повезло ему! Пишет, что все время лежит, настолько он слаб.

Милый Владимир Иванович, бегу обедать в буфет. Нас очень славно кормят сейчас, так что наплыв в буфете все время большой. Но обеды дают только до половины 5-го, поэтому я и тороплюсь, а то останусь голодная.

Передайте, пожалуйста, мои крепкие поцелуи Екатерине Николаевне. Желаю Вам хорошо проводить время, отдыхать и радоваться.

165.

Москва, 8 сентября 1930 года

Письмо № 28

Милый Владимир Иванович!

Все эти дни 6–7 и сегодня я жила в ожидании ответа на Ваше письмо к Вяч. М. Наконец сегодня мне удалось застать того товарища, с которым я уговорилась получить от него ответ, и он меня, как громом, поразил, сказав: подавайте в общем порядке, В.М. не может вмешаться в это дело. Я тотчас же позвонила Вл. Д. и сказала ему об этом. Он мне сказал, что постарается все разузнать. Сказал, что через несколько дней, имея какие-нибудь данные, он мне сам позвонит, чтоб я ждала его звонка. При предыдущих моих встречах с Вл. Д. он меня сильно обнадеживал, что Мише удастся поехать, но теперь у меня все меньше и меньше надежды. Даже не имея еще сегодняшнего ответа, я стала настолько терять надежду, что уж взвешивала Мишины шансы – 20% против 80-ти. Сейчас у меня чувство – 2% против 98-ми. Все вообще против Мишиного отъезда.

Меня со всех сторон спрашивают, когда Вы приедете, а я не знаю, Вы никогда об этом не упоминали, по словам же М.С. выходило, что Вы вернетесь числа 25 сентября. А от Лизы Аслановой слышала, что по письмам Ек. Ник. можно ждать Вас между 1 и 10 октября. Когда же, милый Владимир Иванович?

В отдельном конверте, чтоб не загрузить этого письма, посылаю Вам те постановления Рабиса, которые служат предметом наших бесед и всяческих практических выкладок, начиная с 6-го. 5-го вечером в быв. Кружке¹ созвано было заседание Президиума Мособлрабиса с представителями театров, на котором обсуждалось постановление ЦК Рабиса. Постановлено от Москвы послать всего 12 худож. бригад в промышленные центры, в их числе 1 бригада от нашего театра. На следующий же день было объявлено общее собрание с докладом Боярского. Но за

полтора часа до общего собрания состоялось заседание худ. совещания. Надо было продумать и обсудить возможности практического осуществления поставленных перед театрами задач. Тем временем при входе в буфет уже висел лист, на котором расписывались желающие вступить в ударные бригады. Записалось много народа, но среди них много таких, которых по репертуару никак нельзя отпустить. Поэтому худ. совещание решило, что весь театр должен принять на себя обязательство принять участие в обслуживании кампании по ликвидации прорывов. Часть, которую управление театром сможет отпустить, отправится туда, куда ее пошлют, словом, вне Москвы, вся же оставшаяся часть театра будет обслуживать промышл. предприятия Москвы и области, а также будет участвовать в “рабочем полдне” – это поездки на заводы днем во время обеденного перерыва, когда можно выступить с короткими номерами. Весь “полдень” занимает полчаса. При таком положении вещей репертуарная часть смогла бы скомбинировать такую бригаду, отъезд которой не отразился бы пагубно на нашем производственном плане. Параллельно надо было решить, с чем ехать. Просьба Рабиса была такова: непременно приблизить выступления к насущным интересам того предприятия, куда пошлют каждый театр, всей бригаде так войти в гущу заводской жизни, чтоб в своей работе отражать все производственные и бытовые моменты жизни завода. Поэтому возможность поездки с какой-либо пьесой отпадала. Для проработки этих вопросов создавалась комиссия, в которую от худ. совещания вошли Марков, Судаков и Топорков. Кроме того, проработки встречного промфинплана, ускоряющего темпы работы против плана дирекции, для проверки ударничества и соцсоревнования также образуется комиссия. От худ. совещания в ней Горчаков и Яншин. Первая комиссия пополнена еще кандидатами, выдвинутыми партгруппой, всего в ней 11 человек. Среди них Тарасова, Мих. Аф. Эта комиссия рьяно принялась за работу (по срокам Вы увидите, какая требовалась спешка) и сегодня к утру уж представила план в Рабис. Еще при первом обсуждении этого вопроса, вопроса поездки и репертуара, возникло предложение непременно поехать со своим автором, который, пользуясь материалами на месте, мог бы снабдить наших литературным материалом (скетчами, частушками). Пробовали найти кого-либо из своих авторов – Олешу, Катаева, Масса, – все они в отъезде. Тогда пригласили Ардова, кот. поедет с бригадой. Выезжают они 10-го. Завтра будет известно, куда будет направлена наша бригада, возможно – в Сталинград или Керчь. Едет следующая группа: Титова (кстати, она Вам кланяется), Михаловская и какая-нибудь вокалистка, вероятно – Дурасова. Затем В.Баталов (режиссер и актер), Грибов, Раевский, Грызунов и Лакшин². Кроме того, к ним от Рабиса прикрепят пианиста, (он же зав. хозяйством), гармониста и художника. Состав подобран такой, что сможет первые дни сыграть там “Квадратуру”, а потом уж получит материал на местные темы. Спектакль едет почти целиком, только придется на роль Емельяна вводить Грызунова. Всячески

старались выкроить для Ливанова возможность поездки, но по нашим репетиционным и спектакльным планам это никак невозможно.

В связи с этим отъездом необходимы ряд вводов; они и обсуждались на сегодняшнем заседании худ. совещания. За Грибова – фотограф в “Рекламе” – вводят Яншина, в “Воскресении” мужиком (Джоржа) Тарханов³. Вопрос об отпуске Станицына теперь и не ставится, в крайнем случае – Яров будет играть Джека, если Станицын поставит круто вопрос, а другого выхода нет. (Имейте в виду, что замены делались не только по соображениям, подходит или не подходит актер к роли, но и из расчета параллельных спектаклей наших обеих сцен.) За Раевского в “Рекламе” (второй фотограф) – Лесли, в “Голстяках” все это время будет Августа репетировать Мордвинов, с тем, чтоб потом и сыграть как-нибудь, но к спектаклю Раевский уж вернется, он едет туда только до 17-го, для “Квадратуры”, так что 20-го будет в Москве. За Грызунова надо ввести в “Вишне. саде” Прохожего, это найти легко, сегодня дублер не фиксирован, в “Воскресении” присяжного полковника сыграет Калужский. Остальных надо заменять только в народных сценах.

Сегодня на заседании еще разбирался вопрос о контрактации для народных сцен студентов ЦЕТЕТИСа. Они заломили такие условия, что не только мы ахнули, но и представитель союза. Они просят 100 р. в месяц при условии, что их можно пользоваться только 64 часа в месяц, затем с 1 мая отпуск с сохранением содержания (они уйдут на летнюю стажировку), затем предоставление трех ролей в год и предоставление квартир, которое должно выразиться в том, что театр заплатит за них в жил. кооперацию по 275 руб., а потом будет понемногу у них эти деньги вычитать. Условия эти совершенно неприемлемы, и театр решил отказать от услуг ЦЕТЕТИСа (эти условия выработаны не отдельными учениками, а самим ЦЕТЕТИСом как учреждением) и обратиться к помощи студийцев Завадского, кот. будут работать сотрудниками за 60 руб. в месяц, как этот труд оплачивается и в Малом театре.

Да, вот еще ввод, который решен сегодня: из соображений, как развести параллельные спектакли (“Воскресение” и “Наша молодость”), решено было дать роль солдата в “Молодости” Яншину, чтоб освободить Калинина. Но Яншин взмолился, что это уж второй ввод, и текущая работа у него есть, и Мозглякова ему надо работать напряженно и вдумчиво. Его жалобам вяли и на роль солдата был назначен Н.Баталов⁴.

Затем еще перераспределили помрежей, из-за отъезда Володи Баталова, таким образом: “Взлет” – Протасевич, “Хлеб” – Лесли, “Дерзость” – Успенский.

И наконец снова встал вопрос о ролях в “Хлебе”, о Квасове, не потому, что Судаков отводит Кедрова, а потому, что Топорков остался без фиксированной работы. Из всех переговоров с Качаловым видно, что Чтеца в “Мертвых душах” он будет играть. И тогда Топорков, который как-то еще мог надеяться на эту роль, не попадает в спектакль, т.к. Чи-

чиков, вероятнее всего, дан будет Тарханову. Хотя есть предположение: Чичиков – Топорков, Тарханов – Манилов. Тогда Кедров без роли, он ведь намечался на Манилова. Калужский предложил такую комбинацию: если Топорков не получает в “Душах” роли, а только дублерство, он получит основной работой Квасова. Если Топорков получает Чтеца или Чичикова, – Квасов – Кедров. Топорков на это согласен, но говорит, что его больше всего бы устроило играть Плюшкина и Квасова. Плюшкин зависит от Л.М., захочет ли он играть. Если он будет всячески отклонять роль, придется дать ее Топоркову (между нами говоря, к страшному огорчению Хмелева, кот. очень хотел ее сыграть). Качалов ставит свое решение в зависимость от того, как ему подойдет текст, а текста нет и еще не будет, вероятно, дней десять. Потом в “Хлебе” еще надо было обговорить женские роли – Паши и Мокрины. Шевченко, конечно, не захотела. И Тихомирова не захотела играть Мокрину, а мечтает о Паше. Судакову же трудно настоять на своем, это невероятно неустойчивый человек. Но худ. совещание поставило вопрос крепко: нельзя допустить, чтоб актеры отказывались от ролей, то, что еще простительно Шевченко, непростительно Тихомировой, которая к тому же имеет центральную роль в “Дымной меже”⁵. Словом, пока осталось по-старому: Паша – Титова, Мокрина – Тихомирова. Не удивлюсь, если Судаков на следующем заседании опять поставит этот вопрос. Он совершенно неспособен отражать наскоки на него со стороны актеров и сразу со всем соглашается.

У нас огорчительное, просто страшноватое сообщение получено из Анапы: заболел Ершов, вероятно, ангина. А что такое ангина у Ершова, да и вообще заболевание у него, – это мы знаем. Он болеет страшно бурно и долго. Ведь если так, летит “Воскресение” (первый раз идет 17-го), летит минимум весь сентябрь, во время которого удастся ввести нового Нехлюдова. А вместе с тем – кого ввести? Завадского? Тогда его надо брать обратно в театр, т.к. гастролью его в двух пьесах, да еще в такой репертуарной, как “Воскресение”, могут действовать неприятнейшим образом на настроения труппы. Хмелева? Он только что введен в “Фигаро” и отказывается, ссылаясь и на трудность, и на занятость в “Хлебе”. Сегодня этот вопрос обсуждался коротко, т.к. его надо будет всесторонне обсудить только после ответа Кемарской на сегодня посланную ей категорическую и исчерпывающую телеграмму Калужского⁶.

Я еще не писала Вам, что сильно больны Ларин и Ларгин. Я знала чем, да со всеми делами и заботами как-то из головы вылетело. Кажется, у Ларгина легочное заболевание, ну да, какая-то сильная форма плеврита, а Ларин – вот уж не помню. Но Ларин настолько серьезно болел, что вышел из работы до ноября. За него в “Воскресении” назначен Топорков. Да будет ли еще в ближайшее время “Воскресение”? Хотя вообще репетиционный план решено не менять и с завтрашнего дня начинаются репетиции “Воскресения” и “Толстяков”.

Вот уж два заседания подряд, как всячески стараются поднять вопрос о дублере для Кореневой в “Дяд. сне” (Степанова). Но Ив. Мих., помня, что Вы отводили все время назначение дублеров в эту пьесу, отказывается разрешить вызов Степановой как партнерши Яншину. Сегодня опять этот разговор. Яншину нужна партнерша. Но почему-то считается, что Лид. Мих. не вызывать, кажется, что она затянет работу, а вызвать Степанову, хотя бы тайно, без указания в расписании репетиций. А если Лид. Мих. узнает, то сказать, что Степанова самостоятельно готовит роль и занимается одновременно с Яншиным. Как будто и на это Ив. Мих. не пошел, это уж шел разговор в порядке не заседания, а частном.

6-го мы начали сезон. “Фигаро” шел очень живо, публика хорошо принимала, после конца такие вызовы, каких мы не видавали в поездке. Был аншлаг – 2758 руб. Хмелев хорошо сыграл, нигде не было у него никаких “накладок”. Мне он очень понравился в первом акте, в “Свадьбе” меньше – очень уж гротесково! (или гротеско?!?!). Вы любите иногда сказать по-современному – гротеск. На Малой чуть не дотянули до аншлага, остался непроданным один билет.

Вчера я смотрела “Нашу молодость”, ведь я ее на сцене еще не видала. Она шла на Большой сцене и потому не могла произвести настоящего впечатления. Мне очень понравился Дорохин, Новиков, и остальные мужчины понравились, но “девушки” – никак, особенно Полонская⁷. Настолько не понравилась, что раздражала и мешала. Такая милая в жизни, а на сцене неприятная, не-милая, не-трогательная, голос раздражающий, какая-то манера говорить так, будто у нее полип в носу. Не знаю, может быть, она на Малой сцене милее. Конечно, это еще не настоящее впечатление от спектакля, надо непременно его пересмотреть, но на Малой сцене.

Сборы и вчера, и сегодня на “Молодости” совершенно полные – 2 700 и 2 600. На Малой тоже полно. “Реклама”, говорят, вчера имела бурный успех.

Все постепенно съехались, сегодня в первый раз видела Качалова (хотя он-то, кажется, никуда далеко не ездил, только проехался по Волге от Рыбинска до Нижнего и обратно, а в остальное время ночевал в городе, а днем с утра уезжал на дачу в деревушку, где жила Нина Ник. И возвращался оттуда только поздно вечером), вчера появилась Коренева. Не видно еще только Книппер. Ужасно грустное впечатление производит на меня Евг. Мих. Она очень плохо слышит, многих не узнает, путает лица и фамилии. Мне говорили, что она настолько все путает, что, приехав из Кисловодска (поезд опоздал и пришел поздно вечером), взяла извозчика, которого попросила у своего подъезда подняться в ее квартиру и спросить, там ли живет Елена Михайловна. Тот пошел и спросил. Прислуга приняла его за жулика, обругала его и сказала, что такой здесь нет. Он с тем и вернулся к Евг. Мих. Та растерялась и велела себя везти в театр. Приехала туда, спросила, кто в театре. Ей сказали –

М.П.Николаева. Она направилась к ней и так обрадовалась, что попала наконец в знакомую обстановку, что приняла ее за свою и расположилась там остаться на ночь, уверяя Марью Петр., что она ужасно рада очутиться дома. Не знаю, может быть, когда мне все это рассказывали и прибавили кое-что для красного словца, но какая-то доля правды здесь, вероятно, есть. Вместе с тем Евг. Мих. жаждет работать и страшно обижена, что ее не занимают.

Да, еще из наших новостей: получили мы постановление Главреперткома, еще от 13 июля, что запрещена “Синяя птица”. Мы собираемся хлопотать, чтоб ее разрешили хотя бы до 1 января, т.к. запрещение разрушает наши финансовые предположения. Ведь у нас намечено по плану 30 утренников по 2 000 р. При непрерывке никакая другая пьеса, даже непроверенные на детской аудитории “Толстяки” не смогут собирать зал.

Написала я Вам громадное письмо, милый Владимир Иванович, а все кажется, что не обо всем вспомнила Вам рассказать. Жизнь наша настолько сложна, столько всяких будто бы и мелких решений, замен, случаев, а все они крепко в жизни театра. Будьте здоровы и радостны, милый Владимир Иванович. Крепко целую дорогую Екатерину Николаевну.

166.

Москва, 12 сентября 1930 года

Письмо № 29

Милый Владимир Иванович!

До сих пор Вл. Д. мне не звонил. Хочу позвонить к нему завтра сама, но думаю, что ничего утешительного он мне не скажет. Мне ужасно грустно, что Мише вряд ли удастся поехать, как мне кажется, даже наверное, из этого ничего не выйдет. Я говорила с Серг. Ал-дровичем, он тоже держится этого мнения. Сейчас нам никак не удастся продвинуть Мишино дело, это ясно. Может быть, когда Вы приедете, Вы своим личным влиянием, своим обаянием убедите в необходимости леченья для Миши. А как раз сегодня Соф. Вит. мне говорила по телефону, что получила от Ек. Ник. письмо, в котором сказано, что Ек. Ник. твердо надеется, что Миша скоро приедет. Очень мне грустно так Вас разочаровывать.

Завтра приезжает М.С. Он дал телеграмму, что будет отдыхать в Москве и поэтому возвращается раньше намеченного срока. Возможно, что он торопится еще потому, что жена его вернулась 10-го из Крыма и может оказаться здесь совсем беспомощной. Она вчера была в театре – загорела и поправилась в Мисхоре. М.С. и не подозревает о той массе дел, какие сразу встретят его здесь. Ведь известие о посылке нашей бри-

гады в Сталинград вряд ли успело дойти до него, раз он выехал 11-го.

Бригада уехала вчера вечером. Все свободные от спектаклей и даже часть занятых в спектакле Большой сцены пришли провожать бригаду в зал К.О. Там поили всех чаем с бутербродами и пирожками. Напущивали уезжающих множеством прекрасных пожеланий. От дирекции говорил Марков, от месткома Мамошин, на днях покидающий нас ради работы в Союзкино. Руководителем поездки поехал Вл. Баталов. Состав: Лабзина, Ольшевская, Михаловская, Гаррель, Ситникова, Грибов, Раевский, Лакшин, Массальский. Репертуар составлен так: по 17-е они ежедневно будут играть “Квадратуру”. За это время они подготовят сцены из “Первой Конной” – сцены царской казармы, суда Керенского, потом встреча в степи, сцена с Буденным, допрос буденовца, рассказ бойца в вагоне, проверка после боя, ударники. Кроме того, поехавший с ними Ардов приготовит им материал на местные производственные и общеполитические темы. Пробудут они там не позднее, чем до 3 октября. Поехали они в Сталинград. Грызунов не в бригаде, Емельяна будет играть Массальский. На его отправке настоял Ив. Мих., к великому огорчению Сахновского, которому Массальский до зарезу нужен был для выпуска “Взлета” в первых числах октября. Теперь роль Массальского во “Взлете” дана Комиссарову.

Вчера после репетиции “Вишневого сада” Нина Ник. была в совершенном отчаянии от Баталова. Он неважно знал текст, от этого шло то, что он не мог сосредоточиться на переживаниях Лопухина, словом, она сказала, что в таком виде спектакль выпустить нельзя. Решено было, что сегодня худ. совещание просмотрит репетицию и на свою ответственность решит, может ли Баталов играть. Сегодня была репетиция, Баталов играл недурно, ясно показывал, что он сможет играть просто великолепно. Текст знал лучше. И решено было дать ему завтра днем еще одну репетицию в фойе (сегодня была на сцене, он в гриме и костюме), а вечером он сыграл. Замену нельзя было делать тем более, что у нас сегодня слетело “Фигаро” из-за того, что Юр. Ал. не может быть на спектакле никак¹. Перемена сделана на “Нашу молодость”. А ведь был назначен абонементный спектакль. Да ведь без Юр. Ал. не сыграешь.

К счастью, от Ершова пришла телеграмма, что он непременно придет к выпуску “Воскресения”. Хотя эта забота спала.

Бедный Станицын, ходит и пристаёт к Калужскому, будет ли он отпущен на съемку. А от М.С., оказывается, уж пришла телеграмма с согласием, но от Станицына это скрывают, т.к. М.С. дал разрешение еще тогда, когда не было ему известно о посылке бригады. Теперь же вряд ли так легко отпустит он Станицына, раз комбинация с Грибовым в роли Джека отпала. Сейчас возможно только ввести Ярова. Телешева говорит, что и без того спектакль сильно понизился в тоне от замены фотографа Грибова Яншиным, за Раевского вторым фотографом выходит Лесли, Герасимова непременно надо будет вводить на роль Прокурора, так как даже если Вербицкий и не уйдет в отпуск, то все же играть

каждую “Рекламу” ему трудно. При таком положении вещей, конечно, Станицын поддерживает крепко спектакль. А если и его взять, первый акт сильно понизится. Ярову, конечно, не удастся быть крепким исполнителем, особенно вначале.

Теперь совсем о другом. Гудков очень просил меня обратиться к Екатерине Николаевне с просьбой от него: привезти ему два каких-нибудь миленьких галстука. Он очень надеется на доброту и милое отношение к нему со стороны Екатерины Николаевны.

Сакулину на гроб был от нашего театра возложен венок. На ленте написано просто: “Павлу Никитичу Сакулину – Московский Худ. театр”. На панихиде и похоронах было несколько человек от театра. Марков говорил речь.

Большое впечатление на всех москвичей произвел прилетавший сюда 10-го “цепелин”². Замечательное зрелище. Он кружился над городом часа два, вызывая восторг ребятишек и громадное внимание взрослых. Затем он пробыл часа 4–5 на нашем аэродроме и часов в 5 дня ушел обратно. Его встретила огромная эскадрилья наших самолетов, которая кружилась вокруг него, выделявая всякие замысловатые штуки в воздухе.

У нас по-прежнему дурная погода. Днем иногда еще выглянет скупое солнце, потом опять небо сереет. Частые дожди. А в Европах, говорят, великолепнейшая жара стоит весь сентябрь.

Будьте здоровы и счастливы, милый Владимир Иванович. Шлю Вам и дорогой Екатерине Николаевне нежный привет.

167.

Москва, 15 сентября 1930 года

Письмо № 30

Милый Владимир Иванович!

Сегодня, не дождавшись звонка от Вл. Д., позвонила сама к нему. Он мне ничего не смог сказать, сказал только, что получил Вашу телеграмму. И еще сказал, что позвонит ко мне на днях. Думаю, что с посылкой Миши на лечение не выйдет ничего, такое общее впечатление у меня. На мой вопрос, каково мнение об этом Вл. Д., он ответил уклончиво. Просил только заверить Вас, что он помнит о Мише, что Вы не должны ожидать невнимания с его стороны, что не должны тратиться на телеграммы.

13-го приехал М.С. – такой же похудевший, каким уезжал. Он только слегка загорел. Много для него в театре было новостью, так как последнее мое большое письмо он не получил. Оно пришло сегодня в Москву, так что при мне он его читал. Новостью была для него посылка бригады в Сталинград, новостью (заранее он знал об этом, но не считывал, что это будет в день его приезда в Москву) – ввод Баталова в

“Вишневы сад”. И хотя он себя чувствовал слабым и усталым с дороги (его поезд пришел в начале шестого), вечером он пришел на спектакль, оставался до 3-го акта включительно. Новостью была и отмена накануне “Фигаро” из-за отсутствия Завадского.

Баталов сыграл крепко в смысле текста и мизансцен, видимо, он позанимался и подучил текст. Играл он совсем больной, с температурой, как говорит Ольга Ник., в 38 с небольшим. После “Вишневого” он слег в гриппе, так что на время выбыл из спектаклей. Сегодня в “Бронепоезде” играет Блинников. В смысле актерском он мало удовлетворил наших, кто смотрел его в Лопяхине. Говорят так: конечно, это лучше Жильцова, но играть Баталов может эту роль очень хорошо, если б был по-настоящему приготовлен. В 3-м акте он был слишком пьяный, вероятно, так ему было легче играть, именно на этом играть.

Приехал Ершов, сегодня был на репетиции. Он похудел. [...] Сегодня уж играет в “Бронепоезде”. Кемарская придет дня через два, не смогла приехать с ним в Москву, ему ведь надо было торопиться.

Завтра “Фигаро” у нас снова летит, перемена на “Нашу молодость”. Все из-за Юр. Ал. К счастью, в дальнейшем “Фигаро” в репертуаре нет. Сборы у нас все время колеблются между 2 600–2 700, при этом аншлаги. Это значит, что много билетов идет по льготной цене. На Малой сцене – 600–700 и даже выше. И тоже аншлаги.

М.С. ходит в театр ежедневно, хоть и поскрипывает: он очень плохо себя чувствует – и горло болит, и вообще недомогает. Конечно, целый день бывает занят, так как входит в курс всех дел.

Если б Вы знали, как меня огорчает, что Мишино лечение никак не выходит. Я сама уж думала, к кому бы обратиться с Вашей просьбой, но как будто получается, что писать или не писать – все равно ничего не переменится. А в Вашем последнем письме Вы с таким нетерпением пишете об ожидании Мишиного приезда. Это ужасно! М.С., например, когда я на его вопрос ответила, что хлопоты о Мишиной поездке ни к чему не привели и надежды мало, не без иронии сказал: “А вы надеялись?!”

Сегодня я пообещала Нине Ал. Соколовской вот что: что я Вам в первом же письме передам ее страстное желание дублировать Марии Петровне в Коробочке. Назначены Лилина и Бендина. Она, конечно, не оспаривает прав Мар. Петр. на эту роль, но ей кажется, что дублершей-то могли бы сделать ее, тем более что роль такая, что и с палкой ей можно будет ходить, и ковылять как угодно. А Бендина и без того занята, много играет, да и успеет еще поиграть комических старух. Здоровье Нины Ал. хорошо, она довольна своим двухмесячным отдыхом в санатории в Перловке. Но ходить без палки она не может и в холодные дни ее мучит боль в ноге. Она мне сказала, что последний анализ дал такой вывод: есть надежда на сращение тканей. Видите, есть только надежда, не уверенность. Несращение объясняется только ее возрастом, когда этот процесс замедлен, даже почти отсутствует.

Станицын счастлив, М.С. разрешил ему отпуск для киносъемок. Но самая съемка теперь откладывается, говорят, на месяц, так что такого срочного отъезда у него не будет.

Сегодня через Москву проезжал Баратов, мне это сказал Мордвинов. И я только сейчас узнала, что он поехал на долгое время в Свердловск, где будет ставить “Северный ветер” и “Лакме”. Это просто замечательно, что он будет ставить “Северный ветер”! Вот ловкость-то!

У нас стоят ясные солнечные, но прохладные дни. И, как всегда в эти месяцы, в театре холодно, так что мы ежмся, зябнем, пробуем согреться чаем или папиросой.

Все, все спрашивают, когда же Вы приедете. Но я так думаю, что многое Вы ставите в зависимость от поездки Миши и оттого не пишете о сроке приезда. М.С. тоже этим интересуется. Он озабочен “Мертвыми душами” и тем, что от Вас по этому поводу нет решений. Он сказал мне вчера, что собирается Вам подробно обо всех делах писать.

Репетиции все те же ежедневно – “Толстяки”, “Воскресение”, “Взлет”, занятия Яншина с Котлубай по “Дяд. сну”, в “Нашу молодость” вводят за Ярова Малолеткова из-за параллельного “Воскресения”.

“Толстяков” решено возобновить максимально тщательно. Ив. Мих. сидит на репетициях ежедневно. Я не видела весной “Нашу молодость”, поэтому не знаю, возобновлена ли она тщательно. Мне показалось, когда я ее смотрела теперь, что на Большой сцене она звучит слабовато и неубедительно.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Очень хочется увидеть Вас поскорее. Шлю Вам и Екатерине Николаевне сердечный привет.

168.

Москва, 19 сентября 1930 года

Письмо № 31

Милый Владимир Иванович!

Ваше восклицание в конце Вашего последнего письма: “Ждем Мишу!” – режет мне сердце. Вы его ждете так нетерпеливо, а мы здесь ничего не можем сделать, чтоб Миша поехал. И я думаю, что если можно на что-то рассчитывать, это на то, что, вернувшись, Вы будете говорить здесь о необходимости Мишиного лечения, и это будет настолько убедительно, что Вам смогут ответить разрешением Мишиной поездки. Мы же не имеем Вашей убедительности, вероятно, ни вообще возможности быть услышанными теми, от кого зависит отпуск Миши. Сколько я ни думаю, как бы направить это дело так, чтобы удалась Мишина поездка, все же я прихожу к убеждению, что сделать это нельзя, так как решительно все соображения, все планы, вся линия против этого.

Вчера я отправила Вам письмо М.С., он очень спешил с ним, просил отправить самым скорым образом, если существует что-либо более скорое, чем luftpost. Одновременно, но не так спешно, он отправил письмо К.С-чу. Но помимо своего письма, в котором он, вероятно, пишет Вам о своем плохом состоянии здоровья, он просил меня написать Вам, что он очень слаб, боится свалиться и при этом знать, что театр остался без всякого руководства. Поэтому он очень-очень ждет Вас в Москву, тем более что ряд вопросов, требующих разрешения в ближайшее время, как, например, вопрос прибавки, он не хочет решать без Вас. Кажется, он Вам писал свои соображения о прибавках? Еще беспокоят его “Мертвые души”, распределение ролей, утверждение текста, задержка перед началом работ. Свои соображения о распределении главных ролей он Вам тоже собирался написать, вероятно, написал?

Сегодня у нас перемена, вместо “Вишневого” пришлось спешно собрать “Дно”, больше нечего было сделать. Перемена из-за Баталова, который до сих пор, со дня премьеры “Вишневого”, болен. Из-за его болезни задержан в Москве Блинников, которому дан был полуторамесячный отпуск для кино съемки. Как видите, вот уж второй случай, что наши идут подрабатывать. Блинникову трудно было отказать, т.к. М.С. обещал ему всяческую поддержку, понимая, что с сокращением из театра Коломийцевой бюджет Блинникова сильно изменился. Блинникова же нельзя было отпустить, и пришлось задержать до 21-го потому, что завтра идет “Бронепоезд”, там он за Баталова играл Огорока. Заменять же после сегодняшней перемены еще и “Бронепоезд” нечем, да и неудобно – сплошные перемены.

Вчера и третьего дня прошло “Воскресение”, оба раза с громадным успехом, особенно 17-го. Даже несмотря на то, что после третьего акта случилась досадная накладка: серый занавес зацепился за спущенный белый и не шел долго, минуты 3–4. Правда, белый закрывал сцену, но все равно – неприятно, когда так не ладится что-то в нашем театре, от которого, несмотря на все наши прошлогодние накладки, публика всегда ждет большой слаженности. Как жаль, что не вышло Ваше дело с “Воскресением” у Рейнгардта¹. Это спектакль такого громадного значения, что обидно, если его не увидит Берлин. Это спектакль мирового значения, а принцип его может произвести на Западе фурор и вызвать громадный и глубокий интерес.

Из-за того, что заболел гриппом Грибунин (у него вчера было 38 с небольшим), Председателя оба раза играл Вишневский, причем так безбожно играл роль по тетрадке, что извел партнеров. М.С., смотревший спектакль 17-го, послал Судакову ряд замечаний, в том числе о недопустимости поведения Ал. Леон., в результате чего роль Председателя послана Лужскому; как только он ее приготовит, его введут в спектакль, и уж вряд ли Вишневскому тогда придется играть.

Спектакль 17-го смотрел Рабиндранат Тагор. Уехал он, кажется, после третьего акта. Забыла спросить, кто его принимал в кабинете К.С. Знаю, что хотели просить Книппер, и Марков должен был быть.

Я не написала Вам в предыдущих письмах о том, что теперь за кулисами в мужском фойе устроен буфет для актеров. Или я писала об этом? В начале сезона я одновременно писала Вам и М.С. в Сочи, и сейчас у меня путается в памяти, что я писала Вам, а что отложила. Почему-то мне кажется, что о буфете я М.С-чу написала, а Вам нет. Так вот, устроили за кулисами чайный буфет, чтоб не было хождения сторожей из-за кулис и чтоб не путать отчетности буфета для публики. Конечно, мы можем пользоваться и нашим постоянным буфетом, но скидки там не получаем, а платим, как и вся публика. Я один раз посидела в нашем новом буфете, и очень мне не понравилось это нововведение. Невозможно добиться там тишины, люди, сидящие за стаканом чая, за бутербродами, поневоле забывают, что они находятся близ сцены, во время действия начинаются разговоры, шутки, смех. Помощники режиссеров жалуются, что прекратить доносящийся на сцену шум они не могут, т.к. не могут отлучиться со сцены, замечания же их во время антракта, когда они прибегают с претензиями, имеют силу ровно на минуту. Потом снова все забывают только что слышанные вопли помрежа, и начинается довольно громкий разговор. А мне так странно увидеть в нашем театре то, что я наблюдала в поездке в провинциальных театрах, что мы все осуждали, считая, что должны быть оборудованы иначе помещения, так тесно соприкасающиеся со сценой. И при этом решительно все актеры говорят, что К.С. может заболеть от такой новости за кулисами.

Из шведского театра за фотографиями ко мне никто не обращался, милый Владимир Иванович. Конечно, если придут, я исполню Ваше распоряжение².

Посылаю Вам декларацию нашей ударной бригады, которую на днях вывесят на досках. Я точно не знаю состава бригады, знаю, что Судаков принимает в ней живейшее участие, Тарасова там. Я попрошу список и пришлю Вам дополнительно, чтоб Вы знали, с кого главным образом взыскивать за нарушение дисциплины.

Очень жаль бедного Тосю Лесли, у него вчера умерла мать, бывшая жена Ив. Ив. Гедике, которая со времени развода с Ив. Ив. и начала мучаться особенно сильно от болезни сердца.

Всего хорошего, милый, дорогой Владимир Иванович. Крепко жму Вашу руку. Передайте, пожалуйста, Екатерине Николаевне мой сердечный привет и поцелуи.

Москва, 23 сентября 1930 года

Письмо № 32

Милый Владимир Иванович!

Получила сегодня Ваше письмо и уже говорила с Серг. Ал. Постараемся сделать все возможное. У С.А. неприятность: в его работе у него были осложнения с представителем металлопромышленности, ему это вменили в большую вину, и теперь местком на ближайшем общем собрании хочет выставить предложение исключить его на 6 месяцев из Союза¹. Мне кажется, что это слишком жестокая кара, тем более что в свое время ему был уже сделан официальный выговор в распоряжении дирекции.

Вы, верно, помните о вводе Ливанова в “Женитьбу Фигаро”. Но весной это не было сделано, т.к. “Фигаро” с отъездом труппы на гастроли выходил из репертуара. Теперь же Телешева занимается с Ливановым и одновременно со Степановой – графиней. Но вряд ли очень скоро удастся сделать этот ввод, принимая во внимание трудность занятий с Лив., его “лермонтовский” характер, а теперь и болезнь, о которой стало только что известно. Может быть, он и поправится скоро, а ведь может и порядком провалиться в гриппе. Сегодня утром он еще был на репетиции “Толстяков”, жаловался на недомогание, а около четырех у него была температура – 39. Так что с сегодняшней премьерой “Толстяков” осложнения вроде весенних: утром сообщили, что заболел Степун. Так как Массальский в Сталинграде с бригадой, не было никакого другого выхода, как просить играть Раздватриса Горчакова. Он ведь весной играл один раз. Ив. Мих. тотчас же принялся заниматься с Лифановым, но, конечно, он оказался не настолько крепок, чтоб играть вечером же. Однако на завтра уже назначена репетиция сцен Раздватриса с Лифановым в гриме и костюме. Ведь “Толстяки” у нас назначены три дня подряд и в дальнейшем стоят довольно часто. А вот в четыре – еще болезнь и еще замена: генерала будет играть Калужский, воспитателя – Лифанов.

Я с нетерпением жду начала спектакля, ведь я сегодня в первый раз его увижу. Жаль только, что придется смотреть невесть откуда, может быть, стоять все время, т.к. билеты все проданы, дирекционные ложи розданы, а своих желающих смотреть будет множество, ведь все, кто был в поездке, не знают этого спектакля.

На сегодня было назначено заседание худ. совещания по распределению ролей в “Мертвых душах”, которое назначил М.С., получив Вашу телеграмму. Но М.С. вчера уже чувствовал себя плохо, болело у него горло, он с трудом говорил. А сегодня вовсе не смог прийти, и заседание перенесено на завтра. Вечером М.С. все же на спектакль придет, главным образом для того, чтобы увидаться с Ив. Мих. и с ним обговорить роли в “Мертвых душах”. Дело в том, что М.С. отпустил Ив. Мих.

в отпуск недели на три в Каширу, и Ив. Мих. должен обязательно завтра уехать, он не может отменить приезд, перенести на следующий день, нет возможности дать туда об этом знать. Так что решено, что М.С. и Ив. Мих. переговоят сегодня вечером и завтра заседание будет без Ив. Мих. М.С. хотел было поставить завтра на заседании вопрос о музыке в последнем акте “Нашей молодости” в связи с теми неудобствами, какие это вызывает при параллельных спектаклях в смысле оркестрантов, а также потому, что ряд лиц, с мнением которых нельзя не считаться, не приняли эту музыку². Для обсуждения этого вопроса вызывается и режиссура “Нашей молодости”. Но сегодня Израл. приходил ко мне и сказал, что Нина Ник. вчера так на него налетела из-за возможной отмены этой музыки, что он потом ночь не спал. И вот он решил просить М.С. вопрос этот пока не ставить, тем более что ближайший репертуар составлен так, что больших затрат на оркестр при параллельных спектаклях у него не будет. А главное, к тому времени, когда для дальнейшего надо будет решать этот вопрос, Вы будете уже здесь и сами решите, как лучше – с музыкой или без. (Написала последнюю фразу и самой смешно: вот он – “великий, могучий, правдивый и свободный” русский язык: с музыкой или без!)

Сегодня на утверждение М.С. дан план работы по “Взлету” – очередная выпускаемая постановка. Там генеральные стоят 16, 17 и 18-го. Сахновский очень доволен, как репетирует Комиссаров, находит даже, что он лучше Массальского. Но в плане стоят репетиции с Массальским, так что вряд ли Комиссарову удастся сыграть премьеру.

Я снова возвращаюсь к “Толстякам”. Скажу Вам по секрету, что мне жаловалась Телешева на восстановление Ив. Мих.-чем кусков, которые Вы выбросили. Она просила меня Вас этим не огорчать, но ведь Вы это увидите сами, как только приедете на спектакль. Что ж прятать голову под крыло?

Я хочу поподробнее написать Вам о посещении Тагором “Воскресения”. Рассказываю со слов Маркова, который был с ним и перед спектаклем, и в антрактах. Тагор приехал с переводчицей, сразу предупредил, что по преклонности лет не сможет просидеть долго, он рано ложится спать. Его встретили Марков, Телешева и Калужский и провели в Морозовскую ложу³. В первом антракте там у него была Ольга Леон., с которой он просил его познакомиться, во втором – Марков. В середине третьего акта он уехал. О спектакле он сказал, что он привел его в глубокое волнение и восхитил простотой, за которой скрывается величайшая сложность, искренностью эмоционального воздействия, затрагивающего первобытные основы человека. “Воскресение” смотрел Авербах, и Пав. Ал. сказал мне, что хотя он и был подготовлен восторженными отзывами своих товарищей, всё спектакль поразил его как замечательное явление в советском театре.

Я узнала с опозданием и потому Вам вовремя не написала, что во втором спектакле “Воскресения” по болезни Орлова мужика, того,

что играл в прошлом году Сафонов, играл Москвин, сам предложивший себя днем в день спектакля. О том, что в мужиках за Грибова играет Тарханов, а за заболевшего Грибова (болезнь была настолько незначительна, что, конечно, заставить его сыграть не могли, но выговор ему объявлен за отказ от участия в спектакле без особо уважительной причины – положение театра было труднее, чем положение Грибова) – Топорков, я, кажется, писала Вам раньше. Вы, вероятно, будете огорчены, что революционера (Новодворова, кажется), которого играл Сафонов, дали Шульге⁴. Я слышала, что в прошлом году Вы отвергали эту кандидатуру. Калужский предлагал Орлова, но почему-то на это не обратили внимания.

Милый Владимир Иванович, помните, уезжая, Вы дали несколько распоряжений касательно Вашего кабинета? Это было еще до моего отъезда. Там было Ваше пожелание насчет внутреннего телефона. С. Ал. в огорчении. Устроить такой внутренний телефон, который работал бы, а не раздражал постоянной своей поломкой, невозможно. И Трушн. предложил мне выйти из положения тем, что от Вас будет проведен специальный звонок в контору к дежурному курьеру. Я на это согласилась. А теперь хочу сказать, чтоб сделали еще такой же звонок ко мне, чтоб Вам было просто меня вызывать.

Сегодня бедный Н.Д.Телешов испытал волнения и притом совершенно зря. М.С. выпустил распоряжение, что руководство музеем поручается Маркову, который и будет входить в сношения с дирекцией по поводу всех дел музея. Ник. Дм. увидел в этом угрозу себе. Я его всячески успокаивала, что тут дело идет вовсе не о передаче Маркову дел музея, а об идеологическом руководстве. Ник. Дм. как будто немного успокоился, во всяком случае, он мне так сказал. После моего разговора с Марковым я убедилась, что правильно расшифровала значение распоряжения, так что все волнения Ник. Дм. были преждевременны и вообще не по существу.

20-го у нас на “Бронепоезде” было множество накладок по вине электротехн. части, так что М.С. поручил Мамошину выяснить все это дело. Протокол спектакля был совершенно панический. Накладки были в последней картине, так что М.С., уехавший после второго акта, о них узнал только на следующий день. Почему-то во время действия перестали действовать сигналы, и кавардак в шумах, пении и криках был невообразимый.

У нас стоит довольно сухая осень, дожди были за последнее время раза два, и очень любезные – ночью. Дни же стоят ясные, а по утрам до того солнечно, что кажется – на дворе лето. И ужасно хочется вместо театра очутиться в Покровском-Стрешневе, где некоторые наши соседи до сих пор живут.

Вернулся из Сталинграда к “Толстякам” Раевский. Рассказывал, что “Квадратура” пользовалась там огромнейшим успехом и вообще отношение всех рабочих к нашей бригаде совершенно изумительно. Бригада возвращается числа 3-го.

Милый Владимир Иванович, до скорого свидания. Я так рада, что время идет быстро и каждый день приближает Ваш приезд. Мне без Вас в театре ничто не мило, я Вас жду с таким нетерпением.

Целую милую Екатерину Николаевну крепко и нежно. Желаю обоим Вам хорошо провести последние недели или даже дни отдыха.

Милый Владимир Иванович, вот что я могу Вам сказать про Ваше желание как-то экипировать обокраденного Мишу. Все, что возможно, будет для Вас сделано в этом направлении, но, конечно, если вещей не будет слишком много, а главное, если не будет при этом же предметов ненужных, предметов роскоши, баловства. Вполне понятно желание привезти сыну предметы первой необходимости, то, чем здесь пока мы принуждены отпускать по карточкам. Но вещи, без которых можно обойтись, парфюмерия или безделушки, это все ни к чему и присутствие их едва ли сможет быть оправдано. Конечно, из-за короткого срока пребывания Вашего на границе, Вам надо будет сделать досмотр в Москве. Ясно, что пограничная таможня вряд ли сможет досмотреть Ваш багаж, кроме ручного, разумеется. Я буду очень рада, если хоть то удовлетворение Вы получите, что сможете помочь Мише после его несчастья в Кисловодске, но только не будьте чересчур щедры в расходовании денег.

Еще раз – всего хорошего!

Москва, 24 сентября 1930 года

Письмо № 33

Милый Владимир Иванович!

Уже вечером вчера, отправивши Вам письмо, я вспомнила, что не сообщила Вам дальнейшего нашего репертуара и не написала, что нам разрешена “Синяя птица” – можно сыграть не то по 1-е марта, не то по 1-е апреля, вот сейчас уже не помню, 15 раз “Синюю птицу”. Вероятно, поставлен такой срок потому, что после него “Толстяки” будут считаться достаточно использованными вечером, репертуар пополнится новыми постановками и, стало быть, “Толстяков” можно будет перенести на утренники. По плану у нас “Синяя птица” предполагалась раз 30–35. Никитин говорит, что это решение его в финансовом отношении устраивает.

Тем временем за сегодняшний день произошли очередные внезапные болезни, очередные волнения. Заболела Дмоховская, заменить ее некем. Сегодня уже занимались с Пузыревой, но к вечеру она не может быть готовой. Вероятно, введут ее только к завтрашнему спектаклю, так как ей дается завтра репетиция на сцене в гриме и костюме. За Дмоховскую сегодня играет Горчаков¹. Как Вы видите, он начинает походить на Судакова, выступая уж во второй роли срежиссированного им спектакля! Раздватриса играет Лифанов, получивший сегодня репетицию на сцене. (Со Степуном история будет долгой, у него стрептококковая ангина.) Ливанов продолжает быть больным, но так как за Лифанова воспитателя должен играть основной исполнитель Калужский, то генерала играет Андерс, Просперо – Цильман. Такой случай уж был весной, насколько я знаю. Но все же хоть и было так, а грустно, что приходится повторять спектакли в таком отчаянном составе. И настроение из-за этого у участников спектакля гробическое.

Сегодня приехал в Москву Эрвин Пискатор. Театры организовали ему встречу, получив предложение об этом Рабиса². Вернее, представители театров собрались на вокзале, где ожидали, что встреча будет организована. Но там оказалось, что никакого организующего начала нет. Произошло много недоразумений, встречавшие кидались то к одному, то к другому из выходявших из вагона лиц, принимая их за Пискатора, даже летали по перрону в погоне за ними. В это время Пискатор смущенно и одиноко стоял на перроне, не зная, что ему делать. Наконец его узнали, окружили, Нардов сказал приветствие³ за ним подтолкнули Маркова, который, как он говорит, пролепетал по-немецки некоторый спич, который сводился к приглашению в наш театр. Этим дело кончилось после некоторых рукопожатий и вопросов Пискатора к встречав-

шим. Только что (сейчас около семи) ко мне позвонил кто-то от Пискатора и спросил, нет ли у нас 8 мест для него на сегодня. У нас столько мест в такой час, конечно, нет. Не зная, как выпутаться, я сказала, что хотя нам очень хочется как можно скорей увидеть у себя т. Пискатора, но у нас сегодня уж столько мест, да еще хороших, нет, и к тому же, из-за внезапных болезней, у нас сегодня играет второй состав, который не так будет интересно смотреть Пискатору, как основной. Люди там оказались покладистыми. Они попросили, чтоб я посоветовала, куда бы им сегодня пойти. Я им продиктовала сводную афишу на сегодня, и они выбрали “Растеряеву улицу”⁴. Это действительно лучший сейчас спектакль Малого театра, так что я с чистой душой могла им рекомендовать его. А на завтра я пообещала им на тех же “Толстяков” ложу и два места для Пискатора лично в партере, потому что в ложу 8 человек не поместятся и потому, что из партера постановка видна лучше.

Вот наш репертуар, который я вчера Вам не написала:

28-го дн. “Наша молодость”

веч. “Три толстяка” “Реклама”

29-го “Три толстяка” “Наша молодость”

30-го “Бронепоезд” “Квадратура круга”

1-го “Бронепоезд” “Наша молодость”

2-го “Вишневый сад” “Квадратура круга”

3-го “Воскресение” “Наша молодость”

4-го “Три толстяка” “Реклама”

5-го аб. “Вишневый сад” “Квадратура круга”

6-го “Воскресение” “Наша молодость”

7-го аб. “Бронепоезд” “Квадратура круга”

8-го “Три толстяка” “Реклама”

9-го аб. “Бронепоезд” “Квадратура круга”

10-го аб. “Вишневый сад” “Квадратура круга”

11-го “Три толстяка” “Реклама”

12-го “Воскресение” “Наша молодость”

13-го “Воскресение” “Наша молодость”.

Сегодня было заседание худ. совещания, первое после приезда М.С. На повестке стояло распределение ролей во всех новых пьесах – окончательное ввиду всяких разговоров и толков. Но по “Мертвым душам” решили отложить до представления текста (ждут его к 10 октября), только М.С. огласил Вашу телеграмму о Топоркове – Чичикове и о Вашем согласии с остальным. В “Хлебе” никак не могут окончательно решить роли Паши и Мокрины. Роль Паши установили за Титовой, подтверждали это много раз, но были какие-то переговоры и обещания Судакова Тихомировой, и теперь она настаивает на своем праве на роль. Судаков согласен заниматься с ними обеими, но между ними уж идет такое несогласие, между дамами, что ничего хорошего из этого не выйдет. Мокрину же, которую худ. совещание постановило дать Тихомировой, той играть не хочется. Судаков сегодня выставил снова кандидатуру А.Зуевой, ссылаясь на то, что Тихомирова – раз ей не хочется

играть – будет работать вяло. Но худ. совещание постановило твердо держаться раз вынесенного решения и все оставило так, как было. Был еще разговор о Грибкове в “Дерзости”: Калужский начал было докладывать о нем в том смысле, что он часто болеет, ненадежен, манкирует без уважительных причин, но М.С. сказал, что имел сегодня с ним беседу, причем Грибков выставил такие доводы в свою защиту, что М.С. поручил расследовать дело с последним его отказом играть в “Воскресении”, когда врач ему сказал ни в коем случае не играть, а это посчитали неуважительной причиной и даже объявили ему выговор. Словом, М.С. за него заступился, и роль в “Дерзости” оставлена за Грибковым. Обсуждали вопрос о финале с музыкой в “Нашей молодости”. Нина Ник. рьяно ее защищала, нашла среди некоторых себе поддержку. Постановлено, что Судаков, Топорков и Лужский просмотрят спектакль и выскажутся в худ. совещании. Может быть, необходимо будет установить днем пробу, как это выйдет без музыки. И тогда уж будут приходиться к какому-то решению.

Потом говорили об организации работ худ. совещания и о выработке плана. Выделена пятерка-секретариат: Марков, Лужский, Гарханов, Ершов и Яншин, которая будет иметь беседу с М.С., затем выработает план работ и вообще будет следить за своевременным внесением вопросов на обсуждение совещания. Сахновский не вошел, т.к. занят “Взлетом” и “Мертвыми душами”. Мы с ним сегодня грустно распрощались, как работники старого режиссерского совета. Я искренно об этом пожалела, с ним было приятно работать. М.С. ставил вопрос о работе совещания без участия директоров, но все решительно запротестовали, считая, что тогда совещание так же тихо кончится, как кончился режиссерский совет.

Мне вчера очень понравился спектакль “Три толстяка”, а говорят, что он шел далеко не так, как может вообще идти. По-моему, это великолепный спектакль для ребят, мне очень хочется как можно скорей повести на него сестриных детишек. Эрдман часто очень занят⁵.

Сегодня Трушн. был по своему делу у М.С., затем в союзе, и, кажется, его дело разрешится в благоприятном для него смысле. Очень я рада за него, если так будет.

Милые Владимир Иванович и Екатерина Николаевна, всего хорошего, до скорого свиданья!

171.

Москва, 1 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Не знаю, будет ли Вам понятен тот расчет Ваших расходов за лето, по 1-е октября, который я сделала на основании сведений, полученных от Ванды Мариановны (я ее расчет тоже прилагаю) и того расчета жа-

лованья и режиссерских за 2-ю половину сентября, подлинник которого находится у Вас, а копия у меня. [...]

На 3-е назначается заседание худ. совещания в 3.30 дня. Можно ли рассчитывать на Ваше присутствие. Если Вы будете, на повестку выставляют обсуждение реж. плана “Дерзости” и вопросы о дублерстве, и о работе комиссии по художественному просвещению среди технического персонала. Если Вы не придете, останутся на обсуждении два последних вопроса, а обсуждение плана “Дерзости” будет опять отложено.

Вообще же дни, намеченные для заседаний художественного совещания на ноябрь: 3-е, 9-е, 21-е.

Мне очень интересно, разберетесь ли Вы в счете после того, что получите мой расчет, или все равно для Вас будут неясности.

Да, пенсия за октябрь получена, вернее – сегодня пришло извещение с почты о получении почтой к выдаче этих денег. Если Вы хотите взять ее так же, как жалованье, скажите – и я 3-го тоже возьму эти деньги.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович. Отдыхайте хорошенько. Завтра у меня выходной день и я Вас очень прошу – если Вам что-либо будет нужно, позвоните мне домой.

М.С. сегодня пробыл в театре всего полчаса. С утра он был в Глазискусстве на заседании по вопросу последнего распоряжения Совнаркома, потом он приехал сюда и снова уехал на какое-то заседание. В зависимости от этого заседания он построит свой завтрашний день. Может быть, он тоже возьмет себе завтра выходной день.

Всего хорошего!

172.

Москва, 11 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Я решила послать Вам письмо, хотя Екатерина Николаевна против того, чтоб Вас занимать делами. Но ведь это всего только письмо, Вы можете его и не дочитать, если Вам не хочется. Вот я пересылаю Вам два письма, что привезла с собой для Вас Рипси, если Вы будете читать их, почему бы Вам не прочесть мое?

Прежде всего мне хочется сообщить Вам, что вчера вечером звонил мне Л.М.Леонидов. Он сказал, что так как Вы его в свое время вызывали на беседы по “Мертвым душам”, на которых он не мог быть по болезни, и, значит, хотели бы знать его мнение о постановке, и так как на днях он познакомился с булгаковской инсценировкой – он хочет Вам высказать свое мнение. Оно сводится к следующему: в общем, он вынес очень и очень приятное впечатление, особенно от первых семи картин. Нет умаления Гоголя, образы соответствуют гоголевским. В последних пяти картинах автор как бы торопится, хочет поскорее, но возможно

закругленнее привести пьесу к концу. Поэтому эта вторая часть пьесы легковесна. Примерно он так делит инсценировку:

1-я часть – показ монолитных фигур – это получается хорошо,

2-я часть – сплетня – вот здесь чувствуется какая-то торопливость автора,

3-я часть – финал (взятка, освобождение), дающий нужную и удачную точку всему спектаклю.

Одним из крупных недостатков инсценировки он считает отсутствие лица от автора. По его мнению, надо чрезвычайно развить роль Первого, отчего удельный вес пьесы сразу сильно повысится, она потеряет свою односторонность и мелкость. Ему нравится, каким является Первый в сцене Плюшкина, вот эту линию для Первого он считает правильной и по этой линии надо его развивать. Кроме того, он считает совершенно необходимым начать пьесу именно Первым, и текст для этого он видит в начале 7-й главы, где, по его мнению, собственно, и начинается поэма.

Он не согласен с тем, что Булгаков называет пьесу комедией. Он считает, что это – трагедия. Как он говорит, Гоголь, его зерно – это “Мертвые души”, а Гоголь – это никак не комедия, а трагедия.

Очень важным он считает, под каким углом показать спектакль современному зрителю. Если вспомнить, что сказал Пушкин, прочтя “Мертвые души”, то что же должен сказать современный зритель?! А вот тут, в инсценировке, он не видит отношения автора к своим героям. И выказать отношение надо через Первого в первую очередь. Форма и дух всей постановки – для него это несомненно – должны быть совсем иными, чем были в постановках прежних инсценировок. Он вспоминает спектакль “Мертвые души” в исполнении Варламова, Давыдова, Стрельской, это был концерт в Колонном зале, но никак не спектакль в театре. И это, особенно сейчас, вовсе не интересно.

Он слышал, будто Вы ставите окончательный крест на инсценировке Булгакова (это, по-моему, неверно, не знаю, кто это ему в таком виде передал!), и просит Вас не делать этого, а попробовать все же взять за основу пьесы булгаковский текст, углубив его расширением образа Первого. Уж очень, как он говорит, образы в инсценировке “игрательны”.

Да, еще: жаль ему, что нет бала. Его не пугает то, что в поэме нет текста для бала. Он действовал бы смело и решительно, сделал бы бал с минимальным количеством слов (у него остаются в памяти два момента: как Ноздрев хватается за полы танцующих и слова: “Пошла писать губерния!”), он считает, что раз нет у Гоголя слов для бала, то нужно делать почти мимическую сцену, но не дать бала ему жаль. Сцена же за столом ему кажется схожей со сценой за столом в мейерхольдовском “Горе уму”.

Вот как будто все, что он говорил. Когда он говорил, я старалась отметить на записочке основные его мысли.

Я ему сказала, что на заседании Булгаков возражал против развития роли Первого, говоря, что для него нет в поэме текста. Но он мне сказал, что в разговоре с ним Мих. Аф. уж не ставил так категорически вопрос. То же мне еще днем говорил Сахновский, т.е. что совершенно ясно, что роль Первого надо расширить и это совершенно возможно, при чем с ним согласен и Булгаков. Вот только от Булгакова самого я еще не слышала этого, надо будет с ним сегодня поговорить.

Марков вчера был вызван к М.С. и там был вопрос о Худполитсовете. Наконец список рабочей части нами получен от профсоюзов. Остается только произвести выборы наших мхатовских представителей. По новому положению представители театра определяются следующим образом: обязательно входят в совет художественные руководители, директор, представители месткома и представитель ячейки. Остальные пять мест заполняются представителями по выбору, причем выбирает весь состав театра и не только из художественной части, а из всего состава. М.С. предполагает вернуться из Ленинграда, куда он уезжает сегодня, 14-го. Но до этого времени, т.е. до 14-го, Марков должен сговориться с Мамошиным относительно устройства нашего общего собрания для выборов. А 20-го М.С. предполагает устроить первое заседание совета. Вот тогда можно будет поставить вопрос о “Мертвых душах”, как Вы вчера просили через меня передать Маркову.

Вы просите прислать Вам что-нибудь почитать. Я сказала об этом Маркову, он говорит, что пьес, которыми он мог бы занять Ваше внимание, у него сейчас нет. Может быть, хотите что-либо из новой беллетристики? Попросите тогда Екатерину Ник. позвонить мне об этом, и мы с Марковым отберем Вам что-нибудь интересное. А “Хороший человек” Вы прочитали?¹

Третьего дня на репетиции “Нашей молодости” сильно поссорились Грибков, Массальский и Дорохин. Сейчас Калужский выясняет степень виновности каждого из них. М.С., который знает об этом по выписке из протокола, ждет доклада Калужского и, по-моему, готовит виновным строгую кару. Ссора произошла потому, что Массальский (партизан) был не очень внимателен, Грибков на него рассердился, заодно и на Дорохина, который забыл какую-то реплику, начался обмен резкими фразами, кончили словами (Грибков) “хам” и “хулиган”. Все это ужасно грустно! Разве это Ваш МХТ?

Милый Владимир Иванович, я уже говорила Ек. Ник-не, прося ее заступничества, что Коломийцева очень просит Вас написать в ее защиту несколько строк, так, как Вы полагаете относительно нее и ее сокращения. Если Вы не хотите написать непосредственно в конфликтную нашу комиссию (РКК), в которой будет разбираться ее дело, то хотя бы несколько строк, которые были бы базой для ее защиты Судаковым, который будет в РКК за нее заступаться. Если это только никак Вас не затрудит – составить и написать такую бумагу.

Был ли у Вас кто-либо из театра после 5-го числа и рассказали ли

Вам про случай со Сталиным в нашем театре? Я не могла Вам рассказать по телефону об этом, т.к. Рипси не нашла удобным мне по телефону это передать. Сталин приехал к нам на спектакль “Трех толстяков” с Молотовым, Орджоникидзе и Косиором. Они зашли в ложу как раз тогда, когда кончалась оратория и пели “Интернационал”. После окончания грянули аплодисменты, и вдруг кто-то из зрительного зала крикнул: “Товарищи, в театре находится т. Сталин. Предлагаю приветствовать его!” Начались дикие восторги и овации. Часть публики бросилась к последним рядам партера, даже непосредственно к ложе, но его стянули с барьера. Иос. Вис. к тому времени уж вышел в кабинет К.С. вместе со своими спутниками. Он был недоволен, что ему помешали спокойно посмотреть спектакль. Он не понял, что он попал на ораторию и спрашивал: “Вот так начинаются “Три толстяка”?” В зале продолжали аплодировать и кричали просьбы, чтоб он выступил. Вдруг открывается дверь в кабинет, на пороге Тося Лесли, за ним виднеется Володя Баталов и еще какой-то человек. (Впоследствии оказалось, что это кто-то из публики, кажется, представитель фабкома, купившего у нас спектакль.) Тося говорит: “Т. Сталин, пожалуйста на сцену, вас публика вызывает”. Иос. Вис. ответил: “Нет”. Но Тося не уговорился и сказал, показывая в сторону зрительного зала: “Вы слышите, что там делается?!” (Тут сказался помощник режиссера, для которого аплодисменты зрительного зала – закон!) Рипси, онемевшая для начала, подошла к Тосе и выпроводила его. За это время в кабинет успел пройти вот тот, неизвестный человек. Рипси его не пригласила выйти, думая, что он со всеми гостями. Только позднее она поняла, что это не так, и не без труда выпроводила его из кабинета. В это время напор на ложу и кабинет (какой-то кучки людей) шел со стороны выхода в коридор около зрительного зала. Рипси вышла туда и сдерживала наскоки, пропустив, по распоряжению из кабинета, только одного товарища, который прошел на сцену и призвал зрительный зал к порядку, указав, что т. Сталин приехал не выступать, а смотреть спектакль. Поэтому – он сказал – не будем мешать ему смотреть спокойно спектакль, да и сами давайте смотреть его. Публика успокоилась. Но настроение у Иос. Вис. уже нарушилось и он, не заходя в ложу, уехал вместе со своими спутниками из театра.

Владимир Иванович, вчера Вы спрашивали через меня у Калужского, когда хочет в “Воскресении” играть Вишневский. Я просила Ек. Ник. передать Вам, что Вишневский в дни Вашей болезни через Калужского передал просьбу к Вам позаниматься с ним этой ролью. Сегодня Калужский мне сказал, что Вишневский будет играть 17-го и 18-го или в один из этих дней. Если Вы до этого времени сможете ему уделить с полчаса времени для беседы о роли, он был бы счастлив.

О Константине Сергеевиче сегодня еще никаких сведений нет. Вчера у него была температура 37.1.

Милый Владимир Иванович, я очень рада, что сегодня Вас навещит Шервинский. Говорят, это замечательный доктор и прелестный

человек. Будет чудесно, когда Вы совсем отдохнете и мы снова Вас увидим.

Всего-всего хорошего! Дорогой Екатерине Николаевне, которая так замечательно заботится о Вас, шлю сердечный привет.

173.

Москва, 12 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Я так рада, что Шервинский был у Вас и поставил такой утешительный диагноз. Теперь только надо, чтоб Вы хорошо отдохнули за эти две недели и потом бы – работая – берегли себя.

Посылаю Вам три книжки: “Братья” Фебина – по рекомендации Маркова; помнится, что когда я читала ее года 2–3 назад (роман печатался тогда в одном из периодических изданий), она мне нравилась. Марков ее выбрал потому, что считает Фебина хорошим автором. Мне у Фебина нравилась книга “Города и годы”. Она вышла в тот год, когда Вы были в Холливуде, или в год нашей американской поездки. Вы ее знаете? Интересный роман, а сюжет – прямо для фильма.

Вторая книга – пильняковский нашумевший роман “Красное дерево”, который сейчас выпущен под заглавием “Волга впадает в Каспийское море”. Я его как раз сейчас читаю, мне кажется интересным.

Третья книга – по выбору нашей библиотекари Варв. Серг. Станиславской. Она говорит, что в книге есть интересные жанровые картинки. Этой книги я не знаю.

Я хотела послать Вам книгу, которая мне очень нравится – “Луна и грош”. Но это переводной роман, интересно ли Вам это? Ее сейчас нет в библиотеке, кто-то взял читать. У меня она есть, но тоже отдала ее знакомым. Постараюсь ее получить обратно и очень буду Вас просить прочесть. Это роман о Гогене, но не биографический, а вымысел, навеянный жизнью Гогена. Из книг, которые я читала за последние два года, эта книжка произвела на меня особенное впечатление¹.

Я обещала Екатерине Николаевне прислать ей интересную переводную повесть “Зеленая шляпка”. Но оказывается, в библиотеке ее у нас нет, зачитал ее тот самый Забежинский, кот. в прошлом году растратил месткомовские деньги и был потом уволен. Я постараюсь найти эту книгу у знакомых и тогда пришлю Ек. Ник. Она читается легко и с интересом².

Посылаю Вам для сближения Вас с нашей жизнью репетиции на ближайшие три дня.

Как я слышала, Ольга Леон. сегодня должна была после болезни впервые выйти на улицу. Если после этой прогулки она будет себя чувствовать хорошо, завтра она будет играть “Дядюшкин сон”.

Сегодня в 12 час. ночи в Малом театре назначен общегородской

митинг работников искусств по поводу открытия вредительства и заговора в Промпартии³.

Владимир Иванович, когда Вы будете себя чувствовать совсем хорошо, пойдите, пожалуйста, посмотреть Семенову. Я вчера смотрела ее в “Баядерке” – она поразительна. И великолепный у нее партнер – танцовщик Ермолаев из Ленинграда.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович, шлю сердечный привет Вам и Екатерине Ник.

174.

Москва, 15 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Я уже говорила вчера с Ек. Ник относительно Вашей поддержки на заявлении Калинина, и она мне сказала, чтоб я прислала сегодня эту бумагу, на которой Вы напишете несколько слов. Пожалуйста, сделайте это на обороте заявления Калинина – всего несколько слов, что Вы поддерживаете просьбу Калинина.

Посылаю Вам репертуар и сборы. В рапортичках есть перерыв – в праздничные дни спектакли были проданы, касса не работала. На Большой сцене спектакли были проданы на круг по 2 800–2 900 руб., на Малой – по 735 р. на круг. Бесплатные спектакли были только 8-го.

Вчера звонил мне Камерницкий и просил написать Леон. Дав. о предстоящем юбилее Муз. театра, что я сегодня и сделаю. Кроме того, он меня просил вспомнить тех друзей, которым следовало бы написать об юбилее. Я уж думала сама об этом. Дней 10 тому назад я написала Бертенсону просьбу припомнить друзей Муз. театра за границей, вспомнить, может быть, те клубы, кот. с таким радушием приветствовали Вас в каждом американском городе. Вот кто мне припомнился:

В Берлине – Леонидов (жду еще от него указаний о берлинских друзьях), Альфред Керр.

В Праге – директор Виноградского театра Квапиль, или, мож. быть, просто в дирекцию?

В Лейпциге – дирекция театра, в кот. мы играли?

Под вопросом у меня полпредство в Берлине. Я не знаю, насколько Вы с ним связаны?

В Америке – М.Гест, Отто Кан, Сейлер, Леопольд Стоковский, Скэнк, Толберг, Лилиан Гиш, Фербенксы¹, еще была там какая-то сценаристка – Ваша поклонница, как мне рассказывал Бертенсон. Потом – под вопросом – Рахманинов, Шаляпин, Зилоти.

Вспомнился мне еще из русских Филиппов, который управлял гостиницей, но не знаю, был ли он театралом.

Камерницкий назвал мне еще Балиева, но я его предупредила, что вряд ли Вы будете сообщать ему о юбилее, назвал Кусевицкого. Потом

он спросил, как быть с Баклановой – поздравить ее самое или послать извещение о юбилее. И еще высказал мысль, что не написать ли Ник. Вас. Петрову в Париж, чтоб тот отметил юбилей в тамошней прессе. Нужно ли это?

М.С. сегодня не приехал, приезжает завтра. Вчера прислал об этом вечером телеграмму.

Кстати, курьез: вчера в театре получено письмо со стихами от неизвестного *зрителя*, как он подписался. Посвящены они “Украшению МХТ” (вероятно, применительно к праздничным дням):

Что вижу я? Ужели это МХАТ?

Который задумками был всегда богат?

Ужели это МХАТ во всем этом безвкусьи?

О, Господи Иисусе!

Ведь это вкус зулуса иль индейца!

Нет, это вкус Михайла Гейтца.

Сегодня вечером после спектакля у нас будет сеанс какого-то необычайного гипнотизера, которого демонстрируют сейчас в Москве некоторые врачи. Третьего дня был такой сеанс в клубе завода “Авиа-прибор”. Там был Подгорный и рассказывает совершеннейшие чудеса. Там были представители Наркомпроса, врачи, профессора, как Розанов, Очкин, актеры московских театров и рабочие завода, над которыми этот человек проводил свои опыты. Он усыпляет людей меньше чем в минуту одним только повелительным взмахом руки и отрывистым возгласом “Спать!” Врачи говорят, что это совершенно исключительное явление в смысле громадности гипнотической силы.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам хорошо отдохнуть и с приятностью проводить время.

175.

Москва, 17 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам письмо от Лилиан Гиш, которое только что здесь получено. И – для связи с нами – репетиции с 16 по 18-е.

Позвольте, Владимир Иванович, Вам сказать насчет денег и всех связанных с этим дел. Не знаю, помните ли Вы, что в свое время (может быть, Вы тогда были уже за границей) была упорная установка на то, что по возможности все из заработной платы граждан, что идет на этикие “стандартные” расходы, как плата за квартиру, за телефон, за электричество, газ, воду, за обучение детей и т.п., проходило бы перечислением из учреждения, где служит каждый гражданин, в сберг. кассу, на текущий счет того или иного учреждения. Сейчас снова вспомнили об этом мероприятии, которое тогда в “неделю сберкасс” всячески пропагандировалось, а потом забылось. Вспомнили потому, что денежный кризис принял общегосударственные размеры. Государством приняты

меры, чтоб изжить его возможно скорее, но пока на всех нас кризис сказывается тем, что жалование нам задерживается примерно на полмесяца, т.к. выплата за первую половину ноября предполагается в начале декабря. Ведь есть работники, которые до сих пор не получали еще жалования за вторую половину октября. Им как раз выплачиваются деньги сегодня-завтра.

Так как сейчас порядок каждой выплаты нам диктует специальная банковская комиссия, то внутри театра помощь работникам довольно ограничена. Прежде всего, конечно, вспомнили о кассе взаимопомощи, которая тоже обеднела сразу, т.к. не получила очередных отчислений из жалования работников. Но касса заложила свои ценные бумаги, собирается дать утренники в свою пользу, словом, старается найти деньги, чтоб давать ссуды – правда, очень маленькие – всем работникам, в первую очередь – низкооплачиваемым. Следующая мера – обеды всем нам отпускаются в кредит, а кроме того, каждый работник может брать на дом обеды в кредит для членов его семейства, находящихся на иждивении. Наконец, третья мера – каждый работник может дать распоряжение, чтоб часть его жалования перечислялась бы в сберкассе, и тогда все “стандартные” (коммунальные) выплаты он может производить распоряжением по сберкассе о перечислении его денег туда-то и туда-то. Остаток от перечисленных на его счет денег он всегда может взять из сберкассы так же, как из нашей платежной кассы, даже, по-моему, с меньшим затруждением.

Я вчера говорила с Чернявским и Никитиным об Вашем жаловании и о необходимости для Вас иметь деньги для всех Ваших расходов – личных и коммунальных. И оба они прежде всего советуют Вам перевести часть Вашего заработка на сберкассе. Это и вообще было бы хорошо сделать, потому что все выплаты проходили бы у Вас чрезвычайно регулярно и без запаздываний, так что отпали бы случаи взыскания с Вас пени – ведь эти деньги, пени, это выброшенные на ветер деньги. Лучше на эти деньги купить полфунта масла! Или сделать доброе дело – как Вы это любите! Ведь правда? Если я была достаточно убедительна – а мне этого страшно хочется, – передайте мне Ваше распоряжение о перечислении, и тогда я пришлю Вам нужные для оформления открытия текущего счета в сберкассе бумаги.

Директора и фин. управляющие театров достаточно напуганы теми строгими мерами, какие уже были применены к некоторым театральным хозяйственникам “за срыв кредитной реформы”, в том числе и за выдачу зарплаты в то время, когда уже было распоряжение о прекращении таких выдач. Поэтому никто на себя не берет выплату денег. Вчера и сегодня я все думаю о том, как обеспечить Ваши получения, но боюсь предпринимать шаги без Вашей санкции. Я хотела было поехать к Кону, к Бубнову, во всяком случае, я могу звонить секретарю Андрея Серг. Зорину, с которым мы по телефону в хороших отношениях, а Ник. Аф. – приятель, с ним и я могла бы начать разговор через Ник. Аф., чтоб

говорить менее официально, но не рассердится ли Мих. Серг., который вчера предложил поехать в Главискусство и выхлопотать разрешение на деньги, но, как он думает, больше, чем на 200–300 руб. надеяться нельзя. Может быть, поговорить с Зориным неофициально, чтоб тот Бубнова поставил обо всем в известность и получил от него приказ – распорядиться через Кона нам о выплате Вам и К.С. жалованья вне зависимости от театральной выплаты. Ведь есть учреждения, которых все нынешние осложнения касаются далеко не так чувствительно, напр., военное ведомство. Надо Вас приравнять к военным – это ясно!!!

22-го у нас предполагается первое заседание Худполитсовета, на котором будут стоять вопросы организационные, производственного плана текущего сезона и читка булгаковских “Мертвых душ”. Из прошлого состава в рабочей части совета осталось всего 5 человек.

Пожалуйста, подпишите доверенность, чтоб я получила для Вас пенсионную книжку. Ее нужно вообще иметь на руках. Кроме того, если записать Вас в члены “Коммунара” (а это непременно по теперешнему положению вещей надо сделать), то по этой книжке Ваш вступительный взнос как персонального пенсионера будет всего только 5 руб. (а не по получаемому окладу) и кроме того, Вам должны дать продовольственную карточку как рабочему 2-й категории. (К первой категории относятся рабочие, работающие на вредных и опасных для здоровья предприятиях, все же остальные – во второй.)

Милый Владимир Иванович, отдохайте хорошенько и потом приходите к нам.

Горчаков Вам шлет привет, он постоянно о Вас спрашивается.

176.

Москва, 18 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Я так рада, что получила от Вас записочку. Уж одно сознание, что Вы ее только что писали, а я ее держу в руках – страшно приятно.

Я тотчас же сказала о Мордвинове М.С., и он с этим совершенно согласен.

Что же касается финансовых затруднений и возможности протеста против бюрократического отношения к театральным хозяйственникам, то М.С. сказал, что директора театров уже обратились к прокурору, тот вмешался в дело, и Постников в Малом театре уже восстановлен. Но финансовый кризис продолжает существовать, и все то, что я Вам писала о сроках выплаты зарплаты, остается в силе.

О сберкассе. Конечно, домоуправление не смеет отказаться от получения квартирной платы и др. коммунальных платежей через сберкассу. Это давно введенный закон. И напрасны Ваши опасения, что *первые наличные* деньги будут отправляться в кассу. Туда не отправляются

никакие деньги, а все делается путем бухгалтерских перечислений. Государство Вам должно заплатить жалованье, Вы должны заплатить за квартиру; вот Вы и переводите свой долг домоуправлению на государство, т.е. сберкасса по книгам от театра получает Ваш взнос и по книгам же списывает с Вашего счета и переписывает на счет домоуправления плату за квартиру. Это и делается-то потому, что государство (госбанк) забирает от нас всю выручку и не дает в настоящий момент нам свободы попросту выплачивать работникам жалованье. Ведь давно уже хотят сделать, чтоб максимум заработка не поступал наличными работникам, а расчет с ними производился бы путем бухгалтерских перечислений по сберкассе. Но, впрочем, решайте сами, как хотите, если у Вас есть какие-то сомнения. Насколько я понимаю, нет никакого риска в таком перечислении. Я знаю, что М.С. то же сделал, т.к. нет другой возможности при настоящем положении вещей вовремя оплатить все ежемесячные обязательные платежи.

О Цингере буду еще говорить с Рипси¹. У меня сегодня весь день масса работы, затем – худ. совещание (вопрос о дублерстве), так что Рипсу я видела только наспех в буфете во время обеда, когда еще от Вас письма не было.

Вот с каким делом просил меня обратиться к Вам наш юрисконсульт: по поручению Никитина (вероятно, и М.С.), ему предложено обратиться в суд с иском против Рабиновича – взыскать с него полученные им авансы на “Воскресение” и “Плоды просвещения” (750 р.+1 500 р.=2 250 р.), и с Дмитриева по его договору на оформление “Бега” (сумма в имеющихся у меня под рукой материалах неизвестна мне). Для того чтобы иметь право обратиться в суд, необходимо юрисконсульту иметь формальные документы о нарушении художниками договоров: были ли выполнены сроки предоставления макетов, были ли они приняты театром. В отношении “Воскресения”, единственно пошедшей на сцене пьесы, знать причины передачи работы, вместо Рабиновича Дмитриеву. Т.е. лежали ли причины не в театре, а в художнике. Так как все переговоры с художниками и решения по их работе шли от Вас и так как юрисконсульту известно, что Вы против таких претензий к Рабиновичу и Дмитриеву, то он и просит Вас, если Вы считаете претензии театра о взыскании денег неправильными, дать об этом распоряжение в письменной форме. Он будет ждать Вашего ответа в течение ближайших дней.

Я хочу сказать Вам, что от Литовцевой, М.С. и участников “Нашей молодости” за последние два дня я слышу много хорошего, просто великолепного о гастролях в Ленинграде. Спектакль имел громадный успех, аплодисменты были и среди актов, и после конца – настоящие овации. Сцена Майбы, которую перед отъездом сделал Мордвинов, теперь звучит великолепно, дает прекрасную точку первому акту и вызывает дружные аплодисменты. Нина Ник. не нахвалится на работу Мордвинова. Замена струнного оркестра в финале маршем, который

проходит в пьесе 2 раза, очень хороша и нисколько не понижает финала. Был даже случай, когда аплодисменты начались сразу, после начала расклейки афиш². Никитину звонили из ленинградского Выборгского дома культуры, что “Молодость” имела больший успех, чем “Бронепоезд”. Все участники поездки очень довольны своим пребыванием в Ленинграде. Они были прекрасно устроены в смысле гостиницы, так комфортабельно, что даже не жалуется на грошовые суточные деньги. Вспоминают о Ленинграде с удовольствием.

Я не успела сказать М.С. о “Мертвых душах”. К моменту звонка Ек. Ник. его уже не было в театре, а дома телефон не отвечает. Если зайдет вечером в театр – скажу, если нет – позвоню завтра по телефону: завтра я гуляю, выходной день. Сахновскому я уже сказала, он страшно доволен. То же будет, вероятно, и с Булгаковым, которого я увижу сегодня вечером после спектакля.

Худ. совещание заседает вчера и сегодня по вопросу дублерства в пьесах текущего репертуара. Список дублерств намечен большой, но вряд ли все это будет проведено в жизнь, нет ни времени, ни других возможностей. Во всяком случае, составленные списки будут еще очень и очень пересматриваться и взвешиваться. И во всяком случае, должны получить Ваше одобрение.

Книппер сегодня играет графиню в “Воскресении”. Она сама настаивала на этом, т.к. считает для себя лучше начать с такой небольшой роли после 3-х недельного лежания, чем сразу, да еще на Малой сцене, вступить в “Дяд. сон” 20-го. Голос у нее бодрый, я с ней сегодня говорила по телефону. Потом пойду ее навестить за кулисами.

Как с Месхиевым? Надо ли послать Комитету телеграмму к 20-му?

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович, поправляйтесь скорей и приходите, а то уж очень без Вас грустно.

177.

Москва, 20 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам письмо от М.С. и упоминаемые им списки. Вчерашнее распределение ролей в “Мертвых душах” не вызвало никаких особых прений. В большинстве случаев роли остались за теми же исполнителями, какие были намечены худ. совещанием еще весной. Неожиданное (против весеннего) назначение Тарханова на Собакевича отчасти объясняется тем, что в начале заседания Москвин указал на необходимость непременно занять в спектакле таких “гоголевских” актеров, как Грибунин и Тарханов. Очень хотели дать Собакевича Грибунину, но, принимая во внимание состояние здоровья Грибунина и трудность для него бывать на репетициях так часто, как это будет в отношении Собакевича, решили передать ему роль Губернатора, объяс-

нив, конечно, возможно деликатнее ему, почему он получил такую небольшую роль. Кандидатуре Тарханова в Собакевичи режиссура очень обрадовалась, находя, что Собакевич (по Гоголю – “средних размеров медведь”) не должен непременно подавлять своей объемистостью. Режиссура просила назначить дублером на Ноздрева Ливанова, Ив. Мих. тоже находил, что ему следовало бы дать “помощников” – Ливанова или Добронравова, но М.С. считал, что пока надо сделать распределение основного состава, дав дублеров только в тех случаях, где основной занят в параллельных работах (Добронравов в “Хлебе”, Грибков в “Дерзости” и т.п.), или в случае опасений за здоровье (Плюшкин – Леонидов и Хмелев, к тому же занятый в “Хлебе”, почтмейстер – Лужский и Яншин). Губернатору – Грибунину не дан дублер только потому, что надеются, что даже в случае его недомогания временами, он не затормозит работу над спектаклем, т.к. роль небольшая.

Первое заседание Худполитсовета назначено окончательно на 25-е, прежние сроки неудобны.

Состав Худполитсовета от МХТ наполовину еще неизвестен. Обязательно в него входят художественные руководители, директор, представитель месткома (Яншин) и представитель парт. ячейки. Остальные 6 мест должны пройти по выбору из всего состава театра. Надо думать, что местком назначит эти выборы не позднее 23-го.

В остальном – на нашем “фронте без перемен”. Завтра у нас утренник, поэтому нет расписания репетиций.

Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович. Мы очень ждем Вас!

178.

Москва, 21 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Я хочу только Вам сообщить по просьбе Сахновского следующее: Сахновский, раздумывая о роли Манилова, пришел к мысли, что, пожалуй, лучше было бы эту роль дать не Кедрову, а Орлову. В смысле занятости Орлов как будто свободнее Кедрова. Оба они заняты в “Хлебе”, но роль Кедрова (Квасов) гораздо больше, чем роль Орлова (Романов – помните, тот энтузиаст с одной рукой). О своей мысли Сахновский просил довести до Вашего сведения именно нынче, когда к Вам пошел лист с распределением ролей.

Милый Владимир Иванович, М.С. просил меня передать Вам и Екатерине Николаевне, что у него есть настоятельная необходимость говорить с Вами не столько по делам МХТ, сколько по Муз. театру, и что оторванность Ваша от настоящего положения вещей, сейчас очень знаменательного – и именно в пользу Вашего театра, – гораздо более впоследствии Вас может взволновать, чем Ваш разговор с ним хотя бы в эти дни, когда Шервинский запретил Вам занятия делами. Он как

угодно может заверить, что разговор его с Вами никаким образом Вас неприятно не взволнует. Но, зная предписания врача, может только советовать Вам свидеться с ним, М.С., но не настаивать на свидании.

Я буду ждать Вашего решения по телефону, милый Владимир Иванович, чтоб передать М. С-чу. М.С. обращается не только к Вам, но и к Ек. Ник. потому, что знает, насколько сейчас для Ек. Ник. важно точно выполнять предписания Шервинского.

Шлю Вам сердечный привет, милый Владимир Иванович, и желаю хорошего самочувствия.

179.

Москва, 23 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Мне сказал Сахновский, что с ним говорил М.С. относительно Орлова в Манилове отрицательно. То есть он ему сказал, что он относительно всего уже договорился (? – дописался?) с Вами и состав остается такой, какой был проведен на худ. совещании. Это так?

Затем ко мне обратилась Нина Ник. с просьбой довести до Вашего сведения следующее ее соображение: от М.С. она узнала, что Вы отводите дублера для Дорохина и что М.С. с этим согласен. Она же считает, что чрезвычайно нужно было бы все-таки числить Массальского дублером, тем более что его дублерство утверждено еще в прошлом году, когда при распределении ролей “Молодости” был сделан сразу второй состав. Теперь, когда Яров из второго состава начнет репетировать, отставка Массальского будет ему особенно тяжела. Это по линии моральной. Но и по деловой: вводя Ярова, Нине Ник. было бы очень удобно сразу вводить и Безайса, гораздо удобнее, чем брать Дорохина на все репетиции, и очень многочисленные, для работы с новым Матвеевым¹. Она привела свои доводы М. С-чу и тот с ней согласился. Она ждет Вашего решения по этому вопросу и очень просит Вас принять ее план, тем более что занятия с Массальским не дадут ему право на дублерство. Ведь право на дублерство будет определено на показе худ. совещанию или его комиссии в составе Москвина, Тарханова, Топоркова, Сахновского и Калужского, и если Массальский будет слаб, его не пустят в спектакль и оставят запасным дублером.

О Грибове. Состоялось и уже вывешено распоряжение дирекции об увольнении его с 1 декабря. Но надо думать, что “старики” возьмут его на поруки и он будет принят обратно.

О Цингере – письмо его у Рипси, но она до сих пор никак не может дозвониться до Халатова².

О сберкассе – я сказала о Вашем распоряжении отчислять в кассу 250 р. в месяц, но мне объяснил Чернявский, что сейчас снова идут какие-то новшества в области кредитных операций и потому пока такие

операции прекращены. Обо всем дальнейшем он мне будет сообщать, а я – Вам.

Все о Вас постоянно спрашивают. Третьего дня на “Вишн. саде” видела Грибунина, кот. просил Вам передать его нежный привет.

Знаете ли Вы, что в “Хлеб” приглашен Шифрин, который обещает дать макет к 10/ХІІ? Киришон болен, так что на репетициях не может бывать. Знаю, что Судаков ездил к нему для разговоров о тексте, сокращениях и добавках.

Мне сказал Иверов, что сегодня Вы собирались пойти погулять. Понравилась Вам прогулка? Ветрено сегодня и морозно, вчера весь день был гораздо лучше. Берегите себя, милый Владимир Иванович.

Шлю сердечный привет.

180.

Москва, 26 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Ваше вчерашнее письмо¹ я показала М.С. и он взял у меня его до вечера, а вечером к середине спектакля вернул мне его с письмом его к Вам, которое я и пересылаю. Он мне сказал, что по всем поднятым Вами вопросам он Вам пишет. Вероятно, он затронул вопрос и о дублере Дорохину в “Молодости”. Произошло явное недоразумение. Перед тем как я написала Вам соображения Нины Ник. по поводу Массальского, Нина Ник. обращалась ко мне с просьбой передать эти соображения Вам и Мих. Серг. Но потом, идя к нам наверх, на лестнице встретила М.С., говорила с ним, а затем пришла ко мне, чтоб предупредить меня, что с М.С. она уже говорила и что мне надо передать ее мысли о дублере только Вам. При этом она мне сказала, что М.С. во всем с ней согласился и теперь решение остается только за Вами. Так я Вам и написала.

Теперь же, когда М.С. читал в Вашем письме о Массальском, он мне сказал, что всецело поддерживает Вашу позицию в этом вопросе о надобности дублера Дорохину. И страшно удивился, когда я ему сказала про слова Нины Никол., что он согласен с ее точкой зрения. Наоборот, в том разговоре на лестнице он именно отстаивал перед Ниной Ник. свою, в точности совпадающую с Вашей, точку зрения. Не понимаю, как могла Нина Ник. так не понять его и передать мне его решение в таком неверном виде!

Вчера пленум Худполитсовета был отменен из-за объявленных демонстраций². День пленума еще не решен, во всяком случае, он будет после 28-го, на которое назначены выборы представителей театра в совет.

Вероятно, М.С. пишет Вам и о “Хлебе”. Он мне сказал, что он внимательно следит, чтоб весь текст “Хлеба” шел от Киришона. Правда, вчера Илья Як. с гордостью рассказывал в буфете, что Киришон написал

роль Паши – и точь-в-точь то же, что сам Судаков не то хотел вписать, не то вписал. Но М.С. сказал на это: очень хорошо, что они так одинаково мыслят, но все же пусть вписывает текст Киришон, а не Судаков. Так что я Судакову о Вашем письме ничего не сказала, получив заверения М.С., что он следит за этим делом³.

Вероятно, М.С. пишет Вам и о Кедрове – как зам. зав. труппой. Вчера ко мне приходил Кедров советоваться об этом. Он не хочет занимать этого поста, всячески отказывается, но М.С. слышать не хочет и на все его доводы отвечает: все, что вы говорите, еще больше меня убеждает, что именно вас нужно назначить. Главным образом, ему страшно, что такая работа может отразиться на его актерстве. Он даже начал думать, что его переводят на такую работу потому, что он не представляет больше интереса для театра как актер. По этой линии, мне кажется, он прав. Административная работа сушит актера, мешает ему работать по-настоящему. Когда в заведующих сидит Женя Калужский – это правильно, т.к. как актер он используется мало. Но разве не разительный пример с Хмелевым, т.к. как актер он используется мало, когда они работали в “пятерке”? Кедров говорит, что даже та сравнительно небольшая и гораздо более приятная в теперешнее время по сравнению с заведыванием труппой, работа педагогического характера, которую он несет как руководитель шефства над нашими молодыми стажерами, мешает ему сосредоточиться над ролью Квасова так, как он до этого делал в своей творческой работе. (О шефстве над стажерами решался вопрос при Вас или во время Вашего недомогания? У нас их 21 человек, и решено было разбить их на группы по трое и дать каждой группочке своего шефа. В шефский институт попали: Тарасова, Соколова, Литовцева, Телешева, Мордвинов, Станицын и Кедров. И Кедров руководит общими делами шефства.) Кедров ясно понимает, что в наше время заведовать труппой и поднимать дисциплину на должную высоту более чем трудно. Мне кажется, что у него такая мечта: или Вы отведете его кандидатуру, желая дать ему возможность наиболее полно отдать себя актерской (и педагогическо-режиссерской) работе, или если Вы примете предложение М.С. о назначении Кедрова, то возьмете последнего под свое высокое покровительство и будете его направлять в этом трудном и новом для него деле. Кедров от всего этого в большом замешательстве. Правда, Калужский уж достаточно много времени тому назад начал с ним эти разговоры о заведовании вместе с ним, на правах заместителя, но вот вчерашний разговор его с М.С. поставил его перед возможным назначением его на эту работу, невзирая на все его отговорки и приводимые им соображения.

О привлечении Качалова в “Мертвые души”. Я говорила вчера с Мих. Аф. и Вас. Григ. Они мне сказали, что в настоящее время Булгаков работает над подбором текста, что Вы не должны беспокоиться – работа идет, и работа тщательная и серьезная, что многое – особенно начало пьесы – может еще решиться от первых шагов Дмитриева, которые он вскорости должен представить⁴. И в конце концов Мих. Аф. сказал мне,

чтоб я до сегодняшнего дня не отвечала Вам на вопрос о “Мертвых душах”, а он сегодня днем придет и скажет мне более конкретные сообщения. Или, может быть, сам напишет Вам. Но хотя я ему это обещала, все же пишу, т.к. не вижу ничего страшного в том, что сначала я напишу Вам это, а потом еще добавлю то, что он мне сегодня сообщит.

Выходите ли Вы уже на улицу? Вчера, а особенно сегодня, такие мягкие, приятные зимние дни. На улице очаровательно.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Поправляйтесь, пожалуйста, поскорей. Так хочется Вас видеть!

181.

Москва, 26 ноября 1930 года
Вечером

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам письмо Булгакова, о котором я Вам писала. М. С-чу я сказала про Ваше мнение о Кедрове в заведовании труппой. Он мне ответил, что по этому поводу будет еще Вам писать. Жаль будет Кедрова, если все-таки М. С-чу удастся уговорить Вас.

М.С. просит Вас спросить о следующем: группа, репетировавшая в свое время “Хозяйку гостиницы” и показывавшаяся Вам, просит разрешения на “халтуру” с этой пьесой. М.С. просит Вас сказать свое решение, тем более что своего мнения он вовсе не может иметь в данном деле, т.к. это (занятия) было до его прихода в театр.

Относительно сберкассы: какие-то снова реформы в этой области – нельзя переводить зарплату со счета театра на счет частного лица, отдельного работника. Но можно вносить за работника на счет того учреждения, которому он должен. Поэтому счет Вам открывать в сберкассе нет нужды, а все платежи за квартиру, электричество, коммунальные услуги будет производить театр за Вас по получении от Вас соответствующих счетов соответствующих учреждений. Поэтому как только Вам принесут счет на квартиру и пр., перешлите его мне, и наша касса сделает за Ваш счет необходимые перечисления.

Я стала заядлой балетоманкой – все хожу в балет. Завтра днем я снова иду смотреть прелестную Семенову в “Лебедином”. М.С. тем охотнее меня отпустил днем с работы, что сам он тоже идет на этот спектакль. И Марков тоже. И вероятно, еще не один из наших. У нас поголовное увлечение Семеновой.

Послезавтра многие собираются на премьеру “Светите, звезды” во 2-м МХТе. Ю.В.Соболев обещал мне тоже прислать билет, но что-то его не видно, билета. Он приглашал большинство наших на 27-е днем, на генеральную, но ни М.С., ни Марков – те, о ком я знаю, т.к. они помещаются “территориально” близ меня, – не согласились, предпочитая идти на Семенову.

Марков чрезвычайно скептически отнесся к новой постановке в Малом – “Смена героев”, очень ругал пьесу, в должной мере – исполнение¹. Не без издевательства рассказывал о премьере “Темпа” у ваханговцев². И вообще говорит, что московский наш театральный сезон в смысле репертуара будет ужасен и беспросветен.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Правда, чудесный день был сегодня?

Завтра в 3.30 (после балета?!) заседание худ. совещания – просмотр макета “Дерзости” и обсуждение горчаковского плана постановки.

182.

Москва, 28/XI 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам письмо Сахновского. Как видите, Ваши строки о “Мертвых душах” уже дошли по назначению.

О “Хозяйке гостиницы” сказала М. С-чу, он очень доволен, что Вы так решили, и направил меня сказать о Вашем мнении Еланской, которая и обращалась к нему с вопросом о “Хозяйке”¹.

Деньги за квартиру будут внесены соответствующим перечислением сумм. Прошу и дальнейшие счета этого рода направлять мне.

Посылаю Вам текст бумаги о Грибове, которую худ. совещание подает М. С-чу. М.С. принял Грибова и после разговора с ним говорил мне, что у него осталось хорошее впечатление от Грибова и что до сих пор он судил о нем неверно, расценивая его как легкомысленно относящегося к театру человека. Так что М.С. вчера после заседания худ. совещания сам напомнил Москвину, что – будет или не будет бумага о Грибове, т.к. срок его пребывания в театре по постановлению кончается 1-го декабря.

Заметка о Леонидове. Дело в том, что некий аноним поместил в стенгазете свои рассуждения, что в размышлениях о сокращении бюджета он не мог не остановиться на том факте, что Леонидов получает 700 р., а играет только один “Вишневы сад”. А что будет, если “Вишневы сад” не будет в репертуаре? Так как в заметке проскользнул намек на “подобных стариков”, в котором усмотрели опасность для Раевской, Вишневыского, то худ. совещание поставило вопрос о необходимости ответа со стороны дирекции. Сегодня и установлен текст, прилагаемый при этом².

На вчерашнем заседании худ. совещания обсуждение режиссерского плана “Дерзости” прошло без серьезных возражений и М.С. резюмировал, что только так и следует ставить эту пьесу, как предлагает режиссура (Горчаков, кот. сделал обстоятельный доклад). Что же касается макетов, то первое действие (внутренность трактира, отданного

под коммуны) сразу вызвало некоторые возражения, кот. углубились после того, что были показаны следующие, очень удачные макеты. Вернее, больше всего пленили не макеты, а эскизы. Макеты же делал не сам художник, а у нас в мастерской (Сенаторов, вероятно), и они не всегда точно совпадают с рисунком художника. А именно в рисунке и есть прелесть, и от нарушений он ее теряет. Даже и вызвавшее сомнение в макете 1-е действие в рисунке было почти одобрено. Но все же в решении указывается, что в разрешении установки 1-го действия (вернее, 1-й картины) художнику надо идти от последующих картин. Горчаков объясняет неинтересность 1-й картины тем, что он с нее начал, а он в театре художник неопытный (Ротов, карикатурист), дальше же ему становилось все легче и легче работать. Мне кажется, что Вам эскизы должны непременно понравиться. Чем-то он напоминает Вильямса, но острее его, и тоньше, и не такой бытовой (и Вильямс, конечно, бытовой только относительно). Я бы боялась так безапелляционно высказывать свое личное мнение, но я его проверила у Маркова, и он со мной согласился.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Все больше и больше хочется Вас видеть. Если б я знала, в котором часу Вы гуляете, я бы завтра (у меня выходной день) пошла бы посмотреть на Вас издали – как Вы гуляете.

183.

Москва, 30 ноября 1930 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам письмо Нины Ник. относительно дублерства в “Нашей молодости”, план репетиций “Хлеба” и выпущенное вчера в связи с выпуском “Хлеба” распоряжение, которое (я говорю про распор. № 117, конечно) вызвало в нашей среде немало обсуждений. Многое здесь неожиданно. В свое время, при Ник. Вас. Егорове, все время кололи тем, что в адм.-фин. аппарате есть заведующий и его помощник, хотя довольно одного заведующего. Теперь помощник оказался нужен. Этим постановлением Прокуронов выдвигается на высокое место, т.к. является начальником и Федей, и Серг. Ал-дровича. Еще несообразность: когда Прокуронова назначили на Малую сцену, то, дав ему одинаковый оклад с Федей (180 р. против 120-ти, получавшихся Гедике), назвали его должность не “инспектор”, а администратор. Теперь же снова всплывает “инспектор”. Впечатление от этого такое: у нас нет должностей, а есть лица. Название должности зависит от того, какое лицо занимает ее. Просеков – молодой, приятный мальчик, служит у нас в бутафорах. Член партии или комсомола – не знаю точно, к комсомолу я его могу причислить по его молодости.

На Мижужева М.С. решил назначить Калужского, т.к. находит, что Орлов слишком перегружен.

У нас вывешено объявление, милый Владимир Иванович, что можно получать свои облигации 3-го займа индустриализации из нашей кассы при предъявлении закрепительных талонов. Если у Вас эти талоны дома, пришлите мне их, пожалуйста, я их обменяю.

Письма Ваши Андр. С-чу и Ав. Софр. я переслала по назначению и по телефону известила о посылке секретарей. Андр. Серг. сейчас нет в Москве, он приедет через несколько дней.

Положение с выплатой зарплаты остается все так же грустным. Банк сегодня сообщил, что за 1-ю половину ноября сейчас получают только рабочие (платили им как раз сегодня), все же остальные – не раньше 10/ХП. М.С. негодует, вызывал к себе представителей месткома, а затем дал распоряжение нашей финчасти выплатить из кассовой выручки жалованье за 1-ю половину ноября актерам, получающим до 80 руб. Вероятно, М.С. поедет в Главискусство доказывать совершенно недопустимое отношение к работникам театров.

Завтра у нас общее собрание – доклад М.С. о работе Моссовета, а затем выборы в Худполитсовет от работников театра. Пленум совета назначается на 6-е декабря в 7 час. вечера.

Вот так мы и проживаем.

Да, 28-го я была на премьере “Светите, звезды”¹. Конечно, как всегда, были аплодисменты, почти овации, но явно – успеха не было. Спектакль – типичный для МХТ 2-го, пьеса неинтересная, все понятно с первого действия. Интрига кончается в 3-м действии. Но существует еще 4-е, состоящее из трех картин. Каждая из этих картин кончается так, что ее можно считать концом пьесы. Поэтому публика вскакивала и бросалась к выходу после каждой картины 4-го акта, равно как и сочла концом спектакля 3-й акт, но все было напрасно: приходилось возвращаться на свои места и смотреть спектакль дальше. Конец пришелся в четверть первого – спектакль очень длинный. Художник – Дмитриев. У него есть удачные моменты, лучшие – один напоминает чем-то “Северный ветер”, другой эскиз ко 2-му акту “Бега” – вокзал (а может быть, это мне показалось, т.к. я так представляла себе вокзал в “Беге”). О пенсии ничего не слышать. Будем завтра звонить в Наркомфин. Хотя по теперешнему положению вряд ли можно ждать присылки. Посылаю Вам, милый Владимир Иванович, материалы о Муз. театре, переданные мне сегодня для Вас нашим музеем.

[1931]

184.

Москва, 1 января 1931 г.

Милый Владимир Иванович!

Спасибо за письмо. Вы в своем пожелании мне угадали самую страстную мою мечту на этот год – поехать за границу и увидеть своих. Если б это исполнилось! Вот получила от Вас добрые строки и хожу сегодня как именинница!

А вчера ночью, почти в полночь, я была у двери Вашей квартиры. Я шла к знакомым на встречу Нового года на Малую Никитскую и сама вложила письмо в щелку Вашей двери. А какое было искушение – позвонить, войти, может быть – увидеть на минутку Вас. Побоялась, что это будет назойливо и бестактно.

Ваши мысли о Погодине я передала М.С. и Маркову с Горчаковым. Должна Вам сообщить, что Погодин сегодня позвонил и сказал, что просит передать это дело в Главискусство и Всероскомдрам, т.е. отказать от представления переделок. Марков совершенно уверен в правоте требований театра. Завтра он окончательно средактирует бумагу в Главискусство, копию которой я пришлю Вам. Обстоятельства дела там будут изложены полностью¹.

Я передала Рипси Ваши строки о деньгах. Она просила сообщить Вам, что она никак не думала, что Вы могли забыть про это. Она как раз на этих днях сдала К. С-чу полный денежный отчет со всеми документами и остатком денег, и – зная К.С., каков он в денежных делах, – спросила у меня, не говорили ли Вы мне чего-либо по этому поводу, только на тот случай, если К.С. ее что-либо спросит.

Ник. Аф. просил Вам передать, что его хлопоты о пенсии Александровой Анне Ник. увенчались успехом: ей назначена пенсия в 70 руб., и как ему сказали – даже не со дня смерти, а с 1-го июля, считая, что он в это время заболел².

Сегодня я отправила поздравительную телеграмму в ковенский Национальный театр драмы и оперы по поводу 10-летия его. Я сообщала Вам это потому, что отклику нашему на этот юбилей как будто придано было большое значение. Знаю, что М. С-чу звонили из Наркоминдела, затем у него был референт по делам Литвы, к какому-то участию привлекался Качалов, который должен был вчера днем быть в Литовском представительстве. У меня не было времени узнать подробности у Качалова, а М.С. мне сам не рассказал, чего они от нас ждут кроме телеграммы. Выступления Качалова?³

Сегодня ко мне обратился секретарь нашего месткома с заявлением, что по оплошности до сих пор взнос в профсоюз с Вас взимался только с Вашего оклада по дирекции, т.е. с 750 руб., а не полностью со всего получаемого содержания, т.е. с 1 500 р., и что отныне по существующему положению придется платить не 15, а 30 р. в месяц. Я попрошу нашего юрисконсульта проверить, верно ли этот товарищ трактует положение.

Милый Владимир Иванович, как-то уж довольно давно я послала Вам две Ваши фотографии, с просьбой надписать их для Дорохина. Вам не хочется доставить ему эту радость? А то он уж меня спрашивал и, встречая, всегда глядит на меня с немим вопросом.

Я получила письмо от В.А.Хлудовой, вероятно, получили и Вы. Она, уверенная, что я встречаю Новый год вместе с Вами, как прежде в театре, просит, чтоб я Вас непременно поздравила от нее и передала ее горячие пожелания здоровья и радости.

Всего хорошего, милый, хороший Владимир Иванович.

185.

Москва, 6 января 1931 года

Милый Владимир Иванович!

У нас очередная неприятность – откладывается премьера “Хлеба” с 15-го на 18-е. Афиши уже выпущены, еще вчера вечером Федя про-верял звонком к Калужскому: “Идет у вас “Хлеб”, можно на 15-е выпустить афишу?” Дело все в возобновившейся болезни Добронравова¹. Ясно, что было безумием разрешить ему вчера играть “Горячее сердце”. Не понимаю даже, как никто из имеющих право голоса не предостерег М. С-ча, что не только не надо пробовать, не сможет ли Добронравов играть, а надо было запретить Добронравову и думать о спектакле. И как доктор Иверов так легкомысленно санкционировал его выход на спектакль! Словом, накануне спектакля у него было 37.1 – и это не показалось опасным, а сегодня у него 37.8, репетиции летят и путаются. “Хлеб” откладывается.

Заболел Марков – ангина, хотя на всякий случай взяли на исследование мазок, нет ли дифтерита. Температура держится высокая, выше 39, вот уж два дня. Очень болит горло, не спит ни минутки ночью, самочувствие плохое. Ангина ведь всегда почти проходит при высокой температуре и при отчаянном самочувствии. Его болезнь самым трагическим образом отразилась на работах по “Утру памяти 1905 г.”, работы по которому идут только в области подготовки сцен из “Матери”. Весь же литературный “монтаж”, который он должен был сделать для всех трех отделений, намечен вчерне, еще не готовится в чтении. Сегодня обратились к Булгакову с предложением, отложив напряженно работающую им теперь роль Первого, приняться за это дело. Сахновский в громадном огорчении, т.к. ждет окончания работы Булгакова с нетер-

пением. Булгаков теперь и на репетициях не бывает, по согласованию с Сахновским, чтобы усиленно работать над Первым, план роли которого у них как будто окончательно вырисовался и теперь надо его просто запечатлеть на бумаге². Сахновский, вероятно, вскорости будет просить у Вас свидания, т.к. у него есть ряд вопросов к Вам и по поводу пьесы и ролей и по поводу заданий художнику. Возможно это свидание? Сахн. умоляет Вас не отказывать ему в свидании!

Вопрос об установке на сцене “Утра” встал теперь тоже очень остро в связи с наполнением на него “Хлеба”, т.к. до сих пор “Утро” рассчитывало получить сцену с 15-го, а теперь получит только с 18-го. При сроке в одну неделю вообще – это сокращение более чем чувствительно.

Сегодня М.С. с Никитиным и Чернявским с трех до глубокого вечера в Главискусстве – рассмотрение нашего промфинплана.

По делу о “Дерзости” Горчаков сегодня был принят Коном, кот. обещал на 9-е созвать у себя представителей театра, Всероскомдрама, нашего Худполитсовета, Реперткома и самого Погодина и рассмотреть это дело³. На всякий случай посылаю Вам бумагу, посланную в Главискусство (с приложениями). Если хотите, просмотрите это дело. А если не забудете – пришлите мне потом его обратно.

В посылаемом журнале есть фотография Качалова в “Воскресении”.

Что мне отвечать, когда все решительно спрашивают, как Вы себя теперь чувствуете и когда Вы придете? Научите, милый Владимир Иванович.

186.

Москва, 8 января 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам изменения в репертуаре, которые объясняются теми соображениями, что 15-го взамен “Хлеба” надо было дать что-то, что не понизило бы сильно премьерного сбора. Такой пьесой является “Федор”. Но так как Москвину слишком трудно сыграть в неделю “Федора” три раза, а Качалов эту роль больше не играет, то решили 10-го поставить вместо “Федора” “Воскресение”, а “Федора” перенести на 15-е. При этом спектакли на Малой сцене остаются те же во все дни.

9 января

Вчера больше не успела Вам написать, милый Владимир Иванович, столько было работы. А была ведь в театре до четверти первого ночи, т.к. вечером был пленум Худполитсовета. На пленуме решался вопрос о программе “Утра памяти 1905 г.”, причем почти все предложенные нами материалы были отвергнуты, вернее, не почти все, а так – добрая половина. Монтаж “Утра” должен был сделать Марков,

но, сделав очень мало, заболел надолго (у него стрептококковая ангина и ложный дифтерит, боятса осложнений на почки и сердце). Тогда литературно-монтажную работу поручили Булгакову, кот. ужаснулся, но отказать не счит себя вправе. В результате вчерашних прений из состава совета выделена “тройка”, которая в течение 3–4 дней должна проработать вместе с Булгаковым и режиссурой программу “Утра” и явиться ответственной за политическую линию программы. Отвод предлагавшихся нами стихотворений (поэма “Иван Каляев”), писем Шмидта и подобного художественного материала основан на том, что “Утро” должно отразить главным образом то обстоятельство, что в пятом году впервые на смену отдельным выступлениям одиночек-революционеров пришло массовое пролетарское движение. Материала для отражения этой характерной для пятого года черты как раз почти нет – я говорю о материале художественно-сценическом, современники часто звучат почти архаично.

Словом, актеры должны получить материал для чтения не позднее, чем 12–13-го¹.

Затем ХПСовет утверждал план работ репертуарной и массовой комиссий, слушал короткую информацию Судакова о сроках выпуска “Хлеба”, которые наконец вырисовались так: 10-го – первые шесть картин, 11-го – остальные три. 12-го вся пьеса, 13-го – то же, 14-го – день для монтировки и поправок за столом, 15-го – Репертком, ХПСовет, может быть, еще какая-то публика из подшефных фабрик, частей, 17-го – генеральная, 18-го – первый спектакль (закрытый, проданный), 24-го днем – общественный просмотр или спектакль для комсомола. 26-го – премьера открытая. Судаков свои объяснения довел только до 18-го числа, дальнейшее – в проектах театра и говорить об общественном просмотре 24-го еще рано.

По наведенной вчера справке, пенсия выслана Вам по почте вчера утром. Рассчитываю, что вскорости она будет получена. Только хочу Вас предупредить, что большая часть пенсии уйдет на плату за январский паек, который уже выписан.

Я рассчитываю скоро получить Ваше жалование за вторую половину декабря. Мы, низкооплачиваемые служащие, уже получили эти деньги.

По моей просьбе наш юрист проверил правильность требований месткома платить в союз не 15 руб., а 30 руб. с Вашего жалования. Оказалось, что действительно существует положение о платеже в союз процентов со всех видов зарплаты. Так что придется платить 30 руб.

Звонили на днях из Союзкино с просьбой к Вам прочитать лекцию о Холливуде для их педагогических и учащихся кадров. Я предупредила их, что в последнее время, по решению врачей, Вы освобождены от работы и вернетесь к ней тотчас же, как восстановите силы, понизившиеся вследствие большой напряженной работы. Но, во всяком случае, я обещаю сообщить Вам об их просьбе.

Вчера на “Федоре” была Ек. Вл., но, к сожалению, я ее из-за заседания не видела. Рипси, конечно, провела с ней все антракты².

Не хочется задерживать еще письмо, а в то же время приходится постоянно от него отрываться из-за текущей работы, телефонных звонков, поручений М.С. Поэтому кончаю письмо, хотя и сидит во мне ощущение, что чего-то еще не дописала Вам...³.

Да, был у меня сегодня Калужский, который не совсем уверен в сроках выпуска “Хлеба”, данных Судаковым. Правда, Добронравов сегодня пришел и репетирует, но многое еще не готово.

Болел еще Прудкин, вчера из-за этого отменили утренник “Рекламы”. Он без голоса, с горлом что-то. Но сегодня ему легче, и завтра в “Воскресении” он будет играть.

Говорят, что вчера чрезвычайно слабо играл Шуйского Шульга – в первый раз после весенней поездки. Волновался он сильно, но играл, говорят, очень нехорошо.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Правда, хорошо сейчас на воздухе? Вы, вероятно, гуляете в такие дни с большим удовольствием?

187.

Москва, 16 января 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Какую радость принесла мне вчера Ваша открытка с видом Чикаго! Я просила Екатерину Николаевну еще вчера, по телефону, сказать Вам, как она – открытка – меня взволновала и обрадовала. Это, вероятно, сентиментально, но я именно так ее приняла.

Посылаю Вам копию письма, которое М.С. хотел бы послать во 2-й МХТ, но без Вашей санкции не хочет этого делать¹. Прилагаю как образец и инкриминируемые приглашение и билеты, причем очень Вас прошу одновременно с решением по этому делу прислать мне и билеты, т.к. завтра собираюсь пойти на эти места, благо мой выходной день.

И еще вопросы к Вам: участники “Нашей молодости” хотели бы отметить сотое представление (прошло уж 86) специальными жетонами. Их мысль такая: по эскизу Ливанова сделать жетон в виде небольшой (как 4 строчки моей машинки) елочки из белой эмали, какие в большом виде стоят на авансцене, и на ней цифра 100. Участники-юбиляры просят Вашего разрешения на это.

А Титова просила спросить Вас: можно ли Вас навестить? Я ей сказала, что Вы скоро обещаете прийти повидать нас всех, но она все же просила меня спросить о возможности приезда к Вам – только повидаться.

Посылаю принесенное сегодня Киршоном письмо к Вам².

Калужский дал мне вчера списки для поездки и для остающихся в

Москве спектаклей. При этом просил Вам сказать, что списки сделаны очень с налету, грубо, далеко не окончательно. Работы у меня так много, что смогу кончить переписку списков, вероятно, не раньше сегодняшнего вечера, а то и ночи, если не успею переписать их до назначенного на сегодня пленума Худполитпросвета. И завтра с утра распоряжусь их отнести Вам.

Работы было так много, что даже не успела написать Вам о сроках, решенных на худ. совещании для выпуска “Хлеба”, на словах просила Ек. Ник. передать их Вам. Теперь сообщаю. Совещание нашло спектакль очень сырым, нуждающимся в доработке в смысле усиления темпа, придания большей серьезности, углубленности, сокращения “Комсомольской избы”³, изменения финала. По отдельным исполнениям замечания наиболее существенные: Хмелеву смягчить образ, избегать излишней аффектации, которая сразу выдает сущность Раевского и снижает интерес к нему, ставя его сразу в разряд отрицательных типов пьесы. Бендиной – Зотовой (Якубовскую отвели) не стараться играть на смех, дать образ бойкой и деловой девушки, а не глуповатой и в робости своей курьезной своей напористостью. Тихомировой – Мокриной – резко изменить выпирающий из спектакля бытовой тон, если это не удастся, – вымарать ее монолог, в котором бытовой тон особенно заметен, – о сне, в сцене с Квасовым. М.С. на заседании настаивал на том, чтобы спектакль доработать серьезно и внимательно и выпустить его к 20 февраля (для работы выпадает время с 1 по 8 февраля, когда труппа с “Федором” уезжает в Ленинград), но Киришон, а за ним Судаков и даже Москвин решили сократить срок работы и решили, что спектакль можно выпустить до отъезда, 26-го, а генеральную дать 24-го. Просмотр Главреперткомом и Худполитсоветом назначен на 18-е в 7 час. веч., причем М.С. согласился отказаться от вечернего спектакля с тем, что взамен него со временем будут сыграны два утренника сверх плана. Днем же “Хлеб” нельзя было показать совету и ГРК потому, что сцена после 15-го отдана “Утру памяти 1905 г.”. “Утро” будет показано ГРК и ХПСовету 21-го днем.

Мне “Хлеб” не нравится, главным образом – пьеса. А в исполнении – все серо, все играют в пределах своих меньших возможностей, много штампованности. Может быть, Москвин потому и решил ускорить выпуск, раз он считает, что большего при данной режиссуре и киришовском материале добиться нельзя?⁴

Пенсия Ваша получена, но не мной, а Рипси, и она вчера мне ее не сдала, а сегодня до начала спектакля не будет в театре, у нее выходной день. Так что пенсию и, вероятно, расчет по январскому паюку я пришлю Вам завтра.

Мне так приятно раздавать Ваши открытки, все так рады, так сияют!

Сегодня на Худполитсовете решается вопрос о приеме пьесы Наврозова “Хороший человек” для Малой сцены. М.С. не будет на заседа-

нии, и для представительства от дирекции на машине будет привезен Марков, который уж встал с постели, но пока на воздух не выходит.

24-го состоится пленум Худполитсоветов всех московских театров (в Доме Союзов), на котором стоит доклад о работе нашего совета и содоклад рабочей бригады, которая обследовала деятельность совета. Обследование выразилось в том, что три товарища присутствовали на последнем пленуме и после этого один из них пришел ко мне и просмотрел “дело совета”, т.е. входящие, исходящие и протоколы.

Больше всего у меня работы именно по совету: заседания, составление протоколов, рассылка повесток, бесконечные объяснения и разговоры с членами совета – личные и по телефону, устройство их на спектакли...

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Теперь уж действительно можно сказать – до скорого свиданья, правда?

188.

Москва, 19 января 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам деньги на 1-ю половину января и расчет. Расписку кассы взаимопомощи в получении 100 руб. приложу к следующему письму, т.к. казначей Коновалов болен, расписку официальную даст завтра-послезавтра. Прилагаю членскую книжку на Ваше имя в кооператив “Коммунар”. Понадобилось столько времени для включения Вас в о-во “Коммунар” потому, что по общему закону должны были бы взять с Вас 115 р. вступительных. И всем нашим персональным пенсионерам пришлось пройти несколько инстанций, чтоб доказать, что, находясь на службе, они все пользуются правом уплатить вступительный взнос, как пенсионеры, т.е. 5 руб.

Кроме того, прилагаю Вашу пенсионную книжку, которая может Вам понадобиться для представления в домоуправление при получении продовольственных карточек.

Сегодня звонили из протокольного отделения Наркоминдела с сообщением, что Вам, К.С. и Ольге Леон. были посланы приглашения (какие – не сказали) и что теперь дополнительно сообщается адрес: Спиридоновка, 17.

Итак, вчера был просмотр. Спектакль принимали хорошо, гром аплодисментов встретил появление Михайлова и комсомольцев во внезапно освещенной избе, когда кулаки идут убивать Михайлова. Так, помнится, в Америке в кино аплодируют из всех сил, когда торжествует герой, а злодей пойман и “отдает себя в руки правосудия”. Мне не нравится пьеса (вторую ее половину я смотрела во второй раз, и это кажется почти нестерпимым, вот когда ощущение от спектакля приближается к ощущению от “Взлета” и пьес подобного порядка). Хорошо играет

Добронравов, но во многом повторяет образ из “Взлета”¹ как играют остальные – даже не вспомнишь, просто неинтересно. Хмелев бьется беспомощно в роли, недовольный автором, своим местом в спектакле, отсутствием режиссерской помощи. Режиссера в спектакле, по-моему, совсем нет, т.е. нет лица у спектакля. Тарасова, Кедров – однообразны², мужики (Калинин, Новиков и др.) неинтересны, банальны... Да если перечислять, то про всех скажешь то же. Публику смешит Бендина, но ведь это дешевые штучки, не больше.

А уж обсуждение после показа – вот было от чего в отчаянье прийти. Хотя это и называлось обсуждение пьесы Худполитсоветом и Главреперткомом, но на самом деле оказалось рядом выступлений желающих из публики. Всем хотелось поговорить, высказаться (каждому давали 5 минут), но знания театра, сцены, драматургии никто не обнаружил. Весьма немногие обнаружили и глупое политическое понимание. Все свелось к тому, что часть выступавших говорила, что Михайлов сделал политическую ошибку, послав неподготовленного “европейца” Раевского с места в деревню, что Раевского надо лишить Ордена Красного Знамени, раз он оппортунист и отрицательный образ, что у партийца не может быть такой мещанки-жены, что партиец не может даже минуты две пострадать от разрыва с женой, что партизан Романов не похож на партизана, что стратегически Михайлов не должен был засесть с комсомольцами в избе, а должен был бы рассыпать цепь по деревне... Другие тут же возражали, что Мих. ошибки не допустил, т.к., вероятно, он закрывал прорыв в деревне и должен был послать любого партийца на работу, что ордена у Раевского отнимать не надо, а только надо не делать его профессором, что у партийцев очень часто, кто-то договорился – что почти всегда, – жены мещанки, что партизан не так уж плох, что рассыпать цепь было бы необдуманно, а именно надо было засесть в избе... и т.п. и т.п. Все одинаково признавали, что пьеса замечательная, что она открыла пути советской драматургии, что при наличии таких современных пьес зрителя не будет тянуть к классике, куда его тянет только от плохих современных пьес, что театру удалось, даже работая по своему методу, сделать политический спектакль, что громадное значение имеет появление на Большой сцене МХТ первой пьесы пролетарского драматурга.

Обсуждение длилось до половины 2-го, но очень ценных выступлений не принесло. Переделки и замечания Реперткома незначительны, предлагается выбросить рассказ Мокриной о сне и одну реплику Романова.

В ответном слове Киришон сначала сделал некий реверанс в сторону театра, отозвавшись лестно о работе актеров и театра вообще, но дальше об этом не поминал, а больше всего говорил о себе – и все в очень похвальных словах. Вообще он, кажется, в упоении от своей пьесы и объясняет успех только изумительными качествами пьесы. В заключении можно только сказать, что при видимом успехе спектакля у Реперткома и общественности я никогда не видела при сдаче спектакля

такой нерадостности, понурости и пониженного настроения в самом театре, как в этом случае.

Судя по обращениям ко мне, много разговоров вызвало Ваше письмо к Киришону, которое тот всюду демонстрирует как некий мандат³. В театре ни пьеса, ни автор не имеют успеха, и наши не могут понять, чем пленил он Вас. После получения Вашего письма, как уверяют злые языки, Киришон вообще перестал с кем бы то ни было считаться и не только вдвое больше стал вмешиваться в режиссуру, но и стал оспаривать задания Москвина и показывать актерам сам. Но ведь это не ново: режиссированием он занимается на репетициях довольно давно, и неизменно это вызывает протест актеров.

В театре, помимо ХПСовета, Реперткома, членов других ХПСоветов, подшефников и надшефников, были Ягода и Мессинг, которых привез Киришон, был с ними и Авербах, сестра которого замужем за Ягодой. Но на обсуждении Авербах не выступал.

Простите, что я в передаче вчерашнего вечера никак не могу быть объективна: мне так не нравится пьеса и спектакль, что я все не могу привыкнуть к мысли, что эта постановка вошла в репертуар, что за ней могут войти еще такие же слабые, поверхностные, претенциозные пьесы. И от этого у меня плохое настроение.

Милый Владимир Иванович, простите за такое неумное письмо.

Всего хорошего. Теперь уж – может быть – до скорого свиданья?

189.

Москва, 21 января 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам текст Первого, который Булгаков несколько задержал из-за всяких дел по “Утру памяти 1905 года”. Почему-то при этой работе Нина Ник. нервничала больше, чем когда-либо. Или просто я забыла, какова она при выпуске спектакля? Только всем доставалось, почему-то она и на меня покрикивала в случаях недовольства Булгаковым или Мих. Серг. И даже налетела вчера на Литовского, явившегося посмотреть спектакль по линии Главреперткома. Тут М.С., кажется, ее осадил, она даже поплакала, вечером они выяснили отношения, и теперь как будто все в порядке. С “Утром” в смысле просмотра вышла путаница. На 21-е был назначен просмотр Реперткомом и ХПСоветом. Но 19-го оказалось, что Литовский может прийти только 20-го, а 21-го читает доклад на пленуме Всероскомдрама. Так как вызвать весь ХПСовет на 20-е нельзя было успеть, то вызвали только председателя совета, председателя реп. комиссии и ту “тройку”, которую совет выделил для проведения политической линии при составлении программы. После репетиции (программа признана составленной более в сторону эсеровско-либеральной, “гапоновской” линии, а не в сторону линии больше-

вистской революции, но, однако, вся полностью сохранена, с небольшими реперткомовскими поправками в отдельных фразах и кусках; да, еще признано, что в программе нет единого стержня, но М.С. не принял этот упрек и парировал его указанием, что театр составил было свою программу, но ХПСовет ее частично отвел, специально выдвинул “тройку” – и вот результат!), Так вот, после репетиции выяснилось, что монтировочно она ужасно грязна и необходима рабочая репетиция 21-го. Тогда, согласовав вопрос с Реперткомом и представителями совета, мы разослали остальным членам совета телеграммы с извещением, что смотреть они будут непосредственно в день постановки “Утра”, т.е. 22-го.

Говорил ли Вам вчера М.С. при свидании, что на вечер у нас назначено экстренное заседание худ. совещания для слушания новой пьесы Афиногенова (автора “Чудака”) “Страх”. Чтение это состоялось и было на редкость хорошим по всей атмосфере. Пьеса всем настолько понравилась (были: Леонидов, Москвин, Сахновский, Горчаков, Телешева, Баталов, Кедров, Марков, отсутствовали только занятые в спектаклях), что ее и не обсуждали. Конечно, в ней есть свои недостатки, но, вероятно, поправимые. Вообще же впечатление изумительное. Леонидов был в полнейшем восторге, тотчас же отправился за кулисы, там рассказывал, всем говорил, что у него такое же чувство, как в светлый праздник. Тотчас же после чтения, видя общий интерес к пьесе и предчувствуя, что моментально все это разнесется по театру, М.С. попросил Афиногенова прочесть всему театру пьесу 22-го, после “Утра”, в 4 часа. Кроме того, М.С. взял с Афиногенова слово, что пьесу он уж не будет читать во 2-м МХТ, с которым его связывают нити после “Чудака”. Автору был приятен, конечно, оказанный ему прием и, несмотря, может быть, даже на данные 2-му МХТ обещания, ему приятнее, конечно, отдать пьесу нам.

Я сохранила для Вас список действующих лиц, по которому Вы можете судить о среде, в которой развивается действие. Ни одной народной сцены, действующие лица ограничены указанным в списке количеством. Роли замечательные у всех, женская, пожалуй, самая замечательная – Клары, 60-летней женщины-партийки. У нее есть такой монолог, что театр будет реветь от восторга, наш советский зритель, конечно. Так как Афиногенов в эти дни еще читает ее у Луначарского и, возможно, у других партийных товарищей, а с 25-го, кажется, начинает быть сильно занят (как будто в РАПП), я надеюсь, что получу у него пьесу для Вас именно к 25-му. Во всяком случае, я завтра с ним об этом переговорю на чтении. М.С. был страшно доволен таким успехом своего друга и товарища по работе в “Советском театре”¹. Настроение у всех было действительно праздничное, приподнятое. Как то Вам понравится?

Вот что я хотела Вам непременно сегодня рассказать, а засим – спокойной ночи! Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович, и приходите поскорей к нам.

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам вместе с пришедшей телеграммой утвержденный пленумом ХПСовета план работ лит. реп. нашей комиссии. Давно должна была это сделать, недели полторы тому назад, но у меня растащили все экземпляры и не было времени снять копию с единственного бывшего у меня подлинника. Сегодня наконец переписала.

Мне страшно интересно, как Вы отнеслись к пьесе Афиногенова. На чтении труппе 22-го числа она имела громадный успех и сейчас занимает все умы.

Новости у нас только в области замен и отмен: сегодня из-за Хмелева и отчасти Тарасовой отменили репетицию “Хлеба”, 27-го меняем из-за О. Леон., которой все же лучше, “Вишневый сад” на “Дно”.

И еще мне интересно: понравились ли Вам черновики Первого? И если нет, то что же не нравится? Вы представляете себе нетерпение режиссуры по этому поводу?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Крепко жму Вашу руку.

Москва, 28 января 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Сегодня с часу дня были прекращены все репетиции, т.к. у нас сегодня происходили выборы в Моссовет. Выбирали мы вместе со 2-м МХТ, “Синей блузой”, Центральной театральной кассой и еще какими-то организациями, сокращенные названия которых мне ничего не сказали, равно как и моим соседям. От нас выбраны: в члены Моссовета наш зав. бутаф. Саврасов, кандидат к нему – от другой организации. В члены Райсовета два чужих кандидата (один от МХТ 2-го, другой от “Синей блузы”) и кандидатом к ним – наша актриса Петрова.

На 31-е назначена в Худполитсовете читка и решение по пьесе Афиногенова. М.С. решил сделать это до своего отъезда в Ленинград, чтоб, во-первых, закрепить за театром пьесу и, во-вторых, чтоб лично провести заседание совета, выступая от имени театра.

О премьере “Хлеба” Вам все рассказала Ек. Ник. Премьера была достаточно серая, хотя Киришон и уверял, что будет много его партийных друзей. Из правительства был только Бубнов с женой. Им обоим пьеса не понравилась, хвалили исполнение – Добронравова, Кедрова больше других.

Была у на генеральной “Руслана” в Большом. Чрезвычайно красочная постановка, интересный художник (Петр Соколов, ленинград-

ский). Работа Смолича, особенно в условиях и традициях Большого театра, велика и интересна, но главное – в области внешности спектакля.

Опера поставлена как древнее русское игрище: разыгрывается миф о земле (Людмила), морозе (Черномор) и солнце (Руслан). И все персонажи оперы – это актеры, играющие на игрище, а зрители – хор и балет, начинающие оперу общим радостным праздником и им же кончающие. В остальное время хор принимает участие в спектакле изредка – или пением (напр., хор поет за голову), или ритмичным движением. В самом же действии принимают участие кроме персонажей несколько юношей и девушек, являющихся как бы помощниками актеров во время игрища: они одевают актеров, приносят и уносят необходимые предметы... Очень красивы и просты декорации и костюмы, особенно у балета. Спектакль, вероятно, будет иметь очень большой успех. Интересна следующая работа Смолича в Большом театре – “Пиковая дама”, которую только на зрелище сделать нельзя.

Милый Владимир Иванович, а Вы не забыли ли как-то ответить Марусе Кнебель на ее подарок. Или Вы это сделали помимо меня? И еще позвольте Вам задать вопрос, который время от времени задает мне Дорохин: не подписали ли Вы уже для него те фотографии, которые я Вам уж давно переслала с его просьбой об автографе. Я вижу, что он ждет эту надпись на Вашей карточке с самым искренним волнением и нетерпением.

Сегодня в письме от моего отца упоминается о неожиданной смерти Анны Павловой. Может быть, это было и в наших газетах, а я проглядела?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Я уж не спрашиваю, когда Вы приедете к нам. Может быть, завтра скажете об этом Мих. Сергеевичу?

192.

Москва, 1 февраля 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам газеты, в которых было о рапповском совещании, и кроме того, на случай, последние два номера “Рабиса” и “Советского искусства”, которое сейчас заменило газету “Рабочий и искусство”. Как это ни странно, но мы в театре не получаем ни одного номера того журнала “Советский театр”, о котором Вы вчера говорили. Я несколько раз говорила Никитину, что необходимо этот журнал выписать или дать распоряжение покупать, он отвечает: “Да, да” – и дальше никакого движения. Он считал, что М.С., работая в редколлегии этого журнала, знает об его содержании, а остальное ему, видимо, неважно. Но самое забавное в том, что и М.С. почти ничего о журнале не знает и собирался поставить вопрос о необходимости присылки ему каждого выходящего

номера. Сегодня я отдам распоряжение, чтоб для Вас покупали выходящие журналы и поискали бы прежние номера, хотя сомневаюсь, чтоб могли их найти для покупки, журнал этот расходуется страшно быстро, а тираж его, кажется, невелик.

Вчера в Худполитсовете читали “Страх”. В результате прений пьесу приняли, даже единогласно, но энтузиазма в обсуждении не было. Несколько представителей раб. части указывали на непонятность ее для рабочего зрителя, главным же моментом опасений всех высказывавшихся было выступление Бородина, его доклад, который признан настолько сильным, что должен оставить в душе зрителя самое глубокое впечатление. А так как это являлось бы пропагандой вреднейшей идеи, то Бородина надо разбить наголову. Выступление же Клары признано бледным и не разбивающим доводы Бородина. Тут последовал ряд предложений: усилить выступление Клары примерами бесстрашия из современности (гражданская война, борьба пролетариата на Западе), подкрепить ее выступление научным выступлением Боброва, и т.п. С последним автор никак не согласился, в отношении же современных примеров обещал подумать и предложил ввести такой пример перед самой премьерой, взяв его из самых последних известий о международной пролетарской борьбе. Художественно-драматургические достоинства пьесы признаны и отмечены некоторыми, но, судя по тому, как принимали отдельные места, ясно, что пьеса в чтении далеко не всеми понята и оценена. Было отмечено, что при ярких образах старого революционного поколения (Клара) и нарождающегося (Наташа, которую некоторые члены совета нашли слишком серьезной для ребенка 12 лет), представители нашей современности (Елена, Кимбаев) очень неярки, половинчаты, неустойчивы. Афиногенов в своем ответном слове указал, что на многие замечания есть ответ в прочитанном тексте пьесы, местами прошедший незамеченным при чтке; но в исполнении все эти места обязательно дойдут. Вместе с тем он сказал, что не считает пьесу законченной и собирается работать над ней и дальше – и самостоятельно в процессе своей творческой мысли, и с театром, и с актерами в процессе их работы.

Вот примерно, по памяти, все, что я вчера отметила. Возможно, что при составлении протокола и перечитывании моих записей я найду еще дополнительно то, что нужно рассказать Вам о вчерашнем заседании.

Я не пишу о завтрашнем чествовании Кона (49-летний юбилей)¹, Екатерина Николаевна Вам об этом расскажет.

До свидания, милый Владимир Иванович, всего хорошего.

193.

Москва, 28 апреля 1931 года

Милый Владимир Иванович!

Мих. Серг. просит послать Вам на прочтение проект его письма к Афиногенову. Ответ по этому поводу он будет ждать завтра.

Кроме того, по просьбе В.М.Никитина, посылаю Вам бумагу о М.А.Гремиславской, которую сочинил (вернее, списал с прежних) наш юрисконсульт. Хотя там стоит подпись одного М.С., Никитин решил просить Вас и К.С. подписать эту бумагу, но для этого сначала нужно Ваше утверждение текста. Причина подачи бумаги в том, что в юбилей театра Як. Ив. получил персональную пенсию, а Мар. Ал. нет¹. Так теперь хотят ей выхлопотать звание Героя Труда. Думаю, что это предприятие ненадежно, ведь не дали же до сих пор этого звания Титову.

Сегодня вечером в шестом часу я отправляюсь с группой наших актеров на ст. Люблино. Там будет играть «Гроза». (Кажется, это тайная халтура, не проговоритесь, пожалуйста, М.С.) Я никогда не видела этого спектакля и давно уж сговаривалась с участниками, что поеду с ними куда-нибудь посмотреть постановку. Но зимой не хотелось, да и клубы, где игралась пьеса, были нехороши. А в Люблине, говорят, хороший клуб, езды туда только 20 минут, погода хорошая – я решила поехать.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович! Какие славные солнечные дни стоят, правда?

194.

Ленинград, 2 июня 1931 года

Милый Владимир Иванович!

По привычке начала письмо словом «Москва», хотя я очень реально чувствую, что я в Ленинграде, хотя бы потому, что чувствую себя очень одинокой.

Пишу Вам, сидя у окошка, выходящего на Итальянскую, на сквер, что против музея Александра III (кажется, ведь он так назывался, что-то у меня вдруг сомнение появилось, не называю ли я московский музей). Здесь находится наша контора. Это в Филармонии, где нам отвели две комнатки во 2-м и 3-м этажах. Во 2-м – репертуарная контора, в 3-м – все остальное, т.е. сюда заходит М.С., здесь бывают Никитин, Федя и все нуждающиеся в разных справках и удостоверениях. Здесь же до 7-го будет сидеть Ванда Мар., а после 7-го перейдет в помещение здешней кассы. Адрес этого помещения – Михайловская, 2, подъезд 1 с Итальянской.

Старики наши, некоторые середняки, М.С. с женой поселились в «Европейской». Некоторые актеры, Никитин, Ванда – в «Октябрьской» (быв. «Северной»), большинство же – на частных квартирах. Федя снял

мне комнату на Фонтанке у Аничкова дворца. Комната приятная, окна выходят на Фонтанку – даже такая речушка перед глазами приятна. В комнате множество книг, гравюры и фарфор на стенах, камин – в теперешнее время – только для декорации. Старинная мебель, старинная посуда к завтраку и ужину.

С едой здесь будет трудно. Обедать в “Европейской” или “Октябрьской” очень дорого, в Домах культуры – далеко, невкусно и грязновато, примерно так, как бывает теперь в дни плохих обедов у нас в театре. Мне показалось так неприятно вчера за обедом в Выборгском доме (в Нарвском, говорят, еще хуже), что я решила лучше жить без обеда, питаться бутербродами и чаем, чем ездить обедать в Дома культуры. Я думаю, что в центральных столовках, на Невском и прилегающих улицах, во всяком случае, не может быть хуже, чем в Домах культуры – какой же смысл тогда ездить так далеко!

Это – наш быт. А теперь о спектакле. Вчера я смотрела “Воскресение” в Нарвском доме. Может быть, потому, что все мне заранее говорили, что декорация выглядит убого, мне показалось, что не так уж это безнадежно плохо. Конечно, по сравнению с Москвой это очень неважно. К тому же были какие-то неясности с номерами поворотов круга, теперь это будет налажено, я только что писала расписание поворотов, чтоб рабочие четко ставили на установленные номера.

Театр был переполнен. Этот спектакль был продан Путиловскому заводу, но публика была явно приезжая из центра. Слушали очень внимательно, очень. Много аплодировали после “Кабинета Нехлюдова”, “Богослужения”, второго свидания с Катюшей, “Деревни”, “Графини”, “Матрены”. Принимали хорошо “Суд” – хотя больше по линии комической: присяжных, священника, прокурора, слова Вас. Ив. о судьях. Ужасно досадная вышла накладка в “Суде”: Вас. Ив. забыл выйти перед речью Бреве и пропустил слова о прокуроре, отчего его речь, конечно, не могла быть принята так, как это бывает, когда Вас. Ив. сначала ехидно скажет о “глупости прокурора”.

Мне, знающей московский спектакль, недоставало белого занавеса, ведь здесь всякий раз дают обычный раздвижной занавес. Потом, здесь сцена имеет больший просцениум, затем помещение оркестра, так что положение Вас. Ив. не так интимно. И тот момент, когда Вас. Ив. переходит в зрительный зал, такой всегда волнительный, здесь пришлось выпустить: Вас. Ив. говорил рассказ о “страшной ночи для Катюши” с того же места, откуда говорил все – с просцениума. И лестничек этих интимных, что у нас, на которых он усаживается в “Суде”, тут нет. Т.е. лестнички такие есть, но они так далеки от сцены, что их нельзя было использовать. Вас. Ив. усаживался на лестничку справа, но идущую не вниз, в зрительный зал, а вверх – к ломам, построенным в стиле американских театров уступами по обеим сторонам зала. Лестница эта отрывается от сцены, у меня не было чувства самой живой связи Чтеца с действием на сцене, он как-то на время сидения на этой оторванной лестнице выпадал из общего действия. Может быть, это субъективное впечатление.

Все играли очень хорошо, только, как мне сказали, Грибунин страшно волновался. Ольга Леон. с трудом справлялась с кашлем, все время она откашливалась почему-то.

Спектакли здесь начинаются в 8 час., а вчера начали еще с опозданием минут на 10–15, да перемены против московских дали 20 минут лишку, так что спектакль кончили 5 минут второго. Только этим я объясняю, что занавес давали на дружные и сильные аплодисменты только 3 раза – все-таки публике пришлось торопиться на последние трамваи.

Мы добираемся на спектакли и со спектаклей на специальных автобусах. Стоянка их у Публичной библиотеки со стороны Екатерининского сквера. Один идет в Нарвский, другой в Выборгский дом, в 6.30 вечера. На автобусе езды до Нарвского – наиболее отдаленного – 15 минут. Обрато участников спектакля привозят тоже к Публичной библиотеке. В общем, попали мы в центр в три четверти 2-го. Это, конечно, утомительно, такое позднее возвращение. Ведь многие еще от библиотеки должны добираться довольно далеко.

Сегодня я поеду в Выборгский дом смотреть “Нашу молодость”. Она вчера прошла с хорошим успехом. Спектакль этот ведь уж игрался здесь, так что в смысле налаживания его все было довольно просто¹.

Как говорят, самый большой интерес проявляется к “Воскресению” и “Вишневому саду”, слабо идет “Хлеб”, это тоже подтверждение тому, что публика в большинстве не окраинная, а из центра, та, которая уж посмотрела “Хлеб” в Драматическом².

Многие наши 31-го смотрели премьеру “Страха”³. Все в один голос говорят, что спектакль скучный, хотя за немногими исключениями актерски исполняется хорошо. Я видела Афиногенова, который мне сказал, что успех был хороший, но играют так, что МХТ сыграет раз в 5 лучше, а это Афиногенова и радует – именно, что МХТ сыграет лучше. Марков мне сказал, что в здешнем спектакле все образы и положения до того снижены, что ему даже страшно стало: а не ошиблись ли мы в пьесе, действительно так ли она крупна и глубока, как показалось. Я ему посоветовала не поддаваться таким настроениям, а вспомнить, что такое наш театр и что – остальные.

Погода здесь переменчива – довольно тепло, бывает солнце, потом небо хмурится, перепадает дождик. Ветрено.

Конечно, в день приезда видела с Качаловым Зарудного, который просил передать Вам и Екатерине Николаевне его сердечный привет. К Ол. Ап. не успела съездить, поеду завтра: пришлось налаживать жизнь дома и в конторе, а тут еще у репертуарных барышень сломалась машинка и мне приходится писать их работу, т.к. их к своей машинке не подпускаю: доломают и мою, я их знаю!!

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Будьте здоровы и радостны. Кланяйтесь от меня, пожалуйста, Екатерине Николаевне.

Про Бродского помню и напишу ему⁴.

Ленинград, 5 июня 1931 г.

Письмо № 2

Милый Владимир Иванович!

Третьего дня я была у Ольги Апол., отнесла ей те авторские (500 р.), которые я получила в Москве, и 30 руб., которые вернули на Ваше имя переводом (помните?); они ведь были в свое время отправлены Мих. Львовичу тоже из авторских¹. Ольгу Апол. я нашла в подавленном душевном состоянии, но физически довольно бодрой. Во всяком случае, она ходит по комнатам, изредка (с помощью сопровождающих, из-за плохого зрения – катаракт на обоих глазах) выходит на прогулку, тоскует одна и потому всячески ищет общества, приглашая к себе кого-либо из знакомых. Из театральных у нее пока была только Коренева. Ол. Ап. ищет путей, как помочь Мих. Льв., который направлен в гор. Киренск (ок. 1 000 верст от Иркутска), и сказала мне, что написала письмо Ольге Леон., прося ее помощи и совета. Она хочет просить заступничества у Ал. Макс., который знал хорошо Льва Берн. Ол. Ап. спросила меня, не говорили ли Вы мне о деньгах (по ее расчетам 352 руб.), которые Вы, по просьбе Серг. Льв., должны были ей передать. Она ждала, что я их привезу. Ей хочется выяснить свои финансовые дела, т.к. следующие ее получения будут очень не скоро, вероятно, это будут авторские в предстоящем сезоне, которые получить придется примерно в ноябре – декабре. Да, Ольга Ап. говорила мне, что у нее есть какие-то расчеты с Вами за кофе, так что фактически, по ее мнению, ей надо получить от Вас 300 руб. Она очень мрачно смотрит на свое материальное будущее, т.к. помимо содержания себя, она должна еще посылать ежемесячно Мих. Льв. Для этой цели она уже продала рояль за 1 400 руб. Я рассчитываю, что она получит еще небольшую сумму из Всероскомдрама – авторские в расчет за прошедший сезон.

Здесь настала такая холодная погода, что мы все приходим в отчаяние. И страшно завидуем предусмотрительным людям, тем, которые захватили с собой драповые пальто, теплые фуфайки и т.п. Вчера, напр., было 2 градуса выше нуля (а впечатление такое, что при ветре – 2 гр. ниже нуля). В результате ли погоды, или от других причин уже двое больных: Калинин и Монахова, у которой вчера вскочила температура до 39 с лишним.

Наладить жизнь здесь вообще оказалось все же трудновато: обеда в Домах культуры отвратительны, в “Европейской” страшно дороги, а больше обедать негде. Я решила, что лучше всего так: дня три не обедать, а попивать чай с булкой, а на четвертый – обедать в “Европейской”. С завтраками и ужинами тоже не просто: или покупать еду в дорогих магазинах, или выдерживать очередь, подчас почти свалку, в закулисном буфете Нарвского дома, где бывают иногда очень недурные и сравнительно недорогие бутерброды.

Спектакли проходят благополучно: 2-го я ездила в Выборгский дом смотреть “Молодость”. Она прошла хорошо, публика внимательно слушала, много смеялась, дружно вызывала актеров. 3-го я в Нарвском смотрела “Бронепоезд” (отдельные сцены). Спектакль внешне как будто имел успех, публика аплодировала в “Колокольне” на слово “Ленин”, принимала все шуточки и словечки Баталова² и мужиков, но у всех нас, смотревших (Судаков, Марков, Калужский), осталось самое тяжелое впечатление. Актеры играют только внешний рисунок, идут по линии наименьшего сопротивления, добывая смешки у публики самыми напористыми приемами, ни один кусок не играется по существу, и поэтому совсем ушло из спектакля то, ради чего пьеса была поставлена и чем она взяла в свое время зрителя. И впечатление такое, что никакими силами уж нельзя добиться другого самочувствия у участников спектакля, что спектакль уж отыгрался и его надо снять.

В тот же день, 3-го, в Выборгском доме шел в первый раз “Дядюшкин сон”, на который поехали М.С. и Сахновский (мы здесь ежедневно распределяем выезды на тот или другой спектакль). Там спектакль шел блестяще, Ол. Леон. была в редком ударе. Занавес давали 7 раз – это до сих пор максимальное количество занавесов, т.к. обычно публика аплодирует (правда, всегда очень дружно) на 2–3 занавеса, а потом мирно расходится. (Думаю, что непоказательно количество занавесов только в “Воскресении”, спектакль кончается так поздно, что публика поневоле торопится.)

Вчера у меня и у М.С. был первый в Ленинграде выходной день; я пошла вечером на “Страх”, а М.С. все же поехал на “Молодость” и стал свидетелем большой накладки: в условленное время не пришел автобус, который должен был отвезти участников спектакля “Молодости”. Актеры ждали-ждали, надеясь, что это случайная задержка, но автобуса все не было, и наконец все участники решили ехать на трамвае, приехали в театр без десяти восемь, спектакль начали с опозданием на 20 минут (8 ч. 20 м.). Конечно, волнений было пережито много.

Из курьезов нашей жизни: при размещении багажа в Выборгском доме пропал костюм Ольги Леон. из “Дяд. сна” – зеленый с горностаем. Оказалось, что его украл театральный пожарный, который был быстро уличен, а костюм найден. Такое быстрое разрешение этого дела объяснилось только тем, что на пожарного этого были подозрения еще во время мейерхольдовских гастролей, так что при краже розыск был произведен тотчас же у него.

Милый Владимир Иванович, скажите, пожалуйста, Рипси, чтоб она дала нам телеграмму о дне Вашего выезда тотчас же, как только он выяснится. Меня все спрашивают, М.С. в первую очередь.

О “Страхе” я Вам не пишу подробно, т.к. знаю, что Вам уже писали об этом Марков и М.С. Могу сказать только, что в первую очередь погубил спектакль художник Акимов. Ему можно было бы сказать те же слова, которые говорит в первой картине Клара Валентине при ос-

мотре ее статуи. Я не знаю наизусть этих слов, Афиногенов вписал их позднее, я их впервые услышала вчера на спектакле, и тотчас же сказала Судакову, что вот эпиграф к произведению Акимова. Примерно это так: “Знаешь, Валя, как надо лепить? Просто, понятно. Вот выйди в поле, там все ясно и просто – рожь, небо, березка. Ты лепишь для того, чтоб рабочие смотрели на твою статую, надо, чтоб она будила мысль и чувство; твоя статуя не разбудит ни мысли, ни чувства, разве на пять минут удивление”. Вчера я лучше помнила эти слова – ну, просто для Акимова написал Афиногенов. Не понравились мне ни актеры, не нашедшие для своих образов настоящих глубоких черт (кроме Корчагиной, особенно приятной “бытовой” Клары – на кафедре ей не достало пафоса, и Рашевской – очень искренней и серьезной Елены; еще хорошо играет кто-то, не знаю, старика Захарова), ни зрительный зал, который принимает пьесу как комедию и жадно ловит всякий смешной, даже чуть смешноватый момент, чтоб захохотать и похлопать.

Милый Владимир Иванович, посылаю это письмо с В.Баталовым, он едет сегодня в Москву. Не могу его больше задерживать, он должен сейчас уйти.

Желаю Вам и Екатерине Николаевне всего хорошего – сил, здоровья, радостных сборов, хорошего переезда, тепла, солнца.

196.

Ленинград, 7 июня 1931 года

Письмо № 3

Милый Владимир Иванович!

Л.М.Леонидов просил меня переслать Вам рецензию о “Страхе” в Александринке, помещенную в здешней “Правде”. Он считает, что в ней высказаны мысли, которые надо принять во внимание при работе над пьесой у нас. Кроме того, посылаю Вам заметки о “Страхе” из “Рабочего и театра”. Я их не успела прочесть (и сейчас не смогу, т.к. тороплюсь закончить письмо к своевременной отправке спешной почтой), но, может быть, и там есть что-нибудь интересное.

Рецензиям в здешних газетах, видимо, отдается малое внимание. О “Страхе” – постановке очень заметной, как говорят, – рецензия появилась только через неделю после премьеры. Ничего нет удивительного в том, что о наших спектаклях вообще нет отзыва.

За то время прошли премьеры еще “Вишневым сад”, “Квадратура” и “Реклама”. Я смотрела первые две. “Вишневым сад” имел очень большой успех, и вполне заслуженный. Спектакль шел прекрасно. Я сидела в зрительном зале и думала о том, какую силу имеет этот спектакль только потому, что он был написан таким драматургом и поставлен такими режиссерами! “Квадратура” прошла довольно вяло, понижала

главным образом Бендина, бывшая не в настроении, вероятно, уже недомагавшая, а теперь уж свалившаяся настолько, что сегодня не играет даже в премьеру “Хлеба”. Ливанов тоже не был так заразителен, как он может быть¹. Про “Рекламу” слышала, что она имела хороший успех и прошла хорошо, без накладок.

Мне кажется, что в пониженном настроении нашей молодежи и середняков большую роль играет трудность жизни – главным образом трудность наладить свои завтраки, обеды, ужины... Все здесь чрезвычайно дорого, не только нет уж надежд прикоптить что-то на лето, но уж некоторые начинают беспокоиться, хватит ли денег вообще. Несколько спасает то, что по вечерам в Домах культуры во время спектакля есть в буфете какие-то легкие закуски – копченая рыба, вареное мясо или бутерброды. Но сытно пообедать – это трудно: в том или другом ресторане самый ограниченный обед должен обойтись в 3.50–4.50, а для многих – это весь оклад их командировочных денег. Старики наши очень довольны своим устройством – у них прекрасные комнаты в “Европейской”, с отдельными ванными, управляющий гостиницей Глинский (Ваш быв. администратор) проявляет к ним максимум заботливости и внимания, материальное их положение позволяет им не рассчитывать рубля и питаться в ресторане гостиницы.

Ершов немного отошел. Он уж опять было стал киснуть, сыграв два “Воскресения” и два “Вишневых сада”, устал немного, но теперь у него перерыв в 6 дней и он надеется снова набраться сил².

Занятия с Ливановым по Нехлюдову были несколько раз, но, вероятно, эта работа надолго³. Относительно Орлова в “Страхе” я говорила Калужскому и Судакову, но будет ли Судаков заниматься здесь с Орловым – не знаю⁴.

Милый Владимир Иванович, жду ужасно, что перед отъездом Вы все-таки черкнете хоть две строчки на прощанье. Мой адрес – Фонтанка, 39, кв. 6. Мих. Серг. – “Европейская”, комн. 78.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам сил и хорошего настроения. Екатерину Николаевну нежно целую.

197.

Ленинград, 10 июня 1931 года

Письмо № 4

Милый Владимир Иванович!

Сегодня М.С. мне сказал, что получил от Вас большое письмо, – и все. Я спросила, что Вы пишете. Он сказал – обо всех делах. Вы представляете, как я позавидовала М.С-чу, что он получил письмо.

Жизнь наша течет без всякого энтузиазма. Актеры ноют от безденежья (перед отъездом из Москвы выплатили часть командировочных

и квартирных на Ленинград, но большинству ведь пришлось оставить деньги семье в Москве, так что сюда все приехали с небольшими запасами, а жизнь очень дорога), от холодной погоды (вчера было барометр пошел вверх, выглянуло солнце, а сегодня опять холод и дождь), от усталости к концу сезона. Но, вероятно, не было бы усталости, если б были деньги и жизнь – комната, питание – были приятны и легко доступны. В смысле устройства очень довольны старики, которые все живут в прекрасных комнатах типа американских, с отдельными ванными.

Ура, ура, ура! Сейчас мне дали письмо от Вас. Я так сияю, что М.С., кажется, не может удержать слегка насмешливой улыбки! По-моему, он думает – вот сумасшедшая! Я рада, я счастлива, милый Владимир Иванович, это такая, как говорят теперь, “зарядка” – читать, помнить, думать об этом письме! Спасибо, спасибо! И две колоды карт! Это ужасно весело и смешно! Я поеду в Тамбовскую губ. в июле и буду вечером раскладывать пасьянс. Мне сейчас так хорошо и радостно!

Да, так о “стариках”: Вишневский не устает восторгаться своим санаторным житьем, выписал сюда сына, тот приедет на днях, потом, кажется, и девочка приедет. “Грибуша” скучает, чувствует себя инвалидом, с горестью думает о том, что пришлось отдать последнюю *свою* роль – Курослепова¹, живет он тихо, навещает соседей, конечно, совсем не пьет, даже не хочется ему пить. У меня вчера был выходной день и с четвертого часа я проводила время в “Европейской”, в “проезде Художественного театра”, как говорят наши “старики”: почти все они живут в одном коридорчике: № 303, 305, 309, 310, 312, 315, 321 – все наши. Возможно, что и еще есть номера, занятые нашими, но я их не помню наизусть, это я Вам перечислила Книппер, Кореневу, Вишневского, Шевченко, Москвина, Грибунина, Качалова, а там еще поселились Леонидов, Тарасова, Изралевский... Калужские, М.С., М.П.Николаева – живут в других этажах. В Европейской же жили Добронравов и Ершов, но теперь уехали на частную квартиру. В “Октябрьской” (быв. Северной) гостинице живут Никитин, Вагда Мар., Сахновский, кто-то из молодых; последние разъезжаются по частным комнатам.

Вчера вечером мы с Лид. Мих. отправились слушать в Михайловском “Богему”². Нельзя поверить, что в наше время еще может процветать в почти столице такой закоренелый оперный штамп: как много лет тому назад, актеры поют только у рампы, не сводя глаз с дирижера, каждый поет сам по себе, никак не связывая себя с партнером. Словом, Вы сразу представите себе весь спектакль, если я Вам скажу, что ни тени того, что сейчас сделано в этой области – даже не драматизации, а просто “осмысленного” пения в спектакле нет. А у тенора (фамилия его Гарт) совсем недурной голос. Приятным, вдумчивым, серьезным актером оказался тот, который пел Колена, но фамилию его я не запомнила: в начале спектакля я не заметила его качеств, а к последнему акту, где он хорошо показал себя, я уж потеряла программу.

Капельдинер, который принимал у нас верхнее платье, оказался

старым служащим театра, помнит Вас, К.С., Вишневого, Румянцева, помнит толпы народа, стоявшие перед театром во время гастролей МХТ, помнит бешеный успех театра.

Наши спектакли? Они идут сравнительно благополучно. Сравнительно – потому что в них отсутствует гастрольный подъем, приподнятость актера перед новым зрителем. Они будничны, как обычные наши московские спектакли.

Неоспоримый успех имеют “Дядюшкин сон”, “Реклама” (против которой, как говорят, сначала совет Выборгского дома хотел протестовать по идеологическим соображениям). Из спектаклей Большой сцены идут с успехом “Воскресение” (говорят, что о нем много говорят в городе), “Вишневый сад”. “Бронепоезд” имел тихий успех, наши говорят – еще и потому, что играл Шульга, а это ужасно понижает весь тон спектакля. Я думаю, что дело тут не только в Шульге, хотя, конечно, от него многое идет. Евг. Вас. мне сказал, что он будет просить Ершова (который себя чувствует значительно лучше) сыграть хотя бы один “Бронепоезд” – первый в Выборгском³.

Про “Хлеб” мне показалось, что на премьеру успех был недостаточно громкий только потому, что публики было мало, но присутствовавшему количеству спектакль понравился. Потом же я слышала, что будто бы спектакль не особенно нравился и что даже режиссера Больш. драматического театра, ставившего здесь “Хлеб”, на следующий после нашей премьеры день актеры Драм. театра встретили овацией и качали. До такой степени не понравился им наш спектакль и до такой степени показалась их постановка выше. А у нас в Москве говорили, что режиссер Драм. театра (его фамилия Люце) поставил “Хлеб” очень плохо, что спектакль провалился. На премьеру “Хлеба” из 1 800 мест было продано 800; вчера, говорят, было продано 1 300–1 400.

Здесьняя организация (Дома культуры) всячески хочет уговорить нас заменить спектакли “Хлеба” другими, старыми постановками МХТ, но М.С. считает это большой политической и художественной ошибкой и не соглашается. Он даже телеграфировал о такой тенденции здесьней организации Киршону.

Дело распределения билетов здесь, по-моему, поставлено недостаточно хорошо: здесьняя администрация уверяет, что часто пустые места объясняются тем, что весь зал продан какому-либо заводу, от себя посылает 100–200 бесплатных билетов своим подшефным, а подшефные не приходят на спектакль. Но наряду с этим я знаю такой случай, когда сидевшие за нашим Никитиным в зале люди, поняв, что он имеет отношение к театру, спросили, как можно получить билет на спектакль МХТ. Им пришлось купить у барышника. А в то же время в этот вечер в кассе оставались непроданными 300 мест. Организация в свое время объявила спектакли закрытыми, целевыми, проданными, а потом, получив возврат билетов, нигде не объявила о продаже остатков билетов через кассу Дома культуры.

Очень плохо обстоит дело с утренниками. Вчера (первый утрен-

ник) “Нашу молодость” в Выборгском доме начали при 27 зрителях в зале с 2 000 мест. Мне сказал электротехник, что они точно подсчитали количество зрителей. Потом постепенно публики собралось немного больше, т.к. открыли доступ всем гулявшим в саду. Говорят, утренники все будут слабо посещаться. Оказывается, здесь на большинстве предприятий выходные дни 5, 10 и т.д., и будто Никитину об этом говорил представитель Домов культуры, но тот ответил, что ничего сделать нельзя и мы не можем делать репертуар в зависимости от этих соображений. А Женя Калужский об этих общих выходных днях узнал только здесь и говорит, что, конечно, можно было бы хотя бы стараться пригласить утренники к ним. Ужасно же для актеров играть при пустом зале. Говорят, эхо отдавалось раза по три...

Но, несмотря на такие неудачи с утренниками и недоборы по “Хлебу”, пригласившая нас организация наживает на нас деньги и не огорчается, что не наживает еще больше. Все их усилия сводятся, пожалуй, только к тому, чтоб освободиться по возможности от спектаклей “Хлеба”, заменить их другими. В этом смысле им случайно повезло. К нам обратился быв. Путиловский завод (теперь “Красный путиловец”) с просьбой дать им спектакль “Хлеб”, который они берут в ознаменование выполнения своего пятилетнего плана в 2¹/₂ года и выпуска какого-то юбилейного (125-ти тысячного) трактора. Но так как по репертуару у нас никак нельзя дать лишний “Хлеб”, то Дома культуры предложили такую комбинацию: они уступают путиловцам спектакль “Хлеб” 12 июня, отменяя его для своей публики и предлагая купившим на него билеты или вернуть их в кассу или обменять на спектакль 18-го, тоже “Хлеб”. Домам же культуры взамен этого спектакля, 12-го, мы должны дать 27 июня в Нарвском доме “Дяд. сон”. В этот день у нас там спектакля не должно было быть по репертуару, т.к. мы играем в этот день в Выборгском доме “Врата” и в Клубе им. Володарского “На дне”. А теперь будут три параллельных спектакля, прибавится “Дяд. сон”.

Нашла у себя в столе книжечку о “Страхе”, вероятно, оставил ее Пав. Алекс. Решила ее послать Вам, может быть, захотите посмотреть.

Только что пришел зав Выборгским домом и сказал, что на вчерашний утренник “Молодости” было разослано 1 600 бесплатных мест, а в итоге в зрительном зале было 170 человек. Никак не соберешь публики на утренник, говорит он.

Милый Владимир Иванович, надо кончать письмо, время подходит отправить его на почту. Я надеюсь успеть еще написать Вам на прощанье в Москву. Если же не удастся, вероятно, письмо мое Вас встретит в Берлине.

Всего, всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы, радостны, мне так хочется, чтоб Вы радостно собрались в дорогу, с приятностью поехали, хорошо отдохнули.

Екатерину Николаевну, мою милую, дорогую, крепко целую и благодарю за привет.

То, что Вы написали Тарасовой об Елене⁴, как раз то, на чем играет в Александринке Рашевская. И Добронравов, и Судаков, сидевшие рядом со мной в ложе на “Страхе”, говорили, что вот этого серьезза у Тарасовой не хватает и что так Тарасовой не сыграть!

198.

Ленинград, 15 июня 1931 г.

Письмо № 5

Милый Владимир Иванович!

Пишу Вам на всякий случай еще в Москву, т.к. М.С. привез известие, что 14-го Вы выезжаете и что день Вашего отъезда в дальнейшем пока не определен. Посылаю письмо на театр с тем расчетом, что если Вы уехали, Рипси перешлет письмо в Берлин.

Какая досада, что произошла задержка с Вашим отъездом. Я бесилась, слушая рассказ М.С.

Все-таки до чего несерьезно дают заверения и обещания! А к ним ведь нельзя относиться иначе, как с полной верой.

Я надеюсь, что буду знать от М.С. о дальнейших Ваших делах и планах, вероятно, Вы напишете или телеграфируете ему.

М.С. приехал совсем больной, через часа три после его приезда у него уже определили ангину. Но как будто она протекает в довольно легкой пока форме. Во всяком случае, вчера я его застала не в постели, а за пасьянсом, и сегодня он с утра подходил к телефону, а в час дня созывает у себя совещание – Никитин, Марков, Калужский...

Я думаю, что совещание будет и по внутренне-театральным делам, и по нашим делам со спектаклями и взаимоотношениями с Домами культуры. Я Вам, кажется, уже писала, что здешние организации чрезвычайно неумело распределяют билеты на спектакли. Правда, по сравнению с другими театрами мы, кажется, идем блестяще, во всяком случае, все они (театры) на нас злятся, что мы оттягиваем у них зрителя, но посещаемость здешних театров – для нас не указ. Вот вчера шел в Большом драматическом “Хлеб” 100-й раз, об этом всячески рекламировалось, перед вторым актом была устроена торжественная часть: выступление представителя ЛАППа¹ с оценкой пьесы и поворота Драмтеатра к пролетарской драматургии, выступление директора театра Шапиро, прочитавшего письмо от Киршона к труппе – участникам “Хлеба” – и сказавшего несколько слов о спектакле. Все это при открытом занавесе, со всей труппой на сцене. И при этом – 300 руб. сбора!

Ни нас, ни Дома культуры не устраивает, что билеты на спектакли далеко не все распространены. Дома культуры предлагают теперь организовать на крупных заводах доклады от нашего театра (Марков) с концертами наших актеров – во время обеденного перерыва. Рассчи-

тывают, что после этого интерес к спектаклям должен сильно повыситься. Марков вообще ведет большую работу с местным пролетарским зрителем, у него было несколько бесед, прошедших очень оживленно. Марков был чрезвычайно доволен своей аудиторией, а сегодня Никитин рассказывал, что отзывы организаторов этих бесед и самих участников их о Маркове тоже блестящи.

Вчера в “Гор. сердце” Силана в первый раз играл Калинин. Хотя Хмелеву как будто лучше, но все же решили заменить его по возможности во всех ролях, кроме “Дядюшкина сна”. В “Хлебе” за него репетирует Прудкин, а Калинин ведь готовил роль еще в Москве, так что ему нетрудно было войти в спектакль. Я была в Драмтеатре на “Хлебе” и попала на “Горячее сердце” только к последнему акту и видела его мало. Участники спектакля мне сказали, что играл он неплохо, тяжеловато только, но все вообще прошло благополучно, без накладок и ошибок.

Еще идут у нас репетиции “Дна” для ввода Топоркова в Бубнова. В тех спектаклях, где Луку будет играть Тарханов, у нас нет Бубнова кроме Вербицкого, сыгравшего как-то (помните эту историю?) в Москве. Говорят, Вербицкий был очень слаб, решено заменить его Топорковым.

У нас неприятные недоразумения с выплатой денег. Все ведомости составляются в Москве. [...]

Я Вам писала уже о дороговизне жизни. Тяжело приходится молодежи, низко оплачиваемой. Ведь, в сущности, мы получаем все примерно столько же, сколько получали года три тому назад, когда были здесь, если за это время и были прибавки к жалованью, то очень незначительные. А жизнь вздорожала здесь за эти три года чрезвычайно. Наша молодежь решила просить дирекцию повысить суточные низко оплачиваемым работникам – вне зависимости от их оклада. Я знаю, что об этом уж был частный разговор с М.С., но он тогда отрицательно отнесся к этой просьбе по принципиальным соображениям. По финансовым, конечно, нет оснований отказать, потому что деньги на это (несколько тысяч, так до трех-четырёх) есть.

Погода у нас исправилась – второй день светит солнце. Но еще не тепло, вероятно, от весьма прохладного ветра. Но хоть дождя нет, унылости этой – и то хорошо. Очень недостает Вас. Вас. Лужского в поездке в деле организации разных экскурсий. В прежние приезды сюда он так великолепно и увлекательно налаживал разные просмотры музеев и поездки в окрестные дворцы и парки. Сейчас тоже объявлены три экскурсии, но как-то все это серо и скучно, без того живчика, который вносил в это дело Вас. Вас.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы. И главное – желаю удачи во всех Ваших делах.

Ленинград, 19 июня 1931 г.

Письмо № 6

Милый Владимир Иванович!

Я рада, что кончились такие ненужные и совершенно неожиданные волнения и хлопоты перед Вашим отъездом и что Вы сейчас сидите в купе и – увьи! – вероятно, перестраиваете свои денежные расчеты. Насколько я поняла по телефону (передавала мне жена М.С. – Евг. Влад.), Вы получили денег меньше, чем рассчитывали. Но во всяком случае – Вы на пути к отдыху!

М.С. до сих пор хворает. Ангина его кончается; к счастью, она прошла в легкой форме, к счастью потому, что обычно горловые болезни у него затяжные и тяжелые. Но остался грипп – его мучают головные боли и насморк жестокий. Он продолжает (он – М.С.) заниматься делами, принимая у себя Калужского, Сахновского, Никитина.

Теперь у нас начались тройные спектакли. Помимо Выборгского и Нарвского домов культуры, спектакли идут в Клубе им. 1-й пятилетки – рядом с Мариинским театром, вернее, за ним – новое здание. Я там еще не была. Прошли там два раза “Квадратура”, “Дядюшкин сон” и “Реклама”. Сегодня там же еще раз “Реклама”, завтра – еще раз “Дядюшкин сон”, и тогда для этого клуба конец. Следующие тройные пойдут в другом клубе – им. Володарского, где-то далеко, на Смоленском шоссе. Там пойдут, начиная с 25-го, ежедневно “Наша молодость”, “На дне” и “Бронепоезд”, каждый спектакль по два раза.

Спектакли наши проходят благополучно. Но с распределением мест по-прежнему ерунда, и поэтому зал далеко не полон, особенно в этом новом помещении, в Клубе им. Пятилетки.

Те доклады с концертным отделением на заводах, о которых я Вам писала, намечены на 24-е (“Красный путиловец”) и 29-е (“Треугольник”). Это по Нарвскому району. А выборжцы просят на 21-е (Завод им. Сталина). Доклады делает, конечно, Марков, который здесь “гастролирует” с большим успехом. Вчера он был вызван на доклад московского Павлова¹ о творческом методе МХТ, но пока там выступить ему не пришлось, т.к. самый доклад был прерван и перенесен окончанием на 21-е, когда и будет выступать наш Пав. Ал. Прервали же доклад потому, что все присутствующие отправились на генеральную “Прекрасной Елены” в Михайловском театре, спектакль, по отзыву Маркова, очень скучный по тексту и, конечно, пленительный по музыке. (Текст делали Масс и Ник. Эрдман, время действия Международная Парижская выставка.) Генеральная предполагалась вчера днем, но из-за того, что там не все было готово, ее перенесли на вечер, отменив плановый спектакль. Премьера сегодня.

Кроме этих выступлений Маркова и его встреч с рабочим активом в домах культуры, о которых я Вам писала (такая встреча у него и сегодня в Выборгском), Пав. Ал. сегодня делает доклад труппе Марининского театра о методе МХТ, на днях то же – для группы Театра юного зрителя и еще приглашен выступить на ту же тему перед съездом руководителей провинциальных ТРАМов. Затевают это представители здешнего ТРАМа, очень жалеющие, что их театра сейчас здесь нет, что им было бы очень полезно узнать побольше о МХТ, что пора прекратить рознь и разделение между МХТ и ТРАМом, и т.п. Марков уверяет, что ленинградские театральные круги после такого наводнения его лекций скоро будут в совершенстве знать все подробности метода МХТ.

В местной “Красной газете” на днях была заметка, что Союзкино приступает к работам по постановке новой звуковой фильма “Страх”. Сценарий фильма написан на основе пьесы Афиногенова. Постановщик фильма – режиссер Роом².

Здесь сейчас в нескольких кино идет с большим успехом фильм “Путевка в жизнь” (звуковой), в котором заняты Качалов и Баталов. Качалов выступает с обращением к зрителю в прологе и эпилоге, Баталов играет главную роль. Я еще фильма не видела, но все наши актеры, которые его смотрели, очень хвалят.

Работа и жизнь здесь складываются так, что вечером мне делать нечего – надо смотреть или наши спектакли, или здешних театров. Если принцип нашей поездки был дать возможность как можно большему количеству работников поехать в Ленинград и здесь проводить время без большой работы, то тогда я все понимаю. Но насколько я помню, когда решался вопрос о наших малоимущих актрисах (Красковской, Вульф), то им было отказано в поездке на основании соображений экономии. Вульф попала в поездку только потому, что не смогла поехать Вронская, ожидающая ребенка. А Красковская так и не попала. В то же время я смотрю с недоумением, как проходит работа у нас, администрации. Кроме выплаты жалованья (усиленная работа в течение двух дней по два раза в месяц, 15–16-го и 1–2-го), у кассирши дела почти нет. Во всех поездках делала это всегда я, справлялась благополучно, и тогда и у меня было нормально много дела. А теперь я работаю с прохладцей (рабочий день, в сущности, всего четыре часа, от 11 до 3 в конторе, т.к. по вечерам в Домах культуры даже угла нет для работы), и Ванда Мар. по-настоящему занята несколько дней в месяце, в остальное же время дела почти нет. А нужен ли еще при этом Вас. Мих.? По-моему (мое мнение далеко не единичное), совсем не нужен. А лишних денег на это сколько тратится?! А наши четыре курьера, которых мы привезли с собой?! Дежурства их распределены и в конторе, и в Домах культуры, но нужно ли это? Вряд ли. Обычно мы ездили в поездку, ездили в Ленинград, да тоже с двумя сценами и обходились двумя нанятыми здесь курьерами великолепно.

Погода, погода! – вот что ужасно. Сегодня опять проливной дождь. Тепло, правда, но боже мой, до чего неуютно! Вчера, правда, выдался день солнечный, без дождя, но не особенно теплый. Как все обрадовались! Вчера ездила большая экскурсия в Детское Село смотреть парк и дворцы. 21-го нам предстоит интересная экскурсия – в институт проф. Павлова³.

Третьего дня я была в Мариинском на “Кармен”, вчера там же на “Корсаре”. Вчера было очень хорошо, хотя вместо обещанной Люком танцевала звезда меньшей величины – Трояновская. Но самый балет поставлен очень хорошо, с большим вкусом (Петипа), лучше, чем у нас⁴. Но на “Кармен” было плачевно. Пошла я туда с Мордвиновым, так что Вы представляете, как мы бранили спектакль. Хорошо пел Сливинский Эскамильо, и было что-то приятное в самой Кармен, ничуть не похожей на Вашу Карменситу или на Кармен Мериме: этакая Бобелина, от земли, ширококостная, плотная, горячая. Чувствовалось – попади она к режиссеру, из нее вышел бы толк. Но о режиссере и помина не было в постановке⁵. Хуже всего был оркестр и дирижер Дранишников, здешняя знаменитость, который вел спектакль бледно, скучно и ужасно неряшливо, все время расходясь с певцами. После “Карменситы” слушать “Кармен” в старой редакции – просто смешно. У них был какой-то новый текст, но он даже хуже старого.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Желаю Вам, Екатерине Николаевне и Мише хорошо устроиться на первых порах, желаю хорошего настроения. Напишите, пожалуйста, что скажут врачи о Мише.

Ленинград, 23 июня 1931 года

Письмо № 6

Милый Владимир Иванович!

Спасибо за письмо и за берлинский адрес. М.С. мне прочитал выдержки из Вашего письма перед отъездом из Москвы, так что я знала, как Вы уезжали, теперь я знаю, как Вы доехали.

Одновременно посылаю Вам бандеролью № “Рабочего и театра” с приветствием к нам и единственную появившуюся здесь рецензию. Пресса относится к нам без всякого внимания. Кажется, и Марков, и М.С. говорили об этом с Рафаловичем, здешним управл. Главискусством, но здесь газеты уделяют так мало места театрам, что вряд ли такие разговоры могут дать результаты.

По поручению М.С. я передала Маркову Ваши строки и о письме Раскольникову, и о переводе Лихачева¹. Как только найдем этот перевод, тотчас же вышлю его Вам.

Жизнь наша проходит без всяких особых приятностей, с множеством различных забот, т.к. болезни актеров нас одолевают. [...] На днях провели у нас общее собрание в связи с новым займом и агитацией в пользу подписки. Постановлено подписаться на 100% жалования, но, как мне сказали в нашем месткоме, пока подписка идет процентов на 90. Есть некоторые работники, которые подписываются не на полный оклад. Вероятно, придут ко мне с вопросом, нет ли от Вас распоряжений, на сколько подписаться за Вас и какие облигации – беспроигрышные-беспроцентные или процентный выпуск. Наши финансисты пришли к заключению, что процентный выпуск, особенно при крупной сумме подписки, дает те же материальные выгоды, а может быть, и большие, что беспроигрышный выпуск. Но лишаешься веселого интереса каждый месяц проверять табличку выигрышей, по которой надо будет следить, если запишешься на беспроигрышный.

Третьего дня состоялась читка пьесы Шимкевича “Сталь”. Если Вы помните, он зимой как-то докладывал план этой своей пьесы нашему худож. совещанию. План был встречен без интереса, но почему-то у наших не хватило мужества об этом автору прямо сказать, а тот понадеялся, что его пьеса интересует. Теперь он до того хотел ее прочитать театру, что специально за свой счет приехал из Москвы. Пьеса оказалась ужасной, но опять-таки наши никак не могли раскататься на откровенный ответ (все худ. совещание было собрано у М.С. в комнате), но М.С. дал тон, пьесу раскритиковал, за ним другие, и автор понял, что ему надо предложить пьесу в другой театр.

Вчера я была на очень интересном спектакле в Мариинском: вечер

здешнего Балетного государственного техникума. Какие великолепные молодые танцовщицы были – Балабина, Дудинская, Падве... Мы были с Машей Титовой – та руки отбила себе, аплодируя. Она ведь сама страстная плясунья. И вообще насколько здешний балет по каким-то новым выдумкам и интересной работе выше нашего московского. Мы решили, что, вероятно, лет через 8–10 мы сможем говорить про какую-нибудь из этих балерин, которая тогда будет уже греметь: а помните, она на отчетном вечере техникума тогда танцевала, еще ученицей! Ведь им всем по 19 лет, молодость так и рвется в каждом их движении ввысь, в бросок, во взмах...

Вы видите, я пишу Вам о чем угодно, а о наших спектаклях – ничего. Но о них нечего и писать. Единственное, что было заметно: “Врата царства”, третьего дня впервые поставленные, имели громаднейший успех, занавес давали 11 раз, публика кричала: спасибо, Художественный театр! Все же остальное идет буднично, каждодневно, как будто мы и не на гастролях.

Погода по-прежнему переменчива, прохладна, и гулять поэтому не приходится. А по вечерам все свободные от спектаклей разбредаются по здешним театрам. Вот и все дела.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович! Передайте, пожалуйста, милой моей Екатерине Николаевне и Мише сердечный привет. Все вам желаю хорошего отдыха, приятных дней.

201.

Москва, 22 июля 1931 года

Письмо № 14

Милый Владимир Иванович!

Я приехала в Москву 17-го – и вот только сегодня пишу Вам первое московское письмо. Все дни прошли в какой-то необыкновенной сутолоке. И сказывается усталость от всей зимы, вероятно, потому, что чувствую я себя прескверно, при неимоверной здешней жаре схватила насморк и небольшую температуру. Вероятно, в такие жары и можно простудиться, т.к. кого ни встретишь, – всякий слегка простужен. Жара здесь стоит изнуряющая, возможно существовать только при условии, если весь день сидеть дома, а выходить только с 8 ч. вечера. И даже в этот час еще душно. После Ленинграда, с его массажи воды, с постоянным ветерком с моря, жара в Москве особенно трудно переносима. И я счастлива, что сегодня вечером уезжаю в Тамбовскую губ., в Лебедянь, где уж с начала июня живет и блаженствует моя сестра со всем своим многочисленным семейством.

Большинство моих – наших – мыслей о Вас сводятся к беспокойствам о переносимых Вами денежных затруднениях. Вчера Рипси опять

была в Наркомпросе (я не вмешалась в ее хлопоты потому, что у нее налажены уже все знакомства и связи там, а я в Москве проездом и вряд ли могла бы быть полезна в этом деле), и вот что она просила Вам сообщить. (Из дальнейшего Вы поймете, почему она сама Вам не пишет.) Вчера ей предложили переслать 200 дол. непосредственно в наше пражское полпредство, откуда Вам будет всего удобнее получить деньги. При этом они сказали, что там смогут Вам выдать деньги, даже не дожидаясь перевода их из Москвы, а просто по телеграмме отсюда. Рипси, помня, что Вы просите переслать в Карлсбад, сомневалась, дать ли на это согласие, и решила посоветоваться со мной и с Ник. Аф., которого предполагала вечером увидеть в Узком. Мы оба в один голос решили, что, конечно, Вам будет лучше всего получить через полпредство. А если Вы еще в Берлине, то возможно ведь получение и из берлинского полпредства, куда пражское, вероятно, имело бы возможность переправить непосредственно деньги. Словом, Рипси сегодня с утра в Наркомпросе, там устроит перевод 200 дол., и затем она (или я, как она меня просила) даст телеграмму Вам. Но дальше уж идут вести невеселые, которые Рипси просила Вам сообщить. Все ее переговоры относительно дальнейших переводов в счет второй тысячи окончились плачевно. Решительно все, к кому она обращалась, сказали, что в настоящий момент о дальнейшей посылке денег нельзя и думать и что сумма в 1 200 дол. очень значительна. Правда, Рипси не удалось быть у Андр. Серг., и она думает, что если бы Вы сами к нему обратились, то, возможно, что А.С. смог бы выхлопотать для Вас и дальнейшие переводы, как он обещал.

Теперь еще о печальном, очень печальном, о чем я не хотела Вам сразу писать из Ленинграда, потому что мы все рассчитывали на лучшее. Это о Грибунине, который к концу гастролей заболел в Ленинграде воспалением легких и был принужден там остаться после нашего отъезда по требованию врачей. Было так: 11-го Вл. Фед. чувствовал себя скверно, к вечеру у него было 37.2, но он упрямо поехал играть "Воскресение", свой последний спектакль в Ленинграде. Он не хотел просить одолжения у Вишневого, чтоб тот сыграл за него, т.к. перед тем у них вышла из-за очереди в этой пьесе ссора¹. На следующее же утро у него было уже 39.3, и врач определил воспаление легких. Зная его больное сердце, предчувствуя, что болезнь может затянуться, М.С. телеграммой выписал из Москвы, за счет театра, женщину-врача Ушакову. (Вы, может быть, ее знаете, это Таисия Васильевна, приятельница Грибунина и Пашенной, долго жившая в их квартире.) Таиса приехала на следующий же день и поселилась в номере Вл. Ф. Положение его было очень переменчиво: то нормальная или ниже нормального температура, то до 38. Конечно, эти скачки очень пагубно отражались на сердце. Однако угрожающего все-таки ничего не было. В день моего отъезда днем я была у него. Он был в хорошем настроении, у него было 36.6. Сердился, что известили о болезни Веру Ник., которая в гастрольной поездке театра в Харькове. От нее стали приходиться (тогда она была

еще на гастролях в Свердловске) панические телеграммы-молнии. Вечером на вокзале я узнала, что у Вл.Ф. уже 38. 16-го уехал почти весь театр, некоторые остались максимум до 18-го. На счастье, Калужские решили ехать в Москву не сразу, а задержаться в Ленинграде до 22-го. Они тоже живут в “Европейской”, так что связь их с Грибуниным была самая непосредственная (Грибунин отказался переезжать в лечебницу, предпочел остаться в “Европейской”. Врач предлагал ему поехать в Москву в начале 20-х чисел, но он тоже не захотел, т.к. врач обещал переезд весь – от гостиницы до дома – в лежачем состоянии, а Вл. Ф. кокетничал, боялся, что его засмеют. Кроме того, в Москве в его доме сейчас идет стройка новых корпусов и очень пыльно и грязно вокруг.) Связь наша с Гр. стала выражаться в ежедневных телеграммах от Калужского. Через 2–3 дня обнаружилось, что Таиса обязана вернуться в Москву к месту службы (она на военной службе). Тогда там наняли сестру милосердия. После отъезда Таисы Вл. Федоровичу стало хуже, он все время чувствовал себя скверно. Вчера утром позвонил к Таисе Калужский и сказал, что врач считает положение В.Ф. очень опасным, допускает самый тяжелый исход. Необходим кто-либо из близких около него, т.к. Женя сам с большим горем в семье², должен 22-го выехать из Ленинграда. В семье Гриб. положение таково: Вера Ник. на гастролях, и ее отъезд до конца их срывает их начисто. Максимум, на что она может рассчитывать, на отпуск от них на два дня раньше, т.е. 28-го. Дочь В.Н. Ира три месяца назад родила ребенка, кормит его, мальчик сейчас болен желудком. Оторвать от него мать невозможно. Да и вряд ли Ирочка смогла бы помочь в трудную минуту³. Тогда решено было послать в Ленинград Рипси, кот. и выезжает сегодня туда и будет там при Вл. Ф. до приезда Веры Николаевны. С таким выходом согласились и К.С., и М.С., уехавший вчера днем в Кисловодск (К.С. в Узком, Вы, вероятно, это знаете? Он поехал туда 18-го). Вчера вечером от Жени Кал. была телеграмма: температура 38, сердце устало, положение серьезное, но пока не угрожающее. Рипси думает, что телеграмма составлена нарочно мягче действительного положения вещей из расчета, что она будет показана К. С-чу. Я попрошу Рипси писать Вам хоть по несколько строк о положении Вл. Ф., но не сердитесь, если она не всегда будет аккуратна: возможно, что ей придется перенести там много трудных часов.

М.С., уезжая, просил передать Вам его сердечный привет и то, что он все время собирался еще из Москвы написать Вам, но не успел, и напишет тотчас же по приезде в Кисловодск. Его адрес: Кисловодск, санаторий ЦК Рабис “Теберда”. (На всякий случай, пишу Вам мой адрес: ЦЧО⁴, Лебедянь, Елецкая ул., 2.)

Очень много было разговоров об уходе М.С., сам он тоже говорил в этом плане, но в последнем разговоре со мной он выражал опасения (он говорит, что очень хочет уйти), что в связи с совершившимся уходом Фел. Як. его могут задержать, т.к. трудно будет сменить сразу прежних работников⁵.

Я видела Пер. Ал., она держится⁶.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам, Ек. Ник. и Мише как можно больше радостного, как можно меньше забот. Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович.

202.

Москва, 30 августа 1931 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот я и на работе. Вчера был съезд, нельзя сказать, чтоб оживленный: народ приходил и уходил, да и то далеко не все. Сегодня начались репетиции, однако в коридорах было опять-таки тихо, в буфете тоже. Расписания сегодняшних репетиций мне не прислали, видимо, не успели приготовить достаточное количество в первый день работы реп. конторы, завтрашнее же расписание посылаю Вам для введения Вас в курс работ.

Я приехала в Москву 23-го, и только тогда мне вручили Ваше письмо от 7 августа. Принес его на вокзал встречавший меня театральный курьер. Я стала было корить Рипси, почему она мне его не переслала, но она уверяла, что, бывая ежедневно в театре, не видела, чтоб на мое имя было получено от Вас письмо.

Отвечая на это письмо, сообщаю, что деньги Ольге Ап. посланы Рипсой тотчас же по получении ею от Вас письма с распоряжением.

Приехав 23-го, я тотчас же уехала на дачу к знакомым и вернулась только 28-го, чтоб встретить возвращавшихся отдельно от меня из Лебедяни сестру и ее семью, а 29-го впервые пришла в театр. И без всякого удовольствия: 23-го, в день приезда из Лебедяни, я говорила по телефону с М.С., настроение его было удручающее. Он говорил мне, что собирается Вам написать обо всех делах – о К.С. главным образом, и своем уходе, и хотел по этому поводу встретиться со мной через день, но потом отменил это и написал Вам письмо, прислав его ко мне на квартиру, с просьбой “проверить адрес, но, в случае ошибки в нем, не вскрывать конверт для замены его другим, а переправить на этом самом конверте”. Я так и сделала. В дальнейшем вот что я знаю о М.С. У него были беседы с некоторыми из наших актеров – и всегда на одну и ту же тему о необходимости уйти по воле и настояниям К.С. В театр на работу ему идти не хотелось, он, вероятно, готов был сказатьсь больным, как вдруг заболел действительно, и очень неприятно. У него ангина с нарывом в горле, как это было с ним ровно год назад. Переносит он ее тяжело, при этом он совсем один, жена возвращается с юга только завтра. При нем дежурит сестра милосердия, как я поняла, но независимо от этого сегодня встал вопрос о необходимости поместить его в больницу. Решение этого вопроса оставлено до завтра.

К.С. в Узком. Предполагалось, что он останется там до 31-го; го-

ворят, теперь еще отодвигается срок его возвращения на сентябрь. Он чувствует себя средне, недавно к нему возили врача, т.к. он жаловался на желудок и сердце. Но врач нашел, что все благополучно (это Юрий Чистяков, кот. был с ним за границей), что ему не хватает тренировки в ходьбе. Он совсем почти не ходит в Узком (кажется, это по совету Шервинского) и все время лежит в парке, на шезлонге. Там же и принимает пищу, там же принимает и посетителей. Мне говорили, что весной до Узкого он выглядел лучше, был розовее и крепче. Он выслушивает доклады по театральным делам, в связи с близким началом сезона, у него уже раз был Калужский, сегодня он снова поехал туда с Сахновским.

Возвращаясь к М.С. Все решительно и упорно говорят об его уходе, так же как и он говорил мне, но приказа об этом до сих пор нет. В театре поэтому какое-то несобранное настроение. Какие-то вопросы решаются Сахновским, Калужским и Никитиным, но последний, как говорят, тоже скоро уходит и вряд ли сильно заинтересован делами. Говорят много и о будто бы решенном переводе театра на то же положение, в каком находится театр Ел. Конст., но опять-таки официальных сведений об этом нет¹. Кандидатом на пост директора в наш театр называют Рич. Витольд., это идет от М.С.²

В общем, у меня от начала работ самое сумбурное впечатление. Не могу уловить ни общих настроений, ни желаний – ничего. В смысле планов работ по новым постановкам сейчас все считается так, как это решено было весной, т.е. что “Страх” идет в первую очередь, но уже кто-то толкует, что будто бы Вы не скоро приедете и, может быть, придется переставить очередь пьес. Повторяю, все ужасно расплывчато, ужасно неопределенно.

Мих. Аф. по заказу одного ленинградского театра написал пьесу на тему о будущей войне³. В Москве он читал ее у вахтанговцев, которые заключили с ним договор еще тогда, когда не знали ни строчки из нее. До заключения договора он написал письмо Маркову, что пишет пьесу, но, как и ожидал, не получил на это скорого ответа, а когда и получил ответ, то он был не устраивающий его, т.е. что надо ждать осени и тогда переговорить, примет ли театр написанную им пьесу. Он ничуть не обижался на такую осторожность с ним и предвидел ее без всякого ехидства, попросту зная всю ситуацию. Но деньги ему нужны были до зарезу, и он подписал договор с вахтанговцами. Теперь к нему обращается ряд претензий, почему он, работник театра, не познакомив театр со своей новой работой, отдал ее в другой театр. Я думаю, что это излишняя жадность – требовать, чтоб он все пьесы сначала предлагал нам, тем более что вряд ли бы театр смог поставить в один сезон две его пьесы, а одна уж в плане есть – “Души”⁴.

Афиногенов на днях ушел в плаванье из Ленинградского порта на одном из судов. Вероятно, потом будет соответствующая пьеса.

Марков получил Ваше письмо о “Тартюфе”⁵, просил меня написать от Лозинского еще один экземпляр для штудирования им и

Мордвиновым. Марков собирался Вам написать еще сегодня, но потом решил отложить на завтра, когда “картина всяких дел театра будет яснее”. Я думаю, что он сможет Вам написать более конкретные вещи о театре, т.к. между ним, Сахновским, Калужским и Никитиным постоянно идут совещания. Я знаю, что они обсуждали, например, посылку колхозной бригады, но результатов обсуждения еще не знаю.

Грибунин все в том же положении, что было последнее время, т.е. ему несколько лучше, но он все еще очень слаб сердцем.

Говорят, что Ник. Аф. поправился в Узком хорошо и с началом сезона войдет в работу. Весной ведь он был страшен!

Из “стариков” в театре видела только Вишневого.

Очень плоха Раевская, ее состояние таково, что ее не хотят оставлять в Донской больнице и предлагают перевести ее на Канатчикову дачу, где условия жизни гораздо хуже⁶.

Милый Владимир Иванович, как только окунусь сильнее в нашу театральную жизнь, я напишу Вам не такое расплывчатое письмо.

Шлю сердечный привет Вам, милой моей Екатерине Николаевне и Мише.

Какие же у Вас планы, когда Вы вернетесь? Об этом спрашивают решительно все.

История с полученным Вами от меня пустым конвертом совершенно загадочна. Там был штампель 27/VII, а я уехала из Москвы в Лебедянь 22/VII, отправив Вам от этого числа письмо – единственное по возвращении из Ленинграда. Я точно знаю, что я его вложила в конверт.

203.

Москва, 2 сентября 1931 г.

Письмо № 2

Милый Владимир Иванович!

Вчера открылся сезон. Спектакль прошел очень хорошо. Участники мне говорили, что разве на премьере да в первые представления шел так “Хлеб”. Ждали, что сегодня, как водится, спектакль будет пониженный, а это неприятно, т.к. сегодня смотрит М.Горький. Еще не было антракта, так что о нем ничего не могу Вам написать. После антракта спущусь вниз и узнаю, не было ли уже разговоров о пьесе. С ним приехал Генрих Григ., Ал-др Петр. и еще друзья – в ложе всего 9 человек. В антракте, конечно, будут в кабинете К.С. пить чай.

Зрительный зал заново выкрашен, положены новые дорожки в проходах (очень уж ярко зеленые), вчера парадно дали много света в антрактах, так что театр выглядел принаряженным. Говорят, что очень чисто и славно отделали все закулисные уборные, но мне еще не дове-

лось их обежать и посмотреть. За кухней устроена комната для обедов, и в чайном буфете обед не подают, только чай. Хотят избежать кухонного запаха в коридорах театра. Это вообще приятно, но помещение для обеда – отвратительно, хуже всякой пивной. И даже уж теперь, при начале сезона грязно. Так что обедать там противно. Уверю Вас, что общественная столовая в Лебедяни, в которой мы покупали очень недурной сыр (а в магазинах сыра нет!), раз в пять чище и приятнее нашей столовой. И обеды плохие – в то время как решительно везде объявлен поход за лучшее питание и все общественные столовые улучшили свою “продукцию”. Я это знаю и по другим театрам, и по нашему дому, в котором с прошлого года налажено общественное питание и теперь доведено до прекрасных условий.

Все надежды на Ал. Ал. Прокофьева, который распоряжением наркома (по ходатайству К.С.) возвращен на свое прежнее место. Сейчас же ни Прокофьева, ни Анны Петр. в театре нет, они ушли на другую работу.

Вообще Анд. Серг. проявляет максимум внимания к нам и нашим нуждам. Вчера Вас. Григ. был у него на приеме и привез ряд решений: мы освобождены от посылки бригады, т.к. в прошлом выполнили и перевыполнили общественные нагрузки; ХПСовет пока собирать не надо, до решения по этому вопросу в Коллегии, куда на днях отправится Вас. Григ. Анд. С. сказал, что М.С. от нас взят, на работу не вернется, и что взамен его подыскивается лицо, которое удовлетворит Вас и К.С. и будет авторитетно. Затем Анд. С. предложил подать наши соображения по промфинплану, т.е. о штатах, окладах, постройке мастерских и т.п.

Вы писали ему? Он сказал, что Вы скоро возвращаетесь, Знает он это от Вас или сам так решил?

М.С. болен до сих пор. [...]

Наше художественное руководство (Сахновский, Калужский) испытывает большие трудности. Дисциплина все-таки расшатана, а продолжать политику М.С. и писать выговора, которые ни на кого не действуют, нет никакого смысла. Написали воззвание ко всем, успешным нарушить дисциплину еще до начала сезона, воззвание общего характера, без упоминания имен, затем с каждым персонально поговорили. Будут ли от этого результаты – сказать трудно. Совсем изводит участие наших актеров в кино съемках летом. Ливанов не успел доснять и сразу начал работу с просьбы отпустить его в Одессу. Дело дошло до К.С., т.к. худ. руководство не могло разрешить Ливанову отъезд, боясь плохого примера для других актеров. К.С. дал разрешение Ливанову на отъезд до 20/IX. Н.Баталов привез удостоверение, что ему необходимо полтора месяца пробыть на Юге, т.к. московские климатические условия губительны для него. Тут же заявил, что он должен еще с неделю сниматься в Одессе. А у нас в театре есть сведения, что ему вообще нужно в эти полтора месяца сниматься. На запрос туберкулезной санатории, хлопот

тавшей об отправке Баталова на юг, получен ответ, что важно ему быть на юге, а будет ли он сниматься или не будет – не важно. Ясно, что все это Баталов заранее обговорил с доктором. Хмелев снимался все лето, сейчас в ужасном состоянии и просит отпуск на октябрь. И действительно, он так плохо себя чувствует, что все равно не сможет работать.

Плохо здоровье Андровской, у нее какие-то женские недомогания, очень сильные. Бендина собирается родить младенца – кажется, в ноябре. Сегодня заболел Яншин, сильная температура, так что под угрозой “Фигаро” 5-го, дублер Бартоло – Станицын еще совсем не готов.

Все эти сложности и трудности, конечно, сильно отзываются на работе.

Из посылаемых репетиционных расписаний Вы видите, что пока идут только проверки выпускаемых пьес текущего репертуара. До выпуска “Воскресения” и “Горячего сердца” Судаков “Страхом” заниматься не будет, разве небольшие занятия с Орловым и Вишневым (за Васил. Вас.)¹.

“Мертвые души” Сахновский мечтает прорепетировать и довести до того примерно состояния, в каком они были при показе Вам весной, и тогда показать К.С.-чу.

К.С. начал сильно говорить о возвращении в Москву, жалуется, что ему в Узком холодно. Хотел переехать 3-го, но теперь, кажется, оставил за собой комнату до 6-го. Вероятно, позднее этого он уж там не останется.

Прошли уже два антракта, а Горький о “Хлебе” ни звука. Впечатление такое, что ему мало нравится или не нравится. Он говорил с Марковым о современных драматургах. Ему очень нравится эрдмановский “Самоубийца”, он лансирует эту пьесу; спрашивал о “Мольере” и, узнав об его судьбе, просил прислать ему экземпляр.

Милый Владимир Иванович, со свойственным Рипси темпом – она вручила мне оставленные Вами для меня карты только вчера. Хотя я ее спрашивала о них тотчас же после возвращения из Ленинграда. Но всегда находился предлог почему-то оттянуть передачу карт. Карты эти так красивы, так элегантны, что я не умею Вам выразить всего удовольствия моего иметь их. Когда я открыла пакет и увидела эту очаровательную Долорес на рубашке карты, я невольно вскрикнула: “Ах!” и, затаив дыхание от чудесного восторга, полетела показать карты сестре. Ел. Серг. благодарит Вас за присланный ей привет и тоже шлет Вам самые лучшие чувства и пожелания.

Сегодня были у меня, около бюро, Лесли и Изралевский, спрашивали о Вас и очень просили от них послать Вам поклон, что я и исполняю.

И от себя нежно приветствую Вас, милую Екатерину Николаевну и Мишу. Напишите же, когда Вас ждать. Мы так Вас ждем, все с большим и большим нетерпением.

Москва, 7 сентября 1931 г.

Письмо № 3

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего пишу Вам просьбу Изралевского. Он все страдает о нотах из “У жизни в лапах” и просил меня обратиться к Вам с просьбой: не можете ли Вы, будучи в Берлине, настоять, чтоб Леонидов раздобыл из рейнгардтовского театра эти музейные экземпляры, которые были им тогда посланы.

Какие ж у нас новости? Из неприятных – Ник. Аф. на репетиции “Фигаро” так неудачно схватился рукой за декорацию, что сломал основную фалангу одного из пальцев на левой руке. Сначала он думал, что это ушиб, но рентген показал перелом кости. На спектакль “Фигаро” назначен был 5-го Хмелев, а следующий спектакль уж привел к замене “Дядюшкина сна” “Нашей молодостью” (10-го), т.к. Хмелеву снова придется быть занятым в этот день в “Фигаро”. Ник. Аф., вероятно, будет вне работы недели две. “Фигаро” прошел довольно вяло. Были нелады со светом, и уж не по причине невнимательности техников, а в связи с недочетами в новой проводке.

Возможно возвращение в театр Жильцова. За него просили старики (Леонидову, конечно, хочется иметь запасного Лопахина, ведь Баталов отпущен на полтора месяца). Он уж был у Калужского (Жильцов), и предварительные переговоры с ним были.

Пробовался к нам артист Рижской драмы Токаржевич, но экзаменовавшая режиссерская коллегия нашла, что он не очень интересен для театра.

Уже была читка одной пьесы – “Джой-стрит” (из жизни и политической борьбы в Англии) одного из русских сценаристов по фамилии Зархи. Пьеса – не полностью, а с необходимой переработкой – понравилась для Малой сцены. Конечно, решать будете Вы и К.С., пока слушала пьесу только режиссура.

Один из бывших работников Реперткома Равич предложил сценарий замышляемой им пьесы “Чай”, как он уверяет – чрезвычайно актуальной. Так как договор с ним театр ни к чему не обязывает, то с ним и вступили в договорные отношения.

Заключается договор с Булгаковым на инсценировку “Войны и мира”, по распоряжению К.С. Писала ли я Вам, что Булгаков написал новую пьесу “Адам и Ева” для ленинградского Красного театра. В Москве он ее отдал Театру им. Вахтангова. Пьеса очень хорошая. К.С. был, кажется, недоволен, что в свое время театр не поинтересовался этой работой, о которой Булгаков – правда, в начале своей работы и поэтому довольно глухо – написал Маркову в Ленинград. Марков тогда сообщил об этом М. С-чу, но энтузиазма не встретил.

Сегодня объявился еще один новый для МХТ автор – Вл.Блюм прислал нам свою пьесу. Кроме того, Анат. Вас., написавший пьесу с Дейчем о революции в Испании, тоже прислал нам экземпляр¹. Пьесу читали Марков и Сахновский, теперь ее затребовал К.С. Пьеса, как говорят, слабовата.

М.Горький так до конца и не выявил своего отношения к “Хлебу”, сказал как-то глухо: пьеса, конечно, нужная. И очень усиленно хвалил исполнение. После спектакля его попросили прийти на сцену, актеры очень хотели его видеть. Его встретили аплодисментами. Застрявшая в зрительном зале публика услышала аплодисменты, поняла, в чем дело, начались аплодисменты в зрительном зале, и в конце концов дали занавес, чтоб публика могла приветствовать Ал. Макс. Конечно, автор пьесы был тут же.

Посылаю Вам репетиции. Как видите, все то же повторение выпускаемых пьес текущего репертуара. Примерно с 11-го в репетиции войдут “Страх”, “Мертвые души” и “Дерзость”.

Милый Владимир Иванович, пишу как-то отрывисто и нелепо. Это потому, что все эти дни при довольно сильной простуде я все-таки ходила в театр ежедневно, да еще, кроме того, взяла громадную частную спешную работу, так что стучала до полного изнеможения. Но зато заработаю деньги, это приятно.

Положение в театре и вокруг театра все то же. Те же слухи, та же неопределенность. К.С. еще в Узком, и пока неизвестно, когда он вернется. Дни стоят солнечные и очень теплые, так что ему там хорошо.

Вчера я навестила М.С., который еще не выходит, но ходит по комнате в пижаме. Так как при мне были еще посторонние, никаких жгучих вопросов мы не задавали. М.С. интересовался Вашим приездом и вообще вестями от Вас. Он сказал мне, что хотел бы со мной посидеть и потолковать, и мы решили, что он как-нибудь по телефону снова условится о нашей встрече. Он очень слаб и, вероятно, должен будет уехать в Кисловодск (снова!), чтоб подлечить сердце.

Милый Владимир Иванович, Вы мне прислали справку о Бертенсоне, и я все не собралась Вас запросить, как мне с ней быть. Сегодня я получила письмо от Серг. Льв. и поняла, что он рассчитывал, что Вы дадите эту справку в полпредство, чтоб ее там засвидетельствовали. Тогда это будет тот документ, который будет мне здесь чрезвычайно полезен при дальнейшем получении его авторских. Поэтому я пересылаю Вам снова эту справку и прошу Вас поручить кому-либо (может быть, Миша это сделает) получить из полпредства заверенную справку по тексту, написанному Сергеем Львовичем в этой справке.

Милый Владимир Иванович, до того устала сегодня от стукотни на машинке, что с трудом собираю мысли. И поздно очень, спектакль уже кончился. Я Вам скоро опять напишу, и тогда, обещая Вам, письмо будет гораздо толковее.

Ваши письма Маркову и Мордвинову (или не Мордвинову? – о

Гальперине, словом) все дошли и вызвали здесь громадный интерес. Вероятно, то письмо, что Гальперин просил меня переслать Вам, явилось как раз ответом на Ваше письмо.

Милый Владимир Иванович, всего, всего хорошего желаю Вам, дорогой Екатерине Николаевне и Мише.

205.

Москва, 12 сентября 1931

Письмо № 4

Милый Владимир Иванович!

Вот уже пятый день, что я сижу дома из-за гриппа. Никакой особенной болезни нет, температуры большой тоже не было, сейчас уж совсем нормальная, но самочувствие отвратительное было, теперь опять-таки лучше. Я было собиралась сегодня уж пойти на службу, но не только напустились на меня театральные друзья с советами высидеть дома как следует, но даже Рипси вчера вечером звонила по распоряжению К.С. о запрете мне являться в театр. К.С. считает, что лучше сейчас хорошенько отделаться от насморка, кашля и недомогания, а потом войти в работу – ко времени его прихода в театр и затем ожидающегося Вашего приезда.

Вчера днем К.С. позвонил мне по телефону, ему стало известно, что у меня есть сравнительно недавнее от Вас письмо. Все ведь теперь вертится вокруг репетиций “Страха”. Как мне сказал Марков (все это произошло уж во время моего сидения дома), приехал Афиногенов и впал в волнение, узнав, что срок Вашего приезда еще Вами не определен. И по Вашему письму ко мне скорее выходило, что Вы задержитесь именно теперь в Берлине, чтоб не уезжать зимой из Москвы. Но вчера вечером уж распространился слух, что Мордвинов получил от Вас письмо, что Вы возвращаетесь 18-го. Это сразу всех окрылило. Но еще до последнего этого известия К.С. назначил на сегодня встречу у себя Афиногенова, Леонидова и Калужского по поводу планов о репетициях “Страха”.

К.С. переехал из Узкого в Москву 10-го. Он чувствует себя довольно хорошо, только устал от переезда. Но, как видите, сегодня у него уже собирается народ по делам. Голос его вчера в телефон был живой, крепкий.

Ни с М.С., ни о нем не слышала ничего кроме того, что он выехал (кажется, вчера) из дома, стало быть, начал выходить на воздух, с Никитиным в Наркомпрос. Но у кого он там был и по какому поводу – не знаю.

Никитин переживает массу драм из-за отношения к себе К.С., впадает в истерику иногда и, как мне известно, ведет определенные перегово-

воры с Данкманом о переходе в ГОМЭЦ (объединение музыки, эстрады и цирка). Он, конечно, знает вообще отношение к себе со стороны К.С., а тут еще К.С. на запрос Наркомпроса о выделении ответственного лица по промфинплану сообщил, что он сам, К.С., является ответственным за выполнение и проведение его, а составление он поручит соответствующим служащим. После того что Вас. Мих. при М.С. был у нас царь и бог, вплоть до замдиректора, такое снижение показалось ему чересчур обидным. Кроме того, К.С. дал распоряжение о том, чтоб его ставили в известность о всех поступающих в театр и выходящих из театра важных бумагах. Это опять-таки было единственно в ведении Вас. Мих. Вот он и изошелся в жалобах и неудовольствиях в беседах с Сахн. и Калужским.

Еще до отъезда К.С. из Узкого к нему ездили Сахн. и Кал. по вопросу о новых окладах. Вероятно, окончательное разрешение этот вопрос получит при Вашем возвращении, если Вы действительно скоро приезжаете. Я не знаю, впрочем, может быть, этот вопрос имеет свой срок, к которому список окладов должен быть утвержден. Насколько я знаю, повышаются все оклады, и “стариковские” тоже. “Старики”-премьеры получают по 150 руб. прибавки, самые низкие, стажерские оклады с 60 руб. повышаются до 100 руб., среди середняков есть некоторые, которые получают сразу большое повышение (фамилий не знаю, слышала только, что некоторые, приближающиеся к середнякам, будут сильно повышены). В общем, повышение окладов составляет от 40 до 60% против настоящих окладов. В конечном счете, это не бог весть как блистательно: во-первых, жизнь дорожает непомерно, что заметно даже в отношении государственных цен; во-вторых, в других театрах, говорят, оклады низшие повышаются даже на 100%. Так, например, проведено в Ленинграде, в Александринском театре. Там, например, все, кто получал до 125 руб., переведены на оклад 250, а оклады более высокие увеличены не вдвое, но ощутительно. Там наш Азанчевский, получавший до сих пор 275 руб., теперь получает 450. А вряд ли наши середняки будут так высоко подтянуты.

Я очень жалею, что из-за моего сидения дома я не могу послать Вам репетиционные расписания. Как мне сказал по телефону Калужский, “Страх” он включает в репетиции с 11-го, а “Мертвые” начнутся 17-го.

Вчера в первый раз прошло “Воскресение”. Говорят, очень хорошо, это были сведения по телефону, во время спектакля, без особых подробностей.

Погода у нас стоит большей частью хорошая. Дождливые дни редки, все больше прекрасные солнечные дни золотой осени.

Да, пришел в театр и принял бразды правления Ал. Ал. Прокофьев. Говорят, сразу заметно стало улучшение буфета. Оказывается, та гадкая столовка, которую я Вам бранила, временная. Отделяется где-то внизу за кухней новое помещение для столовой. Надо думать, что Ал. Ал.

в грязь лицом не ударит и великолепно наладит дело нашего питания. Очень приятный буфет устроен сейчас за кулисами, взамен того, отвратительного, что был в прошлом году в одной из комнат квартиры Фес-синга. Теперь закулисный буфет устроен в том помещении, что было отделено в зале К.О. под “уголок-читальню”. Там стоят чистые столики, штук 10, на каждом – цветы. Все бело, аккуратно. Еда, конечно, скромная, но приятно, что она происходит в такой чистой обстановке.

Пьесу Бергенсона я переписываю и думаю, что сегодня кончу. Мне кажется, что она вряд ли будет здесь принята с интересом¹. Она, по-моему, суха, нет в ней настоящего сценического нерва. Но кто меня поразил – это Серг. Львович с его русским языком. Он уж забывает язык, это чувствуется, некоторые обороты явно не русские! Завтра я передам пьесу для чтения Маркову, и если у нас она не встретит интереса, посоветуюсь с ним, куда ее продвинуть дальше. Во всяком случае, сделаю все возможное, чтоб помочь в этом деле Сергею Львовичу.

До скорого свидания, милый Владимир Иванович. Сердечный привет Ек. Ник. и Мише. Очень, очень жду Вас, скучаю без Вас сильно.

Да, это я так рассеянно просмотрела адрес Женева (без Женевы) на письме М.С. Он меня обозлил своим страхом, что я распечатаю и прочту письмо. Я бы нисколько не огорчилась, если б письмо пропало, потому что, судя по его словам со мной, он главным образом в досаде на свой уход, хочет восстановить Вас против К.С. Он уж мне сказал, что готовит Вам в подарок документы о том, что МХТ брал займы у Муз. студии.

206.

Москва, 16 сентября 1931 г.

Письмо № 5

Милый Владимир Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо от 12 сент., с рядом ответов по письму моему от 7-го. Позвольте, я тоже отвечу сначала по пунктам этого письма, а потом начну рассказывать о наших делах.

Будет ужасно жалко, а главное – непоправимо, если ноты “У жизни в лапах” не будут найдены. Это действительно уникам, который восстановлен быть не может. Сказать по правде, берлинский театр так ведет себя в этом деле, не давая нужных справок, а отговариваясь общими фразами об отсылке, что я уверена – они затеряли ноты, не собираются их искать и вообще мало потрясены этой пропажей и нашим желанием иметь эти ноты у себя.

Вы пишете о Жильцове, что все были за него, а “дело тянулось”. Вероятно, Вы знаете так же, как и мы, бывшие в непосредственной близости ко всей манере разрешения этого дела, что дело тянулось из-за

нежелания М.С. принять Жильцова обратно и из-за его же нежелания показать Жильцову, что это он тормозит дело. Тут, как и во многих делах, было немало уклончивых ответов “дирекции” и высказывания явной неправды.

Теперь, узнав об истории с пьесой Булгакова, М.С. уверяет, что Марков никогда ни слова не говорил ему о письме от Булгакова (летом в Ленинград), что вообще он никогда ничего ни от кого об этом не слышал до того дня, как я ему впервые сказала об этом.

О “Войне и мире”: я прочла Ваши строки, и ответ у меня уж был готов о том, что договор, насколько мне известно, уже подписан. Но все же я считала, понимая, что Вы, подчеркнув этот абзац, считаете его очень важным, что я должна передать об этом поскорее К.С., что я и сделала через часа 3–4 после получения письма. К.С. мне тоже сказал, что договор уже подписан и что он поторопился это сделать для того, чтобы удержать пьесу за нашим театром. Дело в том, что Булгакову предложено ленинградским Большим драматическим театром еще летом сделать инсценировку для них “Войны и мира”, и договор на это им уже с Ленинградом подписан. Такое же предложение могло, конечно, ожидаться и от московских театров, и К.С. решил, что в Москве эту инсценировку надо удержать за МХТ. В то же время он договорился с Булгаковым, что он не будет вмешиваться в его работу для ленинградского театра, но что он ставит условием, чтоб инсценировка для МХТ была сделана по заданиям и плану МХТ. Поэтому К.С. считает, что даже то, что договор уже подписан, а просьба Ваша о задержке заключения договора получена нами после заключения договора, не должно Вас беспокоить, т.к. он именно ставил условием для Булгакова работу по планам театра. И Сахновский в том же плане говорил с Булгаковым. Относительно же применения в постановке того же приема, что употреблен в “Воскресении”, К.С. бегло сказал, что ему кажется – такой двигающийся и разговаривающий ттец уже не будет интересен, что его, пожалуй, придется придумывать по-новому.

Могу ли я считать, что Ваша фраза “Справку Бертенсона послал Вам по недоразумению” значит, что я все же получу эту справку за визой полпредства. Для дел Бертенсона это совершенно необходимо.

Неужели и до сих пор Вы не получили довольно увесистого пакета от Гальперина. Он переслал мне конверт со штампом Муз. театра и с надписью: “Нар. Арт. Респ. Вл.И.Н.-Д.” – с просьбой переслать Вам. Так как его конверт был весь исписан, я вложила его в том же запечатанном виде в конверт с нашей “чайкой” и отправила на адрес Ладыжникова – Леонидова¹. Конверт был настолько толстый, что я решила: там не только письмо, но и какие-нибудь варианты для “Корневильских”.

Вот и все по Вашему письму. А теперь повесть о наших днях. Вчера мы встретили К.С. в театре. Накануне я впервые после недельного отсутствия по болезни пришла в театр, и первым моим делом было – написать и развесить по всем цехам объявление о приходе в театр К.С. и о

желании устроить организованную встречу. К.С. назначил свой приезд на 2 часа, поэтому всем было предложено прийти на полчаса раньше, чтоб узнать общий ритуал. В этот день репетиций не было, если не считать маленькой репетиции по “Вратам”. Был массовый выходной день. Но все же народу собралось очень много. Все собрались в зрительном зале. Дамам были розданы отдельные срезанные цветы – астры, хризантемы, чтоб они ими – в той форме, в какой придется по обстоятельствам, – приветствовали К.С.

К.С. приехал на своей машине (день был ясный, не очень холодный), подъехал к боковому подъезду, ведущему к ложе и его кабинету, и когда поднялся по лестнице до этой площадки, где всегда стоят все свои перед началом действия, здесь у двери в партер его встретили старики, которые, конечно, не могли усидеть в зале. Он всех перецеловал (меня тоже, потому что и я была там, в коридоре, а не в зрительном) и пошел в кабинет снять пальто. В зрительном все повскакали с мест и напряженно вытянули шеи в сторону двери. Как только завидели идущего К.С. – потрясающий гром аплодисментов пока К.С. шел вдоль 8-го ряда, пожимал руки и целовал всех близ стоявших, причем дамы стали накладывать ему в руки цветы, так что у него моментально вырос на руке, в сгибе локтя, целый букет; те же, что стояли дальше и не могли до него дотянуться, стали бросать свои цветы к его ногам, так что какие-то мгновения К.С. стоял под цветочным дождем. Аплодисменты были грандиозны, пока он шел, но когда он остановился на пересечении проходов перед восьмым рядом и среднего и стал низко, прижимая руки к груди, кланяться, тут гул и грохот аплодисментов еще усилился, так что казалось даже непонятным, откуда ж, из каких сил могут эти оглушительные аплодисменты стать еще оглушительнее. Так как овациям никак не видели конца, Сахновский подошел к К.С. и усадил его на Ваше место в 8-м ряду. Это было знаком тому, чтоб водворилась тишина. Тогда Сахн. сказал, что официального церемониала не будет, но по несколько слов хотят сказать театр в лице Сахновского, местком (Раевский) и парт. ячейка (Мамошин).

Сахновский передал от имени театра просьбу, чтоб К.С., главное, жил по своей системе, т.е. воспитал бы свою волю так, чтоб прогнать свою болезнь и работать все время со всеми. К.С. засмеялся и предложил скостить ему 15 годков – тогда он не отказывается работать. Потом Раевский от имени месткома обещал К.С. поддержку и самую решительную помощь в деле создания творческой атмосферы в театре. С большим, искренним волнением говорил Мамошин, который от имени партгруппы тоже обещал помочь во всех областях жизни театра. К.С. ответил, что речи ему произносить нельзя, запрещено. Поэтому он не отвечает, но что попросту разговаривать можно. Что перецеловать и пожать руки всем он не может, но ближайшим соседям, напр., можно, а дам перецеловать – это даже рекомендуется и вовсе не утомительно. Потом К.С. попросил, чтоб ему показали новых, пришедших в театр во

время его болезни, что многие фамилии он уже знает, и хотя не рассчитывает запомнить их в лицо, но хотел бы хотя б пожать им руки в виде приветствия. Все наши стажеры продефилировали перед ним, Калужский называл их, напоминал о том, что К.С. уже знал о некоторых. Потом решили перейти в буфет, где К.С. сначала сел за столик у средней стены только окруженный стариками, а потом постепенно все стали пододвигаться к этому столу, смотря в рот К.С. и ловя его слова. (Кстати сказать, выглядел он прекрасно и настроение было хорошее.)

Сначала предполагали устроить общий чай для всех, но потом, насколько я поняла, это было отменено. На столике К.С. стояли фрукты, чай, печенье, остальные же, если хотели, брали себе из буфета кулебяку, чай (за деньги). К.С., только что уселся в буфете, подозвал к себе А.А.Прокофьева и организовал орации по его адресу. Когда К.С. был уж довольно сильно окружен стариками и молодыми, он сказал: “По-моему, это нисколько не омрачит нашей сегодняшней встречи, если мы на минуту вспомним тех, кто за эти последние годы ушел от нас, – Вас. Вас., Ник. Григ., Добровольский, Баклановский, – всех я и не вспомню”. Он встал, и все встали за ним.

Так довольно долго сидели в буфете, слушая его рассказы и отвечая на его вопросы. Потом в буфете стало душновато, и Сахновский предложил К.С. перейти в нижнее фойе, куда перетащили стулья, составили их вокруг К.С. в кружок и начали с ним разговор о театре, об искусстве, о кино, о системе. Каждый спрашивал о том, что его волновало, но без большого нажима и нерва, т.к. всех заранее просили не волновать К.С.-ча порывистой встречей и разговорами. Примерно часа в четыре, в пятом Сахн. спросил, не пора ли К.С.-чу поехать домой отдохнуть. К.С. простился со всеми и пошел в свой кабинет, куда пошли за ним Сахн., Калужский, Марков, Ник. Аф., Рипси и я. Там мы еще побыли с К.С. минут 20–30 (да, в кабинет пришел еще Вишневецкий, который потом ушел), после чего К.С. уехал на той же машине домой. Вскоре он позвонил к себе в кабинет, говорил с Ник. Аф. О себе он сказал, что совсем не устал, разве чуть-чуть. Ему показалось, что встречавшие его были несколько усталые, но ему объяснили, что все себя сдерживали, чтоб не волновать его бурными чувствами.

Приход К.С. сопровождался новостью, которая, конечно, произвела впечатление, сами понимаете, различное, в зависимости от личностей: это – приказ о назначении Ник. Вас. Егорова консультантом по фин. и адм.-хоз. вопросам. Приказ этот был, по распоряжению К.С., написан накануне (14-го) вечером и с утра 15-го опубликован по театру. Там сказано буквально следующее: “Назначаю в помощь себе консультантом по фин. и адм.-хоз. вопросам Н.В.Егорова. Права и обязанности его будут объявлены в особой инструкции”. На Вас. Мих. это произвело такое впечатление, что он моментально, как мне сказали, ушел из театра, сказав, что он болен. А на сегодня ему был назначен прием у К.С. На этом приеме почему-то настаивал Сахновский. Однако с утра

в театре Никитина не было, и Сахновский, и Калужский, которые тоже должны были быть на этом приеме, отправились к К.С. без Никитина, не имея от него никакого извещения. После того что они ушли, в кабинет К.С. было доставлено письмо от Никитина, в котором совершенно официальным тоном (“Директору МХТ К.С.Станиславскому”, и больше никакого обращения) было сказано, что по болезни он не может явиться к К.С. “по его вызову” (а К.С. и не вызывал его, а лишь согласился принять по настояниям Сахновского). К тому же он извещал, что 11/IX он подал в Наркомпрос (сектор искусств) заявление об отчислении его из театра. Конечно, это было сделано неправильно, т.к. заявление об отчислении он должен был бы сделать директору, а не в сектор искусств, но К.С. сказал, что не желает обращать на это внимания (К.С. это сказал, получив тотчас же пересланное ему в Леонтьевский это письмо) и ничего не имеет против ухода Никитина. У К.С. в это время был зам Наркомпроса Эпштейн, кот. сказал, что раз К.С. не возражает против отчисления Никитина, то Наркомпрос это подтвердит. Вот последние новости.

Милый Владимир Иванович, еще есть несколько вопросов, о которых хочу Вам написать, но надо кончать, чтоб сегодня еще отправить Вам это и Павла Маркова письмо. А завтра сяду за следующее письмо к Вам, милый Владимир Иванович.

Накопилось много репетиционных и кассовых листков за дни, что я была больна, я их на всякий случай пересылаю.

Сердечный, нежный привет шлю Вам, дорогой Екатерине Николаевне и Мише и прощаюсь с Вами до завтра.

207.

Москва, 19 сентября 1931 г.

Письмо № 6

Милый Владимир Иванович!

Хотела написать Вам на следующий же день, но было много дела днем, с работы вечером пошла на “Баядерку” с Семеновой (трудно было бы отказаться от такого заманчивого спектакля), вчера у меня был выходной день, и вот пишу только сегодня, с утра, как только пришла в театр. Первое, что мне сказал Михальский, что Вы просите не писать Вам заказных писем. Вина не моя, перестарались наши курьеры. Я нарочно не пишу на письме “заказное”, а только “воздушной почтой”, так как помню трудности с заказными письмами в Берлине. Когда я передаю письмо прямо в руки тому, кто его будет отправлять, то непременно оговариваю, чтоб не заказным послали; а сдашь письмо в контору с таким же заявлением – тамошние служащие и забудут предупредить отправителя.

Владимир Иванович, от ВОКСа мы получили письмо, что к ним поступил запрос из нашего полпредства в Польше о возможности высылки театральной переработки “Братьев Карамазовых”. ВОКС спрашивает, можем ли мы предоставить им экземпляр пьесы. К.С. считает, что Вы являетесь собственником пьесы, а не театр, и просил: 1) ответить ВОКСу, что ответ мы сможем дать после того, как получим от Вас разрешение на выдачу пьесы; 2) сообщить Вам о запросе, спросить Ваше распоряжение, можно ли дать пьесу, если – да, то какие картины – полностью ли два вечера или по Вашему сокращению, как Вы найдете нужным, или в том виде, в каком в последнее время возобновлялась пьеса. Пожалуйста, ответьте об этом с первой же почтой.

Наш предместкома Раевский обратился ко мне со следующим делом. В начале октября наш профсоюз вместе с клубом теа-работников и другими общественными организациями предполагает организовать вечер памяти Вас. Вас. Лужского. Наш театр (местком в данном случае) считает, что было бы странно, если не самый театр, а другие учрежденные будут первыми устраивать такой вечер. Раевский так и договорился с профсоюзом. Но так как театр считает, что такой вечер необходимо организовать при Вашем участии, то срок устройства и нашего вечера, и вечера, организуемого общественностью, зависит от Вашего приезда. Не зная, что Вы задержитесь, Раевский сговорился с союзом о начале октября, считая, что в сентябре Вы уже будете здесь. Теперь надо обговорить отсрочку, но на какое время, он не знал, и я не могла ему ответить. Так, примерно, по-моему, Вас можно ждать во второй половине октября, не правда ли? Раевский просил меня спросить у Вас, на какой срок Вы бы считали самым удобным перенести устройство нашего вечера, в зависимости от этого определится и срок вечера общественности. Знать примерный срок будет полезно и потому, что тогда организаторы будут иметь время для выработки наиболее полноценной программы вечера, для лучшей подготовки его.

17-го вечером мне звонил Мордвинов со всякими разговорами. Первый – как ему быть с “Тартюфом”? Приставать ли к Калужскому и Сахновскому, чтоб скорей начать работы, или не начинать этого разговора, дожидаясь Вас и Ваших указаний? Тем более что работы у него по Вашему театру очень много, а главное – ведь лучше всего было бы начать работы после обстоятельной беседы с Вами. Конечно, единственное, что я могла ему посоветовать, запросить Вас, что он меня и попросил сделать, зная, что я тотчас же напишу Вам, а он будет готовиться к письму долго. Мордвинов же рассказал мне о Муз. театре – что ему (театру) предложено для постройки нового здания место церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Эту церковь решено снести, равно как и прилегающие постройки с тем, чтоб устроить там нечто вроде бульвара или сада со зданием посреди. При этом Наркомпрос обещает обеспечить постройку здания театра необходимыми материалами, так что есть надежда на быструю (относительно и применительно к понятию

о постройке здания) постройку. Вероятно, Вы все это знаете из писем Муз. театра¹.

Мордвинов работает у Вас с увлечением, и, насколько я слышала, там им очень довольны.

Я Вам должна была сегодня написать о Маркове – что Шлуглейт обратится к Пав. Ал. с предложением начать работу в Муз. театре. Пав. Ал. пришел ко мне за советом, т.к. он хотел бы сперва договориться с Вами после весеннего обрыва в переговорах, да и в смысле отношения К.С-ча к такому совместительству для Маркова было бы лучше, если б он имел непосредственную Вашу поддержку. Так кажется Маркову, хотя я думаю, что вряд ли К.С. будет против, если Марков даст обещание не снизить своей работы по МХТ. А сегодня утром Марков сначала по телефону, а потом лично сказал мне, что из Муз. театра ему сообщили, что от Вас получено письмо, чтоб скорей договорились с ним и вовлекли бы в работу. Конечно, Маркову приятно, что Вы вернулись к мысли взять его к себе в театр, его очень-очень огорчил Ваш весенний холодок². И то, что Вы вернули ему Ваше доверие, ему, конечно, чрезвычайно приятно.

Теперь о нашей повседневной жизни. И сразу – о переменах, отменах и т.п. огорчениях. 18-го на Малой сцене пришлось заменить “Дядюшкин сон” “Рекламой”, т.к. рука Ник. Аф-ча до сих пор в неважном состоянии, он носит повязку и выступать на сцене не может. А “Дяд. сон” был назначен параллельно с “Фигаро”, куда и взяли Хмелева на роль Базилия. Сегодня пришло известие о болезни Качалова. У него нарыв в носу, вероятно, он выбыл из репертуара не меньше, чем на неделю. Из-за этого слетает завтрашний утренник (“Врата”) и послезавтра “Воскресение”, вместо которого, вероятно, дадут “Хлеб”, в результате будет большой возврат. Хотя возможно, что для меньшего возврата перенесут на Большую сцену “Дядюшкин сон”, кот. всегда имеет хороший спрос через кассу (“Воскресение” было не проданным спектаклем, а нашим кассовым). Все это выяснится после разговора с К.С. Дальнейшие перемены грозят “Воскресению” 24-го и “Вратам” 25-го.

Вчера на “Красном богатыре” состоялся шефский спектакль “Квартатуры” (помните неприятности, вплоть до общественного суда, из-за срыва этого спектакля прошлой весной?). И Марков, который говорил вступительное слово, и исполнители говорят с возмущением об условиях спектакля: громадный сарай на 2 000 человек, акустика отвратительная, в 10-м ряду уже ничего не слышно, публика естественно, не слыша спектакля, начинает разговаривать между собой... Марков высказал много укоров тем краснобогатырцам, кот. так рьяно осуждали МХТ за будто бы холодное отношение к шефским обязанностям.

16-го в “Дне” в первый раз играл Медведева Грибов, играл неплохо и будет, вероятно, играть совсем хорошо, это общее мнение. Этот ввод сделан из-за отсутствия Н.Баталова, чтоб дать возможность Калужскому быть занятым в параллельной “Елизавете Петровне”.

Вчера в “Фигаро” в первый раз сыграл Бартоло Станицын. Телешева при мне говорила, что он играл прекрасно, была им очень довольна. И Н.А.Соколовская говорила мне, что он играл оч. хорошо и так уверенно, будто играл уж много раз. На днях Станицыну дали роль Губернатора в “Мертвых душах” (вместо передачи ее Орлову, как это сделали весной). Станицын было поворчал в кулуарах, но имел разговор потом с Сахновским и Калужским и сегодня благополучно репетировал.

Самая большая работа сейчас в театре (я не говорю о работе актрисой) – разработка и составление промфинплана на 32-й год по новым заданиям Главискусства, приславшего и воззвание ко всем подведомственным театрам, и схему плана, и еще ряд указаний. Этим заняты Егоров, Кал., Сахн., Гремиславский, Чернявский, Прокуронов, Марков. Каждый будет разрабатывать по своей части, потом все объединится. Сегодня было общее заседание, на которое меня вызвал Ник. Вас., для того чтоб и я была в курсе дела. Там Сахновский сообщил общие директивы К.С., который считает, что промфинплан должен, во-первых, не быть оптимистской, а реальным отображением наших возможностей, а во-вторых, должен быть составлен в том смысле, чтоб по возможности снизить против прошлого года количество спектаклей, чем поднять их качество. К.С. находит, что страшная загруженность работой наших актеров и материальная их необеспеченность понижают спектакли и сводят их к халтуре, чего, конечно, нельзя делать. Поэтому промфинплан должен предусмотреть большое повышение зарплаты (на это надо до 350 тысяч в год), переоборудование мастерских (обслуживающий персонал должен иметь максимально улучшенные условия работы), устройство дома отдыха, снабжение работников (возможно, закрытый распределитель). Во многом К.С. уже договорился с нашим Наркоматом, кот. разделяет его пожелания.

Относительно пьесы Серг. Львовича: Марков ее прочел и считает, что вначале она интересна, потом сильно снижается интерес, именно в тех сценах, которые являются центральными. Очень хорош самый конец, последняя сценка размером в одну страничку. (Вы читали пьесу?) Но суждение – центр пьесы – скучно и сухо. Суховаты и образы. Подобная пьеса (“История одного убийства”) шла в Театре Революции, так что на этот театр нельзя рассчитывать. У нас Пав. Ал. не видит этой пьесы и вообще считает возможным предложить только небольшому театру, вроде Завадского³, Студии Малого театра (даже не филиалу Малого). Завадскому пьесу я сегодня же передала.

Кстати о Бертенсоне: ведь Вы потом все-таки пришлете мне справку о нем для Всероскомдрама? Без нее будет трудно с ними разговаривать о выдаче денег.

Милый Владимир Иванович, пора прощаться. Я пишу очень много, не правда ли? Иначе не умею. И мне все хочется побольше вести Вас в круг наших дел.

Да, еще о текущей жизни. Сегодня исполнители “Страх” смотре-

ли макет. Без художника, который болен. С Судаковым и Гремиславским. По-моему, энтузиазма макет не вызвал. И по заслугам, как мне кажется. Я на него глянула слегка, до просмотра, т.к. все это происходило в опустевшем кабинете М.С. Мне что-то показалось все это неинтересно или мало интересно.

Я все-таки буду прощаться. Это письмо я писала в продолжение почти пяти часов: масса перерывов – телефонные звонки, приходят люди с разговорами, сидела на заседании, – сбиваются мысли в таких условиях.

Давно хочу написать Вам о Грибунине, что он чувствует себя довольно хорошо, подходит дома к телефону, но пока не выходит. К.С. собирался навестить его в день приезда в театр, но не смог. Не знаю, был ли он у него потом. Во всяком случае, звонил ему, это я знаю.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Вам, дорогой Ек. Ник. и Мише желаю как можно приятнее и радостней проводить время.

208.

Москва, 24 сентября 1931 г.

Письмо № 7

Милый Владимир Иванович!

Я плохо начинаю сезон. Опять была больна. Это все тот же грипп, который мне пришлось перенести на ногах и который я никак не могу изжить. На этот раз Иверов настоял, чтоб я пролежала в постели несколько дней, после чего вот я и вернулась на работу. Теперь, кажется, я выздоровела окончательно, хотя Иверов все-таки советует поставить сегодня банки и принять “нанутрь” порошки – для окончательного выздоровления.

У нас по-прежнему сплошные перемены спектаклей. Все из-за болезни Вас. Ив., которому, впрочем, лучше. [...] Уже решенная перемена – 30-го “Федор”. К.С. считает, что играть “Федора” со слабым Шуйским – Шульгой нельзя, поручиться за Шульгу никто не может; даже Ив. Мих., который его и похваливал и хотел заниматься с ним, не решился взять на себя ответственность, особенно имея в виду, что К.С. может прийти на “Федора” и тогда Шульга испугается и, наверное, сыграет очень плохо. Вероятно, “Федор” будет заменен “Дном” в самом лучшем составе, с Москвиным и Качаловым.

Когда я писала Вам в последний раз, то меня мучила мысль, что что-то еще я хотела написать Вам, и вот забыла. А когда отправила письмо – вспомнила, что хотела сообщить о приезде К.С. на спектакль “Воскресение” 17-го. Решила написать Вам об этом дополнительно на следующий день, а на следующий день уже лежала больная.

За это время К.С. два раза приезжал на спектакли: тогда, 17-го, на “Воскресение” и 19-го на “Дяд. сон”. К.С. говорил труппе в день первого прихода в театр, что будет приезжать незамеченным на спектакли, но ведь это звучит анекдотически. Вы представляете себе приезд инкогнито, когда прежде всего во двор въезжает серая его машина, потом он проходит через актерский подъезд, и т.п. Он просмотрел три действия “Воскресения”, не остался на четвертое из-за позднего времени и усталости. Как мне сказали (в тот вечер я как раз была на “Баядерке”), спектакль шел хорошо, но не блистательно, как он может идти. Вообще ведь все говорят, что когда спектакль просматриваете Вы, он всегда идет лучше, чем когда-либо, именно так Вы действуете на актеров; когда же смотрит К.С., то спектакль всегда понижается, актеры приходят в полную растерянность. К.С. был страшно внимателен и сосредоточен, смотрел с большим интересом. Ему понравились: местами Еланская (она, действительно, как говорят, была только местами хороша), Ершов (похвалил за простоту), мужики, мальчишки, у Матрены, у графини, отдельные присяжные (Андерс, Жильцов, посмеялся на шутки Комиссарова). Вообще он очень многих похвалил, например, Ларгина за судебного пристава, Прудкина (про него сказал – это образ¹. А ведь это у него большая похвала). Он не всегда был согласен с вводом чтеца, но исполнение Качалова ему очень понравилось. После 3-го акта он ходил за кулисы, со многими говорил, похваливал.

Совсем не такое впечатление сделал на него “Дяд. сон”. Вы знаете, до чего много теряет спектакль вообще от переноса на Большую сцену, а тут еще он попал туда внезапно, как замена, после большого перерыва. В “Дяд. сне” он еще как-то принял Хмелева, который играл очень мягко, все же остальные ему не понравились. Да и трудно было бы понравиться, спектакль шел, как мне сказал Марков, так, как он шел в период генеральных и первых мучительных еще спектаклей.

В посылаемом расписании репетиций Вы, вероятно, обратите внимание на назначенную у К.С. встречу десятки № 1. Вероятно, Вы слышали от К.С. его мысль об объединении труппы в отдельные десятки, связанные общностью взглядов и запросов к искусству, причем общение с ним эти десятки должны иметь через своих представителей. Разговор об этом в труппе возник еще весной, когда несколько человек обратились к К.С. с просьбой о беседах с ними о системе и искусстве. Тогда-то К.С. и предложил организовать такие группы-десятки. Об этом же К.С. говорил в буфете при первом приходе в театр. Несколько человек с большой страстностью ухватились за это. Образовалась первая группа, организаторами были Добронравов и Орлов, потом примкнули Тарасова, Ершов, Ан.Зуева, Хмелев, Прудкин, Шевченко, Ливанов и еще кто-то. Но главная “заваруха” пошла тогда, когда было вывешено расписание репетиций и все прочли о назначенной на 25-е у К.С. беседе. Слова “и текущие дела” сбили всех с толку. Пошли разговоры, что надо непременно участвовать в десятке № 1, т.к. она будет решать все дела

театра, распределять роли, принимать пьесы и т.п. Волнения идут как раз сейчас и скоро ли улягутся, не знаю, т.к. ясно, что не все по-настоящему поняли мысль К.С. А “текущие дела”, например, в данном случае значили: Тарасова уезжала на съемку в Одессу, и из-за этого чуть не полетели спектакли. К.С. считает, что внушить Тарасовой погибельность таких поступков должен не он, а товарищи, входящие с ней в одну десятку. Вот такими товарищескими воздействиями внутри десятков К.С. мечтает поднять дисциплину в труппе.

Съемки кино совершенно удручают К. С-ча. Только что вернулся отпущенный до 20-го Ливанов, и опять поступили просьбы об отпуске его, но на этот раз К.С. отказал. И вообще он хочет обратиться в Наркомпрос с просьбой воздействовать на киноорганизации, которые из-за своей бесплановой работы мешают театру планово проводить свой сезон.

На днях в театре получено распоряжение Наркомпроса об освобождении М.С. от должности директора с 20/Х. Вероятно, по 20/Х он числится в отпуску. Всего две строчки приказа. Об этом же есть в хронике “Советского искусства” (отчеркнуто мной) в посылаемой Вам сегодня бандероли с театральной прессой.

Исполнители “Страха” жаловались Павлу Александровичу на трудности и никчемность работы, на вытекающий отсюда нерв Леонида Мир. Марков сказал мне, что побывает на репетициях и потом мне скажет, насколько основательны жалобы и недовольства.

Было немало волнений с открытием спектаклей на Малой сцене. Ремонт там не был закончен к сроку, требования пожарной охраны не выполнены, проводка водопровода не сделана, и пожарная охрана запретила играть спектакли. Только после того что Наркомпрос взял на себя ответственность за то, что у нас все будет благополучно в пожарном отношении, а в течение 10 дней мы закончим проводку труб, нам разрешили играть. Но после первого же спектакля стал было вопрос о снятии спектаклей из-за неимоверной сырости помещения, совершенно не просушенного после ремонта (да, собственно, времени “после ремонта” еще и не было, ведь ремонт не закончен). Однако спектаклей не сняли, решили только топить для просушки. 23-го уже новая незадача. Утром истопник затопил, а стружки не убрал и сам ушел. Стружки воспламенились, начался легкий пожар. Пришлось вызвать пожарную часть. Огонь быстро ликвидировали, но самый факт небрежности был, конечно, очень неприятен. Моментально явилась та сама комиссия, которая не хотела давать нам права на открытие и перед которой за нас поручился Наркомпрос. Но, слава богу, все уладилось, спектакли идут и будут идти. К.С., конечно, очень был недоволен и во многом винит тамошнего, с Малой сцены, администратора, который действительно абсолютно не на месте. За ним было много погрешностей еще и в прошлом году.

До свидания, милый Владимир Иванович, до следующего письма. Желаю Вам радости и удачи. Сердечно кланяюсь дорогой моей Екатерине Николаевне и Мише.

Сегодня стоял у моего стола Горчаков, расспрашивал о Вас, просил Вам передать его привет и сообщить, что “Дерзость” числится ведь Вашей пьесой, он ее готовит к 1 ноября и очень ждет Вас. Своими занятиями с актерами он доволен и считает, что у него обстоит все благополучно. На днях он выпускает в Мюзик-холле свою последнюю постановку – по тексту Эрдмана, после чего работу там кончает, т.к. нашел себе другое занятие: он делает с Оранским балет “Три толстяка” для Большого и Мариинского театров. Там будет ставить Голейзовский, у нас в Москве – Моисеев.

А только что была у меня Алеева, кот. просила непременно послать Вам ее горячий (“ну, прямо не знаю какой горячий!!”) привет.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

209.

Москва, 27 сентября 1931 г.

Письмо № 8

Милый Владимир Иванович!

Мне ужасно не хочется, чтоб Вы были принуждены написать Афиногенову. Ведь это будет в том случае, если Вы сильно задержитесь. Но все-таки приходится сообщить Вам его имя-отчество – Александр Николаевич. Только лучше не пишите ему и приезжайте поскорей. Со “Страхом”, конечно, не весело. Исполнители скучают, и даже Судаков потерял свой былой напор, как-то скис. Вероятно, тут и отношение исполнителей к нему и в связи с этим – атмосфера на репетициях, и отвлеченность его работой в радио-опере (за которую, между прочим, его выругали, впрочем, довольно милостиво, сложив всю тяжесть вины на музыку, либретто “Бронзового коня” и на вообще какие-то неведомые силы, направляющие деятельность радио-оперы). Вчера Леон. Мир. был сильно взволнован сообщением, что “Страх” принят к постановке у Корша и в Замоскворецком театре¹. Он звонил автору, говорил ему о неприятном впечатлении, кот. это произведет на всех участников нашего спектакля. Как мне сказал Марков, Афиногенов объяснил включение “Страх” в репертуар тех театров тем, что есть новое постановление, по которому, собственно, заключенный нами с ним договор о праве на пьесу является “филькиной грамотой”, не имеет никакого веса, и что те театры могли бы включить пьесу, не спрашивая ни у кого разрешения. Но, как говорят, автор заключил договоры с этими театрами еще до выхода такого постановления. По мнению Маркова, Афиногенов несколько обижен отношением театра к его пьесе, ему кажется, что настоящего

внимания к ней нет. У нас на репетициях он был всего раз. Леонидов звал его прийти снова, они вскорости предполагают пройти на сцене два акта подряд.

Как мне кажется, приносит холодок и работа художника, я не слышала еще ни одной похвалы макету. Сам Шифрин сильно болен (что у него, я не знаю, слышала, что было даже подозрение на менингит, но потом оно отпало). К нему хотел с налету поехать Мордвинов по делам “Сорочинской”, думая, что при внезапном приезде он добьется свидания, т.к. всякие просьбы о встрече встречают отказ². 3-го и 4-го К.С. будет смотреть на сцене “Мертвые души”.

Вас. Ив. до сих пор нездоров, так что на 29-е уже дана перемена, вместо “Врат царства” – “Вишневый сад”. Завтра перемена на Малой сцене: вместо “Дяд. сна” “Квадратура” из-за того, что Хмелев опять-таки должен играть в “Фигаро” Базиля: рука Ник. Аф. все еще в повязке, и врач не дает разрешения на участие в спектаклях.

К.С. озабочен налаживанием нашего аппарата – всякого: технического, художественного, административного. Ряд недоразумений на Малой сцене заставил его поднять перед месткомом вопрос о снятии и переводе на более подходящую работу тамошнего администратора, помните, еще в прошлом году он явно показал свою непригодность, но М.С. ни за что и думать не желал о переводе его на другую работу. Там в день первого спектакля было, например, то, что номера на местах были написаны масляной краской и не просушены. А так как номера написаны были на сидениях стульев (там ведь венские стулья, на которых на спинках написать нельзя), то публика испортила себе платье. Были заявлены претензии. О пожаре я Вам писала (правда, почти не пожар, но все-таки небрежность инспектора налицо). Затем, на одном из спектаклей в зрительном зале не было света в течение 15 минут в антракте. Тут вина или проводки, ремонт которой делался летом, или непорядка, вызванного недостаточным наблюдением инспектора, словом, К.С. считает, что инспектор не справляется со своими обязанностями и его надо заменить.

Сегодня на Малой сцене с 11 до четвертого часа происходили приемные испытания. Нам необходимо пополнить состав наших стажеров. Приняты четверо, пятый – кандидатом. Всех записавшихся было до 60-ти, кажется, человек. Марков говорил мне, что очень интересен и хорош и необыкновенно прост был один. Читал он “Анюту” Чехова и “Разговор с солнцем” Маяковского. С двумя следующими принятыми Марков не согласен: это Людвигов (сын актера Людвигова, читал Снегирева-Мочалку) и артист Малого театра Сверчков, уже игравший там какие-то роли. Про четвертого он не успел мне досказать, его увлекли куда-то по делу. Кажется, он ему понравился. Про Людвигова и Сверчкова Марков сказал, что они очень неплохо выступали, но, по его мнению, все это мало интересно. У Сверчкова хорошие данные: голос, фигура.

Владимир Иванович, ко мне на днях звонила Галя и просила Вам написать следующее: сейчас у нее гостит мать, которая приехала сюда по делам своего восстановления в правах. Ей именно необходимо провести свое ходатайство в центре, т.к. всю процедуру на местах она уже проделала. В связи с пребыванием здесь матери, Галя в материальных затруднениях. Она просит Вашего распоряжения выдать ей деньги по декабрь включительно. Она отдаст матери эти деньги, а мать обещает ей потом их отдать, так что Галя надеется, что в конце концов все у нее образуется, только вот сейчас ей нужна ощутительная сумма³. Пожалуйста, напишите, как поступить.

На днях у нас появился Фед. Фед. Раскольников. Он привез пьесу, переделку с немецкого. Он был у Маркова, говорил с ним, и решено организовать читку для нескольких человек из режиссуры. Но так как свободных мало, то Марков предполагал устроить читку днем завтра, пригласив Судакова и Литовцеву. Марков очень наскоро пробормотал мне что-то вроде того, что, по словам Фед. Фед., от М.С. он имел письмо и устные заверения, что “Робеспьер” ему нравится, что он был за постановку этой пьесы. Значит, выходит, что ее провалили другие, наперекор желанию М.С. Где правда?

У нас сильно похолодало, часто бывают дождливые дни. А так как Москва строится, красится и наводит на себя порядок, то в дождь грязь от построек, лесов, изрытых мостовых и тротуаров ужасающая. Впору ходить в охотничьих сапогах.

В Большом театре произведен громадный ремонт: он теплофицирован, вешалки гардероба не вокруг зрительного зала, а внизу, в специальном помещении ниже уровня земли, куда ведут из вестибюля и боковых лестниц скаты; на месте же прежних вешалок партера устроен променуар¹, за кулисами все заново отделано, вплоть до проводки теплой и холодной воды в каждую уборную. Говорят, великолепно устроен кабинет Ел. К., которая вполне заслуженно гордится благосостоянием своего театра и очень довольна своим штатом. В Малом театре – внутренние волнения и трения части труппы с режиссерами. Кажется, идет развенчивание Волконского и Прозоровского⁴.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Желаю здоровья и всяческой удачи. Сердечный привет дорогой Екатерине Николаевне и Мише.

Да, еще. Вероятно, Вам уж написали из Муз. театра о первом выступлении Тулубьевой в “Анго”. Но я хочу передать Вам о том исключительном восторге, в который привела Тулубьева нашего Маркова. Он говорил о ней захлебываясь, особенно о 3-м акте. Я ужасно жалею, что тот вечер, когда она пела, я убила на генералку в Мюзик-холле, чрезвычайно неудачную. Пойду слушать Тулубьеву в следующей “Анго”.

Еще раз – всего, всего хорошего.

¹ От франц. *promenoir* – места для стояния в зрительном зале (вокруг партера).

Москва, 1 октября 1931

Письмо № 9

Милый Владимир Иванович!

Письмо Ваше от 23-го сент. получено. Рипси я передала все Ваши денежные распоряжения. Сделанный Вами расчет выдачи по дому несколько ее смущает (она не понимает, почему Вы удерживаете 100 руб. из общего расчета, ведь эти деньги были даны в счет питания за сентябрь, а с 8-го окт. надо давать деньги на питание за октябрь). Она пишет Вам по этому поводу все свои соображения и расчеты и надеется получить от Вас разъяснения к 8 окт., когда и надо рассчитывать. О Гале я Вам написала запрос, так что пока, до Вашего ответа, вероятно, она деньги не возьмет.

Я передала Мих. Аф. Ваши мысли о лице от автора в “Войне и мире”. Он начал работать, конечно, еще очень черне, и ему очень хотелось бы знать, как Вы видите эту инсценировку и роль чтеца. Он просил Вам передать, что в его плане есть непременно лицо от автора, и Ваши мысли об этом могли бы дать ему нужное направление.

Ваш ответ о “Карамазовых” я передала в ВОКС, и мне обещали оттуда позвонить, возможен ли для них будет заказ такого полного экземпляра. Вероятно, их смущает и расход, и величина спектакля в два вечера.

Я вышлю Вам в отдельном пакете все бумаги, относящиеся к промфинплану на 1932 г., т.е. обращение Главискусства ко всем театрам, схему промфинплана и перечень его статей. Из этих бумаг, по словам Ник. Вас., Вам должны быть интересными первые две, последняя же представляет собою голый перечень статей фин. плана.

Получаете ли Вы бандероли с театральными журналами, что я Вам высылаю? Если не ошибаюсь, таких бандеролей было послано до сих пор две, сегодня пойдет третья.

О “Страхе” вот что знаю. По словам Леонидова (я решила проверить сведения о равнодушии исполнителей к макету), действительно никто с интересом не принял показанные в макете первые две картины. Говорила я и с автором об этом. Ему макет нравится. Правда, он видел все макеты, так что у него впечатление полнее и при том ему нравятся дальнейшие картины, самой же неудачной он считает вторую декорацию, комнату Елены. А наши и видели-то всего две картины – у профессора и комнату Елены, – оттого их впечатления вполне понятны.

Леон. Мир. говорил со мной о репетициях “Страха” спокойно, сказал, что сейчас в положении дел он не видит ничего катастрофического и даже экстренного, что работы у них достаточно, то, что делается, его

вполне удовлетворяет. 10-го они рассчитывают пройти первые четыре картины, вероятно, в присутствии К.С. Хотя последнее стало под сомнением, равно как и намеченные просмотры 3-го и 4-го “Мертвых душ”, т.к. К.С. в последние дни чувствует себя плохо, третьего дня у него с утра даже была высокая температура, 38,5, к вечеру снизившаяся до 36,7. На следующий день температура была нормальная, сегодня – еще не знаю, думаю, что ничего угрожающего, иначе Рипси сказала бы мне при встрече о своих опасениях.

Третьего дня вечером Раскольников читал свою пьесу. Присутствовали Литовцева, Судаков, Мордвинов, Марков. Это пьеса немецкого драматурга (кажется, Менцеля), называющаяся именем центральной роли “Борк”. В его переводе пьеса названа “Крестьяне”. Пьеса о крестьянском восстании (частного порядка) в современной Германии, вызванном непомерными налогами и притеснениями со стороны чиновников. Пьеса не только им переведена, но и несколько переделана, особенно в финале. Пьеса слушалась с интересом, но в смысле ее осуществления на сцене вызвала ряд возражений. Нине Ник. кажется, что чрезвычайно трудно будет режиссеру вызывать при работе тот невероятно острый и кипучий ритм, который, не ослабевая, пронизывает пьесу с начала до конца. Судаков же считает, что если трудна, но все же возможна и интересна работа режиссера с актерами, то совершенно невозможно будет удержать спектакль, когда он уже пойдет, в том же найденном ритме, что неминуемо спектакль будет постепенно скатываться. Сама же пьеса, требующая сокращения некоторых длиннот, и представленные в ней образы всем понравились. В отношении сценической площадки пьеса может рассчитывать только на Малую сцену. Все нашли даже, что идеальным местом для ее постановки была бы Первая студия времен Скобелевской площади, времен “Гибели «Надежды»” и “Потопа”¹. Вот в такой обстановке она звучала бы необыкновенно волнующе и заразительно. Решение было такое: дать читать пьесу Сахновскому и К.С. Раскольников уезжает 3-го и рассчитывает к этому времени иметь ответ, в возможности которого в такой быстрый срок я сомневаюсь.

Я Вам писала о читке у нас пьесы “Джой-стрит”, которая, в общем, понравилась во время читки, а в дальнейших мыслях о ней несколько разочаровала многих. Тогда тоже было решено передать пьесу на чтение Сахновскому. Кончилось это дело тем, что решено пьесу не ставить. Я уверена, что автор непременно устроит ее в один из московских театров, потому что пьеса сделана занятно (только очень банально-занятно) и крепко. Но у нас, по-моему, сразу бы стала заметна посредственность, не первоклассность этой пьесы, так что принятому решению я была рада.

Раскольников нам сказал, что, не отвечая за достоверность передаваемого, он может сообщить нам слух, будто Вы приняли в Берлине предложение поставить в кино “Воскресение”. Это он слышал, когда был за границей.

Ужасно холодно у нас в театре, невозможно работать. И особенно холодно у нас в дирекции. За кулисами раз протопили, т.к. актеры не смогли бы без риска для здоровья переодеться. А у нас даже и топить нельзя, т.к. не приведено в порядок отопление. Я совершенно коченею, сидя в своей комнате. И дома холодно, впрочем, как везде и у всех.

К известиям от Вас все относятся с громадным интересом и постоянно меня спрашивают о Вас, а главное – о Вашем возвращении. Прежде чем я приду в театр в день получения письма от Вас, уж множество народа знает, что в конторе лежит письмо от Вас на мое имя, и при встречах я постоянно слышу: “Вы получили от В.И. письмо? Что пишет В.И., ведь от него письмо было?”

Милый Владимир Иванович, желаю Вам, дорогой Екат. Ник. и Мише.

Вы сознательно не ответили мне на вопрос Раевского о сроке возвращения – в связи с вечером памяти Вас. Вас.? Вы ответили на все пункты письма от 19-го, но на этот вопрос даже примерного срока не указали. Это нарочно? Или нечаянно? Я ужасно пристаю к Вам с возвращением, не правда ли? Не сердитесь на меня. Если мои вопросы бестактны, будьте добры ко мне, как всегда, и не обращайтесь на них внимания.

211.

Москва, 4 октября 1931 года

Письмо № 10

Милый Владимир Иванович!

Сегодня я пишу Вам на машинке Рипси, сидя в кабинете К.С., т.к. из-за холода сидеть наверху, в дирекции, совершенно невозможно. Там не больше 7–8 градусов. Сегодня топили днем во всем театре (правда, слегка), но из-за ремонта отопления, до сих пор незаконченного, та сторона, в которой помещается дирекция, до сих пор отапливаться не может. Я с трудом переносу срок рабочего дня, когда мне необходимо сидеть наверху, стараюсь согреть себя горячим чаем, сижу в теплой большой шали, и все-таки зуб на зуб не попадает, все время дрожишь мелкой дрожью. Наконец сегодня мне стало там совсем нестерпимо, я решила отправиться к Рипси, у которой кабинет отапливается электрической печкой, и попросить разрешения перенести машинку только для того, чтобы написать Вам письмо, а то в холоде я мыслей никак не соберу. Оказалось, что Рипси едет к К.С., ее машинка свободна, и мне разрешено писать на ней. Совсем по случаю холода переехать к Рипси нельзя, т.к. в этом же кабинете занимается Ник. Вас., не имеющий определенного пристанища. Пойти вниз, в кабинет Никитина – его не устраивает по ряду веских соображений, занять кабинет М.С. – он не хо-

чет, т.к. предполагает, что с назначением к нам кого-либо на место М.С. ему придется уступить ту комнату. Возможно, что мы используем для кабинета ту небольшую приемную, которая образовалась в помещении дирекции после устройства перегородок. Там можно поставить стенку и устроить: 1) коридор-проход в мою комнату и 2) кабинет, в котором только, к сожалению, не будет дневного света. Комнаты в дирекции сейчас распределены так: против моего бюро – Сахновский, правее – Марков, на своем старом месте. Так как и тот и другой чрезвычайно редко занимают свои кабинеты, вероятнее всего один из них будет отдан Ник. Вас., и прежний его обладатель переедет в предполагаемый темный кабинет.

Возвращаясь к температуре в театре, успокою Вас тем, что закулисные помещения отапливаются, так что со стороны актеров жалоб на холод на Большой сцене нет. Зато на Малой – постоянные записи в протоколах спектаклей относительно невероятного холода. Думаю, что меры там будут приняты к упорядочению этого дела, однако точно ничего не знаю.

Сегодня я получила Ваше письмо от 29-го сент. Я громко засмеялась, когда прочитала Ваше предписание составить список “удрученных” отсутствием М.С. Да, это верно, что Вы относились к нему лучше всех! И интересующего Вас списка я Вам представить не смогла бы, потому что, кроме Никитина, которого уже у нас нет, я не нашла бы, пожалуй, ни одного имени. Он ушел от нас бесславно, и после своего ухода продолжает себя вести до того нелепо, что можно только плечами пожимать. Он был очень обижен, что ни один человек не позвонил к нему во время болезни. Некоторые из тех, кто у него бывал прежде и кого я устыдила за их невнимание, позвонили ему по телефону, даже побывали у него, но впечатление вынесли достаточно безотрадное. Он обижен, оскорблен, часто пышет злобой. И своих ошибок не увидел даже теперь. Конечно, вся злоба его обращена к К.С., Рипси и Ник. Аф., при виде которого в Большом театре он даже отвернулся, не желая поклониться, хотя был он с нашей Титовой, которая с Ник. Аф. поздоровалась.

Прощанья с театром у него не было, да и быть не может, в таких неуловимо пришедших, но совершенно точно-реальных дурных тонах произошел его уход. Он подал заявление об оплате ему всех неиспользованных в прошлом году выходных дней; дирекция решила запросить мнение Главискусства, там сначала ответили “оплатить”, а когда мы попросили сделать такую надпись на заявлении, т.е. письменно подтвердить решение “оплатить”, то там отказались это сделать. Рассматривала это дело и ячейка и постановила в оплате отказать. К чему пришли в конце концов, пока не знаю.

Третьего дня звонил ко мне К.С. и просил сначала написать Вам все то о “Страхе”, что я Вам постепенно уже сообщала, т.е. о некотором топтании на одном месте, о делах с Афиногеновым, о визите последнего к К.С. Я К. С-чу так и сказала, что все это я Вам сообщала по мере

накопления всех этих дел. Словом, К.С. поставлен в такие условия, что ему необходимо самым решительным образом показать и засвидетельствовать, что “Страх” будет первой постановкой сезона. Это нужно не только внутри театра, но и вне его. К.С. беседовал по этому поводу с Андреем Сергеевичем и с рядом других лиц и договорился, что “Страх” будет поставлен раньше “Мертвых душ”, но, конечно, будет выпущен только тогда, когда будет признан готовым спектаклем. По этим же причинам К.С. отдал распоряжение о первоочередном праве “Страх” на мастерские и о необходимости для постановочной части работать задания по “Страху” в ударных темпах. Что же касается актеров, то К.С. предложил им свою помощь и пригласил их приехать к нему заниматься 4-го (предполагавшиеся 3-го и 4-го просмотры “Мертвых душ” им отменены, т.к. по нездоровью он не смог приехать в театр). Но Судаков нашел, что сейчас он не может показать К.С. наработанное до сих пор, что ему нужен срок до 9-го, когда К.С. и просмотрит несколько картин (кажется, первые четыре). Сказав мне об этом, К.С. просил непременно Вам написать, что он ни в коем случае не претендует на эту постановку, что он только хочет помочь актерам, нисколько не нарушая Ваш план, что он делает это только вынуждаемый обстоятельствами и желанием оградить “Страх” и его автора от нерва и напряженных настроений.

Получив сегодня Ваше письмо, я повела разговор с Леонидовым о том, не чувствует ли он себя в репетициях “Страх” *обязанным* репетировать, в то время как у него роль уже сделана. Он мне сказал, что он, наоборот, очень доволен своим участием в репетициях, что, конечно, следовало бы дать и Орлову заниматься¹, но сейчас как раз идут такие репетиции по нахождению мизансцен, которые пропускать он не хочет.

Словом, Леонидов был в очень спокойном настроении, в таком, о котором я Вам писала и в прежнем письме. Нашел, что Судакову есть еще что работать, хотя, что, конечно, “если бы пришел Вл. Ив., то нам бы не пришлось долго многое искать, он бы нас сразу направил”. Но действительно одна вещь его смущает, как и К.С.: затяжка выпуска неудобна, да и пьеса начинает терять свою остроту.

Разговор К.С. со мной был 2-го, а 3-го вечером во время заседания у К.С. по ставкам ему подали “весьма срочный” пакет на его имя из РАПП. Когда он его вскрыл, то прочел прилагаемый в копии текст². К.С. страшно рассердился, страшно. Он нашел в высшей степени бестактным вмешательство в работу театра, да еще в таком тоне. Мне говорили, что, пожалуй, давно не видали К.С. в таком состоянии. Он все не мог успокоиться, даже при дальнейших других разговорах он все время возвращался к этому письму Авербаха. Сегодня, по поручению К.С., Вас. Григ. ездил с копией этого письма в НКПрос, виделся с Эпштейном, тот докладывал об этом и Андрею Сергеевичу. Эпшт. просил заверить К.С., что театр сам будет решать время выпуска спектакля и выпустит его, конечно, только тогда, когда найдет нужным. К.С. просил переслать копию авербаховского письма Вам.

Возвращаюсь к вопросам в Вашем письме. О Бендиной – мне неверно сказали срок, будто ребенок родится у нее в ноябре. Он действительно должен родиться, только позднее, примерно в январе. А сейчас она и репетирует, и участвует в спектаклях. Но дублерши ей вводятся. Так, если Вы заметили, в “Фигаро” Фаншеттой введена Морес.

Милый Владимир Иванович, как же Вы могли подумать, что хоть кому-нибудь придет в голову, что Вы “гоняетесь за авторскими”!³ Я могла бы повторить Вам снова то, что писала в предыдущем письме. То, что Вы пишете о Вашей театральной идее, даже эти намеки встречаются Булгаковым с громадным интересом. И ни разу никому из нас не пришло в голову, что Вы хотите отвести Булгакова. А когда я ему сказала сегодня о Вашем письме, о словах, что “лицо от автора в “Воине и мире” еще более, еще смелее обостряется, теперь это и будет *лицо от театра*”, – у него глаза загорелись, он страшно за это ухватился. Ведь это в голову ему не приходило, что можно будет так поставить “чтеца”. Булгаков с острым интересом относится к каждой Вашей строке, к каждому Вашему намеку на то, как Вы видите инсценировку.

Я писала Вам о прочитанной у нас пьесе Раскольниковова. При дальнейшем обсуждении пьесы в театре решено отнестись к ней отрицательно, главным образом по тем соображениям, которые я излагала Вам, – относительно мнения и опасения нашей режиссуры.

Сейчас решается вопрос об отправке Грибунина в Кисловодск. Надо его устроить в санаторий и найти, с кем бы ему поехать. Он-то хочет ехать один, но это совершенно невозможно и для него опасно. Рассчитываем, что он поедет в течение ближайшей недели.

На этот раз я посылаю Вам привет от Кудрявцева, по его настоятельной просьбе.

Милый Владимир Иванович, до свиданья. Желаю Вам, Ек. Ник. моей дорогой и Мише всего хорошего. Правда, что Вы писали Вишневному, будто Миша приедет раньше Вас?

5 октября

Милый Владимир Иванович!

Вчера так поздно закончила письмо, что уж нельзя было его отправить воздушной почтой. А тут, кстати, прибавились еще два сообщения:

1. На Ваше имя получено прилагаемое письмо от Управления строительством Дворца Советов (что на месте храма Спасителя будут строить). Я ответила Управлению, что письмо в театре получено, что Вы находитесь в отпуску за границей и что я Вам письмо перешлю.

2. В Москву приехал американец Самюэль Ротафель, владелец театра “Рокси” в Нью-Йорке. Он пробудет здесь 3 дня. В театр он явился окруженный необычайными заботами Интуриста, даже, впрочем, кажется, он и не появлялся здесь, а только переслал письма от секретаря Американского Русского института для культурной связи с Советской Россией, м-с Элизабет Кларк, рекомендующие его Вам и К.С. Вчера он

был принят К. С-чем в Леонтьевском по исключительным и непрерывным настоянием Интуриста, но ничего интересного из беседы не вышло, т.к. это делец, а не человек от искусства. Вероятно, он приехал с группой сородичей, т.к. я знаю, что за вчерашний вечер он и еще человек 6–7 должны были объездить спектакли Большого, нашего и Оперного (К.С.) театра, оставаясь везде на один только акт. Вот таким образом их ждали и к нам на 2-й акт “Воскресения”.

Еще раз – до свиданья, милый Владимир Иванович.

212.

Москва, 10 октября 31 г.

Письмо № 11

Милый Владимир Иванович!

Вчера были получены все Ваши письма: мое со вложенным афиногеновским и К.С. с Анд. С.¹. Я сделала так, как Вы написали, прочла письмо Афиногенову, на всякий случай сняла с него копию и передала ему. Он был как раз на репетиции в театре. Письмо это, как я видела, он тотчас же стал читать “страховцам”. Вероятно, в связи с этим Леон. Мир. написал и просил меня сегодня отправить письмо к Вам.

С К. С-чем я говорила по телефону только сегодня. Он мне сказал следующее. По его сведениям, Анд. С., получивший отпуск недели на 2–3, выехал из Москвы в ночь на 9-е. Но так как сведения эти не проверены, К.С. передал Ваше письмо к А.С. Ник. Аф-чу с тем, чтоб оно было доставлено по адресу, если А.С. в Москве. Посейчас не удалось узнать в точности, можно ли еще рассчитывать на свидание с А.С. и действительно ли он уже уехал, или просто должен спастись от дел. К.С. считает, что без А.С. вопроса о продлении Вам отпуска поднимать не стоит, тем более что никаких острых запросов в этом смысле не делается еще, да и вряд ли теперь, с уходом М.С., кто-нибудь поставит “нажимно” этот вопрос. Конечно, К.С. исполнит Вашу просьбу в смысле помощи проведения этого дела. К.С. просил Вас написать, что не отвечает Вам сам и не сможет ответить в ближайшее время потому, что ему как раз теперь приходится много, чрезвычайно много работать. Он именно будет теперь организовывать работу по ближайшим сдамкам премьер, т.к. это самый важный и самый страшный вопрос.

Мне говорили многие, да и вообще я слышала разговоры соседей по столу в буфете, что “Мертвыми душами” К.С. занимается совершенно потрясающе, что наконец пьеса начинает поблескивать и, конечно, заблестит так, как она должна была бы блеснуть в исполнении наших актеров.

Сегодня у К.С. первые четыре картины “Страха”. Там же Афиногенов, Марков и Сахновский. Я слышала (передаю это только как слух),

что будто бы толкаемый жалобами исполнителей на беспомощность режиссера, К.С. назначает Сахновского в “Страх” для того, чтоб довести спектакль до выпуска, взяв, вероятно, в это время “Души” на себя. На мой взгляд, мера эта вряд ли сможет дать ожидаемые результаты. Не думаю, чтоб Сахновский оказался менее беспомощным в этой не известной ему достаточно пьесе. В нашем театре Василию Григорьевичу не удалась ведь ни одна самостоятельная постановка. Нельзя же говорить об “Унтиловске”, который был как-то вытянут до возможности показа спектакля только огромнейшими трудами К.С. над постановкой.

К.С. еще просил Вам передать, что ему все время чрезвычайно усиленно сватают заместителей М. С-ча, но что ему пока удастся отводить эту необходимость. Как будет дальше – неизвестно. Главным образом с такими предложениями к нему стал обращаться и Анд. С., что, конечно, не нравится К. С-чу и волнует его. Предлагавшиеся лица (в большинстве случаев – женщины) ни в какой мере не удовлетворяли К.С. и, уверена, не принялись бы и Вами.

К.С. сказал, что, по его мнению, теперь, до Вашего приезда, ему ведь придется срочные вопросы решать самостоятельно, он сказал это в форме вопроса, думая, что не покажется ли Вам это обидным или невнимательным. Я ему сказала на это, что всегда слышала от Вас такую мысль: в тех случаях, когда К.С. считает нужным тотчас же выразить свое мнение и свое решение, он может спокойно это сделать, все равно я (это – Вы) с ним соглашусь; что Вы писали мне о своем искреннем восхищении его, К.С-ча, директорскими мероприятиями; что Вы совершенно уверены, что никакие люди и никакие обстоятельства не смогут поссорить Вас с К.С.

Я думаю, что главным образом его вопрос о самостоятельных его решениях относился к назначению заместителя М.С. – вот согласны ли Вы с его тактикой.

Милый Владимир Иванович, Вы знаете, как я, как мы все Вас ждали и ждем. Но если Вам нужно еще набираться сил, конечно, делайте то, что лучше всего для Вас и для Вашего самочувствия. Ведь мы Вас будем ждать так же крепко. Вы не должны беспокоиться за театр. К.С. мужественно надеется на свои силы и рассчитывает наладить благополучно интенсивную работу в театре. Тем более что на днях должно пройти солидное повышение жалованья всего художественного состава (кажется, техн. и адм. запоздают), причем прибавка выдается с 1 сент. – так что настроение в театре у многих будет приободрившееся. Конечно, не миновать обид и недовольств, но постепенно ведь обойдется дело: “поспорят, пошумят и разойдутся...”². Да, вот еще к чему был разговор о праве К.С. самостоятельно решить некоторые вопросы: это касалось залаживанья работы по “Тартюфу”. Он считает необходимым дать всем в труппе работу, чтоб никто не томился бы бездельем, т.к. считает, что это один из способов вовлечения актеров в нужную творческую атмосферу. Еще одну пьесу, которую нужно заладить, он мне назвал, но хоть

убейте меня – не вспомню, не “Плоды” ли? Но ведь это его постановка.

Вероятно, в ближайшие же дни я Вам пришлю списки увеличения жалованья, хотя бы по актерству, это ведь для Вас и интереснее всего.

У нас опять огорчительная болезнь: у Андровской дифтерит. [...]

7-го умер наш гитарист де Лазари. Смерть была избавлением ему от ужаснейших мучений. Ведь у него был рак желудка, и в последнее время это не был уж живой человек, а настоящие мощи. Похоронили его тихо, немногие друзья пришли на отпевание.

Вы пишете о Картере – я, конечно, сделаю для него все, о чем Вы пишете. Я хорошо помню отправку ему книг в гостиницу в день его отъезда из Москвы. Другой его пьесы в театре, в Вашем кабинете, нет. Надо будет попросить Софью Витальевну поискать у Вас дома.

Разрешена к постановке в Москве и Ленинграде пьеса Булгакова “Мольер”, с некоторыми изменениями (чрезвычайно немногими, и то почти всюду, за исключением двух случаев, не в тексте, а в ремарках) и с условием замены заглавия “Кабала святош” – “Мольером”. Ее в Москве берет наш театр, в Ленинграде за ней охотится Большой драматический для Монахова – Мольера.

С сегодняшнего дня у нас тепло в театре. Наконец-то закончен повсеместно ремонт, после ряда скандалов и жалоб, и стало тепло. Вы правы, милый Владимир Иванович, при Трушникове таких безобразий не было. Наша хозчасть сейчас очень хромает. А доведись М.С. подольше побыть у нас – вероятно, выжил бы еще немало хороших работников.

Сегодня же состоялось открытие нашей новой столовой – нового помещения. Прокофьев блистал элегантнейшей и белоснежнейшей курточкой-пиджаком, девушки, обслуживающие столовую, – новешенькими бельежными халатами. Наш завхоз только, к сожалению, придал столовой ужасно мещанский вид, этаким идеал в понимании мещанина помещения столовой – накупил перистых пальм высотой в метр, расставил их всюду на столах, затем вазоны с цветами в розовых бантах, а на стенах – громадные аляповатые портреты вождей. И вот эти вокзальные пальмочки до того не вяжутся со стилем театра, с портретами, с развешанными лозунгами! Вероятно, чтоб не обескураживать завхоза, на сегодня все это оставили, а потом придадут ей менее бонбоньерочный вид.

Чайный буфет остался только для чаепития.

Вход в столовую сделан из раздевальной партера с левой стороны, недалеко от входа в бухгалтерию. Возможно, что для лучшего обслуживания и организации дела столовой будут установлены часы обеденного перерыва для каждого цеха в особенности. Это было бы очень хорошо, т.к. спасало бы столовую от слишком большого заполнения, когда начинается-то небрежная подача, небрежная промывка посуды и т.п. По самым обедам тоже многое делается на радость работникам: решено добиться удешевления обедов и при этом – увеличения порций. Последнее уже сделано, первое – будет зависеть от оборотов вечернего буфета.

Во всяком случае, решено, что театру прибыль от буфета не нужна, эти деньги должны идти на улучшение качества обедов. Примерное меню и расценка: суп (борщ, щи, грибной) – 10–15 к., котлеты, рулет, гуляш – 30–40 к., ежедневно бывает дорогое жаркое – ростбиф, лангет и т.п. по 1 р. 25 к. В новой столовой, имеющей поместительную кухню, будут готовиться и вегетарианские блюда, рассчитывают завести даже диетическое питание.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы, наслаждайтесь хорошей осенью (мне сказала Софья Вит., что у вас стоят прекрасные дни). Почему-то в этом году я так ясно представляю себе осенний Берлин и это громаднейшее количество чудесных роз на Потсдамерплатц у толстых и не отличающихся элегантностью берлинских цветочниц. Да и в Париже, около Мадлен, они не элегантнее. Я помню, мы приехали в сентябре в Берлин, тогда, в 22-м году, перед Америкой, и покупали с Рипси целые снопы роз, потому что их нельзя было не купить, так они были красивы. И в Лессинг-театре, не имея помещения для них, к негодованию дежурного пожарного ставили их в воду в пожарные ведра, что стояли в каждой уборной.

У нас погода потеплела, но стало влажно, сыро. И, конечно, грязно, т.к. во многих местах ремонт мостовых не закончен.

Еще раз, милый Владимир Иванович, тысячи пожеланий Вам, дорогой Ек. Ник. и Мише отдыха, здоровья, сил.

213.

Москва, 15 окт. 1931 г.

Письмо № 12

Милый Владимир Иванович!

Я дала слово Маркову начать свое письмо с того, что я Вам напишу следующее. Марков хотел написать сегодня Вам подробное письмо, несколько освободившись (и, кстати, освободив и меня, т.к. я сотрудничала с ним) от работы по промфинплану. Но я попросила его, чтоб он диктовал свое письмо завтра, т.к. сегодня я сама хочу писать Вам, а долго пробыть вечером мне не хотелось бы, у меня есть билет на “Дон Кихота”. Вот этим моим “поведением” объясняется запоздание письма от Маркова на один день.

В эти дни пришлось очень много работать: Марков диктовал промфинплан, а потом дано было задание (еще до конца не выполненное за неимением от союза окончательных директив) по составлению различных списков всего театра по окладам. И вот почему снова оклады: когда театр уж проделал свою работу над пересмотром и повышением жалованья и представил уже свои списки на просмотр ячейки, представители театра были вызваны в союз, где было сообщено, что ЦК союза

постановил провести эту работу следующим образом. Вопросы ставок будут разбираться и решаться специальной комиссией, различной по своему составу для каждого театра, состоящей из представителей ЦК союза, представителя от Мособлрабиса и лиц (по одному) от ячейки, месткома и дирекции театра. Комиссия эта предполагает начать свои работы (строго конфиденциально, чтоб зря, до окончательных решений, не волновать работников) с 16-го окт., с завтрашнего дня. Однако возможно, что завтра заседание не состоится или долго не продлится, т.к. с 2 ч. К.С. смотрит вторую часть “Мертвых душ”, так что ни Сахновский, ни Калужский, ни Гремиславский, ни Титов (лица, кооптирующиеся в заседание при просмотре ставок тех или иных групп) не смогут участвовать в работе Комиссии.

В нашем театре, где работа уже проделана по пересмотру и проверке всего состава в отношении разделения их по группам, работа прежде всего сведется к просмотру вот этих нами составленных списков, которые, возможно, и останутся в силе. Работы Комиссии должны быть закончены в течение не более двух недель. У нас, вероятно, все это пройдет скорее этого предельного срока. Повсеместно повышение окладов должно пройти с 1 января, но мы уже имеем договоренность, что у нас повышение пройдет с 1 сентября, из прибылей прошлого сезона.

Я Вам писала в день просмотра “Страха” К. С-чем в своем последнем письме. Вот что я слышала после просмотра. К.С. нашел, что все они на верном пути, что пьеса может быть выпущена в конце ноября – начале декабря. Хорош был очень Леонидов, К. С-чу понравился еще Ливанов. Про Титову он сказал, что это не ее дело, но она все хорошо делает. Так что Мар. Андр. была счастлива и как-то успокоилась. Ведь злые души и злые языки ждали, что после показа К.С. снимет ее. Неплох был Прудкин (это все применительно к отзывам К.С.), похвалил он Л.Зуеву¹. Другие “молодые люди” были пока бесцветны. Не согласился К.С. с Ольг. Леон. и с Тарасовой, советовал им подумать над тем, как сделать Клару и Елену партийками, серьезными работницами. Вероятно, продолжался тот грех в роли, в котором Вы еще весной упрекали Тарасову. Но в общем, нашел, что спектакль на рельсах, еще дойдет в репетициях, а уж на публике – наверное закончится благополучно.

12-го К.С. смотрел первые два акта “Мертвых душ” на сцене. За мечаний после репетиции не было, так что я отзыва К.С. не слышала. Но вот что я слышала об отзыве. К.С. прежде всего меняет всю декоративную часть, он ею недоволен и считает, что она мешает актеру². В связи с этим он собирается менять мизансцены, а потому нашел, что дальнейшие репетиции не нужны, пока он не просмотрит второй части пьесы. После этого, вероятно, он поведет репетиции за столом. Вот примерно так объяснил мне Сахновский, сказав, что более подробно он мне все скажет для сообщения Вам после завтрашнего окончательного просмотра пьесы. Я думаю, К.С. убедился, что действительно больше уж от режиссуры актер ничего не получит, а надо ему самому заделывать

и каждому роль, и спектакль в целом. Теперь, разрешите? – мои впечатления. Репетиция была ужасно неудачна и скучна до крайности. Если пролог (короткий, но еще сокращаемый К. С-чем) и картина в кабинете губернатора (очень хорошо репетировал Станицын Губернатора) были довольно занимательны, то дальше – вечеринка, совершенно бесцветная и вся, как каша, и все покупки – были ужасно скучны и неинтересны. Я сегодня слышала, будто К.С. хочет ввести в спектакль какого-то чтеца все-таки, или какой-то голос. Что-то в этом роде говорил Маркову Булгаков, но очень пока сбивчиво, как не окончательно установившийся план К. С-ча.

С Булгаковым подписывается договор на “Мольера”, причем срок постановки не позднее 1 мая 33 года, а в работу пьесу пустят, по решению К.С. (да иначе и быть не может), только после выпуска “Мертвых душ”, когда освободится Москвин.

Мих. Аф. просил очень написать Вам вот что. Вы пишете: “Мой план был – три пьесы, цельных, отдельных”³. Какие три? Какие линии Вас увлекали? И что это значит – цельных и отдельных? Три вечера? Или два вечера? Как он понимает, К.С. хотел все уложить в один вечер, ему же это кажется чрезвычайно трудным; вместе с тем он понимает трудность спектакля в два вечера в наше время быстрых темпов. Как же быть? Каждая Ваша строчка об этой инсценировке, конечно, Булгакову страшно ценна. Или, если в одном вечере, то это “Андрей Болконский из “Войны и мира”, или другая линия?

Относительно Вашего письма Анд. Серг. Он уехал тогда, как нам и сообщали. И К.С. думает, что до его возвращения письмо Ваше никому передавать не стоит, тем более что оно адресовано лично А.С. И вообще лучше подождать до его приезда, не пересылая ему письма в место его отдыха, т.к. он оттуда все равно никаких распоряжений не пришлет, и нужно ли мешать делами его отдыха. Вы ничего не имеете против такого решения К.С., с которым согласен и Ник. Аф., знающий хорошо ситуацию и учитывающий момент? К.С. сказал, чтоб Ник. Аф. спросил меня, как все-таки быть, считая, что я лучше других догадаюсь о Вашем желании. Я тоже считаю, что нужно подождать Анд. С.

Об Андровской: ей вовремя сделали прививку, положили в хорошую больницу (я слышала о хлопотах места в больнице и о том, что дело налаживается, так что, надеюсь, она уже в больнице). Болезнь протекает благополучно.

Сегодня звонил мне Картер, переслал чулки для Шуши, обещал зайти на днях в театр. Пьеса его у Вас дома, вероятно, т.к. в кабинете ее нет. Лиза Асланова обещала ее разыскать, завтра даст мне ответ, нашла ли она ее там.

Завтра, стало быть, напишет Вам Марков, а послезавтра постараюсь написать я – о “Мертвых” и вообще о нашей жизни. А сейчас надо отправляться в Большой театр. К сожалению, сегодня “Дон Кихот” без Вашей любимицы Семеновой (она уехала, отпущена в Ленинград), с одним Ермолаевым⁴.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. Отдыхайте хорошенько, так хочется, чтоб дни Ваши были радостны. Сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

214.

Москва, 17 октября 1931 г.

Письмо № 13

Милый Владимир Иванович!

Написав под диктовку Павла Ал. большое письмо Вам, хочу от себя написать Вам несколько строк.

На днях было первое заседание комиссии по организации “Утра памяти В.В.Лужского и Н.Г.Александрова”. Состав комиссии – Леонидов, Москвин, Сахновский, Н.Д.Телешов, Раевский и Горюнов (бутафор). Решено сделать вечер в середине ноября. По просьбе Раевского пересылаю Вам копию протокола первого заседания, из которой Вы увидите, что комиссия ждет от Вас присылки “слова”.

Павел Ал. написал Вам о наших делах. Добавить могу только следующее:

На репетицию “Дерзости” 19-го числа послано приглашение ряду ответработников худож., бытового и литературного отделов газеты “Комсомольская правда”. Горчаков надеется получить от них указания на ошибки в постановке или подтверждения правильности его режиссерского плана.

По репетиционным расписаниям Вы видите, что “Мертвые души” как будто переходят К. С-чу, во всяком случае, ежедневных репетиций с режиссерами, как это было до показа К.С., пока не видно.

Сегодня мне сказал Булгаков, что К.С. хочет в сцене дам ввести весь разговор о фестончиках. Может быть, он хочет побольше дать поиграть Шевченко, которую он очень похвалил и сказал про нее так: великолепная актриса Шевченко, надо поскорее дать ей большую, центральную, ведущую роль в какой-нибудь пьесе. Снова возник разговор о вводе ее в “Дядюшкин сон”¹. Теперь эту пьесу взял (или вернее получил) Сахновский и он собирается начать занятия с Шевченко. Это было бы кстати – такой ввод, а то Ол. Леон. всегда с волнением относится к тому, что при ее болезни летит и “Дяд. сон”, и “Вишневы”. Завтрашний наш спектакль “Сна” как раз в таком положении: Ол. Л. простужена и завтра играть не может, пойдет “Наша молодость”. Сегодняшний утренник “Вишневого” опять-таки по болезни О.Л. был заменен “Вратами”.

Андровская понемногу поправляется. Она в больнице, поправляясь, начинает скучать в одиночестве, и я слышала сегодня, что наше худ. руководство решило послать ей подарок: цветы и разрешенный ей компот.

На Ваше имя пришла фотография-открытка с признательнейшей надписью от Загарова: он в роли профессора².

По собственному желанию и совершенно неожиданно для всех нас ушла со службы Ванда Марьяновна. Она заявила, что никуда на службу не переходит (делались предположения, что она уходит в Филармонию, куда поступил на службу Вас. Мих.), но будет усиленно заниматься стенографией и затем постарается сделать блестящую карьеру. Возможно, что она сама решила спасти себя от неминуемого перехода ее от бывшего привилегированного положения (при Вас. Мих.) к положению рядового работника. На ее место перемещен один из служащих бухгалтерии, некий Фролов, служащий там с прошлого сезона. Ведение делопроизводства по театру, бывшее в ее ведении, передано мне. Я осталась единственным секретарем дирекции, т.к. Рипси работает сейчас как секретарь К. С-ча и пом. администратора по делу наведения порядка внутри театра: в помещении, в буфете, в гардеробе (в смысле приличествующей МХАТу формы обслуживания публики).

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Будьте здоровы, берегите себя и не забывайте нас. Нежный привет Ек. Ник. и Мише.

Мне только что звонили из Муз. театра, что сегодня умер Евг. Абр. Беляев. Они не знали, телеграфировать ли Вам об этом, и, узнав, что я пишу как раз Вам письмо, просили написать и об этом грустном деле.

Пьеса Паукера (от Картера) найдена у Рипси, Вы ей передали, и передана мной для чтения Телешевой, знающей англ. язык. Картер сегодня смотрит “Хлеб”.

Москва, 20 окт. 1931 года

Письмо № 14

Милый Владимир Иванович!

Только что я говорила по телефону с К.С. Он спрашивал, нет ли от Вас новых вестей. Он всегда спрашивает, что Вы пишете о себе, о своем самочувствии, а мне, конечно, нечего ответить. Вы не любите об этом писать. Раз написали – в решительной форме, и больше не рассказываете. Относительно перехода в ведение Елены Константиновны К.С. мне сказал следующее. Он видел Алексея Максимовича перед отъездом того в Италию, и Ал. М. сказал ему, что вопрос о переводе решен в положительном смысле¹. При этом ставится пожелание (не условие), чтоб наш театр стал академией актерского мастерства для всего Союза, другими словами – чтоб при театре была открыта школа сценического искусства по методу МХТ. К.С. хотел бы написать Вам об этом сам, как он мыслит организацию такой школы, но, к сожалению, так занят, что не находит времени и сил, вместе с тем он хотел бы знать, нет ли у Вас каких-нибудь планов по этой линии, как Вам представляется форма осуществления такой школы. К.С. представляет себе так: в театре проходят с учениками только науки, касающиеся театра. Свое политическое образование они получают в другом, специальном учебном заведении. Руководить школой самолично К.С. не может, сил не хватит. Но свою связь со школой видит через посредство организованных в нашей труппе десятков. Беседы о системе с нашими десятками он проводить будет обязательно. И вот эти десятки будут прорабатывать в себе и доносить до учеников свои знания, причем ученики школы тоже будут разбиты на десятки (К.С. считает в школе 10 десятков, состав школы не только будущие актеры, но и будущие работники техперсонала сцены – машинисты, электротехники и т.п.). Ученики школы в то же время, после прохождения и усвоения первоначальных знаний, явятся стажерами театра, т.е. их практическая работа будет заключаться в участии в спектаклях театра.

К.С. просил Вас написать, не пришлете ли Вы своих указаний, как, по-Вашему, получше наладить дело со школой.

Ведь это вопрос не новый, еще в прошлом сезоне Марков сочинял проект такого вуза, как говорил Марков, – типа фабзавуча, т.е. школы, существующей при заводе.

Вчера на имя секретариата МХТ пришло письмо от некоего Н.Эльяшова из Берлина, который просит выслать ему экземпляр инсценировки “Села Степанчикова”. Один немецкий (берлинский) театр хочет ее ставить, а он хочет ее перевести на немецкий язык, “сохра-

няя при этом, конечно, все материальные и моральные права автора, обработавшего для сцены этот роман”. Я сегодня ответила, что инсценировка принадлежит Вам, что от Вас он должен получить согласие на передачу ему экземпляра. Что Вы находитесь в отпуску для лечения в Берлине. Что я одновременно сообщу Вам о письме от него, Эльяшова, и сообщу Вам его адрес, чтоб Вы могли сами снести с ним. (Эльяшову я Вашего адреса, конечно, не дала, боясь, что он без Вашего приглашения нарушит Ваш отдых.) Что в том случае, если Вы дадите согласие на передачу экземпляра, он должен будет обратиться в театр, который сможет выслать ему экземпляр при условии оплаты переписки (это Ваша наука, Вы всегда прежде всего думаете о машинистке). Адрес Эльяшова: N.Eliaschoff Berlin – Dahlem. Im Gehege, 4.

Когда я сказала К.С. о Ваших соображениях относительно замены “Тартюфа” пьесой Булгакова, К.С. сказал следующее. Ему тоже приходила в голову эта мысль, но это редкий случай, когда Качалову вдруг захотелось сыграть роль, именно – Тартюфа. А раз у Вас. Ив. есть такой интерес, за это надо хвататься и крепко держаться. И пьеса удобная: при непрерывке будет выручать в смысле устройства массовых выходных дней. И в репетициях, вероятно, не будет ни с какой другой пьесой сталкиваться. К тому же срок постановки “Мольера” долгий, не позднее 1/V–33, а “Тартюфа” выпустят скоро сравнительно. Да, пожалуй, и полезность будет в том, чтоб показать публике, с одной стороны, пьесу из жизни Мольера, а с другой – каким автором был Мольер и что такое тот “Тартюф”, вокруг запрещения которого и обличительного характера пьесы разыгрывается ряд сцен в “Мольере”.

Вчера прошел просмотр “Дерзости” при участии представителей “Комсомольской правды”. Просмотр был в верхнем фойе, в легкой выгородке – стульями, столами. Первые два акта играли, в третьем некоторые вели роли по тетрадкам, очень начерно. Мне все это мало понравилось, главным образом не понравилась пьеса, какой она стала после переделок. Когда в свое время читали у нас пьесу, казалось, что из нее должен выйти спектакль свежий, задорный, молодой. Сейчас и в помине нет никакой свежести. Пьеса явно устарела, в исполнителях тоже нет легкости и юности. И в тексте какая-то нерадостная вымученность, конечно, ясная нам, тем, кто знает, с каким трудом добывались от автора переделок, с какой неохотой он дорабатывал и перерабатывал пьесу. В режиссерском плане все банально, мало, даже совсем неинтересно. Есть несколько хороших исполнений, и то не полностью, а кусочками. Но это-то понятно, еще ведь многое недоработано не только режиссером, но даже внутри самими актерами. Хорошо играет Грибов, есть волнующие моменты у Еланской, обаятельна Бендина, но она не будет все равно играть, т.к. животик у нее растет и она скоро совсем выпадет из спектаклей. Кем ее заменят – пока неизвестно.

Все, что я написала о “Дерзости”, это мое мнение, с которым во многом, если не во всем, согласились некоторые участники спектакля,

из тех, с кем пришлось говорить. Марков относится к спектаклю снисходительнее. Те товарищи, которые смотрели “Дерзость”, нашли, что пьеса слаба и отстала, что ее надо делать в плане “истории одного начинания”, истории, которая отошла в область истории, от актерского же исполнения они были в полном восторге.

От Грибунина из Кисловодска получено уже второе письмо. Он чувствует себя неважно, настроение его сильно понижено, он скучает, но вместе с тем есть сведения от Рипсиной сестры, навещающей его ежедневно, что он хочет продлить свое пребывание в Кисловодске еще на месяц.

Вчера перевезли домой из больницы Андровскую. Температура у нее нормальная, недели через две ей разрешат приступить к работе.

Мне рассказывал Кедров, что на днях он встретился на шахматном турнире с М.С., который ему сказал, что имеет письмо (или письма) от Вас, что Вы себя великолепно чувствуете и что, конечно, не приедете, потому что обижены всем тем, что произошло (!?)². Словом, весь тон разговора был уязвленный, причем в обиженных оказался не только он, но и Вы – за себя и за него. Говорят, что все слухи, распространяющиеся в театральном мире и явно направленные к тому, чтобы поссорить Вас с К.С., идут из этого же источника. С кем бы я ни говорила на эту тему, я всегда и очень настойчиво разъясняю действительное положение дела и Ваше настоящее отношение к К.С. и его деятельности как директора.

Перемены спектаклей у нас идут лавиной. Сегодняшний “Вишн. сад” заменен “Вратами”, а утр. “Врата” перенесены на 10/XI. “Реклама” 26 и 27/X заменяется “Квадратурой круга” и “Молодостью”. Под угрозой завтрашний “Вишн. сад”. Бедный Калужский!! Несчастливая репертурная контора, нервничающая при каждой перемене!

Милый Владимир Иванович, всего хорошего желаю Вам, милой Ек. Ник. и Мише.

216.

Москва, 25 октября 1931 г.

Письмо № 15

Милый Владимир Иванович!

Так Вам не нравится та бумага, на которой я до сих пор писала Вам письма? Мне она тоже не нравится, но другой нет. Т.е. другая есть, но еще хуже. Но, по-моему, я пишу Вам больше, чем Вы мне, и, пожалуй, Ваших присылов не хватит¹.

По Вашим двум последним письмам сделано почти все. Деньги Ольге Аполлоновне посланы, Ценину дано знать, чтоб пришел ко мне. Он нездоров и поэтому до сих пор не пришел. Но деньги для него я из кассы взяла и поэтому этот расход включила в прилагаемый счет Ва-

ших денег. Пока я посылаю Вам только расчет по имевшимся у Рипси деньгам. Что же касается нашего кассового расчета, то мне сказали в бухгалтерии, что пока все Ваши поступления удерживаются в счет аванса, который должен быть погашен к 1 ноября, причем там должна остаться небольшая сумма в Вашу пользу. Правда, тотчас же должны начаться и расходы – выплаты для Зин. Гр.², профсоюзные взносы, касса взаимопомощи (членские взносы) и т.п. Словом, после 1-го ноября я сведу Ваш полный счет и тогда опять-таки пришлю его Вам. [...]

У нас продолжают перемены спектаклей, из-за нездоровья Ол. Леон. Так, 28-го опять отменяется “Дяд. сон”, заменен “Квадратурой”. В ноябре в праздничные дни тоже есть перемены, вызванные только тем обстоятельством, что подряд все спектакли, начиная с 4-го, целевые, и тут покупавшие спектакли организации обращались с просьбами о постановке для них именно “Хлеба” или именно “Бронепоезда”. Ол. Леон. чувствует себя уже неплохо, как говорит живущий у нее Дмитриев, но все же до сих пор остается в постели.

В расписании репетиций Вы, вероятно, обратите внимание на назначенные занятия с К.С. по “Царю Федору”, по монтажке “Мертвых душ”. Ни те, ни другие не состоялись. Первые отменил сам К.С. по следующим причинам. Он, как я Вам, кажется, писала, выслушал неудовлетворительные отзывы о Шульге в И.П.Шуйском и решил не пускать “Федора” в таком ослабленном составе. Летом, раздумывая о кандидате на Шуйского, он подумал о Подгорном и сказал тому, чтоб готовил роль. В Москве он, вероятно, об этом забыл, и в разговоре с Калужским предложил, чтоб Орлов и Кудрявцев (?) приготовили и показали ему отрывки из роли Ивана Петровича. Калужский, ничего не зная о переговорах с Подгорным, назначил тех на показ и сказал, чтоб им выдали экземпляры ролей. Когда об этом узнал Сахновский, то он вспомнил, что ему-то К.С. говорил о Подгорном. Он напомнил К. С-чу, К.С. отменил занятия и как будто собирается прежде всего попробовать Николая Афанасьевича. На монтажку “Душ” К.С. не приехал вчера из-за легкого нездоровья. Он сказал, что у него повышена температура, но насколько – не сказал, потому не знаю. Рипси сама простужена, так что к нему на дом не ездит из боязни заразить.

Дни наши проходят в повседневных работах и заботах. До сих пор вопрос ставок не урегулирован. Пока застряли на худперсонале, в окончательной разбивке которого по категориям К.С. не всегда сходится с комиссией. Техперсонал пока только намечен театром, в комиссии не проходил, а администрация, кажется, и вовсе не обсуждалась даже в дирекции. Из-за этого задерживается составление промфинплана. Сначала срок был к 15.X, потом отсрочили представление до 1.XI, теперь же дают отсрочку 1.XII. Нерв в труппе по поводу слухов о тех или иных прибавках довольно большой, но то ли еще будет, когда будут объявлены ставки и разряды!!

Вчера на “Фигаро” была Екатерина Владимировна, которая проси-

ла передать Вам и Эк. Ник. самый сердечный привет. Она все такая же красивая и обаятельная. Она служит теперь в одной из комиссий Моссовета, говорит, что занята не слишком много³.

Только что звонил мне Картер и просил в первом же письме передать Вам его привет и что он “очень много о Вас думает”. Пьеса до сих пор еще читается Телешевой – единственным режиссером, знающим английский. Из уже прочитанных актов у Елизаветы Сергеевны создалось впечатление, что пьеса скучна, суха, безынтрижна.

У нас в театре начались лекции по диалектическому материализму, главным образом для худож. цеха. Читает Калантаров, быв. управляющий Азербайджанскими зрелищными предприятиями. Мы встречались с ним в прошлом году в Баку. Прошла одна лекция, сегодня вторая. Лектор произвел на всех (было много народу, были почти все старики) исключительно прекрасное впечатление и вызвал к себе громадный интерес. У него большие знания по читаемому предмету, большой лекторский стаж, нужные навыки и при этом хорошее знание актерства и его специфических особенностей.

Настя Зуева только что – и уже во второй раз – просила меня послать Вам ее привет. О том же на днях просил Изралевский.

22-го в одной из московских больниц для душевно больных умер Пав. Ник. Андреев.

Милый Владимир Иванович, всего-всего хорошего желаю Вам, Екат. Ник. и Мише.

217.

Москва, 27 октября 1931 года

Письмо № 16

Милый Владимир Иванович!

Сегодня, здесь, в Москве, утром, днем и сейчас – сильно к вечеру, – поздравляю, поздравляю Вас с годовщиной основания театра.

Этот день мы проводим так: днем два спектакля – “Дно” и “Елизавета”, вечером тоже два – “Хлеб” и “Молодость”. Годовщина отмечалась днем, и не только тем, что взаимно поздравляли друг друга, но и тем, что за кулисами был устроен товарищеский чай и были переданы письма от К.С., с пожалованием “чайки” нескольким актерам, которые к этому времени прослужили 15 и больше лет. Точного списка таких юбиляров у меня под рукой нет, но я постараюсь возобновить их по памяти: Ершов, Добронравов, Н.Баталов, Л.Зуева, Калужский, Телешева, Вербицкий, Дмоховская, Шереметьева... На Большой сцене их приветствовал Москвин, на Малой – Сахновский. Конечно, как водится, гравер обманул, не выполнил заказа, и “чайки” к сегодняшнему дню не были готовы. Их передадут дополнительно. Сегодня же юбиляры получили

письма от К.С., чай и аплодисменты окруживших их товарищей. Годовщина их вступления в театр прошла раньше, в начале сезона, но К.С. решил приурочить их чествование ко дню юбилея театра.

К.С. простужен, вчера вечером у него было 37.1, сегодня – не знаю. Во всяком случае, он в постели, к телефону не подходит, а Рипси простужена и не ездит к нему, поэтому сведения из Леонтьевского идут скупо. Намеченная на завтра по расписанию его встреча с теми, кто, по его решению, сможет проводить после бесед с ним его систему в молодой части труппы, вероятно, будет отложена.

На днях у К.С. состоялось чтение пьесы “Самоубийца”. Читал автор. Слушателей было немного, все свои: Мар. Петр., Ив. Мих., Сахновский, Марков, Ник. Аф., Ник. Вас. К.С. слушал с громадным интересом и страшно много смеялся, до слез, до изнеможения. Говорят, что так хохочущим его давно не видели. К.С. решил обратиться с письмом (вероятно, сегодня или завтра оно пойдет по назначению) – с просьбой разрешить нам начать репетиции по этой пьесе с тем, чтоб впоследствии был сделан показ-читка по ролям этой пьесы, после чего и решится ее судьба¹. При этом театр, конечно, не сделает на нее никаких затрат, кроме труда актеров и режиссуры.

Вчера наша художественная часть делала примерное распределение ролей в предстоящих работах театра и сегодня посылает списки на утверждение К.С. (худож. ч. – это Сахн., Кал. и Марков). Но эта наметка очень черновая и во многих случаях – только на центральные роли. Вот как они примерно разбили работу среди труппы: в “Самоубийце” главную роль намечают для Н.Баталова, хотя в списке стоят предлагаемые Добронравов, Топорков, Яншин. Затем занимают (не перечисляю по ролям, потому что вряд ли Вы помните фамилии действующих лиц) Соколову (или А.Зуеву), Кедрова, Орлова, Шевченко, Алееву, Бутюгина, Грибова, Грибкова, Елину, Андерса или Титушина.

“Мольер” – заглавная роль – Москвин, Мадлена и Арманда – Коренева и Степанова, Муаррон – Ливанов, Бутон, слуга Мольера – Яншин, Людовик – Завадский, Одноглазый – Станицын, архиепископ – Подгорный, Лагранж (актер труппы Мольера, пишущий летопись, – заключающий пьесу) – Вербицкий.

“Смерть Занда”, говорят, настолько изменена автором, что выпали персонажи, раньше занимавшие в ней видные места. Как мне сказал Марков, в новом варианте нет ни старика-революционера, ни того, к кому уходила Маша, Шлиппенбах, кажется, его звали. Роль Занда хотят дать Хмелеву, Маши – Еланской, Тарасовой или Молчановой, кроме того, распределены еще только три роли – Топорков, Прудкин и Книппер (мать Занда).

Помимо этих новых пьес, сделана наметка по возобновлению “Горя от ума” (Фамусов – Гарханов, Чацкий – Ливанов, Репетиллов – Топорков и Молчалин – Массальский) и по “Мудрецу”: Глумов – Хмелев, мать его – А.Зуева, Крутицкий – Леонидов, Гарханов, Мамаев – Гарханов, Кедров, Городулин – Станицын.

Я вспомнила, что не написала Вам про еще одну болезнь, отражающуюся на репетициях “Страха”. Это Леонидов. У него грипп, он лежит, вероятно, уж вторую неделю. На спектаклях это не отражается, т.к. он по репертуару свободен, но вот “Страх” тормозится. Правда, Судаков занимался с Орловым, но все же теперь, перед выпуском пьесы, болезнь Леонидова ужасно некстати. По планам вся внешняя сторона “Страха” должна быть готова между 5–15 ноября. Числа с 17-го К.С., кажется, хочет то ли посмотреть исполнение, то ли позаняться с отдельными исполнителями. К нему уж обращались с просьбами о помощи – главным образом “девушки”: Тарасова, Титова, Морес...

Мордвинов, вероятно, Вам уже написал (он при мне начал письмо) о том, что ему предложено начать работы по “Тартюфу”. Он просил не назначать этих занятий до 1 ноября. Я думаю, что его некоторая паника преждевременна: вряд ли начнут эти работы до октябрьских дней. Стало быть, у него будет время до 9 ноября.

До свиданья, милый Владимир Иванович. Передайте, пожалуйста, мой привет и сердечные поздравления с уходящим уже даже у нас (а когда-то это письмо будет у Вас!) юбилейным днем театра. Желаю Вам счастья и удачи, милый Владимир Иванович. И здоровья, и сил.

218.

Москва, 30 октября 1931 года

Письмо № 17

Милый Владимир Иванович!

Вы, вероятно, уже вернулись из Милана или находитесь в пути, когда я Вам пишу. Я очень рада, что вдруг явилась эта поездка, которая, вероятно, Вас развлекла и привела в город, который давно вышел из разряда посещаемых Вами. Напишите, пожалуйста, как прошла Ваша поездка, понравилась ли она Вам и как прошел спектакль “Цена жизни”¹.

Я получила сегодня утром Ваше последнее письмо, и бумага, на которой пишу, – из него².

Видимо, ваханговцы сильно усомнились в телеграфном адресе, который я им дала, и решили для верности телеграфировать на полный адрес. Почему-то у нас в Москве предубеждение против сокращенных телеграфных адресов. Вместе с тем телеграмма из театра в день юбилея, данная на “Байерн-пансион”, вероятно, благополучно до Вас дошла. Я по голосу Русланова, который запрашивал у меня о Вашем адресе по телефону, решила, что телеграфный адрес показался ему подозрительным, т.к. он спросил и почтовый адрес.

Марков в последнем своем письме к Вам как раз дал зарок не

принимать в театр незаконченных пьес. Так что, когда я ему прочитала Ваши строки о “Дерзости”, он решил, что “прекрасные умы сходятся”. А когда он мне диктовал свое письмо и начал свою фразу о том, что он “окончательно убеждается в правоте Вашей точки зрения”... – я его принялась распекать: вовсе не так следует говорить – “окончательно убеждаюсь в Вашей правоте”, – а нужно сказать: “Простите меня, дурака деревенского (эта фраза из одной игры), что я у Вас не учусь уму-разуму и даже Вас пытаюсь в чем-то убеждать, что Вы без меня лучше во сто раз знаете!” Этот разнос Маркова очень развеселил, и он долго кудахтал (помните, как он смеется?) в кресле.

Случай вранья М.С. “бесчисленны, как морские пески” – как говорится в “Мертвых душах”. Исключительная личность!³

Вчера вернулся в Москву Анд. Сер., но не надолго, только по делам. Я сказала Ник. Аф. о передаче ему Вашего письма. Но Н. Аф. считает, что, пожалуй, не следует этого делать. Вопрос о нас должен вот-вот решиться⁴.

Ел. Конст. настолько уверена в том, как это будет, что, напр., сегодня, вызвав к себе нашего Ал. Прокофьева для приглашения наладить дело в ее театрах, ему сказала, что очень скоро станет его начальством и по нашему театру. Как я слышала, вопрос этот не объявляется окончательно только до приезда Анд. С. и разговора с ним. Раз теперь он приехал, вероятно, с ним будет обговорен наш переход и кончится это неопределенное положение. И так как вопрос с нами находится в неопределенности, то Н. Аф. считает, что дело о Вашем отпуске надо будет решать в той инстанции, в какой мы окончательно очутимся. Вот почему передача письма пока нами задерживается. Я просила Ник. Аф. сообщить все свои соображения К. С-чу и получить его одобрение. Повторяю, сейчас можно еще об этом не заговаривать, т.к. вопрос в отношении Вашего возвращения не стоит остро. К.С. же, вероятно, в ведущихся им разговорах сообщил о полученном от Вас письме и о состоянии Вашего здоровья.

К.С. просил меня запросить у Вас о следующем. Не разрешите ли Вы взять занавес из “Карамазовых” (тот, что ходил по штанге), причем он дает обязательство, что к будущему сезону этот занавес будет восстановлен. Он считает, что в этом сезоне “Карамазовы” не пойдут, это можно сказать с уверенностью, в течение же лета можно будет сделать новый занавес. Это поручение спросить у Вас я получила через Сахновского и тотчас же отправилась к Грем. спросить, для чего нужен занавес. (Сахн. этого не знал, К.С. ему не сказал.) Грем. мне объяснил, что в “Мертвых душах” будет устроен такой вот занавес и что для “Мертвых душ” его надо окрасить в темно-зеленый цвет. Как я Вам писала, К.С. меняет декоративную часть “Душ”. В связи с этим потребовалось множество сукон. В темно-зеленый цвет красят привезенные из Америки сукна, затем имеющийся на складе белый материал. И все-таки на занавес не хватает, сейчас получить невозможно, а в течение сезона,

к лету, постановочная часть рассчитывает получить нужный материал, который и окрасит в тот цвет, что у занавеса в “Карамазовых”. Так как назначенная на днях монтировка “Мертвых душ” из-за простуды К.С. не состоялась, я и не знаю, в каком плане будут менять дмитриевские декорации “Мертвых душ”. Как только узнаю, напишу Вам.

Последние дни мы живем оторванно от жизни: во всем театре испорчены телефоны. Говорят, это какое-то повреждение под землей, причем замолчали не только наши аппараты, но и в доме напротив. С одной стороны – приятно, что никто не теребит попусту, но зато сколько трудностей создает такая оторванность – с другой стороны.

Андровская поправилась, уже выходит на улицу, но играть в первый раз будет только 13-го. Так решили, чтоб ее не мучить и дать набраться сил. Ол. Леон. тоже начала выходить, но играть пока не может, так что завтрашний “Дяд. сон” заменяют “Квадратурой”.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы и довольны, т.е. пусть все будет у Вас очень хорошо и приятно для Вас. Сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

219.

5 ноября 1931 года

Письмо № 18

Милый Владимир Иванович!

Я очень давно Вам не писала, почти неделю. Было очень много работы. Теперь в моем ведении вся входящая и исходящая переписка, а кроме того, те, кто сидят наверху, т.е. Марков и Сахновский, дают мне разные задания, и Ник. Вас. тоже.

2-го у нас произошел ужасный случай, когда театру угрожала опасность пожара. Я прилагаю к письму протокол обследования, из которого Вам будет ясна картина, и копию вывешенного сегодня распоряжения К. С-ча. Это было в мой выходной день, так что я узнала об этом по телефону во время второго действия спектакля. Актеры держались так стойко и собранно, что это, вероятно, сыграло самую важную роль в смысле спокойствия в зрительном зале. Запах гари и дыма проник ведь сразу же и в зрительный зал, так что даже какой-то человек из 3-го ряда шепотом сказал сидевшему на лестничке Качалову: “Вы горите”. Несколько человек вышло из зрительного зала (очень осторожно), чтоб предупредить капельдинеров об явственном запахе гари, но вообще совершенное спокойствие на сцене настолько успокаивало публику, что и она продолжала следить за действием, не волнуясь возможной катастрофой. К.С. был, конечно, ужасно взволнован этим случаем. По-моему, нужны какие-то экстраординарные события, экстраординарные меры, чтоб изжить безобразную халатность и наплевательское

отношение к своим обязанностям у нашего техперсонала, особенно у электротехников. Сейчас уволен тот заведующий, которого поставил М.С. вместо Сурова (уволен еще до 2-го ноября) и заведывание электроцехом передано И.И.Гудкову, который учился и учится этой специальности, а летом как практикант работал по переоборудованию нашей электропроводки. Правда, этой практикой хвастаться не приходится, переоборудование оказалось сделанным ужасно. Правда, Гудков здесь не при чем, он ведь работал просто как рядовой электротехник, но вообще так переоборудовали, что дай бог сезон дотянуть, а потом надо все коренным образом изменять, т.е. ломать переоборудованную проводку и заменять ее новой.

3-го в первый раз играла после болезни Ольга Леон. Играла “Дяд. сон”, которым заменили “Вишн. сад”, снятый по болезни Леонидова. Последний все еще никак не выправится после своего гриппа.

Совсем поправилась Андровская, но пока не играет. Впрочем, я Вам писала о том, что впервые выступит 13-го в “Рекламе”.

10-го в “Дяд. сне” предполагено первое выступление М.П. Лилиной в роли Карпухиной.

Наконец-то заканчиваются работы по установлению окладов и возможно, что 15 ноября будут выплачивать не только жалованье в новом размере, но и разницу за 2 месяца (с 1 сент.).

К.С. нездоров, у него воспаление надкостницы, из дому он, конечно, не выходит, но дома у себя занимается много. Словом, упомянутые в расписании репетиций его беседы с теми, кот. намечены для преподавания системы, состоялись.

Анд. Серг. пробыл здесь несколько дней, раз был с женой у нас в театре в настроении сильно замкнутом, и опять уехал в отпуск. А мы все ждем решения о переводе нас к Ел. Конст. Отовсюду идут сведения, что это решено окончательно, только ждет формулировки.

Письмо какое-то растрепанное, не правда ли?

Обсуждался вопрос об отдаче роли Фамусова Качалову. Тогда “Тартюф” отпадает. Во всяком случае, с 1 ноября занятий по “Тартюфу” не начали и вообще пока о нем не вспоминают.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего желаю Вам, дорогой Екат. Ник. и Мише. Когда я о Вас думаю, я ужасно остро чувствую, как Вас не достаёт всем нам, а т.к. я эгоистка, то больше всего мне. Но вместе с тем я больше всего хочу, чтоб Вы отдыхали как можно лучше.

Москва, 11 ноября 1931 г.

Письмо № 19

Милый Владимир Иванович!

Вот и прошли праздники, снова началась работа, и, как всегда после праздников, работы довольно много. Я хорошо отдохнула – три дня: два праздничных и следующий, 9-го, выходной. Очень приятно было безвыходно посидеть дома...

Сегодня пришло Ваше письмо из Турина¹. Ваше приветствие вывешено. Многие подходили ко мне с выражениями радости, что в этом Вашем привете как-то острее почувствовалось единение, общение с Вами.

Сегодня позвонил мне К.С., и я ему передала и Вашу благодарность за телеграмму в день годовщины основания театра, и прочитала Ваше приветствие получившим “чайку”, и сообщила о Ваших сообщениях относительно “Горя от ума”. О последнем К.С. просил Вас передать следующее. В этом сезоне (в феврале – марте) необходимо осуществить возобновление “Горя от ума”, и по времени дай бог успеть ввести новых исполнителей, без внесения изменений, именно как рядовое возобновление спектакля, случайно не шедшего некоторое небольшое время. Но вместе с тем К.С. просит Вас, если это для Вас возможно, написать о тех изменениях, которые Вам мыслятся. Может быть, это не представляет таких трудностей, какие ему показались возможными из Ваших нескольких строк. Тогда, конечно, все будет сделано для того, чтоб поступить по Вашим указаниям. Словом, все сводится к тому, что если изменения сложны и заставят сильно оттянуть возобновление, вряд ли можно будет внести их сейчас, а придется провести их в дальнейшем, не задерживая выпуска спектакля в намеченный срок. И это тем более нужно, что вообще выпуск новых постановок сильно опаздывает. Например, “Страх” намечен сейчас только на 15 декабря, а где гарантия, что и в этот срок он выйдет.

Кроме того К.С. просил написать Вам о следующем. Сейчас снова стал вопрос о переводе на Большую сцену “Дядюшкина сна”. Спрос на спектакль есть, да и в смысле устройства массовых выходных дней при непрерывке он очень удобен. Однако К.С. считает, что для Большой сцены спектакль необходимо переработать, главным образом в третьем действии. Он взялся бы за эту работу только в том случае, если бы Вы дали на это свое разрешение, т.к. он считает, что спектакль Ваш; тем более – на афише стояло Ваше имя. Я объяснила К. С-чу, с какой неохотой согласились Вы на работу по выпуску этого спектакля, с которым были уже давно во многом не согласны, что в Вашей работе над спектаклем главную роль играла сила необходимости. Все же К.С. (и вполне естественно) просит, чтоб Вы сами решили вопрос о возможности его входа

в переработку этого спектакля по тем линиям, которые им намечены. Пожалуйста, напишите Ваше мнение об этом.

Кстати, 14-го в первый раз Карпухину играет М.П.Лилина. (В деле перевода пьесы на Большую сцену, конечно, некоторую роль играет и соображение совершенной непригодности Малой сцены для спектаклей с участием наших “стариков”.)

К.С. получил ответ относительно работы над пьесой Эрдмана “Самоубийца”. Нам разрешено работать, а через некоторое время мы покажем авторитетным товарищам результаты работы. Правда, в письме было сказано, что он не является поклонником этой пьесы, ряд лиц считает ее средней, некоторые – даже вредной, но если К.С. видит возможность работы над ней и даже выказывает к ней интерес, не будет препятствий к пуску ее в работу².

В двадцатых числах у нас состоится совещание по вопросу о создании спектакля в день 15-й годовщины Октября. К обсуждениям привлекается ряд драматургов и композиторов. Если не удастся получить настоящую прекрасную пьесу, которая подошла бы к выпуску именно в дни пятнадцатилетия, будет организовано торжественное заседание.

Как же Вы не знаете “Смерть Занда”? Я так хорошо помню Вас на читке этой пьесы в зале К.О. Вы были по-настоящему заинтересованы ею и даже сердились на послеантрактные звонки, которые невероятно длинно и противно гудели в К.О., на входивших и выходивших во время читки актеров, занятых в спектакле и приходивших в гриме и костюме. Но к концу чтения, помню, интерес упал, т.к. конец оказался совсем недоработанным, случайным и смазанным. Разве не помните? – партиец Занд, у него жена Маша, которая уходит от него к какому-то Шлипенбаху, кажется, чрезвычайно острому злопыхателю против нашей современности. Какая-то еще история с прятаньем этого Шлипенбаха в шкаф у Маши, какая-то встреча на площадке лестницы в следующем акте. И потом сцена, когда Занд уговаривает Машу вернуться к нему, против которой яростно восстал М.С., считая, что коммунист не может так унижаться перед оставившей его женой. Но теперь, как говорят, от всех этих перипетий в пьесе не осталось и следа. Все персонажи новые, за исключением Занда и его жены Маши. Остался еще доктор Гурфинкель, роль которого прежде была на втором месте (хотя, помню, на чтении тогда он всех заинтересовал), а теперь выдвинута вперед. Но вообще с Олешей трудно иметь дело. Срок представления пьесы был назначен по договору на 1-е ноября, как сам Олеша предложил. Ник. Вас., видя, что до 1.XI осталось несколько дней в момент подписания договора, сам предложил поставить 10.XI. А к этому сроку Олеша, ничего не сказав никому в театре, укатил в Ленинград, не оставив адреса, и теперь о нем ни слуху ни духу, и о пьесе тоже. Вот неаккуратный человек, постоянная с ним история!

Недавно был у меня Ценин и просил Вам передать благодарность за память, а кроме того, просил Мишу всегда рассчитывать на него и в

дальнейшем. Он рад при первом же случае быть ему полезным и просит это иметь в виду самым реальным образом.

Относительно покрытия Вашего аванса. Вероятно, Вы сговорились об этом с Никитиным, а тот никому об этом не сказал, т.к. в бухгалтерии никто о таком соглашении не знает. Но я надеюсь, что даже при том, что аванс рассчитали сейчас, удастся обойтись благополучно. Сейчас у меня нет никаких долгов, 15-го я перешлю Ол. Аполлоновне деньги по Вашему последнему распоряжению, и у меня еще останутся деньги, так что с этой полочки я надеюсь начать делать сбережения.

Разобрались ли Вы в присланном счете? Я хочу Вам предложить следующее. Приход по жалованью и пенсии Вы знаете, а счет расходов я буду высылать Вам время от времени, так что, я думаю, остаток будет у нас сходиться. Как Вы хотите: получать счет расходов по месяцам, т.е. ежемесячно, или следующий расчет можно будет сделать на 1-е января?

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович. Желаю всего хорошего, самых светлых дней – Вам, дорогой Ек. Ник. и Мише. Как идет его лечение?

Правда, красивая марка Туринского отеля? Вы наклеили ее, чтоб порадовать меня? Очень хороша!

221.

Москва, 20 ноября 1931 г.

Письмо № 20

Милый Владимир Иванович!

Работы у меня стало теперь так много, что – видите – какие громадные перерывы я делаю в письмах к Вам. По теперешней разверстке работы я секретарь дирекции + по совместительству личный Ваш секретарь. По первой должности мне прибавили ведение делопроизводства (то, что раньше делала Евгения Матв., а после ее ухода – по совместительству Ванда Мариановна). Мне приходится составлять бумаги (не-финансового характера, а заодно, для скорости, и писать их на машинке. Кроме того, явочным порядком я как секретарь обслуживаю художественную часть (Сахновского, Маркова). Конечно, секретарствую на читках пьес и вообще на заседаниях (хорошо еще, что пока вопрос о Худполитсовете у нас не разрешен и совет не собирается, а то была бы большущая нагрузка). Дела очень много. Правда, по новым ставкам мне сделали значительную прибавку. Теперь я буду получать 300 руб. в месяц (двести по должности секретаря дирекции и 50% от двухсот – оклада личного секретаря) вместо прежних моих 170-ти.

В эти последние дни у меня была еще работа по срочной переписке “Самоубийцы”, но это уж моя “халтура”. Сейчас пьесу расписывают по ролям и, вероятно, в скором времени начнут работать. 23-го Эрдман

читает свою пьесу труппе. Сказать по правде, пьеса мне не понравилась, когда я теперь с ней познакомилась. Или, может быть, я ждала от нее чего-то необыкновенного после всех громких о ней разговоров? Мне кажется, что она не для нашего театра.

С остальными новыми пьесами дело стоит так: Булгаков читал “Мольера” 17-го всей труппе. Пьеса понравилась, хотя Мих. Аф. читал простуженный и не с присущим ему блеском.

Марков мечтал устроить три блистательных читки подряд: “Мольер”, “Самоубийца” и “Смерть Занда”. Но Олеша подвел его самым откровенным образом. Он вернулся из Ленинграда, куда мы послали ему телеграмму с просьбой указать срок представления пьесы, оставшуюся без ответа, и не счел нужным сообщить в театр о своем возвращении. Тогда Сахновский и Марков послали ему письмо с просьбой прийти немедленно в театр, т.к. вчера вечером должно было разрабатываться распределение ролей в новых пьесах. Наш курьер вручил это письмо лично Олеше, но ответа не последовало, он не только не пришел в театр, но даже не позвонил. А поздно вечером я встретила его с Мейерхольдом в нашем переулке. Он ведь теперь живет в новом доме для писателей, что выстроили наискосок от нашего театра. Я совершенно уверена, что пьеса у него в лучшем случае существует в черновых набросках, а то, может быть, просто еще в его фантазии. Некоторые из наших думают, что пьеса у него есть, но что он, хотя и связанный с нами договором, вероятно, собирается отдать ее Мейерхольду, который вообще был против отдачи им пьесы нам, а теперь вдвойне зол на нас за то, что “Самоубийца” попал к нам.

Мне столько надо Вам написать, что я даже растерялась от обилия материала. Попробую писать в хронологическом порядке, вспоминаю все дела по датам. Если не успею сегодня написать все, все же отправлю это письмо, а остаток переведу в следующее.

В отдельном конверте посылаю Вам репетиции, репертуар и рапортики кассы. А то очень уж пухлый конверт получится.

И еще отдельно – бандеролью – pošлю Вам газеты и журналы. И вырезку о вахтанговском юбилее, хотя Вы, вероятно, “Известия” читаете полностью.

13-го был юбилейный спектакль у вахтанговцев. До спектакля, днем, было устроено торжественное заседание, на которое билеты были присланы настолько поздно, что у нас в театре попали к случайным посетителям репертуарной конторы. Программа заседания: слово П.И.Новицкого, который, ругнув и вахтанговцев, главным образом обрушился на Худ. театр и на К.С., вытащив и тенденциозно подобрав различные выдержки из дневника Евг. Богр. Мне говорили те, кто по радио слушал это торжественное заседание, что насюки Новицкого были грубы и бестактны. Затем слово Осинского, который был к нам милостивее и назвал Театр Вахтангова “блудным сыном великого МХТа”, считая, что часто блудный сын оказывается лучшим сыном. Художественную

часть торжественного заседания составили два номера симфонической музыки (увертюра к “Эгмонту” и “Шехеразада”) в исполнении оркестра Большого театра под управлением Коутса.

На юбилейном спектакле я была. Русланов был так мил, что прислал мне место. Вообще же попасть туда было очень трудно. В наш театр были присланы только персональные приглашения народным и далеко не всем заслуженным. Зрительный зал являл зрелище необычайное и чрезвычайно оживленное. Весь московский театральный и литературный мир был богато представлен. Было много лиц из правительства. Было множество наряднейших туалетов, но это не мешало многим дамам кутаться в пуховые платки и достаточно обжитые вязаные кофточки. То же и в мужских костюмах: самая пестрая смесь смокингов, прекрасных пиджачных костюмов, френчей, толстовок и троек. Но количество нарядных было так велико и общество было так оживлено, так всё между собой знакомо, что общий тон был явно праздничный. Этому способствовал и внешний вид вахтанговцев – фраки и вечерние туалеты дам, как участниц и участников “Турандот”, так и свободных от спектакля.

Вот первое впечатление – нарядно, оживленно. Второе же – то, что все время передавалось со сцены, – самореклама, самовосхваление. И при этом, понимая всю кухню этого спектакля, так и хотелось назвать всех их ловкими ребятами с внешностью пай-мальчиков и первых учеников.

Спектакль начался парадом всего состава. Сначала вышла по анонсу “молодежь”, затем “труппа”, затем “юбиляры”. Потом был приглашен на авансцену зав. сектором искусств Этингоф, который сказал приветствие, перечислил то, что делается в ознаменование юбилея (сообщение о возбуждаемом перед Наркомпросом ходатайстве о списании всех долгов по строительству было встречено дружным весельем и аплодисментами зала – “Ха-ха! Ловкие ребята!”); постановление Моссовета переименовать Николо-Песковский пер. в проезд им. Вахтангова; стипендии того же имени и т.п.; прочитал приветственное письмо от М.И.Калинина.

Затем начался сильно сокращенный сам по себе спектакль “Турандот”, расширенный кусками из других постановок театра, довольно ловко вмонтированными. Так же вмонтированы были приветствия, причем диапазон их был поразительно велик: театры, студии, заводы, фабрики, представитель Кузнецкстроя, куда нынче осенью ездил театр, представитель Кр. Армии в сопровождении четырех фанфаристов, игравших туш, представитель авиабригады, поднесшей пропеллер, подшефный завод “Каучук”, подаривший громадную модель дирижабля, висевшую под потолком в зрительном зале, опять театры и, наконец, даже представитель какого-то сибирского колхоза, над которым они успели принять шефство; представитель этот был поднесен особо, но все очень уж белые нитки были видны.

Этот вечер был отмечен для меня одним моментом, заставившим меня испытать чувство громадной радости и гордости: это было тогда, когда в ответ на объявление первой из делегаций – “Московский Художественный театр” – и на блестящий выход наших стариков (Книппер, Коренева, Качалов, Москвин) раздался такой аплодисмент, такой взрыв настоящего подъема в зрительном зале, какого не видел этот спектакль ни разу, ни при одной своей выдумке в течение всего вечера. Это была настоящая, идущая из самых глубин чувства, овация. Наши были удивительно хороши, особенно Ольга Леон. Она в этот вечер была прекрасна, лучше всех в зале. В платье цвета персидской сирени, с прекрасной своей напудренной головой. Была интересна и хорошо одета Коонен, но Ольга Леон. была лучше.

Когда я слушала, как встретили представителей Художественного театра, когда я смотрела на лица аплодировавших, я испытывала чувство гордости, что я служу в этом театре. Для меня это был лучший момент в этот вечер.

Очень тепло и шумно встретили Завадского – именно его, как первого Калафа, когда он вышел говорить приветствие от театра, находящегося под его руководством.

После спектакля, закончившегося в первом часу, был устроен банкет, на который часть гостей была приглашена, всем же работникам московских театров было предложено записываться с уплатой 25 руб. Говорят, на ужине было приятно и весело.

17-го у нас отпраздновали сотое “Воскресение”. После 1-го и 2-го актов в мужском фойе был чай. Ваша телеграмма¹ и приветствие от К.С. были вывешены на доске. Юбилярами оказались: Качалов, Еланская, Ершов, Степанова, Зуева А., Морес, Прудкин, Андерс, Кнебель, Скульская, Фалеев, Изралевский, Митропольская. Фактически-то это оказался 101-м спектаклем, у нас вышла путаница в записях, но установить это удалось только после предыдущего спектакля, 2-го, который и был по настоящему сотым. Но и хорошо, что не тогда праздновали юбилейное количество, ведь 2-го было то “Воскресение”, когда случился пожар.

Пока помню – совсем не к месту: пришлите, пожалуйста, уверенность на получение Вашей пенсии, без обозначения месяцев, примерно так: доверяю получать мою пенсию (хотите, доверьте мне, хотите – непосредственно тому служащему, который обычно за ней ходит, но лучше мне, а я буду всякий раз передоверять). Мы здесь Вашу уверенность заверим, скрепим печатью, все будет в порядке. А то в последний раз выдали только по моему официальному отношению в Наркомфин и заверению, что уверенность от Вас непременно будет получена в течение ноября.

Вы ничего не пишете относительно Ваших воспоминаний о Лужском и Александрове. “Утро памяти” отложено на время между 7 и 10 декабря. Устроители очень надеются, что Вы пришлете такое “слово”, которое прочтет один из наших народных.

На днях приехал Грибунин. Он не захотел остаться там еще на месяц, боялся остаться один, а сестра Рипси, уехавшая туда вместе с ним и ежедневно его навещающая, должна была вернуться на службу. Он с ней и приехал. Сейчас он несколько простужен и вообще чувствует себя слабым, так что ни о какой работе в театре пока речи быть не может.

Наша бухгалтерия просила меня еще раз запросить Вас относительно подписки на заем “Третий решающий”. Записать ли Вас на этот заем и на какую сумму?

Кстати о суммах: Ваши поручения я исполнила, деньги Ол. Ап. выслала и наконец-то у меня, к великой моей радости, от Вашего жалованья осталось немного денег. Я думаю, что все-таки я Вам сдам следующий отчет после получения 1-го декабря, а затем следующий – “баланс” на 1-е января.

Вчера Соф. Вит. передала мне письма, пришедшие на Вашу квартиру. Одно из них – Россова – прилагаю. Может быть, Вы захотите сами ему ответить, утешить его. А я ему напишу, чтоб он не мучился Вашим молчанием, что Вас сейчас в Москве нет.

Другое письмо от Манке, из Дрездена (Вейнбергштрассе, 38). Он пишет, что недавно виделся с Марком Лотаром и сердечно о Вас с ним вспоминал. Что у него остались самые приятные воспоминания о России и о встрече с Вами у Вас на квартире. Просит передать привет Ек. Ник. и Мише. Что в октябре в Дрездене был А.В.Луначарский, которому он смог только вкратце сказать, какую радость ему доставило пребывание в СССР. Что он хотел бы знать, когда Вы снова будете в Германии, чтоб он смог с Вами снова увидеться. И в знак почтения к Вам прислал Вам свою фотографию с почтительной надписью.

Третье – из ЦЕКУБУ – приглашение на вечер по поводу Октябрьской годовщины и с приложением анкеты, которую я Вас прошу подписать. Возможно, что она нужна для перерегистрации. Когда я ее получу за Вашей подписью обратно, я ее перешлю по принадлежности.

Самая большая наша театральная новость – это передача роли Чичикова Качалову. Все это время Топорков не удовлетворял К. С-ча. Ему пришла мысль попробовать Качалова. Сначала Вас. Ив-чу была в секрете передана роль, потом Вас. Ив. показал К. С-чу несколько кусков. Если б и это не удовлетворило К.С., то все осталось бы по-старому и Топорков ничего бы не узнал. Но К.С. принял Качалова, и теперь Топоркову Сахновский обо всем сказал, с предложением остаться дублером Чичикова, параллельно дорабатывая роль. Топорков мужественно принял это известие и согласился на предложение. В виде компенсации за такое огорчение ему предложена роль Подсекальников (главная) в “Самоубийце”, на что он тоже согласился.

Сейчас у нас должно состояться первое собрание авторов и композиторов для обсуждения спектакля в 15-ю годовщину октября. Приглашены: Олеша, Эрдман, Афиногенов, Булгаков, Леонов, Иванов Всев., Фадеев, Безыменский, Антокольский, Луговской, Шебалин, Половинкин, Крюков, Книппер, Симов.

Да, еще новость в “Мертвых душах”, пока, кажется, секретная: К.С. поручил Симову сделать эскизы декораций. Думаю, что Дмитриев, кот. придет из Ленинграда 25-го, этого еще не знает. Для костюмов, кажется, останется Дмитриев. Это еще пока не решено.

Надо кончать и отправлять письмо. Вероятно, Вы устали, его читавши.

Мне сказали Соф. Вит. и Лиза Асланова, что есть известия о фуроре “Цены жизни”. Я ужасно рада и поздравляю Вас от всего сердца.

Всего, всего хорошего, милый Владимир Иванович. Мой сердечный привет Ек. Ник. и Мише.

Елена Серг. тронута Вашей памятью о ней и просит передать Вам нежный привет. Ей живется славно и приятно.

222.

Москва, 25.XI.1931

Письмо № 21

Милый Владимир Иванович!

Очень-очень рада я была, когда читала о таком великолепном успехе Вашей пьесы и Вашей работы. Но как же Дузе, такая изумительная актриса, могла думать о невозможности понимания итальянцами нашего театра! Это меня поразило. Ведь она должна была знать, что все настоящее, глубокое, человеческое обязательно дойдет и захватит любого человека, независимо от его национальных особенностей. Я счастлива, что Вы испытали так много радости в Ваши туринские дни. И еще что было мне особенно радостно прочесть: “Климат произвел на меня изумительное влияние”, – пишете Вы¹. Как огорчает меня, что, вероятно, в силу многих обстоятельств Вы связаны с Берлином и не проводите зимы на юге Франции или в Италии. Вам, Вам особенно надо жить под солнцем. В моем представлении, в моих воспоминаниях о Вас Вы всегда связаны с неистощающейся тягой к солнцу и к радости, к солнцу, которое всегда и непременно дает радость. Вот и в письме перед выездом в Турин Вы написали, что едете “схватить хорошего солнца”, Вы думали о нем. Никак нельзя поехать Вам еще на юг, в тепло?

Наш переход решен окончательно. На днях (кажется, 21-го) заезжал к нам Енукидзе и сообщил, что через 2–3 дня последует опубликование постановления в печати. Но пока все-таки его нет. Относительно Ел. К. еще ничего не известно. Со стороны ее театра идут сведения, что она будет у нас непременно, со стороны другой – что не она, а или вообще никто, или кто-нибудь без директорских полномочий². Во всяком случае, те бумаги, на которое наше начальство не накладывает резолюции (напр., разрешение на выдачу разницы в жаловании), т.к. не считает себя уже компетентным, даже без опубликования постановления предложено направить по адресу будущего начальства.

В последнем письме я не написала Вам о просмотре гримов и костюмов “Страха”, о котором Вы, вероятно, прочли в расписании репетиций. Я побывала немного в зале. Прекрасные гримы у Леонидова, Ершова, Книппер, Тарасовой, Морес (совершенное дитя, не больше 12-ти лет, можно даже дать меньше). Хороший грим у Вишневого. Добронравов мне показался слишком конфетно или плакатно красивым, слышала, что и режиссуру он не удовлетворил, будут пробовать другое. Очень не понравился мне грим Прудкина – его национальность кричит, вопит, в десять раз сильнее, чем в жизни. У него парик красновато-шатенистый, гладко зачесанные назад волосы с взлсынами на лбу. Небольшие подстриженные усики, проваливающие ему рот, отечные глаза с мешочками под ними – и выражение в них мировой скорби. А все вместе – вид негодяя, пролазы, вредителя. Об этом можно догадаться, как только он войдет в комнату. И вдруг я услышала, что Судаков все это похваливает. Тут я сделала то, чего никогда не делаю. Подсела к автору, а потом к Маркову, потом еще к актерам некоторым и всем сказала, что неужели они не видят, что такой Кастальский не мог бы быть “любимым учеником” такого человека, как Бородин. Не мог бы быть так принят в его доме. Я сказала, что могу утверждать, что Вы бы не приняли этого грима, т.к. он совершенно выпадает из пьесы. И портит Прудкина, и должен ему мешать в линии образа. Потом я себя ругала за такое вмешательство не по праву, но я не могу относиться к “Страху” равнодушно, все-таки это Ваша пьеса. В общем, Афиногенов со мной во всем согласился, у Судакова начались сомнения, Прудкин же мне говорил (потом, на следующий день), что он сам, обговаривая с Фалеевым грим, иначе видел его. Прудкин мне сказал, что будет пробовать еще и добьется той польской характерности, которую он непременно хочет дать.

Продолжаю только на следующий день. Очень много дела все время.

В прошлом письме я не написала Вам о том, что 14-го впервые в “Дяд. сне” Мар. Петр. играла Карпухину. Играла она очень хорошо, будет играть, конечно, еще лучше. До решения войти именно в это время в спектакль она волновалась, но на спектакле, по собственным заверениям, была спокойна (относительно) и играла после такого большого перерыва с удовольствием. К.С. был против ее входа в спектакль, считал, что ей надо бы еще погодить. Словом, “дебют” прошел прекрасно, а следующий раз она играет 20-го, а 29-го сыграет утренник для кассы взаимопомощи на Большой сцене. Как только сдала она эту работу, тотчас же повторила роль матери Незеласова в “Бронепоезде” и тоже уже вошла в спектакль.

21-го у нас прошли выборы нового месткома. Избраны членами: Саврасов, Раевский, Орлов, Прудкин, Тарханов, Дорохин, Гедике, Лакшин, Коновалов, Лисенков, Лапшинов, Лопатин Г.Г., Морозов. Последние пять – представители техн. и рабочего персонала. Кандидаты в местком: Герасимов, Титушин, Лесли, Ситникова и Борисов (гар-

деробщик). Председателем месткома избран Раевский (он же был и в прошлом сезоне), секретарь – Саврасов. Остальные должны руководить различными секторами, на которые распадается местком. Кроме того, по новому положению нашего союза в каждом цеху есть свой местн. комитет, так наз. цехком, который работает под руководством центрального месткома, т.е. вышеперечисленного.

Очередные неприятности у нас с заболеваниями. У Кудрявцева был грипп, который настолько осложнился, что вряд ли он сможет работать в течение ближайших двух месяцев. Пока театр отправляет его в санаторий ЦЕКУБУ в Болшево для поправки, срок пребывания там выхлопотан для него по 31 декабря. Его болезнь ставит под большую угрозу выпуск “Дерзости”. Ведь он был дублером Баталова в роли Артамона, дублером, который по-настоящему-то и репетировал, Теперь удалось захватить Баталова так, чтоб он репетировал Артамона. Но Вы ведь знаете Ник. Петровича, принесет моментально десяток справок из Туб. института, что ему никак нельзя работать, и ничего с ним не поделаешь. И в то же время снимается в кино. Он как раз теперь снимается, и для него репетиции “Дерзости” ужасно некстати.

Все никак не ладится работа с Вас. Ив. в “Мертвых душах”. Один раз опоздал на репетицию на 40 минут, другой раз вовсе не пришел, в третий раз опоздал на 35 минут, режиссура, перестав его ждать, начала репетировать сцену с Топорковым, а когда Вас. Ив. пришел, оказалось, что он уже не нужен. Говорят, будто Топорков после этого шока стал репетировать гораздо интереснее и роль у него заметно пошла вперед. Кто знает, может быть, он и сыграет!³

Сегодня были волнения на “Страхе”. Леон. Мир. стал нервничать, говорить, что он конченный актер, не может репетировать, ясно, что не может играть, и т.п. В то время как страховцы отправились к К.С. на репетицию, Сахновский позвонил К. С-чу о таком настроении Леонидова, и мы надеемся, что К.С. успокоит нервы умело и быстро. Мне говорили, что К.С. совершенно изумительно помогает в “Страхе”, раскрывая образ каждому исполнителю.

Вчера Соф. Вит. сказала мне, что Мише уже сделали операцию, что все тяжелое позади и что уже есть результаты положительные в смысле слуха. Слава богу! Как я рада за него, за Вас, за Екатерину Николаевну! Передайте им обоим мой самый нежный привет и пожелания, “чтобы все пошло легко!”

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего-всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Москва, 1 декабря 1931 года

Письмо № 22

Милый Владимир Иванович!

Вот жизнь у меня пошла – голова идет кругом от дела! Я никогда еще так бешено не крутилась по самым разнообразным делам. Как о каком-то избавлении думаю о завтрашнем выходном дне, когда ничего не буду делать, никуда из дому не выйду...

Не по небрежности, а из-за дикой занятости не писала Вам неделю, не высылала очередных журналов, так что их накопилось больше обычного.

Сначала по Вашему последнему письму¹:

“Крестословица” обозначала, что спектакль “Хлеб” был продан какому-то отделу ОГПУ, причем никто в бухгалтерии, где совершался договор, не смог мне сказать, какому отделу, т.к. буквы “П.П.” и “М.И.”, предшествовавшие и следовавшие за буквами “О.Г.П.У.”, и в договоре помечены без обозначения их расшифровки. Отвечаю так невразумительно, что по-настоящему выходит, будто и не ответила на Ваше недоумение.

Качалов – Чичиков обрадовал очень многих, но пока дело с репетициями его стоит очень плохо. Я Вам писала уже о случаях его опозданий на репетиции, сейчас же он опять-таки не репетирует (не обращайтесь внимания на расписание репетиций, это только на бумаге, а на деле было иначе), т.к. простужен. Т.е., вернее, говорится только, что простужен, на деле же у него было неладно с сердцем, и мне говорили, что это следствие снова проявляемой им присущей ему слабости. Одно время он был совсем в порядке, кажется, с июля месяца держался до октября, почти до ноября. Лечился, а при лечении ему были запрещены излишества. В последнее же время – опять не может сладить с этой своей слабостью и довел себя до приступов сердечной болезни. Только что был у меня Иверов, говорит, что сейчас он поставил Вас. Ив. на ноги, что тот чувствует себя молодцом и сможет работать. А то ведь было много перемен, и одна – связанная отчасти с В.И. О всех бесконечных переменных я Вам напишу после в этом же письме.

“Самоубийца” вызвал в самом театре столько разноречивых мнений, при этом так остро ставящихся, что на 7-е объявлена внутримихатовская дискуссия об этой пьесе, главным образом для того, чтоб прекратить споры и разговоры по коридорам и в буфете, а вынести все мнения на общее обсуждение.

Не очень давно, по письму Ек. Ник., я выдала Соф. Вит. 40 руб. Теперь я не знаю, относится ли Ваше распоряжение “выдать С.В. столько, сколько она спросит” к этим деньгам, или надо выдать сколько-то сверх сорока. 50 рублей Л.И. Дайн переданы мной через Соф. Вит.

Все решительно – Сахновский, месткомовцы, Марков – просят, умоляют Вас написать воспоминания о Лужском и Александрове. Это будет ужасно для театра, для близких Вас. В-ча и Ник. Гр-ча, что нет хотя бы немногих, но именно Ваших слов. Устроители “Утра” согласны отсрочить его до второй половины, наконец до конца декабря, только бы получить от Вас Ваше слово.

Грибунину я позвонила тотчас же, чтоб сказать, что Вы о нем думаете и беспокоитесь. Он был очень тронут, просил передать Вам его нежнейший, любящий привет и благодарность за внимание. Он было совсем уж собирался прийти в театр повидаться с друзьями, как ударили морозы (до 18-ти градусов у нас доходит при ветерке). Ему и запретили выходить. А тут недавно у него вдруг и температура поднялась, испугались было, но все это оказалось связанным с желудком, и температура продержалась недолго.

На заем подпишусь и постепенно погашу те взносы, которые следовали за прошедшие 4 месяца. Я при этом рассчитываю на повышение Вашего оклада. По новому тарифному положению за директорство Вы должны получать 1 000 р. и за режиссуру 800, но, кажется, такой оклад будет утверждаться возглавляющим нас органом.

Мы не имеем никакого официального сообщения о переводе нашем, но фактически это уже произошло, ибо мы получаем запросы уже не из НКПроса, и разрешение на выплату, напр., разницы в жаловании или праздничных (октябрьских) нам НКПрос отказался дать, и мы его получили от ЦИК. Но о назначении Ел. К. к нам ничего не слышно, даже, пожалуй, слышно в смысле отрицательном. По-настоящему – мы просто начали работать по той линии, которую устанавливает наша дирекция, т.е. Вы и К.С.

К.С. просил Вам передать вот что относительно оформления Вашего отпуска. Он просит написать письмо на имя Ав. С. – примерно так же, как Вы писали Анд. С., – и здесь, в зависимости от необходимости, оно будет передано. Может быть, и не понадобится передавать письмо, если все просто будет К. С-чем обговорено на словах. Но, как говорит К.С., на всякий случай хорошо ему бы иметь в руках такое Ваше письмо.

Опять возвращаюсь к Вашему письму: в Муз. театр я передала все Ваши распоряжения и пожелания. Кроме того, сказала Маркову, чтоб он проверил, наладится ли писание Вам писем и посылка рапортичек. Анна Серг. сказала мне, что возьмет это все на себя.

Теперь – о других делах.

Я начну с мелких вещей, т.к. о самом крупном – “Страхе” – я хочу написать тогда, когда смогу без отрыва заняться письмом. Сейчас же мне скоро предстоит сделать в письме перерыв – надо пойти на лекцию о диалектическом материализме Калантарова. Я посещаю эти лекции очень аккуратно, и мне они чрезвычайно интересны.

О пьесе, которую передал Картер. Автор пьесы Паукер. Ее читала

Телешева, пьеса ей понравилась, она подробнейшим образом начала ее рассказывать по явлениям Маркову, и тут вскоре выяснилось, что эта пьеса уже шла в Студии Малого театра под названием “Летающий орел”, успех ее был средний². Так что английский текст пьесы я снова передаю на хранение к Рипси, и Картер при желании всегда может его получить обратно. Видитесь ли Вы с ним и сможете ли Вы ему это все сказать? Или мне написать ему? Он оставил мне свой адрес.

2-го в Тифлисе празднуется 40-летний юбилей Марджанова, о чем мы получили телеграммы в театр, Вам, К.С. и многим старикам. Я просила К.С. в том случае, если он будет посылать от себя личную телеграмму, помимо общей от театра, написать свою личную телеграмму от Вас обоих, что К.С. и сделал. Вот текст телеграммы, под которой стоит Ваше имя: “С радостью вспоминаем дни совместной с Вами работы, шлем Вам свои поздравления и лучшие пожелания. Ждем Ваших новых побед и дружески ждем Вашу руку. *Немирович-Данченко. Станиславский*”. Вы не сердитесь, что я так распорядилась в этом деле?

Вчера состоялось уже второе заседание драматургов и композиторов по созданию спектакля к 15-й годовщине Октября. К сожалению, на первом заседании были одни лица, на второе же пришли те, кто на первое был вызван, но пропустил, и отсутствовали бывшие на первом заседании.

Теперь решено устроить 3-е заседание, на которое убедить прийти всех. Оно назначено на 9 декабря.

На первом заседании много фантазировали – лучше всего, я приложу к письму протокол. На вчерашнем ожидаемой организованности, конечно, не было, т.к. пришли новые лица (Олеша, Эрдман, Булгаков), которые опять-таки начали фантазировать. Мих. Аф. пришел с проектом создать такой спектакль: поручить 15-ти драматургам (лучшим, конечно, и представьте, нам даже удалось насчитать столько хороших драматургов) написать 15, по числу лет революции, отдельных сцен, каждую отнести к определенному году и выхватывая из этого года один из самых острых моментов. Все картины связать текстом теща. Основная идея, проходящая через все картины, – усилия, напряженнейший труд страны, идущей через громады препятствий к социализму. Спектакль, который приведет к грандиозному апофеозу.

Для начала все пустились в страшнейшую критику этого проекта, и кончилось тем, что Булгаков снял его, заявив, что его убедили в грубости и скучности такого спектакля. Но тогда все завопили, что протестуют против снятия проекта, т.к. он является наиболее выполнимым и реальным. Ибо контрпроект, выставленный Сахновским, говорившим о создании сценической поэмы, показался всем сумбурным и неосуществимым. Во всяком случае, требующим своего создания одним лицом, рождающим совершенно новую форму спектакля. Сахновский, увлекаясь, может ведь наговорить много, чрезвычайно красочно что-то показывая, выхватывая какие-то куски, образы, но примените это на сцене

– и получится непременно ужасно. В общем, предложено, чтобы оба автора проектов к следующему заседанию представили совершенно конкретные планы по кускам спектаклей, и тогда все это будет обсуждено на возможно более широком собрании драматургов. Как-то у меня нет веры в возможность создания такого комбинированного спектакля. И мне кажется, что драматурги, помня историю в 10-летие Октября с “Бронепоездом”, лелеют мысль – каждый про себя – написать самостоятельную пьесу. И конечно, это было бы лучше всего – получить хорошую современную революционную пьесу, которую сделать бы надолго по-настоящему. А не спектакль, хотя и парадный, но приуроченный только к юбилейному дню или вообще к юбилейным случаям.

Теперь о нескончаемых переменах у нас из-за заболеваний. [...]

Наконец-то я, кажется, могу приступить к рассказу о “Страхе”. 28-го был показ К. С-чу семи картин. Начали в два, даже с опозданием, кончили, кажется, около половины шестого, но все же все эти 7 картин прошли, т.к. необходимо было непременно показать именно 7-ю картину на кафедре.

Если писать или говорить о “Страхе”, то прежде всего надо говорить о Леонидове. Он так изумительно играет эту роль, что невольно максимум внимания отдаешь ему. И зрительный зал так откликнулся на каждое его слово, так ответно звучал ему – не как Бородину, а как актеру, что это его особенно согревало и поднимало. На следующий день он мне сам сказал, что он все время чувствовал те лучи, которые шли к нему из зрительного зала. Конечно, наши актеры, совершенно плененные им, не могли удержаться своих восторгов и несколько раз во время картин принимались ему аплодировать. Правда, Леонидов мне сказал так: “Вы знаете, это меня даже не должно особенно радовать, вот такой успех и признание. Когда я хорошо репетирую, я плохо играю на спектакле”. Но я совершенно убеждена, что в этом спектакле он не сможет плохо играть, эта роль выливается у него так легко.

Слушается пьеса с неослабевающим интересом, все напряженно следят за каждым куском. Исполнители? Рядом с Леонидовым, конечно, все меркнут, но все же очень заметно хорошо играет Ливанов – Кимбаев. У некоторых остальных есть много хорошего – у Прудкина, Морес, Тарасовой, Добронравова, Зуевой, но совершенно необходимо, чтобы с ними прошел роли К.С. Например, Морес – все очень верно, а все-таки чем-то согреть образ надо. Из всех перечисленных мне больше других нравится Прудкин. Добронравов играет с темпераментом (между прочим, так на репетиции схватил за горло Прудкина в 4-й картине, что у того сделалось воспаление хрящей, и он с трудом вечером играл спектакль), но сын прокурора у него не получился. Чрезвычайно слабо прошли у всех Титова, Вербицкий, Новиков – директор института.

Да, я не упомянула, что очень хорошо играет Вишневский роль Захарова.

Титовой было трудно репетировать – у нее нет ни грима, ни костюма. Так, во всяком случае, ее оправдывали друзья. Но, по-моему, все

дело в том, что ей, как никому в спектакле, нужна настоящая большая помощь, которой она не видит с начала работ (я не говорю о той поддержке, которую она видела от Вас, но ведь Вы не очень много смогли быть в спектакле). Ни товарищи по работе, ни режиссер не хотят отдать ей особенно много внимания, и кажется, что она сжимается, съеживается, уходит в себя и деревенеет, в то время как если бы из нее потянуть то, что она может дать, то она раскрылась бы интересно и полно.

Совсем мне не нравится Ершов, очень поверху, очень типично для него. Но это мое личное мнение, я знаю людей, которые находят, что он много сделал хорошего в роли – по сравнению с прежними его ролями.

Особо я хочу написать об Ол. Леон.

Она никак не была принята на этой репетиции, и наиболее расположенные к ней друзья в высказываемой оценке главным образом напирали на личное ее обаяние, которое делает все. Но она сама чувствует, что то, что у нее получилось, – не то, не то и не то. Она мучается этим, бросается за помощью, сегодня даже занималась своей речью с автором, и все-таки нет уверенности, что роль у нее пойдет. Есть даже такое предположение: 6-го на репетиции, где она будет Кларой, после 7-й картины попросить Соколовскую тоже сказать монолог Клары и после этого решить, кто будет играть первые спектакли. Говорят, что у Соколовской очень хорошо идут многие места роли и монолог – сильнее, чем у Книппер, более гневно и впечатляюще. Я, конечно, буду Вам писать обо всем по мере появления решений.

О репетициях пока решено так: 8-го вся пьеса без публики, затем 10 или 11 – с какой-то близкой публикой, 13-го – папы-мамы и 15-го общественный просмотр. А в посланных Вам сегодня в отдельном конверте рапортичках и репертуаре, т.е. именно в репертуаре, уже стоит премьера – 17-го.

Заканчиваю – опять длинное и утомительное для Вас письмо. Все-го хорошего, милый Владимир Иванович.

Да, декорации в “Страхе” не нравятся и считаются только терпимыми. Мне они понравились на сцене больше, чем в макете.

Сердечный привет Ек. Ник. и Мише. Желаю Вам сил, здоровья, радости.

224.

Москва, 6 декабря 1931 г.

Письмо № 23

Милый Владимир Иванович!

Завтра у Вас семейный праздник – именины милой Екатерины Николаевны. Только что отправила поздравление по телеграфу, но хочу

еще раз, в письме, послать поздравления и самые лучшие пожелания виновнице торжества, Вам и Мише.

Сегодня, перед выходным своим днем, хочу успеть написать Вам хоть немного. Видно, теперь столько будет дела, что чаще одного раза в пятидневку не удастся писать. Вот хотела непременно сегодня послать Вам Ваш счет, но придется, может быть, отложить.

Вчера К.С. прислал мне полученное им Ваше письмо к Ел. К. Из моих последних писем Вы уже знаете, что ее у нас еще нет и неизвестно, будет ли. Поэтому пока письмо К. С-ч просил сохранить у меня и воспользуется он им, если обстоятельства сложатся именно так, как Вы в начале письма к ней обратились. Из последнего моего письма Вы знаете, какое письмо К.С. просит Вас написать для оформления отпуска.

Сегодня К.С. смотрел 3 последние картины “Страх”, т.е. начали опять-таки с “Кафедры” (чем кончили прошлый показ), затем у следователя и последняя картина – у Елены. “Кафедру” прошли несколько раз, именно: один раз целиком картину в составе Леонидов – Книппер, причем начало картины несколько изменено. Прежде начиналась картина сразу речью Бородина, т.е. занавес раскрывался и казалось, что доклад Бородина, начавшийся раньше, здесь, на публике, заканчивался. Теперь сначала кафедра докладчика пуста, у стола президиума группа спорящих людей (Невский, Цеховой, молчаливый член президиума, еще 3–4 человека). Невский – Новиков прерывает спор объявлением: профессору Бородину предоставляется слово для заключения доклада, Леонидов выходит из левой кулисы – и картина идет в том тексте, который был дан сначала. Когда прошли картину, К.С. предложил повторить ее с речи Клары, в исполнении Соколовской (значительно более сильным, просто прекрасном по сравнению с Ол. Леон., как это ни грустно писать). Прошли. Тогда К.С. обратился ко всем сидевшим в зале актерам – зеленой молодежи, просто молодежи и середнякам – с просьбой пойти на сцену, облупить стол президиума, кафедру, все помещение, и реагировать на доклад Бородина и речь Клары, причем большинство против Бородина и за Клару, и совсем небольшая группа – на стороне Бородина. И тогда речь Клары снова говорила Книппер. В последней картине тоже репетировала Книппер.

Я расспрашивала о решениях К.С. после репетиции и узнала следующее: К.С. принимает больше в роли Клары, конечно, Соколовскую, но у него не хватает духу обидеть Книппер. Так что он даже сегодня вызвал к себе Ол. Леон. заниматься ролью, хотя, как находят многие, было бы вернее сказать Ол. Леон. всю правду и вызвать для занятий Соколовскую, т.к. роль у нее так хорошо ладится, что если ей позаниматься с К.С. (времени-то ведь осталось мало), то она будет просто великолепна. 17-го К.С. не рассчитывает выпустить спектакль, но вместе с тем откладывать надолго тоже не собирается. К тому же Леон. Мир. нервничает и хочет поскорей выйти на публику, ибо репетиции его ужасно волнуют и даже вызывают в нем физическое ухудшение здоровья, увеличение

процента сахара и т.п.¹. Необходимость из-за Леон. Мир. поскорей выпустить пьесу заставила К.С. отказаться от мысли попробовать другую Валу. Ввести новую исполнительницу (Степанову он думал, а не Андровскую, хотя последняя и числится во втором составе) до выпуска пьесы не успеют, кое-как вводить К.С. не позволяет, оттягивать же премьеру из-за роли Вали тоже нельзя, поэтому пока Титовой не угрожает никакая другая беда, кроме опасности плохо сыграть роль².

На сегодняшнем показе опять-таки прекрасно себя показали: конечно, Леон. Мир. – он играет потрясающе, – Ливанов, Прудкин, Морес. Как Вы всегда говорите актерам: то, что верно найдено, то и разовьется и будет развиваться, а что неверно – застынет или пойдет назад. Вот у этих найдено это верное. Опять не упомянула о Вишневском, а он прекрасно и в 8-й картине играл. Ершов – как Ершов, Добронравов – как Добронравов. Тарасова всем кажется, простой, жизненной, но какой-то легкой, поверхностной, не глубокой. Л.Зуева мало запоминается, разве только своей подчеркнутой внешностью – невообразимо худа и обтянута узким платьем.

В последних двух картинах, после перелома на докладе, нам с П.Марковым показалась некоторая сладость, умиленность. Особенно в последней картине. Но вот Олеша утверждает, что это именно публике и нужно. Это из разговоров Олеси перед заседанием драматургов. На показе он, конечно, сегодня не был.

Последняя перемена у нас была 3-го: вместо “Рекламы” – “Наша молодость”. Это еще из-за Андровской, которая теперь поправилась и завтра будет играть. Но с 3-го пока ни одной перемены, даже странно. За последние дни часты случаи телефонных звонков: без всякой причины спрашивают: а у вас сегодня нет перемены? Нет уже доверия, что можно спокойно прийти на спектакль и именно его увидеть. А сегодня чуть было не случилась перемена. С утра звонила Кемарская, что болен Ершов, и могли бы полететь и “Страх” днем, и “Воскресение” вечером. У него было плохо с сердцем, но он все же (“со скандалом”, – как он сказал) ушел из дому и на репетицию и на спектакль.

Да, я забыла сказать относительно Книппер – Клары, что я слышала, будто сама Ол. Л. понимает, что роль у нее не идет, и будто даже мужественно относилась к возможности (тогда еще не встававшей ни перед кем) отвода ее с места первой исполнительницы. Насколько это верно – такие слухи, не знаю, но, вероятно, они не безосновательны. Тем более странно, что К.С. не воспользовался сегодняшним днем, чтоб поговорить в этом смысле с Ол. Л. Предполагают, что, может быть, он хочет сделать последнюю попытку позаниматься с ней и потом проверить результат занятий на репетиции. Ведь он с ней уже занимался. Соколовская же работала самостоятельно и только присутствовала на одной репетиции К.С., когда он показывал Ол. Л-вне.

Милый Владимир Иванович, до свиданья, до следующего письма. Сердечный привет Вашим. Желаю много приятного и радостного Вам увидеть во все Ваши дни.

Москва, 11 декабря 1931 г.

Письмо № 24

Милый Владимир Иванович!

Наконец-то составила Ваш счет. Вот объяснения по нему: в приходе помечены жалованье и режиссерские за 2-ю половину ноября уже из нового расчета, т.е. из расчета 1 800 р. в месяц, как это прошло по новым тарифам: 1 000 в месяц за директорство и 800 в месяц за режиссуру. Новые ставки прошли с 1 сентября, так что уже после составления счета я получила разницу за сентябрь, октябрь и первую половину ноября, всего 750 руб. Эти деньги, как я Вам уже писала, я рассчитываю употребить на выплату по Займу, начиная с августа по 150 р. в месяц, всего за 4 месяца 600 руб. В расходе хочу объяснить только последнюю цифру – 90 к. за страховку. Это постановлением общего собрания решено всем составом театра установить само-страховку, по 90 к. в месяц, независимо от оклада.

Как я Вам уже писала в виде предположения, “Страх” 17-го и 20-го, как спектакль, К.С. отменил. Премьера назначена на 24-е. Следующий раз – 27-го. 17-го же пойдет “На дне”, а 20-го – “У врат царства”.

Вчера “Страх” в первый раз прошел полностью, в гримах и костюмах. К.С. приехал не к началу (ему рано в 12). В смысле исполнения все было, как и до сих пор. Опять Леонидов имел громаднейший успех, пришлось даже дать занавес после конца на восторженные аплодисменты своих. Опять очень хорошо играли Прудкин, Ливанов, Вишневский.

Словом, надо повторить все то же, что я Вам писала до сих пор. Предполагалось, что Клару будет репетировать Соколовская, но Ол. Леон. попросила, чтоб ей дали эту репетицию. Эта проба не привела к изменению производимого ею впечатления.

Сегодня Калужскому было поручено переговорить с ней относительно передачи следующей репетиции Соколовской. Ол. Леонардовне, конечно, больно, и не легко дается ей эта неудача, но она мудро и мужественно относится к положению вещей и, видимо, хочет, чтоб вообще вопрос о ней не поднимался больше и ее выключили бы из пьесы.

Сцена на кафедре осталась в прежнем виде, народной сцены в ней не будет.

Завтра опять вся пьеса целиком, при этом – уже показ ЦИКу. Знаю, что будет Ав. С., приедет ли еще кто-либо, – пока неизвестно. Следующие репетиции – уже открытые генеральные. Намечаются 15-го или 16-го и 18-го (18-е общий почти для всех учреждений Москвы выходной день) и еще, вероятно, один раз до выпуска пьесы, а то между 18-м и 24-м слишком большой перерыв. Кроме того, папы-мамы; репетиций должно быть две, иначе не хватит даже раздать по 2 места всем работникам, ведь штат теперь 670 человек. А участникам-то надо дать больше, чем по 2 билета.

По расписанию репетиций Вы увидите, что К.С. вызвал Титову для занятий. Я очень рада за нее, потому что ей, конечно, нужна настоящая помощь.

Начался поток заявлений недовольных своими новыми окладами. РКК (Конфликтная комиссия) начнет работать с 13-го, дела у нее будет много. Хотя несколько заявлений дирекция удовлетворила без конфликта, согласившись с доводами обиженных.

Сейчас больше уж ничего не успею Вам написать – масса дела, масса. Завтра после репетиции напишу Вам о том, как она прошла, и вообще – если будут “новые новости”.

Всего-всего хорошего желаю Вам, милый Владимир Иванович, и Вашей семье.

226.

Москва, 12 декабря 1931 года

Письмо № 25

Милый Владимир Иванович!

Сегодня была снова генеральная “Страха”. Приехал Ав. С., привез своего двоюродного брата. Больше посторонних не было. Своих на репетиции было очень много. Актерам настолько хочется поскорей на публику, что и тут они попросили присутствующих сесть в первые ряды, чтобы им было легче играть, как бы на публике. Ав. С. спектакль хвалил, ему понравилась игра и вообще спектакль. Сегодня исполнение было значительно лучше. Клару играла прекрасно Соколовская, очень-очень хорошо. Ол. Леон., как мне сказал Лев Конст. вчера на симфоническом концерте в Большом театре, ужасно мучается, но заставляет себя относиться к происшедшему исключительно сдержанно и умно. Например, сегодня днем звонила в театр и сама предлагала вечером играть в “Воскресении”, т.к. Соколовской после генеральной это будет утомительно¹. Остальные исполнители или прекрасны, или значительно лучше, чем были до сих пор. Последнее относится к Добронравову, Новикову, Титовой. Я считаю, что Титовой заметно помогли занятия у К.С., и я уверена, что на спектаклях она будет расти. Ей надо заниматься голосом, у нее неприятный тембр, однообразный, резковатый. Вообще в смысле гибкости голоса все наши молодые актрисы – швах! (Вот уже поговорила.)

К.С. приехал к 3-й картине, после репетиции долго еще оставался в театре. Дальнейшие генеральные назначены на 15, 18 и 22. 18-е по приглашениям (по списку театра, а не по тому, который в последнее время был для нас обязателен).

Хочу объяснить, что значит в расписании репетиций “Репетиция антрактов”. К.С. предлагает попробовать перемену картин в темноте, без дачи занавеса. Сейчас каждая картина кончалась темнотой, потом

на темноте – занавес. К.С. считает, что можно давать темноту, но тогда в темноте же дать поворот круга. А для этого надо прорепетировать перебежания актеров, потому что часто актер кончает одну картину и сразу же начинает следующую. А Москвин считает, что если перемены при открытом занавесе не выйдут, то надо менять картины при закрытом занавесе, но без дачи темноты в финале картины. Он говорит, что постановка совершенно реалистичная и такого “туману”, как внезапная тьма, не надо.

Сегодня в первый раз в “Воскресении” играет Грибунин. Ему поставили в уборной цветы, приложили очень ласковое письмо от театра. Я была у него, поцеловала его перед выходом, сказала, что сейчас напишу Вам об его “дебюте”. Он жаловался, что очень волнуется, задыхается и чувствует свое сердце.

Милый Владимир Иванович, уже несколько дней мы с Марковым пытаемся найти время для письма к Вам о Муз. театре. Но то Марков занят, то я, и он все никак не может продиктовать мне. Я ему обещала, что сегодня объясню Вам причины (генеральные репетиции, заседания, вообще масса работы) задержки такого письма, которые лежат не только в нем, но и во мне. Завтра у меня выходной день, а уж послезавтра постараемся непременно засесть за это письмо.

Сегодня Новиков очень просил послать Вам его сердечный и любящий привет. Он часто меня спрашивает о Вас. Да и все – чуть со мной встретятся, непременно спрашивают.

Посылаю Вам второй протокол о пьесе к 15-му Октябрю. Ваше мнение об этом я прочитала Маркову и Сахновскому и в копии передала для К.С.². Марков мне объяснил свой хитрый план. Он не рассчитывает на согласие авторов написать по заказу пьесу (Афиногенов отказался, Олеша пишет долго, Булгаков занят), но надеется, что если авторы начнут писать картины, то повторится история с “Бронепоездом”, из двух-трех удачных картин вырастет пьеса. А К.С. вообще не рассчитывает на пьесу и обдумывает план комбинированного действия. Много музыки – симфония, кантата и 2–3 драм. отрывка, и все это в задуманной им специальной постановке, которую не знаю³.

227.

Москва, 20 дек. 1931 г.

Письмо № 26

Милый Владимир Иванович!

Давно Вам не писала, неделю. И вот почему. Хотела написать после первой генеральной, 15-го. Но репетиция прошла как-то вяло, и у всех нас было какое-то неудовлетворенное чувство. Поэтому никак не

писалось письмо. Решила Вам написать после того, как пройдет вторая публичная генеральная, 18-го. И хорошо сделала, т.к. репетиция 18-го прошла совершенно прекрасно.

Ваше обращение к участникам “Страха” пришло как раз утром 15-го¹. Я тотчас же переписала его, чтоб повесить на доске, а подлинник отдала Судакову, как Вы его и адресовали. И Соколовская, например, мне сказала, что это обращение подкрепило ее перед репетицией, которая ей казалась такой страшной. И Л.Зуева после спектакля обратилась ко мне с вопросом, не будет ли это “вылезаньем”, если она ответит Вам лично, а не в общем ответе, на Ваши строки, которые так живо воскресили в ней воспоминания о начале работ по “Страху” с Вами.

То ли повторилось наше театральное “правило” – если первая генеральная удачна, то вторая непременно неудачна (я говорю о репетициях 12-го и 15-го), то ли это был просто случай вялой репетиции, то ли состав публики был такой, что слова со сцены падали в какую-то невидимую вату, но на репетиции 15-го настоящего подъема не было, хотя успех по окончании был большой, с вызовом режиссера и автора на сцену, с аплодисментами среди действия, с овацией в самом конце вызовов по адресу К.С., который приехал ко второму действию и сидел в Вашей ложе.

Но такой мой отзыв о репетиции 15-го не определяет впечатлений публики. Я говорила с некоторыми актерами других театров, которые нашли, что спектакль в смысле исполнения великолепен, исключителен. Но мы-то, свои, знаем, как может играть Леонидов в свой удачный день. Ведь все идет прежде всего от него. А на этой репетиции он скис и даже не смог местами побороть свой страх перед рампой, так что иногда внезапно менял мизансцены, чтоб не выйти поближе к авансцене, и держался за столы и стулья².

18-го Леонидов был первоклассен. И из зала в ответ протягивались к нему внимание, волнение, трепет. Спектакль смотрелся с напряженным интересом, с настоящим волнением зрителя, с восторгами и выкриками в заключительной овации. К. С-ча на репетиции не было. Он собирался приехать позднее, но случилось так, что к нему поехал для делового и чрезвычайно важного свидания Боярский³, а потом дополнительно туда же был вызван с репетиции “Страха” председатель Москоблрабиса т. Городинский.

Следующий после Леонидова успех – у Ливанова. Он играет изумительно, очень часто смешит своей непосредственностью, но в то же время необыкновенно трогателен и сам внутри себя серьезен и убедителен. Нравится всем Морес, драматические места у нее необыкновенно трогательны и волнительны и вызывают слезы у большей части зрительного зала; веселые моменты выделаны очень хорошо, мастерски, с большой наблюдательностью, но все же иногда чувствуется, что это сделано. Женщина тогда все-таки чувствуется в этой Наташе-девочке. Но вообще я знаю много случаев, когда в публике шли споры о том, девочка ли изображает Наташу или актриса. И меня спросила одна дама:

сколько лет этой девочке? И не хотела верить, когда я сказала, что эта “девочка” второй раз замужем.

Хвалят Вишневецкого, Вербицкого, Прудкина, Тарасову. Поругивали Титову, хотя, по-моему, она сделала очень большие успехи. Соколовская еще будет играть по-настоящему, сейчас она мне кажется недостаточно спокойной, умудренной. Очень хорошо играет Л.Зуева. Жалости она не вызывает, разве только в сцене встречи с сыном, на короткий какой-то момент, насмешкой же встречают многие ее реплики. А главное – внешне она очень характерна.

18-го получила я Ваше письмо к А.С.⁴ Но так как К.С. в театре не было, я передала его Рипси с просьбой направить письмо К.С.

Опять возвращаюсь к “Страху”. Сейчас, когда спектакль пошел или почти что уже пошел, стал срочный вопрос о подготовке дублера Леонидову. Роль уже дана Орлову, и он даже вызывался на репетиции. Но почему-то откуда-то поползли слухи, что то ли Судаков сомневается в Орлове, то ли К.С. Я слышала, будто К.С. подумывает, нельзя ли пригласить в труппу, на подмогу старикам, какого-нибудь солидного актера другого театра, и при том такого, который мог бы сыграть Бородина. Но такого как будто не нашлось. (Говорили о Нелидове – еще в начале сезона, в последнее время о Радине, Гейроте, который очень просится к нам⁵.) Потом будто бы К.С. хотел пробовать Ник. Аф. Словом, дело было открыто и никому не ясно. Но в конце концов все же К.С. распорядился вызвать на завтра к себе Орлова. Орлов как раз сегодня был у меня, сказал о вызове к К.С. и хочет решиться после разговора с К.С. написать Вам. Он стесняется писать Вам, а я его всячески ободряла. Он просил меня, чтоб я Вам написала о начале работы с ним и передала бы Вам его сердечный привет. Еще была у меня сегодня Тихомирова, перенесшая стрептококковую ангину, кончающая лечение и пришедшая просить о встрече с Сахновским. Она тоже просит Вам нежно кланяться. Бедная, она совсем без работы – ни в текущем репертуаре у нее нет дела, ни в объявленных новых пьесах с распределением ролей, вывешенном уже на доску. [...]

К завтрашней репетиции “Страха” Леонидов относится страшно враждебно, он считает, что она лишняя. Были даже разговоры о необходимости отменить ее, но все равно нельзя было бы делать такого большого перерыва между генеральной 18-го и премьерой 24-го, и удалось дело уладить. Интерес к спектаклю громадный, по Москве “Страх” гудит... Марков и Судаков решили написать Вам уже после того, как пройдут все генеральные. Они рассчитывали при этом, что до их письма Вы будете знать о репетициях от меня.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. От всего сердца буду рада, если Вам удастся на время холодов уехать на юг. Это будет чудесно, если Вы наберетесь сил и здоровья.

Сердечный привет Ек. Ник., которую очень благодарю за ласковую записочку, и Мише. Как его здоровье?

Москва, 21 декабря 1931 г.

Письмо № 27

Милый Владимир Иванович!

Не успела я Вам вчера написать о Тихомировой, как сегодня уж спешно передаю деловой запрос Сахновского и Калужского. Дело в следующем. У Нины Вас., как я Вам писала, нет работы ни в нашем идущем репертуаре, ни в предположенном на ближайшее время – примерно на полтора – два сезона. Только из этих соображений возник у К.С. вопрос относительно дублирования ею роли Катюши Масловой. Сахн. и Кал. прекрасно помнят, что в прошлом году Вы все же, несмотря на просьбу об этом дублерстве со стороны Тихомировой и несмотря на Ваше исключительное к ней отношение, остановились на Катюше – Тарасовой. Однако памятуя, что Тарасова только что сыграла – даже еще пока – сыграет на днях “Страх”, что в дальнейшем у нее центральная роль в “Талантах и поклонниках”, К.С., Сахновский и Калужский решили снова поставить перед Вами этот вопрос, тем более что в скором времени для того, чтоб использовать Судакова, освободившегося от “Страха” и не получающего еще от автора “Смерти Занда”, будет вводиться в “Воскресение” Ливанов – Нехлюдов. Так вот, Владимир Иванович, как Вы решите все-таки этот вопрос: дать ли работу Тихомировой в “Воскресении” или уговорить ее еще подождать? У нее, конечно, состояние убийственное и, как мне сказал Сахновский, она может прийти к решению уйти из театра¹.

Посылаю Вам вырезку из “Известий” о нашем переходе во ВЦИК. Такие же заметки были в “Комс. правде”, “Рабочей Москве” и, вероятно, в других московских газетах, которых я лично не видела. Забавно, что вчера мы получили вырезку из “Кельнише Цейтунг”, где сообщалось о том же и кстати комментировалось, что в современном советском театре существовало два течения: МХТа (Станиславского, как они называют) и Мейерхольда, и что вот теперь явственно со стороны правительства сделано предпочтение школе и методу МХТ.

Сегодня высылаю Вам бандероль с газетами и журналами и, кстати, вкладываю туда афишу “Страха”, выпущенную сегодня.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. И побольше радостей желаю Вам и всем Вашим.

Москва, 25 декабря 1931 года

Письмо № 28

Милый Владимир Иванович!

Хочу Вам написать о вчерашней премьере. Интерес к спектаклю, начавшийся еще с генеральных репетиций, превысил все наши ожидания: при рассылке приглашений нам с трудом хватило первых мест партера, которые в продажу вовсе не поступили. И все-таки оказались такие, которым пришлось отказывать в билетах на премьеру и предлагать им прийти 27-го или 29-го. В театре было очень много ответственных товарищей, которые смотрели постановку с самым живым интересом.

Общие отзывы сводятся примерно к следующему: к пьесе относятся критически, т.е. признавая за ней ряд достоинств, находят ее местами легковесной, некоторые образы недостаточно убедительными. Но в совершенном восторге от исполнения. На первом плане, конечно, Леонидов, им не перестают восторгаться. По количеству хвалебных отзывов следующими идут Ливанов и Морес. О Тарасовой были несколько критические отзывы, совсем не нравятся Добронравов и Новиков. Сегодня был у нас автор и отсюда поехал с Судаковым и Сахновским к К.С., чтоб обсудить несколько предложенных переделок текста и трактовки отдельных мест. Я слышала, что как будто это будет по линиям Невского – Новикова и Макаровой – Тарасовой. Завтра буду знать подробнее, т.к. рассчитываю увидеть Сахновского, кот. сегодня был дико занят и я не смогла поговорить с ним до его отъезда к К.С.

В театре в зале, конечно, было некоторое возбуждение, повышенное настроение. К тому же было множество знакомых между собою лиц, что тоже создавало атмосферу нерядового спектакля. Я не говорю о генеральных: там в коридорах, в фойе, в буфете был настоящий водоворот, та атмосфера, которая отмечает особенно интересные постановки или сборища.

К.С. приехал на спектакль ко 2-му действию и сидел на своем месте (на репетициях он сидел в ложе, т.к. ему кажется опасным в смысле простуды сидеть в зрит. зале, там откуда-то сильно дует). Он оставался до конца спектакля.

Занавес давали 18 раз, на 17-м и 18-м сделали овацию К. С-чу, который раскланивался из ложи, вытщенный туда некоторыми из наших друзей.

За кулисами была праздничная атмосфера. У дам – цветы, конфеты. А большая группа товарищей и поклонников Леонидова к концу спектакля поставила в его уборную подарок на память об этом спектакле – старинную гравюру, которую он давно хотел иметь и разыскивал, цветы и письмо (моего сочинения!) за всеми нашими подписями. Мы боялись растревожить его перед спектаклем и потому решили поздра-

вить его уже после конца. Леон. Мир. играл прекрасно, кончил спектакль в исключительно приподнятом настроении, радуясь, что наконец доведена до определенной точки работа многих месяцев, и был совершенно исключительно тронут любовью и вниманием товарищей, был растроган и умилен.

Одновременно посылаю Вам в бандероли “Лит. газету” и “Веч. Москву” с появившимися рецензиями – конечно, ругательного свойства. Таковы наши критики: какой бы успех у публики ни имели спектакли МХТ, критики считают своим долгом обругать театр, режиссуру, исполнителей. При исключительном успехе “Страха” именно эти рецензии звучат смехотворно. Кроме того посылаю Вам сегодняшнюю “Вечорку” – почитайте, как попало Н.Д.Телешову за выпущенную книжку¹. А в письме предлагаю программу “Страха” – мы отметили премьеру программой по мхатовской форме.

Да, еще из области “Страха”. Вчера ночью после спектакля К.С. распорядился дать роль Клары – Шевченко. (У Соколовской все-таки что-то не то получается.) Но Судаков хочет, кажется, говорить с К.С. против Шевченко².

Милый Владимир Иванович, поздравляю Вас с новой постановкой в театре, Вы – ее зачинатель, Вы направили ее, с Вами связана эта работа. Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович. Привет Вашим.

230.

Москва, 26 декабря 1931 г.

Письмо № 29

Милый Владимир Иванович!

Я должна срочно передать Вам горячую просьбу организаторов Утра памяти Вас. Вас. и Ник. Григ. написать и прислать нам Ваши воспоминания о них. Ив. Мих. взял с меня слово, что я тотчас же напишу Вам (он даже хотел телеграфировать) и постараюсь придать этой просьбе наибольшую словесную убедительность. “Утро” снова должно отодвинуться. Хотели в конце декабря, не смогли, намечали 2-го января (полгода со дня смерти Вас. Вас.), не можем получить оркестр Большого театра и Голованова из-за выпускаемого в Большом в первых числах января “Золотого петушка”.

Вероятно, “Утро” состоится в середине января, так мне сказал Москвин, и прибавил, что дальше оттягивать его просто нельзя уж. И Перретту Александровну жалко, она очень мучится этими откладываниями и, вероятно, считает, что театр недостаточно чуток к памяти Лужского. Милый Владимир Иванович, мы будем ждать, что Вы пришлете Ваше слово, – как же без него?

Сегодня состоялась встреча Афиногенова, Судакова и участников “Страх” (кроме занятых в сегодняшних утренних спектаклях) относительно изменений и поправок в пьесе и в спектакле. Афиногенов принес исправления в речи Клары – примеры из истории вон, а на их место прямые ответы по докладу Бородина и примеры из недавнего прошлого (Красная Армия и Перекоп), некоторые поправки для Бородина, и кроме того решено сцену Цехового в последнем действии сократить и провести проходно (Добронравов действительно напирал в этом эпизоде ужасно). Афиногенов мне сказал, что всеми исправлениями он очень доволен, что должен очень хорошо получиться финал у Бородина после изменения сцены Цехового и что ему надо теперь только сделать изменения по роли Елены. Тарасовой ставится в вину некоторая легковесность образа, то, что в ее трактовке Елена скорее карьеристка, чем серьезная научная работница-партийка. Словом, у Тарасовой все же в этой роли есть то, от чего Вы хотели ее увести, занимаясь с ней и написав ей летом в Ленинград. На премьере в кабинете К.С. говорилось, что Тарасова очень однообразна и в Елене постоянно повторяет Ольгу из “Хлеба”.

Ол. Аполлоновне я пошлю сразу все деньги, т.е. 600 р., это я могу сделать. Я все раздумываю, как мне поступать с остатком по Вашему счету? Открыть счет в сберкассе? Но тогда ведь нужно на мое имя, чтоб я могла получать со счета в случае необходимости. А мы все под богом ходим, как же открыть счет на свое имя, а деньги-то не мои? Пока я сдала остаток в несгораемый шкаф, что в кабинете К.С. Может быть, так и дальше делать? Как Вы думаете об этом?

Сегодня получены поздравления на Ваше имя от Мориса Геста и [пропуск].

На последнем на обороте конверта адрес: [пропуск].

Когда я писала это письмо, пришел сюда Женя Калужский и попросил, чтоб я непременно передала Вам и Екатерине Николаевне его сердечный привет.

Да, еще по Вашему письму, полученному сегодня: Маркову все сообщила, Андерсу и Рошету передам, знаю, что им будет приятно услышать от Вас то, что Вы им передаете¹, Лизочке Аслановой отдала деньги в тот же день, что она получила письмо от Ек. Ник.

Новость, волнующая все театрально-сплетенные умы: на произв. совещании Большого театра произошел конфликт между замдиректора Аркановым и Викт. Кригер, причем после короткого разговора последняя расшибла о голову первого чернильницу с чернилами. Арк. сильно пострадал, а Криг., говорят, уже исключена из партии, союза и театра и лишена звания заслуженной.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам, Ек. Ник. и Мише очень хорошо поживать, приятно встретить Новый год, получить в нем множество радостей. И нас не забывать.

Москва, 30 декабря 1931 г.

Письмо № 30

Милый Владимир Иванович!

Мое последнее письмо в состарившемся году. Скоро придет новый, молодой. Возможно, что придется письмо закончить завтра, но, сколько успею, напишу сегодня.

Спектакль “Страх” пошел, покатился. Интерес к нему громадный. Не только на премьере, но и на последующих спектаклях длительные овации в конце и вызовы автора. Вчера был Анат. Вас. (в день премьеры его не было в Москве), Раскольников, Ваша ложа была переполнена. Но Иос. В. еще не смотрел спектакля. У нас вышел из-за спектакля некоторый конфликт с Реперткомом. Мы имели сведения, что просмотра Реп. не требуется, раз спектакль был просмотрен нашим шефом¹. И не устроили такого просмотра. Там обиделись. Начался обмен телефонограммами – не без яда. Дошло до того, что нам сообщили, будто спектакль без просмотра не будет допущен к представлению. Это было перед 22-м, последней генеральной. Мы предложили вопрос, не хотят ли они прийти на репетицию, сколько нужно билетов. Спросили с нас 20 билетов (больше и не смогли бы мы дать, т.к. весь зал был уже распределен и роздан) и назвали эту репетицию реперткомовским просмотром, известив, что после генеральной будет обсуждение. Но обсуждения не было, они сами отказались от него. На премьеру Литовский попросил снова дать ему места. И потом вдруг 27-го написал нам письмо, где было много упреков за неправильное устройство просмотра в обстановке публичной репетиции и указаны были главные недостатки постановки, с оговоркой, что трудно ожидать, чтоб театр смог внести существенные исправления в трактовку уже слаженного, законченного спектакля. В следующем номере “Советского искусства” будет статья Литовского о спектакле, в которой, вероятно, он выразит “всю желчь и всю досаду”. Сегодня в бандероли прилагаю следующий номер “Лит. газеты” с рецензией о “Страхе”.

На 29-е было назначено в Главреперткоме обсуждение постановки вместе с рабочей бригадой ГРКома, но заседание с их стороны было отменено. Сегодня назначено обсуждение постановки во Всеросскомдраме – пошли туда Судаков и Марков.

Большие и неприятные разговоры идут с Добронравовым, кот. вне себя от изменений, сделанных в роли Цехового, главным образом от сокращения и сведения почти на нет сцены последнего акта. Он настолько несдержан, что его нерв прорывается и на спектакле, что волнует партнеров. Дело дошло и до К.С.

Получились осложнения с инсценировкой “Американской трагедии”. Я Вам писала, что инсценировка, после обнаружившейся несог-

ворчивости Пискатора, была поручена Афиногенову, кот. решил работать вдвоем с каким-то молодым автором, Базилевским. Но только что был составлен договор и должны были прийти за авансом, как вдруг – как в мелодраме – точно в момент получения подписанного договора от К.С. появляется Пискатор и заявляет Маркову, что если театр сделает другую инсценировку, то он, Пискатор, устроит громадный скандал на весь культурный мир – словом, масштаб взят не только не европейский, а мировой. Что он теперь уже согласен, чтоб в режиссеры театр его не приглашал на эту постановку, но чтоб его имя непременно стояло на афише как соавтора – то ли Драйзера, то ли наших инсценировщиков. Марков направил его сговориться с Афиногеновым, и чем все это кончилось, нам еще не известно. Конечно, вопрос установки имени на афише не платонический, он самым тесным образом связан с авторскими отчислениями. Он, вероятно, неясно себе представляет, какие доходы его ожидают в третьей части с Малой нашей сцены².

Как я была довольна, что Вы отметили “везучесть” Гальперина. Когда Марков диктовал мне письмо и дело дошло до места, что будто Гальперин “автор идеи”, я тотчас же приостановила стук на машинке и попробовала “широко раскрыть глаза” (Вы представляете себе, как мне это удалось?)³. Я никак не могла предположить, чтоб Гальперин мог очутиться в этой роли. Но Марков меня заверил, что его заверил Гальперин в своей правоте. А я постеснялась снова ворваться в письмо Маркова со своими комментариями. Но, право, зная Вас, зная Гальперина, трудно предположить, чтоб Гальперин был автором идеи задуманного Вами спектакля. Вот уж действительно “везучий” этот Гальперин.

Я передала Андерсу Ваши строки, он был тронут и обрадован. Он получил роль писателя Виктора Викторовича в “Самоубийце”, роль интересную и значительную. Но работа эта протекает в не совсем обычной обстановке. Ведь спектакль этот разрешен условно, и ни у кого из исполнителей пока нет уверенности, что он перейдет на сцену. Его проверочная репетиция (за столом) по плану предположена в апреле. Вообще в плане на дальнейшее: вчера Вас. Григ. диктовал мне довольно подробное изложение плана на будущее, вплоть до лета. Этот “проект”, или трактат, пойдет к К.С. и если он с ним согласится, я Вам pošлю его копию⁴.

Сегодня у нас перемена: вместо “Врат” идет “Дядюшкин сон”, единственная возможная замена в сегодняшних условиях. Перемена спектакля – по болезни Качалова. У него что-то с ногой, кажется, нечто вроде экземы, но Ивенсен не может пока точно определить. Почему-то уж не в первый раз за последний месяц по Москве начинают циркулировать слухи, что Вас. Ив-ча переехал автомобиль, и нынче в связи с переменной опять посыпался, как несколько недель тому назад, ряд звонков с вопросами, что с Качаловым.

Сегодня днем мы играли дополнительный спектакль “Хлеб” – для подшефных организаций, с организацией перед спектаклем торже-

ственного заседания и с подписанием взаимно действующих договоров шефства.

1-го января мы играем дополнительный утренник для рабочих-ударников. Те, кто собирался весело встречать Новый год, огорчены, т.к. не придется выпасться. Спектакль – “Фигаро”, начало в 1 ч. дня.

2-го вечером вместо “Фигаро” пойдет “Бронепоезд”, по просьбе организации, купившей спектакль.

Небанальные случаи произошли на последнем спектакле “Воскресения”. Только что дали поворот на “Суд”, оказалось, что на столе нет обручального кольца среди вещественных доказательств. Пришлось спешно его заменить другим, из “Врат”.

Я ошиблась, не на “Суд” поворот, а на комнату председателя; следующий поворот – и нет портфеля Прудкина (его потом нашли валяющимися где-то в углу, у занавеса), и тотчас же обнаруживается пропавшего креста серебряного, что лежит на столике у священника. Перед самым началом спектакля помреж проверял вещи, и все было на месте. Забавно? Такое множество новых служащих на сцене, неудивительно, что оказался и воришка среди них.

31/XII

Милый Владимир Иванович, день с утра уже складывается так, что ясно – дай бог управиться до вечера. Масса дела вообще, а кроме того – в 2 ч. заседание стариков по поводу “Утра памяти Вас. Вас. и Ник. Григ.”, на котором я должна буду записывать все, что будет говориться, и этот материал Вас. Ив., возьмет в основу своей речи на “Утре”. Так что, не желая задерживать отсылку этого письма, я пока прощаюсь с Вами и о нашей жизни расскажу в следующем письме, в следующем году! Телеграмма к Новому году к Вам уже пошла, и еще раз в письме поздравляю Вас, дорогую Екатерину Николаевну и Мишу и желаю всего-всего хорошего, всего самого прекрасного.

[1932]

232.

12 октября 1932 г. № 1

Милый Владимир Иванович!

Пишу Вам на наконец-то введенных у нас бланках – года три я уж ратовала за то, чтоб театр имел, помимо “чайки”, свой печатный бланк для обычной своей корреспонденции, а не писал деловые бумаги на обрывках, ставя в углу неряшливый штамп. Хочу Вам бланк наш показать, но вместе с тем, пожалуй, и писать на этих бланках лучше всего – это лучшая у нас сейчас бумага.

Вы, наверно, думаете, что я сильно перед Вами виновата – приехала в Москву 9 дней назад и до сих пор ни разу не написала¹. Трудно Вам в письме описать, в каком сумбурном состоянии я нахожусь сейчас по всем направлениям.

Дома? – я застала очень надорванное, тяжелое душевное состояние и у сестры, и у ее мужа. Развод проходит для обоих очень нелегко – слишком многое связало их за 11 лет совместной жизни, разорвать тысячи этих невидимых нитей болезненно. Теперь понемногу как будто начинают сглаживаться неровности, все понемногу становится на свое новое место, а может быть, мне это так кажется потому, что первые 4 дня я провела безвыходно дома, а попав в театр с 7-го числа, сейчас уж целиком ушла в работу и домой прихожу только ночевать, а стало быть, не вижу и не знаю многого.

В театре? – вот где для меня самый большой сумбур. Трудно войти в работу, которая началась полтора месяца назад и сильно уже раскатилась. А главное – столько нового, совершенно неожиданного и в прошедших полутора месяцах, и в будущем. Дирекция за время моего отсутствия никем меня не замещала и потому сразу кинула меня в большую работу, главным образом Сахновский, кот. за прошлый год привык ко мне и, как говорят, был в большом затруднении, не имея под рукой привычного сотрудника. Ник. Вас., видя мою занятость по худож. части, как и в конце прошлого сезона, мало меня загружает работой. К тому же он сейчас в полу-отпуску: лечится в водо-свето-лечебнице, но все же приходит в театр в те часы, которые у него свободны от медицинских процедур. Но выглядит он отвратительно, работает через силу, и боюсь, такое переутомление может кончиться для него катастрофически.

Кроме текущей секретарской работы мне пришлось сразу приняться за срочную переписку незадолго до моего прихода в театр читанной пьесы Леонова “Скутаревский”. Такой он написал роман, может

быть, Вы даже читали отрывки из него, они помещались в “Литер. газете”. Пьеса нашим очень понравилась по языку, по образам, но те, кто хвалил ее мне, говорили, что на пьесе заметно, что она инсценирована из романа (хотя Леонов утверждает, что он не инсценировал, а, взяв сюжет романа, писал самостоятельную пьесу), что пьеса требует большой переработки. Когда я ее писала, мне показалось, что при наличии нескольких очень хороших отдельных сцен и диалогов, она не пьеса, и не потому не пьеса, что инсценирована из романа, а потому, что Леонов – не драматург.

Мое письмо в театр с просьбой высылать Вам газеты и прислать “Карамазовых” пришло в Москву через 5 дней после моего приезда. Поэтому первая высылка была от меня. Я послала Вам отдельными пакетами: две бандероли с “Известиями”, “Лит. газ.” и “Советским театром” и конверт, в который вложила все найденные мною репетиционные листки, рапортчики сборов, составы и репертуар. Дальше обещаю Вам регулярную посылку этих материалов. Репетиционные листки я Вам послала для того, чтоб Вы могли проследить, когда входили в работу новые пьесы. Да, я еще вложила все распределения ролей по включенным в план пьесам.

Какое-то странное настроение в театре, я никак его не схвачу. Составлен колоссальный план, все эти пьесы, т.е. вновь намеченные: “Жорж Данден”, “Скутаревский”, “Мария Стюарт”, “Тартюф”, “Пиквик”, “Горькая судьбина”, “Битва жизни” (2-й состав), “Столпы общества” плюс бывшие в работе “Мертвые души”, “Мольер”, “Таланты и поклонники” и “Горьковский вечер” должны пойти, начиная от нынешнего дня по 1-е января 34 г., т.е. за год и два с половиной месяца. Кроме того, Ил. Як. взял для работы с молодежью пьесу “Воспитанница”, Марков и Горчаков переделывают “Благочестивую Марту”, и еще Судаков пообещал вокалистам, что поставит для них музыкальный спектакль у нас же, причем как будто наметилась “Богема”. Вот это последнее предположение, вероятно, будет энергично оспариваться всеми остальными главарями художественной части. Если Вы посмотрите расписание репетиций, то Вы увидите, с какой легкостью И. Як. переходит с репетиции на репетицию, актеры же уже постановяют: “Не могу же я за полчасовой перерыв на обед перестроиться с “Марии Стюарт” на “Жоржа Дандена”!” (Ник. Баталов).

У меня все время впечатление какой-то безудержной спешки, мелькания дел, вопросов, решений... Всем дана работа, но вы не увидите ни одного довольного лица, не услышите ни одного удовлетворенного признания; видимо, не удовлетворяет самое качество работы, не радует общение с режиссером, утерян секрет создания мхатовской творческой атмосферы. При этом в театре грязно, неряшливо, шумно. В столовой, например, в этом месте общих встреч громко говорят, почти кричат, простите меня, – хамят, некрасиво и неряшливо едят... Как успели так распуститься, даже понять не могу. (Не думайте, что я брюзглива стала,

нет, мне больно, что столько людей, которые могли бы подтянуть, научить, объяснить, что такое атмосфера МХТ, равнодушны к постепенному снижению нашего качества по всем направлениям.)

И после всех этих стенаний я добавляю, что посылаю Вам протокол заседания комиссии по созданию при нашем театре Академии театрального мастерства. Многие люди ждут от театра откровений и, вероятно, менее требовательны к нему, чем я. Вот потому и Академию они от нас ждут.

Да, самое главное: я Вам не высылаю до сих пор “Карамазовых” потому, что, найдя все картины, не смогла найти такой экземпляр последней сцены (“Суда”), в которой можно было бы разобраться. Нашли одну тетрадку, но с такими помарками – ничего не разберешь, что вычеркнуто и что бело. Спросила Нину Ник. – не помнит, как шло, направила к суфлеру, суфлер Касаткин объяснил, что суфлировал не он, а покойный Виноградов, у Кореновой испорчен телефон и в театр она не приходит. Вот завтра обещал прийти в театр Леон. Мир. и по памяти выправить мне картину, тогда я ее перепишу и постараюсь послезавтра отправить Вам, проведя через цензуру. Простите за эту задержку.

В больших наших вопросах (главным образом о помещении театра Корш²) еще совсем не разбираюсь, поэтому напишу позднее.

О Вас все спрашивают и ужасно огорчаются, что Вы задерживаете приезд. 8-го была на открытии Муз. театра, которое прошло прекрасно, с большим успехом. После спектакля был очень приятный, душевный, дружеский банкет. 10-го на квартире Шлугл. слушала Шостаковича в “Леди Макбет”, но сегодня узнала, что он отдал ее и в Большой, Смоличу. К. С-ча ждем 29-го.

Милый Владимир Иванович, я Вам скоро напишу, а сейчас तो роплюсь отправить это первое письмо, чтоб Вы не сердились на мое молчание.

233.

16 октября 1932. № 2

Милый Владимир Иванович!

Я начинаю Вам письмо, потому что чувствую, что нельзя Вас оставлять без известий о театре. Но что Вам писать, как писать – просто не знаю. Так все сумбурно у нас, так странно катится наша театральная жизнь... нет, без Вас и К.С. мы не умеем жить. Разве только Ил. Як. это умеет, или ему, во всяком случае, кажется, он даже уверен, что умеет.

Наша худчасть все время становится перед явлениями прежде редкого порядка: постоянное недовольство работой, режиссером, отношением и т.п. Недавно режиссура “Трактирщицы” (Мордв. и Яншин), правда, несколько сгоряча, предложила Станицыну (графу) уйти с репетиции, т.к. он не принимал сначала никакого участия в общей работе, на

запрос режиссуры заявил, что ему эта работа не нравится, что довольно он переиграл графов, что его обманули, обещав хорошую роль в “Столпах”, а потом хоть и дали ее, но в таком окружении других актеров, в каком он играть не хочет, все это мелко для него¹. Конфликт этот теперь улажен, и Станицын ходит на работу. В этом роде был случай с Прудкиным (до моего приезда), когда он отказался от работы в “Талантах” (Бакин). Третьего дня Добронравов, а за ним А.Зуева и Грибков сорвали первую репетицию “Горькой судьбины” заявлением, что им абсолютно неинтересна эта работа, что роли не по ним, что им надоело играть “мужиков”, что это неинтересная работа вообще, ненужная, и т.п.². Этот случай еще не изжит. Сахновский вызвал для объяснений Добр., тот представил те же малоубедительные для Сахн. по художественной линии и убедительные в смысле характеристики добронравовского отношения к работе доводы. Тогда Сахн. созвал сегодня “тройку”³, которая, как я слышала, собирается вызвать не Добр. для объяснений, а Судакова, предъявив ему претензию в составлении непродуманного и необговоренного с рядом актеров производственного плана. Ведь представляя свой план, Судаков утверждал, что ему известны все чаяния труппы и план его совершенно удовлетворит всю ведущую актерскую группу. Завтра еще раз собираются “старики”, повода не знаю, возможно, что и для продолжения сегодняшнего заседания, т.к. оно могло прерваться из-за необходимости для Качалова отдохнуть перед сегодняшним “Воскресением” и для Леонидова – пойти на обычный укол инсулина. Все эти волнения, объяснения, разговоры и обсуждения всех этих и еще целого ряда мелких дел происходит у нас наверху, в дирекции, так что поневоле заражаешься нервом. Мне действительно надо взять себя в руки и не начинать письма к Вам с несколько истерической нотки.

Я получила Ваше письмо – первое в Москву – тотчас после того, как отправила Вам отсюда мое первое письмо. Там я Вам разъяснила задержку с “Карамазовыми”. Вчера они Вам высланы бандеролью. А сегодня отправлен рулет с газетами, в нем “Советское искусство” с большими статьями по поводу “Леди Макбет”. Вопрос этой постановки, видимо, сильно волнует Муз. театр в смысле конкуренции с Большим театром. Тревоге Муз. театра помогает несколько странное, уклончивое поведение автора. В Большом он говорит, что не имеет договора с Музыкальным, в Музыкальном – что-то путает про Большой. Так что Муз. т. обратился с письмом в Главискусство, где заявил, что имеет договор с Шостаковичем еще от февраля (кажется!), имеет партитуру, начал работу и надеется, что вряд ли Большой театр будет вступать с ними в конкуренцию. Я пишу об этом деле приблизительно, т.к. слышу разные сведения об этом деле наспех. Вероятно, из Музыкального Вам напишут более исчерпывающе.

Возвращаюсь к нашему театру. Ил. Як. употребил много энергии на то, чтобы улучшить бытовые условия основной ведущей группы актеров, выхлопотал им право на покупки из прекрасного закрытого рас-

пределителя. Всего таких пайков на театр было получено 20, но теперь оказалось, что этого недостаточно, при распределении произошло много обид, поэтому подана просьба о выдаче на наш театр еще 20-ти таких пайков. Но только он неверно считает, Ил. Як., что если человек получит паек, он сразу так успокоится, что не увидит множества неправильностей в ежедневной рабочей жизни театра. Вы знаете наших актеров – первые дни, как получили они эти книжки, ходили, радовались, рассказывали, какие прекрасные вещи они купили. А потом, очень скоро, все это стало для них привычным, и пошли обычные дни, в которых для всякого самое главное – его работа, его положение, отношение к нему...

Для улучшения условий работы и жизни актеров введено много приятного для них. Многие из актеров получили режиссерскую или ассистентскую (по режиссуре) работу – Хмелев, Соколова, Кедров, Яншин, Раевский, Ларгин, Орлов, Ливанов, причем оплата им будет производиться аккордно: режиссерам по 1500 р. за постановку, ассистентам – от 750 до 1000 руб. Кроме того, на каждую постановку с 1 января ассигнуется известная сумма для премирования ее участников – за самостоятельную, например, работу, за досрочный выпуск, за удешевление стоимости постановки (режиссером), за удачное исполнение... и еще множество есть показателей для премирования. С 1-го января предусмотрено повышение жалования по всему театру.

Как видите, перспектив много приятных, а вот никто не радуется, оттого и мое письмо такое невеселое. И еще есть одна невеселая вещь, которую мне очень трудно Вам написать. Заболела скарлатиной Лизочка Асланова. [...] Я Вам буду писать в каждом письме о здоровье Елиз. Петр. и следующее письмо обещаю написать очень скоро.

Вчера приехала из Кисловодска Ек. Вл., сегодня звонила мне, завтра, вероятно, увидимся.

Я Вам писала о пьесе Леонова “Скутаревский”. Затем, вероятно, Вы прочитали в одной из газет, что она уже “включена в наш репертуар”. Но это не совсем так. Она еще не была на утверждении ЦИКовской комиссии и, кроме того, вызывает возражения со стороны, например, Качалова, который очень мягко, но очень решительно считает ее в данном виде неприемлемой и считает возможным поставить о ней вопрос только в том случае, если автор ее заново переписшет. Пьесу очень принимают Судаков и Сахновский, у первого сегодня вечером устроено чтение автором этой пьесы, в каком обществе – мне неизвестно. Возможно, что он соберет у себя и кого-нибудь из театра и извне.

Вчера Суд. и Сахн. были на приеме у Ав. С. Все, что я по этому поводу знаю, это то, что им было сказано, что с 1 янв. мы можем уже располагать помещением Корша (занятие нами этого помещения вызывает жгучую неприязнь к нам и осуждение со стороны всей московской театральной и вообще связанной с искусством общественности) и что нам предлагается создать репертуар для этой новой площадки из новой пьесы Киришона “Суд” (не встретившей одобрения театра в свое время),

пьесы Ал. Макс. “Егор Булычов”, недавно поставленной вахтанговцами, и “Любови Яровой”, которая после смерти Степ. Кузнецова Малым театром не ставится.

Милый Владимир Иванович, я Вам пишу в очень поздний час, очень устала за день, много было суеты и дела. Я Вам скоро напишу, а сейчас – всего хорошего желаю Вам, Ек. Ник. и Мише.

234.

20 октября 1932. № 3

Милый Владимир Иванович!

Я бы хотела начать письмо снова с восклицаний ужаса по поводу всего, что у нас творится и как творится, мне бы больше всего хотелось бы воскликнуть в отчаянии: “Это не театр, это бедлам!” Но тогда мое письмо ничем не будет отличаться от двух предыдущих, в которых я обещала Вам постараться собрать себя, свои мысли и впечатления настолько крепко вокруг какого-то стержня, чтоб наконец начать писать Вам не полуистерические письма. Нотки истерии могут все-таки пробиться, это будет, я думаю, от того, что совершенно не хватает времени на все, что непременно нужно сделать за день.

Я начну с Лизочки Аслановой, т.к. думаю, что Вы и Ек. Ник. сильно волнуетесь за нее. [...] Конечно, ей должны дать отпуск для восстановления сил. Я думаю, что о денежном пособии ей и о помощи от театра в смысле получения места в подмосковном санатории будет говорить с дирекцией Ник. Дмитр.¹ Но все-таки и я хочу от себя, зная ее трудное материальное положение, попросить Ник. Вас. быть к ней максимально внимательным. Завтра Иверов будет в Боткинской, и сегодня я написала Елиз. Петровне письмо, спрашивая, не нужно ли ей денег или чего-либо, и не могу ли я быть чем-нибудь ей полезна. После посещения Лизы Иверов, конечно, мне расскажет, как он ее нашел.

В прошлом письме я Вам не написала о смерти Ив. Ив. Рерберга, хотя она случилась как раз в тот день (или накануне – уже не вспомню). От театра была делегация, был венок². Но к театру его гроб не подвозили, в этот день был массовый выходной день, думали, что слишком мало народу встретит гроб на подъезде бельэтажа.

У нас ежедневно страшная гонка, постоянно все впопыхах, нескончаемые заседания, на которых говорильня и говорильня, а о деле я еще ничего не могу Вам написать. Ну, собрал, например, сегодня Судаков всех “недовольников”, отказывавшихся от ролей, т.к. “старики”, как я Вам и писала, решили не вызывать Добронравова, а “попарить” Судакова. На этом собрании, как я поняла, все говорили то же, что говорили при отказе от ролей, заявляли, что они не хотят приносить театру жертвы, играя такие роли (почему-то сыграть графа в “Трактирщице” для Вишневого не было жертвой, а для Станицына – жертва, поче-

му-то сыграть Бакина – для Прудкина жертва). Потом говорил Судачков то же, что говорит всегда, странно сочетая такие объяснения всему происходящему: что все неудовольствия идут от того, что при прежнем художественном руководстве актеры изголодались по работе (и почему они теперь отказываются от ролей?). Что до отдельных актеров, все их актерские муки идут от недовольства жалованьем или от отсутствия пайка и т.п. В этом роде Суд. составил после собрания протокол, который собирается передать “тройке”, но, как я слышала, не все участники собрания согласны этот протокол подписать, каждый остается при своем особом мнении. А Добронр. вовсе на это собрание не пришел, хотя вызывался дважды.

Вероятно, какая-то все-таки работа идет, ведь расписания репетиций становятся все больше и больше, но я еще ни разу ни от кого не слышала ни слова о той работе, которой он или она заняты. Разве только от Мордвинова, который увлечен “Трактирщицей”, приглашением в нее Кончаловского (кстати, он закончил после двух лет работы картину “Пушкин”, смотреть которую пригласил вчера наших работников. Меня звали, но я из-за массы работы должна была отказаться. Картина, говорят, замечательная. А Кончаловский говорит, что согласен не продать ее, а поменять на буюик-авто.) Но Мордвинов чуть что кончит в МХТ работу, летит в Муз. театр, так что я сравнительно редко его вижу. Может быть, я не слышу многих разговоров еще и потому, что громадное количество времени провожу наверху. Работы множество, все у нас идет рывком, постоянная сутолока, спешка в помещениях дирекции, из-за этого и письмо я отложила на вечер; пишу во время спектакля, когда все-таки здесь тише. Но и то – рядом сейчас идет заседание, на котором говорит нескончаемые речи Мамошин, а он говорит громоподобно, никакие закрытые двери не помогают. Чтоб иметь возможность сосредоточиться, стараюсь перестучать его голос своей машинкой. Но тщетно!

Ник. Вас. отвратительно себя чувствует, числится в отпуску, но все же в то время, когда не продельвает лечебных процедур, находится в театре. Зачем? Не понимаю и всячески уговариваю его уйти в настоящий отпуск, с непосещением театра. А то к нему ряд претензий – почему то не сделано, и другое, и третье. И каждому надо объяснять, что он в отпуску, что сейчас к нему никаких претензий лично обращено быть не может.

Сейчас у нас временная задержка с выплатой жалованья, банк задержал выдачу нам денег, и вот уж пять дней от срока выплаты прошло, а денег не платят, это, конечно, работников нервнрует.

Нет, не могу писать, милый Владимир Иванович, совершенно распухла голова от непрерывных высказываний в соседних комнатах. Ведь заседания начались с 2.30, а сейчас 10.30 вечера. По счету это третье заседание, которое происходит сегодня в кабинете Ник. Вас.

Я никогда еще с таким трудом не входила в работу после отпуска. Сегодня я послала Вам бандероль с “Известиями” и “Советским

театром”, предыдущим номером. Меня попросил Марков, чтоб я Вам послала этот прежний номер “Сов. театра”, т.к. в нем там его статья о “Гамлете” у вахтанговцев, на которую был ответ в последнем “Сов. театре”, который я Вам послала перед этим. Он хочет, чтоб Вы знали, на что отвечает ему Куза. Разрыв Маркова из-за этой рецензии с вахтанговцами так велик, что, например, на “Егора Бульчова” Марков у театра билет не попросил, а купил!!

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, до следующего письма – надеюсь, в более удачной обстановке и без ораторских фонтанов рядом.

Сердечный мой привет и самые лучшие пожелания Вам, Ек. Ник. и Мише.

Вы пишете об обращении о деньгах – ни я, ни те, с кем я об этом говорила (Ник. Вас., Леон. Мир.), не могут дать никакого совета, простите нас. У нас впечатление, что денег могут не дать из-за общего положения с деньгами вообще.

Получили ли Вы те 500 д., которые Главискусство обещало послать Вам по просьбе Муз. театра и про которые теперь всегда заверяет, что они Вам посланы еще в сентябре? А Вы о них ни слова не пишете, мне все кажется, что Вы и не получили этих денег, и ничего о них не знаете.

Еще раз – всего хорошего, милый Владимир Иванович, очень хочу, чтоб дни Ваши были для Вас приятны и радостны. С мучением душевным думаю о Ваших заботах, которые Вас тревожат.

235.

26 октября 1932. № 4

Милый Владимир Иванович!

Все эти дни у меня было чрезвычайно много работы в связи с назначенным на 26-е заседанием Комиссии по руководству нами и Большим театром. Загодя надо было обдумать все вопросы, которые мы хотели ставить на разрешение, подготовить по ним доклады и все материалы заблаговременно отправить в секретариат Ав. С., чтоб там успели с ними заблаговременно ознакомиться. Тем более что повестка заседания вырабатывалась там на основании посылаемых нами материалов. Большинство наших докладных записок было связано с новым расширенным производственным планом, с тем репертуаром, который был предложен Судаковым. По нашему плану, посланному на утверждение летом, предполагалось работать (и выпустить в будущем году): “Мертвые души”, “Таланты и поклонники”, булгаковского “Мольера” и “Лапы жизни” как очередное возобновление. И одну современную пьесу. И на Малой: “Трактирщицу”, “Пиквика”, горьковский вечер. По так называемому “расширенному” (судаковскому) плану мы должны в бу-

дущем году выпустить еще “Горькую судьбину”, “Столпы общества”, “Тартюфа” и “Дандена” в один вечер, “Марию Стюарт” и “Благочестивую Марту”, которая у нас принята под названием “Сестры-соперницы” в переводе Горчакова и Маркова¹. Кроме того, возобновляется “Битва жизни”, которую репетируют не только с основными исполнителями, но и для занятий с молодежью будут репетировать (режиссер Орлов, ассистент Протасевич) в совершенно новом, очень зеленом составе. И еще – переносят на Малую сцену спектакль “Слуга двух господ”, который группа молодежи под режиссурой Судакова приготовила для летнего заработка в этом году, – я о спектакле Вам писала до отъезда в Ригу.

Вот в связи с этим расширенным планом, в связи с решением премиривать постановки, участников и режиссуру, в связи с намерением повышать оклады, словом, Вы же знаете, как малейшее изменение в работах театра связано с каждой черточкой его жизни, у нас и возникло множество вопросов и новых финансовых планов. С этим наши (были вызваны Ник. Вас., Вас. Гр. и Мамошин) и отправились на заседание. Но почему-то все вопросы, связанные с новым производственным планом, на заседании были сняты, хотя в разосланной вчера повестке стояли. Я пишу Вам как раз в день, когда состоялось заседание, о нем я знаю наскоро, но, думаю, совершенно исчерпывающе: ни один из кардинальных вопросов не был решен; вероятно, по поводу всех наших новых планов будет созвано специальное совещание. Вопросы эти просто снимались с повестки. Один вопрос решен совершенно крепко: что нам передают театр б. Корш, мы вводимся во владение им с 15 декабря, весь обслуживающий и технический штат механически переходит к нам, художественный персонал распределяется по московским театрам с тем, чтобы никто из них материально не пострадал. Как я слышала, большое число актеров от Корша переходит в Александринку. Возможно, что оттого и не разбирали наших финансовых выкладок, что все они опять могут измениться на 33 г., т.к. мы должны будем строить наш финплан, имея две равнозначщие по количеству мест площадки. В своих выкладках мы указывали, что мы сможем как-то уложить в рамки прихода свой расход (может быть, с небольшой нехваткой), если будем иметь вторую площадку со зрительным залом не меньше 1 100 мест. Кроме того в своей докладной записке мы просили ассигновать деньги на постройку мастерских и тоже прибавили, что буде театр Корша нам отдадут, мастерских строить не нужно, при том театре они есть. Мы же, рассчитывая, что вместе со зданием нового театра (строительство это откладывается) мы построим себе и мастерские, могли только временно терпеть такие непригодные для теперешней работы, такие ветхие помещения мастерских.

Вот на составление докладной записки и всяких к ней приложений и переписку их (в 10 экземплярах, т.е. каждый документ писать дважды!) и ушла последняя неделя, было столько работы, что даже не удалось отдыхать в очередной свободный день.

Милый Владимир Иванович, я говорила с Ек. Вл. относительно путей и способов получения денег для Вас. Чтоб она дала совет, какой я могла бы написать Вам. Она считает, что в Совнарком обращаться не следует, все равно они переправят бумагу к Ав. С., т.к. докладчиком по любому вопросу там может быть управляющее нами учреждение – и только. Она считает, что хорошо было бы Вам написать Авелю С. очень явственно все положение вещей. (Вы меня простите, что я вмешиваюсь в это дело без всяких вопросов с Вашей стороны, но поверьте, Владимир Иванович, это только от желания Вам всего самого лучшего и легкого в жизни. При этом я Вам в точности пишу, как говорила Ек. В.) Она думает, что следует написать весь расчет Вам: как раскладываются Ваши денежные дела, каким образом ликвидируете Вы Ваши обязательства в смысле работы, принятые на себя за границей. И вот написав все это, попросить Ав. С. помочь Вам в деле получения денег (ведь он не единогласно это разрешает) и осветить ему то положение, в какое Вас ставит неполучение или недополучение денег. При этом Е.В. говорит, что всякое письмо помимо А.С. только обидит его, так что она не советует миновать его. Все эти советы она мне подробнейшим образом развивала во вчерашнем моем с ней разговоре и взяла с меня слово, что я тотчас же напишу об этом Вам.

От Ек. Владимировны же я услышала, что Ел. Конст. очень больна, находится на юге (кажется, в Сочи), откуда скоро не вернется и, как говорят, вообще не вернется в свой театр. Будто бы о директорстве там говорили и с ее теперешним заместителем Аркановым, и с директором 2 МХТ Александровым, но пока решения по этому поводу нет.

О Лизочке Аслановой: мне сказал Иверов, что он видел ее, у нее нормальная температура и единственная теперь забота – быть очень осторожной и не простудить уши или почки. Она лежит в одной палате со служащей из той же Боткинской больницы и говорит, что ни в чем не нуждается, ни денег, ни еды ей не нужно, она всем хорошо оборудована, как и ее соседка по палате.

Жизнь в театре идет в спешке, в бурлении по поводу ежедневных мелких событий, но за последнее время из-за массы работы, из-за непрерывной стукотни на машинке все это происходит для меня как бы за стеклом – знаете, если с палубы, например, смотреть в окно гостиной на пароходе (мне так это явственно представилось сейчас): люди входят, выходят, говорят, жестикулируют, но шума абсолютно не слышишь, ни голосов, ни смеха, ни музыки.

Получаете ли Вы бандероли с газетами? Я их посылаю примерно раз в пятидневку. В последней (вчерашней) бандероли я послала “Вечерку” со статьей Литовского о “классике на сцене”. Там он негодует на то, что Худ. театр совершенно не ставит классиков – ни русских, ни западных. Он, вероятно, не помнит уже все те громовые свои речи, которые он произносил у нас после просмотров, когда он упрекал театр в желании стать театром классического репертуара и тем самым стать

музейным театром, оторванным от живой жизни! После этой статьи мне захотелось предложить ему прочесть чеховского “Хамелеона”.

Милый Владимир Иванович, я все мечтаю о том времени, когда мои письма снова станут спокойно повествовательными, а не будут рассказывать о нашей московской театральной жизни такими рваными отрывками. Это обязательно будет.

Кланяйтесь, пожалуйста, от меня дорогой Ек. Ник. и Мише.

Желаю Вам всего-всего хорошего.

236.

31 октября 1932 г. № 5

Милый Владимир Иванович!

Отвечаю на два Ваших последних письма сразу. “Скутаревский” был нами переписан только раз, сделали 4 экземпляра, которые тотчас же разошлись: один Ав. С-чу, остальные – в театре. И потому, что тотчас же Леонов стал делать поправки и вставки по указаниям Судакова и Маркова, дальнейшую переписку пока приостановили, чтоб сразу переписать текст в исправленном и дополненном виде. Как сегодня мне сказали, сейчас срочно переписываются роли, чтоб дать их хотя бы в предварительную работу актерам (официального распределения ролей еще не было), а потом будет переписан экземпляр, и вот тогда я получу экземпляр для посылки Вам. Несмотря на то, что Марков просил “Веч. Москву” не помещать даже предположительных сведений о распределении ролей, газета все же, объясняя, что имеет сведения из достоверных внутритеатральных источников, поместила в своей хронике, что Скутаревского будет играть Хмелев. Действительно, у нас об этом говорили, но, сказать по правде, я не представляю, чтоб Хмелев мог сыграть эту роль. Вот Вы получите пьесу и, конечно, лучше всех нас здесь решите, кому лучше всего играть эту роль. Слышала, что и “старики” не уверены, что Хмелев может играть.

“Скутаревский” – это снова пьеса о профессоре, как и “Страх”. А на днях Тренев читал Маркову и Сахновскому три картины из своей новой пьесы, и тоже о профессоре¹. Оба слушавших говорили, что у Тренева пьеса задумана чрезвычайно интересно, хороши намечающиеся образы, очень хорош язык. Так что, несмотря на то, что это третья “профессорская” пьеса, все же интересно было бы театру и ее получить. У Тренева снова хорошее отношение к театру, забыл о своих обидах и неудачах у нас и, видимо, очень доволен тем, как отнеслись к его новой работе. Кажется, он собирается обосноваться на эту зиму в Москве, так что и совместная с ним работа будет значительно легче.

В следующей бандероли газет я пришло Вам № “Веч. Москвы”, в котором как раз и заметка о “Скутаревском”, и несколько строк о Вашей любимице Семеновой, и отчет о Пленуме оргкомитета писателей,

который сегодня обсуждался Марковым и Леонидовым. Они следят за тем, что происходит в оргкомитете, и потому были заинтересованы отчетом. Сказать правду, я это дело проглядела из-за массы дел, а так как Вы внимательно читаете газеты, думаю, что и Вам это будет интересно.

По привычке я сегодня написала Вашу фамилию на конверте по-французски, дальше буду писать по-итальянски.

Я забыла спросить Калужского, переменялись ли условия работы Завадского в этом сезоне. До сих пор он получал 50% оклада той группы, в которой он стоит (вместе с Бендиной, А.Зуевой, Кедровым, Орловым, Соколовской, Степановой и Яншиным), и играл графа в “Фигаро”, и репетировал Кнзя в “Дяд. сне”. В театре я его вижу не часто, большее количество времени он отдает своему театру. Я спрошу подробнее о нем и напишу Вам.

Молчанову в “Хлебе” я смотрела тогда, когда она играла в первый раз, и совсем недавно смотрела с ней 7-ю картину пьесы. Мне показалось, что она играет ее очень злой, очень колючей. Спросила других, какое у них впечатление, сказали примерно то же. Тарасову она, по общему мнению, не “переиграла”².

Зато, по мнению многих, переиграл Хмелева Кудрявцев в Раевском. Я смотрела опять-таки его первый спектакль, и только кусочек, так что своего мнения иметь не могу. Непременно посмотрю, чтоб написать Вам, как мне это показалось, буду смотреть очень внимательно и беспристрастно. Вы спрашиваете, дает ли Кудр. “что-нибудь” новое в этой роли. Говорят, дает много нового.

Трудно сказать, с удовольствием ли Вас. Ив. играет Гаева. Не отказывается, не уклоняется – в этом отношении Вас. Ив. безупречен. Но вряд ли находит в этом для себя удовольствие. Мне говорили, что Вас. Ив. с большим удовольствием репетирует Нарокова в “Талантах” и настолько хочет его играть, что прежде репетировавший роль его дублер Орлов даже пришел в огорчение.

Мариэтт играет только Степанова. Вообще в “Воскресение” дублеры не вводятся – то ли времени нет, то ли вообще не хотят тронуть такой великолепный спектакль. Вместе с тем отсутствие дублеров как раз сегодня заставило снять спектакль. Заболел Ершов, и сегодня вместо “Воскресения” пошли “Турбины” с Гетманом – Вербицким и Тальбергом – Судаковым. На прошлом спектакле “Воскресения” Ершову было так плохо, что он едва не упал в обморок в 1-м акте. Во время сцены присяжных ему дали валерьяновых капель, вызывали к нему в антракте дежурного врача, потом пришел Иверов, все нашли, что у него сильный сердечный припадок, что ему нужно пробыть без работы по крайней мере 3 дня. А он на следующий день с утра пришел на репетицию, вечером поехал на халтуру (это было 26-го), на следующий день днем играл в “Турбинах”, а после того халтурил на радио при передаче сцен из “Бронепоезда”, 28-го снова играл в “Турбинах” и отдыхал только 30-го. А сегодня с утра ему было так плохо, что Кемарская телефони-

рвала, что играть вечером он не сможет. Он не спит совсем по ночам, в ужасно подавленном состоянии, слабость такая, что не может встать с постели и добраться даже до стола. Иверов сегодня был у него, определил сильное расширение сердца. Ведь у Ершова вообще органический недостаток сердца, оно слишком маленькое (“куриное сердце”), и потому на нем так сказывается расширение его. Под вопросом завтрашний спектакль “Страх”, возможно, что завтра Ершову нельзя будет играть, а Герасимов еще не введен на роль Боброва. (Я заметила, что неверно написала Вам историю дней Ершова: он еще 29-го сыграл “Страх”. Так что после припадка 25-го до 30-го он без отдыха работал и, отдохнув только один день 30-го, к 31-му оказался совсем без сил.) Калужский предложил Судакову, чтоб тот, оставив все остальные свои работы, до 5-го занялся бы только Герасимовым, чтоб приготовить его в “Страхе”, но при мне, напр., Леонидов выражал сомнения, сможет ли Герасимов не только быть готовым к 5-му, но вообще играть Боброва. Есть еще предложение: дать Боброва Орлову в те спектакли, кода Бородина играет Леонидов. Орлов и к роли подходит, и сам очень в пьесе, с ним ведь по роли Бородина было проведено много репетиций³.

Относительно Ваших распоряжений и вопросов по дому я сегодня говорила по телефону с Соф. Вит., она одновременно получила письмо от Ек. Ник. и телефонировала мне. Ваши распоряжения наполнили нас обеих радостью – как-то ближе показался Ваш приезд.

Аксенов, кот. пишет в “Сов. театре”, – не артист Малого театра и не муж Гоголевой. Это литератор, переводчик и вообще, как говорят, чрезвычайно интересная фигура. У нас было одно время предположение привлечь его к работе над “Марией Стюарт”, но потом по разным причинам от этой мысли отказались⁴.

Я говорила с Марковым относительно текста “Леди Макбет Мценского уезда” для Вас. Мы говорили об этом после Вашего первого запроса, посланного в Муз. театр. Марков боялся, что в тексте, без музыки, произведение Вам не понравится, и объяснял свой страх тем, что во всех случаях, когда знакомились только с текстом, отзывы были неодобрительны. Но я тогда еще сказала, что со всеми остальными это, может быть, и было так, но что Вы разберетесь во всем по-настоящему и поймете все совсем иначе, чем это могут понимать другие, и потому бояться нечего. Сегодня Марков мне относительно текста сказал, что они написали Шостаковичу просьбу прислать текст (у них нет его, а 4-й акт вообще не готов, т.к. с представленным Шостаковичем Марков и Мордвинов не согласились и дали указание композитору о необходимости таких-то переделок и перестановок), но что, по мнению Маркова, Шостакович может перепугаться Вас и не прислать текста. Он вообще трудный человек и сжимается моментально от одной мысли, что у него опера может получиться неудачной. Марков говорит, что он даже ему, при всех их дружеских отношениях, боится показывать свои работы, а уж послать Вам – непременно струсит.

Думаю, что теперь уж дошли до Вас газеты, в которых было об “Егоре Булычове”. Я еще не успела посмотреть этот спектакль. Непременно пойду. Многим он нравится чрезвычайно, некоторые с ним не соглашаются, но все единодушно хвалят исполнение, особенно Щукина, который даже получил Заслуженного⁵.

На днях (если не ошибаюсь, это было 28-го) наши – Сахн., Марк., Ив. Мих. и Леон. – были приглашены к Ал. Макс. Пошли только первые трое, Леонидов был занят. В этот день Ал. Макс. уезжал за границу. Наши пробыли там долго, сначала беседовали с Ал. Макс., потом у него завтракали. А.М. читал им второй акт из своей будущей пьесы, продолжение “Булычова”, Марков мне очень хвалил его. В отношении постановки у нас “Булычова” они все вместе пришли к такому решению: подождать, пока будет готова вторая пьеса, и тогда ставить одновременно, в два вечера и “Булычова” и вторую его пьесу.

Потому что Ал. Макс. поехал в Ваши края, не оставив здесь даже своего секретаря, который обычно пересылал ему его почту (секретарь этот сопровождает его, проживет с ним некоторое время и, по уговору, приедет обратно в Москву с готовой для нас второй пьесой), я не решаюсь поручить здесь кому-нибудь пересылку Вашего замечательного письма и возвращаю его Вам⁶. Вы, вероятно, знаете его итальянский адрес? На всякий случай: Наполи, Сорренто, Капо ди Сорренто, вилла Сорита.

На днях мне звонили из ВОКС: пришла просьба от нашего норвежского полпреда Коллонтай прислать для какого-то норвежского театра Ваш текст “Карамазовых”. Я ответила, что могу дать экземпляр только по Вашему разрешению. Они попросили Ваш адрес, желая запросить Вас телеграммой. Получили Вы такую телеграмму? Я просила только указать в телеграмме, что ответ от Вас они ждут почтой, я боялась, что ответная телеграмма отнимет у Вас часть нужной валюты. Дело в конце концов не такой уж экстренности.

Милый Владимир Иванович, 27-го по случаю годовщины театра я получила цветочки, которые, собственно, принадлежат Вам. Это д-р Иверов, поздравляя Вас в моем лице, прислал мне прелестные гвоздики. У нас этот день прошел совершенно тихо, вспомнили о нем только старики и более близкие к ним середняки. А Вы вспомнили о нем? Простите, что так поздно приветствую Вас с 34-й годовщиной.

1 ноября 1932

Милый Владимир Иванович!

Вчера не удалось закончить письма, т.к. пришла повестка на строительное заседание в ЦИК, пришлось вызывать разных лиц, звонить по телефону, делать копии бумаг к заседанию, словом, кончился спектакль, а я все еще с этим возилась. Но это даже кстати, что я не отослала письма, т.к. когда я закончила дела и спустилась в кабинет К.С., то узнала, что на спектакле с середины (шли “Турбины”), и это была “Гимна-

зия”) был Ав. С., первый раз в этом сезоне. Мне сказала Рипси, что он расспрашивал о Вас и К.С., когда приедете, что пишете, как здоровье. Рипси сказала, что К.С. приедет, вероятно, скоро, но когда – неизвестно. (Мы даже не знаем точно, где он. Были какие-то слухи, что 19-го они переехали в Берлин, но вот на телеграмму, посланную Рипси в Берлин 24-го, ответа, например, никакого нет, и вообще писем от них никаких – ни Рипси, ни домой – нет.) О Вас же Рипси сказала, что слышала, как будто Вы приедете, считая, что сведения шли от октября, через 2 месяца, т.е. в декабре, и на вопрос Ав. С., почему не вместе с К.С., сказала, что Вы не получили необходимой суммы на лечение и отдых, на какую Вы рассчитывали. На это Ав. С. сказал, что Вы просили 2 тысячи и так он и исполнил это. Он сказал так: до моего отъезда послали 500 (до его отъезда из Москвы), потом в Берлине я сам распорядился выдать 500 и потом два раза по пятисот выслали с тех пор, что я вернулся оттуда. Он сказал как-то так еще: больше мы послать же не можем, у нас же нет возможности. И потом снова сетовал, что Вы не возвращаетесь с К.С., сказал: надо же, чтоб он приехал, чтоб он был тут. Когда Рипси сказала, что К.С. еще из Баденвейлера просил привезти ему на границу шубу и другие теплые вещи, т.к. боится простудиться в вагоне и оказаться “арестованным” на всю зиму в Леонтьевском, то Ав. С. сначала выражал сомнения, что простуда может ему в дороге угрожать, а потом еще говорил о том, что если К.С. или Вы будете беречь свои силы и опасаться выходить зимой в театр, то это так и должно быть, потому что главное, чтоб Вы были тут, в Москве, т.к. даже только при таком Вашем присутствии, даже если Вы и не приходите в театр, все у нас идет хорошо. Он говорит: ваш театр без них ведь не может быть, не так все получается.

Милый Владимир Иванович, если Вы окончательно утвердились в мысли написать сюда бумагу о необходимых деньгах, то прошу Вас поверить моему совету, проверенному у ряда знающих лиц, – писать только на имя Ав. С., т.к. ему будет очень обидно, если Вы его минуете, а ведь письмо Ваше непременно попадет к нему, т.к. он является нашим шефом.

В добавление к написанному вчера о болезни Ершова и возможной на сегодня перемене: Ершову сегодня все еще нехорошо и идет у нас нынче “Дно”. Сегодня же открывается Малая сцена “Квадратурой круга”. Я не была там, но слышала так: в помещениях для публики достаточно сыро, но все же температуру сегодня удалось довести до 13–14 гр. Отремонтировано помещение некрасиво – так-то вообще и чисто, и ново, но как-то и казенно, и не элегантно, и грубовато (все пишу с чужих слов, когда сама увижу, дам точное описание). Полы в фойе затянули линолеумом, это хуже паркета, стены покрашены в какой-то бирюзовый цвет в зрительном зале, и плохо покрашены, местами проступает штукатурка, видны места замазанных окон. Прекрасный лепной потолок в фойе, отлетевший еще в прошлом сезоне, т.е. после сезона прошлого, заменен простым. Помещения же для актеров значительно

улучшились: там хорошо покрашено, очень чисто, повешены драпировки, стало много уютнее. Тепло. Немного сыро в коридоре и уборных дамских. Слава богу, что открыли Малую сцену. Там надо спешно выпустить возобновленную “Битву жизни” 6-го, а то если бы задержалось открытие, задержался бы выпуск “Битвы” и спутались бы дальше все репетиции по “Мертвым душам” и “Слуге двух господ”.

Когда предполагался приезд К.С. в конце октября, то срок выпуска “М. душ” считался 20-е ноября. Но теперь К.С. задерживается и могут полететь все сроки, и “Душ”, и “Талантов”, словом, одно будет цепляться за другое. Но Ил. Як. не унывает и даже вчера пригласил Ав. С. 19/XI на генеральную “М. душ”.

237.

11 ноября 1932. № 7

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего хочу написать о том разговоре, кот. вчера у меня был с секретарем Андр. Серг., позвонившим в дирекцию, собственно, по делу приезда К.С. Когда он кончил свои вопросы (касалось наилучшего устройства обратного проезда К.С., которое договорено следующим образом: бронируются два купе, для К.С. и Мар. П., кроме того, Ник. Аф. выезжает на границу с теплыми вещами, т.к. К.С. смертельно боится простудиться в дороге), я его спросила: куда послать только что прибывшее на имя Анд. Серг. приветствие от Вас с праздниками¹ – в Наркомат или на квартиру. Он проявил к Вам громадный интерес, стал расспрашивать, когда Вы думаете вернуться, почему не возвращаетесь теперь, какие Ваши планы, и сказал, что как раз на днях Анд. С. спрашивал его, что он знает относительно Вас, и даже предпринял какие-то шаги через знакомых, чтоб поподробней о Вас узнать. На мой подробный отчет, что Ваш приезд задержался по таким-то и таким-то материальным причинам, он мне сказал, что Анд. С. справлялся у нач. Глависк. Аркадьева и тот ему сказал, что Вам посланы деньги, которые должны все вопросы материальные урегулировать. Я ему сказала, что это не так, рассказала все, что Вы мне писали, и он мне рекомендовал тотчас же Вам написать совет – примерно такой, какой в свое время я писала Вам от имени Ек. Вл., т.е. прислать сюда Ав. С. (а он прибавляет – и Ан. С.) подробную Вашу смету на предстоящее время. Т.е. очень конкретно рассчитать, сколько нужно до такого-то срока, в который Вы могли бы и хотели бы вернуться, сколько у Вас есть и, стало быть, сколько Вам не хватает. Он говорит, что Ан. С. живо пойдет Вам навстречу и сделает максимум возможного, чтобы скорей увидеть Вас здесь.

Ваши приветствия прибыли вчера и тотчас же были посланы по адресам². Вы не подписались на письме Ел. Конст., написали от руки “Виллу Адриану”, а подпись забыли поставить. Но т.к. на конверте

было написано, что это от Вас, и т.к. Вашу подпись подделать совсем невозможно, я послала письмо в том виде, в каком оно пришло. На обоих других письмах подпись была.

Лизочка Асланова вчера пришла из больницы домой, и я вчера и сегодня говорила с ней по телефону. Несмотря на все мои уговоры, что ей необходимо поехать в санаторий, что это можно будет через театр устроить, она стояла на своем: ей всего приятнее будет, если ее “ни в какую ссылку не отправят”, т.к. она так стосковалась по Москве еще в больнице, что всякий санаторий ей будет в тягость, единственное ее желание получить разрешение вернуться к работе не 23 ноября, как разрешает ей врачебный бюллетень, а 1 декабря, и она просит об этом поговорить в дирекции. Вчера же я говорила с Ник. В., который, конечно, разрешил ей отпуск до 1/XII и кроме того намерен дать ей от дирекции какую-то сумму (я думаю, что это будет месячный оклад, т.е. 125 р.) на усиленное питание. Когда я Лизочке это сегодня сказала, она была очень довольна и сказала, что больше ей ничего и не надо.

Милый Владимир Иванович, я давно хотела Вам написать, что у нас жизнь сильно вздоржала, так что и обеды наши театральные стали значительно дороги. Нас кормят сейчас великолепно, особенно по части т. наз. “порционных” блюд, ценою в 2–2.50 руб., очень хорошо готовят (взяли 2 новых поваров) и т. наз. “дешевые” обеды, но эти обеды стали дороже примерно на 50%, т.е. обходятся в 1 руб., а если со сладким, то 1.30–1.40. Тогда, когда я в свое время писала Вам относительно Тат. Хар. и Василисы, после чего Вы увеличили сумму, выдаваемую им на питание, я предложила и Лизочке, что я напишу о ней, но она запротестовала; тогда как раз прошла у нее прибавка и ей казалось, что она очень разбогатела. Теперь уж жалованье и с прошлогодней прибавкой стало мало, и как раз перед своей болезнью она как-то пришла ко мне и говорила, что, вероятно, ей придется меня попросить написать Вам то, что я когда-то сама предлагала, т.е. о том, нельзя ли несколько увеличить Вашу помощь ей.

Вот и прошли долгожданные праздники – ведь мы 3 дня были свободны, и казалось, чего только не переделаешь в эти 3 дня! Москва была грандиозно разукрашена, особенно в смысле “светового оформления”, как теперь говорят. Наш театр был украшен наиболее удачным против прошлых лет образом. Макет оформления делала группа молодых художников, привлеченных Вас. Григ-чем. Над средним подъездом, вздымаясь выше крыши, были подняты два крыла, два как бы паруса той старинной формы, когда парус расширялся кверху, белое и красное, одно находящееся на другое. И вверху над ними лозунг: “Война войне”, который, горя вечером, был уже на фоне неба. Вправо и влево от этих крыльев фасад был затянут серым фоном с нанесенными на него анти-милитаристическими лозунгами. Буквы были красно-оранжевые и тоже светились по вечерам. Во всех окнах нижнего этажа – музея и бухгалтерии – была устроена выставка эскизов и фотографий наших поста-

новок. Вообще наш переулочек, его витрины, были отданы московским театрам, так что для публики, идущей мимо, это был парад московских театральных постановок. Интерес к этим выставкам именно по линии театров был очень велик, множество народа стояло перед витринами и подробно их разглядывало.

Вечерние спектакли 7-го и 8-го были отмечены тем, что перед началом спектакля на сцене был собран весь состав театра. На Большой сцене Качалов и на Малой – Тарханов читали приветствия собравшимся по поводу 15-летия Октября, а затем весь состав театра исполнил “Интернационал”.

Вчера днем у нас было внутримхатовское торжественное заседание, посвященное 15-летию, с докладами Литовского и представителя Военно-полит. курсов, подшефных нам, после чего состоялся концерт по очень строгой программе: силами оркестра Радиотеатра, под дирижерством Орлова, были исполнены 5-я симфония Бетховена и “Эгмонт”, которого с оркестром читал Качалов, а очень приятная певица Островская пела две песенки Клерхен.

13-го у нас Всев. Вишневский читает свою новую пьесу. Т.к. он клянет наш театр при всех случаях и ему довольно неловко показать, что он заинтересован отдать нам пьесу, он объяснил свое настойчивое желание (он много раз обращался с этим к Маркову и Суд.) тем, что ему интересно услышать, какую оценку в драматургическом отношении получит его труд от таких специалистов своего дела, какими являются мхатовцы. При этом он заверяет, что читает у нас без всякого для нас обязательства считать это чтение – предложением пьесы театру³.

Возможно, что в таком же плане в конце ноября будет читать у нас свою инсценировку тургеневских “Отцов и детей” О.М.Брик, давнишний литературный работник, не выступавший как будто до сих пор в качестве драматурга. Он принадлежит к группе ярких левовцев. Но у него есть то преимущество, что он нас никогда не поносил, не только как Вишневский, но и даже значительно мягче. Вряд ли он нами очень восхищался, но терпимости к чужой системе творчества и такта у него было достаточно.

Третьего дня ко мне звонил муж Ел. Федоровны⁴, он спросил меня, нет ли у меня какого-нибудь ответа от Вас на посланную телеграмму. Я ему сказала, что телеграмму по просьбе Порфф. Арт. я давала от его имени и что мне Вы только дали телеграфное распоряжение относительно венка и надписи на ленте. Веночек этот был очень хороший, его сделали с большим вкусом – весь зеленый, без цветов, чтобы дольше прожил и не вызывал бы в ребятах, играющих на кладбище, желание оборвать цветы, а лента была белая с зелеными буквами. Веночек был очень большой, покрыл весь могильный холм. Положили его на могилу 6-го. Я думаю, что Вы написали Порфф. Артемьевичу письмо, которое к 9-му еще не могло дойти до Порфф. Арт., я высказала это предположением Ив. Ал-дровичу в ответ на его удивление, почему от Вас нет никаких непосредственных вестей.

Вчера Ульянов показывал режиссуре “Мольера”, Москвину, Сахановскому и Маркову много сделанных им эскизов – по декорациям и по костюмам⁵. Есть очень хорошие, есть такие, которые придется, вероятно, переделывать. Особенно в отношении эскизов декораций. Тут режиссура не принимает того, что большая часть их разрешена в плане живописном, собор же и заседание кабалы разрешаются в плане архитектурном. Показалась опасной декорация приемной короля – она вся в громаднейших, пышнейших портретах. И если представить себе, что среди этих портретов будут действовать люди, тоже чрезвычайно пышно одетые, то есть опасность, что стены забьют, придавят исполнителей. В отношении некоторых спорных для режиссуры эскизов Ульянов говорит, что он их сделал по заданиям К.С. и только с его возвращением и показом ему можно будет установить, действительно ли художнику удалось верно выполнить задачу.

К.С. возвращается 14-го, 8-го прибыла телеграмма о том, что по болезни Мар. Петр. они откладывают выезд из Берлина с 10-го на 12-е.

Как Вы увидите, в посылаемом репертуаре 25-е и 28-е оставлены для первых двух спектаклей “Мертвых душ”. Мне не очень верится, что спектакль действительно выйдет в эти дни. Вероятно, К.С. положит на его выпуск больше времени, чем планируется до приезда.

С выпуском “Мертвых душ” должны начаться многие работы: “Мольер”, “Скутаревский” (все еще нет экземпляра, чтобы выслать Вам), ряд ученических работ, которые будут работать не для выпуска на сцене, а для педагогической работы с самыми зелеными. Так, Телешева будет вести свою группу, работая с ними “Воспитанницу” Островского, Тихомирова – “Лекаря поневоле”, а Топорков и Кудрявцев, которым поручили занятия с вокалистами, выбрали “Виндзорских проказниц” Николаи. Все занятия эти считаются уроками и оплачиваются не сдельно по всей работе, а по 15 руб. за урок, причем Калужский должен так размещать занятия, чтобы в месяц каждая группа имела не меньше 10 и не больше 15 уроков. В таком же плане и с такими же условиями проведет работу Орлов по вводу второго, совсем юного, состава “Битвы жизни”.

Тот Аксенов, о котором Вы справлялись по поводу его статей в театр. журнале, все же приглашен к нам в качестве переводчика и толкователя “Мари Стюарт”.

Вслед за посланными Вам вчера газетами я послала и сегодня следующую бандероль, т.к. в них Вы найдете извещение о смерти жены Иос. Вис. Это было так внезапно, так неожиданно, никто не думал, что второй припадок аппендицита кончится для нее трагически. Первый был у нее этим летом, после него она оправилась и, как я слышала, решила заняться своим здоровьем только после 1 декабря, когда она должна была окончить Премакадемию⁶.

Наши большие выправились: и Кнебель, и Ершов ходят в театр. Ершов уже играет, как обычно, Кнебель будет играть 14-го “Дядюшкин сон”.

Слава богу, больше таких внезапных заболеваний не было. Болеют потихоньку, хотя вот сегодня из-за болезни Раевского и простуды (на бесчисленных праздничных концертах) Грибкова пришлось отменить “Квадратуру” и дать “Рекламу”. На праздниках все наши актеры были нарасхват, участвовали многие в день в 3–4 концертах, хорошо заработали.

Милый Владимир Иванович, передайте, пожалуйста, самый мой нежный привет Екатерине Николаевне и большую благодарность за ее записочку. Я рада, если могла сделать приятное не только Лизочке, но и ей.

Желаю Вам очень приятно и радостно проводить каждый Ваш день, чтоб не было в Вашей жизни ничего мрачного, неприятного.

238.

17 ноября 1932. № 8

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром встретили К.С. Поезд должен был прийти в 9.45, но объявили, что он опаздывает на 51 минуту. Мы все (Сахн., Калужские, Книппер, Егоров, Рипси, Федя, я, Блинниковы, Кедров, Ливанов, Литовцева, М.А.Гремиславская и родственники) отправились в читальню на вокзале, чтобы там подождать. Минут за 10–12 до назначенного срока сторож при читальне спрашивает: “А вы какой поезд встречаете? С Негорелого?” – “Да”. – “Так он пришел”. Тут начался марафонский бег. Поезд уже стоял у платформы, редкие пассажиры шли нам навстречу. Все мы вошли в пустой уже вагон, где застали К.С., Мар. П., доктора, их сопровождавшего, и Н. Аф., ездившего встречать их на границу. Мар. Петр. выглядела очень хорошо: свежа, в новом пальто, шляпке и даже вуалетке с мушками. К.С. мне показался как-то мыслью сильно ушедшим в себя, он не был, как обычно при приезде, весел и параден. Его удивил холод (действительно, сегодня был холодный день и даже выпал легкий снег), он тут же в вагоне сменил пальто на принесенную ему на вокзал шубу, закутался в шарф, закрыв снизу пол-лица и быстро прошел от вагона до машины. По настоянию врача, он должен лежать после приезда 2–3 дня и столько же времени не заниматься делами театра. Но вряд ли он это выдержит, он уже сегодня днем звонил Рипси, а стало быть, говорил о делах. Да и вряд ли он мог удержаться от разговоров о театре в пути, когда встретил Н. Аф. Встречало его так мало народа потому, что все почему-то думали, что не надо встречать, – как это объяснялось при прошлогоднем приезде.

Боюсь, что то, что он узнает о жизни наших последних дней, его разволнует. А может быть, он уже знает и от того был невесел? Дело в том, что 11 и 12-го у нас шло производственное совещание, кончившееся вынесением крайне резкой резолюции по поводу хозяйственной

(главным образом – строительной) деятельности дирекции. Резолюцию эту (вместе с протоколом) я перепису завтра-послезавтра и пришлю Вам. Решением совещания резолюцию эту направляют в Правительственную нашу комиссию. Как Вы видите по области, которая подверглась обсуждению, на этот раз под обстрел попал Н. Вас. Но как Вы увидите из протокола, выступал с ответами не только он, но и Вас. Гр., и вот отсюда пошли расхождения между нашими замами, т.к. Н. Вас. не принял некоторых выступлений В. Гр-ча, имел с ним об этом разговор, тоже не приведший к единению... Я не писала Вам об этом до сих пор, потому что события развивались несколько сумбурно и сразу мне было трудно уловить этот основной стержень, по которому нужно построить сообщение Вам обо всем. Но размахнувшись так широко (т.е. до отсылки резолюции в Комиссию по руководству театром), “обвинители” не сообразили, что выносить такие решения за три дня до приезда К.С. по меньшей мере бестактно, т.к. это несомненные действия через его голову, и стали бить отбой, как только им указали на их неделикатность. В частности, “тройка” имела серьезный разговор с Ильей (“баню”, как мне сказал Леон. Мир.), после чего Ил. отправился к Н.В., с дружескими объяснениями и предложениями работать рука об руку. Сегодня Леон. (который часто приходит ко мне “общаться” – заодно, как я полагаю, т.к. по-настоящему он идет либо к Вас. Григ., либо к Пав. Ал., но, не застав их, усаживается около моего бюро) очень остроумно рассуждал, что у нас помимо частей художественной и административной есть еще особая часть, особый “департамент”, и не назовешь как-нибудь, но в котором кипит работа, который требует своих завоёв, завоёв и т.п., своего делопроизводства, своей впоследствии истории, это отдел всего того, что бурлит помимо сценической работы. И что ему иногда начинает казаться, что этот департамент вдруг вылезает на первое место, так что у него является желание предложить отменить репетиции и спектакли и начать разбираться во всех прочих делах и взаимоотношениях. А уж если по этому департаменту написать книгу – то может выйти произведение, по крайней мере, трехтомное, и при этом значительного интереса. Но это все шуточки и анекдоты, а на деле наши замы пережили и переживают неприятные минуты. Правда, когда Н.В. был через день после совещания в Комиссии и рассказывал, там просили, что не следует на это смотреть серьезно, ибо главнейшие нападки идут по линии ремонта Малой сцены и строительства, не оправдавшихся в намеченные сроки не по нашей вине и по причинам, вообще имеющимся в наличии: нехватка стройматериалов. Так что обвинение в бесхозяйственности и несостоятельности могли получить многие предприятия. Конечно, всякая работа имеет свои ошибки, были они и у нас, но, по мнению Комиссии, не в таких угрожающих размерах.

Сегодня, как мне сказали, прибыло Ваше письмо на имя К.С. и переслано уже ему в Леонтьевский¹. В одном из Ваших последних писем Вы пишете, что К.С. приедет 12-го. Знаете ли Вы, что приезд был

сначала отложен на 14-е, а потом на 17-е из-за недомогания Мар. Петр.? Между прочим, Рипси, Н.В. и Н. Аф. говорили дважды за время ожидания приезда К.С. по телефону с ним Москва – Берлин. Говорят, что великолепно слышно, разговор дали на 15 минут и прямо из кабинета К.С.

Я получила Ваши последние 2 письма почти подряд и сразу звонила Ек. Вл., что есть Ваш ответ на ее рассуждения, надо встретиться. Но встреча наша отложена из-за приезда сюда ее мужа 16-го, нашей общей занятости 17-го и 18-го и премьеры 19-го, после сего Ек. Вл. обещала непременно побывать у меня. У меня с ней чудные отношения, с прежними же друзьями – Рипси и Н. Аф. – у нее дружба совсем разошлась, осталось только внешне – шапочное знакомство, внутри – надрыв с обеих сторон. Случилось это после переговоров об ее вступлении к нам и ее суждений и пожеланий в связи с этим. Кажется, что Рипси и Н. Аф. почувствовали, что с некоторыми вещами она не согласна и при приходе к нам на работу может встать к ним в оппозицию. Поэтому они, по моему мнению, не столько отвели ее кандидатуру, но и, вероятно, что-то нарушили (хотя бы малость) в отношениях к ней К. С-ча.

В Муз. театре – законные волнения перед выпуском премьеры². Сегодня была последняя генеральная, после которой Марков, например, впал было в отчаяние – репетиция шла пониженно, были накладки. Мордвинов настроен крепче, как “старый театральный волк”, знает, что так и должно быть. Завтра закрытый дневной спектакль с публикой, послезавтра премьеры с приглашениями. Партер почти целиком рассылается. В списке приглашений они обратились и к моей помощи, я дополнила их список некоторыми друзьями, которых они упустили, и два дня посвятила приглашениям по телефону желательных для театра гостей. Если все придут, кто собирался, зал должен быть приятен и интересен.

Как мы угадали, что, несмотря на одобрение Вашей телеграммы, вряд ли Вы можете подписаться под всем списком представляемых заслуженных! Правда, после нового и решительного обсуждения, список составили крутой, который Вы, вероятно, расширили бы, но ведь это всегда успеется для талантливой молодежи, тем более что в буд. году 35-летие театра. Представлены: в Нар. Арт. Лилина, в Засл. Деятели Вишневецкий, Грибунин и Тарханов, в Заслуж.: Тарасова, Литовцева, Ершов, Топорков и Хмелев. Ответа по этому делу еще нет, возможно, что это дело вообще отложится.

239.

31 ноября 1932. № 9

Милый Владимир Иванович!

Я не написала Вам вчера, как хотела, потому что была сильно занята до позднего вечера работой и заседанием по организации театральной академии (внутритеатральное заседание), а потом уж сильно

устала, особенно после недолгого сна накануне – ведь Муз. театр после “Колоколов” дал банкет, с которого я вернулась домой около пяти утра.

Спектакль имел громадный успех и очень всем понравился. Я не слышала ни одного хотя бы равнодушного отзыва, все говорят о спектакле с радостной улыбкой, с искренней веселостью. Я слышала, что музыкальная критика ворчала и собирается пробрать спектакль, но ведь это не ново, что критика пишет отзывы прямо противоположные общему мнению публики. Теперь даже часто слышишь: “Нет, не пойду смотреть такую-то вещь, очень в газетах хвалили, вероятно – скучно, неинтересно”. Спектакль, по моему и по мнению Маркова, Мордвинова и т.п., шел не так легко, как может идти. Тут, конечно, сказалась и усталость исполнителей, работавших вовсю в предспектакльные дни, и то, что накануне, 18-го, “Колокола” прошли закрытым утренником и имели головокружительный успех. Реплики постоянно принимались раскатым смехом, аплодисментами, иногда актерам попросту не давали говорить дальше текст. А на премьере 19-го публика была хотя так называемая “театральная”, но достаточно сдержанная в проявлениях своих чувств, и актеры растерялись, не слыша смеха там, где вчера они его слышали. На премьере чаще улыбались, чем смеялись. По публике – премьера была очень нарядна и парадна, приехали, за малым исключением, все, кто приглашался. Чай в антрактах в Вашем кабинете, в коридорчике переднем и в кабинете соседей (и то было тесно) был оживленный, говорливый. Разъезжаясь, гости благодарили за спектакль очень, так что Ил. Мир. был окрылен, т.к. некоторые разговоры дали ему надежду на помощь театру в дальнейшем.

Дирекция Вашего театра была очень горда тем проявлением добрососедских отношений, которые выразились в корзине цветов от Театра им. К.С. При корзине было теплое письмо за подписью представителей “треугольника”, т.е. директора (Чернявского), председателя месткома и секретаря ячейки. Действительно, за время совместной жизни обоих театров – это первый раз такая любезность. Конст. Ил. говорил мне, что настала с уходом Остроградского просто приятная совместная жизнь, в которой никакие конфликты не возникают¹. А раньше ведь что ни вопрос, что ни пустячный случай – конфликт! Острогр. пока нигде еще не работает, я слышала, что он имел несколько предложений, и даже будто бы в Большой (?) и даже будто бы – совсем невероятно – в Ваш театр (?!?!), но от всех предложений отказался и решил ждать и выбирать с оглядкой, точно по своему вкусу и желаниям.

После спектакля и оживленного разъезда публики в столовой (внизу) был очень шумный ужин, с короткими тостами (длинные были невозможны по причине шума, не умиравшегося никакими возгласами и просьбами быть потише). За ужином были и приглашенные, не говоря о себе – в этом отношении Ваша дирекция всегда очень ко мне внимательна, – но более заметные: Ольга Леон. с Волковым, Баратов... Были все наши народные, но Леонидов не пришел, боясь позднего си-

дения, на спектакле же вся “тройка” не могла быть, т.к. была в 8 часов вызвана к К.С. После визита к К.С., уже после спектакля и ужина, приехали Ив. Мих. и Вас. Ив., которых встретили с большим восторгом и любовью, накормили ужином в Вашем кабинете, а потом вытащили в фойе, где Вас. Ив. прочитал два стихотворения, а Ив. Мих. пел с хором (он любит петь в Вашей труппе, его радует такой “квалифицированный” хор), а потом даже станцевал русскую. Ив. Мих. оставался долго, я уехала, он еще был там. Вас. Ив. уехал раньше.

К.С. с тех пор, что приехал, не выходил еще. Я не спросила, как он принимал стариков, но Сахновского вчера, напр., принимал, лежал в постели. Однако Сахн. говорит, что у него было впечатление, что К.С. чувствует себя хорошо и мог бы не лежать, если б его так не запугали врачи. К.С. говорил, что он считает свои шаги, т.к. боится сделать в день больше 300 шагов – может начаться припадок. Мар. Петр. тоже лежит, она, видно, больна сердцем, так что ей даже делали какое-то вливание или переливание крови (простите, я не запомнила точно, т.к. плохо в этом разбираюсь). К.С. звонил на днях, что М. Петр. не сможет в ближайшее время работать не из-за усталости от пути, а по болезни. К.С., как обычно, несмотря на осторожность, приписываемую ему врачами, и даже на то прислушивание к себе, какое в нем наблюдается, весь день либо принимает людей по делам театра, либо говорит по телефону по таким же делам. Он мне звонил два раза (вчера и сегодня), чтоб сказать о Вашем деле. Оно складывается неблагоприятно. Он говорил с Анд. С. лично, после этого Анд. С., видимо, говорил еще с кем-то и сообщил о неудаче своих переговоров. Что касается Ав. С., то его никакими судьбами не может заставить по телефону, чтобы и перед ним поставить этот вопрос. Но зная очень хорошо и верно характер и ту особенную манеру, в которой Ав. С. всегда действует, он не рассчитывает и тут на удачу. Ведь Ав. С. такой человек: если ему сказать хоть раз, хоть раз попросить, и он может помочь, – он ни слова не скажет, не позвонит, не передаст через кого-либо, а Вы уж по результатам будете видеть, что он запомнил Вашу просьбу и помог Вам. Но если он чего-либо сделать не может, он не только ничем Вам не отвечает, но всячески стремится уклониться от данного разговора. К.С. говорит, что эти все соображения не останавливают его в его намерении все же говорить с Ав. С., но большого расчета на этот разговор иметь нельзя. Во всяком случае, в ближайшее, такое короткое по срокам время, на какое рассчитываете Вы. К.С. сегодня в разговоре со мной просил Вам об этом написать, т.к. он боялся, что в расчете на присылку из Москвы Вы можете отказаться от какого-нибудь приглашения или предложения там, на Западе, а отсюда ответ может прийти очень не скоро, да еще неизвестно какой ответ. К.С. рассчитывает, что тогда смогут осознать всю необходимость ускорить решение и дать благоприятное решение по этому вопросу, когда начнутся его деловые переговоры о дальнейшей работе театра, о выполнении производственного плана. Тогда, когда он со всей кате-

горичностью скажет, что он не может взять только на себя и выпуск 14 новых постановок в год, и ведение театра Корша, и организацию Академии театрального мастерства, что все это возможно было бы при одновременной работе вас обоих, – тогда, он надеется, будет понятно, чем реально грозит Ваше отсутствие. К.С. говорит, что нужная для Вас сумма по здешним понятиям громадна (он прав в этом), что она, несомненно, испугает каждого своей значительностью, что ему сообщили ряд случаев, когда в вопросах денег для лечения ответственных лиц проводилась настолько жесткая экономия, что давались деньги в обрез только на лечение, с тем, чтобы нахкур¹ был проведен с СССР. Все то, что мне сказал К.С., меня волнует ужасно, потому что я думаю – все это складывается для Вас очень тяжело. К.С. был еще озабочен в обоих его разговорах со мной тем, что у Вас нет теплых вещей², что Вы можете простудиться, и просил меня узнать, нет ли у Вас здесь такой теплой верхней вещи, которая могла бы быть послана Вам, но, по наведенным мной у Соф. Вит. справкам, оказалось, что здесь только Ваша меховая доха, которая, конечно, Вам за границей ни за что не нужна. К.С. мне сказал, что он еще будет добиваться разговора с Ав. С., но если не добьется, будет ему писать по Вашему делу. Но, конечно, он хотел бы лучше говорить – это всегда действительней и определенной. Ник. Вас., который у него был и с которым он об этом деле говорил, мне выразил почти категорическую свою уверенность, что дело не увенчается успехом, так ему представляется по всем тем линиям, какими он обладает в смысле общего положения этого вопроса. Когда я это сказала К. С-чу, он не возражал, он сказал только, что сейчас, не имея категорически отрицательного ответа и продолжая начатые хлопоты, он так категорически отрицательно сказать не может, но единственно что он видит, это что вопрос не разрешится очень скоро, даже довольно скоро, что все это требует месяцев, а Вы в своем письме пишете о сроке в 3 недели – в такой короткий срок получить решение совершенно невозможно, по его мнению. А так как К.С. беспокоится, что Вы можете получить какое-нибудь устраивающее Вас предложение и не решитесь его принять, ожидая скорого ответа из Москвы, К.С. и просит Вам сообщить срочно о несомненной для него затяжке этого дела. Милый Владимир Иванович, мне так тяжело думать, что эти денежные заботы, эта неопределенность заставляют Вас волноваться, не дают Вам отдыхать или работать... что, в сущности, пустяшная причина (в конце концов какая же это сумма?!) отрывает Вас от нужного, большого дела. Я не могу понять, как те люди, к которым обращались и от которых это зависит, не могут поглубже взглянуть на это все, не могут понять, что это же не-серьезное отношение к серьезнейшему вопросу. К.С. думает, что сейчас такой момент (исторический, а, следовательно, не моментальный, а достаточно длительный момент), когда нам вопрос нашего театра кажется серьезнейшим, а тем людям, которые разбираются в огромнейших вопросах жизни страны, не кажется таким.

1 От нем. nach Kur – отдых после лечения.

Милый Владимир Иванович, хотела я Вам послать текст “Скутаревского”, получила его наконец из реперт. конторы, но когда отправила на разрешение в Главлит, те переправили его в Главрепертком, а последний сказал: раньше пришлите к нам на разрешение для театра, а потом уж дадим разрешение на высылку за границу. В таком духе прислали мне ответ и возвратили текст пьесы. Вот будет у нас на днях Литовский, я его попрошу в виде одолжения, не для постановки за границей, а ведь только для прочтения Вам, выслать пьесу.

Лескова с “Леди Макбет” Соф. Вит. сегодня в Вашей библиотеке нашла, и я его высылаю. Сегодня приехал в Москву Шостакович, появился и Дмитриев, и сегодня днем Марков с ними обсуждал спектакль в своем кабинете в МХАТ, а вечером они собрались в Музыкальном, с Мордвиновым и со Столяровым³. Возможно, что скоро удастся послать Вам текст, если он его привез для работы в театре.

Относительно просимых Вами книг из новейшей беллетристики – вопрос этот у нас очень сложен, книги выпускаются со сравнительно небольшим тиражом, а спрос на них громаден. Поэтому и сейчас ищущу (и надеюсь найти) такое знакомство в книжном мире, чтобы я могла получать книги по записи, как это делают библиотеки. Наша библиотека, например, большинство новых книг получает по записи, сделанной заранее в соответствующих издательствах. Книги, поступающие после раздачи по записи на покупательский спрос, разбираются мгновенно. Есть ряд книг, которые Марков рекомендовал мне послать Вам как те книги, о которых много говорили. Он взял за основу этот принцип, рекомендуя мне книги, без намерения так или иначе оценить эти произведения. Но этих книг, думаю, не удастся найти ни в одном книжном магазине. Я думаю, что вернее всего сделать анонс в газете, что МХАТ покупает следующие книги. Таким образом, мы объявили, когда потеряли всякую надежду через книжные лавки или букинистов найти роман Драйзера “Американская трагедия”. И в ответ на объявление получили довольно много предложений передать нужную книгу в руки театра, причем большей частью предлагавшие просили за Драйзера не деньги, а билеты в театр.

Наконец решен вопрос с выпуском “Мертвых душ”. Назначены две публичные генеральные 23-го и 25-го. 23-го весь театр отдается в ведение Моск. Отд. Нар. Образования для передачи мест нескольким школам, старшим группам (классам). Обе генеральные, конечно, днем. 26-го приглашается Комиссия по руководству, Главрепертком и, вероятно, дадут часть билетов участникам спектакля, чтоб заполнить зал. Затем, 28-го и 1-го спектакль пойдет вечером, но закрыто, без афиш, целиком проданный организациям. Чтоб не дразнить публику, даже не будет в сводной афише напечатано, что идут “Мертвые души”, а будет написано: “Закрытый спектакль”. Дальше – будет решено 26-го: либо 4-го декабря дать премьеру с приглашением, как обычно на премьеру, либо еще дальше продать закрытым спектаклем и выпустить на широ-

кую публику тогда, когда спектакль, как говорится, раскатается. Даже не верится, что “Мертвые души” входят в репертуар и освобождают место для дальнейших работ по плану.

Со времени начала сезона у нас было два неприятных случая от неосторожности электротехников, а главное – из-за невыполнения правил, как вешать мягкие декорации по отношению к софитам и фонарям: незадолго до открытия Малой сцены там загорелись занавеска, бруски около выносного софита и совершенно случайно огонь тотчас же был замечен (театр-то весь был почти пуст, два-три человека, он ведь еще не работал) и потушен с помощью огнетушителей. А недавно (10-го) затлел потолок “Вишневого сада”, оказавшийся вблизи одного из фонарей на Большой сцене. Запах гари заметили тотчас же, и пожар тотчас же ликвидировали. Еще в прошлом сезоне, когда такая же история случилась во время 1-го действия “Воскресения” (я Вам писала об этом), была возложена ответственность на зав. сценой за то, чтоб декорации не были близки к фонарям. А теперь снова зав. сценой обращают свои претензии к эл.-техн. части, – зачем-де зажигают те фонари, которые в данный момент не должны гореть. Это, конечно, не дело включать лишний свет, но, главное – чтоб декорации не прикасались к фонарям. А вот при всех таких препирательствах заведующих как-нибудь еще несчастье случится, пока они будут решать, кто ответстен и кто виноват.

Милый Владимир Иванович, за время с июля по последний тираж Вы выиграли три раза по займу “3-й решающий”, по 20 руб. на облигацию, так что у Вас в приходе следующего счета будут числиться 210 руб., по 50 руб. возврат за облигацию и по 20 руб. выигрыша.

Будьте здоровы, милый, дорогой Владимир Иванович, так хочется написать – будьте счастливы, а разве можно быть счастливым, если у Вас столько забот. Кланяйтесь от меня, пожалуйста, Ек. Ник. и Мише.

240.

28 ноября 1932. № 10

Милый Владимир Иванович!

Я откладывала письмо к Вам до генеральной 26-го “Мертвых душ” – на этой репетиции должны были быть члены управляющей нами Комиссий. Но – грешный человек – после репетиции дала себя уговорить Булгаковым (Вы привыкли уж к тому, что моя сестра теперь Булгакова? – я не всегда сразу об этом вспоминаю) поехать после репетиции к ним пообедать, “спрыснуть” выпуск пьесы и поделиться впечатлениями. А вчера у меня был выходной день. Сейчас идет первый вечерний спектакль “Мертвых душ”, продан он съезду инж.-техн. работников, так что никакой внешней видимости премьеры нет. Будет только то, что, вероятно, к середине спектакля придет К.С., так говорила мне Рипси. Сейчас пошел второй акт. Первый имел очень хороший успех.

Репетиция 26-го была чрезвычайно удачна. Да, до нее была еще

репетиция 23-го, на которую места дали только ученикам нескольких московских школ. Мы просили прислать нам школьников старших групп, а прислали и довольно великовозрастных, и сравнительно малышей – так лет по 11–12. Режиссура даже оробела: ну как такой аудитории показывать спектакль, им бы “Синюю птицу”! Такой шум, писк, визг и стрекот стоял в фойе, а потом в зрительном зале, что Сахн. перед репетицией обратился ко всем не с разъяснением пьесы, а со строгим наказом сидеть тихо во время действия и не мешать актерам разговорами. И действительно – сидели тихо, благодарно аплодировали каждой картине, даже сделали овацию Качалову, когда тот появился в партере (какое знание наших актеров!), а на следующий день прислали благодарственную телеграмму.

На репетицию 26-го билеты были распределены так: в передних рядах оставлены были места для представителей Комиссии и Главреперткома, остальные места – участникам по два, остальные работникам театра – по одному. Так что репетиция шла примерно для папы-мамы. На Комиссии были: Ав. С., Ал-др Петр. и В.В.Шмидт. Были Ганецкий, Леплевский, Литвинов. К.С. был с самого начала (начали с 30 минутным опозданием), был встречен овацией, волновался он за спектакль ужасно. До того доволен был, придя в зал к началу последнего акта, почувствовал усталость, боль под ложечкой, вышел из зрит. зала и уехал домой. Правда, дома он быстро довольно отошел, полежал немного, а часов в половине 7-го уже звонил Сахновскому по телефону, спрашивая о спектакле – как прошел последний акт, как принимали. Спектакль был принят всеми перечисленными совершенно исключительно. Публика, конечно, тоже великолепно его принимала, но ведь ее оценку и не услышишь полностью, а вот оценку тех, кто антракт проводил в кабинете К.С., я услышала от Рипси полностью: спектакль оценен чрезвычайно высоко, главным образом по линии актерского исполнения, мастерства и культуры. Действительно, есть совершенно виртуозно играемые роли. Для меня первым номером идет Кедров – Манилов, затем Станицын – Губернатор (почти рядом с ним), и дальше Собакевич – Тарханов. Мне говорили, что на некоторых еще публичных репетициях был совершенно замечателен Леонидов – Плюшкин, на этой репетиции К.С. был им недоволен, сделал несколько указаний ему по телефону. В театре всеми чрезвычайно высоко оценена А.Зуева в Коробочке – на меня она такого потрясающего впечатления не произвела. Я думаю, что такая высокая оценка объясняется тем, что по сравнению с Мар. Петр., у которой роль не шла, ее особенно одобряют. Все нашли, что Москвин на этой репетиции (вероятно, от отсутствия К.С.) играл очень мягко, не нажимал, шел по пути, указывавшемуся ему К. С.-чем. Но, по-моему, Ноздрев – это не его дело, и он мне кажется страшно тяжелым: и внешне, и внутренне. Нравились мелкие, эпизодические роли: Мижуев – Калужский, Петрушка – Вл.Баталов, но это ведь появления на 2–3 фразы. Бал был встречен аплодисментами – его пышность действует на всех ошеломля-

юще. Также и поворот на ужин. Действительно, начало бала особенно эффектно подчеркивается тем, что только что кончилась картина у Коробочки – маленькая, пыльная, мутная комната, расплывшаяся старуха с пороссячим лицом, потом тьма, потом гром мазурки, яркий свет и блестящий зал в колоннах, заполненный разряженной толпой: красочные костюмы, голые женские плечи, мундиры... И на повороте на ужин: после уходящего на круг белого зала, с идущими парами под полонез гостями – сцена на минуту останавливается перед зрителями малой своей частью – буфетная: звенят тарелки в руках у судомоек, хлопочет повар и деревенского вида кухонный мужик, выстраиваются лакеи с блюдами в пышных красное с золотом ливреях, с наивно-простоватыми лицами, а потом круг идет дальше, перед зрителями столовая, где буквой “Г” поставлены столы, вернее, один длинный стол – и вся эта нарядная толпа уже сидит за столом и оживленно шумит. Тут зритель не выдерживает – все так импозантно, и при этом “совсем, как было в жизни”! Мне почему-то кажется, что восторги были похожи на те, какие в свое время были вызваны первыми реалистическими постановками МХТ. Только я думаю, что все тогда было сделано все-таки лучше. Или это мне кажется потому, что “что пройдет, то будет мило”?

Вероятно, этот спектакль будет рассматриваться как громадный культурный вклад, как спектакль большого педагогического значения для современного, для рабочего зрителя. И это верно, нигде не смогли бы дать такого культурного спектакля, такого исполнения первейшего качества.

Но когда мы внутри театра говорим о спектакле, то, конечно, нельзя не увидеть, что пьеса, именно пьеса Булгакова, как она была написана, у нас не играется, а показывается ряд великолепнейших портретов, и Марков должен был еще раз воскликнуть: все-таки прав был именно Владимир Иванович, когда он говорил, что МХТ в “Мертвых душах” должен и может показать галерею портретов! Так оно в конце концов и вышло! Владимир Иванович, как всегда, все увидел заранее!

Огорчительно в спектакле то, что к концу интерес к пьесе заметно падает. Самым лучшим мне кажется 1-е действие, кончающееся совершенно блестящей сценой у Манилова, второе действие – от покупки к покупке – постепенно утомляет зрителя, затем искусственно несколько и искусно интерес подогревается балом, начало 4-го действия (у прокурора, куда вставлен кусок из бывшей “Камеральной” с расспросами Ноздрева) смотрится хорошо, а дальше – номер и тюрьма – понижают интерес. Не нашли еще финала, даже не знаю, как будут сегодня кончать пьесу. Весной кончали хоралом (орган, хор), в последние дни перед генеральными придумали так: Чичиков, Селифан и Петрушка после слов “Покатим!” выходят, сцена пуста, темнота, и затем колокольчики и русская песня. На генеральной это не получилось, и что за вчерашний день придумали для сегодняшнего спектакля, забыла спросить. Надо будет узнать. Кое-что, особенно в финалах картин, К.С. после 26-го

переменил – как-то на публике яснее обозначились настоящие концы сцен, не нуждающиеся в последних доигрываниях.

Теперь о Вашем деле. К.С. имел со мной ряд бесед по телефону, часть которых я Вам сообщила в прошлом письме. Кроме того один раз он вызывал меня и Маркова к себе, чтоб поговорить по этому делу, но разговор не вышел достаточно длинный: мы прождали в прихожей минут 40, затем успели только минут 15 поговорить, как пришел следующий посетитель, и так как он был посторонний театру и вместе с тем важный друг, его нельзя было заставить ждать. При этом разговоре (это было 24-го) я настаивала на том, что К.С. должен и может по своему положению говорить с громадной решительностью о необходимости дать Вам деньги, чтоб Вы вернулись. К.С. отвечал, что я не знаю положения вещей, не знаю людей, к которым надо обращаться, и потому неверно вижу. К.С., собственно, вызвал нас, желая обсудить такой проект: привлечь к хлопотам Ал. Макс. Но мы не смогли согласиться с этим предложением, оно нам показалось либо неудобным – если обо всем писать что называется в лоб, либо таким, которое не получит осуществления (желаемого), если написать намеком, вернее, в общем рассказе жизни театра. Словом, к концу короткого визита при торопливом прощании К.С. сказал, чтоб мы еще думали, и он будет действовать и думать, как бы скорее все наладить. Он действительно чрезвычайно заботливо и пристально относится к этому делу. Я сказала К. С-чу, что в этот вечер увижу Ек. Вл. и спрошу ее совета. Когда я говорила с ней, то услышала речи примерно такие, какие я днем говорила К.С., т.е. что надо передать Ваше письмо и К. С-чу самому чрезвычайно крепко настаивать. Тем временем в тот же вечер К.С. проговорил с Марковым по телефону целый час и снова выставил ряд проектов, как бы действительно добиться нужных результатов. Подумав эти несколько дней над вопросом, как же все-таки лучше повести это дело, я решила сегодня написать К. С-чу письмо с вопросом, почему он все-таки считает (и старики тоже), что лучше Ваше письмо, которое Вы прислали в конверте с письмом к К.С., по адресу не передавать. Что я все же продолжаю стоять на той позиции, что надо передавать либо лично письмо, либо послать его адресату вместе с личным письмом от К.С., в котором изложить все те соображения, кот. волнуют К.С., когда он думает о предстоящей в будущем году работе, с которой он без Вас справиться не сможет. Но только что я до написания предполагаемого письма к К.С. стала говорить с Леон. Мир., чтоб выяснить, почему старики тоже считают, что лучше Вашего письма не передавать, как позвонил К.С. по телефону. Я стала ему говорить то, что собиралась написать. А К.С. сказал мне, что, думая ежечасно о том, как бы поскорее дать возможность Вам приехать, и имея, видимо, соответствующие беседы, он считает, что ему не следует пересылать Ваше письмо при своем сопровождающем, а мне надо написать Вам вот о чем: К.С. хотел бы, чтоб Вы написали ему (именно ему) письмо, в котором бы сказали как можно проще и явственнее самую суть того,

что у Вас теперь, как он понимает, а именно: что Вы не можете вернуться как можно скорее в Москву, к себе на родину, что Вы не можете не работать в созданном Вами деле, что это Вам настолько необходимо, что Вы не понимаете, как К.С. этого не видит и не делает всего, чтобы дать Вам возможность вернуться, жить и работать здесь. К.С. мне сказал, что в своем напоре на него Вы можете и должны быть чрезвычайно крепки, что тем легче будет ему на основе этого письма просить и настаивать. Леон. Мир. к этому добавил, что если б Вы написали такое письмо и указали бы в нем совершенно четко два момента: что Вам нужна такая-то сумма (ведь, может быть, теперь это уж не 1 000, а и больше) и что если Вы ее получите, то срок Вашего приезда такой-то, – то мысль К. С-ча неплоха и дает ему большие возможности действовать.

Так что милый Владимир Иванович, я все предыдущие рассказы о том, как протекали переговоры по Вашему делу, написала, чтоб ввести Вас в курс дела, а настоящая цель моего сегодняшнего письма – как можно скорее сообщить Вам мысль и план К.С. Если Вы с этим согласны, если Вам не трудно написать такое письмо о совершенной необходимости для Вас быть здесь, работать здесь, ждем от Вас ответа и будем надеяться, что К. С-чу удастся провести успешно это дело. К. С-чу кажется, как он говорит, что Вы за время такой длительной разлуки с нашей жизнью, как-то потеряли тональность, в какой ждут писем от Вас, и потому он подает Вам эту мысль.

Сегодня я услышала грустную новость – у Лизочки Аслановой некоторые осложнения после скарлатины на ноге. У нее был ушиб на середине ноги между коленом и ступней, теперь там появились болезненные ощущения, Иверов говорит, что ей необходимо лежать, иначе она рискует болеть долго и неприятно. Это она слишком рано вышла – как я ее не одобряла, когда увидела на одной из закрытых генеральных. И действительно, будто так уж необходимо было себя не пожалеть и непременно прийти на первую репетицию в гримах и костюмах. Иверов обратился ко мне с просьбой, чтоб я попросила Ник. Вас. разрешить Лизоньке отпуск, после уже данного до 1/XII – еще на 2 недели, и, если возможно, с сохранением содержания. Конечно, Ник. Вас. разрешил тотчас же, как я ему доложила об этом деле. После разговора с Ник. Вас. я говорила с Лизочкой по телефону и умоляла ее беречь себя и не выскочить снова на воздух преждевременно. А главное – лежать и стараться даже к телефону не ходить (это не я ее вызвала к телефону, а она меня).

Вы спрашиваете в Вашем последнем письме от 19-го (оно пришло 26-го, в день генеральной – письма от Вас идут примерно неделю всегда) о Рыжове, Курочкине, Горбунове. Рыжов мне кажется способным, таким считает его и режиссура. В прошлом он беспризорный. Внешность у него выигрышная – вид примерно такой, какими изображают беспризорных, ну разве немного понарядней. Курочкин и Горбунов обратили на себя внимание во “Взлете”, где они играли в малочисленной народной группе узбеков. Показалось, что от них можно ждать ин-

тересного будущего. В этом смысле особенно повезло Курочкину, он получил небольшие роли – Майбу в “Нашей молодости”, Долгоруко-го-отца в “Елиз. Петр.”, Макдональда Карловича в “Мертвых душах”. Кроме того он показался режиссуре на просмотре летнего “халтурного” спектакля группы артистов, выпустившей “Хорошего человека”. Там он играл заметную роль купца Авдонины, кулака (помните ли Вы пьесу, как будто Вам пришлось ее читать?). И вот во всех этих дальнейших своих работах Курочкин ничего интересного не показал, так что в свое время даже было отмечено режиссурой, что в Долгоруком Курочкин не растет. При очень невыигрышной внешности Курочкин хромает на одну ногу – по-моему, плохо для актера это. Горбунова я ни в одной роли не видела, да, пожалуй, он и не играл ничего на Большой сцене, а на Малой я давно не была. Никогда ничего о нем не слышала – ни хорошего, ни плохого. Мне он кажется серьезно относящимся к работе в театре, но ничего не могущим дать интересного, увлекательного. Какой-то весь он скучный. А внешность неплохая – высок, строен, приятное лицо. Надо будет порасспросить у Сахновского и Калужского об этих актерах, чтоб умнее Вам о них написать.

ВОКСу я не звонила, потому что уговорились, что они будут звонить. И не звонят. А я даже не знаю, кто оттуда спрашивал об этом деле.

Милый Владимир Иванович, скоро уж спектакль кончается, писать пришлось с отрывками на телефонные звонки и на беседы с приходившими по делам разными нашими театральными.

Будьте здоровы и благополучны, милый, дорогой, Владимир Иванович. Сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

241.

2 декабря 1932. № 11

Милый Владимир Иванович!

За это время прошли два вечерних спектакля “Мертвых душ”, 28-го, во время которого я Вам писала, и 1-го. Оба раза спектакль имел очень хороший успех. Пьеса еще раз пройдет закрыто 4-го и 11-го, вероятно, будет премьера с приглашением многих лиц, а 11-го днем – общественный просмотр. Можно считать, что работа театра признана чрезвычайно удачной, чрезвычайно серьезной и особенно показательной – примерной для других театров и других актеров. Еще до генеральных во время всех наших передышек, вызванных производственным совещанием (протокол его я Вам послала), Леон. Мир. высказывал мне замечание, что вообще все наши дела решит успех или неуспех “Мертвых душ”. Если говорить очень топорно, очень брать все в грубых и резких формах, то под “нашими делами” разумеются два направления, стоящие друг перед другом: К.С. и Ил. Як. Это, вероятно, звучит для Вас нелепо, смешно, но это примерно так. К.С. никак не принимает Судакова.

И всего того, что он несет в дело. Ил. Як. при всех внешних конвенансах¹, хочет только одного – быть вершителем и распорядителем всего. Самомнение его грандиозно, он совершенно искренне считает, что все в репертуаре последних лет сделано им, причем его козырь – “Воскресение”, по его мнению, его создание, его замысел, его выполнение. Вы знаете тягу Ил. Як. к постановке “боевых” пьес. Теперь вышло так: когда Леонов принес “Скутаревского”, Ил. Як. сразу за него ухватился – хочу ставить! Потом неожиданно появился план ставить “Булычова”. Судаков ухватился за него, о “Скутаревском” забыл и думать. Но “Булычовым” заинтересовался К.С., прочитал пьесу и сказал Сахновскому, что предлагает ему сделать эту постановку вместе с ним, с К.С. Сахн. вчера как раз читал пьесу, думаю, что он не станет отказываться от этой работы.

Вот сейчас на этой фразе пришлось прервать письмо – позвонил К.С. Он спрашивал, была ли послана Вам телеграмма о “Мертвых душах” и, узнав, что нет, продиктовал мне тотчас же текст. Позвонил он, чтоб спросить, нет ли от Вас писем и не передавали ли мне что-нибудь относительно результатов его переговоров, его хлопот. Так как никаких результатов мне не сообщали (их узнать должны были либо Н. Аф., либо Рипси), он мне сказал, чтоб я сама запросила их. Видно, что К.С. очень сильно, очень глубоко и постоянно думает о том, чтоб Вам как можно скорее приехать. Можно сказать с уверенностью, что никто в театре из Ваших старых товарищей, из Ваших более молодых учеников не думает об этом с такой настойчивостью и не болеет душой из-за всех Ваших забот так, как К.С. У нас в театре любят думать и говорить о Ваших взаимоотношениях с К.С. ужасно банальным, ужасно затасканным образом, все это заштамповано уже давно. А я знаю наверное, и видела это не раз, что самые глубокие человеческие отношения, самая настоящая дружеская связь и подлинное товарищеское отношение у нас в театре существуют между Вами и К.С. И это я видела у Вас в отношении К.С., когда он болел, и это теперь я вижу у К.С., когда заболели и должны лечиться и поправиться Вы. А теперь, в последнее время, когда физически Вы себя чувствуете хорошо, К.С. болеет за Ваше материальное неустройство, невыясненность Ваших планов, за то, что Вам не удастся выполнить то, что Вам хочется, т.е. вернуться сюда, к нам, в Муз. театр, главное – сюда.

Я хочу продолжить еще рассказ о наших делах, прерванный звонком К.С. Итак, решение К.С. ставить “Булычова” и пригласить себе в помощники Сахн., конечно, должно огорчить Ил. Як. Тем более для него это сейчас убийственно, что сильнее подчеркивает его неудачу со “Слугой двух господ”. С этим спектаклем было так. Если Вы помните, весной я Вам писала, как группа наших актеров (Гаррель, Массальский, Комиссаров, Морес, Вербицкий, Бутюгин) организовались для постановки спектакля, который они могли бы играть в течение июня – июля, чтоб подработать, как они пригласили Судакова в режиссеры “Слуги

1 От франц. *convenance* – соблюдение приличий, условности, общие фразы.

двух господ”, как они показывали свой спектакль в фойе Малой сцены и как на этом показе были встречены необычайно восторженными похвалами, после чего Судаков заявил, что он сделал театру подарок этим спектаклем, т.к. вот вам готовый спектакль для Малой сцены. Такая же примерно была рецензия в “Вечорке” после одного из клубных представлений пьесы. Осенью этого года, составляя план, Судаков в репертуар репетиций и затем спектаклей Малой сцены ввел “Слугу”, которым занимался все это время, как Вы знаете из расписания репетиций. Он не только занимался с актерами, но и расцвечивал спектакль музыкальными номерами, вводил туда наших вокалистов, вводил интермедии. Наконец 29-го состоялся показ “тройке”, дирекции. Могли быть желающие из театра, каковых оказалось не очень много. Судаков непременно настаивал на том, чтоб К.С. разрешил позвать какую-ниб. публику, но К.С. отказал наотрез. До показа Суд. и участники спектакля были совершенно уверены в несомненном успехе, никаких предположений о неудаче работы не было и в помине. Суд. обещал даже всем участникам, что за то, что в свое время они сработали пьесу не в урочное время, каждый из них будет премирован театром в тысяче рублей.

Опять перерыв в письме небольшой: было заседание дирекции с 4 до 7, после которого, сделав много всяких мелких дел и поручений, снова принимаюсь за письмо и надеюсь, что теперь никто и ничто не помешает, как теперь говорится, “бесперебойному” писанию.

На показе 29-го произошло что-то странное. Для всех было ясно, что спектакль выпускать никак нельзя, что он испорчен сильно и требует над собой громадной работы (я пишу со слов многих смотревших, сама я не была из-за массы работы). Вся та свежесть, молодость, которые пленили на показе весной, из спектакля ушли, осталось какое-то небывалое для МХАТ актерское исполнение – результат 50–60 “халтурных” спектаклей, без проверки, без роста актеров, без тени мастерства. И вот такой вывихнутый спектакль, сдобренный плохой музыкой Оранского, наскоро разученной и срепетированной вокалистами, действующими в пьесе и в интермедиях в чрезвычайно безвкусных комбинациях, был показан 29-го. Казалось, провал был полный. Но почему-то старики, явно недовольные спектаклем, на вопрос Сахн., считают ли они возможным выпустить постановку и тогда каковы будут их замечания и пожелания, или считают они желательным выпуск пьесы задержать, ответили предложением перейти к замечаниям. То есть, другими словами, спектакль выпустили. Дирекция в лице замов (Сахн. и Егоров) с таким решением не согласилась. В труппе те, которые смотрели, тоже находили, что нельзя спектакль выпускать, что это неприлично для театра. Волнения начались и среди участников. Словом, пошла писать губерния! При этом нужно сказать, что многие совершенно искренние друзья Судакова открыто заявляли, что Суд. сам должен отказаться от выпуска спектакля, что это для него будет лучше, чем провалиться. Но Вы знаете Илью Як. – он упрям и упорен. Он сказал, что выправит спектакль в несколько

дней, и настоял, чтобы на 4-е была назначена генеральная с публикацией и Реперткомом. Когда ему сказали, что даже такой ближайший его друг, как Н.Баталов, считает, что ему следует самому отказаться от выпуска, он ответил: “Ну, что Баталов! Вот он и в успех “Воскресения” не верил! А я его не послушал, поставил, как задумал, – и вот вам какой успех!” Завтра, 3-го, он приглашает на репетицию Маркова, чтоб посоветоваться с ним относительно литературной части спектакля (перевод Гальперина, а особенно его стихотворный текст для интермедий ужасно противны), а 4-го намечает генеральную. Но вот только что позвонил Вас. Гр., сказал, что он сегодня вечером будет у К.С. и, вероятно, К.С. вызовет к себе весь состав “Слуги”, чтоб они у него в помещении студии показали спектакль, так что во всяком случае, завтра я должна дать отмену приглашенному уже Реперткому. Я рада, что К.С. вмешался в это дело, потому что мне показалась странной слабость стариков при том, как оценили решительно все спектакль. Пошли было даже разговоры, что спектакль был так снисходительно выпущен потому, что была тайная цель – продемонстрировать несостоятельность Ил. Як. Но я думаю, что это неверно – не могу себе представить, чтоб старики могли таким образом доказывать несостоятельность Суд., забыв о театре и об общественном мнении.

Милый Владимир Иванович, такой трудный день у меня сегодня, так много дела, суматохи, людей, звонков, что как-то не соображу, что надо слитно и плавно Вам рассказать. К тому же мучает меня большая рука. С неделю тому назад у нас на улицах было сильно скользко и я, конечно, упала – очень неудачно в том смысле, что как-то неловко подвернула руку правую. Правда, “следов нет, но боль ужасная”. Сначала болело так, что пригласили Ивенсена. Он нашел, что кость и связки целы, но что, вероятно, кровоизлияние внутреннее. И вот неделя прошла, а рука болит. Вероятно, еще потому, что Ивенсен рекомендовал 2–3 дня не работать, а у меня этого не вышло. Я все писала, перемогая боль и поджимая руку до локтя от плеча (место ушиба) к туловищу – тогда не так больно. Хотела было я сегодня показаться Ивенсену, да не успею, отложила до завтра. Рука болит все время такой ноющей болью, но вполне переносимой, только сильно портящей настроение. Но действовать ею разнообразно я не могу, все стараюсь ее держать в одном положении, прижатой к туловищу.

Значит, о нашей всяческой жизни:

Я слышала, что вчера был очень неприятный случай в Малом театре. Там репетировали “Любовь Яровую”, конструкцию в последнем акте поставили нехорошо, и, когда в финале все бросились на нее, она рухнула. Серьезно пострадала одна актриса, остальные отделались ссадинами, ушибами, ободранной кожей. Но вот таких сравнительно несильных увечий довольно много. Вызывали карету скорой помощи.

Вчера я выслала Вам 22 фотографии из “Вишневого сада” и “Камазовых”, все, что мне дали из музея с большой просьбой к Вам, если

возможно, непременно их в музей вернуть. Вы сами увидите на обороте карточек – они все зарегистрированы в музейных каталогах.

Относительно Курочкина, Рыжова и Горбунова – по прошлому моему письму – я спросила, верно ли я написала, и мне сказал Калужский, что совершенно правильно, разве только не добавила я, что Рыжов за последнее время сильно разболтался и даже вызывался к Сахновскому для внушения.

“Таланты” репетируются на Большой сцене, т.к. в начале сезона как будто состоялось постановление, что по возможности их на Малую не определять. Но, по всей вероятности, на Большой они тоже не пойдут, а войдут в репертуар Коршевского театра. Вот они, “Трактирщица”, “Слуга” (до этого несчастного показа) и считались тем репертуаром, которым хотели начинать коршевский сезон. Да еще “Вечер Горького”.

“Машиналь” в Студии Симонова идет в переводе Бертенсона, во всяком случае, они у меня брали экземпляр. Мне как раз надо к ним звонить или писать, чтоб получить обратно мой экземпляр, вот тогда и проверю. Вряд ли у них другой перевод.

Это все в ответ на Ваше последнее письмо.

Милый Владимир Иванович! Желаю Вам и Вашей семье всего хорошего. Скорю опять Вам напишу. Крепко жму Вашу руку.

242.

8 декабря 1932. № 12

Милый Владимир Иванович!

Из телеграмм Вы уже знаете, что деньги Вам высланы, может быть, Вы уж и в дорогу собираетесь¹. Ведь вероятно, Вам придется заехать в Берлин, чтоб там, в знакомом месте, сделать нужные покупки. Прошу Вас, передайте, пожалуйста, Ек. Ник., что при сборах она не должна пренебрежительно относиться даже к мелочам, которыми Вы, может быть, за время такого длительного отсутствия “обросли”. Все это здесь пригодится. Я пишу об этом потому, что знаю одну даму, она недавно приехала из Англии после долгой службы в тамошнем полпредстве. Она сейчас с огорчением оплакивает каждую мелочь, которую не взяла с собой из имевшихся у нее вещей. Она думала, что многие вещи ей не пригодятся, а здесь оказалось, что все пригодится, все будет нелишним. И еще прошу: дайте знать заблаговременно о дне приезда, чтоб можно было, если понадобится, встретить Вас на границе с теплыми вещами.

Подробностей о переговорах К.С. относительно Ваших денег я не знаю. Мне сообщался только факт – вот так стоит дело, надо составить соответствующую телеграмму, составьте текст и предложите К. С-чу. К.С. продолжает постоянно звонить ко мне по телефону, беспокоясь теперь, сможете ли вы разорвать с Вашим обязательством, не простудитесь ли Вы без теплых вещей, что Вы пишете?..

Дело с выпуском “Слуги двух господ” дальше протекало следующим образом: Судаков наметил на 4-е генеральную с Реперткомом и публикой. Но накануне К.С. распорядился Реперткому отзвонить и пригласить к себе в помещение студии весь спектакль, чтобы посмотреть его. При этом он сказал, что просит прийти только актеров-исполнителей, а вокалистов, занятых в интермедиях, не вызывал, говоря, что для него слишком ясно, что никаких интермедий и музыки в этом спектакле он не видит. После репетиции, которая прошла неважно, К.С. начал беседу с исполнителями, спрашивая их о сквозном действии пьесы. Никто не смог ему на это ответить. Вначале замечания К.С. звучали мягко, но после нескольких возражений со стороны Суд. К.С. рассердился, стал повышать голос, Суд. тоже не отступал, возражал резко, что совсем разволновало К.С. Словом, произошла неприятная история, взволновавшая всех и обсуждаемая до сих пор во всех местах актерских сборищ. Конечно, столкновение К.С. и Суд. стало известно и вне театра. В общем, столкновение свелось к тому, что К.С. находил, что спектакль совсем не сделан, что нужно многое дорабатывать, что выпуском спектакля в таком виде можно вывихнуть актеров. Суд. же находил, что спектакль совершенно готов, что никаких доработок он не требует. Теперь, рассказывая о своем разговоре с К.С., Ил. Як. всегда упоминает, что К.С. встал не на точку зрения на искусство, а что называется сводил с ним счеты. Все те, кто поддерживает Суд., старательно об этом твердят. К.С. же, конечно, увидев негодный спектакль, не мог не возражать против него. В конце концов после показа 29-го этой постановки даже ближайшие друзья Суд.-ва находили спектакль слабым и советовали снять его, чтобы не портить себе репутации. А теперь, когда К.С. тоже не принял спектакля, все почему-то считают, что он хотел “сводить счеты” с Суд. Он повысил голос, он говорил резкости? Но ведь когда К.С. начинает волноваться вопросами искусства – кому он только не наговорит резкостей, да в самом повышенном тоне при этом. После этого случая, кончившегося для К.С. болями в сердце, вызовом врача, ужасно тяжелым настроением, К.С. вчера вызвал к себе дирекцию (так у нас называются оба заместителя) и “тройку”. Там обсуждался опять вопрос “Слуги”. Подробностей я не смогла до сих пор узнать, т.к. я признаю только подробности от лиц, бывших там, а вчера у меня был выходной день, сегодня же я с утра была на генеральной “Бесприданницы” у Корша, видела, правда, там Сахновского, но в таком состоянии физическом, что не могла бы его и просить говорить подробно. Дело в том, что у него воспаление среднего уха, вещь чрезвычайно болезненная, и он, несмотря на температуру, все же пришел на репетицию, сидел в шапке, с забинтованным ухом, морщась от нестерпимой боли. Когда же я вернулась в театр, то не застала там Ник. Вас. (от Корша я говорила с ним по телефону), кот. тоже совсем больной, простуженный, к 5 часам ушел домой отлеживаться. Решение на заседании у К.С. такое: запросить Суд., сколько ему надо репетиций, чтоб выправить спектакль по замечаниям

К.С., дать ему возможность провести эти репетиции, затем сделать показ работы Прав. комиссии и после этого решить судьбу спектакля.

Все время с тех пор что я пришла от Корша, я нахожусь под впечатлением игры Поповой – Ларисы. Она так изумительно, так тонко, так волнующе показывает свою Ларису. Что-то в ее внутренней сущности напомнило мне Тулубьеву в “Девушке”². Но при этом у нее такое тонкое мастерство. Мне очень понравился спектакль, главным образом, конечно, пьеса. Слушать ее – наслаждение. Ах, какая пьеса! Интересно играет Карандышева Кторов, очень хорош Петкер – Робинзон. Приятный и простой актер Болдуман (из тамошней молодежи), играющий Вожеватова. Неплохо играет Карелина-Раич мать, а М.М.Блюменталь в роли тетки – такая, как она всегда бывает и всегда всем приятна и мила. Очень плохой Кнуров – Межинский, ничего у него не вышло, очень это слабое место спектакля. Маленькие роли – лакея, цыгана – играют славно. А главное – Попова. Все могли бы играть как угодно, радость все же была б – следить за Поповой. Паратов – Соснин играет как будто и просто, и легко, а нет в нем настоящего темперамента, и на него смотришь так – только б не мешал Поповой в дуэтных сценах. Во 2-м акте он не мешал, а в 3-м я на него посердилась. Завтра пойду опять, хочется еще раз посмотреть, да и интересно, как будет публика слушать, завтра единственная публичная генеральная, 11-го премьеры. А потом, может быть, никогда и не успеешь на спектакль сходить, а если мы возьмем вскорости театр Корша, то вообще спектакль распадется³.

Завтра премьеры “Мертвых душ”, с приглашенными, с бесконечными звонками, просьбами... Отношение со всех сторон к спектаклю как событию. До широкой публики уже дошел успех спектакля на генеральных и на закрытых спектаклях. Уже к премьеры приходится делать замены. Сегодня внезапно заболел наш молодой Рыжов (половой в трактире, в прологе), его увезли и уже оперировали, острый аппендицит у него. Ну, эту замену сделать легко. Вот у нас страхи за Ершова – совсем плох он и, вероятно, во второй половине декабря его придется до нового года отпустить на отдых в санаторий. Все беды с его сердцем из-за домашних, семейных дел. Все это держится в секрете и вместе с тем все это знают. У них еще с прошлого сезона нелады с Над. Фед., она решила было совсем уйти от Ершова, выйти замуж за композитора Мосолова, делавшего музыку к “Корневильским”. Весь этот сезон так и тянулось это дело – то она уходит, то опять остается. И на днях они уж совсем решили разойтись, потом в театр дали знать о жесточайших сердечных припадках Ершова, потом стало известно, что Надя остается с Ершовым и вместе их надо на 2-ю половину декабря отправлять в санаторий. Но, по-моему, вряд ли и сейчас можно сказать, что все кончится так, как решили вчера или сегодня. Милый Владимир Иванович, я Вам все это пишу, конечно, тоже по секрету, как и мне это сообщалось, ведь Вы же должны все это знать, а может быть – уже знаете?

Да, еще о “Мертвых душах”: в спектакль внесены теперь такие

изменения – спектакль начинается и кончается органной музыкой, как было решено еще весной, а потом отменено. Порядок картин такой: 1-е действие – пролог, у Губернатора, вечеринка, у Манилова, у Собакевича; 2-е действие – у Плюшкина, у Ноздрева, у Коробочки; 3-е действие – бал. Так был проведен для пробы один спектакль и так теперь установлено.

Милый Владимир Иванович, я думаю (возвращаясь к телеграмме К.С., посланной сегодня, второй его телеграмме), что для Вас понятно, почему он дает Вам совет, почему он даже не ждет Вашего ответа, который Вы обещали в своей ответной телеграмме. С большим волнением он ждет от Вас ответа, сообщения, что Вам удалось освободиться от такого мощного обязательства. Сегодня перед отсылкой Вам этой телеграммы я с ним говорила по телефону – и все только на ту тему, сможете ли Вы приехать поскорей, он считает это чрезвычайно важным.

Милый Владимир Иванович, пишу я опять плохо, Вы скоро не только иногда хвалить меня не станете, а начнете меня бранить, но легла я сегодня в половине шестого, а встала через 3 часа. Я вчера праздновала у Ек. Вл. день ее именин. Она, конечно, расспрашивала о Вас и радовалась известию, что деньги Вам посланы. Как мне сказали сегодня по телефону из НКПроса, деньги посланы третьего дня.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы, пусть все сложится у Вас как можно лучше. О, как хочется поскорей увидеть Вас. Крепко целую дорогую Ек. Ник., сердечный привет Мише.

243.

11 декабря 1932. № 13

Милый Владимир Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо от 1–4 дек., с вложенным приветствием К. С-чу по поводу “Мертвых душ”. Приветствие это, по распоряжению К.С., вывешено на доске за кулисами¹.

9-го прошла официальная премьера “М. душ”, а сегодня днем – общественный просмотр. 9-го спектакль шел вяло, многое зависело и от премьерной публики, которую труднее расшевелить, чем рядовую. Но все же успех был большой, многие приглашенные чрезвычайно хвалили спектакль, чрезвычайно. Пожалуй, только хвалили, других отзывов я не слышала, если не считать плохим отзывом лицо Мейерхольда – ужасающее, скучающее, недовольное. У меня было такое впечатление, что он, смотря на сцену, думал: “Стоило ли мне делать в театре то, что я все это время делал, чтоб все же остался МХАТ в том виде, в каком он существует, и при этом имел бы такой громадный, серьезный успех!” Вероятно, он недоумевал, что может быть такой спектакль и может всем нравиться. Но у него ведь особая точка зрения, которую другим ему до сих пор привить не удается.

Сегодня и публика была живее, и актеры заиграли иначе. Спектакль шел исключительно хорошо и имел большой успех, особенно во время актов, несчастье этого спектакля в том, что две последние картины (“Номер” и “Тюрьма”) понижают впечатление. Интерес к спектаклю громадный, сегодня было множество писателей, литераторов, драматургов. И всем, видимо, хочется, чтоб такие прекрасные актеры играли в их пьесах как можно скорее... Это чувствовалось и у Леонова, и у Катаева, и у Олеси...

К.С. был на спектакле 9-го, смотрел кусочками начало, а 4-й акт полностью. После конца его стали вызывать, но он долго не выходил. Когда же появился в ложе – ему сделали грандиозную овацию. Он тогда перешел на сцену и выходил там раскланиваться вместе с исполнителями.

Писала ли я Вам, что опять ввели органную музыку при закрытом занавесе в начале пьесы (несколько аккордов органа, кот. затем переходят в полечку трактирного расхлябанного органа) и в конце (тут мощный хорал, в сопровождении хора, кот. не удовлетворяет К.С.).

Да, в Вашем письме последнем должно было быть недоумение – вопрос о деньгах претерпел всякие фазы, и в каждой из них я должна была Вам писать по-разному по поручению К.С. Теперь из телеграмм (от 4-го и 9-го) Вы знаете положение вещей. Дополнительно я узнала, что деньги посланы на Берлин, на имя того, кого Вы знаете и называли для получения денег (так мне передал Судаков, бывший на днях у Ав. С., от имени последнего). Нынче мне снилось, что от Вас пришла телеграмма: приеду через две недели. Конечно, в такой срок Вам не собраться, но теперь ведь я могу спросить, когда Вы приедете? Вы сами писали, что до получения денег Вы не можете на этот вопрос ответить. А с получением? Боже, как хочется, чтоб это было как можно скорей. Я очень-очень скучаю по Вас и очень чувствую, что Вас нет, что Вас так долго нет.

Вопрос со “Слугой” теперь стоит так: Судаков провел несколько занятий по вечерам, актеры, конечно, чувствуют себя совершенно выбитыми, не знают, то ли делают, что надо. И вдобавок не верят, что спектакль может пойти. А К.С. на премьере “М. душ” сказал Массальскому, что он решил выпустить спектакль, показав его предварительно Прав. комиссии после того, что они проведут занятия с Судаковым (они – исполнители). На 13-е, как я вижу, назначена большая репетиция, это потому, что в тот день Литовцева сговорилась об исполнителях с Судак. Дело в том, что “Таланты” сейчас идут в первую очередь репетиций, т.к. их надо поскорей показать К.С. А в “Талантах” заняты Вербицкий и Грибов, занятые в больших ролях и в “Слуге”. Кроме того Мордвинов стонет, что ему на “Трактирщицу” не дают Массальского, занятого в “Слуге”. Задержка выпуска “Слуги” вообще страшно отразилась на репетиционном плане. Т.к. Нине Ник. было обещано, что она в первую очередь будет получать исполнителей, чтоб приготовить пьесу к пока-

зу К.С., то “Слугу” обещали пускать в репетиции только по вечерам. Но теперь как будто они сговорились довольно благополучно и потому смогут пускать в дневные репетиции обе пьесы, хотя до поры до времени – “Таланты” все же могут опять застопорить репетиции “Слуги”.

Суд. был третьего дня принят Ав. С., но что там было, что он говорил (как говорят в театре, жаловался), что ему было сказано – никто не знает, вернее, некоторые знают, но не говорят.

На Ваш вопрос: Конст. Державин, по отзыву Маркова, бывший ученик Мейерхольда, бросивший театральную карьеру, написавший две книжки о театре, очень приятный, молодой².

Сегодня я кончила переписку “Егора Булычова” и надеюсь завтра (ах, нет, завтра у меня выходной, значит – послезавтра) послать Вам экземпляр. Тем временем мы получили от Ал. Макс. экземпляр второй части трилогии – “Достигаев и другие”. Этот экземпляр сейчас у Вас. Григ., вероятно, скоро сдадут и его в переписку и тогда я его вышлю Вам, если к тому времени не будет от Вас известия, что уж ничего высылать не надо, здесь будете читать. Марков мне говорил, что вторая часть трилогии несколько слабее. “Булычов” мне очень понравился. Вахтанговцы тоже получили вторую часть, слышала, что у них назначена премьера ее на март.

Заболел Вас. Гр., у него воспаление среднего уха. Он проводил последние репетиции “Бесприданницы” совсем больной, с закутанной головой, 8-го после репетиции поехал наконец к врачу и тот его категорически уложил в постель. У него была температура 38 и боли страшные. Он сегодня было хотел приехать на общественный просмотр “Мертвых”, но с утра почувствовал снова боли в ухе и был настолько благоразумен, что не поехал. Какой неудачливый человек! Работать столько времени над двумя постановками, дожидаться того, что они проходят с успехом – и не быть самому на этом успехе! Ужасно его жалко. А из-за его болезни сердца он особенно тяжело переживает это огорчение, жалуется, что у него отвратительное самочувствие.

Ол. Леон. поправилась, была на премьере, очень красивая. Я даже не понимаю, как она так быстро выправилась, говорили мне по секрету, когда она заболела, что у нее рожистое воспаление на лице. Может быть, паника была со стороны Иверова? Это хорошо иногда, что он паникер, актеры больше берегутся, если их напугать.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы, будьте счастливы – и приезжайте поскорей. Сердечный привет Ек. Ник. и Мише.

244.

19 декабря 1932 года. № 14

Милый Владимир Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо-дневник, от 6–8–10 дек. Я так и думала, что принятые Вами на себя обязательства явились следствием

моего того письма, в котором я, по поручению К.С., сообщила Вам, что дело высылки денег может затянуться и что Вам не следует отказываться от предлагаемых Вам заработков, чтоб обеспечить себе жизнь на какой-то нужный для здешних хлопот срок. Но совершенно неожиданно для всех нас – дело разрешилось значительно быстрее, чем можно было предполагать по первым переговорам. Сейчас, когда вопрос разрешился так удачно, все спешат Вам сообщить об этом, многие стараются указать и на свою причастность к этому делу, которое так прекрасно закончилось. Но на деле, конечно, это результат переговоров К.С. именно с теми людьми, которым Вы пришлете письма, и еще с ближайшими друзьями театра. Во всяком случае, я счастлива, что оно так разрешилось, это дело, что Вы можете теперь совершенно точно и четко построить план ближайших месяцев, что Вы теперь знаете не только то, что Вы нужны нам ужасно, но что это понимают и вне театра очень серьезно, что скоро исполнится не только Ваше желание приехать сюда, но и наше – поскорей встретить Вас. Словом, я счастлива – Вы будете здесь!

За это время события у нас развернулись в театре еще круче. Волнение по поводу “Слуги двух господ” никак не унималось. Суд, продолжал заниматься, готовя показ Ав. С-чу на 19-е. 17-го он назначил полную генеральную, в гримах и костюмах, на кот. пригласил середняков, ближайших своих друзей. Просмотр не имел никакого успеха, друзья снова советовали ему отказаться от выпуска пьесы – в крайнем случае, предлагали согласиться с тем, что над спектаклем надо еще работать месяца два и тогда снова приготовить его к показу. Но согласиться на такую капитуляцию Ил. Як. никак не хотел. А между тем “Слуга” ведь запер дороги следующим постановкам, главным образом “Талантам”, очередной пьесе, в которой из-за “Слуги” не работается второй акт, т.к. Литовцевой не дают Грибова и Вербицкого. До сих пор “Слуга” ведь считался первоочередной пьесой, но после неудачных просмотров был взят под сомнение.

Несмотря на уговоры друзей, Суд, заявил Калужскому и Сахн., что он просит дать ему время до 22-го как первоочередной постановке, 19-го показ отменил и перенес его на 22-е, считая, что за эти три дня он успеет выправить спектакль по тем замечаниям, какие ему сделали бывшие 17-го на репетиции его друзья. Думаю, что замечания эти настолько серьезны, что вряд ли можно исправить спектакль за 3 дня. Между тем, как мне сказали по секрету, наша “тройка” была принята Ав. С. и будто бы получила обещание полной поддержки линии К.С. (А Судак., после своего визита к Ав. С., как мне говорили, сообщил, что ему обещана полная поддержка – где ж тут истина?) 17-го вдруг в стенгазете появилась передовица, копию которой я прилагаю. Вы, конечно, представляете себе, какое негодование она вызвала. Помимо негодования, была у нас еще боязнь, что известие о ней может плохо отразиться на сердце К.С. Но, к счастью, К.С. даже смеялся, когда читал ее. Появление этой передовицы и те разговоры, которые она вызвала, заставили

многих пересмотреть свои позиции, на общем чувстве возмущения объединились актеры разных групп. Однако существовала группа, мнение которой высказывал Мамошин, которая находила статью правильной. Тем более было удивительно, что, несмотря на все высказывания 17-го, 18-го рядом со стенгазетой появилось постановление бюро ячейки, что оно считает абсолютно недопустимым трактовать вопрос от имени общественности, предварительно не рассматривая его в обществ. организации, что за самовольное опубликование этой передовицы снять с работы в редколлегии ответственного редактора стенгазеты т. Тарасова (артист оркестра; судя по стилю, присущему его творчеству, он автор этой статьи); кроме того, решено на ближайшем собрании бюро рассмотреть вопрос о поведении Тарасова. А тут еще пришло известие, что Мам. вызывается к Ав. С. на 19-е утро. Все эти события, конечно, всячески обсуждаются всеми, начиная от “стариков” и кончая самыми зелеными. В результате обсуждений “тройка” только что вывесила (сейчас идет 1-й акт “Мертвых душ”) ответ на статью в стенгазете, подписанный всеми тремя стариками. Этот ответ я тоже прилагаю.

Как видите, милый Владимир Иванович, у нас очень тяжелая и очень нервная сейчас атмосфера, и, по-моему, надо сделать все, чтобы только изжить всю гадость, которая не дает возможности вернуть в театр нужную атмосферу, нужное благородство поступков и желаний.

Только что заходил помреж “Слуги” Успенский – в зале “К.О.” идет вечерняя репетиция “Слуги”. Оказывается, на эти три дня в работе приняли участие ближайшие друзья Ил. Як. – Ник. Баталов и Станицын (кроме уже существовавшего в этом спектакле реж.-ассистента Вл. Баталова). Хотел еще помочь Хмелев, но не может найти времени. Во всяком случае, по решению худчасти 22-го просмотр должен состояться, если же он снова будет отложен, – “Слуга” должен уступить свое первое место “Талантам”, затем “Трактирщице” и т.д., словом, больше уж не должен никому мешать.

Мне надо скоро уходить, милый Владимир Иванович, но завтра обещаю Вам снова написать. Нынче хочу еще Вам написать то, что давно собиралась и все как-то откладывала, надеясь на лучшие вести. Это о Грибунине. Он плох: то ему совсем нехорошо, то немного становится лучше, опять появляется надежда, что он если не встанет, то хоть лежать будет без больших для себя мучений. Д-р Иверов очень пессимистически относится к хорошему исходу болезни. Температура у него все время не очень высокая – 37,2, 37,5, но слабость ужасающая, страшно задыхается, давно уж пришлось начать пользоваться подушками с кислородом. Вряд ли ему удастся встать.

Лизочка Асланова 16-го пришла на работу, говорит, что чувствует себя значительно лучше. Выглядит она, действительно, лучше, чем до последнего осложнения с ногой. Нога благополучна и вообще никакие болезненных явлений она не замечает у себя. В смысле оплаты ее питания мы решили с нею так: на основании Вашего письма, где Вы пишете об оплате всей стоимости ее обедов, она нашла лучше всего, если

я выдам ей за декабрь 90 руб. из расчета по 3 р. в день (примерная стоимость действительно питательного обеда в нашей столовой). Ей было совестно, что она Вас так “обирает”, но вместе с тем ее положение очень тяжело, ведь она получает оклад 125 р. в месяц, из него множество различных вычетов, на руки остается немного, а надо и комнату оплатить, и питаться дома, и еще разные расходы. Просто даже не понимаю, как она справляется со всеми необходимыми расходами!

14-го днем прошел общественный показ “Корн. колок.” с большим успехом – с вызовами авторов и режиссеров. Спектакль по общим отзывам шел очень хорошо. Я смотрела только 3-й акт и следовавшие за ним овации. Раньше не смогла освободиться от дел по театру, это был мой рабочий день.

Да, еще событие: вчера вся труппа Театра им. Вахтангова заранее попросив приема у К.С., приехала к нему в Леонтьевский, чтобы выразить ему свое уважение и восхищение. О внутренних наших делах, которые вахтанговцев (как и весь театральный мир) занимают чрезвычайно, не было сказано ни слова, но ясно было, что своим визитом они подчеркивали свою позицию. Они просили К.С. по возможности помочь им вообще, в частности же – помочь разобраться в “Достигаеве”, второй части “Булычова”. Прием длился больше часа и прошел в очень приятном тоне – вахтанговцы ушли в восторге от К.С.

До завтра, милый Владимир Иванович. В отдельном конверте послала Вам сегодня собранные рапортички и пр., иначе этот конверт оказался бы слишком толстым. Будьте здоровы, милый Владимир Иванович, дай Вам бог удачи. Нежный привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

245.

20 декабря 1932. № 15

Милый Владимир Иванович!

Сегодня получилось Ваше письмецо со вложением писем к Ав. С. и Ан. С. Я, как Вы телеграфировали, задержала письмо к Ан. С., а заодно и другое – мне кажется, что Ан. С. сделал столько для Вашего возвращения, что было бы обидно благодарить его не одновременно с первым. Я думаю, Вы скоро пришлете письмо на замену.

Маркову о названиях для “Леди Макбет” я дала прочесть¹. Он, вероятно, сам будет Вам писать о своих мыслях насчет названия. Он думает, что лучше всего оставить все-таки “Леди Макбет”, т.к. под таким названием работа Шостаковича уж достаточно стала известна среди театральной публики, не стоит этого сбивать, думает он, а надо постараться еще шире распространять слухи о ней именно под этим, уже ставшим известным, названием.

Сегодня утром, до службы, меня вызвала к себе М.П.Лилина и ска-

зала, что при встрече с В.Н.Павловой та просила ее передать мне, чтоб я из Ваших денег, по ее указанию, выдала 250 руб. Я сказала, что такого приказа от Вас не получила и запрошу тотчас же, а по получении ответа дам ей знать. Если деньги нужны срочно – я соглашалась выдать их за свою собственную ответственность, ведь это такая сумма, которую я могу вернуть в Вашу кассу, если окажусь неправой, но я предпочла бы выдать по получении от Вас распоряжения – так я объяснила Мар. П. Она сказала, что срочности в выдаче нет, что мне следует получить от Вас распоряжение. В. Ник. говорила, что с Вами у нее все уговорено. Может быть, Вы забыли мне написать? Я предполагала на этих днях Вам послать денежный отчет, после получения жалования за 1-ю половину декабря, но нам задерживает банк выдачу денег, а от этого – вот уже 20-е, – и жалования не платят. Как только получу деньги, сведу счет и пришлю Вам его. Между прочим, в ноябре я получила для Вас двойной пенсионный оклад, как объяснили при выдаче, это в виде добавочных всем персональным пенсионерам.

Сегодня была у меня Василиса, это ее направила Соф. Вит., которая наконец-то позвонила вчера ко мне. Она немного хворала, простужена была, оттого временно не давала о себе знать. Соф. Вит. сказала, что она писала относительно клопов тотчас же после Вашего первого запроса, писала Ек. Ник., может быть, Вы и не узнали, Ек. Ник. забыла Вам сообщить. С этим делом, по объяснениям С. Вит. и Василисы, все обстоит благополучно, зверюги эти за полтора года вовсе не появляются, т.к. все время Василиса производит чистку, протирку и смазку всякими снадобьями всех опасных мест. Под подозрением у них только диван в Мишиной комнате, который следовало бы продать и вместо него купить другой, но без Вас они этого делать не хотят и считают, что по приезде Миша сам себе подберет, что ему понравится, а этот диван и тогда можно будет ликвидировать... как класс.

Я говорила с С. Вит. относительно денег для Ваших “домработниц”. Им, конечно, надо будет прибавить жалование, но, по-нашему, это надо будет сделать с Вашим возвращением. Сейчас же по договоренности с Соф. Вит. мы решили прибавить им денег на еду (которая действительно сильно вздорожала), увеличить им эти деньги с декабря не на 50% против тех, что выдавались после Вашего отъезда, а на 100%, т.е. платить на еду 240 р., плюс 60 руб. жалования.

С. Вит. беспокоится, что у Вас не очень новые ботики и валяные сапоги, что здесь оставлены вместе с зимними вещами, думает, что Вам следовало бы купить там новые. Но на всякий случай все же я решила дать эту обувь здесь в починку. Василиса сегодня их принесла и сдала их нашему сапожнику.

На днях Федичка будет у Вас на квартире, чтоб просмотреть, какие мелкие поправки и починки там необходимы. К.С. распорядился, чтоб все загода и как можно лучше сделали, а также запасли для Вас дрова.

Теперь о театральных делах. Хотя некоторые у нас ждали, что вы-

вешенный ответ “стариков”, что я Вам послала, вызовет взрыв со стороны враждебного К.С. лагеря, – этого не случилось. Все проходит гладко, ответ “стариков” всеми одобряется. 22-го показа “Слуги” не будет, т.к. Ав. С. не может быть, занят. Поэтому показ перенесен на 26-е вечером, единственно, когда К.С. может. Для этого вечерний спектакль на Малой сцене снимается.

14-го или 15-го (не вспомню) был показ “Талантов и поклонников” у К.С. (вся пьеса, за исключением неготового 2-го акта – для него нельзя было все время, из-за “Слуги”, получить Грибова-антрепренера)². Показ был очень удачен, К.С. кое-что хвалил, был доволен режиссурой в лице Нины Ник. Первыми прошли Андровская и Прудкин³. К.С. сделал ценнейшие указания участникам, а теперь, как Вы видите из рапортичек, начал отдельные занятия с исполнителями.

На днях прошло 60-летие театрально-художнической деятельности В.А.Симова. К.С. хочет непременно хорошо отметить этот юбилей. В середине января предусмотрено устройство специального “Утра” в честь Викт. Андр. Составлена юбилейная комиссия, кот. заседала сегодня и затем прислала меня написать Вам их горячую просьбу – чтоб Вы прислали приветственное письмо к этому “Утру” о работе и роли в МХАТ Виктора Андреевича. Т.к. он еще весной получил звание заслуженного деятеля, К.С. как будто решил просить для него к юбилею увеличения его персональной пенсии. Кроме того, кажется, К.С. хочет сделать подарок Симову от МХТ.

Из театральных новостей: из Александринки пришлось уйти Н.В.Петрову. Там в последнее время были большие разногласия внутри театра, Петрова с директорства не снимали только до юбилея, теперь его там уж нет. Там жаждут получить Мейерхольда, хотя бы как худож. руководителя, по совместительству, с заменой его по всем нехудож. вопросам, в его отсутствие, Леонтьевым из Студии Малого театра. Александринцам же отсюда предлагают Сушкевича, который в сильнейшем конфликте со своим театром и не останется в нем. Как будто Сушкевича там никак не хотят⁴. Из Малого театра к Мейерхольду ушел Юрьев, причем у него здесь в Москве он будет играть Кречинского в “Свадьбе”, а до этого (уже сейчас) он репетирует мольеровского “Дон Жуана”, которого Мейерхольд возобновляет в возобновленных декорациях Головина в Александринке, и Юрьев будет там играть как гастролер.

К нам приняты несколько новых работников на ответственные должности: зав. финансовой частью Виктор Викторович Соболев, зав. хоз. и строительным отделами Лев Ник. Чаплин – люди это новые, пока еще ничем себя не проявили, поступили, конечно, по солидной рекомендации. Кроме того, мы ведем переговоры с Леонтьевым из Студии Малого театра (тем, кого хотят перетянуть в Александринку), привлекая его к нам на высшую административную работу. Это, говорят, исключительный театральный администратор-организатор.

Получили ли Вы “Бульчова” и фотографии “Вишн. сада” и “Карамазовых”? Андре Жида именно “Страниц из дневника” у нас нет⁵.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам всем всего хорошего, желаю работать удачно и с радостью. Только чтоб это не слишком задержало Вас, вот чего я для себя желаю. Жму Вашу руку крепко.

246.

30 декабря 1932. № 16

Милый Владимир Иванович!

Я не писала Вам 10 дней. Было много очень работы и по театру, и по спешной переписке “Карамазовых” для ВОКСа (для Норвегии). Но не в этом было главное, а в том невероятно запутанном и тяжелом положении в наших делах. Хотела я написать Вам после 26-го после просмотра “Слуги”. Просмотр состоялся днем, так было удобнее Ав. С. В зрительном зале был он, оба замдиректора, довольно много народу из труппы. Посторонних никого. Я смотрела спектакль впервые после того, что летом видела его в каком-то клубе, когда группа там “халтурила”. Тогда были к спектаклю иные требования, иная выходила и оценка его. У нас же, хотя бы и на Малой сцене, спектакль мне не понравился никак. Пустенький спектакль, все роли играют в типичных для каждого отдельного актера штампах, ни одной радости от какого-либо исполнения. Конфетная внешность, некоторые костюмы приятны, но декорации – безвкусны и сладки. Введенная музыка и пение пошловаты, не нужны. Словом, спектакль, который мог бы быть показан в любом из второстепенных московских театров, от МХАТа же ничего нет. Однако спектакль шел бойко и старательно принимался определенной группой смотревших. Ждали, что после спектакля будет какой-то специальный разговор с А.С., будут предложены какие-то условия, которые помогут как-то разрешить вопрос, – при этом условия на чем-то обоснованные. Но ничего этого не случилось. А.С., прощаясь, только сказал, что спектакль играть можно. После спектакля К.С. вызвал к себе дирекцию, которая ему сообщила о результатах просмотра. Всех несколько удивило отношение А.С. – все время он держался так, будто не было у него ни разговоров с Суд., ни со стариками, что, как говорят очень достоверно, ему (всей управляющей нами Комиссии) подано письмо от группы середняков, в котором они жаловались на гнет К.С., на отсутствие интересной для них работы и т.п. К.С. на следующий день назначил заседание у себя, пригласив “тройку” и обоих замов, или, как мы их называем, когда они действуют вместе, – дирекцию. Заседание это протекало и держится в секрете, но, как всегда, слухи просочились и в театр. В результате этого заседания, как говорят, К.С. направил письмо А.С., а также еще в управляющую нами Комиссию¹; в письме этом в отношении “Слуги” он продолжает отстаивать свою точку зрения, что в данном виде и в данной разработке материала спектакль не отвечает требованиям МХАТ и его системы, что он дал указания, по какой линии должна идти дальней-

шая работа над спектаклем, что он знает, что его задания не могли быть выполнены в 3 недели (с 4-го, дня показа ему спектакля, до 26-го – дня просмотра), что надо было бы работать над сквозным действием пьесы и каждого образа в отдельности не менее 2–3 месяцев. Кроме того, он в этом письме поставил вопрос о том, что отдельные группы, или вернее группа, в театре предпочитают работать в ином плане, чем это делалось всегда и делается в МХАТ, что он отстаивает систему МХАТ не только потому, что это является делом его жизни, но и потому, что, как он понимал, это явилось директивой со стороны правительства и партии, что разногласия по линии работы над спектаклями создают нездоровую атмосферу в театре, мешают планомерной и подлинно творческой работе, почему он считал бы полезным выделение несогласной с системой МХАТ группы в другой театральный коллектив.

Насколько я знаю, ответа на это обращение еще нет, хотя по театру уже сообщают, что будто ответ получен, и тут сообщают самые разнородные ответы. Конечно, такое положение создает в театре ужасно нервное состояние. Оно отражается и на моей способности писать Вам. Так трудно собраться для письма, так трудно найти что-нибудь определенное, что написать, постоянно ждешь, что вот-вот как-то более определенно разрешится вопрос и установится что-то четкое и ясное.

Тем временем у нас очередная неприятность по линии актерского здоровья и благополучия: очень плохо чувствует себя Тарханов. Прошлые “Мертвые души” чуть было не слетели, у него был припадок печени, днем вызывали срочно к нему врача, который настолько ему помог, что он смог играть спектакль. Однако на всякий случай было такое решение: если он, сыграв вечеринку в 1-м действии, почувствует себя дурно, сцену у Собакевича вовсе не играть, а в “Ужине” выпустить специально вызванного в театр Булгакова, который бы читал его реплики (с анонсом перед актом). Да, я спутала, это было не на прошлых, а запрошлых “Мертвых”, 22-го. Но Тарханов благополучно доиграл весь спектакль и 26-го опять играл. Затем он отправился на рентген, кот. дал скверные данные, предполагают, что операция большой (или толстой – забыла) кишки необходима. (Значит, это не печень, а кишка?) Требуется сделать еще один рентгеновский снимок, кот. будет готов 2-го, после чего Тарх. отправится к Розанову для решения вопроса об операции. Несмотря на такие неутешительные данные, Тарх. просил 3-го “Мертвые” пока не отменять, надеясь сыграть. А тем временем с завтрашнего дня начнут репетиции роли Собакевича с Баталовым. Еще срочный ввод за Тарханова – Фирс. Из четырех кандидатов (Хмелев, Яншин, Вл. Мих. Михайлов и Истрин) К.С. как будто останавливается на Хмелеве.

Из газет Вы, вероятно, уже знаете о смерти Н.А. Андреева. Хотя он болел в последнее время и, не лежа, не выходил, все же всех поразила его внезапная смерть. Он вечером поужинал, принял ванну, потом стало ему плохо, так мучился он минут 40, говорил, что очень ему плохо, видно, конец пришел. Потом ему стало гораздо лучше, боли его совсем

оставили, он пришел в хорошее душевное состояние, сказал: ну, теперь я посплю, и вскоре во сне умер – разрыв сердца. (Нина Ник. объясняла, что, по словам д-ра Савельева, у него был отрыв от сердца какой-то его части.)

Еще грустная новость: знаете ли Вы, что уже давно был болен Ан. Вас. Лунач., которому недавно сделали операцию удаления одного глаза.

Теперь о Ваших делах немного, милый Владимир Иванович. Ваш денежный отчет я Вам пришлю в следующем письме, сделаю расчет на 1-е января, благо завтра заплатят жалованье по 1-е января. Я получила ряд уведомлений от Серг. Льв. и Ол. Апол., что будто бы я должна из Ваших денег переслать Ол. Ап. еще 300 руб., но я просила, чтоб Бертенсон написал Вам, чтоб Вы дали мне распоряжение. К тому же Ол. Апол. денег выслать не просила. А тут вышло так, что она прислала просьбу выслать ей денег, а Всероскомдрам задержал выплату. Я тогда позволила себе выслать ей 300 руб., считая, что либо эти деньги так или иначе ей следуют, либо, если это не так, я верну эту сумму в Вашу кассу из полученного в ближайшем времени авторского гонорара.

Мне звонили из Всероскомдрама, что за Ваших “Соколов и воронов” у них накопился для Вас авторский гонорар, что-то около тысячи рублей. Я решила, что это заменит тот выигрыш по облигациям, который Вам хочется непременно получить. Деньги неожиданные – тот же выигрыш, правда? Пришлите только мне, пожалуйста, доверенность на получение этих денег из Всероскомдрама.

Чтоб Вам были ясны наши ближайшие репертуарные и репетиционные предположения, я приложу 2 протокола совещаний, бывших вчера и сегодня, Вам все там будет ясно.

30 декабря 1932

Сегодня отдельным пакетом я послала все собранные за это время расписания репетиций, рапортики и т.п.

Кроме того сегодня же отдельными бандеролями я послала Вам книжку “Советского музея”, в которой есть статья и фотографии нашего музея, а также новую книжку Новикова-Прибоя “Цусима”, о которой много говорят и пишут². Это в ответ на Вашу просьбу прислать Вам что-нибудь из новой беллетристики. То, что выходило до сих пор и рекомендовано мне для Вас Марковым, раздобыть совершенно невозможно. Издания расходятся мгновенно и потом их получить страшно трудно. Все мои попытки пока ни к чему не привели. С превеликим трудом и совершенно случайно удалось мне, например, достать для Бертенсона просимые им воспоминания Ходотова³. Книжки расхватываются с поразяющей быстротой все, какие бы ни вышли.

Я никак не пойму, почему до сих пор нет письма от Вас к Андр. Серг., о котором Вы телеграфировали. Не дождавшись его, я, по совету К.С., передала Ваше письмо Ав. С. К.С. сказал, что обиды у Ан. С. мо-

жет не быть – Вы могли не сразу знать, что и он помогал в этом деле, а когда узнали – тогда и прислали письмо, позднее, чем Ав. С-у. Чем ближе конец января, тем нетерпеливее все расспрашивают о том, когда же Вы приедете и что Вы пишете. А Вы в последнее время совсем не пишете, вероятно, причиной переезд в Милан и начало Вашей работы?

Милый Владимир Иванович, не хорошо, что как раз перед Вашим приездом я как будто стала меньше Вас информировать, но это действительно легко объяснить, если почувствовать ту неопределенную и напряженную атмосферу, в которой сейчас проходит жизнь и работа внутри театра. Вы все это понимаете, Вы ведь не будете сердиться на меня?

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише. Желаю Вам в отдельности и вам всем вместе самого прекрасного времяпрепровождения, самого радостного настроения.

[1933]

247.

13 декабря 1933 г.

Милый Владимир Иванович!

Если по телефону Вам нельзя говорить, может быть, дадите некоторые ответы по пунктам письма?

1. Е.В.Калужский спрашивает, может ли он, не вывешивая состава “Горя от ума”, дать роли Тарханову и Хмелеву для самостоятельной первоначальной их работы? Дело в том, что Хмелев приходил к Евг. Вас. и просил, если возможно, дать ему роль и реж.-педагога (Елиз. Серг.), чтоб он мог заниматься уже сейчас¹. Кстати, сообщая Вам, что Хмелев как будто огорчен, что ему не дали Мольера. Вопрос о нем не ставился, потому что при обсуждении распределения ролей была в наметке “Чайка” (Треплев) и в дальнейшем Чацкий. А сейчас “Чайка” не будет репетироваться, “Горе от ума” только в будущем, и он мог бы работать над Мольером, что ему интереснее, чем Людовик².

О Тарханове же, кстати, хочу сообщить, что он плохо себя чувствует, жалуется на боли, играет иногда спектакли с трудом, с вызовами дежурного врача.

Поэтому Евг. Вас. хочет поставить перед Вами вопрос о разгрузке Тарханова примерно так: Кедров – Хозяин (“В людях”) и Топорков – Градобоев. Конечно, как дублеры. А если дать роль Чацкого Хмелеву, то Ливанову тоже можно дать? Или ему только Репетилова? И не следует ли одновременно с Тархановым готовить на Фамусова, скажем, Кедрова?

2. Прилагаю два письма, обращенные к Вам. В отношении письма о Замятине Вас. Гр. полагает, что ему может быть предоставлена возможность знакомства с музеем и бесед, скажем, с Вас. Гр., с Марковым... Чтоб только не загружать Вас этими делами. Что же касается второго письма, о художнике, то как будто ему у нас и делать нечего, эта сторона дела у нас не особо высоко стоит. Отказать ему? А Замятину ответить, как предлагает Вас. Гр.?³

3. Помните, я Вам говорила в свое время, что Вас просят провести беседу с приезжающими в Москву на съезд представителей самостоятельных кружков и театров. Организует этот съезд ВЦСПС (Всес. центр. совет профсоюзов). Теперь эти товарищи съехались, и организация просит устроить встречу примерно 20 лиц с Вами – завтра или 15-го. Могу я им ответить, что в настоящее время Вам категорически запрещено не только проводить беседы, но и вообще говорить – говорить по делам.

4. 15-го, в [1]2 ч. дня, в Театре сатиры состоится объединенное заседание представителей всех театров, организуемое Моск. комит. партии, на котором мы должны будем рапортовать, что мы сделали для обслуживания колхозов и совхозов. Там ждут Вашего выступления, но, конечно, это Вам абсолютно вредно. Вас. Гр. говорит, что вообще как будто признано, что нами сделано довольно много в этой области. Такое у него впечатление от визитов в Моск. ком. с Мамошиным. Мы сегодня днем играем “Хлеб” для колхозников, мы послали Бабанина обследовать возможности работы нашей бригады в Моск. области, мы составляем план обслуживания Моск. области концертами в течение месяца.

Значит, можно сказать, что Вы не будете 15-го в Театре сатиры? Кого Вы посылаете вместо себя?⁴

5. А 17-го – рапорт в Теа-клубе. Вы Маркова посылаете на это дело? Должна Вам сказать, что там Вас ждут, Вас лично, и тем более уверены в Вашем приезде, что не только я сообщила о невозможности для Вас быть там на рапорте 10-го, но и Вы лично любезно туда звонили. Там говорили 10-го, что 17-го Вы обязательно будете.

6. Бендина и Тихомирова просят у Вас свидания. Что мне отвечать? Могут ли они рассчитывать в скором будущем?⁵

7. Я получила письмо от Ол. Апол. Бертенсон. Она спрашивает, как ей написать при подаче анкеты на паспорт, что представляет собою в данное время Сергей Льв., какую работу и где он выполняет. Я не знаю. Может быть, Вам Сергей Льв. писал, где и кем он сейчас работает?

8. В Большом театре предстоит юбилей Штейнберга. Дирекция запрашивает, может ли она оставить тот состав наших представителей в юбилейном комитете, который был при юбилеях Неждановой и Собиннова? Состав был такой: все народные, Еланская, Андровская, Хмелев, Калужский и Михальский. Подчеркиваю, что это члены юбилейного комитета, которых печатают в составе комитета, но отнюдь не люди, попадающие в делегацию, идущую от МХАТа приветствовать юбиляра, делегация составляется у нас в зависимости от занятости тех или иных актеров в вечер юбилея и по выбору Вашему (в прошлом сезоне – по указанию К.С.). Может быть, в состав комитета от нас добавить Изралевского как нашего дирижера? Или оставить по прошлому году? Это вопрос срочный, т.к. приглашения начали печатать.

9. Наша бутафорская часть спрашивает, нет ли у Вас ненужных Вам заграничных журналов, которые Вы могли бы отдать для спектакля “Реклама”, по примеру прошлых лет?

Посылаю Вам денежный расчет по пенсии и 518 р. 70 к.

Посылаю сведения, представленные А.Л.Иверовым, он сказал мне, что Вы распорядились их Вам представлять на просмотр.

В отношении тек. счета № 42203 сообщая, что для того чтоб перевести ЦИКовские 25 тысяч на Ваш счет, понадобилось открыть тек. счет внесением 5-ти рублей. Позднее я Вам пришлю карточку, на которой

Вы должны дать образец Вашей подписи на чеках, после чего можно будет получать деньги. Счет Ваш находится в отделении сберкассы № 1 000 (Бол. Дмитровка, 9), но если Вы хотите, Вы можете дать распоряжение нашему кассиру Мих. Фед. Бухтееву перевести деньги в наше мхатовское подотделение, и тогда можно будет получать со счета деньги через нашу кассу.

Возвращаю три закрепительных талона на Заем. Эти облигации Вы приобрели не через театр. Думаю, что это было сделано через Ваш домов. комитет. Пусть Миша разузнает и обменяет закрепит. талоны на самые облигации и передаст их мне, чтоб я могла следить за выигрышами и в случае выигрыша – получить его для Вас. До сих пор эти номера не выиграли. Теперь только важно узнать, где можно обменять талоны на облигации, и проделать эту операцию.

Вас. Гр. считает необходимым созвать совещание: худож. руководство, актерский цехком и, мож. быть, ячейка. Нужно поднять вопрос о халтурах, о работе на стороне, о падении в связи с этим дисциплины, о поведении ряда лиц в театре. Это я говорю очень схематично, этот вопрос он хотел бы обговорить с Вами очень крепко, сам подготовившись к нему. Тут у него еще вопрос к Вам: как ставить этот вопрос от имени руководства, когда в самом руководстве двое (Судаков и Мордвинов) работают на стороне? Когда Вы сможете говорить по делам, пожалуйста, вызовите Вас. Гр. на разговор по этому поводу.

Опять-таки в общих чертах: Вас. Гр. сообщил мне о своем разговоре с Тарасовой относительно Глафиры. Она отказалась ходить на репетиции, смотреть, как работают, и готовить таким образом роль. Она настаивает, чтоб в работе с нею были проделаны все те этапы, которые пройдены до сих пор работавшими исполнителями⁶.

Думаю, что этот разговор как довольно показательный Василий Григорьевич должен был бы передать Вам в подробностях. А в письме всего и не напишешь, т.е. надо очень много и очень подробно написать, чтоб быть точной и лояльной.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам поправиться как можно скорей. И себе это же желаю – очень ведь без Вас неинтересно и неярко.

Ваша Ольга Бокшанская

[1934]

248.

Москва, 13.II.1934 года

Милый Владимир Иванович!

Первое, что мне сказал Марков, когда я его спросила о вчерашнем диспуте, было: “Как хорошо, что Владимир Иванович не остался!” Диспут прошел вполне благополучно, по его рассказам, но мало интересно. Повторялось все то, что говорилось много раз. Начали с часовым опозданием. Публика была почти целиком неведомая: какие-то юнцы и какие-то старушки. Шостакович не успел выступить, т.к. уехал вскоре провожать кого-то (кажется, жену) и не вернулся. Мордвинов не мог быть, т.к. его вызвали играть “Дно” – должен был играть Вишнеvский, но он утром играл в “Воскресении” и заявил, что устал. От театра выступили Рейнгерц, Столяров и Марков. Диспут закончился выступлением Новицкого, который сообщил, что театр действительно показал правду на сцене, хотел ее показать и в [этом] успел. Но Шостакович написал “партийную правду”, острую ненависть к прошлому злу, и этого театр не сумел показать.

Сразу, чтоб успокоить Вас, сообщаю, что хоть мы все и засиделись у Сахн. в вечер Вашего отъезда, но все было очень хорошо, мило, радушно и ничуть-ничуть не похоже на все, чего Вы опасались. Правда, умудренный тем опытом Вас. Гр. решил по возможности не встречаться на столь опасных позициях с нашими театральными, и потому из театра были очень немногие: Попова и Кторов, Леонтьев и мы с Евг. Вас. Но в этот вечер тут могли быть и самые злые враги Вас. Гр-ча, – придраться было не к чему. Много пели, была там прелестная певица-цыганка – думаю, что цыганка, такая черная, и пела чудесно, по-настоящему, без салонности.

Прилагаю разные бумаги, какие Вы знаете.

Да, вот что плохо с Сахновским – совсем он простужен, сегодня остался лежать дома: грипп. У Евг. Вас. тоже грипп, но он не может лежать, у него спектакли. В труппе среди молодежи столько гриппозных, что с трудом сегодня собрали бал в “Мертвых душах”. А вчера “Турбинных” пришлось играть в составе Алексей – Судаков, Лариосик – Раевский, потому что захворал Яншин (сегодня, однако, уж выправился и сегодня играет “Хозяйку”¹), за него Раевский, а тогда на основной в “Дне” Хмелев должен был играть Костылева, отсюда – Судаков в Алексее.

Завтра пришлю Вам телеграмму о “Булычове” 15-го, Вы хотели их поприветствовать телеграммой², и об юбилее Соколовской 16-го.

Ек. Ник. говорит, что Вы довольны переездом и гостиницей. Очень приятно слышать. А шеф кухни пришел к Вам за распоряжениями, что Вы любите к обеду. Як. Леонт. просил так сделать. А Вы дадите знать, когда возвращаетесь, чтоб выслать за Вами машину? Или Вы с нами не хотите дела иметь и сообщите в Музыкальный?

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович, главным образом – приятного отдыха.

Ваша Ольга Бокшанская

249.

17 июня 1934 г.

Милый Владимир Иванович!

Нашлась и здесь машинка, чтоб послать Вам напечатанное на ней письмо: дело в том, что здесь же, в “Астории”, сейчас живет моя сестра с мужем, они хотят провести здесь месяц, находя, что это лучше всякого санатория. Мих. Афан. работает над сценарием, диктует его сестре, поэтому ее машинка в Ленинграде, и я ею воспользовалась.

Вчера сыграли первый спектакль – при переполненном зале, при напряженном внимании и великолепном приеме зрительного зала¹. Актеры играли прекрасно, хотя за кулисами был нерв из-за ряда накладок по постановочной части. Одна накладка была очень крупная. Портной приготовил за кулисами халат и валенки к первому выходу Мышлаевского, помреж не проверил. Начали акт, вышел Мышлаевский – Добронравов, только что проговорил свои первые реплики, потом ему Елена должна вынести халат и валенки, он их надевает и у него целая сцена. И вдруг заминка, Николка говорит: “Я сейчас тебе халат принесу”, – выходит Елена с простыней и говорит: “Виктор, иди в ванну”. И Добронравов ушел со сцены. Конечно, этот случай разволновал исполнителей. Потом еще крупная накладка: после аплодисментов на конец первого акта местный рабочий поднял занавес, не зная наших порядков, что на аплодисменты у нас выходят только после конца спектакля. А стоявший с ним рядом наш машинист не остановил его. И публика увидела открывшуюся сцену, по-домашнему уходящих с нее Яншина и Прудкина и толпу рабочих, бросившихся переставлять сцену и от смущения пустившихся наутек. А рабочий, дав занавес, опустил его и, слыша аплодисменты, пытался еще раз его поднять, но посередине своих стараний был остановлен. Затем был ряд неполадок с костюмами, чего-то не взяли, чего-то не находили сразу и заявляли, что вещь утеряна, был местами очень плохо сделан свет на сцене. Сегодня Вас. Гр. и Евг. Вас. собирали по этому делу соответствующих людей, сделали указания, и, надо надеяться, что сегодня спектакль пройдет благополучно. Думаю, что и без указаний пост. часть сегодня днем сделала нужные проверки на сцене.

Доехали все благополучно и сейчас уж как будто все разместились по своему вкусу. Вначале были, как всегда бывает, некоторые недоразумения и недовольства. Без этого не обойдешься.

Владимир Иванович, 20-го здесь состоится 500-е представление “Турбиных”. В прошлом году здесь же праздновали 400-е. Может быть, Вы пришлете свой привет, я уверена, что это было бы дорого многим. Абсолютный юбиляр, сыгравший все 500, только Евг. Вас. Почти что юбиляры – Прудкин и Станицын, у каждого из них по 2 не доигранных до 500 спектакля².

Здесь холодно, особенно вечером. Также было и до нас, в те дни, когда в Москве стояла жара. На солнышке сегодня пригревало, а в тени холод пробирает.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович. Мой сердечный привет Екатерине Николаевне.

Ваша Ольга Бокшанская

250.

1 июля 1934 г.

Милый Владимир Иванович!

За все время нашего пребывания в Ленинграде я только раз написала Вам еще в Москву, сразу после первого нашего спектакля. Такой перерыв в письмах объясняется тем, что наша жизнь здесь и спектакли идут настолько ровно и безоблачно, что решительно нет никаких событий, стоящих быть отмеченными. Спектакли протекают с успехом, без ощутительных накладок, все при переполненном зале. Очень большой успех имели все 3 спектакля “Царских врат”, не говорю уже о “Турбиных”. “Врата” получили небольшую – банальную по форме и восторженную по существу – рецензию в местной прессе. Вас. Ив. в жизни держится стойко, видимо, решил крепко взять себя в руки. Нина Ник. здесь, их часто видишь вместе. В июле у него еще 3 спектакля, 8-го последний, после чего он едет в Москву, оформляет паспорт и уезжает в Ригу, в тот же пансионат, в котором был в прошлом году.

Сегодня первый спектакль в Моск.-Нарвском доме культуры, вчера закончили гастроли в Выборгском доме. 29-го был концерт наших актеров в Сестрорецке, участвовали Вас. Ив., Тарасова, Еланская, Степанова, Топорков. Концерт был доходный для актеров. А 5-го едут с концертом в Гатчину, на этот раз, кажется, без доходов, в порядке шефства.

Вчера сыграл свой последний спектакль Добронравов, с сегодняшнего спектакля начинает играть Топорков¹.

Сегодня уехал в Москву, а оттуда в Кисловодск Сахновский. Он все это время чувствовал себя неважно, но, несмотря на это, принимал

деятельное участие в работе, бывая ежедневно в конторе и очень часто на спектаклях. Ник. Вас. живет отъединенно от труппы (он один – в Европейской гостинице, все ведь в “Астории”), ежедневно бывает в конторе, на спектаклях редко; жалуется, что перегружен работой, т.к. ежедневно пишет в Москву громаднейшие послания решительно по всем вопросам театра в Москве, получая ежедневные же запросы по этим делам из Москвы, так что фактически отсюда управляет и по Москве. Рипси жалуется, что слишком много работы из-за ежедневной стукотни писем под диктовку Ник. Вас. 26–27 приехали из Воронежа со спектаклей “Дядя Ваня” Ершов, Тарасова, Орлов. Там спектакли прошли удачно². Тарасова, проезжая Москву, виделась с Ив. Мих. Ему позволено вставать, он говорит, что силы к нему возвращаются, что он окреп настолько, что может уж полным голосом сказать “Народы!” из “Гор. сердца”, но все же хочет остаться весь июль в Кремл. больнице, чтобы совсем поправиться и окрепшим поехать за границу.

Все живут очень тихо, пьют мало и если пьют, то тихо. Редко кто ужинает в ресторане, большинство дома. Так что сенсации этого рода не в ходу в наших закулисных разговорах.

Погода сначала была скверная, потом лучше, но вечера холодные, теперь же дней 5 стоит сильная жара, даже душно бывает. Предсказаны грозы, но пока их нет. Парит днем сильно.

4-го я еду к своим в Ригу. Мой адрес: Альбертовская, 2, кв. 1.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам и Ек. Ник. самого приятного отдыха, всяческих удач.

Ваша *Ольга Бокшанская*

251.

5 сентября 1934 г. № 1

Милый Владимир Иванович!

Сегодня я в первый раз на работе, приехала вчера в 4 часа дня и со всеми радостями встречи с семьей в театр вчера не пошла. Сегодня я здесь с утра, но работать почти не удастся, потому что отнимают время встречи со всеми и разговоры, разговоры, разговоры. Сейчас с трудом разбираюсь в множестве новостей, которые оказались для меня совершенно неожиданными. Евг. Вас. написал мне 1-го в Ригу, но я письма не получила, не успело дойти оно. Я постараюсь как можно скорее разобраться в подробностях дела об увольнении Я.Л., хотя бы в точности узнать хронологически, как это все происходило, и тогда напишу Вам, потому что, насколько я понимаю, Я.Л. написал Вам весьма кратко, а от Вас на его телеграмму был ответ, что Вы ничего не понимаете и поражены. Знаю, что Ав. С. хочет вмешаться в это дело, обещал Я.Л. не дать в обиду и посоветовал ему спокойно выехать на отдых и лечение в

Эссенуки, что Я.Л. и сделает, выезжая завтра утром. К.С. рассчитывал на прием у Ав. С. на этих днях, даже был назначен день, но потом Ав. С. прием отменил и дальнейшего срока встречи пока не наметил.

По разговорам, которые сегодня мне пришлось вести с некоторыми актерами, настроение какое-то растерянное, сумбурное, ждут новых назначений, никто ничего толком не знает, хотя будущую структуру указывают все довольно согласно, т.е. единственный замдиректора Ник. Вас., у него помдиректора по строительной части Сокальский (инженер-консультант в нашем строительном отделе) и управление худож. частью в лице троих: зав. труппой Подгорный, зав. проталкиванием новых работ Судаков и зав. сохранением сквозного действия идущих спектаклей и репетиций Кедров (как говорят, “диктатор сквозного действия”, вероятно, это слова К.С., а может быть, выдуманные за него слова в его стиле). Должности эти, конечно, будут как-то иначе называться, но я пока знаю только сущность, так сказать, их функций, но не названия. Все эти разговоры, передачи слухов, догадки и предположения делают атмосферу в театре, по общим отзывам, чрезвычайно неприятной и напряженной. Говорят: никогда еще сезон не начинали в такой напряженной тревоге. При этом говорят, что и в других театрах не лучше. Будто бы что-то затевается снова в Малом, Новом (б. Студия Малого театра) конфликт между Кавериным и Александровым (директором), и Каверин оттуда ушел.

Милый Владимир Иванович, не хочу затруднять Вас передачей слухов и обещаю написать скоро по возможности толково (и объективно) письмо, основанное на точных фактах.

Посылаю Вам расписания, составы и рапортики, которые реп. контора собиралась Вам выслать (даже конверт приготовили), но так до моего приезда и не выслала.

Слышала, что Вы довольны своим пребыванием в Ялте. Это очень приятно. Нежный сердечный привет шлю Вам, дорогой Е.Н. и Мише.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Сейлер в театре не появлялся, видимо, не приехал на фестиваль. И никто с рекомендациями или письмами от него тоже не приходил.

252.

7 сентября 1934 г. № 2

Милый Владимир Иванович,

Постараюсь рассказать Вам по порядку, как происходило дело с увольнением Як. Л., до сих пор не подтвержденным официальным распоряжением. Как Вам, вероятно, сказал Я.Л. при Вашем проезде через

Москву, 17-го он был вызван К. С-чем в Леонтьевский. Опасаясь, что Ник. Вас. заподозрит его в “пролезании” к К.С., он перед уходом в Леонтьевский зашел в нижний кабинет и сказал, что идет к К.С. по его вызову. Н.В. сказал ему в виде предупреждения, что ни он, ни Рипси до сих пор, оберегая К.С., ни о чем, касающемся дел театра, с ним не говорили, так что “если он что-нибудь знает, то только из писем или письма Вл. Ив. или из рассказов Ол. Леон.” – и тем самым Ник. Вас. показал, что он уж знает и о Вашем письме¹ и о разговорах Ол. Леон., т.е. что он с К.С. об этом уж говорил. К.С. принял Я.Л. исключительно любезно, говорил, что созовет по приезде стариков всех вместе, чтобы все протянули друг другу руки на мирную и полезную театру работу, спрашивал, что он делает, находил, что он мало использован, особенно в части представительства театра, добывания для театра благ, сказав, что Ник. Вас. это честнейший человек, но он только для отчетности. Я.Л., который с тревогой ждал приезда К.С., почувствовал себя спокойным и окрыленным для работы, тем более что за время с возвращения Ник. Вас. из Ленинграда у него установились с Ник. Вас. добропорядочные деловые отношения. Ник. Вас. даже приезжал к нему во время его болезни, сидел у него 2 часа и говорил, что главной заботой Леонтьева теперь должно быть его здоровье, что же касается всех его работ в отсутствие Ник. Вас., то Н.В. со всем совершенно согласен и очень одобряет его действия.

Следующая встреча с К.С. была 25-го, когда К.С. приезжал для встречи с труппой. Но тут они недолго поговорили после “тронной” речи К.С. (Об этой речи Вам, вероятно, расскажет Марков. Как всегда водится, у нас в театре выудили из этой речи все, что можно переделать в анекдот, но, насколько я разобралась в рассказах, К.С. говорил о том, что каждый в театре во всех своих действиях должен прежде всего задать себе вопрос, хорошо ли это действие для пользы дела, и тогда уж поступать – всегда именно в интересах дела. В области же актерской работы он говорил о необходимости контроля исполнения спектаклей, и тут действительно придумал какой-то анекдотический прием: что он будет давать свои места своим знакомым, которые будут на следующее утро сообщать ему свои впечатления. После этого он будет звонить актеру и спрашивать, как он играл. Актер будет отвечать, что хорошо. А К.С. в этом случае будет звать его к себе вечером на чашку чая и смотревшего знакомого тоже, и вот тут, за чашкой чая, выяснять погрешности исполнения в спектакле накануне. Можете себе представить, сколько анекдотов пошло по поводу этой чашки чаю и этих знакомых, которые будут привлекаться к контролю. Придумали, что это будет, конечно, все тот же Ник. Вас., который тайно будет вызывать к себе Фалева и заказывать себе различные парики и наклейки.)

На следующий день после речи К.С. Ник. Вас. предложил Я.Л. ехать с 1 сент. в отпуск для лечения, предложил подать официальное об этом заявление и положил свою резолюцию, что отпуск разрешается.

Дня за два до отпуска Я.Л., не получая из кассы находящихся в его ведении казенных мест в филиале, послал курьера в кассу за ними. Курьер вернулся с сообщением, что касса имеет распоряжение не давать ему билетов. А он хотел уезжая оставить их Маркизову с соответствующими распоряжениями. Я.Л. пошел по этому делу к Н.В., который сказал, что это недоразумение – такой ответ кассы, но распоряжения о выдаче билетов не сделал.

31-го (когда у Я.Л. в кармане были уже билеты на утро 2-го сент. и путевка в санаторий в Эссентуках) Ник. Вас. вызвал его к себе в кабинет по телефону и, встретив его и оставшись на время беседы с глазу на глаз, сказал, что ему приходится сообщить Я.Л. неприятную вещь. Для начала разговор шел так, что Я.Л. и не заподозрил, что разговор ведет к его увольнению. Н.В. долго говорил о том, что у нас сильно разворачивается строительство, смета составлена на 4 милл., что нужен специалист этого дела с должностью помдиректора... Говорилось долго, но все как-то кругом да около. Наконец когда Я.Л. мысленно перебирал в голове, какова цель этого разговора, не нужно ли найти кого-то для возглавления этого строительства, не собираются ли его использовать как “добытчика” материалов для строительства и т.п., Н.В. сказал, что в результате этих планов и вообще готовящихся больших перемен в структуре управления (тут Н.В. даже сказал, что ему придется заняться вопросами художественной стороны, вероятно, временно), театр должен отказаться от услуг Як. Л. Я.Л. говорил мне, что он был как ушибленный, он совершенно растерялся от неожиданности, от того, как предательски с ним поступили. Н.В. что-то говорил о том, что Я.Л., он надеется, не будет считать, что увольнение его является следствием личной неприязни Ник. Вас-ча к нему. Я.Л. предложил об этом лучше не говорить, т.к. характер отношения Н.В. к нему ему хорошо известен. Совершенно раздавленный таким отношением к себе, Я.Л. поднялся вверх в дирекцию и сообщил о происшедшем Сахн., Калужскому и Маркову, которые были ошеломлены не меньше его. Все стали ему советовать посоветоваться с Боярским. По телефону узнали, что Бояр. нездоров, на работе его нет, и Я.Л. сговорился по домашнему телефону, что вечером он придет к Бояр. Бояр. сказал Я.Л., что, помимо возмутительности такого отношения, такой формы увольнения, здесь есть нарушение закона, т.к. Я.Л. член Президиума ЦК Рабис и уволен без согласования с ЦК быть не может. Да и вообще человек, занимающий должность помдиректора может быть уволен только по согласованию с Прав. комиссией и с ЦК. Кроме того, Як. Ос. посоветовал Леонтьеву на работу от этого дня не ходить и постараться связаться с Ав. С. или хотя бы Люб. Н.², чтобы узнать, согласован ли этот вопрос с ним. Со своей стороны он решил запросить театр, на каком основании это увольнение не согласовано с ним. Бояр. попросил Я.Л. прийти к нему второго с Сахн.

1-го Я.Л. сообщил о своем несчастье своему другу Могильному, который пришел в ярость от такого произвола (он знает Я.Л. еще со

времен его директорства в Крым. гостеатре), произносил крепкие слова по отношению к атмосфере театра и, успокаивая Я.Л., обещая не дать его в обиду, сказал, что постарается как можно скорее все это рассказать Ав. С. В тот же день в половине второго ночи он уж звонил Я.Л., что встретился с Ав. С. на банкете писательского съезда³, рассказал ему, не знавшему ни о чем, и Ав. С. очень сильно рассердившись и обвиняя во всем “совиное гнездо” (нижний кабинет), обещал в это дело вмешаться и восстановить Леонтьева. А тем временем часа в 4–5 Я.Л. получил письмо за подписью К.С., копию которого он мне передал для Вас, подтверждающее его увольнение.

2-го, когда Я.Л. был с Сахн. у Боярского, ему сообщили, что его разыскивает по телефону Минервина. Она сказала: “Я хочу передать Вам содержание телефонограммы, только что переданной мною Егорову по распоряжению Ав. С. – Ав. С. предлагает немедленно прекратить происходящие в театре безобразия, немедленно восстановить на работе Я.Л.Леонтьева и об исполнении его распоряжения его уведомить. До этого он не примет никого из театра по каким бы то ни было делам МХАТ”. Кроме того, она сообщила, что Ав. С. 3-го примет Сахновского (это свидание было проведено втайне, и никто, кроме нас наверху, о нем не знает). Видя такое отношение Ав. С. к этому делу Боярск. с еще большей силой стал обнадеживать Я.Л. и кстати рассказал, что еще накануне секретарь ЦК⁴ Пашковский звонил Егорову и спросил его, на каком основании без согласования с ЦК уволен Леонтьев, предложив от имени Боярского прислать письменный ответ на этот вопрос и мотивировку. Н.В. сказал, что “Станиславский как директор имеет право выполнять в театре свою волю”. Пашковский ответил, что, несомненно, директор имеет это право, но исключительно в пределах существующих законов, увольнение же члена Президиума ЦК без согласования с ЦК – действие, нарушающее закон. Он повторил предложение Боярского немедленно прислать объяснения, мотивировку и материалы по делу увольнения Я.Л. Насколько я знаю, этого несколько дней не выполняли, а потом послали в ЦК предложение письменно запросить театр обо всем, что говорил Пашковский по телефону. Тем временем (это уже из области слухов) Феде поручено составление обвинительных материалов против Я.Л. и будто бы в них фигурируют обвинения, которые выставлялись год назад – лихоимство и взяточничество во время ленинградской прошлогодней поездки, катанье на предоставлявшихся театру машинах с актрисами и т.п. вздор. Если действительно это так и материалы эти будут посланы, то, надо полагать, они обратятся против обвинителей Я. Л-ча, а не против его самого. Бояр. решил, что если театр не сообщит своевременно мотивировок увольнения или сообщит недоброкачественные, то он обратится в Прав. комиссию с сообщением и запросом по этому делу.

3-го В.Г. был у Ав. С. В.Г. сделал ему доклад о жизни театра с того времени, как он ему делал последний доклад (помните, после тех

бурных производственных совещаний). Кроме того, он обрисовал ему трудное и сложное положение Я.Л., упомянув и о той несправедливости, что все работники, не ездившие ни в какие поездки, получили из сан. фонда либо пособия, либо оплаченные санаторные путевки, Я.к. же Л. не получил ничего. Ав. С. сказал, что Я.Л. должен с презрением отнестись к такой несправедливости – “пусть они сидят на своих деньгах” – и что Ав. С. сам ему поможет. И действительно, на следующий день позвонила Люб. Н. и сказала, чтобы Я.к. Л. сходил бы получить в хоз. упр. ЦИКа выписанную ему 1 000 руб. Ав. С. сказал, что Я.Л. должен спокойно ехать лечиться, не беспокоиться ни за себя, ни за семью, – он никого из них не оставит и в обиду не даст. Ав. С. негодовал, что до сих пор он не имеет ответа на свое телефонограммное распоряжение, сказал, что он непременно восстановит Я.Л., пока тот будет в отпуску, Я.Л. вернется в театр, и если все-таки атмосфера для его работы будет невыносимая, он найдет для него работу в другом месте, куда он перейдет с почетом и достоинством. Ав. С. сказал, что он видит и знает всю подоплеку происходящего в театре, что лучшим выходом было бы изъятие из театра Н.В., но что этого нельзя сделать из-за К.С., что все зло в том, что “подголоски” взяли такую власть и так влияют на К.С., что как ни полезно и необходимо примирение К.С. с Судаковым, но он ему верить не может и убежден, что примирения этого хватит на 2 недели, что ни К.С., ни Судак. не способны притворяться вечно, их взаимная нелюбовь и неприятие друг друга вылезут наружу. Что ориентация на “середняков”, конечно, необходима, т.к. “стариками” не только стареют, а можно сказать – совсем не могут приниматься в расчет (говорилось, конечно, о стариках-актерах: Леонидове, Москвине, Качалове).

В том, что я рассказываю о мнениях Ав. С., могут быть перемешаны две беседы Ав. С. – он не только 3-го виделся с Сахн., но в один из тех же дней пригласил к себе Еланскую, Судакова и Степанову, и там шел разговор о театральных делах. Мне об этом говорила Степанова, свидетельница разговора. И я могла спутать, что он говорил Сахн., что Судакову.

Ав. С. сказал, что Егоров по своим данным не может занимать поста больше служащего по финансовой части, что замдиректорство ему не по плечу, что у нас нет настоящего представителя от театра и вот это дело мог бы великолепно делать Я.Л. Но что все упирается в непреклонное упрямство К.С. И в конце концов Ав. С. сказал, что ему придется в ближайшем разговоре с К.С. “сделать ему внушение по возможности в мягкой форме”, что он это внушение непременно сделает, хотя бы К. С-чу было очень и очень тяжело и неприятно его выслушать. Что говорить с К.С. чрезвычайно трудно, потому что в своих мнениях он упрям не по существу, а по непреклонному упорству. Как раз 3-го, когда Сахн. был тайно у Ав. С., К.С. ждал, что Ав. С. его примет, но прием был отменен. Потом 5-го К.С. ждал приема, он тоже был отменен. Тогда 5-го Судак. позвонил к Минервиной и спросил, когда Ав. С. примет

К.С. (подумать только – Судаков хлопочет для К.С. о приеме и с ведома К.С.!!!????), а Минервина в ответ спросила: “А почему театр не отвечает на распоряжение Ав. С.?” Суд. переспросил. Минервина сказала: “А что же, Леонтьев восстановлен?” – на это Суд. ответил: “Конечно, ведь и приказа о нем не было”. И действительно, распоряжения об этом нет, а у Я.Л. в кармане письмо К.С. с увольнением от 31 авг.

Да, еще в один из этих дней звонил Терихов к Н.В. тоже с запросом относительно Я.Л. и тоже получил ответ, что распоряжения об увольнении нет. Вообще, как говорят, кабинет делает вид, что все совершенно благополучно, что Ав. С. был введен в заблуждение, по их мнению, Леонтьевым. (Судак. спрашивал Минервину, когда Я.Л. был у Ав. С., на что получил ответ, что он у него не был, что действительно правда), но что теперь Судаков не то уже успел, не то в ближайшее время успеет открыть Ав. С. глаза на истинное лицо Я.Л. и всей “верхней дирекции”. Существует мнение, что К.С. может и не знать ни о распоряжении Ав. С., ни о запросе ЦК Рабис или знать в несколько измененном освещении.

Сегодня наконец состоялся прием К.С. у Ав. С., из-за чего отменилась репетиция “Страха”, назначенная на сегодня. К.С. поехал в Кремль с Н. Аф., отсюда приехал в театр, но пошел в мастерские, на стройку (сегодня как раз нигде работ нет, выходной день мастерских), недолго осматривал их, а потом уехал кататься с Н. Вас. и Н. Аф. Если я буду знать что-нибудь относительно его встречи с Ав. С., я, конечно, Вам напишу.

К.С., готовясь к этой встрече, говорил Сахн., что он предполагает для начала отказываться от филиала, считая, что мы не в силах его обслужить (в подтверждение он взял действительно громаднейший список уже, в начале сезона, болящих актеров и своим отсутствием вызывающих случайные замены в спектаклях). Если же отказаться от филиала нельзя будет, он предлагает снять с него марку филиала МХАТ и назвать его “театр для внучат”, давая играть в этом помещении студии Хмелева, театру Завадского и т.п.

Кроме того, К.С. хотел сговориться с Ав. С. относительно репертуара текущего сезона, вернее – новых постановок. Одно время он не хотел продолжать работу над “Врагами” и хотел об этом договориться с Ав. С. Но сегодня как будто в утреннем разговоре с Сахн. “Враги” снова выплыли как постановка этого сезона, но К.С. будет говорить об изъятии из нашего плана “Любови Яровой”. Во “Врагах” придется заменить Тарханова – генерала, по его плохому физическому самочувствию. К.С. намечает на эту роль Грибова. Относительно чеховской пьесы до сих пор решения нет. К.С. ведь предпочитает “Чайке” “Трех сестер”, считая, что пьеса прекрасно у нас актерски расходуется. А в “Чайке” он и Степанову не очень видит и Попову отвергает, и требует уж непременною участия Хмелева, кот., однако, получил Федора и, стало быть, занят. Сегодня как раз К.С. утвердил четверку в “Федоре”: Федор – Хмелев, Ирина – Тихомирова, Годунов – Болдуман, Шуйский – Подгорный, ра-

бота с актерами поручена Телешевой, роли распорядился раздать актерам этим без промедления. В отношении чеховской пьесы Сахн. с К.С. спорит, считая, что “Чайку” театру поставить интересно, а “Сестер” – никак.

К.С. дал распоряжение как можно скорее приступить к работам над “Мольером” и выпустить пьесу поскорей, причем, получив лестные отзывы о бывшем в мае просмотре работ, считает ее для Большой сцены.

Вчера Марков читал ему “Честное слово” (французская пьеса Джонсона⁵). Как говорит Марков, ему и пьеса понравилась, и то, как Марков читает. Об этом, вероятно, Пав. Ал. расскажет Вам лично.

Это письмо повезут Вам Марков и Мордвинов, они предполагают ехать завтра или послезавтра, в зависимости от получения билетов. Вероятно, мое письмо, после встречи и рассказов на словах, будет для Вас повторением уже известных вещей. Вы не сердитесь, милый Владимир Иванович, что письмо не составит для Вас большого интереса. Не написать его я ведь не могу.

Я звонила к К.С. 5-го, чтобы поздороваться с ним, но не застала, дозволилась сегодня. Сначала мы обменялись фразами об отдыхе, лечении и самочувствии. Потом я спросила, нет ли у него каких-нибудь распоряжений мне, пожеланий, чтобы я делала то или иное (вроде как год назад он поручил мне ежедневно по утрам звонить к нему с рапортом о делах худчасти). Он мне сказал, что непременно будет иметь со мной разговор, вот только пройдет фестиваль и связанные с ним спектакли Оперного театра и наш “Фигаро”. При этом он сказал: вот пройдут эти праздники, я немного поразберусь с делами и тогда позову Вас с Женей вместе, чтобы обо всем поговорить. При чем тут Евг. Вас., не понимаю. Женя смеется, что он сделает нам отеческое внушение и велит ему со мной развестись и вернуться к Елиз. Серг., общающейся с ним нередко. По делам труппы Евг. Вас. был у К.С. один раз, кроме того говорит с ним по ряду вопросов по телефону.

Я думаю, что Марков Вам расскажет, что мы все, несмотря на возможные для нашего положения и работы уруны, сохраняем на редкость хорошее настроение. Еще никогда не было, чтобы ожидание переворота проходило для угрожаемой стороны в столь благодушной и легкой обстановке. А уж сколько переворотов в дирекции было на моей памяти. И все они проходили в обстановке надрыва и терзаний. Единственное у всех только желание – поскорей бы что-нибудь решилось, чтоб кончилась эта атмосфера догадок, предположений, слухов. Единственно, что вызывает настоящий нерв и возмущение, это недостойное отношение к Я.Л. Но и тут, я думаю, многие уверены, что такого уж самоуправства и произвола не допустят, и Я.Л. после всех оскорблений выйдет победителем. Ведь отношение к нему в труппе исключительно хорошее, да он и не мог бы ждать другого, он такой доброжелательный ко всем человек, отзывчивый, обязательный и при этом бескорыстно.

Я Вам написала, что у нас в фестивале будет “Фигаро” – пришлось этой пьесой заменить “Бульчова”, намеченного еще весной. Заболел Леонидов. Он плохо себя чувствовал и в Риге, а приехал сюда и совсем расклеился. Вообще никто не говорит, что с ним, но я уверена, что это грудная жаба. Все симптомы, кот. он мне еще в Риге говорил, страшно напоминали ту форму грудной жабы, которой болел мой папа, – у него было состояние перманентного несильного припадка, а время от времени случались сильные, заметные припадки. Я не видела Иверова, от него-то я узнаю хоть по секрету действительный диагноз. Во всяком случае, Иверов предупредил Евг. Вас., что Леонидов выбыл месяца на 3. В связи с этим К.С. даст поручение Маркову узнать Ваше мнение, как быть с “Бульчовым”. По его мнению, надо “Бульчова” снять и ждать либо выздоровления Леонидова, либо выздоровления и ввода в пьесу Москвина. Но если Вы видите кого-либо из молодых (средняков) в Бульчове, то, конечно, Ваши предложения будут иметь решающее значение. Решено было для фестиваля пустить “Фигаро”, потому что К.С. смотрел 2-го этот спектакль и остался очень доволен. Даже разрешил играть “Фигаро” дважды в день, т.к. по репертуару днем был фестиваль “Бульчов”, а вечером “Фигаро” и отменять было бы губительно для кассы. Уж и то на сегодняшней замене “Бульчова” “Хлебом” (хотели по материальным соображениям дать “Вишн. сад”, но К.С. не позволил без актерской и монтировочной репетиции пустить “В. сад”) обошлась театру в 1 с лишним тысячу.

Посылаю Вам помещенную в “Веч. Москве” статью Судакова о “Грозе”. Марков расскажет Вам обстоятельства, при которых эта статья попала в печать. Во всяком случае, Суд. был чрезвычайно взволнован этим делом, главным образом, опасаясь гнева К.С., кот. запретил всякие выступления в печати без его ведома. Правда, Судаков попал в очень плохое положение с этим делом совершенно безвинно.

Посылаю Вам телеграмму Сейлера, сегодня полученную и пересланную мне Ильей Мироновичем. Я так и не поняла, идет в ней речь о МХАТ или о Вашем Музыкальном театре. Надо ли сообщить об этом предложении, если оно касается МХАТа, К. С-чу, или Вы сначала общаетесь корреспонденцией с Сейлером. Пока я не говорила о телеграмме.

Еще посылаю письмо из Рима.

Сегодня Горчаков прислал письмо Ев. Вас., что видел Вас и Вы выглядите великолепно. Ужасно это хорошо. Горчаков пишет, что Вы 1-го будете в Москве. Верно это?

Как идет Ваша работа? Работаете ли Вы с охотой или лучше было бы не иметь этого обязательства, а попросту отдыхать?⁶

Вероятно, в театре есть еще новости, кот. нужно Вам сообщить, но у меня уже голова не работает, я немного устала от этого длинного письма и усилий поточнее изложить дела. Вы, вероятно, тоже устали – читать это нескончаемое послание. Я же буду писать Вам часто,

прилагая, конечно, всякие рапортички нашей повседневной жизни. Пожалуйста, передайте мой сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише. Желаю Вам, милый Владимир Иванович, солнечных дней и солнечного настроения.

Ваша Ольга Бокшанская

253.

9.IX.34. № 2

Милый Владимир Иванович!

Вчерашний день я ничего Вам не писала, т.к. фактических сведений о визите К.С. в Кремль не имели¹. Правда, 7-го вечером еще просочились зловещие слухи о том, что К.С. обговорил с Ав. С. полный разгром верхней дирекции, т.е. Сахновский только режиссер, с отводом из зам. директоров, Калужский отводится с должности зав. труппой и репертуаром и ему предлагается директорство в филиале, я остаюсь только Вашим личным секретарем, с отводом с должности секретаря дирекции и с переводом на какую-нибудь маловажную канцелярскую работу по совместительству, Маркова вон, Леонтьева вон. Но т.к. это были только слухи, я не хотела Вам писать, рассчитывая знать что-либо точно. Узнали мы более или менее точно только что от Вас. Гр. об его вчерашнем вечернем разговоре с К.С., в котором К.С. сообщил свои планы. Выписывать этот разговор не могу, т.к. через полчаса Мордвинов едет на вокзал, а мне надо успеть послать к нему конверт, поэтому я рассчитываю, что весь этот разговор Вас. Гр. с К.С. и план К.С. Вам на словах передадут Мордв. и Марк., присутствовавшие при рассказе Сахновского². В общем – один зам. дир. Егоров, худчасть в непосредственном подчинении у К.С. в лице: зав. производством Судакова, зав. спектаклями Кедрова и зав. труппой Подгорного. Калужский временно, до подыскания достойного зав. репертуаром, и ему будет предлагаться филиал (Евг. Вас. не хочет принимать этого последнего предложения, предпочитая остаться на репертуаре и использовать свободное время для работы на стороне).

Леонтьев после возвращения из отпуска (Я.Л. уехал 6-го утром и имеет отпуск до 2-го ноября) увольняется, при этом К.С. говорит про него ужаснейшие вещи, повторяя все грязные инсинуации и клевету, кот. распространял про него еще в прошлом году Егоров, буквально в тех же выражениях. Марков остается, т.к. К.С. не знает, кем его заменить. Про меня разговора не было, думаю, что это сделает Егоров, невмешивая сюда К.С. Вероятно, в следующих письмах я все равно буду возвращаться к разговору Вас. Гр. с К.С., потому что на нем будет многое основано в дальнейшем.

Милый Владимир Иванович, посылаю Вам то письмо, кот. было получено Рипсой и по ошибке ею распечатано (она не заметила, что для передачи Сейлеру). Я сегодня же протелеграфирую Вам, что Сейлера в Москве нет.

Завтра спектакль для закрытия театрального фестиваля. Должен был идти “Бульчов”, заменили “Фигаро”, сегодня был весь день посвящен разговорам о замене “Фигаро” “Турбинами”, т.к. иностранцы хотят русскую пьесу и именно “Турбинных”. Но против этой замены восстал Динамов, не сдаваясь на уговоры и просьбы Интуриста³. Порядок такой: один антракт гости в музей, другой – за кулисами, третий – чай. Завтра или послезавтра Вам об этом напишу, опишу происходившее. На спектакле будет К.С.

Еще раз желаю Вам всего-всего хорошего, дорогой Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

254.

11 сентября 1934 г. № 3

Милый Владимир Иванович!

Вчера прошел дневной спектакль “Фигаро”, закончивший Московский театральный фестиваль. Перед началом Ол. Леон. читала приветствие на русском языке (текст написан К.С.), а у иностранных гостей на руках был перевод этого слова, у каждого на языке его страны. В 3-м акте приехал К.С., встретившийся с частью гостей в новом реп. помещении за чаем в предпоследнем антракте, а в последнем все пошли на сцену, где встретились с участниками спектакля и с ними и с К.С. фотографировались. Большого парада ни на сцене, ни в зрительном зале не наблюдалось.

Дела с реформами все в том же положении, и поэтому у всех нас довольно странное состояние – что-то делаем, но не заглядывая далеко вперед, так, из расчета решений на 2–3 дня. В.Г. начал уже вводить Судакова в курс дел, чтобы этим поскорей “сдать дела”. Видимо, такое бесформенное состояние дел по худож. части дошло и до К.С. Во всяком случае, он сегодня звонил В. Гр-чу и сказал, что ему надо все-таки с Вас. Гр. поговорить, что как-то не получается худож. центра в театре. В.Г. предложил прийти к нему в любой день, и К.С. сказал, чтоб В.Г. звонил к нему, спрашивая о встрече, и в один из дней состоится их беседа. Сегодня днем В.Г. был у него на репетиции “М. душ” (сцена Плюшкина), Петкер очень хорошо показал Плюшкина, получил одобрение К.С. и будет введен в спектакль. Ливанов уже показался К. С-чу в Ноздреве и очень понравился. “М. души” назначены в репертуаре в первый раз 22-го.

Ив. Мих. приехал в город, вчера был в театре, я его, к сожалению, не видела. В. Гр. говорит, что он держится по-стариковски, ходит с палочкой, но лицо хорошее, глаза живые. Сегодня вечером Ив. Мих. позвал к себе Сахновского, а завтра он хочет видетсья с К.С.

Леон. Мир. о себе знать не дает, и к нему, по совету врача, из театра никто не ходит, чтоб не волновать его разговорами.

Вас. Ив. прислал письмо, что собирается выехать из Риги 7-го или 8-го и даст о выезде телеграмму. С тех пор нет ни телеграммы, ни писем, так что Дима волнуется и сегодня спросил у меня фамилию главного врача санатория, чтоб запросить о Вас. Ив.

Прилагаю наши театральные рапортчики и расписания и пришедшее сегодня из Милана письмо. Одновременно бандеролью посылаю Вам сегодняшний № “Сов. искусства” – я не уверена, что в Ялте продают его в киосках.

Сегодня звонила мне Соф. Вит. с вопросом о покупке Як. Л-чем дивана в Ваш кабинет. Я об этом деле ничего не знала и сегодня написала спешной почтой запрос Як. Л. в Ессентуки.

Евг. Вас. и Вас. Гр. просят передать Вам их сердечный привет. Желаю Вам всего хорошего. Пожалуйста, кланяйтесь от меня дорогой Ек. Ник. и Мише.

Ваша Ольга Бокшанская

255.

13 сентября 1934 г. №4

Милый Владимир Иванович!

Как я Вам писала третьего дня, К.С. после репетиции в Леонтьевском сцены Плюшкина вел с В.Г. беседу, в которой К.С. проявил некоторую растерянность в смысле отношения к новой структуре. Он говорил, что хотя структура уже намечена, но чего-то объединяющего худож. часть у него не получается, что больше всего ему хочется превратить свою систему в науку, и потому необходимо организовать при театре научно-исследовательскую лабораторию или кабинет, что он хотел бы, чтобы В. Гр. принял участие в этом деле и вообще не уходил бы из управления. После репетиции В.Г. вернулся в театр, и, когда собрался домой, Рипси догнала его в переулке и сказала, что К.С. просит его зайти в нему на просмотр учениц Зин. Серг. (из которых К.С. как будто предполагает выбрать новеньких на замену ушедших Вульф, Полонской, Варзер) и для разговора. После просмотра учениц опять начался разговор в том же плане, что и днем. Для начала К.С. сказал, что не хочет обидеть В.Г., на что тот сказал совершенно искренно, что он и не чувствует себя обиженным, ведь К.С., как это было сказано Н.В-чем в разговоре с секретарем ЦК Рабис Пашковским, относительно Леон-

тьева, вправе подбирать себе сотрудников по своему выбору. Из разговора выяснилось, что К.С. уже послал Ав. С. (стало быть, и Вам) проект новой структуры, что Ав. С. при свидании с К.С. сказал, что на МХАТ смотрят как на академию, что такое отношение обязывает, а у К.С. нет уверенности, что работа всех отделов будет нужным образом объединена. И, наконец, что, желая оставить В.Г. в управлении, он хотел бы, чтобы тот сказал, в какой роли он себя там видит. В.Г. сказал, что ведь структура уже выработана, уже послана Ав. С., никакой роли там для себя он не видит и предлагает К.С. освободить его от дальнейшей работы в управлении. Наконец в тот же вечер, когда В.Г. был у Москвина, около часу ночи В.Г. известили из дому, что дважды звонил К.С., разыскивая его. В.Г. позвонил К.С., и тот спросил, не придет ли В.Г. сейчас к нему. В.Г. спросил о теме предстоящего разговора и опять услышал те же мысли и сомнения, которые высказывались днем. Только тут еще прибавилось то, что К.С. как-то так выразился, что ему надо иметь от В.Г. заявление с просьбой о снятии его с должности зама, ну хотя бы по причине болезни сердца, и так вышло, что это надо для представления Ав. С.

У В.Г. есть предположение, что когда К.С. был у Ав. С., то он сказал, что В.Г. заявляет о своем уходе по болезни, и вот тут Ав. С., вероятно, и сказал, что В.Г. иначе говорил, будучи у него на приеме, что его, Ав. С., сведения не совпадают с сообщаемыми К. С-чем. В.Г. сказал, что не видит основания подавать такое заявление, т.к. оно не соответствует ни тому, что он говорил Ав. С., ни тому, что он говорил К.С. Тогда К.С., в порядке просьбы о помощи, попросил В.Г. составить проект структуры, как он ее видит. (Сначала он просил снова сказать, на какой работе он себя видит в управлении, но В.Г. отказался.) В.Г. обещал подумать и ответить относительно структуры. И вот сегодня он написал К.С. письмо, копию которого он просил переслать Вам. Возможно, что такие же копии он перешлет Ав. С. и Боярскому, с которым он сегодня утром советовался. Боярский в этом утреннем телеф. разговоре сказал, что В.Г. ни в коем случае не должен подавать заявления об отставке или плана, в котором он может быть использован в будущей структуре, а лишь должен написать свои соображения об управлении театром вообще, т.е. советовал сделать то, что и хотел В.Г. При этом Боярский сказал, что театральная общественность имеет совершенно определенное отношение к снятию Леонтьева и к предполагаемой отставке В.Г., далеко не в пользу К.С., и при этом прекрасно понимает пружины, которые в этом деле действовали. Сегодня К.С. предполагал вызвать к себе для разговора Евг. Вас., но утром Рипси сообщила, что он себя плохо чувствует и ни репетиций, ни приема у него не будет.

Попутно из очень верных источников стало известно В.Г., что эти реформы были задуманы давно, еще до приезда К.С., причем Г.Г.Шпету делалось предложение в новой структуре занять должность зав. литературной частью с присоединением к ней обязанностей, выполнявшихся

В. Г-чем по выступлениям, представительству и т.п. Таким образом, можно было бы отказаться от Маркова и вместе с тем полностью заменить Сахновского¹, остальные функции которого распределялись между Подг., Суд. и Кедр. И что напор на К.С. в смысле необходимости отставки В.Г. был сделан в таком плане: В.Г. в смысле своих политических установок совершенно ясен (в смысле отрицательном), против него резко настроены партком театра и райком, настаивающие на его снятии. В.Г. – ставленник К.С. Теперь для К.С. экзамен – будет ли он защищать В.Г. или отмежуется. Но в этом суфлировании К. С-чу не учли того, что В.Г. был и весной, и осенью у Ав. С., что Ав. С. совершенно определено говорил с В.Г., проявив доверие к его политическим установкам, и что Ав. С., вероятно, не скрыл этого и от К.С.

А у нас, наверну², одно желание – хоть бы скорей решали что-нибудь и вводили новости, а то ведь это и не настоящая работа и порча людей, потому что решительно все занимаются сплетнями, пересудами и догадками.

Вчера приехал Вас. Ив., в хорошем самочувствии и настроении.

Леон. Мир. не хочет видеть никого из театра, боясь волнительных разговоров, только Иверов у него бывает, да сегодня хочет Москвин прийти, перед отъездом. Леон. Мир. предполагает поехать в тот же дом отдыха, в Архангельское, где был Ив. Мих.

Ив. Мих. предполагает выехать 15-го в Чехо-Словакию, в д. Гресендорф, недели на 3, а оттуда в Меран. В Италии он бы хотел пробыть с месяц, но пока виза у него на 2 нед. Он надеется получить продление там, на месте. Ив. Мих. волнуется нашими театральными делами, быстро вскипает, но, как показалось В.Г., у него не совсем ясно представление, против чего он протестует и чего он хочет для театра.

Спектакли идут рядово, репетиции тоже, преобладающее настроение – отрепетировал, отыграл спектакль, ну и ладно.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы. Желаю Вам всех радостей. Как идет Ваша работа по книге?³ Если нужна будет переписка написанного Вами на машинке – дайте мне, пожалуйста. Я с громадным интересом, с превеликим удовольствием и без всякой корысти хотела бы переписывать Ваши воспоминания.

Сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

Всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Я совсем запуталась в письмах к Вам, которые я пишу не от себя. Вчера составляла 2 таких письма – одно от Судакова, другое – по поручению К.С., переданному через Судакова. Первое письмо контролировалось Суд-вым, второе – и Суд., и К.С., в результате чего Суд. одобрил, а К.С. задержал сегодня утром, переговорив со мной по телефону, дал задание переделать и снова прислать ему на просмотр. Но мне не хочется задерживать больше моего письма Вам, я тороплюсь поскорей написать от себя, а потом буду составлять то, что поручил К.С. Свое и судаковское письмо отправлю непременно сегодня, т.к. уже неделю Вам не писала, сначала ждала приезда Маркова и Мордвинова с рассказами о Вас, а потом ожидала развертывания событий.

Начну с ответа на первую часть Вашей телеграммы, относительно монтировочной части “Грозы”. Только что я переговорила с Грем. и Шверубовичем. Вот что они говорят: работы по поделочной мастерской у них готовы на 100%, бутафория – на 85%, костюмы на 10% (только то, что было готово еще весной, по нар. сцене, что объясняется тем, что Рабинович только 9 сент. сдал эскизы костюмов), работа художников – на 60%, монтировочные репетиции – на 15%. Эти проценты расшифровываются так: деревянные части готовы все. Бутафория почти вся, вернее – вся, но они считают готовой на 85%, пот. что ждут дополнительных заказов бутафории, которые могут выясниться по ходу репетиций. За костюмы Ив. Як. очень беспокоится – не за качество, а за выполнение их к сроку из-за опоздания Рабиновича. Однако он надеется, что к 15.X все костюмы будут совершенно готовы, а репетировать частично в костюмах можно будет с 5–10 окт., постепенно вводя новые и новые костюмы. Листва по 1 д. вся готова. 2-е действие все готово, осталось дописать небольшие детали. 1-я к. 3-го д. – вся готова, кроме падуг. 2-я карт. 3-го д. готова. 4-е д. готово, 5-е д. готово, кроме дерева. Из письма, написанного по поручению Ил. Як., Вы знаете, что сцена все время была занята и оттого монтировочных репетиций не удавалось вести. Частично только происходили работы по свету. Аппаратура, указанная Пантелеевым, вся есть. Ив. Як. считает, что ему нужно иметь 10 монтировочных репетиционных дней, чтобы все проставить, проверить и установить. Если, как предполагалось, им дадут 28-е и 29-е для монтировок, то в октябре для них нужно будет 8 дней. Вот все, что мне сказали в макетной. Если чего-то не хватает в смысле сведений, если нужно подробнее – пожалуйста, протелеграфируйте, сейчас же узнаю и сообщу подробнее. Ив. Як. не смог дать сведений, пот. что сказал, что тогда ему надо собраться с мыслями, посидеть, подготовиться и тогда дать данные.

Вчера я протелеграфировала Вам буквальные слова Люб. Ник., которая на днях, между прочим, мне сказала, что Як. Л. к нам из отпуска уж не вернется и получит, как говорит Ав. С., очень хорошее назначение.

Представьте себе, до сих пор не вышел декрет о новой структуре, хотя фактически лица, занимающие в ней посты, уже действуют, а формально сидящие на своих местах Сахн. и Калужский уже по худож. вопросам не решают ничего. Отчего происходит задержка, мы понять не можем. Сообщения об этом из разных источников бывают самые разнообразные. Сегодня, напр., Шпет сообщил Вас. Гр., что будто бы его, Шп., приглашали снова в театр по отделу Академии и при этом Ник. Вас. сказал, что будто бы по новой структуре на Вас. Гр. возлагается заведование худож. частью, а В.Г. отказывается, не желая работать в контакте вчетвером: он, Суд., Подг. и Кедров. И попутно Ник. Вас. узнавал, каковы настроения Вас. Гр., спрашивая об этом у Шпета. 16-го числа К.С. через Ник. Вас. предложил Сахн. самому составить текст своей отставки (распоряжение об отстранении), выведя в нем нужные мотивы (чувствовалось, что К.С. хочет указания на болезнь сердца), но В.Г. отказался это сделать и послал К.С. письмо, короткое, в кот. сказал, что считает это предложение К.С. для себя обидным. К.С. ответил письмом с извинением и с уверением, что он не хотел обидеть его. Сначала говорилось, что ждут Вашего ответа. Теперь и ответ есть, а декрета все нет – препротивное от этого у всех настроение. В общем, как мне кажется, как это было и при сегодняшнем моем разговоре с К.С., К.С. всегда и всюду говорит, что он был вынужден произвести реорганизацию из-за отказа Сахн. работать дальше. И при этом он смазывает те причины, которые Сахн. выставил как неприемлемые для работы кого бы то ни было, его или того, кто будет на его месте. По моим впечатлениям, К.С. находится под абсолютным и чрезвычайно сильным влиянием Ник. Вас. и остальных, часто он в точности повторяет мысли, суждения Егорова, Подгорного, Рипси. В городе, особенно в театральных его кругах, только и говорят о том, что у нас делается. При этом у меня точное впечатление, что говорят именно так – что же это там делается?! – без тени симпатий в сторону реформ и лиц, их производящих. Все наши хитрые сплетения, все наши внутренние взаимоотношения и ходы известны в подробностях не только по московским театрам, но и за их стенами. Настоящая злоба дня – все наши дела. К.С. вызывал к себе 17-го Евг. Вас. и имел с ним трехчасовую беседу, и в тот же день больше часу беседовал с Марковым по телефону, и в обоих случаях от этих разговоров у собеседников осталось тяжелое впечатление путаницы, царящей в его представлениях, извращенного понимания фактов, совсем явной оторванности от жизни, от жизни театра, от труппы.

Чувствую, что и у меня довольно путанное письмо получается, это потому, что у меня в голове нагромождены всякие разговоры, слухи, факты. Лучше я сейчас с Вами распроцанюсь и завтра Вам напишу, а

сейчас примусь за составление письма по поручению К.С., которое он ждет и задерживать его нельзя. У меня действительно такой сумбур в голове – ужас. И все надеешься: вот пройдет день-два, все уляжется и тогда можно будет яснее все разложить по клеточкам и понять. Но за эти день-два нагромождаются новые вещи и сумбур никак не проходит.

Да, в разговоре о “Грозе” я еще узнала в дополнение к излагаемому Вам судаковскому плану, что Судаков сообщил, что через 2 недели после выпуска “Грозы”, в ноябре должна пойти “Синяя птица”, хотя бы в старом составе. Я смеюсь: хотите, составлю действительный произв. план на сезон 34/35 г. и дам вам в закрытом конверте. А вы в мае вскроете его и посмотрите, кто прав: я или Судаков. Не понимаю, неужели и теперь еще можно верить в то, что весь план будет осуществлен. Ведь пробовали составлять произв. план на 10 постановок в году, что из этого получилось? Наивная вера Судакова меня поражает.

Милый Владимир Иванович, прощаюсь с Вами очень ненадолго, завтра начну следующее письмо Вам. Всего Вам хорошего желаю и кланяюсь Ек. Ник. и Мише.

Прилагаю декрет о Сокальском и, по просьбе Маркова, копии того, что он передал К.С. по приезде от Вас, на что К.С. и хочет ответить через меня.

Ваша Ольга Бокшанская

257.

21 сентября 1934 г. № 7

Милый Владимир Иванович!

Сегодня я получила от К.С. утвержденный текст письма к Вам, которое прилагаю¹. Т.к. первый разговор о таком письме я имела с Ил. Як. и он просматривал мой первый вариант, то и теперь я ему сказала, что К.С. в личном разговоре со мной поручил мне добавить по отдельным пунктам письма, в том числе по афиногеновской пьесе, что он просит Вас поскорей сообщить Ваше распределение ролей, т.к. от этого зависит распределение по другим работам. Тогда И.Я. попросил меня спешно сообщить Вам свою наметку распределения, а также его соображения относительно распределения работ вообще и работы по “Портрету” в частности. Вот его наметка:

Михаил – Прудкин

Ирина – Андровская, Алеева

Мать – Халютина, Соколовская (когда поправится)

Лиза – Еланская

Семен – Баталов

Марья Гавр. – Попова, Тихомирова

Васюк – Добронравов, Болдуман

Шура – Вронская, Комолова

Линев – Ершов,

Наташа – Титова, Якубовская

Горюнова – Монахова, Петрова (по просьбе последней, хочет иметь работу хотя бы дублершей)².

Его соображения такковы: Прудкину нравится роль и пьеса, Ирина, он надеется, не вызывает в Вас сомнений, Мать – Халютина, ей хочется сыграть, и И.Я. думает, что ей удастся такой безличный “заяц”³, Еланская – Лиза, потому что Еланская после “Грозы” остается без работы, роль Лизы ей очень нравится, по мнению И.Я., она может ее хорошо сыграть. Баталов – Семен – роль и пьеса нравятся, он знаком с этим “блатным” миром. Марусю, по его мнению, Попова может сыграть оч. хорошо, это в ее данных – образ проститутки с глубоким внутренним содержанием. А т.к. Попова намечается еще в “Трое”⁴ (правда, у него там намечена и Тарасова) и в “Трех сестрах” (тоже вместе с Тарасовой), то на случай есть и Тихомирова. Добронравова он намечает на Васюка потому, что у Добронравова будет много другой работы и его можно занять только в небольшой роли здесь, а то бы он его занял в роли Семена. На Шуру он намечает молодых, по возможности даже совсем молодую хотел бы, т.к. Степанова, которую можно было бы назначить на эту роль, будет занята в “Мольере” и получит еще Ирину в “Трех сестрах”. Линева он дает Ершову потому, что тот в остальных пьесах остается без дела. Он думал о Топоркове, но тот намечен на Чебутыкина (с Москвинным) и просит занять его во французской пьесе⁵. Две остальные роли, он думает, не вызовут у Вас сомнений в смысле распределения. Говоря о Лизе – Еланской он сказал, что могла бы быть здесь намечена и Тарасова, но она, помимо роли во “Врагах”, может получить либо Машу в первую очередь (а Попова будет дублершей), либо “Трое” – и тогда Попова получит “Любовь Яровую”, либо, наоборот, Тарасова получит Яровую. Да, о Добронравове он сказал, что тот просил его назначить на Незнамова (у Ил. Як. в плане распределения работ стоит еще “Без вины виноватые” для Книппер, там же он хочет дать Соколовой Коринкину).

В отношении Тарасовой он еще сказал, что она не должна оказаться недовольной, пот. что в будущем у нее “Анна Каренина”. Я ему на это сказала, что помню, что весной Вы предостерегали худож. часть и Волкова⁶, чтоб не давать никаких обещаний никому из актрис относительно роли Карениной.

Я надеюсь, что я все запомнила из того, что И.Я. просил передать Вам. Я так пишу потому, что последние дни оч. простужена, хожу на работу через силу, поэтому голова какая-то “чумная”, а сегодня еще у меня был длиннейший разговор с К.С. по поводу прилагаемого письма, а он меня спросил, что я знаю о Вашем отношении ко всему и чем объясняется Ваше полное равнодушие к театру. Я сказала, что равнодушия я не вижу, но что Вы были поставлены перед свершившимся фактом, а так как Вы поставили себе задачей не ссориться с ним, с К.С., то и решили предоставить ему право распоряжения. К.С. сказал, что Вы, оставаясь целый год единственным директором, могли бы делать, что хотели в смысле управления. А я сказала, что, во-первых, Вы с месяца на месяц

ожидали его возвращения, а во-вторых, опять-таки, не желая ссориться с ним, не хотели вводить каких-либо резких изменений в управление. К.С. говорит: “Я прожил год за границей, ничего не знал, никто мне не писал ни о чем (совершенная, между прочим, неправда), а когда я приехал и при проезде В.И. через Москву хотел с ним поговорить, он не захотел и сказал, что он в отпуск”. Я на это ответила, что еще до этого, приехав за границу, Вы написали К.С. письмо, которое писали три дня, по 4 часа в день, и хотя я не знаю содержания письма, но предполагаю, что в этом письме Вы и осветили ему положение театра так, как Вы его видели⁷. А Вы, К.С., даже не ответили на это письмо, что, конечно, было неприятно и обидно В.И. Поставьте себя на место В.И., Вы бы тоже при коротком проезде через город вряд ли бы после этого стали говорить о делах. К.С. сказал, что он ответил, что по приезде в Москву, после того, как он разберется в делах, он ответит. Тогда я сказала, что, однако, Вы не только не разобрались, но даже окончательно решили реформы, и все-таки не написали, а сообщили о них уже после договоренности с Ав. С. (Может быть, в изложении, таком сухом, у Вас впечатление, что я дерзила К. С-чу, но это не так, разговор шел в мягких и с моей стороны очень почтительных тонах, но слова говорились именно такие.) К.С. сказал, что он не может принять такого положения, что он будет что-то делать, а его будут критиковать и советовать того-то и того-то не делать, что теперь ему нужно одно – чтоб ему говорили: сделайте так-то. Как я поняла, он считал, что и в Вашем летнем письме было указано, что то-то и то-то плохо, но не указано, какими мерами можно исправить. Ему вот, говорят, что Егоров плох, а у него никого кроме Егорова нет, и никто никого назвать не может. (Это неверно, т.к. Сахн. ему как-то предлагал заменить Егорова Леонтьевым.) Я спросила: а если В.И. Вам скажет, что надо сделать так-то и так-то, вы сделаете? – Да, если я буду с этим согласен, а если не соглашусь, то не сделаю. – Тогда, значит, не стоит и говорить, раз уж наперед известно, что вы сделаете так, как решили.

Потом разговор перешел на Сахн. И тут К.С. сказал, что по заявлению сверху он должен оставить В.Г. и. о. замдиректора, зав. худож. частью, а вот Сахн. ставит свои условия. Он сказал, что, приехав к Ав. С., он не привез готовой новой структуры, но, сидя там долго, часа 2¹/₂, они вместе выработали структуру, всячески обсуждая характеристику каждого кандидата, и только тогда, после долгих обсуждений расставили фигуры. Я так поняла, что этих фигур было 4: Суд., Кедр., Подг. и Сахн., а вот последний ведет борьбу тем, что желает, чтобы его сместили, а сам, не желая работать в этих условиях, не подает заявления об уходе. Я сказала, что, вероятно, Вас. Гр. не может поступить против своей совести и говорит то, что действительно крепко считает правильным.

К.С. много говорил о том, что мы все не понимаем, не отдаем себе отчета, над какой бездной мы все – театр – стоим. Что все мы держимся, только пока живы Вы и он, а без этого мы полетим в такую пропасть, опустимся до положения самого маленького театрлика. И вахтанговцы, и второмхатовцы нас обойдут, потому что они умеют устраивать

свои дела, а мы не умеем. Что мы все, а особенно работающие в худож. управлении, должны быть настолько высококультурны, а у нас есть для этого данные, чтобы работать только для пользы дела, а не заводить партии и устраивать между ними борьбу. Я сказала, что напрасно он считает, что существуют партии, есть борьба нескольких отдельных лиц, но ни за кем из них нет никого. А что все мы рады работать для пользы дела, но надо, чтоб тогда уж все так работали, а не сводили бы счеты. Что я утверждаю, что как бы я ни работала, все равно я не вызову к себе доверия со стороны Егорова, потому что он первый провозглашает борьбу “партий” и сам ею занимается. Что, по-моему, надо ждать, во что выльется это новое управление театром, может быть, это и выйдет хорошо, тогда можно только радоваться, но пока настроение в театре плохое. Он сказал, что я не должна не только говорить о плохом настроении, но даже и думать об этом, что каждый каждому должен внушать, что все великолепно. Надо быть полным верой в будущее. Я чувствую, что несвязно передаю наш разговор, но, сказать по правде, он и был довольно бессвязен, а сейчас у меня голова совсем забита разными обрывками из него. К.С. говорил о том, что какой бы он ни был директор, но все мы должны его поддерживать, как вот германцы поддерживали своего никудышного Вильгельма, и все у них шло великолепно. Целый ряд мыслей и оценок у него мне совершенно знаком – это повторение разговоров и суждений “кабинета”.

Простите, милый Владимир Иванович, что занимаю Ваше внимание таким несвязным пересказом, в общем, не имеющего большого значения разговора. Это я только для иллюстрации разговоров К.С., потому что примерно так он говорил с Марковым и с Евг. Вас.

Милый Владимир Иванович, посылаю Вам пришедшее сюда письмо Пиксанова⁸, я его показала Маркову и Мордвинову. Кроме того, прилагаю рекомендательное письмо из Америки, привезенное одной дамой. Ее я не видела, ко мне приходила ее переводчица. Я объяснила, что Вас в Москве нет, но что если эта дама хочет что-либо посмотреть у нас, я рада буду ей все устроить. Условились, что сговоримся по телефону, я звонила много раз, но никогда из номера никто не отвечает, вероятно, она в разъездах по Москве, переводчица сказала, что они массу разъезжают по примечательным местам Москвы.

Со всеми этими делами нашими ничего не пишу Вам о текущих наших делах, о спектаклях и репетициях. Как-то в театре сейчас много ушло на второй план из-за этого неопределенного положения, порождающего слухи и толки. Кроме того, раз фактически управление ушло сверху в руки Судакова и Подгорного, а пока деловой контакт у меня с ними только намечается, – многое мне еще неясно или неизвестно. Постараюсь завтра-послезавтра написать Вам строго по производственным нашим делам.

Телеграмму о письме сегодня получила, сегодня же при разговоре с Люб. Ник. по другому делу попутно сказала об этой телеграмме, она сказала, что это очень хорошо⁹.

Будьте здоровы, дорогой Владимир Иванович, всего хорошего желаю Вам, Ек. Ник. и Мише. Евг. Вас. сидит рядом, просит передать Вам привет.

Ваша *Ольга Бокшанская*

258.

27 сентября 1934 года

Милый Владимир Иванович!

Сегодня Фед. Ник. сообщил мне, что т. Севостьянов при нем отправил наше отношение о предоставлении Вам мест по Вашей заявке в Севастополь, с надписью, чтобы Ваше требование на билеты было удовлетворено. При этом он сказал, что Вам надо будет обратиться в Севастополе к ревизору спальных вагонов тов. Аваловой, которой направлено его распоряжение, и тов. Авалова обязана выполнить Вашу просьбу. Но только просьба – сообщить дату отъезда для бронирования мест не накануне, а возможно загодя, скажем, дня за 3. Это удобно Вам? На всякий случай я прилагаю копию нашего отношения о билетах. Если бы подлинник у них где-нибудь запропастился бы, Вы можете о нем напомнить этой копией. То ли Фед. Ник. не сумел добиться копии приказа для пересылки Вам, то ли этого нельзя добиться – не знаю. Я спросила, почему он не получил копии приказа, как я просила, – он сказал: все будет а порядке, только надо не слишком поздно сделать заявку. Можно, конечно, еще загодя узнать, получила ли т. Авалова приказ от Севостьянова.

Вчера после моего звонка К. С-чу у него было совещание по вопросу производственного плана с Судаковым. И сегодня Суд. пришел с такими сообщениями к Евг. Вас. и Маркову. Ввиду того, что работа над “Портретом” может затянуться из-за переделок, которые могут и не сразу Вас удовлетворить; кроме того, возможно, что Афиногенов не примет предложения перенести пьесу в филиал, а если и примет, то все свое внимание переведет на выпуск спектакля во 2-м МХАТе, – ввиду вот этих соображений считать “Портрет” первоочередной постановкой нельзя и репертуар построить так: после “Грозы” Судакову взяться за “Врагов”, а Кедрова перевести на “Трех сестер”. Тогда репертуар сезона складывается на основной сцене – “Гроза”, за ней возобновление “Синей птицы” и “Федора”, после нового года – “Враги” и “Три сестры”. В филиале – “Пиквик”, “Мольер” и “Честное слово” (французская пьеса). Кроме того, для филиала работаются “Привидения” (с Книппер, режиссер Сахновский) и “Без вины виноватые” (с Шевченко). Одна из этих двух пьес должна тоже быть выпущена в этом сезоне, весной. “Трое” остаются в портфеле театра для будущего сезона. И еще есть в таком же положении пьеса “Памела Жиро” (в переработке Горчакова) для молодежи. Сезон в Москве предположено закончить к 15 мая, чтобы затем

выехать с поездкой в Тифлис (с “Турбинами”). Эти гастроли будут от театра, без таких больших окладов, как это было в Ленинграде, а с законной командировочной оплатой (примерно 100% жалованья). Как я слышала, Мамошин, бывший в ленинградской поездке, нашел возмутительным, что актеры, зарабатывая народные деньги, тратят их на рестораны и английские костюмы, и решил протестовать против подобных поездок. Думаю, что отсутствие уже ставшего привычным крупного заработка в течение летнего перерыва покажется актерам очень трудным. Ведь этим заработком всегда покрываются долги за сезон, окупается летний отдых, делаются какие-то солидные хозяйственные закупки к зиме – одежда, мебель и пр.

Суд., который держит себя сейчас исключительно осторожно по отношению к распоряжениям и решениям дирекции ли или др. организаций в театре, но вместе с тем не может не встать на защиту интересов своих товарищей, считающихся сплоченным вокруг него ядром, говорит нерешительно и половинчато, что если труппа отыграет “казенную” поездку, то, может быть, можно будет ее продолжить на 2 недели, но уже не в пользу театра, а – проводимую уже в отпускное время – в пользу играющей труппы актеров. Но не на месяц, а только на 2 недели, чтобы меньше злить и вызывать зависть. “Казенная” поездка, вероятно, вызовет двойственные чувства. С одной стороны, Тифлис весной очень приятен, перемена места тоже, словом, в поездке есть своя прелесть. С другой – в такой поездке всегда хочется иметь деньги, да и жизнь не дома настолько дороже, что двойной оклад, при том что надо семье в Москве денег оставить, надо жить на два дома и т.п., никак ничего устроить не сможет. Это будет составлять неприятную сторону поездки.

Сообщаю Вам об этом новом плане сезона, как только я его узнала, чтобы поставить Вас поскорее в курс решений по “Портрету” (у меня от рассказа Судакова впечатление, что он, так ратовавший вначале за эту пьесу, сейчас довольно легко от нее отошел). Может быть, и Вы не будете особенно за постановку этой пьесы у нас, не настолько она Вам понравилась. Обо всем, что узнаю дальше о планах, конечно, напишу Вам без задержки.

Декрета о реорганизации все нет и нет. Сегодня возникла новая версия. Будто бы К.С., соглашаясь с Вашим мнением, что без замдиректора по худож. части обойтись нельзя, и вместе с тем всецело подчиняясь Ник. Вас., что Сахн. оставить нельзя, выдвинул на зам. дир. – Ив. Михайловича. Возможно, что из-за этого произойдет задержка с декретом, потому что без согласия Ив. М. ведь объявить его зам. директором нельзя. Не могу себе представить, чтобы Ив. М. согласился. Он и по состоянию здоровья не может, и его работа как представителя цехкома ему показала, что его на нее-то с трудом хватало, а на зам. директорскую никак не хватит, а главное – он же судорожно ненавидит Ил. Як. и вряд ли согласится с ним работать. Во всяком случае, он говорил о Суд. с передаваемой злобой, перед своим отъездом за границу созывал “стариков” (Леонидова и Качалова) и предлагал отправиться к Ав.

С. с протестом против введения в управление Суд., говорил с К.С. в исключительно повышенном тоне, так что по театру даже ходил рассказ, будто они “разругались”, будто не то К.С., не то Ив. М. при телефонном разговоре “бросил трубку”, и т.п. А вообще – сколько рассказов ходит по театру, кажется, никогда столько не было кулуарных разговоров и шепотов.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Вам не надоело, что я каждый день врываюсь в Ваш отдых с своими невеселыми, запутанными сообщениями?

Сердечный мой привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

Ваша *Ольга Бокшанская*

259.

28 сентября 1934 г.

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам копию вывешенного сегодня с утра распоряжения о новой структуре художественной части. Кроме того, по просьбе Евг. Вас., я пересылаю Вам его письмо к Вам и копию его письма к К.С. Это последнее письмо недавно понес к К.С. Судаков, отправившийся туда по делам и собиравшийся там и от себя поднять вопрос о неправильной редакции распоряжения. Действительно, надо же было случиться, что сегодня же с утра Андровская захворала и прислала в театр бюллетень. Ил. Як., занятый на репетиции “Грозы”, бросился к Евг. Вас. с просьбой сделать эту перемену, т.к. у Судакова нет ни времени, ни умения заниматься этими делами. При этом Суд. заявил, что гарантирует перемену редакции распоряжения в отношении Евг. Вас., т.к. именно так, с оставлением репертуара за Евг. Вас., он договорился с К.С. Евг. Вас., доведенный вчера вечером сообщениями об его будто бы “взятках” с каждой халтуры до отвратительного настроения и решения написать К. С-чу, написал письмо сразу об обоих вопросах.

Сегодня у нас, конечно, довольно нервная атмосфера. Хорошо еще, что Вас. Гр. сегодня, не зная еще, что будет вывешено распоряжение, решил посидеть дома, раз у него нет репетиции. Я прочитала распоряжение ему по телефону.

30-го наконец выходят “Мертвые души”. С работой с Ливановым все закончено. Были еще сомнения у В. Гр. относительно монтировки, которая на последней репетиции В. Гр. не удовлетворила, но Гремисл. взял на свою ответственность, что на спектакле все будет в полном порядке.

Сегодня был еще у нас нерв из-за такого дела. На завтра в “Сов. искусстве” назначено “творческое утро” – выступление Литовского о перспективах этого сезона и затем доклады всех ведущих театров о репертуаре, выступления авторов современных пьес, пьесы которых этими

театрами включены в репертуар, обмен мнениями по поводу докладов со стороны присутствующей театральной и рабочей общественности. К.С. хотел, чтобы от нас выступил Сахн. Тот долго и упорно отказывался, настаивая на том, что правильнее всего выступить Судакову. К.С. выступить Судакову запретил и предложил выступить Маркову. Марков, не принимающий этого производственного плана, несогласный с ним, отказывался. К.С. очень рассердился и в злом тоне, отвергая возражения Маркова и считая, что в план включены все пьесы, рекомендованные им, Марковым, категорически предложил ему выступить от имени МХАТ. Марков же будет выступать от Муз. театра.

Люб. Ник. сегодня сообщила мне по телефону, что Ав. С. прочитал посланные мною материалы и сделал на них надпись, которую она обещала прислать мне либо в подлиннике, либо в копии¹. Смысл ее такой: с устранением Сахн. Ав. С. не согласился и при разговоре с К.С. устранение это решено не было. В этом же разговоре Ав. С. категорически заявил К.С., что Егоров не имеет оснований и прав вмешиваться в худож. часть, с чем согласился К.С. Относительно Леонтьева Ав. С. договорился с К.С. (вероятно, в том смысле, что увольнять его в такой форме, как это было сделано, но, правда, не доведено до конца, – нельзя, но что он у нас работать больше не будет и будет в достойной форме переведен на другую работу). Вчера я получила письмо от Як. Л., где он мне по секрету сообщает, что Арканов сделал ему предложение о переходе в Большой театр, на что Як. Л. ответил согласием в том случае, если его должность будет не ниже мхатовской и если Ел. Конст. получит на его переход согласие Ав. С. Кроме того, Люб. Ник. сообщила мне грустное известие, что Ав. С. по поводу Вашего письма о квартире сказал, что, вероятно, ничего нельзя будет сделать, т.к. сейчас таких возможностей в Москве почти совсем нет.

Ил. Як. очень интересуется, когда Вы приедете, и сильно рассчитывает, что Вы будете в Москве не позднее 4-го – 5-го. Он боится, что если Вы приедете позднее, то это задержит “Грозу”. Он хочет еще раз посмотреть свой план работ на ближайшие дни и тогда пошлет Вам через меня самую горячую просьбу приехать не позднее такого-то, когда Ваше присутствие на репетициях станет до зарезу нужно.

Сегодня я, по указанию Фед. Ник., послала телеграмму Аваловой в Севастополь относительно Ваших обратных билетов, за подписью Савостьянова. Ф.Н. сказал, что так будет вернее. О такой телеграмме он с Савостьяновым договорился. Копию этой телеграммы на всякий случай прилагаю.

Всего хорошего желаю Вам, милый Владимир Иванович, Ек. Ник. и Мише.

Ваша Ольга Бокшанская.

Евг. Вас. послал копии своего письма к К.С. еще и Ав. С. и Ол. Леон., как председателю месткома и старшему товарищу.

1 октября 1934 г.

Милый Владимир Иванович!

Я сегодня днем получила Вашу телеграмму, где упомянуто, что Вы получили мои письма от 22 и 27. Я просмотрела копии, там должно было быть еще одно письмо, от 26-го, которое я посылала с большим трепетом. В нем я сообщала Вам, что решила переслать Ав. С. копию Вашего письма к К.С. и выдержки из Вашего письма ко мне, в которых объясняется, почему Вы не пишете непосредственно Ав. С. Я больше всего волнуюсь, как Вы отнесетесь к этому. Люб. Ник. сначала сообщила мне по телефону, что А.С. прочитал эту копию и сделал на ней пометки, а потом прислала мне самую эту копию с теми пометками рукой Ав. С., которые там есть. Я посылаю Вам их на отдельном листке, при этом письме. Люб. же сказала мне, что она лично прочитала три раза Ваше письмо к К.С., так оно ее поразило глубиной мысли, серьезностью и проникновенностью взглядов, так ей захотелось запомнить его. Сегодня она меня спросила, что я думаю про наши дела и присланные ею строчки Ав. С. Я ничего не могла сказать кроме того, что, как мне кажется, К.С. делает сейчас противоречащие желаниям Ав. С. и разговорам с ним вещи.

Просто удивительно, с каким упорством К.С. постоянно повторяет, что он поставлен в тяжелое положение Сахновским, пожелавшим уйти. Сегодня, напр., в разговоре с П.А.Марковым он сказал в ответ на просьбу отпустить его в Ленинград на время гастролей Муз. театра: “Конечно, если В.И. так хочет, чтобы Вы там работали над “Травиатой”, то я ничего сделать не могу, но Вы нам сейчас как раз очень нужны, потому что теперь, когда Вас. Гр., вопреки моему желанию и желанию Ав. С. все-таки заявил о своем уходе, Ваша помощь театру особенно нужна”. Пав. Ал. вообще сильно разволновался этим разговором, потому что К.С. сказал ему что-то вроде, что он должен ответить, где он предполагает работать больше, у нас или в Муз. театре, и дал понять, что то, как идет сейчас дело в литчасти, его не удовлетворяет. Пав. Ал. думает, не подать ли ему уж теперь в отставку, раз вопрос ставится так круто, а ему Муз. театр дороже МХАТа, но без Вас он такого вопроса решить не может, не имеет права. Потом, впрочем, он, кажется, решил продолжить ту линию поведения: служить в обоих театрах и делить свое время так, как он сам найдет нужным. Не думаю, чтоб это ему удалось. Мне кажется, что К.С., вероятно, подстрекаемый кабинетом, будет требовать от Маркова самой реальной и усидчивой работы, подыскивая ему замену, что, конечно, очень нелегко. Однако, насколько мне известно, Ник. Вас. продолжает свои визиты к Шпету, во время которых он, с одной стороны, уговаривает Шпета занять такую должность, которая соединила бы в себе и зав. лит. ч., и те функции, которые не распределены между Подг., Кедровым и Суд. и про которые наши весельчаки-актеры,

читая распоряжение, говорили: “Ну, это, конечно, Бутюгин” (Бутюгин ведь шеф халтурных спектаклей, которого в шутку иногда зовут “директор”); с другой стороны, Ник. Вас. чрезвычайно интересуется, что предполагает делать Сахн. и в этом смысле “пытает” Шпета. Допытывается, будет ли Сахн. принимать участие в работах Академии, которую все-таки собираются открыть с 1 января. Я убеждена, что никакого открытия никакой Академии не будет. Дай-то Бог хоть все задуманные работы по производственному плану выполнить. Ведь до 1 янв. намечены две новые постановки и 2 возобновления. Вас. Гр. пока никаких своих планов мне не сообщал, сейчас он много работает над книгой, заказ на которую он получил еще в конце прошлого сезона.

29-го у К.С. было заседание, на котором вырабатывались инструкции по вновь введенным должностям на замену замдиректора по худож. На этом же заседании выяснилось, что хотя перечень обязанностей Кедрова короче других и большинство вопросов он решает в согласованности и договоренности с остальными двумя, но он-то является зав. худож., что оч., кажется, огорчило Ил. Як. Как будто он даже официальное такое звание должен получить или уже получил. С Евг. Вас. К.С. встретился сдержанно, но при этом все время проявлял исключительно внимание к тому, чтобы зав. репертуаром привлекался бы во всех необходимых случаях, чтобы права Евг. Вас. не были ущемлены. На след. день к Евг. В. пришел на спектакль Суд. и сказал, что, по уходе Жени, снова всеми присутствовавшими (трое и Ник. Вас.) обсуждалось письмо Жени, и К.С. снова говорил, что он чувствует себя крайне обиженным тоном письма. Он сказал: “Никто не смел мне писать таких писем... и подумать, что это сын Вас. Вас. так мне написал”.

Евг. Вас. поэтому написал К.С. небольшое письмо, что он никаким образом не хотел обидеть К.С. лично, но что он был доведен до оч. тяжелого душевного состояния и отношения к себе в связи с переменной структуры и этими гнусными сплетнями, поэтому нервный тон его письма должен быть понятен К.С.

Сегодня предполагалось заседание о распределении ролей, но Суд. задержался на репетиции и потом они уж решили не ходить, т.к. у Подгорного и Кедрова вечером спектакль. Тогда К.С. вызвал к себе одного Суд. с тем, что они проработают вопросы распределения, и Суд., придя на спектакль, покажет Подгорному и Кедрову, и то, с чем они будут согласны, можно будет считать решенным коллективно. Ваше письмо с замечаниями относительно распределения ролей “Портрета” я получила вчера вечером и сегодня с утра, сделав две копии всего, что касалось книжки о “Грозе”, чеховских пьес и “Портрета”, послала их К.С. и Суд., считая, что это им нужно знать до заседания по распределению ролей¹. Ваша телеграмма о том, что Афиногенов принял замечания, пришла как раз в то время, когда Суд. был у К.С., и я позвонила туда, вызвала его и передала ему текст, прося сообщить об этом К.С. и учесть, стало быть, возможность присутствия этой пьесы в репертуаре. А то ведь в последние дни она уж перестала и считаться у нас.

Вы спрашивали, как ее принимали: помните, весной она читалась небольшому обществу и после этого считалась закрепленной за нами. За лето он ее переработал и осенью она уж читалась, как принятая, труппе, а потом уж К.С., когда слушали Марков, Суд. и случайно оставшиеся после репетиции “М. душ” Телешева, Топорков. К.С. после чтения сделал ряд замечаний, главное из них сводилось к тому, что сценичность умяется оттого, что к Лизе слишком доверчиво все относятся, что надо усилить линию недоверия. Марков (он мне и рассказал, как принималась пьеса) говорит, что замечания К.С. и погубили пьесу. Марков убеждал Афин. ничего все-таки в пьесе не трогать, но Афин., под влиянием замечаний К.С., переписал пьесу заново, сильно изменив 2-й и 3-й акты, введя ревность Михаила, сцену с врывающимся пьяным Васюком и т.п. Из-за этих перемен пьеса сильно погрубела, получила сильно-мелодраматический оттенок, так что в этой редакции никак не удовлетворила Маркова и даже Суд. говорил, что не лучше ли взять 1-й акт из последнего варианта, а 2-й и 3-й – из предыдущего варианта.

Суд. мне сегодня сообщил, что он рассчитывает в самом скором времени получить разрешение на введение прерывки в театре, он даже рассчитывает, что с 10 октября у нас уже будет введена прерывка и явится возможность репетировать решительно во все рабочие дни с любым составом исполнителей. Кроме того, он сказал, что он вообще рассчитывает на то, что театр получит дотацию в 1 мил. 900 тыс. рублей, причем эта сумма дается на установление прерывки (примерно 400–500 тыс.), на введение нормы для актеров и таким образом повышения оплаты сильно занятых актеров, на введение постановочной оплаты режиссеров и на повышение актерских окладов с января. Если действительно так будет, можно только радоваться. При этом Суд. сказал, что таким образом, с введением постановочной оплаты, можно будет сильно поднять Ваши получения, потому что, действительно, сейчас Ваш оклад совершенно недостаточен.

Сегодня Вас. Гр. продиктовал мне письмо к Вам, которое он собирался послать Вам отдельно, не в одном конверте со мной. Он диктовал его по телефону, потом я его послал к нему на подпись и оттуда непосредственно на почту. Одновременно он послал короткое письмо Ав. С., с приложением копии своего письма к К.С., приложенной и к Вашему письму.

У нас чуть было не слетел сегодня спектакль. Хворают Андровская, а Тарасова просила ее не занимать в Сюзанне, ей трудно физически, как она объясняла, играть эту роль с бегом, лестницами и тяжелым костюмом. Но т.к. перемен у нас слишком много, то решено было сделать все, чтобы уговорить Аллу К. И вот это удалось, она сегодня играет. Но вместе с тем она просила, чтобы ее освободили от всех ее ролей, в которых у нее есть дублерши, и дали бы ей возможность поехать куда-нибудь под Москву закончить отдых. С тем, что она будет приезжать играть “Таланты”. Она после Кисловодска имела для нахкур

только 10 дней, это оказалось мало по ее самочувствию, и д-р советует ей отдохнуть хоть недели две. Это ей обещано.

Знали ли Вы, что летом, в июне, скончался Сурен Ильич Хачатуров. Я этого не знала, живя в Риге. И узнала сегодня только потому, что из 2-го МХАТа позвонили сообщить, что на завтра в час дня назначена гражданская панихида в фойе театра, после чего будет погребение урны с прахом, стоящей до сих пор в крематории, на кладбище Ново-Девичьего монастыря. Он умер где-то близ Киргизии или близ калмыцких степей, где жил летом и лечился. На гражданскую панихиду театр никак реагировать не будет, т.к. все заняты и т.к. летом на кремации был представитель от нас, Н.А.Подгорный, и был возложен венок от театра.

Постепенно как будто начинает устанавливаться какая-то деловая атмосфера у нас, кончилось “смутное время”. Суд. занял кабинет Вас. Гр., остальные пока своего пристанища не объявляют. Если Ил. Як. будет иметь свой кабинет наверху, то, вероятно, по территориальному признаку я буду работать при нем. Но вообще ясности в моем положении как секретаря дирекции пока нет.

Писала ли я Вам о предложении летней поездки в Тифлис – Баку. Эта поездка должна идти за счет театра. По-моему, писала. Евг. Вас. сегодня составил черновой план как материал для составления сметы. В поездку попадает почти вся труппа, человек 14 остаются вне репертуара поездки. Едут обе сцены, играя параллельно и посменно в обоих городах. Одна группа – “Турбины” и “М. души”, другая – “Страх”, “У врат царства”, “В людях” и “Сплав”.

Сегодня звонила мне Соф. Вит. в расстройстве чувств. Во-первых, сукно уже окрасили в цвет бордо, как пришло Ваше письмо с пожеланием, чтоб оно было зеленое. Но Соф. Вит. говорит, что она до окраски справлялась и о зеленом цвете, то сказали, что цвет получится плохой. Красный тон, говорит Соф. Вит., вышел очень хорош. Во-вторых, Ек. Ник. ей пишет, что Ваше желание, чтоб сукно взяли не из МХАТ, а из Муз. театра. Соф. Вит. боится, что Вы будете недовольны, что его взяли из МХАТ. А вышло это так. Соф. Вит. как-то сказала мне, что уж несколько времени не может получить четкого ответа, достанет ли Муз. театр сукно для Вашего кабинета. Что-то в оттяжках и уклончивости разговора показало ей, что достать сукно для Муз. театра затруднительно. Поэтому она просит меня узнать, не проще ли получить его с нашего склада. У нас как раз в этом сезоне затянули все коридоры партера новым сукном. Я решила, что у нас должны быть остатки. Я спросила Ник. Вас., который сказал, чтоб я подала заявление, он на нем сделает отметку, и я получу сукно за наличный расчет из нашего склада. И действительно, через день-два мне выдали сукно, а я заплатила тут же деньги, без 2 коп. триста рублей. Я думаю, если Вы все-таки считаете, что в этом есть что-то для Вас неприятное, то ведь Муз. театр всегда может купить где-нибудь сукно, добиться его получения для себя и потом

вернуть на наш склад 18 метров, а они вернут Вам деньги. Но это дело именно прошло на редкость просто и гладко, без каких бы то ни было осечек, к которым я было себя уж пригодила, зная наши нравы последних лет. Простите, если что-нибудь сделали не так.

Все чаще и чаще меня спрашивают, когда же Вы приедете. И я, признаться, уж жду телеграммы, ведь Вы, вероятно, загодя это решите и сообщите нам. Ваш поезд придет очень рано, их два поезда, как мне сказал Евг. Вас., и оба приходят рано-рано, часов в 6–6½ утра. Утомительно это будет для Вас.

Письмо В.Н.Цингер сегодня же отослано по почте². На днях Рипси узнавала у меня их берлинский адрес. Ее запросил Ц.К.Партии, куда написал Цингер какое-то предложение, но адреса своего не указал. У меня их адреса нет, помню, как будто где-то в Лихтерфельде, Рипси решила узнать у М.П.Николаевой, кот., кажется, в переписке с Верой Ник.

Простите меня за невнимательный адрес на письме³. Но это замечательно, что письмо дошло. Я теперь решила конверт надписывать до того, что пишу письмо. А то после написания письма немного устаешь, притупляется внимание.

Очень нам с Женей было приятно получить от Вас, Ек. Ник. и Миши через Вас такое милое внимание. Мы снова шлем наши приветы всем Вам. Поверьте, когда я заканчиваю свои письма этим будто бы трафаретным приветствием, я всегда живо себе представляю людей, которым я адресую мои слова, и исполнена самых живых чувств к ним.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша *Ольга Бокшанская*

261.

Телеграмма

3 октября [1934 г.]

Второго Наркомпрос дал Вам молнию, извещая, что решением ЦК партии Вы, Мейерхольд, Амаглобели, Таиров входите в состав советской делегации международном театральном конгрессе Рима. Выезд пятого октября. Можно отсрочить восьмого. Конгресс продлится пятнадцатого. Беспokoясь неполучением ответа Амаглобели просил меня повторно запросить Ваше решение. *Бокшанская.*

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром Ил. Як. мне сказал, что вчера он был у К.С. (по-моему, там должны были быть все трое из худож. управления, по распределению ролей предполагалось заседание), и он ему сказал, что имеет от Вас телеграмму, что Вы приезжаете 16-го и надеетесь, что до Вашего приезда вопрос репертуара, вопрос ближайших работ не будет окончательно решен. Ил. Як. просил Вам написать, что на вчерашнем заседании были решены ближайшие работы, которые надо теперь же пустить. Это “Три сестры” (за которыми Вы тоже считаете право на первоочередность), “Синяя птица” и “Царь Федор”, собственно, уже пущенный в работу.

(Только что мне подали Вашу телеграмму в ответ на запрос о Риме. Я так и думала и вчера еще предупреждала Амаглобели, что очень мало шансов на Ваше согласие, т.к. это слишком утомительно. Амаглобели мне сказал, что это будет чрезвычайным ущербом для делегации. Тут же он мне сказал, что Мейерхольд заявил, что чувствует себя физически плохо и может выехать только в сопровождении жены.)

Вопрос о “Врагах” отложен до Вашего приезда. Был такой план (не помню, успела ли я Вам его написать), что раз “Портрет” под сомнением и раз Кедрову дают “Трех сестер”, то Судакову выпустить – вернее, Судакову режиссировать, а Вам выпустить – “Врагов”, тем более что желание Ав. С., чтоб мы поставили “Враги”, не ослабело. Но сейчас, после Ваших последних телеграмм, “Портрет” снова получает большие шансы, и сегодня Ил. Як. говорил, что у него есть опасение, что мы взятых на себя обязательств и принятого плана, пожалуй, выполнить не сможем, что это его пугает и что, вероятно, весь сезонный план сведется к выпуску на Большой сцене под Вашим руководством “Грозы” и “Портрета”, а на Малой (в филиале) “Пиквика” и “Мольера” (хотя, впрочем, К.С. продолжает настаивать на “Мольере” на основной сцене, мотивируя это тем, что художник может обидеться на такой перенос, с ним заключали договор на Большую сцену). Ил. Як. считает, что ничего страшного не будет и в выпуске “Мольера” на основной, т.к. “Портрет” ведь идет в одной и той же декорации и монтировка его не будет сложной. А если говорить о желательности улучшить репертуар филиала выпуском новой интересной постановки, то в крайности можно сделать так: “Мольера” выпустить на основной, а филиал компенсировать переносом туда “Талантов”. К.С., сначала категорически протестовавший против передачи филиалу этого спектакля, как Вы помните, теперь, по словам Ил. Як., на это согласен.

“Три сестры” распределились следующим образом:

Маша – Тарасова, Попова

Ольга – Соколова, Коренева, Тихомирова

Ирина – Степанова (и впоследствии будут пробовать кого-либо из совсем молодых – Комолову, может быть)

Андрей – Кудрявцев, Орлов
Наташа – Бендина, Андровская
Анфиса – Лилина, Халютина
Вершинин – Качалов, Ершов
Тузенбах – Хмелев, Прудкин
Соленый – Болдуман
Чебутыкин – Топорков, Грибов
Роде – Яншин
Федотик – Массальский
Кулыгин – Тарханов, Петкер
Ферапонт – Грибков, Аталов.

Как будто бы все – пишу по памяти, напечатанного распределения еще нет.

Вчера уехал в Ленинград Муз. театр, Мордвинов тоже. А Марков пока задержался по таким соображениям. Он обратился к К.С. с просьбой отпустить его на время гастролей Муз. театра в Ленинград. К.С. сказал, что это очень неприятно, что он уезжает именно теперь, когда может понадобиться при составлении репертуарного плана. Спросил, не может ли он не ехать. Марков объяснил, что он едет туда из-за репетиций “Травиаты” и потому может поехать не с начала гастролей, а ко времени репетиций, т.е. выехать из Москвы 7-го – 8-го. К.С. сказал, что не имеет права и возможности его удерживать, раз что Вл. Ив-чу нужно, чтобы вы поехали в Ленинград и репетировали. Но что придется вообще с приездом Вл. Ив. поставить вопрос, где же он, Марков, больше отдает внимания – у нас или в Муз. театре. Пав. Ал. был сильно взволнован всем разговором, длинным и – судя по настроению Пав. Ал. – неприятным, но от ленинградской поездки отказаться не смог и решил себя обелить хотя бы тем, что подал заявление о предоставлении ему двухнедельного отпуска без сохранения содержания, что и уважил Ник. Вас. К.С. не соглашался было на удержание жалованья, говоря, что Вл. Ив. может на это обидеться, но Ник. Вас. объяснил, что именно отпуск без жалованья – это законное действие, а сохранение жалованья было бы нарушением закона. Как я понимаю, и Пав. Ал. ставит в зависимости от Ваших решений свой вопрос и замешательство, как ему быть с МХАТом, и К.С. считает, что он этот вопрос решит в зависимости от Ваших мнений и намерений.

Только что подали мне Вашу вторую телеграмму, о Сахновском. Я тотчас же позвонила Амаглобели, но не застала его ни в театре, ни дома. Позвонила администратору Малого т-ра, который первым вчера разговаривал со мной, чтоб узнать, где найти Амаглобели. Администратор мне сказал, что у него на столе уже лежит заграничный паспорт для Вас – а я всего только сегодня утром заполнила анкету, а фото смогла послать в Малый театр только около трех, т.к. раньше Сахаров не смог их выполнить. Амаглобели можно будет найти только вечером, впрочем, это скоро, – во время спектакля. А сейчас уже около шести!

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, всего самого хорошего. Сердечный привет дорогой Ек. Нк. и Мише от меня и Евг. Вас-ча, – сидит рядом и просит передать его приветы им и Вам.

Ваша *Ольга Бокшанская*

263.

7 октября 1934 г. № 14

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром получила Ваше письмо от 3-го. То, что Вы написали относительно “Портрета” и начала своих работ над “Грозой” с 19-го, переписала и по экземпляру передала К.С. и Судакову, чтобы они были в курсе. Кстати о “Грозе”; о сборнике. Он наконец заказан, но, вероятно, к премьере не успеет, опоздает недели на две. Досадно. Это похоже на пассажира, который “всего только на 2 минуты опоздал на поезд”... Рецензенты-то уж посмотрят и напишут¹.

Пересылаю Вам вывешенные инструкции (права и обязанности) новых членов управления. Может быть, я излишне придирчива, может быть, я “злопыхатель”, но мне показались эти сочинения (кроме вполне конкретных обязанностей Евг. Вас.) полными воды и тумана, написанными суконно-канцелярским языком (о, как легко узнать стиль Ник. Вас.!) и местами недостаточно проработанными; напр., в инструкции Судакову есть повторения 1, 2 и 3 пунктов и в дальнейших абзацах. Примерно так, впрочем, расценивает эти инструкции и обывательская наша публика, равнодушная ко всему в управлении. Вам, конечно, бросится в глаза сложность прохождения почти любого вопроса в нашей новой структуре. Почти каждый вопрос должен рассматриваться и решаться двумя, а то и всеми тремя членами управления. Слышала жалобы: целый день искал Ник. Аф-ча, т.к. считал, что такой-то вопрос он должен решить; к концу репетиционного дня нашел – он решать не согласился, сказал, что такой-то стороной вопрос должен коснуться и Судакова, значит, надо и к нему с этим делом идти. А при том что Судаков целый день на “Грозе”, а Кедров завтра начинает работу по “Трем сестрам” – затруднений будет еще больше.

Оказывается, К.С. не позволил вывесить о начале работ над “Синей птицей”, но как будто не из-за пьесы, а из-за неудовлетворившего его состава. Значит, пока вывешены “Три сестры”, четыре персонажа из “Федора” (остальные роли по возможности будут играть те же, кто играл, с заменами только применительно к параллельным спектаклям – “Сплав” и “Пиквику”) и “Памела Жиро” – работа Литовцевой с молодежью. Вот этот состав:

Г-н Руссо – Титушин, Бутюгин

Г-жа Руссо – Дмоховская, Шереметьева

Генерал де Верби – Калужский, Людвигов
Г-жа Брокер – Шереметьева
Люси – Кнебель
Жюль Руссо – Михайлов К., Цишевский
Памела Жиро – Пилявская, Ладынина, Комолова
Жиро-отец – Ларин, Готлиб
Жиро-мать – Якубовская, Кнебель
Жозеф Бине – Аталов, Готлиб, Рыжов
Дюпре – Сверчков, Герасимов
Тереза – Пятецкая
Жюстен – Трофимов, Бордуков
Комиссар – Баташов.

Инсценировка сделана Горчаковым еще несколько лет тому назад. Я ее не читала, но мне странно, зачем нужно ставить французскую пьесу, да еще в таком русопятистом составе. Поглядите, какие там французы: Титушин, Ларин, Аталов, Рыжов, Баташов...

Возможно, что из состава Вы многих не знаете, но центральные исполнители Вам знакомы – они же играли влюбленных в “Воспитаннице”². Как я понимаю, К.С. пустил в работу эту пьесу потому, что в ней роль для Пилявской. Я слышала, что он даже давал задание найти пьесу для Пилявской и другую для Ирины Полонской (дочери В.Н.Пашенной), если для обеих в одной пьесе ролей не будет. Как пример безалаберности наших планов могу рассказать такой случай: Суд, сговаривается с Вас. Гр., что тот будет ставить “Привидения”, обговаривает с ним состав и включает в него Пилявскую – Регину. А сегодня Вас. Гр. видит, что уже вывешено распределение “Памелы Жиро”, вступающей теперь же в работу, и в нем в центре Пилявская. А про “Привидения” ведь тоже говорилось, что эта работа вот-вот, тотчас же. На этом Судаков и Ольгу Леон. уговаривал – что, мол, “Без вины виноватые” из-за нехватки свободных исполнителей когда-то начнут работать, а если она согласится на “Привидения”, то они вступят в работу тотчас же. Ол. Леон. сейчас в большом недовольстве Судаковым – весь разговор был где-то на юру, в коридоре, наскоро, а вскоре она узнала, что после этого разговора он решил, что имеет право считать ее в “Привидениях”, и пообещал Шевченко “Без вины виноватых”.

Как Вы видите, хотя Ил. Як. мне сказал, что вопрос о “Врагах” отложен до Вашего приезда, но ведь в “Трех сестрах” много исполнителей из “Врагов”, так что последнюю пьесу репетировать совсем нельзя. Посмотрите: Тарасова, Соколова, Бендина, Качалов, Хмелев, Болдуман, Тарханов, из второго состава Орлов, Прудкин...

Тоже характерно – по инструкции зав. репертуаром вызывается на распределение ролей, участвует в нем. А Евг. Вас. узнал, что роли в “Трех сестрах” и “Памеле Жиро” распределены, из состава, вывешенного на доске. У К.С. было заседание по этому поводу, а Евг. Вас.-ча не позвали. У Жени был выходной день, и, правда, Судаков раз среди дня

спросил меня, где найти Женю, я сказала: дома. Потом он забыл, верно, об этом, т.к. Евг. В. не позвали. На следующий день на вопрос Жени Судаков сказал, что это его ошибка, что больше это не повторится.

“Мольер” опять под угрозой новых вводов. Т.к. Болдуман – Соснин, а Соснин, видимо, тоже куда-то намечается, то Судаков сказал Горчакову, что ему придется ввести новых Людовика – Кторова и кардинала (или, кажется, епископ он) – Ершова. Горчаков взвыл за свою многострадальную пьесу. И, кажется, договорились так: сначала покажет К.С.-чу в том виде, как был показ весной, а дальше будет решено, оставляют ли прежних исполнителей или не жаль их заменить. Думаю, что Кторова Горчакову придется взять, Кторов чуть ли не единственный актер, кот. сейчас не играет ни в одном спектакле и не репетирует ни в одной пьесе. Предполагалось, что его займут во французской пьесе; но когда же ее начнут? И начнут ли вообще? Кторов собирался просить Судакова ввести его на Шервинского в “Турбиных”. Не знаю, что ему ответил Судаков.

5-го у К.С. было заседание по поводу “Мольера” – Горчаков и постановочная часть. (Я, кажется, не писала Вам, что Ульянов – художник – сильно болел, кажется, сердцем и сейчас в почти инвалидном состоянии.) К.С. принял с одобрением костюмы, но декорации ульяновские ему не нравятся, он оставляет в них выгородку, а самые декорации будут дорабатывать и перерабатывать Гремиславский и Стругач – молодая белокурая художница из нашей макетной, Вы ее знаете по “Бульчову”.

“Мольер” – на вчерашнем заседании, во всяком случае – был решен для филиала, это Горчаков считает своей большой победой. Правда, в этом ему помог и Суд., присутствовавший, конечно, на заседании. Видимо, К.С. представлял себе филиал вроде Малой сцены, и главным доводом для него было как будто то, что филиал имеет фактически больше продажных мест, чем основная сцена, и вообще представляет собой настоящий театр, настоящее театральное помещение. Неужели он забыл театр Корша? Не понимаю.

Не могу не написать Вам об одном примечательном письме, которое я на днях читала. Это письмо Боярского, написанное им Леонтьеву, последним пересланное своей жене, которая и дала мне его прочесть. В этом письме Як. Ос. рассказывает о своей встрече с Ел. Конст. и об ее рассказах. Вот они: к ней пришли для разговоров о прерывке Егоров и Судаков. Ел. Конст. спрашивает: говорят, у вас масса перемен, К.С. проводит реформы, уволил Сахновского, Леонтьева, ушел совсем от театра Вл. Ив. (по городу даже упорно ходили слухи, что Вы не отошли, а совсем ушли из МХАТ). На это оба отвечают: что за возмутительная сплетня, вот как любят люди распускать разный вздор. Никаких реформ, все совершенно тихо, только ушел один Сахновский, и тот по своему желанию, а Леонтьев в отпуску, вернется и снова будет работать. Это они говорили Малиновской, которая уже вела с находившимся в Ессентуках своим заместителем Аркановым переписку о Леонтьеве, которая

знает досконально все наши дела! Впечатление получилось достаточно невыгодное для Егорова и Судакова. Кроме того Ел. Конст. рассказала Боярскому свой разговор об Як. Л. с Ав. С., кот. сказал, что “Леонтьев великолепный и проверенный работник. Всю “бузу” затеял Егоров. Конечно, можно было бы заставить К.С. сохранить в театре Леонтьева, но что это была бы за работа и атмосфера для него. Поэтому очень хорошо, что Вы (т.е. Ел. Конст.) нашли такой прекрасный выход”. Но вместе с тем должна сказать, что уже дважды в моих разговорах с Люб. Ник., когда я упоминаю, что Як. Л., вероятно, перейдет в Большой театр, она выражается несколько загадочно, так что сегодня я ей прямо сказала: вы меня интригуете вашим тоном, когда вопрос идет о Большом театре. Она на это сказала: “Ну, увидим, увидим, как все это устроится”. Она мне сообщила еще 5-го, что в этот день Ав. С. уехал в командировку на 10 дней.

Насколько я знаю, Як. Л.-чу предлагается или быть замдиректора у Малиновской, или директором-организатором Академии. Кажется, Як. Л. считает, что он сможет работать по обоим этим должностям, совмещая.

Я вчера получила от него письмо, в котором он излагает мне содержание письма Боярского к нему, сообщает о телеграмме от Вас и о своем скором (8–9-го) приезде в Москву. Отпуск же его кончается 1 ноября. В этом своем письме он мне пишет, что морально его больше всего устраивает переход в Большой театр. Боярский ему все в том же читавшемся мною письме советует не торопиться решать этот вопрос, тем более что у него, Боярского, есть еще ряд серьезных предложений для Як. Л. Як. Л. пишет, что он получил от Каверина письмо с просьбой вернуться в Новый театр, ставший теперь, собственно, филиалом Малого театра. Может быть, при помощи Леонтьева Каверин надеется снова добиться самостоятельности – в свое время Як. Л. вывел Студию Малого театра, ставшую Новым театром, на широкую дорогу. С его уходом им не повезло.

Отпали, вероятно, вождедения на Як. Л. у Таирова – к нему недавно замдиректора перешел Вас. Мих. Никитин, бывший у нас во времена “пятерки” и с водворением Ник. Вас-ча ушедший в Театр сатиры, а теперь из Сатиры – в Камерный.

Для меня незабываемо болезненными остались последние строки письма Боярского, где он советует Як. Л.-чу главным образом лечиться, потерять в весе, отдохнуть физически и – что важно – отдохнуть от “морали” МХАТ. Подумать только, что вся некрасивая манера поведения лиц, стоящих теперь у власти, передает ответственность за нее МХАТу; что можно так говорить и думать о МХАТе, который был всегда театром морали без кавычек. И сколько при этом говорится громких слов о традициях и этике МХАТ. Ведь Ник. Вас ни одного разговора не ведет без упоминания того или другого. Мне было странно слышать в первый же день моего прихода в театр из отпуска, когда я только что узнала про

поступок с Леонтьевым, как он чрезвычайно долго возмущался внешним видом графинов для нашей столовой (действительно безвкусных), потому что такой вид стола не соответствует этике МХАТа (буквально его слова). Столь же долго обсуждался вопрос о тарелках для столовой. Принесли образец, он оказался с синей каймой и с какой-то золотой “мецанистой” елочкой под каймой. Елочка никак не соответствовала этике и традициям, и все уладилось тем, что я вызвонила из дома недавно купленные нами тарелки без елочки и объяснила, где их можно купить. Этика и традиции так и чередовались в его словах, а я сидела и думала о том, где ж были этика и традиции, когда он вел клеветническую травлю Леонтьева и так неприлично “выставил” его из театра. Ав. С. сказал: так теперь даже домашних работниц не выгоняют.

Милый Владимир Иванович, по Вашему письму я вижу, как много волнений и тревог приносят Вам мои сообщения. Но я не могу не писать Вам всего этого. Возможно, что я пишу лишнее, что я не должна сообщать мелочи, детали, но жизнь наша такая запутанная, такая “кашеобразная”, что я плохо разбираюсь в этой каше, когда после служебного дня сажусь за письмо к Вам. Ведь я не составляю черновиков для письма к Вам, я сажусь и пишу, и тут меня, как и в разговоре, “захлестывает темперамент” иной раз. И подгоняет написать это, и еще это, и еще что-нибудь, от чего Вы можете поморщиться: “Ну, зачем мне знать эти мелочи!”

Милый Владимир Иванович, скажите, пожалуйста, Ек. Ник., что я благодарю ее за привет, отвечаю ей самым нежным и прошу не беспокоиться, будто Соф. Вит. меня обременяет своими обращениями. Вероятно, Софье Вит. было бы трудно иной раз добиться чего-нибудь в театре самой. Мне легче настоять, чтобы пошел плотник или столяр к Вам на квартиру, т.к. я могу постоянно увидеть и поговорить с его начальством, посылающим его на работу, и т.п. Софье Вит. хочется все сделать как можно лучше, и она для этого использует максимум средств. А мне доставляет удовольствие хоть чем-нибудь конкретным проявить мою преданность и желание быть полезной “Вашему дому”. Я надеюсь, что к 16-му все будет в квартире в порядке, я рассчитываю даже раздобыть второй отрез сукна, чтоб дать его окрасить (для пола) в зеленый цвет, а слишком поспешно выкрашенный красный отрез сукна возьмет Муз. театр для ложи правительства.

Сейчас я занята срочной перепиской ролей из “Трех сестер”. До последнего момента рассчитывали, что удастся купить книжки и не надо будет писать роли, а книжек не достали, теперь стучу их я. Какое наслаждение писать так замечательно написанную пьесу. Какой язык, какие чувства!

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, крепко жму Вашу руку, привет сердечный Ек. Ник. и Мише.

Только что говорила по телефону с Вас. Гр., узнал, что я писала Вам, и попросил передать Вам его привет.

Милый Владимир Иванович!

Мое последнее письмо к Вам – по моим расчетам, больше писать не успею, не дойдут.

Сегодня утром Судаков вызывал к себе Сахновского, чтоб обговорить с ним режиссуру по “Привидениям”. Эту пьесу дают Сахновскому. После этого я спросила Илью Як., знает ли он полностью текст Вашей телеграммы К.С., которая извещала о Вашем приезде 16-го, и сообщила, что Вы надеялись в ней, что репертуар театра не будет решен окончательно в Вашем отсутствии, объяснив, что это относилось именно к “Привидениям”, “Без вины виноватым”, “Синей птице”. На это И.Я. мне сказал, что он понимает прекрасно Вашу заботу о репертуарной линии, но что, как ему кажется, в том, что сейчас в отношении репертуара проводится, нет ничего такого, что может помешать Вам установить желаемую Вами линию. Чеховская пьеса – это и Ваше желание, “Синяя птица” – вопрос решен отрицательно (когда я сказала Ил. Як., что Бубнов возражал против этой пьесы в весеннем с Вами разговоре, то И.Я. мне пояснил, что он поставил вопрос о “Синей птице” потому, что Литовский дал на нее разрешение, из чего он понял, что, вероятно, Анд. Серг. переменял свое отношение). Думаю – и так слышала, – что “Синюю птицу” отвел не Судаков в конце концов, как он это теперь говорит, а К.С., который нашел предлагавшийся ему состав недостаточно сильным, а другой состав в эту пьесу не мог быть дан. “Без вины виноватые” отложены; отложены, вероятно, довольно крепко. “Привидения” – о них, по словам Судакова, еще весной был у Вас разговор с Сахновским как о работе для Ол. Леон. “Привидения” будут читаться и затем пойдут в работу с режиссером с 14 октября. Освальд – Прудкин, который пока что крепко в других пьесах не занимался, а в “Портрет”, возможно, Вы его не возьмете, если Михаил будет переделан так, как Вы хотите. Относительно “Портрета” Ил. Як. говорит, что он все время имеет в виду Ваши пожелания касательно распределения работ и потому Попова стоит в “Трех сестрах” на втором месте, Алеева не занимается в других пьесах, Баталов свободен, Добронравов тоже... Вообще он торопится с некоторыми шагами по распределению ролей только потому, что считает очень важным удовлетворить людей работой, иначе он опасается дурных настроений. Так, по его словам, Прудкин совершенно издерганный ходит, и Освальд – это единственный способ его успокоить. Я слышала, что Сахновский настаивал на Регине – Пилявской, ради которой, собственно, “Памела Жиро” ставится. Правда, у них там кроме Пилявской еще две Памелы – Ладынина и Комолова, но К.С. хотел-то дать центральную роль в какой-нибудь пьесе именно Пилявской. Как будто Ил. Як. обещал Сахновскому Пилявскую. Кто Энгstrand и пастор – не знаю. Возможно, что первый – Яншин; еще раньше об этом говорилось,

и сегодня во время разговора Сахновского с Судаковым они позвали к себе на время Яншина, бывшего в моей комнате. (Судаков ведь теперь занял кабинет Сахновского, остальные же члены худож. управления пока своего местоположения не определили и кабинетов не имеют.)

Французскую пьесу включили в число пьес, принятых к постановке, такое же решение, вероятно, будет и о “Трое”, т.к., как сказал мне Ил. Як., Попова очень просит об этой роли, и, по его сведениям, Вы эту пьесу одобряете.

Заклучили договор (не на постановку, а на переделку по указаниям театра) на пьесу “Ангел” Стырской. По-моему, Марков возил в Ялту Вам эту пьесу на прочтение.

Степанова все меня спрашивает, оставили ли Вы совсем мысль о “Ромео и Джульетте” или только отложили ее из-за уже выработанного здесь без Вас плана. Ей очень хочется Вам показать то, что она смогла сделать сама, и конечно, очень хочется сыграть эту роль, и поскорей, пока она может играть таких юных.

7-го вернулся из Ессентуков Як. Л. Он до 1-го ноября работать не будет, съездит в течение октября на неделю в Саратов к друзьям, а потом начнет работу в Большом театре, он это окончательно решил и рассчитывает на возможность полнейшей договоренности с Ел. Конст. Ав. С. 5-го уехал из Москвы дней на 10; вероятно, Як. Л. будет у него по его возвращении. Як. Л. был уже у Боярского, кот. рассказал ему интересные вещи о визите к нему Ник. Вас. Дело было так. На каком-то недавнем заседании Судаков встретил Боярского и спросил его, как он относится к прерывке. Боярский не без колкости сказал, что, как ему кажется, МХАТ так мало интересуется мнением Рабиса, что к чему такие вопросы. Судаков старался объяснить свой визит к Малиновской по этому вопросу велением ЦИКа. Тогда Б. сказал, что, например, на запрос ЦК Рабиса о Леонтьеве Ник. Вас. так и не дал никакого ответа. Судаков признался, что “Егоров переборщил в деле Леонтьева”. На следующий же день после этой встречи Ник. Вас. приехал к Боярскому. И у них пошел разговор об Як. Л. Ник. Вас. снова выставил все те обвинения, кот. он всегда выставляет. Б. возразил, что у ЦК имеется свое представление, достаточно проверенное, о качествах Як. Л., считающегося одним из лучших театральных хозяйственников Союза. Тогда Н.В. стал указывать на непорядочность Як. Л. в ленинградской поездке. На это Б. сказал, что у ЦК имеются документы, которые опровергают взводимые на Леонтьева обвинения, но что если Ник. Вас. имеет свои данные, то он предлагает поставить на Президиуме ЦК Рабис, с присутствием Егорова и Леонтьева. Ник. Вас. отвел это предложение, не желая “снова поднимать все эти истории”. Боярский много раз в течение разговора снова предлагал рассмотреть вопрос в Президиуме, но Н.В. всячески это отводил. И Б. сказал, что если он не хочет внести дело в Президиум, то пусть уж не обессудит, что ЦК останется при своем мнении относительно Леонтьева и относительно всего того, что сейчас творится в

МХАТ. – “Как что творится?” – Ну, тут Б. и высказал ему, что для всех совершенно ясно, что у нас нет дела, а есть лица. Что на управляющие должности назначают лиц по симпатиям директора, а не по их качествам. Н.В. возражал, но Б. спросил в упор: ну, а если б К.С. продолжал бы оставаться за границей, были бы сделаны эти реформы? – и Н.В. должен был сознаться, что “пожалуй, нет”. Затем Б. сказал об определенной группе лиц, влияющей на К.С., и на вопрос Н.В.: “Вы имеете в виду меня?” – ответил: да. Словом, разговор был прямой, начистоту, и Боярский сказал, что Ег. уехал от него в плохом настроении духа. Я Вам это рассказываю так подробно потому, чтоб Вы себе представили отношение ко всему происходящему театральной общественности. Думаю, что Б. очень точно знает, что следует говорить прямо и чего нет, и если он так говорил, даже зная, что это может дойти до К.С., то это характерно для общей установки и отношения к нашим событиям.

Милый Владимир Иванович, я надеюсь, что Вы благополучно и комфортабельно доедете до дома. Желаю Вам, Ек. Ник. и Мише провести последние дни отдыха, юга и солнца с максимальным удовольствием. До скорого свиданья.

Ваша Ольга Бокшанская

265.

15 октября 1934 г. № 16

Милый Владимир Иванович!

Отправив Вам письмо – последнее – 10-го (я не уверена, что оно успело дойти до Вас), я увидела, что накапливаются еще и еще дела, о которых я написала бы Вам непременно для Вашего сведения. Вместе с тем если Вы и приезжаете завтра, то первые дни, наверное, должны будете отдыхать и не станете говорить по разным-всяким делам. А мне бы хотелось, чтобы Вы были в курсе некоторых вещей. Поэтому я пишу последнее мое письмо до личной встречи – как бы в Ялту – на Никитскую. Прежде всего – вышедшее на днях распоряжение о создании комиссии по организации нашей будущей школы. Для Вас. Гр. включение его, без предварительного согласования с ним, в эту комиссию было неожиданностью, он хотел пойти к Шпету и отказаться от участия. В распоряжении сказано глухо, что на заседаниях комиссии будет присутствовать представитель от адм.-хоз. и фин. части. Вас. Гр. не сомневается, что это будет Ег., а он раз и навсегда решил, что ни в каких делах, в которых ему надо было бы работать с Ник. Вас., он участвовать не будет. И об этом точнейшим образом сообщил Шпету еще во времена рассказов того о том, что Н.В. все ходит к нему, выясняет у него настроения Вас. Гр. и зовет на работу в наш театр. Удивителен для всех пункт о праве Шпета посещать все репетиции, на это и Суд. глаза растопырил.

В дополнение к моим предыдущим письмам я хочу сообщить Вам, что, как теперь я узнала, “Памела Жиро” принята у нас в переводе и обработке Загорского, а не Горчаковско-Волковский вариант. Нина Ник. говорит, что у Загорского есть [сцена] суда, что ей нравится, а в том варианте нет. Горчаков считает, что его (совместно с Ник. Дм. Волковым) переработка много лучше, тоньше, сценичнее, но относится спокойно к тому, что Пав. Ал. не считал удобным настаивать на принятии горчаковского перевода, боясь нападок и упреков в протекционизме. Волков же далеко не так спокойно к этому относится, несомненно, обижен и при упоминании пьесы становится колок.

Вопрос о “Синей птице” – кажется, я уже писала Вам окончательное решение. Да, писала, конечно. К.С. не удовлетворился предлагавшимся составом и, приняв во внимание Ваше сообщение о противодействии Бубнова, вопрос о возобновлении снял.

Женино дело. К.С. обидевшись на письмо, все же сказал, что Женя остается зав. репертуаром, как он с ним договорился, и кроме того, ему дается заведывание филиалом. Ил. Як. это передал Жене, но тут же по целому ряду дел нарушил и нарушает установленные инструкцией права Евг. Вас., о чем тот неукоснительно ему сообщает и предлагает придерживаться существующих правил. Ил. Як. кается, обещает помнить, и опять-таки срывается, потому что имеет привычку многие дела решать самостоятельно и сразу, тут же, по своему усмотрению. Но т.к. формального указания на оставлении за Женей заведывания репертуаром нет, а в распоряжении о новой структуре указано “зав. филиалом с исполнением обязанностей по реп. конторе”, то Евг. Вас. был у Егорова и просил его выпустить какое-либо дополнение к распоряжению, чтобы оформить его положение¹. Ник. Вас. сказал, что он даже не понимает, каким образом произошло такое недоразумение (!), что, вероятно, оно произошло потому, что распоряжение составлял К.С., который так плохо разбирается в тонкостях административных названий (?!?!). И обещал непременно все исправить. И, конечно, до сих пор ничего не сделал.

Затем я хотела Вам сообщить, что вчера и третьего дня у нас происходили производственные совещания по актерскому цеху: третьего дня собрали вспомогательный состав, вчера – переменный. На обоих собраниях стояла одна и та же повестка дня: доклад Суд. о производственном плане, содоклад Подгорного о дисциплине и этике. В обоих случаях И.Я. сообщил, что в этом сезоне желательно выпустить “Грозу”, “Пиквика”, “Три сестры” и “Мольера”, об остальном – глуховато: то ли выпустить, то ли только работать для следующего сезона. Главный разговор шел в сторону лиц, которые при всем большом репертуаре остались без новой работы. И тут И.Я. сообщил, что решено включить в работу еще две пьесы – одну для вспомог. состава, другую для переменного, с раздачей в них ролей неимеющим работы; что он предлагает таким лицам проявить инициативу, найти пьесу и приняться энергично за работу в расчете, что ее впоследствии включат, скажем, в репертуар

утренников филиала. Это могло бы быть и с “Воспитанницей” и “Службой двух господ”, про которые К.С. будто бы говорит, что немного бы помочь в этих спектаклях и их можно пустить на утренники. И.Я. посоветовал было искать хорошую современную пьесу для таких целей, но на это ему резонно возразили, что хорошую сам театр возьмет в свой репертуар, а среднюю – другие театры непременно поставят, а плохую не стоит. Стало быть, надо говорить о классике. Тут Ил. Як. предупредил, что как будто К.С. считает, что Мольер, например (в связи с включавшимися когда-то в репертуар его пьесами, напр. “Лекарь поневоле” на занятиях Тихомировой), вряд ли под силу будет. В разговоре с переменным составом И.Я. даже обнадеживал, что надо, чтобы такой спектакль был бы для участников своего рода “Турбиньими” – спектаклем, который сразу выдвинул целый ряд молодых актеров на первое положение. По вопросу о дисциплине говорили оба – и Судаков, и Подгорный, оба о том, что дисциплина у нас упала и падает неукоснительно, что К.С. этим не только огорчается, не только сердится, но считает себя лично оскорбленным и предупреждает, что если уговоры не подействуют, то он примется за очень суровые наказания. В заседании с самыми молодыми было высказано много пессимистических мыслей – со стороны слушателей, говорилось о подавленном состоянии молодежи, не ждущей продвижения, об эпидемии уходов из театра. Но были и энтузиасты, не теряющие надежды. На заседании переменного состава, по-моему, был скепсис в отношении разных обещаний (эти знают цену многим обещаниям Ил. Як.), но внешне все было спокойно, был проявлен некоторый официальный оптимизм, радостно цеплялись за юмор, шуточки, и каждый про себя думал, что он-то знает, каким манером сейчас добиться улучшения для себя, – только бы удалось! Ил. Як. сказал, что он собрал бы и основной состав, да нет необходимости, раз сегодня, 15-го, К.С. назначил беседу со всем худож. составом, на которой он все, что нужно, и выскажет. Я думаю, что вряд ли есть необходимость такой беседы о произв. плане с основным составом – он великолепно знает произв. план и степень своего участия в нем. Если в этом составе и есть актеры без ролей, то Ил. Як., вероятно, с каждым из них поговорил лично и как-то его успокоил и обнадежил. Не объявлять же, что еще надо третью пьесу сверх плана включить – для безработных из основного состава!

Беседа К.С. назначена на 3.30 дня.

Сегодня Вас. Гр. в первый раз созвал “Привидения”, он хотел подождать Вашего приезда и разговора с Вами, но Ол. Леон. очень рвалась в бой. У него состав: Ольга Леон., Освальд – Прудкин (который делал Судакову сцены из-за назначения себя во второй состав, дублером Хмелеву?? – в “Три сестры” и теперь успокоился, получив Освальда. К.С., кажется, спокойно отпустил его из репетиций “Сестер”, потому что не видит его в Тузенбахе, и сказал, что должен репетировать постоянно Хмелев, а этот последний на стену из-за этого лезет, пот. что это мешает ему репетировать Федора, о котором он мечтает, а Тузенбах его не

больно интересуется. Он даже грозился было, что если ему не дадут репетировать из-за Тузенбаха как следует быть Федора, он вообще от всего откажется, даже уйдет из театра. Но это, конечно, нервы и истерика), Пастор – Соснин, Энгстранд – Яншин, Регина – Пилявская, Михаловская. Состав опасный в смысле занятости в очередных пьесах, потому что: Соснин в “Мольере”. Правда, только в двух действиях, но все же... И с “Мольером” в смысле первоочередности надо считаться.

Яншин может быть вставлен в “Мольера”, если Петкер не пройдет, а роль ведь за Яншиным с момента принятия пьесы². И Яншин – Роде. Уже к К.С. обращались с просьбой отдать его из Роде для “Привидений” и других возможностей. К.С. отказал. Но Ил. Як. уверяет Сахновского, что Яншина из Роде он отобьет.

Пилявская в “Памеле Жиро”, для нее вся пьеса. Правда, Нине Ник. сказано, чтоб она ее не слишком часто вызывала, а работала с двумя другими Памелами. Правда, у Вас. Гр. есть вторая – Михаловская. Но Вас. Гр. хочет работать непременно с Пилявской, а Суд., вероятно, сильно рассчитывает на то, что в крайнем случае в случае протестов Нины Ник. и помощи ей в этом К.С. у Вас. Гр. будет Михаловская.

Вернулся в Москву Марк Ильич Цибульский, вот уж месяца два с половиной. И очень просит Вас. Гр. принять его возможно скорее – дело идет об его крепком желании работать либо в Муз., либо в нашем театре. По нашему театру как будто он говорил с Подгорным, и раз теперь он заговорил со мной о Музыкальном, то, возможно, вопрос с нашим стоит неблагоприятно.

Вчера всех нас поразило известие о смерти Леон. Вит.³. Его жена позвонила об этом по телефону в Москву в половине девятого. То, что я слышала об этом звонке, было: что в этот день, в три часа дня, они собирались выехать в Москву. Утром в половине шестого, Нина⁴ услышала, как Леон. Вит. громко крикнул, закричал – и когда подбежала к нему, он был мертв. Из Москвы (либо в Ригу, либо на границу) выедет делегация для встречи тела. От нашего театра, как мне сказал со слов Ол. Леон. Сахновский, едут Ол. Леон. и Прудкин.

О смерти Басова Вы, вероятно, узнали еще в Ялте, если газеты доходили скорее, чем письма. (Вчера из Вахтанг. театра меня спрашивали о Вашем ялтинском адресе, я подумала, что Вы телеграфировали соболезнование и они хотят Вам ответить.) От нашего театра была делегация: Суд., Евг. Вас., Степанова, Кедров (не пришел). Была от себя лично Сластенина. Был хороший венок. Басов умер на квартире у актрисы Вахтанговского театра Андреевой, бывшей его второй полуофициальной женой. Как рассказывают, утром они ссорились, он нервничал и чувствовал себя плохо, но вечером они помирились, он был весел, оживлен и вдруг, часов в 11 вечера, упал – удар. Жил он после этого еще часов около 14-ти. Все последние годы он лечился от желудочных заболеваний, боялись рака, язвы, а вскрытие показало, что желудок у него был совсем здоровый, но у него был рак бронхов, и часть этой ра-

ковой опухоли отделилась и перешла на мозг, где образовалась опухоль величиной с кедровый орех. Вот так рассказывают.

Посылаю рапортчики и пришедшее на Ваше имя письмо.

После беседы К.С. составлю Ваш денежный счет. В него войдет расход в 500 руб. (без двух копеек) – сукно для пола в Вашем домашнем кабинете и окраска его и портьер. Эти расходы взял на себя Муз. театр, они только временно просили меня выплатить по счетам, т.к. это у нас в театре получали сукно и красили. Счета я уже переслала в Муз. театр по их просьбе, но денег они мне пока за них не вернули. Хотели сегодня прислать, но пока нет. Если до вечера не пришлют, я их Вам доставлю дополнительно.

Пока не прощаюсь, заключаю письмо после беседы К.С.

Вот я и вернулась с беседы. Она происходила в нижнем фойе. Народу было много, очень большая часть всего состава. К.С. сразу объявил, что хотел бы, чтоб выступало побольше людей по самым важнейшим вопросам. Например, первый – ради чего каждый из нас в этом театре. (Он начал с того, что прошлая беседа закончилась решением, что сквозное действие этого сезона – “все для пользы дела”.) Да, так если такое сквозное действие, то что же такое этот театр, для пользы которого мы все должны давать. И тут же указал на то исключительное положение, в которое театр ставится и как это обязывает. Тут же выступила Бендина и сказала, что беда нашего ведущего поколения (средняков) в том, что они пришли на готовое положение, никто ничего не должен зарабатывать для дела, все уже есть: положение, признание, роли, деньги... И сравнила нас с вахтанговцами, которые целиком и полностью уходят в интересы дела, т.к. от этого зависит вся их судьба. Потом Тарасова подняла вопрос о том, что наш коллектив не объединен одной идеей, и от этого все зло. (Пишу очень схематично.) Малолетков говорил о том же и о том, что все в нашем театре разнобой: и спектакли, и даже отдельные исполнители в одном и том же спектакле. И все оч. тускло и средне. Театр не идет от этапа к этапу. Последний этап – “Воскресение”, после него – ничего яркого. “Мертвые души”, напр., компромисс, потому что работа К.С. производила такое впечатление: К.С. видел, что это тускло, неинтересно, и думал только о том, как бы хотя бы прилично, но выпустить спектакль. Все эти высказывания обильно снабжались выступлениями и репликами Вишневого, а К.С. много говорить и не пришлось. Он сказал, что как раз и Тарасова, и Бендина перехватили те два вопроса, кот. он собирался поставить следующими. Он признался, что общей идеи сейчас у театра нет и ее нужно искать. Сказал, что постарается почаще вести такие беседы, а до того предлагает почаще обговаривать между собой поставленные вопросы. Да, по несколько раз выступал Суд., высказывания в духе официального оптимизма. Вся беседа длилась часа полтора, на мой взгляд, не было ни оптимизма, ни энтузиазма, а было привычное вяловатое настроение, малая вера в перспективы и расчет каждого про себя, как-то сложится

его судьба. Или это я в таком пессимизме, что мне так показалось? И кто это внушил К.С., что от него ждали чуда! Никогда ни от кого и намека на это не слышала в театре.

Милый Владимир Иванович, теперь уже до скорого свидания после завтрашнего первого свидания на вокзале.

Ваша *Ольга Бокшанская*

[1935]

266.

8 февраля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера был наш выходной день, поэтому я Вам не написала. Сегодня утром получила Вашу телеграмму и передала Кедрову о репетиции 14-го, сказала об этом и Судакову, чтобы он, как зав. производством, был в курсе. Судаков просил Вам передать, что он остановился на художнике Гончарове для “Кречета”. Это художник группы Вильямса, им же рекомендованный Судакову. Он делает для 2-го МХАТа (кажется, уже сделал и успешно) “Последнюю жертву”¹. Судаков его работ не видел, но полагается на рекомендацию Вильямса. Он просит Вам об этом сообщить, как Вы решаете.

Сегодня выяснились совершенно неожиданные обстоятельства с тифлисской поездкой. Явились представители Тифлиса с сообщением, что по их прежним подсчетам спектакли должны были обойтись им в 1 200 000, и это перенести они могли, но теперь они подсчитали и выяснили, что спектакли будут стоить 1 720 000 – и этого перенести они не могут. Поэтому они пришли с предложением уменьшить количество спектаклей, т.е. открытие гастролей назначить позднее, и повезти в поездку меньше пьес, напр., отказаться от “Мертвых душ”. Но им было объяснено (с ними говорили Егоров, Соболев и Калужский), что это почти не спасет положения, потому что ряд расходов (напр., жел.-дорожный транспорт людей и багажа) останется в почти той же сумме, но расход этот будет произведен с меньшей суммы валового дохода). Словом, закончили разговор тем, что они отправятся сегодня к находящимся сейчас в Москве представителям кавказских правительств, а те, по их просьбе, обратятся в ЦИК с просьбой о дотации на нашу поездку в сумме 500 тыс. Или, может быть, я не так поняла, дотацию даст их правительство... Нет, конечно, разговор шел об обращении к Ав. С., стало быть, деньги должен, по их мнению, дать им в помощь ЦИК. Какая несерьезная организация оказалась, прав был ленинградский наш антрепренер, когда он предсказал нам такой конец переговоров с Тифлисом. Сначала ведь он нас звал туда и на тифлисский срок, а потом уж говорил так: “Я в вас больше не заинтересован, я не могу вас везти на 15 мая – 15 июня, т.к. у нас театры заняты МХАТом 2-м и Малым, но я вам предсказываю, что тифлисцы будут бить отбой, потому что понятия не имеют, как организовать такие сложные гастроли на две параллельные сцены”.

Сегодня мы изнемогаем от телефонных звонков: правда ли, что

умер Качалов? По всему городу распространился этот слух. Звонили из Театра оперетты, из “Огонька”, из Большого театра, из МХАТа 2-го и масса частных лиц. На днях был такой же слух о Рабиновиче, причем из “Правды” позвонили его жене с вопросом, верно ли, что Рабинович искалечен автомобилем. Жена принялась звонить в дирекцию ГАБТ, там из-за метро были испорчены все телефоны, и ей пришлось из их далекой квартиры – они живут где-то за Пресненской заставой – прилететь в Большой театр, куда она приехала в совершенной уж истерике.

Вас. Ив., как говорят, сегодня уже выходил, но на некоторое время от работы его надо освободить.

У него был какой-то новый врач, кот. нашел, что сердце его в плохом состоянии, что алкоголь ему абсолютно запрещен и очень надо сократить, довести до минимума, если не совсем бросить, курение. Говорят, что Вас. Ив. еще недавно уверял, что бросить вино ему ровно ничего не стоит (!? – тут все начинают смеяться), но лишить его курения – это лишить его единственного удовольствия, ему дозволенного.

Владимир Иванович, объявлен выпуск “Литературного наследства” (один том), посвященного Пушкину. Говорят, это будет очень интересное издание. Тираж книги, как объявлено, ограничен. Подписчики “Лит. газеты” получили такой специальный бланк, по которому можно заказать этот том в первую очередь. Цена книги 45 руб. Заказать для Вас? Вы помните – том “Лит. наследства” – о Щедрине у Вас есть, помните, целая история с ними была из-за Вашей статьи². Вот в этом роде будет о Пушкине. В томе свыше 1 000 страниц, 300 иллюстраций... Думаю, что мне следует выписать этот том, Вы, наверное, захотите иметь его.

Для информации: Гремиславский подал еще одну докладную записку в дирекцию, партком и местком – о принятии необходимых срочных мер для проведения плана выпуска постановок в конце этого сезона. Прежде всего надо добиться разрешения на производство 11 240 сверхурочных часов (на 71 челов.). Кроме того, дать постан. части право давать заказы на сторону, усилить работу отдела снабжения. В конце записки Гремисл. предупреждает, что по выполнении всех постановок (“Враги”, “Мольер”, “Кречет”) этого сезона и по окончании к выезду в Тифлис новых декораций “Воскресения” в мастерских может начаться простой, т.к. дальше работы не намечены.

Интересно Вам прочесть первую рецензию о “Волках и овцах” в Малом театре – 5-го там была премьера.

Очень плохо говорят об “Египетских ночах” – неинтересный, говорят, плохого вкуса и достаточной беспомощности спектакль, а Коопен – никакая Клеопатра, особенно в части Шекспира³. 13-го, кажется, у них общественный просмотр.

Когда Вас ждать, милый Владимир Иванович? 12-го, 13-го?..

Да, Кедров, когда я ему сказала о 14-м, стал очень задумчив и выразил опасения, как бы показу не навредила болезнь Качалова и отсут-

ствии Баталова. Почему он еще поминает Баталова, который все равно не будет играть, который хлопочет об отпуске, – не понимаю. Ведь Судаков с ним договорился, что он должен на Синцова ввести Болдумана. В общем, свой медлительный разговор со мной Кедров все же закончил тем, что: “Ну что ж, придется показать Вл. Ив. отдельные куски...”

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

267.

9 февраля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня послала Вам телеграмму по просьбе Кедрова. Он просил Вас разрешения переставить показ Вам “Врагов” на 15-е, потому что Качалов 14-го играет “Воскресение” и ему было бы трудно еще днем быть на такой ответственной репетиции. В телеграмме это все сказано лаконично. Насколько я понимаю, актерское состояние на “Врагах” становится все более и более напряженным, потому что вперед каждый из них продвигается с такой черепашьей медлительностью, что им кажется, что они топчутся на месте. Ваш приход будет им первой яркой радостью – от Кедрова ведь, при всех его достоинствах, постоянно веет скукой.

Кроме вопроса о “Врагах” Кедров просил выяснить у Вас следующее. В середине февраля в Москву приезжает группа провинциальных режиссеров, актеров, худож. руководителей театров, примерно человек 30. Они проведут по 4 дня в трех московских театрах: нашем, Камерном и Мейерхольда. Они просили дать им возможность провести беседу с К.С. и с Вами. К.С. по состоянию здоровья принять их не сможет, распорядился, чтобы их приветливо встретили у нас и раз за 4 дня организовали бы для них встречу – товарищеский чай с привлечением к встрече наших актеров. В остальном – они посмотрят наши некоторые спектакли, с ними проведут беседы Сахновский, Марков и Кедров; после просмотра спектакля у них будет беседа с режиссером его. Конечно, музей будет для них всегда открыт. Кедров просит узнать у Вас, согласны ли Вы будете встретиться и побеседовать с ними. В нашем театре они будут с 16 до 20 февр.

Судаков мне сегодня сообщил, что посылал письмо и пьесу “Кречет” художнику Гончарову, и тот прислал ответ, что никак не может взять на себя эту работу. Он в еще более сильном замешательстве по поводу художника для “Кречета”. Действительно, найти его будет исключительно трудно, тем более что каждый проходящий день разительно сокращает срок для художника. Ведь Судаков хочет получить эскизы еще в феврале, кажется.

Кроме того Судаков сказал, что на днях послал Ав. С. докладную записку с просьбой пересмотреть вопрос о постановке афиногеновской “Лжи”. Он доказывает, что это чрезвычайно актуальная тема – о бдительности, о разоблачении приспособленчества и оппортунизма. Не понимаю только, в чем его план: будет он заниматься “Ложью” после выпуска “Кречета” или, отбросив “Кречета”, набросится снова на “Ложь”? Хотя многие из “Лжи” заняты во “Врагах”, но все равно сейчас “Ложь” нельзя работать. Ну, не многие, но Хмелев, и Ливанов в “Мольере”. Не знаю, какой неугомонный бес его толкал на эти шаги.

О Вас. Ивановиче – говорят, что ему лучше, и Иверов звонил, что на завтра можно назначить “Враги” с ним, с Вас. Ив.

Посылаю Вам вырезку из вчерашней “Вечорки” – о Вас и “Пиковой даме”.

Кроме того, посылаю Вам еще одну рецензию о “Волках и овцах”. Ее писал наш Ник. Мих. Горчаков, который, оказывается, призван МК партии писать как специалист о театральных постановках. Горчаков мне сказал, что такое же задание дано МК Судакову.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Да, еще вчера забыла Вам написать – 6-го я каталась по нашему метро, по всей трассе: от Крымской площ. до Сокольников и от Сокольников до Смоленской площ. и уж оттуда прошла обратно до Арбатской площади, откуда я по Поварской прошла домой. В этот день, после закрытия Съезда¹, катали делегатов, и один из них, муж моей подружки, принес билеты ей и мне. Сначала мы объездили все станции поверх земли, покружились на машине около каждой из них, сделали небольшую передышку за чашкой чая и поехали потом уж под землей, останавливаясь довольно долго на каждой станции для ее осмотра. Действительно, оборудовано все величаво, часто с хорошим вкусом. Ни одно из знакомых мне других мировых метро не может по роскоши сравниться с нашим.

Только что позвонила мне Ек. Ник., после Вашего звонка к ней. Сейчас дам Вам телеграмму, текст которой указала мне Ек. Ник.². А в дополнение скажу, что Ан. С. нет на фото потому, что НКПроса СССР нет, они существуют в каждой отдельной республике, а там помещены все СССРовские наркомы, Ан. же Серг. является наркомом РСФСР³.

Еще раз – всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

268.

10 февраля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Пишу Вам это последнее письмо без уверенности, что оно Вас застанет в Ленинграде – кажется, спешная почта доходит не на следующий день, а через день.

Сегодня такая неприятность: Н.Д.Телешов подал заявление в дирекцию о том, что из витрины чеховской выставки в нашем фойе пропало письмо Антона Павловича к Вам, то письмо, в котором он Вам пишет о провале “Чайки” в Александринке. Дело было так: выставка была открыта к спектаклю 29-го. Потом прошел утренник 30-го, а перед вечерним спектаклем (юбилейным “Вишневым садом”) Снигирев, который был приставлен к выставке с двумя капельдинерами, сказал Телешову, что замок на одной из витрин открыт. Ник. Дм., не проверяя тщательно содержимого витрины, глянул на нее и ему показалось, что все в ней в порядке – все экспонаты лежали в таком виде, что можно было думать, – ничего не пропало. Ник. Дм. решил, что замок сам открылся, тем более что витрины были заперты замками стандартного типа, открываемыми почти любым ключом. И только теперь, когда стали в музее разбирать материалы выставки, обнаружилась пропажа. Сейчас дело передано в моск. уголовный розыск.

Судаков сегодня мне сказал, что он все же уговорил художника Гончарова делать “Кречета”.

Сегодня звонили из театра Дома Красной Армии, говорят, что Вы обещали провести у них беседу после 6 февраля. Я сказала, что Вас нет в Москве и Вы будете числа 14–15.

Ник. Вас. только что, перед начавшимся у нас в дирекции заседанием “треугольника” и зав. частями по вопросам: 15-летие подшефных наших военных политкурсов и организация дальневосточной поездки этим летом, говорил, что по его сведениям Ав. С. отказал тифлисцам и бакинцам в дотации на нашу поездку. Ник. Вас. считает, что эти города могут выдержать материально наши гастролы и что тамошние организации, прося дотацию, вероятно, хотят ею покрыть прежние свои долги и недостатки. Ник. В. слышал, что Ав. С. хочет вызвать представителя нашего театра и спросить, не можем ли мы удешевить поездку. Если будет удешевление, то за счет едущих, т.е. платить будут меньше, чем предполагалось. Ник. Вас., зная дороговизну жизни вообще и на два дома для едущих семейных в частности, хотел платить нагрузку актерам за усиленную занятость и полагающиеся по закону командировочные. Если надо будет удешевлять, то придется отказаться от решения платить нагрузку, оставив только неизбежный расход на командировочные.

По вопросу 15-летия политкурсов – я слышала, что курсам будет дана от театра “чайка”. Про остальные формы чествования еще пока ничего не знаю.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

11 февраля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Мои письма не оставляют Вас и в Москве. Можно сразу после приезда занять Вас некоторыми делами?

Сенсація сегодняшнего дня: официальное сообщение Ник. Вас., что поездка в Тифлис и Баку не состоится – они не могут поднять такую большую поездку. Я не знаю, как Ник. Вас. думает теперь поступить – он сказал Евг. Вас., что ему очень нужно с ним поговорить. Для производства, может, это и не плохо, что мы останемся в Москве, авось выйдет тогда у нас и “Мольер” – так рассчитывает Судаков, – но ведь вся загвоздка в плане строительных и ремонтных работ на лето этого года.

Сегодня было множество волнений, и все связаны с халтурами. Началось с того, что у Соколовой ангина, играть нынче вечером “Турбиных” она не может, у Тарасовой “Карамазовы” – концерт в Доме Красной Армии¹, у Еланской концерт где-то, вчера играла “Грозу”, завтра днем в театре играет “Хозяйку”, вечером халтурит с той же “Хозяйкой”. Но понемногу это устроилось: Еланская согласилась сыграть “Турбиных”, за что ей карамазовцы, вероятно, заплатят. Только что успокоилась Тарасова, больше всех бушевала из боязни, что слетят “Карамазовы”, как снова волнения, и опять для нее. У них назначен “Дядя Ваня” в Ленинграде на 12 и 13. Выезжать сегодня после концерта, со “стрелой”. Вдруг обнаруживается, что Кнебель Шарлотту играть не может, т.к. она в положении и платья на ней не сходятся сантиметров на 15. В филиале “Реклама”, там назначена Халютина. Делается перестановка: Халютина – Шарлотта, Степанова – в “Рекламу” Сеншейн, а Тарасовой играть Аню в “Вишневом саде” (у нас вечером завтра “Вишневый” и “Реклама”). Тарасова на стенку – это же невозможно, мы не можем платить неустойку 8 000. В это время от Андровской сообщение: “Рекламу” играть не может, больна, лежит. Чем теперь заменить? На Евг. Вас. налегают с одной стороны “Дядя Ваня”, с другой – Бутюгин, представитель “Хозяйки гостиницы” в Симоновском дворце культуры. Сделали перемену – “Пиквик”. При нем, собственно, летят обе халтуры. Но ленинградцы не смутились – им не хватило Вафли, они сначала уговоривали Хмелева поехать, тот отказался, тогда уговорили Кудрявцева. Шуму и визгу было много со всеми этими историями.

Дошло ли до Вас мое вчерашнее письмо? Где я писала о пропаже письма А.П.Чехова к Вам из витрины выставки, о согласии художника Гончарова сделать у нас “Кречета”, о 15-летию Воен. политекурсов. Вчера Рипси приходила ко мне с предложением послать Вам телеграмму с запросом, согласны ли Вы с решением К.С. поднести политекурсам “чайку”. Я сказала, что уже писала Вам про это (вот во вчерашнем письме) и что я уверена, что Вы согласитесь с К.С., так что, собственно, обмен телеграммами должен явиться, по-моему, формальностью, от которой не грех Вас избавить. Верно это, Вы согласились с К.С.?

Французская пьеса у Судакова, он обещал ее сегодня прочитать и доставить Вам на квартиру. Надеюсь, она у Вас. Пав. Ал. не считает ее уж такой прекрасной, чтоб тотчас же за нее браться, пускать в работу, но он находит ее интересной, весьма интересной, хорошо сделанной. Роли, по его мнению, должны разойтись так: m-m Антонин Фор – Книппер, Анн-Мари – Степанова (мож. быть, Титова), Марсель – Качалов, Жером – Станицын, Мелани – Соколова, Боб – Ливанов, Сюзи и Шарлотта – Коренева и Попова (не знает, как лучше раздать между ними двумя эти две роли), Максим – Кторов. Марков слышал, что ролью мадам Антонин Фор заинтересовалась Лилина, Жан-Пьер – вероятно, Массальский. Лилу и Арман, кажется, не обсуждались.

Для информации – от нас ушла по собственному желанию артистка вспомогательного состава Иванова: помните, она как-то пробралась к Вам на квартиру и добилась приема у Вас, произвела на Вас неприятное впечатление. Театр давно хотел бы расстаться с ней, но не удавалось, потому что она цепко держалась за театр, ходила плакать к Вам, к К.С. Теперь она сама захотела уйти, уехала работать в Мордовию².

Сегодня пойду смотреть в Малом театре единодушно ругаемые “Волки и овцы”. Но что за противоречивая рецензия о них Виктора Эрманса в “Сов. искусстве” – просто стыдно должно быть писать такие рецензии.

Судаков мне говорил, что вчера на спектакле (“Гроза”) были Бубнов с Ол. Ник., секретарь Закавказского облкома Берия, Суриц – наш германский полпред, и все они с воодушевлением хвалили весь спектакль и в частности Еланскую. И еще рассказывал, что Михальский ему говорил: была на спектакле Менделеева и пришла в большой восторг, сравнивала с виденными ею Стрепетовой, Ермоловой и Федотовой и находила, что Еланская выше их. Говорил ли так Михальский или говорила так Менделеева – за это не отвечаю. Но Судаков так говорил мне.

Сегодня звонили из Малого театра: С.И.Амаглобели добивается встречи с Вами. Я обещала Вам доложить по Вашем приезде и сообщить им ответ³.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Очень приятно думать, что читать это письмо Вы будете уже здесь, в Москве.

Еще: Кедров просит, не можете ли Вы назначить просмотр “Врагов” не в 1.30, как обычно назначаются репетиции с Вашим участием, а раньше, чтобы он смог прогнать всю пьесу. Ему бы хотелось иметь в распоряжении для показа Вам $2\frac{1}{2}$ –3 часа. Я обещала дать Ваш ответ завтра: 12-го. Буду ждать Вашего распоряжения. Сейчас я написала это и вижу, что и при начале репетиции в половине 2-го великолепно получается $2\frac{1}{2}$ –3 часа показа, чего ж он беспокоится? Вероятно, он хочет больше времени, но не рассчитал, что он хочет часа $3\frac{1}{2}$ –4. Пожалуйста, скажите мне Ваше решение.

Еще раз – всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

270.

14 февраля 1935 г.

Владимир Иванович!

Сообщаю для Вашего сведения, что в протоколе спектакля “Вишневый сад” 12-го вечером есть такая запись: “В антракте перед 4-м актом О.Л.Книппер-Чехова, когда шла на сцену, споткнулась о край выступа, упала и сильно, в кровь, расшибла колено. Был вызван дежурный врач, оказавший по окончании спектакля помощь”. Я тотчас же, как прочла эту запись, пошла в зрительный зал на “Враги” узнать, как нынче себя чувствует Ол. Леон. Спросить у нее не могла – шла ее сцена, но видела, что она свободно ходит, присаживается на перила балкона, не хромает. Надо думать, все обошлось.

Владимир Иванович, помните, еще до Вашего отъезда из ВОКС обратились к Вам с просьбой об обмене театральными журналами с эстонским театром в Таллине. Вы тогда распорядились написать им, что Вы можете предложить только получаемый Вами в двух экземплярах журнал “Рабис”. Теперь от них пришел ответ: они благодарят Вас и просят давать им этот журнал для пересылки в Эстонию. Не откажите откладывать для них номера этого журнала и пересылать их через меня.

Ваша *Ольга Бокшанская*

271.

20 февраля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Итак, о том, что я Вам начала говорить днем по телефону. Я услышала сначала от Вас. Гр., что произошли такие перемены: Ав. С. больше не председатель Комиссии по театрам МХАТ и ГАБТ и Люб. Ник. снята с работы. Я позвонила Як. Леонт. и спросила. Оказывается, действительно это так. Люб. Ник., по его словам, снята с работы 11-го февраля, сидит сейчас без назначения, была у Як. Л., рассказала все, как это произошло (он мне это расскажет при личном свидании), и просила даже помощи у Як. Леонт. Он обращался к своим друзьям, но пока результатов нет, т.к. его друзья больны. Что же касается Ав. С., то он в Комиссии на таких же основаниях, что и Бубнов, а председателем Ворошилов. Я так думаю, что Ав. С. испортили положение его вмешательство в дела ГАБТ, особенно балета. Напр., мне рассказывали такой случай. В ложе дирекции сидит ленинградская балерина Уланова. Ее спрашивает администратор ГАБТ Дарский: “Где вы остановились?” Она отвечает совершенно внятно и непосредственно: “На даче у Ав. С.”. Конечно, это быстро разошлось по всему театру.

Вот какие дела.

Ваша *Ольга Бокшанская*

21 февраля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром Мамошин имел со мной длительный разговор, который просил меня возможно точнее и подробнее передать Вам. Это действительно так было длительно, что я не рискую заставлять Вас слушать длинный рассказ, я лучше напишу Вам, тем более что я записывала отдельные моменты сообщений Мамошина. Мамошин сказал, что он считает своим долгом довести до сведения (официально) Вашего о докладе Боярского, сделанном в Теа-клубе “треугольником” театров. Вот какие вещи были высказаны Боярским:

Необходимо установить полное огосударствление театральной продукции; это значит: если советскому правительству удалось полностью изжить частнопредпринимательскую, капиталистического характера деятельность в городе, удалось почти полностью ввести коллективизацию в деревне и уничтожить бывшие капиталистические формы увеличения зажиточности, то в области театра это не только не удалось изжить, но это за последнее время расцветает пышным цветом. Те формы, которые приняли сейчас внеплановые спектакли, нельзя определить иначе, как частнопредпринимательские. Главным образом это относится, конечно, к материальной стороне таких внеплановых спектаклей. Что же касается их со стороны художественной, то они, являясь почти бесконтрольными, будучи в лучшем случае один раз просмотрены дирекцией, обращаются в спектакли резко халтурного типа, с случайными вводами, экстремальными заменами и т.п.

В борьбе с халтурой необходимо прежде всего обратиться к ликвидации, с одной стороны, паразитических элементов (“жучков”), которые всячески стараются проникнуть на работу в театры, а затем, не отличаясь актерской талантливостью, крепко сохраняют за собой место, благодаря тому, что устраивают разные халтуры, такие люди занимают те места, которые можно было бы отдать более талантливым и нужным театру, и в то же время разлагающе действуют на актерскую массу; с другой стороны, надо ликвидировать посреднические организации по продаже билетов, потому что они только тормозят и утяжеляют процесс дохождения билета до массового зрителя – в большинстве случаев такие организации распределяют билеты среди личных знакомых членов организации. Тут Боярский рассказал случай “жучковства” с упоминанием фамилий, разоблачив при этом Дровяникова из Большого театра, в прошлом красного партизана, спекулировавшего этим свои званием.

Затем Боярский говорил о недопустимости такого явления в театрах, когда актер стремится иметь “паспорт” такого-то театра для использования этого в работе на стороне, к самому же месту своей работы, к этому театру, дающему ему “паспорт”, относится довольно небрежно.

Говорил о том, что многие наши присяжные участники концертов,

преимущественно большие актеры, мастера, поражают однообразием своего репертуара, повторяя из года в год одно и то же и не давая себе труда поработать над чем-нибудь новым.

Затем он перешел к выводам:

Необходимо включить внеплановые спектакли в промфинплан театров. Дирекция должна взять на себя не только разрешение на устройство таких спектаклей, но и контроль их материальной стороны.

Необходимо ликвидировать тип актера-рантье, создающего себе капитал особенно потому, что он заманчив для публики и может повышать свои требования в смысле гонорара. Такие актеры в конце концов становятся совершенно недоступными для пролетарских масс.

Необходимо установить рациональное расходование артистического капитала как в театре, так и в кино: киносъемки, спектакли в выходные дни надо заключить в определенные рамки, иначе создается невероятнейшая перегрузка актеров театра.

ЦК Рабис намерен войти в соответствующие учреждения с просьбой ввести по театрам ряд мероприятий, которые помогут урегулированию актерских сил. Необходимо уничтожить существующие тарифы Рабис и установить дифференциальные тарифы применительно не только к каждому отдельному театру, но и к каждому отдельному актеру.

Необходимо ввести организованно норму выработки – в ряде театров она существует, но необходимо это сделать организованно.

Ввести удлиненный летний отдых (не менее двух месяцев летом для всех театров).

Организовать подмосковный дом отдыха для актеров, для ежедневного и настоящего его использования.

Организовать диспансеризацию, т.е. установить наблюдение за тем, как устроена бытовая жизнь того или иного актера. В каких-то случаях сказать: “Не нужно ли тебе чем-нибудь помочь” – и помочь, но в каких-то случаях сказать: “Нет, ты себя перегружаешь, потрудись не ездить туда-то и не играть там-то”.

Установить повышенное медицинское обслуживание актеров.

Особенно Боярский остановился на необходимости повышенной заботы о стариках, которых он считает золотым фондом Республики. К ним должно быть проявлено исключительное внимание; кроме того, надо все сделать, чтобы сохранить и для следующих поколений память о них, знание их жизни. Надо приставить к ним стенографисток, чтоб они записали их высказывания о творческом пути, биографические сведения.

Затем Боярский говорил о необходимости уменьшения количества заседаний, к которым привлекаются актеры, а уж если созывается заседание, то необходимо наивозможно уплотнить его время.

Необходимо урегулировать вопросы шефства, которое Бояр. предлагает теперь именовать “социалистическая взаимопомощь”. Каждый театр должен иметь не больше трех подшефников – часть Кр. Армии,

фабрика или завод, колхоз. Могут быть шефства временные, как метро, жел.-дор. транспорт в моменты прорыва на нем и т.п. Шефскую работу в театрах надо распределять поровну между работниками, а не так, как сейчас: работает человек 5–6, остальных же шефство не касается. Надо твердо установить, что шефство должно избегать привкуса материальных выгод, денежных затрат той или иной стороны, оно должно быть построено на основе помощи, а не матер. выгоды. Напр., шефство над колхозом должно обозначать помощь театра в организации самодеятельности на местах.

Говорил о падении дисциплины в театрах, особенно среди молодежи, о божемных явлениях (пьянство, половая распущенность), особенно наблюдающихся при поездках в другие города: актер иной раз в театре держится очень хорошо, а как вышел из театра или поехал куда-нибудь – и начинается разгул.

Говорил о снижении в театрах интереса к настоящей роли производственных совещаний и произв.-товарищеских судов. Что обсуждение (именно обсуждение, а не осуждение) на таких совещаниях различных вопросов жизни театра могло бы принести громадную пользу делу.

Говорил о недостаточно развернутой самокритике в театрах.

О низком уровне политических знаний среди актеров – говорит о необходимости организации в театрах лекций по социологии искусства, а нужна самая обычная политграмота. Когда приезжают иностранцы и при встречах с актерами Союза говорят об искусстве, – наши актеры на высоте. Но стоит заговорить с ними о политике – обнаруживается такая политическая неграмотность, что совестно становится, иной иностранец-приезжий грамотнее наших оказывается, приезжает сюда достаточно подкованный политически. Такая политическая неграмотность столь культурной прослойки, как актерство, ложится пятном на правительство и партию.

Еще говорил о том, что многие актеры часто попадают в мелкобуржуазное окружение, вращаются среди людей, случайно получивших паспорт и право проживания в столице, имеющих звание друзей театра, в свое время близко стоявших к московским театрам, но в настоящее время вредно влияющих на собеседников-актеров, – а влияние у них несомненно есть.

Буржуазная психология еще сильна в актере, это видно и из того, как часто наблюдается радость по поводу провала того или иного товарища в роли, той или иной постановки в таком-то и таком-то театре. Нет настоящего социалистического отношения к товарищу, коллективу. Необходимо бороться с такого рода явлениями.

В конце своей речи Боярский как-то глухо, а в прениях затем Новицкий уж расшифровывая вуалирования Боярского, отметили, что выявляя остатки буржуазных, а порой и контрреволюционных настроений в театрах, они остановились на контроле политического лица представителей театров, администраторов. Некоторые лица ими окончательно

выявлены в смысле их политической окраски, но в некоторых случаях они натолкнулись на то, что есть администраторы – в прошлом: белый офицер, сосланный за шпионаж и т.п. (Не знаю, был ли тут намек на Федю Мих.)

На этом Мамошин рассказ закончил и еще раз просил Вас обо всем этом известить, сказав, что выступление Боярского состоялось после того, как секретарей парткомов вызывали в ЦК Партии, где шло предварительное обсуждение таких же вопросов и театральных дел. Боярский на том заседании в ЦК Партии присутствовал.

Простите, Владимир Иванович, суконность языка. Как-то у меня плохо получалось это изложение: с одной стороны, хотелось сохранить по возможности подлинные выражения, с другой – это не укладывалось в мою обычную манеру писать.

Ваша Ольга Бокшанская

273.

21 февраля 1935 г.

Владимир Иванович!

Может быть, при свидании с Ник. Вас. Вы поднимите вопрос о Соколовской. Поэтому я хотела бы сообщить Вам те несколько положений, на которые опирается в своем письме Соколовская:

1. На юбилее Нины Ал. в прошлом году было объявлено, что ей будет дана квартира в две комнаты. Позднее Ник. Вас. предложил ей взять деньги и искать квартиру самой, т.к. в театре некому хлопотать об этом. На вопрос о сумме он сказал, что дадут тысяч 13–15. (Нина Ал. пишет: “Теперь он отрицает, что называл эту цифру, но я врать не стану”.)

2. Не рассчитывая дожидаться постройки дома МХАТ в Глининцевском, которая подвигается медленно, вернее, как будто стоит, Н.А. решила взять наличные деньги на квартиру и положить их до приискания квартиры на счет в театре, на свое имя, как это сделал Симов. По справке из мхатовского строит. кооператива, квартира в 40 кв. метр. при начале стройки должна стоить 10 000 руб. (из расчета 250 р. за метр), по мере стройки, надо полагать, стоимость этой площади должна возрасти, т.к. вряд ли можно уложить стоимость кв. метра в 250 руб.

3. Теперь в разговоре с сыном Нины Ал. Ник. Вас. опровергает необходимость предоставления площади в 40 кв.м., тем самым снижая стоимость квартиры. И кроме того сказал, что вообще деньги на руки выданы не будут (а Симову почему-то выданы) и будут выплачены только в том случае, если будет найдена для Н.А. квартира. И вместе с тем квартира даже не приискывается и никто как будто этим не занимается.

4. Нина. Ал. обращается к Вам с просьбой дать распоряжение о переводе на счет МХАТ, на ее имя, денег на квартиру; она просит Вас остановиться на сумме в 15 000 руб., т.к. вряд ли можно на меньшую сумму приобрести квартиру в две комнаты.

О.Бокшанская

274.

4 марта 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Некий Е.Е.Дольский, приславший в свое время на имя Константина Сергеевича письмо и три свои пьесы, прислал на Ваше имя письмо и еще одну пьесу – “Преступление без наказания”. Те три пьесы были прочитаны В.Я.Виленкиным и о них он дал отзыв (в копии прилагаемый), посланный Конст. Сергеевичу. После этого три пьесы были возвращены автору при письме – о том, что К.С. не имел времени прочитать пьесы, что литчасть театра с ними ознакомилась и не нашла их подходящими для театра. Пьесу “Преступление без наказания” Виленкин прочел и дает ей такую же характеристику, как и прежде присланным пьесам. Можно в отношении и этой пьесы поступить так же?

Вы в свое время обещали А.М.Бродскому поддержать его ходатайство о персональной пенсии. Бумаги Бродского теперь находятся в Наркомпросе у А.С.Бубнова, и Бродский просит Вас по этому поводу сказать несколько слов наркому в его пользу.

Разрешите Вам напомнить, что Вы пообещали Е.Н.Морес подарок – браслет для часов.

275.

5 марта 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Судаков просит Вас сделать такую подпись на его заявлении в наш жилищный кооператив: “Ходатайство И.Я.Судакова подерживаю”. И Ваша подпись. Он рассчитывает, что тогда он будет включен в число пайщиков.

Петр Сергеевич Ларгин просит Вас сделать надпись на прилагаемой Вашей фотографии. При этом он очень Вас просит датировать надпись 34-м годом, а не нынешним, потому что в 34 году было десять лет его работы в театре.

Прилагаю проект адреса Театральному обществу (юбилей 9-го). Я это сделала на всякий случай – Вы хотели сами писать адрес. А если Вы

раздумаете или времени не будет? Я и решила предложить нашей литературе части дать свой текст. 6-го я у Вас спрошу, как Вы решили с этим делом. Ведь 7-го выходной, так что чтобы успеть переписать и собрать подписи, надо вопрос текста урегулировать завтра, 6-го.

Марков просил переслать Вам прилагаемую пьесу “Ангел”, читанную уже в прежнем варианте Вами, с письмом от ее автора¹.

Всего хорошего.

276.

4 июня 1935 г.

Владимир Иванович!

Сегодня мне позвонили из “Театра и драматургии” с предложением прислать за Вашим гонораром за помещенные в № 4 этого журнала Ваши высказывания на пленуме по поводу театральной критики. Гонорар 250 руб., из них удержано 2 руб. 20 коп. налогу (они ошибочно это сделали, забыли, вероятно, что народные артисты освобождены от налогов; я не стала опротестовывать этот грошовый вычет, о котором узнала только когда принесли мне деньги). Прилагаю эти деньги к этому письму.

Еще добавочно прилагаю триста руб., пенсия за май, ее только что принесли мне.

277.

17 июня 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера открыли гастролы. Но до этого все было так. На вокзале в Москве было оживленно около мхатовского вагона, некоторых провожали шумно, как, например, Станицына провожала его Осетинская студия, в которой он работает¹, с цветами, с аплодисментами, Соколову ее ученицы, ну и остальных их близкие. У отъезжающих было приподнятое настроение от только что пережитого шумного успеха “Врагов”². Когда поезд отошел, у нас в вагоне только и было разговора, что о “Врагах” – вспоминали, перебирали подробности спектакля, работы, разговоров... Очень было хорошее настроение. Но усталость сказала скоро, разбрелись по купе, по постелям довольно быстро. Только несколько человек, объединившись с несколькими пришедшими в гости из жесткого вагона, болтали и смеялись в одном из купе, ходили на остановке гулять по платформе. Я это слышала, засыпая.

Приехали мы в Ленинград в ослепительно солнечный день, настроение чудесное. Нас встретил Федя, тут же на перроне роздал листки с указанием, какие номера кому отведены. У вокзала ждал нас интури-

стский автобус, доставивший сразу всех в “Асторию”. Было объявлено, что в половине первого дня у гостиницы будет автобус, который повезет на репетицию народных сцен всех занятых в них. Пока все размещались, Федя обошел приехавших с вопросами, кто как устроился и нет ли претензий. Претензии обнаружались, некоторые тут же, некоторые на следующий день, как, например, у нас с Евг. Вас. Сначала нам номер показался недурным, но сегодня утром оказалось, что по утрам напор воды слабее, чем в нижних этажах, звонки не работают, еще какие-то мелочи нехороши, а главное, как говорят, невыносимо жаркий этаж в жаркие дни. Сегодня же утром нам дали другой номер, очень хороший, знакомый мне по прошлому году, пот. что там жили Булгаковы, – номер 430-й. Стало быть, мы теперь не в 520-м, как я просила Вам сообщить, а в 430-м.

Репетиция прошла так же, как и каждый год, т.е. работали хорошо, но работа эта сопровождалась стуками на стройке. Это просто примечательно, каждый год непременно первая репетиция прерывается скандалом из-за стука.

После репетиции обед, короткий отдых, и в 6.30 все собрались в интуристском автобусе у подъезда “Астории”, чтобы ехать на спектакль. Спектакль шел хорошо, имел с самого начала большой успех, начиная со второй картины пытались аплодировать в середине действия, а после спектакля были настоящие овации. Весь спектакль смотрел Судаков, который хвалил всех и сделал только то замечание исполнителям 2-й картины, что каждый из них играет хорошо, но каждый играет только свой кусок, разбивая несколько ансамбль. С внешней стороны все было благополучно, за исключением двух небольших световых накладок. За кулисы были присланы цветы: один букет “коллективу МХАТ” “от ленинградских почитателей”, другой – лично М.И.Прудкину. Цветы дружно разделили все между собой, и у нас в номере стоят из этого букета 2 красные розы и два нарцисса.

Погода к вечеру стала портиться, в одиннадцатом часу полил дождь, и это остановило многих от поездки ужинать в ресторан Инснаба, где нам даны пропуска на обеды и ужины. Большинство поехало домой, благо обратный автобус довозит прямо до подъезда “Астории”.

Сегодня снова “Турбины”, причем спектакль торжественный. Он отменен для рядовой публики и отдан пленуму Ленсовета, который сегодня днем заседает в том же Выборгском дворце культуры. Вечером участники пленума будут смотреть “Турбины”. Говорят, что будут Ворошилов и Калинин, присутствующие на пленуме.

Из-за того, что днем Выборгский дворец культуры отдан пленуму, сегодня слетела предполагавшаяся по нашим планам репетиция “Пиквика”. Правда, нам дали другое помещение в Парке культуры, и там собравшиеся не репетировали, но провели большую беседу с режиссером, “какаясь в прегрешениях” против режиссерского рисунка и давая заверения “отчистить себя от скверны”. Что касается монтажки

“Пиквика”, то ведающий этим пом Титова – Готтих говорит, что у него монтировка почти закончена и проверена, декорации уже подвешены, так что отмена сегодняшней репетиции монтировочную часть не пугает. 19-го, в день первого представления “Пиквика” (18-го днем и вечером “Турбины” и репетиций быть не может) придется собрать на репетицию участников, пройти главным образом народные сцены, шумы, оркестр. Как будто бы режиссура спокойна за спектакль, иначе Станицын, с его темпераментом, несомненно, кипятился бы из-за того, что сорвалась сегодняшняя репетиция. А он все время сидел здесь и не проявлял никакого неприятного волнения и недовольства.

Сейчас главное волнение – сегодняшний вечерний спектакль: чтоб не вышло никаких задержек со спектаклем из-за неорганизованности допуска в Выборгский дом. Там сегодня будет строжайшая охрана, пропускают только по специальным пропускам, и надо сделать так, чтобы все это прошло для наших благополучно.

С завтрашнего дня мы останемся совсем беспризорными. Федя уезжает сегодня, остается администрация – Маркизов, никогда не ездивший с поездками, и я. Правда, здесь еще и Судаков, но Вы же знаете, как трудно привлечь его к ежедневной будничной административной работе. Я считаю, что это было бездарно со стороны Ник. Вас. отменить выборное правление поездки, как это бывало в предыдущие гастроли, из-за того, что он сам собирался ехать и управлять от дирекции. Теперь его нет, и кто будет возглавлять хотя бы формально поездку, – неизвестно. Может быть, все и сойдет благополучно, но, конечно, было бы лучше, если б каждый знал, что по делам таким-то он может обратиться к руководству поездки такому-то. Вместе с тем то, что Ник. Вас. нет, всем приятно, – очень плохое к нему отношение, очень. И видеть его постоянно ни у кого охоты нет.

Владимир Иванович, пожалуйста, скажите Рипси, чтобы тотчас же сообщила мне как только выяснится день Вашего отъезда. А потом, когда Вы уедете, писать в Штадт Гота? Я боюсь, что Рипси не сразу сообщит по обыкновению, хоть я ее и просила об этом, уезжая. Пусть тогда она поручит это Ирине Георгиевне, у нас есть такая служащая, очень обязательный человек.

Милый Владимир Иванович, мы с Верой Сергеевной все говорим о Вас и радуемся, как Вы великолепно поработали в этом сезоне и какие изумительные постановки Вы показали. Подумать только: в одном сезоне “Травиата” и “Враги”, кто из руководителей театров может похвастаться равноценными работами? И еще “Гроза”, про которую все знают, что Вы делали ее изумительно и что она не “дошла” не из-за Вас. Об этом как раз вчера было много разговоров в ожидании начала спектакля.

Милый Владимир Иванович, до свиданья, всего хорошего. Сердечный привет Ек. Ник. Еще раз спасибо за все.

Ваша Ольга Бокшанская

18 июня 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня снова есть оказия в Москву и мне хочется написать Вам снова.

Вчера перед спектаклем было вот что: когда все собрались к автобусу, чтобы ехать на спектакль, пришел и Хмелев и сказал, что отчаянно себя чувствует, вероятно, отравился, т.к. у него была сильнейшая тошнота. Но он все же собрался играть. Однако только автобус подошел к Выборгскому дому, как с Хмелевым снова сделался припадок тошноты и его пришлось на машине послать домой и вызвать к нему врача. С актерами приехал на спектакль и Судаков, который сыграл за Хмелева. У Хмелева доктор определил отравление. К ночи ему было уже лучше, а сегодня утром он поехал играть, не желая терять свои “разовые” за спектакль. Сегодня общий выходной день и поэтому два спектакля, утром и вечером – “Турбины”. Завтра в первый раз “Пиквик”.

Перед началом вчерашнего спектакля за кулисы пришли какие-то лица, которые объяснили, что театр не будет полон не потому, что нет интереса, а потому, что присутствуют только члены пленума, которые не могут целиком заполнить весь громадный зал, не хватает их. И действительно, сзади в партере было много пустых мест и в ярусах было пусто. Спектакль, как мне сказал Евг. Вас., шел великолепно и имел громаднейший успех.

Сегодня беспокойство с отправкой отсюда в Москву исполнителей для “Талантов и поклонников” в Москву, в Парк культуры и отдыха. “Таланты” там идут 19, 20 и 21-го. Здесь Ершов, Прудкин, Андерс, Тарасова, Кудрявцев... Все они занятые в “Турбинах”, попевают только на “стрелу”, а в “стреле” нам нынче дали только 2 места, т.к. сегодня отправляется в Москву группа актеров Мариинского театра (кажется, в Москве состоятся гастроли здешнего балета, как я слышала). Сейчас стоит вопрос о возможности прицепки лишнего вагона. Тогда все наши попадут на “стрелу”. Если ж положение останется таким же, т.е. у нас будут только два места, а остальные можно будет получить только на 9-ти и 10-ти часовые поезда, то придется делать перемену в составе вечерних “Турбинах”, т.е. освободить от вечернего спектакля уезжающих в Москву, заменив их дублерами. Выйти из положения нужно во что бы то ни стало, отменять спектаклей ведь нельзя ни здесь, ни в Москве.

Во вчерашнем письме я Вам не написала про похороны Лаврентьева потому, что я не знала о них ничего в то время, когда писала Вам, узнала позднее. Похороны были очень многолюдные, очень торжественные, привлекая к себе большое внимание. От нас был венок (надпись я предложила такую: “Неизменному другу, товарищу юности”), делегация: Яншин, Судаков, Топорков, Михальский¹.

Погода все стоит великолепная.

Вот все наши дела.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Кланяйтесь, пожалуйста, от нас Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

279.

20 июня 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Очередная оказия в Москву – очередное письмо. С оказией отправлять быстрее, чем по почте, когда спешное письмо идет обычно двое суток.

В последний раз я Вам писала о беспокойстве с отправкой в Москву турбинцев, занятых в Парке культуры в Москве в “Талантах”. Волнений было много, билетов на “стрелу” получено было всего два, и то в жестком вагоне. Прудкин разбушевался, отказался ехать в жестком. С большими трудностями, уже перед отъездом, удалось поменять одно место жесткое на мягкое, и его отдали Прудкину, а Ершов поехал в жестком. Остальных талантовцев пришлось освободить от спектакля “Турбины” и отправить с 9-часовым поездом, на который только и достали билеты. Из-за этого народная сцена в “Турбинах” была лишена трех исполнителей и роль петлюровца Урагана (обычно играемая Гузеевым или Аталовым) была сыграна в первый раз в жизни Судаковым. Аталова не было вообще здесь, а Гузеев играл за уехавшего Андерса роль Болботуна. Но, говорят, спектакль, невзирая на эти осложнения, прошел хорошо и крепко и имел громадный успех. Я на спектакль не поехала из-за собиравшегося и вскоре разразившегося ливня. После этого дождя снова великолепная погода, солнце, тепло все эти дни.

Вчера в первый раз сыграли “Пиквика” с очень хорошим успехом. Если б у нас не отняли 17-го репетицию, было бы лучше дело с монтажкой – так думает Станицын. Монтажка хромала в смысле света (хотя, конечно, освещение в целом в здешнем театре куда хуже нашего филиального), длиннее были антракты при перемене картин и актов. На антрактах прибавилось против московского минут 20. От неважного освещения проиграли декорации, у меня не было впечатления той праздничности и блеска, какое получалось в Москве. Я не видела спектакля с премьеры – как-то нет у меня интереса к этому произведению, – и мне показалось, что исполнители разыгрались, пьеса идет живо, слушается хорошо, но как были там слабые места в исполнении любовных пар, так они и остались. Публика хорошо слушала, не раз аплодировала во время актов, много смеялись, особенно репликам и поведению Топоркова и Аталова¹.

Жизнь наша течет спокойно, без особых приключений, даже, пожалуй, вовсе без приключений. Настроение у всех благодушно. Беспочинит нас, администрацию, то, что Дома культуры собираются задержать следуемые нам платежи, у них уже были просроченные даты, на что не было своевременно Москвой обращено внимание. А так как надо сделать здесь очередной платеж труппе не позднее 25-го, то сегодня Судаков послал Егорову телеграмму с просьбой телеграфом перевести 50 000 в счет будущих поступлений. Тем более что Москва в первую очередь забрала себе с Ленинграда, с полученных до сих пор из домов культуры денег те суммы на санфонд и аэропланы, которые отчисляет поездка. Многие уж поистратились здесь, вернее, в Москве, оставив семьям, и пока, до платежа, пробавляются авансами.

Милый Владимир Иванович, ужасно нам здесь интересно, был ли у Вас разговор с Ив. Алексеевичем и вообще, в каком положении дело нашей будущей организации и жизни. Ведь из Москвы у нас никаких вестей, а тем более из – как здесь говорят – “высших сфер”².

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, Евг. Вас. и я шлем Вам и Ек. Ник. сердечный привет.

Ваша Ольга Бокшанская

280.

23 июня 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Не писала Вам несколько дней, дожидалась оказии, которая довозит письма скорее, чем спешная почта. Да и особенных происшествий не было.

Что ж за эти дни произошло? Была неприятность на 3-м спектакле “Пиквика”: после картины “Маневров” при спуске в темноте голубого занавеса, его не дотянули, вернее, он зацепился за кулису и, когда дали свет, глазам публики предстала неакуратнейшая картина: голубой задник с птицей, парящий в эфире – кривь и вкось, из-под него торчит задник с нарисованными маневрами. Конечно, настроение было испорчено у исполнителей. На том же злосчастном “Пиквике” при перемене с предпоследней на последнюю картину упал фонарь, да так неудачно, что ушиб по голове Гаррель¹. Ее даже тошнило от ушиба немножко, и это заставило беспокоиться, не сотрясение ли мозга. Но все обошлось благополучно, она теперь совсем хорошо себя чувствует.

На днях по инициативе Яншина читалась новая пьеса одного молодого (вернее, средних лет по наружности, или у него такое немолодое лицо) поэта. Пьеса написана прозой, но в ней множество песен, написанных очень приятным стихом. Называется пьеса “Глубокая провин-

ция”. Действие в наши дни, место действия понятно, действующие – начальник политотдела маш.-тракт. станции, трактористы, колхозники, культ. работница района, зав. столовой – бывшая женщина-борец, бухгалтер, несколько председателей коммун и т.п. Пьеса небывовая, в ней много лирики, она написана о людях не таких, какие они, а о таких, какими хотелось бы их видеть и каких, пожалуй, скоро разведется много на нашей прекрасной земле. Слушали пьесу в комнате у Яншина в такой компании: хозяин комнаты, Судаков, Хмелев, Топорков (сбежавший после 2-й картины, т.к. хотел отдохнуть перед спектаклем, а читка началась с опозданием), Соколова, Андровская, Евг. Вас. и я. Да, фамилия автора – Светлов, Михаил Светлов. Пьеса всем понравилась, все в один голос решили, что она требует какой-то особой формы, и не успел автор опомниться, как ему было предложено тотчас же отдать пьесу в ТРАМ. Автор был явно поражен. Он читал пьесу мхатовцам – и вдруг разговор сразу о пьесе для ТРАМа. Он задал недоуменный вопрос, почему в ТРАМ, и тут ему объяснил Ил. Як., что он – руководитель, Вера Серг. – его соратник по ТРАМу, и лучшего театра для этой пьесы не найти. (К слову сказать, пьеса эта уже взята Диким для своего театра, о чем автор предупредил слушателей заранее.) Хмелев было заикнулся, что может быть и еще претендент на пьесу – это студия Хмелева, но Суд. тут же отмахнулся: ну, что ваша студия – интеллигентская, а тут нужна чисто трамбовская непосредственность. И тут же было объявлено, что пьеса не мхатовская. Потом, встретившись за обедом внизу в ресторане с Суд. и Янш., я стала развивать ту мысль (для меня совершенно убедительную), что это неверный взгляд – пьесы мхатовские и немхатовские. Что наша молодежь может быть в претензии, что пьесы, требующие свежести формы, не могут попадать в наш театр, что, не расширяя понятия “мхатовская пьеса”, Судаков обречет нашу молодежь на закисание, что МХТ в прошлом играл любые пьесы, не справляясь – мхатовские они или немхатовские, что сейчас это понятие мхатовской пьесы страшно сужено и сделано плоским.

По-моему, собеседники мои со мной согласились. Я не говорила применительно к этой пьесе только, окончательное решение приема или неприема все равно не принадлежит ни Судакову, ни кому-нибудь другому, кроме Вас, но вообще, по-моему, понятие “мхатовская пьеса” следует пересмотреть, оно приобрело корявые формы.

Простите меня, Владимир Иванович, за эти рассуждения, это я пишу, как мысль течет. Больше не буду, кончаю на этом. Словом, вчера вечером Судаков мне сказал, что автор был у него, получил от него рекомендательное письмо в ТРАМ, играющий сейчас в Москве. При этом, однако, Судаков ему сказал, что, возможно, что будет поставлен вопрос о пьесе этой для нашей мхатовской молодежи. Ужасно все это поспешно у Судакова: только ему что-нибудь скажешь, он с этим согласится, кто-то другой другое скажет – он и с этим другим согласится.

Пожалуйста, скажите Ек. Ник., что я ее открыточку о Типольт по-

лучила, что В.М.Тип. звонила мне сегодня утром и мы сговорились, что завтра утром она снова позвонит и я ей скажу, на какие числа для нее будут билеты и где их получить.

Что же касается Каменских, то тут получилась “неувязка”. Эта Оля Кам. (ее фамилия по мужу как-то иначе) сказала посетившим кафе Яншину, Станицыну, что она должна разыскать меня. Те ей сказали, в каком номере я живу. Но, оказывается, служащим кафе запрещено ходить в комнаты отеля. Я просила ей передать, что знаю о ней от Вас, что я прошу ее в свободное время позвонить мне по телефону. Она не звонит, переслала мне то письмо, кот. Вы ей оставили, но без пометки, как мне ее найти, есть ли у нее телефон. Я два раза была в кафе, Ев. Вас. тоже раз и всегда неудачно, не в ее дежурство. А в ее дежурство я возвращалась все слишком поздно со спектакля. И так до сих пор мы друг друга не нашли. Но спектаклей впереди еще много, я непременно устройю ей все, о чем она попросит.

Борткевич, о кот. говорила и написала мне Ек. Ник., еще не давала знать о себе.

Милый Владимир Иванович, я принимаю Ваш упрек, что анкеты посланы были поздно, но ведь я действовала по указанию Егорова, сносившегося с Акуловым, и зам. секретаря Акулова – Лебедевой. Неужели Вам еще долго придется ждать дня отъезда из-за канцелярских формальностей?!

Мы все жадно ловим рассказы приезжающих из Москвы. Неприятно поразила всех сухость поздравления К.С. к сотому спектаклю “Талантов” – говорили, что уж лучше вовсе не поздравлять, чем в такой форме.

Вы, вероятно, знаете (от Егорова), что у нас произошла задержка в выплате Домами культуры следуемых нам платежей. Федя уехал, не наладив это, и вообще на этом деле – получения денег с этих дирекций – должен сидеть опытный человек, как был в свое время Леонтьев, не дававший пикнуть здешним администраторам. Ник. Вас. придумал послать сюда на подмогу зав. финчастью Соболева и нашего юриконсульта Третьякова, известного всему театру способностями “прошляпить” любое дело. Как сказал Соболев по телефону Маркизову, бьющемуся здесь против всех сложностей поездки, Ник. Вас. считает, что мы здесь не получаем денег, потому что не наседаем на Дома культуры, а не наседаем потому, что не хотим портить с ними добрые отношения. Действительно, догадался!

Возможно, что в ближайшие дни что-нибудь и будет сделано в смысле выживания платежей, но, конечно, все стараниями Маркизова, кот. летает по всем учреждениям, кот. начальствуют над Домами культуры и могут произвести нажим.

Вот и все дела наши. Псылаю Вам статью о нас. Пока это все, что появилось о МХАТе.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Сердечный привет Екатерине Николаевне.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Вчера поздно ночью, в третьем часу, подали мне Вашу телеграмму, мы еще не спали, у нас сидела Вера Серг., и мы много говорили о Вас, больше всего мы говорили о Вас. Я взглянула на подпись телеграммы и обрадовалась – в эту секунду подумала, что Вы сообщаете о том, что дела с паспортами закончились и Вы выезжаете тогда-то. И разочаровалась – всего только способ найти Каменских. Но они неуловимы. Нынче утром, нарочно пораньше, до 10, позвонила на Некрасовскую, ответили, что Ол. Влад. там не живет, а Вл. Бор. на работе и вернется часов в 7–8. Внизу в кафе узнала, что Ол. Влад. будет сегодня работать в кафе с 6 ч.веч. Вот когда я наконец надеюсь увидеть ее и сговориться о билетах на спектакли. Владимир Иванович, Вы не беспокойтесь, они непременно побывают на наших спектаклях, должна же кончиться эта “неувязка” с нашей встречей.

Владимир Иванович, я виновата перед Верой Соколовой в том, что она много раз просила меня передать Вам ее нежный, благодарный привет, а я этого до сих пор не сделала. Когда в Вашем письме было написано: привет всем, кто меня хоть чуточку понимает, – я прежде всего передала этот привет Вере Серг., я думала, что Вы и о ней вспомнили, когда так написали. Вера Серг. до сих пор живет неостывшим волнением от работы с Вами во “Врагах”¹. Она считает, что после стольких лет застоя и почти потерянных надежд она вдруг нашла такое неожиданное и такое громадное счастье, которое ее не только окрыляет в настоящем, но дает столько надежд на будущее. И даже на прошедшее, если можно это так определить, это кладет свой отсвет. Т.е. вот про что я хочу сказать. Она мне после первых же спектаклей “Турбинных” здесь сказала, что после Клеопатры она вдруг по-новому подошла к Елене Турбиной, отчего ей стало снова интересно играть эту роль, к которой она охладела, которая иногда казалась ей даже постылой. Это была ее первая радость. А вторая началась тогда, когда все партнеры по “Турбинным”, один за другим, стали ей говорить, что она играет роль по-новому, что это получается интересно, что с ней снова стало приятно играть.

Ведь в прошлом году у нее из-за “Турбинных” были неприятности с товарищами-партнерами: Прудкин кипятился до того, что хотел отказаться играть с ней, обвиняя ее в инертности, в отсутствии внимания к партнеру; настоял на том, чтобы ее вызвал к себе Судаков, как режиссер спектакля, и призвал бы “к порядку”; словом, были неприятности, В.С. пролила немало слез. А теперь тот же Прудкин во время каждого спектакля хвалит ее, и все в один голос говорят, что такую перемену в ней сделала ее работа во “Врагах”. И то, что товарищи не только замечают эту перемену, но даже вполне правильно определяют ее причину, радует Веру Серг. глубоко. Мы постоянно говорим с ней о Вас, когда

проводим время вместе (а встречаемся мы часто, даже живем на одном этаже “Астории”). Представляете себе, сколько нежных и восторженных слов мы говорим, какие чувства благодарности и восхищения нас обуревают. Вы ведь мне верите, Владимир Иванович, Вы не думаете, что я так пишу, что я “льстишка”? (Вы раз так сказали про В.Н.Попову, я почему-то крепко это запомнила.)

Вчера ко мне обратился Судаков с просьбой написать Вам вот по какому вопросу. Его беспокоит, что могут отказать в паспортах многим, о ком подана бумага, и в том числе Еланской и Шевченко. О них он беспокоится потому, что они в СССР могут лечиться только в Сочи – Мацесте, но обязательно не летом, а осенью, когда не так жарко, как в июле – августе, т.к. жара плохо действует им на сердце. Осенью же они не могут получить отпуска из театра потому, что заняты в репертуаре, и в первую очередь в “Грозе”, которую мы 8 сент. играем для “Интуриста”. Поэтому он решил обратиться к Вам с просьбой, чтобы Вы в разговоре с Акуловым особенно похлопотали бы за этих двух актрис. Я Вам это пишу потому, что Судаков меня об этом просил, но, насколько я знаю, после того что он говорил со мной, он сам Вам написал в расчете, что В.В.Соболев поедет в Москву 25-го и привезет Вам письмо раньше на день, чем до Вас дойдет мое письмо.

Передаю Вам еще одну просьбу. Грибков просил меня написать Вам, что он очень хочет писать Вам, но стесняется, хотя, может быть, и наберется понемногу храбрости и напишет. Писать же Вам он хотел о том, что он болеет одной мечтой – сыграть Павла Первого. Еще и пьесы-то нет, ее пишет Всев. Иванов, не связавшийся пока (как он это, кажется, принципиально всегда делает) ни с одним театром². Но Грибков мечтает об этом пока не конкретно по отношению к такой-то пьесе, а потому, что его притягивает мысль сыграть этот образ.

Вчера у нас неожиданно отменился спектакль: зал Выборгского дома был занят под конференцию комсомола, которая рада была бы и спектакль взять, но конференцию предполагали закончить только к 11 час. веч. Спектакль этот перенесли на 3-е июля, когда, собственно, мы уже покинем Выборгский дом, т.к. 1-го мы там играем последний спектакль, а со 2-го июля – в Кировском доме культуры (быв. Московско-Нарвском). Решено же до 3-го декорации “Пиквика” оставить в Выборгском и сыграть там недостающий спектакль взамен 25/VI, параллельно с “Врагами”, которые в этот день идут в Кировском доме.

Этой неожиданной передышкой в спектаклях обрадовались решительно все. Ведь многие заняты ежевечерне, для них передышка должна была прийти только в середине гастролей, когда “малолюдные” “Врата” с 30 июня по 6-е июля сменили бы “многолюдных” “Турбинных” и “Пиквика”. А тут вдруг неожиданно – свободный день и вечер. И при этом ослепительно солнечный и отчаянно жаркий день. Я думаю, все выехали за город, вряд ли в Ленинграде в этот день остался хоть один мхатовец. Днем-то еще побыли в городе, потому что в этот день была

объявлена желанная выдача денег. Все поиздержали московские авансы, поэтому днем в конторе наиболее обедневшие побывали. И прямо отсюда поехали за город. И мы, контора, отработавши днем, вечером поехали на машине в Детское Село, погуляли там в парке и вернулись, получив большое удовольствие от езды и от прогулки. Были мы: Баталов и Андровская, Судаков и Соколова и я с Калужским.

24-го на спектакле “Турбины” была та неприятность, что одному из наших рабочих, Шилину, на голову упала доска (в Выб. доме все идет какая-то стройка над сценой), сильно его поранила. Врача в театре не оказалось. Вызвали карету скорой помощи, кот. увезла его в больницу. Я спрашивала администрацию, какие вести о нем, – не знают. Передали это дело Иверову, которого я не вижу совсем, в конторе он не бывает, да и к чему ему сюда ходить, здесь ему вовсе делать нечего.

Кировский дом обратился с просьбой заменить одного из “Пиквиков” “Турбинами” – все-таки последняя пьеса имеет громаднейший спрос. Т.к. такая замена связана с перерасчетами с участниками, – ведь у нас актеры получают разовые за роли, – то будет предложено нами либо пролонгировать сезон до 19-го, причем 19-го сыграть “Пиквика”, перенеся его на это число с того дня, когда вместо “Пиквика” пойдут лишние “Турбины”. Либо чтоб Кировский дом оплатил пиквикистам за участие в “Турбинах” по пиквикским ставкам, словом, чтобы ни один актер от замены спектакля материально не пострадал.

Сегодня я пишу Вам во время платежного дня, постоянно отрываюсь для выплат. Спешу так потому, что хочу отправить письмо с Соболевым, едущим нынче. Простите, если в письме перебои, они объясняются трудной обстановкой.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

282.

28 июня 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Опять пользуюсь оказией в Москву, чтоб написать Вам о том, что у нас никаких событий или приключений нет. Спектакли идут вполне благополучно, с большим успехом у публики, особенно “Турбины”. Вчера, например, вызовы были так многократны, что даже не запомнилось, сколько было “занавесов”.

Относительно спектакля “Турбины”, кот. просят на замену одного из “Пиквиков”, ничего не определилось. Кировский дом просил, чтобы сыграли “Турбиных” вместо “Пиквика” 17-го, когда у них “Пиквик” еще никакой организации не продан и не нужно будет гонять одну пу-

блику и пускать другую. Но турбинисты отказались оставаться здесь до 17-го. У нас последние “Турбины” 15-го, и все участники спектакля, освобождающиеся с этого числа, соответственно распределили свое время после 15-го, запаслись путевками, заказали железнодорожные билеты и т.п.

Пока я писала эти строки, пришел Маркизов и сообщил, что вопрос этот разрешился окончательно: 14-го вместо “Пиквика” будем играть “Турбиных” и Кировский дом культуры заплатит актерам-пиквикам разницу в поспектакльной оплате.

Сегодня мне звонила В.М.Типольт, благодаря за вчерашних “Турбиных”, которые она смотрела. Она получит места еще на “Пиквика” и на “Врата”. Кроме того, по присланному Е.П.Султановой письму из Детского я устроила ей на вчерашних “Турбиных” два места¹ – она непременно просила спектакль с Тарасовой, а Тарасова в последний раз играла вчера.

Наконец-то я не только говорила по телефону, но и повидалась с О.В.Вутке. Она пойдет на “Турбиных” сегодня, 30-го на “Врата царства” и на “Пиквика” в июле. Кроме того на те же три спектакля она просила устроить в июле ее отца и мать, что я ей обещала. Теперь я знаю ее личный телефон и часы ее занятости в кафе, т. что сговариваться будет легче. И она знает, когда и где (в “Астории” или в “Европейской”) меня можно застать.

Вчера стоявшая отчаянная жара завершилась ливнем, начавшимся вечером, с отдаленными раскатами грома. Ночью же разразилась сильнейшая гроза, с непрерывно блиставшими молниями и почти непрекращавшимся громом. Всех, конечно, гроза эта разбудила, так что сегодня все в конторе жалуются, что не выспались.

У нас вызывают интерес слухи из Москвы о том, что заболел с сильно повышенной температурой Добронравов и может сорваться поездка с “Белугиным” и что будто бы К.С. запретил группе “Дяди Вани” играть этот спектакль в июле в Парке культуры и отдыха, что сильнейшим образом нарушает их денежные расчеты. Поэтому вчера была некоторая паника на “Турбиных” у Тарасовой и Ершова, кровно заинтересованных в “Дяде Ване”. Ночью, я знаю, они телефонировали в Москву, но какие от этого результаты – пока не знаю.

Всех приезжающих из Москвы расспрашивают, в каком положении вопрос о нашем будущем управлении, идут ли по этому поводу разговоры с нашей дирекцией и т.п. Но никто ничего не знает. Правда, завтра или 30-го приезжает Подгорный, который, конечно, в курсе многого, но вряд ли от него удастся что-нибудь узнать. Читаем здесь в газетах о Ваших встречах с Ролланом, у Буллита. Кроме того Вечеслова говорила Станицыну, что Вы говорили речь на обеде у Буллита².

Писала ли я Вам, что я сказала Судакову дословно Ваши строки о “Любови Яровой”?³ Но он отнесся к этому без энтузиазма, сказал, что, может быть, к нам и не будет обращено теперь это желание, что хорошо

было бы точно знать, надо ли пьесу ставить, и что, наконец, он рассчитывает найти более интересную пьесу, которая заменит и для нас и для всех в смысле интереса пьесу Тренева. Я ему сказала, что, вероятно, это не так, что, может быть, и хорошо, если он что-нибудь интересное найдет, но что это не меняет, надо думать, дела с постановкой у нас “Яровой”. Он не стал со мной спорить, но, по-моему, не потому, что я его убедила.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Передайте, пожалуйста, сердечный мой привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская.

Посылаю Вам только что мне доставленную вчерашнюю “Вечерку”, в которой, по общим отзывам, высказывания Судакова сформулированы так неудачно, что получилась несколько странная картина разногласия с Домами культуры, заявившими, что мы “настаивали” на таком репертуаре. Если б Судаков выпуклее нарисовал, как были запланированы летние гастроли МХАТа в разных местах (Парк культ. и отдыха в Москве, от которого нельзя было отбиться, дальневосточная бригада, группа в Магнитогорске и т.п.), то яснее было бы, что Ленинград не может претендовать на весь репертуар театра.

О.Б.

283.

1 июля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня у меня выплата денег всем участникам поездки. Правда, платежный день приходит к концу, та “сгущенная” атмосфера, которая здесь царит в продолжение трех часов, начала спадать, народу осталось в комнате мало, да и те убогаются деньгами и остались сидеть в конторе по своему желанию, дожидаясь товарищей, назначивших здесь свидание, и т.п.

Судаков просил меня непременно сегодня Вам написать и отправить письмо с Н.Н.Литовцевой. Но, по-моему, она едет не в Москву, а через Москву в Железноводск прямо, т. что письмо надо будет отправить по почте. Вот какое дело волнует Судакова, о чем он сегодня пишет Егорову. К нам сюда дошли слухи об очень тяжелом состоянии здоровья Добронравова и о том, что, несмотря на болезнь, он едет в поездку с “Белугиным”, чтобы не срывать поездку и заработок товарищей, понуждаемый к этому этими товарищами и собственной женой, рассчитывавшей на его заработок. Повторяю, это слухи, пришедшие к нам от

приехавших из Москвы наших актеров. Судаков беспокоится, что Вам об этом всем не доложили, иначе Вы бы вмешались в это дело, зная, как нам нужен Добронравов с самого начала будущего сезона. Вот-вот рассказали нам, что у Добронравова приступ малярии и острый колит. Температура его доходила до 40 и держалась несколько дней. Заболел он на даче. Вызвал к себе ответственных по “Белугину” и заявил им, что в поездку ехать не может. Но потом, сдавшись на уговоры жены и товарищей, согласился поехать с 30 июня. До 30-го эта группа из-за его болезни несла убытки в 18 тысяч. Однако, как говорят, 30-го он не мог выехать в поездку, т.к. 29-го у него была температура свыше 39-ти, и отъезд перенесли на 4-е. Будто бы на даче товарища его застали в ужасном нервном состоянии, таком, что при их отъезде он вдруг заплакал. На них это произвело угнетающее впечатление – и его состояние и вообще атмосфера у него дома. Поэтому на следующий день будто бы Малолетков с Калининым отправились снова к нему на дачу и увезли его в город, где он теперь и находится. Может быть, я пишу Вам вещи Вам хорошо известные. Но я должна осветить картину, как она рисуется здесь. Если Добронравов не будет лечиться и отдыхать, он на будущий сезон не работник. А нужен он до зарезу, Вы ведь это хорошо знаете. Евг. Вас. в беспокойстве за репертуар пошел говорить с Судаковым. Судаков забил в набат, позвонил мне, чтоб я написала Вам, боясь, что Вам не сообщают всех этих дел, сам же сел за письмо к Егорову с предложением, чтобы дирекция премировала Добронравова за сыгранные им в этом сезоне три новые роли¹ суммой, которая возместила бы ему заработок по белугинской поездке, остальным же белугинцам выплатила бы взаимобразно нужные им на лето суммы, с тем, что они в будущем сезоне, сыграв “Белугина”, вернут свой долг дирекции. Для начала Судаков намеревался требовать от Егорова, чтобы Добронравова премировали в сумме 5–6 тысяч, чтоб он мог отдохнуть летом и не думать о халтуре. Но я ему сказала мое мнение, что такое его требование явно обречено на провал. Егоров не только не согласится на него, но просто на смех его поднимет. За “Грозу” Добронравов был премирован вместе со всем составом, “Кречет”, вероятно, будет премирован тоже в свое время, осенью, и вообще это такой прецедент, на который вряд ли может согласиться дирекция. Судаков немного остыл и сказал, что напишет, чтоб его как-то и премировать, а что-то в долг дать, но чтоб материально его устроить и успокоить.

Жизнь наша протекает спокойно. Вчера были некоторые волнения с декорациями “Врат царства”. Так как их не было еще на станции получения к концу дневного спектакля (“Пиквик”), то Евг. Вас. счел нужным на всякий случай предупредить пиквикистов, что, если декорации не придут, то придется играть вечером не “Врата”, а “Пиквика”. Об окончательном ответе предложено было всем справиться в конторе, где мы с Ниной Сергеевной дежурили у телефона по очереди. Вскоре после конца утренника позвонили нам Готтих и Гудков, что декорации

прибыли, и мы стали уведомлять пиквикистов, что они свободны. Но еще без пяти минут семь из Выборгского дома звонил нам машинист сцены, что декораций пока нет. Однако ровно в семь они прибыли, и спектакль благополучно состоялся.

Мне сказали приехавшие из Москвы, что Вы получили 28-го июня паспорт, но еще не фиксировали день отъезда. Откуда-то пришли слухи, кажется, Качалов их сообщал, что есть сведения, будто всех, перечисленных в нашей бумаге, отпускают для лечения за границу. Думаю, что это утка. Либо Качалову кто-то неверно сказал, либо слышавшие Качалова что-нибудь не так поняли. Еланская говорит, будто вопрос обо всех заграничниках (исключая, конечно, Вас и К.С.) должен решиться числа 2–4 июля.

Правда ли, что К.С. не поедет за границу и будет жить летом в нашем незаконченном доме отдыха? Так у нас говорят и его неотъезд объясняют тем, что “кабинет” все сделал, чтоб не пустить его за границу из опасения, что он надолго там останется, должен будет серьезно лечиться, а тогда их положение будет совсем убийственным, раз уж на них при нем, при К.С., навели такую критику. Я спрашивала Подгорного, как в Москве, каковы дела, но он рассказал мне только о погоде – что сильнейшие, небывалые были грозы и ураганы...

Надеюсь, что Вы непременно дадите распоряжение о посылке телеграммы о дне Вашего отъезда. А тогда писать сразу в Карловы Вары? Мне говорил Иверов, что Вы там будете не прямо из Москвы, а после двухнедельного пребывания в Берлине, – так ли это?

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. Желаю Вам и Ек. Ник. от себя и Евг. Вас. всего-всего хорошего.

Ваша *Ольга Бокшанская*

284.

3 июля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Спешу сообщить для Вашего сведения, что вчера, как только стало известно, что такие-то лица из всего списка получили разрешение на паспорта, группа наших актеров заволновалась за Баталова, который приезжал сюда на несколько дней и произвел на товарищей очень тяжелое впечатление своим видом и состоянием здоровья. Действительно, вид у него был убийственный, помимо вообще плохого самочувствия от его недуга, он страдал от припадков малярии. Даже при мимолетной встрече он производил грустное впечатление, а по рассказам товарищей, которые знают его жизнь, его в жизни и в быту, – положение его оказывается чрезвычайно серьезным. Его ближайшие товарищи собрались вместе и составили взволнованное, умоляющее письмо к Акулову,

прося пересмотреть дело о поездке Баталова за границу и не только дать ему разрешение, но принудить его поехать лечиться, т.к. сам Баталов очень пассивно относится к своему состоянию. Почему-то посылку этого письма временно решили скрыть от Подгорного как представителя дирекции здесь. Сначала было хотели направить Егорову для сведения копию письма Акулову, но и от этого отказались. Поэтому я беспокоюсь, что Вам не будет известно об этом письме, а это было бы странно, чтоб Вы не знали этого, если Акулов Вас спросит.

Нынче ночью телефонным звонком Ник. Вас. вызвал в Москву Гудкова, который завтра поедет, и с ним я отправлю это письмо. Я его пишу сегодня потому, что завтра надеюсь получить выходной день и уехать за город. Завтра легкий спектакль – “Врата”, днем организуется большая экскурсия в Кронштадт, платежей у меня не будет, т.к. касса временно пуста, в контору, наверное, никто не заглянет – все это толкает меня на то, чтобы сделать передышку в работе. Тем более что из-за этого я работаю сегодня вот уже 6 часов подряд и еще останусь работать в конторе часа на три минимум. Все дела сделаю, все подсчеты, все ведомости перепишу – тогда могу завтра “загулять”. И у Евгения день и вечер свободный, так что он может свободно уехать за город, вечером куда-нибудь пойти...

Милый Владимир Иванович, извинитесь, пожалуйста, перед Ек. Ник., что не отвечаю ей специально, а прошу Вас передать ей, что вчера я получила ее открытку относительно Султановой. Дело стоит так: Султ. прислала мне с какой-то неизвестной мне дамой 26-го, кажется, записку из Детского, прося устроить ей места на 27-е “Турбины” с Тарасовой. Об этом я Вам тогда и написала. Дама, передавая мне письмо, сказала, что Ек. Павл. живет в Детском и поэтому ответ о местах нужно дать тотчас же, потому что она должна поехать в Детское и передать ответ Ек. Пав. Не знаю, как бы мне разузнать то, о чем просит Ек. Ник. Я попробую зайти в Дом ученых (там ведь, кажется, живет зимой Ек.П.) и там узнать про дела в семье Султановых или если это не удастся, то узнать адрес Ек. П. в Детском и съездить туда погулять и заодно повидать Ек. П. Обещаю сделать все “разыскания” самым деликатным и дипломатическим образом.

Только сегодня удалось мне отправить ценным пакетом мой паспорт в Москву на имя Рипс. Карп. для обмена на заграничный. Боюсь, что все формальности возьмут столько времени, что я не успею получить загр. паспорт, пока я в Ленинграде, и не уеду отсюда непосредственно, а придется мне поехать обратно в Москву и оттуда уж уехать.

Почему-то сегодня Ник. Аф. сообщил, что Вы уехали. А я просила, чтобы Рипси дала мне телеграмму, как только выяснится день Вашего отъезда. И такой телеграммы не было. Не знаю, чему и кому верить – Ник. Аф. или отсутствию телеграммы. Иверов мне говорил, что его жена писала, что Вы собираетесь поехать числа 5–6. Тогда это письмо еще застанет Вас в Москве.

Надо отдавать письмо, едут уж на спектакль, где и отдадут его Гудкову.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович, всего Вам хорошего желаю – и Вам, и Ек. Ник.

Ваша *Ольга Бокшанская*

5 июля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Хочу рискнуть и написать Вам еще один раз в Москву – завтра будет оказия, письмо может быть доставлено Вам 7-го утром или днем. А я слышала, что Вы уедете 7-го вечером.

Спасибо за письмо, которое привез Кедров. Так как Судаков уехал 3-го вечером в Кисловодск, то я не смогла передать ему Ваши строки о “Степанчикове”, я сегодня напишу ему письмо и перепишу в него то, что Вы пишете. Евг. Вас., которому я передала Ваш план о “Степанчикове”¹, высказал такие соображения. У него был расчет на Судакова в начале сезона в смысле выпуска “Федора”. Он считал, что было бы очень важно развязаться с этой работой до начала интенсивных работ по “Карениной” – и полезно в отношении удовлетворения мечтаний Хмелева². Он даже хотел убедить Судакова, чтобы тот не спешил с переносом “Кречета” на основную сцену, а первой своей работой в сезоне считал выпуск “Федора”. Евг. Вас. рассчитывал, что Судаков справится с этим делом в октябре (“Федора”, по его мнению, надо выпускать только без Болдумана – Годунова, оставив в Годунове Ершова, это чтоб не нарушать репетиций “Мольера”, где у Болдумана нет дублера; но выпускать вместе с тем с Подгорным – Шуйским, взяв временно Подгорного из “Мольера” и оставив там за него дублера Кторова)³, “Кречета” же перенести на основную сцену к октябрьским торжествам, т.е. в начале ноября. Как Вы считаете, нужно ли сохранить и проводить в жизнь такой план, или следует вопроса о “Федоре” не выдвигать и с начала сезона повести работу по “Степанчикову”. Беспокоит Евг. Вас. еще и то, что не будет ли слишком перегружен Добронравов. Хотя если ему роль нравится, то он будет работать с охотой⁴.

Судаков чуть было не застрял здесь: накануне отъезда он заболел, не то съел лишнее, не то отравился. Поднялась сильно температура, Иверов уложил его в постель. Но в день отъезда с утра у него было 35.9 и вечером от уехал.

Были большие опасения, как бы не подвела поездку Соколова. Она решила здесь в Ленинграде, имея специальные рекомендации к какому-то профессору, привести в порядок зубы. Просмотрели ее рот и нашли, что есть какие-то корешки, которые надо удалить. Первый раз это прошло благополучно, но на втором сеансе получилось что-то вроде чеховской “Хирургии”: вырвать зуб не удалось, а привели ее в состояние невероятнейшее, отравилась она кокаином, испытала жестокие боли. Несколько дней она себя чувствовала так, что нашла нужным предупредить администрацию, чтоб не отпускали из Ленинграда Еланскую, прежде чем не выяснится, что с ней, Соколовой, не будет никаких бед. Но

сейчас она уже чувствует себя почти совсем хорошо, и Еланская останется здесь еще до 8-го, так что времени хватит, чтоб все это уладить.

По поводу “Врагов” хочу Вам сообщить, что Евг. Вас. их в сентябрьский репертуар, решающийся теперь уже, не включил⁵. Что же касается октябрьского репертуара, то Евг. Вас. должен его выработать и сдать в конце августа. Он просит Вас к тому времени сообщить ему, когда Вы предполагаете вернуться и на какое число он может наметить премьеру. Конечно, без Вас было бы просто немислимо выпустить этот спектакль.

Читала я вчера статью Млечина и взбесилась от фразы: “Спектакль, осуществленный Кедровым”⁶. Что там есть от Кедрова? Мы же, многие из театра, были свидетелями, что Вы делали все в этом спектакле. И в статье Млечина не только отмечают по “Врагам” те режиссерские находки, кот. особенно примечательные и которые были найдены именно Вами, но и по “Кречету”, отмечая режиссерскую работу, он останавливается как раз на том моменте, который Вы сделали в сцене Лиды с Кречетом (любовной). Я помню, что Степанова мне говорила, как Вы нашли и передали ей ее поведение в этой сцене. Бессильно я злюсь, я понимаю, статья уже написана, но не могу я переварить, что приписывают нашим режиссерам то, до чего они никогда бы и не додумались. Не зря я как-то раз на показе “Врагов” Реперткому сказала за чаем Литовскому, что было бы интересно звать их не как Репертком, а как рецензентов и теоретиков театра, на репетицию, когда режиссер сдает Вам свою работу, а потом позвать их же на репетицию, когда Вы выпускаете пьесу.

Вы пишете о компенсации Рипси за лето, я уверена, что ее Ник. Вас. не обидит. Вероятно, она получит от ленинградской поездки, из того сан. фонда, кот. поездка отчисляет, стоимость лучшей путевки, т.е. 700 руб., и кроме того за неиспользованный отпуск месячный оклад 400 руб. И дирекция, если Вы и К.С. это решите, может, вероятно, еще как-то добавить награду, помимо этих сумм, которые Рипси имеет полное право получить.

Владимир Иванович, я в затруднении. Сегодня утром я получила письмо от В.М.Типольт, которое прилагаю. Если Вам не хочется его разбирать, вот в чем дело. В.М. благодарит за то, что ей были предоставлены места на все три спектакля, привезенные нами (“Турбины”, “Пиквик” и “Врата”) и просит по возможности дать ей снова места на те же три спектакля в Нарвском доме. Надо Вам сказать, Владимир Иванович, что те места, которые предоставляются нам по договору, приходится раздавать многим учреждениям, с которыми нам приходится иметь дело, главным образом для устройства жел.-дор. билетов. Поэтому на эти места рассчитывать нельзя. И Типольтов и Каменских я устраивала, через Маркизова прося места у администрации Домов культуры. Каменских в общей сложности надо устроить на 6 спектаклей (три для Ол. Вл., три для родителей). Часть спектаклей они просмотрели, часть будут

досматривать в Нарвском доме. А в Нарвском доме администрация оказалась в критическом положении потому, что обычно она заставляла помещение оркестра стульями и давала на них контрамарки, а теперь это им запретила пож. охрана. Так что они остались на мели и отказывают в контрамарках. Я пишу так подробно для того, чтобы спросить, имею ли я право отказать Вере Мих. в просимых повторных билетах. Если да, я пойму по Вашему молчанию, если нет – распорядитесь, чтоб меня Рипси известила телеграммой, тогда придется либо покупать билеты, либо, если все продано, произвести максимальный нажим на дирекцию Дома культуры. Нужно ли это? Когда в вопросе о Каменских я сказала, что Вы предлагаете купить места за свой счет, то, конечно, на это не согласились ни Дома культуры, ни Маркизов.

Милый Владимир Иванович, сегодня я с Вами прощаюсь, больше дел нет, если будет еще что-нибудь – припишу завтра.

Когда вчера вечером после занятий в конторе пришла домой, мне подали в “Астории” Вашу телеграмму об отъезде. Так поздно я узнала о нем, что не могла пожелать Вам хоть по телеграфу счастливого пути. Посылаю рецепт. Вопрос о Типольт (билеты) написала зря, вряд ли успею получить от Вас ответ. Постараюсь получить на что-нибудь к концу гастролей, так и сообщу ей. Всего-всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

286.

12 июля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Письмо это пишу после довольно большого перерыва, вызванного тем, что была очень сильно занята подготовкой к заключительным расчетам, а потом и частью этих расчетов с уезжающими ранее конца поездки, а также тем, что никаких примечательных событий в нашей жизни не произошло.

Спектакли протекают благополучно, без накладок, с неизменным очень большим успехом. Участники поездки пребывают в довольно и уверенном состоянии, которое дается хорошим заработком и предвкушением отдыха. Страсти, кипевшие в Москве в конце сезона, здесь пока поневоле остыли, т.к. мы мало связываемся с Москвой. С тех пор как кончились спектакли в Москве в Парке культуры и отдыха, переезды постоянные между Ленинградом и Москвой кончились, из Москвы приезжают только случайно. Дважды пришлось ездить в Москву Гудкову, вот сегодня он как раз второй раз туда уезжает, все Ник. Вас. его срочно туда вызывает по поводу дел ремонта, касающихся его части. После первого своего визита в Москву он рассказывал, что Ник. Вас. собира-

ется почему-то к нам сюда приехать на последние дни гастролей, что он приедет с ним, Гудковым, когда тот поедет в Ленинград после второго визита в Москву. Второй раз приезжал сюда Соболев для улаживания наших финансовых дел, которые сейчас как будто приведены в порядок, во всяком случае, Маркизов рассчитывает иметь достаточно денег для всех окончательных расчетов с участниками поездки, паники у него я не наблюдаю, хотя и не могу вытянуть от него твердого признания, сколько же и когда же он мне даст денег для этих последних расчетов. Он только сказал мне, что завтра даст тысяч 60, а мне, собственно, нужно всего ок. 80-ти, и, вероятно, Маркизов, надеясь, что в один завтрашний день я не успею все равно раздать всем деньги, предполагает послезавтра добавить нехватящие 20 тысяч.

Посылаю Вам две рецензии о наших спектаклях. Одна из них переписана мною потому, что это газета “Кировец” не продается, она издается на Кировском (быв. Путиловском) заводе, и один ее номер получил от кого-то Станицын, давший мне только в переписку номер газеты, желая его сохранить для своего архива. Я переписала для Вас и для нашего театрального музея.

Из-за моей занятости Евг. Вас. отправился в Дом ученых, чтобы расспросить там об Ек. Павл. Султановой, но ничего узнать не смог, к кому бы он ни обратился: никто не знал, где она и ее сын, – ни в канцелярии, ни в самом Доме ученых.

Каменских мне осталось устроить только еще на одного “Пиквика”, остальное они просмотрели: родители пока две пьесы, а Ол. Вл. все три. Для В.М.Типольт вряд ли удастся устроить вторичный просмотр наших пьес – очень уж большой наплыв просьб со всех сторон и администратор Дома культуры мечется как угорелый.

Я еще не имею сведений из Москвы, что мой паспорт, виза и валюта получены, и жду об этом уведомления. Из-за путаницы, вызванной сообщением, что без меня, без личного моего присутствия, эти дела не смогут быть оформлены, несколько раз приходилось перерешать, откуда же я поеду – из Ленинграда или из Москвы, и наконец, чтобы не вышло окончательной путаницы, я просила сюда мне ничего не высылать и решила во всяком случае, даже если паспорт будет получен в Москве по посланным туда доверенностям, поехать в Ригу из Москвы, задержавшись в Москве на минимальной короткой срок, если возможно – от поезда до поезда. Отсюда я мечтаю уехать хотя бы дня на два раньше, чем кончатся гастроли, т.к. если я произведу до 16-го все расчеты и приготовлю все делопроизводство по отправке поездки по домам, то мне фактически в эти последние два дня нечего будет делать, все равно и платежи и отправка должны быть закончены и налажены заранее, за несколько дней.

Теперь уж, вероятно, я Вам напишу в следующий раз только из Риги, где мой адрес будет, как и в прошлые разы: Riga. Latvya. Alberta iela, 2, dz. 1. Olga Bokchansky.

Милый Владимир Иванович, шлю Вам и Ек. Ник. самый нежный привет и желаю как можно приятнее и радостнее проводить время, хорошо полечиться и отдохнуть.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Пока я занималась в конторе после того, что написала Вам, пришел С.М.Зарудный (конечно, с просьбой о контрамарке для какой-то своей знакомой, дочери декабриста), и я воспользовалась случаем, чтобы расспросить его об Ек. Павл. Вот что он мне сказал. Перед своим отъездом из Лнгр., т.е. перед 7 июля, Вас. Ив. Качалов был у Ек. Павл. здесь в Лнгр., в ее комнате в Доме ученых, и видел и ее, и Юрия, и рассказывал Зарудному, что Юрий произвел на него впечатление, что с его здоровьем ничего катастрофического нет. Ек. Ник. говорила, что поселила его в Детском Селе и что он чувствует себя лучше, чем на Кавказе. Вероятно, сейчас Ек. Павл. и сама поселилась в Детском с Юрием, раз Евг. Вас. не нашел ее в Доме ученых. Зарудный обещал сообщить мне больше подробностей о Султановых, если повидается с ними до моего отъезда из Ленинграда.

Еще раз всего хорошего, милый Владимир Иванович.

О.Б.

287.

16 июля 1935 г.

Милый Владимир Иванович,

через несколько часов, через 5 часов уезжаю. Мне разрешили уехать, т.к. я разделалась со всеми платежами и делами. Завтра утром в Москве, вечером выезжаю оттуда в Ригу.

Посылаю Вам последнюю о нас заметку.

К концу гастролей огорчили нас три случая накладок. Проштрафилась: Грибков – не пришел на спектакль “Турбинных”, на роль Сапожни-ка, просмотрел свою занятость. Сыграл за него Блинников, бывший в театре, основной исполнитель этой роли, т. что спектакль не пострадал. Затем Шиллинг – не пришел к своему выходу в “Пиквике”, был на бегах, попал на круг и долго не мог с него выйти, не выпускали, потом в пути на трамваях ряд задержек, пришел тогда, когда его картину начали с Людвиговым в его выходе¹. Обоим проштрафившимся строгий выговор объявлен. И наконец в том же “Пиквике” помрежи Лесли и Успенский, первый, принимавший спектакль как помощник, а второй – сдававший его Лесли, заболтались и прозевали дать сигналы на музыку, отчего на сцене была пауза, затем актеры говорили свои слова, а затем запели без аккомпанемента, оркестр вступил позже. Этим: Успенскому выговор, Лесли поставлено на вид. Жаль, что оскандалились к концу поездки.

Спектакли идут с громадным успехом.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Сердечный привет
Ек. Ник. Желаю Вам обоим хорошо провести время.

Ваша *Ольга Бокшанская*

288.

24 июля 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Поздравляю Вас с днем ангела, желаю доброго здоровья и хорошего настроения. Дорогую Екатерину Николаевну поздравляю с семейным праздником.

16-го вечером я уехала из Ленинграда, послав Вам последнее письмо из гастрольной поездки. Утром 17-го в Москве узнала, что дело с валютой для меня Рипси не устроила к 17-му, как я просила. Но так как мне не хотелось оставаться в Москве лишний день, я с утра бросилась в НКФин, оттуда в Госбанк, оттуда в Интурист и, несмотря на задержки в каждом учреждении, к 5 ч. имела на руках валюту, паспорт с визой и ж.-д. билет, и в 7.05 выехала 17-го же в Ригу. Здесь я уже 2 раза была у своего доктора, который пока недоволен ни тем, в каком виде я привезла глаза, ни тем, что у меня развинченное, не собранное состояние, которое надо уравновесить для полноценного результата лечения. Я надеюсь, что это все придет, как только я немного отдохну.

Милый Владимир Иванович, когда я уезжала из Москвы, Рипси мне сказала, что Вы поручили ей снести с Волькенштейном относительно пересмотра инсценировки “Села Степанчикова”¹. Однако наш музей ее заверил, что инсценировка эта не была сделана Волькенштейном. Боясь недоразумения, она задержала свое обращение к Вольк. и просила меня Вам об этом написать, спрашивая Вашего распоряжения – или непосредственно от Вас ей, или через меня. Я ей сказала, что и в письме ко мне в Ленинград Вы упоминали о Вольк., но она просит Вас еще раз ей подтвердить, так ли она Вас поняла.

При прописке паспорта в здешнем консульстве СССР я узнала, что Леонидов и Подгорный там уже зарегистрировались; живут они на взморье, я их еще не видала. Качалов, кажется, должен был приехать 21-го, будет жить в своем всегдашнем санатории, на окраине Риги.

Милый Владимир Иванович, как идет Ваше лечение и отдых? Или Вы и не отдыхаете, а уже взялись за работу над книгой?

Желаю Вам как можно лучше провести время. Сердечный привет
Ек. Ник. Крепко жму Вашу руку.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Милый Владимир Иванович!

Может быть, Вы уже и не в Карлсбаде, но я надеюсь, что мое письмо Вам перешлют.

Спасибо за письмо, милый Владимир Иванович, я так ему была рада. Я не ответила Вам сразу, потому что рассчитывала получить от Жени письмо с какими-нибудь театральными новостями и их сообщить Вам. Женя был в Москве сутки проездом из Ленинграда в Сухуми, где он по путевке проводит отпуск в ЦИКовском доме отдыха. Он очень доволен своим сухумским житьем. Прекрасный дом, комфортабельно, красиво, а жары он не боится, даже любит ее и легко переносит. Из наших, мхатовских, там Степанова и Горчаков, с которыми Женя и проводит время. Женя мне написал, что гастроли закончились очень хорошо и благополучно. В Москве он никого не видел из театра. Он сообщил мне печальную новость о смерти Ольховского (из Малого театра, муж В.Н.Пашенной). Я знала, что он был тяжело болен, затем его оперировали – камни в печени, – вырезали что-то около 30 камней. И после операции – мы тогда еще были в Ленинграде, или даже это было до Ленинграда, – он был очень-очень плох. И все-таки не могу осознать, что он умер, – он был такой живой, такой заинтересованный жизнью и театром человек.

Владимир Иванович, я Вас спросила о работе над книгой, потому что Вы в Москве говорили, что летом подготовите русское издание. Стало быть, Вы его уже сделали? А ведь его надо переписать, – могу я это начать до Вашего приезда? У кого мне тогда получить рукопись?

Я аккуратно прохожу докторские процедуры, но мой д-р находит, что настоящее состояние для лечения появилось у меня только в последнюю неделю – 10 дней, до тех пор было “трепыханье”. Теперь вопрос с моим возвращением. У меня отпуск до 1.IX. Я буду просить Ник. Вас. (по его департаменту) продлить мне отпуск без сохранения жалованья до 15–17 сентября. Я уверена, что он ответит мне, что с его стороны возражений нет, но что мой отпуск решается не им, а Вами. Пожалуйста, Владимир Иванович, разрешите мне продление отпуска, чтобы я могла полностью и с толком пройти курс лечения. Ник. Вас-чу я напишу, что обратилась к Вам с этой просьбой.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы, желаю Вам и Ек. Ник. очень приятного отдыха. Даже не знаю, в какой стране Вас мысленно представить себе. Желаю Вам удачи во всем: в лечении, в валютном переводе из Москвы, в солнечной погоде – в общем, во всем.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Большое спасибо за разрешение продлить отпуск. Значит, 15-го я выеду отсюда, 16-го в Москве около 4 ч. дня, 17-го – на работе. Из Москвы я тоже получила разрешение на продление – об этом мне про- телеграфировал Евг. Вас. Он вернулся из Сухума 24-го и 25-го начал работу. В письме из Сухума Женя просил меня запросить Вашего распоряжения относительно “Врагов”. Важно знать, когда Вы вернетесь и через сколько времени по приезде может быть поставлена в репертуар премьера. Если Вы, как предполагали, вернетесь через 3 месяца после отъезда, то это будет 5/X. Женя думает, что в таком случае премьера примерно 20-го, это правильно? А октябрьский репертуар Женя должен сдать в конце августа или начале сентября. Поэтому ему срочно нужно иметь Ваши распоряжения. Может быть, Вы будете так добры, напишите их прямо Жене?

Пока получаю сюда только сухумские Женины письма, театраль- ных новостей в них мало. Только вот какие: на вакантное место помди- ректора МХАТ, освободившееся после снятия Сокальского, преемника Леонтьева, назначена Животова Ел. Серг. – вряд ли Вы ее знаете, хотя она и работала у нас: по кооперативу продуктовому нашего и Большого театра. Такая маленькая-малюсенькая немолодая женщина, голосистая и самоуверенная. Член партии с давних времен. Говорят, сильно нелю- бима Мамошиным и Саврасовым. Зато в исключительно приятельских отношениях с Ник. Вас., как нынче выражаются, “не вылазит” из ниж- него кабинета, ведет с Ник. Вас. нескончаемые разговоры. Я думаю, это был его кандидат в помдиректора. Тут уж было забыто, что при отставке Леонтьева говорилось, что наш пом. дир. должен быть обязательно и непременно спец по строительству. А Животова – спец по кооперации.

Затем Женя мне писал, что Ник. Вас. наконец ушел в отпуск (он же до сих пор считал, что без него театр рухнет) и живет в открывшемся нашем доме отдыха, где проживает еще человек 16 из нашего театра. Их обслуживают 80 человек, состоящие в штате дома отдыха.

Леон. Мир. мне говорил, что К.С. в начале августа переехал на отдых в санаторий Покровское–Стрешнево, где все лето проводит Мар. Петр. Или нет, это Качалов мне говорил, он получил, кажется, от Мар. П. письмо. Станиславские хвалят это место, а Вас. Ив., навещавший М.П., говорит, что там, по его мнению, достаточно гнусно. М.П., по его мнению, осенью, вероятно, уедет за границу. Планов же К.С. он не зна- ет.

Леонидов 22-го уехал в Москву. Он торопился потому, что сни- мается в кино, 25-го у него была назначена съемка. Он жил в том же санатории, что и Качалов, и был очень доволен там всем. Вас. Ив. соби- рается ехать в Москву 1-го сент. или на день-два раньше. Он прекрасно

выглядит, стройный, моложавый. Леонидов мне говорил, что Вас. Ив. держится молодцом, массу гуляет – рекорды ставит по ходьбе.

Они оба как-то зашли повидать меня, а потом мы встретились на “чае”, кот. устроил наш здешний полпред Бродовский, пригласив всех мхатовцев (В. Ив., Л. Мир., Подгорный и я) и директоров здешних театров, представителей латышской прессы и т.п. Из полпредства был он, советник, – он же консул, и торгпред.

Ник. Аф. должен был 24-го уехать во Францию для нахкур. Кур в Кеммери он прошел, но по здешней дурной погоде и сырости Кеммери схватил сильнейший бронхит. Его отпуск до 20/IX, к этому времени он и вернется в Москву.

Я написала Жене про безобразное молчание Рипси и просила его наладить отсылку регулярную Вам всех рапортчиков и расписаний репетиций, а кроме того поручить Виленкину писать Вам, пока меня нет в Москве. Кроме того, просила его писать мне поподробнее о театре, чтоб я могла Вам пересылать эти сведения.

Да, во избежание всякого недоразумения: Горчаков и Степанова – это не повторение, а просто поездка в порядке дружеских отношений. Горчаков пользуется случаем быть внимательным к Степ., он проявляет к ней всегда внимание, Степанова это принимает в тех случаях, когда это ее устраивает. И это, как она говорит, все. Я думаю, что она говорит правду. Но с Эрдманом, кажется, не то разрыв, не то перерыв, она мне говорила, что в письме к ней он ее обидел и она прекратила переписку с ним.

Милый Владимир Иванович, еще раз спасибо, большое спасибо. И от души – всего хорошего, всего самого лучшего желаю Вам и Эк. Ник.

Ваша *Ольга Бокшанская*

291.

Рига, 5/IX–35

Милый Владимир Иванович!

Жене я о “Врагах” (включении в репертуар до 15/X) написала тотчас же по получении от Вас письма, за которое Вас очень благодарю. От Жени получила из Москвы несколько писем с театральными новостями, кот. хочу Вам сообщить. Если Виленкин Вам написал, как я его просила, то, возможно, Вы многое уже знаете. Женя пишет, что на время отсутствия Ник. Аф. назначен замест. зав. труппой – Топорков. Судаков уверяет, что он так и останется на этом деле, но Женя в этом сомневается. В день его – Топоркова – назначения было заседание: Ник. Вас., Рипси, Животова, Суд., Кедр. и Топорк. О заседании Женя знает от Маркова, тоже там бывшего. Н. Вас. держал тронную речь, в кот., призывая худож. управл. к самостоятельности, ставил в пример свою работу по

управлению хозяйством театра: если б он не был самостоятелен, то все дело остановилось бы. Н. Вас. предложил составить репертуарный план (?!), обещая провести у К.С. любой план. Вообще все поведение Н. Вас. показывает, что он стал твердо во главе не только своей части, но и всего театра. У Жени должно состояться свидание с Судаковым относительно реперт. плана, письма после этого свидания у меня еще нет. Как говорит Марков, Суд. намечает: “Лес”, “Чайку”, “Сирано” и “Фуэнте Овехуна”. Марков сказал, что он сочтет своим долгом при обсуждении плана заявить о Вашем намерении включить “Степанчиково” и “Яровую”, хотя и не является сторонником этих двух пьес. Женя недоумевает, на какой же сезон делается этот новый план, раз есть еще не начатые “Каренина”, Пушкинский (или о Пушкине – булгаковская пьеса, кот. автор читал Судакову по его просьбе, а затем, по просьбе вторично, Маркову, Сахновскому, Мордвинову и Топоркову; пьеса понравилась, Суд. в нее вцепился. Булгаков, конечно, не возражает, но с вахтанговцами сам говорить не будет, предоставляя это МХАТу и считая, что право первой постановки все-таки принадлежит вахтанговцам)¹. А “Собака садовника”? А возможная еще современная пьеса? Когда же все это осуществить? Но, повторяю, все о реп. плане Женя сообщает, как слухи, непосредственных сообщений от Суд. он не получал. Женя виделся с Як. Л., кот. ему сообщил такие новости: окончательно отпала кандидатура Боярского и Литовского² и крупных реформ у нас будто бы ожидать не приходится. Затем о Малом театре: ушел на год Головин в Ростов, туда же собирается Пашенная, собирается уходить и Климов. Говорят об уходе Астангова из Театра Революции³. Вам он нравится? Мне – очень, я его видела в нескольких ролях. Только из Жениного письма я узнала о смерти Симова (хоронили 23-го) и из здешней газеты о смерти Радица (хоронили 27-го). Оба умерли внезапно, в одну минуту.

Вернулась дальневосточная бригада. 28-го вечером в театре была торжественная встреча с приветственными речами Топоркова, Судакова и Саврасова, с 2¹/₂ часовым докладом Мамошина, с чтением приказов по ДВ Армии, благодарностей и писем и демонстрацией подарков. Затем выступали многие члены бригады. Все закончилось приветствием и благодарностью полит. упр. Реввоенсовета. Успех бригада имела колоссальный. Съездили они хорошо, жили дружно, впечатлений масса, многому научились. Все очень поправились, за исключением Конского, схватившего на обратном пути ангину.

К съезду труппы опоздали народные (за исключением Леонидова, кот. приехал вовремя... из-за киносъемки), Ливанов (съемка), Кторов (съемка), Прудкин (как пишет Женя, почему-то в кавычках “желудок”), Ник. Аф., о кот. Вам писала раньше, что приедет к 20/IX. Женя пишет, что некоторые актеры ездили в наш дом отдыха дня на 2–3 и очень его хвалят.

Качалова я видела на днях – он все так же свеж, красив и подтянут. 3-го он уехал на 4–5 дней в Ковно “подхалтурить”, собирается вернуть-

ся сюда 8-го, пробыть здесь еще дня 2–3 и затем – в Москву. Я сказала Вас. Ив. на его вопросы все, что знаю о Вас и о Вашем вопросе о нем⁴. Жаль, что я пропустила фестиваль, и жаль, что не увижу Геста, было бы интересно повидать его⁵. Я рассчитываю 15-го выехать и 17-го быть на работе. Лечусь я усердно и результаты хорошие, заметные и для меня, и для окружающих. И д-р мой доволен.

Мне было очень приятно получить “подчеркнутый” привет от Ек. Ник. Передайте ей, пожалуйста, мою большую благодарность за привет и самые лучшие и самые нежные пожелания.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам и дальше с удовольствием отдыхать. Ведь сколько работы у Вас впереди.

Ваша *Ольга Бокшанская*

6/IX

Писала Вам вчера вечером, а сегодня с утра получила от Жени письмо, милый Владимир Иванович, в кот. есть сведения об открытии сезона. Женя пишет о “Кречете” в день открытия. С громадным трудом кое-как закончили до возможности пользования уборные 3-го этажа Б. сцены, надстройку. Еще в 7-м часу чистили, мели комнаты, развешивали занавески. Комнаты сами по себе хорошие.

Были у Жени разговоры с Суд. о плане. Он у Ильи такой: “Юл. Цезарь”, “Каренина” и “Чайка” или “Три сестры”. “Цезарь” в случае согласия Качалова на Брута. Или, если Вас. Ив. больше хочется, не “Цезарь”, а “Лес”. После разговора с Качаловым Судаков будет писать Вам. По-путно заготавливаются “Мар. Стюарт”, Пушкинский, “Пушкин” Булгакова и выпускаются “Мольер” и “Федор”, которого начали репетировать с Орловым – Шуйским. Судаков держит себя оч. самостоятельно, что Н. Вас. ему позволяет, только бы он не добивался реформ, как весной. Говорят, что Топорков все же останется зав. труппой, это и желание Животовой, кот., видимо, не только по хозяйности, а по худож. тоже имеет голос. Так, она возражала против “Яровой” и “Степанчикова”. Возможно, что ее назначение и есть вся реформа.

Прилагаемую записку переслал мне Женя, она исходит от Нат. Вл. Баклановой. Я пересылаю Вам и жду Вашего ответа. Или Вы прямо Баклановой ответите?

На открытом “Кречете” был Суриц с семьей. Вы увидите его еще в Берлине? Он оч. хвалил исполнение, но не пьесу. Корнейчука не было, только Крути⁶.

Еще раз – всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Милый Владимир Иванович.

Спасибо за открытку, полученную на днях. Послезавтра я еду и спешу до отъезда написать то, что знаю от Жени. За эти дни я получила три письма, для меня они были оч. интересны, думаю, что и Вам будет интересно узнать, как побывало управление у К.С. Женья писал со слов ездивших туда Маркова и Топоркова; кроме них ездили Судак. и Кедров. Чтоб не было лишней инстанции в передаче впечатлений, я буду писать Вам буквально из Жениного письма, написанного под свежим впечатлением рассказов. Они говорят – Топорков и Пав. Ал., – что К.С. производит ужасное впечатление, по словам Маркова, это “труп” как снаружи, так и внутри, больше всего думающий о смерти и боящийся ее безумно. Живет в санатории для нервно-больных, в маленькой, скверной комнатухе. Приняты они были весьма сухо и неласково. С самого начала К.С. сказал, что все они мыслят иначе, чем он. Он работает для “искусства”, а остальные – для “производства”. Потом обрушился на Суд. за то, что он в 4 мес. поставил “Кречета” и “провалился” и “провалил спектакль”. (Кстати, в каждом письме Женья пишет, что “Кречет” идет с неизменно громадным успехом.) При этом он ссыался на сообщенные ему мнения высокопоставленных лиц. Словом, Суд. тогда бы занялся искусством, если бы ставил “Кречета” 2–3 года (буквально). Потом К.С. страшно разругал всех в театре. Напр., про бывшего своего любимца Станицына сказал, что он вообще может быть годеи только на эпизод в 2–3 слова, а про Степанову – что она вообще не актриса и ничего на сцене дать не может. Всех нужно посадить на школьную скамью и начать все сначала. Относительно реперт. плана сказал, что он его не принимает, но он “поручил” дело плана Вл. Ив-чу и поэтому пусть все идет на Ваше рассмотрение и утверждение. Топорков и Марков рассказывали все это совершенно удрученные и сбитые с толку.

6-го было 600-е представление “Турбиных”. К.С. прислал сухую короткую телефонограмму-приветствие, кот. Топорков прочел в антракте. Последовало за этим гробовое молчание – так необыкновенно сух был тон приветствия. Юбилярам, конечно, никаких подарков, даже ни цветочка. Топорков, чтоб сгладить неприятное впечатление, сказал дружески-ласковое слово участникам и юбилярам. Потом стало известно, что был заготовлен текст приветствия, но К.С. отказался его подписать. Там говорилось о значении “Турбиных”, как спектакля, выдвинувшего “смену”¹. По мнению К.С., смены нет. С большим трудом уговорили К.С. прислать хотя бы телеграмму. Когда эти подробности стали известны за кулисами, то это показалось настолько дико, что все только смеялись.

Да, во время приема управления К.С. говорил, что через 2–3 года его студия так покажет себя, что забьет всю нашу труппу и явится опас-

нейшим конкурентом МХАТу, что НКПрос только и мечтает об этой студии. А – Женя пишет – накануне на “Кречете” Бубнов так выразился о студии с К. С-овским управлением, что даже нельзя повторить.

Из всех Жениных писем могу понять, что громадная роль представлена Животовой, кот. работает главным образом по худож. части, обсуждая реп. план с Суд. и Марк. Женя ее хвалит, считает культурной и неглупой, несколько только восторженной. Она от всей души хочет повести дело на пользу театра, честно и с хорошим вкусом и тоном, но пока что многое видит в свете и цвете, даваемым ей кабинетом. Кабинет поработал над ней всюду, особенно в смысле характеристики Вашей роли в театре и Вашей работы – худож. и администр. Женя надеется, что постепенно она разберется во всем, но на это потребуется время. Производит она впечатление человека твердого и – в случае необходимости – настойчивого.

Женя пишет, что большое волнение вызвал в труппе прием к нам Гейрота и слухи о приеме Аксенова (быв. муж Гоголевой) из Малого театра². А вот Асланов и Цибульский, которым весной был обещан прием, до сих пор не приняты. Считается, что им обещал прием Подгорный, а его нет (?!).

Всех занимает, отберет ли Подг. с приездом свою должность у Топоркова и роль Ив.П.Шуйского у Орлова, кот. сейчас репетирует. (Кстати, Суд. форсирует “Федора” усиленно.) Думают, что должность останется за Топорк., т.к. К.С. из-за Подг. на стену не полезет, а кабинет даже доволен будет упрочить свое положение за счет уступки интересов Подгорного; и что, чтоб не бить сразу с двух концов – роль Шуйского у Орлова отберут и вернут Подгорному.

План как будто составляется так: осн. сц. – “Враги”, “Каренина”, “Чайка”, филиал – “Мольер”, “Сирано” (или, кажется, “Рюи Блаз”), “Мария Стюарт”; “Пушкин” Булгакова, кажется, тоже в филиал. Между прочим, К.С. при разговоре о пьесе Булгакова сказал: “Как же мы можем иметь дело с этим автором? Он опять что-ниб. выкинет”. Оказывается, это Булгаков “выкинул” что-то. А Вы пишете, что никто не смеет К.С. сказать о причине отхода от нас Булгакова. Да он либо разнесет такого храбреца, либо слушать не станет.

Женя пишет, что фестивальная “Гроза” шла много хуже, чем следовало (по отзывам очевидцев, Женя сам играл “Пиквика”). Особенно неудачны были Еланская и Шевченко³. Нажимали, грубили, Ел. переплакала и перестрадал всю роль. После “Грозы” был банкет Интуриста в “Метрополе”. Были и участники “Грозы”. Гест сказал, что для Америки пришлось бы вымарать все монологи Катерины. Воцарилась неловкая пауза. И Гест добавил, что Еланская держала одну паузу, как Дузе. С афишей фестиваля, кот. Вам так понравилась, тоже была история. “Кабинет” не хотел ее делать, уговаривая Животову, что это не в традициях МХАТ. Случайно узнавший это Марков извлек из музея прошлогоднюю афишу с именем К.С. (“Фигаро”) – и пришлось выпустить нынеш-

ною афишу с Вашим именем. И Федя в этом деле играл неважную роль пособника кабинету.

Вот, кажется, все новости в основном.

Вас. Ив. с большим успехом дал 3 концерта в Ковно, 8-го вернулся сюда и завтра едет в Москву.

Милый Владимир Иванович, я ужасно рада, что через неделю по приезде в Москву буду Вас встречать. Ведь 24-го? Я рассчитываю еще из Москвы Вам успеть написать. Мой сердечный и нежный привет дорогой Ек. Ник. Желаю Вам много хорошего, каждый день пусть будет приятен и радостен.

Ваша *Ольга Бокшанская*

293.

14/IX–35.

Милый Владимир Иванович!

Только что, рано утром, получила еще письмо от Жени, express. Это уже сверх программы, он не собирался больше писать до моего отъезда. И вот что он пишет о театральных делах: 10-го был фестиваль-ный “Кречет”. Гостей было меньше, чем на “Грозе”, разъехались, да и с “Кречета” после 2-й картины некоторые уехали прямо на поезд. Гостей принимали и угощали в фойе. Они сильно бранили “Садко”, а “Гроза” произвела оч. большое впечатление (как пишет Женя, “несмотря на старания Кл. Ник.”). Вообще в отдельных высказываниях (напечатанных) и в беседе с Акуловым гости ставят на первое место “Грозу” и “Катерину Измайлову”. Женя поэтому поздравляет меня и “ужасно рад” за Вас. Марков должен Вам обо всем этом написать. На “Кречете” был Акулов. В антракте он вел беседу с виднейшими театр. деятелями (Ленорман, Картер и др.) – продолжение бывшей у него беседы. После спектакля он сидел до второго часу в кабинете, пил чай и вел разговор о репертуаре. Были Н. Вас., Животова, Суд., Мамошин, Марков и Женя. Суд. напирал на классику (“Мар. Стюарт”, Шекспир), Акулов, не отрицая ее значения, говорил о необходимости создания исторических пьес социального порядка. В частности, говорил о теме Пугачева и заинтересовался возможностью постановки треневской “Пугачевщины” в переделанном виде. Суд. все упирал на “Стюарт”, Н.В. явно злился, много говорила Животова, кот. не глупа, но еще наивна в смысле знакомства с театром. У Жени впечатление, что “кабинет” усиленно хочет всюду и везде смазать Вашу роль, но Животова, как ему показалось, вчера (т.е. когда он писал, это было вчера, т.е. 10-го) была настроена уж не так “кабинетно”, а Акулов упорно ни одного разу не отделил К.С. или Вас, неизменно произнося оба – Ваше и К.С. – имена рядом.

Простите неровный почерк, Владимир Иванович, я только что с постели, рука не слушается.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, и до скорого свидания.

Ваша *Ольга Бокшанская*

294.

18 сентября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот я и в Москве. И хочу непременно успеть написать Вам еще отсюда. Приехала 16-го, 17-го с утра пошла в театр. И сегодня с утра на работе, хотя большая часть времени проходит в встречах все с новыми и новыми еще не встреченными друзьями и приятелями по театру. Работа же моя пока сводится к тому, что я привожу в окончательный порядок стол, шкафы и бумаги, чтобы начать сезон без “хвостов” с прошлого сезона.

Ваше письмо Маркову получено 16-го, а вчера Марков передал его Животовой, чтобы та довела до сведения Ив. Ал. то, что Вы пишете главным образом об “Яровой”¹. Вероятно, Животова это уже сделала: я ее видела у Ник. Вас., когда пришла в кабинет поздороваться и заявить о своем приезде, и по тому, что она сказала, что вопрос о “Сирано” надо отложить на 2 нед., т.е. прежде всего дожидаться Вас (она в первую очередь на этом настаивала, хотя сама она за пьесу и вот-вот готова была заключить договор с переводчиком²) и затем и ее, т.к. она 18-го, т.е. сегодня, на 2 нед. уехала в отпуск в Сочи. У меня было впечатление, что она говорит в кабинете не только равноправно, но даже чуть начальнически, давая указания и распоряжения по всем вопросам и Ник. В-чу, и Феде. Правда, я видела ее недолго, потому говорю только о первом и довольно мимолетном впечатлении. И еще осталось у меня ощущение, что не все так уж ладно между кабинетом и Жив., вернее – между Рипси и Жив., Рипси держала себя в отношении Жив. без тени внимания; когда той понадобился какой-то известный Рипси номер телефона, Рип. и не пошевелинулась его найти, и тогда я пришла на помощь, пот. что случайно удержала в памяти этот номер. Я думаю, что Рипси не может перевернуть, что Н.В. не единоличный владыка теперь в повседневной жизни театра, это так на нее похоже, и я не удивлюсь, если она начнет подзуживать Н.В. вступить в борьбу за власть. Так было, напр., во все время американской поездки, когда Рипси не давала покою Подгорному указаниями, что то Леон. Дав., то Бертенсон, то Вас. Вас. хотят узурпировать права на Н. Аф. Н.В. и Рип. жаловались на то, что несколько не отдохнули (он отдыхал 12 дней, а Рипси вовсе не уезжала из города), будучи “завалены” работой по строительству и фестивалю. Может быть,

это и так, но я уж так знаю их манеру всегда держать себя так, будто на них одних держится весь театр, что не верю в их циклопическую работу. По-моему, это просто неумение распределить и организовать работу. Плюс необоримая страсть к “говорильне”, к потокам слов в связи с каждым делом.

Я спросила про К.С., и они мне сказали, что он продолжает жить в Покровском-Стрешневе, что у него нарыв на пальце, теперь начавший ликвидироваться, что Мар. П. совершенно высохла, до того похудела, но бодрa, всем и всеми в санатории распоряжается, мечтает попозднее уехать за границу. Но, в общем, ничего кроме общих фраз о К.С. не узнаешь. Н.В. подробнейшим образом излагал мне, как и почему вышла задержка в ремонте Вашей квартиры со стороны МХАТ и как неожиданно для него и вопреки договоренности с Мишей в ремонт вмешался Муз. театр. Из такого подробного разговора я вынесла впечатление, что что-то там с его стороны было не совсем ладно и что теперь ему несколько неловко.

Впрочем, Соф. Вит. нынче мне звонила, что ремонт весь закончен, почти все сделал Муз. театр, МХАТ участвовал в малой доле. В таком распределении участия для меня нет ничего удивительного, для Вас, вероятно, тоже?

Возвращаясь к репертуару – стало быть, до Вас ничего решать не будут, я так думаю, что и Акулов так решит. Тем более что только в ближайшие дни он собирается прочесть “Сирано”, булгаковского “Пушкина”, перелистать “Марию Стюарт”...

Сегодня имела большой разговор с Суд., кот. рассказал мне, как проходили его дни и впечатления за это время. Он сказал, что хотел бы начать новую какую-нибудь работу поскорей, еще до выпуска “Федора” (намечен на конец октября). Идеалом для себя он считал бы одновременную работу над “Стюарт” и “Цезарем”, но “Цезарь” уже отпал, и теперь он думает о “Посл. жертве” (для Поповой или Соколовой, одна из них Аркадина, другая Юлия, и тогда обе удовлетворены), хотя тут же начал настраивать себя на думы о “Чайке”. Словом, когда Вы приедете, он сразу попросит Вас дать ему работу, тем более что как будто Пушкинский спектакль он за собой уж не считает. Вы ведь не хотели давать ему Пушкинский, хотя первоначально он и принимал участие в сборищах наших пушкинистов, как будущий режиссер?³ Суд. мне сказал, что по его сведениям Топорков останется зав. труппой, в случае же его ухода уйдет из управления и Суд., т.к. работать в прошлогодней тройке он не согласен. Он рад, что в управление им втянут Марков как равноправный член управления. При такой комбинации (он, Марков, Топ.) четвертый Кедров не представляется ему невыносимым. Я знаю, что Жив. имела большой разговор с Сахн., приглашая его в управления, но Вас. Гр. отказался, обещая помогать советами в случаях кооптирования его. Но и то только при том условии, если эта четверка будет в таком равноправном виде сохранена. Если ж зав. худчастью и самым старшим

в управлении будет назначен Кедр., о чем одно время говорили, то Вас. Гр. ни за что не примет участия ни в каких работах управления.

Писала ли Вам Лизочка о Ник. Петр.?⁴ Он подписал контракт на съемку в кино. Съемка будет в Ялте, он скоро уезжает туда. С его приемом дело было затянулось, но в конце концов Жив. имела с ним разговор и сказала, что он будет принят, с К.С. все договорено, теперь ей надо договориться с Вами. Но Ник. Петр. попросил, чтобы прием его был отложен из-за его киносъемок до 1 янв.

Вас. Ив. приехал на день раньше, чем я, и тут же простудился, у него насморк и, как говорит Дима, плохое, мрачное настроение. Иверов мне сегодня сказал, что он подозревает, что Вас. Ив. не удержался от своей “пагубной страсти” – по его мнению, свихнулся он в Ковно. Это он мне сказал под сильнейшим секретом.

В отдельном пакете я посылаю Вам сегодня всякие наши рапортики, хотя не уверена, что Вы в предотъездной спешке сможете их просмотреть. В сборах у нас пока частые недоборы, “Сплав” перестал делать полный сбор, в филиале без осечки идут только “Кречет” и “Пиквик”.

Многие Вас сильно ждут, веря, что с Вашим приездом и определится настоящая жизнь и работа театра, значит, и их жизнь и работа. Но, по-моему, больше всех жду Вас я, и вовсе не в связи с определением моей жизни и работы, кот. для меня довольно ясны, а просто потому, что лучше всего тогда, когда я могу работать для Вас и около Вас.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, до скорого свидания, ведь это мое первое и последнее московское письмо.

Сердечный и нежный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

295.

20 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Много есть вещей для доклада Вам, на целый ряд вопросов буду ждать ответов с обратной почтой. Начинаю:

1. Сегодня я переписала для отправки К.С. распределение ролей по пяти пьесам и, чтобы не было недоразумений, посылаю Вам с этим письмом точь-в-точь такой же экземпляр, как и К.С. Кроме того, я составила проект препроводительного с этими распределениями письма к К.С. от Судакова. Суд. придет вечером и просмотрит текст, тогда я перепису, для Вас сделаю копию и приложу тоже к этому письму. И тут же по распределению ролей оказались вопросы:

Суд. предложил Евг. Вас. переменить в Лепорелло Грибова на Грибкова и Кедрова (Жида) на Топоркова¹, но Евг. умоляет этого не

делать, потому что тогда нельзя будет играть параллельно “Кречета” и “Пиквика”, т.е. не будет вообще никакого параллельного спектакля, пот. что с “Сирано” Пушкинский идти не может, а все старые филиальные пьесы будут вконец использованы ко времени выпуска Пушкинского.

По “Карениной”: Вас. Григ. обнаружил невключение в распределение нескольких небольших ролей, кот. теперь, в посылаемом распределении, вставлены и исполнители для них согласованы с Судаковым и Калужским. Это: Тушкевич – Бордуков, гостя – Полонская, гость – Кольцов, дама – Пилявская. У всех у них есть реплики в 1-й карт. Кроме того, Вас. Григ. позволил себе переменить в роли няни Егорову на Петрову. Петрова очень просила ее занять в этой роли, Суд. и Калужский не возражают, потому что Петрова работы не имеет, а Вас. Гр. считает, что она будет мягче и приятнее Егоровой. Наконец, Суд. и Кал. попросили Вас. Гр. наметить дублеров для Петрицкого и адвоката (Масальского и Петкера) на тот случай, чтоб не сталкивались “Каренина” и “Яровая”, в кот. эти два актера тоже заняты. По взаимному соглашению, на Петрицкого назначен еще и Кторов, а для адвоката так пока и не нашли. Репетировать по возможности будут основные исполнители, но в каких-то случаях, особенно когда “Яровая” пойдет уже на сцене, будут приглашаться к работе дублеры. Здесь все это поназначали, но, конечно, и Сахновский, и Калужский ждут Вашей санкции на обнародование всех этих изменений против утвержденного Вами списка “Анны Карениной”.

По “Любови Яровой”: я сказала Судакову про Грибова – Кошкина, а не Добронравова. Он “взвыл”, сказал, что будет писать Вам, убеждая оставить роль за Добронравовым, и поэтому попросил меня в этом распределении оставить против Кошкина пустое место. Он очень Вас просит отдать роль Добронравову и ждет Вашего окончательного ответа поскорей: чтоб можно было на днях же вывесить распределение ролей. В Яровом стоит один Кудрявцев потому, что Астангов до сих пор не может для себя решить вопрос перехода к нам². Сегодня Вас. Гр. имел с ним дружеский разговор, и тот сказал, что хочет посмотреть несколько наших спектаклей, чтобы удостовериться, сможет ли он попасть в тон наших работ. О Москвине – профессоре и Булычове будет отдельный абзац.

Это, кажется, все относительно распределения ролей.

2. Ил. Як. просит у Вас еще раз переспросить, считаете ли Вы возможным дать Титовой в “Кречете” играть в правильную очередь со Степановой, или через два спектакля в третий. Сначала ему показалось, что Вы предпочитаете, чтоб так и продолжалось – 2 спектакля Степановой, один – Титовой, но потом он стал сомневаться, не пришли ли Вы в конечном счете к решению удовлетворить претензии Титовой. У меня этого последнего впечатления не осталось, о чем я ему и сказала, мне показалось, что Вы поручили Суд. призвать Добронравова к порядку в отношении Титовой, но не изменять решения об очередях.

3. Москвин. Для начала о предположениях не пускать в работу “Булычова” он узнал от Сахн., которого увидел раньше Судакова. По рассказу Сахн., он пришел в ярость. Он считает, что “не плохо было бы публике посмотреть на Москвина до его смерти в какой-нибудь значительной роли!” Он не отказывается от профессора в “Яровой”, однако, чтоб был непременно и дублер, на случай его усталости от спектаклей (не от репетиций), но считает для себя абсолютно неприемлемым появиться перед публикой после перерыва в такой эпизодической роли. Соображения кассы его не беспокоят, он считает, что если не часто играть “Булычова”, то сборы будут³. Он высказывал обиды и на Вас, что Вы поставили этот вопрос, и с сильным гневом обрушивался на Суд., которого, вероятно, почитает зачинщиком в этом деле. С Суд. ведь у него старые, неистребимые счеты, вернее – счеты всегда были у Аллы Конст., теперь и он их предъявляет к Суд.

4. Сегодня звонили из “Сов. театра”, ахнули, узнав, что Вы уехали. Я сказала, что Вы обещали обещанное прислать. Так? Они будут еще ждать, а я буду ждать Вашего ответа, что им сказать.

5. Сегодня звонил мне Цибульский, прося устроить свидание с Вами. Когда узнал, что Вас нет, просил меня рассказать Вам, как зверски с ним поступили. Сегодня как раз ему позвонил Дима Шверубович, что в приеме к нам ему окончательно отказано. Звонил Дима потому, что Топорков просил его об этом, говоря, что ему совестно в глаза Цибульскому посмотреть и даже по телефону с ним говорить. Ведь дело доходило до того, что Циб. вызывали к нам в личный стол, он заполнял нужные анкеты, сдавал свои фотографические карточки (уж не говоря о том, что весной, еще при Подгорном, ему был обещан прием с начала этого сезона), и потом вдруг все было Егоровым задержано – и теперь отказ. Он совсем убит и, не собираясь просить Вас о помощи или заступничестве, хотел только Вам поплакаться, как его крепко обидели. Он говорит, что, по его сведениям, ему навредила Рипси, кот. вмешалась в это дело, настроила Ник. Вас. и К.С. Не знаю, может ли это в действительности быть. В таком виде каждый захочет искать своего обидчика и виновника бед и всегда найдет его – но правильно ли? Он говорит, что если б знал, то пошел бы сразу к ней на поклон, а не знал, вот и сплоховал.

6. Назначенный на завтра доклад Боярского отменился, кажется, Боярский захворал.

7. У Добронравова сегодня нормальная температура. Малярия в чистом виде. Спектакль, конечно (“Кречет”), нынче слетел. Из боязни, что при “Хозяйке гост.” будет неимоверный возврат, назначили “Пиквика” с некот. компромиссом. Оставив в “Врагах” Болдумана и Людвигова⁴, их роли в “Пиквике” дали режиссерам спектакля: Станицын играет за Людвигова старого Винкеля в последней картине, а Раевский играет за Болдумана адвоката Фогга. За Раевского Перкера играет Вербицкий, игравший эту роль в ленинградской поездке, т.к. Раевский был в дальневосточной бригаде.

8. Из нашей газеты-многотиражки “Горьковец” сегодня принесли прилагаемый листок – беседу с Вами. Они просят Вас утвердить этот текст раньше, чем они поместят его в газете. Прошу Вас, если возможно, поскорее прислать мне обратно этот листок с Вашими поправками.

9. Сегодня Животова приходила ко мне с большим разговором. Она вчера просидела вечер у К.С. Он ей, конечно, рассказывал о своем телефонном разговоре с Вами. Она сказала, что это был ее первый разговор с К.С. наедине, до сих пор, как она говорит, меня к нему не допускали одну, а когда раз К.С. сказал сопровождавшим Ег. и Рипси, что я вас не держу и вы можете идти, коли у вас есть дела, а Ел. Серг. останется, то они все-таки не ушли. Тут, по ее словам, она говорила с К.С. много такой правды, которая ему могла не понравиться и как будто действительно не нравилась. Но, конечно, все в очень мягких тонах. Если верить тому, как она сегодня говорила со мной о кабинете, она настроена очень критически к его обитателям, особенно к Рипси, которая ей кажется вдохновительницей и подстрекательницей. Она говорила, что напрасно только многие в театре думают, что так легко что-то решить со стороны правительства в отношении нашего театра и его организации. Ясно, что для правительства и Вы, и К.С. представляете собою совершенно равнозначные силы и ни одного из вас не захотят задеть или обидеть. Но ей кажется, что необходимо для дела воспользоваться у каждого из вас максимумом того, что вы можете дать. И если ясно, что К.С. может делать только то-то и то-то, то и нужно, чтоб он это делал, а не то, чего он делать уж не может. Между прочим, он будто бы сказал ей, что работать в театре, над постановкой, он уж не имеет сил. А как же понять тогда то, что он говорил Кедрову? Тогда что же он хотел делать? Не разберешь. На Вас же она смотрит как на единственного, кто у нас в театре может создавать исключительные постановки, и для этого нужно дать Вам все возможности.

А вот Суд, сегодня утверждал, что все-таки какие-то решения по нашей внутренней организации будут, что для этого ждут приезда И.В., но пока что Ив. Ал. из ЦК, где обсуждался этот вопрос, было предложено нащупать почву к развенчанию в глазах К.С. Ник. В-ча, и будто бы Ив. Ал. об этом с К.С. уже говорил. Не в результате ли этого разговора и был звонок К.С. к Вам?

Уже поздно, а Судакова все еще нет (Уж полночь бьет, а Германа все нет – так, кажется?³). Надо отправлять человека с письмом на вокзал, чтоб отправил там спешной почтой. Тогда я лучше завтра пошлю Вам копию письма к К.С. и приложенные к нему составы.

Надеюсь, что Вы хорошо доехали и довольны тем, как устроены в обожаемой всеми нами “Астории”? Сегодня утром мы вспоминали: а Вл. Ив. и Ек. Ник. уже в отеле, уже у себя в номере...

Всего хорошего, милый Вл. Ив., желаю Вам и Ек. Ник.

Ваша *Ольга Бокшанская*

21 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера “Враги” прошли очень хорошо и с большим успехом, очень много вызывали, первый раз заплодировали, как и до сих пор, еще до конца спектакля, на реплику Грибова. После спектакля была Бандровская¹. Она была очаровательная, элегантна и прекрасно пела, хотя голос был чуть-чуть утомленный – она ведь приехала из консерватории со своего концерта. Перед началом пения ее приветствовал небольшой речью Топорков, затем внесли хорошую корзину цветов, чему она радостно удивилась. Это ведь вторая корзина, первая была ей подарена в Консерватории на концерте 18-го. Она спела примерно 7–8 вещей, имела восторженный прием. Перед началом концерта был некоторый инцидент, который, может быть, будет разбираться в дальнейшем. В театр пришел Селиванов из Большого театра (муж Лабзиной) и просил разрешить ему быть на концерте-выступлении Бандровской. Обратились к Ник. Вас., тот отказал. Тогда к нему пошел Мамошин, объясняя, что Селиванов – участник дальневосточной бригады МХАТ и, кроме того, всегда выручает в случае необходимости “Турбиных” “Эпиталамой” за сценой в последнем акте, когда оба наши баритона не могут петь². Ник. Вас. отказал. Тогда к нему пошел Судаков, прося о Селиванове. Егоров отказал в резкой форме. И Селиванова так и не пустили. Сегодня Животова сказала, что так этого дела не оставит, что это форменный произвол, что она доложит об этом Акулову. Кроме того вчера же было так: днем Жив. спросила меня, где находится бумага о повышении некоторых окладов. Я направила ее к Егорову. Вечером я спрашиваю ее, нашли ли она бумагу или ее следы? Она загадочно улыбается и говорит: “Нашла-нашла”. Суд., бывший тут же, спрашивает – почему загадочная улыбка? Я говорю: я сейчас ее расшифрую, пойду и спрошу у Ник. Вас., как дела с прибавками. Она, Животова, еще загадочнее улыбается: Пойдите, спросите. Я вхожу к Ник. Вас. и происходит такой разговор:

Я. – Вл. Ив., уезжая, просил меня навести справку, в каком положении дело с прибавками. Бумага у К.С.?

Н.В. – Нет, я ее не передавал К.С. Я буду писать.

Я. – Кому? К.С.?

Н.В. – Нет, Владимиру Ивановичу. Это очень сложный вопрос.

Я. – Тогда напишите, пожалуйста, поскорей, Вл. Ив. интересуется этим делом.

Н.В. – Когда будет время, тогда и напишу.

Я. – Хорошо, я так и сообщу В.И.

Разговор вел он со мной, разбираясь в каких-то бумагах, не оборачиваясь, через плечо, уничтожающим тоном. Я вышла, конечно, взбешенная. Он смеет так отвечать! Если это такое сложное дело, то ведь сложность возникла не после Вашего отъезда. И почему же он не пого-

ворил с Вами еще до Вашего отъезда. Опять-таки маринование бумаг, волокита. А главное – как смеет зам. дир. говорить, что он напишет, “когда будет время”, он должен тотчас же найти время для важного директорского дела. И, наконец, неужели Вы разбираетесь в делах так поверхностно, что только он один видит всю сложность вопроса. Когда я вышла из кабинета, Жив. меня спрашивает: ну, что он вам сказал. Я рассказала, и она опять-таки сказала, что и об этом доложит Акулову. И вообще сегодня в разговоре со мной о безобразной постановке управленческого аппарата у нас при моей фразе, что Н.В. не допускает вмешательства в его финансовые распоряжения, сказала, что “ему придется допустить еще более серьезные вещи, чем такое вмешательство”. Она говорит, что удивляется на всех нас, что такое безобразие в театре можно терпеть месяц-другой, но годами!.. Поживем – увидим.

Сегодня был у Маркова и Судакова Вс.Иванов. Они ему сказали, что пьеса требует большой работы драматурга, что у нас она могла бы быть включена в работу в будущем сезоне и тогда же и выйти, что если б они ему сказали, что она выйдет в этом сезоне, то наврала бы и обманули³. Вс.Иванов сказал, что подумает и даст ответ. Он, кажется, не столь плачевного мнения и о пьесе в ее теперешнем виде, и о том, как ее могут сыграть в Малом театре.

Вчера, кажется, или дня два назад Марков получал письмо от Тренева – он прочел в “Сов. искусстве” о включении “Яровой” в репертуар, даже с распределением ролей. Он спрашивает, так ли это и не пора ли ему начать переделки пьесы. Марков ответил письмом, что пьеса в репертуаре и что ему надо к началу ноября прислать свой план переделок.

Шостакович со вчерашнего дня здесь. Марков ему передал то, что Вы через меня сказали. Шостакович был очень-очень рад и доволен.

Марков просил меня объяснить Вам, что он позволил себе поставить перед Вами вопрос об его работе у Завадского только потому, что он считал, что “Риголетто” выключен из работы. О своих видах на “Риголетто” он имел большой разговор с Мордвиновым и рассчитывает, что Вы его от Мордв. знаете и дадите ему свой ответ. Сегодня Марков окончательно заявил Зав. о невозможности работать у него.

Сегодня посылаю Вам те бумаги, что пошли к К.С. Бумага о Раевском направляется тоже и Вам, и К.С. Сегодня вопрос о бригаде для колхозов снова обсуждался, Суд. и Животова вызывали к себе участников бригады, но так, кажется, ни до чего и не договорились.

Вот все сегодняшние новости как будто. Значит, до завтрашнего письма.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Мой сердечный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

22 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром я нашла на своем столе пакет с ответом К.С. относительно плана. В копии его при сем прилагаю, равно как и копию того письма, которое сегодня же управление послало К.С. Кедрову тоже было предложено подписать это письмо, но он уклонился, сказал, что будет звонить К.С. по телефону. Сказать по правде, намерение К.С. изъять Ливанова из пьес будущего репертуара произвело на все управление очень неприятное, нехорошее впечатление. Стиль письма К.С. показались схожим со стилем Н. Вас., словом, все продолжается, как и прежде, только “окружение” немного изменилось: Подгорного заменил Кедров. Жив. рассказывала мне, между прочим, что ей ни разу до 19-го не удалось поговорить с К.С. наедине, ее всегда сопровождали “члены кабинета”. А 19-го она позвонила К.С. по делу, а он ей предложил приехать к нему. Только таким образом она попала к нему для разговора наедине. На след. день этот ее визит вызвал ряд вопросов к ней со стороны Н.В. Когда она спросила, откуда он тотчас же узнал о ее визите, он сказал, что ему сказала Рипси, а Рипси сказал шофер. Это ее поразило – “разведка” поставлена блестяще. Сегодня она же мне рассказала, что накануне у нее был дикий спор с Ник. Вас., кончившийся тем, что он раскричался неудержно, а потом выбежал из кабинета. Это на то, что она ему сказала, что кабинет своими действиями и поведением дискредитирует К.С. Она рассказывала Судакову, что была поражена следующим: она пришла к Ник. Вас. говорить снова о деньгах для Ливанова (предмет части беседы ее с К.С.). И на это Н. Вас. сказал: “Это что, вам Костыка сказал? Что вы его слушаете! Я уж сорок лет его знаю и привык не слушать, что этот дурак говорит о делах”. Мы-то знаем, что он часто так выражается, но ей, новому человеку, было и странно и страшно.

Вчера на Ваше имя пришел секр. пакет из ЦИК, в нем бумага такого содержания: “Зав. финотделом ЦИК Никитину, копия – Вам. Пересылаю Вам (т.е. Никитину) для исполнения письмо тов. Немировича-Данченко В.И. с резолюцией тов. Акулова И.А. относительно оплаты режиссерам за постановки пьес. Размер персональной выдачи указан в резолюции т. Акулова. Подпись – Оленев”. Только сегодня я смогла дозвониться до Никитина и спросила его, получил ли он это отношение и что сказано в резолюции. Он мне сказал, что как раз вот посылает нам в дирекцию сообщение относительно разрешения произвести из дотации разрешенные выплаты. Т.к. он говорил, что вот сейчас посылает, я постеснялась спросить, какие суммы разрешены, надеюсь это вскоре узнать из бумаги. Но с моего разговора с ним прошло 7 часов, а бумага до сих пор в театр не доставлена. Так что я смогу Вам сообщить о суммах только в завтрашнем письме. Рипси говорит, что масса времени в ЦИК уходит на проверку пакетов через регистрацию, что меньше 12

часов пакет, вероятно, идти не сможет. А к тому времени письмо мое уже будет Вам отправлено.

Сегодня сначала звонила секретарша Беуса, а потом и он сам, с вопросом, как бы получить рукопись. Произошло недоразумение. Тот человек, кот. Беус, без посредства секретарши посылал к Вам 17-го за книжкой, ни слова не сказал ни 17-го, ни 19-го, что рукопись он не принес. А Беус его не спросил, будучи уверен, что рукопись передана секретарше. Сегодня хватились – он освободил себе вечер, размечтался, что будет читать, – а рукописи в редакции нет. Я пообещала, что сегодня же напишу Вам и спрошу, не оставили ли Вы рукопись так, что я смогу ее у Вас на квартире найти. Тогда я им передам рукопись еще в Ваше отсутствие¹.

Да, я хочу объяснить, что управление нарочно включило в свое письмо абзац относительно бумаги о прибавках. Хотя мы знаем, что Н.В. не отдал бумаги К.С., самовольно задержав ее у себя в течение двух недель, но управление рассчитывает, что К.С. тогда запросит его об этой бумаге. Я полагаю, что ничего в этом деле решения Егорова изменить не может, он решил что-то, и вот Вы увидите – он поставит на своем. Сегодня я была на генеральной “Сев. цирюльника” в новой постановке Баратова. Это очень плохой спектакль и Баратов очень плохой режиссер, уверяю Вас. И при этом очень самоуверенный. А художник у него такой, что таких на пушечный выстрел к театру подпускать нельзя. Он должен служить в Моссельпроме и рисовать образцы конфетных коробок. И после этого в “Вечорке” или “Сов. искусстве” смогут написать, что в период великого строительства нам стыдно выпускать конфеты в таких безвкусных коробках. А актеры играют ни на капельку не иначе, чем играли эти роли в старой постановке. А публика орала и вопила изо всех сил, и все выходили кланяться и были совершенно довольны. И Мутн. тоже, кажется, был чрезвычайно доволен.

Владимир Иванович, вероятно, к моменту получения этого письма, кот. я для верности все же посылаю Вам почтой, а не через Тарханова, все дело с чаечными бумагами² Вы уже сделаете и бумаги будут ехать ко мне.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы. Сердечный привет (и нежный) Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

298.

23 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Поздравляю Вас с успехом начатого Вами дела о режиссерском вознаграждении, а также о том, что, вопреки Вашим вычеркиваниям

красным карандашом строчки о себе, Вы все-таки остались в общем списке. Скажите, пожалуйста, Ек. Ник., что я поздравляю также и ее, потому что тратить эти деньги Вы, конечно, будете вместе. Копию полученной бумаги я прилагаю.

Посылаю Вам вырезку из “Красной звезды” – там говорится о Вашем призыве к работе по шефству.

Письмо с вложением портрета Шопена передано мне через Виленкина Качаловым. (Кстати, знаете ли Вы, что Вас. Ив., еще в бытность Вашу в Москве, предложил Виленкину должность его личного секретаря, по совместительству, конечно, и Вит. Як. согласился.) Вас. Ив. получил письмо от этой Вавулиной, и в него было вложено письмо на Ваше имя¹. Я подумала, что, может быть, Евг. Евг. тут же и ответит, благо адресат ленинградский, а ответ, вероятно, будет отрицательный, не представляю себе, каким образом Вы могли бы заняться еще и этим делом.

Курьеза ради посылаю приглашение на сегодняшнее открытие Клуба мастеров искусств.

Судаков просит у Вас узнать по двум вопросам: во-первых, если К.С. все-таки будет настаивать на предоставлении Ливанова в его распоряжение, то считаете ли Вы это окончательно губительным для “Яровой”, как это считает Суд., или Вы допускаете и другого Швандю? И второе: Андровская обратилась к Ил. Як. с просьбой репетировать в “Яровой” Панову, вместе со Степановой. Как Вы к этому относитесь? Можно поставить ее второй исполнительницей? Она так и ставит вопрос: не отобрать у Степановой роль, а репетировать обеим вместе. И как тогда с Алеевой, которая в запасе на роль Пановой как будто стояла, не чтобы дублершей, а в запасе².

“Лит. газета”, просившая у Вас несколько строк к Октябрьской годовщине, узнав, что Вы отказали потому, что обещали “Сов. театру”, теперь просит, не дадите ли Вы им то же, что и “Сов. театру”, а они с последним сговорятся, чтобы поместить это одновременно. Что мне им сказать?

Ну, пошла писать губерния... К.С. вчера, получив письмо относительно невозможности дать Ливанова ему и относительно прибавок, звонил Топоркову, имел с ним часовой разговор, в котором с яростью говорил о Суд. и о том, что он, а за ним и все остальные члены управления, травят Кедрова. То, что ему уступали в письме Кедрова, он счел доказательством, что Кедрова показывают никому не нужным. Что же касается прибавок, то, как и следовало ожидать, он восстал против Маркова и Калужского, считая, что это прибавки “своим, любимцам”, не чувствуя, что кабинет не хочет дать им прибавку, потому что они ихние “нелюбимцы”. Кедров тоже устроил вещь: на бумаге о прибавках нет подписи Кедрова только потому, что его не было в театре. Но все эти прибавки были решены на совместном заседании управления в присутствии Кедрова. К.С., получив бумагу без подписи Кедрова, тотчас же

подумал, что подпись отсутствует неспроста, и запросил его, почему он не подписал. Вместо того чтобы сказать, что все фамилии в списке решены в его сотрудничестве, он сказал, что, вероятно, подписи нет потому, что его “травят” и “игнорируют” в управлении. Тут К.С. и поднял бурю. Вплоть до того, что объяснял травлю тем, что Кедров – “его человек”, “единственный, кому он в управлении доверяет”. Сегодня утром К.С. вторично говорил с Топорковым и так поразил и взволновал последнего, что тот попросил тотчас же принять его, т.к. по телефону Топ. не может вести столь серьезной беседы. Но К.С. сказал, что принял лекарства, чтоб у него от всего этого не случился сердечный приступ, и поэтому принять его не может. Я думаю, что, предчувствуя услышать от Топоркова неприятные вещи (например, Топ. в телефон еще успел сказать, что как бы ни относиться к Суд., но он хоть дело делает и хочет его делать наилучшим по его пониманию образом, а Кедров попросту ничего не делает), К.С. уклонился от беседы. Ведь он мог по всемо настроению ждать и критики кабинета, и критики Кедрова, а он не любит, когда ему перечат. Словом, Топ. говорит, что хочет писать письмо К.С., что в таких условиях работать невозможно, что бы ты ни сделал, все в кабинете подвергается критике и докладывается ему тенденциозно, а непосредственного общения с ним никто кроме кабинета не имеет (включая сюда и Кедрова, кот. теперь в агромаднейшей чести и у К.С., и в кабинете). Суд. тоже хочет писать К.С., чтобы выявить неоправданность жалоб Кедрова, Евг. Вас. тоже хочет писать, потому что, судя по тому, что говорил К.С. Топоркову о нем, кабинет насплетничал и форменным образом наклеветал и на Евгения. Словом, настроение у нас наверху неприятное, потому что нет никакой уверенности, что завтра на тебя не выльют в Леонтьевском еще ушат помоев. А К.С. слушает только их, ведь он кроме них никого и не видит. И если кто ему перечит – то это непременно подлец и, наверное, вор или рвач, который хочет что-то содрать с театра в свою пользу. И как-то даже в голову ему не приходит, что самым лучшим образом содрал-то с театра именно Кедров за время своего управления, пот. что устроил себе повышение и в актерском окладе, и в режиссерском и освободил себя от всякой новой работы актерской и постепенно освободился от ролей, в кот. есть у него дублеры. Вот Вы увидите, он Жида играть не станет³. Вот я Вам призналась в своей ненависти, теперь Вы мне не будете верить, Вы будете думать, что во мне ненависть говорит, оттого я так рисую все события последних дней. Но если б Вы знали, какое ненавистное чувство все это вызывает не только во мне одной. Есть же еще люди, которые все происходящее так же расценивают, и – честное слово – это не один Евгений.

Владимир Иванович, можно мне сказать? Я вот прочитала пьесу Вс.Иванова, и мне кажется, что Ек. Ник. права, Вам нравится Ваша пьеса, а не ивановская⁴. Меня поразило в ней отсутствие сценического нерва, как будто автору даже неинтересно было, что это будут *играть*, а не *читать* дома. И конечно, Вы все мысленно переменяли – и Вам

представилась пьеса, а не лит. произведение, щеголяющее своим языком только ради этого языка. И думаю, что работа с автором над пьесой будет оч. трудна, пот. что Иванов не чувствует, что такое театр, сцена, у него другой подход к своему творчеству, по-моему, он просто не сможет понять требований театра.

Простите, что высказываю свое мнение, это, конечно, ни к чему.

Спасибо за письмо, написанное Лигской⁵. Что успела, передала из него, что не успела, передам нынче – завтра.

Всего хорошего желаю Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

299.

24 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Не успела я выразить Вам сочувствие из-за несчастья с Вашим пальцем, как сейчас же повредила у себя палец – и самый рабочий, на правой руке. Стал болеть, Иверов думает, что начинается нарывчик, велел класть в горячую воду, пока положил компресс. И поэтому я пишу коряво, постоянно сбиваясь в буквах. А как Ваш палец теперь? Подживает? Вас не мучает?

Сегодняшнее письмо пойдет не по почте, дам его Маркову.

Тарханов привез мне сегодня подписанные Вами чаечные письма, – спасибо. Я их уже передала в нижний кабинет.

Сахновскому я передала относительно дублерши (даже основной) Михаловской¹. Он говорит – а где же у нас “дамы”? Между прочим, он мне сказал, что у него один раз были занятия с Москвиным по “Булчочву”, Ив. Мих. прошел с ним всю роль, показывая, что он хочет выразить в каждом куске. У Вас. Гр. впечатление, что Москвин сейчас особенно держится за эту роль потому, что он вносит в нее очень много из своих личных переживаний, поэтому он так нервно и отнесся к возможности ее потерять. Главное, что он хочет показать, это – “не на той улице я жил”, и это все через пережитое им в личной жизни. Будто он ищет себе оправданий, и себя, и других хочет в чем-то уверить. И отсюда – у него нет обреченности и безнадежности, потому что он все время верит во что-то светлое, что есть и к чему он придет. В этом смысле, как говорит Сахн., он ближе к Вашему замыслу, чем Леонидов. Конечно, Сахн. все это мне сказал не для распространения, а чтоб я написала Вам, если это удобно.

Из всяких наших “каверзных” дел вот что могу рассказать. Я слышала, что недавно Динамов говорил с Кедровым, советуя ему подальше держаться от “кабинета”, пот. что это может впоследствии принести ему неприятности. А Кедров в разговоре ему сказал, что, мол, Вл. Ив.

очень плохо относится к Суд., всюду и всем его ругает, считает его деятельность вредной. Это же, между прочим, кабинет распускает деятельно по театру, за кулисами, объясняя, что и доклад Вы не стали делать по злобе на Судакова. Динамов слова Кедрова под секретом сообщил Судакову, а тот по секрету мне, прося от его имени заверить Вас, что он Вам предан, что надеется не вызывать Вашего гнева, что понимает, что он иногда ужасно все сгоряча делает, но также понимает, что такие распускаемые о нем и о Вашем отношении к нему слухи пускаются с целью интриги. (Я Вам, конечно, тоже по секрету все это рассказываю, потому что Динамов не хочет, чтобы стало известно, что он рассказал о своем разговоре с Кедровым, вернее – о кедровских высказываниях.) Словом, в результате сделанных Кедрову предостережений К.С. пригласил Динамова к себе (вот только не знаю, на какой день), и Дин. говорил Судакову, что будет говорить с политической точки зрения (не с внутритеатральной) о неприемлемости существующего у К.С. окружения.

Вчера вечером Суд. и Топ., в присутствии Мамошина и Животовой, имели объяснение с Кедровым, обвиняя его в неправильном освещении К. С-чу разных дел и жалоб на свою “обойденность”. При этом они в лоб спрашивали Кедрова: что ты хочешь делать, какую пьесу ставить, какую роль играть, но тот ответа не дал, ссылаясь на то, что теперь связан словом с К.С., обещанием работать с ним, и поэтому ничего сказать не может. Кедров на этом объяснении заверял, что он не жаловался К.С., что это сам К.С. видит и чувствует плохое к нему отношение (к Кедрову) и потому подозревает управление. Конечно, Кедров не таков, чтобы прямо жаловаться, но он может какими-то отмалчиваниями или недосказками еще тоньше передать свою жалобу, чем прямыми словами, у него уж такая манера.

В отношении бумаги о прибавках, как будто, сейчас так стоит дело. К.С. будет рассматривать дело после того, что и Кедров подпишет эту бумагу, причем будет возражать против прибавок Калужскому и Маркову. Он ведь упорный, я уверена, что он не согласится на эти прибавки.

Он, между прочим, в разговоре с Топорковым сердился, что, судя по ответу управления, оно как будто считает, что он план утвердил, но он не утвердил, а принял к сведению. Топ. возражал, приводя текст, где всего только сказано, что они считают его ответ дающим право начать работы. Он говорит: да, работы начать можно и нужно, но я не утвердил, а принял к сведению. Что это значит – так и нельзя понять. Ведь так или иначе, если директор не отверг плана, не изменил его, так ведь план считается принятым, в деле другого наименования быть не может, как принятый план.

Кстати, Суд. должен был делать на ячейке, с группой сочувствующих², доклад о плане. В прениях план ругательски ругали (большинство сочувствующих по плану работы интересной, значительной не имеет), но когда в заключительном слове Суд. предложил изъять не нравящиеся

постановки, то оказалось, что “Каренину” снимать не хотят, “Пушкинский” снять нельзя и “Ярковую” тоже. Значит, только “Сирано”, но если и “Сирано” снять, то филиал без единой новой постановки. И единогласно план был принят.

Сегодня на “Кречета” ждут высоких, самых высоких гостей. Если это будет так, напишу. Вчера в театре был Акулов, как мне сказала Жив., “заезжал на минутку”. Был, конечно, только в нижнем кабинете.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы. Мой сердечный привет Ек. Ник.

Скажите Маркову, чтоб он Вам рассказал про вчерашнее открытие Теа-клуба. Там был капустаник, были имитации всех директоров. Азарин, конечно, гримировался под Вас. Диалоги были, конечно, на злобу театрального дня. Маркову я сказала, чтоб он Вам рассказал, а он стесняется, говорит, чтоб я рассказала. А я предупредила, что в письме устрою провокацию против него.

Еще раз – всего хорошего.

Ваша *Ольга Бокшанская*

26 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Часа два назад получила Ваше второе письмо, продиктованное Лигской. Спасибо. То, что было по части Судакова, я тут же ему и передала. Сахновскому позвоню нынче позднее, домой. Как Вы видите по расписанию репетиций, он как раз теперь и работает над сценой у Бетси.

Суд. теперь посмеивается, когда читает или узнает Ваше поношение “Сирано”, и говорит, что и он не прочь сплавить пьесу в долгий ящик, но только не из-за того, чтобы взять Топ. в Швандю. Ему кажется, что Топ. будет играть в плане Кузнецова, но хуже того, с меньшей заразительностью и увлеченностью, больше “от ума”. А Ливанов, как ему кажется, может “перешибить” Кузнецова¹. К тому же Лив. очень хочет играть Швандю и как будто вовсе не увлечен проектом К.С. изъять его из работ театра. Что касается Андровской, то в прошлом письме я уж Вам писала об ее желании репетировать Панову, и Суд. считает, что в крайности они со Степановой могут разделить между собой Панову и Роксану и сыграть обе – обе роли².

Аросева не звонила, конечно, и я без Вас не считала нужным ее спрашивать – ведь без Вас ничего сделать нельзя, необходимо Ваше личное свидание с Леплевским³.

От Когана я получила письмо с благодарностями и указаниями, что из списка купить для него. Он нашел цены торгсина оч. высокими и сильно сокращает список. Завтра я возьму под Ваше жалованье денег из кассы и займусь покупками. При этом он просит дать знать его дяде Ал. Сем. Либстеру (Миша знает его ленинградский адрес), что если тот не купил еще для его жены полушубка, то и не надо, он просит заменить полушубок пальто зимним. Если на это надо больше денег, чем есть у дяди, он просит Вас выдать ему недостающие деньги. Пожалуйста, Владимир Иванович, попросите Мишу снестись по этому поводу с Либстером.

Вс.Иванов отдал нам пьесу, именно в таком тоне отдал: “Ну, уж так и быть, раз так настаиваете, – берите”. Мне что-то бормотал Виленкин, что, по словам Маркова, Иванов нуждается. Если это так, мне кажется, это просто страшно, что ему еще предстоит претерпеть. Конечно, Вы можете сделать пьесу, сделать спектакль, и не только из ивановского произведения, но из любого, и не только в Москве, но и в Италии, и везде, где Вы это будете делать. Но Вы будете делать “Каренину”, Вы будете делать Пушкинский и “Пушкина”, Вы будете делать спектакль к 20-летию Октября, да, Вы еще раньше будете делать “Яровую”, а тем временем близкие театру авторы могут написать современные и очень неплохие пьесы – и Вы захотите и их выпустить. А где Вы найдете еще

время и силы для сомнительной в смысле сценических достоинств пьесы Иванова, которая при этом вся построена на грандиозном развороте. Ведь там ни одной интимной картины, кажется, нет, там даже келейное убийство вдруг неожиданно (и, по-моему, чрезвычайно фальшиво) разворачивается так, что рядом убили, а на сцене народу-то, народу, и всех автор разводит по местам, заканчивая все взаимоотношения, и к чему-то еще Державин оду читает... А уж до того, что ни картина, то, право, руки врозь: никак не меньше, чем площадь перед Зимним, прием в Зимнем, казачий стан, бал в Михайловском... И всюду поп Никита по ремарке “тащит тючок”, а вслед за ним “выбегает Марин” и вот-вот тючок схватит – ан нет. И в конце концов оказывается, что вся история с тючком значения не имела. Простите, Владимир Иванович, что я так разболталась по этому поводу, но мне кажется, что в будущем будут и у Иванова и у театра неприятные моменты, когда пьеса будет работать темипами “Мольера”, уступая место многим постановкам.

Чего ж вахтанговцы всполошились? Сразу – письмо Вам? Им же еще ничто не угрожает. Я думаю, что они раньше времени стараются везде, где только можно, похныкать и попросить заступничества⁴.

Владимир Иванович, Суд, просил Вам напомнить, что Вы обещали числа 25-го дать ответ относительно школы, по тому листку, кот. Суд, Вам передал⁵.

24-го на “Кречете” у нас был невероятный съезд гостей в филиале. Были: Каганович, Молотов, Микоян, Любченко, Андреев, Чубарь, Якир (ком. войск Украины), Уборевич (ком. войск Белорус.), многие с женами, с детьми – так что в общей сложности в антракте в аванложе собралось 27 человек; для того чтобы предоставить места в партере, пришлось очистить от публики первый ряд, причем для этой публики был поставлен приставной ряд перед амфитеатром партера. А гости были усажены в первом ряду партера и в ложе. Публика дважды делала гостям овацию. Спектакль был проданный – его купил местком ЦК Партии, если я не ошибаюсь, словом, какая-то организация из ЦК Партии. Гостей принимали Евг. Вас. (хотя почему-то Ник. Вас. дал распоряжение Животовой, чтобы Калужского в ложу не пускать – это зав. филиала! Животова только это и успела сказать Евгению, и теперь он хочет ее спросить подробнее, почему возникло такое предложение со стороны Егорова, а потом попросить объяснений у Егор. в присутствии Жив. и Мамошина), Животова и Рипси. Ник. Вас. по какой-то неизвестной мне причине не появился в тот вечер в филиале. Спектакль смотрели с интересом, из актеров больше всего нравились Степанова и Грибков, следующим номером – Топорков, Добронравов – так себе⁶. Добр. действительно в последнее время играет все свои роли пониженно, то ли действительно болен, то ли хочет заставить поверить в свою хворь, для того чтобы получить на все роли дублеров (так он мне говорил, что это его желание) и уйти на год в отпуск, чтоб сниматься в картине из жизни Щорса, кот. делается по инициативе Сталина и кот. должна быть укра-

инским “Чапаевым”. О том, что он будет сниматься в Щорсе, недавно было в “Известиях”. Официально театру это как будто неизвестно⁷.

А каламбура о К.С. и Топоркове я и не заметила, когда писала, не до каламбуров мне было, я такие вещи пишу, всегда волнуюсь⁸. Пока из недр кабинета никаких новостей нет. К.С. сказал Топ., что он диктует сейчас большое письмо управлению, и вот теперь Управление ждет этого письма и само пока К.С. задуманных писем не пишет.

Как и следовало ожидать, организация завтрашнего поднесения чаек до сих пор не определена. Я только что спросила Рипси, выработан ли ритуал, но она мне сказала, что пока нет: Федя должен нынче вечером сговориться со стариками (Кач., Книп., Леон. и Москвин), когда, где и как все произойдет, кто раздаст и т.п. После этого будут вывешены объявления на досках за кулисами. А времени-то сколько было для того, чтобы все раньше обговорить и оповестить не только сегодняшних участников, но и весь театр! Нынче ведь задолго стали думать о юбилейной дате.

Как будто все, ничего не пропустила из событий нашей жизни.

Сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Вам.

Ваша Ольга Бокшанская.

Михаловская очень Вас благодарит.

В каком номере Вы стоите? Хочется себе представить это, ведь я гостиницу хорошо знаю.

301.

27 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сильно я перед Вами виновата, виновата в невнимании, потому что с утра не поздравила Вас с нынешним днем. Евгения с утра поздравила, значит – помнила, а столько не оказалось ума, чтобы подумать, что прежде всего надо поздравить Вас. Простите меня.

Ваша телеграмма прибыла без десяти четыре, как раз вовремя¹. Я тотчас же передала ее Ол. Леон., которая должна была произвести раздачу чаек. Было это весьма не торжественно. После четырех собираться стали в нижнем фойе, и некоторые даже толком не знали, почему и зачем. Другие им объясняли. Из стариков пришли Ол. Л. и Вас. Ив. И Ол. Л., со своей манерой сделать из каждого события, на котором ей надо выступать, что-то, к чему следует отнестись с юмором, немного иронически, отчего событие всегда как-то тускнеет в своей значительности, сказала, что от имени театра она поздравляет всех собравшихся и сейчас некоторых из них наградит, по поручению Вашему и К.С., знаком чайки. (Почему, когда она выступает в юбилеях, торжествах и т.п., когда

она говорит, она как бы приглашает всех посмеяться, каким забавным, немножко смешным, немножко нелепым делом она занимается, а с нею и все присутствующие?) Но до передачи чаек она огласила Вашу телеграмму, встреченную большими аплодисментами. К.С. никак не отметил этого дня в отношении театра, так что мне показалось, что Рипси и Н. Вас. были неприятно удивлены, когда я в их присутствии передала Вашу телеграмму Ол. Л. и притом еще догадалась спросить Рипси: а что прислал К.С.? На что она мне сказала: “*Кажется, ничего*”. Вероятно, они просто позабыли напомнить К.С., что надо как-то поприветствовать театр. А может быть, это сознательно – он сердится не только на управление, но и на весь театр?

После раздачи “чаек” и общих поздравлений (наибольшие аплодисменты и гул, почти рев, приветствий выпали на долю Бутюгина – еще бы, “общий кормилец”) – награжденные были приглашены в новое репетиционное помещение на чашку чаю. Я не пошла туда – что я без Вас значу!

Посылаю Вам очень хорошую рецензию о “Врагах”.

Ил. Як. просит меня переслать Вам проект объявления о принятом плане. Дело в том, что Суд. пришел к убеждению, что от мысли о докладе надо отказаться. Раз что Вы доклада не делаете (Вы заметили, Суд. тоже любит “раз что”, несмотря на нелюбовь к автору этого выражения²), раз что К.С. подчеркивает свое непринятие плана, раз труппе план в общем теперь известен, стоит ли ему, именно ему, а не Вам, делать доклад? Он думает, что будет вполне достаточно, если план будет объявлен на досках с обращением примерно в этих словах. Он Вас очень просит дать на это ответ, если можно телеграфный, тогда без промедления будет сделано это сообщение и начнется возможная работа. Он спрашивает, можно ли подписать Вашим именем это обращение, если Вы вообще его предложение об обращении принимаете. Заодно он просит Вас, если можно, ответить телеграммой и Ваше мнение относительно школы.

Вас. Григ. я передала Ваши строки об “Анне Карениной”³. Он очень рад, что Вы так вплотную беретесь за эту работу, постарается исполнить Ваше задание, но тут же мне плакался об убийственных своих дамах-актрисах, его огорчают все дамы – и Хованская, и Михаловская, и Полонская. Как-то утешает его Гейрот. Этого он даже не просил Вам передать, что ж Вас огорчать: дам этих не переделаешь, других все равно нет, это уж я от себя Вам рассказала.

Владимир Иванович, только дайте, пожалуйста, знать о дне Вашего приезда, я, по просьбе Соф. Вит., должна перед приездом Вашим послать к Вам на квартиру полотеров и обойщика для натяжки ковра.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы. Того же желаю дорогой Екатерине Николаевне.

Ваша Ольга Бокшанская

28 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня мне звонила Соф. Вит. о полученной ею от Ек. Н. телеграмме о овационном успехе “Травиаты”. Поздравляю Вас от всей души. Я была уверена, что в Ленинграде “Травиата” должна особенно понравиться.

Сегодня я ходила покупать вещи для Коганов. Боже мой, какие все еще плохие вещи у нас делают и как они дороги для своего качества! И при этом – толпы народа около каждого прилавка. Но всего, что нужно, я не получила, завтра попытаюсь посмотреть, что есть в Торгсине (у меня есть бонусы; я могу их сейчас на это истратить). А некоторые вещи (детские) сейчас найти не удалось, в магазине говорят, что будут к праздникам. Подожду несколько дней, а потом отправлю посылкой то, что куплено будет к тому времени.

Сегодня Рипси меня от имени К.С. спросила, почему не объявляется репертуарный план? Оказывается, К.С. теперь беспокоится, как бы его не обвинили в задержке ответа, если произойдет задержка начала работ. Я объяснила, что мы ждем от Вас ответа, делать ли труппе доклад или ограничиться вывеской на доске плана и распределения ролей. Тут же она меня спросила, когда Вы приезжаете. Я сказала, что вероятно, 2–3-го, раз Вы написали, что 4–5-го будете на “Карениной”. Ей, оказывается, это нужно было знать для сообщения К.С., который хочет тотчас же после Вашего приезда, без оттяжек, иметь большой разговор по всем театральным делам. Я предложила, что я напишу Вам об этом и спрошу, на когда можно наметить такой разговор. Но она горячо мне возразила, прося Вам об этом ни слова не писать. Как видите, я ее не послушалась. Вы знаете, что я Вам все сообщаю, секрет это или нет. Но уж Вы меня не выдайте, а то попадет Рипси, а Рипси наскочит на меня. А я ее боюсь!!!

А вот нашлись люди, которые ее не побоялись. Мне только что рассказал Дима Шверубович следующее. Цибульский с горя и отчаяния написал Рипси письмо, в котором были такие строки: “Я не удивляюсь тому, что Вы (т.е. Рипси) причинили мне столько зла, потому что Вы всему театру приносите зло”. Рипси сказала Диме, что только два человека из всего театра общались с Циб., Подгорный и Дима. Подгорного она исключает в смысле такой информации об ее деятельности. Значит, это Дима. И Дима, сначала, как он сам говорит, чуть не струсивший и не бросившийся в кусты, все же через секунду осмелел и сказал, что действительно он так считает и выражает не только свою точку зрения, но и общую для большинства театра – что она приносит всем зло, очень много зла. В отношении же себя лично он привел примеры зла, которое она ему причинила, говоря, что она не допустила его на свидание с К.С. в период, когда ему эта встреча была остро необходима, именно потому, что тогда эта встреча была слишком невыгодна для нее и для всех ей

близких. Я сказала, что он, Дима, прямо в Савонаролы метит¹.

Я спросила сегодня управление, как же стоит дело с окладами, и узнала, что К.С. до сих пор не дает окончательного ответа.

Как будто он не возражает против актеров (хотя запросил списки для сравнения всех окладов), но продолжает возражать против Маркова и Калужского и к ним же пристегнул вообще всю администрацию, т.е. реп. контору. Ох, вижу в этом “руку Егорова”, который не терпит дам из реп. конторы, вместе с Рипси их не любит, там постоянная война, еще с тех пор, как Нина Серг. заняла Рипсино место. Топорков должен дня через два снова спросить К.С. относительно его решения по поводу бумаги о повышении. Возможно, что К.С. откладывает это решение до приезда Вашего и разговора, потому что ведь на бумаге есть Ваша утвердительная надпись, даже указание, что большая часть повышений – Ваша инициатива.

Сегодня утром Суд., под влиянием Ваших строк о “Сирано”, начал было говорить, не заменить ли “Сирано” “Укрощением строптивой”. Но сегодня в 4 часа у него было совещание управления, он прощупал этот вопрос и от Кедрова и Топ. услышал мнение, что раз уж взяли “Сирано”, то надо его и выпустить. Понимая, что Топ. лицо заинтересованное, он больше прислушивался к мнению Кедрова, но и тот был за “Сирано”, раз пьеса уж принята.

Сегодня у Керженцева было заседание представителей всех театров, в присутствии Новицкого, по подготовке моск. театров к Пушкинскому юбилею. Это заседание было создано по поручению Бубнова, являющегося зампреда Пушкинской комиссии. Заседание было назначено на 12 час., почему никто из режиссеров пойти не смог, был от театра Виленкин (если бы вернулся Марков, он был бы командирован). На заседании все театры выступили со своими планами пушкинских спектаклей. Выяснилось, что 5 драматических и 3 оперных театра ставят “Маленькие трагедии”. Кроме нас Виленкин запомнил театры: 2-й МХАТ, Еврейский, Завадского. Новицкий деятельно подчеркивал необходимость этот юбилей провести с исключительным вкусом, благородством и как можно достойнее и ближе к Пушкину, к его стилю. Относительно булгаковского “Пушкина” Виленкин заявил, что он будет выпущен после премьеры у вахтанговцев (работаться будет параллельно), чем вахтанговские представители были, по-видимому, удовлетворены.

Ждем Вашей телеграммы о способе извещения труппы о плане. И главное – Суд. ждет Вашего решения относительно роли Пановой: только Степанова, или Степанова и Андровская, вероятно, Андр. крепко за него взялась, что он по несколько раз в день меня спрашивает, нет ли про это от Вас ответа.

Будьте здоровы, милый Владимир Иванович. Передайте мой сердечный привет Ек. Ник. Желаю Вам всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

28 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня была у меня представительница нашей подшефной школы (не военной, а для ребят) и сказала, что они 4-го получили право на свой утренник в нашем филиале, и на этом утреннике они хотят сделать Вас почетным пионером. Но для этого они должны знать, приедете ли Вы к этому времени в Москву и будете ли у них на утреннике (в час дня), потому что заочно пионерами не делают, это целая церемония – надевания галстука пионерского и т.п. Я обещала ей написать Вам об этом и сказала, что рассчитываю получить Ваш ответ ко 2-му числу. Она тогда позвонит мне. Они хотели сделать это сюрпризом для Вас, но побоялись, что, не предупредив Вас, они не уговорят Вас приехать на утренник. У нас в театре есть почетные пионеры – это Книппер, Качалов, Москвин и Вишнеvский. Это – для справки. Я буду ждать Вашего ответа.

Еще я жду Вашего ответа относительно окончательного решения с пьесой Вс.Иванова. Стало быть, ее надо брать и надо заключить с ним договор? Если да, то какую сумму за право постановки Вы считаете предельной, без Вашей санкции Егоров ведь не подпишет договора. Кстати, сообщая Вам, что по проверке оказалось, что все авторы получают за право постановки во всех театрах, куда они пьесу дают. Киришон, например, получил за “Сплав” у нас и в Сатире, а когда ТРАМ не захотел ему платить, то он устроил большой скандал, не знаю чем кончившийся. Поэтому Булгаков имеет несомненное право получить и с нас. Что же касается суммы, то он поставил для нашего театра ту же, что и для вахтанговского, т.е. шесть тысяч, деля ее, конечно, пополам с Вересаевым¹. Так же как и авторские. Кажется, Егоров был очень доволен таким “покладистым” решением вопроса. Сумма была установлена без всяких торгов, Ел. Серг. с таким решением прямо и пришла, чем поразила Егорова в самое сердце. Он, вероятно, приготовился к большому запросу. Срок выпуска в нашем театре обговорен, чтобы не раньше, чем через две недели после вахтанговцев. Однако есть какие-то глухие слухи, что вахтанговцы скрытно взяли за пьесу “во весь опор” и хотят ее выпустить так, чтобы мы не в силах были их догнать. Как я слышала, Дмитриев должен сдать им все эскизы уже к январю. Итак, ждем ответа насчет Иванова. Тот торопит с договором.

Да, хотела Вам сообщить, что К.С. запросил списки участвующих в “Федоре” – и пошла слухи, что он не верит Судакову, что будто он говорил: “На каком основании Суд. репетирует “Федора”? Я считал, что он может только слепить народные сцены, а потом сдал бы их Кедрову”. Ил. Як., обеспокоенный этим и не желая быть в положении режиссера, сдающего свою работу Кедрову, посылая К.С. затребованные списки, приложил письмо, в котором объяснял, почему не репетирует: Яншин

(занят в Мольере и тяготился давно ролью Вас. Шуйского, которую с интересом и благодарностью взял Петкер); Добронравов (за него Блинные только в репетициях, чтоб не загружать Добр., много играющего, Блинные же когда еще сыграет Клешнина – только когда овладеет ролью); Грибов и Истрин за Тарханова в Курюкове – только в репетициях опять же, чтоб не загружать Тарханова: Грибов скоро, впрочем, сможет дублировать, с Истриным нужна большая работа. Дальше Суд. сообщил, что 9 и 10 он рассчитывает провести всю пьесу полностью с Москвиным, репетиции, конечно, подготовив Ив. М-чу все окружение. И тут же прибавил, что он рассчитывает на Ваш приход на репетиции “Федора”, тем более что и Хмелев Вас об этом просил, и Вы обещали. Он рассчитывает, что после такого письма К.С. уж не пришлет к нему в качестве старшего Кедрова.

Сегодня партком и местком Наркоминдела обратились лично к Вам с письмом, прося дать им 8 мест на один из праздничных спектаклей для приглашенных на октябрьские торжества подшефных стахановцев-шахтеров. Я им объяснила, что сразу 8 мест на один спектакль устроить нельзя, т.к. все места, кроме Ваших лично, заняты октябрьской комиссией Моссовета, как это всегда бывает, но что я могу дать им по два места на каждый спектакль. Они сильно обрадовались. Вероятно, при обращениях в другие театры, им не так везло, и с огромной благодарностью взяли места (сами выбрали) на 6-е днем и 6-е вечером к нам и в филиал – всего 8 мест.

Сегодня в филиале мы играли утренник для наших подшефных военно-политических курсов – “Рекламу”. А после этого курсы у нас же в филиале давали нам обед – участникам, руководству, парткому и месткому, словом, человек на сто, кажется. Это в связи с октябрьскими торжествами, пот. что в октябрьские дни мы играем обязательные спектакли и им играть не можем. Перед спектаклем была торжественная часть. Как будто все сошло очень хорошо. Евг. Вас. был там с самого утра и все время, но когда все кончилось, часов в 6 вечера, он там в филиале и остался, т.к. там же играет вечерний спектакль. Так что знаю от него о полном благополучии всего происходившего в филиале по короткому телефонному разговору.

1-го ноября у нас затевается днем концерт для своих, тоже по случаю октябрьских торжеств, с участием певцов из Большого театра (кажется, Степанова и др.), а вечером будет “бал” (говорят, так и будет называться – бал), с играми, танцами, пародиями и т.п. Животова мне говорила, что “собираются повеселиться попросту, вовсю”.

Да, вот что еще хотела Вам рассказать: распространился слух, что К.С. возражает против ввода Степановой в “Дяд. сон”, хотя роль ей дана с 31 года и раз уж она репетировала, но репетиции были тут же прекращены по мольбам у К.С. Лид. Михайловны. Так как одновременно с протестом против ввода Степановой К.С. запросил, почему Коренева не назначается в “На дне” на Наташу (играет Титова), то и стало тотчас же

ясно, что Коренева побывала у К.С. и выплакала у него заступничество. Не знаю, как это дело со Степановой обернется, Степанова, конечно, в волнении. Ей обидно, что ее хотят дважды поставить в пренелепое и обидное положение с этой ролью.

Как будто все наши новости этим и заканчиваются.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Шлю нежный привет Вам и Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

304.

30 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня пишу только для того, чтобы не нарушить порядка ежедневных писем, а то новостей нет, кажется, никаких.

В дополнение к сообщению о вчерашнем спектакле и обеде с кур-сантами подшефной нашей военно-полит. школы, сообщаю, что по общим отзывам обед был превосходный, даже с некоторым количеством открыто подававшихся водки и вина. Пили здоровье Ваше и К.С. В связи с этим Животова подняла вопрос, почему нет нас с Рипси и, узнав, что мы не были включены в список приглашаемых, сказала, что в дальнейшем этого не допустит. Местком объяснял, что и то из составленного было списка пришлось многих вычеркивать, потому что число мест (кувертов) было ограничено. Но Жив. сказала, что она видела на обеде таких лиц, которых смело можно было из списка убрать и заменить их личными секретарями директоров. Встретилась я с Жив. в кабинете у Рипси, и она мне успела наскоро сказать, что хочет рассказать мне некоторые интересные вещи из своего последнего (второго за это время) свидания с К.С. Но она сейчас чрезвычайно занята, разрывается на кусочки, т.к. является председателем нашей октябрьской комиссии.

Писала ли я Вам (кажется, да), что 1-го у нас днем октябрьский концерт, а вечером бал. Заготавливается для бала серпантин, конфетти, дурашливые головные уборы, которые будут раздаваться при входе, котильон. Предполагается закончить бал грандиозной кадрилию. Вероятно, Федя собирается дирижировать, он это любит. Я было сомневалась идти в этот вечер в театр, а как узнала про эти приготовления, то стала сдаваться на советы непременно прийти. До рассказов мне казалось, что должно быть очень мало интересно. Живейшее участие в этом принимает тоже Животова. Она подговаривает актеров сделать номера типа капутника. Пародии, например, которые так пышно расцветают у нас в чайном буфете, когда собирается веселая компания. Я недавно слышала, как замечательно копирует Массальский Гейрота, бесподобно!

Если Миша будет иметь случай видеть дядю Когана, то пусть

скажет ему, что вот какие вещи мне удалось купить: одна пара мужск. шерст. носок и мужск. перчатки – это для него; для жены: джемпер, трико и варежки; для ребенка: шерстяной костюм и варежки. Некупленными из запрошенных вещей остались: для Когана шерст. свитер (нет такого большого размера, как он указывает, № 56), для жены чулки шерст. № 8 (он назначил предельную цену 40 руб., а они стоят больше чем вдвое, и в таком случае он просил не покупать); для матери рейтузы (нет в продаже), чулки № 10 (по вышеуказанной причине), полуботинки (нет с широким носом, что является по его письму обязательным); для ребенка пальто (нет в продаже). Завтра Ив. Ив. Шмонин рассудит, какого размера ящичек сколотить для всего купленного, и я отправлю посылку и одновременно письмо с объяснением, почему части просимых вещей выслать не могла.

Вот и нет новостей, а целую страницу настукала, время Ваше отнимаю.

Вчера “Грозу” смотрело все семейство Рыковых: отец, мать и дочь. Спектакль им понравился, из исполнителей особенно – Андровская и Добронравов¹.

А в филиал вчера неожиданно, а не для спектакля, приехал Акулов, и тотчас же туда поехали и сидели с ним в кабинете Егоров и Жив., т.к. с тех пор Жив. я не видела, то не знаю, о чем были беседы. Шел там “Пиквик”, но он Акулова не интересовал. Я слушала, что Суд. где-то рассказывал, со слов Жив., будто она была у Ак. на приеме и жаловалась на невыносимость работы с Ник. Вас. Проверю, так ли это и что отвечал Ак., и тогда напишу Вам.

Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович, кланяйтесь, пожалуйста, от меня Ек. Ник.

Не понимаем, почему Вы не отвечаете на последние письма, мы (это, главным образом Судаков) ждали телеграммы.

Ваша Ольга Бокшанская

305.

31 октября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Посылаю Вам пока еще в копии только что переписанное мною заявление наших актеров к Вам¹. Как только соберутся подписи, мне, конечно, передадут бумагу, и я пошлю Вам подлинник. Мне ужасно интересен Ваш ответ на эту бумагу, потому что у меня было много своих мыслей, пока я ее писала, и я хотела бы знать, правильно ли я смотрю на людей и на вещи.

Посылаю сегодня мне переданное обращение Союза художников. Такое же передано К.С. Передачу делает муж Тарасовой, Кузьмин, ко-

торый, видимо, работает там. В дополнение к переданной бумаге он мне сообщил, что подобные же обращения сделаны во 2-й МХТ, Малый и Вахтанговский театры. Вахтанговцы хотят заказать 20 полотен, не только портретов, но и целые картины, отражающие жизнь театра. Репродукции с этого материала в красках они собираются впоследствии выпустить специальными альбомами. 2-й МХТ собирается заказать 6 портретов ведущих актеров. Малый и мы – ответа не давали. Их, художников, желание, чтобы МХАТ был бы зарисован наибольшим количеством полотен, причем были бы не только портреты, но и рабочие репетиции – Ваша, К.С., читка пьесы и т.п. У художников большой интерес к писанию мхатовцев, говорит Кузьмин. Список художников, к которым обратятся с предложениями, большой, среди них Вильямс, Кончаловский, Мешков, Бродский (вот бы поставила условие, чтоб Бродскому не давали писать, не выношу его), Герасимов, Ряжский. На мой вопрос о Нестерове и Пименове (маститый и молодой, кот. мне кажется интересным) он сказал, что их в списке нет, но он думает, что Нестерова вряд ли удастся заполнить, а Пименова, вероятно, легко можно пригласить, он сам заинтересуется. Предположено впоследствии издать и репродукции, и организовать выставки, везти даже за границу. Я посылаю Вам материал по этому делу, не дожидаясь Вашего приезда, потому что рассчитываю, что здесь Вы сразу будете загружены, а в Ленинграде Вам легче разбираться в делах, отдавать им время.

Посылаю приглашение на завтрашние наши празднества, это организатор (один из организаторов) и энтузиаст Хаенко просил непременно Вам послать, чтобы Вы хоть пригласительный билет в руках поддержали.

Сегодня такая история (хотя придется начать не с сегодня, а загодя). Несколько лет назад с разрешения Ав. С. театр выдал взаймы Ливанову и Степановой по 8 000 на покупку квартир в кооп. доме, где живут наши актеры, в Газетном. После этого Степ. начала постепенно погашать свой долг, Ливанов же до сих пор не внес в погашение ни копейки. Когда Ливанов развоился со своей женой, то то ли она его выгнала, то ли он сам ушел, но только он ушел так, как стоял, даже все костюмы в квартире оставил, не то что самую квартиру – все своей быв. жене. После этого он начал жить где придется, а женившись во второй раз, переехал на квартиру второй жены. Нынче, после того что жена его родила ребенка (кроме того у нее девочка лет 4 от первого брака), он забрал все свое семейство и переехал в “Метрополь”, заявив, что у него слишком сырая квартира. (Впрочем, кажется, Вы эту историю знали еще перед отъездом.) Теперь о сегодняшнем деле. Звонит мне Иосиф Цитринник как администратор “Метрополя” и сообщает, что Ливанов до сих пор не заплатил им ни копейки, что долгу за ним около двух тысяч, а что по правилам их отеля у них за комнату всегда берется трехдневный аванс. Что на вопрос о деньгах, он все просил отсрочки, потом принес бумагу от дирекции театра (кто ее дал, не знаю, Ник. Вас. не подписывал, я ее на машинке не писала для подписи управления) с просьбой дать ему

отсрочку платежа до 20 окт. Но и 20-го он не заплатил и до сих пор не заплатил. Третьего дня ему было послано предупреждение, что в случае невзноса денег к 1 ноября он будет выселен. Я запросила Егорова, как поступит театр, он передал дело для доклада К.С., а К.С. поручил Рипси сейчас вечером вызвать Ливанова и иметь с ним разговор. Конкретного распоряжения К.С., конечно, не дал, но вот Вы увидите, что кончится тем, что театр внесет деньги по не то чтобы распоряжению К.С., а под каким-нибудь соусом, например, купивши у него карикатуры для музея или что-ниб. в этом роде, пот. что и сейчас уж в разговоре с Рипси я поняла, что продажа карикатур будет Ливанову подсказана. Взаимы Ливанову К.С., конечно, не даст, да и не стоит, потому что Ливанов принципиально долгов не отдает, по общим отзывам. И даже обижается, если кто из кредиторов его спросит о возврате денег.

Только что зашел на короткую минутку Суд., я ему прочитала только недавно полученное Ваше письмо об объявлении репертуара и о школе, он страшно всем доволен, что Вы так ясно и конкретно на все ответили. Насчет курсов он сказал так Вам ответить: с преподавателями он говорил, они согласны; Грибов, по его мнению, имеет опыт, он работает у него в ТРАМЕ сейчас и хорошо; часть учащихся зачислена потому, что они просили, напр., Конский, но часть, видимо, по решению Суд. (из тех, кто уже несколько лет в театре), хотя, кажется, список составлялся не одним Суд., а всем управлением. В одном помещении все 50 будут разве на пластике, а на других занятиях вряд ли, потому что давние работники, не вновь поступившие, будут проходить отрывки, чтобы показать себя, а эти занятия будут человек на 4–5. Соколова не включена, вероятно, случайно, словом, сразу же Суд. воскликнул: что ж, можно и Соколову, непременно Соколову тоже!² У нас ведь многое делается без достаточной тщательности. Например, составляли списки, кому платить режиссерские деньги, вот эти последние, и управление хоть бы афишу взяло, чтоб посмотреть, кто работал. Пропустили Ларгина – ассистента по “Врагам” и Булгакова (и ассистировал, и репетировал, и пьесу монтировал) по “Пиквику”. Те поставили вопрос через своих режиссеров перед управлением, а Суд. поставит, вероятно, этот вопрос перед Вами. Ведь они даже в афише стояли, и действительно работали ежедневно и много.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы. Сердечный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

2 ноября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Ну и веселье было вчера! Как мрачно острили в буфете актеры – хоть бы инсценировали чьи-нибудь похороны, все же лучше было, ведь у нас только похороны умеют хорошо устроить! Недовольство вечером было демонстративно, все были недовольны и старались это показать. Главным образом негодовали по поводу запрета единственного номера программы – скетча на злобы нашего дня, – и по поводу запрещения каких бы то ни было напитков, кроме чая и сидра. И вообще по поводу организации угощения. Действительно, в смысле демократизма переце-голяли всех: попросту поставили на стойке буфета в чайном фойе блюда с ежедневно видимыми там унылыми бутербродами (только без масла, так что это уж и не бутер-броды) с сыром и колбасой. И это было все. А сегодня, например, открыли наконец столовую в театре – и чего-чего не было в меню: и солянка жидкая, и консоме с пирожком, и стерлядка, и филе-миньон, все с шампиньонами, и салат оливье, и даже мороженое – это я перечисляю малую часть меню. Неужели нельзя было для вчерашнего буфета сделать большой запас салата, или сделать кулебяку с икрой, как бывает на наших премьерях в буфете для публики. Неужели нельзя было продавать очень легонький крушон? Нельзя было закупить яблок и винограду? Ведь это все в продаже есть, и все это окупилось бы, потому что буфет же был платный. Просто у нас совсем не умеют позаботиться о том, чтобы было элегантно и красиво в праздник. Почему не создали какую-нибудь комиссию, которая обо всем бы этом подумала? Это все потому, что всем распоряжается кабинет и всегда все хочет делать сам, один, единственно кому еще доверяя, это Феде. А Федя либо не успел, либо в эту часть даже не вмешивался, потому что считается, что по буфетной части действует Рипси.

Запрещение каких бы то ни было спиртных напитков и скетча, как мне сказали, пошло от Животовой. Скетч был запрещен потому, что она сочла его неостроумным и опасным в том смысле, что могут обидеться те, о ком там упоминается. Конечно, это были чрезмерные страхи, во всяком случае, самые острые вещи она могла выкинуть, но оставить хотя бы менее для нее страшные. При этом все утверждают, что она не может судить, смешно это или не смешно мхатовцам, потому что в этом она не разбирается. Я слышала отдельные номера, фразы из скетча, по-моему, там были смешные для наших вещи. Например, были объявлены доклады: Кедрова – на тему “Стахановский метод в режиссуре” и В.Н.Поповой “Итоги трехлетней работы”. Я уверена, что это было бы встречено общим смехом, потому что это именно для нас смешно. Должна была идти по радио будто бы передача на разные темы, но все время передачи время от времени врвался голос с объявлением последних новостей. И это было или что “Мольер” переносится на ос-

новную сцену, или затем – что переносится в филиал. И опять на основную и опять в филиал. Вероятно, и это было бы смешно. Как я поняла, запретили главным образом из-за одной сакраментальщины: было сообщение, какие пьесы будут для кого ставиться, например, для Добронравова – “Бешеные деньги”. Так вот там для Рипси и Егорова было назначено – “За монастырской стеной”. Вот это показалось недопустимым.

Словом, ни премило сделанные разноцветные шапочки для всех прибывших – сомбреро, маленькие кепи лифтбоев, забавные корзинки, ни значки котильона, ни серпантин, ни перемежавшиеся – оркестр духовой и граммофонные пластинки, передававшиеся через усилитель, – ничего не могло скрасить унылого и злого, полного худо сдерживаемого возмущения настроения актеров. Более резвые вскоре стали уходить напротив или за угол выпить чего-нибудь облегчающего душу, а затем многие и вовсе ушли в эти заведения. Та компания, в которой была я, засиделась дольше других только потому, что мы поджидали Калужское с концерта, после чего около 12-ти мы отправились в Артистическое кафе напротив и там легко закусили и выпили по стакану глинтвейна. Там нам стало гораздо веселее и приятнее. Мы были: Судаковы, Топорков, Андровская, Соколова, Елина, Степанова, Горчаков, Орлов. Тут многие дали волю своему недовольству. Совершенно негодовал Топорков, кот. вместе с Суд. имеет все основания быть вообще недовольным ходом дела в театре. Он вчера предложил Суд. подать заявление об уходе из управления, Суд. соглашался, но советовал сначала подать жалобу директорам на Егор., а потом уж, при следующей неувязке, уйти. Но Топ. считал, что просто надо уходить, пот. что при данной системе работать нельзя. И сегодня он мне сказал, что он подал бумагу Егорову, где сказано, что он просит освободить его от заведывания труппой, пот. что он сильно занят по производству, а, кроме того, не видит возможности работать в условиях, создаваемых настоящей системой управления. Он передавал бумагу при том что Ег. был не один, но все же Ег., просмотрев бумагу, спросил его, не мешал ли он, Егоров, чем-ниб. Топоркову в работе, раз такая мотивировка приведена, на что Топ. сказал – да.

Интересно, что делает теперь Судаков. Он говорил, что без Топоркова в управлении он не останется, ни с Подгорным, ни с одним Кедровым он работать не станет. Такая вспышка недовольства системой явилась еще и потому, что за эти дни произошли следующие факты: на основании прошлогоднего разрешения К.С. читать в концертах отдельные сцены из “М. душ”, Топ. и Суд. разрешили и в этом году такое чтение в Доме Кр. Армии 1.XI и в Ленинграде (как и в прошлом году) 25/XI. Но не тут-то было. Ник. Вас., забыв про разрешения прошлого года, запретил эти выступления, ссылаясь на запрет со стороны К.С. без всякого извещения о запрете Топоркова или Суд., чем поставил их в глупейшее положение перед участниками. Запрет вышел, а ни зав. труппой, ни зав. организ. не знают и не подозревают. Второе дело было вчера же, обнаружилось оно накануне. Решительно никому в театре,

кроме самого Ник. Вас., – ни Животовой, ни местному (Саврасову), ни парткому (Мамошину), ни зав. филиалом – Калужскому, ни управлению – Суд., Топ. и Кедрову – не было сообщено, что 1 ноября наш филиал продан под спектакль “Соперницы” Вашего балета¹. Ник. Вас. не считал нужным никому это сообщить. Вот такая манера работать и не понравилась Топоркову, который, имея до сих пор величайшее признание и авторитет среди товарищей, не хочет из-за 500 р. в месяц терять то, что имел в смысле отношения к себе за многие годы работы в театре. Да, а знаете, как разрешился вопрос со вчерашним чтением “М. душ” в Доме Кр. Армии? Бутюгин, устроитель, пошел к Егорову и объяснил, что сейчас отменить октябрьский концерт для командного состава Кр. Армии – скандал! И Ег., который, видимо, поднял бучу против “М. душ” не разобравшись, что это не весь спектакль будет, а отдельные сцены, и теперь готов был идти на попятный, при мне сказал Рипси: “Позвоните К.С. и скажите, что я не возражаю против “М. душ” на этот раз. И, как это ни странно, К.С. вскоре дал Рипси знать, что 1 ноября, ввиду таких-то и таких-то смягчающих обстоятельств, разрешено читать “М. души”. И Егоров после этого заверяет, что он не вмешивается в худ. часть! Он, и единственно он, и распоряжается всем театром!

Между прочим, сегодня вышел такой разговор. Я дала на окончательный просмотр управлению вывешиваемый нынче реп. план. Кедров заявил, чтобы его не ставить ни в одной роли, он играть не будет. Суд. ему сказал: значит, ты нарушаешь решение директора, пот. что это есть решение Вл. Ив.? Кедров сказал: да, но К.С. настаивает, чтобы я не брал решительно никакой работы, пот. что он обижается, думает, что я не хочу с ним работать. Суд. возражает: Вл.Ив. считает, что ты успеешь справиться и с ролью Жида, и с работой у К.С. Но Кедров стоял на своем: К.С. хочет занять меня и в роли, и в режиссуре (что это будет за работа, конечно, пока секрет, и, может быть, долго будет секрет). Словом, раз хочет К.С., так как же В.И. не посчитается с этим. Я не выдержала и сказала: а почему К.С. не посчитается с Вл. И. хотя бы в вопросе прибавок? Ведь там есть решение Вл. Ив., а К.С. почему-то до сих пор не решает дела со своей стороны, потому что оспаривает решения Вл. И.? У меня плохой характер, извините, Владимир Иванович, что я высказываю с такими претензиями. Но Вы знаете, я не могу терпеть того, что К.С., когда он распоряжается, ни с кем не посчитается, даже с Вами, а Вы всегда так деликатны в отношении него и его непомерного властолюбия.

Посылаю Вам, милый Владимир Иванович, разные бумаги, Вы в них тотчас же разберетесь. Некоторые, напр., о театре Завадского, просто для информации, чтобы Вы знали, где что делается.

Сегодня была у меня Соф. Вит., сообщила, что по открытке, полученной ею и у Вас на ул. Герцена² от Ек. Ник., Вы приезжаете 5-го. В добрый час! По словам Маркова, телефонировавшего вчера Судакову, я поняла, что Вы, может быть, останетесь в “Астории” до 8-го. Значит, это

не так? Или открытки были написаны до этого решения? Я очень надеюсь, что Вы дадите телеграмму о точном дне приезда и номере поезда, или часе его отбытия из Ленинграда, чтобы нам знать, когда встречать, с каким поездом (вероятно, не со “стрелой”, а с более ранним).

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Мне говорил Дмитриев, что Вы часто бываете в театрах, – это интересно?

Сердечный мой привет Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

307.

3 ноября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Это письмо я пишу без уверенности, что оно Вас застанет, так – на всякий случай.

Ил. Як. просил меня уведомить Вас о следующем. К нему сегодня обратилась Шевченко с просьбой все же дать ей роль Дуньки в “Любови Яровой”, от кот. она было отказалась. Судаков, поддерживаемый строками из письма Тренева к Маркову, считал бы, что присутствие Шевченко в спектакле было бы очень выигрышным и что можно было бы, оставив Зуеву второй исполнительницей Дуньки, дать Зуевой еще репетировать и Марью в том же спектакле. Вот что пишет Тренин: “Очень хотелось бы видеть Дуньку такой, как я себе представлял, вернее – видел перед собой в натуре, когда писал (я даже имя ее не изменил). Это массивная, как говорят на юге, репаная дура, наглая, хищная, хитрая, нечто от Собакевича в юбке, с великолепными инстинктами. Я прекрасно вижу ее в исполнении Шевченко. Такое же мнение я слышал и в Москве; в том числе – в Малом театре, где Дунька, к сожалению, не нашла исполнительницы. Я же, как сегодня вижу перед собой чудесную Стеху – Шевченко в “Пугачевщине”. (В Малом играла Дымова¹.)

Кстати о Шевченко, она меня спрашивала, когда Вы приедете, она хочет обратиться к Вам с просьбой о повышении ее оклада, что ей было, по ее словам, обещано сделать после “Грозы”.

Второй вопрос Судакова – можно ли считать, что “Федора” можно пустить в продажу 17-го ноября². Суд. просил Вас уведомить, что все окружение главных действующих лиц у него будет к праздникам готово, так что 17-го Москвин мог бы играть спектакль. Хмелев, по его мнению, может быть готов к декабрю. Как я Вам писала, Суд. тотчас после праздников рассчитывал показать Вам с Москвиным всего “Федора”, или, вернее, Вы будете смотреть репетицию с новыми главными исполнителями, но с тем также, что Вы разрешите пустить спектакль из расчета: старые исполнители и тот ансамбль народных сцен, кот. Вы увидите на репетиции.

От себя могу добавить, что я слышала так: что Хмелев отказался продолжать репетиции с Суд., находя их бесполезными для себя, и теперь занимается с Телешевой в надежде, что затем он попадет непосредственно к Вам. Не знаю, действительно ли этот отказ был так агрессивен, или в рассказе все это сильно преувеличили, а на самом деле к такому решению пришел исполнитель вместе с режиссурой.

Если не приедете, Владимир Иванович, 5-го, дайте, пожалуйста, знать, можно ли пускать в продажу 17-го “Царя Федора”.

Я спрашивала Рипси о том, как разрешилось дело с Ливановым. Она мне сказала, что Лив. обращался с просьбой к Животовой хлопотать о нем перед ЦИКом об освобождении его от долга за комнату, но Жив. отказала. Кроме того, он был у директора “Метрополя” и тот дал ему отсрочку. Вот все, что знает Рипси по этому делу. Она говорит, что, вероятно, Ливанову придется платить, т.к. на театр он рассчитывать не должен.

Один из первых вопросов, с которым к Вам обратятся по приезду, будет относительно срока конца нашего сезона. Дело в том, что мы получили предложение весной гастролировать в Киеве, и, как я слышала, это не только предложение, а просто обязательство. От нас хотят, чтобы мы непременно поехали туда. Пока, как я слышала, Ник. Вас. ответил, что принципиально театр согласен приехать, но сроков приезда сейчас установить не может, т.к. не знает точно, каков будет календарный план выпуска постановок этого сезона. Вопрос идет о 15-м мая или 1 июня. А может быть, если Вы найдете необходимым, чтобы труппа работала в Москве, как и в прошлом году, до настоящего конца сезона, т.е. до 15 июня, то и вообще поездки от дирекции не будет, а будет поездка так наз. “коммерческая”, т.е. такая, какая бывала последние годы в Ленинград, т.е. в отпускное время актеров. В прошлом году, благодаря отсутствию тифлисской поездки, удалось выпустить “Врагов” и “Кречета”, поэтому и в этом году приходится думать о сроке поездки с оглядкой.

Сегодня днем я была в Большом театре, там сделали просмотр той программы самодеятельного искусства, которая будет показана 6-го в торжественном спектакле для правительства и октябрьских гостей. В этом году решено сделать концерт по необычной программе. Обычно ведь выпускали солистов, первых актеров Москвы, такие ансамбли, как наша “Колокольня” из “Бронепоезда”, а нынче весь концерт составлен из номеров самодеятельного искусства, все исполнители – рабочие московских заводов, московские пионеры, колхозники. Есть великолепные номера, например, те национальные пляски, которые ездили этим летом в Лондон. Есть грандиозные хоровые ансамбли, до 700 человек объединенного хора рабочих и колхозников. Есть акробаты хорошие, жонглеры, физкультурники, звукоподражатели, оркестры – симфонический и джазовый. Было очень интересно, хотя под конец публика утомилась – программа без антракта длилась 4 часа.

Посылаю Вам вывешенное вчера объявление о плане и распре-

делении ролей. Получилась настоящая “простыня”, если склеить оба куска, как это было сделано для вывески на досках у нас и в филиале. Такой экземпляр я передала для К.С., чтобы он потом не отнекивался, что он ничего не знал.

Вчера отослана посылка Когану. Сегодня я получила от его дяди из Ленинграда письмо с просьбой выслать ему для покупок 500 руб., Коган написал ему, чтоб он обратился за этой суммой к Вам через меня. Завтра вышло ему деньги, этому дяде. Вместе с этими 500 руб. выйдет, что на Когана израсходовано 908 руб. 35 коп.

Итак, до скорого свидания, милый Владимир Иванович. Желаю Вам и дорогой Ек. Ник. всего хорошего.

Ваша *Ольга Бокшанская*

308.

4 ноября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо от 2-го, спасибо. Из него поняла, что Вас надо ждать 8-го. Но т.к. все же были расхождения между Вашим сообщением и тем, что Ек. Ник. сообщила домой и Соф. Вит., то я решила запросить Шлуглейта телеграммой. Надо ведь знать для того, чтобы посылать машины на вокзал. Поезда приходят и в 9.55, и в 11.30, и в 12. Я думаю, что Вы приедете не с поздними, ведь тогда и выезжать надо в поздний час, а Вы этого не любите. Шлуглейт мне только что звонил и обещал вовремя протелеграфировать о дне приезда и номере поезда.

Сначала отвечаю по письму. Суд. считает, что в отношении работы над “Павлом” Иванова конкретным является привлечение Маркова. У Вас вряд ли найдется для такой большой работы время, а о Булгакове и заикаться нельзя, по его мнению. Это смертельно обидит Иванова, да и Булг. никогда на это не пойдет¹.

Женя перестал занимать Кореневу в Наташе по указанию Судакова, кот. считает, что роль по возрасту Лид. Мих. для Наташи не подходит, и к тому же роль эту она играет так неважно, что и мастерством не может перекрыть своего перезрелого возраста. От нее роль, пожалуй, и не отнята, но “Дно” идет так редко, что вышло, что она как будто и не успела сыграть после 1-го спектакля, который она играла. Дело было так: она кривилась, когда Женя ее назначил на первый спектакль “Дна”, и говорила, что не рвется играть в этом спектакле. После того как она сыграла, Суд. и распорядился, чтоб ее не назначать, тем более что Титова играет Наташу совсем хорошо. А теперь сыр-бор разгорелся из-за того, что “Дно” идет 8-го, т.е. в декретированный день, отдельно оплачиваемый. Коренева попросила Женю ее в этот спектакль поставить в состав, а Женя, имея распоряжение Судакова ее в этой роли не

занимать, направил ее к нему для выяснения этого вопроса. Вот как стоит это дело.

Я читала Ваше письмо Судакову; когда он прочел Ваши сомнения о помещениях для групповых школьных занятий, то сказал, что он не очень об этом беспокоится, теперь стало больше уборных, скоро прибавится еще и 4-й этаж, места, по его мнению, хватит. Евг. Вас. не так оптимистически на это смотрит и считает, что с помещениями будет туго. Если б не была отдана Малая сцена под студию, конечно, можно было бы пользоваться теми помещениями. Но ведь это дело пропущее.

По вопросу оплаты Ларгина и Булгакова Суд. считает, что т.к. они могут быть премированы при общем премировании (“Враги” еще будут премироваться, а при общем премировании “Пиквика” хотя Булг. не вписали, но это, по его мнению, можно сделать дополнительно), т.к. за работу решительно все премируются, почему же их выключить из платежа? Я могу только твердо сказать, что они не только бы не приняли оплаты из Вашей суммы, но это обидело бы их сильно, так что я никому и не скажу про это Ваше предложение, чтобы до них не дошло, ведь Вы же не хотите обижать людей. Только Суд. про это и будет знать.

Теперь о наших делах. Сегодня Ершов передал мне свое письмо в дирекцию, с просьбой передать по назначению. Письмо написано в одном экземпляре, а адресовано и Вам, и К.С. Поэтому я оставляю подлинник для передачи К.С., а Вам сообщаю весь текст: “В Дирекцию Художественного театра. Директорам Владимиру Ивановичу и Константину Сергеевичу. Оскорбленный до глубины души отношением руководства театра ко мне, я не могу найти в себе сил продолжать служить в театре и вынужден просить Дирекцию об освобождении меня от моих обязанностей. *Вл.Ершов. 2/XI–35 г.*”.

Я показывала это письмо Судакову, думая, что он мне объяснит причины, но он сильно удивился, прочтя его. Мы оба сделали предположение, что Ершов обижен тем, то в объявленных распределениях он имеет две эпизодические роли: Яшвин и Бенкендорф².

Суд. просил меня написать Вам следующее. В связи с уходом из управления Топоркова он снова хочет ставить вопрос о худож. руководстве. Если в управление войдет, напр., Подгорный (которому, как я слышала, Егоров предлагал снова заведывание труппой, но тот отказался), то Суд. тоже подаст заявление об уходе из управления. И вообще он не видит другого выхода, как изменение введенной К.С. системы коллегиального управления. Он считает (и просил меня написать Вам об этом), что худчасть должна управляться правомочным зав. худчастью, должность зав. творческой частью должна быть уничтожена, т.к. это не есть должность, а это есть разложение, разврат; должность зав. труппой должна быть слита с должностью зав. репертуаром и быть в руках Калужского. Зав. худчастью должен сноситься с одним – действующим – директором, т.е. с Вами, а К.С. не может, сидя дома, оперативно управлять ежедневной жизнью театра. Конечно, он имеет все права воз-

разить против того или иного решения, и к этому надо будет относиться со всем вниманием, но управлять, не бывая в театре, он не может. Суд заверяет, что убеждение его в необходимости единого зав. худчастью настолько сильно, что он не возразит ни против чьего бы то ни было назначения, будь то Кедров или кто другой.

Как я слышала, в кабинете очень озабочены тем, что действительно никак не найдут, кого же сделать зав. труппой. Думаю, что в конце концов назначат Кедрова на две должности, тем более что как зав. творческой частью он не перегружен делом. Воображаю, какой зловещий резонанс это получит в труппе, отношение к Кедрову вообще неважное, а со времени его пристрастия к кабинету – глубоко недружелюбное.

Сообщаю Вам новость: исполнилась заветная мечта Нелли Стругач, нашей художницы из постановочной части, она зачислена в вспомогательный состав. Ее прослушала наша режиссура 2-го числа и нашла, что ее можно взять на тех же основаниях, что и всех новеньких этого года – на испытание.

Владимир Иванович, при переписке распределения в “Сирано” я сделала ошибку, в роли Гижи поставила вместо Бордукова – Болдумана. Сейчас это обнаружилось и у нас везде исправлено, пожалуйста, исправьте и у себя: Гижи – Бордуков.

Посылаю Вам полученное сегодня сообщение о предстоящем снабжении Вас книгами. Бюллетени, о которых упоминается в письме, пока не дошли. Бюллетени я спрячу до Вашего приезда, а письмо пересылаю для информации.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Мой сердечный привет Ек. Ник.

Ваша *Ольга Бокшанская*

309.

5 ноября 1935 г.

Милый Владимир Иванович!

На этот раз это уж действительно последнее письмо. По моим наблюдениям даже спешная почта не доходит на следующий день, а идет примерно полтора суток, стало быть, письмо от 6-го может Вас уж не застать.

За это время из новостей было вот что: вчера Динамов был у К.С., провел там 5 часов и просил Судакова сегодня вечером или завтра днем с ним повидаться, чтоб Дин. мог ему рассказать о свидании. Из короткого разговора Суд. с Дин. я знаю, что Дин. сказал, что он был удивлен тем заключением, до которых дошел К.С., – именно, как я поняла, в смысле верного понимания происходящего в театре и в управлении. Я не удивлюсь, если К.С. ругал свое окружение, и это-то и поразило Динамова.

Это знакомая мне манера К.С. Я помню, как я раз прилетела к нему с жалобой на кабинет, и он знал, что я буду говорить, и не успела я раскрыть рта как следует, как К.С. стал еще сильнее моего ругать сначала Ник. Вас., а потом еще крепче Рипси. И весь мой запал пропал, я совсем растерялась и была сбита со своих позиций.

Подробности разговора с Динамовым Вы, вероятно, узнаете уже здесь, и непосредственно от Суд.

На Ваше имя пришла телеграмма от редакции ростовской “Большевистской смены” с просьбой прислать пожелания и приветствия краевой олимпиаде колхозного и совхозного самодеятельного искусства. Я посоветовалась с Павл. Ал., как быть, перетелеграфировать ли Вам, и Пав. Ал. мне сказал, что, будучи раз в “Правде”, он был свидетелем такого же обращения туда из одного краевого города. И в “Правде” ответили, что это бывает в каждом краевом городе ежегодно и отзываться повсюду и каждый раз “Правда” не видит необходимости. Поэтому Пав. Ал. рекомендовал не отвечать за Вас и не перетелеграфировать Вам, и я его послушалась. Это было верно?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, и до скорого свиданья. Сердечный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

310.

15 декабря 1935 г.

Владимир Иванович!

Сегодня ко мне звонил представитель отдела печати ЦК с просьбой получить от Вас некоторые высказывания, которые отдел печати передал бы в провинциальные газеты. Этот товарищ звонил Вам, Вы его направили ко мне. Он передал мне несколько вопросов, на которые он ждет Вашего ответа. Это вообще род анкеты к целому ряду видных деятелей. Вот они:

1. Что мне дал 1935 год?
2. Какое событие в 1935 г. я считаю наиболее важным?
3. Что я буду делать в будущем году и за что бороться?

Вопросы эти, как он сам сказал, поставлены в несколько примитивной форме, Вы их так и примите.

Ответ ему желательно получить завтра, самое позднее послезавтра, иначе технически они не успеют разослать¹.

ОБ

23 декабря 1935 г.

Владимир Иванович!

Вот какие даты просит дать “Academia” применительно к посланным им фотографиям:

1. Год фото жены автора
2. – » – » – отца – » –
3. – » – » – матери и сестры автора
4. – » – » – брата автора (Вас. Ив. – в шляпе)
5. – » – » – Боборыкина
6. – » – » – Южина
7. – » – » – Ленского
8. – » – » – письма М.Горького (письмо из Арзамаса, в оригинале нет никакой даты).

Остальные даты, которые их интересовали, я узнала в нашем музее. Там же я нашла, вернее, по моей просьбе нашла Елиз. Петр., статьи о “На лит. хлебах” и о “Новом деле”. Я их нынче вечером перепишу и завтра Вам доставлю.

Вот что я написала Л.Д.Леонидову в моем письме от 30-го ноября. (Я делаю выписку интересующего Вас абзаца, чтобы не посылать копии всего письма, довольно обстоятельного, дававшего Леонидову ответ на его антрепренерские предложения.)

Теперь, дорогой Леонид Давыдович, несколько слов по поручению Вл. Ив. Он просит Вам написать, что он не отвечает Вам до сих пор потому, что хотел бы в ответе сообщить что-нибудь конкретное. А этого у него пока нет. Во всяком случае, он просил Вам передать, что приезд сюда, как он Вам представляется, вряд ли может осуществиться. По его мнению, Вам ни в коем случае не надо ехать сюда сразу с семьей, потому что Вам будет трудно и дорого устроить всех сразу. Если Вы приедете один – у Вас есть сестры, Вы можете устроиться временно у них. А семьей, вероятно, это будет трудно. Да и приехав – надо будет устраиваться на работу, и тогда только налаживать бытовую сторону жизни. Из всех тех переговоров, что Вл. Ив. имел относительно возможной работы для Вас, можно вынести такое заключение: заранее, до приезда, устроить на работу шансов нет. Можно только рассчитывать на то, что Вы приедете, осмотритесь и начнете хлопоты об устройстве на работу по специальности. Приготовьтесь к тому, что все это будет сопряжено с возможными препятствиями и необходимостью преодолевать многие трудности. Поэтому-то Вл. И. и думает, что присутствие семьи будет Вас связывать. Вл. Ив. думает, что наиболее конкретным действием с Вашей стороны в данное время была бы подача заявления о желании вернуться в СССР в наше парижское консульство. И уведомление Вл. Ив. о том, что такое заявление подано. Вот как будто все, что Вл. Ив. поручил мне написать Вам.

Относительно фото из Малого театра я переговорила по телефону с В.А.Филипповым, зав. музеем. Он обещал в течение ближайших дней просмотреть весь материал по тем годам, по Вашим пьесам. Насколько он помнит, имеются снимки мизансцен из “Цены жизни”, Ленский в “Новом деле”, больше он не помнит. Через 5 дней я Вам передам все

сведения и затем по Вашему выбору можно заказать фотографии. Исполнение заказа не сильно задержится, их фотографы работают быстрее Сахарова.

Сегодня Сахаров доставил 5 Ваших фотографий из той дюжины, что я ему заказала. Напоминаю Вам, что из этих фото Вы обещали одну Сергею Николаевичу Воронову и другую – Александру Игнатьевичу Канину¹. Их адреса у меня записаны, и я обещала переслать им фото тотчас, как получу их от Вас.

О.Бокшанская

[1936]

312.

11 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Позвольте написать Вам по целому ряду дел:

1. Относительно помощи Н.Д. Михаловской. (Кстати, у Вас на столе я нечаянно оставила то письмо, в котором она просит о деньгах, а письмо с поздравлением взяла с собой. Поэтому я Вас очень прошу обменять прилагаемое ее поздравительное письмо на оставленное у Вас. Это последнее будет нужно для приложения к делу, к документам, как “прошение”). Мих. П. сказал, что если Вы дадите резолюцию, что предлагаете помочь, он пустит дело для исполнения. Чтоб Вам не трудиться писать резолюцию, – прилагаю листок. Если Вы согласны с текстом его, – пожалуйста, подпишите и верните вместе с письмом Н.Д. Михаловской.

2. Много раз я повторила М.П.-чу Ваше настойчивое желание не быть привлеченным ни к выпуску “Синей птицы”, ни “Простого дела”. По поводу первой пьесы – у М.П. большие сомнения в смысле возможности ее играть с этим текстом. В отношении второй – на мой вопрос, знают ли авторы, что пьесу выпускает К.С., М.П. сказал, что знают¹.

3. О суждении о Поповой в “Грозе”. М.П. сказал, что необходимо ждать Вашего суждения, которое и будет иметь решающее значение в отношении очереди. Очередь в Киеве намечена пока только для себя, внутри; нигде, конечно, пока не публикуется.

4. На мое сообщение о Вашем решении о Ливанове – Годунове Радлов сказал, что, вероятно, Ливанов на это не пойдет, а М.П. сказал, что К.С. выдвигал трех кандидатов: Хмелева, Добронравова и Ливанова, и что Ливанов больше других “улыбнулся” Радлову. Я сказал Радлову и то Ваше решение, что он должен иметь всех трех Борисов и что Болдуман в первую очередь идет на репетиции “Бориса”. Но М.П. думает, что Болдуману не справиться с обеими ролями, когда-то будет так, что ему придется пойти или в один спектакль, или в другой².

5. С Вашим суждением о “Норе” как пьесе и о Норе – Еланской М.П. совершенно согласен³.

6. У нас начал работать внутренний телефон в театре.

7. Знаете ли Вы, что Литовский теперь редактор “Советского театра”, а в “Сов. искусстве” – Альтман⁴.

8. Читали ли Вы вчерашнюю “Лит. газету” – статью Алперса о “Мольере” и высказывания (не о Мольере) отдельных лиц, напр., у нас

отмечалось – Афиногенова. И сегодняшнее “Сов. искусство”, там есть о “Мольере” и о 2-м МХАТе⁵.

9. В целях информации посылаю 3 бумаги (в копиях), пришедшие из Комитета искусств, и листочек с телефонами “верхушки” Комитета⁶.

10. Говорила ли Вам Ек. Ник. вот о чем: я прошу Вашего разрешения ставить Вашу подпись среди подписей К.С. и М.П. на приветственных телеграммах (юбилей на периферии отдельных актеров), не спрашивая Вас, в тех случаях, когда М.П. говорит, что надо поздравить от имени трех директоров, вернее – от имени МХАТ за тремя подписями. Конечно, это в тех случаях, когда нет возможности снести с Вами. А то я непременно Вас запрошу.

11. Посылаю Вам фотографии Сахарова. Правда, прекрасные?⁷

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. И простите, пожалуйста, что вчера я Вас утомила такой длительной информацией. К концу визита, вероятно, Вы хотели, чтобы я поскорей ушла.

Ваша *Ольга Бокшанская*

313.

12 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Разрешите Вам задать несколько вопросов по тексту Вашей книги¹. Я, как Вы знаете, сверяю экземпляр, переписанный в Литер. агентстве, с тем, что переписывали Вам в Ленинграде (они с него и списывали в агентстве). В ленинградском экземпляре попались неточности, которые машинистка агентства покорно вписала и в свой экземпляр. Вот какие пока обнаружены:

Глава “Рождение нового театра”, глава шестая, в шестом разделе, в первых фразах, написано так: “Разумеется, потом, в действительности, дело пошло не совсем так, а во многих случаях и совсем не так, как мы записывали на нашем первом свидании. Я, Кон, сказал, что на малейший...” и т.д. Тут явный абсурд у переписчицы, – что нужно поставить вместо слова “Кон”?²

Глава 8-я, раздел 2, вблизи к его концу, Станиславский перед отъездом на отдых говорит: “Вы меня напичайте тем, что я должен иметь особенно в виду при сочетании режиссерского экземпляра”. Виталий Як. при счетке поставил под вопрос слово “сочетание”. Верно ли это?³

Абзац после телеграмм Чехову о премьере “Чайки” у машинистки переписан так: “Первая телеграмма об успехе ошеломила Чехова, но он не поверил и думал, что – порыв дружбы, за которым неизвестно какая правда”... и т.д. Нет ли здесь какого-нибудь пропуска в фразе? Потому что пропуски слов и один раз даже целой строчки имели место⁴.

Вот по всем этим вопросам я и просила дать мне возможность по-

смотреть первый Ваш экземпляр. Простите, что считываем долго, – в этой работе обязательно должны участвовать двое, и это обстоятельство, при занятости одного, не всегда дает возможность работать. Теперь скоро заканчиваем.

Владимир Иванович, *страшно срочно*: только что влетел в некотором раже Судаков – приехал Акимов, привез три акта, Суд. в восторге и, для того чтобы поскорей пустить дело в мастерские, рвется сегодня же показать Вам макеты⁵. Умоляет Вас принять его сегодня. Я звонила к Вам много раз – не отвечает у Вас телефон, вероятно, отведен в прихожую. Прошу Вас, скажите Сереже Ваш ответ (Сережа везет Вам эту записку), и он позвонит мне от Вас, ехать ли Судакову и Акимову к Вам. Простите, что я так настойчива, – вероятно, Суд. заразил меня.

Всего хорошего.

314.

14 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

О репертуаре на пять лет. Это я Вам, действительно, говорила, но не имела ни от Вас требования прислать, ни от литчасти или Мих. П. распоряжения направить Вам. И т.к. намечено в один из ближайших дней собраться вновь и рассмотреть, по предложению М.П., предлагаемые пьесы с точки зрения распределения ролей, то я думала, что отсылка всего этого материала Вам и К.С. отложена. Но сегодня на мой вопрос Пав. Ал. сказал, что М.П., собственно, полагал довести до сведения директоров список пьес в надежде, что и они “подсыпят” еще свои пожелания. Не надеясь, что сам М.П. скоро сможет Вам сообщить список, пишу его:

Осн. сц. – Филиал

1936/37 “Любовь Яровая” – “Простое дело”

“Анна Каренина” – “Гувернантка” Девала

“Борис Годунов” – “Нора”

1937/38 Современ. сов. пьеса – Совр. сов. пьеса

“Горе от ума” – “Мария Стюарт”

“Тартюф” и “Жеманницы” – Совр. зап. пьеса

1938/39 Современная пьеса – Современная пьеса

“Чайка” – “Виндзорские проказницы”

“Лес” – Инсцен. ром. Бальзака

1939/40 Современная пьеса – Современная пьеса

“Ревизор” – “Бесприданница”

“Гамлет” – “Мещанин во дворянстве”

1940/41 Современная пьеса – Современная пьеса

“Ромео и Джульетта” – Пьеса Лопе де Вега.

“Плоды просвещения”.

Как видите, репертуар филиала уже под сомнением в первом же сезоне. “Гувернантка” отпала уже при первых ее читках. Когда будут наметки распределения ролей, я Вам их сообщу.

Не бескурьезно то, что мне рассказали о примерном распределении в “Тартюфе”. Говорят, что распределение ролей уже сделано, но распределявшие будто бы стесняются опубликовать его, настолько это разительно: Тартюф – Кедров, Эльмира – Коренева, Дорина – Бендина, теща – Лилина, не помню, кто кого, но две мужские – Гейрот и Подгорный. Так что только двое детей не распределены, вероятно, нет еще среди молодежи столь доверенных и близких друзей. В остальном же, если посмотреть, весь состав – это группа “кабинета”¹.

Кстати, хотите послушать, что “говорят”. Говорят, что К.С. уже начинается хмуриться при имени М.П. Совершенно точно мне известно, что он возмущен приглашением Митиля, которого кабинет ему (как и мне Рипси в разговоре) нарисовал как форменного бандита и жулика, способного на самые грязные коммерческие дела. Так же точно мне известно, что Ник. Вас. просил Шейнина (соавтора “Простого дела”) устроить ему свидание у Леплевского (через Аросеву действовать теперь нельзя, пот. что она лежит тяжело больная в Кремл. больнице), чтобы пожаловаться, что у нас черт знает что делается: выгоняют нужных работников, приглашают бог знает кого... С другой стороны, я слышала, что Митиль советовался с Як. Леон., идти ему в Худ. театр, не постигнет ли и его участь Леонтьева. Тот сказал: если М.П. прочен, то идите смело. В противном случае – не рекомендую. С тем Митиль и пошел к М.П., и тот ему обещал, что, по его планам, Ник. Вас. не будет в театре еще до конца сезона. Что касается работы самого Митиля, то он получил от М.П. задание все по хозчасти отобрать у Ник. В. и докладывать непосредственно М.П. Мои предположения о тактике М.П. как будто были правильны. Все это я Вам пишу, узнав не непосредственно, а через несколько рук. Но вот непосредственное впечатление у меня от разговора с Рипси относительно всех перемен в фин.-хоз. аппарате было то же, т.е. что кабинет ошарашен и, понимая, что на открытый протест идти нельзя, рассчитывает поднять К.С. против нововведений и в защиту их ставленников. Но, пожалуй, уже поздно, пот. что новые люди уже сидят, куда ж воротить старых или вообще что-нибудь изменить?! И положение К.С. будет довольно странное: сам же он первый выдвинул кандидатуру М.П. – как же теперь развенчивать его².

Возвращаюсь к Вашей записочке: “Ленский”. Я вчера говорила об этом Тихонову. Он сказал: “Как? Я же распорядился в тот же день, что Вы мне звонили. (Еще до Вашей, Владимир Иванович, болезни.) Ему, конечно, тогда же послана книга”. Я сказала, что ни на квартире не получена, ни я на МХАТ не получала. – “Я вам тотчас все выясню!” –

Отошел от телефона, вернулся, говорит: “Я не могу сейчас выяснить, я вам позвоню через четверть часа”. Позвонил немного спустя, сказал: “Я не могу сегодня выяснить, я это выясню завтра-послезавтра и позвоню вам в театр”. Если он завтра не будет звонить, я снова к нему позвоню³.

Вы говорите – при оттисках незачем переписывать. Но раз уж переписано, то надо считать. Сегодня я заканчиваю это и сегодня же верну Вам Ваш экземпляр, а завтра отправлю другой в Лит. агентство с длинным списком опечаток и пропусков. Их много, но большинство мелкие. Серьезных пропусков немного. Вероятно, Лит. агентст. больше уж не будет переписывать, воспользуется оттисками, если их получит от “Academia”.

Я говорила вчера с Уманским. Он говорит, что тогда же телеграфировал в Милан, когда я от Вас это передала, но ответа не имеет. Впрочем, он этому не удивляется, эта фирма вообще известна ему тем, что подолгу не отвечает на корреспонденцию.

Уманский спрашивал, нет ли у Вас ответа из Америки⁴.

Владимир Иванович, я Вам послала 4 фото, две Вы вернули для заказа, что я и сделала. А другие две? Вы хотите их сохранить у себя? Они принадлежат музею. Если Вы их оставите себе, я скажу, чтобы музей заказал себе повторные.

Кстати о фото: Орловская просит Вам напомнить, что Вы обещали ей свою карточку.

Сахновскому я прочла строки с Вашей записки, – он заинтересован. Пока сцен с Лид. Ив. он не репетирует⁵. Он надеется, что Вы его позовете для разговора, может быть, еще до того как начнете выходить, но будете уже чувствовать себя покрепче. Может он рассчитывать на это? Видно, у него накопилось множество вопросов и рассказов.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. И главное – будьте, нет, становитесь здоровы.

Ваша *Ольга Бокшанская*.

Посылаю письмо от Гната Юры⁶. Пользуюсь случаем, чтобы спросить Вас, согласны ли Вы дать в многотиражку Театра им. Франка в юбилейный номер несколько строк приветствия? Приходил их посланный с просьбой об этом. Если да – мож. быть, поручить Виленкину сделать проект? Конечно, официальная телеграмма театру будет послана особо.

315.

15 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Вы не сердитесь, что я начала забрасывать Вас записками по нашим делам? Вы ведь знаете, у меня неудержимая потребность писать Вам, если я Вас не вижу или не говорю с Вами по телефону.

13-го в Клубе мастеров был диспут о формализме и натурализме в театре. Как я слышала, Альтман в своем докладе критиковал нашу “Грозу” как спектакль формалистический, притом снизивший образ Катерины – для своего времени бунтарки, революционерки – до мелкого быта; и “Тал. и поклонники” – как спектакль натуралистический, выхолостивший социальную сторону произведений, напр., в наброске Великатава... (Передаю со слов Орловской, кот. слушает, конечно, несколько однобоко, принужденная стенографировать почти машинально.) 17-го продолжение этого диспута, в 12 ч. дня, в помещении Театра сатиры. Намечается выступление Мейерхольда. Как я слышала, его тема будет: Мейерхольд против мейерхольдовщины. Если Вы заметили, выступление на эту тему Мейерхольда было назначено в Ленинграде на вчерашнее число. Надо думать, что он повторит свое выступление, расширив его московскими темами, потому что, как я слышала, он, говоря о существовании Мейерхольда-художника и мейерхольдовщины – в лице его учеников, вульгаризирующих его идеи, сопоставит это с системой К.С. и судаковщины в Худ. театре, и при этом, как говорят, разгромит Судакова безжалостно. Жаль, что диспут этот днем, а то бы я непременно пошла бы послушать. Надо будет туда направить П.А.Маркова. Вообще, как я слышала, он уж громил раз Судакова в ЦЕТЕТИСе, и эта стенограмма как будто изъята из всеобщего пользования, хранится у Фурмановой и никому не дается для прочтения, пот. что Суд. в ЦЕТЕТИСе занимает ведь руководящее положение, а Мейерхольд клял его за вульгарность, за опшление искусства и говорил своей аудитории – студентам старшего курса, – что они в плохих руках. (Он там не преподает, но был приглашен для специальной беседы со старшим курсом. Вот он и побеседовал.)

Кстати, о диспуте 13-го. Там, говорят, выступал сначала Охлопков и отмежевался решительно от всего, что делал, отмежевался так стремительно, что, вероятно, забыл о тех своих выступлениях (напр., прошлой весной), когда он обиделся, что его называли учеником и последователем Мейерхольда, и заявил, что он сам – самостоятельная величина первого ранга, ведущая в искусстве, а никому не следующая¹. Тем приятнее было выступление Дикого, кот. сказал, что если бы он отрекся стремительно от всего, что до сих пор делал, то не принес бы пользы ни себе, ни искусству. Вероятно, он немало заблуждался на своем пути, сказал он, и многое в себе должен пересмотреть, но от всего он отреститься не может. Выступление Любимова-Ланского вообще было не знаю о чем, но знаю, что он говорил, что “Нем.-Данченко и Станисл. не имеют права сидеть у себя в кабинетах, они должны приходиться к нам, смотреть наши работы, помогать нам”. Вы оба и Мейерхольд – вот те три мастера, которые должны помочь Люб.-Ланскому, потому что он и все другие театры своими работами помогали вам все время расти². Что-то в этом роде, как мне рассказали.

Обратили ли Вы внимание, что во вчерашней “Комсомольской правде” есть статья о ТРАМе, которая могла бы послужить хорошим

уроком для Судакова, если он вообще может что-нибудь считать уроком для себя³. Ведь это он художественный руководитель ТРАМа и в первую очередь – его вина во всем том, что справедливо пишет газета. “Жену товарища” я не знаю, а “Дальнюю дорогу” читала и с отзывом газеты совершенно согласна, пот. что то же говорила режиссировавшей спектакль В.С.Соколовой еще задолго до премьеры.

Я послала Вам вчера письмо и была уверена, что вложила в него письмо к Вам от Гната Юрия, и вдруг нашла его сегодня у себя на столе. Простите, пожалуйста, мою рассеянность, я торопилась вчера отправить Вам письмо и не опоздать на лекцию Цявловского⁴. Или я вложила во вчерашнее письмо какую-ниб. другую бумагу? Тогда, будьте добры, верните мне ее, может быть – нужная.

Лекции Цявловского проходят очень интересно. Сейчас он заканчивает пребывание в Михайловском (его тема – жизнь и творчество Пушкина). Надеется уложить все остальные годы в три лекции. Следующая – завтра. И затем еще две. Лекции у слушателей имеют оч. большой успех. Народу собирается много, к концу лекции немного пустеет помещение, пот. что расходятся участники спектаклей – спешат на свои сцены во вторых, третьих актах. (Вчера, напр., “Турбины” и “Дно”).

Владимир Иванович, приветствовать *от Вас* пять лет работы русского драматического театра в гор. Энгельсе, центре Республики немцев Поволжья?⁵ На Ваше имя пришло извещение, Вы вместе с К.С. входите в почетный президиум. Пойдет спектакль “Мятеж”. Чествование 20-го. Если да – представлю проект телеграммы. Или не только от Вас лично, а сговорившись с К.С., вместе, от театра?

Всего хорошего. Позднее я рассчитываю послать Вам деньги (пока не платят, с утра). Вероятно, тогда еще подберу новости.

Ваша Ольга Бокшанская

316.

15 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот и второе мое письмо нынче. Во-первых, о деньгах. В кассе у нас не получили из банка должного количества, поэтому обещали дирекции жалованье выплатить завтра.

Ваши замечания по макету “Яровой” передала Судакову и Гремиславскому. Художнику – Акимову – передать не смогла: он в Ленинграде. Суд. говорит, что у него вся планировка построена на живых людях, он думает, что если на первом плане у него будет Ливанов, а на втором, в народе – щупленькие наши молодые, то перспектива будет налицо. Видно, что Судаков от своих мечтаний о нар. славе отказаться не в силах. Грем. говорит, что уж теперь можно сказать, что перспективного

вида достигнуть не удастся. Но вместе с тем Грем. думает, что такую декорацию Акимов дал, исключительно подчиняясь заданиям режиссера, требовавшего мест для народа. Иначе, по его мнению, Акимов иначе разрешил бы город.

Молчанова. Я спросила Мих. П., которому вчера передала Вашу записку и письмо Молчановой, как решен вопрос. Он мне сказал, что отрицательно, потому что К.С. против ее возврата в МХАТ, а Вы, судя по записке, не слишком настаиваете. Вместе с тем Прудкин имел со мной несколько разговоров, в кот. просил и М.П. и Вам сказать, что Молчанова отныне, при возврате в наш театр, не претендует ни на какое положение, понимает, что даже относительно ведущих ролей ей не видать, согласна на эпизоды (напр., Долли в “Карениной”), надеется на работу благодаря широко применяемому дублерству, но больше всего хотела бы вернуться в театр и быть там почти не у дел, больше, чем быть в каком-нибудь другом театре даже с перспективой получить там немало работы. Только что Прудкину я сказала об отрицательном решении вопроса, и он меня просил Вам написать вот эти строки – о неприятных надеждах Раисы Ник., с просьбой – не найдете ли Вы возможным еще раз поставить перед М.П. вопрос о принятии Молчановой. Пожалуйста, ответьте мне, а то он завтра днем непременно спросит меня ответ¹.

М.П. согласен принять Прудкина или Молчанову для личного отчета им (отказ) – он не уклоняется от разговора на столь неприятную тему.

Бертенсону я уже не раз тоже писала, что текст “Карениной” пока не установлен окончательно и, как только будет установлен, будет ему выслан, т.к. я уж договорилась с Волковым о передаче Бертенсону прав на его инсценировку. Волков идет на это главным образом из-за того, что Бертенсон честен, а при делах с неизвестным лицом он боится быть обманутым.

Тихонов сегодня не звонил, буду звонить ему завтра сама – и об указаниях цензуры, и о книге “Ленский”.

Жду ответа о приветствии для многотиражки Киевского театра им. Франка. По-моему, этот товарищ согласится и на то, чтоб ему заблаговременно дать копию текста нашей приветственной телеграммы театру к юбилею. И относительно приветствия в Энгельс (немцы Поволжья) – пять лет русского театра.

Марков просит еще раз поставить перед Вами вопрос о “Вассе Железновой”². Пьесу читали на собрании режиссеров. За – Сахновский, Радлов, Марков. Против – Судаков, Кедров, М.П. (уж не на собрании режиссеров последний – а в разговоре с Марковым). Ясно, что против пьесы и К.С. М.П. говорит, что нет места, куда ее вставить в работу, и некому ставить.

По мнению Маркова, роли должны разойтись между Шевченко, Чебаном, Готовцевым, Комоловой, Пятецкой, Пилявской, Титовой, Топорковым. На Рашель он намечает Еланскую, что, кажется, главным образом, и восстанавливает Судакова против пьесы.

Марков считает, что пьесу нужно ставить и потому, что 2-й МХАТ закрылся и есть надежда получить пьесу специально нам, и потому, что постановка ее будет встречена чрезвычайно одобрительно, и потому, что, вероятно, все равно нам предложат ее ставить. Словом, это автор, которого нам следует играть.

А Мих. П. говорит, что, по слухам, пьесу будут ставить в МОСПС и в Красной Армии, и что, после постановки там, нам, пожалуй, и не надо будет ее играть (особенно при открытой кассе³ и при невозможности теперь постановки одних и тех же пьес в нескольких театрах). Кроме того, ее у нас, по мнению М.П., могла бы ставить Телешева, а она занята в “Простом деле”, и ее оттуда взять нельзя.

“Простое дело” авторы читают труппе 17-го, в четыре часа.

Завтра в 4 ч. для труппы устраивается выступление какой-то известной сказительницы Воронежской губ., Анны Куприяновны Барышниковой.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

317.

16 марта 1936 года.

Владимир Иванович!

Точный перевод и правописание той надписи, которую Вы хотите сделать, такой:

Дорогим товарищам Державного Українського Театру з ліпшим почуттям Народній Артист Республіки ...

Но Крути, который сделал мне этот перевод, говорит, что такого названия театра нет, что надо написать бы по “точному адресу”, т.е.:

Дорогим товарищам Державного Академичного Театру Опері і Балету УССР з ліпшим почуттям Народній Артист Республіки...

(Разнобой в букве “и”, “і” и і с двумя точками – проверен мною многожды, все выписано здесь правильно¹.)

Сегодня утром подали мне пакет с книгой “Ленский”. Вероятно, Тихонов просто похвастался, что они так точно тогда тотчас же и послали².

Орган – Гейрот, Клеант – Подгорный, таковы, как говорят, планы К.С.³.

Вы говорите – как Судакову не совестно?⁴ Вероятно, этого чувства он не знает. Вчера был разговор комический случай, насмешивший нас всех. К М.П. после его разговора с тремя уже более или менее готовыми актерами и после просмотра режиссерами нескольких совсем молодых актеров (я говорю о приеме к нам группы второмхатовцев⁵) пошли Суд., Калужский и Марков для окончательного решения дела. Тут же зашел

разговор о необходимости работы пьесы для филиала. Суд, начинает буквально долбить: нужна пьеса небольшая, интимная, удобная для распределения, – словом, все приводит к “Норе”. Когда пьесу отводят, в тех же тонах начинает говорить об “Овечьем источнике”. Тоже отвод. Калужский говорит: по-моему, туда надо дать хорошую классич. комедию, например, “Виндз. проказниц”, которые и так уж намечены для филиала, только на какой-то последующий сезон... Судаков: Ну, к чему еще “Проказниц”? Кому это нужно! – Но Кал. продолжает свою мысль: занять Еланскую, Андровскую, Станицына, Топоркова, Яншина... И Суд. сразу поворачивает под углом в 90 градусов: “Да, действительно, вот что нужно делать! Вот только вечером сегодня надо дома почитать с Клавдинькой, что там и как...”

Возвращаясь к делу с второмхатовцами: из этих показывавшихся молодых решено взять 6 человек: двое почти сложившихся – Дементьева и Кисляков; трое молодых: Смирнов, Климов и Эзов – говорят, с хорошими данными внешними: высокий рост, голос; одна, Розанова, из тамошней школы переводится в нашу студию (К. С-ча), с последующим переходом в распоряжение МХАТа; не-хорошенькая, но может быть интересна под гримом, с хорошим драматическим нервом – о ней говорили оч. хорошо, пророчили ей будущность слушавшие режиссеры⁶.

На продолжении диспута (где ожидается выступление Мейерхольда) будет Марков, он даже записался говорить, потому что, он говорит, он не может не выступить. И вместе с тем это его очень волнует, пот. что ему придется говорить по затронутым вопросам, т.е. по замечаниям о “Грозе”, по статье о “Мольере”. Может быть, Вы хотите ему дать какое-нибудь напутствие?

Владимир Иванович, совсем по секрету, потому что я знаю, что М.А.Булгаков оторвал бы мне голову, если бы узнал, что я без его ведома и спроса рассказываю о нем. Сегодня утром он вызывался к Керженцеву, пробыл у него полтора часа⁷. После этого он был в театре, сказал мне об этом факте, а когда я спросила, о чем был разговор, то он ответил, что дело шло об его будущей работе, что он еще весь под впечатлением множества мыслей, что он “даже жене еще не успел рассказать” и т.п. Словом, впечатление у меня такое, что ему хотели дать понять, что унывать от статьи он не должен и что от него ждут дальнейшей работы. Я его спросила: что ж, это был “социальный заказ”? Но точного определения, что это было, я так и не получила. Сказал он мне об этом свидании случайно, потому что Керж. просил его позвонить ему через какой-то срок, а телефона керженцевского он не знает. Вот он за ним и пришел ко мне. Возможно, что дальше Мих. Аф. и не будет делать из этого секрета, но вначале он всегда “засекречивает” свои мысли и поступки.

Ко мне заходил С.Э.Радлов, кот. просил Вам передать, что он начинает скучать от долгой такой разлуки с Вами. 18-го он уедет на три дня и по возвращении рассчитывает получить у Вас аудиенцию – он

один, без всяких намерений получить от Вас какие-нибудь решения, ни по каким конкретным затруднениям, а для обмена мнениями, для душевного разговора, который дал бы ему хорошие толчки по разным направлениям его работы.

Вероятно, это не последнее мое письмо Вам сегодня. Вас это не утомляет?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша О. Бокшанская

318.

18 марта 1936 года

[...] О присылке человека для гранок. Этого не делают, пока не получат из Главлита указаний цензуры. Я звонила туда дважды. В первый раз Тихонова не застала (16-го), он вовсе не должен был в тот день там быть, как мне объяснил Беус. Я изложила Беусу суть дела (о цензуре), он обещал 17-го переговорить с Тихоновым и направить его позвонить ко мне. Сам он не был в курсе разговора Тихонова с главлитчиком. 17-го звонка не последовало, а когда я стала добиваться “Academia”, то оттуда не отвечали. Теперь буду звонить туда 19-го, пот. что сегодня у них выходной. Вероятно, они не могут так-то легко добиться от цензуры письменного сообщения о замечаниях¹.

Ваше письмо о Молчановой я переписала в двух экземплярах и дала М.П., сказав, что второй экземпляр посылаю К.С. Он прочел (не могу скрыть – без всякого удовольствия) и сказал: что ж, посылайте К.С.

От К.С. 16-го же вечером я получила обратно экземпляр письма, на котором его рукой было написано: “Присоединяюсь к решению Вл. Ив. К. *Станиславский*”. В тот вечер я не могла добиться встречи с М.П., потому что он провел весь вечер в студии, на Малой сцене. Я посылала туда ему на подпись приветствие украинцам и просила передать, что прошу его позвонить ко мне, у меня были к нему дела, он передал, что позвонит, но не звонил и оттуда поехал в Теа-клуб на встречу с украинцами. 17-го он пришел в театр в пятом часу, т.к. до того был на диспуте. Я ему тотчас же показала бумагу с надписью К.С. и – опять-таки не скрою – его все это раздосадовало. Он сказал, что так трудно работать, если на основании переговоров с Вами и К.С. он отказывает Молчановой, а потом Вы оба единодушно, из чувства жалости, решаете вопрос круто иначе. Но, вероятно, это было его первое движение души, это удовольствие, пот. что позднее, во время читки туровской пьесы, он при Евг. В. сказал: “Вот теперь берем Молчанову, наши “старики” за нее заступаются, пожалели...” А до этого в разговоре со мной он, видно,

хотел еще противодействовать, потому что на мой вопрос – что ответить Молчановой? – сказал: скажите, что ответа еще нет, а письмо это (с надписью К.С.) спрячьте себе в стол.

Это я все, конечно, рассказываю Вам “между нами”, он вряд ли в Вашем присутствии стал бы показывать недовольство. Однако не знаю, как же мне дальше быть? Спросить его еще раз? Нет, я попрошу Ал. Моис. при разрешении вопроса с оформлением у нас второмхатовцев включить туда и Молчанову, на основании его слов на читке, что мы-де ее берем. Или пусть Топорков его спросит, как зав. труппой.

Я не пишу Вам о читке вчерашней только потому, что подробнейшим образом рассказала обо всем Ек. Ник. вчера вечером.

Сегодняшняя информация в “Сов. иск.” опять-таки не вышла из недр нашей литчасти. Вероятно, это дал Леонидов. В театре и вечером, во время спектакля, было много толков о “бедности” туровского произведения².

Вчера прошло “Гор. сердце”. Из гостей был т. Чубарь. Я посмотрела вторую половину 3-го акта, ближе к выходу Хлынова. Мне все не понравилось, ни до Москвина, ни после. Тускло, незаразительно, Еланская мне показалась просто невыносимой – резонерствовала, наглядно показывая и внешне и внутренне ход работы с ней Судакова. Судаков так и выпирал из нее. Спектакль внешне имел недурной успех, но в антрактах публика не вся, далеко не вся, была довольна. Москвин сильно нажимал, рассчитывая явно на большой фурор. Мне хвалили одного Хмелева, в котором сохранился и юмор, и серьезность актерского отношения к роли.

Сегодня Вас. Ив. не участвует в “Воскресении”, за него читает Суд. Вас. Ив. чувствует себя нехорошо; вероятно, Иверов Вас держит в курсе его самочувствия.

Завтра в Большом театре днем украинцы показывают моск. актерам “Запорожца за Дунаем”. На наш театр прислано 55 мест – наполовину, больше чем наполовину, плохих, высоко.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша О. Бокшанская

319.

20 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня, еще до Вашей записки, я так и сказала Суд. и Треневу, что с точностью можно сказать: Вы до 26-го не будете на “Яровой”. Это даже улыбнулось и режиссеру, и автору. Последний должен куда-то выехать недалеко, сегодня или завтра, и выедет. А Суд. говорит, что он хочет еще подчистить ряд сцен.

Ваши замечания по поводу репертуарного плана я прочитала Маркову и М.П. Ваши опасения по поводу современных пьес их не пугают, потому что и они не рассчитывают на получение по две пьесы в сезон. Они ясно отдают себе отчет, что по 6 пьес в год мы выпускать не будем. Стало быть, или по две классических на каждой сцене в сезон, или взамен одной из классических, при удаче, одна современная. Но снижения требований в отношении современных пьес не предусматривается, Вы не должны заподозрить их в этом¹.

Теперь о Вашем предполагаемом письме в “Горьковец”². Я отдельно говорила об этом с Марковым и отдельно с М.П. (Так вышло, не нарочно я таилась от каждого из них.) Оба они в один голос говорят, что не стоит помещать такого письма, что оно может быть неверно понято и поставит Вас в фальшивое положение. М.П. думает, что вряд ли можно было бы делать из актеров замкнутые касты артистов каждого отдельного театра. Ему кажется, что все дело в глубине, в ответственности за свои высказывания, в удельном весе высказывающегося. Грибкова и Яншина он юмористически назвал “вундеркиндами”, которые постоянно выскакивают с какими-то крикливыми оценками, не имеющими никакой принципиальной обоснованности. Но ему кажется, что если к актеру обращается газета с просьбой высказаться о том или ином спектакле своего же театра, то почему бы актер мог отказаться, если он имеет свое серьезно продуманное мнение о предмете. Как мотивировать отказ? Что это неэтично? Неэтично вынести свое мнение на суд общественности? Это всегда этично, если это взвучено, добросовестно, глубоко, если это не рубка с плеча, если это не беспринципная болтовня. Но при таком именно взгляде, как у М.П., конечно, театры не ограждены от выскакиваний в печати авторов, из-за которых Вы хотели писать письмо в “Горьковец”.

Проверять мне и дальше, помещать ли Ваше письмо, или мнение М.П. для Вас убедительно? Буду ждать Ваш ответ³.

Владимир Иванович, у меня к Вам два вопроса не театрального характера. Первый: в Москву приехал какой-то посланный от Н.А.Смирновой, из Тарусы. Он привез письмо к Вам, но, придя нынче ко мне, не захватил его с собой, т.к. с утра отправился по делам и боялся письмо затерять. Он мне изложил деловую часть письма. Над. Ал. строит домик в Тарусе. Некоторых материалов там достать не может и просила этого своего знакомого раздобыть их в Москве. Почти все он достал при помощи Камерного театра, но одной вещи достать не может: драночных гвоздей. Тут-то я вообще в первый раз узнала о существовании таких гвоздей. И вот он просит, нельзя ли их получить через наш театр, – как о том просила и Над. Ал. в своем письме к Вам (он завтра его занесет в театр)⁴.

Я пыталась узнать сегодня в нашем хозотделе, есть ли вообще у нас такие гвозди. Оказалось, что как будто есть, но не совсем такие, не нужного размера. Однако тот человек, которого я застала в хозотделе,

сказал мне, что наилучшим образом я получу сведения завтра от одного сведущего товарища. Так вот я бы хотела иметь от Вас директиву: добиваться мне получения этих гвоздей или Вы не настаиваете на удовлетворении просьбы Над. Ал.? В какой мере мне проявить настойчивость и ссылаться на Ваше желание исполнить просьбу?

Второе дело вот какое. После всяких переписок с Бертенсоном я получила от него согласие на отдачу переведенной им пьесы лицу, которое возьмет на себя обработку пьесы для сов. сцены и разделит с ним гонорар (т.е. делить будут на три части: амер. автор, Серг. Льв. и третье лицо). Таким лицом я избрала Крути, кот. живо всем этим заинтересовался, но вот какие мысли его остановили. Он боится за судьбу этой пьесы на нашей сцене из-за того, что при уменьшении в ней пацифистского звучания (что непременно потребуется в наших условиях), сильно “выпрет” дискредитация французской армии, особенно французского командования. Он слышал, что по причинам вмешательства Наркоминдела в пьесу Киршона, например, эта пьеса пока не имеет никакого хода на сцену⁵. Он боится, что и в этом случае может возникнуть такое вмешательство, основанное на желании сохранить хорошие отношения с союзной стороной; и он предлагает мне сначала дать прочесть пьесу кому-нибудь из Наркоминдела, хорошенько там “проработать” вопрос, а потом приступать к работе.

Простите, что я Вас занимаю этим делом, я предполагаю только что Вы, если это не составит для Вас большого труда и не оторвет Вас от дела, поможете Бертенсону. Я не знаю, к кому обратиться в НКИнделе. Рубинин уехал полпредом в Бельгию, кажется; Уманский уезжает в Вашингтон и вряд ли заинтересуется нашими делами в суতোлке перемены места и работы. Больше я там никого не знаю. Если у Вас есть там читатели и другие (там ведь всегда проявляют к Вам большое влечение), не назовете ли Вы мне их, чтобы я могла обратиться с ссылкой на Вас, что, конечно, поможет пьесе Бертенсона хотя бы в смысле ускорения всей процедуры⁶.

Простите, что заняла так долго Ваше внимание и что, вероятно, обременила Вас вопросами.

Молчанова включена в число принятых и будет помещена в то распоряжение по МХАТ, которое вскоре будет опубликовано. С ней, стало быть, вопрос решен окончательно и притом положительно.

Пыталась сегодня сообщить в “Academia” Ваши соображения о фотографиях и о корректуре – безнадежно. Вот учреждение, где трудно поймать по телефону нужного работника. Завтра повторю свои телефонные звонки Тихонову и Фейгиной.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

22 марта 1936 года

Милый Владимир Иванович!

М.П. просит переслать Вам это письмо о репертуаре, на которое, как Вы видите, он ждет ответа – вероятно, более официального, чем тот, который я прочла ему (не как ответ, а как Ваши мысли о репертуаре) по Вашей карандашной записке.

В.Г.Сахновский просит Вас спросить: Вы предполагали 26-го начать работы по “Яровой”, но из-за утренников приходится перенести начало Вашей работы на 27-е. Но раз уж Вы предполагали начать что-то делать 26-го, то не примете ли Вы его по “Карениной?” Ведь 26-го Вы хотели начать “перестать молчать”. (Вот так фраза!)

Простите, Владимир Иванович, не написала Вам своевременно в ответ на Вашу записочку – М.П. говорил с Булгаковым, о чем – не знаю. Вкратце о свидании Булг. с Керженцевым знаю, что тот говорил М. Афчу об его будущей работе. Вероятно, с имеющимися работами могут быть всякие осложнения, как, например, с “Иваном Васильевичем”, комедией почти готовой в Театре сатиры, куда на просмотр, как я слышала, представители Комитета искусств отказались приехать. Театр их попросил просмотреть незаконченную работу, чтобы решить возможность ее окончания и выпуска, а те не нашли возможным это сделать. Керженцев же говорил только о будущей работе. После этого Булг. просил встречи с Аркадьевым и получил ее, насколько я знаю, накоротке, в первом антракте “Горячего сердца”. Вряд ли это было о будущей его пьесе. Вероятно, М.П. сам при встрече расскажет Вам.

П.А.Марков просит Вам сообщить, что, стало быть, в литчасть приглашен к нам т. Рафалович, про которого М.П. сказал, что он будет вести работу параллельно с Марковым, без разделения функций. Думаю я, предчувствую, что это будет смена Маркову, о чем я ему и сказала. Вероятно, Марков это и сам предчувствует. Во всяком случае, по-моему, руководящая роль Маркова в литчасти кончается¹.

Сегодня пришло на Ваше имя письмо от Н.Д.Михаловской, которая благодарит Вас горячо за присланные ей театром 100 р. Благодарит и призывает все радости земные не оставлять Вас. Кроме того, она просит Вас прислать ей Вашу фотографию. Хотите Вы это сделать? Об этом она просит уж во второй раз, в первом письме тоже писала об этом.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

23 марта 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Раз оказия к Вам посылается, я не могу удержаться, чтоб не написать Вам.

Итак, сегодня М.П. будет у Вас. Вероятно, в связи с этим Марков пошлет Вам письмо до этого часу. Марков находится в понятной нервозности. Звонил мне сегодня, спрашивая, как ему поступить. Он вчера договорился с М.П., что он остается во главе литчасти, а позднее, из разговора с Рафаловичем, узнал, что Раф. на это не согласен и предлагает совместную работу на равных началах, даже больше того для себя: П.А. будет работать с авторами, как до сих пор и было, а Раф. будет эту работу обобщать, объединять... Это является для Маркова неприемлемым. По моему совету, для выяснения, кто же прав в впечатлениях от разговора с М.П., Марков нынче по телефону связался с М.П. и тот ему сказал, что такой договоренности с Раф. он не имел. М.П. предложил Маркову совместно с Раф. составить и представить ему план распределения работ между членами реп. части. К Вашему сведению, вот что я слышала о Раф. Он был (кажется, лет 5 назад) председателем Реперткома Ленинграда, затем был снят с этой должности и отдан под суд по обвинению во взяточничестве и каких-то неблагоприятных делах. Ему грозило исключение из партии и множество других неприятностей. Однако по суду он был оправдан за недоказанностью взводившихся на него обвинений. Что он делал после этого до настоящего времени, — я не знаю. Это на вид очень молодой человек, медлительный и мрачноватый.

Интересно ли Вам взглянуть на ориентировочный план нашей будущей издательской работы, — я на этот случай прилагаю его.

Пока новостей нет, да, вероятно, все новости Вам расскажет куда интереснее М.П., тем более что третьего дня он был у К.С.

Да, говорят, к нам принимается новое лицо на должность директора филиала. После ухода Евг. Вас. с этой работы ее передали Животовой. Теперь, говорят, будет специальный человек. Но это пока в области разговоров, хотя этот человек (кажется, его фамилия Колобов) уже был в театре и имел беседу с Маркизовым в присутствии Митиля. Как видите, штаты у нас расширяются молниеносно¹.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

24 марта 1936 года

Милый Владимир Иванович!

Посылаю на Ваше утверждение новый вариант киевского репертуара. Дело в том, что Шверубович и Судаков решили, что “Воскресение” надо несколько отодвинуть по соображениям монтажно-техническим. А в связи с этим Калужскому надо было переставить некоторые спектакли. Прошу Вас посмотреть репертуар и сказать Ваше слово, – Калужский непременно спросит, утвердили ли Вы.

И еще, пожалуйста, ответьте, захотите ли Вы принять кого-нибудь из режиссеров 26-го. Имеют виды на этот день двое: Сахновский (который имеет жгучие к Вам вопросы и право первенства в смысле просьбы о свидании) и Радлов (который говорит, что экстренности административно-художественной у него нет, но что он творчески соскучился по Вас, не видя Вас недель шесть, что за это время произошло так много событий – мировых и не-мировых, – что как-то они могли отразиться и на “Борисе Годунове”, и поэтому ему хочется, очень хочется увидеть Вас¹. Он уверяет, что он бы удовольствовался тем, что он Вам скажет все его волнующее, а Вам говорить и не придется, так что не будет для Вас опасности повредить своему голосу. Но можно ли этому поверить? На мой скептический взгляд при его словах он сам над собой засмеялся).

Еще раз позволяю себе напомнить про гранки Главлита, за которыми пришлют 25-го утром.

Всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская.

Дополнительные сведения о Рафаловиче, данные мне Радловым. Он, оказывается, не только мог подвергнуться в свое время неприятностям, – нет, он им подвергся. Он был арестован, судим, исключен из партии... И только совсем недавно он вполне, абсолютно реабилитирован, с правом обвинения даже своих бывших обвинителей. Это привело его к состоянию крайне тяжелому, так что и сейчас, по мнению Радлова, в нем есть надлом, неврастеничность, способность к мрачному душевному состоянию.

Радлов находит, что он человек высококультурный, много читавший, много думавший и не случайно работающий в области искусства, а именно по большой своей склонности к искусству и по способности умело разбираться в вопросах искусства.

Вас. Гр. (наскоро, правда) сказал мне, что имеет некоторые неблагоприятные сведения, рисующие его как человека совершенно чуждого нашему театру, по его беглым словам я поняла, что его сведения расходятся с мнением Радлова. Да, после Ленинграда он работал в Наркомпросе, у Новицкого.

Владимир Иванович, пожалуйста, верните бумагу Александрова (композитора).

4 июля 1936 г. Ленинград. № 2

Начинаю серию ленинградских писем. Сегодня здесь начало гастролей. Репертуар первой половины этих гастролей, сложившийся по причинам, соображениям монтировочного порядка, такой: 4, 5, 6, 7 и 8 (6-го утро и вечер) – “Турбины”, 9-го – “Царь Федор”, 10-го – “Турбины”, 11-го – “Платон Кречет”, 12-го утром “Турбины”, вечером “Царь Федор”. Конец гастролей тоже будет однообразный, подряд несколько “Турбиных”, это для того, чтобы пораньше отпустить занятых в “Федоре” и “Кречете”. Постепенно я Вам буду сообщать репертуар. Или прислать его в полном виде?

В течение вчерашнего дня и сегодня утром прибыли постепенно все участники “Турбиных”. Некоторые ехали через Москву, немногие. Остальные – прямо из Киева, кто приехал вчера вечером, кто нынче утром. Большинство размещено в Европейской гостинице. “Астория” в этом году смогла дать только три номера, да при этом еще два из них со смежной ванной. Поэтому специально просившие себе “Асторию” Прудкин и Изралевский попросили перевести их в “Европейскую” с отдельными ванными. В их асторийские номера перевели Судакова и Титову. Кроме них, в “Астории” (третий предоставленный номер) – Хмелев. И еще: Яншин, который получил там номер по знакомству, и Михальский, которому, опять-таки по знакомству, “Астория” дает номер не в счет предоставляемых. “Европейская” не имеет свободных хороших одинарных номеров и поэтому даны двойные номера, из двух комнат каждый, даже с двумя кроватями, – и всякий такой номер дается на одного. В “Европейской” поселены все заслуженные. Из народных здесь будет Москвин, ему дается апартамент даже из трех комнат. Остальные актеры устроены в Октябрьской гостинице (против вокзала), тоже хорошо, с отдельными ванными у каждого, и наконец желающие – на частных квартирах. Это уж совсем зеленая молодежь и рабочие, которые таким образом делают экономию. Пока жалоб на комнаты не было никаких, надеюсь, что и не будет. Особенно после Киева. Все так довольны, что попали в милый сердцу город. Администрация же боится, что такое устройство с комнатами разбалует всех и в будущем все заслуженные будут требовать двойные комнаты. У нас с Женей приятная двойная комната, а с 7-го числа мы получим освобождающуюся совсем очаровательную комнату, вернее, две большие великолепные комнаты, и, что самое приятное, великолепнейшая, лучше асторийских, ванная. Это будет № 308. Так что, как видите, мой адрес: “Европейская”, комната 308.

Контора наша нынче не в “Европейской”, а в Филармонии, т.е. в бывшем Дворянском собрании. А вход с быв. Михайловской улицы, прямо против входа в “Европейскую”, так что можно ходить на работу

без пальто и шляпы. Здесь нам предоставлена поместительная комната в первом этаже – золоченая мебель с красным плюшем, зеркала, но мало приспособлений для канцелярии: два стола без ящиков и никакого шкафа. Где хранить наши бумаги – не знаю. Пожалуй, свои кассовые ведомости и документы я буду уносить к себе в “Европейскую”.

Сегодня здесь в конторе еще тихо, все устраиваются. Потом, ясно, тут будет клуб и место встреч. Пока что приходил Станицын, рассказывал, что у него в “Европейской” такой апартамент – вপুরе Пер Басту. Он чувствует себя набобом, только змеи не хватает¹. Не только две кровати – выбирай любую, но даже два умывальника. Странно, что нет двух ванн.

Общее неудовольствие вызывает то упорство, с которым М.П. настоял на отмене спектакля 3-го числа. Было так. Когда выяснилась необходимость устроить банкет в Киеве 1-го, М.П. распорядился, чтоб Михальский созвонился с Москвой, с Боярским, получить разрешение на отмену спектакля в Ленинграде 3-го числа. Москва ответила разрешением, но почему-то до сих пор не дала такого распоряжения в Ленинград, в Комитет искусств. А здесь, имея только телеграмму за подписью Феде и сообщение на словах приехавших заранее Шелонского и Маркизова, заведующие Домами культуры полезли на стенку, считая, что отмена спектакля есть нарушение договора, влекущее за собой неустойку с нашей стороны в сумме 40 тысяч рублей. Пошли переговоры, уговоры, и закончились они тем, что Дома культуры поместили для публики объявления в газетах, по радио, всюду, от своего и МХАТа имени, что спектакль 3-го “Турбины” переносится на 13-е, а спектакль “Кречет” 13-го отменяется. Ясно, что у них нет полной продажи на “Кречета” и они таким образом выгадывают. Когда же наши заговорили о том, что не следует отменять спектакль, а предлагается дать один спектакль как-нибудь днем, чтобы количество обещанных по договору спектаклей было сохранено, то Дома культуры говорят: “Хорошо, попробуем вставить какой-нибудь спектакль в июле, но тогда уж давайте “Турбинных””. Так что вопрос пока стоит открытым, считается, что мы сыграем на один спектакль меньше.

И вот что злит всех, это что зря отменили вчерашний спектакль. М. П-чу в Киеве Женя тотчас же сказал, что есть пути сохранить спектакль – отправить турбинцев на самолете, кто не хочет на самолете (таких было трое: Прудкин, Соколова, Изралевский), отпустить с банкета в половине 12-го (банкет был назначен на 5-6 часов дня) и отправить поездом. Если не так, то Ленинград соглашался начать спектакль в 9 часов вечера, и тогда попросту поспевали все при том же расписании отъездов, которое существовало. Но М.П. был упрям и, несмотря на то, что его уговаривали два раза в Киеве и даже Евг. Вас. ездил специально к нему на дачу в Святошино уговорить и доказать возможность обойтись без отмены, – твердил одно: я сказал отменить, так и будет.

Вчера в газетах были сообщения о киевском банкете, посылаю их Вам². На словах же слышала, что действительно банкет был на редкость

приятный, атмосфера, тон были дружеские, простые, милейшие. Наши все держались прекрасно, не посрамили марки, никто не выпил лишнего; никто, вернее, не буянил, лишнее-то попили некоторые, особенно из технических цехов. Тон задал Постышев, замечательный, душевный. И так был сам обаятелен, всех очаровал. К концу банкета танцевал даже русскую с Книппер.

М.П. сначала твердо заявил, что никого решительно не отпустит с банкета, задержал хотевшего уехать Качалова, а потом вдруг отпустил ряд просивших его о том актеров, что тоже вызвало недовольство, пот. что турбинцы нашли, что тогда уж лучше было отпустить их, чтоб не срывать начало гастролей, а не других, поехавших по семейным делам, для свидания с родными и т.п. Вообще у меня впечатление, что он не нажил себе популярности в этой поездке. Идут не очень лестные сравнения с Гейтцем, много говорится о “барских” замашках, об отсутствии настоящей заботы о человеке, о выделении не в пример другим заслуженных и народных. Это еще и потому, что многие были обижены предоставлением права ездить на предложенную театру дачу только заслуженным и народным. А привело это к тому, что некоторые актеры буквально там поселились, и не только сами, а например, жена Ливанова безвыходно там сидела, Скульская с сыном – смотря на эту дачу как на способ жить без трат, ведь там было все даром, вплоть до всех видов вин, шампанского и даже папирос. Шевченко, например, простить себе не могла, что не привезла с собой дочь. А конечно, можно было бы так организовать, что все бы (во всяком случае, основной и переменный состав) пожили там по несколько дней.

М.П. ожидался в Москву 3-го, так что я его не видала: Евг. Вас. прилетел 2-го днем на аэроплане из Киева и в тот же вечер мы выехали со “стрелой” в Ленинград, чтобы здесь до приезда труппы наладить контору. С Евг. Вас. летело еще 9 человек наших, и все в восторге от перелета. За ними была прислана из Москвы великолепнейшая машина (обычно ходящая Москва – Прага), заграничная, “Дуглас”, на 14 человек. Они летели всего 2 часа 40 минут. Иной раз скорость доходила до свыше 300 километров. Летели все время на высоте 3 000–3 500 метров, т.к. на такой высоте меньше болтает.

Поедет ли М.П. в Ленинград – никто не знает. Ник. Вас. говорит, что он отвергал для себя возможность поехать в Ленинград, Митиль говорил, что он приедет на несколько дней. Думаю, что вряд ли приедет, иначе мы теперь уже знали бы, да и приехал бы он уж к сегодняшнему открытию, если б вообще собирался. Вероятно, он прямо проедет в Кироводск.

Животова, прощаясь, решила меня еще обнадежить на счет заграницы, говорит: “Знаете, ваше дело еще не решено, может быть, дадут еще ответ, что разрешено и вам поехать”. Уж не знаешь, досадовать или смеяться на такие слова. Говорит: “Я этого дела не оставляю, я все время работаю по этому делу”.

Владимир Иванович, получили Вы высланную Вам 29-го еще из Москвы сверстанную Вашу книжку? Это все, что я смогла получить для Вас из “Academia”. Думаю, что этот экземпляр, что они мне дали, даже не выправленный. У меня было время, и я взялась ее читать. Вижу на 53-й странице вместо “Эрнани” написано “Эрвани”. Я забеспокоилась, стала звонить в “Academia”, не дозвонилась (все разошлись уже), но потом вспомнила, что мне говорили, посылая эту верстку, что это не исправленный экземпляр.

В Киеве закончили спектакли хорошо, на закрытии “Гор. сердца” занавес дали 26 раз, так что было впечатление настоящего прощанья с театром. Параллельно шел “Пиквик”, шел тише, занавес дали раз 8. Но все-таки и там была сердечность и теплота в вызовах.

До свиданья, милый Владимир Иванович, до следующего письма. Прошу передать Ек. Ник. сердечный мой привет. Надеюсь, что Ваш отдых проходит приятно. От Жени и себя желаю Вам всего хорошего.

Ваша *Ольга Бокшанская*

324.

8 июля 1936 г. Ленинград. № 4

Милый Владимир Иванович!

Вчера я позволила себе, не спрашивая Вас, подписаться от Вашего имени на новый заем, на 4 000 (месячный оклад). Хотя было обращение Совета профсоюзов, что предлагается подписываться на трехнедельный оклад, но большинство наших подписалось на месячный, и я думала, что и Вы так сделали бы. Вы, вероятно, знаете уже, что все ранее выпущенные займы должны быть обменены на новый, но это у нас в театре будет производиться осенью.

Вчера состоялись похороны Монахова. Он умер от паралича сердца. Женя, ходивший к гробу, говорит, что он, вероятно, упал, потому что у него были большие ссадины на носу и на виске. Наше участие в похоронах выразилось в том, что группа заслуженных во главе с М.П. и Москвиным, приехав вчера утром, в 2 часа отправилась возложить венок от МХАТ в Большой драматический театр, на Фонтанку. Всего в делегации было человек 16. Там они увидели большую очередь пришедших проститься с Н.Ф. На некоторое время эту очередь приостановили и пропустили наших. Они возложили венок и постояли все скопом в почетном карауле. Оказалось, что вышло некоторое недоразумение. Дирекция театра главным образом хотела, чтобы наши были там в 4 часа, когда была назначена гражданская панихида и вынос, а наших собрали и привели к двум. Кажется, несколько человек все-таки вернулись в Большой драматический и к четверем.

М.П. пробыл здесь 6-е и 7-е. Видели все его мало, я вовсе не видала. Я бываю днем в конторе, а он сюда не зашел. Он был в начале вечернего спектакля 6-го, в первом антракте заходил за кулисы, обещал и на след. день зайти проститься. Но больше не зашел. И вот 7-го виделись с ним, когда ходили к гробу Монахова. Все наши, смеясь, язвят: “Да ведь он не к нам приехал, а ради Дудинской!” И действительно, не без основания так сплетничают: во всяком случае, вчера на вокзале провожала его именно эта дама. И Михальский. А т.к. другая группа наших провожала уезжавшую жену Шелонского, то и обнаружили этот факт.

Вот одно дело М.П. все-таки устроил – договорился о сохранении того количества спектаклей, которое было по договору. Спектакль “Кречет”, который 13-го было совсем отменили, все же состоится 18-го днем, параллельно с “Турбинами”, которыми начинаются в этот же день наши спектакли в другом (Выборгском) доме культуры. Кроме того, по непроверенным слухам, будто бы М.П. договорился с Домами культуры, что весь театр приедет сюда в будущем марте, привезя и “Яровую”, и “Каренину”, и “Бориса”, и еще ряд уже идущих спектаклей. Может быть, это болтовня, вымыслы?

Мне говорил Суд. со слов М.П., что будто бы он, приехав из Киева в Москву, заявил Животовой, что с 15 сентября она может считать себя свободной от работы в МХАТ. Жив. на это возразила: “А вы согласовали этот вопрос с К.С.?” М.П. сказал: “Вы не актриса и не режиссер, так что этот вопрос я не считаю нужным согласовывать с К.С. Вы административный работник, с которым приходится иметь дело мне, и я заявляю, что работать с вами не могу”. Но Жив. не смирилась и полетела в нижний кабинет, где и Рипси и Н.В. будто бы ее заверили, что ей нечего беспокоиться, с ней ничего не случится плохого в театре, пока все они у власти, – включая и К.С. Они ей гарантировали заступничество К.С.

М.П. сказал, что трижды говорил с К. С. по телефону: один раз он, М.П., ему звонил, два других – звонил к нему сам К.С. М.П. говорит, что К.С. совсем не интересовался рассказами о киевской поездке, планами ленинградской, а весь свой интерес свел к разговору об отнятии у него кабинета в театре и переводе в макетную Егорова и Рипси.

Сегодня открыли текущий счет для нас – это редкая удача, что Михальскому повезло открыть счет без затягивающих дело формальностей. Теперь еще добиться от московской бухгалтерии, чтобы поскорее они доставили платежные ведомости. А то наша публика начинает подстанывать: когда будете платить?

Посылаю Вам небольшую вырезку из “Правды” от 5 июля¹. Попадают Вам там наши “Известия” и “Правда”? Вряд ли, правда?

Погода стоит у нас жаркая, солнечная. Наши актеры пока что днем заняты, репетируют. С 11-го все освободятся, тогда, вероятно, начнутся выезды за город днем.

Ко мне заходил Ю.Н.Султанов, рассказывал, что Ек. Павл. плохо себя чувствует. Бывают дни улучшения, потом опять плоховато. Однако

есть надежда, что она из болезни выкрутится. Необходимо ее перевезти в Детское, что он и хочет вскоре сделать. Кроме того, от Ек. П. приходила одна дама, ее приятельница. Просила устроить ей места на “Турбинных”, принесла даже записочку мне от Ек. П. Я устроила.

В.С.Соколова взяла с меня слово, что в ближайшем же письме я передам Вам ее очень нежный привет.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Желаю Вам и Ек. Ник. очень хорошо проводить время.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Милый Владимир Иванович!

9-го и вчера прошли наши “премьеры” – “Федор” и “Кречет”. “Царь Федор” шел с большим успехом, особенно для Москвина. Я смотрела первые три картины, не столь для Москвина выразительные. Потом ушла. А на след. день слышала, что он великолепно играл и 4-ю, и 6-ю, и последнюю. Занавес давали раз 20, много кричали “браво”, “спасибо МХАТу”. Вчерашний спектакль “Кречета” я смотрела целиком. Главным образом, из-за двух новых исполнителей: Береста – Болдуман и Бублика – Яншина. Болдуман мне совсем не понравился: тяжеловесно, без малейшего намека на юмор, как-то безлико, незначительно. Мне кажется, что Болдуман – актер, который работает нелегко, медленно, и такой ввод, особенно при явной нетребовательности Судакова, ему не по силам. Яншин играл очень хорошо – просто, искренне, мягко. И к тому же – его сценическое обаяние! Мне он понравился больше всех исполнителей, больше основных, прежних. А вообще спектакль мне не понравился. Яркий “немхатовский” спектакль. Один Яншин был от МХАТа, все же остальные безбожно сентиментализировали, наигрывали, вылезали из ансамбля. Впрочем, не из чего, кажется, было и вылезать: ансамбля вообще в этом спектакле нет, каждый выдвигает себя на первый план, и так старательно выдвигает, даже беззастенчиво. Почему наши актеры стали так “играть”? Или я требовательна? Когда я смотрела “Кречета”, мне казалось, что каждая сцена в нем – показательный момент к Вашему учению о “ядах” в сценическом искусстве. Однако публика много смеялась, 2 раза аплодировала среди актов: Морес и Яншину, в конце давали что-то много раз занавес. Но слышны были в антрактах и поругивания среди публики: мои соседи не только ругали, но прямо возмущались, что МХАТ мог сделать такой спектакль. Сетовали, что так рассчитывали хоть в МХАТе увидеть “Кречета” в настоящем исполнении, чего не добились в ленинградской постановке¹. Восклицали: “Просто ужас – увидеть такой спектакль после “Турбиных”!” Негодовали, что публика, легко принимающая комические места и положения, портит актеров, дает им право думать, что с этим спектаклем все благополучно. Мне попались соседи с резкой критикой.

9-го утром приехала сюда Шевченко играть в “Федоре” и сообщила, что на днях в дом отдыха МХАТ, где она отдыхала, приехала Рипси и мимоходом известила ее, что ей разрешен выезд за границу. При этом Рипси сказала, что еще разрешен всем народным, Тарасовой и Хмелеву, так что она просила Шевченко известить об этом решении находящихся в Ленинграде Москвина, Тарасову, Хмелева. Рипси сказала, что пока ответа нет для Подгорного, Кореновой и меня, но, возможно,

что тоже дадут разрешение. Так мне сказала Шевченко. А вчера я получила письмецо от Виленкина, в котором тот пишет иначе: что вот всем перечисленным, о кот. говорила Рипси, дано разрешение, а нам троим – Ник. Аф., Лид. Мих. и мне – отказано. Это, по-моему, больше похоже не правду. Я было разволновалась, а потом решила себя взять в руки: я же была готова к тому, что нынче вряд ли мне удастся поехать, пот. что для получения разрешения нужны крепкие хлопоты, а на это я со стороны театра рассчитывать не могла. Я постараюсь хорошо отдыхать, чтобы зимой глаза мои были в хорошем состоянии. А будущей весной поклонюсь Вам в ноги, чтобы Вы еще крепче заступились за меня при распределении заграничных поездок.

Сегодня в Ленинграде физкультурный парад. Жаль, что наши общественные организации не сумели устроить для нас билетов – через Комитет искусств здешний только один Москвин получил место на площадь. Я из “Европейской”, из окна, посмотрела, как у нас по Михайловской и на площади перед музеем собирались, строились и маршировали целые отряды – изумительно красивое зрелище: разноцветные майки – каждый цвет для особой колонны, яркие флаги и флажки, много и белого – трусики у всех белые при цветных майках. Все такие веселые, здоровые, загорелые – радостно смотреть. Рассказывают, парад в Москве на Красной площади был изумительный. Дошло по “развороту” до того, что на полплощади был растянут войлочный ковер зеленого цвета для того, чтобы можно было провести футбол. Играли взаправду, как на зеленой лужайке, две команды.

Теперь семейные новости театра: говорила ли я Вам или писала ли, что поженились Дорохин и Пилявская? История этих взаимоотношений начинается еще со времен дальневосточной нашей поездки, но теперь – кажется, с Киева – они считаются официально мужем и женой. Другая новость – родила Полонская Нора, наша бывшая актриса. Родила мальчика, будут его звать Владимир.

Да, из вчера полученного письма от П.А.Маркова знаю, что он в Москве перевидался с Виртой, Шостаковичем, Вс.Ивановым, Афиногеновым – вот кого он перечисляет, но о результатах свиданий ничего не пишет. Кроме того сообщает, что слышал, что Вас. Ив. заболел и с дачи перевезен в город. Но чем – он не знает и потому не сообщает. Сам Марков вчера вылетел в Крым, где поживет, совсем один, на кнпперовской даче в Гурзуфе, а потом к августу морем отправится в “Синол” (под Сухумом), где будем и мы с Евгением.

На всякий случай сухумский адрес: Абхазия, Сухум, гостиница “Синол”, мне. Значит, с 1 августа там же будут Марков, Горчаков, Булгаковы, Ершов с женой, возможно, что Кедровы. А с 15 августа, возможно, и Вильямсы.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Хоть бы написали нам сюда несколько строчек, если Вам не утомительно это, сколько народу спрашивает, нет ли известий от Вас.

Сердечный привет, самые лучшие пожелания шлю Вам и дорогой Ек. Ник.

Да, Суд. устроил здесь покупку для 10 квартир во вновь строящемся нашем доме никелированного оборудования для ваннных комнат. Надо внести на это 720 руб. Я вношу для Вашей квартиры – за свой страх и риск, – можно? Это будет интуристовское оборудование, лучшее, что можно здесь достать у нас, типа “Астории”. Если Вы не согласитесь, я уверена, что многие согласятся взять его и вернуть те деньги, что я внесу. Суд. плохого не устроит, я так думаю, он любит себя хорошо оборудовать.

Еще раз всего хорошего.

326.

18 июля 1936 г. Ленинград. № 6

Милый Владимир Иванович!

По просьбе нашей литчасти (Виленкина) я переписала статью Судакова, которая должна войти в сборник о “Любови Яровой”. Литчасть не хочет пустить статью без Вашей визы. Поэтому просьба к Вам прочесть статью и вернуть ее с поправками к нашему съезду, т.е. к 1–3 сентября. Если же Вы изменений вносить не будете, не откажите написать мне, а я уж передам в литчасть к нужному моменту.

Написала ли я Вам свой сухумский адрес на всякий случай? Это так: СССР. Абхазия. Сухум. Гостиница “Синоп”.

Письмо Ваше и открытку получила – спасибо. Горела со стыда, когда читала, что доставила Вам неприятные минуты от чтения наших закулисных судов-пересудов. Действительно, тогда они все “навалились” на меня, нового слушателя, со всеми этими рассказами о Киеве. И я под этим впечатлением и “постаралась” ввести Вас в курс актерских разговоров. А теперь уж все так позабыто основательно, что никто и не поминает. Одно меня в моем огорчении от собственного рвения утешает – это то, что Вы точно все определили: как я старалась подробно все описать, и потому вовремя не остановилась и не додумала. Извините меня за то, что доставила Вам неприятность. Постараюсь не делать этого впредь¹.

Спасибо за записочку об отпуске. Время простоя значит, что я не работаю потому, что по специфике дела мне нечего делать, нет работы. Тогда за такое время платится две трети оклада.

Мы здесь пережили огорчения в быту: такое количество иностранцев вдруг понаехало, что дирекция гостиницы предложила сначала даже выехать в скверные, дешевые номера, без ваннных, а потом успокоилась на том, что мы освободили несколько двойных номеров за счет уплот-

нения других номеров. Как я Вам писала, всех заслуженных поместили великолепно, в двойных номерах, чрезвычайно просторных. Степанова, например, занимает тот № 76, в котором Вы стояли во время гастролей Муз. театра перед Америкой. Увидев себя в таких прекрасных условиях, многие тотчас же вызвали к себе семейства. И вдруг такое уплотнение. Что было! К Соколовой, напр., вселили Тихомирову, да не одну, а с приехавшей к ней сестрой с 10-летней дочкой. К Степановой, уже пригласившей к себе сестру в гости, Зуеву с 15-летним сыном. И все в таком роде. Поднялся немалый вопль. Гостиница уверяла, что это на 3 дня, когда иностранцы схлынут. Но сейчас разгрузка уплотненных еще не закончена. Но некоторые уже все-таки опять “разукрупнены”. Иверову пришлось плохо – его загнали в маленький номер, а у него гостили жена и еще какая-то родственница. Он так разобиделся, что его первого вернули в прежнее положение, как только уехал Ив. Мих. в Москву, даже дали ему не двух, а трехкомнатный номер. Так что он прострадал дня два, но поизводил наших администраторов немало.

С сегодняшнего дня начались наши гастроли в Выборгском доме. С утренника их и начали. Идут и днем и вечером “Турбины”, и 19-го и 20-го тоже. Это потому, что их раньше всего кончили в Кировском доме (13-го) и перевезли первыми в Выборгский. Шедшие затем в Кировском 15-го и 16-го “Кречет” и 14-го и 17-го “Федор” перевезут в Выборгский к 21-му. 25-го “Турбины” вообще кончаются и освобождающиеся актеры уезжают. Остальные две пьесы будут доигрываться в течение последних 6-ти дней. Закрываем “Федором” 31-го.

С 16-го по сегодня вечером здесь находится наш зав. фин.-плановой частью Тюлин, который проверяет отчетность, планирует дальнейшее течение гастролей в смысле финансовом. С его приездом у меня сильно прибавилось дела, потому что многие его работы тесно связаны со мной. Вообще работы в этом году как-то много. Правда, это еще и потому, что наша отчетность в этом году, по требованию Тюлина, поставлена много официальнее, но зато и сложнее, по всем правилам счетоводства и бухгалтерии.

То, что Вы написали об “Одиночестве”², я перепечатала и послала Виленкину, с просьбой найти возможность сообщить это и Рафаловичу. Маркову скажу при встрече – он будет уже в “Синопе”, когда я туда приеду. Я выезжаю отсюда 31-го, после спектакля, в Москве буду только на время остановки поезда, и прямо проеду до Сочи, оттуда на машине в Сухум. В Сухуме – 3-го августа.

Милый Владимир Иванович, всего Вам хорошего. Вам многие просят кланяться, часто спрашивают, есть ли от Вас известия, где Вы теперь и куда поедете потом.

Да, еще о паспортах. Ездил для оформления своих дел в Москву Хмелев и привез известие, что Подгорному, Кореновой и мне – отказ. Подг. будто бы хлопочет, и есть все шансы на успех. Животова сказала Хмелеву для передачи мне, что будто бы и о нас с Кореновой хлопоты

возобновлены ею. Но я думаю, что это только разговор. Москвин с Тарасовой выезжают 20-го в Мариенбад. Шевченко выедет между 20 и 25 в Латвию. Говорят, Вас. Ив., находящийся в Кремлевской больнице по нездоровью, не предполагает ехать теперь, хочет поехать значительно позднее, среди сезона. Еще слышала, что плохо себя чувствует Книппер и пока не едет за границу, а поселилась в Барвихе. К.С. тоже чувствует себя неважно и до сих пор в Барвиху не выехал.

Еще раз – всего хорошего, милый Владимир Иванович. Женя просил послать Вам привет и дорогой Ек. Ник. И я сердечно ее приветствую. Желаю Вам очень хорошо проводить время.

Ваша Ольга Бокшанская

327.

23 июля 1936 г. Ленинград. № 7 (или 8?)

Милый Владимир Иванович!

Копии писем к Вам у меня дома. – здесь в конторе хранить негде. Из-за этого такое сомнение в нумерации.

На этих днях за кулисами во время спектакля появился С.Э.Радлов, прошедший июнь с женой в Сухуме, в том же “Синопе”, куда едем мы, а потом бывший в Харькове, где гастролирует его студия. Он рассказал, что состоялось его назначение на пост художественного руководителя Госдрамы (быв. Александринского театра). Куда при этом подевали Сушкевича, никто не знает – ни Радлов, ни те, кто мне еще до появления Радлова говорили об его назначении как о новом слухе. Радлов сказал, что, не желая этого назначения, он бросился в Москву, где договорился с Керженцевым, что назначение его будет отменено. Но теперь, он слышал, его все-таки решили оставить худ. руководителем Александринки, и это его не устраивает, он хочет попытаться еще отбиться. Он снова отсюда уехал в Харьков к своей студии. При рассказах о своем назначении он всячески подчеркивал, что все свои обязательства по “Борису” он выполнит.

20-го уехали из поездки Судаков и Шелонский, чем вызвали законное недовольство не только наших актеров, считающих недобросовестным отъезд худ. руководителя поездки тогда, когда треть поездки еще не кончена по времени, но и наших “хозяев” – дирекции Выборгского дома культуры. Эта дирекция приходила с некоторыми претензиями, что на долю Выборгского дома гастроли выпали в ущербленном виде, т.к. Москвин там “Федора” не играл, Тарасова не играла Елены и, наконец, в Алексее Турбине выпущен актер, даже не значившийся в составах спектаклей. Надо Вам сказать, что Соснину пришлось войти в спектакль 19-го (вместо намечавшегося ввода 20-го), потому что Хмелев почувствовал себя плохо (с голосом) и решено было сохранить

его для “Федора”, где у него теперь нет замены. Мог бы, конечно, 19-го еще сыграть Судаков, значащийся в составах, но Суд. предпочел на день раньше выпустить Соснина (для его исполнения лишний день разницы не делал), а сам смотрел спектакль, чтобы сделать до отъезда последние указания. Я Соснина не видела, т.к. эти дни занималась дома по вечерам по кассовым делам; слышала. что он прилично справился с вводом. Текст он знает безукоризненно, мизансцены тоже. Конечно, тон его несколько отличается от тона наших актеров¹, да и волновался он до того, что во второй картине у него стакан в руках ходуном ходил, однако все сошло ладно. Вчера, например, когда он уже в третий раз играл Алексея, по словам Евг. Вас-ча, он играл не только прилично, а просто хорошо и очень живо по темпераменту.

Много “бузы” вызвал отъезд Судакова потому, что из-за него актеры вызывались на репетиции для ввода Соснина. “Первачам” Судаков нашел утешение: дал распоряжение об оплате им репетиций. Как поступят с участниками народных сцен – не знаю. Кажется, на их оплату денег не хватит.

С деньгами вообще может произойти некоторый затор. Дело в том, что поездочные деньги еще весной получила Москва и истратила. Теперь, когда мы запросили перевести в Ленинград на зарплату, сначала Тюлин привез 25 000. Их было мало, и Тюлин обещал переговорить с Ник. Вас., чтоб прислали больше. Вдруг получается от Тюл. письмо, что Ник. Вас. распорядился денег не переводить. Думаю, что в этом решении и Тюлин ему помог, потому что когда последний был здесь, то он, например, предложил такой план денежной экономии: выяснить, кто из много получающих актеров имеет при последнем расчете получить крупные суммы, и каждому из них не доплатить, скажем, по тысяче, отложить выплату до осени. Конечно, это предложение наши отвергли, потому что ясно себе представили, как это встретят актеры. Представляете себе, как могли встретить такое предложение Добронравов, Прудкин, Ершов, Хмелев (которому надо заплатить за валюту 4 000)!.. Федя испугался сообщения об отказе выслать деньги и собирался телефонировать в Москву, Ник. Вас-чу, как вдруг получил телеграмму, вызывающую его к Ник. Вас. на один день. Вчера он выехал, завтра утром должен вернуться. Мы надеемся, что он там достаточно ясно нарисует положение вещей и все уладит.

Только что получила письмо от Маркова из Гурзуфа, в котором он пишет:

Думал писать Вл.Ив., но задумался над своим почерком. Очень прошу передать ему всеческие приветы и помимо того следующие деловые соображения:

1) Союз Шостаковича и Вс.Иванова заключен. В конце августа они едут в Свердловск собирать материалы. Оба очень довольны друг другом. Срок работы – годичный, так, чтобы мы могли поставить в ноябре 38 года².

2) Виделся с Хрениковым, Виртой и Файко. Роман прочел. Он мне очень понравился. Насчет пьесы для МХАТ нахожусь в большом сомнении. Здесь разделяю опасения Аркадзева – он считает, что Петр будет неизбежно героизирован³. Вдобавок для драмы все очень эпично и разорванно.

Для оперы не верю в тему “одинокости”. На музыке это будет привлекать сочувствие к Петру. Думаю, что сюжетная линия – борьба Петра и Леньки и гибель Наташи, ставшей игрушкой в этой борьбе. Тогда и “одинокость” зазвучит, как надо, – звериное, страшное. И все очень “певуче”. И в конечном счете оптимистично, хотя это будет “музыкальная трагедия”. Герой оперы – Ленька. Его будут очень нежно любить – в нем и лирика, и нужные противоречия, и пафос. Опера о человеке Леньке. Антонова, по-моему, совсем не надо. Дело не в историзме. Тогда может получиться хорошо.

Договора заключены. Сроки рассчитаны так, чтоб опера шла в марте – мае 38 года.

Посылаю Вам рецензию на “Кречета” – пока единственную в Ленинграде.

Были у нас несколько прохладных дней, с дождями, теперь снова душающая жара. Мечтаю об отдыхе – трудно в такое жаркое лето в городе. Вчера у нас была интересная экскурсия, часа 4 возили в автобусе по пушкинским местам, включая место дуэли и последнюю квартиру. Лекторша была очень приятна, так что хоть и устали от поездки, но сохранили самые хорошие и даже волнительные впечатления.

Третьего дня меня навестили Ал. Ал. Типольт с женой, посидели у меня часа полтора. Рассказывали, что все еще затруднены в смысле квартиры, но что будут рассчитывать на Вашу поддержку с осени, а до того “нибудь как” проживут. Просили послать Вам их нежный привет и самые лучшие пожелания.

Звонил Вен. Ал. Коган, хотел прийти было вчера, но потом в установленное для встречи время звонил, что задерживается на совещании на работе, так что будет звонить еще раз, чтоб сговориться о другом дне встречи.

Блинников увидел, что я пишу Вам, и просил Вас послать его почтительный и нежный привет.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович, и низко кланяюсь дорогой Екатерине Николаевне.

Ваша *Ольга Бокшанская*

328.

3 сентября 1936 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера днем приехала в Москву, а сегодня в первый раз пришла в театр. Сегодня и день съезда, и первая репетиция. Расписания репетиций на сегодня нет у меня, кажется, оно было объявлено в конце киевских гастролей. А завтрашние репетиции и репертуар прилагаю.

Сегодня в театре масса народа, в коридорах собираются в группы, рассказывают о лете. Сейчас еще трудно разобраться в новостях, возможно, что я допущу некоторые “уклоны”, потому что передаю все

в чистом виде, как слышала, а это, может быть, однобоко. Говорят о сильном укреплении позиций “кабинета”, о том, что хотя для Егорова и готовится кабинет в бывшей макетной, но нижний кабинет остается за К.С. и Рипси там будет сидеть, и по вечерам приемы будут по-прежнему организовываться ею. А Егор., вероятно, будет и там сидеть, иногда занимая и свой верхний кабинет. Говорят, что Живот. остается, несмотря на сделанное ей Мих. Павловичем предложение уйти. А Митиль как будто не остается, должен будет уйти. Говорят, что есть распоряжение не занимать бывшего нового репетиционного помещения под зал заседаний при кабинете М.П., с местом для его секретаря, а оставить это помещение все же репетиционным. А секретаря М.П. посадить с другой стороны кабинета, в той комнатке, которая была намечена для кабинета Митиля. Пока это все только “говорят”, а точных распоряжений нет. И все пока на старых местах. Кабинет К.С. сейчас ремонтируется, и Егоров с Рипси переехали в то помещение, кот. занимала Животова, это пристройка, ход в которую идет из раздевалки бельэтажа, – не знаю, были ли Вы когда-нибудь там.

М.П. выехал в Вену на театральный конгресс 29-го авг., о чем я узнала в пути Сочи – Москва из газеты. Возможно, что Вы этого не читали – ведь в Берлине у Вас нет наших газет. Там было сообщено, что на конгресс, начинающийся 3 сент., выезжает советская делегация в составе: М.П. (председатель – помечен, конечно, с полным титулом директора), С.Э.Радлов и А.Попов. Как мне сказала секретарша М.П., для него самого, приехавшего в Москву 27 августа, поездка эта была неожиданностью. Его ждут обратно к 10 сентября. Кстати, хочу исправить те сведения, кот. я Вам сообщала из Сухума о месте отдыха М.П. и его семьи. Оказывается, Клавд. Ал. была после Железноводска не в Гаграх, как я Вам писала, а в Форосе, а М.П. точно после Кисловодска ездил в Гагры, но не к семье, а самостоятельно.

Рассказали мне, что в состав показываемых участникам фестиваля вещей введен показ одной репетиции в МХАТ и одной репетиции у Мейерхольда. М.П., уезжая, будто бы распорядился, чтобы была показана репетиция “Любови Яровой”, но К.С. категорически возразил и сделал распоряжение, чтобы была проведена репетиция “Синей птицы” под руководством Москвина (возвращающегося сегодня). Эта репетиция назначена на 7-е, а у Мейерхольда была, кажется, сегодня. 7-го же, если Вы помните, у нас вечером идет для фестиваля “Воскресение”.

Написав о “Воскресении”, я невольно вспомнила об Еланской и хочу Вам сообщить, что Ил. Як., которого я видела утром, сказал несколько слов об ее здоровье: после операции все было хорошо, в Нальчике первое время, когда она стала брать ванны, было сильное обострение болей, а в конце пребывания там снова было хорошо, так что Кл. Ник., по словам Суд., может даже бегать, довольно много ходила, до 5–6 километров вкряду.

Когда я пришла к себе, Ал. Моис. (секретарша М.П.) сказала, что

меня уж несколько дней разыскивают из “Academia”. Я позвонила туда. Оказалось, что их интересовало, нужны ли Вам те оттиски, которые Вы в свое время хотели взять для русского издания за границей. Я сказала, что, насколько я помню, Вы отказались от этого намерения, но что я, во всяком случае, сегодня же Вам об этом напишу. Второй вопрос был такой: теперь, когда книга уже напечатана начисто, на листах, ее снова стали просматривать, и появились у них легкие сомнения в некоторых местах. Они справились с текстом, сданным им в напечатанном на машинке виде. Оказалось совпадение. Но все-таки доля сомнений у них осталась, и вот они разыскивали Вас (или меня, чтоб узнать, как найти Вас). Я сказала, что Вас мы ждем числа 17–18 (так мне сказала Елиз. Петр.), но это их не устраивает, пот. что к тому времени книжка, вероятно, будет уже сброшюрована. Тогда я предложила им сверить места, вызывающие сомнения, с теми гранками, что Вы прислали им из Берлина, пот. что это последний текст, просмотренный Вами, просмотренный очень тщательно. На том мы и уговорились.

Теперь пишу о деле, которое, боюсь, может вызвать Ваше раздражение. Это просьба литчасти о Вашем участии в книжке о “Люб. Яровой”. Вы еще до отъезда говорили, что ни за что не хотите заняться этим во время отдыха. Поэтому я и пишу с такой опаской, и с такой же опаской подходил ко мне Виленкин по этому делу. Но все же мы решаемся написать Вам, надеясь, что нет-нет, а придет Вам в голову и этот вопрос, и Вы задумаетесь над формой Вашего участия в книжке. У Виленкина есть еще и некоторая надежда, что Вы напишете настолько развернутую статью, что отпадет надобность в статье Судакова, на удачные исправления которой Вил., вероятно, мало надеется. Тут же Вил. сказал мне, что вообще его очень беспокоят дела нашего издательства. Впереди два серьезных издания: к 20-летию Октября и к 40-летию театра, и если Вы не согласитесь на то, чтоб возглавить это дело, могут получиться ляпсусы, пот. что иногда вопросы по издательству решаются сплеча, недостаточно серьезно. А когда книга будет готова, начнутся огорчения¹.

Владимир Иванович, посылаю Вам вырезку из газеты – письмо нашего общего собрания. Я на тот случай посылаю, что Вы могли и не иметь этой газеты. Завтра я pošлю Вам “Сов. искусство”, где некоторые вещи Вас могут заинтересовать. А в нашем “Синопе” (в Сухуме) “Сов. искусство” мне не дали. Не потому, что они не отдают газет, а потому, что кто-то уже успел стащить тот номер, о котором я Вам писала. Как Вы видите, “Сов. иск”. крепко взялось за критику литчастей театров.

Милый Владимир Иванович, завтра постараюсь Вам еще написать, если у меня будут более подробные сведения о наших прошедших и будущих делах.

Да, про К.С. я знаю, что он находится в Барвихе. Еще знаю, что вернулась в Москву Кира с дочерью, на сколько времени, неизвестно². Как себя К. С. чувствует – не знаю, пот. что Рипси пока не видела.

Еще мне рассказали, что Андровская вернулась сюда с Баталовым,

по поводу которого завтра в Кремле. больнице будет консилиум – у него ежедневно 38.5–38.6 и, конечно, очень плохое состояние.

Милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. Сердечный привет дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

329.

5 сентября 1936 г.

2-е письмо из Ленинграда

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего потому, что, может быть, это срочно, – сегодня пришла на Ваше имя телеграмма:

“Десятого сентября Ростовский театр имени Горького руководством Завадского открывает сезон премьерой “Любовь Яровая”. Очень хотел видеть Вас, дорогой Владимир Иванович, открытия нашего театра. Прошу телеграфировать день выезда для встречи, бронирования номера. *Завадский*”.

Я телеграфировала, что Вы возвращаетесь Москву только семнадцатого. Но, может быть, Вы захотите лично приветствовать Завадского по телеграфу?

Теперь о наших делах. Вчера я расспрашивала Рипси о К.С. и вот что она мне рассказала. К.С. 2-го авг. уехал в Барвиху, где ему и М.П. предоставлен очень комфортабельный апартамент. Приехав туда, он сразу вышел из-под опеки своих всегдашних врачей, и даже его сестру милосердия туда не допустили. Лечение и уход целиком идут от Барвихи. И Рипси говорит, что за месяц там добились прекрасных результатов. Она говорит, что – тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, – К.С. давно не чувствовал себя так хорошо и не выглядел таким бодрым. Прежде всего там решительно переменили способ его питания. Здесь ведь уже очень давно держали на вываренных протертых овощах, на достаточно голодной диете. А там в первый же день ему дали и ветчину, и курицы – всего понемногу, но все-таки дали. А когда К.С. было сказал, что ему это запрещено, то сказали, что если теперь ему решили дать такую пищу, то К.С. пусть не опасается, он может спокойно есть все подаваемое. И теперь он очень доволен этим, потому что сильно изголодался за длительное время недоедания. Ему только запрещено заниматься делами театра, которые его волнуют, запрещено общаться с посторонними, кроме семьи и Рипси и Егорова. Это произошло после того, что у него побывал Радомысленский и после этого К.С. не спал ночь. Рипси меня заверила, что они с Ник. Вас. не говорят с К.С. о делах, но из последующих рассказов о разных делах в театре я увидела, что это не совсем так,

пот. что в нескольких случаях она мне сказала: вот было дано такое-то распоряжение, но К.С. с этим не согласен, К.С. считает, что надо так-то, и т.п. И сейчас, напр., когда решался вопрос о репетиции для фестиваля – я нынче сама звонила Рипси с просьбой выяснить у К.С. (она поехала к нему сегодня) об этой репетиции. Москвин не приехал и может приехать только 10-го, точно еще неизвестно, и без него репетиция “Син. птицы” не имеет смысла. Так можно ли назначить не “Син. птицу”, а 3-й акт из “Мертвых душ”, с Сахновским.

Итак, к нему теперь решено посторонних не пускать. Там он очень много общается с живущим там же Леплевским. Кира с дочерью ездит туда перед выходным. К.С. понемногу все-таки занимается писанием книги, хоть и было решено, что он должен ничем не заниматься. Доктор видит, что К.С. пишет что-то и прячет за спину рукопись, когда д-р входит. Но доктор относится к этому терпимо и говорит, что нельзя уж всего лишит человека.

Вот со здоровьем Мар. Петр. не так благополучно – 14-го авг. она вдруг проснулась в таком состоянии, что не могла пошевелиться, не могла встать, в ней было какое-то одеревенение, и она все время жаловалась, что у нее здесь (она показывала на грудь) кол стоит. К.С. потом объяснял, что это будто бы потому, что накануне вечером она приняла пилюлю грандиозных размеров, кот., вероятно, застряла в пищеводе. А д-р сказал, что это был сильный прилив крови к голове. Я спросила: не кровоизлияние? Рипси говорит – нет, именно прилив крови. Сейчас она чувствует себя хорошо, живет нормальной жизнью, но для врачей Барвихи она является больной, они ее такой считают. Рипси говорит, что состояние ее нервов очень плохое, это бросается в глаза. Когда у нее был этот прилив крови, она ужасно нервничала, что не может поехать навстречу Кире. Кира, по словам Рипси, приехала только потому, что ее быв. муж Фальк собрался сюда приехать¹. Его первая жена, живущая здесь, тоже его ожидала, отделявала срочно квартиру к его приезду. А он не приехал, и теперь вышло, что и квартира отделялась зря, и Кира зря поехала.

Был у меня с Рипси разговор и относительно кабинета К.С. и всех других перестроек. Рипси сказала, что М.П. написал К.С. письмо, что его кабинет слишком мал, безобразно обставлен, грязен, что ему нужно устроить другой кабинет. Но К.С. ответил ему, что другого не хочет, что он жил, имея этот кабинет, и умереть хочет тоже в обладании этим кабинетом. Так что все останется по-прежнему, и Рипси, по распоряжению К.С., будет сидеть на своем месте и, значит, организовывать приемы. Что касается Н.В., то для него отделяется макетная, но пока еще неизвестно, как все будет рассажены. Переделкой лож кабинет недоволен, и правильно, логи эти выглядят пока отвратительно, может быть, потому, что они в сильно незаконченном виде. Со стороны зрит. зала вид ужасный, действительно, испортили театр – вот что непременно должно прийти в голову, когда смотришь на это. С левой стороны кроме аванложи имеется еще комната, и это за счет бутафорской, что в театре произвело неприятное впечатление.

Сегодня я узнала, что Лигская переходит к нам. Я спросила секретаршу М.П., что та будет делать, и Ал. М. объяснила, что вероятно, Евг. будет личным секретарем М.П., а А.М. либо останется в театре на другой работе, если ей предложат устраивающее ее дело. При этом Ал. Моис. сказала, что она без сожаления расстанется со своей должностью, пот. что взаимоотношения М.П. с кабинетом совершенно враждебные и работать в таких условиях невозможно. Тут же она мне рассказала, как происходило увольнение Жив., о чем М.П. договорился с Боярским, и как Жив. себя восстановила, обратившись к Керженцеву, – теперь можно считать, что Жив. осталась у нас на работе.

Совершенно невероятно безжалостно было дело с отправкой за границу Хмелева, Подгорного и Кореновой. Я Вам, кажется, писала, да, конечно, писала, что Хмелева еще в середине июля известили, что ему разрешен выезд, другим двум отказали, но о них К.С. возбудил снова ходатайство. И вот в конце июля было сообщено, что всем троиm паспорта будут даны. Подгорного, выехавшего в Сочи, вызвали в Москву, и вот началось: ежедневно им говорили – позвоните еще раз, потом – позвоните в 3 часа, потом – позвоните завтра утром. И все шло так, что они не могли даже на день уехать за город, все ждали разрешения своей участи. Наконец Керженцев сказал, что 17-го будет окончательный ответ. И тоже ничего не было. В таком положении они просидели весь август в Москве, истомились и изнервничались вконец. Теперь, кажется, будут хлопотать о путевках в Барвиху для этих троих, чтобы как-нибудь их компенсировать и дать возможность отдохнуть в наилучших условиях.

5.IX–36

Очень сильный приступ ишиаса у Ершова. Иверов старается его подлечить экстренными мерами к 7-му, но беспокоится, сможет ли Ершов играть. На репетиции, конечно, он не вызывается.

Качалов приехал сегодня. Виленкин его встречал, говорит, что ни настроение, ни вид у него не блестящие.

Книппер просила разрешить ей опоздать. М.П. ответил телеграммой, что желателен все же ее приезд к 7-му для участия в фестивальном спектакле². Теперь от нее телеграмма, что доктор ее уложил в постель, т.к. она нездорова. Приедет она к 15 му, к “Врагам”.

А сейчас позвонил Иверов уже от Качалова и сказал, что у Вас. Ив. насморк, бронхит, ну и все остальное, сами понимаете... (он говорил с Евг. Вас.). Грустно и страшновато – ведь послезавтра спектакль, и такой ответственный.

Я хотела послать Вам несколько газет с могущими быть для Вас интересными заметками, но мне все говорят, что газеты в бандероли все равно не будут пропущены в Германии. Сейчас просмотрю эти газеты и вырежу наиболее интересное, положу в конверт и рискну послать. А с этим письмом посылаю репетиционные листки и составы.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам и Ек. Н. доброго здоровья и хорошего настроения.

Ваша Ольга Бокшанская.

Еще посылаю Вам сегодня же в бандероли фестивальную афишу нашего театра – авось дойдет, ведь это не газета.

Мне сегодня говорили, что Комитет искусств сделал распоряжение по периферийным театрам о том, что каждый театр должен в год выпустить от 10 до 12 новых постановок, что расход по каждой постановке должен быть от 7 до 10 тысяч, что труппа каждого театра должна быть сокращена на 15% для уплотнения работы остающихся 85% и что в год должно быть дано, вместе с выездными, 420 спектаклей. И что такой же декрет выйдет и для столичных театров. С некоторым развее понижением количества спектаклей и некоторым повышением суммы затраты на постановку.

О.Б.

330.

6 сентября 1936 г.

3-е письмо из Москвы

Милый Владимир Иванович!

Поздравляю, от всего сердца поздравляю! Только что звонили сначала из “Веч. Москвы”, потом из “Правды” с сообщением, что введено новое звание – “Народный Артист Советского Союза”, и в нашем театре это звание дано Вам, К.С., Качалову и Москвину. Кроме этих четырех лиц по всему Союзу получили это звание еще 9 человек: Нежданова, Блюменталь-Тамарина, Щукин (из вахтанговцев), Корчагина-Александровская, Саксаганьский, Литвиненко-Вольгемут (Украина), Васадзе и Хорава (Грузия), Байсеитова (Казахстан). Сейчас эта новость только что начала с моих слов распространяться по театру. Представляете себе, сколько это вызвало разговоров!

Одновременно из “Веч. Москвы” сообщили нам грустное известие: вчера во время спектакля “Отелло” в Ленинграде во время 3-го акта Остужев упал на сцене в припадке грудной жабы. Пришлось прекратить спектакль. Остужева тотчас же увезли в больницу. Сегодня Дальцев звонил в Москву, что будто бы положение безнадежно¹.

Сегодня у нас в 11 ч. утра было собрание всех участников спектакля “Люб. Яровая”, в том числе и цехов постановочной части, связанных с выпуском спектакля, главным образом с исполнителями, как, напр., костюмеры, гримеры. Собрание это было организовано по инициативе парткома, месткома и редколлегии нашей многотиражки. Собрание открылось речью председателя Саврасова на тему о необходимости сделать постановку “Яровой” в ударных темпах, взяв на себя обязательство выпустить спектакль к определенному сроку. Затем говорил Судаков, призывая работать, затрачивая все свои творческие силы,

а не с прохладцей. Поговорили о возможностях по постановке части – тут Ив. Як. дал заверение, что постановка не задержит ни по одному своему отделу. После нескольких выступлений актеров, предлагавших крепко сорганизоваться, говорил Мамошин и снова Судаков, в последней своей речи более зажегший аудиторию (поначалу раскисались с трудом). В конце концов решено дать обязательство выпустить спектакль к 19-летию Октябрьской революции и действительно этого добиваться по-настоящему. Бригада для организации ударничества: Чебан, Новиков, Шверубович и Берестова.

Сегодня Виленкин был подольше у Вас. Ив. и потом сказал мне, что В.И. в совершенном порядке и в гораздо лучшем самочувствии.

Только что влетела в комнату наша редакторша многотиражки Корнблюм и попросила, чтоб я немедленно написала Вам ее поздравление и самый горячий привет, что я с удовольствием исполняю.

Сегодня в 4 часа Вас. Гр. вместе с Марковым будут просматривать макеты к “Анне Карениной” применительно к сцене филиала. В.Г. сказал мне, что Дмитриев оставил все почти по-старому, только пригнал к размерам той сцены.

Получено сообщение, что Москвины приезжают 8-го.

Итак, завтра для фестивальных гостей показывается 3-й акт “Мертвых душ” – “Бал” и “Ужин”.

Только что мне передали Вашу приветственную телеграмму к началу сезона. Конечно, перепишу ее и вывешу на досках основной сцены и филиала.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, и до скорого свиданья. Очень без Вас в театре пусто.

Сердечный и нежный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

[1937]

331.

8 января 1937 г. № 1

Милый Владимир Иванович!

По газетам, Вы, вероятно, знаете, что генеральные в Большом театре 8-го и 10-го отменены. Как мне объяснили из дирекции Большого, это потому, что надо было сделать репетицию того концерта, который назначен (закрытый) на вечер. Завтра “Абессалом” все-таки состоится, – премьеры. Но мне сказали, будто билеты на эти генеральные уничтожать не надо, будто они еще пригодятся, т.к. генеральные состоятся, после премьер¹.

Сегодня Нина Ник. пришла ко мне с вопросом, действительно ли Вы будете смотреть Андровскую в Марине² до ее отъезда и когда это будет? Я должна была ей ответить, что пока ничего точно не могу ей сказать, должна сначала увидаться с М.П. (который был сегодня в театре накоротке и я его не захватила. Говорят, он будет вечером, но вместе с тем я знаю, что у него билеты в Большой театр. Сейчас около семи, его еще нет), а потом скажу ей. Я хочу узнать, когда он предполагает отпустить Андровскую, какой срок он указал в телеграмме. Исходя из этого и считая, что Вы приедете к 20-му, можно догадаться, можно ли будет устроить этот просмотр. Представляете себе, в каком волнении была Нина Ник. – ведь надо подготовиться! Ведь я могу показать только “Фонтан”, а “Уборную Марины” я не трогала, пот. что это сцена – радловская! А с Радловым вообще бог знает что делается! Он выпускает в Ленинграде свои премьеры, а сюда дает телеграмму, что нездоров! Наконец-то добились сцены, перешли туда из фойе, а его нет! Ведь показ Марины вообще может все перевернуть! И есть слух, что не только Марину В.И. хочет смотреть, а еще какие-то сцены, независимо вообще от предстоящего смотра всего!

Паника была полная. И чтоб не позже завтрашнего дня я дала ответ. Что я могу ей ответить?

Пойду к Аркадьеву и спрошу, как он с Вами договорился, учту то, что Вы мне говорили по этому поводу. Вот и все.

Сегодня ко мне подошла Михаловская с таким разговором. Ей ужасно нравится роль Дуньки. Она узнала, что теперь намечается список дублеров, что Дуньку Вы обещали Лабзиной. Она стесняется писать Вам, но просит меня написать – как Вы считаете, может она сыграть Дуньку и, если да, то не разрешите ли Вы ей готовить, показать и потом получить следующую за Лабзиной очередь на роль. До сих пор она таила интерес к этой роли потому, что Судаков в свое время ей сказал, что она не подходит к замысленному ни фигурой, ни тембром голоса. А раз Лабзина – то почему бы и ей не попробовать?

Еще меня сегодня допрашивала Морес – правда ли, что Вы считаете ее истеричной, неприятной и что вы жалеете Шуру Комиссарова? Когда она мне под секретом сказала, что ей так рассказала об этом се-стра Шуры – Вера Петр. Грессер, то я вспомнила, что Грессер побывала у Вас, может, какой-то разговор и был. Я ничего не могла, конечно, ответить Морес, сказала, что никогда от Вас ничего о ней не слышала, кроме того случая, когда она была у Вас в злом состоянии, которое до Вас и дошло именно таким. Морес хочет говорить с Вами, если ей удастся.

М.П. поручил вызвать на 12-е Бродского, чтобы иметь обсуждение книжки, выпускаемой к парижской поездке. Предполагается, что будет там Ваша статья, статья К.С. и несколько измененные, где-то сокращенные, где-то расширенные статьи Маркова и Сахновского, которые писались для киевской книжки. И много фото. Может быть, у Вас другие мысли об этом?³ Может быть, Вы хотите что-нибудь сейчас уж закрепить? Если Вы вдруг захотите увидеть Бродского до его отъезда сюда, чтоб с ним сообщить нам что-нибудь, – вот его адрес в Ленинграде: Почтамтская, 10, кв. 12.

Сегодня на досках театра развешена копия телеграммы К.С. к М.П. (вероятно, М.П. очень обрадовался случаю обнаружить документ, связывающий его с К.С., а то ведь слухи по театру такие, что будто его “на порог не пускают в Барвиху!”). Телеграмма такая: “С Новым годом. Желаю здоровья и полного успеха в создании вышки, возглавляющей театр и сценическое искусство СССР. Благодарю за память и поздравление”.

Вчера и сегодня весь день стремилась дозвониться к Сем. Енук., – застать его в его кабинете невозможно, дома вечером его тоже не было. Я наконец уж объяснила все дело его секретарше, кот. обещала меня с ним соединить, как только он появится, но так он и не появился, и уж к вечеру мы договорились с секретаршей, что она завтра с утра ему все расскажет и потом соединится со мной по телефону. Про сегодняшний вечер (из-за этого я так и добивалась) она сказала, что вряд ли он сможет, – я думаю, он на “грузинах”. Она записала все даты следующих спектаклей.

Посылаю Вам копии двух приказов: о литчасти и о “Любови Яровой”. Нам всем кажется, что редакция обоих приказов неудачна. Начало приказа о литчасти просто вызывает смех у актеров. Почему М.П. так средактировал о “Яровой?” Когда Вы говорили об этом, я за Вами точно записала Ваши слова и потом, передавая об этом деле Алекс. Моисеевне, заставила ее записать у себя то, как я записала Ваши выражения. Я поняла, что не следить за исполнением распоряжения, а за текущими спектаклями вообще должен Раевский. Да и первая часть приказа какая-то корявая. У нас нынче наверху собрались пушкинисты и смеялись, что “Горьковец”, помещающий у себя этот приказ, должен сделать приписку от редакции, что она надеется, что с назначением лит. секретаря дирекции приказы будут составляться более литературно⁴.

Сделала для Вас выписку из протокола о длительности действий и антрактов “Яровой” – думаю, Вам интересно.

Посылаю Вам бумажку, полученную из издательства “Искусство”. Тут есть некоторая неясность. Статью о Яблочкиной просило у Вас Всер. театр. о-во, и я думала, что оно должно дать согласие. А изд-ство “Искусство” и “Советское искусство” – это же все организации Комитета по делам искусств, т. что тут, конечно, такие вопросы улаживаются просто. Я пыталась сегодня переговорить с ВТО (с т. Ашаниным, с которым я имела дело по этой статье), но не застала его, а секретарь ВТО обещала мне передать ему, чтоб он мне позвонил. Но так и не позвонил. Думаю, что “Сов. иск.” считает дело законченным и, вероятно, спустило статью уже в печать⁵. А как Вы им ответите по поводу “Любови Яровой”?

Какая красивая карточка от Мэй Лань-фаня!

Мой сердечный привет Ек. Ник. и Мише. Желаю Вам приятно отдыхать, несмотря на массу дел по Муз. театру.

Ваша *Ольга Бокшанская*

332.

11 января [1937 г.]

Милый Владимир Иванович!

Пользуюсь поездкой Маркова, чтобы послать сегодня сделанное лекарство для Е.П.Султановой. Лучше послать с П.А., чем по почте – еще разобьют.

И еще: в этом письме с оказией пользуюсь случаем, чтоб написать Вам – примерно третьего дня вечером (или еще днем раньше) арестована Ек. Влад.¹. За несколько дней до этого я говорила с ней по телефону – она была очень нервна, сильно переживала свое одиночество: в конце декабря уехали ее дочь и внучка в Америку, куда еще раньше уехал ее зять, назначенный в наше тамошнее представительство. То, что семья ее уехала так далеко, ужасно огорчало Ек. Влад., она совсем была расстроена, я такой ее не слыхивала никогда, она плакала у телефона, она была совсем убита. Уже после ее ареста я узнала, что не так давно, оказывается, был арестован ее муж, бывший в свое время секретарем (не личным, а вроде “литературного” у Рыкова). Он в свое время был и арестован, и выслан, и в последнее время жил в Воронеже, не имея права проживания в Москве. Оказывается, – этого она мне и не упомянула, – он был в Воронеже арестован. Кроме моральной депрессии – она еще переживала сильный упадок физических сил. Я при разговоре звала ее на “Яровую”, она обещала прийти, как только “соберет себя”. На премьеру она не пришла – в этот день отъезжала ее семья.

Сегодня Сахн. хотел прогнать 3 первых акта (без гримов и костюмов), но удалось пройти только первые два². Во-первых, начали не в 12, а в 1 ч. дня, во-вторых, антракт был больше часу. Этим самым, как я понимаю, отодвигается дальнейший план, т.е. 15-го, конечно, не успеют пройти весь конец (3, 4 и 5 акты), вероятно, 5-й акт отойдет на 16-е, стало быть, 17-го только в гримах и костюмах первая половина и, значит, 20-го в лучшем случае вторая половина.

По всему видно, что Вам показывать смогут не раньше 26-го. Так кажется мне, также думает и Калужский. С Вас. Гр. про это я не говорила, пот. что ушла из филиала, когда он еще повторял “Скачки”. Марков был на репетиции – со специальной целью рассказать Вам впечатления. Они сходятся с моими, поэтому я не затрудняю Вас чтением. Одно скажу: работа предстоит еще большая, и это будет Ваша работа, потому что, вероятно, никто не знает способа, каким добиться показа того, что Вы видите в произведении.

Показ монтажа пушкинского назначен на 18-е – об этом, вероятно, Марков тоже Вам расскажет³.

Телеграмму Вашу (о гонораре за “Яровую”) получила вчера вечером и прочитала ее М.П., который тут же мне сказал, что получил Ваше письмо и телеграфирует Вам успокоительно относительно филиала для Муз. театра.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего Вам желаю. Завидую Маркову, что он едет к Вам. Здесь без Вас очень-очень неинтересно, театр совсем серый становится.

Нежный привет дорогой Ек. Ник.

Ваша *Ольга Бокшанская*

333.

15 января 1937 г.

Милый Владимир Иванович!

Телеграмму о приезде получила, сообщила домой, М.П., Сахновскому, актерам, которые расспрашивали.

Сегодня (закончив, правда, только в 5 час.) Сахн. прошел 3, 4 и 5 акты “Карениной” и завтра назначается первая половина пьесы в гримах и костюмах. Сегодня я посмотрела только 4-е и 5-е действия, причем Тарасова репетировала – по неизвестной причине – в четверть голоса. Мне кажется, что сегодняшняя репетиция ничего не изменила в тех впечатлениях, которые создались после показа первых двух актов и которые Марков хотел Вам передать. Разве только у меня прибавилось мыслей о том, какую громадную работу Вам еще предстоит проделать и как будет непохоже то, что было сегодня, на то, что будет на спектакле.

Я одного не понимаю: почему так бывает, что режиссер, сидя на показе режиссерской работы другого режиссера Вам, видит, до чего все малоинтересно, до чего все несделано, а когда сам готовится к показу Вам, то ему кажется, что у него-то все замечательно. Почему Сахн., видящий несостоятельность Суд. или Кедрова, так доволен собой? Неужели длительное собственное участие в работе совершенно лишает человека самокритики и критики своих актеров? А в конце концов получается, что каждый режиссер неминуемо обнаруживает свою несостоятельность. Воображаю, что будет на показе “Бориса”. Радлов пока что находит массу причин, почему не ладятся репетиции, но участники спектакля крепко стоят на одной причине: режиссер их не увлекает, не удовлетворяет, не помогает, не бывает – словом, множество отрицаний “не”.

Владимир Иванович, не получив 11-го звонка из “Академии” и не застав вчера Янсона (зав. издательством), я наконец сегодня с утра поймала его. Он мне сказал, что в январе книга Ваша не выйдет (это я понимала и без него), что вообще сильно затягивает издание типография, медленно выполняющая отпечатку. Я не могла не высказать ему удивления, как это может быть, чтобы типография, “работая медленно”, ухитрилась все-таки до такой степени затянуть печатание 40 фото, что книга должна была выйти в октябре – ноябре, а и в январе не выходит. Тут я еще рассказала ему, какая выходит ерунда, что Ангаров и представитель агитпропа ЦК уговаривают Вас: “Пишите, пишите книги”, – а когда Вы написали, издательство из-за путаницы и неразберихи так задерживает доступ книги к читателю. По-моему, он проникся всем этим, потому что сказал, что берет книгу под свое наблюдение, сам проследит за ускорением работы типографии, впрочем, попросил, чтобы я ему “названивала” с вопросами и подталкиваниями. Авось, действительно подтолкнет, если он не “брехун”, как теперь говорится¹.

Я хотела Вам еще рассказать, что Дорохин сейчас сильно “вышел в люди”. Он снимался в картине “Последняя ночь”, играл там матроса. Картина эта, как пишут и говорят, вышла очень удачная. Ее смотрело Политбюро, и Иос. В. сильно расхвалил ее и игру некоторых актеров, особенно Дорохина. Шумяцкий вызывал Дорохина и актеров к себе, поздравлял, благодарил, и теперь уж у нас во всех коридорах говорится, что Дорохин непременно получит Заслуженного.

Это мое последнее письмо к Вам, Владимир Иванович, завтрашнее ведь может уж не дойти. Михайлову и Куклину сказано, что Вас встречать 17-го со “стрелой”. Как я рада, что Вы приезжаете. Я сегодня поймала себя на том, что я в каком-то неважном настроении от театра, и, доискиваясь, что могло меня привести в такое настроение и что могло бы от него избавить, пришла к тому, что это оттого, что Вас нет в театре и что если Вы приедете, все будет иначе.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего и счастливого обратного пути! Сердечный привет дорогой Ек. Ник. и Мише.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Это вместо звонка по телефону.

Посылаю Вам книгу “На арене старого цирка”. Ее принесла Вера Евгеньевна Беклемишева, с которой Вы всегда имели дело в связи с пьесами Леонида Андреева, Сахновскому для передачи Вам, а Вас. Гр. принес мне. Он эту книгу знает и считает ее очень интересной. Думает, что Вы ее будете читать с громадным интересом¹.

О вчерашнем вечере². Все было прекрасно. Очень красиво и приятно было оформление монтажа, очень эффектно при начале, когда занавес раскрывался и вся сцена, сама по себе темноватая от отсутствия света, как-то светилась изнутри, за зелеными складками. И мебель, и сидящие актеры казались стильными силуэтами на этом фоне. Потом понемногу включали боковые фонари и эта силуэтная картина оживала. Так были начаты оба отделения монтажа. В первый раз этот эффект вызвал явный шепот восхищения в зале. Перед монтажом на фоне белого занавеса из “Воскресения” говорил Марков – волновался, говорил не плохо, но и не блистательно. Слушался монтаж хорошо, крепко аплодировали после первого отделения, а после второго – очень-очень благодарно. При этом к концу монтажа было такое торжественно-умиленное настроение в зале, что, когда Вербицкий встал на авансцене и начал “Памятник”, и поднялись со своих мест участники монтажа, то весь зрительный зал встал сразу и стоя выслушал стихотворение. Во время чтения Ол. Леон. (очень хорошо читала) в зале и платочки замелькали, и то тут, то там послышалось смущенное сморкание. Не понимаю, почему выделила “Правда” Кольцова³. На мой вкус он хуже Вербицкого и Белокурова, у которых есть прекрасные куски. А Кольцова так и тянет на сентиментальность, на какую-то сладкую “ванильность”, а стихи читает ужасно распевно, с акцентировкой рифм, часто уничтожающей смысл. Монтажистов много вызывали. Затем “Каменный гость”, кот. понравился явно. Оба – Ершов и Тарасова – красивы, по-актерски очень крепки. (Я-то отношусь к этому не так: меня и смешит и сердит та наивная убежденность, с какой Ершов декламирует Пушкина в манере провинциального трагика прошлого века. Почему он артист МХАТ? Все в нем противоречит тому, чего хочет наш театр от актера. Только внешность блестящая.)

Сцена с детьми и Шуйским из “Бор. Годунова”. Она примерно такая же, какой Вы ее в свое время видели в новом репетиционном помещении. Комолова даже в такой малюсенькой роли обращает на себя внимание, Федор, мамка малоприметны⁴, Болдуман хорошо играет сцену с детьми, а с Шуйским – теряется, сохраняет тот же бытовой тон, что и в начале сцены, если в нем можно вызвать какие-то элементы трагического актера (я уверена, что Вы бы где-то как-то нашли их у

него, зацепили бы и вытащили максимально наружу), то пока они не найдены. Шуйский – Вербицкий – никак не интересен, банальнейший театральный “лукавый царедворец”, с примитивнейшим пониманием этого образа. Сцена имела приличный успех.

И наконец “Корчма”, игравшаяся в гримах и костюмах, в которых исполнители прямо и приехали из Большого театра. Тут у Москвина грандиозный успех, с первого же выхода, с первого движения благославляющей хозяйку руки. Хорошо играли Кудрявцев и Калинин. Ничего неожиданного не показали ни Жильцов с Рыжовым, ни Пузырева⁵.

Во время “Каменного гостя” сцена была убрана так же, как и на монтаже, только два кресла посередине, для второй сцены. Сцены из “Бориса” шли в ширмах полотняных, поставленных внутри общего оформления сцены. Бюст Пушкина и постаменты другие были при этом убраны – иначе бы торчали из-за ширм.

После конца были длительные аплодисменты, особенно по адресу Москвина, но чувствовалось, что в них доля относилась просто к театру – в благодарность за такой хороший вечер. В антрактах говорили, что как благородно, достойно всегда МХАТ все делает – так вдумчиво, серьезно, глубоко.

Был Леплевский с женой – почему они не в Большом, не понимаю!⁶ Была М.П.Лилина с Килялей, постоянные их гости Фромгольды, должна была быть Е.П.Пешкова, но не приехала. Было несколько иностранцев.

Вот сколько написала, когда вспомнила, что и Миша был, и Софья Витальевна, и Вы, наверное, уже все слышали. Простите за болтовню.

Всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

335.

24 апреля 1937 г.

Милый Владимир Иванович!

Сейчас кончился первый акт “Карениной”. Сегодня попробовали с новым освещением в антрактах и вышло, по-моему, очень приятно: при переменах с синим занавесом с верхнего выносного софита дают свет из трех, кажется, точек голубоватого цвета, что освещает занавес очень для него выгодно: и цвет, и складки – очень красивы. И т.к. занавес, а с ним и первые ряды освещены, для всего зала есть светлая полоса, что оживляет зал. Я еще не знаю, почему отказались от выполнения мысли Вас. Гр. о пуске освещения синим светом зала из среднего круга кубастиков¹, но во всяком случае, то, как проходят перемены картин нынче, хорошо, красиво, оживляюще. В публике из Ваших знакомых: Акулов, Бубнов. Много иностранцев, вероятно, дипкорпус. В ложе – дамы, кто

– не знаю. Федор Ник. не перечислил, не считая интересным. Не совсем понимаю, кто еще в зале: Федя отказывал совершенно в продаже билетов своим, когда его просили, мотивируя тем, что 400 мест продано в предварительной продаже, 80 будет продаваться в день спектакля, остальные в большинстве расходятся по списку приглашаемых и для дипкорпуса. Кто еще приглашаемые – не пойму пока. В новом репет. помещении не нами, а Наркоминделом накрыты столы для членов дипкорпуса. Федя говорит, что изыскано, но голодно.

С покупкой билетов на “Каренину” ажиотаж не уменьшился, пожалуй – увеличился. Вчера с вечера началось скопление публики, желавшей на ночь встать в очередь для покупки этих 80 мест, что пускаются в продажу в день спектакля. Пришлось пригласить милицию, чтобы утихомирить страсти, дошедшие до того, что в помещении бухгалтерии выдавили два стекла из окон: очередь как раз устанавливается около этих окон.

Завтра будет столпотворение – завтра открывается продажа билетов на декаду, продавать будут из двух касс – одна со всеми остальными спектаклями, другая для специальной очереди на “Каренину”. Уже с 7 часов вечера начали становиться в очередь, делать списки (это сегодня), но милиция старается прекратить это, тем более что список не один, разные группы заводят списки. И сегодня утром уж было так, что оказались созданными два списка и чуть не вышла драка.

Спектакль сегодня (уже прошло два акта) очень хорошо принимается, в “Примирении” было немало слез и сморканий, то сильно аплодируют после картин, то и хотят аплодировать, но взволнованная, потрясенная часть публики шикает, явно давая понять, что аплодисменты мешают зрителю переживать волнение. Несомненно, будет громадный успех, хотя вряд ли мы кончим раньше половины первого. Сейчас 25 минут 11-го, идет антракт перед 3-м актом.

Может быть, потому, что я знаю, что Тарасова не отдыхала, – мне кажется, что она играет, не дотягивая, больше на технике. Впрочем и Волков, не знавший про ее поездку на съемку, сидя рядом со мной, отметил, что она нынче играет “суше”.

Утром сегодня в “Турбиных” играл вместо Кторова Вербицкий, как и предполагали: у Кторова температура ниже нормальной, слабость².

На 3-е мая назначено заседание актива нашего театра. Возможно, что актив не ограничится одним днем. Завтра начинается актив Большого театра, все ждут “грандиозностей”. Как говорят, там арестованы еще и другие лица из заведующих частями, в свое время поставленные на должности директором.

Вчерашняя премьера “Бориса Годунова”³: зал был не очень премьерный, а уж с нашим и не сравнить⁴. Из интересующих Вас видела: Акулова, Керженцева, Боярского, Аркадьева, Качалова с Литовцевой, Леплевского. Спектакль прескучный и кончается без двадцати час, что

совсем нестерпимо. Многие не вынесли длительности и ушли от последнего акта. А уж с конца пьесы совсем все врассыпную, так что ко второму – третьему занавесу только Качаловы, Калужские, Белокуров с Виленкиным и хлопали актерам из партера, остальные были у выхода. Занавес “выжимали” много сравнительно по горячности аплодисментов, но как! Занавес ходил вверх и вниз почти молниеносно, заставляя людей вежливых, любезных не прекращать аплодисментов. Ленин играет лучше, чем можно было ожидать, и это делает его почти приемлемым – именно в плане Малого театра, а не вообще. К тому же он был вчера нездоров и потому особенно сдержан, без ррраскатов. Самозванец препротивный. Гоголева нравится тем, кто ее вообще любит, я не из их числа. Эффектна в смысле туалетов, но с лица немолода. Единственно, кто мне понравился, – какой-то Далматов (из 2-го МХАТа) – Гаврила Пушкин. Убийственно введение в спектакль музыки – особенно когда пьеса начинается с нее или между разговорами какая-то “симфония”, даже разрезая пушкинскую строчку. Это ужасно безвкусно и, как я заявила сидевшему рядом Орловскому из Комитета, чистейший формализм, равно как и высвечивание царского трона под музыку при начале пьесы. Орловский оказался в восторге от декораций, не могу разделить этого восторга никак. Все, с кем ни говоришь, сразу начинают с того, что после “Карениной” все премьеры будут казаться неинтересными.

Пав. Ал. рассказывал мне о неприятностях с Горчаковым в Вашем театре, но мы решили Вам не писать об этом, не желая портить Ваш отдых. Поэтому он очень огорчился, узнав, что Евг. Евг. написала⁵. Вероятно, случай этот “образуется”, Марков уже имел беседу с Горч. Он Вам расскажет лично.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего и будьте здоровы.

Ваша Ольга Бокшанская

336.

12 июня 1937 г. № 1

Милый Владимир Иванович!

Отдохнули ли Вы за те несколько дней, пока Вас не догонит это письмо? Вопрос наивный – вряд ли Вы так быстро сможете снять с себя такую огромную усталость.

Начну с рассказа про нас. 10-го Вас. Гр. был у Боярского и пришел от него вполне довольный теми полномочиями, кот. ему были предоставлены. В тот же день была очень нервная репетиция “Банкира”, пот. что Попова с трудом соглашалась с поправками, изменениями и сокращениями, потребованными представителем Реперткома. И накануне на репетиции она спорила крепко, сердилась, нервничала, и вот 10-го ей было трудно репетировать, она говорила, что из-за вымарывания неко-

торых кусков у нее отнимается подход к такому-то и такому-то важному моменту. Главным образом, по 3-му акту, где у нее вымарали подход к дневнику.

11-го была генеральная “Банкира”. Приехали Керж., Бояр., новый репертком Васильевский, Мирингоф, Орловский. Был Корнейчук, приехавший накануне и уже знавший о том, что на первой генеральной его пьесу разгромили. 10-го утром я его встретила на улице и он “хорохорился” на манер своего героя Андрея Тура из пьесы “Банкир”, считая себя правым. Спектакль прошел с большим, нет, вернее, с хорошим успехом, главным образом – актерским. Станицын сорвал аплодисменты на свой уход в 4 акте: публика его успела так полюбить, что поблагодарила этим за все три акта. На заключительные аплодисменты на третьем занавесе, без особых настояний публики, вышли Корнейчук, Телешева и Меллер¹. Дальше этого я уж не оставалась в зале и не знаю, насколько длительны были аплодисменты. Еще во время антрактовых разговоров в аванложе за чаем можно было понять, что в этом сезоне пьесу не выпустят. После конца спектакля, все наше начальство ушло во вторую комнатку и туда позвали Корнейчука, а мы только по лицу автора видели, что, как говорит Бесштанько², “собрались такие молотильщики, уж они молотят, уж они выбивают! А он сперва дергался, а потом побледнел и затих...” Однако, так как всем было интересно решение, то понемножку в ту комнату стали входить: сначала режиссер, потом зав. репертуаром, потом постановочная часть, и т.д. и наконец все мы оказались в той комнате, но слов почти не было слышно, что говорил Пл. Мих., и только постепенно стали передавать друг другу, что 13-го и 17-го спектакля не играть, автору за лето коренным образом пересмотреть и во многом заново переписать пьесу главным образом по линии Тайги и Романа и по линии общественного отношения Чайки к Андрею. Я этого как-то не поняла, мне объясняли, что это значит, как общественница Чайка может отнестись к такому вот мужу. Первую встречу автора с режиссером наметили на 14-е, но Вас. Гр. мне говорил иначе, что без Маркова он от таких встреч не ждет добра, пот. что вряд ли Ел. Серг. сумеет правильно направить автора. Настоящие разговоры с автором начнутся, вероятно, с 18–19-го – кажется, Марков приезжает в эти числа.

Таким образом, определилось, что сезон в филиале кончается 15-го, а у нас, наверное, 16-го, а возможно, что и 17-го, пот. что возникла необходимость сыграть еще одну “Каренину” закрытым спектаклем, Комитет на этом настаивает, и я пока не говорю уверенно, что спектакль пойдет только потому, что нужно упросить Тарасову: она заявляет о плохом самочувствии и готова принести врачебное удостоверение, освобождающее ее от спектакля.

Орловский назначен уполномоченным Комитета в нашем театре и вот второй день, что приходит сюда (в кабинет М.П.). Вас. Гр. попросил дать ему старое помещение, где раньше сидел – где в последнее время был “Горьковец”. Рита Эм. приняла это как начало готовящихся на нее гонений, хотя я ее и заверяла, что это решительно не так и что Вас.

Гр. должен иметь место, и ему удобнее всего здесь, чтобы я его могла обслуживать, и что он не хочет садиться в директорский кабинет, тем более что там будет сидеть Орл. Пока что места для “Горьковца” не нашли: предлагали им на Малой сцене, они непременно хотят остаться на большой, а здесь ведь помещения все считанные. Дано задание Феде придумать какую-нибудь комбинацию.

Сейчас пришел Вас. Гр. и сказал, что по сообщению Орловского существует такая серьезная договоренность Комитета о “Карениной” 17-го для пограничников-ударников, что непременно спектакль должен состояться. Надо думать, что хотя бы через все силы, преодолевая сильнейшую усталость и напряжение, Тарасова сыграет спектакль.

Вас. Гр. принялся с рвением работать. У него целый день народ: Грем. по своей части, Федя по администрации поездки, Калужский по спискам, Раевский и Кедров о сокращениях пьес... И актеры, актеры с вопросами³. У Вас. Гр. есть уже сообщения о трех переменах в списке, которые намечены Комитетом, но он еще не уполномочен пока их сообщить. Вместе с тем в работу нужно пускать новых исполнителей эпизодов и нар. сцен, и это делается, и тогда старые исполнители начинают сильно волноваться. Например, дипломата в “Карениной” дали Вербицкому, – Гейрот пришел с вопросом. В. Гр. знает, что роль Шиллинга, кот. нынче как раз сыграл Ник. Аф., должна быть чуть ли не завтра передана Соснину⁴. Лид. Мих. ждет такое же решение. В. Гр. с огорчением думает о своей злой судьбе: он должен сейчас пойти за кулисы и сказать какие-то слова Ник. Аф., кот. очень неплохо и много лучше Шиллинга сыграл, и знает при этом, что роль отдадут Соснину. Вероятно, в след. письме я Вам сообщу обо всех переменах в распределении ролей и эпизодов.

Сегодня сыграли в первый раз Книппер Мягкую и Хованская старую графиню⁵. От первой В.Г. не был в восторге, она и наиграла и сразу несколько образов сыграла, и перегрузила картину тем, что в начале говорила про соус зеленый... Про Хованскую Вас. Гр. мне ничего не сказал, мне показалось, что пока она “никакая”, внутри еще не нажито ничего.

Начинаются у нас просмотры молодежных работ: 14-го покажут “Трудовой хлеб” (работа Подгорного), 15-го “Дети Ванюшина” (Орлов, Герасимов), 17-го “Женитьба” (Тарханов, Аталов) и отрывки, сделанные Жильцовым, Грибовым и Аталовым.

Сейчас сажусь за срочную перепечатку новых списков – только что принесли и надо успеть их написать со всеми распределениями по ролям, а то завтра у нас выходной.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. У нас такая жара второй день, такая жара и духота, что я плохое письмо написала, несмотря на то, что сейчас-то, когда его заканчиваю, уже поздний вечер и стало прохладнее сравнительно. Но от дневного “компресса” до сих пор ощущение разбитости.

Желаю Вам хорошо отдыхать. Сердечный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Итак, сегодня в филиале идет последний спектакль, так сказать, закрытие сезона. На основной же сцене завтра сыграем “Яровую”, отодвинутую из-за спектакля для партконференции, и 17-го – “Каренину”, закрытый спектакль по специальной просьбе Комитета. Тарасова на спектакле 12-го, когда к ней ходили Орл. и В. Гр., ужасно скандалила, была в совершенной истерике. Оно и понятно, она устала невероятно от этих “Карениных” подряд. Но на следующий же день звонила к Евг. Вас., что раз театру нужно, она сыграет.

Два последние дня прошли под знаком разговоров об остающихся в Москве. Я Вам писала об огорчениях Ник. Аф. и Лид. Мих. Остаются: Блинников, Гейрот, Комиссаров, Халютин, Аркадьевский, Гаррель, Истрин, Конский, Ларин, Ларгин, Малеев, Пилявская, Степун, Телешева. Едут: Соснин, Дорохин, Титушин, Бабанин, Варзер, Аталов, Красковская, молодой Князев, Веревкин. Решительно все ходят с вопросами к В. Гр., кто даже к Орл. – напр., к нему отправилась Лид. Мих. и долго была у него. Впрочем, не меньше она просидела и у В. Гр.¹.

Вчера было заседание по поездке: приехал Як. Ос., был Орловский, и весь наш состав: Ник. В. и В. Гр., пост. часть, адм. ч., фин. ч. Обсуждались многие вопросы. Нам объявлено, что есть санкция на подписание договора, только надо решить, кто с нашей стороны подпишет, Выстав. комитет или Ком. иск. Вопрос о брошюре на гастролях разрешится 19-го, на это число к Як. Ос. вызывается из Ленинграда Бродский со всеми материалами. Относительно проекта репертуара решено (по совету Як. Ос., знающего принципиальные взгляды на это) начать “Врагами”, затем подряд две “Яровых” и “Каренина”. В дальнейшем порядок пьес предоставлен театру. Соотношение количества спектаклей каждой пьесы утверждено: 8 “Карениных”, 7 “Яровых” и 5 “Врагов”, из них две последние пьесы идут по разу утренниками. Решено организовать небольшую (на 10 считах максимум) выставку из наших музейных материалов в фойе парижского театра. Сроки отправки решены такие: 21 июня едут Михальский и Грем. и там начинают всю предварительную работу, по возможности делая так, чтобы никто больше не должен был ехать до общего выезда (предполагалось сначала отправить в середине июля туда Гудкова и Изралевского). Едущие морским путем собираются 22-го в Москве, 24-го выезжают в Лнгр., 25-го веч. отходит пароход. Едущие по жел. дор. собираются в Москве 27-го и 29-го выезжают. И та, и другая группы окажутся во Франции 1-го, первая в Гавре утром, вторая – в Париже. Комитет просмотрит наши спектакли: “Яровую” 23-го и “Враги” 27-го, это будет вечером, и зал решено отдать по шефским нашим обязательствам. По “Карениной” надо предоставить список изъятых картин. Для едущих намечено организовать лекции о Франции и

Париже, сделать собрания, которые заменят подписание обязательств.

Вот примерно все вопросы, решавшиеся на вчерашнем заседании.

Из пьес ежедневно репетируется только “Земля”, конечно, остальные репетиции идут по вводам.

Вчера у нас было такое положение со спектаклями “Вишн. сад” на основной и “Турбины” в филиале, что пришлось вызывать телеграммой Суд, играть Мышлаевского. 12-го дали телеграмму в Ленинград. Но от туда пришла слезная телеграмма на имя К.С., умоляющая не брать Суд, с предгенеральных репетиций “Потемкина”². Пришлось их пожалеть, и вышли из положения, дав сыграть Лопухина снятому с этой роли Жильцову.

Случилось такое “зарезное” положение потому, что Москвин неожиданно заявил, что не сможет играть Епиходова, а на него был расчет, т.к. он раньше обещал.

Сегодня был первый просмотр молодежных работ. Должен был быть вчера, но отменили по болезни Цильмана. Нынче показали работу Орлова и Герасимова “Дети Ванюшина”. Полностью первые два акта и кусок из 4-го. Показ прошел в очень хорошей атмосфере, провожали аплодисментами. Было это в нижнем фойе, чтобы дать возможность множеству желающих присутствовать. А то предполагалось сначала в верхнем фойе, где им привычнее было бы, они там все время занимались. На показе были Леонидов, Книппер, Тарханов, вся режиссура и много актеров. Оценка работы хорошая, говорят: вот хорошая школьная работа. Из исполнителей нравились: Базарова – Клавдия (старшая дочь, замужняя, хромая), младший Князев – Алексей (заблудший сын, гимназист), Петрова (Катя, одна из гимназисток-дочерей), Малеев (Ванюшин-отец), Сахновскому понравилась Кречетова (мать), мне нет, Нефедов (зять), Шостко, сыгравшая небольшой эпизод в куске 4-го акта – на штучках, но уверенно. Явно плохи: Халатова (нянька), Бартошевич (племянница, возлюбленная Константина), Цыганова (невеста Константина). Эти три наши актрисы и в прошлом году на показе были настолько неудачны, что тотчас же встал вопрос об их увольнении, но потом в Киеве, если помните, после объявления им такого тяжелого приговора, как-то упростили М.П. оставить их на год. Если бы сейчас мы не остались без директора, то их, наверное бы, подвели под увольнение. Но при теперешнем положении: вряд ли кто-нибудь сейчас в театре возьмет на себя решение уволить. Еще играли: Ковшов – Константин, Стругач – вторая дочь, бежавшая от мужа через неделю после свадьбы, Марков – муж ее, Месняковская³ – другая гимназистка, Пятецкая – прислуга. Да, я хотела бы еще отметить понравившуюся мне Стругач, мне показалось, что это неплохо, но мне говорили, что это так показалось мне по первому разу, вообще же больше того, что она показала, она ничего сделать не может, это максимальный ее сценический нерв, самое сильное его звучание, и это через рампу, со сцены будто бы он не перекачивается. Судят о ней так смотревшие ее в роли Марии Павловны в “Воскресе-

нии”. Про тех, о ком я сказала “еще играли”, говорили после показа, что это добросовестно, но мало интересно. Настоящее обсуждение и разбор работы будет после всех показов, сразу по всем работам, сейчас я только пишу из разговоров в коридорах. Участники показа были счастливы хорошим приемом и даже отпраздновали свои дебюты после вечернего спектакля в “Гранд-отеле”. Мне говорил Орлов, что все они очень довольны и в ресторане было весело, и дружно просидели почти до 6 утра.

Владимир Иванович, Телешов меня спрашивает, смотрели ли Вы наметку, как развесить портреты в фойе по-новому, и взяли ли Вы с собой его план? Он сильно надеется, что Вы на отдыхе его рассмотрите и пришлете Ваши решения. Я ему сказала, что Вы говорили о слишком широком списке, и он объясняет, что он нарочно поместил многих, чтобы случайно кого-нибудь не пропустить, а вычеркнуть всегда ведь можно. Он думал, что он-то должен дать наиболее полный список.

19-го придет сюда Бродский, и я в личной беседе спрошу его про его планы второго издания Вашей книги.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, всего очень хорошего желаю Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

338.

17 июня 1937 г. № 3

Милый Владимир Иванович!

Спешу Вам нынче написать, потому что завтра у нас выходной, с завтрашнего дня у нас начнутся выходные, как у всех граждан¹. Сегодня идут последние наши спектакли: здесь “Каренина”, в филиале “Гроза” – шефский спектакль. Завтра Ив. Мих. и Тарасова уезжают в Мариенбад. Я только что в антракте с ней простилась, она мне сказала, что они хотят на день поехать посмотреть Карлсбад, надеются Вас там встретить.

Из дальнейших изменений в списке: за Сластенину, которая не едет, предложено жене посланника играть Андровской, если она сможет поехать. Если нет – придется, по мнению В.Г., вводить Соколову. Затем не будет Шевченко. С ней происходила такая история: она отправилась к Як. Ос. с настоянием, чтобы роль Дуньки была восстановлена, тот ответил, что раз текст был установлен при Вл. Ив. и им утвержден, изменений быть не может². Тогда она сказала, что хочет получить участие в нар. сцене в поездке. Я.О. направил ее к Сахновскому. Последний было дал задание Евгению просмотреть, в каких нар. сценах ее можно занять, как дополнительно получил сведения, что и в нар. сцене заниматься ее не надо. Я еще не знаю, как она встретит такое известие. Думаю, совсем взбесится и всех будет считать в чем-то виноватыми.

Сегодня В.Г. сказал мне, что он совершенно озадачен: Комитет

требует числу к 20–21 июня представить наш 5-летний репертуарный план. Вообще по всем статьям деятельности театра такой план существует, но его нет по линии репертуара, а Комитет хочет его иметь. В.Г. решил переговорить с Як. О., чтобы не было настояний на представлении такого плана, тем более что если Комитет будет настаивать, то он, В.Г., должен же будет запросить о репертуаре К.С. как единственного присутствующего здесь директора, а ведь это будут с потолка взятые пьесы. Думаю, что Як. Ос., зная положение с нашим театром сейчас, отменит требование с нас такого плана сейчас, до осени.

Завтра днем в Пестово отправляется наша дирекция: Ник. Вас., В.Г., Калужский, Горчаков (если вернется из Тамбова нынче³) или вместо него Успенский⁴. И я к ним присоседилась посмотреть Пестово, я там никогда не была. Они будут глядеть, как там разместить участников “Земли”, которые перебираются туда 25-го. Надо найти и закрепить за актерами комнаты, надо отвести помещение для репетиций. Всего едет, говорят, 45 человек – актеры, пост. часть, обслуживающий персонал. А некоторые везут с собой и семьи, так что всего народу, связанного с “Землей”, будет и больше. Условия жизни будут такие: за житье в Пестове участники “Земли” ничего не платят, командировочных не получают, но получают (как и все актеры) компенсацию за неиспользованный отпуск – это закон: если отпуск не дается или дается не полностью, за это платится двойное вознаграждение. Стоимость путевки в Пестово для члена семьи – 600 р. в месяц.

Орловский мне сказал при встрече, что и он собирался было ехать в Пестово с нами завтра, но отменил, поедет 20-го, ему, видимо, нравится тоже как бы директорствовать у нас, быть в курсе всех мероприятий. А завтра он едет кататься по каналу Волга – Москва⁵. Это такая приятность нам устроена: наши сегодняшние зрители в благодарность за спектакль предоставляют нам возможность проехать по каналу. На завтра прислано 40 мест, каждый билет допускает право взять с собой члена семьи. Из-за поездки в Пестово я не еду, а также потому, что по решению В.Г. в первую голову даются билеты участникам “Карениной”, “заработавшим” эти билеты. Дадут еще по столько же билетов на 24 и 30 июня, – вот тогда и я попаду. Это страшно интересно. Повезут на пароходе до Икши, там можно провести день и часов в 7 дадут обратный пароход. Я все время мечтала летом проехать по каналу, но даже не надеялась, что удастся это.

Сегодня был второй показ работы молодежи: Аталов и Тарханов (работавший, как Вы знаете, с большими перерывами) показали из “Женитьбы” начало 1-й картины, кончая разговором Подколесина – Сухарева со свахой – Богоявленской, а еще, значит, был занят Готлиб – Степан. И начало 2-й картины: Агафья – Дементьева, Тетка – Ауэрбах, прислуга – Щербинина, Аркадьевский – Яичница, Людвигов – Жевакин, Звенигорский – Анушкин. Принимали исполнителей хорошо, смеялись, но по-серьезному похвалили только кое-что у Сухарева, а Дементьеву и Ауэрбах, несмотря на смех во время действия на их шутики, поругивали за грубость нажима, наигрыша, за какую-то непереносную натура-

листичность. Как мне кажется, смеялись еще много пьесе, как это ни странно. Право, многое в тексте принималось великолепно, вероятно, многие давно не читали и не смотрели на сцене “Женитьбу”.

Потом был показ сцен из “Вишневого сада” (работа Грибова): Аня и Соня из 1-го акта (Женя Петрова и Халатова) и Аня и Трофимов из 2 акта (Петрова и Некрасов). Тут очаровательна была Петрова, вот бесспорно всеми признается очень способной и обаятельной. Халатова и Некрасов – это была такая скучища.

И наконец работа Жильцова – последний акт из “Свадьбы Кречинского”. Здесь громадный успех, вплоть до аплодисмента среди действия, имел Готлиб – Расплюев. Он и в “Женитьбе” в крошечном выходе тоже нравился. Человек несомненно способный. Другие исполнители: Креч. – Молочков, Муромский – Баташов, Лидия – Баталова, тетушка – Тумасова, Нелькин – Князев-старший, в маленьких ролях Сиренин, Сускин, Бурджуа – если Вы их помните по нар. сценам из “Яровой”? Кроме Готлиба мне еще как-то понравилась Баталова – искренняя, трогательная. Но нельзя сказать, может ли она донести до сцены это, мне показалось, что этого хватает пока только для комнатного исполнения. Остальное все было достаточно серо, и потому к концу смотреть стало скучно. У Молочкова хорошие данные, но Кречинский ему не по плечу. Данные главным образом, как мне кажется, внешние. До показа шли какие-то шепотки, что в группе Жильцова было много неприятностей, кто-то от него даже ушел к другим педагогам, и потому предостерегали, что Жильцов плохо работает с актерами, что это не МХАТ и т.п. Я не увидела ничего расходящегося с МХАТ и вообще ничего плохого не увидела, работа как работа любого из наших педагогов. Вот у Аталова я скорей увидела кое-что немхатовское: почему-то много от Малого театра, а кое-что и от кино.

Следующий показ 20-го. И потом еще в какой-то день показ “Старика”, где уже заняты такие актеры, как Комолова, Кольцов и даже Сошнин.

Милый Владимир Иванович, очень жду не только я, но и многие наши какой-нибудь весточки от Вас. Очень многие меня спрашивают, нет ли известий. Всего хорошего. Крепко жму Вашу руку и прошу передать мой привет дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

339.

20 июня 1937 г. № 4

Спасибо, милый Владимир Иванович, за письмо – сегодня получила¹. Очень рада, что постепенно “отходите” от усталости. Я все время все-таки беспокоилась, не было ли у Вас каких-нибудь

осложнений в пути с билетами или с визами. Судя по тому, что Вы ничего об этом не пишете, – все прошло благополучно. Мне ужасно не хотелось, чтобы на Вашу усталость, какая у Вас была при отъезде, еще навалились бы и какие-то неполадки в дороге.

Отзыв о пьесе Вс.Иванова переписала, но, не скрою, не могла удержаться, чтобы не оставить пьесу у себя на сегодня: Вы так интересно даете характеристику работе Вс. Иванова, что “зываете” прочесть пьесу, что я и хочу сделать нынче вечером. А завтра с утра отошлю пьесу и отзыв в Комитет².

Сегодня после показа молодежной работы наверх в дирекцию пришли Сахн. и Орловский. Я рассказываю Вас. Гр. о полученном от Вас письме, читаю Ваши строчки о “Банкире”, и вот что я поняла из ответных реплик Орл. – что с авторами решили поступать круто, заставлять их работать серьезно, не поверхностно, не увлекаясь своим предыдущим успехом. И еще мне показалось, что, пожалуй, “Банкира” и не пустят на сцену. Во всяком случае, на Вашу фразу “а актеры опять будут репетировать?!” Орл. сказал: “Нет, актеры репетировать не будут!” И еще сказал: “Политика с молодыми авторами правильная, советская”.

Когда я сказала, что Вл. Ив., узнав о первом изменении “списка”, предвидит еще и дальнейшие, Орл. сказал: “Вл. Ив. замечательно угадывает, непременно будут еще изменения”. В. Гр. говорит: “Послезавтра-то будет, вероятно, последний вариант дан?” И категорического ответа на это не получил³.

Сегодня приехал и сегодня же уезжает обратно А.М.Бродский. С вокзала он прямо поехал к Як. Ос., туда же отправились Сахн., Орл., и Виленкин. Было длительное заседание о брошюре для Парижа и вообще о нашем издательстве. Материалы, привезенные Бр. по брошюре, совершенно удовлетворили Я.О., он забраковал только часть иллюстраций. Редактирование (отв. ред.) брошюры он принял на себя. Кроме того, решено всячески поддерживать создание издательства при театре. Первыми изданиями будут книга о “Карениной” и к 40-летию театра, ответ. ред. тоже Я.О. Вообще у Ал. Моис. создалось определенное впечатление, что назначение Я.О. к нам дело дней, что это непременно будет: он и в Париж с нами поедет и дальше будет у нас работать, так ему кажется по той манере, с какой он вникает и вдумывается во все наши дела, а также потому, что он знает, как ему хочется уйти с настоящего его места службы.

Я говорила с Бр. относительно второго издания Вашей книги, и вот что он говорит: для издательства МХАТ было бы идеально, если бы Вы согласились дать ему это дело. Это бы сразу подняло издательство высоко, придало бы ему большущий вес, кроме того, материально это даст внушительную прибыль, даже при том что они заплатят Вам наивысшую ставку (выше “Академии”). Он умоляет Вас согласиться на это и начать подумывать о тех дополнениях, которые Вы бы хотели внести во второе издание. Осенью можно было бы сделать договор, наметить

дополнительные иллюстрации, а к весне Вы бы имели второе издание в том виде, какой бы Вас, наверное, удовлетворил. Так он говорит и так просит Вам написать. Он никак не поймет, почему Вы возражаете против выпуска книги в издательстве МХАТ? Вы думаете, что Вам неудобны материальные взаимоотношения с ними. Он заверяет Вас, что не Вы получите самую большую выгоду материальную здесь, а издательство, а о моральном значении для издательства приобретения такой книжки и говорить не приходится. По правде говоря, им кажется просто даже непонятным, почему, если при театре будет свое издательство, такие книги, как Ваша, будут миновать его и передаваться в чужие руки.

Сегодня был последний показ молодежной работы. Работу Литовцевой “Старик” решено перенести на осень, пот. что Нине Н. хочется показать Вам своих питомцев Комолову и Кольцова и сразу же решить вопрос, не сгодится ли эта пьеса при доработке для утренников филиала – такая, как мне кажется, подводная мысль есть. Нынче показали 1-й и половину 2-го акта из “Трудового хлеба” (работа Подгорного и в большей части Грибова). Показ был очень приятный. Понравились: Курочкин – Корпелов (кажется, такая фамилия, словом, отец Жени, учитель), Женя – Михеева, Цильман – Матвей (даже вызвал аплодисменты среди акта); похваливали Остроухова – купца, даже Баташов был лучше, чем на всех предыдущих показах этого и прошлого года. Бессовестно штамповала под Малый театр Тумасова, очень слаба Бухштаб – Наташа, которая была совсем бесцветна в 1-м акте, но совсем себя закопала тем, что показала после просмотра пьесы, по своему желанию, самостоятельную работу монолог из 4-го акта того же “Трудового хлеба”. Это было очень слабо и невыигрышно для нее. Я Вам, кажется, уже писала, что счастье некоторых актрис, что некому решить вопрос об увольнении. Вот так же повезло и Бухштаб, при Мих. П. ее неминуемо записали бы после такого показа в число явно непригодных. Позабавила всех Берестова – Ариша. Дамский – Жорж Копров и Еремеев – слуга, как мне показалось, считали больше, что они подыгрывают, подчитывают, а не показываются в данной им для проверки работе.

Завтра в 4 часа собрание режиссеров и педагогов и обсуждение всех трех показов. Я Вам напишу, я пойду слушать отзывы, да и стенограмму потом мне же придется писать.

18-го, в выходной, ездили мы в Пестово: Сахн., Калужский, Егоров, Горчаков, ну, а заодно и семья Вас. Гр. и я. Нам там очень понравилось. Прекрасная местность, дом стоит на высоком сравнительно обрыве над громадным водохранилищем, – такая масса воды, что даже чайки летают. А другим фасадом выходит в приятный парк, где и погулять можно, и теннисная площадка есть прекрасная, и волейбольные две. Весь этот “белый дом”, главный, целиком отдают участникам “Земли”, и кто не поместится, будет жить в одном из флигелей, имеющих название: серый дом, желтый дом и аэроплан. Те дома похуже, но тоже

недурны. Там остается разместить немного народу. Настолько нам там понравилось, что и В.Г. решил отправить туда же свою семью и сам поехать на июль, и Евг. Вас. предлагает мне отдохнуть там недели две в июле, до поездки. Все равно далеко уезжать от Москвы нельзя, да и для дела лучше будет, если все худ. руководство поездки будет вместе и связано при этом с театром, – оттуда же постоянно ездят в Москву. В случае чего и Сахн., и Кал. здесь, обо всем можно договориться, особенно если внезапная дополнительная перемена списка.

Нина Ник. просила Вам сообщить к сведению, что она просила Евг. Вас., если возможно, поставить Вас. Ив. во “Врагах” в Париже в трех первых спектаклях, а остальные два дать Кедрову. Тогда В. Ив. сможет пораньше уехать из Парижа. Евг. Вас. сказал, что будет иметь в виду эту просьбу, но, конечно, должен иметь Ваше разрешение на это дело. Вот поэтому Нина Ник. и просила меня написать Вам, чтоб сказать, что В. Ив. после этой зимы очень неважно себя чувствует, что, вероятно, Вы будете к нему оч. заботливы.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам и дорогой Ек. Н.

Ваша Ольга Бокшанская.

Посылаю Вам сегодня полученное письмо от Ромашова. Оно написано таким мало разборчивым почерком, что я на всякий случай решила облегчить Вам прочтение, поэтому посылаю его и в перепечатанном виде. На перепечатанном листе адрес и имя и отч. Ромашова, на случай, если захотите ответить. И еще посылаю как образец наших занятий расписание репетиций.

340.

25 июня 1937 г. № 6

Милый Владимир Иванович!

Только что написала под диктовку Маркова это длиннейшее письмо. Собственно говоря, я должна была бы понять, что после чтения такого длинного письма Вам уж покажется совсем утомительным читать и мое послание. Вы мое письмо отложите на завтра. А я никак не хотела посылать Вам конверт без нескольких слов и от меня, тем более что имею для Вас ответ на полученное от Вас нынче письмо¹. По поводу “Половчанских садов”. Читая Ваши строки, я даже заулыбалась от удовольствия, что в некоторых случаях бывает видно, что я Ваша внимательная ученица. Сразу же после истории с “Банкиром” я сказала Вас. Гр., что мне кажется опасным присту-

пать к работе над пьесой Леонова, не имея каких-то гарантий, что не повторится с пьесой того же, что переживал “Банкир”. Вернее, это было даже во время “Банкира”, потому что я сказала, что В. Гр., встречаясь тут часто с Я. Ос., легко может затронуть и этот вопрос. Вас. Гр. нашел мои опасения правильными и действительно тут же и потом еще раз в Комитете ставил этот вопрос, получив довольно точный ответ на него и от Пл. Мих., и от Як. Ос.

1) Замечания Комитета сводятся к следующим 4 пунктам.

Все действующие лица, все положения и все их слова могут быть легко перенесены в любую эпоху – и до революции, и после революции. Персонажи говорят, мечтают, философствуют – и все в таком плане, который мог бы быть в пьесе дореволюционной и послереволюционной. (С этим первым положением особенно крепко соглашается и П.А.Марков.)

2) В пьесе есть несомненная “унтиловщина” в лице Пыляева.

3) Типично ли для советских людей, когда их показывают на отдыхе, а не на работе, когда они рассуждают, а не действуют? Нет, это не типично. Это, конечно, возможно, но это не типично. Роман между наиболее удачно найденными в смысле советскости людьми, между Машей и Отшельниковым, происходит за сценой, и поэтому получается впечатление, что автор, найдя наиболее удачно те персонажи, которые как будто бы могли приблизить пьесу к разряду пьес современных, тут же уводит их прочь со сцены, либо не желая, либо не умея их показать. Все эти четыре пункта, тесно связанные между собой вопросом “современная ли в таком случае пьеса “Половчанские сады”, не только оставляют вопрос этот открытым, но и тянут к другому вопросу: нет ли в пьесе извращения нашей действительности?

Вас. Гр. сказал об этих сомнениях Комитета Леонову, и тот очень забеспокоился. Вероятно, вот во время той поездки к Леонову, которая должна состояться 28-го и о которой пишет Марков, вопросы эти и будут разобраны вплотную автором и театром, в лице Маркова и Сахн.

Еще на кусочек из Вашего письма, о Шевченко – не стоило Вам и пробовать, как бы ее включить, она исключена из состава не театром, ей бы нашли работу, а Комитетом, так что тут и спорить не приходится.

Сегодня днем должен был прийти к нам Як. Ос. посмотреть макеты “Земли”, но не пришел. Сообщили, что он болен. Он, вероятно, больным вернулся нынче из Ленинграда. Но вечером он должен прийти во что бы то ни стало, пот. что необходимо выпустить нам “Люб. Яровую” в парижском варианте. Керженцев не может быть, пот. что он на приеме в Кремле в честь возвратившихся полярников. Туда потребовал Комитет непременно послать кого-нибудь из Народных Союза. Они, собственно, уговорили Вас. Ив. приехать из Барвихи. А Вас. Ив. сегодня сообщил, что ему хуже, он температурит и его не выпускают из Барвихи ни за что. Тогда началась гонка, кого же послать. Из стариков еще Тарханов только здесь (о Леон., конечно, никто и не заикнулся). Оказалось, Тарх.

уехал на дачу. Добронравов – играет “Яровую” (в Кремле надо было быть в 6 час.), Хмелев никогда в концертах не читает, не имеет ни одной строчки в репертуаре. И кончилось тем, что никто от нас не пошел. Сегодня вечером, на просмотре “Яровой”, наша дирекция рассчитывает показать Боярскому и макеты “Земли”. Уж не знаю, можно ли со всем этим поспеть. Макеты приготовлены в нижнем фойе, и эта часть будет щитами отгорожена от места, куда будут допускаться для прогулок подшефники, смотрящие спектакль.

Вероятно, Вам уже говорили о небольшой неточности, вкравшейся в Вашу книгу. Но я обещала одному человеку, что позвонил мне на днях, что непременно Вам передам. Он говорит, что у Вас на 272 странице сказано, что Катя Филиппова стояла у памятника Скобелеву, а этот памятник поставлен только в 1912. Вы же описываете 1905 год. Я сказала, что передам, но что, по-моему, Вы уже знаете про эту неточность и в следующем издании измените.

Вчера весь день мы с Евг. Вас. (и Сахн. с женой) провели на канале. Пароход отошел в 12 час. дня, а вернулся около половины 10-го вечера. Громадное удовольствие получили. Мы ехали на “Климе Ворошилове”. Чудеснейший пароход, комфортабельно устроенный. Но я почти его не осматривала. Меня совершенно пленила возможность сидеть на носу на палубе в плетеном кресле и получать удовольствие от чудесной свежести в такой жаркий вообще день, от красивых берегов, которые часто проезжаешь, от успокаивающего движения парохода по гладчайшей воде, от удивления и восхищения перед громадными делами, которые творятся у нас и получают вот такое материальное выражение. Нас довели до Икши (это километров 50, а весь канал длиной 28 клм.), где находится шлюз № 6, ввели в шлюз, заперли, опустили нас на воде, вывели из шлюза. Потом, ввиду шлюза № 5 пароход наш развернулся и пошел обратно в тот же № 6, где проделали с нами обратную операцию: в запертом шлюзе подняли на поверхность высокую и вывели в обратный путь. Хорошее ощущение отдыха осталось у всех нас от вчерашнего дня.

Скоро начнет собираться народ на вечернюю генеральную. До свиданья, милый Владимир Иванович.

Да, о суточных в Париж. Вас. Гр. скажет в Комитете, но, боюсь, безрезультатно. Чего хотел добиться Аркадьев, мы не знаем, но то, что теперь решается, кажется, будет очень мизерно, во всяком случае, для большинства. Как я слышала, всех едущих разделяют на 4 категории: получающие до тысячи, до двух, до двух с половиной и до трех. И сообразно с этим – суточные, очень экономно. Вероятно, размах Арк. не нравится настолько, что теперь гнут в противоположную сторону. Увы, увы, я в низшей категории, несмотря даже на то, что помимо секретарства и машинки буду вести кассу: хранение денег и платежи.

Еще раз, всего хорошего, всего самого хорошего Вам и Ек. Ник. желаю.

Ваша *О.Бокшанская*

Милый Владимир Иванович!

Стоит невероятнейшая жара, мы все стонем от духоты, усталости и желания не быть в городе. Но пока не только ежедневно ходим на работу, как зимой, но и находим все время много дела. И в театре еще не совсем опустело. Вчера отвезли в Пестово всех из “Земли”. Евг. Вас. поехал туда еще с утра, чтобы до приезда автобусов окончательно проверить распределение комнат. Позднее туда же поехал Вас. Гр. с Орл. (Ник. Вас. выехал с Женей). Там все обошлось очень благополучно, все как будто довольны. Послезавтра я поеду туда же, в Пестово. Евг. Вас. и Вас. Гр. отпуска в этом году не получают, но кое-какую скидку на лето и они получают: Вас. Гр. будет из 6 дней шестидневки бывать в театре дня 2–3, остальные в Пестове, Женя – в Москве 4 дня, в Пестове 2 дня. Так пройдет недели 2–3, после чего, вероятно, все мы переедем уж в Москву, чтобы числа с 20-го быть здесь.

Вас. Гр. вот что просил Вам передать. Керженцев ему сказал, что получил Ваше письмо и просил Вас. Гр. написать Вам следующее (а Вас. Гр. просит меня написать для срочности, пот. что он Вам напишет, но не теперь, а когда немного отойдет от спешки дел): Плт. Мих. просит Вас в первую очередь спокойно лечиться и отдыхать и не мучиться никакими административными и организационными вопросами. Он заверяет Вас, что все будет в полном порядке. Тов. Гиршфельду, советнику нашего полпредства в Париже, поручено правительством вести всю предварительную организацию наших гастролей, он является как бы уполномоченным по нашей поездке и будет все делать до приезда нашего, когда он передаст дела тому, кто будет административно возглавлять нашу поездку (либо директор, если он к тому времени будет назначен, либо комиссар поездки, специально для этого выделенный). Комитет берет на себя полную ответственность за организацию поездки. Сейчас Пл. Мих. находится все время в непосредственной связи с Гиршф. по телефону, т. что у него не возникает ни малейших беспокойств. У Вас же, он думает, будет столько заботы и дела по художественной стороне, по репетициям и спектаклям, что ему бы не хотелось, чтобы Вы отягощали себя заботами, организацией и какими-нибудь денежными делами по поездке.

Кстати, я слышала, что в Париже к поездке будет еще прикомандирован какой-нибудь товарищ, вероятно, француз, хорошо знающий газетное дело, который будет нести обязанности “пресс-эджент”, что ли, или “литературного и для внешних сношений” секретаря. Мне кажется, что это очень хорошо, потому что, конечно, будет ряд вопросов, в которых мы можем и “плавать”. Ведь и в прежних наших поездках всегда при нас были такие “эдженты”.

Итак, о наших просмотрах: 25-го вечером “Любовь Яровая” прошла очень крепко. Правда, спектакль кончили не намного раньше, в половине 12-го, но это было потому, что начали с 10-минутным опозданием, затянули сильно антракты из-за просмотра Боярским в антрактах макетов “Земли”. В общем, текст, плюс антракты, считают часа на 3^{1/2}. Однако показалось, что еще есть длинноты, и решено сократить следующее: разговор профессора с Фольгиным (о буквальности языка), начало 3-го акта (в сцене интервью Малинина, т.к. это второе интервью подряд), у Ярового с Яровой (“под Замостьем мы шли в атаку”) – там несколько фраз в монологе у Добронравова, что ему самому очень понравилось, а шли к нему говорить об этом со страхом и трепетом. Таким образом, рассчитывается, что спектакль будет идти максимально 3 ч. 10 мин., что считается вполне приемлемым. Як. Ос. нашел, что спектакль выиграл от сокращения. Он даже после второго просмотра, “Врагов”, говорил, что выходит, что вообще сокращения только служат к украшению спектаклей, и как бы не захотелось актерам так и оставить спектакль на дальнейшее. Но тут же себя опроверг, считая, что советский зритель Дуньку в “Яровой” не уступит¹.

Просмотр макетов, как я понимаю, выяснил, что все макеты, с мелкими оговорками и замечаниями, приняты, за исключением церкви, которую надо искать заново. Вы ее тогда и не видели вовсе, Рындин не показывал, по-моему, даже в эскизе.

На след. день днем прошли 4 картины из “Карениной”, в гримах и костюмах. Попутно делались и съемки. Тут я получила ряд огорчений. Главным образом по линии того, что Вы будете огорченно говорить, что Вы были правы, настаивая на принципе: ехать тем, кто играет в нар. сценах, а не непременно заслуженным в первую очередь. Правда, ряд исполнителей выбыл из сцен по указанию Комитета, а не по списку Арк., – такие, как Сластенина, Гейрот. Самое плохое из замен – это Вербицкий – дипломат за Гейрота. Это не только скучно, понижено по тону, но, как мне кажется, просто противно по актерской лени и нежеланию что-нибудь делать. Он просил его в поездку не брать, его взяли, и теперь он недовольно вял во всем. Грим не нашел, держится на манер Шабельского², а никак не завсегдагая салона Бетси, весь на своих штампах – серых, неинтересных. Андровская (за Сластенину³) старается найти какую-то характерность, кое-где грассирует, кое-где говорит с акцентом, но пока что ни в чем не утвердилась и получается тяжеловесность от какой-то злобности и роковизма – какая-то фильмовая “вамп” порой в ней появляется. Совсем бесцветны остальные дамы: Титова за Стругач, Молчанова за Михееву, Попова за Цыганову и Елина за Бухштаб⁴. В общем, идя домой со Степановой, мы “поплакали” над бывшим салоном Бетси, но решили, что Вы приедете и все оживите, все в один миг сделаете великолепно, пот. что актеры опытные, им только нужно сказать не только верные слова, но нужно, чтобы именно Вы эти слова произнесли. “Скачки” я не смотрела – говорят, это была лучшая из всех

народная сцена. “Театр” мне показался тоже бледнее, чем со старыми исполнителями; во дворце, несомненно, менее интересны и Попова – нежели Гаррель, и Соснин – нежели очень недурно игравший Подгорный⁵. Простите, если я пишу Вам огорчительные вещи, но знайте, что я, с одной стороны, ужасно требовательная, а с другой – нарочно Вас пугаю вперед, чтоб Вы, приехав в Париж, сказали: “Что же вы говорили? Совсем не так огорчительно!” Может быть, действительно, что надо было бы – это еще провести дня два-три репетиции, но тут насел Леонидов с “Землей”, пришлось заканчивать. Да и трудно было всем: усталость сильнейшая, и при такой оглушающей жаре. Все эти дни 30 и выше градусов в тени. Обещается в газете похолодание, но пока температура не съезжает.

Вечером 26-го игрались “Враги” – опять-таки при такой же доброжелательной и взволнованной аудитории, как было на “Яровой”. И тут, и там были аплодисменты среди акта и напряженнейшее внимание к действию. “Враги” шли несколько пониженно, опять-таки из-за духоты и усталости. Сокращения сделаны внутри текста маленькими кусочками, отдельными репликами, сделаны умело. С антрактами спектакль шел 2 ч. 45 минут, и как будто столько можно было бы и оставить, но признано, что есть кое-какие длинноты во 2-м акте, таком вообще мало действенном, мало освещенном, могущем показаться скучным. Поэтому решено сделать сокращения в разговоре Татьяны с Захаром Бардиным о рабочих и их настроениях и совсем исключить разговор Татьяны и Якова, который до того уже был сокращен, был совсем изъят монолог Татьяны о театре, но оставлен диалог до монолога, а теперь решено всю эту сцену изъять.

Евг. Вас. мне сказал нынче, что получил письмо от Ол. Леон., в котором, между прочим, просьба выслать Вашу книгу Марии Павл., которая обижена, что Вы ее забыли, не прислали сами книгу, а она хочет ее читать. Я сегодня же отправлю ей книжку, а Вы, может быть, напишите ей несколько слов? Уж не знаю, нечаянно это у Вас вышло, или Вы и не собирались послать ей книжку. Простите, что я так самовольно высылаю книгу, но я настолько понимаю ее желание поскорее ее прочитать, что не жду Вашего распоряжения⁶.

Почему я вдруг вклеила это дело, когда я собиралась писать Вам и дальше о делах к поездке? Вероятно, от жары – прямо изнемогаю.

Я хотела еще написать о том, что утверждён план нашей фото-выставки в фойе в Париже. На центральном щите будут фото Ваша и К.С., Горького и Чехова и всех народных СССР (Лид. Мих. бегала с претензией в музей, что ее фото не будет в Париже, она этого не хочет допустить). Затем три щита будут отданы трем едущим спектаклям, мизансценам и персонажам. И еще три по таким разделам. Общественная жизнь театра: тут вручение орденов и Ваша речь, Акулов и Керж. у К.С., речь Москвина о пленуме, Москвин голосует на пленуме за Конституцию, Качалов на стотысячном по количеству участников митинге-про-

тесте против испанских дел⁷, Книппер среди колхозников, наши бригады на Дальнем Востоке, на заводах, Вы среди режиссеров периферии, Тарханов с экскурсантами в музее, в наших рабочих цехах и т.п. Затем есть две диаграммы: о количестве репетиций на пьесу (за 10 лет) и о том, какова средняя продолжительность времени службы в театре работников – хочется показать, что мы одно из немногих учреждений, где люди работают десятки лет – особенно исключительно это для театров.

Писала ли я Вам, что у нас в нижнем фойе еще произошло одно изъятие, сняли (совершенно действительно естественно) Гауптмана. Партком просит иметь в виду, что надо повесить портрет Як. Григ. Со-рокина⁸.

А Вы не смотрели тот лист, что Вам дал с собой музей?

Сегодня Марков и Сахн. выезжают на дачу к Леонову, заодно посетят и Всев. Иванова. С Корнейчуком дело так: Сахн. дал ему телеграмму, что пора прислать пьесу, срок истек, а Марков нынче телеграфировал: дожидсь меня в Киеве, я туда буду не позже 2-го.

Миша здесь с 27-го, сегодня виделся с Поляковым и, кажется, выяснил с ним все вопросы. Он побаивается ехать морем, у него осталось скверное воспоминание о путешествии с Муз. театром, но тогда была осень, а в июле большею частью ехать очень приятно. Я дважды ехала морем этот путь, и оба раза летом, и оба раза было чудесно, какой-то плавучий санаторий.

Я советую Мише держать связь с Поляковым, у которого в руках все данные о поездке.

Марков получил Ваше письмо, тотчас же связался после этого с Волковым, читал относящиеся к нему строчки⁹. Завтра у него встреча с Хренниковым, Волковым, исполнителями, – они проверят вокальные номера, прослушают новую картину.

Милый Владимир Иванович, теперь я буду Вам писать из Пестова (там есть машинка, которая должна вместе со своей владелицей обслуживать “Землю”). Вероятно, кроме того, я буду и в Москву иногда наезжать, когда поедут Евг. Вас. или Сахн. Связь Пестова с Москвой вообще очень крепкая.

Да, начало сезона объявлено 1-го сент., но это как раз приходится на выходной день, т. что репетиции начинаются со 2-го, начало спектаклей намечается на 5-е. Вместо ожидавшегося для фестиваля “Годунова” решено поставить “Гор. сердце”, если Москвин согласится, и оно будет либо дано в фестиваль, либо простым спектаклем пойдет.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, крепко жму Вашу руку. Пожалуйста, скажите Ек. Ник., что мы с Женей шлем ей нежнейший привет. Желаю обоим Вам приятно отдыхать.

Милый Владимир Иванович!

Несколько часов назад приехала в город. Пробуду здесь два дня, м.б. три. Посылаю Вам предположения по репертуару и репетициям на сентябрь и план работ в Пестове – м.б., любопытствуете? И последний “Горьковец”. Еще хочу достать “Комсом. правду” от 3-го, там был подвал под заглавием “Плохая пьеса” – это о пьесе “Банкир”, именно о пьесе, а не о каком-либо спектакле. О появлении этого фельетона сказал мне Орловский, приехавший на 5-е в Пестово, о чем расскажу Вам ниже. Когда он рассказывал об этом, я сразу сказала: нужно достать этот номер для В.И., и он нашел это очень важным, пот. что, по его мнению, после этого фельетона прямо можно сказать, что вряд ли пьеса у нас будет выпущена. Словом, на слова Леон. Мир.: “Значит, “Банкиру” надо сказать: до свидания?” Орл. сказал: “Нет, не до свидания, а прощайте”. Я еще этого фельетона не читала, но найду, прочту и Вам пошлю. Подпись “Викторов”, Орл. предполагает, что это псевдоним Городинского.

У меня столько рассказов Вам, что просто не соберешь мыслей. Тем более что в Пестове мы живем так безмятежно, бездумно, – попала я в город, и сразу все показалось суматошным, спешным, тревожным. Постараюсь ничего не забыть, но вот порядок рассказов будет, вероятно, случайный.

О “Земле”. 5-го там был назначен прогон первых четырех картин, которые по тексту составляют чуть ли не три четверти пьесы. Это, если Вы помните, 1-й акт – деревня, 2-й – школа (сцены мужиков, приезд Антонова, расстрел матроса, бегство антоновцев и Сторожева под напором красных) – и теплушка, и 3-й – у избы Мавры (встреча двух братьев, приезд Сторожева и поиски Листрата, возвращение Фрола из Москвы). Остались непоказанными два акта, три картины: штаб Антонова, церковь и поле и амбар. Хотя этот прогон рисовался режиссуре как проверка себя своими же глазами, но вдруг на эту репетицию приехал Орл. и прогон сразу стал для всех волнительнее и ответственнее. Кроме Орл. на репетицию пошел смотреть и В. Гр. Официально больше никто не должен был быть в репет. помещении (кроме всех занятых, конечно). Поэтому и я не рискнула просунуть туда нос. Ушла гулять. А потом уж узнала, что понемногу кое-кто и просочился на репетицию: сначала жена Грибова тихонько проникла в дверь и села у краюшка, потом Коломийцева, потом ребятишки, дети актеров. Я все же не жалею, что я не попала, потому что Леонидов, который очень волновался, еще чего доброго на меня бы расвирепел – решил бы, что я тотчас же отпишу Вам неблагоприятный отчет. До прогона Леон. был очень сумрачный, беспокоился за своих актеров, а теперь стал добрый и общительный.

С Орл. после репетиции я не говорила, знаю только, что он вся-

чески комплиментировал. Мне было важно узнать впечатления В. Гр., и вот что он мне рассказал. Прежде всего ему очень понравилась пьеса, ее глубина, ее кряжистость, ее национальность, ее философичность. При прекрасном языке – идеи, захватываемые пьесой, его буквально потрясали местами, волновали до слез, поражали мощью, близкой шекспировской. Впечатления об актерах такие: прежде всего его приятно поразили неожиданностью Титова и Кторов. Оба вышли из привычных для них типажей и, что ему кажется отрядным, показали себя удачно в таких характерных ролях, как Косова и поп. Несколько нажимали Белокуров, в этой роли еще не вполне “наш” актер, мхатовский, и Степанова, которая всегда начинает с наигрыша. Кроме того, она, как мне кажется, сейчас попала под сильное увлечение внешней крестьянской характерностью, впадает в натурализм, старается и в говоре и в ухватках дать крестьянку. У нас с ней был на эту тему разговор, и я ей высказала предположение, что вряд ли Вы будете увлекаться этнографическими чертами, “аканьем”, “мужику” вместо “мужики”, “Ленька”, “Колька”, игрой рукой около рта, утирающей губу и скрывающей улыбку. Она на первых порах этим увлекается и не хочет отказаться от проб повторять те манеры, которые она наблюдает у местных крестьянок. Добронравов пока остается самим собой, Хмелев находится в периоде настойчивых поисков, многое хорошо у Зуевой – матери, очень глубоко задумал роль Грибов. Пока совсем непонятен и неопределен Топорков, очень поверху. Кажется, это самое “узкое” место, я слышала несколько отзывов о Топоркове, что пока ничего интересного не получается, мелко, неглубоко внешне – вот как отзываются. После просмотра у всех камень с души спал, потому что получили они полное одобрение и приобрели уверенность, что на верном пути¹. Теперь занятия продолжаются, и, говорят, 12-го будет просмотрена вся пьеса и будто Л.М. разрешит всем живущим в Пестове, желающим посмотреть, прийти. После этого прогона будут опять занятия и 25-го намечен показ пьесы Комитету.

Сегодня ушел в отпуск шофер Михайлов, я была рада, что застала его еще в театре. Он ведь в последнее время после Вас водил грузовую машину, так что и не видела я его вовсе. Вот что он мне сказал (а до того рассказал и шофер Аркадьева): театр получил новую машину М-1, и решено ее отдать Вам (так и Ник. Вас. сказал Жене). Машина по конструкции лучше Вашей, это подтверждает и Михайлов. Ему только меньше нравится, как машина отделана внутри, как обита. Но он уже говорил с зав. гаражом и решили, что внутри подушки вынут и вложат подушки из Вашей прошлогодней машины, и тогда все будет в порядке. Михайлов придет из отпуска 8 авг. и займется этой новой машиной, доведет до конца внутреннюю ее отделку. И объездит ее для выверки. Чехлы на прежнюю машину почему-то не наложили, Мих. говорит, что их только что вернули из чистки и их в этом чистом виде берегут для осени. В общем, хозяйство наше автомобильное такое сложное, такие своеобразные там внутри распорядки и взаимоотношения, что никак

не разберешь, так ли надо требовать сделать, или так дать сделать, как шоферы говорят. Одно мне Мих. обещал, что осенью в отношении машины Вашей все будет вполне благополучно и если будут изменения, то к лучшему.

Еще дела по Вашему письму: Рабинович и опочивальня для Бориса². Рабиновича сейчас в Москве нет, но он должен на днях побывать в городе для каких-то своих дел. Сегодня я сделаю выписку из Вашего письма и отправляю к нему на квартиру, таким образом, до него, наверное, дойдет. Радлову же специально писать не предполагаю, а в записке к Рабин. попрошу при случае сообщить и Радлову Ваши строки. Радловы всегда уезжают на лето из Ленинграда, где их искать – не знаю.

Сегодня днем имела большой разговор с Грем., сказала ему о Вашем беспокойстве. Несмотря на заверения Орл. еще 5-го в Пестове, что вот-де сейчас Михайлов и Грем. получают документы, а 7-го поедут, я 7-го всех их здесь встретила. И вот только что, в половине 7-го вечера сказал мне Федя, что обещают завтра дать разрешения, после чего надо проделать визы, получить деньги и ехать. Федя думает, что если удастся, они поедут 9-го, но вернее – 10-го. Грем. находится в большом волнении. Помимо того, что положение с днем выезда было все время неопределенно, оттягивался отъезд буквально со дня на день, – все получаемые оттуда сообщения крайне неутешительны. Гиршфельд позвонил, что не надо заказывать круг, можно получить напрокат за 35-40 тысяч. Круг этот всего 12-метровый, причем совершенно неизвестны ни высота настила, ни крепость пола круга, выдержит ли он наши надстройки – ничего. Да и диаметр куда как мал! Все это заботит Гремиславского крайне. А тут еще прибавилась забота: Орл. получил письмо из Парижа (не знаю от кого), что если пароход с декорациями придет 1-го в Гавр, то декорации будут в Париже не 2-го, как планировал Аркадьев, а через 5 дней, т.е. 6-го, а 8-го открытие!!! И еще: на обратном пути если декорации пойдут жел. дорогой, а не пароходом, как планировалось, то придут в Москву числа 8-го. А как же фестивальные спектакли? Вот Гудков собирается ехать 2-го в Ленинград сговариваться об отправке декораций из Парижа на Гавр. И пароходом, и почему-то тогда считается, что багаж идет в Москву (или только пока что в Лнгр.) 3-го сентября. И говорить нечего, что на фестивале должен будет играть парижский состав, потому что костюмы не успеют снова переделать на основных исполнителей. Это, пожалуй, еще не беда, с ними и репетировать не надо, ведь они чуть ли не накануне будут играть спектакли, а основные из народных сцен за лето, пожалуй, кое-что и забудут. Словом, Вы видите, сколько сложностей еще впереди и как может быть озабочен Ив. Як., к тому же лишенный в поездке Димы. Он был оч. тронут тем, что Вы – вдаль от театра, на отдыхе – беспокоитесь о гастролях, а те, что здесь сидят и организуют, по его мнению, как-то спокойно относятся ко всему предстоящему.

Как я понимаю, Вы упомянули адрес Леон. Дав. для сообщения Феде, что я и сделала. Но должна Вам сказать, Владимир Иванович, что я думаю (и Федя тоже, и Сахн., и Калужский, и Леон. Мир.), что

вряд ли Л.Д. будет не только в чем-то помогать, но вообще иметь причины быть связанным с нами хотя бы в какой-то отдельный деловой момент. Думаю, что прежде всего Федя обратится к Гиршф. за указаниями, кто и в какой форме будет принимать участие в организации наших гастролей, и я не представляю себе, что Гиршф. назовет Л.Д. А если так, то нам, со своей стороны, незачем будет выдвигать каких-то театральных деятелей, хотя бы в свое время и имевших отношение к нашей гастрольной поездке. В этом смысле мы уже получили совершенно точные указания и, вероятно, перед отъездом еще раз нам все объяснят, какова должна быть форма нашего поведения. Поездка наша имеет такое громадное значение, к ней проявляется такой живейший интерес, что с нас, вероятно, будут требовать одного – повнимательнее усвоить то, как мы должны держать себя в Париже – и это по всем линиям: и в театре, и на выставке, и в отеле, и в отношении окружающих, и даже в отношении магазинов. Если Л.Д. писал Вам и просил Вас о чем-нибудь, то – извините меня за совет – и для него, и для всех едущих в поездку его знакомых было бы лучше, если бы Вы прямо бы ему сказали или написали, что нынешняя поездка сильно отличается от предыдущей и ему не придется, вероятно, столь дружески и непринужденно встречаться с нашими актерами. Если он явится с раскрытыми объятиями, как бы не был он, да и наши актеры, поставлен в неловкое положение.

То, что вы написали о М.П., Ваши вопросы и мысли о возможностях, я передала В. Гр. и Леон. Мир., желая знать их мнение³. Л.М. держится той же позиции, что и весной, т.е. что вмешательство театра может быть рассмотрено очень неблагоприятно, и тогда выйдет так, что и театру это повредит, и М.П. не только не поможет, но и может повредить тоже. Василий же Григорьевич мне сказал, что этот вопрос совершенно отпадает, т.к. именно на эту тему был в его прошлый приезд в Москву, т.е. в первых числах июля, у него разговор с Як. Ос., и тот накрепко сказал, что как ни сложится дальнейшая карьера М.П., к нам для него возврата нет. Но вообще, по мнению В. Гр., вопрос этот получает еще большую остроту в связи с тем, что в те же дни у Вас. Гр. был разговор с Ник. Вас. (Н.В. в те дни был болен и просил В. Гр. приехать к нему на квартиру и – Боже мой! – что там было: и слезы, и мольбы, и всяческие заверения, но об этом немного ниже) – и вот в этом разговоре Н.В. говорил, что удаление М.П. произошло не только в результате неудачных поступков М.П., известных нам, но и в результате влияния в этом деле К.С., который имел возможность собрать против М.П. определенный материал, рисующий его как человека, который хотел собою заменить К.С. и повернуть театр на какой-то им задуманный путь, разрушающий в то же время исконные традиции и методы, которые составляют основу жизни МХАТ. Что в таком плане были высказывания М.П. не только здесь, но и в Париже, что добиться этого он хотел популяризацией себя в известной группе, что являлось и политически неверным, потому что приводило к ложному пониманию демократии.

Словом, из высказываний Н.В. было ясно, что К.С. имел близкое отношение к снятию М.П. А т.к. у Вас. Гр. еще было и мнение Як. Ос. по этому поводу, то он считает определенно, что присутствие М.П. у нас на посту “ист-аусгрешлоссен”⁴. М.П. 4-го предполагает уехать в Кисловодск на лечение и отдых, но совершилось ли это, никто не знает, даже Ал. Моис., которую я спросила. Мнение В. Гр. таково, что по всем линиям, какие он видит в этом деле, благом будет одна: не возвращаться к мысли о реставрации у нас М.П., т.к. если это невозможно, а это непременно невозможно, то какие бы ни было шаги не приведут ни к чему хорошему, а к чему-то если не плохому, то неважному могут привести. Глупо я излагаю мысли? Чувствую, что отдых не пошел мне на пользу, я пишу фразы, будто жернова ворочаю, мне они кажутся ужасно тяжеловесными, мои сегодняшние фразы.

Теперь о свидании Ник. Вас. и В. Гр. Ник. Вас. в начале июля заболел. Чем – не знаю, это и не определялось. Орл. делал намеки, что он болеет, т.к. ему делать нечего, т.к. против него был направлен некий удар, и тут как выход пришла болезнь. Надо сказать, что тут все время идет и шла какая-то глухая борьба между Н.В. и Орловским, в чем она выражалась – и не уловишь, но чувствуется, что какие-то подземные толчки происходят. Так вот, Н.В. просил В. Гр. приехать к нему. И тут он его умолял “помириться с “Костькой” (простите, что я так пишу, но это подлинное выражение). Он уверял, что и для К.С., как и для Вас, идеальная форма управления – два зама, как они прежде были. При этом К.С. совершенно признает за Вами права ведущего директора, единственного распорядителя в театре, раз что Вы в действительности ведете дело с художественной его стороны. Он божится, что никогда не будет вмешиваться в худчасть, что у нее все права и преимущества в театре – это уж божится Н.В., а не К.С. Вот тут-то он и про мнение К.С. об Аркадьеве и об его участии в этом деле и рассказал. Кончилось это тем, что Н.В. взял с В. Гр. слово, что при следующем его приезде из Пестова в Москву произойдет свидание его с К.С. (вероятно, закончится оно соединениями и разговором всех их троих). Нынче В. Гр. приехал, и вот в 4 часа дня его пригласил к себе К.С., так что хотя бы кое-что я буду знать завтра, а если В.Г. будет загроможден работой и не сможет рассказать нам или пока не захочет, а решит в себе пока что переварить, то, вероятно, расскажет немного позднее, и я смогу написать Вам уж из Пестова. Завтра я буду сравнительно недолго в театре, мне надо будет упаковать машинку и сдать постан. части для упаковки, а часов в 6 вечера мне надо ехать в Пестово, там вышлют к поезду машину. Впрочем, я думаю, что скоро снова буду в Москве – у меня в ближайшие 10 дней здесь будут примерки: я не надеюсь на покупки в Париже и шью англ. костюм для придания себе строгого стиля на работе.

Одна из драк Н.В. с Орл. происходит, кажется, из-за распределения квартир и комнат в надстройке на Мясницкой. Там сначала поработала комиссия: от дирекции Дима, от месткома Ситникова и от парткома Ха-

енко. Они проработали все поступившие заявления и сделали наметку, как разместить претендентов. Но Н.В. нашел там неправильности, хочет их опротестовать, к тому же он не желает, чтобы в это дело вмешивался Орл., кот. не желает пропустить рассмотрение и утверждение этого дела без себя. М.б., и Комитет захочет принять участие в этом деле, и тут уж Н.В. совсем расстраивается от этого предположения. А В. Гр. считает, что необходимо это дело закончить до отъезда в Париж, чтобы актеры не волновались вопросом жилищ на будущий год: его, конечно, терпят, всем надоело ждать больше полугода, у всех была надежда, что еще до нового сезона удастся наладить свое жилье. В. Гр. настаивает, чтобы вопрос этот закончился и разрешился если не на этой шестидневке, то, во всяком случае, на будущей. Сегодня у К.С. он хочет уточнить и этот вопрос. Кстати, хочет уточнить вопрос и Радомысл., который хочет получить 4-х комнатную квартиру, а у В. Гр. нет уверенности, что он вообще долго у нас пробудет на работе⁵: по театру он вовсе не работает, да и не нужен, а по студии его дела тоже плохи, у К.С. он сильно не в чести, у студентов тоже, да при чем же дом МХАТа и квартиры для актеров, если нужно поселить кого-то из студии?! Это В. Гр. считает необходимым выяснить у К.С.

Владимир Иванович, теперь немного о Пестове. Там чудно, очень-очень хорошо. Красивая местность, приятная атмосфера, удобное житье, хороший домашний стол. Всем все нравится, все всем очень довольны. Кто рыбу удит в каждый свободный час, кто играет в теннис и волейбол, кто, как я, гуляет, читает. Пока было тепло, все купались, раза по три в день. Последние три дня – дожди непрерывно и сильное похолодание. И тогда многие затосковали, я первая. Но вот нынче приехала в Москву и мечтаю, что завтра вечером снова буду там, – здесь мне совсем-совсем не нравится. Сегодня погода, кажется, начнет выправляться, очень переменно: то сильный дождь, то даже солнце (которого мы не видали 3–4 дня), и в воздухе стало теплее. Нет, даже в дождь в Пестове лучше, чем в Москве. Работа там идет приятно, не утомительна, не назойлива. В общем, все решили, что, вероятно, эта привычка установится: работать и летом спектакль в такой обстановке.

Милый Владимир Иванович, пора кончать письмо, мне надо идти по делу в определенный час. Простите, что корявое вышло письмо. Зато длинное. Всего хорошего желаю Вам и Ек. Ник. от себя и Жени, который благодарит Вас за память. Отдыхайте с приятностью, милый Владимир Иванович, сколько у Вас еще дела вперед!

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Вчера мне привезли из Москвы Ваше письмо от 12-го¹. Завтра Евг. Вас. едет с утра в город, и я тороплюсь Вам написать, он отправит.

Начинаю ответы по письму.

Я сказала Вас. Гр. о бельгийской визе – все равно против нее не устоишь. Анкеты здесь все уже заполнены, они нестрашные. Сейчас решено громадное большинство везти пароходом, поездом поедут по последнему постановлению 22 человека: народные с семьями и по состоянию здоровья Еланская, Прудкин и Молчанова, Станицын, Андровская из-за Баталова, Готовцев, Сахновский. Судаков, Орлов, Степанова обратились с просьбой отправить и их поездом, каждый по своим причинам: Степанова из-за ребенка, с которым она все лето из-за “Земли” почти не виделась, Орлов из-за здоровья, Судаков для сопровождения Клавдии Ник. Эти все обращения будут рассматриваться в Комитете и там решаться.

Может быть, я неудачно выразилась про решение возможное о “Банкире”. Конечно, не Городинский снимет спектакль, но он, Вы знаете, Комитетом никак не принят, а при наличии такой статьи – вот уж и общественное мнение начинает отрицательно выражаться. Как я поняла, это поддержка Комитету в желании не пускать плохую пьесу на сцену, тем более что и внутри театра (на активе) критика была резкая.

Предполагается, что статью о Пимене писал отец Массальского². Я слышала, что она была прислана в “Горьковец” по почте, без указания автора и его адреса, а потом удалось установить адрес отправителя, он сошелся с адресом Массальского. Я точнее узнаю от Квантк., кот. теперь ведет газету, ведь редакция обязана знать автора³.

Про Комолову – Сережу не знаю, – сегодня спрошу и припишу здесь же, она ведь в Пестове, занята в толпе “Земли”⁴.

“Враги” помечены поздно в репертуаре потому, что декорации их придут позднее двух остальных пьес и позднее будут приведены в порядок. Другие две пьесы должны ведь выйти в фестивальные дни. Калужскому было дано задание поставить “Враги” позднее.

Теперь перехожу к последнему Вашему вопросу – о визите к К.С., который был мною очень неярко освещен в последнем письме, 9-м, если не ошибаюсь, а не 10-м. Вот что мне рассказал В. Гр., который, конечно, Вам это все расскажет много полнее при свидании.

Прежде всего его поразил внешний вид К.С.: у него совсем переменялось лицо, – может быть, оттого, что он остриг волосы. Какой-то получился незнакомый до сих пор облик, да притом от остриженных волос как-то стала выделяться вверх надлобная часть черепа, получился

какой-то микроцефальский череп, как определил В.Г. И руки его поразили: прежде они были такие мощные, а теперь дряблые, беспомощные. И совсем побелевшие уши. Вообще вид человека, теряющего силы, – да и сам К.С. так это ощущает, он сказал, что чувствует, что заметно для себя лишается сил. Говорить о том, что он может вести какую-нибудь организационную, административную работу – невозможно; если желать сохранить оставшиеся в нем силы, ему надо дать полнейший покой и чтобы он занимался понемножку тем делом, в котором он работает без усилий. Он сам все это крепко понимает. И про “Тартюфа”, т.е. про работу художественную, а не административную, которую он взял на себя в театре, он говорит, что он это делает без указания каких бы то ни было сроков выпуска, без какого-либо плана в соответствии с общим репертуаром – в этой работе он хочет только “передать себя”, как он выразился. Он очень внимательно остановился на характеристике наших режиссеров, указав, что Судаков признается им как явление глупо враждебное МХАТу, а Телешева и Литовцева ни в коем случае не могут рассматриваться больше, нежели режиссер, занимающийся с актером, постановки они делать не могут, они всегда должны быть в работе с режиссером-постановщиком, напр., Горчаковым. Кедрова он считает прекрасным режиссером, ему не хватает только организационной крепости, а в остальном он очень хорош, прекрасно понимает К.С. и передает его задачи. В.Г. не сказал мне, был ли дан отзыв и об нем, о самом В.Г. Потом он много говорил о Вас. Он сказал, что считает губительным для театра Ваш метод – метод показа, что он сам долгое время как актер был под Вашим сильным влиянием, что сам он поддавался Вашему обаянию режиссера, при этом еще обладающего качествами единственными, неповторимыми режиссера-психолога, социолога, литератора. Но что в 1905 г. он с Вами разошелся, а потом и окончательно утвердился в мысли, что главное в театре – это дать инициативу личности актера, а потому такое подавление инициативы, как режиссерский показ, – это вред, это ломка. В свое время, когда у него были силы, он шел по своей линии в нашем же театре, Вы – по своей. Но теперь, когда у него нет сил, он считает, что все-таки вернее, несмотря на его несогласие с Вашим методом, все в театре отдать в Ваши руки, а он будет, как он сказал, отравлять своим ядом небольшую группу людей, как он это сейчас делает в “Тартюфе”. В.Г. возразил ему, что прежде всего он не знает, что делается в театре, на репетициях, на спектаклях, а во-вторых, во всем, что он говорит о целях, о режиссерах, о театральном искусстве, он не говорит ничего нового, и многое совпадает с тем, что делается именно Вами, но К.С. сказал, что ему достаточно поговорить с актерами некоторыми, чтобы все понять; у него достаточно опыта, чтобы по высказываниям актеров во всем разобраться. А так как ему приходится уступить Вашей линии, то вероятно отсюда и идет, что искусство гибнет. Это, так сказать, по художественной линии. По административной же линии он тоже мрачно смотрит вперед, потому что считает, что Ко-

митет не может руководить театральным искусством, потому что для этого нужно глубокое понимание искусства, большие знания в этой области, нужно носить в себе – не помню, как он это назвал, – то, что Вы называете актерской потенцией. А этого там ни у кого нет. Он это сказал не только В. Г-чу, но и Платону Михайловичу, когда тот у него был, об этом В.Г. узнал от Як. Ос. К кандидатуре последнего К.С. относится резко отрицательно, к Радомысленскому чрезвычайно положительно; на слова В.Г., что Радомысленский в театре ничего не сделал и не делает, ответил, что он не знает, что делается в театре, но в студии Р. сделал очень-очень много, даже – все. Егоров, присутствовавший при разговоре, при этом молчал, потому что Ег. чрезвычайно крепко отвергает Радомысленского, а К.С. с ним не соглашается, думает, что это происходит из-за каких-то личных трений: один помдиректора, другой зам, вот и не поделили чего-то. Поэтому Ег. перестал об этом спорить с К.С., но просил В.Г. рассказать, какое внутри театра отношение к Радомысленскому. Вот примерно все, что мне рассказал В.Г. про визит. Надеюсь, что я все запомнила, впрочем, теперь скоро Вы увидите с В.Г. и он Вам все расскажет.

Возвращаясь к двум вопросам, стоявшим выше, хочу сказать, что Комоловой сегодня в Пестове нет, она уехала на выходной в Москву, Вас. же Гр. сказал, что Лесли с ней занимался и показал ему, и он с ней повел занятие, но что, надо думать, в Париже сыграть ей не придется, хотя Лесли собирается заниматься с ней на пароходе. Лесли же сказал, что непременно хочет подзаняться на пароходе, а на том показе она В. Г-чу понравилась (Лесли сейчас тоже в Пестове, на несколько дней). Когда придет Комолова, я ей скажу про Ваш запрос.

И еще подробнее о декорациях “Врагов” я расспросила: из-за спешности отправки двух пьес в Москву не хотят терять времени даже на погрузку и выгрузку третьей пьесы, не нужной на фестивале. Поэтому декорации “Врагов” пойдут из Франции на пароходе в начале сентября, когда будет отправляться в Москву Красноармейский ансамбль⁵.

О наших делах что же сказать – “Земля” дорабатывает свои последние дни, 22-го предполагается еще раз пройти всю пьесу, в эти дни все репетировали сцены Сторожева и Антонова в связи с замечаниями. Вчера сюда приезжали и Орловский, и Квантк., и Саврасов, и Поляков. Это было связано и с желанием рассказать о звонке из Парижа (Федя), и с организацией пошивки костюмов. Федя сообщил подробности о круге, об оркестре, об отеле. Предполагается для всех снять один отель, близ театра. Правда, расход превышает смету, но, как говорит Орловский, это обойдется. Расход на оркестр тоже превышает смету, и Феде сказано, чтоб попробовал уложиться в меньшую сумму. По просьбе Феде и Грем., Титов, Готтих и Изралевский выедут раньше нас, на днях, поездом.

Пошивке костюмов придается большое значение, есть решение, чтобы все ехали в достаточно респектабельном виде⁶. Но мастерская, принявшая заказ, отказалась сшить в данные сроки, хотя материал мы

получили, и теперь будет сделано так: на какой-то фабрике готового платья отобраны 50 мужских костюмов, которые будут пригнаны по фигурам. Завтра для этой пригонки специально 17 человек из репетирующих в Пестове выезжают в Москву. Женщинам выдадут деньгами. Кто получает до тысячи, получит 650 р., до полутора – 350. Каждый едущий в поездку может получить ссуду сейчас в 1 000 р., и вот получающие на экипировку по 650 и 350 р. будут гасить не всю ссуду, а разницу.

Упаковка театрального имущества уже закончилась, описи на русском языке сделаны, теперь надо их все перевести и перепечатать по-французски. Думаю, что последние дни в Москве будут очень хлопотны и суетливы. Постараюсь до отъезда в Ленинград написать Вам еще раз.

Да, вместе с нами, поездом, выезжает Тренев. Ник. Дм. очень хотел, но не вышло. Тренева я видела на днях в Москве, он горевал, что Вы не прислали отзыв на его пьесу, ему бы это было важно⁷.

В Москве же мне передали пакет на Ваше имя от Керженцева – пьеса Погодина для дачи отзыва. Я позвонила секретарше, объяснила, что Вас нет, и послала пьесу обратно.

На Ваше имя из Лондона пришло письмо от Кугульского и пакет с образцами проспектов-реклам о разных гастролирующих компаниях. Он прислал их как образцы, предлагая при этом издать книжку к гастролям МХАТ. Я ему не отвечала⁸.

Наша книжка печатается и вероятно будет погружена вместе с нами на пароход – так планировалось⁹.

Большое спасибо Вам и дорогой Ек. Ник. от меня и Жени за добрые приветы. Мы от всей души желаем Вам всего самого прекрасного и приятного.

Ваша Ольга Бокшанская

344.

22 июля 1937 г. № 12. Пестово

Милый Владимир Иванович!

Сегодня мы живем здесь последний день, завтра утром придут автобусы и увезут в Москву всех едущих в Париж. Еще сегодня днем многие самостоятельно уедут, т.к. работа, собственно, кончается сегодня. Работа заканчивается не совсем так, как было намечено по плану. В последние два дня сорвались репетиции, потому что у Хмелева случился сильнейший прострел. Припадок у него случился во время репетиции, и это ужасно напугало всех. Он репетировал, как-то резко повернулся или нагнулся по ходу действия и вдруг закричал от боли, чуть не упал. Переполох был сильнейший. На беду и Иверова не оказалось, он только через некоторое время, к вечеру, ожидался из Москвы. Хмелева уложили в постель, грелки, приехавший Иверов сделал впрыскивание. Конеч-

но, у него и у всех началась некоторая паника – как же с Парижем, если у него что-то серьезное. Лесли тотчас же начал беседу с Кедровым по роли Каренина. Теперь можно сказать, что дело идет на поправку. Иверов считает, что прострел Хмелев схватил из-за своей ревматической склонности, да притом у нас ведь больше двух недель дожди и холод. А вот последние три-четыре дня жарко, солнечно, совершенно упоительные дни. И Хмелев стал поправляться. Однако он здесь пролежит до 24-го минимум, чтобы его можно было вывезти, не причиняя ему в пути сильных болей. Вчера я навещала его – он много оживленнее. Этот случай смешал план репетиций. За эти дни порепетировали что можно без Хмелева, вчера до обеда репетиции закончили; после чая – обычно тут до ужина репетировали – все были свободны, а сегодня с утра началась прощальная, напутственная беседа, после чего некоторые и начнут разъезд из Пестова.

Вчера вечером приехали из города Сахновский и Калужский, привезли ряд известий. В.Г. был в Комитете, говорил с Як. Ос., который просил передать Горчакову и Леонидову, что Комитет признал проделанную в Пестове работу весьма удовлетворительной и показывающей большой сдвиг и в смысле общ.-полит. сознания театра. То, что театр придавал такое значение этой постановке, что работал летом, что театр искал и нашел пьесу к юбилею, что актеры работали так интенсивно, – все это рассматривается не только в Комитете, но и выше с большим вниманием и высоко оценивается. Об этом просил он передать и исполнителям¹. По линии театра все в порядке в этой работе, единственно, что еще нужно сделать режиссуре – это еще до открытия будущего сезона добиться от Вирты нужных дописок и поправок, тем более что Репертком Васильевский заявил, что он категорически будет настаивать на проведении в пьесе всего, что требуется сделанными на просмотре указаниями. Вирта не заработал себе ничего хорошего за то, что тогда пренебрег показом в Пестове ради командировки “Правдой” на Волгу или Каму для написания фельетона. Считается, что “Земля” есть первоочередная задача, а с фельетоном можно было и подождать.

Из других новостей московских знаю следующие: К.С. отвезен в Барвиху, про Мар. П. точно не известно: В.Г. говорит, что она туда не поехала, а Лид. Мих., сидящая в Пестове, сообщила кому-то, что М.П. уехала.

Да, я еще хотела дописать к тому письму о свидании В.Г. с К.С., что все-таки у К.С. осталась неспособность владеть ногой, он на нее не наступает и передвигается по комнате с трудом, держась за мебель. В.Г. спросил Ник. Вас., как же К.С. ходит в другие комнаты, и узнал, что либо с палкой, либо его ведет сестра милосердия, один столько он пройти не может. И еще я Вам тогда не написала, что был разговор у В.Г. и относительно управления театром, и К.С. сказал, что хотя М.П. и вел себя в отношении его так, как будто Станиславский уже не живет, умер на прошлой неделе, но все же он считает, что театру без партийного директора обойтись никак нельзя. Он говорит, что если будут два зама, Н.В. и В.Г., то все равно тогда Вл. И-чу придется директорствовать, а

на это его тянуть жалко, обидно занимать мозги и время Вл. Ив. делами управления, надо вбирать от него знания только по худож. части. а если Вл. Ив. тянуть на директорство, то его скоро доведут вот до такого состояния, в каком находится он сам, К.С.

Снова возвращаюсь к московским новостям. Есть сведения, что директора мы получим только после возвращения из Парижа, кто же с нами туда поедет – пока не установлено, возможно, что Пл. Мих. Ему, во всяком случае, отпуск задерживается – то ли для того, чтобы он поехал с нами, то ли для того, чтобы он до конца был здесь, пока театр не будет весь отправлен. Дело отправки проворачивается медленно. Кое-какие сюрпризы еще получены. Не поедут Нина Валер. и Красковская. В.Г. намечает такие замены: за Н.Вал. слова должна говорить Полонская или Варзер, а прибавить даму можно Базарову. Карташову он думает дать Литовцевой². Предполагается, что завтра, когда В.Г. вернется в Москву, он еще узнает кое-что по списку едущих, но не по худчасти, там, кажется, теперь все установлено, а по администрат. Сегодня из Москвы в Ленинград выезжают 17 человек по постан. части для погрузок. Паспорта еще не получены, если их не дадут утром 25-го, прямо не знаю, когда же успеют наложить французские визы, без этого ехать нельзя, а 25-го вечером выезд в Ленинград всех пароходников. Пароход называется “Дзержинский”.

Был у В.Г. разговор с Як. О. о кандидатуре на директорство. Як. О. на прямой вопрос ответил, что не он, это можно точно и твердо сказать. Что он был бы и сам очень рад, мечтал об этом, но не он, нет. Кто – неизвестно. Не только про нас неизвестно, но и про другие театры. Известно только, что нашего Орловского назначают директором в Театр оперетты. Это всех пестовцев ужасно развеселило почему-то.

Распределение квартир на Мясницкой улице наконец в театре проработано и отправлено в Комитет; вероятно, там это будет до завтра рассмотрено, и еще до отъезда в Париж мы получим ордера на право въезда. Если успеем – въедем туда перед самым отъездом, если нет – тотчас же по возвращении. Думаю, что последнее будет ближе к истине – вряд ли все это возможно “провертеть” в той суতোлке, кот. нас ждет в ближайшие три дня.

Телеграмму о фрачной паре получила и передам Мише, он приезжает 24-го. Пересылаю пришедшее сюда письмо от Рудольфа Таубе, Вашего кратковременного секретаря, моего предшественника.

Денежные наши распределения в Париже нам до сих пор не известны, есть только сведения, что заявки срезаются и ужимаются.

Я не уверена, что мне удастся еще раз Вам написать, милый Владимир Иванович, из Москвы: там, вероятно, будет большая гонка. И вряд ли письмо дойдет раньше, чем я Вас увижу. Поэтому – до скорого свидания³, милый Владимир Иванович, желаю Вам приятно провести последние дни отдыха. Самый нежный наш привет Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Вас. Гр., вернувшись, сказал мне, что Вы просили дать Вам передышку, не писать Вам о делах. Я так и сделала – тем более что и машинки у меня не было: она ведь уехала в Париж и возвращалась со всем багажом, который прибыл в Москву только 7-го в ночь. Тут уж было страшно не из-за машинки, а из-за фестивальной “Карениной”, которая шла 8-го; предполагалось, что груз придет в ночь на 7-е и весь выходной день можно монтировать. Пароход запоздал на сутки, из-за этого вышла задержка. Утром 8-го, когда я пришла в театр, в бельэтаже стояли корзины, пахло нафталином, и портные разносили по уборным костюмы – как видите, времени для подготовки спектакля было в обрез. И все-таки все сошло почти-почти благополучно. Была накладка после “Бологого” – бархатный занавес пошел, и его заело на середине – дали полную темноту, занавес с “чайкой” и небольшой свет в зале; перерыв в картинах первой и второй был в несколько минут. Дальше все перемены шли гладко. Спектакль начали с небольшим опозданием (сцена была готова только в половине, Прудкин еще позднее, так что начали в 7.42), в 4-м акте обе сцены у окна были изъяты – и все-таки кончили только в 12.10. Вот и ясно Вам, насколько затянулись перемены из-за отсутствия монтировки. По причине позднего прибытия багажа невозможно было приладить костюмы на всех московских исполнителей, и чтобы не вносить путаницы – В.Г. распорядился, чтобы играл парижский состав за исключением тех, что был занят в параллельном “Кречете” (напр., Титова), и чтобы фрейлину непременно Гаррель – ей успели приладить костюм. Я смотрела весь спектакль и должна сказать, что осталась патриоткой первого состава, московского. Мне показалось, что восемь парижских спектаклей мало прибавили к тому, что было показано здесь на репетиции перед закрытием сезона. Той атмосферы, которой Вы добились с первым составом, как мне показалось, здесь все-таки нет. Такое же впечатление было у смотревшей рядом со мной Л.М.Кореновой. Мы обе пришли к убеждению, что, напр., Шостко, сидящая в театре в ложе вместе с Андровской и Молчановой, несмотря на то, что те две законченные актрисы, а она начинающая, – ведет свою линию и четче, и ярче, и значительнее. Вообще же мне показалось, что спектакль шел не на пятерку. Многое шло от Тарасовой, которая показалась мне несобранной (правда, трудно было собраться, она приехала в Москву накануне утром и вряд ли даже успела подумать за полтора суток пристально о роли), неглубокой и – в стремлении “играть” – потерявшей глубину и искренность. Ужасно много жестикуляции, руки ее начинают мешать и раздражать уже с середины спектакля. Хмелев разыгрался особенно к концу – сцену последнего акта он провел блестяще. До этого – неровно, “Шпильки”¹ прекрасно, “Примирение” не дотянул... Больше сцен было

недотянутых, как мне показалось. Прудкин, как мне показалось, застрял на месте, и потому впечатление, что он стал менее интересен.

После спектакля Як. Ос. говорил о том, что изъятие двух картин улучшает спектакль и что, по его мнению, есть еще лишние картины, напр., “Самоубийство”, которое расхолаживает впечатление, остающееся после “Примирения”.

Не знаю, может быть, я придираюсь, но мне показалось, что появились какие-то новые “парижские” черточки в исполнении. Не идет ли это от стремления сделать спектакль, роль понятными для иностранцев? Спектакль имел хороший успех, но не больше. Вот я сейчас отправилась в кабинет Маркова, чтобы проверить свое впечатление, и там услышала то же. Виленкин смотрел весь спектакль, Марков пришел к концу – и оба так же оценивают успех, и Вил. так же говорит об исполнении. Я все боялась, что я требовательно критикую.

После картин аплодировали только трижды: после “Скачек”, “Примирения” и “Разрыва”, где Тарасова неожиданно нашла те краски, которые Вы в свое время ей дали: будто она вдруг опомнилась и нашла старый рисунок роли. После актов были обычные аплодисменты, после конца занавес дали 5 раз и в шестой трое актеров вышли поклониться перед занавесом.

Партер был впереди заполнен иностранцами, русские попадались случайно, но ярусы и амфитеатр были полны русскими, хорошо реагиовавшими на текст, к зависти непонимающих языка, – напр., в сцене с адвокатом.

Сахновский записал в протоколе, что необходимы репетиции “У Бетси” и “Скачек”, где многое смазано, пропускаются целые куски. Не знаю только, когда он успеет это сделать: завтра вечером он уезжает в Киев числа до 16-го – его оттуда вытребовали с такой настойчивостью для выпуска “Бесприданницы”, которой, кажется, там открывается сезон, что Як. Ос., сам того не желая, принужден был его отпустить. А “Каренина” идет 12-го и 17-го, – может быть, В.Г. поручит Лесли провести беседу-напоминание о кусках и задачах?

Я как-то сразу взялась писать Вам о вчерашнем спектакле, хотя собиралась начать в хронологическом порядке: с встречи на Белорусском вокзале. Нет, даже раньше – Вы, вероятно, не знаете подробностей последнего приема в Париже 26-го авг., и Евг. Вас. порекомендовал мне расспросить свидетелей и написать Вам. Вот что мне рассказал Марков. Прием был в торгпредстве, залы которого плотно заполнили наши и советская колония. Был предложен скромный, но милый ужин. Очень взволнованно говорил Гиршфельд – о том же, о чем всегда говорил Суриц, о значении приезда театра для теснейшей связи с Францией, с Западом. Ему отвечал Судаков – с какой-то стороны хорошо (в смысле силы темперамента), с какой-то плохо (в смысле страшной похвальбы Худ. театра: мы сделали то-то, мы добились того-то...). Затем произошел конфуз с Топорковым, который вдруг выступил и начал так: “Я как

представитель “Вечерней Москвы”...” В зале раздался сильный хохот, но оратор не смутился: “Меня просили, чтоб при переезде границы я тотчас дал корреспонденцию газете...” – хохот пуще. “Вот я ее приготовил и хочу вам прочесть: “Мы подъезжаем к советской границе...”” Тут хохот стал таким оглушительным, что Топорков сел на место, заявив, что он понимает, что ему не удастся выступить. А Дорохин, ведущий программу, подхватил веселое настроение в зале и сказал: “Так как первый номер программы уже состоялся, то я объявляю, что вторым номером программы будет...” – и пошла программа, которая вскоре должна была закончиться из-за шумного и развеселившегося зала, не слушавшего выступлений. Успел выступить с громадным успехом Качалов, прочитавший “Скифы”, дальше кто-то из наших вокалистов спел, Кудрявцев читал что-то из Беранже, это уж под шум. Рейзен пел с залом “Дубинушку” – тут уж не шумели, а пели.

Обратная дорога была очень утомительна – две ночи без спальных мест, вагоны за это время никто не убирал, – все приехали такие грязные! Они вздохнули с облегчением только в Негорелом, когда попали в международные и мягкие вагоны наши. Денег для еды на обратном пути не было, все закупили продовольствие в Париже, два дня на сухоматке – говорят, надоели парижские паштеты и сыры немало. В Негорелом на таможне были осложнения, кот. еще до сих пор не разъяснены; говорят, что отобранные вещи будут возвращены под пошлину, но пока и этого нет. Осложнения эти вызвали, конечно, волнения, – тем более что все это шло в быстром темпе и пострадавшие с трудом успевали засунуть вынутые из чемоданов вещи обратно и попасть в вагоны. Посадка прошла, как говорят, безобразно, несмотря на то, что специально для этого туда поехали от театра Чацкий и Костряков – ничего не было сделано, места не распределены, никому никаких указаний, в какой вагон садиться, кто с кем едет. Поэтому около вагонов сразу образовались толпы – представляет себе, 150 человек, измученных дорогой, волнующихся от таможенных дел, темпераментных, несдержанных! Правда, когда поезд пошел, то все как-то рассортировалось. Но тут следующая неприятность: от неумеренного питья сильно захмелел Ливанов и пошел “хамить” – ходил по вагонам, приставал, ругался и кончил грандиозной стычкой с Изралевским, которая до сих пор не ликвидирована. Изр. грозит раздуть историю. если Лив. не вывесит публичного покаяния, Лив. всячески отбрыкивается. Предстоит, говорят, товарищеский суд, на котором Ливанову, конечно, не поздоровится, потому что все товарищи против него озлоблены чрезвычайно. А Лив. говорит, что если назначат суд, он уйдет из театра, потому что предчувствует, как на него все обрушатся. Впрочем, вряд ли ему позволят уйти из театра, это не так просто, как он думает. Даже на следующее утро, подъезжая к Москве, Лив. не отошел от своего состояния и был на вокзале, по крайней мере, “странен”, к ужасу встречавшей его жены.

Теперь о встрече. Она была грандиозная по количеству людей на

перроне и цветов в их руках. Два оркестра музыки гремели так, что первые объятия при встрече сопровождались не словами, а мимикой. Все ужасно волновались – и встречающие, и прибывающие. Я, конечно, так занялась встречей с Евг. Вас., что только на следующий день по газетным снимкам и заметкам узнала, что среди встречавших были Керж., Громов, Данилин², что даже Хмелев произнес какую-то короткую речь. На вокзале было настоящее столпотворение, и мы постарались поскорее сесть в машину, на которую получили ордер, прежде чем ее перехватит кто-нибудь другой. На след. день днем мы были в театре, куда заходили отдельные приехавшие, а худож. администрация встретила для первых решений деловых, а потом с Евг. Вас. и Ершовыми мы поехали в наш дом отдыха Пестово, куда еще с утра уехали Станицын с Гаррель, а после нас приехали Сахновские. Там мы чудесно провели вечер и весь следующий день, 1-го сентября.

Со 2-го начались репетиции, для меня – работа, с 4-го пошли спектакли. За эти первые 8 дней наметилась такая организация худож. части: В.Г. будет ею заведовать, причем поставил условием, чтоб у него были им выбранные помощники: по заведованию труппой и репертуаром – Евг. Вас., по разным поручениям – И.М.Раевский, для которого искали названия должности и остановились на звании помощника Евг. Вас-ча. Пока что распоряжения об этом нет, но говорят, что скоро такое распоряжение будет. В.Г. уже говорил с Топорковым о предстоящей перемене, а Евг. Вас. теперь уж выполняет всю ту работу, которая ему уготована по заведованию труппой. И Раевский уже в работе, – словом, распоряжение выйдет позднее, чем они начали работать. В.Г. много общается с Як. Ос., кажется, с неизменным удовлетворением для обеих сторон. Вместе с Як. Ос. сюда пришла работать его давнишняя секретарша Дина Сергеевна Андреева – очаровательная дама и великолепная работница. Ал. Моис., как мне сказали, дважды была в театре, была у Як. Ос. – надо думать, что приказ об ее отчислении уже заготовлен. Относительно Ник. В. вопрос одно время стоял чрезвычайно определенно: я слышала, будто был даже заготовлен приказ о переводе его на пенсию, который предполагали опубликовать в первых числах сентября. Но потом сказали, что это дело откладывается и что пока в отношении его будут приняты все меры, чтобы изолировать от всяких дел в театре. Теперь опять был разговор, что все-таки с ним удастся расстаться и перевести на пенсию. И квартиру ему дадут на Мясницкой – только бы ушел из театра. Я думаю, что если пошли вот такие колебания – то его переводят на пенсию, то откладывается это, – то это потому, что, вероятно, Н.В. принимает какие-нибудь меры. К.С. сейчас с Мар. П. в Барвихе, никто о нем ничего не знает, только Коренева вчера со слов Киры мне сказала, что он все время, говорят, в очень дурном настроении, сердитый, всем недовольный, и потому плохо себя чувствует. Думаю, что это он все переживает назначение Я.О. Рипси пока его не обслуживает, да и в театр не ходит – хоть и лечилась все лето, но еще недостаточно здо-

рова. А что с ней – никак не узнаю. Впрочем, к телефону она подходит, тут мне пришлось раз позвонить по короткому делу. Я знаю, что 4-го сент. к К.С. ездила Книппер, ее туда очень звали, вероятно, интересуясь поездкой и новостями. После ее визита в Барвиху я ее не видела.

Вот что просил Вам написать В.Г. в первом же письме: он имел разговор с Як. Ос. о репертуаре, и тот ему сказал, что самым важным моментом является выбор пьес для юбилея театра. Юбилею этому придается не меньшее политическое значение, чем поездке МХАТа в Париж, так что юбилей этот не будет интимным делом театра. И обязательным считается, чтобы в юбилейные дни пошли два новых спектакля – здесь и в филиале. В филиале желательна современная пьеса, если достойная будет найдена. Из современных сейчас нам сильно рекомендуется пьеса Рахманова “Беспокойная старость” на тему киносценария “Депутат Балтики” (из жизни Тимирязева). Пьесу читали Марков, Сахн., теперь она передана Москвину. У В.Г., кажется, крепнет предложение Вам дать на основной сцене в юбилей “Горе от ума” – очень хорошо раскладывается спектакль. Но, конечно, самое важное – какие планы привезете Вы.

Этот месяц у нас окрашен массовыми переездами на новые квартиры. Множество актеров переехало в новый дом в Глинищевском, многие, но еще не все, переезжают в надстройку на Мясницкой (Кировской), где все в таком беспорядке, что берешь под сомнение порядочность строителей. Мне придется переехать туда завтра, потому что кончается мой контракт на снятую квартиру. А там до сих пор вода идет нерегулярно, преимущественно ночью, в квартирах десятки недоделок, стекла кой-где выбиты, электричество не проведено полностью, вентиляция не закончена и т.п. Делать нечего – обрекаю себя на долгие дни неналаженной жизни.

Спектакли пошли без особого подъема – все-таки надо сказать, что актеры порядочно устали, и то, что не было отдыха, не было поездок на юг, к морю, – чувствуется. К тому же у большинства масса забот с новыми квартирами и переездами – ведь это настоящее переселение народов получилось. Рассеянность в спектаклях сказалась сразу – не пришли на спектакли по невниманию двое актеров. Как ни неприятно было это Як. Ос-чу, – ему не хочется быть свирепым директором, как он сказал, – приходится объявлять строгие выговора. Зато тут же будет объявлена благодарность Пилявской, которая, играя Ночь, ступила мимо лестницы, упала и расшибла себе ногу и голову в кровь, но даже не вскрикнула и, несмотря на испуг и боль, доиграла картину, так что публика ничего и не заметила³. Кроме официальной благодарности, кажется, Як. Ос. хочет ей послать от себя письмо и цветы.

Вот по посылаемой Вам выписке должен выйти грозный приказ. По этому делу Як. Ос. вызывал к себе Халютину, режиссуру, Сахновского и Калужского. Однако Соф. Вас. и при этом разговоре вела себя не без странностей, крепко стояла на своем праве такими способами бороться против всех обид, наносимых ей в театре, начиная с первых лет

его существования. Як. Ос. намерен издать распоряжение, что она снимается с роли Горностаевой и ей объявляется строгий выговор с предупреждением, т.е. взыскание последнее перед увольнением⁴.

Были всякие сложности с Шевченко, которая, прожив на отдыхе в ЦИКовском доме Тетьково два месяца, пожелала на месяц отправиться в Барвиху, т.к. она чувствует себя недостаточно отдохнувшей и окрепшей. Сахновский хотел было настоять на том, чтобы она была водворена на место работы, но она одолела Я.О. телефонами, и теперь решение такое: она остается в Барвихе и сыграет только для фестиваля сегодня Дуньку и завтра “Гор. сердце”, после чего отпускается до конца месяца обратно на отдых, а 11-го Дуньку уже играет Лабзина, за которую в тот же день в “Пиквикском клубе” сыграет Пилявская роль Мэри. Отпущен на месяц в санаторий под Москвой “Узкое” Ник. Аф., который в августе пробовал отдыхать в Пестове, но заболел там и должен был уехать. Больше как будто больных нет. Вчера мы было испугались – перед самым спектаклем дали знать, что Станицын и Гаррель отравились сосисками, просят прислать врача. Туда поскакали и Иверов и Калужский, и, к счастью для “Карениной”, болезнь быстро ликвидировалась, они оба благополучно сыграли свои роли.

Пока что у В.Г. столько дела, что, может быть, у него и есть новости для Вас, но он не успевает мне их рассказать – он сильно занят, всегда второпях. Попробую захватить его для разговора нынче вечером или завтра, до его отъезда. Он ведь тоже из числа переезжающих – он уж переехал в квартиру Вишневого в доме Ностиц. Если что-нибудь узнаю – напишу.

Владимир Иванович, в последнем тираже Ваша одна облигация выиграла, правда, немного: она трехсотрублевая, а за нее выдали 450 руб. – 300 в погашение цены облигации и 150 р. выигрыша. Я получила уже деньги и положила на Ваш текущий счет.

Я не знаю, нужно ли послать Вам расписание репетиций, они все сводятся к следующим: “Земля” и повторение пьес, входящих постепенно в репертуар. Кроме “Земли” ведь новых пьес нет. А репертуар посылаю.

Милый Владимир Иванович, не слишком ли много я отняла Вашего внимания? Ольга Евс. сидит около меня и говорит: “Пожалуйста Владимира Ивановича! Разве можно столько писать!”

Жду Вас поскорей сюда и вместе с тем очень хочу, чтобы Вы как следует отдохнули. Все говорят, что Вы ужасно много работали и сильно устали в Париже.

Пав. Ал. просит Вам передать, что он деятельно занят делами Муз. театра, в которых разбирается, и на днях продиктует мне обстоятельное по этому поводу письмо к Вам.

Желаю Вам всего хорошего, милый, дорогой Владимир Иванович, и очень прошу Вас передать мой нежный привет Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Примерно 4 дня ушло у меня на переезд и устройство (весьма относительно) на новой квартире. 10-го днем это началось, 11-го я еще смогла днем прийти в театр, потому что не все вещи были перевезены, а в следующий раз машину мне дали 12-го, и в этот день 12-го, и в выходной наш 13-го повозилась я много. Когда вчера пришла в театр, мне показалось, что я целую вечность тут не была и ничего не знаю о наших делах. Спешно стала расспрашивать. Вчера же получила Вашу телеграмму, – спасибо, так приятно получить от Вас хоть две строчки.

Теперь расскажу Вам о наших делах – как это ни жалко, довольно безрадостных. Была одна крупная неприятность на фестивальном спектакле “Яровой”. Спектакль шел благополучно, имел хороший успех. И вдруг в финале злейшая накладка: приводят Ярового, Кошкин говорит: “Ну, вот и встретились...” – и в это время идет занавес. Публика, конечно, вскакивает, кто аплодирует, кто бросается к выходу. Занавес доходит почти до своего соединения, но потом снова раздвигается и пьеса доигрывается до своего законного конца. Но, конечно, финал смазан совершенно безобразно. Волнение за кулисами было большое, старались узнать, кто же виноват. Примерно выходило так: рабочий на занавесе утверждал, что сигнал на занавес зажегся и потух, он дал занавес. Стоявший около него Гжелский, увидев это, схватил его за руку, останавливая, рабочий растерялся и, желая дать занавес назад, схватил не за ту веревку, а за ту же, которой дается занавес к закрытию, и занавес пошел так далеко, и распутался рабочий с веревками уж тогда, когда занавес почти был закрыт. Суфлер и Гжелский уверяли, что сигнала не давали. Накладка эта продолжилась еще и дальше: в театре к концу спектакля не было ни Я.О., ни В.Г., и никто их не известил об этом происшествии. Правда, у В.Г. тогда еще не был поставлен домашний телефон, но он же живет почти рядом, а Я.О. ни Федя, ни Судаков не уведомили. И было так, что Я.О. узнал об этом на след. день, сидя у себя в кабинете, – когда к нему позвонили из ЦК с запросом, в чем же было дело. Вот тут Я.О. взялся за разбор этого дела с большой энергией, были опрошены все причастные к этому делу, вплоть до зав. постановочной частью, которых к их большой обиде сильно обвинил Суд. в своей записи в протоколе спектакля¹. Картина вырисовывалась такая: свидетелями установлено, что был дан, а затем погашен сигнал от суфлера Вольнского. Рабочий по этому сигналу дал занавес было, но если б помрем Гжелский с меньшей паникой его остановил, то он успел бы выбрать занавес тогда, когда он сдвинулся не на много. Предполагаются такие меры взыскания: суфлера Вольнского на месяц отстранить от права ведения спектаклей (пользовать только в репетиц. работе), Гжелскому строгий выговор, рабочему выговор. Эта история чрезвычайно огорчила и волновала Я.О.

Шевченко играла только в первой, фестивальной “Яровой”, и то хрипела. Но, несмотря на хрипоту, она сыграла и “Гор. сердце” на следующий день, после чего отбыла в Барвиху, а 11-го Дуньку играла Лабзина. В тот день из-за переезда я не смогла быть на спектакле. В протоколе Раевский сделал прилагаемую запись. Я же пошла смотреть Лабзину вчера и не получила удовлетворения. То ли Шевченко приучила нас к чрезвычайной яркости, даже грубости исполнения, то ли я слишком требовательна, но мне Лабзина показалась бледной, малоинтересной в смысле характерности, у меня все время был вопрос: кого же она играет? Прислуга? – нет. Жадная спекулянтка? – нет. После спектакля ко мне позвонил Раевский с вопросом о впечатлении и был огорчен моей критикой. Он всегда так любит своих актеров, что всегда ими доволен, а мне кажется, что и Дунька такая же поверхностно взятая, как и Горностаева у Кнебель. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Раевский, при всей его добросовестности при вводах, не способен выгнать у актера самое интересное, что в нем есть, не заражает актера, но, повторяю, самым честным образом делает все свое лучшее (ту сон мьё – как смешно это выглядит написанным по-русски). Бедняжка Лабзина, уже которую роль она играет вот так с кондачка, и все как-то поверху – потому что приходится ей с разбега попадать в спектакль: и в “Яровой”, и в “Талантах”, и в “Грозе”². И получается, что когда она играет в первый раз, все хвалят – вот хорошо! А потом, для постоянной игры, не на замену, получается уж не так интересно.

В спектакле “Яровой” 11-го была досадная накладка: Попов вышел на сцену в 1 акте раньше времени и сорвал всю сцену Яровой и Пановой³. Вообще, работа вся как-то не клеится, не наладилась. Например, вчера Андровская сорвала репетиции “Фигаро” и “Грозы”, – она накануне выходного уехала в Снегири к Баталову (который очень плох), а вернулась 14-го только к спектаклю, не приехав с утра на репетиции. Есть неприходы на репетиции, опоздания – как-то не гладко катится работа.

Я.О. не объявил того распоряжение о Халютинной, которое предполагалось выпустить, но на словах сказал Калужскому, чтобы назначать Кнебель на “Яровую”. Не знаю, может быть, и это свое устное распоряжение он отменит – Евг. Вас. хотел его по этому вопросу переспросить. Возможно, что он ждет Вас, чтобы вместе решить дело. Нет также распоряжения и об управлении худож. частью, об освобождении от заведывания Топоркова – может быть, и тут Я.О. ждет Вас? Сегодня он спросил Евг. Вас., когда Вы предполагаете вернуться. Евгений сказал, что есть телеграмма, что Вы 17-го в Берлине, вероятно, вернетесь числа 25-го. Так мне и Миша предположительно говорил.

В день, когда я написала Вам письмо предыдущее, Я.О. вечером зашел к нам в комнату посмотреть, как мы тут поживаем, поглядеть, какие кабинеты занимают Сахн. и Марков. Попутно он сказал мне, что собирается Вам написать, откладывает только до тех пор, когда более ясными станут репертуарные предположения. Как я поняла, он собирался писать Вам именно о “Горе от ума”, о “Беспокойной старости”, об юбилее – то, что я тогда Вам написала.

“Беспокойная старость”, надо считать, отвергнута. Было собрание у Я.О.: Москвин и Книппер. Оба, особенно Книпп., резко отрицательно отозвались о пьесе. Москв. сказал, что предпочитает приготовить Бульчова – это и ему интереснее, и театру.

Последние дни Ол. Леон. была нездорова, не выходила, так что даже на 12-е (“Каренина”) попросили Мар. П. приехать из Барвихи играть, чему М.П. очень обрадовалась⁴. О.Л. вылеживалась для сегодняшнего “Вишн. сада”, но до конца ей вылежаться не удалось: вчера пришлось поехать к брату, Нардову, у которого умерла жена.

Ливановская история еще не кончилась, – вчера на собрании сочувствующих Я.О. сказал, что на днях будет разбирательство и что напрасно Лив. не понимает серьезности дела и того, что он не только себя замарал, но и весь коллектив.

Я.О., а за ним и Федя озабочены необходимостью сделать ряд перемещений некоторых отделов театра. Необходимо переселить куда-то Н.В. и Рипси, комендатуру (под Фединой конторой), местком, самого Федю, словом, нужно подыскать в нашей тесноте помещение для многих отделов и людей. Не знаю только, в какой срок все это нужно сделать.

Дней десять уж здесь живет Бродский, он ехал из Кисловодска и остановился здесь по делам издательства. Идут переговоры и нужно зафиксировать (Я.О. пока не подписывает) решения о выпуске в нашем издательстве книг – о “Карениной” и к 40-летию театра. В книгу о “Карениной” предполагается включить Ваши статью и письмо, затем В.Г. должен написать большую статью о работе над спектаклем (на 4 авт. листа), Волков – о работе драматурга-инсценировщика, кусок из стенограммы Вашей репетиции и примерно 30–32 фото. Книга к 40-летию должна быть написана Марковым – статья на 20 авт. листах, остальной материал: фото, список труппы за 20 лет, список сыгранных ролей. Кажется, от окончательного решения Я.О. удерживают материальные соображения, не дорого ли это обойдется. По остальным нашим спектаклям хотят тоже выпустить книжки, одна такая приготовлена администратором нашего филиала Чацким, к “Мертвым душам”. Вероятно, и все остальные книжки к спектаклям будут поручены Чацкому.

Ввиду того, что снова начались нажимы на нас из-за стоящего закрытым в наши выходные дни нашего театрального помещения, Я.О. поручил литчасти разработать программу литературных вечеров, которые можно будет давать в наши выходные дни в помещении основной сцены. В первую очередь намечен вечер Качалова и от него есть телеграмма о согласии. Намечается 13 и 25 октября. Программа такая: Ричард (леди Анна – Тарасова), сцена допроса из “Николая I и декабристов”, два монолога из “Леса” (Аксюша – Титова), сцена “Берег моря” из “Бронепоезда”. Все эти сцены будут разделены музыкой – пианист Флиер. Этот вечер вырисовывается довольно ясно. Остальные еще обсуждаются и обдумываются. Были предположения о вечере Книппер, составленном преимущественно из произведений Чехова (сцены Сарры

и Львова, сцены с Астровым и с Соней, сцена Маши и Вершинина – Ершова, а если согласится Вас. Ив., то с ним, 1–2 рассказа Чехова), сцены из “Царя Федора” и “Месяца в деревне” с Кореньевой, с присоединением тоже рояля; думали о вечере Чехова и Горького: акт 3-й из “Чайки”, рассказы – Москвин, “Юбилей” с Грибовым, Елиной и др.; “Челкаш” (Блинников и Орлов), “Мальва” (Монахова), сцены из “Егора Булычова” (если на это согласится Леонидов...). Все эти наметки должны быть представлены на решение Я.О., они пока очень приблизительны.

Горчаков вчера пришел ко мне с просьбой переслать Вам его письмо. Хоть почерк у него недурной, но я все-таки переписала письмо для Вашего удобства и посылаю оригинал и копию.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Желаю, чтобы последние дни Вашего отдыха ничем не были омрачены. Сердечный привет, самые хорошие пожелания радости и приятностей дорогой Екатерине Николаевне. Я понимаю, что Вам надо подольше отдыхать, но ужасно хочу, чтоб Вы поскорей приехали – нет хозяина в театре без Вас.

Ваша Ольга Бокшанская

347.

17 сентября 1937. № 3

Милый Владимир Иванович!

Спешу отправить Вам сегодняшнюю статью из “Известий” о Вашем Муз. театре¹. Я не совсем уверена, что в Берлине Вы имеете регулярно московские газеты.

Новостей разительных нет. Очень большая озабоченность в литчasti вопросами репертуара. Сейчас несомненный простой начинается у труппы. Все спектакли текущего репертуара отрепетированы, осталась в работе одна “Земля” – “Тартюф” как-то в расчет не идет. Москвин предлагает взамен предложенной было ему (не блещущей, как говорят, особыми достоинствами) “Беспокойной старости” – “Пазухина”, это его устраивает больше, чем “Булычов”. А Я.О. предпочитает “Булычова”. С “Половчанскими садами” дело стоит, Леонов почему-то уверен, что в последнем варианте пьеса получит разрешение, у Я.О., по впечатлению Маркова, в этом большие сомнения. Завтра Марков идет к Я.О. для обсуждения репертуарных дел.

Дело о Халютинной Я.О. довел до Керженцева, и тот сказал, что неловко одной из старейших актрис делать строгий выговор, да еще с предупреждением, довольно просто выговор. С роли ее открыто не сняли, но в день “Яровой”, при параллельном “Пикнике”, она играет там старую леди, – это делается не столько для наказания Соф. В., сколько из страха, что она может, играя “Яровую”, выкинуть и за кулисами, и на сцене какой-нибудь фортель.

Вас. Гр. возвращается из Киева завтра.

20-го в филиале будут приемные испытания. Говорят, что в этом году очень хороший, даже интересный состав записавшихся. Вацлав Вик., проводивший предварительные разговоры и запись, ждет очень удачного приема в этом году. Предполагалось принять чуть ли не до 20 чел., и вдруг оказалось, что наш промфинплан предусмотрел только 3 вакансии. Як. Ос. обещал устроить в Комитете разрешение на расширение вакантных мест.

Без экзамена приняты из Театра Красной Армии Антонов (муж Алеевой), кот. был во Втором МХАТ, после его расформирования очень стремился к нам, но не попал, а теперь устроился, и Юр.Недзвецкий, 2 года назад было ушедший в Харьков и затем в Киев, а теперь просящийся к нам. Я не уверена, что он все-таки будет у нас, потому что вакансии есть только в вспомог. состав, а он хочет попасть в переменный, в котором был в свое время.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. Получу я телеграмму о дне приезда? Привет самый сердечный дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

348.

23 сентября 1937 г. № 3

Милый Владимир Иванович!

Вчера писала под диктовку Вас. Гр. два письма к Вам, теперь посылаю обещанный список труппы. Вы скажете: хорошо они мне пишут: отдыхайте хорошо! – а сами тут же шлют распределение ролей и список труппы, чтоб я его изучал и думал, кто кого может играть! Вот так отдых! Владимир Иванович, послать список труппы придумала я, и только потому, что я помню – когда Вы видите распределение ролей, Вы всегда говорите: что же я могу сказать, если у меня перед глазами нет общего списка актеров.

Сегодня утром В.Г. с огорчением мне сказал, что по слухам письма воздушной почтой доходят до Вас только на 5–6-й день, и столько ждать ответа очень не устраивает. Я посоветовала ему предложить Я.О. связаться с Вами по телефону и прочитать Вам текст письма, это займет немного времени.

У нас стоит изумительная погода, тепло, солнечно, были даже совсем жаркие дни, сейчас чуть посвежело. Если такая погода простоит до нашего выходного, 25-го, много народа собирается отправиться в Пестово, мы в том числе.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Самый нежный мой привет Екат. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская.

Сегодня в “Сов. иск.” в отделе “В Комитете по делам искусств” помещено сообщение: “Заместитель директора по учебной части Студии им. К.С.Станиславского В.Радомысленский освобожден от занимаемой им должности. Временное исполнение обязанностей заместителя директора по учебной части студии возложено на тов. И.Рафаилова”.

У нас в театре уже с самого начала сезона говорили, что прежде чем получить увольнение из студии, где у него были большие неприятности, Рад. получит увольнение из нашей дирекции. Я.О. говорил об этом так определенно, что В. Гр. сейчас был удивлен, узнав, что такого приказа по нашему театру еще нет. Рад., как говорят, выключен и из парторганизации¹.

В том же номере “Сов. иск.” есть статья Книппер “Неутоленная жажда”, в разделе “Без ролей”. Она пишет о своей неудовлетворенности работой, о том, что слишком рано ее перевели на эпизоды “дам”, что ей хочется играть ведущие роли, как фру Альвинг, Бабушка в “Обрыве”, Аркадина, Кручинина из “Без вины виноватых”, а больше всего хочется сыграть ненаписанную еще “Без современной женщины” не комсомольского возраста и не старухи-резонерки, – “образ женщины, прожившей свою молодость до революции, мир чувств и переживаний которой обогатился событиями первого октябрьского двадцатилетия”.

ОБ.

И еще: в сегодняшнем же “Советском искусстве” есть статья Тальникова в отделе “Трибуна”: “Призвание актера” – о Ливанове. Признавая его одним из способнейших молодых актеров, хваля его за отдельные роли, за отдельные куски из этих ролей, он крепко критикует его: “Ливанов идет от внешней формы образа, а не от внутреннего психологического содержания его...”; “нет художественной и эмоциональной убедительности его в этих образах...”; “сочность хорошая и нужная вещь в театре, но она не должна кричать о себе, не тыкать себя в публику: на, смотри, щупай...”. Критик приводит характеристику Станиславского “наихудшему из всех существующих штампов”, характеристику уничтожительную, и после нее восклицает: “С кого списан этот обобщенный портрет?” О Ливанове в жизни он пишет: “Сейчас актер внешне огрубел” (к слову сказать, мне думается, что и драматический актер, и оперный – не менее чем балерины, – должен относиться серьезно к своей сценической внешности). И кончает статью: “Мне кажется, что Лив. часто играет то, чего он не должен играть, и потому неудачно играет, но что он и в близких ему ролях идет не тем путем, который есть единственно правильный путь в искусстве. Он куда-то упорно уходит в сторону от этого пути...” Да, еще удар по Ливанову есть в строках, где говорится: “Можно заранее сказать, что Лив. не может играть Ромео или Чацкого... И пусть лучше не играет он этих ролей”.

Лив. прибежал ко мне прочитать статью, о которой узнал внизу.

Еще не читая, он захлебывался: “Ну, началось!!! (это он считает, что началось в связи с его неразрешенным инцидентом с Изралеvским). Ясно, что Тальников написал обо мне потому, что я с ним поругался...” Потом он прочел и снова полез на стену. “Я ему отвечу, я найду критиков, которые ему ответят... Я имею такую прессу!” На мои слова, что в статье есть много верного, что вот то-то и то-то он должен признать правильным, – он отвечал, что да, это верно, но тут же раздражался длиннейшими тирадами о недопустимости таких статей, о полном своем несогласии и т.п. Недаром недавно Я. Ос. говорил, что, несмотря на многие его разговоры с Лив., тот никак не может понять безобразности своего поведения в инциденте с Изралеvским.

Несколько дней назад в “Известиях” был фельетон Туров “Отклонения гения”, где сильно прохватали распустившихся и богемствующих актеров, режиссеров, музыкантов и т.д. Как туда не попал Ливанов – чудеса! Марков мне говорил, что он не без труда отвоевал Канделаки, о котором там было написано в связи с его обращением с Над. Фед.

ОБ

349.

27 сентября 1937 г.

№ 4, даже № 5, пот. что были два № 3 подряд

Милый Владимир Иванович!

Начинаю сегодня писать Вам то письмо, которое собираюсь 29-го передать Мише. Может быть, в поезде Негорелое – Москва Вы его прочтете.

Я не совсем уверена, приписала ли я в письме Вас. Гр. к Вам в распределении ролей “Дяди Вани” вторую Соню – Пилявскую. Вас. Гр. дополнительно мне об этом сказал, когда оригинал письма был у Боярского на подписи. На копии я приписала, а про подлинник не уверена. Впрочем, Вы жестоко осудили все распределение, так что прибавка Пилявской вряд ли может изменить Ваше мнение.

23-го у нас снова был неприятный случай с занавесом – на этот раз в филиале. Шли “Таланты и поклонники”, и на финале занавес вдруг не пошел, хотя до того с начала сезона ходил безотказно. Помощник не растерялся и дал запасный – только ужасно неподходящий: рисованный из “Пиквика”. Когда его подняли на первые же аплодисменты, то дальше обычный, чаечный занавес пошел, и потом его давали на все вызовы, и потом пробовали по многу раз, и все было благополучно. При проверке оказалось, что порталый брусok был меньше требуемой длины на 25–30 см. В прошлом году этот брусok был такой, какой нужно. Недоглядку по этому делу поставили на вид машинисту сцены Юркину, и на этом дело закончилось.

28-го в половине 12-го назначен конкурс, на который допущено 25 человек. В этом году было так: предварительные испытания, на которые было записано свыше 500 человек, дали отбор в 75 человек. Для более строгого отбора на предварительных экзаменаторах были не по одному режиссеру, а по два режиссера вместе экзаменовали. И все-таки после этого решили сделать еще отсев. Были вторые предварительные экзамены вчера, на них из 75 допущены к конкурсу 25 человек. Примут же, вероятно, человек 6. Предполагали 10, но места 4 уже заняты пришедшими старыми, ушедшими (Недзвецкий, Крюковский), и двумя из ЦЕТЕТИСа, которые в прошлом году с “Яровой” начали у нас работать как разовые.

Вчера состоялся “суд” над Ливановым. Впрочем, я напрасно ставлю кавычки, это был действительно товарищеский суд, и для всякого он бы играл поворотное значение в жизни, но Лив., как мне кажется, трудно излечим, может быть, и неизлечим. Такое осталось впечатление от его заключительного слова. На суд вход был по вызову, приглашались народные и заслуженные и несколько зав. цехами. Было это в верхнем фойе. Заседание открыл Я.О., рассказавший собранию инцидент, как он выразился, “в литературной форме”, т.е. без упоминания грубостей, сказанных Ливановым, и с возможно мягкой формулировкой. Заседание вел Саврасов (да, конечно, приглашены были и представители месткома и парткома). После слов Я.О., в конце своей речи внесшего и предложение сделать Ливанову от коллектива последнее предупреждение, было предложено высказываться.

Первым выступил потерпевший Бор. Л., который, видимо, был недоволен слишком мягкой формулировкой. Поэтому он спросил собрание, достаточно ли ясно оно представляет себе инцидент, не получили ли товарищи другого, искаженного представления о нем от рассказов самого Ливанова. Все дружно сказали, что нет надобности снова всё рассказывать – все знают. Потом высказывались вполне единодушно все: Сахн., Еланская, Андровская, Яншин, Калужский, Москвин (очень сильно), Раевский, Топорков... Говорилось, конечно, не столько о случившемся факте, сколько вообще о стиле поведения Лив., вспомнили, что даже Вы решили не делать Ливанову больше замечаний, о чем ему в Париже сказали в лицо, – это произвело на всех такое громадное впечатление, а Лив. и после этого чувствовал себя как ни в чем не бывало. Все выступления были в высшей степени корректны, я бы сказала, поистине дружественны в отношении Ливанова. Но все говорили, что, конечно, Лив. докатился до такой грани, когда можно сделать только последнее предупреждение. Москвин с большим темпераментом выразил общее мнение, что если Лив. не изменится “в корню”, то, конечно, ничего не выйдет хорошего для него и после этого урока; предупреждал, что работа, которую ему нужно над собой проделать, безумно трудна, но она необходима, потому что он уже не понимает, что он вел себя в последнее время неприлично, а таких людей МХАТ у себя больше не потер-

пит. Много говорилось об ответственности за свои поступки и слова, которая теперь особенно для всех явственна. Каждый, начиная с Я.О., отмечал, что Лив. сильно переживал свой случай за это время, но никто его, конечно, за это не жалел. После всех взял снова слово Бор. Л. – и непонятно для чего. Главным образом он снова стал рассказывать инцидент в подробностях. Потом говорил Лив. – сильно волновался, каялся, просил прощения и у Изралеvского, и преимущественно у коллектива, который он своим поступком запятнал, давал клятву, что не будет больше в публичных местах пить, потому что он таков бывает всегда в опьянении, но тут же все-таки обнаружил все свои качества: казнил за непомерное самолюбие, ведущее к сомнению, а речь свою вдруг свел в финале к тому, что он-то, может быть, и плох, но другие хуже его, он в своем творчестве нажимист, зато другие недотягивают, что он считает еще большим грехом, что вообще беда в том, что он все молчит и молчит в театре, не имеет кому высказать свои мысли об искусстве, а что если б так собираться и выговариваться, то он бы многое и многим бы сказал и разъяснил. Беда вот в том, что ему никак не удается высказываться по поводу искусства.

Я.О., заключая собрание, сказал, что вносит предложение: надо создать резолюцию этого собрания, жестоко осуждающую, очень резкую, в которой детально разобрать и оценить поступок Ливанова, а ему сделать последнее предупреждение, после чего, если он совершит хоть какой-нибудь проступок подобного рода, больше не собираться, не обсуждать, а он автоматически увольняется из театра. Текст резолюции поручено составить, вернее – отредактировать выступление Я.О. (стенограмма велась) – самому Я.О., Сахновскому и Саврасову.

Как Ливанов после этого вел себя и играл на спектакле “Гроза”, шедшем вчера, не знаю. Между прочим, он сам выбрал этот день. Ему было предложено 29-е, когда он не занят в спектакле, но он сказал, что долго ждать (на самом деле он уезжает в Ленинград сниматься), а из предыдущих дней ему удобнее перед “Грозой”, чем завтра перед “Хозяйкой гостиницы”¹.

Наши дамы в своих выступлениях говорили, что не только Лив., но и другие актеры настолько бывают с ними грубы в обращении, даже в творческой работе, что они надеются, что этот суд заставит и их пересмотреть свое поведение. Я.О., выслушав все выступления и жалобы на плохую атмосферу в смысле товарищества, сказал, что намерен провести в жизнь постановление ЦК о регулярных созывах актива учреждений и предприятий. Первый такой актив он намечает после Вашего приезда, когда выяснятся ближайшие репертуарные планы, о чем и будет разговор с ведущей частью труппы.

Милый Владимир Иванович!

Да, невеселое было сегодня пробуждение – Федя разбудил нас звонком по телефону с известием о смерти Баталова. То, что я узнала в первые часы, я Вам протелеграфировала, позднее мне только сказали, что последние два дня он был без сознания и что он совершенно неизвестен. Об этом последнем говорили уже давно, я помню, что еще летом Ол. Ник., приглашая Женю на дачу к ним, просила не удивиться заметно происшедшей в нем перемене внешней.

Сегодня весь день прошел в организации похорон. Сегодня в половине 12-го туда, в больницу, где он умер, поедет делегация: Станицын, Калужский, Прудкин и Саврасов (Федя еще раньше там будет), чтобы быть на выносе там; в половине первого привезут тело и поставят в нижнем фойе. (Сегодня идет “Любовь Яровая”, которая кончается только в 12 часов.) Будет оркестр, возможно, что будут и музыкальные отдельные исполнения. Сегодня доступ к телу будет до 2 час. ночи, завтра откроют в 10 час. утра, в 11 будет гражданская панихида. От нас будет говорить Ол. Леон. Вероятно, другие театры тоже выступят, во всяком случае, Большой театр предупредил, что от них будет выступление, вероятно, вокальное. Просили говорить Боярского, но он отказался, потому что очень от таких выступлений волнуется, а у него с сердцем сейчас неладно. Вас. Ив. тоже отказался – ему и тяжело, и чувствует себя неважно. Марков у Вас, Сахновский лежит и от него скрывают, что гражданская панихида завтра, а то он встанет, что ему абсолютно запрещено. Думали просить Хмелева, но у него вечером “Земля”, а т.к. Як. Ос. ждет приезда¹, то просил к Хмелеву и не обращаться. Очень много звонков отовсюду из газет, спрашивают некролог, сведения о его жизни, ролях. Было сообщение и по радио, и ТАСС недавно запрашивал. Панихида гражданская кончится примерно в час, после чего будет вынос; для провожающих заказаны 4 автобуса. Кремация будет часа в два-три.

Сегодня была первая беседа Л.Мир. по “Достигаеву”². Первым там выступил Як. Ос. Стенографистка опоздала, не зная об этой беседе, поэтому слово Як. Ос-ча не записала, а только речь Л.М. Когда она расшифрует стенограмму, я прочту. После беседы с исполнителями была беседа о декорациях – Рындин и руководство пост. части с Л.М. и Як. Ос.

Только что подали мне Вашу телеграмму³. Я ее сейчас перепечатаю и повешу на доске, а подлинник, если она хочет, отдам Ол. Ник.

Виленкин мне рассказал, что сегодня у него совсем неожиданно вышел разговор с Як. Ос. о Качалове. Он пошел к нему с проектом афиши вечера Качалова, а тот стал его расспрашивать, как Вас. Ив. доволен работой по вечеру, а как вообще себя чувствует в театре, и Вит. Як. многое ему высказал, так что, вероятно, Як. Ос. проявит большее внимание, поговорит с Кач. и, может, немного улучшит его самочувствие в театре.

И вот что еще мне сказал Виленкин: что Вас. Ив. считает, что было бы хорошо дать третьего Фамусова, потому что он считает себя еще совсем не верным исполнителем, да и Тарханов здоровьем слабоват. Он считает, что эту роль из всех актеров сыграл бы лучше Кедров, он только не уверен, что из-за “Тартюфа” Кедров найдет время для “Горя”. Как Вы на это смотрите?

Сегодня утром я спросила при встрече Егорова о здоровье К.С., и он мне сказал, что имеет сведения, что ему лучше и что с утра у него было 36.7. А вечером, недавно, я разговаривала с Мар. Петр., которая сказала, что сегодня первый день, что К.С. заметно лучше. Температура вечерняя (в 7 час.) 37, самочувствие гораздо бодрее: проявил аппетит нынче, проявил даже некоторую энергичность – укорял, что они не так перевели телефон, волновался, устроен ли концерт, о котором просил директор Килялиной школы⁴, почему не устроен, и т.п. Фромгольд ездит к нему дважды в день, сестра и Шелагуров постоянно. Воспаление это гриппозное, и поэтому Мар. Петр. говорит, что возможны всякие вспышки, но пока что положение хорошее. Сама она перенесла бестемпературный, но сильный грипп и вышла вчера впервые на улицу. Справлялась о Вашем и Ек. Ник. здоровье и настроении, очень благодарила за внимание Ваше к здоровью К.С. и просила передать обоим вам горячий привет.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович! Желаю Вам и дорогой Ек. Ник. хорошо, приятно проводить время. Только, пожалуйста, не утомляйте себя вконец. Вы вчера были такой усталый, что я и представить себе не могу, что Вам сейчас столько работать.

Да, говорила ли Вам что-нибудь Евг. Ал. Хованская на вокзале? На обратном пути она сказала, что на следующее утро ее вызывает Я.О. Она ужасно волновалась, жалко было смотреть на нее. А нынче утром я ее встретила в переулке сияющей: оказывается, это по поводу какого-то неоплаченного (и притом случайно на нее написанного) в Париже счета. Я подумала, что если она Вам сказала о вызове к Як. Ос., то мне следует Вам объяснить, что за причина была.

Еще раз – всего, всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

351.

11 ноября 1937 г. № 2

Милый Владимир Иванович!

Вчера было так: в половине первого ночи Баталова, в сопровождении всей его семьи и многих наших (делегация в больницу сильно разрослась, потому что многие сами захотели поехать туда на вынос), внесли в театр, гроб поставили в нижнем фойе, в той его трети, что бли-

же к буфету. В головах возвышения стояли зеленые растения и висел на черном бархате портрет Ник. Петр. Ко времени привоза тела у Феде в конторе собралось множество венков: от нашего театра, от Большого, от Малого, от жены и дочери, от его родителей, сестер и брата, от К.С., от Качалова, от Собиновой, много цветов в букетах... Так что когда постамент покрыли цветами – была целая гора цветов, множество. (Я было подумала, не должна ли я без Вашего распоряжения заказать венки, но потом отказалась от этой мысли, во-первых, потому, что если б Вы этого хотели, Вы, наверное бы, телеграфировали, а во-вторых, потому, что я лично всегда и против цветов, и против всего вообще существующего ритуала похорон, никак не могу согласиться со всем этим церемониалом, который главным образом составлен так, чтоб терзать, тиранить душу и нервы.)

В бельэтаже у зеркала был духовой оркестр, который играл траурные мелодии. Когда он не играл, играла виолончель с роялем, это приехал Кушневицкий (кажется, так его фамилия)¹, сам захотел играть. Народу было много, половина всего фойе была заполнена целиком. Все время сменялся почетный караул. Были все наши старики. После часу публика стала немного расходиться, – так, ближе к двум. В два было уже немного народа, в четверть третьего уехали жена и дочь, после чего уехали и все немногие остававшиеся, в том числе и мы с Женей, которому поручена была организация похорон. На ночь в театре остались Федя и Вл. Аталов.

Сегодня Женя уже с 10-ти утра начал принимать приходившие делегации, ставить почетные караулы. В 11 ч. началась музыка, опять духовой оркестр или рояль с виолончелью или скрипкой. Примерно в половине первого начались речи: говорили от Союза², а потом от нас – Судаков (потому что от Ол. Л. пришло сообщение, что она не в силах говорить, отчаянно себя чувствует), Кудрявцев, Саврасов. Сказал несколько слов Вас. Ив. в ужасном волнении, таким голосом, что я его не узнала, даже трудно сейчас передать, что он сказал: вспомнил, как Н.П. называл его дядей Васей, помнит его как живого... и слова прощания. Ершов, кот. должен был сказать последнее слово в крематории, так изнервничался вчера вечером у гроба, что не спал всю ночь, плакал и утром позвонил к нам, что не может не только говорить, но и поехать на кремацию. В крематории последнее слово сказал Женя. Народу на гражданской панихиде было очень много, все нижнее фойе было полно, густо полно. Примерно в половине второго начали выносить орден, венки, гроб. На подъезде бельэтажа были фанфары³.

Да, все речи на панихиде перемежались музыкальными номерами: квартет Большого театра, трио, скрипка, пение Козловского, последним был хор из “Гамлета”.

Гроб установили на платформу-автомобиль, туда же села семья, некоторые наши актеры, близкие друзья его, ее. Было много машин, за ними двинулись наши четыре автобуса. Весь переулок был полон наро-

да. Процессия была громадная – много народа пошло пешком в надежде, что до Охотного ряда автомобиль с гробом будет ехать не быстро. Женя говорит, что, едучи в последнем автобусе, он видел, что когда их автобус завернул на Тверскую, то голова кортежа была уже около Охотного. В крематорий я уже не поехала, потому что так исплакалась здесь, что и глаза ничего уж не видели, веки распухли, и уж сдерживать раздрыганные нервы я больше не могла никакими успокаивающими и наставляющими себя мыслями. Без четверти два все уехали, а без четверти три Евг. Вас. уж вернулся – в крематории вся последняя церемония прошла очень быстро.

Мне сказали, что Ольгу Ник. взяли или возьмут на исследование: кто говорит, что это всегда так должно делаться при таком близком общении с туберкулезным человеком, а кто, что есть подозрения, что она заразилась от него и сама неблагополучна в смысле туберкулеза. Выглядит она отчаянно плохо, но держалась мужественно, стойко: ни вскриков, ни рыданий... Левин говорит, что и физически, и психически она сейчас в очень плохом состоянии и что ее с дочерью надо бы куда-нибудь отправить успокоиться и отдохнуть.

Весь сегодняшний день только и окрашен этими грустными впечатлениями.

Сейчас идет второй акт “Земли” – посещения нет⁴.

Репетиций, конечно, сегодня никаких не было, и таким образом, репетиций до 15-го никаких нет, потому что 13 и 14 выходные дни, а завтра утренники. 15-го репетиционный день, а 16-го опять нет, потому что в этот день у нас празднование XX-летия Октября, концерт с участием Краснознаменного ансамбля.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, крепко жму Вашу руку. Дорогой Ек. Ник. привет.

Умоляю – берегите себя и не перетрудитесь!

Ваша Ольга Бокшанская

352.

12 ноября 1937 г. № 3

Милый Владимир Иванович!

Телеграмму Вашу с подчеркнутыми фамилиями из “Земли” получила сегодня утром и по телефону передала Вас. Гр. Хотела сказать Як. Ос., но его сегодня в театре нет, и вот что о нем мне сказал Вас. Григ.: что, по словам Дины Серг., он себя чувствует очень плохо, что, вероятно, в крематории его продуло, что вызывали к нему Иверова, и тот нашел не столько простуду, сколько нервное происхождение болезненного состояния, и решил завтра повести Як. Ос. в Кремл. больницу на радиованны. Словом, начальства у нас нет, самый главный выходит

Калужский (если не считать Егорова, которого уж никто ни за что и не считает). Вас. Гр. все еще лежит и, видимо, чувствует себя неважно, во всяком случае, он мне пожаловался на “странное”, неверное состояние головы и на тяжесть на сердце. Он явно осторожен, а это бывает всегда, когда его сильно “тряхнет” сердце. Рассчитывает прийти на работу 15-го, а 13 и 14 обещает лежать.

К.С. чувствует себя так: вчера (я знала бюллетень, но, простите, забыла написать Вам) утром 36.7, вечером 37, т.е. повторение дня накануне. И самочувствие, как он продиктовал в записке к Рипси, значительно бодрее. Сегодня с утра 37, и Рипси объясняет это тем, что он узнал о смерти Баталова. Было сказано не давать ему газет, причем примета для служащих была такая: если в газете объявление с черной каймой – не давать, сказать, что газеты не получены. Они так и сделали со всеми газетами, а “Правду” дали, а там без черной каймы, а просто написано “Умер Н.П.Баталов” – так он и узнал и сильно разволновался, прислал записку Рипси с поручениями пойти к Ол. Ник. и передать от него его чувства и мысли. Только Рипси этого сделать не может, потому что сама больная лежит дома. А хотела позвонить Андровской – Федя отсоветовал: Андр. в таком состоянии была вчера, что все равно никакие слова бы до нее не дошли. Я поэтому и Вашу телеграмму ей пока не отдала, потому что она все равно ничего не поймет пока.

Вчера Як. Ос. вызывал к себе Евг. Вас-ча с рядом поручений:

1) найти Корнейчука и заставить его дать переделки, чтоб решить “Банкира”. Корнейчука в Москве нет, ему дали телеграмму с требованием немедленного приезда с новым вариантом пьесы.

2) выяснить возможность и сроки выпуска отдельных сцен из “Бориса” (явно – результат разговора с Виленкиным). Евг. В. сказал, что, вероятно, сцены будут те, которые в свое время предполагались для Парижа, но что окончательное решение и даже установление срока принадлежит Вам, потому что Вы видели эту работу и знаете, сколько над ней еще надо работать. Предварительный вариант намечаемых картин и количества репетиционных дней для каждой из них Евг. Вас. по поручению Боярского, запросил у Нины Ник. Она, вероятно, даст эти сведения к 15–16, но Сахновский и Женя решили дело это обсуждением задержать до Вашего приезда, они, конечно, надеются на Ваше участие в этой работе. Кроме того, Евг. Вас. предупредил Я.О., что намечаемая “Келья” вряд ли пойдет, потому что трудно рассчитывать, что Леонидов будет играть, а пустить с Орловым неинтересно. Может, заменить “Келью”, объясняющую появление Самозванца, сценой Грибова?¹

3) Як. Ос. хочет снова включить в репертуар филиала “Дядюшкин сон”. Евг. Вас. объяснил, что раньше января это сделать нельзя из-за того, что Хмелев не справится с таким репертуаром. В январе, он надеется, будет введен Кедров на Каренина, это разгрузит Хмелева, и он сможет играть князюшку. Кроме того, надо вводить новую Зинаиду – Степанову (Ол. Леон. поговаривала о Пилявской, но у Степановой

роль почти уж готова, она ведь давно намечалась, только Лид. Мих. не пускала). Ол. Леон. хочет еще и нового Мозглякова, но пока останется Яншин, а потом кого-то будут искать. Предлагаемого Ол. Л-ной Мас-сальского Вас. Григ. не хочет занимать в этой роли, раз он будет занят Молчалиным – тем более что в этих ролях могут некоторые элементы как-то совпасть.

Посылаю Вам стенограмму Вашей первой беседы о “Горе от ума”, переписанную после сокращений, сделанных Виленкиным. Как ему и мне кажется, получилась просто великолепная стенограмма-статья, имеющая очень большой интерес не только для нашего театра, а уж для нашего – и интерес, и громаднейшую пользу. “Горьковец” мечтает, что Вы ее просмотрите, не откладывая, и скоро ответите, можно ли начать печатать ее. Вторую стенограмму Виталий Як. мне еще не давал для переписки, да с этим можно и подождать. Если Вы одобрите эту первую, то вот уж “Горьковец” обеспечен материалом на два номера.

Посылаю план-зарисовку прихожей, сделанную Лариным. Он сразу не мог сделать это из-за похорон. Надеется, что Вам будет ясен этот рисунок. Стенка, сделанная пунктиром, отодвинута, как Вы того хотели. Значит, прихожая в своей широкой части представляет квадрат 2.40 x 2.30, а в своей узкой части 2.05 x 3.80².

Посылаю еще два полученных письма, одно из них мне показалось довольно курьезным: какой-то неведомый человек задает Вам вопросы, и если б он получил ответ, то это просто получилась бы очень интересная Ваша статья, которую этот Оводов смог бы неплохо использовать.

Сегодня я прочитала стенограмму беседы Леонидова. Он начал ее с того, что будет заниматься только с людьми, интересующимися работой, а если заметит какой-то не тот глаз, то с таким человеком работать не будет. И “оглаживать” каких-то своих исполнителей тоже не собирается. Потом много говорил о темпе работы, сильно протестуя против затяжных темпов и большого количества репетиций; говорил о строгом плане, как было и в “Земле”, говорил о том, что не признает показа, а предпочитает “рассказ” о роли в том или ином куске – показывать должен только актер, а не режиссер. Словом, суммировал многие из своих разбросанных по отдельным репетициям замечаний на “Земле”, вплоть до “можно наиграть, можно переиграть, но только не быть равнодушным”. Очень остроумно он сказал о темпераменте: что вот ему говорят – вам хорошо, Л.М., у вас такой темперамент, а у меня его нет. А по его мнению, как для Расплюева во всяком доме есть деньги, надо уметь их найти, так для него у каждого актера есть темперамент, надо уметь его найти. А нет темперамента только у мертвеца. Впрочем, прибавил он, в одном театре так поставили “Гамлета”, что даже разбудили темперамент у мертвецов, которые перевернулись в своих гробах.

О “Достигаеве” пока говорили мало; он сказал, что пока ему показалось, что сквозное действие – ожидание: купцы ждут одного, большевики другого, попы третьего – но все ждут... В заключение он сказал,

что дирекция дает ему отпуск, но что он уедет не только отдыхать, но и работать, и приедет с готовыми планами и мыслями. А пока что Раевский открывает консульское бюро по “Достигаеву” и будет иметь беседы с каждым из исполнителей в отдельности.

Ваш сегодняшний пакет повезет к Вам Евг. Вас., отправляющийся нынче на два дня в Ленинград.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Теперь два дня Вам не буду писать, наши праздники, – разве если будет что экстренное. Нежный мой привет дорогой Ек. Ник и Вам.

Ваша Ольга Бокшанская

353.

15 ноября 1937 г. № 4

Милый Владимир Иванович!

Спасибо за письма, получила оба: по почте и с Евг. В. Первое, по почте, получила в наш выходной, 13-го, когда зашла по делу в театр. Тотчас же позвонила Куб., который был явно потрясен таким вниманием с Вашей стороны, просил Вам передать пылкий от него привет, благодарность за внимание и взял с меня обещание сообщить ему о Вашем приезде, когда он и позвонит Вам¹.

Вашу телеграмму о подчеркнутых вторых исполнителях “Земли” я прочитала Вас. Гр., который все это принял к сведению и руководству в тех разговорах, кот., вероятно, будут еще по этому вопросу с Леон. Мир. Пока что Л.М. занят “Достигаевым” – сегодня, по просьбе исполнителей, он им читал пьесу, а после о ней говорили; стенограммы пока нет. Л.М. намерен уехать 21-го на месяц отдыхать (я не знаю – куда, вероятно, в Барвиху). Кажется, на 17-е он решил еще раз собрать достигаевцев. Завтра ведь репетиций нет: наш октябрьский концерт, в котором, кроме Краснознаменного ансамбля, будет еще много интересных номеров – Лемешев и Кругликова с романсами русскими, балетные номера из Большого театра – вся выдвигающаяся молодежь с Лепешинской во главе, детский балет, Рина Зеленая, Роза Тамаркина – программа наменена грандиозная.

Все, что Вы написали в последнем письме о “Борисе” и “Дяд. сне”, прочитала Сахновскому – он как раз пошел потом по всем этим делам к Я.О.

В зрительном зале, на “прикидке” убранства сцены на Качаловском вечере, я увидела Я.О. и сказала ему все Ваши мысли из писем: по поводу 19-го без Качалова и необходимости, во всяком случае, как-то поговорить с Кач. о “Борисе”... Я.О. считает, что 19-е отменять никак нельзя, он совершенно не представляет себе, как это можно, а с Качаловым, сказал, поговорит. Но я, не сильно на это рассчитывая и увидев

сидящего в партере Вас. Ив., сама к нему подседа и все ему сказала. Мне кажется, что ему было очень приятно все: и то, что Вы будете работать “Бориса”, и то, что Вы так внимательны к нему и к его присутствию на собрании. Он сказал, что ни за что не надо отменять из-за его вечера, что он сам думает прийти на какое-то время – “это же посидеть, не работать...”, а потом, когда почувствует, что пора готовиться к вечеру, уйдет. Словом, мне кажется, вопрос этот теперь совершенно улажен. Вот я только боюсь, как это Вам под силу будет такая нагрузка: ежедневные репетиции. ночь в вагоне, правда, еще день в Москве и ночь, а потом собрание, на котором Вы будете самое главное, самое важное, самое заражающее².

Заодно я спросила Я.О. о Радлове – Вашим вопросом. (Кстати, вчера в Малом театре на “На берегу Невы”³ я видела Радл. с женой, они в Москве; раскланялись мы очень оживленно издали, усаживаясь перед началом акта на места, но в след. антракте свидания друг с другом не искали.) Я.О. сказал: “С Радловым покончено, этот вопрос кончен”. Я ему сказала про встречу в Малом театре. Он сказал: “Да, он еще хочет встретиться со мной, но вопрос с ним покончен”.

Я-то думаю, что вопрос о Радлове может еще всплыть, когда мы станем выпускать афишу о сценах из “Бориса” – ведь его придется там ставить. Надо надеяться, что до 17-го Вы с ним уже не встретитесь, а, приехав сюда 18-го, вероятно узнаете от Я.О., что и как он ему сказал при окончательной встрече.

Не надо переводить “Ренессанс” по-русски – представьте, я тоже это попробовала сделать и при этом слове у меня сейчас же возник в представлении парижский листок⁴. Вот в телеграмме о Баталове Вы замечательно сказали – “воскресающая молодость Художественного театра”, – как бы это перевести на слово названия?

Здоровье К.С. очень хорошо налаживается: все время держится нормальная температура, один раз только было вскочила до 37.2, а вчера и сегодня держится 36.7 – 36.6. И самочувствие хорошее, и анализ крови показал, что дело идет на поправку. Ему не дают все время теперь лежать, боясь отека легких, но спускать с кровати еще боятся, потому что воспаление было гриппозное, может еще вдруг где-то очажок открыться.

Приехавшие из Ленинграда внесли большую сумятицу в умы участников “Горя от ума” и даже режиссера. Совершенно определенно заговорили, что Вы отменяете “Горе от ума” как юбилейный спектакль и заменяете его “Тремя сестрами”, что Вы об этом сказали открыто, даже сделали ряд предложений актерам: Тарасова, Добронравов, Степанова... Телешева разволновалась, имела объяснение с Вас. Гр., который сказал ей, что, не имея никаких от Вас официальных распоряжений, продолжает считать “Горе от ума” находящимся в плане театра и просит продолжать работу. Атмосфера на сегодняшней свертке текстов была звинченнная. Завтра Вас. Гр. еще вызывает к себе Телешеву – он

хочет получить от нее план работ на ближайшее время, желая, чтобы она до Вашего возвращения приготовила к показу Вам первые два акта. Телешева еще жаловалась на недостачу Фамусовых и Лиз, и Вас. Гр. с Калужским, конечно. принуждены будут этим заняться и как-то урегулировать участие у нее актеров. С Лизой это явление временное, потому что как только Леонидов уедет в отпуск, Бендина будет свободна от “Достигаева”. Труднее, вероятно, будет выкраивать время Тарханова для обеих пьес⁵.

Это письмо отвезет Вам Н.Д.Волков – он сам предложил свои услуги, а я воспользовалась: так письмо попадет к Вам на день раньше, 16-го.

Начальники наши все еще не в порядке: и Як. О. ездит на электризацию и, по словам Дины Серг., очень плохо себя чувствует, только немного стали помогать кремлевские радиованны, а то у него было парализовалась вся левая сторона; и Вас. Гр., пролежавший дня два, сегодня вышел и опять почувствовал себя нехорошо, так что Иверов его прослушал и велел немедленно идти домой ложиться, но никакими настояниями Вас. Гр-ча из театра мы не могли “выгнать” еще часа три, ушел он в конце дня, обещал лежать сегодня вечером и завтра. Вероятно, у него сказывается то, что он не отдыхал летом, а ему не только отдыхать, а по-настоящему, конечно, надо было в Кисловодск поехать.

Бедный Евг. Вас. отравился в “Астории” последним ужином, приехал зеленый, кислый. Очень ему плохо было в вагоне. Сейчас уж ничего. А здесь Хмелев отравился чем-то дома, тоже совсем раскис. А сегодня приходится играть Каренина.

Милый Владимир Иванович, теперь уж до скорой встречи, больше письмо Вас уж не застанет. Всего хорошего желаю Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

354.

26 ноября 1937 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром, найдя у себя на столе телеграмму-запрос о Гл. Ал. Немировиче-Данченко, я прежде всего страшно озлилась на этого неведомого “родственника”, запросы о котором всегда связаны с какими-то неблагоприятными его поступками. Уверена, что и теперь он притянут за скверные дела и спекулирует фамилией. Я хотела было от себя послать телеграмму: категорически никаких отношений нет; потом сдержала темперамент и попыталась заказать телефонный разговор с Вами на 6–7 часов веч., но когда узнала, что разговор могут дать только в половине первого ночи, решила перетелеграфировать текст.

Вчерашний вечер Книппер: полный зал, публика наполовину “генеральных репетиций”, оживленная, между собой часто знакомая, много своих актеров. Начали сценой из “Месяца в деревне”. Ольга Леон. получила прекрасный прием при открытии занавеса. Сцена имела хороший успех, понравилась и молоденькая Михеева – Верочка, внешне очень напоминавшая Полонскую, ту, что уехала в Ростов к Завадскому. Потом играл Оборин: ноктюрн Шопена, два этюда Скрябина, Прокофьева “Токкату”. Играл скучно, неинтересно. Успех средний, не сравнимый с успехом Гилельса на вечере Качалова. Затем сцена из “Дядя сна”, принимали ее очень хорошо, но жаль было, что Мар. Петр., правда, ушедшая даже под аплодисменты, все-таки дала вполтину против того, что было на репетициях; особенно помешало то, что она перетишила голос, временами это была просто “игра для себя”¹. Успех был большой и в конце сцены.

Антракт. Затем 1-й акт “Лап” до выхода фрекен. Тут все принималось очень хорошо и у Кторовы, и у Книппер, а уж выход Вас. Ив. – аплодисменты и большое оживление². Большие аплодисменты за сцену. Затем играл скрипач Миша Фихтенгольц, из группы последних лауреатов: Корелли – Крейслер “Ла фолла”, “Канцонетта” Чайковского и “Каприз № 24” Паганини – Листа. Ни выбор вещей, ни даже самое исполнение мне не понравились. Успех был громкий, хотя чувствовалось, что он “немного много” сыграл вещей. Хватило бы и двух.

И, наконец, третий акт “Чайки”: публика зааплодировала уж одному названию, как только оно было объявлено ведущей программу Тарасовой. Слушали внимательно-внимательно, все принимали, а после конца сделали овацию всем, а потом уж и одной Ол. Леон., долго не отпускали ее. Этот концерт предполагается повторить 25-го декабря, вечер Вас. Ив. – 2-го или 7-го января. Есть договоренность, правда, пока очень неверная, что организуются еще два вечера: Тарханова и второй: Лилина и Шевченко, по отделению для каждой.

Сегодня пришел в театр Сахн., первый раз после лежания. Выглядит отвратительно, на себя не похож по всему поведению, по внутреннему состоянию и производимому впечатлению. Ему нельзя работать, это ясно. Ему делается плохо внезапно, без видимой причины даже. Вот хотел прийти в театр, встал в бодром, как ему представилось, настроении, и вдруг головокружение, слабость, ноги не идут.

Я ему советовала лечь в Кремлевку на исследование и консилиум, потому что с лечением дома идет путаница: приезжал Плетнев, посоветовал одно, ездит другой врач – метод лечения другой, а Иверов третьи медикаменты прописывает и всprыскивает. Сейчас это как раз было бы удобно – в театре относительное затишье, и лучше будет, если он как следует отдохнет от театра во время Вашего отсутствия, чем потом, когда и ему трудно будет усидеть вне театра, и Вам он будет нужен. Положение его сейчас очень серьезно, утверждают все врачи. А он все рвется в дела, говорит, что и завтра придет. А вот пробыл здесь

несколько часов, часа три, и почувствовал, что ему надо идти лечь, и вечером не может прийти, как хотел, чтоб посмотреть внезапную замену в “Карениной” Степуна в “Конюшне” Раевским. Степун болен, за него хотели либо Карева, либо Раевского, пришлось последнего, потому что на Карева не годится костюм Степуна. Болен и Салтыков – генерал на скачках около ложи Каренина. Его заменит выходявший в этой роли в Париже Петкер, надо только сделать грим отличное от будущего, в след. акте, грима адвоката. Петкеру так не хотелось делать два грима, что он уверял, будто гримы оба таковы, что его узнает публика. Вряд ли это верно.

Сегодня Вас. Гр. и Калужский провели много времени у Я.О., и он им жаловался на свое разочарование в настроениях и сущности наших актеров. Они тогда поразили его, на собрании орденосцев, и нынче у него было собрание группы сочувствующих, и тоже удивили и не понравились ему выступления актеров. Он хочет докопаться до корня этого зла и направить туда все свое внимание. Вероятно, в один из ближайших дней будет собрание: Я.О., Сахновский, Калужский и Раевский, будут думать и решать, как оздоровить атмосферу, как устранить разлагающе действующие на актеров явления, вроде отказа от Фамусова Качалова и т.п. С Качаловым Я.О., кажется, собирается поговорить в ближайший же день. Возможно, что, несмотря на уже происшедшее разочарование, Я.О. все-таки довольно идеалистически обо всем думает. А ведь переделать атмосферу среди наших актеров – ведь это громадная воспитательная, и притом очень сложная по приемам, работа.

Сегодня Я.О. дал распоряжение послать экземпляр “Половч. садов” тов. Юнову, что и выполнено. Во всех разговорах с Керж. (кстати, на вечер Книппер он приехал ко второму отделению, сидел в ложе) запрещения нет, но и разрешения тоже. А Як. Ос. хочет иметь ясность в этом деле – и по линии репертуарной, и по линии актерской работы.

Как я слышала, Леонидов согласен отпустить ради “Тартюфа” из “Достигаева” Топоркова и Бендину, заменит их Яншиным и – сразу забыла, кем. Надо будет спросить Калужского, это он говорил с Леонидовым³.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю хорошего настроения Вам и дорогой Ек. Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

355.

27 ноября 1937 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера с заменой Степуна Раевским, по отзывам, было благополучно в том смысле, что он все сказал и все сделал, но по тому, как

сказал Я.О., что он делал главный упор на акцент, боясь с него сбиться, и все-таки кое-где сбился, и по тому, как сказал Прудкин, что он не сделал ни одной накладки, было ясно, что это была только “допустимая” замена, не больше. Хотели было пустить Нефедова, у которого картина на слуху, но тогда надо было бы заменять и Нефедова-грума, – словом, остановились на Раевском.

Сегодня Сахн. снова был в театре, но опять часа 3¹/₂, не больше, и то под конец через силу. Кажется, он окончательно поддался на уговоры уехать, тем более что и врач, который его пользует, теперь стал настаивать на отъезде – раньше он этого не делал, видимо, по уговору Вас. Гр., что ему уехать невозможно. Я.О. обещал сегодня-завтра переговорить с Ходоровским о Барвихе. Я думаю, что В.Г. сам ощущает, что в таком своем состоянии он не работник. Впрочем, завтра и 29-го придет на работу, 29-го хочет провести съемку спектакля “Каренина”.

После сегодняшнего своего разговора с Я.О. он мне сказал, что Я.О. удалось уговорить Вас. Ив. репетировать Фамусова, так что я имею поручение передать Калужскому, чтобы вызывать Качалова на репетиции. Как они договорились о “Годунове”, В.Г. обещал мне рассказать завтра (они – Я.О. и Качалов).

Как я слышала от Рафаловича, существует предположение заказать Файко инсценировку “Войны и мира”. Кажется, это идея Маркова – не так ли? Вероятно, он Вам об этом уже говорил? Тот же Рафал. закинул Вас. Гр. мысль об инсценировке “Идиота”, что показалось Вас. Гр. чу чрезвычайно интересным, тем более что и роли превосходно могут разойтись, просто великолепно некоторые. Я имею от Сахн. поручение разыскать ту инсценировку, которая в свое время игралась у Незлобина, чтоб представить Вам ее на суждение не как пьесу, что предлагается, а как основу будущей инсценировки. Вас. Гр. думает об этой инсценировке именно потому, что она была сделана близко к роману, и он имел очень близкое касательство к процессу ее создания, являлся для инсценировщиков “толмачом”¹. Разговор со мной об “Идиоте” В. Гр. просил меня держать в полном секрете от кого бы то ни было в театре, конечно, не от Вас (я думаю, что и пояснять этого не надо).

Окончательно установили программу москвинского вечера. “Мудрец” – сцены Голутвина с Глумовым и Курчаевым, 1 и 4 акты, “Живой труп” – сцена у следователя: Качалов – Каренин, Тарасова – Лиза, Вербицкий – следователь. “Царь Федор” – 4-я картина, с постоянными участниками, “На чистом воздухе” с Кудрявцевым² и “Степанчиково” с Ростаневым – Ершовым. Музыкальная прослойка – Квартет им. Бетховена. Прежде было Ив. Мих. думал звать Кругликову и наш мхатовский хор с антрактами из “Бориса”, а после Октябрьского концерта у нас, когда Кругликова имела громадный успех, отказался от этой мысли: “забьет” – сказал он.

29-го Вас. Гр. договорился с Я.О. о съемке “Карениной”, а в 4 часа, если согласятся старики, будет вручение “чаек”. Если завтра от стари-

ков будет получено согласие на этот день, pošлю Вам телеграмму, – ведь Вы пришлете приветствие? Получать будут 14 человек: Андерс, Гаррель, Блинные, Монахова, Морес, Кедров, Тарханов, Скульская, Яншин, Раевский, Титова, Кнебель, Анурина и пианистка Коренева.

Только что подали телеграмму – вторичный запрос о родственном отношении к Гл. Ал. Н.-Д. Вероятно, там какое-то дело, которое требует спешного отклика. Вы не рассердитесь, если я сделаю так: протелеграфирую, что “Владимир Иванович в Ленинграде, гостиница “Астория”; насколько я знаю, никаких родственных отношений нет. Личный секретарь *Бокшанская*”.

Слышала я, что было посещение на “Целине”, спектакль принят средне³.

Говорят, что с билетами на “Человека с ружьем” публика безумствует почти так же, как с “Карениной”: очереди с вечера, билеты расхватываются⁴.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Женя взял с меня слово, что непременно передам Вам и Ек. Ник. его сердечный привет. Крепко жму Вашу руку.

Ваша *Ольга Бокшанская*

356.

29 ноября 1937 г.

Милый Владимир Иванович!

Я только что с “чаечного” чаепития. Все было очень хорошо, несмотря на ряд препятствий к удаче. С утра обнаружилось, что заболел Як. Ос. (прострел левой стороны, грипп) и Вас. Гр. так плохо себя чувствует, что не сможет прийти в театр (о нем расскажу особо). А вчера еще обнаружилось, что на 29-е же и на те же 4 часа дня во множестве помещений театра, в том числе и в нижнем фойе, назначены собрания по выборам, каждое помещение отведено для отдельного района Москвы. Это были разъяснительные к выборам собрания¹, о которых, вероятно, позабыл Як. Ос., когда установил этот день. А он к тому же должен был выступать на одном таком предвыборном разъяснительном собрании. Впрочем, с вручением “чаек” не должно было быть большой задержки – это дело недлинное.

Произошло все так: собрались в нижнем фойе, сначала вяловато собирались, вяловато и наши три старика переговаривались, кто что будет делать. Но как только заговорила Ол. Леон., объяснившая, почему старики дают “чайки”, и благодарившая от Вашего и К. С. имени за преданность, как только – и особенно – замечательно прочел Вашу телеграмму² Вас. Ив., – сразу тон пошел праздничный, приятно-приподнятый. Потом Евг. Вас. сказал несколько слов от Як. Ос., Вас. Гр. и

своего имени. И Ол. Л. стала под аплодисменты выкликать каждого награжденного. Они подходили, получали “чайку”, а потом поцелуи трех стариков по очереди. После этой церемонии Тарханов попросил слова и от всех награжденных благодарил театр. А потом Ол. Л. пригласила всех “чайкистов” чай пить – в кабинет Боярского (остальные помещения все под предвыборные собрания взяты). Из старших товарищей, кроме стариков, пришли еще Тарасова и Калужский. Там было очень славно, весело, старики говорили милые слова каждому, так что, как мне кажется, все новочайкисты остались очень-очень довольны. Целая группа даже тотчас же объединилась, чтобы устроить свой праздник, отметить награду. Сделают это завтра, в квартире Яншина. Звали нас с Евг. Вас., и очень хочется туда пойти, да уже дали мы слово Белокурову – он тоже празднует, свое, “Землю”³. Удастся ли соединить два таких “банкета” – не знаю.

Теперь о разных текущих делах. Придется говорить прежде всего о болезнях. С Вас. Гр. все-таки очень неважно, а сегодня такой случай: он с утра поехал в Институт кинематографии, где он читал раз в 6 дней лекцию. За время болезни он туда, конечно, не ездил, и тогда к нему приехал декан его факультета, кажется, Мариамов по фамилии. И уговаривал не поддаваться болезни, начать работать. Говорил: “У нас с вами одинаковая болезнь, поучитесь у меня, как я на нее плюю, хожу, работаю...” Нынче он и поехал, собственно, не для лекции, а чтобы поговорить с этим деканом. Приехал, ждет. А через какое-то время сообщают: Мариамов поехал в институт и по дороге умер от грудной жабы. По-моему, это произвело на Вас. Гр. ужасное впечатление. Во всяком случае, он оттуда не поехал в театр, а прямо домой и решил лежать, подчиняясь требованиям врачей. Сегодня в 6.30 Иверов везет его в Кремлевскую больницу, чтобы получить направление в Барвиху. Как только направление будет получено – В.Г. уедет.

Сегодня заболел Вербицкий, и Иверов определил у него сухой плеврит, значит, он надолго выбудет из работы. Завтра в “Карениной” Сверчков будет играть Александра Вронского, а 3-го идут “Турбины” параллельно с “Воскресением”, и Вербицкий при такой комбинации играет Гетмана. Теперь Гетмана хотят дать Ливанову, уже дали, – чтобы 3-го играл. А 7-го в вечере Москвина вместо Верб. роль следователя в “Живом трупe”, по решению Ив. Мих. дали Станицыну.

Вчера Вас. Гр. рассказал Калужскому, что Як. Ос. делился с ним своими разговорами с рядом наших актеров: с Качаловым разговор о Фамусове свелся к тому, что Вас. Ив. сказал, что считает эту роль не для себя, тем более что в труппе есть такой для нее подходящий актер, как Тарханов. Когда же Як. Ос. сказал, что из-за занятости Тарханова работа над “Горе от ума” фактически стоит на месте, то Вас. Ив. сказал, что если это нужно для производственных целей на данное время, то он готов ходить на репетиции, когда партнерам нужен Фамусов. По линии “Годунова” Калужскому дано задание выяснить дела с Глебовым: что

нужно, кто нужен, как это можно вставить в работу⁴. Потом у Як. Ос. была Еланская с заявлением насчет Анны Карениной. Тут, кажется, Я.О. больше выслушивал, чем что-то обещал⁵. Затем – Ол. Леон. пришла к нему с заявлением “от трех народных”: от Качалова, Добронравова и себя относительно “Без вины виноватых”. И, наконец, была Попова, – тоже, кажется, о “Без вины виноватых”. В этом случае Я.О. был решителен и даже, кажется, что-то сказал о том, что руководство театра не видит ее мхатовской актрисой, да еще для которой надо ставить специально пьесу. Все эти визиты я Вам описываю из сведений через третьи руки – актеры говорили с Я.О., тот с В.Г., В.Г. с Калужским, Калужский со мной, – может быть, какая-нибудь неточность в моей передаче и есть, хотя я и старалась написать Вам так, как услышала.

Сегодня Раевский ко мне заходил с просьбой написать Вам: к нему обратилась Дурасова с просьбой заниматься с ней ролью Любви Яровой. Он дважды с ней встречался, она ему читала куски, но без Вашего распоряжения он не может вести такую работу. Как я поняла его, хотя и осторожный, тон, – у него нет склонности к этому вводу.

Приходил сегодня Петкер поделиться своим огорчением: он все ждал от Маркова слова, что ему следует приехать на генеральную, он даже не узнал от него что 25-го генеральная Реперткома; он как раз мог приехать на этот день⁶. Теперь он будет стараться освободиться 3-го от спектакля – тогда приедет посмотреть “Елену”, очень его тянет. Так что Ваша телеграмма была для него и радость, что Вы вспомнили о нем, и печаль – что он пропустил генеральную.

Посылаю Вам только клочок распоряжений, что может быть интересно, остальные были о принятии и увольнении мелких служащих. Внезапно заболевший Успенский – это у него на спектакле сделался припадок печени, пришлось вызвать другого помрежа.

А расписания репетиций я посылаю на случай, если Вы захотите взглянуть, сколько работают по “Горе от ума”.

Всего хорошего – приятного самочувствия и здоровья желаю Вам и дорогой Ек Ник.

Ваша Ольга Бокшанская

357.

3 декабря 1937 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера Петкер повез Вам письмо – он не забыл его в Москве? Я так говорю потому, что во время его отъезда из квартиры его жена сидела у нас за картами и говорила: только бы Борис не забыл все, что его просили отвезти в Ленинград для передачи!

Сегодня Я.О. пришел в театр. По словам Дины Серг., он слаб, потому что все эти дни голодал – грипп у него был вместе с каким-то желудочным недомоганием.

Вот какие новости мне нынче рассказали: что будто Судаков назначен главным режиссером в Малый театр (об этом слухи шли уж несколько дней), туда же вернулся заведующим финчастью Митиль, что будто бы снята с работы Животова, уволена из театра К.С. Вопрос с Суд., вероятно, скоро определится, правда это или неправда, потому что ему ведь придется тогда просить отпуск из театра, как Мордвинову¹.

По театру у нас такая новость: 30-го днем во время шумов за сценой молодой Князев сделал замечание своему товарищу Вальберту, когда тот слишком громко болтал. Тот ответил ему грубо и нецензурно. Т.к. за этим Вальбертом много проступков по дисциплине, Ев. Вас. поставил перед Я.О. вопрос об увольнении, и Боярский решил Вальберта уволить, и потому, что он вообще-то достаточно известный хулиган, за хулиганские поступки уволенный в свое время из ТРАМа, и потому, что это будет хорошая остротка для нашей распутившейся части молодежи. Впечатление уже было произведено тем, что Евг. Вас. сразу после проступка не допустил Вальберта к дальнейшей работе, а увольнение, конечно, будет иметь педагогическое значение. Если Вы помните, Вальберт – это тот, что в “театре” “Карениной” стоит в ложе, где сидят Стругач, Цыганова и моряк – Фертман.

А вот огорчение для Евг. Вас. – это заявление Молочкова об уходе. (Молочкова Вы, вероятно, теперь хорошо знаете: в “Яровой” это второй конвоир Шванди, Сухарев и Молочков там, а в “Карениной” это моряк с семью висками, он же адъютант его высочества.) Уход вызван очень трудными бытовыми условиями. У него жена актриса, держала к нам, но не подошла, а в тот театр (он его не называет), куда он собирается, его берут вместе с женой. И второе: у него нет комнаты, он очень дорого платит за какой-то угол, который снимает. А заявление о комнате на Мясницкой он подал тогда, когда уже все было распределено. И ему отказали. Я сейчас посоветовала Евг. Вас. одну комбинацию, да он не уверен, что выйдет. У нас там живет в прекрасной трехкомнатной квартире (каждая комната метров на 22–24), и еще есть темная комната, и широкие коридоры, и живет там не служащий в нашем театре Радомысленский. Я рекомендую предложить Радомысленскому потесниться и уступить одну комнату Молочковым, раз у театра такое положение, что нужный работник уходит из-за отсутствия площади. Рад. и то должен быть рад, что его вовсе не гонят: ведь со всех нас взяли подписку, что в случае ухода из театра каждый обязан очистить занимаемую площадь в течение месяца. Евг. же Вас. говорит, что Рад. находится в каком-то особом, видимо, положении, во всяком случае, под неким покровительством Я.О., который вряд ли согласится на уплотнение Радомысленского. Впрочем, завтра Е.В. эту комбинацию предложит. У нас в доме ведь есть еще одна квартира, которая со временем должна вернуться в

собственность театра; если вернется, тогда можно в ней комнату отдать Молочкову. Это ведь еще при Вас было, что ее самовольно заняли какие-то посторонние люди, взломав замок театра. Это лучшая квартира в доме, которая готовилась для Аркадьева, а затем береглась для Я.О. А он, как ему ни хочется уехать из своей теперешней квартиры, на Мясницкую не едет, говорит, что ему неприятно будет, если его начнут так характеризовать, как Егорова за захват последним громаднейшей квартиры для себя, как было на ряде заседаний актива.

Сегодня пойду посмотреть Ливанова в Гетмане. Заодно посмотрю весь спектакль “Турбинных”, я еще и Кторову – Шервинским не видела, и Соснина в роли Алексея только кусочки.

Сегодня вечером обещают точно ответить насчет путевки Вас. Гр. в Барвиху. Говорят, Барвиха совсем пуста, там только Леон., Довженко и писатель Малашкин. Но почему-то тянут с ответом. А Вас. Гр. уж стал нервничать, он уж приготовился ехать – так уж лучше поскорей.

Вас. Гр. все нервничает с “Половч. садами”, с требованиями, что нам надо ставить современную пьесу, идущим от Юк., с тем, что, с одной стороны, по словам Леонова, последний имел разговор с Васильевским, и тот сказал, что запрещать пьесу не за что, но и разрешать нет желания, а с другой стороны, будто бы Керж. поручил своему помощнику послать в МХАТ письмо, предлагающее начать репетиции “Половчанских садов”, а Я.О. и Вас. Гр. не согласны с такой формулировкой применительно к леоновской пьесе: разрешается начать репетиции, а настаивают на формуле: пьеса разрешена к постановке.

До свиданья, милый Владимир Иванович, Вам и Ек. Ник. желаю всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

[1938]

358.

28 февраля 1938 г.

Дорогой, милый, крепко любимый Владимир Иванович! И страшно заговорить с Вами, и из души просится сказать, как горько, как невероятно подумать, что ушла от всех нас наша милая, обаятельная, такая светлая, такая прелестная, изящная внешне и внутренне Екатерина Николаевна – всегда буду ее помнить, всегда буду вспоминать с громадной нежностью, благодарностью, с крепким желанием научиться у нее, заразиться от нее ее восприятием жизни, ее отношением ко всему живому, ко всему нас ежечасно окружающему. Не умею я выразить все, как чувствую, слова получаются топорные, сижу над машинкой и реву вот уж сколько времени, одной рукой открываю глаза, другой стучу по буквам. Я оттого и слова не могла Вам сказать в эти дни, что все время перехватывало в горле, и не хотела Вас волновать, а теперь решилась написать, что так жаль, ах как жаль, что должны мы расставаться с такими чудесными людьми. Всегда, всегда буду помнить ее – милую, прелестную до конца дней своих, светлую.

Вот сейчас возьму себя в руки и напишу Вам про театр, про дела. Да, про открытку для Марии Евг., что Вы вернете, я сговорила с Мишей, что дошла ей, она уезжает нынче в 4, а у меня есть ее харьковский адрес, я пошлю¹.

Вчера вечером, когда Вы позвонили, я смотрела “Каренину”, Кедров играл в первый раз. Как раз я вышла из зала к телефону перед сценой примирения, так что ее я не видела, а все остальное смотрела. Но нет смысла писать мои впечатления, очень хорошие, т.к. Вам интереснее будет узнать впечатления Вас. Гр-ча, которые он просил Вам передать. Он сказал, что считает, что Кедров совершенно верно схватил зерно образа и те задачи, которые ставились перед исполнителем этой роли режиссурой. Но, в силу своих личных актерских качеств, он как бы замедлил не только ритм, но и осмысление каждого куска, о чем Вас. Гр. ему сказал и просил его в этом смысле над собой работать, чтобы добиться общего со всем спектаклем ритма; дал он ему на это сроку до трех спектаклей. Впрочем, и сам Кедров мне как раз говорил перед последним актом, что у него ощущение, что примерно на 3–4-м спектакле он почувствует себя в порядке, а сейчас ему просто трудно, он еще не привык хотя бы к тому, что только пройдет его картина, как его уж хва-

тают в руки портные, переодевают, что-то с него стаскивают, надевают, и снова выходи на другую картину. Это его выбивало немало. Второе замечание Вас. Гр. то, что он еще только пунктиром наметил характерность – и об этом он Кедрову сказал и просил обратить на это внимание. Он для себя уж нашел, например, походку, постав ног, но пока что делает это осторожно. Что касается внутренних переживаний Каренина, то Вас. Гр. считает, что у Кедрова эта семейная катастрофа большого государственного человека дана глубже, чем у Хмелева. Вместе с этим отчетом о введенном ответственном исполнителе Вас. Гр. просил передать Вам свою горячую любовь, самые нежные чувства. (Тут же как-то застыдился этих слов, сказал: может, это и не надо писать?)

Продолжая о Кедрове, хочу только сказать, что первые два акта я сидела с Лид. Ленской рядом, и она, правда, видевшая спектакль только на генеральной, несколько раз сказала, что Кедров ей нравится больше Хмелева, что он ближе к Толстому. Мне кажется, что Кедров непременно будет великолепно играть эту роль, по-своему, и потому о нем даже вряд ли будут говорить сравнительно с Хмелевым. Что он играл вчера безупречно и вызвал громадные аплодисменты – эту сцену после скачек в беседке. Несколько фраз – а так захватил зал, что у всех дыхание замерло, пока не кончил он слова и зал не заплодировал.

Сегодня в Ленинград выезжают Грем. и Гудков для осмотра сцен домов культуры, а на 2-е туда же поедут Калужск. и Шелонский (как наиболее знающий помреж по самым трудным спектаклям: “Синяя птица”, “Каренина”), и тогда окончательно договорятся о репертуаре для каждого дома культуры.

Милый Владимир Иванович, посылаю Вам приготовленный Мишей пакет из дома и то, что есть у меня. Завтра поедет к Вам Миша, а потом – как Вы хотите получать почту из Москвы? Каждый день, или через день? Яша может приезжать в любые сроки, только скажите, как Вам хочется². А есть ли у Вас телефон, по которому в нужном экстренном случае можно Вам позвонить? Говорят, в Барвиху трудно дозвониться, но, может быть, есть какой-нибудь “тайный” номер? А можно приехать мне к Вам, навестить?

На всякий случай: у нас выходной не 1-го, а 2-го – тогда я буду дома.

Хоть Вы не любите ботики, но все-таки спрошу: не нужны ли они Вам там для прогулки, или там хорошо расчищают дорожки?

Пришли два письма: одно от Михаловской (“Юл. Цез.”), оч. благодарит Вас и К.С. за помощь, другое от Илюхиной, просит прислать хоть 5 р., пишет “сiju без копейки”, просит извинить, что беспокоит просьбой³.

Владимир Иванович, Вы такой глубокий, такой необыкновенный, такой единственный в своей мудрости человек, Вы знаете, как Вы нужны не только отдельным людям, но громадному делу всего театра, я верю, что Вы найдете силы, мужество, желание работать, найдете в со-

знании таких простых и вместе великих мыслей, какие и не приходят в голову нас, обычных людей. Крепко жму Вашу руку. Люблю Вас всем сердцем.

Ваша *О.Бокшанская*

359.

6 марта 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Все ждала, не позвоните ли Вы мне вчера вечером (правда, это было бы слишком скоро после нашего к Вам визита) или сегодня утром, звонила сама в Барвиху, но все занято было, и решила написать, раз посылаю Вам пакет со Столяровым. И буду по этому письму ждать от Вас звонка.

Вот какие вопросы меня просят передать Вам:

Во-первых, Сахновский сообщает, что он взял в “Пол. сады” Боголюбова на роль Юрия (вместо Вербицкого). Верб. явно был недоволен ролью и создавал неблагоприятную атмосферу на репетициях – это только с одной стороны, а с другой – для Боголюбова полезно получить не только вводы, но и попасть в какую-то работу театра с самого ее начала, чтобы понять систему работы МХАТ, о которой он пока не имеет ясного представления. Верб. от роли вовсе освобожден. Какое Ваше ко всему этому отношение? Правда, Вы можете сказать – что ж Вы меня спрашиваете, все уже все равно сами там сделали. Сахн. сегодня в первый раз встретится с Боголюбовым.

Второе: вчера вечером Сахн. пришел ко мне со след. разговором. Дней 10 уже болеет Тихомирова, у нее неблагополучно с печенью, был припадок, и это еще осложняется бывшим у нее гриппом. А у него из-за этого работа идет в “Половчанских” не полностью, она ему сильно нужна. У него возникла мысль о второй исполнительнице, и он имел дважды разговор об этом с Тарасовой, кот. заинтересована ролью такого порядка и хочет работать. Правда, раз это Тарасова, то это уж не вторая исполнительница, а она станет первой, а Тихомирова получит уже дублерство, скажем, 3-й и 5-й спектакли, никак не больше. Допускаете Вы такой вариант? Сахновскому это дело очень улыбается, он видит в Тарасовой все данные для представляемого им образа. Очень ждет Вашего решения¹.

Третий вопрос от Калужского: вчера Шевченко снова имела с ним разговор относительно дочери. Он ей сказал Ваше решение, а она задает контрольный вопрос: не разрешат ли ее дочери уже сейчас начать посещение тех занятий, которые ведутся с нашим вспомогательным составом: система с Богдавленской, движение, дикция. Евг. Вас. ждет Вашего решения. Шевченко находится в ужасно расстроенных чувствах: арестована

ее сестра, кот. служила сестрой милосердия в Кремл. больнице, это, несомненно, по ее мнению, имеет связь с процессом, потому что сестра ее работала и с Левиным, и она, Фаина Васильевна, вчера в слезах говорила Евг. Вас. о тяжелом своем душевном состоянии из-за сестры и дочери².

С дочерью еще та беда, что у нее уж года два идет этакая “жениховская история” с нашим молодым актером Князевым, и теперь дочка заявляет, что если ее не возьмут в театр, то она возьмет и выйдет замуж за Князева, против чего восстают родители: девочке 16½ лет, зачем же так рано решать выйти замуж! Да еще за такого неопределившегося мальчика, как Князев! А дочь говорит: если я начну работать в театре, я Князева из головы выброшу.

Вот основные три дела, что я должна была Вам сообщить. Была еще просьба передать Тарханову, что по здешним планам он должен был играть не 11-го, как он мне вчера сказал, а уже 9-го, в “Дне”. Теперь эта просьба отпадает потому, что нынче едет к мужу Хмелева³, и Евг. Вас. передает с нею письмо Тарханову, в котором сообщает это. А Тарханов-то рассчитывал, что 7, 8 и 9 будет заниматься с Вами!

Посылаю Вам “Хлеб” – это мне дал для Вас наш Мих. Ант. Разумовский⁴. Постараюсь найти для Вас еще интересные книги. Говорят, очень интересная вышла “Сервантес”, автора не помню. Пробовала до-читать, но пока не удалось.

У меня есть надежда, не проскочу ли я к Вам завтра. Ведь машина с газетой пойдет, завтра выходной, я могу беспрепятственно уехать. Если только меня пропустят там, у Вас, Ваши церберы. Я скажу, что только передать пакет, а вдруг Вы и выйдете в вестибюль, как тогда.

Не надо ли чего-нибудь привезти из дома? из театра?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Я все думаю, что не нравится Вам там, что бы сделать, чтоб Вы не чувствовали себя приневоленным там оставаться... Мне все кажется, что когда мы все начинаем настаивать: нет, Вы уж оставайтесь здесь, – Вы покоряетесь: делайте со мной, что хотите (это Иверову); вы же видите, что я не могу активно бороться против ваших настояний. Такое у Вас настроение.

Еще раз – всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

360.

12 апреля 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Только что отдала Мише квитанцию, по которой я положила на Ваш текущий счет 11 364 руб. 92 коп., бывшие на счету Екатерины Николаевны. Миша обещал спрятать квитанцию вместе с Вашими документами по сберкассе.

У нас вчера закончилось обсуждение актерским цехом репертуарного плана, доложенного собранию Боярским. Дело это заняло два заседания (9-го и 11-го), но прошло вяловато, если не считать достаточно истерического выступления Еланской и отповеди на него со стороны всех после выступавших, вплоть до представителя ЦК Рабиса, считающего, что любой актер и актриса могут позавидовать сыгранным и игровым ролям ее, званию и ордену.

Ежедневно говорю с К.С., который хочет побольше знать о Вашем здоровье. Звоню ему два раза в день по его просьбе, а если только задержусь с звонком – он начинает сам меня разыскивать.

Все в театре спрашивают о Вас постоянно, все хотят, чтоб Вы поскорей поправились. Очень всем понравилось, что Вы собираетесь в Ленинград, – соскучились по Вас. Про себя я и не говорю – Вы знаете, как я жду Вашего возвращения в работу.

Когда же можно будет начать “приобщение” Вас к нашей жизни? Вы скажете? Тогда буду Вам писать.

Милый Владимир Иванович, пожалуйста, лечитесь старательно, без этого, вероятно, поправиться труднее. Вон какую болезнь Вы схватили оттого, что считали себя выздоровевшим от ангины. Теперь, вероятно, за Вами будут следить крепко, чтоб Вы не сделали чего неосторожного.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю Вам побольше сил, а с ними – здоровья.

Ваша Ольга Бокшанская

361.

6 июня 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Стало быть, 4-го утром я говорила с секретарем Литвинова, когда и куда можно позвонить М.М. Он мне указал так: М.М. бывает обычно в наркомате от 12 до 5 час. Лучше всего к нему позвонить по “вертушке”, аппарат которой находится в его кабинете, № 124 (сто двадцать четыре). Секретарь сказал мне, что в Барвихе, наверное, есть “вертушка”, вопрос, можно ли по ней говорить отдыхающим, она находится, вероятно, в дирекции; но я уверена, что если Вы скажете директору, что Вам нужно соединиться с М.М. по “вертушке”, то он любезно Вам это предложит. Секретарь М.М. говорит, что по ней слышно много лучше, чем по обычному городскому телефону. (Знаете ли Вы, приходилось ли Вам встречаться с этим названием “вертушка”? Насколько я знаю, это специальный кремлевский телефон, такой аппарат, помнится, стоял в кабинете при ложе у нас в театре, может быть, и теперь стоит. Это, несколько легкомысленное, название “вертушка” совершенно крепко за этой телеф. линией закрепилось, иначе ее не называют.) Если же Вы

захотите соединиться по городскому телефону, то номер К 0.40.80 – это секретарь наркома, который Вас соединит с М.М. По этому телефону я как раз к нему и звонила.

4-го же вечером доставили прилагаемый конверт с приглашением от Литвинова.

Разрешите переслать Вам несколько выдержек из письма Евг. Вас. о ленинградских делах, и присланную им рецензию о “Земле”: (письмо от 3 июня, получила вчера).

“3-го с утра было заседание по “Половчанским садам”. Ерунду затевают страшную и невыполнимую: подряд три дня премьеры. Ни я, ни В.Г., ни Раевский, уже обсудившие всю нелепость этого, не спорили, решив высказать все это Я.О. на закрытом заседании, когда пройдет обсуждения “Горя от ума” и “Достигаева”¹. С пост. частью разговор прошел делово (“Половчанские” будем репетировать с сентября в клубе НКВД). Писать музыку решили звать Дунаевского или Хренникова.

Сегодня, 3-го, идет “Каренина” для городской партконференции, а публику, купившую билеты, отвели на 1-е июля. Вот и выпал день из отпуска. Вчера на общественном (для актеров) просмотре “Каренина” шла с громадным успехом, хотя Аллу, между нами, здешние артисты, вернее, артистки поругивают.

На юбилее Мунт были Книппер и Коренева. Книппер сказала ей несколько слов и прочитала телеграмму Вл. Ив.²

Читка пьесы Вирты была, успеха пьеса не имела. Москвин, говорят, прямо в глаза ее выругал (“я попал уже к шапочному разбору и не наслаждался вторично этим шедевром!”³).

Кроме того, Евг. Вас. пишет, чтобы я применительно к предстоящему обсуждению работ по “Горю от ума” прислала сообщение о состоянии здоровья Ливанова и о тех сроках лечения и отдыха, которые указывают врачи, а также – сможете ли Вы начать репетиции с 15–16 августа, остался ли этот план в силе? Что мне ответить?

Я вчера сговорила с Мишей, что он захватит к Вам книгу Балухатого “Чайка” – он прислал Вам на дом ее⁴. В связи с этим я хочу Вам рассказать, какие произошли события. Еще едучи 3-го от Вас в машине, мы услышали от Павла Ал. рассказ, что накануне к нему в кабинет пришла Рипси и сказала, что К.С. получил от Балухатого книгу и полон возмущения – кто выдал тому режис. экземпляр и вообще все материалы? Елиз. Петр. взволновалась и сказала, что она помнит представленный Балухатым документ на право работы над экземпляром и производство снимков; вообще музей чрезвычайно строго относится к даче материалов, и она уверена, что по их части все в порядке. Но что раз пошли такие разговоры, то она проверит, сохранились ли все разрешительные от К.С. материалы⁵. Мы все высказали предположение, что это делается со стороны Рипси с двумя целями – во-первых, показать, что К.С. не имел отношения к этой книге (как всегда – без меня меня женили), а во-вторых, чтобы придаться к случаю, давно ею подыскиваемому, чтобы ото-

брать от музея в свое собственное хранение все реж. экземпляры К.С.⁶.

Оказывается, вчера Рипси пришла в музей и с места начала грозно: К.С. возмущен выпуском книги Балухатого, подает в Союз сов. писателей на него жалобу и просьбу об охране его, К.С., авторских прав, и хочет узнать, почему у Бал. оказался экземпляр. Музей, еще накануне готовый к такому вопросу, моментально представил ей сфотографированную им в свое время (даже фотографировали! – вот какая строгость в музее) страницу из письма К.С. к Балух., на машинке, без даты (Бал. сам где-то поминает, что это было ему дано в 25 году), где сказано, что ему разрешается работать над экземпляром “Чайки” и делать фото. О праве издания, правда, там ни слова. Для музея это, конечно, распоряжение, и, получив от Балухатого такой документ, они выдавали ему режис. экз. и позволяли Сахарову производить снимки. По мнению Ел. П., с которой я вчера вечером говорила, дело было так: еще до ее поступления, т.е. примерно в 23 г., когда в музее настоящего порядка не было, а работала там такая Маторина, весьма охотно выдававшая режис. экземпляры и сама пользовавшаяся для газет разными музейными материалами, вероятно, Бал. и скопировал весь экземпляр “Чайки”, а позднее, получив от К.С. такой документ (в котором К.С. даже одобряет его желание поработать над материалом “Чайки”), он уж дорабатывал сделанные им самим записи. Рипси же говорит, что К.С. ни в коем случае не считал, что в печать пойдет именно такой полный по его реж. экз. материал, он думал, что Бал. изучает материалы для своей книги о “Чайке”. В своем же реж. экз. он видит много неверного и не подлежащего опубликованию, он бы не позволил это делать ни в коем случае, если б его спросили. А уж если это сделано, то считает, что это нахальство не предложить ему часть авторского права. Когда же он или Рипси читали публикации, что вот, мол, скоро выйдет такая книжка Балухатого, то они и считали, что это выйдет в свет именно книга о “Чайке”, но не статья Бал. и копия реж. экземпляра К.С. Рипси сказала, что К.С. послал запрос Бал., а затем подаст в Союз сов. пис.

К тому же Рипси заявляет сомнение в отношении представленной Балухатым бумаги от К.С.; она говорит, что это не ее машинка, такой у нее в 25 году не было, и это не обычная для К.С. форма обращения, адресования – просто С.Д.Балухатому, а К.С. всегда пишет, а она за ним печатает: гр. – и фамилия. Словом, она даже считает, что с этим письмом – дело темное.

А Бродский и Телешов, зная хорошо Балухатого, заверяют, что ему надо было бы сойти с ума, чтобы решиться на издание реж. экземпляра без точного согласия и договоренности с К.С., что это порядочный и осторожный человек, что вызвать для него такой скандал, каким грозит К.С., равносильно самоубийству по линии писательской работы. Вот какие дела!

Милый Владимир Иванович, вот еще дело: ведь Вы обещали для книги к 40-летию дать свою статью. Я знаю, что какие-то переговоры с

К.С. в этот приезд Бродского идут, статьи от К.С. еще нет, но, вероятно, скоро будет⁷. Я хочу Вам сказать, что если Вам придет в голову просто набросать что-то, не очень заботясь о разборчивости почерка, то, пожалуйста, делайте это. Я, например, все решительно разобрала, что было написано на обороте листа виртовской пьесы. Так что надеюсь, что Ваши даже размашистые записи я разберу, перепишу для Вас как черновик, а Вы потом выправите по переписанному. Но Бродскому надо что-то ответить про Вашу статью и указать какой-то приблизительный срок, он ведь остальной весь материал по книге надеется получить под-писанным к печати уже 25 июня.

И еще: помните, говорилось, чтобы поместить в этой книге Вашу стенограмму – беседу перед “Горе от ума”. (Или ее отложить для книги о “Горе от ума”, которая, наверное, будет предложена нам к издательству.) Это я спрашиваю к тому, не прислать ли Вам эту стенограмму просмотреть, – в том, выправленном Виленкиным, виде, что Вы раз уж просматривали?

Посылаю Вам Хемингуэя, на всякий случай, хоть и не уловила тогда, интересно ли Вам его прочитать. Многим эта книга очень нравится, но, по-моему, у него есть лучше, только у меня их нет, – напр., “Прощай, оружие!” или ряд рассказов.

Милый Владимир Иванович, если я Вам понадобится – я сегодня весь день предполагаю пробыть, так часов до 10 вечера, у Мих. Аф. (Г 6.47.66), который всегда бывает польщен Вашим вниманием и просит Вас приветствовать, но тогда я уж вернулась от разговора по телефону с Вами и уж поздно.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

362.

9 июня 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Прежде всего хочу Вам передать самый сердечный привет от Щурова. Евг. Вас. просил меня узнать про здоровье Ливанова, чтоб они могли там делать расчет репетиций в начале сезона, и я, не застав никого из семьи дома (они все, оказывается, на даче), позвонила Щурову, а тот обрадовался вестям о Вас и наиподробнее образом стал о Вас расспрашивать. Я ему сказала, что и Вы с неизменной благодарностью вспоминаете его. Вместе с приветом он при моих двух с ним разговорах просил Вам непременно передать, что и он со своей стороны очень Вам рекомендует продлить хотя бы до 20-го Ваше пребывание в Барвихе, что это принесет Вам громадную пользу на будущее. Он интересовался, удалось ли наладить получение кремлевского питания для Вас, когда Вы переедете в город, словом, все детали Вашей жизни его интересовали.

Про Ливанова же он мне при первом моем звонке не сказал ничего определенного, а сказал, что переговорит с лечащим врачом, и чтоб я позвонила к нему в тот же день вечером. При втором разговоре он мне сообщил, что Ливанов начинает ходить, подчеркнул “начинает”, рана его еще не зажила, гной появляется, однако есть расчет, что между 15–20 июня он будет настолько уж в порядке и рана закроется, что его в эти дни направят на месяц в Барвиху, где, мыслится, он очень хорошо должен восстановить силы. После Барвихи он может съездить в Кисловодск и к середине августа, или к его концу, или во второй половине его, будет в состоянии начать обычную работу. Что же касается вторичной операции, то, если она потребуется, она будет сделана, может быть, через год, а может, и позднее, – нет необходимости сделать ее теперь же.

Теперь про дела Ал. Ал-дровича¹. Вчера он был в издательстве, потому что накануне мне позвонили оттуда с предложением подать заявление. И не успел он оттуда уйти (правда, кажется, тоже не сильно обнадуженный), как этот тов. Шустерман, с которым я вела переговоры, позвонил ко мне о неудаче этого дела. Шустерман в свое время говорил по этому поводу с начальником коррект. отдела, тот не решался взять новое лицо, раз их корректоры не сильно загружены, но замдиректора (зам Луппола), к которому затем Шустерман обратился, сказал, что берется переговорить с Луп. и получить санкцию на приятие. Луппол бывает не регулярно в издательстве, и поэтому вопрос этот к 8-му числу еще не был окончательно договорен. И как раз в то время, когда Шустерман с заявлением Ал. Ал. в руках сидел у замдиректора, в кабинет вошел директор Луппол и сразу: какой у Вас тут вопрос! И не дослушав: “Никого принять нельзя, наоборот, 4–5 корректоров придется сократить, я как раз из Наркомфина, где мне сообщили о необходимости сокращения всего фин. плана на 38 год. Нам страшно срезаны бумажные лимиты и изд-во придется сжимать”. Так он был удручен всеми этими перспективами, что настаивать на приеме Ал. Ал. эти два заступника не решились.

После всего этого рассказа я на всякий случай спросила, как зовут Луп. (Иван Капитонович), вдруг Вы захотите написать ему, и какие еще имеются издательства, куда можно было бы обратиться. Он мне назвал: Детиздат и “Молодая гвардия” (более, оказывается, крупные, чем Гослитиздат, вообще более других ограничиваемый; литература детская, молодежная и научная не так ограничиваются в выпуске, как просто художественная, гослитиздатовская), сельхозиздат, партиздат, техиздат...

А вечером позвонил мне Ал. Ал., чтоб рассказать свои впечатления от похода в Гослитиздат, которые были настолько, видно, ненадежны, что мое сообщение его несколько не удручило, а он мне сказал, что, выйдя из Гослитиздата, он направился по своей инициативе в научно-технич. изд-ство, имел там серьезный разговор и ему предложено прийти сегодня, 9-го, заполнить анкету. Он мне сказал, что не унывает и на последнее место надеется. Это, действительно, должно иметь основание, пот. что для такого издательства нужны чрезвычайно культур-

ные люди, и Ал. Ал. с его образованием может быть им чрезвычайно полезен, может быть, настолько полезен, что и анкета его не испугает. В итоге разговора с Ал. Ал. он меня попросил все Вам это рассказать.

Евг. Вас. пишет, что 3-го “Каренина” шла для партконференции и начать просили только в 9, а начали в 10. “В первом акте выпустили падение, скачки (?!) и кабинет, во втором самоубийство (хотели адвоката, но не вышло), в третьем только часть будуара и кончили спектакль в 1 ч. 40 мин.”.

“Вчера, 5-го, с утра длиннейшее заседание о “Достигаеве” в номере Леонидова. Решили все-таки выпускать подряд, потому что Я.О. идет даже на отмену нескольких спектаклей, чтобы репетировать “Достигаева” на основной сцене, не мешая “Горю от ума”. Решили никого не заменять, разве только Лебедева на днях покажет хорошо Л. М-чу Антонину (очень слабая исполнительница в спектакле, совсем молодая Кондракова. А вообще ведь был разговор о недостаточной силе целого ряда исполнителей, и думали с осени делать замены²). Подробно не пишу, т.к. ведется протокол, который пришлю.

6-го с утра опять громадное заседание: о порядке юбилея, об октябрьском репертуаре в связи с ним и о дублерах. Все это пришлю”.

Я спросила на всякий случай Евг. Вас., не знает ли он планов Тарханова и Гейрота после Ленинграда. У меня была мысль, что если они приедут в Москву, а Вы в это время здесь еще будете, может быть, Вы с одним из них или с обоими и повидаетесь до отпуска их, т.к. считаете встречи с ними наиболее важными из всех исполнителей³. Евг. Вас. обещает между прочим узнать у них об этом, не обнадеживая их свиданием с Вами, и тут же пишет о предстоящем ему серьезном разговоре с Гейротом, который что-то “с петель сорвался”: поссорился с Тарасовой и поэтому у дверей ее уборной разглагольствует о том что, мол, Тарасова в Анне здесь никак не прошла, не в пример свердловской премьерше, тоже там гастролирующей⁴; а, кроме того, есть заявление участниц “У Бетси”, что он им во время акта говорит сальности. Придется его призвать к порядку.

Посылаю вырезки из ленинградских газет.

И еще о посылаемом: прилагаю небольшую статью, которую написал Виленкин по заказу Бродского для раздела книги “Документы”. Бр. предлагает сделать в этой статье сноску о вспомнившейся Вам работе театра по линии общедоступности. Утверждаете ли Вы ее? Я должна ему на это ответить. Я побывала в Вашем кабинете, ключ от шкафа оказался в самом шкафу, но этих протоколов я там не нашла. А т.к. Вы предложили ограничиться несколькими строками в статье, то Бр. и предлагает на Ваше утверждение эти вот строки.

Кроме того, посылаю стенограммы бесед по “Горю от ума”. Разрешите Вам напомнить на всякий случай, как это было, и объяснить, почему столько стенограмм я шлю.

Посылается на всякий случай первая стенограмма, которую Вы

начали править, а потом предложили закончить Виленкину. Затем посылается переписанная после выправки та же стенограмма, которая в свое время у Вас была, и Вы сказали, что хотели бы еще ее выправить. И затем посылаются стенограммы двух последующих бесед, которые вовсе не правились, эти на всякий случай, если Вы найдете нужным и из них кое-что взять.

Бродский, однако, просит, чтобы этот материал был не в виде стенограммы беседы, а в виде статьи для книги. И умоляет Вас, молит всем святым, дать ему такую статью, и, если можно, не позднее конца июня.

А я еще прошу непременно сохранить все эти стенограммы, у меня они последние, и музей взвоят, если они пропадут.

И последнее дело: настойчивая просьба Завадского принять его. Он уж звонил, не состоится ли это 9-го, и теперь будет звонить – когда, 12-го или 15-го? Хоть он довольно долго останется здесь, но просит свидание ускорить, говорит, что ему очень нужно. Как я слышала, ему в Комитете категорически отказано в возвращении в Москву в этом сезоне⁵. У него была и вторая забота, не только о себе, но и о своей бывшей жене, Вульф, которую угнетает перспектива вернуться в Ростов, где, видно, все их семейные расстройтва вмешиваются и в работу. Но не думаю, чтоб он просил Вас вступить за нее, во всяком случае, я ему сказала, что в дела такого рода Вы не вмешиваетесь, и посоветовала обратиться через Сахн. к Я.О. Вульф однажды уже получила отказ, и, советуя ему такое обращение, я не скрала, что очень мало шансов на пересмотр ее дела в положительную сторону. Фактически, она не нужна, и это теперь имеет решающее значение для каждого руководителя дела, из-за одного человеколюбия ни один директор не возьмет в штат работника.

Что же мне ответить Завадскому насчет приема?

Если я Вам понадоблюсь сегодня, до половины восьмого я дома (К 4.83.96), с 8-ми до 12-ти – у Булгакова (Г 6.47.66), завтра с утра до двух – дома.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Владимиру Ивановичу
Счет

Приход:

Получено жалованье за май 5 000

Получено за III, IV, V и VI орденских денег

по двум книжкам (по 15 и 25 руб.,

а всего по 40 руб. за месяц) 160

5 160

Расход:

Послано М.Е.Бурого 600

Пересылка этих денег 6

О.С.Бокшанской, принявшей с великой
благодарностью 1 000
Передано Мише (Куклин отдал без расписки) 3 400
Е.П.Аслановой на обеда в июне 90
Взнос в профсоюз за май 50
Телеграмма Е.М.Мунт 8
5.154
Прилагаются при сем 6.

363.

11 июня 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

9-го к вечеру получен был из Ленинграда, из реп. конт. пакет на Ваше имя с рапортчиками и газетными вырезками, которые я Вам посылаю (за исключением отобранных мною вырезок, тех, что уже были у Вас, я их переслала в наш музей).

Тогда же прислали мне из театра целую кипу распоряжений, в которых, среди множества незначущих, есть два довольно любопытных по линии владычества Ник. Вас. Прошу Вас обратить на них внимание. Впрочем, первый не больно примечателен, он только закрепляет за Н.В. персонально машину, хоть до 16-го августа, но чтоб иметь полную видимость директора. Зато второй, о случае с машиной для врача К.С. – Фромгольда, это уж многоречивый приказ. В нем в малом сравнительно количестве строк вот уж действительно излил он всю желчь и всю досаду, а кроме того, еще раз подчеркнул свое “замство” К.С., заботу о нем одном. А по тону – “приказываю” – таких у нас и не бывало, нет, крепко в нем сидит Павел Первый, монарх.

Утром сегодня сказала я Маркову Ваше впечатление от его статьи, и вот что он просил Вам написать. Статья эта уже набрана, уже он правил первую корректуру и скоро должен получить вторичную. Он просит свидания с Вами поскорее, чтобы успеть от Вас получить нужные указания, тогда он сможет внести изменения во вторичную корректуру. Однако он просил Вам сказать, что эта статья так и была задумана, как сухой конспект истории МХАТ, без лирики, впрочем, он написал ее трудно, без увлечения, под сильным напором; настаивал на том, чтоб ее не помещали, даже тогда, когда уж написал, но ни Бродский, ни Сахн. на изъятие статьи из сборника не согласились¹. Если Вы сочтете возможным, чтоб Марков по этому делу приехал завтра, 12-го, дайте, пожалуйста, знать.

Наш музей обещал мне дать для сегодняшней отсылки Вам материал по книге в копиях, просит только по миновании надобности вернуть, это их единственный экземпляр.

Марков рассказал мне, что вчера был у него Вирта, которому он дал Ваши замечания. Вирта согласен не со всем в них (особенно он на-

стаивает, что пьеса происходит в 32-м, а не в 37 году, значит, ситуации были не так ярки), но в первую очередь он сказал, что глубоко Вам благодарен за строгую критику. Он решил сейчас пьесу вовсе отложить в сторону, месяца на полтора, и потом взяться за нее со свежей головой; пока что и не знает, как сделать последний акт. Про Ленинград сказал, что там ему о Вашем мнении не говорили, что Москвин принял первые пять картин и ругал конец пьесы, а вообще у Маркова не осталось впечатления, что он почувствовал неуспех читки там.

Потом Марков мне рассказал, что вчера Тренев устроил ужин-встречу с театром Завадского в Союзе писателей, и Маркова пригласили обе стороны встречи. Эта товарищеская встреча совпала с награждением Тренева орденом, вылилась поэтому в чествование Тренева. Туда приехали Ставский, Лежнев из “Правды”, Альтман, Юзовский. Лежнев прочел декрет о награждении, остальные перечисленные говорили речи. Маркову тоже предложили выступить, и он сказал речь, которая получила очень большой успех, такой, что все, включая и юбиляра, пожалели, что не было стенографистки, что жаль, что пропала такая речь; Лежнев просил восстановить ее, как статью для “Правды”, а уже если невозможно, то дать Маркову в “Правде” статью о Горьком к 18-му². А юбиляру Марков речью особенно угодил потому, что, по его словам, это была речь настоящего Художественного театра. Вероятно, действительно речь была удачна, потому что у Павла Ал. сегодня хорошее настроение, как бывает после удачи.

Кстати о Завадском (или некстати?) – он виделся с К.С. и тот ему сказал: “Не знаю, как быть с Вашей бумагой, хотел лично ее вручить, а вот не едут ко мне... А удобно ли, что бумага, подписанная Владимиром Ивановичем так и не послана?” Это мне рассказал Марков со слов Завадского и просил сообщить Вам. А для чего – я не понимаю.

Еще рассказал Марков, что видел вчера Хмелева, приезжавшего сюда на один день выпускать “Бедную невесту” у себя в театре, а позднее Афиногенова, недавно вернувшегося из Ленинграда. Афин. говорил, что от своего успеха мхатовцы стали так важны – не подступись! Тупеем не кивнут!³ Из всех бывших своих приятелей он только у Грибова нашел прежние приятельские и простые повадки, до остальных и не дотянуться, вроде Станицына, Яншина... Даже Титова, по его словам, заважничала.

Вчера позвонил мне Чернов и сказал, что вот такая выходит заминка с получением материалов для ремонта МХАТ, и у него есть уже договоренность с Наркомтяжпромом, что если он представит письмо от Вас на имя Лаз. Моис., то ему выделяют нужные металлы и материалы⁴. Поэтому он прислал черновик бумаги с просьбой его переписать и отправить к Вам вместе с его покорнейшей просьбой подписать. Если Вы захотите внести изменения в форму письма, – пожалуйста, я снова перепишу и пришлю Вам. На всякий случай он прилагает и список материалов, который просит вернуть с подписанной бумагой.

По делу о Вашей квартире, о деньгах, он сказал, что оно как будто бы налаживается удачно, но в Комитете обыскались – не найдут самого этого приказа. Я поэтому предложила ему, что получу от Лигской копию и передам ему, а он отнесет в Комитет.

Вот пока все дела.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Сегодня вечером буду у Булгакова, а завтра с утра примерно до часу дома, а потом, если я уйду из дому, то только к Булгакову. Вечером, вероятно, опять-таки дома. (Это для уловимости.)

364.

16 ноября 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Начинаю с бюллетеня о наших больных. Положение с Вас. Ив. все то же, т.е. температура днем 37 и вчера и сегодня к ночи поднимается до 37,2. Нина Ник. вчера была у него и сказала мне, что настроение его довольно угнетенное, но он ей, например, сказал, что ему “как будто лучше”. Она спросила: чем лучше? Он объяснил: слабость немного меньше. Нина Ник. считает, что сейчас болезнь стоит на месте, не идет в сторону ухудшения, но и выздоровлением, намеком на поправку положение тоже нельзя считать. Воспаление таково, что ежечасно можно ждать и ухудшения, и повышения температуры, и появления новых очажков.

Про Книппер слышала, что с нарывами у нее много лучше, но как будто простудилась она с переездом на новую квартиру, по соседству с Вами, и у нее немного повысилась температура. В точности не удалось узнать, потому что она уже на новом месте, там телефона нет, а такие сведения, что я Вам сообщаю, сказали по телефону со старой квартиры.

Шевченко сегодня играет в “Достигаеве”¹. Тарасова должна была сегодня переехать из Кремлевской домой. Проверить это опять-таки нельзя, потому что нет там у нее телефона. Ей лучше, но играть она будет только 24-го, поэтому отменили не только сегодня “Каренину”, но и 22-го “Таланты и поклонники”.

Ленинградский балет дал два вечера в помещении нашего филиала. Танцевали все они блестяще, но номера привезли такие старые, что даже я, такая страстная их поклонница, была только на первом вечере, а на второй не пошла, предпочтя карты. За исключением двух прекрасных номеров (Чабукиани и Уланова и Чабукиани и Люком), новых и интересных, все остальные были повторением прошлых приездов.

Сегодня днем я была на генеральной “Горя от ума” в Малом². Трудно сейчас, через три-четыре часа после просмотра, разобраться хорошенько в впечатлениях. Основное, правда, было – скучно! (Вы сейчас скажете, что я слишком патриотична в сторону МХАТ и слишком при-

дирчива всегда к чужим.) Для меня наш и их спектакли несравнимы уже по одному тому, что в нашем до каждого прежде всего доходит мысль спектакля, а там ее и нет, и вряд ли это было в задаче постановки.

А уже если вспомнить отдельные детали, выпиравшие в спектакле как ненужность, как нагромождение, как нажим, то можно пуститься на сильнейшую критику. Царев, пыжившийся весь спектакль, особенно весь 1-й акт, чтобы показать, как пылко он влюблен, понравился мне только два раза: “А судьи кто?” и в последнем монологе первая часть, с Софьей. Третий акт проорал, начиная с первого же объяснения с Софьей. Понравился мне Климов, который, наверное, будет хорошо играть, – говорят, он сам еще собой недоволен и жалуется на малое количество репетиций³. Бросается в глаза слишком большое количество “пустых мест” вместо ролей. Это прежде всего Софья – Тарасова⁴, многократно плачущая (печальная краля?), нудно говорящая, с энергией, достойной другого применения, подражающая тремолирующим интонациям Яблочкиной. Если нашу Степанову упрекают в неприятной злости, то там хоть острый образ, а здесь явное безобразие с нудным голосом, и оттого она неприятна. (Поверьте, эту Тарасову я страшно любила в множестве ролей, что она играла в театре Симонова. По-моему, я даже уговаривала Вас поехать в тот маленький театрик, где она играла, так чудесно она исполняла Негину, Элен Джонс...) Еще пустые места: Скалозуб, оба Горичи, оба Тугоуховские, да и вместе со всеми 6-ю княжнами, обе Хрюмины, оба г-на Н. и Д., Репетилов. (Я приложу программу, – хотите просмотреть?) Нажимисто, но сочно играла Мас-салитинова Хлэстову. Совсем бледен Ильинский – Загорецкий, Петкер будет во много раз интереснее. Самое первое пустое место, пожалуй, принадлежит после Софьи Молчалину⁵. Фадеева играет разбитную бабенку, вульгарную, довольно опытную – трудно себе представить, что она любви до смерти трусит, что в этих жилках любви еще румянец не играл⁶.

Лансере, о котором так кричали. Очень пышно, множество вещей, нагромождение, а мизансцены неинтересны и для них и подсказа нет, такое иногда впечатление, что вещи мешают. Круг ездит взад и вперед: 1-й акт – делится на две комнаты: начинают в одной, потом показывается (сцена Лизы и Софьи) спальня Софьи, потом “Чуть свет уж на ногах” – опять возврат в первую. 2-й акт тоже начинается в той же комнате, обморок Софьи у нее снова в спальне, “Воскрес и невредим” – опять обратный поворот на комнату, которую я было считала кабинетом Фамусова, но в 3-м акте она показана зрителю теми стенами, которые противоположны тем, что показывались в первых двух актах. И тогда оказывается, что эта красная комната с бюро, соседствующая со спальней, является преддверием к двухсветному залу, отделенному от этой комнаты аркой с колоннами. 3-й акт идет опять-таки в этой красной комнате, зал на заднем плане для народа, только на одну короткую сцену г. Д. с Загорецким дают поворот на карточную комнату, очень уютную, но разглядываемую так поспешно и в течение короткого времени,

что не слышишь ни слова, что говорят Загорецкий и г. Д., потом опять красная комната и там и сплетня и монолог, а после “Глядь...” поворот в противоположную от карточной сторону и там двухсветный зал, в нем какое-то время танцы и после этого занавес.

4-й акт пышно-некрасив.

Я предчувствую: я браню “Горе от ума”, а Вы побраните меня за придирчивость. Поэтому больше не буду, замолкаю. Хочу найти сегодня на вокзале оказию в “стреле” для этого письма и баночки с лекарством. Пошлю Куклина. Примите мой сердечный привет. Желаю Вам хорошо отдыхать. Привет Мишеньке.

Ваша О. Бокшанская

365.

18 ноября 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Хоть Марков и говорит, что московские газеты появляются у Вас аккуратно, но я на всякий случай посылаю вырезки из сегодняшних “Правды” и “Известий” и из вчерашней “Вечорки”, которой, пожалуй, у Вас нет. Не могу Вам выразить, как меня возмущает рецензия Бачелиса – невзыскательный он художник, раз прощает столько грехов и неровностей¹. Мне эта рецензия показалась лично-пристрастной, почему-то ощущение, что он чем-то был обижен в МХАТе и теперь бросает в статье колкости в сторону МХАТа, не называя его.

И что бы ни писали, я уверена, что наш спектакль будет жить годы и годы, во всяком случае, переживет спектакль Малого театра.

Подумайте, какие похвалы себе находит Царев, актер, все время играющий пылкостью при помощи придыханий, задыханий и вздыханий. Как же тогда мог бы сыграть Белокуров, у которого есть не только данные Царева, т.е. молодость, но и плюс настоящий темперамент и хороший голос в противоположность хриловатости Царева.

Да, Марков мне сказал, что Вы нашли – раз я не написала, каков был успех, то, значит, успех был большой. На генеральной 16-го акты шли при среднем успехе, но после конца средние аплодисменты разрослись в очень сильные постепенно, как, впрочем, часто бывает, когда начинают выходить на сцену и создатели спектакля, и приветствуют друг друга, и все друг другу хлопают, обнимаются. Вчера же на премьере (был Виленкин) после актов давали занавес раза по три, правда, мгновенно его опуская и снова подымая, а после конца успех был не овацонный, но большой. На генеральной среди актов аплодисменты были: на уход Скалозуба, на “Карету мне, карету” и попытка аплодисментов на паузу гостей перед выходом Софьи – игровую паузу, скопированную у нас.

Виленкин только что пришел от Вас. Ив. По его впечатлению, Вас. Ив. в отвратительном, довольно раздраженном состоянии (Нина Ник. считает, что его волнуют рассказы о спектакле в Малом театре), температура была при посещении 36,7, но пока это понижение не радует, а даже вызывает опасение, что болезнь приняла затяжной и ползучий характер.

От Виленкина же я узнала, что вскоре после перехода Вас. Ивановича в Кремлевскую Ливанов оттуда был временно отпущен домой: отпущен потому, что заявил, что не может больше переносить это пребывание в больнице. Но эта перемена в его местопребывании не обозначает ничего хорошего. По словам Виленкина, свищ у него до сих пор остался и ему предстоит очень серьезная операция, четвертая по счету.

Марков говорит, что Вы приедете 24-го – это верно? Как мне сегодня сказал Александр Александрович, в этот же день предполагает приехать Евпраксия Васильевна.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, “будьте здоровы, живите богато”, как поется в одной очень сейчас распространенной народной белорусской песне.

Сердечный привет Мише.

366.

20 ноября 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

О Качалове: температура вчера и сегодня держится почти нормальная, 36,8; так было вчера вечером и сегодня утром. А вчера утром даже было 36,5. Видимо, диатермия дала очень хорошие результаты.

Вчера нам домой позвонил Ливанов и долго говорил сначала со мной, потом с Евг. Вас., очень звал нас обоих приехать к нему повидаться. Видимо, человек совсем извелся болезнью. Он говорит, что понемногу даже выходить на улицу ему разрешено, вчера он гулял в течение 15 минут. Не хватило у меня духу спросить его, предполагает ли он потом еще вернуться в Кремлевскую. По разговору показалось мне, что он, может быть, этого и не знает. О дне прихода в театр для свидания с товарищами пока и не думает, боится наметить день; говорит – вот когда приду, тогда и будет, что пришел, а загадывать боюсь. Действительно, до чего ж небывало, невероятно сложился для него этот год, начинавшийся такими блестящими надеждами.

В порядке информации: по решению МК партии, в двух райкомах Москвы будет отпразднован наш юбилей – в Сталинском, как наиболее рабочем, и в Свердловском, в котором находится театр. Завтра проводится вечер Сталинского райкома в быв. Введенском нар. доме. Сначала торжественное заседание с речью секретаря райкома и докладом Бояр-

ского, выступлениями трех наших (предположены Москвин, Грибов и Титов), потом большой концерт из отрывков нашего текущего репертуара, кончается все банкетом. Вечер Свердловского райкома намечен на 7 декабря и будет происходить в помещении нашего театра.

18-го днем в “Яровой” Аталов в первый раз сыграл роль Грибова (Закатова). Смотреть никому из руководства не удалось: В.Г. был в Курске, Евг. Вас. и Раевский играли параллельно в “Пиквике”. Евг. Вас. спрашивал впечатления участников – Добронравова, Орлова; те сказали, что играл хорошо, похвалили серьезно.

Вас. Гр. рассказывает не без юмора о своей поездке в Курск. Его поразила густота провинциализма, покрывавшая юбилейный вечер и определившая его стиль. Выступления в торжественной части были многословны, мало глубоки, повторяли все одно и то же. И длилось это торжественное отделение часа два. Потом состоялся концерт часа на два с половиной, где максимальный успех имели Лепешинская с Ермолаевым, протанцевавшие из “Дон Кихота”. После всего – банкет, а в 5 час. утра вагон прицепили к поезду и делегации отправились в Москву. В концерте участвовали из Малого театра Климов и Дубенский (дублер Царева), читали из 2-го акта “Горя от ума”.

Вас. Гр. говорит, что Дубенский ужасен, какое-то “десятое издание Церетелли”¹.

Посылаю Вам сегодня появившуюся в “Ком. правде” рецензию на “Горе от ума” в Малом театре. Сегодня Дмитриев верно сказал, что во всех рецензиях-сравнениях, хваля Малый театр за постановку, как-то так пишут, что выходит, что в Художественном-то лучше спектакль. Хвалят Малый театр, а и то, и другое, и третье, оказывается, в МХАТе лучше.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего и, надеюсь, до скорого свиданья. Очень без Вас скучно и неинтересно в театре.

367.

21 ноября 1938 г.

Милый Владимир Иванович!

Письмо начинается, как всегда, сообщением о Качалове. Вчера вечером у него была температура 36.3, а сегодня утром 36.5. По словам Щурова, процесс все же не считается ликвидированным и пребывание Вас. Ив. в Кремлевке врачами планируется еще недели на две.

Сегодня заходила сюда к нам наверх Ол. Леон. Она кончила болеть, лицо нормальное. Рассказывала, что когда она в разгар болезни увидела себя в зеркале, она закричала в ужасе, зарыдала.

Заболела гриппом Соколова и под угрозой ее участие в “Достигаеве” 24-го днем. Начнут ввод за нее Гаррель, кот. стояла во втором составе.

Хочу рассказать Вам довольно подробно о вчерашнем совещании в театр. отделе “Правды”, созванном Лежневым, под титулом “Театр и драматург”. Сначала я узнала об этом от Виленкина, получившего информацию от Телешевой, участницы совещания. Но так как там была некоторая истеричность в рассказе, то я подождала встречи с Горчаковым, который тоже был на собрании, чтобы узнать поточнее. Вот как было. Были приглашены и Союз писателей (Фадеев), и ведущие драматурги (Леонов, Вишневский, Толстой, Конст. Финн, Прут, Катаев), и представители театров – и вот тут почему-то представителем МХАТ была приглашена Телешева (Горчаков участвовал как сотрудник газеты, привлеченный Кольцовым и Лежневым), в то время как от других театров были: Таиров, Судаков, Берсенева, Симонов, Михоэлс.

Первым взял слово Катаев, который в совершенно неприличном тоне стал говорить о неудаче своей пьесы в Вахтанговском театре, в чем он винил режиссуру и театр. Тут последовала реплика с места (Таирова), что “вы же сами до премьеры расхваливали Симонова как режиссера, были в восторге”, на что Катаев уж совсем грубо сказал: “Когда я вам это говорил – до ужина или после?” Во второй части своей речи Катаев обрушился на МХАТ, вспомнив историю с “Растратчиками” (и, вероятно, последовавшие затем возвраты предлагавшихся им нам комедий). Это выступление было уж совсем и окончательно неприлично. Говорил он примерно так: да что говорить о МХАТе, если со мной произошел там такой случай. Ставилась моя пьеса “Растратчики”. Вдруг ко мне подсаживается одна из старейших уважаемых актрис, при этом имеющая сильное влияние на руководство театра и тем решающая судьбу репертуара, и говорит: разве допустимо выводить в пьесе Николая II! Ведь это все-таки монарх. И сцена – сердце пьесы – вынимается из спектакля и тем самым губится весь спектакль. А вот другая моя пьеса, к которой *никто не прикасался*, имела шумный успех (“Квадратура круга”). И вообще что говорить о театре, в котором решает дела бездарный, ничего не понимающий в искусстве Сахновский.

Да, шумной была его речь и шумно она принималась. (Правда, я Вам пишу сейчас сразу из двух его выступлений, о Сахновском он сказал дальше.)

Следующее выступление Финна – тоже шумное, тоже недовольное МХАТом (неудачник у нас, переговоры с ним велись, но ни одно из его предложений не было принято), который говорил, что в наших театрах нет литературоведов, понимающих в драматургии людей, что надо ведение литчасти передать в руки авторов, авторам надо всюду в театрах проникнуть, чтобы подсказывать, что театрам делать.

Затем – Прут. Также обрушивается на театры, на их вмешательство и поучительство авторов.

Тут вскакивает Толстой и, взмахивая сложенной бумагой, кричит, что вот проект законоположения об авторах и их праве, который он передает в Верховный Совет¹. Там написано, что театры должны будут ставить пьесу в том виде, в каком она написана, без изменений единого

слова и даже запятой, иначе их можно будет привлечь к уголовной ответственности. Дальше выступление Толстого носило столь сумбурный характер (он к тому же только сегодня въехал в Москву из Ленинграда), что Горчаков не смог передать его сущности. К тому же он речь не закончил и передал ее закончить своему секретарю. Никто не знал, кто ж этот молодой человек, все зашептали: кто это? Кто? – и большой успех имела реплика Рыклина: “Его кассир, вероятно”.

Очень серьезно, басовито и достойно выступил Леонов, который сказал, что хоть он немало пострадал от МХАТа, но должен сказать, что именно МХАТ сделал его драматургом.

В каком-то тут выступлении было еще сказано ехидно в нашу сторону, что вот, мол, Вирта – талантливый человек, сделал после удачной “Земли” вторую пьесу, но уж МХАТ ее где-то и зажал. Но когда выяснилось, что зажал не МХАТ, а Комитет, тут же все нападки переключились на Комитет и Репертком (Солодовников сидел тут же²).

От театров отвечали Михоэлс, очень тихо “причесавший” зарвавшихся авторов, Берсенев, крепко вставший на защиту Сахновского и резко осудивший тон выступления Катаева, и Таиров. (Судаков и Симонов ушли задолго до конца.) Заключительное слово было дано Горчакову, и он тоже взялся за Катаева, которого пристыдил и за неприличие тона, и за подтасовку фактов в рассказе о “Растратчиках”; напомнил, как восторженно рассыпался в свое время Катаев в комплиментах по адресу Вашему и К.С. Как рассказывает Горчаков, выступление его было настолько веско, что Катаев попросил запиской дать ему последнее слово и в нем сообщил, что он берет многие свои слова обратно, но только просит оградить его от “барских окриков Горчакова”.

Як. Ос., который только от меня и Виленкина узнал о состоявшемся совещании, не придавая ему большого значения, увидел здесь то, что предсказывал: идет главным образом диктуемая завистью волна недоброжелательства к МХАТ в определенных кругах. Он это видит и в оценке “Горя от ума” в Малом театре, и в той резкой критике, которая недавно постигла спектакль “Достигаев” в одном из секторов ВТО (там, где, как я писала, просили сделать обсуждение и “Горя от ума” нашего). Это было 16-го. По плану наметили доклад Раевского о постановке и участие Леонидова в прениях. Но Леонидов уехал в Барвиху, а Раевский без него не захотел пойти. И вот разные критики, как говорят, осудили наш спектакль. Я пыталась разузнать, кто такие критики эти, но получила ответ: знаете, Чичеров и другие разные.

Сейчас принесли расписание репетиций, и я вижу: завтра производственное совещание художественного цеха по спектаклю “Достигаев”. Не совсем себе уясняя, что это такое, как оно намечается, я пыталась узнать, но репертуарная контора отвечает, что ничего не знает, вставлено это в расписание репетиций по просьбе Чебана, т.е. идет от месткома. (Но это я и без того понимаю, производственное совещание всегда идет от месткома.) Раевский не дома и не в театре. Калужский ушел из театра и вне телефона.

Впрочем, вот: на большом объявлении от месткома объявлено: Подведение итогов работы над постановкой, объявлено выступление Раевского.

Знаете, кого первой увидел Леонидов в Барвихе? – Животову. Вот незаменимый человек для отдыха, собеседник. Ведь так в пору запереться в своей комнате и даже в коридор не выглядывать.

Сейчас протелефонировали вечернюю температуру Качалова: 36.2. Считают, что такая низкая температура от диатермии.

Милый Владимир Иванович, это мое последнее письмо. До скорого свидания и всего-всего хорошего.

Ваша О.Бокшанская.

Забыла сказать, что на это совещание в “Правде” звали Маркова звонком к нему домой, но...

[1939]

368.

23 июня 1939. № 2

Милый Владимир Иванович!

Вчера уехал В.Г. обратно в Киев, вернется 27-го утром и уж больше никуда не поедет, пробудет здесь по делам несколько дней и уедет к себе на дачу. 21-го В.Г. часа в 4 уезжал на дачу – и слава богу, потому что вернулся оттуда на следующее утро в несколько успокоенном состоянии. А то за эти дни его в Москве, как он приехал, мы видели его вконец истрепанным, раздгеранным – знаете, какой он тогда суматошный и трудный для дела бывает. На даче он успокоился, как-то привел в порядок мысли и впечатления, записал целый ряд вопросов ко мне про Вас, о которых я ему и говорила уж, да до него они доходили какими-то обрывками. Мы посидели втроем (он, я и Виленкин), мы вдвоем отвечали на его вопросы, которые главным образом сводились к делам репертуара. Он сказал между прочим, что Леонидов развил перед ним свой план “Макбета”, ничуть на Ваш, как он понимает, не похожий, прямо противоположный. Вообще Леон. заявил, что в погодинскую пьесу не верит, ее ставить не будет¹, хочет непременно ставить классику и если не “Макбета”, то “Плоды просвещения”, еще у него есть глаз на “Чайку”. Я не удержалась, чтоб [не] сказать, что, как мне кажется, возвращение театра к Шекспиру (“Отелло” Судакова я пропускаю, это же не был ни МХАТ, ни Шекспир²) интересно только в плане: Вл. Ив. и Шекспир. Но с Погодиным может выйти настоящий скандал, тут он нам сторицей воздаст и за настоящее, и за ту “Дерзость”, кот. не пошла. При возвращении 27-го В.Г. просил свидания с Храпченко, к которому он пойдет по делам театра, имея раньше разговор обо всем с Я.О. Когда он об этом звонил в Комитет, кстати выяснилось, что Солодовников назначен замом пред. комитета, т.е. на одинаковую должность с Хр.³ Опубликовано это пока не было, но нам это сообщили из Комитета, да и в городе уже стало известно. Другая новость, которую мне сегодня сказали, – отъезд Вс. Эмил.⁴ Это связывают с его бестактным и встреченным молчанием выступлением на конференции, но думается, что дело глубже. Характерна в речи Хр. реакция на выступление В.Э. – Вы, вероятно, уж читали в “Сов. иск.”. Сегодня, по просьбе Евпр. Вас., послала Вам на квартиру заготовленные бандероли для отсылки Вам газет по искусству, мы решили, что Вам надо их получать.

Писала ли я Вам, что Калишьян заболел тромбофлебитом – болезнь довольно распространенная, но теперь пугающая мхатовцев, по-

тому что она погубила Б.М. Чацкого. Его уложили в постель на несколько дней, он надеется, что 26-го он будет на ногах, а я в этом сомневаюсь – этот сгусток крови, вызывающий страдания, рассасывается медленно. Лежа, он продолжает возможно участвовать в делах театра, виделся перед отъездом с В.Г. и тут рассказал, что получил письмо от Я.О. о том, что в Киеве настоящая паника из-за неполучения путевок в Кисловодск для ряда наших ведущих актеров. Вопрос о Качалове рассматривался в специальной комиссии Наркомтяжпрома и вынесли – отказ. В таком же положении остальные, вопрос о которых и не ставился на пересмотр. А в Киеве это вызвало большущее волнение, люди не знают, куда ж тогда поехать и как же подлечиться на будущий сезон. Как я слышала, Ваш Муз. театр поступил остроумно: он командировал Полонского в Кисловодск, и тот на месте купил, кажется, 4 путевки. Вчера проездом через Москву был Раевский в театре (он поехал в Минск в Белорусский театр на постановку, 29-го проедет Москву на Киев и войдет в Севастопольскую бригаду) и сказал, что все недовольство делом путевок обращено главным образом на Я.О. От этого, надо думать, и пишет он Калишьяну отчаянное письмо, а тот рассылает повсюду хлопоты и бумаги, но ничего добиться не может. Пробовали толкнуться в Комитет, но Солодовников сказал, что МХАТ достаточно авторитетное в санаторных кругах учреждение и может само выхлопотать для своих именитых путевки, не прибегая к помощи Комитета.

Вот пока все наши новости, милый Владимир Иванович, сегодня я не надоем Вам длинным письмом. Желаю Вам всего хорошего, всем сердцем, всеми своими помыслами желаю. И прошу передать Мише мой дружеский привет.

Ваша *Ольга Бокшанская*

369.

28 июня 1939. № 3

Милый Владимир Иванович!

26-го утром приехал из Киева В.Г. (на день раньше, чем предполагал). Сказал мне, что чувствовал себя в Киеве неважно, оттого сократил пребывание там, да и затосковал от слишком частых посещений Я.О. все на одни и те же темы. Свое недомоганье объяснил духотой, я же думаю, что тут сказалось и волнение перед выступлением на конференции, и слишком большая перегрузка делами, которые он брал на себя и в ГИТИСе, и там, в Киеве, где его привлекли к участию в выпускных экзаменах тамошней театр. школы. Приехал он такой же раздрызганный, как и в первый приезд, 19-го. Ко всем его заботам еще прибавилась семейная – его сын, кончающий шко-

лу и стремящийся пойти учиться в ГИТИС, провалился на выпускных экзаменах по физике. Ему дают переэкзаменовку, но уже тогда, когда будет поздно для поступления в вуз, значит, год пропадает у него. Теперь В.Г. хлопочет о разрешении переэкзаменовки теперь же, а этот вопрос решается наркомом, вот как серьезно!

27-го утром приехал Я.О., тоже уж совсем, из Киева. В этот же день, хромая, приехал в театр Калишьян для встречи с Я.О., частично и В.Г. при этом был. Затем Я.О. назначил В.Г. встречу с ним сегодня днем, и после этого, как я понимаю, они считают все себя в отпуску (кроме, впрочем, Калишьяна). Эта встреча с В.Г. произошла, и я ждала ее окончания, чтобы иметь материал для письма Вам. Я.О. сказал, что чувствует себя вполне хорошо и уверенно, побывал в Комитете у Храпченко, никаких восторгов, конечно, не встретил, но и ничего для себя неприятного. Ему представляется, что все там осталось в отношении к нашей дирекции как было, нет преферансов в сторону К. за счет снижения отношения к нему Я.О. (Попутно Я.О. признал, что действительно необходимо ему принять более крепкий тон в отношении коллектива, особенно актерского, на что указывал ему В.Г. еще в Киеве, что он это решил и непременно проведет с начала сезона, даже, кажется, в этом смысле хочет сделать какое-то собеседование с труппой.) В.Г. ставил вопрос о себе в следующем плане: что до сих пор был директор Я.О., В.Г. заведовал худ. ч. и считал его своим начальством. Теперь, с назначением Калишьяна зам. дир. и в связи с рядом дел по худ. ч., делаемых Калишьяном, в какое положение перед К. встает В.Г.? Он ему тоже начальство? Наличие двух начальников, если это будет так, поставит перед ним явный вопрос, который он и должен обсудить с Вами, Владимир Иванович, а потом сообщить выработанное решение. Я.О. заявил, что все остается по старому, т.е. он директор, что целиком обозначает его функции, его же зам занимается фин.-адм. делами, как прежде занимался в качестве пома. Попутно встает вопрос об Ник. Вас. – ведь это тоже зам и тоже по адм. части. Как говорит Я.О., вопрос этот совершенно выяснен в Комитете и переход на пенсию целиком решен, но, ожидая в этом случае обращения Ник. Вас. к Вам за защитой его интересов, вопрос будет ждать Вашего возвращения и совместного окончательного решения. Нельзя сказать, чтоб Я.О. был вполне доволен, как идут у нас адм. дела, главным образом, острый вопрос путевок для актеров, но говорит, что рассчитывает укрепить это дело своими настоячивыми требованиями к заму. В.Г. указал ему, что эта сторона у нас очень не на высоте – адм.-хоз. буквально нет никого работающего. А со смертью Чацкого, часто принимавшего на себя разные хлопоты и заботы, просто ужасно плохо там дело.

С путевками вопрос так пока и неясен. Вас. Ив. получил, после беготни и нажимов, путевку в Кисловодск, но не в Наркомтяжпром, где отказали и при пересмотре, а в совнаркомовский санаторий, говорят, прекрасный. Подана просьба о Барвихе за подписью Храпченко для Ма-

ры Петровны, Я.О. и Подгорного, который уже там. А первые двое еще не имеют путевок. М.П. пока здесь, занята сдачей отрывков по студии, присутствуют и из Комитета, и кто-то из газеты. Л.М. тоже в Барвихе, звонил сегодня оттуда В.Г. и спрашивал, нет ли каких-нибудь ясностей по репертуару, нет ли известий от Вас, и спросил, как стоит дело с погодинской пьесой. Я Вам писала, кажется, что он было от нее отталкивался в Киеве, задумывался над классикой, но (В.Г. думает, что в результате его визита к Калишьяну) снова стал о ней думать. В.Г. думает, что если эта пьеса выйдет и сможет распределиться параллельно с пьесой Мих. Аф.¹, то наш репертуар на ближайшее время определится целиком и, вероятно, не помешает работе над “Школой злословия” для филиала.

Кстати, посылаю Вам намеченный на сентябрь репертуар, в котором Вы увидите, что 21-го впервые пойдут “Половч. сады” и в филиале!

М. Аф. работает упорно, тщательно и с большим увлечением, но пока точно не может сказать, когда сдаст. Срок ему данный 25 августа. Сдаст ли он раньше – трудно сказать; конечно, она будет готова раньше, но – Вы знаете это – все будет ему хотеться и тут поправит, и там.

В Киеве решен вопрос о пересмотре нашего молодого состава в связи с весенними показами отрывков. И сокращению подверглись: Кондракова, Воинова (жена Болдумана – воображаю, что это еще будет?!²), Бордуков (хорошенький, но не оч. одаренный, помните, он репетировал Весловского в непошедшей картине больницы в “Карениной”), Вальберт (не только за отсутствие роста, нежелание работать, но и за недисциплинированность – белокурый, расхлябанный, стоит в ложе, где Стругач и Цыганова в картине “Театр” в “Карениной”) и Фертман (абсолютное отсутствие сценических способностей было признано после нескольких отрывков, в которых он участвовал; известен, как обладающий заметными способностями администраторскими – возможно, что упросит оставить его на такой работе, если найдется вакансия; горбоносый, явно семитское лицо, – офицер “У Бетси”, моряк, – всегда было недоумение, как же он мог быть моряком?³ “Черномазенький на ножках журавлиных”⁴).

Да, возвращаясь еще к разговору В.Г. с Я.О.: на вопрос, как он смотрит на дело с Виртой, Я.О. ответил спокойно, что уверен в том, что докажет свою правоту, что Вирта здесь проиграет⁵. По словам В.Г., такое же впечатление о проигрыше Вирты у Кал.

В.Г. хотел было уехать сегодня на дачу, уже на отдых, но задержится на завтра в городе из-за невыясненных дел с переквалификацией сына. Сказал, что при переезде Евг. Вас. и до нашего с ним отъезда в Пестово, как он сговорился с Евгением, мы приедем к ним на день на дачу, и вот тут они разберутся в разных наметках начала работ, усиления составов, замен ушедших-сокращенных и т.п.

Я.О. я видела наскоро, когда он пришел с В.Г. в его кабинет. Остриг, оживлен. В.Г. сказал мне, что, присутствуя вчера при беседе Я.О. с Калишьяном, он заметил несколько иной тон у К., чем при разговорах вдвоем с ним, с В.Г.

Да, в день отъезда Бродского он сказал мне такую фразу: здесь сейчас директор Марининского театра, я его видел, спросил, почему он приехал, и тот ответил: относительно наших ноябрьских гастролей в Москве! Если это ноябрь – чего ж желать?!

Получила письмо от Маркова из Сочи, подставляет, что ему надоела жизнь в санатории. “А он, мятежный, ищет бури...” Про театр пишет, что все хорошо.

В опубликованном 24 июля тираже Вы выиграли 150 р. на облигацию, а т.к. у Вас двухсотрублевые облигации – то 300 р. Я заметила номер, в августе можно будет получить деньги, а то ведь вряд ли я смогу получить из Вашего дома сейчас эту облигацию.

Да, возвращаясь еще к разговору В.Г. с Я.О., рассказанному мне В. Г.-чем, – Я.О. и в Киеве, и здесь удручался Вашим к себе отношением, даже проскальзывало: В.И. не хочет со мной работать, он даже не захотел повидать меня перед отъездом. Ах, жаль, что он мне на это не посетует, я бы сказала ему, как нужно директорствовать, чтобы вызвать Ваше доброе и доверчивое отношение. Как я поняла, В.Г. ему отвечал, что его нерешительное управление мешает Вам верить, что он проведет в театре то или иное решение так, как это надо.

Ну, кажется, теперь я рассказала Вам все линии, по которым велась беседа Я.О. и В.Г., о чем, впрочем, В.Г., конечно, расскажет Вам при встрече в августе и подробнее и живее.

С 1 июля я уйду в официальный отпуск, но числа до 8-го буду бывать здесь ежедневно, переписывая дневник Вас. Вас.⁶ 8-го жду сюда Евгения, с 10-го у нас путевки в Пестово.

Вчера заходила сюда Лизочка Асланова. Она очень довольна своей ленинградской поездкой. Немного похудела, вероятно, от беготни по музеям и достопримечательностям. 5-го собирается в Пестово.

Вас. Ив. уезжает в Кисловодск 5-го. Нина Ник. ужасно мучается с ногой, Цхалтубо, может быть, и помогло бы, да дернуло ее поехать в Канев на открытие памятника Шевченко, там ей пришлось спускаться по лестнице в 400 ступеней, и с тех пор она чувствует себя отчаянно. Была у профессора, который уложил ее в постель на 15 дней. Вас. Ив. пребыванием в Киеве доволен, привез много смешных рассказов о поклонницах и поклонниках.

У нас тепло, было солнечно, а 26-го вечером гроза, еще более сильная 27-го утром и с тех пор чаще пасмурно, чем солнце, иногда дождь, не холодно, но приятно прохладно.

Милый Владимир Иванович, опять приходится извинения просить, что на отдыхе занимаю Вас театральными делами. Но уж такая привычка – непременно Вас в курсе дел держать.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович, главное – не очень скучать. Мишеньке привет.

Ваша Ольга Бокшанская

Милый Владимир Иванович!

Вчера большая группа гастролировавших вернулась в Москву, примерно человек 240–250, в Севастополь поехало человек 80. 30-го вечером в Севастополь поехал Я.О. – уж не знаю, почему он решил: под влиянием ли доводов Калишьяна, из опасения за порядок (особенно в свете болдумановского отказа ехать, о чем напишу ниже, и связанного с этим тревожного настроения других), или потому, что еще нет путевки ему в Барвиху. Большинство приехавших актеров в Москве не задержится, разъезжаются на выбранные для отдыха места.

С путевками в Кисловодск (самый “жгучий” курорт) дело устроилось, все просившие туда путевки получили их, правда, не в том месте, где хотели, в смысле санатория, но в совсем приемлемые дома. Пока не устроен только Изралевский, которому были предложены на выбор два санатория, но он отказался.

Как и нужно было ожидать, Болдунан чрезвычайно остро принял сокращение его жены и отказался ехать в Севастополь, чем зарезал бы “Кречета” (Добронравов еще в Кремлевке). И самый факт показался совершенно недопустимым, не говоря о том, что к севастопольской нашей поездке со стороны тамошних подшефников отношение изумительное, они ждут приезда театра как события. В Киеве в дни этого поведения Болдунана уж не было никого из начальства, кроме Евгения и Чебана – как месткома. Они пробовали действовать уговорами, когда он сказал, что не может ее оставить в таком состоянии, предложили за счет театра везти ее в Сев. Тут же Болд. поставил условием, чтобы сокращение отменили до 15.IX, чтобы она успела показаться Вам (она в свое время, отказываясь принять участие в молодежных работах для показов, говорила, что была принята Вами и поэтому не считает для себя обязательным показываться в отрывках, но тогда Евг. Вас. объяснил ей невозможность такого особого положения в молод. составе). Эту просьбу вместе с сообщением вообще об этой истории Е.В. передал в Москву по телефону и запросил решение дирекции. Кроме того, имел с ней, Екатериной Ивановной, длинейший разговор, уговаривая ее не волновать мужа и дать ему спокойно уехать до 6-го в Севастополь. Переговоры, видимо, были успешны, потому что Болд. на след. утро заявил, что едет, а жену с сестрой отправляет в Москву. Так что, как пишет Евг., телеграмма дирекции (Я.О.), содержащая в себе сильнейшие угрозы не только увольнения, но краха по всем линиям (Кал. уверяет, что это так бы и было), им даже не была показана Болдунану.

Кроме этого Евг. пишет о продолжающихся в Киеве болезнях, нарушающих спектакли каждодневно в смысле состава. Самым страшным был приступ аппендицита у Станицына, внезапный (боялись гнойного), причем в это время в районе отеля была “воздушная тревога”, света не

было, организовать помощь врачебную было трудно¹. Но все-таки все было сделано, два профессора побывали, поставили диагноз, а тем временем Евг. уж пустился налаживать Стиву – Вербицко, потому что отменить “Каренину” никак нельзя было. Верб., конечно, играл, как пишет Е.В., прилично, грамотно, но никак не Стива. Последняя сцена с Карениным была опущена (как в Париже). На след. день Станицыну стало лучше, еще на след. он предполагал играть “Турбиных” и потом выехать в Севастополь. Сильные приступы малярии были у Гузеева, с температурой 40,7 был увезен в больницу, в Сев. за него едет Новиков, вопреки своим личным интересам, но с отмеченной Е.В-чем дисциплинированностью и преданностью театру. Внезапная болезнь Титушина в день “Син. птицы” дала возможность нашему толстяку Алексееву сыграть эту роль, которую он показывал весной на отчетной работе². Кроме того, Е.В. перечисляет несколько фамилий хворающих, которые менее чувствительно меняли составы нар. сцен. Все устали и те, кто кончил поездку, рады и счастливы, что сезон позади. Да, еще заболел желудком Хмелев, но это уж в пути из Киева сюда, вероятно, съел что-то неудачно. Об этом я узнала от него вчера вечером, мы встретились у Булгаковых.

Хмел., много слышавший в Киеве о новой пьесе, приехав, позвонил Булг. и просил, не почитает ли он хоть куски. М. Аф. согласился и вчера вечером прочел пять картин из десяти намеченных в пьесе, не пять подряд, а выхваченных, те, которые он считает более законченными. Слушали Хмелев, Калишьян и я. Автор тем более готов был прочесть Хмелеву потому, что в центральной роли одного его и видит из наших актеров³. Хмел. был оч. заинтересован и по-хорошему взволнован. Сидели мы там долго, солнце так и сияло, когда мы возвращались, правда, было всего около пяти. Какая красавица была Москва ранним этим солнечным утром, пустая, потому четко себя показывающая, омываемая машинами, свежая – мы ехали из Замоскворечья, куда отвозили Калишьяна, через мосты, и любовались. Дни у нас стоят жаркие, ослепительные солнечные – хоть бы додержались такие до того времени, как нам с Евг. Вас. ехать в Пестово и там жить.

На днях позвонил Леонов, приехал с дачи в город и на всякий случай позвонил – и, ура, я сижу у телефона, есть кто-то живой, кого можно, напр., спросить, пойдет ли его пьеса в будущем году? Просил Вам передать его сыновний благодарный и любящий привет.

Получила письмо от В.А.Хлудовой, в котором она просит непременно послать Вам ее горячее поздравление Вам ко дню именин, ей самой трудно будет Вас разыскать в этот день. На днях пошлю ей 300 р., а Чушкину уже отдала.

Милый Владимир Иванович, всего Вам доброго желаю. До Пестова еще напишу, когда будут новости о Севастополе. Будьте здоровы и дай Вам бог хороший отдых и настроение. Мише привет.

Ваша Ольга Бокшанская

Пестово, 15 июля 1939

Милый Владимир Иванович, прежде всего извините за машинку, такая только и есть в Пестове, буду на ней подвирать от непривычки.

Теперь, после введения, позвольте Вас поздравить с именинами, вероятно, письмо мое прибудет к этому дню, и я хочу поздравить, чтоб лишний раз пожелать Вам радости и сил, пожелание в высшей степени эгоистическое, все эти пожелания идут от желанья сохранить Вас для нас.

А теперь о делах. 11-го в Комитете по инициативе его читалась пьеса М. Аф. Слушали: Храпченко, Солодовников, Маркелов, Вдовиченко, от Реперткома двое, не помню фамилий, Месхетели, от театра были Ив. Мих., Сахн. и Калишьян. М.А. читал из 10 девять картин, не читал, а рассказал предпоследнюю, в Петер., в кот. участвуют Ник. П. и министр юстиции, – это высочайшее повеление по делу Ст.¹.

13-го к нам в Пестово приехали на часок Кал. и Месх., рассказали, что пьеса произвела большое впечатление, считается по всем линиям безупречной. С М. Аф. договорено, что он продолжает интенсивно работать теперь же (по договору срок представления пьесы 25 авг.) и к 1 авг. постарается сдать пьесу в подчищенном виде и с законченной предпосл. картиной. Вот тут и возник вопрос ко мне Кал., где Вы сейчас, где будете в первой половине августа, выслать ли Вам экземпляр или ждать Вас с пьесой здесь. И я сказала, что напишу Вам и буду просить Вас ответить либо мне на театр, откуда письма тотчас же переправляются в Пестово, либо непосредственно Кал., опять-таки на театр. Если мне – я из Пестова тотчас же телефонирую ему, Калишьяну. Конечно, было бы оч. хорошо, если б Вы приехали, зная уже пьесу, пофантазив над ней и составив план работ, наметив помогающего режиссера. (Не скрою от Вас, что все слушавшее начальство мечтает о выпуске спектакля ко дню 60-летия, т.е. 21 дек.) Но если Вы в августе будете уже переезжать с места на место, перед возвращением, то Кал. боится, что пьеса Вам в руки не попадет, а может попасть в чьи-нибудь ненужные руки. М. Аф. торопят так еще и потому, что возможны осенью отъезды в отпуск, а Комитету хочется успеть дать пьесу прочитать там, где будет решаться окончательная судьба пьесы. Не пишу подробностей о пьесе, т.е. перечня действующих, наметки их характеристик, потому что аромата пьесы это не передаст. Думаю, что после прочтения Вами распределение не представит трудностей. Кал. говорил, что намереваются будто бы, чтоб ускорить осеннюю работу, командировать Сахн., как зав. худ. ч. и находящегося под Москвой, в Тбилиси и Батуми для подбора материалов бытовых, дать ему с собой художника для зарисовок, но я думаю, что это пока планы-фантазии. Однако очень важно было бы знать Ваше мнение, следует ли это делать, пот. что вдруг пошлют В.Г. на Кавказ, а Вы с этим несогласны.

Второе дело, кот. сообщил Кал., было, что решено совет при дирекции сделать из 11 чел. вместо намечавшихся 18-ти, и уже у них есть наметка, кого включить. С этим списком можно ждать свободно до Вашего возвращения.

Я воспользовалась приездом Месх., чтоб спросить о сроке гастролей Мариинского театра. Он ответил – декабрь, что меня оч. обрадовало. А на след. день, т.е. вчера, я получила письмо от Бродского, где написано: “на днях Комитет *отложил* гастроли Кировского (быв. Мар.) театра *на декабрь* ввиду того, что в октябре будет декада театров Армении. Таким образом, хотя “Буря” и поедет, но уже не угрожая Муз. театру. Да я думаю, по тому, что я видел и слышал на оркестровых и черновых генеральных (кстати, дирижирует известный Вам Брон), – “наша” “Буря” “Вашей” не конкурент, в какой бы месяц года ее ни привозили. Зато с “Сусаниным” будет иначе – он должен произвести фурор”².

Правда, как хорошо складывается с “Бурей”? Не будет такой напряженности с ее выступком у Вас.

Месх. сказал, что с 15 авг. начинается декада Тбил. театра Марджанишвили, драматического. Говорят, интересный театр, не хуже того, что приезжал – имени Руставели.

Вот как будто все дела. Кал. говорил, что на днях у него была жена Я.О., самочувствие ее оч. плохое, с сердцем нехорошо, да и нервы – помните, у нее уже было весной сильное заболевание на нервной почве³.

Здесь в Пестове оч. хорошо, погода пока не огорчает, скорее балует. Правда, это не прошлогоднее безоблачное лето, бывают и дожди, бывает и холодновато, но в общем грех жаловаться. Если приедете не к самому сезону, приезжайте сюда к нам, мы постараемся устроить Вас так, что Вам будет приятно.

Милый Владимир Иванович, значит, жду от Вас ответа, посылать ли Вам пьесу, до какого срока Вы рассчитываете там остаться, ехать ли за материалами на Кавказ или ждать Вас, чтоб получить Ваши задания. И уж если я тяну Вас к письменному столу для ответа, напишите, пожалуйста, как Вы себя чувствуете, как довольны поездкой. Всего, всего Вам хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская.

Привет Мише.

372.

Пестово, 20 июля 1939 г.

Милый Владимир Иванович, спасибо большое за письмо, получила его вчера, привез Евг. В., ездивший в Москву доснять в “Минине и Пожарском”. Привез его на машине Калишнян, приехав-

ший для прогулки сюда и прихвативший с собой Мих. Аф. Пробыли они у нас несколько часов. Конечно, было много разговоров о пьесе, об ее читке. Впечатление своей пьесой он произвел такое, что не только было признано, что это первая настоящая пьеса, но даже в несколько последовавших дней не по инициативе автора был рассмотрен вопрос об его “Пушкине” и пьеса получила разрешительную визу. Сейчас перед Мих. Аф. вопрос – как назвать пьесу, еще не нашел названия. Пьесу он обещает сдать между 25 июля и 1 авг., и стало быть, экземпляр будет Вас здесь ждать. Мих. А-чу строчки из Вашего письма я пропла¹.

Евгений мне рассказал, что еще в городе Калишьян ему рассказал о худсовете так: предположено, что в его состав войдут 11 чел., с Комитетом это сговорено, но окончательное решение будет вынесено после Вашего мнения и решения о количестве членов совета и их именах. В предлагаемом на Ваше утверждение списке стоят: все народные Союза за исключ. Добронравова (Вы, Москв., Кач., Леон., Книп., Тарх., Тарас., Хмел.), Сахн., Станицын и Кедров.

Кал. продолжает исполнять обязанности директора, никаких кандидатур вместо Я.О. пока не называют. Кал. говорит, что скоро будет назначение, а были разговоры и такие, что мы пока останемся при и.о. директора. Вероятно, до Вашего приезда вопрос в Комитете ставиться не будет.

Все, что Вы написали о Ваших планах и намерениях, я, конечно, Евг. Вас. прочитала (а Лизе Асл. о Вашем житье). Дмитриева в Москве нет, он где-то на юге (кажется, в Гурзуфе у Ол. Леон). С Вашим приездом надо будет пристально рассмотреть план занятий по “Горю от ума”, потому что, как я понимаю, Комитет, рассчитывающий на одобрение пьесы М. Аф., будет просить форсировать работу над выпуском. А тут главным образом понадобится Ваше участие в начале работ (как Вы, впрочем, и решили всегда теперь работать), да и исполнители вдруг столкнутся там и тут.

Вероятно, вопрос о Софье будет Вами решен после показа Вам Пилявской, ведь роль ей дана и она немало работала при полном одобрении Телешевой. А у меня вдруг мелькнула такая мысль: что если Михеева Софья, а Пилявская – Наталья Дмитриевна?² Или это неправильное понимание?

Можно мне обратиться к Вам с просьбой? И пожалуйста, не осудите меня тяжело за мое нахальство. Я увидела здесь у Бабанина очки с простым (не для близор. или дальнозорк. стеклом), но голубоватым – спасение глазам при солнце, такие большие голубоватые очки в роговой оправе. Баб. говорит, что он купил в Париже, стоят они франка четыре, в магазинах они лежат горькой. Если Вам не трудно, пожалуйста, привезите мне такие, они сослужат мне великую службу.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего, теперь уж скоро надеюсь Вас увидеть. Калишьян говорит, что Барвиха будет Вам устроена без всяких усилий.

Мишеньке привет.

Привет Ваш сказала нашим, и они, пестовские жители, шлют Вам свои приветы.

Ваша Ольга Бокшанская.

Скоро Ваши именины. – От всего сердца поздравляю Вас и желаю всего самого прекрасного.

373.

Пестово, 13 августа 1939

Милый Владимир Иванович, третьего дня я получила письмо от Н.Н.Литовцевой, в котором заключено ее ходатайство к Вам. Вот что она пишет:

Я узнала, что новую пьесу М.А.Булгакова будет ставить лично Вл. Ив. Из этого я заключаю, что “Три сестры” откладываются на неопределенное время, и я, таким образом, опять остаюсь без всякой новой работы.

По целому ряду причин и моральных, и политических, и общественных мне *нельзя* больше оставаться без работы. Нельзя, чтобы в театре находился работник, уже несколько лет подряд не предъявляющий обществу своей работы. А со мной получилось именно так, потому что как бы ни была велика доля моей работы в подготовке “Бориса Годунова”, никто вне театра ничего об этом не знает. Результаты моей длительной “безработности” могут быть самые для меня неприятные. Я уже не говорю о моральном самочувствии.

Ввиду всего этого я и обращаюсь к Вл. Ив. с просьбой – войти в мое положение (если все мои предпосылки и предположения правильны) и не отказать мне в возможности принять какое-нибудь участие в новой работе. Я не сомневаюсь, что Вл. Ив. привлечет скорее кого-либо из мужской молодежи режиссерского цеха, но, м.б., по линии работы с актерами в подготовительном периоде найдется дело и для меня. Словом, я прошу об этом, и не попросить я не имела права ввиду создающегося и уже создавшегося для меня положения в театре. А там пусть решает Вл. Ив.

Я решила переписать Вам ее письмо, Владимир Иванович, чтоб все в точности передать. Сегодня же я напишу ей ответ, что я просьбу ее исполнила, а заодно сообщу, что состав режис. бригады такой-то, что распределения ролей еще нет и не будет раньше начала сезона и потому вопрос об откладывании “Трех сестер” не может считаться решенным.

От приезжавшего сюда Калишьяна знаю, что Вы отбыли 10-го в Барвиху. Очень рада, пот. что настали снова хорошие погожие дни, и это только к лучшему, что Вы на природе, а не в городской духоте. Город еще успеет Вам надоесть.

Калиш. сказал мне, что уже есть ответы от Дмитриева и Грем. об их взаимной договоренности об одновременном выезде в Батуми. Московская часть бригады выезжает 14-го, будет снабжена всеми необходимыми бумагами.

Сюда приехали Ершovy, теперь только еще должен появиться из мхатовцев Чебан. Ершов в хорошей форме, похудел, Кисловодском доволен. Мы все здесь довольны отдыхом, особенно по такой погоде, когда в Пестове чудесно. Процвeтают и червы¹.

Станицын купил подвесной мотор к лодке и катает по озеру всех друзей.

Если Вам не приглянется Барвиха, приезжайте в Пестово, мы будем за Вами ухаживать, но надоедать не будем.

Всего хорошего милый Владимир Иванович, желаю всяческих приятностей и хорошего отдыха.

По рассказам Ерш., Вас. Ив. превосходно устроен в Кисловодске, задержится там до 15-го.

Ваша Ольга Бокшанская

374.

[Конец 1939 г.]

Милый Владимир Иванович!

Сейчас около двух, и я только что из Наркомфина, где с Михальским с 11 утра, отстаивала смету Комитета¹. Вот на чем мы договорились:

Объявления в газетах и по радио – они поставили 1 000 вместо наших 5 000. Мы не слишком сражались, сами не видя необходимости этого расхода.

Сильнейшим образом урезаны суммы на ж.д. проезд и гостиницу, поставлены из расчета мягкого (а не международного) вагона, а гостиница по закону для всех граждан, т.е. номер 18 р. в сутки. Поэтому в этой статье они сняли у нас 21 600 р. из 50 120. Федя рассчитывает, что мы обойдемся, раз приезжают далеко не все члены Комитета, некоторые ездят бесплатно, как депутаты Верховных Советов. Если мы в пределах этого ассигнования сумеем возить членов Комитета в международных вагонах и поселять в хороших номерах, – это наше дело, за это нас судить не будут.

Пожетонную оплату² они уменьшили на 50%, потому что Комитет по наукам ставит жетон в 50 р., а не в 100, как мы. (Вообще смета по соседнему Комитету, на 115 000, дала им возможность урезать и нас: они сами говорят, что попади мы к ним раньше, чем тот Комитет, то нам бы меньше сокращали и тому Комитету было бы лучше, потому что они легче бы отстаивали свои суммы.) Стало быть, пожетонная сумма у нас 24 000 (вместо 48 000).

На местный автотранспорт сохранили 8 000.

На оплату муз. коллективов (репетиции и исполнение для Комитета рекомендуемых произведений), на покупку книг, билетов в театры и т.д. оставили 30 000.

Совсем вычеркнули консультантов на 10 000. Тут я билась всячески и под конец договорилась, что вопрос остается открытым, еще перезвонимся. Думаю, что если Вы хотите сохранить эту статью расхода, то Ваш звонок сразу все уладит. Нам показалось, что они начали убеждать от наших объяснений. Тут все зависит от Вас.

Поездки в другие республики – дали 6 500 вместо 15 000.

Оплата рецензий: дали 15 000 (вместо 20 000), из расчета 10 рецензий по 1 500 р.

Экспозиционные расходы по демонстрированию картин, скульптур, проектов на пленуме – сохранили 10 000.

Обслуживание заседаний (персонал, чай) – дали 7 500 вместо 10 000.

Стенографистка – 1 500 (вместо 2 500), по аналогии с соседним Комитетом. Машинистке оставили 1 000.

Почт., тел. и канцелярские расходы оставлены по 1 000.

Из зарплаты на штат Комитета вычеркнули только 800 руб., кот. мы поставили на единовременные оплаты, сказав, что эти оплаты можно будет произвести по статье “на непредвиденные расходы” (1000 р.), которую они оставили.

И, наконец, начисления соцстраха составили по законоположению не 4 000 р., а 400 руб.

Таким образом, смета составила 149 470 (вместо нашей суммы 230 470). Если удастся их убедить о консультантах, то сумма окончательная повысится до 159 000 руб. Это, повторяю, зависит от Вашего желания. На всякий случай тел. К 1.05.00, доб. 211, тов. Степная.

Я пишу Вам об этом, т.е. проявляю некоторую срочность, именно потому, что они собираются “проверить” смету в течение завтра-послезавтра, и если у Вас есть возражения, их надо скорей донести до Наркомфина.

Привет.

Ваша О. Бокшанская

[1940]

375.

12. II. 1940

Милый Владимир Иванович!

По рассказам, сегодняшний визит делегации к Вас. Ив. был очень приятен – во всяком случае, членам делегации. Было просто и дружелюбно¹. Дома у Качаловых с утра был переполох, пот. что “Националь” обманул и не прислал торты для угощения делегации, и хозяйкам казалось, что нечем угостить. Торты прибыли, когда уж делегация сидела за столом. Вас. Ив. доволен подарками. Кроме собр. соч. Чехова купили ему превосходную статуэтку, довольно крупную, собака копенгагенского фарфора, в добавление к его коллекции животных.

Делегация не очень засиделась, потому что надо было вернуться на “Син. птицу” с молодежным составом.

Выступление молодежи прошло оч. успешно, были многие из Комитета, включая и Вдовиченко, был Михоэлс; говорят, был Юзовский на спектакле. Обсуждения большого не было, члены комиссии спрашивали о технике дела. Обсуждение произойдет специальное – о работе МХАТ с молодежью.

После утренника Сахновскому и режиссуре показывали гримы и костюмы Ливанов, Пилявская и Белокуров в “Горе от ума”. Пилявская мне понравилась, Ливанов очень красив, так что удивительно, как это в него не влюбились поголовно все фамусовские гости, Белокуров показался неудачно и будет еще искать и в костюме и в гриме – все пока отвергнуто. Мне кажется, что Ливанов сильно поднимет спектакль и будет иметь большущий успех. А то сейчас, как говорят, “Горе” один из скучнейших наших спектаклей².

Милый Владимир Иванович! Скоро будет выплата жалованья, 15-е число, – не дадите ли Вы распоряжение мне через Иверова, как мне поступить с деньгами, кому их передать?

Пастернак принес выправленную первую часть “Гамлета”: I, II и часть III акта, выправленную уже после перепечатки, и всю вторую часть, т.е. до конца всю пьесу, – в рукописи, мне для перепечатки. Постараюсь поскорей перепечатать³.

Милый Владимир Иванович, желаю Вам благополучно приехать в Барвиху и там хорошо устроиться и настроиться, – до Вашего отъезда послать записку еще одну не удастся, эта последняя. Надеюсь найти способ передавать Вам новости в Барвиху. Всего хорошего.

17 февраля 1940 г.

Милый Владимир Иванович!

Приступаю к письму не без робости, потому что Иверов передал Ваше распоряжение “написать коротко”, а я, пожалуй, не сумею это сделать.

К нам назначен новый помдиректора Гуляев (приказ прилагаю, там видно, откуда он). Предполагается, что в этой должности он пробудет недолго, и при перевыборах секретаря партбюро будет выдвинута его кандидатура вместо нашего теперешнего Морозова. До выборов он будет присматриваться к театру. По Комитету его знает Дина Серг., говорит, что человек он приятный. Як. Леонт. дал характеристику, что как помдиректора это было бы пустое место, а как замена Морозову – это, конечно, более культурный человек.

15-го худ. руководство созывало труппу для разговора о поднятии дисциплины. К сожалению, конец заседания обратился в некую перебранку А.П.Зуевой с присутствующими, возникшую после выступления Зуевой, когда начались ответы на ее выступление.

14-го автор читал занятым в постановке (могли прийти и незаняты) “Кремлевские куранты”. Чтению предшествовало короткое, но внушительное слово Леон. Мир., который, предполагая, что кое-кто пришел с готовой критикой, кое-кто с обидами за назначение на маленькую роль, а также, вероятно, вспоминая разгром “Заговора” на подобном чтении, сказал, что пьеса принята дирекцией, Комитетом и *выше*, что распределение тоже утверждено дирекцией и Комитетом (??). После этого чтение началось в несколько придушенной атмосфере и проходило почти без реагирования слушавших. Во всяком случае, Погодин, придя с чтением, сказал: “Ничего нет ужаснее, как читать у вас пьесу!”

Когда кончилось чтение, Леон. М. стал говорить об организационных моментах работы, о сроках, а также об атмосфере пьесы, о 20-м годе, предлагая людям возобновить в себе воспоминания о том времени, рассказывая какие-то свои воспоминания. Предложил задать и вопросы, если они есть, сидящему тут же автору. Но вопросов не оказалось.

На след. день начались уже обговаривания с исполнителями.

Кстати сказать, Леон. Мир. вчера подошел ко мне со словами: “Не могу не поделиться с Вами, считаю, что Вы должны знать, что театр снова плюнул в мою сторону, снова наградил меня щелчком. Я говорю о подписи под письмом Сталину. Неужели нельзя послать в Барвиху или хотя бы подписать письмо за меня?!”¹ Я ему сказала, что он в этом вопросе никак не был забыт, что я могу все точно изложить, потому что именно я и отправляла письмо и собирала подписи. Что Ваше распоряжение было получить его подпись; что я просила машину в Барвиху, но Калишьян отказал за действительным отсутствием бензина; что тогда я послала курьера на квартиру узнать, не будет ли у семьи оказии к нему, и получила ответ, что он сам будет в Москве между 24–27; что в эти

дни мы его ждали, но он не приехал; и что тогда Вы дали распоряжение об отсылке письма без подписи Леонидова. Подделать его подпись под *таким* письмом – это как-то не пришло мне даже в голову. А если б и пришло – я бы не решилась в *таком* случае, особенном. Тут же я показала копию нашего письма, на которой я тогда же отметила, что подписи Леонидова нет по таким-то причинам. Выслушав и посмотрев копию, он сказал: “Теперь я совершенно удовлетворен”.

Милый Владимир Иванович, продиктованная Вами (Сошиной) по телефону записка к Сахновскому мною была тотчас же перепечатана, и В.Г. захватил ее с собой при вчерашней поездке в Комитет, где за нее схватились и были чрезвычайно удовлетворены Вашим вниманием. Подождите, они теперь Вам покою не дадут, добываясь бесед с представителями театральной учебы!

Вот что рассказал Вас. Гр. о своем вчерашнем посещении Комитета. Он был туда приглашен к Солодовникову и Храпченко с Калишьяном и Гремиславским специально по вопросу гастролей. Ставится вопрос о поездке в Баку. Дело в том, что секретарь Азербайджанского ЦК т. Багиров снесся по прямому проводу с Москвой, ставя вопрос о категорической необходимости привезти МХАТ в Баку в связи с 20-летием Азербайджана. Говорил он об этом с самыми высокими инстанциями. Они готовы принять любой репертуар, без новых постановок, без приезда стариков, но только чтобы приехал МХАТ. Комитет считает, что не ехать нельзя. Им представляется, что мы можем свезти туда 11 пьес нашего репертуара, имеющих сравнительно несложную монтировку, как “Вишн. сад”, “Федор”, “Турбины”, “Дяд. сон”, “Таланты и поклонники” (представьте, даже эта пьеса уже непроста на тамошней сцене в смысле монтировочном). Пусть старики не едут, пусть играется “В. сад” без Книппер, хорошо бы только привезти Качалова на несколько дней для “Врат” – и все хорошо, все будут предовольны! Выехать из Москвы надо 10 мая, начать спектакли 15 мая и играть там до 25 июня, потом 5 дней на возвращение и – конец сезона. В.Г. сказал, что знает Вашу установку: МХАТу неудобно выехать на гастроли, не показывая своих последних работ, имея в репертуаре только давнишние свои работы. Храпченко сказал, что бывают случаи, когда нельзя отказать в желании видеть у себя МХАТ. Он сказал, что поедет в Барвиху видеться и говорить с Вами об этом. Ясно, что поездка эта неизбежна, надо только теперь думать, как бы сделать ее получше для обеих сторон: для зрителей и для труппы.

Вчера в худсовете Комитета стоял доклад Храп. “Об основных мероприятиях Комитета на 1940 г.”. В.Г. из-за репетиции “Трех сестер” не поехал туда. Хр. при свидании по бакинской поездке укорил, почему он не был. В.Г. объяснил, что сам Хр. настаивает на ускорении выпуска “Трех сестер”, а для такого ускорения В.Г. не должен манкировать репетициями, должен их предпочитать заседаниям. По распоряжению В.Г., в прениях досталось нашему театру, главным образом от Судакова, Ми-

хоэлся: за что, мол, так особенно прославляем МХАТ, когда он переживает явственный кризис! Смысл выводов по отношению к МХАТу был по формулировке В.Г. (выводов по докладу): “Нет, МХАТ кризиса не переживает, но пусть поменьше зазнается”.

Как курьез: одно из последних “мо”¹ Судакова. Выступая на вечере, посвященном 20-летию сов. кино, он сказал примерно так: то-то и то-то в кино замечательно, и это делали молодые, советское поколение, те, кого вырастила “наша матушка советская власть”. Об этом теперь всюду рассказывается – придумал термин!

Вчера у нас здесь побывал Тренин с сообщением, что закончил пьесу, собирается в Барвиху, где ее окончательно отлакирует; но обеспокоен тем, что у нас столько принято пьес, что уж некуда втиснуть, некому играть его произведение². Ему, однако, сказано, чтобы пьесу непременно нам предоставил, а у нас уж рассудят, как ей дать место. Вероятно, Вы там в Барвихе его увидите вскорости.

В.Г. просил передать Вам по двум вопросам:

1. “Горе от ума”. Просмотр гримов и костюмов показал, что опасения о несоответствии комплекций Пилявской и Ливанова отпали. Она ничуть не выглядит какой-то коротышкой перед ним. Репетиции там идут гладко, 20-го они будут в гримах и костюмах, 21-го без таковых, но с В.Г., 22-го генеральная, 24-го спектакль.

2. “Три сестры”. Все, что буду передавать, относится к первому акту, на котором они сейчас и сидят все время. Тарасова ничуть не убегает от предложенной Вами “буки”, наоборот, старается отойти от сползания к тону “обаятельной”, как будто даже захватила нравящуюся ей “буку”, и рада, когда чувствует, что где-то схватила уже, а где-то пытается словить. Подчас даже слишком грубовата, но В.Г. сознательно ее не останавливает, считая, что впоследствии это отпадет само. Георгиевскую он все время направляет к тому, что Вы хотели от нее, но она пока пробует это очень несмело; однако понимает, что от нее требуется, и потому В.Г. рассчитывает, что в дальнейшем она пойдет по этим сейчас только нащупываемым ею дорожкам смело. И с Болдуманом у В.Г. опасений нет³. Хоть он сейчас еще только примеряется, прилаживает себя к работе, но В.Г. верит, что чем дальше, тем все будет ярче, а что верно будет – это непременно так.

Об оформлении “Трех сестер”. У него произошло собеседование об этом с Дмитриевым, Гремиславским, Раевским и Глебовым, в результате которого решено сделать и ту и другую декорацию к Вашему приходу на работу, показать Вам их обе и дать возможность выбрать. Это не составляет какого-то особенно большого расхода, вполне допустимая мера выбора. 4-й акт находится в работе в мастерских. (Я не пометила, но Вы, конечно, поняли, что я написала о двух вариантах декорации применительно к 1 и 2 актам.)

Милый Владимир Иванович, простите, письмо все-таки длинное получились. Вы бы его разбили дня на два-три при чтении.

1 От франц. mot – словесный оборот.

Да, есть вопрос: вышли книжки – Ю.М.Юрьева и записки-письма-статьи Вахтангова. Приобрести? Прислать Вам?⁴

Прислать ли Вам “Гамлет” Пастернака полностью, все 5 актов, – он их скоро нам принесет. М.б., скажете через Сошину?

Желаю Вам хорошо, “бесперебойно” поправляться. Очень нам это нужно, очень.

Ваша Ольга Бокшанская

377.

Москва, 20 февраля 1940 г.

Милый Владимир Иванович!

Дина Яковлевна прочитала сегодня мне Вашу записку. Спасибо за ответы. Раз они получаются так быстро, то я позволю себе задать еще один вопрос (кажется, уж не раз Вас об этом спрашивала): как быть с деньгами за 1-ю половину февраля? Пока держать у себя? Или передать кому-нибудь из домашних?

У меня легкое сомнение, про ту ли книжку Вахтангова Вы подумали, когда прочитали мой запрос? Эта книжка писем и дневников его только-только вышла. Вы про эту думаете? В ней, между прочим, помещены совершенно замечательные по отношению, по уважению письма Евг. Богр. к Вам.

Марков говорит, что и книга Юрьева очень интересна. Кроме того, книжный магазин, который теперь обязан снабжать ведущих людей нашего театра книгами по искусству (магазин угловой проезда Худ. театра и Пушкинской) предложил Вашему вниманию книгу Кривошеевой “Эстетические взгляды Луначарского”.

Я сговорила с Мишей, что он вечером даст Куклину для отсылки Вам конвертов и бумаги. И я с своей стороны приложу то, что есть в театре, чтоб Вы не тратили слишком расточительно “импортного” добра. Бог весть, привезете ли нынешним летом?¹ В каких-то случаях, может быть, можно и похуже бумагу использовать?

18-го вечером был неприятный случай пропуска Баташовым спектакля в клубе НКВД. Его нашли уж где-то вне дома, он задержал начало на 27 минут. Игрался “Трудовой хлеб”, Вы помните, конечно, что он играет студента. Ему грозит увольнение, тем более что всем участникам спектакля было дано под расписку сообщение об этом выезде театра. На беду еще 16-го тот же Баташов на “Пиквике” опоздал на выход, сделав на сцене паузу². Опоздал, рассказывая товарищам о... собрании труппы по поднятию дисциплины.

Сегодня на сцене прошли целиком “Горе от ума”, трое новых исполнителей в гримах и костюмах. Все трое выглядят оч. хорошо. Смотрел Вас. Гр., многие из своих. В.Г. остался не очень доволен Ли-

вановым, хорошо сыгравшим первые два акта влюбленного, но не поднимавшимся выше личных бед в 3 и 4 актах. Пилявская, по мнению В.Г., сделала большие успехи, он ждет для нее успеха. Белокуровым доволен. Внешне все трое нравятся, теперь и Белокуров нашел хороший грим и более удачный костюм для 1 и 2 актов.

Сейчас 7 ч., пойду сегодня посмотреть Морес – Аню, тогда я ее не видела³. Сегодня собирались на этот спектакль и Типольты. Вот тогда, может быть, завтра сообщу Вам более подробные известия о доме, пока же по телефону на мой вопрос Миша ответил, что все здоровы и кланяются Вам.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

378.

Москва, 22 февраля 1940 года

Милый Владимир Иванович!

Вчера, когда Вы звонили, я была на общественном просмотре новой постановки Театра сатиры “Страшный суд” Шкваркина, которую ставили Горчаков и Блинников. Это довольно острая комедия с множеством смешных положений и с довольно ловко смешавшим диалогом. После спектакля понимаешь, что много глупого, но пока смотришь – смешно. К тому же играет почти весь цвет Театра сатиры. Режиссеры говорят, что пьеса написана много острее и умнее, а после реперткомовского просмотра внесены большие сокращения, театр даже побаивался снятия пьесы, но как-то они сумели проходно подать кое-какие острые словечки, их оставили – и вот пока спектакль остался в репертуаре. Театр сатиры прислал приглашение и Вам, но я вернула Горчакову билеты – он же знает, что Вы не сможете быть.

Рассказали мне, что был реперткомовский просмотр (и Комитета) “Без вины виноватых” в Малом театре, и спектакль выпустить не разрешили за слабостью исполнения. Будто бы режиссура (Пашенная и еще кто-то) были приглашены в Комитет, что Вера Ник. очень бушевала. стучала по столу и заявляла о “травле Малого театра”, что на следующий день, т.е. сегодня, они снова приглашены в Комитет по этому вопросу. Есть слух, будто Судаков не огорчен неудачным показом спектакля своего же театра, а сам-то это и подстроил, желая, чтобы Пашенной, чувствующей себя в театре хозяйкой, “подрезали крылья”. Говорю обо всем по слухам. “Свадьба Кречинского”, говорят, вышла у них в филиале чрезвычайно слабым спектаклем¹.

Слышали ли Вы в Барвихе, что в Малом театре потеря: умер актер Мейер (если Вы смотрели “Ревизора” – он был Хлестаков), он покончил с собой: бросился с балкона с третьего этажа. Говорят, что умер от паралича сердца, т.е. не от удара о землю. Говорят, что это был приступ белой горячки. Он сильно пил со времени ареста жены (и до женитьбы на

ней), это была актриса Щербиновская, из Малого театра, бывшая жена Пильняка, которая, вероятно, из-за этой близости и была арестована и выслана. Разлука с ней принесла ему все беды.

Следом за оплошностью Баташова чуть было не приключилось то же с Болдуманом. 21-го он не пришел на “Кречета”. Хорошо, что он живет рядом с театром и оказался дома. К нему послали, его разбудили (он спал), и он в 20 минут восьмого уже сидел за гримировальным столом, начала спектакля не задержал. Может ждать выговора в приказе.

Сегодня с утра сообщили, что Топорков заболел – как всегда, нелады с горлом, потерял голос. Из-за этого завтра две перемены: днем (шефский для Кр. Армии) “Вишн. сад” заменяется “Достигаевым”, вечером вместо “Земли” идет “Яровая”. Вызвался было Лифанов сыграть Антонова в “Земле”, его посмотрели в фойе, но без репетиций не решились выпустить, предпочли сделать перемену. Надо надеяться, что к 26-му [Топоркова] поправят, к “Тартюфу”.

20-го я смотрела в филиале “Вишн. сад” из-за Морес, и она мне понравилась: такая славная серьезная девушка-подросточек, без сантимерта, очень серьезная. Ольга Леон говорит, что ей приятно с нею играть. А ведь это она была тогда против ввода Морес, выдвигая Михееву, помните, когда Морес ужасно бушевала и переживала свою отставку от роли.

Я думаю, что Миша хорошо Вам объяснит все дело с телефоном, чтобы решить, есть ли преимущество в перемене самостоятельного номера 4.54.02 на спаренный. Я понимаю удобство второго номера только в том случае, если он будет не спарен с 4.54.02, а будет или самостоятельный, или спарен с каким-то еще другим телефоном (тогда в Вашем распоряжении будет вроде как полтора телефона). Но спарить его с 4.54.02, лишиться аппарата отводного из коридора в кабинет, – что это может дать? Если Ваш 4.54.02 перегружен теперь сильнее домашними разговорами, то при спарении эта беда будет отзываться на Вашем номере, он же все время будет наткаться на занятость линии.

О домашних новостях, если они есть, расскажет Вам, конечно, Миша. Немного мы поговорили с Типольтами на “В. саде”. Евпраксия Вас. рассудила, что шероховатости неизбежны при расширении семьи, но она надеется, что все сгладится. Дай бог, хотя я и я не сильно рассчитываю на полную тишину. И, как мне кажется, “прибавление семейства” не принесло в этом отношении много нового, а только усилило уже давно существующее недоброжелательство Миши. Признаюсь, что как-то в конце старого года говорила об этом с Мишей, пыталась уговорить его не быть придирчивым, и тогда почувствовала это недружелюбие. Однако надеюсь, что в своей любви к Вам Миша спрячет поглубже свои чувства плохие, а понемногу, по своей природной доброте, просто перестанет обращать внимание на мелочи, которые его сейчас задевают.

Всего хорошего, милый, дорогой Владимир Иванович!

Ваша *О.Бокшанская*

379.

24 февр. 1940

Милый Владимир Иванович!

Сегодня мы все находимся в некотором волнении, ожидая вечернего “Горя от ума” с его новыми исполнителями. Интерес к спектаклю, кажется, и извне немалый, во всяком случае, мне сказала Дина Сергеевна, что сегодня “обзвонили” просьбами о билетах, пришлось использовать не только все дирекционные места, но и вырезать из комплекта. На Ваших местах хотел быть Миша, но у него оказался спектакль¹, и я отдала их, по просьбе, П.А.Подобеду.

2 марта в помещении нашего театра Филармония устраивает вечер Качалова. В первом отделении он намерен читать монтаж из “Воскресения” и будет играть пианист Брюшков. Во втором отделении – стихи Маяковского, Есенина, Блока и др. Интерес к этому вечеру тоже большой, масса звонков с просьбами. Если Ваши места не поступят в продажу (не знаю, весь ли зал отдадут, или минус дирекционные места), на них сделали заявку Типольты.

Новостей пока никаких, жизнь идет рабочая.

Говорят, Вы хотите приехать 28-го. Простите, милый Владимир Иванович, что позволяю себе рассуждения о Ваших хотениях, но стоит ли приехать раньше, чем Вы наберетесь сил “в полной комплектции”? Мы Вас ждем не по числам, а в хорошем, добром здравии.

Какая нынче мягкая погода! У Вас, вероятно, великолепно дышится.

Всего хорошего, самого хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

380.

26 февраля 1940 года

Как мне было обидно, милый Владимир Иванович, что опять Ваш звонок не застал меня в театре. Это я убежала домой, чтобы накрыть стол и наладить хоз. дела к вечеринке, которую я созвала после спектакля “Горе от ума”. Моя Пелагея была занята кухней, а накрыть на стол – это считалось моим делом. После спектакля я бы не успела это сделать, потому что сразу гости и пошли – были как раз три основных дебютанта “Горя” со своими “половинами” и еще 4 человека – словом, за столом всегдашняя моя “норма”, с нами, хозяевами, 12 чел. Вот почему меня не было в театре, и честь передать от Вас приветствие дебютантам досталась Орловской. Обидно! О Вашем

внимании к дебютантам несколько раз говорилось за ужином, они все отмечали такое поразительное Ваше отношение к актеру. Надо ли Вам добавить, что следующим “за дебютантов” тостом был тост за Вас – Вы, вероятно, легко об этом догадываетесь.

Теперь о спектакле. Т.е. вернее это будет – о Ливанове. Начал он в сильнейшем волнении своем, актерском, и потому погнал все на последней скорости, чуть не обрывая реплики партнеров. Во 2 акте стал чуть спокойнее. “Судьи” уже читал, владея собой, – хорошо, интересно. В 3-м акте оч. хорошо провел сцену с Софьей и еще лучше, очень остро – с Молчалиным. “Французик” было тоже очень хорошо, интересно по сдерживаемому темпераменту. Интерес к Чацкому – Ливанову рос от акта к акту в публике, тем более он так красив и привлекателен. Но в 4-м акте он буквально потряс зал, последний монолог он говорил так, что взволновал всех, даже всех своих, наших актеров, – и аплодисменты после монолога буквально рухнули, обрушились из ярусов в партер и из партера на сцену. Овация была настоящая. И будто зала едва дождалась – поскорей бы, поскорей выслушать последние слова Фамусова, чтобы продолжить овацию этому Чацкому. Успех после конца спектакля был громаден – большая его часть принадлежала Ливанову.

Вот в этот вечер, после спектакля, Вы могли бы увидеть по-настоящему, целиком, всего полностью, счастливого человека. Это был Ливанов, переживавший, по его словам, самый счастливый день своей жизни. Когда он пошел со сцены, свои за кулисами сделали ему овацию. Потом началось паломничество поздравителей в уборную. Он получил от друзей много шампанского, и все вино было тут же распито с поздравлявшими, с портными, рабочими, служителями, которые показали себя настоящими мхатовцами – так крепко и они переживали настоящую радость театра от успеха актера. От многих наших, смотревших спектакль, я услышала тут же: “Конечно, теперь можно сказать уверенно – у нас есть Гамлет!” Вот куда сразу метнулась их мысль.

Пилявская встретила немало критики среди своих, среди “подруг”, но мне она нравилась, а когда справится с волнением (оно ее заливало), вероятно, будет нравиться еще больше. В публике, думаю, она, во всяком случае, не будет принята с таким протестом, как это было при Степановой. Во 2 акте она выходит в костюме, отменном для Степановой (то, что было сделано для Гзовской¹, черный лиф и белая юбка). Он к ней идет. В 1 акте – платье, схожее со Степановой. В 3-м – тоже близкое к степановскому. Халатик в начале 3-го – как степановский, ей он идет меньше. И, как мне кажется, надо найти какой-то другой чепчик, этот не идет. Бальная прическа идет. Я как-то не мучаюсь разрывом в росте ее и Ливанова, но Вас. Г. укорял: коротышка все-таки! Очень хорошо играла последнюю сцену с Молчалиным, после разоблачения.

Белокуров? Он был лучше, чем на репетициях, не так обнаженно играл подхалима, не так подносил задачи, поставленные перед ним, но все же пока эта роль у него не из победных. Пока что получается

чрезвычайно лобовое решение роли, примитивное. С Массальским его и сравнивать нельзя. (Если говорить о сравнениях, – ой, как трудно придется теперь Прудкину! Играть после Ливанова – это потруднее, чем играть после Качалова. С Качаловым никто и сравнивать не будет, Качалов вне конкурса; а вот когда такой же молодой, сверстник, одного положения актер – и такая разница в исполнении! – вот тут, вероятно, сравнения начнутся, и все против Прудкина.)

Гейрот (о нем я забыла Вам в свое время написать, что после репетиции 22-го решено было и его впустить в спектакль) – ему далеко до Станицына, об этом и говорить не приходится, но если сравнивать его со всегда играющим скучным Вербицким, то Гейрот для меня приземлее².

После спектакля они намеревались все дать Вам телеграмму, – дошла ли до Вас?

Вчера, 25-го, мы получили громадное удовольствие: был устроен для актерского состава просмотр американских фильмов в Доме кино. Это продолжалось с 11.30 до 3 час дня, собралась почти вся труппа, разве только больные не явились. Показали нам две мультипликации в красках Диснея – знаменитого мультипликатора тамошнего, это, знаете, такие короткие картинки, в которых участвуют не люди, а нарисованные то ли люди, то ли насекомые, птицы, рыбы – пресмешных форм. Это всегда делается очень остроумно, хохотали мы много.

Потом были две картины: “На крыльях славы” и “Летчик-испытатель”. В первой участвовали знаменитые теперь там актеры-танцоры Джинджер Роджерс и Фред Астор. Это очень поэтически сделанная история молодой пары, которая, добиваясь признания, создавала модные танцы (действие начинается перед первой мировой войной, в 1911 г.) – это они создали танго, фокстрот и т.д. Потом он, Фред Астор, попадает на войну и гибнет (он становится летчиком и разбивается при полете) – вряд ли тут фильм совпадает с действительной историей жизни создателей модных танцев, хотя и объявлено сначала, что фильм поставлен по книге жизнеописания этой четы Кэстль. Трагический финал фильма удивителен для американского кино.

Вторая картина была интересна главным образом двумя исполнителями (Кларк Гэбл и Спенсер Трэси), играющими центральные роли. Материалом для этой картины служит книга правдивая, из жизни подлинного летчика-испытателя – забыла сейчас его фамилию. Там показаны всякие высотные полеты, но, увы, я им не верила, вполне уверенная, что все это снималось в ателье, с моделями. Интересно и здорово там сделана только гибель аэроплана, тут, вероятно, не пожалели средств и загубили какую-нибудь машину: гбнувший самолет над полем, лесом и, снижаясь, почти падая и падая в конце концов, он начинает срезать верхушки деревьев, валить деревья и наконец сам врзается в землю. Сделано это чрезвычайно эффектно. Картина держит зрителей все время в напряжении, так и ждешь печального конца, но, наоборот, в этом случае конец преблагополучный.

Сегодня только и разговоров в театре, что об этом вчерашнем просмотре, о впечатлениях. Мы надеемся, что нам покажут еще несколько картин. Написали в Комитет кинематографии благодарность и выразили надежду на продолжение сеансов.

Сегодня у нас “Турбины” без Яншина – простужен, без голоса, играть не может. Играет, стало быть, Раевский.

Пакет с письмами, отмеченными Вашими надписями, я получила, все будет выполнено, многое уже выполнено.

До свидания, милый Владимир Иванович, хочется поскорей с Вами свидеться, но в то же время хочется Вам пожелать терпения подольше выдержать Барвиху, чтоб приехать с настоящим запасом сил.

Ваша *Ольга Бокшанская*

381.

28 февраля 1940 года

Милый Владимир Иванович!

Вас. Гр. просил вот что Вам написать. Он говорил нынче с Калишьяном, как будет устроено для Вас лето. Начались эти думы Вас. Гр. о Вас потому, что ему сообщено Калишьяном, как совершенно точная установка, что выездов за границу этим летом не будет – не только потому, что мы не будем выдавать загр. паспорта, но и потому, что окружающие нас государства не дают въездных виз. Раз это так, надо думать о трех летних месяцах для Вас, – правда? Калиш. говорит, что ему известно, что Ваша дача № 8 не занята, – не поставить ли снова о ней вопрос?¹ Или Вы иначе хотите себя устроить? Вопрос этот требует довольно быстрого решения, пот. что в предвидении лета к свободным дачам интерес растет у людей, имеющих основание обеспечить себя дачей. А таких довольно много, – членов Совнаркома, т.е. наркомов, теперь, с раздроблением наркоматов, 54 человека. И не только эти ответственные работники будут нуждаться в дачах, но и многие другие должностные лица. Я слышала от Типольтов, что у Муз. театра есть намерение увезти Вас в поездку Киев – Одесса; что Алексей Люц. думает о Кисловодске для Вас. Если мне будет позволено сказать мои мысли по этому поводу, то скажу, что жел. дор. переезды мне представляются для Вас слишком неподходящими в обеих этих комбинациях. Главным образом устрашает меня питание в пути, да еще летом! Я пишу Вам об этом вопросе еще и потому, что в Барвихе, вероятно, у Вас будет время “разложить все планы”².

Вчера у нас была перемена с “Пазухина” на “Труд. хлеб” – из-за ангины у Шевченко. Следующий “Пазухин” 1-го, и чтоб его не отменить, дана роль и начались занятия с Лабзиной³.

Нынче ночью опасно заболел наш давнишний портной Иван Ку-

приянович Тщедушнов, Иверов говорит, что это или припадок аппендицита или заворот кишок. Его отвезли в больницу, но не решаются делать операцию из-за возраста: 74 года⁴.

Только что получила фототелеграмму от Гошевой: “Как продвигаются мои бытовые дела? А может быть, у вас какие-нибудь существенные изменения и вы уже не заинтересованы во мне. Напишите, пожалуйста. Привет Владимиру Ивановичу”. Вероятно, она забыла, что уговор был такой: она переговорит с Акимовым и даст знать, когда он может ее отпустить, и тогда мы начнем через Комитет налаживать жилище для нее, – ведь так? Что мне ей ответить?

Участники “Трех сестер” постоянно спрашивают меня о Вас, о сроке Вашего возвращения, но должна сказать, что с приходом на репетиции Сахновского исполнители стали много покойнее, работа идет толково, приятно для актеров. И, заканчивая свои расспросы о Вас, даже самые нетерпеливые, вроде Ливанова, говорят: пусть Вл. Ив. как следует выправится, а мы ему все приготовим, чтоб ему не заниматься мелочами.

Таких разговоров раньше, до Сахновского, не бывало, а все только стонали: нет сил терпеть эти ненужные репетиции без Вл. Ив.!

До свиданья, милый Владимир Иванович, всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

382.

Москва, 6 марта 1940 г.

Милый Владимир Иванович!

Я говорила с Калишьяном относительно посылки приветствия Вяч. Мих. Его мнение таково: мы 21 декабря не посылали приветствия, а позднее передали “чайку” при письме от стариков, не сделать ли так же и в этот раз. “Чайка” будет заказана, Михальский обещал тотчас же за это приняться. Кроме того, 9-го выйдет “Горьковец” с напечатанным там приветствием Молотову, это же приветствие будет напечатано “Советским искусством”. Вот, как кажется Калишьяну, таковы будут действия МХАТ¹.

Попутно говорила я с Калиш. и о даче. Он заверяет, что Вам не надо будет обращаться к В.М. с письмом, он обещает все устроить самостоятельно. Будто бы он говорил с тем лицом, которое ведаёт этими дачными вопросами полностью, и теперь только ждал Вашего ответа: хотите ли Вы этого. Раз хотите, он обещает все уладить. Я крепко ему перечислила все Ваши намерения: т.е. Вы хотите работать для искусства летом, когда чувствуете себя очень работоспособным; что в работе Вам должны помогать несколько человек – “штаб”, значит, на даче будет жить довольно много народа, значит, нужен большой лимит на продуктовой

базе; что вообще житье на даче в окружении только нескольких своих (вернее, только Евпр. Вас., потому что остальные работают, служат) для Вас скучно, что должны будут приезжать постоянно люди. Он обещал все это иметь в виду и устроить целиком все дачные вопросы. Скажет на днях результат своих переговоров.

Вас. Гр. пришел в театр позднее моего разговора с Калиш., я ему тоже все передала, и он еще раз и от себя об этом с Кал. переговорит, благо пошел к нему по целому ряду вопросов. Кроме того я передала Вас. Гр. все остальное – по “Трем сестрам”, что Вы мне сказали.

Сейчас идет некая “буза” по поводу объявленного в выходной день спектакля. Рабочая часть и обслуживающий персонал прямо заявили, что устали от подряд отнимаемых дней, что не будь этот спектакль для такой уважаемой организации, как райком, они бы вовсе отказались от этой работы, а тут соглашаются, но требуют оплаты. Попутно выяснилось, что когда в прошедший выходной игрался “Трудовой хлеб”, этим частям был оплачен труд в выходной день, и только актеры (просидевшие к тому же в гримах из-за предшествовавшего спектаклю заседания почти два часа) трудились бесплатно. Почему? Непонятно. Молодые актеры, зарабатывающие гроши, с трудом сводящие концы с концами. По этому поводу Евг. Вас. сейчас пошел к Калишьяну. А тут еще и спектакль завтра. Делаются эти спектакли людьми, которые хотят показать свою деятельность, пощеголять, но трудятся фактически актеры, рабочие, состав театра, отдавая при этом свой день отдыха. И сейчас поступило заявление от Андровской, что она готова была сыграть в выходной день спектакль-утренник, а вечерний играть категорически отказывается. Что то, что говорится об этом насильственном привлечении актеров к отдаче своего отдыха в буфете, в уборных, – она это говорит громко и заявляет дирекции. Как правило, один выходной в месяц актеры отдают на санфонд, т.е. на то, чтоб работников театра отправлять в санатории. Против этого наши не протестуют. Но масса спектаклей в выходные дни прибавляется еще и помимо этого, и против этого они возражают. Спектакль этот такого же порядка, как тот злополучный 14 ноября “Дяд. сон”, т.е. райком устраивает его для тех, кого хочет угостить или наградить билетом в театр: это или актив райкома, или стахановцы районных заводов, или еще какие-то категории людей, которых райком хочет отметить.

Продолжающаяся болезнь Петкера начинает беспокоить наше худ. руководство, во всяком случае, потребует вводов. 9-го Василия Шуйского сыграет Грибов, раз игравший эту роль, но 12-го параллельно идет “Достигаев”, и тогда придется просить Вербицкого, кот., кстати, играл этот образ в пушкинском “Борисе”, вернее – репетировал. 10-го в “Карениной” сцену у адвоката придется выбросить.

Евг. Вас. сговорился с Леонидовым, чтоб тот так построил свою работу в “Курантах”, что до середины апреля в Грибове нуждаться не будет².

Под вопросом гастроль в Баку. Выяснилось, что материально они выдержать наши две сцены не могут, а на дотацию в свете последних решений и постановлений о строжайшей экономии по линии театров рассчитывать нельзя. Комитет вызвал всех директоров театров и объявил, что отменены все места ударников, целевые спектакли, абонементы, билеты будут идти только через кассы, не за счет учреждений, а на средства отдельных граждан. Для многих театров это страшно. Мера эта введена с 1 марта, остались в силе только уже запрожденные на март спектакли.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

383.

Москва, 9 марта 1940 года

Милый Владимир Иванович!

Неожиданная оказия в Барвиху – и потому пишу Вам несколько строк и посылаю наши ведомостички и “Горьковец” вчерашнего выпуска.

Вчера по случаю Женского дня у нас репетиции закончились в 3 часа, а затем была устроена в нижнем фойе беседа (вернее, доклады) наших работников с знатными женщинами страны. Были у нас в гостях девушки-военные: одна парашютистка, одна женщина-танкист; рассказывали о своих делах, о работе. Говорят, что было интересно их послушать, и посмотреть на них приятно. Я не успела побывать там, потому что здесь, наверху, были всякие дела. После докладов пытались организовать под рояль танцы для наших работниц, но, по рассказам очевидцев, это плохо удалось. А тут уж пора было готовить фойе к спектаклю.

7-го (в выходной наш день) спектакль, из-за которого разгорелись страсти, не состоялся. Бесплатно его устроить нельзя было, а платить за него райком не мог, не имел права. Как мне говорили, наши отправились в райком сообщить, что спектакль будет стоить столько-то, а там им говорят: до спектакля ли тут! У Осинной столько своих осложнений в работе и положении, что ей теперь не до Вашего спектакля!

Снова как будто утверждается поездка весной в Баку, во всяком случае, в Комитете не возникает сомнений в том, что поездка может оказаться не под силу финансово. Еще вопрос в репертуаре. Сначала там говорили, что “дайте что хотите, любые пьесы”, а мы не считали удобным ехать со старым репертуаром. А теперь будто и они говорят: “Только непременно дайте “Каренину” и вообще весь Ваш новый репертуар”. Вот как с этим быть, когда даже “Враги” там устанавливаются с сильными изменениями и урезками.

Милый Владимир Иванович, теперь уж до скорого свиданья. Дима

рассказывал, что нашел Вас в великолепном виде (чтоб не сглазить) – и тем нас просто восхитил. Вернее – Вы нас восхитили.

Если хотите, напишу Вам сейчас нужные Вам телефоны: Хломов Михаил Дмитриевич – К 6.75.65. Спивакова – К 017.10, спросить добавочно контрольную группу. Как ее имя и отчество мне не удалось узнать, потому что я непосредственно, что называется, на нее по телефону и “напоролась”. Но должна Вам сказать, что Иверов, у которого я сначала справилась, как найти телефон Спив., и которому набросала дело, утверждает, что сейчас эти дела привлекают к себе огромное внимание медицинского мира и управляющего им аппарата и рассматриваются под углом необходимости провести тот план размещения молодых врачей, который разработан. Словом, если хотите, по приезде он Вам расскажет об этом поподробнее¹.

Если Вы себе не заметите эти телефоны, то в любой момент в Москве я Вам их подскажу.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, еще раз – до скорого свиданья.

Ваша Ольга Бокшанская

384.

30 апреля 1940 года

Милый Владимир Иванович, я думаю, Вы не успели еще почувствовать себя приехавшим на новое место¹, как я Вам пишу. Горюплюсь я так потому, что рассказали мне всякие интересности, а 1-го и 2-го праздники, я не буду в театре, значит, надо сегодня же это сделать.

Вот что рассказал один сотрудник “Вечерней Москвы”, ездивший в командировку в Ленинград, чтоб писать статьи о ленинградской декаде. Прежде всего о “Буре”. Будто бы Хренников, узнав о том, что “Бура” не входит в репертуар гастролей, послал телеграмму Молотову, прося защиты. Тем временем вопрос о “Буре” решили пересмотреть в присутствии Храпченко, и был назначен просмотр спектакля, на который приехал Жданов. Во время просмотра Молотов вызвал к телефону Храпченко (телефон Москва – Ленинград) и сказал, что предоставляет решение вопроса Жданову, присоединяет заглазно свой голос к его голосу. После просмотра Жданов сказал: “Так, как поставил эту оперу в Москве Владимир Иванович, вам не поставить, незачем и возить тогда спектакль”. Хренников, говорят, в отчаянии, а Печковский прыгает от радости, потому что в репертуар включена “Пиковая дама” и ему интереснее петь Германа, нежели Леньку. Итак, везут: “Сусанина”, “Пиковую даму” и “Салтана”. Балеты: “Лебединое”, “Сердце гор”, “Лаурен-

сия” и “Ромео и Юлия”. Предполагается, что “Ромео” и “Лебединое” пойдут по два раза, чтобы дать станцевать двум составам. Репертуар Михайловского театра я не узнала, знаю только, что везут балет “Сказка про балду”. Кроме спектаклей привезут вечер хореографического училища. По рассказу, это что-то необыкновенное. Вечер состоит из четырех отделений, на просмотр его ушло время с 12 час. дня до половины 8-го вечера, так что явно программу надо сжимать, а о чем ни подумают – все жаль выбрасывать. 1-е отделение – занятия с маленькими, классы. 2-е отделение – “Шопениана” в исполнении выпускного курса, затем – концерт и 4-е отделение – танцы 12-ти республик в исполнении всего состава техникума.

Александринский театр собирается “щегольнуть” “Маскарадом” и “Фландрией”, считая это самыми выигрышными спектаклями. Говорят, что “Фландрию” действительно стоит посмотреть, но “Маскарад”... с Юрьевым... Не представляю себе... или, вернее, слишком ясно представляю.

Акимовский театр привезет свой новый спектакль “Тень”, говорят, хорошая пьеса драматурга Шварца, это тот спектакль, о котором упоминала Гошева в своем письме. Кстати, как же быть с Гошевой, вернее – с квартирой для нее? Как только наши поедут в Ленинград и она начнет переговоры, то первым делом спросит о квартире. Акимов привезет и второй спектакль “Валенсианская вдова”. И вообще, кажется, как ни говорили, что незачем возить сюда драматические театры, а все же придет и Новый драматический со своими “Дачниками”, которые прошлым летом прошли весьма тихо, и ТЮЗ, и вот акимовский театр.

Вот из-за этих рассказов написала я Вам письмо, думая, что это Вас развлечет.

Только что звонил Миша, рассказал, что Вы устроились, что комната Ваша последняя или вообще в глубине коридора.

Совсем недавно говорила я с Евг. Евг., которая, конечно, Вам напишет о новостях, сообщенных ею мне доверительно, между нами. Это о визите Завадского к Андр. Ян., во время которого были сказаны слова, что вот, мол, и Вл. Ив. согласился на слияние двух театров, а вы вот просите о своем отдельном театре! А Марков, который вот тут стоит, просил подчеркнуть, что так как сведения об этом визите Завадского пришли от Гринберга, имевшего с Зав. частный разговор, то Гринберг просил эти сведения считать секретными².

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Теперь на работу приду 3-го и напишу Вам, как прошли праздничные дни в городе и в театре.

Ваша Ольга Бокшанская.

Прилагаю заявление, поданное Евгением Васильевичем в дирекцию и партком.

Москва, 3 мая 1940 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот прошли два праздника, когда я не бывала в театре. В смысле спектаклей праздничные дни прошли благополучно как за кулисами (все пиروвали с оглядкой на занятость в спектаклях), так и в смысле сборов. 1-го немного недобрали на “Врагах”, отчасти из-за поздно кончавшейся демонстрации, что оттянуло публику от театра, а на следующий день, 2-го, аншлаги и на “Земле”, и на “Дне”. И в публике все было у нас чинно, а вот в Малом, говорят, задержали спектакль на 14 минут из-за того, что выводили какого-то пьяного из зала. Вот какой он был упорный, что 14 минут на это потратили.

1-го было испугал Вас. Ив., около шести сообщивший, что не может играть “Враги”, у него хрипы, надо ставить банки. Однако сегодня уже Иверов считает его настолько поправившимся, что нынче дано разрешение расклеить по городу афиши об его концерте 8-го в нашем театре (это перенесенный с февраля его творческий вечер).

Кстати, о Вас. Ив. мне говорила Степанова, что у нее был такой разговор с Вас. Ив., вернее, его слова к Степановой: “Мне все же не хочется отойти от вашей милой компании в “Трех сестрах”, от всех вас, и я думаю скоро войти в спектакль. Когда он у нас идет? Ах, десятого, 14-го? Вот 8-го у меня мой концерт, разделаюсь с ним и могу входить. Мне ведь всего одна репетиция нужна”.

Из посылаемого репертуара (последнего в Москве) Вы увидите, что с 17-го по 21-е мы отдаем помещение филиала под ленинградские спектакли. Я пока не знаю, какой театр займет наш филиал.

Балетный репертуар, как мне сказали, таков по началу гастролей: 17-го “Ромео и Джульетта”, 19-го “Лауренсия”, 21-го “Сердце гор”. 26-го в Большом театре заключительный концерт, 24-го (кажется, в филиале ГАБТ) вечер балетного техникума Ленинграда. Начинают-то, вероятно, “Сусаниным”, 16-го.

Мне сегодня рассказал Марков, как он “уел” Самосуа, встретившись с ним на праздниках у Гринберга. Тот стал говорить о “Трех сестрах”: “Прекрасный спектакль, очень мне понравился. И было приятно видеть, как Худ. театр стар и как Большой театр молод”. На полное недоумение Маркова он стал утверждать, что “Три сестры” это такой спектакль прошлого, это возвращение к старому МХТ. Марков скоро бросил спорить, но затаил мысль, как бы его ответить “укусить”. Через некоторое время зашел разговор о ленинградском приезде. (Да, он только еще в споре неплохо сказал Самосуа, что пример молодости Большого театра блестяще доказывает возобновление “Хованщины”, воскрешенной по всем штампам). Марков, рассказав о случае с “Бурей”, сказал: “Да, вот “Бурю” из-за здешней ее постановки не привозят, а “Сусанина” везут!” И успокоился, что “отомстил!”¹

Завтра у нас перемена из-за болезни Прудкина – абсолютно без голоса человек.

Сегодня я говорила с Анат. Львов. Голоступецом, который мне сказал, что Зоя Ал. уж звонила ему, он все это дело знает, осматривал, но что не даст ответа, не поговорив лично с Вами². Он относится к этому с большой серьезностью, хочет сделать очень хорошо, тем более что, как он говорит, придется разорить почти всю квартиру, да еще в условиях квартиры на ходу, т.е. со стоящей там мебелью и пр. Он только спросил, кто будет за все платить, и ахнул, когда узнал, что Вы. Это будет очень большой расход. Я просила его прикинуть сумму хотя бы в самом грубом, приблизительном виде. Как я и думала, он готов все это делать, организовать и взять под контроль из-за исключительного уважения к Вам, но считает совершенно необходимым получить от Вас установки. В том, что он сделает лучше (и, пожалуй, дешевле) нашего стройбюро, я не сомневаюсь. Согласны ли Вы дать ему свидание?

Сегодня звонил Пастернак по своему личному делу, но разговор неминуемо зашел о положении с “Гамлетом”. Я почувствовала понятное нетерпение, которое, предполагаю, разогревается азартным нетерпением Ливанова, с которым он в добрых отношениях. Сказала ему, что теперь ждать недолго, Вы, вероятно, вернетесь из Барвихи с тем или иным *решением*.

До свидания, милый Владимир Иванович. Мне говорил Иверов, что возможен Ваш приезд 6-го, если Вы согласитесь на настояния Сошиной провести с Барвихе 7, 8 и 9-е. Что ж, это неплохой обмен взаимными уступками. И я Вас тогда увижу раньше, чем надеялась; уступите Сошиной, пожалуйста, и приезжайте.

Ваша Ольга Бокшанская

386.

4 мая 1940 года

Милый Владимир Иванович!

Еще о вчерашнем спектакле: он имел очень большой успех, выходили 3 первых занавеса одной общей линией перед рампой, потом скопом шли по аллее, потом слева из первой кулисы и наконец несколько раз перед закрытым занавесом¹. Мне говорили, что Нина Ник. не была довольна, считала, что они все понижали. Я смотрела 1-й и последние акты, правда, по этим самым животрепещущим актам судить нельзя, возможно, что в серединке были нежелательные Нине Ник. сдвиги к понижению. После спектакля виделась с восторгавшимися Харламовыми, а домой меня провожал Козловский, который был буквально перевернут виденным, правда, это как-то особенно совпадает с его личными переживаниями, как я поняла, потому что он мне сказал, что Свободин, дружащий с ним (вероятно, знающий его переживания), не советовал ему идти на спектакль, считал, что это непременно слишком сильно взволнует. Так оно и вышло.

Храпченко приехал по нашим сведениям только 30-го, поэтому сегодня по просьбе Калишьяна я звонила Харламову, прося напомнить Анд. Ян. переговорить с Хр. о наших суточных и нормах. Харл. подтвердил, что вряд ли Анд. Ян. говорил с Хр. и обещал это проверить и устроить².

Спешу послать Вам вон какое пышное приглашение на юбилей Моск. университета, чтоб Вы успели решить, как Вы будете реагировать.

Смотрите ли Вы там кино? Скажите, чтоб Вам показали американскую картину “100 мужчин и одна девушка”, помните, Вам ее все хвалили. Наши теперь увлекаются картиной бессюжетной (“Линия Маннергейма”³), говорят, интересно посмотреть все эти вещи. Я еще не была, но собираюсь, как только Калужский выберет свободное время.

В протоколе вчерашнего филиального спектакля “Платон Кречет” есть запись, обращенная к Вам – о том, что Баташов в первый раз сыграл небольшую роль шофера, сыграл хорошо (то, что в премьерe играл Рыжов, если помните).

Возвращаясь снова к рассказанному о словах Качалова про вход в “Три сестры”: Вит. Яковл. мне сказал, что Вас. Ив. сказал ему как-то: “Я собираюсь переговорить с Вл. Ив. о моем входе в этот спектакль. Когда я его смотрел в первый раз, для меня многое стало очень ясным, до меня дошла ансамблевость роли Вершинина, ее ансамблевое положение. Работать, репетировать мне как будто и не нужно, я думаю, что я смогу войти в спектакль, не мешая общему настроению и самочувствию. А меня очень манит пожить в чеховской атмосфере, в чеховском спектакле”⁴.

Примите мой привет, милый Владимир Иванович. Мне сказали, что дома Вас ждут 6-го – буду ждать и я.

Ваша Ольга Бокшанская

[1941]

387.

11 марта 1941 года

Милый Владимир Иванович!

На всякий случай шлю Вам письмо, вдруг Иверов уговорит Вас и завтра не выезжать на репетицию и вообще лежать. А из письма Вы будете знать о некоторых идущих на Ваше разрешение вопросах.

От Сахновского и Калужского:

Сегодня на первой встрече по “Дяде Ване” Хмелев заявил, что 21-го уезжает, а пока, имея бюллетень, согласен только участвовать в спектаклях, на репетиции же ходить не будет. Режиссура предлагает до возвращения Хмелева такой вариант: чтоб Астрова репетировал Орлов, а Серебрякова они попросили было Свободина, но тот будет занят в “Глубокой разведке”, и потому они просят: Свободин-запятая-Подгорный. Согласны ли Вы на это? Сахн. и Кал. этот вариант, в смысле организации работы, принимают вполне¹.

От издательства:

Звонил Данилин (бывший у Вас 8-го) с такими вопросами: 1) в каком порядке пойдут пьесы? Если по годам, то порядок: “Новое дело”, “Золото”, “Цена жизни”. Так и делать?²

2) Не хотите ли Вы на обложке сделать Ваше факсимиле?³ А не печатными буквами фамилию автора. Если да, то надо будет от Вас такое факсимиле получить.

3) Портрет (ленинградского гравера) я послала, Данилину понравился.

Можно отказать Иностранному отделу радио, откуда звонили с просьбой, чтоб Вы выступили для заграницы, говоря на французском языке минуты три? Добавляют, конечно, при этом, что приедут к Вам с аппаратурой, приедут на дачу даже...⁴.

Хочу здесь же перечислить вопросы, которые были обращены к Н.Н.Литовцевой в связи с Чеховской конференцией в ВТО:

Что особенно увлекало и увлекает наш театр в Чехове?

Признавая, что у Чехова исключительно честное и серьезное отношение к своим героям, спрашивается: как влияет такое отношение автора к своим героям на актера?

Наше отношение к Чехову как к драматургу.

Чем обязано Чехову советское искусство?

Чем Чехов может быть дорог для советского актера и советского театра?

Что мы искали, что нас волновало (так сказать, какова была наша сверхзадача) при постановке “Трех сестер”?⁵

И вот Нина Ник. спрашивает, дадите ли Вы ей какие-то поручения, чтоб она выступила с тем-то и тем-то, или она должна выступить только от своего имени?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

388.

12 марта 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Хочу воспользоваться оказией, чтоб сообщить Вам от Сахновского. Сегодня произошла беседа по “Последней жертве”, ее вел Сахн., высказался еще и Москвин по пьесе, “очень разумно”, по слову Сахновского, расспрашивала и говорила Тарасова. Не было ни одного кислого или скучающего лица, настроение было деловое и заинтересованное. Единственная туча – Шевченко, кот. кислого лица не делала, но потребовала свидания у Вас. Гр.; завтра в 11.30 оно состоится. Тарханова вообще не было, а В.Г. как раз хотел с ним поговорить раньше, чем с Блиниковым (по поводу Лавра Мир., серьезны ли его желания).

Но вот какое дело назрело с “Посл. жертвой”. Четырем из участников (двоих я знаю, это Тарасова и Москвин) известно, что будто бы в Малом театре начинают репетировать эту пьесу, роли уже распределены и режиссер назначен. Это настолько возмущает Ив. Мих., что он намерен ехать к Храпченко с протестом. “Жертва” утверждена за нами в официальном приказе по Комитету о репертуаре театров, а в репертуаре Малого театра ее нет. К тому же Хр. не раз подчеркивал о желательности включения “Жертвы” в наш репертуар, именно этой пьесы Островского, а не другой. Сегодня я добивалась, пока безрезультатно, чтоб Хр. назначил на завтра час встречи Москвину и Сахновскому.

О “Дяде Ване” Ваше решение я передала Нине Ник. и руководству. Они все решили, что если будет возможность для Вас. Ив. (занятого в “Пушкине”¹) иногда читать Астрова (а он это с готовностью предлагает, вовсе не собираясь играть эту роль), то воспользоваться этим, если нет – постараться обходиться без Хмелева. Хмелев предполагает выехать 22–23-го, до 20-го будет бывать на репетициях.

По “Трем сестрам”: Массальский предположительно будет готов 30-го марта; если Хмелев сыграет 20-го “Три сестры” в последний раз, то Свободину придется сыграть два раза Тузенбаха.

Звонила Ваша родственница-свойственница, не знаю, как назвать. Нина Александровна Данченко. По поводу своей девочки. Ей хочется и занять ее время полезными занятиями (потому что сама она, Нина Ал.,

постоянно на работе, для дочери времени не остается), и дать хорошие знания. Поэтому она хотела учить ее музыке и немецкому языку, а взять учителей дорого. Поэтому она спрашивает, можете Вы ежемесячно для этих ее планов давать 80 руб. Если нет, она говорит: драмы не будет, но, конечно, ей будет грустно, что она не может для девочки сделать так, как хотелось бы.

Владимир Иванович, подписаться для Вас на новое издание сочинений Ленина, – спрашивает наша библиотека².

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

389.

30 апреля 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот о чем просил Михальский Вас известить. Он сегодня говорил с комендантом Кремля, к которому пошла бумага за Вашей подписью относительно пластинки с курантами. И тот ему сказал, что не может взять на себя разрешение на выдачу пластинки, а надо обратиться за этим лично к тов. Молотову. Он сказал, что был такой случай: ВТО обратилось в Совнарком, прося дать им эту пластинку, и в Совнаркоме отказали. Поэтому и он не может разрешить, а пересмотреть может только В.М.Молотов.

Иван Яковл. об этом отказе знает, Кнебель тоже. Надо думать, что они будут искать всех возможностей лучше обойтись без пластинки¹.

Желаю Вам поскорее окончательно поправиться, выгнать из себя хрипы.

20 мая 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Я поняла Иверова так, что я должна написать Вам о наших делах сжато, чтоб не утомить Вас. Постараюсь не болтать лишнего, хотя, как правило, в письмах очень болтлива.

Вероятно, письмо Погодина, которое попало к Вам в Кремлевку бесконтрольно, Вы уже прочли. Нынче посылаю Вам тот финал, который он доставил нам в тот же день, что и писал то письмо, но уж после визита Иверова к Вам. К этим трем страничкам приложено погодинское письмо к Вам, коротенькое. “Куранты” пока не трогают – так кажется правильным и режиссеру, и главным исполнителям. Кнебель рассчитывает, что теперь Вы прочтете новый финал и если его одобрите, то можно будет подготовить его с актерами ко времени Вашего прихода на “Куранты”. Вообще ведь в связи с отъездом 15-го половины труппы в Минск (Тарханов и многие другие)¹ “Куранты” могут репетироваться и играть только в первой половине июня.

Боголюбов сейчас в Сталинграде, снимается. По телефону договорено с директором киногоруппы, что по первому нашему зову Боголюбов будет отпущен в Москву для “Курантов”².

Когда Калиш. был у Землячки³, то там был разговор о “Курантах”. Она сказала: “Только ни в коем случае не торопитесь с этой постановкой, выпускайте тогда, когда будете считать работу совсем законченной. Вы себе не представляете, какое значение придается этой работе театра, а потому доделывайте не спеша, не подгоняя, старательно и во всех деталях”. Она даже говорила, что следовало бы до выпуска премьерой просить Жданова прийти на закрытый просмотр – именно чтоб эта ответственной постановка была застрахована самым высоким образом, т.е. вышла бы в свет после авторитетнейших советов и указаний.

Вероятно, Вы уже знаете от Иверова, что Калиш. поставил вопрос о повышении Вашей оплаты. Она сказала, что об этом и разговоров не может быть, что Вы – уникальный человек (а вот как деталь: она сказала, что повышение Качалова и Москвина прошло “со скрипом”, не все товарищи были согласны, и Калиш. не считал поэтому возможным говорить о Сахновском, хотя с этим в своих планах шел). Вообще, по словам Калишьяна, ее свидание с Вами оставило в ней необыкновенное впечатление, так она о Вас говорила. А Вы, кажется, относили Вашу встречу с ней к ничем особенно не выдающимся.

Вопрос об отпусках для МХАТа она разрешила благоприятно, есть распоряжение, что наш двухмесячный отпуск (до 1 сентября) остается и в этом году.

Вопрос далее был о недоданных нам квартирах и о выселении из

дома рядом с театром застрявших там учреждений. Последнее она обещала сделать поскорее, что же касается квартирных дел, сказала, что сейчас Пронин получил от Совнаркома задание на лето и весну и задание такое трудное, что он связан по рукам и по ногам и не сможет ничего сделать⁴. Осенью же она предложила снова к ней с этим обратиться, и она реально поможет.

Был еще поставлен вопрос о праве для театра (а она раздвинула – вообще для театров) покупать с рук разные необходимые и почти музейные вещи, старину. Такое право имеют, например, музеи, картинные галереи – они таким образом собирают сокровища. А театрам надо купить, напр., страусовые перья, и они не смеют, т.к. имеют право только в магазинах покупать, а наши магазины страусовыми перьями не торгуют, и эта штука у нас даже не выделяется. Теперь, в связи, напр., с “Последней жертвой”, это очень нужно.

И действительно, все эти дела она не только пообещала провести, но и пустила в ход. Во всяком случае, из Комитета нам звонили, что они выработывают проект положения о праве покупки от частных лиц; звонили оттуда же, что повышен Ваш оклад (на сколько, я интересовалась, – меня не деньги интересуют, а соотношение с Самосудами и т.п.), но этого Калишьян не спросил и ждет, когда придет приказ Комитета по этому поводу.

Вас. Григ. третьего дня звонил мне из Барвихи и сообщил, что 20-го приедет в Москву, а 21-го придет в театр; что на выпуск его из Барвихи согласились с трудом, после боя, который он там дал. По оттенку, как он говорит, мне показалось, что он еще далеко не в порядке. Хорошо бы его хоть на дачу поскорей вывезти, но он как будто и слышать об этом не хочет.

Жизнь наша катится по инерции больше, потому что – посудите сами – ни Вас, ни Вас. Гр. нет. В учебные часы готовятся к предстоящим молодежным показам, в репетиционные – старательно репетируют.

Был тут случай внезапного и смелого, но достаточно скучного ввода: 22-го Тартюфа играл Вербицкий вместо болевшего Кедрова. Не видя, можно сказать, как это было: вполне достойно и прилично, но необыкновенно неинтересно.

Да, ядовито получилось с Леонидовым. Как только опубликовали по его формуле о предстоящем выпуске “Курантов” и объявили там: худож. руководитель – В.И.Н.-Д., режиссура – , сразу посыпались к нему звонки газетчиков с просьбами дать беседу, дать статью. А он ничего не знает, каков же спектакль. Положение его было трудновато. Напр., он от звонившего к нему репортера узнал, что 8-го был Комитет и Репертком. Словом, ему и признаваться в том, что он сделал, всенародно не хочется, и в то же время он решительно ничего не знает, что делается в спектакле, где он значителен режиссером.

Вчера в Театре сатиры смотрела пьесу А.И.Южина “Джентльмен”. Смотришь с интересом, публика великолепно принимают, сме-

ются, хлопают во время действия, хорошо оценивают в антрактах. И это несмотря на то, что играют хорошо только три молодые женщины, а мужчины нет, декорации из рук вон плохи⁵. Но Горчаков жаловался, что отношение публики не есть отношение критики, которая вся против этой постановки. И с Реперткомом до сих пор у них недоговоренность, так что спектакль пока непрочен.

21 мая

Милый Владимир Иванович! Продолжаю сегодня утром. Появился Вас. Гр. Но имеет право провести здесь время в ограниченном количестве, с 12 до 3 час. Причем, насколько он еще подозрителен, можно судить по тому, что после его выхода из дому жена его звонит мне: “Тоша (сын) повел Вас. Гр-ча в театр и доведет его до самой вашей комнаты”. Правда, внешне он выглядит неплохо, дышит ровно, не задыхается. Но все-таки, вероятно, врачи Барвихи считают, что его надо держать пока вне деятельности. Послезавтра в пятницу утром он на неделю уедет в Снегири на дачу. Завтра, вероятно, еще побывает в театре. В 6 ч. вечера нынче вызывает к себе Калужского для часового разговора по делам труппы. Сегодня здесь сидел с литер. частью, с Калишьяном, с Протасевичем (коротко по учебной части, о предстоящих молодежных просмотрах), с Гремиславским. Он жаден до всего, что делается и делалось в театре, но обещает пока подчиняться всем ограничениям, которые ему грозят.

Еще я не успела послать Вам нового финала “Курантов”, а уж меня одолевают запросами Кнебель, Калишьян – какой Ваш ответ. Узнав, что только сегодня я имею право Вам послать первый раз “дела” (впрочем, они это знали сразу, но нетерпение их теревбит), начинают строить планы, когда можно ждать Вашего ответа и решения и указаний, как быть дальше с репетициями. Оба огорчились, узнав, что сегодня вечером я иду на вечер хореографического училища Большого театра, отчетный вечер. Стало быть, сегодня вечером, т.е. после того что Иверов от Вас уйдет и Вы прочтете мою “почту”, ответа от Вас не будет. Я же говорю: помилуйте, сегодня там будет и Иверов, и Шлуглейт, и Лигская. Куда же еще заниматься чтением и решением “Курантов”?!

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович. Без Вас в театре скучно-прескучно, нет настоящей приподнятости, праздничности. Поскорей бы прошли дни до Вашего прихода сюда к нам.

Ваша Ольга Бокшанская

28 мая 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Приятно было услышать, что Вы хотите получить письмо – значит, интересуетесь нами, значит, силы прибавляются. А то мы питаемся разными слухами, часто не совпадающими, о Вас.

С отъездом Вас. Гр. на дачу (утром 23-го) у нас наверху стало совсем тихо. Пребывание Вас. Гр. в городе, конечно, сильно оживило нашу жизнь. В.Г. собирается приехать в город 31-го, и тогда будет решен план его участия в наших делах, план просмотра ученических работ для решения участи нашего молодежного состава – каждого человека в отдельности, а также план просмотра режиссерских работ. До 15-го июня все это надо кончить – 15-го начинают отъезжать в Минск. В.Г. предполагает просмотреть и “Дядю Ваню”, и “Посл. жертву”, и подольше остановиться на “Пушкине”.

Как Вы знаете, по “Курантам” никаких репетиций решили не вести. Строки, которые Вы написали по поводу нового варианта последней картины, я прочитала по телефону Погдину, который как раз собирался уехать на дачу. После этого он уж у нас в театре и не появлялся. Дала также эти строки М.О.Кнебель. Сегодня как раз повстречала Тарханова, который сказал, что ничуть не нервничает из-за откладывания “Курантов” на осень и беспокоится единственно о Вас, о Вашем здоровье. А раз дело идет на лад, то больше ему ничего не нужно, за его спиной столько ролей, что ему торопиться с показом еще одной, новой, не приходится. Правда, как-то его “ирритируют”¹ какие-то ползающие слухи о том, что “Куранты” вовсе не пойдут, но он не очень им верит. Я таких слухов не слыхала и сказала Тарханову, что это взято неведомо откуда, таких и мыслей не было¹.

Хворают Орлов, все время какое-то недомогание и такое привязчивое, вероятно, из-за его давней болезни легких, все время надежда, что вот-вот будет в порядке для спектаклей, и поэтому сегодня с утра экстренная репетиция для Свободина, которому вечером придется сыграть Кулыгина, а завтра в “Гор. сердце” Гаврилу сыграет Санаев, давно работающий эту роль по линии учебной и с недавних пор начавший ее репетировать уже на сцене, вместе с другими молодыми (Веревкин – Вася, Георгиевская – Параша) и с партнерами по спектаклю.

Вчера партчасть нашего театра пригласила литчасть выступить на бюро с докладом о деятельности. Самый большой интерес, конечно, вызывает – что можно сделать к 25-й годовщине революции, в 42 году? Это составляет предмет беспокойства и самой партчасти, и В.Г. Деятельностью литчасть вообще можно быть совсем удовлетворенными, т.к. у них в проекте ряд пьес: Толстой (об Иване Грозном), Катаев (о реакционности человеческого мышления, что ведет к постоянному

¹ От франц. *irriter* – сердить, раздражать, озлоблять.

отставанию в жизни; это берется в широких масштабах, автор приводит пример Франции, когда говорит о своей теме), Крон (о молодом Кирове, его революционная борьба в Азербайджане, становление большевика), Паустовский (помните, Вы читали его пьесу о Лермонтове и дали отзыв о ней на последней странице пьесы. Он пишет пьесу о любви. Такое определение, конечно, ничего не дает. Он о ней рассказывает примерно так: какая-то область, недавно присоединенная к СССР, где живут люди, по мировоззрению от нас далекие, и мораль их, и быт патриархальны, но имеют множество достоинств. В среде этих людей появляются советские люди, с их мировоззрением². И вот начинается очень сложная перестройка людей, проходящая вовсе не так легко, как пишется об этом в ура-фельетонах и очерках, а мучительно, трудно. Главным образом его, автора, интересует судьба двух людей: она – девушка из той страны, он – советский гражданин. По ее пониманию, он своим поведением как бы связал себя с нею, дал какие-то обязательства. По его – ничего нет, и он уезжает в СССР с чистым сердцем. Но она не примиряется с этим, едет за ним – и тут вовсе не происходит счастливый конец, но какие-то сдвиги в душах их обоих, определяющие для каждого из них значение и место в жизни одного и другой). Есть еще Файко, которому Комитетом поручено написать пьесу для МХАТ, тема пока неизвестна нам. Все это я написала Вам, проинтервьюировав Маркова и Виленкина.

Почти истязает Павла Ал. своими бесконечными визитами Смолин. Вероятно, он напишет Вам письмо. Начинается старая смолинская песня: Марков к нему плохо относится, поэтому нет ему удачи в МХАТ. Пьес он не приносит, а при каждом визите сообщает свои мысли о пьесах, сюжетах и темах. Он звонил и мне с вопросом, не примет ли его В.Г. и как передать письмо Вам. Был довольно обстоятельный разговор. Так как он спрашивал моего совета, я сказала, что лучше всех разговоров о пьесе говорит сама пьеса, которую приносит автор, поэтому могу только посоветовать писать и принести хотя бы черновой набросок, так называемый первый вариант. А он назойливо вопит о необходимости работы театра с автором, что только эта повседневная работа приведет к нужным результатам.

Как я уже сказала, больше всего беспокоит пьеса, которую нужно будет поставить 7 ноября 42 года. Из перечисленных выше заказанных пьес ни одна не будет готова к нужному сроку, как будто. Пав. Ал. еще надеется на приход какой-то неожиданной пьесы, сейчас пишущейся где-то в тиши кабинета и тщательно скрываемой автором, чтоб не было заранее звона излишнего. Но на всякий случай литчасть хочет разработать проект спектакля-программы, спектакля-концерта (я не знаю, как назвать, потому что еще все это мерещится совсем туманно).

Много говорилось на партбюро, что очень нужно включение в наши планы крепко-национальной пьесы, что даже качеством она может быть не на должной высоте. Но обязательно такую пьесу найти.

Да, среди современных авторов еще есть Корнейчук, который сам заявил, что хочет писать для МХАТ.

Наша литчасть в огорчении от такого дела. В свое время Пав. Ал. говорил с Шолоховым относительно инсценировки “Тихого Дона”, и тот даже давал какие-то неясные обещания: если, мол, буду делать, то для вас... Потом это заглохло. А теперь, говорят, Вахтанговский театр имеет инсценировку у себя, которую собирается делать к 25-летию Октября. И получили они ее будто бы так: они сами составили ее и послали Шолохову с вопросом, одобряет ли он ее? А он стал читать, заразился, стал править и в итоге сам сделал по-своему. Получилась, таким образом, его инсценировка.

Сегодня звонили опять из издательства “Искусство” с вопросом: что Вы сказали относительно статьи Виленкина к книге с тремя Вашими пьесами? Отвечаю, что статья у Вас и ответа пока не имею. Милый Владимир Иванович, это не намек, чтоб Вы почитали статью, а просто информация. Я знаю, что Вам не следует напрягать силы из-за одного только соображения ускорить выпуск книги. Никакой ведь большой спешки тут нет.

Вчера смотрела “Корневильские колокола”. Собиралась 26-го, но не получилось по домашним делам, пошла вчера. Спектакль имел очень шумный успех, получил длительные аплодисменты после конца, несмотря на то, что кончился в половине первого почти. Это примечательно. Наша публика трудно задерживается в театре, если надо торопиться на трамвай или в метро. Мне очень понравился Канделаки, говорю о нем еще и потому, что он новый исполнитель. Он и пел хорошо, и жил хорошо, и интересен, и прост. Как и прежде, очень мила Кемарская, имела большой успех у публики, хотя самый большой, такой, какой может поспорить с успехом Лемешева или Козловского, имел Канделаки³. Сюжет новый, по-моему, не способствует занимательности спектакля, музыка же “новая”, то есть без Мосолова, до того украшает спектакль, что даже удивительно, как тогда могли не догадаться изгнать мосоловщину⁴. Думаю, что придется много убрать в разговорном тексте, потому что, как видите, спектакль страшно затянут.

Сегодня нарочно потолкалась в буфете, чтоб повидать народ, узнать какие-то новости и написать Вам. Новостей узнала мало, все главным образом толковали о политике, о сообщениях газетных и изустных. Вас. Ив. был в буфете. Говорили и о лете, кто где будет. Оказалось, что и Вас. Ив., и Еланская, и Степанова – все мечтают никуда дальше своих дач не ехать. Вот поедут после сезона некоторые в бригады по Латвии и Эстонии и вернутся к своим домам.

Милый Владимир Иванович, до свиданья в следующем письме. Скажите, если можно и хочется Вам теперь почитать сообщения из театра, я могу присылать Вам записочки независимо от приемных дней, а просто через Вашу комендатуру. Шлю Вам привет самый нежный и хочу для Вас здоровья и сил и хочу Вас поскорей увидеть.

Ваша Ольга Бокшанская

31 мая 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Только что зашел Иверов, говорит, что, возможно, будет вызван сегодня к Вам – тогда я могу подготовить письмо. И тут как раз раздался звонок телефонный, позвонили от Вас, чтобы Иверову прийти завтра в 4. Я его тут же известила об этом. Но письмо продолжаю.

Посылаю Вам кое-что из пришедшей за это время почты. Хочу Вам сказать в отношении письма Кистеневой. У нас такая бедность на актрис на роли старух, а в письме упоминается роль Мотыльковой из “Славы”, не позвонить ли Евгению Васильевичу и не встретиться ли ему с этой Любавиной? Или лучше не начинать этого дела, а то потом при неудаче, при неподходящести трудно будет отказать? Как Вы скажете. Я пока что только сказала Калужскому, что есть такая рекомендация¹.

По выписке из протокола Вы узнаете, как прошел экстренный ввод в спектакль Свободина на роль Кулыгина. Так все и было, как в протоколе записано.

А на следующий день, 24-го, в “Горячем сердце” Гаврилу играл Санаев. Выписки не посылаю, потому что она многословна, постараюсь сделать “отжим”. Там говорилось (записал Лесли, кот. теперь блюдет спектакль повседневно и вводит исполнителей), что Санаев сыграл недурно, верно по внутренней линии, искренне, но природные его недостатки (голос, дикция) помешали яркости и доходчивости. Тут же Лесли обратился с просьбой к Калужскому и учебной части повлиять на Санаева, чтобы тот стал заниматься исправлением своих недостатков. Надо сказать, что Санаева никак нельзя убедить в необходимости работы над собой, все увещания он слушает довольно внимательно и даже без возражений, но продолжает свою политику увиливания от учебных занятий. Об этом и записал Евг. Вас. в дополнительной записи в протоколе спектакля, так что вышло, что Санаева хоть и похвалили и поблагодарили за вырубку спектакля, но прочли ему крепкое нравоучение.

Продолжаю письмо на следующий день, 1-го.

Видно, как-то на Санаева подействовали упреки в недостаточной культуре – вчера прихожу на “Бал-маскарад” и встречаю его внизу. Говорит: “Вот наконец собрался в оперу, а места не получил, ни у администратора, ни в кассе нет мест”. Так и не удалось ему “приобщиться к культуре”. Мы с Евгением его оставили, потому что торопились к вешалке и в зал. Спектакль в смысле постановки ничем не отличается от любого помпезного спектакля Большого театра, но быть на нем приятно из-за очень хорошей музыки и прекрасного голоса Прокошева. Я встретила там людей, которые не в первый раз пришли – только ради музыки. В публике встретили Сурица, который, одобряя материал голосовой у Прокошева, все время сетовал на необычайно низкую вокальную культуру у нас в Союзе². Вспоминая певцов на Западе, он говорил, что у нас просто не знают, как нужно петь.

Вчера переехал в город с дачи Вас. Гр. Для начала он побыл в театре недолго. Сначала долго беседовал с Калишьяном, наскоро поговорил с Евг. Вас., Лесли, Виленкиным, и тут надо было уже идти на собрание труппы, которое назначил Калиш. по договоренности с В.Г. при первом его приходе в театр. Для Евгения это собрание было неожиданностью, когда Калиш. попросил его созвать всех народных и заслуженных и тех, кто без звания, но занят в репертуаре, скажем, как Комиссаров. Почему-то главный упор Калиш. хотел делать на то, что актеры ведущего положения часто засоряют текст, вносят отсебятины, и это вызывает ряд писем в дирекцию, а главное – расшатывает спектакли. Евг. Вас-чу не улыбалось говорить только об этом, и потому (его выступление должно было быть первым) он говорил об итогах сезона, о новом для театра за последние годы положении, когда сразу репетируется столько пьес. Попутно сказал и о дисциплине – и тут говорил об отсебятинах. Конечно, говорить это всем этим “тузам”, что сидели тут (вроде Тарханова или Москвина), было трудновато, и В.Г. в своем небольшом выступлении, определяя самочувствие Калужского, вспомнил, что у Гоголя есть пьеса “Дядюшка в затруднительном положении”³, а Степанова, подсев ко мне, говорит: “Бедный Женья! Ведь кому приходится высказать – все такие, что “тупеем не кивнут”. После Жени говорил долго только Хмелев, который признал, что ведущие актеры, каждый почти, виноваты в “соринках”, которые просил изгонять Калужский, но одной из его встречных просьб к руководству было, чтобы не слишком часто игрались “ходовые” спектакли, а то надоедает их играть. (Евг. Вас. потом ему разъяснил, что репертуар последних месяцев сложился так в отношении “Карениной” и “Трех сестер” потому, что были оставлены дни для “Курантов”, да еще по два дня подряд из-за боголюбовского отъезда на съемку, и для того, чтобы не нести убытки в эти дни, пришлось ставить “верные” пьесы по сбору.) Тарасова говорила о необходимости давать крепкие составы, не впуская дублеров часто, а давая дублерам играть ограниченное число спектаклей. Молчанова выступила с предложением организовать комиссию, которая просматривала бы концертные номера актеров МХАТа, потому что ей приходилось слышать такие, которые ей казались недопустимыми. Массальский поддержал это и даже предлагал называть фамилии и номера, исполняемые дурно. Все понимали, что главным образом дело идет о “Трактирщице” в исполнении Ливанова и Еланской и “Укрощении строптивой”, Еланская и Ершов. Это действительно очень дурно, очень. Я несколько раз слышала по радио и раз даже попала в одном клубе на номер “Трактирщицы” и чувствовала острую неловкость за имя МХАТа и за недоуменный прием публики (это было в Доме архитектора, публика была интеллигентная, культурная).

Вас. Гр. почувствовал эту тенденцию к “Распни его!” в отношении товарищей и умно отвел вопрос с этого пути. Задали еще вопрос о намечаемых сроках выпуска репетируемых пьес, о том, в каких пьесах Вы будете принимать участие (придете ли в “Последнюю жертву”, в “Пуш-

кина”, в “Глубокою разведку”, в “Дядю Ваню”?). Калишьян ответил, что как будто Вы намеревались из всех перечисленных участвовать, работая только в последней, но что окончательно дирекция надеется получить от Вас решения, когда увидит Вас – в Барвихе или на даче.

Да, было еще выступление Блинникова, который сказал, что пользуется случаем снова умолять освободить его от роли Яши в “Вишн. саде”, потому что ему уже мучительно стыдно при его комплекции и возрасте играть эту роль. Как я понимаю, освободить его давно решено, но до ввода Максютинна как-то до сих пор “руки не дошли”.

После собрания Вас. Гр. благоразумно ушел домой. Он вообще стал как будто осторожнее в отношении своего здоровья. Насколько я знаю, Калиш. договорился с Храпченко, что с будущего сезона Вас. Гр. бросает свои занятия по кафедре в ГИТИСе и оставил за собой только ведение аспирантов, которые будут являться к нему домой для бесед.

Сегодня В.Г. пришел и вот ведет беседу по “Гамлету” с Лесли, Глебовым и Дмитриевым. Они же рекомендовали мне послать Вам роман в двух книгах “Кристин дочь... кого-то” (я уже отослала книги вместе с газетами, не могу посмотреть заглавия), который читался ими применительно к “Гамлету”⁴. Некоторые его очень хвалят, некоторые хвалят, но говорят, что скучновато, а Глебов прямо говорит, что засыпал над ним. Все книги, посланные Вам нынче, очень случайны. Наш библиотекарь отпущен до 9-го июня на учебу, и его помощница не может его заменить в смысле рекомендации книг. За последнее время я читала один роман американский, делающий страшный шум сейчас, Ричарда Райта “Сын Америки”, напечатан в “Интернациональной литературе”, книга 1 и 2, но он такой тяжелый и страшный, что не хочется Вас нервировать. Хотела послать очень хвалимые “Цитадель” и “Звезды смотрят вниз” Кронина или “Контрапункт” Хексли, но их читают, в библиотеке их нет. Еще всех интересуют “Гроздь гнева” Стейнбека, но думаю, что эту книгу Вы уже читали, она, по-моему, весь этот сезон фигурировала среди читающих⁵. Я нарочно перечисляю все книги, которые советуют читать, потому что, по словам Виленкина, в Кремлевке прекрасная библиотека и очень милая хроменькая библиотечка, которую хвалит Вас. Иванович: она не только мила в обращении, но по его словам всегда тонко и хорошо рекомендовала ему ту или иную книгу. Если Вас интересует та или иная из перечисленных книг, может быть, она найдется в библиотеке Кремлевки.

Да, еще рекомендуют воспоминания Чуковского о встречах с художниками, писателями⁶. Любите Вы такие книги?

Вот как складываются планы Вас. Гр. дальше: 4-го, 6-го, 7-го и 10-го по утрам намечены просмотры учебных работ – первые три дня отрывки, 10-го – “Виндзорские проказницы”. 5-го он посмотрит “Мертвые души”, репетицию с Белокуровым, генеральную для него. Если он его примет в Чичикове, то 7-го Белокурову дадут сыграть. Репетируют с ним давно и в последнее время много на сцене, с партнерами, полно-

стью. Партнеры хвалят его. В дни просмотра отрывков Вас. Гр. рассчитывает бывать еще и на “Дяде Ване”, хотя бы на второй половине репетиции. Дело в том, что работа там так сложилась (сначала из-за отъезда Хмелева, потом из-за хворавшего Добронравова), что “показать” что-то они не могут, а вместе с тем Вас. Гр-чу очень важно там побывать, потому что в смысле настроений там не совсем ладно: пошли разговоры – нужно ли играть эту пьесу? звучит ли она сейчас?.. И Нина Ник. не из тех режиссеров, который может крепко взять в руки эти настроения и изменить ход мыслей скептиков-участников, она сама нередко поддается этим настроениям. Яншин с этими настроениями не согласен, но не решается ярко выступить, во-первых, потому, что он “не боец”, а во-вторых избегая столкновений с Ниной Ник., ревнивость которой он иногда подмечает. Вот тут и нужен Вас. Гр. для “разбора маневров”.

Четыре дня – 11, 12, 13 и 14-е – предназначены на просмотры “Последней жертвы” (хотят показать 4 акта в фойе, за столом, кажется) и “Пушкина”, которого покажут целиком, на сцене, в декорациях почти полностью, за исключением громоздких, как “Бал”, “Мойка”. А может быть, и они будут готовы, я этого не знаю. Во всяком случае, пока эти картины репетируются в выгородке.

С 15-го участники минской поездки начинают уезжать на гастроли. Сроки отъезда зависят от минского репертуара.

На нас произведен нажим со стороны Комитета, чтобы непременно МХАТу сыграть три спектакля в Вильно. Как это сделать при условии, чтобы сохранить и минские спектакли и московские по 30-е июня, неизвестно. Но напор так силен, что, не сомневаюсь, будет доведен до конца. И придется что-то выдумать вроде продления отпуска отдельным актерам, которых надо будет отправить в Вильну; они сыграют там, истратив на это начало своего отпуска, зато им будет разрешено приехать после лета на несколько дней позднее. Значит, в зависимости от этого надо будет Евгению составить осенний репертуар, начало его. Это пока предположение, что так придется выходить из положения при напоре Комитета. Может быть, будет и другая комбинация.

1–2-го июля выедут в Прибалтику две бригады, в которые входят наши актеры, в большинстве ведущие, человек по 18–20, к ним добавлены человек 15 из Большого театра, оперные и балетные, музыканты (скажем, Лиза Гилельс). Они будут обслуживать военно-морские и сухопутные части и вернуться примерно к 20-му июля. Поездка эта шефская, участники ее не получают никакой добавочной оплаты, но, конечно, обеспечены и жильем, и питанием.

Сегодня звонил мне Златогоров, справлялся о Вашем здоровье и взял с меня слово, что я передам Вам его привет. Немного погодя снова раздался его звонок, он сказал, что хотел бы послать Вам нынче телеграмму, но не знает, удобно ли. Я даже занервничала: что же случилось, какая же нынче дата, что он хочет послать Вам телеграмму?! Спрашиваю. Он отвечает: сегодня... 10 лет, как я поступил в Муз. театр. Мне

даже смешно стало. Но, конечно, я не засмеялась, отвечая, что, пожалуй, не стоит слать телеграмму, а вот письмо, которое он пишет Вам, можно будет переслать Вам в ближайшие дни.

Милый Владимир Иванович, опять вышло длинное письмо, до чего я болтлива!

Желаю Вам всего хорошего и надеюсь, что Вы скоро поедете в Барвиху и туда можно будет приехать повидать Вас. Скучно без Вас.

Ваша Ольга Бокшанская

393.

4 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Куклин был так мил и догадлив вчера, что, получив Ваше письмо ко мне в комендатуре, тотчас же принес его мне домой (вчера ведь у нас был выходной день). И я в первую очередь отвечаю на него. И на записку, которую от Вас принес Иверов.

Я писала о том, что репетиции “Курантов” отложены и Вы об этом знаете, так уверенно потому, что Иверов мне говорил, что сказал Вам об этом, вот откуда шло “Вы знаете”. И в одном из первых Вам писем я написала, что режиссер и ведущие исполнители порешили до Вас больше не репетировать, во всяком случае, до того, как Вы скажете. Не думаю, чтоб у Калишьяна стоял вопрос о том, чтоб официально уведомить Храпченко о прекращении репетиций “Курантов”. Они встречались все это время, при встречах всегда говорили и о “Курантах”. Для Храпч., который смотрел репетицию 8-го, ясно, что всякие репетиции без Вас бессмысленны: и в картинах уже готовых только Вы можете подметить еще какие-то недоделки, помочь советом; и в последней картине, неясной до сих пор, только Вы можете действовать. Тем более что о новом варианте мы только недавно получили от Вас ответ. Кстати, ответ Ваш первый я тогда же прочитала Погодину. А то, что Вы написали во второй раз еще упорнее о нахождении активности Сталина¹, я хотела прочесть Погодину, того нет в городе, и я не смогла пока узнать, как ему переслать эти строки по почте, т.к. подходившая к телефону в городе работница не знала. Но я найду адрес дачи и напишу ему туда. Чтоб он непременно это знал до встречи с Вами в Барвихе. Кроме того, читала и первую, и вторую Вашу записочки о “Курантах” Кнебель.

Виленкину прочитано все, что к нему относилось. Теперь он ждет встречи с Вами в Барвихе, Ол. Евс., конечно, с упоением тоже приедет². Кроме того, обо всех Ваших замечаниях и решениях по поводу статьи Виленкина я сообщаю Данилину, чтоб и издательство было в курсе дела. Сегодня, кроме того, звонила в издательство о гранках, раз они стоят в перечне Ваших ближайших забот. Данилин (тот, который был у

Вас) сказал, что гранки у него уже побывали и он их отправил в производство как раз сегодня. Если их не пустили уже в полосы, он их заберет и пришлет мне. Если да, он пришлет несколько позднее полосы для Вас. Он позднее извещал меня, но я не откладываю писания Вам письма, чтоб не задержать его для Иверова.

Залесского я встретила 2-го на спектакле “Маруся Богуславка” Киевского гастролирующего здесь театра и на словах передала ему Ваш ответ, объяснив, что звонила по телефону, но его не было дома. Лицо его было сумрачно. Сегодня я написала ему короткое письмо, в котором привела подлинные Ваши слова. Считаю, что они не только убедительны, но даже могут дать ему какие-то толчки творческие, заставить его посмотреть на путь от “Врагов” к “Карениной”.

Кара-Мурзе я сегодня написала ответ, подчеркнув, что непременно надо при печатании статьи сослаться на даты³.

Да, опять не повезло ученическим показам: этой весной они снова идут без Вас. Встреча с режиссерами и педагогами? Я спрошу у Калужского, можно ли ее организовать в конце июня, если у Вас будут для этого силы. Возможно, что с отъездом части труппы в Минск будут отсутствовать многие, ведущие реж.-педагогическую работу. Вероятно, это придется отнести на начало будущего сезона. Как и встречу с худож. советом, новую программу которого, вероятно, Вы окончательно привинтите при встрече с Сахновским. Верно я понимаю?

Вашу строчку об Ол. Евс. в Заречье я ей прочитала и она, конечно, в восторге.

Очень, очень-очень благодарю Вас за приглашение в Заречье. И ничуть мне там не скучно. Не было никогда скучно и, наверное, не будет. Но вот как я мечтаю о лете: я подала заявление о пропуске меня в Ригу. Так хочется повидаться с мамой, которую не видела 6 лет и которую обожаю. Если не получу по своему заявлению положительного ответа, буду умолять Вас помочь мне. И она с осени прошлого года живет надеждой увидеть меня у себя, и я – этим же. Если получу пропуск в Латвию, попрошу Вашего разрешения провести там весь отпуск, т.е. с 1 июля до начала сезона. Если хлопоты будут безрезультатны (просто не могу подумать о такой неудаче!), я буду в Москве поджидать Женю из поездки по Прибалтике в июле и с глубокой радостью и благодарностью поеду в Заречье. Я думаю, что это понятно Вам, что мечты о встрече с мамой перевешивают у меня все.

Теперь о новых текущих делах. Сегодня позвонил мне Калиш. с просьбой передать Вам: белорусская печать умоляет, чтоб от Вас было хоть несколько строк к предстоящим гастролям театра в Минске. Калиш., понимая, как неловко беспокоит Вас этим, все-таки позволяет себе обратиться с этим к Вам только потому, что к этой нашей республике особое отношение и ввиду ее географически-политического положения, и ввиду присоединения к ней новых областей. Словом, что объяснять, вполне понятно, что там ждут хоть заочного общения

с Вами. Я попросила Виленкина дать хотя бы наметку Вашего выступления в специально выходящем там номере газеты. Прилагаю проект Виленкина и жду Вашего ответа, т.к. уж с завтрашнего дня меня будут терзать вопросом, что Вы ответили. Кстати, раз о Калишьяне написала. Я ему сказала Ваши мысли о “Последней жертве”, чтоб он не повторил своего высказывания. Надо сказать, что он и тогда оговорил, что окончательное решение об участии Вашем в том или ином спектакле он рассчитывает получить от Вас, когда Вы будете в Барвихе.

Вы из газет, конечно, знаете о быстрой реализации нового займа. Я позволила себе без спроса подписать за Вас на 5 000 р. и то же сделал Шлуглейт по Муз. театру (из расчета Вашего тамошнего месячного оклада), посоветовавшись предварительно со мной.

Писала ли я Вам, что Сошина попросила меня вернуть книгу лекций Павлова, т.к. врач-рентгенолог из Барвихи, давший Вам эту книгу, взял ее из библиотеки, и последняя пристает к нему с возвратом. Евпр. Вас. прислала мне книгу с дачи, а я ее отправила в Барвиху. Когда потом она Вам понадобится, мы ее Вам доставим.

Сошина жалеет, что как раз Вы попадаете в Барвиху, когда ее там не будет, она вернется из отпуска примерно 7 июля.

У нас завтра, вероятно, снова экстренный ввод в “Тартюфе”: больна Богоявленская, и Хованской сказано приготовить на случай мадам Пернель. Если Богоявленской завтра утром не станет лучше, Хованской дадут с утра репетицию на сцене.

1-го неожиданно и случайно для нас обнаружился в Москве Шолохов (кстати сказать, он единственный, который не сообщил, куда ему перевести деньги, и из-за этого не может быть закончен расчет и отчет по Сталинским премиям). Я ему как раз написала накануне письмо, уговаривая отозваться. А Вас. Гр. послал ему письмо, прося подумать о пьесе для МХАТ. И вдруг, уходя из театра, узнаю от вахтера, что был, мол, Шолохов, просился на спектакль “Три сестры” и придет вечером. Я тотчас же оставляю для него образец заявления, какое ему нужно заполнить и подписать, и прошу провести это дело, когда он явится. На следующее утро узнаю, что на спектакле он был, но от моей бумажки отмахнулся, говорит, что не знает номер своего счета, но непременно ко мне зайдет. Конечно, не зашел. Тем временем Вит. Як. нашел его по телефону в “Национале” и сговорился, что придет к нему вечером, в 1 час., с Хмелевым. Такое содружество было придумано для большей импозантности – Маркова нет, Вас. Гр. уехал на дачу, а непременно хотел Вас. Гр. посла от творческого коллектива, а не от администрации.

Визит был необычен по своему содержанию и антуражу, ни на что не похож. Наши “ходоки” застали писателя “в сильнейшей стадии опьянения”, или, как говорила ему, запрещая пить, жена: “Ты же уже грузен”. На следующий день, т.е. сегодня, Вит. Як. позвонил к нему, потому что, как оказалось, накануне он звонил Хмелеву, просил извинить его и звал снова свидеться, а Хмелев отказался, сказавшись занятым

утром и вечером и на следующий день утром и вечером, а скорее ночью, т.е. после “Карениной”. Шолохов и перед Виленкиным извинился, но тот просил не думать об этом, а лучше побольше думать о работе с МХАТом. Во время неудачного визита Шолохов сказал немало интересного, но насколько это было ответственно – трудно сказать.

Пора дать письмо Иверову, он нервничает, что я его задерживаю. Писать письмо начала давно, но ведь в нашей обстановке приходится постоянно отрываться для телефонов, приходов, разговоров. Этим объясните, пожалуйста, и возможные опечатки и – главное – нескладные фразы. Часто прерываешься в середине фразы.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

394.

5 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Хочется рассказать Вам о втором визите к Шолохову, который имеет некоторые существенные результаты. Про первый визит я Вам написала не очень развернуто, т.к. над душой стоял Иверов. Шолохов, вероятно, под влиянием вина был настроен на редкость презрительно по отношению к театру вообще и к МХАТ с “Тремя сестрами” в частности и критиковал резко не только отсутствующих исполнителей, но и сидящего тут Хмелева. Задавал каверзные вопросы. Вообще оставил впечатление тяжелое, гнетущее.

А вот когда Хмелев и Виленкин пришли к нему вчера после “Карениной”, все обстояло совсем иначе. Он был трезв и признался, что при первом визите был пьян так, как и не помнит, чтоб бывал. При разговоре наших с ним была жена и один его знакомый партиец. Был ужин в номере и за ужином было выпито среднее количество водки, для него, вероятно, совсем не приметное.

Разговор сразу пошел легко и душевно. Начался он, уж не помнят наши почему, с его расспросов о литературном наследстве Булгакова (надо думать, что это пошло от его мысли об инсценировках вообще, об инсценировке “Турбиных” в частности, которую он считает великолепной, настоящей пьесой, по праву живущей свежо уже 15 лет), о странном отношении печати к его смерти, о том, что театры тогда оказались ему ближе, чем писатели. Довольно быстро разговор после этого перешел на самого Шолохова. Он сначала больше спрашивал, а наши говорили. Рассказывали о том, как были сделаны “Братья Карамазовы”, “Воскресение”, дружно раскритиковали “Каренину” и сказали, что в Ваших планах инсценировка должна была быть сложней и интересней. Больше всего рассказывали про “Воскресение” и, видимо, заинтересо-

вали Шолохова. Он стал расспрашивать, как думали об инсценировке “Тихого Дона”, и Виленкин объяснил, что думали о вводе лица от автора – в той или иной форме.

Потом Шолохов взялся сам говорить и сказал, что просто и прямо все расскажет. Вспомнил, что в свое время Вы так убедительно уговаривали его переделать “Дон” для драмы, что почти уверили его в сравнительной несложности этого дела. Но как-то он не собрался этого сделать, а тем временем вышла IV книга его романа, и ее прием обескуражил его. Что ж, одна жидкая статья в “Правде”, примерно такая же в “Известиях”, и это все? Он сильно призадумался. И когда вахтанговцы обратились к нему с предложением об инсценировке, он ответил, что не хочет этим заниматься. Но они сказали, что будут сами делать пьесу и пришлют на просмотр. Они прислали. Он прочел и пришел в ужас. И написал им, что советует отступить от этой идеи и не ломать себе на ней голову или шею. Но, как он объяснил, он действует всегда прямо, без обходов. Поэтому он написал письмо Жданову, спрашивая, одновременно ли и целесообразно ли сейчас сделать из III и IV книг романа пьесу “Григорий Мелехов”, как проектирует один театр. Когда он теперь вот приехал в Москву, то отправился в ЦК за ответом, и ему на его вопрос сказали: “Нет”.

Вот как стоит вопрос с “Тихим Доном”. Что же теперь он будет делать, над чем работать? Ему надо кончать “Поднятую целину”, которую, по его словам, он мог закончить в первом томе, но не закончил тогда, и теперь придется доканчивать. (“А ему не хочется”, – вставила жена.) В 1936 г. он задумал пьесу и даже есть у него немало набросков к ней, под которыми он готов подписаться и в 1941 году. Так вот, он 6-го или 7-го поедет к себе в Вешенскую, летом будет удить рыбу и думать об этой пьесе. Числа 15-го июля, вероятно, напишет поподробнее о ней, пока же ведомо, что она о казачестве. Он попросил: “Только не стесняйте меня сроками, и, надеюсь, Вы не предлагаете какой-то своей темы”. Договор с театром он подписывать не хочет, потому что не любит всех этих бумажек. А слово свое он дал, и ему можно верить. Денег вперед не нужно ему. (Я сегодня с трудом по телефону настигла его, чтоб узнать, куда и как перевести ему премию – вот как не заинтересован в деньгах человек.)

Виленкин признается, что у него заготовлено к нему письмо от Сахновского, и все мы не знали, какие слова найти, чтоб быть убедительными. На это Шолохов сказал, что “не надо теперь и слов подбирать, вы меня сосватали”. И дальше шутил: “Женихи невесте понравились”. Еще сказал так: “Если б вы нынче ко мне не пришли, то через год все равно я бы к вам пришел”.

Жена все время сильно поддерживала мысль о пьесе, говорила, что вот это стоит делать, это интересно.

После того что Виленкин сегодня рассказывал подробно о свидании с Шолоховым Сахновскому, тот решил послать Шолохову корот-

кое письмо (мысль была как-то, по Вашему выражению, привинтить это дело), где, назвав себя Вашим заместителем и первым узнавшим о вчерашнем визите к нему мхатовцев, выразил удовольствие от мысли, что связь с Шолоховым, о котором театр много думал, налажена.

Ничего, что я так подробно рассказываю? Наши думают, что это очень хорошее начало, может быть, чрезвычайно интересного для нашего театра дела.

Сегодня звонила мне Василиса Осиповна. Она просит Вам передать, что, во-первых, к Вашему сведению, Ваш трэнк¹ не на даче, а в Москве, куда его привезли и починили; и во-вторых, что она ждет от Вас указаний, какие пижамы и сорочки Вам нужны, они тоже в городе. О летних пальто и коричневой шляпе я ей сказывала еще вчера.

Только что получила Ваше письмо с новым планом¹. Он мне так понравился, что я даже взволновалась и тотчас же позвонила Евпр. Вас., которая просит передать Вам следующее. Ее Ленинград давно уж отпал. Прежде всего потому, что это удобно Вам, чтоб она была на даче; еще потому, что до сих пор ее кормят только обещаниями о завозе материалов и ремонте, но ничего не сделано, а до конца этой работы она не уехала бы²; и еще потому, что Ксен. Ник. в отпуску и там новая повариха. 9-го кончается отпуск Ксен. Ник. Еще не известно, вернется она после отпуска или нет. Если нет, – придется приучать новую работницу, которая в некоторых смыслах даже нравится больше Ксении, но у последней есть то преимущество, что к ней привыкли. И еще причина для отвода Ленинграда: на даче сейчас помещается Вас. Мих.³, что, конечно, заботит Евпр. Васильевну. Словом, по словам Евпр. Вас., она не только не думает о Ленинграде, но даже о Москве – настолько она привязана к даче. Мысль о возможности Вашего приезда туда, а не в Барвиху, оживила ее чрезвычайно. И мы обе будем ждать с нетерпением завтрашнего решения. О Барвихе есть слухи, что там холодно, не топят и не будут топить, а отепляют комнаты электропечками. А это часто верная простуда. Вас. Гр. без отращения не может вспомнить, как неуютно, сыро, холодно было в Барвихе и как бегали по комнате мышки, ища тепла и уюта. Хоть бы отпустили “сестру” в Заречье! Не говоря уже о том, что территориально в Заречье Вы ближе к нам, и как-то в мыслях – если Вы на даче, это почти что и у нас, в театре.

Три тысячи????!! Столько у меня не будет и не могло бы быть, даже если б я не отдала всех денег Евпр. Вас. (Вы написали: Мише, сколько ему надо, остальное – Евпр. Вас.) Надеюсь, что тысячи две в счет 15-го июня я завтра получу из кассы и пришлю, а дальше Вы скажете, как быть. Деньги, которые Вы одолжили Сталинскому комитету, до сих пор нам не перечислены. Мы взяли у Вас тогда 1400 руб., пока что я взяла в счет возврата 200 руб., которые задержались в кассе Комитета, и отправила их нынче Н.А.Кун⁴.

Право, лучше пробыть в Кремлевке до вторника, только бы оттуда в Заречье!

1 От англ. trunk – дорожный сундук, кофр.

Прилагаю на подпись доверенность, а завтра надеюсь получить ее с Иверовым обратно.

Информация об иностранных вырезках и книгах, как я понимаю, прислана на тот предмет, чтоб Вы знали, что это имеется у них. Как Вы думаете, стоит это передать в наш музей? Может быть, им интересно будет просмотреть статьи и заказать их копии, если это интересно?

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Против Барвихи и то, что Сошина с 7 июня в отпуску.

395.

7 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Не вижу ничего спешного в том, что Вам расскажу, но пишу сегодня и пошлю в комендатуру только для того, чтобы Вам было развлечение получить письмо.

Вот какая у нас тут была история. 4-го, кажется, это было, что Калишьян был у Храпченко по вопросу о даче Гремиславскому пропуска в Вильно: туда должен сегодня выехать (должен был даже раньше, но задержался из-за Грем.) Калинин, чтоб окончательно установить вопрос о трех-четырёх спектаклях с 1 июля. И Хр. говорит ему, что Рыжова написала Землячке письмо, прося дать им право репетировать “Последнюю жертву”¹. Она, мол, 50 лет свои на сцене празднует и хочет сыграть в ознаменование этого роль, а МХАТ хоть и забрал себе эту пьесу, но не репетирует. И будто Малому театру разрешение на пьесу дано. Калиш. вернулся из Комитета взвинченный настолько, что не сдержался, рассказал это Тарасовой в антракте перед последним актом “Карениной”, и та доиграла спектакль, с трудом сосредотачиваясь на переживаниях Анны, партнеры даже заметили. На следующий же день наши стали добиваться приема у Землячки (в составе Калишьян, Сахн. и Москвин) и вчера были ею приняты.

Когда наши изложили суть дела, то Земл. сказала, что благодарит за разъяснение истинных обстоятельств дела, пожалела, что такая любимая ею актриса, как Рыжова, ввела ее в заблуждение, и при наших позвонила к Храпч. с вопросом: у кого же в плане стоит “Посл. жертва” – у МХАТ или в Малом? А раз в плане репертуарном у МХАТ, значит, Малому нельзя ее ставить, таково ее, Землячки, распоряжение. В разговоре по этому делу, конечно, не обошлось без имени Судакова. Сначала слегка его охарактеризовал Калишьян, потом прибавил Вас. Гр., а закончил Москвин. Вы знаете его отношение к Ил. Як., поэтому можете себе представить, как он его не пожалел. Рассказал, как в свое время Суд. стремился создать рапповский театр, как, где бы он ни был, он тот-

час начинает склоку и интригу. Землячка выслушала все с интересом. Прием вообще был очень уважительный, хороший.

Заодно было с нею обговорено еще дело о летних отпусках. После первого визита Калишьяна к ней она ведь дала распоряжение, чтобы в отношении МХАТа отпуска сохранялись по норме прошлого года. Комитет истолковал это только для актерского состава, в остальном всем цехам хотел дать укороченный отпуск, а так как им все равно в театре без актеров делать нечего, то за простойные месяцы платить 50% жалованья. Земл. решительно этому воспротивилась, считая, что так относиться к людям нельзя и сажать их на голодный паек недопустимо. Она просила передать Храпченко ее распоряжение, что отпуска для всего театра остаются по норме прошлого года.

Сейчас у нас в театре будет выступление И.Эренбурга, театр пригласил его побеседовать с нами. Надо бежать, а то опоздаешь на начало. А после беседы Евпр. Вас. позвала меня поехать на дачу с Ал. Ал., провести с ними вечер, без ночевки, т.к. завтра у меня рабочий день. Так что письмо заканчиваю нежным Вам приветом.

Ваша *О.Бокшанская*

396.

8 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Неловко мне хвалить Заречье, выйдет, будто я “дразну” Вас, но не могу не сказать, как там было славно сейчас. Не видя в городе зелени, постоянно поживаясь от холода в комнатах – большего даже, чем на воле, – даже и не подозреваешь, что под Москвой все-таки весна, за окнами зелено, на земле трава с желтыми цветочками, деревья уже окутаны зеленью. Вот так за окном зареченского дома. Вчера еще такой солнечный вечер был – прелесть. Конечно, Вас Евпр. Вас. ждет с радостью, но все же хочет, чтоб ремонта Вы уж не застали. Пока к работам не приступали, но рабочие уже там и кое-какие материалы привезли. Евпр. Вас. надеется, что с понедельника начнутся работы и сделают все в течение недели.

У нас в театре прошли несколько показов молодежи. Некоторые показывались впервые: Бейнар в “Трудовом хлебе” две сцены Наташи, вторая даже с монологом последнего акта, что вышло зря, потому что актриса она совсем юная, ученица. Павлов – он новичок только у нас, с неплохими данными, но подпорченный первым положением в колхозном Московской области театре, где воспитывались скорее по традициям Малого театра. Но, несмотря на то, что этими показами эти двое никого не увлекли, однако впечатление о них высказано было хорошее, решено, что материал заслуживает внимания. Остальные показывались

не в первый раз. К удачам надо отнести показ работы Лесли “Предложение”, где Пятецкая и Кондратьев, игравшие молодую пару, получили похвалы, а Северный – отец, во всяком случае, не изруган. Работы Конского “Егерь”: Вальберт и Кречетова и сцена из “Утраченных иллюзий” по роману, заняты были Меснянкина, Павлов (о котором говорила выше) и Чистяков (пожалуй, этого Вы не встречали в своих занятиях по нар. сценам). Работу педагога-режиссера похвалили, но сами исполнители показались неинтересны, отмечены только Павлов и у Чистякова определили данные к оставлению для народных сцен. Он в прошлом году был кандидатом к увольнению, и его оставили на год, пожалев за слабое здоровье. Меснянкина, Кречетова и Вальберт признаны неинтересными, но будет ли это для них иметь драматический конец, пока не знаю, возможно, что о Кречетовой будет стоять вопрос – в сотрудники, чтобы не расставаться с культурным, приятным человеком. Лиза Аслана очень за нее волнуется.

Предстоит еще один ученический показ – “Виндзорских”, после чего показы реж. работ “Пушкина” и “Последней жертвы”.

Калишьян уехал вчера в Вильно без Гремиславского.

Никак не ожидала, что Иверов так рано придет за письмом. Впрочем, у меня уж нет больше никаких новостей. На всякий случай прилагаю деньги, полученные по почте. Может быть, хватит? Просто не представляю себе, куда в Кремлевке можно деть 3 000!! Даже при Вашем умении швырять деньгами.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

397.

13 июня 1941 года

После сегодняшнего разговора с Евпр. Вас. я надеюсь увидеть Вас скоро, в понедельник. Так мы с ней уговорились. Пока же – небольшой отчет.

Вчера был просмотрен “Пушкин”. В декорациях, иногда не полных (бал), с ненайденным еще светом, без гримов и костюмов. Двери в зал не были закрыты, и народу интересующегося набралось много. Сегодня Вас. Гр. пригласил к себе для разговора режиссеров, а потом он поговорит с исполнителями. Работа, по общему мнению, сделана большая и хорошая, спектакль даже в этом виде сильно волнует, даже до слез. Обаяние темы и пьесы доходит сильно. Из исполнителей никто не был отмечен каким-нибудь “ах!”, никто не был и сильно изруган. Вас. Г. дал очень одобрительные отзывы и даже принял обеих молодых актрис (Иванову и Лебедеву) в центральных ролях, которые были больше

других раскритикованы, особенно смотревшими актрисами. Вильямс нравится везде, кроме последней картины. И в эскизах она вызывала возражения, которые страстно оспаривали Станицын¹ и Вильямс, но на деле, в декорации, не доказали своей правоты.

Сегодня утром был последний уж просмотр. Показывалась Халатова в Ночи (“Син. пт.”), она надеялась получить право на спектакли, но это не вышло. Единственно, что она “заработала”, это мнение, что в первый раз хоть как-то показалась, потому что до сих пор все ее показы приводили даже к недоумению: на каком основании она состоит в труппе, почему ее не сокращают?

Потом смотрели “Страсти-мордасти”, в котором играла первая жена покойного Малолеткова. Вы были больны, когда с ним приключилось это несчастье – знаете ли Вы, что он умер? Эта Вера Малолеткова, которой он помогал, так как она имела от него двоих детей, после его смерти осталась в отчаянном положении и просилась на любую работу в театр. В прошлом она кончила театральную студию, играла в выездных спектаклях. Ее попробовали и нашли, что у нее недурные данные для сотрудницы, приятный большой голос, внешность “бабы”, вроде покойной Ал. Вас. Петровой. Сюда же примешалось желание помочь ей. Сегодня был для нее окончательный просмотр и постановлено зачислить ее в сотрудницы.

Смотрели еще одну актрису, но без длинных обсуждений отвергли.

Завтра с утра Вас. Гр. назначил свою встречу с молодежью, чтоб поговорить о впечатлениях от показов этого сезона, после этого будет смотреть “Последнюю жертву”. И на этом кончается просмотрная деятельность Вашего зама. Намечен, правда, просмотр “Разведки”, но с Кедровым разве можно быть уверенным, что он покажет?!

С 15-го начинается отъезд в Минск. Первая группа – состав “Дна” – выезжает 15-го. Будет ли Вильна, неизвестно. Калинин как уехал, так о нем ни слуху ни духу, не возвратился в назначенный срок, ни телеграммы, ни телеф. звонка.

Вчера я была на просмотре кино и там видела Погодина. Оказалось, что мы друг другу нужны. Я узнала от него, каким образом вызвать его с дачи, если Вы захотите его повидать, снова сказала ему о Вашем совете для нового его финала. У меня осталось впечатление, что “Куранты” сейчас как-то холодно им воспринимаются. Думаю, что вернет ему живой интерес к “Курантам” встреча с Вами. Я ему была нужна и для сговора о встрече с Вами, и по другому делу. Он говорит, что если не сейчас, то недели через две ему нужно иметь какой-то окончательный ответ о его пьесе (о летчиках), которую он передал в театр². Она у Вас. Он помнит Ваш разговор с ним об этом. Ему кажется, что пьеса не должна быть “без пристанища” – и он хочет пристанище ей найти. Но тут же он дал мне понять, что не гонится за пристанищем у нас и вот почему. По договору с Комитетом, он пишет, вернее, он будет писать

пьесу к 25-летию Октября. Ему сказано, что пьеса, если будет хороша, будет рекомендована в лучшие театры. Он рассчитывает, что в МХАТ. И тогда принятие нами этой существующей пьесы (о летчиках) помешает принятию его новой пьесы, или может получиться, что “летчики” отодвинутся. Вероятно, он считает, что “летчиков” лучше ему отдать в другой театр, а для нас написать задуманную пьесу “о самом важном”, как он сказал. Сейчас, к августу, он заканчивает пьесу о Фрунзе и Чапаеве для Вахтанговского театра. Они ее приготовят к своему 20-летию. Сдав эту пьесу, он примется за новую, к 25-летию революции, и считает, что она должна быть у него готова в феврале – марте. Пока он может о ней только рассказывать, еще ничего не написано, прочитать нечего. Материалы подобраны.

Пересылаю Вам письмо от К.Г.Держинской. Могу Вам об этом деле рассказать. Держ. обращалась по телефону и к Вас. Гр., и в результате этого Ирина Шаляпина была прослушана Сахновским в присутствии Калужского (она сейчас в труппе с Папазяном и приехала для свидания с Вас. Г. из Ленинграда). Я спросила В.Г. его впечатление, и он мне сказал следующее: Ирина Фед. на редкость тусклая актриса, не способная заразить даже вот в обстановке кабинета, где она читала, оставляет слушателя решительно равнодушным, несмотря на прочитанный хороший, волнительный рассказ Горького. Хороший голос – и только. Если говорить о том, что может ее связывать с театром, то, по его мнению, только родство с отцом, фамилия Шаляпина. Других оснований нет. В разговоре с ней после показа все это (в деликатнейшей форме) было высказано.

Остальные письма, если хотите, прочтите, если нет – оставьте на столе до понедельника, я приеду и доложу. На одном из писем, как Вы увидите, есть копия моего ответа адресату.

Вчера приехал из Сочи А.М.Бродский, он на несколько дней после отдыха остается в Москве по делам. Просит Вам передать, что по Вашей подписи на бумаге, попавшей в ЦК, уже есть удача, почти невыносимая в теперешних условиях: о выдаче нужного количества бумаги для книги о Муз. театре.

Звонили из Большого театра, хотели Вас звать на “Ромео и Джульетту” 14-го или 17-го³. Я обещала передать приглашение. Сегодня позвоню им, что Вы еще не выезжаете в театры.

Ужасно рада, что скоро Вас увижу, без Вас существовать неинтересно, это я всегда ощущаю. Всего хорошего. И крепко жму руку.

Ваша Ольга Бокшанская.

Прилагаю извещение о выигрыше. Пришлите, пожалуйста, право на получение.

14 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Позвонила было Вам, чтоб сказать о результатах разговора с Шлуглейтом, Сахн. и Виленкиным, но никто не подходит. Потом решила, что утомлю Вас пересказом по телефону и надо лучше написать. Тем более что вечером с 7 часов собираюсь уйти на кинокартину, которую видела вчера вечером и так она мне понравилась, что не могла отказаться от вторичного просмотра, когда мне его предложили.

Шлугл. стоит за второй вариант, т.е. звонок по телефону редактору (Григ. Еф. Рыклин). Это, как ему кажется, очень здорово, разорвется как бомба.

Вас. Гр. тоже за второй вариант, но находит, что не по телефону сказать, а написать короткое письмо: в таком-то номере помещена такая то заметка. Считаю долгом сообщить, что либретто составлено В.И.Н.-Д. И все! Но именно письменно дать знать, чтоб остался след.

А Виленкин за первый вариант, как Вы его назвали, – “наплевать”. Второй ему нравится, но ему кажется, что он тонок для крокодильцев, вообще имеющих несколько зубоскальный тон, легковесный, иногда дурного воспитания. И тогда “бомбистость” такого письма или звонка по телефону не получится и не пройдет. И потому достойнее “наплевать”. Я передала Шлуглейту (он мне звонил потом еще) мнения наших, и он как будто стал склоняться к мнению Виленкина¹.

Кстати, Ил. Мир. просил узнать, не повидаетесь ли Вы с ним или не позвонить ли ему по телефону к Вам? Он должен уехать через 5 дней, раньше, чем предполагал.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать, что “Ромео” в филиале Большого театра отложен, не пропустил Комитет (главным образом Храпченко). Если успеют переделать по указаниям Комитета, покажут премьеру еще в конце сезона. К чему сводились замечания, не узнала пока.

Завтра перепечатаю и пошлю Вам стенограмму сегодняшней беседы Вас. Григ. с молодежью о результатах работы за сезон и об итогах просмотров учебных работ. Из стенограммы Вы узнаете о его впечатлениях по “Виндзорским”. Кажется, я не писала Вам об этом, как-то пропустила. Там же сказано, к какому реальному решению пришли насчет этой работы.

Знаете ли Вы, что театр пригласил Дмитриева на службу – на известных условиях, среди которых есть ограничение его деятельности вне театра. Жалование ему положено 2 500 руб., зачислить обещают с 1 июля. Если хотите, я узнаю в точности обязательства, которые с него взяты при зачислении, и сообщу Вам².

С большими трудностями происходит приискание художника для “Глубокой разведки”. Со всеми возможными художниками велись переговоры, все сначала соглашались, а как прочтут пьесу – отказ: неин-

тересная обстановка, ответственность выступить в МХАТе большая, а показать себя не на чем. Теперь нашли Татлина, который как будто соглашается, но тут Кедров в сомнении, потому что то, что ему Татлин из своих работ показал, Кедрову не нравится. Кедров хочет строить на цвете, а у того – явного формалиста, по словам Кедрова, – интерес только к фактуре, а палитра скупенькая, какие-то ржавые, коричневатые тона – и только. Кедров говорит, что он согласен взять Татлина на пробу, но если тот не сделает, как нужно, иметь право искать другого³.

Сегодня Вас. Гр. смотрел “Жертву”, 4 акта. В перерыве после двух актов хвалил, забежав наскоро к нам. Показ был интимный, одному Вас. Гр. И, по его словам, такой уж интимный, что не говорили, а шептали друг другу реплики. Он одобрил Тарасову, Москвина, Шевченко, Прудкина. Говорит, что пока ничего не найдено у Блиникова и Бендиной. (А от исполнителей я слышала прежде, что Блиников великолепно подходит и что это будет его лучшая роль⁴.) После всего показа я Вас. Гр. настолько не видела, чтоб узнать общее впечатление, спрошу завтра.

Завтра у Вас. Гр. назначено заседание о пьесе к 25-летию революции. О нем расскажу в понедельник, когда приеду.

Пора отправить письмо. Всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Да, с Шлугл. мы договорились, что я Вам сегодня напишу, буду рассчитывать получить завтра утром от Вас указания, а он мне днем завтра позвонит.

Ваша О. Бокшанская

399.

15 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

В дополнение к телефонному моему докладу хочу сообщить, что, оказывается, Калишьян не едет в Минск, а отправляет туда за себя Гуляева. Не едет потому, что должен лечить ногу, которую снова стал волочить. И ему пригрозили, что если он не сделает курс лечения, то рискует стать на костыли чуть ли не навечно. Он испугался и остался. Впрочем, много он не теряет, как говорят, т.к. Минск никому не представляется интересным. Все едут туда нехотя, как обреченные на томительное времяпрепровождение. “Привыкнув жить, компренэ ву, в свете...”¹ – привыкнув ездить на гастроли в большие занимательные города, с комфортабельными гостиницами, интересными магазинами, садами и театрами для свободных вечеров, – наши представляют себе Минск порядочной “дырой”. Не знаю, так ли это. А я бы с интересом туда поехала бы, если б была свободна, – просто посмотреть на город, в котором жила три года, в самые восхитительные лета жизни – как кончила гимназию. Там

же я и вышла за Бокшанского. Но ехать туда времени нет и я легко от этой фантазии отказываюсь.

Иверов уже здесь, за письмом. Не хочу задерживать его. Прилагаю стенограмму, если Вам интересно прочесть ее.

Памятуя Ваши слова о скрывании от Вас неприятных известий (но, право, я не скрывала, а – как ни стыдно признаться – потом, когда острота события прошла, забыла Вам написать, а в острый момент с Вами не общалась. Это я про самоубийство Малолеткова. Если Вы не знаете обстоятельств его смерти, я могу завтра Вам рассказать. Итак, памятуя это, сообщаю, что очень плоха Ек. Фед. Цертелева. Она в больнице и, по словам Иверова, у нее сильно запущенный рак, так что врачи говорят, что она безнадежна. Был очень плох Ник. Аф., но вот на показе “Пушкина” я его видела – вид ничуть не хуже, чем был. Он вышел из Боткинской больницы и собирается жить за городом, если не получит путевку в Барвиху.

Надо прощаться. Будьте благополучны, милый Владимир Иванович, до свиданья.

Ваша Ольга Бокшанская

18 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Звонил мне сегодня Як. Леонт. с таким рассказом. У него была Е.К.Малиновская и “пролила слезы” о своем трудном материальном положении, почему хочет хлопотать об увеличении ей пенсии. Вернее, хочет, чтобы об этом хлопотали Большой театр и наш – в Вашем лице. Она рассчитывает, что если будет бумага за Вашей и Я. Леонт. подписями, в которой будет изложено, каковы были ее заслуги, то можно рассчитывать на удачу. Когда я спросила Як. Леонт., куда должна быть адресована эта бумага, он мне сказал, что Ел. К. хочет, чтобы писалось письмо Сталину. А вообще по такого рода делам пишутся бумаги в Комиссии: по пенсиям республиканского значения или по пенсиям союзного значения при СНК. Причем в их обычных театральных хлопотах по пенсиям в первую комиссию они обычно обращаются непосредственно сами, во вторую же непосредственно никогда не обращались, а делали это через Комитет по делам искусств. Так сказать, считалось, что в комиссию по пенсиям при Совнаркомме должен обращаться Комитет. Як. Л. далеко не уверен, что возможно письмо о ней прямо к Иосифу Виссарионовичу, и приводит тому обоснования. Одно из них: семейные дела, которые очень сложны¹.

Як. Л. справлялся, не будете ли Вы в городе, тогда бы он просил свидания с Вами по этому делу, чтобы в беседе изложить Вам свои соображения, а от Вас получить указания и по ним потом поступить. Но раз Вы в городе не будете, как быть с этим делом? Что мне ему ответить? Предложить составить проект бумаги? И вы укажете – куда, по-Вашему, следует обратиться?

Посылаю Вам несколько приказов. По тому, в котором сделаны перемещения в сотрудниках и переменном составе, видно, что все, кто был кандидатами на увольнение, за исключением Фигнер, остались сотрудниками. Это были: Вальберт, Горемыкин, Меснянкина, Фертман. Поэтому, вероятно, уволят одну Фигнер, не оправдавшую при испытательном стаже надежд.

С нежным приветом

Ваша Ольга Бокашанская

20 июня 1941 года

Милый Владимир Иванович!

Вот что пишет Женя о Минске, если Вам интересно знать:

В Минск приехали в 10.40 утра. Встреча была грандиозная, очень торжественная, многолюдная, а главное сердечная и восторженная. Нас завалили цветами. Весь перрон, вокзал и площадь были набиты публикой и военными. На площади был митинг минут на 30. Потом поехали в гостиницу, оказавшуюся весьма комфортабельной и чистой. У нас с Ершовым чудесный, большой, уютный номер с балконом и – ура! – с ванной. Театр совершенно замечательный, я таких мало и видел. И зал прекрасный, и сцена хорошая, и уборные прекрасные, и чисто очень. К тому же начальник театра и администрация очень внимательны и любезны. Вообще отношение всюду к театру совершенно исключительное. Вчера по радио только и говорили о нас, в газетах всех по целой странице сегодня с фотографиями приезда.

Обедали в гостинице, где нам отведен специальный зал и очень внимательно обслуживают. Кормят неплохо и сравнительно дешево.

Я смотрел открытие гастролей, “Дно”, целиком. Играли очень хорошо, особенно Шевченко, Москвин; очень мне понравился Попов (Актер). Очень хорошо играла молодежь народную сцену. Жидковат Вербицкий (Барон), бледны Молчанова (Наташа) и Чебан (Татарин), наигрывал Готовцев (Медведев) и отчасти Баталов¹ (Алешка). Спектакль прошел с большим успехом. Был блестящий, по-здешнему, зал, очень внимательно слушали и сильно хлопали. По окончании все вызывали, стоя. Заболел было Тарханов, у него было 38, но “Дно” играл и 18-го уже здоров, едет с Москвиным после спектакля в ЦК партии на горьковский вечер.

Только 18-го пришли декорации “Школы” и “Тартюфа”, еле-еле 19-го успе-ем.

Помните, Владимир Иванович, Вы сказали, чтоб я спросила А.А.Фадеева, нельзя ли помочь Михаловской, пишущей Вам о своем бедственном положении². Я тогда написала письмо Фадееву, и он распорядился о разборе дела. Вот какую бумагу сегодня я получила. Как Вы думаете, надо ли ей написать об этом, чтоб она не надеялась на удачу своих просьб? Или Вы скажете о ней Храпченко? Или вообще оставить мне к сведению?

Как мне поступить с одной девушкой, написавшей Вам длинное письмо и приславшей свою повесть, написанную от руки в трех толстых тетрадах. Она спрашивает, есть ли у нее писательский дар. Второй вопрос – надо ли писать о том, о чем она пишет, вне зависимости от наличия дара? Нагрузить этим Виленкина? Как будто это уж не входит в обязанность литчасти театра читать повести? Ясно, что он не откажется, если этого захотите Вы. Но надо ли это делать? Или направить ее в писательскую организации, в консультацию при Союзе сов. писателей? Она москвичка, может туда лично пойти.

Сегодня забавный случай. Из Совнаркома звонок. К ним обратился отец лауреата по кино Фомина с просьбой выдать ему диплом и

премию погибшего сына, Фомина (оператор в картине “Линия Маннергейма”). Все проверив, я ответила, что Фомин лично 21-го апреля, на общем вручении дипломов, получил свой диплом, расписался в присутствии. Комитет кинематографии, вообще давший все сведения об умерших лауреатах, в отношении его сообщил ленинградский его адрес, по которому ему и были переведены деньги 21-го апреля. Фомина никто из нас, конечно, не знает в лицо, но он получал в группе своих товарищей по картине и вся их группа полностью тоже была, так что ручательство в том, что диплом был выдан по адресу, есть.

Вчера я говорила с издательством, хотела получить гранки или полосы Ваших пьес. Оказалось, что Данилин, неожиданно для меня и Виленкина, в отпуску. Бородина взялась за это дело, справилась и сообщила, что книга в верстке и как только она будет готова, верстку для Вас пришлют.

Когда же Вы думаете позвать Погодина? Кнебель заходила с этим вопросом. Она мечтает, что Вы и ей позволите присутствовать при беседе, если она произойдет до 30 июня. На время отпуска она уедет с своей матерью под Москву, в дом отдыха Остафьево и тогда уж не сможет быть при встрече с Погодиным. Она думает, что если будет слышать, что Вы скажете Погодину, это ей поможет режиссерски подготовить Вам сцену.

Фрейдкина сказала, что довольно сильно сама сократила текст книги и в этом новом виде книга перепечатывается сейчас. Успеют ли перепечатать до 25-го (день, когда она собирается на 28 дней уехать в Поленово – дом отдыха Большого театра), она не уверена, но, во всяком случае, она пришлет Вам столько, сколько будет отпечатано. И, стало быть, числа до 23-го июля в Москве не будет, а как вернется из Поленова, постарается через Орловскую узнать, нет ли для нее сообщений³.

И.М.Шлуглейт (о письме к Лигской я с ним уж сговорила и перешлю, как только Осин привезет) говорит, что дело Полозовой будет слушаться в беседе 25 июня, до этого надо будет послать туда Гришакowej письмо о ней, несколько хороших строк. Постараюсь сегодня же узнать имя и отчество замнаркома Гришакowej, сообщу Вам. Или Вы напишите официально, без имени-отчества?

Пока всего хорошего. Я пишу Вам столько для того, чтоб не заставлять Вас долго слушать меня по телефону.

Ваша Ольга Бокшанская

21 июня 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Хочу Вам написать о вчерашнем визите к Храпченко Сахновского и Калишьяна. По вопросу об отпусках Хр. стал в оппозицию к желаниям театра. Если Вы помните, при поездке к Землячке вопрос об отпусках был решен так, что весь состав театра получает отпуск, как в прошлые годы, т.е. на время закрытия сезона. И Земл. так просила передать в Комитет. Однако в один из последних дней была получена за подписью Солодовникова бумага о том, что только творческий состав театра имеет право на отпуск на все время перерыва в спектаклях, остальным же дается: 12 рабочих дней тем, кто имеет 8-часовой рабочий день, и 24 рабочих дня тем, кто работает с ненормированным временем. Если же лица той или иной категории в простое время театра на работе не нужны, они получают на все время закрытия театра право не ходить на работу, но жалование им за это время выплачивается с уменьшением на 50%. Вот в связи с этим распоряжением наши и поехали к Хр. (Забыла сказать, что с ними был и Грем. для разговоров по цехам рабочих.) Главное заступничество наших было по линии мастерских, которые не будут иметь настолько работы летом, чтобы держать весь людской состав. А отпускать на простой с половинным жалованием совершенно невозможно, люди будут нищенствовать. Однако Хр. не согласился с этим положением, говоря, что почему наши рабочие должны быть в лучшем положении, чем рабочие оборонных заводов, имеющие 12 дней отпуска (с воскресениями это выходит 14). Договорились следующим образом: Хр. еще раз переговорит с Земл. по вопросу рабочих цехов, при чем не скрывает, что будет стоять на своей точке зрения, противоположной театру. Но наши заявили, что считают себя вправе рассмотреть в отношении некоторых работников театра, в отношении каждого отдельно, какой отпуск следует им предоставить и прав ли будет театр перевести человека на 50% жалования, когда он не возвращает работника после месяца отпуска на работу не потому, что работник не хочет работать и просит отпуска, а потому, что работнику будет нечего делать.

Второй вопрос был о прибавках (по тому списку, который у Вас есть). Если известные имена в нем не вызвали долгих разговоров, то прибавки молодежные повели к длинным переговорам. Хр. останавливался на каждой фамилии и по поводу каждой недоумевал. Вас. Гр. разъярялся, что и он не может знать всей этой молодежи, а театр ее знает и имеет обоснования к повышению их в разрядах. Но даже такие объяснения, как, напр., в отношении Стругач, что, мол, молодая актриса, а выручила театр и в "Школе", сыграв Мэри, и в "Вишн. саду", сыграв Варю, не произвели сильного впечатления. В итоге он сказал, что будет говорить об этом с Мехлисом, кот. является председателем Штатной комиссии¹. Насколько я понимаю рассказы наших, он стоит на той

твердой позиции, что раз по всей стране установлено, что прибавок не должно быть, то и в отношении актеров повышение их окладов есть не результат повышения квалификации, а очередная, случайная прибавка.

Да, при разговоре об отпусках вышел довольно острый разговор, который начал Калиш., а продолжил Вас. Гр. Это пошло тогда, когда Хр. сказал, что не может дать какие-то особые распоряжения об отпусках МХАТу, тогда тотчас же на него набросятся Большой и Малый. Вот тут Калиш. (это я пишу со слов В.Г.) осторожно, а Вас. Г. менее осторожно стали говорить, что все-таки есть какая-то разница между нашим театром и другими, что отмечается и правительством. И что можно этим театрам, если они накинутся на него с претензиями, так и сказать. На это Хр. сказал В.Г., что вот и видно, что В.Г. не мог бы руководить искусством, имея такие острые суждения. А В.Г. сказал, что он и не хотел бы руководить искусством, но вот в своей внутренней театральной работе он именно придерживается такой манеры действовать: имеет свои крепкие суждения о достоинствах того или иного актера, произведения и т.п. и считает, что каждому должно даваться по достоинству и ценности. Словом, извечный спор с Хр., который действительно не хочет делать разницы и отличия для МХАТ.

Калиш. поставил вопрос о проведении в жизнь решения Землячки о Вашем новом окладе, и Хр. обещал это оформить.

Затем был разговор о поездке наших двух бригад в Прибалтику. Тут Хр. (вероятно, имеющий немало огорчений от подвластных ему людей искусства, едущих туда и увлекающихся покупками) стал говорить, что ничего дурного про МХАТ, помня о прошлогодней поездке, он сказать не может, но жалеет, что и МХАТ попадает в это русло, захлестываемое потоком людей, жаждущих там сделать для себя разные запасы и – как в прошлом году во Львов, так и в этом году в Латвию – Эстонию, – придумывающих разные причины для поездки туда². Под сильнейшим секретом В.Г. мне сегодня сказал, что, возможно, одна наша бригада и не поедет вовсе, но как будто из соображений военно-шефской центральной организации, а не по тем причинам, которые высказывал Хр. Пока что это неизвестно и станет известно в самые последние дни сезона. На это же намекнул сегодня Калиш. в разговоре при мне со Степановой.

Потом, как я Вам уже говорила, Хр. интересовался подробными сведениями, что делал и как работал театр в последние два месяца, а потом стал расспрашивать про Вас самым подробным образом. Сказал, что получил от Вас через меня известие, что скоро будет Ваша с ним встреча. До этого он хотел проехать в Прибалтику по делам предстоящей декады, но “пока его не пускают”.

Теперь немного о Минске из полученного сегодня от Евг. Вас. письма: “19-го прошла “Школа”, имела очень большой успех и шла очень хорошо. Главное, играли серьезно и без трюков – получилась и настоящая комедия, и спектакль МХАТ. Блестяще играл Яншин. Я

смотрел последние три картины и получил удовольствие просто как зритель. Весь спектакль смотрел Москвин и очень его одобрил. Кстати, 19-го ему было 67 лет, и утром человек 25 пришли к нему в номер, поднесли цветы и поздравили его. Тарханов совсем поправился и уехал 20-го утром до 24-го в Брест, в свой гитисовский театр. Жизнь по-прежнему проходит очень приятно”.

Не уверена, что мы до ухода машины в Заречье успеем перепечатать с Ол. Евс. весь вчерашний разговор. Тогда пришло завтра, ведь Иверов поедет к Вам? Орловская ужасно волнуется, не наврала ли она в стенограмме.

Всего, всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская

403.

15 августа 1941 г. Москва

Милый Владимир Иванович!

Это первое мое послание Вам. Пишу сознательно открытку, т.к. говорят, открытки легче и скорее доходят. Для телеграммы же нет оснований, мы живем по-прежнему. В Муз. театре происходят чрезвычайности, Вами ожидавшиеся, я говорю о слиянии с соседним театром¹. Вероятно, Ев. Е. обо всем Вам пишет. До меня это доходит только плохим настроением Маркова. От вас, уехавших, никаких вестей, и только вчера ночью сказали мне, что Нежный звонил сыну, что устроены в гост. “Нальчик”, а доехали благополучно. Как видите, сведения скудные. А вопросов о Вас со всех сторон много. Третьего дня были у Сахн., кот. очень еще слаб. Мечтает, что через неделю начнет понемногу входить в дела, но я думаю – не будет этого и не должно быть. Вчера в театре собрание труппы, сообщение Калиш. о реперт. плане (выпуск решен “Курянов”, “Разведки” и просить о “Пушкине”), новая работа “Суворов” выходит после этих трех, ждем пьесу Ришара Блока о Франции 36–41 гг.² Затем выступления актеров, но не по плану, а по той части речи Калишьяна, где он говорил об обслуживании концертами и о дежурствах. В письме напишу подробнее. До этого собрания группа ведущих актеров посетила Калиш. с разговором о положении театра, гл. обр. из-за болезни Сахн. и отсутствия худ. руковод.

Завтра напишу, крепко жму руку.

Ваша О. Бокшанская

16 августа 1941 г.

№ 1

Милый Владимир Иванович!

В письма теперь можно вкладывать только один лист, чтоб не были тяжелые¹, поэтому буду писать тесно и без полей. Пишу Вам вскоре после Вашего первого звонка из Нальчика. Вчера написала Вам открытку – именно открытку из расчета, что закрытые письма идут медленнее. Постараюсь наладиться на аккуратное писание писем. Телеграмму Вашу получила вчера вечером и тотчас же позвонила к Вам домой, а нынче утром сообщила через Пав. Ал. в Музыкальный, Евг. Евгеньевне. Хотела в сегодняшнем телеф. разговоре успеть рассказать Вам про дела Муз. театра, и Марков был тут рядом и хотел этого, но не дали для разговора времени.

Дома, стало быть, у Вас все благополучно, с Евпр. В. говорю почти каждый день, Миша звонил сегодня утром, просил передать Вам его и Зои поцелуи и что Вася живет хорошо, и что Малиновская поселилась вместе с ними².

Из сообщений по радио Вы видите, что две ночи прошли без налетов на Москву, а вчера пытались прорваться, но не удалось. Тревога у нас была дана оч. поздно, в половине второго, а в половине четвертого отбой.

Скажу сначала о наших делах, потом о Музыкальном, на тот случай, если почта принесет Вам мое письмо раньше, чем сообщения от Евг. Евг.

12-го к Калишьяну явилась группа ведущих актеров с рядом вопросов, как же будет сейчас складываться работа театра. Отчасти звучали нотки недовольства тем, что фактически отсутствует худ. руководство, раз Вас нет, а В.Г. болен. В результате этой беседы Калиш. назначил на 14-е общее собрание труппы, на кот. выступил со след. планом работ: в первую очередь надо выпустить то, что во многом наработано, т.е. “Куранты”, “Разведку” и “Пушкина”, о кот. специально мы будем просить Комитет, считая, что нет никаких оснований задержать выпуск этого наполовину готового спектакля, могущего привлечь внимание и интерес публики. В “Куранты” будут сделаны три основных ввода. Когда он выступал перед труппой, он не называл, кого решили вводить, и хорошо сделал, пот. что сначала решили одно, а вчера, после специальной поездки Кнебель к Вас. Гр., последний изменил то решение, кот. принял в визит к нему Калужского 13-го. Вводы намечены такие: Забелин – Хмелев (а не Орлов, как думали), Забелина – Коренева, Рыбаков – Ливанов (а не Белокуров, кот. нужен в “Разведке”). Выпускать спектакль будет В.Г. Сказать по правде, мы не рассчитываем, что Вам удастся уехать из Нальчика обратно, потому что, наверное, Ваш друг Мих. Бор. будет

решительно против этого протестовать и у Вас не хватит сил ему противиться. В “Разведке” все идет нормально, с “Пушкиным”, если его разрешат, осложнений нет. “Суворов” начнет репетироваться после выпуска “Курантов”. (Сначала был задуман Орлов, а не Хмелев именно в расчете, что так сохранится и работа над “Суворовым”, но Кнебель выставила ряд существенных возражений, исходя из Вашего толкования Забелина – острого, злого, озорного, – и В.Г. с ними согласился.) Пока что по “Суворову” будет идти работа над текстом, над макетом и эскизами и по подборке костюмов; в этом последнем деле должно (и обещало) помочь нам кино. В будущем, значит, есть еще надежда получить пьесу от Жан Ришара Блока. Топорков, а за ним Калиш., поставили вопрос о “Сирано”, и В.Г. взял пьесу (в переводе Щепкиной, Соловьева он отвергает), но он смотрит так: раз у нас не будет филиала, нет нужды ее ставить, на Большую сцену пьеса “не потянет”. Всячески решили искать хорошую комедию, этого просили и на собрании актеры. Дальше у Калиш. речь шла перед труппой о необходимости решительнее взяться за расширение концертного репертуара, эта задача так же важна, как и репертуар спектаклей.

Продолжаю на след. день, т.к. вчера пришлось это письмо отложить, и писать срочно В. Г-чу, куда была оказия, и статьи для стенгазеты, кот. выпускают сегодня. “Горьковец” ведь прекратил свое существование, и будет у нас стенгазета, для которой я перепечатала много материала, кстати сказать, ни в одной своей строчке не выдающегося над уровнем банальных фраз и мыслей. Активисты стенгазеты Баталов и Виленкин, других я не видела. Они обращаются к Вам с просьбой, не дадите ли Вы из Нальчика какого-то обращения к театру, которое они могли бы поместить в газете?

После речи Калиш. на собрании труппы, которая в конце содержала язвительности по отношению к людям, спасающимся от дежурств, стали выступать актеры, и все на маленькие темы, главным образом или жалуясь на плохую организацию концертов, или обижаясь на обвинения в стремлении утечь от дежурства. Ничего приметного в конце концов это собрание не дало, разве только еще раз многие, морщась, расценили поверхностный, легкомысленный и с потугами на остроумие тон нашего директора. Доверия к своим высказываниям, м.б., часто и верным, он этим тоном не добивается.

Вчера на дневной “Карениной” (кстати, сбор был – в будний день! – 14 000, а полный у нас 15 000; сегодня днем в воскресенье “Фигаро”, но сбор всего 5 000) я слышала, как Хмелев уверял Калужского, что Забелин – не его роль, что нечего ему ее навязывать и т.п. вещи, кот. обычно он говорит перед каждой новой работой. Отказ не принимается. Сегодня “бузил” еще и Ливанов, но и ему не удастся, вероятно, отлынить от Рыбакова. Хмелев предлагал дать Забелина Добронравову, который как раз в это утро появился в театре – к удивлению всех, кто не верил в его возвращение (даже пари держали!). Это хороший знак:

когда Хмелев советует дать кому-то, это значит, что он сыграет, только сначала ему надо, чтоб ему сказали, что тот не подходит, а Хмелев именно и подходит.

23-го и 24-го идет на Больш. сцене “Школа злословия”. 22-го – “Каренина”. Три спектакля на неделе. После 24-го срочно начнут вводить Андровскую на Машу³.

15-го скончался А.А.Прокофьев, сегодня кремация⁴.

На днях получила телеграмму от “Вашей Анны”, совершенно исключительно трогательную: “Беспокоюсь о жизни Вашей, Владимира Ив. На мои письма ответа нет. В случае выезда из Москвы приглашаю к себе, тепло, сердечно приму Вас и Вл.Ив. с семьями, приездом обрадуете необычайно. Телеграфируйте о согласии, количество человек, подготовлю квартиры”. Я благодарила телеграммой, сообщила, что Вы отдыхаете в Нальчике. Напишу ей, т.к. телеграмма не так уж подробна⁵.

13-го ездили мы к Сахн. и нашли его поправляющимся, но далеко не поправившимся. Он еще ведет себя как человек, боящийся ежесекундно, что может появиться боль, сжатие сердца. Но вместе с тем его многое в театре беспокоит, и мне он на прощанье сказал, что, м.б., приедет в Москву на той неделе, а уж Кнебель на след. день сказал, что непременно постарается быть здесь 19-го. Постараюсь, чтобы этого не было. Хотя теперь уж трудно с ним связаться, сегодня и завтра туда оказии нет, письма не перешлешь.

Марков мне рассказывает, что ежедневно и многочасно просиживает он в комитете по делам слияния, что никаких окончательных решений нет, но боев пока много. Бьются за количество работников, бьются (не называя при этом фамилий) за должности – имея, однако, при этом в виду определенные фамилии. По словам Маркова, соседи очень проворны и стараются всякими визитами и влияниями обеспечить за собой лучшие позиции. Выходит как будто так, что гл. реж. Туманов и гл. дирижер Алевладов, это уже решено. А зам. худрука или зав. худ. ч. (кем мог бы быть Марков) пока признается ненужной такая должность. Вероятно, Евг. Евг. пишет Вам более подробно.

Завтра выходной, а с послезавтра постараюсь стать аккуратной корреспонденткой.

Крепко жму руку и желаю хорошо отдыхать, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

405.

20 августа 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

С багажом поехавших в Нальчик, в том числе и с Вашим, не так благополучно, как хотелось бы. А именно: выяснилось, что вагон был

прицеплен не к пассажирскому поезду, как рассчитывали, а к товарному, уехавшему из Москвы 10 августа. Если удастся узнать номер вагона (все старания на это направлены), то можно будет по линии новости справки, где вагон. Сегодня Нежному Федя дал телеграмму об этом.

С завтрашнего дня попробую писать Вам чаще открытки, потому что, говорят, письма идут с большой задержкой. А если писем от меня не будет, Вы будете недовольны мною, а на почту не посетуете.

Вас. Гр. просил, чтоб Калиш. и Евг. Вас. приехали к нему сегодня – он беспокоится за театр и хотел бы переговорить по важным вопросам. И вчера было сговорено, что нынче они поедут. А сегодня Калиш. сказал, что у него нет машины и что поедут они туда, м.б., завтра. У Евгения впечатление, что ему не хочется туда ехать, потому что он предчувствует слишком пристальные и дотошные разговоры Сахновского. А м.б., дело проще объясняется: он дал свою машину одному товарищу для поездки в Пестово, – и не поехал ли он сам туда с ним? Евгений пока что послал с Кторовыми туда на дачу записку Вас. Гр-чу, обещая завтра, даже если не будет машины, быть у Вас. Гр., добравшись до него по жел. дороге.

Заходила сегодня ко мне Пилявская. Рассказала, что сегодня репетировала с Ливановым “Метрополь”¹ и находит, что то, чего Вы столько времени добивались у Боголюбова, у Ливанова сидит в самом глазу; репетирует он (несмотря на все протесты и руготню) с хорошим запалом. Массу, конечно, выдумал смешных трюков. Необыкновенно заразителен для партнерши. Пилявская, перед репетицией говорившая: “Неужели опять репетировать “Куранты”?!..”, – после репетиции с оживлением вспоминала занятия с Ливановым. Кнебель мне говорила, что и ей было с Ливановым при первой их встрече (вчера) много легче, чем с Хмелевым. Ливанов кипит, но быстро увлекается работой. А Хмелев уперся на том, что ему трудно, он только что, по настояниям руководства, начал разбираться в одном образе (Суворов), теперь дирекция настаивает на том, чтоб он играл роль совсем другого плана... и еще много разных причин находит, чтоб убедить, что его надо от Забелина освободить.

Марков мне говорил, что слияние – вернее, действия Комитета (Храпченко, Беспалов, Никитин – вот три человека, с которыми они связываются по вопросам слияния) становятся все труднее и неприемлемее. Так что Шлуглейт и он заявили, что выполнить предлагаемые условия они не считают для себя возможным, пусть тогда Комитет сам проводит связанное с слиянием сокращение, раз так невозможно предлагается сократить людей, особенно ансамбль². Обо всем этом Марков мне звонил нынче утром, а в театре у нас и не был сегодня вовсе. Сделаю Муз. театра мы его теперь почти не видим.

Только что побывала у меня Кнебель, она очень довольна сегодняшней репетицией с Ливановым. Говорит о нем с такими же искрящимися глазами, как и Пилявская. А Хмелев просил пока с ним не зани-

маться, он хотел “вчитаться” в пьесу, которую до сих пор и не читал, и не смотрел на репетиции. Кнебель просила Вам кланяться, узнав, что в машинку вложено письмо к Вам.

Завтра генеральная “Школы злословия”, на которую Калищьян возлагает громадные надежды в смысле сборов и великолепного приема у публики. Очень хвалят Гремиславского, который прекрасно придумал оформление и хорошо подобрал костюмы³. Посмотрю и Вам потом отпишу.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович. Не оставляйте нас без вестей о себе. Поручите хотя бы Нежному слать сюда открытки с рассказами о Вас, если Вам неохота черкнуть несколько строк. А лучше всего скажите, чтоб Вам купили и положили на стол открытки, тогда это будет Вам напоминать, что хорошо бы побаловать нас несколькими строками.

Крепко жму руку.

Ваша *Ольга Бокшанская*

406.

Москва, 22. VIII. 41

Милый Владимир Иванович,

так и не удается получить более точные сведения о вагоне с багажом в Нальчик. Просьба такая: если вдруг багаж попросту доберется к вам, пусть Нежный телеграфирует сюда. А то наши здесь возятся с этим делом, пока безрезультатно. Если же у нас будут сведения я, конечно, телеграфирую.

Сегодня утренник “Анны” дал сбору 12 734, недобор всего 2 500. В будни, днем!

Вчера приезжал в город Сахн. Выглядит он и самочувствие его лучше, чем в наш визит на дачу. Но надо и еще ему побыть без работы за городом. После выходного он снова собирается приехать. Сильно беспокоят его многие наши театр. дела, кот. он стремится наладить.

Репетиции “Курантов” пошли, занимаются оба новых кавалера, только Коренева еще не появлялась¹. Кажется, она у Мар. Петр. в Со-снах, оттого ее нет. М.П. пока уезжать, кажется, не хочет, несмотря на уговоры Киры и Кияляи.

У нас в театре все благополучно. Прекрасная погода большинство наших прямо гонит на природу, после репетиций в городе остаются немногие. Вечера проводим в театре, это приятнее и спокойнее.

Желаю всего хорошего и приятного. Не забывайте нас.

Ваша *О.Бокшанская*

Москва, 24 VIII.41

Милый Владимир Иванович!

Мне представляется, что вдали от Москвы Вам приятно получать письма почаще, и даже если они не очень содержательны, Вы простите. Но все-таки неудобно как-то писать просто болтовню. И потому не пишу каждый день, если нет ничего существенного у нас в театре. Вчера “Школа” прошла с успехом, сбор 10 250, примерно, значит, 2/3. Сегодня, в воскрес., ждут большего на ту же “Школу”. Внешне спектакль выглядит весьма прилично, Ив. Як. постарался со вкусом обставить, применив разноцветные сукна в двойной декорации, сохранив для спектакля основной тон коричневым, красноватым. Мебель, костюмы, гл. обр. из “Горя от ума”. Я смотрела два первых акта и дальше не захотелось, потому что продолжаю холодно, иногда враждебно относиться к этому *представлению*. У публики спектакль принимался оч. хорошо. Калишьян, смотревший как раз конец спектакля (во время начала он был на премьере в Театре Кр. Арм., понравившейся ему, “Крылатое племя”¹⁾) при мне вечером говорил Андровской, что спектакль шел вяловато, актеры путали текст, часто были несобранны. Андр. не очень возражала.

Сахн. приедет в Москву в среду 27-го.

Примите нежный привет.

О.Бокшанская

29 августа 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Если письмо будет плохо напечатано, не удивляйтесь: у меня болит, нарывает мой самый рабочий палец, приходится писать другим, неудобным, а большой, завернутый в вату и марлю, торчит култышкой и мешает писать. Из-за этого большого пальца я не пишу Вам уж дня два открытки.

Совершенно случайно узнала сейчас, что завтра в Нальчик едет какая-то знакомая Юры Леонидова, есть возможность послать письмо. Самое удивительное то, что Федя знал об этой okazji, много раз сегодня видел меня и даже слова не проронил. И никому вообще не сказал, ни домой к Вам, ни Виленкину – для Качаловых. Нет, на Федю не всегда можно положиться! А Ваше письмо, которое он задержал у себя на двое суток, хотя я была все дни в театре, да и квартира моя рядом, можно послать курьера домой.

Я до сих пор в взвинченном настроении из-за этого, хорошо, что так совпало, что я была внизу в конторе, когда заговорили об этой оказии. Это просто был счастливый случай. И что бы со мной делалось, если б я узнала об этом после отъезда оказии.

Я не пишу Вам закрытых писем потому, что нет веры в их скорую доставку. Предпочитаю открытки. Но открытки тоже не каждый день, потому что театральных новостей, скажем, нет, а писать то, о чем непременно думаешь – о наших делах, о положении – вероятно, не следует, не всегда это рекомендуется. Оттого не хочется писать.

В ночь на 19-е был налет, с бомбами. В эту ночь как раз звонил мне Нежный, что до сих пор нет багажа. Сказать по правде, меня это как-то не сильно тронуло, – я устала, накануне отбой дали в пятом часу утра, а в ту ночь, правда, в два. Но я пришла домой усталая. А только что мы поговорили с Нежным, началась снова сильная стрельба. Тревогу, правда, не объявили, но никто в домах не спал, а многие и без тревоги помчались в убежища, топот ног был слышен на улице отчетливо – много бегущих ног. После той ночи тревог не было до ночи на 28-е. Это не спасло нас от “полусонных” ночей. Ночи стоят темные, очень темные. Чтоб быть поближе к убежищу, я и многие другие приходим в театр между 9 и 10 вечера, когда еще виден путь на улице. В театре мы сидим – разговариваем, потом отправляемся дремать на диванах, на лавочках в фойе, на койках, стоящих специально в новом репетиционном помещении и в отделенной части нижнего фойе. В эти два последние места я не хожу никогда, потому что койки эти достаточно грязны и блох в них отменное количество, по общим показаниям. Просыпаюсь я несколько раз и как проснусь часа в 4, отправляюсь домой, там уж раздеваюсь и ложусь в постель часа на четыре. Некоторые приходящие в театр спят до утра и отправляются домой в 8–9 – мыться, переодеться. Стало быть, 27–28-го в ночь тревогу объявили около двух ночи, дали отбой через полтора часа. Бомбы сброшены не были. Стрельба была, но до того, что дали тревогу, а во время тревоги – нет. Вчерашняя ночь с проливным дождем (как и днем, дождь и дождь был) прошла без тревоги. Про время с 9-го до 18-го не пишу, потому что тогда были чуть ли [не] ежедневные тревоги и о них сообщалось в газетах и по радио. Для всех нас они обошлись благополучно.

24-го утром приехала Ол. Серг.¹. Я ее увидела только 27-го утром, а письмо Ваше Федя передал мне 26-го, хоть оно было у него с 24-го. (Получается, будто я жалуясь на Федю, но действительно я зла на него за это невнимание! Страшно зла!) Я дала читать его многим: Сахновскому, Калишьяну, Калужскому, Виленкину, Иверову, Евгении Евгеньевне, ходила к Вам домой и там читала четверым Вашим домашним и Лизе Аслановой. Это было всем нам страшно интересно. Очень многим из актеров, с кот. встречаешься во время вечерних сидений в театре, рассказывала, старательно придерживаясь Вашего текста, который теперь помню хорошо, перечитывала немало я это письмо. По всем линии

ям оно примечательно, и по содержанию, и по форме. Все этим восхищались. Из разговоров с Ол. Серг. уяснила себе многое и в результате этого хотела звонить к Вам, но отсюда телеф. соединения не дали, Федя сказал, что отказано на все ближайшие дни. Тогда я дала телеграмму Нежному, чтоб он позвонил, я не телеграфировала Вам только потому, что мне казалось так: Нежный может не поспать и вызвать меня ночью, и тогда слышимость много лучше. А Вы можете говорить только от 11 до 12, и можете утомиться, перекрикивая шумы, мешающие разговору. И представьте себе мою досаду, когда Нежный позвонил в 11 утра, и была великолепная слышимость. Значит, можно было бы говорить и с Вами, и все было бы слышно!

Не знаю, достаточно ли четко Нежный передал Вам содержание моих запросов. Они были такие: что Вы, Вл. Ив., решили – ехать или не ехать в Тбилиси? Если Тбилиси отпадает, едете Вы или не едете в Москву? Если это решено не твердо, то просьба передать, что надо вопрос решить в ту или иную сторону, и если ехать в Москву, то не откладывая это выполнить. Если Вы остаетесь, мы предлагаем, что будем искать оказию, чтоб переслать Вам вещи на осень – зиму. Но и семья, и те в театре, с которыми я советовалась, считают, что Вам лучше вернуться сюда, а нам надо сделать все (и мы это сделаем без всякого труда, я уверена!), чтоб Вы были поставлены в наиболее удобные условия жизни здесь. Вот о чем был мой разговор с Нежным, и я даже слегка надеялась, что следом за этим разговором последует от Вас известие, как Вы решили. Но такого известия пока нет.

Следом за этим сегодня утром приехал Шапорин, привезший Ваше письмо и груды приветов. Письма Вашего я пока не читала, Евг. Евг. обещала потом прислать мне его, как я ей дала читать Ваше ко мне. Для Шапорина вышло удачно, что он позвонил сразу ко мне, т.к. как раз завтра наш театр имеет в поезде на Свердловск вагон для членов семейств и детей наших актеров и служащих. И там нашлось ровно одно свободное место, которое мы и отдали Шапорину. С утра мы только поговорили с ним по телефону, и он полетел по своим делам и в Комитет, к Мих. Бор. Оттуда он мне тоже звонил, еще до приема у Храпченко, и между прочим сказал, что считает долгом передать Мих. Б. Ваше поручение: передать, что Вы просите вывезти Вас из Нальчика в Москву.

Когда из Комитета Шапорин пришел в МХАТ оформлять свой отъезд и я его увидела тут, на мой вопрос об ответе Хр., он сказал, что тот ответил: “Пусть сидит там”. Неужели он имеет право Вами так распоряжаться?! И Вы даже не можете быть там, где Вы сами хотите?!

Итак, завтра в половине второго дня Шапорин уезжает в Свердловск, а как он дальше поступит, еще не знает: или по Волге повезет семью в Нальчик, или поедут в Челябинск к матери жены.

Шапорин передал еще Мих. Б., что Нежный стремится вернуться, но М.Б. сказал, что он даст распоряжение, чтоб он остался – из того расчета, что Вас без Нежного там оставить нельзя.

Нет человека из Ваших близких, который бы не считал, что Вам нужно вернуться. Это думают и все в нашем театре, и в Музыкальном, и Ваши домашние. Но, конечно, в первую очередь это зависит от Вашего личного желания! Нельзя же Вам навязывать наши желания. Это вправе делать только Ваш друг Мих. Б., который решительно при всех обстоятельствах продолжает удивительным образом сохранять Ваше к нему благоволение. Прямо позавидовать можно ему! Наконец все считают, что если Вам не следует жить в Москве, то, во всяком случае, надо Вам поселиться в восточном направлении, а не где-то в такой сильной оторванности от Москвы. И говорят: а если продвижение немцев пойдет и еще глубже? Ведь Вы можете оказаться отрезанным! А если аппетиты немцев к нефти и старание оторвать нас от нефти толкнут их, после неудачи в Иране, стараться отрезать центр от Баку, громить ж.д. дороги, связывающие нас с Баку? Все это более чем серьезно. А весь тракт на восток такой угрозы не имеет.

Я бы хотела надеяться, что это мое письмо, которое по расписанию должно быть у Вас дней через 4–5, не дошло бы до Вас, не застало бы Вас. Или застало бы в самых срочных сборах в обратный путь. Но, повторяю, все в первую очередь зависит от Вас.

Да, кстати, Шапорин сказал, что севернее Курска они испытали неприятность налета истребителя на их поезд, так что он считал бы, что Вам надо ехать на Сталинград и по Волге. Возможно, что теперь с каждым днем этот путь, по которому Вы ехали на юг, будет становиться все более беспокойным в таких отношениях. Если к моменту получения этого письма у нас с Вами не состоится никакой телефонный разговор, если мы не обменяемся никакими телеграммами по поводу Вашего решения, — очень Вас прошу после этого письма телеграфировать, что же Вы решили для дальнейшего. Нам представляется, что Вам вовсе не надо хотеть, чтоб Комитет Вас вывез, — просто приезжайте с Нежным, и все тут. И пусть Нежный покажет свое умение — достанет для Вас забронированное купе на Прохладной — через НКВД или Совнарком местные. Ведь Шапорин, никого не спрашивая, сел в поезд и приехал сюда. Поступил, как считал для себя удобнее и лучше. Отсюда вряд ли вообще Вы получите ответ, если начнете запрашивать Комитет. Все дело в том, чтоб Вам крепко решить, а Нежному хорошо выполнить, если Ваше решение будет — ехать!

Я Вам, вероятно, надоела — только об одном и том же. Но надо сказать, что Ваше пребывание там, неизвестность о Вашем здоровье, огорчение о Вашем одиночестве, тоске вне театров — все это камнем лежит на сердце. А тут еще такие вести с фронта, кот. ежедневно ударяют в сердце со стороны газеты, эти сводки! И хочешь верить, и веришь в хорошее, ужасно тягостно воспринимаешь сообщения Информбюро.

Уже половина восьмого, темно писать. А я хотела писать Вам еще про театральные дела. Напишу завтра утром. А то настоящего затемнения у нас не оборудовали, зажгу — сейчас же прибегут с замечанием с улицы. Значит, завтра целиком о театре. делах.

С добрым утром, милый Владимир Иванович! Вот сегодня я получила уверенность в отправке наших писем, т.к. лично говорила с дочерью едущей дамы. Перечитать то, что вчера я написала, времени не будет, вероятно. Если там грехи, неудачные обороты, – простите, пожалуйста. При всем старании сейчас работать хорошо, по-довоенному – не удается.

Ночь на сегодня прошла без тревоги. И мы все, кто приходим в театр и слоняемся здесь или дремлем до 4 часов, а потом уходим домой поспать уж по-настоящему, все же говорим, что готовы всю войну так проводить ночи, только бы они были без бомб.

Итак, о театральных наших делах. Пойду по пьесам.

“Куранты”. Кнебель каждый день занимается и довольна своими новыми исполнителями. Коренева сейчас не работает, и роль Забелиной дана Соколовой. Коренева взяла отпуск и отдыхает и подлечивается в Соснах, где продолжает жить и Мар. П. Есть еще вводы на небольшие роли, например, вводятся обе дамы: испуганная (Дурасова) и с визаньем (Сластенина). Это потому, что Елина выбыла из работы по нездоровью, у нее неблагоприятные мозговые явления, в связи с этим она теряет зрение. Лечение длительно, от нее требуют пребывания вне города и приездов в Москву только для впрыскиваний и визитов к врачу. Болезнь эта – прямое следствие пережитого: вокруг них, где они живут, в одну ночь было столько разрушений и взрывов (район Триумфальной пл.), что она в ту ночь как-то “сдвинулась”. А за Шереметьеву вводят на всякий случай, раз уж репетируется картина, т.к. Шерем. все поговаривает, что хочет взять отпуск... да она и не надежна – помните, сколько было с ней случаев и в прошлом году, когда она забывала слова, забывала выйти на сцену и т.п.

Хренников на днях позвонил, что так загружен, что должен отказать от работы для финала “Курантов”. Тогда же я прочитала в “Вечорке”, что он пишет оперу “Петр I” (кажется, этот сюжет), закончил вторую симфонию, часть которой только исполняется, а остальное должно быть еще приготовлено, тут не до небольшой работы в драмтеатре. Кардашев (зам-Израил.) обещает найти другого композитора².

Начали репетировать “Пушкина”. Там тоже есть вводы на совсем маленькие роли, а на приметную – один: вместо уехавшего на время Готовцева (Салтыков, занят в одной, 2-й картине, но там роль центральная) назначен Яншин. Готовцев сегодня выезжает в Свердловск, вывозит с нашим эшелонным вагоном мхатовским свою семью, устроит их там и вернется. Таким же манером едет туда Яров, Кондратьев, некоторые вокалисты: устроят и вернутся. (Кстати, в настоящее время из общего числа актеров 160 человек у нас не хватает 50: кто призван, кто в ополчении, кто болен, кто в долгом или коротком отпуску. Но при наличии одной сцены труппы вполне достаточно, даже больше, чем нужно, и Калиш. охотно дает отпуску, если актер не слишком занят. Это для

того чтобы в конце года не платить двойной оклад за неиспользованный отпуск.) Итак, “Пушкин” репетируется – готовится к показу Комитету. Театр очень заинтересован получить разрешение: обеспеченные сборы, тот плюс, что выпущена новая постановка, удовлетворение актеров, сыгравших новые роли, освободится Станицын как режиссер, можно будет использовать его для комедии, которую ищут и хотят непременно найти, он комедийный режиссер очень хороший. Но все-таки так уж быстро “Пушкина” не выпустить, потому что тут сталкиваются на сцене все спектакли. Фактически для сценических репетиций мы имеем сцену 3 раза в неделю: вторник, среда и четверг. В пятницу, субботу и воскресенье мы играем дневные спектакли: в 10–11 – шефский и в 3-половина 4-го – для публики. Понедельник – выходной. Скажем, сейчас Ив. Як. начинает монтировать “Пушкина” для показа комитетского, и уж больше ничего нельзя делать, потому что филиальная сцена целиком у вахтанговцев³. И сейчас примерно распределена наша сцена так: пока что на сцене “формировались” (выражение Кедрова) 1, 2 и 3 акты “Глубокой разведки”. Теперь они уступят частично сцену “Пушкину”. За это время подготовятся входы в “Куранты” и “Куранты” получат сцену до выпуска их на публику. Потом, даже если “Пушкин” будет разрешен, сцену получит “Разведка”, а освободившиеся от “Курантов” актеры начнут репетировать в фойе “Суворова”. И “Пушкин”, опять-таки в случае разрешения, выйдет на сцену и будет выпущен уже после “Разведки”.

Теперь о “Разведке”. Кедров говорит, что к 15 октября он готовит спектакль к отчетному показу, но твердой уверенности в этом у руководства нет.

Теперь введена для актеров обязательная военная учеба. Т.е. не только для актеров, но вообще для всех людей до определенного возраста. Так что и этим приходится актерам заниматься, и они часто подставляют, что слишком их загоняли: и военная подготовка, и дежурства в театре и дома на крыше, и репетиции, и спектакли, и концерты. Но нетрудно их бывает урезонить, если напомнить, что многим миллионам сейчас приходится еще труднее.

Сегодня объявлена прибавка к окладам нескольким молодым нашим актерам. Это дирекция решила сделать без Комитета, который всегда противодействует, имея возможность провести это за счет освободившихся окладов вовсе ушедших из театра молодых актеров. Так получили повышение: Эзов, Цыганова, Щербинина, Хошанов (помните, как он огорчился и просил Вашей защиты, когда его перевели из вспомогательного состава в сотрудники? А вот теперь показался хорошо в отрывке и даже повышен в окладе); прибавили еще Ларгину, Лакшину, Сухареву, Ковшову, Климову.

Вчера была объявлена благодарность-приказ в ознаменование 25-летия службы в МХАТ – Ершову и Жене Калужскому. 28-го было 25 лет их службы. А вчера было 22 года моей работы в МХАТ, я об этом и вспомнила-то из-за Жениного юбилея. Надо будет найти день, чтоб

выпить стакан вина, в честь этих дат. Пока дня такого нет: то Женя на крыше дежурит, то в театре, тут не до вина.

Попадает в Нальчик “Сов. иск.”? или “Литературная”? На случай вложу два последних номера, уже довольно запоздалых, завтра уж будут выпущены новые. Кстати, там Вы увидите знакомые лица на военных занятиях.

Вчера утренник “Школы” дал 9 000. Для пятницы – это великолепно. Вряд ли есть театры, которые могут похвастать таким сбором (примерно 60%) в воскресенье, не то что в будни. Не помню, писала ли я Вам, что в воскресенье 24-го “Школа” сделала аншлаги. Сколько ни рассматриваю состав публики, не могу понять, кто же это в наше время может платить по 20, 18, 15 даже рублей за место! Теперь бережешь каждый рубль, не то что десятки рублей, а тут поди ж ты!

Вас. Гр. третьего дня приехал в Москву и остался здесь, уезжает нынче. Вчера смотрел “Школу”, остался доволен, кажется, так мне говорили участники; я его не видела после спектакля, возилась в это время с отправкой Шапорина. Он чувствует себя сравнительно недурно, одно его беспокоит – как разволнуется, так у него омертвление рук и ног, застывают они у него. А случаи разволноваться представляются довольно часто. Вот и у нас стал он разговаривать на волнующие всех нас дела – и сразу рука онемела. Недели две он еще будет довольно оторван от нас, вернее, мы постараемся его держать на отдыхе, а через 2 недели Кнебель хочет ему показать свою работу, и мож. быть, тут обнаружится, что ему пора войти в выпуск спектакля.

Настроения в театре – вот что, вероятно, Вас интересует сильно. Что Вам сказать? Все зависит от того, с кем говоришь. Люди и их душевное состояние остались примерно те же: кто и прежде паниковал, тревожился, тот и сейчас испуган, встревожен. Кто держался стойко – старается быть таким же. Конечно, продолжающиеся неудачи наши на фронте волнуют всех, и “испуганных” и “стойких”. Судьба Ленинграда, Киева, южных городов – только об этом и говорят. Вас. Гр. несколько раз ставил вопрос перед Калишьяном о том, что он должен быть уверен, что в случае необходимости вопрос о МХАТе и его местонахождении должен быть приготовлен решением, что не тогда это начнет обсуждаться, а заранее будет известно, скажем, хотя бы руководству, даже – хотя бы Комитету – какова наша судьба, куда и в какой момент мы должны быть переправлены, в каких условиях, в каком количестве и т.п. Были такие слухи, что будто Александринке сказали: вот вам два часа на сборы – и уезжайте! Вот этого боится Вас. Гр., считающий себя ответственным за дело. Гр. Мих. сказал, что имеет точное уверение, что все будет сделано вовремя в отношении МХАТа, что опасений не должно быть. Я знаю, что Хмелев был в ЦК партии и говорил по своей инициативе тоже о МХАТе и боялся, что директор наш довольно легкомысленный, как бы чего-то не пропустил в нужный момент. И ему будто там сказали, что беспокоиться не надо, что когда придет нужный

момент, то это пойдет не от директора, а от вышестоящих органов, так что легкомыслен или нет директор, о театре подумают выше и решат его судьбу. Вот такие до нас дошли слухи и сведения.

Сейчас пришел Вас. Гр. и продиктует свое письмо к Вам, а то почерк у него очень неразборчив. Поэтому кончаю. Да и пора, вон сколько написала. И пора тогда отсылать едущей. Хотелось бы послать Вам чего-нибудь сладенького, да неловко затруднять даму пакетом, даже маленьким.

Сейчас В.Г. прочитал мне черновик своего письма к Вам, боясь, что не слишком ли огорчительно будет его письмо. Действительно, с Калиш. постоянно мы сталкиваемся (вернее, не сталкиваемся, а ощущаем) с тем, что в театральную нашу атмосферу вносится душок, какого не было и какой ужасно бывает неприятен.

Прощаюсь окончательно для этого письма. До свидания, жду Ваших решений, жду телеграммы или звонка, если их не будет во время поездки к Вам этого письма. Желаю Вам здоровья и хотя бы приличного настроения – о хорошем я и не мечтаю.

Ваша *Ольга Бокшанская*

409.

Москва. 2.IX.41

Милый Владимир Иванович! Вчера был выходной, поэтому не писала Вам. Провела его в Москве, не хочу никуда ездить, не тянет. Евг. Вас. по выходным ездит в Пестово, там живет его сын. Моя сестра с сыном тоже там. Туда мне особенно не хочется ездить потому, что я разбила это место, а теперь его совершенно испортил тамошний заведующий, превратил в какое-то бескультурное место. Мне кажется, что люди остаются там жить по инерции, хотя давно следовало бы возмутиться и уехать.

Все Ваши домашние благополучны. Сегодня подговорила Евпр. В. и А.А. пойти вместе в кино на новую картину – комедию “Антон Ив. сердится”, говорят, мило. Картину озвучивала Пантофель, поэтому ее приятно слушать.

Завтра уезжают на какой-то срок наши Кудрявцев, Лакшин, Баталов и Недзвецкий работать в бригаде актерской.

Блинников получил отпуск для киносъемок в Сталинград на 2 нед., Дорохин – на три, снимается под Москвой, уехал и будет только наезжать.

“Пушкина” готовят к показу 16 сент.

Завтра в Москву снова приедет Вас. Гр.

“Школа” в воскрес. снова дала аншлаги. И успех!!

Шлю нежный привет. И привет Нежному.

О.Бокшанская

4 сентября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера не писала Вам, зато сегодня вместо обычной открытки – закрытое письмо. Вчера приехал Вас. Гр. и пробудет до завтра днем. Но состояние его вовсе не блестящее, за время, что он был на даче, у него было какое-то кровоизлияние (вернее, закупорка, а потом рассосалась) в области левого глаза, щеки. Он после этого лежал, прикладывали лед к этому месту, и теперь постепенно это расходитя. И еще явления были в смысле здоровья, внушающие опасения. Словом, сам В.Г. мне сказал, что прежде не прислушивался к себе, а теперь прислушивается. И настолько оказался обеспокоен, что вызвал к себе Иверова, и тот устроил ему вчера консультацию в Кремлевке, и Кремлевка уложила В.Г. на пять дней спокойствия, и В.Г. согласился это сделать с тем, что выедет из Москвы для пятидневного полного покоя завтра, часа в 2.

Надо поменьше поля сделать, чтоб уместить письмо на одном листе.

Вчера В.Г. смотрел макеты “Разведки” с Кедровым и всеми его ассистентами, конечно (в ассистентах я увидела Ларгина, Карева и Герасимова), а сегодня побыл на репетиции Кедрова, на сцене, 1-й акт пьесы, вернее – куски, потому что целиком акт еще не был репетирован. В.Г. говорит, что Кедров занимается хорошо, серьезно, настойчиво, часто круто, добиваясь задуманного и намеченного им, крепко ведя линию действия, убирая засорения, которые до сих пор некоторые считают системой МХАТ (и Вы всегда на них ополчаетесь): вошел, осмотрелся, оценил... Но пока все очень бледно, по выражению В.Г., нет пружины, ради которой все это там происходит. Может быть, это и не такая репетиция, чтоб это увидеть, а может быть, это не в возможностях Кедрова – возбудить в актерах темперамент поострее. При просмотре макетов я была частично, слышала объяснения Кедрова, чего он добивается и будет добиваться на сцене светом. Объяснения очень интересные. Как договорились по макетам с В.Г., я пока не знаю. Сама декорация не представляет никакого интереса и новизны. Впрочем, когда искали художника для спектакля и многим давали читать пьесу, то все они возвращали экземпляр с отказом работать декорацию потому, что ничего интересного сделать нельзя, нет охоты появиться в МХАТ (для тех художников, которые впервые должны были у нас показаться) в таком неинтересно данному автором материале.

Кажется, я не писала Вам, что Комитет заставил Горчакова уйти в отпуск на 2 месяца из МХАТ без сохранения даже содержания (не знаю, за что так Хр. разлютовался на Горчакова), чтобы целиком заняться делами и постановками Театра сатиры. Но тут же мы прочли в “Сов. иск.”, что в Сатиру главным режиссером назначен Лобанов. Я еще не успела спросить Горчакова, в чем тут вся пружина.

После того как был дан приказ об отпуске Горчакова, появился приказ о повышении оклада Кнебель до 1 500 р. (актерские выступления не оплачиваются при нем особо), при чем это было сделано из экономии на горчаковском жаловании. Так что мы задрознили совсем Кнебель, что это она подложила Горчакову свинью ради своих материальных благ. Она, конечно, решительно ни при чем в горчаковском деле, если говорить серьезно, не дразня.

Пошел по театру легонький разговор – не привлечь ли к режиссерской работе Дикого¹. Он появился в Москве, побывал у нас на спектакле... Вспомнили, что он очень даровит, хоть и был сильно изломан. Но, может быть, теперь переменялся?.. Если этот разговор приобретет более реальные формы, Вас, конечно, известят телеграммой, вернее – спросят, какое Ваше к этому отношение? и можно ли пригласить?

Сегодня Гошева репетировала новую роль, ее вводят за Михаловскую в “Каренину”, в сцену “У Бетси”². А вообще сейчас взялись и за ведущих и полуведущих актеров – берут их в общие сцены, например, в “Пушкине”, в нар. сцене на Мойке заняли Варзер, Петкера (этот, кажется, выкручивался, выкручивался и выкрутился), Георгиевскую, Карева, Михееву, Сластенину и, конечно, вся имеющаяся молодежь.

2-го ВТО устроило день памяти Л.М.Леонидова. Я приложу приложенный мне билет, – может быть, семье Леон. Мир. интересно будет его иметь³. Если Вы передадите приглашение Нежному, тот, наверное, сможет доставить его Анне Васильевне. Мхатовцев, прямо надо сказать, было вопиюще мало: Евг. Вас., Кнебель и двое выступавших: Марков и Раевский. И Гедике. Но вообще народу было сначала немного, а потом полно. Но полно в Малом зале, не в Большом, где эстрада. И все было довольно тускло в смысле выступлений. Марков и Новицкий говорили недлино и неярко. Всех утомил Попов, говоривший почти час – и тоже без блеска. И потом несколько минут тускловатых воспоминаний Раевского – и все мхатовцы, слыша, что началось музыкальное выступление, отправились к стойке и помянули Л.М. за рюмкой (вернее, стопкой коньяка). Общее впечатление – ВТО “отписалось”, устроило день памяти – и успокоилось. Да, Попов в своем выступлении не удержался, чтоб не кольнуть МХАТ: что он не раскрыл Леонидова так, как тот заслуживал.

Вчера на Ваше имя пришло письмо из Феодосии (Дачный пер., № 8) от Е.В.Малиновской, дочери Вас. Ив. Она пишет Вам о своем горе: дочь ее служила в Орше, жила там со своей дочерью, сама вдова. Она не знает, где они. И сын ее, раненый, из госпиталя пишет, что и его семья – жена и две дочери, 19 и 5 лет, оставшиеся в Орше после его призыва в армию, – неизвестно где. Она спрашивает, не можете ли Вы помочь ей разузнать. Я ответила ей сегодня, что Вас в Москве нет, объяснила, что Вы с другими работниками искусств правительством направлены на юг, на Кавказ, и, прося прощения, что врываюсь непрошенная в ее личные дела, написала, что вряд ли Вам удалось бы что-нибудь узнать, здесь нет таких учреждений, где это узнать. И как ни печально сообщать такие

неутешительные вести, надо только сказать, что нужно ждать, когда от них придут вести.

Если Вам в Нальчике посоветуют смотреть фильм “Антон Иванович сердится”, не ходите, даром потратите время. Мы с Типольтами оч. мило провели время, но я лично от картины не получила никакого удовольствия. Евп. В. и А.А. были снисходительнее. Евпр. В. показала мне Ваше письмо к ней. Ваше настроение юмора очень до всех нас дошло, но в своих действиях и волнениях после этого письма я не столько руководствовалась Вашим письмом, сколько рассказами О.С.Не-Бокшанской⁴, которая рассказывала более чем неутешительные вещи.

Впрочем, я все это, кажется, обширно рассказала в письме с okazjiей.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, желаю здоровья и хорошего настроения.

Ваша *Ольга Бокшанская*

411.

Москва, 5 сентября 1941 года

Милый Владимир Иванович, вчера послала Вам закр. письмо. Возможно, что эта открытка его опередит. Сегодня днем, стало быть, состоялся дебют Гошевой в “Карениной”, за Михаловскую. Очень мила, Сахн. одобрил. Волновалась она ужасно.

Вас. Гр. днем же сегодня уехал на дачу, до след. четверга. Придет-ся ему пожить растительной, животной жизнью, иначе может случиться катастрофа, это мне сегодня сказал и Карев, наш актер и хирург, которого я считаю великолепным врачом, на основании многолетнего моего личного опыта, знаменито ставящим диагноз.

Сегодня к нам “пробовались” два юнца: дочь Андровской и сын Н.Н.Озерова. Девушка при этом не кончила еще посл. класса школы и не хотела кончать, но ей сказано, что если она кончит школу, то будет принята даже без вторичного испытания, она произвела очень хорошее впечатление. Озерову сказали, что он так неопытен, что ему учиться надо (вероятно, и не очень заразил слушавших), и устроили по телефону прослушивание его в ГИТИСе¹.

Убийственная сегодня погода, холодно, дождь, противно в окно смотреть.

Будьте здоровы, милый В.И., всего хорошего.

Ваша *О.Бокшанская*

12 сентября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера наскоро, “кратенько”, как любят говорить некоторые ораторы, сказала Вам в открытке о показе “Курантов” В. Г-чу. Показаны были: Метрополь, Опушка, Набережная, У памятника Гоголю, 1-й кабинет Забелина, кабинет Ленина, 2-й кабинет Забелина, причем Хмелев попросил, чтоб в верхнем фойе кроме Сахновского и Кнебель не оставался никто на его последнюю сцену, с Машей, во 2-м кабинете. Он в этой сцене еще не уверен, не хочет и не может ее играть перед другими, даже перед участниками этой картины. Так что все мы ушли вместе с гостями Забелина, которые уходят в столовую. Судя по замечаниям Вас. Гр., действительно, эта сцена у Хмелева не доделана. Я уж написала Вам вчера, что то, что я видела в картинах Забелина, совершенно меня восхитило у Хмелева. Получается большая фигура, большая личность, значительный, выдающийся человек. Мы, смотревшие (я и участники отдельных сцен – Дементьева, Монахова, Слостенина), испытывали огромное волнение, восторг перед такой актерской работой. Вы написали: “Тарханову будет очень больно”. Вероятно, и больно и даже невозможно сыграть эту роль после такого великолепного исполнителя, как Хмелев. Соколова очень хорошо показала еще не готовую роль Забелиной. Она, правда, идет по своей линии и не хочет откуда-то сбоку посмотреть на Забелину с юмором, она у нее – незатейливая женщина, очень любящая мужа, дочь, и чутьем хорошего человека почувствовавшая симпатию к матросу. Про Ливанова все участники сказали, что он переволновался и на показе был в несколько раз хуже, чем обычно на репетиции. Мне показалось, что пока он больше увлечен внешним, поверхностным и не нажил еще ни глубокого увлечения революцией, ни большой любви к Маше. Но Пилявская говорит, что это был неудачный для Ливанова показ, а в повседневной работе он как партнер ей даже удобнее и приятнее, чем Боголюбов, с которым, казалось бы, она должна была сродниться больше. Из вводов в дам у Забелиных мне понравилась Дурасова (за Елину), очень жизненна и с большим серьезом, и потому – смешно. Слостенина пока ничего не нашла и ничем, кроме приятной своей внешности в жизни, не отличается от Шереметьевой.

После показа В.Г. сказал замечания Хмелеву, который торопился, а потом, перед тем как делать замечания остальным, стал слушать в исполнении автора на рояле музыку для финала спектакля (да написала ли я Вам в свое время, что это Хачатурян? Он как раз приглашен был театром для “Глубокой разведки” и так там ладно работал, что его привлекли и для “Курантов”, где он написал песенку для Ливанова и финал). Хотя Вас. Гр. очень хвалил, и Кнебель, как могла я судить по тону, довольна, и Кардашев (зам-Изралевский, который прекрасно работает и все не нахвалятся и его дирижерством и заведыванием оркестром и

хором и не перестают сравнивать теперешнее спокойное самочувствие в этих отделах с нервным, которое вносил Изр.) – сияет, но я позволю себе сказать, что у меня впечатление было такое: это, вероятно и наверно, очень хорошая и величественная музыка, но при чем она в этом спектакле? Просто не представляю себе, как она войдет в спектакль, как справится с ее вселением в спектакль режиссура? При этом Хачатурян развертывает этот финал (на полторы-две минуты) в большом симфоническом оркестре с хором. Вероятно, я ничего не понимаю, но мне кажется, это решительно “не то”.

Проверила свое впечатление у слушавшего Дмитриева – и он со мной в одно и то же слово говорит. А с Кнебель хочу говорить, чтоб она мне разъяснила, но не оказалось пока возможным из-за ее занятости.

Сегодня Вас. Гр. отдал много времени беседе с Кнебель о дальнейшей работе над спектаклем, а завтра будет заниматься с Хмелевым, Ливановым и Пилявской, которая не удовлетворила В.Г., как я услышала из его замечаний, сделанных Кнебель, и которая на показе действительно порастеряла многое из того, что с Вашей помощью так славно нашла.

Но главным сегодняшним делом В. Г-ча был просмотр всех сцен Маши – Андровской. Это был закрытый просмотр, о котором я знаю со слов Раевского, работающего с Андр. В.Г. после просмотра имел беседу с Андр. в присутствии Раевского. Он сказал, что увидел очень осторожный подход у Андр. в этой работе. Пока что главным образом она старается победить свои типические актерские приемы, – и в этом она преуспела: нет ни “кошечки”, ни жеманства, ни кокетства. Но из-за этого направления – победить свои “штучки” – она перегрузила драматизмом роль, особенно в первом акте. Лучший акт у нее был – четвертый, где она очень проста и искренна. В.Г. считает правильным, чтоб она окончательно добила свои “штучки”, присущий ей до сих пор тон на сцене, и тогда она, наверно, все крепче и крепче будет схватывать самое нужное для Маши и покажется театру и публике с совершенно новой стороны. Торопить ее в этой работе не надо, лучше еще дольше отказать от “Трех сестер” в репертуаре, но дать Андр. доработать по-настоящему, по-глубокому.

Сегодня был еще один просмотр, и я на нем была, но это было без Вас. Гр., смотрели Марков и Виленкин и Телешева работу Кнебель над одноактной пьесой “Рыбачка с побережья”, – для концертных выступлений театра. Заняты там Дементьева (рыбачка), Жильцов (ее дядя), Свободин (немецкий капитан), Рыжов (его денщик, из белой армии), молодой актер Павлов (жених рыбачки), Монахова (крестьянка). По сравнению со всеми предлагаемыми для концертов вещами, это неплохая пьеса, даже с претензией на некоторую сложность сюжета (сначала надо принимать рыбачку за сочувствующую белым и немцам – оккупантам Украины, потом оказывается, что она героиня). Показ был удачен, и решено дать еще несколько “прогонных” репетиций и выпустить пьесу на публику.

Да, в отношении “Курантов” есть чрезвычайно крепкий нажим Храпч., чтобы спектакль как можно скорее был передан в виде монтажа, по радио. Это он сам в своей вчерашней речи по радио для фронта обещал. Эта передача “Курантов” будет специально для фронта. В.Г. вообще против того, чтоб актеры, только что сживающиеся с новыми ролями, были вынуждены выступать, и старается убедить в скороспелости этого решения. Но послушаются ли его? Было бы ничуть не трудно сейчас дать другие передачи для фронта из наших спектаклей, а как “Куранты” будут готовы, пустить и их. Но Вы знаете нетерпение, с каким всегда Комитет подгоняет наши новые работы. Помните, сколько из-за этого у Вас было с ними столкновений и споров?

Сегодня днем “Анна” сделала сбор в 12.685 р. Завтра идет не “Школа”, как назначили, а “Фигаро”. “Школа” послезавтра, начало в 4, а в 10 утра идет для подшефных “Анна”. А с будущей недели спектакли все будут начинаться в 4 часа. Это для того, чтобы утра использовать для репетиций.

Сегодня Калишьян повел Маркова к Шейнину слушать новую его пьесу. Что-то будет? Уж сколько было этих проб¹.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Когда у нас дождь или беспокойная ночь, я думаю: нет, лучше, что Вл. Ив. в Нальчике!

Ваша Ольга Бокшанская

413.

21 сентября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера, уже после отъезда Вас. Гр. на дачу на два дня, до вторника, ко мне пришел Калишьян и рассказал, что только что имел 20-минутный разговор с Комитетом (с кем именно – не сказал) о Диком, которого Комитет непременно решил направить к нам. Пока никакие возражения не помогают, и Гр. Мих. беспокоился, во что же это все выльется, ведь Вас. Гр. сказал, что работать с Диким он решительно не может и в случае внедрения Дикого в театр подаст заявление о том, чтоб его, Вас. Гр., освободили от руководства художественной частью. Я, кажется, писала Вам, что Вас. Гр. предлагал такой вариант: пусть Дикий будет направлен в какой-нибудь театр, где сделает постановку, и тогда можно будет судить о сдвигах, в нем происшедших, и если эти сдвиги произошли в определенную, близкую МХАТу, сторону, дать ему постановку в нашем театре. Но Комитет настаивает, чтоб он начал именно с нашего театра. Сказать по правде, сейчас даже непонятно, какую работу можно ему дать. Работы между режиссерами пока что распределены, новых работ, при теперешней загрузке ведущих актеров, не намечается, а если будет выбрана какая-нибудь комедия, чего просят и труппа и Комитет, то на

эту работу опять-таки намечают Станицына и Топоркова, которые не только прекрасно показали себя по “Пушкину”, но и могут быть великолепно использованы именно для комедийного спектакля. Словом, со всем этим вопросом о Диком Калишьян ужасно беспокоится – особенно, зная силы и здоровье Вас. Гр., принимающего этот вопрос близко к сердцу. По-видимому, теперь главная задача Калишьяна будет убедить Вас. Гр. не принимать дело так близко к сердцу, не уходить со своего поста и подождать, как проявит себя Дикий в работе. Впрочем, по словам Калиш., он еще оттянет окончательное решение дела, заявив, что должен будет запросить Вас, каково Ваше отношение к работе Дикого в МХАТ. При этом, однако, допускает, что если Вы не в курсе работ и направления Дикого в режиссуре, то Вы не возьмете на себя “точки” в этом деле.

Сегодня объявился Погодин. Он позвонил Пилявской и на ее укоры, что он как сквозь землю провалился после обращения к нему актеров о написании сцены прощания Рыбакова и Маши, сказал, что зато он за это время написал новую пьесу – это с одной стороны, а с другой – он привез желаемую сцену и считает ее удачно найденной. У него Маша и Рыбаков не прощаются, а оба уезжают на фронт. Пилявская сказала, что они за это время приготовили ему сюрприз, нафантазировав желаемую сцену, и как будто их фантазирование одобрено режиссурой и Сахновским. Сказала она это проходно, не имела духа сказать, что им уж стала дорога эта новая сцена. В общем, сговорились, что во вторник он придет в театр, принесет свою сцену. Погодин заверял, что сцена ему удалась. В “Курантах” самые большие опасения вызывает Грибов. Все это время он очень не в форме, и это отражается и на его внутреннем состоянии и на внешности, с которой и тогда ему приходилось бороться. И как его перевести в иной план жизни, никто не знает. Он дает обещания и обещания, но пока их не держит.

Радиопередача “Курантов” вчера не состоялась. На первой же репетиции обнаружилось, что монтаж, сделанный по твердым указаниям, не дает представления о пьесе и ее героях. А изменить монтаж – на это распоряжения не было дано. К удовольствию исполнителей, которые сразу определили слабость монтажа, от этой передачи отказались на радио.

Сегодня утром прошла “Школа злословия” как шефский спектакль. Из комплекта были нами задержаны 200 мест для продажи через кассу. И были проданы. Остальные отданы были бесплатно. Сейчас, с 4 часов, идет “Каренина”, с аншлагом.

Сегодня на “Школе злословия” был Лев Книппер, заходил в антракте к нам, рассказал немного о жителях Нальчика, главным образом, конечно, об Ол. Леон. А на днях кто-то привез из Нальчика афишу концерта с участием Качалова, Книппер, Скульской и Тарханова. И других, не мхатовцев. Я не видела, но знаю, что за кулисами ее проглядывали с интересом. И еще кто-то сообщил такой слух: что будто

бы Вы собираетесь выписать из театра нескольких актеров, нужных Вам для режиссерской с ними работы в Нальчике. Над чем работа, кого выписать – неизвестно. В свое время от Храпченко мы знали о Ваших планах относительно “Антония и Клеопатры”, но мы так поняли, что с отъездом Тарасовой этот план рушится. Значит, что-то другое? Или это запоздалые слухи о том, что Вы тогда собирались сделать, когда думали об “Антонии и Клеопатре”?

У нас наступили холодные дни, по ночам совсем холодно, днем бывало и 5 только градусов. И не так холодно на улице, как в помещениях. И особенно – в нашем помещении в театре, которое почему-то в последние годы стало самым холодным во всем театре. Евпр. Вас. в своих раздумьях о Вашем возможном приезде сюда теперь, до зимы, сделала проверку на даче и узнала, что там топлива хватит на всю зиму, по словам Кузьмича. Вероятно, она обо всем Вам напишет. Сегодня они не поехали на дачу – погода холодная и неудобная. И я сговорила, что завтра, в мой и Евгении Евгеньевны выходной, они втроем (Ал. Ал. после службы, а дамы раньше) придут ко мне позавтракать и поиграть в карты. Теперь у нас процветают червы, так что Ваше восклицание “Без джокера!” временно надо заменить “Без короля бубен!” – самой дорогой нашей штрафной карты.

Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович, желаю Вам хорошего самочувствия и хорошего по ночам сна.

Ваша Ольга Бокшанская

414.

Москва, 25/IX.41

Несколько дней, пожалуй, два, не писала Вам, милый Владимир Иванович! Почему – сама не совсем разберу. Вероятно, сама того не сознавая, хотела дожидаться Вашего решения о приезде семьи, кот., конечно, взбудоражило не только будущих путешественников, но и тех, кто узнал о Вашем решении. Но вот уже две ночи Евпр. В. ждет звонка от Нежного, а его нет. Гадаем, что это значит. Две эти последние ночи у нас объявлялись тревоги, вчера даже длинная, с 9 веч. до 3 ночи, но звучные только нашей канонадой, а не вражескими бомбами. Ваши даже не ходят к Пайкес, а сидят у себя, в закрытом со всех сторон коридоре. Я по-прежнему прихожу в театр, и мы сражаемся в червы.

Сегодня у нас “Каренина”, кот. недобрала только 1 400, собрала 13 800. Завтра дебют Андровской в “Трех сестрах”. В.Г. сегодня с ней занимался, просмотрев вчера на сцене все ее сцены, она в гриме и костюме. День репетиций В.Г. делится пополам: Андровская и “Куранты”,

про которые завтра напишу подробно, там есть и вновь обнаружившийся Погодин и курьезно-показательный случай с Хмелевым. Сегодня печатала пьесу для нашей концертной бригады, так что длинное письмо Вам напишу завтра.

Шлю сердечный привет.

Ваша *О.Бокшанская*

27 сентября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Все эти дни я писала Вам мало, потому что, как говорится, “задурили мне голову” самые разнообразные разговоры, связанные с Вашим решением выписать к себе свою семью. Понеслись ко мне и всяческие запросы и расспросы из театрального нашего круга, и Евпр. В. хотела проверить у меня свои соображения и хозяйственные расчеты. И при всем этом – вопрос был открыт и открыт, потому что целый ряд телефонных звонков, от которых мы ждали окончательного решения, окончания не приносил. Наконец сегодня Евпр. В. сообщила мне о последнем разговоре с Нежным, который разъяснил, что надо выезжать и как можно скорее. Теперь все ясно, и я начинаю серию своих аккуратных к Вам писем. Вот какое длинное объяснение перерывам в моих письмах.

Вчера Андровская сыграла Машу. (Кстати, о Тарасовой толки самые разные: кто говорит “она выехала”, кто – “сидит в Нальчике и никуда не поедет!”, кто – “она не выехала, но собирается, только ищет и выбирает самый застрахованный путь”.) В 1 акте она от волнения сильно затишила, была бледновата, менее заметна зрителю, чем другие персонажи. 2-й акт я не смотрела. т.к. Евпр. В. вызвала меня в контору для разговора. Мне сказали, что она его сыграла уж увереннее. В III акте мне понравилось многое: и как слушает Вершинина, и как говорит с мужем, и особенно начало покаяния, пока сидит за круглым столиком. Конец покаяния был сильно драматизирован, и за это, как она мне сказала после спектакля, ей попало от режиссера. IV акт она играла очень хорошо, этот акт и на репетициях у нее был лучший. Я уверена, что с ее способностью работать самостоятельно она доработает роль превосходно, во всяком случае, у нее есть и настоящая любовь к роли, и настоящее желание сыграть ее в совсем новом для себя приеме. Основное ее различие с Тарасовой, которое отмечено было всеми, с кем пришлось говорить, – у нее нет той плотоядности, той властности и крепости, которые в Тарасовой непобедимы. Конечно, войти в такой слаженный спектакль слишком трудно, чтоб сразу все было хорошо, мне незачем даже говорить об этом Вам. Конечно, попади она в Ваши руки, ей было бы гораздо легче и, главное, Вы бы подсказали ей то самое главное и нужное, что надо для блеска роли. Но, вероятно, она и сама сделает многое для роли еще в будущем.

Только что встретилась мне Кнебель, кот. рассказала, что они проиграла Погодину свою картину прощанья Маши и Рыбакова и расстрогали его до слезы, после чего он отверг свой вариант картины, присланный на днях, и принял тот, что сделали Кнебель, Пилявская и Ливанов, главным образом, конечно, Ливанов, вписавший себе монолог-рассказ

о встрече с часовщиком на Спасской башне. Этим Кнебель смогла компенсировать для него изъятие “Башни”. А то он непременно настаивал на возвращение этой “Башни” в спектакль¹.

Хотела еще написать Вам про случай с Хмелевым, кот. рассказала мне Кнебель. Хмелеву дали роль, в которой была и картина – 2-й кабинет Ленина, вариант, присланный Вам в свое время в Кремлевку, о котором думали, что это будет финал пьесы, интимный, после Уэллса, а потом, с выбросом Уэллса, решили эту картину у Ленина сделать преддверием финала с курантами и заседанием.

Когда дело дошло до репетиции этой “преддверной” картины, Хмелев сказал, что ему представляется сцена неудачной, он не может ничего найти в ней для себя, словом, он возражает против этой сцены. Кнебель не стала углублять разговора и сказала, что – хорошо, отложим эту картину до приезда Погодина, пусть он найдет что-то другое для Забелина. Прошло недели три. Погодин не появляется. А предфинальную картину надо делать. На одной из репетиций она предложила пофантазировать, как сладить текстово картину, вспоминая что-то из того варианта, который имелся. И они стали буквально идти по тексту картины, но не вынимая уже напечатанного тогда экземпляра, а вписывая в экземпляр этот текст как новый, только что находимый. Хмелев на все предложения по тексту соглашался, говоря, что это прекрасно, что это очень помогает ему в дальнейшем раскрытии образа, что это именно то, что надо к финалу для Забелина. Когда они кончили работу над текстом, Хмелев попросил, чтоб ему перепечатали этот созданный коллективно текст. Тут неосторожный помреж Гжельский воскликнул было, что этот текст не надо перепечатывать, т.к. он уже раньше впечатан в роль Забелина, но Кнебель вовремя толкнула его под столом ногой, и он оборвал фразу. И Грибов хотел было тоже подвести хитроумную выдумку Кнебель, но тоже был быстро “прижат к стене”. И теперь текст для Хмелева перепечатан, и Хмелев очень доволен, и при этом не подозревает, что у него в кармане лежит точно такой же текст, вплетенный в роль и в свое время отвергнутый. Кнебель поступила именно так, потому что хорошо знает Хмелева, его метод работы, его трудность, пока он разбирается в роли, и его легкость, когда он начинает ролью овладевать.

Мне лично кажется, что самая большая трудность в спектакле будет с финалом. Сейчас Вас. Гр. ежедневно работает над ним. Простите, что я позволяю себе высказывать суждения о работе опытного режиссера, но мне кажется, что из того финала, над каким работает В.Г., ничего выйти не может. Мне он представляется совсем не в спектакле. Мне так странно видеть, слышать – когда после слов Ленина на куранты (“Слышите? Так они будут и в будущем...” и в таком роде) Грибов делает паузу, и идет кусок патетической оркестровой музыки (пока Хачатурян играет ее на рояле), потом музыка кончается, Ленин произносит финальные слова речи и снова раздается музыка (кажется, тут к оркестру прибавится и хор, хотя кто же у нас будет петь, раз все вокалисты на

сцене в народе), и на этом музыкальном куске на одну минуту примерно длительности начинается движение людей на сцене, кто-то переходит к трибуне Ленина и мимически с ним говорит, кто-то начинает вынимать большущие карты, вешать их на стены, и народ около них толпится и что-то обсуждает. Когда я сказала о своем беспокойстве – что же это за финал? – мне говорят: “Подождите, это есть метод работы В.Г., может быть, он потом от всего этого откажется”. Пока у меня такого впечатления, что откажется, нет. И у меня нет впечатления, что он делает только пробы, подходы; он самым серьезным образом всем этим увлечен. Однако, посмотрим, как будет дальше.

Про Дикого не пишу больше, потому что “молния” В.Г. кратко Вам все выразила. Вас. Гр. должен был перенести еще два разговора с М.Б., который продолжает настаивать и приказывать, не обращая внимания на доводы и обоснования В.Г. и предлагая самые странные “выходы”, напр., взять Дикого к нам, но не дать ему работу сейчас, и он тогда будет направлен к вахтанговцам на сделную работу, оставаясь в нашем штате. Был еще один вариант предложен, его просто неловко писать.

Вчера в пятницу “Три сестры” сделали 15 000, недопродали 11 билетов на 200 руб.

Милый Владимир Иванович, возможно, что письмо, которое повезут Вам от меня Ваши, опередит это письмо. Впрочем, по словам Маркова, отъезд Ал. Ал. должен задержаться, т.к. надо найти подходящую ему замену (требуется безупречная честность, помимо других знаний и качеств) и надо, чтоб Ал. Ал. сдал своему преемнику склад. Быстро сделать это не удастся.

Шлю сердечный привет и мою к Вам любовь.

Ваша *О.Бокшанская*

416.

Москва, 28.IX.41

Сегодня пришел Ваш ответ о Диком, милый Владимир Иванович, который, надо думать, поставит крепкую точку в этом деле¹. Невозможно было бы более точно формулировать то, что несет такое неосторожное назначение человека к нам, чем это сделали Вы. Сегодня же с оказией послала эту телеграмму В.Г., уехавшему на дачу вчера утром. Уверена, что Ваша телеграмма даст ему большое удовлетворение такой крепкой поддержкой его позиций в ведении театра без Вас. Во всех разговорах Мих. Б. проскальзывало подозрение, что В.Г. не столько принципиален, сколько сражается персонально против появления одаренного человека рядом с ним. Вы-то знаете, что этого здесь не было.

Разработан план репетиций “Курантов”. По нему, при снятии выходного в след. понедельник, 7.X., показ спектакля Комитету, с расчетом, что после показа не сразу могут пойти генеральные с публикой, но и пройдут некоторые закрытые, черновые, для успокоения новых исполнителей. Был об этом разговор.

Вчера “Школа” сделала две трети сбора. Сейчас темнеет много раньше, так что со след. недели начало спектаклей передвигается на час раньше, т.е. начало будет в 3 ч. дня.

Всего хорошего желаю Вам, милый Вл. Ив.

Ваша *О.Бокшанская*

417.

Москва, 30 сентября 41 г.

Милый Владимир Иванович!

Вообразите, М.Б., несмотря на Вашу телеграмму, сегодня заявил Калишьяну: на каком основании Вы не выполнили моего распоряжения и предписания относительно Дикого? На заявление: “Но ведь получена такая телеграмма от В.И.” – он ответил: “Это ничего не значит, я дал распоряжение, вы должны его выполнить, обяываю вас завтра же вызвать Дикого и заключить с ним договор; пусть он не получит сейчас работы, он все равно будет у вас числиться и получать от вас зарплату”. На возражение, что нет денег, сказал: деньги на это будут наши.

Кроме того, он сказал, что вскоре даст еще предписание вернуть на работу Нину Валер. Зря Калишьян тогда разразился таким приказом, все были уверены, что она приедет и восстановит себя.

В воскресенье мы сделали аншлаг на “Трех сестрах”, а на шефском “Пиквике” отдали бесплатно 880 мест, а из оставленных на продажу недопродали 20 бил. на 350 р. Репертуар след. недели такой: 3-го “Три сестры”, 4-го “Каренина”, 5-го шефск. в 10 утра “Пиквик”, дневн. в 3 часа “Школа злосл.”. Завтра начну писать Вам письмо, кот. повезут к Вам Ваши. Шлю сердечный привет.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Здесь было говорили, что Тарасова выехала 27-го, но сегодня этот слух опровергнут.

5 октября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера вечером вдруг появился у нас на квартире один из наших вахтеров и спросил, послала ли я телеграмму о выезде Ваших в Нальчик. Оказалось, что он провожал на вокзале Мишу (вернее, его вещи), и Миша поручил ему это сделать, но он сутки проходил, забыв об этом. Словом, вот почему моя телеграмма послана Вам с опозданием больше, чем на сутки. Теперь-то все вы вместе, надо полагать (пока что Ваши в пути и, кажется, довольно сложном), но я надеюсь, что они благополучно минуют сложности.

3-го в балете было множество иностранцев из миссий, членов делегаций, я никак не думала, что их столько. Было много и актеров, так что антракты были очень оживленные. Як. Л. говорил, что гибель цветов была послана за кулисы, и, вероятно, чтоб выразить благодарность, на один из поклонов перед занавесом после 3-го акта Уланова и Сергеев вышли, держа в руках по букету цветов. Как рассказывал Як. Л., сначала почитатели сами хотели проникнуть за кулисы и поднести свои цветы, но им объяснили, что это так у нас не делается, надо назвать, кому предназначен букет, и он будет передан по адресу. Уланова была не в авантаже, холодновата, не трогала в лебеде, не зажигала в 3-м акте. И успех имела только хороший, никак не огромный. Наибольший, громадный успех имел Сергеев – и заслуженно. И Файеру сделали дважды за вечер овации, тоже за дело.

Забавные вещи, остро характерные для нашего времени, рассказал, например, Берсенов в антракте. Их театр играет ежедневно¹, притом начинает спектакли в 6.30. Сколько они ни просили разрешить им начинать раньше, – отказ: многие работают до 4–5 часов, и надо идти навстречу интересам такого зрителя. И вот на днях они не смогли доиграть спектакля. 15 минут не хватило из-за тревоги. А публика не желает расходиться. У них хорошее, поместительное убежище в театре, они пропустили туда публику, туда же спустились разгримировавшиеся актеры. Публика с интересом встретила их и попросила рассказать, чем же кончается пьеса. Любопытство это, конечно, было удовлетворено. А в Театре Революции – там в аналогичном случае просто доиграли в убежище спектакль, актеры, правда, уже разгримировались. И потом, так как пребывание в убежище затянулось, дали публике еще концерт там же.

Наши сборы на этой неделе: в пятницу “Три сестры” – собрали 13 700, недобрали 1 500 р., в субботу “Каренина” сделала аншлаги, нынче утром шефский: 880 мест отданы бойцам, 200, оставленные для продажи в кассе, проданы полностью (шел “Пиквик”), на 2 600 руб. Сейчас идет воскресный дневной спектакль, “Школа злословия”, аншлаг.

Жаль, что не успела расспросить В. Гр., как же протекало свиданье.

ние 3-го вечером: он, Калишьян и Дикий. В. Гр. 4-го утром прорепетировал “Куранты” и уехал на дачу. Но завтра утром он вернется на полную генеральную, перед показом 7-го Комитету, – вот тут я спрошу и напишу Вам.

Последние два дня Марков побывал на “Курантах”, интересуясь картинами “Кабинет Ленина второй” и финал пьесы. Он высказывал мне нынче опасения насчет Болдумана, кот., как ему кажется, легковесен, растерял многое из того, что Вы в него вкладывали, слабее прошлогоднего – прошлосезонного. Он считает это страшно важным – дотянуть Болдумана до нужной глубины и значительности. Но кто это сделает? Думаю, что при упорстве и упрямстве Болд., трудно поворачивающего свои решения, трудно выбирающего себе авторитет, этого добиться не удастся, раз Вас нет. Только Вам он поверил бы, только Вы умеете, незаметно для него самого, лепить из него то, что Вам нужно².

Сегодня я поделилась с Марковым одной мыслью Хмелева, которую он мне сказал в антракте на “Лебедином”. Он с неохотой думает о Суворове и с грустью – об оставленной работе в “Дяде Ване”. Он, который был против себя в роли Астрова, работая в пьесе нашел в ней такие очарования и интерес, что считал бы для себя – актера очень нужным эту работу. И ему пришло в голову: не ухватиться ли за случай, что “Суворов” был отложен, и не отказаться ли от него вовсе. Тем более что и Вы не за пьесу, и Комитет даже вроде против. А теперь, при обеднении людьми в труппе, ставить спектакль, где что ни картина, то массовая сцена, – на что нам это нужно? Да и пьеса такая слабая! Марков сказал, что это очень хорошая мысль, надо о ней подумать покрепче и действительно отвести пьесу, конечно, с максимальной тактичностью. Впрочем, может быть, Хмелев пококетничал? Ведь когда ему дали Забелина, он главным образом отбрыкивался, ссылаясь на заинтересованность образом Суворова. Но поработав в погодинской пьесе и мучаясь с неблагоприятным материалом роли, случайным, неглубоким, как он говорит, нет никакой ему охоты снова перейти в пьесу с такими же авторскими достоинствами (вернее, недостатками), пожалуй, даже с большими.

Собираюсь сейчас пойти на “Маскарад” к вахтанговцам, в наш филиал. Все видевшие спектакль так его ругают, что я отчетливо сознаю авантюренность моего замысла. Но толкают любопытство и отсутствие сегодня здесь всего начальства, почему я чувствую себя свободной от работы.

Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович, и прошу передать привет новоприбывшим, сейчас странствующим и путешествующим.

Ваша Ольга Бокшанская

8 октября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера в первом же антракте генеральной “Курантов” я и все мы увидели Москвина, а позднее появилась и Тарасова. О том, что они приехали в эту ночь, в 12 час., и говорили с Федей по телефону, я узнала, придя в театр. Конечно, Ив. М. был в центре нашего внимания. Вскоре я получила от Ев. Ев. Ваши письма и по делу Ульянова бумаги, причем его обращение к Михаилу Борисовичу тут же передала по адресу, письмо же Ваше к Звереву и бумагу Ульянова нынче утром послала по адресу¹. Вам легко себе представить, как горячо мы расспрашивали Ив. М. каждый о своем ближайшем: я и В. Гр. о Вас, Виленкин о Качаловых, Дмитриев о Книппер.

Письмо Ваше в первый раз прочитала в обстановке антракта генеральной и, конечно, испытала удар в сердце дважды. Потом уж, после генеральной и обсуждения, читала его у себя наверху, потом несколько раз дома². Позвольте мне сказать Вам в ответ несколько строк, а потом перейти к делам.

Наверное, это было бестактно передать Вам разговоры актеров, названные Вами “закулисной вульгарностью”. Эта бестактность, вероятно, объясняется тем, что я пишу Вам письма без предварительных черновиков, без приготовлений – и могу поддаться тем впечатлениям, которые только что испытала. Но не сердитесь на актеров или на меня. Вы же представляете себе, как взволнованно воспринимаются здесь письма из Нальчика, где говорится, что “Вл. Ив. решил выписаться сюда Еланскую и Массальского, чтоб здесь работать...” Два актера, держащие здесь репертуар, без которых не может идти “Каренина”, “Школа злословия”, “Три сестры”... Разве можно осудить людей, остро это переживающих? А не виноваты ли те, кто пишет сюда такие сообщения? И притом, должна Вам сказать, что всегда такие сообщения воспринимались здесь так: если Вл. Ив. намечает это, то, вероятно, под влиянием тех, кто хочет остаться в Нальчике и строит планы, как это обосновать.

Но я зашла дальше “нескольких строчек” ответа, поэтому кончаю.

Тут был перерыв в письме, потому что надо было срочно печатать запрос-телеграмму для Соколовой. Она получила известие, что ее сын-пулеметчик ранен и находится в госпитале в одном из городков Мордовии.

Вторым ударом в сердце было сомнение в моем понимании Вашего душевного состояния. Правда, последней строчкой Вы это сомнение сняли. Не знаю, кто и как передавал Нежному о моих недоумениях, как передавал Нежный Вам. Никаких недоумений у меня именно не было, а говорила я об этом как раз в том плане, что если Вы меняете решения, то это значит, в каком же смятении духа Вы находитесь. И таким моим объяснениям есть в театре немало свидетелей.

Теперь наконец о делах. Первым долгом – о вчерашних “Курантах”. Было из Комитета немало народу, но на обсуждение остались Храпченко, Солодовников, Молчанов (Репертком) и Фалковский (Управление театрами К-та). Говорил только первый. До него сказал коротко Ем. Ярославский, смотревший не с самого начала, сказал свое впечатление и уехал. В основном его упрек сводился к Болдуману, которого он нашел непохожим и потому неприемлемым.

Не принял он и музыкального конца, считая, что лучше закончить просто Интернационалом, а не отвлеченной симфонической музыкой. Да, по роли Болд. он не только указывал на непохожесть, но и делал упреки драматургу, тут же сидевшему, что материал неинтересен ни для роли Сталина, ни для Дзержинского, этого “рыцаря революции, пламенного рыцаря”: на авторском материале актеры не могут этого выразить в отношении этих вождей. И сделал еще предложение, что в ушах современного зрителя концовка 9-й картины – “Я видел гениального человека” – звучит недостаточно полно, надо бы: “Я видел гениальных людей”. С этим он уехал из театра.

Главный упор Хр. в его высказываниях был о неприемлемости Болд., причем он больше всего говорил о непохожести и предлагал различные из этого выходы: или пробовать наших Герасимова и Эзова, у которых можно добиться большего сходства (не обращая внимания на реплики режиссуры, что по своим внутренним качествам актеры эти не поднимут по-нужному образ), или пригласить из Театра Ленсовета некоего актера Кудашева (по словам его видевших, – бесталанного), который гримируется очень похожим, добивается гримом разительного сходства. Вас. Гр., поддерживаемый Ив. Мих., утверждал, что Болд. от репетиции к репетиции растет, что сейчас его затуркали множеством требований: то не басить, то не делать скороговорки, чтобы текст доходил очень четко, что Болд. потерялся от известных ему возражений против него в этой роли сначала Комитета (после весеннего просмотра), теперь Калишьяна, и это мешает ему спокойно отдаться роли. В. Гр. утверждал, что лучшего исполнителя у нас не найти, чужого актера звать – рискованно, удачи не будет, и что надо прежде всего успокоить Болдумана, дать ему возможность спокойнее подойти к премьере.

Затем был разговор о музыкальном финале. В. Гр. настаивал на его оставлении, согласился только с тем, что не надо разрывать на части речь Ленина (да, вспомнила, Ярославский очень хвалил Грибова, особенно за финальную речь) музыкальным куском и что не надо движений народов на сцене на финальном музыкальном куске. Но он за музыку. Правда, считает нужным ее сократить, а то эта “живая” картина в финале не может стоять так долго. Завтра будет проба: речь Ленина целиком и за ней кусок музыки. Генеральные назначены на 14 и 16, премьера на 18. До этого есть время, чтобы попробовать и так и этак финал. Наконец можно попробовать и на публике генеральных – с этим и Хр. согласился. Вообще же о спектакле, о целом спектакле говорили мало. Очень

хвалили Хмелева, который действительно превосходен и великолепно принят всем театром. Ливанов был проще, чем накануне, но все же не может отказаться от “штучек”, мешающих ему отдаться роли. Пилявская 6-го несколько меня огорчила, потеряв то очарование юности, которое Вы ей придали; но вчера это было ею обретено. Да, вот что еще сделано Храпченко; чтобы по возможности сократить роль Болд., сократить время нахождения его перед зрителем, отменяется предфинальная картина, где Ленин и Сталин говорят с Забелиным об его докладе и где Ленин говорит, как нельзя уступить ни кирпича из этого здания и как это будет трудно; этот разговор начинается словами Ленина: “Иосиф Виссарионович, мне нужна Ваша поддержка”. Эта сцена, как Вы, м.б., помните, сначала должна была идти после ухода Уэллса и этим кончалась бы пьеса (новый вариант финала, возникший в самом начале Вашего пребывания в Кремлевке в мае). Потом, осенью, она заменила собой уэллсовскую сцену, и поэтому осталась в пьесе, несмотря на то, что финал был решен по первому варианту, т.е. с народной сценой.

Сегодня день по “Курантам” ушел на замечания В.Г. и на съемки для кино сцен “Иверской” – это Студия кинохроники постепенно снимает у нас куски для создания “День в МХАТ”.

Завтра продолжу письмо, отвечу на вопрос об Ивановой Наталье, расскажу о Диком. Сегодня лист исписан, который можно вложить в конверт, и спускаются уже сумерки.

Хочу думать, что ко времени прибытия письма Ваши уж давно будут у Вас. Привет им всем сердечный. Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

420.

10 октября 1941 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера вечером позвонил нам – уже домой – Калищян и сказал, что по звонку Солодовникова надо дать премьеру “Курантов” 14-го, не делая генеральных, раз на репетициях после просмотра 7-го сделано то, что было обусловлено. Думаю, что причина такого решения Вам понятна. Сначала думали, что надо будет снова отнести на дальнейшее выходной день 13-го, но потом В. Гр. решил, что и прошлый выходной отодвинут, вряд ли следует так загонять участников “Курантов”, которые-то и фактически лишаются выходного дня, если по понедельникам генеральные. В. Гр. надеется, что все настолько крепки в спектакле, что 14-го все пойдет гладко; что же касается нововведений, то в них достаточно закрепились на проведенных репетициях. Но с новостями в пьесе никак остановиться нельзя, такой уж это злосчастный спектакль – и поэтому сегодня еще Погодин должен принести сцену между Грибовым и Хмелевым, вводимую в финальную картину из той предфинальной,

которую решил Комитет сократить (из-за нежелания дать лишний раз Болдумана). В. Гр. говорит, что, собственно, эти два актера вчера, когда репетировали финал, уж договорились примерно, где и что они скажут. Так что если Погодин не принесет, то актеры выйдут из положения сами.

Что касается самого финала с музыкой, то В. Гр., к ужасу композитора, смонтировав его музыку до протяжения 50 секунд (оставлена мажестуозная¹ часть, отказались от некоего “лирического” музыкального куска, данного композитором в середине музыкального финала), мог снять то шевеление и действия толпы, которые снижали финал. Я вчера на репетиции не побывала, пишу со слов самого Вас. Гр. Он мне сказал, что и эти 50 секунд почти вдвое меньше, потому что сначала музыка сливается с курантами, а потом – с занавесом, т.к. на 35-й секунде уже идет занавес и, надо надеяться, в музыку вступят аплодисменты. Я шла мимо зала, когда пробовали варианты финала, и слышала, что та часть, в которой вступает хор, осталась. Может быть, это была проба, и потом и это отменили? Проверю это 14-го на премьере. Думаю, что голосовая часть финала осталась, она увлекала и В. Гр., и композитора. А мне это напоминает “Синюю птицу”, выход Света: это очень восторженно, но как-то сказочно, призрачно, не при пиджаках и гимнастерках. Но это, конечно, очень индивидуальное впечатление.

Вообще же говоря, Хачатурян пережил в нашем театре много, непропорционально месту, которое занимает в спектакле его музыка. А так как всюду его сопровождает успех (недавно в “Маскараде” я слышала его музыку с большим удовольствием, а многие считают, что это единственное, что есть интересного в спектакле), то к огорчениям он особенно восприимчив, не может их просто допустить.

Вот я уже слышу беспокойный разговор Кнебель в комнате Виленкина: Погодина нет с обещанной сценой в театре, нет дома... Предположения о его пребывании делаются на основе прожитой с ним работы, но от этого не легче, наоборот, это предсказывает, что он будет неуловим...

Боже, сколько еще нужно написать, а лист один! Но прежде дел хочу сказать, что вчера поздно вечером протелефонировали мне из театра о телеграмме Евпр. Вас. из Ростова. Слава богу, я рада была и теперь рада сознанием, что они у вас и все хорошо. Сегодня утром протелефонировала об известии Евгении Евг., звонила Татьяне Хар., но там никто не подошел. Позвоню еще или пошлю записку.

Про Иванову – Наталью¹. В театре она успеха не имела у смотревших. Дамы ее раскритиковали жестоко, мужчины не были ею захвачены, но были милосерднее и говорили о недостаточном театральном опыте. Режиссеры жаловались на вялый, трудно раскачиваемый темперамент, но все же совместная с ней работа делала для них каждое ее маленькое достижение – успехом, хорошим результатом их повседневных усилий. Участники спектакля оценили ее тепло, останавливаясь на особенно им заметных моментах, ей удающихся. У нас наверху, в худ.-лит. кругах,

1 От франц. majestueux – величавый.

говорилось, что это ученическое исполнение, к тому же не дающее надежд на то, что народился новый талант. Это не Тарасова в “Зеленом кольце” – я помню впечатление от нее уже тогда. Впечатление, что она никак не может целиком отдаться чувству, все время старательно контролирует себя, так ли повернулась, так ли пошла, понесла свечу... местами манерна, местами суетлива. Боится упреков в отсутствии светскости.

Про Дикого. Он был тогда на беседе с Калишьяном и Сахновским, и ему были сказаны те соображения, которые заставляли дирекцию и Вас возражать против его внедрения в МХАТ. Он пропустил все мимо себя (по словам В.Г.), сказал (почему-то считая, что он был с В.Г. на “ты”), что “пока меня устраивает, что у вас нет для меня работы, я устал, хочу отдохнуть, осмотреться, да к тому же я связался с Вахтанговским театром, буду там ставить “Олеко Дундич”” (пьесу Ржешевского и Каца). Словом, вчера он пришел подписать договор. Жалование ему будет положено не меньше, чем 1 500 руб., Калишьян должен об этом договориться с Комитетом. Кроме состояния у нас на окладе, он, как видите, работает у вахтанговцев, а кроме того, получил обширную работу в ВТО, где работают с режиссерами спектакли и концертные программы для Красной Армии.

Чувствую, что в это письмо не уложится рассказ о вчерашнем худсовете. Правда, там ничего существенного не произошло, могу пока сказать, что самым важным вопросом был именно “Суворов” – отказать от него или снова приняться. Возразили против пьесы Хмелев и Ливанов, отчасти Марков. Но большинство высказалось за – и “Суворов” пускается срочно в работу, так что Кедрову опять повезло: оформление “Разведки” пока не готовилось из-за медлительности режиссера, не ставящего точки с художником, и если теперь приняться за него (оформление), то “Суворов” актерски будет готов раньше монтажки. Стало быть, мастерские должны засесть за “Суворова”, а Кедров на этом основании отодвинет выпуск спектакля. Подробнее расскажу в следующем листке.

А сейчас хочу сообщить еще про “Куранты”. Так как премьера обязательно должна была сопровождаться расклейкой афиши, а афиша не будет ко вторнику готова и расклеена (хотя через кассу, кажется, решили не продавать премьеру, а разослать приглашаемым и дать остальное участникам), то новое решение: премьера 15-го (сначала предполагалось, что 15-го будет спектакль, но со сбором, отдаваемым на покупку теплых вещей), начало в 2, а 14-го генеральная, начало в 12.

И второе про “Куранты”: оказывается, предположение вписать разговор Грибова и Хмелева в последнюю картину было изменено; решено было, что предфинальная картина сохранится, но разговор будет – только Грибов и Хмелев, а Болдуман не будет. И вот этот-то текст должен был принести Погодин – и не принес. Если он исчез безнадежно, спектакль пойдет без этой предполагавшейся сцены – так сейчас сказал Вас. Гр.

Значит, до следующего письма, милый Владимир Иванович. Шлю привет и хорошие, от всего сердца пожелания Вам и всем Вашим.

Ваша *Ольга Бокшанская*

421.

11 октября 1941 г.

Итак, продолжаю вчерашнее письмо, милый Владимир Иванович. Скажу только, что приготовить себя внутренне к писанию письма сейчас – задача нелегкая. “Томится душа моя” – кажется, так говорит Маша в “Трех сестрах”. Но она-то по совсем другому поводу, чем можем мы сказать. А когда томится душа, представляете себе, как кажется странно написать полагающийся доклад. И если я что-нибудь не так скажу – не судите строго, учтите обстоятельства.

Прежде всего снова надо сказать новое о “Курантах”. Сегодня днем, когда Вас. Гр. репетировал финал по линии света (решено на финальной музыке дать постепенное затемнение на весь длинный стол с сидящими за ним, а на трибуну, где находится Грибов, дать яркий свет, самое яркое высвечивание). Вот это и пробовал В.Г., и когда занимался этим, появился посланный от Погодина, принесший рукопись нового варианта предфинальной картины, без Болдумана. Автор много не раздумывал, он целиком все реплики передал от Болдумана Грибову и приписал последнему еще несколько фраз: довольно “лобовые” рассуждения на близкую сейчас нам особенно тему – любовь и преданность родине. В.Г. просмотрел присланное, переговорил с исполнителями – и решено из всего присланного взять несколько реплик обоих персонажей и вставить их в финальную картину, начав именно с этого короткого, меньше чем страница, разговора. Картина, стало быть, начинается с того, что доклад Забелин сделал, после доклада перебросился с Лениным несколькими фразами – и Ленин идет на трибуну, говорит свою речь, заканчивающую пьесу. Кнебель пройдет эту сцену с исполнителями сегодня-завтра – и 14-го она будет пущена на генеральной. В.Г. этим и не занимается, т.к. все же решил поехать до утра вторника на дачу, сначала было думал и не уезжать на всякий случай.

Еще по “Курантам” могу сказать то, что сегодня утром спешно был затребован в Комитет экземпляр пьесы – и это наводит исполнителей на разные догадки. Кто знает, какой еще новый вариант может быть предложен к генеральной? Может быть, и в 8-й картине без Болдумана? Раздадут его реплики Грибову и Маркову?¹ Никто ничего не знает и все задают вопросы.

Вчера на “Трех сестрах” было характерное понижение сбора: взяли 7 тысяч, недобрали 8200.

По предложению Гр. Мих., будущая неделя намечена со сплошными спектаклями: 14-го генеральная, 15-го – премьера, 16-го – снова “Куранты”, со сбором на покупку теплых вещей; а с 17-го, в качестве наших игровых дней недели, – “Анна Каренина”, 18-го – “Куранты”, 19-го утра. шефский – “Школа злословия” и днем – “Три сестры”. В. Гр. хотел просить, чтоб 16-го дали перерыв, играть этот спектакль как добавочный на след. неделе, но убедил ли он Калишьяна, не знаю, тот торопился сыграть такой спектакль до 18-го – до дня, когда такое же дело проводится Большим театром, дающим концерт с “первенецами” актерами.

Теперь о заседании худсовета. В качестве членов Совета введены: Андровская, Еланская, Ливанов, Прудкин, Яншин, Телешева, Кнебель, Гремиславский, Калинин как секретарь парткома; участвовал и Виленкин, раз дело шло о репертуаре. Всего, с имеющимися по прежнему списку членами Совета, было приглашено 22 человека и отсутствовал только один – Горчаков, и то только потому, что не удалось его известить. Он ведь числится в отпуску, в театре бывает случайно, проживает часто на подмосковной даче, а все попытки схватить его в ГИТИСе, где он был, разбились о недобросовестность канцелярии, которая обещала известить его и не сделала этого. Как я Вам уже писала, доклад В.Г. о пьесах, находящихся в работе и проектируемых к работе (“Суворов”, “Последняя жертва”), в общем сводился к установлению точки зрения относительно “Суворова”. Только двое – Хмелев и Ливанов – резко раскритиковали пьесу и высказались против нее. Остальные тоже ругали ее жестоко, но считали, что раз нет другой, которая могла бы стать патристическим спектаклем, то надо все же ее поставить. И поскорей. Марков, ругавший пьесу и противопоставлявший ей инсценировку “Войны и мира”, еще не существующую, но принципиально, по его мнению, возможную при работе над этим романом Малого театра, должен был согласиться с тем, что ждать создания такой инсценировки МХАТ не может, а стало быть, “Суворов”, так или иначе, идет в работу, а мысль о создании “Войны и мира” можно попробовать приводить в исполнение, и буде удастся... все равно попадет такая инсценировка в работу к концу работы по “Суворову”. Гремиславский попытался расставить сроки в зависимости от мастерских: полтора месяца на “Разведку” – это, после выпуска “Пушкина”, дает “Разведке” срок – декабрь. Не меньше 2 месяцев на “Суворова” – февраль. Не меньше полутора месяцев на “Жертву” – середина апреля. Тут и сделали милое сердцу Кедрова предложение “Суворова” пустить в работу сейчас же, – тогда это будет декабрь, а “Разведка” отойдет на февраль. Конечно, попутно шли разговоры и о всяких репертуарных возможностях: о современной советской пьесе (надежды почти нет), о современной западной пьесе, американской скорее всего, потому что о таких антифашистских пьесах было в газете (тоже проблематично, т.к. мы их не получаем; да они нас могут и не устраивать), о классике нашей и иностранной (тут Ливанов выдвинул было Озерова в перелицовке какого-нибудь современного драматурга, по нашему заказу²; и “Гамлета”, если говорить об иностранцах).

Когда закончился разговор о репертуаре (забыла сказать, что “Суворов” был закреплен в репертуаре в сильной степени и потому, что было сообщено: Горчаков проделал с авторами исключительно удачную работу, и пьеса улучшилась неизмеримо; члены совета, даже режиссеры “Суворова”, правда, переделок не читали, но поверили сообщению литчасти о переделках), Калишьян сделал присутствующим сообщение о Диком, о его вхождении в театр, причем в хронологическом порядке перечислил все нажимы Комитета и возражения дирекции и Ваши. Кстате могу сообщить, что вчера, по словам Феде, пришло распоряжение принять к нам в театр (без указания должности или содержания работы) одну работницу Комитета; она была вроде секретаря Гольдмана, сказал Федя.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Если бы Вы знали, как я рада, что Вы теперь не один. Стало гораздо спокойнее за Вас. А теперь, когда болеешь за всех своих близких, хорошо про одного подумывать: теперь он спокойнее живет.

Кланяйтесь, пожалуйста, Вашим.

Ваша Ольга Бокшанская

422.

Саратов 19/Х. 41. Утро

Милый Владимир Иванович!

Простите, что не сразу взялась за письмо к Вам, смятение было слишком огромно. Пишу кратко, боюсь, что подробно не уложусь на 1 листок. 13-го утром, с 11 ч., начали узнавать про эвакуацию, сначала был указан нам Ташкент, отъезд двумя группами. 1-я должна была уехать в ночь с 13 на 14-е. Часов в 5 узнали, что направлены в Саратов, 1-я группа едет в 12 ч. дня 14-го. Калишьян настоял, чтобы я уехала в 1-й группе одна и тем развязала бы руки остающемуся до конца эвакуации Калужскому. Собрать всех, кто был намечен в 1 группу, не удалось, поэтому часть была включена случайно, кто оказался готовым к отъезду. Вот список приехавших сюда: Москвин, Тарасова, Хмелев, Андровская, Ливанов, Прудкин, Зуева, Болдуман, Грибов, Дорохин, Пилявская, Раевский, Дмоховская, Петкер, Орлов, Комиссаров, Станицын, Гаррель, Молчанова, Гузеев, Бабанин, Бутюгин, Подгорный, Готовцев, Чебан, Дурасова, Массальский, Монахова, Красковская, Сухарев, Алеева, Карев, Соколова, Кнебель, Телешева, Шелонский, Морес, Гедике, Яров, Еремеев, Дементьева, Иверов, Михальский, Лифшиц (из нашей хозчасти). Последние два – для устройства группы.

Мы получили 2 жестких вагона и уехали в уверенности, что на след. утро выедут все остальные. Общее количества отправляемых было определено Комитетом в 140 человек, с семьями – 340. В 1-й груп-

пе было 44, с семьями – 95. Ехали мы с задержками, но зато вполне благополучно в отношении нашего поезда. Опоздали на 17 часов, приехали 16-го в 9 ч. вечера, высадка была трудна из-за темноты, неразберихи, но очень быстро все наладили, благодаря дружной работе всех приехавших, работавших как носильщики. Дальше пошло неожиданно благополучно, благодаря поразительному отношению к нам. Встретил нас на вокзале Слонов¹. Моментально с платформы люди и вещи были переправлены в помещение для правительства на вокзале, Слонов по телефону достал у секретаря Обкома Власова легковые машины и 2 автобуса для переброски всего в Театр драмы им. К.Маркса (его театр), где спектакли отменили. Вещи сложены в фойе. Актеры размещены для ночевки в уборных и всех помещениях театра, многие в том же фойе, на своих тюках. В буфете был налажен ночью чай с булками. В театре первую ночь был ужасный холод, но с утра на след. день стали топить и теперь хорошо. Вот уж 3 ночи мы здесь провели. Москвин, Хмелев и Федя крепко взялись за все дела. *Местное* – устройство на житье, как будто налаживается, обещают с сегодняшнего дня освободить гостиницу, в которой будут размещены все мхатовцы. Лифшиц устроил обеды в столовой партактива. Вернее, все это делает нам здешний Обком, а Лифшиц и Федя организуют это среди наших практически; дела *московское* – выезд остальных и привоз костюмов, париков и м.б., мягких декораций, сукон.

Пока мы здесь, мы узнали грустную весть, что 2-я группа 15-го не выехала, а 16-го выехало 11 человек, не прямым путем, а с пересадками или водой. Точно знаем, что среди них Калишьян, Калужский, Калинин, Яншин, Вербицкий, Гошева, кажется, Георгиевская, Кудрявцев, Белокуров, – это не точно. Да, забыла сказать, что Еланская выехала 13-го с Малым театром в Челябинск, обещала, устроив детей там, приехать в Саратов играть спектакли, работать. Несколько раз Москвин по телефону (прямая вертушка) говорил с театром (Гремиславским, Глебовым) и с Совнаркомом. Здешний Обком добился сообщения, что есть распоряжение правительства вывезти весь состав театра в Саратов, а также всеми мерами привезти нужное сценич. имущество, главным образом костюмы и парики. “Ваш друг”² постарался для нас вовсю: покидая Москву, выпустил приказ о ликвидации деятельности МХАТ в Москве, и поэтому нет возможности теперь там собрать воедино, организовать отъезд нужных нам людей. Не имея Калужского здесь, не можем и мы по-настоящему составить такой список. Однако, что возможно, стараются здесь сделать. Калишьян отправил 1-ю группу, легкомысленно заверив, что все нужное для работы выедет на следующее утро, вплоть до экземпляров пьес. И ничего не сделал. Нет слов описать того, как мы уезжали, в каком состоянии, и поэтому и сами о многом не позаботились, доверившись ему. Теперь себя укоряем. Из разговора с Глебовым узнала, что там есть Ваша телеграмма с запросом, куда Вам ехать. Сейчас рядом со мной Москвин, который говорит, что Ваше присутствие

здесь было бы для нас счастьем, верой, упованием. Но он боится слишком суровых, против Нальчика, условий жизни для Вас.

Здесь нам дают небольшой (500 мест) театр в центре (ТЮЗ), потому что драм. театр на окраине; “как только сможете, начнете играть”, – говорят нам. И для этого стараются добыть остаток труппы и имущества сцены. Вас. Гр., по слухам, лежит сильно больной сердцем, ехать с 1-й группой отказался, т.к. только к вечеру 13-го привезли его с дачи (приказ об эвакуации случился в понедельник, выходной день). Подобные же причины неотъезда в 1-й группе были у Топоркова, Кедрова, Блиникова, Ершова и ряда других, очень нужных здесь теперь. Почему их нет во 2-й группе в 11 человек, не знаю. Имеем сведения, что когда последовало распоряжение правительства о вывозе всего театра (уже после отъезда Храпченко и Калишьяна), люди не смогли уехать из-за отсутствия денег (их везли бы длинным кружным путем), отсутствия транспорта с вещами на вокзал, а сообщили им о возможности выехать в 10 ч. вечера, тогда как поезд шел в час ночи, – ничего не успеть – даже донести вещи на себе до вокзала.

Наш адрес: Почтамт, до востребования, или можно на Обком, Влазову для Москвина. Буду писать Вам еще и жду от Вас известий. Боюсь потерять связь с Вами, кажется, что сейчас надо быть всем вместе.

Ваша *О.Бокшанская*.

Вчера, индивидуальным порядком, приехала сюда Михаловская, восстановленная в МХАТ 10-го октября Храпченко.

Молчу об ужасающей душевной тревоге – Вы же это поймете без слов.

423.

Саратов, 11.XI.41

Милый, дорогой, любимый Владимир Иванович!

Калиш. сегодня сказал мне, что могу написать Вам письмо, есть оказия. Пишу Вам в таких неудобных в смысле света условиях, что прошу простить, если будут опечатки, пишу, но не вижу написанного, темно. Свет в комнате слабый. Пишу примерно за час до ухода в театр на открытие наших саратовских спектаклей, кот. начинаем с того, что час тому назад было сказано, что спектакль не состоится из-за ангины Хмелева. Однако выяснилось, что врач, его смотревший, запретил ему играть, но Хмелев все же играет, чтоб не сорвать открытия. Не могу выразить Вам, как расплозаются мысли в желании все Вам написать, а все – это материал для повести, а не для письма. Постараюсь рассказать все, как сумею.

Я написала Вам отсюда два письма, но дошли ли они до Вас? По-

вторю и из них. Итак, 13-го утром, в понедельник (октябрь был) позвонили из Комитета, разыскивая Калишьяна, который оказался в Пестове. Вас. Гр. был на даче. В городе (на дачах были) не оказалось ни Гремиславского, ни Михальского.

Еще до приезда по вызову из Пестова Калишьяна мы узнали, что назначена эвакуация театров, Большой в Куйбышев, Малый в Челябинск, мы в Ташкент. По приезде Калишьяна, после его визита к Храпченко, по специальному звонку из Совнаркома нам переменяли Ташкент на Саратов, и это всех страшно огорчило, Ташкент всем кажется во всех отношениях приятнее. Первой партии было предложено быть готовыми к 4 час. ночи на 14-е. Потом выяснилось, что к 8-ми утра 14-го; и еще позднее, что поезд уйдет в 12 дня 14-го. Следующая группа была назначена к отъезду 15-го, и это была бы отправка всех остальных мхатовцев. В 1-ю группу были включены все ведущие актеры, но часть из них или не были найдены дома (опять-таки на дачах) или отказались из-за неподготовленности. Однако поехали Хмелев, Тарасова, Москвин, Андровская, Ливанов, Прудкин с женой, Соколова, Станицын, Грибов, Орлов, Петкер, Дорохин, Раевский, Чебаны, Готовцев, Массальский, еще другие, всех не перечисляю, всего с семьями человек 90. Тут случилось накладка Калишьяна первая: можно было поехать 120 чел., а он почему-то ужал список и уехало на 30 меньше. В эту же группу он настойчиво втолкнул меня, чтобы оставить при себе Калужского без забот и хлопот обо мне и сыне, также он отправил с первой группой и свою жену с дочерью, чтобы быть самому без семейных забот. Мы проехали вполне благополучно и 16-го в 9 вечера высадились в Саратове, где встретили замечательное к нам отношение. С вокзала были перевезены в театр драмы, расселены там по уборным и др. помещениям, даже в их нижнем фойе. Спектакли временно там не давались. Потом, правда, и даже при нашем там житье за кулисами, спектакли пошли, в субботу и воскресенье. Да, забыла сказать, что администратором при нас был отправлен Михальский и завхозом наш московский завхоз Лифшиц, делающий здесь чудеса в смысле обслуживания театра. Москвин был моментально обласкан секретарем Обкома Власовым и всеми местными властями и получил возможность по прямому проводу общаться с Москвой. И от этого общения были мы в курсе тамошних дел. А дела были далеко не гладкие.

Мы узнали, что 15-го никто из наших не выехал, а в ночь на 16-е, когда под Москвой на фронте были жесточайшие прорывы и состояние в Москве было ужасное, Храпченко и весь состав Комитета выехали, увозя с собой работников разных театров, в том числе и нашего, и что в этой группе выехали Калишьян, Калужский, Калинин, Вербицкий, Кудрявцев, Гошева, словом 10 или 11 чел. Отъезд их был так скоропалителен, что произвел в театре в Москве удручающее впечатление, и поползли к нам слухи, что руководство бежало, бросив театр на произвол судьбы. Эта калишьяновская группа ехала к нам дольше, чем мы, уж

не прямым, а на Горький, а оттуда паромом, и приехали они к нам 23-го. До их приезда приехали сюда, самостоятельно добираясь, 2–3 из наших, и они сильно разогрели наших рассказом о “бегстве” Калишьяна. К этому времени у первой группы уже укрепилось резко враждебное отношение к Калишьяну.

Вторым волнующим нас вопросом был вопрос о театральном имуществе, кот. не было послано сюда тотчас же после нашего отъезда и, стало быть, после отъезда Калишьяна тоже осталось в Москве. Это было для нас всех ужасно. И действительно, если бы не Власов, секретарь здешнего Обкома, мы пропали бы совсем. По его непрерывным наставлениям в Совнарком по прямому проводу костюмы, гримы и часть мягких декораций были погружены и отосланы, а кроме того на оставшегося в Москве от Комитета Шаповалова было возложено дело отправки всего творческого состава в Саратов. Накануне приезда калишьяновской группы мы были перевезены из театра в гостиницу “Европа”, кот. отдана нам целиком под общежитие МХАТ. Она невелика, в одной комнате живут по две и больше семей, но надо прямо сказать, что по сравнению с другими организациями МХАТ устроен блестяще. Здесь же, например, московская консерватория, и они живут в Оперном театре, а Большой театр в Куйбышеве живет в школе, что гораздо менее удобно, чем жить в гостинице, хотя бы и очень запущенной и глубоко провинциальной.

Когда приехал Калишьян со своей группой, ему особенно, да и Калужскому и Калинину, пришлось очень тяжело, потому что на них обрушился гнев первой группы за их поступок, и почти никто не хотел слышать о том, что они выехали по настоянию Комитета, что они не только предложили всем ведущим, бывшим в Москве, ехать с ними, но они просто требовали, чтобы те ехали, но те отказались. При этом было даже так, что Ершов уже был посажен в машину, но потом вылез из нее, сгрузил свои вещи и не захотел ехать, раз не может взять с собой всех вещей, а разбираться в них наспех не может. А настроение в Москве, в частности, в Комитете, было таково, что это есть единственная возможность уехать, а кто останется, тот и не выедет вовсе, так что, оставаясь, все равно никому не поможет. Поругавши Калужского и Калинина, все обрушилось целиком на Калиш., как на не справившегося ни с чем директора. Так было и на собрании худсовета, и на беседе с небольшой группой ведущих, и на партсобрании.

Тем временем Москвин получил сообщение по прямому поводу, что 23-го и 24-го выехали две группы актеров (т. наз. глебовская и ершовская) и два вагона с имуществом сцены. 3-го приехала глебовская, 5-го ершовская, каждая по 80 человек, считая с семьями. В ершовской ехали еще Топорков, Соколовская, Фалеев, несколько работников сцены – монтировщиков, Дмитриев, Виленкин, в группе Глебова никого из ведущих актеров не было, больше вокалисты и оркестранты. Мы считали глебовскую группу человек в 10–15, а оказалось их 80, и много

народу, кот. придется теперь использовать как билетеров, рабочих сцены и т.п. Да, в группе Ершова были еще Иванова и Лебедева, т.е. есть возможность доработать “Пушкина”¹.

Числа 28–29 в Саратов приехал Храпченко специально ради МХАТ, остановился у нас же и сделал собрание с худ. сов. (до этого, конечно, были у него беседы с Москв., Хмел., Калиш.). Затем ему пришлось сделать собрание с ведущей частью труппы, т.е. включая и заслуженных. На этом собрании произошло форменное избиение Калишьяна – так его искололи и изорвали в клочья. При нем же было сказано, что он как директор себя не оправдал и дальше не может и не должен работать. Храпч. очень его защищал, очень старался оградить его от безжалостных упреков и нареканий, почти бесчеловечного обращения с ним. Еще до собрания Храпч. подписал приказ, что на время Вашего отсутствия и.о. директора назначается Москвин, а заместителем худ. руковод. взамен отсутствующего Сахн. (кот. не выехал, потому что переживал перманентные приступы грудной жабы и боялся ехать) назначается Хмелев, Калишьян же назначается замдиректора. Вторая часть приказа была о новом составе худ. сов., в который вошли кроме состоящих в нем и здесь присутствующих еще Андровская, Ливанов, Прудкин и Телешева. А Топоркова там нет. Тогда-то его не было в Саратове, но мы знали, что он едет, и спросили, будет ли он в совете, и Храпч. его отверг. Уж не знаю почему. Храпч. снова отбыл в Куйбышев, куда он поехал и до нас и где разбирается с делами Большого театра, и сговорился, что Калиш. приедет к нему туда по всем предстоящим финансовым вопросам.

Милый Владимир Иванович, продолжаю письмо ночью, после открытия спектаклей. Шла “Каренина”, начали в 8 (с опозданием начала – сознательным – на 10 минут), кончили в 35 минут первого, а сейчас два, пишу после чаепития и понятных обсуждений и разговоров после премьеры. А письмо отправить для отсылки Вам надо завтра в 8 утра, поэтому и пишу ночью. Машинка стоит на кровати, я сижу на туалетном столике от трюмо. Вот как приходится устраиваться. У нас комната с альковым, в кот. помещаюсь я, в нем и пишу. А Евг. Вас. и его сын живут вдвоем в самой комнате. Это, конечно, роскошно, потому что во многих комнатах распределение такое: в алькове одна семья, в комнате другая. Но Евг. Вас., имеющий постоянные дела с актерами и посторонними людьми по концертам, получил комнату только на свою семью. Комната небольшая, в одно окно.

Итак, о премьере немного.

Решили открывать “Карениной”, потому что по составу это наиболее московский спектакль, без вводов. “Три сестры”, кот. надо подготовить как след. спектакль, требует ввода Ольги – Соколовой. Еланская уехала с Малым театром, и тогда в Москве мы наивно думали, что она сможет, устроив семью в Челябинске, приехать к нам. И она так думала. Но теперь на это надежды нет. В труппе еще не хватает Добронравова, кот. уехал к семье в Свердловск и не был в Москве при эвакуации.

Мы получили сюда от него телеграмму, что он готов приехать сюда с семьей, просит выслать деньги на переезд. Ему ответили, что пока это невозможно и пусть ждет дальнейших сообщений. По намеченному репертуару он пока не нужен, разве только для “Дна”, кот. хотят включить в репертуар, чтобы Москвин, популярный здесь, мог быть показан на публике.

Намечены к работе след. пьесы: “Школа злословия”, с вводом Станицына вместо Яншина. А с Яншиным вот что вышло: он поехал сюда с группой Калишьяна, но по дороге сделал истерику Храпченко, требуя отпуска к жене в Тбилиси. Жена больна, он волновался. Храпч. отпуска ему не дал, сказал, чтоб он доехал до Саратова и там узнал, могут ли его отпустить. Он, правда, доехал, но с парохода не сошел, позвонил с пристани и сказал, что никакие силы его не удержат, он едет дальше. И уехал. По слухам, он долго болтался в Астрахани, не имея возможности поехать дальше пароходом на Баку. М.б., он уже у Вас в Тбилиси теперь? Здесь все возмущены его поступком, равно как и Храпч., кот. давал разъяснения о своем разговоре с Яншиным на собрании труппы.

Хотят доработать здесь “Пушкина”, но, кажется, пока костюмов этого спектакля здесь нет. Есть костюмы “Врагов”, “Пиквика”, “Курантов”. Сейчас идут разговоры о том, чтоб добыть из Москвы костюмы “Федора” и еще что возможно, м.б. даже пошлют туда специального человека, чтоб толкнуть оттуда вывоз костюмов и мягких декораций. Но я опять отклонилась от премьеры. (Да, в репертуаре еще намечено, и костюмы есть, “Горячее сердце”, но внутреннее решение такое: только если приедут сюда Тарханов и Шевченко, без них не играть. Еще есть разговор о “Фигаро” в концертном исполнении, ан фрак.)

“Каренина” шла в своих голубых бархатах, обстановка была собрана здесь и имеет, конечно, оч. средний вид. Но костюмы создают такое хорошее впечатление, что как-то не замечаешь убогости обстановки. Трудно то, что на каждую картину надо давать занавес с чайкой (мы повесили свой, сделав его из сукон последнего акта “Трех сестер” и нашив чайку), делая довольно продолжительные антракты между картинами. Выпустили картины: кабинет с портретом, конюшню и приход Лидии Ивановны. “Скачки” с обшитыми синим бархатом трибунами получились совсем недурно, но “Дворец” и “Театр” (там ложи сильно напоминали трибуны в “Скачках”) сильно проиграли. Однако публика была снисходительна, вероятно, понимая, что театр не на гастролях, а выскочил из Москвы, как удалось. Слушали спектакль оч. внимательно, сильный успех имели “Скачки”, “Примирение”, “Разрыв”, финал. Народные сцены шли много собраннее, чем на рядовых московских спектаклях, но что касается основных исполнителей, то мне показалось, что они все были не в форме, каждый по своей причине: Хмелев нездоров, Алла К. внутренне издергана всякими своими личными волнениями и заботами о семье, все вместе, не имея настоящих репетиций, не приспособились к новым условиям сцены. Я не успела Вам написать, что в

бытность Храпч. здесь мы окончательно получили в свое пользование Театр юного зрителя – небольшой, мест на 500, напоминающий по общим отзывам Малую сцену, а по-моему, все же больше похожий на театр, чем тот зал. Одноярусный, уютный, но очень детский, subtilный.

Нам предложили выбрать: или этот ТЮЗ, находящийся в центре, в расстоянии одного квартала от нашей гостиницы, в полуквартале от столовой, где мы прикреплены на обеды, или нормальной величины драматической, стоящий на окраине (быв. Нар. дом), в кот. мы остановились по приезде. Из-за дальности расстояния от центра мы выбрали маленький ТЮЗ, а не тот окраинный. Добираться до него в здешних условиях было бы слишком тяжело. Кроме ТЮЗа, нам обещают давать помещение Оперного театра два раза в неделю под спектакли. Пока что объявлены 6 вечеров: 11 и 12 “Каренина”, 13-го творческий вечер актеров в концертном исполнении с участием всех ведущих, потом еще раз та же комбинация на 14, 15 и 16-е; 17-го, кажется, играем в Оперном “Каренину”. Для “Трех сестер”, по словам Раевского, Соколова готова в фойе, надо переходить ей к репетициям на сцене. Интерес к нашим спектаклям страшно велик, сейчас распроданы все билеты и очередь у кассы была громадная, в дни продажи, стояли вензелями и завитками по всему помещению перед кассой и на улице длинный хвост. Говорят, что по-саратовски успех был оч. большой сегодня, но занавес дали только 4 раза, вероятно, больше и не принято, особенно в такой поздний час. И то удивляешься, кому охота так поздно возвращаться домой, в крошечной тьме. Ведь здесь затемнение, на улице решительно никакого освещения. Окна все залеплены крестами из марли, при пробивающихся щелях света милиция непременно входит с замечанием, строго следя за затемнением города. За наше время было несколько тревог объявлено – говорят, учебных. Публика к ним относится довольно равнодушно. Сегодня сказано в местной газете, что учебных больше не будет – вероятно, чтоб расшевелить публику больше опасаться при тревогах.

В смысле питания мы устроены недурно, прикреплены к столовой (однако хуже мхатовской, но по-здешнему привилегированной), днем в гостинице устроен буфет, где можно получить бутерброды с маслом, с сыром, булочки. Как-то вертимся и по хозяйству, так что и завтракаем и ужинаем. В магазинах пусто, но на базаре продуктов много, только оч. дорого.

Наши провели много концертов в военных частях, в госпиталях, – как раз подошли октябрьские дни, когда понадобились концерты.

Да, на днях мы получили сообщение, что 6-го выехала последняя группа из МХАТа во главе с Кедровым и Белокуровым. Эти должны были приехать в группе Ершова, кажется, но при посадке на вокзале была объявлена тревога, они спрятались в метро, а поезд ушел, и они не попали. Кедров с семьей вообще туго собрался в отъезд, сначала никак нельзя было его уговорить, он нервничал, болел сердечными припадками. Итак, не поехали вовсе: Кторов и Попова, Блинников – из ведущих,

остальные как будто все здесь или едут. С нами нет Еланской, Добро-нравова и Степановой, которая так и завязла с семьей в своем Чистополе под Казанью и никаких вестей о себе не подает². Да, еще нет Бендиной, она где-то в Сибири с детьми. И Яншина нет. Примерно состав нашей группы теперь Вам ясен, правда? С группой Глебова приехала сюда Ор-ловская, кот. решительно нечего делать, не знаю, как она устроится, го-ворит, что будет добиваться отправки обратно в Москву. Думаю, что это невозможно, такого разрешения никому не дают. Все приехавшие здесь использованы не будут, но т.к. есть решение правительства никого не изгонять, а применить по возможности каждого, то неиспользованным предложена работа не по специальности, и некоторые молодые сотруд-ники и вокалисты распределены на должности в технические цеха и об-служ. зрительный зал персонал. Кажется, большинство довольны, что хоть так устроились, тем более что оклады сохранены пока московские.

Мне сказали, что получена телеграмма Тарханова и Нежного, еще от 20.X, что нальчиковская группа согласна соединиться с саратовской, спрашивают о планах театра. Вероятно, это раньше было, чем решение переехать в Тбилиси. Как ни хотелось бы всех вас здесь увидеть, как ни выгодно это было бы для театра и его положения, мне кажется, что условия нашей жизни здесь до того для Вас лично и для всех стариков неподходящи, что об этом и речи не может быть. Многие наши уверены, что мы можем и дальше поехать. Впрочем, переезд всех вас отпадает и по той причине, что проезда-то нет, не лететь же на самолетах!

Боюсь быть печальным пророком, но мне кажется, что в смысле управления театром мы устроены неважно, потому что ни Хмелев, ни Москвин в этом не разбираются, а Калишьян, кот., впрочем, сейчас поч-ти не у дел, по-прежнему легкомыслен.

Милый Вл. Ив., уже три часа, завтра в 8 надо отдать письмо, кон-чаю его, потому что все равно всего не сообразишь написать. Буду ис-кать всякой оказии, чтоб снова Вам написать. Когда немного войду в рабочую колею, постараюсь начать дневник, как бы письма к Вам, и тогда смогу пересылать такие послания в тот момент, когда только по-лучу известие об оказии. Пока со всей нежностью, любовью прощаюсь с Вами и шлю всем привет.

Ваша Ольга Бокшанская

424.

Саратов, 2 декабря 1941 г.

Милый, дорогой, любимый Владимир Иванович!

Трудно себе представить, что письмо Ваше, которое я сейчас пе-речитываю с таким неослабным волнением и радостью, Вы писали 3–4 дня назад¹. Это кажется волшебством, что оно уже в моих руках. Я уже

давала его прочитать Ив. Михайловичу как человеку Вам здесь наиболее близкому. И как-то хотелось этим вниманием к его интересу к этому письму ответить на невольно связываемую с ним и Ал. Конст. благодарность – это они мне передали Ваше письмо. Еще нынче утром Ал. К. говорит мне: “В 5 ч. мне должны принести прибывшую пачку писем мне из Тбилиси. Смотрите, не будет ли Вам тоже письма. А мне даже лимон привезли, сказали по телефону!” Но я подумала: вряд ли будет мне письмо. И не стала надеяться сильно. И вдруг: подымаюсь с обеда в нашу “Европу” по лестнице и на площадке 2-го этажа сияющая Ал. К.: “Ну, что дадите мне за радость?” И дает – сразу явно Ваш, издали узнала – коричневый конверт, дорогой знакомый почерк на нем. Красиво красным подчеркнута фамилия на конверте. А сверху письма в протянутые мои руки Ал. К. ссыпает 4 лимона: “Это тоже Вам, мама пишет, что дала обещание, что 4 лимона передадут Бокшанской”.

Боже мой, в каком волнении полетела я вверх, этажом выше, в свою комнату, стала скорей читать письмо. Еще вдогонку прислала мне Ал. К. письмецо и от Нежного, которому непременно отвечу, так ему благодарна за память. И спасибо за лимоны, это здесь – даже не знаю, как назвать – не редкость, а просто невозможность, небывалость, непостижимость. По лимону дала двум ближайшим друзьям, которые постоянно заботятся обо мне, два остались у нас с Женей: просто отдала их ему, увидев его плотоядный взгляд на них. Мы постоянно здесь мечтаем о “кисленьком”, но редко-редко видим какие-то в этом смысле возможности: как-то посчастливилось достать бутылку красного вина, и мы его пили с чаем (вернее, с кипятком, потому что чаю с месяц уже не имеем); как-то дали нам по баночке варенья смородины. Обещают на днях порадовать небольшим количеством какого-то варенья, кажется, по полбаночки на этот раз. Как видите, наши житейские радости малюсенькие. Но вообще-то мы сыты, живем в тепле, многие, очень многие нам завидуют. Особенно те, кто, как и мы, лишились своего города и дома и находятся в трудных условиях.

Милый Владимир Иванович, я Вам тогда написала, что буду вести дневник, чтоб быть готовой к отправке Вам письма. Но не удалось это. Прошло немного времени, занятого всякой работой по театру и контролю за нашим гостиничным буфетом, я было наметила себе нить письма – и заболела. Вероятно, начало болезни провела, не замечая ее, только сильно очень кашляла, а потом сразу 39.1. И так четыре дня подряд. Грипп и ангина. Пришлось лечь на неделю безвылазно в постель, потом полеживать, и получилось, что я вышла на воздух 2–3 дня назад. Сейчас я совсем здорова, только все же покашливаю. Но реже. Здесь трудно не заболеть. Во-первых, мы живем так скученно, что все время заражаем друг друга, непрерывная цепь заболеваний. Во-вторых, одна комната, в ней спят трое, надо же ее проветривать хорошо. Откроешь форточку, а уйти из комнаты при этом не всегда можно из-за дела, которое надо сделать. Вот тут и прохватывает.

Пока я хворала, наши выпустили “Три сестры” с Соколовой – Ольгой. В первый раз спектакль пошел 20-го. Я пока не видела спектакля, потому что простоять все 4 акта теперь мне еще трудно, а сидеть не удастся, аншлаги все время. Но непременно пойду посмотреть, вот только почувствую себя покрепче. Смотревшие все очень хвалили спектакль, говорили, что идет очень хорошо. Хвалят также оформление, которое целиком делалось здесь. Чего нет – это вращения-качания сцены, и я с трудом думаю, что на “Ночи безумные” не двинется и не отойдет вглубь гостиная, не придвинется столовая. Этот момент, или движение декорации в 4-м акте, или мягкое качание комнаты Ольги в 3-м акте я любила той любовью, какой любят дорогие сердцу, волнующие куски музыки в какой-нибудь симфонии или опере. Говорили мне, что исполнители на генеральной аплодисментами благодарили Дмитриева и постанов. часть за декорации к “Трем сестрам”, так они вышли хороши. На днях смотрел спектакль, уже не премьерный, Топорков, и я слышала его впечатления: хваля очень Грибова, он поругивал Гошеву за холодность, Тузенбаха и Вершинина (не знаю, кто играл, он не называл) за вялость сцепки, спора, за лениво ведомую ими линию мировоззрения, Ливанова за напор. Но тут же отметил, что и публика не та, которую можно крепко захватить такого рода спектаклем, что в зале дрожит непрерывное желание посмеяться, похохотать. Станицын, бывший при разговоре, говорил, что зрительный зал бывает разный, в этот вечер был трудный, и вообще чаще здесь бывает трудный². Соколову похваливают: “для нее очень хорошо играет”, но, конечно, Еланская незабываема в этой роли и всеми, как Вы знаете, в театре признана.

Кстати об Еланской. Вчера приехал, а сегодня утром появился у нас из Иркутска Ал. Люц. Иверов. Не помню, писала ли я Вам о нем. Он приехал с нами в первой группе, но еще до нашего переезда в гостиницу, еще во времена нашей жизни в драм. театре на вещах, он выпросил у Москвина разрешение ехать в Иркутск за женой. Но при отъезде он не крепко говорил о возвращении, больше говорил: “Вы все ко мне туда приедете, вот и увидимся”. Когда он уехал, обнаружилось, что громадный ящик с надписью “Медчасть МХАТ, осторожно, верх”, который старательно при погрузках и разгрузках таскали наши “мальчики”, радуясь великолепной нашей аптеке, почти пуст – несколько пакетов марли и ваты, несколько трафаретных лекарств в порошках. В ящике, оказывается, были его личные вещи, кот. он увез, и действительно, прекрасный ассортимент лекарств, тоже увезенный. Тут и острили, и негодовали. Совсем на днях я получила от него из Иркутска письмо, с массой вопросов, из которых самый, видимо, для него существенный был: как долго предполагаете пробыть в Саратове? (Это было связано с тем, что у нас тут, особенно рьяно при нашем приезде, пошли и шли разговоры, что придется ехать и дальше. Особенно, когда объявили город на угрожаемом положении.) Только что я собралась отвечать Иверову, сообщение Михальского: “Иверов на подступах к Саратову, сегодня

звонил с какой-то близкой станции, что едет с женой и свояченицей”. И вот появился. И рассказал (не мне, а я слышала, но узнаю от него лично и тогда напишу точно), что в Челябинске, по его телеграмме, на вокзал для свидания с ним выходили Судаков и Еланская, и она сказала, что ждет вызова в Саратов и приедет по вызову. Узнаю поточнее и тогда напишу еще об этом деле. А Иверов мне успел сказать, что измучился дорогой, еще до дороги измучился отрывом от театра, жить без всех нас не смог, собрал своих дам и приехал. А Москвин, говоря со мной об Яншине и осуждая его неприезд, говорил мне, что “если кто захочет приехать, как Иверов, например, так приедет и доедет и даже массу багажа привезет, как сделал Иверов, а не будет ссылаться на невозможность добраться”. Так что, видите, он и багажа много привез с собой, я рада за него, что он не пострадал. А то ведь столько людей всего лишаются в этих невзгодах.

Милый Владимир Иванович, продолжаю на следующий день. Говорят, может случиться, что нынче же и надо будет отдать обратные письма. Спешу писать. Хочу вложить в конверт некоторые привезенные мною сюда Ваши документы, мож. быть, они Вам могут быть полезны. Я захватила сюда Ваш профсоюзный билет; это, правда, вещь редко нужная; а вот книжка на персональную пенсию может пригодиться. По ней я получила пенсию за сентябрь и с Мишей Вам, по-моему, отослала, при общем денежном расчете. Может быть, можно наладить Вам получение пенсии в Тбилиси регулярно? Нежный, наверное, устроит. А еще посылаю 538 руб. и 20 коп. и расчет по этим деньгам. С ними вот что вышло. Уж после отъезда Миши, в дни, когда было в Москве тревожно, я решила собрать в своем бюро вещи, кот. могут понадобиться при срочном сборе к выезду. Открываю один из ящиков и вижу конверт с деньгами. Разбираюсь и понимаю, что это был еще в апреле приготовленный Вам к отсылке на квартиру расчет и деньги, и забыт в столе. Представляете, как я вспыхнула, как мне стало неловко от такой рассеянности и непорядливости. Вот теперь я посылаю Вам этот злополучный пакет, прибавив к тогдашнему расчету расход на “молнию” о выезде Ваших к Вам. Таким образом, из напечатанных в отчете 561 р. улетучились на “молнию” 23 руб., а 538 я привезла сюда и хочу воспользоваться оказией, чтоб послать Вам свой долг и извинения за былой, апрельский, промах в работе. Простите, пожалуйста.

Теперь о нас. Из крупных событий за это время было: 16-го приехала группа Кедрова – он сам, Титова (и маленькая их дочка с няней), Белокуров с женой, Комолова с матерью, Некрасов (наш актер), Николаев (вокалист) и Устин (оркестр). Они выехали из Москвы 6-го. Они рассказали, что накануне их отъезда был арестован Вас. Гр., у него был произведен довольно длительный обыск на квартире. Когда Вас. Гр. увозили, его жена обратилась с просьбой позаботиться о нем, что он оч. болен. Это было обещано бывшими у них на квартире людьми. Почему-то Зин. Клавдиевна вообразила, что этот арест был произведен для

того, чтобы Вас. Гр-ча вроде как бы насильно отправить в Саратов. Ничего похожего не произошло, конечно. По словам Кедрова, одновременно он услышал об аресте в Москве проф. Нейгауза и Фромгольда (музыкант и врач)³. Недавно Морес удалось говорить по телефону отсюда с Москвой, с Милушей Штекер. Она спросила, в каком положении дело с В.Г. Та ответила, что никаких изменений нет. Сообщение о В. Гр. нас взволновало чрезвычайно, невыразимо. Вероятно, и на Вас это произведет тяжелое впечатление, но скрыть этого от Вас не считаю себя вправе.

Группа Кедрова приехала в трудном душевном состоянии, перенеся в Москве сильные тревоги и бомбежки и уехав в трудной посадке. Один раз ведь они готовы были уехать, но во время посадки была объявлена тревога, они укрылись в шахте метро, а когда после конца тревоги вернулись на вокзал, оказалось, что поезд их только что ушел. И им пришлось вернуться в город.

Тут был перерыв в письме, во время которого у меня побывал Виленкин, и от него я узнала, что о Вас. Гр. Вы знаете, он один раз успел написать письмо Качалову, где сообщил о В.Г., а я тогда не смогла отправить письмо Вам, потому что оказия была почти мгновенная и мне не успели о ней сообщить, т.к. все равно я не успела бы доставить из гостиницы в театр письмо.

Теперь Кедровы уже пришли в равновесие, он начал играть в “Карениной”. Вопрос о начале работ над “Глубокой разведкой” должен стоять на худсовете, Кедров считает, что тема пьесы сейчас мелка и, видимо, хочет доказать ненужность продолжения работы здесь над этой пьесой.

Сейчас идут репетиции по “Дну” и “Школе злословия”. “Дно” ведут Орлов и Москвин. Там уже решены такие новые исполнители: Зуева – Квашня, Монахова – Анна. Работают еще с такими: Иванова – Наташа, Клец – Кудрявцев, Дорохин – Алешка, Базарова – Василиса. Иванову введут, если она хорошо покажет 3-й акт, Дорохин имеет все шансы, потому что имеющийся здесь Комиссаров считается неудачным, показ Кудрявцева пока не удовлетворил, Жильцов считается много лучше. Всячески бьются, чтобы Кедров сыграл Бубнова, потому что Истрин очень слаб, но пока добиться успеха не смогли, Вы знаете кедровский характер, и надежды на то, что уговорят Кедрова, почти никакой нет. Когда мы сюда приехали, стоял вопрос, чтобы Ливанов сыграл Пепла, но этого тоже добиться будет невозможно, поэтому Яров старательно работает над игранной, но слабовато, ролью, и на просмотре Москвиным работы Орлова с актерами Ярова за работу хвалили.

[1942]

425.

Саратов, 11 января 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера днем Тарасова сказала мне, что прилетел летчик и привез ей письма от родных. Но больше никому ни от кого писем не было, даже от Тарханова к Москвину не было. Мы решили, что и у Вас случилась внезапная оказия, никто не успел написать. Но про Вас она сказала мне тревожное сообщение: ей пишут, что у Вас бронхит и, вероятно, Вас уговорят переехать в лечебницу, т.к. в условиях гостиницы лечить Вас трудно. Хочется надеяться, что тбилисский климат не даст бронхиту разыграться, как это бывало в Москве, и может быть, к тому времени, как мое письмо придет к Вам, Вы будете уже здоровы.

Говоря со мной о Вас, Тарасова ничего не сказала об оказии сегодня утром в Тбилиси, и только вчера поздно ночью, когда Женя пришел от Москвина и сказал, что надо написать поздравление от руководства Вам, я узнала, что снова летит самолет в Тбилиси. Письмо Тарасовой надо отдать нынче утром. Вот я и тороплюсь.

Я писала Вам перед самым Новым годом. И не уверена, что поздравила Вас, послала Вам свои горячие пожелания. Я надеюсь, что Вы понимаете, что это не от невнимания. Сказать по правде, сейчас мне как-то даже не до традиций мирного времени. И, вероятно, когда я писала, то торопилась сказать побольше о наших делах и переживаниях. Поздравления с Новым годом ли, с “Евгениями” ли в сочельник (уж такой традиционный день, и всегда вспоминается мне Е.М.Раевская и прием у нее) – все это выскакивает совсем из головы. Вы знаете, что независимо от времени года и числа и месяца я желаю Вам здоровья и всего того, чего желаешь для крепко любимого, обожаемого человека. Вы знаете это, не сомневаюсь.

Наши дела. 31-го вышло “Дно”. Я не поспела попасть, потому что работаю по общественной линии в буфетно-снабженческой нашей комиссии, без большой помощи от остальных членов этой комиссии – поэтому отдаю этому делу по многу часов в день. И как раз 31-го нам прислали для отпуска мхатовцам “пайки” (масло, сыр, сельди, сахар, кур...), и пришлось столько с этим возиться – принимать товар, распределять, отпускать, – что в нашем скромном помещении здешнего буфета (комната официанта) я пробыла с 11 утра до 11 вечера, без обеда, даже без чая, что-то перехватывая налету. И на спектакль не попала, естественно. И не очень скорбела об этом, потому что с многих сторон

слышала самые кислые мнения о спектакле вообще. Много средних исполнений – вот что отмечается всеми. И как всегда при компромиссе вынужденном, наши огорчаются и чувствуют стеснение за театр. К этому спектаклю именно так и относятся: есть возможность показать Саратову Москвина и у нас есть лишний спектакль в репертуаре, который дает возможность исполнителям некоторым из “Трех сестер” и “Школы” иметь свободный вечер. А то такие, как Станицын, Массальский, пока в репертуаре были “Три сестры”, “Школа” и “Каренина”, были заняты почти подряд. У Станицына за 60 дней 46 спектаклей, он говорит. Прудкин, Хмелев очень загружены были тоже.

Теперь мы реже будем играть “Каренину”, т.к. с завтрашнего дня она будет идти по понедельникам в Оперном театре; начинаются наши постоянные там понедельники, и т.к. на монтажки и репетиции вырвать у Оперного театра время оч. трудно, решили перевести туда сначала целиком один спектакль, не перетаскивая его обратно в ТЮЗ, потом другой. И так постепенно все.

Кроме того, для того чтобы выполнить смету, мы будем давать 4 концерта в месяц в здешней консерватории, это актеры должны делать как спектакли, без дополнительной оплаты. Но есть у них и заработки, даже иногда регулярные: так, мы взяли на себя обязательство (не могли не взять) обслужить концертами Дом культуры Красной Армии в Энгельсе (через Волгу ездить, зимой по льду, минут 30 езды на легковой машине), тоже 4 концерта в месяц, кажется. За это будут платить примерно одну десятую оклада. Сегодня там первые наши концерты, сразу два в один день.

Прибыли наши декорации и костюмы, те вагоны, содержимое которых я Вам перечисляла в письме от середины декабря. В связи с этим вчера договорились окончательно о порядке выпуска дальнейших наших спектаклей. После “Курантов” надо выпустить “Горячее сердце”, затем “Пушкин”, “Федор” и “Последняя жертва”. Вот в таком порядке. На запас остается еще возможность выпуска “Пиквика”, имеющего здесь все декорации и костюмы. Но, по мнению Евг. Вас., у нас не будет даже времени для еще одного хотя бы и возобновления.

От Еремеева, еще сидящего в Москве, имеем сведения, что он 13-го отправляет последнее имущество, нами здесь ожидаемое (остатки “Пушкина”, материалы со склада) и выезжает сюда 16-го. С имуществом поедут только двое: наш вахтер из Фединой конторы Снятков (тот, который потише, не такой бравый, всегда Вас так радушно встречавший) и рабочий сцены Калинин. Было предложено и остальным рабочим ехать, но отказались. По словам телефонным Еремеева, рабочие в большинстве мобилизованы в армию, а не мобилизованные не едут. По письму от Горчакова, привезенному сюда нашим портным-одевальщиком Крыловым, приехавшим сюда работать, Театр Ленсовета, руководимый теперь Горчаковым, играет в нашем филиале и взял к себе на работу в обслуж. цеха и технические части наших служащих и рабочих, вернее – арендует филиал у Егорова за 29 000 в месяц с обл. и техн.

персоналом, так что дает возможность работать некоторым нашим рабочим и служащим. Горчаков пишет нам, что жизнь их очень сложна, сурова и даже опасна была. Есть, напр., такая строчка. Он заходил на нашу квартиру, проведать, как там живут моя работница и пес и кот. И пишет: квартира Ваша в порядке, окна пока целы, только все вещи из Ваших комнат Поля перенесла в комнату Кондратьева (выходящую во двор), потому что на случай уличных боев из Ваших окон должны были стрелять пулеметы. Вот какие у них были приготовления!

Мне надо отдать уже письмо, время подходит. Как будто никаких особенно животрепещущих событий у нас за время с моего последнего письма не произошло. Не событие, а просто в порядке рассказа о нашей повседневной жизни скажу, что наши “весельчаки-холостяки” Ливанов и Петкер (у них же в комнате жил Эрдман, и потому там было действительно очень весело и не умолкал смех гостей, слушая трех остроумцев¹) угомонились: к Ливанову приехала семья – жена и двое детей, Петкер сам привез жену из Актюбинска, куда отправил ее еще до нашей эвакуации. Теперь и идут заседания ночью (как вчера у Москвина) потому, что их надо разместить, а места нет и нет. А они не хотят ехать на частные квартиры, потому что в гостинице им представляется (и резонно) жизнь удобнее. Вероятно, из-за этого придется выселить кого-то из менее значительного положения актеров из нашей “Европы” в город, чтобы дать Ливанову отдельную поместительную комнату.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович, будьте здоровы и благополучны. Привет всем домашним и Нежному.

Ваша *Ольга Бокшанская*.

Пожалуйста, напишите, дошел ли до Вас пакет, данный мною Льву Книпперу.

11 января 1942

Милый Владимир Иванович!

Вот сидит у меня сейчас Алексей Люцианович и тоже озабочен Вашим недомоганием. И просит у Вас узнать, есть ли в Тбилиси, там, где Вас могут лечить, если Вы захвораете, сульфидин или сульфазол? Если нет, он Вам при первой же okazji после Вашего ответа послал бы пакет. Он не делает этого сейчас, на всякий случай, потому что препараты эти редки и хранимы им тщательно. Но для Вас, конечно, он (да и все, кто могут здесь захворать) не пожалели бы, только б Вам быть здоровым, сильным.

Эта записка пишется дополнительно к только что отданному Вам письму. И мы вместе с Ал. Люц. шлем Вам самый сердечный привет. Будьте здоровы и – главное – берегите себя сами, побеспокойтесь о себе крепко и не гоните от себя тех, кто Вам, наверное, надоедает, желая Вас вылечить.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Саратов, 24 января 1942 г.

Милый Владимир Иванович, дорогой Владимир Иванович!

Пишу Вам в тех же условиях, что и в день нашей первой премьеры: машинка на кровати, сижу на подзеркальнике и печатаю. Сегодня вечером на самолете прибыли сюда из Куйбышева Калишьян, с ним Лабзина и Гейрот, прилетевший в Куйбышев из Казани, а туда – из Мордовской АССР, куда поехал из Москвы еще до эвакуации театра. Приехал он по своей инициативе, без вызова от театра. Лабзина же по вызову, как Вы знаете из прежних моих писем. Бедная Оля Лабзина, недели полторы-две назад в Куйбышеве у нее умер сын, мальчик, которому пошел второй год. Умер от воспаления легких, захваченного после дифтерита, с которым он справился хорошо. В ночь его смерти умерли еще два человека, близких Большому театру: Е.К.Малиновская и отец Лепешинской. Еще до приезда Калишьяна из Куйбышева до нас дошел слух, что очень было плохо Якову Леонтьевичу Леонтьеву; и Калишьян рассказал нынче, что у Як. Л. было два ужасающих припадка грудной жабы; теперь он лежит больной. Это с ним приключилось вскоре после его возвращения из Москвы. Туда он был вызван для урегулирования дел с филиалом Большого театра, играющим там. Поведение оставшихся в Москве актеров Больш. театра было непозволительно в отношении тех, кто поехал в Куйбышев, и уровень спектаклей, там в Москве игравшихся, был непозволительно низок. Вот для пресечения всяких разговоров московских габтовцев и для организации отсыла в Москву крепкой группы актеров, могущей поднять спектакли, и был вызван Леонтьев в Москву Михаилом Борисовичем. Леонтьев быстро там все наладил, а теперь из Куйбышева отсылает в Москву группу человек в 20. К ленинским дням в Москву полетели Барсова, Михайлов, выступали там, а теперь вся эта группа и с ними Храпч. выехали в Можайск¹. В Куйбышев Храпч. приедет числа 28-го, а потом собирается через Саратов направиться в Тбилиси. С возвращением Храпч. из Москвы в Куйбышев связано начало работ Сталинского комитета. Когда Калиш. был еще в Куйб., он звонил оттуда, что Комитету искусств требуются материалы по Сталинскому к-ту. Москвин запросил меня, что у нас есть. Я объяснила, что все материалы (гл. образом моя картотека отмеченных в печати за сорок первый год произведений искусств) находятся в Москве, у Е.П.Аслановой. По совету Москвина я звонила в Москву, в Комитет. Храпченко не застала, говорила с Фалковским и объяснила ему все. Он обещал вызвать Лизу для получения всего, что понадобится Храпченке. Калишьян же, приехав, сказал, что Солодовников (теперь тоже уехавший в Москву) все же хочет, чтоб отсюда приехал Виленкин (не я, а Вит. Як., из-за трудности для меня переезда в зимних условиях при куйбышевских морозах в 48–50 град.) и помог организовать заседания Комитета. Если он не вполне в курсе дела, то, во всяком случае, при моей работе был так близок ко мне, что многое знает. Вылет Виленкина

пока задерживается, потому что Калишьян прилетел на самолете спец. назначения (этот самолет и везет это мое письмо в Тбилиси), а вообще сейчас перелетов Саратов – Куйбышев нет, погода нелетная. Виленкину лететь не хочется, предчувствует трудность работы и свою неподготовленность.

По словам Калишьяна, кворум будет очень мал: есть ответы о приезде от Толстого, Халимы Насыровой, Корнейчука, да в Куйбышеве из Комитета есть Самосуд, Храпченко. Кто-то есть из композиторов. Надеются, что, м. б., подберется человек 10 членов Комитета. Говорят, что по музыке есть сильный претендент – Шостакович с его новой, 7-й, симфонией. Симфонию собирается вскорости исполнить Самосуд, готовится к этому. По словам Калишьяна, знающего со слов других, вещь громадной силы. Есть верные претенденты по разделу кино.

Тот же Калишьян рассказал, что при нем пришла Ваша телеграмма об отсутствии связи с Саратовом и о Вашем решении относительно отпуски Якубовской. Он ответил Вам телеграммой, что Якубовской послышались копии приказа об отпуске. Получили Вы телеграмму? Письма к Якубовской (на адрес Нежного), вероятно, не дошли, а там было нужное разрешение. При Калишьяне же пришла телеграмма из Тбилиси о Вашем здоровье. По письму ко мне Нежного от 7 янв., по почте, я уж знала и передала всем нашим, что Вы поправляетесь, а сообщение Калишьяна о телеграмме, что у Вас нормальная температура, еще больше всех нас успокоило. А то мы тревожились, узнав из писем семьи Тарасовой, что Вы нездоровы.

Поздно вечером узнала я от Калишьяна, что самолет завтра рано утром идет на Тбилиси, что надо сдать письма к 9-ти утра завтра. Вот поэтому я и пишу Вам в такой ненормальной обстановке, когда мои “мальчики” уже спят.

С Калишьяном о делах наших в Комитете поговорили наскоро. Он рассказал, что привезенный им репертуарный план не получил одобрения, “Живой труп” отменили, даже сделав указание Калишьяну, что пусть, мол, художники по своим эстетическим вкусам и симпатиям могут хотеть работать над этой пьесой, но он как политический директор должен был бы противодействовать внесению в репертуар этой пьесы. Вычеркнули из репертуарного плана и “Сирано”. Таким образом, план признан неудовлетворительным и предложено в течение месяца представить новый план. Посоветовали подумать о “Виндзорских проказницах”. Кроме того, Калишьян привез новую пьесу Вл. Соловьева в стихах “Великий государь”, об Иоанне Грозном. И говорит, что ждать нам от Толстого пьесы на эту тему, заказанной еще в Москве, не стоит, это будет не скоро, а пьесу Соловьева (к тому же лауреата²) нужно почитать повнимательнее и не быть с места против нее из-за предвзятости к этому автору. Рассказал еще, что слушал у Солодовникова чтение двух актов новой пьесы Финна. Два акта очень понравились, и договорено с Солод., что как только пьеса будет автором закончена, мы ее получим для чтения. Темы пьесы он не сказал.

Пока Калишьян был в Куйбышеве, был к нам запрос от Комитета о плане наших здешних премьер в этом сезоне, и отвечено было, что после “Курантов” намечено “Горячее сердце” (середина февраля), затем “Пушкин” (середина марта), “Федор” (середина апреля) и “Последняя жертва” (середина мая). Однако, по словам Жени, сейчас идут переговоры между Москвиным и Хмелевым относительно порядка. Москвин настаивает на порядке: “Горячее сердце”, потом “Федор”, а Хмелев предлагает переставить порядок и начать с “Федора”. Про “Пушкина” Женя говорит, что хотя такой план составлен, но как-то твердости в решении нет, и такое впечатление, что выпуск могут и оттереть, боятся, что выпуск этой пьесы несвоевремен. И Станицын тянет, не хочет заниматься режиссурой – то ли устал от актерской работы (у него действительно до выпуска “Дна” и “Курантов” не было свободного вечера), то ли занят своими личными семейными делами. Или то и другое вместе.

Очень важным вопросом в Куйбышеве был вопрос о начале работы в Москве нашего филиала. Комитету хочется, чтобы мы работали, как и Большой театр: одна сцена здесь, другая в Москве. Солодовников говорил об этом с Храпченко по телефону, тот сказал, что сам не берет на себя решение этого вопроса и поставит его в Совнаркоме. Солодовников, уезжая в Москву, сказал Калишьяну, что сам будет в Москве докладывать этот вопрос и так как сам является зачинщиком этого дела – будет всячески защищать свою точку зрения. Он считает, что имеющиеся в Москве наши актеры, если к ним прибавить какую-то группу из саратовских, которые могут быть отсюда от репертуара отпущены, смогут иметь там в репертуаре три пьесы, и этого будет совершенно достаточно. Спрос на театр в Москве громаден, зритель там сейчас не московский, а совсем новый – громадное число военных, и двух-трех спектаклей хватит совершенно. Придется Калужскому подумать над всем этим, как ни затруднительно это и как ни скептически он к этому относится, считая, что такое разделение нашей труппы приведет к ослаблению спектаклей и здесь, и в Москве. Солодовников говорит, что спектакли в филиале Большого в самые трудные для Москвы дни имели такой международный резонанс, что нельзя этого не учитывать. К тому же в Москве сейчас два оперных театра³ и ни одного первоклассного драматического. А если говорить о первоклассности, тотчас же встает вопрос о МХАТе.

Вот примерно вкратце все новости по Комитету, что рассказал Калишьян. Наши саратовские новости такие:

12-го января приехала сюда Еланская. Самолет доставил ее до Энгельса – города на другой стороне Волги. Как раз накануне, 11-го, наши были в Энгельсе, давали там два концерта и на машине вернулись поздно ночью обратно. Когда же 12-го приехала туда Еланская, то оказалось, что за ночь по Волге прошел ледокол и на машине добраться до нас нельзя. Ей пришлось ехать поездом, и попала она к нам утром 13-го. Ее приезд вызвал громадные восторги всех товарищей, всем было приятно

увидеть такое отношение к театру. Бросила в такое трудное время мужа, дочерей, спокойное житие и приехала к товарищам, в общее их дело. Сначала она просмотрела здесь спектакли – “Три сестры” и “Школу”, а 17-го уже играла Ольгу, играет и следующий спектакль. 26-го будет играть “Анну Каренину”. Евг. Вас. поставил вопрос перед Хмелевым, чтоб в “Трех сестрах” теперь играла только она, но Хмелев жалеет Соколову и не хочет отнять у нее права на очередь. Женя с этим крепко не согласен, но, вероятно, ничего не сможет поделать.

22-го вышли “Куранты”. Сколько ни было предсказаний, что выход пьесы пройдет не просто (все из-за мнения о несчастливице Пилевской), как ни пугались хрипотцы у Хмелева, простуды Соколовой, – пьеса вышла на публику. 21-го была генеральная: папы-мамы, ГИТИС, военные. Успех был очень большой. 22-го премьерная публика была труднее московской, и все же успех был большой. Вам послана телеграмма о премьерке – к сожалению, не знаю ее текста, печатала не я. Знаю, что подписать ее собирались Хмелев и Москвин, они же, вероятно, ее и составили. Здешние власти высказали после конца спектакля Москвину самые большие восторги и благодарности. Очень большой успех имела последняя картина, где Грибов играл великолепно, и финал найден удачно, и Сталин говорит заключительные волнующие нас сейчас особенно слова. М.О.Кнебель говорила мне, что собирается написать Вам большое письмо о всей работе над спектаклем здесь, в Саратове.

Довольно трудно проходил вопрос с ролью Сталина. Писала ли я Вам, что решено было пробовать Герасимова? Да, по-моему, писала. Проверить по копии не могу, бумаги мои в соседней комнате, у “мальчиков”. На показе худсовету Герасимов не удовлетворил многих членов совета, и решено было показать его вторично через день. Но на второй показ уж почти никто не пришел, и защитникам Герасимова было легче убеждать имевшихся налицо членов совета. Вопрос, таким образом, решился почти что сам собой в пользу Герасимова. Хмелев очень много с Герасимовым занимался и добился хороших результатов, он (Герасимов) сделал для себя громадные успехи. И притом, что он внешне (особенно анфас), с помощью Фалеева, очень похож на портреты Сталина тех годов, и притом, что у него текст разборчив (помните, как пропадал текст у Болдумана из-за взятой им характерности речи?) – все получилось приемлемо и вполне достойно, корректно. Он не зажигает, в нем нет заразительности вождя, но если говорить о внешней портретности – это есть.

Вероятно, Кнебель напишет Вам об этом подробнее, и больше по существу.

Удача пьесы и спектакля в том, что самым неудачным вышел 1-й акт, а дальше пьеса вызывает к себе все больший и больший интерес. Мне показалась очень плоха первая картина, “Иверская”. Разрешена и внешне примитивно, и мизансценно неинтересно. Хорошо, что о ней

совсем забывают уже к концу 1-го акта. Для меня – обеднена картина у Кремлевской стены именно тем, что она не у стены, а снова на мосту. Дмитриев мучился тем, что Вы подумаете, что он снова вернулся к решению “на мосту” потому, что воспользовался Вашим отсутствием. Но это не так. Он сам полюбил стену больше моста. Но в условиях здешней сцены поставить кремлевскую стену было совершенно невозможно, и ему кажется, что единственное разрешение было дать задник – вид на Кремль – и на авансцене мост. Но из-за этого ужасно однообразны, надоедают мизансцены, вернее, существует всего одна мизансцена: Ленин у перил моста и около него справа или слева то Рыбаков, то рабочие, то нищая. И светово для Грибова она невыгодна: подсветы, рампя меняют его лицо, как изменилось бы от этого лицо и самого Ленина, если б он тут стоял под (вернее, над) этими фонарями.

В картинах у Забелина мне сильно не хватает Свободина⁴. Играет за него Вербицкий. Играет как Вербицкий, вот и все, что могу про него сказать, хоть его и похваливают его друзья и родные.

Очень хорошо играет Пилявская, сильно похудевшая и потому помолодевшая. Пожалуй, больше улыбалась и смеялась, чем Вы этого от нее хотели. Но, вероятно, это от волнения премьеры. Мягко играл Ливанов. Очень не мягко наиграл Володя Попов в малюсенькой роли председателя домкома. Но здешней публике нравится такое исполнение, она жадна до смешного, комического. По-прежнему совершенно великолепно играет Хмелев. Я Вам еще в Нальчик писала восторженно об этой его роли. Очень хорошо играет Соколова мать. Проста, естественна и всем нравится. Грибов мне понравился очень. Сам-то он недоволен, что не мог показать Ленина на трибуне, и жалеет, что отменили в последней картине народную сцену. Но мне всегда казалось, что ему не удастся именно показать силу Ленина на трибуне. А вот когда он со всей убежденностью и страстностью говорит свои мысли в обстановке кабинета, можно поверить в силу его на трибуне, можно предугадать эту силу, потому что он дает намеки на это. Последняя картина у Дмитриева разрешена несколько плакатно: зелено-серыми ширмами, матерчатými в складку (как на протяжении всего спектакля, начиная с “Иверской”) выгорожена комната с громадным трехстворчатым окном на заднем (не очень глубоком) плане. А за окном задник: вид сверху на зубчатость Кремлевской стены с ее башенками, на Москву-реку с мостом и храмом Христа Спасителя вдаль, с домами на левом берегу. Я не успела спросить, почему не использован тюль в этом заднике, почему задник выпирает несколько назойливо, резко. Думаю, что по условиям здешней сцены нельзя было спустить тюль. Вряд ли это вкус Дмитриева – обнародовать такую резкую живопись.

В отдельном конверте посылаю Вам афишу и программу “Курантов”. Федя просил Вам передать, что зеленая окраска букв не наш вкус (первые афиши были синим напечатаны), а возможности (а м.б., вкус?) здешней типографии.

Пора прощаться с Вами, милый Владимир Иванович, четвертый час ночи. Если не сможете написать в ответ что-нибудь (говорят, этот самолет через два дня вернется в Саратов), пожалуйста, скажите Евпр. Вас. или Нежному, чтоб написали мне побольше о Вас.

Пожалуйста, передайте привет всем Вашим домашним, нашим старикам и Нежному. Не успеваю написать никому сегодня. Нежному спасибо за письмо от 7-го. Желаю Вам быть здоровым, довольным. О, как я жду возвращения в Москву и встречи с Вами.

Ваша *О.Бокшанская*

427.

Саратов, 19 февраля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Как быстро бегут дни! Оказывается, я не писала Вам с 24-го января! Никак не могу наладить писания Вам дневника, который посылался бы Вам при оказии. Не налаживается потому, что у нас оч. часто выключают электричество, и тогда мы вынуждены бездельничать. А чуть зажгут – надо дорабатывать то, что было оставлено из-за темноты. Дела у меня много – не по специальности главным образом.

Работать по буфету, начиная с конца декабря, пришлось мне одной, все остальные работавшие постепенно отстали от этого дела из-за разных причин: кто занят в театре, кто предпочитает заниматься своим личным хозяйством. И потому с утра до пятого часа дня я – работник прилавка. А после этого только начинаю работать по канцелярии. И тут-то как раз и начинается игра со светом, которая мешает работе. В темноте мы, шаря по стенам руками, ощупью спускаемся с лестницы, ходим друг к другу в гости. Или ложимся отдыхать. Два возможных занятия. Завели себе копилки, которые искусно делал Володя Попов, но они дают только возможность ориентироваться в комнате, но ни читать, ни писать при них нельзя: темно. Выключение света было губительно еще и для питания, потому что все готовят себе обеды на электр. плитках, и, значит, нет света – нет обеда. Теперь наступило хоть в этом успокоение: открыта специальная для нас столовая в доме рядом с гостиницей (помещение какого-то ресторана, вернее – вроде кабака это было, нет, трактира). Наступило это “раскрепощение домашних хозяек” в субботу 14-го и встречено было всеми с большим восторгом. Обеды отпускаются и на дом, и многие “индивидуалисты” продолжают пользоваться (а иногда лишены этой возможности) своими эл. плитками. Директором столовой назначили Бутюгина, он же комендант нашей “Европы” и других общежитий МХАТа, словом, занимает очень каверзные должности. Прямо можно сказать, если к нему в номер раздается стук – значит, неприятность. С приятным никто к нему не придет, а приходят только с

печальными сообщениями: лампочка перегорела (лампочки здесь дефицитный товар), трубы отопления холодные, неубрано в коридоре или умывалке, кипятильник плохо работает... Теперь только такие разговоры он и слышит. Я как-то была у него в комнате с час времени и нашла, что у него хуже, чем у нас. И у нас постоянные стуки в дверь постоянно врывается народ – то к Евг. Вас., то ко мне по делам. Но у него, у Бутюгина, стуки чаще и дела неприятнее.

В первых числах февраля выехал в Москву Раевский, давно вызывавшийся туда Комитетом по дел. иск. Главным образом, его вызывали для того, чтоб уговорить его поехать в Ташкент хударком Театра Революции. Деятельностью этого театра в Комитете недовольны. Задерживал выезд Раевского в Москву ввод Кедрова в “Три сестры”¹, без этого Раевского отпустить не могли. Станицын был вымотан ежедневным своим участием в спектаклях и умолял о вводе. А Кедров занят только в “Карениной”. Наконец это совершилось, Кедров сыграл Андрея и Раевский поехал. Сыграл, как говорят, хорошо, собираюсь пойти его посмотреть, когда снова придут лунные ночи, а то сейчас пора без луны и на улице непроглядно темно. Будь Женя занят в спектакле, я бы с ним пошла и вернулась, а у него “Три сестры” как раз свободный вечер.

Раевский от назначения в Театр Революции отбился и 10-го выехал обратно в Саратов, прихватив с собой Блиникова, Коломийцеву и их сына, которые собирались к нам и предпочли приехать вместе с Раевским, из-за этого задержались специально. Конечно, рассказов о Москве у них множество, приехали они 13-го поздно, уже к ночи, приехали с опозданием из-за заносов на пути, поблизости от Саратова. А нам и невдомек, что заносы, у нас как раз снегу не было давно. Привезли они мне письмо от Лизочки Аслановой – мужественное, стойкое, но показывающее, что жизнь в Москве трудная, очень тяжкая.

В ту же ночь в Москву выезжали отсюда наш помреж Викт. Комиссаров, он же председатель месткома, и Михаловская, выпросившая отпуск к больной матери. (Злые языки уверяют, что болезнь матери предлог и, м.б., выдумка, а главное это то, что был у нее здесь какой-то кавалер, кот. уехал в Москву, и ради него-то она туда и покатила. Ее долго не отпускали, т.к. Лабзина, могущая за нее играть единственный ее бездублерный эпизод “Курантов”², приехав из Куйбышева, заболела почками и лежала. Михаловская не дала минуты покоя ни себе, ни дирекции – и, как и следовало ожидать, уехала именно в тот день, в который она наметила уехать. Ах, какой это удивительный экземпляр человека! Поразительная энергия и ни перед чем не останавливающий напор! Наши девушки зовут ее “Наполеон”.)

Комиссаров поехал в Москву с делами от дирекции и месткома, повез деньги, собранные от спектаклей для кассы взаимопомощи, с тем, чтобы в Москве принять участие в их распределении. Здесь опасаются, что без участия нашего месткома в Москве могут эти деньги, что мы собрали спектаклями и еще собираемся собрать, распределить лицепри-

ятно. Поэтому командировали Комиссарова, снабдив его попутно еще другими поручениями.

Да, забыла Вам написать про Блиникова, что, помимо работы в “Последней жертве”, “Федоре” и “Гор. сердце” (писала ли я Вам, что по “Гор. сердцу” идут, вернее, пойдут вводы не только Матрены – Лабзиной, но и Градобоева – Топоркова), он будет работать Бубнова в “Дне”, потому что Истрин очень слаб в этой роли. Как это ни странно, но для Саратова получилось так, что Истрин – актер на заметные роли: он и Бубнов, он и Раули в “Школе злословия”. И везде слаб. В “На дне” хотя бы сделать еще один ввод – Грибова на Луку. Пока с ним об этом разговора не было, но Ив. М. предупреждает, что играть часто ему трудно, и даже если у нас будет Мих. Мих. здесь или в Москве, все равно бывают периоды, когда оба они не могут из-за недомоганий или курса лечения играть спектакли. Для Грибова в ближайшее время не предвидится большой новой работы, вот Евгений и хочет его убедить заняться Лукой. Тем более что среди молодежных работ сейчас есть “Дно”, это могло бы помочь занятиям Грибова. (О молодежных работах напишу Вам специальным абзацем.)

Работают наши актеры очень много, заняты в спектаклях больше, чем в Москве, потому что здесь бывает до трех утренников в неделю (для поднятия доходности), и в концертах. Шефская работа здесь громадна, а февраль – это самый “концертный” месяц из-за 23-го числа – дня Красной Армии, когда и до 23-го и после 23-го все еще ведется кампания по обслуживанию воинских частей. Начинается эта кампания задолго до 23-го. Например, ежемесячно мы даем по одному шефскому спектаклю у нас в театре, а в феврале даем три. К обычному для нас количеству концертов в феврале прибавляется 10. У нас подшефное военное училище здесь уж есть и 2 подшефных госпиталя, мы их обслуживаем специально и часто. И другие организации прорываются и получают наши номера. У нас есть договор с консерваторией такого характера: мы даем для госпиталей 18 концертов в месяц, в которых все наши номера и два номера от них, и они дают 18 концертов из своих номеров плюс по два номера в концерте от нас. Таким образом, в день приходится выкраивать номера для выступлений в нескольких организациях. Иногда бывают и платные концерты для актеров, напр., концерты в Энгельсе оплачиваются, иногда и саратовские. Но чаще, конечно, выступления проводятся бесплатно. Руководит всей шефской нашей работой Евгений и считается большим знатоком этого дела.

20 февраля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот начинает что-то получаться вроде дневника, пишу второй день подряд. Когда уж написала Вам вчерашнее, опаматовалась, что не с того я хотела начать письмо. И вышло это совсем незаметно для меня, как бывает и в разговоре: надумаешь говорить одно, а отвлечешься на

другое. Хотела я сразу написать Вам, что мы здесь переживали сильнейшую тревогу за Вас, пока Вы болели. Сведения приходили скудные, короткие строчки в письмах к Тарасовой от ее родных, в письме Нежного ко мне – и это все. Я горевала: неужели Евпр. Вас. не может хоть открытку прислать с той же оказией, что доставила письма Тарасовой?! Знаем одно: Вы нездоровы, Вы переехали в больницу. Вот мучайся вопросами, как протекает болезнь, нет ли чего серьезного? Так что когда пришла Ваша телеграмма, для меня было такое ликование – вся жизнь порозовела. Тотчас же показала ее нашим трем директорам и вывесила на доске. А через 3 дня прибыла молния от Нежного о том, что на днях Вы выходите из больницы – посланная из Тбилиси 4 дня раньше Вашей. Вот как прибывают по адресу “молнии”! У нас теперь появились друзья на здешнем телеграфе и нам обещано, что наши телеграммы будут доставляться оч. аккуратно. Кажется, наши телеграммы Вам после Вашего возвращения из больницы именно быстро и были Вам доставлены, судя по полученному от Вас ответу насчет денег. А дошли ли своевременно телеграммы по поводу Сталинской премии?

Теперь напишу Вам об учебных работах, которые недавно объявлены и уже начались. Как Вы увидите из прилагаемой копии протокола худсовета, решено было оставить чеховские водевили. Отчасти тут была и та мысль, что если работа вся или над какими-ниб. отдельным водевилем будет удачна, то ее можно использовать как номер для выступлений в госпиталях и воинских частях. Так было, напр., с “Предложением” в молодежном составе, показанным весной в Москве. Распределение такое:

“Свадьба”

Жигалов – Шутов
Его жена – Берестова
Дашенька, их дочь – Бейнар
Апломбов, ее жених – Снегин
Ревунов-Караулов – Дамский
Нюнин – Ковшов
Змеюкина – Шостко
Ять – Нефедов
Дымба – Эзов
Мозговой – Хоцанов
Лакей – Кондратьев
Режиссер-педагог – Топорков

“Юбилей”

Шипучин – Некрасов
Его жена – Щербинина
Хириин – Цильман
Мерчуткина – Цыганова
Режиссер-педагог – Станицын

“Медведь”
Вдовушка – Лебедева
Медведь – Звенигорский
Лука – Готлиб
Режиссер-педагог – Соколова

“На дне”
Кривой Зоб – Шутов, Кондратьев
Василиса – Базарова
Костылев – Нефедов
Клещ – Аркадьевский
Сатин – Некрасов
Анна – Бартошевич
Наташа – Петрова
Квашня – Халатова
Пепел – Дубов
Татарин – Эзов
Режиссеры-педагоги – Орлов и Герасимов
“Горячее сердце”
Параша – Иванова
Режиссеры-педагоги – Орлов и Лесли.

Вот я переписала для Вас лист, который был вывешен. Должна сказать, что среди молодежи он вызвал всякие чувства и волнения, у кого радостные, у кого огорчительные. Но два пункта вызывали неизменно юмор: особенно понятный в условиях нашей жизни, когда все поселены вместе и знают друг о друге подноготную: это участие Щербининой в “Юбилее”, где режиссером Станицын, и назначение для Ивановой работы по “Гор. сердцу”, где помимо явно необходимого режиссера Лесли (собственно, теперь у нас единственного режиссера, знающего этот спектакль и давно уж неизменно работающего над вводами в эту постановку) значится режиссером-педагогом и Орлов, о влюбленности которого в Иванову всем известно. Вот и изволь тут удержаться от юмора, который так и порхает в наших стенах, рядом со всякими и тяжкими переживаниями. Только что кончили обсуждать неудачу Орлова с вводом Ивановой на Наташу в “Дно” – и опять новая тема. А с Наташей было так: Орлов занимался с Ивановой этой ролью и так хвалил ее за занятия и так настаивал на ее вводе к премьере, что Москвин почти что за глаза решил, что Титова должна уступить премьеру. Но когда был первый показ Москвину, он не согласился дать Ивановой играть. Орлов обещал еще с ней позаниматься, объяснял неудачу волнением актрисы. Но и второй показ был неудачен, и решено было оставить роль на премьеру и дальше за Титовой, дав не ровную очередь в спектаклях Ивановой. Теперь она иногда играет Наташу. И теперь, давая Ивановой в качестве

учебной работы Парашу, Орлов, вероятно, надеется на ввод ее в спектакль. Но по всему показанному Ивановой в “Пушкине” и в “Дне” трудно себе представить, что у нее есть настоящий темперамент для пьесы о горячем девичьем сердце.

Работы эти начаты с молодежью с двумя видами на будущее: дать тренировку молодым актерам в больших ролях и, как я уже сказала, использовать для театра удачи: в водевилях – для показа их в шефской работе, в “Дне” – для ввода в спектакль. В свое время в Москве так использовали удачи в молодежной работе над “Синей птицей”, введя многих исполнителей в спектакль.

Из работ, предстоящих актерам первого положения здесь, в Саратове, намечены: Белокуров на роль Пепла, Болдуман – на Забелина. (Только что Женя мне сказал, что Грибов отказывается от Луки, не считает эту работу для себя интересной.) Кроме того, решено здесь начать работу и подготовить, сколько возможно, новый состав для “Вишневого сада” (по отдельным ролям), чтоб иметь его в Москве, когда пьеса будет в репертуаре филиала. Там намечено такое распределение: Аня – Гошева, Варя – Титова, Трофимов – Массальский, Лопахин – Блинников (его давнишняя мечта – эта роль), Епиходов – Грибов, Яша – Белокуров, может быть, Шарлотта – Георгиевская; была мысль о Шарлотте – Гаррель, но Хмелев ее отверг. Да, еще: Дуняша – Щербинина, которая хорошо показала в этой роли в учебном отрывке в Москве. Режиссер, как и в Москве, Кнебель.

У нас, как видите, много работают, но и немало болеют. Легко простужаются, легко заражают друг друга гриппом из-за скученности живущих, из-за общих умывальных, из-за постоянного общения простуженных и здоровых. Напр., был такой случай: накануне “Карениной” у Гаррель 39.9 вечером. На ночь дали роль Андровской, согласившейся выручить спектакль (правда, две картины, “У Бетси” и “Скачки” у нее на слуху). Но в день спектакля у Гаррель 37.3, к вечеру даже ниже нормальной температура, и спектакль она сыграла. Только пришлось играть в соболях жены Топоркова, из-за холода на сцене. Вот еще место, откуда идут простуды, там часто оч. холодно. Seriously заболела у нас Монахова, и Иверову пришлось потратить много сил, чтоб хорошо устроить ее в лечебницу. Заболевание ее началось с того, что у нее пошла горлом кровь, очень интенсивно. Иверов предполагает, что это явление сердечного порядка. У нее ведь очень плохое сердце, еще предыдущим летом, в Пестове, у нее было так плохо с сердцем, что ее вывезли из Пестова в московскую больницу, и в таком она была состоянии, что ждали самого плохого исхода. Но тогда она победила болезнь.

Эту страницу я начала писать на следующий день, т.е. 21-го. И, как оказалось, вовремя начала, потому что только что мне сказали, что через час-полтора надо сдать письмо Тарасовой, есть какия в Тбилиси.

У нас еще из новостей вот какие. Недавно (кажется, это было в начале февраля) у нас побывал на несколько дней Судаков. Закончив

свое пребывание в Куйбышеве на заседаниях Сталинского комитета, он решил навестить жену и прилетел сюда. Здесь летных часа полтора, кажется, между городами. Встречен он был любезно и по-товарищески, Клавд. Ник. в этот день как раз перебралась в специально для нее освобожденную комнату в нашей гостинице, до этого она жила в комнате у Телешевой. Он побывал и на наших спектаклях. Среди всяких рассказов о своих делах и работах он упомянул, что получил от А.Н.Толстого пьесу об Иоанне Грозном. А на эту пьесу у нас была договоренность с Толстым, через Комитет искусств. Если помните, Комитет в Москве еще задумал ряд творческих заказов драматургам и договорился с многими из них, в частности – с Толстым о пьесе про молодого Грозного для нас. Театр об этом более конкретно вел переговоры непосредственно с Толстым, – словом, театр считал себя обладателем этой будущей пьесы. Потом пришла война, Толстой уехал из Москвы, и наша литчасть, помнится, старалась разузнать, где находится Толстой, чтобы списаться с ним о пьесе. И вдруг такое сообщение! Через несколько дней мы услышали сообщение о пьесе Толстого в работе Малого театра по радио. Тогда было послано Солодовникову в Москву письмо – это был ответ на запрос о работе театра над пьесами современных драматургов. В этом письме рассказывалось, как театр начал уж работать с Толстым над пьесой, а также была просьба изъять пьесу из Малого театра и прислать ее нам. Кроме того, сообщалось что у нас есть договоренность с Ж.Р.Блоком и с Паустовским о пьесах; адресов этих двух авторов у нас теперь нет, и к ним были написаны письма, которые направлялись Солодовникову с просьбой передать их по назначению. Затем была просьба к Солод. об установлении контакта театра с Кавериным, Вс.Вишневским и Симоновым, к которым тоже были написаны письма предложения дать пьесы в МХАТ. Есть слух, что у Каверина написана уж пьеса, – в этом случае мы просили дать ее для ознакомления, тем более что пьеса о молодёжи Каверина была театром принята тогда хорошо и не пошла у нас не по нашей вине и вопреки нашему желанию³. Письмо к Солодовникову было подписано Москвиным, Хмелевым и Виленкиным, пять писем к названным авторам – Хмелевым и Виленкиным. В письме к Солод. упоминалась еще пьеса Эрдмана, наше ожидание доделок по “Глубокой разведке” и намерение включить в репертуар “Бронепоезд”.

Только что пришел ко мне Калишьян, принес две бумажки для напечатания: вызов в Саратов на работу Тарханова, Книппер и Шевченко и просьбу вывезти сюда семью Тарасовой. Гр. Мих. считает, что такой вызов от дирекции, без Вашей на то санкции, как-то неудобен, он высказывал это Москвину, но Ив. Мих. не то не согласился с ним, не то не понял его и просил непременно бумаги такие написать. А Гр. Мих., со своей стороны, просил меня написать Вам, что продолжает держаться своей точки зрения: как тбилисцы-мхатовцы, так и мы находимся в Вашем ведении как руководителя театра, и потому здешняя дирекция не может, без Вашего решения, вызвать сюда людей, находящихся в непо-

средственной от Вас близости; что Вы им должны дать такое направление, а не мы отсюда вызов.

Здесь уж дней 7–10 идет разговор, что Тарханов, Шевченко, Книппер и Изралевский хотят ехать сюда, а еще шли разговоры, что от Тарх. и Нежного была телеграмма, что было бы желательно соединение театра с тбилисской группой летом в Тбилиси. Вероятно, план о летнем соединении отпал и теперь перешел в другой план: приехать некоторым тбилисцам сюда.

Вероятно, с этой же оказией Вы получите письмо от Кнебель о “Курантах”, которое я недавно перепечатала для нее, потому что она, отчаявшись в оказии, хотела в копии переслать Вам по почте, а оригинал оставить до оказии. Я же в отдельном конверте посылаю Вам еще несколько газетных вырезок: там полоса саратовской газеты о “Курантах”, “Литература и искусство”, где статья с выдержками из саратовской рецензии, саратовская газета со статьей Виленкина о Тарасовой. А в конверте с этим письмом есть приветствия, которыми было отмечено трехсотлетию “Карениной”, протокол худсовета, отчет за январь (это мне дал наш нач. планово-финансового отдела Заявлин, занимавший в Москве эту должность и одновременно готовивший книгу об администрировании театром на основании Ваших знаменитых тетрадей из музея. Не знаю, помните ли Вы этого нашего работника. Он Ваш горячий поклонник и действительно учится многому у Вас в своей работе, читая все, что возможно, в музее о Вашем ведении дела театра до революции. Он был осенью призван в армию, и мы уехали сюда без него, а под самый Новый год, или в самом начале января, он приехал сюда, сначала в отпуск, а потом остался у нас на работе. И это вышло очень-очень кстати, пот. что он великолепно знает дело и предан ему всецело). Кроме того, я прилагаю две копии бумаг о пенсии Леонидовой. Из-за спешки отправки писем нынче не успею написать отдельно Нежному, а то я хотела передать Леонидовой эти бумаги через Нежного. Пожалуйста, передайте это дело Игорю Влад. Возможно, что Леонидова получила такие бумаги из Москвы, как мы получили их здесь. Но на всякий случай наша бухгалтерия просила меня переслать копии в Тбилиси, чтоб облегчить Леонидовой получение единовременного пособия и пенсии.

Писала ли я Вам еще осенью, что у нас закрыто экзаменовалась дочь Андровской, и тогда на всех произвела хорошее впечатление. Только ей тогда сказали, что надо кончить десятилетку, последний класс, а весной 42 года может прийти без экзамена. Но жизнь сложилась иначе, ни в какой 10-й класс она не пошла и находится с матерью здесь. Андровская, измученная вынужденным бездельем дочери, сама просила дирекцию разрешить Светлане хотя бы бывать на занятиях с молодежью, и это разрешено. Пока я еще не знаю, какая форма будет придана участию Светланы Баталовой в работе театра, но какая-то форма будет непременно.

На днях приехала сюда племянница Аллы Конст., которая когда-то

показывала Вам Ирину в “Трех сестрах”, студийка Студии Станиславского. Она еще до общей эвакуации из Москвы уехала в Свердловскую область и там сильно бедствовала⁴.

В Свердловск же сегодня уехал наш актер Еремеев за своей женой – Стругач, родившей в декабре сына, и за нашей актрисой Ауэрбах, эвакуировавшейся в Свердл. обл. с маленьким ребенком и бедствующей там в каком-то колхозе. Еремеев привезет их всех сюда.

С возвращением этого летчика буду ждать от Вас хоть коротенькой весточки, милый Владимир Иванович.

Желаю Вам здоровья, благополучия, буду теперь писать Вам и по почте, кажется, теперь это надежнее, чем до сих пор, письма доходят.

Ваша *Ольга Бокшанская*

428.

Саратов, 18 марта 1942 года.

Милый Владимир Иванович!

Для этого письма задумана такая форма отправки. Не знаю, найдете ли Вы это верным, правильным. Я пишу письмо для Вас в двух экземплярах: один посылаю по почте, как только письмо готово, другое отсылаю с первой же оказией. Если оказии долго нет, есть шанс, что письмо по почте дойдет и представит интерес; когда те же страницы письма дойдут в конверте с оказией, Вы их отложите в сторону и прочтете только то, что специально к оказии будет написано. Вот мой, довольно простой, план.

На протяжении 3–4 дней я получила от Вас несколько писем: прилетел летчик с письмами от начала марта и приехала из Москвы Михаловская, привезла письма, бывшие у Храпченко (или у Месхетели? – не разобрала из ее слов). Уж от письма мартовского у меня было расчудесное настроение от Вашей доброты ко мне: Вы меня похвалили за подробные письма, Вы хотели прислать мне и другим Вам приятным людям лимоны – это такое радующее внимание! Но когда я начал читать Ваше письмо от 17 февраля, которое начинается комплиментами моему “эпистолярному” умению, тут у меня в душе такая радость взмыла, такое ликование – дух захватило, честное слово! Вы даже и представить себе не можете, как дорога, как драгоценна Ваша похвала. Простите, что я начинаю с чисто личных переживаний, а не с того, как интересно было прочитать Ваши письма, главу из Ваших тифлиских воспоминаний.

И еще что доставило громадную радость – это Ваша карточка. Запечатленная фотография, некоторые находят, что лучшая из всех виденных. Как Вы считаете? Я думаю, раз Вы ее прислали, Вы ею тоже довольны. Мне она нравится ужасно, Вы такой там живой, верно схваченный. Смотрю на нее и смотрю – “и наглядеться не могу” (так, кажется)

ся, поется в “Пиковой”?). Мы задумали сделать копию с фото и фото с афиши для нашей стенгазеты, Глебов уже переснял, говорит – получилось хорошо. И к нему посыпались заказы со всех сторон: сделать копию Вашей карточки лично для многих наших актеров. А когда будет выпущена наша стенгазета, то мы сфотографируем ее и пришлем Вам фото. Сейчас все наши письма и газетные материалы находятся на прочтении у Москвина. Когда получу обратно, пройду по каждой строчке каждого письма – не надо ли на что-то ответить. Хотя, по правде говоря, знаю их почти наизусть. Верно ли я догадалась, что в грузинской газете напечатан тот же отрывок из воспоминаний, что и в “Заре Востока”? только на грузинском языке? Во всяком случае, Ваша статья напечатана, сверху ведь Ваша фамилия напечатана в таких кружевных буквах?

Теперь о наших различных делах. Вероятно, пойдет в самом причудливом порядке сообщение. Начинаю с отъезда Калишьяна. В ночь на 13-е уехал в Москву по вызову Комитета. Рассчитывает там пробыть так долго, что дождется приезда туда Хмелева. А тот сможет быть отсюда отпущен только после первых двух спектаклей “Горячего сердца”, намеченных на 27-е и 29-е. Именно двух, потому что первый раз пьеса пойдет для какой-то организации, а второй раз попадает на воскресенье, и тут-то и будет настоящая премьера, надо полагать. Кажется, на таком решении наше руководство хочет сделать один щекотливый шаг. Еланская как первая исполнительница имеет право на первый спектакль, лучшей же исполнительницей считается Тарасова. Так вот 27-го Еланской и дадут играть, а второй спектакль, который оказывается ответственнее, будет отдан Тарасовой. Не думаю, чтоб такой белыми нитками шитый план ускользнул от понимания Еланской. Но как она будет реагировать? Может быть, и сама согласится с этим, примет это очень формальное решение дирекции. Впрочем, вряд ли.

Вторым условием для отпуска Хмелева является ввод Болдуманова в Забелина, который тоже намечен на конец марта. Стало быть, только примерно к 1 апреля Хмелев окажется в Москве.

Дальше его план такой: он пробудет в Москве недели две, к середине апреля, к 20-м числам, м.б., вернется в Саратов. Вернется, надо полагать, с таким запасом заданий и решений, что должен будет здесь задержаться. И только в первой половине мая, примерно, к средним числам месяца, сможет отправиться к Вам.

Вот тут я обещала Хмелеву написать Вам о следующем. Должна только предварить Вас: если Вы даете мои письма читать нашим тбилисцам, то это письмо, пожалуйста, не давайте. Я напишу Вам то, что Хмелев просил секретно Вам передать, а если, скажем, Мих. Мих. прочтет или ему расскажут, то это непременно вернется известием в Саратов. Вы сейчас все поймете. Несмотря на то, что, как я Вам писала, никаких служебных – секретаря дирекции по худчасти, как это было в Москве, – обязанностей здесь я не несу, он пришел ко мне с таким разговором: он считает свою поездку к Вам очень нужной. Он понимает

так, что и Вы так считаете. При этом он не скрывает ни от кого, что он лично заинтересован в этой поездке, потому что рассчитывает при этом попасть в Махачкалу и повидать свою жену, по которой сильно соскучился. Но, не будь этого интереса, он все равно считал бы свою поездку к Вам существенно важной для дальнейшей работы. Даже не только существенно, но крайне необходимой. Однако у него создалось впечатление, что Ив. Мих. не так крепко настроен в отношении его отъезда в Тбилиси и может поддаться желанию задержать его в Саратове по мотивам страховки репертуара. Ведь к середине мая надеются и “Федора” иметь в репертуаре, и тогда, с отъездом Хмелева, целый ряд пьес (“Федор”, “Куранты”, “Каренина”, “Гор. сердце”, “Три сестры”) останутся с одним исполнителем. Самое уязвимое место, конечно, “Федор”. Правда, Хмелев рассчитывает, что к тому времени в Саратов уж придет Добронравов, о котором напишу дальше, когда расскажу о приезде т. наз. свердловской группы. Вместе с тем Хмелев (и я) по Вашей фразе в письме, в абзаце о толстовской пьесе: “На эту тему буду говорить с Хмелевым, которого жду”¹, понимаем, что и Вы находите его приезд необходимым. Вот Хмелев и просил меня написать Вам, что, может быть, Вы найдете возможным и нужным телеграммой или письмецом к Ив. Мих. вызвать Хмелева к себе.

Теперь заодно о свердловской группе. Вероятно, я писала Вам, что наш актер Еремеев, после своей поездки в Москву за имуществом, был отпущен театром в Свердловск за женой своей Стругач, родившей в декабре сына. На прощанье ему было дано поручение привезти сюда и нашу молодую актрису Ауэрбах, выехавшую в Свердловскую область еще до нашей эвакуации, еще в ту пору, когда было предложено вывезти из Москвы детей. А у нее маленький сынишка. Там она попала в очень трудное положение, пришлось ей там сделаться сельским почтальоном, что в зимнюю пору, да при тамошних морозах, очень тяжело. Она прислала сюда несколько отчаянных писем. Кроме того, Еремееву было сказано, что если Добронравов захочет приехать, пусть он и его привезет. И Готовцеву было обещано, что Еремеев может привезти оттуда его семью. И еще он должен был съездить в Томск и вывезти оттуда жену нашего зав. хозяйством Лифшица. На днях пришло сообщение от нашего актера Баташова из Свердловска, что он едет в Саратов с семьей, сам-пять. А ему в свое время был дан отпуск сроком до возвращения театра в Москву. Мы были еще в Москве, когда Баташов, несмотря на возражения худчасти, уехал сниматься. Теперь же он едет сюда, хотя совсем не нужен. Это известие от Баташова встревожило Ив. Мих., подозревающего, что многие в Свердловске (туда ведь эвакуировались семьи наших работников) захотят примкнуть к группе Еремеева, и театр будет поставлен в очень трудное положение устроить здесь всех и как раз в то время, когда Саратов начал принимать к себе большие группы эвакуированных из Ленинграда, перенесших там огромные трудности жизни. Для них готовят не только жилье и пропитание, но мне

рассказывали, что сначала им надо держаться на очень строгом пищевом режиме, постепенно только начинать питаться, иначе могут быть даже смертельные случаи. К нашему актеру Кондратьеву, напр., приехал брат (т.е. он попал из Ленинграда как раз в Саратов и таким образом встретился с братом), его видели некоторые наши, говорят – это ходячая тень, как после опаснейшей болезни человек. Можно себе представить, как местные организации теперь озабочены вопросом устройства ленинградцев и как некстати будут теперь просьбы МХАТа о добавочных комнатах, питании. Впрочем, Москвин, давая Еремееву телеграмму, сказал мне, что не рассчитывает, что это остановит приезд Баташова, возможно, что он уже выехал. Но кого-то, а главное – Еремеева в его сговорах с другими, остановит.

Продолжаю на следующее утро, 19-го. Вижу, что материалу накопилось для письма много, поэтому, чтоб не загружать конверт, на этом листке закончу письмо, отправлю его сегодня же, и тут же начну писать дальше, для след. конверта. Просмотрела начало и вижу, что попутно с рассказом о поездке Калишьяна в Москву не сказала, что он отправился туда по вопросам сметы, планов на будущий сезон, а в связи с этим и работы в Москве техн. работников – по ремонту. Конечно, и Калиш., и всякий другой поймет, что ничего определенного о нашем будущем никто ему сказать не сможет, и Калиш. предчувствовал, что будет предложено составить два варианта будущего: МХАТ в Москве с осени, МХАТ в Саратове. Во всяком случае, здешний “Храпченко”, по фамилии Коновалов, съездив в Москву в Комитет, рассказал, что там ему указали: планировать будущий саратовский сезон со МХАТом. Такое сообщение сразу отозвалось в нашем коллективе ужасно подавленным настроением, т.к. все мечтают о Москве, о доме-театре и доме – собственном, своем доме; но наше руководство поняло это так: надо быть готовым к различным вариантам в будущем. Кстати сказать, мы тоже здесь по бытовым вопросам решили подготовиться на всякий случай к второй зимовке в Саратове: наш комендант общежития и он же директор столовой Бутюгин решил заготовить топливо и завести огород. Сейчас здесь началась всеобщая огородная кампания, предложено всем учреждениям подумать и организовать это дело. Поставили этот вопрос на местком, а потом на общем собрании и мы. Сначала обстоятельства дела всех испугали, т.к. в 10-ти примерно километрах предлагается нам участок, ни транспорта, ни инвентаря не дают. Как же тут поднять огород в индивидуальном порядке? Но тут вступил в обсуждение Бутюгин, заявив, что он имеет возможность все это наладить, только пусть тогда отдадут огород столовой. А если кто из работников хочет завести свою грядку, – пожалуйста, он не препятствует, пусть ездит или ходит туда и хозяйничает. Всех это устроило и обрадовало.

Вот я опять отклонилась, хотела рассказать о вопросах поездки Калишьяна, а докатилась до огородов. Впрочем, и это стояло в моих рассказах о нашей жизни, только не на первых страницах письма было “планировано”.

Еще – попутно об Еланской и “Гор. сердце” – хотела сказать, что сейчас Еланская готовит царицу Ирину в “Федоре”. Может быть, я уже писала Вам об этом?

И еще – сейчас вспомнила фразу из Вашего письма, что я не написала Вам в свое время о публичной генеральной “Курантов”. Конечно, написала, как бы я могла не написать, даже в трудные наши московские предэвакуационные дни. Читая Ваши строки, я вспоминала, что как будто писала же я, а потом Кнебель мне напомнила, что она вошла ко мне в комнату в момент моего писания, и я у нее проверяла, правильно ли я записала высказывания Ем.Ярославского. Генеральная была 11 окт., 12-го я Вам писала, а 13-го был дан приказ об эвакуации театра 14-го из Москвы. Вероятно, письмо попало в самую кашу на почте и пропало. Копия, конечно, в Москве, в моих бумагах есть. Весь этот архив-переписка спрятан Лизой Аслановой.

Вчера не успела закончить письмо, делаю это 20-го утром. И сегодня же начну Вам продолжение. Не успела потому, что перед обедом позвонил директор здешней оперы, вызвал Евг. Вас., попросил, чтоб накормили обедом в нашей столовой прилетевшего сюда на один день Козловского. Когда мы кончили обедать, пришел как раз Козловский. Ну, пошли разговоры, и мы просидели с ним до закрытия столовой, до восьмого часу. И то оставили его сидеть там в обществе других наших, а сами поспешили домой, т.к. у нас были билеты на “Трубадура”, шедшего при нас здесь впервые и как раз попавшего на свободный вечер Калужского. Приятно было послушать эту оперу, и пели очень недурно, но без блеска.

Козловский прилетел сюда по семейным делам: сюда эвакуирована его сестра из Киева, живет в тяжелых условиях где-то в 25 километрах от города. Он собирался или добираться до нее, или послать за ней, чтоб сюда приехали. На последнем настаивают здешние власти, принявшие его самым радушным образом и организующие его встречу с сестрой. Пусть его в отъезд боятся из-за мороза, возможной пурги, заноса. О Куйбышеве Козловский сказал, что там устроены они оч. хорошо, много лучше нашего, работают мирно. Сам он поет “Травиату” и “Севильского”, последнего с большим удовольствием, давно не пел эту партию, нравится, что в ней можно пофортелить актерски. Говорил, что Як. Л. перенес два тяжелых сердечных припадков, но, невзирая на это, в компании может выпить и выпивает. В Москве филиал ГАБТ переходит (или уже перешел) на ежедневные спектакли, но с условием, что из Куйбышева постоянно будут присылаться исполнители, каждый ведущий певец должен будет периодически туда ездить. Пока отправлены туда зав. пост. частью и еще кто-то из администрирующих лиц – для налаживания этого дела, для постройки станков, т.к. все станки Большого театра пошли в тяжелые московские дни на баррикады. Козловский рассказал, что был уже в Москве, потом ездил под Можайск с бригадой. Дача его сожжена, а машину, на которой он и уехал из Москвы в Горь-

кий в ночь на 16-е октября², в Горьком у него бесследно украли, увели на улице, пока отлучился шофер. Оказывается, Горький этим настолько славится, что там ухитрились увести машину даже у коменданта города.

Недавно Евг. Вас. получил письмо от Степановой, которая с семьей в Чистополе, за Казанью. Это первая весточка от нее. Она пишет, что писала ему и приятельницам, но ни от кого ответа не получила. По той причине, что ни одно ее письмо до нас не дошло и адреса ее мы не знали. Сейчас Чистополь отрезан почти от нас, сообщение только лошаадьми от Казани, занесен снегами, морозы там доходят до 60 градусов, а 35–40 градусов считается нормальной. Пишет: “Получаю периодически приглашения на гастроли в Казани, но я отрезана снегами и морозами, до Казани можно ехать только лошаадьми, путь рискованный и тяжелый. Приходится дожидаться весны. Вот и кончилась моя деятельность худрука, режиссера и постановщика, так как работу в театральном коллективе, о котором я писала (в неполученном письме) я окончательно бросила. Стала прихварывать, пошаливают почки и грипп тоже мучает. Как мне хочется всех Вас увидеть! Как трудно очутиться вне театра после 17 лет каждодневных встреч. Единственно, что заставляет меня мириться с разлукой с вами – это то, что сынишка мой здоров, бегаёт около меня, и я чувствую, что я действительно уберегла его. Да и сейчас приходится делать много усилий, чтоб создать ему нормальную жизнь. Фадеев в Москве, от него тоже уже два месяца нет ничего. Как живет Ольга? Пишет ли ей Владимир Иванович? Напиши мне обо всем или попроси Ольгу, если ты уж очень занят”.

Евгений и я ответили ей большущими письмами. Евгений написал, что с открытием навигации ждем ее непременно сюда, он сильно ее убеждал не отрываться от театра так надолго. И подружки ее сразу взялись за письма к ней, так что если письма дойдут, то она будет иметь полное представление о нашей жизни.

Милый Владимир Иванович, до свиданья, через несколько часов начну след. письмо.

Ваша Ольга Бокшанская

429.

Саратов, 26 марта 1942 года

Милый Владимир Иванович!

Вот когда только могу начать продолжение письма, недавно отправленного Вам по почте. С чего ж начать? Начну с самого злободневного, с предстоящей премьеры “Гор. сердца”. 24-го была генеральная для папы-мамы. В саратовских условиях это действительно так и получается – папы-мамы, и здесь мы уж называем такие генеральные “для иждивенцев”. Это термин типично-эвакуационный, все приехавшие де-

лятся на работников и иждивенцев, и так как работники снабжаются буфетным пайком и другими единовременными выдачами каких-то продуктов, а иждивенцы через театр получают только хлеб по карточкам (за хлебом мы в магазин не ходим, а устроили так, что его нам привозят в гостиницу и здесь распродают, в помещении же “моего” буфета) и обеды в нашей столовой, то еще за ними довольно крепко установилась кличка “проклятые иждивенцы”, т.е. дармоеды. Так и спрашивают иной раз: “Варенье будут на работников давать или на проклятых иждивенцев тоже?” На генеральную Раевский рвался провести свой ГИТИС, но Хмелев возразил, считая спектакль (новых исполнителей: Лабзину, Топоркова и Конского – Барин с усами) сырым. Однако генеральная прошла оч. гладко. Все новые исполнители мне понравились. Пока шли репетиции и черновые показы худ. руководству, до меня доходили отзывы, что “мало готов”, “не нашел чего-то”, “застрял на маленьких правдах”, “не идет ни в какое сравнение с Тархановым” Топорков. М.б., оттого, что я была так пессимистически подготовлена к восприятию, м.б. потому, что в последние дни Топорков “дошел” очень быстрыми темпами, но мне он понравился и, как мне кажется, обещает сделать роль интересно и виртуозно. Во всяком случае, он этим сильно занят, увлечен, каждый вечер можно видеть его в коридоре нашем, когда он, не замечая никого, ходит взад и вперед и проигрывает для себя внутренне роль. У Лабзиной есть прекрасные куски, и очень жаль, что ей не посчастливилось пройти роль с настоящим режиссером, потому что Лесли в качестве режиссера слабоват и не может помочь актеру до конца. Конский мне нравится больше Ершова и Вербицкого, невкусные штучки и трючки которых всегда мне были неприятны. Да, я перескочила, не закончила про Лабзину: наше руководство уверено, что она постепенно овладеет ролью, у нее техники мало для того, чтоб сразу охватить все, но желание проникнуть в тайны техники есть и она хорошо схватывает замечания Хмелева, Топоркова, Москвина. Превосходно играла Тарасова, помолодевшая, похудевшая, живая, молодая. Ни одна из наших актрис в возрасте Тарасовой не может поспорить с нею в смысле молодости. И совершенно восхитил всех Грибов – Хлынов. Словом, уж на что строгая публика – свои, но и они одобрили спектакль и нашли, что он как-то очистился, посвежел. Думаю, что это потому, что отсутствовали нескончаемые трюки, которые публике нравились, но своих уже не увлекали – знакомы до предела. 24-го на генеральной не играли Москвин, Хмелев. Решено было, что они и Еланская будут играть генеральную (проданную одной из саратовских школ для нашей кассы взаимопомощи) 26-го, а затем – 27-го первый спектакль, проданный подшефному училищу, играла бы Еланская (и Хмелев, но без Москвина), а 29-го, с рассылкой мест здешней премьерной публике, второй спектакль: Тарасова, Москвин, Хмелев. И вдруг утром 25-го Лабзина без голоса (ей, бедной, пришлось после генеральной 24-го вечером еще играть в “Слуге двух господ” в клубе военном, да у нее еще декретированные дни) и у Еланской несмыкание связок, так что если даже поправить голос Лабзиной, то 26-го днем Тарасовой играть “Гор. сердце”,

а вечером “Каренину”. Решили генеральную 26-го отменить, а так как она была продана, то перенесли ее на утро 8-го апреля. А завтра играется спектакль для подшефников с одной генеральной, 24-го. И будет он вроде подготовки для новичков к спектаклю ответственному, 29-го. Возможно, Конский сыграет и 29-го, если Ершов не поправится. У Ершова воспаление среднего уха, в слабой степени, правда. Результат пребывания в снежных сугробах после весело проведенного где-то вечера. Против участия Конского в премьере руководство ничего не имеет и дало бы Ершову сыграть только на основании прав Ершова как первого исполнителя.

Вчера Москвин впервые говорил по телефону с Калишьяном, до сих пор не удавалось его застать у телефона. На днях по радио мы слышали беседу с Калиш. в Москве. Это была информация о проделанной в Саратове работе и о предстоящей до конца сезона. Ваше радио передало ее в Тбилиси? В телефонном разговоре Калиш. сообщил, что занят улаживаем квартирных дел. Саратовцы с момента издания закона об оплате квартир эвакуированных аккуратно вносили здесь деньги за квартиры, а в Москве, оказывается, деньги не получены, и это грозит неприятностями каждому в смысле заселения его квартиры. Калиш. повез отсюда кипу копий квитанций на уплаченную здесь квартплату. Затем Калиш. сказал, что Комитет обсуждает вопрос относительно гастролей МХАТ в Куйбышеве и Сталинграде этим летом. На обдумывание этого вопроса театру даны 3 недели. На вопрос, как смотрит Комитет на сроки возвращения театра в Москву, Калиш. сказал, что предположительно это сентябрь. Еще он сказал, что сейчас занят добыванием для театра топлива, т.к. там очень холодно, 4 гр. И налаживает дело с подготовкой помещения (ремонт) к возвращению театра в Москву. Не по телефону, а телеграммами был решен вопрос относительно приезда в Саратов Поповой и Кторова.

Дело это имеет свою историю. Им было предложено выехать, начиная с первого дня эвакуации. Тогда они не поехали, т.к. Попова была серьезно больна, у нее было воспаление костного нерва после неудачной зубной операции. Затем мы ждали их с каждой приезжавшей сюда группой, но они не приехали из-за медленной поправки Поповой. Но у всех сложилось мнение, что их задерживают в Москве и разные другие обстоятельства – семейного порядка. Наконец Еремеев, возвратившийся сюда в январе, делал им предложение поехать с ним, но и тогда они не поехали. И только с Михаловской, недели 2 назад, пришли письма от Кторова Евгению Вас., Москвину и некоторым друзьям, что они хотели бы приехать в Саратов, чтоб быть и работать вместе с театром. Сначала это встретило возражение Ив. Мих. Через короткий срок Ив. Мих. получил еще и телеграмму от Кторова, о том же. Тогда он, переговорив с Хмельевым и Евгением, считая, что здесь работают и некоторые из тех, кого театр вовсе и не собирался вывозить с собою, так почему же не работать и им, и полагая, что присутствие Кторова обезопасит спектакль

“Школы” от срыва, как это было недавно по болезни Прудкина, всегда очень ненадежного в этом смысле, решил ответить им: “Приезжайте”. И ответил. Но прошли сутки, и он же вместе с Хмелевым послал телеграмму Калишьяну с просьбой согласовать в Комитете вопрос о приезде сюда Кторова и Поповой. Вероятно, за эти сутки они решили не брать на себя целиком этого вызова, именно из-за всяких разговоров и разговорок, которые шли по этому делу. Через несколько дней по телефону из Москвы (с Гремисл.) мы узнали, что Комитет задерживает выезд Кторова и Поповой, во всяком случае, до мая, т.к. они нужны в Москве для работы в бригадах. А потом пришла и от Калиш. телеграмма: “Выезд Кторова Поповой встречает возражения Егорова, Гремиславского, нарушая работы бригад. Моя точка зрения об отсутствии деловой необходимости вызова остается прежней. Комитет отъезд Кторова и Поповой считает нецелесообразным”.

Тут, отчасти кстати, скажу несколько слов о работе по “Глубокой разведке”. Я, кажется, писала Вам, что Комитет сообщил, что желательно возобновить эту работу и закончить. Кедров тогда заявил, что без Поповой он ничего делать не может, а замены ей не видит ни в одной из имеющихся в Саратове актрис. Попутно он мямлил еще и про то, что Комолова его не удовлетворяет в роли девушки-шофера, что хоть он с ней и работал и она в чем-то преуспевала, но уверенности в том, что в конце концов это выйдет, у него нет – Вы знаете Кедрова и представляете себе этот весь разговор. И хотя он все время упирал на высокую требовательность в искусстве, но ясно было, что он хочет оттянуть дело до Москвы и отдать роль Бендиной. А замена была ему предложена неплохая – Дементьева, человек очень способный; помните, какого веселого крепыша-девушку они играли в “Банкире”? Но так как Кедров все же не стал останавливаться на роли шофера – Комоловой, а больше уцепился за Попову: раз что ее нет, я не могу начать репетиций! – то при обращении Кторова и Поповой с просьбой о вызове их вопрос сразу был поставлен Кедрову: нужна вам Попова? Вот теперь она может приехать, и вы начнете “Разведку”. Тогда Кедров заявил, что он ничего не может сказать, он не знает, какова стала после болезни Попова, вон, говорят, она сильно постарела; а кроме того, есть слух, что автор пьесы Крон, которому заказаны давно еще переделки, внес очень большие изменения (откуда у него такие слухи? Кажется, Крон и посейчас сидит в Кронштадте), и может быть, при этих изменениях роль Марго совсем изменилась, и ни теперешняя Попова, ни даже прежняя, которая была ему незаменима, не подойдет. Словом, никаких репетиций по “Разведке” нет и вряд ли можно на них надеяться. Что и требовалось Кедрову. А скольких трудов и нервов стоило ввести его в “Три сестры” тому же Хмелеву. Я, кажется, тогда писала Вам. В общем, теперь Кедров играет Каренина и иногда Андрея, но Евгений зато заставляет его довольно много работать по концертам, где он исполняет два номера: сцена Манилова и 3-й акт “Тартюфа”.

Сцены из “Мертвых душ” и “Тартюф” загружают концертной работой и Топоркова, который ничуть не отлынивает от дела, но так сложился репертуар, что он долго совсем ничего не делал в спектаклях, потом, заменяя уезжавшего за женой в Актюбинск Петкера, сыграл роль адвоката в “Карениной” и теперь иногда ее играет. Но при этом Топорков приготовил и Градобоева. И играет Чичикова решительно во всех сценах из “Мертвых душ”.

А теперь из области легких пересудов и перешептываний, и пишу Вам об этом тут же только потому, что только что говорила Вам и о Комоловой, и потому, что вероятно, это вызовет улыбку у Вас. Наш покинутый Володя Ершов недолго унывал, сначала что-то просил передать Кемарской по телефону в Москву, что-то вроде: я теперь свободен, жди меня! – но тут же увлекся в Саратове... Комоловой. Представляете себе это странное зрелище, когда он идет с нею по улице. Непременно улыбнетесь.

Вот написала я Вам, как отлынивал от работы Кедров, а теперь расскажу, что есть и ищущие работы и выискивающие ее. Так, Андровская и Массальский, пригласив себе в режиссеры Станицына, сделали номер – скетч “Покинутая”, кажется, довольно известный и всегда пользующийся успехом, перевод с французского. Это сценка, где актер и актриса репетируют сцену разрыва и доходят до сильнейшего скандала, отдаваясь игре. Появляется хозяин отеля, который протестует против такого безобразия в его гостинице. Они объясняют, что это репетиция. Хозяин уходит, они начинают между собой разговор и доходят до страшной ссоры, до скандала, на который вбегает хозяин, аплодируя: “Какое искусство! Какие замечательные актеры!”

Недавно они показали руководству свою работу и получили очень большое одобрение. Жалею, что мне по моему теперешнему положению нельзя было быть на показе. Говорят, это великолепно сделано. Дня четыре назад они выступили с этим номером в концерте и имели громадный успех. Непременно пойду их посмотреть, когда будет концерт где-нибудь близко – далеко трудно ходить при затемнении. Кроме того, Андровская со Станицыным готовят для концертов две сцены Глафиры и Лыняева¹.

29 марта

Вот с какими перерывами приходится писать письмо, милый Владимир Иванович.

Работы было много, не успевала сесть за машинку для письма. Кончила я упоминанием об Андровской, и потому начинаю теперь с рассказа о ней же. Она пережила здесь большую неприятность в театре. Надо сказать, что она имеет самое близкое отношение к разрыву Станицына с Гаррель: Щербинина (причина разрыва), сестра покойного Баталова, проживает с Андр. в одной комнате, все свидания влюбленных происходят там. Еще в те времена, когда никто не знал об увлечении

Станицына, был случай, что Андр. устроила у себя вечеринку (в день премьеры “Школы злословия”) и, пригласив Станицына, не позвала Гаррель, сославшись на то, что у нее очень тесно, не хватает места для жен исполнителей. Однако, как узналось потом, Молчанова с Прудкиным была там. Но тогда этот случай для всех прошел почти незамеченным. Это по линии бытовой. А по линии театра Андровская очень резко выступила против Гаррель в роли графини в “Фигаро”. Надо сказать, что никто в руководстве не обольщался мыслью, что Гаррель может хорошо сыграть графиню. Она работала роль еще в Москве, но в спектакль не была введена. Когда здесь в начале было предположено играть “Фигаро” “ан фрак” (это еще в те далекие времена, когда наше имущество не прибыло в Саратов), то в худсовете, воспользовавшись выходом за дверь Станицына, некоторые члены совета сказали, что нужно будет ввести другую графиню. Но потом выпуск спектакля здесь без костюмов и декораций отпал. Но возникло предложение использовать для концертов в госпиталях (а если будет хорошо, то и в концертах через кассу) тот монтаж, который многократно игрался в Москве и в Ленинграде. Кажется, это 2-й акт с некоторыми купюрами, “Спальня графини”. Для концертов решили ввести Гаррель, во всяком случае, попробовать это. И Гаррель начала заниматься с Телешевой, потом показала Хмелеву; было предложено еще работать, потому что показ не удовлетворил. А Андр. кипятилась и настаивала, чтоб роль немедленно отобрали и дали другой. На репетициях же Андр. вела себя ужасно в отношении Гаррель, не только не помогая, но саботируя самым явным образом. В те поры Андр. была очень дружна с Хмелевым и, вероятно, убедила его, т.к. дошли до нас всех слухи, что Хмелев стал заниматься ролью графини с Гошевой. Потом произошел второй показ Хмелеву Гаррель, на который она шла в уверенности, что участь ее предрешена и роли она лишится. Но получилось не так: хотя Хмелев не сильно ее хвалил, но предложил поговорить с ней, не то чтобы позаниматься этой ролью, но вообще поговорить по-актерски, и надеется, что это ей может шире развернуть удачу в роли, которая намечается при показе.

Через несколько дней после такого разговора был назначен этот номер в концерте в одном из госпиталей. Первыми приехали в гостиницу с концерта мужчины: Топорков, Прудкин, – и в страшном волнении, собирая вокруг себя народ, стали рассказывать, что устроила там Андровская. До концерта она сидела с таким убитым видом, так вздыхала, так возводила очи, что все врачи спрашивали ее, не надо ли ей помочь. Она выразительно отвечала: “Вы помочь мне не можете!” И даже брякнула на слова одного, что, мол, ее здоровье важно и для зрителей, и для театра, что “что вы, наша дирекция мечтает, чтоб я поскорей умерла, освободила ее от себя”. А когда начался “Фигаро”, она решительно отказалась от игры и только роняла реплики свои. И провалила весь номер. Гаррель-то в запале первого выступления и не приметила многого, но остальные участники, знающие все на зубок, были ошеломлены таким поведением. Разгорелось в гостинице ужасное волнение, сразу докатив-

шея и до Москвина; народ гудел. Со следующего утра пошли объяснения с Андр., кот. моментально объявила себя больной, и даже пришлось Пилявской играть за нее жену посланника у Бетси. В результате всяких объяснений и выяснений Москвин решил опубликовать приказ, копию которого я прилагаю, чтоб в точности Вам передать его текст.

Хотела написать коротко об этой истории, а вышла целая страница. Простите, что так я разболталась, говорлива стала. Больше двух листиков боюсь класть в конверт и потому прощаюсь с Вами на этой странице, чтоб вскорости начать следующую. Всего хорошего Вам желаю, милый Владимир Иванович и шлю нежный привет Вашим домашним.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Саратов, 4 апреля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Пишу продолжение письма, третье письмо подряд по счету. В предыдущее в спешке отправки не вложила копии приказа об Андровской, посылаю с этим¹.

Заканчивала то письмо в день премьеры “Гор. сердца”, которая имела очень большой успех. Зал был полон, разослано было билетов больше обычного, так что, кажется, Федя получил замечание от Ив. Мих. Впрочем, Ив. Мих. не сделал бы его, если б не каверза в отношении Феде со стороны нашего главного бухгалтера, подсунувшего Ив. Мих-чу эту тему. Это там какие-то свои счета главбуха с Федей. Оттого что было много видных горожан-деятелей, атмосфера была типично премьерная; все почти зрители между собою знакомы, оживленно встречаются, обмениваются впечатлениями. Спектакль шел хорошо, но тяжелее, чем на генеральной: Грибову, конечно, легче играть Хлынова, чем Ив. Мих., который к тому же был простужен, – легче по возрасту, по физическим силам, ведь на эту роль тратится столько физической силы, что, по словам Грибова, он долго не может прийти в себя, отдохнуть, так в нем все ходуном продолжает ходить. Кто еще очень хорошо играет (о ком я не упомянула после генеральной) – это Орлов, немного похудевший, как и все, и потому помолодевший². Слабое место спектакля – Вася – Бутюгин. Играл бы, конечно, Белокуров, но он несколько времени назад сломал ногу (писала ли я Вам об этом?) и пока хромает. Но ходит уж без костылей. И даже недавно участвовал в концерте (сцена братьев из “Земли”), где его раскачка-походка не мешала ему. Кстати скажу, смотря эту сцену (я пошла в тот концерт ради “Покинутой”, но просмотрела всю программу), я все время вспоминала эту же сцену в Вашей “Буре” – насколько она сильнее у Вас. Правда, за отсутствием Добронравова Листрата играет Яров, и это бледнит образ Листрата; и Зуева в Мавре делает бог его знает что – поет на манер “Белугина”. И сцена от того, что наиболее сильное впечатление производит Ленька – Белокуров своей заразительностью, получает совсем другую направленность. Не говорю уж, что комикование идет такое, что в зале все время раскаты смеха. Ну, куда ж им всем до Голембы, Аникиенко и Оганяна – вот там это был настоящий Художественный театр³. А уж если я сделала отступление от рассказа в сторону концерта, то скажу, что “Покинутая” действительно превосходно сделанный номер, имеющий заслуженный бурный успех. Жаль только, что Андровской приходится играть в каком-то компромиссном концертном платье – два ее лучших сгорели в Минске. Зато в том же концерте она, переодевшись для “Грозы”, показала прекрасный по стилю и выполнению туалет⁴. А

теперь, возвращаясь к “Горячему” скажу, что в следующих двух рядовых спектаклях публика прекрасно принимала пьесу и исполнителей и спрос на этот спектакль очень большой. Вообще же наибольший успех по кассе имеют здесь неизменная “Каренина”, “Куранты”, “Школа”. И слабее всех пьес по спросу на билеты проходят “Три сестры”. Подумайте только! Да, вкусы разные у публики. На 1-е апреля был назначен утренник “Трех сестер”, и потому, что продали только 100 билетов, спектакль решили перенести на утро 8-го, чтоб успеть распределить места по организациям. Правда, это все – и 1-е и 8-е – среда, не выходной день. Но другие пьесы сделали бы сбор по кассе и в такие дни.

В ночь на 1-е апреля выехал в Москву Хмелев. С ним поехал и Сухарев наш, но тот отпущен по своим делам: у него несчастье – впустили в его комнату жить каких-то людей, а они растащили вещи, вообще сильно похозяйничали над его добром.

Поехали они позднее, чем собирались, потому что отсюда 4 дня не выходили поезда из-за заносов. 4 дня сюда не приходили из Москвы поезда и туда не шли. 27-го села в поезд на Москву сестра Виленкина (поехала для свидания с сыном, военным) и так и просидела в вагоне до ночи на 1-е, когда их отправили. Ей туда и обед носили. Хмелеву повезло: к поезду прицепили салон начальника ж.д., который и пригласил его с собой ехать. За день до отъезда Хмел. говорил мне, что собирается из Москвы написать Вам подробнейшее письмо и попытается добиться телефонного к Вам звонка. По телефонным разговорам с Гремиславским за последние дни (до отъезда Хмел.) мы узнавали, что там опять начались тревоги, да и в газетах были сообщения о налете. Все это вызвало и у отъезжавших и у провожавших чувства беспокойства. Возможно, что это обстоятельство сократит время пребывания Хмел. в Москве, – так надеются наши многие. Ив. Мих., прощаясь с Хмелевым, все время говорил: “Постарайтесь поскорей обратно, не задерживайтесь там”. Это и для выпуска “Федора” очень нужно, да и трудно Ив. Мих. одному взять на себя теперь и хмелевские дела. Хотя с ним все согласовывалось по худож. руководству, но все же такие согласования не брали у него столько сил, внимания и времени, как теперь. Уезжая, Хмелев обещал звонить сюда каждое четное число, начиная с 8-го.

Поезд на Москву уходит в 6 утра (в 5 по-московски), и это уж традиция, что в такую ночь многие не ложатся, пока не проведут уезжающего до нижней ступеньки. Так было и этот раз. Но на этот раз общество провожавших было особенно многочисленно. Даже Ив. Мих. и Алла Константиновна не ложились и пробыли со всеми до минуты выезда Хм. на вокзал. Калишьян же в вечер отъезда попросту устроил у себя ужин скромный, и мы, все приглашенные, досидели до момента отъезда.

Еще до отъезда Хмелева был просмотр Болдумана в “Курантах”, прошедший удачно. Однако решили дать ему возможность укрепиться в роли, и потому “Куранты” раньше 9-го не пойдут. Это время “Куран-

тами” (вернее, Болдуманом) займется Москвин, кот. сегодня уж отправился на репетицию. Женя говорил мне, что у Болдмана роль “получается”, идет интересно и сильно, но пока не дался ему финал 9-й картины (возвращение, разговор с дочерью), и тут Москвин с ним должен поработать⁵.

1-го апреля на нас грянула неожиданность – неприятнейшая, надо сказать. С этого дня закрыли продуктовые магазины коммерческие, а с ними и все буфеты. Значит, и наш. И кончилось ежедневное снабжение всех работников завтраком и ужином. Поднялся стон. Это действительно единственное наше питание, потому что обеды наши весьма скромно питательны. А тут – ежедневно кусочек масла и сыру! “жиры” самые настоящие. А на рынке достать масло страшно трудно, надо выстоять в очереди, да не раз, а подряд 3–4 дня. И купить по 500 р. кило. Кто ж это может себе позволить?! Конечно, наши хозяйственники бросились тотчас же хлопотать. Пока отхлопотали только, чтоб остатки, бывшие в снабжающем нас магазине для нас, нам отдали. Таким манером мы 2-го вечером роздали всем из расчета порции за 3 дня. А дальше, вероятно, будет зависеть от решения наркома, которого обещали запросить отсюда. Ив. Мих. обещал от всего сердца хлопотать о возобновлении снабжения. Он-то прекрасно знает, чем был наш буфет для каждого. До выяснения этого вопроса я пока свободна от своего “прилавка” и вот пишу, например, это письмо днем, в часы, которые обычно проходили у меня в буфете. Я огорчена этим происшествием не только потому, что не знаю, чем же питать таких могучих едоков, как Евг. Вас. и Саня⁶, но и потому, что буфет занимал у меня день, остальная работа вечер – и дни бежали быстро, бежали к тому заветному дню, который ведь должен существовать в будущем, когда мы поедем домой, когда мы встретимся со своими дорогами.

Теперь пойдут разрозненные сообщения о разностях в нашей жизни. Например: в “Школу злословия” на замену Истрину вводится Жильцов, скоро должен быть готов. Делается это не только для страховки спектакля, но и по художественным соображениям. В тот же спектакль вводится Гошева на роль Марии, но она будет готова к концу сезона. Этот ввод намерен сделать Хмелев самолично, доведя работу до возможного совершенства. Вы знаете, что был случай, что Лебедева повредила ногу, за нее сыграла, и не раз, Цыганова. По первому впечатлению, при экстренной замене, Цыганову похвалили, но, посмотрев ее в дальнейшем, нашли, что она дублершей быть не может, оставили ее на положении запасной; а для придания спектаклю большего шарма, чем тот, который несет Лебедева, решили поработать с Гошевой.

К нам принята Калиновская, племянница Тарасовой, из студии К.С., которая в их “Трех сестрах” играла Ирину и которая известна Вам. Был ей сделан просмотр, она сыграла с Хмелевым две сцены, хотела показать истерику 3-го акта, но заволновалась и не смогла, еще читала что-то, кажется, какой-то современный рассказ. Произвела приятное

впечатление – не “ах!”, не восторги, но – “мила, грациозна, хорошенькая, с милыми манерами”. И при нашей бедности теперь в смысле женского состава для выходов (иногда даже приходится сокращать в “Карениной” на скачках количество дам, не хватает) – решили взять в штат. Первый ввод для нее будет – одна из модисток в “Школе злословия”. Возможно, что скоро возьмут в штат и дочь Андровской, – нет большого смысла ждать для этого осени, все равно вряд ли матери удастся заставить ее пойти в школу кончить 10-й кл., даже если мы вернемся к осени в Москву, раз девушке обещан прием в вспомогательный состав. Не знаю, писала ли я Вам, что было даже поползновение принять в женский состав обратно жену Болдумана. На этом сильно настаивал сам Болдуман и бесконечные вел разговоры с руководством. Евг. Вас. готов был “открыть ей объятия”, рассчитывая с ее помощью разгрузить некоторых наших девушек, работающих даже без выходных иногда. Но в дело вмешался Иверов, знающий ее состояние и понимающий, что все равно работать ей не под силу. Были проведены всякие исследования, выданы самые разнообразные бумажки-удостоверения, некоторые из которых были утаены Болдуманом, но обнаружены старанием Иверова, и дело распалось. Во всяком случае, Болд. пока свои разговоры оставил и, пожалуй, не сможет их возобновить, т.к. возвращаются сюда Стругач, Ауэрбах, принята Калиновская и вакансий больше нет.

Хочу сказать о результатах наших писем через Комитет к авторам пьес. Хмелев получил телеграмму от Паустовского, что тот пишет пьесу, закончит и непременно пришлет МХАТу. Пьеса Каверина прибыла к нам (кажется, Хмелеву прислал Комитет, во всяком случае, Хмелев принес ее Евгению). На экземпляре не было указано название. В “Литературе и искусстве” (Вы, конечно, получаете эту газету? Мы подписались и получаем довольно регулярно) я как-то прочитала, что какой-то театр принял “Дом на холме” Каверина. Похоже, что именно эта пьеса и может так называться. Мне пьеса не понравилась, никак не ожидала такого примитива, такой схематичности от Каверина. Хмелев тоже не в восторге, но, поддерживаемый Виленкиным, говорит, что из этого можно сделать спектакль. Уж на что та пьеса Каверина, что была у нас и не была разрешена Комитетом, хотя МХАТ за нее ратовал, была далека от прекрасного, но по сравнению с “Домом на холме” то “Утро дней” – великолепное произведение. От Виленкина слышала я, что Симонов будто написал превосходную пьесу, которую взялся в Москве ставить Горчаков в своем Театре Ленсовета. И будто это обстоятельство может помешать нашему интересу к пьесе. Думаю, если пьеса действительно хороша и манка, Хмелев обговорит с Комитетом право параллельной работы с Театром Ленсовета и привезет пьесу сюда. На днях я видела, прибыл пакет с пьесой от Финна, но пока Виленкин ничего мне не сказал. Увижу его – непременно спрошу и Вам напишу.

Еще давно, в середине марта, когда приехала Михаловская, она рассказала, что побывала у Зин. Клавдиевны и та ей сказала, что нако-

нец-то на ее справки ей сказали, что он чувствует себя хорошо, следствие заканчивается и скоро будет суд. Вот все, что мы знаем о Вас. Гр. И то со слов Нины Валер., которая не пользуется среди населения большим доверием.

7-го апреля в здешней консерватории силами нашего оркестра и вокальной части плюс те же из Украинского радиокомитета состоится залаженный Кардашевым (зам-Изралевский) концерт под названием “Музыка в МХАТ”. В программе сацевские “Синяя птица”, “У жизни в лапах” и “Гамлет”; затем Глиэр – музыка к “Мольеру”, Хачатурян – “Куранты”, кажется, Кабалевский – “Школа злословия”, кажется, Сизов – “Пиквик”. Скажем, по “Школе” будет дуэт Андровской и Станицына⁷; по “Курантам” Шифрин – бас споет песню матроса, а оркестр сыграет не исполняющийся в спектакле симфонический финал. Что и как делают по Глиэру и “Пиквику” – не знаю. Единственный интерес у всех, конечно, к Сацу. Из-за него многие наши собираются пойти слушать концерт. Сбор отдается на постройку эскадрильи “Советский артист”. Концерт пока намечено повторить всего еще раз, тоже в апреле.

Недавно послала я бандероль на имя Качалова, получив от него телеграфную просьбу, с газетами о “Курантах”. Я вложила туда лишний номер той газеты, где Грибов писал о своей работе над ролью. Думаю, что Вам будет интересно. А тогда у меня этой газеты не было, когда я Вам послала рецензию.

Смешное: Телешева привезла с собой домработницу, старуху, которая поневоле прикована к комнате, в которой живет Ел. Серг. и проводит репетиции и занятия (вероятно, из боязни ходить зимой в театр по здешним скользким, мучительным улицам; уж сколько было несчастных случаев, ушибов от падений, а после генеральной, среди бела дня, жена Гузеева поскользнулась, упала и сломала правую руку в двух местах). Так что все работы по “Посл. жертве” идут в присутствии этой Ольги Вас., которая приткнута в угол кровати, комната небольшая. Разбирается она в искусстве слабо, на расспросы говорит, что “не поймешь, чего-то бормочут”. Однако, получив от сына письмо, в котором он просил ее выслать ему 300 руб., она сказала: “Ишь ты, какой Дульчик выискался!”. Именно “Дульчик”. Вот как до нее дошел-таки Островский.

После заносов в конце марта опять потеплело, так что нынче грязно, мокро на тротуаре. И можно, например, мне писать Вам при открытой форточке. Надеюсь, что с этим потеплением кончатся поездки наших через реку в автобусе, в Энгельс. Я Вам писала, что там много концертничали, даже спектакли туда возили, в Городской театр. А концерты и в театре, и в Доме Красной Армии. Как-то в одно воскресенье ухитрились там провести 5 больших концертов. Правда, и днем, и вечером. И при этом играли утренник и вечером в Саратове. Но как стало теплеть, до того стало неприятно отпускать народ туда. Как ни крепко лед, по заверениям, а все ж неспокойно. Не любила я дожидаться машины из Энгельса, когда туда ездил Евг. Вас., такая тревога жжет сердце.

У нас было два случая инфекционного заболевания у приехавших: сестра Аллы Конст. (мать Калиновской) и брат нашего помрежа, приехавший из Челябинска. Сестра А.К. уже поправляется, другой больной слег недавно, но надо надеяться на благополучный исход – молодой, здоровый он парнишка. Но, конечно, беспокойство это вызвало среди “европейцев”, как ни старались завуалировать оба случая, чтоб не создавать паники. Если Ал. Конст. не писала матери об этом случае, пожалуйста, скройте и Вы от нее это.

Написала свою порцию – 2 листка, надо прощаться. Желаю Вам сил, здоровья, хорошего настроения. Вероятно, у Вас весна и Вы ей радуетесь. Нежный мой привет Вашим домашним, поцелуй моей милой Евпр. Вас.

Ваша *Ольга Бокшанская*

431.

Саратов, 7 апреля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Вот как я зачистила с письмами. Это № 4-й – продолжение. И в этот момент выключили свет, писать темно, лучше отложу на после обеда. А жаль отрываться сразу, настроилась говорить с Вами. Пока темно, а темно, попробую писать. До обеда и за машинкой я потому, что до сих пор вопрос с нашими завтраками-пайками в буфете открыт, и я свободна от своего прилавка. Голодно стало всем жить, помимо обеда остается одна пища: хлеб. Что ж, надо привыкать к трудностям. Жаль, конечно, ребят. Авось для них что-то удастся получить. В субботу 4-го наш главбух говорил по телефону с Калишьяном и тот сказал, что в понедельник он с Хмелевым отправляется к наркому по делу нашего питания. Вчера Москвин должен был ночью говорить с Кал., но соединения не было, так что результатов похода не знаем. Побаиваемся, что результат будет таков, что самые ведущие товарищи будут как-то обеспечены. А о них-то не приходится сильно беспокоиться, пот. что они и денежно лучше устроены, и как лауреаты здесь прикреплены к спец. магазинам. Но в общем, поживем – увидим.

Отмечен у меня в записях для информации Вас ряд сообщений, связанных с повседневными, из протоколов, происшествиями и событиями. В те моменты, когда они случались, конечно, для участников их это было не повседневностью. Напр., внезапные замены. Еще вчера Соколовой пришлось вдруг сыграть графиню Вронскую, за захворавшую Телешеву. Окончательное решение отложил Иверов до 5 час. веч., рассчитывая, что Ел. Серг. не пожалеет себя и поедет на спектакль хотя бы в машине. Но Ел. С. себя пожалела (при сыроватости ее здоровья, вероятно, правильно сделала), и Вера Серг., внутренне страшно проти-

вьясь происходящему, отправилась на спектакль, где должна была в течение 2-го акта встретиться с Вронским – Массальским (до этого у себя в комнате прошла с Лесли, читавшим за Вронского), а перед 3-м актом пройти мизансцены в декорации.

Был случай, когда при параллельных “Дне” и “Карениной” (обычный репертуар наш в понедельник), из-за болезни Орлова Актера в “Дне” должен был сыграть Попов, а так как второй Капитоныч (старый швейцар) из “Карениной” – Конский – играет Зоба, то Капитоныча надо было срочно ввести. И его сыграл, и, говорят, хорошо, Грибов. Играл даже два раза.

Кажется, я писала Вам, что в связи с поломом ноги Белокурова Роде начал играть и играет до сих пор Комиссаров. В протоколе Раевский после первого же такого спектакля записал, что доволен Комиссаровым и считает его вправе играть дальше в очередь с Белокуровым. Я спросила Калужского, так ли это будет? Евг. Вас. сказал, что навряд ли, ведь в отношении “Трех сестер” есть решение по возможности играть только основному составу.

Я писала Вам о серьезной болезни сердца Монаховой. Теперь она уж не в больнице, но к работе не допускается, врачи не велют. Что называется – “ползает” по коридору, жалуется на тоску. За нее сделаны такие вводы: в “Дне” Анна – Георгиевская, которую все хвалят, – и Хмелев в своей худрукской записи в протоколе, и смотревшие, и партнеры, и вводивший ее Орлов, ведь он числится режиссером “Дна”. В “Курантах” Монахова играла две роли: старуху в “Избе” и даму с коляской “У Гоголя”. В “Избе” сыграла Зуева, но роль стали готовить и с Коломийцевой. Однако Коломийцева все время прихварывает, очень стала она плоха здоровьем, и ввода сделать не удалось, так что Зуева так и играет. А даму с коляской при внезапной замене сыграла Кнебель, а потом ввели Георгиевскую. Но Георг. тоже здесь прихварывала, так что Кнебель пришлось сыграть не раз.

Есть записи в протоколах не очень приятные. Например, в протоколах “Карениной” постоянно выражается недовольство тем, как идут “Скачки” и “У Бетси”. Сначала недовольство сводится к требованию назначить репетицию, чтобы освежить рисунок картины, а потом есть уж почти вопль Хмелева: “Что же делать? Никакие репетиции не помогают!!”

Есть такая, почти странная запись о концерте в зале консерватории (“Творческий вечер артистов МХАТ”): “По требованию МХАТ Дирекция консерватории завесила окно артистической уборной гардинами. Когда мы уходили по окончании концерта на совершенно новых белых шелковых гардинах было обнаружено черное пятно, – видимо, кто-то вычистил гардиной свои ботинки” (?!).

Был еще такой случай: в одном из протоколов “Курантов” Хмелев сделал запись, обращенную к Кнебель, – просил ее деликатно переговорить с Вербицким, который, “хорошо играя вообще свою роль”, коми-

кует “мимической игрой лица, с и без того смешным гримом” во время чужих, партнерских сцен. Разговор у Кнеб. с Верб. состоялся, и она мне ничего не сказала об острой обиде Вербицкого, но в протокол теперь вклеено ответное письмо Вербицкого, где он пишет: “Если я обвиняюсь в таком нехудожественном и неэтичном поведении на сцене, то на меня надо было наложить взыскание, по крайней мере, выговор с предупреждением, а не ограничиться записью в протоколе; прошу на первое же заседание худож. совета вызвать меня для дачи объяснений”. Вероятно, вопрос этот просто забудется, тем более что с отъездом Хмелева в Москву вряд ли будет собираться худсовет. Впрочем, говорят, что Хмелева можем скоро ждать обратно: один наш актер вчера говорил с приятелем-москвичом, не уезжавшим оттуда, занимающим большой пост и именно потому не уезжавшим. И тот рассказал, что как раз утром 6-го он посетил Хмелева, остановившегося в гост. “Москва”, на 10-м этаже, и застал его после весьма тревожной ночи в неважном настроении, насмешившем отважного и ко всему привыкшего москвича. А Хмелев, видимо, от многого отвык. Вот ему и неуютно.

А вот в связи с записью Хмелева о Вербицком бедной Кнебель пришлось пережить неприятность, больно в ней отозвавшуюся – особенно ввиду ее чрезвычайно благородного, часто почти донкихотского сердца. Кнебель не хотела делать Вербицкому замечания в его комнате, где помещается не только вся его семья, но за перегородкой еще Жильцов с женой. К себе позвать его она не могла, потому что у нее тяжело больна мать (об этом скажу тоже потом). Она встала в конце коридора, у окна на улицу, часов около 7-ми, и стала говорить с ним, нормальным голосом. Вдруг раскрывается дверь из комнаты Болдуман (вторая от окошка), и Мих. Пант. обрушивается на нее громом: “Что за безобразия! Дайте покой! Сейчас час отдыха!” Все это на крике, на оре (этим ором он прославлен среди детей, которые изводят его играми и писком, а он их – строгостями). Кнебель опешила, потом сказала: “Здесь ведь не санаторий”, на что получила раскатистое: “Здесь не вокзал!!” и оглушительное хлоп дверью. А она как раз сейчас испытывает к нему материнское чувство, работая ежедневно часами с ним Забелина. Этот случай страшно ее огорчил. И поплакала она, и погоревала. Но надеялась, что на следующей же репетиции он скажет ей теплые извинительные слова, и все будет в порядке. Но не тут-то было, он вообще ничего не сказал. Тогда она не выдержала, сама начала разговор, и он еще раз ее же отчитал, считая себя правым. Я так пространно об этом написала потому, что эта совместная наша жизнь в гостинице выявила у всех те черты характера, которые до сих пор были неведомы широко. И какие то нравы, бытовые детали. И некоторые очень неприятные, даже противные, даже страшноватые. И я не удивлюсь, что чем дольше мы так будем жить здесь, тем чаще могут вспыхивать какие-то неприятности. А некоторые смеются: если мы еще на зиму останемся, дело дойдет до драк и потасовок. Семейные потасовки уже бывают, и настолько слы-

шимые, что соседям приходится или притаиться, чтоб не ввязываться, или, наоборот, стучать к шумящему в дверь, чтоб отвлечь его от жены.

8 апреля

Продолжаю на след. день. На тему о еще одном огорчении Кнебель. Пишу о нем, потому что оно когда-нибудь может иметь продолжение. Случилось это довольно давно, но “рана не зажила”. Когда шло заседание худсовета о работе с молодежью и обсуждались режиссеры-педагоги, которые могли бы эти занятия вести, была названа Кнебель. И вдруг Грибов выступил с резким протестом. Сначала о том, что она не может ставить миниатюры Чехова, т.к. не имеет чувства юмора. Ему ответили напоминанием об ее удачной работе над “Виндзорскими” – настолько удачной, что было уже тогда предложение, ввиду интересности режиссерских находок, передать роли, не нашедшие удачных исполнителей (гл. обр. Фальстафа, не под силу оказавшегося для толстяка Алексева), более сильным актерам. Насколько понравилась тогда работа. Ее делали вдвоем Кнебель и Недзвецкий. Но т.к. возможности Недзвецкого достаточно хорошо известны театру, то удачу, конечно, надо отнести к данным Кнебель. Но Грибов продолжал возражения даже в такой форме: она ничего не может делать, ничем помочь актеру не может. Впечатление это произвело самое невыгодное для Кнебель: ведь это говорил актер, только что работавший с нею в спектакле, длительный срок. Конечно, сейчас же после совета нашлись добрые друзья из числа членов совета, кот. полетели к Кнебель с сообщением об услышанном и со всякими соболезнованиями. Вот уж это был удар в сердце Кнебель. Сильнейший. А она ходит на каждый спектакль “Курантов”, и существует такой уж обычай, что после “Кабинета” она непременно идет к Грибову с рассказом о своих впечатлениях. А то уж и в 1-м антракте. И Гриб. этого ждет и со вниманием прислушивается ко всем деталям нынче воспринятого. Она мне говорила, что ей стоило величайшего душевного усилия продолжать это. Ясно, что Грибов теперь знает, что она знает об его выступлении. Но никакого объяснения между ними не было. Только Грибов, бывая в “возбужденном” состоянии и встречаясь с нею в этот час, непременно начинает изъясняться в беспредельной любви к ней.

Тогда Кнебель не получила никакой работы с молодежью. Правда, сыграли на том, что у нее будет работа по вводам в “Куранты”, а потом “Вишн. сад”. И действительно, к “Вишневному” она должна скоро приступить. Сейчас я как раз взялась помогать реп. конторе (раз у меня нет работы по буфету) и печатаю роли по “Вишневному”. Я дала ей прочесть из Вашего письма о “Вишневом”, и она просила меня перепечатать ей в точности Ваши слова, что я и сделала.

Хочется еще сказать несколько слов о Кнебель, чтоб Вы представили, в каких трудных условиях протекала ее работа здесь над “Курантами”. Она привезла с собою давно уже болеющую сердцем мать и сестру

свою. Как она довезла мать до Саратова, – это уж было удивительно: в условиях московских бомбежек нельзя было уводить ее в убежище, настолько слабо ее сердце. Здесь очень скоро положение ее ухудшилось резко. (А мама у нее прелестная по характеру, интересный человек, общая любимица, юморист, любила шутки и смех.) Приглашенный врач и Иверов решили предупредить дочерей, что жить ей 2–3 недели. Физически она страшно страдала. И врач решил применять морфий. Дочери было возражали, но им было объяснено – раз человек доживает последние дни, то зачем же не освободить ее – хотя бы ядом – от страданий. И наша Софья Марк. постепенно стала настоящей морфинисткой. Однако прошли 2–3 недели, прошли 2–3 месяца, – Софья Марковна жила... но беспрестанно требовала морфий. И без него физически очень мучилась. Водянка началась у нее в сильной степени. Заболел кто-то у нас в “Европе”. По чьему-то указанию пригласили местного профессора. Лечение его было удачно. И другие к нему обратились, болевшие. Посоветовали Кнебель тоже у него проконсультироваться. И профессор возопил: что ж вы делаете! Что ж делает лечащий врач – притом оч. хороший, известный профессору врач! Ведь вы отравляете человека! Ну, если вы поверили, что можно давать человеку яд, раз ему приговор: жизни на 2–3 недели, так ведь прошли эти 2–3 недели – и больная живет! И 2–3 месяца прошли, – и она живет!

Словом, морфий отменяется, запрещается, и для противодействия ему начинаются сеансы внушения (тоже местный специалист их делает, говорят, с большим успехом, не только у Кнебель), которые помогут ей спать (главные ее мучения были в задыханиях ночью и отсутствии сна) и отвлекут от жажды морфия.

Словом, Соф. Марк. на радость дочерям жива, чувствует себя не хуже, чем полгода назад, бывает в хорошем настроении, когда ее навещают. Конечно, излечить ее нельзя, но продолжить жизнь удалось. А это такая любящая, дружная семья, что и за такое сохранение жизни они благодарны докторам и судьбе. Так вот, я хотела сказать, что в такой мучительной обстановке ожидания смерти обожаемой матери, при бессонных около нее ночах, мучительной невозможности облегчить ее страдания пришлось Кнебель вести днем работу.

Простите, если слишком распространено рассказываю о вещах “приватных”. Одна надежда, что на чужбине за письма строго не судят. Вы сами пишете, что прибытие письма саратовского в Тбилиси – это не Москва, где записочки мои Вам и надоедают иногда.

Вчера я начала Вам письмо, придя с генеральной концерта “Музыка в спектаклях МХАТ”. Но не хотела писать о впечатлении от генеральной, раз вечером же был назначен самый концерт. Теперь могу рассказать по порядку. На генеральной (с вызовом членов худсовета) выяснилось, что можно было бы и отказаться от каких то мало интересных номеров, но нельзя, раз выпущена афиша. Прямо надо сказать, что слаживался концерт без достаточного внимания, и надо удивляться, что

все же он получился хорошего тона на всем своем протяжении. В 1-м отделении был Сац. “Синяя птица”. Ей предшествовал короткий конферанс (вел программу Конский), вводивший слушателей в обстановку первой картины. Да, забыла сказать, что концерт начался коротким докладом Виленкина (объявлен был как зав. литчастью – Марков почувствовал бы удар в груди! А как переживает наш здешний концерт с Кардашевым Изралевский? Об этом вчера не мало острили), сказавшего о работе с композитором в МХАТе и остановившегося гл. обр. на Саце. Перед оркестром три стула, на них Комолова – Тильтиль, Морес – Митиль, Шостко – Фея. “Ан фрак”, как любят говорить актеры – по Вашему выражению. Они говорят (с купюрами) текст из 1-й картины, до начала превращений. Дальше ведущий только вставляет объяснения к превращениям: “полез из кадушки хлеб”, “заиграл в очаге огонь”, “вода”, “свет в образе прекрасной красавицы” и т.п. И перед маршем пояснил, что “фея предложила всем пойти за синей птицей. И они пошли” – и начинается марш, заключающий 1-ю картину. Успех был хороший. Дальше – музыка из “Лап”, 3-й акт. 4 куска: Негр, Цыганский романс, имевший огромный успех и бисировавшийся по настоянию крепчайшему публики: Конский начал было объявлять 3-ю часть сюиты, ему не дали и требовали биса. 3-я часть – тихие скрипки, 4-я – “Вальс погибающих”. Успех очень большой. Затем куски из “Гамлета”, в последовательности, установленной днем, не по течению пьесы: 1) Марш Фортинбраса, 2) Одиночество Гамлета, 3) Фанфары похорон Гамлета, 4) Выход короля. Успех большой, но меньший, чем у “Лап”. Антракт. Второе отделение неизмеримо ниже по интересу. Два коротких марша из маневров “Пиквика”, песенка оттуда же и снова в оркестре полька финала. Потом сцена из “Школы злословия”: Андровская и Станицын, арфа и флейта, но до этого и после этого масса текста. Словом, начинается с первых слов Питера перед занавесом, а потом смонтирован переход к сцене перед дуэтом. Во всем этом тексте совершенно потонула идея “музыка в спектаклях МХАТ”, музыки-то почти никакой. Играли подъемисто, мастерски и успех имели большой. Саратов любит посмотреть актеров не на сцене, а без грима.

Мы смеялись, сидя в зале: надо было объявить в афише, что среди присутствующих будет весь состав трупы, свободный от “Трех сестер” (спектакль этого вечера) – и тогда был бы битковый сбор, т.к. саратовцы полетели бы посмотреть мхатовцев в жизни. Действительно, все свободные от спектакля были в концерте, интерес к Сацу был огромен. И успех его у своих – тоже. Слезы и волнения были вызваны в большом количестве. Уже начиная с “Синей птицы”. А уж “Гамлет” доканал со всем глубиной переживаний и печальными ассоциациями.

Дальше во 2 отделении – сюита из отрывков к “Мольеру”: музыка стильная, хорошо сделанная, но, как всегда у Глиэра, слушаешь и думаешь – я где-то это слыхала уже! И наконец, эффектный хачатуряновский финал для “Курантов”, который был подан ведущим как “вариант

финала к спектаклю “Кр. кур”. Он очень хорош по эмоциональности, по силе, но всегда оставляет меня в недоумении (и тогда еще, когда игрался в Москве): как будто вдруг, без подготовки меня к чему-то, играется концовка, самая-самая концовка какой-то великолепной героической симфонии. Всегда у меня остается какое-то недоуменное и неудовлетворенное чувство.

Большого “кассового” интереса к концерту в Саратове мы не нашли. Сначала билеты распродавались довольно туго и пошли в продаже хорошо в день концерта. Потом узнаю, каков был сбор.

Вчера или, нет, третьего дня, Кедров начал репетиции по “Глубокой разведке”. Он все хотел, чтоб все решительно его исполнители были свободны от других работ. Теперь как раз такой момент: для Топоркова кончились репетиции “Горячего”, для Болдумана “Курантов”, все у него актеры налицо, нет только исполнительницы Марго, в отношении которой он снова заявил, что желает иметь Попову. Вот теперь Хмелев в Москве должен выяснить, что Комитету важнее: участие Поповой в бригадах или работа у нас над “Разведкой”. Роль шоферши пока осталась за Комоловой (я Вам писала все сомнения Кедрова); по мнению Евг. Вас., он бережет роль для Бендиной и потому не берет Дементьеву, понимая, что там придраться будет трудно, а придраться к Комоловой и заменить ее Бендиной ровно ничего ему не будет стоить.

Сегодня получена телеграмма от Храпч.: из Саратова должны быть посланы 2 бригады на фронт, выезд 15 апреля. Конечно, местный Ком. иск. сразу хватается за МХАТ. Бригады будут сборные, но и при этом условии сейчас очень трудно кого-то выделить. А на днях Москвин получил телеграмму из Томска, тоже из Ком. иск. (ведь большая часть нашего московского к-та в – Томске), просят прислать туда месяца на два либо Раевского, либо Кнебель, либо Телешеву, чтоб подготовить с находящимся там Первым Белорусским драмтеатром новую постановку ко времени их возвращения в Минск. Евг. Вас. говорил с Москвиным в том плане, что вернее всего было б послать Раевского, кот. знает этот театр (ведь он делал с ними спектакли к белорусской декаде, тогда же и второй орден получил), но лучше бы всего никого не посылать, т.к. сейчас все страшно нужны, Раевский к тому же играет Костылева, а другой наш Костылев – Хмелев и загружен, и в разъездах, и в параллельных “Аннах”.

Писала ли я Вам, что здешний оперный театр решил привлечь наших актеров-режиссеров. Сначала задумано было широко: Станицына звали ставить “Снегурочку”, Дорохина и Петкера – комическую оперу. Кроме того, без приглашения специального режиссера, а в виде обыкновенного возобновления наметили выпуск “Пиковой дамы” под дирижерством Столярова. Потом пошли изменения с разных сторон (напр., Станицын отказался; не в зависимости от этого мысль о “Снегурочке” отпала) и в плане осталась только “Пиковая” со Столяровым. И Дорохин с Петкером приглашены туда режиссировать. И постепенно

добиваются не возобновления, а новой постановки: сначала договорились о новых костюмах, теперь, кажется, уговорили и новые декорации сделать, для чего привлекается Дмитриев. Работают они с увлечением, много читают, разыскивая в самых серьезных здесь библиотеках нужные и редкие материалы.

Отмечено у меня Вам написать в ответ на Вашу строчку: “Молчанова – Настёнка? – интересно!” Я не видела, но все говорят, что оказалось очень неинтересно. Настолько неинтересно, что стоял вопрос о снятии, о невозможности для театра показывать такую слабую исполнительницу. Об этом шепотом вопили во всех углах гостиницы во время репетиций “Дна”, такое шипенье шло, не приведи боже! Возможно, что до Молчановой ничего и не дошло. Во всяком случае, она держалась так, как будто ей ничего не известно. Я-то думаю, что у нас здесь ни один секрет не может остаться секретом. И так-то секреты в театре невозможны, а уж в условиях совместной жизни – куда уж! Но никакие меры не были предприняты, как мне показалось, гл. обр. потому, что не хотели волновать Прудкина, очень сейчас нужного в репертуаре, пользующегося самым дружеским расположением Хмелева – и притом легко вспыхивающего, если бывает задета Молчанова. И Молчанова продолжает играть. Иногда даже в силу необходимости, при параллельных понедельничных “Карениной” и “Дне”, когда Дементьева (другая Настёнка, очень хорошая) занята в “Скачках” и в роли няни.

Знаете, кто совсем пропал из виду из наших заметных актрис, – Тихомирова. Ни строки не написала сюда. Даже не беспокоится, что не оформлено ее отсутствие из театра. Все, кто не с нами, беспокоясь в смысле оформления отпуска, писали, даже такая во всех случаях необходимая театру, как Степанова, которая могла бы не бояться, что отсутствие, нарушение формальностей может помешать ее возвращению в театр. А об Тихомировой ни слуху ни духу. Не зарезал ли ее какой-нибудь темпераментный житель Ашхабада, – кажется, она там, или еще где-то подальше на восток.

Рассказал мне Грибов, что получил письмо от Погодина, из Ташкента: автор обижен, что забыт театром. А на деле, в премьеру ему были посланы две телеграммы приветственные. Автор пишет, что если что знает о МХАТе, то от Ел. Серг., сестры моей. Кажется, Грибов не то написал, не то собирается написать ему письмо. А сестра мне писала, что как-то была приглашена Погодиным слушать его новую пьесу (она не помнит названия, кажется, “Московские ночи”). На ее удачу Погодин сам был отозван в тот вечер (чтение было не у него, а у кого-то из братьев-писателей) и попросил хозяина дома прочесть. Сестра пишет, что слушать долго она не смогла, испугалась получить мигрень; попросила читавшего читать про себя. Пишет, что первая картина, во всяком случае, свободно может быть вынута из пьесы. И вообще порядочная халтура.

Что ж Вы не написали больше ничего о Стал. комитете и канди-

датах по театр.-драм. искусству. Обещали написать позднее. Но пока ничего не знаем. Вероятно, Вас толкнет к письму оказия. В дни послышки Вам телеграмм этот вопрос стоял у нас оч. остро. И самым своим острием упирался в вопрос о Ливанове, которого продвигал Хмелев, но с чем не соглашалось партбюро, выставившее кандидатуру спектакля в Комитете¹. Мне показалось, что Хмелев настаивал отчасти из соображений дипломатических, желая показать себя не только лояльным, но и доброжелательным. Во всяком случае, пожалуй, не смогу назвать Вам и пяти фамилий, кто бы считал роль Рыбакова у Ливанова – *выдающейся*. Во всяком случае, его исполнение никак не может стоять на том же уровне оценки, что исполнение Грибова и Хмелева. Однако должна сказать, что Ливанов и Массальский имеют в Саратове чисто “тенорский” успех. И даже трудно сказать, кто больше, может быть, и Массальский. Как у нас говорят, “девчонки Массальского” или “девчонки Ливанова” бегают на все концерты и спектакли с их участием и встречают и провозжают аплодисментами и взвизгиваниями. Именно девчонки, школьницы. Такие же, какие ходят толпами за Козловским, Лемешевым. Да, возвращаясь к уколам в дни решений по премиям, скажу, что даже такое построение телеграммы, как: “...потом Хмелев” и т.д. вызвало обиду у Ник. Павл. Кажется, теперь отодвинувшуюся. Но, мож. быть, не забытую и имеющую все шансы при случае вновь вспомниться.

Милый Владимир Иванович, сегодня я разболталась свыше всякой нормы и порция письма получилась увеличенная против обычного, целых 3 листка. Зато все записи, помеченные для сообщения Вам, исполнены и теперь буду набирать новый материал. При моем постоянном стремлении писать Вам, вероятно, материал быстро наберется. Пока же желаю Вам прекрасного самочувствия в прекрасной весне и крепко жму руку. Приветвы дома.

Ваша Ольга Бокшанская

432.

Саратов, 11 апреля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня утром Евг. Вас. разбудил меня словами: “Иди скорей слушать радио, сейчас (в 9 час.) будут передавать Сталинские премии”. Но, как Вы знаете, передали тогда только по другому Комитету¹. Все наши ждут, что завтра, в воскресенье именно, как и в прошлом году в такой день, объявят по искусству и литературе. Интересно!

9-го прошли “Куранты” с Болдуманом. Я смотрела, конечно. Правда, тут еще прибавилось обстоятельство, из-за которого мне вдвойне интересно было: с утра у Вербицкого была температура 38, и назначили Калужского играть Скептика. А мы-то с ним вдвоем собирались пойти

смотреть Болдумана. Определилось это для Калужского часа в 2, дали ему репетицию (главным образом, показ мизансцен), имел он беседу с режиссером, учил текст. Волновался, конечно. Но ввод прошел настолько удачно, как никто и не ожидал, – что вот сейчас Ив. Мих. сказал, чтоб вообще он эту роль приготовил и играл в очередь с Вербицким. Ив. Мих., просмотрев спектакль, сделал такую запись в протоколе: “Считаю исполнение роли проф. Забелина заслуж. арт. республики М.П.Болдуманом в спектакле “Кремлевские куранты” 9/IV-42 г. очень удачным. Фундамент роли заложен крепко; есть все основания ждать, что роль будет расти от спектакля к спектаклю. От души поздравляю и благодарю Михаила Пантелеймоновича. Второй неожиданный дебютант этого же спектакля Е.В.Калужский, который за несколько часов сумел приготовить роль Скептика вместо заболевшего В.А.Вербицкого, порадовал меня четкостью исполнения, ничуть не снизив великолепного ансамбля “Кремлевских курантов”. Большая ему благодарность”.

Из записи Москвина Вы видите, что Болдуман вошел в спектакль очень удачно. Мне он понравился, хотя все видевшие его на репетициях считали, что там он бывал еще удачнее, а на спектакле, конечно, сказалось волнение. Я говорю о нем, конечно, не делая никаких сравнений с Хмелевым, индивидуальность которого для зрителя всегда будет заразительнее и богаче. И тут же не могу удержаться, чтоб не сказать сравнительно: Болдуман играет хорошо, но вот у Хмелева получается ученый с мировым именем, выдающийся, а у Болдумана – хороший специалист-инженер, очень высокого класса и добросовестности. Но он не вселяет чувства: о, такой может черт-те что выдумать, изобрести, открыть. Когда я сказала свое впечатление Кнебель, пришедшей после спектакля к нам в комнату еще раз поздравить и поблагодарить Женю, она мне сказала, что, возвращаясь после спектакля с Москвиным, она от него услышала примерно такое же впечатление. И Москвину это даже нравится, что он получился именно такой превосходный спец своего дела. Есть у Болдумана прекрасные находки мизансценные (при разговоре в 9-й картине с дочерью), доведения до зала внутреннего состояния в паузе, в переходе (в 8-й картине, когда уже начинается сдвиг, при вопросе: “Как я понимаю, мне предлагается работа?”). Уж на что я спектакль хорошо знаю и теперь уж легко не заволнуюсь, – все же в эти моменты была взволнована, как рядовой, впервые смотрящий пьесу зритель. Очень хорошо играл в этот вечер Грибов, которому я шутя сказала, встретив перед его уходом в театр, что иду смотреть и прошу хорошо играть; действительно, может быть, присутствие в зале многих из “своих” и Ивана Мих. в первую очередь заставило его особенно сосредоточиться. Впрочем, он говорит, что в этой роли всегда очень собран. 8-я картина по-прежнему остается бриллиантом в спектакле, волнующим каждого сидящего в зале. Даже несмотря на сильное снижение Герасимовым своей роли. Как-то все то, чем он был буквально набит, наспигован к премьере, покинуло его, и остался неинтересный актер,

хорошо передающий акцент, но никак не несущий в себе тех качеств, которые определяют вождя. Это, по-моему, вопиюще плохо – исполнение Герасимова, недопустимо! И даже внешне он стал хуже, как мне показалось. Похудел он в жизни, как все, щеки впалые, нос выделяется еще сильнее, фигура – какой-то комарик... Досада брала смотреть на него.

За последние дни почти ежедневно наш главбух ведет с Москвой разговоры – то с Хмелевым, то с Калишьяном, то с Гремисл. И Москвин, и Евг. Вас. раз говорили с Хмелевым. При разговоре с Женей Хмелев сказал, что пока твердо о репертуаре ничего не решено, но вот о чем говорили: еще раз сказано, что “Живой труп” несвоевремен; против “Маскарада” (в последний момент перед отъездом Хмелева “подсунутого” Виленкиным) не возражают, но восторга не высказывают; Хмелев прочел “Иоанна Грозного” Толстого, и пьеса ему нравится; Комитет готов дать разрешение на то, чтобы и наш, и Малый театр готовили пьесу одновременно. Хмелев слышал много похвал пьесе Симонова “Русские люди”, над которой сейчас с автором работают Горчаков и Марков, обещает ее привезти. Сначала выезд из Москвы предполагался 12-го, сегодня же утром было сказано, что выедут числа 14–16. Сказал, что никак не удастся добиться в Комитете разрешения оплатить нашим актерам компенсацию за отпуск, за второй месяц; за один месяц заплатили, а за второй оттягивают. Как объясняют наши финансисты, это упирается в такое обстоятельство: тогда все театры, пользующиеся двухмесячным отпуском, захотят того же, и потребуются дать им на это деньги, чего Комитет не хочет. У нас же хотя деньги уже есть на это, но это не может нас выделить, решение об оплате второго месяца отпуска должно распространиться на все соответственные театры.

Очень большие тревожения вызвала телеграмма Нежного с предложением гастролей. Тревожения именно в ту сторону, что неужели поездка состоится, вопреки общему желанию? Желających ехать единицы, для всех же остальных поездка представляется страшной – потому что она связана с разлукой с семьей. Вы не представляете себе, что за караван вышел бы, если б мы двинулись все целиком. Но это, конечно, невозможно. И если это невозможно, то почти каждый должен оставить здесь беспомощных, старых людей, ребят, жен с ребятишками. И на что оставить? Если нам так трудно сейчас живется, по-настоящему голодно, с явным недоеданием, с постоянным ощущением: ах, поесть бы! – то что же будет, когда уедет театр, ради спектаклей которого и делается иногда какие-то выдачи продуктовые. Цены на рынках не под силу даже получающим хорошие оклады. Как же содержать их в Саратове? Как расстаться в такое время? Да еще выехать весной, когда только начнет развиваться та фронтовая кампания, которая, по нашим чаяниям, должна определить все дальнейшие мировые события и жизнь каждого из нас. Каждый говорит: вот с 1-го апреля мы не видим масла; правда, Хмелев по телефону сказал, что привезет распоряжение о возврате нам

пайка ежедневного, но ведь так же, как это случилось утром 1-го апреля, когда внезапно прекратились наши завтраки, с отъездом театра это может быть прекращено. И кто же тогда начнет об этом хлопотать, если театр будет в отъезде? И куда бросятся все эти оставленные беспомощные старухи, дети?

Ив. Мих. просил Хмелева добиться телефона в Тбилиси и объяснить положение вещей. Не говоря уж о разных финансовых соображениях нашего финплановика Заявлина, который не видит возможности окупить поездку. Я знаю единственно только Ливанова, который желает поездки, все остальные говорят о ней резко отрицательно. Может быть, есть и еще защитники, но я не слышала. Милый Владимир Иванович, Вы знаете, как дорога мне была бы встреча с Вами, как ничем мне не дорог и не интересен Саратов, но если скажут, что надо сына Евг. В-ча оставить здесь, то не представляю себе, как сможет поехать Евгений, с каким чувством, с какой тревогой он уедет и будет там жить.

12 апреля 1942 г.

Милый Владимир Иванович! Вчера кончила страницу и не продала письма, потому что спешила в оперу. У Евгения свободный вечер, и мы решили послушать “Игоря” – не из любви к этой опере, а потому что хотели послушать певицу Друкер, из Минской оперы, с которой иногда встречаемся в нашей столовой (к нам прикреплены некоторые музыкальные деятели, например, Гр. Арн. Столяров, которого вижу ежедневно) и которая нам интересна была как будущая исполнительница Лизы, с которой работают Петкер и Дорохин. Они ее хвалили за голос. И действительно, голос оказался очень хороший. И вообще голоса здесь есть недурные, во всяком случае, здесь услышишь лучшее пение, чем в рядовом спектакле ГАБТа.

Когда же мы вернулись со спектакля, то застали в коридорах веселое возбуждение: только что объявили по радио о Сталинских премиях по искусству – и к нам устремились радостные сообщения о премии для Вас и трех участников. Тут же, конечно, обсуждались беспорные Ваши права на премию только для Вас одного – и удачливость Ливанова, которого в театре редко кто считает справедливо награжденным. Даже Ив. Мих., с которым вскоре вечером я встретилась на площадке, в кругу нескольких человек, говорил, что если одна половина коллективной премии передается руководителю худож. произведения (это я сказала, что такое было разъяснение Совнаркома в прошлом году), то половину, принадлежащую на актеров, следовало бы распределить не поровну, а 20 000 Грибову, 20 – Хмелеву, 10 – Ливанову.

Рассказали мне, что Грибов узнал о премии совсем в плане театрально-киношном. Он шел с женой со спект. “Горячее сердце” и был как раз под рупором громкоговорителя на улице, когда услышал голос диктора о премии “Курантам” и себе. Страшно разволновался. Жена его тут же расцеловала, поздравляя, и остановившиеся прохожие, те, кто

подогадливей, поняли, что перед ними лауреат. Уж когда Грибов немного отошел, сидя уже в гостинице, он искренне огорчился, что премия застала его “врасплох”: ни капли вина или водки! Жена Массальского жалилась и принесла ему стаканчик. Ив. Мих. ожидает, что под это дело могут пройти довольно бурные возлияния, и смеялся совпадению: как раз вчера вывешены правила поведения в общежитии, по которым запрещен всякий шум в комнатах и коридорах после двух часов. Давно уж надо было эти правила опубликовать, и все тянули, и главным толкачом этого был Прудкин, кот. совсем изнемогает от соседей: рядом Ливанов, напротив Грибов. А живет он в таком небольшом отростке коридора от площадки лестницы, всего 5 комнат там, 5 дверей. А шуму больше, чем в нашем длинном коридоре.

Сегодня послала Вам телеграмму с поздравлением, но позвольте мне еще раз приветствовать Вас. Я рада, что несправедливость прошлого года нынче исправлена², но я продолжаю считать (и я, конечно, не одна в этом вопросе), что впереди всех премий по театральному искусству должна стоять премия Вам, потому что Вы единственный и неповторимый. Как обидно, что такова Ваша работа – мало кто ее видит; и те, кто видит, фактически при Вашем полном попустительстве, даже содействии, даже напоре с Вашей стороны, обируют, грабят Вас, тащат самые великолепные вещи из недр Вашего сердца и так крепко их себе присваивают, что даже Вы иной раз сомневаетесь: было это когда-то Вашим? А те, кто не видит и не призван Вас грабить, большею частью не могут понять, сколько драгоценностей в спектакле собрано именно Вами и только Вами. Да, решили Вы умирать в актере и делаете это, как и всё, великолепно. Многие наши заметные режиссеры любят за Вами повторять эту формулу, но как дело дойдет до работы, ни за что не хотят отдаться такой самоотверженности.

Когда сегодня утром была у Ив. Мих. по поводу текста телеграммы к Вам, он говорил со мной на две темы:

1) Он непременно хочет добиться от сидящего еще в Москве Хмелева (выезжают они 14–16-го, как сообщает Москва), чтоб тот получил из Москвы с Вами телефонный разговор и сказал бы Вам наши мысли о гастролях на Кавказе и узнал бы Ваши. Москвина ужасно смущает, что в телеграмме Нежного сказано, что поездка затевается с Вашей санкции, а у нас тут такие течения против. Вот он и хочет, чтоб Хмелев рассказал Вам все наши затруднения: тут и необходимость решить поездку с 15 мая, а кто знает, каковы будут тогда дела; будь это август – сентябрь, конечно, не было бы этих опасений; тут и необходимость оставить в Саратове не меньше 200 человек с опасением, что им придется трудно; тут и опасения, что нашу гостиницу могут с отъездом частично на время занять – нужда в помещениях огромна. А тогда и не оберешься всякого: и трудности выселения, и хлопот, и нечистоты; тут и соображения финансового характера: сейчас у нас прибыль, и немалая, а поездка не только всю ее съест, но может потребоваться дотация. А удобно ли

это в теперешних условиях? И не правильнее ли было бы дать чистую прибыль государству? И множество еще вопросов – обо всем и не напишешь. Ив. Мих. полагает, что Вы и не представляете себе сложности нашего теперешнего механизма из-за того, что вопросы быта, которые в обычных условиях почти не касались театра, сейчас выпирают наряду с самыми большими производственными вопросами; и все они тут у нас, на глазах. Довольно посмотреть на десятки беспомощных старух, на полсотни малых ребят, так и норовящих попасть вам под ноги в коридорах и на лестницах. Но, повторяю, Ив. Мих. не хочет, чтоб здесь попросту отмахнулись от предложения Нежного, раз он пишет о согласованности вопроса с Вами: ему важно, чтоб Вы узнали подробно о нашем положении здесь и тогда снова сказали свое слово.

2) Ив. Мих. показал мне 2 телеграммы из Москвы – от Хмелева и от Маркова. Марковская целиком посвящена пьесе Толстого, кот. он считает очень интересной и непременно настаивает на включении ее в репертуар. Хмелев пишет, что были в Комитете серьезные совещания по репертуару, все наши предложения, кроме “Маскарада”, приняты (вероятно, по телефону Евгений не разобрал, он ведь мне принес известие, что именно с “Маскарадом” соглашается Комитет, вернее – не возражает), а еще пишет об “Иоанне” Толстого: пьеса ему нравится, Толстому послана телеграмма, с Комитетом договорено о возможности параллельной с Малым театром работы. Ив. Мих. кроме того мне сказал, что слышал подробности о пьесе Симонова, заставляющие его поверить в удачность пьесы (пьеса о войне, о людях во время войны, но без пушек и пулеметов, чем сильно злоупотребил Каверин: у него в пьесе и танковая атака за кулисами, и несколько боев на сцене и за сценой, и налет на Ленинград с бросанием и разрывом бомб). Ив. Мих. надеется, что Хмелев привезет обе пьесы, и если они будут решены и с Вами в положительном смысле, то работы на будущий год выясняются и это его успокаивает и радует. Сначала Ив. Мих. даже хотел вывесить на доске для сведения всех, что вот такие есть телеграммы и такие надежды, но потом отложил до приезда Хмелева, когда все станет совсем ясно.

Тут я еще вспомнила: писала ли я Вам, что в предложениях, ответвленных в Москву Хмелевым, была инсценировка “Тихого Дона” (идея Ливанова, который под это дело не одну бутылку распил с бывшим здесь дважды Шолоховым, причем оба раза визиты его к Ливанову кончались печально не только для ливановской семьи, но и для спокойствия Прудкина). По телефону Хмелев сказал, что Комитет говорит: дайте прочесть инсценировку, тогда решим.

Вот опять написала свою “порцию”, два листка. Стало быть, скоро начну следующее письмо. А пока прощаюсь: до скорого письма, милый Владимир Иванович.

У нас настали весенние денечки, навевающие воспоминания о Страстной неделе, о пасхальной, когда и грязно, и снег кое-где лежит у тротуара, но есть и сухой асфальт. А у вас, должно быть, тепло. Привет домашним, самый сердечный, и поздравления.

Ваша О.Бокшанская

Саратов, 18 апреля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Третьего дня пришла Ваша телеграмма от 8-го, о получении моего первого письма. Надеюсь, что теперь все они доходят до Вас аккуратно, это чуть ли не шестое подряд. Спасибо, что телеграфировали – тем более что накануне, 15-го, Иверов получил Ваше письмо от 20 марта, где, как мне говорили, Вы сетуете, что не имеете вестей из Саратова. Хорошо я сделала, вижу, что не стала ждать оказии, а понадеялась на почту. Как видите, оказии вон сколько времени нет. Иверов мне рассказал, что Вы снова простужены были. Однако теми медицинскими данными, которые Вы ему привели, по его словам, он доволен.

Между этим письмом и предыдущим разрыв чуть ли не в неделю. По моим записям, кот. я делаю с мыслью: вот об этом надо написать Вл. Ив., выходило, что ничего особо важного и срочного к информации нет. А теперь сразу набралось много: вчера приехали наши из Москвы – Хмелев, Калишьян; привезли с собой двух гримерш, одну из них замечательную, без которой страдали все наши актрисы, великолепного мастера, Мар. Ив. Чернову, и человечка при этом чудесного; привезли и приехавшего вместе с Хмелевым, по личным делам, нашего Сухарева-актера; сестру Виленкина, уезжавшую в Москву для свидания с сыном; жену Орлова – бывшую нашу (или 2-й студии) актрису Овчининскую, не поехавшую с Вас. Ал. потому, что она была у своих престарелых родителей во Владимире и не могла их оставить. Как и почему теперь оставила – не знаю, пока не видела ее, только издали. А утром, еще до приезда “москвичей”, приехал Еремеев, везущий вагон из Свердловска. Он приехал один, потому что его вагон был задержан на ст. Илецкая Защита по формальным причинам: просрочен срок ремонтной проверки вагона, вот его и не захотели пускать дальше, такой оказался дотошный начальник там. Тогда Еремеев, кровно заинтересованный в удобстве едущих, потому что в вагоне его жена Нелли Стругач и его сын 4-х месяцев, вскочил в поезд на Саратов и покатиł сюда, здесь устроил пропуск для вагона, и теперь прибытие этого вагона ожидается нынче в 3 часа ночи. Там едут Добронравовы, Баташов с многочисленной семьей, Ауэрбах с матерью и сыном, жена нашего снабженца Лифшица, Еремеевы, значит. Не помню, едут ли и Андерсы. Должен был с ними выехать Недзвецкий, поехавший за женой и матерью, но, доехав до Свердловска, он свалился там в сыпном тифу и пока что застрял в Свердловске. Письмо от его матери Евгений получил тревожное, но вот Еремеев говорит, что при их выезде Недзвецкий чувствовал себя получше, кризис благополучно миновал.

Москвичи привезли много интересных рассказов, кое-что пока знаю вкратце, потому что рассказы были летучие. Хмелев и Калишьян были приняты Землячкой, минут 40 там были. Там был разговор о переселении в Саратов тбилисской группы. Землячка сказала, что им бы не

хотелось, чтоб Вл. Ив. уехал из Тб., в Саратове он таких условий жизни не получит; впрочем, это все от него самого зависит, как он сам захочет. В разговоре о снабжении в Саратове она сказала, что “мы достаточно богаты, чтобы поставить людей интеллектуального труда в хорошие условия”. Кстати сказать, они привезли от замнаркома бумагу, по которой предлагается местным органам восстановить буфет для нас и улучшить питание в столовой. Было еще сказано, что в Москве по МХАТу очень соскучились, и как только будет поспокойнее, театры вернутся, и в первую очередь наш. В общем, можно было понять, что есть надежды, что осенний сезон мы начнем дома¹.

20 апреля 1942 г.

Всего третьего дня начала Вам письмо (и не кончила потому, что отправилась на вторичный концерт сацевской музыки, о которой напишу дальше), а обстоятельства резко переменялись. Вернулись мы с концерта, а в коридорах волнующиеся, оживленно-тревожные лица и разговоры. Оказывается, прибыла телеграмма Москвину, и Алла Конст. сказала, что буфет не будет восстановлен, пайки отменяются. А народ так на это рассчитывал. Еще кто-то пришел и сказал, что отменено и решение, привезенное Хмелевым, о выплате компенсации за второй месяц отпуска. Этот вопрос и в Москве у Хмелева проходил негладко, Комитет возражал, но у Землячки удалось его обговорить, тем более что на выплату денег мы накопили. Но, как пошел слух, при телефонном разговоре с Москвой оттуда сказано, что выплату не производить до конца войны... а кто говорит, не выплачивать будто, а перевести каждому на сберкасса... Словом, осложнение и в этом насущном деле. Сколько было надежд на это! Совершенно естественно, что всем живется очень-очень трудно. И если сводили концы с концами, то потому, что были дополнительные выдачи: раз – эвакуационные, другой – компенсация за первый месяц отпуска. Теперь надеялись на выплату за второй месяц (только худож. состав, имеющий по два месяца отпуска в год). С пайками удивительно то, что и бумага, привезенная из Москвы и разрешающая снабжение нас пайком в буфете, и телеграмма, отменяющая это, подписаны одним и тем же человеком. Оптимисты надеются, что это “канцелярская” телеграмма, у меня такой надежды нет.

Милый Владимир Иванович, позвольте, я прерву рассказ о приезде Хмелева, который должна была бы продолжать, и сейчас скажу о другом, что меня и всех нас волнует очень, а потом перейду к Хмелеву. Можно, я Вам скажу про то, что Вы не едете в Саратов со всей труппой? Сколько ни думаю, сколько ни доказываю себе, что Вы это выбрали после тщательной проверки и взвешивания, и все равно волнуюсь. Потому что представляю себе, как тоскливо Вам покажется там с отъездом актеров, и заволнуюсь. Мы несколько раз говорили об этом с Москвиным (уж с другими, не такими начальствующими, говорено-переговорено, у всех множество беспокойств и грусти из-за этого) и пришли к заключению, что Москвин от лица театра может Вас начать уговаривать только

тогда, когда будет вполне уверен в том, что условия жизни для Вас будут вполне-полностью приемлемы. Он ходил по этому поводу к секретарю Обкома Власову, о котором Вы не раз читали в моих письмах, как он замечательно относится к нашему театру, лично к Ив. Мих. Власов обещал подумать, как это получше устроить, а Ив. Мих. рассказал, что является непереносимым условием. Гостиниц хороших, возможных для Вас, в городе нет, потому что в гостиницах этих нет апартаментов, нет номеров с ванной. Поэтому, как нам с Ив. Мих. показалось правильным, он говорил с Власовым о квартире, хотя бы небольшой, на 3 комнаты (имея в виду, что Миша с семьей будет устроен отдельно, как и в Тбилиси, где и Типольты живут отдельно; но здесь, живя не в гостинице, а в квартире, как нам кажется, Евпраксии Васильевне необходимо будет быть в той же квартире и налаживать ежедневное хозяйство), квартире с хорошими удобствами и непременно теплой. Мне казалось, что вернее было бы даже, если квартира будет с голландским отоплением, тогда можно быть совершенно спокойным, что у Вас будет тепло. Второй вопрос – питание; тут я не сомневаюсь, что питание здесь можно будет наладить, особенно при Вашей неприхотливости в смысле выбора, так сказать, диапазона: масло, крупы, морковь, картофель, куры – вот, примерно, что приходит на мысль как основное. Да, мука, чтоб печь домашние булочки, т.к. хлеб здесь один и тот же, без вариаций, Вам надоест скоро, да и тяжеловат. Не сомневаюсь, что это наладить можно, это не проблема для Вас, для тех, кто будет доставать это для Вас. Третий вопрос, который у меня есть, – машина. Но я настолько уверена, что это легче всего, что даже сейчас его не ставлю, не подсказываю Москвину, чтоб не мешать обговорам первых двух дел. Если Вы скажете, что тоже поедете сюда, тогда можно будет начать и это налаживать. Если Вы опять-таки решите приехать со всей группой, т.е. в мае, то и про лето в Саратове (по общим рассказам очень жаркое, душное и пыльное в городе) меня не беспокоит, потому что, как я слышала, недалеко от города предложены нашему театру дачи, при этом народные артисты как будто будут пользоваться дачами с полным обслуживанием, с питанием даже, а заслуженные – только дачами, налаживая там свое хозяйство. Так вот, Ив. Мих. ждет теперь ответа, без чего не считает для себя возможным телеграфировать Вам просьбу о приезде сюда. Когда я сказала, что не будет ли у Вл. Ив. впечатления, что наш театр остался равнодушным к сообщению, что Вл. Ив. не едет, тогда как едет вся почти группа, Ив. Мих. сказал, что “Вл. Ив., конечно, прекрасно знает, что все мы очень хотим, чтоб он сюда приехал”. А я вот не совсем уверена, что Вл. Ив. это прекрасно знает, – имея в виду пессимизм Вл. Ивановича. Вл. Ив. может сказать: они меня и не приглашают, вероятно, им без меня удобнее, свободнее как-то. Вот я и хочу Вам сказать, милый Владимир Иванович, что если Вы это думаете, то это не так. Многие наши подходили ко мне с вопросами, приедете ли, и узнав, что нет, огорчились и тревожились глубоко, искренне. Не стану выставлять Вам мои чувства – вряд ли Вы сомневаетесь в них. Крепко запомнила я Вашу мысль, что Вы никогда

не знали чувства тоски или скуки, когда бывали с театром, около театра; и эти чувства неизменно охватывали Вас, когда Вы должны были отрываться от театра и его атмосферы. Каково же мне будет думать о Вас, когда я буду знать, что не только Вы оторвались от всех нас силой обстоятельств, но и должны расстаться с теми немногими актерами, которые теперь уезжают к нам.

Я думаю, пока это письмо дойдет до Вас, вопрос уже решится телеграммами. Но не могу удержаться, чтоб не написать Вам все это. Простите, если что-нибудь выразила неумело, нетактично, коряво. Знаю только, что выражения могут показаться такими, но чувства мои и мысли – нет: они чисты, охватывают меня глубоко и крепко.

Сказала, что хотела, теперь продолжаю про приезд Хмелева и Калишьяна. Надо сказать, что въехали они, что называются, “на белом коне” (так об этом с горечью и говорили, когда поразила всех телеграмма об отмене пайка. Вы себе и представить не можете, в Ваших фруктово-солнечных условиях, каким животрепещущим интересом окутан этот вопрос, как слабо сейчас питается большинство, громадное большинство наших, почти все). Казалось, что все им удалось, всего они добились: выплаты денег за отпуск (значит, будут какие-то средства), пайка (значит, будет сытнее, и деньги на это будут), Комитет намечает дать месячный отпуск театру на июль (а тут есть надежда, что будут дачи под городом), а самое для всех желанное – может быть, осенью домой; и как будто будущая работа складывается интересно, две пьесы современных авторов, классический репертуар намечен. Теперь, со всеми печальными известиями, о которых я только что написала, впечатление сильно потускнело от приезда начальства, и наш народ сильно приуныл. Но об этом я уже довольно написала и потому перехожу к деловому изложению.

“Русские люди” Симонова рекомендованы не только Комитетом, но Землячкой. Пьесу пока прочитал только Виленкин (Хмелев и Калишьян, конечно, прочли еще в Москве). Вил., передавая ее вчера Москвину и Тарасовой, по словам последней, сказал, что пьеса хорошая, только не надо в нее углубляться по-мхатовски. Я же застала Тарасову вчера за чтением другой включенной в репертуар пьесы – “Иоанна” Толстого, и она со вздохом говорила: что ж это за драматург такой, уж к концу пьесы подхожу, а никак сквозной линии пьесы не разберу, не схвачу.

Затем утверждены в репертуаре: “Бронепоезд”, “Гамлет” и на выбор две пьесы – из Шекспира одна из комедий и из Островского “Лес” или “Мудрец”. На след. день после приезда Хмелев попросил меня обойти членов худсовета и просить приготовиться к ближайшему заседанию (намечается на 23-е) в том смысле, к какой из комедий Шекспира и к какой из этих двух пьес Островского склоняются симпатии каждого. При этом обходе я почувствовала, что будут возражения не только против комедий Шекспира и именно этих двух пьес Островского, но и вообще члены совета (некоторые) недовольны тем, что перед отъездом,

при наметке предлагаемых к утверждению пьес, совет не собирався, а теперь созывается. Но, впрочем, может быть, это было минутное кипение, и к заседанию недовольники остынут. Заседания совета намечены подряд несколько, чтоб поскорей прослушать и новые пьесы. Читать согласились: “Русских людей” Станицын, толстовскую пьесу Топорков.

Стало быть, привезено известие об отпуске в июле. Однако никто не представляет себе, чтоб отпуск был похож на отпуск. Вероятно, часть отпуска, а может быть, и весь, отдадут на работу для армии или госпиталей. Говорят, что, вероятно, организуются бригады. Театр уже имеет и приглашения, напр., от Наркомата Флота. Но до июля еще далеко, увидим, как все это сложится.

На днях я послала Вам в бандероли афишу концерта “Музыка в спектаклях МХАТ”. Нынче посылаю 2 экз. местной газеты: в одном отзыв о концерте, в другом – статья о Хмелеве.

И статья в газете о концерте (статейка-то небольшая, как увидите), и резонанс в городе сделали то, что ко второму концерту интерес ощущался большой. Вплоть до разговоров в разных организациях, с руководителями которых встречаются наши начальники. Власов сказал Ив. Мих., что непременно хочет быть. (Однако почему-то не был, но были многие видные лица.) Второй концерт был составлен иначе: в первом отделении Сац (“Синяя птица” без актеров, только музыка; “Мизерере” два отрывка, вальс и песенка; “Жизнь Человека” и “Лапы”). Успех огромный, с бисами в песенке “Мизерере” и в цыганском романсе из “Лап”. (Вообще зал по настроению подъемный, празднично-настроенный, как при каком-то приятном театральном событии.) Второе отделение: 3-й акт из “Талантов и поклонников” с громом аплодисментов после каждой объявленной фамилии исполнителей, с провожающими аплодисментами Дорохину в сцене приезда Васи; и “Покинутая” с тем же взрывом восторгов при объявлении фамилий (саратовцы уже привязались к МХАТу, определили свои симпатии к тем или иным актерам, актрисам, есть поклонники такого-то, есть поклонницы такой-то), с раскатами смеха во время пьески, с вызовами после окончания. Концерт действительно был великолепный, даже на взыскательный вкус многих своих же (самые строгие критики), пришедших главным образом слушать музыку.

Представьте себе, до сих пор не приехал вагон с Добронравовым и остальными, несмотря на то, что Еремееву были даны точные обещания вывезти вагон из Илецкой Защиты и доставить в Саратов еще в прошедшую ночь. Бедные, они там, вероятно, совсем извелись. Ведь и не тепло сейчас в пути (у нас до сих пор больше в шубах ходят, только энтузиасты перешли на демисезонное, очень поздняя весна), и далеко не сытно.

Посылаю 2 телеграммы в письме для Вас. Прощаюсь до скорого след. письма и крепко жму руку. Всем домашним и Игорю Вл. сердечный привет. Желаю Вам, милый Владимир Иванович, хорошего самочувствия и настроения.

Ваша Ольга Бокшанская

Саратов, 26 апреля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Не писала Вам с 20-го апр. Как раз сегодня, в свой выходной, собралась писать – и пришел Н.П.Хмелев и попросил изложить Вам ряд дел и вопросов, связанных с нашей дальнейшей работой и обсуждавшихся вчера на совещании в составе: Ив. Мих., Н.П., Калишьян и находящийся здесь несколько дней и нынче утром улетевший (через Куйбышев в Москву) Месхетели. Вот к каким заключениям пришли они во вчерашней беседе:

1) Пьеса Симонова “Русские люди”. К работе над ней надо приступить по возможности скорее. Таково желание Правительства, Комитета, да и в театре среди читавших ее есть хорошие оценки. Я бы сразу начала перепечатку единственного нашего экземпляра, для посылки Вам, если б не необходимость дать ее на прочтение членам худсовета. А организовать общую читку не было возможности из-за сильнейшей занятости всех на репетициях и спектаклях – никак нельзя было найти часа для объединения всех. Вчера я перепечатала 1-й акт, дальше надеюсь тоже не задержать, потому что теперь все ее прочитали. И тотчас же отправлю Вам для знакомства. Н.П. просит Вас непременно сообщить Ваше впечатление и отношение к пьесе и к ее включению в репертуар. Но прямо надо сказать, что вопрос включения ее был предreshен.

2) Пьеса Толстого “Иван Грозный”, Вам известная. За ее постановку у нас вчера высказались (кажется, Калишьян возражает, но остальные трое – за). Хмелев, снесшийся с Толстым еще из Москвы, получил от него письмо, что он рад сотрудничать с театром, готов дорабатывать пьесу и для этого поедет в Москву, там получит соответственные задания и постарается их выполнить. Как сообщил Месхетели, у него есть даже памятка от Вас об этой пьесе, что Вы о ней говорили, и он цитировал из нее Ваши высказывания¹.

3) При обсуждении выбора между “Лесом” и “Мудрецом” симпатии склоняются в сторону “Леса”. Хмелеву, напр., представляется, что работа над “Мудрецом” непременно приведет к возобновлению прежнего спектакля – хотя бы и прекрасного в свое время; но вряд ли теперь работа по возобновлению, а не над новым материалом, может зажечь коллектив. Но если остановиться на “Лесе”, то сразу встает вопрос: кто Несчастливцев? Есть два кандидата – Добронравов и Ливанов. Как Вы к этому относитесь? И к кандидатам, и к самому выбору пьесы? Может быть, Вы считаете, что ни “Лес”, ни “Мудрец” не должны включаться в репертуар, а что-либо другое из Островского. Андровская, напр., ставит вопрос об “Волках и овцах”. Я писала Вам, что она готовит для концертов сцены с Лыняевым – Станицыным. Ник. П. слышал, что работа эта оч. удачна. Может быть, “Волки и овцы”?

4) “Бронепоезд” Вс.Иванова. Сейчас Виленкину поручена работа

по пересмотру некоторых мест в пьесе, где понадобятся изменения (небольшие, в каких-то фразах, словах – в связи с изменившимися нашими отношениями госуд. характера). С Молчановой, собирающейся в Москву для курса лечения в Тропическом институте, экземпляр “Бронепоезда” будет отправлен в Репертком и Комитет, а по получении визы театр отправит пьесу на просмотр автору, который, м.б., найдет нужным и интересным для себя чем-то еще “украсить” пьесу, где острым ядовитым словом, где за душу хватающим.

5) Работа по “Гамлету”. Желание Комитета, которое идет от желания вышестоящих организаций, чтоб работа продолжалась. Раздумывая, как это осуществить в Ваше отсутствие, пришли к решению, что надо хотя бы припомнить и укрепить снова в себе то, что было до сих пор сделано. Возглавить такую работу берется Ливанов, бывший в работе с самого ее начала. Здесь и Лесли, бывший ассистентом при Василии Григорьевиче. М.б., Вы скажете, что надо еще кого-то дать в помощь Лесли? Вскоре, с выходом “Федора” (премьера намечена на 3 мая), освободится Еланская от репетиций и сможет начать с Ливановым эту работу по восстановлению в памяти наработанного в Москве². Они оба и те, кто еще сможет быть привлечен к “Гамлету” из исполнителей, смогут окунуться в эти образы.

6) Комедия Шекспира. При вчерашних переговорах остановились на “Виндзорских проказницах”. Ник. П. просит Вас сказать: а как Вы об этом думаете? И если не одобряете этого выбора, то какую из комедий предлагаете? Наше руководство полагает, что если и Вы одобрите “Виндзорские”, то работу можно было бы поручить Кедрову, с тем, чтобы он сейчас, заканчивая “Разведку”, уже занялся подготовительной работой по материалам к этой постановке.

Вот перечень пьес, намеченных к работе. Ник. П. получил сообщение, что Симонов пишет еще пьесу и даст ее на прочтение нашему театру; Каверин тоже пишет снова пьесу. Есть, как я Вам писала, телеграмма Хмелеву от Паустовского, что, закончив скоро пьесу, он пришлет ее МХАТу. На днях я получила большущее письмо от Степановой (ответ на мое, тоже очень подробное). Вот что она пишет: “Из крупных писателей здесь Тренев, Леонов, Федин, Пастернак, Асеев, Исаковский и Билль-Белоцерковский. Леонов недавно читал свою новую, только что им написанную пьесу, мне понравились два акта очень, третий хуже и четвертый, по-моему, совсем плохой. Пьеса: история одной семьи во временно захваченном немцами городе, герой пьесы бывш. вор, становящийся партизаном (совсем по-леоновски, не правда ли?)³. Кончает пьесу и Тренев, на днях услышу ее, он уже звал на читку. Также пишет пьесу Федин, но я о ней ничего не знаю, он не рассказывает, все таит в себе”. С Фединым Хмелев в переписке, так что у нас есть надежда, что пьеса к нам попадет на чтение в первую голову.

В разделе о “Гамлете” я не упомянула, что Ник. П. сказал: на этой работе для себя он поставил крест и просит Вас считать, что исполни-

тель Гамлета один Ливанов; он от этой работы хочет совсем отойти, находя, что это будет и для самочувствия Ливанова, и для всей работы спокойнее.

Очень остро встал вопрос об отъезде Хмелева в Тбилиси в середине мая, как он предполагал. Москвин (получивши Вашу телеграмму на следующий день после ее отправки) крепко возражает, находя, что Ник. П. обязательно должен войти в работу над выпуском “Посл. жертвы”, с чем одной Телешевой никак не справиться. Выпуск предполаген в конце сезона, т.е. в конце июня, и май и июнь, таким образом, у Хмелева пройдут в напряженной режиссерской работе. Принужденный подчиниться настояниям Москвина, Хмелев просит Вам передать, что, во всяком случае, тотчас же после выпуска “Жертвы” он рассчитывает сесть в самолет на Тбилиси и прийти, таким образом, к долгожданной встрече и переговорам.

Вот, насколько умела, передала Вам содержание разговора Ник. П. со мной. Сейчас дам ему на прочтение этот листок, чтоб восполнить возможные пропуски и уточнить не совсем точно выраженное⁴.

Милый Владимир Иванович, пока Хмелев читал написанное мною, я занялась какими-то домашними делами. Теперь, получив первый лист от него, с его припиской, продолжаю письмо. Возвращая мне лист, Хмелев просил еще спросить у Вас, получили ли Вы его поздравительную с премией телеграмму, которую он в утро 12-го послал Вам (срочную) из Москвы? Сюда пришли от Вас 3 телеграммы: Москвину с благодарностью за приветствие, Грибову и Кнебель (которая счастлива невыразимо, так что излучение ее радости действует на всех). Молчание Ваше в отношении Хмелева заставляет думать, что его телеграмма не дошла до Вас.

Как видите из начала моего письма, худсовет пока не состоялся. Хотели его собрать нынче, хотели даже раньше, именно, чтоб в присутствии Месхетели он прошел, но никак не найдешь время, так все перегружены работой. А тут еще выпуск “Федора”, генеральная которого намечена на 29-е, стало быть, до нее ежедневные репетиции, на которых занят Хмелев, да и Москвин нередко. Чтoб не затягивать читки “Ивана Грозного” и “Русских людей”, я стала их давать свободным от репетиций – днем, от спектакля – на вечер, и таким образом почти все прочитали. Теперь только Станицын и Телешева должны прочесть “Ивана” и Ливанов симоновскую пьесу, и все будет в порядке. Впрочем, многие из членов совета чрезвычайно скептически или критически смотрят на деятельность совета: без него был составлен репертуар, отвезенный Хмелевым на утверждение Комитета; без него можно и дальнейшее решать, тем более что есть пьесы предрешенные. Думаю, что если в отношении Симонова и Толстого не разгорится много споров, потому что число защитников и оппонентов у каждой пьесы примерно равно, то при вопросе об Островском и Шекспире на совете могут возникнуть большие дебаты.

Я Вам на первом листке написала так, как мне рассказал Хмелев. Но вот вчера же ночью Евгению Калишьян рассказал, что он рьяно возражал и будет возражать против “Грозного”, пока не будут представлены и одобрены переделки (потому что пьеса не была признана удачной, отвечающей заданиям, которые ставились при рекомендации этой темы высокими авторитетами, словом, как сказали, – “это не то”). И еще рассказал, что Ив. М. сильно возражает будто бы против “Леса”, не видя у нас ни главного исполнителя, ни вообще удачного распределения ролей. Андровская и Станицын, вероятно, будут сильно пропагандировать “Волки и овцы”, которые, как они считают, и в остальном великолепно расходятся, напр.: Мурзавецкая – Шевченко, Мурзавецкий – Массальский. Идея включения в репертуар комедий Шекспира никому решительно не улыбается, судя по разговорам членов совета, когда я их обходила и предлагала подумать на эту тему. (Кстати, мне сказано, что в совет теперь я должна вызывать всегда Кедрова и Топоркова, бывших в совете в Москве.)

В прошлом письме я писала Вам о наших здесь беспокойствах, как Вы останетесь в Тбилиси, когда почти вся группа поедет сюда. Ив. Мих. недавно говорил на эту тему по телефону с Храпч., который поразил нас сообщением, что “Вл. Ив. болен” (даже кто-то рассказал мне: “очень болен”). Стало быть, Вл. Ив. болен, и не может быть мысли об его выезде из Тбилиси, сказал Хр. А у нас последние от Вас сведения: письмо к Иверову от 20 марта, где Вы пишете о недомогании, но – сами пишете, стало быть, недомогаєте, а не больны; и телеграмма мне о получении моего первого письма, от 3 апр. И в ней ничего нет о недомогании. Беспокойство это сообщение Храпченко вызвало ужасное. Объяснилось все Вашей телеграммой от 22-го, ответной на наше поздравление. Спокойствия настоящего, конечно, у нас нет, раз Вы сами пишете, что большей частью прикованы к постели, но одно утешение – пишете сами, поручаете отсылку телеграммы... знак успокоительный. Пожалуйста, скажите Игорю Вл., чтоб не скупился на сообщения сюда о Вас, ведь мы так ждем вестей, а они редки. И пусть не считается с тем, что я ему не пишу: ведь он видит, сколько я Вам пишу, все рассказываю, для него почти и темы не остается, а уж времени для письма – подавно. Или Евпр. Вас. пусть проявит доброту, шлет открытки с коротким рассказом о Вас.

Сегодня первое выступление Добронравова: играет Пепла. Будет еще, конечно, играть и Федора.

Был у нас 14-го случай, что сорвался спектакль “Гор. сердца”, заболел Калинин – Силан, температура сразу была оч. высокая (кажется, приступ малярии, разобрать так и не удалось). Хмелев в ту пору был еще в Москве. Сменили на “Куранты”. А к следующему “Горячему” заставили Блинникова выучить роль Силана и играть. Он был вполне приличен, как сказал мне Евг. Вас. А перед тем незадолго Блинников как раз впервые здесь сыграл Курослепова, которого успел уже немного

поиграть и в Москве. Он-то мечтал здесь играть премьеру, но не был признан достойным. Я его не видела еще, говорят, что, имея возможности хорошо играть эту роль, он не яркок, не заразителен достаточно, как-то жидковат. Возможно, что и тут сказалось отсутствие в “Гор. сердце” настоящего режиссера, Лесли не под силу быть единственным режиссером этого спектакля.

Недавно наша концертная программа пополнилась новостью: стали играть в гримах и костюмах, с мебелью, с бутафорией, но в сукнах почти целиком “Мертвые души”. Я Вам, кажется, писала, что сцены по купок Чичикова игрались в концертах очень часто, а теперь, стало быть, идет спектакль так: пролога нет, а следующая картина – у губернатора. Вечеринка есть. Потом идут целиком все покупки, пропускается 3-й акт, бал и ужин, и в 4-м акте играют: сцена у прокурора, без сцены дам, и сцена в тюрьме (пропускается номер в гостинице, где происходит арест Чичикова). Все это было сыграно однажды в Доме Кр. Армии и получило широкий резонанс в Саратове. Сегодня снова играется этот номер, вернее, спектакль, так как вся эта штука идет 3 часа и занимает всю программу. Из Москвы привезли мне письмо на Ваше имя. Пишет некто Кунин И.Ф. (адрес: Сарапул, Удмуртской АССР, Красная ул., 121, квартира Маслова), коренной москвич, вероятно, эвакуированный в Сарапул. Пожалуй, перепечатаю его письмо:

В книге Ваших воспоминаний “Из прошлого” на стр. 37-й есть вскользь брошенное воспоминание о Вашей встрече с П.И.Чайковским после премьеры “Нового дела” и о просьбе П.И. написать для него оперное либретто. Остается неясным, имелось ли в виду либретто на какую-либо иную тему, или материалом должно было послужить само “Новое дело”. Последние годы я много работал над материалами по Чайковскому, все более убеждаясь в глубокой правоте Лароша, написавшего после смерти своего друга, что П.И. умер, далеко не выявив многих важных, б.м., неожиданных для нас сторон своего гения”. (Далее я пропускаю длинноты письма). “Поэтому особый интерес вызывает и Ваше беглое замечание, оставшееся, насколько я знаю, вне поля зрения присяжных “чайкововедов”. Опера на сюжет “Нового дела” – факт маловероятный, но привлечение автора такой пьесы в качестве либреттиста само по себе весьма знаменательно. Было бы чудесно, если бы Вы могли припомнить обстоятельства встречи и содержание беседы с П.И. – прежде всего, конечно, тему ненаписанного Вами либретто. Хорошо было бы определить поточнее время встречи, место ее, организаторов ее (уж не Модест ли Ильич свел вас?). Все детали разговора и Ваших впечатлений, если они сохранились в Вашей памяти, были бы чрезвычайно интересны.

Я ответила, что Вас с нами нет, что Вы в Тбилиси, и я перешлю Вам содержание этого запроса.

Заканчиваю нынче письмо, до скорого нового послания. Шлю Вам “первомайский” весенний привет. В прошлом письме я писала о шубах, а нынче мы уж в летних костюмах, даже весеннего не успели носить, вот как здесь молниеносно появилась весна. Пишу при открытом окне, вернее – у открытого окна.

Желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья, сейчас больше ничего не хочу желать, потому что только и молю бога: дай ему здоровья, а

остальное все придет – и силы, и радость от солнца и природы, и энергия, желание работать на радость всем. Нежный Вам привет и приветы всем домашним и Иг. Вл-чу.

Ваша *Ольга Бокшанская.*

Прилагаю 2 привета (пообещала): от А.М.Бродского, пишущего из Кирова (Вятки) “душераздирающие” письма, изнывающего там от безделья; и от Петкера, невольно часто обращающего мыслями к Вам при работе над “Пиковой”: ставит спектакль и трусит перед Вами даже издалека.

435.

Саратов, 15 мая 1942 года

Милый Владимир Иванович!

Три дня назад вечером передали мне Ваше письмо от 25–30 апреля, которое привез из Москвы наш зав. костюм. частью Кольцов, перенесший очень серьезное ранение, чуть не лишившийся ноги и теперь (хромой) приехавший сюда на работу, после долгого лечения. Еще ранее того стало известно мне (из письма Лизы Аслановой, привезенного из Москвы же нашим оркестрантом Егоровым, сыном Ник. Вас., ездившим туда отсюда по личным делам), а от меня всему театру, что Вы звонили Шлуглейту и сказали, что выезжаете в Москву 28–29 мая. Тогда же я переговорила с Калишьяном, что непременно прошу подержать в дирекции мое желание выехать в Москву ко времени Вашего туда приезда. Мне казалось, что Вы не будете возражать против этого, что я действительно смогу быть Вам там полезной с первых же дней Вашего возвращения. Говорила именно с Калишьяном, потому что он, как Вы знаете из телеграммы, посланной Вам в ответ на Вашу о Вашем решении быть в Москве в начале июня, о задержке группы всей для выезда вместе с Вами, о семьях Леонидова и других, собирался выехать в Москву как раз в конце мая по делам театра, на месяц примерно, и это как раз совпадало с Вашим приездом, так что Вам телеграфировали, что он Вас встретит. Из-за такого Вашего решения я не стала больше Вам писать, считая, что письмо дойти не успеет. Но все же, получив Ваше письмо с оказией (с Кольцовым), не удержалась и послала Вам открытку (была мысль: авось открытка не задержится, или вдруг Вы задержитесь на несколько дней). А сегодня мне говорит Тарасова, что она говорила по телефону с Москвой, с бывшим своим мужем, и тот сообщает ей, что получена от сына Алеши¹ телеграмма от 7 мая, в которой сказано, что по предложению Комитета (она точно не запомнила мотивировки), они (семья Ал. К., а мы так понимаем – вся тбилисская группа МХАТ) остаются в Тбилиси до июля по крайней мере. Разговор

мой был с Тарасовой часа два назад, и вот я села за письмо к Вам в надежде, что оно Вас застанет.

В открытке я писала Вам о своем огорчении, что недели на 2–3 оставила Вас без писем. Как это случилось? Как-то незаметно для меня проскочили эти дни, я никак не думала, что их прошло так много. Очень срочно печатала пьесы “Русские люди” (получили Вы экземпляр?) и “Бронепоезд”. С 5-го мая открылся наш буфет, в котором я работаю по многу часов в день, вкладывая в это всю свою добросовестность и темперамент (а его пришлось вложить, потому что к работе были привлечены новые служащие, которые оказались не на высоте и на второй же день попытались смошенничать, обвесить, и это было скандально обнаружено, и поднялась настоящая “буза”, а я отчасти торжествовала, потому что с самого начала, еще до открытия, а перед ним, при организации дела, протестовала против предложенного мне персонала, защищала свой старый штат, и теперь, конечно, посрамленные защитники новой организации должны были признать мою правоту и вернуться к прежнему штату). Были майские дни. И я начала лечиться. Вот 4 главные причины быстрого течения жизни и отсутствия писем от меня. И много мелких, которых и не перечтешь, но которые, несмотря на свою мелкость, отнимают время и внимание.

Скажу еще несколько слов о лечении и перейду к делам. Лечусь я по двум линиям. Во-первых, мои многострадальные колени, привыкшие к тому, что я их лечу электричеством и ваннами каждое лето, и не получившие этого лечения прошлым летом, заныли отчаянно и теперь снова получают свою порцию электричества и водяного тепла. А во-вторых, глаза. Очень я стала от них страдать, веки опустились низко, вижу из-за этого плохо, постоянно надо помогать глазу, рукой приподымая веко. Сначала я думала, что это, как всегда бывало, хуже зимой, но пришло и тепло, а глаза не лучше. А тут поговорили обо мне с тем гипнотизером, который лечит мать М.О.Кнебель. Он заинтересовался, посмотрел и сказал, что надеется помочь. И стал делать сеансы внушения, а кроме того предложил массаж век. И хотите верить, хотите нет – а мне стало много лучше, и есть полная уверенность в том, что будет еще лучше. Но времени все эти процедуры (сеансы, массаж, ванны, электризация) отнимают много, я просто в огорчении, до чего бываю загружена и как часто мой день бывает разбит, рассечен вот такими процедурами. Мой профессор при этом уверяет, что очень хорошее для меня занятие – играть побольше в карты. Но и карты теперь удаются с трудом и очень накоротке. А мои партнерши, ловя меня в игру, уверяют, что делают это исключительно с лечебной целью.

Да, еще было ощущение, что Вы не оставлены без сведений о театре, потому что Хмелев диктовал мне письмо на имя Храпченко, которое в копии, с сопроводительным от себя письмом, с нежными от себя – чернилами – словами, он переслал Вам.

3-го мая вышла премьера “Федора”, с большим успехом. Гене-

ральные были назначены 30-го (Москвин) и 2 мая (Хмелев). Я не пошла 30-го на генеральную, думая, что хватит с меня посмотреть премьеру. И до сих пор жалею об этом. Потому что решительно все в сильнейшем волнении рассказывали, что Ив. Мих. играл так, как никто из смотревших не видел никогда. Может быть, видели его таким Вы, наши старики, свидетели первых лет жизни театра. А репетиция была как раз для папы-мамы, и среди всех наших иждивенцев, и среди смотревших актеров царило сильнейшее возбуждение, вызванное исполнением Москвина. Ах, как жалко, что я не видела этого замечательного спектакля. Премьеру он играл очень хорошо (он сам говорил, что чувствовал себя необычайно на генеральной и хотел донести это самочувствие и до премьеры), но все же где-то не мог целиком отдаться себе и склонялся в сторону привычных, всем нам знакомых, сценических штампов. Но саратовцы, видевшие его впервые, были покорены им и ответили овациями и благодарным зрительским волнением. Генеральная с Хмелевым была для подшефников, все прошло хорошо, но не подъемно. Хмелев сыграл спектакль 6-го и должен был еще играть, но захрипел, и пришлось войти в спектакль Добронравову, который предполагал не раньше середины мая, получив репетиции, начать играть. Сыграл без репетиции, только побеседовав с Еланской (так он сам настоял)². Это уж его стиль – поменьше репетиций. Его выступление прошло без всякой отметины внутри театра. До этого он начал уж играть в “Дне”, сыграл и Наркиса, на днях. Он ничуть не изменился, козыряет своим откровенным эгоизмом и нигилизмом. Очень недоволен нашим продовольственным положением и говорит, что никак не ожидал попасть в такие бытовые трудности после превосходно устроенной жизни в Свердловске.

За это время от нас уехали для работы в фронтовых бригадах Михаловская (в одной бригаде, составленной из актеров разных специальностей) и Лакшин (в другой такой же бригаде). И Кудрявцев поехал в бригаде, отвозящей первомайские подарки бойцам от Саратовской обл., и в Москву было целое паломничество одно время: не успел вернуться Егоров, как туда покатила сначала Молчанова (для 8-дневного курса в Тропическом институте от своей малярии, а как говорят, и по разным дачно-хозяйственным делам), жена Карева – по личным делам (она теперь работает у нас в театре по хозотделу, и очень хорошо), жена Петкера (по печальному делу квартиры, занятой в Москве чужими, и расхищенного имущества. Она тоже здесь работает в Оперном театре, собирается спеть Джильду и Сильву. Впрочем, когда же, раз она только в конце мая вернется?). Теперь всех этих “москвичей” ждем обратно с рассказами и письмами. А туда собирались провожать Калишьяна в конце мая, и, значит, я сбиралась ехать. Как Вы знаете теперь уж, нынче отправлена Вам телеграмма (я печатала ее вчера ночью) с вопросом, каково Ваше окончательное решение о сроках выезда в Москву. Вероятно, Калишьян выедет в Москву независимо от необходимости и желания Вас встретить, а еще и по делам театра, во всяком случае – в мартовскую

свою поездку он так договорился с Комитетом. И пробыть в Москве предполагал месяц, т.е. до конца нашего здесь сезона. В июле, в отпускном месяце, собираются выехать бригады для обслуживания Красной Армии. Пока составы их только намечаются. Все мы, конечно, ждем, что летние месяцы определяют все наше дальнейшее существование, и станет явным самое для каждого волнующее: возвращаемся ли мы в Москву? О зимовке здесь говорят как о чем-то страшном, так истосковались все по родному дому.

Так как я Вам в предыдущих письмах столько писала о закрытии у нас буфета и о трудности добывания питания, то теперь с радостью извещаю Вас, что буфет для нас опять открыт (сказала Вам об этом в начале письма вскользь). Правда, он не дает того же количества разных вещей, которое давал прежний, но все же хлеб с маслом и хлеб с сыром или кетовой икрой мы получаем. Но теперь получают только те, кто служил в театре еще в Москве, принятые в Саратове члены семейств мхатовцев и тем более принятые на работу саратовцы из списка исключены. Еще получают понемногу масла ребята. Открытие буфета сильно подняло настроение. По-настоящему питательные вещи мы получали именно из буфета, потому что так наз. “бутюгинские” обеды непитательны, невкусны и оч. скупы в смысле количества. Я их почти не ем, уступая моим “мужчинам”, а сама предпочитаю вернуться из столовой и выпить кофе с бутербродом. И это вовсе не жертва – отказ от своего обеда: мне кажется, что кофе с бутербродом гораздо вкуснее.

Милый Владимир Иванович, как мне было приятно прочесть, что Вам понравилась телеграмма от театра, Москвина. Это было как раз мое творчество, которое и Москвину с Тарасовой понравилось и было ими принято без всякой поправки. Моя же телеграмма была более чем скромная, потому что мне казалось, что Вы все знаете, что я испытала при этом. От 13-го, т.е. не в день извещения по радио, через день, телеграммы были потому, что 12-е было воскресенье, а у нас на телеграфе знакомство, позволяющее посылать телеграммы наискорейше. А знакомый-то в воскресенье был выходной. Мы и решили, что лучше отложить до понедельника 13-го, но зато быть уверенными, что телеграммы пойдут без запинки. Вы знаете, я рада, счастлива, что Вы стоите во главе тех, кто награжден за драматический театр, но мое твердое убеждение, что Вам принадлежит неоспоримое право стоять в этом же разделе впереди всех – одному, потому что то, что Вы делали всю Вашу жизнь и делаете сейчас для русского – теперь советского – театра, не дано делать решительно никому, решительно никому. И такая “уникальность”, по-моему, должна отмечаться тоже “уникально”. Просто очень немногие это знают, и те, кто знают это лучше кого бы то ни было, актеры, с которыми Вы работаете, впитывая Вас в себя, великолепно забывают, что это ими впитано от Вас, и почти всё – во всяком случае, львиную часть – приписывают себе. Ох, какая это злая штука – эта Ваша “смерть в индивидуальности актера”, рождающая вершины искусства. Злая – для Вас лично.

Виленкину, конечно, строки из Вашего письма передала. Кнебель и Грибову тоже. Эти двое просили меня перепечатать для них точные выписки из письма. Кнебель сказала: “Какую радость Вы мне принесли в черные часы!” (ее мать снова оч. тяжело больна, в бреде, в высоченной температуре). Чувствую я смущение от одной вещи. Обычно я даю Москвину читать Ваши письма. Читает их и Тарасова. А нынче в письме “историйка” с телеграммой Еланской. Боюсь, что Тарасова не удержится и непременно всю эту историю сделает гласной. И не получится того, что Вы хотите: не огорчить Клавдию, сказать ей разве только в хорошую минутку. У Тарасовой, особенно со времен “Анны”, отношения с Клавдией не без шпилечек. А сколько еще тащится издавна, со всеми отношениями Аллы с Судаковым. (Кстати, Судаков верен себе: взял в Малый театр “Русские люди” и объявил, что выпустит к годовщине войны – значит, меньше, чем через месяц!) Вот и не знаю, как быть, думаю – не предложить ли мне Ив. Мих-чу, что я, из-за трудности почерка, прочту письмо ему сама. И тогда пропущу абзац о Клавдии³.

Хмелев и Калишьян (каждый порознь) просили меня написать Вам, что они в огорчении: видимо, телеграммы их, посланные из Москвы утром 12-го же, поздравительные, не дошли до Вас. А то Хмелев, наверное бы, получил ответ, как и Грибов и Кнебель, правда? И Калишьяна, вероятно, Вы порадовали бы какой-то отметкой в письме ко мне? А они-то спешили Вас поздравить от самого хорошего чувства радости.

Хочу кстати сказать, что с возвращением Калишьяна и Хмелева из Москвы между ними установились если не враждебные, то, во всяком случае, резко антипатичные отношения, никакой связи даже и по делам, предпочтительно через третьих лиц это делается. Калишьян мне сказал, не вдаваясь в подробности, что у него с Хмелевым был в Москве разговор, в котором, по настояниям и напорам Хмелева, он сказал, как он о нем понимает. И что это было настолько откровенная и не поддающаяся оспариванию критика, что Хмелеву осталось только обидеться и разозлиться. Для дела, сказать по правде, эти отношения ничего хорошего не приносят, и на каждом шагу каждый со своей стороны угадывает какие-то колкости, обиды, уколы. Напр., Калиш. дает читать какую-то переводную пьесу (“Искушение” с немецкого, о современной, оккупированной Голландии, оказавшуюся вторым, если не третьим сортом) и Кедрову, и Топоркову, и Виленкину, и Калужскому, но не дает Хмелеву. А тот знает, что ходит по рукам какая-то пьеса, про которую почему-то некоторые противники симоновской пьесы говорят, что она лучше “Русских людей”. И начинается, конечно, обида у Хмелева. Сказать по правде, я просто выдрала ее от Виленкина и передала Хмелеву, считая, что Виленкин может прочесть после Ник. Павловича. И Калишьяна уговорила именно так сделать, потому что считаю это шпильками, годными для гимназистов 2-го класса и совсем не помогающими делу. И еще множество всякой мелочи, похожей на этот пример, засоряет их отношения.

Чтоб не задерживать отправки письма, кончаю его на этой странице, а скоро же начну продолжение. Возможно, что тут же будем иметь Ваш ответ о сроке приезда в Москву.

Последняя короткая информация: у нас тут было царило страшное волнение из-за мобилизации всех не работающих жен, сестер, домработниц; все они получили повестки – кому на фабрики, кому на работы за город. Но по ходатайству Москвина к МХАТу решили эту мобилизацию не применять пока, раз мы не коренные жители, а находимся в затруднительных житейских условиях как эвакуированные.

Всего хорошего. милый Владимир Иванович, будьте здоровы, благополучны. Главное, здоровы. Приветы домашним.

Прилагаю рецензии о “Гор. сердце” и “Федоре”. Ах, как трудно приходится Гаррель! И без того она буквально высохла. Но играет Мстиславскую она действительно очень плохо!

Ваша *Ольга Бокшанская*

436.

Саратов, 22 мая 1942 года

Милый Владимир Иванович!

Продолжение предыдущего письма следует только через неделю. Летит время здесь быстро, никак не думала, что сделала в письмах такой перерыв.

За это время получены Тарасовой 2 телеграммы: сначала от сына, в которой упоминается, что они ждут ответ “на молнию”, а потом уж “молния”, подписанная “Нужным” (так переделал телеграф Игоря Владимировича, а в обеих Ваших телеграммах, где упоминалась фамилия Грибова, неукоснительно стояло “Грубов”; кто-то из наших определил, что какие-то подсознательные явления у телеграфа, несомненно, имеются). Все эти телеграммы тщательно и каждым по-своему штудируются – и ничего ясного про Вас мы в них не находим. Поэтому наиболее уравновешенные говорят, что надо ждать от Вас ответ на телеграмму Москвина – Калишьяна, запросившую об окончательном Вашем решении сроков. Я же пишу Вам письмо и думаю так: или Вы его получите, или копию его отвезу я сама в Москву, либо пришлю Вам, если не смогу приехать к самому Вашему возвращению. До сих пор для меня было твердое решение: выехать в Москву ко времени Вашего туда возвращения – значит, вероятно, 28–29 мая, с Калишьяном и нашим зав. финансами Заявлиним. Но сейчас это решение стоит под некоторым вопросом из-за моего лечения у невропатолога. Все мои приятели, принимающие близко к сердцу результаты лечения и видящие какое-то улучшение, настаивают, внушают мне, что было бы непростительной опасностью нарушить лечение, не доведя курса хотя бы массажа, который должен

закончиться между 15–20 июня. Скажу прямо, что когда пришло известие, что Вы едете в Москву в июле, я была рада: значит, успею и с лечением разделаться, и Вас встретить. Мои подружки уверяют, что если Вы узнаете, что я прервала, бросила лечение из-за того, чтоб быть в Москве к моменту Вашего приезда, Вы же меня и обругаете и скажете, что раз Вы обходите без меня почти год, то могли обойтись еще и две недели. Буду еще говорить со своим профессором об этом, послушаю, что он скажет.

Примерно дней 5–6 как наступила сильнейшая жара, дышать нечем днем. Сразу как-то. А сейчас только что прошла первая гроза, оч. сильная, с ливнем. Сейчас утихомирено капает дождик. Сейчас только что въехали в гостиницы из Москвы Молчанова, жена Карева, Бутюгина (поступившая здесь еще в ноябре на работу в комендатуре гостиницы) и приехавший сюда по делам наш мхатовский главбух Трутнев. Все мы, конечно, высыпали в коридор. Первый, наскоро, рассказ, что в Москве настроение хорошее, ни одной бомбежки они не испытали, но трудно жить в смысле еды, все магазины продают только по карточкам, и им – приедем – решительно негде было купить еду.

Сейчас гостит здесь Судаков, захавший к жене примерно на неделю после своего пребывания в Москве по делам с Комитетом искусств. Он сильно разжирел внешне, стал увесистый. Как я слышала, “Русские люди” ставить ему не придется: Комитет не утвердил эту пьесу в его реперт. плане. Разговаривать долго мне с ним не пришлось, не получилось как-то, и пока не слышала, кто из наших вел с ним длительные беседы. Знаю, что все наши настойчиво допытывались, что ему сказано было в Москве о сроках возвращения, но ничего конкретного не получили в ответ, т.к. ему в Москве ничего конкретного не сказали. Ясно, что разрешение вопроса будет позднее – в зависимости от военных операций. Кажется, Ил. Як. уезжает завтра.

Сегодня подписывается Москвиным и, стало быть, вывешивается распределение ролей в “Русских людях”.

Марфа Петровна – Попова
Сафонов – Добронравов
Валя – Комолова
Шура – Базарова
Васин – Москвин, Орлов
Панин – Массальский
Козловский – Кудрявцев
Луконин – Яров
Ильин – Снегин
Неизвестный – Недзвецкий
Харитонов – Тарханов, Готовцев
Мария Никол. – Соколова
Розенберг – Кторов
Вернер – Чебан

Краузе – Конский
Семенов – Калинин
Гаврилов – Андрес
Лейтенант – Цильман
Глоба – Грибов, Станицын
Раненый – Готлиб¹.

Написала распределение по памяти, а все точно в отношении упомянутых ролей; но, м.б., кого-то забыла, а проверить сейчас не могу. Если кого-то пропустила, то добавлю. Режиссеры Станицын и Кнебель.

С “Вишн. садом” у Кнебель будет затяжка: мнение многих членов худсовета таково, что сейчас несколько лет надо не работать над чеховскими пьесами, потому что зрительный зал их не воспринимает, как нам хочется. Участники “Трех сестер” жалуются на трудную атмосферу в зрительном зале, откуда идет реакция только на комедийное, а тончайшие драматические переживания остаются незамеченными, ненужными. Гаева, напр., хотели дать Станицыну, и он соглашался сначала, а теперь, мучаясь в любимой им роли Андрея, он отказывается от Гаева. Словом, тенденции такие, что с Чеховым надо будет повременить, а “Русские люди” хотят выпустить к 7 ноября, и Кнебель для работы в них, стало быть, свободна. Из распределения Вы видите, что две актрисы – Попова и Комолова – сталкиваются с “Глубокой разведкой”. А в отношении этой пьесы сказано, что ее следует выпустить тоже к 7 ноября. Прежде чем окончательно решить вопрос, был разговор у Хмелева и Калужского с Кедровым, который заявил, что если у него вынут двух исполнительниц, то он решительно не может выпустить к желаемому сроку; такая операция сильно отодвинет выпуск. По его предложению, решено попробовать совместить работу этих двух актрис в обоих спектаклях. В разговоре он легко соглашался отдавать их на нужное количество репетиций в “Русских людях” и больше жаловался на отсутствие в “Разведке” Прудкина, который целиком ушел в “Посл. жертву” и решительно пропускает работу у Кедрова, не в силах разорвать себя на две роли. (Между прочим, я слышала, что он ходит к Кедрову же заниматься с ним Дульчиным, потому что недоволен Телешевой, вернее – неудовлетворен.) Вообще “Посл. жертва” по самочувствию актеров подошла к тому состоянию, когда исполнители жалуются на режиссера и жаждут от него разных реверансов и конферансов; сегодня, кажется, состоялся приход Хмелева на первые два акта “Жертвы”.

(Тут был в письме перерыв, во время которого я точно узнала, что действительно показ Хмелеву состоялся. Реверансы были потому, что и Хмелев как-то осторожно подходил к своему приходу, беспокоился, что своими замечаниями может кого-то из “тузов” обидеть; и режиссура никак не хотела обнародовать показ, чтобы не создать впечатление *показа* в труппе, а сделать вид, что Хмелев вроде *зашел* на репетицию. Сначала Женя один, а потом Женя и Хмелев в моем присутствии делились впечатлениями, которые решительно совпали: что работу эту мож-

но назвать только педагогической работой, но никак не режиссерской – Хмелев даже резко определил виденное как “детские забавы”, а не серьезная работа режиссера, – что работы там на много месяцев для выпускающего режиссера, а это сразу ставит вопрос, можно ли тратить на “Жертву” сейчас столько времени, когда Прудкин нужен в “Разведку”, а Москвин в “Русские люди”; что, ясно, выпуск спектакля еще в этом сезоне категорически отпадает. Словом, завтра Женя и Хмелев встречаются, обговаривают много дел вообще, в частности, свои предложения по “Жертве” и идут к Москвину.)

23 мая

Вчера в столовой как раз встретились с Судаковым и посидели с ним. Он сказал, что ему готовы были устроить место на самолете в Куйбышев в субботу, но Кл. Ник. (которой я пока ничего не говорила о Вашем впечатлении от телеграммы²) запротестовала, и он отложил отъезд до понедельника. Рассказал, что был какой-то разговор – кажется, в здешнем исполкоме, а м.б., в Москве, но вернее первое, – чтобы городам поменяться: мы на место Малого (если будет зимовка театров вне Москвы), а Малый сюда. Судаков смеется: меня устраивает только быть в одном городе обоим театрам, чтоб с женой не расставаться, а такая кадриль ни к чему. Ведущий состав Малого театра устроен в Челябинске значительно лучше бытово, чем наши, и вообще там внутри театра сделана резкая разбивка: “титулованные” получают одно и в столовой, и в снабжении, прочие служащие и актеры – другое. А у нас выделены только лауреаты и народные СССР, которые приписаны к Обкомовскому кооперативу. И столовая наша в смысле обедов выделяет все-таки Москвина и Хмелева, отпуская им из лучшего. В остальном же все устроены одинаково. Что в Челябинске лучше – это гостиница: новая, с наметками на комфорт, с удобствами при номерах. Здесь в этом смысле условия отчаянные, по неудобству и антисанитарии могут быть приравнены разве к вокзальным. Вообще гостиница запущена, постоянно в ней что-то ломается, портится, вода в 3-й этаж и вовсе не подается. Что будет в смысле санитарии летом – страшно подумать! Несколько дней мы прожили здесь недавно в ужасных обстоятельствах: город вообще не подавал воды (сломался какой-то главный мотор) и была напрочь испорчена электропроводка, так что запрещено было пользоваться ею из-за страха пожара, а потом, не доверяя сознательности наших и имея примеры, когда, несмотря на запрет, люди зажигали свои элек. печки, вовсе изъяли свет. Три дня мы так прожили, таская воду из какого-то специального насоса. А до этого еще было с месяц, что вода, как только начал трогаться лед и шел, стала коричневая и такой вот с месяц оставалась. Но какого коричневого цвета! Как бы Вам сказать? – много темнее солдатского сукна, такого настоящего коричневого цвета. Я все перебираю в памяти Ваши костюмы, чтоб определить цвет. По-моему, у Вас есть такой летний пиджак – вот был цвет. Процеживания сквозь марлю

не помогали, единственное, но оч. длительное средство, – отстаивать. За ночь удавалось это сделать. У меня на это не хватало времени и терпения, я давала отстояться просто в чашке, отпивала половину чашки, остальное – в раковину. Теперь идет вода просто желто-мутная, и все радуются: какая чистая пошла вода!

О делах на будущее, которые обсуждаются сейчас Женей и Хмелевым, напишу, когда узнаю, а пока мелкие сообщения.

Уж несколько времени как выступают Андровская и Станицын с монтажом из “Волков и овец” с большим успехом. Наши смотревшие говорят, что номер хороший, никак по-новому он их не раскрыл, но просто приятно смотреть двух прекрасных актеров, играющих прекрасные роли.

Кажется, я писала Вам, что дали разрешение дирекции играть здесь “Слугу двух господ” группе наших актеров. Премьером там Масальский – Труффальдино. Спектакль организациями покупается охотно и имеет успех; ездили с ним и в Энгельс, где к ним тотчас же явились тамошние “жучки” с предложением сыграть и в других местах Энгельса.

Жена Ливанова заявила Евгению о своем желании стать актрисой МХАТа. Женя посоветовал ей позаниматься с кем-нибудь из режиссеров (напр., Телешевой) и показаться. Как-то, идя с ней на процедуру (она тоже лечится), я спросила, почему ей пришло это в голову. Она говорит, что давно хотела этого, а в разговоре с Вами имела от Вас поддержку и совет приготовить Софью из “Горе от ума”.

Тут был у меня дневной перерыв (начала я сегодня, 23-го, писать утром), когда я “торговала” в буфете. И тут Тарасова мне сказала о телеграмме от сына, из которой видно, что Вы раньше июля в Москву не приедете. Значит, все сходится для меня так, как я считала идеальным. Я успею полечиться и успею встретить Вас в Москве, где надеюсь быть Вам полезной. А жена Карева приехала с сообщением, что Вас ждут там к 27-му, так ей сказали в Комитете. Но как же к 27-му? А Ваша телеграмма к Хмелеву помечена 21-м – и в ней ни слова о близком выезде. Уж непременно сказали бы: послезавтра выезжаю. Да, надо терпеливо всем нам ждать часа возвращения. А нетерпенье столько уж жжет. Вчера обе приехавшие из Москвы – Карева и Молчанова – чуть не подрались в коридоре. Вторая необыкновенно восторженно описывает тамошнюю жизнь и уверяет, что в ней нет трудностей. А Карева говорит о большой суровости и многих лишениях, от которых мы здесь отвыкли и которые, конечно, стали бы быстро после приезда воспринимать резко, болезненно. Приехавшая за два дня до них жена Ковшова тоже говорит о трудной и суровой обстановке жизни.

Еще записано у меня давно: написать Вам о разговоре с Калишьяном, когда он высказывал недоуменные вопросы о назначении Нежного помдиректора, о чем Калиш. узнал от Заявлины. А Заявину, как я поняла, написал сам Иг. Вл.

Григ. Мих. говорил, что привык к тому, что Вы не делали никогда таких назначений без договоренности с ним, и смущает его то обстоятельство, что должность помдиректора у нас одна, занята она Гуляевым, и т.к. он на войне, то должность остается за ним до его возвращения с фронта. Он просил меня непременно Вам написать, чтоб знать Вашу установку и, таким образом, знать, как же ему вести разговоры об этом в Комитете, если придется это делать в Москве.

Еще у меня долг перед Столяровым, который давно просит передать Вам его нежнейшие приветы. Он обедает в нашей столовой, обычно в тот же час, что и мы. Так что часто с ним беседуем. Тем более что сейчас Дорохин и Петкер ставят с ним “Пиковую”, мы этим делом с Евгением, обожая эту оперу, интересуемся, – разговор завязывается сам собой. И в связи с “Пиковой”, конечно, у Столярова мысли бегут к Вам, к воспоминаниям о разговорах Ваших с ним по поводу этой оперы, он говорит, что у него записан Ваш план постановки, который Вы ему развивали; но он таит его про себя, не рассказывая ни нам, ни режиссерам.

Еще записано у меня из бытовых наших дел – Шура Комиссаров, время от времени постанывавший после развода с Морес и выхода ее замуж за нетеатрального человека (кстати, он теперь устроился здесь, приехал откуда-то из Сибири и работает в Саратове, а в Сибирь попал по эвакуации), жаловавшийся на одиночество, влюбился здесь в опереточную актрису Теплицкую; она из киевской оперетты, здесь выступает в первых партиях – не знаю, как они называются: не героиня, а другая, вторая девушка из оперетты: скажем, в “Сильве” играет Стасю, в “Холопке” не французенку, а Полюшку, в “Роз-Мари” не Роз-Мари, а другую центральную девушку, не помню, как ее зовут там. Прелестная плясунья, актриса с огоньком и обаянием, здесь она как белая ворона среди исполнителей оперетт, набранных из артистов местной оперы по признаку небольшого голоса и более или менее сносной внешности. В жизни она милый, веселый человек, в приятельских отношениях со всеми приятельскими семьями Комиссарова. Теперь уж эта чета и поселилась вместе, сохраняя за собой свою “койку” в комнате, где был у нас устроен, фактически живет у Теплицкой.

Теперь прощаюсь с Вами до следующего письма, где напишу больше о наших театральных делах. А то письмо больше по бытовым делам.

Да, еще хотела сказать, что в вечер, когда в городе не было воды, а у нас был параллельный спектакль в театре оперы, дирекция оперы, состоявшая с нами в колких отношениях (в результате неудачных решений в отношении этой дирекции со стороны Калишьяна), добилась у местных властей запрещения нашего спектакля. Но в тот же вечер мы в своем ТЮЗе спектакль провели. Шлю Вам нежный привет, крепко жму Вашу руку. Поклон Иг. Вл. и Вашему дому.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Саратов, 26 мая 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Только что сказали мне, что через час придет в гостиницу летчик, который нынче летит в Тбилиси, можно отдать письмо. Я полетела скорей к себе в комнату, отобрала копии своих к Вам писем, отосланных в мае – если они не дошли, то пусть придут раньше с летчиком. И спешу написать новое. Если возьмет летчик побольше пакет, pošлю Вам довольно хорошей бумаги и конвертов, зная Вашу любовь к этим вещам.

Вчера получила бандероль, надписанную Нежным, с Вашей речью о пьесе Толстого и с записями о важном в “Трех сестрах”¹; дала читать Хмелеву, бывшему у нас, вечером зашла за ними – его дома нет, куда-то после спектакля отправился. Забрала материалы, постучала к Кнебель – никто не ответил. Тогда дала на ночь читать Москвину и Тарасовой. Сегодня передам Кнебель. Сама, конечно, читала первая. Очень интересно. Знаете ли Вы, что пьеса Толстого в теперешнем своем виде попросту запрещена к постановке?

Думаю, что не застала Кнебель в такой поздний час дома потому, что она постоянно проводит время в больнице, куда увезли на днях ее мать. Ей было ужасно плохо, пришлось отвезти в больницу. Там ей теперь стало как будто лучше. Но вообще, конечно, положение ее очень-очень серьезно.

Одновременно с последним моим письмом к Вам я переслала Вам в отдельном конверте письмо от нашего парт. секретаря Гуляева – помните его? Дошло письмо до Вас?²

Вчера довольно длительно обсуждал у нас в комнате Хмелев свою телеграмму к Вам. Сначала с Женей, потом со мной, сказав, что хочет привлечь и меня для совета. Вообще его отношение ко мне, как мне кажется, очень двойственно: то он внимателен и хорош, то снова чувствует неприязнь или недоверие. Телеграмму эту он объявил нам секретной, чтоб о содержании ее не знал никто. Также он мне сказал и о письме своем к Храпченке, копию которого послал Вам. А потом сам же рассказывал довольно широко о том, что писал Храпч., отказывался от должности худ. руководителя. Возможно, что и о телеграмме этой рассказывать будет. Должна сказать, что взаимоотношения его и Калишьяна, когда я с кем-нибудь из них двоих сталкиваюсь, причиняют мне и тягостное недоумение в душе, и тревогу, и что-то вроде досады-обида. Не знаю даже, как определить эти чувства. Совершенно не понимаю, как можно быть во главе дела двум-трем людям и пребывать в таких отношениях – и не мочь с них сдвинуться ни при каких, даже самых серьезных условиях. Так получается странно: приходит Хмелев, составляет Вам нужнейшую и важнейшую телеграмму и секретно посылает ее. Через несколько минут Евгений приносит для перепечатки от Калишьяна телеграммы за подписью Москвина: одна Храпченко с просьбой дать

вызов в Москву Калишьяну, другая Константину Федину с вызовом его в Саратов для переговоров о постановке его будущей или только что законченной пьесы в МХАТе – и об этих телеграммах не знает Хмелев. А вместе с тем он в течение зимы, как я Вам сообщала, писал Федину (и другим авторам) и должен быть непосредственным участником дела создания советского репертуара. И вот такие разъединенные действия на каждом шагу приходится наблюдать. При этом каждый из них в отдельности заверяет, что не любит другого как личность, но в деле готов быть лояльным и беспристрастным. И тут же каждый предьявляет другому разные претензии, укоры, разоблачения и т.п.

Что касается резонанса в театре, то и Хмелев не имеет достаточно авторитета, и Калишьян на редкость непопулярен. Конечно, Хмелеву многое прощается за его актерскую талантливость. А у Калишьяна нет такой уравнивающей стороны. Ив. Мих., как я могла заметить, старается не вмешиваться в их взаимные неприветливости и неприязни, держится с большой деловой и человеческой корректностью в отношении каждого из них и, как очень тонко понимающий и чувствующий человек, внутри себя дал твердые характеристики каждому. К “фюрерству” и всем с этим связанным амбициозностям Хмелева относится не без юмора. Но, вероятно, в какую-то важную и острую для дела минуту может сказать весьма крепкое слово и на нем настоять. Вообще Ив. Мих., сохраняя, несмотря на огромную работу и довольно трудные в его возрасте условия жизни, силы в количестве поразительном для конца сезона, вызывает у всех восхищение своей работоспособностью, ответственностью и добросовестностью – попросту говоря, всей своей деятельностью. Если бы его не было с нами – право, не знаю, как удержался бы наш коллектив на той относительной высоте, на которой он сейчас держится. Должна сказать, что, начав весьма романтически и возвышенно свою жизнь вне Москвы, наш коллектив довольно скоро пошел по довольно сомнительным дорожкам. И как-то не понимают наши актеры, что здесь все они на виду, что каждый их более или менее громкий поступок становится известен очень широко, вызывает к себе интерес, подхватывается актерами местного театра, не жалеющими шпилечек и разных анекдотиков. И понемногу какой-то флер, окутывавший МХАТ, москвичей, “чужеземцев”, растаял – и стали мы для многих саратовцев, особенно среди той части публики, которая норовит поближе узнать актеров, людьми, наделенными самыми банальными житейскими качествами. И наступила полоса некоторого не то чтобы разочарования, но недоумения, легкого недовольства: так хотелось воображать, что это все какие-то необыкновенные люди, эти мхатовцы. Как назло, наши то где-то поскандалят, то перепьют совершенно непристойно, то между собой грубо перебранятся на концерте из-за места в программе, то слишком назойливо обивают пороги в поисках индивидуального снабжения, добывания каких-то благ съедобного или костюмного порядка. Например, два дня уж разбирается дело, когда наши актеры (среди них

Еланская, Топорков, Кедров), давшие согласие на концерт в Энгельсе (платный), вдруг днем стали капризничать, всячески отвиливать, а вечером, придравшись к дождю, и вовсе не поехали, сорвав таким образом концерт совсем. Если б днем они не отнекивались и не вывертывались, то страху перед дождем поверили бы. А так – поняли, что это была придрка. Концерт был для военной части. Оттуда приезжал с претензией комиссар части, с жалобой от имени генералитета. Вот такие шероховатости, конечно, бывают очень досадны и обидны. Конечно, постоянно привлекать Ив. Мих. к разбору скандальных случаев не хочется, надо щадить и беречь его силы. А остальные члены руководства, видимо, не в силах держать актеров в лучшей дисциплине.

В целях информации: вчера Кторову послана телеграмма с предложением войти в состав летней (в июле) бригады на фронт. А накануне им обоим была послана телеграмма, что они оба получили работу в “Русских людях” и пока не должны приезжать (смысл телеграммы таковой), но как только окажется, что нужны, их вызовут. Предполагается, что по “Русским людям” сначала здесь будут работать сцены Сафонова, и надеются, что с осени мы будем в Москве и там и Кторов – Попова войдут в работу, нет нужды их вызывать сейчас сюда. Но вот сегодня к Лабзиной звонил муж из Куйбышева (Селиванов) и сказал, что ГАБТ отпуска иметь не будет. Значит, и мы. И значит, если работа продолжается, то состав бригады возможен другой, чем при отпуске, когда можно было выбирать любой состав.

Теперь прощаюсь, время отдать письмо. От всей души желаю здоровья и хорошего самочувствия, милый Владимир Иванович.

23 мая получила письмо Ал. Ал. Типольта от 12 марта, а на след. утро – его письмо почтой от 10 мая. Вот как подвел тогда летчик с оказией, в марте. Отвечу ему обязательно, страшно рада была его интересным письмам.

Всему дому и Иг. Вл. сердечный привет. Крепко жму Вашу руку. Ужасно скучаю по Вас, без Вас, милый В.И.

Ваша *О.Бокшанская*

438.

Саратов, 31 мая 1942 г.

Милый, дорогой Владимир Иванович!

27-го написала я Вам последнее письмо, которое должно было уйти оказией, положила его в большой конверт, куда вошли еще копии майских моих писем, посланных почтой, и небольшой Вам “сюрприз” – приличные бумага и конверты. Собирали почту Ливановы – это была их “антрепризы” оказия. Через 2–3 дня Ливанова говорит мне, что наши письма все еще лежат у нее, летчик за ними не пришел, не попал ли в аварию?

Сегодня днем сижу и печатаю в свой выходной экземпляр “Курантов”, которые по телеграмме Нежного, с Вашего указания, надо послать в Ереван. И из Еревана тоже о том же срочная просьба телеграммой. Все на имя Виленкина. Влетает оживленная Лида Петкер: “О.С., возьмите, вам письмо и посылочка из Тбилиси”. О, как было приятно! На посылке даже Вашей рукой надписан адрес. И потом из письма узнала, что Вы отдали последние лимоны – милый Владимир Иванович, зачем? Не надо было, они Вам нужнее, полезнее. Спасибо большое, Вы знаете, как драгоценен для меня каждый знак Вашего внимания, как я и радуюсь, и терзаюсь, что Вы отняли от себя Вам необходимое. Хватаюсь за письмо, сажусь читать, просто пожираю строки, письмо такое важное, нужное, для всей нашей жизни решающее, этими вопросами, как Вы знаете из последней телеграммы Хмелева, заняты все, кто думает о предстоящей работе. Дохожу примерно до середины письма – влетает Молчанова (соседка Ливановых): “Не у тебя ли собраны письма в Тбилиси? Пришел летчик к Ливановым, комната у них заперта, никого нет, а он завтра утром летит в Тбилиси!” Я к летчику. “Куда Вам доставить письма позднее, а то, как говорят, Ливановы поехали за город, а Борис Ник. играет “Куранты” днем?” Летчик говорит: “Я живу на аэродроме, туда Вас не пропустят”. Я: “Где вы будете нынче вечером, можно сговориться о встрече”. Он: “По правде сказать, хотел бы пойти к Вам в театр”. – “У нас «Каренина»”. – “Я как раз не видал, как ни совестно признаться”. Сговорились, что он еще раз придет в гостиницу в шесть, а то я не застала Михальского ни дома, ни в театре, и попросту обещала места, но где их взять – он придет спросить. И заберет письма. Вернулась я снова к письму, прочитав, полетела тотчас же к Москвину, к остальным – поделиться. Москвин на весь день уехал на рыбную ловлю за город, Алла дома, сядет за письма к шести часам. Хмелева нет, даже Калишьяна в гостинице нет. Я вернулась к себе ни с чем, а хотела бы послать Вам сразу отклик нашего руководства по Вашему письму. Сейчас уже пятый час, приехала, слава богу, Ливанова и будет ждать с письмами этого летчика. Я напишу Вам пока, что смогу.

Я написала Вам, что бандероль Ваша получена, все сейчас находится у Кнебель. Дала читать Москвину, Хмелеву (продержал у себя день, не успел прочесть, говорит, и просил снова ему дать); Москвин давал читать Калишьяну – тот у него увидел и попросил. Просил Прудкин (редактор нашей стенгазеты) дать ему почитать, когда я предложила это начало большой диктовки как материал для газеты. Двумя днями позднее пришло сопроводительное к этим двум Вашим высказываниям письмо, от 14 мая. Из письма я понимаю, что до Тбилиси не дошло положение с толстовской пьесой. О ней состоялось заключение, что она никак не отвечает заданиям, которые стояли перед авторами пьес о Грозном¹. И было предложено ее переработать, а в этом виде она запрещена к постановке.

Распределение “Русских людей” я Вам сообщила. Там я пропусти-

ла только одного исполнителя: Морозов – Антонов. Это тот, к кому направлена в 1-й картине Валя, бывший председатель горсовета, у которого она была, видимо, шофером; появляется только в первой картине, но потом о нем говорят немало, это он должен взорвать мост, организатор подполья в городе.

На днях вернулась из Москвы Михаловская. Две бригады, посланные от Саратова, просмотренные в Москве Комитетом и Полит. упр., отменены, образована одна бригада, в нее вошел Лакшин, а ее, как и многих саратовских актеров, вернули на место работы. Она рассказала, что состоялось постановление относительно Василия Григорьевича: он отправляется на 5 лет в Алма-Ату на свободное поселение, звание и орден за ним сохранены. Жена его имела с ним свидание, сказала, что он плохо выглядит, но говорит, что чувствует себя неплохо. Просил он передать ему разные вещи, т.к. у него украли его платье, белье; она послала по списку, но многое ей вернули, сказав, что разрешено передать только вот то-то. Вас. Гр. хотел только, чтоб ему разрешили проехать на место самостоятельным порядком. Жена собирается ехать туда же. Она справлялась, по какой статье он был судим, ей ответили, что никакой статьи нет. Только бы вся эта история не стоила ему слишком много здоровья, а то все, как видите, кончается чрезвычайно для него хорошо: как рассказывают, Алма-Ата полна людей театра и кино, полна фруктов и овощей и для многих, кто интересуется сытой и безмятежной жизнью и ставит ее на первый план, считается обетованным раем. Разве только еще Новосибирск находится в таком же хорошем положении (тоже облюбован и заполнен был Комитетом кинематографии, и повезло Александринке, попавшей туда) – только без фруктов. Говорят, что и Тарасова получила от кого-то письмо с радостными строками о хорошем разрешении дела Сахновского.

Милый Владимир Иванович, Ваши лимоны я раздам так: 2 Москвину, 2 себе, по одному Грибову и Кнебель, потому что тогда, помните, Вы и им посылали, но не удалось послать. Хотела я и чай так раздать, а Калужский воспротивился, говорит: Москвин и Грибов чаю получают много в кооперативе, Обкомовском, куда прикреплены как лауреаты: лауреатский и народных артистов паек здесь хороший. Я тогда говорю: “Ну, Кнебель дам!” – А он (видимо, стосковавшийся по чаю, потому что мы здесь пьем – вот сколько живем – кипятков) говорит: “Ей бы важно для матери, а мать ее в больнице и там чай подают, я навещал Аркадьевского, ему принесли целый чайник”. Но я думаю, что Марусе Кнебель я все же отнесу, он и не заметит, да и не будет в конце концов против.

Читала, как к Вам стараются прорваться на прием, и горевала, что не с Вами: ох, я была бы безжалостна к этим просителям, я думаю. Видно, посылка в Ереван нашего варианта “Курантов” – это компенсация за то, что Вы не стали заниматься с тамошним исполнителем.

Если Вы в Москву, то и я туда же, иначе себе не представляю. Мне кажется, что я смогу быть Вам полезной там. Много же будет всякого

маленького дела, – машина, может быть, Заречье, может быть, машинка и печатанье, в чем мое участие понадобится. В Москве ли Евгения Евгеньевна? Мне кажется, что нет, и тогда я могла бы и в делах по Музыкальному помогать, принимать телефоны, служить передатчиком. Да, как и до нас доходит, там в Музыкальном опять завели немалую склоку. До нас идут слухи, что Над. Фед., поддерживающая Туманова вовсю, что-то там намутила против Ил. Мир. и вообще поддерживает неугомонно брожение и беспокойствие в коллективе. Может быть, слух односторонний?

Если летчик будет на спектакле и до вечера удастся повидать и получить какие-то ответы по Вашему письму о репертуаре, то напишу еще письмо и отнесу на “Каренину”, где передам. Пока же прощаюсь с Вами, т.к. “оказист” должен скоро прийти, надо сдать письмо. Еще раз крепко Вас благодарю и желаю Вам здоровья и возможностей выправить и сохранить его в Ваших тамошних условиях. Писать я Вам буду все же на Тбилиси (по почте), вдруг по разным вне всех нас стоящим причинам Храпченко попросит Вас еще задержаться. Вот в мае я прекратила было писать, думая о Вашем отъезде, и вышел перерыв в письмах.

Привет мой домашним и Иг. Вл. Вам – любовь моя и преданность.

Ваша *Ольга Бокшанская*

439.

Саратов, 8 июня 1942 года

Милый Владимир Иванович!

Все же пишу Вам в Тбилиси, хоть и получила Ваши строки, что в третьей декаде июня думаете быть в Москве. Но отъезд может и задержаться, правда? Пусть пойдет письмо на всякий случай.

Ждем приезда тбилисской группы. Алла К. получила телеграмму, что выезжают 5-го. Надеется, что еще придет телеграмма при их выезде уже из Баку. 6-го навстречу им выехали отсюда двое наших: московский зав. гаражом Ковлер, который здесь заведует складом, и наш вахтер из федичкиной команды – Снятков. Должны будут встретить и привезти тбилисцев сюда. Устроят их в гостинице “Астория”, кот. считается лучшей в городе. Когда наш коллектив стал пухнуть и нашей “Европы” стало не хватать, то там постепенно получили мы несколько комнат – для Добронравова, Блинникова – и еще несколько комнат, которые отведены “коллективам”: несколько семьям. В связи с приездом “тархановской” группы множество людей задает вопрос мне, как же будет в Тбилиси с Вами и остальными мхатовцами. Я отвечаю выдержками из Вашего последнего (от 16 мая) письма.

Вопрос, который сейчас сильно волнует многих: помещение нашего филиала в Москве. Петкер привезла из Москвы из комитетских

кругов известие, что наш филиал передается Судакову. Для всех нас это было ошеломляюще. Знаю, что, напр., Андровская и Еланская говорили, что в этом случае надо уходить из театра, потому что играть совсем не придется, на основной сцене спектаклей выходит мало и, по их мнению, львиную долю участия в них будет иметь Тарасова.

При встрече с Калишьяном, готовившемся к отъезду в Москву (уехал в ночь на 2-е), я спросила, откуда пошел такой слух. Он рассказал, что когда в апреле приехал в Москву Хмелев, то на приеме их обоих у Храпч. в присутствии еще ряда комитетских Хмелев сказал, что имеет поручение от руководства, худсовета и ряда ведущих актеров просить о закрытии филиала и об оставлении МХАТу одной сцены, что должно дать возможность театру держать свои спектакли на должной высоте. Храпч. тут же спросил Калишьяна, бывшего в Москве с середины марта, почему он до сих пор не сообщал о таком желании театра. Калиш. ответил, что впервые слышит такие тенденции руководства вот сейчас, из уст Хмелева. Теперь Калиш. предполагает, что кто-ниб. из друзей Судакова тотчас же ему передал о возможности получить прекрасное помещение для филиала Малого театра, и Судак. в бытность в Москве нажал на это дело.

Вот как нарисовал мне это дело Гр. Мих. 7-го был с ним по телефону первый разговор, в котором он сказал, что вопрос с филиалом стоит для нас оч. остро, намерение отдать его Малому театру крепкое. Насколько я слышала, Ив. Мих. решительно против отнятия у нас филиала, считает, что, конечно, такой вопрос не может быть решен без Вас, и хочет Вам телеграфировать.

Общее мнение таково, что все равно нужное сокращение всего коллектива не будет произведено и все равно нам понадобится для самокупаемости иметь вторую параллельную площадку, но, потеряв филиал, мы получим ее в неудобном или менее удобном, чем в филиале, месте. Возможно, что Ив. Мих. переговорит по этому поводу и сам с Храпч., точно еще не знаю его решений и планов.

Хмелев, как я слышала, ссылаясь на Ваше мнение, что с филиалом надо расстаться. Насколько я помню, этот вопрос Вас настолько беспокоил, что Вы даже задали (не в аванложе ли? или на приеме у Молотова?) [вопрос:] “вглубь или вширь”? и услышали в ответ: “и вглубь, и вширь”. Верно? Что мне странно, что Хмелев сам поднял вопрос о крупнейшей реорганизации театра и добился как будто пристального к этому внимания со стороны Комитета, а приехав в Саратов, пишет в Москву Храпченко (копия Вам), что просит освободить его от худож. руководства, т.к. не в силах сделать необходимую реорганизацию. Из этого я заключаю, что просьба об освобождении от руководства – болтовня и кокетство, ничуть ни от чего он не собирается отказаться, а любит комплименты, уговоры и повторения того, что только он и может исполнять эту руководящую обязанность. Это вообще свойство его характера: выжать как можно больше комплиментов. Бедная Пилявская

как-то говорила, что теперь ее жизнь в “Курантах” совсем трудная: на каждом спектакле ей надо кадить своим двум партнерам, иначе ходят пасмурные. И дались же два таких сразу: что Хмелев, то и Ливанов – обожают поклонение, без него мрачнеют. Помню, во времена “Пугачевщины”, “Турбинных” такой был розыгрыш Хмелева: сидит группа в чайном буфете, перебирают, кто лучше всех играет в только что вышедшем спектакле, кого хвалил Вл. Ив., К.С., и переберут решительно всех, сознательно пропуская Хмелева, который тут же сидит (тогда еще совсем мальчик, молодой актер) и после каждой фамилии ждет упоминания своей. И так и не дождетя. А товарищи разыгрывающие ждут и дождутся, когда наконец он не выдержит и сам спросит на какой-то мрачноватой гнусавости: ну, а про меня что сказали? хорошо я или плохо играю? Тут наступала некоторая пауза и потом кто-нибудь говорил раздумчиво: нет, почему же, тебя тоже похвалили. Это было на всех трех его прекрасных ролях: в двух упомянутых мною пьесах и в “Елиз. Петровне”. Тогда ведь спектакли эти много недель обсуждались, пот. что сразу вышла на первое положение в театре, не в студии, большая группа студийцев.

Продолжаю на след. утро, милый Владимир Иванович, вчера оторвали. Про филиал за это время услышала так: 7-го по телефону Москвин говорил не то с Людмирским по телефону по этому вопросу, а Калиш. тогда стоял рядом с Людм. (это из Комитета товарищ), либо с Калишьяном самим, кот. говорил о положении угрожающем со слов Людм. Калиш. должен у Храпч. быть сегодня, после чего известит Москвина, как стоит дело, и в зависимости от положения вещей И.М. будет действовать. Если отрицательно для нас – И.М. пошлет телеграммы Вам, Храпч. и, м.б., Землячке.

1-го и 6-го сыграла Наташу Титова¹. 1-го я опоздала на начало из-за профессора своего, смотрела со 2-го акта. 1-й акт смотрела 6-го. Интересно мне было смотреть и потому, что впервые увидела Кедрова. Не могу скрыть от Вас, что впечатление мое от обоих резко отрицательное. Здесь, конечно, в условиях совместной жизни и всеобщего стремления передавать друг другу каждый пустяк, приходится об этом молчать, тем более что Кедровы живут рядом с нами, но Вам скажу по чистой совести. Кедров меня огорчил даже больше, чем Титова. От него ждешь больше, хороший ведь актер, про нее же знаешь, что малоинтересная индивидуальность и без юмора совсем. Кедров внутренне стар, не дворянин, а попович какой-то, ужасающе воловий ритм, никак про него не подумаешь, что в 1-м акте он “мечтает и мыслит изящно”, а уж там, где он женат, – просто скучнейший тюфяк. А Мар. Андр. криклива, играет “в лоб”, без тонкости, без юмора. И нажимисто. Мне показалось, что Георгиевская, которую так охотно все наши ругали, которую я сама недолюбливаю в 1-м акте и восхищаюсь ею в остальных трех, – настоящий виртуоз, доносящая до залы без всякого нажима тончайшие детали. Вечера Георгиевская приехала и вечером уж играла. Может быть, поме-

шало Титовой ее внутренне самочувствие, которое она мне изложила так (на мой вопрос, а как она сама себя чувствовала на первом спектакле): что ж, ведь я играла для замены, а не как решающий для себя спектакль, и потому не волновалась; если б решался вопрос обо мне, тогда б я волновалась. Почему она так тускло глянула на эту возможность показать себя и что-то доказать, не знаю. М.б., от вообще пессимистических своих настроений, которые нередко служат и предметом досады друзей, и предметом розыгрыша и ироний.

6-го был маленький внутренний юбилей: 75 лет Соколовской. Ей, вероятно, так хотелось какой-то отметки этого, что день рождения стал известен. В 2 ч. дня в театре собрались для поздравления, народу было много. Москвин прочел письмо от дирекции, Гаррель поднесла от труппы цветы; Москвин еще сказал, что ей будет повышен оклад, и после войны будут хлопотать о звании народной арт. И от себя сказал несколько душевных слов. Калинин читал письмо от парткома и месткома. Все поздравляли. И.И.Гедике, впавший здесь в совершенную детскость (думаю, что он скоро станет решительно ненормальным, у него уж не раз бывали странные явления), попытался вспомнить какой-то текст из “Мелентьевой”, в которой он с ней когда-то в далекие времена играл в провинции, но был осторожно оттерт и заглушен.

В вечер того же дня, 6-го, скончалась мать Маруси Кнебель, в больнице, куда ее отвезли 21 мая. Бедная Мар. Осип. в отчаянном, трудном состоянии. Их родственная экзальтированная любовь друг к другу во всей семье, по мнению моего профессора-психиатра, пользовавшего и мать Мар. Ос., имеет даже несколько патологический характер – поэтому утрату свою Мар. Ос. перенесет трудно. Хорошо, что она очень сильно занята, да еще в такой боевой работе, как “Русские люди”. На беду, во все время болезни, в течение месяцев, мать М.О. говорила, что они с Марусей должны умереть вместе, Маруся без нее жить не будет. И в больнице, когда она была уж в бредовом или полубредовом состоянии, это было постоянной темой ее разговора, ей казалось, что Мар. Ос. тоже больна, тоже принимает те же лекарства, получает те же уколы и все же неукоснительно идет к смерти. И она задавала вопрос, например: а что, театр возьмет в Москву, когда будет возвращаться, другую дочь, Елену Осиповну, так как ведь они обе должны умереть и Елена останется одна, без поддержки.

Писала ли я Вам, что в здешней опере поет Ваш Толстов. Я как-то встретила его на улице, слышала в “Луизе Миллер”. Голос хороший, но сильно дубоват. Занимает здесь хорошее, первое положение.

Пора идти в буфет, торговать. И лучше отправлю письмо, а потом начну следующее. А то сегодня после буфета у меня еще большая переписка для нашей ПВО – знаете что это? – противовоздушная охрана.

Всего хорошего желаю Вам, милый Вл. Ив., а себе – скорой встречи с Вами. Приветы дома.

Ваша *О.Бокшанская*

Саратов, 15 июня 1942 года

Милый Владимир Иванович!

На случай пишу еще одно письмо. В ночь на 14-е был телефонный разговор с Калишьяном, я тоже была у аппарата, и он сказал мне, что, по словам Храпч., Вы приезжаете в Москву в начале июля. Авось это письмо еще застанет Вас в Тбилиси. Хотела для письма подождать приезда Тарханова, надеюсь с ним получить от Вас письмо, но решила не задерживать это письмо, а если в тархановском будет что-то требующее ответа, то напишу еще. Тархановых и всю группу мы ждем не позднее, чем завтра утром, так мне говорил Москвин. Из Астрахани получена телеграмма, что 12-го они туда прибыли и в тот же день поехали вверх по Волге на пароходе (теплоходе) “Молотов”. Москвину, который с таким нетерпением ждал приезда стольких близких родных, не придется их здесь встречать: он сегодня под утро уехал в Москву на сессию Верховного Совета. Поехал очень комфортабельно, потому что отсюда же поехали здешние депутаты – секретарь Обкома Комаров и предисполкома Власов. Вот будем ждать его возвращения и рассказов о сессии!

В разговоре с Калишьяном был поставлен ряд вопросов, но пока ничего решительного он нам не сказал. Говорит, что вопрос об отпуске театру (давать или не давать, а если давать, то решительно всем, или, как мы предлагаем, если Комитет настаивает на широком предоставлении отпуска, дать всем, за исключением “Русских людей” и “Глубокой разведки”, которые должны выйти к 25-летию Октября) будет разрешаться 17-го. Вот есть довольно решительный ответ на один вопрос – о ремонте здания здешнего театра. Сказано, чтоб этот вопрос отложить недели на три, пока ни к какому ремонту не приступать. Мы возликовали все, но почему-то вскоре Хмелев объяснил такую задержку тем, что будто бы в Москве нет сейчас того, кто должен утвердить смету ремонта, и потому такая задержка. Правда, я не от самого Хмелева это слышала, потому полной веры рассказу нет. Здесь какой угодно слух можно пустить, сразу подхватят и всему верят – до смешного, до гротеска или, во всяком случае, до эрдмановских ситуаций и восклицаний – так и просятся в память сцены из “Самоубийцы” или “Мандата”.

Итак, несмотря на омрачающие разъяснения Хмелева, мы, энтузиасты Москвы, возрадовались. Да еще в сочетании, что Вы приезжаете в Москву через 3 недели, – это ж какая хорошая примета!

Вот как будто и все сообщения, что сказал нам Калишьян. А вот после разговора с Гр. Мих. были частные разговоры, среди которых был Подгорного с Н.В.Егоровым, и на след. утро Подгорный сказал, что, по словам Егорова, ходят слухи о снятии от нас Калишьяна, но откуда это идет, от недовольства Комитета или от нажима из Саратова – неуловимо, как будто скорее второе.

Москвин же повез отсюда целую памятку, о чем договориться в Комитете. Среди вопросов: о филиале, о составе бригады на фронт (этого телеграфу уж несколько дней добивается у нас Комитет, но мы ответить не могли из-за незавершенных переговоров с некоторыми ведущими актерами). Москвин повез три варианта при примерно одном и том же репертуаре: 1) с участием Тарасовой (остальной состав, не меняющийся, включает 13 человек: Хмелев, Зуева, Блинников, Дорохин, Петкер, Пилявская, Дамский, вокалист Николаев, вокальный квартет и гитарист, помреж); 2) с Андровской; 3) без Тарасовой и Андровской, только перечисленные 13. В репертуаре: сцена из “Врагов” (с Тарасовой прибавляется из “Карениной”, с Андровской – из “Волков и овец”, с партнером Блинниковым), сцена отца и дочери из “Курантов”, миниатюры Чехова (“Канитель”, “Злоумышленник”, “Дорогая собака”), одноактная пьеса Строева “Крысолов” (Пилявская, Петкер, Дамский) о современном Париже; чтение стихов и рассказов, вокальные номера, гитара соло.

Повез Москвин вопрос о Поповой и Кторове: если будет решение продолжать без отпуска репетиции двух современных пьес, Попова и Кторов понадобятся здесь к концу июня; вопрос о присылке сюда 6–7 рабочих, потому что весь сезон у нас были студенты ГИТИСа, так из них толка и не получилось, и теперь, когда нужно работать умело и по ремонту после целого сезона, и по подготовке новых пьес, – мы без квалифицированных пропадем; их приезд тоже зависит от сроков работы и отпуска, т.е. должен решиться после 17-го. Вопрос о подготовке декораций “Разведки” в Москве, т.к. по здешним условиям 3 пьесы готовить здесь невозможно; это должен порешить Гремиславский и по телефону с нами обо всем договориться. Вопрос о получении от Крона необходимых доделок в пьесе, если возможно – об отпуске Крона сюда на короткое время.

Хмелев включен в бригаду по своему личному желанию, вероятно, обострившемуся в связи с разными здесь разговорчиками. Он только поставил условием, чтоб ему дали возможность до отъезда с бригадой съездить к жене в Махачкалу, – и уезжает числа 25-го, до 15 июля.

А Федин все-таки закончил пьесу, во всяком случае, прислал просьбу вызвать его в Саратов, он хочет пьесу прочесть театру.

У нас на днях неприятнейший случай: Грибов сидел пьяный в одном из номеров 2-го этажа, схулиганничал (уверяет, что просто хотел броском поставить бутылку на подоконник) и прошиб бутылкой окно (а может быть, окно было открыто, и просто бутылка вылетела). А под окном стояла очередь в магазин, и двое человек оказались поранены. Шум, скандал, появление милиционера в гостинице, протокол, приведенный Грибова даже в суд. История получила довольно широкую огласку – в таком маленьком, явно провинциального тона городе все моментально становится известно и рьяно смакуется. Первым делом встал вопрос по линии партийной, и внутри партийцев-актеров была крепкая

мысль исключить его из партии. Но директиву получили мы от Обкома, и по этой директиве был дан выговор по парт. линии (принималась во внимание неловкость ситуации: и звание, и только что премирован, и такую роль играет!). По линии дирекции хотели сначала сделать выговор с предупреждением, но потом пошли объяснения, что производства он не нарушил, скандал был в быту, и, кажется, собираются вывесить порицание с упоминанием, что если б не его семья (жена и оч. большая теща), его бы выселили из общежития. Очень противная история, которая, впрочем, естественно продолжила целую серию безобразных выходок его в нетрезвом состоянии. Вот уж нехорош в этом виде – просто беда!

Сегодня получила письмо наша Гаррель от Полонской, дочери Пашенной, из Челябинска. Та пишет, что с возвращением Судаков сообщил, что приступает к работе над “Русскими людьми”. Ничего не понимаю. У нас говорили так: он-то хотел ставить пьесу, но ему в Комитете запретили включить ее в план. Интересно, где же правда?

До свиданья, милый Владимир Иванович, теперь, может быть, уж действительно даже – до скорого свиданья. Желаю Вам здоровья и хорошего самочувствия. Приветы дома и Иг. Вл-чу. Евпр. Вас. целую нежно. Так и прособиралась я написать ответы на письма Ал. Ал., который меня и порадовал подробностями о Вашей жизни и развеселил рассказом о случае с Варей¹. Готовила ему в ответ небезынтересный один рассказ, теперь откладываю до встречи в Москве. Рассказ имеет и к Вам какое-то отношение, потому что связан с “Вашей Анной” и связанными с нею злоключениями моей сестры и ее сына. Сконапель истуар!²

Да, хотела сказать применительно к истории Грибова, что неутолимый наш каламбурист и эпиграммист Еремеев разрешился такими стишками:

Когда ты выпьешь водки стопу,
С Петром Великим ты почти одно:
Тот прорубил окно в Европу,
А ты в “Европе” прорубил окно.

До свиданья!

Ваша Ольга Бокшанская

441.

Саратов, 19 июня 1942

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Вчера получила Ваше письмо¹ – и так была взволнована, читая его, что буквально дрожала, охвачена была трепетом от прикоснувшихся ко мне Ваших чувств и мыслей об искусстве театра. Как будто я уви-

дела что-то необычайное, гениальное, или присутствую на открытии, раскрывании передо мной каких-то изумительных глубин. Вчера еще успела читать Ваше письмо только Кнебель, которую вскоре встретила на лестнице – зная ее преклонение перед Вами (это с одной стороны) и с желанием внести что-то прекрасное в ее омраченную теперь жизнь, – я позвала ее узнать Ваше письмо. Мы долго потом говорили о Вас, вспоминали многие минуты восторга и радости, которые пережили каждая, работая около Вас или с Вами. Вечером, сидя у Пилявской, на расспросы о вестях от Вас, рассказала некоторым нашим, что получила замечательное письмо, важное для каждого настоящего мхатовца, и не хотела своими словами рассказывать, а пообещала прочесть именно Ваши слова, Ваши бьющие в самую сердцевину определения, выраженные так волнующе поэтически.

А если рассказать по порядку, то с приездом тбилисцев было так: ждали мы их 16-го, стали ждать 18-го, назначали нам все новые и новые часы прихода парохода. Сбиралось на пристань для встречи много народу, заказан был к гостинице автобус. Но когда дело пошло к вечеру и актеры пошли на “Каренину”, на концерты по воинским частям, массовая встреча стала явно невозможной. Гитисовцы все же решили встречать Тарханова и это осуществили даже ночью, когда и подошел пароход. Словом, приехали тбилисцы после полночи – было около двух часов, когда их автобус подъехал к гостинице “Астория”, куда мы с Евгением (присоединился потом к нам и Виленкин) пришли после спектакля и ужина. Темно, с пристани, говорят, подъем неудобный, трудный, масса багажа, боязнь за него – от всего этого и от волнения перед приездом все были в каком-то раздрызганном состоянии. Спокойна и оживлена была только Шевченко, которая и оставалась дольше всех в холле с нами и наскоро набрасывала картины прожитой зимы. На следующее утро уж Тарханов – веселый, в подъемном самочувствии появился в нашей “Европе” и побывал по несколько минут у друзей, поговорил в моментально собиравшихся вокруг него в коридорах группах. А вечером уж участвовал в концерте в Доме Красной Армии, в горьковском вечере. Комнаты им всем отвели хорошие, большие, но Тарханов будет просить для ребят своих вторую комнату, иначе им уж очень неудобно будет. Со времени встречи у “Астории” я виделась только с Тархановым, он навестил и нас, принес посылочку от Иг. Вл. (большое ему спасибо за память! Папиросы его уж курю всюю, особенно приятны после самых разнообразно-сортных закуток, вплоть до махорки). Собираюсь сегодня к Скульской, вчера была и сильно занята, и две грозы были за день и вечер.

В этом абзаце был перерыв – пришел сначала по-своему сияющий Дмитриев (представляете себе его лицо, когда улыбка так и хочет расплескаться по всему лицу и он тут же старается, не очень успешно, ее сбросить где-то около носа и прогнать с лица. Очень смешной). Я сразу: Вы получили письмо от Вл. Ив.? Я знаю из его письма ко мне². Проч-

тите мне, а я Вам – то, что получила. Он и стал читать. Нет, впрочем, до этого он объяснил, что пришел ко мне за разъяснением: может ли быть от Вас письмо без подписи? И без обычно-принятого конца, прощанья? Не пропал ли какой-то добавочный листок к письму, который и был финалом? Я говорю: все может быть в письме Вл. Ив., он может и так кончить, ничего удивительного нет. Он все бубнил: письмо очень приятное, но без подписи... если б я не знал почерка Вл. Ив., я мог бы подумать, что это розыгрыш.

Несколько минут прошло, письмо уж было прочитано, и вошел Виленкин – этот уж с откровенно сияющим лицом. Я закричала: “Вот хорошо, собираются счастливицы, читайте скорей Ваше письмо!”³

Прочел он – и мы смаковали каждую замечательную мысль, откровенно кривящуюся нам в такой чеканной, выпуклой литературной форме. И снова было прочитано Ваше письмо к Дмитриеву, на этот раз для Виленкина. А я была довольна, что слышу еще раз, пот. что теперь это письмо от меня ушло, я не могу его перечитывать, а оно изумительное в обоих своих частях: и о самом Дмитриеве (где тоже распадается так интересно на сон и явь, ах, как прелестно оно написано – как-то воздушно о сне и так остро-пристально об яви), и об Антонии и Клеопатре. Боже мой, как это волнует, когда вдруг соприкасаешься с полетом Вашей фантазии, с глубиной замысла. Поверьте, я же не буду Вам лгать или подлизываться (это было бы просто даже непонятно после стольких лет работы около Вас, не правда ли?), но вот эти два дня от Ваших трех этих писем я – мелкая такая сошка, администрация в театре – все время испытываю волнение, трепет, взвинченность. Это, конечно, от Вашей заразительности: Вам дано не только так мыслить, но и так воздействовать. Вспомнилось сразу и другое Ваше письмо, заложившее весь фундамент “Карениной”, они схожи мне показались по фундаментальности, мощности. Эти два дня я живу так, как будто что-то в жизни театра произошло грандиозное, важнейшее. Это, вероятно, потому, что в ужасно серой нашей рабочей жизни, когда именно “дух поэзии” отлетел от всего и всех⁴, вдруг возникли мысли и чувства Ваши – высоченные, величавые, поражающе чистые, ослепительные. Для меня это те “молнии”, те “озарения”, о которых Вы говорили Грибкову, когда заражали его ролью, личностью своего героя.

Сегодня забежала к нам Кнебель – посоветоваться с Евгением о занятиях по “Вишн. саду”. Она все-таки занимается то с Гошевой и Титовой, то с Массальским – больше говорит об образе, читая текст по всей пьесе, чем целиком сценами. Да в пьесе и нет таких сцен, какими можно заниматься отдельно от партнеров, почти нет. Очень нравятся ей занятия с Массал, он, по ее словам, заинтересован серьезно.

Сегодня в “Федоре” играет Клешнина впервые Готовцев. Он готовил роль, но входит нынче в спектакль из-за болезни (ангинка) Блинникова. Правда, Блин. к вечеру уж готов был сыграть, но Хмелев днем посмотрел Готовцева и решил, что раз уж тот приготовился играть, то пусть играет.

Сегодня ночью должен говорить с Москвиным по телефону Хмелев, вчера говорила Алла Конст. Завтра Москвин собирается выехать обратно.

Не скрою от Вас, что у Виленкина самые грустные мысли о том, как же складывается теперь жизнь всей нашей мхатовской группы в Тбилиси после отъезда тархановской части. Он и меня заразил большим беспокойством. Он вчера еще просил Ал. К. сказать Москвину, чтобы тот обговорил с Мих. Бор. этот вопрос в Москве. По рассказам приехавших, многие в оч. трудном и волнующемся состоянии, как, напр., леонидовская семья. И материально им ужасно. Действительно это так? Или больше паника Изралевского? Я пока никого как следует не видала из приехавших, как я Вам писала, и сама не слышала рассказов.

Буду еще писать Вам, милый Владимир Иванович, хотя все жду телеграммы о Вашем выезде, которая будет сигналом и к моему отъезду в Москву. Крепко жму Вашу руку. Привет милым Евпр. Вас. (ей и поцелуй) и А. А., на письмо их ответчу завтра.

Ваша *О.Бокшанская*

442.

Саратов, 30 июня 1942 года

Милый Владимир Иванович!

Как только Хмелев показал мне Вашу телеграмму, где Вы просили мнение о режиссуре сообщить уж в Москву, обещали молниировать день выезда, я решила, что писать Вам почтой уж нельзя: не дойдет письмо. 19-го я написала Вам в последний раз, еще 22-го послала письмо Нежному, с расчетом, что он Вам его покажет, и после этого приготовилась к встрече с Вами. Но вот приехал Храпченко и Калишьян, и оба по очереди сказали, что раньше середины июля вряд ли Вы поедете. А тут Хмелев завтра едет в Махачкалу. Вот я и надеюсь, что данное Хмелеву письмо, опущенное в М-кале, дойдет до Вас скоро.

Храпченко прилетел с Калишьяном самолетом из Москвы, через Куйбышев, остановился в номере у Хмелева, который вообще-то проживал с тещей, но с начала месяца теща укатила к дочери на побывку, в Куйбышев опять-таки. В ту же ночь была объявлена тревога (не в первый раз), немцы стремились пробиться к крупным заводам, расположенным за городом, их отбивали сильным зенитным огнем. Храпченко сразу познакомиться с всяческими проявлениями страха, так легко возникающими у многих наших. Я уж сейчас не вспомню, сколько раз за время его пребывания объявляли тревогу, потому что это у нас бывает и ночью, и утром, — ясно, что попортить наши местные заводы ему донельзя хочется, немцу. Вечером 27-го я пошла повидать Калишьяна (как раз тревога и застала меня у него, но мы ведь оба хладнокровно ее

встречаем). Я не считала нужным делать вид, что ничего не слышала об его делах, и прямо спросила: верно ли говорят, что он уходит из театра? Он мне рассказал, что подал такое заявление в Комитет, сделав его не только в устной, но и в письменной форме, для крепости и подчеркивания своего твердого решения. Что сразу Комитет не соглашался на его уход, неделя примерно ушла на переговоры; что он заверил – если его не отпустят из МХАТ, то он вообще уйдет из системы Комитета в другое ведомство. В конечном счете с его просьбой посчитались, и дело теперь находится в ЦК, который должен дать санкцию. Калишьян сказал, что был с ним разговор и об его преемнике – и Калишьян сам рекомендовал остановиться на Месхетели, но вопрос этот не может быть решен окончательно только из-за ожидания решения ЦК. По его словам, уволиться он может только с разрешения ЦК, назначить же Месхетели к нам можно решением Храпченко, так что если он будет отпущен, то назначение не заставит себя ждать. Я еще спросила: правда ли, что он переходит в Вахтанговский театр. Он сказал, что решительная неправда; что он самым твердым образом заявил, что примет работу только в Москве, только из-за этого и хочет уйти главным образом, чтоб работать в Москве именно теперь, а не после возвращения эвакуированных театров. Сказал, что рассчитывает через неделю уехать в Москву, взяв с собой семью отсюда. Сказал, что с сожалением расстанется с теми, к кому дружески привязался (имел в виду при этом и Евг. Вас., и меня), но что оживает при мысли, что некоторых не будет больше видеть (это, конечно, главным образом относилось к Хмелеву).

Храпч. 27-го пошел посмотреть “Дно” и потом в кругу руководства говорил неодобрительно о скучном и формальном исполнении актеров, порой даже слабом исполнении. Луку играл Тарханов, Москвин был занят в концерте в Энгельсе. 28-го он смотрел “Куранты” (один из поводов его приезда сюда). Как мне говорил Евг. Вас., энтузиазма спектакль в нем не вызвал, совсем не принял он Герасимова, не согласился вполне с финалом пьесы. Опять-таки говорил об этом не слишком широко, во всяком случае, кроме Евг. Вас. никто мне его мнений о спектаклях не говорил, а если б стали они известны, непременно пошел бы разговор. Все дни пребывания здесь он, конечно, виделся с многими нашими. Да и не наших, а из др. театров и из консерватории (Столярова, напр.) тоже принимал здесь же. Вчера вечером я расспросила Кнебель, что говорил Хр. на спектакле “Курантов”. Она говорила с ним в антракте и после спектакля. Он решительно не принял Герасимова, заявил, что с ним показать в Москве спектакль – не может быть и речи. Даже о Болдумане вспомнил как о недосыгаемом исполнении, просто несравнимом. И Кнебель, конечно, напомнила ему о возражениях Ваших и других мхатовцев в ответ на тогдашнее неприятие им Болдумана. Однако вернуть Болдумана на эту роль он тоже не предлагал. Уж не знаю, что он предложит конкретно или какого предложения будет ждать от театра. Еще он кисло-сладко сказал о финале, говорит: после войны захочется увидеть финал импозантный, а речь трибуна, как это было раньше, это

дает большой эффект. Поэтому предлагает подумать, как бы сделать тот финал, что был, но без хачатурьяновской музыки и народной сцены. Задача нелегкая, правда? А Кнебель считает еще, что и Грибов не совсем справлялся с проявлениями “трибуна”, и поэтому, не показывая его с этой стороны в пьесе, а давая только намеки, каков он может быть, он производит большее впечатление, чем когда входит сам на трибуну показать себя заражающим огненно сердца слушателей. Но у Хр. именно это замечание было крепким: в пьесе Ленин не показан как трибун, а показан должен быть.

В остальном же он сказал, что спектакль с тех пор как он его видел перед эвакуацией, как раз сильно вырос по линии исполнительской. И особенно это он относит к Грибову. Про оформление сказал, что, по его мнению, оно вполне приемлемо для этой сцены, но переводить этот принцип (сукна и детали обстановки или задники живописные) при постановке в Москве на сцене МХАТ он считает неверным, московское оформление нравилось ему больше, это же кажется ему бедноватым. Вообще говорил он о спектакле (и подчеркнул это) именно гл. обр. с точки зрения будущего московского спектакля.

Когда Хр. приехал, то сразу сказал, что собирается говорить со всем художественным составом, но боится, что разговор сведется к вопросам: или – когда же в Москву? или – куда и когда переведут театр в связи с последними здешними нашими “нескладными” ночами? Потом он повидал разных наших актеров, режиссеров, и вопрос о беседе как-то закачался в воздухе, но потом все же возник снова. Было объявлено общее собрание труппы в ТЮЗе, в зрит. зале, в понедельник 29-го. И больше ничего. Труппа собралась в полном составе, интерес большой, репетиции к 2.30, конечно, все закончены. Но – начальства нет и нет. Не знаю уж, в чем было недоразумение (особенно потому, что все шедшие на заседание неизменно видели спокойно сидящего на скамейке перед “Европой” Храпченко, беседующего с Фединым), но задержка в начале собрания вышла минут в 40. Начинают наконец, Евг. Вас., явившийся чем-то вроде председателя, объявляет доклад Хмелева о намеченном плане работ.

Доклад Хмелева свелся в основном к следующему. Репертуар 42-го года: выпущенные “Куранты”, к 7 ноября “Русские люди”, “Разведка” непременно до “Русских людей”, “Посл. жертва” вскоре после “Р. л.”. Таким образом, за год 4 новых постановки, из них 3 современные, советские. Блестяще! Затем он остановился на оч. положительной оценке пьесы Федина, но упомянул, что Хр. не совсем разделяет это мнение и имеет ряд замечаний по пьесе. Затем пошел перечень дальнейших работ: две пьесы Островского, “Антоний и Клеопатра” и вообще о Шекспире, Толстой. При этом от себя Хмелев почти не говорил, а читал из Ваших писем, но не могу не сказать – читал абсолютно, видимо, не подготавливаясь, поэтому не соблюдая пунктуации, роясь и растерывая листки, и потому, как мне показалось, постоянно не донося полностью смысла и вдохновенной неожиданности Ваших высказываний.

Я сидела как на горячих углях. Вы знаете, какое впечатление произвели на меня все Ваши последние письма, я писала. Такое же впечатление это производило на каждого, кому я читала. А читала многим, потому что хотела, чтоб побольше люди знали о Вас, о Вашем горении искусством и обернулись бы на свою “мескинную”¹ жизнь, всю насквозь пропахшую кухней и жаждой наживы в том или ином виде. А на этом собрании такое путанное и неяркое чтение из писем произвело такое незажигательное впечатление, какое не должно было бы производить.

Закончив о намеченном репертуаре и упомянув, что всякая хорошая советская пьеса займет всегда первое место, опередит классические, Хмелев заявил, что, таким образом, труппа будет очень загружена работой, без работы могут остаться разве единицы, что вообще неизбежно, всегда может случиться. Затем сказал, что и Вы, и здешнее руководство заняты созданием при театре школы и что об этом вот договорились с Хр., школа будет. Заговорив о филиале, он сказал, что в том виде, в каком существовал филиал в последнее время, он существовать не должен, что это есть ухудшенное издание основной сцены, что требуется реорганизация второй сцены, тут же стал читать, опять-таки довольно сумбурно, из Вашего письма к Феде Ваши мысли о разбухшем театре¹, – и тут уж – отвечаю чем хотите, никто не разобрался в Ваших мыслях по этому поводу, и реакции на этот вопрос, вообще у нас достаточно больной, никакой не было. (Хмелев занимал, как мне кажется, трудную позицию для себя в этом месте доклада. Насколько я понимаю, он явился инициатором лишения нас филиала, а теперь видит, насколько это его заявление тогда в Москве о ненужности нам филиала непопулярно, вот ему и трудно.) Словом, на меня впечатление это место доклада произвело неясное: то ли будет филиал, то ли нам заявят, что он не имеет лица, и пожалуйте его... другим безликим! Был здесь разговор и такой, что будто первым в Москву вернут Вахтанговский театр и им отдадут наш филиал, и возразить нельзя будет, т.к. они без помещения. Об этом говорили до приезда Храпченко и Калишьяна, намекал приехавший Заявлин.

Закончил Хмелев тем, что сообщил о своем отъезде 1-го в отпуск (к жене в Махачкалу), и обещал, что по приезде руководство займется распределением ролей, сроками выпуска спектаклей, вопросом о школе и вопросом о реорганизации филиала.

Воцарилось молчание. Предложено было задать вопросы. Топорков спросил о выпуске “Пушкина”. Хмел. ответил, что спектакль будет непременно выпущен, раз он почти готов, можно даже сказать – готов. Но не сразу после возвращения в Москву. Кто-то сказал, что хорошо бы выслушать мнение Хр. о пьесе Федина, раз там есть замечания существенного порядка. Был вопрос об отпуске – когда, насколько? Евг. Вас. отвечал. По указанию Комитета спектакли прекращаются с 16 июля до 15 августа. Исполнители “Р. людей” и “Разведки” полным отпуском не воспользуются, часть его отдадут на репетиции – либо в начале отпуска,

1 От франц. «mesquin» – скудный, мелкий, узкий, мелочный.

либо в конце. На все время отпуска выедет на фронт бригада, примерно человек 15. Это, конечно, в порядке добровольного отказа от отпуска или от дополнительной оплаты за неиспользованный отпуск. Из тех, кто не попадает в репетиции или бригаду, будут составлены еще две вроде бригады, кот. будут продолжать шефскую работу в частях и госпиталях, каждая бригада по полмесяца. Как Вы видите, приблизительно получится так, что большинство будет иметь отдых на полмесяца, а полмесяца отдаст шефской или производственной работе. Был еще задан вопрос, можно ли куда угодно уехать на время отпуска. Москвин с места ответил, что каждое заявление об отъезде будет рассматриваться руководством и решаться в зависимости от всех сторон вопроса. На этом вопросы кончились, а выступать с обсуждением доклада Хмелева никто не захотел, ссылаясь на то, что этот доклад был для всех неожиданностью, что никто не приготовился, “не перечитал Шекспира” (а я уверена, что мало кто вообще читал “Антония и Клеопатру”), что каждый вопрос монументален, сразу его не охватишь. В общем, такие отнекивания шли, но только Станицын выразил настоящие желания собравшихся. Он сказал, что раз здесь присутствует Храпченко, то главным интересом является услышать его слова – и не только по плану, но и впечатление от просмотренных “Курантов”, и мнение о пьесе Федина, и вообще все, что он нам скажет – такой редкий гость на собраниях труппы, – все нам будет интересно. Попутно Станицын не удержался от соблазна охарактеризовать выступление Хмелева как “импровизацию” (действительно, столько народу говорили мне о какой-то случайности и несерьезности его доклада, что, видимо, Станицына глас был глас народа). Хмелев тут же на ходу обиделся, выступил ответно, но тут уж собрание не хотело слушать пререканий, а интересовалось выступлением Храпченко, и Москвин пресек все высказывания напоминанием, что времени до спектакля мало, а послушать Храпченко интересно всем.

Храпч. начал с хорошей оценки доклада Хмелева и с характеристики репертуара, который представляется ему чрезвычайно интересным, ярким, полнокровным. Потом сказал о прекрасном впечатлении от “Курантов” (опуская, конечно, все свои замечания и недовольства; словом, оставив только комплименты, сказанные в тоне размеренном и не возбужденном, но крепком, основательном). Затем он очень подробно остановился на пьесе Федина². Главные его замечания: непонятен и неприемлем для него центральный образ Алеши (я надеюсь скоро достать для Вас пьесу и прислать. Я сразу же потребовала ее для Вас у Виленкина, а тот говорит, что он против посылки пьесы в читанном виде, лучше будет, мол, послать после переделок. Я с этим не согласна и буду говорить с Фединым сама, завтра рассчитываю его увидеть). Он является центром притяжения и отталкивания всех линий пьесы, и так сам при этом невыразителен. И, как я поняла по его беглым фразам о разговоре с Фединым, он автором задуман не “советским молодым человеком”, как того, видимо, хочется Храпченко (да и зрителю), а кем-то более слож-

ным (слова Федина, упомянутые Храпченко). Затем ему кажется, что в пьесе нет внутреннего пафоса, поэтому она как-то безжизненна, аморфна, вяла; и наконец, приведя высказывания Пушкина о связи судьбы отдельного человека с судьбой народа, сказал, что эта связь в наше время войны особенно заметна, а у героев Федина этой связи нет, они как-то вне судеб всей страны живут. Пьеса имеет очень большие литературные достоинства, но вот это отсутствие внутреннего пафоса дает ощущение от пьесы, что в ней горячие соки нашей жизни как-то отцежены. Закончил он о Федине, что он отнюдь не возражает против такого горячего приема этой пьесы в театре, но советует поработать над пьесой.

Потом Хр. перешел к общим вопросам, в которых первое место занял вопрос внутренней дисциплины. Здесь он говорил осторожно и умно, и если б наши умели слушать, то должны были бы услышать и предупреждающие нотки. Он сказал, что внутренняя дисциплина МХАТа, которая в глазах всего народа представляется как образцовая, дает трещины, и это выражается и в поведении на спектаклях, и в нарушении этических норм, и в падении гражданского самосознания, которое он наблюдал, скажем, во время тревог; отчасти какой-то трещиной является и создание актерских групп, например, “Слуга двух господ” и “Белугин” – эти спектакли играют в большом количестве. И напомнил тут, как была расшатана постепенно творческая атмосфера в Александринке, где постепенно образовалось 6 групп, каждая имела во главе одного-двух очень сильных актеров, и потому вся жизнь театра строилась в зависимости от работы этих групп, потому что упиралась в именно этих ведущих сильных актеров. Вот тут в зале воцарилось страшное оживление, гл. образом среди участников этих спектаклей. Когда Хр. заканчивал свою речь призывом быть образцом мужественности и гражданственности, подумать также и над той широкой известностью, которую приобретают разные оттенки поведения мхатовцев, вплоть до пьянок и скандалов, уж пузыри вскакивали на губах “лидеров” этих двух спектаклей – Массальского (слуга) и Кудрявцева (Белугин; Добронравов этого спектакля больше не играет, кажется). Они оба выскочили с довольно истерическими высказываниями, в которых подозревали, что Хр. информирован какими-то злодеями неверно, что спектакли эти имеют громадный успех и играют не только ради заработка, но и как выход неиспользованных в театре актерских сил. Хр. парировал указанием, что, однако, ему известны тенденции создать и еще группы, во всяком случае, третья такая уже объединилась. В зале забурило. Выступила Тарасова, которая очень правдиво и просто сказала, что, конечно, волнение возникает именно из-за возможности лишиться приработка, кот., конечно, каждому очень нужен, но что не надо переводить вопрос из области принципиальной, как его поставил Храпченко, в какую-то демагогию. В принципе, конечно, возникновение таких групп вредно для общего дела.

Вот в атмосфере такого бурления, выступлений каких-то отдельных участников, вроде Хованской, кот. сообщила о своей радости

играть “Белугина”, потому что в театре она больших ролей не имеет и тоскует, а там играет и получает радость, и закончилось собрание. Да, забыла только сказать еще об одном выступлении, которое последовало сразу после конца речи Хр. (как раз в то время, когда весь состав “Слуги” быстро выкатился из залы в фойе и там на бегу обсудил, как защищать спектакль против такой опасности со стороны Комитета). Это был Белокуров.

Тут я должна сделать короткое объяснение. Я не начала письма с рассказа о нашей повседневной жизни, а то я бы должна была Вам написать о неприятности с Белокуровым. Очень скоро после истории Грибова случается вот что: на одном громадном местном заводе, получившем переходящее знамя СССР, праздник по этому поводу – и, конечно, в концерте участие МХАТа, в президиуме мхатовцы, словом, первые гости на заводе. Идет торжественное заседание, и Евг. Вас, слышит, что у входа на сцену какой-то шум, сторож кого-то не пускает. Оказывается, вдребезги пьяный Белокуров, на ногах почти не стоит, даже Евгений ужаснулся. Требуется, чтоб его допустили к концерту. Тут, конечно, постарались убрать его возможно незаметнее, но огласку этот случай не мог не получить. И не сразу-то удалось с ним справиться, чтоб услать его. И вдобавок он еще умудрился, приехав в город, отправиться на другой концерт, где тоже был в программе, в консерваторию, но оттуда был быстро Конским убран. Теперь на доске висит приказ, что ему объявлен строгий выговор с предупреждением и в случае повторения такого нарушения этики и дисциплины он не только будет моментально уволен, но дирекция подаст заявление о снятии с него звания.

Да, так после всех достаточно откровенных, только без указания фамилий, высказываний Храпченко о поведении актеров МХАТ, выходит говорить Белокуров. И все (и я в том числе) подумали с хорошими чувствами: молодец, идет извиниться перед коллективом! Он начинает: “Хочу поговорить о работе в “Разведке”, и говорит о ней с удовлетворением. Это, говорит, мой первый вопрос. Второй – фединская пьеса. Начинаются восторженные похвалы, защита образа Алеши против замечаний Храпченки. И заканчивает: “Вот и об этом хотел я сказать”. И идет на свое место. Это было так неожиданно, что именно он и именно после такой обличительной речи, имевшей к нему самое прямое касательство, так куцо выступил, что у Тарасовой так и выскочило: “А третий ваш вопрос?! Что ж вы о третьем-то деле не сказали?”

Но вот тут-то и потонуло общее недоумение и разочарование от Белокурова в реакции вожakov “Слуги” и “Белугина”.

Вот, милый Владимир Иванович, довольно обстоятельный (не скучно было Вам читать?) рассказ о собрании с Храпченко.

Сегодня Храпченко собирается в обратный путь, сегодня же в Махачкалу уезжает Хмелев. Вчера уехали в Москву: Раевский (по делам ГИТИСа), Кнебель (по личным делам, о кот. сейчас напишу) и оркестрант Карпов (или его жена, не пойму, по личным мотивам).

С Кнебель, милой нашей Марусей, такая трудная история. После смерти матери она стала себя чувствовать плохо, сердце мучило, “врачиха” предложила показаться профессору. [...] Я крепко люблю и уважаю Мар. Ос., я считаю ее одним из самых лучших моих друзей в театре, хотя у меня есть много приятельниц, с которыми я общаюсь много чаще, чем с нею.

27-го вечером скончался Аркадьевский. [...] Вчера похоронили его на здешнем кладбище. Третья смерть. Мать Андерса, мать Кнебель, теперь вот Аркадьевский. Жаль, что не пожил он с нами, мне он был всегда приятен.

Вчера Москвин сказал мне, что по совету Солодовникова Вы, вероятно, переедете в Боржом. После того как Вы опровергли сообщения мне о сроках Вашего приезда в Москву, я отношусь недоверчиво ко всякому такому сообщению. Да, предложили, посоветовали Вам, но Вы как поступите – разве это вперед скажешь?

Возможно, что Хмелев после Махачкалы поедет к Вам. Мне кажется так: сейчас говорится, что он возглавляет нашу фронтовую бригаду и 15-го, вернувшись из Махачкалы, выезжает с бригадой. Но какое-то есть у меня ощущение, что Комитет не хочет его посылать с бригадой, и об этом не говорится для того, чтоб не вызывать каких-то ненужных домыслов о бригаде. А подойдет 15 июля, и бригада уедет без Хмелева, а Хмелев, м.б., поедет к Вам, а потом в Москву (м.б., с Вами в Москву, кто знает?), и там будут решаться судьбы наши на будущий сезон.

Хр., Хмелев и Москвин соединяются нередко для разных обсуждений, но пока это не опубликовывается, так что я многого не знаю, да и никто, кроме упомянутых, не знает.

Милый Владимир Иванович, пора закончить письмо, да и очень оно получилось громадно, не утомило бы. Хотела с Хмелевым послать письмо и Ал. Ал-дровичу, но не поспею, Хмелеву скоро ехать.

Будьте здоровы и благополучны. Мой сердечный привет домашним и Иг. Вл-чу.

Ал. Ал-чу напишу почтой. Евпраксии Вас. особый нежный поцелуй.

Ваша Ольга Бокшанская

443.

Саратов, 1 июля 1942

Милый Владимир Иванович!

Совсем недавно закончила письмо к Вам, которое собиралась отдать Хмелеву, чтобы тот отправил из Махачкалы. Но вот пришел Виленкин и уверил меня, что этого делать не следует, что письма из Саратова идут почтой так хорошо, что не стоит отказываться от этого

пути. А как пойдет письмо из Махач., еще неизвестно. Это совпало и с мнением Фебина, которого я встретила в столовой, спросила экземпляр для Вас и объяснила, что есть, мол, хорошая оказия, а он засомневался, говорит: лучше пошлите пьесу не с оказией, а просто почтой, если только Вы надеетесь, что пьеса еще застанет В.И. на Кавказе – может быть, он уж выедет в Москву. Словом, то мое письмо – большое, на трех листах, и это, и письмо к Ол. Леон., приготовленное было тоже к хмелевской оказии, посылаю просто почтой.

Хочу Вам написать о читке пьесы, вот почему взялась за письмо сразу. В длинном своем письме столько места и времени занял рассказ о заседании, что не попал рассказ о читке. 25-го была устроена читка в номере Хмелева, причем Фебин просил поменьше слушающих. Сначала было задумано: только руководство, т.е. Москвин, Хмелев и Евгений, и Виленкин по должности. Попросила Хмелева и я право послушать, имея в виду близкую встречу с Вами в Москве и возможность точно рассказать о впечатлении руководства. Но потом оказалось, что Хмелев пригласил от себя (“к себе в гости”) Топоркова, Кедрова, Станицына, Прудкина. За это потом жестоко “поплатился”: очень скоро после читки, когда слушавшие вышли в прекрасном настроении и тут же в коридоре и на площадке лестницы делились впечатлением – ах, вот прекрасная пьеса! – влетел в комнату Хмелева (вот Вам Ваш будущий “ураган” Антоний) Ливанов и учинил ему грандиознейший скандал, с произнесением многих оскорбительных и грубых слов. Он считал, что надо было звать худож. совет, а звать членов совета по выбору – безобразие! Хмелев даже растерялся. Он был под впечатлением приятным и радостным от пьесы – и вдруг такой поток ругани! Он считает, что вправе на читку у себя звать кого захочет, независимо от состояния гостя в совете. Так случилось, что попали как раз все члены совета. (Должен был быть еще Тарханов, по предложению Москвина, но у него вечером был спектакль, он не пришел.)

Всем пьеса очень понравилась. Москвин сказал немного о том, что местами показалась ему некоторая неясность в отношениях, какие-то поступки, мотивированные желанием автора, скажем, увести человека со сцены, а не внутренним действием. Но тут же прибавил, что не умеет слушать, хотел бы глазами перечитать. Но вообще впечатление было очень-очень хорошее. На 27-е была назначена читка худсовету, заседание которого было объявлено открытым для желающих послушать пьесу. Желающих собралось много, члены совета не пришли уже слушавшие (кроме Хмелева) и демонстративно не пришел Ливанов. На этой читке пьеса опять-таки очень понравилась. Обсуждения не было, несколько слов благодарности и высокой оценки пьесы сказал Кудрявцев. Читает автор хорошо, слушать его приятно.

В сегодняшнем моем разговоре с Фебиным было его заявление, что он хотел бы как можно скорей доставить Вам пьесу и узнать Ваше мнение. Виленкину я вот сейчас, вечером, сказала, надеясь взять у него один из двух данных театру автором экземпляров. Но Вит. Як. говорит,

что оба экземпляра очень слепые, читать по ним неудобно, а хороший, по которому Федин читает, остается у него, автора. Так что Вил. считает, что надо пьесу перепечатать и тогда послать. Я просила дать мне поскорей перепечатать. Очень надо Вам ее отослать.

Еще хочу Вам написать, что сегодня я читала письмо от Яншина к Хмелеву (он дал его читать Евг. Вас., а тот и мне). В нем он пишет, что написал Москвину и не повторяет того, что там писал в надежде, что Хмелеву то письмо станет известным. Хмелеву же он пишет, что будто бы писал в Саратов и, не получая ответа ни от кого, пришел было в уныние, но получил письмо от жены Лесли (артистки цыганского театра), в котором та сообщила, что от него писем в Саратове никто не получал, и обрадовался: значит, молчание не обозначало отношения отрицательного к нему. Он описывает работу в Цыганском театре над пьесой Светлова, чему он отдался целиком уже на пароходе Саратов – Астрахань, едучи со Светловым на Кавказ¹. Спектакль вышел успешно, и вообще вся работа Цыг. театра была очень нужной и удачной, и это дает ему право “рапортовать” МХАТу, что он не провел время зря в отрыве от театра, а, наоборот, хорошо выполнил обязанности советского актера и режиссера, и гражданина. Набрался множества глубоких впечатлений, которые разовьют его работу дальше, и может принести МХАТу пользу. Правда, тут же говорит, что если все-таки театр продолжает быть недовольным им и не примет в свою семью, то он готов взять в руки винтовку и идти на фронт. Какова будет реакция нашего руководства на эти письма, еще не знаю.

Получаете ли Вы “Литературу и искусство”? Только что нам дали последний номер, Женя мне сказал, что есть статья Москвина “МХАТ в Саратове”. Не пересылаю Вам газету, потому что уверена, что Вы получаете ее так же, как и мы. Спрашиваю “на всякий пожарный случай”.

Я уже упомянула, что Тарханов играл спектакль, так что сейчас еще для уточнения сообщая, что он и Шевченко уже играли и играют “Горячее сердце”, “Дно” (кажется, только Тарханов, и Скульская Квашню). Забыла спросить Евгения, работает ли уже Изралевский. Знаю, что в связи с приездом Изр. стоит вопрос о Кардашеве, заменившем его здесь, и очень удачно. Желание было сделать так, чтоб Кардашев остался замом и имел свои спектакли, но дело это требует выполнения каких-то формальностей. Так я поняла из разговора приходившего сегодня к Евгению Кардашева.

Да, еще о пьесе Федина. Она без массовых сцен, в ней две центральные женские роли (молодые женщины), две пожилые. В мужских ролях крупные: центральная – Алексей, молодой, – прекрасная роль старого рабочего, хорошая есть комедийная роль московского конференсье, захваченного войной на плавучем доме отдыха и застрявшего в этом близком к фронту городке (действие в небольшом городке на большой реке). Все отмечают, что интересно и небанально выписан немецкий лейтенант. Есть еще несколько мужских ролей. Всех ролей не больше десяти, кажется. Покоряет благородство литературного языка, отсутствие пошлости.

Вот, кажется, все новости теперь сообщила. Непременно на днях же напишу Ал. Александровичу, которому крепко благодарна за его два письма (он пишет, что послал три, я получила два). Рассказ о злоключении с Вашей служащей Варей написан так интересно и остроумно, что доставил мне и всем, кому читала, большое и веселое удовольствие. Постараюсь ответно развеселить Ал. Ал. изложением необычайных приключений моей сестры с “Вашей Анной” – вот получился казус!

Все-таки до более или менее скорого свиданья, милый Владимир Иванович. Жду его с большим нетерпением, я без Вас скучаю и тревожусь, очень много тревожилась всю зиму.

“Бувайте здоровеньки” – так прощался с нами один папин знакомый, – верно я запомнила фразу? Всего самого хорошего желаю Вам и всем Вашим.

Ваша Ольга Бокшанская

444.

8.VII.42

Милый Владимир Иванович!

Сегодня коротко, а завтра напишу Вам большое письмо. Эти дни не писала, пот. что наряду с повседневной работой печатала пьесу Федина, собственно, специально для того, чтоб иметь экземпляр для Вас. Сегодня послала Вам заказной бандеролью. Очень интересен Ваш отзыв.

В прошедшую ночь уехал в Москву Калищьян с семьей, распрощался с нами. А Мехсет. сейчас в Свердловске по делам Комитета. Хотелось бы его поскорей сюда, а то уж слишком много дел падает на плечи И.М.

С 15.VII на месяц прекращаются спектакли, начинается что-то вроде отпуска, и перед таким строем жизни театра всегда бывает множество дел для дирекции: и отчитываются по молодежным работам, и рвутся поехать по своим делам, что сейчас крайне сложно в смысле разрешений, и у нас в руководстве не ослабевает, а укрепляется желание будущий сезон, если не Москва, работать в другом месте. При Храп. вопрос этот ставился, тот его решение на себя не взял, но говорил о возможности гастролей на зиму в двух местах: Куйб. или Свердл., и, как я понимаю, второй город имеет преимущественные шансы. А если переезд, представляете, сколько же дела будет дирекции и как нужен директор-распорядитель. Еще открыт, а надо бы утвердиться, вопрос с посылкой бригады на фронт. Какая-то крупная зависимость этого вопроса от возможн. переезда в др. город, конечно, есть. До завтра.

Ваша Ольга Бокшанская

Саратов, 10 июля 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Вчера было 11 месяцев со дня Вашего отъезда в Нальчик, 11 месяцев, как я Вас не вижу! Что можно к этому прибавить?!

Третьего дня (или 7-го?) послала Вам заказной бандеролью пьесу Федина. Она не имеет названия. Сначала он было назвал ее “Аглая”, по имени героини, но потом от этого отказался, считая, что пьеса развернулась шире. Обещал подумать над заглавием. Но уж когда я заканчивала перепечатку пьесы, я услышала от Калишьяна (он уехал в ночь на 8-е, с семьей, насовсем), что Храпченко ему сказал: пьеса пропущена не будет.

Как раз вечером 7-го мы сидели с Женей у Ив. Мих. (его именины), он заговорил с Мих. Мих. о пьесе. Ив. Мих-чу пьеса оч. нравится. Мне кажется, что ему хочется сыграть Лукашина. (Этого же хочет, кажется, Хмелев для себя.) Я спросила И.М., знает ли он это внутреннее решение Храпч.? Не знал. И сказал, что будет спорить, т.к. находит: ни такими пьесами, ни такими авторами “швыряться” не надо. Очень нам интересно услышать, как Вы оцените пьесу, как ее увидите.

Федин 7-го уехал из Саратова (не знаю, в Москву или обратно в Чистополь? Собирался то туда, то сюда). Только бы заказная бандероль с пьесой дошла, говорят, сейчас почта к Вам хуже работает.

Закончив перепечатку пьесы, я послала Вам открытку – сознательно не письмо, пот. что у нас произошел факт, который мне хотелось представить Вам наиболее “закругленно”. 7-го вечером по репертуару шли “Куранты”. Днем Ливанов был назначен в концерт на большом местном заводе. После концерта актеров пригласили к завтраку. Несмотря на дружеское вмешательство Еланской, уговаривавшей Ливанова не пить, а хозяев не угощать, ссылками на вечерний спектакль, Ливанов напился пьян, жутко пьян. Около пяти дня он был доставлен в гостиницу, с трудом доведен до своей комнаты товарищами. По лестнице идя, он скандалил и непристойно ругался. Словом, “скандальезу наделал ужасного!” Жена его тотчас же позвала к ним в комнату Евг. Вас.: как быть со спектаклем? Как же ему играть? Оба они, Евгения Каз. и Евг. Вас., порешили, что если его уложить спать, то, может, выпрезвится. (Сказать по правде, я – имеющая кое-какой теперь в этом опыт – считала, что случай безнадежен, за час-два он не отоспится.) Но когда в 7.15 Евг. Вас. отправился к нему, то Ливанов попросту не узнал Евгения, до того был не в себе. Пришлось совершенно молниеносно отменять спектакль. Сделали перемену на “Дно”, спектакль начали на час позднее, возврат был на примерно 2 300 руб. Но самое неприятное было то, что возле театра публика, толпившаяся на улице в связи с переменой, открыто говорила, что перемена потому, что “актеры пьяны”. Надо сказать, что наши выпивалы сделали в этом небольшом, тесно живущем го-

роде яркое реноме театру: такое количество пьяных драк, неприличий и безобразий за один этот сезон, да на виду у обслуживающего персонала гостиницы, разносящего все инциденты по городу, да в центре города, что только эта сторона и выпирает и занимает местное общество. Ох, как нехорошо все это! Да еще в такое время! На заседании худсовета, которое было собрано по делу Ливанова, Ив. М. так и начал свою речь: с театром произошло несчастье! Именно как беду, как несчастье он рассматривал этот случай.

Если продолжать повествование хронологически, то дальше было так: Ливанов появился на площадке лестницы вечером, часов в 11, опять-таки сильно нетрезвый, выражался весьма грубо и нахально, вроде “пускай теперь эти жабы выгоняют меня из театра!” Я не видела его, потому что сначала была в “Астории” в гостях, а оттуда прошла к Ив. Мих. Разочек на площадке обогнала его и ощутила его задиристое, полупьяное самочувствие.

На след. день был назначен просмотр одного водевиля (скажу позднее о просмотре) худсоветом, думали потом перейти к вопросу о Ливанове, но т.к. не весь совет собрался, то заседание о Ливанове перенесли на след. день, т.е. 9-го. Женя мне сказал, что все в совете резко, круто осудили Ливанова, никаких скидок сделано не было – особенно потому, что вся зима прошла под знаком скандальных с ним происшествий, после которых его вызывали в местком и партком, и т.п. Меры по отношению к Ливанову были решены такие: 1) по закону он должен заплатить убыток, который он принес, т.е. необходимо от него получить (удержаниями) потерянную часть сбора; 2) из состава худсовета он, конечно, исключается; 3) ему не дается право на отпуск уехать в Алма-Ата, куда он собирался (вот тоже замечательное было его решение: уехать летом в Алма-Ату будто на побывку, но на самом деле избран именно этот город потому, что там находятся все киностудии, и он хочет найти там возможность пристроиться в картину, которую признают настолько важной, что прикажут его из театра отпустить на след. сезон. Но пока что он уверяет, что везет туда ребят, во-первых, от здешних тревог и сирен, а во вторых, на фрукты, без которых его семья не может жить); 4) возбудить перед Комитетом ходатайство о снятии с него звания народного артиста. Вот такие 4 пункта были установлены. И пятый негласно: если жена Лив. поставит вопрос о просмотре ее для приема в актрисы (с нею было начала заниматься Кнебель, она с Ливановым готовят сцену Лидии и Телятева¹, но Кнебель теперь в Москве, правда, скоро ждем ее обратно, но с каким результатом – пока неизвестно), то ответить отказом, именно сказав, что в отказе повинен Ливанов, вернее – его поведение. Вот с таким решением разошелся худсовет. Тем временем Ливанов не нашел ничего умнее, как написать Ив. Мих. письмо такое: меня вообще травят в театре, а теперь, конечно, еще больше будут травить, и потому прошу освободить меня от работы в театре.

Вот как он понял свой поступок. Впрочем, ничего удивительного

нет: его характер таков, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не будет считать себя в чем-то виновным, виноватым. Для него лучше не существовать в этом коллективе, но только не испытать чувства вины.

Но как все это разрешится на самом деле, это дело, нельзя сказать, потому что тут вмешалось следующее обстоятельство. В Саратов приехала работница ЦК тов. Зуева, специально для ознакомления с жизнью театра, с деятельностью партбюро (кажется, она зав. отдела агит. и проп.). Вот уж действительно попала вовремя! И надо же: заранее смаковала, что посмотрит “Куранты”, которые ее особенно интересовали. Но попала на перемену, да еще сделанную при таких обстоятельствах. Она была у нас на партсобрании, где тоже говорилось о случае с “Курантами”. Словом, она в этом деле принимает участие. И она просила передать Ив. Мих., чтобы приказ пока не писали, не опубликовывали, пока он не будет согласован с Храпч. Ив. Мих. звонил вчера в Комитет, но никого не застал, все начальство было на какой-то генеральной. Из-за вот этого предупреждения Зуевой никаких публикаций, реагирующих на проступок Ливанова, пока не обнародовано. Взволновало все это труппу чрезвычайно. И надо прямо сказать, что друзей у Лив. нет, а обиженных им и задетых – слишком много. И вдобавок поступок действительно из ряда вон выходящий и уж слишком некрасиво пятнающий театр. Вы подумайте только, что за сообщения раз за разом я Вам пишу. История с Грибовым. Только вывесили порицание, как ответ на это – скандал с Белокуровым. Приказ об этом еще строже, и выступление предостерегающее со стороны Храпченко. И – как ответ на это – Ливанов!

Все говорят: ни дальше, ни ниже этого податься некуда. Некоторые наши, уверяющие, что хорошо знают его натуру, говорят, что надо непременно всенародно его “судить”, на общем ли собрании, или на собрании актеров со званием... Но непременно публично разобрать его поступок и выразить ему мнение коллектива. И напоминают при этом, какой был “шелковый” после того собрания, когда его весь коллектив публично отчитал за позорное поведение на границе при возвращении из Парижа. Действительно, тогда он временно присмирел. Может быть, действительно такой характер, что надо “высечь” на народе?!

Теперь немного о делах. Обещала написать Вам про показ водевиля. Довольно непонятный, по общему мнению, потому что показывались-то актрисы, уже сыгравшие роли: Иванова и Лебедева. Водевиль “Которая из двух”, участвовали две эти девушки, горничную играла племянница Тарасовой Калиновская, обольстительного молодого человека (Радин, кажется, ее играл, как вспоминал Тарханов) дали почему-то Цильману. Как видите, выявлять тут никого из актеров не нужно было, все народ известный. И конечно, тотчас же если не злые, то острые языки объяснили, что все это делается для показа девушки, имеющей прозвище: мхатовская “Любовь Орлова”. Это – Кира Иванова. В

нее влюблен наш Орлов, и страшно нетерпеливо и иногда неуклюже ее выдвигает и продвигает. Поэтому ее зовут – любовь Орлова. [...] Про Лебедеву было сказано, что кое-какие успехи она сделала, хотя бы в смысле приобретения уверенности, какой-то удачной работы над голосом. Но интересного – нового – не было. Про Цильмана сказали, что это настолько не его дело играть такие роли, что и обсуждать не приходится. У него есть данные для характерного актера, а в амплу Массальского, скажем, его незачем тянуть. Вот забыла спросить Евг. Вас. после обсуждения, был ли разговор о Калиновской. Роль, правда, маленькая и ничего не выражающая. Играла она ее всеми штампами субретки. Мне удивительно, что главным образом не изругали режиссера, работа которого, по-моему, поражающе беспомощна, неинтересна, штамписта. Мне показалось, что это и есть самый большой минус показанной работы.

Итак, 15-го мы играем последний спектакль. Числа 18-го предполагают провозить бригаду на фронт. Бригадиром в нее назначен Евгений. Актеры едут: Петкер, Дорохин, Пилявская, Дамский, вокальный квартет, гитарист, помреж – в общем, кажется, 17 человек в бригаде, вероятно, я либо забыла кого из актеров, либо еще не установлено, кто еще. Знаю, что был разговор о чтицах Георгиевской или Михаловской, но отпали обе; был разговор, что поедет Калиновская, но, говорят, сдрейфила. Сказать по правде, в наших обстоятельствах, когда возможен отъезд театра на гастроли, поездка бригады лично для меня – отчаянно неприятна. Уедет Евгений, и если мы тронемся – у меня и масса работы по театру, и ни души в помощь по домашним сборам, и сын Евгения со сломанной правой рукой не помощник, а лишняя трудность.

Сегодня ждали, что приедет Месхетели, от него можно было бы узнать, будет ли переезд. Но его пока в Саратове нет. А едет он к нам из Свердловска. Мне говорили, что оттуда был вообще запрос о приезде театра туда, пот. что это имеет политическое значение, чтоб раз уж театр наш выехал из Москвы, то не один город получил его, а хотя бы два. По многим причинам уехать отсюда было бы хорошо – хотя бы по той, что слишком уж теперь много болтают о быте театра повсюду, пора прикончить эту болтовню хотя бы отъездом. Но вместе с тем как подумаешь: двинуться... как-то все-таки обросли вещами, как-то утряслись на месте... ох, как трудно двинуться... да на что, на какие условия?.. Но по всему вижу, что вопрос этот будет до тех пор муссироваться, пока не двинемся. В этом смысле Ваши тбилисцы оказались весьма активны, им наш город и его обстоятельства и условия явно не нравятся.

Еще новость: наш Ковшов написал пьесу. Ее читали Виленкин (хвалил, говорит – для театров РСФСР), Калищьян (хвалил и сказал мне, что везет экземпляр в Москву, будет рекомендовать в Комитете), руководители здешнего драмтеатра (по словам Ковшова хвалили, слегка упрекая за мелодрамность). Читала Андровская и тоже комплиментила автору, насколько искренно – не знаю. Мне хочется почитать, а у автора только 1 экземпляр. Я решила схитрить чуть-чуть: предложила, что

перепечатаю для него пьесу, таким образом, ее прочту и автору сделаю любовь и радость, потому что он без экземпляров страдает, а не богат, чтоб платить машинистке. Печатать начну скоро, пока довольно много работы, до понедельника.

Да, все забываю написать Нежному. В Ереван я тогда по его телеграмме и по одновременно пришедшей из Еревана, Комитета искусств (Шагинян) телеграмме напечатала 2 экз. “Курантов”, послала наложенным платежом, известила телеграммой о высылке и о необходимости перевести за работу 250 руб. – и ни приветов, ни ответов. Может быть, Нежный напишет им, чтоб выслали деньги? Это, правда, немного получится, полкило масла, того меньше. Но все равно, как-то досадно для неведомых комитетчиков печатать по вечерам пьесу, отказываясь от отдыха.

У нас наступила жара, да какая! Хорошо, у нас комната сравнительно прохладная, а у некоторых – пекло! Это как раз по противоположной стороне нашего коридора.

Постепенно еще приезжают наши актеры, кого и не ждали: приехала Кречетова, и никак не могли не зачислить – у нее бумажка, что отпуск ей дан без сохранения содержания до 1 июля, и муж у нее на фронте, лейтенант, – как же такой отказать. Теперь приехала маленькая Пятецкая, жена Готлиба (помните ее? читала в “Борисе Годунове” молитву, мальчик у Шуйского). Она была с Театром им. Ермоловой в Махачкале, к нему присоседилась там на то время, пока с мальшом жила вне Москвы. Теперь с нею вопрос, как зачислить, Храпченко, уезжая, сказал, что больше никого не включать, труппа укомплектована, мол. Можно будет в саратовскую труппу включить только Кторову и Попову, которые в августе вызываются сюда, и Степанову, буде она приедет.

Такая дурная лента не по моей небрежности, а потому, что здесь лент для машинок нет, и моя исписана до предела, а новую только добывают. Простите, что такое “слепое” письмо получается из-за этого.

Милый Владимир Иванович, Вашу телеграмму о Вас. Гр.² я получила дня через 4–5. У Ив. М. все-таки другие сведения, чем те, которые сообщены Вам. По сведениям Ив. М., лично мне сказанным (источник он не называл), Вас. Гр. был в Алма-Ате 4 дня, там его встретили радушно и даже слишком большое к нему началось паломничество, а через 4 дня он уехал в Семипалатинскую обл., село Георгиевка, без всякого худож. назначения, а именно в место, где ему вряд ли будет применение. И там немало помучился с поисками комнаты, однако потом устроился у каких-то украинцев, в чистом помещении. И с продовольствием там довольно туго. Вот как рассказал мне Ив. Мих., когда я ему показала Вашу телеграмму. Ив. Мих. вел и продолжает вести переговоры по этому делу, желая помочь. Но пока все это только вопросы с его, Ив. М., стороны, а обещанных ответов пока нет.

Милый Владимир Иванович, прощаюсь пока с Вами, до следующего письма. Постараюсь не сделать слишком длинный перерыв, хотя

сейчас уже много работы и могу ждать, что в связи с концом сезона, рядом отъездов в отпуск, с отъездом Евг. Вас., у меня будет очень-очень много дела. Желаю Вам быть здоровым, благополучным. От всего сердца привет домашним и Иг. Вл.

Ваша Ольга Бокшанская

446.

Саратов, 16 июля 1942 года

Милый, дорогой Владимир Иванович!

Как во сне! Вошел в комнату Гоцеридзе, передал Ваше письмо, сказал, что 12-го вылетел, был здесь уже 14-го, но просит извинения: задержал письмо передачей на 2 дня потому, что сразу по приезде смог выехать в район за семьей. Теперь его семья на пристани, привезена им в город, и он ищет машину, чтоб отвезти их на аэродром. Устроит это и либо нынче вечером (если самолет будет с утра), либо завтра утром зайдет за моим ответным к Вам письмом. Боже! А события на фронте развились так, что мы считали себя почти отрезанными от Вас. Да еще к тому же наш отъезд в Свердловск! Постараюсь быть лаконичной, но побольше задеть вопросов, решившихся в последние дни. А то я просмотрела свои письма, вижу – очень я в них болтлива. Прежде всего отобрала в копиях те письма, которые явно (по Вашему письму, – и они-то были с оказией!!) не дошли, и последние, кот., может быть, не дойдут. Все пошлю Вам на случай.

О Вашем большом письме к Ив. М. я, кажется, только и упомянула, когда писала о заседании с Хр. и докладе Хмелева. Знала, что такое письмо существует, но, как видите, оно долго было у И.М. и не сразу по его возвращении из Москвы попало к Хмелеву. А я его получила для перепечатки только к приезду Хр. – ему должны были быть переданы не только Ваши соображения по репертуару, но и те выдержки из писем ко мне, к Михальскому, кот. потом цитировал Хмелев на собрании. Вообще, насколько я знаю, письмо это большого распространения не получило. Сам Ив. М. поминал о нем часто в разговоре, его возбуждали мысли Ваши о “Лесе”, о неожиданном распределении ролей (Прудкин – он не “вскрикнул”, а восхитился!¹). Такой разговор, напр., шел совсем недавно у него в номере, когда мы были позваны ужинать в день Ивана Купалы, именины И.М. В этот день как раз написано мое последнее письмо к Вам. А в открытке перед письмом, кажется, я упомянула слухи о Свердловске (или Куйбышев). (Ой, я опять отклоняюсь от первой темы – Вашего письма.) Почему так повернулось, что письмо не стало центром внимания даже в главном руководстве? Может быть, тут я ошибаюсь и оно было достаточно “центрально”, а только я хочу все большего и большего охватывания Вашими идеями? Получение его

совпало (получение в руки И.М.) с ежедневными тревогами, даже несколькими налетами, это первое. Второе – тогда же приезд Хр.; третье – вскоре – отъезд Хмелева. И по всему этому – жизнь какая-то тревожно-торопливая, стремительная, несмотря на стояние на месте. Хр. попал как раз в такие дни, когда у нас, напр., за полтора суток (2 ночи, 1 день) было чуть не 4 тревоги, за 3 ручаюсь. Ночью одна, с утра вторая, вечером – третья и ночью – еще. Тревоги с сильной стрельбой. И даже был случай, когда наш снаряд зенитки угодил на крышу “Астории” (местожительства Тарх., Изр.), пробил ее и застрял в умывалке 4-го этажа, не разорвавшись. Вообразите себе Изралева! Живет он там на 3-м этаже. И не только пальба, но налеты с бомбами, которые были сброшены на важнейшие заводы, находящиеся на окраине города, от центра километров 10–12. После этого, конечно, по городу слухов – не оберешься! Но что действительно один цех пострадал сильно – это уж из верного источника. Вот в каком волнении жил коллектив именно в те дни, когда Ив. М. получил Ваше письмо. И к нему, конечно, многие со всякими достаточно паническими разговорами. Да и дома у него тоже не храбрецы – Алла К., особенно с приездом своей семьи, стала трудно принимать “гостей”. Уехал Хр. от нас и под впечатлением всего этого, и с настойчивыми предложениями руководства поставить в Москве вопрос о нас, но как будто с решением повременить с постановкой этого вопроса. Так говорил Месх., как мне передавали. (Месх. был за постановку этого вопроса в Москве.) А тут – воронежское направление появилось, сообщают нам, что Ртищево (близкая довольно станция от нас) было под бомбами, вернувшиеся из Москвы Раевский, Кнебель, Карпова рассказали, что их поезд (правда, кажется, при поездке еще в Москву, а не обратно) был задержан недалеко (в 15–18 км) от Мичуринска, когда на станцию был налет, и они его слышали, и даже все пассажиры ушли в лес (только мхатовцы остались в вагоне), и потом их на Мичуринск не повезли, а обходом – на Кочетовку (на которую раньше был жесточайший налет – и они там увидели еще дымящиеся вагоны и др. тяжелые картины невиданного ими до сих пор характера).

Представляете себя накал в труппе?! Да еще живут все вместе, в одной гостинице, да и в других местах тоже скопом, общежитиями, так что разговоры идут о событиях дня непрерывно – кто дома, тот в коридорах собирается, кто на репетиции или спектакле – там общается.

Когда же это приехали Раевский и К^о? Вероятно, числа 11-го. Ну, а 13-го поздно вечером после ряда еще дневных телефонных разговоров вернулся из Обкома Ив. М. и сказал, что имел разговор с Храпч., который объявил ему, что театр, закончив сезон 15-го, должен выехать на гастроли в Свердловск.

14-е прошло для меня в непрерывной работе, связанной с оформлением разных дел перед отъездом, машинка стучала безостановочно. Я все ждала, что мне дадут текст телеграммы к Вам об отъезде. Его не было. Тогда 15-го я дала молнию от себя. Там указан был маршрут:

Волгой – Камой до Молотова (Перми), дальше поездом. Где там будем играть – неизвестно. Предполагаем, что в драмтеатре, оч., говорят, неважном. Там хороший оперный, прекрасный Дом Красной Армии, занятый Театром Кр. Армии из Москвы, и неважный драматический. Есть прекрасный Дом культуры, но на окраине. Мы не возьмем, коли не в центре. (Милый Владимир Иванович, возможно, что тут я буду путать даты на день вперед или назад, пот. что если остановлюсь и начну точно припоминать, займет длинное время при моей сейчас усталости, а существенного значения точность не имеет здесь.) 14-го, кажется, прилетел из Куйбышева Месхетели, провел здесь ряд заседаний по вопросу отъезда театра и нынче улетел в Куйбышев, оттуда в Свердловск, готовить наш приезд. Настаивал, чтобы ему дали с собой Федю, но Ив. М. ни за что. Решено, что Федя проведет здесь всю посадку на пароход и тогда вылетит в Свердловск. Отъезд наш намечен на 20-е. Вчера закончили сезон, сегодня начали укладку имущества. Багаж личный должен быть приготовлен к погрузке к 12 ч. ночи 18-го. (Я еще не начинала, пот. что не встаю от машинки, совсем ошалела от стукотни. Одних командировочных свидетельств надо больше 200 шт., даже если по 4 зараз печатать, то и то много раз.) Евг. Вас. назначен начальником эшелона, т.е. всего переезда. Для меня это тоже плохо, пот. что я его и не вижу, мотается весь день, и кто мне поможет с укладкой – не знаю, и у Сани сломана правая рука, у его мальчика, даже и тот не помощник. Пожалейте меня немного!..)

За зиму здесь все достаточно обросли вещами, с Москвой связь была такая частая, что массу дополнительно привезли для каждого из дому, и к укладке все относятся достаточно возбужденно, даже иные почти панически. Думаю, что все это будет сложно, этот переезд. Да и администрации организовать все – непросто. Питание, например. Надо добыть множество продуктов, а для этого запрашивают Москву, а потом здесь оформление очень сложное, препятствия канцелярского порядка, какая-то невероятная формалистика (при великолепном отношении местных самых высших властей). Пароход, который нам дают, говорят, подойдет завтра-послезавтра. Его надо осмотреть, распределить места (камские пароходы небольшие, с каютами будут драмы). Вероятно, к нему дадут баржу для декораций. Вот караван!..

Я не могу писать толково, ровно. Придется, попросив у Вас извинения, писать все, что будет проситься под руку к рассказу, а Вы простите и все у себя систематизируете. Я примерно в таком обалдении, как в те дни Сталинского комитета, когда я с ног сбивалась. Жалуюсь, конечно, я Вам на какие-то мелочи житейские, на перегрузку стукотней, но на самом деле самое сильное, что меня давит и отчего я в таком состоянии – это мысли о фронте, о тех сводках, которые с таким нетерпением ждешь в назначенные часы по радио. Все заняты переездом и как-то перестали даже говорить о том, что, собственно, толкнуло наш отъезд. А это страшно угнетает и давит меня.

Вчера на улице на меня налетел запыленный военный, схватил за руки: “Я увидел вас из машины, выпрыгнул”. Сразу и не узнала, но потом, по акценту, – Довженко. Прямо в этой машине, запыленной, как и он, с Юго-западного фронта, из Балашова. Работает на этом фронте в газете. Хотел искать себе пристанища в общежитии. Спросил: где мы квартируем? Я объяснила. И вскоре он появился в номере у Дорохиных, где рассказывал массу интересного. Тем более это все интересно, что рассказывает талантливый человек, имеющий зоркий глаз режиссера. Ночевать я его устроила на диване у Месхетели (тот занял номер Калишьяна). Но где теперь Довженко, сколько он здесь пробудет, – так и не успела спросить. Вероятно, знают Дорохины. А сегодня я так приросла к машинке, что никого не видела.

Да, о Кнебель. Она была в Москве у Шерешевского, который не только не отменил все диагнозы, но, узнав об ее настойчивом отрицании решений врачей, об ее стремлении показаться ему, подошел к ней, поцеловал и сказал: умница, вы себя спасли. Дал ей лечение, дал лекарства на 3 месяца, взял слово, что раз в месяц хотя бы будет писать определенные о себе данные. Если не наступит улучшение, возьмет ее к себе в клинику на излечение. Я так рада за нее, ведь операция – это примерно процентов 10 за хороший исход. Так сказал Шерешевский.

14-го был удачный показ работы педагогической Станицына. Настолько веселый, что на время отвлек все мысли об эвакуации (нет, такое слово здесь не говорят, боже сохрани, – театр едет на гастроли. Но наши-то, особенно паникеры, иначе это не называют). Уже давно Станицын отказался ставить “Юбилей”, считая, что там не годятся некоторые для своих ролей. И взял лабишевскую “Фризетту” с тремя ролями: Фризетта – Щербинина (как видите, у нас все показы пока – в какой-то связи с романическими настроениями педагогов), Евгений – Цильман, хозяйка мебл. комнат – Ауэрбах. Водевиль с музыкой, которую написала Наташа Бакланова, с куплетами, которые писал Вербицкий, с танцами, которые ставил, пожалуй, сам Станицын, – впрочем, не танцы, а подтанцовывания. Успех был очень большой, и имели его – Цильман и Ауэрбах, особенно последняя. Характерная роль, которую она сделала пикантно, остроумно, без нажима, до сих пор ей достаточно свойственного, с прелестной легкостью и шиком. И Цильман – в роли не чистого любовника, а простака-любовника – был и темпераментен, и искренен. И все это режиссерски “оснащено” множеством талантливых находок, забавных штучек. А Щербинина, ради которой дело загорелось, была – никак. В лучшем случае – пустое место. На обсуждении было сказано деликатно, что это не ее дело, что она не имеет достаточной легкости, “французистости”. Вспоминаю, она много лучше в прошлом году показала Дуняшу.

Да, теперь влетела еще мысль: надо написать, что с делом Ливанова так никакого движения и не вышло, последующие события все заглохли. Сначала же, по договоренности с Хр. по телефону, было такое

сказано Ив. Мих-чу: отпуска вы ему не давайте, конечно (как равно и не разрешено Массальскому выехать в Сталинабад сниматься у режиссера Юткевича на время отпуска), значит, никакой поездки в Алма-Ату (хотя, впрочем, напр. Телешеву отпускали в Алма-Ату до 1 сентября, к Эйзенштейну; но без нее-то в крайнем случае обойтись много легче, чем без Ливанова). И деньги взыскать можно, и из совета вон, и даже можно возбудить вопрос о снятии звания, но, во-первых, не следует публиковать приказа о таких решениях, и, во-вторых, Комитет вопроса о снятии не поставит, потому что считает не ко времени сейчас. И Храпч. обещал не то письмо, не то телеграмму прислать Ливанову после вот такого официального извещения со стороны театра о случившемся. Думаю, что теперь все это откатилось в сторону, другие дела закрыли тот случай.

Все-таки Ваши строки о “Русских людях” Кнебель я прочту, там столько для нее важного, как Вы видите (Вы-то глаза Симонова чувствуете еще больше, чем он сам². Помните, что сказал Вам Леонид Андреев?) Станицын – он ведь своеобразно работает, и чтоб ему в пользу пошли Ваши слова, мне кажется, надо чтоб это пришло не чтением Вашего письма, а через Кнебель и ее рассказ. А вот Кнебель, та как губка впитывает каждое Ваше слово (вот не знаю только, как все впитанное получится, если потом губка будет “выжата”, я ее настолько как режиссера не знаю). Но она же боготворит Вас, и для меня радость передавать ей что-то о работе, с нею связанной. Кстати, Тарх., кажется, от Харитонова не отказывается³.

В Москве Кнеб. видела спектакль у Горчакова (в нашем филиале) и встретила с Симоновым, который говорил гл. обр. об образе Вали. У Горч. играет дочь Половиковой, Валя Серова (вдова знаменитого разбившегося летчика). Кстати сказать, Симонов по ней настолько погибает, что, кажется, даже с женой развелся. Она вообще пользуется огромным успехом. И вот Симонов говорил такую мысль: что Валя в пьесе должна быть так исполнена, вернее, должна быть такой, чтоб зрительный зал ее любил, обожал, был охвачен одной мыслью: чтоб эта девушка не погибла, только б не погибла! – только такую исполнительницу он хочет иметь. И потому, как только он услышал, что Комолова нехороша собой, небольшого роста с неважной фигурой, ему стало не по себе. И, как ленинградец, он любит Гошеву и удивлен, что не дали ей эту роль⁴. Он думает, что она могла бы так приворожить зал. И просил, чтоб дирекция прислушалась к его просьбе: нельзя ли дать роль Гошевой?! Я попрошу (кажется, она сама это собиралась сделать) Кнебель написать Вам подробнее о свидании с автором.

Просматриваю Ваше письмо, отвечаю. В письме о приезде Тархановых, вероятно, ошиблась датой, вернее, клавишей в машинке. О Сахн. писала Вам в одном из прилагаемых писем – то, как мы о нем знаем. О получении бандероли с материалами по “Грозному” и “Трем сестрам” писала в пропавшем письме. Многим давала читать. Хотела дать в стенгазету, да она у нас захирела. Хотела сделать специальный

щит с выдержками из Ваших писем – для чтения. Но пошли вот такие разные события – то с Ливановым, до этого налеты, после этого фронтовые события и отъезд... не хочу, чтоб такие драгоценные для актеров вещи потонули в этих настроениях. Приедем в Свердловск, осядем немного на месте – и я непременно опубликую то, что Вы написали о “Трех сестрах”, например. К началу наших спектаклей это будет так важно – правда?

Да, когда я писала Нежному о трудности переезда в Свердл., не было многого в нашей жизни, о чем я уж несколько раз перечисляю в этом письме. И тогда все наши тенденции склонялись к желанию такому: если не будет на будущий сезон возвращения в Москву, то уж лучше Саратов, где мы обжились, чем снова переезд, да в загруженный, заселенный сверх нормы город, в неведомые жизненные условия (гостиница провинциальная, напр., всегда представляется с насекомыми, а здесь такая благодать – чисто, никаких “посетителей” по ночам. Словом, 22-го июня было одно, а сейчас – другое, и... вот я Вам уже пишу о сборах и нисколько не сетую на трудность переезда, только жалуюсь, что с переездом много хлопот для администрации.

Вот уж Гоцеридзе сидит рядом, пришел за письмом. Если не улетит завтра, и еще вернется, приготовлю еще письмо. Пока прощаюсь и от всего сердца посылаю привет, любовь.

Ваша О. Бокшанская

447.

Свердловск, 3 сентября 1942 г.

Милый, дорогой – нет слов для выражения всех трепещущих во мне чувств – Владимир Иванович!

Вы в Москве! И все наши страхи, беспокойства, тревоги, связанные с Вашим пребыванием на Кавказе и с возможностями Вашего отсюда отъезда, позади. В первый раз нас соединили с Москвой 2-го в без десяти 11 утра по московскому времени, соединили с театром, и Месхетели услышал в ответ: В.И. как раз в 11 должен прилететь. Сразу представилось, что как раз в это время Ваша машина подходит к московскому аэродрому – сердце сжалось от волнения. Второй раз с Москвой говорил Месх. в час по-московски, с Храпченко. Говорил по поводу “Фронта”, но тут же, в первые же фразы, вставил вопрос о Вас и услышал, что все дома и все в порядке, вполне благополучно. Сведения скупые, но успокоившие нас. Сказать по правде, самое для меня успокоительное было в том, что, долетев до Куйбышева и имея полную возможность отсюда поехать уже поездом, Вы все же предпочли самолет. Это был прекрасный знак. Конечно, все мы в восхищении от еще нового

пленяющего всех Вашего свойства так именно совершить путешествие, наперекор всем страхам и треволнениям. И конечно, уже наши шутят: Вл. Ив. небось теперь скажет: “Зачем же я до сих пор ездил на поезде? Отныне – только самолетом!”

Ив. Як., который повезет это письмо, должен был ехать сегодня в ночь, но билета не оказалось, он едет завтра в ночь же. Вероятно, письмо мое все же придет к Вам позднее, чем прилетят Хмелев и Месх., собирающиеся вылететь 7-го рано утром. Они Вам много расскажут, многое из моего письма окажется уж ненужным, но я не могу удержаться, чтоб не написать. Ах, если б я могла думать, что мне придется еще писать Вам, я бы давно уж вела дневник и отослала б его Вам. Но все мои надежды были, что Вы приедете непосредственно в Свердловск, писем не потребуется. А теперь поневоле приходится начать с Адама.

Надеюсь, Вы получили мое письмо, посланное с Гоцеридзе, последнее из Саратова, в дни сборов к отъезду. Потом еще обменялись Вы с нами телеграммами. Выехали мы 25-го на своем сравнительно небольшом пароходе. Устроены все были тесновато, но погода была все время дивная, так что теснота в каютах ночью разрежалась тем, что многие спали на матрацах на палубе. И спали там с удовольствием.

Отъезд из Саратова связан для меня с одними из самых черных моих дней из времен эвакуации. И сделал это Евг. Вас., который довершил все наши саратовские алкогольные истории. Как раз в последние наши саратовские дни ему пришлось оч. много работать, а тут прощальные вечеринки, и он день за днем был хуже, а в день отъезда, приняв лишнюю дозу в то время, когда я уже уехала с вещами на пароход, а он оставался в городе по делам отправки коллектива, явился на пароход досадно поздно (при устройстве и размещении на пароходе естественно возникли неполадки, недовольства, и он был страшно нужен) и в таком состоянии, что мне пришлось проводить его в каюту, и там он мгновенно заснул. Что рассказывать Вам, как было мне тяжело и как было ему стыдно! Как я ему и сказала на след. утро, этот случай не прошел ему даром и привел к сильным душевным переживаниям уже здесь, в Свердловске.

Итак, пароход. Путешествие это было для всех оч. приятно, настоящий отдых. Погода прекрасная, кругом замечательная природа, никаких забот, потому что питанием все были обеспечены от театра... на палубе было оживленно. Как часто вспоминали Вас! Стоило мне присоединиться к какой-нибудь компании, как сразу начинались разговоры: вот если б Вл. Ив. приехал с Тархановыми! Плыл бы теперь с нами, отдыхал бы! И уж если он тогда не поехал, то зачем не выезжает теперь же, когда еще можно доехать до Свердловска нашим же маршрутом. Едучи так беззаботно, все мы с огорчением думали о предстоящей пересадке в Молотове (Перми), когда начнутся “будни”. И как приятно разочаровались: подошли мы к Молотову ночью, в первом часу. Но мало кто спал. На пристани оказался Баратов, главным образом, для свидания с сыном (был ранен в руку, младший лейтенант, все наше саратовское

время прожил у матери В.С.Соколовой) – и еще кое-кто из Марининского театра, кому, как оказалось, было дано задание совместно с Молот. комитетом иск. организовать нашу пересадку на поезд. Молотовские власти встретили нас необыкновенно, исключительно. Тут же при первых фразах на пристани, было сказано, что на след. утро все приглашаются на стоящий рядом речной вокзал (типа Химкинского) – там будет организован завтрак, позднее – обед. А после обеда все будут погружены в спец. поезд, кот. повезет нас в Свердл. Всю ночь Калужский и Станицын провели без сна с представителем К-та, разбивая людей на группы и обговаривая план пересадки. Завтрак утром отнял много времени, народу-то ведь человек 450, ресторан емкости небольшой, подавальщиц мало, а наши многие к тому же крикливы, требовательны. После завтрака началась выгрузка с парохода, на кот. были двинуты военные части. Работали они исключительно добросовестно. Но запарились сильно, потому что багажа – гибель! Да какой все тяжелый! Решено было, что багаж, бывший с каждым в каютах, пойдет в поезде, а грузить личный багаж из трюма и театр. имущество останется специальная бригада наших (кажется, человек 15–20). Эти потом сильно задержались, а имущество еще дольше, потому что где-то стояло по дороге и не сразу проталкивалось к городу. Но все же, кажется, начиная с 9-го стало приходиться, мы же приехали в Свердловск 2-го.

Да, в Молотове не только накормили потом обедом, но заботливо продали каждому за 5 р. небольшой пакетик еды на дорогу, с вложенным туда листочком-картонком с напечатанными в типографии словами привета. Очень это было трогательно! На наше счастье оказалось, что вокзал ж.-д. от речного вокзала – только улицу перейти, напротив. Наконец со всякими мелкими происшествиями, претензиями и огорчениями, кот., кажется, все быстро улеглись, мы в 7 час. вечера 1-го авг. отъехали на Сверд. Ночь в вагоне, полдня тоже, и в 4 часа по местному (в 2 по московскому) подъехали к вокзалу. Тут уж нас встречали Федя, Месх., Лифшиц – те, кто вылетел из Саратова еще до нашего отъезда для налаживания дел в Свердл. Да, забыла сказать важное: часа за два, кажется, до приезда поезд сделал специальную остановку, чтобы взять специально посланного из Свердловского отдела искусств товарища. Он сдал Калужскому для раздачи коллективу заготовленные (типографски) листки, на которых было отмечено: № Вашей комнаты в гостинице “Большой Урал” (лучшей в городе, громадной), № машины или автобуса для переезда с вокзала, № очереди поездки. Да, еще что забыла сказать: уже в Молотове нам в ночь приезда сообщили, что в Свердловске все будут расселены в “Большом Урале”, что освобождены специально для нас 150 номеров. Это уже сулило многим нашим, жившим в Саратове в общежитиях, возможность жить отдельно. И сразу настроение сильно поднялось. Потом было сказано нам, что питаться нам предложено в ресторане этой же гостиницы, когда по 2 часа в день зал будет предоставлен только мхатовцам: на завтрак и на обед. Кроме

того, весь коллектив прикрепляется к специальному мхатовскому магазину, где нам будут отпускаться продукты по карточкам и то, что будет возможно дать сверх. Так это и происходит до сих пор, и дай бог, чтоб не изменилось, потому что и кормят нас хорошо, и магазин нас прекрасно обслуживает. Словом, все было нам предвестием, что нас встречают с заботой и вниманием.

Итак, на вокзале, кроме встречавших наших, были москвичи-свердловцы (здесь таких много), радовавшиеся увидеть своих, долгожданных.

Все старания Феде провести переезд в гостиницу по выработанному плану, конечно, разбились о стремительность некоторых наших и посадочную лихорадку. Номера очередей и машин перепутались. Но в общем, все как-то переехали, разместились. Приехали мы как раз ко времени обеда, так что первое, что сделали в гостинице – отправились все в ресторан. Надо прямо сказать, на персонал гостиницы и ресторана наши произвели ошеломляющее впечатление, потому что обнаружили силы стихийные: просто вроде нашествия какой-то орды получилось – все кричат, гвалтят, требуют, хватают... Получилось не очень-то красиво. (А как потом выяснилось, местные власти поручили гостиничному начальству и в магазине нашем тоже объяснить персоналу, что такое МХАТ и как надо его обслуживать. Правда, надо сказать, что наиболее безобразно себя ведущие – это так наз. “иждивенцы”, т.е. члены семей наших, а наши работники ведут себя куда скромнее своих домочадцев). Так что поначалу персонал отнесся ко всем без разбору мало приветливо. (Тут надо объяснить, что народ здесь на редкость сумрачный, неприветливый, даже угрюмый; улыбка, благорасположенность – явление редкое.)

При ближайшем рассмотрении оказалось, что роскошная эта по виду гостиница внутри большей частью некомфортабельна, в некоторых подробностях просто некультурна. Относительная комфортабельность, максимальная, вероятно, в условиях провинциальных, существует в так наз. двойных номерах, т.е. это две комнаты, одна из них обязательно проходная, и при них комнатка: умывальник с проточной водой и уборная. По словам Феде, номеров с ванными вовсе нет. Вообще гостиница стандартна – образцово, до неприятности. Три типа номеров: двойные, полуторные, т.е. на 2 постели (у нас они идут на троих, т.е. поставлена еще третья постель), с умывальником в прихожей, и одинарные (у нас даны на двоих, в редких случаях такой номер дается одному, – напр., Яншин получил один, Гремиславский жил в таком один), и в таком типе комнат умывальник сделан просто в комнате, и почему-то приделан к середине стены, как раз посреди комнаты. Как видите, весь комфорт – проточная вода. Но она долгое время текла только в нижних этажах и только недавно стала подаваться в верхние. Но все же многие благословляют этот “Урал”, потому что измучились, живя в отчаянно трудных условиях саратовских общежитий. Даны были нам 10 оч. боль-

ших комнат, куда поселили по 10–12 людей, вроде общежития вышло или дортуара, там живут актерская молодежь, вокалисты, оркестранты, технический персонал. В ближайшие дни все они и плюс некоторые, размещенные в номерах, будут выселены в другое общежитие: нам дан Дом колхозника под специальное общежитие МХАТа. Туда переселяют многих молодых наших, у которых малые дети, потому что там будет в их распоряжение дровяная кухня, где они смогут и варить, и стирать для своих ребят. А то в гостинице это решительно возбраняется, а они это проделывают и вызывают страшнейшее неудовольствие администрации. Одно из неудобств – электричество дается только с 10 час. вечера (теперь, с уменьшением дня, стали давать немного раньше). Но в городе для населения дается даже в половине двенадцатого, так что мы в привилегированном положении. Избранные люди (Москвин, Тарханов, Хмелев) получают круглосуточную электроэнергию, по специальной заявке театра.

Не много ли я пишу о быте? Перейду на работу. В Молотове мы еще узнали, что играть мы будем в Оперном театре. Это тоже сильно подняло настроение – знали, что театр прекрасный. И стоит напротив “Урала”, только сквер перейти. Но на месте начались огорчения. Оказалось, что театр дан нам только до 1 окт., а позднее, когда надо было подписать договор, – что только до 20 сент. Вскоре по приезде начались осмотры всех театральных помещений города. Оказалось, что решительно все совсем не подходит для наших спектаклей.

Осмотрены были: Театр музкомедии, Драм. театр, Клуб строителей, Клуб НКВД. Последние два отпадают: у строителей устроено военное общежитие и для помещения нужен многомесячный ремонт, если оттуда выселить народ, в НКВД сценка крошечная; мы ее получили – за 3 000 р. в месяц и бесплатный концерт для них – ежедневно для репетиций днем. В Драмтеатре отчаянная акустика, вода в трюме, словом, опять-таки громаднейший ремонт нужен и переделки; для обсуждения их приглашался даже Иофан, потому что местные власти шли на полную перестройку, но времени, времени для такого строительства нет, это же в лучшем случае месяцы. Остается Музкомедия – театр здесь очень популярный. В результате его осмотра выяснилось, что там мы не можем играть ни “Карениной”, ни “Трех сестер”, ни “Федора”, ни “Курантов”, ни “Гор. сердца”, ни “Русских людей”... Что же остается? Обкорнанная “Школа”, “Дно”, возобновляемые специально для этого помещения “Пиквик” и “Дяд. сон”, урезанные “Враги”. Ив. Як. может Вам об этом сообщить точные данные, он осматривал театр и составил докладную записку, кот. хотели передать в Обком. Мы все время рассчитывали, что будет найден выход такой, что будут искать помещение для оперы, а Оперный театр останется за нами. Но как будто таких намерений у руководства города нет, во всяком случае, до сих пор дело стоит так, что для нас ищут помещение, а не для оперы. В последние дни вопрос этот как-то в нашем руководстве отодвинулся – в связи с на-

шей просьбой вернуть театр после 15 октября в Москву. Если это так будет решено, то, надо думать, нам отдадут Оперный театр еще на 25 дней, особенно, когда будет ясно, что МХАТ уедет и когда-то снова его заполучишь!

Работать мы начали на след. же утро после приезда, моя машинка застучала с 3-го августа. 5-го она из гостиницы переехала в театр, и теперь не умолкает. Вл. Евг. отличается редкой работоспособностью и способностью втягивать в работу всех вокруг. День распределен так: в 10 мы в театре до 4-х. Тут довольно точно надо уходить, можно задержаться разве на полчаса, т.к. обеды мхатовцам в ресторане только до 5-ти. Потом обязательные часы с 7 до 9 веч. Но т.к. у меня много дела, то часто я пообедаю и уж в 6, а то и раньше – обратно в театр. В 9 ч. уйти никогда не удается. Так что выходит, что проводишь день или в театре, или в ресторане, дома только спишь и накоротке забежишь в комнату после обеда. В выходные тоже пришлось работать, только последние два не приходила в театр: в один – переезжала из полуторного в двойной номер (слава богу, теперь живем по-человечески, а в полуторном была теснота и неудобство невероятное для меня среди двух мужчин: Сане Жениному ведь 16-й год пошел). Переехала, кое-что разобрала, много не успела сделать; неделю прожили опять вроде в походе, а в след. выходной привела номер и вещи в порядок, и жизнь как будто потекла.

Поначалу в Свердловске наши стали вводить в жизнь некоторые навыки Саратова, даже усилив их. А к МХАТу было такое внимание (самое благожелательное), что ничто не могло пройти неотмеченным. А навыки такие: получили массу хлеба (еще за дни дороги выдали нам) и потащили его на рынок продавать, а некоторые и в гостинице стали торговать; напр., в пути, на пристанях, купили много картошки, а здесь ее варить не на чем, вот ее стали предлагать служащим гостиницы же. Все это вызвало более чем недоумение. И вот тут очень скоро (кажется, это было 7-го августа) возникло первое свидание Месх. с коллективом. Выступление его было для театра резко необычным. Он со всей прямотой, называя фамилии, род спекуляций, рассказал о тех фактах, которые ему сообщили со стороны, он резко осудил пьянки в Саратове, пощадив очень немногих, но не остановившись назвать Ливанова, Грибова, Калужского.

Впечатление было огромное. Он говорил о том, что так сильно любит наш театр, что жалеет, что приблизился к нему, потому что боится – сдунется дымка, делающая для него театр таким прекрасным. И он спрашивал: неужели же я, только что пришедший в этот театр, люблю его больше, нежнее, действеннее, чем Вы, которые должны любить его больше всего на свете и которые так его имя попираете?! Слова пишу не те, но мысль была такая. (Досада меня взяла потом, когда я узнала, что Орловская тут сидела и не догадалась под сурдинку записать – речь была знаменательная.) И излучая и лирику и гнев, Месх. со всей ясностью сказал, и своим темпераментом, и силой дал почувствовать, что

он голову себе разобьет, шею сломает, но будет каленым железом выжигать из театра все то, что его марает, портит, принижает. И призвал всех пересмотреть свое поведение, свое отношение к театру и начать работать по новым рельсам.

Авторитет его в театре сейчас велик – и, как мне кажется, нет данных, чтоб он мог упасть, просто он не такого склада человек, чтоб сорваться; и не такое его отношение к работе. Все, что я слышу о нем от работников Театра Кр. Армии, где он проработал несколько лет, говорят за то.

На том собрании после выступления Месх. были еще два небольших выступления: Ив. Мих. сказал несколько слов – в общем, немного покаянных: что вот, мол, я не был достаточно тверд в руководстве театром в Саратове и допустил такое снижение всей деятельности и поведения его работников; и Евг. Вас. пришлось извиниться перед коллективом за недопустимое свое поведение и заверить, что больше так быть с ним не может. (Думаю, что это так и будет, во всяком случае, надолго, потому что это была нелегкая для него вещь – так выступить.)

После этого жизнь наша потекла в более приличных и сдержанных рамках, а главное – пошла усиленная работа. Ни одного срыва, ничего как-то скандального за этот месяц не произошло. Правда, срок небольшой, но хоть на этом спасибо.

20-го – открытие. Внутри театра, конечно, компромиссные по выбору пьесы, продиктованному только монтажными возможностями. Обе пьесы, выпущенные для начала, конечно, никак не показывают нашего теперешнего театра. Открытию предшествовал поток заявок на билеты (340 заявок с запросом на 120 000 мест, т.е. примерно мы могли продать сразу 90 спектаклей – вместимость зала 1465 мест, валов. сбор 28 с половиной тысяч – примерно три саратовских спектакля столько давали. Были заявки даже такие: по 250 мест ежедневно на все спектакли, сколько их ни будет). Конечно, все эти заявки были удовлетворены очень скупой репертуар ведь был объявлен только до 1-го сент., на след. репертуар пришлось объявить, что новые заявки пока не принимаются, надо удовлетворять те, что поданы.

Вокруг премьеры делалось что-то дикое. Весь партер был разослан, и все же этого оказалось мало для тех, кто считал себя вправе быть приглашенным. Звонки, записки, обиды, убеждения... Под конец пришлось даже советовать Вл. Евг.: уходите вы из театра, больше уж нечего давать по просьбам, мест все равно нет. Подъем и парадность наполняли залу.

Доброжелательность, радость ощущались непрерывно, хотя слушали, как нам казалось, довольно сдержанно, на манер московской премьерной публики. Успех был оч. большой. Основное, как мне показалось, было – радость, что МХАТ здесь! Все равно с каким спектаклем, но он – здесь!

4 сентября

Милый Владимир Иванович!

Продолжаю на след. день. Вчера днем выяснилось, что Ив. Я. едет в ночь на 5-е. Впрочем, я об этом написала Вам. Пишу днем, т.е. в обстановке непрерывающихся приходов, отрываний от письма, звонков телефонных и в кабинет Вл. Евг. Если письмо будет с изъятиями – учтите обстановку, пожалуйста.

Премьера 22-го “Школы злословия” прошла очень хорошо, но без настоящего премьерного духа (я говорю о зале и коридорах). Интерес был, просьбы и звонки были, но несравнимые с моментом открытия гастролей. Спектакль имел оч. хороший, большой успех. И, как это было и в Москве, успех пошел разрастаться от спектакля к спектаклю, от рассказов: вот какой чудный, веселый спектакль! Играют замечательно! Помните, тяга смеяться у зала была и в Москве, и “Школа” там вызвала такую тягу зрителей к ней, что это было неожиданностью для театра. Сегодня третья премьера – “Куранты”. Вероятно, снова будет оч. оживленно и “высокопоставленно”.

С выпуском “Школы” был связан “инцидент” внутри спектакля: и руководство, и исполнители находили, что Ершов играет много лучше Вербицкого – Оливера. Но, как это у нас водится, говорили шепотом и при каких-то парадных случаях – премьера, юбилейный спектакль – ставили Вербицкого в состав как первого исполнителя. В Свердловске решили действовать иначе (думаю, что под влиянием Месх.). В таком же положении было дело с Алеевой и Зуевой в роли Кеңдер; Алеева – первая исполнительница, а Зуева играет интереснее. И вот в первый спектакль назначили Ершова и Зуеву. Верб. принял это сначала с таким взрывом темперамента, какого в нем и не ждали, а потом подал заявление, что просит себя считать в исполнителях только в случае внезапной болезни Ершова; про себя же написал, что раз находят, что он не удовлетворяет в этой роли, то постарается ее доработать, до тех пор не хочет играть. С Алеевой дело обошлось проще, и она довольствуется теми спектаклями, которые ей даются.

С премьерой “Курантов” тоже не все гладко. Заболела Соколова. Сначала думали, что это пройдет, сердце болит и перестанет, надо полежать. А несколько дней назад Иверов таинственно шепнул Евгению (а потом так же потайно многим), что у Веры Серг. самый настоящий и сильнейший припадок грудной жабы. А как раз накануне болезни Соколовой приходила к Евг. Вас. Скульская с обидой, что ее даже не вызывают на репетиции хотя бы присутствовать, чтоб узнать ей на всякий случай новые мизансцены, схватить рисунок роли, для нее новый¹. Хмелев был в Москве как раз, и Е.В. сказал, что по его приезду спросит. Мне же объяснил, что вопрос этот стоял уж, им же и был поставлен перед руководством, но Ник. П. был против входа Скульской в спектакль, особенно в паре с ним. А тут получилось, что надо было просить Скульскую не только репетировать, но и играть премьеру. А по словам Пилявской

(правда, всегда несколько приподнято рассказывающей), Ск. все пере-забыла, что знала, в новом для нее не разобралась, партнеров своих (Ливанова и Хмелева) боится, трусит, словом, трудно и ей и партнерам. И, несмотря на указания Иверова, режиссура до вчерашнего дня считала, что Соколова сыграет, и не так уж много занималась вводом Скульской.

Соколову хотят положить в больницу, и это ей оч. нужно, но она ни за что не соглашается лечь в палату на двоих (с посторонней какой-то), а отдельную палату получить невозможно в теперешних военных условиях, тем более что уж одна отдельная палата дана Тарханову, легшему на свои обычные процедуры; больницей Тарх. страшно доволен, действительно оборудована замечательно, говорят, но здоровье его неважно.

Будете ли Вы читать такое длинное письмо? Нет, я все-таки напишу, на авось.

Могу ошибиться в датах, но примерные сейчас буду указывать. Числа 8-го авг. улетел в Москву Месх. И дней через пять вернулся, привез с собою Ив. Як., так как за короткое время увидел, что у нас постановочная часть хромает на обе ноги. Ив. Я. с отчаянными страданиями перенес перелет, но здесь быстро отлежался и крепко взялся за дело, помог выпустить спектакли в очень хорошем виде. Шелонский, кот. у нас исполнял должность зав. пост. частью и никак с нею не справился, был искритикован довольно безжалостно Вл. Ев-чем в его знаменитой речи, а теперь возвращен на исходную свою позицию помрежа, а принят здесь на работу в МХАТ ленинградский спец. постановочного дела – Янишевский, производящий великолепное впечатление. На время отсутствия Ив. Як. он будет здесь полным хозяином в своей области. Ивану Як. даны крупнейшие задания на работу в Москве – Вы все это узнаете там в подробностях: ведь все оформление наших новых спектаклей будет делаться в московских наших мастерских.

Примерно 15-го авг. приехал Хмелев, проделавший сложный путь из Махачкалы через Красноводск – Ташкент – Новосибирск – Чкалов. Он привез рассказы о встречах с Вами, письмо Ваше ко мне (спасибо!), много интереснейших материалов, которые я с восторгом перепечатывала. В отношении Вашего обращения к труппе Вл. Евг. решил так: просто вывесить на доске – это слишком обыденно для таких знаменательных слов. Поэтому 19-го (это дата точная) в 6.45, до вечерней репетиции, был объявлен в зрительном зале сбор всех работников театр. Вл. Ев. кратко сказал о происшедших свиданиях Хмелева с Вами, пообещал, что Ник. Павл. поделится с ведущей частью труппы о содержании этих бесед, и сообщил, что сейчас Прудкин прочтет обращение Вл. Ив. к театру². И Прудкин прочитал. А уж после этого, для того чтобы люди могли восстановить полнее в памяти это обращение, текст его был вывешен на доске.

Вообще связь с Москвой пока что у нас оч. частая: отсюда уж ездили и летали в Москву Дорохин и Петкер – по личным делам, Раевский – по делам ГИТИСа. И Хмелев уж побывал в конце августа там, по сроч-

ному вызову Храпч. Летел он вместе с Судаковым, который тоже вызывался. Мы гадали, зачем и почему? Волновались, конечно. Только по их возвращении узнали мы, что это было связано с рекомендацией театрам пьесы “Фронт”. Судаков еще в Москве сразу во всем разобрался, пьесу тут же принял, и в тот же вечер получил указание, что Малый театр возвращается в Москву, так что на обратном пути через Свердл. козырял (а наши завидовали) что, мол, Малый театр первым приглашен обратно в столицу. Как я поняла, Хмелев не взял на себя решения этого вопроса без Вас, без коллектива. Думаю, что пьеса его не удовлетворила. А пока Хмелев был в Москве, у Месх. произошел разговор с товарищем из ЦК Партии, и она как раз дала понять, что к этой пьесе отношение особое, особо внимательное. К тому времени у нас здесь был уж первый № “Правды”, в котором началось печатание пьесы. Отзывы читавших, с точки зрения художественных, драматургических достоинств, были мало благожелательны. Сторона же политическая как-то не затрагивалась, не оценивалась. Почему-то даже острота темы и положений не усиливала внимания к пьесе.

Хмелев возвратился 31-го к вечеру, за первое у него произошли свидания (вечером 31-го, конечно, тоже). Точно не знаю, но как мне кажется, из рассказов его не сразу, но постепенно перед Месх. встало подлинное положение дел с пьесой Корнейчука, т.е. что руководители двух ведущих театров были специально и срочно вызваны в Москву именно для того, чтоб получить предложение (приказ в деликатной форме) ставить пьесу. И тут началось срочное обсуждение и того, как поступить дальше, и того, как распределить роли, чтобы распределение было и блестяще по составу и не мешало бы выпуску “Русских людей”. 2-го полетели молнии: Вам, Щербакову и Храпченко. В телеграмме Щербакову было сказано: “От имени МХАТа просим Вас доложить Иосифу Виссарионовичу Сталину желание коллектива закончить гастроли в Свердловске 15 октября, затем вернуться в Москву и в 25-летие Великой Октябрьской Социалистической Революции спектаклями “Фронт”, “Русские люди”, “Кремлевские куранты” начать работу театра в Москве”. Подписали Москвин и Хмелев.

Храпченко послали тоже, как и Щербакову, распределение ролей и просьбу поддержать ходатайство о возвращении в Москву. Да, я рассказываю коряво: прежде всего в обеих телеграммах было сказано, что пьеса “Фронт” принята и с этого же дня пущена в работу. И действительно, тут же застрекотали машинки, переписывающие пьесу и роли, на 3-е был назначен сбор участвующих (окончательное распределение установили поздно ночью на третье, а вывесили на доске как раз к 2 часам, к моменту сбора участников. В распределении за вчерашний день произошло изменение одно: на Благоднарова в вывешенном перечне был назначен Соснин, а теперь я Вам помечу уж Готовцева, как решено нынче; это Станицын, кот. еще раньше стонал, что Харитонов у Готовцева не получается, выпросил себе Соснина – раз уж того выписывают

из Москвы, – а на Благодногова отдал Готовцева), там прочитал Топорков пьесу – и на этом разошлись. Сегодня уж репетиция. Напишу состав на отдельном листочке, может быть, это будет Вам удобнее.

Как Вы увидите из распределения, совершенно снимается с работы “Глубокая разведка”. В распределении стремились гл. обр. дать в ведущие роли самых популярных актеров – и одновременно не помешать “Русским людям”. Из-за этого не тронули Добродногова (в котором видели лучшего исполнителя для Горлова) и Массальского.

Волнение царило 2-го сильнее, почему-то, послав свое желание о возвращении в Москву, все, кто близки к руководству и само руководство, ощутили почти реальную возможность возвращения – и это страшно волновало. Но я пессимист (или это суеверие?) и думаю, что вопрос этот сейчас положительно не решится, и в лучшем случае нам скажут: подождите, там увидим, переехать Вам или только приехать для спектаклей в Октябрьские дни. Впрочем, проживем и увидим. А пока – торжествует Судаков. И.Я. в своих беседах при проезде довольно цинично объясняет: надо быть напористым!

С Судаковым уехала и Еланская, т.к. она должна там разобраться в своих домашних делах: одну дочь и мать она берет сюда, значит, надо отобрать вещи, снарядить мужа и старшую дочь в Москву. Должна вернуться скоро обратно. Тем более что по радио объявили, что 6-го Малый в полном составе выезжает в Москву.

Одновременно с телеграммами Вам и правительству, в МХАТ Егорову дали молнию, чтоб снаряжал сюда Соснина и Свободина. (Сейчас здесь были и “фронтовики” – Раевский и “русские люди” – Станицын, и последний говорил, что на Соснина – Харитонов он согласился, взятый врасплох, по-настоящему же должен играть Кедров. Но он не хочет. И к тому же заняли его в Мироне Горлове, по мнению Станицына, резко неверно.) Расплывается мое письмо, – и материала слишком много, и сосредоточиться не удается. Вы простите, милый Владимир Иванович? Сейчас начну писать отрывисто – то, что набрасывалось на листочке как темы для Вас.

Стала писать Вам распределение “Фронта” – и вспомнила о Геловани. Когда Храпч. смотрел “Куранты” в Саратове, он сказал, что с Герасимовым выпустить пьесу в Москве нельзя будет и что надо найти другого исполнителя. Как возник Геловани, признаюсь, не знаю. При мне было только: он раз пришел (кажется, в день открытия) к Месх. на прием, потом ему были тут же предоставлены места на премьеру, а потом дана мне тетрадка с ролью для пересылки в наш же “Большой Урал”, в такой-то номер. И, наконец, в один прекрасный день – в рапортичке репетиций стояло: “Куранты”, 8-я картина, вызываются: те, те, те – и Геловани. Конечно, сенсация среди трупы, от обсуждения которой я оказалась далека только потому, что ужасно много работаю и почти не вижу людей. Вчера пошла посмотреть 8-ю картину, репетировал он хорошо. Все отзывы о нем – хорошие. Вот сегодня посмотрю це-

ликом на спектакле. Пока он на разовых. Но вот в директорских листках по “Фронту” стояла и его фамилия – может быть, есть предположение взять его в МХАТ.

Еще была сенсация: приказ о реорганизации управления труппой. Копию его посылаю Вам. Это, конечно, продолжение евгеньевых саратовских грехов, особенно последнего. Возможно, что и желание Хмелева крепче притянуть своего ближайшего друга и советчика Прудкина, который и весь Саратов был “министром без портфеля”. Перед тем как выпустить приказ, Вл. Евг., с которым у меня однажды был разговор об Евг. – не специально, а так получился разговор, – позвал меня к себе, прочел приказ, сказал – не для передачи Евгению (и я это точно выполняю), что он ценит Евгения как работника, но считает нужным его сильно наказать, чтоб он почувствовал морально (материально он его положения не изменил, и ко всем заседаниям привлекает), что есть вещи, которые не проходят даром. Если он увидит, что Евг. Вас. это понял и что на него можно положиться, он вернет его на работу по заведованию труппой, поэтому и сделал так, что должность просто упразднил, а не заместил Евгения кем-то другим. Пока Евг. Вас. ведет себя безупречно. На мне и на моих с ним отношениях все эти саратовские дела оставили тяжелый след.

14-го (как мы известили К-т искусств) выезжает в Москву мхатовская фронтовая бригада. Сначала она была скромна в своем составе, но когда Вл. Евг. просмотрел программу, то нашел, что это недопустимо, что должны поехать хотя бы два ведущих актера. Выбрали Еланскую и Ершова. Последний сразу согласился, Клавдия сначала – да, потом стала отказываться. А тут нужно было переговорить с Тарасовой, чтоб ей сыграть Ирину в “Федоре”, раз Еланская уезжает. А Тарасова предложила, что она поедет в бригаду. Наши засомневались, что ее не пустит Ив. Мих. Но она его, видимо, убедила, и теперь едет. Кроме этих двух ведущих едут Зуева, Дорохин, Георгиевская, Сухарев, Калиновская. Бригадир – наш помреж Викт. Комиссаров. Еще едут гитарист, вокальный квартет и струнный – тоже все наши. Словом, Месх. сильно поднял состав и качество программы. Они играют скетчи, поют, а кроме того пойдут сцены: “Каменный гость”, Ершов с Зуевой из “Талантов и поклонников”, из “Врагов” – Тарасова и Ершов – прокурор, Зуева и Сухарев приготовили монтаж из Островского (кажется, “Свои люди – сочтемся!”)³. Калиновская ведет программу – это, вероятно, будет нравиться, она очень изящна и очаровательна.

Все отрывками пишу. Как информация: наконец-то Топоркову и Станицыну разрешил Храпч. сделать прибавку (вместо 2 тыс. – 2 с пол-), это привез Хмелев из Москвы вот теперь.

Постепенно появились у нас наши “беглецы”: Яншин, Тихомирова. Тихомирова появилась сегодня, приехала вчера. Была в Ашхабаде и ни строчкой за все время не дала о себе знать. Здесь оказалась ее сестра, работающая в Академии наук, эвакуированной сюда; она пришла

к нам, рассказывала о Нине Вас. А скоро позвонила и сказала, что есть телеграмма от ректора МГУ (МГУ из Ашхабада переведен сюда), что вместе с последним их эшелоном выехали Тихомирова и Шехтер (муж). Ехали 15 суток, замучались сначала непереносимым для них климатом, потом дорогой. Теперь счастливы, что на месте, сегодня представлялись дирекции. Повезло Нине Вас.: вероятно, ей сейчас же будет дана работа – за Соколову в “Русских людях”, жену Харитонова. Но это я говорю предположение Калужского, каково будет решение – неизвестно.

Яншинские телеграммы появились с самых первых дней наших в Свердловске. С Кавказа он прилетел в Москву, а потом, в двадцатых числах, сюда. 31-го уже играл “Школу”, теперь, как видите, загружен ролью и режиссурой “Фронта”. Приехал, конечно, как ни в чем не бывало – и никто ему никаких упреков не сказал, все радостно приветствовали старого товарища, к тому же рассказавшего много интересного о Кавказе, о судьбе и злоключениях попавших туда театров.

Вероятно, скоро появится Степанова. Во всяком случае, наши Дорохин, Петкер в бытность в Москве застали ее там (и Фадеева тоже, она к нему и приезжала) и при них она вылетела в свой Чистополь, чтоб там ликвидировать хозяйство и пуститься с семьей в Свердловск. Пока известий о прибытии от нее нет. Пока она не нужна, т.к. “Каренина” и “Три сестры” когда еще войдут в репертуар.

Здесь множество москвичей, но кто сразу стал нас одолевать – это Смолин, измучивший своими телеф. звонками Хмелева, Москвина, Месхет. и с ненавистью глядящий на меня, потому что каждый из его жертв говорит: “Вы обратитесь к Ол. Серг., она Вам скажет, когда и как организовать нашу встречу или читку пьесы (что-то в стихах, об Иване Грозном)”. Мое царство ему слишком хорошо знакомо. Кто ж еще здесь? Цитринник, зуб. врач, например, чему я рада, мой придворный. Меркуровская семья и сам он, курсирующий между Свердл. и Москвой. Матиас Гринберг, который служит в Оперном театре зав. литчастью, тут же, где мы работаем. Хренниковы (он оч. редко, а Клара с дочкой – постоянно, она служит опять-таки в этом же оперном театре как зав. музеем). Сразу всех не вспомнишь, но если не “ту Москву”¹, то большая ее часть.

Посылаю Вам письмо Дмитриева, оно должно было уйти с Гоце-ридзе. если б тот пришел вторично за письмами, как обещал. Но он не пришел (вероятно, тут же и уехал) – и я провезла письмо через все наши пути, а теперь передаю по адресу. Остальные в отдельном пакете материалы Вам будут понятны: это все, что связано с нашими спектаклями здесь, газеты, афиши.

Здесь мы узнали, что Вас. Гр., посланный было в Семипал. область, снова вернулся в Алма-Ата. А туда отправилась в отпуск Телешева (до 1 окт. ей теперь продлили, по ее просьбе уже оттуда) и с нею мы с Евг. Вас. послали В.Г. письмо, которое непременно перепишу для Вас, не описываю Вам про В.Г. ничего, сами прочтете.

¹ От франц. tout Moscou – вся Москва.

О Вашем прилете домой я телеграфировала В.Г. Вот и конец письму, пора! Вечером буду смотреть премьеру. Впрочем, завтра же начну продолжение – для передачи через Месх. С ним же постараюсь послать письмо Ал. Ал. и Евпр. Вас., которых обоих (на радостях) целую. Я виновата перед А.А., что не отвечала в Тбилиси.

Милый Владимир Иванович, примите мою любовь, мою Вам преданность, мою радость, что Вы дома. Жду не дождусь каких-нибудь точных сведений о Вас и Вашем здоровье. Есть телеграмма Любичского, но она мало выразительна. Позвольте мне (опять-таки на радостях) написать, что я обнимаю Вас.

Ваша Ольга Бокшанская.

448.

Свердловск, 7 сент. 1942 г.

Милый, милый Владимир Иванович!

Завтра вылетают Хмелев, Месхетели, завтра же будут в Москве, может быть, вечером уж увидят Вас... А я должна и горевать, и завидовать, и тосковать... И умом понимать, что, конечно, все, во всяком случае, деловые, права на свидание с Вами имеют “руководящие товарищи”. И Вам самому интереснее с ними встретиться.

Сегодня, собственно говоря, дописываю письмо большого калибра, едущее к Вам с Гремиславским.

Прежде всего, о Вас. Гр. Посылаю Вам перепечатанное его письмо ко мне, оч. подробное. А заодно пользуюсь случаем, чтоб сказать, что из разных отдельных фразок (разговора вплотную не было ни со мной, ни с Евг. Вас.) я понимаю, что Месхет. враждебно к нему – к Вас. Гр. – относится. Даже в разговоре с Евг. Вас. о перемене в его положении в театре было им что-то сказано, что в какой-то степени Евг. Вас. сейчас “платится” за свою близость к Вас. Гр. Этим, правда, Месх. дал понять, что враждебны Сахновскому ведущие наши актеры и руководители, как Хмелев (он действительно непримирим), Прудкин. Но вскоре и сам в каком-то разговоре прорвался резким выпадом в сторону В.Г. Впрочем, об их дурных отношениях знали мы еще в Москве. Кажется, они возникли в период работы В.Г. в Театре Красной Армии над “Последней жертвой”¹. А директором тогда был Вл. Евг.

Но мне не представляется, что в труппе к Вас. Гр. отношение плохое. Наоборот, я знаю о многих, кто выражает к нему самые дружеские чувства, начиная с Москвина и Тарасовой, которые в Саратове вели даже переговоры об изменении судьбы В.Г. Думаю, что это оч. небольшая группа людей, кто враждебен В. Гр-чу. Но возможно, что из подхалимажа, очень сейчас распространенного у нас, некоторые утаят свое истинное чувство.

Кроме копии письма В.Г. посылаю Вам план по “Фронту” – как видите, совершенно “блиц-план”. Дай бог удачи!

Вопрос очень большой в нашей свердловской работе, о котором не упомянула: вопрос помещения. Оперный театр, очень-очень хороший, удобный, кажущийся нам просто замечательным после убийственного саратовского ТЮЗа, дан нам только до 20 сент. (или я Вам упоминала о наших осмотрах других театров? Да, конечно, да, вспоминаю!). Словом, теперь, в связи с нашей просьбой перед Москвой о возврате нас домой и разрешении закрыть гастроли здесь 15 октября, дирекция написала письмо в Обком и Облесполком свердловские, с просьбой дать продление нам в Оперном до 15.X. Тогда мы можем нормально репетировать и обе пьесы к Октябрю. Ответ пока неизвестен. Правда, ответ Москвы нам – тоже неизвестен. Думаю, что сегодня, в связи с сообщением о 70-ти бомбардировщиках, летевших (и, правда, рассеянных на дальних подступах) к Москве энтузиастов несколько убавится. Как сплетничают (особенно те, кто пока против отъезда отсюда), в Малом театре отъезд из Челябинска, где люди прижились и привыкли к безопасности, проходит не очень-то гладко в смысле настроений, и в некоторых семьях там идет стон. Вероятно, о сложности с театр. помещением для нас здесь Вл. Евг. с Вами будет говорить, – ведь это упирается в чудовищное сужение репертуара и снижение всех качеств, по всем линиям спектакля.

Дополнения к прежним сообщениям: Вера Серг. Соколову все-таки удалось устроить в лечебницу в отдельную комнату, и теперь она довольна, что она там, благодарит Иверова, говорит, что в гостинице, в тех условиях, как она живет: их четверо в одной комнате: при ней еще обожаемый ею сын, малый 20-ти лет, раненый на фронте в плечо, ничего не делающий и довольно откровенно слоняющийся, старуха-тетка, совершенно беспомощное существо, почти абсолютно глухое, но мнящее себя оч. самостоятельным. И домработница. И все это на площади примерно в 20 метров. Действительно, недолго и умереть. А Вера Серг. серьезно больна, я только что слышала, как Месх. сказал Хмелеву, что она выбыла надолго (он только что приехал из лечебницы, ездил специально по этим делам – Соколова, Тарханов).

Дополнение по-другому вопросу: о бригаде. Написала ли я Вам, что бригада намечена в отъезд на три недели, но Калужский считает, что надо будет не рассчитывать на них примерно на месяц. Вот их Вы увидите (Тарасову, наверное, ведь?), они едут через Москву.

Еще хотела Вам сказать, что Москвины большую часть времени проводят на даче. Это я рассказывать буду из того расчета, что вдруг Вы приедете сюда. Понимаю, что шансов на это слишком мало, но все-таки считаю долгом затронуть и этот вопрос. Ее я не видела, чтоб расспросить, как они устроены. Но из рассказов наших служащих, ездивших туда с поручениями, понимаю, что их условия Вам не подходят. Местность, говорят, очаровательная, дачи стоят в восхитительной березовой роще, близ великолепнейшего Шарташского озера, но у Москвиных,

напр., в такой двухэтажной дачке 2 или 3 комнаты только, а остальные (система коридорная) заняты чужими. На даче живут и сын Аллы К. и невестка с малышкой, и мать Аллы. От города это недалеко, километра 4–5. Но – тут будет много “если”, но если Вы соберетесь сюда в том случае, если мы не поедem в Москву и если есть там и персональные дачи, а не для нескольких семей, то вот имейте в виду.

Еще что хотела Вам рассказать: перемена во всем поведении театра в Свердловске сравнительно с Саратовым всколыхнула не только работников, но и семейства, т. наз. “иждивенцев”. Уж не знаю, своим ли умом они дошли, или тоже Месх. носом ткнул, но здесь организовались члены семейств для обслуживания двух госпиталей, созданся “совет жен” – и теперь они принялись работать. МХАТ взял шефство над двумя госпитальями, будет им давать концерты, посылать актеров читать в палатах, но ежедневную работу должны делать “иждивенцы”. Взялись они за дело все рьяно, но скоро обнаружился “отсев” – терминология комиссара госпиталя, уже имеющего опыт и сразу предсказавшего этот “отсев”. Но зато есть и энтузиастки, которые работают за нескольких. Были и осложнения: то захотели всех наших патронесс отправить в землянки в лес дня на 4 на сбор грибов; то предложили после ремонта вымыть все полы, окна и двери. А наши приготовились к более или менее изящной работе: читать и писать для раненых, наладить самодеятельность жен (жена Добронравова – ваша же бывшая Музык. театра актриса, – поет, жена Лесли – прима из цыганского “Ромэна” – танцует, есть несколько драматич. актрис – Ковшова, Белокурова).

Теперь, кажется, все уладилось к общему удовольствию, только теперь уж дамы-патронессы между собой какие-то трения завели... Попутно должна сказать, раз упомянула о Добронравовой: дала ей слово, что передам Вам ее восхищенный привет. Мы близкие соседи по комнатам, встретились на днях и с упоением провосхищались Вами в разговоре, полном разных о Вас воспоминаний. И встретились-то где – в душевой. Как говорится в “Турбиных”: “вместе в ней купались”.

Еще есть одна тема, которая записана у меня. Написала я Вам с Гремисл., что Хмелев в первом же разговоре со мной по приезде из Тбилиси предложил мне работать с ним, в помощь ему (кажется, слово “секретарь” не было сказано). Не Ваш ли это совет? Вообще в его отношении ко мне за время Саратова, постепенно-постепенно происходили какие-то сдвиги, а вот после свидания с Вами (он упомянул, что у Вас был разговор с ним и обо мне, и Вы хорошо отозвались про меня) это выразилось явственно, конкретно.

Милый Владимир Иванович, жду от Вас хоть коротенькой весточки. Шлю Вам нежную и крепкую мою любовь и преданность.

Ваша Ольга Бокшанская.

Из писем Вас. Гр-ча².

Письмо ко мне я выписала почти полностью, опустила только начало, где он пишет о радости получить от меня интересное, главное – подробное – письмо. Я ему настукала большущее, когда туда отправилась Елиз. Серг., была рада оказии.

О.Бокшанская

449.

Свердловск, 11 сентября 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Никаких особых известий о нашей работе за последние дни, после отправки Вам писем и отъезда Месх. и Хмелева сообщить Вам не могу, но и не могу себе представить, что от нас поедут сегодня наши товарищи, и не повезут Вам письма.

Сегодня днем, неожиданно для себя, говорила по телефону с Вл. Евг. Дело было так. Утром Федя пришел в нашу комнату: “Сейчас закажу разговор с Москвой”. Я спрашиваю: “Есть какие-то срочные дела?” – “Нет, но мы сговорились с Вл. Евг., что я ему позвоню рассказать о нашей текущей жизни”. Заказал. Назначили на час дня по нашему времени. В час пришел. Ждал-пождал соединения. Нет его. Потом сказали: “С Москвой соединим в 10 вечера”. Вдруг в 4 ч. по-нашему, только я собираюсь уйти обедать – “Москва на проводе!” Я даже испугалась: что ж я буду говорить, когда не в курсе даже, о чем Федя хотел сообщать.

Но разговаривать пришлось. В театре только – я и Виленкин. Вот мы и говорили. Слышно отчаянно плохо. Кричали до хрипоты. А уж слушали – с максимальным напряжением. И все равно – часто совсем ничего разобрать нельзя. В общем, поняли так, что вопрос о приезде сюда для Вас и остальных решается в зависимости от дальнейшей судьбы театра: едем мы в Москву, Вы сюда не едете; не едем – Вы будете решать, ехать или не ехать. Как мне показалось, основное для Вл. Евг. было сказать, что хорошо бы Хмелеву задержаться в Москве. А мы здесь пытались объяснить, что он срочно нужен здесь для приема макета “Фронта”, потому что иначе не поспеть с декорациями. Принять же без него – этого никто на себя не возьмет, да и Дмитриев не согласится считать вопрос для себя окончательно решенным без Хмелева. И все же у меня осталось впечатление, что вряд ли Хмелев вылетит оттуда 13-го утром, вернее – 15-го, т.е. в день, когда макет должен быть сдан уже. Но, думаю, в Москве решаются столь важные дела, что день опоздания с макетом Вл. Евг. не пугает.

Не было уж сил прокричать Месхетели сообщение о здоровье Соколовой. Вчера мы пережили отчаянный день тревоги за нее. Когда с утра позвонила из больницы, то впечатление было – полная безнадежность. Во всяком случае, Иверов, выслушав телефонное сообщение, сказал присутствовавшим: “Она погибает”. За ночь у нее было два приступа. Если я правильно запомнила название болезни, это – инфаркт.

Объяснили мне: тромб в сердечной сумке. И вот у нее ночью был один приступ, не успел рассосаться, и начался второй. Она страшно задыхалась, была, конечно, на кислороде. В такой тревоге прошел день. К вечеру сказали, что ей не лучше, что значит – ухудшение. В 7 ч. у нее были сын и Андровская, пробыли только 10 минут. Она была совсем без сил, на кислороде. Движения ей запрещены решительно, максимальное – нажать звонок, кнопка которого у нее в руке. Единственным обнадеживающим признаком было то, что она заснула. Но вот сегодня с утра врачи сказали, что какое-то легкое, чуть заметное улучшение они отмечают. Признаки в том, что она спала, что ночь прошла спокойно, что сегодня попросила поесть.

Вчера врачи были так пессимистически настроены, что театр нашел нужным известить Баратова – как раз мне пришлось вызывать по телефону Молотов и говорить с замдиректора Мариинки – просила передать о положении Веры Серг. Пожалуйста, передайте эти печальные, но – слава богу – сейчас чуть обнадеживающие нас вести Хмелеву и Месхтели.

7-го приехала Степанова. Сначала ее водворили в комнату Еланской, но... 8-го утром въехала Еланская с семейством, и бедная Ангелина осталась без помещения. Спешно ее водворили в номер Вл. Евг. (пожалуй, не говорите ему об этом, думаю, что вопрос с комнатами быстро “рассосется”). Она очень худа, но в хорошем, бодром настроении. Завтра, в первом спектакле “Федора” играет Мстиславскую, что очень украсит спектакль, т.к. все наши Мстиславские мало интересны. Дальше будет сильно занята в концертах, она ведь прекрасно читает, у нее громадный репертуар. Сразу пустили в репетиции монтаж из “Фигаро” для концертов.

Чуть ли не час в час в тот же день прилетели Соснин и Свободин и сразу же взяты в репетиционную работу, со следующего же утра.

7-го и 9-го прошли здесь концерты под управлением Рахлина – 7-я симфония Шостаковича. Я была оба раза – впечатление ошеломляющее. На обоих концертах мхатовцы были все, кто только свободен от спектакля. Сегодня снова такой концерт. Собирался Москвин с Тарасовой, которые третьего дня переехали с дачи, – так поняли все, кто увидел подъезжающую к “Большому Уралу” машину, в которой были и все члены семьи, включая внучку, и удочки.

Со страшным нетерпением, но каждый окрашивая это нетерпение в свои краски и цвета, ждем мы известий о нашей дальнейшей судьбе: где же мы будем играть зимой, в каком городе? Как сказал Вл. Евг. сегодня по телефону, это должно решиться в ближайшие два дня.

Милый Владимир Иванович, я окрашиваю свои чувства в один цвет – Москва!!

Желаю Вам быть здоровым и благополучным, милый Владимир Иванович. Самый сердечный привет Вашим.

Ваша Ольга Бокшанская

Свердловск, 12 сентября 1942

Милый Владимир Иванович!

Не могу не воспользоваться и этой оказией – ведь сегодня уезжает “цвет” бригады. Бедный Ершов, который с таким напряжением и мукой перенес действительно страшный уход из Минска, сейчас “переживает” поездку на фронт. Играя вчера в “Школе”, даже обронил такую фразу, что “кто знает, может быть, в последний раз в жизни...” Мы же думаем, что участие таких “маститых” поставит бригаду в исключительное положение, и, вероятно, они выедут не дальше Филей (это уж для розыгрыша говорится) – ну, до Можайска.

Сейчас идет первая картина нашей сегодняшней премьеры “Царь Федор”, играет Москвин. Вчера он так сипел, что страшно было, как же будет на спектакле. А сейчас все в порядке, слышу по радио в этой же комнате, где пишу. Интерес к этой премьере был громадный, Михальскому пришлось нелегко со всеми просьбами к нему. Громадный успех имеют здесь “Куранты”, о них столько говорят со всех сторон в городе, и заявок на билеты масса.

Милый Владимир Иванович, когда увидите Месхетели, пожалуйста, скажите ему вот что (я прошу передать Месхетели, но основное – это я информирую Вас). Калужскому вчера говорил наш зав. финансами Заявлин, что имеет сведения – Оперному театру сказано до 5 октября афишу не выпускать. Стало быть, они выжидают, какое будет относительно нашего театра решение, и готовы к тому, что мы еще в этом помещении задержимся. Вл. Евг. как раз вчера в телефонном разговоре интересовался, есть ли нам какой-нибудь ответ из Обкома относительно помещения. Ответа нет, но вот местный администратор сказал Заявлин, что такое распоряжение Оперному театру дано.

И еще информация и просьба сказать Месх., что ужасно обеспокоена Шевченко не только своими квартирными делами, но тем, что не прибывает вызов в Москву для Хмары¹, который повел бы там дело. От Соснина она знает, что вещи ее сложены в маленькой комнате ее квартиры, частью поломаны, частью разворованы. Все это ее нервирует страшно (подумайте, дача сгорела, машина пропала, в эвакуацию на ней наши же выехали и оставили в Казани, а теперь разворовывается и портится квартира). Она считает, что если б Хмара получил вызов, то он сделал бы для себя и нее все гораздо лучше и скорее, чем могут делать посторонние люди.

Появились какие-то слабые надежды на улучшение здоровья Веры Серг. Соколовой. Сегодня Андровская была у нее. Она ужасно слаба, страшно изменилась вся. Физические боли она переносит очень сильные. При ней дважды пришлось ей дать подушку кислородную, она

очень задыхается. Но все же врач сказал, что можно надеяться, что самый острый момент прошел.

До свиданья, милый Владимир Иванович. Только когда же будет это свиданье? От всего сердца желаю Вам быть здоровым и в хорошем настроении.

Ваша Ольга Бокшанская

451.

Свердловск, 23 сент. 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Все-таки старое пристрастие к “оказии” крепко во мне засело. Знала, что поедет (полетит, кажется, если будет летный день) Любичкий, и вот не пишу по почте, а жду оказии.

Спасибо Вам большое за письмо. Столько раз читала его. Могу сказать, как Вронский “У Бетси” про французскую актрису: “В который раз и все с тем же удовольствием...” Написала “Бетси” и вспомнила забавное. Можно рассказать? Ив. Ив. Гедике в этих наших странствиях пришел в явное расстройство ума и отличается всячески, иногда оч. смешно. Например. Идет “Федор”. Мужская уборная для участников народной сцены. Ждут 8-й картины. И.И. дремлет, даже спит. Пейзаж – шубы, кафтаны... Ив. Ив. внезапно просыпается, оглядывает всех и – “Что, Бетси кончилась?” Это он испугался, что проспал картину скачек.

А во время путешествия по Волге – Каме с ним произошел тоже “кактус”. Пристань. Все вышли покупать, менять вещи на продукты. И.И. прогулялся, сидит на пристани, у схода. Гудки парохода. Все бегут мимо него во внутренность парохода, а он сидит. Наконец последний гудок, сходни убирают. Пароход отчаливает. И вдруг мы слышим крики и видим мечущуюся по пристани фигуру. Ив. Ив.! И тут происходит даже страшноватое. Корма парохода еще близка к пристани. Двое людей с пристани хватают И.И. за ноги и подмышки и перебрасывают его на корму парохода. После этого он был даже очень не в себе некоторое время. Оказывается, он сидел на пристани, в полумраке под крышей, и вообразил, что сидит уже на пароходе, в нижней его части. И только удивлялся, почему люди бегут мимо, когда они, собственно, уже в помещении парохода.

Но не об этом собиралась Вам писать письмо.

Вчера и сегодня мы живем в напряженном ожидании – как разрешится вопрос о помещении для нас в дальнейшем. Вчера стало известно Месхетели, что будто бы есть решение Обкома с 28-го Оперный театр отдать оперной труппе, а нам предложить выбрать любое из театральных помещений. Как Вы знаете, этот вопрос в Москве был поставлен Вл. Евгеньевичем в ЦК Партии, и ему сказали, что МХАТ должен

играть только в Оперном и нигде больше, а если Оперный не дадут, то именно нигде не играть. В Москве не могли себе представить, что можно попросить МХАТ о выходе из помещения, так и говорили: ведь не выгонят же вас? Но, как узнал Месх., именно решили вроде выгнать. Вчера же была написана бумага секретарю Обкома Андрианову, за подписями Москвина, Хмелева и Месхетели, которая сообщала об указании, сделанном в Москве, и кончалась сообщением, что “дирекция не считает для себя удобными дальнейшие споры по этому вопросу и просит дать указание соответствующим организациям о предоставлении необходимых помещений для хранения имущества МХАТ до разрешения в ЦК ВКП(б) и СНК СССР вопроса о дальнейшей судьбе МХАТ. 27-го сентября спектакли МХАТ прекращаются”. Кроме того, за теми же подписями были составлены телеграммы Щербакову, Александрову и Храпченко. Но все эти бумаги не пошли по адресам пока, потому что Месхетели узнал, что этот вопрос должен разбираться на заседании Обкома в ночь на сегодня. Поэтому он и задержал письмо и телеграммы. Сегодня с утра он, видимо, пытался узнать решение, но пока его нет. Как я услышала из его разговора по телефону с Москвиным, обещали сказать в 12 час., но вот половина первого, и узнать не у кого, так что он кого-то обвинил даже в хулиганстве по отношению к театру. Сейчас он ушел – вероятно, по этому же делу. Он волнуется, конечно, сильно; явно, что здесь вся ответственность падет на него. Вчера он потратил силы и умение на разговоры с людьми, кот. могут повлиять или, во всяком случае, осветить положение в Обкоме – в том плане, чтобы не было острого конфликта и с нами, и с Москвой. Ведь может случиться, что нам придется здесь остаться – так что ж, на ножах, в состоянии войны? Надо Вам сказать, что ко всему этому делу приколоты еще интимная история. Достаточно гласно и широко известно в городе, что Андрианов имеет вторую семью, и это певица Колодуб, у которой пятимесячный ребенок от него. И, как не скрывает и Месхетели, эта сторона дела имеет чуть ли не решающее значение.

Из разговоров (редких, правда) наших актеров с оперными довольно ясно, что оперных волнует не их творческая жизнь, а страх быть переведенными на гастроли в другое место, потому что – что тогда будет с их огородами, которым они за это лето, по всеобщему примеру, отдались с такой страстностью; что будет с квартирами – вдруг их заселят при здешней жуткой скученности и нужде в жилье? Они прямо говорят: лучше уж пусть МХАТ поедет куда-нибудь, они и так на колесах, огородов нет, квартир нет, а мы за что лишимся своих удобств?

Во всяком случае, как мне сказал Евг. Вас., Оперный театр уже выпустил свою афишу с 28-го сентября; я не видала, но ему поверила.

Такая вся эта история неприятная! Мне кажется, что у Месхетели одна-единственная мечта и надежда: что кое-как, хотя бы и с враждебным отношением к нам, мы потянем до середины октября, а потом уедем в Москву совсем. Конечно, это было бы идеально. Но если этого

не будет – ох, как неприятно будет провести здесь сезон, особенно ему, который постоянно имеет дело именно с ведущими учреждениями и людьми города.

Потеря помещения Оперы не только снимает наши ведущие спектакли с афиши, но лишает нас репетиционных помещений, не существующих в других здешних театрах в достаточном количестве, и тогда срывается и без того напряженный план репетиций наших двух премьер к Октябрьским дням.

Прожили мы здесь довольно благополучно в смысле перемен спектаклей, а сейчас две подряд: полетело “Горячее сердце” из-за болезни Шевченко – приступ печени. Тут, вероятно, и ресторанно-столовчинская наша еда и, м.б., тревоги и беспокойства с московской квартирой. А Лабзина, введенная еще в Саратове, ведет себя совсем странно. Получила отпуск до 15 августа и сразу после сезона уехала к мужу в Куйбышев. Не приехала в срок и не известила о причине. Потом, много позднее, прислала телеграмму: прошу отпуск на неопределенное время, по болезни матери. Ей ответили: выезжайте немедленно и привезите справку о болезни матери, которая помешала вам выехать в срок. На это – полное молчание. Потом приезжают Петкер и Дорохин, говорят, что Лабзина была несколько дней в Москве, никому не показывалась и быстро уехала, увезя с собой много имущества из квартиры. Ездил в Москву по вызову – больна, мол, глухонемая престарелая тетка. А до нас слух доходит такой, что какие-то у ней осложнения с мужем, за время ее пребывания в Саратове он кем-то увлеклся будто, и вот она налаживает свои семейные дела, а театр пока отодвигает. Потом от нее приходит к Калужскому письмо: почему в телеграмме был запрос о болезни матери, больна была глухонемая тетка. Впрочем, мать тоже больна, и муж болен, и она сама больна, и пока приехать не может, но когда приедет, то привезет все врачебные документы. А тут – сорвалось “Горячее”, тут руководство об ее манкировке и вспомнило и послало ей категорическую: “Немедленно приезжайте Свердловск. *Хмельев Месхетели*”.

14-го числа здешние театральные общественные организации устроили встречу свердловских работников искусств и МХАТа. В помещении Театра Красной Армии (у театра был выходной день). Вступительное слово сказал старейший местный актер (из Драмтеатра, играет Кутузова в соловьевской пьесе). Заслуженный. Георгиевский. Речь была лирическая, интимная, неожиданно лишенная стилиа обычных вступительных слов. Он был учеником 4-й московской гимназии, учеником Артема, взявшего его под свое покровительство и водившего на спектакли МХТ (даже раньше – в Охотничий клуб). Поэтому он делился своими воспоминаниями, а потом стал давать оценки и характеристики актерам. Начал он с воспоминаний о тех, кто уже от нас ушел в другой мир – и тут произошла одна досадная “опечатка”. Он сопричислил к умершим и Вишневого и как раз на нем кончил свой список и предложил всем почтить память вставанием. Это, конечно, был сильный

ляпсус, и единственно, почему не огорчило – это по-суеверному: ну, значит, теперь проживет еще долго! Потом оратор перешел на здравствующих – и тут среди наших пошел шепот: ну, так, пожалуй, он только к утру доберется до переменного состава. Но нашлась на оратора управа, из кулисы ему дали знать, что пора кончить выступление.

Потом 1-е отделение программы было от Свердловска, второе – наше. В 1-м отделении блистали отсутствием актеры Оперного театра. Драмтеатр прислал Токареву с молодым актером, хорошо сыгравшую мелодраматический скетч; от оперетты пела – и очень хорошо и прекрасно эстрадно сыграла здешняя премьерша и “первый человек в городе” (как о ней трещат) – Викс, было несколько хороших эстрадных номеров. Перед 2-м отделением Станицын прочел небольшое ответное слово (сочинения Виленкина, не особо ему удавшееся, расплывчатое), а потом: сцена у Манилова (Топорков, Кедров и Алеева), Москвин (два монолога Луки и “Пушка”) и 2-й акт из “Фигаро” (Степанова, Андровская, Прудкин, Массальский, Топорков, Комиссаров). Публика в зрительном зале мне показалась не столько актерской, сколько из молодых поклонников театров и кое-кто из актеров. И еще разные тети и дяди.

Пока писала Вам, вернулся из своих хождений Месхетели; Федя, побывавший у него, сказал, что все-таки пока ответа нет окончательно. Насколько я понимаю, Обком говорит: мы не имеем никаких указаний из Москвы. На это Месх. заявляет: мы были у Александрова в Москве все, вплоть до Вл. Ив., и там нам дали такое заверение, – как же я могу не верить Ал-дрову? Храпченко? – которые сказали, что указание дано. Как будто Обком ссылается на то, что они по телефону весь день вчера и нынче не могут добиться Ал-дрова.

Хотела Вам еще написать о том, как трудно в последний раз летел сюда Месх. Это на ту тему, что Вы больше не хотите знать ж. д., но вместе с тем говорите: м.б., это тогда было хорошо, а в след. раз будет плохо. Их было восемь в самолете, и все ответственные товарищи. Они прилетели в очень дурную погоду в Казань, и им сказали, что самолет дальше не полетит. Дождь, слякоть. Их спрашивают: м.б., вы голодны? – Да, поели бы. – Тогда идите вон туда. – Харчевня самого плохого вида. Выдают миску супа с лапшой, качество которого Месх. определил ценой: 32 коп. Никто не ест. Кстати, тут же говорят: бегом к самолету, он сейчас полетит! – Прибегают. – Нет, не полетит. – Где же ночевать? – О, в гостинице, у нас тут есть гостиница-общезитие для аэродрома. Пойдете прямо, потом налево. – Идут. Оказалось, пройти пришлось 7 километров. Приходят. Постоялый двор. Посреди двора, заставленного телегами и лошадьми, двухэтажный домик, в нем комната на 12 постелей. Это и есть гостиница-общезитие. Решили: пойдём попробуем купить чего-нибудь поесть. Ходили-ходили – нет! На базар пошли, купили там помидоры, съели их тут же, без хлеба. И так утомились от хождений, что отменили свое решение идти вечером в театр, легли спать.

Вот сейчас опять – к вопросу о дальнейшей нашей судьбе. Вл.

Евг., уверенный, что будет из Москвы распоряжение о продлении наших спектаклей (несмотря на развешанную по городу афишу Оперного театра), решил иметь все подготовленным: заказать афишу (после 27-го репертуар), приготовить комплекты билетов. А начальник здешнего отдела искусств (он же по совместительству директор – и.о.директора, вернее, – Оперного театра) запрещает печатать афишу и выдать нам комплекты из кассы Оперного театра. Только что слышу телефонный разговор, в котором Месх. взял верх, объяснив, что он хочет быть хорошим хозяином и иметь все наготове, но все равно не выпустит ни афиши, ни продажи до решения вопроса Москвой. Вот попали на вулкан! Если позднее что-нибудь выяснится, я напишу еще, а пока собираюсь прощаться.

Я ничего не пишу о работе – она идет всюю и, слава богу, без перебоев. В “Русских людях” огорчительно для режиссуры похворала Попова, но все равно столько дела у режиссеров при таких коротких сроках, что время не пропадает зря. Работают с интересом и увлечением и так заняты, что времени нет для “бузы”. Да и оснований нет.

Владимир Евгеньевич завел практиковавшиеся у нас дежурства режиссеров на спектаклях. С записью отзывов в специальный журнал. Прошло 2–3 спектакля, появились 2–3 записи этакого формального и приглаженного характера. – и Вл. Евг., а за ним Хмелев обрушились на эти приглаженные, банальные отзывы. После этого режиссеры стали писать свои рецензии, очень их обдумывая, даже заготовляя дома, взвешивая, но при этом очень вглубь и очень прямодушно. Вот образец одной из них – о Ливанове – я посылаю Вам. Если Вас это интересует, я могу перепечатывать для Вас в будущем все, и за старое отпечатать и прислать. Буду ждать Вашего решения.

Теперь я прощаюсь. Желаю Вам всего хорошего, милый Владимир Иванович.

Ваша Ольга Бокшанская

452.

Свердловск, 5 октября 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Давно не писала Вам, около двух недель. Все ждешь оказии, почти не веришь: долго! К тому же мы жили в таком качании надежд и огорчений: едем в Москву... не едем... 80% за “едем” (после разговора Вл. Евг. с Зуевой из ЦК), “никаких шансов” (после разговора с Храпч., когда выплыли какие-то 700 тысяч стоимости поездки... да и не только эти тысячи, а по всему тону разговора было ясно, что Хр. против нашего приезда). Тут возник еще новый вариант, когда Хр. сказал, что к праздникам – нет, а в конце ноября театр приедет насовсем. Совершен-

но непонятно! Во всяком случае, нам непонятно – может быть, мы далеко от центра и в чем-то не разбираемся? Здесь это было встречено как “отказывают в приезде и золотят пилюлю обещанием окончательного, скорого возвращения”.

Одно было более или менее утешительно в разговоре с Хр., он сказал, что мы не должны выезжать после 12-го из Оперного театра, МХАТ остается до конца свердловского пребывания в оперном здании. Но Хр. это говорит Месх., а надо, чтоб он это сказал здешним властям. После этого разговора Месх. посылает здешнему начальнику отдела иск. Егорову письмо, что, мол, мы получили от Хр. такое указание и планируем свои работы из того расчета, что и после 12-го остаемся в Опере. В тот же день получается от Егорова ответ, что он не имеет никаких указаний о предоставлении нам Оперного театра и до получения директивных указаний никаких шагов предпринимать не может. (Отношения при этом между Месх. и Егоровым решительно на ножах.) А сегодня поступает от него письмо, от Егорова, что по указанию местных директивных организаций работа МХАТ будет протекать в октябре месяце: а) с 1 по 12 включ. и с 28-го по конец месяца – в Оперном театре; б) с 13 по 27-е – в Театре музкомедии. Месх. нервничает ужасно, ужасно. И действительно, он бьется, бьется за театр, и будет при этом единственно он отвечать за все, что ни будет здесь, но добиться настоящей помощи от Москвы не может никак.

Дело как будто простое. Если в Москве решили действительно, что нам играть в Оперном, то надо дать такое распоряжение – и все будет в порядке. Здесь будет неприятно очень тем, кто был против, но надо будет подчиниться. А такого распоряжения не дают. На словах дают такое заверение, но только нам его дают, нашим представителям, а когда Месх. идет (или пишет) с таким сообщением, ему отвечают: “Мы ничего не знаем, распоряжения такого не имеем”. В Москве Месх. сказали: “Не выгонят же вас из помещения!” – а здесь мы нынче как раз и получили вроде выгона: ваши дни такие, а на полмесяца будьте добры очистить помещение.

Месх. собирается снова в Москву на этих днях, вероятно, все по тем же вопросам. Атмосфера у нас, в дирекции, поэтому накаленная, Вл. Евг. сильно нервничает, постоянно ему приходится иметь разговоры, треплющие нервы. Остальная дирекция (Москвин, Хмелев, Прудкин), конечно, отдадут дань внимания этому делу, но, ясно, как актеры больше всего и крепче всего заняты своей работой, отрываются от этих мыслей не без труда, неохотно. Тем более что дело-то неприятное. На приятное было бы легче оторваться. Хмелев поглощен “Фронтом”, теперь еще прибавилась дума о “Русских людях” (напишу об этом дальше), Москвин – ролью Горлова, Прудкин занят актерством во “Фронте”¹ и принужден все же заниматься всеми повседневными делами худрука и зав. труппой, пот. что решено до выпуска “Фронта” Хмелева освободить от мелких ежедневных дел, передать все Прудкину. А мелочей этих, как Вы знаете, гибель, всплывают одна за другой. Вот тут Прудкин иной раз и вскидывается даже.

Несмотря на все эти неприятности и неопределенность нашего положения, Вл. Евг., конечно, занят и другими делами. Он всячески старается сколотить коллектив – именно *коллектив*, охваченный в основном страстью к общему делу, страстностью в работе, если не жертвенностью, если не “жречеством” (как Вы как-то формулировали в Вашем замечательном письме), то хотя бы отсутствием узкоэгоистических стремлений. Вот он собрал недавно режиссеров, провел заседание, сценарий которого я Вам пришлю, как только получу от всех выступавших выправленные ими листки. А то Вл. Евг. не понадеялся на то, что Орловская везде верно записала (так и получилось в редких местах: какой-то крючок пропустила, и получилась противоположная мысль). Были там подняты те же извечные вопросы – что такое Худ. театр? Что такое актер Худ. театра? Но как будто Вл. Евг. не собирается дать этим вопросам повиснуть в воздухе. Сегодня я печатала проект, как режиссеры будут разбиты на пять комиссий, каждая будет прорабатывать свои темы, потом предложения комиссий будут обсуждены на пленуме режиссеров, а после этого он предполагает созвать конференцию мхатовцев (старики, народные СССР и РСФСР, засл. деятели и засл. артисты, режиссеры, зав. цехами и представители от молодежи, вокалистов, оркестра, постанов. части). Я, собственно, не должна Вам и писать об этом. Когда я сегодня сдавала ему перепечатанный проект, он спросил меня, как, по моему разумению, отнесетесь к этому Вы. Я сказала, что знаю, как Вы приветствуете такие встречи актеров и режиссеров, организованные для бесед о своем искусстве, о беспокойствах и сомнениях в процессе работы. И сказала, что как раз хотела один экземпляр такого проекта послать Вам. Но он сказал, что едет сам в Москву, при свидании с Вами расскажет Вам подробно о своих в этом направлении планах и передаст проект.

3-го прилетел сюда Корнейчук. В этот день как раз Хмелев “принимал” “Русских людей”, вернее, не принимал, а, конечно, вроде входил в курс работ. До этого примерно за неделю раз была такая репетиция: вся пьеса на сцене. Это они для себя сделали пробу. Потом опять работали по картинам. А вот в субботу 3-го позвали Хмелева. Но о “Русских” дальше, сперва, о “Фронте”. В воскресенье (при утреннике “Школа злословия”, поэтому что-то в половине 4-го только) были ему показаны (автору) две сцены: 1-я по пьесе картина “Штаб Горлова” (говорю по пьесе, потому что у Хмелева задумана предпервая картина, пролог, назовите как хотите. Он хочет начать пьесу именно фронтом, какой-то небольшой сценой на самом фронте, на зимнем пейзаже, у противотанкового орудия; короткая там сценка, потом как будто какой-то поворот, коридор и еще поворот – кабинет Горлова. Так мне кто-то рассказал не из режиссуры². Я расспрошу подробнее и напишу. Знаю, что Корнейчук уж написал текст этой картины-пролога, завтра утром получу для прочтения; тоже напишу, а м.б., просто пришлю текст).

Итак, был показ, от которого Корн. получил большое удовлетво-

рение. Он многих хвалил. На след. день, т.е. сегодня, назначили встречу Корнейчука с участниками. Конечно, до этого вечер Корн. провел в беседе с режиссурой. На беседе с участниками он всем делал комплименты, не преувеличенные, в приятных и скромных тонах, и тут же очень мягко давал какие-то указания, советы; я слышала, что его замечания били в самую сердцевину, были очень верны и точны. Явно не принимает он двоих: Кедрова³ и Яншина, хотя он никак этого не выразил. Надо сказать, что у многих эти как раз два назначения вызвали недоумение. У меня первой – пот. что я первая писала распределение ролей. У Кедрова он не увидел (да и где ж увидеть?) горячности и современности, от Яншина хотел бы романтизма, он так и говорил, что Сергей Горлов – это романтик войны, проводил аналогию с теми романтически настроенными дворянскими детьми, которые в 12 году уходили в партизаны. Он говорил оч. интересные для актеров вещи; потом стал отвечать на посыпавшиеся к нему вопросы. С кем ни пришлось говорить после этой встречи с автором, все говорят, что “хорошо он мне сказал, помог очень”... или: “интересно он рассказывает, уж из одного его рассказа можно выудить немало для роли”...

После ответов по пьесе и ролям Корнейчук еще стал рассказывать собравшимся просто о своих фронтовых впечатлениях, и даже нечто вроде политического обзора сделал. Словом, встреча эта состоялась к всеобщему и взаимному удовольствию.

Словом, с “Фронтом” все благополучно более или менее, даже неудачность двух исполнителей не пугает Хмелева, он собирается добиться от исполнителей, а может быть, и заменит, если не добьется. Знаю, что на Сергея Горлова всячески (еще и при первом распределении ролей) подсаживали Массальского, но тогда его не тронули из-за его занятости в “Русских людях”, теперь же дело с “Русскими людьми” получается не так, как предполагалось, т.е. к празднику спектакль не будет готов.

6-го октября

Конечно, письмо с перерывами. Хорошо получилось, что Виленкин отдал мне свой экземпляр новой картины из “Фронта”. Его щедрость понятна: картина эта не пойдет в этом виде, значит, не понадобится ему. Это совсем не то, о чем фантазировал Хмелев. И несмотря на все настояния Ливанова (он же Огнев) сохранить в пьесе предлагаемый вариант, картина в этом виде решительно отвергнута. Может быть, некоторые фразы из нее будут перенесены в картину в окопе. Хмелеву же рисовался пролог малотекстовой, скупой в смысле текста, но как звуковая увертюра (вероятно, по Вашим стопам в “Булычове” он идет⁴). Он объяснил Корнейчуку, что ему нужно, и тот обещал что-то написать. Но если и не напишет, вероятно, сделают сами режиссеры, – настолько мало текста тут требуется.

“Фронт” в последнее время уж репетировался частично и на сцене,

а сейчас займет сцену целиком, т.к. “Русские люди” целиком должны уйти в фойе. В выпуске “Фронта” к празднику Хмелев не сомневается⁵.

Я все хочу добраться до рассказа Вам о “Русских людях”, и все у меня другие темы опережают. И сейчас, прежде чем перейти к этому делу, хочу рассказать о наших делах с помещением и с настоящим нашим желанием сыграть “Фронт” (премьеру) в Москве. Я Вам вчера написала, какое указание от нач. отдела искусств мы получили вчера. Ночью у Месх. был разговор по телефону с Храпч. и сегодня с утра в отдел искусств, на имя начальника, отправлена решительная бумага, за подписью: “По поручению дирекции МХАТ – Месхетели”, где сказано: в ответ на Ваш № такой-то “еще раз напоминаю Вам, что МХАТ СССР Вам не подчинен и никаких директив, кроме как председателя Комитета иск. т. Храпченко М.Б., дирекция МХАТ выполнять не будет”. И несколько дальше: “Дирекция МХАТ еще раз напоминает Вам, что если М.Б.Храпченко даст указание, МХАТ немедленно освободит помещение Оперного театра. Пока что МХАТ имеет директиву продолжать работу в Оперном театре”. Вот как остро стоят дела. Правда, этот здешний начальник, как говорят, недалеко (Месх. его еще до всех конфликтов как-то обозвал в разговоре ужасным болваном) и вряд ли может делать нам большие неприятности, но мелких гадостей подсыпать может немало. Хорошо еще, что на пост директора Оперного театра назначен Борис Самойлович Арканов (помните его по Большому театру, конечно?), а его замом – директор здешней Музкомедии Задорский, так что непосредственного директорства в Оперном театре этот нач. иск. Егоров лишился.

С Аркановым взаимоотношения самые дружеские, особенно приятно на чужбине встретиться со старым театральным знакомым. И вся манера работы и поведения, конечно, у него другая и более нам понятная и свойственная, чем у местных людей.

Корнейчук нынче не едет, кажется, завтра. И, может быть, через Куйбышев, где сейчас его жена Ванда Василевская. (Вы знаете об этом новом браке?) Он должен быть передатчиком Сталину письма с просьбой о праве приезда в Москву с двумя спектаклями. Я прилагаю копию этого письма, поэтому “комментарии излишни”.

Вот теперь... Нет, еще минутку о “Фронте”. Еще раз порасспросила, будут ли менять что-то в исполнителях “Фронта”? Нет, пока никаких разговоров об этом нет, все твердо остаются на своих местах.

И, наконец, теперь – о “Русских людях”. Просмотр Хмелевым 3 окт. всей пьесы на сцене. По всему было видно, как он пришел с просмотра (смотрели и Прудкин, Калужский, Месх. – не всё), что впечатление скорее отрицательное. Главным образом, в адрес режиссуры⁶. Пьеса никак не раскрыта, стержня в спектакле нет, как нельзя в каждой отдельной сцене, в каждом акте ухватить, о чем люди говорят, для чего это показывается зрителю – так, конечно, и от всего спектакля это не доходит. Пьеса не разобрана, а Станицын успокоился на находке каких-то

удачных мизансцен, да и то не часто попадают. Добронравов – пустое место⁷, совершенно неприемлемы Соснин и Тихомирова (Харитоновы). Понравились только Грибов – Глоба, Массальский – Панин, Кторов, Чебан, Конский (немцы: Розенберг – кого убивают, Вернер и Краузе – ефрейтор). Под большущим вопросом Орлов – Васин. Попову Хмелев хвалил, принял⁸. Хмелев был отчаянно расстроен после просмотра. По этому поводу разговаривал много с товарищами по работе. А на 5-е была назначена его встреча с режиссерами, которым он сказал свои впечатления. Впрочем, они были ко всему этому готовы по каким-то разговорам, которые были неминуемо в антрактах. При обсуждении роли Васина возникли две разные идеи: Хмел. предлагал выяснить, нельзя ли рассчитывать на Вас. Иван., считая его единственным подходящим, а режиссура настаивала, чтоб играл именно сам Хмелев, что это его прямое дело. Но Хмелев категорически отказывается, решительнейшим образом. Согласен только на одно: выпустив “Фронт”, он доработает и выпустит “Р. люди”, а до тех пор пьеса будет репетироваться в фойе, и новые Харитоновы (намечены выздоровевший Тарханов, кот. уже встретился с Кнебель, она с ним будет работать, а Станицын возьмется за 2 и 3 картины за столом, а на Харитонову будут просить Еланскую). А сегодня еще одна новая дублерша возникла: Хмелев сказал, что, не снимая Комолову, он все же хочет приготовить параллельно и Гошеву. Так что только сегодня Гошева, вообще пока работающая только Марию в “Школе злословия” и нигде не играющая, получила разрешение от Месх. выехать на съемки (“Иван Грозный” – царица Анастасия, картина Эйзенштейна) в Алма-Ату. А теперь это разрешение отменено.

Сегодня Н.П. провел беседу с исполнителями “Русских людей”. По словам Глебова, он говорил очень прямо и даже более подробно, чем при свидании с режиссерами только. С утра Ник. Павл. договорился со мной, что я приду слушать его замечания и тогда Вам напишу точное изложение. Но Месх. меня не отпустил, сказав, что не может остаться на несколько часов без секретаря. Хотела Ольгу Евс. ему подставить, и согласился он на это, но оказалось, что наша Евсевна переезжает из гостиницы и общежитие, уловить ее нельзя. Я договорилась с Глебовым, записывавшим за Хмелевым, что он продиктует мне, и я Вам дополнительно вышлю этот материал.

Заканчиваю письмо вечером, милый Владимир Иванович. Несколькими еще сообщениями, потому что больше распространяться о “Русских людях” нет смысла, если Глебов обещает вот-вот продиктовать то, что непосредственно говорилось и на разговоре с режиссурой, и в беседе с исполнителями. И, говорят, Корнейчук еще задержится здесь, так что возможна оказия.

Я хотела еще сказать, что на днях (если не ошибаюсь, 2-го) приехали Халютина, Леонидовы и примкнувший к ним в Ташкенте Баталов Владимир. Не сразу, но постепенно повидала их всех. Леонидовы немного “отошли” от переживаний пути (ехали месяц, администратор, говорят, попался чуть что не жулик, во всяком случае, ругают его все.

От Ташкента ехали с 19-го сентября, в Новосибирске стояли 5 суток). Анна Вас. Леонидова всеми силами стремится в Москву, больше всего хочет совсем туда попасть на жительство, но, если невозможно, хотя бы временно. Халютина производит самое печальное впечатление: плохо слышит, мало что понимает... Говорят, что в пути, напр., делала так. Всем устроены спальные места, постелены постели на полках. Но она берет какой-то платочек, стелет его на пол и ложится на него. – Софья Вас., что вы?! – А нашим солдатам в окопах и того хуже!..

Мне говорили, что она тоже хотела бы попасть на жительство в Москву. Но дадут ли ей пропуск? Интересно, м.б., Месхетели, собирающийся на днях выехать туда, выхлопочет им всем въезд. Действительно, какой смысл держать людей здесь, когда они готовы уехать и жить в Москве без всяких претензий к кому бы то ни было.

В прошлый раз я не писала Вам о здоровье Соколовой, это значило, что ей лучше, есть какие-то надежды.

Но сейчас опять положение сильно ухудшилось, у нее сделалось от застоя воспаление легкого и вообще состояние очень плохое. Ее навещают: Андровская постоянно, кое-кто из подруг побывали по разу. У тех, кто видел ее вот так по разу, впечатление оч. тяжелое. Андровская, конечно, уж привыкла к этой страшной в ней перемене.

Только что Ив. Як. получил письма из Москвы, среди них сообщение об истории с распоряжением Мих. Борисовича делать декорации для Малого театра по “Фронту” в наших мастерских, и как Вы вмешались и отстаивали интересы МХАТ. Это у нас произвело тоже сильнейшее впечатление на тех, кому И.Я. рассказал.

Хоть бы скорей разрешились наши вопросы с поездкой в Москву, с помещением здесь, а то Вл. Евг. нервится, всем недоволен, бывает резок или язвитель, срывается даже в истерический тон иногда. Слава богу, меня это ни разу не коснулось лично, но я постоянный свидетель и “слушатель” этого и страшно заражаюсь этой нервозностью. Я хочу, чтоб было, вроде как говорят в “Вишн. саде”: до продажи имения мы все нервничали, волновались, а теперь – и ты, Люба, стала спокойнее, и все мы успокоились... Пусть хоть отрица- (тут была внезапная остановка – звонок с Москвой, с Иг. Вл., и вдруг с места я слышу из этой же темы, о чем я только что пишу: Иг. Вл., поймите, что нервы мои не выдерживают, отсутствие решения меня нервнрует до предела – это относительно помещения Оперного театра, – я дошел до последних сил... – это он говорит в телефон Игорю Вл.). Да, так пусть хоть отрицательное решение, но зато окончательное, освобождающее от этих колючих взаимоотношений.

По телефону слышу, Иг. Вл. спрашивает, что Вы интересуетесь, смотрел ли Корнейчук репетиции. Может быть, я недостаточно ярко сказала, насколько Корн. был доволен. Очень! К тому же он ничего похожего не ожидал. Знаете, что он рассказал? Когда он ехал сюда, собирался ехать, Судаков ему говорит: “Зачем? Наверное знаю, что там еще

не начинали репетировать”. Это говорит Судаков, который должен быть в курсе всех наших дел через Еланскую. Как будто и поверить можно. Настолько убежденно говорил, что Ванда Вас., прощаясь с Корн., сговаривалась: ну, если там не репетируют, больше дня ты там не пробудешь, и потом поезжай в Куйбышев, где я буду.

Теперь – до свиданья, милый Владимир Иванович, пока до свиданья только в письмах. Когда же я Вас увижу?! Это ужасно для меня, что так все складывается с нашим отъездом и с моей работой. Вернее с нашим неотъездом и с моей прикованностью к работе.

Желаю Вам всякого благополучия, милый Владимир Иванович.

Ваша *Ольга Бокшанская*

453.

Свердловск, 8 октября 1942

Милый Владимир Иванович!

Дано мне на письмо всего несколько минут: Хренникова Клара (работает в музее здешнего Оперного театра, с гордостью считает себя его создательницей) пришла, говорит, что муж нынче едет, может взять письмо. Я предлагала, что вечером пришло бы домой им, тогда успею много написать или больше, во всяком случае, но она отрещивается – кажется, живут они далеко и грязь там, не пройдешь.

Вот кстати могу сказать и применительно к здешним топям. Все время у нас неполадки с шефскими концертами: вызывают на концерты в госпиталь, а они на окраинах. Транспорта не дают – понятно, с бензином сейчас сверхэкономия. Но идти – и 50 мин., и час, и даже полтора. Днем бы можно пройти быстрее, но вечером: темно абсолютно (здесь затемнения нет в смысле освещения домов внутри, но уличного освещения нет), особенно к окраинам, и грязь – но какая! – топь, в которой увязает, портишь обувь, да и выйти на эстраду, пройдя этот путь, довольно затруднительно, забрызган грязью человек совсем. Трамваи – здешнее мученье, в них не сядешь почти никогда. И ходят они, конечно, редко, а то и вовсе нет: объявляется – току нет, трамваи не идут. А если актеры, ссылаясь на отсутствие транспорта и бездорожье, отказываются пойти, выстояв предварительно на трамвайной остановке с час, – законная обида администрации госпиталя и сейчас же телеф. жалоба к Месхетели, а тот в труднейшем положении: и госпиталь имеет все права на внимание, и актеры законно воют и могут заболеть и зарезать работу.

Наше “вулканное” существование продолжается. Оперный театр начал продажу билетов на репертуар с 13-го, а Храпч. вчера по тел. передал, чтоб мы играли следующую неделю, а он 11-го прилетит и решит вопрос при своем участии. Сегодня от дирекции послано очередное письмо: в Обком, в Отд. иск. и Арканову: настаиваем, на основании

указания М.Б., прекратить продажу на оперные спектакли и выдать нам комплекты для продажи на неделю с 13-го по 19-е октября. Посмотрим, что же выйдет дальше.

Корнейчук вчера уехал, через Куйбышев, где его ждет Василевская. В Москве, кажется, рассчитывает быть 13-го. К этому времени как будто и Месх. собирался приехать в Москву, но как теперь будет, в связи с приездом сюда Храпченко, не знаю. Надо думать, задержится здесь до отъезда Храпч. Впрочем, вряд ли Мих. Бор. намерен здесь пробыть долго.

Всего хорошего, милый Владимир Иванович. Работы на машинке у меня сейчас отчаянно много, едва справляюсь, целыми днями и вечерами стучу.

Хоть бы узнать о Вас что-нибудь, давно ничего не знаем, кроме: “Вл. Ив. здоров” или: “Вл. Ив. в порядке” – по телефону от Иг. Вл.

Какова у нас кругом атмосфера, видно из такого случая: вчера в коридоре днем галдеж – собрались балетные. Кто-то из мхатовцев им говорит: “Пожалуйста, тише!” Идущая мимо Гаррель говорит: “Правда, товарищи, надо бы потише!..” А ей в спину голос: “Мешаем творить? Ничего, с 13-го будете творить на улице!”

Это передали Месх., тот сказал Арканову, Арк. говорит: м.б., она укажет, запомнила, кто сказал, немедленно уволью. Но она не видела говорившую, за ее спиной было сказано. Как все это противно!

Будьте здоровы и благополучны, милый Владимир Иванович. Привет домашним и джокер-партнерам.

Ваша *Ольга Бокшанская*

454.

Свердловск, 15 октября 1942 года

Милый Владимир Иванович!

Собственно говоря, интереса Вам в моем письме не может быть решительно никакого. Одновременно с письмом едут к Вам такие освещенные лица, что живой их рассказ “перекроет” любое письмо. А я к тому же средне-осведомленное лицо, потому что за последнее время поотстала от театральных дел, пять дней безвыходно пролежала и просидела дома, вчера выползла, сегодня тоже, но с единой надеждой: вот уедут, и я снова останусь дома долечиваться. И болезнь-то бездарная: от постоянной сырости, дождей, холода в комнате с двумя огромными незамазанными окнами (пришли с замазкой только тогда уж, когда я занедужила) – сначала воспалилась кожица на ногах, а потом сделался нарыв. Иверов считает, что тут прибавляется и неполноценное питание, отсутствие масла, жиров, потому что еще до этого у меня ни с того ни с сего делались трещины на коже рук. Беда с такой чувствительной, тон-

кой кожей и сосудами, расположенными слишком близко к кожному покрову. Иверов говорит: пейте витамин С, а его где-то взять. Иг. Вл. обещал, что при первой же оказии пришлет из Москвы.

Прийти на работу в эти два дня пришлось потому, что у Вл. Евг. перед отъездом было много дела и заказов мне на печатанье. Ходить мне больно, даже несмотря на то, что на больной ноге ношу ночной туфель Евг. Вас. и перебираюсь в театр в страшных каких-то по размеру мужских ботинках, присланных мне из театральной костюмерной. Картина!! Вот уедет начальство, я побуду дома несколько дней и рассчитаю поправиться.

Но какое невезенье: не будь этой истории с ногой, я б просила Вл. Евг. разрешить мне поездку в Москву, чтоб увидеть Вас. И Храпченко как раз здесь, я бы у него выпросила разрешение на въезд. Ведь такой случай удобный: Вл. Евг. уезжает, да на целых две недели, значит, и я могла бы быть свободной, посадила бы Ол. Евс. на утишенную должность секретаря, а сама бы – в Москву! Я же хочу увидеть Вас, Владимир Иванович! Это слишком большой срок, что я не видела Вас, слишком! Иг. Влад. был у меня специально, чтоб рассказать о Вас, – и так я разволновалась. Он рассказывает новое, из последнего года, я – из прежних лет, – и такую радость мы испытывали, такую любовь к Вам, и преклонение, и удивление, и восторг. Никогда не смогу думать о Вас без радости, привычно буднично. Всегда – с трепетаньем самых лучших моих чувств. И без Вас все в театре для меня тускнеет. Вот теперь (Вы узнаете из стенограммы и из рассказов Месхетели) столько думается и говорится о том, чтоб вернуть ту прежнюю мхатовскую атмосферу, что надо суметь это сделать. Это, конечно, очень хорошо, что об этом думают, говорят и кое-что даже сумели сделать, но только возможно это до какой-то ступеньки, а вот вызвать этот взлет восторга, это горение – это нельзя сделать уменьем или знанием прежних традиций прекрасных. Мне кажется, это-то и было тогда, в настоящем МХТ, именно потому, что были Вы и К.С. Как будто это должно быть ясно всякому у нас, даже юнцу – нет же среди наших теперь ведущих никого, который бы хотя бы каким-то одним своим качеством мог бы равняться с таким же Вашим качеством.

Ну, конечно, стараться подымать тонус нашей жизни нашему руководству надо – и чудесно делает Вл. Евг., что так темпераментно, так настойчиво толкает наших ведущих актеров к этому. Его же личное отношение к театру просто замечательное, страсть к работе и работоспособность у него огромные. Ни с кем из прежних к нам назначавшихся замов сравнения быть не может.

О “победе” МХАТа Вл. Евг. Вам сам расскажет: мы продолжаем наши спектакли в Оперном театре, опера откроется в Драматическом театре. И это несмотря на то, что уже шла продажа на открытие оперного сезона в здешнем здании 15-го, сегодня. А идет здесь сейчас как раз 1-й акт “Дна”, пьеса идет в первый раз. Состав, конечно, первосте-

пенный, с Тархановым – Бубновым, с Шевченко, которой в Саратове очень не хватало в спектакле, с Костылевым – Хмелевым, не любящим эту роль и насовсем было передавшим ее Раевскому. Подробности всех переговоров о помещении расскажет Вам Иг. Вл. или Месх., у которого даже есть, если Вам интересно, в копиях вся переписка по этому вопросу с местными властями. Дошло даже до того, что 9-го наша дирекция послала в Обком большое письмо, которое заканчивалось просьбой (ввиду того, что 13-го кончаются спектакли и все работы Худ. театра) предоставить нам складочные помещения для хранения театрального имущества. 12-го шел, таким образом, последний спектакль. И только 12-го часов в 5–6 стало нам известно, что работа в Оперном театре будет продолжаться, и Михальский полетел налаживать продажу билетов, а Калужский – составлять расписание репетиций на 13-е. Конечно, материально мы немного пострадали со сборами 13-го и 14-го.

Очередные волнения (крупные) вызвал приказ о посылке на работы всех, кто не служит. У нас ведь довольно много таких иждивенцев. Некоторые действительно, по семейным своим обстоятельствам, не могут работать: дети, старухи-матери на руках. Но есть, конечно, и явные лодыри. Все, конечно, бросились в театр: помогите! И Вл. Евг. очень много для них сделал. Организована бригада шумовиков, нам нужная действительно, потому что во “Фронте” и в “Русских людях” шумов гибель, а актеры заняты в народных сценах. Правда, взяли актрис молодых на шумы, но их мало по той сложной аппаратуре, которую с рвением создает Вл. Попов. Кое-кого устроили в одевальщицы, в гардеробщицы. А сегодня было прослушивание (вернее, просмотр) четырех юнцов (?) по линии труппы: Андрюша Соколов (сын Веры Серг., которая все еще нехороша; чуть лучше, но без тревоги к ней относиться нельзя), Алеша Тарасов, Ася Леонидова и Фаина Шевченко 2-я. По правде сказать, только Соколов-Баратов показался интересно, о нем все сказали, что он, несомненно, даровит и приятно соединяет в себе актерские качества матери и отца (в какой степени – пока не разберешь). Остальные бесцветны. Но из внимания к высокопоставленным родителям будут зачислены как будущие ученики будущей школы. В вокалистки приняли жен Добронравова и Ал. Комиссарова – Теплицкую, прелестную типично-традиционно-оперетточную актрису, о которой я Вам писала, кажется, из Саратова. Там публика ее обожала. Но у нас она, конечно, в своих качествах блистать не сможет. Разве только в шефских концертах будет участвовать в своем репертуаре. А голос ее для хороших наших дел Изралевский одобрил.

Я дала Вл. Евг-чу с собой список тех, кто имеет право в этом году получить “чайку”, с просьбой получить от Вас утверждение. Жетоны “чайки” у нас здесь есть. Знаю, что Дорохин постоянно об этом говорил, мечтает иметь знак театра.

Если посылаемую стенограмму реж. совещания, прочтя, не захотите хранить у себя, пожалуйста, отдайте Лизаньке Аслановой. Я посы-

лаю ей экземпляр для музея, но она будет довольна иметь и дубликат, уверена в этом я.

И Хмелев рассказывал, и теперь Нежный, что Марков Вас “мучачу”. Я уж подумала: вызвать бы его на работу сюда. Скажите Вл. Евгчу – а то ведь он мучитель ужасный, упорный, редко эгоистичный. Я б написала ему отповедь, да не хочу подводить Нежного: Марков скажет – это Нежный наговорил, больше отсюда никто в Свердловск за последнее время не ездил.

Милый Владимир Иванович, всего хорошего. Как ни жалко, но сюда Вам ехать нельзя, это установил и Иг. Вл., ни климат, ни условия жизни – не для Вас. Мне кажется, что и старикам не следует ехать. Вот Иг. Вл. расскажет Вам. Теперь буду жить надеждой, что театр зимой переедет в Москву, по Вашему предложению, не на гастроли, а на работу. Иг. Вл. рассказал, как Вам это представляется.

Владимир Иванович, как мне выразить Вам свою любовь, нежность, восторг и преклонение, чтоб Вы не усмехнулись скептически? Так и горят в душе эти невысказанные чувства.

Ваша *Ольга Бокшанская*.

Милый Владимир Иванович, очень хочется послать Вам какой-нибудь подарочек. Местных изделий нет никаких, и вообще ничего нет здесь. А вот среди своих вещей, привезенных еще из Москвы, вот что увидела: папетри¹. Пригодится? Было такое же, но Вашего цвета, крем с коричневой подкладкой, послала Вам в Тбилиси с тем летчиком. кот. ни писем не доставил (в мае), ни такого же пакета с двумя собаками на обложке.

455.

Свердловск, 23 октября 1942 г.

Милый Владимир Иванович!

Сегодня после “Курантов” уезжает в Москву Геловани, попрошу его взять письмо. Он на днях заявил, что должен расстаться с театром: уезжает в Алма-Ату сниматься в двух картинах: “Фронт” (Гомелаури, красноармеец, в драме занят только в сцене “Окопа”) и “Джамбул” (роль Сталина). Он обещает вернуться к 1-му сюда, еще, м.б., сыграть утренник 1-го, но вообще это уж не спасет нас, все равно в спектакль войдет Герасимов, а это, надо прямо сказать, плохо, отчаянно плохо. Вы, вероятно, знаете, что для Храпченко вопрос стоял так: ни под каким видом спектакль не может быть показан ни в Свердловске, ни тем более в Москве с Герасимовым в этой роли (это он тогда, в июне, смотрел спектакль в Саратове; он-то мог предчувствовать тогда только

¹ От франц. «papeterie» – коробка с почтовой бумагой и конвертами.

Свердловск, нам вида не показывал – всему коллективу, но в дирекции уже шли и такие разговоры, и я, помнится, Вам тогда уж писала о возможном переезде из Саратова в Куйбышев или Свердловск). Словом, Герасимов был им окончательно забракован и нам было предложено искать актера специально для этой роли; и мы запрашивали тогда Москву, где искать какого-то актера Театра Ленсовета, который в Москве был удачен в этой роли¹. А тут нам повезло: оч. скоро по приезде в Свердловск Вл. Евг. привлек Геловани. С возвращением Герасимова в спектакль настанет несомненное снижение, и это так досадно, потому что пока мы мало чем здесь козырнули, а “Куранты” – это козырь и по качеству спектакля, и по политическому звучанию. Как ни старается Свердловск казаться почти столичным, здесь все-таки провинциализма много, и по линии театра это выражается иногда в разговорах публики, что у нас слишком мал репертуар. Если прибавить к этому, что в этом репертуаре “Гор. сердце” не имеет никакого успеха, наоборот, приходится слышать очень нелестные отзывы, если побывать в публике; что “Федор”, вызвавший было большой интерес, сейчас идет хуже всяких слов, потому что играет почти один Добронравов, играет плохо, орет, и потащил за собой Еланскую, которая тоже орет всю роль, словно они стараются друг друга перекричать. Спросите Вл. Евг., если думаете, что я злощий и придирчивый критик, он Вам скажет, что так думают об этих двух исполнителях все режиссеры и ведущие актеры. А Москвин и Хмелев так загружены репетициями “Фронта”, что “Федора” не играют, и вот спектакль расшатан, и впечатление о нем испорчено. Прибавьте к этому, что никакая “гальванизация” к “На дне” не применима, и то, что в спектакле ни один исполнитель не может вызвать в себе свежесть чувств и переживаний, не может непосредственно и с увлечением отдать жизни на сцене, – передается публике поражающе быстро. Что ж остается? “Школа”, которую публика любит как спектакль, в котором можно много смеяться, и – “Куранты”. По кассе волноваться не приходится, заявок у нас достаточно пока, волнуется не это; что ж Вам объяснить, в чем волнение и горечь.

Без Вл. Евг. жизнь у нас заметно утихает. Идут репетиции, оч. упорные, идут спектакли. Но нет этого центра, который все время в движении, и в своем движении захватывает и втягивает постепенно каждого, с кем соприкасается. Вл. Евг. постоянно ставит и перед руководством, и перед ведущей группой актеров, и перед аппаратом задачи, вопросы, цели – и заставляет людей жить интересами дела более крепко, более пристально, с отдачей своего полного внимания, времени, сил.

Репетиции “Фронта” перешли на сцену. Сначала сцена в окопе, теперь второй день занимаются сценами Горлова, назначают их на день все три, но, конечно, куда ж их пройти. Сегодня до перерыва (т.е. с 11 до почти двух) я сидела на репетиции (машинка сломалась, чинили, работать не могла). За это время прошли 2/3 первой картины. Исполнители говорят, что с переходом на сцену вчера, напр., в 1-й картине (первый

день перехода) было чувство, что, по крайней мере, три четверти из нажитого в репет. помещении они потеряли. Вчера я недолго смогла быть там, на репетиции, не берусь судить, преувеличено ли актерское впечатление, но что сегодня уж много спокойнее все стали – несомненно. Хмелев третьего дня сказал, что с “Окопом” он покончил, считает картину сделанной. Ее не видала и ни с кем не говорила, каковы были впечатления от нее у смотревших. Картина труднейшая. От каких-то моих коротеньких входов в зал во время “Окопа” осталось одно: укрепились в неподходящести Яншина к роли Сергея, совсем иным представляла себе я этого Сергея.

Нынче утром вернулась (21-го вечером уехавшая) значительная группа (концертная программа) – из Шадринска, где оказалось расквартированным Военно-полит. училище им. Ленина, подшефное нам в Москве. (Вот суконная фраза у меня получилась, уж извините! Хоть зачеркнивай!) Там их чрезвычайно радушно приняли. Езды – ночь, дали они 22-го там два концерта, днем и вечером, и снова ночь в вагоне. Но так там было душевно и гостеприимно, что ни от кого не услышали мы жалоб, что “две ночи в вагоне!!” – ведь в жестком ехали. Приятно нашим было встретиться с многими московскими знакомцами среди преподават. и администр. состава.

Фронтная наша бригада приехала 21-го, около часу ночи. В хорошем настроении и с жадно ловимыми рассказами о Москве. И моментально распространились слухи, что Вы едете сюда. Я не верю. Правда, Вл. Евг. маг и волшебник и может Вас уговорить поехать, но я думаю, что рассказ Иг. Вл. об условиях здешней жизни Вас остановит. Мне кажется, что пока не будет все на месте в квартире, которую Вам предоставят, на базе, которую Вам предложат, в гараже, где будет стоять Ваша машина, ехать сюда нельзя, решительно нельзя. Этот приезд вроде открытия второго фронта – ведь сказал кто-то из английских лидеров, что второй фронт можно будет открыть только тогда, когда последняя пуговица будет пришита к мундиру последнего солдата. И тут – только “с последней пуговицей” можно двинуться в путь. Но у нас народ легковверный и сразу же пошло безапелляционно: – Слышали? Вл. Ив. едет сюда! Как же, непременно, да, да! Вот и Ершов говорит... И Дорохин рассказал...

У нас – зимний пейзаж, снег лежит, чуть подморозило. Говорят местные, что теперь до мая со снегом не расстанемся, такой нрав у природы.

Милый Владимир Иванович, до свиданья – ведь будет же день это-го свиданья, правда? Будьте здоровы, благополучны, не забывайте меня и нас. Сердечный привет Ал. Ал., а Пране Вас. – нежный поцелуй.

Ваша Ольга Бокшанская

24.XII.1942

Дорогой, милый Владимир Иванович!

Хорошо, что можно послать подарок, а не самой его передать. А то ведь вещь довольно тяжелая. Если не понравится, да не вовремя пришла, – ведь можно угодить и под гневный бросок. А мне эта штучка понравилась. Видно, такая моя планида – посылать Вам прессы на стол. Еще несколько лет – и придется завести Вам специальный столик возле письменного стола с прессами на бумаги самого разнообразного вида.

Не ругайте меня.

Ваша *Ольга Бокшанская*

Комментарии

Письма [1922–1942]

Список сокращений

- ВЖ – Музей МХАТ. Внутренняя жизнь
КП – Музей МХАТ. Книга поступлений
КС – Музей МХАТ. Архив К.С.Станиславского
К.С. – К.С.Станиславский
КС-9 – *Станиславский К.С.* Собрание сочинений в 9-ти т. М., Искусство, 1988–1999
Летопись – *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С.Станиславского. Летопись. В 4-х т. Т 3 и 4. М., 2003
НД – Музей МХАТ. Архив Вл.И.Немировича-Данченко
Н.-Д. – Вл.И.Немирович-Данченко
НД-4 – *Немирович-Данченко Вл.И.* Творческое наследие в 4-х т. М., МХТ, 2003
О.Б. – О.С.Бокшанская
РЧ – Музей МХАТ. Репертуарная часть

Комментарии

[1922]

1. № 3358/1. Автограф.

Цикл писем № 1–98 включает письма О.Б. в Москву из-за рубежа за время возглавлявшихся К.С. гастролей основной труппы МХАТ в Европе и США (1922–1924). Н.-Д. оставался в России, занимаясь студиями, чьи спектакли в течение двух сезонов составляли репертуар основной сцены Художественного театра.

1 Скорее всего имеются в виду письма, которыми после выхода в свет монографии “Станиславский” Н.-Д. обменялся с ее автором В.М.Волькенштейном (см. НД-4, т. 2, № 1023).

2. № 3358/2. Автограф.

1 См. НД-4, т. 2, № 1030.

2 Семья Нюренберг некоторое время жила в Берлине, где имел работу отец О.Б.

3. № 3358/3. Автограф.

1 Н.-Д. телеграфировал С.Л.Бертенсону: “Ваши письма очень бедны содержанием. Если Бокшанская не может, поручите другому лицу” (НД, № 309). От Бертенсона требовалась информация о жизни МХАТ на гастролях, которую Н.-Д. намеревался печатать в задуманном им журнале (см. примеч. 2 к № 17).

2 Очевидно, речь о письме, которое Н.-Д. послал О.Б., уехавшей с гастрольной группой “стариков” без благословения Н.-Д. (тот был в момент отъезда за границу) – см. НД-4, т. 3, № 1030.

Загадка первых строк... – В начале письма говорится: “Я же сам шел навстречу Вашему желанию ехать за границу, если... И оставаться в Москве, если... Конечно, я понимаю Вас”.

4. № 3358/4. Автограф.

1 Это письмо не разыскано.

2 *Рабкрин* (Рабоче-крестьянская инспекция) – орган государственного контроля в 1920–1934 гг.

3 В.И.Качалов на спектакле в Загребе играл Тузенбаха.

4 Первый спектакль с новыми исполнителями (царь Федор – Качалов, Иван Петрович Шуйский – К.С., царица Ирина – Пашенная) состоялся в Загребе 17 ноября 1922 (см. № 5).

5 Имеется в виду один из администраторов зарубежной поездки Л.Д.Леонидов, который после завершения работ с “качаловской группой” обосновался в Берлине.

5. № 3358/5.

- 1 Трудности с визами возникали неизбежно в связи с неурегулированностью дипломатических отношений между странами.
- 2 Видимо, речь о московском театральном деятеле Б.Е.Евелинове.
- 3 Антрепренер французских гастролей МХАТ Ж.Эберто возглавлял Театр Елисейских Полей, на сцене которого выступали москвичи.
- 4 Н.А.Румянцев по первой своей профессии был врачом.

6. № 3358/6. Автограф.

7. № 3358/7. Автограф.

8. № 3358/8.

- 1 В.В.Шверубович выполнял в зарубежных гастролях МХТ обязанности работника постановочной части.
- 2 Л.М.Коренева играла в “Царе Федоре” княжну Мстиславскую.
- 3 К.С. и Н.А.Подгорный в пору зарубежных гастролей исполняли в “На дне” роль Сатина, Н.Г.Александров и И.В.Лазарев – Актера, М.А.Успенская и Н.Н.Литовцева – Анны.
- 4 Вероятно, НД-4, т. 2, № 1029.
- 5 Имеется в виду 50-летие создания оперетты Ш.Лекока.
- 6 “Собор” – заключительная картина “Царя Федора Иоанновича”.

9. № 3358/9.

10. № 3358/10.

- 1 Текст, продиктованный С.Л.Бертенсоном и им подписанный, опускается.
- 2 Подразумевается участие А.К.Тарасовой в странствиях “качаловской группы”.

11. № 3358/11.

- 1 Это письмо не разыскано.
- 2 Так в театре привыкли называть шестую картину спектакля “Царь Федор Иоаннович” (первоначально седьмую, в пьесе восьмую – “Терем царицы”).

12. № 3358/12. Автограф.

- 1 В архиве сохранился лишь обрывок вырезки из “Фигаро” с подписью Андре Ривуара – благодарность Жаку Эберто за возможность познакомиться с зарубежными театральными шедеврами: “Мы были рады констатировать, что Станиславский и Немирович-Данченко в самом деле столь исключительные художники, как нам об этом объявляли”.

[1923]

13. № 3359/1.

1 Это письмо не разыскано.

2 Гастроли МХАТ в США проходили во время действия “сухого закона”, запрещавшего торговлю крепкими напитками.

3 Н.Ф.Балиев и его театр миниатюр “Летучая мышь” работали в США с февраля 1922 г. Их переезд из Европы организовал тот же Морис Гест, который привез в Штаты МХАТ.

14. № 3359/2.

Листы письма носят следы редакторской правки – вероятно, внесенной при подготовке к публикации в “Ежегоднике МХТ за 1944 год”. Мы печатаем текст без этой позднейшей корректуры, следуя такому правилу и далее.

1 Имеется в виду Давид Беласко – актер, режиссер и драматург.

15. № 3359/3.

1 Скорее всего речь о письмах к М.П.Лилиной (см. КС-9, т. 9, № 67 и 68). Вопреки предположениям О.Б., К.С. в нем никого из спутников не “аттестует” (характеристику нравственного и творческого состояния труппы он дает месяц спустя, в письме к Н.-Д. – КС-9, т. 9, № 73).

16. № 3359/4.

1 См. НД-4, т. 3, № 1040. Текст, относящийся к О.Б. (кроме приветствия ей), отсутствует.

2 Вероятно, известие о пожаре (успокоительное) содержалось в утраченном тексте письма к Бертенсону.

3 В.П.Булгакова играла в “На дне” Наташу.

4 Таково было прежнее название Таллина.

17. № 3359/5.

1 Имеется в виду расхождение между принятой в США шкалой Фаренгейта и принятой в России шкалой Цельсия.

2 После отъезда основной труппы МХАТ за рубеж Н.-Д. предполагал освещать его гастроли в журнале, который должен был называться “Программы Московского Художественного академического театра и его студий”. В дальнейшем задачи журнала были расширены и он выходил под заголовком “Программы московских государственных и академических театров и зрелищных предприятий”.

3 Имеется в виду Музыкальная студия (в театре меж собой чаще ее называли Комической оперой – К.О.), созданная в 1920 г. при МХАТ по инициативе Н.-Д.

18. № 3359/6.

1 См. примеч. 2 к № 17.

2 Речь о театре “Лицеум”.

3 См. № 20.

19. № 3359/7.

1 АРА – сокращение от “American Relief Administration” – существовавшая в 1919–1923 гг. организация для оказания помощи европейским странам, пострадавшим от Первой мировой войны. С 1921 г. в связи с голодом в Поволжье советские власти разрешили ее деятельность в РСФСР.

2 Фраза из монолога Чацкого. Эта привычка уснащать речь цитатами, в основном из пьес, характерна для писем О.Б.

20. № 3359/8.

1 Напряженность в Европе возникла после того как Германия, подписав в Рапалло мирный договор с Советской Россией, отказалась платить репарации странам Антанты. В ответ Франция и Бельгия в начале 1923 г. ввели свои войска и оккупировали Рур и Рейнскую область.

2 Далее идет текст, продиктованный Бертенсоном. Тот счел нужным переслать Н.-Д. материал, опубликованный в “Нью-Йорк таймс” от 28 января 1923 г. Некто Луи Мазер писал о дореволюционном прошлом МХАТ, помяная и поддерживая протест Горького против Достоевского на сцене и упрекая театр за то, что он и в нынешнее время отстаивает свою аристократическую позицию. Основные обвинения адресовались Н.-Д. Как замечает Бертенсон, статья при всей ее безграмотности выполняла функцию доноса (так, в ней утверждалось, что Н.-Д. вступил в открытую борьбу с наркомом А.В.Луначарским из-за репертуара).

21. № 3359/9.

1 Бертенсон в письме, прилагавшемся к № 20, передавал О.Б. обязательство рассказать о том, как прошел спектакль 2 февраля.

22. № 3359/10.

1 *Испанка* – наименование гриппа во время пандемии зимой 1918/19 г.

2 И.И.Гудков заменял Н.А.Подгорного в обеих его небольших ролях – Андрея и Дмитрия Шуйских.

23. № 3359/11.

1 Текст, продиктованный Бертенсоном и предваряющий письмо О.Б., опускается.

24. № 3359/12. Автограф.

1 Речь о пролонгации гастролей. Ответ см. НД-4, т. 3, № 1045.

25. № 3359/13.

1 Это письмо не разыскано.

2 См. № 12.

3 По учебникам Д.И.Иловайского, весьма упрощенно подававшим материал, преподавали историю в гимназиях.

4 В доме, смежном зданию МХАТа, в пору Первой мировой войны размещался госпиталь.

26. № 3359/14.

1 М.Н.Типольт, сестра жены Н.-Д., постоянно жившая в Швейцарии, хотела поручить Л.Д.Леонидову продажу некоторых художественных безделушек.

27. № 3359/15.

1 Скорее всего речь о январском письме за 1923 г. (НД-4, т. 3, № 1042).

2 М.П.Лилина была первой исполнительницей роли Дарьи Ивановны в комедии Тургенева.

К.С. играл в “Провинциалке” графа Любина, В.Ф.Грибунин – Ступендьева, Л.Н.Булгаков – Мишу, Б.Г.Добронравов – Аполлона.

3 Имеется в виду роль штабс-капитана Снегирева в “Братьях Карамазовых”.

28. № 3359/16.

1 Ни письмо к Л.Д.Леонидову, ни упоминаемая выше телеграмма о пролонгации гастролей не разысканы.

2 Имеются в виду планы экранизации “Царя Федора Иоанновича”.

3 Помгол – Комиссия помощи голодающим при ВЦИК, она же позднее Комиссия по борьбе с последствиями голода, Последгол (председатель М.И.Калинин), созданная в июле 1921 г., объединяла деятельность советских и общественных организаций по борьбе с последствиями разрухи; при организации зарубежной поездки МХАТ оговаривались отчисления Помголу из сборов.

29. № 3359/17.

30. № 3359/18.

1 Б.Г.Добронравов в “Вишневом саде” вводился на роль Пети Трофимова.

31. № 3359/19.

1 См. НД-4, т. 3, № 1045. Телеграмма, упоминаемая ниже, не разыскана.

2 Жена Н.А.Румянцева А.М.Блинова служила в МХАТ кассиром.

32. № 3359/20.

1 По-видимому, описка О.Б. Обычно на русский манер Элизабет Хэпгуд звали Елизаветой Львовной.

33. № 3359/21.

1 То есть приспособленный к вкусу полуобразованной, падкой на эффекты публики, которую обслуживало упомянутое дешевое издание.

34. № 3359/22.

35. № 3359/23.

36. № 3360/1.

37. № 3360/2.

- 1 Тост за руководителя Малого театра должен был быть приятен В.Н.Пашенной как члену его труппы, в которую артистка спешила вернуться.
- 2 Фраза Ферапонта из 3-го акта “Трех сестер”.
- 3 Речь о роли в “Вишневом саде”.
- 4 В.П.Булгакова играла в “Вишневом саде” Дуняшу.
- 5 А.М.Тамиров, как и Р.К.Таманцова, был армянином.

38. № 3360/3.

1 Как “румянцевская история” запомнился инцидент, когда пожелания московской части труппы, неудачно сформулированные в протоколе, посланном в 1920 г. “качаловской группе”, повлияли на ее решение продлить свои странствия.

39. № 3360/4.

40. № 3360/5.

41. № 3360/6.

1 См. НД-4, т. 3, № 1051.

2 Имеется в виду время, когда члены “качаловской группы” медлили с решением возвращаться в Россию.

42. № 3360/7.

1 Репетиции “Грозы” шли во Второй студии, в труппу которой входил Е.В.Калужский.

43. № 3360/8. Автограф на открытке (фотография “Колокола Свободы” – “Old Liberty Bell. Philadelphia”).

1 О.Б. пользуется словами Гаева из последнего акта “Вишневого сада”.

2 См. НД-4, т. 3, № 1051; в этом письме Н.-Д. объяснял, в сколь неловкое положение ставят его телеграммы, приходящие из США к тому или иному чествованию и приветствующие юбиляров от имени Художественного театра: в каком же качестве и от чьего имени тогда выступает он, Н.-Д.: “Хоть уходи с юбилея в своем фраке и белом галстуке”.

44. № 3360/9.

1 См. примеч. 2 к № 43.

2 В воскресенье написано письмо от 15 апреля, однако письма, которое было бы помечено 8-м или 22-м числом того же месяца, найти не удается.

3 Скорее всего имеется в виду встреча в Себеже 15 сентября 1922 г., когда на пограничной станции одновременно стояли поезд с отъезжающими на гастроли артистами МХАТ и поезд, в котором Н.-Д. возвращался из-за границы в Москву.

45. № 3360/10.

1 Речь о Ф.К.Татариновой, старом друге Художественного театра.

46. № 3360/11.

1 День св. Владимира приходился на 28 июля.

2 К.С. еще во время переезда из Америки в Европу на “Лаконии” начал диктовать О.Б. “Мою жизнь в искусстве”, которую он писал по заказу

бостонского издательства “Литлл, Браун и Ко”. Во Фрейбурге в Шварцвальде они продолжили работу.

3 Туберкулезный санаторий, где лечился сын К.С. И.К.Алексеев, находился в местечке Wegwald.

4 Книппер играла в пьесе К.Гамсуна “У жизни в лапах” фру Юлиану, эстрадную диву.

5 Племянница О.Л.Книппер киноактриса О.К.Чехова с середины 1920 г. жила в Германии.

6 В намечавшемся репертуаре гастролей Е.М.Раевской принадлежали роли Войницкой в “Дяде Ване”, г-жи Штокман в “Докторе Штокмане”, Зюзюшки в “Иванове”, Хохлаковой в “Братьях Карамазовых”, Глумовой в “Мудреце”, а также Волоховой в “Царе Федоре” и Анфисы в “Трех сестрах”. Ни одна из этих ролей в репертуар Лилиной не входила, и остается неясным, почему отъезд в США одной актрисы связывается с отказом от поездки актрисы другой, – если только не предположить, что число отъезжающих было заранее строго фиксировано.

7 Н.-Д. намеревался посетить Испанию в связи со своей работой над “Кармен” в Музыкальной студии, но поездка не состоялась.

47. № 3360/12.

1 В августе Н.-Д. приезжал в Варен, где беседовал с К.С. и провел с труппой беседу “по назревшим текущим вопросам нашего искусства” (так сказано в интервью К.С. – см. “Новая рампа”, 1923, № 11, 26–31 августа, с. 4).

2 Ухудшение общей атмосферы в Германии связано было с усилением экономического кризиса, волной забастовок и пр. Активизировались экстремистские партии, что к осени привело к Гамбургскому восстанию, руководимому коммунистами, и к “пивному путчу” в Баварии, вдохновленному Гитлером.

3 М.П.Николаева, руководившая костюмерной МХАТа.

4 См. письмо Л.М.Кореневой к К.С. Оно заканчивалось словами: “Значит, такая судьба. Считайте меня выходящей из труппы. Ничего не делается зря, для чего-нибудь, значит, нужно, чтобы я рассталась с театром. Л.Коренева.

В репетиции я не вступала. Только сверили текст” (КС, № 8764).

5 Этот город в Сицилии неоднократно подвергался разрушительным землетрясениям.

48. № 3360/13 .

1 В 20-е гг. в Берлине существовало издательство, унаследовавшее название “Изд-во И.П.Ладъжников” и имевшее свой магазин. Прямого касательства к его деятельности друг Горького И.П.Ладъжников в эти годы не имел, но магазин долго сохранял и его имя, и обычай русских пользоваться им как местом деловых встреч; на его адрес посылались письма и пр.

2 Ф.В.Шевченко пробовали на роль Грушеньки, но в результате она играла небольшую роль Степаниды.

49. № 3360/14.

50. № 3360/15.

51. № 3361/1.

1 Речь о Е.С.Шиловской, впоследствии жене М.А.Булгакова.

52. № 3361/2.

1 Л.М.Коренева в “Братьях Карамазовых” играла на гастролях Катерину Ивановну.

53. № 3361/3.

1 См. НД-4, т. 3, № 1063.

2 Речь о статье Эм.Бескина “Пожар «Вишневого сада»” (“Зрелища”, 1923, 26 июня, № 42), в которой постановка “Лизистраты” оценивалась как отрицание прежней эстетики МХТ.

54. № 3361/4.

1 Бродячих актрис из комедии Гольдони на гастролях играли Е.В.Порфирьева и В.П.Булгакова (Деянира) и О.Л.Книппер (Ортензия).

2 Вероятно, имя рецензента приведено неточно – скорее всего имеется в виду Жорж Пиош, печатавшийся в “Юманите”.

55. № 3361/5.

1 Н.-Д. телеграфировал К.С.: “Все последние дни отдаюсь драгоценнейшим воспоминаниям жизни. Горячо обнимаю Вас и всех милых сердцу юбиляров. Наша Маскотта шлет всем горячий привет. Поздравляю труппу знаменательным днем 25 лет театра” (НД-4, т. 3, № 1065).

2 26 октября, накануне юбилея, Н.-Д. была послана телеграмма за подписью К.С. (см. КС-9. т. 9, № 95). В ответ на полученное от Н.-Д. поздравление 29 октября пошла еще одна телеграмма (см. там же, № 96).

56. № 3361/6. Автограф на открытке (фото – вид на Трокадеро из-под Эйфелевой башни).

Год по почтовому штемпелю.

57. № 3361/7.

1 Жена Н.А.Подгорного, сестра первого пайщика – мецената МХТ Н.Л.Тарасова.

58. № 3361/8.

1 В номере от 28 октября 1923 г. на карикатуре в “Крокодиле” К.С. был представлен раскланивающимся перед американскими толстосумами со словами: “Леди и джентльмены! Как я счастлив, что не вижу перед собой этой советской черни”. Н.-Д. в телеграмме подсказывал К.С., что следует дать опровержение.

2 О.Б. неточно приводит название пьесы Томмазо Галлорати Скотти, содержание которой излагает ниже: правильно – “Кози сия” (“Cosi sia”, слова, которыми заканчивают молитвенные обращения: “Да будет воля твоя”). Э.Дузе играла в ней роль Матери.

В “Закрытой двери” Марко Прага Дузе играла Бианку.

59. № 3361/9.

1 Исходя из датировки и указания “жанра” (“официальные письма”),

можно предположить, что речь о письмах № 99 и 100 в КС-9, т. 9.

2 Леонидов начинал роль Мити с того, что, ворвавшись в гостиную отца, в бешенстве искал глазами Грушеньку или следы ее присутствия в доме.

60. № 3361/10 и № 3361/19. Сопроводительный текст, который О.Б. именует “припиской”, идет после первой подписи, он напечатан на другой машинке и на бумаге другого формата и в архиве хранится под самостоятельным номером. Однако последовательное чтение обоих фрагментов не оставляет сомнений в их тесной связи и в том, что приписка сделана в тот же вечер нью-йоркской премьеры “Иванова”, 26 ноября.

1 См. КС-9, т. 9, № 104 и примечания к нему.

2 О.Б. называет “новыми” спектакли дореволюционного репертуара МХТ, еще не показывавшиеся на гастролях в США.

3 М.А.Жданова играла в спектакле “У жизни в лапах” фрекен Фанни Норман; роль лейтенанта Люнума в гастрольной поездке получил В.Л.Ершов.

4 Из числа старших членов труппы МХАТ в поездку по разным мотивам не попали Н.А.Соколовская, С.В.Халютина, В.М.Лопатин (Михайлов) и еще несколько актеров и служащих.

5 В.Н.Пашенная, после участия в первом зарубежном сезоне МХТ вернувшись в Москву, продолжала некоторое время числиться в труппе Художественного театра (по 1925 г.); заглавную роль в “Лизистрате” она исполняла вслед за О.В.Баклановой.

61. № 3361/11.

1 В этом списке перечислены (в порядке значимости отчисляемых сумм) К.С., Качалов, Москвин, Книппер, Александров, Грибунин, Лужский, Коренева, Раевская, Бурджалов, Подгорный, Булгаков, Булгакова, Ершов, Жданова, Тамиров, Шверубович, Румянцев, Николаева, Бертенсон, Гремиславский, О.Б., Таманцова, Фалеева, Фалеев. Итого 27 д. 95 ц. Отдельно допечатано, что Успенская “ввиду своего затруднительного материального положения” будет отчислять ежемесячно 80 центов.

На листе пометы рукой Н.-Д.: вписано имя Литовцевой и подсчеты (“За первые две недели имеется 55 д. 90 ц., 7000 фр. из Парижа”). Подсчеты сделаны, очевидно, после получения письма от 5–7 декабря.

62. № 3361/12.

1 См. примеч. 2 к № 46.

2 Н.-Д. телеграфировал: “Я вас простил. Привет”.

3 О.Б. пользуется строкой из роли Лопехина (“Вишневы сад”).

4 См. НД-4, т. 3, № 1069.

5 Напомним, что в условия зарубежных гастролей МХАТ, оговоренные Особым комитетом по организации заграничных артистических поездок, входили отчисления от гонораров на счет Комиссии по борьбе с последствиями голода. Материальные трудности гастролеров заставили их для этих обязательных взносов заимствовать деньги из так называемого золотого фонда товарищества МХТ, находившегося в распоряжении Н.-Д., инициатора его создания.

Расчеты с Помголом велись из Америки через тамошнее отделение Красного Креста.

6 См. КС-9, т. 9, № 92.

А.Н.Бенуа был не только художником, но и сорежиссером “Хозяйки гостиницы” в МХТ (1914).

63. № 3361/13.

64. № 3361/14.

1 См. НД-4, т. 3, № 1071 (письмо от 25 ноября 1923 г.).

2 Фраза из второго акта “Дяди Вани”.

3 Имеется в виду письмо Н.-Д. к К.С. от 28 ноября 1923 г. (НД-4, т. 3, № 1073). К.С. ответил на него сперва лишь телеграммой (см. КС-9, т. 9, № 101), письмо было написано позднее, в конце декабря (там же, № 104).

65. № 3361/15.

1 Л.Д.Леонидов хлопотал в поисках покупателей на вещи, которые намеревалась продать М.Н.Типольт (см. примечание 1 к № 26).

66. № 3361/16.

1 В.П.Ногин с 1921 г. был председателем Центральной ревизионной комиссии при ЦК РКП(б). Н.-Д. в письме именовал его человеком нужным, уже оказавшим помощь МХАТу в материальных делах; в телеграмме от 25 ноября 1923 г. повторял: “Виктора Павловича Ногина примите предупредительно”.

2 Роль Грушеньки на гастролях в США сохранила за собой Тарасова.

3 Имеется в виду та часть реквизита спектаклей (прежде всего “Царя Федора Иоанновича”), которую составляли подлинные старинные вещи (в том числе из личной коллекции К.С.).

4 О “парижском банкете” (о вечере под председательством П.Н.Милюкова, устроенном в честь 25-летия МХТ Обществом русских литераторов 29 октября 1923 г.) и о реакции на него в Москве см. в письме Н.-Д. к К.С. от 28 декабря 1923 г. (НД-4, т. 3, № 1073).

67. № 3361/17.

1 В начале гастролей роль чтеца в “Братьях Карамазовых” дали С.Л.Бертенсону, считавшемуся знатоком в английском языке.

2 См. КС-9, т. 9, № 106.

3 Речь о награждении памятными жетонами участников Первой студии – ее десятилетие отмечалось осенью 1923 г.

68. № 3361/18.

[1924]

69. № 3362/1.

1 Зарисовки художника Бориса Григорьева были сделаны в 1922 г. в Париже; они объединяли театральные образы с фигурами жизненными, войдя в книгу “Лики России”.

70. № 3362/2.

1 Ф.В.Шевченко играла Василису.

2 Б.Г.Добронравов в гастрольной поездке играл городского Медведева.

71. № 3362/3 и № 3362/4.

1 Статья принадлежала профессору нью-хевенского университета Вильяму Лиону Фелбсу; местные газеты перепечатали ее из университетского журнала к приезду МХТ.

72. № 3362/5. Автограф. Цветная открытка с изображением Тафт-отеля в Нью-Хевене.

73. № 3362/6.

1 См. НД-4, т. 3, № 1074.

2 Н.С.Бутова играла в пьесе М.Е.Салтыкова-Щедрина Живоедову, Н.О.Массалитинов – Живновского.

74. № 3362/7.

1 См. КС, № 4780.

2 М.М.Тарханов играл в “Мокром” Максимова.

75. № 3362/8.

1 См. НД-4, т. 3, № 1080.

2 Она была послана 22 января (см. КС-9, т. 9, № 109).

3 О преследующей художественников беде уклончивости Н.-Д. говорил в письме к О.Б. от 24 декабря 1923 г. (НД-4, т. 3, № 1074).

76. № 3362/9.

1 По всей вероятности, речь о письме от 6–7 января 1924 г. (НД-4, т. 3, № 1078).

2 Письмо А.Л.Вишневого не сохранилось.

3 По воспоминаниям актрисы, ее срочному вводу в “На дне” решительно воспротивился К.С. (см.: *Пыжова О.И.* Призвание. М., 1974, с. 155). Ни Насти, ни Сони в “Дяде Ване” Пыжова не играла.

77. № 3362/10.

1 Л.М.Коренева играла Елену Андреевну, А.К.Тарасова – Соню, К.С. – Астрова, А.Л.Вишневыский – Войницкого, В.В.Лужский – профессора Серебрякова, Е.М.Раевская – Войницкую, Л.Н.Булгаков – Вафлю, М.А.Успенская – няньку Марину.

2 Вероятно, речь о концерте бывшего коршевского актера Б.С.Борисова, оказавшегося в США вместе с “Летучей мышью”.

78. № 3362/11.

1 Л.Н.Булгаков учился играть на гитаре, вероятно, для переданной ему роли Вафли в “Дяде Ване” (под звуки настраиваемого Вафлей инструмента и под его аккорды идет финал спектакля).

79. № 3362/12.

80. № 3362/13.

1 См. НД-4, т. 3, № 1081.

2 См. КС-9, т. 9, № 112.

3 Художественники были гостями на съемках фильма “Мсье Бокер” (“Monsieur Beaucaire”, режиссер Сидней Олкотт). Упоминаемые в письме О.Б. Луиза (Лоис) Уильсон играла французскую королеву Марию, Биби Даниэльс – принцессу Генриэтту, Лауэлл Шерман – короля Людовика.

81. № 3362/14.

1 Разыскать эту телеграмму не удалось.

82. № 3362/15.

1 См. НД-4, т. 3, № 1083 и № 1084.

2 Имеется в виду письмо № 112 – КС-9, т. 9.

83. № 3363/1.

84. № 3363/2.

1 Текст телеграммы, посланной в ответ на письмо Н.-Д. за подписью “Станиславский и все старики”, см. КС-9, т. 9, № 113. (Можно уточнить предположенную там датировку “после 15 февраля” и проставить день – 9 марта.)

85. № 3363/3.

1 В телеграмме после фразы “Безоговорочно доверяем Вам духовные и материальные судьбы театра и всех нас” добавлялось: “При выработке плана просим иметь в виду наши мечты: сохранить дорогие Вам и нам художественные завоевания”. Как и предвидела О.Б., формулировки такого толка вызвали протест Н.-Д.

86. № 3363/4.

1 См. НД-4, т. 3, № 1090.

2 Текст “ответной телеграммы” см. КС-9, т. 9, № 114.

3 Это письмо не разыскано.

4 См. НД-4, т. 3, № 1087 и 1088.

5 В телеграмме, направленной в Москву за подписью “Станиславский, старики”, просили “сообщить точно, когда приезжать, кого из наших считаете безусловно ненужными” (КС-9, т. 9, № 114).

87. № 3363/5.

88. № 3363/6.

89. № 3363/7.

1 В “Смерти Пазухина” В.Ф.Грибунину принадлежала роль Фурначева.

2 Грибунин в самом деле послал К.С. объяснения и извинения, К.С. отвечал словами: “Я очень рад и благодарен, что Вы написали Ваше хорошее письмо [...]. Итак, все забыто” (КС-9, т. 9, с. 142–143).

3 См. КС-9, т. 9, № 116. “Неприятности”, о которых говорит О.Б., были связаны с публикациями в газете “Руль”, сообщавшей о возможном слиянии гастролирующего театра с Пражской группой.

4 А.К.Тарасова играла в “Дяде Ване” Соню.

90. № 3363/8.

1 3 апреля 1924 г. Н.-Д. телеграфировал: “По поручению Наркомпроса сообщите всем под расписку: отсутствие к сроку в Москве каждого члена поездки без моего специального разрешения будет квалифицировано как политическое бегство. Свидетельства болезни не примутся. Телеграфируйте о получении этой телеграммы. Срок возвращения телеграфируйте в эти дни” (ф. 1, сезон 1923/24, № 437).

2 Так, по-старому, О.Б. называет Каунас, бывший тогда столицей Литвы.

3 “Маргашиной” (т.е. ненастоящей, лишь имитирующей настоящий продукт) О.Б. именует игравшую в Европе группу отколовшихся от МХТ актеров, которыми руководила М.Н.Германова.

91. № 3363/9.

1 Эта строка отчеркнута адресатом.

92. № 3363/10.

1 См. НД-4, т. 3, № 1091.

2 А.К.Тарасова и М.М.Тарханов, участники “качаловской группы”, присоединились к ехавшей на гастроли труппе МХАТ прямо в Берлине – не заехав в Москву и не оформив своих выездных документов.

93. № 3363/11.

1 См. НД-4, т. 3, № 1095 и 1097 и примечания к ним.

2 В телеграмме Н.-Д. упомянул, что ближайшую постановку обновленного МХАТ – новую редакцию “Драмы жизни” с Качаловым в роли Карено – поручат Литовцевой, с которой он хочет на эту тему беседовать.

3 Имеется в виду пьеса Жюль Ромена “Старый Кромдэйр”, которую Н.-Д. предполагал второй премьерой московского сезона. Эти планы не осуществились.

4 М.А.Успенская осталась в США, где продолжила свою актерскую жизнь и где стала одним из авторитетнейших педагогов; вместе с Р.В.Болеславским в 1928 г. основала Американский Лабораторный театр.

5 Речь о Е.К.Малиновской, об уходе которой с поста управляющего государственными академическими театрами Москвы и Ленинграда извещала телеграмма Н.-Д.

94. № 3363/12.

1 В телеграмме Н.-Д. указывалось распределение ролей в драме Гамсуна; П.А.Бакшееву назначалась роль Енса Спира.

2 В.П. и Л.Н.Булгаковым Н.-Д. не видел применения в обновленном МХАТе (в Новом Художественном, как некоторое время он называл его).

95. № 3363/13.

96. № 3363/14.

1 Семья В.В.Лужского проехала, не задерживаясь, прямо в Москву, и от нее Н.-Д. мог получить все интересовавшие его сведения о заключительных днях в Америке и о переезде через океан.

97. № 3363/15.

1 Л.А.Косминская, жена А.Л.Вишневого, была до 1915 г. актрисой МХТ; во время гастролей за рубежом периодически участвовала в его спектаклях.

2 К.К.Алексеева с дочерью Кириллой.

3 В письме ошибочно напечатано: “в Москве”.

4 Три следующие строчки “забиты”, можно различить слова: “может быть, в задержке их в Риге и есть и доля нашей вины”.

98. № 3363/16. Автограф.

1 Премьера “Карменситы и солдата” (трагедия на сюжет новеллы Мери-ме, текст К.Липскерова, музыка Бизе) состоялась в Музыкальной студии МХАТ 4 июня 1924 г. Руководитель постановки Н.-Д., режиссеры Л.В.Баратов и К.И.Котлубай, художник И.М.Рабинович.

99. № 3364/1.

Цикл писем № 99–143 включает письма из Москвы за рубеж (1926–1927). После окончания зарубежных гастролей Музыкальной студии МХАТ (К.О.), в которых О.Б. участвовала, Н.-Д. принял приглашение Голливуда и испросил в Наркомпросе продление своего отпуска – сперва на год, затем долее. Подоплекой его решения остаться за границей был конфликт со “стариками” из-за Музыкальной студии, но официально Н.-Д. оставался одним из директоров МХАТ. О.Б., приехавшая в СССР вместе с Муз. студией, вернулась на свое место в конторе театра.

1 М.А.Булгаков диктовал О.Б. текст “Дней Турбиных” с внесенными в него изменениями (новый вариант сцены “Гимназия” и др.).

2 Имеется в виду сундук с документами, относящимися к гастрольной поездке Музыкальной студии Н.-Д. в Европу и США.

3 В Дивон-ле-бэн (курорт в Швейцарии) Н.-Д. с женой проводил лето 1926 г.; в Швейцарии жили мать и сестра Екатерины Николаевны.

4 Трудно сказать, по ошибке или в шутку О.Б. здесь и еще несколько раз ниже искажает фамилию С.А.Трушникова.

5 О.Б. ошибочно назвала нового для нее драматурга Леонова – Борисом.

6 Н.-Д. писал 25 августа:
“Скажите Мих. Петр. Гальперину, что мне читали (по телефону) его заявление, что в тяжелом положении студии виноват я, бросивший ее на произвол судьбы и предпочевший американские доллары. Я предпочел бы думать, что Гальперин не говорил обо мне такой непристойности, что он более осведомлен в делах студии и что эта заметка – обычное хулиганство театральных репортеров” (НД, № 358).

7 После “Пугачевщины”, которую успел выпустить сам Н.-Д., во МХАТе были поставлены “Горячее сердце”, “Николай I и декабристы”, “Продавцы славы”; подготовленную к показу “Белую гвардию” (“Дни Турбиных”) Репертком не разрешал, и пришлось продолжить переделки текста.

8 В старом театральном помещении на Б.Дмитровке обосновалась Музыкальная студия Н.-Д., не допущенная на территорию Художественного театра, но все же при содействии К.С. получившая “жилплощадь” в Москве, разделив ее с Оперной студией К.С.

100. № 3364/2.

1 30 сентября Н.-Д. откликнулся на этот вопрос:

“Привета 2-му МХАТу я не посылал. Я благодарил Берсенева за письмо. М.б., кстати, и пожелал им всего хорошего.

Или я желаю МХАТу 1-му всего дурного?..” (НД-4, т. 3, № 1158).

2 М.М.Тарханов играл в “Горячем сердце” городничего Градобоева, Н.П.Хмелев – дворника Силана, И.М.Москвин – Хлынова, Ф.В.Шевченко – Матрену. М.И.Пузырева на роль Матрены введена не была.

3 В.В.Лужский в пьесе Паньоля и Нивуа играл Башле, А.Л.Вишневский – Берлюро; М.А.Титова вслед за Р.Н.Молчановой играла невестку

Башле Жермену.

4 В спектакле по “Двум сироткам”, каким он был выпущен, роли Робеспьера не было.

5 Отвечая О.Б., Н.-Д. пояснял: “О «Хижине» Лидин мне не писал” (НД-4, т. 3, с. 155), а Лужскому несколько ранее, высказавшись по поводу планируемого репертуара, заметил, что ему “больше всего улыбается «Хижина дяди Тома»” (там же, с. 152).

6 Н.-Д. отчеркнул эти строки красным и приписал на полях: “Для детей младшего возраста”.

7 Н.-Д. отчеркнул этот абзац и приписал: “Да кто же настаивал на соединении со студией”.

8 Против этой строки Н.-Д. поставил восклицательный и вопросительный знаки.

9 Н.-Д. прокомментировал на полях эту информацию: “Все-таки!”

101. № 3364/3.

1 Возобновление “Вишневого сада” было предпринято только в 1928 г.

2 Н.-Д. телеграфировал: “Необходимо информировать московского представителя Амторга [нрзб.] ликвидации долга. Очень прошу Юстинова помочь сделать это. Потом немедленно информируйте Журбина. Привет. *Немирович-Данченко*” (НД, № 360).

102. № 3364/4. Пометка Н.-Д.: “Получено 25 октября”.

1 Этот абзац отчеркнут адресатом.

2 Дирижер В.Р.Бакалейников с группой оставшихся в США актеров Муз. студии осуществил тот “спектакль под Нью-Йорком”, о котором идет речь.

3 Вероятно, “привет и добрые слова” Н.-Д. через О.Б. передавал молодым актерам устно: в письмах его в 1926 г. имена Н.И.Сластениной, Н.В.Тихомировой и А.В.Жильцова не упоминаются.

103. № 3364/5.

1 На Малой сцене в комедии Островского О.Л.Книппер играла Турусину, Е.М.Раевская – мать Глумова, А.М.Дмоховская – Манефу. Качалов продолжал играть Глумова.

2 Все, касающееся спектакля “Дядя Ваня”, отчеркнуто адресатом.

3 В переводах П.Г.Ганзена и А.В.Ганзен на сцене МХТ с 1901 г. шли пьесы Ибсена; после революции П.Г.Ганзен вернулся к себе на родину, в Данию.

4 На полях приписка Н.-Д.: “Отчего же не шлете!”

5 В.А.Симов с сезона 1925/26 г. вернулся в МХАТ сперва как участник экспериментальной лаборатории при театре, а затем как руководитель художественно-постановочной части.

6 Против этого известия Н.-Д. поставил вопросительный знак. Приход В.Г.Сахновского в МХАТ он оценивал как событие (см. НД-4, т. 3, № 1160).

7 “Клеопатра” (“Египетские ночи”), опера Р.М.Глиэра (режиссер Л.В.Баратов), входившая в Пушкинский спектакль Музыкальной студии (премьера 11 января 1926 г.); возобновлялась для первого сезона вернувшейся в Москву студии.

8 Слова “надо и жизнь менять” Н.-Д. подчеркнул.

104. № 3364/6.

1 См. НД-4, т. 3, № 1158.

2 Т.е. всем администраторам, подобно Ф.Н.Михальскому имеющим отношение к выдаче бесплатных мест.

3 В дальнейшем постановку инсценированной повести Достоевского перепоручили другим: режиссерами премьеры 1929 г. были К.И.Котлубай и В.Г.Сахновский, художественным руководителем – Н.-Д.

4 В конце приписки – четыре густо вычеркнутых строки, прочесть которые не удается.

105. № 3364/7.

1 Текст в скобках отчеркнут адресатом.

2 Зал К.О. – зал “Комической оперы”; так было принято называть одно из репетиционных помещений, где до отъезда велись работы Музыкальной студии.

3 В открытие шел спектакль “Дочь Анго”.

4 Ф.Д.Остроградский был замдиректора в Оперной студии К.С.

5 Фраза отчеркнута адресатом.

6 Речь о готовящемся спектакле Оперной студии К.С.; “Царской невестой” она открыла свой сезон в театре на Б.Дмитровке 28 ноября 1926 г.

7 Л.В.Баратов восстанавливал репертуар студии по возвращении с зарубежных гастролей – вводил новых исполнителей, приспособлял декорации к новой сцене и пр.

8 Л.С.Белякова заменила оставшуюся в США первую исполнительницу роли Ланж – О.В.Бакланову.

9 Н.А.Подгорный был исполнителем роли Лушара на премьере “Дочери Анго”; в “Горячем сердце” он был занят в роли Аристарха.

10 Н.С.Анурина возглавляла тогда репертуарную контору МХАТ.

106. № 3364/8.

1 См. телеграмму, доставленную в МХАТ утром 9 ноября 1926 г.: “Удивлен требованием Наркомпроса от 11 октября подписью Ходоровского представить доклад о поездке Музыкальной студии. Спросите Любичского, снесите сами Наркомпросом, примите энергические меры. Протелеграфируйте Холливуд Унартистико Данченко” (НД, № 364).

2 Подчеркнуто адресатом.

3 Н.А.Полозова пела партию Заремы в “Бахчисарайском фонтане” А.С.Аренского, П.С.Саратовский и В.К.Ля-Туш – партии Алеко и Земфиры в опере С.В.Рахманинова “Алеко”.

4 Ио – персонаж трагедии Эсхила “Прометей”.

5 Методикой В.К.Сережникова для создания жанра коллективной декламации широко пользовались в художественной самодеятельности 20-х гг.

6 Театры МОНО – театры, находившиеся в подчинении Московскому отделу народного образования; УГАТ – управление государственными академическими театрами; в подчинении Главнауки числились некоторые студии (например, Студия Завадского).

107. № 3364/9. Машинописная копия с указанием даты, текст латинскими буквами.

108. № 3364/10. Машинописная копия с указанием даты, текст латинскими буквами.

109. № 3364/11.

1 Рассказ о делах в таможене отчеркнут адресатом.

Таможня конфисковала запрещенные к ввозу или неоплаченные пошлиной вещи из багажа возвращавшихся в СССР участников зарубежной поездки Муз. студии.

2 Против этого слова адресатом поставлен вопрос: “Кем?”

3 Отчеркивания на полях – вопросительный знак.

4 Работника Наркомпроса Митина (по другим сведениям – бухгалтера) в 1925 г. назначили “красным директором” МХАТ (до того его прочили в МХАТ Второй); этому энергично противодействовали, и Митин в театре не остался. В дальнейшем его имя стало в театре знаковым: Митин, т.е. угроза назначения “начальника” со стороны.

5 Отчеркивания на полях – вопросительный знак.

6 То же.

7 Отчеркнуто адресатом.

110. № 3364/12.

1 МГСПС – московский городской совет профессиональных союзов.

2 Вместе с В.В.Лужским подавали в отставку Д.И.Юстинов и М.М.Тарханов.

111. № 3364/13.

1 Речь об обрушении потолка во время репетиции “Царской невесты” (см. № 110).

2 Имеется в виду ревью “Последняя новость Нью-Йорка” (см. № 105).

3 Это письмо от 24 августа (см. НД-4, т. 3, № 1155).

4 23 ноября в стенной газете МХАТ Второго появился пасквиль “Размышления о бренном”, направленный против М.Чехова; это еще более усугубило раскол в труппе (см. в кн.: Чехов М.А. Лит. наследие в 2-х т. Т. 2. М., “Искусство”, 1995, с. 499).

5 В.С.Смышляев ставил трилогию Эсхила в МХАТ Втором (преьера 16 декабря 1926 г.).

112. № 3364/14.

1 ГУС – Главный ученый совет при Наркомпросе.

2 См. НД-4, т. 3, № 1160.

3 В.И.Блюм в это время руководил музыкально-театральной секцией Главреперткома.

113. № 11739. Машинопись латинскими буквами с пометкой: “Телегр. возвращена 4/XII за недоставкой адресату и 4-го же вновь послана по адресу 1945 Franclin Circle”.

114. № 3364/15.

1 МХАТ Второй в мае – июне гастролировал в Тифлисе, Баку и Ростове-на-Дону.

115. № 3364/16.

1 Дешевой полосой называлась часть билетов, которые распространялись по сниженным ценам для “рабочего зрителя”.

2 В предложенной Н.-Д. редакции оперы Ж.Бизе роль Микаэлы отсутствовала, ее ария передавалась “голосу Матери”.

3 См. НД-4, т. 3, № 1169.

116. № 3364/17.

1 Речь о сыне Л.Н.Толстого, Илье Львовиче. Н.-Д. имел с ним дело в Голливуде в связи с намерениями американцев экранизировать “Воскресение”.

2 Речь о роли Деяниры.

Спектакль “Трахинянки” Софокла не был завершен.

117. № 3364/18.

118. № 3364/19.

1 А.М.Эфрос предложил театру пьесу Жюль Ромена в своем переводе; помимо того существовало издание в серии “Новинки иностранной литературы” (Л., ГИЗ, 1925) с переводом и предисловием О.Э.Мандельштама.

К.С. думал о заказе нового перевода “Старого Кромдейра” Б.Л.Пастернаку.

2 В Москве оставались близкие родственники О.В.Баклановой; так, в вокально-драматической группе МХАТ работала ее сестра Н.В.Бакланова. Возвращение О.В.Баклановой в СССР не состоялось.

119. № 3364/20.

1 Имеется в виду Школа драматического искусства (так называемая “школа трех Николаев” – Н.О.Массалитинова, Н.Г.Александрова и Н.А.Подгорного), существовавшая до 1916 г.; после закрытия ее ученики составили ядро Второй студии.

2 О ситуации во МХАТ Втором см. в кн.: Чехов М.А. Лит. наследие в 2-х т. Т. 2, с. 505–523.

120. № 3364/21.

1 См. НД-4, т. 3, № 1168.

2 В.Л.Мчедлов преподавал в “школе трех Николаев” и после ее закрытия стал инициатором создания студии и ее опекуном; А.А.Стахович играл дядю Мику в “Зеленом кольце”, которым Вторая студия заявила о себе; педагогическому влиянию Е.П.Муратовой МХАТ был во многом обязан тем, что Вторая студия в 1924 г. оказалась “студией Корделией” и выразила желание соединиться с труппой “стариков”.

3 Н.А.Подгорный числился в “папашах” Второй студии как один из организаторов и педагогов “школы трех Николаев”.

Отчеркнув на полях письма один из абзцев, Н.-Д. приписал фамилию: “Массалитинов”. Как это и поняла О.Б., он был обеспокоен – не сочли ли лишним помянуть добрым словом эмигранта. Она поспешила ответить, что этого не случилось (см. № 127).

4 Фраза из письма Н.-Д. от 1 декабря (НД-4, т. 3, с. 166).

[1927]

121. № 3365/1.

1 Роль Турусиной в комедии Островского М.П.Лилина впервые сыграла в сезоне 1918/19 г., но после 1922 г. к ней не возвращалась.

2 См. НД-4, т. 3, № 1172 и 1173.

3 Понедельниками называли собрания труппы, устраивавшиеся в выходные дни в МХТ в 1919 г.; они предполагали как обсуждение актуальных проблем искусства, так и встречи (и концерты) с приглашенными деятелями культуры.

4 Отсылка к “Горю от ума”.

122. № 3365/2. Автограф.

123. № 3365/3.

1 21 и 22 января театры в Москве не играли (траурные дни – третья годовщина со дня смерти Ленина).

2 Старейшей актрисе МХАТ Е.М.Раевской шел 77-й год.

3 См. КС-9, т. 9, с. 242. Вместе с письмом К.С. послал А.В.Митропольской “Мою жизнь в искусстве”, недавно вышедшую в издательстве “Экономическая жизнь”.

4 После публикации рассказа “Без черемухи” (1926) Пантелеймон Романов был одним из писателей, наиболее читаемых и вызывающих споры в молодежной среде.

5 В письме от 2 января 1927 г. Н.-Д. писал: “Кстати: под «Турбинами» стоит режиссером один Судаков. А поставлено, говорят, хорошо. Отчего же его так мало оценили? Сужу по тому, что хоть бы я словечко услышал о Судакове. Я его поздравляю с таким успехом” (НД-4, т. 3, с. 175).

124. № 3365/4.

1 Имеются в виду И.И.Гудков, который в 1927 г. был зав. монтажной и постановочной частью, и главный машинист сцены МХАТ И.И.Титов.

2 На полях приписка Н.-Д.: “Нет. Хорошее письмо”.

3 На пожелание Л.М.Кореньевой, чтобы Н.-Д. выслали для корректив инсценировку “Дядюшкина сна”, Н.-Д. ответил припиской на полях: “Не надо”.

4 Речь о расчетах за спектакли во время гастролей Муз. студии по СССР. Н.А.Подгорный, занятый в них и ответственный за поездку, расстался со студией, когда она отбывала за границу.

125. № 3365/5.

1 С.Л.Кузнецов играл в “Доходном месте” Юсова.

2 См. НД-4, т. 3, № 1168. Восклицательные знаки там, скорее всего, лишь знак сожаления Н.-Д. о своем неосуществленном замысле.

3 В.В.Лужский бессменно играл в “Мудреце” Нила Федосеича Мамаева.

126. № 3365/6.

1 Н.-Д. интересовался исполнителями в возобновлявшемся спектакле “У врат царства”.

2 См. НД-4, т. 3, № 1179.

3 И.Л.Цитринник, как и сменивший его А.А.Рошет, были заняты в “народных сценах”.

4 *Смолинский стих* – комедия Аристофана шла в переводе Д.П.Смолина, качество которого не отвечало уровню постановки.

127. № 3365/7.

1 В возобновлении драмы Гамсуна упоминаемые актеры играли: К.Н.Еланская – Элину, В.И.Качалов – Ивара Карено, Н.А.Подгорный – профессора Гиллинга, В.А.Синицын – доктора философии Карстена Иервена, С.Н.Гаррель – Натали Ховинд, невесту Иервена, В.Я.Станицын – журналиста Бондезена.

2 Н.А.Подгорный играл в “Женитьбе Фигаро” учителя музыки Базиля.

3 Н.Г.Александров в “Продавцах славы” играл журналиста Ришбона.

128. № 3365/8. Последний лист не разыскан.

Письма, посланные О.Б. за номерами 28, 29, 30, 31, 32, в архиве отсутствуют, хотя они в свое время дошли до адресата (на письмо, по подсчетам О.Б. 28-е, Н.-Д. ей ответил; о дошедших до него письмах № 29 и 31 он упоминал в письме от 4 мая; письма № 30 и 32, заново перепечатанные О.Б. по хранившимся у нее копиям, также были хоть с запозданием, но доставлены – см. письмо Н.-Д. от 16 июня (НД-4, т. 3, № 1195). В архиве их нет.

129. № 3365/9. Первый лист не сохранился.

Датируется по содержанию (телеграммы в опровержение слухов о смерти брата Н.-Д., Василия Ивановича, пришли после 9 апреля 1927 г.) и по строке в письме от 27 апреля (№ 3365/10): “Две недели не писала Вам – Вы знаете, почему”.

1 Н.-Д. писал 19 марта:

“При всем том, что Вы и эгоистичны, и в достаточной мере легкомысленны, я считал Вас человеком настолько высокой культуры, духовной культуры, что когда Вы думаете обо мне, говорите обо мне или пишете мне письма, – будете чутки к самому важному в моей душе или в моих настроениях, к самому глубокому... Таковы были мои расчеты на Вас. Вот почему я читал многое в Ваших письмах сперва с изумлением, а потом с сожалением.

Я вполне понимаю, что, желая чувствовать себя в театре хорошо и дальше, чувствуя себя хорошо, Вы хотели бы, чтобы и все то, что заколодило мои взаимоотношения со “стариками”, куда-то скорее испарилось, перестало напоминать о себе. Но как же Вы себе представляли это? Что для этого достаточно Ваших добрых намерений и добрых слов ко мне? [...]

Вы читаете письмо мое к Качалову и находите те слова, которые должны были его обидеть. Человека бьют, он кричит, а те, которые бьют, обижаются, зачем он кричит; а главное в моем письме – разрушение всех моих художественных замыслов – летит мимо Вас так же, как мимо моих соратников “стариков”. Вы великолепно знаете все, а пише-

те письма так, как будто этого *всего* или совсем нет и не было, или это, право, все пустяки, и я напрасно придаю этому цену... [...]

И сейчас я малодушничая, что разговорился, я решил отмалчиваться. Но пусть Вы поймете мое молчание, если не понимали до сих пор” (НД, № 376).

130. № 3365/10.

1 За подписью К.С. и от имени “неизменно любящего родного театра” в адрес Н.-Д. была направлена телеграмма – поздравление с Пасхой (КС-9, т. 9, № 255). Ответ Н.-Д., поразивший О.Б. сухостью, звучал: “Сердечно благодарим всех вспомнивших нас. *Немирович-Данченко*” (НД-4, т. 3, № 1190).

2 Ю.А.Завадский готовил роль графа Альмавивы.

3 О.Н.Андровская играла Сюзанну.

4 М.М.Тарханов играл судью Бридуафона, В.В.Лужский – доктора Бартоло, Н.А.Подгорный – Базиля.

5 М.И.Прудкин впервые сыграл Фигаро только в сезоне 1929/30 г. Роли Яго в сильно задерживавшейся постановке “Отелло” он не играл, она перешла к В.А.Синицыну.

6 В.Д.Бендина играла Фаншетту.

7 Московские театры на какое-то время вернули себе право не работать под конец Страстной недели (Пасха весной 1927 г. приходилась на 24 апреля).

131. № 11740. Машинопись, текст латинскими буквами.

Дата проставлена отправителем.

132. № 3365/11.

1 Актер М.П.Чупров выступил против руководства МХАТ Второго со статьей “Настало время” в “Новом зрителе” (1927, 23 марта).

2 Речь о намечавшемся возвращении М.М.Климова из театра Корша в Малый театр.

3 Телеграмма Н.-Д. не найдена.

О конфликте в МХАТ Втором подробно Н.-Д. написала С.В.Гиацинтова (это письмо хранится в архиве Н.-Д.). Она информировала его о разногласиях, приведших к стычке между актерами, группировавшимися вокруг М.А.Чехова, и теми, кого возглавили А.Д.Дикий и О.И.Пыжова. На первой стадии этот конфликт (при поддержке Луначарского) был разрешен в пользу Чехова; Дикий и его сторонники ушли из МХАТ Второго.

4 Краснодар до 1920 г. назывался Екатеринодаром; Екатеринослав же (город, близ которого находилось имение Корфов Нескучное) стал с 1926 г. Днепрпетровском.

133. № 3365/12.

1 “Путешествие Вениамина III” (пьеса И.М.Добрушина по прозе Менделя Мойхер-Сфорима) было поставлено в Еврейском Камерном театре А.М.Грановским, художник Р.Р.Фальк; в спектакле главные роли играли С.М.Михоэлс и В.Л.Зускин.

2 На премьере “Сестер Жерар” (“В буре времен”), состоявшейся только в начале сезона 1927/28 г., роль графа де Линьера все же играл В.Л.Ершов.

3 В 1927 г. Леонидов снимался в фильме “Его превосходительство” (режиссер Г.Л.Рошаль) в ролях губернатора фон Валя и раввина.

4 Иллюстрированная брошюра “Московский Художественный Театр. Гастроли театра в Ленинграде. 1927” с подзаголовком “Краткий исторический очерк” была выпущена без указания автора и тиража.

134. № 3365/13.

135. № 3365/14. Пометка Н.-Д.: “Отв. 29 июня”.

1 Н.П.Хмелев играл Костылева, Б.Г.Добронравов – Ваську Пепла.

2 А.Л.Вишневский играл дядю Ваню, который в 3-м акте стреляет на сцене в профессора Серебрякова.

136. № 3365/15.

1 Речь о письме от 18 мая (НД-4, т. 3, № 1193).

2 См. НД-4, т. 3, № 1194.

3 Вероятно, имеется в виду напряженное международное положение: в конце мая 1927 г. произошел разрыв дипломатических и торговых отношений с Англией, 7 июня в Варшаве был убит посол СССР П.А.Войков, нападениям подверглись консульства в Китае и пр. Осложнилась и внутренняя жизнь страны, разборки в ВКП(б) (исключение из партии Л.Д.Троцкого и пр.).

4 В письме от 18 мая 1927 г. Н.-Д. с раздражением спрашивал: “...чьи информации у Зин. Григ. Морозовой? которая – несмотря на свою близость к театру, несмотря на миссию, какую она взяла на себя, – находится в полной уверенности, что причина моего разлада со “стариками” – мое требование соединить Муз. студию с театром!!” (НД-4, т. 3, № 1193).

5 В письме к О.Б. от 18 мая 1927 г. (НД, № 379) Н.-Д. писал:

“Будьте благополучны! Да, будьте благополучны, но: зная свою склонность к экзальтации; некоторую любовь к преувеличенным симпатиям не по существу, а по текущим настроениям, способность терять контроль над своим нервом без важного повода, без важного повода впадать в тахішм возбуждения, как в увлечении, так и в гневе, – зная все это (а если не знали, то знайте), не переставайте справляться с какой-то самой настоящей правдой, которая находится где-то в самой-самой глубине Вашей души, дышит там, может быть, иногда стесняется, прячется, но остается всегда готовой воспрять и воцарить над душой, как только ее позовут.

Неугомонный или непрошенный учитель

Вл.Ив.

Это ш, а не щ!”

137. № 3365/16. Пометка Н.-Д.: “Без ответа”.

1 См. НД-4, т. 3, № 1195.

2 Вероятно, О.Б. высылала книжку А.Р.Кугеля “В.Качалов. Жизнь и творчество”, М.–Л., “Театропечать”, 1927.

Пикфёр – так в письме объединены имена М.Пикфорд и Д.Фербенкса. Серию книжечек-портретов кинознаменитостей выпускало издательство “Театропечать”.

138. № 3365/17.

1 В августе 1927 г., незадолго до открытия сезона, Репертком категорически запретил показывать “Дни Турбиных”.

139. № 3365/18.

1 См. НД, № 11789: “Телеграфируйте высылке “Цены жизни”, разрешения “Турбиных”, “Дяди Вани”. Привет. *Немирович-Данченко*” (этот запрос был получен в театре 14 сентября 1927 г.).

2 В “Вечерней Москве” от 14 сентября прошла весьма неточная информация под заглавием “В Музыкальной студии б. МХАТ”. Сообщалось о приглашении Д.И.Юстинова как ее директора. “В середине октября ожидается возвращение в Москву Вл.Ив.Немировича-Данченко, который будет руководить художественной частью студии. В октябре предполагаются гастроли заслуженного артиста Н.Ф.Монахова в музыкальных комедиях «Дочь Анго» и «Перикола»”. Этих гастролей, кажется, и не планировали.

3 “Пути развития театра” – под таким заглавием был издан “Стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г.”. М., “Театринопечать”, 1927.

140. № 3365/19.

1 Эта телеграмма была послана по получении от К.С. соболезнования по поводу кончины А.И.Южина (КС-9, т. 9, № 275). Н.-Д. отвечал: “Перед свежей могилой друга протягиваю Вам руку на полное примирение и полное забвение всех взаимных обид” (НД-4, т. 3, № 1204). К.С. 21 сентября в свой черед спешил ответить: “Бесконечно счастлив. Жмите крепче давно протянутую руку для полного примирения, полного забвения всех взаимных обид, полного слияния, как встарь. Вместе жить, вместе умирать...” (КС-9, т. 9, № 276).

Стоит дополнить этот обмен телеграммами тем текстом, который был составлен в Художественном театре 24 сентября: “Нам бесконечно дорого, что в минуты такого острого горя Вы вспомнили нас и поделились им с нами, близкими Вам прожитою вместе жизнью, успехами, провалами, всеми радостями и страданиями. Все это спаяло нас, мы не можем быть не вместе. Все мы протягиваем Вам свои руки, все крепко Вас обнимаем и безгранично счастливы полным примирением. Мы ждем Вас, дорогой Владимир Иванович, с радостью и волнением” (НД, № 6557, машинопись с подписями-автографами: И.Москвин, О.Книппер-Чехова, С.Халютин, К.Станиславский, Л.Леонидов, Е.Раевская, В.Грибунин, М.Николаева, Н.Александров, Василий Качалов, А.Вишневский, В.Лужский, М.Лилина, Л.Коренева, Ник.Подгорный).

141. № 3365/20.

1 См. КС-9, т. 9, № 273.

142. № 3365/21.

1 Речь о 10-летию Октябрьской революции.

2 Уколами камфары в начале XX века поддерживали слабеющее сердце.

143. № 3365/22.

[1930]

144. № 11580. Первый лист письма не разыскан.

Датируется по содержанию (третий день гастролей МХТ в Тбилиси, начавшихся 15 мая 1930 г.).

Цикл писем № 144–170 был вызван необходимостью держать Н.-Д. в курсе жизни группы, выехавшей на гастроли в Грузию, Азербайджан и Украину (№ 144–155), а затем информировать его – во время его отъезда, который он проводил за границей, – о начале сезона 1930/31 г.

1 Упомянутые актеры были заняты в обоих спектаклях: В.Я.Станицын играл в “Горячем сердце” Васю Шустрого, в “У врат царства” – Бондзена; К.Н.Еланская – Параша в “Горячем сердце” – во “Вратах” играла Элину; Н.А.Подгорный – Аристарх в “Горячем сердце” – во “Вратах” играл профессора Гиллинга.

2 Часть труппы МХТ оставалась в Москве, продолжая играть спектакли и готовя выпуск двух последних премьер сезона, “Нашу молодость” и “Три толстяка”. Премьера пьесы “Наша молодость”, которую Н.-Д. подписал как художественный руководитель постановки (режиссер Н.Н.Литовцева), состоялась 15 мая.

3 Речь об оформлении документов для предстоящей заграничной поездки Н.-Д.

4 *Гаврила* – действующее лицо “Горячего сердца”.

5 УЗП – Управление зрелищными предприятиями.

145. № 11572.

1 16 мая 1920 г. состоялось первое представление “Дочери Анго”; этот день отмечался как дата рождения Музыкального театра им. Н.-Д.

146. № 11573.

1 А.В.Жильцов играл в “Вишневом саде” Лопухина.

147. № 11575 и 11576. Разрознившиеся листы одного письма сохранились в архиве под двумя номерами.

1 Б.А.Мордвинов играл в “Рекламе” мужа главной героини, Амоса Харта, а М.И.Прудкин – адвоката Билли Флинна.

2 Вот текст телеграммы на имя Гейтца, полученной в Тбилиси 25 мая и перепечатанной О.Б.: “Первый акт успех очень большой, второй, много выигравший от переделок и купюр, гораздо лучше, чем вчера; третий стройно и с большим успехом; четвертый блестяще. Общий успех прекрасный, настроение участников очень хорошее. Привет. *Немирович-Данченко, Телешева, Горчаков*”. Фраза “гораздо лучше, чем вчера”, объясняется другой телеграммой, которую Н.-Д. набросал накануне: “Публичная генеральная. Успех первого и последнего актов блестящий. [Нрзб.] скучно. В “Башне” несколько больших технических накладок, уронивших в третьем действии настроение актеров. По окончании овации. Спектакль шел пять часов. Будем делать еще купюры. Привет” (НД, № 628).

3 Оперу М.Лотара “Тиль Уленшпигель” Н.-Д. ставил в своем Музыкальном театре (преьера 26 февраля 1931 г.).

148. № 11577.

1 В.Ф.Грибунин был в “Воскресении” первым исполнителем роли Председателя суда, которую играл в очередь с А.Л.Вишневым.

149. № 11578.

1 Обстоятельства, как и мотивы трагической смерти В.А.Синицына до сих пор не прояснены.

Об остальных бедах, свалившихся на МХАТ, см. в письме Н.-Д. к М.С.Гейтцу (НД-4, т. 3, № 1282): В.Д.Бендину срочно оперировали по поводу аппендицита, Б.Н.Ливанов получил тяжелую травму ноги и выбыл на несколько недель. В какой связи в письме О.Б. упоминается И.М.Кудрявцев, установить не удается (в инциденте с Ливановым, как писал Н.-Д., был замешан А.Н.Грибов, также выбывший из работы на несколько дней).

2 В.Л.Ершов играл Бориса Годунова, Н.А.Шульга – Ивана Петровича Шуйского.

3 По распоряжению Наркомпроса на непрерывную рабочую неделю театры стали переходить в начале сезона 1929/30 г. Спектакли в театрах давались ежедневно (“непрерывка”); в связи с этим в коллективах были отменены единые выходные дни, каждый получал их индивидуально после пяти дней работы.

4 Художником “Бронепоезда 14-69” на сцене МХАТ был В.А.Симов; В.В.Дмитриев, сблизившийся с театром после работы над “Воскресением” и вошедший в штат, готовил портативный вариант оформления.

150. № 11579.

151. № 11581.

1 “Первая Конная” – первая пьеса Вс.Вишневого. Планом постановки ее увлекался Н.П.Хмелев.

И.М.Москвин в отсутствие М.С.Гейтца руководил гастрольной поездкой.

2 П.В.Лесли играл в “Рекламе” полицейского Майкла, одновременно следя за спектаклем как ассистент режиссера.

3 А.И.Степанова на гастролях играла в “Вишневом саде” Аню, В.П.Баталов был занят как помощник режиссера.

4 В.Л.Ершов в “Горячем сердце” играл Барина с большими усами.

5 Идея театра, обслуживающего промышленные районы страны, вылилась в создание Московского Рабочего Художественного театра; одним из организаторов и ведущим актером МРХТ стал Б.Ю.Оленин (Гиршман), ученик школы МХАТ и его сотрудник в 1925–1929 гг. Вероятно, Марина – это стажерка МХАТ в 1924–1925 гг. Н.И.Марина.

152. № 11582.

1 В спектакле “На дне” Ф.В.Шевченко играла Василису.

2 А.М.Комиссаров в “Рекламе” играл фотографа Беба, в “Бронепоезде” – Серезу.

153. № 11583.

1 ЦЕТЕТИС (Центральный техникум театрального искусства) – театральное учебное заведение, под этим названием существовавшее с 1925 г.; в 1935-м преобразовано в ГИТИС.

154. № 11584.

155. № 11585. Писем из этого цикла, которые по подсчету О.Б. носили номера 14 и 15, в музее не имеется. Так же нет писем с авторскими номерами 18 и 19.

1 К.Н.Еланская в основном составе “Бронепоезда” играла Варю, невесту Незеласова. Участие в гастрольных спектаклях Е.А.Алеевой как исполнительницы этой роли не отмечено в списках, как не отмечены и остальные спешные замены (см. МХТ в иллюстрациях и документах. М., 1938, с. 397).

2 Как следует из протокола заседания режиссерского совета МХАТ 2 марта 1930 г., Н.Р.Эрдману была заказана комедия, которую он должен был представить к 15 сентября 1930 г. Но до срока выполнения заказа на заседании художественного совещания при дирекции МХАТ 1 июля 1930 г. в протокол записали:

“Слушали: О пьесе Н.Эрдмана “Самоубийца”.

Постановили: Ввиду того, что пьеса представляет собой прекрасный художественный материал и может быть поставлена театром как сатирическое произведение, познакомить М.Гейтца с этой точкой зрения художественного совещания. [...]

Такая пьеса дает возможность театру отозваться со всей силой на поставленные нам современной советской действительностью вопросы, волнующие зрителя. Пьеса дает материал МХАТ диалектически развить свой творческий метод, отойдя от узкого психологизма”.

Вероятно, Эрдман выезжал в Баку знакомить со своей пьесой тех членов художественного совещания, которые 1 июля находились вне Москвы.

156. № 11586.

1 Поправлявшийся после долгой болезни К.С. перед своим возвращением из-за границы с августа 1930 г. находился в Баденвейлере, куда и разрешено было ехать Р.К.Таманцовой.

2 Речь о пьесе “Ясный Лог” (см. НД-4, т. 3, с. 290).

3 Имеется в виду В.А.Хлудова – старая, с дореволюционных лет, приятельница Н.-Д. (она обращалась к нему под конек: “Дорогой мой, теперь единственный друг”).

С семейством фабрикантов и благотворителей Хлудовых Н.-Д. был близок в молодости; в 1883 г. “летом у Хлудова в деревне писал «Гемный бор»” (НД-4, т. 4, с. 509). Вера Александровна стала одной из тех, кому Н.-Д. оказывал денежную поддержку – в советские годы она по своему социальному происхождению была “лишенкой”, т.е. не имела права на муниципальное жилье, на больницу и т.п. Получив посланное ей, она писала Н.-Д.: “Я не буду распространяться в выражениях моей глубокой благодарности и скажу только, что Вы всегда приходите мне на помощь в самые тяжелые для меня минуты. Но мне крайне тяжело, что Вы послали мне такую крупную сумму” (НД, № 6131/2). В письме от 1937 г.: “Вы точно ясновидящий узнали о моем бедственном состоянии, и Ваши

деньги для меня упали как с неба”. Деньги, как выясняется из продолжавшейся переписки, понадобились младшей сестре Хлудовой Н.А.Кун (в Москве была арестована ее дочь). См. далее, примеч. 2 к № 393.

4 “Ударные бригады”, составленные в основном из актеров младшего и среднего поколения МХАТ, создавались для художественного обслуживания отдаленных областей страны.

157. № 11587.

158. № 11588.

1 Хлопоты, которые приходилось вести на уровне руководящих работников ОГПУ (Г.Г.Ягода), а в дальнейшем обращаться с письмом-ходатайством к председателю Совета народных комиссаров СССР В.М.Молотову, касались М.В.Немировича-Данченко. Ему было рекомендовано лечение в одной из клиник Германии, но рассматривавшая этот вопрос комиссия отказала в визе.

Н.-Д. 7 августа 1930 г. писал Г.Г.Ягоде: “Мой сын – артист Музыкального театра моего имени – вот уже второй год испытывает потерю слуха. Лечение у проф. Заседателя не помогло (имеется его свидетельство). Так как для музыкального актера потеря слуха – катастрофа, то естественно я хочу испробовать все средства. Я внимательно расспросил о положении этой болезни в Берлине и очень поверил в то, что там мой сын выправится. [...] Я сговорился с двумя блестящими представителями медицины – Вонхофером и Брюхе. [...] Убедительно прошу разрешить этот выезд” (НД, № 2576).

Уточнить фигуры, упоминаемые в связи с хлопотами о выезде приемного сына Н.-Д. за рубеж, мы смогли лишь предположительно.

Остаются нераскрытыми имена – Крымов, таинственный Александр Петрович.

Влад. Дав. (Вл. Д.) – скорее всего, В.Д.Зельдович; после Наркомпроса, где он работал при Луначарском, Зельдович перешел в Малый театр. Раскрыть личности и должности Крымова и его шефа Ал. П., не удастся. Также не удастся уточнить, кто такой Вен. Леонг. (вероятно, Венедикт или Вениамин Леонгардович) – фигура из круга Ягоды (здесь присутствующего как Г.Г.).

159. № 11589.

1 К неприятностям М.В.Немировича-Данченко из-за задержки его визы присоединилась еще одна: во время его поездки с Музыкальным театром “его в Кисловодске на квартире до ниточки обокрали. Он остался без всего” (НД-4, т. 3, с. 294).

160. № 11590.

161. № 11591.

1 Е.Г.Сухачева, которая была актрисой Первой студии по 1923 г., рассталась с ней, выйдя замуж и уехавши в Турцию. Ее возвращение во МХАТ Второй не состоялось.

162. № 3367/1. Текст на бланке и машинописи латинскими буквами.

Дата проставлена на машинописи.

1 В.М.Молотов в 1930–1941 гг. был председателем Совнаркома СССР.

163. № 11592.

1 См. № 158 – речь о В.М.Молотове.

164. № 11593.

1 1 сентября Н.-Д. писал, что он запомнил, когда МХАТ начинает сезон, а О.Б. ему не повторила даты (НД-4, т. 3, № 1295).

2 Текст этого обращения см. НД-4, т. 3, № 1294.

3 Н.П.Хмелев вводился на роль Базиля в связи с затяжной болезнью первого исполнителя, Н.А.Подгорного.

4 М.М.Яншин должен был играть роль Мозглякова (заменив погибшего В.А.Синицына).

5 В.П.Истрин, об уходе которого шла речь, в “Дядюшкином сне” играл Москалева-отца.

6 Этот абзац – ответ на письмо Н.-Д.:

“Скажите Сахновскому, что я в полном недоумении. Я все жду и жду, что вот-вот он или Булгаков пришлют мне наконец подробнейший план сцен из «Мертвых душ». Так сказать, на мой окончательный суд. А оказывается, не только существует уже план, но уже есть и готовый экземпляр и – самое замечательное – настолько готовый, что уже имеется перевод его на немецкий язык с титулом: «Экземпляр Московского Художественного театра». Я сам своими глазами видел этот экземпляр. Вот какие дела!” (НД-4, т. 3, с. 295).

165. № 11594.

1 Речь о постоянно посещавшемся Н.-Д. Литературно-художественном кружке; по 1919 г. (в 1920-м он прекратил свое существование) он занимал отделанное Ф.О.Шехтелем помещение на Б.Дмитровке (д. 15а), рядом с Музыкальным театром.

2 Фамилию Лакшин в труппе носили двое, один из них выступал на сцене под фамилией Ангаров; в данном случае, вероятно, речь о Я.И.Лакшине.

3 О.Б. напоминает, кого именно в сцене “Деревня” должен и будет играть М.М.Тарханов: того, кто произносит одобрительные слова – “голова этот Джоржа”, – когда Нехлюдов втолковывает мужикам свой проект насчет земли и идеи американского экономиста Генри Джорджа. В первом составе эту роль исполнял А.Н.Грибов.

4 Несмотря на жалобы Яншина, в результате на роль Солдата в “Нашей молодости” был введен именно он.

5 “Дымная межа” – авторская инсценировка одноименного рассказа Анны Караваевой на материале гражданской войны в Сибири. В сезоне 1929/30 г. она была принята к постановке в МХАТ (режиссер Лужский). По образцу “Воскресения” вводилось Лицо от автора (здесь его называли Посредником, эту роль поручили А.А.Монаховой). Приостановленные в декабре работы по рекомендации художественно-политического совета МХАТ с 1931 г. должны были возобновиться (выпуск назначался на Малой сцене, заняты были актеры младшего поколения – Тихомирова, Бутюгин, Калинин, Сафонов, Грызунов, Блинные). Спектакль не состоялся.

6 Н.Ф.Кемарская была в эту пору женой В.Л.Ершова.

7 В.В.Полонская играла в “Нашей молодости” Варю.

166. № 11595.

1 Ю.А.Завадский был задержан ОГПУ (из-за его связей с арестованными в Москве членами кружка антропософов).

2 Имеется в виду визит в Москву германского дирижабля, названного по имени его конструктора “Граф Цеппелин”.

167. № 11596.

168. № 11597.

1 О переговорах с М.Рейнхардтом по поводу постановки “Воскресения”, в которой предполагалось участие М.А.Чехова и М.В.Добужинского, см. НД-4, т. 3, № 1293. Переговоры эти не дали результатов из-за финансовых проблем.

2 В письме от 15 сентября Н.-Д. спрашивал, приходили ли из шведского театра за фотографиями “Власти тьмы”, и просил дать, что можно – “Конечно, за деньги” (НД-4, т. 3, с. 296).

169. № 11598/1.

1 Речь в данном случае идет о профсоюзе.

2 Музыка к спектаклю “Наша молодость” написал В.Я.Шебалин.

3 “Морозовской” в театре по старой памяти называли ложу дирекции.

4 М.И.Сафонов, а затем заменивший его Н.А.Шульга играли не Ново-дворова, а Набатова (Новодворова играл на премьере А.М.Карев).

170. № 11599.

1 А.М.Дмоховская играла в “Трех толстяках” Главного повара, Н.М.Горчаков смог подменить ее, будучи режиссером спектакля.

2 Немецкий режиссер Э.Пискатор, член Компартии Германии с 1919 г., активно действовал в поддержку Советов, став в 30-е гг. одним из руководителей Интернационального рабочего театрального союза.

3 Вероятно, В.Л.Нардову (брату О.Л.Книппер) было поручено приветствовать Пискатора в силу того, что он в совершенстве владел немецким.

4 Инсценировка прозы Глеба Успенского была осуществлена М.С.Нароковым.

5 Борис Эрдман был художником “Трех толстяков”.

171. № 11600.

172. № 11546.

1 Пьеса А.Наврозова “Хороший человек” обсуждалась в театре на предмет ее включения в репертуар.

173. № 11601.

1 Роман “Луна и грош” принадлежит английскому писателю Сомерсету Моэму.

2 “Зеленая шляпка” – роман английского писателя Майкла Арлена (с подзаголовком “Роман для нескольких”).

3 Процесс Промпартии (Промышленная партия, Союз инженерных ор-

ганизаций) был инсценирован в конце 1930 г.; виднейшие инженеры и строители были обвинены во вредительстве на транспорте и в промышленности (что позволило оправдать ряд провалов пятилетнего плана).

174. № 11547.

1 *Фербенксы* – О.Б. имеет в виду супружескую пару: американских киноактеров Дугласа Фербенкса и Мэри Пикфорд.

175. № 11548.

176. № 11549.

1 Н.-Д. был озабочен тяжелым положением профессора А.В.Цингера и его семьи. Цингер с женой, ученицей Н.-Д. по Филармоническому училищу, актрисой МХТ В.Н.Павловой, с начала 20-х гг. жил в Германии, куда выехал для лечения; жили они там в основном на деньги за переиздания учебников Цингера, продолжавших выходить в СССР, но к началу 30-х гг. эти выплаты прекратились; Н.-Д. старался оказать помощь бедствующей семье.

2 Сцена расклейки листовок героями подполья – один из ударных моментов пьесы Карташева.

177. № 11602.

178. № 11603.

179. № 11604.

1 Безайс и Матвеев – главные герои “Нашей молодости”. В первом составе, когда спектакль выпускал Н.-Д., эти роли играли соответственно Н.И.Дорохин и И.М.Кудрявцев.

2 К А.Б.Халатову по делам А.В.Цингера и его гонимых за переиздающиеся в СССР учебники хотел обратиться как к председателю правления Госиздата (Халатов занимал эту должность в 1927–1932 гг.).

180. № 11605.

1 См. НД-4, т. 3, № 1300. Отклики внутри театра на это письмо О.Б. передает Н.-Д. и в своих последующих письмах (№ 181, 182).

2 25 ноября 1930 г. в городах СССР состоялась демонстрация под лозунгом: “На вылазки классовых врагов, иностранных интервентов, белоэмигрантов, вредителей и кулаков ответим беспощадной расправой”. В Москве мимо Дома Союзов, где в это время зачитывалось обвинительное заключение на начавшемся в Колонном зале процессе Промпартии, по сведениям “Правды” прошло 1 200 000 манифестантов, их плакатам (“Пролетарский суд не должен дать пощады”) отвечали заголовки в газете: “Вредителей расстрелять, промфинплан перевыполнить”; “Когти хищников будут отрублены”; “Когда враг не сдастся, его уничтожают” (“Правда” от 26 ноября).

3 Н.-Д. просил уведомить В.М.Киршона, что не он, Н.-Д., вносит предлагаемые автору изменения (см. НД-4, т. 3, № 1300).

4 Замыслы художника В.В.Дмитриева, органически единые с исходными идеями Булгакова и Сахновского, в дальнейшем были отодвинуты решениями, которым подчинил инсценизацию Гоголя К.С.

181. № 11606.

1 Пьеса Б.С.Ромашова “Смена героев” в Малом театре была поставлена М.С.Нароковым, художник А.А.Арапов.

2 Пьеса Н.Ф.Погодина, принесенная в Театр им. Вахтангова режиссером А.Д.Поповым, после его ухода была поставлена группой актеров (О.Н. Басов, К.Я.Миронов, А.А.Орочко, Б.В.Щукин).

182. № 11607.

1 Н.-Д. в своей записке весьма холодно оценивал сделанное новыми исполнителями комедии К.Гольдони (К.Н.Еланская играла тут Мирандолину, Б.Н.Ливанов – Кавалера) – см. НД-4, т. 3, № 1301. Переработанный спектакль был выпущен на сцену МХАТ лишь в апреле 1933 г.

2 Номер стенгазеты с выступлением анонима, задевавшим Л.М.Леонидова, не сохранился.

183. № 11550.

1 28 ноября во МХАТ Втором играли премьеру пьесы украинского драматурга И.Микитенко (режиссер Б.М.Сушкевич).

[1931]

184. № 11620.

1 Речь о пьесе Н.Ф.Погодина “Дерзость”; автор собирался оспорить в Главискусстве и Всероссийском комитете драматургов (Всероскомдрам) очередные претензии театра к уже принятому тексту (пьеса строилась на злободневном материале – опыте молодежных коммун-общезитий).

2хлопоты касались вдовы одного из старейших актеров МХТ Н.Г.Александрова, скончавшегося 3 ноября 1930 г.

3 Каунас (б. Ковно) был столицей Литовской республики; особое участие В.И.Качалова в юбилее тамошнего театра связывалось с тем, что он был уроженцем Литвы и провел там молодые годы.

185. № 11621.

1 Б.Г.Добронравов готовил в пьесе В.М.Киршона роль секретаря окружкома ВКП (б) Михайлова.

2 Имеется в виду роль в “Мертвых душах” (впоследствии изъятая из спектакля).

3 Ф.Я.Кон в 1930–1931 гг. был заведующим сектором искусств Наркомпроса.

186. № 11622.

1 22 января 1931 г. отмечалось 25-летие начала революции 1905 г. (“кровавое воскресенье” – 9 января ст. ст.).

2 Речь о секретаре председателя Совнаркома А.И.Рыкова – Е.В.Артеменко, с которой театр поддерживал дружеские отношения.

Есть несколько благодарных отзывов о ней в письмах К.С. (он называет ее Катей); некоторое время после ухода Гейтца он станет думать о ней как о желательном члене руководства МХАТ.

3 На следующий день О.Б. послала письмо, дополняющее то, чего “не дописала”: речь шла о том, как избежать злоупотреблений с билетами на директорские места на Большой и Малой сценах, которыми стал распоряжаться В.М.Никитин. Извещала также о диспуте в МОНО на тему: “Каким должно быть советское кино?” и о предстоящем визите М.С.Гейтца вместе с директором Малого театра в Наркомпрос “по вопросу о ленинградской поездке” (НД, № 11623).

187. № 11624.

1 См. НД-4, т. 3, № 1298. Указанная там предположительно дата может быть уточнена: после 16 января 1931 г.

2 Вот текст письма В.М.Киршона от 15 января 1931 г. (НД, № 4327): “Дорогой Владимир Иванович!

Большое спасибо за письмо, которое Вы мне прислали.

Вы ведь прекрасно знаете, что когда работа приходит к концу, то авторам, то режиссеру, то актерам вдруг начинает казаться, что на сцене жуть и что четыре месяца готовили себе провал. В это время нужна твердая дружеская поддержка, спокойствие и веские слова.

Таким словом явилось для меня Ваше теплое письмо. Оно очень взволновало и подбодрило меня.

Мне очень жаль, Владимир Иванович, что не смогли руководить постановкой.

Как плохо вообще, что болезнь мешает Вам руководить творческой жизнью театра.

Желаю Вам скорей выздороветь

Крепко жму руку. *В.Киришон*".

3 Так называлась одна из картин спектакля.

4 Режиссерами "Хлеба" были И.Я.Судаков и ассистировавший ему М.Н.Кедров.

188. № 11553.

1 Добронравов играл в пьесе Ф.А.Ваграмова "Взлет" (премьера 20 октября 1930 г.) летчика Кирсанова.

2 Тарасова играла в "Хлебе" Ольгу, Кедров – кулака Квасова.

3 Письма Н.-Д. к Киришону, за которое тот благодарил (см. примеч. 2 к № 187), в архиве нет.

189. № 11625.

1 Иллюстрированный журнал "Советский театр" выходил в Москве с 1930 г. (в 1933 г. переформирован в журнал "Театр и драматургия"). Афиногенов был его ответственным редактором, Гейтц входил в редакцию.

190. № 11626.

191. № 11627.

192. № 11628.

1 Ф.Я.Кон был одним из старейших партийных работников, свою деятельность на этом поприще он начал в 1882 г., вступив в польскую партию "Пролетариат"; эта дата и отмечалась торжественным чествованием.

193. № 11636.

1 Супруги Я.И. и М.А.Гремиславские оба работали еще в Обществе искусства и литературы и вошли в МХТ при его создании; они работали над гримами в "Царе Федоре", чеховских спектаклях и пр.

194. № 11637.

1 "Нашу молодость" показывали на кратких гастролях 12–15 ноября 1930 г.

2 "Хлеб", поставленный в Большом драматическом театре в 1930 г., был третьей пьесой Киришона на его сцене (до того здесь шли его "Ржавчина" и "Роза ветров").

3 Премьера "Страха" состоялась в Академическом театре драмы (б. Александринском); режиссер Н.В.Петров, профессор Бородин – И.Н.Певцов, Клара – Е.П.Корчагина-Александровская.

4 Н.-Д. напоминал О.Б. о необходимости быть внимательной к А.М.Бродскому – давнему издателю книг о Художественном театре.

195. № 11638.

- 1 Н.-Д. пытался переслать деньги отправленному в сибирскую ссылку брату С.Л.Бертенсона – Михаилу.
- 2 Н.П.Баталов играл в “Бронепоезде 14-69” Ваську Окороча.

196. № 11639.

- 1 Бендина в “Квадратуре круга” Катаева играла Людмилу, Ливанов – Емельяна Черноземного.
- 2 Ершов был занят в “Воскресении” в роли Нехлюдова, в “Вишневом саде” – в роли Гаева.
- 3 Ввод Ливанова в “Воскресение” не состоялся.
- 4 Орлов сыграл роль профессора Бородина в сезон 1931/32 г.; он играл также в этом спектакле роль Боброва (с сезона 1932/33 г.).

197. № 11640.

- 1 С премьеры “Горячего сердца” в МХАТ (23 января 1926 г.) В.Ф.Грибунин оставался единственным исполнителем роли Курослепова (в 1931 г. ее стал играть и В.Я.Станицын).
- 2 *Михайловский* – Ленинградский Малый театр оперы и балета (Малетот). “Богема” Дж.Пуччини шла здесь с 1921 г. На премьере Колена пел Г.А.Боссе, а позднее – пришедшие в труппу в 1931 г. А.П.Атлантов и Н.Н.Бутягин.
- 3 Н.А.Шульга играл в “Бронепоезде” Вершинина (роль, в первом составе принадлежавшую В.И.Качалову, во втором – В.Л.Ершову).
- 4 Записку Н.-Д., адресованную А.К.Тарасовой, см. НД-4, т. 3, № 1317.

198. № 11641.

- 1 ЛАПП – Ленинградская ассоциация пролетарских писателей (отделение РАПП).

199. № 11642.

- 1 Речь, скорее всего, идет о театральном критике В.А.Павлове.
- 2 Экранизация “Страха” не была осуществлена.
- 3 В Художественном театре испытывали большой интерес к трудам академика И.П.Павлова – профессора-физиолога, Нобелевского лауреата 1904 г., разработавшего проблемы высшей нервной деятельности. На его труды, официально признанные в СССР, хотели научно базировать “систему Станиславского”.
Институт, где И.П.Павлов вел экспериментальную работу, находился в Колтушах, под Ленинградом.
Можно предположить, что интерес к фигуре академика Павлова усиливался также работой МХАТа над “Страхом” и над ролью профессора Бородина.
- 4 Балет А.Адана на сюжет Байрона шел на Мариинской сцене с 1858 г., постановка Ж.Перро; имя Мариуса Петипа всплыло в памяти О.Б., вероятно, в связи с тем, что он был первым в России исполнителем партии Конрада. В Москве шла редакция “Корсара”, осуществленная в 1912 г. А.А.Горским.
Е.М.Люком была одной из самых известных исполнительниц партии Медоры.

5 В ленинградском Репертуарно-программном справочнике за 1931 г. программа спектакля 17 июня (который посетила О.Б.) отсутствует; в предыдущем спектакле, так же как в нескольких последующих партию Кармен пела азербайджанская певица Ф.С.Мухтарова; режиссером обозначен И.Г.Дворицин.

200. № 11643. В нумерации своих писем О.Б. сбилась: номер шестой стоит на предыдущем письме.

1 Н.-Д. напоминал, что надо ответить Ф.Ф.Раскольникову насчет его драмы “Робеспьер”. Просил также в связи с предполагающейся постановкой “Тартюфа” найти и выслать перевод В.С.Лихачева (см. НД-4, т. 3, № 1318).

201. № 11645.

1 В.Ф.Грибунин был первым исполнителем роли Председателя суда в “Воскресении”, которую потом разделял с А.Л.Вишневым.

2 2 июля 1931 г. в Москве скоропостижно скончался отец Е.В.Калужского – В.В.Лужский.

3 *Ира, Ирочка* – И.В.Полонская, падчерица Грибунина (дочь В.Н.Пашенной от первого брака).

4 ЦЧО – Центральная черноземная область.

5 Ф.Я.Кон уходил с поста зав. сектором искусств Наркомпроса на новую должность – председателя Всесоюзного радиокомитета.

6 Со дня смерти Лужского – мужа Перетты Александровны – к моменту письма О.Б. не прошло и месяца.

202. № 11646.

Письма № 202–246 направлены в Германию, куда Н.-Д. выехал в отпуск на лечение с июня 1931 г. и различными обстоятельствами задерживался за границей вплоть до начала июля 1933 г. Писем за январь – сентябрь 1932 г. в архиве нет, хотя из сохранившихся обращений Н.-Д. к О.Б. явствует, что переписка продолжалась.

1 Большой театр, где директором была Е.К.Малиновская, находился не в подчинении Наркомпросу, а в прямом подчинении ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет – высший законодательный, распорядительный и контролирующий выборный орган государственной власти с 1918 г.). Такая субординация указывала на высокое место театра в иерархии государственных ценностей.

2 Назначение Р.В.Пикеля директором МХАТ не состоялось.

3 Имеется в виду пьеса “Адам и Ева”.

4 Пьеса Булгакова по “Мертвым душам” Гоголя, представленная в театр осенью 1930 г., в планах МХАТ переходила из сезона в сезон; премьера состоялась 28 ноября 1932 г.

5 См. НД-4, т. 3, № 1325. Н.-Д. склонен был предпочесть новому переводу М.Л.Лозинского, соблюдающему метрику Мольера, перевод XIX века, принадлежавший В.С.Лихачеву.

6 Психиатрическая лечебница в Москве.

203. № 11647.

1 В.В.Лужский намечался в “Страхе” на роль профессора Захарова; на премьере эту роль играл А.Л.Вишневыский.

204. № 11648.

1 Совместно с А.И.Дейчем в 1931 г. А.В.Луначарский написал пьесу “Пролог в Эсклавии”.

205. № 11649.

1 Н.-Д. послал О.Б. переведенную и переделанную С.Л.Бертенсоном пьесу Д.Голдена “Правосудие”. МХАТ ею не заинтересовался.

206. № 11650.

1 См. примеч. 1 к № 48.

207. № 11651.

1 Давно мечтавший о доме для своего Муз. театра, Н.-Д. на идею сноса церкви Большого Вознесения реагировал, однако, твердо: сказал, что при всем своем безбожии отгоняет эти мысли “как самую настоящую скверну” (НД-4, т. 3, с. 324).

2 “Весенний холодок” и задержка с вводом П.А.Маркова в “Ответственный совет” Муз. театра были связаны с “новостями” о нем, которые передавал Н.-Д. М.С.Гейтц. В дальнейшем Н.-Д. не счел нужным считаться с отрицательным мнением “красного директора” (см. НД-4, т. 3, № 1316 и примечание к нему).

3 Театр-студия под руководством Завадского играл в Москве в 1927–1936 гг. (возник из студии, существовавшей с 1924 г.).

208. № 11652.

1 Прудкин играл прокурора Бреве.

209. № 11653.

1 Замоскворецкий театр – игравший на Ордынке Театр Ленсовета (открыт в 1926 г., художественный руководитель К.А.Зубов, режиссер В.С.Канцель; впоследствии в его здании – филиал Малого театра).

2 Н.А.Шифрин был художником “Сорочинской ярмарки” М.П.Мусоргского (в редакции П.А.Ламма и В.Я.Шебалина ее ставил в Муз. театре Б.А.Мордвинов; премьера 12 января 1932 г.).

3 *Галя* – Галина Бантыш; ей и ее матери Н.-Д. постоянно оказывал материальную помощь. В письмах она называет его “дедушкой”.

4 Режиссер Н.О.Волконский, ставивший в Малом театре с 1919 г., в 1931 г. в самом деле был вынужден расстаться с ним; Л.М.Прозоровский в Малом театре оставался с 1923 г. до конца жизни.

210. № 11654. В письме обтрепался нижний край последней страницы и неразличим текст обычных прощальных пожеланий.

1 В помещении на Скобелевской площади (в дальнейшем Советская, потом Тверская) Первая студия играла до 1921 г.; подмостки здесь отсутствовали, зал вмещал всего около ста мест.

211. № 11655.

1 В.А.Орлов изначально был назначен вторым исполнителем роли профессора Бородина, которую в первом составе готовил Л.М.Леонидов.

2 Приведем этот текст, присланный на фирменном бланке Правления РАПП (А, № 732):

“В Московский Художественный театр

Дорогие товарищи!

Приближается 14 годовщина Октября.

Между тем ход работы над пьесой члена нашей ассоциации Пролетарских Писателей т. Афиногенова “Страх” внушает серьезные опасения за то, что эта пьеса не будет показана даже к годовщине революции, хотя работы над ней были начаты еще в феврале месяце.

Ряд провинциальных театров и Ленинградский гос. театр драмы “Страх” уже показали.

Мы считаем, что Ваш театр также в силах осуществить постановку к 7 ноября, для этого мы просим лишь усилить темпы работы, сосредоточить на выпуске “Страха” к октябрьской годовщине все внимание театра и показать спектакль как свой творческий отчет.

Мы просим театр известить нас о принятых по этому письму решениях. С товарищеским приветом *Л.Авербах*”.

Премьера “Страха” состоялась 24 декабря 1931 г.

3 Н.-Д. пояснял свою заинтересованность в работе над перенесением “Войны и мира” на сцену: “Я много уже думал и отмечал в своих книгах для этой инсценировки. [...] Я вовсе не отстраняю Булгакова и вовсе не гонюсь за авторскими, – все знают, что я никогда ими не пользовался, но отказаться от театральной идеи не могу” (НД-4, т. 3, с. 325).

212. № 11656.

1 Письмо к О.Б. см. НД-4, т. 3, № 1331; письмо А.Н.Афиногенову – № 1332, письмо к К.С. – № 1333.

Анд. С. – нарком просвещения А.С.Бубнов, который должен был решить вопрос о продлении Н.-Д. отпуска и зарубежного пребывания. Письмо на имя Бубнова Н.-Д. вложил в письмо к К.С., советуясь с ним, следует ли давать ход этому обращению в Наркомпрос, или лучше избрать иной путь ходатайств (см. об этом далее в письмах № 213, 218 и др.).

2 О.Б. пользуется строкой из “Горя от ума”.

213. № 11657.

1 Б.Н.Ливанов играл в “Страхе” аспиранта-казаха Кимбаева; М.А.Титова – дочь профессора Бородина, скульптора Валентину; М.И.Прудкин – ученика Бородина Касталевского; Л.И.Зуева – Амалию Карловну, вдову царского прокурора (мать скрывающего свое происхождение партизана-аспиранта Цехового).

2 Работу В.В.Дмитриева (уже законченную и технически выполненную) К.С. заменил декорациями В.А.Симова и И.Я.Гремиславского. Практи-

чески так же была заменена и режиссура “Мертвых душ” – ее, отстранив замысел В.Г.Сахновского, осуществил К.С.

3 Речь о планах переноса на сцену “Войны и мира”.

4 М.Т.Семенова танцевала партию Китри, А.Н.Ермолаев – Базиля.

214. № 11658.

1 Ф.В.Шевченко играла в “Мертвых душах” Анну Григорьевну – “даму, приятную во всех отношениях”. На роль Марии Александровны Москалевой в “Дядюшкин сон” она была введена в тот же сезон, когда состоялась гоголевская премьера (1932/33).

2 А.Л.Загаров был учеником Н.-Д. по Филармоническому училищу, играл в МХТ до 1906 г. Разыскать посланную им открытку не удалось. Можно добавить, что по стечению обстоятельств последние годы своей жизни он провел как актер и режиссер в Саратове, где обоснуются актеры МХАТ, эвакуированные в октябре 1941 г. из Москвы; Загаров скончался в Саратове 12 ноября 1941 г.

215. № 11659.

1 Речь идет о переводе МХАТ из подчинения Наркомпросу в непосредственное ведение высшего исполнительного органа страны – ВЦИКу. Процессу этого перевода уделяется большое место в последующих письмах О.Б.

2 Н.-Д. ответил на это 25 октября: “То, что Гейтц говорил Кедрову – фарс, какого, пожалуй, и не придумаешь. Между прочим, я не писал ему ни строчки с самого отъезда из Москвы...” (НД-4, т. 3, с. 333).

216. № 11660.

1 В одном из своих писем Н.-Д. шутливо посетовал на скверные листки, на которых пишет ему О.Б., и стал вкладывать в свои конверты чистую почтовую бумагу для нее.

2 Вдова С.Т.Морозова, пайщик МХТ; после того как при советской власти ей перестали выплачивать дивиденд, вошла в число постоянных пенсионеров Н.-Д. и К.С., которые чаще всего платили ей из собственных средств.

3 См. примеч. 2 к № 186.

217. № 11661.

1 Это письмо, адресованное И.В.Сталину, было написано 29 октября 1931 г. (см. КС-9, т. 9, № 420).

218. № 11662.

1 “Цена жизни” была показана итальянской труппой Татьяны Павловой не в Милане, как предполагалось, а в Турине, куда на премьерные спектакли и выехал Н.-Д. Он оставался там до середины ноября.

2 См. примеч. 1 к № 216.

3 См. № 215 и примеч. 2 к нему.

4 Речь о переходе МХАТа в прямое подчинение ВЦИКу (см. № 215 и примеч. 1 к нему).

219. № 11663.

220. № 11664.

1 См. НД-4, т. 3, № 1337.

2 О.Б. близко к тексту передает содержание письма И.В.Сталина (ответ на обращение К.С. по поводу “Самоубийцы”). Письмо опубликовано в сборнике: Николай Эрдман. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990, с. 283–284.

221. № 11666.

1 О том, что предстоит соное представление “Воскресения”, О.Б. направила Н.-Д. телеграммой в Берлин, помеченной: “С оплаченным ответом на 20 слов” (НД, № 11665). Эта забота была не лишней: материальное положение Н.-Д. за границей было близко к бедственному.

222. № 11667.

1 См. НД-4, т. 3, № 1339.

2 Слух о приходе в МХАТ Е.К.Малиновской не подтвердился.

3 Так и случилось: на премьере и долгие годы Чичикова бесценно играл В.О.Топорков.

223. № 11544.

1 В первых строках там говорится: “Получил Ваши пакеты, пересмотрел. Разгадываю “крестословицу”: Большая сцена, 13 ноября. “Хлеб” для П.П.О.Г.И.У.М.И. – 8800 р. Не разгадал!” (НД-4, т. 3, с. 339).

2 Авторы пьесы “Летающий орел”, которая шла в Студии Малого театра, в афише обозначены как Брукс и Листер. В сезон 1927/28 г. она прошла всего 4 раза, что подтверждает слова Маркова о малом ее успехе. Какое отношение к этой пьесе имели знакомившие с ней МХАТ в 1932 г. Картер и Паукер, сказать трудно; возможно, Паукер предлагал ее как переводчик.

224. № 11668.

1 Л.М.Леонидов страдал тяжелым диабетом.

2 Ни А.И.Степанова, ни О.Н.Андровская роли дочери Бородина, скульптора Валентины, не играли; кроме М.А.Титовой ее играла Е.А.Алеева.

225. № 11669.

226. № 11670.

1 О.Л.Книппер и Н.А.Соколовская играли в “Воскресении” графиню Чарскую.

2 См. НД-4, т. 3, № 1343.

3 Спектакля на революционную тему к 15-летию Октября МХАТ не выпускал (в ноябре 1932 г. состоялась лишь премьера “Мертвых душ”).

227. № 11671.

1 См. НД-4, т. 3, № 1344.

2 Боязнь открытого пространства (агорафобия) была постоянной помехой в поздние годы артистической жизни Леонидова, особенно тяжело сказавшись в его работе над Отелло.

3 Я.О.Боярский возглавлял ЦК РАБИС (профсоюз работников искусств).

4 Речь о письме, адресованном Бубнову; оно касалось денежных дел Н.-Д. и его положения за границей.

5 Мысль о возможности прихода этих актеров в МХАТ означала изменение принципа формирования труппы. Однако из всех, о чьем приглашении подумывал К.С., в МХАТ вступил только А.А.Гейрот, ушедший из МХАТ Второго в 1935 г.

228. № 11672.

1 Роль Катюши Масловой в “Воскресении” в 30-х гг. оставалась за Еланской как за единственной исполнительницей; так же никто в эти годы не вводился на роль Нехлюдова.

229. № 11673.

1 В “Вечерней Москве” от 25 декабря 1931 г. прошла статья М.Ежовой “Белогвардейская контрабанда под флагом литературных воспоминаний”. Констатируя “гнилой либерализм по отношению к мемуаристам со стороны книгоиздательства” вообще, критик сосредоточивался на книге Н.Д.Телешова (издание Московского товарищества писателей): “Старик тоскует о прошлом”, “Он хочет вернуть прошлое”. Книгу уличали в том, что на ее страницах возникают фигуры белоэмигранта Бунина, белоэмигранта Арцыбашева, описываются вечера в редакции “Русских ведомостей” – буржуазной газеты, закрытой большевиками, один из редакторов которой только что проходил как обвиняемый по делу Промпартии. Осуждается не только мемуарист, но все Московское товарищество писателей – за “выпуск на советский книжный рынок этой антисоветской книжки”.

2 Ввод Ф.В.Шевченко на роль Клары не состоялся. После Н.А.Соколовской ее играла еще А.А.Монахова.

230. № 11555. Пропуски в тексте объясняются тем, что О.Б. не перенесла в свой (второй) экземпляр фамилию и адрес; в посылаемом Н.-Д. экземпляре она вписывала их латинскими буквами от руки.

1 В письме от 20 декабря Н.-Д. просил передать А.А.Рошету извинения (не ответил на его письмо), а А.А. Андерсу – благодарность за письмо и фотокарточку; упомянув имя Андерса, Н.-Д. добавлял: “Кстати, – дают ли ему работу? Он очень заслуживает!..” (НД, № 446).

231. № 11556.

1 Имеется в виду А.С.Енукидзе, который возглавлял Комиссию по руководству ГАБТ и МХАТ.

2 Постановка романа Т.Драйзера в МХАТе не состоялась; пьеса по мотивам “Американской трагедии” была написана Н.Г.Базилевским для Московского Рабочего Художественного театра и шла там под названием “Неизбежность” (“Закон Ликурга”).

3 О.Б. подшучивает над собой: она страдала птозом (при птозе ослаблена или вовсе отсутствует мышца, поднимающая верхнее веко), и эта болезнь вынуждала ее всегда оставаться с полузакрытыми глазами.

Насчет М.П.Гальперина – участника работ над “Корневильскими колоколами” в Муз. театре – Н.-Д. обмолвился в письме от 20 декабря так: “Участие Гальперина в идее?.. Ну, пусть. Гальперин – “везучий”, пусть участвует” (НД, № 446).

4 Отсылка к тексту комедии Островского “На всякого мудреца довольно простоты” (Глумов уточняет, что труд Крутицкого “О вреде реформ вообще” по жанру не прожект, а трактат).

[1932]

232. № 11674.

1 Из писем Н.-Д. явствует, что О.Б. была в это время в Риге (см. НД-4, т. 3, № 1359).

2 На помещение закрывавшегося в 1932 г. властями театра б. Корш в Богословском переулке претендовало несколько московских коллективов. Оно в конце концов досталось МХАТу под его филиал.

233. № 11557.

1 В “Столпах общества”, где В.Я.Станицыну была назначена роль консула Берника, кроме актеров, которых он мог считать себе равней (В.С.Соколова – Лона, И.М.Кудрявцев – Иоганн), должны были играть Телешева, Елина, Малолетков, Герасимов, Карев, Горбунов, Лакшин, Вронская и т.д.

2 В “Горькой судьбине” Добронравов должен был играть Анания Яковлева (роль, когда-то сыгранную К.С.), А.Зуева – Спиридоньевну, Грибков – Никона.

3 “Тройка”, в которую входили Качалов, Леонидов, Москвин, должна была решать текущие организационно-творческие вопросы жизни театра, в основном на период отсутствия Н.-Д. и К.С.

234. № 11558.

1 Е.П.Асланова была сотрудницей Музея МХАТ, где Н.Д.Телешов был директором.

2 Инженер-строитель И.И.Рерберг с 1920 г. был в штате МХАТ; нехватка средств помешала его планам реставрации и технического обновления здания; в 1924 г. он ушел из театра, в 1926-м был снова приглашен сюда и оставался до конца жизни.

235. № 11675.

1 Ни одна из пьес из расширенного плана не была доведена в намеченные сроки до премьеры (“Тартюф” был выпущен только в 1939 г.).

236. № 11676.

1 Вероятно, речь идет о пьесе Тренева “Опыт”.

2 Р.Н.Молчанова вводилась в пьесу Киришона на роль Ольги.

3 В.А.Орлов вскоре стал играть Боброва; Г.А.Герасимов в спектакль не вводился.

4 О.Б. имеет в виду И.А.Аксенова. Письма Н.-Д. этих месяцев не сохранились, и нет возможности уяснить, о чем запрашивал ее Н.-Д. в связи с этим критиком, историком театра и педагогом, соратником Мейерхольда по ГВЫРМу.

5 Речь о спектакле Театра им. Вахтангова (премьера 25 сентября 1932 г.; постановка Б.Е.Захавы, художник В.В.Дмитриев; Б.В.Щукин играл Егора Булычова).

6 Письмо Н.-Д. к Горькому см. НД-4, т. 3, № 1364.

237. № 11559.

1 Скорее всего речь идет о письме № 1367 (НД-4, т. 3).

2 О.Б. передала по адресам поздравительные письма Н.-Д. А.С.Енукидзе и А.С.Бубнову, направленные им в связи с 15-летием Октября (см. НД-4, т. 3, № 1366 и 1367).

3 В феврале 1932 г. произошел разрыв между Вишневским и Мейерхольдом, который не принял его пьесы “Германия” (в 1933 г., переделанная, она шла в Театре Революции под названием “На Западе бой”). Возможно, во МХАТе драматург читал эту пьесу, возможно также, что он хотел познакомить театр с “Оптимистической трагедией”, которую в декабре примет к постановке Камерный театр.

4 Речь о Е.Ф.Карри, матери П.А.Подобеда.

5 Н.П.Ульянова, который был художником предыдущей премьеры Булгакова в МХАТ, “Дней Турбиных”, в “Мольере” по ходу дальнейших работ заменили П.В.Вильямсом.

6 Обстоятельства внезапной смерти жены Сталина, Надежды Аллилуевой, до сих пор остаются неустановленными (наиболее закрепились версия самоубийства). Н.-Д. откликнулся на сообщение об ее кончине: “Жена Иос. Вис. была в моих глазах одно из самых обаятельных существ. Я с ней встретился всего раза три и всегда не сводил глаз, столько в ней было мягкого, простого шарма” (НД-4, т. 3, с. 368).

238. № 11560.

1 Вероятно, имеется в виду письмо Н.-Д. к К.С. от 11 ноября 1932 г. (см. НД-4, т. 3, № 1370).

2 В Музыкальном театре выпускали спектакль “Корневильские колокола” (комическая опера Р.Планкета, инструментовка и дополнения А.Мосолова, сюжет М.П.Гальперина, текст В.Г.Зака и В.М.Инбер, постановка Б.А.Мордвинова). Премьера состоялась 19 ноября.

239. № 11678.

1 Ф.Д.Остроградский, который был замдиректора Оперного театра им. Станиславского с 1924 г., в 1932-м оставил эту должность; К.И.Рейнгерц был замдиректора Музыкального театра.

2 В письме к К.С. из Сан-Ремо, объясняя необходимость денежной поддержки из СССР, Н.-Д. писал: “Сказать Вам откровенно, ни у меня, ни у Миши нет даже зимних пальто. Совсем нет! И мы совсем обносились” (НД-4, т. 3, с. 366).

3 В.В.Дмитриев был художником, Б.А.Мордвинов – режиссером, Г.А.Столяров – дирижером спектакля “Катерина Измайлова” (Н.-Д. был его художественным руководителем; премьера 24 января 1934 г.).

240. № 11561.

241. № 11679.

242. № 11680.

1 См. КС-9, т. 9, № 460 и 461. Несмотря на обязательство вернуться в СССР безотлагательно после получения денег (в начале декабря 1932 г.), Н.-Д. в силу взятых им на себя работ в Европе смог вернуться в Москву только в июле 1933 г.

2 О.Б. имеет в виду спектакль Муз. театра – оперу “Девушка из предместья”, где А.П.Тулубьева играла Салю.

3 “Бесприданница” была последней режиссерской работой В.Г.Сахновского в театре б. Корш. Большинство актеров, участвовавших в “Бесприданнице” на сцене б. Корш, вошли в труппу МХАТ (В.Н.Попова, А.П.Кторов, Б.Я.Петкер, М.П.Болдуман, Н.Н.Соснин).

243. № 11681.

1 См. НД-4, т. 3, № 1373.

2 Письма Н.-Д. этого времени не сохранились, и нельзя уточнить, в какой связи он интересовался К.Н.Державиным; возможно, этот интерес был рожден участием Державина в опытах Малегота.

244. № 11562.

245. № 11563.

1 Советы, какое название выбрать для оперы Шостаковича, см. в письме Н.-Д. к Маркову – НД-4, т. 3, № 1375.

2 В “Талантах и поклонниках” А.Н.Грибов репетировал (и впоследствии играл) роль антрепренера Мигаева.

3 Андровская играла в “Талантах” Смельскую, Прудкин – Бакина.

4 Б.М.Сушкевич ушел из МХАТ Второго в 1933 г., в 1933–1936 гг. был художественным руководителем Ленинградского театра драмы. Н.В.Петров, который служил в Александринском театре с 1910 г. и с 1928-го был его директором и худруком, уехал в Харьков, где возглавил созданный тут Русский драматический театр им. Пушкина (1933–1936).

5 “Страницы из дневника” Андре Жида (который в начале 30-х гг. считался сторонником Советского Союза) были изданы массовым тиражом издательством “Жур.-газ. объединение” (“Библиотека “Огонька”, № 51. М., 1934. Перевод и вступительная статья Леонида Саца).

246. № 11564.

1 Письмо К.С. на имя А.С.Енукидзе и еще более выразительный черновик его – см. КС-9, т. 9, № 462 и примечания к нему. К.С. предельно расширял значение обсуждавшегося спектакля, связывал его с общими судьбами театра и в случае, если Комиссия ВЦИК по управлению ГАБТ и МХАТ санкционировала бы выпуск “Слуги двух господ”, он снимал с себя ответственность за вверенное ему дело.

2 Роман-эпопея А.С.Новикова-Прибоя начал печататься в 1932 г. (окончание – 1935 г.).

3 Книга воспоминаний актера Александринского театра, друга В.Ф.Комиссаржевской Н.Н.Ходотова “Близкое-далекое” вышла в издательстве “Academia” в 1932 г. (серия “Памятники театрального и общественного быта”).

Цикл писем О.Б. к Н.-Д. в Германию и Италию на этом в хранении Музея МХАТ обрывается.

[1933]

247. № 3368/6.

1 Слова “самостоятельной” и “реж.-педагога” подчеркнуты карандашом Н.-Д. и на полях проставлены два вопросительных знака.

2 Речь о ролях в пьесе Булгакова; в начальном распределении Мольер назначался Москвину и Тарханову; Хмелеву (и Завадскому) назначался король Людовик. В премьер 1936 г. никто из названных не участвовал.

3 Установить, чьи письма имеет в виду О.Б., не удастся. Возможно, в одном из них содержалась просьба, связанная с театральной судьбой пьес и замыслов уехавшего из СССР Е.И.Замятина (он был не только автором “Блохи” по Лескову, шедшей в МХАТ Втором, но и приглашался – вместе с Вс.Ивановым, Леоновым и др. – к созданию “октябрьской пьесы”, задуманной в Художественном театре к 10-летию Октября).

4 Рукой Н.-Д. против этого вопроса записан ответ: “Как всегда – Сахн., Марков, Мамошин”.

5 Ответ против этого вопроса рукой Н.-Д.: “Как только смогу”.

6 Речь идет о репетициях “Егора Булычова” – роль Глафиры готовила и играла В.Н.Попова, Тарасова в спектакль не вступала.

[1934]

248. № 11683.

1 М.М.Яншин в “Хозяйке гостиницы” играл маркиза ди Форлипополи.

2 15 февраля МХАТ играл во второй раз свою горьковскую премьеру, Н.-Д. прислал приветствие из Ленинграда на имя Сахновского (см. НД-4, т. 3, № 1421).

249. № 3369/2.

1 В 1934 г. МХАТ играл в Ленинграде с 16 июня по 8 июля, привезя всего два спектакля: “Дни Турбиных” и “У врат царства”.

2 Е.В.Калужский бесценно играл в “Днях Турбиных” Студзинского, Прудкину принадлежала тут роль Шервинского, Станицыну – фон Шратта. Поздравление Н.-Д. “турбинцам” см. НД-4, т. 3, № 1457.

250. № 3369/3.

1 Речь о роли Мышлаевского.

2 Официально “Дядя Ваня” в начале 30-х гг. в репертуар МХАТа не входил (сохранялась негласная норма для Художественного театра – не более одной пьесы Чехова на афише года, и с возобновлением “Вишневого сада” “Дядю Ваню” больше не играли). Спектакль существовал в выездном варианте.

251. № 3369/5.

В исследовании О.А.Радищевой обстоятельства, возникшие в МХАТе к моменту, с которого начинается очередной цикл писем О.Б., адресованных Н.-Д. в Ялту, охарактеризованы так: “Осенью 1934 года наступил острейший этап во внутренней жизни МХАТ. Станиславский развернул реформу руководства театром и совершил два ошибочных шага. Во-первых, наслушавшись жалоб Егорова, он уволил помощника директора Леонтьева, в свое время назначенного Немировичем-Данченко присматривать за Постановочной частью. Во-вторых, приняв во внимание, что труппа критикует Сахновского, а Егоров имеет к нему претензии, он упразднил его должность заместителя директора по Художественной части и заменил тремя новыми руководящими лицами: Кедровым, Судаковым и Подгорным” (Станиславский. Немирович-Данченко. История театральных отношений. 1917–1938. М., АРТ, 1999, с. 336).

Реакцию Н.-Д. на это реформирование см. в его телеграммах и письмах к К.С. (НД-4, т. 3, № 1444, № 1447, № 1450, № 1454, № 1456), а также в его письмах к О.Б. (там же, № 1449 и № 1455).

Отражение этих событий и расхождений с Н.-Д. по их поводу см. также № 538 в КС-9, т. 9 (письмо к Н.-Д. от 11 сентября 1934 г.).

В “Летописи” И.Н.Виноградской этот фрагмент жизни К.С. и театра опущен.

252. № 3369/6. На полях письма и в тексте – ряд отчеркиваний рукой Н.-Д.

1 Очевидно, подразумевается письмо из Карловых Вар от 30 июня (НД-4, т. 3, № 1438), где Н.-Д. высказывал свою точку зрения на то, что он назвал “взрывом против Сахновского”, как и свою убежденность, что “ни о каких переменах в администрации не может быть и речи”.

2 Л.Н.Минервина – личный секретарь А.С.Енукидзе.

3 Первый Всесоюзный съезд писателей открылся 17 августа и закрылся 1 сентября 1934 г.

4 Здесь и ниже речь идет о ЦК Рабис.

5 Автор “Честного слова” – французский драматург А.Жансон.

6 Расспросы О.Б. связаны, скорее всего, с работой Н.-Д. над американским вариантом его мемуаров.

253. № 3369/8.

1 Имеется в виду встреча, назначенная в резиденции Енукидзе (во ВЦИКе).

2 Мордвинов и Марков выехали в Ялту для того, чтобы лично ввести в курс дел остававшегося там Н.-Д.

3 Критик-партиец С.С.Динамов был ответствен за международные связи СССР по линии культуры и литературы (в частности, он был секретарем Международной организации революционных писателей; в дальнейшем – редактор “Интернациональной литературы”). Он имел прямое касательство к Первому международному фестивалю искусств в Москве, проходившему в 1934 г.

254. № 3369/9.

255. № 3369/10.

1 Приглашение философа, знатока психологии художественного творчества Г.Г.Шпета было вряд ли связано с поисками замены П.А.Маркову как “завлиту” – скорее, с желанием К С. найти в нем помощника при создании Академии, поручить ему научную редактуру “системы”. Приглашение Шпета не состоялось, т.к. в марте 1935 г. он был арестован.

2 *А у нас, наверху...* – т.е. в кабинете на третьем этаже, который традиционно занимала так называемая “верхняя дирекция” (к началу сезона 1934/35 г. – Сахновский, Калужский, О.Б.)

3 В Ялте Н.-Д. спешил закончить свою книгу (“Из прошлого”), которую он не успевал сдать своим зарубежным издателям, давно авансировавшим эту работу.

256. № 3369/13.

257. №3369/14.

1 Это письмо не разыскано.

2 К наметкам распределения ролей в пьесе Афиногенова Н.-Д. сделал ряд подчеркиваний, вычеркиваний и приписок. Так, вычеркнуты кандидатуры Андровской (на роль Ирины), Халютиной (на роль матери), Вронской (на роль Шуры), Титовой (на роль Наташи), Монаховой (на роль Горюновой).

Подчеркнуты имена Баталова (назначение на роль Семена), Якубовской (на роль Наташи), Петровой (на роль Горюновой).

К словам “Лиза – Еланская” приписано: “Тарасова? Попова?”.

К словам “Марья Гавр. – Попова, Тихомирова” приписано: “Соколова”. К имени Болдуману приписка: “Может быть”.

Против имени Комоловой – вопросительный знак (вероятно, Н.-Д. не успел узнать актрисы, только что принятой в МХАТ).

3 Мать в пьесе Афиногенова ко всем обращается одинаково – “Заяц”.

4 “Трое” – пьеса немецкого писателя-антифашиста Леонгарда Франка. В.Н.Поповой там назначалась роль Анны.

5 Французская пьеса – “Честное слово”.

6 Роман Толстого в МХАТе ставили в инсценировке Н.Д.Волкова.

7 Скорее всего речь о письме от 30 июня 1934 г. из Карловых Вар (см. НД-4, т. 3, № 1438).

8 Литературовед и текстолог Н.К.Пиксанов был приглашен в МХАТ в связи с замыслами новой постановки “Горя от ума”.

9 Н.-Д. телеграммой разрешил ознакомить А.С.Енукидзе с копией своего письма к К.С., отправленного через О.Б.

26 сентября 1934 г. О.Б. писала секретарю Енукидзе Л.Н.Минервиной: “Милая Любовь Николаевна! Посылаю Вам две копии: письма Вл. Ив-ча ко мне и его же письма к Константину Сергеевичу. Вы увидите из них, каково отношение Вл. Ив-ча к нашей реорганизации, как он реагировал на получение от К.С. сообщения и какие мысли он высказывает относительно непосредственного своего обращения к Авелю Софроновичу. Я не знаю, что называет Вл. Ив. “случаем явной необходимости”, при котором я должна была бы “вскрыть этот материал”, но мне кажется, что было бы важно для общего представления всех наших дел и взаимоотношений, чтобы Ав. С. узнал текст телеграммы и письма В.И. к К.С. Тем более что я не уверена, что эти материалы доложены Ав. Софроновичу, как полагает В.И.

Простите за причиняемые беспокойства по нашим делам. Как Вы думаете, удобно ли будет сказать Ав. Софроновичу, что эти материалы получены Вами в частном порядке?

Кроме этих двух копий, посылаю Вам пришедшее сегодня из Ялты письмо Владимира Ивановича к Авелю Софроновичу по частному его, Вл. Ив-ча, делу. Сердечный привет” (А, № 53).

“Частное дело” заключалось в просьбе о смене жилья.

258. № 3369/17.

259. № 3369/18.

1 В архиве сохранилось записка Л.Н.Минервиной от 29 сентября 1934 г.: “Возвращаю копию письма Вл. Ив. на имя К.С.Станиславского с резолюцией тов. Енукидзе”.

Енукидзе отчеркнул на копии письма Н.-Д. слова: “Отдавая Николаю Васильевичу должное, решительно не вижу в нем качеств, дающих право на вмешательство в художественную область” и приписал: “Я говорил то же самое Станиславскому, и он со мной согласился”.

Под текстом копии приписка: “С увольнением Сахновского я тоже не согласен и не было речи об этом при моем разговоре со Станиславским. О Леонтьеве мы договорились. Об Егорове я категорически заявил Станиславскому, чтобы он (Егоров) не вмешивался в художественные вопросы, в которых он не компетентен. Станиславский с этим вполне согласился. А.Енукидзе. 28/IX-34” (А, № 50).

260. № 3369/19.

1 Имеется в виду письмо Н.-Д. от 27 сентября 1934 г. (см. НД-4, т. 3, № 1452).

2 Речь о письме В.Н.Павловой (Цингер), которое она просила передать Горькому. Н.-Д. дал О.Б. указание, чтоб письмо послали по почте (см. НД-4, т. 3, с. 433).

3 “Ваше письмо я получил, – извещал Н.-Д. Бокшанскую 27 сентября. – Даже с таким адресом: Крым” (НД-4, т. 3, с. 433).

261. № 3369/20.

262. № 3369/21.

263. № 3369/22.

1 Н.-Д. придавал значение брошюре, предпосылаемой постановке: “Необходимо внушать публике нашу точку зрения на спектакль, помогать ей видеть то, что надо видеть, а не то, что подскажут ей рецензенты. А в “Грозе” это особенно важно” (НД-4, т. 3, с. 426).

2 “Воспитанница” Островского была подготовлена самостоятельно группой актеров под руководством Е.С.Телешевой в сезоне 1932/33 г. и была принята как выездной спектакль для клубных сцен. Надю (“воспитанницу”) играла С.С.Пилявская, Леонида – К.К.Михайлов, Гришу – М.М.Названов.

264. № 3369/23.

265. № 3369/24.

1 Последнюю фразу Н.-Д. отчеркнул на полях.

2 М.М.Яншину в пьесе Булгакова назначалась роль Бутона (которую он и сыграл).

3 Л.В.Собинов скончался в Риге 14 октября 1934 г.

4 Н.И.Собинова.

[1935]

266. № 3370/11.

1 Этот спектакль в МХАТ Втором не был осуществлен.

2 В томе “Литературного наследства” (1934, № 13/14) была опубликована статья Н.-Д. “Щедрин в Художественном театре. Из воспоминаний”.

3 Спектакль Камерного театра представлял собой композицию из “Цезаря и Клеопатры” Б.Шоу, “Египетских ночей” А.С.Пушкина и “Антония и Клеопатры” У.Шекспира.

267. № 3370/12.

1 В Москве проходил в январе – феврале 1935 г. 7-й Съезд Советов СССР.

2 Ни личность, ни должность этой Ек. Ник., ни суть дела, по которому ей звонил Н.-Д., установить не удалось.

3 Избранный на 7-м Съезде Советов ЦИК СССР на своей первой сессии образовал Совнарком. Состав его был опубликован в “Правде” 8 февраля 1935 г., там же был помещен групповой снимок. На нем отсутствовали многие из наркомов, а к середине 30-х гг. опытный читатель уже приучился понимать мизансцену фотографии, приближенность фигур к центру (тем более – отсутствие фигуры) – как показатель политической (и не только) судьбы. Не находя среди сфотографированных А.С.Бубнова, Н.-Д. мог насторожиться. Впрочем, как верно пояснила О.Б., Бубнова там и не должно было быть – Наркомпрос являлся наркоматом не общесоюзным, а лишь республиканским.

268. № 3370/14.

269. № 3370/15.

1 Сцены “Братьев Карамазовых”, не разрешенных к показу в МХАТе, вошли в число так называемых “халтурных” выступлений актеров. Тарасова в этих сценах играла Грушеньку.

2 Речь, судя по всему, об Ксении Георгиевне Ивановой (в МХАТе 1930–1934).

3 Вероятно, директор Малого театра хотел получить от Н.-Д. окончательное решение, будет ли он ставить у них какую-либо пьесу Чехова.

270. № 3370/16.

271. № 3370/17.

272. № 3370/18а.

273. № 3370/18б.

274. № 11694.

275. № 11695.

1 “Ангел” – пьеса Е.Стырской, которую в 1934 г. со своей рекомендацией передал для филиала МХАТ М.Горький. С автором был заключен договор, но встречи с режиссером не состоялось. В письме к Н.-Д. от 3 марта 1935 г. (НД, № 5806) Стырская, выражая готовность на любую работу над текстом, просила лишь сказать, нужен ли ее “Ангел” театру по существу.

276. № 11696.

277. № 3370/19.

1 Северо-осетинская студия была создана в 1931 г. в ЦЕТЕТИСе, В.Я.Станицын был одним из ее педагогов (вместе с Р.Н.Симоновым, И.М.Раевским и др.).

2 Премьера “Врагов” официально состоялась 10 октября 1935 г. До этого спектакль был после трех генеральных репетиций показан 15 июня – его дали “обыкновенным, рядовым спектаклем, взамен другого”, как писал Н.-Д. Горькому (НД-4, т. 3, с. 447).

278. № 3370/20.

1 Скончавшийся в Ленинграде актер и режиссер А.Н.Лаврентьев, долгие годы возглавлявший БДТ, был в свое время учеником школы МХАТ, играл здесь в 1902–1910 гг. (И в Театральной энциклопедии, и в издании “МХТ 100 лет” ошибочно указан месяц его смерти – апрель, надо – июнь.)

279. № 3370/21.

1 В.О.Топорков играл Сэма Уэллера, В.П.Аталов – Джо.

2 Иван Алексеевич – И.А.Акулов, с 1935 г. секретарь ВЦИК СССР. От него, как прежде от А.С.Енукидзе, во многом зависели дела МХАТ.

280. № 3370/22.

1 С.Н.Гаррель была занята в “Пиквикском клубе” в роли мисс Арабеллы.

281. № 3370/23.

1 В.С.Соколова играла во “Врагах” Клеопатру, жену Михаила Скроботова.

2 Пьеса Вс.Иванова, которую имел в виду В.В.Грибков (“Двенадцать молодых из табакерки”), вошла в творческие планы МХАТа, но не была поставлена.

282. № 3370/24.

1 Престарелый литератор Е.П.Леткова-Султанова входила в число тех, кто постоянно пользовались помощью и вниманием Н.-Д.

2 С Роменом Ролланом Н.-Д., как об этом было сообщено в “Известиях”, встречался и беседовал в Большом театре на спектакле “Бахчисарайский фонтан” (гастроли Ленинградского ГАТОБа, первым поставившего этот балет с Марией – Г.С.Улановой и Заремой – О.М.Иордан и Т.М.Вечесловой). Посол США Уильям Буллит устраивал обед в честь ленинградских артистов, и Н.-Д. произносил речь на этом обеде (см. НД-4, т. 3, с. 452).

3 Н.-Д. писал О.Б. 20 июня: “Перед нами после “Врагов” стоит вопрос о “Любови Яровой”. Трениву написано, – он хотел поработать. Мы должны действовать по пути исполнения и этого желания Иосифа Виссарионовича. Тем более что, судя по “Врагам”, он понимает в деле пьес не хуже наших брьюжащих” (НД-4, т. 3, с. 448).

283. № 3370/25.

1 Б.Г.Добронравов в сезоне 1934/35 г. сыграл Тихона в “Грозе”, Лопахина в “Вишневом саде” и заглавную роль в “Платоне Кречете”.

284. № 3370/26.

285. № 3370/27.

1 См. НД-4, т. 3, № 1472.

2 Возобновление “Царя Федора” состоялось 17 ноября 1935 г. “Анна Каренина” вошла в планы театра с 1935-го, но по различным обстоятельствам (в том числе связанным с выпуском “Мольера”) интенсивные работы на сцене были перенесены на 1936 г. (преьера 21 апреля 1937 г.); их Н.-Д. вел не с Судаковым, а с Сахновским.

3 Болдуман в “Мольере” играл короля Людовика XIV, Подгорный – герцога д’Орсины.

4 В “Селе Степанчикове”, работу над которым Н.-Д. рекомендовал включить в ближайшие планы, Добронравов хотел играть полковника Ростанева; эта постановка не была осуществлена.

5 Н.-Д. просил помедлить включать готовый спектакль “Враги” в афишу (см. НД-4, т. 3, № 1472), т.к. хотел сначала показать этот спектакль его “заказчику” – И.В.Сталину (его ждали на июньском просмотре, но он не пришел).

6 Статья В.Млечина (тогдашнего начальника областного и городского управления культуры Москвы) была напечатана в “Известиях” от 4 июля 1935 г. и называлась “Блестящий финиш”. Речь шла о “Платоне Кречете” и “Врагах” во МХАТе. Заметив в начале, что их объединяет творческая воля руководителя обеих постановок Вл.И.Немировича-Данченко”, рецензент далее целиком приписывает режиссуру “Врагов” (“лучший спектакль этого года”) – Кедрову. (“Наибольшее достоинство спектакля, осуществленного М.Кедровым, в необычайной простоте, в суровости спектакля, в его философской глубине...”).

286. № 3370/28.

287. № 3370/29.

1 Р.Ф.Шиллинг в гастрольных спектаклях “Пиквикского клуба” играл Иова Троттера.

288. № 3370/30.

1 Спектакль 1917 г. “Село Степанчиково” был поставлен по композиции, авторство которой в афише не указывалось. Практически инсценировка принадлежала В.М.Волькенштейну и Н.-Д.

289. № 3371/1.

290. № 3371/2.

291. № 3371/3.

1 Булгаков вместе с В.В.Вересаевым должен был писать биографическую пьесу о Пушкине, имея на эту работу договор с Театром им. Вахтангова; в дальнейшем планы изменились, и в пьесе “Последние дни” (“Пушкин”) он не имел соавтора.

2 Речь идет о кандидатурах в директоры МХАТ.

3 Слухи об уходе С.А.Головина, В.Н.Пашенной и М.М.Климова из Малого театра так же не подтвердились, как и слухи об уходе М.Ф.Астангова (до 1941 г. он оставался в Театре Революции).

4 Возможно, О.Б. имела в виду планы новой постановки “Горя от ума” с Качаловым – Фамусовым. Маркову Н.-Д. писал, что он в Качалова “после “Врагов” очень поверил” (НД-4, т. 3, с. 465).

5 Н.-Д. устроил Гесту приглашение на Международный театральный фестиваль, который должен был начаться в Москве в августе 1935 г.

6 Критик И.А.Крути был переводчиком украинского текста “Платона Кречета” на русский язык.

292. № 3371/4.

1 См. КС-9, т. 9, № 555. Текст телеграммы, полученной “турбинцами”, не разыскан.

2 Переход В.Н.Аксенова в МХАТ не состоялся.

3 Еланская в “Грозе” играла Катерину, Шевченко – Марфу Игнатьевну Кабанову

293. № 3371/5. Автограф.

294. № 3371/6.

1 Н.-Д. в ответ на прохладное отношение в труппе к планам постановки “Любови Яровой” писал Маркову 12 сентября “А вы в совещании считались с тем, что это было *дважды выраженное* желание И.В.? [...] Во всяком случае, я считаю неприличным снять постановку “Любови Яровой” без того, чтобы И.В., получив обоснованное объяснение, сам отказался от высказанного желания” (НД-4, т. 3, с. 464).

2 Новый перевод комедии Э.Ростана “Сирано де Бержерак” был сделан В.А.Соловьевым.

3 Пушкинский спектакль, в котором хотел работать Судаков, должен был стать частью грандиозных государственных празднований даты смерти Пушкина (1937). Предполагалось привлечь консультантов по чтению стиха, литературоведов и пр. Однако МХАТ отказался от этих планов, ограничившись “вечером” памяти поэта, а затем приступив к “Борису Годунову”.

4 Родственница Н.-Д. Асланова (“Лизочка”) могла беспокоиться о судьбе своего брата, вернувшегося из эмиграции актера Н.П.Асланова; в труппу МХАТ он зачислялся только на 1943–1944 гг.

295. № 3371/7.

1 Речь идет о ролях в “маленьких трагедиях” – “Каменном госте” (Лепорелло) и “Скупом рыцаре” (Жид). Эта постановка не состоялась.

2 На премьере “Любови Яровой” роли исполняли: комиссар Роман Кош-

кин – А.И.Чебан (принятый в труппу после закрытия МХАТ Второго); Добронравов – Михаил Яровой (М.Ф.Астангов в труппу МХАТ не вступал; И.М.Кудрявцев играл Ярового во втором составе); Грибов играл протоиерея Закатова.

3 Москвин сыграл профессора Горностаева на премьере “Любови Яровой”; вторым исполнителем стал В.А.Орлов.

Говоря о появлении после большого перерыва, Москвин мог иметь в виду отсутствие у него новых ролей; после Червакова в недолго шедшем “Унтиловске” (1928) он сыграл лишь Ноздрева; к тому же из его репертуара на годы ушел царь Федор.

Новой редакции спектакля “Егор Булычов” с Москвиным в заглавной роли в МХАТ не осуществили.

4 М.П.Болдуман играл во “Врагах” Синцова, а Л.К.Людвигов – станového.

5 “Уж полночь близится...” – так начинается ария Лизы из “Пиковой дамы”.

296. № 3371/8.

1 Речь о польской певице Эве Бандровска-Турской.

2 Речь об арии из оперы “Нерон” А.Г.Рубинштейна, которую поет в “Днях Турбиных” Шервинский.

3 Речь об “исторической фантазии” “Двенадцать молодцев из табакерки”, действие которой отнесено Вс.Ивановым в эпоху Павла I и которая заканчивается его убийством. Пьеса, увлекшая Н.-Д., так и не была поставлена в Художественном театре.

297. № 3371/9.

1 Дело касается выпуска мемуаров Н.-Д. “Из прошлого” в издательстве “Academia”.

2 Чаечные бумаги – т.е. бумаги, связанные с награждением жетоном “чайка”.

298. № 3371/10.

1 Жившая в Ленинграде театралка Е.Н.Вавулина была довольно постоянным корреспондентом художественников. (Качалов сохранил ее письмо от 12 мая 1929 г. с запросами о Михаиле Чехове: “Мы оскудели без него!.. Нет ли надежды на его скорый возврат? Не предпринимаются ли кем-либо шаги для его возврата? Дайте мне совет, не можем ли мы, публика, собрав порядочное количество подписей, просить о скорейшем его возвращении? И как? И кого?” – А, № 9826.) Письма ее к Н.-Д. в архиве нет.

2 Возможно, Ливанов потребовался К.С. для продолжения работ над ролью Муаррона в “Мольере”; это предположение спорно, поскольку после возвращения К.С. из санатория “Покровское-Стрешнево” 15 октября 1935 г. репетиции пьесы Булгакова он не возобновлял, занимался только своей новой студией.

“Другого Швандю” режиссеры “Любови Яровой” вполне “допускали” (им рядом с игравшим премьеру Ливановым стал Н.И.Дорохин).

Роль Пановой в самом деле играли и Андровская (на премьере), и Степанова, и Алеева.

3 Пушкинский спектакль, в котором должен был играть Кедров (“Скупой рыцарь”), вообще не состоялся.

4 Речь о пьесе “Двенадцать молодцев из табакерки”.

5 См. НД-4, т. 3, № 1485. Н.-Д. повредил руку, поэтому письмо было под его диктовку написано Е.Е.Лигской (секретарем дирекции Муз. театра).

299. № 3371/11.

1 Н.-Д. рекомендовал Сахновскому занять Н.В.Михаловскую в одной из картин “Анны Карениной” в роли приятельницы Анны, выделив ее из группы “дам” (сцена “У Бетси”).

2 Для тяготеющих к большевистской партии граждан существовал статус так называемых “сочувствующих” (еще не кандидаты, а, так сказать, соискатели членства ВКП (б)).

300. № 3371/12.

1 С.Л.Кузнецов был первым (и блестящим) исполнителем роли матроса Шванди в спектакле Малого театра (1926).

2 Роксана – центральная женская роль в “Сирано де Бержераке”; эта героическая комедия, неоднократно всплывавшая в планах МХАТ, поставлена так и не была.

3 Смысл дела, по которому Н.-Д. следовало искать личного свидания с зампредела по Совнаркома РСФСР Г.М.Леплевским, из соседствующих документов установить не удается.

4 Вахтанговцы обратились к Н.-Д., тревожась о соблюдении прав на первую постановку “Пушкина”, предоставленных им договором с авторами (Булгаковым и Вересаевым); Н.-Д. настаивал на том, чтобы МХАТ уважал эти права и не гнался за пьесой как за “новинкой” (см. НД-4, т. 3, № 1486).

5 Вопрос о создании актерской школы в МХАТ вставал постоянно, то расширяясь до задачи превращения всего театра в академию театрального искусства, то возвращаясь к планам организации курсов повышения квалификации ведущих актеров труппы. Ответ на план курсов, посланный Судаковым, см. НД-4, т. 3, № 1488.

6 В “Платоне Кречете” Степанова играла архитектора Лиду. Грибков – доктора Терентия Бублика, Топорков – предисполкома Береста.

7 Фильм “Щорс” был выпущен только в 1939 г. (режиссер А.П.Довженко); заглавную роль сыграл не Б.Г.Добронравов, а Е.В.Самойлов.

8 Отвечая О.Б. на ее письмо от 23 октября, Н.-Д. пошучивал над каламбуром, получившимся тут: Топорков “попросил тотчас же принять его... но К.С.сказал, что принял лекарства... и поэтому принять его не может”.

301. № 3371/13.

1 Поздравительную телеграмму, посланную к очередной годовщине открытия МХТ, см. НД-4, т. 3, № 1487.

2 *Раз что* – оборот, которым часто пользовался К.С.

3 См. НД-4, т. 3, № 1486.

302. № 3371/14.

1 Прославившийся обличением сильных мира сего флорентийский монах Джироламо Савонарола был казнен.

303. № 3371/15.

1 См. примеч. 1 к № 291.

304. № 3371/16.

1 О.Н.Андровская в “Грозе” играла Варвару, Б.Г.Добронравов – Тихона.

305. № 3371/17.

1 Имеется в виду письмо на имя К.С. и Н.-Д. (как директоров МХАТа) от 31 октября 1935 г. Оно было связано с повышением окладов Добронравова и Топоркова. Подписавшие это письмо полагали, что во избежание премьерства надо одновременно повысить оклады всей группы актеров, “на плечах которых лежит всей своей тяжестью репертуар театра в данное время, причем и дальнейшие планы театра строятся с ориентировкой на тех же актеров. [...] Мы настаиваем на повышении вместе с Б.Г.Добронравовым и В.О.Топорковым всей нашей группе в составе: О.Н.Андровская, К.Н.Еланская, А.К.Тарасова, В.С.Соколова, В.Л.Ершов, Б.Н.Ливанов, Н.П.Хмелев, В.Я.Станицын” (НД, № 8306).

2 См. НД-4, т. 3, № 1488 и примеч. 3 к нему.

306. № 3371/18.

1 Речь о Московском художественном балете под руководством В.В.Кригер, который в своей деятельности следовал творческим принципам МХАТ. В 1933 г. сперва временно, а с 1939-го уже окончательно он вошел в состав Музыкального театра.

2 На ул. Герцена (Б.Никитская, угол Скарятинского) Н.-Д. с семьей жил до переезда в 1938 г. в дом 5/7 по ул. Немировича-Данченко (Спассо-Глинищевский пер.).

307. № 3371/19.

1 М.С.Дымова играла Дуньку.

2 Речь о возобновлении спектакля с вводом нового исполнителя на главную роль – Н.П.Хмелева.

308. № 3371/20.

1 Н.-Д., увлеченный пьесой Иванова “Двенадцать молодцев из табакерки” (“Павел”), видел, однако, необходимость работы театра над представленным текстом: “Насчет пьесы Всеволода Иванова дело будет сложно в том отношении, что неизвестно, кто будет заниматься с ним драматургически. Это мог сделать или я, или Булгаков, ну и Марков тоже” (НД-4, т. 3, с. 469).

2 Яшвин – роль в “Анне Карениной”; Бенкендорф – в пьесе Булгакова “Последние дни” (“Пушкин”).

309. № 3371/21.

310. № 11151.

1 К письму приложены следующие записки: “Вл.Ив. просил ответить, что, к сожалению, он не может исполнить просьбу, т.к. никогда не отвечает на подобные вопросы. Его деятельность настолько разнообразна, что уложить в ответы на столь примитивные вопросы не может. (Пускай обратятся к Дикому и Берсеневу, – сказал он.)”.

“Вл.Ив. поручил ответить, что он никогда не выступает по таким заезженным анкетам”.

311. № 3371/22.

1 И С.Н.Воронов, и А.И.Канин, успешно работавшие в провинции, были учениками Н.-Д. по школе МХТ (с Вороновым Н.-Д. создал роль Смердякова в спектакле “Братья Карамазовы”, 1910).

312. № 11697.

1 Возобновление “Синей птицы”, на долгое время исключенной по идеологическим мотивам из репертуара МХАТ, состоялось 29 апреля 1936 г. (режиссеры Москвин и Яншин). В том же году амнистированную пьесу показали в Киевском театре для детей в декорациях В.И.Шухаева. (По просьбе П.П.Постышева К.С. согласился проконсультировать эту постановку, в марте 1936 г. встречался с ее украинскими инициаторами – см. Летопись, т. 4, с. 361.)

“Простое дело” – первоначальное название пьесы братьев Тур и Л.Шейнина “Очная ставка”. МХАТ принял ее к работе, режиссером вызвался быть Л.М.Леонидов. Более подробно см. НД-4, т. 3, № 1502. Репетиции были остановлены в начале апреля 1936 г.; пьеса широко пошла по стране, но в МХАТ показана не была.

2 Речь идет о “Борисе Годунове” Пушкина, начало работы над которым (взамен предполагавшегося спектакля “маленьких трагедий”) было объявлено в декабре 1935 г. Впервые после длительного перерыва в МХАТ был приглашен режиссер “со стороны” – С.Э.Радлов, чьи постановки шекспировских трагедий (“Король Лир” в ГОСЕТе с Михозлсом, “Отелло” в Малом театре с Остужевым) в 1935 г. стали крупными художественными событиями. В помощь Радлову была назначена Литовцева.

Затруднения с назначением Болдумана на заглавную роль в пушкинской трагедии могли возникнуть в связи с тем, что одновременно актер получил роль Бориса Годунова в вернувшемся на сцену МХАТ спектакле “Царь Федор Иоаннович”.

К этому пункту Н.-Д. дал на полях приписку: “Если Болдуман будет раздваиваться, то, конечно, надо вводить еще. Кого же? Я принимаю всякого, кого выбирают Радлов и Литовцева. Но ведь все заняты параллельно, как и Болдуман”.

Менее вероятно, но возможна другая версия: трудности связывались с тем, что Болдуман был занят в другом объявленном к работе спектакле – в “Простом деле”, где ему назначалась роль следователя Ларцева.

3 Н.-Д. возражал против продвигавшейся Судаковым постановки: “«Нора» сейчас для нас спектакль до детскости наивный и ненужный”. Впрочем, он приписал на полях: “Отложим вопрос на время”.

4 Приписка Н.-Д.: “Знаю”.

О.С.Литовский, назначенный 15 февраля 1936 г. начальником Главреперткомма, по приказу от 28-го должен был совмещать эту должность с обязанностями редактора журнала “Советский театр”; тем же приказом от 28 февраля И.Л.Альтман назначался редактором “Советского искусства”.

5 Приписка Н.-Д.: “Читал”.

Статья Б.В.Алперса в “Литературной газете” от 10 марта была напечатана под заголовком “Реакционные домыслы М.Булгакова. “Мольер” в филиале МХАТ” (накануне в “Правде” прошла редакционная статья об этом спектакле “Внешний блеск и фальшивое содержание”). В этом же номере “Литературной газеты” были опубликованы беседы с писате-

лями (в том числе с Афиногеновым) перед общегородским собранием, “которое обсудит вопросы борьбы с формализмом, левацким уродством и натурализмом в литературе”.

Статья “Правды” о “Мольере” замыкала цикл аналогичных редакционных выступлений: “Сумбур вместо музыки” и “Балетная фальшь” о Шостаковиче, о художнике В.Лебедеве (“О художниках-пачкунах”), о фильме И.Кавалеридзе “Прометей” (“Грубая схема вместо исторической правды”). 28 февраля 1936 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о ликвидации МХАТ Второго (с формулировкой: “Так называемый 2-й МХАТ не оправдывает своего названия МХАТа и на самом деле является посредственным театром, сохранение которого в Москве не является необходимой”). Уже в первых откликах на премьеру “Мольера” (“Вечерняя Москва”, 16 февраля) автора и театр укоряли: “Нет подлинного образа величайшего драматурга и поэта Франции” (это рифмовалось с принятым в те же дни правительственным решением: “Установить в Москве новый памятник Н.В.Гоголю, отражающий подлинный облик великого русского писателя-сатирика”). После выхода статьи в “Правде” были организованы отклики в поддержку ей, – в ее духе выступили и мхатовцы В.В.Грибков и М.М.Яншин (последний играл в “Мольере” Бутона; его статья называлась “Поучительная неудача”). О реакции Н.-Д. на поведение актеров см. примеч. 3 к № 319.

Художественный театр принял решение снять “Мольера” с репертуара. 6 В начале 1936 г. основательно перестраивалась система руководящих искусством органов; возник Комитет по делам искусств при Совнаркомме СССР, в подчинении которому оказались театры; первым председателем Комитета стал П.М.Керженцев.

7 Речь о фотографиях Н.-Д. Приписка Н.-Д. на полях: “Недурны очень. Этих 12 заказать”.

313. № 11698.

1 О.Б. вместе с В.Я.Виленкиным взяла на себя труд вычитки машинописи мемуаров Н.-Д. “Из прошлого”, которые готовились в издательстве “Academia” (подписано в набор 14 января 1936 г.).

2 Смутьившая фраза на самом деле должна читаться так: “Я вон сказал, что на малейший вопрос театральной организации у нас был готовый положительный ответ. Но потом на практике мы столкнулись с таким бесконечным числом неожиданностей!” Стоит оценить типичность ошибки машинистки: один из партийных руководителей науки и искусства Ф.Я.Кон был ей привычнее, чем старый оборот речи.

3 В подлиннике Н.-Д. стоит: “при сочинении...”

4 О.Б. как корректор вполне права: после слова “что” и перед тире – машинистка пропустила слово “это”. Впрочем, Н.-Д. заметил своей корреспондентке, что – при наличии гранок – вычитывать следует уже их, а не машинопись.

5 Н.П.Акимов был художником “Любови Яровой”, которой предстояло стать следующей – после злосчастного “Мольера” – премьерой МХАТ (он же намечался художником “Простого дела”).

314. № 3373/3.

1 Вопреки язвительному тону О.Б. в рассказе о раздаче ролей, Н.-Д.

лишь переспросил: “В “Тартюфе” кто Оргон? А так вообще распределены хорошо” (НД, № 512).

2 М.П.Аркадьев, пришедший на работу в МХАТ с 5 февраля 1936 г., был приглашен по инициативе К.С. (см. его письмо Сталину – КС-9, т. 9, № 565).

Сохранился черновик письма К.С., в котором он убеждает вновь пришедшего директора: “Милый, дорогой Михаил Павлович! Умоляю Вас послушаться дружеского совета. Откажитесь от Митиля” (КС-9, т. 9, № 570). В этом письме оспаривается только вкус вновь приглашаемого работника, стиль “плюшевых ковров, мраморных стен и театрально-мещанской роскоши”, а не его деловые качества, того менее – его честность.

С.С.Митиль оставался в штате МХАТ, но работал лишь в его доме отдыха Пестово; уволен 15 мая 1937 г.

3 Речь о выпущенном издательством “Academia” сборнике материалов (из серии “Театр и музыка”) “А.П.Ленский. Статьи. Письма. Записки”. Подписанная в печать 3 октября 1935 г., эта книга появилась в начале 1936-го.

А.Н.Тихонов (Серебров) был главным редактором “Academia”.

4 В связи с литературными делами Н.-Д. (издание за границей его мемуаров) к К.А.Уманскому адресовались как к зав. отделом печати и информации НКВД. В том же 1936 г. он уехал на работу в Вашингтон как советник полпреда СССР в США.

5 Имеется в виду работа над инсценировкой “Анны Карениной”. Роль графини Лидии Ивановны поручалась М.А.Дурасовой, принятой в труппу после ликвидации МХАТ Второго.

6 За подписью Г.Юры пришло письмо, приглашавшее Н.-Д. почтить своим присутствием 15-летний юбилей Украинского драматического театра им. И.Франко.

315. № 3373/4.

1 Н.П.Охлопков в период “борьбы с формализмом” был среди первых, оказавшихся под ударом; возглавляемый им Реалистический театр был вскоре закрыт, а часть труппы влила в Камерный театр (1937).

2 Е.О.Любимов-Ланской мог иметь в виду, что его Театр им. МГСПС был с начала 20-х гг. застрельщиком работы с советскими авторами над современным бытовым материалом.

3 В “Комсомольской правде” от 14 марта 1936 г. прошла статья Б.Орлова “О последних постановках ТРАМа”. Как репертуарные ошибки квалифицировались постановки “Дальней дороги” и “Жены товарища” (“плохие, фальшивые пьесы”); особенно осуждалась “Жена товарища” – “одна из самых низкопробных, антихудожественных пьес, какие только у нас появлялись”.

4 Исследователь и знаток творчества Пушкина и культуры его времени, М.А.Цявловский был привлечен к работам МХАТ, участвовал в первом заседании по “Борису Годунову” 9 декабря 1935 г.

5 Ответ Н.-Д. на этот вопрос см. НД-4, т. 3, с. 671–672.

316. № 3373/5.

1 Н.-Д. повторно обратился к М.П.Аркадьеву и К.С., отстаивая право Р.Н.Молчановой, уволенной в 1933 г., вернуться в выращивший ее те-

атр (см. НД-4, т. 3, № 1500); его письмо возымело действие, Молчанова снова вошла в состав МХАТ и осталась тут до 1955 г.

2 А.М.Горький передал вторую редакцию своей пьесы “Васса Железнова” МХАТу Второму (конкретно – как исполнительнице заглавной роли – С.Г.Бирман). В связи с закрытием МХАТ Второго пьеса оказалась свободна; МХАТ ее упустил, “Вассу Железнову” сыграли в Театре Красной Армии (премьера на гастролях в Ленинграде, 5 июля 1936 г., режиссер Е.С.Телешева, Васса – Ф.Г.Раневская); Бирман поставила пьесу и сыграла назначенную ей автором роль в Театре им. МГСПС (премьера 28 октября 1936 г.).

3 При открытой кассе – т.е. при прямой продаже билетов желающим, а не при распространении их по учреждениям, что до середины 30-х гг. усердно практиковали.

317. № 3373/6.

1 В Москве с 11 марта шла Декада украинского искусства и литературы (первая из чреды такого рода фестивалей национального искусства республик, входивших в СССР). Н.-Д. приветствовал ее участников – актеров Театра оперы и балета им. Шевченко – письмом (см. НД-4, т. 3, № 1501); на своем портрете, который попросили в театре, поручил сделать надпись на украинском языке; русский текст надписи прилагал (см. НД, № 511).

2 См. № 314 и примеч. 3 к нему.

3 Эта строка – в дополнение к рассказу о распределении ролей, сделанном К.С. в “Тартюфе” (см. № 314).

4 Н.-Д., находя несвоевременной постановку “Норы”, которую режиссер собирался ставить ради Еланской, писал: “Как Судакову самому не совестно так проталкивать его пьесы?” (НД, № 512).

5 После закрытия МХАТ Второго его актеров распределяли в различные московские театры; из бывших первостудийцев в МХАТ попали А.И.Чебан, В.В.Готовцев, М.А.Дурасова, В.А.Попов; о просмотре молодых участников ликвидированной труппы см. в письме ниже.

6 Из перечисленных О.Б. в МХАТ не попал Смирнов, и его дальнейшая жизнь нам неизвестна.

Судьба И.А.Розановой, одной из талантливейших учениц Оперно-драматической студии, посмертно стала предметом нескольких очерков – см., например, “Ирина – Гамлет Станиславского” С.Клубкова (“Театральная жизнь”, 1991, № 21 и 22).

7 Прямым поводом для приглашения к Керженцеву было решение театра прекратить представления “Мольера”.

318. № 3373/7. Вначале опущены заметки О.Б., относящиеся к обнаруженным ею пропускам и опечаткам в машинописи мемуаров Н.-Д.

1 Найти бумагу с цензурными претензиями к тексту “Из прошлого” (или свидетельство отсутствия таковых) нам не удалось.

2 Речь о читке пьесы Л.Шейнина и бр. Тур “Простое дело” (“Очная ставка”). Реакция Н.-Д. на энергичное продвижение ее в репертуар МХАТ выражена в его письме Аркадьеву и К.С. (НД-4, т. 3, № 1502).

319. № 3373/8.

1 Ознакомившись с пересланным ему планом репертуара на ближайшие годы (см. № 314), Н.-Д. писал: “Нахожу очень легкомысленным рассчитывать получить по две современные пьесы в год. До сих пор мы по

одной в два года едва имели – и откуда же вдруг такая вера? Или в план репертуара входит снижение требований?” (НД-4, т. 3, с. 484).

2 набросок своей возможной реплики Грибкову и Яншину, их высказываниям о “Мольере”, Н.-Д. дал в письме О.Б. (НД-4, т. 3, № 1503) и приписал: “Посоветуйтесь побольше – делать это, или ни к чему”.

3 Н.-Д. приписал на полях: “Я не против того, что они пишут, а против того, как пишут”. Эту мысль он развернул в письме к О.Б. от 24 марта (НД-4, т. 3, № 1504). Своей жесткой оценки газетных выступлений Яншина и Грибкова он не изменил, но от мысли возражать им публично его отговорили.

4 Актриса и педагог Н.А.Смирнова могла рассчитывать на помощь от Художественного театра как вдова Н.Е.Эфроса – преданного критика и биографа МХТ.

5 Речь идет, вероятно, о пьесе Кирсона “Большой день”, посвященной будущей войне. Автор послал ее Н.-Д. (вместе с новогодним приветом) 31 декабря 1936 г. Она была поставлена в апреле 1937 г. в ЦТКА и в Театре им. Вахтангова.

6 Приписка Н.-Д.: “Не знаю пьесы”.

320. № 3373/10.

1 История прихода в литчасть МХАТ В.Е.Рафаловича – ленинградского партработника, специализировавшегося в области искусства, – прослеживается в последующих письмах; П.А.Марков после всех осложнений все же вернулся к своим обязанностям главы литчасти МХАТ.

321. № 3373/11.

1 О.Б. немного недослышала: на должность зав. филиалом пришел в марте 1936 г. А.Ф.Коробов.

322. № 3373/12.

1 С.Э.Радлов, не беседовавший с Н.-Д. с января, помяная “события мировые и немировые”, с тех пор произошедшие, мог заметить не только цикл редакционных статей в “Правде” (начало “борьбы с формализмом в искусстве”), ликвидацию МХАТ Второго, удар по спектаклю “Мольер”, но и такие дела, как конфликт на границах МНР, грозивший войной с Японией, или подготовку договора СССР – США (полоса в “Правде” была отдана беседе И.В.Сталина с американским журналистом Роем Говардом в примиряющем тоне по поводу международных отношений), и ряд признаков изменения позиций по внутренним вопросам. Так, было принято решение о ликвидации Коммунистической академии, существование которой в параллель с Академией наук признавалось нецелесообразным; опубликовали указ об амнистии осужденных в 1930-м на процессе Промпартии и о полном восстановлении их в гражданских правах (указ от 4 февраля 1936 г.); официально корректировались концепции истории России и русского национального характера (в статье “Об одной гнилой концепции” – “Правда” от 10 февраля 1936 г. – клеймился термин “нация Обломовых”; то была скулодробительная реплика на воспоминания Бухарина о Ленине и его взглядах в “Известиях” от 21 января). Режиссерам “Бориса Годунова” следовало учесть два подвала в “Правде” от 1 февраля 1936 г. – “Критические замечания об учебниках истории СССР” (в частности характеристика Лжедмитрия уже не как вождя крестьянских восстаний, а как авантюриста и ставленника польского панства).

323. № 3373/16.

1 *Пер Баст* – персонаж ставившейся во МХАТе пьесы Гамсуна “У жизни в лапах”, миллионер и прожигатель жизни. И слово “набоб”, и упоминание о змее – все отсылает к фабуле спектакля.

2 Банкет, который давали в ознаменование заканчивавшихся в Киеве гастролей Художественного театра, был официальным мероприятием; его вел П.П.Постышев – секретарь ЦК КП(б) Украины.

324. № 3373/18.

1 Трудно разгадать, что конкретно в номере “Правды” от 5 июля показалось О.Б. представляющим интерес для Н.-Д. Возможно, это было сообщение о прибытии в Берлин нового полпреда СССР К.К.Юренева (находясь в Германии – О.Б. писала ему именно туда, – Н.-Д. постоянно имел контакты с полпредством).

325. № 3373/19.

1 “Платон Кречет” был поставлен в Ленинградском театре драмы в 1935 г. (режиссер Б.М.Сушкевич).

326. № 3373/20.

1 Эта часть письма – ответ на строки Н.-Д., раздраженного в отчетах О.Б. их слитностью с “вульгарной закулисной атмосферой” (НД-4, т. 3, с. 494).

2 Свои мысли о романе Н.Е.Вирты “Одиночество” как о материале для спектакля Н.-Д. высказал в письме от 8 июля (НД-4, т. 3, № 1509).

327. № 3373/21.

1 Н.Н.Соснин начал службу в МХАТ только в 1933 г., до того был актером театра Корша, затем – МХАТ Второго.

2 Вс.В.Иванов должен был работать с Д.Д.Шостаковичем над оперой на сюжет из эпохи гражданской войны (задумывалось что-то близкое к ряду фильмов-биографий – “Чапаев”, “Щорс”, и был выбран конкретный персонаж). Эти планы были обдуманы при встрече Н.-Д. с композителем и драматургом в октябре 1936 г. Но работа, о которой рассказывается в письме Маркова, была прервана, поскольку реальный прототип центрального героя к этому времени оказался репрессирован.

3 Эти строки относятся к планам инсценирования романа Вирты “Одиночество” (Хренников и драматург Файко работали над оперой по сюжету “Одиночества” – она была поставлена под названием “В бурю” в Муз. театре).

Петр – один из центральных персонажей романа Вирты, участник антоновского мятежа; в спектакле МХАТ (“Земля”) Петра Сторожева играл Хмелев.

328. № 3373/26.

1 О.Б. объединила тут разговор о буклете к премьере “Любовь Яровая”, вступительную статью к которому писал Судаков, и разговор о проекте юбилейного издания к 40-летию Художественного театра. Как и желала О.Б., это издание (Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898–1938. М., 1938), подготовленное А.М.Бродским, от начала до конца курировал Н.-Д.

Книга “Любовь Яровая”, включившая в себя статью К.А.Тренева (“Моя работа над “Любовью Яровой” и ее жизнь на сцене”), текст пьесы, а затем разделы “Постановка МХТ” и “Мастера театра о пьесе” (Вл.И.Немирович-Данченко, К.Н.Еланская, А.И.Чебан, Б.Н.Ливанов, Ф.В.Шев-

ченко, А.А.Монахова) вышла в издательстве “Искусство” (М., 1937).

2 К.К.Алексеева-Фальк с 1929 г. жила с дочерью за границей, в августе 1936 г. они окончательно вернулись на родину.

329. № 3373/27.

1 Бывший муж дочери К.С. художник Р.Р.Фальк жил во Франции; в Москву он вернулся только перед самым началом Второй мировой войны.

2 Речь о “Воскресении”, где Книппер играла графиню Чарскую.

330. № 3373/28.

1 Мрачный прогноз не оправдался, Остужев остался жив.

[1937]

331. № 3374/1.

1 Опера “Абессалом и Этери” в постановке Ш.Агсабадзе (Театр оперы и балета им. Палиашвили) была показана во время Декады грузинского искусства, проходившей в Москве с 5 по 15 января 1937 г.

2 Роль Марины Мнишек в “Борисе Годунове” готовили Андровская, Степанова и Пилявская.

3 Книга, сопутствовавшая гастролям МХАТ в Париже во время Всемирной выставки 1937 г., вышла в варианте, сильно сокращенном по сравнению с этим планом. На ней была обозначена цена “5 fr.”, она называлась: “Théâtre Academique d’Art M.Gorky de l’URSS / decore de l’Ordre de Lenine. Moscou. Spectacles à l’Exposition Internationale de Paris. 1937”. Ответственным редактором ее проставлен не М.П.Аркадьев (к ее выходу уже арестованный), а Я.О.Боярский (художественный и технический редактор – А.М.Бродский). В книгу в переводе вошли статья П.А.Маркова “Московский Художественный театр” и либретто гастрольных спектаклей (“Враги”, “Любовь Яровая”, “Анна Каренина”). Либретто “Анны Карениной” предпослана статья Н.-Д. о принципах театрального решения прозы Толстого.

“Киевской книжкой” О.Б. называет буклет, подготовленный к украинским гастролям МХАТ 1936 г.

4 11 января в местной многотиражке “Горьковец” появились оба эти “распоряжения дирекции”:

“В целях сохранения режиссерского замысла спектакля “Любовь Яровая”, закрепления каждым актером рисунка роли и творческих задач запрещается актерам вносить малейшие изменения в свою роль и в спектакль в целом без специального разрешения Владимира Ивановича. Наблюдение за соблюдением этого распоряжения возлагается на режиссера-ассистента тов. Раевского”.

“В целях приближения руководства театра к работе с драматургами репертуарно-литературная часть *упраздняется*. Должности зав. репертуарно-методической частью и зав. литературной частью переименовываются в консультантов дирекции по репертуарным вопросам.

Должность референта литературной части переименовывается в литературного секретаря дирекции.

Консультантами дирекции по репертуарным вопросам назначаются гг. П.А.Марков и В.Е.Рафалович с сохранением получаемых ими ныне окладов.

Литературным секретарем дирекции назначается В.Я.Виленкин с сохранением получаемого им оклада”.

5 11 января 1937 г. в газете “Советское искусство” появилась статья за подписью Н.-Д. “Сцена и жизнь”. В ней были использованы воспоминания Н.-Д. “С детства театральная”, написанные им для другого издания в связи с 50-летием артистической деятельности А.А.Яблочкиной.

332. № 3373/1. В музейном хранении ошибочно датируется 1936 г. (от-

сюда и архивный номер, не соответствующий году). Дата исправляется по содержанию письма (состоявшаяся премьера “Любови Яровой” – 29 декабря 1936 г., и др.).

1 О.Б. рассказывает об Е.В.Артеменко, которая в своей должности секретаря председателя Совнаркома оказывала постоянные услуги МХАТу и, перейдя в одну из комиссий Моссовета, продолжала дружбу с театром.

2 Речь о репетициях “Анны Карениной”.

3 Столетие смерти Пушкина отмечалось в 1937 г. широко, наподобие государственной даты. МХАТ подготовил монтаж “Гибель поэта”, построенный на письмах, дневниках, официальных документах, судебных записях, воспоминаниях и немногих стихах. Он был показан дважды, 10 и 17 февраля 1937 г. (участники В.В.Белокуров, Ю.Э.Кольцов, Л.М.Коренева, Р.Ф.Шиллинг, В.А.Вербицкий, В.Н.Попова, О.Л.Книппер-Чехова). Вечер дополнялся сценами из “Бориса Годунова” (“Корчма” и “Царские палаты”, Годунов – М.П.Болдуман) и отрывком из “Каменного гостя” (А.К.Тарасова, В.Л.Ершов).

333. № 3374/4.

1 Задержка с выходом в свет книги “Из прошлого” могла быть связана с общим положением дел в “Academia”: здесь были репрессированы многие сотрудники, издательство слили с Гослитиздатом; часть подготовленных книг (как мемуары Н.-Д.) еще выходили под здешним грифом, часть – под грифом издательства “Искусство”).

334. № 3374/5.

1 О.Б. передавала Н.-Д. книгу Д.Альперова “На арене цирка. Записки клоуна” (литературная обработка, предисловие и примечания В.Е.Беклемишевой. М., “Художественная литература”, 1936).

Н.-Д. знал литератора Беклемишеву по сборнику памяти Л.Н.Андреева “Реквием”, где она была вместе с Д.Л.Андреевым составителем (М., изд. “Федерация”, 1930).

2 Речь о первом представлении монтажа “Гибель поэта” (см. примеч. 3 к № 332).

Монтаж составил Р.Ф.Шиллинг, режиссер – Марков, ассистент – Виленкин.

Книппер читала отрывки из записей В.И.Даля, присутствовавшего у смертного одра Пушкина как врач.

3 В “Правде” прошла информация о мхатовском вечере. Ю.Э.Кольцов был занят в пяти фрагментах монтажа (кроме стихов – тексты из воспоминаний В.А.Соллогуба, из дневника Пушкина и его писем жене, из конспективных записок Жуковского, из письма д’Аршиака Вяземскому, из судебных показаний Данзаса, из воспоминаний Вяземского).

4 А.М.Комолова играла Ксению; в программке вечера в роли Федора обозначен Н.А.Шавыкин, в роли мамки – А.А.Коломийцева.

5 Москвин в “Корчме” играл Варлаама. Далее упоминаются Кудрявцев – Самозванец, Калинин – Мисаил; Жильцов и Рыжов играли приставов, Пузырева – хозяйку корчмы.

6 То, что бывший зампредседателя Совнаркома РСФСР, ныне зам. главного прокурора СССР Г.М.Леплевский был в данный вечер у них в театре, а не на официальном торжестве в Большом, могло сигнализировать опалу его (знак этот оправдался, вскоре Леплевский был арестован).

Информировать обо всех этих признаках, как и о самих событиях этого рода, О.Б. продолжала неизменно.

В следующем письме (№ 3374/6) от 23 апреля 1937 г. О.Б. передавала: в МХАТ ради билетов на “Анну Каренину” заходили артисты ГАБТ Озеров и Политковский “и рассказали, что в театре полная растерянность, про Вашего тезку рассказывают всякие невероятности в смысле его вредной деятельности, есть слух, что и бывший замдиректора Гисин очутился там же, где директор, в делах разбирается у них теперь Боярский, который сидит в театре, а фактически управляет и решает повседневные дела Леонтьев” (“Ваш тезка” – арестованный директор Большого театра В.И.Мутных; Соломон Николаевич Гисин был назначен замдиректора ГАБТ приказом от 26 апреля 1936 г. – до ареста пробыл в должности один год).

Контрастом к этим известиям шла телеграмма: “Говорят завтра опубликуют награды за нашу премьеру привет *Бокшанская*” (“*наша премьера*” – “Анна Каренина”).

335. № 3374/7.

1 Кубастиками называли в МХТ полупрозрачные фонари, которыми освещается зал.

2 Речь о роли Шервинского (основной ее исполнитель, Прудкин, был занят в “Анне Карениной”, играя Вронского).

3 Речь о спектакле Малого театра “Борис Годунов” (постановка К.П.Хохлова, декорации В.А.Щуко; заглавную роль играл М.Ф.Ленин, Самозванца – Н.А.Анненков. Марину – Е.Н.Гоголева).

4 О.Б. имела основания для своей гордости за театр: премьерные спектакли МХАТ в эти годы удостаивали своим присутствием первые лица страны, дипломатический корпус и приезжавшие в Москву по линии Интуриста иностранцы.

5 Н.М.Горчаков (вместе с Б.Я.Петкером и двумя “местными” мастерами, Л.С.Беляковой и Д.В.Камерницким) был приглашен режиссировать “Прекрасную Елену”. Его нелады с актерами, столкновение с Н.Ф.Кемарской и последовавший уход из начатой работы описываются Е.Е.Лигской – секретарем Н.-Д. в Муз. театре: “Актеры начали высказывать различные недовольства системой работы, и Кемарская произнесла следующую фразу: “У нас есть что-то порочное в работе над “Еленой”. Горчаков вспыхнул, побледнел и ушел, сказав, что возвратится тогда, когда изживут “это порочное”. Дирекция вызывала Горчакова, чтобы предложить ему довести работу до возвращения Н.-Д. и до показа ее. Однако 23 мая Горчаков отказался от работы по «Прекрасной Елене»” (см. НД, № 4809/1 и 2). Назревавшее ощущение опасности вокруг себя заставило Горчакова полностью переключиться на работу над уже одобренной “сверху” прозой Вирты, выехать с актерами для работы над “Землей” на Тамбовщину и т.д.

336. № 3374/8.

1 Украинский театральный художник В.Г.Меллер был приглашен в МХАТ для постановки “Банкира” – комедии на материале колхозной жизни.

2 Бештанько – персонаж “Банкира”.

3 Хлопоты были связаны с гастрольным выездом МХАТ на Всемирную выставку в Париж.

4 Р.Ф.Шиллинг играл в “Анне Карениной” небольшую роль Сановника; за границу он не был выпущен, вскоре был арестован.

5 Роль княгини Мягкой на премьере играла Е.А.Хованская, а графиню Бронскую (“старую графиню”) – М.П.Лилина. “Перетасовка” была связана с болезнью К.С. и с невозможностью отъезда Лилиной. (Книппер в поездке все равно участвовала – как исполнительница роли Полины Бардиной во “Врагах”).

337. № 3374/9.

1 То, что далеко не всем актерам МХАТ советские власти разрешили выезд, поставило перед режиссурой ряд затруднений; потребовались вводы, причем иногда на роли немаловажные (так, Д.А.Аркадьевского пришлось заменять в роли рабочего Акимова в спектакле “Враги” – роль передали Белокурову; в том же спектакле пришлось заменять исполнителя роли Пологого, которую играл в первом составе П.С.Ларгин; А.С.Малеева в роли Грекова заменил Н.И.Дорохин, и т.п.).

Установить, кого из двух молодых актеров по фамилии Князев, которые были в труппе МХАТ в 1937 г., – Леонида Сергеевича или Сергея Сергеевича, – имеет в виду О.Б., не удается; скорее, речь о Л.С.Князеве, который был занят в “Любови Яровой” (распорядитель танцев).

2 И.Я.Судаков выпускал в Ленинграде свою постановку оперы О.С.Чишко “Броненосец «Потемкин»” (Театр оперы и балета им. Кирова).

3 В документах МХАТ эта актриса числится как Меснянкина.

338. № 3374/10.

1 Речь об отмене так называемой “непрерывки” (см. № 149 и примеч. 3 к нему).

2 В расчете на условия парижской сцены некоторые картины и некоторые персонажи гастрольных спектаклей были исключены (и в их числе рвущаяся в Европу спекулянтка Дунька из “Любови Яровой”).

3 Горчаков был в Тамбове в связи с работой над спектаклем “Земля”, действие которого – на Тамбовщине в пору Антоновского мятежа.

4 С.П.Успенский работал как помреж с постановщиками “Земли” – Леонидовым и Горчаковым.

5 Летом 1937 г. была открыта навигация по каналу Москва – Волга, первые экскурсии проходили с официальной праздничностью.

339. № 3374/11.

1 Письмо частично опубликовано в НД-4, т. 3, № 1528.

2 Имеется в виду отзыв на пьесу “Голуби видят уходящие крейсера”; Н.-Д. писал его в качестве члена жюри конкурса на лучшую пьесу к 20-летию Октябрьской революции. Текст опубликован в “Ежегоднике МХТ за 1948 год” (т. 1, с. 433–434). Там же опубликован и отзыв на пьесу другого участника того же закрытого конкурса А.Е.Корнейчука “Правда”. Есть черновик отрицательного отзыва на сценарий Вс.Вишневого “Мы – русский народ” (НД, №7712/1).

3 Имеется в виду утверждаемый свыше список участников поездки МХАТ в Париж.

340. № 3374/13.

1 См. НД-4, т. 3, № 1558.

341. № 11705.

1 См. примеч. 2 к № 338.

2 Имеется в виду граф Шабельский, персонаж драмы Чехова “Иванов”, человек опустившийся и состарившийся.

3 Н.И.Сластенина играла в “Анне Карениной” жену посланника.

4 В картине “У Бетси”, чтобы сократить число участниц поездки, первоначальных исполнительниц маленьких ролей заменяли актрисами более именитыми, но не прошедшими общей школы этого спектакля.

5 В картине “Во дворце” В.Н.Попова заменила С.Н.Гаррель в роли фрейлины, а Н.Н.Соснин – Н.А.Подгорного в роли сановника.

6 Н.-Д. в письме от 29 июня переспрашивал сам себя и свою корреспондентку: “Я, кажется, не дал книжку Мар. Пав. Чеховой?.. Как это не-хорошо. Или дал? Нет, не дал... Надо ей послать в Ялту” (НД-4, т. 3, с. 512).

7 28 апреля 1937 г. было опубликовано постановление о награждении Московского Художественного Академического театра им. М.Горького Орденом Ленина. В связи с этим 7 мая Н.-Д. выступал с речью на заседании Президиума ЦИК СССР.

16 мая 1937 г. И.А.Акулов и П.М.Керженцев приезжали в Леонтьевский переулок вручать К.С. Орден Ленина (сюжет засняла кинохроника).

Сотысячный митинг-протест на стадионе “Динамо”, на котором выступал Качалов, состоялся 24 сентября 1936 г. (он шел под лозунгом: “На помощь женщинам и детям героической Испании!” и был связан с началом мятежа генерала Франко).

Москвин в качестве делегата участвовал в Чрезвычайном восьмом Все-союзном съезде Советов, проходившем с 25 ноября и завершившемся 5 декабря 1936 г. принятием новой Конституции СССР. Москвин выступил с докладом об этом съезде и о конституции на Московском общегородском собрании работников искусств.

Портрет немецкого драматурга Г.Гауптмана, висевший в фойе МХАТ, был снят, поскольку этого писателя считали поддерживающим Гитлера. Як. Григ. Сорокин работал в МХТ с 1907 г. (заведующий объемно-декорационной мастерской), пользовался большим уважением; он скончался в 1937 г.

9 Речь о Б.И.Волкове – художнике готовившейся постановки оперы “В бурю” в Муз. театре. Строки, относящиеся к его работе, см. в письме Н.-Д. к Маркову (НД-4, т. 3, № 1529).

342. № 3374/14.

1 Упоминаемые актеры исполняли в “Земле” следующие роли: Титова – Марья Косова, командир антоновского полка; Кторов – отец Степан; Белокуров – Ленька, брат Листрата; Степанова – Наташа; Добронравов – Листрат; Хмелев – Петр Сторожев; А.Зуева – Мавра, мать Леньки и Листрата; Грибов – Фрол Баев; Топорков – Антонов, вожак восстания.

2 И.М.Рабинович был художником “Бориса Годунова”; строки, обращенные к нему, см. НД-4, т. 3, с. 512.

3 В цитируемом выше письме Н.-Д. выражал намерение что-нибудь предпринять для возвращения Аркадьева.

4 Утверждение “аусгешлоссен” (“исключено”, нем. ausgeschlossen) подкреплялось тем, о чем О.Б. рассказывала дальше, но вынула страницу, в отправляемой письме написав другое. Вынутую страницу она, однако, сохранила в своем архиве.

После слов “аусгешлоссен” она писала: “При этом сегодня пошли уже слухи о М.П. еще более острые. 4-го он должен был уехать в Кисловодск. На вокзале собралась группа провожающих. Однако он на вокзал не приехал. Вот уж не знаю – в результате ли звонков к нему домой или в результате собственных домыслов, – но нынче определенно стали говорить, что он задержался в Москве не по собственному желанию. Так как я не терплю таких слушков, то я спросила Александру Моисеевну, что ей известно по этому поводу. Она мне сказала, что она была в числе провожающих и действительно М.П. на вокзал не приехал. Поздно вечером она позвонила к Кл. Ал., и та сказала, что будто машину дали так поздно, что они с трудом успели на вокзал к отходу поезда, так что М.П. вскочил в какой-то не свой вагон. Однако когда я успокоенно сказала, что, значит, все эти толки – это обывательская болтовня, Ал. М. мне сказала, что ничего не может утверждать точно, но, может быть, Кл. Ал. не хотела вдаваться с ней в беседу в более душевные разговоры, т.к. она, мол, не настолько с ними близка, а сказала то, что считала нужным или должна была сказать. В общем, пока этот вопрос загадочен. Такие же сообщения я слышала про Дин. Серг., и тоже ничего определенного не знает никто, к тому же Нина Валер. в Гагры уехала” (актриса МХАТ Н.В.Михаловская была замужем за С.С.Динамовым).

Этот листок не был отправлен, но так или иначе события были доведены до слуха Н.-Д. В письме О.Б. походя замечала: “Вы уже знаете о М.П., кот. не уехал в Кисловодск, как хотел. То же и с мужем Нины Валер.” (№ 3374/16).

5 В.З.Радомысленский работал в Оперно-драматической студии им. Станиславского еще до ее открытия (был заместителем К.С. по административной и воспитательной работе), а с 1936 г. исполнял также обязанности помощника директора МХАТ М.П.Аркадьева. По тогдашним правилам, он попадал в опалу одновременно с Аркадьевым.

343. № 3374/18.

1 См. НД-4, т. 3, № 1533.

2 Н.-Д. интересовался, кто автор понравившейся ему статьи в “Горьковце” от 29 июня 1937 г. (автор полемизировал с С.Н.Дурылиным, чьи рассуждения об образе Пимена ранее появилась в той же многотиражке).

3 И.К.Квантковский сменил в редакции “Горьковца” Р.Э.Корнблум (жену Киршона). Несколько ранее О.Б. писала об этом: “Сегодня в “Сов. иск.” опубликовано, что местком МХАТ 21 июня снял с работы редактора “Горьковца” Р.Э.Корнблум за допущенные ошибки, за разваленную массовую работу и за отсутствие у нее авторитета в среде нашего коллектива. Формулировка причин снятия просто губительная и трудная для нее не только сейчас, но и для дальнейшей работы. Я было позвонила к ней пожалеть ее, что так не задалась ее работа в нашей газете, но не застала” (№ 3374/12, 23 июня 1937 г.). Корнблум, как и Киршон, была репрессирована; вышла на свободу лишь в 50-е гг.

4 Н.-Д., словно бы предвидя ироническое отношение парижской прессы к Е.Н.Морес в роли мальчика Сережи, хотел выпустить в гастрольном спектакле “Анны Карениной” не ее, а А.М.Комолову. Это не состоялось.

5 Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски, созданный в 1928 г., участвовал в советской культурной программе на Всемирной выставке 1937 г.

6 Экипировке отъезжающих уделяли внимание наравне с вопросом оформления документов и пр. В одном из предыдущих писем О.Б. писала из Пестова: “Вчера и сегодня у нас гостит администрация поездики – собирают паспорта, подписи на анкетах и т.п. Заодно записывают, кому нужно сшить костюмы или пальто, купить ботинки или еще какие-нибудь вещи, – для этого резервированы специальные товары. Говорят даже, что будто примерки будут происходить здесь, портных будут привозить сюда на машине. Точно это не решено” (№ 3374/16).

7 У нас нет сведений, какую пьесу Тренев прислал Н.-Д.; можно предположить, что то была историческая хроника, написанная к 20-летию Октября, “На берегу Невы” (поставлена в Малом театре в 1937 г.).

8 По все вероятности, свои услуги предлагал старый русский журналист-эмигрант С.Л.Кугульский, долгое время старавшийся поддерживать связи с МХТ (отправлял в театр продовольственные посылки во время голода 1921 г.). То, что О.Б. воздерживается от ответа ему, – еще один знак тридцать седьмого года.

9 См. примеч. 3 к № 331.

344. № 3374/19.

1 Все это относится к работе над спектаклем “Земля”, который готовился как премьера к 20-летию Октябрьской революции.

2 Устранение Н.В.Михаловской из состава отъезжавших, вероятно, связано с арестом ее мужа, С.С.Динамова (см. примеч. 4 к № 342). В “Анне Карениной” ее ролью была приятельница Анны; И.В.Полонская и Л.А.Варзер играли двух дам в той же сцене (“У Бетси”). Т.В.Красковская играла Картасову в картине “В театре”.

3 “Скорое свидание” в Париже не состоялось: в последний день перед отъездом театра О.Б. не выпустили за границу, причины, естественно, не объяснили. В письме Бертенсону из Швейцарии в США Н.-Д. писал по этому поводу: “Не были в Париже Бокшанская, Коренева, Подгорный, Халютин. Почему-то их задержали в Москве. Впрочем, не подумайте, что пишу эзоповским языком. Они благополучны, но в немилости” (НД-4, т. 3, с. 525).

345. № 3374/20.

1 “Шпильки” – так называли в театре сцену Анны с мужем (третья картина).

2 Летчики М.М.Громов и С.А.Данилин – Герои Советского Союза – прославились, совершив летом 1937 г. беспосадочный перелет из СССР в Америку через Северный полюс, и их присутствие на встрече МХАТа, возвращающегося со Всемирной выставки, подчеркивало торжественность события.

3 Случай произошел на спектакле “Синяя птица”.

4 С.В.Халютин играла в “Любови Яровой” жену профессора Горностаева; второй исполнительницей была М.О.Кнебель, и именно она ездила в Париж, куда Халютину не взяли. Когда Судаков и Раевский перед началом московского сезона 1937/38 г. 5 сентября вели репетицию, артистка начала демонстративно нарушать рисунок роли, как его установил в свое время Н.-Д., окарικатуривая его; на просьбу режиссеров вернуться к установленному, категорически отказалась, заявляя, что будет играть только так и не иначе, потому что так играла в Париже Кнебель. Не желая вступать в пререкания (тем более что репетиция была публичной, присутствовали американцы – гости Международного московского фестиваля), сцену пропустили. Вернувшись к этой сцене

позже, столкнулись с полным упорством, с заверениями – “наклею нос, как его клеит Кнебель, и буду играть под нее” (докладную Раевского о срыве репетиции см. в протоколах репетиций – РЧ, № 415, с. 7). Ее копию О.Б. послала Н.-Д.

346. № 3374/21.

1 Описав в протоколе спектакля технические накладки в последнем акте, в которых повинен рабочий сцены Козлов, Судаков итожил: “За этот факт должна отвечать вся постановочная часть. Финал “Любови Яровой” имеет острый политический характер, машинное отношение в данном случае звучит контрреволюционно. Необходимо крепко встряхнуть людей...” (РЧ, № 323, с. 11).

Постановочной частью заведовал И.Я.Гремиславский, его замами были В.В.Шверубович и И.С.Морозов (он же – секретарь парткома).

2 В “Любови Яровой” О.Н.Лабзина заменяла Шевченко в роли Дуньки, в “Талантах и поклонниках” – Андровскую в роли Смельской, в “Грозе” ее же в роли Варвары.

3 В.А.Попов играл Колосова.

4 Речь о роли графини Вронской.

347. № 3374/22.

1 В “Известиях” от 17 сентября 1937 г. на последней полосе прошел материал Д.Кальм “Театры-скитальцы” – о том, что Московское управление по делам искусств обманывает своими обещаниями и Оперный театр им. Станиславского, и Музыкальный театр им. Немировича-Данченко, которые вынуждены играть в непригодных клубных помещениях: “Годами складывавшиеся, любовно взращенные творческие коллективы, практически руководимые такими выдающимися мастерами, как В.И.Немирович-Данченко и К.С.Станиславский, не могут жить на колесах и мириться с халтурной обстановкой спектаклей”.

348. № 3374/23.

1 См. примеч. 5 к № 342.

349. № 3374/24. Окончание письма утрачено.

1 В “Грозе” Ливанов был занят в роли Кудряша; в “Хозяйке гостиницы” (постановка 1933 г.) играл Кавалера.

350. № 3374/26. Письма № 350–353 адресованы в Ленинград, где Н.-Д. гастролировал вместе со своим Музыкальным театром.

1 Я.О.Боярский ждал в этот вечер гостей из Политбюро и поэтому настаивал, чтобы Хмелев (которому вечером играть) не был днем задействован в церемонии похорон.

2 Л.М.Леонидов ставил пьесу Горького, взяв сорежиссером И.М.Раевского и решив продолжить свою работу с В.Ф.Рындиным, который был художником в его постановке “Земля”.

3 См. НД-4, т. 3, № 1542 (уточняем проставленную там дату, нужно: 10 ноября).

4 *Килля* – домашнее имя внучки К.С., К.Р.Фальк.

351. № 3374/27.

- 1 Н.-Д. на полях поправил ошибку, вписал фамилию правильно: Кнушевицкий.
- 2 Имеется в виду профсоюз работников искусств (Рабис).
- 3 Традиционный знак проводов артистов МХТ – фанфары из “Гамлета”, траурный марш Саца.
- 4 См. № 350 и примеч. 1 к нему.

352. № 3374/28.

- 1 Л.М.Леонидов репетировал в несостоявшемся “Борисе Годунове” роль Пимена.
“Сценой Грибова” О.Б. скорее всего называет короткую сцену Чудовского игумена и патриарха Иова (Грибов успешно готовил роль последнего).
- 2 Этот абзац касается планировки квартиры, которую Н.-Д. получал в Спасо-Глинищевском переулке.

353. № 3374/29.

- 1 Н.-Д. просил передать виолончелисту В.Л.Кубацкому, что помнит о нем и готов заняться его делом – если оно терпит – по возвращении.
- 2 Речь идет о торжественном собрании коллектива МХАТ, посвященном 20-летию Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР (как официально было обозначено). Доклад делал П.М.Керженцев. С творческим вечером В.И.Качалова, которым должен был начаться цикл “отчетов” мастеров МХАТ перед 40-летием театра, это мероприятие удалось развести: вечер прошел 19 ноября, а торжественное собрание – 16-го. Его участники “приняли приветствия товарищу Сталину и его верному другу и соратнику товарищу Молотову”, а также “торжественно обязались мобилизовать все силы на создание спектакля, в котором образ В.И.Ленина был бы показан не только в отдельных эпизодах, а явился главной ролью в пьесе” (“Горьковец”, 1937, 24 ноября).
- 3 Постановка пьесы Тренева “На берегу Невы” (режиссер К.П.Хохлов, художник А.А.Арапов) входила в цикл приуроченных к 20-летию Октябрьской революции юбилейных премьер, в которых на сцену выводился Ленин.
- 4 На торжественном вечере, посвященном 20-летию Октября, и в цикле творческих вечеров мастеров МХТ выдвигалась тема обновления, ренессанса искусства артистов МХТ, зашедшего перед революцией в тупик и ею возрожденного. Но как рабочий термин, обозначающий тему, слово “ренессанс” смутило Н.-Д. В его письме от 11 ноября 1937 г. (НД, № 543) есть строка: “Когда я мысленно перевел на русский язык “Ренессанс”, то испугался ассоциации с Парижем и белогвардейщиной!” (“Возрождение” – выходившая с 1925 г. в Париже на русском языке газета под редакцией П.Б.Струве; с 1927 г. редакторство перешло к Ю.Ф.Семенову, в 1937-м продолжавшему руководить газетой).
- 5 Два спектакля готовились и выпускались одновременно; первоначальные планы распределения ролей в них изменились: в “Достигаеве и других” ни Тарханов, ни Бендина заняты не были, в “Горе от ума” Фамусов остался за Тархановым, но Бендина, игравшая Лизу в возобновлении 1925 г., в спектакле 1938 г. не участвовала.

354. № 3374/34.

1 Сцену из “Дядюшкина сна” с Книппер – Марьей Александровной играла М.П.Лилина – Карпухина.

2 В спектакле “У жизни в лапах” с Книппер – бессменной фру Юлианой играл столь же бессменный Качалов – Пер Баст; А.П.Кторов играл с ней Блуменшена.

3 Топорков в “Достигаеве” назначался на роль того же попа Павлина, которого он с блеском сыграл в “Егоре Булычове”; но к протоколу была сделана приписка: “Ввиду занятости в репетициях пьесы “Тартюф” Топорков в роли Павлина заменен Сухаревым, а Бендина в роли Шуры – Комоловой”. Яншин в “Достигаеве и других” не играл.

В “Тартюфе” Топорков готовил и играл Оргона, Бендина – Дорину.

355. № 3374/36.

1 Спектакль “Идиот” (“отрывки из романа Ф.М.Достоевского в 5 д., 10 к.”) был поставлен в театре К.Н.Незлобина в Москве Ф.Ф.Комиссаржевским с Настасьей Филипповной – Е.Т.Жихаревой и Мышкиным – Н.П.Аслановым; премьера 20 декабря 1912 г.

2 “На чистом воздухе” – сцена из “Братьев Карамазовых” с Москвиным – штабс-капитаном Снегиревым; И.М.Кудрявцев должен был играть Алешу.

3 Речь об очередной премьере к 20-летию революции: в Большом театре режиссер Б.А.Мордвинов поставил в декорациях П.В.Вильямса “Поднятую цепь” – оперу И.И.Дзержинского, либретто Л.И.Дзержинского по роману М.А.Шолохова (премьера 23 октября 1937 г.).

4 Пьеса Н.Ф.Погодина была поставлена в Театре им. Вахтангова Р.Н.Симоновым (декорации В.В.Дмитриева, в роли Ленина Б.В.Щукин, в роли солдата Шадрин – И.М.Толчанов; премьера 13 ноября 1937 г.).

356. № 3374/39.

1 Инструктаж проводился перед первыми выборами в Верховный Совет СССР по правилам новой Конституции, принятой 5 декабря 1936 г. Выборы были назначены на 12 декабря 1937 г. МХАТ вовлекался в подготовительную кампанию. 6 декабря О.Б. писала: “На предвыборное время установлено, что перед спектаклем читаются стихи на тему о выборах (тексты были нам присланы). Вчера читала Тарасова, сегодня Книппер. После перерыва и 11-го и 12-го снова читаются. На 11-е еще не выбран читающий актер, 12-го будет читать Качалов” (НД, № 3374/43).

2 Телеграмма опубликована в НД-4, т. 3, № 1545.

3 В.В.Белокуров праздновал свой успех в роли Ленки в юбилейном (“октябрьском”) спектакле МХАТ “Земля”.

4 В.В.Глебов не только выполнял по мере репетиций “Бориса Годунова” обязанности помрежа, но и закрепил в своих почти стенографических записях драматический ход этих работ.

5 Ввод К.Н.Еланской на заглавную роль в “Анне Карениной” состоялся в 1940 г.

6 Б.Я.Петкер участвовал как режиссер в руководимой Н.-Д. постановке комической оперы Оффенбаха “Прекрасная Елена” (и генеральные, и премьера в Музыкальном театре состоялась во время гастролей в Ленинграде в конце 1937 г.; художник П.В.Вильямс).

357. № 3374/41.

1 Б.А.Мордвинову пришлось просить отпуск в МХАТе, поскольку он был приглашен как режиссер в Большой театр, где в 1939 г. осуществил первую после революции постановку оперы Глинки “Жизнь за царя” – под названием “Иван Сусанин”.

[1938]

358. № 3375/1.

1 *Мария Евг.* – М.Е.Бурого, старинная подруга покойной Е.Н.Н.-Д., приезжавшая с ней проститься.

2 *Яша* – Я.Г.Куклин, старый служащий МХАТ.

3 Дочь литератора Д.Л.Михаловского, в чьем переводе Н.-Д. в 1903 г. ставил шекспировского “Юлия Цезаря”, с 1934 г. постоянно пользовалась материальной поддержкой МХАТ (ей было уже за семьдесят, ее лишили пенсии; позднее она писала Н.-Д., что трудно найти других “таких добрых и отзывчивых на чужое горе людей, как Вы и покойный Константин Сергеевич”.

Упомянутая здесь же Аграфена Алексеевна Илюхина, поздравляя Н.-Д. в 1937 г. с награждением Орденом Ленина и называя себя его “прежней слугой”, слала ему свое “старческое благословение... Вы получили такую радость за Ваши добрые дела” (НД, № 4166/8). В другом письме, благодаря за помощь, добавляла: “Очень Вами довольна”, повторяла свой адрес: инвалидный дом № 24.

359. № 3375/3.

1 Роль Александры Ивановны Маккавеевой (центральная женская роль пьесы) осталась за Н.В.Тихомировой.

2 Доктор Л.Г.Левин был одним из обвиняемых на процессе так называемого право-троцкистского блока, и был приговорен к расстрелу (ему, как и другим известным медикам, вменяли в вину умерщвление ряда партийных деятелей, Максима Горького и др.).

О.Б., как и ее адресат, могла помнить Левина как врача, лечившего Южина, позднее – Н.П.Баталова.

3 Первой женой Н.П.Хмелева была актриса его студии Надежда (Дина) Тополева.

4 “Хлеб” – повесть А.Н.Толстого (1937), сопутствующая заключительной части его трилогии “Хождение по мукам”, “Хмурому утру”; она посвящена обороне Царицына под руководством Сталина.

Можно предположить, что интерес к этой повести обострялся тем, что в 1939 г. Сталину исполнилось 60 лет, и эту дату собирались отметить всенародно, в том числе – спектаклями, посвящаемыми образу вождя. А.Н.Толстой сделал Сталина действующим лицом своей пьесы “Путь к победе”, ее взяли вахтанговцы; Шалва Дадиани написал пьесу “Из искры”; есть основания связать с этим рядом работу Булгакова и МХАТа над “Батумом”.

Упомянутый ниже “Сервантес” – исторический роман немецкого писателя Бруно Франка, вышедший в издательстве “Художественная литература” в 1936 г.

360. № 3375/4.

361. № 11567.

1 Премьеры “Горя от ума” и “Достигаева и других” в самом деле пошли одна за другой подряд: первая – 30 октября, вторая – 31 октября 1938 г.

“Половчанские сады” были выпущены позднее – премьера 6 мая 1939 г.
2 О.Л.Книппер была сокурсницей юбиляриши по Филармоническому училищу, Е.М.Мунт играла в МХТ с его основания до ухода в 1902 г. (с Мейерхольдом). В Ленинграде справляли 25-летие ее работы в Театре юного зрителя.

Текста телеграммы Н.-Д. в Музее МХАТ не обнаружено.

3 Вирта предлагал Художественному театру свою пьесу “Заговор”. Было сделано распределение ролей, ставить намеревался Леонидов (см.: Марков П.А. Книга завлита, раздел “Материалы и документы”, с. 592).

4 Имеется в виду книга: “«Чайка» в постановке Московского Художественного театра. Режиссерская партитура К.С.Станиславского”. Редакция и вступительная статья С.Д.Балухатого. Л.–М., “Искусство”, 1938.

5 Письмо К.С., комментировавшее его режиссерскую рукопись и позволявшее профессору С.Д.Балухатому ее публикацию, сохранилось (подлинник в ИРЛИ); см. КС-9, т. 9, № 143. Оно написано 14 февраля 1925 г.; начинается словами: “Я очень благодарен...” и кончается словами “Искренно желаю Вам успеха”.

Остается добавить, что Балухатый поместил текст этого письма в свою публикацию.

6 Р.К.Таманцова в самом деле выступила первым после Балухатого публикатором режиссерских экземпляров К.С., издав его партитуру “Отелло” (М.–Л., “Искусство”, 1945).

7 Статьи К.С. составители тома не получили, он вышел с предведомлением на авантитуле: “Во время печатания настоящей книги в Москве 7 августа 1938 г. в 3 ч. 45 м. дня скончался Константин Сергеевич Станиславский”.

362. № 11709/1-2.

1 Речь о трудоустройстве А.А.Типольта, племянника Е.Н.Немирович-Данченко. Овдовев, Владимир Иванович пригласил к себе на постоянное житье его и его жену, Е.В.Мельникову. Однако Типольт, живший в Ленинграде, был в ночь с 10 на 11 марта арестован. Н.-Д. обратился с ходатайством о нем к наркому внутренних дел Н.И.Ежову, и оно возымело действие: 2 апреля Типольт был освобожден “за прекращением дела”. Н.-Д. благодарил Ежова письмом (см. НД-4, т. 4, № 1555).

“Анкета”, о которой О.Б. говорит ниже, у Типольта – с его дворянским происхождением, с его родственными связями за границей, с арестами его – при поисках самой скромной корректорской работы еле-еле возмещалась официальными бумагами, которые в его поддержку подписывал Н.-Д. (см. в примечаниях – НД-4, т. 4, с. 170).

Директор Гослитиздата, философ и литературовед И.К.Луппол, упомянутый в письме, также вскоре был арестован и погиб.

2 Тот факт, что “Достигаев и другие” готовился одновременно с “Горем от ума”, привел к ослаблению если не центральных, то “фоновых”, “второпланных” ролей (программу первого представления см. в кн. Московский Художественный театр. 1939–1943. МХТ в иллюстрациях и документах. Издание Музея МХАТ. М., 1945, с. 65). Дочь Достигаева Антонину сыграла на премьере Н.С.Лебедева. По первому распределению эту роль готовила актриса вспомогательного состава Т.Н.Кондракова, брата Антонины должен был с ней играть Ю.Э.Кольцов, но после его ареста роль с начала сентября 1938 г. передали А.М.Комиссарову, примерно тогда же была заменена и Кондракова.

3 Вероятно, Н.-Д. хотел встретиться с этими актерами в связи с их работой в “Горе от ума” (М.М.Тарханов – Фамусов; А.А.Гейрот в премьерном не участвовал, но потом играл и князя Тугоуховского, и Репетилова).

4 “Свердловская премьера” – Е.К.Амман-Дальская, игравшая Анну Каренину в спектакле Свердловского драматического театра.

5 Общая ситуация 1936 г. вынудила Ю.А.Завадского согласиться на переезд его Театра-студии из Москвы в Ростов-на-Дону. Возвращение (при слиянии группы возвращающихся с одним из московских театров под общим названием Театр им. Моссовета) состоялось в 1940 г.

363. № 11710.

1 Речь о статье П.А.Маркова “Сорок лет”, помещенной в кн. Московский Художественный театр. 1898–1938, с. 13–36.

2 18 июня исполнялось два года со дня смерти Горького. Дата отмечалась с тем большим напором, что на недавних процессах Горького представили как жертву врачей-убийц, действовавших по наущению право-троцкистских заговорщиков.

3 *Тупеем не кивнут!* – строка из “Горя от ума”; тупей – взбитая пряжа волос надо лбом, хохол.

4 Л.М.Каганович с августа 1937 г. при прочих нагрузках был народным комиссаром тяжелой промышленности СССР.

364. № 3375/9.

1 Ф.В.Шевченко в “Достигаеве и других” играла игуменью Меланью (вторая исполнительница – А.М.Дмоховская).

2 “Горе от ума” в Малом театре в 1938 г. поставили П.М.Садовский, И.Я.Судаков и С.Алексеев, художник – Е.Е.Лансере.

3 М.М.Климов играл Фамусова (на премьерном спектакле играл постановщик спектакля, П.М.Садовский).

4 Речь о К.И.Тарасовой.

5 Молчалина играл Г.М.Терехов.

6 С.Н.Фадеева играла Лизу.

365. № 3375/11.

1 Рецензия И.Бачелиса на спектакль Малого театра была опубликована в “Известиях” 18 ноября.

Стоит добавить, что к критику И.И.Бачелису О.Б. могла питать антипатию по “семейной линии”: ее сестра Елена Сергеевна внесла его в составленный ею список “врагов Булгакова”.

366. № 3375/12.

1 Актер, когда-то начинавший в МХТ и затем выступавший партнером А.Г.Коонен в Камерном театре, был известен изысканностью пластики, речью-пением, долей манерности во всем облике.

367. № 3375/13.

1 Значимость бумаги могла подкрепляться тем, что А.Н.Толстой сам был депутатом Верховного Совета первого созыва.

2 А.В.Солодовников в это время был начальником Главного управления театров Комитета по делам искусств.

[1939]

368. № 3377/2.

- 1 *Погодинская пьеса* – “Кремлевские куранты”.
- 2 О.Б. имеет в виду постановку “Отелло” 1930 г., выдержавшую всего 10 представлений.
- 3 М.Б.Храпченко в дальнейшем был повышен в должности – сменил на посту председателя Комитета по делам искусств П.М.Керженцева.
- 4 Эвфемизм 30-х гг., намек на арест: Мейерхольд был арестован в Ленинграде 20 июня 1939 г.

369. № 3377/3.

- 1 Скорее всего речь о “Батуме” (см. примеч. 4 к № 359).
- 2 Е.И.Воинова оставалась в МХАТе до 1951 г.
- 3 Р.И.Фертман служил в театре по 1980 г.
- 4 “Черномазенький, на ножках журавлиных” – так описывает Чацкий одно из “московских лиц”.
- 5 Конфликт театра с Н.Е.Виртой возник в работе над его пьесой “Заговор”.
- 6 О.Б. расшифровывала необычайно трудный почерк В.В.Лужского; к сожалению, ее работа над его дневниками не была доведена до конца.

370. № 3377/4.

- 1 Учебные “воздушные тревоги” были бытовой приметой 30-х гг. См. в фильме Габриловича и Райзмана “Машенька” или в романе “Золотой теленок” Ильфа и Петрова.
- 2 Ролью Н.Ф.Титушина в “Синей птице” был Хлеб.
- 3 Хмелеву, которого Булгаков знал по роли Алексея Турбина и которого назначал на роль Хлудова в непошедшем “Беге”, в “Батуме” он прочил роль молодого Сталина. Сам актер считал пьесу замечательной, помнил ее уже “чуть ли не наизусть” и говорил, что “если ему не дадут роли Сталина – для него трагедия” (Дневник Елены Булгаковой. М., 1990, с. 271).

371. № 3377/7.

- 1 В этой картине из пьесы “Батум” министр юстиции докладывает и получает от царя высочайшее повеление по делу молодого революционера Сталина.
- 2 Театр оперы и балета им. Кирова вез в Москву свои новые спектакли, поставленные Л.В.Баратовым, – “Ивана Сусанина” в декорациях Ф.Ф.Федоровского (премьера 19 июня 1939 г.) и “В бурю” Т.Н.Хренникова (художник И.М.Рабинович, премьера 28 октября 1939 г.). В Муз. театре оперу Хренникова успели выпустить раньше – премьера здесь состоялась 7 октября. О.М.Брон – дирижер ленинградской постановки “В бурю” – в 1926–1930 гг. был заведующим музыкальной частью Муз. театра.
- 3 К этому времени судьба директора МХАТ Я.О.Боярского уже реши-

лась так же, как судьба его предшественника: он был арестован и погиб.

372. № 3377/8.

1 Н.-Д. писал 10 июля из Швейцарии: “Давно я не ждал ничего с таким интересом, как пьесы Булгакова...” (НД-4, т. 4, с. 34).

2 Речь о вводах в спектакль “Горе от ума”.

373. № 3377/9.

1 Речь о карточной игре.

374. № 3392/1. Датируется предположительно, по содержанию.

1 Речь об учрежденном в 1939 г. Комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства; Н.-Д. был утвержден председателем этого комитета, и по его желанию О.Б. стала там секретарем.

2 *Пожетонная оплата* – речь о форме вознаграждения за труд участников обсуждения работ, выдвинутых на Сталинскую премию. Рецензирование в устной и письменной форме учитывалось выдачей жетонов.

[1940]

375. № 11714. Письмо направлено в Кремлевскую больницу, откуда Н.-Д. должны были перевезти в санаторий “Барвиха”. Посещения не разрешались, записки больному (и от него) передавали через доктора А.Л.Иверова.

1 12 февраля 1940 г. Качалову исполнялось 65 лет; к нему домой пришли поздравить товарищи – Гарханов, Хмелев, Тарасова, Ливанов и др. Но дата отмечалась и официально-торжественно: была организована радиопередача, где выступал и сам артист и приветствующие его мастера искусств; прошли юбилейные статьи в центральной прессе.

2 В “Горе от ума” вводили сразу трех новых исполнителей центральных ролей: Ливанова на роль Чацкого (вслед за Качаловым и Прудкиным), Пилявскую на роль Софьи (после Степановой), Белокурова на роль Молчалина (после Массальского).

3 Работу Бориса Пастернака над “Гамлетом” Н.-Д. решительно предпочел переводу А.Д.Радловой, с которой театр имел до того договорные отношения (см. НД-4, т. 4, № 1602 и примечания к нему).

376. № 3378/3.

1 Речь о том письме “стариков”, которое из МХАТа послали Сталину, поднося ему в связи с его 60-летием 21 декабря 1939 г. знак “чайки”.

2 В 1940 г. Тренев работал над пьесой “Анна Лучинина”.

3 А.К.Тарасова репетировала роль Маши, А.П.Георгиевская – Наташи, М.П.Болдуман – Вершинина.

4 О.Б. предлагала вниманию Н.-Д. вышедшие в 1939 г. в издательстве “Искусство” книгу Ю.М.Юрьева “Записки” и сборник “Вахтангов. Записки. Письма. Статьи”.

377. № 3378/4.

1 Продолжавшиеся даже и в советские годы летние поездки Н.-Д. на лечение в Европу оказались невозможны из-за начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны.

2 “Трудовой хлеб” Островского (премьера 1 января 1940 г.) был осуществлен как молодежный спектакль. М.Н.Баташов играл Грунцова (“молодой человек, кончивший курс в университете”). В “Пиквикском клубе” Баташов играл Бена Аллена.

3 Е.Н.Морес получила роль Ани (“Вишневы сад”) еще в сезоне 1938/39 г.

378. № 3378/5.

1 “Без вины виноватые” в Малом театре в 1940 г. пошли в постановке В.Н.Пашенной и С.Алексеева (Пашенная же играла Кручинину; художник К.Ф.Юон); “Свадьбу Кречинского” ставил Л.А.Волков.

379. № 3378/6.

1 М.В.Немирович-Данченко продолжал работать в Муз. театре, был занят в “Прекрасной Елене” (один из рабов Париса), в “Травиате” и др.

380. № 3378/7.

1 К.С. ввел О.В.Гзовскую на роль Софьи в спектакль “Горе от ума” (редакция 1914 г.) в октябре 1915 г.; рисунок костюма принадлежал М.В.Добужинскому.

2 Сравнения касаются исполнения роли Репетилова.

381. № 3378/9.

1 Для особо заслуженных деятелей правительство СССР предоставляло дачи в подмосковном Заречье.

2 Во МХАТе любили это присловье, взятое из рассказа Луки в “На дне”.

3 При возобновлении “Смерти Пазухина”, предпринятом ради Москвина, за Ф.В.Шевченко оставалась роль Настасьи, которую она играла с 1914 г. В 1940 г. ввелась в спектакль и О.Н.Лабзина.

4 Работник МХТ с его основания, неизменно остававшийся одевальщиком К.С., а затем – Хмелева, И.К.Тцедушнов скончался 9 марта.

382. № 3378/11.

1 Сообщения О.Б. связаны с предстоящим 50-летием В.М.Молотова и с выбором формы приветствия ему; ориентировались на то, как МХАТ откликнулся на 60-летие И.В.Сталина, отмечавшееся 21 декабря 1939 г.

2 А.Н.Грибову была поручена в “Кремлевских курантах” роль Ленина.

383. № 3378/12.

1 Установить, в какой связи могли интересоваться Н.-Д. люди, чьи служебные телефоны для него разыскала О.Б., пока не удастся. М.Д.Хломов был управляющим делами СНК СССР.

384. № 3378/13.

1 Н.-Д. переехал из Москвы в санаторий “Барвиха”.

2 Андр. Ян. – А.Я.Вышинский. В 1940 г. он был одним из заместителей председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова и курировал искусство; как к “зампреду” Ю.А.Завадский и обращался к нему в данном случае. Судя по всему, Завадский пытался оспорить достаточно уродливое объединение театров разного художественного происхождения – своего возвращавшегося в Москву Театра-студии и Театра им. Моссовета, которым долгие годы руководил Е.О.Любимов-Ланской.

Вышинский ссылался на предполагаемое согласие Н.-Д. объединить свой Музыкальный театр с Оперным театром им. Станиславского.

М.А.Гринберг был с 1939 г. директором Музыкального театра.

385. № 3378/14.

1 С.А.Самосуд в 1940 г. был главным дирижером Большого театра. В пикетровке с ним Марков намекал на мотивы отбора ленинградских оперных спектаклей перед декадой гастролей в Москве: Маринка смело везла свою постановку “Ивана Сусанина”, не боясь соперничества со спектаклем Большого театра, осуществленным Самосудом, а вот повезти свою постановку оперы Хренникова “В бурю” не решилась, зная, что она спасовала бы перед спектаклем Н.-Д. в его Муз. театре.

2 Речь о ремонтных работах в квартире Н.-Д. Скорее всего, их начинали перед “прибавлением семейства” – 7 июля 1940 г. родился сын М.В.Немировича-Данченко и З.А.Смирновой-Немирович.

386. № 3378/15.

1 Описывается выход на поклонны после одного из первых представлений “Трех сестер” (премьера состоялась 24 апреля 1940 г.).

2 Эти запросы были связаны с предстоявшими большими гастролями МХАТа в Ленинграде (в мае – июле там показали 10 постановок основного репертуара).

3 “Линия Маннергейма” – документальный фильм, создатели которого получили Сталинскую премию весной 1941 г. Материал был снят во время зимней военной кампании 1939–1940 гг., стоившей больших людских потерь, советскую армию не прославившей и ко времени письма закончившейся подписанием мира с финнами (12 марта 1940 г.).

4 Качалов по начальному распределению в “Трех сестрах” 1940 г. должен был играть Вершинина, но репетиции шли неудачно для него. Судя по стенограммам вместо него роль начал готовить Ершов. С 11 декабря Качалова снова вовлекли в работу, но между ним и режиссером возникла резкая напряженность (см. НД-4, т. 4, № 1603). С 8 января 1940 г. роль Вершинина готовил только М.П.Болдуман. Три репетиции в апреле и просмотр 11 апреля всего спектакля с Качаловым привели к тому, что роль окончательно передавалась Болдуману; тот ее и играл на генеральных и на премьере 24 апреля.

Желание Качалова войти в спектакль после премьеры не осуществилось; Вершинина на равных правах играли Болдуман и Ершов.

[1941]

387. № 3382/1. На письме имеется не относящаяся к нему впрямую пометка Н.-Д.: “Чуковский на «Гамлета»”. Возможно, Н.-Д. хотел поручить О.Б. испросить отзыв Чуковского на переводы.

1 Предложение насчет В.А. Орлова Н.-Д. подчеркнул и приписал: “Лучше – Боголюбов”. Насчет кандидатов на роль Серебрякова ниже приписка: “Смотря на «Куранты»” (Н.К.Свободин в “Кремлевских курантах” готовил и сыграл одного из гостей Забелина – Скептика).

О распределении ролей в новой постановке “Дяди Вани” (Хмелев – Астров) и обо всех “административно-художественных” сложностях начавшейся работы см. в письмах Н.-Д. к О.Б. и к Сахновскому от 5 и 6 февраля 1941 г. (НД-4, т. 4, № 1643 и 1644).

2 Перед войной решено было составить сборник драматических произведений Н.-Д. Его готовило издательство “Искусство”.

К вопросу О.Б. – “Так и делать?” – приписка Н.-Д.: “Как раз наоборот”.

3 Пометка Н.-Д.: “Не стоит”.

4 Пометка Н.-Д.: “Отказать можно”.

5 Весь список вопросов отчеркнул.

388. № 3382/2.

1 Предполагалось участие Качалова в пьесе Булгакова “Последние дни” (“Пушкин”).

2 Эту фразу Н.-Д. отчеркнул.

389. № 7850.

1 Хлопоты были связаны с поисками музыкального финала спектакля “Кремлевские куранты”.

390. № 3382/3 и 3382/4. Датируемые разными числами листы одного письма оказались разрознены и хранятся под двумя архивными номерами.

1 В Минск выехали на гастроли с тремя спектаклями (“На дне”, “Тартюф” и “Школа злословия”). Представления начались 17 июня, прекратились 23-го, на второй день войны.

2 Н.И.Боголюбов был вторым (рядом с Ливановым) исполнителем роли матроса Рыбакова.

3 Р.С.Землячка была в 1939–1943 гг. одним из замов председателя Совнаркома СССР.

4 В.П.Пронин был в 1939–1944 гг. председателем Моссовета.

5 Художником “Джентльмена” в Театре сатиры, где худруком был Н.М.Горчаков, пригласили Б.И.Волкова.

391. № 3382/5.

1 Тарханов готовил роль Забелина, но в силу обстоятельств (война, эвакуация) он ее не сыграл.

2 Материал пьесы, задуманной К.Г.Паустовским, был актуален: по тай-

ному соглашению (пакт Молотова – Риббентропа) в состав СССР с 1939 г. возвращены области, в свое время – после революции – отделившиеся от него.

3 В.А.Канделаки исполнял в “Корневильских колоколах” роль Жан Батиста Вильера – главного актера бродячей труппы “Знаменитого театра”. До него эту партию вели С.М.Остроумов и П.С.Саратовский.

Н.Ф.Кемарская пела Серполетту (ту же роль она вела на премьере).

4 В первой редакции спектакля (режиссеры Д.В.Камерницкий и В.Я.Станицын) музыка Р.Планкета была дополнена и инструментована А.В.Моисоловым; этого композитора в пору “борьбы с формализмом” затравили как авангардиста. Театр вернулся к традиционной партитуре Планкета.

392. № 3382/6.

1 Н.Д.Кистенева рекомендовала актрису Н.И.Любавину, с которой в свое время служила у Комиссаржевской и которая потом училась у Сулержицкого и Мчедлова, играла в Камерном, затем в провинции: “Она талантливая, образованная, знающая языки, певунья и прекрасный человек. [...] Диапазон очень большой – комическая старуха, светская дама, большие данные для трагедии” (НД, № 4331).

2 Опера Дж.Верди “Бал-маскарад” была показана в мае 1940 г. в Оперном театре им. К.С. (режиссер И.М.Туманов). В.Н.Прокошев исполнял партию Ренато.

3 В переводе Н.В.Гоголя комедия итальянского драматурга Дж.Жиро называется “Дядька в затруднительном положении”.

4 Первые два тома романа норвежской писательницы, лауреата Нобелевской премии Сигрид Унсет “Кристин, дочь Лавранса” в русском переводе появились в 1935–1939 гг.; роман сверх иных своих свойств замечателен органичностью ощущения исторического быта (действие в Норвегии XIV века).

5 Романы английского писателя А.Кронина “Звезды смотрят вниз” и “Цитадель” в русском переводе вышли соответственно в 1937 и 1940 гг. Роман Олдоса Хаксли “Контрапункт” в русском переводе вышел в 1936-м. “Гроздь гнева” Джона Стейнбека, появившиеся в США в 1939 г., на русском языке вышли в 1940-м. Так же быстро дошел до русского читателя роман Ричарда Райта.

6 Эта мемуарно-художественная книга называлась “Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания”. М., 1940.

393. № 3382/7.

1 В “Кремлевских курантах” Сталин был действующим лицом, и после драматической истории с “Батумом” над текстом этой роли, как и над выбором исполнителя работали с особой осмотрительностью.

2 С В.Я.Виленкиным Н.-Д. хотел переговорить как с автором вступительной статьи к сборнику своих пьес.

О.Е.Орловскую Н.-Д. ждал в Заречье и как стенографистку (он диктовал ей наброски своей книги об искусстве актера), и как гостью.

3 Письма Н.-Д., переданные им из Кремлевской больницы, не все сохранились, поэтому не удается установить суть тех переговоров с В.Ф.Залесским, С.Г.Кара-Мурзой и др., что поручал Н.-Д. вести О.Б.

394. № 3382/8.

1 “Новый план” сводился к тому, что из Кремлевской больницы Н.-Д. хотел бы перебраться не в Барвиху, а на дачу в Заречье. Упомянутая ниже повариха Ксения (Ксен. Ник.) обслуживала постельцев госдач в Заречье.

2 Ремонт шел в московской квартире Н.-Д., где жили и Типольты, и М.В.Немирович-Данченко с семьей.

3 Так торжественно в шутку О.Б. именвала годовалого внука Н.-Д.

4 Н.А.Кун – сестра В.А.Хлудовой, Надежда Александровна. В архиве Н.-Д. хранится несколько ее писем – обращения за помощью и благодарности за оказание ее. Н.-Д. традиционно посылал деньги бедствующей семье своих старых знакомых (см. примеч. 3 к письму № 156), стремился помочь и в иных трудностях.

Н.А.Кун писала 5 января 1938 г. об аресте дочери: “Говорят, что прокурор Вышинский хороший, справедливый человек, к нему часто обращались с просьбой пересмотреть дело обвиняемых, и он некоторых вернул. [...] Простите, что беспокою Вас, но Вы добрый человек и пожалейте меня в моем тяжелом горе” (НД, № 4501).

А вот из другого письма:

“Старший сын Володя с сентября 1938 г. в тюрьме, жену его сократили со службы. В чем вина Володи – не знаю. Должно быть, агитировал среди оленей и моржей. Он два года до ареста служил за Полярным кругом на зональной станции в ГУСМП ученым-охотоведом.

Вот если сестра Вера умрет, я не знаю, как я смогу похоронить ее, у меня уже продать нечего” (НД, № 4503).

Хлудова умерла в начале 1940 г., Н.-Д. послал не только деньги, но и соболезнование (см. ответное письмо Н.А.Кун – НД, № 4504/1). Потом Н.А.Кун ему писала: “Ко мне вернулись мои дети. Надя недавно поступила на службу. Сын Володя отдохнет от пережитого ужаса, нервы его придут в порядок и он будет в состоянии работать. Он был почти слеп. Доктора нашли, что слепота на нервной почве и он будет видеть, хотя не так хорошо, как раньше” (НД, № 4504/3). Впрочем, Надя работу вскоре потеряла, Володя ее не нашел, Н.-Д не расспрашивал, продолжал жалеть и давал деньги, если они у него были.

395. № 3382/9.

1 В.Н.Рыжова в 1941 г. отмечала свое 70-летие; в труппе Малого театра она числилась с 1893 г., но играла тут еще ученицей драматических курсов, так что подоспело и 50-летие ее дебюта.

Какую роль – более идущую ее амплу Михевну или Глафиру Фирсовну – просила для себя Рыжова, установить не удалось. Зная натуру этой артистки, можно предположить, что ее именем и подписью просто воспользовались другие.

Право ставить “Последнюю жертву” сохранили за Художественным театром; начавшаяся 22 июня война оттянула здешнюю премьеру – она состоялась лишь 1 июля 1944 г.

396. № 3382/10.

397. № 3382/11.

1 Станицын (вместе с Топорковым) был режиссером “Последних дней”.

2 Вероятно, имеется в виду пьеса “Моль” – новая ее редакция (первый

вариант, увидевший свет в Театре им. Ленинского комсомола, был сильно раскритикован).

3 В филиале Большого театра должны были показывать оперу Ш.Гуно “Ромео и Джульетта” (режиссеры Е.Н.Соковнин и Н.Г.Фрид, художник В.И.Козлинский).

398. № 3382/14.

1 В № 11 “Крокодила” напечатали заметку “Сверх программы”; программку Музыкального театра (либретто “мелодрамы-буфф” “Перикола”) цитировали тут, заключая: “То, что какой-то безграмотный Дон-Халтурщик стал фаворитом Дон-Администратора театра, – это факт”. Претензии к тексту вряд ли были разумны, но протеста театр не подал: следующий, 12-й, номер “Крокодила” вышел уже после начала войны.

2 Этот абзац отчеркнут на полях.

3 “Глубокая разведка” вышла в оформлении В.Е.Татлина.

4 Тарасова играла Юлию Тугину, Москвин – Прибыткова, Шевченко – Глафиру Фирсовну, Прудкин – Дульчина.

По первоначальному распределению Блинников вместе со Станицыным должен был готовить роль Лавра Мироныча, а Бендина – вместе с Лабзиной – роль Ирины Лавровны. На премьере эти роли играли Станицын и Лабзина.

399. № 3382/15.

1 Слова Хлестакова из “Ревизора”.

400. № 3382/17.

1 Несмотря на это остережение, Н.-Д. ответил Е.К.Малиновской письмом от 19 июня (см. НД-4, т. 4, №1656), не только согласившись заняться делом ее пенсии, но и пославши ей денег из собственных средств (“...могу легко доставить себе эту радость помочь Вам. [...] Пожалуйста, очень прошу: примите так же легко, как делаю я”).

401. № 3382/19.

1 После смерти Н.П.Баталова его брат Владимир Петрович, выступавший во МХАТе под именем Аталов, вернул себе свою настоящую фамилию.

2 Речь о Н.Д.Михаловской (см. № 358 и примеч. 3 к нему).

3 Л.М.Фрейдкина, защитившая кандидатскую диссертацию о деятельности Н.-Д. – театрального критика, выпустила монографию “В.И.Немирович-Данченко” в 1945 г.

402. № 3382/20.

1 Абзац отчеркнут и на полях поставлен знак вопроса. Л.З.Мехлис с 1940 г. был наркомом государственного контроля.

2 Бытовые условия в недавно присоединенных к СССР республиках и областях были много комфортабельнее и выгоднее, чем на остальной территории; получив разрешение на въезд туда (его еще надо было получить), оттуда вывозили и лакомства, и парфюмерию, и мебель, и одежду и обувь, пристрастившись заказывать у еще остававшихся там частных сапожников и портных.

403. № 3383/1.

Первое письмо после начала войны и после отъезда группы “стариков” в Нальчик.

1 Слияние Муз. театра с Оперным, которому долго противились оба их создателя, оказалось поторопливым обстоятельством войны: 1 сентября 1941 г. был подписан соответствующий приказ Комитета по делам искусств.

2 Пьесу И.Бахтерева и А.Разумовского “Полководец Суворов” еще в 1939 г. сыграли в Центральном театре Красной Армии (режиссер А.Д.Попов). В Художественном театре заглавная роль предназначалась Хмелеву; постановка не состоялась. Не состоялась и постановка пьесы французского писателя и публициста, жившего в СССР Жан Ришара Блока “Обыск в Париже” (1941).

404. № 3383/2.

1 Распоряжение, чтобы в письме было не более одного листа, было связано, конечно, не с тяжестью конверта, а с тем, чтобы не перегружать военную цензуру, обязанную вскрывать и читать всю почту (на последующих письмах О.Б., отправленных не “с оказией”, неизменно стоят штампы просмотра).

2 См. № 400 и примечание к нему.

3 Ввод на роль Маши (“Три сестры”) стал необходим, поскольку Тарасова вместе с мужем, Москвиным, была вне Москвы.

4 Эту весть Н.-Д. отметил на полях.

5 *Ваша Анна* – так подписывалась одна из бывших домработниц семьи Н.-Д.

405. № 3383/3.

1 “*Метрополь*” – одна из картин “Кремлевских курантов” (номер в гостинице, превращенной во второй Дом Советов, где живет матрос Рыбаков). С.С.Пилявская играла Машу.

2 В Музыкальном театре было принято вместо термина “хор” употреблять термин “ансамбль”.

3 Оформление “Школы злословия” приходилось восстанавливать – многое пострадало и оказалось потеряно при спешной эвакуации театра из Минска.

406. № 3383/4.

1 Роль матроса Рыбакова наряду с Н.И.Богомоловым репетировал и Б.Н.Ливанов; Л.М.Коренева должна была заменить в роли Забелиной эвакуировавшуюся в Нальчик О.Л.Книппер-Чехова.

407. № 3383/5.

1 В Центральном театре Красной Армии 17 августа 1941 г. состоялась премьера пьесы А.Первенцева (постановка А.Д.Попова и В.Пильдона, художник Н.А.Шифрин).

408. № 3383/9.

1 *Ол. Серг.* – фельдшер из медсанчасти МХАТ Ольга Сергеевна Нечваленко, сопровождавшая “стариков” МХАТ при их переезде в Нальчик (Н.-Д. в письмах ее именуется: “Не-Бокшанская”).

2 МХАТ, ища музыку финала “Кремлевских курантов”, обратился к А.И.Хачатуряну.

3 Здание Театра им. Вахтангова было разрушено бомбой, и под их спектакли временно было отдано помещение филиала МХАТ.

409. № 3383/10.

410. № 3383/11.

1 Н.-Д. фамилию А.Д.Дикого подчеркнул.

Н.-Д. внимательно следил за этим ярчайшим участником Первой студии после его конфликта с Михаилом Чеховым и ухода из МХАТ Второго, когда А.Д.Дикий работал в Театре Революции, ставил в Ленинградском народном доме “Первую Конную” (1930), создал собственную студию (1931), руководил Театром ВЦСПС (1932–1936). Режиссер был репрессирован; сохранились письма его жены к Н.-Д. – благодарность за успешные ходатайства: в 1941 г. Дикий был возвращен в Москву. Участие в личной судьбе не означало, однако, творческого единения.

2 И.П.Гошева в “Анне Карениной” была введена на роль Варвары Вронской.

3 Л.М.Леонидов скончался в Москве 8 августа 1941 г. Его семья была эвакуирована в Нальчик.

4 См. примеч. 1 к № 408.

411. № 3383/12.

1 Экзаменованная дочь Андровской и Баталова Светлана была во вспомогательном составе МХАТа в 1942 г., потом училась в Школе-студии имени Н.-Д. и по окончании ее в 1948-м вновь вступила в труппу. Певец и педагог Н.Н.Озеров был знаком Н.-Д. по Муз. студии (Анж Питу в “Дочери Анго”). Сын его, Николай Николаевич-младший – спортсмен, чемпион СССР по теннису, – поступил в ГИТИС, окончил его в 1945 г.; в МХАТ – в 1945–1959 гг.; оставив сцену, прославился как спортивный комментатор.

412. № 3383/15.

1 Можно предположить, что театр познакомили с пьесой Шейнина и бр. Тур “Поединок”.

413. № 3383/21.

414. № 3383/22.

415. № 3383/23.

1 Спектакль “Кремлевские куранты” с января 1941 г. подвергался разнообразным сокращениям, перестановкам картин, общей “перецентровке” (сцена матроса и часовщика в Спасской башне была изъята, поскольку переносила центр тяжести на историю с курантами, тогда как центром хотели сделать утверждение плана ГОЭЛРО).

416. № 3383/25.

1 См. НД-4, т. 4, № 1664.

417. № 3383/26.

418. № 3384/2.

- 1 И.Н.Берсенев возглавлял Театр им. Ленинского Комсомола.
- 2 М.П.Болдуман должен был играть в “Кремлевских курантах” роль Сталина, но был заменен (сначала Г.А.Герасимовым, потом М.Г.Геловани). Позднее он играл – вслед за Хмелевым – инженера Забелина.

419. № 3384/3.

- 1 Н.-Д. поручал О.Б. хлопоты по делам художника Н.П.Ульянова, который оказался в Нальчике в очень тяжелом положении. Нарком финансов А.Г.Зверев должен был дать разрешение Ульянову снять деньги со своего вклада в сберкассе (в начале войны вклады были “заморожены”, с них выдавали лишь крайне ограниченные суммы).
- 2 См. НД-4, т. 4, № 1667.

420. № 3384/4.

- 1 Н.-Д. расспрашивал О.Б., как прошло выступление К.Н.Ивановой на просмотре “Пушкина” (роль Натальи Николаевны).

421. № 3384/5.

- 1 В.П.Марков играл в “Кремлевских курантах” Ф.Э.Дзержинского.
- 2 Вероятно, Ливанов имел в виду трагедию В.А.Озерова “Дмитрий Донской”, написанную в пору войн России с Наполеоном и вызвавшую патриотический подъем.

422. № 3384/6.

- 1 И.А.Слонов был с 1915 г. бессменным руководителем Саратовского драматического театра
- 2 “*Ваш друг*” – О.Б. продолжала так иронически именовать председателя Комитета по делам искусств Храпченко.

423. № 3384/8.

- 1 К.Н.Иванова и Н.С.Лебедева играли в спектакле “Последние дни” (“Пушкин”) Наталью Николаевну Пушкину и ее сестру Екатерину.
- 2 В Чистополь – райцентр и пристань в Татарской АССР – были эвакуированы в начале войны дети писателей, а потом и сами писатели старшего поколения; Степанова находилась там с детьми как жена А.А.Фадеева.

424. № 3384/9.

- 1 Письмо от 29 ноября 1941 г. из Тбилиси – см. НД-4, т. 4, № 1669.
- 2 На саратовской премьере “Трех сестер” оставались бессменными Грибов – Чебутькин, Ливанов – Соленый; Гошева играла Ирину, Станицын – Андрея Прозорова.
- 3 Г.Г.Нейгауза некоторое время спустя – как и Сахновского – выпустили (он окажется в Свердловске в те же месяцы, когда туда переберется из Саратова МХАТ), а постоянный врач К.С., профессор Е.Е.Фромгольд в заключении погиб. Аресты тогда коснулись почти всех московских немцев.

[1942]

425. № 3387/1 и 3387/2. Приписка к письму хранилась под отдельным архивным номером.

1 О появлении в комнате Ливанова автора “Самоубийцы” см. в воспоминаниях С.С.Пилявской и Н.В.Чидсон в сборнике “Николай Эрдман”. Пилявская рассказывает, что мхатовцы увели Эрдмана-заключенного от его вялых конвоиров. Чидсон снимает колорит побега, но подтверждает: Эрдмана – голодного, вшивого, едва стоящего на ногах – друзья увидели в вокзальной толчее, и именно таким его приняли и больного выхаживали. Расхождения мемуаристов не касаются сущности поступков Ливанова, Дорохина и остальных (Москвина в том числе).

426. № 3387/3.

1 Выезд в Можайск торжественно сформированной концертной бригады, вероятно, был связан с тем, что Можайск был одним из первых русских городов, освобожденных в результате наступательных действий Красной Армии зимой 1941–1942 гг.

2 Сталинской премией (при первом этих премий присуждении) была отмечена историческая драма “Фельдмаршал Кутузов” (автор В.А.Соловьев, спектакль Театра им. Вахтангова, 1940).

3 Кроме филиала Большого, оперные спектакли давал Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, не прерывавший своей работы в месяцы осадного положения Москвы.

4 Н.К.Свободин готовил роль Скептика – одного из гостей у Забелина; он ее и играл после возвращения в театр.

427. № 3387/4.

1 М.Н.Кедров вводился на роль Андрея Прозорова.

2 Н.В.Михаловская в “Кремлевских курантах” играла торговку куклами – эпизод в картине “У Иверской”.

3 В.А.Кавериным как литератором в Художественном театре интересовались, судя по протоколам репертуарно-художественной коллегии, еще в 1926 г. В “Горьковце” от 3 июня 1937 г. Марков сообщал, что от Каверина получена интересная пьеса, – вероятно, именно та, о которой вспоминает О.Б. (“Утро дней”).

4 Речь о Г.А.Калиновской. Она была принята в труппу МХАТ в марте 1942 г.

428. № 3387/5.

1 См. письмо Н.-Д. к О.Б. (НД-4, т. 4, № 1674).

2 У О.Б. ошибочно: 16 ноября. Массовый исход из Москвы пришелся именно на шестнадцатое число в октябре.

429. № 3387/6.

1 Возможно, выбор этой сцены из комедии Островского был связан с предположениями о включении “Волков и овец” в ближайший репертуар МХАТ.

430. № 3387/7.

1 В письмо была вложена копия:
“Приказ № 31 по МХАТ СССР им. Горького
от 26 февраля 1942 года
гор. Саратов

На концерте в подшефном военном госпитале 24-го февраля народная артистка РСФСР, член художественного совета О.Н.Андровская – исполнительница роли Сюзанны в отрывке их спектакля “Женитьба Фигаро” (II акт) позволила себе настолько снизить качество своего исполнения, что это поставило в трудное положение других исполнителей и отрицательно повлияло на художественную сторону концерта.

Указывая на это О.Н.Андровской, предупреждаю, что за подобное недостойное поведение артиста на сцене впредь буду налагать строгие меры взыскания.

И.о. директора МХАТ *И.Москвин*”.

2 В.А.Орлов играл Гаврилу.

3 С.М.Големба, А.Н.Аникиенко и Р.Ф.Оганян – исполнители партий Аксиньи, Листрата и Леньки в спектакле Муз. театра “В бурю”.

4 В “Грозе” Андровская играла Варвару.

5 М.П.Болдуман вводился на роль инженера Забелина.

6 Сын Е.В.Калужского, А.Е.Калужский, впоследствии актер МХАТ.

7 В отсутствие М.М.Яншина сэра Питера Тизла в “Школе злословия” стал играть В.Я.Станицын.

431. № 3387/8.

1 Речь о том, кого из создателей и участников спектакля “Кремлевские куранты”, выдвинутого на Сталинскую премию, включать или не включать в список награждаемых.

432. № 3387/9.

1 Сперва была передана информация о премиях, присужденных за достижения в науке и технике. Ими ведал “другой Комитет”.

2 При первом присуждении Сталинских премий весной 1941 г. Н.-Д. в числе лауреатов не было.

433. № 3387/10.

1 Последняя строка отчеркнута на полях.

434. № 3387/11.

1 Н.-Д. высказывался об “Иване Грозном” под стенограмму на заседании Комитета по Сталинским премиям, посвященном пьесе А.Н.Толстого. С этими суждениями он ознакомил как директора МХАТ, так и автора (см. НД-4, т. 4, № 1685).

2 Б.Н.Ливанов (сменив Хмелева) репетировал в “Гамлете” заглавную роль, К.Н.Еланская – роль Гертруды.

3 Степанова слушала чтение “Нашествия”. Герой этой драмы – Федор Таланов – человек, во время войны возвращающийся домой из мест заключения; версия слушательницы пьесы, что автор представляет его себе вором, вряд ли верна.

4 Далее на листе идет приписка от руки: “Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Иванович, жду с огромным нетерпением свидания с Вами. У меня столько сложного, что не выразить никакими словами. Желаю Вам, дорогой Владимир Иванович, от всего моего сердца – здоровья, энергии, сил. С уважением и любовью к Вам *Н.Хмелев*”.

435. № 3388/2.

1 Сын А.К.Тарасовой от первого брака А.А.Кузьмин-Тарасов в 1942–1943 гг. был в труппе МХАТ.

2 К.Н.Еланская играла царицу Ирину.

3 Н.-Д. пошучивал над формулой приветствия, которую в телеграмме выбрала Еланская (“Поздравляю хорошего учителя Сталинской премией....”): “Что значит этот удивительный балл моим достоинствам?” (НД-4, т. 4, с. 121).

436. № 3388/3.

1 Первое распределение ролей оказалось близким к составу премьеры 12 сентября 1943 г.; только от М.М.Тарханова и В.В.Готовцева перешла к вернувшемуся в труппу Яншину роль предателя Харитонов, а его жену Марию Николаевну вместо Соколовой играла Еланская (Соколова скончалась в Свердловске 12 декабря 1942 г.).

В перечне ролей стоит Луконин: Симонов вводил в свою новую пьесу центрального героя пьесы предыдущей (“Парень из нашего города”); от этого в Художественном театре отказались.

2 См. НД-4, т. 4, № 1680.

437. № 3388/4. Пометка Н.-Д.: “Получ. 29/VII”.

1 Н.-Д. пересылал стенограмму своей речи в заседании Комитета по Сталинским премиям о пьесе “Иван Грозный” и записи по “Трем сестрам” (см. НД-4, т. 4, № 1681).

2 Письмо М.Е.Гуляева с обратным адресом полевой почты и с указанием “Отдельный саперный батальон” до Н.-Д. дошло. Гуляев поздравлял со Сталинской премией: “Очень сожалею, что не имею возможности пожать Вам руку, нахожусь на фронте, в борьбе с нашим общим ненавистным врагом – германским фашизмом” (НД, № 3860, с пометкой Н.-Д.: “Отв. 20/VI”).

438. № 3388/5. Пометка Н.-Д.: “Получил 29/VII”.

1 Фраза О.Б. о том, что “Иван Грозный” “никак не отвечает заданиям”, имеет реальную подоплеку: заказ на разработку темы Грозного исходил от Сталина, он провел беседу на этот предмет, например, с С.М.Эйзенштейном.

439. № 3388/6.

1 Речь о “Трех сестрах”, где Титова была введена на роль Наташи, с премьеры остававшейся за Георгиевской, а Кедров играл Андрея Prozорова (вслед за Станицыным).

440. № 3388/7.

1 Речь о незадачливой тбилисской помощнице семейства Н.-Д. по хозяйству; О.Б. в обмен собиралась рассказать столь же смешной казус с бывшей домработницей Н.-Д. (“ваша Анна”).

2 Восклицание одной из гоголевских дам (искаженное французское “ce qu'on appelle histoire!” – “вот что можно назвать анекдотом!”).

441. № 3388/8.

1 См. НД-4, т. 4, № 1691.

2 Там же, № 1687.

3 Там же, № 1690.

4 Эти слова – отклик сказанному в письме Н.-Д.

На рассказ о том, что публика не воспринимает “Трех сестер”, Н.-Д. отвечал: значит, что-то улетучилось в спектакле: “Что-то неуловимое, но чрезвычайно важное, что-то цементирующее все отличные актерские силы, что-то, что составляет воздух, напоенный ароматом – и от актеров, и от декорации, и от поворота, и от веры, – вот это что-то улетучивается, и баста! Не дойдет ничего, кроме комического. [...] Виноват театр, а не публика... Когда дух поэзии отлетает от кулис, от администрации, от выходов на сцену, – отлетит и от спектакля” (НД-4, т. 4, с. 139).

442. № 3388/9.

1 Письмо Н.-Д. к Ф.Н.Михальскому см. НД-4, т. 4, № 1689. Там есть фраза: “Наш театр разбух. Не вырос, а разбух” (с. 136).

2 О дальнейшей судьбе пьесы К.А.Федина см. № 446.

443. № 3388/10.

1 М.М.Яншин в 1937–1941 гг. совмещал работу в МХАТ с художественным руководством цыганским театром “Ромэн”. В первый год войны он поставил здесь пьесу М.А.Светлова “Действующие лица” (премьера в апреле 1942 г., Ессентуки).

444. № 3388/11.

445. № 3388/12.

1 Лидия и Телятев – персонажи комедии Островского “Бешеные деньги”.

2 См. НД-4, т. 4, № 1688. Пользуемся случаем исправить предложенную там датировку: правильно – 7 июля.

446. № 3388/13.

1 Прудкину в “Лесе” Н.-Д. предлагал Аркашку Счастливецва (в письме Москвину предварял свою рекомендацию: “Соберися с силами, не вскрикивай!” – НД-4, т. 4, с. 141).

2 О.Б. имеет в виду рассуждение Н.-Д. о том, что в “Русских людях” всего важнее “поймать интуицией образы, как они у автора”: “На первом месте задача верно схватить аромат, своеобразие авторских образов... Глаза Симонова...” (НД-4, т. 4, с. 147).

3 Н.-Д. писал про эту роль в “Русских людях”, что Тарханов от нее, конечно, откажется (НД-4, т. 4, с. 147); в конце концов так и случилось.

4 Редкий у О.Б. случай ошибки: Константин Симонов никогда не жил в Ленинграде.

447. № 3389/1.

1 Е.Ф.Скульская репетировала в “Кремлевских курантах” роль жены Забелина до своего и Тарханова отъезда в Нальчик; теперь ей пришлось осваиваться с новыми мизансценами и новыми партнерами (с Забелиным – Хмелевым или Болдуманом вместо Тарханова, с матросом Рыбаковым – Ливановым вместо Боголюбова).

2 См. НД-4, т. 4, № 1697.

3 В.Л.Ершов и А.П.Зуева играли сцену Великатова и Домны Пантелевны; в сцене с Тарасовой из “Врагов” (Тарасова – Татьяна) Ершов заменил Хмелева в роли прокурора Николая Скроботова.

448. № 3389/2.

1 “Последнюю жертву” в Центральном театре Красной Армии Сахновский поставил в конце сезона 1934/35 г.

2 О.Б. переслала Н.-Д. переписанные ею большие куски из писем Сахновского к Калужскому. Даем здесь эти фрагменты вместе с попутными комментариями О.Б., которые выделяются курсивом.

“К Евгению Васильевичу:

Милый, дорогой мой Е.В., вот и встретились. Правда, пока в письме. Но Ваша весточка в моих жизненных лабиринтах уже Ариаднина нить. Мне много, очень много и многое порассказала Елиз. Серг. и так я понял, что красок не пожалела – Малявин!..

Хотя вокруг меня много людей, но я так привык к одиночеству, что больше стараюсь остаться один и жду не дождусь Зины [Зин. Клавдиевны, жены], которая обещает приехать, но сейчас трудно даже выехать из Москвы, не говоря уж о том, что все бросить на произвол судьбы при моем положении просто нельзя.

Тут мое примечание: конечно, семье Вас. Гр. пришлось ужасно, ведь Вы знаете, что он один кормил всю эту огромную семью. Мать Вас. Гр., как мне сказали, за это время, что нас не было, скончалась. Очень плох отец Зинаиды Клавдиевны, говорят.

У Вас в театре – Влад. Евг. Хорошо, что если у него хватит сил все наладить и добиться режима и хороших спектаклей. Вам предстоит много трудностей!

Я постепенно становлюсь на ноги. Оказывается, работать могу так же, ничего в голове не попортилось. Вот сил стало меньше, поистрепался изрядно.

Сегодня сюда приезжает Солодовников. Думаю его повидать. Расспрошу, как живет Москва, как рисуется ему репертуар МХАТ. Да все мне интересно: я, как прозревший, радостно смотрю на мир и блаженствую. Передайте приветы тем, кто меня числит в своих знакомых.

Ко мне:

...Здесь я уже больше месяца. Еще в первый приезд в Алма-Ату мне вернули все грамоты и удостоверения: и Народного, и доктора наук, и профессора. Не вернули только ордена и, конечно, паспорта. Это до прекращения, если таковое будет, дела или до пересмотра его. Мое ходатайство до года с момента событий со мной, т.е. до 4 ноября, не имеет воздействия, хотя никто не возражает против того, если бы я стал обращаться к кому угодно или писать. Всякие же ходатайства обо мне имеют и сейчас самое активное действие. Ну да с этим: пунктум.

Я здесь работаю главным режиссером в Театре Киноактера, который был, как оказывается, давней мечтой Кинокомитета и с моим появлением здесь это оказалось осуществимым. У меня три режиссера: Бибиков, Пыжова, Астангов, много ассистентов, есть целая группа кинорежиссеров, которые присутствуют и учатся на репетициях. Я делаю два концерта-спектакля в оформлении, но как концерты, без костюмов и гримов, в оформлении, которое в деталях меняется в каждом цикле отрывков. Установка одна. Из некоторых деталей у актеров (все в черном, дамы в темных концертных платьях) – плащи, иногда жезлы и еще

кое-что. Художник Петрицкий. Циклы кусков из Шекспира: “Гамлет”, “Ромео” и “Виндзорские”. Циклы из Толстого еще не все сложились. Но тоже многое репетируется.

В сентябре по предложению Комитета искусств начну с оперными режиссерами и актерами-певцами-казахами цикл занятий-бесед по режиссуре. Есть предложение и из Драматического казахского театра, подерживаемое Казахским агитпропом и Союзом казахских писателей, поставить пьесу (классическую) и на основании работы с актерами написать книжку об особенностях работы в театре казахов.

Так постепенно я возвращаюсь к обычной работе. В конце сентября предлагают профессию в ГИКе (Гос. институт кинематографии). Я не очень-то еще в силах. Все-таки приходится днем обязательно отдыхать. И сердце дает себя знать. Но работать нужно. Здесь все дорого, а гонорары не ахти!

Город отличный. А сейчас погода просто ласковая. Чудные утра, вечера, ночи. Днем бывает жарко. Очень жду к себе Зину. Я один уж почти 10 месяцев. Потом жду, что привезут вещи, – я ведь налегке; как выехал, с тем и здесь. Мне очень помогли друзья. Вообще отношение ко мне до сих пор было чудесное. Все сделал Кинокомитет. Сами пошли, сами телеграфировали и сносились, доказали, что с такими знаниями и опытом человек им крайне нужен. И вот, как видите, выцарапали и помогли.

Конечно, кино – дело мне не очень-то близковато. Но что ж делать?! Здесь благодаря кино очень много знакомых московских, ленинградских и киевских.

Алма-Ата по внешности напоминает курорт. Весь город буквально утопает в аллеях (каждая улица, каждый переулок обсажен старыми, большими деревьями), много цветов, много фруктов, овощей изобилие. С гор, – а горы снежные, даже льды на вершинах близко торчат, тут же, за городом; это начало Гималаев, – с гор несутся арыки, шумят, как горные речки, по всем улицам, с обеих сторон. Ночью здесь тишина. Я сплю с открытыми окнами. У меня комната выходит в сад. В саду яблоки, сливы и груши. Домик, где я живу, маленький одноэтажный со ставнями. Воду мне приносят в умывальник. Вода свежая, просто ледяная. Погреб, как ледник. Так что там сохраняется все, как на льду. А есть приходится и дома. В столовой дают такую бурду, хотя в достаточном количестве. Я-то за девять месяцев привык к минимуму и мне все отлично. Уж одно то, что постель чистая, простыни, наволочки, одеяло!

Опять по утрам я занимаюсь. Я встаю в 6 ч. утра и по вечерам – тишина, так что отлично писать и заниматься, как прежде.

У меня чудная хозяйка. Сами подумайте. У меня очень мало белья. Все изнашивается. Она достала мне прачку. Чудесно все стирается, сама чинит и штопает. Сама варит мне, ходит на базар. Меняет хлеб на яйца и молоко. Бумагу, перья и карандаш, кое-какие книги – мне прислала Зина из Москвы. Чернила достали друзья. Вообще когда был мой страшноватый отъезд в степь за 40 километров от железной дороги на волах (ведь это 1 500 километров от Алма-Аты) и жизнь там без одного кустика, не то что дерева, мне друзья дали и лекарства, и денег, и белья, и чемодан, и еды. А как отнеслись ко мне в Театре им. Франка в Семипалатинске!! – этого я никогда не забуду.

Я был очень слаб по приезде в Алма-Ату в первый раз, да и в Семипалатинске. Все, кто могли чем, мне помогали. Несли вещи, давали приют,

кормили, водили в баню, к врачам. Да, дорогая Ольга Сергеевна, в мире есть добро и добро живет в людях. Кто я им всем и сейчас и недавно? А какое внимание, какая забота. Если есть Справедливость, – это им должно быть воздано сторицей! Как замечательно отнесся Юрий Александрович! Да многие – многие!!

Ну, будьте здоровы. Поклонитесь и поцелуйте, кто от меня не отплывається. Очень прошу, дайте мне телеграмму, когда приедет Вл. Ив. Дала уже о Вашем перелете!!! Я ему хочу очень написать. О, как много я пережил!! Ничего огорчительного и тяжелого не напишу. Хотел бы повидать его, когда будет проезжать мимо, и Ол. Леон., и Вас. Ив. и курлышку. Это Вас. Гр. так называет Нину Ник., не выдайте его, милый Владимир Иванович!

449. № 3389/3.

450. № 3389/4.

1 В 1942 г. А.М.Хмара снова вошел в труппу МХАТ, которую оставил в 1920-м.

451. № 3389/5.

452. № 3389/6.

1 Прудкин играл во “Фронте” члена военного совета Гайдара.

2 Режиссерскую работу по “Фронту” срочно вели четверо: Хмелев, Раевский, Ливанов и Яншин (художник Дмитриев). Ливанов и Яншин были заняты в спектакле и как актеры – Ливанов в роли Огнева, Яншин – лейтенанта Сергея Горлова.

3 М.Н.Кедрову поручили роль Мирона Горлова.

4 Решая финал “Егора Булычова и других”, Н.-Д. обильно вводил музыку, крепнущую за окнами дома, как знак победы начинающейся революции.

5 Премьера “Фронта” действительно состоялась 7 ноября 1942 г.

6 “Русских людей” готовили В.Я.Станицын и М.О.Кнебель.

7 Добронравов играл главного героя – капитана Сафонова.

8 В.Н.Попова играла мать Сафонова, Марфу Петровну.

453. № 3389/7.

454. № 3389/8.

455. № 3389/9.

1 Речь о С.Б.Кудашеве, который и был приглашен в МХАТ, где пробыл с 1943 по 1946 г.

456. № 3389/10. Записка сопровождала подарок к последнему дню рождения Н.-Д. (ему исполнилось 84 года).

Указатели

Указатель имен

В Указатели помещены только те имена и названия, которые входят в тексты писем О.Б.

Музыкальная студия МХАТ (с 1919 г.), Музыкальная студия им. Н.-Д. (с 1926 г.), Музыкальный театр им. Н.-Д. (с 1928 г.). Музыкальный театр им. К.С. и Н.-Д. (с 1941 г., после слияния с Оперным театром им. К.С.) для краткости обозначаются – Муз. т. Оперная студия им. К.С. (с 1924 г.), Оперная студия-театр им. К.С. (с 1926 г.), Оперный театр им. К.С. (с 1928 г.) для краткости обозначаются – Оп. т.; Большой театр – Б.т.; Ленинградский театр оперы и балета (Мариинский) – Мариин. т.; Ленинградский малый театр оперы и балета – Малегот; Большой драматический театр – БДТ; Ленинградский академический театр драмы (б. Александринский) – Ал. т.

Абамелик Евгения Васильевна – актриса Муз. студии в 1919–1925 гг. I: **518**

А.С., Ав. С. – см. Енукидзе А.С.

Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937) – литературный критик, генеральный секретарь РАПП I: **740, 780**; II: **13**

Азанчевский Серафим Васильевич (1898–1937) – актер; в МХАТ в 1919–1922 гг. I: **818**

Азарин (наст. фам. Мессерер) Азарий Михайлович (1897–1937) – актер; в 1925–1936 гг. в МХАТ Втором II: **263**

Аким – см. Тамиров А.М.

Акимов Николай Павлович (1901–1968) – режиссер, театральный художник I: **792**; II: **294, 295, 300, 476, 481**

Аксенов Всеволод Николаевич (1898–1960) – актер; мастер художественного слова, в Малом театре (с перерывами) с 1920 до 1946 гг. II: **86, 244**

Аксенов Иван Александрович (1884–1935) – историк театра, переводчик, критик II: **86, 94**

Акулов Иван Алексеевич (1888–1939) – гос. и парт. деятель; с 1935 г. секретарь ВЦИК СССР II: **216, 219, 221, 228, 246–248, 253–255, 257, 263, 275, 344, 345, 365**

Алевладов Александр Владимирович (1895–1948) – дирижер Оп. т. II: **527**

Алеева Евдокия Андреевна (1898–1973) – актриса; в МХАТ в 1924–1959 гг. I: 702, 703, 832; II: 30, 161, 185, 259, 394, 566, 716, 734

Ал. Ал., Александр Александрович – см. Типольт А.А.

Ал. Ив., Александр Иванович – см. Южин А.И.

Ал. Леон. – см. Вишневский А.Л.

А.М., Ал. М., Александра Моисеевна, Ал. Моис. – см. Полляк А.М.

Ал. Петр., Александр Петр., Александр Петрович – I: 708–710, 811; II: 105

Александров Георгий Федорович (1908–1961) – парт. деятель, академик АН СССР; в 1940–1947 гг. возглавлял управление агитации и пропаганды (Агитпроп) ЦК ВКП(б) II: 732, 734

Александров Николай Григорьевич (1870–1930) – актер, режиссер; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 35, 55, 80, 88, 156, 302, 310, 377, 436, 445, 484, 544, 561, 823; II: 22, 42, 48, 65, 82

Александрова Анна Николаевна (1882–1933) – жена Н.Г.Александрова I: 771

Александровы – семья Н.Г.Александрова I: 419

Алексеев Игорь Константинович (1894–1974) – сын К.С.; научный сотрудник Дома-музея его имени I: 55, 189, 190, 199, 214, 448

Алексеев Константин Васильевич – актер; в МХАТ в 1937–1945 гг. II: 453, 625

Алексеева (по мужу Фальк) Кира Константиновна (1891–1977) – дочь К.С., художница, педагог в Оперно-драматической студии К.С., главный хранитель Дома-музея его имени I: 55, 199, 214, 448, 532; II: 329, 331, 386, 529

Алексей Люц. – см. Иверов А.Л.

Алла К., Алла Константиновна – см. Тарасова А.К.

Алперс Борис Владимирович (1894–1974) – критик, историк театра II: 293

Альтман Иоганн Львович (1900–1955) – литературовед, театральный критик; редактор газеты “Советское искусство” (1936–1938) и журнала “Театр” (1937–1941) II: 293, 298, 435

Амаглобели Сергей Иванович (1899–1937) – драматург, театральный деятель; директор Малого театра (1933–1936) II: 175, 176, 178, 202

Ан. С., Адр. Серг. – см. Бубнов А.С.

Анат. Вас. – см. Луначарский А.В.

Ангаров Алексей Иванович (1898–1939?) – сотрудник Агитпропа ЦК ВКП(б) II: 341

Ангаров (Лакшин) Алексей Иванович – актер; в МХАТ в 1927–1936 гг. I: 702

Андерс Александр Александрович (1898–?) – актер; педагог, в МХАТ в 1929–1958 гг. I: 830; II: 30, 42, 66, 68, 214, 215, 414, 639, 659, 690

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) – гос. и парт. деятель; в 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б) II: 265

- Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель, драматург
II: 342, 706
- Андреев Николай Андреевич (1873–1932) – скульптор, театраль-
ный художник II: 130
- Андреев Павел Николаевич (?–1931) – зав. цехом освещения; в
МХТ в 1901–1931 гг. I: 598; II: 28
- Андреева Дина Андреевна (1905–1994) – актриса и педагог; с
1925 г. до конца жизни в Театре им. Вахтангова II: 191
- Андреева (Сырунина) Дина Сергеевна – секретарь Я.О.Боярского
в МХАТ II: 386, 404, 410, 418, 463, 467, 471
- Андрианов Василий Михайлович (1902–1978) – парт. деятель,
член ЦК ВКП(б) с 1939 г., первый секретарь Свердловского обкома и
горкома ВКП(б) в 1938–1949 гг. II: 731, 732
- Андровская (Шульц) Ольга Николаевна (1898–1975) – актриса;
с 1919 г. и до конца жизни во Второй студии и МХАТ I: 545, 596, 597,
628, 639, 653, 683, 687, 689, 733, 813; II: 17, 21, 22, 26, 33, 34, 54, 55,
127, 135, 161, 168, 173, 177, 201, 202, 217, 222, 259, 264, 271, 275, 280,
303, 329, 336, 353, 364, 374, 382, 391, 398, 400, 401, 404, 405, 477, 526,
530, 543, 545, 549, 550, 564, 566, 569, 571, 596, 597, 600, 612–616, 618,
620, 627, 645, 648, 671, 676, 699, 728, 730, 734, 743
- Аникиенко Александр Никанорович (1900–?) – актер оперы (ба-
ритон); в Муз. т. с 1933 по 1955 г. II: 615
- Анна Сергеевна – см. Лебедева А.С.
- Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) – поэт, драматург
II: 43
- Антонов Николай Александрович (1892–1965) – актер; в МХАТ в
1937–1958 гг. II: 394, 669
- Антуан Андре (1858–1943) – французский режиссер, актер, теоре-
тик театра I: 50, 54
- Анурина Нина Сергеевна (1893–1967) – зав. репертуарной конто-
рой МХАТ (в дальнейшем – репертуарной частью) с 1922 по 1957 г. I:
484, 550, 615, 667, 686, 689, 694; II: 227, 270, 414
- Ардов Виктор Ефимович (1900–1976) – писатель-юморист I: 726,
731
- Аркадьев Михаил Павлович (1896–1937) – партийный и теа-
тральный деятель, начальник управления театральных и зрелищных
предприятий Наркомпроса, директор МХАТ в 1936–1937 гг. II: 90, 292,
293, 295, 296, 300–302, 304–307, 309, 310, 314, 315, 317, 318, 326–328,
330–333, 336–338, 340, 345, 348, 351, 361, 363, 368, 370–372, 380, 419
- Аркадьева Клавдия Ал. – жена М.П.Аркадьева II: 328
- Аркадьевский Дмитрий Алексеевич (1899–1942) – актер; в труппе
МХАТ в 1933–1942 гг. II: 350, 354, 596, 670, 690
- Арканов Борис Самойлович – театральный деятель, замдиректо-
ра Б.т. (30-е гг., до 1936 г.), директор Свердловского театра оперы и
балета с сентября 1942-го II: 66, 82, 182, 740, 745

Аросева Е.В. – зам. зав. секретариатом председателя Совнаркома СССР II: 264, 296

Артем (наст. фам. Артемьев) Александр Родионович (1842–1914) – актер; в МХТ с основания театра до конца жизни II: 733

Артеменко Екатерина Владимировна (1883–1938) – секретарь председателя СНК СССР I: 551, 775; II: 28, 82, 90, 97, 107, 339

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт II: 646

Асилов Степан Александрович – театральный деятель I: 673

Асланов Николай Петрович (1877–1949) – актер: в МХТ 1916 по 1921 г. и в 1943–1944 гг. II: 244, 247, 248

Асланова Елизавета Петровна (1890–1972) – актриса; в 1925–1960 гг. научный сотрудник Музея МХАТ; родственница Н.-Д. по материнской линии I: 527, 616, 725; II: 21, 44, 66, 76–78, 83, 90, 91, 94, 108, 109, 248, 290, 328, 428, 434, 451, 457, 510, 532, 586, 606, 651, 748

Астангов (наст. фам. Ружников) Михаил Федорович (1900–1965) – актер; в 1925–1927 и в 1930–1941 гг. в Театре Революции II: 241, 250

Астор (Астер, Astaire; наст. имя и фам. Фредерик Аустерлиц; 1899–1987) – американский эстрадный танцовщик, киноактер II: 473, 474

Ауэрбах Елизавета Борисовна (1912–1995) – актриса; писательница; в МХАТ в 1934–1960 гг. II: 354, 601, 604, 619, 639, 705

Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941) – драматург, общественный и театральный деятель I: 781–783, 785, 786, 789, 792, 802, 810, 817, 833; II: 15, 43, 45, 59, 65, 68, 165, 172, 293, 321, 436

Ашанин Александр Эдуардович – актер; сотрудник ВТО в 30-е гг. II: 338

Бабанин Константин Михайлович (1884–1965) – актер; педагог, режиссер; в МХТ в 1906–1923 и в 1932–1956 гг., в 1921–1927 гг. режиссер и один из руководителей Четвертой студии I: 513; II: 134, 350, 458, 566

Багиров Мир Джафар Аббасович (1896–1956) – первый секретарь ЦК КП Азербайджана и Бакинского обкома КП в 1933–1953 гг., депутат Верховного Совета СССР II: 465

Багриновский Михаил Михайлович (1885–1966) – композитор и дирижер, работник муз. части МХАТ I: 665

Базарова Нина Васильевна (1908–1974) – актриса; в МХАТ в 1935–1964 гг. II: 351, 380, 580, 596, 659

Базилевский Натан Григорьевич (1897–1965) – драматург II: 68

Байсеитова Куляш (1912–1957) – певица (лирико-колоратурное сопрано); солистка Казахского театра оперы и балета с 1934 г. до конца жизни II: 334

Бакалейников Владимир Романович (1885–1953) – альтист, дирижер; в 1920–1927 гг. дирижер Муз. т. I: 469, 518

Бакланова Наталья Владимировна – музыкант, работник вокально-драматической части МХАТ; сестра О.В.Баклановой I: 534, 580; II: 242, 705

Бакланова Ольга Владимировна (1893–1974) – актриса; в МХТ и Муз. т. в 1922–1926 гг. I: **482, 533, 534, 539, 580, 614, 753**

Баклановский Сергей Николаевич (1899–1929) – актер; в МХАТ в 1924–1929 гг. I: **544, 584, 823**

Бакст (наст. фам. Розенберг) Лев (Леон) Самойлович (1866–1924) – живописец, театральный художник, участник “Мира искусства” I: **67**

Бакшеев (наст. фам. Баринов) Петр Алексеевич (1886–1929) – актер; в МХТ с 1911 по 1924 г. I: **38, 60, 62, 63, 75, 76, 86, 90, 95, 96, 130, 206, 207, 209, 211, 229, 274, 275, 285, 297, 298, 302, 320, 346**

Балабина Фея (Фаина) Ивановна (1910–1982) – артистка балета I: **804**

Балиев Никита Федорович (1877–1936) – актер; режиссер, театральный деятель, один из создателей “Летучей мыши” I: **67, 70, 74, 139, 331, 412, 433, 629, 753**

Балухатый Сергей Дмитриевич (1893–1945) – историк литературы и театра, профессор Ленинградского университета с 1922 г., член-корр. Академии наук II: **427–429**

Бальзак Оноре де (1799–1850) – французский писатель II: **295**

Бандровская (Бандровска-Турска, Vandrowska-Turska) Эва (1899–1979) – польская певица (лирико-колоратурное сопрано) II: **254**

Бар. – см. Баратов Л.В.

Баратов Андрей Леонидович (1921–1997) – сын В.С.Соколовой и Л.В.Баратова, в МХАТ в 1947–1948 гг.; с 1979 г. хранитель музея–квартиры Н.-Д. II: **709, 728, 748**

Баратов Леонид Васильевич (1895–1964) – актер, режиссер оперного театра; в 1919–1922 гг. во Второй студии, в 1923–1931 гг. – в Муз. т. I: **482, 483, 485, 519, 554, 569, 570, 574, 582–584, 625, 633, 735**; II: **99, 258, 709, 728**

Баратов (наст. фам. Бреннер) Павел Григорьевич – актер; в МХТ в 1898–1901 гг. I: **426**

Барримор Джон (1882–1942) – американский актер театра и кино I: **85, 92, 139, 292, 477**

Барримор Этель (1879–1959) – американская актриса театра и кино I: **139**

Барсова Валерия Владимировна (1892–1967) – певица (колоратурное сопрано); в 1920–1948 гг. в Большом театре II: **585**

Бартошевич Ольга Оскаровна (1911–2001) – актриса; в МХАТ в 1934–1948 гг.; работала в Музее МХАТ II: **351, 596**

Барышникова Анна Куприяновна (“Куприяниха”; 1868–1954) – народная сказочница; с 1938 г. член ССП II: **302**

Басов Осип Николаевич (1892–1934) – актер; в Театре им. Вахтангова с его основания до конца жизни II: **191**

Баталов (по сцене Аталов) Владимир Петрович (1902–1963) – ученик Второй студии, актер и помощник режиссера МХАТ в 1924–1956 гг. I: **484, 625, 663, 672, 683, 687, 723, 726, 727, 731, 750, 792**; II: **105, 123, 177, 179, 180, 215, 216, 349, 350, 354, 355, 403, 518, 539, 732**

Баталов Николай Петрович (1899–1937) – актер; во Второй студии и МХАТ с 1916 г. до конца жизни I: 458, 480, 521, 524, 544, 671, 683, 719, 721, 727, 731–734, 736, 781, 791, 802, 813, 814, 827; II: 30, 46, 73, 113, 123, 130, 161, 185, 196, 222, 228, 374, 391, 402, 403, 405, 409

Баталова Зинаида Петровна (1912–1978) – актриса; в МХАТ в 1935–1964 гг. II: 355, 358, 615

Баталова Светлана Николаевна (р. 1923) – актриса; в МХАТ в 1942 г. и в 1948–1987 гг.; дочь Н.П.Баталова и О.Н.Андровской II: 600

Баташов Михаил Николаевич (1900–1991) – актер; в МХАТ в 1933–1956 гг. II: 180, 355, 357, 468, 469, 604, 639

Батон Рене (1879–1940) – дирижер симфонического оркестра в Баку I: 690

Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929) – предприниматель, театральный деятель; основатель театрального музея в Москве I: 706

Бачелис Илья Израилевич (1902–1951) – журналист, театральный критик II: 439

Бедный Демьян (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) – поэт, драматург I: 526

Безыменский Александр Ильич (1898–1973) – поэт, драматург II: 43

Бейнар Ирина Васильевна – актриса; в МХАТ в 1939–1948 гг. II: 510, 595

Бекефи (по мужу Берман) Юлия Карловна – русская эстрадная актриса; после революции в эмиграции; жена Л.Д.Леонидова I: 60, 74, 139

Беклемишева Вера Евгеньевна – литератор, драматург II: 342

Беласко Давид (1853–1931) – американский драматург, актер, режиссер I: 70, 85, 612

Белокуров Владимир Вячеславович (1904–1973) – актер театра и кино; в 1925–1936 гг. в Театре Революции; с 1936-го до конца жизни в МХАТ II: 343, 346, 416, 439, 462, 468, 473, 499, 525, 567, 574, 579, 597, 615, 622, 689, 690, 698

Белокурова (Зернова) Милица Георгиевна (р. 1914) – первая жена В.В.Белокурова II: 726

Беляев Евгений Абрамович (?–1931) – директор Муз. театра в 1929–1931 гг. II: 23

Белякова Лидия Степановна (1896–?) – актриса и режиссер Муз. т. с 1920 г. I: 482, 582, 583, 633

Бендина Вера Дмитриевна (1898–1974) – актриса; ученица школы Третьей студии в 1921–1924 гг., в МХАТ с 1924 по 1964 г. I: 597, 677, 681, 734, 776, 778, 793, 813; II: 13, 25, 85, 134, 177, 180, 192, 193, 296, 410, 413, 515, 575, 611, 628

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, критик и историк искусств; участвовал в работе МХТ в 10–е гг. как художник, режиссер и член дирекции театра I: 269

Беранже Пьер Жан (1780–1857) – французский поэт II: **384**

Берестова Антонина Петровна (1903–?) – актриса; в МХАТ в 1930–1964 гг. II: **335, 357, 595**

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – гос. и парт. деятель, в 1931–1938 гг. секретарь ЦК Грузии, с 1932-го также секретарь Закавказского крайкома ВКП (б) II: **202**

Бернар Сара (1844–1923) – французская актриса I: **202**

Берснев (наст. фам. Павлищев) Иван Николаевич (1889–1951) – актер и режиссер; в МХТ в 1911–1922 гг., с 1924-го до закрытия театра в 1936 г. в МХАТ Втором I: **261, 281, 444, 463, 470, 484, 502, 513, 514, 536, 551, 571, 608, 610, 639**; II: **443, 444, 554**

Берт. – см. Бертенсон С.Л.

Бертенсон Лев Бернардович (1850–1929) – петербургский врач, лейб-медик I: **790**

Бертенсон Михаил Львович (1882–1933) – брат С.Л.Бертенсона I: **789, 790**

Бертенсон (урожд. Скальковская) Ольга Аполлоновна – мать С.Л.Бертенсона I: **789, 790, 809**; II: **27, 38, 42, 66, 130, 131, 134, 135**

Бертенсон Сергей Львович (1885–1962) – театральный и кино-деятель, до 1917 г. чиновник дворцового ведомства, в 1918–1928 гг. в МХТ и Муз. т. (секретарь дирекции, зав. труппой, замдиректора) I: **31–36, 40, 41, 44, 45, 48, 51, 55–58, 62, 63, 77, 78, 83, 85, 88, 92, 93, 95, 97, 98, 101, 106, 109, 111, 114, 117, 121, 124, 127–130, 148, 149, 152, 157, 159, 160, 162, 165, 167, 169, 178, 179, 181, 187, 189, 196, 198, 205, 206, 208, 211, 215–218, 222–225, 228, 229, 240, 245, 250, 256, 257, 259, 270, 271, 273, 292, 301, 303–305, 307, 312, 317, 319, 320, 323, 324, 327, 329, 336, 337, 340, 348, 349, 351, 352, 355, 357, 361, 369, 371, 391, 396, 400, 401, 403, 405, 407, 431, 432, 454, 460, 485, 486, 497, 503, 510, 526, 535, 557, 564, 629, 640, 641, 698, 753, 790, 816, 819, 821, 828**; II: **114, 130, 131, 134, 135, 247, 301, 308**

Бертенсоны – С.Л.Бертенсон и его жена I: **471, 478, 517, 522, 528, 530, 547, 555, 557, 563, 577, 585, 634, 640, 650, 655**

Беспалов Николай Николаевич (1906–1980) – театральный деятель, начальник управления по делам искусств при СНК РСФСР в начале 40-х гг., позднее зампреда Комитета по делам искусств, замминистра культуры СССР II: **528**

Бетховен Людвиг ван (1770–1827) – немецкий композитор I: **538**; II: **92, 414**

Беус – издательский работник II: **257, 304**

Биль-Белоцерковский Владимир Наумович (1884–1970) – драматург II: **646**

Биншток Владимир Львович (1868–1933) – литератор, переводчик I: **575**

Бирман Серафима Германовна (1890–1970) – актриса, режиссер; в МХТ в 1911–1924 гг., в Первой студии и МХАТ Втором до его закрытия I: **463, 464**

- Благонравов Аркадий Иванович (1898–1975) – актер II: 719
- Блинников Сергей Капитонович (1901–1969) – актер, режиссер; с 1922 г. в школе МХАТ; в труппе с 1924 г. до конца жизни I: 661, 663, 679, 687, 689, 691, 697, 702, 733, 736; II: 95, 235, 272, 326, 350, 392, 414, 468, 486, 498, 515, 539, 567, 575, 593, 597, 649, 671, 676, 681
- Блинова – см. Румянцева А.М.
- Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт I: 682; II: 471
- Блок (Bloch) Жан Ришар (1884–1947) – французский писатель, драматург, публицист, общественный деятель II: 523, 525, 599
- Блюм Владимир Иванович (1877–1941) – критик, театральный деятель I: 464, 497, 506, 523, 542, 815
- Блюменталь-Тамарина Мария Михайловна (1859–1938) – актриса; в 1921–1933 гг. в театре б.Корша, с 1933-го до конца жизни в Малом театре II: 117, 334
- Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – писатель, драматург, театральный критик II: 289
- Боголюбов Николай Иванович (1899–1980) – актер театра и кино; в МХАТ с 1938 по 1958 г. II: 424, 489, 528, 544
- Богоявленская Наталья Ивановна (1903–?) – актриса; в МХАТ в 1933–1964 гг. II: 354, 424, 503
- Бодулин Николай Петрович – сын П.С.Бодулина, участник “качаловской группы” и зарубежных гастролей МХАТ 1922–1924 гг. I: 187, 303
- Бодулин Петр Семенович – портной-одевальщик, в МХТ с основания театра до 1924 г. I: 180, 187, 219, 222, 223, 251, 283, 319
- Бодулина Анна Максимовна – портниха-одевальщица I: 223
- Бодулины – семья П.С.Бодулина I: 221, 236, 303
- Бойто (Boito) Арриго (1842–1918) – итальянский композитор I: 121
- Бокшанский – первый муж О.Б. II: 516
- Болдуман Михаил Пантелеймонович (1896–1983) – актер; в МХАТ с 1933 г. до конца жизни II: 117, 149, 161, 177, 180, 181, 196, 230, 252, 287, 293, 319, 343, 450, 452, 453, 466, 469, 555, 558, 560, 562, 563, 566, 589, 597, 602, 617–619, 624, 628, 631, 632, 683
- Болеславский (наст. фам. Стржезницкий) Ричард Валентинович (1887–1937) – актер, режиссер, педагог; в МХТ с 1908 по 1919 г., участник американских гастролей МХАТ I: 75–77, 107, 123, 155, 180, 186, 187
- Бондырев Алексей Павлович (1882–1957) – актер; в МХТ с 1908 по 1924 г. I: 76, 95, 201, 203, 207, 234, 289, 297, 348
- Бондыревы – семья А.П.Бондырева I: 449
- Бор. Льв., Борис Львович – см. Изралеvский Б.Л.
- Бордуков Лев Николаевич (1913–1967) – актер; в МХАТ в 1933–1941 гг. II: 180, 250, 287, 450
- Борисов (наст. фам. Гурович) Борис Самойлович (1873–1939) – актер театра и эстрады; участник спектаклей “Летучей мыши” I: 338, 383, 384

Борисов Григорий Николаевич – гардеробщик; в МХАТ с 1926 г.
II: 46

Бородин – редактор издательства “Искусство” в 30-е гг. II: 519

Боярский (наст. фам. Шимшелевич) Яков Осипович (1890–1940) – театральный деятель, председатель ЦК Рабис в 1929–1935 гг., зам-председателя Комитета по делам искусств в 1936 г., директор МХАТ с осени 1937 г. по июль 1939 г. I: 725; II: 60, 145, 146, 156, 181–183, 186, 187, 204–208, 241, 252, 314, 332, 345, 347, 350, 353, 356, 359, 360, 363, 371, 376, 379, 380, 382, 383, 385–402, 404–406, 408–410, 412, 413, 415–420, 425, 427, 432, 433, 441, 444, 447–451, 453, 456, 457

Брик Осип Максимович (1888–1945) – критик, журналист, литературный деятель II: 92

Бродовский (Братман-Бродовский) Стефан Иоахимович (1880–1937) – дипломат II: 239

Бродский Александр Моисеевич (1879–1961) – издатель, художественный и технический редактор книг, посвященных МХТ I: 789; II: 209, 337, 350, 352, 356, 392, 429, 432, 433, 435, 451, 456, 513, 651

Бродский Исаак Израилевич (1883–1939) – живописец, график II: 276

Бромлей Надежда Николаевна (1884–1966) – актриса; режиссер, педагог; в МХТ с 1908 по 1924 г., в Первой студии – МХАТ Втором до 1933 г. I: 551

Брон Онисим Михайлович (1895–1975) – дирижер; в 1926–1930 гг. зав. музыкальной частью Муз. т. I: 500, 518; II: 456

Брюшков Юрий Васильевич (1903–1971) – пианист II: 471

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – гос., военный и парт. деятель; с 1929 по 1937 г. нарком просвещения РСФСР I: 755, 756, 768, 783, 806; II: 12, 13, 14–16, 21, 32, 35, 49, 61, 90, 100, 125, 131, 185, 188, 198, 202, 203, 209, 244, 270, 344

Булгаков Лев Николаевич (1888–1948) – актер; режиссер, педагог, в МХАТ в 1911–1924 гг. I: 36, 51, 76, 111, 123, 131, 155, 201, 203, 207, 213, 214, 305, 335–337, 344, 346, 439, 440, 442

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) – писатель, драматург I: 452, 512, 572, 632, 705, 723, 726, 747, 748, 758, 764, 765, 772, 780, 810, 815, 820, 821; II: 7, 13, 17, 20–22, 25, 39, 43, 50, 59, 104, 130, 138, 241, 242, 244, 245, 272, 278, 285, 286, 303, 304, 309, 321, 430, 433, 436, 450, 454, 455, 457, 458, 505

Булгакова Варвара Петровна – актриса; в МХАТ в 1916–1924 гг. I: 51, 79, 80, 82, 99, 156, 159, 228, 336, 440

Булгакова (урожд. Нюренберг; в первом браке Шиловская) Елена Сергеевна (1893–1970) – сестра О.Б. I: 211, 249, 478, 714, 814; II: 44, 71, 104, 272, 321, 454, 539, 620

Булгаковы – семья Л.Н.Булгакова I: 95, 98, 280, 432, 441

Буллит (Bullitt) Уильям Кристиан (1891–1967) – американский журналист, дипломат, первый посол США в СССР (1933–1936) II: 225

Бураго Мария Евгеньевна – подруга Е.Н.Н-Д. I: 698; II: 421, 434
Бурджалов Георгий Сергеевич (1869–1924) – актер, режиссер; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 78, 139, 146, 164, 165, 176, 198, 209, 222, 280, 303, 346, 356, 394, 437, 438

Бурджаловы – семья Г.С.Бурджалова I: 95, 419

Бурдюжа Игнатий Леонтьевич – актер; в МХАТ в 1931–1954 гг. II: 355

Бутова Надежда Сергеевна (1878–1921) – актриса и режиссер; в МХТ с 1900 г. до конца жизни I: 318

Бутюгин Сергей Александрович (1893–1955) – актер; во Второй студии и МХАТ с 1920 г. до конца жизни I: 573; II: 30, 112, 171, 179, 201, 281, 566, 592, 615, 658

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – гос. и парт. деятель I: 550

Бухтеев Михаил Федорович – работник бухгалтерии МХАТ в 1928–1950 гг. I: 660; II: 135

Бухштаб Надежда Алексеевна – актриса; в МХАТ в 1934–1950 гг. II: 357, 364

Бушера Валентина Иосифовна – актриса Муз. т. (меццо-сопрано) I: 518

Вавулина Екатерина Николаевна – художница, педагог, поклонница МХАТ II: 258

Вагнер Рихард (1813–1883) – немецкий композитор I: 690

Валентино – жена Р.Валентино I: 353, 354

Валентино Рудольф (наст. имя и фам. Родольфо Гульельми ди Валентине, Guglielmi di Valentine; 1895–1926) – американский актер кино I: 353

Вальберт Николай Иванович – актер; в МХАТ в 1936–1939 гг. II: 418, 450, 510, 517

Ванда Мариановна, Ванда Мар. – см. Федорова В.М.

Варв. Ник. – см. Яковлева В.Н.

Варв. Петр. – см. Булгакова В.П.

Варзер Любовь Арнольдовна (1907–1956) – актриса; в МХАТ в 1928–1934 и в 1936–1956 гг. II: 155, 350, 380, 541

Варламов Константин Александрович (1848–1915) – актер; с 1875 г. до конца жизни в Александрийском театре I: 748

Васадзе Акакий Алексеевич (1899–1978) – грузинский актер; режиссер II: 335

Василевская Ванда Львовна (1905–1964) – польская и советская писательница II: 741, 744, 745

Вас. Вас., Василий Васильевич – см. Лужский В.В.

Вас. Вас. – см. Федоров В.В.

В. Г., Вас. Гр., Василий Григорьевич – см. Сахновский В. Г.

Вас. Ив., Василий Иванович – см. Качалов В.И.

- Василий Иванович – см. Немирович-Данченко Вас. Ив.
Вас. Мих. – см. Никитин В.М.
Василиса, Василиса Осиповна – см. Набойченко В.О.
Васильевский Владимир Николаевич (1893–1957)– начальник
Главреперткома в 1937–1938 гг. II: 347, 379, 419
Вахтанг Леваныч – см. Мchedелов В.Л.
Вахтангов Евгений Богратионович (1883–1922) – режиссер,
актер, театральный деятель I: 508; II: 40, 467
Вацлав, Вацлав Вик. – см. Протасевич В.В.
Вдовиченко Василий Григорьевич – работник Комитета по делам
искусств, начальник Главного управления театров (1940), литературо-
вед II: 455, 462
Вен. Леонг. I: 710, 713
Вендбладт (Wendblatt) Рудольф – шведский режиссер, журналист
I: 497
Вера Мих. – см. Типольт В.М.
Вера Ник. – см. Пашенная В.Н.
Вера Сергеевна – см. Соколова В.С.
Вера Сергеевна II: 213, 220
Вербицкий Всеволод Алексеевич (1896–1951) – актер; во Второй
студии и МХАТ с 1916 по 1950 г. I: 543, 544, 580, 581, 609, 618, 639,
667, 671, 683, 684, 702, 709, 713, 720, 732, 799; II: 29, 30, 52, 61, 85, 112,
120, 122, 252, 343, 345, 347, 348, 363, 414, 416, 424, 453, 473, 478, 490,
518, 567, 569, 590, 608, 623, 624, 631, 632, 705, 716
Веревкин Михаил Михайлович – актер; тецц; в МХАТ в 1933–
1941 гг. II: 350, 493
Вересаев Викентий Викентьевич (1867–1945) – писатель II: 272
Вершилов Борис Ильич (1893–1957) – режиссер; в 1919–1930 гг.
во Второй студии и МХАТ I: 480, 494, 519, 531, 588, 597, 598, 636
Вечеслова Татьяна Михайловна (1910–1991) – балерина; в Мари-
ин. т. с 1928 по 1953 г.
Викс Мария Густавовна (1910–1990) – актриса оперетты, с 1933 г.
в Свердловской музкомедии II: 734
Викт. Павл. – см. Ногин В.П.
Виленкин Виталий Яковлевич (1910–1997) – историк МХАТ,
педагог, мемуарист; в МХАТ с 1934 г. II: 209, 239, 240, 258, 264, 270,
271, 294, 297, 320, 323, 329, 335, 346, 356, 383, 401, 405, 406, 432, 433,
440, 442, 444, 446, 484, 493, 495, 497, 499, 501, 503–506, 514, 519, 531,
532, 545, 556, 561, 564, 571, 580, 586, 599, 600, 619, 627, 633, 638, 645,
655, 656, 668, 679–681, 687, 691, 692, 699, 727, 734, 739
Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император
и прусский король в 1888–1918 гг. II: 164
Вильямс Петр Владимирович (1902–1947) – театральный худож-
ник, живописец I: 767; II: 194, 276, 511
Вильямсы – семья П.В.Вильямса II: 321

Виноградов Михаил Лукич (?–1932) – суфлер МХАТ с 1910 г. до конца жизни I: 405; II: 73

Вирга Николай Евгеньевич (1906–1976) – прозаик, драматург II: 321, 326, 379, 427, 435, 444, 450

Вит. Як. – см. Виленкин В.Я.

Виткин Б.Я. – скрипач, дирижер; работал в оркестре, обслуживавшем как Муз. т., так и Оп. т. I: 500

Вишневские – семья А.Л.Вишневого

Вишневский Александр Леонидович (1861–1943) – актер; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 76, 83, 96, 143, 149, 160, 167, 208, 234, 238, 258, 287, 304, 333, 334, 337, 342, 346, 347, 364, 382, 391, 394, 398, 410, 436–438, 440, 448, 458, 473, 476, 545, 551, 619, 620, 623, 625, 632, 648, 653, 737, 750, 751, 766, 795, 806, 811, 823; II: 14, 45, 52, 55, 56, 61, 78, 92, 97, 98, 271, 388

Вишневецкий Всеволод Витальевич (1900–1951) – драматург, публицист II: 442, 599

Вишня Семен Израилевич – театральный администратор I: 615, 620

Вл. Бор. – см. Каменский В.Б.

Вл. Дав., Влад. Дав. I: 710, 711, 713, 715, 717, 718, 724, 730, 733

Вл. Евг. – см. Месхетели В.Е.

Вл. Льв. – см. Ершов В.Л.

Вл. Фед. – см. Грибунин В.Ф.

Власов Д.П. – актер Реалистического театра I: 721

Власов Иван Алексеевич (1903–1969) – в 1938–1942 гг. первый секретарь Саратовского обкома и горкома ВКП(б), в 1942–1943-е председатель Саратовского облисполкома II: 566, 568–570, 640, 641, 643, 675

Воинова Екатерина Ивановна – актриса; в МХАТ в 1937–1951 гг.; жена М.П.Болдуманова II: 450, 453

Волков Борис Иванович (1900–1970) – театральный художник II: 162, 366

Волков Леонид Андреевич (1893–1976) – актер, режиссер; в Первой студии и МХАТ Втором с 1921 по 1927 г., в МХАТ в 1943–1951 гг. I: 536, 537, 571

Волков Николай Дмитриевич (1894–1965) – театровед, критик, драматург I: 616; II: 99, 188, 301, 345, 378, 392, 410

Волконский (наст. фам. Муравьев) Николай Осипович (1890–1948) – режиссер; в 1919–1931 гг. в Малом театре I: 835

Волькенштейн Владимир Михайлович (1883–1974) – драматург, теоретик драмы; в 1911–1921 гг. работал в МХТ и Первой студии I: 32; II: 236

Вольнский Леонид Сергеевич (?–1945) – суфлер; в МХАТ с 1934 по 1942 г. II: 390

Воробьева Клавдия Андреевна – актриса; в МХТ в 1908–1922 гг. I: 191

Воронов Сергей Николаевич (1882–1938) – актер; в МХТ в 1909–1915 гг.; после 1915 г. работал в провинции II: 291

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – гос. и парт. деятель II: 203, 212

Ворошилов Иван Петрович (1892–?) – актер и режиссер Реалистического театра; в 1934–1959 гг. режиссер ЦТКА I: 721

Вронская Варвара Алексеевна (1897–?) – актриса; в МХАТ в 1924–1952 гг. I: 681, 684; II: 161

Вульф Ирина Сергеевна (1906–1972) – актриса, режиссер, педагог; в МХАТ в 1925–1934 гг. I: 561, 802; II: 155, 433

Вутке – см. Каменская О.В.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – юрист, гос. деятель; с 1935 г. генеральный прокурор СССР II: 484, 481

Вяч. М. – см. Молотов В.М.

Гальперин Михаил Петрович (1882–1944) – драматург, либреттист, переводчик, участник работ Муз. т. I: 453, 455, 456, 483, 496, 500, 543, 554, 816, 821; II: 68, 113

Галя – предположительно Г.А.Бантыш, родственница жены Н.-Д. I: 834, 835; II: 7

Ганецкий Яков Станиславович (1879–1937) – парт. деятель, журналист II: 105

Ганзен Петр Готфридович (1846–1930) – переводчик со скандинавских языков I: 472

Ганзен Цецилия – I: 320

Гаррель Софья Николаевна (1904–1991) – актриса; в МХАТ с 1922 г. до конца жизни I: 476, 494, 731; II: 112, 217, 350, 364, 382, 385, 388, 414, 442, 566, 597, 598, 613, 614, 657, 674, 678, 745

Гарт – певец (тенор) Малегота I: 795

Гауптман Герхарт (1862–1946) – немецкий писатель, драматург II: 365

Гедике Иван Иванович (1875–1942) – актер; инспектор Малой сцены; в МХАТ в 1924–1942 гг. I: 462, 472, 720, 738, 768; II: 46, 541, 566, 674, 730, 731

Гейрот Александр Александрович (1882–1947) – актер; с 1913 г. в Первой студии и МХТ, в 1924–1935 гг. в МХАТ Втором, с 1935-го до конца жизни в МХАТ II: 61, 244, 268, 275, 296, 302, 348, 350, 363, 432, 473, 585

Гейтц Евгения Владимировна – жена М.С.Гейтца I: 800

Гейтц Михаил Сергеевич (1893–?) – театральные работник, директор МХАТ в 1929–1931 гг. I: 656–665, 667, 668, 672–676, 678–680, 682, 683, 686, 690–695, 697, 699, 701, 703–707, 709, 711, 712, 715, 716, 722, 723, 725, 731, 733–737, 739–741, 744–746, 748, 749, 753, 756–764, 766–768, 770–772, 775–776, 780–784, 786, 787, 791, 792, 794, 798, 800, 801, 803, 804, 806–810, 812, 815–820, 829, 831, 834, 835; II: 16, 17, 32, 37, 315

Геловани Михаил Георгиевич (1893–1956) – грузинский актер театра и кино; в МХАТ в 1942–1948 гг. II: 720, 749, 750

Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – артистка балета Большого театра с 1894 г. I: 608

Г.Г., Генрих Гр. – см. Ягода Г.Г.

Георгиевская Анастасия Павловна (1914–1990) – актриса; в МХАТ с 1936 г. до конца жизни II: 466, 541, 567, 597, 622, 623, 673, 674, 699, 721

Георгиевский Адольф Георгиевич (1886–1945) – актер провинциальной сцены с 1904 г., последние годы жизни в Свердловском драматическом театре II: 733

Герасимов Александр Михайлович (1881–1963) – художник II: 276

Герасимов Георгий Авдеевич (1900–1961) – актер и педагог; в МХАТ с 1923 г. до конца жизни I: 661, 720, 732; II: 46, 86, 179, 349, 351, 540, 558, 589, 596, 633, 683, 720, 749, 750

Германова Мария Николаевна (1884–1940) – актриса, режиссер, педагог; в МХТ с 1902 по 1922 г., участница “качаловской группы”, позже руководитель Пражской группы МХТ I: 131, 161

Гест Морис (1881–1942) – антрепренер; организатор американских гастролей МХАТ (1923–1924) и гастролей Муз. т. (1925–1926) I: 67, 70, 72, 74, 80, 84–86, 89, 122, 123, 128, 131, 139, 140, 142, 146, 147, 153, 158, 159, 170–172, 185, 186, 196, 197, 204, 215, 216, 226, 227, 238, 239, 245–247, 249, 251, 253, 258–260, 266, 267, 271, 273, 274, 276, 278–281, 283, 284, 288, 291, 305–309, 311–313, 317, 319, 320, 326–331, 336, 344, 345, 353, 357–359, 361, 367, 370, 373–375, 378, 379, 384, 386, 388, 389, 393, 394, 398, 400, 403, 411, 412, 415, 417–419, 422, 423, 426, 427, 430, 433–435, 441, 443, 444, 545, 580, 608–612, 614, 623, 753; II: 66, 242, 245

Гжелский Павел Николаевич (1890–1980) – помощник режиссера; в МХАТ в 1933–1960 гг. II: 389, 390, 551

Гзовская Ольга Владимировна (1889 [1884?]-1962) – актриса; в 1906–1909 и 1917–1919 гг. в Малом театре, в 1910–1917 гг. в МХТ I: 335; II: 473

Гиацинтова Софья Владимировна (1891–1982) – актриса; режиссер; в МХТ и Первой студии в 1910–1924 гг., в МХАТ Втором до его закрытия I: 463

Гилельс Елизавета Григорьевна (1919–2008) – скрипачка II: 500

Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985) – пианист II: 411

Гиршман – см. Оленин Б.Ю.

Гиршфельд Евгений Владимирович (1899–1942) – советник советского полпредства во Франции, редактор газеты “Московские новости” на франц. языке II: 362, 369, 370, 383

Гиш (Gish) Лилиан (1896–1993) – американская киноактриса I: 627, 753, 754

Глебов Василий Васильевич (1891–1943) – помощник режиссера, в МХАТ с 1933 г. до конца жизни II: 417, 466, 498, 567, 571, 575, 602, 742

Глинский Владимир Семенович (1888–?) – администратор, работал в Муз. т., в середине 30-х гг. пом. директора ГосТИМа I: 793

Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874–1956) – композитор I: 526, 543; II: 620, 628

Гоген Поль Эжен Анри (1848–1903) – французский художник I: 752

Гоголева Елена Николаевна (1900–1993) – актриса; в Малом театре с 1918 г. до конца жизни II: 86, 244, 346

Гоголь Николай Васильевич (1809–1952) – писатель I: 747, 748, 759; II: 497

Голейзовский Касьян Ярославович (1892–1970) – балетмейстер I: 832

Големба Софья Михайловна (1904–?) – артистка оперы (меццо-сопрано); в Муз. т. в 1929–1959 гг. II: 615

Голованов Николай Семенович (1891–1953) – дирижер Большого театра с 1919 по 1928 и с 1930 по 1936 г. II: 65

Головин Александр Яковлевич (1863–1930) – живописец, театральный художник I: 473, 480, 494, 526, 538, 608, 649

Головин Сергей Аркадьевич (1879–1941) – актер; в Малом театре с 1902 г. до конца жизни II: 241

Голоступец Анатолий Львович – театральный деятель (хозяйственник) II: 483

Гольдман Александр Алексеевич – замначальника главного управления театров Комитета по делам искусств в начале 40-х гг. II: 565

Гончаров Андрей Дмитриевич (1903–1979) – график и театральный художник II: 194, 197, 199, 201

Горемыкин Иван Ильич – актер; в МХАТ в 1938–1941 гг. II: 109, 114, 517

Городинский Виктор Маркович (1902–1959) – музыкальный критик, театральный деятель II: 60, 367, 374

Горский Иван Иванович – актер; в МХАТ в 1915–1923 гг., один из организаторов Четвертой студии I: 513

Горчаков Николай Михайлович (1898–1958) – режиссер, педагог, мемуарист; в МХАТ с 1924 г. до конца жизни I: 476, 524, 526, 527, 539, 568, 636, 726, 739, 743, 756, 767, 770, 772, 781, 832; II: 22, 73, 81, 151, 166, 180, 181, 188, 198, 237, 239, 280, 321, 346, 353, 358, 375, 379, 393, 442, 444, 468, 469, 490, 540, 541, 564, 565, 583, 633, 706

Горшунова Галина Николаевна (1900–1973) – певица, с 1919 по 1923 г. в Оп. т., затем – в Муз. т., с 1927 по 1933 г. снова в Оп. т. I: 584

Горький Максим (Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) – писатель, драматург, общественный деятель I: 811, 813, 815; II: 23, 77, 87, 121, 289, 365, 392, 436, 513

Горюнов Василий Иванович (1899–1976) – буафор, зав. мебельно-реквизиторским цехом, в МХАТ с 1918 г. II: 22

Горюнов Михаил Дмитриевич – актер Муз. т. с 1920 г. I: 518

Готлиб (Медведев) Михаил Ефимович (1910–1990) – актер; в МХАТ с 1933 по 1988 г. II: 179, 354, 355, 596, 659, 700

Готовцев Владимир Васильевич (1885–1976) – актер; в МХТ и Первой студии с 1908 по 1924 и в 1936–1959 гг., в 1924–1936 гг. в МХАТ Втором I: 222; II: 301, 374, 518, 535, 566, 569, 604, 681, 719

Готтих Николай Николаевич (1899–1990) – старший машинист сцены, зав. художественно-постановочной частью в МХАТ с 1932 г. II: 212, 227, 37

Гофман Иосиф (Юзеф; 1876–1927) – польский пианист и композитор I: 292, 300

Гоцеридзе – летчик II: 701, 708, 709, 722

Гошева Ирина Прокофьевна (1911–1988) – актриса; в 1935–1940 гг. в ленинградском Театре комедии, с 1940-го в МХАТ II: 475, 481, 541, 542, 567, 569, 570, 577, 597, 614, 681, 707, 742

Гр. Мих. – см. Калишьян Г.М.

Грем. – см. Гремиславский И.Я.

Гремиславская Мария Алексеевна (1870–1950) – художник-гример; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 786; II: 95

Гремиславские – семья И.Я.Гремиславского I: 449

Гремиславский Иван Яковлевич (1886–1954) – театральный художник, технолог; в МХТ с 1912 г. до конца жизни, с 1926-го зав. постановочной частью I: 77, 98, 100, 102, 103, 148, 159, 193, 196, 205, 207, 219, 221, 239, 250, 253, 267, 277, 284, 303, 322, 326, 357, 401, 431, 473, 476, 480, 486, 494, 505, 526, 538, 559, 563, 617, 630, 631, 635, 828; II: 19, 32, 158, 168, 181, 196, 300, 348, 350, 369, 370, 377, 422, 459, 465, 488, 491, 508, 510, 528, 536, 564, 567, 568, 611, 616, 633, 677, 712, 713, 717, 723, 726

Гремиславский Яков Иванович (1964–1941) – художник-гример; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 786

Грессер Вера Петровна – московская знакомая художественников, член Елисаветинского благотворительного общества; после революции в эмиграции II: 337

Грибков Владимир Васильевич (1902–1960) – актер; в МХТ с 1924 по 1938 г. и с 1944-го до конца жизни I: 544, 740, 741, 745, 749, 759; II: 30, 75, 94, 177, 221, 235, 250, 266, 307

Грибов Алексей Николаевич (1902–1977) – актер; в МХАТ с 1924 г. до конца жизни I: 720, 721, 726, 731, 732, 740, 761, 766, 827; II: 25, 30, 120, 122, 127, 149, 177, 250, 253, 272, 278, 349, 354, 357, 367, 368, 392, 406, 441, 478, 547, 551, 558, 560, 562, 563, 567, 569, 577, 589, 590, 593, 594, 597, 609, 615, 620, 622, 624, 625, 630, 631, 635, 647, 655–657, 659, 669, 670, 677, 678, 681, 684, 689, 698, 714, 741

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – драматург I: 680

Грибунин Владимир Федорович (1873–1933) – актер; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 47, 75, 100, 111, 237, 336, 342, 345, 346, 350, 351, 372, 394, 398, 399, 419, 436–438, 441, 473, 490, 535, 568, 573, 579, 613, 632, 659, 675, 676, 682, 692, 693, 700, 737, 759, 760, 762, 790, 795, 806–808, 811, 829; II: 13, 26, 42, 48, 58, 98, 124

Григ. Ал. – см. Колосков Г.А.

Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) – художник; после революции жил за границей I: 306

Гринберг (Сокольский) Маттиас Маркович (1897–1977) – музыковед, критик II: 722

Гринберг Моисей Абрамович (1904–1968) – театральный и музыкальный деятель, директор Муз. т. в 1939–1941 гг. II: 481, 482

Громов Михаил Михайлович (1899–1985) – летчик. Герой Советского Союза II: 385

Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) – писатель, историк литературы, театровед I: 573

Грубэ (Грубэ-Баратова) Мария Александровна (1903–1981) – актриса Муз. т. (сопрано) I: 518, 582, 583

Грызунов Александр Иванович (1894–?) – актер; в МХТ в 1919–1931 гг. I: 95, 167, 389, 726, 731

Гудков Иван Иванович (1887–1962) – сотрудник МХТ с основания театра, с 1923 г. зав. монтажной и постановочной частями, в 1931–1955 гг. руководил электроосветительным цехом I: 75–77, 97, 130, 155, 156, 187, 473, 517, 563, 620, 658, 659, 669, 671, 673, 680, 681, 686, 688, 697, 732; II: 34, 227–229, 233, 350, 370, 422

Гузев Александр Иванович (1890–1960) – актер; во Второй студии и МХАТ в 1916–1955 гг. I: 544, 667; II: 215, 453, 566, 62

Гуляев Михаил Евстигнеевич – работник Комитета по делам искусств, с начала 1940 г. помдиректора МХАТ, секретарь парткома II: 463, 516, 663, 664

Гундобина Елизавета Ивановна (1890–1969) – актриса Муз. т. (сопрано), под конец – сотрудник его комендатуры I: 482

Гэбл (Гейбл; Gable) Кларк (1901–1960) – американский киноактер II: 474

Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский писатель, поэт, драматург I: 506

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Иван Николаевич Горелов; 1849–1925) – актер; в 1880–1924 гг. в Александрийском театре, последний год жизни в Малом I: 748

Дайн Леонтина Ивановна – знакомая Н.-Д., учительница английского языка I: 465; II: 48

Далматов Николай Николаевич (1902–1946) – актер МХАТ Второго, в Малом театре с 1936 г. до конца жизни II: 346

Дальцев Зиновий Григорьевич (1884–1963) – театральный деятель; помдиректора Малого театра в 30-х гг. II: 334

Дамский Владимир Маркович – актер; в МХАТ в 1935–1963 гг. II: **358, 595, 676, 677, 699**

Данилин Сергей Алексеевич (1901–1978) – летчик, Герой Советского Союза, участник перелета из СССР в Америку через Северный полюс в 1937 г. II: **385**

Данилин Сергей Данилович (?) – зав. отделом драматургии в издательстве “Искусство” в начале 40-х гг. II: **485, 486, 501, 519**

Даниэльс Биби (Daniels Bebe, 1901–1971) – английская и американская актриса театра и кино I: **353, 354**

Данкман Александр Морисович – театральный деятель, директор ГОМЭЦ I: **816**

Данченко Нина Александровна – дальняя родственница Н.-Д. II: **487**

Дарский Максим Александрович – инспектор сцены Б.т. II: **203**
Дебюсси Клод Ашиль (1862–1918) – французский композитор I: **139**

Деваль Жак (Devat, наст. фам. Буларан, Boularan; 1890–1972) – французский драматург II: **295**

Дейкарханова Тамара Христофоровна (1889–1980) – актриса; в МХТ в 1907–1911 гг., в дальнейшем в “Летучей мыши” I: **319**

Дейкун Лидия Ивановна (1889–1980) – актриса; режиссер; в МХТ и Первой студии в 1910–1924 гг., в МХАТ Втором до его закрытия I: **551**

Дейч Александр Иосифович (1893–1972) – писатель, литературовед I: **815**

Де Лазари Иван (?–1931) – сотрудник вокально-драматической части МХАТ, гитарист II: **17**

Дементьева Валерия Алексеевна (1907–1990) – актриса; в 1933–1936 гг. в МХАТ Втором; с 1936 г. до конца жизни в МХАТ II: **303, 354, 543, 545, 566, 611, 628, 630**

Державин Константин Николаевич (1903–1956) – литературовед, критик и историк театра, переводчик II: **120**

Держинская Ксения Георгиевна (1889–1951) – певица (сопрано); в 1915–1948 гг. в Большом театре II: **513**

Джапаридзе – директор Тбилисского театра оперы и балета им. Палиашвили I: **659**

Джолсон Ол (наст. имя и фам. Иосиф Розенблат; 1883–1950) – американский актер I: **115**

Дидрихштейн Лео – актер и режиссер I: **88**

Дикий Алексей Денисович (1889–1955) – актер, режиссер; в МХТ с 1910 г., в МХАТ Втором в 1924–1927 гг.; в поздние годы в Малом театре I: **536, 571**; II: **217, 299, 541, 546, 547, 552, 553, 555, 559, 561, 565**

Дима – см. Шверубович В.В.

Дина Серг. – см. Андреева (Сырунина) Д.С.

Динамов Сергей Сергеевич (1901–1939) – литературовед, парт. деятель II: **153, 262, 288**

Дисней Уолт (1901–1966) – американский кинорежиссер-мультипликатор II: **473**

Дмитриев Владимир Владимирович (1900–1948) – живописец, театральный художник; в МХАТ с 1928 г. до конца жизни (с перерывами) I: **681, 757, 758, 764, 769**; II: **27, 44, 102, 272, 282, 335, 442, 457, 459, 466, 498, 515, 544, 556, 571, 590, 591, 629, 680, 722, 727**

Дм. Ив., Дмитрий Иванович – см. Юстинов Д.И.

Дмоховская Анна Михайловна (1892–1955) – актриса; в МХАТ в 1914–1955 гг. I: **472, 743**; II: **29, 179, 566**

Добровольский Владимир Николаевич (?–1930) – актер-статист, организатор народных сцен, в МХТ с основания театра до конца жизни I: **823**

Добронравов Борис Георгиевич (1898–1949) – актер; в МХТ с 1915 г. до конца жизни I: **75, 86, 100, 111, 124, 155, 156, 221, 310, 410, 426, 427, 439–441, 473, 490, 618, 661, 679, 722, 759, 772, 775, 778, 783, 795, 798, 831**; II: **29, 30, 45, 52, 55, 58, 63, 65, 68, 75, 78, 139, 140, 161, 162, 185, 224, 225, 226, 230, 250–252, 266, 272, 275, 280, 325, 360, 363, 409, 417, 441, 452, 457, 499, 526, 572, 575, 603, 604, 615, 639, 644, 645, 649, 653, 659, 671, 688, 719, 726, 741, 748, 750**

Добронравова Марта Юльевна (1900–1964) – артистка вокально-драматической части; в МХАТ с 1942 по 1955 г.; жена Б.Г.Добронравова II: **726, 748**

Довженко Александр Петрович (1894–1956) – кинорежиссер, драматург II: **419, 705**

Дольский Е.Е. – автор пьес, поступавших в МХАТ в 30–е гг. II: **209**

Дорохин Николай Иванович (1905–1953) – актер; в МХАТ с 1927 г. до конца жизни I: **749, 761–763, 784**; II: **46, 320, 341, 342, 350, 384, 539, 569, 580, 629, 635, 644, 663, 676, 699, 705, 718, 721, 722, 733, 748, 752**

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель I: **213, 560, 568**

Драйзер Теодор (1871–1945) – американский писатель II: **68, 102**

Дранишников Владимир Александрович (1893–1939) – дирижер; в 1918–1936 гг. в Мариин. т. I: **803**

Дровяников Василий Евдокимович (1890–?) – артист оперы, солист Б.т. II: **205**

Друкер Софья Юрьевна (1906–1984) – певица (драматическое сопрано); с 1933 г. в Белорусском театре оперы и балеты, во время войны в эвакуации в Саратове II: **635**

Дубенский Анатолий Александрович – актер; в Малом театре в 1938–1944 г. II: **441, 442**

Дубов Александр Михайлович (1914–1966) – актер; в МХАТ в 1938–1944 гг.; в дальнейшем в Театре им. Моссовета II: **596**

Дубровский Давид Ефимович – зав. отделением Красного Креста в Нью-Йорке I: **268, 389, 390, 392, 404, 418**

Дудинская Наталья Михайловна (1912–2003) – артистка балета; в Мариин. т. в 1931–1962 гг. I: 804; II: 317

Дудкина Клавдия Алексеевна (1902–?) – актриса Муз. т., позднее Оп. т. I: 518

Дузе Элеонора (1858–1924) – итальянская актриса I: 202, 241, 242, 307, 430; II: 245

Дунаевский Исаак Осипович (1900–1955) – композитор II: 427

Дурасова Мария Александровна (1891–1974) – актриса; в МХТ в 1912–1924 и в 1936–1955 гг. I: 463; II: 417, 535, 544, 566

Дурасова Нина Николаевна – актриса Муз. т. и вокальной части МХАТ с 1919 г. I: 482, 726

Дымова Мария Степановна (1887–1956) – актриса; в Малом театре в 1925–1954 гг. II: 283

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – театральный деятель, создатель и руководитель труппы “Русский балет Сергея Дягилева” (1911–1929) I: 69

Евг. Вас., Евгений – см. Калужский Е.В.

Евг. Евг., Евгения Евгеньевна – см. Лигская Е.Е.

Евгения Матв. – Климова Евгения Матвеевна – работник конторы МХАТ в 1921–1930 гг. I: 723

Е.М., Евгения Михайловна – см. Раевская Е.М.

Евелинов Борис Ефимович (?–1939) – московский театральный деятель, после революции в эмиграции I: 44

Евпр. Вас., Евпраксия Васильевна – см. Мельникова Е.В.

Евсеев Сергей Григорьевич – служащий МХАТ I: 576

Егоров – начальник Свердловского отдела искусств, и.о. директора Свердловского театра оперы и балета II: 736, 740

Егоров Анатолий Николаевич – оркестрант (виолончель), в МХАТ с 1927 по 1965 г.; сын Н.В.Егорова II: 651

Егоров Николай Васильевич (1873–1955) – административно-хозяйственный работник, в МХАТ (с перерывами) с 1926 по 1950 г. (замдиректора, зав. финансовой частью и пр.) I: 457, 461, 484, 490, 506, 507, 524, 525, 528, 529, 536, 575, 634, 648, 767, 823, 828; II: 8–11, 29, 33, 72, 78–81, 91, 95–97, 101, 109, 113, 116, 140, 142–148, 152, 155, 159, 163, 164, 167, 171, 174, 178, 179, 181–183, 186–189, 194, 199, 200, 208, 213, 216, 219, 225, 226, 228, 231, 233, 237–240, 242, 246, 247, 252–257, 266, 267, 270, 272, 275, 277, 280, 281, 284, 287, 288, 296, 315, 318, 327, 330, 332, 350, 353, 358, 362, 368, 371–373, 376, 380, 386, 392, 401, 405, 419, 434, 449, 583, 611, 651, 654, 676, 720

Егорова (Виберг) Мария Георгиевна – актриса; в МХАТ в 1934–1936 гг. II: 250

Ек. Вл., Екатерина Владимировна – см. Артеменко Е.В.

Ек. Ник., Екатерина Николаевна – см. Немирович-Данченко Е.Н.

Еланская Клавдия Николаевна (1898–1972) – актриса; во Второй студии и МХАТ с 1920 г. до конца жизни I: 428, 476, 514, 527, 536, 545, 586, 587, 600, 632, 639, 644, 656, 657, 683, 701, 702, 766, 830; II: 25, 30, 42, 140, 147, 161, 200, 202, 221, 227, 230, 231, 245, 246, 293, 301, 303, 305, 328, 374, 398, 417, 426, 495, 498, 557, 564, 567, 572, 575, 578, 588, 598, 602, 605, 609, 646, 653, 655, 656, 666, 671, 695, 720, 721, 728, 742, 744, 750

Елена Павл. – Муратова Елена Павловна (1874–1921) – актриса; в МХТ с 1901 г. до конца жизни I: 543

Елена Федоровна – Карри (по первому мужу Подобед, по второму Аммосова) Елена Федоровна (1868–1932) – певица (меццо-сопрано), педагог; мать П.А.Подобеда II: 93

Елина Елена Кузьминична (1898–1967) – актриса; с 1916 г. во Второй студии, в МХАТ с 1924 по 1964 г. I: 544, 568, 685; II: 30, 280, 364, 392, 535, 544

Енукидзе Абель Софронович (1877–1937) – гос. и парт. деятель, с 1922 г. член президиума и секретарь президиума ЦИК СССР I: 768; II: 44, 49, 57, 58, 77, 80–83, 88–90, 100, 101, 105, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 131, 141, 142, 145–149, 152, 155, 156, 158, 163, 167, 169, 170, 173, 176, 182, 183, 195, 197, 199, 203, 204, 277

Енукидзе Семен Софронович (?–1937) – советский ответ, работник; брат А.С.Енукидзе II: 338

Еремеев Леонид Федорович (1906–1973) – актер; в МХАТ в 1935–1956 гг. II: 358, 566, 583, 600, 601, 603, 604, 610, 639, 644, 678

Ермолаев Алексей Николаевич (1910–1975) – артист балета; с 1930 г. в Б.т. I: 752; II: 21, 441

Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – актриса Малого театра с 1871 по 1921 г. I: 202; II: 202

Ершов Владимир Львович (1896–1964) – актер; в МХТ с 1916 г. до конца жизни I: 55, 75, 77, 80, 81, 92, 95, 99, 107, 149, 160, 167, 203, 219, 221, 251, 274, 287, 298, 320, 335, 352, 353, 383, 439, 472, 577, 578, 609, 613, 615, 679, 683, 689, 703, 728, 732, 734, 745, 793, 795, 796, 830, 831; II: 29, 42, 45, 52, 55, 85, 86, 89, 94, 98, 117, 118, 141, 161, 177, 181, 214, 215, 224, 230, 286, 321, 325, 332, 333, 343, 385, 392, 403, 414, 498, 518, 537, 567, 570, 571, 574, 608, 609, 612, 716, 721, 752

Ершovy – семья В.Л.Ершова II: 459

Есенин Сергей Александрович (1895–1925) – поэт I: 682; II: 471

Жансон (Jeanson) Анри (1900–1970) – французский драматург, сценарист и режиссер II: 149

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – гос. и парт. деятель, с декабря 1934 г. секретарь ЦК и одновременно Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) II: 480, 489, 506

Жданова Мария Александровна (1890–1944) – актриса; в МХТ с 1907 по 1924 г. I: 197, 229, 231, 234, 251, 265, 294, 302, 335, 407, 450

Женя – см. Калужский Е.В.

Животова Елена Сергеевна (1892–1972) – театральный деятель, помдиректора МХАТ (завкадрами) в 1935–1936 гг., затем замдиректора Оп. т. II: 238–240, 242, 244–249, 252, 254–256, 262, 263, 266, 273–275, 279, 281, 283, 311, 316–318, 323, 327, 332, 418, 445

Жид Андре Поль Гильом (1869–1951) – французский писатель II: 128

Жильцов Алексей Васильевич (1895–1972) – актер; в МХАТ с 1924 г. до конца жизни I: 470, 609, 668, 671, 689–691, 697, 721, 733, 814, 815, 820, 830; II: 343, 349, 351, 355, 544, 580, 618, 624

Жуков Михаил Николаевич (1901–1960) – дирижер, композитор; в 1922–1932 и 1935–1941 гг. в Оп. т. I: 500

Забезинский Иван Григорьевич – зав. бутафорским цехом в 1928–1930 гг., член месткома МХАТ I: 752

Завадский Юрий Александрович (1894–1977) – актер, режиссер; в МХАТ в 1924–1936 гг. (одновременно руководя собственной студией); в 1936–1940 гг. худрук Театра им. Горького (Ростов-на-Дону), с 1940 г. до конца жизни руководитель Театра им. Моссовета I: 458, 524, 550, 727, 728, 732–734, 828; II: 30, 41, 84, 148, 255, 271, 282, 330, 433, 435, 436, 481

Загаров (наст. фам. фон Фессинг) Александр Леонидович (1877–1941) – актер; режиссер; в МХТ с основания театра до 1906 г.; в 1911–1916 гг. на Александрийской сцене; последние годы жизни в Саратовском ТЮЗе II: 22

Загорский Михаил Борисович (1885–1951) – критик и историк театра, драматург II: 188

Задорский Василий Алексеевич (1897–1954) – деятель музыкального театра; в 1941–1945 гг. директор Музкомедии в Свердловске II: 740

Залесский Виктор Феофанович (1901–1963) – театральный критик, журналист; зам. главного редактора журнала “Театр” в 1937–1941 гг. II: 502

Замятин Евгений Иванович (1884–1937) – писатель II: 134

Зарудный Сергей Митрофанович (1865–1940) – юрист, петербургский поклонник и друг художественников I: 789; II: 234, 235

Зархи Натан Абрамович (1900–1935) – писатель, сценарист I: 815

Заседателев Федор Федорович (1873–1940) – профессор-отоларинголог, автор трудов по научной постановке голоса, руководитель вокально-фонетической лаборатории при ВТО (1936) I: 718

Заявлин Григорий Арнольдович – зав. планово-финансовым отделом МХАТ, в театре с 1937 по 1959 г. II: 634, 658, 662, 686, 729, 730

Звенигорский Александр Васильевич – актер; в МХАТ в 1931–1984 гг. II: 354, 596

Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969) – гос. деятель, нарком (министр) финансов в 1938–1960 гг. II: 556

Зеленая Рина (Екатерина) Васильевна (1901–1991) – актриса; создательница эстрадного жанра детских рассказов II: **408**

Зельдович Владимир Давыдович – работник Наркомпроса, секретарь Луначарского I: **552, 556**

Зембрих (Sembrich) Марчелла (наст. имя и фам. Марцелина Коханська; 1858–1935) – певица (колоратурное сопрано), в 1880–1898 гг. пела на русской сцене, в 1898–1909 гг. солистка “Метрополитен-опера” I: **121**

Землячка Роза Самойловна (1876–1947) – гос. и парт. деятель, в 1939–1943 гг. зампреда Совнаркома СССР II: **489, 508, 509, 520, 521, 629, 642, 673**

Зилоти Александр Ильич (1863–1945) – пианист, дирижер, педагог; с 1919 г. за границей I: **109, 753**

Зин. Гр – см. Морозова З.Г.

Зин. Клавдиевна – см. Сахновская З.К.

Зин. Серг. – см. Соколова З.С.

Златогоров (наст. фам. Гольдберг) Павел Самойлович (1907–1969) – режиссер оперы; в Муз. т. с 1928 г. до конца жизни; в 1934–1942 гг. одновременно работал в Белорусском театре оперы и балета (с 1939 г. главный режиссер) II: **500**

Зорин – секретарь наркома просвещения А.С.Бубнова I: **755, 756**

Зоя Ал. – см. Смирнова-Немирович З.А.

Зуева Анастасия Платоновна (1896–1986) – актриса; во Второй студии и МХАТ с 1916 г. до конца жизни I: **544, 745, 831**; II: **28, 30, 42, 52, 75, 85, 105, 283, 322, 368, 566, 580, 615, 622, 676, 716, 721**

Зуева Лидия Игнатьевна (1896–1938) – актриса; во Второй студии и МХАТ с 1916 г. до конца жизни I: **494, 544**; II: **20, 29, 55, 59, 61, 463**

Зуева Татьяна Михайловна (1905–1969) – партийный и государственный деятель, в начале 40-х гг. зав. отделом культурно-просветительных учреждений Агитпропа ЦК ВКП(б), позднее – министр культуры РСФСР II: **697, 698, 736**

Ив. Ал. – см. Акулов И.А.

Ив. Мих. – см. Москвин И.М.

Ив. Ник. – см. Берсенева И.Н.

Ив. Як. – см. Гремиславский И.Я.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – прозаик, драматург I: **615**; II: **43, 221, 255, 261, 264, 265, 271, 272, 285, 321, 325, 356, 366, 645**

Иванова (в замужестве Головки) Кира Николаевна (р. 1918) – актриса; в МХАТ с 1938 г. II: **511, 559, 561, 571, 580, 596, 597, 698**

Иванова Ксения Георгиевна – артистка вспомогательного состава МХАТ в 1930–1934 гг. II: **201**

Ивенсен Карл Карлович (?–1936) – врач-хирург, с 1906 г. лечил актеров МХТ II: **69, 114**

Иверов (наст. фам. Фурманян) Алексей Люцианович (1883–1967) – врач; зав. медчастью МХАТ с 1923 г. до конца жизни I: 762, 772, 829; II: 48, 78, 83, 85, 86, 88, 109, 121, 124, 135, 150, 157, 198, 222, 227, 229, 230, 249, 261, 306, 322, 332, 333, 378, 379, 388, 404, 410, 412, 416, 463, 475, 479, 482, 483, 485, 488, 489, 491, 495, 496, 501, 502, 504, 508, 511, 516, 523, 532, 540, 566, 578, 584, 598, 619, 622, 626, 638, 648, 716, 717, 725, 727, 746

Игнатъев Петр Георгиевич – актер Муз. т. с 1919 г., с 1922 г. в вокально-драматической части I: 518

Игорь – см. Алексеев И.К.

Иг. Вл. – см. Нежный И.В.

Изралевский Борис Львович (1886–1969) – дирижер, солист оркестра МХТ с 1903 г., зав. музыкальной частью в 1909–1953 гг. I: 35, 269, 506, 537, 538, 543, 708, 739, 795, 814; II: 28, 42, 135, 313, 314, 350, 377, 385, 396, 398, 399, 452, 535, 544, 599, 619, 627, 681, 693, 702, 748

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – историк, автор гимназических учебников I: 105

Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987) – актер; в 1920–1935 гг. (с перерывами) в театрах Мейерхольда, с 1938 г. до конца жизни в Малом театре II: 438

Ил. Мир. – см. Шлуглейт И.М.

Ил. Як. – см. Судаков И.Я.

Илюхина Аграфена Алексеевна – бывшая прислуга Н.-Д., инвалид II: 423

Иос. В., Иосиф Виссарионович – см. Сталин И.В.

Иофан Борис Михайлович (1891–1976) – архитектор II: 713

Ира – см. Полонская И. В.

Исаковский Михаил Васильевич (1900–1973) – поэт-песенник II: 646

Истрин Владимир Павлович (1882–1987) – актер; в МХАТ в 1915–1930 и в 1932–1951 гг. I: 544, 573, 671, 692, 720–722; II: 130, 272, 350, 580, 593, 618

Кабалевский Дмитрий Борисович (1904–1983) – композитор II: 620

Каверин Вениамин Александрович (1902–1989) – прозаик, драматург II: 599, 619, 637, 646

Каверин Федор Николаевич (1897–1957) – режиссер; создатель Театра-студии Малого театра II: 142, 182

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1986) – гос. и парт. деятель, секретарь МК с 1930 г., нарком тяжелой промышленности СССР в 1937–1939 гг. II: 265, 436

Калантаров Давид Владимирович – театральный деятель (управляющий зрелищными предприятиями в 1930 г., инспектор сектора театральных учебных заведений в 1936–м и т.п.) I: 697; II: 28

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) – гос. и парт. деятель; в 1923 г. председатель ЦИК I: 175; II: 41, 212

Калинин Никита Осипович (?–1962) – старший рабочий сцены; в МХАТ с августа 1917 г. до конца жизни II: 508, 512, 583

Калинин Сергей Иванович (1896–1971) – актер; в МХАТ в 1928–1959 гг.; секретарь парткома МХАТ в 1941 г. I: 727, 752, 778, 790, 799; II: 226, 343, 567, 569, 570, 649, 659, 674

Калиновская Галина Ивановна (1917–1997) – актриса; в МХАТ с 1942 г. до конца жизни; племянница А.К.Тарасовой II: 600, 619, 621, 698, 699, 721

Калищян Григорий Михайлович – театральный деятель, помдиректора МХАТ в 1938–1942 гг. II: 447–459, 464, 465, 475–477, 484, 489, 491, 497, 498, 501, 503, 508–510, 516, 520–525, 527, 528, 530, 532, 536, 538, 546, 547, 555, 558, 559, 561, 562, 564–572, 585–588, 599, 602, 605, 609, 610, 617, 621, 633, 638, 639, 642, 644, 645, 648, 651, 654, 656–658, 662–665, 668, 671–673, 675, 676, 682, 686, 694, 695, 699, 705

Калужская Перетта Александровна (1874–1947) – жена В.В.Лужского, мать Е.В.Калужского I: 280, 392, 444, 497, 498, 808; II: 65

Калужские – Е.В.Калужский и Е.С.Телешева I: 795, 807; II: 95

Калужский Александр Евгеньевич (1927–?) – выпускник первого набора Школы-студии (1947); с 1962 г. зав. репертуаром в МХАТ II: 618, 699, 704, 714

Калужский Евгений Васильевич (1896–1966) – актер; в МХТ в 1916–1952 гг. заведовал в разные годы труппой, репертуарной конторой и т.п.; сын В.В.Лужского I: 79, 176, 524, 525, 544, 618, 631, 637, 645, 662, 663, 670, 671, 677, 689, 719–721, 727, 728, 732, 739–741, 743, 745, 749, 750, 761, 763, 764, 768, 772, 775, 791, 794, 796–798, 801, 807, 809, 810, 812, 815, 817, 818, 822–824, 826–828; II: 19, 26, 27, 29, 30, 56, 62, 66, 84, 86, 105, 110, 114, 122, 133, 135, 138, 139, 145, 150–152, 154, 156, 159, 164, 165, 168, 171, 172, 174, 175, 178–181, 188, 189, 191, 194, 200, 201, 211, 214, 216, 217, 219, 222, 227, 228, 230, 233, 234, 237–246, 250, 259, 260, 263, 266, 267, 270, 280, 281, 285–287, 303, 311, 313–317, 321, 323, 325, 333, 340, 346, 348, 350, 353, 358, 361, 362, 365, 366, 368, 370, 374, 375, 379, 383, 385, 387, 388, 390, 398, 400, 403–407, 409, 410, 412, 413, 415–419, 422, 424, 425, 427, 432, 441, 445, 450–454, 457, 477, 478, 484, 497, 500, 502, 513, 518, 522, 525, 526, 532, 537, 567, 569–572, 576, 581, 583, 587, 588, 592, 607, 610–612, 617–619, 623, 629, 631, 632, 634, 637, 639, 648, 649, 656, 659–665, 670, 679, 681, 683, 684, 686, 689, 691, 692, 695, 696, 699, 701, 704, 709, 710, 714–716, 720–725, 729, 732, 741, 746, 748

Каменская (по мужу Вутке) Ольга Владимировна – знакомая семьи Н.-Д. II: 218, 220, 224, 232, 234

Каменские – семья знакомых Н.-Д. II: 218, 220, 232, 233

Каменский Владимир Борисович – знакомый семьи Н.-Д. II: 220

Камерн. – см. Камерницкий Д.В.

Камерницкий Дмитрий Владимирович (1897–1972) – артист оперы (бас), режиссер; в 1919–1940 гг. в Муз. т. I: **485, 495, 496, 499, 514, 518, 553, 554, 564–566, 570, 753**

Кан Отго Герман (1867–1934) – американский банкир, коллекционер, меценат I: **612, 753**

Канделаки Владимир Аркадьевич (1908–1994) – артист оперы (бас-баритон), в Муз. т. в 1929–1953 гг. II: **396, 495**

Канин Александр Игнатьевич (1877–1953) – актер; режиссер; ученик Н.-Д. в Школе МХТ (окончил в 1904 г.), участник Товарищества новой драмы и Студии на Поварской II: **291**

Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878–1956) – юрист, автор книг о Малом театре и его актерах II: **502**

Кардашев Анатолий Николаевич – оркестрант, дирижер, зам. зав. музчастью; во МХАТ с 1906 г. II: **535, 544, 619, 627, 693**

Кардовский Дмитри Николаевич (1866–1943) – художник, график, книжный иллюстратор I: **458**

Карев (наст. фам. Прудкин) Александр Михайлович (1899–1975) – актер; режиссер, педагог, в МХАТ в 1928–1971 гг. II: **412, 540, 542, 566, 654, 658, 662**

Карелина-Раич (наст. фам. Поповкина) Раиса Андреевна (1880–1957) – актриса; в 1925–1933 гг. в театре б.Корш, после его закрытия до 1948 г. в Театре МОСПС (им. Моссовета) II: **117**

Карпов Борис Владимирович (1889–?) – оркестрант (альт), в МХАТ в 1921–1923 и 1930–1959 гг. II: **690**

Карпова (урожд. Булава) Вера Александровна (1891–?) – жена Б.В.Карпова; педагог II: **703**

Картер Хантли – американский критик и историк театра II: **14, 21, 23, 28, 50, 246**

Касаткин Алексей Иванович (1889–1962) – суфлер МХАТ I: **69, 95, 130, 154, 155, 183, 389, 405**; II: **73**

Кагаев Валентин Петрович (1897–1986) – писатель, драматург I: **539, 548, 613, 649, 726**; II: **119, 442–444, 493**

Кац Михаил Аронович (1907–1981) – драматург II: **561**

Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – актер; в МХТ с 1900 г. до конца жизни I: **40, 41, 43, 44, 47, 55, 63, 71–74, 80, 87, 88, 91, 96, 110, 111, 120, 121, 123, 131, 147, 154, 155, 166, 167, 181, 190, 206, 213, 222, 226, 229, 232, 237, 239, 250, 252, 255, 261, 263–265, 274, 281, 298, 313, 314, 317, 319, 320, 327, 346, 347, 350–353, 356, 357, 374, 394, 415, 421, 422, 426–428, 433, 434, 441, 443, 454, 457, 472, 473, 475, 476, 480, 488, 490, 501, 516, 517, 537, 538, 542, 545, 550, 551, 555, 567, 578, 580, 608, 621, 622, 627, 632, 642, 648, 659, 661, 664, 672, 682, 693, 701, 703, 708, 713, 727–729, 764, 771, 773, 787–789, 795, 802, 827, 829, 830, 834**; II: **25, 33, 34, 41–43, 46, 47, 69, 70, 75, 76, 85, 92, 99, 104, 140, 147, 154, 157, 167, 177, 180, 195–198, 201, 227, 234, 236, 239, 241, 242, 245, 249, 258, 266, 267, 271, 306, 315, 321, 323, 333–335, 337, 345, 358, 360, 365, 384, 392, 400–403, 408, 411–417, 437, 440, 442, 445, 447, 451, 457, 465, 471, 473, 482, 484, 487, 489, 495, 499, 548, 556, 580, 620, 741**

Качаловы – семья В.И.Качалова I: 236, 346, 462, 531

Квантковский Илья Клементьевич – зам. зав. постановочной частью МХАТ, и.о. отв. редактора газеты “Горьковец” II: 374, 377

Квапил Ярослав (1868–1950) – чешский театральный деятель, писатель I: 753

Кедров Михаил Николаевич (1893–1972) – актер, режиссер, педагог; во Второй студии и МХАТ с 1922 г. до конца жизни I: 722, 727, 760, 763–765, 778, 781, 783; II: 26, 30, 76, 85, 95, 105, 133, 142, 156, 159, 163, 171, 172, 179, 191, 194, 196, 197, 202, 230, 231, 240, 243, 250, 253, 256, 259, 260, 262, 263, 270, 272, 273, 279–281, 287, 296, 301, 341, 348, 358, 375, 379, 401, 406, 414, 420, 422, 457, 490, 512, 515, 536, 540, 562, 565, 567, 579, 580, 592, 612, 628, 646, 648, 656, 659, 660, 666, 673, 691, 720, 734, 739

Кедровы – семья М.Н.Кедрова II: 321

Кемарская Надежда Федоровна (1899–1984) – артистка оперы (колоратурное сопрано), режиссер; в Муз. т. с 1921 г. до конца жизни I: 518, 581, 633, 634, 728, 734; II: 55, 85, 118, 396, 495, 612, 670

Кемпер Мария Николаевна (1888–?) – актриса; в труппе МХТ в 1909–1924 гг., затем в МХАТ Втором I: 464

Керженцев Платон Михайлович (1881–1940) – гос. и парт. деятель, дипломат, критик, в 1936–1938 гг. председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР II: 270, 303, 304, 309, 324, 333, 345, 347, 359, 360, 362, 365, 376, 378, 380, 385, 393, 413, 420

Керр Альфред (1867–1948) – немецкий театральный критик I: 753

Киляля – см. Фальк К.Р.

Кира – см. Алексеева К.К.

Киров (наст. фам. Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – гос. и парт. деятель II: 493

Кирион Владимир Михайлович (1902–1938) – драматург, парт. деятель, один из руководителей РАПП I: 701, 762, 763, 776, 779, 780, 783, 796, 799; II: 77, 308

Кисляков Аркадий Николаевич (1898–?) – актер; в МХАТ в 1936–1941 гг. II: 303

Кистенева Надежда Дмитриевна – студентка Филармонического училища, служившая при конторе режиссерского управления МХТ в 1906 г. II: 496

Кл. Ник., Клавдюша – см. Еланская К.Н.

Кларк Элизабет – секретарь Американского Русского института для культурных связей с Советской Россией II: 14

Климов Дмитрий Александрович (1910–1980) – актер; в МХАТ с 1936 г. до конца жизни II: 303, 537

Климов Михаил Михайлович (1880–1942) – актер; с 1909 г. до конца жизни в Малом театре (с перерывами на работу в театре б.Корш) II: 241, 438, 441

Ключарев Виктор Павлович (1898–1957) – актер Первой студии – МХАТ Второго I: 464, 551, 571

Кнебель Елена Осиповна (?–1976) – сестра М.О.Кнебель II: 625, 675

Кнебель Мария Осиповна (Иосифовна; 1898–1985) – актриса, режиссер, педагог, мемуаристка; в МХАТ с 1922 по 1950 г. I: 784; II: 42, 94, 179, 200, 390, 391, 488, 491, 492, 501, 519, 525, 526, 528, 535, 537, 540, 541, 543–545, 550, 551, 561, 563, 564, 566, 589, 597, 599, 606, 623–626, 629, 632, 647, 652, 656, 659, 664, 668–670, 674, 679, 681, 683, 684, 690, 703, 706, 707

Кнебель Софья Марковна (?–1942) – мать М.О.Кнебель II: 625, 626, 652, 655, 664, 670, 674, 690

Книппер Лев Константинович (1898–1974) – композитор; племянник О.Л.Книппер-Чеховой I:188, 189; II: 43, 58, 548, 584

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 44, 75, 76, 78, 81, 83, 85, 88, 90, 111, 138, 148, 149, 167, 169, 173, 177, 188, 189, 209, 215, 242, 250, 254, 268, 298, 300, 306, 311–314, 317, 318, 320, 327, 336, 341, 342, 354, 365, 372, 374, 375, 388, 394, 398, 399, 414, 441, 444, 463, 472, 475, 477, 509, 527, 551, 552, 573, 580, 619, 629, 640, 648, 653, 659, 663, 675, 676, 678, 682, 687, 688, 693, 701, 708, 729, 737, 752, 778, 788, 790, 791, 795; II: 20, 22, 27, 30, 33, 34, 41, 45, 52, 54–58, 95, 99, 121, 143, 153, 162, 166, 170, 180, 185, 190, 191, 201, 203, 266, 267, 271, 315, 323, 333, 343, 349, 351, 365, 386, 391, 392, 395, 400, 403, 406, 411, 413, 415, 417, 427, 437, 442, 457, 465, 470, 548, 556, 599, 691

Кнушевицкий Святослав Николаевич (1907–1963) – виолончелист, участник трио с Л.Н.Обориным и Д.Ф.Ойстрахом II: 403

Князев Леонид Сергеевич – актер; в МХАТ в 1934–1939 гг. II: 350, 351, 418, 424, 425

Князев Сергей Сергеевич – актер; в МХАТ в 1935–1940 гг. II: 355

Ковшов Николай Дмитриевич (1907–1995) – актер; в МХАТ в 1930–1979 гг. II: 351, 537, 595, 662

Ковшова (Шибанова) Елена Павловна – жена Н.Д.Ковшова, актриса эстрадного театра для детей II: 662, 726

Коган Вен. Ал. – ленинградский знакомый Н.-Д. II: 264, 268, 285, 326

Коган Мария Борисовна – жена финансиста, меценатка, после революции жила в эмиграции I: 50, 225, 231, 233, 261

Козлов Алексей Александрович – бухгалтер МХАТ в 1920–1928 гг. I: 485, 495, 498, 499, 509, 553

Козлов Федор Михайлович (1882–1956) – артист балета императорских театров в 1900–1910 гг., участник “Русских сезонов”, с 1910 г. руководил собственными гастрольными труппами в Европе и Америке, с 20-х гг. держал балетные школы в Сан-Франциско, Далласе, Голливуде I: 354

Козловский Иван Семенович (1900–1993) – певец (лирический тенор); в 1926–1954 гг. в Б.т. I: 662, 665; II: 403, 484, 495, 606, 631

Койранский (Кайранский) Александр Арнольдович (1884–1964) – литератор, критик; после Октябрьской революции в эмиграции I: 105, 123, 136, 139, 146, 165

Кокошкина Ирина Федоровна (1904–?) – актриса; в МХАТ в 1924–1936 гг. I: 561, 562

Кокран Чарлз Блейк (1872–1951) – английский театральный деятель, актер, режиссер I: 331, 361, 369, 370, 387, 396, 400

Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – гос. и парт. деятель, дипломат II: 87

Колодуб Оксана Владимировна (р. 1906) – певица (сопрано) II: 732

Коломийцева (по мужу Блиникова) Анна Андреевна (1898–1976) – актриса; в МХАТ в 1922–1930 и в 1932–1974 гг. I: 689, 691, 697, 698, 749; II: 367, 593, 622

Колосков Григорий Алексеевич (1893–1936) – театральный деятель; директор Б.т. в сезон 1925/26 г., затем руководящий работник Управления государственных академических театров (УГАТ) I: 483, 485, 490, 502, 508, 527, 617

Колосова Евгения Михайловна – актриса; в Малом театре в 1925–1932 гг. I: 571

Кольцов Михаил Ефимович (1898–1942) – писатель, журналист, постоянный сотрудник “Правды” II: 442

Кольцов Михаил Кириллович – зав. костюмерным цехом филиала МХАТ, в МХАТ в 1927–1931 и в 1935–1948 гг. II: 343, 651

Кольцов (Розенштраух) Юрий (Георгий) Эрнестович (1909–1970) – актер; в МХАТ в 1933–1938 гг. и с 1956 г. до конца жизни II: 250, 355, 357

Коля – см. Бодулин Н.П.

Комаров Петр Тимофеевич (1898–1983) – парт. деятель, в 1942–1948 гг. первый секретарь Саратовского обкома ВКП(б), депутат Верховного совета СССР II: 675

Комиссаров Александр Михайлович (1904–1975) – актер; в МХАТ с 1925 г. до конца жизни I: 524, 528, 663, 682, 689, 693, 694, 703, 721, 731, 830; II: 112, 337, 350, 497, 566, 580, 622, 663, 748

Комиссаров Виктор Васильевич (р. 1909) – помощник режиссера, в МХАТ с 1928 г. II: 593, 721

Комиссаров Михаил Герасимович (1877–1929) – один из учредителей кооперативного товарищества Московский Художественный театр (1917), член его правления; после революции работник бухгалтерии МХАТ I: 187, 453, 456, 539, 633

Комиссаров Сергей Михайлович – актер; участник Пражской группы I: 633

Комолова Анна Михайловна (1911–2001) – актриса; в МХАТ с 1933 по 1979 г. II: 161, 177, 179, 185, 301, 343, 355, 357, 374, 377, 579, 611, 612, 627, 628, 659, 707, 742

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – деятель международного рабочего движения, гос. и парт. деятель I: 755, 772, 785, 808

Кондракова Татьяна Николаевна (р. 1918) – актриса вспомогательного состава МХАТ с 1936 г. II: 432, 450

Кондратьев Никита Семенович (1915–1986) – актер; в МХАТ с 1937 до конца жизни II: 510, 535, 583, 595, 596, 604

Коновалов Дмитрий Родионович (?–1938) – зав. механической мастерской; кассачей кассы взаимопомощи МХАТ; в театре в 1923–1938 гг. I: 778; II: 46

Коновалов – начальник управления культуры в Саратове II: 605

Конский Григорий Григорьевич (1911–1972) – актер; помощник режиссера; в МХАТ с 1930 г. до конца жизни II: 241, 278, 350, 510, 608, 609, 627, 659, 689, 741

Конст. Ил. – см. Рейнгерц К.И.

Кончаловский Максим Петрович (1875–1942) – профессор-терапевт I: 708

Кончаловский Петр Петрович (1876–1956) – живописец, театральный художник II: 79, 276

Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) – актриса; в МХТ в 1905–1913 гг., одна из основателей Камерного театра (1914), оставалась здесь до его закрытия в 1948-м I: 551; II: 41, 196

Копо (Copeau) Жак (1879–1949) – французский режиссер, актер; театральный деятель I: 54

Корелли (Corelli) Арканджело (1653–1713) – итальянский скрипач, композитор II: 411

Коренева Лидия Михайловна (1885–1982) – актриса; в МХАТ с 1904 по 1958 г. I: 43, 47, 54, 58, 59, 62, 75, 76, 79, 80, 82, 85, 87, 91, 105, 148, 159, 160, 163–165, 194, 197, 213, 232, 243, 244, 253, 254, 265, 311, 313, 317, 322, 325, 332, 333, 337, 346, 377, 391, 392, 405, 407, 414, 436, 448, 463, 476, 509, 560, 568, 574, 579, 632, 675, 682, 688, 701, 708, 729, 790, 795; II: 30, 41, 74, 177, 201, 273, 285, 286, 296, 320, 323, 332, 349, 350, 365, 379, 382, 392, 406, 427, 525, 528, 535

Коренева Мария Николаевна (1883–1963) – пианистка-концертмейстер, во Второй студии с 1919 г., в МХАТ с 1924 по 1956 г. II: 414

Корнблум Рита Эммануиловна (1906–?) – журналистка, редактор многотиражки МХАТ “Горьковец” с января 1936 по июль 1937 г.; жена В.М.Киршона II: 335, 348

Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – драматург, общественный деятель II: 242, 347, 366, 405, 587, 718, 738, 740–747

Коробов Александр Федорович – зав. филиалом МХАТ в 1936–1938 гг., врио отв. редактора “Горьковца” с июля 1937 г. II: 311

Корчагина-Александровская Екатерина Павловна (1874–1951) – актриса; с 1915 г. до конца жизни в труппе Ал. т. I: 792; II: 334

Корчмарев Климентий Аркадьевич (1899–1958) – композитор I:

Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) – гос. и парт. деятель, член политбюро ЦК ВКП(б) с 1930 г., член президиума ВЦИК СССР I: 750

Косминская Любовь Александровна (1880–1946) – актриса; ученица школы МХТ, в труппе с 1901 до 1915 г.; жена А.Л.Вишневого I: 448

Костромской (наст. фам. Чалеев) Николай Феодосиевич (1874–1938) – актер; с 1918 г. в Малом театре I: 571

Костряков – зампредседателя комиссии, в 1937 г. занимавшейся распределением жилья в доме по Кировской ул. II: 384

Котлубай Ксения Ивановна (1890–1931) – актриса, режиссер; в МХАТ и Муз. т. в 1922–1931 гг. I: 537, 555, 638, 721, 735

Коутс Альберт (1882–1953) – английский дирижер; работал в Петербурге с 1911 по 1919 г. II: 40

Красковская Татьяна Васильевна (1887–1943) – актриса; в МХАТ в 1901–1904 и 1911–1943 гг. I: 802; II: 350, 380, 566

Краус (Krauss) Вернер (1884–1959) – немецкий актер театра и кино, участник постановок Рейнхардта в Берлине и в Вене I: 426

Крейслер (Kreisler) Фриц (1875–1962) – австрийский скрипач, композитор II: 411

Кремер Иза (наст. имя Лия) Яковлевна (ок. 1890–1956) – эстрадная певица; после 1920 г. в эмиграции I: 139

Кречетова Елизавета Сергеевна (1892–1952) – научный сотрудник Музея МХАТ с его основания в 1923 г. I: 629

Кречетова Мария Рафаиловна (1915–2002) – актриса; в МХАТ с 1933 по 1949 г. II: 351, 510, 700

Кривошеева А. – исследователь творчества А.В.Луначарского II: 467

Кригер Викторина Васильевна (1896–1978) – артистка балета, балетмейстер, общественный деятель II: 66

Крон (наст. фам. Крейн) Александр Александрович (1909–1983) – прозаик, драматург II: 493, 611, 677

Кронин Арчибалд Джозеф (1896–1981) – английский писатель II: 499

Кругликова Елена Дмитриевна (1907–1982) – певица (лирическое сопрано), в Б.т. в 1932–1956 гг. II: 408, 414

Крути Исаак Аронович (1890–1955) – театральный критик, историк театра II: 242, 302, 308

Крутова Надежда Вячеславовна – актриса Муз. т. с 1922 г. I: 518, 581

Крыжановская Мария Алексеевна (1891–1979) – актриса; в МХТ с 1915 по 1922 г. (с перерывами); затем в Пражской группе I: 44, 55, 324

Крылов Иван Дмитриевич – портной-одевальщик, затем зав. костюмерным цехом, в МХАТ с 1922 г. II: 583

- Крымов – чиновник из окружения Ягоды I: 708–710
- Крюков Владимир Николаевич (1902–1960) – композитор I: 537;
II: 43
- Крюковский Федор Федорович – актер; в МХАТ в 1935–1936 и в 1937–1938 гг. II: 397
- Кторов (наст. фам. Виктор) Анатолий Петрович (1898–1980) – актер; с 1917 по 1920 гг. в Театре им. В.Ф.Комиссаржевской, в 1920–1933 гг. (с перерывами) в театре б. Корш; в МХАТ с 1933 г. до конца жизни II: 117, 138, 181, 201, 230, 241, 250, 345, 368, 411, 419, 527, 610, 611, 659, 667, 677, 700, 741
- Куб. – Кубацкий Виктор Львович (1891–1970) – музыкант, виолончелист (участник Квартета им. Страдивариуса) II: 408
- Кугульский Семен Лазаревич (1862–1954) – журналист, рецензент; после революции в эмиграции II: 378
- Кудашев Самуил Борисович – актер; в труппе МХАТ в 1943–1946 гг. II: 558
- Кудрявцев Иван Михайлович (1898–1966) – актер; в МХАТ с 1924 г. до конца жизни I: 464, 511, 512, 540, 558, 580, 678; II: 14, 27, 46, 85, 94, 177, 201, 214, 250, 343, 384, 403, 414, 539, 567, 569, 580, 654, 659, 688, 692
- Куза Василий Васильевич (1902–1941) – актер; с 1921 г. до конца жизни в Третьей студии – Театре им. Вахтангова I: 513; II: 80
- Кузнецов Степан Леонидович (1879–1932) – актер; в 1908–1910 гг. в МХТ, с 1925 г. в Малом театре I: 571; II: 264
- Кузьмин Александр Петрович (1891–1974) – офицер русской армии, сотрудник МХАТ в 1922–1930 гг.; первый муж А.К.Тарасовой I: 139, 146, 164, 165, 403, 408, 424, 574; II: 276
- Кузьмин Алексей Александрович (р. 1920) – сын А.К.Тарасовой I: 424, 574; II: 651, 709, 748
- Кузя – см. Сарафанов Г.М.
- Куклин Виктор Георгиевич – рассыльный, вахтер, гардеробщик МХАТ с 1923 г. II: 423, 434, 439, 501
- Куклин Яков Георгиевич – сторож МХАТ с 1925 по 1941 г. II: 342
- Кун Надежда Александровна – сестра В.А.Хлудовой II: 508
- Кунин И.Ф. – музыковед-любитель II: 650
- Курочкин Николай Иванович – актер; в МХАТ в 1930–1956 гг. II: 109, 114, 357
- Кусевецкий Сергей Александрович (1874–1951) – дирижер, контрабасист, музыкальный деятель I: 753
- Лабзина Ольга Николаевна (1905–1971) – актриса; во Второй студии и МХАТ с 1923 г. до конца жизни I: 545; II: 254, 337, 388, 390, 475, 585, 593, 608, 609, 667, 733
- Лаврентьев Андрей Николаевич (1882–1935) – актер, режиссер; ученик школы и актер МХТ в 1902–1910 гг. II: 214

- Ладыжников Иван Павлович (1874–1945) – издатель I: **821**
- Ладынина Марина Алексеевна (1908–2003) – актриса театра и кино, в 1930–1935 гг. в переменном составе МХАТ II: **179, 185**
- Лаз. Моис. – см. Каганович Л.М.
- Лазарев Иван Васильевич (1877–1929) – актер; в МХТ в 1902–1903 и 1909–1922 гг., в дальнейшем в эмиграции в США I: **36, 51, 55, 115, 324, 327–329**
- Лакшин Яков Иванович (1900–1974) – актер; в МХАТ в 1927–1964 гг. I: 726, 731; II: **46, 537, 539, 654, 669**
- Ламанова Надежда Петровна (1861–1941) – модельер, художник по костюму I: **473**
- Лансере Евгений Евгеньевич (1885–1946) – живописец, график, скульптор, театральный художник II: **438**
- Лапшинов Увар Сергеевич – рабочий сцены; в МХАТ с 1925 г. II: **46**
- Ларгин Петр Сергеевич (1893–1946) – актер; в МХАТ в 1924–1946 гг. I: **728, 830**; II: **76, 210, 278, 286, 350, 537, 540**
- Ларин Николай Павлович (1904–1982) – актер; в МХАТ в 1925–1976 гг. I: **702, 728**; II: **179, 350, 406**
- Ларош Герман Августович (1845–1904) – музыкальный критик II: **650**
- Лебедева – секретарь И.А.Акулова II: **219**
- Лебедева Анна Сергеевна (1903–?) – зав. труппой, помощник режиссера в Муз. т. II: **49**
- Лебедева Нина Сергеевна – актриса; в МХАТ в 1935–1943 гг. II: **432, 511, 596, 618, 698**
- Леблан (Метерлинк) Жоржет (1873–1941) – французская актриса; жена М.Метерлинка I: **210**
- Лев Берн. – см. Бертенсон Л.Б.
- Лева, Лев Конст. – см. Книппер Л.К.
- Левин Лев Григорьевич (1870–1938) – кардиолог; зав. терапевтическим отделением Кремлевской больницы; обвиняемый на процессе право-троцкистского блока (1938) I: **547**; II: **404, 424**
- Левинсон Андрей Яковлевич (1887–1933) – театральный критик, историк балета; с 1919 г. в эмиграции I: **56**
- Лежнев (наст. фам. Горелик) Абрам Зеликович (Захарович) (1893–1938) – критик, литературовед II: **435, 442, 443**
- Лемешев Сергей Яковлевич (1902–1977) – певец (лирический тенор); в 1931–1965 гг. в Б.т. II: **408, 495, 631**
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – гос. и парт. деятель I: **364**; II: **487**
- Ленин (наст. фам. Игнатюк) Михаил Францевич (1880–1951) – актер; в Малом театре с 1902 г. до конца жизни II: **347**
- Ленорман Анри Рене (1882–1951) – французский драматург, театральный деятель II: **246**

Ленская (урожд. Корф) Лидия Николаевна (1861–1948) – жена А.П.Ленского, кузина Е.Н.Н.-Д. II: 422

Ленский (наст. фам. Вервициотги) Александр Павлович (1847–1908) – актер, режиссер, педагог; в Малом театре с 1878 по 1908 г. II: 289, 290, 296, 301, 302

Леон. Вит. – см. Собинов Л.В.

Л.Д., Леонид Давыдович – см. Леонидов Л.Д.

Л.М., Леон. Мир., Леонид Миронович – см. Леонидов Л.М.

Леонидов (наст. фам. Берман) Леонид Давыдович (1885–1983) – театральный деятель, импресарио I: 32, 41, 45, 52, 54, 60, 65, 68, 72–74, 77, 81, 84, 95, 98, 100, 105, 106, 109, 110, 114, 117, 120, 123, 124, 129, 135, 138, 139, 141, 148–152, 158, 159, 162, 166, 170–172, 175, 179, 181, 182, 186, 191, 192, 197–199, 201, 208, 215, 216, 219, 220, 224, 226, 229–234, 236, 239, 247, 248, 250, 251, 253, 257, 267, 269, 276, 278, 281–285, 287, 291–293, 296, 302, 303, 307–309, 311, 313, 315, 318, 319, 322, 324, 326–331, 336, 339–345, 351, 352, 361, 369, 370, 374, 375, 379–381, 386–391, 393, 395, 396, 400, 401, 407, 409–418, 422, 423, 426, 427, 430, 431, 433, 436, 437, 441, 446, 448, 451, 461, 753, 821; II: 247, 290, 370

Леонидов (наст. фам. Вольфензон) Леонид Миронович (1873–1941) – актер, режиссер, педагог; в МХТ с 1903 г. до конца жизни I: 41, 42, 52, 59, 60, 62, 73, 76, 88, 92, 96, 131, 167, 191, 193, 194, 201, 206–209, 211–213, 222–224, 232, 234, 236, 241, 247, 248, 251, 255, 258, 269, 274, 275, 280, 298, 304, 309, 326, 335, 339, 342, 345, 347–352, 355, 367, 374, 388, 392, 398, 399, 401, 413, 421, 436–439, 448, 454, 458, 473, 515, 516, 539, 545, 569, 573, 579, 580, 608–612, 626, 631, 632, 634–636, 648, 719, 728, 747, 759, 766, 781, 792, 795, 814, 817, 831, 833; II: 8, 12, 15, 20, 22, 30, 34, 45, 47, 51, 52, 54–56, 60, 61, 63, 64, 74, 75, 80, 84, 86, 87, 96, 99, 105, 108, 110, 147, 150, 154, 157, 167, 236, 239, 241, 262, 266, 305, 351, 360, 364, 367, 368, 370, 371, 379, 393, 401, 406–408, 410, 413, 419, 432, 444–446, 449, 457, 463, 464, 478, 490, 541, 651

Леонидов Юрий Леонидович (1917–1989) – актер; в МХАТ в 1943–1989 гг.; сын Л.М.Леонидова II: 530

Леонидова (урожд. Зимина) Анна Васильевна – жена Л.М.Леонидова II: 541, 600, 742

Леонидова Анна Леонидовна (р. 1915) – дочь Л.М.Леонидова II: 748

Леонидовы – семья Л.М.Леонидова II: 742

Леонов Леонид Максимович (1899–1994) – прозаик, драматург I: 453, 463, 495, 652; II: 43, 72, 76, 84, 111, 119, 359, 360, 366, 393, 419, 442, 445, 454, 646

Леонтьев Яков Леонтьевич (1890–1948) – театральный деятель, директор Студии Малого театра, замдиректора МХАТ в 1933–1934 гг., в дальнейшем в Большом театре II: 127, 128, 138, 143–148, 150, 152, 154–156, 158, 163, 169, 181–183, 186, 187, 203, 219, 238, 239, 241, 296, 463, 517, 554, 585, 606

Лепешинская Ольга Васильевна (1916–2008) – артистка балета; в Б.т. в 1933–1963 гг. II: 408, 441, 585

Леплевский Григорий Моисеевич (1889–1939) – гос. деятель; зампредседателя СНК РСФСР; в 1936 г. зам. генерального прокурора СССР II: 105, 264, 296, 331, 344, 345

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт II: 493

Лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель II: 102

Лесли Платон Владимирович (1905–1972) – режиссер, педагог; в МХАТ в 1924–1960 гг. I: 686, 723, 726, 727, 732, 738, 750, 814; II: 46, 235, 377, 379, 383, 496–498, 510, 596, 608, 622, 646, 649, 692, 726

Лехт Фридрих Карлович (1887–1961) – скульптор, театральный деятель, в 1926–1929 гг. возглавлял объединенную дирекцию Муз. т. и Оп. т. I: 468

Либстер Ал. Сем. – знакомый М.В.Н.-Д. II: 264

Ливанов Борис Николаевич (1904–1972) – актер, режиссер; в МХАТ с 1924 г. до конца жизни I: 473, 476, 551, 552, 639, 677, 678, 694, 720, 726, 738, 743, 759, 775, 793, 794, 812, 813, 831; II: 20, 30, 52, 55, 56, 60, 62, 63, 76, 95, 133, 154, 168, 198, 201, 241, 256, 257, 259, 264, 277, 283, 284, 293, 300, 315, 384, 385, 391, 395, 396, 398, 399, 416, 419, 427, 430, 440, 441, 462, 463, 466, 468, 472, 473, 476, 483, 498, 525, 526, 528, 544, 550, 562, 564–566, 569, 571, 580, 584, 590, 630, 631, 634, 635, 637, 645–648, 662, 667, 668, 672, 695–698, 706, 707, 714, 717, 736, 739

Ливанова (урожд. Филиппович) Евгения Казимировна (1907–1978) – жена Б.Н.Ливанова, художница, преподаватель рисования II: 662, 667, 668, 696

Лигская Евгения Евгеньевна (1898–1980) – личный секретарь Н.-Д. и секретарь дирекции Муз. т. с 1934 по 1943 г.; сотрудник комиссии по изучению и изданию театрального наследия К.С. и Н.-Д. Школы-студии МХАТ II: 259, 261, 264, 332, 347, 491, 436, 481, 520, 523, 524, 527, 532, 533, 548, 556, 670

Лида – см. Петкер Л.Я.

Лидин Владимир Германович (1894–1979) – писатель I: 459

Л.М., Лид. Мих., Лидия Михайловна – см. Коренева Л.М.

Ликиардопуло Михаил Федорович (1883–1925) – переводчик, журналист, секретарь дирекции МХТ в 1910–1917 гг. I: 142, 153

Лилина (урожд. Перевощикова, по мужу Алексеева) Мария Петровна (1866–1943) – актриса; в МХТ с его основания до конца жизни; жена К.С. I: 43, 55, 58, 59, 62, 73, 78, 111, 190, 199, 209, 214, 228, 232, 234, 476, 480, 545, 546, 551, 568, 734; II: 29, 34, 36, 46, 90, 93, 95, 97, 99, 100, 105, 125, 177, 201, 239, 247, 296, 331, 344, 379, 386, 391, 401, 411, 449, 529, 535

Лисенков Тимофей Григорьевич – начальник пожарной охраны, в МХАТ с 1930 г. II: 46

Лист Ференц (1811–1886) – венгерский композитор, пианист I: 74; II: 411

Литвиненко-Вольгемут Мария Ивановна (1892–1966) – певица (лирико-драматическое сопрано); в 1935–1953 гг. в Киевском театре оперы и балета II: **334**

Литвинов Максим Максимович (наст. имя и фам. Макс Валлах; 1876–1951) – гос. и парт. деятель, дипломат; в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел II: **105, 426, 427**

Литовский Осаф Семенович (1892–1971) – журналист, театральный критик; в 1930–1937 гг. начальник Главреперткома I: **780**; II: **67, 83, 92, 102, 168, 185, 231, 241, 293**

Литовцева (Левестам) Нина Николаевна (1871–1966) – актриса, режиссер, педагог; в МХТ с 1901 по 1950 г.; жена В.И. Качалова I: **36, 55, 73, 96, 99, 138, 164, 165, 219, 221, 235, 237, 266, 275, 335, 421, 428, 463, 476, 477, 494, 514, 538, 544, 551, 577, 615, 622, 626, 630, 636, 639, 648, 653, 713, 729, 731, 738, 739, 745, 758, 761–764, 767, 780, 835**; II: **8, 73, 95, 98, 120, 122, 127, 130, 140, 179, 188, 191, 225, 336, 345, 357, 358, 375, 380, 405, 437, 440, 451, 458, 483, 484, 486, 487, 499**

Лифанов Борис Николаевич – актер; в МХАТ в 1924–1934 и 1938–1942 гг. I: **739, 743**; II: **469**

Лифшиц Соломон Маркович – зав. отделом снабжения, в МХАТ с 1934 г. II: **566, 567, 569, 604, 639, 710**

Лихачев Владимир Сергеевич (1849–1910) – поэт, переводчик, драматург I: **804**

Лобанов Андрей Михайлович (1900–1959) – режиссер; окончил школу Второй студии, работал в Театре-студии Р.Н. Симонова, в дальнейшем руководитель Театра им. Ермоловой II: **540**

Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) – поэт, переводчик I: **810**

Лопатин Герман Григорьевич (1884–?) – столяр и бутафор; в МХТ с 1907 по 1959 г. II: **46**

Лоле де Вега Карпио Феликс (1562–1635) – испанский драматург II: **295**

Лосский Владимир Аполлонович (1874–1946) – певец и режиссер Большого театра, в 1920–1926 гг. участвовал в работе Музыкальной студии I: **569, 570, 572, 633**

Лотар Марк (1902–1985) – немецкий композитор II: **43**

Луговской Владимир Александрович (1901–1957) – поэт II: **43**

Лужские – семья В.В. Лужского I: **159, 392, 419**

Лужский (наст. фам. Калужский) Василий Васильевич (1869–1931) – актер; режиссер; в МХТ с основания театра до конца жизни I: **47, 59, 75, 80, 92, 105, 111, 130, 140, 154, 155, 164–167, 173, 187, 191–195, 198, 202, 208, 209, 213, 220, 241, 243, 247, 253, 255, 257, 269, 285, 287, 289, 291, 297, 304, 311, 312, 320, 325, 335, 337–339, 344, 345, 352, 364–367, 372, 374, 376, 388, 405, 421, 427, 433, 437–439, 441, 442, 452, 453, 457–459, 461, 462, 464, 465, 470, 472, 475–477, 480, 485, 488–491, 493, 499, 500, 502, 503, 506, 507, 515, 519, 521, 524, 528, 536, 537, 539, 543, 545, 555, 560, 561, 573, 575, 580, 608, 625, 636, 638, 648, 720, 737, 745, 760, 800, 813, 823, 825**; II: **22, 42, 48, 65, 70, 172, 247, 451**

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – драматург, критик; нарком просвещения в 1917–1929 гг. I: 464, 473, 477, 485, 491, 494, 508, 569, 613, 614, 616, 623, 624, 636, 643, 649, 653, 654, 782, 815; II: 43, 67, 130, 467

Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – литературовед, философ, издательский деятель; академик II: 431

Любавина Наталья Ивановна – актриса; ученица Адашевских курсов драмы, играла в Камерном театре, потом в провинции II: 496

Любимов-Ланской (наст. фам. Гелибтер) Евсей Осипович (1883–1943) – актер, режиссер, театральный деятель; в 1925–1940 гг. руководитель Театра им. МГСПС (им. Моссовета) II: 299

Люб. – см. Любицкий Ю.Л.

Любицкий Юлий Лазаревич (1889–1949) – театральный деятель, директор-распорядитель Муз. т. в 1924–1926 гг. I: 356, 458, 465, 468, 483, 485, 486, 499, 503, 509, 516, 533, 539, 563–565, 633; II: 723, 730

Люб. Ник., Любовь Николаевна – см. Минервина Л.Н.

Любченко Павел Петрович (1897–1937) – гос. и парт. деятель, с 1934 г. – председатель СНК УССР II: 265

Людвигов (наст. фам. Маевский) Людвиг Казимирович (1854?–1929) – актер, режиссер I: 834

Людвигов Павел Людвигович (1906–1953) – актер; в МХАТ с 1931 г. до конца жизни I: 834; II: 179, 235, 252, 354

Людмирский II: 673

Людовик XV (1710–1774) – король Франции с 1715 г. I: 353

Люком Елена Михайловна (1891–1968) – артистка балета I: 803; II: 437

Люце Владимир Владимирович (1903–1970) – режиссер I: 796

Ля-Туш (Ла-Туш) Вероника Карловна – актриса Муз. т. (сопрано) I: 487, 518

Максютин Юрий Николаевич – актер; в МХАТ 1936–1940 гг. II: 498

Малашкин Сергей Иванович (1888–1988) – писатель II: 419

Малеев Александр Семенович – актер; в МХАТ в 1931–1937 гг. II: 350, 351

Малиновская Е.В. – II: 541

Малиновская Елена Константиновна (1975–1942) – общественный и театральный деятель; в 1920–1924 и в 1930–1935 гг. директор Б.т. I: 495, 551, 575, 810, 835; II: 23, 32, 35, 45, 49, 53, 82, 90, 169, 181, 182, 186, 517, 524, 585

Малолетков Борис Сергеевич (1900–1941) – актер; в МХАТ с 1922 г. до конца жизни I: 568, 735; II: 192, 226, 516

Малолеткова Вера Алексеевна – актриса; в МХАТ в 1941–1959 гг. II: 511, 512

Мамошин Иван Андреевич (1905–?) – рабочий сцены, в 1929–1937 гг. председатель месткома, секретарь парткома МХАТ I: 731, 741, 749, 822; II: 79, 81, 123, 134, 166, 204, 208, 238, 246, 254, 262, 266, 281, 334

Маргулис Михаил Семенович (1879–1951) – профессор-невропатолог I: 531

Марджанов Константин Александрович (Котэ Марджанашвили; 1872–1933) – режиссер, деятель русской и грузинской сцены; в МХТ в 1910–1913 гг. II: 50

Мариамнов (Марьян) Давид Самойлович (1892–1937) – сценарист, кинорежиссер, педагог ВГИКа II: 416

Марина Нина Ивановна – стажерка МХАТ в 20–е гг. I: 689, 720

Мар. Андр. – см. Титова М.А.

Мар. Ник. – см. Сумбатова М.Н.

Мар. Ник. – см. Типольт М.Н.

М.О., Мар. Ос. – см. Кнебель М.О.

М.П., Мария Петровна – см. Лилина М.П.

Мар. Петр. – см. Николаева М.П.

Маркелов Иван Емельянович – зампредела Комитета по делам искусств при СНК СССР до 1940 г. II: 455

Маркизов Борис Константинович – администратор; работал в Студии Малого театра, затем в филиале МХАТ в 1933–1936 гг. II: 144, 213, 219, 223, 232, 233, 311, 314

Марков Василий Петрович (1907–1997) – актер, педагог; в МХАТ с 1930 по 1979 г. II: 563

Марков Павел Александрович (1897–1980) – театровед, критик, режиссер, педагог; в МХАТ с 1925 по 1949 г. с 1955 по 1962 г. I: 453, 464, 502, 524, 527, 539, 547, 562, 567, 568, 613, 615, 635, 636, 649, 653, 697, 701, 705, 722, 725, 731, 737, 740, 741, 743, 745, 748, 749, 751, 765, 767, 770, 772, 773, 781, 789, 791, 792, 797–799, 801, 803, 804, 810, 815–817, 820, 823, 824, 826–828, 830, 831, 833–836; II: 8, 11, 15, 18–22, 24, 25, 29–33, 38, 45, 48, 49, 55, 58, 59, 62, 66–68, 73, 79–81, 84, 86, 87, 92, 93, 96–98, 102, 106, 107, 113, 120, 121, 125, 131, 134, 137, 143, 145, 149, 150, 152, 156, 158–160, 164, 165, 168–173, 177, 178, 186, 188, 197, 201, 210, 240, 241, 243–248, 255, 259, 261, 263, 264, 270, 282, 288, 295, 298, 301, 303, 306, 309, 310, 320, 323, 325, 335, 337, 339, 340, 342, 346, 348, 352, 359, 360, 366, 383, 386, 388, 391–393, 396, 400, 414, 417, 427, 435, 436, 439, 440, 445, 451, 467, 481, 482, 493, 494, 504, 524, 526–528, 541, 545, 546, 552, 555, 556, 562, 564, 627, 633, 637, 748, 749

Масс Владимир Захарович (1896–1979) – писатель, драматург I: 502, 538, 569, 726, 801

Массалитинов Николай Осипович (1880–1961) – актер, режиссер, педагог, деятель русской и болгарской сцены; в МХТ с 1907 по 1922 г. I: 318

Массалитинова Варвара Осиповна (1878–1945) – актриса; с 1901 г. до конца жизни в Малом театре II: 438

Массальский Павел Владимирович (1904–1979) – актер, педагог, в МХАТ с 1925 г. до конца жизни I: 731, 739, 740, 749, 752, 753; II: 30, 112, 120, 177, 201, 250, 275, 374, 406, 473, 487, 498, 557, 566, 569, 582, 597, 612, 622, 631, 635, 648, 659, 662, 681, 688, 698, 706, 719, 734, 739, 741

Матерн Эмилий Эмильевич (1854–1938) – драматург, переводчик I: 575

Маторина Раиса Павловна – сотрудница архивно-музейного отдела МХАТ в 1922–1927 гг. II: 428

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – поэт I: 682, 834; II: 471

Межинский Семен Борисович (1889–1978) – актер; с 1924 г. в театре б.Корш, с 1933 г. в Малом театре II: 117

Мейер Владимир Эдуардович (1901–1940) – актер Малого театра с 1922 г. до конца жизни II: 469

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – актер, режиссер, педагог, театральный деятель I: 497, 520, 521, 525; II: 39, 119, 120, 127, 175, 176, 197, 298, 299, 303, 328, 447

Меллер Вадим Георгиевич (1894–1962) – украинский театральный художник II: 347

Мельникова Евпраксия Васильевна (1888–1959) – жена А.А.Типольта, домоправительница у Н.-Д. после смерти его жены; смотритель музея-квартиры Н.-Д. до 1957 г. II: 440, 447, 470, 477, 503, 507, 509–511, 524, 539, 542, 548–550, 591, 595, 621, 649, 678, 681, 691, 723, 752

Менделеева (урожд. Попова) Анна Ивановна (1860–1942) – вторая жена Д.И.Менделеева II: 202

Мериме Проспер (1803–1870) – французский писатель, драматург I: 803

Меснянкина Ирина Александровна – актриса; в МХАТ в 1934–1941 гг. II: 352, 510, 517

Мессинг Станислав Адамович (1890–1937) – начальник Ленинградского ОГПУ I: 780

Месхетели (наст. фам. Чогошвили) Владимир Евгеньевич (1902–1957) – театральный деятель, работник Комитета по делам искусств СССР, замдиректора и директор-распорядитель МХАТ в 1942–1949 гг. II: 455, 456, 601, 644, 645, 647, 682, 683, 694, 699, 703–705, 708, 710, 713–718, 720–725, 727–738, 740–743, 745–751

Месхиев I: 759

Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – гос. и парт. деятель; в 1940–1950 гг. нарком (министр) госконтроля II: 521

Мешков Василий Никитич (1867–1946) – живописец II: 276

Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – гос. и парт. деятель II:

Минервина Любовь Николаевна – личный секретарь А.С.Енукидзе II: 145, 147, 148, 158, 165, 169, 170, 182, 203

Мириногоф Михаил Михайлович – театральный деятель, в начале 40-х начальник отдела драматургии Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром Комитета по делам искусств II: 347

Мистингет (Мистенгет; наст. имя и фам. Жанна Буржуа; 1875–1956) – французская эстрадная певица I: 307

Митиль Степан (Стефан) Семенович – театральный деятель, инспектор Малого театра в конце 20-х гг., позже помдиректора МХАТ Второго; в МХАТ с 1936 по 1937 г. II: 296, 311, 315, 327, 418

Митин – административный работник, сотрудник Наркомпроса I: 490, 494

Митропольская Александра Васильевна (1882–1945) – концерт-мейстер МХТ с 1906 г. до конца жизни I: 187, 470, 501, 553, 561, 713; II: 42

Мих. Ал. – см. Чехов М.А.

М.Б., Мих. Бор. – см. Храпченко М.Б.

Мих. Мих. – см. Тарханов М.М.

М.С., Мих. Серг. – см. Гейтц М.С.

Мих. Гер., Михаил Герасимович – см. Комиссаров М.Г.

Мих. Льв., Михаил Львович – см. Бертенсон М.Л.

Михайлов (наст. фам. Лопатин) Владимир Михайлович (1861–1935) – актер; в МХТ с 1912 г. до конца жизни; участник спектаклей Муз. т. I: 482; II: 130

Михайлов Георгий Дмитриевич – шофер МХАТ с 1933 г. II: 342, 368, 369

Михайлов Константин Константинович (1910–1983?) – актер; в МХАТ в 1930–1935 гг., позднее в Театре им. Моссовета II: 179

Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971) – певец (бас); в Б.т. в 1932–1956 гг. II: 585

Михаловская Надежда Дмитриевна – литератор; дочь переводчи-ка Шекспира Д.Л.Михаловского II: 292, 309, 423, 518

Михаловская Нина Валериановна (1901–1982) – актриса; в МХАТ с 1924 по 1928 и в 1929–1960 гг. I: 573, 726, 731, 190, 191, 261, 267, 268, 337, 380, 541, 542, 553, 568, 593, 601, 619, 654, 669, 699

Михальский Федор Николаевич (1896–1968) – театральный дея-тель; в МХАТ и в Музее МХАТ с 1918 г. до конца жизни (инспектор, главный администратор, помдиректора, с 1952 г. директор музея) I: 31, 42, 49, 61, 78, 79, 81, 110, 115, 127, 129, 241, 249, 255, 257, 261, 262, 269, 451–453, 501, 505, 511, 512, 535, 552, 608, 617, 622, 628, 630, 642, 653, 658–660, 672, 680, 686, 688, 690, 691, 699, 716, 768, 772, 787, 825; II: 95, 126, 135, 146, 169, 202, 207, 211, 213, 215, 219, 245, 247, 266, 274, 279, 313, 314, 317, 318, 325, 344, 345, 348, 350, 369, 370, 377, 389, 391, 392, 400, 402, 403, 407, 458, 460, 462, 476, 488, 527, 531, 532, 565–569, 578, 583, 591, 668, 702, 704, 710–712, 727, 729, 734, 748

Михеева Тамара Емельяновна (1909–1981) – актриса; в МХАТ в 1935–1974 гг. II: 357, 364, 411, 470, 541

Михозлс (наст. фам. Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948) – актер, режиссер, общественный деятель II: 443, 444, 462, 465

Миша – см. Немирович–Данченко М.В.

Млечин Владимир Михайлович – работник советских органов управления культурой, театральный критик II: 231

Могильный – II: 145

Мозалевский Сергей Александрович (1871–1955) – актер; в МХТ с открытия до 1950 г., статист и заведующий народными сценами I: 688

Мозжухин Иван Иванович (1888–1939) – киноактер; с 1920 г. в эмиграции I: 207, 579

Моисеев Игорь Александрович (1906–2007) – балетмейстер, организатор и руководитель Ансамбля народного танца I: 832

Молотов (наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – гос. и парт. деятель; с 1930 г. председатель СНК СССР I: 551, 717–719, 724, 750; II: 265, 476, 480, 488, 672

Молочков Василий Иванович – актер; в МХАТ в 1935–1937 гг. II: 355, 418, 419

Молчанов – сотрудник Комитета по делам искусств II: 557

Молчанова Раиса Николаевна (1897–1980) – актриса; во Второй студии и МХАТ с 1916 по 1933 г. и в 1936–1955 гг. I: 458, 487, 488, 544, 573; II: 30, 85, 300, 301, 304, 305, 308, 364, 374, 382, 497, 518, 566, 613, 629, 630, 645, 654, 658, 662, 668

Мольер (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен; 1622–1673) – французский драматург II: 189, 293

Монастырев Борис Михайлович – секретарь месткома МХАТ в 1925–1927 гг. I: 560

Монахов Николай Федорович (1875–1936) – актер оперетты, эстрады и драмы, один из создателей Большого драматического театра I: 639

Монахова Анна Алексеевна (1899–1943) – актриса; в МХАТ с 1922 г. до конца жизни I: 568, 790; II: 17, 161, 317, 393, 414, 543, 545, 566, 580, 598, 622

Мордвинов (наст. фам. Шефтель) Борис Аркадьевич (1899–1953) – режиссер; начинал как актер во Второй студии (с 1921 г.), в МХАТ в 1924–1938 гг.; одновременно – с 1927 г. – в Муз. т.; в 1936–1940 гг. режиссер Большого театра I: 667, 669, 670, 674, 726, 735, 756, 758, 764, 803, 810, 813, 816, 826, 833; II: 8, 31, 74, 78, 79, 87, 98, 102, 120, 136, 137, 152, 158, 164, 177, 241, 255, 418

Морес Евгения Николаевна (1904–1984) – актриса; в МХАТ в 1922–1955 гг. II: 13, 31, 42, 45, 52, 55, 60, 63, 112, 209, 319, 337, 414, 468–470, 566, 580, 627, 663

Морозов Иван Семенович – бутафор, зам. зав. постановочной частью, секретарь парткома, в МХАТ с 1927 г. II: 463

Морозов Савва Саввич – переводчик при режиссерском управлении МХАТ, секретарь Лужского; сын С.Т.Морозова I: 497, 528

Морозова (в третьем замужестве Рейнбог, затем Резвая) Зинаида Григорьевна (1867–1947) – пайщик и вкладчик МХТ, жена С.Т.Морозова; при советской власти “пенсионер” МХАТ I: 626; II: 27

Москвин Владимир Иванович (1904–1958) – актер; с 1920 г. до конца жизни в Третьей студии МХАТ – Театре им. Вахтангова; сын И.М.Москвина I: 648

Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – актер, режиссер, общественный деятель; в МХТ с основания театра до конца жизни I: 37, 40, 44, 47, 52, 55, 69, 72–75, 78, 83, 88, 111, 121, 123, 131, 136, 146, 147, 152, 154, 164, 167, 181, 183, 184, 197, 199, 07, 209, 211, 225, 226, 229, 236, 242, 248, 251, 252, 254, 255, 265, 269, 272, 274, 281, 297, 302, 304, 313, 320, 325, 335, 336, 339, 341, 343, 346, 347, 350–352, 355, 366, 367, 372, 374, 376, 382, 388, 394, 396, 398, 414, 415, 419, 420, 426, 427, 433, 434, 440, 441, 443, 451, 454, 472, 473, 475, 480, 490, 506, 509, 515, 522, 533, 536, 544, 545, 549, 551, 567, 568, 573, 579, 580, 608–612, 619–622, 625, 626, 631, 632, 636, 648, 652, 657, 659, 663, 674–678, 682, 686, 692, 693, 697, 701, 708, 712, 719, 720, 722, 729, 731, 735, 739, 740, 759, 761, 766, 773, 776, 777, 780, 781, 795, 829; II: 20, 22, 29, 30, 41, 58, 65, 87, 93, 99, 141, 147, 150, 155, 157, 161, 167, 251, 261, 266, 271, 272, 283, 305, 313, 317, 320, 322–324, 328, 331, 334, 343, 344, 351, 353, 365, 366, 386, 391–393, 398, 414, 416, 427, 435, 441, 455, 457, 486, 487, 489, 497, 509, 518, 522, 556, 558, 566–569, 571, 575, 576, 578, 580–582, 584–587, 589, 594, 597, 599, 602–604, 609, 610, 614–617, 621, 629, 632–637, 640–644, 647, 648, 653, 655–661, 664–666, 668–670, 672–677, 681, 683, 686, 687, 690, 692–697, 700–704, 706, 712, 715, 721, 722, 724, 725, 728, 729, 731, 732, 734, 737, 750

Москвина (урожд. Гельцер) Любовь Васильевна (1878–1955) – актриса; в МХТ в 1898–1906 гг.; первая жена И.М.Москвина I: 677, 708

Москвины – И.М.Москвин и А.К.Тарасова II: 335

Мосолов Александр Васильевич (1900–1973) – композитор II: 118, 495

Мунт (по мужу Голубева) Екатерина Михайловна (1875–1954) – актриса; в МХТ в 1898–1902 гг., с 1922 г. в Ленинградском ТЮЗе II: 427, 436

Муся – Мария Александровна Богуславская, племянница и воспитанница А.И.Южина

Муся – см. Жданова М.А.

Мчеделов Вахтанг Леванович (1884–1924) – режиссер, педагог; в МХТ с 1904 г. до конца жизни; один из создателей Второй студии I: 543, 625

Мэй Лань-фан (1894–1961) – актер традиционного китайского театра, исполнитель женских ролей; педагог и театральный деятель; гастролировал в СССР в 1935 г. II: 339

Набойченко Василиса Осиповна – домработница в семье Н.-Д. II: 91, 126, 507

Наварро Рамон (наст. имя и фам. Рамон Хиль Саманьего; 1899–1968) – американский киноактер I: 540

Наврозов Андрей Петрович (?–1941) – драматург I: 777

Над. Фед., Надя – см. Кемарская Н.Ф.

Нардов (наст. фам. Книппер) Владимир Леонардович (1876–1942) – певец (тенор), режиссер оперы; в 1920–1936 гг. в Большом театре I: 743; II: 391

Насырова Халима (р. 1913) – актриса, певица (сопрано), общественный деятель; с 1927 г. в узбекской драме, с 1939-го в Узбекском театре оперы и балета II: 586

Натансон – врач, профессор I: 711

Негри Пола (Negri Pola; наст. имя и фам. Барбара Аполлония Халупец; 1894–1987) – актриса польского и немецкого кино, с 1921 г. в Голливуде I: 560

Недзвецкий Юрий Владимирович (1907–1992) – актер; в МХАТ в 1927–1935 и в 1937–1974 гг. II: 394, 397, 539, 625, 639, 659

Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) – певица (лирико-колоратурное сопрано); с 1902 по 1948 г. в Б.т. II: 135, 334

Нежный Игорь Владимирович (1892–1968) – театральный деятель; в 1940–1952 гг. сначала помощник, затем замдиректора МХАТ II: 527, 529, 531–534, 539, 541, 549, 557, 575, 576, 579, 584, 586, 591, 595, 599, 600, 621, 635, 637, 644, 649, 650, 657, 662, 664, 667, 670, 678, 680, 682, 691, 700, 707, 743, 745–747, 749, 751

Незлобин (наст. фам. Алябьев) Константин Николаевич (1857–1930) – актер, режиссер, антрепренер II: 414

Нейгауз Генрих Густавович (1888–1964) – пианист, педагог II: 580

Некрасов Виталий Михайлович – актер; в МХАТ в 1934–1950 гг. II: 354, 579, 595, 596

Нелидов Анатолий Петрович (1879–1949) – актер; работал в театрах Комиссаржевской, Незлобина и т.п., в 30-е гг. в Ал.т. II: 61

Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) – писатель, журналист; брат Н.-Д. I: 250, 594, 641; II: 289

Немирович-Данченко Василий Михайлович (р. 1940) – сын М.В.Н.-Д. II: 507, 524

Немирович-Данченко Глеб Александрович – дальний родственник или однофамилец Н.-Д. II: 410, 414

Немирович-Данченко (урожд. бар. Корф, по первому мужу Бантыш) Екатерина Николаевна (1858–1938) – жена Н.-Д. I: 32, 34, 41, 49, 63, 65, 71, 81, 89, 93, 110–112, 118, 127, 132, 137, 151, 163, 168, 178, 187, 190, 191, 195, 211, 227, 230, 244, 249, 256, 259, 279, 282, 289, 300, 306, 307, 316, 323, 336, 356, 362, 375, 378, 379, 381, 391, 406, 425, 451, 454, 460, 471, 478, 504, 510, 517, 522, 523, 528, 530, 535, 540, 547, 548, 555, 557, 559, 563, 576, 577, 585, 591, 594, 601, 611, 616, 624, 627–629, 634, 640–642, 650, 655, 666, 673, 676, 681, 684, 690, 695, 698, 701, 706, 708, 710, 712, 714–718, 724, 725, 730–733, 735, 738, 742, 745, 747, 749–752, 758, 760, 761, 775, 776, 783, 785, 789, 794, 798, 803, 805, 808, 811, 814, 816, 819, 824, 829, 832, 835; II: 10, 14, 18, 21, 23, 26, 28, 33, 35, 37, 38, 43, 44, 47, 48, 53, 62, 66, 70, 77, 80, 83, 86, 94, 104, 110, 115, 118, 121, 125, 126, 138, 139, 141, 142, 151, 154, 157, 160, 165, 167, 169, 174, 175, 178, 184, 187, 198, 213, 215, 216, 218, 219, 223, 225, 227–229, 234–236, 238, 240, 242, 245, 249, 253, 256, 258, 261, 263, 266, 268, 269, 271, 274, 275, 278, 282, 285, 288, 289, 293, 316, 318, 321, 323, 333, 335, 339, 340, 342, 349, 352, 355, 358, 361, 366, 378, 381, 388, 393, 394, 395, 401, 404, 407, 410, 413, 415, 417, 420, 425

Немирович-Данченко Михаил Владимирович (1894–1962) – приемный сын Н.-Д. (по матери Иванов); актер Муз. т., хранитель музея театра I: 454, 460, 471, 478, 510, 517, 522, 528, 530, 535, 547, 548, 555, 557, 563, 577, 585, 591, 594, 601, 611, 616, 624, 627, 628, 634, 640, 650, 655, 673, 676, 681, 684, 695, 706, 711–713, 715–718, 724, 730, 731, 733–736, 742, 805, 808, 811, 814, 816, 819, 824, 829, 832, 835; II: 10, 14, 18, 21, 23, 26, 28, 33, 35, 37, 38, 43, 44, 47, 53, 62, 66, 70, 77, 80, 83, 104, 110, 118, 121, 125, 126, 135, 142, 151, 154, 157, 160, 165, 167, 169, 175, 178, 184, 187, 248, 264, 275, 339, 342, 344, 381, 391, 397, 421, 423, 425, 436, 439, 440, 448, 452, 454, 458, 467, 468, 470, 471, 481, 507, 524, 554, 579, 641

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – художник II: 276

Неутриевский Алексей Федорович – театральный деятель, специалист по финансовым вопросам I: 575

Нефедов Виктор Тимофеевич – актер; в МХАТ в 1930–1931 и в 1935–1943 гг. II: 351, 413, 595, 596

Нечаев В.А. – врач; в МХАТ в 1923–1927 гг. I: 531

Нечваленко Ольга Сергеевна – фельдшер медсанчасти МХАТ II: 532, 542

Нижинская Бронислава Фоминишна (1890–1972) – артистка балета Мариин. т. (1908–1911), танцовщица и балетмейстер в Русском балете С.П.Дягилева I: 446

Никита Фед. – см. Балиев Н.Ф.

Никитин Василий Михайлович – работник финансовой части МХАТ в 1928–1931 гг., театральный деятель I: 661, 668, 669, 689, 707, 721, 722, 743, 755, 757, 772, 784, 786, 787, 795–799, 801, 802, 810, 817, 818, 823, 824; II: 10, 11, 23, 24, 37, 183, 257, 528

Ник. Вас. – см. Егоров Н.В.

Ник. Григ., Николай Григорьевич – см. Александров Н.Г.

Ник. Дм. – см. Телешов Н.Д.

Николаев Иван Михайлович (1907–?) – артист вокально-драматической части; в МХАТ с 1935 г. II: **579, 676**

Николаева (Григорьева) Мария Петровна (1869–1941) – актриса; в МХТ с основания театра до конца жизни; заведовала костюмерной I: **88, 95, 193, 222, 223, 225, 251, 268, 269, 284–288, 304, 311, 336, 448, 450, 551, 701, 704, 730, 795**; II: **175**

Николаи Отто (1810–1849) – немецкий композитор и дирижер II: **94**

Н.А., Ник. Аф., Николай Афанасьевич – см. Подгорный Н.А.

Ник. Пав., Николай Павлович – см. Хмелев Н.П.

Нина Валер. – см. Михаловская Н.В.

Нина Ник., Нина Николаевна – см. Литовцева Н.Н.

Нина Сергеевна – см. Анурина Н.С.

Новиков Василий Константинович (1891–1956) – актер; в МХАТ в 1924–1955 гг. I: **721, 729, 778**; II: **52, 54, 58, 59, 63, 335, 453**

Новиков Лаврентий Лаврентьевич (1888–1956) – артист балета; партнер Анны Павловой, танцовщик и балетмейстер в ее труппе I: **242, 243**

Новиков-Прибой Алексей Силыч (1877–1944) – писатель II: **131**

Новицкий Павел Иванович (1888–1971) – театральный деятель, критик; в 1932–1936 гг. замначальника Главного управления театрами II: **40, 137, 207, 270, 271, 312, 541**

Ногин Виктор Павлович (1878–1924) – гос. и парт. деятель I: **282, 283, 289, 293, 358, 371**

Нозьер (Nosier; наст. имя и фам. Фернан Вейль; 1874–1931) – французский драматург, театральный рецензент I: **225**

Ноша – воспитанница М.П.Николаевой I: **95**

Оболонская (урожд. Черепова) Софья Витальевна – друг дома Н.-Д. I: **465, 470, 494, 576, 623, 629, 731**; II: **17, 43, 44, 47, 86, 101, 102, 126, 154, 174, 184, 248, 268, 269, 282, 285, 344, 387, 394**

Оборин Лев Николаевич (1907–1974) – пианист II: **411**

Овчининская Мария Николаевна – актриса, педагог, жена В.А.Орлова; в МХАТ в 1924–1928 гг. II: **638**

Оганян Федор Рубенович (р. 1912) – артист оперы (тенор); в конце 30 – начале 40-х гг. в Муз. т. II: **615**

Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург II: **565**

Озеров Николай Николаевич (1887–1953) – артист оперы (лирико-драматический тенор) II: **543**

Озеров Николай Николаевич (1922–1997) – актер, спортсмен, спортивный комментатор; в МХАТ в 1945–1959 гг. II: **543**

Оленин (Гиршман) Борис Юльевич (1903–1961) – актер; ученик школы МХТ, сотрудник МХАТ в 1925–1930 гг., один из организаторов Московского Рабочего Художественного театра (1930), с 1937 г. в Театре им. Моссовета I: **689, 720**

Олеша Юрий Карлович (1899–1960) – прозаик, драматург I: **726**;
II: **37, 39, 43, 50, 59, 119**

Ол. Ап., Ольга Аполлоновна – см. Бергенсон О.А.

Ол. Вл., Ольга Влад. – см. Бакланова О.В.

Ольга Евс. – см. Орловская О.Е.

Ольга Ивановна – см. Пыжова О.И.

Ольга Лаз., Ольга Лазаревна – см. Подгорная О.Л.

Ол. Леон., Ольга Леонардовна – см. Книппер-Чехова О.Л.

Ол. Ник., Ольга Николаевна – см. Андровская О.Н.

Ольга Сергеевна – см. Нечваленко О.С.

Ольховский Виктор Родионович (Эммануилович; 1895–1935) – актер; с 1921 г. до конца жизни в Малом театре II: **237**

Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991) – актриса, режиссер; в МХАТ в 1924–1934 гг. I: **731**

Оранский Виктор Александрович (1899–1953) – композитор I: **832**; II: **112**

Орджоникидзе (“Серго”) Григорий Константинович (1886–1936) – гос. и парт. деятель I: **750**

Орлов Василий Александрович (1896–1974) – актер, режиссер, педагог; в МХАТ с 1926 г. до конца жизни I: **580, 658, 740, 741, 760, 761, 768, 813, 827, 831**; II: **12, 27, 30, 46, 61, 81, 85, 94, 141, 177, 180, 242, 244, 280, 349–352, 374, 406, 441, 485, 525, 566, 569, 580, 596, 597, 615, 622, 638, 659, 741**

Орловская Ольга Евсеевна (1902–?) – стенографистка; в МХАТ в 1937–1950 гг. II: **297, 298, 388, 471, 501, 502, 520, 523, 575, 714, 742, 746**

Орловский Леонид Борисович – работник Комитета по делам искусств в 1936–1937 гг.; в дальнейшем директор художественно-зрелищных предприятий II: **346–348, 354, 356, 362, 367–369, 372, 373, 377, 381**

Орина – секретарь Свердловского райкома ВКП (б), Москва II: **479**

Осинский Н. (наст. имя и фам. Валерий Валерианович Оболенский; 1887–1938) – парт. деятель, журналист II: **40**

Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург I: **374, 657**; II: **94, 487, 620, 643, 645, 648, 685, 721**

Остроградский Федор Дмитриевич (1881–1967) – театральный деятель, замдиректора Оп. т. в 1924–1932 гг. I: **481, 624**; II: **99**

Остроумов Сергей Михайлович (1888–1943) – артист оперы (тенор) в Муз. т. в 1925–1935 гг. I: **518**

Остроухов Николай Владимирович – актер; в МХАТ в 1931–1961 гг. II: **357**

Остужев Александр Алексеевич (1874–1953) – актер; в Малом театре с 1898 по 1947 г. II: **334**

Охлопков Николай Павлович (1900–1967) – актер, режиссер; в 1930–1937 гг. возглавлял Реалистический театр II: **298**

Очкин Алексей Дмитриевич (1886–1952) – хирург I: **754**

Павлов Дмитрий Сергеевич – актер; в МХАТ в 1940–1941 гг. II: **510, 545**

Павлов Иван Петрович (1849–1936) – ученый-физиолог, академик I: **803**; II: **503**

Павлов Владимир Александрович (1899–1967) – театральный критик, социолог I: **801**

Павлова Анна Павловна (Матвеевна; 1881–1931) – артистка балета; в Мариин. т. в 1899–1910 гг., участница “Русских сезонов” Дягилева I: **242, 243, 784**

Павлова (во втором замужестве Цингер) Вера Николаевна (1875–1962) – актриса; в МХТ в 1898–1920 гг.; после 1923 г. в Германии II: **125, 175**

Пагава Акакий Несторович (1887–1962) – грузинский режиссер, педагог и театровед, в 1928–1934 гг. зав. ТЕО Главискусства Грузии I: **667**

Паганини Никколо (1782–1840) – итальянский скрипач, композитор II: **411**

Падве Сара Ефимовна (1911–1975) – солистка Мариин. т. в 1930–1956 гг. I: **804**

Пантелеев Владимир Владимирович (1898–1938) – с 1920 г. зав. электротехнической частью студий МХАТ и Малой сцены, с 1928 г. в Муз. т. II: **158**

Пантофель-Нечецкая Дебора Яковлевна (1904–1998) – певица (колоратурное сопрано) II: **539**

Папаян Ваграм Камерович (1888–1968) – трагик-гастролер II: **513**

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт II: **463, 467, 483, 646**

Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – писатель, драматург II: **493, 599, 619, 646**

Пашенная Вера Николаевна (1887–1952) – актриса; в Малом театре с 1907 г. до конца жизни; участница зарубежных гастролей МХАТ в сезон 1922/23 г. I: **44, 55, 71, 75, 76, 80, 82, 85, 131, 152, 159, 160, 166, 181, 256, 571, 806, 807**; II: **180, 237, 241, 469, 678**

Пашковский Анатолий Игнатъевич – секретарь ЦК Рабис в 30-е гг. II: **146, 155**

Пельше Роберт Андреевич (1880–1955) – парт. деятель, литературный и театральный критик, с 1924 г. один из руководителей Главполитпросвета I: **464**

- Перетта Александровна – см. Калужская П.А.
- Пермяков Николай Ефимович (1893–?) – артист оперы (тенор); с 1920 по 1949 г. в Муз. т. I: **486, 518**
- Петипа Мариус Иванович (1818–1910) – артист балета, балетмейстер I: **803**
- Петкер Борис Яковлевич (1902–1983) – актер; в 1922–1933 гг. в театре б.Корш, с 1933 г. до конца жизни в МХАТ II: **117, 154, 177, 191, 250, 272, 412, 417, 438, 477, 541, 566, 569, 584, 629, 635, 651, 654, 663, 676, 699, 718, 722, 733**
- Петкер Лидия Яковлевна – жена Б.Я.Петкера II: **654, 668, 671**
- Петров Николай Васильевич (1890–1964) – режиссер; выпускник Курсов драмы Адашева, с 1910 по 1933 г. в Ал.т. II: **127**
- Петрова Александра Васильевна – актриса; во Второй студии и МХАТ в 1916–1940 гг. I: **544, 783**; II: **161, 250, 512**
- Петрова (Кузнецова) Евгения Васильевна – актриса; в МХАТ в 1935–1964 гг. II: **351, 354, 596**
- Печковский Николай Константинович (1896–1966) – певец (лирико-драматический тенор), в 1924–1941 гг. в Мариин. т. II: **480**
- Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1878–1965) – общественный деятель; первая жена М.Горького II: **344**
- Пикель Ричард Витольдович (1896–1936) – парт. деятель, специализировавшийся по делам искусств, критик I: **810**
- Пиксанов Николай Кирьякович (1878–1969) – литературовед, текстолог, специалист по А.С.Грибоедову II: **164**
- Пикфорд Мэри (Pickford; наст. имя и фам. Глэдис Мэри Смит; 1893–1979) – американская киноактриса, продюсер I: **627**
- Пильняк (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894–1941) – писатель I: **555, 561**; II: **469**
- Пилявская Софья Станиславовна (1911–2000) – актриса, педагог; в МХАТ с 1931 г. до конца жизни II: **179, 180, 185, 190, 191, 250, 301, 320, 350, 387, 388, 397, 406, 458, 466, 469, 472, 528, 544, 547, 550, 559, 566, 589, 590, 614, 672, 676, 679, 699, 717**
- Пименов Юрий Иванович (1903–1977) – живописец, театральный художник, график II: **276**
- Пинчо Розамонда (Rosamond Pinchot; 1904–1938) – американская актриса; участница спектакля “Миракль” I: **601, 607**
- Пиош Жорж – театральный рецензент, сотрудник “Юманите” в начале 20-х гг. I: **225**
- Пискачор (Piscator) Эрвин (1893–1966) – немецкий режиссер I: **743, 744**; II: **68**
- Пл. Мих. – см. Керженцев П.М.
- Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872–1941) – профессор-терапевт, кардиолог; обвиняемый на процессе право-троцкистского блока (1938) II: **412**
- Погодин (наст. фам. Стукалов) Николай Федорович (1900–1962) – писатель, драматург I: **770, 773**; II: **378, 447, 464, 488, 492, 501, 512, 519, 547, 549–551, 560–563, 630**

Подгорная (урожд. Тарасова, в первом браке Мелконова-Езекова) Ольга Лазаревна (?–1934) – сестра и наследница Н.Л.Тарасова; вкладчик МХТ в 1912–1917 гг. I: **234**

Подгорные – Н.А. и О.Л.Подгорные I: **449, 450, 551**

Подгорный Владимир Афанасьевич (1887–1944) – актер и режиссер Первой студии и МХАТ Второго I: **450, 464**

Подгорный Николай Афанасьевич (1879–1947) – актер; в МХТ с 1903 г. до конца жизни; член дирекции гастрольной поездки 1922–1924 гг., в дальнейшем активный участник администрации I: **31–33, 36, 37, 39, 41, 45, 52–55, 59, 64, 65, 73, 74, 76, 80, 82, 83, 86–88, 90, 91, 95–98, 100–102, 105–107, 110, 114, 118, 123, 124, 130, 131, 141, 146, 149, 152, 153, 155, 156, 167, 175, 176, 179, 181, 182, 187, 188, 194, 195, 198, 201, 203, 206, 211, 212, 219–225, 229–232, 235–237, 242, 248–251, 256, 257, 261, 268, 271, 273, 275, 276, 279, 281–284, 289, 292–294, 299, 301, 303, 304, 310, 311, 317, 319, 321, 322, 325, 327, 334, 341–344, 346, 347, 350–353, 356, 358, 367, 372, 373, 375, 376, 382, 385–388, 390, 392, 394, 398, 399, 409, 413, 414, 418, 426–428, 436–440, 449–451, 458, 459, 464, 475, 476, 482, 484, 490, 491, 497, 504, 506, 508, 524, 525, 528, 529, 533, 536, 544, 551, 564, 565, 568, 569, 578, 608, 610, 623, 629, 630, 634, 636, 640–643, 650, 657, 659, 674–676, 679, 682, 684, 694, 707, 714–716, 719, 754–756, 771, 806, 811, 814, 823, 827, 834; II: **11, 15, 21, 27, 29, 30, 32, 90, 97, 111, 142, 149, 152, 156, 159, 163, 164, 171, 172, 174, 179, 189, 191, 224, 227, 229, 230, 236, 239–241, 244, 247, 252, 256, 269, 280, 287, 296, 302, 320, 323, 332, 349, 350, 357, 388, 449, 485, 516, 566****

Подобед Порфирий Артемьевич (1886–1965) – актер и режиссер кино; в 1918–1919 и в 1921–1926 гг. гг. управделами и зав. постановочной частью МХАТ I: **81, 250, 294, 405, 453, 456, 461, 517, 528, 629, 644; II: 93, 471, 676**

Поляк Александра Моисеевна (1892–?) – секретарь директора МХАТ М.П.Аркадьева в 1936–1937 гг. II: **305, 328, 338, 356, 371, 386**

Половикова Клавдия Михайловна (1896–1979) – актриса; после окончания школы Малого театра в его студии II: **706**

Половинкин Леонид Алексеевич (1894–1949) – композитор, автор опер, оперетт и музыки к спектаклям, зав. музчастью Детского театра в 1926–1938 гг. II: **43**

Полозова Нина Александровна (1894–?) – актриса Муз. т. (меццо-сопрано) I: **486; II: 520**

Полонская Вероника Витольдовна (1908–1994) – актриса; в МХАТ в 1924–1935 и 1938–1940 гг. I: **503, 581, 729; II: 320, 411, 678**

Полонская Ирина Витольдовна (1906–?) – актриса; в МХАТ в 1922–1923 и 1934–1948 гг. I: **503, 807; II: 155, 180, 250, 268, 380**

Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961) – режиссер, актер; в МХТ и в Первой студии в 1912–1918 гг.; в 1923–1930 гг. режиссер Третьей студии и Театра им. Вахтангова; руководил Театром Революции (1931–1935) и ЦТКА в 1935–1960 гг. II: **327, 541**

Попов Владимир Александрович (1889–1968) – актер; в МХТ в 1908–1915 гг., в 1918–1936 гг. в Первой студии – МХАТ Втором, с 1936 г. до конца жизни в МХАТ I: **464**; II: **390, 518, 590, 592, 622, 748**

Попова Анна Игнатьевна (1888–1959) – актриса; в 1908–1924 гг. в МХТ и Первой студии, затем во МХАТ Втором I: **464**

Попова Вера Николаевна (1889–1982) – актриса; ученица Курсов драмы Адашева; с 1923 по 1933 г. в театре б.Корш; в МХАТ с 1934 по 1964 г. II: **117, 138, 149, 161, 162, 177, 185, 186, 201, 221, 248, 279, 292, 347, 364, 575, 610, 611, 628, 659, 667, 677, 700, 735, 741**

Порф. Арт., Порфирий Артемьевич – см. Подобед П.А.

Порфирьева Елизавета Васильевна – актриса; в МХАТ в 1914–1924 гг. (с перерывами) I: **224, 327**

Постников (Посников?) Петр Павлович – управляющий финансово-хозяйственной частью Малого театра I: **756**

Постышев Павел Петрович (1887–1939) – гос. и парт. деятель, секретарь ЦК КП(б) Украины в 1926–1930 и 1933–1937 гг. II: **315**

Прозоровский (наст. фам. Ременников) Лев Михайлович (1880–1954) – актер, режиссер; с 1923 г. режиссер Малого театра I: **835**

Прокофьев Алексей Александрович (1872–1941) – театральный работник, зав. цехом питания в МХАТ I: **452, 612, 812, 819, 823**; II: **17, 32, 526**

Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – композитор, пианист, дирижер II: **411**

Прокошев Владимир Николаевич (1901–1951) – певец (баритон); солист Оп. т., в 1940–1951 гг. в Б.т. II: **496**

Прокуронов Михаил Егорович (1900–?) – зав. помещением МХАТ, инспектор Малой сцены в 1927–1933 гг. I: **768, 828**

Пронин Василий Прохорович (1905–1993) – председатель Моссовета в 1939–1944 гг. II: **489**

Просеков Василий Иванович – бутафор; в МХАТ с 1928 г., затем администратор Малой сцены, секретарь Учраспрода, зав. военным столом и пр. I: **768**

Протасевич Вацлав Викентьевич (1883–1953) – работник МХАТ с 1918 г. до конца жизни, администратор, ассистент режиссера I: **509, 554, 727**; II: **81, 394, 491**

Прудкин Марк Исаакович (1898–1994) – актер; во Второй студии и МХАТ с 1918 г. до конца жизни I: **428, 466, 473, 480, 512, 521, 524, 527, 550, 557, 573, 618, 652, 653, 670, 674, 683, 719, 763, 775, 830, 831**; II: **21, 30, 45, 46, 52, 55, 56, 61, 69, 74, 78, 127, 139, 177, 180, 185, 190, 191, 212, 214, 215, 221, 241, 301, 313, 314, 325, 374, 382, 400, 413, 473, 483, 515, 564, 566, 569, 571, 582, 610, 613, 614, 630, 635, 637, 660, 668, 691, 702, 720, 724, 734, 737, 741**

Прут Иосиф Леонидович (1906–1996) – драматург II: **442, 443**

Пузырева Мария Ивановна (1897–?) – актриса; во Второй студии и МХАТ в 1916–1957 гг. I: **457, 544, 743**; II: **343**

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) II: 195, 196, 241, 271, 299, 343, 687

Пыжова Ольга Ивановна (1894–1972) – актриса, режиссер, педагог; в МХТ и Первой студии с 1914 по 1924 г., в МХАТ Втором в 1924–1927 гг. I: 209, 219, 223, 224, 231, 244, 271, 274, 334–336, 383, 464, 551

Пятецкая Маргарита Александровна (р. 1910) – актриса; в МХАТ в 1933–1964 гг. II: 180, 301, 352, 510, 700

Рабинович Исаак Моисеевич (1894–1961) – театральный художник I: 518, 566, 581, 649, 757, 758; II: 158, 195, 369

Равич Николай Александрович (1899–1976) – писатель, партработник I: 815

Радин Николай Мариусович (1872–1935) – актер; в 1903–1932 гг. (с перерывами) в театре Корша (б.Корш), в 1932–1935 гг. – в Малом театре I: 606; II: 61, 241, 698

Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958) – режиссер, педагог, теоретик театра II: 293, 304, 311, 312, 324, 327, 336, 341, 369, 409

Радомысленский Вениамин Захарович (1909–1980) – театральный деятель; в 1935–1937 гг. заместитель К.С. по административной и воспитательной работе в Оперно-драматической студии, в дальнейшем ректор Школы–студии им. Н.-Д. II: 330, 373, 377, 395, 419

Раевская Евгения Михайловна (1854–1932) – актриса; в МХТ с его основания до конца жизни I: 55, 105, 140, 141, 190, 237, 304, 320, 337, 346, 392, 394, 399, 407, 414, 436, 449, 450, 472, 477, 551, 561, 579, 613, 617, 622, 632, 648, 713, 729, 730, 766; II: 582

Раевский (наст. фам. Градус) Иосиф Моисеевич (1900–1972) – актер, режиссер, педагог; в МХАТ с 1922 г. до конца жизни I: 473, 648, 726, 731, 732, 741, 822, 825; II: 10, 22, 46, 76, 94, 138, 252, 256, 338, 348, 385, 390, 398, 407, 412, 414, 417, 427, 441, 444, 445, 447, 466, 474, 541, 544, 566, 569, 574, 592, 593, 608, 622, 629, 690, 703, 718, 720, 747

Разумовский Михаил Антонович – администратор филиала МХАТ в 1933–1951 гг. II: 425

Райт (Wright) Ричард (1908–1960) – американский писатель II: 498

Раскольников (наст. фам. Ильин) Федор Федорович (1882–1939) – гос. и парт. деятель, литератор I: 804, 835; II: 8, 9, 13, 67

Рафаилов (Рафаэлов) Иосиф Артемьевич – административный работник; замдиректора Оперно-драматической студии К.С. II: 395

Рафалович Василий Евгеньевич (1900–?) – парт. функционер в органах, занимавшихся искусством (главный редактор журнала “Рабочий и театр”, начальник ленинградского реперткома и “Ленинградискусства” и т.п.); работник литчасти МХАТ с 1936 по 1938 г. I: 803; II: 309, 310, 312, 323, 414

Рахлин Натан Григорьевич (1905–1979) – дирижер; в 1941–1945 гг. главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР II: 729

- Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1843) – композитор, пианист, дирижер I: **753**
- Рахманинова (урожд. Конюс) Наталья Александровна (1877–1951) – жена С.В.Рахманинова I: **88**
- Рахманов Леонид Николаевич (1908–1988) – писатель, драматург II: **386**
- Рахманов Семён Фёдорович – актер Муз. т. I: **582, 583**
- Рашевская Наталия Сергеевна (1893–1962) – актриса; в Ал. т. с 1921 г. до конца жизни I: **792, 798**
- Редлих Вера Павловна (1894–1992) – актриса, режиссер, педагог; с 1914 г. ученица театральной школы МХТ, студийка Второй студии; в 1932–1960 гг. руководитель театра “Красный факел”, с 1960 г. в Минском Русском театре I: **115**
- Рейзен Марк Осипович (1895–1992) – певец (бас) II: **384**
- Рейнгардт (Рейнхардт) Макс (1873–1943) – немецкий актер, режиссер, театральный деятель I: **278, 281, 287, 344, 426, 477, 736**
- Рейнгерц Константин Ильич (1898–?) – замдиректора Муз. т. II: **99, 137**
- Ремизов (псевдоним Ре-Ми) Николай Владимирович (1887–1977) – художник, сценограф, карикатурист “Сатирикона”; после революции в эмиграции I: **125**
- Рерберг Иван Иванович (1869–1932) – инженер-строитель, архитектор I: **529, 530**; II: **78**
- Рерих Николай Константинович (1874–1947) – живописец, театральный художник, писатель I: **67**
- Ржешевский Александр Георгиевич (1903–1967) – драматург II: **561**
- Rivoire (Ривуар) Андре – французский театральный критик I: **64**
- Рипси, Рипсимэ – см. Таманцова Р.К.
- Рита Эм. – см. Корнблюм Р.Э.
- Ричард Витольд. – см. Пикель Р.В.
- Роджерс (Rogers) Джинджер (наст. имя и фам. Вирджиния Кэтрин Мак-Мат, Ms. Math; 1911, по другим сведениям 1908–1995) – американская актриса эстрады и кино II: **473**
- Родионов Владимир – участник гастролей МХАТ 1922–1924 гг. I: **180,183**
- Розанов Владимир Николаевич (1872–1934) – хирург; зав. хирургическим отделением Кремлевской больницы I: **754**; II: **130**
- Розанова Ирина Александровна (1913–1943) – актриса; ученица МХАТ Второго, ученица К.С. в его Оперно-драматической студии II: **303**
- Роллан Ромен (1866–1944) – французский прозаик, драматург, общественный деятель II: **224**
- Романов Пантелеймон Сергеевич (1885–1938) – прозаик, романист I: **562**

Ромашов Борис Сергеевич (1895–1958) – драматург II: **358, 359**
Роом Абрам Матвеевич (1894–1976) – кинорежиссер I: **802**
Россов (наст. фам. Пашутин) Николай Петрович (1864–1945) – актер-гастролер, исполнитель классического репертуара II: **43**
Ротафель Самюэль – американский театральный деятель II: **14**
Рогов Константин Павлович (1902–1959) – график, карикатурист I: **767**
Рошет Андрей Антонович (1890–?) – актер и певец; в МХАТ в 1919–1926 гг., в 1926–1932 гг. в Муз. т. I: **582**; II: **66**
Рубинин Евгений Владимирович (1894–1981) – дипломат; в 30-е гг. руководитель III Западного отдела НКВД СССР, затем полпред в Бельгии II: **308**
Рубинштейн Ида Львовна (1885–1960) – танцовщица, драматическая актриса I: **426**
Рум. – см. Румянцев Н.А.
Румянцев Николай Александрович (1874–1948) – по образованию врач; актер МХТ с 1902 г., в 1909–1925 гг. ведал административно-финансовой частью театра I: **37, 46, 73, 182, 186, 198, 288, 304, 320, 335, 346, 377, 383, 398, 399, 405, 445, 457, 481, 496, 498, 499, 509, 795**
Румянцева (урожд. Блинова) Анастасия Михайловна (1893–1947) – кассир МХАТ в 1918–1925 гг. I: **132, 195, 280, 304, 305**
Румянцевы – семья Н.А.Румянцева I: **95, 419**
Русланов Лев Петрович (1894–1937) – актер Третьей студии – Театра им. Вахтангова I: **513**; II: **31, 40**
Рыбников А.А. – художник I: **494**
Рыков Иван Иванович – актер; в МХАТ в 1930–1945 гг. II: **109, 114, 117, 179, 180, 343, 484**
Рыжова Варвара Николаевна (1871–1963) – актриса; в Малом театре с 1893 г. до конца жизни II: **508, 509**
Рыклин Григорий Ефимович (1894–1975) – журналист, фельетонист II: **444, 514**
Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – гос. и парт. деятель; в 1924–1930 гг. председатель Совнаркома I: **495, 546, 551**
Рыковы – семья А.И.Рыкова II: **275**
Рындин Вадим Федорович (1902–1974) – театральный художник II: **363, 401**
Ряжский Георгий Георгиевич (1895–1962) – художник II: **276**

Саблукова Анна Васильевна – актриса Муз. т. с 1919 г. I: **582**
Савва Савич – см. Морозов С.С.
Савонарола Джироламо (1452–1498) – настоятель доминиканского монастыря во Флоренции, воинственный проповедник очищения церковных и светских нравов II: **270**
Саврасов Сергей Александрович (1898–1951) – работник постановочной части МХАТ с 1923 г. (зав. бутафорским цехом и др. должности), секретарь месткома I: **783**; II: **46, 237, 241, 281, 334, 377, 398–400, 403**

Саксаганский (наст. фам. Тобилевич) Панас (Афанасий) Карпович (1859– 1940) – украинский актер; режиссер, театральный деятель II: 339

Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – историк литературы, профессор МГУ, академик I: 732

Салтыков Василий Александрович (1879–1949) – актер; в МХТ в 1908–1913 гг. и с 1935 г. до конца жизни II: 412, 535

Самосуд Самуил Абрамович (1884–1964) – дирижер; в 1936–1943 гг. в Б.т. II: 482, 490, 586

Санаев Всеволод Васильевич (1912–1996) – актер театра и кино; в МХАТ в 1937–1943 и в 1952–1956 гг. II: 492, 496

Саратовский Петр Саввич (1890–1964) – артист оперы (баритон); в Муз. т. с 1920 г. I: 487, 518, 582

Сарафанов Григорий Михайлович (прозвище “Кузя”) – служащий МХАТ в 1930–1934 гг. (гардеробщик, курьер) I: 671, 706

Сафонов Михаил Ильич – актер; в МХАТ в 1928–1930 гг. I: 740, 741

Сахаров Михаил Алексеевич (1869–1961) – фотограф; фотографиями его работы сопровождается большинство изданий, посвященных МХТ; в штате в 1949–1956 гг. II: 178, 291, 293

Сахновская Зинаида Клавдиевна – жена В.Г.Сахновского II: 579, 619, 669

Сахновский Антон Васильевич – сын В.Г.Сахновского II: 491

Сахновский Василий Григорьевич (1886–1945) – режиссер, теоретик театра; в МХАТ с 1926 г. до конца жизни I: 473, 480, 495, 502, 505, 506, 538, 635, 636, 723, 731, 740, 745, 748, 759–761, 764, 772, 780, 791, 795, 801, 809, 810, 812, 813, 815, 818, 821–824, 826–828; II: 9, 11, 13, 15, 20, 22, 27, 29, 30, 32, 38, 39, 43, 47, 48, 50, 51, 59, 61–65, 69, 72, 75, 77, 84, 87, 95, 96, 99, 104, 105, 110, 111, 113, 114, 116, 121, 122, 134, 136–140, 145, 146, 148, 149, 152–157, 159, 163, 166–171, 173, 178, 180, 182, 184, 185, 188, 190, 191, 197, 203, 241, 248, 250, 251, 261, 262, 264, 268, 297, 301, 309, 311, 331, 335, 337, 339–342, 344, 347–351, 353, 354, 356, 358–362, 366–368, 370–377, 379–383, 385–389, 391, 392, 394, 395, 397–400, 404–406, 408–413, 415–417, 419, 420, 422, 424, 427, 433, 435, 441–444, 446, 448–451, 455–457, 462, 464–466, 468, 475–477, 485, 486, 487, 489, 491–493, 497–499, 502–504, 506–509, 511, 513–515, 520–530, 532, 537–540, 542–547, 551–553, 556, 558–560, 562–564, 567, 568, 571, 579, 580, 619, 646, 669, 707, 724

Сац Илья Александрович (1875–1912) – композитор; с 1906 г. до конца жизни дирижер и зав. музчастью МХТ II: 620, 627, 628, 643

Сверчков Сергей Николаевич – актер; в МХАТ в 1931–1939 и в 1940–1941 гг. II: 179, 416

Светлов Михаил Аркадьевич (1903–1964) – поэт, драматург II: 217, 693

Свободин (наст. фам. Печкин) Николай Капитонович (1898–1965) – актер; в 1925–1938 гг. в Студии Малого театра (Новый театр), с 1938 г. до конца жизни во МХАТе II: 484, 485, 487, 492, 496, 545, 590, 720, 728

Северный Константин Петрович – актер; в МХАТ в 1939 г. и в 1940–1948 гг. II: 510

Сейлер (Sayler) Оливер Мартин (1887–1958) – американский критик, публицист, исследователь русского театра I: 336, 753; II: 142, 151, 153

Селиванов Петр Иванович (1905–1980) – певец (баритон); в 1932–1959 гг. солист Б.т. II: 254, 667

Семашко Николай Александрович (1874–1949) – гос. и парт. деятель; нарком здравоохранения II: 483

Семенова Марина Тимофеевна (1908–2010) – балерина; с 1930 г. в Б.т. I: 753, 765, 824; II: 21, 84

Сенаторов Павел Дмитриевич (1890–1954) – художник-декоратор, в студиях МХАТ и в МХАТ с 1918 г. до конца жизни I: 767

Сергеев Константин Михайлович (1910–1992) – артист балета II: 554

Сергей Ал., Сергей Александрович – см. Трушников С.А.

Серг. Льв., Сергей Львович – см. Бертенсон С.Л.

Сережников Василий Константинович (1885–1952) – теоретик искусства, педагог, создатель жанра коллективной декламации I: 488

Серова Валентина Васильевна (1917–1975) – актриса театра и кино; в 1942–1943 гг. в Московском театре драмы II: 706

Сизов Николай Иванович (1886–1962) – композитор, дирижер московских театров с 1921 г. II: 620

Симов Виктор Андреевич (1858–1935) – театральный художник; в МХТ с его основания до 1912 г. и с 1925-го до конца жизни I: 473, 507, 630, 631, 635; II: 43, 127, 208, 241

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) – писатель, драматург, общественный деятель II: 599, 619, 633, 637, 642, 644, 646, 648, 706, 707

Симонов Рубен Николаевич (1899–1968) – актер, режиссер; с 1920 г. и до конца жизни в Студии Вахтангова – Третьей студии МХАТ – Театре им. Вахтангова II: 114, 438, 443, 444

Синицын Владимир Андреевич (1893–1930) – актер; в МХАТ в 1926–1930 гг. I: 476, 578, 581, 586, 648, 677, 681

Сиренин Георгий Ипполитович – актер; в МХАТ в 1934–1937 гг. II: 355

Ситникова Мария Дмитриевна (1892–?) – артистка вокально-драматической группы МХАТ с 1913 г., член месткома с 1937 г. I: 731; II: 46, 373

Скенк (Schenk) Джозеф – глава фирмы “Юнайтед артистс” I: 474, 753

Скрябин Александр Николаевич (1871–1915) – композитор I: 538; II: 411

Скульская Елизавета Феофановна (1887–1955) – актриса; в “качаловской группе”, затем в МХАТ с 1919 г. до конца жизни; жена М.М.Тарханова I: 55, 424; II: 42, 315, 414, 548, 680, 693, 716, 717

Сластенина Нина Иосифовна (1889–1966) – актриса; в МХАТ с 1924 по 1956 г. I: 470, 558, 597; II: 191, 353, 363, 364, 535, 541, 543, 544
Сливинский Владимир Ричардович (1894–1949) – певец (лирический баритон), в 1924–1935 гг. в Мариин. т. I: 803

Слонов Иван Артемьевич (1882–1945) – актер, режиссер, театральный деятель; с 1915 г. в Саратове II: 566

Смирнова Надежда Александровна (1873–1951) – актриса, педагог, создатель Студии Малого театра; жена Н.Е.Эфроса II: 307

Смирнова-Немирович Зоя Александровна (1909–1986) – актриса оперы (сопрано); в Муз. т. в 1939–1960 гг.; жена М.В.Н.-Д. II: 483, 524

Смолин Дмитрий Петрович (1891–1955) – драматург I: 483, 500; II: 493, 722

Смолич Николай Васильевич (1888–1968) – режиссер драмы и оперы, в 1924–1930 гг. руководитель Малегота, в 1930–1936 гг. главный режиссер Б.т. I: 783, 784; II: 74

Смородина (Смородская) Татьяна Харитоновна – помощница семьи Н.-Д. по дому II: 91, 561

Смышляев Валентин Сергеевич (1891–1936) – актер; режиссер; в 1913–1915 гг. в МХТ, в 1915–1931 гг. в Первой студии и МХАТ Втором I: 458, 488, 502, 507, 537

Снегин (Трофимов) Александр Васильевич – актер; в МХАТ в 1933–1935 и в 1937–1944 гг. II: 180, 595, 659

Снигирев (по сцене Снежин) Борис Михайлович (1875–1936) – актер; в МХТ в 1898–1902 гг., в 1923–1925 гг. и с 1932 г. до конца жизни сотрудник архивно-музейной части II: 199

Снятков Федор Степанович (1891–?) – сторож конторы, билетер, в МХАТ с 1921 г. II: 583, 671

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – певец (лирический тенор); с 1897 г. в Б.т. II: 135, 191

Собинова Нина Ивановна (1888–1969) – жена Л.В.Собинова II: 191, 402

Соболев Виктор Викторович – зав. финансовой частью МХАТ II: 127, 194, 219, 221, 223, 233

Соболев Юрий Васильевич (1887–1940) – критик, историк театра и литературы; зав. литчастью МХАТ Второго I: 765

Сокальский Николай Григорьевич – консультант строительного отдела МХАТ, помдиректора в 1933–1935 гг. II: 142, 160, 237

Соколов Андрияша – см. Баратов А.Л.

Соколов Петр Иванович (1892–1938) – художник I: 783

Соколова Вера Сергеевна (1896–1942) – актриса, режиссер; во Второй студии и МХАТ с 1916 г. до конца жизни I: 487, 512, 534, 544, 764; II: 30, 76, 177, 180, 200, 201, 211, 213, 217, 220, 221, 222, 230, 248, 278, 280, 299, 314, 318, 322, 353, 442, 535, 543, 557, 566, 569, 572, 574, 577, 578, 588–590, 596, 622, 659, 709, 716, 722, 725, 730, 743

Соколова (урожд. Алексеева) Зинаида Сергеевна (1865–1950) – сестра К.С.; актриса-любительница; в МХТ в 1912–1913 гг. (по сцене Алеева-Миртова), режиссер-педагог Оп. т. I: 137; II: 155

Соколовская Нина (Антонина) Александровна (1867–1952) – актриса; в МХАТ с 1917 по 1950 г. I: 187, 452, 477, 482, 568, 596, 597, 734, 827; II: 53–56, 58, 59, 61, 64, 85, 138, 161, 208, 209, 571, 674

Соловьев Владимир Александрович (1907–1978) – драматург, переводчик II: 525, 587

Солодовников Александр Васильевич (1904–1990) – журналист, театральный деятель; с 1936 г. начальник Главного управления театров в Комитете по делам искусств при СНК СССР II: 444, 447, 455, 465, 520, 557, 559, 586–588, 598, 599, 690

Сорокин Яков Григорьевич (?–1937) – с 1907 г. мастер объемно-декорационной мастерской МХТ, с 1916 г. ее заведующий II: 365

Соснин (наст. фам. Соловьев) Николай Николаевич (1884–1962) – актер; в МХАТ в 1933–1959 гг. II: 117, 181, 190, 191, 324, 325, 349, 350, 355, 364, 419, 719, 720, 728, 730, 741

Соф. Вит., Софья Витальевна – см. Оболонская С.В.

Сошина Антонина Васильевна – врач в санатории “Барвиха” II: 464, 467, 483, 503, 508

Ставский (наст. фам. Кирпичников) Владимир Петрович (1900–1943) – писатель, парт. функционер, журналист II: 435

Сталин (наст. фам. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – гос. и парт. деятель I: 550, 551, 749, 750; II: 67, 94, 266, 341, 455, 464, 515, 589, 719, 741

Станиславская Варвара Сергеевна – библиотекарь МХАТ I: 751

Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) I: 33, 36, 38–40, 43, 46, 47, 50–60, 67, 69–71, 73–76, 80, 82, 83, 85–91, 96, 99, 102–105, 107, 108, 111, 114, 120, 121, 123, 124, 130–133, 136, 137, 146–157, 160–162, 165–167, 169, 173, 175, 180, 181, 183, 184, 187–191, 193, 194, 197, 199, 202–210, 212, 213, 216–224, 226, 228, 229, 231–233, 236, 240, 241, 242, 244–248, 250–255, 258, 260, 261, 263–267, 269, 271, 274–279, 282, 289, 293, 294, 296–300, 303, 305, 307, 309–314, 317, 319–325, 327–329, 332–335, 337–339, 342–344, 346–355, 357, 359, 361, 362, 364–369, 373, 374, 376–378, 380–389, 391–395, 397–399, 401, 402, 404, 405, 408–410, 415, 423, 426–429, 432, 433, 437, 439–441, 443–445, 448, 450, 454, 457, 461–464, 468, 469, 473, 475, 477, 479–481, 487–489, 491, 493, 495, 496, 500–503, 505–508, 515–517, 519, 521, 524–527, 529–534, 537–539, 543–546, 549, 551–555, 557, 559, 561, 562, 566–569, 572–574, 578–581, 584–586, 588–590, 592–598, 601–604, 606, 607, 609, 610, 612, 613–621, 623–625, 630, 631, 633–639, 641–644, 647–650, 652–654, 656, 666, 704, 706, 709, 712, 717, 736, 737, 750, 751, 756, 770, 771, 778, 786, 795, 807–809, 811, 813, 815–824, 826–832, 834; II: 8–16, 19–30, 32–36, 40, 42, 43, 46, 47, 49–55, 57–64, 66, 68, 69, 74, 88–90, 93, 95–97, 99–101, 104, 105, 107, 108, 110–113, 115–120, 122–127, 129–131, 135, 141–160, 162–165, 167–173, 176–182, 184, 185, 187–193, 197, 201, 202, 209, 219, 224, 227, 231, 239, 240, 243–247, 249, 252–254, 256, 257, 259, 260, 262, 263, 267–270, 272–274, 276, 280–282, 284, 286–288, 292–296, 298–305, 310, 318, 323, 327–332, 334, 337, 338, 351, 365, 371–373, 375, 376, 379, 380, 386, 396, 401, 402, 405, 409, 415, 418, 423, 426–429, 434, 436, 444, 600, 618, 673, 747

Станицын (наст. фам. Гёзе) Виктор Яковлевич (1897–1976) – актер, режиссер, педагог; во Второй студии и МХАТ с 1918 г. до конца жизни I: 476, 527, 587, 609, 618, 625, 653, 657, 682, 683, 689, 720, 726, 732, 734, 764, 813, 827; II: 20, 30, 74, 78, 105, 123, 139, 201, 211, 212, 215, 224, 233, 243, 252, 303, 313, 347, 374, 385, 388, 400, 416, 436, 453, 457, 459, 473, 511, 536, 547, 566, 569, 572, 578, 582, 587, 592, 596, 612, 613, 620, 627, 629, 643, 645, 648, 659, 686, 687, 691, 706, 710, 719–721, 734, 741

Стахович Алексей Александрович (1856–1919) – пайщик и вкладчик с 1902 г., член правления и дирекции МХТ, актер его с 1907 г. I: 543

Стейнбек (Steinbeck) Джон Эрнест (1902–1968) – американский писатель II: 499

Степанова Ангелина Иосифовна (Осиповна, 1905–2000) – актриса; ученица школы Третьей студии, в МХАТ с 1924 г. до конца жизни I: 639, 663, 676, 680, 687, 702, 703, 729, 738; II: 30, 42, 54, 85, 140, 147, 149, 161, 177, 186, 191, 201, 231, 237, 239, 240, 243, 251, 259, 264, 266, 271, 274, 280, 322, 364, 374, 406, 409, 438, 472, 473, 482, 495, 522, 575, 607, 630, 646, 722, 728, 734

Степанова Елена Андреевна (1892–1978) – певица (колоратурное сопрано); в Б.т. в 1912–1944 гг. II: 273

Степун Владимир Августович – актер; в МХАТ в 1924–1938 гг. I: 739, 743; II: 350, 412, 413

Стоковский Леопольд (1882–1977) – американский дирижер I: 292, 300, 753

Столяров Григорий Арнольдович (1892–1963) – дирижер; в 1930–1938 гг. главный дирижер Муз. т. II: 102, 137, 423, 629, 635, 663, 683

Стрельская Варвара Васильевна (1838–1915) – актриса; с 1857 г. до конца жизни в Александрійском театре I: 749

Стрепетова Полина (Пелагея) Антипьевна (1850–1903) – актриса II: 202

Стронский Андрей Семенович – корреспондент Н.-Д. I: 576

Стругач (Строева) Елена (Нелли) Давыдовна (1909–1989) – в МХАТ как декоратор-макетчик с 1930 г.; актриса в 1935–1974 гг. II: 181, 287, 352, 364, 418, 450, 521, 600, 603, 619, 639

Сырская Елизавета Яковлевна (1898–1947) – поэт, драматург II: 186

Судаков Илья Яковлевич (1890–1969) – актер, режиссер; с 1916 по 1937 г. во Второй студии и МХАТ, в 1937–1944 гг. в Малом театре (главный режиссер и художественный руководитель), с 1946 по 1953-й в МХАТ I: 464, 502, 521, 524, 525, 528, 536, 537, 544, 545, 549, 555, 562, 567, 568, 581, 587, 591, 613, 615, 618, 625, 630, 631, 633, 635, 636, 638, 639, 644, 648, 649, 653, 657, 663, 667, 668, 674–676, 683, 689, 694, 701–703, 722, 725, 727, 728, 737, 738, 743–745, 749, 762, 763, 774–776, 791, 794, 813, 828, 833, 835; II: 8, 9, 12, 30, 59, 61–65, 67, 73, 75–78, 80, 81, 84–86, 89, 92, 96, 110, 112, 113, 116, 117, 120, 122, 123, 129, 136, 138, 142, 147, 148, 151–153, 157–169, 171–174, 176–182, 184–186, 188–191, 193, 194, 196–202, 209, 211, 214–218, 221, 222, 224–226, 230, 240–244, 246, 248–251, 253–256, 259, 260, 262–265, 268, 270–272, 275, 277, 278, 280–283, 285–288, 294, 295, 298–303, 306, 311, 313, 317, 319, 321, 324, 325, 328, 329, 334, 337, 341, 351, 374, 375, 383, 389, 390, 403, 418, 443, 444, 446, 465, 466, 469, 509, 578, 598, 656, 658, 661, 671, 672, 678, 719–721, 743, 744

Судьбинин Серафим Николаевич (1867–1944) – актер (в МХТ с основания по 1904 г.), скульптор I: 70

Султанов Юрий Н. – сын Е.П.Летковой-Султановой, до 1929 г. служащий музея “Старый Петербург” II: 234, 235, 318

Султанова (Леткова-Султанова) Екатерина Павловна (1856–1937) – писательница, петербургская почитательница и друг МХТ II: 224, 229, 233, 235, 318, 339

Сумбатова (урожд. баронесса Корф) Мария Николаевна (1860–1938) – актриса; играла в Малом театре в 1883–1886 гг. (под фам. Вронская); жена А.И.Южина, кузина жены Н.-Д. I: 504, 505, 546, 547, 571, 585, 614, 640, 643, 654

Сумбатовы – семья А.И.Южина-Сумбатова I: 535, 585, 591

Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат; в 1934–1937 гг. полпред СССР в Германии, в 1937–1940 гг. во Франции II: 202, 242, 383, 496

Суров Николай Львович – зав. электроцехом, в МХАТе в 1916–1930 гг. II: 34

Сускин Алексей Петрович – актер; в МХАТ в 1935–1936, в 1937–1945 гг. II: 355

Сухарев Яков Борисович – актер; в МХАТ в 1932–1959 гг. II: 354, 418, 537, 566, 638, 721

Сухачева Елена Георгиевна (1892–?) – актриса; в Первой студии в 1914–1923 гг.; после замужества – в Турции I: 633, 717

Суходрев Илья Борисович – служащий в “качаловской группе” и МХАТ в 1921–1924 гг. (рассыльный, реквизитор, помощник Л.Д.Леонидова) I: 165, 304, 319, 445

Сушкевич Борис Михайлович (1887–1946) – актер; режиссер, педагог; в МХТ с 1908 г. по 1924 г.; один из создателей Первой студии; в МХАТ Втором с 1924 по 1933 г. I: 464, 551; II: 127, 324

Тагор Рабиндранат (1861–1941) – индийский поэт, драматург, общественный деятель I: 737, 740

Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) – режиссер; создатель Камерного театра I: 551; II: 175, 183, 443, 444

Тальников (наст. фам. Шпитальников) Давид Лазаревич (1882–1961) – критик, историк театра II: 395, 396

Таманцова Рипсимэ Карповна (1889–1958) – сотрудник МХАТ; с 1919 по 1924 г. зав. репертуарной конторой, с 1924-го секретарь дирекции и личный секретарь К.С., с 1940-го помощник режиссера I: 33, 36, 41, 42, 44–47, 54, 56, 74, 79, 82, 83, 87, 91, 94, 95, 100, 105, 110, 117, 118, 122, 127, 131, 147, 148, 152, 155, 156, 165, 177, 184, 185, 205, 206, 209, 211, 212, 220, 221, 223, 224, 233–237, 274–276, 281, 282, 297, 298, 304, 311, 325, 332, 333, 335, 363, 365, 372, 392, 409, 436, 439, 445, 449, 450, 457, 469, 475, 496, 497, 506, 556, 571, 608, 610, 615, 619, 621, 624, 630, 642, 652, 661, 666, 668, 672, 673, 676, 681, 704, 706–710, 714, 747, 749, 750, 757, 770, 775, 777, 791, 798, 805–809, 813, 817, 823; II: 8, 11, 18, 23, 26, 27, 42, 61, 88, 97, 104, 105, 111, 140, 153, 155, 156, 159, 175, 201, 213, 229, 231, 232, 236, 239, 240, 247, 252, 256, 257, 267, 269, 270, 274, 277, 280, 281, 284, 288, 296, 318, 320, 327, 329–331, 386, 392, 405, 427–429

Тамаркина Роза Владимировна (1920–1950) – пианистка II: 408

Тамиров Аким Михайлович (1899–1972) – актер театра и кино, педагог; в МХАТ с 1920 по 1924 г.; в дальнейшем работал в США I: 75, 86, 90, 99, 156, 174, 221, 222, 275, 426, 427

Тарасов Александр Григорьевич – оркестрант; в МХАТ в 1929–1933 гг., редактор мхатовской стенгазеты II: 123

Тарасов Алеша – см. Кузьмин А.А.

Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) – актриса; в МХТ с 1916 г. до конца жизни I: 58, 59, 62, 75, 80, 82, 86, 87, 90, 91, 96, 99, 115, 139, 146, 159, 164, 197, 203, 280, 281, 290, 303, 311, 335–337, 346, 383, 403, 405, 407, 408, 410, 424, 426, 427, 434, 437, 438, 442, 443, 473, 481, 487, 488, 493, 534, 544, 573, 574, 654, 677, 722, 726, 764, 778, 782, 795, 798, 831; II: 20, 30, 31, 45, 52, 55, 61–63, 66, 85, 136, 141, 161, 162, 173, 177, 180, 192, 193, 200, 201, 214, 251, 276, 320, 323, 324, 340, 343, 349, 382, 383, 392, 409, 411, 416, 437, 457, 466, 486, 487, 497, 508, 515, 548, 550, 554, 561, 566, 569, 576, 581, 586, 595, 598–600, 602, 609, 618, 621, 640, 642, 643, 651, 652, 655–657, 664, 668, 669, 671, 676, 681, 690, 698, 702, 721, 724, 725, 728

Тарасова Ксения Ивановна (1904–1965) – актриса; с 1937 по 1964 г. в Малом театре II: 438

Тарасовы – семья А.К.Тарасовой I: 95

Тарханов (наст. фам. Москвин) Михаил Михайлович (1877–1948) – актер, педагог; в “качаловской группе”, затем в МХАТ с 1919 г. до конца жизни; брат И.М.Москвина I: 55, 75, 80, 86, 90, 96, 149, 167, 265, 287, 289, 318, 320, 336, 346, 410, 421, 424, 451, 457, 472, 473, 513, 519, 524, 568, 575, 634, 635, 668, 669, 675, 679, 682, 692, 700, 701, 721, 722, 726, 727, 740, 745, 759, 761, 799; II: 30, 46, 92, 98, 105, 130, 133, 177, 180, 258, 261, 272, 349, 360, 365, 401, 410, 411, 414–416, 425, 432, 457, 486, 488, 492, 497, 518, 522, 543, 548, 573, 575, 581, 594, 599, 603, 608, 659, 675, 679, 683, 692, 693, 698, 702, 712, 717, 725, 741, 747

Тархановы – семья М.М.Тарханова I: 95, 419, 449, 675, 707, 709

Татаринова (урожд. Бергман) Фанни Карловна (1863–1923) – педагог школы МХТ I: 186, 187

Татлин Владимир Евграфович (1885–1953) – живописец, график, конструктор, театральный художник II: 515

Тат. Хар., Татьяна Хар. – см. Смородина Т.Х.

Таубе Рудольф – секретарь Н.-Д. в первое послереволюционное время, с 20–х гг. в эмиграции I: 125, 199; II: 381

Телешева Елизавета Сергеевна (1892–1943) – актриса, режиссер; во Второй студии и МХАТ с 1916 г. до конца жизни I: 480, 494, 519, 531, 544, 625, 636, 638, 732, 738, 740, 764, 781; II: 23, 28, 29, 49, 94, 133, 149, 150, 172, 283, 302, 347, 348, 350, 375, 409, 410, 442, 458, 545, 564, 566, 571, 598, 613, 620, 622, 629, 647, 648, 660, 662, 723, 726

Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957) – писатель; с 1923 г. научный сотрудник Музея МХАТ, с 1926 г. его директор I: 523, 741; II: 22, 64, 199, 352, 429

Теплицкая Любовь Осиповна (р. 1906) – артистка музыкального театра, в 1942–1946 гг. в вокально-драматической части МХАТ; жена А.М.Комиссарова II: 663, 748

Терри Алиса (Terгу Alice, наст. имя и фам. Элис Френсис Таафе; 1899–1987) – американская киноактриса и режиссер I: 540

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – русский естествоиспытатель, профессор Петровской академии и Московского университета II: 386

Типольт (Типольдт) Александр Александрович (1885–1968) – племянник жены Н.-Д.; корректор Гослитиздата I: 390; II: 326, 431, 432, 440, 509, 552, 667, 678, 681, 691, 693, 694, 723, 752

Типольт Вера Михайловна – свойственница жены Н.-Д. II: 218, 223, 231, 232, 234

Типольт (урожд. баронесса Корф) Мария Николаевна – сестра жены Н.-Д.; в первом сезоне работала в костюмерной МХТ; жила и умерла в Швейцарии I: 110, 282, 296, 328

Типольты – семья А.А.Типольта II: 468, 470, 475, 542, 641

Титов (наст. фам. Степанов) Иван Иванович (1876–1941) – специалист в области театральной техники; в МХТ с его основания до конца жизни I: 563, 598, 786; II: 19, 20, 212, 377, 441

Титова Мария Андреевна (1901–1994) – актриса; в школе Второй студии, затем в МХАТ в 1922–1974 гг.; жена М.Н.Кедрова I: 458, 722, 726, 728, 744, 776, 804; II: 11, 31, 52, 54, 57, 58, 61, 161, 251, 273, 286, 301, 313, 364, 368, 382, 392, 436, 579, 597, 673, 674, 681

Титушин Николай Федорович (1893–1957) – актер; ученик школы Третьей студии, в МХАТ с 1924 г. до конца жизни II: 30, 46, 179, 180, 350, 453

Тихомирова Нина Васильевна (1898–1976) – актриса; в МХАТ с 1924 по 1964 г. I: 470, 568, 692, 697, 722, 728, 744, 745, 776; II: 61, 62, 134, 149, 161, 177, 189, 322, 424, 630, 721, 722, 741

Тихонов (Серебров) Александр Николаевич (1880–1956) – писатель, литературный деятель; главный редактор издательства “Academia” в 1930–1936 гг. II: 296, 302, 304, 308

Токарева Мария Александровна (1894–1964) – актриса; на провинциальной сцене с 1912 г.; с 1931 г. актриса Свердловского драматического театра II: 734

Токаржевич – актер рижского Театра русской драмы I: 813

Толберг Ирвинг – американский кинопродюсер I: 753

Толмедж (Talmadge) Норма (1895–1957) – американская киноактриса I: 612, 627

Толстов Ф.С. – певец; в 20-х гг. артист вокальной части МХАТ и Муз. т. в 1942 г. солист Саратовского театра оперы и балета II: 675

Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) – писатель, драматург II: 443, 444, 493, 586, 587, 598, 599, 633, 637, 643, 645, 648, 664

Толстой Илья Львович (1866–1933) – сын Л.Н.Толстого; литератор; в эмиграции в США I: 523, 527

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) I: 682; II: 685

Топорков Василий Осипович (1889–1970) – актер, режиссер, педагог; в МХАТ с 1927 г. до конца жизни I: 613, 639, 725–728, 741, 744, 745, 761, 799; II: 30, 43, 47, 94, 98, 133, 161, 172, 177, 215–217, 240–244, 248, 251, 254, 260, 262, 263, 266, 270, 280, 281, 283, 287, 301, 303, 305, 368, 384, 385, 398, 413, 469, 525, 547, 566, 571, 577, 593, 595, 598, 608, 609, 612, 614, 628, 648, 656, 666, 691, 719, 721, 734

Тренев Константин Андреевич (1876–1945) – писатель, драматург I: 477, 552, 570–572, 632, 698, 705; II: 84, 224, 255, 282, 283, 306, 378, 435, 466, 646

Треси (Трасу) Спенсер (1900–1967) – американский актер театра и кино II: 474

Третьяков Лев Михайлович – юрисконсульт МХАТ с 1930 г. II: 219

Трофимов – см. Снегин

Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940) – гос. и парт. деятель I: 175

Трояновская Таисия Александровна (1889–1946) – балерина, в Мариинском театре – Театре оперы и балета с 1916 по 1941 г. I: 803

Трутнев Владимир Николаевич – главный бухгалтер МХАТ с 1937 г. II: **658**

Трушников Сергей Александрович (1886–1945) – сотрудник администрации и хозяйства МХТ с 1903 г. I: **294, 420, 452, 497, 499, 523, 550, 615, 621, 622, 625, 647, 651, 652, 708–713, 715, 718, 724, 730, 741, 745, 768**; II: **17**

Тулубьева Анна Павловна (1902–1975) – артистка оперы (сопрано); в Муз. т. в 1927–1948 гг. I: **835, 836**; II: **117**

Туманов (Туманишвили) Иосиф Михайлович (1909–1981) – режиссер; и.о. директора и режиссер Муз. т. с 1941 г. II: **527, 670**

Тумасова (Левина) Елизавета Никитична – актриса; в МХАТ в 1936–1950 гг. II: **355, 357**

Турбин Георгий Васильевич – сотрудник Амторга I: **468**

Туры (братья Тур) – совместный псевдоним драматургов и фелетонистов Тубельского Леонида Давыдовича (1906–1961) и Рьжей Петра Львовича (1908–1978) II: **396**

Тщедушнов Иван Куприянович (1869–1940) – портной-одевальщик, в МХТ с его основания до конца жизни II: **475**

Тюлин Александр Иванович – консультант дирекции МХАТ, зав. фин.-плановой частью МХАТ с 1936 г. II: **323, 325**

Тюремнова Елизавета Ивановна – актриса Муз. т. в 1922–1927 гг. I: **577**

Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) – военачальник, с 1935 г. командарм 1-го ранга II: **265**

Узунов Павел Г. – художник спектаклей Первой студии; в эмиграции в США I: **146, 165**

Уилсон Луиза (Wilson Lois; 1894–1988) – американская актриса кино, театра и телевидения I: **353**

Уланова Галина Сергеевна (1909–1998) – артистка балета II: **203, 437, 554**

Ульянов Николай Павлович (1875–1949) – живописец и театральный художник II: **93, 181, 556**

Уманский Константин Александрович (1902–1945) – дипломат и журналист; в 1931–1936 гг. зам. зав., а затем зав. отделом печати и информации НКВД, в 1936–1938 гг. советник полпреда СССР в США, в 1939–1941 гг. полпред II: **297, 308**

Уорфилд (Варфильд, Warfield) Давид (1866–1951) – американский актер I: **85**

Успенская Мария Алексеевна (1887–1949) – актриса; педагог; в МХТ и в Первой студии с 1911 по 1924 г. I: **55, 77, 96, 217, 235, 237, 305, 311, 335–337, 429, 432**

Успенский Сергей Петрович (1896–1955) – помощник режиссера в МХАТ с 1928 г. I: **723, 727**; II: **123, 235, 353, 417**

Устин Дмитрий Константинович (р. 1908) – оркестрант (скрипач); в МХАТ с 1936 г. II: **579**

Ушакова Таисия Васильевна – врач, друг семьи В.Ф.Грибунина I: **806, 807**

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – писатель, общественный деятель II: **43, 442, 518, 607, 722**

Фадеева Софья Николаевна (1901–1989) – актриса; в Малом театре с 1920 г. II: **438**

Фаина Вас. – см. Шевченко Ф.В.

Фаина – см. Хмара Ф.А.

Файер Юрий Федорович (1890–1971) – дирижер балета Б.т. с 1922 г. II: **554**

Файко Алексей Михайлович (1893–1978) – драматург I: **463, 572**; II: **326, 414, 493**

Фалеев Михаил Григорьевич (1884–1956) – художник-гример, парикмахер; в МХТ с основания театра до 1955 г. I: **98, 117, 167, 250, 267, 357**; II: **42, 45, 144, 571, 589**

Фалеевы – А.Г. и М.Г.Фалеевы I: **193**

Фалковский Григорий Исаакович – работник Комитета по делам искусств, управляющий Всесоюзным гастрольно-концертным объединением II: **557, 586**

Фальк Роберт (Роман) Рафаилович (1886–1958) – живописец, театральный художник I: **532**; II: **331**

Фальк (по мужу Барановская) Кирилла Романовна (1921–2006) – внучка К.С., дочь Р.Р.Фалька; переводчица I: **55, 199, 448**; II: **329, 331, 344, 401, 529**

Федин Константин Александрович (1892–1977) – писатель I: **751, 646, 647, 665, 677, 684, 686, 687, 691–695**

Фед. Ник., Федя – см. Михальский Ф.Н.

Федоров Василий Васильевич – секретарь дирекции Малого театра I: **642, 647, 650, 654, 710, 713**

Федорова Ванда Мариановна (1890–1952) – служащая МХАТ в 1920–1931 гг., в 1943–1952 гг. работник Школы-студии МХАТ I: **746, 787, 795, 802**; II: **22, 38**

Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925) – актриса, педагог; в Малом театре с 1862 г. II: **202**

Фейгина Любовь Ароновна – редактор, переводчик, сотрудник издательства “Academia” II: **308**

Фейдт (Veidt) Конрад (1883–1943) – актер немецкого и американского кино I: **585**

Фербенкс (Fairbanks) Дуглас (наст. имя и фам. Дуглас Элтон Томас Ульман; 1883–1939) – американский киноактер, продюсер I: **627**

Фербенксы – Дуглас Фербенкс и Мэри Пикфорд, супруги и деловые партнеры I: **753**

Фертман Роман Иосифович (1912–1982) – актер; в МХАТ в 1936–1941 и в 1946–1980 гг. II: **418, 450, 517**

Фессинг Леонид Александрович фон (18487–1920) – полковник в отставке; инспектор МХТ с его основания до конца жизни I: **819**

Фигнер Мария Николаевна – актриса; в МХАТ в 1940–1941 гг. II: **517**

Филиппов Владимир Александрович (1889–1965) – историк театра, профессор; в 1934–1937 гг. директор музея Малого театра II: **290**

Филиппова (по мужу Шмит) Екатерина Васильевна – актриса; в МХТ в 1903–1906 гг. II: 361

Финн (наст. фам. Халфин) Константин Яковлевич (1904–1975) – драматург II: 442, 443, 587

Фихтенгольц Михаил Израилевич (1920–1985) – скрипач II: 411

Флиер Яков Владимирович (1912–1977) – пианист II: 392

Фомин Сергей Николаевич – оператор хроники II: 519

Фрейдкина Любовь Марковна (1910–2002) – критик, театровед, исследователь творчества Н.-Д. II: 519

Фролов Николай Михайлович – служащий МХАТ, сотрудник бухгалтерии в 1930–1933 гг. II: 23

Фромгольд Егор Егорович (1881–1942) – профессор-терапевт, лечивший К.С. II: 401, 434, 580

Фромгольды – семья Е.Е.Фромгольда II: 344

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – гос., парт. и военный деятель II: 513

Фурманова Анна Никитична (?–1941) – жена писателя Д.А.Фурманова, театральный деятель, директор театра б.Корш с 1929 г., директор ГИТИСа II: 298

Хаенко Михаил Михайлович – помощник режиссера; в МХАТ с 1933 по 1941 г.; некоторое время был секретарем парткома II: 276, 373

Халатов Артемий Багратович (1896–1938) – гос. и парт. деятель; в 1921–1931 гг. председатель ЦЕКУБУ I: 762

Халатова Елена Богдановна – актриса; в 1932–1945 гг. в МХАТ II: 351, 354, 511, 596

Халютина Софья Васильевна (1875–1960) – актриса, педагог; в МХТ с 1898 по 1950 г. I: 573, 671, 701; II: 161, 177, 201, 350, 387, 391, 393, 394, 742

Харламовы – вероятно, семья Харламова из Совнаркома II: 484

Хачатуров Сурен Ильич (1889–1934) – режиссер, педагог, работник студий МХАТ II: 173

Хачатурян Арам Ильич (1903–1978) – композитор II: 544, 551, 560, 620

Хексли (Хаксли, Huxley) Олдос Леонард (1894–1963) – английский прозаик II: 499

Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961) – американский прозаик, драматург II: 429

Херсонская Екатерина Павловна (1876–1948) – сотрудник Главискусства, директор Четвертой студии, с 1928 г. и.о. директора МХАТ Второго I: 513

Хломов Михаил Дмитриевич – управляющий делами СНК СССР II: 479

Хлудова Вера Александровна (ок. 1865–1940) – старинная приятельница Н.-Д. I: 705, 771; II: 454

Хмара Александр Михайлович (1894–1988) – актер Театра им. Вахтангова; в МХТ в 1915–1920 и в 1942–1943 гг.; муж Ф.В.Шевченко I: 125, 327, 449; II: 730

Хмара Григорий Михайлович (1879–1970) – актер театра и кино; в МХТ и в Первой студии в 1910–1920 гг., после 1920 г. в эмиграции I: 324, 633

Хмара Фаина Александровна (р. 1921) – дочь Ф.В.Шевченко и А.М.Хмары I: 449; II: 424, 425, 748

Хмелев Николай Павлович (1901–1945) – актер, режиссер; во Второй студии и МХАТ с 1919 г. до конца жизни, в 1943–1945 гг. его художественный руководитель I: 457, 464, 470, 473, 476, 512, 528, 558, 560, 586, 568, 576, 581, 618, 653, 654, 656, 683, 686, 719, 720, 722, 728, 729, 759, 763, 776, 782, 799, 813, 814, 827, 830, 831, 834; II: 30, 76, 84, 85, 98, 123, 130, 133, 135, 149, 177, 180, 190, 198, 214, 217, 230, 273, 306, 320, 323–325, 332, 360, 368, 378, 379, 382, 385, 400, 406, 410, 422, 425, 436, 453, 454, 457, 485, 487, 499, 504, 505, 525, 526, 528, 538, 543, 544, 549–551, 555, 556, 559, 560, 562, 564, 566, 568, 569, 571, 573, 575, 582, 587–590, 597, 599, 602, 603, 608–611, 613, 614, 616–618, 621–623, 628–640, 642–649, 653, 656, 659–662, 664–666, 668, 671–673, 676, 677, 681–687, 690, 692, 695, 702, 708, 712, 717–728, 731, 733, 735, 737–742, 747, 748, 750, 751

Хованская Евгения Алексеевна (1887–1977) – актриса; в МХАТ в 1930–1964 гг. II: 268, 349, 402, 503, 689

Ходор. – см. Ходоровский И.И.

Ходоровский Иосиф Исаевич (1885–1938) – ответственный работник Наркомпроса при Луначарском, в 1927 г. – замнаркома I: 485, 495, 509, 522, 624; II: 413

Ходотов Николай Николаевич (1878–1932) – актер; в Ал. т. с 1898 г. (с перерывами) до конца жизни II: 131

Хорава Акакий Алексеевич (1895–1972) – грузинский актер II: 334

Хоцанов Николай Васильевич (р. 1906) – актер; в МХАТ в 1938–1952 гг. II: 537, 595

Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – литературовед, академик; в 1939–1948 гг. председатель Комитета по делам искусств II: 447, 448, 449, 455, 465, 480, 484, 487, 498, 501, 508, 509, 514, 520, 521, 525, 528, 533, 540, 545, 548, 552, 553, 556–559, 568, 569, 571–573, 585, 588, 601, 605, 628, 648, 649, 653, 665, 670–673, 681–685, 690, 695, 697, 698, 700, 702, 703, 706, 708, 718–721, 732, 734, 736, 740, 743, 745, 746, 749

Хренников Тихон Николаевич (1913–2007) – композитор II: 326, 366, 427, 480, 535, 722

Хренникова (урожд. Вакс) Клара Арнольдовна (1910–2001) – журналистка, музыковед; жена Т.Н.Хренникова II: 722, 744

Художников Александр Осипович (?–1985) – актер оперы; в Муз. т. в 1919–1965 гг. I: 518

Хурок – см. Юрок С.

Хэлгуд Норман (1868–1937) – американский журналист, общественный деятель, муж Э.Хэлгуд I: 391

Хэлгуд Элизабет Рейнольдс (1894–1974) – американский литератор, переводчик на английский язык и редактор теоретических трудов К.С. I: 132, 133, 137, 391

Царев Михаил Иванович (1903–1987) – актер; в 1933–1937 гг. в ГостИме, с 1937 г. до конца жизни Малом театре II: 439, 441

Ценин Сергей Александрович (1903–1978) – артист оперы (тенор); с 1929 г. в Муз. т. II: 27, 37

Церетелли Николай Михайлович (1890–1942) – актер; в МХТ в 1913–1916, в 1916–1928 гг. в Камерном театре II: 442

Цертелева Екатерина Федоровна (1897–1941) – преподавательница пения; в МХАТ с 1920 г. II: 516

Цибульский (Цыбульский) Марк Ильич – актер Первой студии – МХАТ Второго II: 191, 244, 251, 269

Цильман (Тобольцев) Залман Григорьевич (р. 1911) – актер; в МХАТ в 1930–1951 гг. и с 1955 по 1980 г. I: 743, 351, 357, 596, 659, 698, 705

Цингер Александр Васильевич (1870–1934) – профессор-физик, муж актрисы МХТ В.Н.Павловой I: 757, 762; II: 175

Цитринник Иосиф Львович – актер Муз. т. в 1919–1925 гг., в дальнейшем администратор I: 469, 582; II: 277

Цитринник – московский зубной врач II: 722

Цишевский Валентин Станиславович (1909–1941) – стажер МХАТ в 1930–1935 гг. II: 179

Цыганова Елена Григорьевна – актриса; в МХАТ 1934–1960 гг. II: 351, 364, 450, 537, 596, 618

Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947) – литературовед, пушкинист II: 299

Чабукиани Вахтанг Михайлович (1910–1992) – артист балета II: 437

Чайковский Модест Ильич (1850–1916) – драматург, автор оперных либретто; брат П.И.Чайковского II: 650

Чайковский Петр Ильич (1840–1893) I: 690; II: 411, 650

Чаплин Лев Николаевич – зав. хоз. и строительным отделом МХАТ в 1932–1933 гг. II: 127

Чацкий Борис Михайлович (?–1939) – администратор МХАТ в 1936–1939 гг. II: 384, 392, 447, 449

Чебан (Чебанов) Александр Иванович (1886–1954) – актер, режиссер; в МХАТ в 1911–1924 и 1936–1954 гг.; в 1913–1936 гг. – в Первой студии и МХАТ Втором I: 464, 639, II: 301, 445, 452, 459, 518, 566, 659, 741

Чебаны – семья А.И.Чебана II: 569

Чернова Мария Ивановна – старший гример-художник, во Второй студии и МХАТ в 1922–1956 гг. II: 638

Чернявский Борис Юрьевич (1882–1953) – театральный деятель, замдиректора Оп. т. в 1932–1936 гг., совмещал эти обязанности с работой в МХАТ I: 712, 755, 762, 772, 828, 829

Чехов Антон Павлович (1860–1904) I: 40, 133, 375, 573, 834; II: 199, 201, 294, 365, 392, 462, 486, 624, 659, 676

Чехов Михаил Александрович (1901–1955) – актер, режиссер, педагог, теоретик театра; в МХТ и в Первой студии с 1912 г., руководитель Первой студии – МХАТ Второго в 1922–1928 гг.; с 1928 г. в эмиграции I: 536, 537, 551, 571, 580, 608–610, 649

Чехова Мария Павловна (1863–1957) – педагог, художница; сестра А.П.Чехова, хранитель его дома–музея в Ялте I: 118; II: 365

Чехова (урожд. Книппер) Ольга Константиновна (1896–1980) – актриса немецкого кино, племянница О.Л.Книппер, первая жена М.А.Чехова I: 190

Чижевский Дмитрий Федорович (1885–1951) – драматург I: 560, 632

Чистяков Константин Федорович (р. 1913) – актер; во вспомогательном и переменном составах МХАТ в 1935–1977 гг. II: 510

Чистяков Юрий Николаевич – лечащий врач К.С. I: 809

Чичеров Иван Иванович (1902–1971) – критик, драматург, в 1940 г. ответственный руководитель секции драматургов в Союзе писателей II: 445

Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939) – гос. и парт. деятель, в 1934–1937 гг. зампреда Совнаркома СССР II: 265, 305

Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) – писатель, критик, детский поэт, переводчик, литературовед, мемуарист II: 499

Чупров Михаил Павлович (1893–?) – актер МХАТ Второго до 1927 г. I: 605, 616

Чупятов Леонид Терентьевич (1890–1942) – художник, педагог I: 631

Чушкин Николай Николаевич (1906–1977) – театровед, архивист; в 1937–1941 гг. работал в Музее МХАТ II: 454

Шагинян – начальник управления по делам искусств при Совнаркоме Армянской ССР (начало 40-х гг.) II: 700

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – артист оперы (бас) I: 121, 125, 138, 314, 446, 753

Шаляпин Федор Федорович (1905–1992) – киноактер; сын Ф.И. Шаляпина I: 560

Шаляпина (по сцене Торнаги) Иола Игнатьевна (1873–1965) – балерина; первая жена Ф.И.Шаляпина I: 560, 608

Шаляпина Ирина Федоровна (1901–1978) – дочь Ф.И.Шаляпина; актриса II: 513

Шапиро Рувим Абрамович (1898–1937?) – театральный деятель; с середины 20-х гг. директор БДТ, в середине 30-х директор Мариин. т. I: 623, 799

Шаповалов Леонид Емельянович (1902–1955) – зам. по кадрам председателя Комитета по делам искусств с 1940 г., позднее директор Малого театра II: 570

Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) – композитор II: 533, 534, 537

Шатрова Елена Митрофановна (1892–1976) – актриса; в 1918–1932 гг. в театре б. Корш, с 1932-го в Малом театре I: 606

Шахалов (наст. фам. Риттер) Александр Эмильевич (1880–1935) – актер; в МХТ в 1915–1924 гг., в МХАТ Втором с 1924 г. до конца жизни I: 464

Шварц Евгений Львович (1896–1958) – драматург (начинал как актер), детский писатель, киносценарист II: 481

Шверубович Вадим Васильевич (1901–1981) – сотрудник постановочной части МХАТ в 1920–1924 и в 1932–1959 гг.; сын В.И.Качалова I: 54, 69, 95, 167, 193, 196, 205, 207, 235, 247, 264, 278, 287, 293, 302, 304, 319, 351, 374, 428, 551, 573; II: 154, 158, 249, 251, 269, 270, 311, 335, 370, 372, 479

Шебалин Виссарион Яковлевич (1902–1963) – композитор II: 43

Шевалье (Chevalier) Морис (1888–1972) – французский актер-шансонье I: 216

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) – украинский поэт, художник II: 451

Шевченко Фаина – см. Хмара Ф.А.

Шевченко Фаина Васильевна (1893–1971) – актриса; в МХАТ с 1914 по 1959 г. I: 36, 37, 80, 102, 169, 197, 217, 223, 244, 254, 268, 269, 280, 285, 302, 309, 311, 346, 449, 457, 473, 568, 644, 675, 676, 682, 683, 693, 701, 722, 728, 795, 831; II: 22, 30, 64, 166, 180, 221, 245, 282, 283, 301, 315, 320, 323, 353, 360, 387, 390, 411, 424, 437, 475, 486, 515, 518, 573, 599, 648, 679, 693, 730, 733, 747

Шейнин Лев Романович (1906–1967) – писатель, драматург; в 1923–1950 гг. на работе в суде и Прокуратуре СССР II: 296, 546

Шекспир Уильям (1564–1616) I: 374; II: 196, 246, 446, 643, 646, 648, 685, 686

Шелагуров Алексей Алексеевич – лечащий врач К.С. II: 401

Шелонский Николай Николаевич (1889–?) – помощник режиссера в МХАТ с 1926 по 1963 г. I: 723; II: 314, 317, 324, 422, 566, 717

Шервинский Василий Дмитриевич (1850–1941) – профессор-терапевт I: 751, 760, 761, 809

Шереметьева Анна Александровна (1884–1956) – актриса; в МХАТ с 1913 по 1950 г. II: 29, 179, 535, 544

Шерешевский Николай Адольфович (1885–1961) – профессор-терапевт и эндокринолог II: **705**

Шерман Луаэлл (Sherman Lowell; 1885–1934) – американский киноактер I: **353**

Шилин Д.Н. – рабочий сцены, зав. мебельно-реквизиторским цехом филиала, в МХАТ с 1926 г. II: **222**

Шиллинг Роберт Федорович (1887–1939) – актер; в МХАТ в 1924–1927 и в 1934–1938 гг. II: **235, 349**

Шимкевич Михаил Владимирович (1885–1942) – драматург, автор первых советских пьес на “производственные темы” I: **804**

Шифрин Борис Петрович (р. 1909) – артист вокально-драматической части МХАТ (бас) с 1933 г. II: **620**

Шифрин Ниссон Абрамович (1892–1961) – театральный художник I: **762, 833**

Шкваркин Василий Васильевич (1894–1967) – драматург II: **468**

Шлуглейт Илья Миронович (1897–1954) – театральный деятель; в 1926–1929 и в 1931–1941 гг. замдиректора и директор Муз. т. I: **633, 826**; II: **74, 151, 285, 491, 503, 514, 515, 520, 528, 651, 670**

Шмидт Василий Владимирович (по другим данным – Васильевич; 1886–1938) – проф. и гос. деятель, в 1928 г. член Художественного совета МХАТ II: **105**

Шмидт Петр Петрович (1867–1906) – лейтенант Черноморского флота, руководитель восстания на крейсере “Очаков” в 1905 г. I: **774**

Шмонин Иван Иванович (1871–1943) – столяр; в МХАТ с 1917 г. до конца жизни II: **275**

Шоллар Людмила Францевна (Федоровна, 1888–1978) – артистка балета; в 1906–1921 в Мариин. т., в 1921–1925 гг. солистка балетной труппы Дягилева I: **446**

Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) – писатель II: **494, 503–506, 637**

Шопен Фридерик (1810–1849) – польский композитор II: **258, 411**

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – композитор II: **74, 75, 87, 102, 125, 137, 325, 586, 728**

Шостко Галина Петровна (1911–1997) – актриса; в 1929–1934 гг. в труппе Оп. т.; в МХАТ с 1934 по 1982 г. II: **351, 382, 595, 627**

Шпет Густав Густавович (1879–1937) – философ II: **156, 159, 171, 188**

Штанге Надежда Карловна (1899–1927) – певица (меццо-сопрано); в 1925–1927 гг. в Б.т. I: **633**

Штейнберг Лев Петрович (1870–1945) – дирижер, композитор, педагог; с 1928 г. дирижер Б.т. II: **135**

Штекер Людмила Андреевна (1898–1969) – помощник режиссера; в МХАТ с 1926 г. племянница К.С. II: **580**

Штраус Иоганн (1825–1899) – австрийский композитор I: **554, 570**

Шульга Наум Андреевич (1882–1945) – актер; во Второй студии и МХАТ в 1922–1926 и 1929–1945 гг. I: 462, 663, 679, 741, 775, 796, 829; II: 27

Шумяцкий Борис Захарович (1886–1943) – начальник Главного управления кинофотопромышленности в 1930–1937 гг., в 1936-м зам-председателя Комитета по делам искусств . II: 341

Шутов Дмитрий Илларионович (1909–1986) – актер; в МХАТ в 1937–1983 гг. II: 595, 596

Щедрин (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (1826–1889) – писатель II: 196

Щепкина (Щепкина-Куперник) Татьяна Львовна (1874–1952) – поэт, переводчик II: 525

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – парт. деятель, в 1938–1945 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б) и одновременно с 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б) II: 719, 722

Щербинина (урожд. Баталова) Мария Петровна (р. 1914) – актриса, помощник режиссера; в МХАТ с 1934 г. II: 354, 537, 595, 596, 597, 613, 705, 706

Щербиновская Ольга Сергеевна – актриса Малого театра с 1909 по 1938 г. II: 469

Щукин Борис Васильевич (1894–1939) – актер; с 1920 г. до конца жизни в Третьей студии – Театре им. Вахтангова II: 87, 334

Щуров Константин Андреевич – врач-терапевт, лечивший Н.-Д. II: 430, 442

Эберто Жак (1886–1970) – театральный деятель, драматург; владец театра в Париже I: 45, 50, 54, 57, 61, 199, 208, 210, 215, 220, 221, 224, 228, 229, 231, 232

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – режиссер театра и кино II: 706, 742

Эзов Лазарь Давидович (1901–1945) – актер; в МХАТ в 1936–1945 гг. II: 537, 558, 596

Экскузович Иван Васильевич (1883–1942) – театральный деятель; в 1924–1928 гг. управляющий академическими театрами Москвы и Ленинграда I: 553

Эпштейн Моисей Соломонович (1890–1937) – замнаркома просвещения А.С.Бубнова I: 824; II: 13

Эрдман Борис Робертович (1899–1960) – театральный художник I: 745

Эрдман Николай Робертович (1900–1970) – драматург I: 703, 801, 832; II: 36, 39, 43, 50, 240, 584, 599

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – писатель, публицист II: 509

Эрманс Виктор Константинович (1888–1958) – театральный деятель, журналист рецензент II: 202

Этингоф Борис Евгеньевич (1886–1938) – обществовед, зав. сектором искусств Наркомпроса в начале 30-х гг. II: 40

Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – историк искусств, критик, переводчик I: 532

Эфрос Николай Ефимович (1867–1923) – театральный критик, историк театра, один из первых биографов МХТ и его создателей I: 240

Южин (наст. фам. кн. Сумбатов) Александр Иванович (1857–1927) – актер, драматург, театральный деятель, в Малом театре с 1882 г. до конца жизни I: 152, 504, 546, 547, 571, 595, 614, 640–642, 647, 650, 654; II: 289, 490

Юзовский Ю. (Иосиф Ильич; 1902–1964) – театральный критик II: 435, 462

Юнов II: 412

Юл. Лаз. – см. Любицкий Ю.Л.

Юлия Карловна – см. Бекефи Ю.К.

Юр. Ал. – см. Завадский Ю.А.

Юра Гнат (Игнатий) Петрович (1888–1966) – украинский актер и режиссер, один из основателей и многолетний руководитель Киевского театра им. Ивана Франко II: 297, 299

Юркин Александр Федорович (1900–?) – машинист сцены филиала МХАТ с 1923 по 1959 г. II: 397

Юров Петр Ефимович – рабочий сцены, вахтер комендатуры; во Второй студии и МХАТ с 1916 г. I: 544

Юрок Сол (Соломон Израилевич; 1888–1974) – американский театральный деятель, антрепренер I: 138, 170, 175, 418, 423

Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948) – актер, мемуарист; с 1893 г. до конца жизни в Ал. т. (с перерывами) II: 127, 467, 480

Юстинов Дмитрий Иванович (?–1933) – зав. финансовой частью МХАТ с 1917 по 1928 г. I: 42, 49, 81, 163, 326, 348, 453, 456, 457, 462, 465, 468, 474, 479, 483, 485, 489, 492, 499, 512, 519, 523, 525, 526, 528, 530, 563, 564, 569, 570, 572, 575, 576, 611, 629, 630, 634, 635, 639

Юсупов Феликс Феликсович (младший), князь (1887–1967) – наследник одного из богатейших аристократических родов, участник убийства Г.Е.Распутина; после революции в эмиграции I: 328

Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985) – режиссер театра и кино II: 706

Яблоновский (наст. фам. Потресов) Сергей Викторович (1870–1953) – журналист, театральный критик; после революции в эмиграции I: 61

Яблочкина Александра Александровна (1866–1964) – актриса; в Малом театре с 1888 г. до конца жизни II: 338, 438

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) – гос. и парт. деятель; с 1924 г. зампреда ОГПУ, в 1934–1936 гг. нарком внутренних дел СССР I: 708–710, 780, 811

Ягодкин Иван Сергеевич (1891–?) – артист оперы (тенор), с 1919 г. в Муз. т. I: **518**

Якир Иона Эммануилович (1896–1937) – военный деятель, командарм 1-го ранга с 1935 г. II: **265**

Як. Ив. – см. Гремиславский Я.И.

Як. Л., Як. Леонт. – см. Леонтьев Я.Л.

Я.О., Як. Ос. – см. Боярский Я.О.

Яковлева Варвара Николаевна (1884–1944) – замнаркома просвещения, ведавшая делами театров с середины 20-х гг. I: **485, 495, 502, 508, 509**

Якубовская Ольга Александровна (1903–1957) – актриса; в МХАТ в 1932–1947 гг. II: **161, 179, 586**

Янишевский Борис Эрастович – зам. зав. постановочной части МХАТ (зав. мастерскими) с 1942 по 1958 г. II: **717**

Яннингс (Jannings) Эмиль (1884–1950) – немецкий киноактер I: **607**

Янсон Яков Давидович (1881, по другим сведениям 1886–1938) – гос. и парт. деятель, китаист; перед арестом – зав. редакцией издательства “Academia” II: **341**

Яншин Михаил Михайлович (1902–1976) – актер, режиссер; во Второй студии и МХАТ с 1922 г. до конца жизни I: **466, 493, 503, 512, 545, 568, 639, 653, 721, 726, 727, 729, 732, 735, 745, 760, 813**; II: **30, 74, 76, 85, 130, 138, 139, 177, 185, 190, 191, 215, 217, 218, 303, 307, 313, 319, 398, 406, 414, 436, 474, 499, 522, 535, 564, 567, 572, 573, 575, 578, 692, 712, 721, 751**

Яров Сергей Григорьевич (1901–1976) – актер; в МХАТ с 1925 по 1959 г. I: **720, 721, 726, 732, 735, 761**; II: **535, 566, 580, 615, 659**

Ярославский Емельян Михайлович (наст. имя и фам. Миней Израилевич Губельман; 1878–1943) – парт. деятель, член редколлегии “Правды” и журнала “Большевик”, член АН СССР с 1939 г. II: **557, 558, 606**

Указатель драматических, музыкально-драматических
произведений и кинофильмов

- “Абессалом и Этери” (“Абессалом”) – опера З.Палиашвили II:
336
- “Адам и Ева” – пьеса М.А. Булгакова I: 815
- “Алеко” – опера С.В.Рахманинова I: 486
- “Александр I и Федор Кузьмич” – пьеса Д.Ф.Чижевского I: 560
- “Амарилья” – одноактный балет I: 242
- “Американская трагедия” – инсценировка Э.Пискатора по роману
Т.Драйзера II: 68
- “Анатэма” – трагическое представление Л.Н.Андреева I: 131
- “Ангел” – пьеса Е.Я.Стырской II: 186, 210
- “Анго” – см. “Дочь Анго”
- “Анна Каренина” – инсценировка Н.Д.Волкова по роману
Л.Н.Толстого II: 162, 230, 241, 242, 244, 250, 263–265, 268, 269, 286
(Яшвин), 295, 297 (Лидия Ивановна), 300, 301, 309, 317, 335, 340, 344–
346, 348–350, 353, 354, 356, 363, 364 (Бетси), 374 (Сережа), 381–383,
388, 391, 392, 406, 410, 412, 413, 415–418, 421–423, 427, 432, 437, 450,
453, 478, 479, 497, 502, 504, 505, 508, 526, 529, 541, 542, 546, 548, 549,
554, 555, 557, 564, 572–574, 580, 582, 588, 592, 597, 600, 603, 609, 611,
612, 614 (Бетси), 616, 618, 622, 623, 629, 630, 656, 668, 670, 676, 679,
681, 713, 722, 730 (Вронский), 731 (Бетси)
- “Антон Иванович сердится” – музыкальная кинокомедия II: 539,
542
- “Антоний и Клеопатра” – трагедия У.Шекспира II: 548, 680, 685,
686, 692
- “Багдадский вор” (“The Thief of Bagdad”) – фильм американского
режиссера Р.Уолша I: 418
- “Бал-маскарад” – опера Дж.Верди II: 496
- “Банкир” – комедия А.Е.Корнейчука II: 347, 356, 359, 367, 374,
405, 611
- “Барсуки” – авторская инсценировка романа Л.М.Леонова I: 652
- “Бахчисарайский фонтан” – опера А.С.Аренского I: 483 (Зарема),
486
- “Баядерка” – балет М.Петипа на музыку Л.Минкуса I: 742, 824,
830
- “Бег” – восемь снов. Пьеса М.А.Булгакова I: 757, 769
- “Бедная невеста” – комедия А.Н.Островского II: 436
- “Без вины виноватые” – комедия А.Н.Островского II: 162, 166,
180, 184, 185, 395, 417, 469

“Безумный день, или Женитьба Фигаро” – комедия Бомарше I: 462, 473, 480, 494, 502, 516, 519, 521, 524, 526, 527, 531, 534, 538, 546, 554, 559, 568, 578, 584, 588, 594–602, 605–609, 611, 613, 615, 616, 626, 631–633, 636–638, 642, 645, 650, 654, 716, 719, 721, 728, 729, 732–734, 738, 813, 814, 827, 834; II: 13, 28, 69, 85, 149–151, 153, 173 (Сюзанна), 391, 526, 546, 573, 613, 614, 728, 734

“Белугин” – см. “Женитьба Белугина”

“Беспокойная старость” – пьеса Л.Н.Рахманова II: 386, 391, 393

“Бесприданница” – драма А.Н.Островского II: 116, 117, 121, 295, 383

“Бесы” (“Николай Ставрогин”) по роману Ф.М.Достоевского I: 560

“Бешеные деньги” – комедия А.Н.Островского II: 280, 697 (Лидия и Телятев)

“Битва жизни” – пьеса Ч.Диккенса I: 455, 462, 467, 471, 472, 478, 479, 487, 493, 501, 514, 523, 531, 549, 563, 578, 589, 592, 599, 600, 604, 605, 611, 615, 631, 635–638, 645; II: 73, 81, 94

“Благочестивая Марта” – комедия Тирсо де Молина II: 73, 81

“Блоха” – пьеса Е.И.Замятина по сказу Н.С.Лескова I: 608

“Богема” – опера Дж.Пуччини I: 584, 795; II: 73

“Борис Годунов” – трагедия А.С.Пушкина I: 428; II: 293, 295, 311, 317, 324, 336 (Марина), 337 (Марина), 341, 343, 345, 366, 369, 374 (Пимен), 405, 406 (Самозванец), 408, 413, 414, 417, 458, 700

“Борис Годунов” – опера М.П.Мусоргского I: 446, 567, 572, 584, 588

“Бранд” – драматическая поэма Г.Ибсена I: 72

“Братья Карамазовы” – отрывки из романа Ф.М.Достоевского I: 61, 68, 92, 106, 109, 111, 119, 128, 131, 133, 190–193, 196, 197, 202 (“Мокрое”), 205, 206, 208, 209, 212–215, 217–219, 222–226, 228, 229, 233, 238, 239, 243–248, 250, 253–255, 257–259, 263, 266, 267, 274–278, 285, 293 (“Мокрое”), 295 (“Суд”), 297, 298, 304 (“Мокрое”), 307, 308, 316, 317 (“Мокрое”), 319 (“Мокрое”), 320, 325–327, 341, 351, 363, 366, 367, 370, 371 (“Мокрое”), 386, 396, 423, 429, 431, 436–439, 441 (“Мокрое”), 516, 560, 825, 834 (Снегирев-Мочалка); II: 7, 32, 33, 72, 73, 75, 87, 114, 128, 200, 414 (“На чистом воздухе”), 505

“Бронепоезд 14-69” – пьеса Вс.Иванова I: 615, 630–632, 636–638, 643, 648, 649, 653, 657, 662–665, 668, 671–673, 680, 681, 683, 692, 694, 696, 699–703, 719, 733, 734, 736, 741, 744, 758, 791, 796, 801; II: 27, 46, 51, 59, 69, 85, 284, 392, 599, 643, 645, 652

“Бронзовый конь” – феерическая опера Д.Обера I: 833

“Булычов” – см. “Егор Булычов и другие”

“В буре времен” – см. “Сестры Жерар”

“В бурю” – опера Т.Н.Хренникова по роману Н.Е.Вирты “Одиночество” II: 456, 480, 482, 615

“В людях” – инсценировка П.С.Сухотина по прозе М.Горького II: 133, 174

“Валенсианская вдова” – комедия Лопе де Вега II: 480

“Вампука” (“Вампука, невеста африканская”) – опера-пародия В.Г.Эренберга, либретто М.Н.Волконского I: 358

“Васса Железнова” – пьеса М.Горького II: 301

“Великий государь” – трагедия В.А.Соловьева II: 587

“Венецианский купец” – комедия У.Шекспира I: 84, 85

“Взлет” – пьеса Ф.А.Ваграмова I: 723, 727, 731, 735, 740, 745, 778;

II: 109

“Виндзорские проказницы” – комедия У.Шекспира II: 295, 303, 499, 510, 514, 587, 625, 646

“Виндзорские проказницы” – комическая опера О.Николаи II: 94

“Вишневый сад” – комедия А.П.Чехова I: 40, 43, 44 (Ирина), 46, 55, 57–63, 68, 80, 82–84, 86–88, 91 (Гаев), 93, 97, 99–101, 109, 117, 122 (Раневская), 124 (Трофимов), 133–135, 142, 152, 155–157, 185–187, 199 (Варя), 205, 208, 209, 214, 218, 226, 271, 274, 275, 277, 278, 281, 296–299, 307, 308, 314, 317, 318, 326, 332, 337, 341, 347 (Епиходов), 348, 372, 378, 382, 388, 392, 396, 402, 403, 423, 425, 429, 431, 437, 438, 444, 463, 516, 573, 579, 589, 632, 639, 649, 664, 667, 668, 671, 675, 679, 680, 682, 686–689, 692, 695, 697, 721 (Лопухин), 726, 731, 733, 736, 744, 762, 766, 782, 789, 793, 796, 814 (Лопухин), 834; II: 22, 26, 34, 85 (Гаев), 103, 114, 128, 130 (Фирс), 151, 199–202, 351, 354, 391, 465, 468–470, 498, 521, 597, 625, 659, 681, 743

“Война и мир” – инсценировка М.А.Булгакова по роману Л.Н.Толстого I: 820

“Волки и овцы” – комедия А.Н.Островского I: 537; II: 137 (Глафира), 196, 198, 202, 612 (Глафира), 645, 648, 662, 676

“Воскресение” – композиция Ф.Ф.Раскольникова по роману Л.Н.Толстого I: 676, 682, 721, 727, 729, 732, 735–737, 740, 744, 745, 750, 757–759, 773, 775, 787–789, 791, 793, 794 (Нехлюдов), 796, 806, 813, 818, 821, 827, 830; II: 9, 14, 42, 55, 58, 62, 69, 75, 85, 103, 111, 113, 137, 192, 196, 197, 306, 311, 328, 342, 352, 416, 471, 505

“Воспитанница” – сцены из деревенской жизни А.Н.Островского II: 73, 94, 180, 189

“Враги” – сцены М.Горького II: 149, 162, 166, 176, 180, 196–198, 202, 203, 211, 213, 220–222, 231, 238, 240, 244, 252, 253, 268, 278, 284, 286, 333, 350, 358, 363–365, 375, 377, 479, 502, 573, 676, 713, 721

“Врата” – см. “У врат царства”

“Гамлет” – трагедия У.Шекспира I: 72, 85, 92, 139, 255, 292, 543; II: 79, 295, 403, 407, 463, 467, 472, 483, 498, 565, 620, 627, 643, 646, 647

“Где тонко, там и рвется” – комедия И.С.Тургенева I: 226, 229

“Гибель «Надежды»” – драма Г.Гейерманса II: 9

“Глубокая провинция” – лирическая пьеса М.А.Светлова II: 217

“Глубокая разведка” – пьеса А.А. Крона II: 485, 498, 512, 515, 523–525, 536, 540, 544, 562, 564, 565, 580, 611, 628, 646, 659, 660, 676, 677, 684, 686, 689, 719

“Голгофа” – пьеса Д.Ф.Чижевского I: 632

“Горе от ума” – комедия А.С.Грибоедова I: 229, 428, 463, 481, 504, 550, 554, 559, 580, 599–601, 604, 607, 609–611, 615, 649, 748 (“Горе уму”); II: 30, 35, 133, 295, 386, 391, 396 (Чацкий), 401, 406, 409, 412 (Фамусов), 413 (Фамусов), 416, 417, 427, 429, 432, 433, 437–442, 444, 457, 458 (Софья), 463, 466, 468, 470–472, 530, 662

“Горькая судьбина” – драма А.Ф.Писемского II: 73, 75, 81

“Горячее сердце” (“Горячее”) – комедия А.Н.Островского I: 453–455, 457, 463, 467, 470–472, 476, 478, 479, 482, 493, 501, 512–514, 519, 523, 526, 531, 537, 542, 550, 559, 563, 578, 580, 588, 599, 604, 609, 625, 631, 632, 637, 644–646, 650, 654, 657, 658, 661–663, 665, 668, 671, 674, 676, 681, 682, 688, 689, 692, 772, 795, 799, 813; II: 133, 141, 305, 309, 366, 388, 390, 492, 496, 573, 583, 587, 597 (Параша), 602, 603, 605, 609, 612 (Градобоев), 615 (Хлынов), 626, 628, 635, 649, 653 (Наркис), 657, 693, 723, 733, 750

“Гроза” – драма А.Н.Островского I: 176, 786; II: 151, 158, 160, 161, 166, 168, 169, 172, 176, 179, 189, 200, 213, 221, 226, 245, 246, 275, 283, 292, 298, 303, 353, 390, 391, 399, 616

“Гувернантка” (“Mademoiselle”) – пьеса Ж. Деваля II: 295

“Дальняя дорога” – пьеса А.Н.Арбузова II: 299

“Дама-невидимка” – комедия П.Кальдерона I: 455, 462, 467, 472, 478, 479, 487, 493, 501, 512, 523, 531, 589, 592, 599, 603, 611, 625, 631, 645

“Данден” – см. “Жорж Данден”

“Дачники” – сцены М.Горького II: 481

“Две сиротки” – см. “Сестры Жерар”

“Девушка из предместья” (La vita breve) – опера М. де Фалья I: 554, 569; II: 114

“Дело” – драма А.В.Сухова-Кобылина I: 578, 587, 608, 609, 633

“День и ночь” – музыка Ш.Лекока, текст Вл.З.Масса I: 552

“Депутат Балтики” – фильм А.Г.Зархи и И.Е.Хейфица, сценарий Л.Н.Рахманова и Д.Дэля II: 386

“Дерзость” – пьеса Н.Ф.Погодина I: 704, 723, 727, 745, 746, 759, 766, 767, 772, 815, 832; II: 22, 25, 32, 46, 447

“Дети Ванюшина” – драма С.А.Найденова II: 349, 351

“Джентльмен” – комедия А.И.Сумбатова (Южина) II: 490

“Джой-стрит” (“Улица радости”) – пьеса Н.А.Зархи I: 815; II: 9

“Дни Турбиных” – пьеса М.А.Булгакова I: 458, 462–467, 470–473, 475, 477–479, 481, 487, 492, 493, 501, 504–506, 512–515, 519, 521, 523, 525–527, 530, 531, 542, 544, 549, 550, 552, 554, 559, 561–563, 571, 578, 580, 581, 587–589, 592, 593, 595, 599–601, 603–605, 608, 610, 611, 613, 615, 618, 620, 622, 623, 637, 643, 645, 654; II: 85, 88, 138–140, 153, 166, 174, 181, 189, 200, 212–215, 220–224, 229, 231, 235, 243, 244, 254, 299, 312, 314, 317–319, 322–325, 345, 351, 416, 419, 453, 465, 474, 505, 672, 726

- “Дно” – см. “На дне”
- “Доктор Штокман” (“Враг народа”) – комедия Г.Ибсена I: 190, 193, 196, 205, 206, 209, 212, 214, 236, 239, 241, 243, 250, 251, 255, 263–266, 272, 276–279, 285, 287, 296, 298, 308, 319, 332, 346–348, 417, 421, 425
- “Дом на холме” – пьеса В.А.Каверина II: 619
- “Дон Жуан” – комедия Мольера II: 127
- “Дон Кихот” – балет Л.Минкуса, балетмейстер М.Петипа II: 19, 21, 441
- “Достигаев и другие” – пьеса М.Горького II: 121, 124, 401, 407, 408, 410, 413, 427, 432, 437, 442, 444, 445, 469, 478
- “Доходное место” – комедия А.Н.Островского I: 571
- “Дочь Анго” – оперетта Ш.Лекока I: 56, 111, 389, 474, 482 (Лушар), 483, 582, 583 (Лариводьер), 588, 835, 836
- “Дочь Запада” (“Девушка с Запада”) – опера Дж.Пуччини I: 559
- “Драма жизни” – вторая часть драматической трилогии К.Гамсуна I: 432
- “Души” – см. “Мертвые души”
- “Дымная межа” – авторская инсценировка одноименного рассказа А.А.Караваяевой I: 728
- “Дядюшка в затруднительном положении” – комедия Дж.Жиро, перевод с итальянского Н.В.Гоголя II: 497
- “Дядюшкин сон” – инсценировка повести Ф.М.Достоевского I: 476, 538, 539, 555, 560, 561, 568, 569, 630, 632, 638, 721, 727 (Мозгляков), 729, 735, 752, 759, 791, 796, 797, 799, 801, 814, 827, 830, 834; II: 22, 27, 33, 34, 36, 46, 69, 85, 94, 273, 406, 408, 411, 465, 477, 713
- “Дядя Ваня” – сцены из деревенской жизни А.П.Чехова I: 131, 171, 307, 313, 315, 317–319, 322, 325, 327 (Астров), 329, 332, 333, 336–338, 341, 343, 344, 347, 348, 361, 364, 366, 368, 369, 378, 384, 386, 396, 405, 417, 423, 425, 433, 436, 443, 455, 462–464, 467, 472, 479, 481, 493, 501, 513, 515, 519, 523, 530, 543, 546, 550, 559, 573, 589, 592, 603, 619, 620; II: 141, 200, 201, 224, 392 (Астров), 397, 485, 487, 492, 498, 499, 555
- “Евгений Онегин” – опера П.И.Чайковского I: 584
- “Евграф – искатель приключений” – драма А.М.Файко I: 463, 464, 514, 572
- “Египетские ночи” – опера Р.М.Глиэра I: 474; II: 196
- “Егор Булычов и другие” – сцены М.Горького II: 77, 80, 87, 111, 121, 125, 128, 138, 150, 151, 153, 181, 251, 261, 391, 393, 740
- “Елизавета Петровна” – трагикомедия дворцовых переворотов Д.П.Смолина I: 455, 467, 471, 472, 478, 479, 493, 501, 512, 514, 515, 523, 530, 542, 550, 559, 563, 578, 589, 592, 599, 603, 604, 631, 637, 638, 645, 650, 654, 827; II: 29, 109, 673

- “Жеманницы” (“Смешные жеманницы”) – комедия Мольера II: 255
- “Жена товарища” – пьеса Я.Ялунера II: 299
- “Женитьба” – комедия Н.В.Гоголя II: 349, 354, 355
- “Женитьба Белугина” – комедия А.Н.Островского и Н.Я.Соловьева II: 224–226, 615, 688–690
- “Живой труп” – драма Л.Н.Толстого I: 605; II: 414, 416, 587, 633
- “Жизнь Человека” – представление Л.Н.Андреева II: 643
- “Жорж Данден” – комедия Мольера II: 72, 73, 81
- “За монастырской стеной” – драма Л.Камолетти II: 280
- “За океаном” – пьеса Я.Гордина I: 383
- “Заговор” – пьеса Н.Е.Вирты II: 464
- “Заза” – опера Р.Леонкавалло I: 559
- “Закрытая дверь” – пьеса М.Прага I: 242
- “Запорожец за Дунаем” – опера С.Гулак-Артемовского II: 306
- “Зеленое кольцо” – пьеса З.Н.Гиппиус I: 543, 544; II: 561
- “Земля” – трагедия Н.Е.Вирты по его роману “Одиночество” II: 351, 353, 358, 360, 362–364, 366, 367, 374, 377, 379, 388, 393, 400, 404, 407, 408, 427, 444, 469, 482, 615
- “Злоумышленник” – инсценированный рассказ А.П.Чехова I: 682; II: 676
- “Зойкина квартира” – пьеса М.А.Булгакова I: 512, 513, 531
- “Золото” – комедия Н.-Д. II: 485
- “Золотой петушок” – опера Н.А.Римского-Корсакова II: 65
- “Иван Васильевич” – комедия М.А.Булгакова II: 309
- “Иван Сусанин” – опера М.И.Глинки II: 456, 480, 482
- “Иванов” – драма А.П.Чехова I: 190, 193, 205, 214, 215, 222, 223, 228, 229, 239, 250, 254, 257, 258, 275–279, 283, 285 (Боркин), 291, 297, 298, 305, 307, 317 (Шабельский), 323, 325, 326, 328, 330, 337, 368, 369, 377, 378, 382, 384, 396, 414, 417, 423, 425, 437; II: 364 (Шабельский), 392 (Сарра)
- “Игорь” (“Князь Игорь”) – опера А.П.Бородина II: 635
- “Иоанн Грозный” (“Иван Грозный”) – драматическая повесть А.Н.Толстого II: 598, 637, 643, 645, 647–649, 669, 707, 742
- “Искушение” – II: 656
- “История одного убийства” – пьеса Андерсона и Хикерсона (перевод-переложка М.Левидова) I: 828
- “Калхас” (“Лебединая песня”) – драматический этюд А.П.Чехова I: 573
- “Каменный гость” – маленькая трагедия А.С.Пушкина II: 250 (Лепорелло), 343, 721

- “Канитель” – инсценированный рассказ А.П.Чехова II: 676
- “Карамазовы” – см. “Братья Карамазовы”
- “Кармен” – опера Ж.Бизе I: 588, 803
- “Карменсита и солдат” – трагедия на сюжет новеллы П.Мериме, текст К.А.Липскерова, музыка Ж.Бизе I: 447, 451, 454, 500, 517, 518, 582, 803
- “Катерина Измайлова” – опера Д.Д.Шостаковича II: 74, 75, 86, 102, 125, 246
- “Квадратура круга” – комедия В.П.Катаева I: 726, 731, 741, 744, 793, 801, 827, 834; II: 26, 27, 33, 89, 94, 443
- “Клеопатра” – см. “Египетские ночи”
- “Cosi sia” (“Да будет воля твоя”) – пьеса Т.-Г.Скотти I: 231
- “Корневильские колокола” – комическая опера Р.Планкета I: 821; II: 98, 124, 495
- “Корсар” – балет А.Адана I: 803
- “Которая из двух?” – комедия А.Монье и Э.Мартена, перделка с французского в стихах Н.И.Куликова II: 698
- “Красная чалма” – комедия М.П.Гальперина I: 554
- “Кремлевские куранты” – пьеса Н.Ф.Погодина II: 463, 478, 488–492, 497, 501, 512, 523–525, 528 (Забелин), 529, 535, 536, 543–547, 549–553, 555–560, 562–564, 573, 583, 587, 589–591, 593, 599, 600, 603, 605, 616, 617, 620, 622–625, 628, 631, 632, 635, 649, 667, 670, 672, 683, 684, 687, 695, 697, 700, 713, 716, 719, 720, 729, 749, 750
- “Крестьяне” (“Борк”) – перевод и перделка с немецкого Ф.Ф.Раскольникова II: 8
- “Кречет” – см. “Платон Кречет”
- “Крылатое племя” – пьеса А.А.Первенцева II: 530
- “Крысолов” – одноактная пьеса Строева II: 676
- “Крытый фургон” – вестерн американского режиссера Дж.Крюзе I: 418
- “Куранты” – см. “Кремлевские куранты”
- “Лакме” – опера Л.Делиба I: 735
- “Лапы”, “Лапы жизни” – см. “У жизни в лапах”
- “Лауренсия” – балет А.А.Крейна по драме Лопе де Веги “Фуэнте Овехуна” II: 480, 482
- “Лебединое озеро” – балет П.И.Чайковского I: 765; II: 480, 555
- “Лев Гурыч Синичкин” – водевиль Д.Т.Ленского I: 526, 527, 530, 531, 539, 542, 559
- “Лекарь поневоле” – комедия Мольера II: 94, 189
- “Лес” – комедия А.Н.Островского II: 240, 242, 295, 392, 643, 645, 648, 702
- “Летчик-испытатель” – американский фильм В.Флеминга II: 473
- “Лизистрата” – комедия Аристофана I: 199, 217, 220, 224, 227, 256, 340, 480, 500, 537, 554, 565, 566, 581, 582, 721
- “Линия Маннергейма” – документальный фильм, операторы В.С.Ешурин и др. II: 484, 519

- “Лобное место” – пьеса Д.Ф.Чижевского I: 632
“Ложь” – пьеса А.Н.Афиногорова II: 198
“Луиза Миллер” – опера Дж.Верди II: 675
“Любовь к трем апельсинам” – опера С.С.Прокофьева I: 633
“Любовь Яровая” – пьеса К.А.Тренева I: 552, 570, 571, 632; II: 77, 114, 149, 162, 224, 225, 240, 242, 247, 250, 251, 255, 259, 263–265, 282, 283 (Дунька), 295, 300, 306, 309, 317, 321, 328–330, 334, 337–340, 349, 350, 353 (Дунька), 355, 360, 363, 364, 387 (Горностаева), 389–391, 393, 394, 397, 400, 417, 418, 441, 469
- “Майская ночь” – опера Н.А.Римского-Корсакова I: 584
“Макбет” – трагедия У.Шекспира II: 446
“Мальва” – инсценированный рассказ М.Горького II: 393
“Мандаг” – комедия Н.Р.Эрдмана II: 676
“Мария Стюарт” – трагедия Ф.Шиллера II: 72, 73, 81, 86, 94, 242, 244, 246, 248, 295
“Маруся Богуславка” – историческая драма М.П.Старицкого II: 502
- “Маскарад” – драма М.Ю.Лермонтова II: 480, 556, 561, 633, 637
“Машиналь” – пьеса С.Тредуэлл II: 114, 438 (Элен Джонс)
“Медведь” – шутка А.П.Чехова II: 596
“Мелентьева” (“Василиса Мелентьева”) – историческая драма в стихах А.Н.Островского и С.А.Геденова II: 674
“Мертвые души” – поэма Н.В.Гоголя, текст составлен М.А.Булгаковым I: 538, 704, 714, 722, 723, 727, 735, 736, 739, 745, 747–749, 756, 758–761, 764, 766, 772 (Первый), 810, 813, 815, 818, 827, 834; II: 8, 12, 15, 19–22, 27, 32, 33, 43, 46, 48 (Чичиков), 73, 80, 89, 93, 102, 103–106, 109–111, 117–121, 123, 130, 138, 154, 168, 172, 174, 192, 194, 280, 281, 331, 335, 392, 499, 612, 649, 734 (Манилов)
“Мертвый город” – пьеса Г.Д’Аннунцио I: 242
“Месяц в деревне” – комедия И.С.Тургенева II: 392, 411
“Мефистофель” – опера А.Бойто I: 121
“Мещанин во дворянстве” – комедия Мольера II: 295
“Мизерере” (“Misereere”) – пьеса С.С.Юшкевича II: 643
“Минин и Пожарский” – исторический фильм, сценарий В.Б.Шкловского, режиссеры В.И.Пудовкин и М.И.Доллер II: 457
“Миракль” – пантомима на сюжет М.Метерлинка по сценарию М.Рейнхардта и К.Фоллмюллера I: 278, 281, 287, 336, 359, 391, 397, 426, 427, 430, 434, 443, 601
“Мирра Эфрос” – бытовые картины Я.Гордина I: 383
“Мольер” (“Кабала святош”) – драма М.А.Булгакова I: 813; II: 17, 20, 25, 30, 39, 73, 80, 93, 133, 149, 161, 166, 176, 177, 181, 189, 191, 196, 198, 200, 230, 242, 244, 265, 272, 279, 293, 303, 620, 628
“Московские ночи” – пьеса Н.Ф.Погодина II: 630
“Мудрец” – см. “На всякого мудреца довольно простоты”
“Мятеж” – инсценировка С.Поливанова по роману Д.А.Фурманова II: 300

“На берегу Невы” – пьеса К.А.Тренева II: 409

“На всякого мудреца довольно простоты” – комедия А.Н.Островского I: 171, 190, 193, 199 (Турусина), 223, 226, 228, 233, 234, 239, 250, 263, 265, 266, 270, 274, 313, 319, 332, 352, 355, 427, 467, 472, 476, 477–479, 481, 487, 501, 504, 513, 519, 523, 542, 549–551, 555, 559, 563, 573, 578, 589, 592, 603, 625, 627, 645, 654; II: 30, 414, 643, 645

“На дне” – картины М.Горького I: 39–41, 54, 55, 58–60, 63, 68, 75–80, 82, 83 (Настенка), 86, 87, 92 (Барон), 96, 99, 101, 102, 107, 109, 118, 121 (Лука), 123, 128, 130 (Пепел), 133–135, 150, 157, 164, 165, 169, 181, 185, 214, 271, 272, 276–278, 287–289, 296, 298, 307–309, 312–314, 330, 335, 341, 363, 378, 386, 394, 396, 403, 410, 417, 423, 425, 431, 439 (Алешка), 462, 467, 472, 473, 479, 487, 493, 514, 515, 523, 530, 531, 542, 549, 559, 563, 578, 580, 587, 589, 599, 600, 602, 603, 609, 618, 619, 631, 637, 643, 645, 654, 662, 663, 668, 671, 681, 685, 688, 689, 692–694, 700, 702, 736, 782, 797, 799, 801, 827, 829; II: 29, 56, 89, 137, 138, 273, 285, 286, 299, 425, 482, 512, 518, 572, 582, 587, 593, 594, 596, 597, 622, 629, 630, 649 (Пепел), 653, 673 (Наташа), 683, 693, 696, 713, 734 (Лука), 747, 750

“На крыльях славы” (“История Вернона и Айрин Кастл”) – американский фильм Ф.Астера II: 473

“Наша молодость” – пьеса С.М.Карташова по роману В.П.Кина I: 661, 666, 668, 727, 729, 732, 734, 735, 739, 744, 745, 749, 758, 761, 762, 767, 775, 788, 790, 791, 796, 798, 801, 814; II: 22, 26, 29, 55, 109

“Небоскребы” – I: 617

“Невидимка” – см. “Дама-невидимка”

“Николай I и декабристы” – пьеса А.Р.Кугеля по роману Д.С.Мережковского I: 453, 454, 457, 459, 462, 467, 476, 478, 481, 487, 493, 501, 514, 515, 542, 555, 578, 599, 603, 618, 621, 623, 643, 645, 650; II: 392

“Новое дело” – пьеса Н.-Д. II: 290, 650

“Нора” – драма Г.Ибсена II: 293, 295, 303

“Овечий источник” – см. “Фуэнте Овехуна”

“Озеро Люль” – пьеса А.М.Файко I: 463

“Олеко Дундич” – героическая драма А.Г.Ржешевского и М.А.Каца II: 561

“Орестея” – трилогия Эсхила I: 502, 507, 514, 535, 537, 580

“Отелло” – трагедия У.Шекспира I: 488 (Дездемона), 521 (Яго), 527, 538, 555, 563, 568, 569, 632, 636, 649; II: 334, 446

“Павел” (“Двенадцать молодцев из табакерки”) – историческая фантазия В.В.Иванова II: 285

“Памела Жиро” – драма О.Бальзака II: 166, 179, 180, 185, 188, 191

“Первая Конная” – героическая повесть с прологом В.В.Вишневского I: 686, 697, 731

“Перикола” – оперетта Ж.Оффенбаха I: 389, 483, 500, 583

- “Пиквикский клуб” (“Пиквик”) – пьеса Н.А.Венкстерн по “Запискам Пиквикского клуба” Ч.Диккенса II: 73, 81, 166, 176, 179, 189, 201, 212, 214, 215, 217, 222, 224, 227, 231, 233, 235, 245, 249, 250, 252, 275, 278, 286, 316, 388, 394, 397, 441, 468, 553–555, 573, 583, 620, 627, 713
- “Пиковая дама” – опера П.И.Чайковского I: 569, 584, 784; II: 480, 602, 629, 635 (Лиза), 651, 663
- “Платон Кречет” – пьеса А.Е.Корнейчука II: 194, 196–199, 201, 226, 230, 231, 242–246, 249–252, 265, 284, 312, 314, 317, 319, 323, 326, 382, 452, 469, 484
- “Плоды просвещения” – комедия Л.Н.Толстого I: 131, 605, 757; II: 16, 295, 446
- “Поднятая целина” – опера И.И.Дзержинского по роману М.А.Шолохова II: 415
- “Покинутая” – скетч, перевод с французского II: 612, 615, 616, 644
- “Половчанские сады” – пьеса Л.Леонова II: 359, 360, 393, 413, 419, 420, 424, 427, 450
- “Портрет” – пьеса А.Н.Афиногенова II: 161, 165–167, 172, 176–178, 185
- “Последние дни” – см. “Пушкин”
- “Последняя жертва” – комедия А.Н.Островского II: 194, 248, 486, 487, 490, 492, 498, 499, 503, 508–510, 512, 515, 564, 565, 583, 587, 593, 620, 647, 660, 684, 724
- “Последняя новость Нью-Йорка” – ревю-буфф М.П.Гальперина и Д.П.Смолина, музыка К.А.Корчмарева I: 483
- “Последняя ночь” – фильм Ю.А.Райзмана по сценарию Е.И.Габриловича II: 341
- “Потемкин” (“Броненосец «Потемкин»”) – опера О.С.Чишко II: 351
- “Потоп” – пьеса Г.Бергера II: 9
- “Предложение” – шутка А.П.Чехова I: 441; II: 510, 595
- “Прекрасная Елена” – оперетта Ж.Оффенбаха, текст В.З.Масса и Н.Р.Эрдмана I: 500, 801; II: 417
- “Преступление без наказания” – пьеса Е.Е.Дольского II: 209
- “Преступление и наказание” (“Раскольников”) – кинофильм немецкого режиссера К.Вине по роману Ф.М.Достоевского I: 324
- “Привидения” – драма Г.Ибсена I: 241; II: 166, 180, 184, 185, 190, 191, 395 (Альвинг)
- “Принцесса Турандот” – пьеса К.Гоцци I: 336; II: 40, 41
- “Провинциалка” И.С.Тургенева I: 61, 81, 86, 103, 106, 107, 109, 111, 119, 128, 131, 133
- “Продавцы славы” – комедия нравов П.Нивуа и М.Паньоля I: 454, 458, 462, 467, 471, 472, 476–479, 487, 493, 501, 514, 523, 530, 531, 538, 542, 549, 550, 559, 563, 575, 578, 580, 587, 589, 590, 592, 611, 615, 631, 637, 645, 650

- “Прометей” – балет Л. ван Бетховена I: 538
- “Прометей” – трагедия Эсхила I: 457, 473, 479, 480, 488, 494, 502, 503, 506–508, 514, 516, 519, 537, 538, 567, 574, 584, 593, 638
- “Простое дело” (“Очная ставка”) – пьеса бр. Тур и Л.Р.Шейнина II: 292, 295, 296, 302
- “Пугачевщина” – картины народной трагедии К.А.Тренева I: 477, 572, 584; II: 246, 283, 672
- “Путевка в жизнь” – фильм Н.В.Экка I: 802
- “Путешествие Вениамина III” – пьеса И.М.Добрушина по прозе М.Мойхер-Сфорима I: 609
- “Пушкин” (“Последние дни”) – пьеса М.А.Булгакова II: 242, 244, 248, 265, 271, 286 (Бенкендорф), 457, 487, 492, 498–500, 510, 511, 516, 523–525, 535, 536, 539, 541, 547, 561 (Наталья), 565, 571, 573, 583, 587, 597, 686
- “Растеряева улица” – инсценировка по прозе Глеба Успенского I: 744
- “Растратчики” – пьеса В.П.Катаева по мотивам его одноименной повести I: 538, 548, 550, 566, 568, 588, 591, 603, 605, 611, 613, 617, 618, 632, 638, 649; II: 443, 444
- “Ревизор” – комедия Н.В.Гоголя I: 131, 171, 520, 525, 580; II: 295, 469
- “Реклама” – пьеса М.Уоткинс I: 663, 665, 667–669, 672, 674–676, 679, 681–683, 686–688, 694, 696–699, 701–703, 720, 721, 726, 729, 732, 744, 775, 793, 796, 801; II: 26, 34, 55, 94, 135, 200, 201, 273
- “Риголетто” – опера Дж.Верди II: 255, 654
- “Ричард III” – трагедия У.Шекспира II: 392
- “Робеспьер” – историческая драма Ф.Ф.Раскольникова I: 835
- “Роз-Мари” – оперетта Р.Фримла и Г.Стотхарта II: 663
- “Ромео и Джульетта” – трагедия У.Шекспира II: 186, 295, 396
- “Ромео и Юлия” (“Ромео и Джульетта”) – балет С.С.Прокофьева II: 480, 482, 513, 514
- “Руслан и Людмила” – опера М.И.Глинки I: 783
- “Русские люди” – пьеса К.М.Симонова II: 633, 642–644, 648, 652, 656, 658–660, 667, 669, 674, 676, 678, 684, 686, 706, 707 (Валя), 713, 719, 720, 722, 735, 737–742, 748
- “Рыбачка на побережье” – одноактная пьеса II: 545
- “Рюи Блаз” – драма В.Гюго II: 244
- “Сад” – см. “Вишневый сад”
- “Садко” – опера-былина Н.А.Римского-Корсакова II: 245
- “Салтан” (“Сказка о царе Салтане”) – опера Н.А.Римского-Корсакова II: 480
- “Самоубийца” – комедия Н.Р.Эрдмана I: 813; II: 29, 30, 36, 38, 39, 43, 48, 676

- “Свадьба” – сцена А.П.Чехова II: 595
- “Свадьба Кречинского” – комедия А.В.Сухово-Кобылина II: 127, 355, 407 (Расплюев), 469
- “Свадьба Фигаро” – см. “Безумный день, или Женитьба Фигаро”
- “Светите, звезды” – пьеса И.Микитенко I: 768
- “Свои люди – сочтемся!” – комедия А.Н.Островского II: 721
- “Северный ветер” – опера Л.К.Книппера по пьесе В.М.Киршона
- “Роза ветров” I: 735, 769
- “Севильский цирюльник” – опера Дж.Россини II: 258, 606
- “Село Степанчиково и его обитатели” – инсценировка В.М.Волькенштейна по повести Ф.М.Достоевского II: 24, 230, 236, 240, 242, 414
- “Сердце гор” – балет А.М.Баланчивадзе II: 480, 482
- “Сестры Жерар” I: 459, 495, 506, 527, 568, 569, 604, 609, 624, 627, 630, 631, 635, 636, 638, 644, 648, 650, 654
- “Сибуллетт” – оперетта I: 215
- “Сильва” – оперетта И.Кальмана II: 654, 663
- “Синичкин” – см. “Лев Гурыч Синичкин”
- “Синяя птица” – феерия М.Метерлинка I: 467, 471, 472, 478, 479, 487, 493, 501, 515, 523, 530, 531, 542, 550, 559, 561, 563, 578, 586, 589, 592, 599, 603, 604, 611, 631, 632, 637, 645, 646, 650, 654, 730, 742, 743; II: 104, 160, 166, 176, 179, 184, 185, 188, 292, 328, 331, 387 (Ночь), 423, 453, 462, 511, 560, 597, 620, 627, 628, 643
- “Сирано де Бержерак” – героическая комедия Э.Ростана II: 240, 244, 247, 248, 250, 263, 264, 270, 287, 525, 587
- “Сказка о Балде” (“Сказка о попе и о работнике его Балде”) – балет М.И.Чулаки II: 480
- “Сказка об Иване-дураке и его братьях” – пьеса М.А.Чехова по сказке Л.Н.Толстого I: 531, 559, 602, 605, 611, 615, 654
- “Скупой рыцарь” – маленькая трагедия А.С.Пушкина II: 250 (Жид), 260 (Жид), 281 (Жид)
- “Скутаревский” – пьеса Л.М.Леонова по его одноименному роману II: 72, 76, 83, 84, 93, 102, 111
- “Слава” – героическая комедия В.М.Гусева II: 496
- “Слуга двух господ” – комедия К.Гольдони II: 81, 111–116, 120, 122–124, 126–129, 607, 662, 688–690
- “Смена героев” – пьеса Б.С.Ромашова I: 765
- “Смерть Занда” – пьеса Ю.К.Олеши II: 37, 39, 62
- “Смерть Иоанна Грозного” – трагедия А.К.Толстого I: 441 (Гарбурда), 514, 537, 567, 639
- “Смерть Пазухина” – комедия М.Е.Салтыкова-Щедрина I: 313, 318, 322, 323, 325, 326, 328, 329, 332, 335, 336, 338, 339, 341, 343, 346–349, 355, 356, 361, 378, 399, 414, 417, 425, 602, 632; II: 393, 475
- “Смерть Тарелкина” – комедия-шутка А.В.Сухово-Кобылина I: 473, 480, 505, 538
- “Снегурочка” – опера Н.А.Римского-Корсакова II: 629
- “Собака садовника” (“Собака на сене”) – комедия Лопе де Вега II: 241
- “Соколы и вороны” – пьеса Н.-Д. (в соавторстве с А.И.Сумбатовым) II: 131

- “Соломенная шляпка” – водевиль Э.Лабиша I: 554, 570, 583
- “Соперницы” – балет на музыку П.Гертеля к “Тщетной предосторожности”, аранжировка А.В.Мосолова II: 281
- “Сорочинская ярмарка” – опера М.П.Мусоргского I: 833
- “Сплав” – см. “Чудесный сплав”
- “Спящая красавица” – балет на музыку П.И.Чайковского I: 69
- “Сталь” – пьеса М.В.Шимкевича I: 804
- “Старик” II: 355, 357
- “Старый Кромдейр” – героическая пастораль Ж.Ромена I: 532
- “Столпы общества” – пьеса Г.Ибсена II: 73, 74, 81
- “Сто мужчин и одна девушка” – американский музыкальный фильм Г.Костера II: 484
- “Страсти-мордасти” – инсценировка рассказов М.Горького и А.П.Чехова I: 324; II: 511
- “Страх” – пьеса А.Н.Афиногенова I: 781, 784, 785 (Бородин), 789, 791–794, 797–799, 802, 810, 813, 815, 817, 818, 828, 831, 833; II: 8, 11, 12, 15, 19, 20 (Клара), 30, 36, 45, 47, 49, 51, 53, 55–57, 59–65, 67, 84, 86, 148, 174
- “Страшный суд” – комедия В.В.Шкваркина II: 468
- “Суворов” (“Полководец Суворов”) – пьеса И.Бахтерева и А.Разумовского II: 523, 525, 528, 536, 555, 556, 562, 564, 565
- “Суд” – пьеса В.М.Киршона II: 77
- “Сусанин” – см. “Иван Сусанин”
- “Тайный брак” – опера Д.Чимарозы I: 559
- “Таланты и поклонники” – драма А.Н.Островского II: 62, 73, 75, 78 (Бакин), 80, 85, 89, 114, 120, 122, 124, 127, 173, 177, 214, 215, 219, 298, 390, 397, 438 (Негина), 465, 721
- “Тарелкин” – см. “Смерть Тарелкина”
- “Тартюф” – комедия Мольера I: 810, 826; II: 16, 25, 31, 35, 73, 295, 296, 302 (Оргон), 375, 376, 393, 401, 413, 469, 490, 503, 518, 612
- “Темп” – пьеса Н.Ф.Погодина I: 765
- “Тень” – пьеса Е.Л.Шварца по мотивам сказки Г.-Х.Андерсена II: 481
- “Тиль Уленшпигель” – опера М.Лотара I: 670, 673
- “Толстяки” – см. “Три толстяка”
- “Травиата” – опера Дж.Верди II: 170, 177, 213, 269, 606
- “Трактирщица” – см. “Хозяйка гостиницы”
- “Трахинянки” – трагедия Софокла I: 527
- “Три сестры” – драма А.П.Чехова I: 39, 40, 43, 57, 61, 68, 82, 83, 85–88, 90–93, 96, 97 (Вершинин), 109, 133–135, 144, 176, 178, 185–187, 199, 219, 222, 223, 226, 228, 232, 233, 249, 544, 573, 579, 580; II: 149, 161, 162 (Маша), 166, 176, 177, 179–181, 184, 185, 189, 190, 242, 392 (Вершинин), 409, 458, 459, 465, 466, 476, 477, 482, 484, 486, 496 (Кулыгин), 497, 503, 505, 545, 549, 552–555, 557, 563, 564, 572–574, 577, 582, 588, 592, 600, 603, 611 (Андрей), 616, 618, 622, 628, 659, 664, 707, 713, 722

“Три толстяка” – пьеса Ю.К.Олеши I: 666, 668, 670, 676, 720, 721, 726, 729, 730, 735, 738–745, 750

“Три толстяка” – балет В.А.Оранского по либретто Ю.К.Олеши I: 832

“Трое” – пьеса Л.Франка II: 161, 162, 166, 186

“Трубадур” – опера Дж.Верди II: 606

“Трудовой хлеб” – сцены А.Н.Островского II: 349, 357, 468, 475, 477, 510

“Турандот” – см. “Принцесса Турандот”

“Турбины” – см. “Дни Турбиных”

“1793-й” – инсценировка романа В.Гюго I: 506, 514, 537

“У врат царства” (“У царских врат”) – драма К.Гамсуна I: 476, 494, 514 (Фру Карено), 516, 519, 527, 538, 554, 568, 578, 585, 586, 592, 599, 600, 603, 604, 611, 620, 626 (Элина), 627, 631, 637, 645, 648, 650, 656, 657, 661–663, 665, 668, 674, 679–681, 687–689, 692, 694, 702, 703, 797, 805, 821, 827, 834; II: 22, 26, 56, 69, 140, 174, 224, 227, 228, 231, 465

“У жизни в лапах” – пьеса К.Гамсуна I: 171, 189, 190, 193, 214, 231, 243, 250, 251, 253, 254, 258, 263, 277, 278, 283, 288, 296, 300, 308, 309, 814, 821; II: 80, 313 (Пер Баст), 411, 620, 643

“Укрощение строптивой” – комедия У.Шекспира II: 270, 498

“Унтиловск” – пьеса Л.М.Леонова I: 459, 463, 472, 480, 489, 495, 502, 505, 506, 527, 532, 538, 555, 568, 579, 632, 639, 649; II: 15

“Утро дней” – пьеса В.А.Каверина II: 619

“Учитель Бубус” – пьеса А.М.Файко I: 463

“Фальшивая монета” – пьеса М.Горького I: 537

“Фауст” – опера Ш.Гуно I: 121

“Федор” – см. “Царь Федор Иоаннович”

“Фигаро” – см. “Безумный день, или Женитьба Фигаро”

“Фландрия” (“Родина”, “Граф де Ризоор”) – драма В.Сарду II: 480

“Фризетта” – водевиль Э.Лабийша II: 705

“Фронт” – пьеса А.Е.Корнейчука II: 708, 718–720, 722, 724, 727, 737–741, 743, 748–751

“Фуэнте Овехуна” – драма Лопе де Вега II: 240, 303

“Хижина дяди Тома” – инсценировка В.Г.Лидина по роману Г.Бичер-Стоу I: 459, 476, 539

“Хирургия” – инсценированный рассказ А.П.Чехова I: 226, 573, 682; II: 230

“Хлеб” – пьеса В.М.Киршона I: 697, 701, 703, 704, 706, 707, 709, 722, 723, 728, 744, 760, 762, 763, 767, 771–779, 782, 783, 789, 793, 796, 797, 799, 811, 813, 815, 827, 23, 27, 29, 47, 69, 85, 134, 151, 425

“Хованщина” – опера М.П.Мусоргского I: 446; II: 482

“Хозяйка гостиницы” – комедия К.Гольдони I: 190, 193, 202, 205, 208, 214, 219–224, 226, 228, 231 (Мирандолина), 238, 243, 245, 247, 248, 250, 254, 256, 263, 268, 269, 276–278, 291, 297, 298, 305, 308, 319, 334 (Мирандолина), 632, 636, 639, 765, 766; II: 74, 78, 79, 114, 124, 138, 200, 201, 252, 399, 498

“Холопка” – оперетта Н.М.Стрельникова II: 663

“Хороший человек” – пьеса А.П.Наврозова I: 749, 777; II: 109

“Царская невеста” – опера Н.А.Римского-Корсакова I: 482, 494, 496, 500, 506, 516, 610, 612

“Царские врата” – см. “У врат царства”

“Царь Федор Иоаннович” – трагедия А.К.Толстого I: 39–41, 44, 47, 53–56, 58–60, 62, 63, 66, 68–72, 74–77, 80, 86, 87, 91, 96, 97, 109, 117–120, 123, 128, 131, 133–136, 138, 147, 148, 150, 154, 155, 158–160, 164, 166, 167, 181, 185, 198, 205, 208, 214, 217, 220–223, 246, 253–255, 258, 265, 268–272, 276–278, 287, 290, 291, 297, 298, 304–306, 311, 312, 314, 315 (“Собор”), 327, 332, 333, 335, 341, 344, 351, 363, 378, 392, 396, 402, 403, 423, 425, 431, 432 (Клешнин), 455, 467, 472, 476, 478, 479, 487, 501, 507, 559, 563, 580, 582, 589, 599, 603, 609, 619–621, 631, 632, 638, 654, 662, 663, 665, 671, 674, 677, 678, 680, 681, 688, 692, 693, 695, 696, 699, 773, 775, 776, 829; II: 27, 149, 166, 176, 179, 190, 230, 242, 244, 248, 272, 283, 312, 319, 320, 323, 324, 392, 414, 465, 478 (Василий Шуйский), 573, 583, 587, 593, 603, 616, 646, 647, 649, 653, 657, 681, 713, 721, 728, 729, 731, 750

“Цезарь” – см. “Юлий Цезарь”

“Цена жизни” – драма Н.-Д. I: 629, 637; II: 31, 44, 290, 485

“Чай” – пьеса Н.А.Равича I: 815

“Чайка” – комедия А.П.Чехова I: 573, 579 (Полина); II: 133, 149, 199, 240, 242, 244, 248, 294, 295, 394, 395 (Аркадина), 411, 427–429, 446

“Чапаев” – фильм бр. Васильевых II: 266

“Челкаш” – инсценированный рассказ М.Горького II: 392

“Человек с ружьем” – пьеса Н.Ф.Погодина II: 414

“Честное слово” – комедия А.Жансона II: 149, 166

“Чудак” – пьеса А.Н.Афиногенова I: 781

“Чудесный сплав” – комедия В.М.Киршона II: 174, 179, 249, 272

“Чудо св. Антония” – сатирическая легенда М.Метерлинка I: 509

“Шейлок” – см. “Венецианский купец”

“Школа злословия” – комедия Р.-Б.Шеридана II: 450, 518, 521, 522, 526, 528, 530, 537, 539, 546, 547, 548, 553–555, 557, 564, 572, 582, 588, 593, 610, 613, 616, 618, 620, 627, 713, 716, 722, 729, 738, 742, 750

“Шопениана” – балет М.М.Фокина II: 480

“Штокман” – см. “Доктор Штокман”

“Эгмонт” – трагедия И.-В.Гёте II: 40, 92

“Эрик” (“Эрик XIV”) – пьеса А.Стриндберга I: 608–610

“Эрнани” – драма В.Гюго II: 316

“Эсмеральда” – балет на музыку Ц.Пуни I: 608

“Юбилей” – шутка А.П.Чехова II: 392, 595, 596, 705

“Юлий Цезарь” – трагедия У.Шекспира I: 229, 441 (Брут, Антоний), 242, 248, 423

“Ящик с игрушками” – пантомима К.Дебюсси I: 143

Бокшанская О.С.

П 35

Письма О.С.Бокшанской Вл.И.Немировичу-Данченко в 2-х томах. Т. 1. 1922–1931/Сост., ред., коммент. И.Н.Соловьева. Вступ. ст. А.М.Смелян-ский. – М.: МХТ, 2005. – 893 с.

Письма О.С.Бокшанской Вл.И.Немировичу-Данченко в 2-х томах. Т. 2. 1931–1942/Сост., ред., коммент. И.Н.Соловьева. – М.: МХТ, 2005. – 911 с.

ISBN 5-9000-20-17-7

Письма легендарного секретаря Вл.И.Немировича-Данченко О.С.Бокшанской (1891–1948), увековеченной М.А.Булгаковым в “Театральном романе” под именем Поликсены Торопецкой, предоставляют любознательному читателю уникальную возможность следить за каждодневными подробностями закулисной жизни и быта Московского Художественного театра на протяжении двух десятилетий.

Первый том писем начинается отчетом Бокшанской о прощальном обеде перед отъездом Художественного театра на длительные гастроли в Европу и Америку 14 сентября 1922 г. и заканчивается 27 сентября 1931 г. – подробным информированием пребывающего за границей Немировича-Данченко о текущих событиях мхатовской жизни.

Второй том писем охватывает наиболее драматичный период в жизни советизируемого Художественного театра - его включение в систему привилегированных и одновременно строго поднадзорных официозных учреждений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Особый интерес представляют письма военных лет, раскрывающие почти неведомую прежде картину каждодневной жизни театра, эвакуированного на Урал. Завершается переписка поздравлением Немировича-Данченко с его последним днем рождения – 24 декабря 1942 г.

УДК 792 (47)

ББК 85.334.3(2)

Письма О.С.Бокшанской
Вл.И.Немировичу-Данченко

Том первый
[1922–1931]

Том второй
[1931–1942]

Редактор З.П.Удальцова
Художник А.Л.Бондаренко
Корректор Е.Н.Павлова
Компьютерная верстка К.В.Москалев

Подписано в печать 10.1.2005. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура “НьюБаскервиль”.
Печать офсетная. Усл.-печл. 56 (57 Т.2).
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство “Московский Художественный театр”
125009, Москва, Камергерский пер., За
тел. 229-58-70